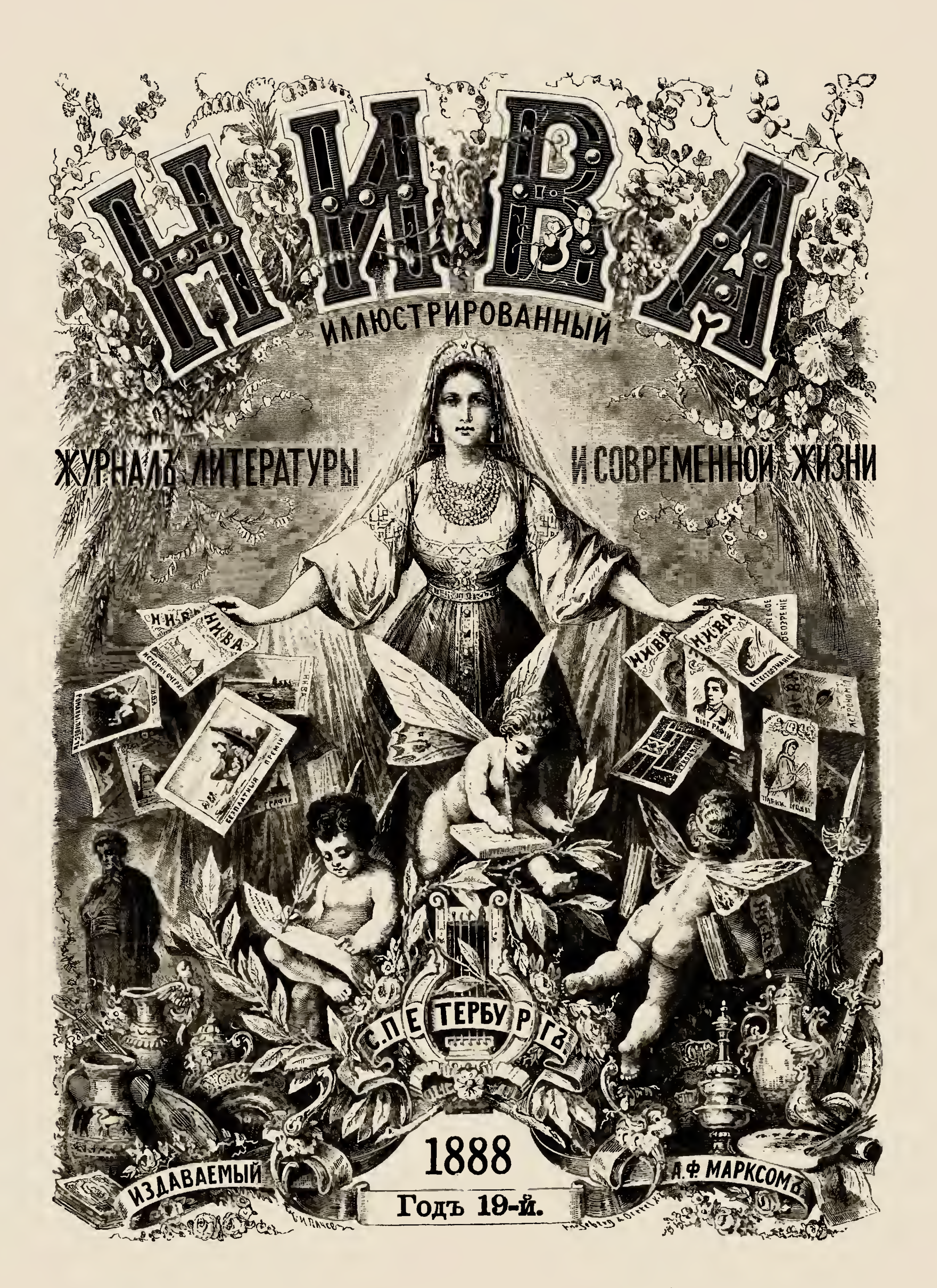

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1888
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
Годъ 19-й.

XIX г. № 27 — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 іюля 1888 г. — Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР, Д. №.6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (¼ шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . 5 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . 6*) р.

За границу, съ перес. . . . . . 8 р.

*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на укупорку и пересылку ея 60 коп.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1888 г., съ 34 гравюрами и отд. листъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

М. Н. Анненковъ.

„Тридцать лѣтъ тому назадъ, путешествуя однимъ изъ первыхъ піонеровъ по степямъ средней Азіи, я предугадывалъ, что, рано или поздно, Туркестанъ сдѣлается достояніемъ Россіи; но если-бы мнѣ тогда кто-либо сказалъ, что Самаркандъ сдѣлается пунктомъ желѣзной дороги и будетъ соединенъ рельсовымъ путемъ съ Каспійскимъ моремъ, то я никогда-бы не повѣрилъ подобному предположенію, и только блестящая дѣйствительность проѣзда отъ Узунъ-Ада до Самарканда показываетъ, какъ иногда люди могутъ заблуждаться, не довѣряя могуществу человѣческаго ума и энергіи“. Такими прекрасными словами закончилъ свою рѣчь на открытіи, истекшаго 15 мая, Закаспійской желѣзной дороги, вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ. И дѣйствительно, Закаспійская желѣзная дорога, сооруженная въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ, является полнымъ торжествомъ упорнаго труда, полною побѣдой человѣческаго ума и энергіи надъ тѣми преградами, какія природа ставитъ людскому роду, вѣчно съ ней борющемуся. Идя на протяженіи 1,350 верстъ, дорога беретъ начало у бухты песчанаго полуострова (ранѣе острова), прорѣзываетъ Ахальскій и Мервскій оазисы, далѣе песчаную Каракульскую степь, которая считалась донынѣ непроходимою, и достигаетъ величественной Аму-Дарьи, черезъ которую сооруженъ длиннѣйшій въ мірѣ мостъ. Когда было приступлено къ постройкѣ дороги, многіе, или, лучше сказать, большинство, считали это дѣло невозможнымъ. Развѣ можно уложить рельсовый путь среди песковъ, которые даже сами туркмены считаютъ почти непроходимыми? — замѣчали скептики. Какъ работать среди тяжелѣйшихъ климатическихъ условій, въ безводномъ краю, гдѣ летучіе пески, засыпая караваны и поселенія, угрожаютъ даже огромнымъ областямъ? И гдѣ, наконецъ, гдѣ взять необхо-

Строитель Закаспійской желѣзной дороги, генералъ-лейтенантъ М. Н. Анненковъ.
Съ фотогр. Деньера, грав. Шюблеръ.

димые строительные матеріалы? Ихъ надо подвозить издалека, изъ средней Россіи. Однако, всѣ эти препятствія были устранены и постройка Закаспійской желѣзной дороги, столь важной не только въ политическомъ, стратегическомъ и торговомъ отношеніи, но и въ культурномъ вообще, — нынѣ является фактомъ совершившимся. Но сколько нужно было труда, настойчивости и энергіи, чтобы побороть всѣ эти препятствія и довести такое, по истинѣ, грандіозное, дѣло до конца! Такими качествами безспорно обладаетъ строитель Закаспійской дороги, генералъ-лейтенантъ Анненковъ, который, по справедливому заключенію сенатора Семенова, „своимъ глубокимъ умомъ и замѣчательною энергіей могъ одинъ совершить столь большое дѣло". Отнынѣ имя генерала Анненкова, прославившаго этой постройкой дороги свою родину, должно сдѣлаться дорогимъ для каждаго истинно-русскаго. Онъ — настоящій герой дня, вынесшій на своихъ плечахъ это изумительное дѣло сооруженія, и имя его безспорно перейдетъ въ исторію, ибо, помимо всего, онъ оказалъ великую услугу не только своему отечеству, но и всему цивилизованному міру. Познакомимъ-же нашихъ читателей съ этимъ, достойнымъ и удивленія, и глубокаго уваженія, общественнымъ дѣятелемъ.

Михаилъ Николаевичъ Анненковъ, начальникъ военныхъ сообщеній Закаспійскаго края, происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода Нижегородской губерніи и родился въ 1835 году, въ Петербургѣ. Десяти лѣтъ онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ и выпущенъ оттуда въ 1853 году, послѣ чего тотчасъ поступилъ на дѣйствительную службу, въ лейбъ-гвардіи конно-піонерный дивизіонъ, будучи зачисленъ въ него съ чиномъ прапорщика. Прослуживъ здѣсь четыре года, двадцатидвухлѣтній молодой офицеръ нашелъ необходимымъ пополнить свое общее образованіе спеціальными знаніями и съ этою цѣлью поступилъ, въ 1857 году, въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Оказавъ огромные успѣхи въ военныхъ наукахъ, онъ окончилъ, черезъ два года, курсъ первымъ по успѣхамъ и записанъ на мраморную доску. Выйдя изъ академіи, въ 1859 году, онъ тотчасъ получилъ мѣсто старшаго адъютанта въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, гдѣ и служилъ вплоть до памятнаго 1863 года. Въ этомъ году вспыхнулъ польскій мятежъ и Михаилъ Николаевичъ отправился съ графомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ въ Привислинскій край. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи мятежа, находясь въ экспедиціонныхъ отрядахъ для преслѣдованія польскихъ шаекъ. Независимо отъ этой дѣятельности, онъ также участвовалъ едва-ли не во всѣхъ коммисіяхъ и комитетахъ, учреждавшихся тогда для принятія мѣръ къ преобразованію Привислинскаго края, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина и князя В. А. Черкасскаго, участвовалъ также и въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыя совершилъ Н. А. Милютинъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что, за все время пребыванія своего въ краѣ, съ 1863 по 1866 годъ включительно, Михаилъ Николаевичъ дѣйствовалъ весьма плодотворно и настолько успѣшно, что о немъ заговорили не только у насъ, но и за границей. Мы не станемъ распространяться объ этой дѣятельности, но интересующіеся ею могутъ найти достаточно любопытныхъ данныхъ о дѣятельности и характерѣ М. Н. Анненкова въ перепискѣ Милютина съ княземъ Черкасскимъ, обнародованной въ одномъ изъ распространенныхъ французскихъ изданій, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ края, Михаилъ Николаевичъ поднялъ въ военной литературѣ и въ обществѣ крайне интересный вопросъ—о примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному дѣлу. Вопросъ этотъ встрѣтилъ большое сочувствіе среди всѣхъ, кому дороги военные интересы Россіи, и особенно въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ онъ сразу былъ двинутъ впередъ, а иниціаторъ этого дѣла, сослужившаго намъ хорошую службу въ послѣднюю войну, былъ назначенъ, въ 1869 году, завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ по всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ это-же время Анненковъ, состоявшій въ чинѣ полковника (съ 1864 г.) и въ званіи флигель-адъютанта, получилъ чинъ генералъ-маіора. Когда началась франко-прусская война, онъ былъ посланъ, въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ, на театръ военныхъ дѣйствій, для ознакомленія на мѣстѣ съ военнымъ дѣломъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ промежутокъ времени между 1871 и 1875 годами, генералъ Анненковъ получалъ и другія командировки.

Съ открытіемъ въ 1875 году Сербской войны, Анненковъ подалъ записку о состояніи и силахъ отечественныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ которой указывалъ на недостатки эксплоатаціи и на отвратительные желѣзнодорожные порядки. Записка была разсмотрѣна въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и вызвала вскорѣ учрежденіе коммисіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Предсѣдателемъ былъ назначенъ членъ государственнаго совѣта, графъ Барановъ, а автора записки сдѣлали членомъ-управляющимъ этой коммисіи. Трудность дѣла ни мало не поколебала энергіи Анненкова, и на этомъ посту онъ принесъ очень много пользы. По окончаніи русско-турецкой кампаніи, Анненковъ получилъ, въ январѣ 1879 года, генералъ-лейтенантскій чинъ. Не обошлось дѣло безъ его участія и тогда, когда, изыскивая способы для рѣшенія ахалъ-текинскаго вопроса, рѣшили построить желѣзную дорогу отъ Михайловскаго залива до Кизиль-Арвата. Сооруженіе это было поручено генералъ-лейтенанту Анненкову, который тогда же и занялъ постъ начальника военныхъ сообщеній Закаспійскаго края. Раненый 18 декабря на рекогносцировкѣ Янги-Калы, онъ не могъ дождаться окончанія дороги, проводившейся подъ его наблюденіемъ, и, оставивъ отрядъ, возвратился въ Петербургъ; но за то онъ дождался окончанія Закаспійской дороги, долженствующей увѣковѣчить его имя. Михаилъ Николаевичъ Анненковъ извѣстенъ также и какъ военный писатель: онъ помѣстилъ много статей въ нашихъ спеціальныхъ изданіяхъ, выпустилъ очень интересную книжку, имѣвшую большой успѣхъ „Война 1870 года. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера", — результатъ его командировки на театръ франко-прусской войны, а также издалъ сочиненія: „Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы" и „Отношенія англо-индійскихъ владѣній къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ".

П. Б—овъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

VIII.

Нежданная встрѣча.

Шестой ужь день какъ молодой Киріакъ Андреевичъ сиднемъ сидѣлъ въ своей комнатѣ. Онъ не мылся, не чесался, едва лобъ крестилъ; кушать ему въ комнату подавали, и его матушка, честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна, только взахивала, видя что сынокъ ея любименькій почти не дотрогивался до ѣды. На шестой день Мамелфа Тимоѳеевна, уже спать идя, осторожно заглянула къ Киріаку въ комнату и увидѣла что сынъ на колѣняхъ стоитъ, по книгѣ Богу молится и тоненькая восковая свѣчка прилѣплена у него къ тому же стольцу, на чемъ и Псалтырь, книга святая, лежитъ. Тутъ и сама Мамелфа Тимоѳеевна перекрестилася съ легкимъ сердцемъ, и тихонько ступая на цыпочки побрела въ верхъ, въ свою горенку, славя Господа что послалъ ея сыну отъ душевнаго недуга исцѣленіе. Спокойно проспала ту ночь Мамелфа Тимоѳеевна.

На утро седьмаго дня и Киріакъ Андреевичъ веселъ съ постели всталъ. Лицо у него было свѣтлое; всѣ мысли буйныя что̀ въ головѣ у него шесть дней спорили да, другъ дружку одолѣвая, билися, улеглись теперь, и одна мысль, хоть и кручинная да ясная, какъ князь на вражьихъ костяхъ, стояла въ умѣ Киріаковомъ.

Умывшись, сталъ Киріакъ Андреевичъ убираться да прихорашиваться ровно въ праздникъ большой. Волосы и бороду подстригать велѣлъ, затѣмъ клалъ на нихъ масло душистое и, расчесывая, глядѣлся въ дорогое зеркальце венедское [1]). А тамъ и одѣваться сталъ, тоже по праздничному; надѣвалъ по̀рты [2]) драгоцѣнныя. На ноги обувалъ сапожки сафьяновые; крѣпко сшиты сапожки, а лучше того были скроены: носочки этакъ-то кругленько обточены, хоть сейчасъ яичко въ руки бери да вокругъ кати, а подъ высокій каблукъ хоть воробей лети. На себя надѣвалъ онъ кафтанецъ урядливый дорогаго сукна алаго, съ серебряными на груди нашивками; подпоясывалъ кафтанъ золотымъ поясомъ; на шею навѣшивалъ золотую цѣпь. А поверхъ всего, накидывалъ на плеча мятель [3]), епанечку чернаго сукна, съ краснымъ откиднымъ воротомъ. Затѣмъ Киріакъ еще разъ охорашивался передъ зеркальцомъ, и отойдя, поворачивалъ руку противъ свѣта, любуясь

[1]) Венедское — венецейское.
[2]) Порты — одежда.
[3]) Мятель — отъ глагола метать, накидная одежда.

на жуковины самоцвѣтныя и протирая ихъ шелковымъ платомъ. Въ полномъ уборѣ ужь пошелъ онъ съ матушкой здороваться. Мамелфа Тимоѳеевна даже руками развела, дивуясь на сына.

— И самой-то себѣ, Киріакушко, не вѣрую, заговорила она цѣлуя сына. Поцѣловавъ, Мамелфа Тимоѳеевна на полъ-руки отступила и опять любовалась сынкомъ, а тамъ снова цѣловала его и тутъ только завела прерванную рѣчь.

— И самой-то, говорю, милочекъ мой, мнѣ не вѣрится что я же сама да такого молодца спородила. Сказываютъ вотъ въ сказкахъ что родилося дитятко, по колѣни ножки въ золотѣ, а по локти ручки въ серебрѣ, а во лбу-то красно солнышко. А ты вѣдь и впрямь таковъ живешь. Взглянь-ко на свои кудёрышки: будто вѣдь жаръ горятъ; хоть и грѣхъ, а приравняю ужь: ровно святы кресты золоченны на солнышкѣ, кудёрышки твои свѣтятся. А вотъ какъ вглядусь въ твои очушки: что твое нёбушко вечернее, темное да лазоревое; а еще пригляжусь-ко въ нихъ поболѣе — ровно въ нёбушкѣ и звѣзды затеплятся.

И опять Мамелфа Тимоѳеевна цѣловала свое „роженное, баженное [1]) дитятко“ и отойдя на полъ-руки, имъ любовалася.

— Да какъ же нынь разодѣлся-то! сказала она, — а я и не догляжу вѣдь, знать съ радости. Аль собрался куды?

— А покормишь вотъ меня, родненькая, я и со двора поѣду.

— А пойдемъ же: вѣдь все у меня приготовлено, говорила Мамелфа Тимоѳеевна, ведя сына за бѣлую руку въ столовую комнату. — Куды же ты падоумился?

— А сама, матушка, вѣдаешь, ужь всегда-то я послѣ хвори этакой, къ Лукѣ ѣжжу, къ Аввакумовичу: во всемъ-то Новѣгородѣ съ нимъ однимъ легко да вольно говорится мнѣ.

— Что-жь съѣзди, голубчикъ, съѣзди, немножко провѣтрися, да и думы-то, какъ покойный твой батюшко Андрей Киріаковичъ сказывалъ, онѣ разговоромъ, что тучи дождемъ, проходятъ.

Мамелфа Тимоѳеевна сажала сынка за столъ и любовно его угощала, покушалъ бы до-сыта

— А ты, матушка, что же?

— А не до ѣды мнѣ-ко нунь съ радости: успѣю еще. Кушай же, родименькій, кушай: ѣствушки, кажись, наготовлены все твои же любименьки. Не знаю только, по скусу-ль нунь придутъ?

Киріакъ Андреевичъ не словомъ а дѣломъ показывалъ, что ѣствушки ему „по скусу пришли“. Опершись подогнутыми ручками о столъ, Мамелфа Тимоѳеевна глазъ не спускала съ сынка и на покойно-радостномъ лицѣ ея только изрѣдка пробѣгала смутная думка.

— А вовсе у тебя, Киріакушко, *это*-то прошло?

— Вовсе, матушка, отвѣчалъ сынокъ, запивая холоднымъ медомъ горячую шаньгу со сметаной.

— Дай-то, Господи! И съ чего только, дивлюсь я, съ тобой эта хворь приключилася?

— Съ мыслей, матушка. Какъ много мыслей сразу въ голову придетъ, тутъ колобродить онѣ начнутъ да сердечько всколыхивать, и я-то самъ не свой становлюсь. Объ одномъ сдумаю, а худо вѣдь оно, вижу. И досада беретъ великая. О другомъ сгадаю, еще не гаже-ль того, — и за досаду станетъ за пущую. А тутъ ровно мнѣ въ ухо шепчетъ кто: а ты-молъ межь этихъ двухъ, межь худого-то да гадкаго, выборъ чини... Да Богъ ужь съ ними! благо прошло теперь, минуло. Нунько здоровъ сижу, глянь-ко какъ за обѣ щеки уписываю.

— А Богъ съ тобой, кушай да не оговаривай, поспѣшила сказать Мамелфа Тимоѳеевна, и потомъ добавила: — А все-же, Киріакушко, скажу я тебѣ: кабы ты меня послушался, здоровѣй-бы, голубчикъ, жилъ.

— Это въ чемъ-же, матушка, послушаться-то? спросилъ Киріакъ, смѣясь очами: онъ хорошо зналъ къ чему клонится матушкина рѣчь.

— Самъ, вѣдь, знашь...

— А вотъ право-же, матушка, не придумаю.

И глаза у Киріака еще веселѣй засмѣялися. Мамелфа Тимоѳеевна отвѣтомъ немного помедлила, а тамъ словно на силу собралась съ духомъ, спѣшно выговорила:

— А внучатушекъ мнѣ-ко давно-бы няньчить пора.

— И-и, матушка! Я думалъ ты что новое скажешь, съ дѣтски хитрой усмѣшкой въ глазахъ сказалъ Киріакъ.

— Что-же ново-то? недоумѣнно спросила матушка.

— А я вотъ придумалъ-же, хвалился сынокъ, — раньше-то тебя я, матушка, за-мужъ отдамъ, а тамъ...

— Ну, ну! опять ужь пошелъ! сердитымъ голосомъ прикрикнула на него Мамелфа Тимоѳеевна, хоть сама вовсе не сердилась за его обычную шутку.

— Право-же, родненька. Поглядѣть-то на тебя, такъ ты у меня живешь молоденька, краше всѣхъ вдовъ въ Новѣгородѣ.

— И знаю вѣдь, Киріакушко, что шутишь ты, а съ милымъ сердцемъ эту шутку сказываешь, а правду ежели, голубчикъ, говорить, всегда-то въ сердцѣ у меня отъ тѣхъ словъ твоихъ болѣзно заёкаетъ...

— Не буду ужь, матушка; въ вѣкъ не стану.

— Не сердясь вѣдь, миленькій, выговариваю, а... Аль откушалъ ужь? Что-жъ мало такъ, золотенькій?

— Коли-же, матушка, мало! Да десятка съ два, родненька, паробковъ голодныхъ взять, и тѣ послѣ такой, какъ моя, ѣды сыти-бы изъ-за стола встали.

— Вотъ ужь не люблю я, какъ ты кушанье-то свое оговариваешь; въ кои-те вѣки въ охотку, до сытости поѣлъ...

Мамелфа Тимоѳеевна замолчала, замѣтивъ, что сынъ послѣ стола Богу молится.

— Ну, благодарствуй-же, матушка, спасибо тебѣ, родненькая, что напоила, накормила меня, говорилъ Киріакъ, почтительно цѣлуя руку у матери. — Да за одно ужь, матушка, и на дороженьку крести меня.

Мамелфа Тимоѳеевна занесла было руку для креста да видно что вспомнила, и рука у нея въ плечѣ застоялася.

— Такъ ты къ Лукѣ, значитъ, надумался, къ Аввакумовичу?

— Къ нему, матушка.

— Нечего о немъ-то сказать: и уменъ-то онъ, Киріакушко, и къ старшимъ почтителенъ, и тебя, голубчика моего родименького, любитъ-же... Дважды вѣдь за твою хворь заѣзжалъ, тебя провѣдывая, да побоялись мы съ нимъ тревожить тебя: одинъ де скорѣй отъ хвори отсидится... Ну, такъ всѣмъ-то онъ, Лука твой, взялъ, а и на розговоръ скажутъ первый будетъ въ Новѣгородѣ, и опять-же слава добра теперь о немъ прошла... Что ты на меня, милочекъ, уставился: ужь думаешь и не знаю я вашихъ дѣловъ, о чемъ у васъ на вѣчѣ-то было толковано? а все, все небось до словечушка провѣдала, и то, какъ ты Короба съ посадничества шуткой спихнулъ, и про Луку твоего... да рѣчь-та зашла не о томъ у насъ... А ни въ чемъ, говорю, Луку твоего похулить нельзя; въ одномъ, въ одномъ только опасаюся...

— Въ чемъ такомъ? подивился Киріакъ.

— А въ томъ, что онъ-же, Лука, тебя отъ женитьбы отговариваетъ.

— Полно-ко, матушка, со смѣхомъ сынъ въ отвѣтъ, — да онъ чуть-ли не пуще твоего съ женитьбой пристаетъ ко мнѣ...

— Вотъ ужь не повѣрую...

— Да почему-же такъ?

[1]) Баженный — желанный. Отсюда имя Бажанъ.

Встрѣча великаго князя Василія III Іоанновича съ послами императора Карла V подъ Можайскомъ.

Ориг. рис. проф. Шарлеманя, грав. Ю. Шюблеръ.

Юдиѳь. Картина П. Альди, грав. Каптагалли.

— А такъ ужь... Давно замѣчала я за нимъ, а нунь и явственно вижу, что не йной кто, а онъ-же, Лука, тебя отговариваетъ. Ишь ты, самъ невѣстъ зѣвалъ, зѣвалъ, пока до лысины не дозѣвался, а вотъ ужь этого и не ждала отъ него... съ зависти другихъ отговаривать пошелъ...

— Да хоть побожиться мнѣ...

— Ну, гдѣ ему, лысому! По дружбѣ только за него заступаешься...

И чѣмъ сильнѣе заступался Киріакъ за своего пріятеля, тѣмъ сильнѣе Мамелфа Тимофеевна увѣрялась, что еслибъ не этотъ „лысый", давно-бы она внучатъ нянчила.

По спорѣ съ сыномъ, опять Мамелфа Тимофеевна стала было его на дорогу крестить, и опять рука у нея застоялася.

— Такъ ты, Киріакушко, только къ нему значитъ, а больше никуда ужь? не вовсе покойно спросила она.

— Больше-то никуда, а раньше, покойна будь, матушка, гдѣ слѣдъ съ коня слѣзу.

— Ну, вижу, сынокъ, что самъ розумъ имѣешь, отвѣчала матушка и крестила его съ издрогнувшимъ лицомъ, ровно опуская въ чужедальную сторонку.

Проводивъ сына, Мамелфа Тимоѳеевна сѣла у окошка и стала глядѣть какъ ея чадо единое со двора съѣдетъ. Давно ужь Киріакъ въ ворота проѣхалъ, и съ глазъ давно ужь скрылся, а Мамелфа Тимоѳеевна все на улицу глядѣла, думая про себя, что также какъ и она, по всѣмъ-то улицамъ, гдѣ ни поѣдетъ ея Киріакъ, станутъ на него любоваться боярышни и молодыя вдовы боярскія, проча его себѣ въ мужья, и кстати ужь заранѣе завидуя ея будущей невѣсткѣ.

Киріакъ Андреевичъ не далече отъѣхалъ: первымъ дѣломъ онъ придержалъ коня у прихода своего, у Михаила Архангела на Прусской улицѣ, и сошелъ въ придѣлъ Трехъ Отроковъ поклониться гробамъ отнему и дѣднему. Оттуда въѣхалъ онъ Прусскими воротами въ Дѣтинецъ и опять съ коня слѣзъ у Святой Софіи чтобъ, поклонясь, поставить свѣчу передъ образомъ Пречистой.

Киріакъ въ соборъ пошелъ. Ужь онъ занесъ ногу чтобъ съ верхней ступени на паперть ступить, какъ влѣвѣ отъ него послышался шорохъ отъ платья и слѣдомъ вскрикъ. Онъ быстро глянулъ и бросился въ ту сторону. Молодая боярыня, выйдя изъ собора, думала внизъ сойти да заглядѣлася, на строенье-ли церковное окрестное, иль на красоту молодецкую, то Богъ вѣсть, а только у нея высокій каблучекъ подвернулся и не подоспѣй Киріакъ, пала-бы она головой внизъ, на крутыя каменныя ступени.

— Охъ, Господи!.. Охъ, и спасибо-жъ тебѣ, бояринушко честной... Пошли тебѣ, Боже, здоровьица... Чуть вѣдь было... до полусмерти-бы убилася, потупивъ очи, смущенно говорила боярыня, не оправясь отъ испуга, и еще больше отъ того, что пришлось ей нежданно прижаться грудью о грудь молодецкую.

Киріакъ, бережно поставивъ боярыню на паперти, стоялъ передъ ней, потупивъ очи и дыша всей высокою грудью; лицо у него что заря рдѣлося.

— Господи Владыко! подымая очи, взмолвила боярыня,—да это вѣдь ты, Киріакъ Андреевичъ, будешь?

Киріакъ взглянулъ на боярыню.

— Аль не призналъ ты меня? А вѣдь къ моему Ивану покойному ко Григорьевичу хоть и не по-часту, а все-же хаживалъ.

— Настасья Петровна! едва слышно промолвилъ Киріакъ, ровно опасаясь, что не живая передъ нимъ стоитъ боярыня, а во снѣ она ему примечталася, и онъ громкимъ голосомъ отгонитъ свое мечтаніе пріятное.

— Коли и узнать-то тебѣ! Два года, гляди, полныхъ прошли какъ ты меня, Киріакъ Андреевичъ, видѣть-то могъ. А я вотъ сразу признала тебя. Да меня-то тебѣ, Киріакъ Андреевичъ, и Богъ признавать не велѣлъ: со слезъ вдовьихъ вся моя молодость съ лица смылася, а и вдовье житьё горемычное вовсе вѣдь меня старухой поставило.

Киріаку подумалось, что не отъ того онъ Настасьи Петровны не призналъ, что она постарѣла, а развѣ съ того, что она во вдовствѣ словно моложе, и краше, и здоровѣй стала.

— И до того вѣдь оно, житье мое горько-сиротливое, довело меня, что никому-то и признать меня не хочется, а никто и не вспомнитъ вѣдь: жива-ли молъ эта горюша бѣдная, аль померла ужь, бойко и весело причитывала молодая вдова.—Охъ, и не спрошу вѣдь я, позабывчивая: все-ли добра-здорова матушка твоя любименькая, честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна? Давно вѣдь я ея свѣтлыхъ очушекъ не видѣла, не съ той-ли поры еще, какъ моя матушка милая Богу душу отдала. Да и то сказать, не весело ей, знамо, сидѣть съ молоденькой бабенкой неразумною. А старшенька-та моя сестрица, Ненила Петровна, будто и въ чести у твоей матушки: хвалится вѣдь, всюду Ненилушка хвастаетъ, что у матушки твоей гоститъ частёхонько.

Какъ быстрое зернышко жемчужное за зернушкомъ на нитушку нижется, такъ у Настасьи Петровны словечушко за словечушкомъ въ рѣчь сливалося. Киріакъ едва успѣвалъ отвѣтъ держать. И хоть зналъ онъ и гдѣ стоитъ, и съ кѣмъ разговоръ ведетъ, а все ему чуднымъ, какъ-бы невиданнымъ и неслыханнымъ казалося. Очи у Киріака разбѣгалися, не зналъ онъ на что смотрѣть ему: то-ли на лицо Настасьино бѣлое, то-ли на серьги съ подвѣсками, что въ ушахъ ея нѣжныхъ болталися да по щечкамъ ея, ровно играючи, билися. А щеки у Настасьи что маковъ цвѣтъ, и ушки у нея какъ жаръ горятъ, и кровушка въ нихъ насквозь просвѣчиваетъ. Аль глядѣть ему на ея очи быстрыя, аль на правую ея ручку пухленькую, какъ она тою ручкой легонько взмахивая, на лѣвой рукѣ, обутой въ зеленую шелковую перстаницу [1]), золотой обручикъ кованый оправляетъ, а на правой ручкѣ притомъ жуковины такъ и свѣтятся.

— И дивиться-то тебѣ, Киріакъ Андреевичъ, не гоже, что я сразу признать тебя смогла. А не трудно вѣдь. Таки какъ ты молодцы нунь въ Новѣгородѣ на перечётѣ всѣ. Твой вѣдь еще покойный батюшко славу заслужилъ многую а добрую; всѣ вѣдь памятуютъ какъ онъ за Святую Софію голову сложилъ: въ бою на Шолони на первомъ сступѣ палъ весь израненый.

— Вотъ ужь скоро и пять лѣтъ съ того денечка минуетъ, со вздохомъ Киріакъ сказалъ и понурился.

— А и про тебя, Киріакъ Андреевичъ, забывать не положено. Хоть ты во тую пору и въюнёшенекъ былъ, молодёшенекъ, а вмѣстѣ съ отцомъ на войну крутился-же [2]). А въ тоёмъ-же бою былъ ты раненый...

— И раной-то стыдно звать, всего плечо оцарапали: кожу только саблей прорѣзали, а въ мясо и на полъ пальца не вошла, вымолвилъ Киріакъ, все еще не подымая головы.

— Отъ славы-то ратной, Киріакъ Андреевичъ, отпираться грѣхъ. А и многи-ли нунь ею въ Новѣгородѣ похвалятся? И опять-же тогда ты, съ немногима хоробрыма въ полонъ Москвѣ доставался, а остальни, всѣ почитай, оплошилися да на бѣгъ ударились... Помню вѣдь я, даромъ была дѣвочкой несмышленочкой: батюшко съ матушкой меня въ тотъ годъ за-мужъ сговаривали. А нунь-ко, погляди на меня, ужь и вовсе я стала старая: Ванюшѣ моему четвертый ужь годочушко пошелъ. А ты вотъ все молодъ да холостъ живешь...

Какъ промолвила Настасьюшка „погляди на меня", Киріакъ тотчасъ же, невольно поднявъ голову, посмотрѣлъ на нее. И не мало дивился на ея очи: недавно еще были они какъ бирюза свѣтлыя, а теперь

[1]) Перстаница—перчатка.

[2]) Крутиться—снаряжаться и одѣваться.

зачерпѣлися, затуманились, а не краше-ль отъ того стали?

— Одначе я съ тобой заболталася; люди смотрятъ на насъ да дивуются... Охъ, на бѣду мою, еще вспомнила почему я скоро признать-то могла тебя. Вѣдь съ послѣдняго вѣча о тебѣ съ Лукой Аввакумычемъ, только о васъ двоихъ въ Новѣгородѣ и говору: вы, скажутъ, вѣче повернули въ свою сторону.

Услыхавъ отъ Настасьи Григорьевичевой про себя съ Лукой то же, что́ недавно мелькомъ сказывала матушка, не мало подивился Киріакъ.

„Ну, Лука еще во-время слово свое взмолвилъ,“ подумалъ онъ, „а я-то съ чего въ славу вошелъ въ Новѣгородѣ?“

— Ну, прощай затѣмъ, Киріакъ Андреевичъ, спасибо мое прими великое, а о твоемъ добромъ здоровьицѣ ужь я вѣковѣчная богомолица. Да матушкѣ своей отъ меня челомъ ударь; низёхонько, скажи, кланяется, да и сама, коль прикажешь, придетъ къ тебѣ за сына благодарствовать... Охъ, гдѣ-же это Богдано-тъ мой? хватилася Настасья Григорьевичева своего ключника.—А вотъ онъ, гдѣ ты... Идемъ-же, а домовь пора.

Настасья стала внизъ сходить, а сама все съ Киріакомъ прощалася и его матушкѣ низкій поклонъ сказывала. Киріакъ незамѣтно за боярыней внизъ сошелъ, и все на нее глядя, и каптаны разглядѣть не успѣлъ. А хороша была каптана: колеса крашеныя, полъ обитъ войлокомъ, а поверхъ войлока зеленымъ сукномъ; гдѣ боярынѣ лѣзть въ каптану, бока были срѣзаны, а гдѣ ей сидѣть—скамеечка на столбикахъ установлена, а на ней подушечка мягкая, тафтой крытая. Чтобъ солнышко не опекло ея лица бѣлаго, была налажена кровелька на четырехъ столбахъ: ну, скажи кроватушка съ пологомъ на колеса поставлена. Возникъ сидѣлъ на гнѣдомъ конѣ; у дуги было привѣшено два дорогихъ соболя. Какъ поѣхала боярыня, справа ключникъ верхомъ побѣжалъ, а слѣва другой паробокъ, да впереди еще одинъ скакалъ, покрикивалъ. Только ничего этого Киріакъ не видѣлъ, хоть и въ оба вслѣдъ глядѣлъ.

Долго еще Киріакъ на мѣстѣ стоялъ. Вспоминались ему очи Настасьины, и мечталось ему словно онъ съ крутого берега въ рѣчку глядитъ, а вода-то внизу кружится омутомъ, да и самъ онъ никакъ ужь въ омутѣ. И казалось ему, что не въ омутъ онъ глядитъ, а въ очи Настасьины. И еще Киріаку чудилось, словно у него надъ головой струйка со струйкой, звеня, сливаются: то́ Настасьинъ тонкій голосокъ серебряный слышится.

Очнувшись, Киріакъ вспомнилъ зачѣмъ онъ у Софіи съ коня слѣзъ и строго судилъ себя за суетность грѣховную. Тотчасъ-же онъ въ соборъ пошелъ. Въ соборѣ сильно пахло ладономъ и какъ Киріакъ свѣчу бралъ, ему сказали, что самъ Владыка недавно панафиду пѣлъ. Молодой бояринъ сталъ передъ образомъ Пречистыя и клалъ земные поклоны, и горячо молясь приносилъ Ей благодареніе за исцѣленье отъ недуга душевнаго.

Изъ Дѣтинца Киріакъ Андреевичъ вправо взялъ, чтобъ проѣхать на Великій мостъ.

И народу-же на мосту: и ѣдутъ, и идутъ, и бѣгутъ; кричатъ, бранятся, шутятъ, торгуются, разговариваютъ. Киріаку нынче было весело, а потому и толпа на мосту ему казалась веселою. Купцы изъ лавокъ, что̀ облѣпили по бокамъ весь мостъ, къ себѣ зазываютъ, а которые побойчѣе, у тѣхъ паробки чуть не за шиворотъ покупателя къ лавкѣ тащатъ, только зазѣвайся, иль замедли шагъ. И къ Киріакову стремени не одинъ подбѣгалъ: иному думалось, что пора-бы молодому боярину новые сапоги купить, а другой все его калачикомъ угащивалъ, какъ-бы соболѣзнуя, что матушка изъ дому не ѣвши отпустила. Киріакъ ѣхалъ себѣ да вправо и влѣво раскланивался.

На рѣкѣ, и у въѣзда на мостъ, и вдоль всего моста, всякія лѳдьи къ городьбѣ были привязаны: кто хлѣбъ печеный на продажу привезъ, кто полную лодку яицъ въ овсѣ пригналъ, кто нагрузился живностью, кто вологой [1]), кто рыбой, а кто и тѣмъ, и сѣмъ, и десятымъ. Запоздавшіе наровили просунуться между ранними въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и щепкѣ съ трудомъ проплыть. Къ этимъ лодкамъ причаливали другія съ покупателями. Одинъ, съ прибыткомъ товаръ распродавъ, отъ моста отчаливалъ, а двое или трое торопились стать на его мѣсто счастливое. Тутъ тоже не обошлось безъ крика и гама, особенно на тѣхъ ло́дьяхъ гдѣ были бабы. И на нихъ глядя, утѣшался Киріакъ Андреевичъ.

Не доѣзжая той стороны Волхова, пришлось Киріаку Андреевичу обождать часокъ: шнеку нѣмецкую мимо моста вверхъ къ Нѣмецкому Двору проводили, да новгородскій чернёный корабль изъ заморья пришелъ и подымался къ пристани повыше Нѣмецкаго Двора. Отъ нечего дѣлать, Киріакъ Андреевичъ сталъ глядѣть на мутное Волхово. Налѣво взглянулъ, — лодки съ одной стороны на другую такъ и шныряютъ, народъ перевозятъ; у берега ладьи съ сѣномъ да съ дровами тѣсно стоятъ; другія подъ парусомъ идутъ, тѣ бичевой тянутся, плоты внизъ спускаются. Направо глянулъ: у Нѣмецкаго берега и выше стоятъ разные ко̀рабли, щёглы [2]) ровно лѣсъ высятся. А на берегу-то народу что̀: и грузятся, и разгружаются, и извощики галдятъ, подвозя и отвозя товаръ; телѣжныя колеса гремятъ по мостовинамъ, чѣмъ берегъ мощенъ. За спиной у Киріака всякій людъ на солнышкѣ пестрѣлъ, и веселый, какъ ему слышалось, гомонъ стоялъ въ тепломъ воздухѣ. Подъ людской говоръ, Киріакъ призадумался.

„Такъ вотъ она какова̀, Настасья-то Петровна, Григорьевичева! А и очи-же у нея!.. ровно вотъ наше Волхово мутное да быстрое. Ровно въ нихъ струйки мутныя бѣгаютъ... И рѣчиста къ тому... И къ матушкѣ тоже сдумала.. А матушка нунь опять ко мнѣ со внучатушки...“

О чемъ-бы еще подумалось Киріаку, про то́ Богъ вѣсть; тутъ услыхалъ онъ, что сзади про него громко говорятъ, зовутъ его по имени, и мысли его прекратилися.

— Да онъ-же самый и ѐ, говорилъ одинъ, какъ казалось Киріаку, знакомый голосъ.—Только мы на-мостъ вошли, тутъ сейчасъ и обгонялъ онъ насъ. Киріакъ, говорю, Андреевичъ; я у нихъ во дворъ работаю. Дѣдъ у него въ Новѣгородѣ у насъ степеннымъ посадникомъ былъ, Киріакомъ-же Андреевичемъ звали. Онъ это, слышь, церковь-ту каменну Варвары великомученицы въ дѣвичьи мона̀стыри ставилъ, а еще у себя на Прусской улицѣ, у Святого Михаила Архангела придѣлъ каменный Трехъ Отроковъ его-же ставленьё. А молодой—внукъ его посадничій: и этотъ у насъ съ тобой денегъ займовать не ста̀не.

— Ишь ты, Прушанинъ, а этакъ-то ласково тебѣ поклонъ отдалъ, отвѣчалъ другой голосъ.

Киріакъ Андреевичъ, улыбаясь, оглянулся назадъ и увидѣлъ, что тотъ, чей голосъ ему показался знакомымъ, былъ Губанъ кафтанникъ, у нихъ во дворъ шилъ; другой—парень изъ себя коренастый, со смуглымъ, точно дубленымъ лицомъ и быстрыми смышлеными очами. То былъ Пашко̀.

Тутъ мостъ навели, и Киріаковъ конь самъ собой за народомъ тронулся. По той сторонѣ, бояринъ пошибче коня погналъ; не малый еще путь оставался ему: Лука далече жилъ, въ Плотницкомъ концѣ, въ Боянѣ улицѣ.

IX.

Московская пошлина.

Лука Аввакумовичъ, тѣмъ временемъ, дома сидѣлъ, одну ногу подложивъ подъ себя, а другую свѣся съ лавки. Одѣтъ былъ по домашнему; отъ жары въ одной рубахѣ сидѣлъ; рубаха была шелковая съ дорогими за-

[1]) Волога—все молочное.

[2]) Щеглы—мачты.

попами, шелками-же шитая, серебрянымъ поясомъ съ жемчужинами подпоясана; сапожки на немъ были стоптанные да порванные: ужь очень покойные, бросить жаль. Передъ нимъ на столикѣ стояли гусли яворчатыя и онъ, перебирая перстами по струнамъ, самъ съ собою разговаривалъ.

— Ишь, споритъ вѣдь, сѣдатый песъ! говорилъ Лука про одного знакомаго гусляра.—„Я де былинку эту отъ батюшка пословечьно понялъ“, мысленно онъ гусляра передразнилъ. — А коль батюшко-то твой не ладно-же сказывалъ? спрашивалъ Лука, точно гуслярь передъ нимъ живой стоялъ. — А ты лучьше отъ меня пойми. По моему ладнѣй, гляди; ты этакъ вотъ сказываешь...

И Лука вполголоса подъ гусельки сталъ старикову былинку сказывать:

Красотою-бъ я тебя, Добрынюшко, спорѐдила
Во Іосифа во-ѐ Прекраснаго.

— А теперь по моему послушай-ко.

И опять Лука вполголоса повелъ:

Я-бъ тебя, Добрынюшко, спорѐдила
Красотою во Іосифа Прекраснаго.

— Анъ по моему-то ладнѣй, слышь? ужь вовсе вслухъ сказалъ Лука и подмигнулъ даже нѣтовому гусляру.— Аль, нѣтъ, стой! Вотъ этакъ еще ладнѣй, вовсе ужь по настоящему:

А еще-бы я тебя, Добрынюшка, спорѐдила
Красотою во...

— А вотъ онъ и самъ Іосифъ Прекрасный на поминѣ лёгокъ! вскричалъ Лука, увидѣвъ Киріака.—Здравствуешь, дружочекъ мой миленькій, цѣлуй-же поскорѣй меня. А ну, ну, ладно: клади кресты-те, клади...

Киріакъ, ставъ передъ образомъ, крестъ клалъ, а потомъ кланялся хозяину.

— А мнѣ-ко гостю на стрѣчу встать-бы да ему низко кланяться, да садиться просить, а я-ко, гляди, каковъ увалень уродился: ловко усѣлся, шевельнуться лѣнь.

Тутъ пріятели, взявшись за руки, цѣловалися, при чемъ Киріакъ со смѣхомъ приговаривалъ: „а сиди ужь ты, знай, нѐповоротень“.

— Ну, ладно. Будь-же гостемъ, Киріакъ Андреевичъ, милости прошу! сказалъ Лука, указывая ему на передній уголъ, и когда тотъ усѣлся: — А теперь, за мѣсто поклона, слушай-ко, каку я тебѣ припѣвочку скажу, по гуслярному тебя почествую.

И Лука сказывалъ подъ гусельки:

А еще-бы я тебя, Добрынюшка, спорѐдила
Красотою въ Киріака вѣдь Андреича.

— Слышь, Киріакушко, добавилъ онъ, — я всѣмъ гуслярамъ прикажу вмѣсто Іосифа про твою красоту сказывать.

— Анъ не ладно бу̀де, смѣясь сказалъ Киріакъ.

— Чѣмъ, друже, не ладно-то? съ живостью Лука спросилъ.

— А тѣмъ же: пусть, Лука Аввакумовичъ, и столь я хорошъ, какъ ты съ матушкой моѐй скажете, а все-же въ былинахъ про меня сказывать не гоже. Какъ про Іосифа скажутъ, что упа̀въ [1]) былъ, всѣмъ про то вѣдомо, а кто слушаетъ, всякъ по своему красоту его лица гадаетъ. А моя-та красота не многимъ свѣдома; поди, только тебѣ да моѐй матушкѣ. Гусляро-тъ ска̀же про меня, анъ народо-тъ только очи выпялитъ: это молъ, что за Киріакъ-упа̀въ объявился еще? А про Іосифа-то слово всѣмъ явственное.

— А вѣдь вѣрное твое это слово умное, сказалъ Лука,—а и всѣмъ гуслярамъ на послу̀шаньѐ: стану-ко я его имъ потолковывать. Истинно, истинно, какъ-бы съ собой разсуждая, дальше говорилъ Лука, — то вѣдь слово и будетъ вѣковѣчьное, что таково-то оно мѣтко сказано: иначе молвить, хоть голову разломай, не придумаешь. Часто вотъ Псалмопѣвца я читать люблю, а самъ притомъ и думаю: ну, хоть-бы вотъ это взять, что какъ солнце-то возсіяетъ, тутъ и „изыдетъ человѣкъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера“,— вотъ оно, утро, предъ тобой и объявится, каковѐ оно отъ вѣка стоитъ. Аль еще, Киріакушко, хоть сей стихъ возьми: „сердце мое смятеся, остави мя сила моя, и свѣтъ ѐчію моего, и той нѣсть со мною“, — не такова̀ развѣ тоска живетъ, хандра эта несносная?.. И опять слово вѣковѣчьное... Тутъ Лука помолчалъ немного, призадумался, и продолжалъ инымъ уже голосомъ: — А опять вѣдь я вышелъ хозяинушко ласковый: ни о твоѐмъ здоровьицѣ не спрошу, а ни о томъ все-ли твоя матушка честна̀я вдова добра̀-здорова̀?

— Спасибо, Лука Аввакумовичъ, матушку здорову оставилъ, а и самъ я, видишь, здоровъ-же предъ тобой сижу. А еще тебѣ спасибо собое [1]), что о хвори моѐй, не разъ пріѣзжая, навѣдывался.

— И съ чего это, друже, нашло на тебя?

— Съ чего? спросилъ Киріакъ такимъ голосомъ какъ-бы хотѣлъ сказать: „Аль и ты, Лука, не домекнулся о томъ?“

— Аль съ вѣча?..

— А съ чего-же еще? сурово сказалъ Киріакъ. — Этакого-то человѣка розумнаго, воеводу такого великаго, злодѣи погубили безвинно!

Лука слегка поморщился.

— Всѣ-то нунь о немъ, друже, жалѣютъ, о Василѣ Микифоровичѣ, дай ему Господь царствіе небесное! А только и ту правду сказать надобно, что и самъ онъ, Пенковъ, въ своѐй смерти виновенъ-же. Этака гордость у него была непокрытая: то Великій Новгородъ государемъ своимъ зоветъ, а то и отвѣтъ передъ нимъ ему низко держать.

Киріакъ взмотнулъ вверхъ головой, словно говоря: „было-бы предъ кѣмъ отвѣтъ держать!“

— Охъ ужь всѣ вы, Прушане, таковы: съ захлёсткою, продолжалъ рѣчь Лука, — кони вы ретивые да норовисты—бѣды! Чуть васъ острогой [2]) трони, и на дыбы сейчасъ, анъ глянь на спину опрокинулся да хребетъ сломилъ.

— А ты, коль ѣздо̀комъ словешь, всякого коня норовъ знай, а норовистаго не задергивай. А вотъ какъ на войну-то съ Москвой крутиться пора придетъ, въ тоѐ времячко не такъ еще про Пенкова вспомянете. А еще скажу, съ горячностью добавилъ Киріакъ, — коль государемъ иль господиномъ зовешь себя, такъ не къ лицу тебѣ катомъ быть.

— Аль отъ ката-то государева гибель слаще, чѣмъ отъ своѐй госпо̀ды и братіи? съ горькой усмѣшкой спросилъ Лука.—То-то-же, подумавши, дружокъ, и ты.

— И судъ-же у насъ! Киріакъ свое.—Пришелъ клеветникъ да благо еще коли, какъ Овинъ, народно обличать сталъ, а то просто изъ-за спины на тебя лжу скричитъ—и всѣ той лжи повѣровали!

— А по твоему, какже, розыскъ что-ль чинить? Руки да ноги ломать, какъ на Литвѣ да на Москвѣ повелось, чтобъ съ боли да со страху на другихъ и на себя наговаривать сталъ?

— Не о розыскѣ рѣчь, а о томъ, что чужой судъ охаявъ, Лука Аввакумовичъ, нашего суда новгородьскаго не оправишь-же, твердо Киріакъ сказалъ.

— Коли-же оправить! со спокойнымъ осужденіемъ отвѣчалъ Лука, какъ о вещи хоть и дурной да непреложной, съ чѣмъ что̀ съ худой женой, вѣкъ терпя, вѣковать приходится.—Всѣмъ, друже, то вѣдомо, что милости у насъ нѣтъ въ Новѣгородѣ, и судъ правый давно повывелся: кривда по нашей землѣ пошла и стали мы въ поношеніе всѣмъ сусѣдямъ нашимъ, притчей во языцѣхъ содѣялись. Да вѣдь и отъ Низовьскаго суда тоже упаси насъ Боже!

— А съ чего-жь какъ не съ суда у насъ эта крута

[1]) Упавъ—на диво пригожъ собой.

[1]) Собое—особое.

[2]) Острога—шпора (острая).

Трудное начало. Картина И. Клейнмихеля, грав. Клоссъ.

2

каша заварилася? А будь правъ судъ, съ чего-бы въ Москвѣ его искать?

— Аль и ты о княжескомъ судѣ слѣпотствуешь? съ великимъ изумленіемъ спросилъ Лука. — Эхъ-ма! Подхватила баба новый голикъ да й дивуется: что̀ молъ чисто таково̀ избу выпахала?[1]) Такъ-же вотъ и господинъ нашъ великій князь правдой да истиной на Москвѣ дураковъ новгородьскихъ судилъ. А допусти-ко его тіуновъ по всѣмъ улицамъ сѣсть, такъ о старомъ новгородьскомъ судѣ еще взмолишься. Таки посулы да волокиты пойдутъ, а ты противъ тіуна и рта разинуть не моги, а не то, чтобъ какъ нашего, въ шею прогнать.

Киріакъ ни слова на эту рѣчь.

— А съ Пенкова-вотъ у насъ разговоръ съ тобой зашелъ, такъ дослушай-ко, Киріакушко, что еще стану сказывати. Держалъ-ли перевѣтъ Пенковъ, аль нѣтъ, про то Богъ вѣсть, а намъ не довѣдаться. А будемъ и такъ го̀ворить, что судо-тъ надъ нимъ и вовсе худъ былъ, анъ хýда безъ добра не бываетъ, видно.

— Тутъ-то како добро еще выискалъ? съ задорливымъ недоумѣньемъ Киріакъ спросилъ.

— А вотъ дай сказать. Всѣ у насъ, Киріакушко, про новгородьску старину любятъ толковать, а того не памятуя, что изъ нашей по̀шлины не мало ужъ прочь у̀плыло. Я вотъ не гораздо старъ, а на моихъ очахъ сколь старина-та наша порушилась! О томъ говорю какъ старый[2]) князь Василей Васильевичъ насъ припасильничалъ. И не много, кажись, всего-то три словечушка въ миродокончальню вписывалъ, что „Вѣчьнымъ молъ грамотамъ не быть“. Анъ вышло, что ими, словами этими, наше вѣче онъ по рукамъ связалъ, а не то и вовсе обезручилъ. А нынѣ всѣмъ, кому тѣ три слова памятны, стало явственно, что Пенкова да иныхъ на вѣчѣ сказнивъ, Господинъ Великій Новгородъ какъ-бы изъ докончальнѣй тѣ словечушки притужным топоромъ повырубилъ, а себя надъ Москвой тѣмъ повысилъ. Ровно вѣче-то на перевѣтниковъ дало мёртву грамоту[3]). Небось, теперь у Московьскаго въ затылкѣ зачешется. Думали, гадали, что съ питья ихняго забыдущаго[4]) на вѣкъ уснулъ Великій Новгородъ. Анъ время и всикнуть намъ: живъ Богъ и жива душа новгородская!

— А и Москва не мертва̀-же лежитъ, съ горькой усмѣшкой Киріакъ сказалъ.

— А дай ей Господи многи лѣта здравствовать! Мнѣ-ко ей не отходну читать стать.

— Эхъ, Лука ты мой Аввакумовичъ, а не знаешь ты, вижу, норова московьскаго, а я, не гляди что вьюнёшенекъ къ Москвѣ въ полонъ попалъ, поприглядѣлся таки къ повадкѣ московьской.

— Ну, ну, а и чѣмъ-же такимъ Москва страшна? Лука спросилъ съ усмѣшкою, а у самого правая бровь нахмурилась.

— А тѣмъ она Москва страшна, что не торопливая, ногой не шевельнетъ вѣдь, мѣста впередъ не оглядѣвъ, да не смѣривши великъ-ли шагъ дѣлать приходится. А ногу занесетъ хоть медлительно да всёю-то стопою ступитъ тяжелою, ажно въ землю нога вдавится. И ужъ гдѣ ступила, съ того мѣста не сступится; и куда ступить замыслила, хоть не скоро, своёго ужъ доступится. Аль ворогъ такой упорный не страшенъ по твоему?

Лука призадумался, и не мало времени очи въ полъ потупивъ сидѣлъ.

— Точно, лелестное это слово твое, сказалъ онъ, — что буде она, Москва-то, лукавая. А коли-бъ, опричь лукавства этого упорнаго, ничего на свѣтѣ не было, ну тутъ Новугороду за попомъ слать да, масломъ соборуясь, къ смерти готовиться. А только сколько она земель ни скушала, нами то еще, дастъ Богъ, подавится. Молода она еще Москва, не выкунѣла. А ни въ чемъ-то ей противъ Новагорода не выстоять, а ни въ чемъ-то вѣдь ей съ Новгородъ не повытянуть. И собора они на Москвѣ хорошаго о сю пору не поставили, только что строиться ладятъ, а у насъ Святая Софія, еще когда, про Москву-то никто на Руси въ ту пору и не слыхивалъ, а она стояла ужь. Да что̀! возьми ты дворы наши бо̀ярски, да просто сказать на йну-то улицу, а въ особину котора топольцами пообсо̀жена, а и не надивуешься. И мало вѣдь на которой не стоитъ гридницы каменной, а на иной и по двѣ ихъ. Такъ про городо-тъ и сказывать нечего, а нечего Москвѣ и начинать съ нами мѣряться. А село аль деревню возьми новгородскую: эки избы хо̀роши, а мало вѣдь ихъ не въ два жила[1]), а гульбища[2]) тыи будутъ перёныя, да и всѣ вѣдь они изукрашены, та ко̀раблемъ, эта конемъ, аль рѣзными узорочья. А дворы мощёны да крытые, а въ горницѣ чисто, урядливо да обрядливо. А на Москвѣ, скажутъ, избы эти позёмныя, а соломинкой плохо крыты, да кýрны, а въ избѣ-то и теля, и робя въ одной грязи валяются. Мать-то думатъ сыночушко ее цѣлуетъ, анъ то телушечько лизнулъ.

Киріакъ усмѣхнулся, а Лука, помолчавъ, дальше рѣчь повелъ.

— Про что̀ бы еще сказать? Книжно дѣло ежели взять, — такъ клади, что̀ вчетверо мы Москвы пограмотнѣй, и то Новугороду обидно, знай, бу̀де. Изъ простыхъ у насъ — и изъ тѣхъ начётчики ѐ, а про бо̀яръ и го̀ворить нечего: о чемъ хошь разговоръ заведи, всегда найдешь человѣка розумнаго да поучёнаго, который въ понятіи состоитъ. Этакой-то народушко у насъ смышленый, до всего-то дошлый. А оттого: бывалый да видалый, и въ за̀морьи Новгородъ изстари вѣдомъ, и теперь его имя честно-же нѣмцы держатъ. Да и земляже наша Новгородьская! этакъ-то волости широко пораскинулись, отъ Варяжскаго, считай, моря до самого Океанъ-моря Студенаго, а и тутъ не сидится вѣдь, на острова эти Соловецки кинулись. А сколько еще отошло-то отъ насъ. Вятка чьё-же строеньё, коли не повгородьско? А гляди, Пскову-то приказали собиться да молодшимъ братомъ назвали, а сами оттого не отощали, а и Ростовъ старый, если копнуть, новгородьски-же выселки. А гдѣ наши не бывали, ради то̀ргу, аль поповольничать, всю Волгу веслами изрѣзали, до самой той далекой Асторо̀хани. Ну, дома не сидѣли, и богачества себѣ добыли. И вотъ что̀ я тебѣ скажу: хоть и грѣхъ оно будто богачествомъ хвастаться, а вѣдь буде то слово мое лелестное, что коли Садко̀, богатый гость, не могъ Новагорода повыкупить, такъ, не-бось, Великій Новгородъ еще Москву повыкупитъ, благо на деньги охвоча да на подкупъ падка.

— Такъ-то оно такъ, Лука Аввакумовичъ, а только... Да вотъ стану я тебя теперь поспрашивати, а ты мнѣ отвѣтъ держи. Безъ князя намъ прожить можно-ли, сказывай?

— Коли-же прожить! Другъ дружкѣ горло перервемъ, со спокойнымъ осужденіемъ, какъ давече про судъ, сказалъ Лука. — Ужь такова наша старина новгородьска. Варяги, Русь-то, зачѣмъ-же были призваны? И намъ не передѣлать того: йзстари пошло.

— Ладно. А князи, гляди, подобрались нынь; опричь Москвы, и князя взять нѐоткуда.

— А Литовьскій чѣмъ дуренъ? Не сумлѣвайся, дружочушко, хоть оно и не пошло̀ будто къ Литвѣ тянуть, а и въ томъ старина Новгородьска, что въ князѣхъ мы во̀льны. Своихъ нѣтъ, „на сторонѣ молъ палѣземъ“, какъ дѣды наши еще Святославу рекли, стращаючи. А намъ Литовьскаго чего не налѣзть?

[1]) Пахать избу — выметать.
[2]) Старый — въ смыслѣ бывшій, прежній.
[3]) Мертвая грамота — смертный приговоръ.
[4]) Забыдущій — отъ котораго въ забытье впадаютъ.

[1]) Жило — этажъ.
[2]) Гульбище — балконъ.

— Аль не православный ты? Киріакъ спросилъ.

— А Кіевляна со Смольнянами не тѣмъ развѣ крестомъ, что̀ и мы съ тобой, крестятся?

— Не иным, знаю. А только въ этомъ дѣлѣ я, Лука Аввакумовичъ, на томъ-же стою, на чемъ батюшка мой покойный сдумалъ. А говаривалъ вѣдь онъ: коли-бъ де, сказывалъ, за вѣру греческаго закона нашего отъ Литовскаго никакого страху не было, йно-бы и въ докончаньи съ честнымъ кoролемъ не зачѣмъ было словечушка о томъ писать, что ему молъ у насъ вѣры нашей не отымати.

— А нѐ-въ-осудъ ни твоему батюшку покойному а ни тебѣ, Киріакушко, будь сказано, а это ваше о вѣрѣ сумпѣньицё вовсе вѣдь оно лишнее. А ладно все у покойнаго посадника степеннаго, у Дмитрія Исаковича, у Борецкаго, было удумано; знать и Марѳина головушка многоразумная надъ тѣмъ потрудилася. А не одно вѣдь то̀ было писано, что̀ ты сказывашь, а и то въ ней стоитъ-же, что гдѣ любо намъ, Великому Новугороду, ту̀ и владыку намъ ставить своя воля. А ставили-бы въ Москвѣ, а владычвей пошлиной къ ней-же тянули-бы. А у Литовскаго изъ руки только намѣстника брали-бы, да и то закону нашего греческаго; княжчиной-бы [1]) только, значитъ, къ Литвѣ потянули. А и стала-бы тутъ Москва за Литвой соглядать, а Литва за Москвой, а обѣ въ запуски другъ передъ дружкой берегли-бы насъ; блюли-бы, значитъ, чтобъ который изъ нихъ надъ нами не понасильничалъ. Анъ Новгородъ Великій, ровно сыръ въ маслѣ, межь обоихъ князей и катался-бы.

— Ладно оно, Лука Аввакумовичъ, было удумано, только съ чего-жъ народушко въ тѣ поры на вѣчѣ противъ Литвы скричалъ? Анъ почуявши вѣры крестьянской поруганіе. А и еще прибавить надобно, что честный кoроль на первыхъ-же порахъ насъ, гляди, не соблюлъ: Москвѣ выдалъ. Небось ни онъ, а ни рада его Литовьска за Новгородъ на конь не сѣли, и насъ Московьскому тѣмъ выдали. А отъ этого Олельковича [2]), кoролемъ-то присланнаго, проку много-ль было? Покормился у насъ восемь мѣсяцовъ, раздобрѣлъ на хлѣбахъ новгородьскихъ, а какъ до войны съ Москвой дошло, такъ и прочь бѣжалъ, наши-же волости по дорогѣ грабячи. Только и проку съ него, что жидовъ за нимъ въ Новгородъ понаѣхало, хоть прудъ ими пруди. Стало кому по крайности бражникамъ нашимъ отцовьско наслѣдство въ закладъ волочить.

— По осени куръ-те считаютъ, Киріакушко. Первый блинъ всегда комомъ, а ты дай-ка сперва сковородкѣ пообвечься маленечко, а тамъ съ повара и блиновъ спрашивай. Авось-ли, дастъ Богъ, и съ Литвой поуладимся.

— А я скажу: во вѣки намъ съ нею не уладиться. Да какъ съ ней и ладиться, коль на самой Литвѣ нуль ладу нѣтъ? Связалась она съ этими Ляхами латынами, а кто кого повяжетъ въ конецъ, поглядимъ ужо̀. А Литовскій князь, тотъ же онъ и кoроль ляховицкой, а Литвѣ иновѣрный буде. Знамо, на свою сторону латиньскую тянуть станетъ. А вотъ о вѣрѣ-то я сталъ сказывать, такъ не насилья отъ кoроля въ вѣрѣ страшусь, не того что силой отымать вѣру начнетъ, а прелести этой нхней латиньской, дьявольской. А что̀ завелась она, прелесть-то, и самъ ты свѣдомъ: митрополитъ кіевскій Григорей, Исидоровъ [3]) ставленникъ, не говоритъ, а флорентійскаго собора держится, папу римскаго чтитъ. А противъ лести гдѣ уберечься? Да стой ужъ за одно все, друже, выскажу. Вотъ ты думаешь, что Москва съ Литвой другъ за дружкой соглядали-бы да насъ другъ отъ дружки берегли-бы. А то знаешь-ли ты еще что москвичи за Литвой доглядывать ужъ и стали?

[1]) Княжчина—дань князю.

[2]) Князь Михайло Олельковичъ (Александровичъ) былъ въ Новгородѣ передъ войной съ Москвой 1471 года.

[3]) Исидоръ, какъ извѣстно, призналъ главенство папы на Флорентійскомъ соборѣ.

— А ну?

— А московски бо̀яра такъ понимаютъ, что не только де Великій Новгородъ, великаго князя отчину и дѣдину, Литвѣ отдать не приходится, а есть де за Литовскимъ не со мало иныхъ государевыхъ отчинъ и дѣдинъ, такъ и ихъ отберемъ-же молъ.

— А гляди не было-бы и съ Москвой того, какъ Илья про батюшкину корову обжорливу сказывалъ: молъ жрала, жрала да и лопнула.

— Нѣтъ, ты мое-то слово дослушай, Лука Аввакумовичъ. Тутъ вѣдь только тебѣ и объявится полностью чѣмъ Москва страшна.

Лука тутъ уже молча головой взмотнулъ.

— А тѣмъ, друже, что въ Литвѣ-то неладъ стоитъ, а у насъ рознь заводилася, а въ Москвѣ-тъ ни неладу, ни розни въ заводѣ нѣтъ, а й завестись имъ не откуда-жь.

— Это почему же такъ? Лука спросилъ.

— А потому неладу на Москвѣ нѣтъ, а розни въ ней не заводилося, что мысль тамъ хоть и не одна живетъ, да воля-то одна крѣпка: государь, значитъ, самодержецъ аль самовластецъ, какъ хошь, зови.

— А не пойму я этого, Лука сказалъ и вставъ прошелся по комнатѣ.—А вѣдь не ладное мы съ тобой, Киріакушко, дѣлаемъ, добавилъ онъ.

— Что̀ тако? удивился Киріакъ.

— А какже, не по старинѣ разговоро-тъ на тощо сердце повели, съ того и тоску другъ на дружку нагнали, вѣрь. А ты гостя угости сперва, накорми да напой, а тамъ и бесѣдуй—такова вѣдь пошлина ископная. И въ писаніи также оно стоитъ. Что-жъ, Киріакушко, отобѣдаемъ, что-ль?

— И радъ-бы, Лука Аввакумовичъ, да боюсь матушка не осѐрдилась-бы.

— А къ матушкѣ нарочьнаго съ объявкой пошлемъ. Знаетъ-же что у меня сидишь.

— Знать-то, знаетъ...

— Такъ, слышь, Киріакушко, пойду-ко я да распоряжусь: нарочьнаго пошлю, да еще вотъ закусочкой. А завтра самъ ужь съ повинной поѣду къ матушкѣ твоей, честной вдовѣ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ...

Киріакъ усмѣхнулся какъ-то особенно.

— Чего смѣешься-то? Лука спросилъ.

— А сердита вѣдь на тебя матушка, гнѣвается.

— За что̀? изумился Лука.

— А, вишь ты, Лука Аввакумовичъ, въ мысль ей пришло, что не йной кто, а ты отъ женитьбы меня отводишь.

— Авось, завтра съ ней столкуемся. А тебя слышь, Киріакушко, о свадьбахъ [1]) безъ перемѣны ужь женю, теперь матушка твоя мнѣ выходитъ помощница: вдвоемъ на тебя насядемъ. А что она на меня, честна̀ вдова, безпричинно гнѣвается, то не въ диво мнѣ. Знать доля моя така: во чужомъ пиру похмѣльё нести. Нѐ-одна вѣдь твоя матушка на меня этакъ же сердитуетъ. А пронесутъ завтра, будто я и дружка своего любезнаго, Василья Арбузьева, спаиваю, а и тому не подивлюсь. Да ладно-ко, побѣгу, схлопочу сейчасъ.

И Лука побѣжалъ вонъ изъ горницы. Киріакъ, одинъ сидя, крѣпко задумался; онъ и не замѣтилъ, какъ не черезъ долгое время воротился Лука, а за нимъ паробокъ съ двумя кубками меду стоялого.

— Аль задремалъ? дотронувшись дружку до плеча, Лука спросилъ.

— Ни, крѣпко задумался.

— О чемъ такомъ?

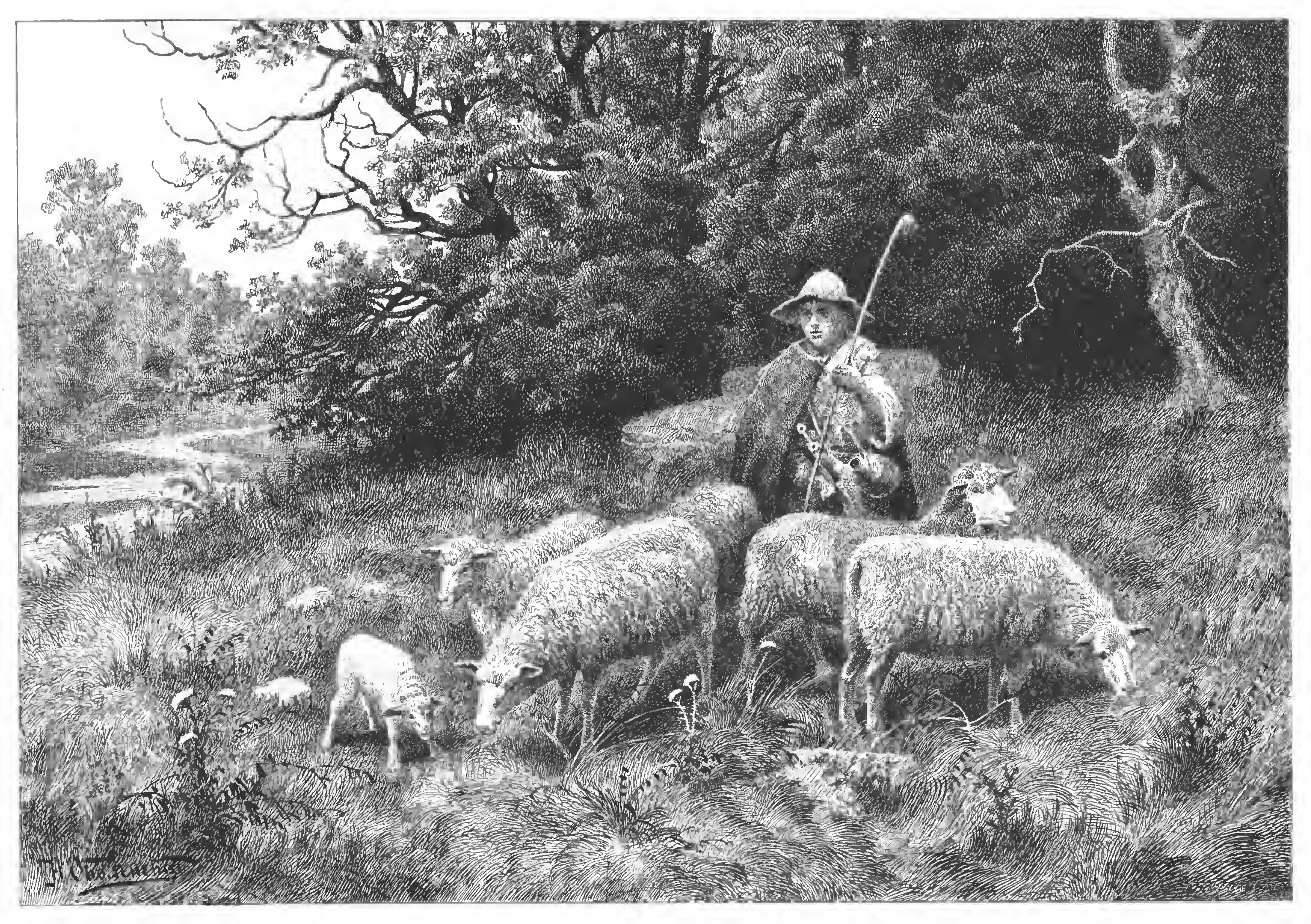
— Аль полную мысль тебѣ сказать?

— Сказывать, такъ ужъ полную.

— На себя пеняй, коль опять тоску нагоню.

— А ну? взмотнувъ по привычкѣ головой, Лука спросилъ.

[1]) Свадьбы — время отъ Рождества до Масляной.

Осетинскій пастушокъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Развалины замка въ Люцинѣ, Витебской губ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **Р. Штейна**, грав. М. Рашевскій.

— Крѣпко, Лука Аввакумовичъ, я сейчасъ призадумался. А о томъ мнѣ вѣдь помыслилось, что скажутъ время нунь приходитъ послѣднее, а и срокъ близится, живемъ-то мы на исходѣ седьмой тысячи [1]), а восьмой де не быть: свѣтъ переставится.

— Аль ты этимъ бабьимъ толкамъ вѣруешь? изумился Лука.

— Нельзя, грѣхъ вѣровать, строгимъ голосомъ сказалъ Киріакъ. — Сказано: „не вѣсте убо часа.“ И еще: „и отъ ангелъ утаи.“ Не о свѣтопреставленіи я пораздумался, а то, Лука Аввакумовичъ, въ голову мнѣ пришло: съ чего молъ оно завелося такъ, что эта мысль скорбная о концѣ міршка, у насъ во Новѣгородѣ всѣмъ, кто поразумнѣй, часто въ память приходитъ: и страшна, и мила къ тому. Сердце-то щемитъ она, а все бы о ней думалося, ровно сладость въ ней какая есть. И сейчасъ приди мнѣ въ голову, что съ того эта мысль смирная [2]) намъ люба, что всѣмъ намъ, противъ воли, въ сердцѣ чуется, что близокъ, приходитъ конецъ всему доброму и славному, чѣмъ мы живемъ, о чемъ движемся. Уходитъ ровно на-вѣкъ отъ насъ слава новгородская. А мы, на пошлину да старину свою любуючись, тоскуемъ: ровно на человѣка родного глядимъ, близкаго, а лежитъ-то онъ боленъ при смерти, а мы часа того ждемъ великаго и скорбнострашнаго, какъ станетъ душа его съ тѣломъ, плача, разставатися.

Не скоро Лука на эту грустную рѣчь отвѣтъ нашелъ, долго потупясь сидѣлъ.

— А на твое слово отходное, сказалъ онъ, — скажу я тебѣ словечушко заздравное. А стоялъ Кіевъ-градъ, и князи за него на-смерть билися, а Новгородъ примучивали. А нунь не бьются князи за Кіевъ градъ, а Новгородъ здравъ же стоитъ. А не мало ихъ было сильнихъ князей Суздальскихъ, и съ Новымгородомъ они споривали, а надъ нимъ насильничали, а и всей землей Суздальской, всѣми князьями на насъ наваливались. А стоитъ красуется Новгородъ, а Суздальски князи, гдѣ они? А теперь вотъ Москва эта заводилася, а опять же надъ Новымгородомъ насильё творитъ, а гляди и прейдетъ Москва, а Новгородъ все будетъ стоять по старому да попрежнему да бить, звонить въ Вѣчный колоколъ. Инъ, пей-же, дружокъ Киріакушко, чтобъ стоять ему а до-вѣка.

Выпилъ Лука, и Киріакъ выпилъ, и еще онъ слово сказалъ.

— А вотъ какъ тосковалъ-то я, говорилъ Киріакъ,— въ томѣ-то этой несносной сидѣлъ, про то же вѣдь думаючи, что нынѣ тебѣ, Лука Аввакумовичъ, сказызывалъ, такъ така мысль стала у меня въ головѣ: молъ что бы тамъ ни было, а и свѣтъ молъ пускай переставится, а умру я какъ жилъ вольнымъ мужемъ новгородскіимъ и предъ Господомъ душа моя такой же, какъ жила, вольной предстанетъ. И не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ эта мысль была во утѣшенье. Свѣтло она у меня въ головѣ стоитъ, какъ морозъ бодрая, какъ зимній день ясная.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (автора романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

25-го. „Если бы передо мной стоялъ ядъ, я бы съ радостью его выпила, такъ мнѣ тяжко!.. Какъ вошла въ столовую, то по злымъ улыбкамъ на лицахъ Аркадія и сестры я поняла, что мнѣ предстоитъ пытка. Явилась мама въ столовую, схватила меня за ухо и начала меня теребить, приговаривая:

„— Вотъ тебѣ пудра, вотъ тебѣ вычурная прическа!

„Въ эту минуту вошелъ отецъ, онъ гнѣвно крикнулъ:

„— Будетъ-ли конецъ этому? Вѣдь я запретилъ ее трогать?

„И обратясь ко мнѣ прибавилъ:

„— Садись!

„— Не смѣй! крикнула мама.

„Отецъ вспылилъ, но ужь не знаю, что послѣ меня было — я убѣжала поскорѣй...

„Такая тоска, читать не могу, спать также: пошла посидѣть съ Антипычемъ въ садъ, когда весь домъ заснулъ. Въ дѣтствѣ я также бѣгала въ горькія минуты къ нему; онъ развлекалъ меня сказками, но прошло то время. По моей просьбѣ Антипычъ сталъ разсказывать сказку, а я смотрѣла на Волчка, который положилъ свою морду на мои колѣни, и я сравнивала его жизнь съ моей, — право во сто разъ лучше! На прощанье Антипычъ заставилъ меня улыбнуться, давъ совѣтъ еще немного потерпѣть: что, можетъ быть, я скоро выйду замужъ. Я ему отвѣтила на это, что даже въ его сказкѣ Иванушка-Дурачекъ и тотъ пріискалъ себѣ невѣсту: красивую и богатую.

„— Пустое говоришь, возразилъ мнѣ Антипычъ; — хорошій человѣкъ знаетъ, что не все то золото что блеститъ, можетъ ты раньше выйдешь замужъ своей красавицы-сестры.

„А въ самомъ дѣлѣ пошла ли бы я замужъ, еслибы совершилось такое чудо, чтобъ нашелся охотникъ жениться на мнѣ? Нѣтъ! это такъ дико для меня, что я не въ состояніи была бы рѣшиться на это. Какія глупости могутъ приходить мнѣ въ голову, когда не знаешь, куда дѣваться отъ тоски!“

26-го. „Отецъ прислалъ Егора, чтобы я явилась къ столу. Мама не дозволила мнѣ приблизиться и поцѣловать у ней руку; всѣ отворачивались отъ меня. Гробовое молчаніе царило за столомъ. Какъ на пытку будешь теперь являться къ обѣду.“

27-го. „Мнѣ кажется, что отецъ съ каждымъ днемъ все дѣлается мрачнѣе и мрачнѣе, а сегодня какой-то былъ взволнованный. Господи, и всему я причиной! долго-ли продлится это невыносимое положеніе?“

29-го. „Здоровъ-ли отецъ? Ни къ обѣду, ни къ завтраку не выходилъ изъ кабинета; вѣрно боленъ. Хотя бы подумали, что больному могутъ гости мѣшать; дня не могутъ пробыть безъ гостей.“

30-го. „И сегодня отецъ не вышелъ въ столовую. Мама и сестра толкуютъ о предстоящемъ балѣ въ городѣ, значитъ отецъ не серьезно боленъ. Я спрашивала у Егора, не лежитъ-ли въ постели отецъ; — нѣтъ. И что же это значитъ, Сивцовъ къ намъ не ѣдетъ? Ничего не знаю о бѣдномъ Григоріи Семенычѣ, сняли-ли съ него горячешную рубашку? У насъ въ домѣ о немъ всѣ совершенно забыли“.

1-го іюля. „Вчера вспомнила о Сивцовѣ, а сегодня Антипычъ передалъ мнѣ отъ него записку, въ которой онъ проситъ прійти на берегъ рѣки, такъ какъ ему необходимо меня видѣть. Зачѣмъ?.. Не умеръ-ли Григорій Семенычъ? Но онъ могъ бы написать объ этомъ. Нѣтъ, ужь лучше не буду думать. Какъ придетъ время, тогда и рѣшу идти-ли мнѣ, или нѣтъ?..

„Что же это все означаетъ?

„— Я не могу болѣе бывать въ вашемъ домѣ, сказалъ мнѣ Сивцовъ, — если вамъ нужна будетъ помощь или совѣтъ, вспомните обо мнѣ, я буду очень счастливъ, и сдѣлаю все что въ силахъ. Не вѣрьте, если будутъ говорить обо мнѣ дурное; я исполняю свой долгъ. Берегите себя, ваша жизнь можетъ измѣниться къ лучшему.

„И все это онъ говорилъ въ сильномъ волненіи, а прощаясь со мной онъ пожалъ мнѣ руку и произнесъ:

„— Мы не скоро увидимся — не забудьте, что у васъ есть искренній другъ...

„Я ничего не понимаю!.. Развѣ онъ тоже влюбился въ сестру, посватался и мама ему отказала отъ дому?.. Григорій Семенычъ также сначала много находилъ недостатковъ въ сестрѣ, а кончилось тѣмъ, что сошелъ съ ума отъ любви къ ней!“

2-го. „Рѣшительно можно потерять разсудокъ; что такое случилось? у всѣхъ лица потерянныя, даже Аркадій повѣсилъ носъ. Послѣ завтрака мама прислала за мной; я думала, что узнала о моемъ свиданіи съ Сивцовымъ. Я приготовилась, — пусть мама дѣлаетъ что хочетъ со мной, я все покорно перенесу, только-бы отца оставили въ покоѣ. Но, къ моему удивленію, какъ я вошла въ ея комнату, то прочла на ея лицѣ одну тревожную озабоченность. Она приказала мнѣ сѣсть противъ себя и писать; на столѣ были приготовлены всѣ принадлежности для письма. Я сѣла, обмокнула перо, но такъ и замерла, когда мама мнѣ продиктовала: „Павелъ Петровичъ, я соскучилась о васъ“.

„— Что-же не пишешь? прикрикнула на меня мать.

„Во избѣжаніе новыхъ огорченій для отца, я рѣшилась писать все что ей угодно; пусть что хочетъ, то и думаетъ обо мнѣ Сивцовъ! Мама продиктовала мнѣ пригласительную записку къ Сивцову, чтобы онъ пріѣхалъ сегодня вечеромъ... Однимъ

[1]) Отъ сотворенія міра. Вѣра въ конецъ міра была до того сильна, что на восьмую тысячу не дѣлали пасхалій.

[2]) Смирный — печальный, также траурный.

только могу объяснить это приглашеніе: спохватились и хотятъ вернуть жениха; но я тутъ при чемъ?..

„Посланный вернулся отъ Сивцова, но какой отвѣтъ получился — не знаю.“

3-го. „Сивцовъ не пріѣхалъ. Думала, что изъ разговоровъ за столомъ что-нибудь узнаю, но никто не явился къ столу... Боже мой! Радость, горе въ семействѣ, а я какъ чужая! Не вышла-ли исторія съ фальшивымъ векселемъ, но какимъ образомъ тутъ Сивцовъ замѣшанъ? Просто силъ нѣтъ; сидишь одна и мучаешься загадкой: какое несчастіе постигло насъ всѣхъ?..“

„Перепутала дни, какой-то хаосъ въ головѣ. Первое время мнѣ все казалось, что это страшный кошмаръ, что я проснусь и вся тяжесть, которая давитъ меня — уничтожится; но теперь ужъ нѣтъ сомнѣнія, что это дѣйствительно со мной произошло. Появленіе мамы и сестры въ моей комнатѣ я сначала приняла за галюцинацію; мама была права, что я стою, какъ „безчувственный истуканъ“, потому что меня ошеломило ея приказаніе: „Тихонько отъ прислуги пробраться на дорогу, сѣсть въ крестьянскую телѣгу, которая меня ждетъ, и ѣхать въ Полыновку просить о чемъ-то Сивцова“.

„— За кого просить? проговорила я.

„— Безмозглая! за отца! крикнула мама.

„Я бросилась къ двери, но сестра меня остановила, закутала платкомъ мнѣ голову, говоря, чтобъ я не смѣла разговаривать съ мужикомъ, — „пусть думаетъ, что ѣдетъ прислуга“, а мама прибавила: „Не вставай съ колѣнъ, плачь, вымоли отъ него обѣщаніе, что онъ не дастъ хода дѣлу“.

„Мнѣ показались безконечными 7 верстъ до Полыновки. Не могу припомнить ни дома, ни комнатъ, ни лицъ, которыхъ я видѣла; только осталось въ памяти блѣдное лицо Сивцова и его дрожащій голосъ.

„— Простите, но я не могу исполнить вашей просьбы. Повѣрьте, что въ эту минуту мнѣ такъ же мучительно-тяжело какъ и вамъ!“

„Судороги сдавили мнѣ горло, ноги не двигались; Сивцовъ стоялъ передо мной и тоже молчалъ; наконецъ воскликнулъ:

„— Какіе они всѣ безчеловѣчные! къ чему прислали васъ?“ и, взявъ меня за руку, добавилъ: — „пойдемте, я васъ усажу въ экипажъ“.

„Я какъ автоматъ повиновалась, онъ посадилъ меня въ телѣгу и тихо сказалъ: „Ради Бога не сердитесь, просите о чемъ хотите, я съ радостью все исполню; вамъ, вѣрно, не объяснили въ чемъ дѣло, посылая васъ ко мнѣ?..“

„Я безчувственно отнеслась къ брани, которая обрушилась на мою голову. когда я вернулась отъ Сивцова.

„Аркадій кричалъ мамѣ: „Что вы могли ожидать отъ нея, она за-одно съ этимъ негодяемъ!“ Мама прогнала меня.

„Въ самомъ дѣлѣ, я не плакала и не стояла на колѣняхъ передъ Сивцовымъ. Ахъ, какъ я была-бы рада слезамъ! можетъ быть онѣ облегчили-бы меня, а то такая мучительная тоска сдавила сердце, что я не знаю куда дѣться. И эта тишина въ домѣ, которой я прежде радовалась, теперь наводитъ на меня ужасъ... Хоть-бы мнѣ сказали, что за несчастіе случилось съ отцомъ!..“

Суббота. „Отецъ позвалъ меня къ себѣ; я обмерла отъ ужаса. Всѣ мускулы на его лицѣ передергивались, а письмо которое онъ держалъ въ рукѣ, страшно дрожало.

„— Какъ ты смѣла ѣздить къ Сивцову?“ спросилъ онъ меня, задыхаясь. „Недоставало только этого позора, чтобы онъ меня стыдилъ, что я подсылаю свою дочь къ нему!..“ Онъ разорвалъ письмо на клочки, и добавилъ: „Помни всю жизнь, что Сивцовъ опозорилъ твоего отца и сдѣлалъ всѣхъ васъ нищими!“

„Онъ сѣлъ къ столу, сжалъ руками голову и проговорилъ со стономъ: „Не мучь меня, уходи, уходи!..“

„Нищіе! что-же будетъ съ моей сестрой и съ мамой? И какъ могъ насъ сдѣлать нищими Сивцовъ?.. Но какимъ надо быть отвратительнымъ человѣкомъ, чтобы заставлять такъ страдать другихъ?.. Мнѣ кажется, у меня голова расколется пополамъ, — мысли такъ и смѣняются одна за другой, все такія страшныя... Нищія!.. Куда отецъ дѣнется?..

„Если-бы не укладывали сундуки, я бы не повѣрила, что всѣ рѣшаются бросить отца. Если меня силой увезетъ мама съ собой, я убѣгу къ отцу. Ни за что не оставлю его! Никогда, никогда! Выше нѣтъ мученія на свѣтѣ, когда видишь въ такомъ несчастіи отца и ровно ничего не можешь сдѣлать для облегченія его страданій!..“

На этой фразѣ окончился дневникъ русской Сандрильоны; онъ произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе; я ходилъ по комнатамъ и въ каждой изъ нихъ мнѣ рисовались сцены изъ дневника. При взглядѣ на рояль, мнѣ вдругъ пришла мысль, что никто другой, какъ русская Сандрильона являлась изъ Горушекъ играть по ночамъ на роялѣ. Принадлежи мнѣ рояль, я бы его немедленно отослалъ къ ней. Я вовсе не располагалъ воспользоваться приглашеніемъ Размотова, но по прочтеніи дневника, мнѣ захотѣлось получить подробныя свѣдѣнія о русской Сандрильонѣ...

Я пріѣхалъ къ Размотову къ пяти часамъ; онъ еще не возвращался домой. Его лакей былъ предупрежденъ о моемъ посѣщеніи.

Обстановка квартиры Размотова била на роскошь: стѣны были увѣшаны плохими картинами, много было наставлено вездѣ разныхъ бездѣлушекъ и разныхъ дамскихъ рукодѣлій.

Изъ кабинета дверь въ спальню была отворена настежь и прямо стояла кровать, покрытая голубымъ атласнымъ одѣяломъ; на подушкахъ были вязаныя покрышки; у стѣны висѣлъ большой вышитый коверъ; на полу у кровати такой-же коверъ и на немъ красовались бархатныя туфли вышитыя золотомъ.

Я не могъ не разсмѣяться, когда мнѣ вообразилась зажирѣвшая фигура Размотова, покоющаяся на этомъ ложѣ...

Размотовъ вернулся домой и разсыпался передо мной въ извиненіяхъ и благодарностяхъ за то, что я сдержалъ свое слово, и началъ мнѣ показывать дамскія рукодѣлія, сказавъ:

— Мои паціентки другъ передъ другомъ стараются выказать свое искусство въ рукодѣліи.

— Это доказываетъ, что вы пользуетесь большимъ расположеніемъ дамскаго общества въ городѣ, отвѣтилъ я.

Размотовъ многозначительно улыбнулся.

— Да, жаловаться не могу, даже передъ своими коллегами совѣстно: здѣшнія дамы только у меня и хотятъ лечиться.

Обѣдъ былъ обильный; вина дорогія. Размотовъ явно хотѣлъ мнѣ пустить пыль въ глаза. По окончаніи обѣда я напомнилъ ему его обѣщаніе разсказать мнѣ подробно о бывшихъ помѣщикахъ Порошкова. Размотовъ пожалъ плечами, какъ-бы удивляясь моему любопытству, и разсказалъ почти то же, что говорилъ ямщикъ.

— Когда у Крутова сдѣлался нервный параличъ, въ городъ прискакалъ нарочный и засталъ только меня дома. Я бы не поѣхалъ въ Порошково, такъ какъ не былъ съ ними лично знакомъ, но мнѣ хотѣлось посмотрѣть на гордую красавицу въ ея новомъ положеніи. Однако мнѣ не удалось ее видѣть. Всѣ уѣхали въ деревню къ своимъ знакомымъ; вслѣдствіе ихъ отъѣзда съ Крутовымъ и сдѣлался параличъ. Вотъ съ тѣхъ поръ я и вожусь съ даровымъ паціентомъ.

Опять Размотовъ избѣгалъ упоминать о младшей дочери Крутова.

— Какъ же онъ очутился въ Горушкахъ? спросилъ я.

— Красавица-дочь поубавила спѣси: прежде и смотрѣть не хотѣла на влюбленнаго богатаго купчика, который. впрочемъ, изъ цивилизованныхъ; но послѣ катастрофы съ отцомъ очень скоро вышла за него замужъ и съ матерью укатила заграницу, а для больнаго отца наняла Горушки. Усадьба стояла пустая и очень дешевая. Высылаютъ ему денегъ, но очень мало... Что это вы не пьете вина? воскликнулъ Размотовъ, наливая мнѣ рюмку. — Этакого вина трудно здѣсь достать.

Я понялъ, что онъ хочетъ замять разговоръ о Крутовыхъ.

— А что за личность Сивцовъ? спросилъ я.

— Чудакъ! вздумалъ разыгрывать роль въ нашемъ городѣ: — вооружилъ все общество противъ себя.

— Чѣмъ же?

— Да, помилуйте, находилъ, что одинъ — дуракъ, другой — невѣжа, третій — взяточникъ, и на Крутовѣ хотѣлъ выказать протестъ всему обществу. Ну, да его самого стали допекать такъ, что онъ чуть не попалъ подъ судъ. Струсилъ, бросилъ службу и живетъ теперь сурком въ своей усадьбѣ. Къ нему ни одна душа не является и онъ никуда носу не смѣетъ показать... Меня удивляетъ, что ему за охота сидѣть въ своей Полыновкѣ и получать пасквильныя письма, стихи на свою особу? Я вамъ достану очень забавную каррикатуру на него. Если я отношусь не сочувственно къ Сивцову, то имѣю на это причины, потому что онъ прикрывалъ личную свою месть въ разоблаченіи растратъ казенныхъ денегъ Крутовымъ. Онъ влюбился въ красавицу-дочь его, а она наклеила ему носъ!

— Я хотя и не житель вашего города, но знаю навѣрно, что Сивцовъ точно влюбился, только не въ красавицу-дочь, а въ младшую.

Я съ намѣреніемъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ: „младшую“.

Размотовъ въ эту минуту подносилъ рюмку къ губамъ да такъ и замеръ въ этой позѣ, потомъ воскликнулъ:

— Кто вамъ такую чепуху навралъ? Мнѣ сама мать разсказывала, что Сивцовъ сватался за ея красавицу-дочь. Весь городъ знаетъ объ этомъ! Это достовѣрно!

— Такъ же достовѣрно, какъ сама мать распускала слухи по городу, что ея младшая дочь идіотка и въ падучей болѣзни, чтобы оправдаться передъ обществомъ!

Размотовъ подскочилъ на стулѣ отъ изумленія и накинулся на меня съ разспросами — откуда я могъ узнать такія подробности о семействѣ Крутовыхъ?

Меня забавляло волненіе Размотова и я сталъ его поддразнивать.

— Сивцовъ потому и сидитъ въ своей усадьбѣ, что выжидаетъ время, когда вся исторія забудется, — онъ и женится на младшей дочери Крутова.

— Никогда, никогда! внѣ себя воскликнулъ Размотовъ: — отецъ не дозволитъ своей дочери выйти за него замужъ! онъ ее прокляпетъ, да и сама она не пойдетъ за него... Вы не знаете сколько ему лѣтъ? Сорокъ! а ей...

— А ей 2-го іюня будетъ 17! сказалъ я.

(Продолженіе будетъ).

Этюдъ. Рис. В. Лёффтца, грав. Геданъ.

Къ рисункамъ.

Встрѣча великаго князя Василія III Іоанновича съ послами императора Карла V на охотѣ, подъ Можайскомъ (1533 г.) (Рис. на стр. 668).

Великій князь Московскій, Василій III Іоанновичъ (отецъ Грознаго) былъ тонкимъ и дальновиднымъ политикомъ, а потому отлично понималъ значеніе дружескихъ сношеній съ европейскими государями и всячески старался о поддержаніи ихъ. Когда наши сношенія съ императоромъ Германскимъ (или „цесаремъ Римскимъ"—какъ онъ назывался въ нашихъ древнихъ актахъ) Максимиліаномъ пресѣклись кончиною этого государя, а на престолъ, послѣ Максимиліана, вступилъ властолюбивый и могущественный Карлъ V,—Василій III первый напомнилъ ему объ отдаленной Московіи, отправивъ къ нему гонца съ привѣтствіемъ. Карлъ V, въ отвѣтъ на эту любезность, отправилъ ко Двору Василія III торжественное посольство, которое привезло въ Москву дружественныя грамоты. Великій князь Московскій, съ такими же дружественными грамотами, отправилъ къ Карлу V князя Ивана Ярославскаго-Засѣкина съ блестящею свитою и богатыми подарками. Русское посольство проѣхало черезъ всю Европу, отыскивая Карла V и наконецъ представилось ему въ Мадридѣ, гдѣ императоръ въ то время торжествовалъ свою побѣду надъ Французскимъ королемъ Франциском I, котораго и держалъ въ плѣну. Цѣль посольства заключалась въ томъ, что великій князь Московскій просилъ императора Карла V, силою его вліянія, побудить короля Польскаго къ заключенію прочнаго мира съ Московскимъ великимъ княземъ. Польщенный этимъ, императоръ отпустилъ московскаго посла изъ Мадрида съ ласковымъ словомъ и богатыми подарками и, вмѣстѣ съ нимъ, отправилъ отъ себя графа Леонарда Нугарольскаго и знаменитаго ученаго барона Герберштейна *) въ Польшу, для веденія переговоровъ съ Польскимъ королемъ, а затѣмъ и съ Московскимъ великимъ

*) Баронъ Герберштейнъ былъ посланъ братомъ Карла V, эрцгерцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ.

Графъ Штаремберrъ, защищающій Вѣну отъ туронъ въ 1683 году. Рис. Мерте, грав Брендамуръ.

княземъ. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ споровъ съ польскими вельможами и съ упрямымъ Сигизмундомъ, послы императорскіе проѣхали въ Москву, не застали тамъ великаго князя и отправились вслѣдъ за нимъ въ Можайскъ, гдѣ онъ со всѣмъ своимъ Дворомъ тѣшился въ то время охотою. Тамъ произошла первая встрѣча пословъ съ Василіемъ III, тамъ же начаты были и переговоры. Баронъ Герберштейнъ, оставившій намъ драгоцѣнное описаніе путешествія по Московіи, такъ описываетъ эту встрѣчу съ великимъ княземъ на охотѣ: „Мы увидѣли государя въ отъѣзжемъ полѣ, оставили лошадей своихъ и приблизились къ нему. Онъ сидѣлъ на прекрасномъ конѣ, въ богатомъ терликѣ, въ высокой шапкѣ, осыпанной драгоцѣнными каменьями и золотыми перьями. На бедрѣ у него висѣлъ кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, булава. Подлѣ него ѣхали—съ правой стороны, царь Казанскій, Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой—два князя молодые, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру, а другой—шестоперъ. Вокругъ этихъ лицъ было болѣе трехсотъ всадниковъ". Замѣтимъ отъ себя, что Герберштейнъ ошибается, называя ближайшихъ двухъ всадниковъ съ сѣкирою и шестоперомъ „молодыми князьями". Эти всадники были *рынды* или оруженосцы великаго князя, всюду обязанные слѣдовать за нимъ и возить его оружіе.

Профессоръ Шарлемань прекрасно изобразилъ эту живую страницу нашей исторіи, передавъ вполнѣ вѣрно всю блестящую обстановку свиты, окружавшей великаго князя Московскаго, который и въ своемъ дворцѣ, и въ отъѣзжемъ полѣ любилъ себя окружать великолѣпіемъ.

Юдиѳь. (Рис. на стр. 669).

Извѣстенъ подвигъ еврейской героини Юдиѳи, вдовы Манассіиной, которая въ 589 г. до Р. X., когда ассирійцы подъ начальствомъ Олоферна осадили ея родной городъ, Ветулію, пробралась въ ассирійскій лагерь, плѣнила своей красотой Олоферна, затѣмъ убила его ночью во время сна и на утро принесла его голову осажденнымъ. Ассирійскія-же орды, найдя своего вождя обезглавленнымъ, въ ужасѣ отступили отъ города.

Пришелъ Ассуръ отъ сѣвера и тьмы
Его стрѣльцовъ лицо земли покрыли,
И водные потоки заградили,
И конница покрыла всѣ холмы.
Хвалился онъ —

говоритъ Юдиѳь своимъ соплеменникамъ

пожечь мою обитель,
И юношей мечами умертвить,
И помостомъ младенцевъ положить,
И дѣвъ плѣнить... Но Богъ и Вседержитель, —
Непреборимый Богъ и мира и войны,
Во прахъ низвергъ врага десницею жены!
Не силою земнаго исполина
Врагъ сокрушенъ и гибнетъ до конца:
Его красой побѣдною лица
Сразила дочь младая Мерарйна,
Затѣмъ, что ризы вдовіи сняла
И умастилась благовоннымъ масломъ,
И увѣнчала волосы увясломъ,
И взоръ вождя соблазномъ привлекла:
Моя сандалія ему прельстила око,—
И выю вражію прошелъ мой мечъ глубоко....

Л. Мей.

Трудное начало. (Рис. на стр. 673).

„Всякое начало трудно!" Справедливость этихъ словъ каждый испытывалъ не разъ въ своей жизни, особенно въ счастливые годы дѣтства, когда приходилось знакомиться съ азбукой. Какъ въ то время горекъ былъ корень ученія — и только надежда на сладкіе плоды его или страхъ наказанія заставлялъ и заставляетъ многихъ усвоивать себѣ весь хитрый процессъ чтенія и выписыванія тѣхъ знаковъ, изъ которыхъ составляются на бумагѣ слоги и слова человѣческой рѣчи.

Въ подобномъ затруднительномъ положеніи изобразилъ художникъ, на стр. 673, маленькаго пухленькаго мальчугана, сосредоточенно выводящаго большимъ гусинымъ перомъ въ непослушныхъ пальчикахъ заданный урокъ.

Осетинскій пастушокъ. (Рис. на стр. 676).

Одно изъ самыхъ многочисленныхъ кавказскихъ племенъ составляютъ осетины, живущіе въ Тифлисской губерніи и Терской области; населяя мѣстность покрытую высокими отрогами Кавказскаго хребта, они занимаются скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, въ особенности на Владикавказской плодородной плоскости. Прелестный рисунокъ Н. Оболенскаго изображаетъ пастушка со своимъ небольшимъ стадомъ овецъ, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ виднѣется рѣчка, извивающаяся по зеленѣющему лугу.

Развалины замка въ Люцинѣ. (Рис. на стр. 677).

Древній Люцинскій замокъ, остатки котораго сохранились донынѣ, въ лѣтописяхъ извѣстенъ подъ именемъ Лудзена, Луцена и Лужи. Замокъ построенъ на крутомъ возвышенномъ юго-западномъ берегу озера Большая Лужа. Основаніе его приписываютъ рыцарю Тевтонскаго ордена Конраду фонъ-Торбергу, въ 1285 году. Другіе полагаютъ, что основателемъ замка былъ рѣжицкій войтъ Венемаръ фонъ-Баркгенъ въ 1399 году. Замокъ подвергался частымъ нападеніямъ со стороны Литвы и Московскаго государства. Въ 1559 г., по опустошеніи русскими Ливоніи, Люцинъ былъ отданъ Орденомъ подъ залогъ Польшѣ, къ которой присоединенъ окончательно въ 1561 г., въ составѣ Инфлянтскаго воеводства. Во время Сѣверной войны, укрѣпленія его разрушены русскими. Въ 1772 г. Люцинъ окончательно присоединенъ къ Россіи. Остатки замка съ шестью башнями расположены на пригоркѣ; если принять въ соображеніе уцѣлѣвшія развалины, замокъ имѣлъ около 65 саженъ длины. Въ стѣнѣ было трое воротъ: одни съ подъемнымъ мостомъ, другія со стороны озера и третьи на сѣверной сторонѣ. Слѣды воротъ замѣтны и до сихъ поръ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 680).

Лудвигъ Лёффтцъ, извѣстный нѣмецкій художникъ, родился въ Дармштадтѣ 9 іюня 1845 года. Только 23-хъ лѣтъ онъ началъ заниматься живописью, сначала въ технической школѣ своего роднаго города, а позже въ Нюрнбергѣ и Мюнхенѣ. Въ своихъ работахъ Лёффтцъ чаще всего обнаруживаетъ подражаніе голландскимъ художникамъ XVI вѣка или итальянскимъ мастерамъ Ломбардской школы. Помѣщенный на стр. 680 этюдъ, очень удачно исполненъ въ манерѣ послѣднихъ.

Графъ Штарембергъ на стѣнахъ Вѣны.

(Рис. на стр. 681).

Не успѣла Вѣна оправиться отъ послѣдствій страшной чумы 1679 года, какъ турецкій султанъ, по истеченіи срока перемирія съ Текели въ 1682 году, отправилъ громадное войско въ Венгрію, подъ водительствомъ великаго визиря, Кара-Мустафы. Въ это время съ запада угрожалъ Австріи войною Лудовикъ XIV, и нападеніе султана, подстрекаемаго Французскимъ королемъ, застало австрійцевъ врасплохъ. Кара-Мустафа могъ поэтому со своимъ войскомъ проникнуть безъ задержки чрезъ всю Венгрію до Вѣны. Герцогъ Карлъ Лотарингскій, со своими незначительными силами, не былъ въ состояніи оказать сопротивленія и отступилъ къ Мархфельду, гдѣ занялъ укрѣпленное положеніе и выжидалъ приближенія нѣмецкаго и польскаго вспомогательнаго войска. Между тѣмъ слабому гарнизону и мужественному населенію столицы предстояло отразить врага отъ городскихъ стѣнъ. Начальникомъ въ Вѣнѣ былъ сдѣланъ графъ Рюдигеръ фонъ-Штарембергъ, который прибылъ въ городъ 23 іюня и тотчасъ, при помощи бургомистра И. фонъ-Либенберга, принялся за приведеніе столицы въ возможно-лучшее оборонительное состояніе. Всеобщее одушевленіе и готовность принести посильную помощь много способствовали дѣлу. Старъ и младъ—всѣ единодушно трудились на валахъ; духовенство, офицеры, дворяне, ревностно работали тамъ лопатою и киркою или свозили землю и камни. 31 іюня появились турки у Вѣны и тотчасъ же сожгли мѣстечки Лаа и Инцендорфъ. На другой день Штарембергъ предалъ огню всѣ предмѣстья Вѣны, чтобы отнять у турокъ возможность тамъ укрѣпиться. Гарнизонъ въ Вѣнѣ не превышалъ 14.000 человѣкъ королевскаго войска; кромѣ того было 7.000 гражданъ и 12.000 вооруженныхъ цѣховыхъ, купцовъ, придворныхъ служителей и студентовъ. 2 іюля турки расположились лагеремъ по всему правому берегу Дуная и начали осаду, обстрѣливая городъ и закладывая мины. Неоднократныя предложенія сдаться были рѣшительно отвергнуты Штарембергомъ и частые приступы турокъ храбро отражались. Съ каждымъ днемъ положеніе осажденныхъ становилось все хуже, но они поклялись сражаться до послѣдней капли крови. Такъ продолжалось по 26 августа 1683 года, когда подошедшее союзное войско, подъ водительствомъ Польскаго короля Яна Собѣскаго, разбило полчища Кара-Мустафы на голову и освободило Вѣну отъ долгой и мучительной осады.

Лѣтнія игры. (Рис. на стр. 684).

Выборъ лѣтнихъ садовыхъ игръ вообще весьма ограниченъ, и кромѣ того, большинство ихъ для массы дачниковъ недоступно, такъ какъ эти игры требуютъ много мѣста, часто спеціально приноровленнаго, въ видѣ утрамбованной площадки, луга и т. д. *С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ* въ нынѣшнемъ году издала нѣсколько новыхъ лѣтнихъ игръ, общедоступныхъ какъ по цѣнѣ, такъ и по несложности подготовительнаго устройства. Всѣ эти игры сопряжены съ движеніемъ, въ которомъ такъ нуждаются развивающіеся дѣтскіе организмы, и требуютъ въ большей или меньшей степени ловкости и проворства. Изъ нихъ *перелетъ* имѣетъ сходство съ извѣстною русскою игрой *чижикомъ, квойтсъ*—съ *серсо, арки*—съ *кеглями, воздушное бильбоке*—съ обыкновеннымъ и т. д. Но всѣ эти игры оригинальны по замыслу и гораздо занимательнѣе своихъ прототиповъ. Интересующіеся этими играми могутъ обратиться въ Мастерскую (СПБ., Троицкая улица, № 11), которая высылаетъ каталоги безплатно.

Епанчевый щитоносецъ (Chlamydophorus truncatus).

(Рис. на стр. 685).

Зоологія представляетъ, между прочимъ, то любопытное явленіе, что во всѣхъ отдѣлахъ и даже почти во всѣхъ семействахъ животныхъ встрѣчаются такія породы, которыя составляютъ повидимому переходъ къ другимъ отдѣламъ и семействамъ. Изображенное на нашемъ рисункѣ животное можетъ служить примѣромъ такого перехода—въ данномъ случаѣ отъ броненосцевъ къ кротамъ. Это такъ-называемый епанчевый щитоносецъ, открытый американцемъ Гарланомъ въ 1824 году близъ города Мендозы на западномъ концѣ пампъ (неправильно называемыхъ иногда пампасами). Туземцы крайне удивлялись этому открытію, такъ какъ они и не подозрѣвали существованія щитоносца; они дали ему названіе *Bicho ciego*—слѣпой звѣрокъ, полагая, что онъ долженъ быть слѣпъ какъ кротъ (что тоже предразсудокъ). Долгое время были извѣстны всего два экземпляра этихъ животныхъ, которые и хранились въ музеяхъ Филадельфіи и Лондона. Въ шестидесятыхъ годахъ Гиртль получилъ еще нѣсколько экземпляровъ и такимъ образомъ можно было вполнѣ описать наружный видъ и внутреннее строеніе щитоносца.

Чрезвычайно странное строеніе почти кожистаго роговаго панцыря, покрывающаго его тѣло, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ созданій въ животномъ царствѣ. По величинѣ его можно назвать карликомъ въ сравненіи съ самыми маленькими видами броненосцевъ, что и дѣлаютъ французы, называя его *tatou nain*. Съ другой стороны, щитоносецъ живо напоминаетъ кротовъ, какъ по своей формѣ, особенно по лапамъ, такъ и по образу жизни. Панцырь состоитъ изъ правильныхъ поперечныхъ рядовъ или поясовъ, образуемыхъ щитками, по большой части прямоугольными, а иногда ромбическими и даже неправильными. Онъ не всюду прикрѣпленъ къ кожѣ, какъ у броненосцевъ; напротивъ, почти вездѣ свободно лежитъ на ней, и прикрѣпленъ только посрединѣ къ отросткамъ позвоночнаго столба да на головѣ къ возвышеніямъ лобной кости; по бокамъ головы онъ свободенъ и его можно приподнять. За то на передней части головы онъ плотно соединенъ съ костями, также какъ и на задней части тѣла, гдѣ представляетъ какъ-бы усѣченную поверхность.

Звѣрокъ этотъ живетъ въ песчаныхъ, сухихъ каменистыхъ мѣстностяхъ провинцій Мендозы и Санъ-Луи, преимущественно въ поросшихъ тернистымъ кустарникомъ и кактусами. Днемъ онъ держится постоянно подъ землею, въ которой очень быстро роетъ длинные ходы — совершенно такъ-же какъ европейскій кротъ; ночью появляется на поверхности, въ особенности при лунномъ свѣтѣ и преимущественно въ кустахъ. Походка его есть простое волоченіе ногъ, такъ какъ онъ не можетъ поднимать ихъ. Выходя изъ норы, подобно кроту, онъ выбрасываетъ наружу землю, мѣшающую ему выдти. О размноженіи и нравахъ щитоносца пока еще ничего не извѣстно.

Политическое обозрѣніе.

Тронныя рѣчи императора Германскаго и короля Прусскаго Вильгельма произвели повсюду хорошее впечатлѣніе. Въ особенности заграничныя газеты отмѣчаютъ ихъ миролюбивый тонъ. Австрійскія и венгерскія газеты, отзываясь объ этихъ рѣчахъ восторженно, съ особеннымъ удовольствіемъ указываютъ на слова тронной рѣчи относительно союза Германіи съ Австріей. Менѣе всего нравится имъ упоминаніе о личной дружбѣ Вильгельма съ Русскимъ Императоромъ и о существующихъ уже сто лѣтъ мирныхъ отношеніяхъ Германіи къ сосѣднему Русскому царству. Въ нѣкоторыхъ политическихъ кружкахъ Вѣны эти слова понимаютъ какъ указаніе на необходимость перемѣны отношеній Австріи къ Россіи и, по словамъ *Fremdenblatt*, уже начинаютъ обсуждать вопросъ о сближеніи Россіи съ Австріей при посредничествѣ Германіи.

Такіе-же взгляды на положеніе дѣлъ начинаютъ появляться и въ Венгріи, въ особенности послѣ статей *Сѣверо-Германской газеты* и *National-Zeitung*. По словамъ *Correspondance de l'Est*, въ Пештѣ серьезные люди думаютъ, что подобныя статьи—лучшее средство для того, чтобы заставить венгерскихъ шовинистовъ понять необходимость дружественнаго соглашенія съ Россіей. Что этого желаетъ Германія, становится здѣсь для для всѣхъ болѣе и болѣе очевиднымъ.

Англійскія газеты, отзываясь вообще сочувственно о тронной рѣчи императора Вильгельма, не скрываютъ однако неудовольствія по поводу того, что въ рѣчи вовсе не упомянуто объ Англіи. Также не нравится англійской печати то мѣсто императорской рѣчи, гдѣ упомянуто объ отношеніяхъ къ Россіи.

Въ Парижѣ тронная рѣчь императора Вильгельма произвела вообще довольно хорошее впечатлѣніе, хотя всѣ отзывы отличаются сдержанностью и нѣкоторою подозрительностью относительно германской политики.

Дружественныя чувства и миролюбивое отношеніе Германіи къ Россіи, высказанныя въ тронной рѣчи императора Вильгельма, кажется, не останутся одними словами. Подтвержденіе того многіе видятъ въ назначеніи чрезвычайнымъ посломъ къ Русскому Двору—генерала-отъ-инфантеріи фонъ Панне, который вручилъ Императору Всероссійскому собственноручное письмо своего государя о восшествіи его на престолъ. Въ этомъ письмѣ, по словамъ Берлинскаго *Boersen-Courier'a*, писанномъ на русскомъ языкѣ, императоръ Вильгельмъ выставляетъ на видъ, что на смертномъ одрѣ дѣдъ его завѣщалъ своимъ преемникамъ заботиться о сохраненіи русской дружбы и что императоръ Вильгельмъ рѣшилъ согласовать свой образъ дѣйствій съ этимъ завѣтомъ.

Далѣе подтвержденіе миролюбивой политики Германіи съ Россіей можно видѣть въ появившемся въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ извѣстіи, что императоръ Вильгельмъ прежде всѣхъ иностранныхъ Дворовъ, посѣтитъ Россійскій. По свѣдѣніямъ изъ Лондона, Германскій императоръ отправится въ Петербургъ въ сопровожденіи эскадры изъ 8 военныхъ судовъ, на яхтѣ „Гогенцоллернъ", которая снаряжается съ большою поспѣшностью. Командиромъ яхты назначенъ братъ императора, принцъ Генрихъ. Германскаго императора будетъ сопровождать большая, блестящая свита.

Хотя это преимущество Россіи канцлерская газета *Post* относитъ не столько къ соображеніямъ политическаго свойства, сколько къ родственнымъ отношеніямъ Императорскихъ Домовъ, тѣмъ не менѣе она не скрываетъ того, что поѣздка вызывается желаніемъ упрочить миръ съ Россіей.

Послѣднія событія въ Германіи отвлекли вниманіе отъ Франціи, гдѣ недовольство страны правительственными органами продолжаетъ высказываться. Увлеченіе бравымъ генераломъ Буланже, исходившее изъ того же чувства, поулеглось, но министерство и палата депутатовъ однако не могутъ успокоиться, такъ какъ нѣкоторыя событія послѣдняго времени прямо указываютъ на сильное возбужденіе противъ министерства. Это недовольство дѣйствіями кабинета проникло даже въ сенатъ, который на-дняхъ *единогласно* осудилъ образъ дѣйствій министерства Флоке. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство. Мэръ Каркасона былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму за противузаконныя дѣйствія на выборахъ. Но такъ какъ эти противузаконныя дѣйствія клонились въ пользу министерства, то ему было негласно разрѣшено увильнуть отъ тюрьмы подъ предлогомъ болѣзни. Мѣстный товарищъ прокурора республики не уважилъ этого предлога и былъ наказанъ за это перемѣщеніемъ на другой, менѣе значительный постъ. Радикалъ Марку обратился въ сенатѣ къ министру юстиціи съ запросомъ, почему министръ смѣстилъ товарища прокурора, тогда какъ тотъ только исполнилъ законъ. Министръ юстиціи отвѣчалъ, что по врачебному свидѣтельству мэръ былъ въ то время боленъ, а товарищъ прокурора слишкомъ поусердствовалъ, вслѣдствіе чего и заслуживалъ смѣщенія. Бывшій префектъ полиціи Леонъ Рено энергически упрекалъ министра въ томъ, что онъ покаралъ чиновника, исполнявшаго свою обязанность. Сенатъ единогласно принялъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой выражено сожалѣніе по поводу карательной мѣры, постигшей чиновника, приводившаго въ исполненіе законъ и доставлявшаго торжество правосудію.

Въ *Correspondance de l'Est* сообщаютъ изъ Цетинья, что между черногорцами и албанцами проявляются обоюдныя дѣйствія мести и насилія. По этому поводу *Политической Корреспонденціи* телеграфируютъ изъ Цетинья, что черногорскій министръ иностранныхъ дѣлъ готовитъ циркулярную ноту къ державамъ, въ которой, на основаніи оффиціальныхъ донесеній пограничныхъ властей, будетъ заявлено, что послѣднія событія на турецко-черногорской границѣ вызваны были албанцами. Нота будетъ разослана съ тою цѣлью, чтобы опровергнуть заявленіе Порты, будто отвѣтственность за случившіяся кровопролитія падаетъ исключительно на черногорцевъ.

Смѣсь.

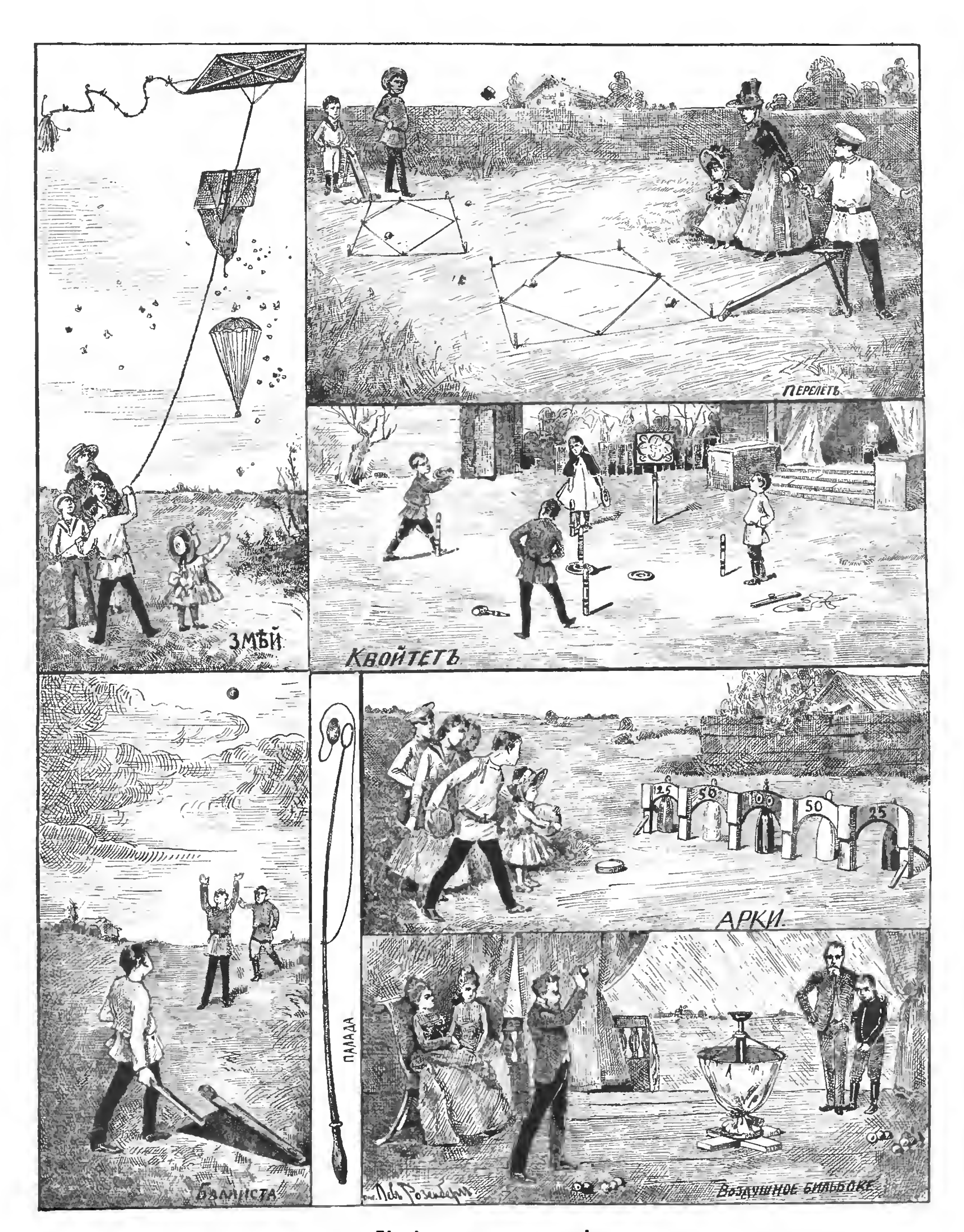
Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ симъ доводитъ до свѣдѣнія Гг. кавалеровъ, кавалерственныхъ дамъ и сопричисленныхъ къ орденамъ, а также лицъ имѣющихъ знаки отличія ордена Св. Анны, что подробныя объявленія Капитула напечатаны въ нижеслѣдующихъ газетахъ:

1) О кавалерахъ и сопричисленныхъ къ орденамъ, вступившихъ нынѣ въ комплектъ пенсіонеровъ, съ именнымъ спискомъ онымъ въ № 125 *Правительственнаго Вѣстника* и въ №№ 117, 119, 123 и 124 *Русскаго Инвалида;*

2) о времени пожалованія кавалеровъ, кавалерственныхъ дамъ и сопричисленныхъ къ орденамъ приглашающихся Капитуломъ доставить свѣдѣнія о своемъ мѣстожительствѣ: въ № 117 *Правительственнаго Вѣстника* и въ № 117 *Русскаго Инвалида;*

и 3) о лицахъ вступившихъ нынѣ въ комплектъ пенсіонеровъ по знаку отличія ордена Св. Анны: въ № 118 *Правительственнаго Вѣстника* и въ № 117 *Русскаго Инвалида.*

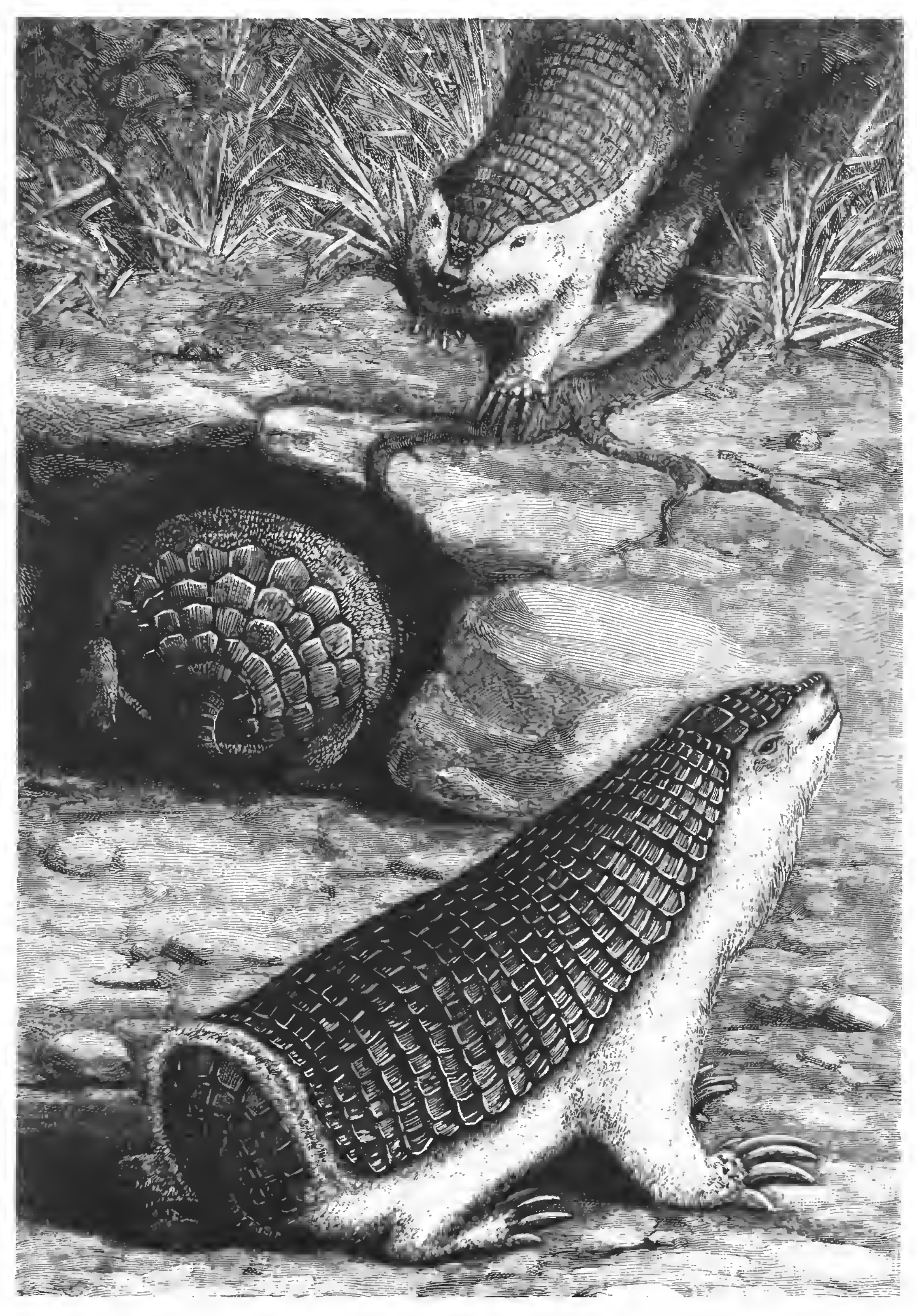
Веселящее растеніе встрѣчается въ Аравіи. Названіе свое оно получило отъ того дѣйствія, которое производятъ его сѣ-

Лѣтнія игры на воздухѣ.

Новыя изданія СПБ. мастерской учебныхъ пособій и игръ.

1) Змѣй. 2) Перелетъ. 3) Квойтетъ. 4) Палада. 5) Арки. 6) Воздушное бильбоке. 7) Баллиста.

Епанчевый щитоносецъ (Chlamydophorus truncatus) (въ натур. величину). Рис. Клеманъ, грав. Тилль.

мена. Высота его незначительна; оно имѣетъ свѣтло-желтые цвѣты и мягкія, бархатистыя сѣмянныя коробочки, въ которыхъ заключается по два или три зерна, видомъ напоминающихъ черные бобы. Туземцы высушиваютъ эти зерна и растираютъ ихъ въ порошокъ. Если принять небольшую дозу этого порошка, то онъ производитъ то же дѣйствіе, какъ и вдыханіе веселящаго газа. Самый флегматичный человѣкъ подъ его вліяніемъ начинаетъ плясать, кричать, смѣяться и дѣлать самые невозможные прыжки и гримасы.

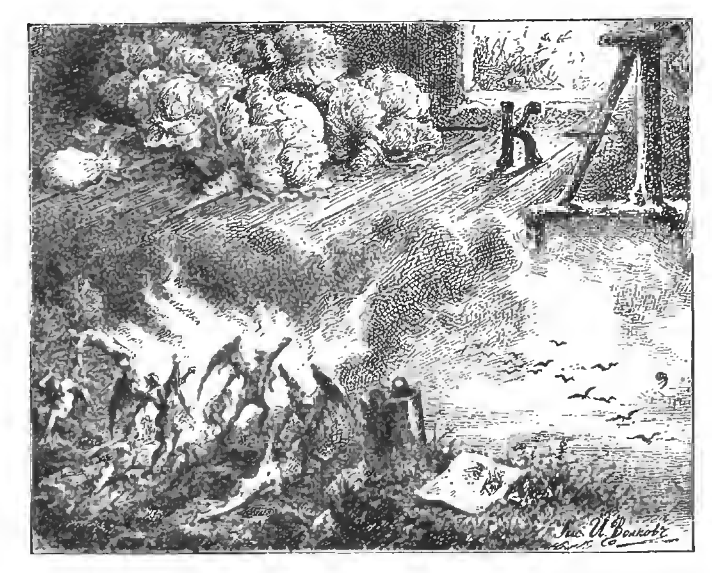
По прошествіи часа наступаетъ реакція: человѣкъ засыпаетъ крѣпкимъ сномъ и, проснувшись черезъ нѣсколько часовъ, совершенно не помнитъ того, что дѣлалъ. (с.)

Польза, приносимая мухами, заключается, повидимому, главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ пожираютъ миріады мелкихъ мертвыхъ тѣлъ, которыя иначе, разлагаясь, заражали бы воздухъ. По всей вѣроятности, Линней, говоря, что три мухи могутъ истребить мертвую лошадь скорѣе льва, имѣлъ въ виду и потомство этихъ трехъ мухъ. Каждая муха можетъ положить 20,000 личинокъ, изъ которыхъ въ нѣсколько дней произойдутъ 20,000 мухъ; и такимъ образомъ, три мухи съ ихъ потомствомъ могутъ быстро истребить и болѣе крупное животное, чѣмъ лошадь. Отъ одной мухи, родившейся 20 марта, появится къ 24 апрѣля 300 штукъ потомства, къ 28 мая — 900,000, ко 2 іюля — 27.000,000 и къ 8 августа — 3.000.000,000. (с.)

Выставки въ 1888 году. 1888 годъ—по преимуществу годъ выставокъ. Повсюду выставки! Первый шагъ сдѣланъ Ватиканомъ въ день Крещенія, затѣмъ слѣдуютъ всемірныя выставки въ Барселонѣ и Мельбурнѣ, въ Глазговѣ и Брюсселѣ. Мюнхенъ устраиваетъ двѣ выставки: нѣмецкую—ремесленную и международную—художественную; городъ Вѣна—выставку въ Ротондѣ, по случаю своего юбилея, и международную художественную, въ честь 40-лѣтняго царствованія императора Австрійскаго. Въ Генуѣ приготовляется къ апрѣлю международная выставка цвѣтоводства и садоводства, съ преміями въ 60,000 франковъ, которыя привлекаютъ экспонентовъ изо всѣхъ странъ. Болонья празднуетъ 800-лѣтнее существованіе своего университета, этого на 600 лѣтъ старѣйшаго родоначальника нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и на ряду съ другими празднествами проектируетъ (съ мая по октябрь) международную музыкальную выставку. Во главѣ устроителей послѣдней стоятъ Верди и Арриго Бойто. (с.)

Парижская всемірная выставка. Члены парижскаго муниципальнаго совѣта осматривали недавно, подъ руководствомъ гг. Бергера и Альфанда, сооружаемыя на Марсовомъ полѣ зданія, предназначенныя для всемірной выставки 1889 г. Замѣчательнѣйшее изъ сооруженій есть постройка желѣзной башни, высота которой будетъ достигать 300 метровъ и которая теперь уже возведена до 54 метровъ. Къ 15 января строеніе было доведено до настилки перваго яруса. Затѣмъ наиболѣе интересными достопримѣчательностями выставки будутъ Бастилія и предмѣстье Св. Антонія, въ томъ видѣ какой тюрьма государственныхъ преступниковъ и прилегающее къ ней предмѣстье имѣли въ 1789 году. Постройка Бастиліи уже окончена. Ворота Конференціи, ворота и церковь Св. Антонія и дома предмѣстья строятся. Все это есть дѣло архитектора Больбера. Галлереи выставки почти всѣ окончены и подведены подъ крышу; для зданія машиннаго отдѣла, стропила котораго будутъ образцомъ желѣзостроительнаго искусства, уже изготовляются отдѣльныя части. Площадь передъ выставкой также уже вымощена. (с.)

Ребусъ. Задача № 44.

Алгебраическая задача № 46.

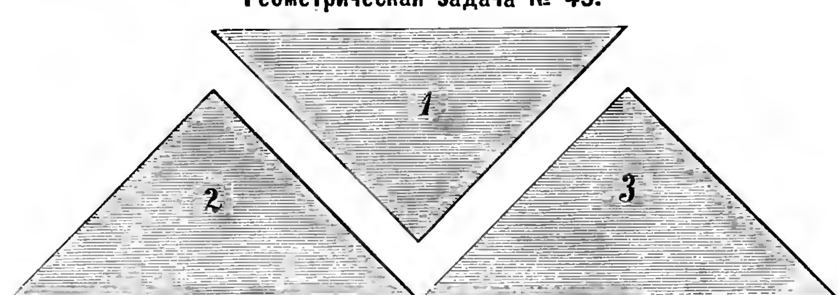
Одна русская пословица состоитъ изъ 21 буквы; если эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ ихъ въ русской азбукѣ, то между числами получатся слѣдующія соотношенія:

1) Сумма втораго и четвертаго равна пятому.
2) Квадратный корень изъ перваго и втораго равенъ суммѣ пятнадцатаго и тринадцатаго.
3) Отношеніе третьяго къ тринадцатому равно отношенію между семнадцатымъ и восемнадцатымъ.
4) Разность девятаго и седьмаго равна корню пятой степени изъ девятнадцатаго безъ восемнадцатаго.
5) Третье съ восьмымъ и шестнадцатымъ равно шестому и девятому.
6) Удвоенное одиннадцатое равно двѣнадцатому.
7) Девятнадцатое безъ двадцатаго равно десятому безъ семнадцатаго.
8) Кубичный корень изъ разности между четырнадцатымъ и удвоеннымъ восемнадцатымъ равенъ четверти перваго.
9) Двадцать первое безъ пятаго равно восемнадцатому безъ единицы.
10) Произведеніе седьмаго и втораго равно удвоенному пятнадцатому съ произведеніемъ девятнадцатаго и трети девятаго.
11) Корень квадратный изъ разности между двадцатымъ и десятымъ равенъ половинѣ значенія x изъ уравненія:

$$\frac{\sqrt{9x}-4}{\sqrt{x}+2}=\frac{\sqrt{9x}+15}{\sqrt{x}+40}.$$

12) Сумма пятнадцатаго и шестнадцатаго равна трети девятнадцатаго.
13) Десятое безъ девятаго равно четырнадцатому безъ пятаго.
14) Разность между пятымъ съ одиннадцатымъ и третьимъ равна $\sqrt[5]{39.135,393}$
15) Десятое такъ относится къ четвертому, какъ сумма седьмаго и семнадцатаго къ девятому.
16) Половина шестаго равна вдвое увеличенному тринадцатому.
17) Полусумма перваго и двадцать перваго равна двадцатому.
18) Десятое съ одиннадцатымъ равно удвоенному девятому.
19) Отношеніе пятаго къ шестому равно отношенію между разностью десятаго и восьмаго и разностью шестнадцатаго и тринадцатаго съ семнадцатымъ.
20) Восемнадцатое равно тринадцатому безъ пятнадцатаго.
21) Двадцатое такъ относится къ четвертому, какъ шестое къ третьему.

Геометрическая задача № 45.

Данные три прямоугольные треугольника раздѣлить на шесть частей, изъ которыхъ требуется сложить квадратъ.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различнымъ запахомъ:
Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ, геліотропъ, ландышъ, оппопонаксъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая.

Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.

Цѣна за флаконъ
содержащій 1/4 фунта
1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3262 3—1

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
у Алекс. ТИСЪ и К°.
Пушкинская, № 4.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА
❋ à l'Etoile du Nord ❋
ЛУИ БУИСЪ и К°.
М. № 3254 Москва, 6—1
Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ, наискось прежняго помѣщенія.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3250 5—1
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЛЕППИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Р. № 3165 8—5

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

Вс. С. Соловьева.

Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника Н. С. Панова. **Изданіе III.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. переп. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—6

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
въ
страховомъ обществѣ
„РОССІЯ"

на выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ для вдовъ и сиротъ,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ **1** Января 1888 года въ Обществѣ „Россія" было застраховано **16,681 лицо на капиталъ въ 49.061,640 руб. Въ 1888 г. дивидендъ страхователей составляетъ 12%.**

Ближайшія подробности въ **брошюрахъ** Страховаго Общества „Россія", выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно **Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентами Общества въ городахъ Имперіи.** № 3227 6—3

КУПАНЬЕ СОДЕНЪ У ТАУНУСА
ОТЕЛЬ КОЛЛОЗЕУСЪ
ВЛАДѢЛЕЦЪ: ФРИДР. ХРИСТІАНЪ.

Давно извѣстная первоклассная гостинница съ большимъ тѣнистымъ садомъ, въ превосходной мѣстности, противъ парка, купальни и заведен. минеральн. водъ. Извѣстна своей хорошей кухней и хорошими винами. Очень удобна и рекомендуется спеціально для болѣе долгаго проживанія пріѣзжающихъ на воды. Внимательный уходъ, умѣренныя цѣны. Поѣздки въ собственныхъ экипажахъ въ окрестности. Р. № 3231 3—3

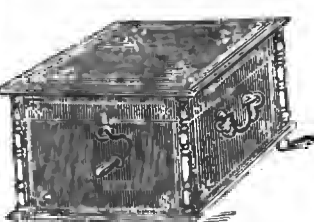
КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА
ДЛЯ ИЗГОРОДЕЙ
К. ВАХТЕРЪ и К°.
СПБургъ, Почтамтская, 13.

Полные фотографическіе приборы разн., складн. и легкіе, вмѣщающіе отъ 4 до 12 пласт. для **снятія** портр., группъ, видовъ и пр., новымъ момент. сух. способомъ, отъ 30 р. и дороже. **Секретный аппаратъ** съ пласт. на 36 снимковъ съ перес. 25 руб. 5 3

НОВОСТЬ.
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ
ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ

имѣетъ мягкіе, нѣжные звуки, гамма въ 40 тонахъ, съ металлическими нотами (піесами). Мt. № 3265

Съ 10 нотами (піесами) на выборъ 50 р.
Ноты отдѣльно. . . . . . . по 75 к.

Каталогъ піесъ съ объясненіемъ высылается безплатно.

ДЕПО МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕНТОВЪ
ДМИТРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
АЛЕКСАНДРОВА.
53. СПБургъ, Невскій пр. 53.

БР. ЛИНДЕМАНЪ.

Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

Ц. № 3239 **Гамаки** разн. цѣнъ. 2—2
Гимнастика для дѣтей и взрослыхъ.
Садовые инструменты и проч. и проч.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ
Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)

съ 118 рисунками и виньетками
Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ
НОВОСТИ ДНЯ
Съ 1-го іюля по 1-е января 1889 г.

Съ пересылкою иа города 5 р. 50 коп.

Гг. полугодовымъ подписчикамъ будутъ доставлены нумера газеты за май и іюнь, съ первыми главами новыхъ романовъ **„РОКОВАЯ ТАЙНА", Мосивича** и **„ИЗЪ-ЗА ЛЮБВИ", Уральскаго.** Съ 1 іюля предполагается къ печатанію большая историческая повѣсть изъ раскольничьей жизни временъ Петра 1-го **„САМОСОЖИГАТЕЛИ или ЗА СТАРУЮ ВѢРУ", Дмитріева.** Ц. № 3241

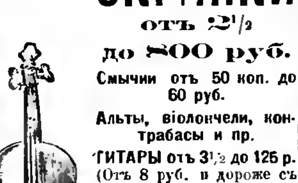
Москва, въ контору ежедн. газ. „НОВОСТИ ДНЯ". 2—2

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ: 1) ПОМАДА, окрашивающая сѣдые волоса въ прежній ихъ цвѣтъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к.; 2) КРАСКА окрашиваетъ волоса въ черный цвѣтъ, цѣна 3 р., перес. по 1 р. Гороховая ул., д. № 57. Магазинъ-парикмахерская **Ивановой.** № 3253

ОБРАЗА
СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

съ одобреннаго оригинала, для аналогія, 8×6 вершк., на деревѣ или цинкѣ — 4 р.; на золоч. фонѣ — 5 р. Образа бо̀льшихъ размѣровъ исполняются по заказу. Прошу не смѣшивать образа метахромотипіи съ образами изданными на бумагѣ и наклеенными на доску: хотя они и дешевле, но не прочны, бумага отстаетъ, а краски весьма скоро совершенно выцвѣтаютъ. Контора Товарищества Метахромотипіи, СПБургъ, Николаевская ул., № 20. Подробные прейсъ-куранты высылаются желающимъ — безплатно. № 3255

Для дачъ и провинцій незамѣнимъ, РЕТИРАДНИКЪ: механизмъ замѣняющій ватерклозетъ, **цѣна 12 и 15 руб.,** упаковка за шт. **1 р. 25 к.** Иллюстрированныя объявленія безплатно. Заказы принимаетъ Англійскій магазинъ **В. Чидсонъ,** Казанскій мостъ, и въ мастерской **П. Барулина,** Симеоновскій пер., д. № 3, кв. № 22. СПБ.

СКРИПКИ

отъ 2½ до 800 руб.

Смычки отъ 50 коп. до 60 руб.

Альты, віолончели, контрабасы и пр.

ГИТАРЫ отъ 3½ до 125 р. (Отъ 8 руб. и дороже съ механизмомъ для струнъ).

А также всѣ другіе музыкальные инструменты хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 3266

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ДЛЯ КУПАНЬЯ

РУКАВИЦЫ

для растиранья тѣла („Pattinsons Bath Gloves"),

КОКОСОВАЯ МОЧАЛКА,

ГУБКИ Ц. № 3260

всѣхъ сортовъ,

МѢШКИ

непромокаемые для губокъ,

ПЛАВАЮЩЕЕ МЫЛО,

ЧЕПЧИКИ И ШАПКИ

непромокаемые,

у **КЁЛЕРЪ и К°.**

въ Москвѣ.

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (7) Ц. № 3077

КРАСОЧНЫЙ заводъ. ТОЛЕВЫЙ заводъ.

СІЙ и ЛООКЪ

Преемники В. П. Франке.

12—6 **Москва.** М. № 3003

Контора: Маросѣйка, д. Кайсарова.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ

КНИГЪ и ИСКУССТВЪ.

Вышли и разсылаются безплатно:

КАТАЛОГЪ 209. Произведенія рѣдкія и драгоцѣнныя о Россіи, Сербіи, Турціи, Индіи.

ЗАПИСКИ 71. Произведенія рѣдкія и искусственныя. Древнія книги съ гравюрами по дереву и на мѣди. Біографическія и литературныя рѣдкости. Каталоги весьма интересные по умѣренн. цѣнамъ. Р. № 3263

ШТУТГАРТЪ (Германія)

И. ШЭБЛЕ,

книгопродавецъ и антикваріатъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. Н. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящной литографир. обложкѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная, 1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ,** въ контору журнала **„Нива"** (Невскій. 6).

На-дняхъ во всѣхъ извѣстныхъ московскихъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу БРОШЮРА—СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

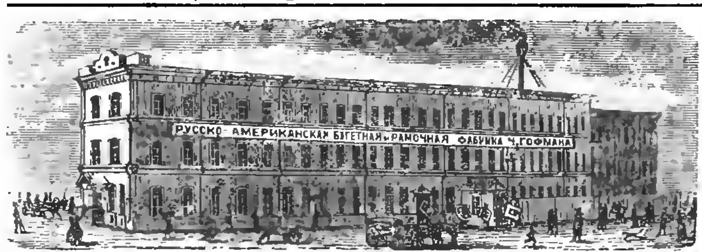
ПО ДѢЛУ

БР. АЛЕКСАНДРА И ИВАНА ПОПОВЫХЪ,

торговавшихъ чаемъ подъ фирмою „Бр. А. Н. ПОПОВЫ" и обвинявшихся въ фальсификаціи разныхъ продуктовъ извѣстныхъ фирмъ и въ подделкѣ этикетовъ чайной фирмы

„Бр. К. и С. ПОПОВЫ"

Цѣна брошюры 20 коп. Ц. № 3240

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ **БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА**

Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 3208 (4)

МОДНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Л. КЮТНЕРЪ въ МОСКВѢ,

СУЩЕСТВУЮЩАЯ, СЪ 1877 ГОДА,

ПЕРЕВЕДЕНА

близъ Кузнецкаго моста, въ Газетный переулокъ,

ДОМЪ ФУЛЬДА.

СЛОВОЛИТНЯ О. ГЕРБЕКА, ВЪ МОСКВѢ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона.—пров. Кинуненъ. (26) № 2946

НАСОСЫ

ДЛЯ ВСЯКИХЪ ЦѢЛЕЙ,

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ, садовыя трубы,

ГАЗОНОКОСИЛКИ

по 23 р., 27 р., 31 р. и 35 р.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ и ОРУДІЯ

въ большомъ выборѣ предлагаетъ со склада

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я линія, домъ № 10, **Москва,** Мясницкая, домъ Виноградова. № 3258 4—1

Открыта подписка **на второе полугодіе** на музыкальный журналъ

„БАЯНЪ".

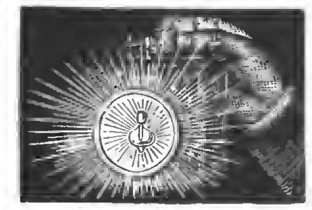
Цѣна съ доставкою и нерес.: полнаго изданія—4 р. 50 к., одного журнала — 3 р., однихъ нотныхъ приложеній—2 р. 50 к.

Подписавшимся на **весь годъ** высылаются немедленно всѣ вышедшіе №№.

Съ № 21 (3 іюля) разосланъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ „Баяна" въ видѣ **безплатной преміи,** художественно-выполненный **портретъ А. Г. Рубинштейна.**

Подробныя условія см. объявленіе въ № 10 „Нивы".

Адресъ редакціи: СПБ., Коломенская ул., д. 15, кв. 25. № 3259

НОВО! ЭЛЕКТР. НОВО!

Трансп. ручные фонари и лампы отъ 18 р. Электр. **велосипедные фонари** по 30 р. Электр. **комнатное освѣщеніе** съ батареями отъ 25 р. и выше. Новости съ сухими батареями и аккумуляторами, какъ электр. грудная булавка, отъ 15 р. и выше; электр. огнивица съ лампою отъ 5 р. и проч. **Динамомашины** для всѣхъ надобностей, для ручнаго и машиннаго привода, отъ 50 р. и выше.

ЭЛЕКТР. СТАНКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Для всякаго домашняго хозяйства, особенно рекомендуются для предотвращенія опасности пожара по 9 руб. Электр. звонки, телефоны, электро-моторы для швейныхъ машинъ и проч. отъ 15 руб и выше. Индукціонные аппараты, электр. уды, электр. лодки. Фотогр. аппараты для любителей съ электр. моментнымъ затворомъ. Микроскопы. Волшебн. фонарь. Модельныя паровыя машины. Всѣ цѣны съ доставкою во всѣ мѣста.

Товарищество для приготовленія электротехническихъ произведеній въ Берлинѣ.

Просятъ адресоваться къ главн. агенту для всей Россіи

Эдуардъ Захарьевичъ Висьлицкій, Варшава, Гржибовская, № 9.

Иллюстр. прейсъ-курантъ посылается франко, по полученіи 2-хъ почтов. марокъ по 7-ми коп. Р. № 3261

Безопасные велосипеды

спеціально для русскихъ дорогъ.

„Безопасн. вел. Свифтъ"

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3223 4—3

Дозвол. ценз., СПБ., 28 іюня 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. [illegible] Ф. Маркса [illegible] д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 іюля 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

900-лѣтіе крещенія Руси. Золотыя ворота Ярослава I въ Кіевѣ. Рис. Панова, грав. Паннемакеръ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

X.

Почестный пиръ.

Настасья Григорьевичева была женщина необманливая: какъ обѣщала Киріаку Андреевичу быть о его здоровьи богомолицей, такъ и сдѣлала. Черезъ два дни было воскресенье, и только честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна пришла отъ ранней обѣдни, какъ ей просфору подали, доложивъ при томъ, что „отъ Настасьи де Петровны, отъ Григорьевичевой прислана, а за Киріаково молъ здоровьице, Андреевича, была вынута.“ Доложили также Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ, что Настасьинъ ключникъ и по сейчасъ въ заднихъ сѣняхъ дожидается, чтобъ отъ своей господарыни низкій поклонъ сказать.

Мамелфа Тимоѳеевна приказала къ себѣ ключника позвать, а сама удивлялася: съ чего это Настасьѣ вздумалося за Киріакушкино здоровьице просфору вынуть. Самого Киріака спросить бы, такъ съ вечера еще на богомолье въ Хутынь ушелъ. Настасьинъ ключникъ о просфорѣ только и сумѣлъ доложить, что „приказала молъ Настасья Петровна просфору снести къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ; за Киріаково молъ здоровьице, Андреевича, вынута.“ Столько-то и безъ его доклада Мамелфа Тимоѳеевна знала. Помолчавъ, Настасьинъ ключникъ добавилъ, что сама его боярыня хотѣла нынче же у Мамелфы Тимоѳеевны побывать.

Отпустивъ ключника, честная вдова сѣла за столъ, но не столько кушала, сколько думала, и все о томъ же: съ чего молъ Настасьѣ Григорьевичевой вздумалося за Киріакушкино здоровьице просфору вынуть. Ничего не придумавъ, рѣшила она послать къ Настасьѣ ключника, наказавъ ему челомъ бить, усердно просить, чтобъ Настасья Петровна сдѣлала ей милость великую, нынче же бы къ ней пожаловала. И тутъ Мамелфа Тимоѳеевна поспокойнѣй стала, кушала посытнѣе.

Наконецъ-то пожаловала и сама Настасья Петровна. Послѣ цѣлованья да обниманья, да о здоровьи спрашиванья, дорогой гостеньки упрашиванья, чтобъ садилась да гостьей была, угощала ее Мамелфа Тимоѳеевна всякими сластями заморскими и поморскими. Распросила также Мамелфа Тимоѳеевна о всѣхъ родныхъ Настасьиныхъ: всё ли опи добры здоровы и кстати ужь и родней съ нею считалася, да о покойникахъ вспомнила. Только послѣ всего этого, рѣшилась она за просфору благодарствовать и спросить: съ чего Настасьѣ Петровнѣ вздумалося за Киріакушкино здоровье просфору вынуть.

Настасья Григорьевичева даже руками всплеснула.

— Аль самъ Киріакъ Андреевичъ тебѣ, Мамелфа Тимоѳеевна, ничего не повѣствовалъ о томъ? Поди и поклона моего не сказалъ же. А ужь какъ я наказывала!

— Поклонъ отъ тебя, Настасья Петровна, онъ мнѣ сказывалъ, а спросила я его, гдѣ молъ встрѣтились, такъ въ отвѣтъ молвилъ: у Софіи молъ въ дверяхъ столкнулися; она изъ собора, а я въ соборъ.

Настасья Петровна вздохнула, и стала расписывать какъ Киріакъ Андреевичъ спасъ ее отъ смерти неминучей. И какъ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ хотѣлося узнать обо всемъ доскональпо, то Настасья Петровна не разъ ей о томъ повѣствовала. И хоть не сказала она, что, любуючись на красоту Киріакову, у нея каблучокъ подвернулся, но изъ нѣкоторыхъ словъ ея можно было понять, что такъ оно, пожалуй, и случилося. Затѣмъ Настасья принялась Киріака хвалить, а и уменъ-то онъ, и смѣлостью взялъ, а и всѣмъ, такъ сказать, надобно. И до того обѣ боярыни заговорилися, что напослѣдокъ чуть-ли не оказалось, что и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такого, какъ Киріакъ сдѣлалъ, — что подхватилъ Настасью въ свои руки, — никто еще доселѣ не дѣлывалъ и во вѣки вѣковъ никто не сдѣлаетъ. Ну, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать это славное дѣло Киріаково.

Настасья тѣмъ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ полюбилася, что умѣючи хвалила ея Киріакушка. Тѣмъ разговоръ этотъ кончился: слѣдомъ Настасья другой завела. Говорила, что вотъ московскихъ молъ пословъ нынѣ всѣ угощаютъ, на нихъ пиры строятъ, и она бы, Настасья, не хуже другихъ ихъ угостить сумѣла, а только иное придумала.

— А такой-то пиръ я, Мамелфа Тимоѳеевна, завести хочу, сказала Настасья, — что о тѣхъ пирахъ позабудутъ всѣ: о моемъ станутъ говорить. А только не на московьскихъ пословъ лажу я почёстный пиръ, не на шестниковъ [1]), а на своихъ на бояръ новгородьскіихъ. А на кого, и сама, гляди, материнскимъ сердцемъ сдогадаешься.

Мамелфа Тимоѳеевна будто и не догадывалась.

— А кто вѣче-то въ новгородьску сторону повернулъ? А Лука вѣдь Аввакумовичъ да еще...

Мамелфа Тимоѳеевна вся сомлѣла отъ радости и только руками взмахивала да иріахивала.

— А достоенъ, достоенъ, еще пуще Луки онъ достоенъ-то! подхватила Настасья Григорьевичева.

Тутъ Настасья еще болѣ давешняго полюбилася Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ; стала она, цѣлуя, ее звать милой да ласковой голубушкой. А Настасья-то старается: такъ у нея сквозь горлышко словечко за словечкомъ и проскакиваетъ. Словно мальчишки со звѣздой, Христа славя, пришли, да горохъ по полу стали сыпать. Разговорясь, Настасья расхвасталась. Оказалося, что она въ Новгородѣ чуть-ли не больше всѣхъ: и посадникъ степенный къ ней на поклонъ ѣздитъ, и Василей Есиповичъ, степенный тысяцкій, никогда ея воротъ не минуетъ, а про Марѳу и говорить нечего: каждое утро къ ней съ поклономъ своего внука шлетъ: „что молъ Настасья Петровна за ночь удумала?“

— А и старится Марѳа-то наша посадница, добавила Григорьевичева, — а и разумъ у нея не попрежнему. И опять же и мужчины у нея настоящаго во дворѣ нѣтъ: Василька-то ея не гожъ уродился, не въ дѣда, а и не въ дядю своего, не въ Дмитрія Исаковича, а въ отца, въ Ѳедора, въ Дурня вѣдь.

Выходило, что будто на-двое еще надо сказать: кто молъ у кого правая рука: Настасья-ли у Марѳы, иль сама Марѳа, на старости лѣтъ, изъ Настасьиныхъ рукъ глядѣть научилася. То слушая, Мамелфа Тимоѳеевна усомнилась немного въ Настасьиномъ разумѣ, что черезчуръ ужь она перехвастала. А вдобавокъ и ту безлѣпицу вретъ, что у нея во дворѣ настоящій мужчина есть.

Настасья, впрочемъ, не дала Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ слишкомъ раздуматься, и новую рѣчь завела, и такой плетень сплела, что сквозь него стало просвѣчивать, будто стоитъ ей, Настасьѣ, кому слѣдуетъ слово шепнуть, и въ тотъ же часъ Господинъ Великій Новгородъ поставитъ Киріака Андреевича воеводою, если съ Московскимъ, не дай Богъ, на размирье пойдетъ. Этимъ вновь Настасья честной вдовѣ полюбилася.

Долго сидѣла Григорьевичева, и не скоро прощалася, а все Киріака Андреевича дождаться не смогла. На прощаньи Настасья Мамелфу Тимоѳеевну съ сыномъ на пиръ къ себѣ звала, а пиру во вторникъ быть ска-

[1]) Шестникъ — иноземецъ, пришлый.

зывала, прибавивъ что не одного позыватаго съ тѣмъ же пришлетъ.

— Ужь надоѣмъ вдосталь вамъ, зовомъ-то своимъ надокучу, анъ и прійдете.

Какъ Настасья ушла, у Мамелфы Тимоѳеевны долго еще въ ушахъ точно трезвонъ слышался, и свѣтелъ и радостенъ былъ тотъ трезвонъ. Про что бы маленькіе колокольчики ни вызванивали, большой колоколъ все одно твердилъ: „Кирі-акъ, Кирі-акъ воеводою“.

Какъ Киріакъ воротился съ Хутыни, напустилась на него Мамелфа Тимоѳеевна, зачѣмъ уталъ отъ нея дѣло свое великое.

— Что за дѣло тако? изумился онъ.

— А Настасьюшку-то Григорьевичеву отъ напрасной [1]) смерти спасъ, отъ неминучей вѣдь.

— Что она, у Софіи стоючи, на галокъ зазѣвалася, да каблучекъ у ней подвернулся, такъ и смерть ей сейчасъ пришла!

Мамелфа Тимоѳеевна сыну не повѣрила и побранила его, зачѣмъ умаляетъ свое дѣло молодецкое, чѣмъ и похвалиться не грѣхъ.

— Да право же, рòдненька. А Настасьино дѣло, знамо, женское, поиспужалася да вскрикнула, а съ того крику ей и не-вѣсть чтó почудилось.

— Неправда, охъ! ужь неправда твоя, Киріакушко. И Мамелфа Тимоѳеевна стала хвалить Григорьевичеву: и изъ себя-то она упава [2]), и умная, и добрая, и богатая, а вдобавокъ и богомольная.—И про тебя складно же сказывала, и пиръ на васъ съ Лукой Аввакумычемъ ладитъ, какъ оба-то вы на вѣчушкѣ... заключила свою долгую рѣчь матушка.

— Съ того она у тебя и умна, родненька, становилася, что на меня съ Лукой пиръ ладитъ, смѣясь сказалъ Киріакъ.

Мамелфа Тимоѳеевна вспыхнула и такъ на сына расходилася, что онъ насилу утихомирилъ ее.

Какъ первый позыватый отъ Настасьи пришелъ, начала Мамелфа Тимоѳеевна безъ устали про пиръ толковать и хвалить Настасью за то, что она женщина почтительная, прислала звать ее не зуйка [3]) какого малаго, не простаго паробка, а самого своего ключника дворецкаго.

— А я, матушка, ужь какъ радъ тому что ты на пиръ собираешься! сказалъ Киріакъ.

— Стара я, милочекъ, по пирамъ ходить. А скажешь отъ меня Настасьѣ Петровнѣ: прихворнула молъ матушка, съ обѣда ей не поздоровилось.

— Да съ чего же ты, рòдненька, раздумывала?

— А николи я, Киріакушко, и не загадывала. Въ мои лѣта о томъ и думать грѣхъ.

— Марѳа вдвое, гляди, тебя постарѣе, а быть у Настасьи обѣщалась же.

— Гляди къ кому, къ Марѳѣ меня приравнялъ! Да Марѳа-тъ одна на весь Великій Новгородъ; какъ и городъ сталъ, другой въ немъ Марѳы не было. Твой родитель хоть и не вовсе Марѳу долюбливалъ, а и онъ хвалилъ ее. Палатный у нея умъ, покойничекъ сказывалъ: ей бы, говаривалъ, у Владыки въ палатѣ сидѣть и только что не повелось де женщинъ на степень ставить, а то она Новымгородомъ получше бы сынка своего умнаго управила. А я то чтó? Женщина я простая, немногоразумная. Мнѣ-ко вотъ за дворомъ смотрѣть, а со двора одинъ ходъ—во Божью церковь.

На томъ и стала Мамелфа Тимоѳеевна.

Званный вторникъ былъ не за горами. За два часа до заката солнечнаго всѣ гости собрались и въ ожиданіи пира сидѣли у Настасьи въ просторныхъ сѣняхъ [1]). Звала Григорьевичева больше свою же братію, бояръ, начиная съ посадника и тысяцкаго. Изъ житьихъ чуть-ли не одинъ Іевъ Маркичъ былъ, да и тотъ по особому приказу Марѳы. Іевъ всего три дни какъ съ Низу пріѣхалъ и могъ не мало про Москву разсказать. Какъ Киріакъ вошелъ, Марѳа ужь сидѣла въ переднемъ углу, бесѣдуя съ Іевомъ Маркичемъ: прочіе почтительно прислушивались. Іева звали еще Умомъ за его великую дѣловитость и многолѣтній опытъ. Какъ Киріакъ, войдя, увидѣлъ, что Іевъ присутулясь сидитъ на лавкѣ, свѣсивъ свою долгоносую голову и закрутя длинную ногу за ногу, то вспомнилось ему, что Маркича не даромъ же прозвали Цаплей. Помолясь передъ образомъ и поклонясь на всѣ стороны, Киріакъ смирненько къ сторонкѣ сѣлъ и сталъ слушать о чемъ старшіе бесѣдуютъ.

— А еще скажу тебѣ, матушка-посадница честная, докладывалъ Іевъ Марѳѣ, — что вотъ Москва насъ ересью коритъ, быдто мы въ латинство задумали, а сами оны не очунь въ православіи тверды. Задумалъ я въ Москвѣ по себѣ сорокоустъ справить, какъ времена наши послѣдніи да и на внуковъ я не очень надѣюся что сумѣютъ дѣда какъ слѣдъ по-смерти помянуть: жидковатъ больно нонѣ народъ сталъ. Ну, матушка, шелъ я съ тѣмъ къ попу московьскому, а онъ на-меня глядитъ, ровно я ума рѣшился. „Нешто, говоритъ, по живымъ сорокоусты правятъ?“ — Коли же нѣтъ-то, толкую ему: не самовольно же я тò дѣлаю, а съ владычьня благословеньица: благословилъ молъ владыко меня и только приказывалъ, чтобъ въ суетѣ не обрѣтался, а какъ бы мертвымъ полагалъ себя. Такъ нѣтъ вѣдь, уперся московьскій попъ: „не правятъ де по живымъ сорокоуста, и аминь.“ Этака башка московьска упрямая!

— Это чтò жь башка-то буде? Василей Ѳедоровичъ спросилъ.

— А, вишь, Іевъ пояснилъ, — повелось у нихъ голову башкой по-татарски звать.

Чудно всѣмъ это показалося.

Немного погодя, Марѳа спросила Іева Маркича, не слышалъ-ли онъ, чтò толкуютъ въ Москвѣ про дѣла новгородскія.

— Трудненько, матушка, отвѣчалъ Іевъ, — про таки дѣла на Москвѣ языка добыть. Хоть разпріятеля своего спрашивай, одинъ отвѣтъ: „молъ у насъ пòшлина не новгородьская, на улицахъ о земскомъ дѣлѣ кричать нельзя; не вѣче де у насъ — самодержецъ, а государеву волю, какъ намъ, холопямъ, знать?“ Вѣстимо, государево дѣло пронести опасаются. Одначе я койчего и довѣдался.

Іевъ помолчалъ немного.

— А не гадаютъ, аль по московьски молвить, не чаютъ òны походу великаго князя на Новгородъ, а развѣ молъ миромъ пойде. По великой тайности мнѣ это сказывали, шепотомъ добавилъ Іевъ.

Всѣ весело заговорили, повторяя слова Іева. Одна Марѳа молчала, за то думала:

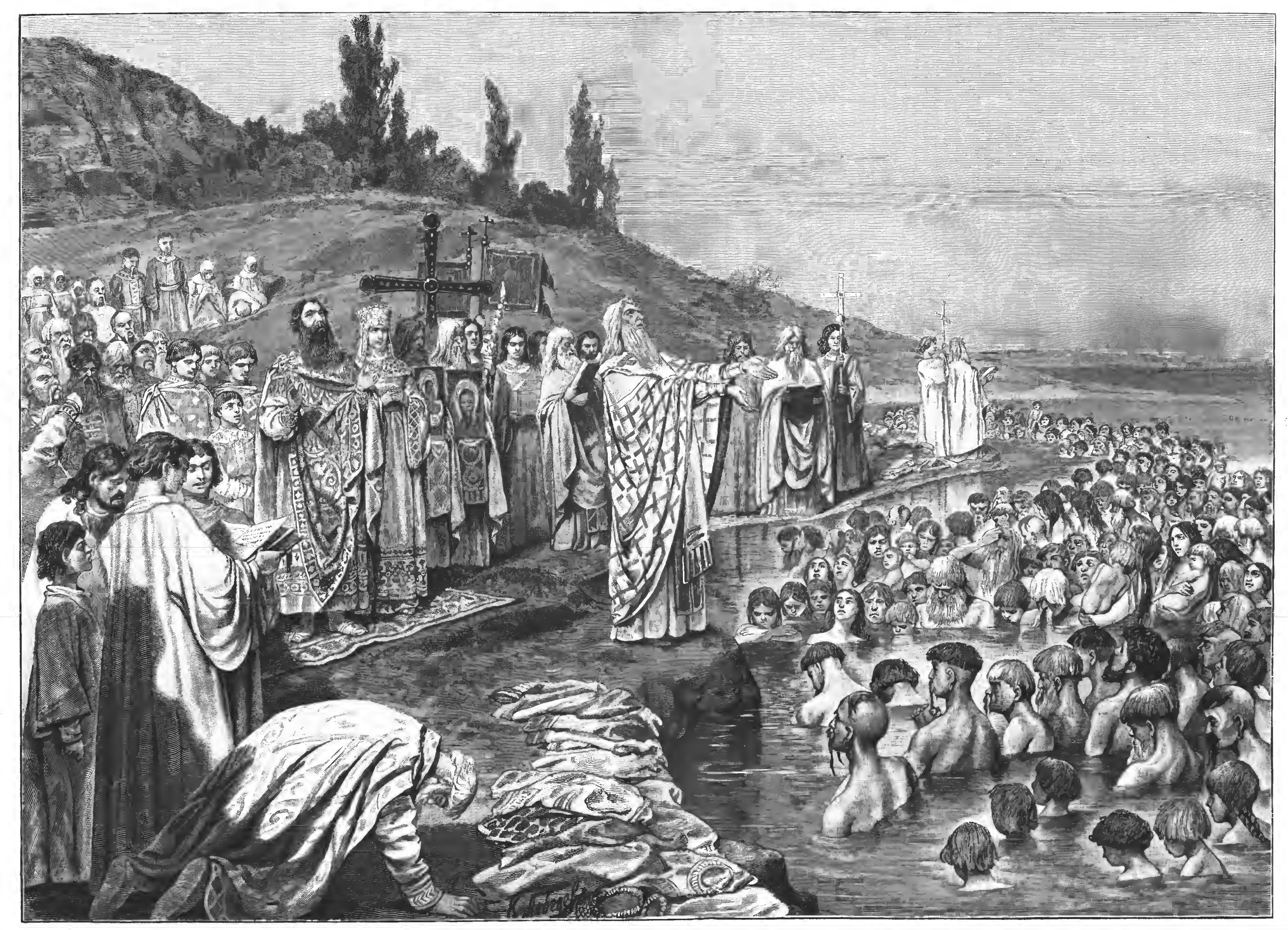
„А сказываютъ по тайности, что не гадаютъ походу быть, на-зиму вьявь его жди.“

— А милости прошу во палату мою пирную, сказала Настасья Григорьевичева. — Не обезсудьте ужь моего убогаго вдовьяго угощеньица.

Палата у Настасьи была новоставленая; она выслась во дворѣ особымъ каменнымъ строеніемъ и изъ сѣней въ нее велъ переходъ. Задумавъ пиръ, Настасья сколько же о томъ думала чтобъ Луку съ Киріакомъ почествовать, столько и о томъ, чтобъ похвалиться передъ гостями новою палатой. Подивились гости, какъ узорливо были подписаны стѣны палатныя разными цвѣтами и пестрыми травами; похвалили обѣ муравчатыя

[1]) Напрасный — внезапный.
[2]) Упава — красавица.
[3]) Зуекъ — поваренокъ, чумичка.

[1]) Сѣни, какъ самыя обширныя и высокія комнаты, замѣняли гостиныя; переднихъ не было.

900-лѣтіе крещенія Руси. Кіевляне принимающіе Св. Крещеніе въ Днѣпрѣ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **К. Лебедева,** грав. Ю. Шюблеръ.

печки на ножкахъ, и межь ними „гуслярово мѣсто“. Краше всего оказалось паникадило о пяти свѣщникахъ. Возьми какъ есть колесо да на цѣвяхъ къ потолку и подвѣсь. Съ простымъ телѣжнымъ колесомъ только та розница и была, что паникадильное было въ серебрѣ изваяно, а прочее все какъ слѣдуетъ: и спицы, и ободъ словно желѣзнымъ обручемъ обтянутъ и обручъ гвоздями пришитъ, только что шляпки гвоздильныя были позолочены. По стѣнамъ палатнымъ были лавки налажены, а вдоль лавокъ столы наряжены; столы были разставлены *покоемъ*, если *покой* такъ написать, чтобъ шейка у него вышла долгая, а ножки коротенькія.

Противъ господарскаго мѣста, стоялъ другой столъ, со всякими судками, кубками, мисами, блюдами и ковшами: тутъ и меды, и пива, и вина, и подливки, и приправныя снадобья. У этого стола, убрусомъ [1]) подпоясанъ ключникъ стоялъ, и насторожась въ очи господарынѣ глядѣлъ. Только вздумаетъ она кого чѣмъ почтить да попочтивать, безъ словъ ее ключникъ поиметъ.

Какъ сталъ пиръ во полупирѣ, стали гости погромче поговаривать.

— А еще матушка честна вдова посадничья, сказалъ Іевъ, — прости ужь, запамятовалъ я доложить тебѣ, что и о томъ еще на Москвѣ толку не мало шло, что будто мы, Великій Новгородъ, въ литовьску сторону потянули опять, а Казимера де опять на вѣчушкѣ господиномъ княземъ своимъ нарекали. А эти вѣсти пронесли наши же бо́яра да житьи бѣглые, которы на Москву бѣжать ударились послѣ вѣчушка, гдѣ Овинато да иныхъ съ нимъ показнилъ Господинъ Великій Новгородъ. А меня спросятъ, а я „врутъ молъ“ сказывалъ. А правду-ль я говорилъ, и самъ досель не вѣдаю.

Іевъ замолчалъ. Глянулъ Киріакъ на посадницу, и видитъ, что честной вдовѣ не по себѣ стало; Литву хулить ей не приходится, а Москву хвалить, помня про сына казненнаго, и Богъ не велѣлъ.

— А правду вѣдь ты, Іевъ Маркичъ на Москвѣ сказывалъ, что врутъ молъ эти бѣжане новгородьскіе, Лука рѣчь повелъ. — А со страху видно имъ въ ушахъ послышалось. А инымъ дру́го попритчалось: тѣ на Литву, слышь, бѣжать, аль и во Псковъ еще пустилися. А ни кѣмъ же гонимы, опричь совѣсти своей перевѣтничьей. Этимъ кому бы ни служить, только бъ изъ вольнихъ мужей повыписаться.

— Вѣрное это слово твое, Лука Аввакумовичъ, Мареа примолвила.

Тутъ не одинъ взглянулъ на Луку, и такими очами, словно отродясь его не видѣлъ; смотрѣли уважительно да почтительно: столько-то слово Мареино значило.

„А и уменъ же Лука,“ подумалъ Киріакъ. „Ровно съ налета онъ Мареину мысль подхватилъ, а и высказалъ ее умѣючи.“

— А еще, Іевъ Марковичъ, Лука далѣ говорилъ, — и то́ скажемъ, что коли бъ за короля Великій Новгородъ опять надумался, йно съ Московьскимъ-то у насъ на розмирье пошло бъ, а тутъ, знамо, его пословъ не стали бъ угащивать, да чествовать, да дарами дарить великими. Гляди, и намѣстникъ въ тѣ поры съ Горо́дища на Москву бы съѣхалъ. А у насъ не о войнѣ, о мирѣ рѣчь. А стане насъ Московьскій въ старинѣ держать по по́шлинѣ, и тутъ новой господинъ намъ не надобенъ. А что̀ Захарій съ Назаромъ напутали, да лжу на насъ передъ княземъ положили, то о̀ны нынь не новгородьцы, а холопи государевы. А со своихъ слугъ воленъ онъ какъ знаетъ взыскивать, а мы за нихъ не стояльцы, а ни печальники [2]). Хоть розкazни онъ ихъ, Великій Новгородъ не всплачетъ. А я этакъ же и у Владыки на сѣняхъ стану сказывать.

— А и сказывай: умной рѣчи послушаютъ, подтвердила Мареа его слова.

Грамота не въ грамоту, если къ ней не привѣшена печать. То же что печать для грамоты, было для Луки Мареино одобреніе. Не только всѣ на томъ стали, что Лука сдумалъ, но даже самъ тысяцкій при Мареинныхъ словахъ толкнулъ слегка подъ столомъ посадника, и оба степенные, будто нечаянно на Луку взглянувъ, межь собою переглянулися.

Настасья Григорьевичева на свой ладъ поняла рѣчь Луки. „Коли на миръ молъ пошло, такъ и я на московскихъ пословъ пиръ заведу.“

Высказавъ свое желаніе, Настасья немного струсила: „не равно молъ Мареа на меня за это осердится.“

Но Мареа, подумавъ, Настасью потѣшила, сказавъ:

— И то добре.

Настасья съ радости чуть изъ-за стола не выскочила. Не полюбилось это Юрью Репехову, вѣхѣ новгородьской.

— А на меня доведись, рявкнулъ онъ, — ужь я пословъ поугостилъ бы!

Всѣ разсмѣялись. Юрьи думалъ, будто надъ тѣмъ смѣются что онъ такъ свое слово выкрикнулъ, что можно было понять что посламъ съ его пира не поздоровилось бы, а всѣ надъ тѣмъ смѣялись, что знали: отъ роду еще Юрьи ложкой щей пустыхъ никого не угостилъ.

По своему смѣхъ толкуя, Юрьи мысленно возносился. А какъ у него обычай былъ, не спросясь ни мѣста, ни времени, не столько думать, сколько говорить, то и сталъ онъ ни къ селу, ни къ городу московскія насилья высчитывать и хвастать будущими побѣдами новгородскими. Рѣчь у Юрья выходила долгая, а мысль его была короткая. Нехотя его слушали.

— А что̀ на Шолони наши оплошалися, возвѣстилъ Юрьи съ такимъ лицомъ, словно о томъ никто, кромѣ его доселѣ не догадывался, — такъ съ того вѣдь что испужалися. А оторопь ихъ съ того взяла, что москвичи въ такомъ мѣстѣ гдѣ испоконъ вѣку броду не было, съ кру́та берега кинулись во Дрянь-рѣку...

— Какъ же не оторопѣть-то было, со смѣхомъ Василей Дурнѣвъ подхватилъ, — коли дрянь да въ Дрянь пометалася.

— А прости ужь, Василей Өедоровичъ, сказалъ Киріакъ, — а это слово твое не больно ладное, а еще новгородьцамъ обидное.

— Чѣмъ же не ладное? И въ чемъ обида Новугороду? Что Москву-то дрянью кличу? громче чѣмъ слѣдовало крикнулъ Василей. — Аль запретъ отъ кого вышелъ дрянью-то звать ее?

— А запрета нѐ-отъ-кого нѣтъ, покойно отвѣтилъ Киріакъ. — А и всякого всячески обозвать не трудно же. А только въ томъ Новугороду обида, что передъ дрянью оплошилися.

Мареа глянула на внука: „слушай молъ.“

— А и не оплошись новгородцы, такъ надъ дрянью верха взять не хвала же молодецкая! А хоть и миръ у насъ съ Москвой теперь, а такъ говорить надобѣть, что Новугороду не на чужу дрянность надежу полагать треба, а на Бога да на свою правду. А это слово-то похвальное что сѣдлами, аль шапками закидаемъ, а покинуть пора.

— Вотъ и знать слово воеводское, а еще и ратный умъ, промолвила Мареа.

И какъ давече на Луку, всѣ теперь посмотрѣли на Киріака. Вновь тысяцкій слегка подъ столомъ толкнулъ посадника, и оба степенные, будто нечаянно на Киріака взглянувъ, межь собою перемигнулися.

Случилось на пиру что всѣ призамолкнули.

— Теперь бы самое времячко, сказала хозяйка, — гусляру былину сказывать. А и ѐ у меня въ палатѣ гуслярово мѣсто уготованное; а только гусляра-то я

[1]) Убрусъ — полотенце.
[2]) Печальникъ — проситель изъ добраго расположенія.

звать не сдогадалася. А вѣрнѣй сказать поопасалася, какъ само-тъ набольшій гусляръ, скажутъ, у меня на пиру же сидитъ.

И тутъ Настасья Петровна взглянула въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Лука Аввакумовичъ.

— А ну? Лука спросилъ, оглядывая гостей.

— А про тебя вѣдь, Лука Аввакумовичъ, прошла эта славушка добрая.

— Охъ, шутку, знать, спутили надъ тобой, Настасья Петровна, люди недобрые. Хоть и случается мнѣ дома пріятелямъ былины сказывать, да самъ-то я, слава Тебѣ, Господи! окрестясь большимъ крестомъ, Лука сказалъ, — исконнаго рода бо̀ярскаго да и нужды горькой не вѣдалъ же, чтобъ по чужимъ пирамъ мнѣ старины сказывать.

— А слышь, Лука Аввакумовичъ, привязался къ случаю вставить свое слово Юрьи Репеховъ. — А не въ о̀суду тебѣ стану сказывать, а только что къ слову пришлось. А въ чужихъ краяхъ, а и самъ ты знашь, а за обычай же былины на пирахъ сказывать. А дворяна тѣмъ не гнушаются, а еще сказывая жѐнескъ полъ при томъ чествуютъ. А и мало того, самъ ужь не зная къ чему Юрьи приплелъ, — бо̀яра да дворяна другъ передъ дружкой и не такъ еще стараются, а до смерти почитай бьются, невѣстъ себѣ добываючи. А ко́роле-тъ ихній тутъ же сидитъ, и съ королевою, а и жены и вдовы, и дѣвчины бо́ярски, на тотъ бой смотрятъ.

— И у насъ, скажутъ, Лука въ отвѣтъ молвилъ, — Иванушко-дурачекъ черезъ двѣнадцать вѣнцовъ скочилъ а невѣсту же себѣ добываючи.

Всѣ Юрья на смѣхъ подняли.

„Вотъ она, въ чемъ Маренина сила“, толковалъ самъ себѣ Киріакъ Андреевичъ по дорогѣ домой. — „Сидитъ она устъ не размыкаючи, а какъ взмолвитъ словечушко разумное, тутъ, гляди, не полъ-ли Новгорода на той ея мысли станетъ. А ровно и не свое вѣдь сдумаетъ, а только чужое подтвердитъ. А что̀ подтвердитъ, то въ памяти и останется, а и̂ны всѣ рѣчи вышли порожніи.“

И вспомнилось Киріаку, что и его хвалила Мароа, ратнымъ умомъ назвала. И весело, и жутко стало Киріаку. Далеко занесся онъ воеводской думою. Долго онъ не могъ заснуть въ ту ночь; все ему Мароины слова шепталися, а какъ закроетъ покрѣпче глаза, такъ передъ нимъ, словно въ явь, начнутъ посадникъ съ тысяцкимъ перемигиваться.

(Продолженіе будетъ).

900-лѣтіе Крещенія Руси.

Преданіе о первыхъ зачаткахъ христіанства на Руси. — Христіанство при первыхъ князьяхъ. — Двоевѣріе въ княжеской дружинѣ. — Св. Ольга и ея странствованіе въ Царь-градъ. — Новый наплывъ язычества съ Сѣвера. — Лѣтописныя преданія „объ исканіи вѣры“ Владиміромъ, о походѣ на Корсунь и женитьбѣ князя Владиміра на греческой царевнѣ. — Научныя изслѣдованія относительно времени и мѣста крещенія Владиміра, а также и всѣхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ крещенію Русскаго народа. — Древнѣйшія святыни, извѣстныя подъ названіемъ „Корсунскихъ“. — Воспоминанія о крещеніи Русскаго народа въ урочищахъ и памятникахъ современнаго Кіева.

Прекрасенъ, величественъ древній Кіевъ, раскинувшійся на высокомъ, холмистомъ берегу Днѣпра, увѣнчанный главами своихъ стародавнихъ храмовъ, сіяющій золотыми крестами, которые еще издали манятъ путника къ завѣтной святынѣ, — къ тѣснымъ пещерамъ, хранящимъ нетлѣнные останки подвижниковъ и угодниковъ Божіихъ, которые положили начало христіанству на Руси.

Прекрасенъ и величественъ широкій и быстрый Днѣпръ, испоконъ вѣковъ омывающій кіевскіе холмы и нѣкогда послужившій священною купелью для Русскаго народа...

Прекрасенъ и величавъ тотъ дивный храмъ, который возноситъ къ небу свои стройныя, легкія главы надъ самымъ выходомъ изъ кіевскихъ холмовъ, на берегу Днѣпра. Этотъ храмъ, во имя Св. Андрея Первозваннаго, напоминаетъ намъ о преданіи, которое на память вѣкамъ сохранилъ нашъ древній лѣтописецъ.

Преданіе говоритъ, что Св. Апостолъ Андрей, обходя страны и народы и уча ихъ слову Христову, приплылъ изъ Синопа за море, въ Корсунь и отсюда задумалъ подняться вверхъ по Днѣпру. И вотъ, плывя по этому древнѣйшему торговому пути „изъ Варягъ въ Греки“, Апостолъ остановился однажды на ночлегъ близъ кіевскихъ холмовъ. Едва только освѣтило ихъ утреннее солнце, Апостолъ Андрей обратился къ своимъ спутникамъ и сказалъ:

— Видите-ли вы эти горы?

— Видимъ, отвѣчали Апостолу его спутники.

— Такъ знайте-же, что на этихъ горахъ возсіяетъ нѣкогда благодать Божія! Здѣсь будетъ построенъ великій городъ и въ немъ будутъ воздвигнуты многія церкви.

И затѣмъ онъ самъ поднялся на тѣ дивные холмы, самъ ихъ благословилъ, а на одномъ изъ нихъ водрузилъ крестъ и у подножія его горячо молился Богу за тотъ мощный и славный народъ, для котораго Кіевъ сталъ колыбелью вѣры, колыбелью лучшихъ надеждъ и упованій.

Прошли вѣка. Минуло тысячелѣтіе... Прошли и безслѣдно исчезли десятки поколѣній, которыя обливали холмы Кіева кровью и слезами, покрывали ихъ то затѣйливою роскошью зданій, то безобразными грудами развалинъ... Черезъ эти холмы мелькнули грозными тѣнями Печенѣги и Половцы, Татары и Ляхи... За эти холмы, безпощадно губя другъ-друга, спорили и тягались католики и уніяты, и вельможи гетманы... Но благословеніе Первозваннаго проповѣдника почило на нихъ, и благодать „возсіяла“, и раскинулся на нихъ „городъ великій“, и ярко горятъ на солнцѣ золотые кресты его православныхъ храмовъ.

И на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Св. Андрей водрузилъ крестъ, нынѣ красуется храмъ, въ честь и память Апостолу-страннику. И съ террасы этого храма то русскій, то иноземный странникъ съ восторгомъ любуется дивною красотою окрестной природы, необъятною далью и просторомъ заднѣпровскихъ полей и луговъ. И невольно уносится онъ мыслью въ необъятную глубь вѣковъ, къ тому отдаленному времени, когда благодать Божія впервые осѣнила кіевскіе холмы и восходящее солнце впервые затеплило крестъ надъ главою перваго изъ кіевскихъ храмовъ...

Хитрый и предпріимчивый Грекъ, съ цѣлью торговли переплывая пучины бурнаго Понта Евксинскаго (Чернаго моря), давно уже завелъ сношенія съ дикими и воинственными Тавро-Скиөами, населявшими Таврическій полуостровъ и сѣверныя побережья Понта; онъ ознакомился съ бытомъ и нравами ихъ, а потомъ, близъ устьевъ Днѣпра и по берегамъ Азовскаго моря раскинулъ свои богатыя, цвѣтущія колоніи. Здѣсь познакомился Грекъ и со смѣлымъ Варяго-Руссомъ, и съ мужественнымъ Славяниномъ, и узналъ отъ нихъ о томъ, что изъ Понта ведетъ на Сѣверъ широкій водный путь, въ самое море Варяжское (Балтійское), въ страну, богатую мѣхами и безцѣннымъ *) янтаремъ. Грекъ узналъ, что на томъ великомъ водномъ пути стоятъ многіе торговые города, и что важнѣйшіе изъ нихъ — Кіевъ южнѣе, а Новгородъ сѣвернѣе — служатъ главными складами на пути „изъ Варягъ въ Греки“, и ему обязаны своимъ возвышеніемъ, могуществомъ и богатствомъ. И вотъ, уже задолго до начала нашей исторической жизни, завязались сношенія между Кіевской Русью и греческими колоніями Тавриды. Сношенія эти были то мирными—торговыми, то враждебными и непріязненными. Предводимый воинственнымъ и неугомоннымъ Варягомъ, Славянинъ приходилъ грабить поселенія Грека въ Тавридѣ, а затѣмъ явился и подъ стѣнами Царьграда, привлеченный славою его богатствъ и блеска. Торговля приводила иногда къ грабежу; иногда, наоборотъ, воинственный и хищный набѣгъ приводилъ къ мирному торговому договору, и эти-то первые торговые договоры Варяго-Руссовъ съ Греками сохранили намъ память о первомъ появленіи христіанства на Руси.

Нашъ древній лѣтописецъ утверждаетъ, что христіанство проникло въ Кіевъ изъ Греціи и Болгаріи уже въ концѣ IX вѣка; что и Аскольдъ и Диръ, древнѣйшіе изъ пришлыхъ въ Кіевъ варяжскихъ князей, были христіане; что въ Кіевѣ была уже при нихъ построена первая церковь (Св. Иліи). И несмотря на то, что, въ началѣ X вѣка, Кіевъ былъ вынужденъ подчиниться новой варяжской дружинѣ, нахлынувшей съ Сѣвера подъ водительствомъ суроваго Олега, умертвившаго Аскольда и Дира—и церковь, и христіанство остались, попрежнему, неприкосновенными въ Кіевѣ. Христіанская религія продолжала существовать въ средѣ кіевскаго разноплеменнаго населенія, рядомъ съ язычествомъ, и въ то время, когда одни изъ числа кіевлянъ собирались въ тѣсныхъ мѣстахъ своего небольшаго храма на служеніе Единому Истинному Богу, другіе—шли на холмъ, гдѣ стояли истуканы Перуна и Волоса и имъ покланялись, имъ приносили жертвы.

Такъ было при Олегѣ; но уже при его преемникѣ, Игорѣ, христіанство стало видимо дѣлать значительные успѣхи. Въ войскѣ и дружинѣ Игоря, во время его похода подъ Царьградъ, было уже почти по-ровну христіанъ и язычниковъ, такъ что, когда послы греческіе потребовали въ Кіевѣ подтвержденія до-

*) Въ первые вѣка нашей эры янтарь цѣнился въ южной Европѣ на вѣсъ золота.

говора клятвою, — воины язычники клялись своею языческою клятвою, полагая на землю передъ идоломъ Перуна свои щиты, золотыя украшенія и оружіе; а воины-христіане присягали именемъ Бога въ храмѣ Св. Иліи.

Игорю наслѣдовала въ правленіи Ольга, которая рѣшилась открыто перейти на сторону христіанства и сначала тайно приняла истинную вѣру, а потомъ уже стала и явно ее исповѣдывать, и склонять къ ней своего богатыря-сына, знаменитаго Святослава. Есть основаніе думать, что Ольга крестилась около 954 года, а три года спустя, побуждаемая желаніемъ видѣть святыни Царьграда, предприняла тягостное и дальнее путешествіе въ столицу Византійской имперіи.

Это дальнее и многотрудное странствованіе, сопряженное въ тѣ отдаленныя времена со столькими затрудненіями и опасностями, поразило Кіевлянъ, современниковъ Ольги, и облеклось въ форму поэтической легенды. Въ этой легендѣ, Ольга представляется намъ приходящею въ Византію съ тѣмъ, чтобы тамъ воспринять Св. Крещеніе. Но и при этой благой цѣли, смиренная странница является болѣе мудрою и разумною нежели тѣ просвѣщенные греки, къ которымъ она пришла искать истинной мудрости.

„Былъ тогда (въ Византіи) царь Константинъ, сынъ Леоновъ, и когда Ольга пришла къ нему, то онъ увидѣлъ, что она и умна, и лицомъ красива, и дивился ея разуму при бесѣдѣ съ нею, и сказалъ ей: „ты достойна царствовать съ нами въ нашемъ великомъ градѣ“. Ольга уразумѣла тайный смыслъ этихъ словъ и сказала царю: „я—язычница, и если хочешь, чтобы я крестилась, то крести меня самъ; если-же ты не захочешь крестить меня, то я и вовсе не крещусь“. И царь послушалъ ее, и крестилъ ее съ патріархомъ, который подробно и пространно наставлялъ ее въ вѣрѣ. И вотъ, послѣ крещенья, вновь обратился къ ней царь и сказалъ: „выходи за меня замужъ“. — „Какъ я за тебя пойду за мужъ,“ отвѣчала Ольга, „когда ты самъ меня крестилъ и назвалъ своею дочерью? Вѣдь ты же знаешь, что у христіанъ это не дозволяется закономъ?“ Тутъ только спохватился царь и сказалъ съ укоризною: „Перехитрила-же ты меня, Ольга!“ — а самъ поспѣшилъ загладить свой промахъ богатыми дарами: далъ ей и золото, и серебро, дорогія ткани, и различные сосуды многоцѣнные“.

Но тотъ самый царь Константинъ, который играетъ въ легендѣ такую незавидную роль, въ дѣйствительности былъ государемъ разумнымъ и образованнымъ и въ своей прекрасной книгѣ „О церемоніяхъ византійскаго двора“, оставилъ намъ чрезвычайно подробное описаніе пріема, оказаннаго Ольгѣ и ея спутникамъ въ Царьградѣ. Изъ этого описанія узнаемъ, что первый пріемъ княгини Ольги во дворцѣ цареградскомъ происходилъ 9 сентября 957 года, что ей даны были отдѣльныя аудіенціи и у императора, и у императрицы, что она была даже приглашена къ обѣду императрицы, вмѣстѣ со всею своею свитою, въ числѣ которой упоминается „священникъ Григорій, племянникъ (?), люди и послы Святослава, женщины и мужская прислуга“. Императоръ Константинъ при этомъ подробно описываетъ, какъ за столомъ были посажены рѣдкіе и дорогіе гости, какими представленіями и зрѣлищами ихъ тѣшили, и какіе подарки имъ подносили. Чрезвычайно любопытно то, что на прощальной аудіенціи Ольгѣ были, по современному византійскому обычаю, поднесены въ подарокъ деньги на богатомъ блюдѣ, украшенномъ каменьями и жемчугомъ, которое, какъ мы узнаемъ изъ позднѣйшаго свидѣтельства, было тогда-же пожертвовано Ольгою въ церковную казну Св. Софіи цареградской *).

Св. Ольга вернулась изъ своего долгаго странствованія въ Кіевъ, очарованная и восхищенная благолѣпіемъ Цареградской святыни, и еще болѣе, чѣмъ прежде, убѣжденная въ томъ, что она исповѣдуетъ вѣру правую и истинную. Но напрасно пыталась она склонить на сторону этой вѣры своего суроваго, воинственнаго сына Святослава, который былъ равнодушенъ ко всякой вѣрѣ и занятъ былъ только помыслами о войнахъ, походахъ, завоеваніяхъ да о шумной привольной жизни въ той самой Болгаріи, гдѣ къ нему „вся благая“ будутъ широкими рѣками стекаться отовсюду... По словамъ лѣтописца, князь никому не препятствовалъ креститься, и только смѣялся надъ тѣми, кто изъ язычниковъ переходилъ въ новую, христіанскую вѣру. Въ 969 году Ольга тихо скончалась въ Кіевѣ, оплакиваемая и сыномъ, и внуками, и всѣми кіевлянами. Передъ смертью она заповѣдала не творить надъ могилою ея *тризны* **) по языческому обычаю и была похоронена по обычаю христіанскому, такъ какъ у нея, по упоминанію лѣтописца, „былъ свой священникъ“. „Она предшествовала христіанству всей земли“,—замѣчаетъ лѣтописецъ — „какъ денница предшествуетъ солнцу и заря свѣту...“

И до „свѣта“ было уже недалеко. По смерти Святослава, послѣ разныхъ усобицъ между его сыновьями, власть перешла въ руки Владиміра, который привелъ съ собою изъ Новгорода въ Кіевъ

*) Фактъ пожертвованія этого блюда въ казну Св. Софіи и упоминанія о священникѣ Григоріи въ свитѣ Св. Ольги—слишкомъ ясно говоритъ въ пользу того, что Ольга посѣтила Царьградъ уже будучи христіанкою. Это однакоже не препятствуетъ всѣмъ нашимъ учебникамъ и до сихъ поръ твердить о томъ, что Ольга приняла Св. Крещеніе въ Царьградѣ.

**) Тризна—поминки по умершемъ, сопровождавшіяся воинскими играми и пьянымъ пиршествомъ.

новую и многочисленную варяжскую дружину, и при ея помощи собралъ всю землю Русскую въ своихъ рукахъ. При этомъ-то князѣ, одаренномъ несомнѣннымъ и блестящимъ государственнымъ умомъ, христіанство должно было одержать верхъ надъ язычествомъ и сдѣлаться общимъ достояніемъ всего Русскаго народа. Но этотъ переходъ отъ язычества къ принятію христіанства всѣмъ народомъ принадлежитъ къ такимъ знаменательнымъ періодамъ въ исторіи каждаго народа, что почти всюду и всегда облекается цѣлымъ рядомъ сказаній, украшающихъ дѣйствительность цвѣтистыми добавленіями вымысла. И наша древняя лѣтопись передаетъ намъ дѣйствительно рядъ сказаній, въ которыхъ незабвенный подвигъ Владиміра представляется намъ въ такой именно обстановкѣ, въ какой онъ могъ быть яснѣе и понятнѣе для ближайшаго потомства. Разберемся въ этихъ сказаніяхъ.

Желая возвеличить и безъ того уже великій и незабвенный подвигъ князя Владиміра, лѣтописецъ выставляетъ его намъ въ началѣ княженія ревностнымъ язычникомъ, человѣкомъ преданнымъ до излишества женолюбію и бражничанью со дружиною, и затѣмъ разсказываетъ съ восторгомъ о перемѣнахъ которыя произошли во Владимірѣ послѣ принятія имъ христіанства. Стараясь, при этой рѣзкой противоположности, выяснить своимъ современникамъ внѣшними побужденіями его переходъ отъ язычества къ истинной вѣрѣ, лѣтописецъ создаетъ (а можетъ быть и повторяетъ слышанную отъ другихъ) цѣлую повѣсть о томъ, какъ къ князю Владиміру приходили отъ разныхъ народовъ проповѣдники и какъ старались склонить его на сторону исповѣдуемой ими религіи. Приводимъ эту повѣсть въ извлеченіи.

„Подъ 986 годомъ (8-мъ годомъ княженія Владимірова) пришли къ Владиміру Болгары Магометовой вѣры и говорили ему: „Ты князь мудрый и смышленый, а не знаешь закона истиннаго; вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету.“ И спросилъ ихъ Владиміръ: „въ чемъ же состоитъ вашъ законъ?“ Они отвѣчали: „вѣруемъ въ Бога и въ заповѣди Магомета, который запрещаетъ намъ ѣсть свинину и пить вино; по смерти ждетъ насъ райское блаженство: дастъ Магометъ каждому по семидесяти женъ прекрасныхъ, изберетъ изъ нихъ одну прекраснѣйшую и красоту всѣхъ семидесяти возложитъ на эту одну.“ Владиміръ съ удовольствіемъ слушалъ то, что Болгаринъ говорилъ ему о женахъ; но о запрещеніи вина не хотѣлъ и слушать, и сказалъ прямо: „Русскимъ питье — веселье; безъ питья мы обойтись не можемъ.“

„Послѣ Болгаръ *) пришли къ Владиміру Нѣмцы, и стали говорить ему: „Мы посланы къ тебѣ папою, и онъ приказалъ намъ сказать тебѣ, что земля твоя такая же какъ и наша земля, а вѣра у тебя въ твоей землѣ не такая, какъ у насъ. Наша вѣра есть истинная; мы поклоняемся Богу, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и мѣсяцъ и все, что на землѣ живетъ и дышетъ — а ваши боги не болѣе какъ дерево.“ Владиміръ спросилъ Нѣмцевъ: „а какая же ваша заповѣдь?“ Тѣ отвѣчали: „Постъ у насъ полагается по силѣ, а затѣмъ, кто что ни ѣстъ, ни пьетъ, все то во славу Божію.“ Владиміръ сказалъ на это Нѣмцамъ: „Ступайте во-свояси, — я этой заповѣди не приму, потому что отцы наши ея не приняли.“

„Прослышали объ этомъ Жиды Хозарскіе, и также пришли ко Владиміру, говоря: „мы слышали, что приходили къ тебѣ Болгары и христіане, и каждый наставлялъ тебя въ своей вѣрѣ. Но христіане вѣруютъ въ Того, Кого мы распяли; а мы вѣруемъ во единаго Бога Авраамова, Исаакова и Іаковлева,“ и, на вопросъ Владиміра о сущности ихъ вѣры, объяснили ему важнѣйшія положенія закона іудейскаго. Тогда Владиміръ спросилъ ихъ: „а гдѣ же земля ваша?“ Они отвѣчали: „въ Іерусалимѣ.“ — „А тамъ-ли она и теперь?“ — „Нашъ Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ землямъ за наши грѣхи, а нашу землю предалъ христіанамъ.“ Владиміръ отвѣчалъ имъ съ укоромъ: „Какъ же вы другихъ-то учите, когда сами отвержены Богомъ и расточены по лицу земному? Или вы хотите, чтобы и съ нами случилось то же?“

„Послѣ этого Греки прислали къ Владиміру философа и онъ сказалъ ему: „Мы слышали, что приходили къ тебѣ Болгары и убѣждали тебя принять ихъ вѣру; но вѣра ихъ оскверняетъ небо и землю...“ И онъ вкратцѣ изложилъ важнѣйшія положенія вѣры Магометовой и возбудилъ къ ней во Владимірѣ великое отвращеніе. Замѣтя это, философъ продолжалъ: „слышали мы также, что приходили къ тебѣ изъ Рима Нѣмцы—учить своей вѣрѣ, но ихъ вѣра нѣсколько повреждена противъ нашей и потому не вполнѣ исправна.“ И философъ объяснилъ нѣкоторыя отступленія въ обрядахъ Западной Церкви отъ обрядовъ Восточной **). Тогда, въ свою очередь, Владиміръ сказалъ философу: „Приходили ко мнѣ еще и Жиды, и говорили, что де Нѣмцы и Греки вѣруютъ въ Того, Котораго мы распяли.“ Философъ отвѣчалъ Владиміру: „Да, мы вѣруемъ въ Него, ибо еще пророки предрекли — одни, что Богъ родится, другіе, что Онъ будетъ распятъ и погребенъ, въ третій день воскреснетъ

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что здѣсь лѣтописецъ имѣетъ въ виду Болгаръ Камскихъ (или Волжскихъ), которые около половины IX вѣка приняли магометанство; Болгары дунайскіе, въ это время, давно уже были христіанами.

**) Это мѣсто лѣтописной повѣсти ясно указываетъ на ея позднѣйшее происхожденіе. Въ 986 г. различіе между католицизмомъ и православіемъ еще не могло быть рѣзко проведено

900-лѣтіе крещенія Руси. Кіево-Печерская лавра. Съ фотогр. де-Мезера, грав. М. Рашевскій.

и вознесется на небеса: они же тѣхъ пророковъ избивали, а другихъ замучивали; когда же сбылись пророчества, и Богъ сошелъ на землю, былъ распятъ и по воскресеніи вознесся на небеса, то Онъ ждалъ отъ нихъ покаянія въ теченіе сорока шести лѣтъ, и такъ какъ они не покаялись, то послалъ на нихъ Римлянъ, которые разрушили ихъ города, а самихъ ихъ разсѣяли по разнымъ странамъ. Такъ они и доселѣ пребываютъ въ рабствѣ и подчиненіи у другихъ народовъ.“ И спросилъ Владиміръ философа: „По для чего же Богъ сошелъ на землю и принялъ такія страданія?“ И философъ сказалъ: „Если хочешь, князь, послушать меня, то я разскажу тебѣ по порядку и съ полной подробностью о томъ для чего Богъ сошелъ на землю.“ Владиміръ отвѣчалъ, что готовъ слушать разсказъ философа съ удовольствіемъ, и тотъ, дѣйствительно, изложилъ ему въ извлеченіи всю исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, отъ начала и до конца, отъ сотворенія міра и до вознесенія Іисуса Христа и проповѣди Апостоловъ. Свой длинный и подробный разсказъ философъ заключилъ словами: „Богъ предопредѣлилъ день, въ который вновь пріидетъ съ неба на землю и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и каждому воздаетъ по его дѣламъ и заслугамъ: праведникамъ — царство небесное и красоту неизреченную, и веселье безъ конца, и жизнь вѣчную; а грѣшникамъ — безконечную муку огненную и червя неусыпающаго.“ И съ этими словами философъ раскинулъ передъ Владиміромъ полотно, на которомъ яркими красками былъ написанъ Страшный Судъ; на этой картинѣ онъ указалъ князю „о-десную, праведниковъ, въ веселіи идущихъ въ рай, а о-шуюю — грѣшниковъ, низвергаемыхъ въ муку вѣчную.“ Владиміръ посмотрѣлъ на картину и тяжело вздохнулъ. „Хорошо этимъ, что написаны о-десную!“ сказалъ онъ, — „и горе тѣмъ, что написаны о-шуюю!“ Философъ отвѣчалъ ему: „Если хочешь и ты тоже стать съ праведниками о-десную, то крестись.“ Владиміръ не отвѣчалъ ему ничего, и отпустилъ его съ богатыми дарами. Однако же его слова запали въ сердце Владиміру, который хотѣлъ еще немного обождать и еще пораздумать обо всѣхъ вѣрахъ.“

Подъ слѣдующимъ 987 годомъ находимъ въ лѣтописи продолженіе вышеизложенной повѣсти, полное наивныхъ подробностей, которыя представляются лѣтописцу очень сильными и важными доказательствами въ пользу предпочтенія православія передъ всѣми остальными религіями. Въ первой половинѣ своего сказанія лѣтописецъ сообщаетъ намъ о приходѣ къ князю Владиміру различныхъ проповѣдниковъ отъ сосѣднихъ народовъ. Во второй половинѣ сказанія — самъ Владиміръ посылаетъ приближенныхъ и довѣренныхъ людей къ сосѣднимъ народамъ, чтобы во-очію убѣдиться въ правотѣ приходившихъ къ нему проповѣдниковъ.

„Созвалъ Владиміръ своихъ бояръ и городскихъ старцевъ и сказалъ имъ: „Вотъ приходили ко мнѣ Болгары, говоря: пріими законъ нашъ; потомъ приходили Нѣмцы, которые также хвалили свой законъ; потомъ приходили Жиды; послѣ всѣхъ пришли Греки, хуля всѣ законы и хваля только свой, и много говорили, повѣствуя отъ начала міра о бытіи всего міра; хитры и чудны повѣсти ихъ, и каждому любо ихъ послушать; говорили они и о будущей жизни, и о томъ, что всякій вступившій въ ихъ вѣру, воскреснетъ и послѣ смерти и уже не умретъ никогда болѣе. Какъ же вы мнѣ посовѣтуете?“

„Бояре и старцы отвѣчали князю Владиміру:

„— Самъ знаешь, князь, что никто своего не хулитъ, а только хвалитъ; но если ты хочешь добиться правды, то вѣдь у тебя есть мужи, которыхъ ты можешь послать за себя: пусть посмотрятъ на службу каждаго изъ приходившихъ къ тебѣ, какъ они служатъ Богу?“

„Полюбилась эта рѣчь князю и всѣмъ; избрали, по совѣту бояръ и старцевъ, мужей добрыхъ и смышленыхъ, всего на всего десять человѣкъ, и сказали имъ: „Идите сначала къ Болгарамъ и испытайте ихъ вѣру“. Мужи пошли къ Болгарамъ и видѣли всѣ ихъ обряды и поклоненія Богу въ мечетяхъ, и возвратились къ князю Владиміру. „Теперь идите къ Нѣмцамъ“, сказалъ имъ князь Владиміръ, „а оттуда идите къ Грекамъ“.

„Пришли посланные и къ Нѣмцамъ, смотрѣли и ихъ церковную службу; потомъ пришли въ Царьградъ и вошли къ царю. Царь спросилъ ихъ, для чего они пришли, и они все ему разсказали по правдѣ. Царь очень былъ радъ тому чтò отъ нихъ услышалъ, и сотворилъ имъ въ тотъ день великую честь. На слѣдующій день царь послалъ къ патріарху и приказалъ ему сказать: „Пришли мужи отъ Руси и желаютъ посмотрѣть на наше богослуженіе; а потому прикажи убрать и приготовить церковь, собери и приготовь весь свой клиръ и совершай богослуженіе самъ, чтобы они видѣли во-очію славу Бога нашего“. И патріархъ все исполнилъ по желанію царя. И приближенные царя пошли въ церковь вмѣстѣ съ русскими мужами, поставили ихъ посрединѣ церкви, показали имъ всю красоту церковную и все благолѣпіе службы архіерейской, толкуя имъ весь чинъ служенія своему Богу. И послѣ того послы, изумленные блескомъ и великолѣпіемъ всего видѣннаго, позваны были къ царю. Царь Василій и братъ его Константинъ сказали имъ: „Идите въ землю вашу“ — и отпустили ихъ съ честью и великими дарами. Когда же они пришли въ свою землю, то Владиміръ созвалъ бояръ своихъ и старцевъ, попрежнему, и сказалъ: „вотъ пришли посланные нами мужи; послушаемъ, чтò они видѣли, пусть разскажутъ намъ передъ дружиною“. Послы сказали: „Ходили мы къ Болгарамъ, и смотрѣли, какъ они поклоняются Богу въ своемъ храмѣ (т. е. въ мечети): стоятъ безъ опояски, поклонившись, садятся на корточки и смотрятъ по сторонамъ, туда и сюда, словно безумные; и не полюбился намъ законъ ихъ. Потомъ пришли мы къ Нѣмцамъ и видѣли, что они творятъ въ храмахъ своихъ многія службы, но въ этихъ службахъ не было никакой красоты. Послѣ того пришли мы къ Грекамъ и они ввели насъ туда, гдѣ обычно служатъ Богу своему, и мы не знаемъ — на небѣ ли мы были, или на землѣ, ибо нигдѣ на землѣ нельзя видѣть такого зрѣлища и такой неописанной красоты. Мы даже не съумѣемъ и передать вамъ, чтò тамъ видѣли; знаемъ только, что тамъ, видимо, самъ Богъ пребываетъ съ людьми и что служба ихъ превосходитъ службу всѣхъ другихъ странъ и народовъ. Мы до сихъ поръ не можемъ забыть этой дивной красоты: и какъ всякій человѣкъ, отвѣдавшій сладкаго, не хочетъ потомъ вкушать горькаго, такъ точно и мы не хотимъ больше здѣсь оставаться, а стремимся туда, гдѣ были недавно“.

„Бояре, выслушавъ рѣчи пословъ, сказали князю Владиміру: „Еслибы худъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга — а она была мудрѣйшею изъ людей!“ Тогда, въ свою очередь, Владиміръ задалъ имъ вопросъ: „Гдѣ же намъ креститься?“ И бояре отвѣчали ему: „гдѣ тебѣ угодно“.

Закончивъ на этомъ свое сказаніе, лѣтописецъ прямо переходитъ къ разсказу о походѣ Владиміра на греческій городъ Корсунь, о томъ какъ этотъ городъ былъ взятъ, и какъ онъ въ немъ потомъ крестился и женился на греческой царевнѣ.

Если бы это такъ происходило въ дѣйствительности, то, по справедливому замѣчанію историка нашей церкви, г. Голубинскаго, это „завоеваніе вѣры“ было бы, въ своемъ родѣ, единственнымъ и необычайнымъ историческимъ явленіемъ. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ той самой Греціи, которая приняла (по лѣтописному сказанію) пословъ русскихъ съ такимъ почетомъ, вмѣсто того, чтобы просить византійскихъ императоровъ о присылкѣ проповѣдниковъ, какъ это сдѣлали въ половинѣ IX вѣка моравскіе князья — князь Кіевскій идетъ войною на греческій городъ, одолѣваетъ его отчасти силою, отчасти хитростью, и ставъ въ немъ твердою ногою, предлагаетъ царямъ греческимъ свои условія. „Если хотите, чтобы я крестился, то выдавайте за меня замужъ вашу сестру-царевну, — иначе я и на Царьградъ пойду войною, и его возьму также, какъ взялъ Корсунь“. И сказаніе утверждаетъ, что цари греческіе, отчасти изъ опасенія, отчасти изъ желанія просвѣтить Русь христіанствомъ, рѣшились исполнить желаніе Владиміра, отправили за море свою сестру-царевну, вмѣстѣ съ попами и свитою. И когда они прибыли въ Корсунь, Владиміръ крестился въ Корсуни, женился на царевнѣ, причемъ въ видѣ *вѣна* (выкупа) возвратилъ царямъ греческимъ городъ Корсунь, а самъ отправился въ Кіевъ, чтобы тамъ окрестить и весь свой народъ въ христіанскую вѣру.

Но, какъ ни привлекательны драгоцѣнныя сказанія, сохраненныя намъ древнимъ лѣтописцемъ, какъ ни заманчива та простая поэтическая форма, въ которой эти сказанія передаютъ намъ повѣсть о крещеніи Русскаго народа, — современная историческая наука давно уже успѣла пріити къ тому выводу, что этотъ важнѣйшій шагъ въ исторической жизни древней Руси былъ не такъ легокъ и простъ, какъ намъ его представляетъ лѣтопись. Ученый авторъ исторіи Русской церкви, г. Голубинскій, послѣ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій вопроса о крещеніи Руси, пришелъ къ тому убѣжденію, что крещеніе Владиміра значительно (почти на два года) предшествовало крещенію Русскаго народа, и совершилось вѣроятно въ 987 г. Рядомъ блестящихъ научныхъ выводовъ г. Голубинскій доказалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что никакимъ миссіонерамъ и проповѣдникамъ не было ни малѣйшей нужды заходить въ Кіевъ, потому что христіанство тамъ уже давно было извѣстно, въ значительной степени распространено не только въ народѣ, но и въ средѣ княжеской дружины. При такомъ распространеніи, какъ доказываетъ г. Голубинскій, многіе члены княжеской семьи могли быть, уже и до временъ Владиміра, тайными христіанами. Такое предположеніе особенно легко примѣнить къ сыновьямъ Святослава, которые росли на рукахъ у своей бабки, Св. Ольги — и слѣдовательно, не могли не подлежать ея вліянію. Допуская даже, что временное пребываніе Владиміра въ Новгородѣ должно было нѣсколько ослабить благое вліяніе его премудрой бабки, такъ какъ язычество на Сѣверѣ, въ мѣстахъ варяжской дружины, было значительно сильнѣе распространено и держалось еще крѣпко, — г. Голубинскій доказываетъ однако-же положительно, что, въ началѣ своего кіевскаго властвованья, Владиміръ вовсе не былъ ни такимъ усерднымъ язычникомъ, ни такимъ бражникомъ и сластолюбцемъ, какимъ его представляетъ лѣтописецъ, а за нимъ и наши историки. Г. Голубинскій особенно тщательно отмѣчаетъ, что между женами Владиміра, упоминаемыми лѣтописью, одна была Грекиня, другая Чехиня, третья Болгарыня — и что всѣ онѣ, конечно, были христіанки и должны были, до нѣкоторой степени, повліять на Владиміра. Но Владиміръ, какъ правитель несомнѣнно одаренный умомъ государственнымъ, даже и принявъ христіанство втайнѣ, не рѣшился сразу обратить весь свой на-

родъ къ истинной вѣрѣ Христовой. Онъ, видимо, опасался повредить важному дѣлу крещенія Русскаго народа излишнею поспѣшностью. Притомъ, ему нужны были для исполненія его благаго замысла люди, достаточно-подготовленные для проповѣди слова Божія въ обширной землѣ Русской, еще коснѣвшей во мракѣ глубокаго невѣжества и языческаго суевѣрія. Не трудно было, конечно, обратиться къ Греціи за попами и за книгами священными: стоило только туда отправить пословъ и попросить греческихъ императоровъ-братьевъ, правившихъ въ то время въ Византіи... Но въ томъ-то и дѣло, что князь Владиміръ, какъ государь одаренный замѣчательнымъ умомъ и политическимъ тактомъ, не хотѣлъ становиться, по отношенію къ Грекамъ, въ положеніе зависимое; онъ намѣтилъ себѣ болѣе правильный и болѣе вѣрный путь. Воспользовавшись какимъ-то недоразумѣніемъ, Владиміръ пошелъ войною на ближайшій греческій городъ, Корсунь (лежавшій невдалекѣ отъ нынѣшняго Севастополя), въ Тавридѣ, и осадилъ его, не столько съ военною, сколько съ политическою цѣлью. Завоеваніе Корсуня было для него не существенно важно *); но существенно важно было то, что, по поводу этого завоеванія, Владиміръ могъ вступить въ сношенія съ византійскими императорами не какъ подчиненный, а какъ завоеватель—могъ даже прямо поставить имъ извѣстныя условія. Въ числѣ этихъ условій, однимъ изъ залоговъ будущихъ мирныхъ отношеній между Русью и Византіею, должно было служить крещеніе Руси, а также и брачный союзъ могущественнаго Русскаго князя съ греческою царевною, сестрою императоровъ. При условіи этого союза, Владиміръ могъ уже говорить съ императорами, какъ равный съ равными, могъ требовать у нихъ помощи въ дѣлѣ распространенія христіанства, ни мало не обязываясь имъ и не становясь по отношенію къ Византіи въ положеніе подчиненное, зависимое.

И вотъ, послѣ взятія Корсуня, послѣ женитьбы на греческой царевнѣ, Владиміръ могъ уже смѣло возвратиться въ Кіевъ съ греческими и корсунскими попами, съ корсунскими святынями, со священными и богослужебными книгами (вѣроятно заимствованными у Болгаръ дунайскихъ, давно уже крещеныхъ) и съ мощами Св. Климента и ученика его Фива. Владиміръ сознавалъ, что наступило время креститься Русской землѣ. Христіанство, въ его поступательномъ движеніи съ Запада на Востокъ, уже дошло до самыхъ границъ Руси: всѣ соплеменные и чуждые намъ народы, жившіе на Западъ отъ насъ, были уже окрещены. Позже всѣхъ, незадолго до насъ, крестились Поляки. И вотъ, прямое и непосредственное желаніе дать народу истинную вѣру, соединенное съ необходимостью для Руси не отстать отъ сосѣдей—побудили Владиміра приступить къ ревностному обращенію своего народа въ христіанство, побудили его поспѣшить крещеніемъ. Владиміръ, со свойственною всѣмъ великимъ людямъ проницательностью, понималъ необходимость новой истинной вѣры для Руси, и уже не медлилъ и не останавливался надъ исполненіемъ своего рѣшенія.

По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ крестилъ все свое семейство. Преданіе указываетъ, какъ на мѣсто ихъ крещенія, на ручей Крещатикъ, протекавшій нѣкогда по одному изъ Кіевскихъ удолій и впадавшій въ рѣчку Почайну. Затѣмъ, приказавъ повсемѣстно уничтожить идоловъ, повсемѣстно воздвигать (рубить) деревянные храмы, Владиміръ, при помощи мѣстныхъ кіевскихъ и при помощи пришедшихъ съ нимъ изъ Корсуня греческихъ поповъ, сталъ подготовлять языческую часть населенія Кіева къ принятію новой вѣры и къ крещенію.

Наконецъ, назначенъ былъ опредѣленный день для крещенія Кіевлянъ. Великій князь Владиміръ послалъ сказать и объявить во всѣхъ концахъ города: „если кто завтра не прійдетъ на рѣку—богатый-ли, убогій-ли, нищій-ли, работный-ли — тотъ да будетъ мнѣ противенъ". И никто уже не захотѣлъ противиться князю—всѣ толпами двинулись къ берегу въ назначенное мѣсто и сошлись на берегу рѣчки Почайны, впадавшей въ Днѣпръ. Сюда-же, сопровождаемый духовенствомъ, дружиною и множествомъ крещеныхъ Кіевлянъ, спустился съ городскаго холма и самъ великій князь Владиміръ съ супругою и сыновьями. Тогда открылось очамъ всѣхъ собравшихся такое торжественное зрѣлище, какое рѣдко приходится видѣть на землѣ смертнымъ. Вся толпа людей, собравшаяся на Почайнѣ,—мужи и жены, старцы, юноши и дѣти, по данному знаку, благоговѣйно вступили въ рѣку, одни по шею, другіе по грудь... Многія матери держали на рукахъ младенцевъ своихъ... И вотъ раздалось пѣніе клира, впервые торжественно огласившее стройными звуками днѣпровское прибрежье — и служители Истиннаго, Вышняго Бога, стоя на берегу, стали совершать надъ всенароднымъ множествомъ великое таинство. Недаромъ восклицаетъ лѣтописецъ, что въ эти священныя минуты и земля и небо — радовались великому множеству спасаемыхъ. „Радовались крестившіеся, радовались крестившіе, радовались всѣ свидѣтели величественнаго зрѣлища; но болѣе всѣхъ другихъ возрадовался духомъ главнѣйшій виновникъ этого торжества, который, по окончаніи священнодѣйствія, возведя очи свои горѣ, отъ глубины души воззвалъ къ Богу:

„Боже великій, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сіи и дай имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога, какъ уже увѣдали Тебя прочія страны христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру праву и несовратну, и мнѣ помоги, Господи, на супротивнаго врага, дабы я могъ, надѣясь на Тебя и на Твою державу, побѣдить его козни". *)

Да! Онъ могъ и долженъ былъ радоваться, этотъ великій совершитель великаго дѣла на благо будущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ! И онъ не даромъ просилъ Бога „утвердить въ его народѣ вѣру праву и несовратную!" Этой вѣрѣ здѣсь, въ этомъ-же самомъ Кіевѣ, предстояло перенести самыя тяжкія испытанія, подвергаться неоднократно самымъ невѣроятнымъ соблазнамъ—и все-же остаться неколебимою, „правою и несовратною", на великую честь и славу Русскому народу.

Изъ Кіева, какъ изъ центра, широкими лучами во всѣ стороны, стало распространяться христіанство. Ранѣе явилось оно въ городахъ, лежавшихъ по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки"; позднѣе проникло въ дикія лѣсныя дебри Вятичей, гдѣ первые русскіе подвижники запечатлѣли проповѣдь слова Божія своею кровью. Когда, въ 1015 г., Владиміръ заболѣлъ въ своемъ любимомъ селѣ Берестовомъ (подъ Кіевомъ) и вскорѣ скончался тамъ, онъ могъ съ увѣренностью сказать, что земля его крещена, что и на дальнихъ ея окраинахъ усердно проповѣдуется слово Божіе, что Русь не отстала въ просвѣщеніи духовномъ отъ другихъ, современныхъ ей, государствъ европейскихъ и можетъ съ ними идти рука объ руку по общему пути развитія. И съ тѣхъ поръ, непрерывно и неустанно, въ память великаго просвѣтителя Русскаго народа, русскіе проповѣдники не переставали проповѣдывать христіанство во всѣхъ тѣхъ земляхъ, которыя покорялись русскому оружію и входили постепенно въ составъ великой Русской земли. Неисчислимы подвиги этихъ проповѣдниковъ, которые въ теченіе девятисотъ лѣтъ успѣли распространить православіе на десятки тысячъ верстъ, въ глубь сѣверныхъ сибирскихъ тундръ, на берега Камчатки и Аляски, на окраины Средне-азіатскихъ степей и въ самое сердце Китая и Японіи. И всюду, гдѣ ни совершали они свой великій и скромный подвигъ, они учили народы славить подвигъ того русскаго князя, которому поколѣнія русскихъ людей присвоили названіе „*Равноапостольнаго*".

Послѣ всего вышеизложеннаго, читателямъ *Нивы*, конечно, захочется узнать, не сохранилось-ли какихъ-нибудь памятниковъ отъ той славной эпохи, когда впервые былъ крещенъ Русскій народъ? Постараемся собрать по этому вопросу все то, что до сихъ поръ извѣстно въ нашей русской церковной археологіи.

Выше мы уже упоминали, что Владиміръ привелъ съ собою изъ Корсуня поповъ, принесъ въ Кіевъ священныя иконы и сосуды церковные, принесъ богослужебныя и священныя книги. Оттуда-же, изъ Корсуня, вынесъ Владиміръ и мощи св. Климента и его ученика, Фива. Сверхъ того, по лѣтописи, извѣстно намъ, что и съ царевною Анною, приплывшею изъ-за моря для бракосочетанія съ Владиміромъ, прибыли также свои, греческіе попы, которые вѣроятно также принесли съ собою церковную утварь, иконы и святыни. Лѣтописецъ именно говоритъ въ своемъ описаніи крещенія Кіевлянъ, что ихъ крестили попы корсунскіе и *царицыны* (т. е. прибывшіе съ царицею изъ Царьграда).

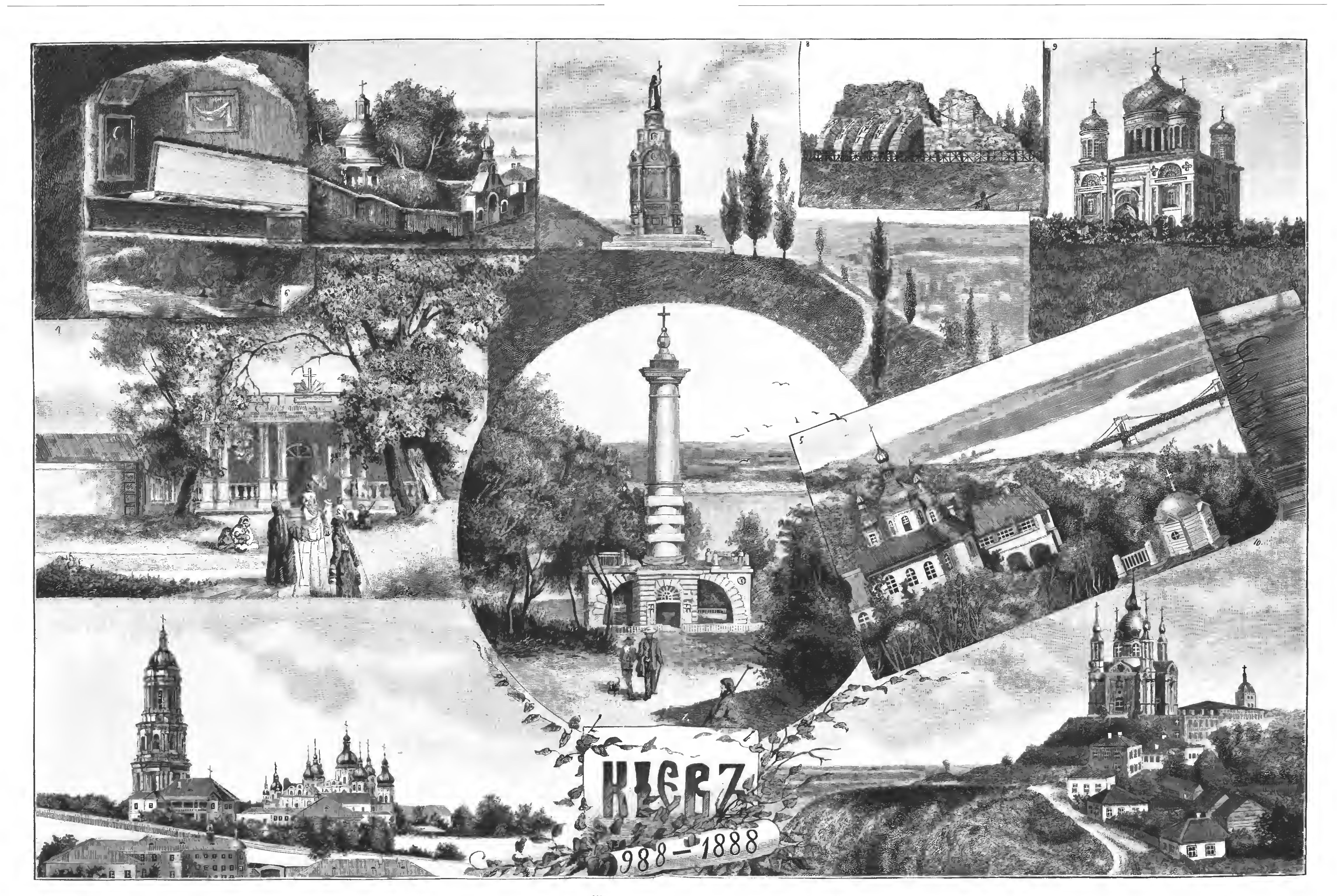
Послѣ всѣхъ пережитыхъ Кіевомъ погромовъ и разграбленій, конечно, трудно было бы ожидать, чтобы сохранились до нашего времени всѣ эти драгоцѣнныя для русскаго народа святыни, современныя крещенію Кіевлянъ. Многое давно пропало безслѣдно, многое хранилось долго благочестивымъ потомствомъ и пропало только весьма недавно, вслѣдствіе случайныхъ и несчастно-сложившихся обстоятельствъ; немногое уцѣлѣло и сохранилось, и теперь еще принадлежитъ къ числу святынь, особенно дорогихъ русскому сердцу.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о мощахъ Св. Климента. Эти мощи, какъ и большая часть святынь, принесенныхъ Владиміромъ изъ Корсуня, были имъ принесены въ даръ первому изъ построенныхъ имъ въ Кіевѣ каменныхъ храмовъ—Десятинной церкви. Тамъ находились они въ XII и въ началѣ XIII вѣка. О главѣ Св. Климента наши лѣтописи упоминаютъ, подъ 1147 г., по случаю того знаменательнаго событія, когда „главою Св. Климента" соборъ русскихъ епископовъ поставилъ въ митрополиты Климента Смолятича. Гдѣ дѣвались эти священные останки во время нашествія татаръ на Кіевъ, въ 1240 году,—были ли они сокрыты духовенствомъ въ какомъ-нибудь безопасномъ и тайномъ мѣстѣ? Объ этомъ молчатъ лѣтописи, потому что облитые кровью кіевскіе холмы были молчаливы и смолкли надолго.

О мощахъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра мы знаемъ, что эти мощи пребывали подъ спудомъ, но, во времена ближайшихъ его потомковъ, во времена Иларіона и Нестора, уже были чтимы церковью, какъ святыня. До нашествія Татаръ, эти мощи покоились въ шиферной гробницѣ, въ Десятин-

*) Это видно изъ того, что Владиміръ, женившись на греческой царевнѣ, немедленно возвратилъ городъ Грекамъ.

*) Такъ описываетъ крещеніе Руси митрополитъ Макарій, въ своей Исторіи Русской Церкви (I, II); приводимая имъ прекрасная молитва Владиміра сохранилась въ разсказѣ лѣтописца о крещеніи.

900-лѣтіе крещенія Руси. Виды Кіева. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Животовскаго, грав. М. Рашевскій.

1. Крещатицкій памятникъ. 2. Памятникъ Св. Владиміра. 3. Кіево-Печерская лавра. 4. Входъ въ дальнія пещеры. 5. Входъ въ ближнія пещеры. 6. Пещера Преподобнаго Нестора-Лѣтописца. 7. Аскольдова могила. 8. Золотыя ворота. 9. Десятинная церковь. 10. Церковь Св. Андрея Первозваннаго.

ной церкви, гдѣ Владиміръ былъ похороненъ какъ создатель самаго храма. Въ эту несчастную эпоху церковь Десятинная была разрушена и гробъ Владиміра засыпанъ развалинами церкви. Только уже въ XVII вѣкѣ развалины были разрыты, гробъ Владиміра отысканъ и узнанъ по находившейся на немъ надписи (1635 г.) и изъ гроба взяты нѣкоторые остатки Св. Просвѣтителя Россіи: глава Св. Владиміра покоится въ Великой церкви Кіево-Печерской Лавры; другія части его мощей— въ Кіево-Софійскомъ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

О древней церковной утвари и богослужебныхъ книгахъ, современныхъ Крещенію, не сохранилось даже и воспоминанія. Болѣе посчастливилось крестамъ и иконамъ, изъ которыхъ часть несомнѣнно принадлежитъ къ эпохѣ близкой первому распространенію христіанства въ Россіи. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ указать на тѣ четвероконечные деревянные и хрустальные воздвизальные кресты, которые, подъ названіемъ *корсунскихъ*, сохранились въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора и издревле чтились въ Новгородѣ, какъ величайшая святыня *).

Изъ древнѣйшихъ русскихъ иконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Цареградскихъ* и *Корсунскихъ*, необходимо упомянуть слѣдующія семь: 1) Икона *Всемилостиваго Спаса*, представляющая на одной сторонѣ нерукотворенный ликъ Спасителя, а на другой — Божію Матерь; 2) икона *Божіей Матери*, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ *Спасителя благословляющаго*; 3) икона *Богородицы Іерусалимскія*.

Всѣ эти три иконы, со времени Владиміра Равноапостольнаго, находились въ Новгородѣ; потомъ, при страшномъ разгромѣ Новгорода Іоанномъ Грознымъ, взяты были изъ мѣстнаго собора Св. Софіи и перевезены въ Москву, гдѣ и поставлены въ Успенскомъ соборѣ. Двѣ первыя и до сихъ поръ тамъ сохраняются за престоломъ, какъ величайшая святыня, подъ названіемъ *Корсунскихъ* иконъ; но третья сохранилась только въ вѣрной древней копіи: ея подлинникъ былъ похищенъ во время нашествія Французовъ въ Москву въ 1812 году.

Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сохранилась только одна изъ прежнихъ древнихъ иконъ, а именно 4) икона *Св. Апостоловъ Петра и Павла*, которая издревле, и по лѣтописи и по мѣстному преданію, слыветъ *Цареградскою*.

Къ этимъ же древнимъ греческимъ иконамъ слѣдуетъ присовокупить еще 5) *образъ Нерукотвореннаго Спаса* — въ Суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ, по преданію принесенный сюда первымъ Ростовскимъ епископомъ Ѳеодоромъ; 6) образъ *Св. Василія Великаго* — во Владимірѣ-Волынскомъ, въ церкви Св. Василія, по преданію, основанной еще самимъ Владиміромъ Равноапостольнымъ. Но едва-ли не болѣе всѣхъ этихъ древнихъ святынь замѣчательна 7) икона *Божіей Матери*, находящаяся въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и также извѣстная подъ названіемъ *Корсунской*; на этой иконѣ сохранилось имя грека-иконописца и самый годъ написанія (993), весьма близкій по времени къ эпохѣ первоначальнаго крещенія Кіевской Руси.

Все остальное поглощено всепожирающимъ временемъ и даже „по преданію“ не можетъ быть относимо къ эпохѣ, которой мы нынѣ празднуемъ девятисотую годовщину.

Въ заключеніе сказаннаго о памятникахъ и святыняхъ достославной эпохи крещенія Русскаго народа, не мѣшаетъ взглянуть и на современный Кіевъ и въ немъ поискать слѣдовъ того отдаленнаго времени, когда часть Кіевлянъ еще коснѣла въ язычествѣ и готовилась приступить къ крещенію.

Какъ ни крѣпка, какъ ни живуча народная память, но и современная жизнь, во всеоружіи своихъ новыхъ затѣй и потребностей, при помощи своихъ могущественныхъ техническихъ средствъ и способовъ — идетъ впередъ и совершается на нашихъ глазахъ такъ быстро, что почти нѣтъ никакой возможности услѣдить за ея ходомъ, за ея постояннымъ, безконечнымъ и неослабнымъ движеніемъ. Тому, кто не бывалъ въ Кіевѣ 20—25 лѣтъ, трудно себѣ представить, до какой степени этотъ древній городъ измѣнилъ за это время свою физіономію. Срыты горы, проведены новыя улицы, подняты низины, сровнены овраги, зарыты ключи, обрыты и округлены берега Днѣпра, черезъ который перекинутъ рядомъ съ прежнимъ цѣпнымъ шоссейнымъ, новый и великолѣпный желѣзнодорожный мостъ. А если мы сравнимъ тотъ Кіевъ, который мы видали и знавали лѣтъ 15—20 тому назадъ, съ описаніями Кіева, сохранившимися отъ начала прошлаго вѣка и отъ конца XVII столѣтія, то мы убѣдимся, что природа кіевская, по самому свойству своихъ горъ и мѣстныхъ водъ, измѣнилась въ теченіе весьма незначительнаго времени (100—150 лѣтъ) почти до неузнаваемости. Особенно много измѣнился за этотъ періодъ времени, судя по древнимъ планамъ и картамъ, самый Днѣпръ, съ которымъ уже въ теченіе полутора вѣка ведутъ напрасную борьбу наши инженеры. Вслѣдствіе особеннаго свойства своего дна, Днѣпръ, видимо, уже много разъ измѣнялъ свое теченіе, то уклоняясь отъ Кіева, образуя новые протоки, нанося новые острова, то вдругъ направляя всю силу своего теченія въ упоръ кіевскихъ береговъ и немилосердно ихъ размывая, обрывая и разрушая. Разрушенію въ значительной степени способствовала и неискусная рука тѣхъ, которые рѣшались бороться съ могучимъ Днѣпромъ и разными преградами пытались искусственно направить, *регулировать* его теченіе. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ и постепенныхъ разрушеній кіевскаго берега должно было, съ теченіемъ времени, изгладиться изъ памяти отдаленнаго потомства то мѣсто, на которомъ произошло самое крещеніе Кіевлянъ. Выше мы уже упоминали, что крещеніе было совершено на рѣкѣ Почайнѣ, впадающей въ Днѣпръ. Но мы должны добавить: не на той маленькой и ничтожной рѣчкѣ Почайнѣ, которая обтекаетъ Кіевскій Подолъ съ сѣверной стороны, называемой Оболонью. Еще въ XVIII вѣкѣ эта рѣчка была гораздо длиннѣе, чѣмъ нынѣ, а въ прежнее время впадала въ Днѣпръ не тамъ, гдѣ впадаетъ теперь, а значительно ниже Крещатика, такъ какъ Крещатицкій ручей впадалъ въ Почайну. Еще въ прошломъ столѣтіи нижнее теченіе Почайны отдѣлялось отъ Днѣпра низменною песчаною косою, которую днѣпровскія воды покрывали во время разливовъ; въ началѣ нынѣшняго вѣка — эта коса окончательно размыта Днѣпромъ. Во времена Ольги, Святослава и Владиміра, рѣка Почайна была весьма значительна и служила глубокою и удобною гаванью для приходившихъ въ Кіевъ судовъ.

И такъ, мѣсто крещенія Кіевлянъ не существуетъ больше. Но въ одномъ изъ кіевскихъ урочищъ, въ Крещатикѣ, сохранилась еще память о мѣстѣ крещенія сыновей Владиміра. Крещатикъ теперь — самая людная, самая шумная и модная улица Кіева, застроенная великолѣпными домами, освѣщенная газомъ, блистающая зеркальными окнами богатѣйшихъ магазиновъ. Но еще весьма недавно, на мѣстѣ нынѣшняго Крещатика, было глубокое и дикое удолье, по которому протекалъ изсякавшій Крещатицкій ключъ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, кіевскіе граждане, въ память того, что въ водахъ этого источника были нѣкогда крещены сыновья Владиміра — рѣшились устроить надъ нимъ фонтанъ подъ каменнымъ сводомъ, а надъ этимъ сводомъ воздвигнуть памятникъ въ видѣ огромной круглой колонны, увѣнчанной крестомъ (1802) (см. рис. №1 на стр. 700—1).

Съ 1802 года въ каждую среду Преполовенія сюда совершается ежегодно крестный ходъ изъ Софійскаго собора для освященія воды. Скромный памятникъ, напоминающій о великомъ подвигѣ, странно противорѣчилъ блеску и великолѣпію окружающаго города, который годъ отъ году богатѣлъ и хорошѣлъ все болѣе и болѣе; а потому и неудивительно, что уже въ началѣ царствованія императора Николая I, явился проектъ постановки памятника Св. Владиміру на одномъ изъ Кіевскихъ холмовъ. Но этотъ проектъ шелъ обычнымъ въ прежнее время долгимъ путемъ канцелярій; а затѣмъ дѣло было поручено инженерамъ, которые нашли, что самую гору (Александровскую), избранную мѣстомъ постановки памятника, слѣдуетъ предварительно обдѣлать и укрѣпить... и очень долго работали надъ этой обдѣлкой и укрѣпленіемъ. Только уже въ 1849 году эти приготовительныя работы были закончены и приступлено было наконецъ къ постановкѣ самаго памятника. Весь памятникъ состоитъ изъ призматическаго восьмистороннаго пьедестала, въ готическомъ стилѣ, утвержденнаго на квадратной площадкѣ съ пятью ступеньками. На пьедесталѣ поставленъ восьмисторонній, съ короткими колонками, аттикъ, а поверхъ него круглое подножіе, украшенное рельефнымъ орнаментомъ. Все это отлито изъ чугуна. На подножіи возвышается прекрасная статуя князя Владиміра, работы академика барона Клодта, отлитая изъ массивной бронзы *). Равноапостольный князь изображенъ молящимся; лицо его обращено къ берегамъ Днѣпра, на которыхъ совершилось крещеніе Русскаго народа. Въ лѣвой рукѣ князя—великокняжеская шапка, въ правой — четырехконечный крестъ; сверхъ древне-русскаго полукафтанья, на плеча накинута великокняжеская мантія. Въ лицевую сторону пьедестала вставленъ отлитый изъ бронзы барельефъ, изображающій крещеніе Кіевлянъ; надъ этимъ барельефомъ помѣщенъ городъ Кіевъ; ниже— Владимірская звѣзда, а по сторонамъ—Владимірскіе кресты. На сторонѣ противоположной барельефу, выпуклыми бронзовыми буквами, поставлена надпись: „Сооруженъ въ 1853 г.“. Этотъ величавый памятникъ достоинъ памяти императора Николая и, несомнѣнно, принадлежитъ къ лучшимъ украшеніямъ города (см. рис. № 2 на стр. 700—1).

Къ сожалѣнію, не все то, что дѣлалось въ царствованіе покойнаго императора Николая, обладавшаго значительнымъ художественнымъ вкусомъ и тактомъ — служило на пользу Кіевскимъ историческимъ памятникамъ и воспоминаніямъ. Печальная участь постигла священные остатки одного изъ древнѣйшихъ кіевскихъ храмовъ — Десятинной церкви, построенной Владиміромъ Равноапостольнымъ въ память крещенія Кіевлянъ. Одинъ изъ ученѣйшихъ пастырей нашихъ, Кіевскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), превосходный знатокъ кіевскихъ древностей, отыскалъ мѣсто древней Десятинной церкви, откопалъ, на свои средства, фундаментъ ея и подалъ мысль о необходимости возобновить этотъ величавый памятникъ церков-

*) Художникъ, изобразившій въ настоящемъ № *Нивы* Крещеніе Кіевлянъ (стр. 692—3), не забылъ и этихъ *корсунскихъ* крестовъ, которые и далъ въ руки крещающему духовенству.

*) Высота памятника, до статуи, 7 саженъ; высота статуи—2 сажени; крестъ въ рукахъ статуи гораздо больше роста человѣческаго. Высота барельефа 4 аршина, ширина—3 аршина. Вѣсъ статуи—350 пудовъ; вѣсъ барельефа—156 пудовъ.

наго зодчества. Нашлись и средства на это дѣло: курскій богатый помѣщикъ Анненковъ пожертвовалъ крупную сумму на возсозданіе храма Владимірова. Подано было нѣсколько проектовъ и одинъ изъ нихъ — самый неудачный изъ всѣхъ — проектъ архитектора Старова утвержденъ. Архитекторъ, незнакомый ни съ исторіею храма, ни съ предшествующими раскопками на мѣстѣ его, сталъ воздвигать, на мѣстѣ древней Десятинной церкви, нынѣшній храмъ, извѣстный подъ этимъ именемъ, размѣрами едва достигавшій и половины размѣровъ древняго величаваго храма *). На мѣстѣ прежняго стройнаго зданія, представлявшаго прямоугольникъ, Старовъ воздвигнулъ храмъ совершенно квадратный, и при этомъ нашелъ даже нужнымъ *разрушить* часть уцѣлѣвшей стѣны Десятинной церкви и *выкопать* часть древняго фундамента... Варварство это не оправдывается никакими соображеніями и составляетъ темное пятно въ исторіи Кіевскихъ памятниковъ.

На рис. № 9 (стр. 700—1) въ общей картинѣ Кіевскихъ мѣстностей представлена Десятинная церковь въ томъ видѣ въ какомъ она была возстановлена знаменитымъ Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою въ началѣ XVII вѣка. Въ то время церковь была деревянная и очень необширна; но за то древняя стѣна и весь фундаментъ Владиміровой церкви были пощажены храмоздателемъ и составляли видную часть зданія. Въ то время въ нижнемъ этажѣ этого небольшаго храма помѣщалась церковь Рождества Пресвятой Богородицы и придѣлъ во имя Святителя Николая; въ верхнемъ этажѣ — крошечная церковь во имя Св. апостоловъ Петра и Павла.

П. Полевой.

Къ рисункамъ Кіевскихъ мѣстностей въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

Златыя Врата. (Рис. на стр. 689).

Въ 1037 году, Ярославъ Мудрый обнесъ весь Кіевъ стѣною и въ ней устроилъ великолѣпныя врата, надъ которыми, по обычаю времени, воздвигъ церковь Благовѣщенія. Вмѣстѣ со всѣми остальными памятниками кіевскими и Златыя Врата были разрушены татарами, въ 1240 году. Развалины этихъ древнихъ воротъ еще въ XVII вѣкѣ были видны въ кіевскомъ крѣпостномъ валу. Въ 1651 г. съ нихъ былъ снятъ рисунокъ, который указываетъ намъ, что тогда еще видны были на воротахъ остатки арокъ, оконъ и входныхъ дверей церкви Благовѣщенія. Затѣмъ разрушеніе древняго памятника шло быстрыми шагами и въ 1743 г., по указу Сената, Златыя Врата были засыпаны землею, какъ внутри, такъ и по сторонамъ, „ибо грозили паденіемъ". Въ 1832 году, кіевскій археологъ Лохвицкій отрылъ ворота изъ-подъ этой искусственной предохранительной насыпи, а императоръ Николай I, обозрѣвъ отрытый памятникъ, нашелъ его „достойнымъ сохраненія". Съ тѣхъ поръ были приняты всѣ мѣры для воспрепятствованія дальнѣйшему разрушенію Златыхъ Вратъ. Рисунокъ, помѣщаемый нами на первой страницѣ настоящаго №, изображаетъ этотъ замѣчательный памятникъ въ томъ видѣ, въ какомъ Лохвицкій отрылъ его изъ-подъ земли; другой рисунокъ (№ 8 на стр. 700—1, въ общей картинѣ) изображаетъ Златыя Врата въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, послѣ того какъ онѣ были укрѣплены внутренними устоями и желѣзными скрѣпами.

Кіево-Печерская Лавра. (Рис. на стр. 697).

Эта знаменитая обитель принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Россіи. Первое основаніе ей положено первымъ Кіевскимъ митрополитомъ „изъ русскихъ", Иларіономъ, ископавшимъ первую *печеру* (или пещеру) на мѣстѣ нынѣшней обители, въ 1051 г. Въ этой пещерѣ поселился впослѣдствіи преподобный Антоній, около котораго стала быстро собираться братія, привлекаемая его благочестіемъ и подвигами смиренія. Братія ископали себѣ *новыя печеры* и даже пещерную церковь (на мѣстѣ нынѣшнихъ *Дальнихъ пещеръ*). Тогда Антоній удалился отъ нихъ и ископалъ себѣ пещеру въ сторонѣ возлѣ нынѣшняго Лаврскаго Собора (на мѣстѣ *Ближнихъ пещеръ*). Великолѣпный соборный храмъ, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, заложенъ былъ въ обители Печерской при сыновьяхъ Ярослава Мудраго и законченъ постройкою въ 1083 году. Въ построеніи и украшеніи его принимали участіе византійскіе зодчіе и художники. Разрушенный и ограбленный татарами во время Кіевскаго погрома въ 1240 году, храмъ этотъ былъ воздвигнутъ вновь изъ развалинъ въ 1470 году кіевскимъ намѣстникомъ изъ православныхъ литовскихъ князей, Симеономъ Александровичемъ Олельковичемъ. Кіево-Печерская Лавра, въ настоящее время, занимаетъ обширное пространство въ южномъ предмѣстьи Кіева, которое именуется Печерскимъ. Въ настоящее время эта обитель состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей: 1) въ ближайшей къ городу части помѣщается сама Лавра; 2) внутри ея, при Святыхъ Вратахъ, Больничный монастырь; 3) къ югу отъ Лаврской церкви, на одномъ изъ уступовъ Печерскаго холма, монастырь *Ближнихъ пещеръ* (см. рис. № 5 стр. 700—1); 4) къ юго-востоку оттуда же, на особомъ холмѣ, расположенъ монастырь *Дальнихъ Пещеръ* (см. рис. № 4 стр. 700—1). Кіево-Печерская Лавра привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ со всѣхъ концовъ обширной Русской земли, и они постоянно толпятся подъ тѣмъ крытымъ притворомъ ея древняго собора, который изображенъ на стр. 697 настоящаго № *Нивы*. Постояннымъ притокомъ богомольцевъ объясняется и тотъ обильный, неисчерпаемый источникъ богатствъ, которыя отовсюду стекаются къ Лаврской казнѣ, благодаря усердію русскихъ людей къ древней святынѣ.

Въ числѣ многихъ десятковъ подвижниковъ, почивающихъ въ пещерахъ Кіево-Печерской обители, мы видимъ (въ Ближнихъ пещерахъ), въ серебряной ракѣ, останки преподобнаго Нестора-Лѣтописца, положившаго основаніе древней русской лѣтописи. Надъ серебряною ракою, на стѣнѣ повѣшена мѣдная вызолоченная доска съ именемъ нашего бытописателя, присланная въ 1826 году Обществомъ Исторіи и Древностей (см. рис. № 6 на стр. 700—1).

Подъ названіемъ *Аскольдовой могилы* извѣстенъ издревле всѣмъ мѣстнымъ Кіевскимъ жителямъ одинъ изъ уступовъ Печерской горы, противъ того мѣста, гдѣ протокъ Черторыя соединяется съ Днѣпромъ. Это урочище лежитъ почти на версту выше Кіево-Печерской Лавры, вверхъ по теченію Днѣпра, почти подъ самымъ Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ. На этомъ урочищѣ, по преданію, былъ похороненъ Аскольдъ, одинъ изъ первыхъ князей-христіанъ въ Кіевѣ (см. рис. № 7 на стр. 700—1).

Андреевскій спускъ и церковь Андрея Первозваннаго. (Рис. на стр. 704).

На мѣстѣ нынѣшняго великолѣпнаго храма, до 1707 года, стояла ветхая деревянная церковь. Въ 1744 г., императрица Елисавета, въ бытность свою въ Кіевѣ, положила своими руками первый камень въ основу новаго храма, для котораго проектъ и планы были исполнены знаменитымъ архитекторомъ того времени, графомъ Растрелли. Исполненіе этой монументальной постройки было поручено талантливому русскому архитектору Мичурину, которому пришлось бороться съ чрезвычайными техническими трудностями. Чтобы сохранить храму его положеніе на самомъ краю высокаго холма, Мичуринъ долженъ былъ подвести подъ него фундаментъ, который равняется *половинѣ высоты* всей церкви. А высота эта очень значительна: храмъ возносится надъ холмомъ на 20 саженъ 2¹/₄ аршина, а надъ уровнемъ на 41 сажень, и когда смотрѣть на него издали — онъ какъ бы виситъ надъ Кіевскимъ Подоломъ, сверкая издали своими золотыми крестами.

Вознесенскій Фроловскій женскій монастырь и Щековица. (Рис. на стр. 705).

Щековицей называется одно изъ древнѣйшихъ Кіевскихъ урочищъ — гора надъ Кіевскимъ Подоломъ (низменною частью города) съ западной стороны. Щековица лежитъ между горами Киселевкою и Юрковицею и возвышается саженъ на тридцать надъ уровнемъ Днѣпра; она имѣетъ около двухъ верстъ въ окружности и значительно ниже другихъ Кіевскихъ высотъ — Печерской и Старо-Кіевской горы, и всѣ ея склоны не такъ круты, какъ у тѣхъ. Можетъ-быть потому именно, со стороны Щековицы, происходили постоянно вражескія нападенія на Кіевъ, и здѣсь упоминаютъ лѣтописцы о важнѣйшихъ битвахъ кіевскихъ князей въ удѣльный періодъ. Лѣтопись свидѣтельствуетъ о томъ, что Щековица была нѣкогда густо населена и что здѣсь, въ древности, было нѣсколько церквей. Самое названіе урочища напоминаетъ имя *Щека* — одного изъ трехъ братьевъ-князей, основателей Кіева.

Къ прочимъ рисункамъ.

Странникъ. (Рис. на стр. 708).

Паломничество къ Св. Мѣстамъ — явленіе исконное на Руси, замѣчательнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ котораго по древности служитъ извѣстный *паломникъ* XII вѣка „Хожденіе Данила Руськыя земли игумена". Ежегодно, съ наступленіемъ лѣта, по всѣмъ большимъ и проселочнымъ дорогамъ нашего обширнаго отечества, тянутся партіи богомольцевъ, преимущественно съ сѣвера на югъ, къ святынямъ Кіева, а съ юга на сѣверъ къ обители Соловецкой, при чемъ Москва съ ея соборами и Троицко-Сергіевой лаврой, является какъ бы перепутьемъ. Есть и другіе странники, собирающіе доброхотныя приношенія на построеніе церквей...

Ходятъ въ зимушку студеную,
Ходятъ въ лѣтніе жары,

*) Древняя Десятинная церковь, по плану, снятому митрополитомъ Евгеніемъ съ откопаннаго фундамента, достигала въ длину 24 саженъ, въ ширину — 16 саженъ. Нынѣшняя — въ длину и въ ширину — достигаетъ 13 саж. и 1 арш.

900-лѣтіе крещенія Руси. Кіевъ. Андреевскій спускъ и церковь Св. Андрея Первозваннаго.

Съ фотогр де-Мезера, грав М Рашевскій.

900-лѣтіе крещенія Руси. Кіевъ. Подолъ. Вознесенскій Флоровскій женскій монастырь и Щековица.

Съ фотогр. Васильева. грав. М. Рашевскій.

Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И даютъ, даютъ прохожіе..
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

Но есть и третій разрядъ—чрезвычайно вредная секта, раскольничій безпоповщинскій толкъ, странниковъ или скитальцевъ, составляющихъ подонки такъ-называемой *бродячей Руси* и проповѣдывающихъ удаленіе отъ семейства, общества и всякаго подчиненія гражданскимъ законамъ и православной церкви, какъ единственное средство избѣжать власти антихриста. Секта состоитъ изъ собственно странниковъ и страннопріимцевъ. Первые, разорвавъ всякую связь съ семьей и обществомъ, уничтожаютъ свои паспорта и, перемѣнивъ имена, уходятъ въ тайги или бродятъ по селеніямъ, пока не попадутъ въ острогъ, что считаютъ мученичествомъ; вторые живутъ деревнями и наружно подчиняются властямъ, но главная ихъ обязанность принимать и укрывать странниковъ. Секта эта весьма распространена въ Сибири, особенно въ нѣкоторыхъ округахъ Тобольской, Томской и Енисейской губерній. На что бываютъ способны такіе сектанты — превосходно изображено въ извѣстной поэмѣ А. Н. Майкова—*Странникъ*. Вотъ такого-то странника-сибиряка и представляетъ прилагаемый рисунокъ.

Григорій Андреевичъ Лишинъ. (Портр. на стр. 709).
(† 15 іюня 1888 г.).

Русская музыка утратила одного изъ видныхъ своихъ представителей. 15 іюня, послѣ четырехмѣсячной мучительной болѣзни, скончался, на тридцать пятомъ году жизни, Г. А. Лишинъ, извѣстный авторъ многихъ прекрасныхъ романсовъ, нѣсколькихъ оперъ и проч., замѣчательный дирижеръ оркестра и еще болѣе замѣчательный музыкальный импровизаторъ.

Г. А. Лишинъ родился въ Петербургѣ, 23 апрѣля 1854 г. Воспитываясь первоначально дома, онъ изучалъ музыку подъ руководствомъ своей матери, ученицы Шопена. Затѣмъ, на тринадцатомъ году, онъ вступилъ въ училище Правовѣдѣнія, которое многократно дарило Россіи замѣчательныхъ музыкантовъ, каковы напр. Сѣровъ и Чайковскій. Здѣсь онъ пользовался уроками профессора Гензельта и принадлежалъ къ числу его любимыхъ учениковъ. Окончивъ курсъ въ 1875 году, Лишинъ началъ службу при Главномъ управленіи по дѣламъ печати, въ комитетѣ иностранной цензуры, но вскорѣ вышелъ въ отставку, чтобы окончательно посвятить себя своему музыкальному призванію. Въ то же время, владѣя нѣсколькими иностранными языками и довольно обширнымъ литературнымъ образованіемъ, онъ посвящалъ свои досуги и литературѣ, сотрудничая въ *Полярной Звѣздѣ* гр. Саліаса, *Звѣздѣ*, *Гражданинѣ* и др. изданіяхъ. Особенно славились его лирическія поэмки. Въ качествѣ капельмейстера Лишинъ стяжалъ себѣ извѣстность во многихъ городахъ Россіи, между прочимъ въ Москвѣ, Харьковѣ и Астрахани. Концерты его также имѣли успѣхъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи.

Что касается собственно композиторской дѣятельности, то въ сочиненіяхъ его преобладаетъ лирическій элементъ, въ которомъ всего лучше и выразительнѣе отражалась его художественная натура. Онъ оставилъ болѣе сотни пѣсенъ и романсовъ, изъ коихъ многіе пользуются большою популярностью. Въ этой области особенно ярко сказалась его природная склонность къ чистой мелодіи, составляющей главную основу истинной музыки, и при этомъ дарованіе его проявлялось съ замѣчательнымъ разнообразіемъ, благодаря той легкости, съ которою Лишинъ овладѣвалъ всякою музыкальною формой. Замѣтимъ мимоходомъ, что ко многимъ изъ этихъ романсовъ и пѣсенъ Лишинъ самъ писалъ или переводилъ текстъ, такъ называемыя „слова“. Въ послѣдніе годы онъ даже спеціально занимался переводомъ и приспособленіемъ русскаго текста ко множеству иностранныхъ оперъ, всего до 40.

Лишинъ написалъ четыре оперы: лирическія „Графъ Нулинъ“ и „Цыганы“, комическую „Испанскій дворянинъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, оставшуюся недоконченной. Изъ нихъ предпослѣдняя недавно съ большимъ успѣхомъ исполнялась въ Кіевѣ. Большинству публики Лишинъ преимущественно извѣстенъ какъ мело-декламаторъ съ замѣчательнымъ импровизаторскимъ талантомъ, благодаря коему онъ „сказывалъ“ стихи корифеевъ русской поэзіи, сопровождая текстъ изящнымъ аккомпаниментомъ на фортепіано.

Тѣло Лишина предано землѣ въ Александро-Невской лаврѣ, неподалеку отъ могилъ Сѣрова и Бородина, рядомъ съ могилой Мусоргскаго.

Тибетскія степныя куры (Syrrhaptes thibetanus).
(Рис. на стр. 709).

Вмѣстѣ съ горными, песчаными и другими рябками, въ Азіи живетъ еще одинъ родъ этого семейства птицъ, извѣстный подъ названіемъ *степныхъ куръ* или *саджъ* у русскихъ (послѣднее названіе и у китайцевъ), *бульдуруковъ* у киргизовъ, *ньюнтерьонъ* у монголовъ, *алтынъ* у двоеданцевъ. Одинъ изъ видовъ этого рода, *пустынникъ* (*S. paradoxus*), открытый и описанный въ концѣ прошлаго вѣка знаменитымъ Палласомъ, распространенъ по всей Средней Азіи до Каспійскаго моря, а на югѣ встрѣчается до Тибета. Эта птица держится исключительно въ пустынѣ, гдѣ питается сѣменами нѣсколькихъ травъ (мелкой полыни, сульхира и др.). Большій или меньшій урожай этихъ травъ обусловливаетъ количество зимующихъ пустынниковъ, которые въ огромномъ числѣ скопляются зимою въ пустыняхъ Алашаня, будучи привлекаемы туда вкусными сѣменами сульхира (Agriophyllum gobicum). Лѣтомъ часть этихъ птицъ является въ наше Забайкалье и выводитъ тамъ птенцовъ. Яйца, числомъ 3, кладутся прямо на землю, безъ всякой постилки, самка сидитъ на нихъ довольно крѣпко, не смотря на то, что птицы эти вообще довольно осторожны. Полетъ степныхъ куръ замѣчательно быстрый, такъ что когда летитъ цѣлая стая, то еще издали слышенъ особый дребезжащій звукъ, какъ бы отъ сильнаго вихря. По землѣ пустынникъ бѣгаетъ очень плохо, вѣроятно вслѣдствіе особаго устройства его ногъ, пальцы которыхъ срослись между собою, а подошва подбита бородавчатою кожей, напоминающею пятку верблюда. Послѣ утренней покормки, пустынники всегда летятъ на водопой, къ какому-нибудь ключу, колодцу или соляному озерку. Здѣсь вся стая предварительно описываетъ нѣсколько круговъ, чтобы удостовѣриться въ безопасности, а затѣмъ опускается къ водѣ и, быстро напившись, улетаетъ прочь. Мѣста водопоевъ аккуратно посѣщаются степными курами, которыя прилетаютъ сюда иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, если ближе того нѣтъ воды.

Степная курица величиной съ перепелку. Ноги не оперены, а покрыты грубыми, клочковатыми волосами, напоминающими шерсть кабарги. Пальцы похожи на ящеричные и покрыты чешуйками, твердость коихъ противится самому острому ножу. Мясо имѣетъ довольно пріятный вкусъ дичи, но очень жестко. Весной и лѣтомъ онѣ держатся небольшими стайками, разбившимися на парочки, а осенью собираются въ стаи по нѣскольку сотъ штукъ. Подобно курамъ, онѣ выкапываютъ себѣ небольшія углубленія въ почвѣ и лѣтомъ очень любятъ грѣться на солнцѣ, прижавшись другъ къ другу. Во время своихъ перекочевокъ степныя куры нерѣдко залетаютъ въ разныя мѣста Европы до крайняго ея запада.

На нашемъ рисункѣ изображенъ новоописанный и привезенный г. Пржевальскимъ видъ степной курицы, а именно тибетскій бульдурукъ, чучела коего находятся нынѣ въ музеѣ Академіи Наукъ.

Политическое обозрѣніе.

Предстоящее свиданіе Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго въ теченіе настоящаго іюля останавливаетъ на себѣ всеобщее вниманіе, вызывая всевозможные толки и догадки въ иностранной печати. Ни одна мелочь спѣшнаго приготовленія германской императорской эскадры въ Килѣ не остается не обсуженною. Эскадра эта будетъ состоять изъ флагманскаго судна „Baden“, судовъ: „Bayern“, „Friedrich der Grosse“ и „Kaiser“ и вѣстового парохода „Liethen“. Императоръ сядетъ въ Килѣ на императорскую яхту „Hohenzollern“, командиромъ которой назначенъ капитанъ втораго ранга принцъ Генрихъ Прусскій; командованіе-же всею эскадрой возложено на контръ-адмирала Кнорра. Болѣе подробныя распоряженія, какъ-то о времени отъѣзда изъ Киля и о днѣ прибытія въ Россію, хранятся пока въ тайнѣ. Равнымъ образомъ еще неизвѣстно, кто будетъ сопровождать императора Германскаго въ его поѣздкѣ въ Россію. За достовѣрное, однако, передаютъ, что въ императорской свитѣ будетъ между прочимъ находится графъ Гербертъ Бисмаркъ съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ. Этому послѣднему обстоятельству многіе придаютъ особенное значеніе и видятъ въ предстоящемъ путешествіи не простой актъ вѣжливости, являющійся отвѣтомъ на посѣщеніе Государемъ Императоромъ Данцига и Штеттина, какъ на томъ настаиваетъ *Крестовая Газета*. „Впрочемъ, политическое значеніе свиданія Императоровъ, можно думать, преувеличивается многими газетами“, замѣчаетъ *Политическая Корреспонденція*. Въ ней напечатано по поводу этого событія письмо, присланное, будто-бы, изъ Петербурга, и въ немъ говорится, что свиданіе Русскаго Императора съ Германскимъ не поведетъ къ измѣненію русской политики на Востокѣ. Россія останется неуклонно при своихъ требованіяхъ. Германія хочетъ сохранить себѣ своихъ союзниковъ, а Россія—свободу дѣйствій.

Тѣмъ не менѣе предстоящія событія, надо надѣяться, настолько упрочатъ увѣренность въ сохраненіи общаго мира, что разрѣшеніе болгарскаго и другихъ вопросовъ на Балканскомъ полуостровѣ значительно облегчится и практическія затрудненія къ тому будутъ устранены. Но это свиданіе не должно возбуждать въ Австро-Венгріи никакихъ опасеній, заявляетъ *Pester Loyd*, какъ-бы въ отвѣтъ на проявившуюся въ австрійскихъ и мадьярскихъ газетахъ нѣкоторую робость по поводу грядущихъ событій. „Болгарскій вопросъ вовсе не составляетъ краеуголь-

наго камня усложненій, вслѣдствіе которыхъ политическое положеніе Европы является такимъ тягостнымъ. Австро-венгерскіе интерессы въ Болгаріи вполнѣ совпадаютъ съ общеевропейскими интересами. Австро-Венгрія ничего для себя не требуетъ и ничего не можетъ уступить".

Къ успокоенію австрійцевъ отчасти направлена также и статья брюссельской *Nord*. При всемъ желаніи быть спокойною по поводу будущей встрѣчи Императоровъ, австро-венгерская печать не въ состояніи однако скрыть своего опасенія, не произойдетъ-ли отъ этого свиданія неблагопріятныхъ для Австро-Венгріи послѣдствій, и старается замаскировать свой страхъ нелѣпыми обвиненіями въ перевороте русской политики, которая якобы ждетъ теперь осуществленія своихъ завоевательныхъ замысловъ относительно Востока уже не отъ союза съ Франціей, а отъ сближенія съ Германіей.

Въ Сербіи предстоятъ странныя и прискорбныя событія. Королева Наталія, русская по происхожденію, горячо любящая Сербскій народъ, взаимно имъ любимая и не сочувствующая австрійскому вліянію, опутавшему короля Милана, сдѣлалась предметомъ недостойныхъ обвиненій въ руководствѣ политическимъ заговоромъ въ Сербіи и въ намѣреніи играть политическую роль, несовмѣстимую съ политикою короля. Такія будто-бы дѣйствія вынудили короля Милана въ началѣ удалить королеву Наталію изъ Бѣлграда, а нынѣ требовать развода. Сербская королева, не смотря на чувство оскорбленія, вызванное въ ней несправедливыми требованіями короля, сумѣла остаться твердою и рѣшительно отказалась отъ сдѣланнаго ей предложенія развестись. Этотъ отказъ не остановилъ короля Милана въ его намѣреніяхъ и онъ передалъ дѣло о разводѣ на разрѣшеніе синода, который будто-бы принялъ это предложеніе короля. Что же касается двѣнадцатилѣтняго наслѣднаго принца Сербскаго, находящагося со своею родительницею въ Висбаденѣ, то онъ, по словамъ органа желѣзнаго канцлера, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, будетъ возвращенъ въ Сербію, вопреки желанію королевы Наталіи, хотя бы на то потребовалось вмѣшательство прусскихъ властей, къ которымъ сербское правительство уже обратилось за содѣйствіемъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ихъ Имп. Выс. Вел. Кн. Михаиломъ Александровичемъ и Вел. Кн. Ксеніею Александровною, 21 іюня, въ 10 часовъ утра, отправились изъ Петергофа въ финляндскія шхеры.

— Въ Варшаву, 19 іюня, прибылъ Е. И. В. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ съ Супругою и свитою.

Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ на телеграмму о блистательномъ видѣ, въ которомъ найденъ имъ петербургскій гренадерскій императора Германскаго полкъ, получилъ слѣдующую телеграмму: „Живѣйшимъ образомъ тронутый твоею телеграммой, прошу тебя передать мой горячій привѣтъ полку, мундиръ котораго я ношу столько времени и которымъ я интересуюсь, гордясь тѣмъ, что состою его шефомъ. Обнимаю тебя съ искреннею дружбою. Вильгельмъ". По желанію Его Императорскаго Высочества, телеграмма императора Германскаго сообщена командиру петербургскаго гренадерскаго полка для передачи чинамъ полка.

Дѣла церкви.

— Въ Якобштадтѣ, 10 іюня, совершено торжественное освященіе возобновленнаго Прибалтійскимъ братствомъ Свято-Духовскаго храма. Богослуженіе совершалъ преосвященный Арсеній, епископъ Рижскій и Митавскій. Предсѣдатель Братства удостоился получить отъ Государя Императора слѣдующую телеграмму:

„Предсѣдателю Прибалтійскаго православнаго братства Галкину-Враскому".

„Императрица и Я искренно радуемся, что Якобштадтскій православный храмъ возобновленъ и освященъ стараніями и усердіемъ православнаго братства. Радуемся и за православное населеніе, которое снова пріобрѣло свою святыню. Сердечно поздравляемъ всѣхъ".

„АЛЕКСАНДРЪ"

— 13 іюня происходила въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры хиротонія архимандрита Владиміра въ санъ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: Обязать общества всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ открытыхъ уже, такъ и впредь открываемыхъ для общественнаго пользованія, учреждать для своихъ служащихъ пенсіонныя или сберегательно-вспомогательныя кассы.

— Въ составѣ центральнаго управленія Государственнаго дворянскаго земельнаго банка учреждается должность товарища управляющаго банкомъ.

— Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ настоящаго года поступленіе доходовъ въ счетъ росписи опредѣлилось въ 173,726,000 р. противъ 167,227,000 руб. за то-же время въ 1887 г., превысивъ послѣдній на 6,499,000 р. По присоединеніи доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, всего государственныхъ доходовъ къ 1 апрѣля текущаго года поступило 189,547,000 руб., болѣе соотвѣтствующаго поступленія прошлаго года на 2,555,000 рублей.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Съ 1 іюня начался промыселъ рыбы на восточной сторонѣ Мурманскаго берега. Не будучи особенно удачнымъ, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ, недостатка наживки „мойвы" и вслѣдствіе появленія звѣря „кожи", промыселъ все-таки давалъ на шняку (рыболовное судно), за одинъ выѣздъ, отъ 10 до 60 пуд. улова.

— Изъ Рыбинска, 29 іюня, сообщаютъ, что отъ ежедневныхъ проливныхъ дождей вода въ Волгѣ и Шекснѣ сильно прибыла и несетъ массы дровъ и лѣса. Хлѣба повалило, луга затоплены какъ весной.

— 25 минувшаго мая, въ слободѣ Воздвиженской, Терской области, выпалъ градъ, величиною въ куриное яйцо. Крупныя градины имѣли форму сплюснутыхъ сфероидовъ, около 3 дюймовъ въ діаметрѣ, и вѣсили до 30 золотниковъ.

Торговля.

— Настроеніе международной хлѣбной торговли на недѣлѣ 13—19 іюня (ст. ст.) оставалось попрежнему бездѣятельнымъ. Что касается цѣнъ на отчетной недѣлѣ, то онѣ, хотя держались слабо и имѣли наклонность къ пониженію, но существеннымъ измѣненіямъ не подверглись. На русскихъ рынкахъ, помимо общей неохоты къ покупкамъ, препятствіемъ для экспортныхъ сдѣлокъ служило продолжающееся значительное повышеніе курса. Съ рожью слабѣе, по случаю уменьшившагося требованія ея въ Германію. Лучше другихъ продуктовъ удержался овесъ.

— Въ Одессу, 23 іюня, возвратился съ дальняго Востока первый пароходъ добровольнаго флота „Москва" съ большой партіей первосборнаго чая и 22 частными пассажирами.

Народное просвѣщеніе.

— Въ Томскѣ, дума ассигновала 4,000 руб. на празднованіе дня открытія здѣсь университета и на расходы по пріему гостей.

— Скончавшійся недавно профессоръ Харьковскаго университета Лашкевичъ завѣщалъ университету и на другія нужды просвѣщенія около 40,000 рублей. Свою медицинскую библіотеку онъ завѣщалъ Томскому университету.

Пути сообщенія.

— По докладѣ Его Величеству телеграммы командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа о состоявшемся открытіи самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, Государь Императоръ выразилъ полное удовольствіе по случаю окончанія новаго желѣзно-дорожнаго пути, связывающаго съ Россіей одну изъ отдаленнѣйшихъ ея окраинъ, и Высочайше повелѣть соизволилъ объявить командующему войсками Турк. воен. округа генералъ-лейтенанту Розенбаху, и неутомимому, энергическому строителю дороги, генералъ-лейтенанту Анненкову— Высочайшую благодарность. Всѣмъ сотрудникамъ строителя, командиру и офицерскимъ чинамъ 2-го Закаспійскаго желѣзнодорожнаго батальона, участвовавшимъ въ сооруженіи сего участка — Монаршее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ — Царское спасибо.

Изъ губерній и областей.

— Въ Симбирскѣ, 29 іюня, во второмъ часу дня, начался при сильномъ вѣтрѣ пожаръ съ Дворцовой улицы дома Абушаева. Выгорѣла часть города отъ Дворцовой улицы до Стараго Вѣнца. Распространеніе огня прекратилось у садовъ въ 11 часовъ вечера. Подгорная часть Волги уцѣлѣла. Сгорѣло болѣе 200 домовъ. Товары, движимость на всемъ пространствѣ долго еще горѣли. На случай возобновленія пожара, жители всю ночь были наготовѣ выѣхать съ имуществомъ въ поле.

Некрологъ.

— Въ Калугѣ, 22 іюня, скончался ветеранъ отечественной войны, генералъ-маіоръ Мирковичъ, 96 лѣтъ отъ роду.

— Въ Симбирскѣ, 26 іюня, въ 8 часовъ утра, скончался жившій на покоѣ въ Покровскомъ монастырѣ архіепископъ Евгеній.

Смѣсь.

Что при помощи игрушекъ и т. п. шуточнаго производства можно нажить состояніе —это фактъ, не подлежащій сомнѣнію; достаточно вспомнить напр. „кри-кри" и другія подобныя вещи. По словамъ „Вѣковой нѣмецкой ремесленной газеты", производство такихъ игрушекъ приняло въ послѣднее время опредѣленное направленіе, какъ это мы можемъ видѣть напр. на выставляемыхъ въ людномъ мѣстѣ вагонахъ, — которые приходятъ въ движеніе при бросаніи въ нихъ монеты въ десять пфенниговъ. Въ Берлинѣ также въ настоящее время, въ мѣстахъ легко доступныхъ для публики, какъ напр. въ мѣстахъ продажи зельтерской воды, билетовъ и т. д. выставлено множество автоматическихъ приборовъ, изъ которыхъ вы, бросивши десять пфенниговъ, можете достать пару сигаръ, осмотрѣвъ ихъ предварительно черезъ стекло; аппаратъ при этомъ остается безъ всякаго дальнѣйшаго присмотра. У дверей кондитерскихъ встрѣчаются нерѣдко подобные-же аппараты, надѣляющіе публику шоколадомъ и разсчитанные, слѣдовательно, главнымъ образомъ на грошовыя сбереженія дѣтей. Въ Соединенныхъ Штатахъ система эта достигла гораздо большаго совершенства. Тамъ развилась чрез-

вычайно искусная фабрикація прекрасныхъ моделей паровыхъ машинъ, винтовыхъ пароходовъ, локомотивовъ и т. д., которыя тоже приводятся въ дѣйствіе посредствомъ бросанія никелевой монеты. Модели эти, сдѣланныя иногда изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра, представляютъ поистинѣ художественныя произведенія по тонкости и изяществу работы. Онѣ выставляются въ станціонныхъ залахъ, пріемныхъ, въ переднихъ отелей и приносятъ отличный доходъ. Строители этихъ моделей отказываются продавать ихъ; они отдаютъ ихъ содержателямъ гостинницъ и др. на прокатъ, приблизительно за 250 марокъ въ мѣсяцъ. Такая модель приноситъ доходу отъ 20 до 40 марокъ въ день. Кромѣ того, модель устраивается еще такимъ способомъ, что при бросаніи монеты въ музыкальномъ ящичкѣ раздаются національныя мелодіи, въ тактъ которыхъ модель двигается. Строители моделей заботятся о томъ, чтобы всѣ движущіяся части могли быть легко обозрѣваемы, вслѣдствіе чего модели эти крайне поучительны и интересны; благодаря имъ ворочающіе всѣмъ міромъ успѣхи прикладной механики становятся общественнымъ достояніемъ. До чего доведено подражаніе дѣйствительности, можно видѣть изъ того, между прочимъ, что у модели локомотива, какъ только она приходитъ въ движеніе, въ переднихъ фонаряхъ загорается электрическій свѣтъ. Упомянутые музыкальные ящики пока еще получаются изъ Швейцаріи, именно на сумму 200,000 марокъ ежегодно, что можетъ дать понятіе какіе обширные размѣры уже приняло это дѣло. Такъ какъ производство этихъ оригинальныхъ моделей чрезвычайно выгодно и онѣ распространены уже по всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ, отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско, то одна компанія намѣревается ввести ихъ и въ Европѣ; такимъ образомъ въ скоромъ времени мы будемъ имѣть возможность изумляться у себя дома новѣйшему американскому способу наживанія денегъ. (с).

Скорострѣльныя пушки. Послѣ нѣкотораго застоя въ дѣлѣ усовершенствованія скорострѣльнаго оружія, въ послѣднее время снова было сдѣлано много опытовъ надъ скорострѣльными пушками. Хотя пушки-револьверы системы Гатлинга, Гарденера, Норденфельда и Гочкиса, извѣстны уже давно и введены во многихъ арміяхъ и флотахъ, но вслѣдствіе своего малаго калибра, онѣ годятся только противъ живыхъ цѣлей. Дальнѣйшія усилія были направлены на то, чтобы выработать скорострѣльное орудіе большаго калибра, снарядъ котораго могъ бы пробивать обыкновенную броню миноносокъ, да-

Странникъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Моровина, грав. Ангереръ.

бы защитить военныя суда отъ этихъ опасныхъ враговъ и удерживать ихъ на приличномъ разстояніи. Желательно выработать такой типъ орудія, въ которомъ соединялась бы возможно большая способность пробивать брони съ возможно-большею скорострѣльностью. Въ этомъ отношеніи болѣе широкую извѣстность получило орудіе, изготовленное въ двухъ образцахъ на заводѣ Армстронга въ Эльсвикѣ: $4^{3}/_{4}$-дюймоваго и $6^{1}/_{4}$-дюймоваго калибра (12 и 18 сантиметровъ). Первое стрѣляетъ снарядомъ въ 40, второе—въ 70 фунтовъ, и въ одну минуту первое дѣлаетъ 12 выстрѣловъ, второе—10. Начальная скорость въ обѣихъ пушкахъ достигаетъ 1900 футовъ въ секунду. При сравнительныхъ опытахъ въ $47^{1}/_{2}$ секундъ изъ новаго $4^{3}/_{4}$-дюймоваго орудія было сдѣлано 10 выстрѣловъ, между тѣмъ какъ изъ обыкновеннаго 4-хъ-дюймоваго, заряжающагося съ казенной части орудія для того-же числа выстрѣловъ потребовалось 5 минутъ и 7 секундъ. Результаты опытовъ были во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительны. Оказались весьма интересными нѣкоторыя особенности въ конструкціи орудія. Запирающій механизмъ и зажимной винтъ имѣютъ коническую форму; заряжаніе упрощено, такъ какъ уже не нужно выдвигать винта для того, чтобы повернуть затворъ въ его гнѣздѣ. Впереди орудія помѣщается стальной щитъ, толщиною въ 3 дюйма, для защиты прислуги. Но главное преимущество орудія заключается въ патронѣ, такъ какъ снарядъ и зарядъ помѣщаются вмѣстѣ въ бронзовой гильзѣ, и съ нимъ можно обращаться какъ съ патрономъ пѣхотнаго ружья. Этимъ соединеніемъ и достигается скорость стрѣльбы. Зарядъ воспламеняется посредствомъ электричества, и необходимое для этого приспособленіе дѣйствуетъ только тогда, когда запирающій механизмъ совершенно закрытъ, чѣмъ устраняется возможность преждевременнаго выстрѣла. Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ $4^{3}/_{4}$-дюймовомъ орудіи зарядъ вѣситъ 12 фунтовъ, $6^{1}/_{4}$-дюймовомъ—30 фунтовъ, а вѣсъ снаряда въ первомъ—40 фунтовъ, во второмъ—70 фунтовъ. Возможно, что эти скорострѣльныя орудія большаго калибра вытѣснятъ отчасти употреблявшіяся до сихъ поръ, именно въ сооруженіи небольшихъ судовъ и какъ вспомогательныя орудія для броненосцевъ. Въ всякомъ случаѣ они будутъ имѣть значеніе только въ морской артиллеріи. (с.)

Григорій Андреевичъ Лишинъ († 15 іюня 1888 г.).
Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Въ бельгійскихъ рабочихъ домахъ и исправительныхъ заведеніяхъ господствуютъ порядки, которые въ наше время кажутся почти невѣроятными. Послѣднія засѣданія палаты депутатовъ раскрыли ужасающую картину. Число обитателей этихъ домовъ достигаетъ 6,000; изъ нихъ 1,000 дѣтей. Всѣ они не только не отдѣлены другъ отъ друга, но представляютъ пеструю смѣсь изъ рабочихъ оставшихся безъ работы, бродягъ, тунеядцевъ, пьяницъ, больныхъ и помѣшанныхъ. Тутъ-же находятся и выжившіе изъ ума пропойцы въ ножныхъ кандалахъ и дѣти. Люди выходящіе изъ этихъ домовъ, развращены физически и нравственно и становятся большею частью преступниками. Министръ юстиціи обѣщалъ, наконецъ, ввести нѣкоторыя улучшенія, а именно, раздѣлить обитателей этихъ учрежденій на четыре класса: рабочихъ не имѣющихъ работы; бродягъ и нищихъ; стариковъ и больныхъ, и наконецъ—дѣтей, и отвести

А. Земцовъ

Бульдурукъ тибетскій (Syrrhaptes thibetanus).
Изъ коллекціи Н. М. Пржевальскаго, ор. рис. (собственность „Нивы") А. Земцова, грав. Ю. Шюблеръ.

каждому изъ этихъ классовъ особое помѣщеніе. Въ домахъ для умалишенныхъ въ Бельгіи также еще употребляются кандалы и цѣпи. (С).

Злоупотребленіе пенсіями, вызывающее ужасающія траты государственной казны, составляетъ, какъ извѣстно, всѣми признанную язву Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Сообщенія объ этомъ злѣ, сдѣланныя правительственнымъ чиновникомъ Блэкомъ, заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ представляютъ новыя доказательства того, что пенсіонная расточительность въ Штатахъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. По докладу пенсіоннаго коммисара, оказывается, что въ теченіе фискальнаго года, окончившагося 30 іюня 1887 г., къ огромному числу уже имѣвшихся пенсіонеровъ Uncle Sam'a (Uncle Sam шутливое прозвище United States), прибавилось еще 55,194 чел., и въ то же время имена 2707 лицъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ исключенныя изъ пенсіонныхъ списковъ, были вновь внесены въ нихъ. Это неслыханныя цифры, такъ какъ ни въ одномъ году, не исключая и непосредственно слѣдовавшаго за окончаніемъ междуусобной войны, не насчитывалось столько людей имѣющихъ право на полученіе пенсіи. Въ настоящее время число лицъ пользующихся пенсіей изъ Союзнаго казначейства достигаетъ 406,000, между тѣмъ какъ десять лѣтъ тому назадъ, въ 1877 г., пенсіи получали 332,104 человѣка. Вмѣсто того чтобы уменьшаться, согласно естественному ходу вещей, число это съ 1878 постоянно увеличивалось, такъ что теперь, почти четверть вѣка спустя послѣ междуусобной войны—оно достигло огромной цифры, свыше 400,000. Если это пріумноженіе правительственныхъ пенсіонеровъ продлится въ подобной же прогрессіи еще нѣсколько лѣтъ, то количество ихъ превзойдетъ полмилліона. Разсмотримъ теперь во что̀ обходились и обходятся Дядѣ Саму его пенсіонеры. Въ 1874 году было уплачено на пенсіи только 30.593,749 долларовъ. Эта сумма ежегодно уменьшалась, приблизительно на одинъ милліонъ, пока не достигла въ 1878 г. наименьшей величины—26.844,415 долларовъ. Затѣмъ сумма, расходуемая на пенсіонеровъ, стала вновь изъ-года-въ-годъ увеличиваться, дойдя въ послѣдній фискальный годъ до колоссальной цифры въ 73.467,581 долларовъ. Сообразно постоянно возрастающему числу лицъ имѣющихъ право на пенсію, увеличивается конечно и разрѣшаемая конгрессомъ сумма, такъ напр. на текущій фискальный годъ назначено для этой цѣли 78.700,000 долларовъ, а на слѣдующій, пенсіонный коммисаръ требуетъ уже 79.000,000 дол.! Такимъ образомъ, сумма пенсій уплачиваемая Союзнымъ правительствомъ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ увеличилась втрое, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что она долго еще будетъ увеличиваться. Въ настоящее время одни лишь участники войны 1812 г., послѣ которой прошло уже 75 лѣтъ, или ихъ родственники, составляютъ 12,900 пенсіонеровъ, а въ прошломъ году была разрѣшена пенсія двумъ женщинамъ, заявившимъ претензіи въ качествѣ вдовъ солдатъ, сражавшихся 104 года тому назадъ, во время революціонной войны; можно поэтому ожидать, что и въ слѣдующемъ столѣтіи будутъ постоянно наростать претензіи лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ послѣдней войнѣ, особенно если конгрессъ, состоящій большею частью изъ демагоговъ, самаго низшаго разбора, найдетъ нужнымъ выдавать пенсіи каждому завербованному во время войны, хотя бы онъ никогда не былъ на полѣ битвы. (с.)

Профессоръ Яковъ Гриммъ, занимаясь однажды въ своей рабочей комнатѣ, услышалъ осторожный стукъ въ дверь. Въ комнату вошла маленькая дѣвочка. „Ты господинъ Гриммъ?“ спросила она, сдѣлавъ ему книксенъ по всѣмъ правиламъ искусства. — „Да“, былъ отвѣтъ, „меня зовутъ Гриммъ“. — „Ты тотъ самый г-нъ Гриммъ, который написалъ такія хорошія сказки?“ — „Да“, отвѣчалъ профессоръ, улыбаясь, „я написалъ ихъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Вильгельмомъ“. — „Значитъ и сказку объ умномъ маленькомъ портномъ, ты написалъ?“ продолжала дѣвочка. — Ученый отвѣчалъ утвердительно. — „Такъ значитъ я должна тебѣ талеръ“, сказала дѣвочка, — „потому что въ концѣ сказки подписано, кто этому не повѣритъ, платитъ талеръ! А я этой исторіи не вѣрю. Сегодня я могу тебѣ дать только четыре гроша, больше у меня нѣтъ въ копилкѣ, но я скоро принесу еще“. — Гриммъ смѣялся отъ души, взялъ у дѣвочки четыре гроша и отпустилъ ее домой. Но тотчасъ-же отослалъ взятыя деньги съ лакеемъ матери дѣвочки, съ прибавкой талера для копилки, такъ какъ такого дѣтскаго простодушія ему еще не приходилось встрѣчать. (с.)

Къ 300-лѣтнему юбилею картофеля. Въ началѣ 1588 года знаменитый ботаникъ Карлъ Клузіусъ, завѣдывавшій императорскими садами въ Вѣнѣ, получилъ отъ Филиппа де-Сиври, владѣльца Вальгайна и бургомистра города Монса, въ Генегау, два картофельные клубня и одну картофелину. Сиври получилъ картофель изъ Италіи и потому назвалъ ихъ итальянскимъ словомъ Taratruffli, что равнозначуще трюфелямъ; отсюда произошло названіе „картофель“. Клузіусъ занялся разведеніемъ этого растенія и первый сдѣлалъ научное описаніе его. Въ 1601 году, когда появилось его сочиненіе: „Rariorum plantarum historia“, картофель былъ уже „обыкновеннымъ явленіемъ въ большей части садовъ Германіи, благодаря его замѣчательной плодовитости“. Въ концѣ своего труда Клузіусъ задается вопросомъ, былъ-ли картофель извѣстенъ въ древности и находитъ у Теофраста растеніе „Арахнида“, которое онъ пытается отождествить съ картофелемъ. Намъ кажется странною подобная попытка; но не слѣдуетъ забывать, что Клузіусъ не зналъ объ американскомъ происхожденіи картофеля, точно также какъ тогда еще не былъ рѣшенъ вопросъ, оставалась-ли Америка для древнихъ дѣйствительно terra incognita. Ботаники того времени считали своихъ греческихъ и римскихъ собратовъ, въ особенности Теофраста и Діоскорида, такими высокими авторитетами, знавшими и описавшими въ своихъ сочиненіяхъ *всѣ* существующія растенія, что одною изъ главныхъ цѣлей тогдашней науки было отождествить каждое найденное растеніе съ описанными раньше у Теофраста и Діоскорида. (с.)

1-й заемъ 1864 года. 47-й тиражъ 1-го іюля 1888 года.

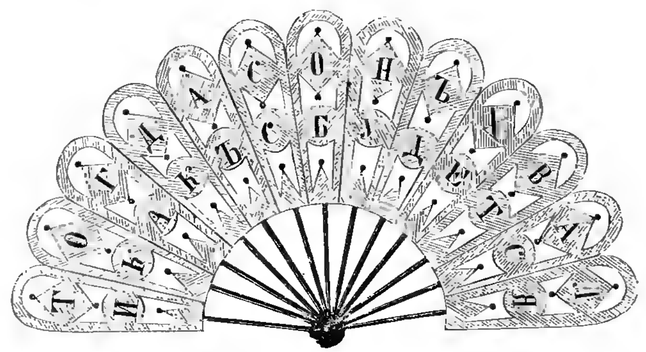
ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
38	4	5000	2761	24	500	5249	23	500	7571	29	500	10723	49	500	13017	18	500	15514	21	500	17810	23	500
69	39	500	2801	41	8000	5277	19	500	7608	13	500	10813	46	500	13065	32	500	15568	1	500	17828	28	500
182	48	500	2817	46	500	5344	43	500	7712	16	5000	10932	33	500	13143	37	1000	15589	7	500	17835	4	500
236	26	500	2943	34	500	5360	30	500	7751	42	500	10952	31	500	13282	36	8000	15618	12	500	17847	15	1000
372	47	500	2987	1	500	5432	23	10000	7830	32	1000	10993	37	500	13339	20	500	15651	2	5000	17874	11	500
413	3	500	3041	15	500	5450	10	500	7892	34	500	10994	43	500	13340	16	1000	15651	10	500	17903	37	500
423	41	500	3182	37	1000	5474	5	500	8109	38	1000	11119	27	500	13393	45	500	15820	14	500	17951	33	500
592	29	500	3190	7	500	5563	9	500	8162	20	500	11144	46	500	13428	3	500	15842	40	500	17964	23	500
732	11	25000	3385	30	500	5586	40	500	8288	28	500	11223	32	1000	13436	39	500	15865	7	500	18063	36	500
759	6	500	3412	24	500	5656	28	500	8306	17	500	11237	1	500	13444	17	500	16167	1	500	18103	19	500
799	32	500	3464	36	500	5661	37	500	8501	4	500	11327	45	500	13468	15	75000	16329	15	500	18192	34	500
946	26	500	3591	12	500	5696	20	500	8504	47	500	11373	6	500	13517	16	5000	16334	39	500	18224	19	500
958	26	500	3665	30	500	5886	18	500	8545	47	500	11383	42	500	13577	16	500	16454	8	500	18236	14	500
972	12	500	3713	26	500	5891	15	500	8621	36	500	11402	17	500	13588	37	500	16536	21	500	18259	33	500
1045	10	500	3722	37	500	6079	39	500	8643	16	500	11538	24	1000	13595	47	500	16562	37	500	18315	22	500
1278	17	500	3732	6	500	6138	2	500	8707	42	1000	11560	39	500	13649	34	500	16671	16	500	18343	45	500
1284	28	500	3746	33	500	6215	24	500	8861	12	500	11674	37	1000	13988	6	500	16672	11	500	18484	34	500
1286	12	1000	3804	9	500	6258	21	500	8883	24	500	11714	10	500	14032	8	500	16727	22	500	18534	24	500
1320	40	500	3864	3	500	6293	13	500	9068	46	500	11725	42	500	14194	37	40000	16810	36	500	18645	47	500
1494	24	500	4126	2	500	6696	47	500	9192	50	500	11841	2	8000	14197	48	500	16817	1	500	18648	27	1000
1536	28	500	4214	48	1000	6782	7	500	9234	12	500	11853	33	500	14217	36	500	16824	46	500	18845	16	8000
1610	30	500	4238	20	500	6844	44	500	9335	1	500	11890	44	500	14219	20	500	16847	46	500	18923	23	500
1718	23	500	4309	29	500	6897	1	500	9339	16	500	11914	8	500	14290	47	500	16905	36	500	18979	36	500
1720	33	500	4350	43	500	6904	14	500	9376	49	500	11929	37	500	14386	17	500	17007	18	500	18988	45	500
1816	19	500	4396	23	500	6919	20	500	9517	12	500	12000	24	500	14412	18	500	17044	45	500	19169	3	500
1885	3	500	4414	44	500	6992	23	5000	9585	10	500	12022	1	500	14511	45	500	17117	2	1000	19226	40	500
1904	6	500	4483	30	500	7007	26	500	9960	18	500	12040	29	10000	14590	40	500	17149	4	500	19238	48	500
1941	29	500	4689	12	500	7079	47	200000	9967	49	1000	12064	33	500	14634	23	1000	17183	23	500	19324	37	1000
1955	36	500	4704	48	500	7094	45	500	9980	38	500	12231	9	500	14758	29	500	17310	48	500	19442	5	500
1975	7	500	4735	37	1000	7122	25	500	10139	3	500	12296	13	500	14800	49	500	17473	21	500	19534	9	500
2109	33	500	4742	36	500	7273	35	500	10163	3	500	12348	27	500	15018	24	500	17523	39	500	19545	28	500
2162	15	5000	4746	17	500	7328	43	500	10200	19	500	12587	11	5000	15085	16	1000	17595	2	500	19576	21	500
2165	28	500	4791	15	500	7387	1	500	10209	48	500	12639	2	500	15097	48	8000	17657	23	500	19734	36	500
2323	38	500	4865	46	1000	7439	21	500	10424	28	500	12643	35	500	15262	5	500	17666	48	500	19778	49	500
2381	48	500	4963	12	500	7482	41	500	10447	6	500	12754	30	500	15263	37	500	17697	18	500	19787	5	500
2503	5	500	5046	1	500	7487	44	500	10531	12	500	12802	37	500	15353	34	500	17766	48	500	19805	14	500
2586	17	500	5200	11	500	7529	19	500	10630	10	500	12835	16	500	15470	49	5000	17770	40	500	19862	8	500
2715	31	10000	5246	39	500	7543	13	500	10643	3	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

54, 111, 227, 457, 742, 1198, 1811, 2233, 2474, 2605, 2789, 3469, 3622, 3668, 3716, 4800, 4817, 4948, 4971, 5645, 6270, 6379, 6385, 6409, 7159, 7527, 7575, 7620, 7683, 7700, 7913, 8047, 8339, 8424, 88[illegible]0, 9036, 9606, 9998, 10034, 10428, 10537, 11475, 11564, 11844, 12004, 12078, 12305, 12365, 12705, 12747, 12902, 12960, 13032, 13062, 13215, 13274, 13287, 13362, 13464, 13578, 13739, 13902, 14167, 14188, 14233, 14269, 14338, 14519, 14614, 14724, 14960, 14963, 15014, 15448, 15939, 16366, 16405, 16425, 16[illegible]60, 16847, 17002, 17111, 17385, 17546, 17964, 17993, 18920, 18931, 19074, 19187.

Рѣшеніе задачи „Вѣеръ" № 39 (помѣщенной въ № 23).

„Тогда сонъ хвали какъ сбудется".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — П. Башилова, А. В. Моисѣева, Т. Шарикова, Р. Кербахъ, Ф. Михель, Н. В. Папкова, Э. Мартиновскаго, **Москва** — А. Безиковича, Н. Я. Романова, А. Н. Демидовича, Л. Ю. Кохновой, Н. Кудрина, **Б. Коровино** — Б. К. Терскаго, **Бологое** — Е. М. Карохина, **Бобруйскъ** — Е. Мольской, **Бѣлгородъ** — Ѳ. З. Мазуръ, **Божедаровнъ** — А. Ф. Попова, **Вятка** — К. Р. Шляхтина, **Дѣевка** — М. В. Дидковскаго, **Динабургъ** — Е. Арбузовой, **Кіевъ** — Н. Громашевскаго, Н. Алехиной, **Кѣльцы** — П. Д. Гуглинскаго, **Кронштадтъ** — А. Тонъ, **Кунарка** — П. П. Стрижева, **К. Подольскъ** — К. Бѣльчанскаго, **Клинцы** — А. Е. Дрознина, **Луношнино** — Е. П. Волковой, **Льговъ** — М. М. Кусакова, **Новоукраинка** — М. Сербина, **Овсянники** — М. А. Н....ой, **Пустовойтово** — Песвицкаго, **Петрозаводскъ** — Е. Панафидиной, **Ртищево** — А. Д. Никифоровой, **Рославль** — Ф. К. Александрова, **Раменское** — В. С. Ситникова, **Рыбинскъ** — Д. Т. Сосина, **Ростовъ на Д.** — А. Я. Михайлова, **Рязань** — П. Постникова, **Сѣдлецъ** — Е. Сѣрочковской, **Старица** — О. К. Симонова, **Сердобскъ** — С. Аароновскаго, **Судогда** — В. П. Голубева, **Тамбовъ** — П. Ананьева, **Тверь** — Тамбурова, **Троица** — Н. Соловьева, **Шацкъ** — А. А. Тимепева, **Яранскъ** — А. Калининой.

Рѣшеніе ребуса № 40 (помѣщеннаго въ № 23).

„Хмѣль головой высокъ, да ногами жидокъ".

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НОВЫЯ ЛѢТНІЯ ИГРЫ

изданія

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ учебныхъ пособій и игръ.

◆ **ДВѢНАДЦАТЬ МЕДАЛЕЙ** ◆ на выставкахъ.

ОСНОВАНА ВЪ 1873 г.

Паладa, забава для одного. Ц. 50 к. безъ пер.

Арни, общественная игра. Ц. 5 р. (упак. 60 к., перес. 27 фунт.).

Воздушное бильбоке, играющихъ отъ 2—3 человѣкъ, на воздухѣ и въ комнатахъ. Ц. 5 р. 75 к. (упак. 60 к., перес. 23 ф.)

Квойтетъ, обществ. игра на воздухѣ. Ц. 7 р. (уп. 60 к., перес. 19 ф.)

Перелетъ, совершенно оригинальная игра съ новымъ пріемомъ. Ц. 7 р. 50 к. (упак. 60 к., перес. 25 ф.).

Универсальный счетчикъ для всѣхъ игръ, для 4-хъ партій. Ц. 2 р. (упак. 30 к., перес. 12 фунтовъ).

Баллиста, приборъ для бросанія мячика вверхъ. Ц. 2 р. (упак. 35 к., перес. 10 ф.).

Змѣй съ механическимъ посланникомъ, выбрасывающимъ парашюты и бумажный фейерверкъ. Ц. 3 р. и 3 р. 50 к. (упак. 70 к., перес. 18 ф.)

Змѣи большие коленкоровые съ рисунками по заказу: Иванъ царевичъ на сѣромъ волкѣ, Кузнецъ Вакула на чортѣ, Коверъ-самолетъ, Вѣдьма на метлѣ и проч. по выбору въ альбомѣ рисунковъ Мастерской.

Ястреба бумажные и шелковые.

Лѣтнія игры: Бацъ! Ц. 5 р. (упак. 50 к., перес. 25 ф.). **Крокеты** отъ 4 р. до 22 р. и дороже. **Кегли.—Серсо.—Воланы.—Лонъ-Теннисъ.—Тонно.—Судьба.—Садовые инструменты, прочные.—Тачки.—Песочные приборы.—Мячи.—Ходули.—Гимнастика.—Качели.—Гигантские шаги.—Хамаки.—Воздушные шары и фигуры.—Фонари для иллюминаціи. Приборы для собиранія коллекцій растеній и насѣкомыхъ.**

☛ Большинство игръ снабжено подробными объясненіями съ рисунками. Игры заготовляются въ **ограниченномъ** количествѣ, но всегда могутъ быть приготовлены **на заказъ;** заказы просятъ давать **заблаговременно.** № 3267

Справочный каталогъ высылается за почтовыя марки на 10 коп.

Троицкая ул., 11.

Ц. № 3078 (10)

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по **удешевл. цѣнамъ** въ 3½, 4, 5 и 8 руб. **со школой и ног.,** на которыхъ **самоучкой** въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный **прейсъ-курантъ** всѣмъ инструментамъ **безплатно.**

Безопасные велосипеды спеціально для русскихъ дорогъ.

„Безопасн. вел. Свифтъ"

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представител. д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3223 4—4

ТРУБЫ

газовыя, дымогарныя, топочныя, бурильныя и пр. всегда на лицѣ у

АЛЬБЕРТА ГАНЪ

Москва, Мясницкая ул., домъ Ананова.
Ц. № 3238 5—2

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. Н. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящной литографир. обертке 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля: въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная, 1 р. 25 к.,** а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ,** въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

въ

страховомъ обществѣ „РОССІЯ"

на выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ для вдовъ и сиротъ,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 Января 1888 года въ Обществѣ „Россія" было застраховано **16,681 лицо на капиталъ въ 49.061,640 руб. Въ 1888 г. дивидендъ страхователей составляетъ 12%.**

Ближайшія подробности въ **брошюрахъ** Страховаго Общества „Россія", выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, **безплатно** Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентами Общества въ городахъ Имперіи.** № 3227 6—4

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—7

НАСОСЫ

ДЛЯ ВСЯКИХЪ ЦѢЛЕЙ,

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ, садовыя трубы,

ГАЗОНОКОСИЛКИ по 23 р., 27 р., 31 р. и 35 р.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ и **ОРУДІЯ**

въ большомъ выборѣ предлагаетъ со склада ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я линія, домъ № 10, **Москва,** Мясницкая, домъ Виноградова. № 3258 4—2

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

№ 4711 ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА

получили извѣстность, благодаря своимъ качествамъ; значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Спеціально рекомендую:

№ 4711 Роза — Хрустальное мыло,
№ 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Резеда—Хрустальное мыло.
№ 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло.
№ 4711 Монополь — Глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3268 2—1

ГЛАВНОЕ ДЕПО

у АЛЕКС. ТИСЪ и К°.

Пушкинская, № 4.

!НОВОСТЬ!

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина

МОЛЬДАКОТЪ

съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкій ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и дешевизна. Наставленія прилагаются. **Цѣна** безъ футл. 10 руб., въ орѣхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 фунт. № 3271

Главный складъ въ писчебумажномъ магазинѣ **„ПОЛИГРАФЪ", Москва,** Моросейка д. Комитета.—Въ Нижегород. ярмар., Бравильскій Пассажъ, № 58.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ, наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3250 5—2

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

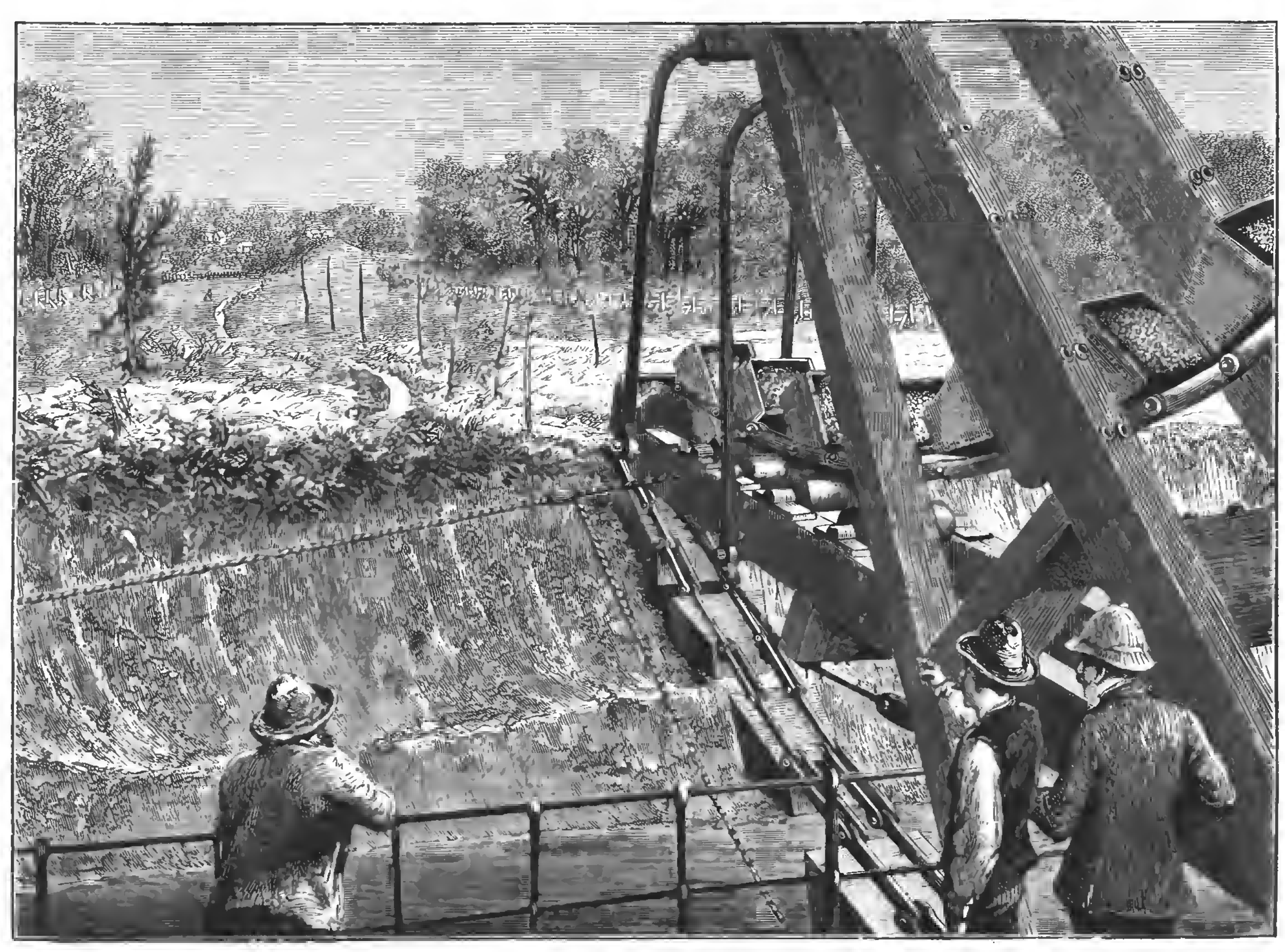
Дозвол. ценз., СПБ., 6 іюля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. | № 29 | г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 іюля 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Прорытіе Панамскаго перешейка. Цѣпная землечерпальная машина на пароходѣ. Съ наброска Мельтонъ Прайора въ Ill. L. N., грав. М. Рашевскій.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

XI.
Арбузьевскій походъ.

Буянъ, какъ обѣщалъ своему господарю, такъ и сдѣлалъ: приказалъ Пашку прогуляться въ новокупленную пѣтовую волость, къ Порхову, пригороду новгородскому. Съѣздилъ Пашко не про что, только деньги истратилъ. А какъ пріѣхалъ, стали надъ нимъ уличана посмѣиваться; которые поумнѣе, тѣ его уговаривали чтобъ онъ о Маврушенькѣ и думать забылъ.

— Кабы она неволей за Арбузьевымъ, или за инымъ кѣмъ жила, толковали,—а улучила бъ, ужь вѣрь, времячко, прислала бы о себѣ вѣсточку. А знать вольнёй волей она своего родителя-матушку покинула, а и тебя еще, жениха богоданнаго. А о такой-то была еще нужда жалѣть.

Пашко́ и самъ сегодня такъ думалъ, а на завтра иначе. То онъ склонялся къ мысли, что ему и думать о Маврушенькѣ пора перестать; то ему снова приходило въ голову, что если Маврушенька въ конецъ сгубится, на его душѣ грѣхъ будетъ. Въ этой второй мысли Пашко́ сердцемъ укрѣплялся, и помолясь, рѣшилъ: попытать ему еще разъ сходить ко честной вдовѣ посадничьей за совѣтомъ да за помочью.

Услыхавъ о порховской прогулкѣ, посадница убѣдилась, что не кто иной, а Василей Селифонтьевичъ Маврушеньку скралъ, и теперь со злости надъ Пашкомъ негожія шутки пошучиваетъ. И вспомнилося ей что за это время Арбузьевъ не разъ къ ней заѣзжалъ, а всякій-то разъ освѣдомлялся про Пашка: не клалъ ли онъ на него новой жалобы передъ тетушкой крестовенькой. А слыша что Пашко̀ и вовсе не бывалъ, Арбузьевъ только посмѣивался въ черную что̀ смоль бороду.

Отпуская Пашка́, Мароа еще разъ пообѣщала ему что такъ она этого дѣла не оставитъ, и насколько ея силы хватитъ, постарается выручить Маврушеньку изъ бѣды. Отпустивъ парня, посадница стала думать, чѣмъ бы этому горю помочь. И тутъ ей вспомнилось, что давно еще Василей-внучекъ говорилъ ей, что былъ онъ какъ-то у Арбузьева на погулянкѣ, и тотъ, подвыпивъ, расхвастался что никого-то не боится въ Новѣгородѣ, кромѣ Луки Аввакумовича, да и того не столько боится, сколько ума его слушается. Посадница за Лукой послала. Лука отъ хлопотъ не отказался.

Поѣхавъ отъ посадницы, Лука раздумался о Пашкѣ и ему захотѣлось поглядѣть его. „А ладенъ-парене-тъ“, Лука приговаривалъ, вспоминая что̀ про него говорила посадница. „Этакой на рѣдкость вѣдь. Ну, а Маврушенька какова? Еще стоитъ ли овчинка выдѣлки? Може изъ такихъ вотъ какъ въ пѣснѣ играютъ:

> Я по правдѣ-то скажу—одного тебя люблю,
> Я по истинной скажу—семерыхъ съ тобой люблю.

„А и то молвить“, добавилъ Лука про себя, „что не моя о томъ, а Пашкова забота“, и порѣшилъ сейчасъже, не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, проѣхать къ Арбузьеву.

Приворотникъ, какъ завидѣлъ Луку Аввакумовича, настежъ ему ворота отворялъ, а какъ Лука къ крыльцу подъѣхалъ, къ его стремени подбѣжалъ Буянъ.

— Дома, знать, чадушко, Лука сказалъ.

— Въ походѣ буде, Лука Аввакумовичъ: третій день какъ пошелъ.

— Въ волость, что-ль, пригороднюю?

— Ни, тута въ садъ къ себѣ: ты погляди-ко-сь каковъ у насъ походъ устроенъ хорошій, ухмыляясь доложилъ Буянъ.

— Это что еще за выдумки? сказалъ Лука и прошелъ въ садъ.

Арбузьевскій садъ былъ славенъ на весь Новгородъ: сколь онъ обширенъ былъ, можно по тому судить, что однихъ колодезей было въ немъ семь, или восемь копано. На лужку. обсаженномъ вокругъ яблонями, былъ раскинутъ не малый шатеръ. Въ шатеръ и столъ, и лавки были натащены, а трава цыновками и войлоками устлана. Подходя, Лука Аввакумовичъ услышалъ громкій говоръ и серебряный кубковъ звонъ.

— Такъ ты его и припечаталъ! густо что̀ шмель бунчалъ Юрьевъ голосъ, Репехова.

— А говорю-же что припечаталъ! Арбузьевъ настойчиво кричалъ.

— Кого ты припечатывалъ-то? Лука, подойдя, спросилъ.

— А ключнику монастырьску бороду къ столу припечатывалъ.

— Ну? взмотнувъ что̀ конь головой, спросилъ Лука.

— А, вишь ты, попализался онъ за столомъ у меня сидючи, ключнико-тъ, а головой на столъ легъ, а бороду, ровно убрусъ [1]), широко по столу разстелилъ. А я приказывалъ его по карманамъ обыскивать: что̀ молъ у ключниковъ монастырскихъ въ карманахъ водится? Ну, и напали на воскъ, чѣмъ печатаютъ. Тутъ я ему тѣмъ воскомъ и сдогадался бороду печатать. Этой вотъ самой жуковинной и печаталъ.

И Арбузьевъ, ради вящшей убѣдительности, потыкалъ пальцемъ въ перстень.

— Ладно. А теперь здраствуй, Лука сказалъ.

— Охъ, и дуракъ-же я! вскочивъ на ноги, самого себя Арбузьевъ ругалъ. — И не посажу вѣдь тебя! А все этотъ вотъ, ткнувъ пальцемъ на Юрья, оправдывался Василей. — Прости, Лука Аввакумовичъ, да и здраствуй-же.

И трижды поцѣловавъ Луку, Василей усадилъ его подлѣ себя.

— Ну-т-кось присаживайся да пей, дорогой гостинёкъ, на здоровьице. А мы, слышь Лука Аввакумовичъ, во походъ пошли, третьего дни еще съ Теренькой вотъ вдоемъ выступили. А тамъ полку-то нашего все прибывало да прибывало-же, а послѣднимъ сейчасъ предъ тобою, самъ Юрьи Сергѣичъ къ намъ приступился. А походъ у насъ затѣянъ на трехъ князей, на Медыньскаго да на Пивиньскаго, да еще на третьяго, на брата ихъ старѣйшаго, великаго князя Хмѣлинскаго. А не одни, слышь, князья на насъ идутъ, ведутъ съ собою силу заморскую. Князья-те горой идутъ, а заморяна въ мѣхахъ да бочкахъ водой плывутъ. А наши Новгородцы, далъ Богъ, по сейчасъ всѣ добры-здоровы. А воеводой у насъ, нашъ-же новгородьскій князь кормлёный, а на имячко Мочерыльскій князь Питухъ Бражниковичъ. А какъ ты, Лука Аввакумовичъ, къ намъ пододвинешься, йно тутъ мы всѣхъ князей и съ заморянами живьёмъ въ полонъ возьмемъ.

— Ладно-ка, Лука сказалъ.—А я вѣдь было по дѣлу къ тебѣ.

— А дѣло, гляди, и до завтрева пóдождե, не-уйде вѣдь, Василей молвилъ, смекая не отъ тетушки-ли крестовенькой Лука подосланъ, — а утречкомъ мы съ тобой, на свѣжую голову на мудрую, и потолкуемъ о немъ.

— Дѣло-тъ и впрямь нé-уйде, да мнѣ-ко-ва [2]) не досвѣту-же стать съ тобой бражничать.

[1]) Убрусъ—полотенце.

[2]) *Ва* прибавочная частица для усиленія рѣчи.

— Ой-ли? А что-жь такъ? Василей спросилъ и весело разсмѣялся.

Василей тому смѣялся, что отъ него было приказано Буяну всѣхъ коней боярскихъ не медля разсѣдлывать, а паробковъ, которые съ боярами пріѣдутъ, того скорѣе напаивать.

— А старъ я сталъ бражничать-то, отвѣчалъ Лука на Васильевъ спросъ.

— Такъ тебя, Лука Аввакумовичъ, старымъ бражникомъ и величать станемъ, подхватилъ Василій. — А только старостью ты бытдто и не кстати порасхвастался. Одно сказать, что и не старъ ты живешь: всего-то семью-ли, восьмью годами постарѣ меня будешь, а мнѣ и тридцати вѣдь пяти не минуло. А еще и то скажемъ что Юрьи Сергѣичъ куды постарѣ тебя, а сидитъ-же.

— Я вѣдь на чуточку всего завернулъ къ тебѣ, отозвался Юрьи.

— А ты молчи, знай, коли тебя не спрашиваютъ, Василей на него окрысился.—А моихъ гостей разговаривать не моги...

— А вотъ уѣду-же...

— А вотъ нѣтъ-же, говорю. Пошлина-то твоя давно мнѣ вѣдома: всегда-то ты, чуть во дворъ, сейчасъ и домовь собираться начнешь, а порасидишься да поразговоришься, а и не выжить тебя буде.

— А вотъ-же, говорю...

И порядочно тутъ Юрьи съ Арбузьевымъ поспорили. Лука тѣмъ временемъ думалъ:

„И охота-же Юрью спорить, ровно Арбузьева не знаетъ: не уступитъ вѣдь во вѣкъ, а и домовь добромъ не выпуститъ. А я вотъ часокъ посижу, да какъ увижу, что Василей опять съ кѣмъ заспорился, потихоньку домовь и уберусь“.

— А знаю я съ чего ты плеща показать хочешь, обратился Арбузьевъ къ Лукѣ по спорѣ съ Юрьемъ.

— Ну?

— А съ того, Лука Аввакумовичъ, что нуть-ко ты вовсе вѣдь обабился. Нечего ухмыляться-то, знаю вѣдь: Пастасья-то Григорьевичева на тебя нуть пиры строитъ.

И Арбузьевъ захохоталъ.

— А дальше-то что? Лука спросилъ.

— А много вѣдь васъ къ ней похаживаетъ, да кто-то изъ васъ се охаживаетъ.

И Василей опять хохотать.

— А ты, слушай-ко, винный мѣхъ, сказалъ Лука, запустивъ руку въ его густые волосы и легонько ероша ему кудластую голову, — ври, ври да не завирайся. А на вдову честную глупымъ словомъ своимъ обиды не возлагай.

— Да я не въ обиду-же, а въ хвалу ей, Арбузьевъ оправдывался.

— А за таку хвалу, будь она мужня жена, здорово-бъ тебя мужъ вздулъ. А еще помни что сироту да вдову обижать грѣхъ...

— Охъ, полно-жь тебѣ! взмолился Василей.—Не того вѣдь я боюсь, что побоями стращашь, а вотъ грѣха-то. Какъ про грѣхъ по писанному учнешь сказывати, тутъ ажно до-сердца проймешь меня; тутъ и смерётушка моя прійде... Да и не свое вѣдь я вру, а кто-то, дай Богъ памяти, мнѣ про нее этакъ-же сказывалъ, да я вѣдь спроста, дружокъ, говорю, безъ слова обиднаго. Да такъ оно и ѐ, что Теренька вотъ совралъ.

— Что врешь-то, чортъ, съ больной головы на здоровую! крикнулъ Теренька на Арбузьева, и слѣдомъ ласкательно на Луку взглянулъ.

По этому быстрому переходу отъ браннаго окрика къ умильно-ласкательному взгляду, Лука заключилъ, что Теренько, должно быть, скоморохъ [1]).

— А не ты, такъ не ты, охотно согласился Арбузьевъ съ Теренькой.—И впрямь вѣдь не ты, а Юрьи Репеховъ меня научалъ.

[1]) Скоморохъ—актеръ.

— Чему научалъ-то? Юрьи отозвался.

— А про Настасью вотъ. Сказывалъ-же ты, что много нуть вдовъ въ Новѣгородѣ развелось, а съ того де и бабьи вѣчья у насъ повелись. А что молъ вдовы и бабы сдумаютъ, на томъ и Великій Новгородъ стане.

Всѣ разсмѣялись, а Лука подумалъ: „а скажутъ още что Василей дуракъ, аль на красно слово большаго ума не надобно?“

— А и путнаго-то тебѣ ничего сказать нельзя, все-то на свой ладъ переврешь, не безъ сердца Юрьи Василью сказалъ, и слѣдомъ съ Лукой о другомъ заговорилъ.

— А слышь, не вѣритъ вотъ, Василей Селифонтьичъ! вскричалъ Теренька скоморохъ, тыча пальцемъ въ своего сосѣда.

— Кто не вѣритъ? а не вѣритъ чему? жадно набросился Василей на новое.

— А вотъ про Демонъ [1]) не вѣритъ, что въ Демонѣ ты...

— Это съ Шаховымъ, съ Иваномъ, что-ль? Такъ этому ужь не повѣровать нельзя: самая что ни ѐ правда истинная.

— А что въ Демонѣ-то? я ровно-бы и запамятовалъ, Лука спросилъ.

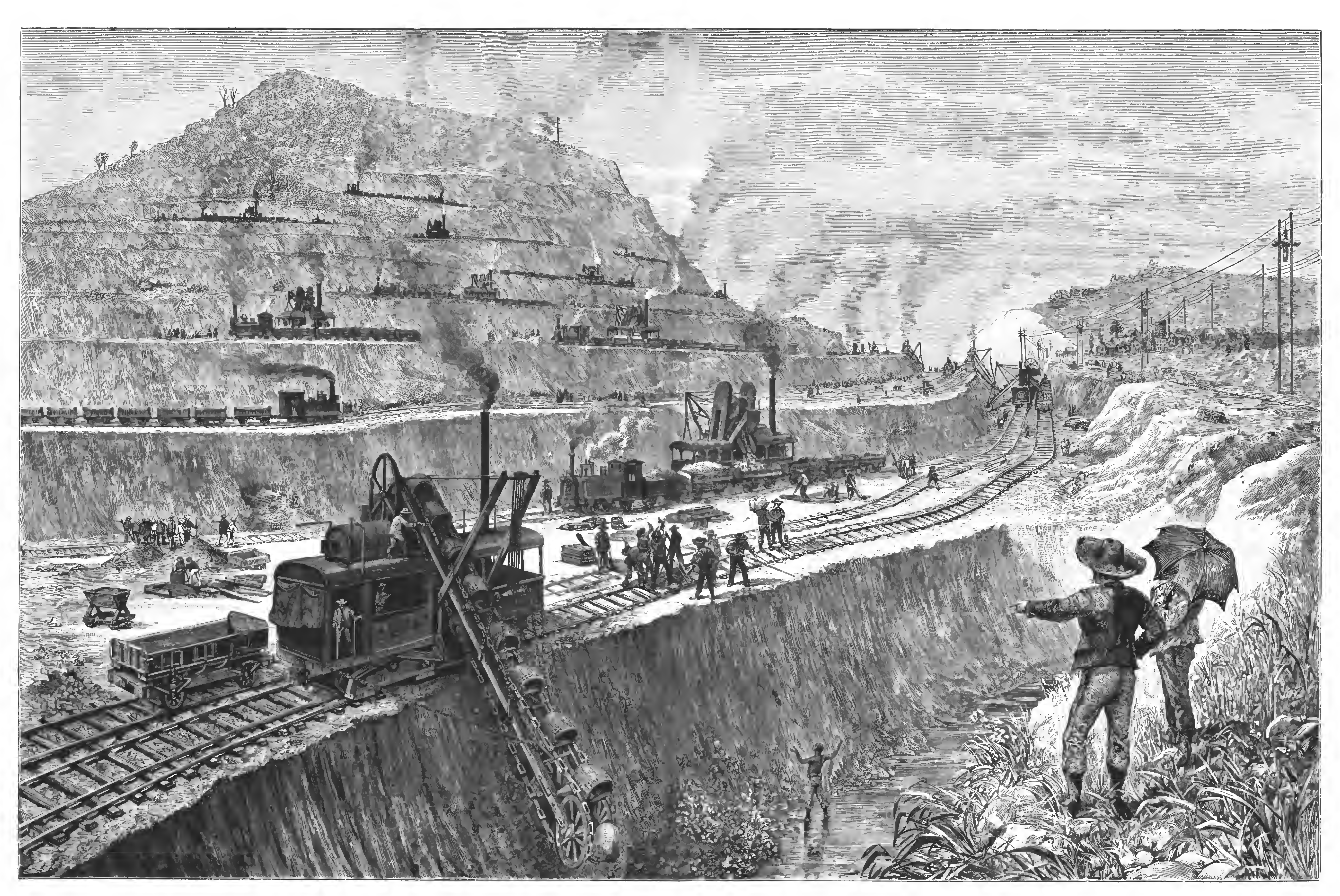
— А какже, слышь, съ Шаховымъ-то цѣлый день, съ Иваномъ, мы поляковали [2]), да въ полѣ-тъ и опознилися. А и ночь-же выпала: темь да мразь; сѣетъ этта, скажу я тебѣ, а ты вѣрь моему слову нелестному, ровно вотъ сквозь сито мелко съ неба посѣеваетъ, а и зги не видать. Тутъ мы во тьмѣ и заплуталися, а дороги въ волость къ Ивану никакъ не-найдемъ, а вѣрнѣе сказать, и лѣшій насъ путатъ: поводилъ таки до куропѣнья [3]), слышь, пока мы на этотъ Демонъ—чтобъ ему пусто было!—не наткнулися. А демонцы у насъ давно спать полегли, огня нигдѣ не видать, а гдѣ на посадѣ въ ворота ни стукнемся, не пускаютъ вѣдь: у самихъ де тѣсно. А и то сказать, что опасаются: въ ночи-то да этака орава во дворъ просится, не съ грабежнымъ-ли дѣломъ молъ. До того пришло, что хоть по подоконьёмъ волкомъ вой, хоть среди улицы въ грязь мягку спать ложись. И досада-жь взяла, а пуще того демонцевъ за грубость за ихнюю, что на ночлегъ пустить не хотятъ, поучить руки раззуднилися. И тутъ бытдто на грѣхъ наткнулись мы на дворище гдѣ бны на вѣчье сходятся. Аль колоколомъ ихъ, что-ль, говорю, взбудить? И легохонько этакъ разикъ, знашь, и вдарилъ въ колоколъ. Только легохонько-же, сказываю, билъ-то я да протяжно таково. А Буянъ, спасибо, и надоумь. „Что этакъ-то, Василей Селифонтьевичъ, бить-то протяжно да тихо; никто де изъ избы не вылѣзетъ, а только подумаютъ молъ, что къ бѣдѣ какой сами колокола звонить стали. А лучше, говоритъ, по набатному вдарить, бы къ пожару, что-ль“. А мнѣ мысль эта Буянова и показалася, и сталъ я въ колоколъ по набатному бить. А Шаховъ тожь въ задоръ вошелъ да выжлятникамъ скричалъ чтобъ въ рога трубили, а напослѣдокъ у насъ и выжлецы взлаяли. Такого-то всполоху, скажи, надѣлали—бѣды!

Тутъ Арбузьевъ духъ перевелъ, и всѣмъ столь занятна показалася его повѣсть, что не стерпѣли, въ голосъ вскрикнули: „а ну?“

— Ну, взбудились, глядимъ, ото сна демонцы-те наши: лѣзутъ, бѣгутъ на дворище. Которы и доспѣхи даже попадѣвали. Намъ-то и весело, что изо избъ ихъ повыманили, а вѣрнѣе сказать, и струхнули мы порядкомъ-же: какъ-бы молъ въ топоры да колья непрошенныхъ взбудителей не приняли. Счастьё още что посадникъ изъ первыхъ прибѣжалъ да Ивану братомъ двуроднымъ, аль дядей, не помню ужь, оказался. А то дорога-бы намъ эта потѣха объявилася.

[1]) Демонъ—пригородъ Новгородскій (нынче Демьянскъ).
[2]) Поляковать—охотиться въ полѣ.
[3]) Куропѣнье—время, когда пѣтухи поютъ.

№ 29. 1888 НИВА 1888 717

Прорытіе Панамскаго канала. Выемка въ горѣ Кулебрѣ. Рис. М. Прайоръ (Ill. London News), грав. М. Рашевскій.

Тутъ толки и ахи пошли, а Юрьи ради занятности Васильевой повѣсти, и про гнѣвъ свой недавній забылъ, и какъ онъ хвалить всѣхъ любилъ, то и не сдержался чтобъ не похвалить Арбузьева.

— А хоть давече и обидѣлъ ты меня, сказалъ, — а этой потѣхи твоей не похвалить нельзя. Ничего шутка-та, гожая.

— И самъ знаю, что гожая, ото всего сердца вздохнувъ Василей сказалъ,— а вѣдь демонцы-те, этаки мужики ехидные, на завтра насъ на вѣчье потащили да въ десяти рубляхъ и испродали [1]).

— Чѣмъ-же ехидны-то? еще Бога благодари, что не избили тебя, сказалъ Лука.

— А тѣмъ ехидны оны, что на вѣчьи-то стоя, какъ я имъ про нашу ночную бѣду повѣствовать сталъ, чуть вѣдь со-смѣху всѣ не померли, а рубли взяли-же, не забыли. А бить насъ было нѐ-за-что! ощё намъ-же спасибо сказать-бы слѣдовало, что мы ихъ отъ грубости ихней, отъ закорузлости-то этой отучали, чтобъ вдругорядь пускали къ себѣ во дворъ ночевать. Да вотъ поди-жь а ты!

И Василей руками развелъ, ото всего сердца дивясь на недогадливость своихъ демонскихъ учениковъ.

— Одначе, господо́, спохватясь взмолвилъ онъ, — бездѣлью-тъ часъ, скажутъ, а дѣлу время, а мы, глядико-сь, сколь облѣнилися. Баенка наша давно поостыла, а Мочерыльскій князь нашъ кормлённый еле живъ, бѣдняга, въ ней сидитъ, а вѣрнѣе сказать и вовсе замерзъ. А ну-т-ко, господо́, поддадимъ-ко парку-ту. А и вызволимъ князя нашего кормлённаго!

Тутъ со смѣхомъ было выпито, а не много погодя и по другой опрокинуто, а тамъ, подъ шумокъ, и по третьей опорожнено. Юрьи Сергѣевичъ столь повеселѣлъ, что пустился на-смерть выхвалять Тереньку-скомороха; тому, съ его хвалы великой, хоть бѣжать стало, а Юрьи не унимался, обѣщалъ еще, какъ время у него будетъ свободное, нарочно Тереньку къ себѣ зазвать и тогда досканально ужь похвалить.

— А и рано ты меня хвалить-то сталъ, ты до ужотка пожди, Теренька сказалъ.—Въ Спасовъ день на Хутынь приходи да моёй игры тамотко погляди, удружу ужь тебѣ, свѣтъ Юрьи Сергѣевичъ. А всѣмъ-то вамъ, господо́, погромче Теренька порасхвастался, — таку-то я игру невидашу, неслыхану покажу—только взахнете.

— А ты, пожди, сказалъ, — какъ други похвалятъ тебя. А то хвалить себя всякъ горуздъ. Пса словами лаять научи, и тотъ про себя испройзвѣститъ, что я молъ добрая собака да вѣрная, а не лестный песъ.

Теренька эти слова въ памяти у себя въ узелокъ завязалъ: „молъ зубатъ тотъ нелестный песъ“, а вслухъ только со вздохомъ молвилъ:

— Отъ тебя не обиды, чего же ждать.

Арбузьевъ вступился было за себя, что вѣкъ де обидчикомъ онъ не былъ, да рѣчь его, въ такихъ случаяхъ, обычную, прервалъ Буянъ своимъ приходомъ.

— Аль хороводъ ты привелъ? весело скричалъ Василей Селифонтьевичъ.

— И то, Буянъ отвѣтилъ.

— Гляди, дѣвки-те хѐроши-ль у тебя, звонкоголосы-ли? А то, по вечерошному, тупорылыхъ да косоглазыхъ набиралъ?

— Ну, это, Василей Селифонтьичъ, ты пожалуй и солгать научился, отвѣчалъ Буянъ. — А ты обидѣть меня не моги: лучше моего никто, хоть языкъ высуня весь Новгородъ обѣгай, хоровода не сѐбере; на это дѣло меня взять. А потому: ко мнѣ вѣдь всяка пойде; знать вѣдь, что обхожденьице у меня само вѣжливое, и опять: за деньгами мы не стоимъ съ тобой, а и денегъ не случится, вещами одаримъ. И ощё: у насъ ѣшь, пей до-люби, только-бъ въ чѐрево помѣстилося. Ну, и голоса жь, скажу я тебѣ, подобралъ нунь звонкіе,— самые что ни ѐ малиновые. А чтобъ тупорылыхъ да косоглазыхъ, такъ я на это не надѣюся, а вечоръ у тебя, знать, съ вина было въ головѣ потупившись, а въ очахъ покосившись жило̀.

Рѣчь Буянова хоть и груба на слухъ была, да говорилъ онъ се спроста, и самъ усмѣхался. А потому и Василей рѣчи его себѣ за обиду не ставилъ, а слушалъ усмѣхаясь и на всѣхъ поглядывая, будто сказать хотѣлъ: „смотрите, молъ, каковъ у меня Буянъ молодецъ живетъ, и правду молъ рѣжетъ, а обиды мнѣ отъ него никакой вѣдь нѣтъ.“

Дѣвки тѣмъ временемъ, предъ шатромъ ставъ, стали пѣсни играть. Первая пѣсня такова была:

Ты по что меня, мати, хорошу родила,
Ты хорошую, пригожую;
Гладко голову расчесывала,
Ко обѣднѣ отнаряживала?
Мнѣ нельзя, мать, ко обѣденкѣ идти,
Мнѣ нельзя, мать, Богу кланяться:
Весь народо-ть, люди зарятся:
„Это чья эта хѐроша-баска?“
Паногощана пуще всѣхъ:
Попъ — тотъ запѣвается,
Дьяконъ въ книгу зачитается,
Пономарь звонитъ, мѣшается:
„Это чья эта хѐроша-баска?“
Добрый молодецъ про то же говоритъ!
„Это чья эта хороша-баска?
Взялъ бы дѣвушку я замужъ за себя.“

И пѣсня хороша, и ладно се спѣли дѣвушки; Лукѣ пѣсня такъ полюбилася, что просилъ сыграть ее еще разъ. Василей, то видя, подливалъ ему въ кубокъ да подливалъ, не разбирая что̀ лилъ: вино-ли, медъ-ли, иль пиво. Что̀ подъ руку Василью попадалося, то, къ пѣснѣ разгорясь, и пилъ Лука. Дѣвушки не одну пѣсню сыграли, и не одна понравилась Лукѣ. Напослѣдокъ ему и хмѣль въ голову вступилъ, и думать о томъ Лука забылъ, что собирался поскорѣе домой уѣхать.

— А дѣвки-те добры, распотѣшась Василью Лука шепнулъ, слегка толкнувъ его въ бокъ. — А котора межъ ними Маврушенька-то буде?

У Василья забурлила было въ головѣ мысль сердитая, только мигомъ и стихнула.

— А Маврушенька-та котора? прищурясь, будто дѣвушекъ разглядывая, пѣвуче спросилъ онъ. — А вотъ, ей же ей, не умѣю назвать. Эй вы, дѣвчи̇ны хороши, крикнулъ онъ,— а котору изъ васъ попъ Маврушенькой крестилъ?

Дѣвчины хороши межъ собой переглянулися, другъ дружку локоткомъ поталкивая, и затѣмъ стали черноглазую да чернобровую впередъ поталкивать: „иди молъ, не бойся, что ль, а выступай-ко смѣлѣе изъ-за насъ.“

— А ощё чего тутъ тебѣ? Маврушенька выступя, спросила Арбузьева, а сама, застыдясь, закрыла лицо широкимъ рукавомъ.

— А вотъ,—и тутъ Арбузьевъ на Луку указалъ, — бояринъ сидитъ, а цѣловать ему тебя хочется.

— Ишь, охвота мнѣ была стараго да лысаго цѣловать! при общемъ хохотѣ отрѣзала черноглазая Мавруша, и тутъ ужь не стыдилася.

— А ты, слышь, дѣвчина хѐроша, Теренька вступился, — лысыхъ да плѣшатыхъ при мнѣ хулить не моги, а и самъ вѣдь я не безъ плѣши хожу. А вы чего горло дерете, погромче крикнулъ онъ, заслышавъ общій смѣхъ, — а надъ чѣмъ зубы скалите, сами того не смыслите. А вы слова моего поучёнаго послушайте, чѣмъ она, плѣшь, ладна живе.

Всѣ стали слушать Теренькина про плѣшь слова поученаго.

— А плѣшь дѣло великое, сталъ Теренька плѣшивыхъ похваливать. — А и сами отвѣтьте вы: съ чего молъ повелось оно, что никто вѣдь не скаже что съ дура у молодца волосъ убыло, а всякъ примолвитъ:

[1]) Испродать—взыскать штрафъ, денежную пеню.

знать де Господь ему лба прибавилъ? А она, плѣшь, выходитъ ума печать, а еще и головѣ краса: а и днемъ-то она пеке по солнышку [1]), а ночью-то что ясенъ мѣсяцъ свѣтится. А и всюду ей путь-дорога широка. А плѣшивы будутъ люди ласковые, за волосья нетаскапые. А другъ дружкѣ, какъ встрѣтятся, ухмыляются: одинъ у иного ума чествуе. А кудласты молодцы кудрявые, тѣ гдѣ ни встрѣтятся, въ волосья другъ дружкѣ вцѣпятся: знамо, завидки берутъ, зачѣмъ у дружка погуще ростутъ. А оцё я скажу вамъ, господо, побасеночку: ужь какъ шла плѣшь па гору, а и друга-тъ шла подъ гору, а и плѣшь плѣши молвила: я, плѣшь, ты, плѣшь...

И тутъ Теренька сталъ сказывать такія рѣчи, что и молодымъ, хотя бы и въ мясоѣдъ, слушать не во спасенье. А всѣ слушали, и смѣялися, а Лука чуть не громче всѣхъ. Василей тѣмъ временемъ своего дѣла не забывалъ, подливалъ въ кубки чего пришлось всѣмъ гостямъ, а Лукѣ въ особину. Распотѣшился вовсе Мочерыльскій князь, Пѣтухъ Бражниковичъ. А распотѣшась, образъ Божій потерялъ.

XII.

Два похмѣлья.

Какъ Лука Аввакумовичъ пробудился на другое утро, то, потянувшись, провелъ рукой по мягкой постели: мѣхъ подъ нимъ, какъ всегда, постеленъ лежитъ. Чувствуетъ также Лука что покрытъ онъ легкимъ одѣяломъ, а на ноги другое, мѣховое, брошено, чтобъ ноги у него около щиколотки подъ утро не пыли. И мысли у него въ головѣ нѣтъ, что онъ не дома спалъ: все, какъ слѣдъ, по домашнему уготовано.

„А и ладно, кажись, выспался,“ съ удовольствіемъ подумалъ онъ, и глаза открылъ. „А и гдѣ жь это я?..“

И въ тотъ же мигъ все вчерашнее съ шумомъ ему въ голову вступило. „А не дома вѣдь я, а... а...“ И все у него въ головѣ кругомъ пошло. Звенитъ въ ушахъ и пѣсня, и вскрикъ рѣзкій, и хохотъ, и спутанныя рѣчи пьяныя. Предъ очами словно Тереньга вертится, и какія-то красныя рожи кривляются, и ноги въ пляскѣ колѣнца выкидываютъ, и бо́яра, и дѣвчины, и Маврушенька черноброва...

И чудно какъ-то все видится и слышится: и вмѣстѣ все, и порознь каждое; толкается, спуетъ, прыгаетъ; и смутно, и явственно. И вновь такое вдругъ вспомнится. что Лука только зубами заскрипитъ.

„А вотъ,“ думается ему, глядя на пестрое видѣніе, подъ шумъ въ головѣ, — „этакъ же вотъ, знать, гулякамъ да бражникамъ на томъ свѣтѣ мечтается. А кто чѣмъ грѣшенъ, тому и мечта его грѣховна на вѣкъ... И мутитъ-то его съ мечты, и бѣжать-то отъ нея хочется, а и знаетъ онъ что уйти-то отъ нея нельзя никакъ и некуда: вѣкъ вѣченьскій съ ней мучайся...“

И Лука тоскливо на постели заметался.

Лѣнивымъ и тусклымъ взглядомъ обвелъ онъ горницу; на сердцѣ у него было и тревожно, и смутно, и тоскливо. Не въ силахъ сдержать себя, Лука вскочилъ на ноги. Бѣжать бы, да отъ себя куда уйдешь? Опустивъ тяжелую голову, онъ на постели присѣлъ.

— Охъ, Господи! вздыхая шепталъ Лука. — И диви бы мнѣ сладость кака въ питьѣ-то этомъ безобразномъ была!.. А и не-молодъ ужь я, и пятый десятокъ пошелъ, а воли нѣтъ же вотъ у меня, не нажилъ ее, и нѣтъ!..

И Лука Аввакумовичъ снова на постель прилегъ.

— А сказано вѣдь, точно со стороны шепталось у него въ ушахъ, — не упивайтесь виномъ, и то писано зачѣмъ упиваться грѣхъ, и о томъ не умолчано кому въ царствіи небесномъ не быть... О! Господи, Господи!

И опять вчерашнее заметалось въ очахъ и ушахъ, и голова кругомъ пошла.

— И выходитъ, доканывалъ себя Лука, — что и зналъ я все, а вотъ низкій я человѣкъ, да и полно; низкій, низкій... Самый низкій человѣкъ... Охъ, Господи, Господи! да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши меня, вслухъ молился Лука.

— Эва! ужь и псалтыремъ себя отчитывать пошелъ, а здорово жь, знать, вечоръ было выпито, сказалъ отодвигая волоковую дверь Арбузьевъ и слѣдомъ вошелъ въ комнату.

И лицо, и все тѣло у Арбузьева красное было, и паръ отъ него валилъ.

— А я вотъ въ байню сходилъ да хмѣле-тъ повыпарилъ, весело докладывалъ онъ, — а теперь, хоть опять рыло мочить, такъ время же. А ты, Лука Аввакумовичъ, нѐ-хорошъ вижу, ипъ въ байню бы сшелъ...

Лука только тоскливо головой по подушкѣ завозилъ. Василей, подойдя, на постель къ нему присѣлъ.

— А полно-ка, Лука Аввакумовичъ. Знамо, мутитъ. И вотъ быдто поотпуститъ маленечко, а тамъ опять въ голову вступитъ. Какъ ежели вотъ въ болотину палкой ткнуть, пузыри тутъ изъ воды булькать пойдутъ, — такъ же вотъ и хмѣль вчерашній въ головѣ булькаетъ. Знаю ужь самъ, братъ, не повѣствуй... А опять и совѣсть... И всяка-то совѣсть — Господь ужь съ ней! а эта пьяная вотъ, котора съ вина, вовсе не гожа, а вѣрнѣе сказать что гаже ея совѣсти и на свѣтѣ нѣтъ...

— Да полно ужь тебѣ, простопалъ Лука.

— А тебѣ же на пользу. Совѣсть эту пьяную осадить треба. А ничѣмъ ее не осадишь столь хорошо, какъ чарочкой, другой меду стоялаго: до него она, вѣрь, преохвочая. А тутъ безотложно и червяка заморй. А поваръ у меня, помнишь вѣдь, таково-то два блюда эти похмѣльныя стряпаетъ, — а и пра̀ слово, ради ихъ, частехонько напиваюся, а вѣрнѣй сказать, со стола о̀ны у меня не сходятъ вѣкъ. А одно похмѣлье горячее: тутъ онъ сняточковъ положитъ тебѣ да съ кислой капустушкой на сковородушку, а и уксусомъ подольетъ, и лу̀комъ подсадитъ, и перчику подсыпетъ. А оно-то, похмѣлюшко, съ пылу скворчитъ да ворчитъ, въ ротъ норовитъ. А дру̀го кушанье похмѣльное буде холодное: съ вечера, знашь, на ледокъ отварныхъ ёршиковъ поставитъ, чтобъ позастыли да студеныкомъ позадернулись. А въ подливку у него всячины кладено, а не безъ перчика жь. А ты, умывай-ко-ся, Лука Аввакумовичъ, да крутись поскорѣича, а паробка я тебѣ сейчасъ пришлю. А на счетъ совѣсти покоенъ будь, а нелестно тебѣ говорю, что она живѐ уныясливая [1]), а на медо-тъ падкая, а съ него жь тихомирится.

И Василей Селифонтьевичъ побѣжалъ распоряжаться похмѣльнымъ кушаньемъ.

Не будь Лука нынче въ разстройствѣ, замѣтилъ бы онъ что Арбузьевъ, хотя и былъ на видъ, какъ всегда, живымъ и ровно встрепаннымъ, не по обычаю, однако, черезчуръ суетясь, усердствовалъ. Помнилъ онъ что ему вчера Лука о дѣлѣ сказалъ, и отлично догадывался, что о Маврушенькѣ нынче рѣчь пойдетъ. Охъ, дорого бы Василей далъ чтобъ хоть на недѣльку этотъ разговоръ отложить!

Лука, вставъ, началъ мочить тяжелую голову студеной водой у мѣднаго рукомойника съ двумя носиками, что̀ тутъ же въ комнатѣ висѣлъ. Вчерашнее ему теперь не такъ ужь живо представлялося, и только какъ хмѣль нежданно вступалъ въ голову, онъ тоскливо хватался за сердце.

Скоро и паробокъ одѣвать его пришелъ. Лукѣ совѣстно было ему въ лицо взглянуть: думалось что у того на лбу какъ бы написано стоитъ: „хорошъ молъ бояринъ, и самъ напился, а и насъ въ чужомъ домѣ хмѣльныхъ же уложить велѣлъ.“ Спѣшно одѣвшись и

[1]) По солнышку — какъ солнышко.

[1]) Уныясливый, по московски унянчливый — падкій на хмѣльное.

приказавъ лошадей сѣдлать, Лука прошелъ въ столовую. Тамъ ужь все готово было и около стола хлопоталъ Василей Селифонтьевичъ.

— А ну-ко-сь, Лука Аввакумовичъ, садись-ко ты а за кушанье мое за похмѣльное... Аль медку, благословясь?

Лука отъ меду отказался было, но какъ ему ѣда въ ротъ не шла, то и рѣшился въ добрый часъ чарочку середнюю впередъ гонцомъ пропустить. И точно, осадился хмѣль съ чарочки; перестало въ головѣ булькать пузырями болотными. Молча сталъ Лука кушать. Василей же безъ приговорки куска ко рту поднести не могъ.

— А теперь-ко чего бы а мнѣ? приговаривалъ Арбузьевъ. — Аль мнѣ холодненькаго, аль мнѣ горяченькаго, аль мнѣ въ перемежечку? А путкось, благословясь, вались сняточекъ за ершикомъ, а и ершикъ за сняточкомъ, а и оба въ одно чѐрево... А и знатно вѣдь... Только уксусу бы ощё... А и гдѣ онъ, судокъ, запропалъ?

Буянъ подливалъ ему уксусу.

— А знатно же, въ самый-то разъ. А медку бы опять, благословясь же, ась? Аль не станешь? Ну, и Богъ съ тобой, Лука Аввакумовичъ. А для-ради совѣсти куды гоже бы... Путко мнѣ, Буянушко, налей чарочку да поболѣе: что мнѣ-ко тебя да дважды трудить.

Скоро и до третьей Василей добрался, а Лука все не пьетъ, и сталъ Арбузьевъ съ горя нѣмцевъ честить.

— А нѣмцы, скажу я тебѣ, Лука Аввакумовичъ, а и вовсе, вотъ вовсе уже поизбаловалися, а вѣрнѣе сказать и плуты стали великіе. Теперь хоть перецъ возьми, нешто онъ таковъ живѣ? А вѣстимо золу подсаживаютъ, а онъ и перчить пересталъ, во ртѣ не деретъ, а и въ глоткѣ не жжетъ. А все ихъ поганыхъ завидки берутъ, что православные здоровѣе ихняго пьютъ. А ну-кось, Лука Аввакумовичъ, пивца теперь.

— Не стану, угрюмо отказался Лука. — А квасу вели.

— А квасъ, коли охвота, пей, а я безъ винца да пивца что конь безъ овсеца.

Слушая эти и иныя присказки, Лукѣ тупо вспоминалось вчерашнее, и съ тупымъ же упорствомъ онъ продолжалъ подъѣдать себя.

„И съ чего я вечоръ остался у него?“ допытывался Лука. „А и ѣхать-то къ нему было нѐ-по-что... А всегда-то...“

— Ахъ! вслухъ ужь вспомнилъ онъ вдругъ. — А я вѣдь по дѣлу вечоръ къ тебѣ...

— Ровно бы вечоръ и сказывалъ ты, протянулъ Василей, а у самого ноздри такъ и пошли раздуваться.— А правду-тъ молвить, справясь съ собою, продолжалъ онъ, — я вѣдь думалъ что о дѣлѣ-то ты къ слову сболтнулъ, что бъ гости не помнили быдто ты пить ко мнѣ ѣхалъ.

Лука головой взадъ мотнулъ, давая знать что при паробкѣ о дѣлѣ говорить не станетъ.

— Слышь-ко, Буянушко, за дверьми постой, приказалъ Василей, и когда паробокъ вышелъ, отправляя въ ротъ ерша: — Ну-кось, что́ за дѣло тако?

— А самъ сдогадался, подп. О ней же, о Маврушенькѣ.

— Это котору ты вечоро-тъ облюбовалъ? спросилъ Василей, быстро вскинувъ очами на потолокъ, будто стыдясь за Луку.

Лука потупился.

— О той что́ ты у Пашка̀ скралъ, глухо и пудно черезъ силу онъ выговорилъ.

— Это тетушка вѣдь крестовенька сплетку сплела да тебѣ знать за правду продала, беззаботно Василей сказалъ и съ такой сладостью сталъ глядѣть на бѣлозерскаго снятка, будто у него ничего, кромѣ того снятка, въ мысли не было.

— А Пашка-тъ подъ Порховъ но̀што же слалъ?

— Это вотъ новое, сказалъ Василей и руки о столешникъ [1]) вытеръ, какъ бы приготавливаясь слушать.

— Твой же Буянъ слалъ его туда.

— А Буяна, коль правда, я за то выпорю. Хошь вставай да сейчасъ его до синихъ крестовъ парить пойдемъ: сотняжечки двѣ этакъ, чтоль, одолжимъ ему. А съ розыску скажетъ Буянъ, и я виноватъ. А сдается только мнѣ, быдто и скажетъ онъ что точно посылалъ де я его въ волость эту Порховьску новокупленну, а затѣмъ вѣдь чтобъ этотъ Иванько̀вичъ, аль Пашковичъ онъ, поотсталъ отъ меня со своими со разспросы дурашными.

— Ишь ты, Василей Селифонтьевичъ, какой ты нунь догадливый да оглядливый сталъ. А мало что вокругъ все видишь, а еще впередъ глядѣть научился. Знать, давно у васъ съ Буяномъ условленось, каковъ въ бѣдѣ отвѣтъ держать. А только, скажу я тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, ты это оставь: время, слышь, нунь строгое. Строго оно нунь пошло, время-то, го̀ворю.

— Како строго ощё?

И Василей съ невиннымъ любопытствомъ широко раскрылъ глаза, точно маленькій мальчикъ, которому пообѣщали занятную сказку.

— А, слышь-ко, покуль Пашко тетушкѣ твоей челомъ бьетъ, а и живъ ты, здоровъ. А какъ онъ въ бабушку твою крестовеньку извѣрится, тутъ тебѣ и до бѣды, Василей Селифонтьевичъ. А слышалъ ли ты, какъ насильниковъ за воротъ на улушкѣ хватывали, да на вѣче приволакивали? А слыхалъ ли и про то еще что у насъ въ Новѣгородѣ Волхово мутное течетъ, а черезъ него Великій мостъ ведетъ? Тоже если съ моста въ рѣку нырнуть противъ воли укажутъ, не всякій вѣдь вынырнетъ. А потому я тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, и совѣтую что время нынѣ строгое. А насильникамъ на Дворищѣ никто, своей головы блюдя, потакать не станетъ.

— Это что̀ жь, съ разстановкой, слегка икая послѣ каждаго слова, заговорилъ Арбузьевъ, — вамъ съ тетушкой крестовенькой Пашка̀ научить не трудно буде, а и вѣчниковъ-мужиковъ наймовать за обычай же вамъ, а только бабушкѣ моей грѣхъ большой, а и тебѣ не хвала жь молодецкая. Ничего-то не вѣдая, а дурашному парню повѣрила! А онъ, всѣмъ вѣдь вѣдомо, ровно помутился весь, а на всѣхъ что песъ бѣшеный бросается: то Кузьма у него, вишь, дивчину скралъ, а я вотъ теперь, а на завтра не ты ли ужь. Василей пріостановился на мигъ, и далѣ ужь послѣ всякаго слова сталъ всхлипывать. — А что̀ жь, обидѣть вѣдь не долго меня, а и въ разоръ разорить можно же, а и на дворъ мой всѣхъ сла̀вчанъ на̀пустить не трудно же... А только грѣхъ вотъ да Богъ ощё... А мнѣ, сиротѣ, какъ на тетушку мою крестовеньку я надѣючись...

И Василей сталъ глаза рукавомъ терѣть, отирая-ли слезы, или ихъ выдавливая, — и самъ онъ хорошенько не зналъ.

— Такъ не кралъ ты Маврушеньки?

— А вотъ пойдемъ сейчасъ во дворъ да весь огляди, а тамъ по волостямъ моимъ поѣдемъ, что-ль, съ готовностью съ мѣста вскочивъ, рѣшительно Василей сказалъ, и вслѣдъ опять захныкалъ: — А разорить, говорю, лёгко... а только грѣхъ вѣдь... а и Богъ ощё...

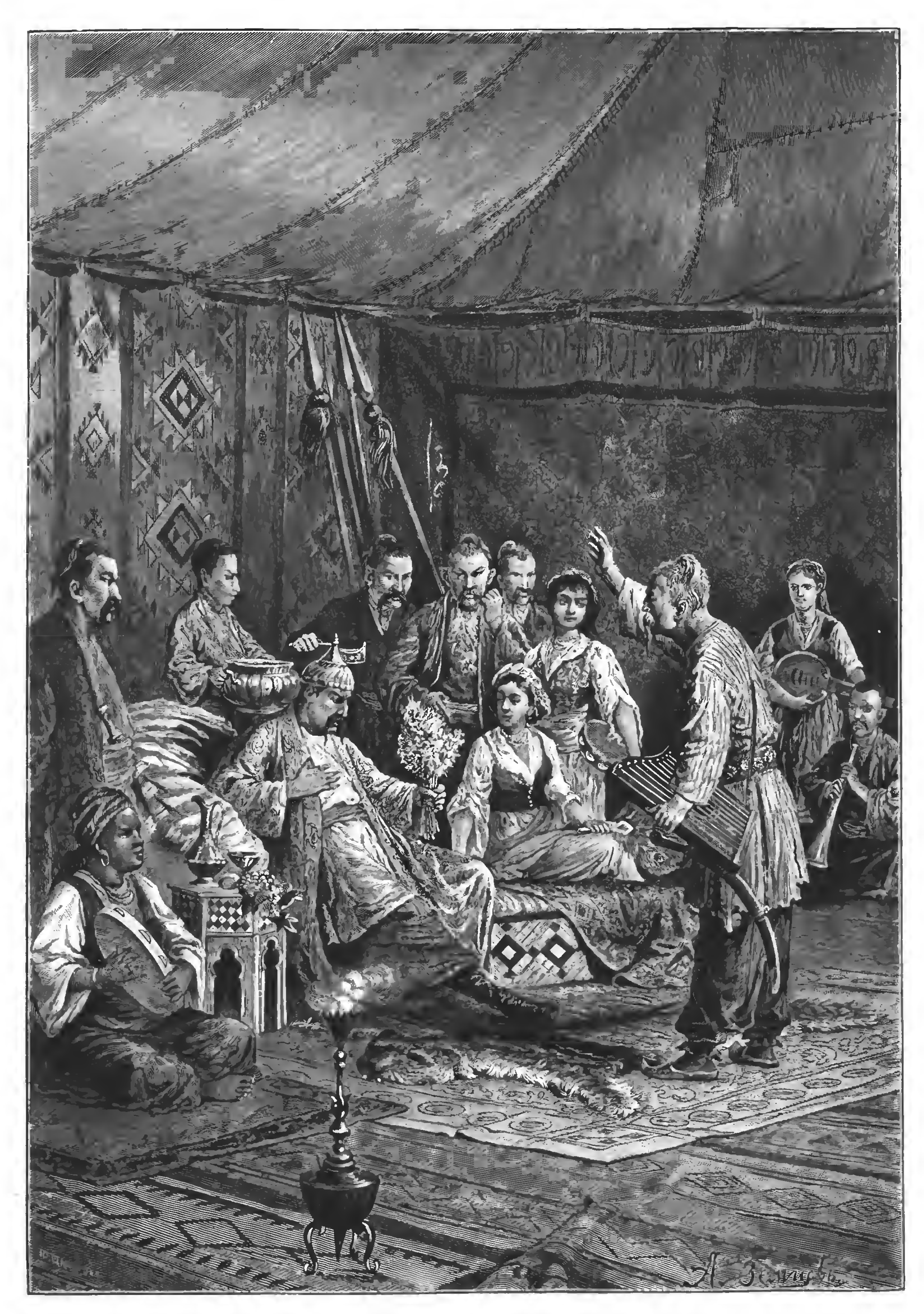
— И это слово твое послѣднее что Маврушеньки а не видѣлъ ты?

— А какъ перво о̀но было̀, такъ и буде и послѣднее. А больше словъ и нѣтъ у меня, хоть колоколецъ взрѣжь.

И Василей кадыкъ свой открылъ.

— Гля̀ди жь на меня, Василей Селифонтьевичъ, не пеняй ты, а хоть тебя съ моста пихать и не охвота мнѣ, а про время строгое мои слова помни же.

[1]) Столешникъ — убрусъ или полотенце взамѣнъ нынѣшней салфетки.

Литературный альбомъ. „Емшанъ", А. Н. Майкова. Ориг. рис. (собственность „Нивы") А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Видя что вретъ ли Василей, или нѣтъ, толку отъ него не добиться, Лука Аввакумовичъ сталъ собираться домой.

По пріѣздѣ домой, вздумалось было ему прилечь да не полежалося. Не то, чтобъ мутило его теперь, а словно ждалъ онъ чего-то необычнаго, что нынче же, сейчасъ вотъ случится съ нимъ. Внутри его точно кто-то подергивалъ и на что-то подзуживалъ, куда-то стремиться приказывалъ. Тревоженъ былъ Лука, и заверни къ нему кто-нибудь сегодня, отлично бы онъ гостю былину сказалъ, какъ можетъ быть отъ роду еще не сказывалъ, а гость не слыхивалъ. Тѣмъ бы Лука и успокоился. Но на бѣду никто нынче заѣхать къ нему не надумался.

„Дене-тъ весь, знать, я промучаюсь", думалъ Лука. „А отъ мучительства этого мнѣ проку не буде же, какъ и прежде не бывало. А вотъ воли-то откуда мнѣ добыть... О!.. охъ, Господи!.."

Раскидывая умомъ. какъ бы ему день убить, Лука рѣшилъ въ баню сходить да велѣть себя до дрожи холодной водой окатить, а тамъ, на коня сѣвъ, ѣхать къ посадницѣ съ докладомъ по Маврушенькиному дѣлу.

„А проѣдусь, умаюсь; а домой ворочусь, и за обѣдъ сейчасъ, а тамо-т-ко сномъ успокоюся", впередъ радуясь будущему покою, подумалъ Лука.

А мы раньше Луки къ посадницѣ въ домъ забѣжимъ, да поглядимъ, не случилось ли и тамъ чего въ сегодняшнее утро ясное.

(Продолженіе будетъ).

Посмертное стихотвореніе

М. П. Розенгейма

(написанное въ 1840 году, въ молодости поэта).

Неизлечимая есть грусть въ душѣ моей,
Ее старательно таю я отъ людей —
Мое тяжелое, безрадостное дѣтство
Оставило мнѣ въ ней печальное наслѣдство;
И не могу ее, я эту грусть избыть,
Стряхнуть ее съ души, отбросить, позабыть!

Порою въ обществѣ друзей моихъ безпечныхъ,
Веселыхъ, молодыхъ, отзывчиво сердечныхъ,
Какъ будто заразясь веселостію ихъ,
Я сбрасываю гнетъ печальныхъ думъ моихъ;
На дружескій призывъ радушный и привѣтный,
Невольно, искренній вполнѣ и беззавѣтный,

Я увлекаюсь самъ веселостію вдругъ
И оживляю ихъ товарищескій кругъ
Шутливой болтовней и пѣснею застольной,
Подчасъ нескромною и часто своевольной,
И рукоплещетъ мнѣ соборъ нашъ разгульной
И вторя мнѣ поетъ за чашей круговой.

И льется, пѣнится вино средь насъ обильно,
И только надо мной однимъ оно безсильно,
И глядя на друзей, самъ съ горькою улыбкой,
Я думаю опять: я веселъ былъ ошибкой.
И въ битвѣ съ Вахусомъ одинъ съигравъ ни въ чью,
Везу я по домамъ поверженныхъ въ бою.

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (авторъ романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

Размотовъ окончательно обезумѣлъ, вскочилъ со своего мѣста и заходилъ по комнатѣ, восклицая:

— Откуда вы все это знаете?

Я разсмѣялся.

Онъ сердито спросилъ:

— Чему вы смѣетесь?

— Смѣюсь тому, что вы проболтались.

Размотовъ смотрѣлъ на меня, какъ потерянный. Я добавилъ:

— Вы влюблены въ барышню Горушекъ и не ожидали, что у васъ есть соперникъ?

Размотовъ и безъ того былъ красенъ отъ сытнаго обѣда и выпитаго вина, но тутъ побагровѣлъ; и, какъ докторъ, сейчасъ же принялъ мѣры: залпомъ выпилъ два стакана воды, нѣсколько разъ тихо прошелся по комнатѣ и, сѣвъ на прежнее мѣсто, болѣе покойно сказалъ:

— Однако вамъ бы слѣдовало избрать себѣ дипломатическую карьеру — ловко вы все отъ меня вывѣдали!.. Да, я самъ себѣ не могу объяснить, что я въ ней нашелъ. Мнѣ стоитъ слово сказать и богатыя невѣсты съ радостью примутъ мое предложеніе. А она, что за невѣста? самый послѣдній чиновникъ въ городѣ призадумался бы взять ее себѣ въ жены: отецъ опозоренный, приданаго ни гроша! Богатая сестрица тряпокъ не дастъ, не только денегъ! Въ обществѣ она не можетъ блистать; вообще очень странная дѣвушка — совершенно дикая; да еще въ придачу бери отца безъ ногъ, который до сихъ поръ не можетъ бросить своихъ барскихъ привычекъ. Я ужь убѣдился, что она ни за что не броситъ отца.

— Ну, если влюблена, да круто поставить вопросъ, то...

Размотовъ не далъ мнѣ кончить и въ сердцахъ воскликнулъ:

— Въ томъ-то и сила, что я до сихъ поръ не могу уяснить себѣ: радуется-ли она моему пріѣзду въ Горушки какъ человѣку къ которому питаетъ особенное чувство, или просто, какъ доктору, котораго ждалъ капризный ея отецъ? Другая давно бы догадалась изъ моихъ намековъ, что мои визиты исключительно для нея, а она смотритъ на тебя какъ дѣвочка, которая ничего не понимаетъ! Право, иногда мнѣ приходитъ въ голову не тонкій-ли это разсчетъ съ ея стороны — забрать меня хорошенько въ руки... Ошибается! Я не привыкъ напрасно тратить время; самыя отчаянныя кокетки въ городѣ пасовали передо мной и сдавались!.. Я нарочно недавно при ней говорю ея отцу, что мнѣ сватаютъ богатую невѣсту, а она хоть бы моргнула глазомъ...

И Размотовъ съ угрозой продолжалъ:

— Хорошо, посмотримъ, кто даромъ будетъ ѣздить въ Горушки, какъ я плюну на все?

У Размотова такая была противная улыбка, что мнѣ хотѣлось позлить его чѣмъ-нибудь, и я сказалъ:

— Я непремѣнно познакомлюсь съ Сивцовымъ.

— Ужь не желаете-ли вы женить Сивцова? со злостью сдѣлалъ мнѣ вопросъ Размотовъ.

— А почему и не устроить? можетъ быть, она и любитъ Сивцова?

Размотовъ кусалъ губы и ворчливо проговорилъ:

— Попробуйте, упомяните о Сивцовѣ при отцѣ, такъ и увидите, что для васъ навсегда двери будутъ заперты въ Горушкахъ!

— Успокойтесь — я пошутилъ, произнесъ я.

Размотовъ укоризненно отвѣтилъ:

— Я попрежнему довѣрилъ вамъ свою сердечную тайну, а вы труните надо мной! Лучше бы вы дали мнѣ дружескій совѣтъ.

— Когда же влюбленные слушаютъ чьихъ бы то ни было совѣтовъ?

— А я бы съ радостью принялъ вашъ совѣтъ, я не забылъ какое вы принимали участіе въ моей безнадежной любви, когда я былъ студентомъ.

— Это было давно, а теперь вы дамскій докторъ и вѣроятно стали опытнѣе меня, знаете какъ нужно поступать въ этихъ случаяхъ... Вы лучше скажите мнѣ — живъ-ли несчастный молодой человѣкъ, который сошелъ съ ума отъ любви къ красавицѣ-дочери Крутова?

— Вы меня поражаете, все-то вы знаете! И къ чему вы меня разспрашивали? горячился Размотовъ.

— Провѣрялъ факты, которые мнѣ удалось случайно узнать... Выздоровѣлъ?

— Нѣтъ! только его сумасшествіе приняло тихую форму; его увезло изъ сострраданія одно семейство, которое переселилось въ уѣздный городъ. Сумасшедшій каждый день относитъ на почту письма къ своей невѣстѣ и освѣдомляется нѣтъ-ли для него писемъ отъ нея. Онъ вообразилъ, что получилъ степень магистра и пишетъ теперь диссертацію на доктора.

— Берегитесь! видите до чего доводитъ любовь?

— Будьте покойны, я не такой дуракъ! пусть лучше обо мнѣ сходятъ съ ума.

Мнѣ надоѣло слушать Размотова, когда онъ началъ хвастать своими побѣдами, и я поспѣшилъ уѣхать домой и всю дорогу сожалѣлъ о барышнѣ Горушекъ, если ей достанется такой мужъ, какъ Размотовъ...

Я регулировалъ свою деревенскую жизнь съ восходомъ солнца; Антипычъ приходилъ будить меня и мы отправлялись на рыбную ловлю, потомъ я садился за работу; послѣ обѣда бродилъ съ ружьемъ по окрестностямъ, а вечеромъ занимался чтеніемъ.

Филипповна молча выражала свой протестъ противъ моей дружбы съ Антипычемъ и съ его собаками, которымъ я дозволялъ являться въ комнаты. Она ползала по полу, стараясь уничтожить слѣды колдуна и его оборотней.

Когда я окончательно подружился съ Антипычемъ, онъ подтвердилъ мои предположенія, что барышня Горушекъ являлась играть на роялѣ. Зимой она перебѣгала по замерзлой рѣкѣ, а лѣтомъ пріѣзжала на лодкѣ, которая была спрятана неподалекѣ, въ заливчикѣ скрытомъ кустарниками.

— Инь, умѣетъ старая злючка держать свой языкъ за зубами, когда ей нужно; хоть бы виду подала, что ей было слышно наверхъ, ворчалъ Антипычъ: — вотъ ужъ сверлитъ-то своего внука, словно онъ ей не родной.

Антипычъ питалъ тѣ же чувства къ Филипповнѣ, какія она къ нему. Онъ мнѣ разсказалъ о незавидномъ житьѣ въ Горушкахъ русской Сандрильоны:

— Уродилась она въ несчастный день — съ малыхъ лѣтъ одна маятня ей, а не жизнь. И какую прислугу навязали ей: полуслѣпую хворую старуху-няньку, пьяницу-лакея, — вотъ и нянчися съ ними! Егорка только и знаетъ, что пьетъ да куражится: „Не хочу таскать воды и дровъ, я комнатный лакей!" Ну, а моя Дуняшка — какая еще слуга? Барышня сама трясись на телѣгѣ въ городъ; пробовала посылать Егорку, такъ на три дня пропадетъ и деньги пропьетъ! Я вотъ каждый день и хожу въ Горушки — носить дрова и воду. Баринъ-то теперь у! какой привередникъ сталъ! и не узнаешь его, какимъ былъ прежде; подай ему всего, а гдѣ взять денегъ? Только одну рыбу и ѣстъ; какъ наловишь—и несешь ему. Посмотришь, какъ она это, бѣдная, сама ему обѣдъ готовитъ, такъ вотъ за сердце и схватитъ.

— Можетъ выйдетъ скоро замужъ, утѣшалъ я Антипыча. — Вышла же ея сестра за богача.

— Не таковская она! Чай, самъ знаешь, одному плюй въ бороду — ничего, а другому человѣку одно слово перепадетъ—такъ и жизнь опротивитъ. Оборони Богъ, если попадется ей такой мужъ, что попрекнетъ ее отцомъ, аль бѣдностью,— изведется... Вѣрь моему слову, ейная сестра то же самое продѣлаетъ съ богатымъ купцомъ, такъ же его разоритъ въ прахъ, какъ разорила своего мужа ейная мать!

Размотовъ отдалъ мнѣ визитъ и былъ невыносимъ опять, хвастая своими побѣдами надъ женщинами, должно быть утѣшалъ свое пошлое самолюбіе послѣ неудачнаго ухаживанія за барышней въ Горушкахъ...

Я получилъ письмо отъ моихъ родственниковъ, что они еще разъ захотѣли повезти своихъ дѣтей на два мѣсяца заграницу, а потомъ уже совсѣмъ поселиться въ Порошковѣ. Я обрадовался такому извѣстію: безъ нихъ мнѣ было очень хорошо. Въ этомъ же письмѣ они просили меня продать рояль, такъ какъ намѣревались привезти свой.

Дня черезъ четыре утромъ я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ, слышу въ залѣ шаги Антипыча; это было не въ урочный часъ, когда онъ являлся ко мнѣ. „Ну, думаю, — было сраженіе между нимъ и Филипповной, и я долженъ буду чинить судъ!"

— Полыновскій баринъ пріѣхалъ! впопыхахъ произнесъ Антипычъ, высунувъ одну голову въ дверь, и исчезъ.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ; зачѣмъ могъ явиться Сивцовъ въ Порошково? Я вышелъ въ залъ и увидѣлъ входящаго изъ передней мужчину средняхъ лѣтъ, небольшаго роста, довольно плотнаго, съ огромной черной бородой, съ длинными волосами зачесанными кверху, съ очень серьезнымъ выраженіемъ лица. Онъ отрекомендовался мнѣ и объявилъ, что пріѣхалъ покупать рояль. Вѣроятно, Антипычъ извѣстилъ его о продажѣ рояля, такъ какъ я наканунѣ посылалъ Петра въ городъ и толковалъ при немъ куда слѣдуетъ отдать публикацію о продажѣ рояля въ Порошковѣ. Продажа состоялась очень быстро. Я вышелъ изъ залы, чтобы приказать подать чай, а когда возвратился въ залу, то нашелъ Сивцова стоящаго, облокотясь на рояль, въ задумчивой позѣ. Онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что я знаю тайну его сердца.

Мы усѣлись на террасу и пили чай, я нашелъ его очень пріятнымъ собесѣдникомъ; его серьезное лицо и спокойныя манеры исчезли, когда онъ заговорилъ о музыкѣ,—видно было, что онъ страшный меломанъ.

Прощаясь, Сивцовъ объявилъ, что завтра же утромъ увезетъ рояль изъ Порошкова.

И этотъ женихъ для барышни Горушекъ мнѣ показался тоже неподходящимъ, — онъ былъ староватъ и очень серьезенъ...

Сивцовъ былъ аккуратенъ: на другое утро онъ явился въ Порошково со всѣми приспособленіями для увоза рояля. Онъ сильно волновался, когда рояль выносили и уставляли. Сила Петра пригодилась и за это онъ получилъ на водку отъ Сивцова, который такъ укутывалъ рояль попонами, коврами, какъ заботливая мать, отпускающая въ зимнюю дорогу свое дорогое дѣтище. Я приглашалъ Сивцова посидѣть и отдохнуть отъ возни съ роялемъ на солнечномъ припекѣ, но онъ торопился увезти рояль и, пожимая мнѣ руку, пригласилъ меня охотиться на его землѣ, сказавъ, что въ деревнѣ есть мужикъ-охотникъ, у котораго имѣются порядочно натасканныя собаки.

Филипповна разсмѣшила меня тѣмъ, что, когда повезли рояль со двора, то она крестилась, какъ будто увозили покойника. Дня черезъ два явился Размотовъ и былъ очень удивленъ, что рояль уже проданъ, да еще Сивцову.

— Право, это что-то странно! съ своей противной улыбочкой сказалъ онъ: — вчера только появилась въ газетѣ публикація о продажѣ рояля, а ужъ его и нѣтъ въ Порошковѣ!

— А мнѣ еще страннѣе, что вы заявляете мнѣ вашу претензію. Кто первый явился—тому и продалъ.

— Уполномочьте меня взять рояль у Сивцова, вы будете въ сторонѣ: одна дама во что бы то ни стало желаетъ имѣть этотъ рояль и дастъ вамъ гораздо дороже.

Я безъ церемоніи выругалъ Размотова за подобное предложеніе; онъ разсердился, проворчавъ:

— Понимаю, вы хотите утѣшить его хоть чѣмъ-нибудь!

И онъ холодно простился со мной.

Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что Размотовъ избавитъ меня отъ продолженія нашего знакомства.

Публикація въ мѣстной городской газетѣ доставила мнѣ нѣсколько визитовъ покупателей изъ города. Мнѣ это надоѣло, я сдѣлалъ вновь публикацію, что рояль уже проданъ; но это не помогло: охотниковъ оказалось много и покупщики продолжали являться изъ города, большей частью дамы, явно желая посмотрѣть какой гусь поселился въ Порошковѣ. Я приказалъ Антипычу всѣмъ покупщикамъ объявлять, что меня нѣтъ дома. Я отправился въ Полыновку на охоту, и когда вернулся съ поля въ избу мужика, тамъ меня ждалъ посланный отъ Сивцова съ приглашеніемъ пить чай.

Барскій домъ, службы и всякія хозяйственныя постройки были прочно выстроены, во всемъ была видна заботливость опытнаго хозяина-помѣщика. Меблировка комнатъ отличалась простотой, но мебель была хорошая. Оказалось, что Сивцовъ уже имѣлъ рояль, онъ былъ раскрытъ и на немъ были разбросаны исписанные листы нотной бумаги; на этажеркѣ лежала кипа нотъ. Порошковскій рояль стоялъ у него въ кабинетѣ.

Я вернулся отъ Сивцова поздно домой; мы съ нимъ заболтались о разныхъ вещахъ и съ этого дня видѣлись часто. Сивцовъ уже не стѣснялся со мной: пріидешь съ охоты — ляжешь на диванъ и, покуривая сигару, съ наслажденіемъ слушаешь классическую музыку: Сивцовъ былъ отличный музыкантъ, и за роялемъ совершенно преображался: глаза у него блестѣли, онъ какъ-то выпрямлялся и весь дышалъ энергіей... Антипычъ былъ очень доволенъ моимъ знакомствомъ съ Сивцовымъ и разъ, возвращаясь со мной съ рыбной ловли, сказалъ:

— Эхъ, что это баринъ, Павелъ Петровичъ, сидитъ одинъ въ Полыновкѣ, давно бы пора ему взять жену, веселѣй было бы.

— Ну, какая попадется, замѣтилъ я.

— А для че Богъ далъ глаза да разумъ человѣку? Зря не бери, попачалу высмотри.

— А можетъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту, да она-то не хочетъ за него идти.

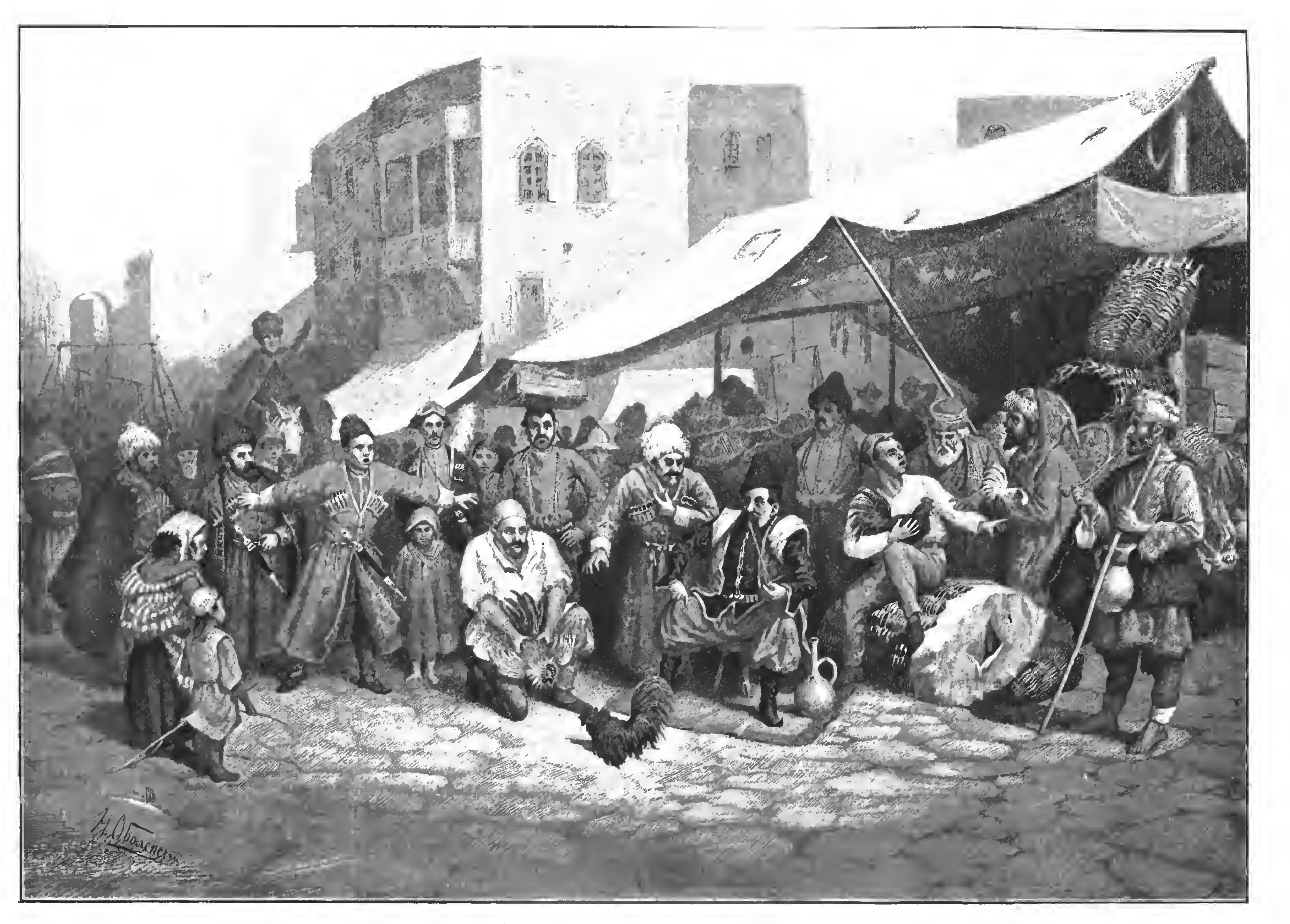
— Да, чудно бываетъ, за хорошаго человѣка не хочу выходить, а за такого выскочитъ, что весь свой вѣкъ будетъ плакаться. Тоже и вашъ братъ хорошъ! норовитъ все богатую да смазливую взять невѣсту, точнехонько и не знаетъ, что какъ и въ яблокѣ: съ виду-то румяное, а раскуси его — внутри червоточина. Такъ вотъ попался и баринъ порошковскій: покойница его мать какую ему приготовила хорошую невѣсту; нѣтъ—самъ себѣ выбралъ красавицу, а теперь и умирать пришлось въ чужомъ домѣ.

Сивцовъ никогда ни одного слова не проронилъ о бывшихъ помѣщикахъ Порошкова, а также и о своемъ прошломъ и настоящемъ, не смотря на то, что мы уже цѣлый мѣсяцъ часто видѣлись и повидимому очень сошлись. Но вѣрно и у него явилась потребность высказаться и онъ разъ пустился въ откровенность:

— Вотъ вы счастливый человѣкъ, не будете сожалѣть, что ваши лучшіе годы пропали безъ всякой пользы, работаете надъ тѣмъ что вамъ по душѣ. А я теперь только принялся за занятія которыя мнѣ по нутру. Я съ дѣтства чувствовалъ особенное влеченіе къ музыкѣ и навѣрно былъ бы хорошимъ артистомъ, но мой отецъ не захотѣлъ: „окончи прежде университетское образованіе", требовалъ онъ, — „а потомъ можешь и своей музыкой заниматься." А потомъ нашелъ, что я долженъ служить: — „Стыдно! отецъ просидѣлъ вѣкъ свой въ деревнѣ, устраивая свое хозяйство, и сынъ не ударитъ палецъ о палецъ для общей пользы! Ты обезпеченъ, значитъ, можешь служить безкорыстно своему отечеству, самъ видишь, что дѣлается всюду отъ корыстныхъ людей..." Нечего дѣлать, поступилъ на службу, а тутъ поспѣло Севастопольское ополченіе. Тогда отецъ напрямикъ объявилъ мнѣ, что если я не пойду въ ополченіе, такъ онъ на старости лѣтъ самъ пойдетъ. Понятно, что я поступилъ въ ополченіе. Благополучно вернулся изъ похода, и нашелъ отца въ страшномъ раздраженіи и возмущеннаго неудачнымъ

Весенняя выставка Император. Акад. Худ. Кліенты ожидающіе въ атріумѣ выхода патрона.
Картина **С. В. Бакаловича** (собственность г. Солдатенкова), грав. Паарь.

Пѣтушій бой въ Тифлисѣ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

окончаніемъ войны. Я было хотѣлъ ѣхать въ Италію, чтобы серьезно изучать музыку, но мой отецъ полѣзъ на стѣну: „Какъ?! въ Россіи нужны честные люди, а ты хочешь уѣзжать за границу, срамить себя и меня? Теперь каждый русскій ни о чемъ другомъ не долженъ думать, какъ о своемъ отечествѣ! Народъ пролилъ кровь на защиту своей родины, а мы, дворяне, ничего не хотимъ знать, хотимъ бѣгать къ нашимъ врагамъ? Я тебя знать не буду, если ты уѣдешь; я на старости лѣтъ на службу поступилъ, чтобы хоть какую-нибудь принести пользу,—заставить чиновниковъ исполнять добросовѣстно свои обязанности...“ Много мнѣ отецъ говорилъ въ этомъ родѣ, чтобы вызвать во мнѣ рвеніе къ служебной дѣятельности. Я уважалъ и любилъ отца, а потому не рѣшился раздражать его на склонѣ лѣтъ. Опять поступилъ на службу и занимался музыкой, какъ дилетантъ. Служебная дѣятельность моего отца до того разстроила его организмъ, что онъ сталъ хворать. Онъ завелъ ожесточенную борьбу съ корыстолюбіемъ, съ индиферентизмомъ губернскихъ дѣятелей, которые, какъ вамъ извѣстно, даже лучшіе изъ нихъ, относятся халатнымъ образомъ къ своимъ обязанностямъ, или, преслѣдуя свои честолюбивыя цѣли, готовы надѣлать кучу вреда. Отецъ прохворалъ годъ, и, умирая, взялъ съ меня честное слово, что я буду продолжать начатую имъ борьбу съ губернскими чиновниками... Вотъ и отецъ мой, если бы смолоду спохватился, что его призваніе быть не сельскимъ хозяиномъ, а общественнымъ дѣятелемъ,—принесъ бы и пользу обществу, и самъ былъ бы доволенъ своей жизнью... Я съ годъ пропутешествовалъ заграницей, чтобы освѣжить себя и собраться съ силами къ борьбѣ съ губернскими дѣятелями. Весной явился сюда и со рвеніемъ взялся за дѣло, но общество города К. нашло, что я забылъ пословицу: „въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ“, и поголовно ополчилось противъ меня, зачѣмъ я требую самой простой вещи — добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ по службѣ. Пустили въ ходъ самыя грязныя средства, чтобы выжить меня. Я наконецъ понялъ, что не способенъ вести борьбу съ ними тѣмъ же оружіемъ, да и вообще уяснилъ себѣ, что я не призванъ къ этой дѣятельности!.. Я теперь съ наслажденіемъ работаю, я самъ не ожидалъ, что во мнѣ столько еще сохранилось энергіи. Артистомъ я самъ ужь не могу быть,—время прошло,—но могу сдѣлать другихъ артистами, если буду продолжать съ той же энергіей трудиться надъ изученіемъ музыки.

Сивцовъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такой страстностью о своей будущей музыкальной дѣятельности, что я былъ пораженъ, какъ можно ошибаться судя по наружному виду о характерѣ человѣка...

Моя жизнь въ Порошковѣ текла мирно; моя работа быстро подвигалась; даже Филипповна примирилась съ колдуномъ: Антипычъ вылѣчилъ лошадь; бабушка чуть не умерла отъ страху, какъ ея внукъ ревѣлъ, не хотѣлъ куска проглотить, когда захворала лошадь. Собаки Антипыча заѣли хорька, который таскалъ дворовую птицу...

Разъ я вернулся довольно поздно изъ Полыновки. Антипычъ, отворяя ворота, объявилъ мнѣ, что въ Горушкахъ не ладно. Я думалъ, что умеръ Крутовъ, но оказалось, что Размотовъ прекратилъ свои визиты въ Горушки, а больной требуетъ его къ себѣ,—страшно раздражается, бранитъ дочь, которая обливается горькими слезами. За другимъ докторомъ послать не можетъ, потому что денегъ нѣтъ.

— Заморитъ, заморитъ ее, бѣдную! почти со слезами сказалъ Антипычъ.

— А тебѣ извѣстно, почему докторъ не ѣдетъ въ Горушки?

— Какъ не извѣстно, разбогатѣлъ! Ты думаешь, что деньги только въ карманѣ занимаютъ мѣсто? Нѣ! онѣ и на душѣ у человѣка себѣ мѣсто-то находятъ, какъ ржавчина какая совѣсть въ ней выѣдаютъ.

Антипычъ началъ упрашивать меня, чтобы я съѣздилъ къ Размотову и упросилъ бы его заѣхать въ Горушки, чтобы прекратить мученія бѣдной барышни. Мнѣ очень не хотѣлось возобновлять знакомства съ Размотовымъ, но я пожалѣлъ барышню Горушекъ и надѣялся, что зажирѣвшій докторъ посовѣстится меня, которому онъ мѣсяцъ тому назадъ высказалъ свои угрозы бросить лѣчить Крутова, если его дочь попрежнему не будетъ отвѣчать на его любовь.

Размотовъ принялъ меня холодно-вѣжливо, со своей скверной улыбкой выслушалъ причину моего визита и отвѣчалъ мнѣ:

— Меня удивляетъ ваше участіе къ людямъ, которыхъ вы совершенно не знаете. Мнѣ очень жаль, что вы напрасно безпокоили себя визитомъ ко мнѣ: я теперь такъ занятъ, что положительно не могу такъ много тратить времени на поѣздки въ Горушки.

— А я еще болѣе сожалѣю, что отнялъ у васъ даромъ нѣсколько минутъ своимъ визитомъ.

Я поспѣшилъ уйти, а Размотовъ сказалъ мнѣ вслѣдъ:

— Слава Богу, докторовъ и безъ меня много въ городѣ!

Антипычъ черезъ два дня радостно объявилъ мнѣ, что въ Горушки пріѣзжалъ новый докторъ. Я сейчасъ догадался, что тутъ замѣшанъ Сивцовъ, которому, вѣроятно, Антипычъ сообщилъ о слезахъ барышни Горушекъ. Какъ это ему удалось,— я этого не знаю, мнѣ было неловко его спросить.

Какъ-то, работая у себя въ кабинетѣ, слышу, что во дворъ въѣхалъ экипажъ. Я вышелъ въ залу, чтобы встрѣтить Сивцова, единственнаго гостя, который посѣщалъ меня, но оказалось—это былъ Размотовъ. Онъ поспѣшилъ объявить, что пріѣхалъ по дѣлу ко мнѣ. Мы усѣлись другъ противъ друга за письменнымъ столомъ. Гость съ напускнымъ спокойствіемъ сказалъ мнѣ:

— Такъ какъ вы, Николай Николаевичъ, единственный человѣкъ, который имѣетъ сношенія съ Сивцовымъ, то я и обращаюсь къ вамъ, чтобы вы ему передали отъ меня, что онъ долженъ извиниться передо мной въ тѣхъ гнусныхъ клеветахъ, которыя распустилъ по городу обо мнѣ.

Размотовъ закончилъ свою рѣчь уже дрожащимъ голосомъ, его лицо искажено было злобой.

— Съ какими странными требованіями вы явились ко мнѣ!.. Какое мнѣ дѣло до вашихъ городскихъ сплетенъ? возразилъ я ему на это.

— Ваши частыя посѣщенія Сивцова заставляютъ меня думать, что между вами установилась тѣсная дружба, я и разсчитывалъ, что вы постараетесь ему растолковать, что дѣло можетъ принять очень серьезный оборотъ, если онъ не извинится передо мной...

При этихъ словахъ Размотовъ вскочилъ со своего мѣста и воскликнулъ съ гнѣвомъ:

— Я его вызову на дуэль!

— А мнѣ-то какое дѣло, вызывайте кого угодно.

Размотова, кажется, поразилъ мой отвѣтъ.

— Такъ вы отказываетесь предупредить Сивцова, что ему предстоитъ?

— Не только отказываюсь, но прошу васъ и впредь избавить меня отъ подобныхъ порученій.

Размотовъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ вонъ.

Я былъ въ нерѣшимости: извѣщать-ли мнѣ Сивцова объ этомъ визитѣ, и рѣшилъ, что Размотовъ, поуспокоясь, образумится самъ; я нарочно не поѣхалъ дня два къ Сивцову; но онъ самъ явился и, подавая мнѣ письмо, сказалъ:

— Прочитайте до чего люди могутъ одурѣть въ провинціи!

Я прочелъ письмо Размотова къ Сивцову, въ которомъ излагались тѣ же требованія съ какими онъ являлся и ко мнѣ.

— Что же вы намѣрены ему отвѣчать? спросилъ я.

— Да, ничего! я забылъ о его существованіи; познакомился съ нимъ по случаю одного бѣднаго молодаго человѣка, который сошелъ съ ума и лежалъ въ госпиталѣ. Съ перваго разу Размотовъ мнѣ показался пустенькимъ, да и разсказывалъ мнѣ много про свои ловеласовскія похожденія въ городѣ, даже указывалъ на одну барышню, которую онъ компрометировалъ, а жениться отказывается на томъ основаніи, что ея родители не могутъ ему дать денегъ. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ въ глаза!

— А если онъ васъ вызоветъ на дуэль?

— Это онъ рисуется передъ вами, запугиваетъ меня; я обстрѣленъ подобными угрозами, которыя мнѣ присылаются въ анонимныхъ письмахъ и въ пасквильныхъ стихахъ. Нѣтъ, имъ одинъ мой отвѣтъ — презрѣніе!

Сивцовъ говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что я совершенно успокоился; но черезъ два дня вечеромъ явился ко мнѣ нарочный изъ Полыновки съ запиской отъ Сивцова, въ которой онъ приглашалъ меня немедленно пріѣхать къ нему. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Получилъ отъ дурака вызовъ!

— И вы рѣшаетесь принять этотъ вызовъ? спросилъ я въ сильномъ волненіи.

— А что прикажете дѣлать?.. не могутъ оставить меня въ покоѣ! Рады, что нашли дурака который лѣзетъ на стѣну... Какія-то клеветы распускаю про него по городу! да я и въ городѣ-то давно не былъ.

— Позвольте мнѣ переговорить сначала съ Размотовымъ...

— Сохрани васъ Боже! вы не знаете, что это за люди; они только будутъ торжествовать, кричать всюду, что я струсилъ и подсылалъ просить прощенія... Ради Бога, прошу васъ, ни шагу не дѣлать къ примиренію!

— Да вы плохо стрѣляете...

— Дуэль такое дѣло, что и хорошіе стрѣлки бывали убиваемы плохими... Мнѣ одно досадно, что я, волей-неволей, долженъ обратиться...

— Я согласенъ быть вашимъ секундантомъ, поспѣшилъ я отвѣтить Сивцову.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, вынулъ изъ кармана большой запечатанный пакетъ и подалъ мнѣ его, сказавъ:

— Я, очень кстати, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вздумалъ сдѣлать свое завѣщаніе, вотъ оно и пригодилось! Въ этомъ пакетѣ есть къ вамъ письмо съ моими распоряженіями; я увѣренъ, что вы ихъ исполните... Видите, у меня все готово!

И Сивцовъ, желая прекратить разговоръ о дуэли, сѣлъ за рояль и сталъ играть. Я удивлялся его спокойствію духа. Сыгравъ одну пьесу, онъ сталъ ходить по комнатѣ, вдругъ остановился передо мной и сказалъ:

— А бываютъ такія минуты въ жизни, что съ полнымъ равнодушіемъ смотришь на смерть, хотя въ сущности не имѣешь права жаловаться на свою судьбу. Мое дѣтство и моло-

дость были обставлены хорошими условіями; никакихъ особенныхъ пертурбацій не имѣлъ, даже всегда пользовался отличнымъ здоровьемъ и былъ матеріально обезпеченъ. Ну, чего еще нужно человѣку? а вотъ подите-жь, никакого волненія не ощущаю при мысли, что какой-нибудь дуракъ ни за что ни про что влѣпитъ мнѣ пулю въ лобъ! Надо вамъ сказать, что у меня появилось съ годъ одно завѣтное желаніе, и меня утѣшаетъ мысль, что можетъ быть моя смерть осуществитъ его скорѣй... Когда я пріѣхалъ въ свое родное непелище, то всѣ мои интересы были сосредоточены на моей службѣ, но нежданно, негаданно я встрѣтилъ...

На этомъ словѣ Сивцовъ оборвалъ свою рѣчь, точно чего-то испугался и снова заходилъ по комнатѣ. Я нетерпѣливо ждалъ продолженія его исповѣди, но онъ отворилъ дверь въ переднюю и приказалъ:

— Подавайте ужинъ!

Прощаясь со мной, онъ опять завелъ рѣчь о дуэли, повторивъ свое желаніе, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не пробовалъ дѣлать попытокъ къ примиренію, когда увижу Размотова...

Я явился къ Размотову и объявилъ ему, что Сивцовъ принимаетъ вызовъ. Я подмѣтилъ, что это передернуло его, но онъ развязно съ ехидной улыбочкой произнесъ:

— Я заранѣе зналъ, что вы будете секундантомъ у моего противника.

— Что жь, это дѣлаетъ честь вашей проницательности, отвѣтилъ я. — Потрудитесь сказать мнѣ адресъ вашего секунданта, чтобы я могъ переговорить съ нимъ объ условіяхъ дуэли?

— У меня друзей много, за этимъ дѣло не станетъ: завтра я васъ извѣщу, или лучше пришлю къ вамъ моего секунданта.

Я раскланялся, но Размотовъ остановилъ меня словами:

— Въ память прежнихъ нашихъ отношеній я желаю, чтобы вы не въ искаженномъ видѣ знали причину моего вызова.

— Вы ужь мнѣ говорили о какихъ-то грязныхъ сплетняхъ, которыя о васъ кто-то распускаетъ по городу, равнодушно отвѣтилъ я, снова дѣлая видъ, что хочу уйти.

— Позвольте, воскликнулъ Размотовъ, потерявъ самообладаніе: — никто, кромѣ Сивцова, не могъ клеветать на меня!

— Какія данныя вы имѣете на это?

— А вотъ увидите! Сивцовъ послалъ доктора въ Горушки, послѣ этого стали ходить по городу слухи, будто бы я прекратилъ свои визиты къ Крутову, потому что мнѣ замедлила его жена присылкой впередъ денегъ, которыя я всегда получалъ за свои визиты, но скрывалъ отъ всѣхъ... Надѣюсь, поводъ есть предполагать — кто авторъ этихъ клеветъ?

— Никакого.

Размотовъ, весь дрожа, воскликнулъ:

— Не находите? хорошо-съ! если этого для васъ мало, то я васъ спрошу: чему я долженъ приписать, что дочь Крутова, находясь въ такомъ скверномъ положеніи, отвѣтила на мое предложеніе слѣдующими словами: „лучше женитесь на той, которая васъ любитъ."

— Чему же другому этотъ отвѣтъ можно приписать, какъ не тому, что она честная дѣвушка и не желаетъ воспользоваться вашимъ увлеченіемъ, не смотря на свое скверное положеніе.

— Я еще не все сказалъ. У Сивцова есть шпіонъ въ Горушкахъ, иначе онъ не могъ знать, что я, за неимѣніемъ времени, прекратилъ свои визиты. Очень легко, что Сивцовъ этого же доктора и упросилъ такъ аттестовать меня дочери Крутова, что она и изволила мнѣ сказать эту фразу: „женитесь на той, которая васъ любитъ."

— Что же вы находите такого въ этой фразѣ?

— А то, что ей разсказали о барышнѣ... да я вамъ упоминалъ о ней, — она до сумасшествія влюблена въ меня, и не можетъ помириться, что я могу жениться на другой; явилась ко мнѣ, показала мнѣ анонимное письмо, въ которомъ ее извѣщаютъ, что я хочу жениться, и дѣлаетъ мнѣ сцену...

— Я понимаю, что ваше положеніе очень затруднительное, но поводы къ дуэли все-таки слабы, тѣмъ болѣе что Сивцовъ настолько порядочный и развитой человѣкъ, что не способенъ на грязныя сплетни и на анонимныя письма.

— А ревность, да еще въ его лѣта?

— Да что разсуждать объ этомъ, прощайте! отвѣтилъ я.

Размотовъ опять не пустилъ меня, сдѣлавъ мнѣ вопросъ:

— Это ваше искреннее мнѣніе о Сивцовѣ?

— Конечно.

— Но вы сами меня увѣрили, что онъ страстно влюбленъ въ нее? Я прежде этого не подозрѣвалъ.

Я раскаялся, что выболталъ дураку сердечную тайну Сивцова, и старался убѣдить Размотова, что я это сдѣлалъ изъ хитрости, чтобы заставить его высказать мнѣ свою любовь, о которой я догадался изъ его отказа познакомить меня съ моими сосѣдями въ Горушкахъ. Но я дѣйствовалъ дипломатически, дѣлая видъ, что не замѣчаю расположенія Размотова сдаться на примиреніе, и когда онъ мнѣ сказалъ:

— Ваше мнѣніе о Сивцовѣ сбиваетъ меня съ толку; я теперь въ недоумѣніи: съ какой цѣлью другой кто-нибудь могъ ей оклеветать меня...

— А подумайте хорошенько; сами вы мнѣ разсказывали, что вы имѣете большой успѣхъ у женщинъ, очень можетъ быть какой-нибудь мужъ, или отставной поклонникъ по злобѣ и мстятъ вамъ.

Размотовъ сдѣлалъ видъ какъ бы пораженнаго моими словами, и разведя руками, произнесъ:

— Сознаюсь, я объ этомъ и не подумалъ!

И онъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ бы ожидая, что я первый предложу миролюбиво покончить дѣло; но я предоставилъ ему первому сдѣлать этотъ шагъ; и когда онъ, запинаясь, сталъ говорить о своемъ поспѣшномъ вызовѣ, то я ему посовѣтовалъ написать извиненіе Сивцову.

— Никогда, ни за что! опять вспылилъ Размотовъ. — Въ его рукахъ будетъ документъ...

— Который Сивцовъ, прочтя, разорветъ, подсказалъ я.

— Вы ручаетесь? спросилъ меня Размотовъ.

— Какой же порядочный человѣкъ можетъ иначе поступить въ такомъ случаѣ?

Размотовъ поломался, объявилъ, что это онъ дѣлаетъ для меня, потому что его совѣсть упрекала бы, еслибъ я пострадалъ изъ-за этой дуэли; что онъ меня очень уважаетъ, цѣнитъ и проч. Онъ написалъ записку, кусая губы отъ волненія и, отдавая ее мнѣ со скрежетомъ зубовъ, произнесъ:

— Я все-таки досконально развѣдаю моего тайнаго врага, и тогда я не буду слушать никого!

Я былъ радъ, что эта глупая дуэль разстроилась, и ничего ему не возражалъ, а поспѣшилъ къ Сивцову, отъ котораго скрылъ сватовство Размотова, боясь, чтобы онъ, чего добраго, не полѣзъ на стѣну.

— Господи! какіе всѣ они пошляки! разрывая письмо, сказалъ Сивцовъ.

Мои однообразная жизнь въ деревнѣ болѣе уже не нарушалась никакимъ волненіемъ до пріѣзда моихъ родственниковъ въ Порошково. Я сталъ собираться къ отъѣзду. Въ нѣсколько дней мнѣ опротивѣли дѣти и ихъ родители. Одни своими капризами, а другіе систематической порчей дѣтей физически и нравственно. Я было пробовалъ урезонивать моихъ родственниковъ, что теперь прошла пора разводить тепличныхъ людей; что экономическія условія совершенно измѣнились; что наслѣдство, которое получили, они на-половину прожили, да и остальную часть проживутъ. Само собой разумѣется, что мои родственники считали меня по молодости лѣтъ не компетентнымъ судьей въ воспитаніи дѣтей.

Какъ слѣдовало ожидать, собаки Антипыча произвели такое страшное впечатлѣніе на заботливыхъ родителей, что немедленно былъ данъ приказъ удалить ихъ изъ Порошкова. Сивцовъ взялъ къ себѣ въ Полыновку Антипыча съ собаками.

Филипповна спасовала передъ волей своихъ господъ, которыхъ я упросилъ, чтобы Петръ остался въ должности кучера. Онъ со слезами на глазахъ благодарилъ меня за это. Съ Сивцовымъ мы разстались дружески и я пожелалъ ему успѣха въ его музыкальной дѣятельности...

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Панамскій каналъ. (Рис. на стр. 713, 716 и 717).

Въ біографіи Фердинанда де-Лессепса, помѣщенной въ № 6 *Нивы* настоящаго года, мы упомянули, что этотъ замѣчательный человѣкъ, несмотря на преклонные годы, съ удивительною энергіею и неутомимостью занятъ въ настоящее время осуществленіемъ грандіознаго проекта—прорытія Панамскаго перешейка и соединенія двухъ океановъ. Десять лѣтъ тому назадъ была учреждена „Всемірная компанія междуокеанскаго Панамскаго канала", приступившая къ сооруженію канала поперекъ центральнаго американскаго перешейка отъ берега Атлантическаго океана у Колона (Аспинвали) при Мексиканскомъ заливѣ, до устьевъ Ріо-Гранде въ Панамской бухтѣ на сторонѣ Тихаго или Великаго океана. Длина всего канала, считая притомъ углубленіе, которое должно быть проведено въ въ мелкой бухтѣ, будетъ простираться немного болѣе 70 верстъ, при глубинѣ почти въ 30 футовъ и ширинѣ въ 72 фута по дну канала и 131 футъ на поверхности воды въ немъ. Такимъ образомъ новый каналъ будетъ гораздо шире Суэзскаго, прославившаго имя своего соорудителя, того же Фердинанда де-Лессепса. Со времени начала работъ встрѣтившіяся затрудненія совершенно измѣнили первоначальный планъ. Главную трудность въ исполненіи этой гигантской работы составила необходимость соорудить громадныя запруды и предотвратить сліяніе рѣки Чагресъ съ Обиспо, вслѣдствіе чего могло произойти затопленіе всей мѣстности между Эмперадоромъ и Колономъ. Дальнѣйшія затрудненія представились при прорытіи ряда холмовъ, высотою до 360 футовъ при Кулебрѣ при 1½ верстахъ длины и 200 футовъ высоты у Эмперадора. Въ сложности холмистая мѣстность на всю длину канала не превышаетъ 14 верстъ, но твердыя горныя породы, въ особенности у Эмперадора, причинили не мало препятствій при прорытіи

возвышенностей. Помѣщенный на стр. 716 и 717 рисунокъ представляетъ состояніе и ходъ работъ въ возвышенномъ участкѣ канала, между Эмперадоромъ и Кулеброй, ближе къ послѣдней. Кромѣ значительной высоты, на которой производятся работы и куда должно быть доставляемо все необходимое для нихъ,—значительнымъ затрудненіемъ является надобность подыскать подходящее мѣсто, гдѣ могли бы быть свалены милліоны кубическихъ футовъ земли и камней, вырытыхъ при проведеніи канала въ этомъ мѣстѣ. Машины и рабочіе для канала доставляются изъ разныхъ мѣстъ земнаго шара. Первыя получаются главнымъ образомъ изъ Франціи, Бельгіи и Америки. Изъ нихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ изображенная на стр. 713, чрезвычайно любопытны и замѣчательны. Рабочими, преимущественно являются негры, которые лучше другихъ уживаются въ убійственномъ климатѣ центральной Америки. Кромѣ того, въ Панамѣ можно встрѣтить рабочихъ со всѣхъ концовъ вселенной, привлеченныхъ туда большою задѣльною платою. На одной станціи отдѣла Эмперадоръ рабочіе говорятъ не менѣе какъ на восьми языкахъ, а именно: англійскомъ, испанскомъ, французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, португальскомъ, китайскомъ и индостанскомъ. Надо замѣтить, что трудности жизни въ этой мѣстности значительно облегчаются большою заботливостью, какою отличается компанія, касательно рабочихъ, которыхъ въ общей сложности насчитывается свыше 12,000 человѣкъ.

Туземцы Сандвичевыхъ острововъ, плавающіе на доскахъ по волнамъ океанскаго прибоя.

Въ настоящее время около половины работъ для проведенія канала уже окончены; остается прорыть каналъ въ сравнительно мягкомъ грунтѣ и окончательно, такъ сказать, отдѣлать его. Работы, кромѣ того, облегчились и тѣмъ обстоятельствомъ, что компанія пріобрѣла Панамскую желѣзную дорогу. Тѣмъ не менѣе для успѣшнаго окончанія работъ потребуется еще около 300 милліоновъ рублей. При составленіи смѣты де-Лессепсъ полагалъ, что стоимость канала не превыситъ 250 милліоновъ рублей. По осмотрѣ перешейка на мѣстѣ, смѣта предпріятія была увеличена въ 1879 году болѣе чѣмъ на 100.000,000 рублей. На дѣлѣ, встрѣтившіяся затрудненія потребовали еще большихъ расходовъ, которые превзошли въ настоящее время 500 милліоновъ рублей.

Корреспондентъ журнала *Illustrated London News*, прибывшій въ Колонъ 13 февраля настоящаго года, въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: „Я затрудняюсь назвать въ настоящее время семь чудесъ свѣта, но я могу съ увѣренностью сказать, что восьмымъ чудомъ является каналъ, строющійся въ настоящее время между Колономъ и Панамой въ центральной Америкѣ. Я чувствую, что осталось немного лѣтъ еще и онъ будетъ оконченъ. Тогда корабли почти всѣхъ размѣровъ будутъ проходить изъ Атлантическаго въ Великій океанъ въ 24 часа. Я въ этомъ твердо увѣренъ, подобно всѣмъ, побывавшимъ на мѣстѣ. Покинуть это предпріятіе, на которое уже потрачено столько денегъ и силъ,—будетъ вопіющимъ стыдомъ и даже позоромъ для всего свѣта. Болѣе половины работъ — окончены, всѣ машины на мѣстѣ и работы безъ устали ведутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ днемъ и ночью“.

Въ настоящее время самое главное препятствіе — отсутствіе необходимыхъ средствъ для проведенія канала — также устранено, такъ какъ французское правительство разрѣшило компаніи Панамскаго канала выпускъ 2.000,000 облигацій на сумму 720 милліоновъ франковъ.

Литературный альбомъ. „Емшанъ“, А. Н. Майкова.

(Рис. на стр. 721).

Кому не случалось испытывать, какъ могущественно воскрешаетъ въ насъ воспоминанія запахъ нѣкоторыхъ травъ, цвѣтовъ, духовъ и т. п. душистыхъ предметовъ, вызывая въ памяти впечатлѣнія давно пережитыхъ лѣтъ, почему-либо связанныя съ этими предметами. Особенно сильно вліяніе привычныхъ съ дѣтства, такъ-сказать „родныхъ“ запаховъ на чужбинѣ, гдѣ они встрѣчаются лишь изрѣдка и случайно. На этомъ общеизвѣстномъ явленіи основано содержаніе поэтическаго разсказа, иллюстраціей къ которому служитъ прилагаемый рисунокъ. „Емшанъ“—лѣтописное названіе душистой степной травы, вѣроятно изъ рода полыни.

Степной травы пучокъ сухой,
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ.

Жили-были въ степяхъ южной Руси два брата, батыри (богатыри) половецкіе, ханъ Отрокъ и ханъ Сырчанъ. Ударилъ на нихъ, гроза кочевниковъ, Владиміръ Мономахъ, и разсѣялъ ихъ орды: Сырчанъ скрылся въ отмеляхъ Дона, Отрокъ бѣжалъ на Кавказъ и тамъ сталъ владыкой сильнаго царства. Но вотъ, по смерти Мономаха, гроза прошла, Сырчанъ вернулся въ родныя степени и шлетъ пѣвца своего гонцомъ къ брату звать его на родину. Посланный находитъ Отрока въ золотомъ шатрѣ, окруженнаго роемъ абхазскихъ красавицъ и подвластныхъ князей. Напрасно манитъ его пѣвецъ безопасностью пути на осиротѣлую Русь, напрасно поетъ ему о славныхъ былыхъ половецкихъ и дѣяніяхъ дѣдовъ—Отрокъ равнодушенъ къ брат-

Императоръ Германскій Вильгельмъ II и его супруга Августа-Викторія.

нину зову и приказываетъ увести пѣвца съ глазъ долой... Тогда пѣвецъ вспоминаетъ о послѣднемъ средствѣ — о захваченномъ съ собой изъ степей емшанѣ...

И взялъ пучокъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану—
И смотритъ ханъ—и, самъ не свой,
Какъ-бы почуявъ въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ—
Онъ, грозный ханъ, что жъ это значитъ?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожать,—
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!

И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
„Не царь я больше вамъ отнынѣ!“
Воскликнулъ: „смерть въ краю родномъ
Милѣй чѣмъ слава на чужбинѣ.“

Кліенты, ожидающіе въ атріумѣ выхода патрона.

(Рис. на стр. 724).

Читатели *Нивы* уже видѣли въ №№ 21 и 22 нашего журнала гравюры съ двухъ картинъ молодаго художника С. В. Бакаловича, работы котораго имѣли въ нынѣшнемъ году на академической выставкѣ большой и заслуженный успѣхъ. На стр. 724 нынѣшняго № помѣщена третья его картина „Кліенты, ожидающіе въ атріумѣ выхода патрона“, замѣчательная удивительнымъ блескомъ и виртуозностью исполненія. Мраморныя изваянія съ водоемомъ, посреди помѣщенія, освѣщенныя падающимъ сверху свѣтомъ, рельефно выдѣляются на темномъ фонѣ стѣнъ, на которыхъ, однако, отчетливо можно различить живопись и маски предковъ. Нѣсколько фигуръ оживляютъ картину. Это кліенты, ожидающіе своего патрона, одни съ нетерпѣніемъ и надеждою на щедрыя подачки своего господина, другіе спокойно или со страхомъ предъ неизвѣстными прихотями и требованіями его. Составляя какъ бы среднее сословіе въ Римскомъ государствѣ, кліенты входили въ составъ семейства патрона-патриція, который надѣлялъ ихъ участками земли для обработки, защищалъ предъ судомъ и всячески оказывалъ свое покровительство. Въ свою очередь, кліенты, бывшіе иногда людьми очень богатыми, обязаны были повиноваться своему патрону, уважать и поддерживать его по мѣрѣ силъ и средствъ, сопровождать его на войну, выкупать изъ плѣна своего господина, давать приданое его дочерямъ и т. п.

Пѣтушій бой въ Тифлисѣ.

(Рис. на стр. 725).

Бой пѣтуховъ принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ видовъ спорта. Пѣтушьи бои (греч. алектріомахія) извѣстны были уже древнимъ. Въ Аѳинахъ они устраивались ежегодно въ воспоминаніе того, что Аѳиняне нѣкогда, увидѣвъ двухъ дравшихся пѣтуховъ, вывели изъ этого доброе предзнаменованіе касательно отпора персидскому нашествію. Въ другихъ городахъ Греціи, Малой Азіи, Сициліи и особенно въ Римѣ также очень любили это зрѣлище. Пѣтуховъ обыкновенно раздразнивали разными средствами предъ боемъ и снабжали желѣзными шпорами. Церковь христіанская ратовала противъ этого боя, какъ и противъ всѣхъ кровавыхъ зрѣлищъ древности, но тѣмъ не менѣе въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и до послѣдняго времени, пѣтушьи бои постоянно держались въ Англіи, Голландіи, Италіи, Германіи, Центральной Америкѣ, Остъ-Индіи и Китаѣ. Въ Англіи они устраивались систематически при Генрихѣ VIII и Карлѣ II, причемъ первый положилъ начало такъ-называвшемуся *большому національному бою пѣтуховъ*, который съ тѣхъ поръ устраивался на королевской аренѣ (Royal cockpit). Въ послѣднее время пѣтушьи бои въ Англіи были запрещены закономъ, но тайкомъ устраиваются и до сихъ поръ. Въ Москвѣ они производились еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, гдѣ ими особенно славился одинъ трактиръ у Пречистенскихъ воротъ. Въ Тифлисѣ, какъ видно на рисункѣ, они производятся довольно открыто.

Сандвичане во время прибоя.

(Рис. на стр. 728).

Кто-то назвалъ плаваніе искусствомъ продолжить страданія когда утопаешь. Однако не мало людей избѣгли этой мучительной смерти и сохранили себѣ жизнь только благодаря умѣнью плавать. Этимъ, быть можетъ, и объясняется что во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, которымъ приходилось ѣздить по водѣ, или жить близь нея, плаваніе было хорошо извѣстно. Уже въ глубокой древности финикійцы и карѳагеняне славились своимъ умѣньемъ плавать. Также древніе греки, въ особенности жители Аѳинъ и острова Делоса, были отличными пловцами. У римлянъ обученіе плаванію было обязательнымъ среди солдатъ. Не мало примѣровъ продолжительнаго и замѣчательнаго плаванія сохранилось въ исторіи. Многимъ извѣстно поэтическое сказаніе о Леандрѣ, жителѣ Абидоса. Онъ каждую ночь переплывалъ Геллеспонтъ, т. е. нынѣшнія Дарданеллы, чтобы видѣться со своею возлюбленной, молодой и красивой жрицей Геро, которая зажигала на высокой башнѣ огонь, служившій путеводителемъ отважному пловцу. Долгое время совершенный Леандромъ подвигъ казался невѣроятнымъ. Дарданеллы въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣютъ до 7 стадій или болѣе 560 саженъ, а городъ Сестосъ, гдѣ жила Геро, отстоялъ отъ Абидоса на 30 стадій. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія задача переплыть Дарданеллы была благополучно разрѣшена извѣстнымъ англійскимъ поэтомъ лордомъ Байрономъ. Въ апрѣлѣ 1810 года онъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей, лейтенанта Экенгида, переплылъ древній Геллеспонтъ съ европейскаго берега на азіатскій въ теченіе 1 часа времени, хотя и поплатился нѣсколькими днями лихорадки. Послѣднее не удержало знаменитаго поэта совершить впослѣдствіи еще нѣсколько путешествій вплавь. Такъ, между прочимъ, въ 1818 году, вслѣдствіе пари, онъ приплылъ съ острова Лидо до Венеціи, гдѣ долгое время плавалъ еще по каналамъ, всего въ теченіе 4 часовъ и 20 минутъ. Въ позднѣйшее время прославился какъ отважный и неутомимый пловецъ капитанъ Метью Вебъ, погибшій въ 1883 году, во время отчаянной попытки переплыть Ніагарскій водопадъ. Въ 1875 году капитанъ Вебъ переплылъ Ламаншскій каналъ изъ Дувра, въ Англіи, во Францію, въ Кале, съ 12 на 13 августа въ теченіе 21 часа и 45 минутъ. Плаваніе въ особенности развито среди дикарей, населяющихъ берега морей и рѣкъ въ тропической части земнаго шара. Еще во времена завоеванія испанцами Америки, жители этой новой части свѣта вызывали удивленіе среди своихъ завоевателей своимъ умѣньемъ плавать. Позднѣе, при посѣщеніи европейцами Океаніи, сообщались удивительные разсказы о плаваніи обитателей острововъ Тихаго и Индійскаго океановъ. Нѣкоторое представленіе о продѣлкахъ въ водѣ полинезійцевъ, даетъ помѣщенный на стр. 728 рисунокъ, изображающій плавающихъ сандвичанъ во время прибоя. Захвативъ доски, они съ ними подымаются и опускаются на громадныхъ морскихъ валахъ. Добравшись до верхушки волны, нѣкоторые изъ нихъ ухитряются стать на доску и спускаются на ней, какъ съ горы, въ водяную пропасть.

Императоръ Германскій Вильгельмъ II и его супруга.

(Портр. на стр. 729).

Посѣтившій на прошлой недѣлѣ Россію, юный Германскій императоръ родился въ Берлинѣ 15 (27) января 1859 г. Дѣдъ его, покойный императоръ Вильгельмъ I, въ то время принцъ-регентъ Прусскій, узнавъ о рожденіи внука, на простомъ извозчикѣ поѣхалъ во дворецъ къ сыну. На дорогѣ ему встрѣтился фельдмаршалъ Врангель, успокоившій встревоженнаго принца. „Все обстоитъ благополучно“, замѣтилъ старый воинъ, „родившійся мальчикъ такой здоровый и толстый рекрутъ, какихъ только и нужно!“ Въ томъ же году 21 февраля были совершены крестины новорожденнаго и ему даны имена Фридриха-Вильгельма-Виктора-Альберта. Первыми воспитательницами и наставницами молодаго Гогенцоллерна были госпожи Адольфи и Донжè. У послѣдней онъ учился французскому языку. Позже онъ изучилъ англійскій языкъ подъ руководствомъ миссъ Арчеръ, впослѣдствіи бывшей начальницею въ лицеѣ Викторіи. При началѣ школьнаго возраста маленькому принцу былъ данъ въ качествѣ гражданскаго наставника профессоръ, нынѣ тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, который исполнялъ эту обязанность до совершеннолѣтія своего питомца. Военнымъ гувернеромъ у принца былъ генералъ-маіоръ фонъ-Штольбергъ, съумѣвшій внушить ему съ ранняго возраста горячую любовь къ военному дѣлу. 15 января 1869 года, въ 10-ю годовщину рожденія принца Вильгельма, онъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и 1 мая, въ томъ же году, участвовалъ въ первый разъ на церковномъ парадѣ перваго пѣхотнаго гвардейскаго полка. При всей любви ко всему военному, юный принцъ прилежно занимался преподаваемыми ему науками и языками. Для полнаго ознакомленія съ ними августѣйшіе родители принца рѣшили, что ихъ сыновья, Вильгельмъ и Генрихъ, должны получить дальнѣйшее образованіе не при Дворѣ, а въ доступномъ для всѣхъ учебномъ заведеніи. Выборъ ихъ остановился на Кассельской гимназіи. Въ лицѣ ея директора, доктора Фогта, они нашли человѣка, вполнѣ отвѣчавшаго ихъ желаніямъ. На обращенный къ нему вопросъ, онъ отвѣтилъ, что желаніе Августѣйшихъ родителей помѣстить своихъ сыновей въ его училище онъ считаетъ, конечно, приказаніемъ, но при всемъ томъ полагаетъ, что оба его новые питомца подчинятся безпрекословно всѣмъ установленнымъ въ заведеніи порядкамъ и будутъ исполнять всѣ возложенныя на воспитанниковъ обязанности; никакихъ различій и льготъ онъ допустить не можетъ. Отвѣтъ директора очень понравился. До отъѣзда въ Кассель, принцъ Вильгельмъ 1 сентября 1874 года былъ конфирмованъ при торжественной обстановкѣ въ той самой гарнизонной церкви въ Потсдамѣ, гдѣ недавно происходило погребеніе его державнаго отца. Къ конфирмаціи принца приготовлялъ проповѣдникъ Перзіусъ, находившійся при почившемъ императорѣ Фридрихѣ въ тяжелые дни его послѣднихъ страданій.

Въ Кассельской гимназіи принцъ Вильгельмъ провелъ немного болѣе 2 лѣтъ. 8 января 1877 года онъ выдержалъ свой экзаменъ зрѣлости, а черезъ недѣлю молодой принцъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Съ этого времени началась его практическая военная служба въ первомъ пѣхотномъ гвардейскомъ полку. При этомъ случаѣ императоръ Вильгельмъ I

свое напутствіе внуку заключилъ словами: „Ступай и исполняй свой долгъ, какъ тебя учили исполнять его. Да хранитъ тебя Богъ!"

Въ томъ же году онъ поступилъ въ Боннскій университетъ, гдѣ пробылъ почти три года, до 1879 г., съ особенною любовью занимаясь государственными и юридическими науками.

Еще будучи студентомъ, принцъ Вильгельмъ, охотясь близъ замка Примкенау, въ окрестностяхъ Готы, познакомился со своею будущей женой принцессой Августой-Викторіей. Ея отецъ, — герцогъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Аугустенбургскій, былъ лишенъ престолонаслѣдія послѣ австро-прусской войны и уединенно проживалъ въ названномъ замкѣ. Въ 1880 году онъ скончался, оставивъ вдову, герцогиню Аделаиду съ четырьмя дочерьми, изъ которыхъ старшей, Августѣ-Викторіи, родившейся 10 октября 1858 года, было тогда 22 года. Несмотря на сильныя препятствія къ браку, юный принцъ побѣдилъ затрудненія и бракосочетаніе состоялось въ февралѣ 1881 года. Съ этого времени принцъ Вильгельмъ ревностно отдался военной службѣ. Быстро пройдя всѣ офицерскіе чины, онъ наконецъ былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго гусарскаго полка, квартирующаго въ Потсдамѣ. Здѣсь у него родился, 7 мая 1882 года, первенецъ-сынъ, названный Фридрихомъ-Вильгельмомъ-Викторомъ-Августомъ-Эрнестомъ. Въ настоящее время у императора Германскаго четыре сына. Въ послѣдніе годы жизни своего старца-дѣда, и въ особенности со времени болѣзни своего отца, принцъ Вильгельмъ сталъ ревностно заниматься государственными дѣлами, хотя и ранѣе ими интересовался. Интересъ къ государственнымъ дѣламъ возбудилъ въ молодомъ принцѣ главнымъ образомъ князь Бисмаркъ, къ которому, какъ извѣстно, нынѣшній императоръ питаетъ глубокое уваженіе и безусловное довѣріе.

Пребываніе императора Германскаго въ Петергофѣ. Нижній садъ и фонтаны. (Рис. на стр. 732).

Аппартаменты для его величества императора Германскаго находятся на правой сторонѣ Большаго Петровскаго Дворца въ Петергофѣ, на половинѣ Великой Княгини Ольги Николаевны. Великая Княгиня, по выходѣ въ замужество, нѣкоторое время жила въ этихъ аппартаментахъ. Помѣщеніе его величества составляютъ 8 комнатъ.

Петергофскій дворецъ со всѣхъ сторонъ окруженъ паркомъ, который раздѣляется на двѣ главныя части: *„Верхній садъ"* и *„Нижній садъ"*. Нижній садъ расположенъ ближе къ морю по берегу Финскаго залива и тянется вдоль берега болѣе чѣмъ на двѣ версты, а въ ширину имѣетъ до 300 саженей.

Верхній садъ расположенъ гораздо выше Нижняго, отчего и получилъ это названіе. Изъ Нижняго сада въ Верхній ведутъ нѣсколько широкихъ бѣлыхъ мраморныхъ лѣстницъ. На самомъ краю уступа, раздѣляющаго оба сада, и построенъ большой Петергофскій нагорный дворецъ, заложенный Петромъ Великимъ по случаю своей свадьбы и окончательно роскошно отдѣланный послѣдующими государями, въ особенности Елисаветою Петровной. Первоначальное зданіе, выведенное по чертежу Леблона, Елисавета Петровна поручила архитектору графу Растрелли расширить и украсить. Растрелли пристроилъ къ нему два боковые флигеля и соорудилъ домашнюю церковь во имя Св. Петра и Павла. На крышѣ изъ бѣлой жести съ золотыми украшеніями онъ помѣстилъ огромнаго трехглаваго орла въ 16 пудовъ вѣсомъ.

Во дворцѣ чрезвычайно много комнатъ, отдѣланныхъ наироскошнѣйшимъ образомъ и наполненныхъ дорогими картинами.

Противъ передняго фасада по уступу расположены большіе гроты и два главные каскада въ видѣ колоссальныхъ лѣстницъ, ко 7 ступеней въ каждой. Каждая ступень по краямъ украшена позолоченными статуями, представляющими копіи съ античныхъ, вазами и чашами съ бьющею изъ нихъ водою. Въ нишахъ большаго грота также разставлено нѣсколько бронзовыхъ статуй отличной работы, а на площадкѣ передъ гротомъ бьетъ фонтанъ, вода котораго падаетъ въ видѣ плетеной корзинки. Вся вода, выбрасываемая этими фонтанами и каскадами, изливается черезъ урны статуй Невы и Волхова въ „ковшъ", посрединѣ котораго бьетъ могучая струя Самсона, величайшаго изъ всѣхъ Петергофскихъ фонтановъ.

Екатериною I, супругою Петра, былъ поставленъ на мѣсто замышлявшейся Петромъ „исторіи Еркуловой", фонтанъ „Самсонъ, раздирающій пасть льву". Группа эта имѣетъ символическое значеніе: она изображаетъ безуспѣшную борьбу шведовъ съ русскими, поразившими ихъ на голову при Полтавѣ въ день *Св. Самсонія*. Левъ же, раздираемый Самсономъ, представляетъ Швецію, такъ какъ животное это изображается на ихъ государственномъ гербѣ.

Струя воды, выбрасываемая львиною пастью, поднимается, какъ говорятъ, на такую высоту, на какую только можетъ при всѣхъ усиліяхъ нагнетающаго механизма, словомъ достигаетъ maximum'а высоты и силы. Кругомъ Самсона множество мелкихъ и крупныхъ фонтановъ: гладіаторы, тритоны, лягушки и пр.

Кромѣ Самсона, въ Нижнемъ саду есть и другія сооруженія, обращающія на себя вниманіе, напр. „Марли", хорошенькій каменный дворецъ (построенный по образцу такого же дворца, находящагося въ окрестностяхъ Парижа), въ которомъ хранятся многія вещи принадлежавшія Петру Великому; „Золотая гора", „Марлинскій каскадъ", „Львиный каскадъ", построенные въ видѣ древняго греческаго храма со множествомъ стройныхъ колоннъ, между которыми бьютъ фонтаны; „Эрмитажъ", на самомъ берегу моря, сохранившійся отъ Петра неизмѣнно; фонтаны „Адама" и „Евы"; „Монплезиръ", любимое мѣсто отдохновенія Петра, и множество другихъ фонтановъ и затѣй.

Изъ затѣй, имѣющихъ цѣлью неожиданно и пріятно изумить зрителя, мы упомянемъ о слѣдующихъ: „Фаворитный фонтанъ", приводимый въ круговращательное движеніе водою. Въ кругломъ бассейнѣ плаваютъ утки и помѣщена собака, какъ бы гоняющаяся за ними; посрединѣ стоитъ фигура крестьянина со свирѣлью. Когда фонтанъ пущенъ, то утки начинаютъ плавать вокругъ бассейна, а собака гонится за ними. Фонтанъ „Грибокъ", вокругъ ножки котораго (4 арш. вышиною), подъ шапкою, разставлены скамейки для гуляющихъ. Изъ шапки грибка, по данному сигналу, неожиданно начинаетъ литься вода, и сидящіе на скамейкахъ оказываются какъ бы заключенными въ сплошной водяной колоколъ.

Машинка для выдѣлки пуговицъ. (Рис. на стр. 733).

Недавно въ продажѣ появилась чрезвычайно удобная и простая машинка для выдѣлки изъ матеріи пуговицъ домашнимъ образомъ. На стр. 733 помѣщено изображеніе ея. При помощи этой машинки всякій безъ особеннаго труда можетъ обтянуть остатками шерстяныхъ или шелковыхъ матерій, нерѣдко бросаемыми за непригодностію, различнаго вида пуговицы, которыхъ одна машинка можетъ выдѣлывать до 12 сортовъ. При сравнительно недорогой цѣнѣ, такая машинка можетъ принести несомнѣнную пользу во всякомъ хозяйствѣ и въ портняжной или бѣлошвейной мастерской, гдѣ встрѣчается надобность въ большомъ числѣ различныхъ пуговицъ, прочно и скоро изготовленныхъ. Для приготовленія пуговицы машинку открываютъ и въ открывшееся дуло ея вкладываютъ кружечекъ матеріи, штемпель для пуговицы и части ея. Затѣмъ, закрывъ машинку и повернувъ верхній рычагъ *AD* и ножку *E*, вновь открываютъ машинку и вынимаютъ изъ нея уже готовую пуговицу.

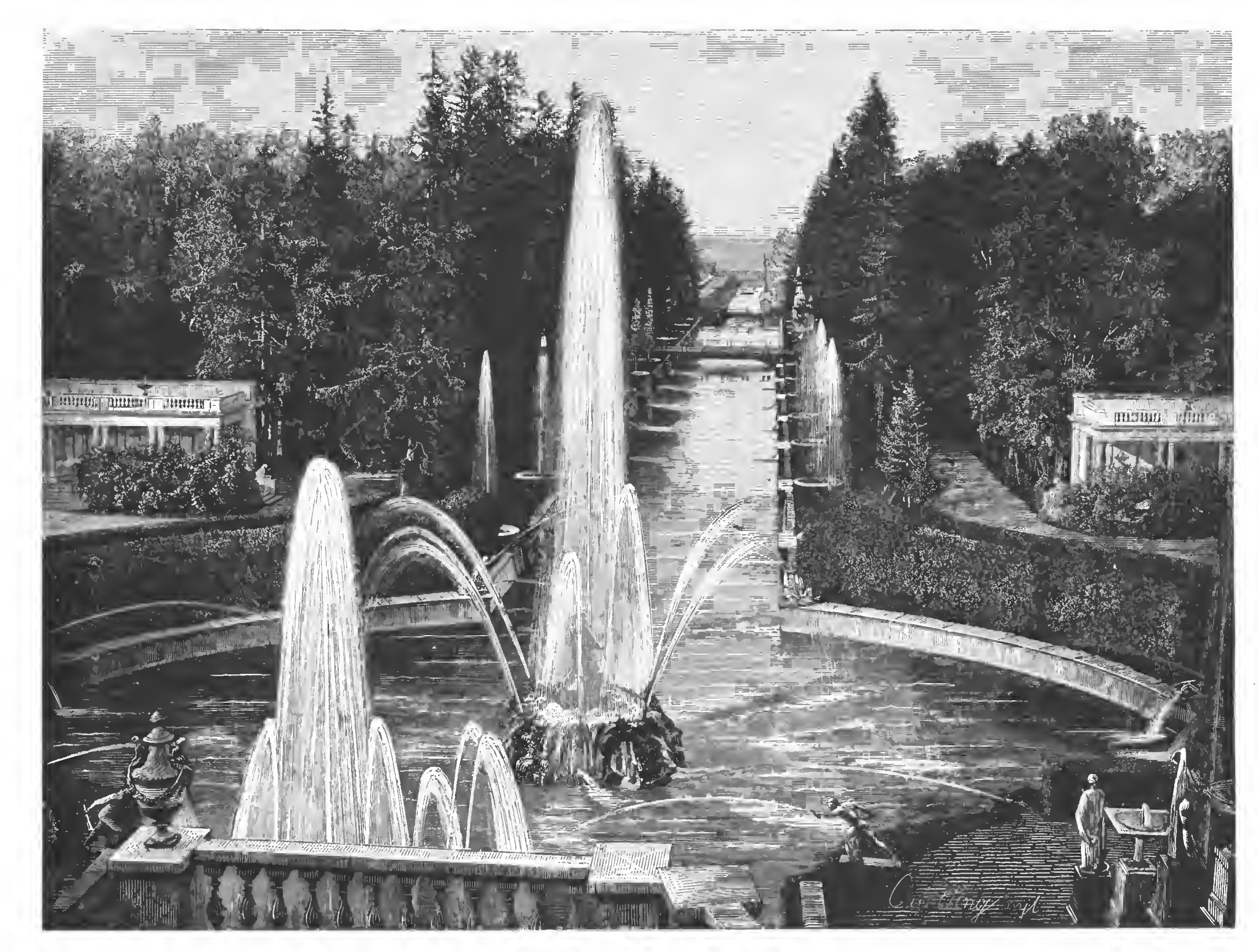
Политическое обозрѣніе.

Въ четвергъ, 7 іюля, произошла у Кронштадта давно съ нетерпѣніемъ ожидаемая встрѣча Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго. Свиданіе это безспорно имѣетъ важное историческое значеніе и вліяніе его окажется на дальнѣйшій ходъ послѣдующихъ политическихъ событій. Самостоятельный характеръ этого акта вѣжливости, замѣчаетъ *Journal de St. Pétersbourg*— только усиливаетъ значеніе шага, предназначеннаго безспорно къ скрѣпленію тѣсныхъ узъ вѣковаго родства, соединяющихъ оба Царствующіе Дома, и къ упроченію дружескихъ и довѣрчивыхъ отношеній между обѣими имперіями. Это весьма серьезный залогъ мира и успокоенія. Мирный характеръ совершившагося свиданія сталъ наконецъ очевиднымъ и для австрійскихъ газетъ. Большая часть изъ нихъ, съ *Fremdenblatt* во главѣ, выставляютъ на видъ, что свиданіе Императоровъ имѣетъ для сохраненія мира чрезвычайно важное значеніе. *Fremdenblatt* говоритъ: „Прочія европейскія государства смотрятъ на это зрѣлище безъ всякаго чувства зависти, будучи исполнены исключительнаго желанія, чтобы оно надолго обозначало собою торжество мира".

Еще 2 іюля свиданіе двухъ Императоровъ сосѣднихъ великихъ державъ—изъ области предположеній перешло въ міръ дѣйствительности. Этого числа рано поутру императоръ Вильгельмъ II прибылъ въ Киль и пересѣвъ на яхту „Гогенцоллернъ" отправился моремъ въ Россію въ сопровожденіи цѣлой эскадры судовъ.

Ниже читатели найдутъ описаніе торжественнаго и знаменательнаго дня свиданія двухъ Императоровъ. Радостно бьются сердца въ надеждѣ на благія и миролюбивыя послѣдствія его. Надежда эта проливаетъ успокоеніе и на удручающее впечатлѣніе, которое произвело разставаніе Сербской королевы Наталіи со своимъ сыномъ въ Висбаденѣ.

Пока рѣшается дѣло Сербскаго короля о разводѣ, материнскому чувству несчастной королевы Наталіи нанесенъ, по проискамъ Милана, тяжелый ударъ. У нея отняли единственнаго сына, принца Александра, и при содѣйствіи германской полиціи отправили въ Сербію. 30 іюня къ Сербской королевѣ явился въ Висбаденѣ президентъ полиціи Рейнбаденъ и объявилъ ей, что онъ возьметъ отъ нея Сербскаго наслѣднаго принца — если будетъ нужно силою. Королева, отказавъ сначала въ добровольной выдачѣ сына, нашла въ себѣ однако довольно силы воли, чтобы объявить затѣмъ, что она готова подчиниться своей участи, если намѣрены употребить силу. Молодой принцъ, никогда не разлучавшійся со своею горячо любимой матерью, горько заплакалъ, когда узналъ о предстоящей разлукѣ. 1 іюля, поутру, около 11 часовъ, къ королевѣ явился начальникъ висбаденской полиціи въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ, и заявилъ, что наступило время принцу уѣхать. Трудно описать наступившую сцену разставанія несчастной матери, у которой отнимали единственное утѣшеніе въ тяжелыя минуты, которыя она переживаетъ. Трогательнѣе

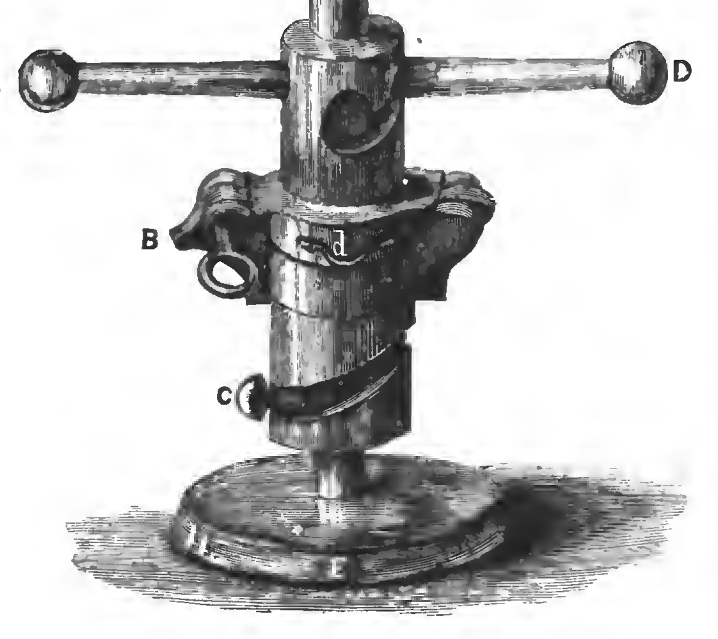

Петергофскіе фонтаны въ Нижнемъ саду. Грав. Кветтингъ.

ничего нельзя себѣ представить. Королева Наталія громко рыдала, крѣпко обнимая свое дорогое дитя. Наконецъ, кое-какъ поборовъ себя, она отпустила сына, который вышелъ изъ дворца въ сопровожденіи своего воспитателя. Въ это время принцъ уже не плакалъ и былъ не по дѣтски серьезенъ. Совершившееся событіе произвело на присутствующихъ удручающее впечатлѣніе и многіе горько жаловались на образъ дѣйствій висбаденской полиціи. Вскорѣ послѣ полудня принцъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Бѣлградъ, а въ 7 часовъ покинула этотъ городъ Сербская королева, направившись въ Вѣну, откуда она уже уѣхала во Францію. Органъ германскаго канцлера, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, извиняетъ обращеніе германской полиціи родительскою властью короля Милана и его державными правами относительно своего сына и подданнаго. *Фоссова Газета* старается найти оправданіе, ссылаясь на *нѣмецкіе* авторитеты (и то не всѣ) международнаго права, якобы непризнающіе за королевой и наслѣдникомъ, пребывающими за предѣлами своего государства, отдѣльно отъ державнаго мужа и отца, — правъ экстериторіальности или внѣ земельности, т. е. полной неприкосновенности въ чужой странѣ. „Но", замѣчаетъ *Новое Время*, „и по теоріи, и въ силу международнаго обычая, наслѣдникъ Сербскаго престола долженъ былъ пользоваться полною неприкосновенностью, пока жилъ въ Германіи, съ чѣмъ также согласенъ *германскій ученый Гефтеръ*, и рука полицейскаго не должна была прикоснуться ни къ нему, ни къ королевѣ Наталіи, къ королевѣ хотя бы вслѣдствіе того только, что она состояла при наслѣдникѣ".

Въ Парижѣ передъ наступленіемъ вакацій въ парламентской дѣятельности, генералъ Буланже попытался еще разъ выступить въ палатѣ депутатовъ со своимъ предложеніемъ о распущеніи палаты, но потерпѣлъ пораженіе. Вслѣдствіе нападокъ чисто личнаго свойства, во время возраженій на предложенія браваго генерала со стороны министра-президента, которыя не оставались безъ возраженій генерала Буланже, между нимъ и Флоке состоялась въ первый день трехдневнаго празднованія годовщины 2 іюля,—дуэль, окончившаяся для депутата Сѣвернаго департамента довольно печально. Флоке нанесъ ему довольно серьезную рану въ шею, отъ которой Буланже еще не оправился. Вторичная неудача въ палатѣ депутатовъ и пораженіе военнаго генерала на дуэли адвокатомъ нѣсколько пошатнули его популярность, особенно въ арміи. Газета *Lanterne* прервала всякую связь съ его сторонниками и во время іюльскихъ празднествъ буланжистскія демонстраціи были гораздо слабѣе, чѣмъ многіе заранѣе предполагали.

Вообще увлеченіе бравымъ генераломъ замѣтно стало ослабѣвать. Не смотря на всѣ старанія сторонниковъ его, телеграммы сообщаютъ о двухъ пораженіяхъ генерала въ избирательной борьбѣ въ ардешскомъ и дордонскомъ департаментахъ. Въ первомъ мѣстѣ выбранъ въ депутаты оппортюнистъ Боссьс приблизительно 42,000 голосами. За генерала Буланже подано было 25,000 голосовъ. Въ дордонскомъ департаментѣ хотя выборы еще не окончены, но уже извѣстно, что за бонапартиста Тайльефера подано пока 47,650, за республиканца Клержона 41,524, за Буланже 4,645. Такимъ образомъ избраніе Тайльефера, повидимому, обезпечено.

Машинка для выдѣлки пуговицъ.

По извѣстіямъ изъ Софіи отъ 4 (16) іюля, болгарское правительство насильственно приступило къ эксплуатаціи желѣзнодорожнаго участка между Вакарелемъ и Бѣлово, причемъ заняло обѣ эти станціи жандармами. Странскій сказалъ корреспонденту *Neue freie Presse*, что правительство рѣшило временно завѣдывать эксплоатаціею линіи Вакарель-Бѣлово для того, чтобы предупредить безпорядки.

По этому поводу въ *Correspondance de l'Est* телеграфируютъ изъ Софіи: „Турецкому дипломатическому агенту въ Софіи приказано потребовать отъ Странскаго объясненія и объявить ему, что Порта съ трудомъ вѣритъ донесеніямъ Виталиса о захватѣ желѣзной дороги. Терпѣніе Султана истощено; онъ чрезмѣрно снисходителенъ къ Болгаріи, которая злоупотребила его добротою. Нота Порты напугала правительство, которое мотивировало свой образъ дѣйствій набѣгами разбойничьихъ шаекъ. Стамбуловъ полагаетъ, что такимъ объясненіемъ Порта удовлетворится, причемъ разсчитываетъ на апатичность турецкаго правительства. Во дворцѣ принца опасаются возможныхъ послѣдствій инцидента".

Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ.

Послѣ долгаго чередованія сносной погоды и ненастья, утро 7 іюля (день прибытія императора Вильгельма II) выдалось въ полномъ смыслѣ народнаго выраженія *краснымъ*. Вода Финскаго залива между Петербургомъ и Кронштадтомъ имѣла тотъ рѣдкій на сѣверѣ синеголубой цвѣтъ, который составляетъ главную прелесть моря. На свѣтлой лазури неба не было ни одной тучки. Только по краямъ горизонта медленно плыли и таяли небольшія группы перисто-кучистыхъ облаковъ, которыхъ серебристые блики придавали блескъ и жизнь безграничной синевѣ небосвода и водпаго пространства. По всему заливу безпрерывно сновали, обгоняя другъ друга, нерѣдко съ музыкой, парусныя и паровыя суда, спѣшившія къ мѣсту встрѣчи двухъ эскадръ — русской и германской. Въ распоряженіе редакціи „Нивы" былъ предоставленъ особый пароходъ, на которомъ она и устроилась со своими художниками и фотографическими аппаратами. На морѣ было тихо, чуть перепархивалъ ароматный вѣтерокъ, стояла легкая рябь, и пароходъ стало чуть покачивать лишь съ приближеніемъ къ Кронштадту, который все яснѣй вырисовывался на горизонтѣ шпицами своихъ колоколенъ, трубъ и мачтъ разукрашенныхъ флагами всѣхъ націй. Вотъ онъ, наконецъ, весь какъ на ладони, съ низенькими, прямо изъ воды подымающимися стѣнками своей грозной крѣпости и словно вынырнувшими въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, многоярусными отдѣльными фортами, готовыми въ одинъ мигъ истребить любую армаду. Но не то предстояло имъ насегодня. Русскій флотъ, въ праздничномъ убранствѣ, расцвѣченный по всѣмъ мачтамъ пестрыми флагами всѣхъ націй, собрался для мирнаго торжества, во срѣтеніе дружественной эскадры Германской, везшей своего императора, впервые посѣщающаго Россію въ этомъ санѣ. Отъ самой военной гавани выстроились десятка полтора миноносокъ. Насупротивъ, длинною паралельною имъ линіей тянулась почти до центральнаго форта Николай часть русской эскадры, состоявшая изъ лодокъ „Славянка", „Снѣгъ", „Буря", „Дождь", мониторовъ „Вѣщунъ" и „Перунъ", парохода „Днѣпръ", яхтъ „Царевны" и „Славянки", крейсера „Азія", и примкнувшій къ нимъ въ качествѣ гостя, американскій корветъ „Энтерпрайзъ" съ его star spangled banner (звѣзднымъ флагомъ). Налюбовавшись этимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ, мы обогнули фортъ Николай и сдѣлали прогулку вдоль второй линіи русскаго флота, вытянутой въ море по ту сторону форта. Ее составляли, по порядку, крейсеръ „Лейтенантъ Ильинъ", лодка „Манчжуръ", корветы „Бояринъ", „Баянъ" и „Скобелевъ", фрегаты „Свѣтлана", „Адмиралъ Лазаревъ", „Адмиралъ Чичаговъ", „Генералъ-Адмиралъ" и „Герцогъ Эдинбургскій", клипера „Опричникъ", „Пластунъ" и „Вѣстникъ", и въ замкѣ громадный фрегатъ „Мининъ". Закончивъ этимъ прогулку, мы вернулись къ центру и заняли позицію насупротивъ форта Александръ. Отсюда былъ снятъ нами видъ русской флотиліи, который читатели увидятъ въ слѣдующемъ № „Нивы".

Въ половинѣ втораго часа дня, изъ Петергофа отправилась на встрѣчу Германскаго императора Императорская яхта „Александрія". На ней находились Его Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергій Але-

ксандровичъ, Константинъ и Дмитрій Константиновичи, Августѣйшіе Генералъ-Фельдмаршалы Николай и Михаилъ Николаевичи съ Сыновьями.

У военнаго угла яхта „Александрія" остановилась и приняла главнаго командира съ рапортомъ. Яхта „Александрія" стала на якорь между Императорскою яхтою „Держава" и пароходомъ „Днѣпръ". Рядомъ съ „Александріею" стала яхта „Стрѣльна" и пароходы „Нева" и „Онега", составлявшіе линію Императорскаго кортежа.

Государь Императоръ во время хода яхты здоровался съ командою державшихъ линію судовъ. Его Величество былъ въ прусскомъ мундирѣ гвардейскаго Имени Александра Втораго полка и лентѣ Чернаго орла. Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, имѣющіе прусскіе мундиры, были въ нихъ и прусскихъ лентахъ.

Было два часа пополудни, когда на горизонтѣ показались дымки германской эскадры. Скоро можно было различить четыре судна—промежутокъ—и еще три или четыре судна... Наконецъ и всѣ одиннадцать кораблей вытянулись въ нитку... Эскадра шла въ стройномъ порядкѣ; впереди всѣхъ императорско-королевская яхта „Гогенцоллернъ" несла на гротъ-мачтѣ германскій императорскій штандартъ.

Какъ только германскія суда стали подходить, въ 3½ часа пополудни съ флагманскаго крейсера „Азія" раздался установленный салютъ штандарту; всѣ стоящія на якоряхъ суда разцвѣтились флагами, люди стали на реяхъ, представляя необыкновенно красивое зрѣлище своими бѣлыми рубашками среди яркоцвѣтныхъ флаговъ. Съ дальнихъ фортовъ, а потомъ и съ бортовъ дальнихъ судовъ эскадры то и дѣло выскакивали бѣлыя облачка дыма, сопровождавшіяся чрезъ секунду тихимъ гуломъ дальняго выстрѣла... Это начался общій салютъ, который, по мѣрѣ того какъ очередь подходила къ ближнимъ судамъ, становился все громче и полнозвучнѣе... Вдругъ оглушительный выстрѣлъ морскаго орудія съ форта Александръ потрясъ воздухъ и загрохотала канонада ближайшей къ намъ линіи флота...

Съ германской эскадры отчетливо гремѣлъ отвѣтный салютъ. Ее составляли: шедшая впереди колесная яхта Германскаго императора „Гогенцоллернъ", авизо „Блитцъ" и „Цитенъ", фрегаты „Штейнъ" и „Мольтке", крейсеры „Гнейзенау" и „Принцъ Адальбертъ", мониторы „Баденъ" и „Байернъ" и наконецъ фрегаты „Фридрихъ Великій" и „Императоръ".

Въ Кронштадтѣ, на купеческой стѣнкѣ, собралась масса народа; у форта „Меньшиковъ" стоялъ хоръ военной музыки и находились военныя команды. Тысячи голосовъ кричали „ура", когда мимо проходила яхта „Гогенцоллернъ"; съ частныхъ пароходовъ съ публикою, которые стояли на рейдѣ, также неслось „ура" и музыка играла германскій гимнъ.

Около четырехъ часовъ германская эскадра, имѣя впереди императорскую яхту „Гогенцоллернъ", входила на Большой рейдъ. Императоръ Вильгельмъ въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ съ Андреевскою лентой черезъ плечо, стоя на мостикѣ, здоровался съ командами судовъ, отвѣчавшими громкимъ „ура!" Суда германской эскадры отвѣчали салютомъ, поднявъ русскій флагъ.

Было 4½ часа, когда императорско-королевская яхта вступила на Малый Рейдъ. Здѣсь также начался салютъ, принятый по второй пушкѣ съ флагманскаго парохода всѣми судами отряда, фортами и батареями. Суда разцвѣтились флагами, причемъ на гротъ-мачтахъ взвились германскіе флаги; люди пошли по вантамъ и стали на реяхъ, крича „ура"; музыка на флагманскихъ судахъ играла германскій гимнъ. Когда яхта стала на назначенное ей по диспозиціи мѣсто, отъ Императорской яхты „Александрія" отвалилъ катеръ съ Его Императ. Высоч. Генералъ-Адмираломъ. Великій Князь былъ въ прусской генеральской формѣ. Катеръ подошелъ къ яхтѣ „Гогенцоллернъ". Его величество Германскій императоръ спустился по трапу вмѣстѣ со своимъ братомъ принцемъ Генрихомъ и свитою и у входа встрѣтилъ Великаго Князя. Они по родственному обнялись и поцѣловались. Затѣмъ его величество сѣлъ въ катеръ, куда съ яхты былъ перенесенъ штандартъ, и катеръ направился къ яхтѣ „Александрія".

Когда катеръ подошелъ къ Императорской яхтѣ, всѣ находившіяся тамъ лица обнажили головы. Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ обнялись и трижды поцѣловались. Также сердечно было привѣтствіе державнаго государя и съ прочими Особами Императорской Фамиліи. Въ моментъ вступленія императора Вильгельма на „Александрію", на ней спустили брейдъ-вымпелъ Государя Императора и подняли германскій штандартъ. Затѣмъ тотчасъ-же подняли и штандартъ Его Величества. Снова со всѣхъ судовъ и фортовъ загремѣлъ салютъ, и Императорская яхта „Александрія", подъ двумя Императорскими штандартами, германскимъ и россійскимъ, пошла къ Петергофу.

Между тѣмъ еще въ половинѣ третьяго часа дня, на Петергофской Императорской военной пристани стали собираться: Императорская свита, придворныя и начальствующія лица и военные. Дамы были въ короткихъ платьяхъ и шляпахъ, а военные и придворные въ парадныхъ мундирахъ, причемъ имѣющіе прусскіе ордена были въ нихъ.

По правой дамбѣ расположилась многочисленная публика; по лѣвой былъ открытъ свободный проѣздъ. На пристани, фронтомъ къ заливу и тыломъ къ гавани, выстроился почетный караулъ: 1-я рота гвардейскаго экипажа съ знаменнымъ флагомъ и хоромъ музыки.

Въ домикъ на пристань затѣмъ прибыли Ея Императорское Величество съ Августѣйшими Дѣтьми Михаиломъ Александровичемъ и Ксеніею Александровною; Ихъ Имп. Выс. Вел. Кн. Марія Павловна, Елисавета Ѳеодоровна, Ольга Ѳеодоровна, Елисавета Маврикіевна, Принцесса Ольденбургская Евгенія Максимиліановна, Наслѣдный принцъ и принцесса Шаумбургъ-Липпе, Герцогиня и Герцоги Мекленбургъ-Стрелицкіе.

Въ 5½ часовъ, съ батареи на петергофской военной пристани раздался салютъ. Вскорѣ яхта вошла въ гавань и стала у пристани. Выйдя на берегъ, императоръ Вильгельмъ былъ привѣтствованъ Ея Величествомъ.

Послѣ обмѣна родственныхъ привѣтствій съ Августѣйшими Особами, его величество императоръ Германскій принялъ рапортъ отъ петергофскаго коменданта генералъ-лейтенанта Фрейганга, и пошелъ по фронту почетнаго караула, который салютовалъ знаменемъ; послѣ „встрѣчи", раздались звуки германскаго гимна. Императоръ Вильгельмъ здоровался съ карауломъ по-русски. По принятіи караула, оба Императора сѣли въ открытый экипажъ и направились черезъ паркъ въ Большой Дворецъ, среди несмолкавшихъ кликовъ „ура".

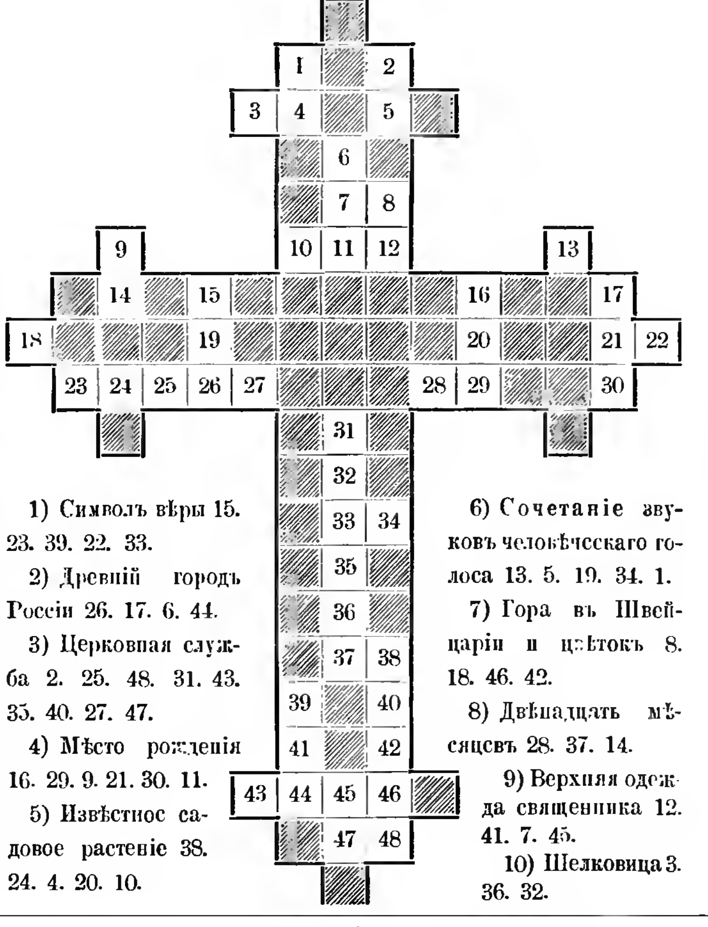
Въ 7½ часовъ, въ Бѣлой залѣ Большаго Петровскаго дворца состоялся семейный обѣдъ Императорской Фамиліи, а въ Купеческой залѣ министерскій обѣдъ. На обѣдѣ дамы были въ высокихъ полувырѣзныхъ платьяхъ, а кавалеры въ обыкновенной формѣ. Къ семейному обѣду прибыла Великая Княгиня Александра Іосифовна. Во время семейнаго обѣда игралъ придворный музыкантскій хоръ.

На императорско-королевской яхтѣ „Гогенцоллернъ", которою командуетъ братъ его величества императора Германскаго, его высочество принцъ Генрихъ, находились статсъ-секретарь, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Гербертъ Бисмаркъ, совѣтникъ посольства фонъ-Кидерленъ-Вехтеръ, тайный совѣтникъ Виллишъ и военная свита: генералъ-адъютантъ фонъ-Вилихъ, флигель-адъютанты: подполковникъ фонъ-Биссингъ, капитанъ 2-го ранга фонъ-Секендорфъ и маіоръ фонъ-Кессель. При его величествѣ находятся лейбъ-медикъ докторъ Лейтгольдъ и придворный художникъ Зальцманъ.

Другія лица свиты прибыли въ Петербургъ 5-го іюля по Варшавской желѣзной дорогѣ; въ ихъ числѣ находится гофмаршалъ двора фонъ-Липкеръ, тайные совѣтники Миснеръ и Канцкій и придворный корреспондентъ, докторъ философіи Шнейдеръ.

Задача буквъ № 47.

Найти 10 словъ; буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ. Затѣмъ, данный крестъ разрѣзать на 16 частей, которыя должны быть соединены въ одинъ прямоугольникъ, но такъ, чтобы получилось *слово*, а *въ словѣ*—ожидаемое торжество въ Россіи.

1) Символъ вѣры 15. 23. 39. 22. 33.

2) Древній городъ Россіи 26. 17. 6. 44.

3) Церковная служба 2. 25. 48. 31. 43. 35. 40. 27. 47.

4) Мѣсто рожденія 16. 29. 9. 21. 30. 11.

5) Извѣстное садовое растеніе 38. 24. 4. 20. 10.

6) Сочетаніе звуковъ человѣческаго голоса 13. 5. 19. 34. 1.

7) Гора въ Швейцаріи и цвѣтокъ 8. 18. 46. 42.

8) Двѣнадцать мѣсяцевъ 28. 37. 14.

9) Верхняя одежда священника 12. 41. 7. 45.

10) Шелковица 3. 36. 32.

Шашечная задача № 48.
А. Попова.

Черныя.

Бѣлыя.
Бѣлыя начинают и запираютъ черную шашку.

Шахматная задача № 49.
Г. Готшалъ.

Черные.

Бѣлые.
Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 13 іюля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 іюля 1888 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

И. Ѳ. Крузенштернъ.

Въ концѣ мая 1788 г., слѣдовательно ровно сто лѣтъ тому назадъ, изъ Морскаго кадетскаго корпуса былъ выпущенъ мичманомъ даровитый юноша, по фамиліи Крузенштернъ. Изъ него впослѣдствіи вышелъ замѣчательный русскій дѣятель, именемъ котораго въ правѣ гордиться наша родина, коей онъ оказалъ много услугъ и въ качествѣ представителя молодаго русскаго флота, и въ качествѣ ученаго мореплавателя и, наконецъ, какъ прекрасный воспитатель новаго поколѣнія русскихъ моряковъ. Географическая наука обязана Крузенштерну весьма цѣнными трудами, особенно по гидрографіи—замѣчательнымъ атласомъ Тихаго океана съ обширными записками. Эта работа имѣла и научное, и практическое значеніе, будучи весьма полезною какъ для мореплаванія, такъ и для землевѣдѣнія. До появленія атласа Крузенштерна, карты Тихаго океана были исполнены ошибокъ и рѣшительно никуда не годились; острова и мели обозначались на нихъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ они находятся, или показаны были острова небывалые. Крузенштернъ исправилъ всѣ ошибки, и его работа стоила ему много хлопотъ и самаго кропотливаго труда. Надъ полнымъ усовершенствованіемъ своихъ картъ онъ трудился до послѣднихъ мѣсяцевъ жизни. По мысли Крузенштерна было устроено постоянное сообщеніе на русскихъ корабляхъ между Россіей и ея колоніями на сѣверо-западѣ Америки и на сѣверо-востокѣ Азіи, которыя чрезвычайно много выиграли отъ этихъ непрерывавшихся уже сношеній. Что касается кругосвѣтнаго путешествія Крузенштерна, то оно составило эпоху въ исторіи русскаго флота и обогатило географію и естественныя науки многими свѣдѣніями о мало извѣстныхъ краяхъ. Ученое описаніе этого путешествія, изданное по-русски и по-нѣмецки, было переведено почти на всѣ европейскіе языки и не однажды обработывалось для дѣтскаго чтенія. Весьма благо-

Адмиралъ И. Ѳ. Крузенштернъ. Съ совр. рис. грав. Ю. Шюблеръ.

творна была дѣятельность Крузенштерна и на воспитательномъ поприщѣ. Какъ директоръ Морскаго кадетскаго корпуса, онъ превосходно обставилъ учебную часть заведенія, учредилъ обширный музей, прекрасную обсерваторію, библіотеку; устроилъ разборную модель фрегата „Президентъ“, большую модель брига въ столовомъ залѣ корпуса и выхлопоталъ постройку фрегатовъ для лѣтняго практическаго плаванія кадетъ. Онъ смягчилъ грубые корпусные нравы, проявилъ много гуманности въ отношеніи воспитанниковъ; ревностно, отечески заботясь о своихъ питомцахъ; онъ просматривалъ самъ все печатавшееся для корпуса и зналъ поведеніе и степень успѣховъ въ наукахъ почти каждаго воспитанника.

Иванъ Ѳеодоровичъ (собственно Адамъ-Іоганнъ) фонъ-Крузенштернъ происходилъ изъ семьи небогатыхъ эстляндскихъ дворянъ, принадлежавшихъ къ древнему мѣстному роду. Онъ родился, въ отцовскомъ, эстляндскомъ имѣніи Гаггудъ, 8 ноября 1770 года, и получилъ первоначальное образованіе частію въ родительскомъ домѣ, частію въ дворянской ревельской школѣ при мѣстномъ соборѣ, которую посѣщалъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, съ 1782 по 1785 годъ. Въ январѣ этого года Крузенштернъ поступилъ въ Морской корпусъ, не отличавшійся, въ тѣ времена, ни внѣшнимъ порядкомъ, ни хорошимъ преподаваніемъ. Только математикѣ и морскимъ наукамъ обучали въ этомъ заведеніи сколько-нибудь сносно. Крузенштерну, однако, не пришлось окончить полный курсъ въ корпусѣ. Въ это время началась у насъ война со Швеціей и для комплектованія флота требовалось увеличить число офицеровъ; для этой цѣли изъ Морскаго корпуса рѣшили выпустить въ офицеры даже и тѣхъ гардемаринъ, которые, не окончивъ полнаго курса, были хоть одинъ разъ въ морѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Крузенштернъ, совершившій плаваніе, еще въ 1787 году, по Балтійскому морю. 27 мая 1788 года онъ былъ выпущенъ за мичмана и поступилъ на корабль „Мстиславъ“, подъ начальство капитана Муловскаго, отличнаго моряка, съ прекраснымъ и спеціальнымъ, и общимъ образованіемъ. Муловскій имѣлъ благодѣтельное вліяніе на юнаго офицера, который подъ его командой участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ. По смерти Муловскаго, командованіе „Мстиславомъ“ перешло къ Эссену, а потомъ къ датчанину Билоу; при послѣднемъ командирѣ молодому Крузенштерну пришлось снова отличиться въ битвѣ со шведами; ему дали почетное порученіе взять флагъ побѣжденнаго корабля „Sophia-Magdalena“, а также флагъ контръ-адмирала Лиліенфельда и доставить на „Мстиславъ“ какъ самого адмирала, такъ и капитана шведскаго корабля Льенанкера. За участіе въ этомъ сраженіи мичманъ Крузенштернъ былъ произведенъ въ лейтенанты, въ 1790 году. По заключеніи мира онъ отдыхалъ въ Ревелѣ; но пытливый умъ молодаго офицера не желалъ отдыха и среди разнообразной тишины, жаждалъ новой дѣятельности. Крузенштернъ сблизился съ однимъ изъ своихъ товарищей, Берингомъ, внукомъ знаменитаго мореплавателя, и оба офицера стали заниматься науками и морскимъ дѣломъ, мечтая проникнуть въ Англію, чтобы ознакомиться съ могущественнѣйшимъ въ мірѣ военнымъ флотомъ. Вскорѣ мечтанія ихъ осуществились: Берингъ и Крузенштернъ были, въ числѣ двѣнадцати офицеровъ, командированы въ Англію, куда и прибыли въ 1793 году. Поступивъ на фрегатъ „Thetys“, Крузенштернъ долго крейсировалъ на немъ у береговъ Америки, противъ французовъ; затѣмъ перешелъ на небольшое судно и отправился въ Вестъ-Индію. Онъ посѣтилъ Барбадосъ, Суринамъ, Бермудскіе острова и на фрегатѣ „Клеопатра“ вернулся, въ 1796 г., въ Англію. Путешествія эти породили въ умѣ Крузенштерна мысль—открыть русской торговлѣ путь въ Остъ-Индію и Китай, для чего онъ хотѣлъ прежде всего побывать въ индійскихъ моряхъ. Преодолѣвъ не мало затрудненій, онъ отправился на мысъ Доброй Надежды, потомъ въ Мадрасъ и Калькуту, въ Малакку и, наконецъ, въ Кантонъ. Здѣсь, съ 1798 по 1799 г., онъ имѣлъ возможность изучить ходъ торговли съ сѣверо-западными берегами Америки и, когда возвратился на родину, представилъ въ Морское министерство подробный проектъ кругосвѣтнаго плаванія съ цѣлью, во-первыхъ, доставить русскому флоту значеніе одинаковое съ флотами другихъ морскихъ державъ, и, во-вторыхъ, развить русскую морскую торговлю и снабжать наши американскія колоніи всѣмъ необходимымъ изъ Балтійскаго моря, морскимъ путемъ. Проектъ долго оставался безъ движенія, и, только благодаря Н. С. Мордвинову, новому управляющему морскимъ министерствомъ, и канцлеру графу Н. П. Румянцеву, въ 1802 г. былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе и послѣ этого приведенъ въ исполненіе, причемъ самъ авторъ проекта избранъ былъ его исполнителемъ. Назначенный начальникомъ экспедиціи, получившей и ученый характеръ и имѣвшей также цѣлью посольство въ Японію, Крузенштернъ, 26 іюля 1803 г., на небольшомъ суднѣ „Надежда“ отправился въ плаваніе. Кругосвѣтное путешествіе Крузенштерна длилось три года слишкомъ; за это время ученый мореплаватель занимался многочисленными работами: съемкой береговъ Японіи, острова Сахалина, Курильскихъ острововъ, описаніемъ Камчатки, собираніемъ многочисленныхъ свѣдѣній и т. д. Экспедиція была окончена въ 1806 г.; всѣ участники ея щедро награждены императоромъ Александромъ, по приказанію котораго была вычеканена медаль въ память этого перваго русскаго кругосвѣтнаго плаванія. Произведенный въ чинъ капитана 2 ранга и получивъ двухъ-годичный отпускъ, Крузенштернъ отправился въ свое эстляндское помѣстье и занялся описаніемъ своего путешествія, которое появилось въ 1809—1813 г. и вскорѣ было переведено на всѣ европейскіе языки. Въ 1811 г. Крузенштернъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Морскаго кадетскаго корпуса и продолжалъ свою многостороннюю дѣятельность, кромѣ службы, занимаясь попрежнему наукой. Съѣздивъ по порученію правительства, въ 1814 г., въ Англію для заказа астрономическихъ и другихъ инструментовъ необходимыхъ для новой экспедиціи, ознакомившись со всѣми успѣхами англійскаго морскаго дѣла, Крузенштернъ по возвращеніи въ Петербургъ руководилъ снаряженіемъ судна „Рюрикъ“, долженствовавшаго отправиться въ путешествіе къ Берингову проливу. Послѣ этого Иванъ Ѳеодоровичъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, принужденъ былъ на нѣсколько лѣтъ отказаться отъ государственной службы. Отдыхая, онъ занимался составленіемъ атласа Тихаго океана и гидрографическаго его описанія. Но отдыхъ его длился не долго; съ 1822 г. Крузенштернъ снова поселился въ столицѣ, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Адмиралтейскаго департамента, въ 1824 — членомъ правленія училищъ и комитета для устройства гражданскихъ учебныхъ заведеній, въ 1826—помощникомъ директора Морскаго корпуса, а въ 1827—непремѣннымъ членомъ ученаго комитета Морскаго штаба, членомъ Адмиралтействъ совѣта и директоромъ того же корпуса. Эту послѣднюю должность онъ съ честью занималъ почти цѣлыхъ 17 лѣтъ, до 1842 г., когда вынужденъ былъ просить отставки. Онъ умеръ въ августѣ 1846 г., въ своемъ помѣстьѣ Ассъ, близь Ревеля. Въ 1873 г. послѣдовало открытіе памятника Крузенштерну. Его многочисленныя печатныя работы перечислены въ статьѣ о немъ академика Бэра.

П. Б—въ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

Видится Василей Ѳеодоровичу, что сидитъ онъ у Настасьи въ тѣсной горенкѣ съ лежанкою, а вечерѣетъ ужь.

— Что ты, Василей Ѳеодоровичъ, очи потупивъ сидишь? спрашиваетъ Настасья. — Аль на запястье мое драгоцѣнное любуешься, аль на мою рученьку бѣлую глядючи?

— На рученьку, на рученьку! силится сказать Дурневъ сынъ, только слова съ устъ не йдутъ.

— Знаю я, на что̀ ты любуешься, лукаво шепчетъ Настасья.

И думаетъ Васильюшко: „какъ же это, на бѣлую рученьку глядючи, и не видѣлъ я какъ Настасья запястье отстегнула, и рукавъ чуть не до плеча засучила?“ Дальше ему и думать уже не въ мочь: передъ нимъ рука Настасьина бѣлая да полная, до плеча обнаженная. Такъ бы и впился губами въ нее!

Не сдержался Васильюшко, и впился устами Настасьѣ въ плечо бѣлое. Одно странно: чувствуетъ онъ, что охватилъ руками ея теплое тѣло, цѣлуетъ ее въ плечо, а Настасьино лицо будто и вдали отъ него, и глаза ея мутнолукавые, прищурясь, на него глядятъ и чуть слышно шепчутъ.

— А не люблю вѣдь тебя, говорятъ глаза, — а въ уста не поцѣлую, во вѣки вѣковъ цѣловать не стану, хоть ты Марьюшку свою загуби для меня.

При имени Марьюшки точно выскользнула Настасья у него изъ рукъ. Стоитъ она теперь въ углу, на половину закрытая лежанкой.

— А полюбишь же, и сейчасъ, и моя ты, моя! кричитъ Васильюшко, и бросается обнять Настасью Григорьевичеву.

„А гдѣ жь она?“ отъ быстраго движенія опомнился Васильюшко и глаза открылъ, и понять не можетъ: „гдѣ же она?“ Не совсѣмъ еще видно пробудился отъ

сладкаго сна Василей Θедоровичъ. Онъ приподнялъ голову, и глянулъ налѣво отъ себя, къ стѣнѣ.

„Это что̀ за женщина чужа межь нами?“ подумалось ему, и по мѣрѣ того какъ сонное мечтанье уходитъ отъ него, Васильюшко смутно, и какъ бы умышленно смутно, начинаетъ догадываться что эта женщина чужая — его жена богоданная.

Васильюшко быстро соскочилъ съ постели. Марья Олександровна чутко спала, и мигомъ, какъ пошатнулась отъ его скачка кровать, пробудилася.

— Аль встаешь ужь ты? опросила она мужа.

У того отъ ея словъ точно капля холодная вдоль спины пробѣжала.

— А спи-ко себѣ, а мнѣ поранѣе...

И не сказавъ, что̀ ему пораньше, Василей Θедоровичъ быстро пошелъ умываться и одѣваться въ сосѣднюю комнату.

— А я...

Что хотѣла, не успѣла того мужу сказать Марья Олександровна. Уходя, онъ рѣзко обернулся и взглянулъ на нее. Отъ того взгляда ее точно ножемъ ударило въ сердце. Приподнявшись, она сидѣла на постели, и какъ взглянулъ онъ, вся сжалась и долго такъ, сжавшись, просидѣла.

— А что-нибудь съ нимъ да случилося, спустя нѣкоторое время рѣшила Марья Олександровна.

Медленно одѣвшись, Марья Олександровна пошла хлопотать о завтракѣ; безпрестанно у нея вертѣлось въ головѣ, что съ ея мужемъ что-нибудь да случилось. Слѣдомъ за этой мыслью пусто становилось въ головѣ, и она ни о чемъ уже не думала, и по простой привычкѣ распоряжалась по хозяйству.

Бродя по дому, она столкнулась съ мужемъ въ сѣняхъ.

— А я бабушку все сыскать не могу, аль не отмолилась еще? спросилъ онъ, точно оправдываясь въ нечаянной встрѣчѣ.

— Молится еще.

Васильюшко хотѣлъ было уйти.

— Что-й-то ты и поздороваться нунь со мной, Васенька, не хочешь?

— Ну ужь, всегда-то ты; отъ бабушки знать научилася! обычнымъ шутливымъ голосомъ сказалъ Василей. — Въ кои-те вѣки поздороваться забылъ, а ты нако-сь!..

И подойдя къ женѣ, онъ холодно приложился устами къ устамъ.

— Съ чего это ты бабушки такъ взыскался? не успѣла спросить Марья Олександровна, какъ мужъ уже далече отъ нея въ дверяхъ стоялъ.

— Въ Людиномъ концѣ, въ монастырѣ женьскомъ, Богородица, слышь, опять заплакала, такъ сказать спѣшу.

Да и былъ таковъ. Васильюшкѣ, какъ онъ, вставъ съ постели, поспѣшилъ одѣваться, Богъ знаетъ съ чего вспомнилась пѣсня о томъ, какъ батюшко съ матушкой женили молодца неволею, и одна строка той пѣсни неотвязно звенѣла у него въ ушахъ. А говорила та строка:

Приданаго много — человѣкъ худой.

Хотя Васильюшко и зналъ что къ женѣ той пѣсни приложить нельзя: женился онъ на ней не неволею и о приданомъ ни малаго помышленія не имѣлъ, а все проклятая строка у него съ ума не шла. И сейчасъ, когда, хотя еще смущенный отъ сладкаго во снѣ мечтанія, но уже на половину забывъ о немъ, — сталъ онъ, здороваясь, жену цѣловать, снова вспомнилась ему эта же строка и помимо его воли сказалась холоднымъ поцѣлуемъ.

Марья Олександровна долго стояла на мѣстѣ и у нея, какъ ей казалось, блѣднѣли и холодѣли губы отъ мужнина поцѣлуя.

„Ровно не меня цѣловалъ онъ, а къ мертвецу холодному прикладывался“, думала она. „Словно меня цѣлуя, онъ иной поцѣлуй страшился съ губъ стереть: видно тотъ-то послаже былъ.“ И слѣдомъ стрѣлой пронеслось у нея въ головѣ: „а цѣловался онъ, знать, вечоръ.“

Отъ этой ревнивой мысли, какъ хмѣльная, шатнулась Марьюшка, и присѣвъ вся сжалась отъ тупой боли въ сердцѣ. И вновь ей припомнился рѣзкій и быстрый мужнинъ взглядъ.

„А взглядомъ вѣдь этимъ ровно меня онъ за тридевять земель отъ себя отметнуть желалъ!“ сказала она себѣ.

И теперь Марья Олександровна ужь не могла разувѣриться что ея Васильюшко не цѣловался вчера съ Настасьей Григорьевичевой. Поздно онъ вчера домой вернулся, отужинали ужь; сказалъ, будто съ тысяцкимъ, о дѣлѣ говоря, засидѣлся, а не у тысяцкаго же сидѣлъ!..

За завтракомъ Васильюшко шутилъ и болталъ, какъ всегда.

Какъ посадница собралась въ монастырь ѣхать, и ужь къ двери пошла, Васильюшко будто за ней заторопился, и съ женой будто проститься забылъ. Ужь бабушка у двери стояла, какъ онъ крикомъ заставилъ ее оглянуться.

— Этакъ-то ты бабушка заспѣшилася, а мнѣ-ко бѣда съ того.

— Охъ, испугалъ было вовсе меня, отозвалась бабушка. — Кака тамъ бѣда еще?

— А за тобой поспѣшаючи, съ Марьюшкой попрощаться забылъ; а нунь-ко утречкомъ, къ тебѣ же бабушка спѣша, цѣловать ее запамятовалъ. А и было жь мнѣ за то!

И Васильюшко такое лицо состроилъ словно утромъ на него жена, какъ старая сердитая баба, чуть не съ кочергой набросилась.

— А и по дѣломъ тебѣ, не забывай впредь, сказала бабушка. — Теперечько простись хоть, какъ слѣдоваетъ.

И бабушка обернулася чтобъ посмотрѣть какъ станетъ внукъ прощаться съ женой. Василей быстро на цыпочкахъ подбѣжалъ къ женѣ, и обнявъ ее рукою по поясу, крѣпко къ себѣ прижалъ, и еще крѣпче того цѣловалъ.

„А и холодны жь губы у него, ровно ледъ“, думалось Марьюшкѣ, — „и все-то притворяется.“

И какъ не поднялись у Марьи Олександровны руки въ отвѣтъ на мужнино объятье, такъ и послѣ его поцѣлуя, какъ неживыя висѣть осталися. А Васильюшко, еще скорѣе чѣмъ спѣшилъ къ женѣ, чтобъ обнять ее, бросился къ бабушкѣ чтобъ вести ее подъ руку.

Марья Олександровна не пошла мужа съ бабушкой на крыльцо провожать, а гдѣ стояла среди сѣней, тамъ и осталася. И опять у нея сердце заболѣло; она выпрямилась черезъ силу, и вскинувъ очи на дверь, вскрикнула. Вспомнился опять ей мужнинъ быстрый взглядъ утрешній, которымъ онъ ее отъ себя отметывалъ.

„За тридевять, за тридевять земель“, точно наизусть твердя, повторяла про себя Марья Олександровна. „Охъ, нѐлюба я ему, знать, стала... А нѐлюба же, а нѣтъ!..“

Спустя часъ или два молодой боярынѣ доложили что Лука Аввакумовичъ ее дожидается. Марьюшка вспомнила, что бабушка, уѣзжая, приказывала ей съ Лукой, коль пріѣдетъ, о дѣлѣ переговорить. Марья Олександровна сошла къ нему въ комнату.

— А бабушка мнѣ-ко велѣла о дѣлѣ съ тобой, Лука Аввакумовичъ, говорить, поздоровавшись съ гостемъ, сказала молодая хозяйка. — А сама вѣдь она въ Людинъ конецъ поѣхала...

— Это зачѣмъ же? полюбопытствовалъ Лука.

— А Богородица, слышалъ може, опять въ монастырѣ женьскомъ заплакала. Такъ молебенъ пѣть со-

Прощаніе царевны Софіи съ Шакловитымъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") К. Лебедева, грав Шюблеръ

Базаръ въ Новочеркасскѣ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **Е. Краснушкиной**, грав. Ангереръ.

бралась. И Васеньку моего съ собой же взяла. Многи, гляди, поѣхали.

— Какъ не ѣхать, подтвердилъ Лука.

— И Настасья не тамъ-ли же? отвѣчая на свои тайныя подозрѣнія, сказала Марьюшка. — Ужь гдѣ бабушка молится, и она всегда...

Марья Олександровна взглянула на Луку, и видитъ что онъ сидитъ съ такимъ лицомъ, ровно вѣкъ готовъ ее слушать, о чемъ бы она ни бесѣдовала. Такое выраженіе, обычное у Луки по его покладливости сердечной, разохотило Марью Олександровну на дальнѣйшій разговоръ съ нимъ.

— А куда ужь наша Настасья Петровна охвоча съ бабушкой въ одной церкви молиться. А стоитъ она подлѣ бабушки ровно пйсаная: этакъ-то, головушку склóня, всю службу слушаетъ. А бабушка (тутъ самымъ угломъ рта усмѣхнулась Марья Олександровна) на икону истово глядитъ, а вполголоса молится. А Настасья слушаетъ; видно, молиться у бабушки учится. И дивно вѣдь: послѣ такой обѣденки, аль вечереньки, станетъ Настасья умны рѣчи сказывать, а всѣ-то радуются, приговариваютъ: „и умна же у насъ Настасья Григорьевичева.“ А недѣлька, другая пройдетъ, опять занадобится Настасьѣ бабушкиныхъ молитвъ слушать. А по молитвѣ чужой, опять умна Настасья становится...

Марья Олександровна замолчала, и взглянула на Луку. И показалось ей что лицо у него строгое, престрогое.

— А не слѣдъ бы вотъ мнѣ, смутясь прошептала она, — чужы тайности открывать.

И Марья Олександровна снова взглянула на Луку; тотъ слегка замялся.

— Знаю вѣдь я Настасью Григорьевичеву, проговорилъ онъ, чтобъ не вовсе смутить молодую хозяйку.

— Аль и по твоему не умна она? торопливо вскрикнула Марья Олександровна, и затѣмъ еще торопливѣе, только что не хватая за руку Луку, начала приставать къ нему:—А скажи жь ты мнѣ, Лука Аввакумовичъ, не умна вѣдь она?.. Ой, не умна же?..

— Умъ уму рознь, догадался Лука отвѣтить. — Одинъ и самъ свѣтится, и другимъ отъ него свѣтло. А иной умъ до времени, какъ чуланъ, тёменъ. Какъ самосвѣтлый умъ освѣтитъ его, и въ немъ свѣтло станетъ, все равно, какъ если въ чуланъ свѣщникъ внести...

— Такъ я и буду знать, что у Настасьи чуланчикъ умъ! радостно воскликнула Марья Олександровна, смѣясь какъ дѣвочка-подросточекъ и только что не припрыгивая.

И сказавъ, опять на Луку очи возвела, а лицо у него еще будто строже стало.

— А вотъ это ужь!.. Ну, да и Богъ же съ ней! вовсе смутясь, потупивъ очи, едва слышно проговорила Марья Олександровна, и потомъ поправилась: — А вотъ болтаю я все, а о дѣлѣ бабушкиномъ и не спрошу тебя. А что̀ ты мнѣ, Лука Аввакумовичъ, сказать ей велишь?

— А тоже вѣдь все у насъ. Василей нашъ Селифонтьевичъ по старому божится что про Пашкову Маврушеньку слыхомъ де не слыхалъ.

— Что̀ за Маврушенька? полюбопытствовала Марья Олександровна.

Лука разсказалъ что̀ зналъ про любовь Пашка́ къ Маврушенькѣ.

Складно нынче Лука сказывалъ, и Марья Олександровна съ внимательной жалостью его слушала. И кончилъ ужь онъ, а она все молча сидѣла, точно раздумывая о слышанномъ.

— А и ладенъ же парень, Пашко-то, сказала она точно разсуждая сама съ собой. — Вотъ это любовь! Вотъ этого и разлюбить нельзя, и онъ не разлюбитъ же.

— А мало что Маврушеньку крѣпко любитъ, а и той любы, про котору апостолъ пишетъ, много же въ немъ, задумчиво проговорилъ Лука.

— Этакой-то, оженясь, небось жену жалѣть будетъ, попрежнему сама съ собой вслухъ разсуждала Марья Олександровна. — На чужихъ женъ, аль на вдовъ какихъ не заглядится. А цѣловаться съ ними не подумаетъ... Не то что̀ ины мужья, а всѣмъ вѣдомы...

Тутъ, спохватясь, Марья Олександровна замолчала, и взглянула на Луку. Смущенно онъ ее слушаетъ; словно читая въ душѣ ея какъ въ книгѣ, знаетъ и то̀ чего она не успѣла досказать.

— А ужь какъ Маврушенькѣ съ Пашкомъ будетъ радостно! сама не зная что̀ говоритъ, съ визгливымъ смѣхомъ вскрикнула Марья Олександровна, а тамъ и засмѣялась, и заплакала вмѣстѣ.

— Охъ!.. что̀ ты?.. А Господь съ тобой, Марья Олександровна! вскричалъ Лука, вскакивая съ лавки. — А и полно-ко...

Лука посмотрѣлъ по сторонамъ, точно ища тамъ снадобья отъ Марьюшкиной немочи. На столѣ по обычаю жбанъ съ квасомъ стоялъ, и наливъ квасу въ серебряный кубокъ, Лука Аввакумовичъ поднесъ его Марьѣ Олександровнѣ.

— А попей-ко вотъ... и пройдетъ вѣдь... а квасокъ это, говорилъ онъ прерывисто.

Марья Олександровна глотнула и вздохнула; вздохнувъ, еще попила, и затѣмъ кубокъ отдала Лукѣ.

— А спасибо ужь тебѣ, Лука Аввакумовичъ... А меня прости ужь ты! стала она говорить, еще взволнованная, отдыхая чуть не на каждомъ словѣ. — А я... экая вѣдь я бабеночка неумная, всѣ свои тайности... чуть не выболтала... а на половину... и солгала вѣдь...

Лука ничего не придумалъ ей въ отвѣтъ.

— А сдается мнѣ, спокойнѣе продолжала Марья Олександровна, — что ты, Лука Аввакумовичъ, и не осудишь меня. Не всегда вѣдь во̀ленъ человѣкъ въ себѣ, а йно и скажется... Да тебѣ, гляди, — прости ужь, спроста говорю, — не одна я этакъ же вотъ тайности свои нежданно выболтала... Слушать-то ты гораздъ: оттого...

— Точно, бываетъ это со мной, что будто мнѣ и сказываютъ, смущенно и какъ бы не хотя отвѣчалъ Лука.

— Вѣрно ужь... А ты меня, глупую бабеночку ревниveньку, не о̀безсудь... А прости... часъ такой нашелъ, а може и Богъ мнѣ этотъ часъ послалъ чтобъ я образумилася... А ты не обезсудь, прости...

Какъ сказала она во второй разъ „прости“, у Луки сердце отъ жалости къ ней сжалось, и онъ, не сдержавшись, что̀ думалъ, то стремительно и высказалъ.

— Аль къ ней ревнуешь, къ Настасьѣ Григорьевичевой!?.

У Марьюшки въ головѣ пронеслось что точно молъ читаетъ Лука въ моей душѣ.

— Хоть бы и не къ ней, едва слышно отвѣчала она, и помолчавъ робко на Луку очи подняла. — А коли бы къ ней?

— Была-бы пустая эта ревность твоя.

— А чѣмъ-же такъ?

— А тѣмъ... да ты, Марья Олександровна, къ Григорьевичей, видно, не приглядывалась. А она, глядись, говоритъ-ли, молчитъ, сидитъ-ли, аль идетъ, а все-то на само̀е себя любуется, а и зеркальца ей не надобно. У зеркальца волшебнаго не спросится: „я-ль молъ на свѣтѣ краше всѣхъ буду?“ На лицѣ у нея отвѣто-тъ ужь подписанъ. А и пышна къ тому, и сдобна собой стала. А дебелой-то ея пышности любовь не къ лицу. Собой любоваться время не останется... Да и душа у нея... а такая-жь дебелая, неотзывчивая...

— Такъ время не останется? и пышности своей тутъ-же бы рѣшилася? весело прощебетала Марья Олександровна. — И душа у нея неотзывчивая?

Вдругъ Марья Олександровна замолчала, точно соображая внезапную мысль, и широко раскрывъ глаза,

съежилась, будто хотѣла спрятать голову между плечъ; вновь ей вспомнился мужнинъ рѣзкій взглядъ, далеко ее отъ себя отметывающій.

— Изъ-за нея-же! изъ-за нея!.. А за тридевять земель вѣдь! не помня себя Марьюшка вскрикнула и опять закатилася.

Лука не въ шутку испугался. Снова сталъ онъ Марью Олександровну квасомъ отпаивать и, взявъ за руку, умолялъ, чтобъ она себя попусту не тревожила. Крупныя слезы другъ за дружкой капали у нея изъ очей. Жаль стало Лукѣ молодую боярыню, и такъ-то жаль, будто она ему младшая сестра, а онъ ей — старшій братъ. И вотъ сестрица милая, сердцемъ болѣя и тоскуя, вся въ слезахъ передъ нимъ сидитъ. Чѣмъ-же утѣшить ее?

— Охъ, не горюй-же, а пѣть! жалостливо приговаривалъ Лука, и не думая о томъ что̀ дѣлаетъ, подвигнутый однимъ братскимъ состраданьемъ, поцѣловалъ ее въ высокое чело бѣлое.

Не страстью горячъ, а сердечной добротою тёпелъ былъ поцѣлуй его. И Марья Олександровна отъ цѣлованья не вздрогнула, а только затихла вся, и въ мысль ей даже не пришло: что̀-молъ онъ это дѣлаетъ, цѣлуя меня?

Оправясь, Марья Олександровна встала и по комнатѣ прошлась; къ столу подошла и еще кваску выпила.

— Спасибо-же тебѣ, Лука Аввакумовичъ, что пожалѣлъ ты меня, сердечно она молвила, ставъ противъ него и поднявъ на него свои болѣзныя очи.

Скорбный, не за одну себя, а и за другихъ скорбящій взглядъ ея прошелъ прямо въ сердце Лукѣ. Вновь пожалѣлъ онъ ее, только не братской ужъ жалостью. Видя ее, молодую да пригожую, скорбную и за другихъ скорбящую, Лука какъ-бы помутился весь. Такъ-бы вотъ и охватилъ ее руками и ужъ не попрежнему цѣловать сталъ.

„Аль хмѣль во мнѣ колобродитъ еще?“ опомнился Лука и закрывъ какъ съ испуга глаза, быстро закинулъ назадъ голову и шатнулся весь отъ Марьи Олександровны.

— И еще разъ спасибо-же! низко кланяясь говорила межъ тѣмъ она, а какъ подняла голову послѣ поклона, Луки уже не было въ комнатѣ.

Марья Олександровна посмотрѣла на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, словно еще видя какъ онъ шатнулся отъ нея. Она тихо и горько улыбнулася; дошла до лавки, присѣла, и о чемъ-то тихо-же и горько заплакала.

XIII.

Бычокъ на веревочкѣ.

Проводивъ Луку до крыльца, Арбузьевъ воротился въ свою столовую избу и присѣвъ на лавкѣ, откинулся назадъ всѣмъ туловомъ и уперся затылкомъ въ стѣну. Не мало времени онъ такъ просидѣлъ, вылупя свои черныя глазища, и тяжело, какъ съ устали, дыша. Задалъ ему баню Лука.

— Буянъ! крикнулъ господарь.

Вѣрный паробокъ тутъ-же за дверью стоялъ, ожидая господарскаго зова. Василей доложилъ Буяну, какъ его Лука вѣчемъ стращалъ.

— А ну, Буянушко, что-жь мы дѣлать-то теперь учнемъ?

— А какъ знаешь, Василей Селифонтьевичъ.

— Ты-то, Буянушко, какъ-же думаешь-то?

— А вспятилъ [1]) бы ты Пашку Маврушеньку.

Арбузьевъ, опустя голову, насупился и ноздри у него заработали не хуже кузнечныхъ мѣховъ.

— Ну, это, братъ, шалишь! сказалъ онъ черезъ время. — Потому: кабы ласкою, а бери-молъ ее! Кабы, понимашь, Лука для себя ее выпрашивалъ. А и отдалъ-бы; слова, го́ворю, не взмолвилъ-бы: а бери, знай. А то вѣчьемъ своимъ грабёжнымъ стращать пошелъ. „А ну, это шалишь, братъ!“ говорю. Мнѣ-ко, Буянушко, насильничать. слышь, не велѣно. а имъ надо мной вольнѣ, знать. А и черти бны всѣ, а и съ тетушкой моей со крестовенькой. Имъ насильё-то, видно, во спа̀сенье, а мнѣ-ко и запретъ. Ну, это...

Оба помолчали.

— Что̀-жь посовѣтуешь мнѣ-ко, Буянушко?

— А ужь гдѣ мнѣ совѣты, Василей Селифонтьевичъ, тобѣ давать. А и самъ ты въ разумѣ, а меня, ишь-ва, до синихъ крестовъ вспарить вздумалъ.

— Эва! съ хохотомъ сказалъ Арбузьевъ,—а и было съ чего нужаться тебѣ! Охъ, ты, Буянушко! А знамо, надо-жь мнѣ было Лукѣ глаза отвести, а себя и съ тобой-же выгородить. Аль не понялъ ты, по̀што я ему про кресты сказывалъ?

— Коли-же пѣть! Знамо, для отвода придумывалъ. А только какъ до того дошло, что мнѣ нынь-же, а сотняжечки двѣ одолжить хотѣлъ, инъ ты тутъ, Василей Селифонтьевичъ, какъ-бы и со сладостью про нихъ сказывалъ, какъ-бы и съ охвотой одолжалъ-то мнѣ. А мнѣ-ко эту сладость-то твою слушати—а и ну ужь!

Арбузьевъ пуще расхохотался.

— Такъ со сладостью я про то, Буянушко, сказывалъ, про мое-то тебѣ одолженьице? спросилъ онъ.

— Тебя, знамо. смѣхъ бере́! А у меня, Василей Селифонтьевичъ, а со сладости этой твоей ажно зачесалося: спина-тъ у меня своя живе́.

— Ой, да полно ужь тебѣ!.. уморишь вѣдь меня своею этой сладостью! со смѣху поколѣть вѣдь мнѣ!.. до слезъ хохоча, господарь приговаривалъ.

Буянъ поглядѣлъ на него, и вправду пожелалъ поколѣть ему со смѣху. Только своего пожеланья онъ вслухъ не высказывалъ, а на иную стать разговоръ повелъ.

— А и смѣйся собѣ, сказалъ, — а только и думай топерь самъ.

— А была мнѣ охвота думать-то ощё! Тебя-то зачѣмъ-же держу? А за ду̀манье твое ладное.

— Нѣтъ ужь, Василей Селифонтьевичъ, теперечь-ко а думай самъ.

— А коли я тебѣ думать-то приказываю?

— Нѣтъ, ужь самъ лучше...

И сколько господарь Буяна ни уговаривалъ, тотъ все свое твердилъ. Арбузьевъ зналъ, что какъ наскочитъ упорство на его паробка вѣрнаго, ничего съ нимъ не подѣлаешь, а потому догадался подмаслить его.

— А слышь-ко, Буянушко, сшелъ-бы ты въ кладову̀, что-ль, теперь, а доглядѣлъ-бы: може тобѣ тамо-т-ко что̀ и по-мыслу на̀йдется. А и приде тебѣ что̀ по-люби, а и радъ я всегда тебя жаловати.

Буянъ въ затылкѣ почесалъ.

— Ладно ужь, Василей Селифонтьевичъ, сказалъ онъ, — по̀што бы мнѣ и въ кладову-то не́-пойти? А тебѣ, господарь, на великомъ твоемъ ко мнѣ жалованьи спасибо скажу. А и пойду-ко сейчасъ, а тамъ вѣдь и сдумаю: веселѣй, гляди, мнѣ тамъ думать-то буде!

— А думай-же, Буянушко; думай-же хорошохонько! увѣщевалъ его Арбузьевъ.

Черезъ нѣкоторое время Буянъ веселъ изъ кладовой воротился и докладывалъ господарю про свое сдуманье. И господарь веселъ-же съ доклада сталъ.

На другой день, часокъ послѣ позднихъ обѣдовъ спустя, Василей Селифонтьевичъ со двора выѣхалъ. А ѣхалъ въ Славкову улицу, къ уличанскому судьѣ тысяцкаго, къ Лазарю Евфимовичу.

— А что̀ господарь ужь отудневалъ, аль опочивъ еще держитъ? [1]) спросилъ Василей у судейскаго паробка.

— А сидитъ ужь, надо быть, встамши ужь; пивкомъ, знать, прохлаждатся, отвѣчалъ паробокъ.

[1]) Вспятить — отдать назадъ.

[1]) Удневать — спать днемъ. Опочивъ держать — опочивать, отдыхать.

Лазарь Евфимовичъ дорогому гостенку, знатному и богатому вдобавокъ, и не вѣсть какъ обрадовался, а съ радости не зналъ куда посадить его.

— И какъ это ты, Василей Селифонтьевичъ, ко мнѣ надумался?

— А ждалъ, вишь, все тебя къ себѣ, а не ѣдешь-же, а мнѣ-ко и въ голову приди: „а полно-ко, здоровъ-ли ощё, а дай-ка-молъ дружка своего любезнаго провѣдаю“.

— А какими словесы мнѣ тебѣ благодарствовать.— и не знаю ужь. По писанному вотъ говорить не мастеръ я, а людскими-те словесы твоей ко мнѣ доброты милостливой не изглаголати. А дьяка моего, жаль, во двори нѣтъ. а то ужь заставилъ-бы его по книжному къ тебѣ рѣчь держать. Не изглаголана доброта твоя, да и все тутъ.

— А и ладно ужь, станемъ-ко, какъ и всѣ говорить; людская-та молвь, она всѣмъ понятлива.

— А не былъ я, Василей Селифонтьевичъ, у тебя, не лѣнясь вѣдь, а милости твои памятую всегда. А отъ того вѣдь я къ тебѣ не заглядывалъ, что вовсе нужда меня вѣдь одолѣла. А и выѣхать, вѣрнишь-ли, не на чемъ: всѣ-те кони поизъѣздились, а которы и вовсе обезножили...

— Знать, ты на конюшнѣ нынь не былъ, перебилъ Василей Лазареву рѣчь.

— А что?

— А погляди-ко, новъ конь гнѣдъ у тебя въ стойлы стоитъ, и на видъ добръ, и въ ѣздѣ хорошъ.

Тутъ судья, на ноги вскочивъ, бросился къ гостю и сталъ его, не отрываясь, въ плечо цѣловать.

— Ой-же ты, кормилецъ мой! Ой-же ты, милостивецъ! приговаривалъ Лазарь.—А и до-вѣку мнѣ за тебя Бога молить, а до-вѣку не замолить великаго твоего ко мнѣ благодѣяньица. Эко сердце-то милостливо! Эка рука-то неоскудна! велики и богаты милости одождяющая! Эка душа-та крестьянска! А ужь по нонѣшнимъ временамъ послѣднимъ...

— А довольнѣ, буде ужь. прервалъ Василей Лазарево изліянье. — А ты лучше-ко вспомни вотъ, что соловья баснями не кормятъ, а и пивца съ тобой я выпилъ-бы.

— Охъ, я олухъ царя небеснаго! вскричалъ судья и не переставая всячески ругать себя, кликнулъ наробка и приказалъ ему нацѣдить пива что ни есть лучшаго.

— Такъ-вотъ ладнѣй бесѣда пойдетъ, прихлебнувъ Арбузьевъ сказалъ.—А ну-т-ко-сь, Лазарь Евфимовичъ, каково поживашь-то нунь. а много-ль судишь тонерь?

— Охъ, и суды ужь нонѣшни! А и дѣло, скажу тебѣ, само прахово. Съ голоду намъ, судьямъ, колѣть, одно только и осталося. Пошлины, самъ вѣдашь, много-ль намъ съ рубля суднаго сойде-то!.. А всякъ-то надъ тобой кочевряжится, а ты-то всѣмъ вѣдь кланяйся, не то вѣдь изъ судей доловь, и николи ужь не посадятъ тебя: не мало вѣдь насъ, захудалыхъ, въ судьи просится, а просясь, другъ дружкѣ накостятъ. А еще, Василей Селифонтьевичъ, бывать: изъ суда-то идешь, а какъ пёсъ зимой голоденъ, и уставши вѣдь,—такъ домовь-то покойно дойти не дадутъ, на улицѣ приставать учнутъ: „а не по правдѣ молъ ты нунь-ко судилъ“. А тебѣ и взбѣситься нельзя. Ужь тако-то житье наше жолтенько,— а и сказать нельзя!

— А хоромы у тебя ничего, далъ Богъ, крѣпоньки, Василей сказалъ.

— А что проку, Василей Селифонтьевичъ, что проку-ту? А и всѣ вѣдь тамъ будемъ. Времена-те самъ знашь что послѣдніи, а близокъ срокъ! набожно поднявъ глаза вверхъ, судья сказалъ.—А вотъ о правдѣ-то я, что всѣ кричатъ: „суди молъ по правдѣ“. А и гдѣ ее нунь, Василей Селифонтьевичъ, правды-то взять? а и негдѣ вѣдь. Недаромъ же калики перехожи поютъ что пошла де нунь кривда по-земли. А съ судьи. вишь, правды спрашиваютъ! А кажный-то разъ ты крестъ цѣлуй, чтобъ въ правду судить, а безъ посула къ тому. А кто нунь посуло-тъ дастъ? А ты вѣрь ужь моему слову нелестному, что нунь люди скупы же, а не лучше вѣдь аспидовъ.

— А лѣсо-тъ у тебя во дворѣ, бревна да доски каки лежатъ? аль строиться вздумалъ? спросилъ Василей, будто нечаянно въ окно взглянувъ.

— Осталось ощё милостивцевъ, а не вовсе же безъ нихъ въ Новѣгородѣ! Вотъ, какъ ты же, Василей Селифонтьевичъ, конемъ удружилъ, другій-то бревнушекъ да дощечушекъ прикинулъ. А не то чтобъ посулъ какой. Да и дѣло оно не ладное, посулы-те брать. Охъ!..

— А и давать ихъ не хвально же, Арбузьевъ подтвердилъ.

— Ѣсть-то, пить вѣдь судьѣ тожь надобѣть, а какъ дѣтушки хлѣба запросятъ, не доски же имъ глодать дать. А и овесъ нунь какъ дорогъ-то сталъ, приступу вовсе нѣтъ.

— А конемъ удруживъ, за овсомъ ужь постою-ли? А ты, слышь-ко. Лазарь Евфимовичъ, ужотко наробка пришли, отсыпемъ вѣдь.

Тутъ Лазарь снова сталъ Василья въ плечо цѣловать, и всячески ему благодарствовалъ.

— Чѣмъ, Василей Селифонтьевичъ, заслужить-то смогу? А смогу-ли ощё?

— Похочешь, такъ сможешь, усмѣхнувшись въ бороду Василей сказалъ.

— Аль дѣлишечко како у тебя судно заводилося?

— А далъ Богъ, и съ роду у меня въ судѣ дѣловъ не было, а не гадаю и до-вѣку въ истцахъ быть.

— А чего-жь тебѣ?

И судья, взглянувъ на Арбузьева съ боку, подумалъ: „не съ ума-ли Василей спятилъ, что дѣла не имѣя, конемъ подарилъ?“

— А по дорогѣ заѣхалъ вѣдь я къ тебѣ, Лазарь Евфимовичъ, а сказать хотѣлъ, по дружески вѣдь сдоложить тебѣ да предувѣдомить, что плохо ты за уличанами своими глядишь.

— А что-жь мнѣ глазѣть-то на нихъ?

— А то-жъ что грабёжчики оны у тебя живутъ, а ты, поди, и не вѣдашь про то.

— Каки таки грабежчики? изумился Лазарь.

— То-то вотъ. А нунь, самъ знаешь, время стало строгое, а и вѣчье галдитъ не попрежнему

Услышавъ такія рѣчи, судья только ротъ раскрылъ, но не сумѣлъ ни слова выговорить.

— Время, говорю, строго нунь, а тутъ у тебя въ улицѣ Пашко живе, а кожевникъ онъ буде, а вѣдь грабёжчикъ онъ вѣдомый, на-весь городъ ославился.

При имени Пашка, судья какъ-то особенно сталъ правымъ глазомъ моргать, точно стряхивая съ него пылинку.

— А два чана онъ сладилъ нунь, Василей Селифонтьевичъ, какъ же бы ему да въ грабёжчикахъ быть?

— А деньги на чаны откуда онъ бралъ? То-то. А время нунь, всѣ скажутъ, строгое, хоть тетушку мою крестовеньку спроси.

— Это про Пашка-то спросить велишь? будто не понявъ, освѣдомился судья.— И то вѣдь скажутъ: онъ у тётушки твоей въ великой милости.

— А лжа ё! твердо и увѣренно вскричалъ Василей.— Точно, хвалился онъ, будто тетушку со мной развелъ; что она де Василья нунь и во дворъ къ себѣ не пускатъ. А только я тетушкѣ поразсказалъ тожъ каковъ молодецъ, каковъ грабёжчикъ онъ буде,—ну, тутъ она только взахнула, а вѣрнѣй сказать, и со двора его сбить приказывала, а во мнѣ увѣрялася. А то, ишь ты, кой поклепъ на меня взвелъ, что будто я у него невѣсту скралъ. Какже! А и гусь же, скажу тебѣ. Лазарь Евфимовичъ, и каковъ ощё! Только не я бы, онъ и бабушку бы мою ограбилъ.

Выставка Импер. Акад. Художествъ. „Запорожецъ на развѣдкахъ“, группа Позена.

Съ фотогр. грав. Флюгель.

— Вотъ такъ дѣла, дѣла! вздыхалъ судья, соображая путанную рѣчь Васильеву.—Точно, и у насъ эта молва прошла, быдто онъ на тебя, Василей Селифонтьевичъ, тетушкѣ твоей, посадницѣ честной, челомъ билъ, что вотъ ты дѣвчину скралъ, а она не хвалила же тебя за то.

— Аль и теперь не вѣришь что грабёжчикъ онъ? неожиданно Василей спросилъ.

— Какъ же тебѣ я не повѣрую?.. А только... И судья, въ рѣчи остановясь, сталъ въ затылкѣ чесать.— А только вотъ какъ самъ же ты мнѣ сказывалъ, что время-то нунь стало строгое. А наши Славковски уличана куды озорны, а растащатъ избу мою по бревнышкамъ.

— Да коли же послухи прйдутъ, жалобу на него положатъ тебѣ?

— Оно точно, раздумчиво сказалъ судья,—а только каковы оны послухи-те? Не самъ же ты въ послухи пойдешь.

— Эва выворотилъ! Этому и не повѣритъ никто, чтобъ меня онъ грабить посмѣлъ.

— Аль паробковъ твоихъ?

— Нѣтъ, ужь ты, Христа ради, не путай меня, Лазарь Евфимовичъ. Я—сторона, и изба моя съ краю. А уличанъ онъ нашихъ Микитьскихъ грабить хотѣлъ, а я про тотъ грабёжъ и не вѣдалъ. Ты такъ въ судѣ и орудуй, что не слышалъ я, и чтобъ о мнѣ и помину не было. А я у тебя не былъ же, и коня тебѣ не дарилъ.

— Этому ужь ты не учи меня, Василей Селифонтьевичъ; до этого я и самъ давнёхонько дошелъ. А на коня-тъ, что ты коня мнѣ продалъ, и запись напишемъ. Нельзя безъ того. Такъ, стало, Микитьски уличана въ послухахъ?

— Оны. Мордка да Ондреюшка ощё.

При имени Мордки у судьи опять словно пылинка въ правый глазъ попала.

— Охъ, привздохнулъ онъ,—Мордка-то вѣдь больнё плохъ, ябедникъ онъ вѣдомый, крестъ цѣловать наймуется, а у всѣхъ судей, гляди.

— А другого тоже поищи поди. А и найдешь, такъ онъ въ судѣ-то пойде таку околесну нести!.. А тебѣ жь не сладить буде съ нимъ. А Мордка-то хоть и вѣдомый, да съ рѣчи-то никто не собьетъ его: на чемъ сталъ, какъ пень стоитъ.

— Это вѣрно; про это что и говорить.

— И опять же, коли Мордка вѣдомый, такъ и Пашко-то твой вѣдь вѣдомъ же.

— Охъ, опять привздохнулъ судья,—кабы Пашко въ грабёжномъ дѣлѣ да вѣдомъ былъ, инъ быть бы бычку на веревочкѣ. А у меня и сумнѣньица не было бы ни малаго.

— Какъ же не вѣдомъ-то! А на Опсковьскій рубёжъ, съ Сковороткой, не онъ нешто грабить ходилъ?

Судья даже съ мѣста привскочилъ.

— А такъ бы ты йсперва и говорилъ! За это быть ему испродану, а ощё и на крѣпости сидѣть [1]).

— Этого вотъ мнѣ и надобѣть, чтобъ на крѣпость-то его. А посадишь, а бери тутъ овса до-люби! А и еще вѣдь тебя пожалую.

— Ужь ты, Василей Селифонтьевичъ, покоенъ будь; старапьицё мое о тебѣ будетъ полное, а и строго время-то, небось, намъ же буде на-руку.

Хозяинъ съ гостемъ поцѣловались, и съ радости выпили.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (автора романа *Три страны свѣта*)

(Продолженіе).

Я прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ лѣтъ пять, и наконецъ, оказалась возможность поѣхать мѣсяца на два за границу. Мой маршрутъ ограничивался Италіей.

Мнѣ хотѣлось посѣтить вновь главные италіанскіе города. Пробывъ въ Венеціи недѣлю, я отправился въ Миланъ на такой-же срокъ. Пріѣхалъ я въ Миланъ въ полдень, и когда я вписалъ свою фамилію въ отельную книгу, то лакей, очень молодой и замѣчательно красивой наружности, началъ мнѣ оказывать большую внимательность и между прочимъ спросилъ меня по-французски:

— Если вамъ, синьоръ, нуженъ чичероне, то я вамъ могу рекомендовать очень свѣдущаго человѣка и за умѣренную плату?

Я поблагодарилъ его, сказавъ, что я не въ первый разъ въ Миланѣ и хорошо помню улицы.

— А, понимаю, вы пріѣхали для нея?

Этотъ вопросъ меня озадачилъ, и я потребовалъ объясненія, о комъ это онъ говоритъ.

— Какъ о комъ? тоже съ удивленіемъ воскликнулъ лакей,— конечно о вашей соотечественницѣ, которая сводитъ съ ума всю миланскую публику!

— Кто-же моя соотечественница: танцовщица?

— Ну, это вы желаете пошутить надо мной, синьоръ! Возможно-ли, чтобы русскіе не знали, какая замѣчательная примадонна ваша соотечественница?

— Значитъ мнѣ надо послушать ее. Когда она поетъ?

— Сегодня она поетъ въ „Гугенотахъ“.

— Такъ достаньте мнѣ, пожалуйста, билетъ.

— Достать билетъ!.. теперь я вижу, синьоръ, что вы въ самомъ дѣлѣ не знаете ничего о вашей соотечественницѣ! Неслыханная вещь въ Миланѣ — всѣ мѣста были абонированы; иностранцы могутъ достать себѣ мѣсто только отъ самого импрессаріо, и то если есть рекомендація къ нему; да, можетъ быть, вамъ прійдется ждать недѣлю и двѣ, чтобы получить билетъ отъ него.

— Такъ я ее и не услышу? произнесъ я довольно печальнымъ тономъ.

— Ахъ, Боже мой! съ большимъ участіемъ сказалъ лакей.— Это будетъ большое несчастіе! Вотъ что: я могу вамъ предложить, если вы не обидитесь, свой билетъ, только на послѣдній актъ. Мы вскладчину абонировались; сами знаете, служба въ отелѣ не дозволяетъ намъ выслушивать цѣлую оперу за-разъ; мы по-очереди смотримъ только по одному акту. Когда вы ее услышите, то забудете все на свѣтѣ и о томъ, что стоите въ самыхъ дешевыхъ мѣстахъ.

Лакей разсказалъ мнѣ, что одинъ богатый американецъ, который стоитъ у нихъ въ отелѣ, пріѣхалъ въ Миланъ всего на нѣсколько дней.

— А вы знаете, что эта нація: что сказала, то и сдѣлала. Но вообразите! вотъ уже мѣсяцъ, а онъ ни одного спектакля не пропускаетъ, когда она поетъ!

И вдругъ, ударивъ себя въ лобъ, онъ спросилъ меня:

— Вы счастливы въ жизни, синьоръ?

— Для чего вамъ это знать?

— Для того, что только счастливому человѣку можетъ выпасть такой случай! Вотъ видите-ли, сегодня ночью американецъ такъ прихворнулъ, что я бѣгалъ за докторомъ, который запретилъ ему вставать съ постели до завтрашняго утра; но американецъ, я знаю, не послушаетъ его. А если-же ему будетъ хуже, то онъ мнѣ дастъ для васъ билетъ.

Въ коридорѣ кричали: „Петручіо!“ Лакей убѣжалъ.

Любовь къ музыкѣ въ итальянцахъ очень развита и въ простомъ классѣ, но все-таки Петручіо какъ-то особенно увлекался примадонной.

Я пошелъ попытать свое счастье; но касса была заперта, на ней было прибито извѣщеніе, что билеты всѣ распроданы. Я отправился въ табачныя лавки около театра, гдѣ, по обыкновенію, барышничаютъ билетами. На мои вопросы мнѣ молча мотали головой; только одинъ лавочникъ былъ полюбезнѣе и совѣтовалъ мнѣ попусту не терять времени.

Вернувшись въ отель къ обѣду, Петручіо печальнымъ тономъ объявилъ мнѣ, что хотя американцу и не лучше, но онъ хочетъ непремѣнно поѣхать въ оперу и, какъ-бы въ утѣшеніе мнѣ, прибавилъ:

— Но вы все-таки не уходите изъ своего номера и ждите меня.

За общимъ столомъ только и было разговору, что о примадоннѣ, такъ что во мнѣ возбудилось сильное желаніе попасть въ оперу, и я нетерпѣливо ждалъ рѣшенія своей участи. Петручіо раза два забѣгалъ ко мнѣ сообщить бюллетень о здоровьѣ американца. Я уже потерялъ надежду имѣть билетъ, какъ вдругъ съ шумомъ ко мнѣ влетѣлъ Петручіо, махая въ воздухѣ билетомъ. Онъ умилилъ меня своею радостью и такъ выпроваживалъ меня изъ номера, какъ будто дѣло шло о спасеніи моей жизни.

Театръ былъ переполненъ публикой. При появленіи примадон-

[1]) Быть испродану — заплатить штрафъ; сидѣть на крѣпости—въ тюрьмѣ на привязи.

ны раздались единодушныя и продолжительныя рукоплесканія. Я внимательно разсматривалъ въ бинокль свою соотечественницу. Она была высока, стройна, съ неособенно правильными чертами, но очень выразительнымъ лицомъ. Пока раздавались аплодисменты, она стояла склонивъ голову и тяжело дышала; видно было, что она страшно взволнована. Я замѣтилъ также, что ея лицо не было размалевано, какъ маска, что давало возможность замѣтить малѣйшее движеніе ея мускуловъ на лицѣ. Когда примадонна запѣла, я понялъ, почему она сдѣлалась любимицей Милана. Я ужь не говорю о свѣжести, задушевности и чистотѣ голоса, но какъ была изящная метода пѣнія, какъ она осмысленно передавала каждый звукъ, каждое слово въ своей роли. Въ ея движеніяхъ не было никакихъ рутинныхъ пріемовъ; она была такъ естественна, что другимъ могла показаться холодною; но я восхитился.

Чѣмъ я болѣе всматривался въ примадонну, тѣмъ все сильнѣе мнѣ казалось, что я гдѣ-то видалъ ея лицо, но не могъ припомнить. Потомъ я сообразилъ, что между иностранными типами русская женщина могла произвести на меня такое впечатлѣніе, какъ будто ея лицо мнѣ знакомо. Четвертый актъ примадонна такъ разыграла, что я чувствовалъ нервную дрожь. Во время сцены Валентины съ Раулемъ была такая тишина, точно всѣ замерли; за то какой гвалтъ поднялся, когда занавѣсъ опустился. Примадонна явилась на вызовъ, подошла къ рампѣ, поклонилась и торопливо ушла. Такое оригинальное равнодушіе къ аплодисментамъ было рѣдкимъ исключеніемъ между артистами.

Послѣ спектакля примадонну снова вызывали и осыпали цвѣтами. Я замѣтилъ утомленіе и грусть на ея лицѣ; она точно также торопливо уходила со сцены, безъ обычныхъ поклоновъ и улыбочекъ. Въ партерѣ благоразумная часть публики стала уходить, а неблагоразумная (и я въ томъ числѣ) продолжала еще вызывать примадонну; она долго не выходила и уже явилась переодѣтою въ темное платье, закутанная въ большой бѣлый платокъ; волосы у нея были расчесаны на двѣ косы. Я чуть не вскрикнулъ на всю залу: „Это барышня изъ Горушекъ!“ И мнѣ такъ живо вспомнилось: оврагъ и ея фигура на мосту.

Это открытіе меня сильно взволновало. Какимъ это волшебствомъ она очутилась на миланской сценѣ, да еще такою пѣвицей? Я припомнилъ изъ ея дневника, какъ она, въ день бала, сидя одна на чердачкѣ, желала, чтобы къ ней явилась фея, какъ въ сказкѣ о Сандрильонѣ. Должно быть, фея явилась къ ней и еще блистательнѣе сдѣлала превращеніе. И мнѣ казалось, что въ этомъ превращеніи непремѣнно Сивцовъ играетъ первую роль.

Петручіо явился ко мнѣ, чтобы провѣрить мои восторги послѣ спектакля, и все повторялъ: „Я вамъ говорилъ, что вы забудете все на свѣтѣ!“ Я спросилъ его, не знаетъ-ли онъ, съ кѣмъ пріѣхала примадонна въ Миланъ. Оказалось — съ дядей; у барышни Горушекъ не имѣлось никакого дяди. Это сбило меня съ толку; Петручіо описалъ мнѣ наружность дяди, она никакъ не подходила къ Сивцову: „Сѣдой, худой, очень живой старикъ.“ Всѣ русскія фамиліи такія мудреныя, такъ его просто называютъ „дядя примадонны“. Вы его можете видѣть въ кафе, что противъ театра, онъ тамъ каждый день завтракаетъ, вы его сейчасъ узнаете,—онъ постоянно щиплетъ свою бороду и съ азартомъ споритъ съ моимъ будущимъ профессоромъ пѣнія.

Петручіо съ гордостью произнесъ послѣднюю фразу, и мнѣ сдѣлался понятнымъ его энтузіазмъ къ примадоннѣ.

Петручіо подробно разсказалъ мнѣ, какой у него голосъ, до какой ноты онъ можетъ взять, и что у него уже заключено условіе съ его родственниками, которые даютъ ему средства готовиться на сцену. Проценты съ капитала родственники брали съ него безобразно ростовщическіе. Многіе извѣстные пѣвцы принадлежали къ такому-же бѣдному классу, какъ и Петручіо; мнѣ казалось очень возможнымъ, что стоявшій предо мной съ моимъ платьемъ, перекинутымъ на рукѣ, впослѣдствіи станетъ Раулемъ, — московскія и петербургскія барыни будутъ сходить съ ума по немъ, бѣгать за нимъ и осыпать его подарками и букетами и своей любовью, тѣмъ болѣе, что Петручіо въ полномъ смыслѣ былъ красавецъ.

Я забылъ о существованіи всѣхъ лицъ, которыхъ встрѣтилъ въ свое пребываніе въ Порошковѣ, да и самая усадьба уже не принадлежала моимъ родственникамъ; они прожили въ ней всего одну зиму, дѣти захворали, и они опять укатили за границу. Меня удивляло странное совпаденіе одинаковыхъ обстоятельствъ при встрѣчѣ съ этой дѣвушкой: въ первый день моего пріѣзда въ Порошково я точно также заинтересовался ею, наслышавшись отъ Филипповны чудесъ о ночной музыкантшѣ. Я твердо рѣшился во что бы то ни стало познакомиться съ барышней Горушекъ, превратившейся въ примадонну.

Я отправился въ кафе посмотрѣть на дядю примадонны и едва вошелъ, какъ услышалъ голосъ Сивцова; онъ горячо спорилъ съ какимъ-то итальянцемъ о вчерашнемъ спектаклѣ. Сивцовъ такъ измѣнился, что еслибы не его голосъ, я бы не вдругъ его узналъ: онъ былъ совсѣмъ сѣдой, желтъ, какъ лимонъ, и страшно исхудалъ. Сивцовъ меня тотчасъ узналъ и очень обрадовался. Мы усѣлись у столика и послѣ разспросовъ, какъ мы оба очутились въ Миланѣ, Сивцовъ, улыбаясь, спросилъ меня, когда я ему объявилъ, что слышалъ вчера русскую примадонну:

— А знаете-ли, что это моя ученица, дочь Крутова?

— Честь и слава вамъ! отвѣчалъ я;—но какъ вы узнали, что въ ней таился такой рѣдкій голосъ?

— Совершенно случайно. Въ дѣтствѣ, бывая въ Порошковѣ у матери Крутова, я всегда съ Антипычемъ чуть не цѣлые дни занимался уженіемъ. Вотъ, пріѣхавъ въ Полыновку, захотѣлось мнѣ посѣтить старыя мѣста. Иду себѣ, какъ вдругъ слышу пѣніе съ противуположнаго берега,—я такъ и онѣмѣлъ: меня поразила вѣрность, чистота и необыкновенная мелодичность голоса. Конечно, она пѣла неумѣло русскіе пѣсни и романсы, но мнѣ было достаточно, чтобы понять какіе богатые залоги таятся въ ея голосѣ. Увѣряю васъ, что я находился совершенно въ такомъ-же состояніи, какъ еслибы я наткнулся на огромный самородокъ золота. Я трое сутокъ приходилъ ее слушать, а она и не подозрѣвала, что ее видятъ и слушаютъ— она сидѣла на берегу рѣки и распѣвала. Я догадался, что эта барышня должно быть изъ Порошкова. Я навелъ справки о семействѣ Крутова и узналъ печальную судьбу младшей его дочери. Я возобновилъ знакомство съ Крутовымъ единственно съ той цѣлью, чтобы отецъ далъ средства дочери развить свой голосъ. Но вы знаете причину, почему мое знакомство съ Крутовымъ прекратилось. Это препятствіе еще сильнѣе разожгло во мнѣ желаніе не дать заглохнуть такому рѣдкому дару природы. Я теперь убѣдился, что если человѣкъ проникнется всецѣло какой-нибудь цѣлью въ жизни, то онъ ее достигнетъ. Когда вы были въ Порошковѣ,—помните глупый вызовъ меня на дуэль? — въ вашихъ рукахъ находилось мое завѣщаніе, въ которомъ я отказывалъ Полыновку дочери Крутова, только съ однимъ условіемъ,—если она посвятитъ себя музыкальному искусству, поѣдетъ учиться пѣть въ Италію, а потомъ поступитъ на сцену. Въ ту-же осень, какъ вы были въ Порошковѣ, Крутовъ умеръ. Я зналъ заранѣе, что мать и сестра бросятъ несчастную дѣвушку на произволъ судьбы; да это и было мнѣ съ руки. Я заранѣе познакомилъ ее съ моимъ другомъ—помѣщицей Вистовки, которая явилась въ Горушки, подъ видомъ покупательницы этой усадьбы, и очень скоро онѣ сошлись, такъ что та послѣ похоронъ Крутова увезла ее къ себѣ и внучку Антипыча. Дочь Крутова не знала настоящей причины, за что казна взяла все имущество у ея отца; а знала одно, будто бы я виновенъ въ разореніи ихъ семейства. Мой другъ все уладилъ; сама повезла ее въ Петербургъ, помѣстила въ семействѣ своей воспитанницы, и по моему выбору учителя занялись съ ней теоретическими уроками музыки, а я самъ отправился въ Италію подготовляться къ профессорской обязанности. Я хотѣлъ самъ разработать этотъ рѣдкій голосъ. Вы не знаете, какъ грубо, невѣжественно обращаются съ голосами учителя пѣнія; голосъ—хрупкая вещь, это все равно, что дать драгоцѣнный камень въ неумѣлыя руки шлифовать и дѣлать грань. Расколютъ его, обезобразятъ и изъ большаго сдѣлаютъ крохотный. Судите мое отчаяніе, когда черезъ годъ, возвратясь въ Петербургъ, чтобы везти ее въ Италію и серьозно заняться подготовкой ея на сцену, я вдругъ нашелъ въ ней сопротивленіе,—она во что-бы то ни стало хотѣла остаться въ Петербургѣ и заниматься учительствомъ музыки. Я, кажется, сошелъ-бы съ ума, еслибы она не образумилась и не поѣхала-бы со мною за границу.

Все время, пока мнѣ разсказывалъ Сивцовъ, онъ безщадно щипалъ свою бороду, и всѣ его движенія доказывали, что онъ постоянно находится въ какомъ-то возбужденномъ состояніи.

— Ну, теперь вы не можете сказать, что прожили безполезно эти года вашей жизни, вы вполнѣ должны быть довольны вашей дѣятельностью? сказалъ я Сивцову.

Но онъ на это отвѣчалъ мнѣ:

— Я тогда буду доволенъ, когда сдѣлаю изъ нея настоящую артистку!

— Чего вы еще хотите?

— Много еще надо мнѣ надъ ней работать, а главное — вырвать изъ нея всѣ странности, которыя надо приписать ея безобразному воспитанію. Она не похожа на другихъ! Сами посудите, другая молодая пѣвица на ея мѣстѣ была-бы на седьмомъ небѣ отъ успѣха при началѣ своего сценическаго поприща; а она, видите-ли, чувствуетъ всякій разъ неловкость отъ шумныхъ овацій, которыми ее встрѣчаетъ публика. И каждый разъ дрожишь за нее до такой степени, что чувствуешь себя разбитымъ послѣ спектакля. Такой робости я даже не могу понять!

— И въ обществѣ она также робка? спросилъ я.

Сивцовъ нервно засмѣялся и отвѣтилъ:

— Вы не думаете-ли, что я ей позволю когда-нибудь пѣть въ салонахъ? Нѣтъ-съ! Настоящая артистка не должна себя ставить на такую низкую ступень; это простительно уличнымъ пѣвицамъ—за свое пѣніе съ тарелочкой обходить своихъ слушателей. Сцена для артистки—это храмъ, а публика въ этомъ храмѣ должна проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ той, которая отрываетъ ее отъ грубаго матеріальнаго міра и переноситъ въ самую высшую сферу изящнаго наслажденія. Надо, чтобы публика знала, что ни за какіе подарки въ ихъ салонѣ она пѣть не станетъ! Я хочу доказать всѣмъ, что артистка должна всецѣло принадлежать одному искусству, да и самую сцену возвысить въ глазахъ публики, развить въ ней понима-

Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ", Мельникова. Изъ скита. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Нестерова, грав. Флюгель.

Лѣсное затишье. Съ картины Девиса, грав. Мерсомъ.

ніе настоящаго пѣнія, а не искаженія мыслей композиторовъ. Вѣдь до чего дошло, — что, слушая оперу, не узнаешь, что пѣвцы поютъ. А все неучи учителя! Спалъ съ голосу пѣвецъ или пѣвица, сейчасъ дѣлаются профессорами пѣнія, а сами едва могутъ разбирать ноты пустенькаго романса. Звѣрски губятъ голоса! Но самое ужасное — развращаютъ публику, которая уже потеряла всякое понятіе о добросовѣстномъ исполненіи твореній композиторовъ. Пріучили публику къ акробатическимъ фокусамъ голоса; они требуютъ, чтобы аріи заканчивались оглушительнымъ ораніемъ пѣвцовъ — и довольны!.. Я до послѣдняго издыханія буду воевать съ этимъ возмутительнымъ зломъ; я вырву эти плевела, которыми поросло сценическое музыкальное искусство!

(Продолженіе будетъ).

Гессенская муха.

Профессора К. Э. Линдемана.

Кризисъ, тяготѣющій надъ сельскимъ хозяйствомъ, всюду заставляетъ стремиться къ тому, чтобы въ значительной мѣрѣ увеличить урожаи хлѣбовъ съ данной площади и такимъ образомъ уменьшить расходы производства, распредѣляющіеся тогда на бо́льшее количество полученнаго хлѣба. Забота о такомъ необходимомъ увеличеніи урожаевъ, являющаяся однимъ изъ важнѣйшихъ условій для выхода изъ современнаго кризиса, заставляетъ обратиться съ особымъ вниманіемъ къ изученію факторовъ уменьшающихъ урожаи и къ выясненію способовъ, помощью коихъ такая вредная дѣятельность этихъ факторовъ успѣшно можетъ быть парализована. Между различными дѣятелями, вредно вліяющими на урожаи, играютъ наиболѣе важную роль различныя насѣкомыя, живущія на хлѣбныхъ растеніяхъ и нерѣдко губящія значительный процентъ ихъ. Поэтому весьма естественно, что въ послѣднее время всюду обращается особое вниманіе на изученіе вредныхъ насѣкомыхъ, какъ хозяевами, такъ и правительственными учрежденіями. У насъ также эти насѣкомыя въ послѣдніе годы обращаютъ на себя вниманіе и нерѣдко уже являются предметомъ особыхъ заботъ различныхъ учрежденій.

Между нашими вредными насѣкомыми заслуживаетъ особаго вниманія и стала уже знаменитою такъ-называемая *гессенская муха*, почти ежегодно поражающая поля на обширномъ пространствѣ нашего государства и истребляющая то большее, то меньшее количество хлѣба. Иногда на протяженіи цѣлыхъ уѣздовъ, уменьшая урожай хлѣбовъ на 10 процентовъ, она мѣстами такъ сильно размножается, что уничтожаетъ двѣ трети или три четверти урожая. Опустошительная дѣятельность этого маленькаго насѣкомаго сдѣлала его знаменитымъ уже въ концѣ прошлаго столѣтія, когда оно впервые было найдено въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, и было выяснено значеніе его для сельскаго хозяйства. Опытъ, впослѣдствіи пріобрѣтенный хозяевами различныхъ странъ Европы, показалъ, что дѣятельность гессенской мухи на европейскихъ поляхъ не уступаетъ славѣ, пріобрѣтенной насѣкомымъ въ Сѣверной Америкѣ. Поэтому была понятна та чрезвычайная тревога, которую вызвало у сельскихъ хозяевъ Великобританіи появленіе гессенской мухи въ нѣкоторыхъ графствахъ Англіи и Шотландіи.

У насъ гессенская муха была найдена лишь въ 1879 году, но съ тѣхъ поръ выяснилось, что въ предѣлахъ нашего государства она занимаетъ уже весьма обширное пространство, поражая поля въ предѣлахъ 37 губерній, не завоевавъ лишь сѣверную часть страны.

Гессенская муха поражаетъ озимую и яровую рожь, озимую и яровую пшеницу и ячмень, на стебляхъ коихъ она живетъ въ состояніи личинки. Кромѣ того, она поражаетъ пырей, можетъ жить на тимоѳеевкѣ и, повидимому, на бѣлоусѣ. Но на этихъ дикихъ злакахъ она появляется лишь изрѣдка и только при особыхъ обстоятельствахъ; обыкновенно же сосредоточиваетъ свою вредную дѣятельность на указанныхъ воздѣлываемыхъ хлѣбахъ.

Поврежденія, наносимыя гессенскою мухою хлѣбамъ, обнаруживаются на поляхъ два раза въ годъ, именно: весною, въ концѣ мая и въ іюнѣ, и вторично осенью, въ сентябрѣ, когда всходы озимыхъ посѣвовъ являются уже достаточно развитыми. Поврежденія, производимыя въ эти два различныя періода, представляются столь различными, что съ перваго взгляда трудно и повѣрить, что тѣ и другія должны быть отнесены на счетъ дѣятельности одного и того же насѣкомаго. Поврежденія производимыя осенью, какъ на ржи и пшеницѣ, имѣютъ такой характеръ: сначала замѣчается нѣкоторая остановка въ ростѣ поврежденныхъ всходовъ, какая бываетъ напримѣръ подъ вліяніемъ засухи; затѣмъ больныя былинки начинаютъ завядать, обыкновенно лишь весьма мало измѣняя свой цвѣтъ (*не желтѣя*). Внимательно изслѣдуя отдѣльныя отмершія растенія, мы замѣчаемъ, что листья ихъ не изъѣдены, стебелекъ не изгрызенъ, корни обычно развѣтвлены, нигдѣ нѣтъ червоточины. Растеньице какъ будто просто засохло. Лишь при основаніи былинки замѣчается нѣкоторое утолщеніе, а въ предѣлахъ его сидятъ подъ листочками маленькіе бѣлые червячки, длиною около 3 миллим., либо блестящія рыжеватыя тѣльца, похожія на льняное сѣмя, которыя суть коконы личинокъ гессенской мухи. Упомянутые червячки, т. е. личинки мухи, суть причина смерти обитаемой ими былинки, изъ которой онѣ высосали сокъ, пробуравливая отверстія въ нижней части ея стебля. Такія былинки отмираютъ осенью, а весною сгниваютъ, иногда цѣлыми группами, образуя тогда на поляхъ пятна, которыя хозяинъ нерѣдко приписываетъ вліянію зимы, говоря что озими вымерзли, вымокли и т. д., прибѣгая для объясненія наблюдаемаго его поля къ такимъ внѣшнимъ дѣятелямъ, во всемогущество коихъ онъ привыкъ вѣрить.

Поврежденія наносимыя гессенскою мухой хлѣбамъ весною имѣютъ характеръ совершенно отличный отъ вышеописаннаго. Начиная со времени цвѣтенія озимыхъ хлѣбовъ и въ теченіе всего іюня, на поляхъ пораженныхъ мухою, начинаетъ замѣчаться *паденіе стеблей*, постепенно усиливающееся, въ особенности послѣ дождя или вѣтра. Озимое поле, въ концѣ мая радовавшее хозяина своимъ прекраснымъ состояніемъ и обѣщавшее ему хорошій урожай, вдругъ въ нѣсколько дней совершенно измѣняется и принимаетъ такой видъ, какъ будто бы оно побито градомъ или потравлено скотомъ. Стебли, достигшіе почти нормальной длины, надломлены во второмъ колѣнѣ, надъ самымъ узломъ, и лежатъ неправильно спутанные; колосъ ихъ хотя и образовался, но отмеръ въ большинствѣ случаевъ еще до полнаго разцвѣтанія и потому не содержитъ зеренъ; въ рѣдкихъ случаяхъ колосья содержатъ нѣсколько мелкихъ зеренъ. Изслѣдуя такіе надломленные стебли, мы найдемъ, что въ томъ мѣстѣ гдѣ произошелъ перегибъ ихъ, они представляются подточенными, неправильно съуженными, отмершими и нерѣдко такъ засохшими здѣсь, что даже при слабомъ прикосновеніи они ломаются и отдѣляются отъ своего пня. Нижній конецъ такихъ отломившихся стеблей представляется неправильно заостреннымъ, часто потемнѣвшимъ; но никогда въ этомъ мѣстѣ мы не находимъ какой-либо червоточины. За то постоянно открываемъ тамъ самаго виновника этихъ поврежденій — продолговатый рыжій коконъ, похожій на льняное сѣмя, или же еще не превратившуюся въ такой коконъ личинку гессенской мухи.

Зрѣлая гессенская муха есть маленькое, черноватое, двукрылое насѣкомое, живущее всего отъ двухъ до четырехъ дней, и въ это время занимающееся лишь складываніемъ своихъ яичекъ. Каждая самка кладетъ около 230 яичекъ подъ нижніе листья хлѣбныхъ растеній. По прошествіи 4 дней изъ яичка развивается личинка, которая уходитъ подъ влагалище листа и, расположившись непосредственно подъ узломъ, начинаетъ высасывать соки изъ мягкой здѣсь части стебля, просверливая для этой цѣли отверстія въ тканяхъ его посредствомъ особаго буравчика вооружающаго ротъ. Такимъ образомъ, питаясь только соками, личинка живетъ 28 дней, по прошествіи которыхъ превращается въ упомянутый выше рыжеватый коконъ, похожій на льняное сѣмя, подъ защитою котораго превращается въ куколку. Превратясь въ такой коконъ, личинка остается въ состояніи покоя, не принимая никакой пищи, по крайней мѣрѣ 14 дней. Но подъ вліяніемъ засухи, холода и другихъ неблагопріятныхъ вредныхъ вліяній, продолжительность этого періода можетъ значительно удлинниться, растягиваясь на нѣсколько мѣсяцевъ. Нормальная продолжительность развитія особи гессенской мухи представляется слѣдовательно такою:

Яичко развивается . .	4 дня
Личинка живетъ	28 дней
Коконъ съ куколкою .	14 дней
	46 дней.

Изъ этого количества времени, только 28 дней, въ теченіе которыхъ развивается личинка, представляютъ періодъ во время котораго насѣкомое оказываетъ вліяніе на обитаемое растеніе, нуждаясь въ пищѣ, извлекаемой имъ изъ частей этого растенія. Въ остальное время насѣкомое въ такой пищѣ не нуждается.

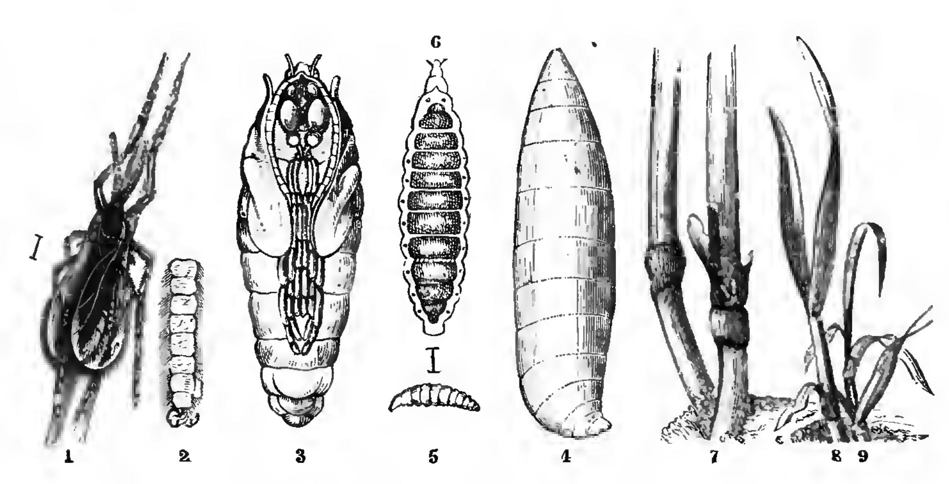
Указанная здѣсь быстрота индивидуальнаго развитія позволяетъ гессенской мухѣ образовать въ теченіе лѣта нѣсколько поколѣній. Наблюденіями установлено, что въ средней Россіи, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ произойти ежегодно *три* поколѣнія, которыя назовемъ: весеннее, лѣтнее и осеннее. Въ южной Россіи несомнѣнно число этихъ поколѣній должно быть еще больше, въ зависимости отъ большей продолжительности лѣта.

Весенній выводокъ не вездѣ въ Россіи начинаетъ свой вылетъ одновременно, ибо онъ зависитъ отъ времени наступленія конца зимы, слѣдовательно какъ отъ географическаго положенія мѣстности, такъ и отъ погоды даннаго года. Такъ подъ Москвою вылетъ этого весенняго выводка начинается въ первыхъ числахъ мая; въ Полтавской губерніи вылетъ его начинается около 20 апрѣля; а въ южныхъ мѣстностяхъ недѣли на три раньше чѣмъ въ средней Россіи.

Летаетъ весенній выводокъ на поляхъ довольно долго, такъ что летъ его продолжается отъ трехъ до четырехъ недѣль. Летая въ маѣ и въ первыхъ числахъ іюня, мухи этого выводка конечно всюду находятъ растенія, необходимыя имъ для того чтобы сложить на нихъ свои яички и пристроить свое потомство.

Лѣтній выводокъ начинаетъ вылетать 48 дней спустя послѣ вылета первыхъ весеннихъ мухъ, ибо такое количество времени нужно для развитія особи. Поэтому въ средней Россіи летъ этого выводка начинается уже отъ 20 іюня и продолжается въ теченіе всего іюля, до половины августа приблизительно. Въ теченіе этого длиннаго срока летъ мухъ распредѣляется такъ, что громаднѣйшее большинство ихъ летаетъ въ первой половинѣ іюля; во второй половинѣ этого мѣсяца летаетъ уже значительно меньшее число ихъ, а въ августѣ только немногочисленныя особи, запоздавшія въ своемъ развитіи. Такъ какъ во время вылета этого лѣтняго выводка озимые хлѣба всюду уже вызрѣли и отчасти уже убраны, то мухи могутъ успѣшно пристроить свое потомство лишь на позднихъ яровой пшеницѣ и ячменѣ, или на всходахъ падалицы, иногда уже отъ средины іюля появляющихся на жнивьяхъ; или наконецъ на всходахъ вновь посѣяннаго озимаго хлѣба, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, благодаря раннимъ посѣвамъ, появляются уже во второй половинѣ іюля и служатъ колыбелью для новаго поколѣнія личинокъ гессенской мухи.

Осенній выводокъ появляется въ средней Россіи отъ конца августа, но для своего появленія требуетъ совершенно особыхъ условій, наступающихъ лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, почему въ большинствѣ случаевъ его вовсе не бываетъ, такъ что образуется лишь два правильно чередующіяся поколѣнія, именно: весеннее и лѣтнее. Условія необходимыя для происхожденія осенняго поколѣнія, суть слѣдующія. Нужно чтобы большинство мухъ лѣтняго выводка, летающаго въ концѣ іюня и въ первой половины іюля, могли пристроить свое потомство на зеленыхъ стебляхъ, еще способныхъ прокормить это потомство въ теченіе тѣхъ 28 дней, когда личинки нуждаются въ сокахъ растеній. Это возможно только тамъ, гдѣ мухи въ концѣ іюня и въ началѣ іюля находятъ поздно посѣянную яровую пшеницу, обезпечивающую ихъ потомство пищею до начала августа, или гдѣ надалица ржи, пшеницы или ячменя обильно образуется уже отъ начала іюля. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти условія не реализуются, то и получаютъ возможность надлежащимъ образомъ пристроить свое потомство только тѣ мухи лѣтняго выводка, которыя могли дождаться появленія раннихъ всходовъ озимаго хлѣба, играющихъ роль единственныхъ разсадниковъ насѣкомаго вообще. Личинки, пристроенныя на озимыхъ всходахъ, уже не имѣютъ достаточно времени для того чтобы окончить свои превращенія еще до наступленія осеннихъ холодовъ и поэтому превращаются въ мухъ лишь весною слѣдующаго года, вслѣдствіе чего и получается не три, а только два выводка.

Гессенская муха (Cecidomyia destructor).

1. Самка; 2. Брюшко самца; 3. Заключающаяся въ коконѣ (4) куколка; 5, 6. Личинки различной величины; 7. Куколка въ зимнемъ ложѣ 8. Здоровый и 9. умерщвленный личинкою стебель пшеницы. Кромѣ 7, 8 и 9 все увеличено.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію мѣръ для истребленія гессенской мухи и для предупрежденія ея размноженія. Въ качествѣ такихъ мѣръ были предлагаемы слѣдующія:

а) запахиваніе жнивья пораженнаго хлѣба;
б) выжиганіе жнивья его;
в) устройство приманокъ;
г) вытаптываніе полей стадами овецъ;
д) боронованіе и укатываніе пораженныхъ всходовъ;
е) поздній посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ, и
ж) различныя палліативныя мѣры.

Разсмотримъ эти различныя мѣры отдѣльно.

а) Рекомендація *запахиванія жнивья* пораженныхъ хлѣбовъ тотчасъ послѣ уборки ихъ основывалась на томъ, что муха, засыпанная слоемъ земли, не можетъ выйти на ея поверхность. При этомъ предполагалось далѣе, что вылетъ мухъ лѣтняго выводка начинается лишь съ конца іюля и что поэтому во время уборки озимаго хлѣба мухи находятся еще въ коконахъ, на нижнихъ концахъ стеблей. Поэтому думали, что при безотлагательномъ запахиваніи жнивья тотчасъ послѣ уборки, коконы будутъ зарыты въ землю, гдѣ и погибнутъ. Но въ дѣйствительности эти условія не оправдываются. Изъ вышеизложеннаго намъ извѣстно, что въ средней Россіи вылетъ мухъ лѣтняго выводка изъ коконовъ находящихся на озимомъ полѣ начинается съ 20 іюня, причемъ главныя массы мухъ выводятся въ теченіе первой половины іюля. Эти факты даютъ право утверждать, что перепахиваніе жнивья пораженнаго озимаго хлѣба, предпринимаемое даже немедленно послѣ уборки послѣдняго, не можетъ имѣть существеннаго значенія въ дѣлѣ истребленія мухи, потому что при этомъ большинство коконовъ будетъ запахиваемо въ землю уже пустыми, много спустя послѣ того какъ мухи изъ нихъ уже вылетѣли.

Но если перепахиваніе *озимаго* жнивья есть дѣйствіе не имѣющее значенія мѣры истребленія гессенской мухи, то нельзя сказать того-же о запахиваніи жнивья *яровой* пшеницы, ярицы и ячменя въ средней Россіи, тотчасъ послѣ снятія этихъ хлѣбовъ, ибо при такомъ запахиваніи этого жнивья въ августѣ, мы запашемъ всѣ личинки, пристроенныя на этомъ хлѣбѣ ранними лѣтними мухами, и такимъ образомъ воспрепятствуемъ происхожденію осенняго выводка. Этой мѣрѣ должно придавать весьма большое значеніе, ибо она должна предохранить всходы озимыхъ хлѣбовъ отъ пораженія ихъ осеннимъ выводкомъ въ концѣ августа. Совершенно такое-же значеніе имѣетъ запахиваніе *падалицы* въ началѣ августа, ибо безъ этой мѣры, падалица будетъ играть роль разсадника, изъ котораго въ концѣ августа произойдетъ осенній выводокъ, переселяющійся отсюда на всходы озимыхъ хлѣбовъ.

б) Все изложенное въ предшедшемъ по поводу запахиванія жнивья, имѣетъ также отношеніе и къ *сожиганію* его, нѣкоторыми предлагаемому. Когда будетъ убранъ и свезенъ съ поля озимый хлѣбъ, т. е. въ концѣ іюля, на жнивьѣ остаются почти лишь пустые коконы, такъ какъ большинство мухъ вывелось изъ нихъ уже въ теченіе первой половины этого мѣсяца. Поэтому не могутъ оправдаться надежды, возлагаемыя иными на эту мѣру, вдобавокъ требующую многихъ затратъ и вообще очень хлопотливую.

в) Если въ теченіе іюня будетъ замѣчено присутствіе значительнаго количества гессенской мухи, тогда можно прибѣгнуть къ помощи особаго рода *приманокъ*, долженствующихъ служить такъ сказать ловушками для насѣкомаго. Эти приманки устраиваются такимъ образомъ. Вблизи того поля, которое оказывается пораженнымъ гессенскою мухой, или на нѣкоторой части таковаго, должно въ концѣ іюня засѣять рожью, пшеницею, или еще лучше ячменемъ, небольшую полоску, различной величины, смотря по удобствамъ. На такихъ приманочныхъ полоскахъ всходы появляются уже чрезъ нѣсколько дней. На эти всходы налетятъ главныя массы мухъ въ теченіе первой половины іюля и пристроятъ здѣсь свое потомство. Затѣмъ въ началѣ августа нужно истребить эти всходы рогатымъ скотомъ, причемъ вся живущая на нихъ масса личинокъ будетъ истреблена.

г) Нѣкоторые авторы совѣтуютъ *гонять* по всходамъ, въ сентябрѣ, овецъ и скотъ, предварительно накормленный, причемъ животныя затопчутъ въ землю большое количество коконовъ мухи.

д) Если весною бороновать пораженные всходы и затѣмъ пройти по нимъ каткомъ, то несомнѣнно удастся засыпать землею раздавленныхъ комьевъ болѣе или менѣе значительное число коконовъ мухи. Такое укатываніе можетъ имѣть еще то полезное значеніе, что имъ предотвращается образованіе подсѣда, могущаго служить для размноженія позднихъ весеннихъ мухъ.

е) *Поздній посѣвъ озимаго хлѣба.* Главнѣйшая причина обусловливающая возможность размноженія гессенской мухи въ средней Россіи есть, какъ мы видѣли выше, обычай приступать очень рано, вскорѣ послѣ половины іюля, къ посѣву озимыхъ хлѣбовъ. Поэтому, устраняя вліяніе этой причины, мы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожимъ созданную ею гессенскую муху, ибо отнимемъ возможность у большинства мухъ лѣтняго выводка, летающихъ до начала августа, пристроить ихъ потомство на этихъ всходахъ. Для этого нужно приступать въ черноземной полосѣ Россіи къ посѣвамъ озимыхъ хлѣбовъ не ранѣе первыхъ чиселъ августа, именно 5 или 6 числа этого мѣсяца.

Но поздній посѣвъ озимей можетъ противодѣйствовать размноженію гессенской мухи лишь въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не разводятся яровая пшеница и яровая рожь или ячмень, ибо, какъ мы видѣли выше, на этихъ хлѣбахъ выкармливается

второе поколѣніе личинокъ, дающее третій или осенній выводокъ, который въ концѣ августа и въ сентябрѣ вылетаетъ отсюда на озимые всходы, одинаково поражая тогда какъ ранніе, такъ и поздніе. Такое-же значеніе имѣетъ и рано появившаяся падалица на жнивѣ озимыхъ хлѣбовъ. Поэтому, прибѣгая къ позднему посѣву, 5—6 августа, въ надеждѣ защитить всходы отъ гессенской мухи размножившейся въ данной мѣстности, мы въ тоже время должны имѣть въ виду указанныя здѣсь условія и принять надлежащія мѣры для ихъ устраненія.

Поздній посѣвъ озимыхъ признается въ настоящее время многими хозяевами какъ весьма радикальная мѣра, противодѣйствующая размноженію гессенской мухи, и я считаю возможнымъ рекомендовать ее всюду для мѣстностей центральной Россіи.

ж) Всюду хозяева подмѣтили, что гессенская муха вредитъ гораздо сильнѣе на слабыхъ хлѣбахъ, нежели на сильныхъ. Поэтому на озимыхъ поляхъ, уже съ осени сильно пораженныхъ мухою, должно весною слѣдующаго года принять различныя мѣры для того, чтобы усилить ростъ хлѣбовъ. Для этой цѣли можно посыпать поля золою, въ количествѣ около шести мѣръ на десятину; или прибѣгнуть къ поверхностному удобренію помощью: птичьяго помета, сажи, компоста, чилійской селитры, суперфосфата и т. д.

Въ прошломъ году въ Англіи подмѣтили, что при молотьбѣ хлѣба пораженнаго гессенскою мухою, много коконовъ ея переходятъ во время молотьбы въ хоботье и при провѣваніи зеренъ встрѣчаются въ сору при этомъ получаемомъ. У насъ такое обстоятельство никогда не было наблюдаемо. Если-же оно подтвердится и у насъ, тогда нужно будетъ принимать мѣры къ тому, чтобы хоботье или полученный соръ тщательно истреблять, дабы онъ не могъ сдѣлаться разсадникомъ вреднаго насѣкомаго.

Въ заключеніе приведу указаніе на то, какъ комбинировать указанныя выше мѣры для противодѣйствія гессенской мухѣ въ черноземной полосѣ Россіи.

Когда въ какой-либо мѣстности сильно размножится гессенская муха, то слѣдуетъ хотя одинъ только разъ принять слѣдующія рѣшительныя мѣры, для того чтобы сразу, на долгое время остановить ея размноженіе:

а) Весною слѣдующею за годомъ сильнаго размноженія гессенской мухи *не сѣять* въ данной мѣстности *яровую* пшеницу, ячмень и ярицу.

б) Принять затѣмъ всѣ мѣры къ тому, чтобы предупредить развитіе ржаной или пшеничной падалицы; или же, въ случаѣ происхожденія ея, истребить ее до половины августа, упорно выпасывая скотъ на жнивѣ.

в) Если было неизбѣжно посѣять яровую пшеницу или ячмень, то крайне необходимо запахать жнивье ихъ до половины августа.

г) Затѣмъ приступать къ посѣву озимыхъ хлѣбовъ не ранѣе 5 или 6 августа. При этомъ должно помнить, что такой поздній посѣвъ можетъ оказать желаемое дѣйствіе лишь при условіи точнаго выполненія предшедшихъ указаній.

д) Весною слѣдующаго года озимые всходы должно перебороновать и пройти по нимъ каткомъ.

е) Въ іюнѣ устроить приманки.

Исполнивъ эту программу дѣйствій, мы истребимъ гессенскую муху на многіе годы и такимъ образомъ избавимся отъ вліянія фактора, въ значительной степени и чрезвычайно упорно вліяющаго на уменьшеніе урожаевъ нашихъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ средней Россіи.

Военный совѣтъ грачей. Рис. Браунъ, грав. Джемсъ.

Къ рисункамъ.

Прощаніе царевны Софіи съ Шакловитымъ.

(Рис. на стр. 740).

Читатели *Нивы* помнятъ конечно драматическій эпизодъ выдачи Шакловитаго въ романѣ П. Н. Полеваго „Братья-соперники“. На прилагаемомъ рисункѣ К. Лебедева изображенъ тотъ моментъ, когда Шакловитый, скрывавшійся отъ посланныхъ Петромъ въ покояхъ царевны, вытащенъ стрѣльцами на

Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ. Салютъ русской эскадры императорской яхтѣ „Гогенцоллернъ“, вступающей на Большой рейдъ. Ориг. рис. (собств „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

площадку дворца и послѣдній разъ въ жизни кланяется своей покровительницѣ. Борьба противоположныхъ чувствъ на лицѣ правительницы, смущенія, негодованія, безсильной злобы и страха за свою будущность; совершенный упадокъ духа и растерянность схваченнаго крамольника; движеніе въ стрѣлецкой толпѣ—все это превосходно передано талантливымъ художникомъ.

Базаръ въ Новочеркасскѣ. (Рис. на стр. 741).

Новочеркасскъ, главный городъ области Войска Донскаго, широко раскинулся и предмѣстья его тянутся далеко; населеніе также быстро возрастаетъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ базаръ — этотъ характерный пульсъ провинціальныхъ городовъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги базаръ значительно измѣнился и упалъ, цѣны на все страшно поднялись и возвышаются съ каждымъ годомъ. Базаръ открывается рано утромъ, кругомъ располагаются возы съ мукой, картофелемъ, арбузами, молокомъ, словомъ со всѣми продуктами повседневнаго потребленія, даже топливомъ изъ кизяка, бурьяна и камыша. Большинство возовъ наѣзжаетъ изъ сосѣднихъ станицъ, но только успѣетъ станичный или хуторный житель въѣхать съ возомъ въ привозный рядъ, какъ его окружаютъ перекупщики — торговцы и торговки—и чуть не съ бою перекупаютъ товаръ, а затѣмъ перепродаютъ жителямъ Новочеркасска по повышеннымъ цѣнамъ. Вся торговля на базарѣ въ рукахъ кулаковъ-перекупщиковъ, и вы видите что на всѣхъ возахъ торгуетъ перекупщица-торговка, а хозяинъ въ это время или спокойно лежитъ подъ возомъ, наслаждаясь отдыхомъ, или бражничаетъ въ одномъ изъ ближайшихъ питейныхъ заведеній. Видъ базара крайне оживленный: всюду возы, запряженные волами; толпа огромная; тутъ вы встрѣтите и казаковъ, и торговца великорусса, и пронырливаго армянина; шумъ стоитъ невообразимый, но и онъ покрывается звонкими голосами перуругивающихся торговокъ.

Запорожецъ. Скульптура Л. В. Позена.
(Рис. на стр. 745).

Леонидъ Владиміровичъ Позенъ, талантливый скульпторъ-жанристъ, давно уже украшаетъ своими прекрасными произведеніями ежегодныя выставки товарищества „передвижниковъ". Талантъ молодаго скульптора, въ послѣдніе годы, пріобрѣлъ весьма почтенную извѣстность не только у насъ, но и за границей, куда проникли снимки съ очень многихъ произведеній Позена. Отличительною чертою таланта Позена является чрезвычайная его гибкость и разнообразіе. Позенъ не останавливается ни на какой спеціальности жанра: онъ съ одинаковою жизненностью и энергіей лѣпитъ фигуры людей и лошадей, передаетъ типы дѣтей, женщинъ и стариковъ, возсоздаетъ передъ нами образъ суроваго запорожца и фигуру жалкаго нищаго-старика, умоляющаго о подаяніи. Два года тому назадъ, на одной изъ передвижныхъ выставокъ, онъ всѣхъ привелъ въ восторгъ замѣчательно-сложною группою переселенцевъ, въ которой фигуры людей сочетались съ художественно-исполненными фигурами лошадей, собакъ и коровъ. При этомъ передача различныхъ веществъ и матеріаловъ была доведена въ исполненіи Позена до высокой степени совершенства: шерсть, сукно, дерево, металлъ, трянье, кожа — все это такъ и выступало изъ воска. Въ послѣднее время Позенъ болѣе и болѣе начинаетъ привязываться къ жанру историческому и, постоянно пребывая въ Полтавѣ (по обязанностямъ службы *), серьезно занимается изученіемъ малороссійской старины и старыхъ казацкихъ типовъ.

Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ", П. И. Мельникова (Печерскаго). „Изъ скита". (Рис. на стр. 748).

Во второй половинѣ XVII вѣка въ заволжскіе лѣса явились новые насельники, бѣжавшіе изъ селъ и городовъ раскольники, которые и основали тамъ такъ-называемые *скиты*. По скитскимъ преданіямъ, начало старообрядческимъ поселеніямъ въ заволжскихъ лѣсахъ положилъ соловецкій схимникъ Арсеній, который, прибывъ въ лѣса Чернораменскіе, неподалеку отъ починка Ларіонова, на урочищѣ Шарпанъ, поставилъ первый скитъ. Съ легкой руки соловецкаго выходца старообрядскіе скиты одинъ за другимъ возникали въ лѣсахъ Заволжья. Вскорѣ ихъ появилось болѣе сотни въ Черной Рамени, въ лѣсахъ Керженскихъ, въ лѣсахъ Рымскихъ и за рѣкой Ветлугой. Въ скитахъ селились старообрядцы разнаго званія. Въ первыя десятилѣтія существованія раскола, отъ „Никоновыхъ новинствъ" бѣгали не одни крестьяне и посадскіе люди, не одни простые монахи и сельскіе попы. Уходили и люди знатныхъ родовъ. Изъ предѣловъ Смоленскихъ бѣжали туда Салтыковы, Потемкины и другіе. Основали они свой скитъ неподалеку отъ первоначальнаго Шарпанскаго, на урочищѣ прозванномъ Смольяны. Въ XVIII столѣтіи въ Комаровскомъ скиту была основана обитель Бояркина княжною Болховскою и первоначально вся состояла изъ боярышенъ. Въ Оленевскомъ скитѣ одна обитель была основана Анфисой Колычевой, родственницей Св. Филиппа митрополита. Сначала скиты Керженскіе, Чернораменскіе были учрежденіями чисто религіозными и служили убѣжищемъ „не хотѣвшимъ новины Никоновы пріяти". По съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ религіозный фанатизмъ ослабѣвалъ въ средѣ раскольниковъ, скиты теряли первоначальный характеръ, превращаясь въ рабочія общины съ артельнымъ хозяйствомъ. На дѣлѣ оказалось, что женскіе скиты были способнѣй усвоить такое хозяйство чѣмъ мужскіе. Въ женскихъ тзердо сохранялись и повиновеніе старшимъ, и подчиненіе разъ заведеннымъ порядкамъ, тогда какъ въ мужскихъ своеволіе и неподчиненіе артельнымъ уставамъ въ корень разрушали общинное устройство. По мѣрѣ того какъ женскія общежитія умножались и годъ отъ году пополнялись, ряды скитниковъ рѣдѣли, обители ихъ пустѣли, и если не переходили въ руки женщинъ, разрушались сами собою, безо всякаго вмѣшательства гражданской или духовной власти. Ко времени окончательнаго уничтоженія Керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ, въ 1853 году, не оставалось ни одного мужскаго скита.

Строенье въ этихъ обителяхъ не похоже было ни на городское, ни на деревенское. Обыкновенно пять-шесть большихъ бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣтахъ ставились одна вплоть къ другой, либо отдѣленныя одна отъ другихъ тесовыми холодными сѣнями. Строенія подъ одну кровлю, соединялись межъ собою сѣнями и крытыми переходами. Такое строенье называлось „стаей" и напоминало допетровскія городскія хоромы зажиточныхъ людей. Въ каждой стаѣ бывало по пяти, по шести, иногда до десяти теплыхъ горницъ, каждая съ перегородками чистой столярной работы, иногда ольховыми, иногда ясеневыми. Вокругъ по стѣнамъ каждой горницы стояли вдѣланныя въ стѣны широкія деревянныя лавки, но въ иныхъ покояхъ бывали и диваны, и кресла, и стулья краснаго дерева, обитые шерстяною или шелковою матеріей. Въ переднемъ углу каждой горницы поставлена была деревянная божница съ иконами и лампадами, подъ нею висѣла шелковая пелена съ крестами изъ позумента. Свѣтло, сухо, тепло было въ тѣхъ горницахъ, а чистота и опрятность такая, что развѣ только домамъ Голландіи можно было поспорить со скитскими кельями.

Двѣ, три, иногда до десяти стай съ разбросанными между ними избами обычной деревенской постройки, амбарами, погребами, житницами, съ стоявшими ѳдаль сараями, конюшнями, коннымъ и скотнымъ дворами, съ примыкавшими къ строенью огородами, съ однимъ или двумя кладбищами, обносились особою изгородью или пряслами изъ дрючковаго лѣса. Это составляло особую общину и называлось „обителью".

Во всѣхъ общежительныхъ женскихъ скитахъ хозяйство шло впереди духовныхъ подвиговъ. Правда, служба въ часовняхъ и моленныхъ отправлялась скитницами усердно и неупустительно, но она была только способомъ добыванія денежныхъ средствъ для хозяйства. Каждая скитская артель жила подаяніями богатыхъ старообрядцевъ, щедро даваемыми за то, чтобы „матери хорошенько молились".

Въ стѣнахъ общины каждый день, кромѣ праздниковъ, работа кипѣла съ утра до ночи. Пряли ленъ и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и бѣлоручными работами: ткали шелковые пояски, лѣстовки, вышивали по канвѣ шерстями, синелью и шолкомъ, шили золотомъ, искусно переписывали разныя тетради духовнаго содержанія, писали даже иконы. По никто на себя работать не смѣлъ, все поступало въ общину, и по назначенію настоятельницы, развозилось въ подарки и на благословеніе „благодѣтелямъ", а они сторицею за то отдаривали.

Главною распорядительницею работъ и всего обительскаго хозяйства была игуменья. Ей помогали: уставщица, по часовенной службѣ и по всему, что касалось религіозной части; казначея, у ней на рукахъ было обительское имущество, деньги и всякаго рода запасы кромѣ съѣстныхъ: тѣми завѣдывала мать-келарь, въ распоряженіи которой была келарня, т. е. поварня, столовая. Уставщица, казначея, келарь и еще три, четыре, иногда и больше, старшихъ матерей, называясь „соборными", составляли нѣчто въ родѣ совѣта настоятельницы, рѣшавшаго обительскія дѣла. При настоятельницѣ обыкновенно „ходила въ ключахъ" особая инокиня, завѣдывавшая частнымъ ея хозяйствомъ — ибо игуменьѣ дозволялось имѣть частную собственность. Мать-ключница обыкновенно вела обительскую переписку и имѣла не послѣднее мѣсто въ обительскомъ совѣтѣ— „соборѣ", какъ называли его. Иногда въ ключницахъ бывали и бѣлицы. Выборъ ключницы зависѣлъ отъ одной игуменьи.

Таково было внутреннее устройство скитской обители, одна изъ жительницъ коей, молодая бѣлица, изображена на прилагаемомъ рисункѣ М. Нестерова.

Лѣсное затишье. (Рис. на стр. 749).

Что за раздолье широкое лѣтомъ!
Все что таилось невѣдомо гдѣ,
Вызвано къ солнцу живительнымъ свѣтомъ.
Радость, движенье и звуки вездѣ...
Роща поетъ, наклоняяся гибко,
Вѣтви о чемъ то зашепчутся вдругъ...
Тамъ на водѣ расширяется кругъ—
Весело плещется рѣзвая рыбка.

*) Л. В. Позенъ -товарищъ прокурора при полтавскомъ окружномъ судѣ.

Слышите? скачетъ лѣсной водопадъ,
Ласточки съ радостнымъ крикомъ несутся,
Ржанье коня и блеяніе стадъ
Вечеромъ въ звучной дали раздаются...

А. Яхонтовъ.

Военный совѣтъ грачей. (Рис. на стр. 752).

Если вѣрить наблюденіямъ одного англійскаго орнитолога, которому принадлежитъ и прилагаемый рисунокъ, то у грачей есть своего рода военные суды, которые оканчиваются не менѣе быстрою расправой чѣмъ у людей. Однажды, разсказываетъ онъ, стая грачей, около полусотни птицъ, съ пронзительнымъ крикомъ опустилась на поле и затѣмъ образовала кругъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи бродили два молодые грача подъ надзоромъ стараго; ихъ вѣроятно по молодости не допустили на совѣтъ. На средину круга выступилъ одинъ грачъ, который расхаживалъ, гордо озираясь и поворачивая голову, какъ-бы выказывая свою храбрость и силу. Нагулявшись такимъ образомъ, онъ отошелъ отъ центра круга, а мѣсто его занялъ другой грачъ, который началъ громко кричать, какъ-бы произнося обвинительную рѣчь, и едва онъ кончилъ, какъ всѣ птицы напали на перваго грача и безъ всякаго милосердія заклевали его и очистили до костей. Расправясь такимъ образомъ, вся стая поднялась на воздухъ, не исключая и двухъ молодыхъ съ ихъ пѣстуномъ, и вскорѣ скрылась изъ глазъ.

Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ. Встрѣча германской эскадры.

(Рис. на стр. 753, 756 и 757).

Прилагаемъ рисунки къ подробному описанію прибытія германской эскадры, помѣщенному въ предшедшемъ № „Нивы“.

Диспозиція кораблей противъ Кронштадта.

Мининъ
Вѣстникъ
Пластунъ
Опричникъ
Герцогъ Единбургскій
Бѣлый бакенъ
Генералъ-Адмиралъ
Адмиралъ Чичаговъ
Адмиралъ Лазаревъ
Свѣтлана
Скобелевъ
Баянъ
Бояринъ
Манчжуръ
Лейтенантъ Ильинъ

Императоръ
Фридрихъ Великій
Байернъ
Баденъ
Красный бакенъ
Принцъ Адельбертъ
Гнейзенау

Мольтке
Штейнъ
Блицъ
Цитенъ

Фортъ Николай.

Америк. корветъ
Азія
Гогенцоллернъ
Держава
Царевна
Днѣпръ
Перунъ
Вѣщунъ
Затонувшее русское судно
Дождь
Буря
Снѣгъ
Славянка

Работникъ

Миноноски

Морской каналъ

Кронштадтъ

Большой рисунокъ на стр. 753, снятый съ натуры нашимъ художникомъ, изображаетъ линію русской эскадры за фортомъ „Николай“, салютующую яхтѣ „Гогенцоллернъ“, которая вступаетъ на Большой рейдъ.

Изъ малыхъ рисунковъ на стр. 756, верхній изображаетъ вступленіе яхты „Гогенцоллернъ“ на Малый рейдъ; на среднемъ видѣнъ катеръ, доставляющій императора Германскаго съ „Гогенцоллерна“ на императорскую яхту „Александрія“; третій изображаетъ Петергофскую пристань, къ которой прибыла „Александрія“ изъ Кронштадта вечеромъ 7 іюля.

Въ пятницу, 8 сего іюля, въ 10 часовъ утра, его величество императоръ Германскій выѣхалъ изъ Петергофа и сѣлъ на Императорскую яхту „Александрія“, которая пошла въ С.-Петербургъ. Когда яхта вошла въ Неву, императоръ пересѣлъ на катеръ и поѣхалъ къ Петропавловской крѣпости, гдѣ была нарочно устроена для него пристань. (см. рис. на стр. 757); въ сопровожденіи свиты вышелъ изъ катера и по помосту, устланному коврами, направился въ крѣпость. Отсюда по аллеѣ онъ перешелъ прямо въ Петропавловскій соборъ. Императоръ былъ въ общегенеральскомъ мундирѣ. При входѣ въ соборъ онъ поклонился гробницамъ и возложилъ вѣнокъ на гробъ въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Александровны. Принцъ Генрихъ, въ свою очередь, возложилъ вѣнокъ на гробницу въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича. Послѣ этого императоръ, пробывъ еще нѣсколько минутъ въ соборѣ, вышелъ изъ него чрезъ восточныя двери и направился въ зданіе, гдѣ хранятся старыя знамена.

Окончивъ осмотръ, на обратномъ пути къ пристани, Августѣйшій гость поздоровался съ батальономъ 91-го двинскаго пѣхотнаго полка, съ артиллерійской и мѣстной командами. Затѣмъ императоръ перешелъ на пристань и на яхтѣ „Александрія“ отправился въ Ораніенбаумъ, гдѣ посѣтилъ Ея Императорское Высочество Великую Княгиню Екатерину Михаиловну. Оттуда его величество императоръ Вильгельмъ отправился съ визитами къ Особамъ Императорской Фамиліи въ Михайловку, Знаменку, Сергіевку и Петергофъ. Вся набережная Невы въ Петербургѣ была сплошь покрыта массой народа, громкими кликами привѣтствовавшаго высокаго гостя. Окна и балконы домовъ были драпированы матеріями, дома украшены флагами.

Вечеромъ того же дня въ Красномъ-Селѣ состоялась заря съ церемоніей; на другой день парадъ войскамъ. Описаніе и рисунки этихъ торжествъ будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № *Нивы*.

Дуэль генерала Буланже съ Флоке.

(Рис. на стр. 757).

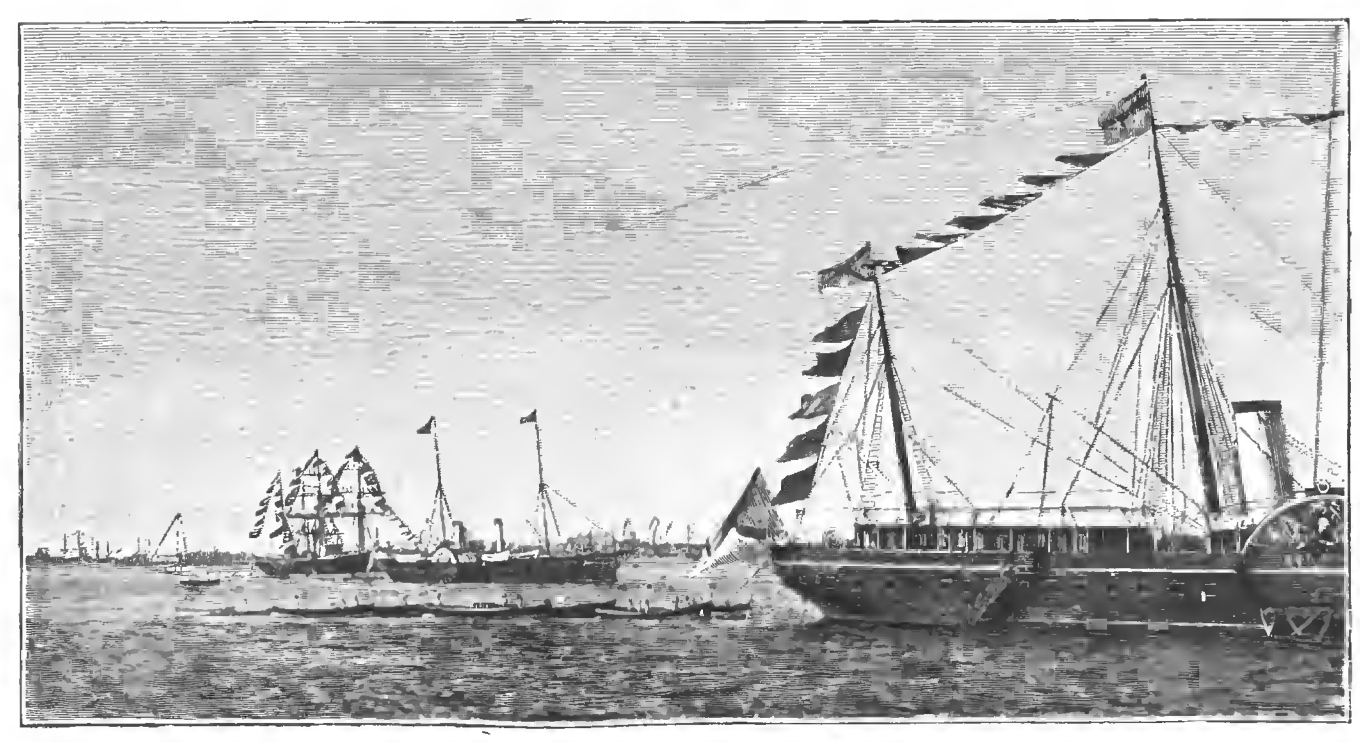
Въ прошломъ № нами было сообщено о бывшей 2 іюля дуэли перваго французскаго министра Флоке съ генераломъ Буланже, окончившейся пораженіемъ послѣдняго. Дуэль произошла изъ-за рѣзкихъ выраженій, употребленныхъ обоими противниками въ палатѣ депутатовъ, во время предложенія генерала Буланже распустить палату. На совѣщаніи секундантовъ было признано, что выраженія Буланже оскорбительнѣе выраженій Флоке, и по этой причинѣ послѣдній, какъ оскорбленный, въ правѣ выбрать оружіе. Министръ-президентъ выбралъ шпагу. Дуэль состоялась въ паркѣ имѣнія Дильона, одного изъ друзей Буланже, въ Нейли, послѣ 10 часовъ утра. Первымъ прибылъ на мѣсто Буланже. Флоке нѣсколько замѣшкалъ. Самая дуэль произошла такъ: когда секундантъ Буланже, Лезанъ, распорядитель дуэли, сказалъ: „сходитесь!“ Буланже устремился на Флоке. Генералъ горячился и нападалъ, Флоке хладнокровно парировалъ удары, наконецъ оба получили легкія царапины и разошлись. Но условія дуэли требовали раны, дѣлающей одного изъ противниковъ неспособнымъ продолжать дуэль. Поэтому противники сошлись снова. Буланже вновь былъ нападающею стороною. Онъ устремилъ шпагу въ грудь противника. Флоке ловко парировалъ ударъ и въ то же время поразилъ генерала въ шею, причемъ шпага проникла на глубину около вершка. Вечеромъ Буланже было такъ плохо, что усыпить его можно было лишь помощью морфія, но теперь генералъ поправляется.

Политическое обозрѣніе.

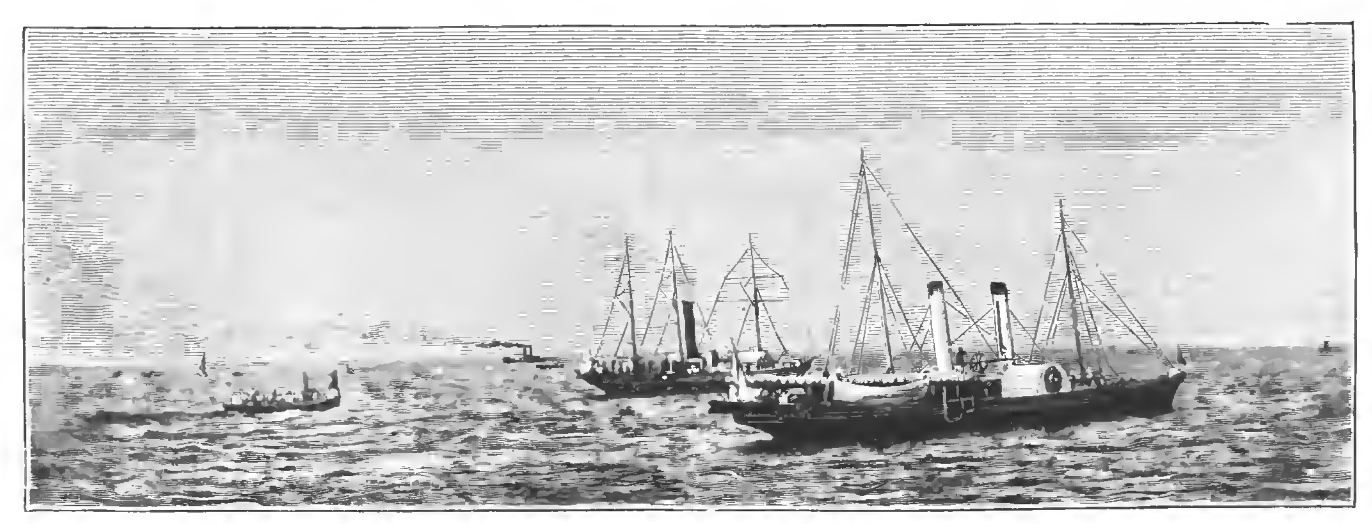
Императоръ Германскій Вильгельмъ II и его Августѣйшій братъ Генрихъ, въ сопровожденіи бывшей съ ними эскадры, отбыли изъ Кронштадта въ Швецію во вторникъ, 12 іюля, послѣ часу пополудни, пробывъ въ Россіи болѣе 5 сутокъ. Задушевный и въ то же время торжественный пріемъ, оказанный державному гостю, явно свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ, которыя питаетъ Россія. *Journal de St.-Pétersbourg*, описывая пребываніе высокаго гостя, особенно выставляетъ на видъ общее и глубокое впечатлѣніе, произведенное этимъ достопамятнымъ событіемъ, равно какъ полную гармонію между чувствами Императоровъ, встрѣтившихся при столь торжественныхъ обстоятельствахъ, и чувствами публики, стекавшейся безчисленными толпами для присутствованія на ихъ свиданіи. Эти обстоятельства, характеризуя въ особенности это свиданіе, придаютъ ему значеніе событія историческаго.

„Когда единеніе Монарховъ находитъ столь вѣрный отголосокъ въ чувствахъ народа, тогда можно съ увѣренностью уповать на эру дружескихъ отношеній, которыя, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что они являются вѣрнымъ залогомъ сохраненія мира, къ чему всѣ стремятся“.

Отмѣчая то обстоятельство, что предположенный отъѣздъ Германскаго императора былъ перенесенъ съ воскресенья на вторникъ, та же газета говоритъ: „Фактъ этотъ является лучшимъ доказательствомъ сердечныхъ отношеній, установившихся между членами Императорской Фамиліи и ихъ Августѣйшими гостями, вызвавшихъ съ обѣихъ сторонъ желаніе отсрочить часъ разлуки. Все, дѣйствительно, свидѣтельствуетъ о сердечности этихъ отношеній, и читатели наши согласятся съ нами, что это можетъ отразиться лишь благодѣтельнымъ образомъ на взаим-

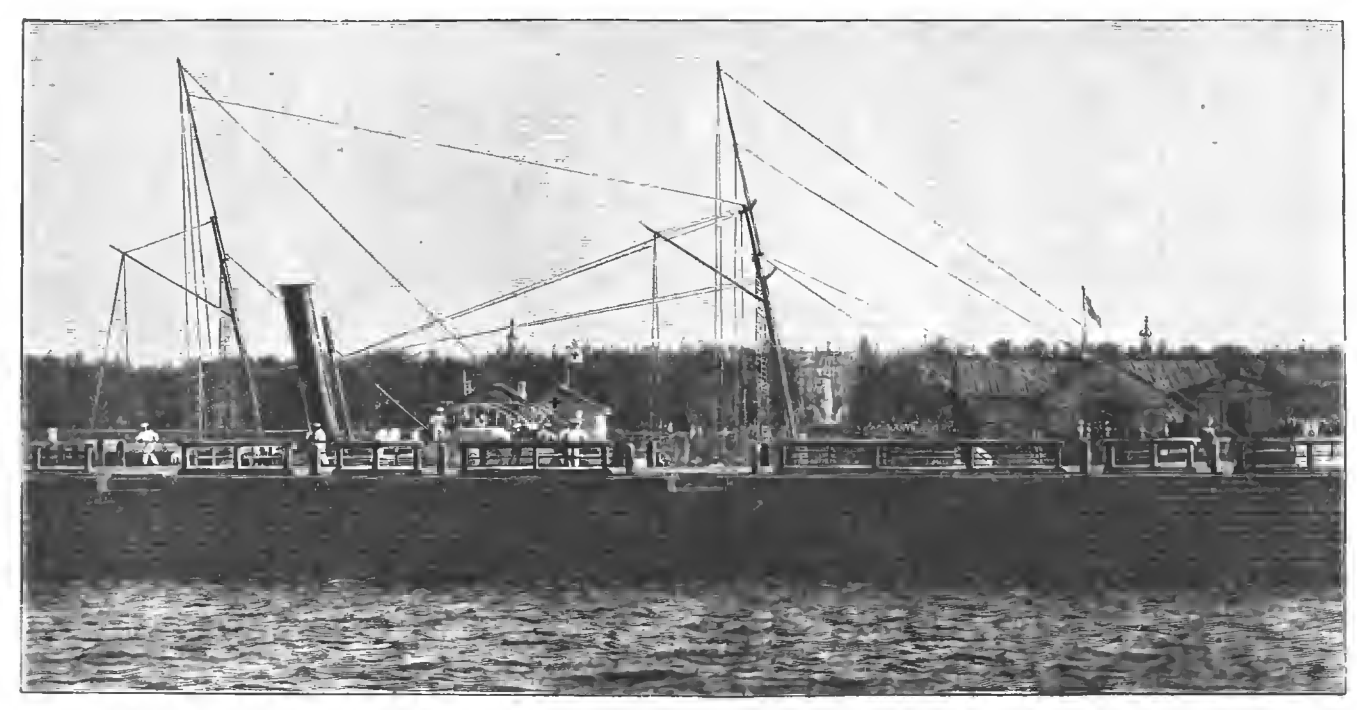

Прибытіе Германскаго императора въ Петербургъ. Яхта „Гогенцоллернъ" вступающая на малый рейдъ. Съ фотогр. П. Диго, грав. Шюблеръ.

Катеръ „Петергофъ". „Александрія". „Стрѣльна".

Прибытіе Германскаго императора въ Петербургъ. Катеръ „Петергофъ" съ Германскимъ императоромъ подходитъ къ яхтѣ „Александрія". Съ фотогр. П. Диго, грав. Шюблеръ.

Прибытіе Германскаго императора въ Петербургъ. Петергофская пристань. Съ фотогр. П. Диго, грав. Барановскій.

ныхъ отношеніяхъ обоихъ правительствъ и обоихъ народовъ".

По случаю отъѣзда Августѣйшихъ гостей изъ Кронштадта, мы находимъ въ той-же газетѣ слѣдующія строки:

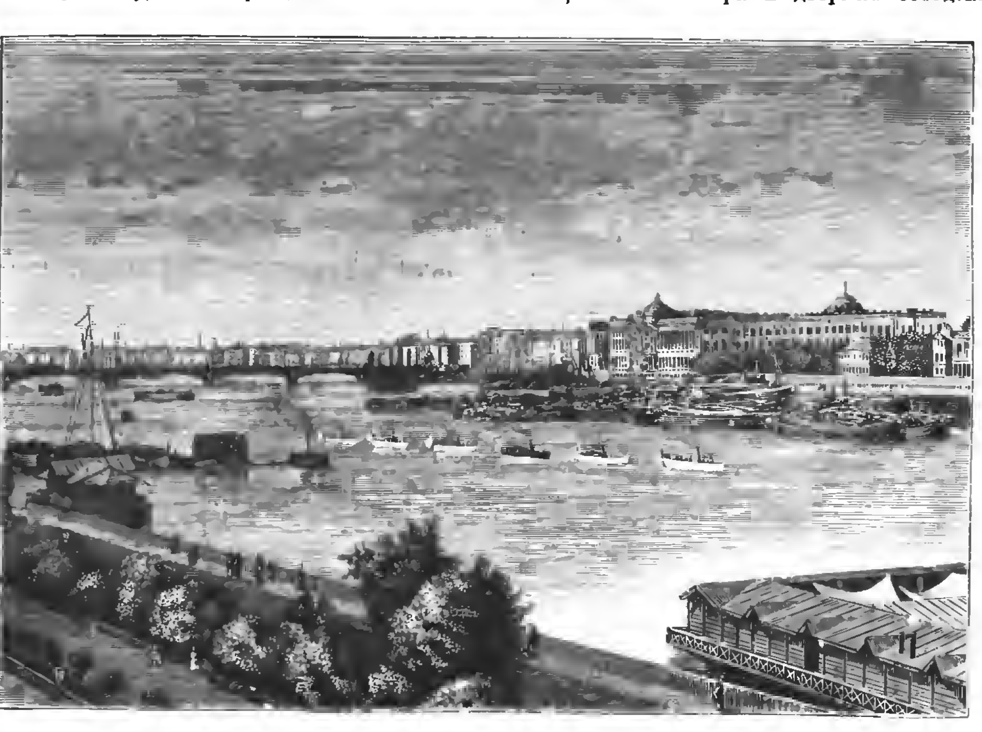
„Сердечностью, присущею торжественному свиданію Монарховъ, отличался и обмѣнъ послѣднихъ прощаній. Сердечность эта получила еще большую силу, благодаря доказательствамъ взаимныхъ симпатій, обнаружившимся во все время пребыванія императора Вильгельма среди нашей Августѣйшей Императорской Фамиліи.

„Мы не въ правѣ высказывать свое мнѣніе объ этой личной сторонѣ отношеній, которыя могли установиться благодаря длившемуся въ теченіе нѣсколькихъ дней, искреннему сближенію.

„Но мы считаемъ возможнымъ всетаки заявить, что, если доказательство дружественной вѣжливости, которое императоръ Вильгельмъ счелъ нужнымъ дать, совершивъ первое свое посѣщеніе въ Россію, было внушено желаніемъ установить съ самаго восшествія на престолъ свой такія основанныя на взаимномъ довѣріи отношенія, которыя могли бы упрочить дружественныя отношенія между обоими государствами и укрѣпить увѣренность въ европейскомъ мирѣ, — то цѣль эта теперь достигнута и притомъ на многіе годы.

„Мы не сомнѣваемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что всѣ народы не преминутъ отнестись сочувственно къ этой новой мощной гарантіи поддержанія всеобщаго мира".

Это значеніе совершившагося свиданія — какъ залога продолжительнаго мира — и отмѣчается, главнымъ образомъ, заграничными газетами, которыя, помѣщая подробные отчеты о разныхъ торжествахъ по случаю пребыванія Германскаго императора въ Россіи, — вообще довольно скудны и скупы въ своихъ сужденіяхъ относительно политическаго значенія совершившейся встрѣчи. Въ *National Zeitung*, однако, пишутъ: „Императоръ Вильгельмъ поѣздкою своею въ Петербургъ выполнилъ завѣтъ, которымъ, умирая, напутствовалъ его дѣдъ: „„Всегда сохранять расположеніе Россіи"". Императоръ явился теперь впервые за границею въ качествѣ правителя и качества его привлекли къ нему симпатіи Петербургскаго Двора и публики. Но главнѣйшимъ, быть можетъ, пунктомъ политическаго значенія свиданія слѣдуетъ считать то впечатлѣніе, которое самъ императоръ Вильгельмъ вынесъ изъ Петербурга по отношенію къ надежности русскихъ увѣреній въ миролюбіи. Если императоръ вернется съ убѣжденіемъ, что политика Россіи есть, безъ задней мысли, политика мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, то при взаимномъ довѣріи обоихъ могущественныхъ Монарховъ можно будетъ разрѣшить всѣ нынѣшніе спорные вопросы и тѣ европейскія недоразумѣнія, которыя могли бы случайно возникнуть".

Прибытіе Германскаго императора въ Петербургъ. Поѣздка императора въ Петропавловскій соборъ. Рис. А. Земцова, грав. Барановскій.

Бракоразводное дѣло Сербскаго короля продолжаетъ быть политическою злобою дня. Вопросъ о томъ, кто компетентенъ въ этомъ дѣлѣ, синодъ или консисторія, до сихъ поръ не разрѣшенъ окончательно. Происходитъ это главнымъ образомъ оттого, что синодъ заявляетъ о компетентности въ этомъ дѣлѣ консисторіи, король же консисторіи не довѣряетъ и требуетъ, чтобы дѣло рѣшено было синодомъ, члены котораго имъ назначаются и потому отъ него зависятъ. Пока тянутся эти разногласія, въ газетахъ уже появились извѣстія, сперва изъ Вѣны, а черезъ два дня и изъ Берлина, что король Миланъ, уступая оказаннымъ на него вліяніямъ, отказался отъ мысли о разводѣ съ супругою. Въ скоромъ времени онъ возобновитъ попытку заключить письменное соглашеніе съ королевой Наталіей. Нѣкоторую вѣроятность придаютъ этимъ слухамъ сообщенія изъ Бѣлграда, что въ правительственныхъ кружкахъ не вполнѣ вѣрятъ въ поддержку въ этомъ дѣлѣ высшаго духовенства. Оппозиція его разводу становится все болѣе явственною. Епископы хотятъ добиться отъ короля Милана повелѣнія, которое сняло бы съ нихъ отвѣтственность.

Дуэль генерала Буланже съ министромъ-президентомъ Флоке. По наброску Gr., грав. Флюгель.

Послѣ національныхъ іюльскихъ празднествъ въ Парижѣ, при наступленіи вакацій въ парламентской дѣятельности палаты и сената, президентъ республики отправился вновь въ путешествіе по Франціи, чего почти совсѣмъ не дѣлалъ его предшественникъ Греви. Повсюду встрѣчая самый блестящій и восторженный пріемъ, Карно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произнесъ рѣчи, въ которыхъ можно усмотрѣть указанія на образъ

дѣйствія французскаго правительства вообще и президента въ частности. Во время представленія президенту духовенства въ Греноблѣ, епископъ находившійся во главѣ представлявшихся, выразилъ уваженіе свое къ власти, которою облеченъ Карно. Президентъ отвѣчалъ, что нынѣшнее правительство есть правительство примиренія и оно уважаетъ законы. Президентъ выразилъ при этомъ увѣренность, что жители Гренобля не забудутъ этого и что тѣми же чувствами одушевлено и духовенство. На другой день, 9 іюля, на банкетѣ, Карно, отвѣчая на тостъ Перье, выставилъ на видъ преданность своихъ предковъ государству. „Нынѣ — присовокупилъ президентъ республики — населеніе не должно болѣе опасаться за свои права. Правительство съумѣетъ защитить эти права, если имъ станетъ угрожать какая-либо опасность. Армія есть самъ народъ, она проникнута сознаніемъ своей высокой задачи и съумѣетъ выполнить ее, если будетъ къ тому призвана. Вожди ея пользуются любовью арміи и довѣріемъ правительства, которое они, въ случаѣ надобности, сумѣютъ оправдать". Рѣчь свою Карно закончилъ тостомъ въ честь жителей Дофинe.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— 15 іюля, въ Петербургѣ торжественно, въ присутствіи Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Семейства, праздновалось 900-лѣтіе крещенія Русскаго народа. Подробное описаніе и рисунки будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № „Нивы".

— Въ Москвѣ, 15 іюля, весь городъ украсился флагами, войска выстроились шпалерами по пути слѣдованія крестныхъ ходовъ. Послѣ литургіи въ церкви Св. Владиміра и храмѣ Христа-Спасителя двинулись къ Успенскому собору крестные ходы. Музыка стоящихъ по пути полковъ играла „Коль славенъ", а знамена полковъ по мѣрѣ прохожденія примыкали къ процессіи. Въ Успенскомъ соборѣ по окончаніи литургіи было отслужено краткое молебствіе, затѣмъ общій крестный ходъ, по присоединеніи кремлевской святыни, направился двумя спусками съ кремлевской горы въ проходъ подъ Тайницкой башней къ Іордани, гдѣ было совершено водосвятіе.

— Въ Кіевѣ, 14 іюля, въ духовной академіи состоялся торжественный актъ, на которомъ присутствовали митрополиты: Кіевскій — Платонъ, Сербскій — Михаилъ и Черногорскій — Митрофанъ, двѣнадцать архіепископовъ и епископовъ, представители отъ разныхъ городовъ и обществъ и прибывшіе изъ славянскихъ земель гости. Читались адресы; въ числѣ ихъ получено отъ Кентерберійскаго архіепископа привѣтственное посланіе. 15 іюля торжественный крестный ходъ состоялся въ полномъ порядкѣ по назначенному церемоніалу.

— Въ Севастополѣ, 13 іюля, состоялось освященіе нижней части херсонскаго храма во имя Св. Князя Владиміра. 14 іюля, въ томъ-же храмѣ отслужена литургія, а по окончаніи оной — великая панихида по всѣмъ православнымъ христіанамъ, подвизавшимся въ распространеніи Православія.

— Въ Ташкентѣ, 12 іюля, освященъ новый величественный храмъ.

— Въ Тифлисѣ, по почину экзарха Грузіи, преосвященнаго Палладія, близъ церкви Св. Георгія строится часовня во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра.

Археологія и древности.

— Въ Кіевѣ, при дальнѣйшей очисткѣ отъ штукатурки столбовъ алтарной арки Святополкова храма, гдѣ недавно были открыты древнія фрески, оказалось, что входящіе углы ихъ покрыты не одними только орнаментами. На лицевой сторонѣ сѣверо-западнаго угла праваго столба, надъ колонками, связанными гордіевымъ узломъ, открыто фресковое изображеніе столпника, по грудь вошедшаго въ столпъ. Надписи при изображеніи не оказалось. На соотвѣтствующемъ мѣстѣ лѣваго алтарнаго столба (лицевая сторона юго-западнаго входящаго угла) найдено подобное же изображеніе. Эти фрески на-дняхъ будутъ совершенно очищены и упрочены. Раньше ихъ открытыя фрески: Богоматерь, архангелъ Гавріилъ, прор. Самуилъ и прор. Захарія уже окончательно приведены въ порядокъ. Онѣ совершенно очищены отъ позднѣйшихъ наслоеній и натерты составомъ изъ воску съ другими веществами, по рецепту проф. Прахова. Ихъ краски по расчисткѣ стали значительно ярче. На южной стѣнѣ храма, вблизи алтаря, подъ штукатуркою и корою масляной живописи („Сошествіе Св. Духа"), оказалось также древнее аль-фреско. Пока обнаружены три головы лошадей, или ословъ. Быть можетъ, на этой стѣнѣ скрывается большая картина поклоненія волхвовъ Младенцу-Спасителю; такая же фресковая картина на соотвѣтственномъ мѣстѣ въ Кирилловской церкви.

Некрологъ.

— Въ Кіевѣ, 15 іюля, въ 9 часовъ утра скоропостижно скончался отъ удара генералъ-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ. Согласно церемоніалу, главный крестный ходъ долженъ былъ слѣдовать изъ Софійскаго собора къ Днѣпру, гдѣ было назначено водосвятіе; на всемъ пути слѣдованія крестныхъ ходовъ были разставлены войска; генералъ-адъютантъ Дрентельнъ началъ объѣздъ съ частей, расположенныхъ у самаго берега Днѣпра. Осмотрѣвъ эти войска и подымаясь на гору близъ католическаго костела, поздоровавшись съ третьимъ Оренбургскимъ полкомъ, генералъ-адъютантъ Дрентельнъ внезапно упалъ съ лошади. Призванные врачи удостовѣрили смерть отъ удара. Погребеніе предполагается въ понедѣльникъ.

— 30 іюня, скончался въ Севастополѣ одинъ изъ участниковъ славной севастопольской обороны, адмиралъ Александръ Петровичъ Спицынъ.

Смѣсь.

Замѣчательное открытіе въ области гигіены. Послѣдній международный гигіеническій конгрессъ въ Вѣнѣ открытъ былъ достопамятными словами Австрійскаго кронпринца Рудольфа: „Человѣкъ — самый драгоцѣнный капиталъ государствъ и обществъ". Но „въ предѣлахъ земныхъ совершить все земное" человѣкъ можетъ только при условіи достиженія зрѣлаго возраста, когда онъ становится вполнѣ полезнымъ членомъ общества и государства. Между тѣмъ неблагопріятныя гигіеническія условія городской жизни сильно понижаютъ средній уровень длительности человѣческой жизни. Сколько даровитыхъ, выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ общественной жизни, науки и искусства погибаютъ, не достигнувъ разцвѣта своего таланта, не создавъ и десятой доли того, что они могли бы создать на пользу своей родины и всего человѣчества!..

Печальное явленіе это давно уже обратило на себя вниманіе нашего правительства. Составленная изъ лучшихъ представителей нашей медицины, правительственная коммисія дѣятельно занята обсужденіемъ мѣръ къ поднятію уровня длительности человѣческой жизни. Раціональное устройство канализаціи въ большихъ городахъ — одна изъ важнѣйшихъ проблемъ, рѣшить которыя призвана коммисія. Вниманіе ея въ настоящее время, какъ мы слышали, обращено на замѣчательное открытіе нашего русскаго техника, Ф. Сандерса, изобрѣвшаго путемъ многолѣтнихъ изысканій поразительно простую, дешевую и радикальную систему очистки городскихъ нечистотъ съ удаленіемъ ихъ не только изъ домовъ, но и какъ угодно далеко за черту города.

Въ минувшемъ октябрѣ система нашего даровитаго соотечественника была демонстрирована въ видѣ модели цѣлой улицы на гигіеническомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ и произвела тамъ большое впечатлѣніе. Изобрѣтатель ея удостоенъ почетнаго диплома отъ международнаго конгресса, прямо признавшаго систему нашего русскаго техника — благодѣяніемъ для человѣчества.

Несложная система Сандерса состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ трубъ, помѣщенныхъ подъ землею. Фановая труба проводитъ нечистоты въ выгребную яму, куда проходятъ труба водопровода и душъ, омывающій помѣщеніе по удаленіи содержимаго. Особый аппаратъ дѣйствуетъ, какъ пульверизаторъ. Стоитъ только открыть кранъ водопроводной трубы, и нечистоты, подъ давленіемъ воды, немедленно будутъ выброшены по трубѣ въ уличную канализацію. Когда яма опорожнится, что слышно по звуку, открываютъ на мгновеніе другой кранъ, проводящій воду въ металлическій душъ, причемъ вода, подъ напоромъ, обмываетъ стѣнки пустой выгребной ямы, вполнѣ очищая ее. Операцію эту достаточно производить разъ въ день. Трубы отдѣльныхъ домовъ соединяются подъ землей въ общую магистральную трубу съ сравнительно большимъ діаметромъ, по которой нечистоты выгоняются за черту города. Въ большихъ городахъ, на концѣ канализаціи, для ускоренія сплава, можетъ быть помѣщена пневматическая всасывающая станція или сифонъ. О дешевизнѣ системы свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что при благопріятныхъ условіяхъ почвы достаточно всего пяти ведеръ воды, чтобы выбросить сто ведеръ нечистотъ по системѣ Сандерса.

Многія изъ городскихъ думъ, въ томъ числѣ и столичныя, обратили уже вниманіе на изобрѣтеніе русскаго техника. Къ сожалѣнію, энергія и быстрота выполненія даже самыхъ неотложныхъ, настоятельныхъ задачъ далеко не составляютъ отличительныхъ достоинствъ нашего городскаго самоуправленія. Желательно было-бы поэтому, въ видахъ охраненія общественнаго здоровья отъ инфекціонныхъ болѣзней, чтобы починъ правительственной коммисіи былъ поддержанъ самимъ обществомъ въ лицѣ его лучшихъ представителей. Позволимъ себѣ, во всякомъ случаѣ, выразить надежду, что это замѣчательное русское изобрѣтеніе не постигнетъ судьба стольких нашихъ открытій, примѣненныхъ на Западѣ раньше, чѣмъ на родинѣ самого изобрѣтателя.

Опытъ новаго пассажирскаго поѣзда. Между Нью-Іоркомъ и Бостономъ ходятъ желѣзнодорожные поѣзда, освѣщаемые электричествомъ и нагрѣваемые паромъ отъ локомотива. Каждый вагонъ освѣщается восемнадцатью лампами съ накаленнымъ металломъ, пламя которыхъ питается скрытыми подъ поломъ вагона электрическими батареями. Свѣтъ и тепло одинаково хорошо держатся. Кромѣ того, увѣряютъ, будто эта система освѣщенія и отопленія, если не совсѣмъ исключаетъ, все-же значительно уменьшаетъ опасность пожара при несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ. (N).

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 41
(помѣщенной въ № 25).

А долженъ дать *X* бубну, а *B* и *Y* по пикѣ.—Первымъ ходитъ *X* и, вѣроятно, въ бубну; *B* заручается на туза и, отходивъ туза червей, два раза даетъ *А* укрыть на *туза* и *короля* козырей двѣ маленькія черви, заручившись во второй разъ на короля пикъ. Послѣ этого *А* козыряетъ съ десятки, которую *B* перекрываетъ и, отходивъ всѣхъ козырей, идетъ съ короля червей, на котораго у *Y* падаетъ дама; *B* продолжаетъ идти съ валета червей и *Y* сноситъ или валета пикъ или даму бубенъ; *А* (у котораго остались тузъ, десятка пикъ и валетъ бубенъ) сноситъ или валета или десятку, что зависитъ вполнѣ отъ сноса *Y*; дальнѣйшее понятно.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **СПБ.** — А. М. Глинкина, Ф. А. Панько-Максимовича, **Москва**—Л. Курляндъ, **Бѣла**—А. Шимкевича, **Вильно**—П. Р. Кравчукъ, **Воронежъ**—В. И. Друри, **Гапсаль**—А. Л. Вѣкшина, **Константиноградъ**—В. П. Виноградскаго, **Луга**—Маркевича, **Оренбургъ** — Л. Е. Игнатьева, **Одесса** — Влавдзевича, В. А., **Старица**—П. Рязанцева, **Шлиссельбургъ**—А. Н. Корженевскаго.

Рѣшеніе шахматной задачи № 43 (помѣщенной въ № 25).

Бѣлые.	Черные.
1) d 1 — c 1	1) a 4 — a 3
2) d 3 — c 2	2) d 5 — c 4
3) c 2—e 4 +.+	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — В. Талаевскаго, Поокъ, **Богатое** — Алфѣева, **Брянскъ** — В. Извѣкова, **Болховъ**—В. И. Кроткова, **Дисна**—М. Гиндина, Ф. Іоффе, Х. Розенфельдъ, **Курскъ**—Э. Спроге, **К. Подольскъ**—В. Мартыновскаго, **Красная-Луна**—А. П. Шульженко, **Ковно** — А. С. Г—скаго, **Кіевъ**—А. Охоцкаго, Болоховскаго, **Люботинъ**—Червушенко, **Николаевъ** — П. П—ской, **Одесса**—К. Матковскаго, **Петровское**—Стараго Инвалида, **Райгородъ**—Б. Л. Домерацкаго. **Рига** — А. Зубарева, **Старая Рязань**—В. Н. Кожина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 42 (помѣщенной въ № 25).

Бѣлыя.	Черныя.
1) f 4 — g 5	1) f 6 — h 4
2) h 6 — g 7	2) a 1 — h 8
3) e 1 — d 2	3) h 4 — c 3
4) g 1 — c 5	4) b 4 — d 6
5) b 8 — a 1	5) h 8 куда угодно.
6) a 1 — h 8	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— В. Шошина, Н. П. Мосалова, С. Т. Грибова, А. А. Носнѣева, Я. В. Васильева, Н. Р. Павкова, **Болховъ**—П. В. Павина, **Бѣлгородъ** — Ф. З. Мазуръ, **Вильно** — Я. Эпштейнъ, **Дисна**—С. А. Дубинкова, **Егорьевскъ**—Н. П. Матвѣева, **Исады** — В. Н. Кожина, **Одесса**—К. Мошковскаго, **Середа** — М. В. Лундышева, **Тифлисъ**—П. П. Баратова.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Лучшіе рекомендованные духи

№ 4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ

(Кельнская вода).

Лучшимъ доказательствомъ качества

№ 4711 О-ДЕ-КОЛОНА

служитъ, исключая имѣющихся первыхъ наградъ, полученіе въ Кельнѣ, мѣстѣ произведенія, въ 1875 г.

Единственной первой награды.

Обращаемъ въ особенности вниманіе на то, что во избѣжаніе смѣшенія съ другими, имѣющимися въ большомъ количествѣ въ продажѣ, подъ этимъ же названіемъ „Фарина"

№ 4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ

отнынѣ подъ этимъ названіемъ продаваться не будетъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЗНАКЪ НЕПОДДѢЛЬНОСТИ

№ 4711.

Получать можно во всѣхъ большихъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное депо у **АЛЕКС. ТИСЪ и Комп.** Пушкинская, № 4. Р. № 3290 2—1

ОТЪ ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗІИ С. Н. ФИШЕРЪ

(Москва, Остоженка, домъ Бутиковой).

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года выдержали **испытаніе зрѣлости** и получили аттестатъ двѣнадцать воспитанницъ (выпускъ X). П. 3287 3—1

Пріемъ ученицъ на слѣдующій учебный годъ—22 августа.

МЫЛО

провизора

А. М. ОСТРОУМОВА

противъ

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за **№ 3374.** М. № 3288 4—1

ДЛЯ ГЛУХИХЪ.

Лицо, избавившееся отъ глухоты, продолжавшейся 23 года, посредствомъ очень простаго средства, готово прислать описаніе его безплатно всѣмъ желающимъ. Адр.: Д-ръ Никольсонъ, 4, rue Drouot, Парижъ, (Франція). № 3285

„РУССКІЙ КЛУБЪ" и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3291 (1)

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна съ изящной литографир. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ, въ контору** журнала „**Нива**" (Невскій, 6).

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—9

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

страховомъ обществѣ „РОССІЯ"

на выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ для вдовъ и сиротъ,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 Января 1888 года въ Обществѣ „Россія" было застраховано **16,681 лицо на капиталъ въ 49.061,640 руб. Въ 1888 г. дивидендъ страхователей составляетъ 12%.**

Ближайшія подробности въ **брошюрахъ** Страховаго Общества „Россія", выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, **безплатно** Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентами Общества въ городахъ Имперіи.** № 3227 6—6

БАРОМЕТРЫ АНЕРОИДЪ.

Разныхъ сортовъ—хорошо вывѣренные.

Въ никелевой оправѣ. Цѣна 6 р. 50 к., съ перес. 7 руб.

Фабрика оптическихъ и др. инструментовъ

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenu de la Republ., 4.

Складъ для Россіи:

въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ баром., оптическихъ и фотографическихъ приборовъ высылается безплатно. Р. № 3276 2—2

НАСОСЫ

ДЛЯ ВСЯКИХЪ ЦѢЛЕЙ,

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ,

садовыя трубы,

ГАЗОНОКОСИЛКИ

по 23 р., 27 р., 31 р. и 35 р.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ

и

ОРУДІЯ

въ большомъ выборѣ предлагаетъ со склада

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я линія, домъ № 10, **Москва,** Мясницкая, домъ Виноградова. № 3258 4—4

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
наискось прежняго помѣщенія.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3250 5—4
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Ц. № 3078 (11)

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по **удешевл. цѣнамъ** въ 3½, 4, 5 и 8 руб. **со школой и нот.**, на которыхъ **самоучкой** въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **I. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный **прейсъ-курантъ** всѣмъ инструментамъ безплатно.

ВЪ РЕВЕЛЬСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ УЧИЛИЩЕ

Министерства Путей Сообщенія принимаются съ повѣрочнымъ экзаменомъ изъ математики и русскаго языка окончившіе курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ, уѣздныхъ или городскихъ (по положенію 1872 года) училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія или въ двухклассныхъ церковно-приходскихъ училищахъ. Пріемные экзамены съ 15 по 20 Августа. Прошенія на имя начальника училища принимаются до 15 Августа. Подробности чрезъ канцелярію училища. № 3286

Дозвол. цензур., СПБ., 20 іюля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. | № 31 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XI | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 30 іюля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ѳ. Н. Глинка.

„...Безъ слезъ оставилъ я съ досадой вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ, но голосъ твой мнѣ былъ отрадой, великодушный гражданинъ! Пускай судьба опредѣлила гоненья грозныя мнѣ вновь, пускай мнѣ дружба измѣнила, какъ измѣнила мнѣ любовь, — въ моемъ изгнаньи позабуду несправедливость ихъ обидъ: онѣ ничтожны, если буду тобой оправданъ, Аристидъ!“ Въ такихъ стихахъ обращается Пушкинъ къ Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, извѣстному поэту и герою Отечественной войны, со дня рожденія котораго нынѣ исполнилось сто лѣтъ. Великій поэтъ нашъ, питавшій истинно-дружескія чувства къ Глинкѣ, называетъ его „великодушнымъ гражданиномъ“ и „Аристидомъ“,—и эти названія какъ нельзя болѣе идутъ къ автору „Опытовъ священной поэзіи“ и „Писемъ русскаго офицера“, представлявшему собою прекрасную, благородную, возвышенную личность, даровитаго поэта и недюжиннаго литератора.

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (по поводу сотой годовщины его рожденія)
Съ современнаго портрета грав. Шюблеръ.

Пусть для нынѣшняго времени его произведенія устарѣли по языку, но, по глубинѣ содержанія, образности и гармоніи стиха, они всегда останутся прекрасными, и имя Глинки сохранится въ исторіи русской литературы, какъ писателя имѣвшаго свою долю вліянія на развитіе отечественнаго языка и отечественной мысли. Уцѣлѣютъ и въ памяти народной многія его стихотворенія, какова, напримѣръ, его „Тройка“. Ибо кто-же не знаетъ этой задушевной пѣсни, чисто русской по духу, содержанію и по формѣ? Бѣлинскій, находя поэтическое дарованіе Глинки одностороннимъ, тѣмъ не менѣе отдаетъ должное стихамъ этого необыкновенно искренняго поэта. „Вы знаете, говоритъ критикъ,— какъ *благоуханны* цвѣты его поэзіи, какъ *нравственно и свято* его художественное направленіе. это хоть кого обезоружитъ“. Д действительно, поэзія Глинки полна благородства, силы, энергіи, глубокаго чувства. По замѣчанію другаго критика, въ сти-

хотвореніяхъ этого поэта можно найти всѣ степени чувствованій души стремящейся отъ земнаго, начиная отъ восторга, смѣло возлетающаго къ небу, до покорности, смиренно вопіющей изъ праха,—а картины, встрѣчающіяся въ піесахъ Глинки, поражаютъ вѣрностью живописи и яркостью красокъ. Вообще характеръ поэзіи его — возвышенный и особенно ярко выступаетъ въ „Опытахъ священной поэзіи“ и „Опытахъ аллегорій“, въ которыхъ изображаются высокое назначеніе души, тлѣнность и суета настоящей жизни, упованіе на будущее, преимущества наслажденій внутреннихъ, духовныхъ. Въ тѣхъ и другихъ стихотвореніяхъ тогдашніе критики находили красоты первоклассныя, богатство образовъ и фантазіи. Но не однѣ только литературныя заслуги Глинки даютъ ему право на полное уваженіе и благодарность его соотечественниковъ. Глинка оказалъ весьма существенныя услуги родинѣ, какъ истинный патріотъ и замѣчательный гражданинъ, принимавшій участіе въ войнахъ 1805—1806 и 1812 годовъ и своими пожертвованіями и патріотическимъ воззваніемъ увлекшій цѣлыя массы на служеніе отечеству. Онъ извѣстенъ также и своею благотворительною дѣятельностью, въ которой сказалась его незлобивая, прекрасная душа, его истинная любовь къ человѣчеству. Глинка обладалъ умомъ глубокимъ, большою начитанностью и отличался наблюдательностью и прекраснымъ знаніемъ жизни. До самой глубокой старости онъ интересовался разными явленіями современной жизни и всѣми общественными и политическими вопросами, сохранивъ свѣжесть ума и чувствъ.

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, родной братъ не менѣе извѣстнаго Сергѣя Николаевича Глинки, родился въ 1788 году, въ Смоленской губерніи. По примѣру большинства дворянъ того времени, онъ былъ рано отданъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ получили воспитаніе и всѣ его братья и откуда онъ выпущенъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, съ чиномъ прапорщика, въ 1803 году. Чрезъ два года онъ сдѣлался адъютантомъ знаменитаго генерала Милорадовича и участвовалъ въ кампаніи 1805 и 1806 гг. противъ Наполеона въ австрійскихъ владѣніяхъ. По возвращеніи русскихъ войскъ на родину, Глинка вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ Смоленскомъ помѣстьѣ. Здѣсь онъ всецѣло отдался научной и литературной дѣятельности, начавъ ее стихотвореніями, преимущественно, духовнаго содержанія, которыя печатались въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, журналѣ его брата Сергѣя, и другихъ изданіяхъ, а также „Письмами русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ описаніемъ похода 1805—1806 годовъ“. Послѣдняя книга была издана въ 1808 году, когда автору ея исполнилось всего девятнадцать лѣтъ, обратила на себя вниманіе интересомъ своего содержанія и какъ произведеніе свѣжее, юношеское, въ которомъ авторъ съ милой наивностью говоритъ, между прочимъ, что онъ „шесть мѣсяцевъ скитался по свѣту и девятнадцати лѣтъ отъ роду имѣлъ уже много случаевъ *познать свѣтъ и людей*“. Вѣроятно съ той-же цѣлью „познанія свѣта“, молодой помѣщикъ, наскучивъ однообразною деревенскою жизнью, предпринялъ небольшое путешествіе по Россіи, побывалъ въ Кіевѣ и на Волгѣ и употребилъ на это около двухъ лѣтъ. Вскорѣ, однако, эта мирная жизнь Глинки была нарушена: начался Двѣнадцатый годъ, Наполеонъ двинулъ свои войска на Россію, и полчища непріятеля подступали къ помѣстью молодаго писателя. Онъ тотчасъ присоединился къ арміи въ качествѣ добровольца, дошелъ съ нею до Тарутина, гдѣ опять поступилъ въ офицеры и снова сдѣлался адъютантомъ Милорадовича, оставаясь въ этомъ званіи до окончанія кампаніи. Вскорѣ послѣ того онъ издалъ „Письма русскаго офицера“ о событіяхъ отечественной и заграничной войны, составившія какъ бы продолженіе прежнихъ писемъ и впослѣдствіи переведенныя, въ извлеченіи, на французскій языкъ, братомъ автора, Сергѣемъ Глинкою. Въ 1815 году Ѳедоръ Николаевичъ перевелся въ гвардію и еще усерднѣе сталъ заниматься литературой. Онъ издалъ: „Плутархъ для молодыхъ дѣвицъ“ (1816), „Письма къ другу“ (1816—1817), „Лука да Марья. Народная повѣсть“ (1818), „Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ графа Милорадовича“ (1818), „Гимнъ величію и всемогуществу Божію“ (1818), „Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ“ (1819), „Зиновій Богданъ Хмѣльницкій“ (1819), „Мечтанія на берегахъ Волги“ (1821) и друг. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1818 по 1819 включительно, онъ дѣятельно сотрудничалъ въ *Военномъ журналѣ*, составивъ и самую программу его („Краткое начертаніе Военнаго Журнала“. Спб. 1817). Съ 1819 года Глинка оставилъ военную службу и поступилъ правителемъ канцеляріи къ петербургскому генералъ-губернатору графу Милорадовичу, бывшему своему начальнику. Когда въ 1816 году учредилось „Вольное Общество Любителей Россійской Словесности“, Глинка былъ избранъ его вице-предсѣдателемъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ. Около этого времени онъ сдѣлался членомъ масонской ложи „Избраннаго Михаила“, къ которой принадлежали: Гречъ, Кошанскій, проф. К. Арсеньевъ, Рафаилъ Зотовъ, баснописецъ Измайловъ, Кюхельбекеръ, Николай Бестужевъ и другіе. „Управляющимъ мастеромъ“ былъ графъ Ѳ. П. Толстой, а Глинка занималъ постъ „намѣстника мастера“. Онъ написалъ много масонскихъ стиховъ и пѣсенъ и издалъ книжку „Единому отъ всѣхъ“; ему же принадлежитъ и извѣстный въ свое время „Гимнъ торжествующихъ“. Въ числѣ членовъ этой ложи были также и лица, компрометированныя впослѣдствіи участіемъ въ декабрскихъ событіяхъ 1825 г.; дружа съ ними и съ другими имъ подобными, Глинка навлекъ на себя подозрѣніе въ принадлежности къ Сѣверному Обществу и въ 1826 году былъ сосланъ въ Петрозаводскъ. Однако невинность его вскорѣ была доказана, и ему позволили вернуться въ его смоленское имѣніе, а потомъ снова поступить на службу. Въ самый годъ ссылки Глинка издалъ свои „Опыты священной поэзіи“ и „Опыты аллегорій“. Въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ переведенъ на службу въ Тверь и здѣсь женился на Авдотьѣ Павловнѣ Голенищевой-Кутузовой, получившей потомъ извѣстность въ литературномъ мірѣ благодаря прекраснымъ переводамъ изъ Шиллера и Гёте. Изъ Твери Глинку перевели старшимъ совѣтникомъ въ Орловское губернское правленіе, гдѣ онъ прослужилъ, сравнительно, недолго, и въ 1835 году окончательно вышелъ въ отставку. Пріобрѣтя домикъ въ Москвѣ, онъ поселился въ немъ съ женою и устраивалъ у себя литературно-музыкальные вечера, на которые съѣзжались едва-ли не всѣ писатели, мыслители и артисты того времени. Стихи Глинки продолжали печататься въ *Сынѣ Отечества*, *Соревнователѣ*, *Библ. для чтенія*, *Современникѣ* Плетнева и разныхъ другихъ журналахъ и альманахахъ. Въ *Современникѣ* появилось, между прочимъ, его задушевное стихотвореніе „Ангелъ“, къ которому Бѣлинскій отнесся съ большими похвалами. Еще болѣе расхвалилъ онъ книгу Глинки „Очерки Бородинской битвы“, посвятивъ ей большую статью, возбудившую потомъ столько разсужденій и кривыхъ толкованій и поссорившую критика съ его нѣкоторыми друзьями. Кромѣ этой книги, Глинка издалъ еще въ 1830—1839 гг. „Карелія или заточеніе Марѳы Іоанновны Романовой“, „Воспоминанія о піитической жизни Пушкина“, „О древностяхъ въ Тверской Кареліи“ — плодъ его раскопокъ и археологическихъ изысканій въ этой мѣстности, „Духовныя стихотворенія“. Затѣмъ съ 1839 года онъ смолкъ почти на двадцать лѣтъ, очень рѣдко появляясь въ печати. Только въ 1859 году онъ снова напомнилъ о себѣ, издавъ книгу „Іовъ, свободное подражаніе книгѣ Іова“, а черезъ два года выпустилъ поэму „Таинственная капля“, напечатанную въ Берлинѣ, которая могла появиться въ Россіи лишь спустя десять лѣтъ. Послѣдніе годы Глинка провелъ въ Твери, куда переселился вскорѣ по смерти своей жены, скончавшейся въ 1863 году. Онъ много сдѣлалъ добра для города, и его выбрали, въ благодарность, земскимъ гласнымъ, не смотря на его совсѣмъ преклонный возрастъ. Ѳедоръ Николаевичъ Глинка скончался 11 февраля 1880 года. Не задолго до смерти онъ откликнулся своимъ чуткимъ сердцемъ на прискорбныя событія анархическаго характера — написавъ прочувствованные стихи, доказывающіе всю ясность ума, не покидавшую поэта до послѣднихъ его минутъ.

П. Б—овъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

Въ то же послѣобѣдье Мордка съ Ондреюшкомъ къ судьѣ пришли, и на Пашка въ грабежѣ челомъ ударили. Лазарь Евфимовичъ далъ имъ два дня сроку на судъ стать, а къ Пашку, на судъ его звать, подвойскаго своего послалъ.

Подвойскій, придя къ Пашку, оповѣстилъ его, чтобъ въ судъ шелъ.

— А пошто я туды пойду-то? Пашко сказалъ. — Аль у меня во дворѣ своего дѣла нѣтъ?

— А въ грабежномъ дѣлѣ, слышь, на тебя послушествуютъ.

— Это кто-жь, я грабилъ, что-ль? вскинулся Пашко на подвойскаго.

— А послухи скажутъ какъ быдто и ты, уклончиво отвѣчалъ подвойскій.

— Такъ ты судьѣ скажи, что на таковъ его судъ лестный а Пашко молъ не-пойде. А и не-пойду, вотъ же крестъ тебѣ, что не-пойду! крестясь Пашко кричалъ.

— А и что-й же ты, Иваньковичъ, на меня-то шумишь? покойно и вѣжливо отвѣчалъ подвойскій.— Дѣло мое подневольное, не-свое я тобѣ сказываю, а отъ судьи повелѣнное. Я тебя оповѣстилъ, а срока тебѣ на судъ стать два дни, а не станешь на судъ, йно биричи тебя брать придутъ, а силомъ на судъ поставятъ же.

— А я и биричей твоихъ во дворъ не пущу, а не то и псы ихъ потравлю! разсвирѣпѣлъ Пашко.

— А мнѣ бы было тебѣ оповѣщено, а воля у тебя своя живѐ, подвойскій сказалъ.

У Лазаря, какъ онъ узналъ о Пашковой ярости, правый глазъ заморгалъ самымъ усерднымъ образомъ, а уста, опушенные рѣденькой, какъ у кота, бородкой, усмѣхнулися. Нельзя сказать, чтобы судейская улыбка была красива; выходило, какъ будто котъ вздумалъ смѣяться. Улыбался же судья съ радости что Пашко много шумѣлъ и кричалъ на подвойскаго: „такого молъ подвести не трудно“.

Пашко̀, выкричась на подвойскаго, и думать о судѣ забылъ. Въ срокъ на судъ стать и въ голову ему не приходило. Увидѣвъ биричей во дворѣ — двое ихъ за нимъ было послано — Пашко вспомнилъ свой прежній гнѣвъ и сталъ шумѣть на нихъ.

— А слышь-ко, Иваньковичъ, посовѣтовалъ ему знакомый биричъ,— а добромъ лучше пойди: и намъ силòмъ тебя тащить не охвота, а и платье още разорвешь. А Лазарь Евфимовичъ своего уличанина не выдастъ, а этимъ брыканьицемъ своимъ неподобнымъ, самъ же себя ставишь въ виноватые.

— Ладно ужь, усмирясь отъ совѣта, сказалъ Пашко,— только окручусь-вотъ, съ вами же и пойду.

Идя пріодѣться, Пашко позвалъ своего подручнаго Офонасьюшка. и наказывалъ ему, чтобъ сбѣгалъ во всѣ дворы сосѣдскіе, оповѣстить шабровъ, что его, Пашка, въ судъ повели, а шли бы ребята выручать.

Въ уличанской гридницѣ, въ обширной палатѣ каменной, за столомъ, въ красномъ углу, тѣмъ временемъ судья сѣлъ, Лазарь Евфимовичъ. Неподалеку былъ поставленъ другой столъ для дьяка судейскаго, только дьяка нынче почему-то въ судѣ не случилося. На лавкѣ, близь судейскаго стола, двое докладчиковъ [1]) сидѣло. Они, ровно съ просонья, позѣвывали, и ждали суда за тѣмъ только, чтобъ подъ шумокъ заснуть. Въ другомъ углѣ еще столъ стоялъ, и за нимъ сидѣлъ уличанскій староста Дмитръ Яковлевичъ. Онъ зашелъ въ гридницу по своему дѣлу, и дожидая нужнаго себѣ человѣка, отъ нечего дѣлать, выводилъ въ раздумьи пальцами узоры на пыльномъ столѣ. Вокругъ, по всѣмъ стѣнамъ, гридница была изнаряжена лавками; стѣны отъ спинъ всюду были засалены: за годъ этакъ-то ихъ вывозили, что гдѣ краска была, и званья ея не осталося. На полу пыли и грязи изрядно было натаскано. На полъ глядя, Лазарь Евфимовичъ каждое утро приговаривалъ: „а хоть и не скреби [2]), а и не паши его“; на что̀ сторожъ палатный всегда охотно и радостно отвѣчалъ: „истинно, вѣникамъ переводъ“.

Какъ ввели Пашка̀, судья тотчасъ велѣлъ попа звать, и крестъ на Судной грамотѣ цѣловалъ, чтобъ судить ему судъ въ правду. Затѣмъ велѣлъ и истцамъ крестъ цѣловать, чтобъ искать имъ суда въ правду. Только всѣ крестъ отцѣловали, какъ Славковскіе уличана, поднятые Офонюшкой, ввалились гурьбой въ гридницу.

Судья сердито на нихъ очи вскинулъ.

— А вамъ чего ощё тутъ надобно? крикнулъ онъ.

— А суда твоего слушать пришли... Ощё поглядимъ въ правду-ль судить-то будешь...

— Крестъ у меня въ томъ цѣлованъ чтобъ въ правду судить мнѣ судъ, а вы, слышьте-ко, памятуйте что на̀водки [1]) истцу на истца, а и на судей не наводити...

— А пошто намъ на̀водку-тъ на̀водить? степенно Василей сермяжникъ сказалъ.—А Судну грамоту Новьгородьску чли же мы, Лазарь Евфимовичъ, а своего уличанина намъ топить нѐ-почто. А знаемъ вѣдь что съ него за на̀водку, съ молодшаго человѣка, десять рублей возьмутъ, а будь онъ бояриномъ, въ пятидесяти рубляхъ его испродали-бъ.

— Ишь ты, подивился судья,— а гляньте-кось, грамотей какой ощё выискался. А тебѣ судьей бы сидѣть!

— А слышь-ко, Лазарь Евфимовичъ, только что молодшихъ въ судьи сажать не повелось, а то не плоше бы твоего судилъ.

Уличана разсмѣялися.

— А слышьте-ко, коль суда вы слушать пришли, а сидя-ли, стоя-ли, только смирнехонько слушайте, а языкъ за зубами придерживайте, а и глотки вамъ тоже драть нечего.

— А смирнехонько же станемъ сидѣть, отвѣтилъ за всѣхъ Василей сермяжникъ.

Какъ уличана, кто стоя, кто сидя размѣстилися, и стала въ палатѣ тишина, Лазарь Евфимовичъ, напередъ строго всѣхъ оглядѣвъ, началъ судъ судить.

— А ну-т-ко-сь, Иваньковичъ, отвѣтъ держи, сказалъ онъ. — А намедни ты, а ужь подъ-вечеръ, въ Микитьской было улицѣ, не ходилъ ли ты, а не гулялъ ли по проулченку, куда выходитъ садо-тъ Арбузьевскій?

— А ходилъ же, съ полной откровенностью Пашко̀ сказалъ.

— А топора у тебя при томъ за-поясъ заткнуто не было?

— А былъ же и топоръ, былъ, опять утвердительно Пашко отвѣчалъ.

Дѣйствительно, Пашко̀ не разъ хаживалъ по тому проулку въ сумерки, съ мыслью: не окажется-ли Маврушенька въ саду. А топоръ онъ бралъ съ собой на всякій случай. Буянъ соглядѣлъ его, но его не трогалъ и никому иро то не говорилъ, вѣрно разсчитывая что теперь, какъ Маврушенька была увезена въ подгородную волость, пусть молъ Пашко̀ думаетъ что она во дворѣ живетъ. Оттого Буяну и въ мысль пришло судить Пашка̀ въ грабежѣ.

— Ладно же, судья сказалъ. — А вотъ дьякъ и запише... Эка бѣда-то моя, дьяко-тъ у меня загулялъ сегодни... А слышь-ко, Микула, а Ѳедоровичъ! закричалъ онъ одному изъ докладчиковъ,— а полно-ко дремать тебѣ, а дома ужо̀ выспишься, а пунь-ко въ дьяково мѣсто побудь, а судъ запиши.

Скликнутый докладчикъ, съ неудовольствіемъ пробудясь отъ дремы, лѣниво протеръ глаза. И досадно же ему стало что судья разбудилъ его, а не другаго докладчика, а потому, вставая съ лавки, онъ толкнулъ подъ локотокъ своего товарища: „слушай молъ и ты.“

— Что̀ писать-то? промычалъ Микула Ѳедоровичъ, садясь за дьячій столъ.

— А пиши вотъ, что Пашко-тъ на судѣ сказывалъ, что онъ мимо Арбузьевска сада по проулченошку въ сумерички хаживалъ, а топоръ у него въ тѣ поры запоясъ заткнутъ былъ.

И судья сталъ подъ столомъ себѣ руки потирать: „Словили молъ гуся.“

— А написалъ, такъ учти-ко, сказалъ судья докладчику.

Докладчикъ прочелъ.

— А ты, обратился къ Пашку̀ судья, — подъ писаньемъ крестъ ставь, аль имячко свое подписывай, коль грамотный.

Пашко крестъ ставилъ.

[1]) Докладчики — родъ засѣдателей. Они избирались изъ бояръ и житьихъ, и докладывали важныя дѣла, замѣняя иногда судей.

[2]) Скрести — мыть мочалой съ пескомъ.

[1]) На̀водка — приходъ толпою въ судъ чтобъ помѣшать сторонѣ говорить, или судьѣ постановить рѣшеніе. Явленіе обычное въ послѣдніе годы новогородской самостоятельности.

Въ камышахъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Гиго Габаева, грав. Ю. Шюблеръ.

Касса ссудъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **Б. Жебровскаго.** грав. Ю. Барановскій.

— А ладнёхонько, судья сказалъ. — А теперечь-ко послуховъ станемъ спрашивати. А подвинь-ко-ся сюды, сказалъ онъ Мордкѣ. — А ты себя Микитьскимъ уличаниномъ, кажись, сказываешь?

Мордка, быстро поведя по сторонамъ глазами, словно опасаясь что ему кто-нибудь дастъ съ боку затрещину, прихрамывая на правую ногу, подошелъ къ столу.

— А на имячько-то какъ? судья спросилъ.

— А Мордка, Өедотъ ощё, Трофимовичъ.

— Такъ мы тебя Мордушкой, Өедотушко, и запишемъ, ласково судья сказалъ.—А что жь ты на Иваньковича-то послушествуешь?

— А что грабилъ онъ меня...

— Тебя-то? Пашкó спросилъ.

— А и послухъ у меня вѣдь è. Вотъ онъ, Ондреюшко.

— А оба врутъ, обратился Пашкò къ судьѣ.

— А ты дай-ко имъ на-перво опослушествовать, а тамъ ужь и уличай ихъ, увѣщательно посовѣтовалъ судья.

— А пошто мнѣ слушать-то ихъ, коли они оба врутъ? съ задоромъ Пашко вскричалъ.

— А ты слушай-ко, началъ было опять судья, но Пашко не далъ ему говорить.

— А что̀ слушать, коли врутъ они? А ты мнѣ-ко, Лазарь Евфимовичъ, поле давай съ нимъ, а ощё кому Господь поможе...

— Ой, да стой ты, Пашкò, а не ярься столь, вступился Василей сермяжникъ, подходя къ столу. — А ставь-ко лучьше меня за себя отвѣтчикомъ [1]).

— А ты откуль ощё выскочилъ? спросилъ судья самозваннаго отвѣтчика.

— А коли жь онъ меня за себя отвѣтчикомъ ставилъ.

— Да я-то про то ставленье не слыхалъ ощё, надбавляя голоса, судья вскричалъ.

— А сейчасъ-ко, Лазарь Евфимовичъ, услышишь, вѣжливо отвѣчалъ сермяжникъ. — А сказывай, Пашкó, что ставишь меня отвѣтчикомъ; не то своей яровитостью весь судъ на себя взведешь.

— А ставлю ужь, подумавъ Пашко сказалъ судьѣ.

— Что̀ ставишь-то?

— А Василья же вотъ за себя отвѣтчикомъ, сказалъ Пашко, недовольный непонятливостью судьи.

— А ладно ужь, съ досады махнувъ рукой, отвѣчалъ судья. — А слышь-ко, а Микула, а Өедоровичъ! опять ты задремалъ никакъ... Эка мнѣ бѣда-то съ дьякомъ-то! Пятый день съ именинъ пьетъ...

Уличана захохотали.

— А пиши же про отвѣтчика, осердясь на смѣхъ, съ досадой крикнулъ Лазарь на докладчика. — А ты Пашкò, куды жь пошелъ? Крестъ подъ писаньемъ станови.

— А ставилъ ужь.

— Подъ новымъ писаньемъ ощё ставь.

Пашко поставилъ крестъ.

— Такъ-то ладнѣй, Василей Пашку сказалъ. — А то, ишь ты, кричишь тожь: „а поле давай.“ Анъ на-поле не пойде онъ, Мордка-то, а хромымъ скажется. А тутъ за него Арбузьевъ наймыта наймуетъ а здоровеннаго.

— А и то, съ роду же я хромъ, оповѣстилъ Мордка судью.

— Какъ же ты съ роду охромѣть-то смогъ, Губанъ крикнулъ,—коли лóнись [2]) ты не хромалъ ощё.

— А это нáводка ужь чистая! всплеснувъ руками возопилъ Лазарь. — А и судить такъ нельзя; хоть ты, Василей, коль въ отвѣтчики сталъ, такъ шабровъ-бы своихъ нóунялъ.

— А, слышь, не галди, господó, а и самъ я вѣдь Пашка оправлю же, сказалъ Василей своимъ уличанамъ, и судьѣ:—А что̀ Арбузьевъ, Лазарь Евфимовичъ, Мордку подучалъ, такъ это мое слово тоже нелестное.

— Какой Арбузьевъ еще?

— А другъ же онъ тебѣ, Василей-то Селифонтьевичъ, а третьёго же дни у тебя былъ.

— А гнѣдá коня я у него покупалъ, потому вѣдь и былъ онъ у меня, литки чтобъ пить.

— А покупалъ ты, аль дарилъ онъ тебя тѣмъ конемъ, тó Богъ вѣсть, простодушно замѣтилъ Василей.

— А ты судьи-то не лай, а и думать о томъ закайся. А ощё поклепъ ты на меня взводишь, что быдто я посулъ съ Арбузьева взялъ, такъ за эти рѣчи твои неумныя, самого вѣдь я тебя на судъ поставлю, а передъ тысяцкимъ, аль предъ посадникомъ ощё. А на коня-тъ у меня и купча крѣпость писана, съ острасткой сказалъ Лазарь и поглядѣлъ на сермяжника, чтобъ убѣдиться подѣйствовала-ли на него острастка.

Василей подумалъ, что сейчасъ онъ Пашка за ярость не одобрялъ, а самъ, да еще за другаго отвѣчая, не умно же говорилъ, а потому рѣшилъ острастку ни словомъ не оговаривать. Лазарь, видя что острастка его дѣйствуетъ, преложилъ гнѣвъ на милость и сталъ мягонько стелить.

— А острастушка моя, Васильюшко, теперь кончена, а ты и забудь-ко о ней. А только на одно вотъ отвѣтъ держи: Арбузьевъ-то дворъ въ коей улицѣ?

— А въ Микитьской вѣдь.

— А коль въ Микитьской, такъ подучалъ онъ ихъ (тутъ судья пальцемъ показалъ на послуховъ), аль нѣтъ, не мнѣ судить о томъ. А хошь ты о томъ съ Арбузьевымъ тягатися, ино въ Микитьской улицѣ свой судья сидитъ, а ты тому судьѣ уличанскому на него и жалобу клади. А не то хоть къ посаднику иди, аль домогайся, какъ самъ знашь. А мнѣ-ко Арбузьевымъ суда не путай, да и самъ тѣмъ не путайся. Лучьше-ко, Васильюшко, послуховъ слушай. А нут-ко-сь, Мордушко, послушествуй.

— А я, сколь ты меня, Лазарь Евфимовичъ, ни спрашивай, одно я тебѣ буду сказывать. Вишь, у Арбузьева въ саду, у тына у самаго, байня она, аль ледникъ онъ, стоитъ, только въ проулченушко брюхомъ оно повыкатилось. И, знашь, Лазарь Евфимовичъ, я изъ-за брюха-то этого выхожу, и тутъ и онъ сейчасъ, Пашко, на стрѣчу мнѣ. А грабить ощё хотѣлъ.

— Что-жь онъ у тебя грабить-то хотѣлъ? спросилъ Василей отвѣтчикъ.

— А знамо что̀ грабятъ-то.

— А доподлинно то что̀-жь?

— А чего присталъ-то, огрызнулся Мордка.—Знамо мошну, не онучи же дырявы.

— А въ мошну-тъ у тебя деньги были-ль оце кладены?

— Аль ты ее у меня изъ-за голенища вытаскивалъ да доглядывалъ что пуста она?

— Аль ты ее всегда въ голенище кладешь?

— Коли же нѣтъ.

— А ну-т-кось вытаскивай ее теперь, мошну-ту; кажи: много-ль у тебя денегъ-те. Ощё стоило-ль и грабить-то тебя?

Мордка, не смутясь, засунулъ руку сперва за правое, потомъ за лѣвое голенище, будто ища мошны; затѣмъ съ тою же цѣлью ощупалъ оба голенища сверху донизу.

— Охъ, и бѣсъ же дери! сказалъ онъ. — А нòвы-те сапоги нунь обуваючи, забылъ, знать, мошну на лавкѣ въ избѣ.

— А тогды-то въ старыхъ же сапогахъ, знать, ты былъ?

— А въ старыхъ-же, не подумавъ Мордка брякнулъ.

— А коль стары сапоги, а дырявы ощё у тебя на ногахъ обуты были, на что̀ жь Пашку-то было зариться, чтобъ грабить-то?

[1]) Отвѣтчикъ — кто за другаго въ судѣ отвѣчаетъ; родъ повѣреннаго или адвоката.

[2]) Лонись — въ прошломъ году.

Василей сермяжникъ на минуточку въ рѣчи остановился, какъ бы давая Мордкѣ время для отвѣта, но тотъ еще и подумать не успѣлъ, какъ отвѣтчикъ вновь его сталъ спрашивать.

— Аль мошна-тъ у тебя столь велика жила, что онъ ее скрозь голенищё доглядѣть могъ? Аль ощё чепанъ [1]) на тебѣ а хорошъ же надѣтъ былъ?

— А коли же нѣтъ! успѣлъ Мордка свое слово вставить.

— Этотъ, что ль, что сегодни на тебѣ надѣтъ?

— Аль не хорошъ чепано-тъ на мнѣ? гордо спросилъ послухъ.

Отвѣтчикъ пододвинулся къ нему. и сталъ чепанъ ощупывать да рукой поглаживать, пристально разсматривая шитье.

— А нельзя чепана похулить, хорошъ же, а и шитьице его превосходное, сказалъ Василей по осмотрѣ. — Этотъ съ чужихъ плечъ снять, какъ не позариться!

— А вели-ко, Лазарь Евфимовичъ, съ радостью вскричалъ Мордка, — въ списокъ писать, что можно на чепанъ позариться.

Пока про чепанъ писали, Василей опять сталъ его ощупывать да рукой поглаживать. При первомъ осмотрѣ у Мордки, нельзя сказать, чтобъ покойно глаза глядѣли, но тутъ онъ даже брюхо выпятилъ, и сталъ красоваться съ великой гордостью.

— Хвалю чепанъ, отходя Василей сказалъ, — а и шитью его полное одобреньице скажу. А только онъ у тебя въ тоё времячко на плечахъ не былъ же.

— Анъ былъ.

— Анъ не былъ же, потому: какъ и чепано-тъ не твой.

— Чей же? презрительно Мордка спросилъ.

— А съ Арбузьевска паробка снятъ. Мнѣ-ль не узнать-то его, моего вѣдь онъ шитья хорошаго.

И Василей одобрительно Мордку по плечу похлопалъ.

— А и ощё примѣтушка е́. Не вчерась-ли на Арбузьевскомъ паробкѣ видѣлъ-то я его, а съ лѣва бока, къ спинѣ поближе, прорѣха была. И Василей ловко прямо въ прорѣху палецъ запустилъ. — А вотъ она, прорѣха-то, и посейчасъ жива.

Тутъ уличана всѣ всколыхнулися и безъ словъ загудѣли, одобряя Васильево отвѣчество мудрое.

— А ощё шитье свое хвалилъ, анъ порвалося! съ укоризной Мордка Василью сказалъ.

— Ладно-ко. А про прорѣху, Лазарь Евфимовичъ, писать вели.

И про прорѣху писали.

— А ощё ты мнѣ, Мордушко, одно скажи, ласково спросилъ Василей, — какъ грабить-то онъ тебя сталъ, тутъ-то что̀ жь ты завелъ?

— А, знамо, кулакомъ его въ грудь, да на-бѣгъ ударился.

И про бѣгъ Василей записать приказалъ.

— А пстца болѣ, Лазарь Евфимовичъ, спрашивать не о чемъ, а послуху его сказывати вели.

Лазарь молча Ондреюшка рукой поманилъ.

— А здравствуешь, Ондреюшко, вѣжливо кланяясь сказалъ отвѣтчикъ. — А что̀ скажешь-то, а миленькій?

Ондреюшко доселѣ пнемъ стоялъ, ровно до него дѣло ни мало не касалося, и только тяжко, прижмуривая глаза, сопѣлъ.

— Что́ скажешь-то?

— А что́ ощё тебѣ сказывати? промычалъ Ондреюшко. — А все вѣдь тебѣ Мордка сдоложилъ.

— А ты Пашка-тъ у Арбузьевска сада видѣлъ-ли?

— А коли же нѣтъ!

— А топоро-тъ у него былъ же?

— А знамо былъ.

— А гдѣ?

— Чего гдѣ?

— Топоро-тъ у него гдѣ былъ, спрашиваю...

— Топоро-тъ, вылупя глаза, Ондреюшко въ посъ просопѣлъ.

Тутъ отвѣтчикъ, замѣтивъ что Мордка руками зашевелилъ, желая показать Ондреюшкѣ гдѣ топоръ былъ, быстро проскочилъ между нихъ и откинувъ руки за спину, отпихнулъ Мордку. А самъ такъ голову держать сталъ, что куда Ондреюшко свою не повернетъ, ничего кромѣ глазъ Васильевыхъ не видитъ.

— Аль за-поясъ заткнутъ былъ? Василей допытывался.

— И то.

— Ладно. А пиши-ко, Микула Өедоровичъ, а молъ за-поясомъ топоръ послухъ сказывалъ.

Мордка ухитрился тутъ изъ-за Васильевой спины Ондреюшкѣ кулакъ показать.

— А Пашка́-тъ ты грабячи видѣлъ, аль только Мордку бѣгучись?

— А бѣгучись, не опомнясь еще отъ Мордкина кулака, не подумавъ, повторилъ Ондреюшко послѣднее слово отвѣтчика.

— А пиши-ко: бѣгучись, ужь побѣдительно Василей вскричалъ. — А и ты, Ондреюшко, побѣжалъ же?

— А побѣжалъ же, безсмысленно тотъ повторилъ.

— Аль испужался чего?

Ондреюшко сталъ въ тупикъ отъ вопроса.

— Пужался-то ты чего-жь, спрашиваю?

— А топоро-тъ у него, стараясь схватить Мордкинъ взглядъ, Ондреюшко отвѣчалъ.

Мордка ему головой закивалъ: „ладно молъ.“

— Чего-жь тебѣ пужаться-то было, коли топоро-тъ за-поясомъ?

— А востеръ вѣдь.

Мордка попрежнему головой закивалъ.

— Какъ же ты, отъ Пашка бѣгучись, да востроту топорную доглядѣть смогъ? А ощё и въ сумеречки?

Уличана не сдержались и громко засмѣялися.

— А и ты, знать, нежданно повернулся Василей къ Мордкѣ, — тоёй же востроты боясь на бѣгъ ударился?

— А знамо: убить вѣдь хотѣлъ.

— Да топоро-тъ, твой же послухъ каже, у него за поясомъ былъ? Аль онъ, въ брюхо топоръ взявъ, рубить тебя хотѣлъ?

Уличана за животики отъ хохота взялись.

— А и шибко, знать, бѣжалъ-то ты? Василей Мордку спрашивалъ.

— А ты, небось, на мѣстѣ оставался бы!

— Какъ же ты, а хромъ человѣкъ, а шибко таково бѣжалъ? А намедни ощё и дожжь шелъ, а слизко на дворѣ жило, да ты бы послизнувшись посомъ въ грязь палъ. А онъ бы тебѣ на спину скочилъ.

— Ой-же ты, Васильюшко, вскричали уличана, — а вѣкъ тебѣ отвѣтчикомъ быть. А Пашка оправилъ же ты.

Судьѣ давно ужь не по себѣ стало. Еще какъ про голенище рѣчь зашла, почуялъ онъ, что дѣло Арбузьева не выгоритъ. А какъ до прорѣхи доѣхало, тутъ Лазаря словно закусало вездѣ, и всюду-то у него зачесалося. Сталъ онъ и по лавкѣ елозить, и спиной объ уголъ тереться, и положивъ локти на столъ, по доскѣ ими шаркать; и въ головѣ, и въ бородѣ, и въ бровяхъ у него не малый зудъ сдѣлался. И въ одномъ ухѣ Лазарю шепталося: „а гнѣда̀ коня отберутъ теперь“, а въ другомъ слышалось: „а къ овсу путь и не подступишься.“ А тутъ, какъ на зло, что́ ни спросъ Васильевъ, то послухи все рѣжутся да рѣжутся. Наконецъ перестала судья и послуховъ, и отвѣтчика слушать, и съ того у него въ головѣ стало проясниватъ. Сталъ Лазарь раздумывать, какъ бы ему-то самому, вдобавокъ передъ уличанскимъ старостой, не вовсе осрамиться. Къ тому времени, какъ ребятамъ славу Васильеву скри-

[1]) Чепанъ—жупанъ, зипунъ.

чать. Лазарь совсѣмъ ужъ степенно сидѣлъ и безъ торопливости острымъ ногтемъ поскребывалъ кончикъ носа.

— Что жь, Лазарь Евфимовичъ, зѣвашь-то? Василей сказалъ, — а давай-ко намъ съ Пашкомъ праву грамоту [1]).

— А почто жь мнѣ, Васильюшко, правой грамоты а не дать тебѣ, коли послухи да истца не опослушествовали? А уличана своего мнѣ чужому не выдавать же стать. А всѣ вы, господо, слова-те эти мои попамятуйте. А станетъ кто сказывати что не въ правду молъ Лазарь судитъ. а вы потому жь меня оправливайте. А съ судей меня свести не давайте же.—Тутъ, весьма довольный своей похвальною рѣчью, судья помолчалъ немного и милостиво оглядѣлъ всѣхъ. — А только я тебѣ, Васильюшко, правой грамоты сегодни не дамъ, а о Пашкѣ жь милосердуя. А вы, господо. мое милосердье-то прислушайте.

Уличана зашевелились, не понимая что такое затѣваетъ судья.

— А ты, Васильюшко, напрасно на меня очами уставился, а какъ бы сумнѣваясь во мнѣ. А ты не сумлѣвайся, друже. А разсуди ощё: дай-ко я теперь тебѣ праву грамоту, тутъ Мордка и скричитъ сейчасъ: „а мнѣ-ко поле съ Пашкомъ давай!“

— А и то скричу, Мордка сказалъ, понявъ Лазарево подсказыванье. — А и поле мнѣ-ко, судья, давай же ты.

— А отгадалъ вѣдь я, недоумѣнно, ровно у него и малой хитрости въ умѣ не было, примолвилъ Лазарь.— А мнѣ-ко Пашка и жалко вѣдь. А мы этакъ вотъ сдѣлаемъ: а дамъ я сроку недѣлю, аль хоть и полторы, а пусть ставитъ Пашко своихъ послуховъ, а скажутъ тѣ послухи куды онъ и за коимъ дѣломъ намедни мимо Арбузьевска сада ходилъ, а ощё опослушествуютъ же они что и топоръ для дѣла же ему нуженъ былъ, ино тутъ я поля Мордкѣ не дамъ.

— А топерь-то что жь? спросилъ отвѣтчикъ, изумленный нежданнымъ рѣшеньемъ.

— А тёперечько что хошь, то и дѣлай, Васильюшко. Хошь тутъ стой, а не-хошь домовь пойди. А судо-тъ на сегодни конченъ. А и вы подьте же съ Богомъ домовь, прибавилъ судья на долю Мордки съ товарищемъ.

Василей сермяжникъ, тихо и недоумѣнно склоня голову, отошелъ къ уличанамъ и стали они межь собой шептаться о судейскомъ рѣшеньи, что-бъ оно такое значило, и къ худу-ли оно, иль къ добру. Мордка, увидѣвъ что уличана межь собою шепчутся, быстро схватилъ Ондреюшка за руку и оба, какъ стрѣла, юркнули вонъ.

Судья тѣмъ временемъ, ухмыляясь своимъ кошачьимъ ртомъ, думалъ про себя: „А ладнёхонько разсудилъ-то я: и Арбузьеву на-руку, а и въ правду къ тому. А Пашку послуховъ гдѣ добыть! Знамо, дѣвчину соглядать ходилъ. А поле съ нимъ Мордкѣ я дамъ же, а на-полѣ не я, Богъ—судья“.

Тутъ судья, услышавъ, что уличана зашевелились, вздумавъ расходиться, опомнился.

— Эй, Пашко! вскричалъ онъ. — А погоди-т-ко, Иваньковичъ, со немножечко. Слово ощё мнѣ сказать тебѣ надобѣть.

— Како слово ощё? съ неудовольствіемъ Пашко спросилъ.

— А пожди-ко; старостѣ впередъ мнѣ кой о чемъ сдоложить треба.

Уличана полѣзли было уже въ двери, но Василей сермяжникъ закричалъ имъ, чтобъ пообождали Пашка, что-то молъ ему еще судья скажетъ

Уличанскій староста, сидя за другимъ столомъ, съ нужнымъ человѣкомъ о своемъ дѣлѣ бесѣдовалъ. Лазарь, подошедъ къ столу, шепнулъ ему:—А прислушайся-ко, Дмитръ Яковлевичъ, а дѣло теперь пойде новгородьское.

— А ладно, староста отвѣтилъ.

Затѣмъ Лазарь подозвалъ сторожа и шепотомъ приказалъ ему кликнуть биричей съ двора. За столъ Лазарь не садился, а подошелъ къ Пашку, будто что-то хотѣлъ сказать о постороннемъ дѣлѣ.

— А слышь-ко, Пашко, не громко спросилъ онъ,— Сковоротки ты, Максима на имячько, не знавалъ-ли когда?

— Коли же нѣтъ! какъ всегда громко и съ полной откровенностью отвѣчалъ Пашко.

— Да того-ли доподлинно знашь-то ты, который на Псковьской рубежъ повольничать ходилъ?

— Ну, онъ и ё: въ Холоньемъ городкѣ домъ у него свой.

— Точно. Знать и про вольё-то ты свѣдомъ же былъ?

— А самъ же я съ нимъ въ тѣ поры повольничалъ, опять громко и не безъ хвастовства отвѣчалъ Пашко.

— А слышалъ-ли, Дмитръ Яковличъ? обратился судья къ старостѣ.

— А нé-глухъ вѣдь живу, отвѣчалъ староста.—А и то ощё скажу тебѣ, Лазарь Евфимовичъ, что вечоръ тысяцкій всѣхъ насъ, уличанскихъ старостъ, къ себѣ призывалъ: а намъ про то повольщё приказывалъ. Гонецъ вѣдь, Лазарь Евфимовичъ, изо-Пскова пригонилъ, а просятъ псковичи управы на тѣхъ на повольниковъ. А управы, говорилъ, не дать нельзя, потому: ощё Богъ вѣсть съ Москвой-то у насъ на миръ пойде, аль на размирьицё. А коль война де буде, а псковичи, ваше къ нимъ неуправленье памятуя, за великаго князя станутъ.

— Ну, плохо же дѣло твое, Пашко, съ сокрушеньемъ судья сказалъ, и увидѣвъ что биричи ужь въ палатѣ, за столъ судить сѣлъ, взбудивъ для письма докладчика. — А топерь, Дмитръ Яковлевичъ, къ тысяцкому я Пашка свести прикажу.

— А и умнёхонько сдѣлашь, похвалилъ судью староста.

— А не погнѣвайся-ко, Иваньковичъ, а сведутъ вѣдь пока биричи тебя въ избу холодную, а и колодушки на ноги вздѣнутъ же. А завтра отдамъ я тебя за тѣ приставы, за Новгородьски [1]), чтобъ оны тебя къ Владыкѣ въ палату для докладу къ тысяцкому вели, а чтобъ тебѣ не великъ соромъ притомъ былъ, поведутъ тебя на зорюшкѣ, а чуть вѣдь свѣтъ замеледится.

Уличана всѣ встрепенулися.

— А слышь-ко, господо, Василей-сермяжникъ сказалъ,—а возьмемъ-ко мы на поруки Пашка.

— А знамо, возьмемъ же... А слышь-ко, Лазарь Евфимовичъ, давай-ко-сь Пашка на поруки намъ.

— А хотѣньице мое хотя и полное, судья отвѣчалъ, — а только вамъ на поруки не дамъ же я его. Не Пашково дѣло нынь, Новгородьско вѣдь, а всего Господина Великаго Новагорода.

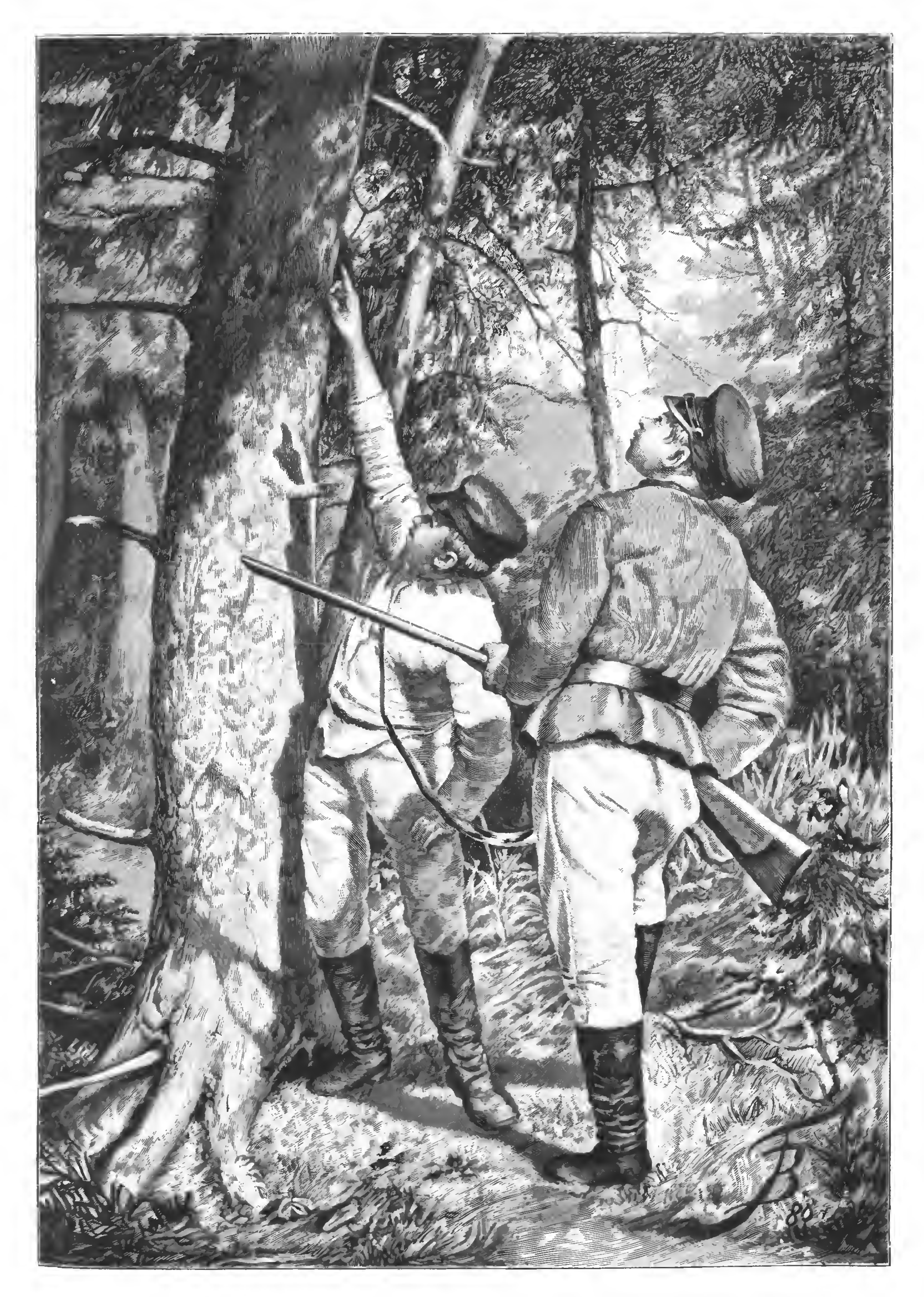
Ребята, услышавъ отказъ, шарахнулись было къ судьѣ, да какъ узнали, что дѣло вышло Новгородское, пріостановилися.

— А умнёхонько, Лазарь Евфимовичъ, сдумалъ ты, похвалилъ судью староста.

— А какъ же, Дмитръ Яковличъ, отпущу теперь я его, а онъ въ Москву бѣжать ударится, господину князю великому на Новгородъ челомъ бить. А нынь-то-жь, господо, обратился судья къ уличанамъ, — живé время строгое, а вѣчушко говоритъ не попрежнему; сами вы о томъ, гляди, свѣдомы. А и то сказать изъ-за ихняго грабленья повольнаго Велику Новугороду не пропадать же стать.

[1]) Правая грамота — оправдательный приговоръ.

[1]) Новгородскіе приставы — высшая полицейская власть по дѣламъ самого Господина Великаго Новгорода.

За бѣлками. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Б. Томашевича, грав. Ю. Шюблеръ.

У ребятъ и руки опустилися; понуривъ головы, кручиноваты стояли они.

— Эхъ, сказывалъ я тебѣ тогда еще, Пашко, сказалъ Губанъ-кафтанникъ,—не вязался бы ты съ тѣмъ Сковороткою. А изъ-за него ты и Маврушеньку истерялъ, а и самъ нунь на крѣпости.

— А полно-ко, Губанушко, Василей-сермяжникъ сказалъ,—а и безъ тебѣ вѣдь, глянь, Пашко́ ровно въ воду опущенъ стоитъ. А слышь-ко, Пашко, не журись и не ярься къ тому, а смирнехонько сиди на крѣпости. А мы-ко тебя ощё повыручимъ: пайдутся и у насъ заступы крѣпкія. А прощашь-ко теперь.

И Василей, цѣлуясь, прощался съ Пашкомъ, и при этомъ ему въ ушко шепнулъ: „а завтра же къ посадницѣ сбѣгаю". Тутъ всѣ уличана, другъ за дружкой, прощались съ Пашкомъ, кто за руку, а которые, какъ Василей, цѣловались съ нимъ. Какъ всѣ они изъ гридницы вышли, Лазарь, вздохнувъ вольнѣй, приказалъ биричамъ Пашка вести.

„А и все, далъ Богъ", размышлялъ судья, „само собою устроилось. И гонецъ псковьской во время пригонилъ. А теперь гнѣдой конь ужь вовсе мой, и за овсецомъ нынче-жь паробка къ Арбузьеву спосылать надо".

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (авторъ романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

Вдругъ онъ вскочилъ и произнесъ:

— Я заболтался съ вами, а у меня куча дѣлъ; я ни минуты не могу быть покойнымъ.

— Почему?

— Развѣ, сами не знаете, что каждый праздношатающійся богачъ смотритъ на пѣвицу, особенно если она имѣетъ успѣхъ, какъ на вещь, которую онъ можетъ купить за свои деньги; а если его деньги оказываются недѣйствительными, то эти праздные дураки руку и сердце предложатъ! Такъ и стереги ее отъ нахальства этихъ пошляковъ!

— Значитъ, вы, кромѣ того, что профессоръ вашей ученицы, еще и дуэнья? смѣясь замѣтилъ я.

— Вы смѣетесь, потому что не знаете ея характера: она все еще воображаетъ себя деревенскою барышней. Если ей дать волю, то она готова съ шарманкой пойти по улицѣ и пѣть для какого-нибудь бѣднаго семейства. Эту черту въ ея характерѣ я подмѣтилъ въ самомъ началѣ и принялъ мѣры. Я устранилъ ее отъ всего: никто не смѣетъ помимо меня адресоваться къ ней ни съ чѣмъ!

Сивцовъ торопливо вышелъ изъ кафе, я послѣдовалъ за нимъ и, переходя площадь, сказалъ, что имѣю къ нему просьбу.

— Я у васъ въ долгу и съ радостью все сдѣлаю что̀ могу, отвѣтилъ Сивцовъ.

Я попросилъ у него достать мнѣ билетъ въ оперу на нѣсколько представленій.

— Да я вамъ дамъ свой, я вѣдь всегда бываю за кулисами, когда она поетъ.

Я поблагодарилъ и попросилъ его представить меня своей ученицѣ.

Сивцовъ задумался и, какъ-бы самъ про себя, произнесъ:

— Съ недѣлю пробудетъ въ Миланѣ.

— Когда-жь вы меня представите?

— Завтра! Охъ, нѣтъ, она послѣ-завтра поетъ.

— А сегодня вечеромъ?

Сивцовъ опять подумалъ и потомъ уже произнесъ:

— Я ее послѣ обѣда вожу на прогулку, когда она не поетъ въ спектаклѣ. Ну, хорошо, я зайду за вами вечеромъ.

Я довелъ Сивцова до театра, пошелъ бродить по городу и думалъ о томъ, почему я опять скрылъ отъ Сивцова, что случайно и даже лучше его знаю характеръ его ученицы.

Вечеромъ Сивцовъ зашелъ ко мнѣ, вручилъ свой билетъ, и мы вмѣстѣ отправились къ примадоннѣ. Дорогой Сивцовъ сказалъ мнѣ:

— Я васъ буду просить не заводить разговоровъ о Россіи при ней.

— Развѣ непріятно для нея воспоминаніе о Россіи?

— Къ несчастію, напротивъ, она слишкомъ волнуется, когда заговорятъ о ней. Представьте: скучаетъ по русской природѣ,—это въ Италіи-то!

Сивцовъ засмѣялся и продолжалъ:

— Еще невѣроятнѣе скажу вамъ вещь о ея странностяхъ: она не можетъ забыть Порошкова, гдѣ ее съ дѣтства тиранили. Я всякій разъ знаю, когда ея горничная получитъ письмо отъ дѣдушки Антипыча и перескажетъ всѣ новости своей барышнѣ. Недавно эта болтушка передала ей, что Порошково опять продается какому-то купцу подъ загородный трактиръ. Отъ этого извѣстія Катерина Михайловна пришла въ страшное волненіе. Хоть-бы скорѣй провалилось сквозь землю это Порошково! Вы, пожалуйста, и не упоминайте при ней, что жили въ немъ, а то она начнетъ вспоминать о каждомъ деревцѣ. Я бы прогналъ отъ нея эту баловапную дѣвчонку, только одно удерживаетъ, что она не умѣетъ ни на какомъ языкѣ болтать и подкупить ее нельзя. Незнакомаго не впуститъ къ своей барышнѣ!

Мы подошли къ дому, который былъ необитаемъ; подъѣздъ и окна были наглухо заперты, отъ дома тянулась каменная стѣна и въ ней была маленькая калитка. Мы вошли въ нее и очутились на заднемъ дворѣ,—между сараями и конюшнями стоялъ маленькій двухэтажный флигель.

— Не правда-ли, здѣсь точно за городомъ? Сюда не доходить ни шумъ экипажей, ни уличная суета, замѣтилъ Сивцовъ.— Домъ стоитъ пустой; онъ принадлежитъ какому-то богачу-англичанину; старикъ управляющій и его жена уступили свою квартиру для Катерины Михайловны, а сами на это время перебрались внизъ. Все тихо, смирно вокругъ.

Но мнѣ показался этотъ дворъ тюремнымъ. Мы вошли въ подъѣздъ, поднялись во второй этажъ. Сивцовъ позвонилъ у дверей. Небольшое отверстіе въ родѣ маленькаго окошечка съ желѣзной ставней отворилось, и я могъ только разглядѣть сначала только кончикъ носа, потомъ два каріе живые глаза, съ удивленіемъ уставившіеся на меня.

— Да отворяй, Дуняша! крикнулъ Сивцовъ.

Началось отпираніе дверей, какъ въ настоящей тюрьмѣ: отодвигалась задвижка, брякала цѣпь, защелкалъ ключъ, наконецъ дверь распахнулась, и опять я встрѣтилъ удивленные глаза дѣвушки, которые такъ и впились въ меня. Сивцовъ поспѣшно прошелъ въ другую комнату, а я остался въ передней. Дуняша была чисто-русскимъ типомъ крестьянской дѣвушки: бѣлокурая, краснощекая, съ круглымъ лицомъ, толстоватымъ носомъ и пухлыми красными губами; плечи у нея были широкія, полныя, такъ и вѣяло отъ нея здоровьемъ.

— Вы давно изъ нашихъ мѣстъ? шепотомъ и торопливо сдѣлала мнѣ вопросъ Дуняша.

Но я не успѣлъ ей отвѣтить, потому что Сивцовъ появился на порогѣ, приглашая меня войти въ комнату.

Не скажу, чтобы хорошо было помѣщеніе примадонны: мебель была убогенькая и старомодная; одинъ только рояль и былъ цѣнною и красивою вещью въ этой комнатѣ. Окна упирались въ каменную стѣну.

— Посмотрите, какой прелестный садикъ, сколько въ немъ цвѣтовъ! сказалъ Сивцовъ, маня меня рукой къ окну.

Ничего прелестнаго я не нашелъ,—какой-то ящикъ съ цвѣтами, окруженный со всѣхъ сторонъ высокой стѣной.

Изъ сосѣдней комнаты вышла сама хозяйка дома. Сивцовъ представилъ меня ей въ лестныхъ для меня выраженіяхъ. Катерина Михайловна молча подала мнѣ руку и сѣла у окна за какое-то шитье. Ея скромное темное платье, двѣ распущенныя косы, скорѣе напоминали мнѣ барышню Горушекъ, чѣмъ вчерашнюю Валентину. Конечно, она возмужала; но глаза попрежнему смотрѣли открыто. Я замѣтилъ въ выраженіи ея лица какую-то сосредоточенную грусть. Сивцовъ расхаживалъ по комнатѣ, пощипывая свою бороду, и восхвалялъ квартиру.

— Хотите чаю? обратилась ко мнѣ съ вопросомъ Катерина Михайловна.

Я, конечно, не отказался. Она вышла изъ комнаты, а Сивцовъ проворчалъ:

— Не можетъ отстать отъ этой глупой привычки.

— Развѣ вреденъ чай для голоса? спросилъ я.

— Дикая вещь—это чаепитіе. Ну, въ Россіи я еще допускаю—холодъ; но въ Италіи парить горло, подвергать его простудѣ...

Въ эту минуту возвратилась въ комнату Катерина Михайловна и, обратясь ко мнѣ, улыбаясь, сказала:

— Если я вечеромъ не вижу самовара на столѣ, то мнѣ чего-то недостаетъ.

— Какая прелесть! безобразная мѣдная посудина шипитъ, бурлитъ, да еще наполняетъ комнату угаромъ, ироническимъ тономъ произнесъ Сивцовъ.

— Это когда я съ угаромъ подавала самоваръ? обидчиво воскликнула Дуняша, входя въ комнату со скатертью въ рукахъ.— Ужь не знаете, къ чему придраться!

— Ну, заболтала! только и отвѣтилъ Сивцовъ и заговорилъ со мной, куда я намѣренъ ѣхать изъ Милана.

Дуняша шумно приготовляла чашки, бросая на Сивцова сердитые взгляды, а когда принесла самоваръ и поставила его на столъ, то обратясь къ нему сказала:

— Ну, нюхайте, гдѣ угаръ?

Сивцовъ не обращалъ вниманія на Дуняшу, продолжая говорить со мной о Римѣ.

Катерина Михайловна укоризненно покачала головой въ сторону горничной, которая, не стѣсняясь, громко ей отвѣчала:

— Да развѣ не обидно, барышня? увѣряетъ, что я подаю самоваръ съ угаромъ!

Когда я сидѣлъ за чайнымъ столомъ и Катерина Михайловна разливала чай, а Дуняша, по обыкновенію русской прислуги, позабыла подать ситечко, ножикъ для хлѣба, и вертѣлась около стола, то мнѣ показалось, что я въ Россіи. Меня удивляло, что Дуняша посматривала на меня лукаво. Катерина Михайловна начала разспрашивать меня о Россіи, Сивцовъ разразился бранью на свое отечество.

— Дикари могутъ жить въ Россіи, а развитому человѣку невозможно! Просидите только въ оперѣ весь спектакль—и увидите, что это готентоты: шумятъ, точно на базарѣ; во время пѣнія входятъ и выходятъ; своими криками и хлопаніями въ ладоши прерываютъ пѣвцовъ, а ужъ въ послѣднемъ актѣ доходятъ до высшей степени безобразія, — артисты еще не кончили пѣть, а въ театрѣ поднимается гвалтъ, всѣ, какъ сумасшедшіе, бѣгутъ вонъ, точно театръ въ огнѣ. А еще замѣтьте — это публика интеллигентная.

Сивцовъ, говоря это, нервно щипалъ бороду, минуты не оставался безъ движенія: то сядетъ, то вскочитъ, то начнетъ ходить. Онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Только что я допилъ свою чашку чаю, какъ онъ взялъ свою шляпу; поневолѣ и я долженъ былъ послѣдовать его примѣру.

Катерина Михайловна на прощаніе сказала мнѣ:

— Когда захотите еще выпить чаю по-русски, заходите — въ это время всегда найдете самоваръ на столѣ.

Уходя, Сивцовъ прочелъ наставленіе Дуняшѣ, чтобы она заперла хорошенько дверь за нами; она отвѣчала ему на это:

— Господи, какъ вамъ не надоѣстъ каждый день твердить одно и то же! Я не полоумная, чтобъ оставить дверь настежь.

Дорогой Сивцовъ все еще продолжалъ бранить Россію, и я его спросилъ:

— Къ чему это вы браните Россію при Катеринѣ Михайловнѣ? Неужели вы думаете, что этимъ заставите ее разлюбить свое отечество?

— Меня бѣситъ въ ней этотъ квасной патріотизмъ. Я знаю, ея мечта—пѣть въ Россіи! Нѣтъ! Пусть поютъ другіе этимъ киргизамъ, а не она!

Отношенія Сивцова къ своей ученицѣ показались мнѣ ужь черезчуръ деспотичными.

Я видѣлся съ Сивцовымъ каждый день въ кафе, гдѣ онъ завтракалъ, и ждалъ, что онъ пригласитъ меня опять идти вмѣстѣ пить чай къ его ученицѣ. Но онъ и не думалъ, да еще дѣлалъ мнѣ намеки, что она теперь слишкомъ занята, готовясь къ своему бенефису, для котораго ставилась „Норма". Я бросилъ ходить въ кафе и, не обращая вниманія на капризы Сивцова, отправился одинъ пить чай къ Катеринѣ Михайловнѣ.

Дуняша, увидавъ меня въ окошечко, когда я позвонилъ, весело воскликнула:

— Сейчасъ, сейчасъ отворю!—И, распахнувъ дверь, произнесла: — пожалуйте-съ! Мнѣ приказано не впускать никого къ барышнѣ изъ иностранцевъ, а вы вѣдь русскій!

И она залилась смѣхомъ, что нашла въ приказаніяхъ Сивцова оплошность.

— Дома Катерина Михайловна? сдѣлалъ я обычный вопросъ.

— Когда же барышня бываетъ не дома? Черноморъ насъ держитъ какъ въ плѣну, и квартиру выбралъ — какъ есть тюрьма!

— Скучаете?

— А еще бы нѣтъ! Вѣдь все чужое кругомъ. Ахъ, Господи, что-жь это я вамъ не сказала мою радость: нашего-то Черномора докторъ въ постель уложилъ!

Это Дуняша произнесла такимъ радостнымъ голосомъ, что не было сомнѣнія, какъ она не долюбливала Сивцова; я это ей замѣтилъ.

— Кто же можетъ его теперь любить-то? Небось сами видите, что онъ не такой былъ, когда вы жили въ Порошковѣ.

— Какъ, вы развѣ узнали меня?

— Сейчасъ признала, смѣясь отвѣчала Дуняша. — Я васъ часто видѣла изъ сторожки дѣдушки... да пожалуйте въ комнату, растворяя дверь, прибавила она.

Я вошелъ, а Дуняша подошла къ двери въ комнату своей барышни и съ важностью произнесла:

— Барышня, къ вамъ гость пріѣхалъ!

Уходя она проговорила:

— Сейчасъ подамъ самоваръ; право, безъ него лучше напьетесь чаю.

Катерина Михайловна вышла ко мнѣ и тоже сообщила о болѣзни Сивцова, только съ сожалѣніемъ.

— Я сегодня навѣщу его, сказалъ я.

— Пожалуйста, онъ лежитъ одинъ; мнѣ запретилъ навѣщать его, съ грустью произнесла она.

Дуняша мигомъ подала самоваръ. За чаемъ Катерина Михайловна заговорила о моемъ пребываніи въ Порошковѣ. Ясно, что Дуняша успѣла все сообщить ей.

— Можетъ быть это смѣшно, что я скучаю здѣсь по русской природѣ, сказала она, — правда наша природа и бѣдненькая, и сѣренькая въ сравненіи съ блестящею и роскошною итальянскою природой, а все-таки иногда такъ хочется посмотрѣть на нее. А къ Порошкову я питаю такое же чувство, какъ мать къ больному ребенку, который измучилъ ее, а она все-таки страстно его любитъ.

Мнѣ еще не случалось встрѣчать женщины съ такимъ симпатичнымъ лицомъ и съ такой простотой въ словахъ, манерахъ и во взглядѣ. Какъ мнѣ ни было пріятно бесѣдовать съ ней, но я боялся оставаться долго и, кончивъ чай, ушелъ.

Дуняша вышла за мной на лѣстницу и сказала:

— Вы и завтра опять приходите къ намъ, благо нашъ Черноморъ боленъ. Право, хоть бы подольше похворалъ, далъ-бы намъ передышку. Вѣрите-ли—просто силъ нѣтъ: все вредно барышнѣ; а небось не подумаетъ, что смотрѣть только на его одного, такъ помрешь со скуки. Учитъ, учитъ ее! Ну, да ужь умничалъ бы надъ ней, когда она учится у него, а то вездѣ свой носъ суетъ; если ей сдѣлаешь пирогъ, такой крикъ подыметъ, точно я барышню отравила.

Дуняша готова была болтать безъ конца, но я спѣшилъ къ Сивцову. Я нашелъ его просто страшнымъ: лицо, бѣлки глазъ были желты, какъ шафранъ, а состояніе его духа было еще ужаснѣе. Онъ находился въ какомъ-то отчаяніи отъ того, что его ученица нѣсколько дней проведетъ безъ него.

— Какъ она завтра одна поѣдетъ на репетицію? воскликнулъ онъ, — останется безъ прогулки? Эта безмозглая Дуняша станетъ ее кормить своими пирожищами!.. Такъ я и стану слушать доктора! Завтра же встану съ постели!

— Послушайтесь лучше совѣта доктора.

— Я и безъ докторовъ знаю свою болѣзнь, не первый разъ у меня желчь разливается! Легко говорить о спокойствіи! Можно-ли мнѣ лежать въ постели, когда она одна? И какъ она послѣ спектакля поѣдетъ домой? съ какимъ-то ужасомъ говорилъ онъ.

— Чего вы такъ волнуетесь, точно она ребенокъ.

— Хуже-съ! Вы не знаете, до чего доходитъ нахальство нѣкоторыхъ ея обожателей. Тутъ есть одинъ американецъ, такъ этотъ дубина каждый разъ, какъ часовой, стоитъ у подъѣзда, когда она выходитъ послѣ спектакля, и подноситъ ей букетъ. Я швыряю букетъ изъ окна кареты на улицу, но это на него не дѣйствуетъ!

И Сивцовъ уже прядями вырывалъ волосы изъ своей бороды.

— Для вашего спокойствія я предлагаю сопровождать Катерину Михайловну всюду, пока вы лежите въ постели. Я строго выполню всѣ ваши приказанія.

Мое предложеніе, видимо, озадачило Сивцова, онъ задумался и потомъ уже отвѣчалъ:

— Благодарю! я завтра встану съ постели!

Будущій Рауль удивилъ меня—ему было уже извѣстно, что дядя примадонны захворалъ, и когда я его спросилъ, какъ онъ это узналъ, то онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Я все знаю, что касается примадонны!.. Очень строгій у ней дядя! а американцу такъ хочется познакомиться съ ней.

— Развѣ сильно влюбленъ въ нее?

— Обѣгалъ всѣ фотографіи въ Миланѣ и далъ бы тысячу франковъ, еслибы могъ купить карточку примадонны. Можете себѣ представить, — до сихъ поръ не снималась ни у одного миланскаго фотографа! Одинъ изъ нихъ попробовалъ предложить дядѣ примадонны снять съ нея карточку, такъ тотъ до такой степени разсердился на фотографа, что выгналъ его вонъ изъ дому.

На другое утро будущій Рауль разбудилъ меня, принеся мнѣ записку отъ Сивцова со словами:

— А дядѣ примадонны хуже.

И точно — Сивцовъ просилъ меня немедленно зайти къ себѣ, потому что онъ чувствуетъ себя нехорошо.

— Я прескверно провелъ ночь, встрѣтилъ меня Сивцовъ и съ какимъ-то усиліемъ добавилъ:—я принимаю ваше предложеніе. Ей одной положительно нельзя выѣзжать изъ дому, а между тѣмъ ей надо и на репетицію, да и нельзя ей сидѣть безъ воздуха.

И Сивцовъ далъ мнѣ инструкцію, какъ нужно нанимать коляску:

— Вы не берите одну и ту же коляску, а дѣлайте, какъ я: первую, какая попадется, беру на часы—и дѣло съ концомъ. Если увидите за столомъ у Катерины Михайловны пирогъ или щи, то вышвырните все это за окно.

Сивцовъ дрожащими руками написалъ двѣ записки: одну своей ученицѣ, а другую къ импрессаріо, въ которой выдавалъ меня ему, какъ и себя, за родственника примадонны, находя это необходимымъ, чтобы за кулисами всѣ знали, что она не одинокая. Сивцовъ требовалъ, чтобы я каждый вечеръ являлся къ нему съ рапортомъ. Я былъ въ восторгѣ отъ своей роли и явился къ Катеринѣ Михайловнѣ, чтобы везти ее на репетицію. Прочитавъ письмо своего учителя, она пожала плечами и сказала:

— Къ чему это онъ васъ безпокоитъ и самъ себя тревожитъ такими пустяками!

— Если вы не желаете, я удалюсь, замѣтилъ я ей.

— О, нѣтъ! если это можетъ его успокоить, такъ надо все сдѣлать.

Туземцы острова Мадейры. Съ фотогр. грав. Пуцъ и Бергъ

Туземка острова Мадейры. Съ фотогр. грав. Пуцъ и Бергъ.

— Съ чего же начнутся мои обязанности? Приказывайте!

Катерина Михайловна улыбнулась и отвѣчала:

— Я думаю, вамъ даны подробныя инструкціи. Это я должна повиноваться вашимъ приказаніямъ.

И она пошла надѣвать шляпу.

Дуняша сіяла отъ восторга и объявила мнѣ, что къ обѣду сдѣлаетъ русскіе пирожки.

— Запрещено! смѣясь сказалъ я ей.

— Такъ я васъ и послушаю! Довольно съ насъ и одного Черномора, заливаясь смѣхомъ говорила Дуняша.

Для меня была новостью закулисная жизнь. Катерина Михайловна не держала себя примадонной: она привѣтливо раскланивалась съ каждой хористкой. Послѣ репетиціи мы сѣли обѣдать, — и какъ весело прошелъ нашъ обѣдъ! Конечно, Дуняша поставила на своемъ: накормила насъ отличными русскими пирожками. Потомъ я повезъ Катерину Михайловну на прогулку, захвативъ и Дуняшу. Когда я вечеромъ пришелъ къ Сивцову съ рапортомъ, то получилъ похвалу, что бралъ Дуняшу на прогулку. Я посовѣтовалъ Сивцову возить его ученицу на прогулку за городъ, гдѣ бы она могла спокойно походить пѣшкомъ; и это было одобрено Сивцовымъ. Но у меня уже былъ готовъ планъ прогулки для другаго дня — это ѣхать на ферму въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, которую я хорошо зналъ, когда былъ въ первый разъ въ Миланѣ, и наше небольшое общество русскихъ часто устраивало пикники на этой фермѣ.

Катерина Михайловна сначала не соглашалась брать съ собой самоваръ, чтобъ пить чай на фермѣ, но уступила, когда увидѣла, въ какомъ огорченіи была Дуняша, которая восхищалась моимъ планомъ. Да и я стыдилъ Катерину Михайловну, что она не хочетъ доставить Дуняшѣ невиннаго удовольствія.

Ферма очень понравилась Катеринѣ Михайловнѣ. Она стояла одинокая, кругомъ было много простору — поля, луга, что-то напоминавшее русскую деревню. Мы расположились пить чай подъ громаднымъ тѣнистымъ дубомъ, стоявшимъ недалеко отъ фермы; хозяева очень радушно хлопотали услужить намъ. Катерина Михайловна сказала мнѣ, что хозяева фермы возбудили въ ней желаніе посмотрѣть на русскихъ крестьянъ, которыхъ она давно не видала.

— Можетъ быть, на будущій годъ и увидите русскихъ мужичковъ! Послѣ вашего успѣха въ Миланѣ вы смѣло можете разсчитывать, что въ Петербургѣ съ радостью примутъ васъ на оперную сцену.

— Павелъ Петровичъ ни за что не согласится на это.

— Да что это вы такъ подчиняетесь ему?

— Я ему слишкомъ обязана, а вы сами видите, какой онъ сталъ болѣзненный: раздражается отъ пустяковъ; а въ такомъ дѣлѣ идти противъ него будетъ жестоко. Я рѣшилась разсчитаться съ нимъ тѣми же жертвами, какія онъ принесъ для меня; о возвращеніи ему затраченныхъ на меня денегъ онъ и слышать не хочетъ. Сколько лѣтъ онъ посвятилъ, чтобы сдѣлать изъ меня пѣвицу, столько же лѣтъ я буду исполнять всѣ его требованія!

Катерина Михайловна говорила это съ такой твердостью, что я ей не рѣшался ничего возразить.

Мы всѣ вполнѣ насладились загородною прогулкой.

Я явился къ Сивцову съ дневнымъ рапортомъ, конечно, скрывъ отъ него о самоварѣ. На другой день Катерина Михайловна пѣла въ спектаклѣ, и Сивцовъ никакъ не могъ переварить мысли, что онъ не будетъ присутствовать за кулисами, и опять заговорилъ о праздношатающихся богачахъ. Я желалъ его успокоить и сказалъ, что навѣрно Катерина Михайловна никогда не соблазнится ни титуломъ, ни богатствомъ, а если и выйдетъ замужъ...

Сивцовъ даже не далъ мнѣ окончить моей фразы и гнѣвно воскликнулъ:

— Да ни за кого она не выйдетъ замужъ! Разъ она сдѣлалась пѣвицей, то должна выбросить изъ своей головы замужество. Пусть влюбляются, выходятъ замужъ, выкармливаютъ дѣтей другія женщины, а не она! Такой голосъ родится вѣками, а потому это святотатство даже думать ей о замужествѣ. Одни профаны могутъ думать, что пѣвицѣ можно совмѣстить замужество съ ея артистическимъ поприщемъ,—это немыслимо! Истинная артистка-пѣвица должна всецѣло посвятить себя одному искусству!

Я замолчалъ, чтобы не раздражать больнаго, который при одной мысли о замужествѣ своей ученицы уже пришелъ въ страшное негодованіе. При моемъ уходѣ Сивцовъ надавалъ мнѣ кучу инструкцій на завтрашній день,—чтобы ни одной минуты ученица его не оставалась за кулисами безъ большаго платка, чтобы при отъѣздѣ изъ театра окна кареты были подняты, а за ужиномъ заставить ее непремѣнно выпить чашку крѣпкаго бульона,—да не упомнить всѣхъ его наставленій въ этомъ родѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ въ театръ, всѣхъ насъ, какъ громомъ, поразило появленіе Сивцова. Дуняша безцеремонно ему брякнула:

— Къ чему это вы пришли, только напугаете всѣхъ, вѣдь вы какъ есть страшный мертвецъ!

Она была очень огорчена и сказала мнѣ:

— Господи, какъ молилась, чтобы онъ подольше прохворалъ!

Вѣроятно, ея молитвы были услышаны, потому что Сивцовъ опять слегъ въ постель и прохворалъ около двухъ недѣль, а я чуть не цѣлые дни проводилъ съ Катериной Михайловной, и мы очень сблизились. Я еще ни съ кѣмъ не былъ такъ откровененъ: высказалъ ей, самъ не знаю, какъ, все свое прошлое и настоящее, а также покаялся въ томъ, что прочелъ ея дневникъ, случайно попавшійся мнѣ въ руки. Я комически описалъ ей, какъ Филипповна приняла ее за привидѣніе и кропила святою водой домъ, а также разсказалъ свою ночную засаду въ саду.

Катерина Михайловна очень смѣялась и сказала:

— Антипычъ виноватъ,—принесъ мнѣ ключи и увѣрялъ, что пріѣхавшіе оба такъ крѣпко спятъ, что хоть изъ пушки пали, такъ не услышатъ; а я и не сообразила, что если прежде до меня не доходили звуки, когда играли внизу, такъ это потому, что домъ былъ полонъ народа и была вѣчная суета въ немъ, а тутъ—мертвая ночная тишина. Я старалась играть по возможности тише. Я приписала своей оплошности, что лодка очутилась на срединѣ рѣки, а что я выкупалась, такъ это мнѣ было нипочемъ; мнѣ съ дѣтства было запрещено купаться, а я очень любила плавать; я тихонько всегда купалась по вечерамъ, когда темно, и всѣ сидутъ за чай. Отсутствіе собакъ въ саду испугало меня, я поэтому не вошла въ домъ,—и какъ хорошо сдѣлала, а то вы-бы меня такъ же перепугали, какъ я напугала бѣдную старушку.

Когда выздоровѣлъ Сивцовъ, ему, видимо, не понравилось, что я коротко сошелся съ его ученицей. Онъ каждый разъ при встрѣчѣ со мной спрашивалъ меня, когда я уѣзжаю изъ Милана. А мой отвѣтъ ему всегда былъ одинъ и тотъ-же:

— Да еще не знаю!

Сивцовъ сдѣлался придирчивъ ко мнѣ и всегда противорѣчилъ, о чемъ-бы я ни заговорилъ съ его ученицей.

Я рѣшилъ, что Сивцовъ превратился въ маньяка, а Катерина Михайловна такъ просто пришла въ отчаяніе. И мы старались избѣгать всякихъ поводовъ къ подобнымъ разговорамъ при Сивцовѣ.

Какъ-то разъ я пришелъ пить чай, а Сивцова не было; я спросилъ Катерину Михайловну, вполнѣ-ли ее удовлетворяетъ жизнь сценической артистки. Я потому сдѣлалъ ей этотъ вопросъ, что я никогда не видалъ на ея лицѣ выраженія, какое бываетъ у счастливыхъ людей; она никогда не говорила о сценѣ.

— Какая я артистка, я никуда не гожусь! Съ дѣтства я привыкла къ одиночеству; теперь постоянно чувствую, точно я запродала себя. Я положительно мученица, когда выхожу на сцену. Я часто теперь вспоминаю, какъ легко мнѣ пѣлось, когда, бывало, сижу на берегу рѣки: такъ тихо вокругъ! только и движется у моихъ ногъ вода... Или пойдешь собирать васильки—точно очутишься въ золотомъ морѣ: колосья слегка волнуются, влажный запахъ земли освѣжаетъ тебя, дышется легче. Ничего не видишь, кромѣ неба, а надъ головой жаворонки поютъ. Самой такъ захочется пѣть! И поешь съ наслажденіемъ.

— А сценическая слава?

— Богъ съ ней! Я не для славы рѣшилась поступить на сцену.

— А для чего?

— Для денегъ... Я вижу, вы поражены моимъ корыстолюбіемъ?

Это признаніе такъ поразило меня, что я не могъ очнуться. Она тяжело вздохнула и печальнымъ тономъ прибавила:

— Что дѣлать! Такъ сложились обстоятельства въ моей жизни, что я стала думать о деньгахъ! Мнѣ совѣстно бываетъ смотрѣть на своего учителя, который положилъ на меня столько труда и знанія!

Приходъ Сивцова помѣшалъ нашему разговору. Онъ, кажется, замѣтилъ мое состояніе духа и бросилъ на меня подозрительный взглядъ.

(Продолженіе будетъ).

О предотвращеніи и лѣченіи тучности гимнастикой и діэтой.

Умѣренное отложеніе жира въ подкожной клѣтчаткѣ съ окончаніемъ роста въ вышину, т. е. по достиженіи возраста возмужалости, составляетъ явленіе физіологическое, почти нормальное, такъ какъ жиръ округляетъ формы тѣла, защищаетъ оное отъ непріязненнаго дѣйствія внѣшняго холода, и служитъ какъ-бы запаснымъ магазиномъ, изъ коего при голоданіи или болѣзни организмъ заимствуетъ матеріалы для дыханія и плототворенія. Это всего явственнѣе обнаруживается у зимоспящихъ животныхъ, напр. медвѣдя, сурка, которые на зиму залегаютъ въ нору свою тучными, а къ веснѣ просыпаются крайне исхудалыми, и у человѣка при лихорадочныхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ повышеніемъ температуры и потерею аппетита, вслѣдствіе усиленнаго процесса сгоранія тканей тѣла.

Такъ какъ избыточное отложеніе жира, при неправильномъ

органическомъ обмѣнѣ и питаніи тканей, мало безпокоитъ одержимыхъ имъ, вызывая лишь нѣкоторую неразвязность при необычныхъ движеніяхъ и одышливость, то они мало обращаютъ на это вниманія и — чувствуя себя здоровыми — привыкаютъ къ нимъ. Съ увеличеніемъ-же тучности присоединяется усиленное—при движеніяхъ—біеніе сердца, разстройство въ отправленіяхъ кишечнаго канала, сонливость, слабосиліе, неохота къ движеніямъ; а когда болѣзнь достигнетъ высокой степени, проявится отекъ ногъ, то паціента посылаютъ къ минеральнымъ источникамъ: Карлсбада, Маріенбада, Виши, Эссентуковъ и предписываютъ усиленный моціонъ, чѣмъ на время достигается значительная—на 10 даже 30 фунтовъ—убыль въ вѣсѣ тѣла и въ объемѣ живота.

Такое облегченіе, къ сожалѣнію, кратковременно, если паціентъ возвращается къ обычному, бездѣятельному образу жизни, къ употребленію сладкой, жирной, мучнистой пищи, спиртныхъ напитковъ и пива, сильно способствующихъ отложенію жира, и тучность, съ послѣдствіями ея, возрастаетъ вновь.

Очень немногіе обладаютъ средствами, чтобы изъ года въ годъ проводить по нѣскольку мѣсяцевъ на дорогихъ лечебныхъ водахъ, морскихъ купаньяхъ и горныхъ курортахъ, между тѣмъ какъ есть возможность и дома, исподволь, не отвлекаясь отъ обычныхъ занятій и не слишкомъ круто измѣняя образъ жизни, если не совсѣмъ излѣчить, то предотвратить дальнѣйшее возрастаніе этого опаснаго для жизни недомоганія, которое почти всегда сопрягается и обусловливаетъ другія болѣзненныя состоянія, въ родѣ геморроя, катарровъ, ревматизма и т. п.

Можно конечно убавить отложеніе жира и обратное его всасываніе строгою діэтою, голоданіемъ, жаждою, сильными слабительными и потогонными. Взвѣшивая тѣло до и послѣ 20—45 минутнаго пребыванія въ паровомъ ящикѣ или комнатѣ съ нагрѣтымъ, до +40—50° воздухѣ, мы найдемъ убыль въ вѣсѣ на 2—5 фунтовъ, которая послѣ сытнаго обѣда нисходитъ до нѣсколькихъ лотовъ; однако при ежедневно повторяемомъ потѣніи, если оно не противупоказано органическими пороками сердца, болью и приливомъ крови къ головѣ, дурнотою и т. п., исхуданіе возрастаетъ и усиливается органическій обмѣнъ.

Сильные-же слабительные, іодовые и ртутные препараты разстраиваютъ пищевареніе и, также какъ голоданіе и жажда, ведутъ къ малокровію и ослабляютъ дѣятельность сердца, тогда какъ оно должно работать энергичнѣе при увеличенномъ, противъ нормы, вѣсѣ и объемѣ тѣла, чтобы доставить кровь во всѣ части тѣла.

Способы обезжирѣнія Бантинга, модифицированный Эбштейномъ, методы Эртеля и Киша не всегда достигаютъ своей цѣли, если у паціента недостаетъ силы воли, чтобы содѣйствовать въ этомъ врачу строгимъ исполненіемъ его предписаній. Наиболѣе изъ нихъ пригоднымъ долженъ быть признаваемъ тотъ, съ помощію коего надолго удается уменьшить отложеніе жира въ тѣлѣ, не только безъ ослабленія мышечной силы, но еще съ повышеніемъ оной. А это послѣднее легко прослѣдить динамометрическими измѣреніями силы извѣстной группы мускуловъ, напр. правой руки. Вообще замѣчено, что съ убылью жира возрастаетъ мышечная сила, а убываетъ объемъ тѣла, особенно живота.

Къ сожалѣнію, не только въ публикѣ, но и между врачами не установилось еще правильнаго воззрѣнія на лѣченіе тучности: ожирѣвшій паціентъ, приступивъ къ леченію, въ возможно кратчайшее время старается избавиться отъ возможно большаго количества удручающаго его жира; между лѣчащимися нерѣдко устанавливается соревнованіе въ томъ, чтобы утратить его побольше, посредствомъ усиленнаго моціона и потѣнія. Врачъ долженъ настойчиво противудѣйствовать такому увлеченію и не допускать — изъ эгоистическихъ цѣлей — чтобы оцѣнка его медицинской дѣятельности измѣрялась числомъ фунтовъ, на которое убудетъ въ вѣсѣ его паціентъ.

У одержимыхъ общимъ ожирѣніемъ (Lipomatosis universalis) жиръ въ видѣ капелекъ отлагается въ клѣтчатку, не только вокругъ брюшныхъ внутренностей, сосудовъ и сердца, которое иногда покрывается имъ какъ подушкою, но и въ самыя стѣнки его и между сократительными волокнами сосудовъ. При слишкомъ быстромъ обратномъ всасываніи жира, стѣнки ихъ утончаются и легко разрываются при случайномъ напорѣ крови, происходитъ изліяніе ея или пропотѣваніе сыворотки крови, т. е. отекъ или апоплектическій ударъ.

Самымъ сподручнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для предотвращенія и излѣченія тучности представляются усиленныя, до легкой усталости движенія тѣла, въ коемъ по возможности равномѣрно участвовали бы всѣ, обыкновенно бездѣйствующія мышечныя группы, напр. поворачивающія туловище вокругъ оси, сгибающія и выпрямляющія оное. При равномѣрномъ, систематическомъ упражненіи ихъ во время пиленія дровъ, колотьи ихъ, вскапыванія земли, гребли, при фехтованіи, ѣздѣ верхомъ и на велосипедѣ, восхожденіи по лѣстницѣ а еще лучше на горы, мускулы полнѣютъ отъ разростанія мышечныхъ волоконъ, и — не смотря на убыль жира и объема живота, — возрастаетъ тѣлесная сила и даже вѣсъ.

При обыкновенной же прогулкѣ по паркету или тротуару мы устаемъ менѣе чѣмъ при неподвижномъ стояніи на одномъ мѣстѣ, а дыханіе и пульсъ почти не учащаются, а это-то и необходимо для усиленнаго сгоранія жира. Проф. Швенингеръ заставляетъ тучныхъ и лѣнивыхъ паціентовъ лежать по нѣскольку часовъ на животѣ, чтобы вызвать усиленную работу сердца, такъ какъ кровообращеніе при этомъ встрѣчаетъ механическое затрудненіе, для преодолѣнія коего сердце по необходимости должно повысить дѣятельность свою, коею сжигается отложенный въ ткань его жиръ.

Заниматься комнатною гимнастикою одному крайне скучно, и у немногихъ хватитъ настойчивости, чтобы продѣлывать ее регулярно и съ должною послѣдовательностью. Хорошій же гимназіархъ (учитель гимнастики), переходя къ новымъ движеніямъ, какъ скоро замѣтитъ утомленіе упражняемой мышечной группы, съумѣетъ такъ разнообразить ихъ, что усталости почти не замѣчается, особенно если гимнастика производится одновременно нѣсколькими лицами.

Петербургскіе нѣмцы, члены общества Пальма, давно уже завели у себя гимнастическія упражненія въ обширныхъ залахъ собственнаго своего, по Максиміліановскому переулку, дома. Проведя цѣлый день за письменнымъ столомъ, они, по по вторникамъ и пятницамъ, съ $9\frac{1}{2}$ до $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера, разминаютъ сочлененія легкими движеніями, вольными, или съ болѣе или менѣе тяжелыми, по силамъ каждаго, палками (кіями) и гирями, производя таковыя подъ руководствомъ избираемаго ими учителя, до легкой усталости и испарины.

Такія упражненія всѣхъ по очереди мышечныхъ группъ дѣйствуютъ очень благотворно даже на стариковъ, развивая у нихъ мышечную силу, коей позавидуетъ иной акробатъ, и противодѣйствуютъ ожирѣнію, къ коему предрасполагаетъ и употребленіе пива, любимаго ихъ напитка.

Юные сочлены Пальмы и сыновья стариковъ продѣлываютъ болѣе активныя упражненія (Turnen), каковы напр. прыганіе, лазаніе на шесты, по средамъ и пятницамъ, съ 7 до 8 часовъ вечера, а дочери по вторникамъ съ 7 до 8 часовъ и и по субботамъ съ 5 до 6 ч. вечера.

Записавшись у эконома Пальмы въ число кандидатовъ оной, желающіе участвовать въ гимнастическихъ упражненіяхъ, кромѣ единовременнаго 2 рублеваго взноса, платятъ какъ члены общества по 1 р. ежемѣсячно и по 35 коп. руководителю гимнастическихъ упражненій, а желающіе упражняться еще и въ танцахъ вносятъ ничтожную доплату балетмейстеру; кромѣ того, имѣется кегельбанъ и билліарды для упражненія отдѣльныхъ мышечныхъ группъ.

Далѣе, есть С.-ПБургское гимнастическое общество, въ зданіи Адмиралтейства, активная гимнастика для взрослыхъ (съ 18 лѣтъ) 2 раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, съ 9 час. вечера; плата 3 рубля за 3 мѣсяца съ посѣтителя.

И другимъ клубамъ, располагающимъ обширными и хорошо провѣтриваемыми залами, не дурно бы послѣдовать этимъ примѣрамъ и доставить сочленамъ своимъ и семействамъ ихъ возможность заняться гимнастикою, столь необходимою для сохраненія здоровья и развитія силъ подростающаго поколѣнія, хилѣющаго за книгами безъ тѣлесныхъ упражненій.

При сильномъ же развитіи ожирѣнія, всегда сопряженномъ съ ослабленіемъ силъ, приливами крови къ внутренностямъ, отекомъ ногъ, сердцебіеніемъ и другими болѣзненными ощущеніями, даже легкія упражненія очень утомляютъ такихъ страдальцевъ и имъ приходится ограничиться на первое время массажемъ и пассивными упражненіями, т. е. производимыми безъ содѣйствія паціента, однимъ массажистомъ извѣстное число разъ.

Впослѣдствіи, когда силы окрѣпнутъ, слѣдуетъ переходить постепенно къ упражненіямъ смѣшаннымъ, активно-пассивнымъ, при коихъ паціентъ либо массажистъ оказываютъ, исподволь возвышаемое, сопротивленіе производимымъ другимъ упражненіямъ, напр. сгибанію или выпрямленію всѣхъ по очереди членовъ, поворачиванію ихъ около оси и т. п.

Выше приведенныя средства, а именно потѣніе, массажъ и гимнастика принесутъ далеко не всю возможную пользу, если паціентъ не замѣнитъ кореннымъ образомъ сидячій образъ жизни болѣе дѣятельнымъ, активнымъ, а особенно діэту свою.

Главная задача для излѣченія тучности должна заключаться въ томъ, чтобы удалить изъ тѣла возможно болѣе водянистыхъ частей, при чемъ — какъ доказано физіологическими опытами Эртеля и Фейта и тренированіемъ жокеевъ передъ скачками — происходитъ распаденіе жира въ тѣлѣ и обратное его всасываніе.

Для достиженія этой цѣли врачи воспрещаютъ принимать одновременно жидкія и плотныя пищевыя вещества, а допускаютъ утоленіе жажды напитками только за часъ до ѣды и черезъ часъ послѣ нея. Хотя количество жидкостей въ видѣ суповъ и напитковъ не можетъ быть ограничиваемо одною для всѣхъ мѣрою, а соображается съ тѣлосложеніемъ и привычками паціента, но оно не должно переходить за 1 кружку въ сутки.

Паціентъ не обязывается и голодать, а долженъ постепенно уменьшать порцію, преимущественно мясной пищи, и съѣдать лишь такое ея количество, чтобы вставать изъ-за стола немного впроголодь, такъ какъ цѣль лѣченія вовсе не заключается въ уменьшеніи числа кровяныхъ шариковъ и въ разжи-

женіи крови (гидрэміи), а напротивъ требуется поднять и улучшить плототвореніе или питаніе тѣла. По мнѣнію парижскаго проф. Зее, для этого достаточно отъ 120 до 130 граммовъ азотистыхъ началъ, извлекаемыхъ изъ 250 до 300 граммъ мяса или бѣлковъ, отъ 100 до 120 граммъ жира и 250 граммовъ углеводовъ, добываемыхъ изъ 3 до 4 сотъ граммовъ мучныхъ и сахаристыхъ веществъ хлѣба, каши и т. п.; такъ чтобы все количество воспринимаемой въ сутки твердой пищи колебалось между 650 и 820 граммами или 1½ и 2 фунтами. Если бы паціента лишили вовсе (какъ это дѣлалось прежде) мучныхъ и жирныхъ пищевыхъ веществъ, то замѣняющія ихъ бѣлковыя части мяса или яицъ, раздвоиваясь пойдутъ на образованіе и отложеніе жира, особенно если паціентъ мало имѣетъ моціона и — вслѣдствіе флегматическаго темперамента и наслѣдственности — предрасположенъ къ ожирѣнію.

При трудномъ пищевареніи и желудочныхъ разстройствахъ для питья служитъ цѣльное, т. е. не разведенное водою виноградное вино или грогъ, т. е. рюмка водки на стаканъ воды, даваемые черезъ часъ или два послѣ ѣды, состоящей изъ 2 блюдъ; пить можно 4 — 5 разъ въ сутки, т. е. черезъ каждые 2—3 часа.

Вообще количество воспринимаемой пищи должно быть соразмѣряемо съ силами желудочно - кишечнаго канала: если ощущается тяжесть, боль подъ ложечкою, вздуваніе живота послѣ ѣды, то очень полезенъ пепсинъ по 5 — 10 гранъ.

Чтобы медленно переваривающаяся въ кишечникѣ (по недостаточности или водянистости желудочнаго сока) пища, застаиваясь тамъ, не переходила въ броженіе, а газы при этомъ образующіеся не растягивали ослабшія и безъ того стѣнки желудка, необходимо утромъ натощакъ или къ ночи выпивать по ⅓ или ½ стакана горькой, слабительной воды: Венгерской Гуніади, или по 1 рюмкѣ насыщеннаго въ кипяткѣ раствора Маріенбадской соли, стаканъ чаю изъ столовой ложки коры крушины, или же чайную съ верхомъ ложку шипучаго порошка проф. Боткина. Чтобы заглушить горечь содержащихъ сѣрнокислую соду и магнезію слабительныхъ минеральныхъ водъ и порошковъ, ихъ смѣшиваютъ съ шипучими: Зельцерскою или Содовою, которыхъ углекислый газъ маскируетъ эту горечь.

Проф. Швенингеръ, лейбъ-медикъ кн. Бисмарка, воспрещаетъ при ожирѣніи употребленіе всякихъ бульоновъ и похлебокъ, кофе, чаю, пива, ликёровъ, сластей, картофелю, масла и жировъ, коренной рыбы, гусей, колбасы и—только въ видѣ исключенія — разрѣшаетъ ломтикъ хлѣба съ масломъ или сухарь къ обѣду; каши и мучныхъ яствъ избѣгать по возможности.

Обыкновенное меню Швенингерова режима слѣдующее: по утру жареное мясо (бифштексъ, котлета) или пара яицъ съ ломтемъ холодной, не жирной ветчины, а черезъ часъ стаканъ чистой или углекислой воды, пополамъ съ краснымъ виномъ. Къ полудню порція жаркаго, телятины, дичи, а для втораго блюда рыба или зелень; черезъ часъ, въ замѣнъ питья, мало подслащенный компотъ изъ фруктовъ. Между 4—5 часами опять мясная порція, а къ ужину тѣ же какъ и къ завтраку кушанья, а передъ сномъ пара грушъ, яблоковъ, апельсинъ или нѣсколько черносливинъ. Дозволяется и мороженое, но только за часъ до принятія пищи или спустя послѣ него.

Когда ожирѣніе не сопровождается органическими разстройствами, которыя можетъ опредѣлить только врачъ, и голодъ черезчуръ мучитъ паціента, то ему можно дозволить даже двойную противъ приведенной выше норму, т. е. до 1000 и болѣе граммъ твердой пищи, и по 1 стакану вина къ завтраку и обѣду.

Вялымъ, сонливымъ флегматичнымъ и малокровнымъ людямъ пригоднѣе укрѣпляющая, возбуждающая дѣятельность желудка діэта, именно: красное мясо; а сангвиникамъ, одержимымъ приливами крови, запоромъ — менѣе раздражающая, а именно: бѣлое мясо молодыхъ животныхъ, мелкой птицы, нежирная рыба, зелень въ родѣ шпината, цвѣтной и кочанной капусты, ягоды и фрукты, всего лучше въ видѣ мало подслащеннаго компота, лѣченіе виноградомъ или земляникою, а въ питье виноградное бѣлое вино или слабый грогъ съ коньякомъ, либо водкою, при упадкѣ дѣятельности сердца.

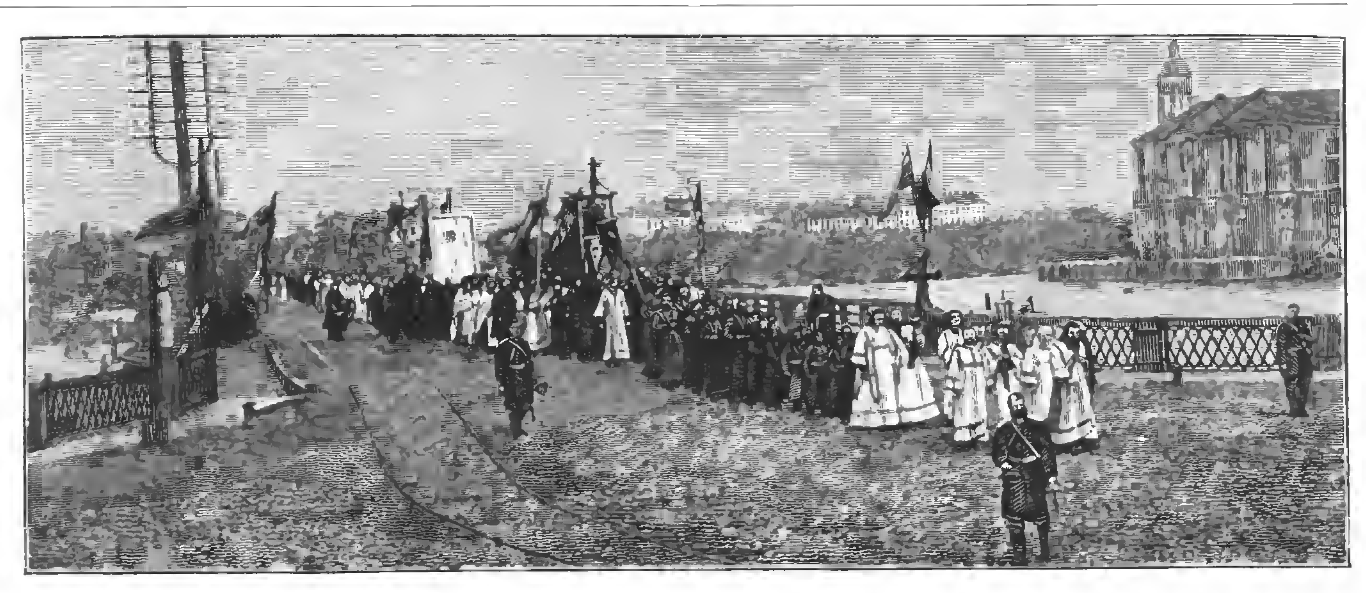
При расположеніи къ ломотѣ, каменной болѣзни и разстройствахъ печени молоко переносится плохо, но при исправномъ состояніи желудка лѣченіе молокомъ, простоквашею даже полезно.

Тучные люди обыкновенно пьютъ очень много и жажда для нихъ еще мучительнѣе голоданія, въ первое особенно время; ее слѣдуетъ утолять небольшими порціями углекислыхъ водъ, напр. Виши, Эссентукскою, Маріенбадскою, Карлсбадскою; черезъ недѣлю или 2 больной менѣе уже страдаетъ отъ жажды. Полное же, по методу Шрота и Бантинга, воздержаніе отъ питья, хотя и ведетъ къ быстрому всасыванію жира, но онъ легко замѣщается водянистыми выпотами, кожа становится вялою и обвисаетъ, тогда какъ при болѣе раціональномъ пользованіи жиръ уходитъ по мѣрѣ того, какъ сократительныя волокна кожи крѣпнутъ отъ повышенія тона ихъ, чему замѣтно содѣйствуетъ электро-массажъ.

Д-ръ **Ненсбергъ.**

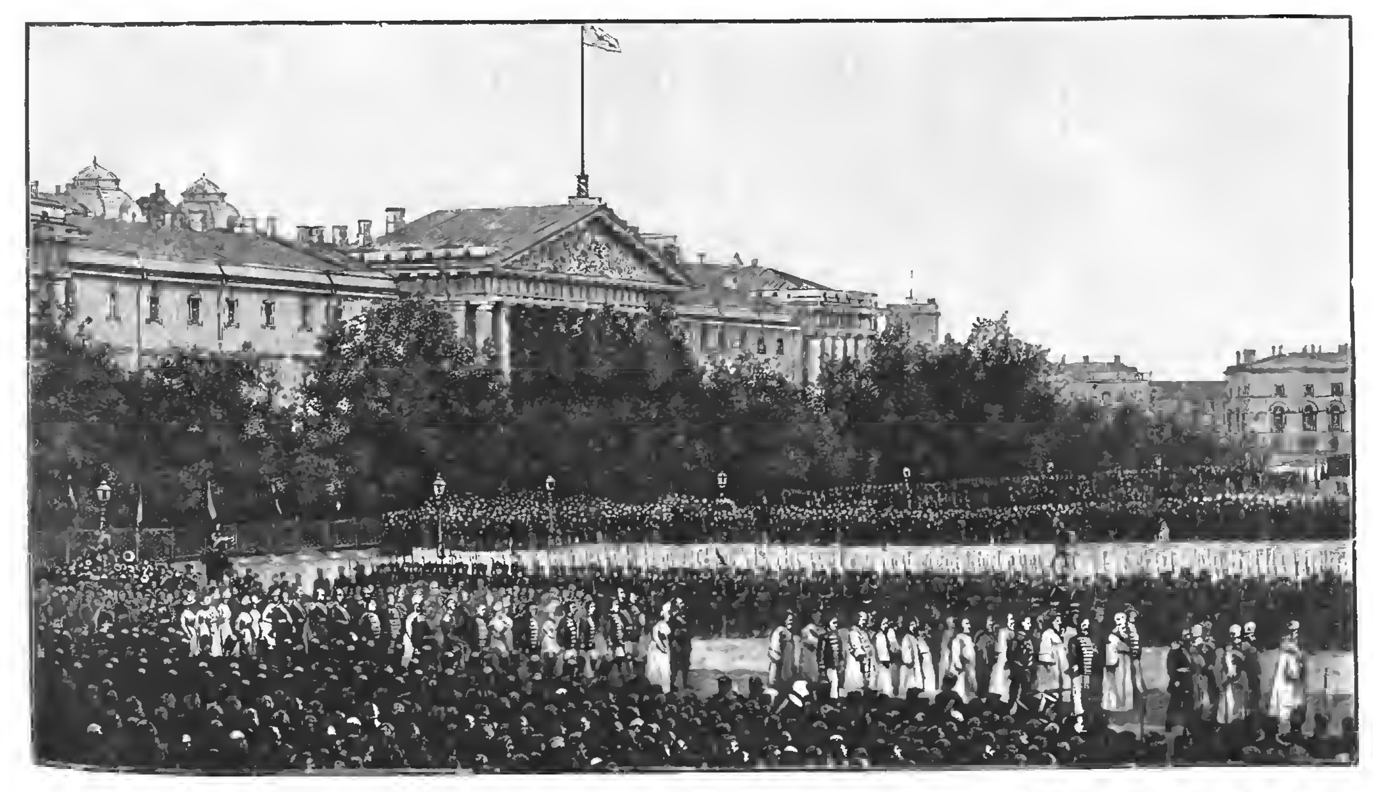
Бюстъ императрицы Екатерины II предъ зданіемъ Обуховской больницы въ СПБургѣ, открытый 29 мая 1888 г. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Начало процессіи на Тучковомъ мосту. Съ фотогр. Савельева, грав. Ю. Шюблеръ.

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Середина процессіи на Тучковомъ мосту. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Шествіе процессіи отъ іордани Александровскаго садика къ Александровской колоннѣ. Съ фотогр. Сытенскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

Къ рисункамъ.

Въ камышахъ. (Рис. на стр. 764).

На далекое пространство тянутся солончаковыя степи по берегу Каспійскаго моря. Весною, обыкновенно по берегамъ его или въ неглубокой водѣ озеръ и разлившихся рѣчекъ заростаютъ онѣ высокимъ камышемъ. Какъ зеленое море, волнуются камыши на необозримомъ просторѣ, скрывая въ своей чащѣ звѣрей и птицъ, отыскивающихъ тамъ себѣ пріютъ и пропитаніе. Выше всадника подымается камышъ своими тонкими стеблями, унизанными плоскими, длинными листьями и увѣнчанными цвѣтущею метелкой, заслоняя передъ нимъ дорогу и скрывая его самого отъ непрошенныхъ взоровъ, во время преслѣдованія или бѣгства.

Касса ссудъ. (Рис. на стр. 765).

Рисунокъ г. Жебровскаго касается предмета слишкомъ извѣстнаго жителямъ большихъ городовъ, и въ поясненіяхъ его нѣтъ надобности. Достаточно указать правдивость, съ которою схвачены обычные типы посѣтителей ссудной кассы, загоняемые въ подобные вертепы гнетущею нуждой или чаще добровольною распущенностью.

За бѣлками. (Рис. на стр. 769).

Всѣмъ извѣстна бѣлка или векша, хорошенькій и проворный красно-желтый звѣрокъ, ловко перебирающійся лѣтомъ по зеленѣющимъ вѣткамъ деревьевъ, отыскивая себѣ пищу, или зимою, въ своей сѣренькой шубкѣ, скрывающійся въ дуплѣ, гдѣ у него припасены запасы съѣдобнаго. Бѣлка живетъ во всѣхъ странахъ земнаго шара, за исключеніемъ Австраліи, и ее можно встрѣтить на далекомъ Сѣверѣ и подъ палящими лучами южнаго солнца, въ сухихъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Это рѣзвое и миловидное животное, можно сказать, служитъ украшеніемъ нашихъ лѣсовъ. Весело слѣдить за ея проворными движеніями въ чащѣ вѣтвей и на землѣ, когда она перебѣгаетъ отъ одного дерева къ другому, ловко взбирается по отвѣснымъ стволамъ или далеко перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, распустивъ по воздуху пушистый хвостъ. Тамъ, гдѣ охота на бѣлокъ, водящихся мѣстами во множествѣ, не составляетъ промысла, на нихъ охотятся только молодые и неопытные охотники, безцѣльно и безжалостно подстрѣливая бѣдное животное, предварительно выпугнутое изъ дупла ударами по стволу дерева.

Туземцы острова Мадеры.

(Изъ воспоминаній морскаго офицера).
(Рис. на ср. 772 и 773).

Послѣ долгой и притомъ скучной стоянки въ Тулонѣ, неожиданный переходъ на островъ Мадеру былъ пріятнымъ сюрпризомъ, и вотъ, 15 ноября 1886 года тронулись въ путь.

Счастливая звѣзда, сопутствовавшая нашему фрегату до сихъ поръ, не покинула его и теперь. Весь переходъ былъ спокойный, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, когда фрегатъ немного покачало. Пройдя Балеарскіе острова, все время шли довольно близко отъ береговъ Испаніи. Вершины горъ покрыты снѣгомъ, въ особенности Сіерра-Невада. 18 числа утромъ прошли Гибралтарскій проливъ и взяли курсъ на островъ Мадеру. 20 утромъ увидали сперва островъ Porto-Santo, а немного погодя и Мадеру, гдѣ и стали на якорь въ 5 час. вечера у города Фунчалъ. Рейдъ совершенно открытый, такъ что для стоянки не особенно удобный, особенно при южныхъ вѣтрахъ. Берегъ песчаный и каменистый, у котораго постоянный прибой, почему и съѣздъ на берегъ на казенныхъ шлюпкахъ возможенъ только около батареи, гдѣ есть что-то въ родѣ небольшой естественной гавани. Да и сюда шлюпки могутъ пристать только въ тихую погоду, въ противномъ же случаѣ предпочитаютъ высаживаться прямо у города. Набережной никакой передъ городомъ не имѣется, а прямо каменистый и песчаный берегъ. Обыкновенно подходятъ къ берегу на казенныхъ шлюпкахъ, но немного не доходя пересаживаются на туземныя, снабженныя полозьями. Какъ только полозья коснутся дна, гребцы (какъ и всѣ жители, одѣтые въ свои остроконечныя смѣшныя шапочки) выскакиваютъ въ воду и тащутъ шлюпку, какъ сани, предварительно повернувъ ее кормою къ берегу, чтобы не залило. Переправа довольно оригинальная, какъ и многое на островѣ. Съ рейда видъ очень красивъ. Высокія, покрытыя густой растительностью горы и дома какъ бы утопаютъ въ зелени. Ароматъ отъ тропической флоры—роскошный. Тутъ и пальмы, бананы, апельсины, сахарный тростникъ и т. п. южныя растенія.

Такъ какъ всѣмъ намъ извѣстно было, что простоимъ здѣсь не болѣе двухъ сутокъ, то воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ съѣхать на берегъ. По городу только пробѣжали, усѣлись верхомъ на коней и ввѣрили себя проводникамъ, предупредивъ, что желаемъ осмотрѣть болѣе интересное. Еще съ фрегата увидали высоко на горѣ католическій монастырь. Издали онъ со своими двумя башенками походитъ на замокъ. До монастыря, въ которомъ монахи приняли насъ очень радушно,—хотя въ то же время очень деликатно указали на стоявшее въ сторонѣ блюдо для сбора,—поднимались верхомъ часъ и десять минутъ. Думали, что тѣмъ же путемъ и вернемся, но намъ предложили спуститься другой дорогой, другимъ способомъ и притомъ скорѣе.

Спустились дѣйствительно по другой дорогѣ въ корзинѣ на полозьяхъ, что-то въ 18 или 20 минутъ. Довольно крутая, но очень хорошая дорога. Трое проводниковъ бѣгутъ сзади и направляютъ импровизованный экипажъ. Поѣздка по горамъ порядкомъ утомила насъ, а потому порѣшили вернуться пораньше на фрегатъ, тѣмъ болѣе, что нужно было выбрать вино изъ присланныхъ образцовъ. На другой день опять отправились въ горы. Большія пространства засажены сахарнымъ тростникомъ и, кажется, его теперь здѣсь растетъ болѣе, чѣмъ винограда. Проводникъ сказалъ намъ, что до сахарнаго тростника все было засажено виноградомъ, но послѣдній погибъ въ пятидесятыхъ годахъ отъ филлоксеры. Видѣли также вершину горы, похожую на силуэтъ человѣческаго лица въ профиль. Лобъ, носъ, губы и подбородокъ рельефно выдѣляются и не надо имѣть пылкаго воображенія, чтобы признать за лицо эту замѣчательную игру природы.

Экипажей здѣсь тоже не видали. Способовъ передвиженія три: верховыя лошади, носилки въ родѣ гамаковъ и сани на деревянныхъ полозьяхъ, гдѣ вмѣсто лошадей запряжены быки. Наши остряки говорили, что послѣднее очень хорошо придумано, такъ какъ нѣтъ опасности, что лошади разобьютъ. Въ глубинѣ острова попадаются деревушки, гдѣ васъ непремѣнно угостятъ какимъ-то кислымъ виномъ, выдавая за мадеру. Окрестности Фунчала очень живописны. Крутые овраги, ущелья, животрепещущіе мостики такъ и манятъ все дальше и дальше. Большинство живущихъ иностранцевъ — чахоточные, чающіе излѣченія. Но, говорятъ, здѣшній климатъ только поддерживаетъ, а не излѣчиваетъ. Что касается мѣстныхъ жителей, то европейскій костюмъ какъ-то не особенно подходитъ къ головному убору и обуви. Сидитъ онъ неуклюже, видимо стѣсняя. Встрѣчаются платья и что-то въ родѣ сарафановъ. Мужчины носятъ жилетъ незастегнутымъ; женщины же стараются дѣлать платье покороче. Конечно, тутъ не играетъ никакой роли кокетливое желаніе показать ножку. Какая-то смѣшная обувь на большой ногѣ не говоритъ въ пользу этого. Особенно типичныхъ и красивыхъ лицъ тоже не встрѣчали, за то вынесли впечатлѣніе, что музыкантовъ очень много. Національный инструментъ — машета—напоминаетъ гитару. **В. Соколовъ.**

Новый памятникъ императрицѣ Екатеринѣ Великой въ СПБ. (Рис. на стр. 776).

Въ воскресенье, 29 мая, на набережной Фонтанки, предъ зданіемъ городской Обуховской больницы, основанной Екатериной II, поставленъ памятникъ великой императрицы. На высокомъ гранитномъ пьедесталѣ возвышается бюстъ государыни, голова коего увѣнчана императорскою короной, а грудь и плечи покрыты порфирой. По сторонамъ пьедестала, обозначены золотыми буквами время открытія бюста и больницы и два стиха Державина:

„Чтобъ сей рѣкой благодѣяній
„Покрылась вся ея страна“...

Проектъ памятника (по конкурсу) принадлежитъ скульптору А. Л. Оберу, отливка бюста изъ бронзы по модели автора произведена на заводѣ Морана, а гранитный пьедесталъ дѣлалъ скульпторъ Ботта. С.-Петербургская городская дума назначила на этотъ памятникъ 7,200 руб. Вокругъ него расположены газоны съ клумбами цвѣтовъ и кустарниками.

Въ день открытія бюста, его окружали, съ цвѣтами въ рукахъ, воспитанники 15 школъ, изъ коихъ 7 ведутъ свое начало со временъ Екатерины II, а 8 открыты городомъ въ память ея. Сбоку памятника, на правой сторонѣ, у приготовленнаго аналоя, было совершено молебствіе. При пѣніи „Спаси, Господи, люди Твоя“, полотняная завѣса съ бюста упала, и онъ открылся взорамъ многочисленной публики.

Чествованіе въ СПБ. девятисотой годовщины крещенія Руси. (Рис. на стр. 777, 779, 780 и 781).

Еще наканунѣ знаменательнаго дня 15 іюля, столица начала украшаться флагами. Къ утру, уже на всѣхъ домахъ, въ мѣстахъ слѣдованія процессіи, развѣвались флаги, хоругви, красовались гирлянды и щиты съ изображеніемъ вензеля Св. Князя Владиміра.

Въ день празднованія, во всѣхъ церквахъ столицы соборне и торжественно были совершены раннія литургіи и на нихъ произносились поученія, соотвѣтственныя воспоминаемому событію. Къ 8½ часамъ утра были доставлены въ Князь-Владимірскій соборъ (за Тучковымъ мостомъ, на Петербургской сторонѣ) св. иконы, назначенныя для крестнаго хода, которыя и были поставлены на аналояхъ предъ царскими вратами праваго и лѣваго придѣловъ; хоругвь и икона Св. Владиміра были поставлены на солеѣ главнаго алтаря. Въ 9 ч., на-

чался въ Князь-Владимірскомъ соборѣ перезвонъ. Въ 10 ч., преосвященнымъ Гермогеномъ, въ сослуженіи съ архимандритами и мѣстными протоіереями, соборне и торжественно была совершена литургія. Въ Исаакіевскомъ каѳедральномъ соборѣ литургію совершалъ преосвященный Владиміръ въ 9 ч. утра.

На литургіи въ соборѣ Св. Князя Владиміра присутствовали члены Славянскаго благотворительнаго общества, представители города и городскіе ремесленные цехи со значками. Къ 10½ ч., въ Князь-Владимірскій соборъ собралось все духовенство столицы—приходское, военное и домовыхъ церквей, въ бѣлыхъ праздничныхъ облаченіяхъ. По окончаніи литургіи, начался крестный ходъ изъ Князь-Владимірскаго собора и направился, въ сопровожденіи преосвященнаго Гермогена, по Петербургской сторонѣ, черезъ Тучковъ мостъ, на Васильевскій островъ. Во главѣ иконъ была несома, на богатыхъ, высокихъ, вызолоченныхъ носилкахъ, икона Св. Князя Владиміра. Съ крестнымъ ходомъ слѣдовали кресты, хоругви и иконы зарѣчныхъ церквей. За преосвященнымъ, неся впереди хоругвь, шли члены Славянскаго благотворительнаго общества, гласные города и ремесленные цехи со значками. Массы народа стояли по пути по всѣмъ улицамъ. У часовни Св. Князя Владиміра, близъ Тучкова моста, была произнесена эктенія и пропѣтъ тропарь Св. Князю Владиміру. У церкви Св. Екатерины Великомученицы, на Васильевскомъ островѣ, встрѣтилъ крестный ходъ преосвященный Александръ, который совершилъ литію и, осѣнивъ народъ, при пѣніи тропаря Св. Екатеринѣ, продолжалъ путь, смѣнивъ перваго преосвященнаго. Противъ зданія Императорской Академіи Художествъ, преосвященнаго Александра смѣнилъ ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, преосвященный Антоній, который совершилъ краткое молебствіе у часовни Св. Николая Чудотворца на Николаевскомъ мосту.

Ко времени приближенія зарѣчнаго крестнаго хода къ Іордани, начался крестный ходъ изъ Исаакіевскаго каѳедральнаго собора, гдѣ собралось духовенство городскихъ церквей съ крестами, хоругвями и особо чтимыми иконами. Крестный ходъ сопровождалъ преосвященный епископъ Нарвскій Владиміръ. У зданія Святѣйшаго Синода къ крестному ходу присоединились первенствующій членъ Святѣйшаго Синода высокопреосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ и присутствующій въ Синодѣ преосвященный Германъ.

Между тѣмъ, къ часу съ четвертью дня, у морской пристани, близъ Сената, собрались по разосланнымъ отъ Двора повѣсткамъ статсъ-дамы, фрейлины, гофмейстерины, придворные чины и кавалеры, лица Императорской свиты, а также министры, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, почетные опекуны и другіе высшіе гражданскіе чины, генералы, штабъ- и оберъофицеры гвардіи, арміи и флота.

Дамы были въ бѣлыхъ короткихъ платьяхъ и шляпахъ, а кавалеры въ парадной формѣ.

Въ половинѣ втораго часа дня, пришла изъ Петергофа Императорская яхта „Александрія“ съ Ихъ Величествами и Августѣйшими Особами. Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества въ экипажахъ прослѣдовали затѣмъ къ пристани, близъ которой была устроена Іордань.

Здѣсь для Ихъ Величествъ, съ правой стороны у спуска, была приготовлена палатка, украшенная цвѣтами. На самой Невѣ стояла Іордань, убранная краснымъ сукномъ; посрединѣ, надъ мѣстомъ водоосвященія, возвышался бѣлый серебряный балдахинъ, увѣнчанный крестомъ. Противъ Іордани, на рѣкѣ, ближе къ другому берегу, стояли суда рѣчной полиціи, а по сторонамъ—много частныхъ пароходовъ и катеровъ съ публикою. Всюду виднѣлись флаги и красное сукно, на фонаряхъ кокарды и разноцвѣтные флаги.

Казаки, конвой и камеръ-пажи стояли у пристани. Противъ Іордани, по набережной, тыломъ къ Сенату, выстроилась рота 8-го флотскаго экипажа съ хоромъ музыки и знаменнымъ флагомъ. Поперекъ набережной стоялъ взводъ дворцовыхъ гренадеръ, съ золотымъ знаменемъ. Остальныя войска, участвовавшія въ парадѣ, были въ видѣ буквы „п“ расположены на площади Зимняго Дворца.

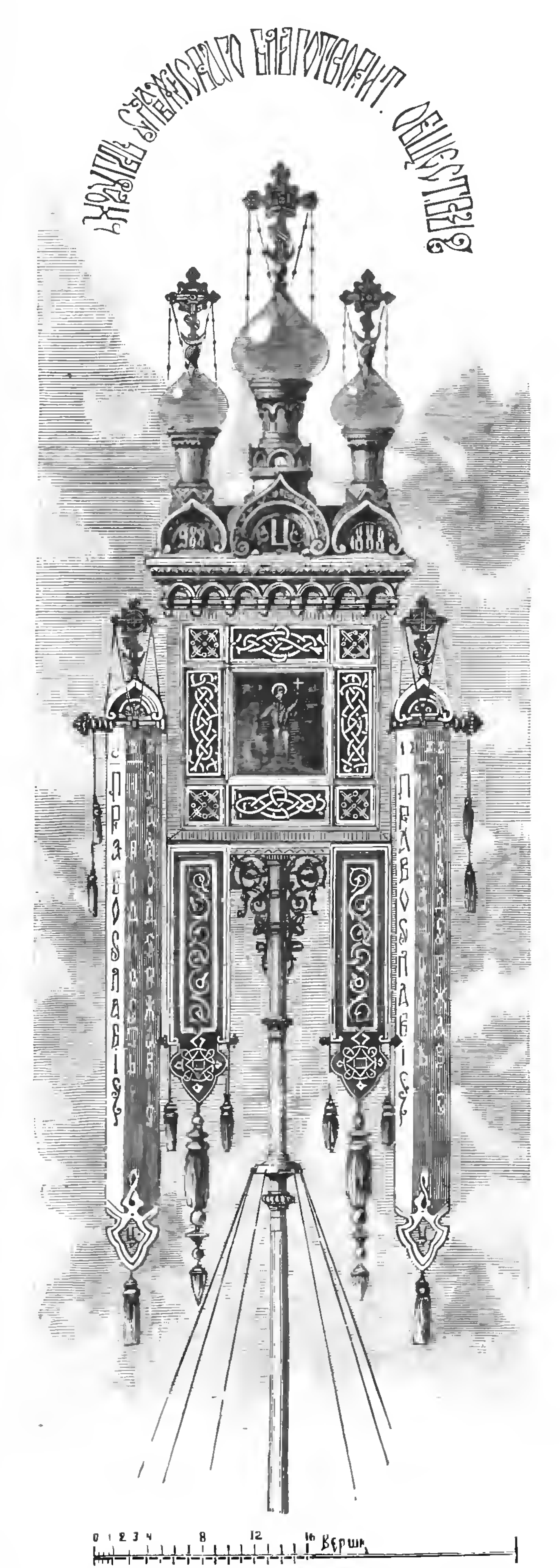
Къ мѣсту Іордани сперва пришелъ крестный ходъ Исаакіевскаго собора, съ преосвященными архіереями, а вслѣдъ за нимъ подошла и большая процессія изъ Князь-Владимірскаго собора. Войска отдавали честь процессіи и играли гимнъ „Коль славенъ“.

Слѣдомъ за процессіею пріѣхали Ихъ Величества. Государь Императоръ поздоровался съ войсками. Всѣ спустились на Іордань, гдѣ было совершено водоосвященіе. Императорская Фамилія стала справа духовенства; слѣва стали придворные пѣвчіе.

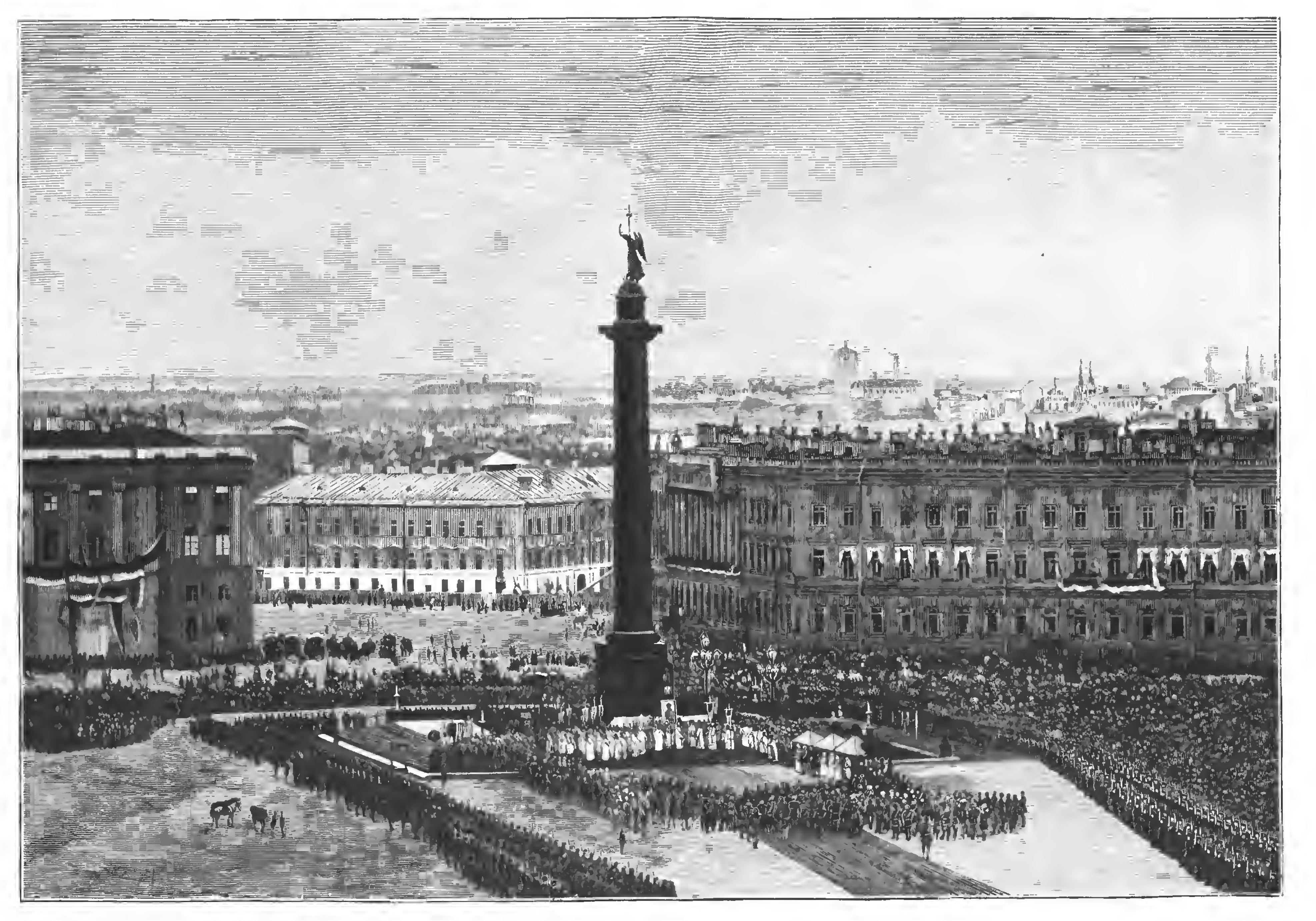
Знамена, имѣя во главѣ знамя роты дворцовыхъ гренадеръ, окружали Іордань.

Лишь только митрополитъ приступилъ къ погруженію креста въ воду, справа высоко взлетѣли двѣ ракеты, и по этому сигналу загремѣлъ салютъ съ Петропавловской крѣпости. Митрополитъ окропилъ святою водою знамена и присутствовавшихъ.

Подъ звонъ колоколовъ всей столицы, при громѣ салюта, при боѣ барабановъ и звукахъ гимна „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, съ пѣніемъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“, двинулся общій крестный ходъ съ Іордани, между стоявшими шпалерами войсками, черезъ Александровскій садъ, на площадь. Длинною

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Хоругвь Св. Князя Владиміра, сооруженная СПБ. Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ. Ориг. рис. архит. В. Харламова, грав. Барановскій.

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Молебствіе у Александровской колонны.

Съ фотогр. Демчинскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

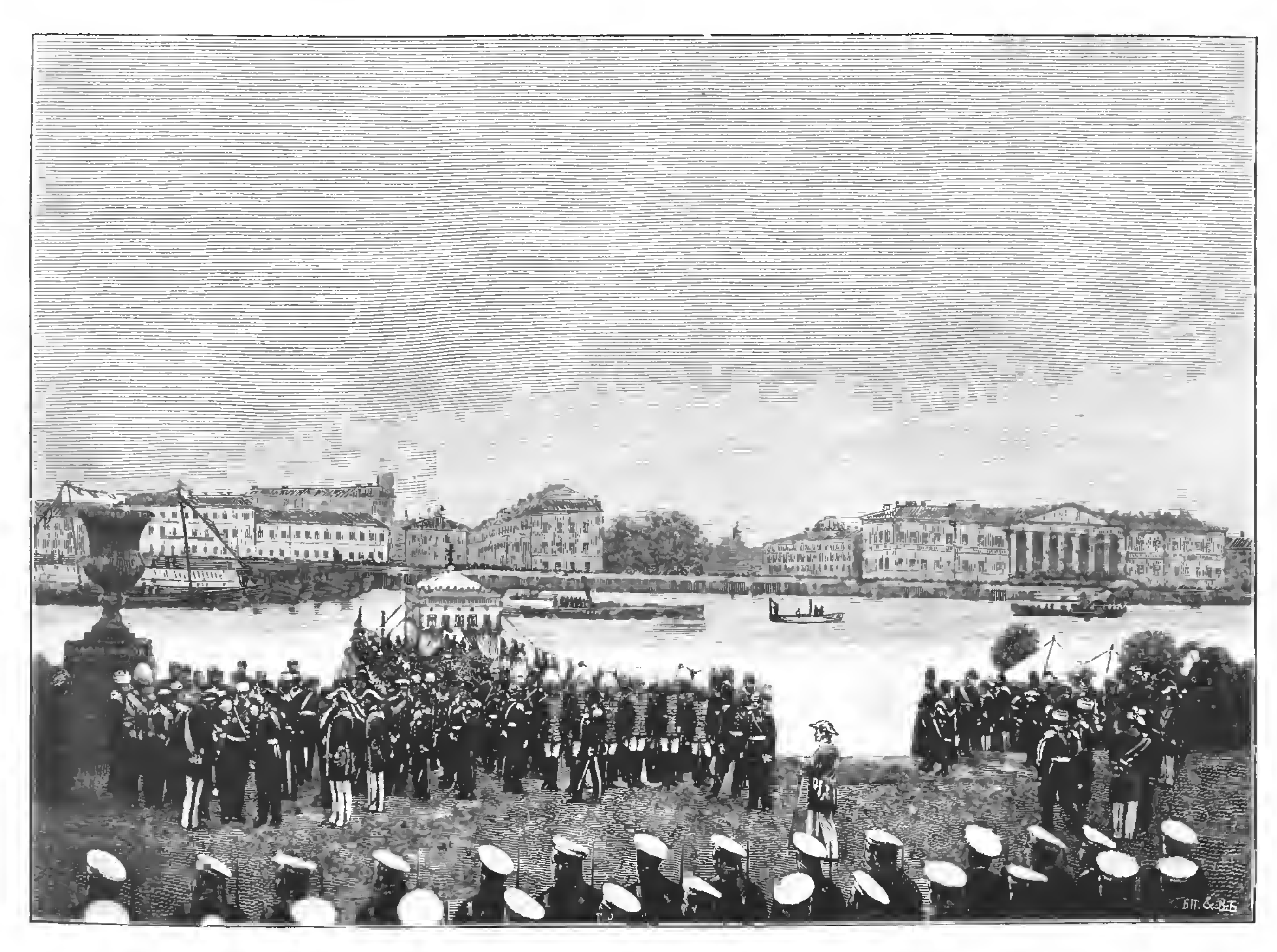
бѣлою лентою, прерываемою только рядами пѣвчихъ и оканчивающеюся золотымъ облаченіемъ высшаго духовенства, выходила процессія изъ Александровскаго сада на площадь, наполненную десятками тысячъ народа, по пути, огражденному стройными рядами войскъ. Крестный ходъ состоялъ изъ 8 отдѣленій, открывался псаломщиками съ фонаремъ и діаконами съ запрестольнымъ крестомъ. Во главѣ процессіи несли хоругви Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра и Святыхъ Меѳодія и Кирилла; затѣмъ слѣдовали хоругви изъ Князь-Владимірскаго собора. Два протоіерея несли большое напрестольное св. Евангеліе; затѣмъ шли пѣвчіе и священники; діаконы, съ кадилами предшествовали иконѣ Св. Князя Владиміра, стоявшей на носилкахъ и возвышавшейся надъ всею процессіей.

За хоругвями несли на носилкахъ икону Спасителя, предъ которою, шли два придворные протодіакона съ кадилами и придворные протоіереи, два архимандрита несли ковчегъ съ мощами Св. Апостола Андрея Первозваннаго и частію животворящаго древа Креста Господня. Передъ ковчегомъ шли два діакона съ кадилами. За ними—протоіереи, настоятели соборовъ: Исаакіевскаго съ напрестольнымъ крестомъ, и Казанскаго, съ малымъ Евангеліемъ, придворные пѣвчіе, въ малиновыхъ мундирахъ, протоіереи, имѣющіе митры, и архимандриты попарно, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеръ Янышевъ, преосвященные архіереи со своею свитою, и, наконецъ, предшествуемый знаками своего сана и предносимымъ крестомъ — первенствующій членъ Святѣйшаго Синода, высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, при немъ придворные и каѳедральный протодіаконъ, каѳедральный ключарь и псаломщики. Архимандриты и архіереи были въ золотыхъ облаченіяхъ. По сторонамъ процессіи въ 8-мъ отдѣленіи шли шпалерами придворные лакеи и камеръ-лакеи, скороходы, гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры, дворцовые гренадеры и пажи. За крестнымъ ходомъ слѣдовалъ Его Величество Государь Императоръ подъ руку съ Государынею Императрицею. За Ихъ Величествами шли Особы Императорской Фамиліи, многочисленная блестящая свита, придворныя дамы, военные и гражданскіе чины; затѣмъ несли знамена, примыкавшія по пути къ своимъ частямъ, слѣдовали взводъ дворцовыхъ гренадеръ и представители города, Славянскаго общества и цеховъ, со значками, которые стали потомъ по обѣимъ сторонамъ, по дорогѣ къ эстрадѣ.

На площади было приготовлено мѣсто для молебствія. Площадь была покрыта ковромъ изъ цвѣтныхъ опилокъ, образуя дорожки: бѣлыя, синія и красныя и такія же звѣзды.

Александровская колонна была обнесена высокою эстрадою, покрытою краснымъ сукномъ; наверху, на четырехъ углахъ, стояли серебряные подсвѣчники; на западной сторонѣ были поставлены аналои, а справа и слѣва отъ нихъ были приготовлены мѣста для иконъ.

Передъ аналоями, у самой колонны, возвышалась величественная хоругвь Св. Князя Владиміра, сооруженная С.-Петербургскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ. Хоругвь—трехконечная; ея верхъ представляетъ подобіе маленькой часовни, съ тремя главами; въ серединѣ хоругви съ одной стороны образъ Св. Князя Владиміра, а съ другой—Св. Княгини Ольги; вокругъ образовъ и на лопастяхъ хоругви — орнаменты византійскаго стиля; съ боковъ хоругви, немного ниже главъ, изъ-подъ полукруговъ ниспадаютъ съ каждой стороны трехцвѣтныя ленты (см. рис. на стр. 779).

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Іордань на Невѣ противъ Александровскаго сада.
Съ фотогр. Бруно Зенгера, грав. Бергъ.

Края эстрады были обложены розами и другими цвѣтами. Канделябры у колонны какъ бы возвышались изъ цвѣтниковъ. Внизу у эстрады находилась царская палатка, вся украшенная деревьями и цвѣтниками съ группами розъ; всѣ восемь отдѣленій крестнаго хода расположились квадратомъ вокругъ Александровской колонны, по два отдѣленія на каждой сторонѣ. Хоругви были помѣщены по боковымъ ступенямъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, въ особо устроенныхъ гнѣздахъ.

На западной сторонѣ, передъ славянскимъ стягомъ Св. Князя Владиміра, былъ помѣщенъ образъ Св. Равноапостольнаго Князя, передъ нимъ—большое Евангеліе, справа—фонарь и слѣва—запрестольный крестъ; здѣсь размѣстились два послѣднія отдѣленія крестнаго хода, съ высшимъ духовенствомъ. На двухъ аналояхъ были положены иконы Спасителя и Казанской Божіей Матери, а съ боковъ эстрады, по правой и лѣвой сторонамъ, спускаясь внизъ, стали старшіе протоіереи и архимандриты; наверху предъ иконами стали преосвященные архіереи въ рядъ, съ митрополитомъ въ серединѣ. Внизу, справа, у Царской палатки, стали Ихъ Величества, а сзади — весь Дворъ и свита. На эстрадѣ было совершено краткое молебствіе. Протодіаконъ возгласилъ сугубую эктенію. За ней высокопреосвященный митрополитъ прочелъ благодарственную молитву, при послѣднихъ словахъ которой: „Слава Тебѣ Богу, благодателю нашему, во вѣки вѣковъ", пѣвчіе на эстрадѣ запѣли: „Тебѣ Бога

хвалимъ". По всѣмъ церквамъ понесся колокольный звонъ. За благодарственною пѣснью послѣдовалъ отпускъ, и протодіаконъ, ставъ предъ архіереями, возгласилъ цѣлый рядъ многолѣтій и воспоминаній. Первое многолѣтіе—Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему Дому. Затѣмъ—вѣчную память просвѣтителямъ Россіи—Святому Благовѣрному Великому Князю Владиміру и Святой Благовѣрной Великой Княгинѣ Ольгѣ, почившимъ благовѣрнымъ и христолюбивымъ князьямъ и княгинямъ и проч.

Послѣ каждаго возглашенія, пѣвчіе тихо пѣли „вѣчная намять". Затѣмъ начались многолѣтія святѣйшимъ патріархамъ константинопольскому, александрійскому, антіохійскому, іерусалимскому и проч. По возглашеніи послѣдняго многолѣтія, митрополитъ осѣнилъ крестомъ народъ на всѣ четыре стороны. Ихъ Величества и всѣ Особы Императорской Фамиліи прикладывались ко св. кресту и приняли окропленіе святою водою.

Государь Императоръ поздоровался съ войскомъ и затѣмъ Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи сѣли въ экипажи и отбыли на яхту „Александрія", которая потомъ пошла въ Петергофъ.

Вечеромъ, въ залѣ городскаго кредитнаго общества, состоялось торжественное собраніе Славянскаго благотворительнаго общества.

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Германскій Вильгельмъ II, отбывъ изъ Кронштадта 12 іюля. возвратился въ Потсдамъ 20 іюля, посѣтивъ на обратномъ пути Стокгольмъ, Копенгагенъ и Фридрихсруэ, гдѣ проживаетъ въ настоящее время князь Бисмаркъ. О значеніи петергофскаго свиданія и дальнѣйшей поѣздки молодаго императора въ заграничныхъ газетахъ до сихъ поръ появлялись только незначительныя и сдержанныя статьи, довольно гадательнаго свойства; за то столбцы ихъ наполнены подробностями путешествія германской эскадры въ Швеціи и Даніи. Оттуда мы узнаемъ, что императоръ Вильгельмъ прибылъ въ Стокгольмъ послѣ двухдневнаго плаванія, 14 іюля. Король и наслѣдный принцъ Шведскіе, въ сопровожденіи германскаго посланника, вышли утромъ въ 6¼ ч. навстрѣчу германской эскадрѣ на яхтѣ „Drott". Въ 8½ часовъ утра показалась эскадра и съ „Hohenzollern" раздался королевскій салютъ. Король и наслѣдный принцъ вступили на яхту „Hohenzollern". Императоръ сердечно обнялъ Шведскаго короля и наслѣднаго принца. „Drott" и „Baden" обмѣнялись салютами. Шведскій хоръ музыки игралъ германскій народный гимнъ, прусскій хоръ—шведскій гимнъ. Пробывъ полчаса на яхтѣ „Hohenzollern", король и наслѣдный принцъ пересѣли на яхту „Drott", на которой и вернулись въ Стокгольмъ, чтобы встрѣтить тамъ императора. Всѣ прибрежныя виллы разцвѣтились флагами. При пушечныхъ выстрѣлахъ въ 12 ч. императоръ, принцъ Генрихъ, графъ Гербертъ Бисмаркъ и императорская свита направились въ катерахъ къ пристани, гдѣ была воздвигнута тріумфальная арка, украшенная германскимъ императорскимъ гербомъ. Здѣсь Августѣйшіе гости встрѣчены были королемъ, наслѣднымъ принцемъ и его супругою и высшими сановниками; здѣсь же выставлены были въ парадномъ строю войска и два хора музыки исполнили прусскій народный гимнъ. Императоръ съ королемъ и принцъ Генрихъ съ супругою наслѣднаго принца направились въ сопровожденіи свиты по сооруженному на этотъ случай мосту къ возвышающемуся противъ пристани королевскому дворцу. Немного спустя послѣ прибытія во дворецъ, императоръ въ сопровожденіи короля вышелъ на балконъ и былъ привѣтствованъ народомъ. Въ 4½ часа пополудни состоялась прогулка въ экипажѣ въ Зоологическій садъ, а вечеромъ былъ сервированъ во дворцѣ парадный обѣдъ. Столъ начался въ 7½ час. При входѣ императора оркестръ исполнилъ сочиненный къ этому случаю торжественный маршъ „Императору Вильгельму". Король провозгласилъ тостъ въ честь императора, причемъ сказалъ, что въ числѣ своихъ наилучшихъ воспоминаній онъ хранитъ память о дружбѣ, которую питали къ нему дѣдъ и родитель его гостя. Затѣмъ король благодарилъ императора за визитъ, пожелалъ ему долгой жизни и счастливаго и славнаго царствованія. Императоръ отвѣтилъ, что онъ доволенъ своею поѣздкою въ красивую скандинавскую страну и что онъ надѣется на дальнѣйшую дружбу между Германіей и Швеціей.

На другой день императоръ Вильгельмъ, король и наслѣдный принцъ Шведскіе, принцъ Генрихъ прусскій и графъ Гербертъ Бисмаркъ посѣтили Екатерининскій элеваторъ, подъемную машину соединяющую низменную часть города съ нагорною, національный музей и центральную телефонную станцію. Послѣ полудня, осмотрѣвъ Ридаргольскую церковь, всѣ названныя особы поѣхали въ Дротнингольмъ, гдѣ сервированъ былъ обѣдъ. Жители Стокгольма во множествѣ посѣщали суда германской эскадры, гдѣ были встрѣчаемы съ большимъ радушіемъ. Въ 7 час. вечера по возвращеніи изъ поѣздки Августѣйшіе гости отплыли на королевскомъ катерѣ на „Hohenzollern". Въ 9 час. на императорской эскадрѣ было уже все готово къ уходу въ море въ 3 часа утра.

Въ десять часовъ вечера, наслѣдный принцъ Шведскій посѣтилъ яхту „Гогенцоллернъ" и простился съ императоромъ Вильгельмомъ. При отъѣздѣ наслѣднаго принца съ яхты зажженъ былъ на морской верфи великолѣпный фейерверкъ. Въ отвѣтъ на это „Гогенцоллернъ" тоже освѣтился бриллiантовыми огнями. Тысячи зрителей привѣтствовали восторженными возгласами императора, короля и наслѣднаго принца.

Въ Копенгагенъ Германскій императоръ прибылъ 18 іюля. Датская эскадра вышла навстрѣчу германской; встрѣтившись, обѣ онѣ салютовали одна другой. Датскій король и наслѣдный принцъ подъѣхали на шлюпкѣ къ судну „Hohenzollern" и, взойдя на него, были встрѣчены Германскимъ императоромъ, который обнялъ и поцѣловалъ ихъ обоихъ. Послѣ непродолжительнаго пребыванія на императорскомъ суднѣ, король и наслѣдный принцъ возвратились на „Danebrog". Въ половинѣ двѣнадцатаго обѣ эскадры прибыли въ Копенгагенъ, гдѣ императоръ Вильгельмъ и принцъ Генрихъ Прусскій были сердечно встрѣчены членами датской королевской фамиліи, причемъ музыка почетнаго караула исполнила „Heil Dir im Siegeskranz".

Обстановка, при которой состоялась встрѣча императора Вильгельма, была роскошна. Повсюду красовались цвѣты и флаги. На мѣстѣ, гдѣ произошла высадка высокихъ гостей, поставленъ былъ балдахинъ; передъ нимъ развѣвался германскій флагъ, а по обѣимъ сторонамъ его по флагу Данеброга. Германскій императоръ, въ прусской адмиральской формѣ, былъ привѣтствованъ королемъ и наслѣднымъ принцемъ Датскими, а также прочими принцами; поспѣшно взбѣжавъ по лѣстницѣ, императоръ поцѣловалъ у королевы руку и раскланялся съ принцессами. Въ это время раздавались салюты, играла музыка и воздухъ оглашался сочувственными возгласами публики. Затѣмъ, послѣ представленія присутствовавшихъ сановниковъ, императоръ прошелъ вмѣстѣ съ королемъ вдоль фронта почетнаго караула, послѣ чего оба они отправились въ экипажѣ въ Амаліенборгъ. Прочія высокія особы поѣхали слѣдомъ. Войска разставлены были на всемъ пути шпалерами и толпившаяся здѣсь публика привѣтствовала императора неумолкавшими кликами. По прибытіи высокихъ гостей въ Амаліенборгъ, надъ замкомъ поднятъ былъ германскій императорскій флагъ. Послѣ завтрака состоялось посѣщеніе выставки. На парадномъ обѣдѣ, данномъ въ тотъ же день, императоръ занималъ мѣсто между королемъ и королевою. Къ концу обѣда король провозгласилъ слѣдующій тостъ: „Примите, ваше величество, благодарность за почетный визитъ, сдѣланный вами мнѣ и моей странѣ. Пью отъ чистаго сердца здоровье императора, императрицы и императорской фамиліи". Тостъ свой король закончилъ провозглашеніемъ „hoch" въ честь императора. Хоръ музыки исполнилъ прусскій народный гимнъ. Императоръ благодарилъ за сердечный пріемъ и провозгласилъ тостъ за здоровье короля, королевы и королевской фамиліи. Хоръ музыки исполнилъ датскій народный гимнъ. Оба тоста провозглашены были на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ обѣда у королевской четы былъ сервированъ чай. Въ 11 часовъ вечера, императоръ Вильгельмъ отбылъ на яхту „Hohenzollern". Король и всѣ принцы провожали императора. Пристань и прилегающія къ ней зданія были великолѣпно иллюминованы.

19 іюля вечеромъ эскадра прибыла въ Киль и въ полночь на 20 число императоръ Вильгельмъ прибылъ въ Фридрихсруэ вмѣстѣ съ графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ и былъ встрѣченъ имперскимъ канцлеромъ въ собственномъ домѣ. Сбѣжавшаяся большая толпа народа привѣтствовала императора криками „ура", пѣніемъ народнаго гимна и „Wacht am Rhein". Пробывъ тамъ до полудня 21 іюля, императоръ Вильгельмъ отправился въ Потсдамъ, куда и прибылъ въ 5 час. 30 мин.

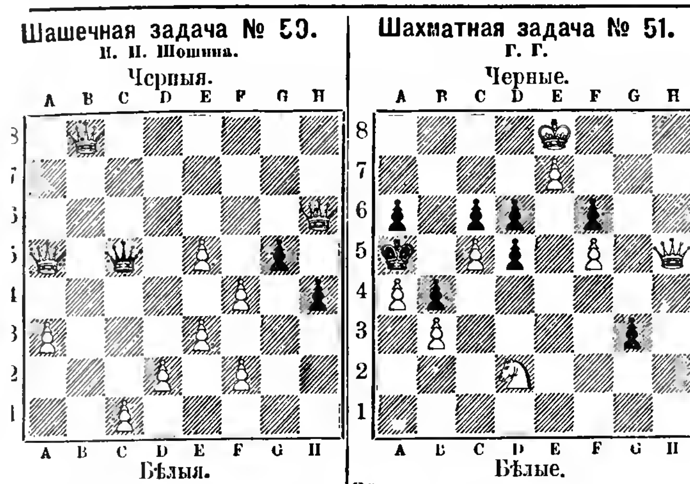
Такъ окончилось посѣщеніе юнымъ Германскимъ вѣнценосцемъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей. О послѣдствіяхъ его скажетъ недалекое будущее, но безъ сомнѣнія оно отразится на политическомъ строѣ грядущихъ событій. Многіе полагаютъ, что прежде всего оно отразится на болгарскомъ вопросѣ. И теперь уже заграничныя газеты сообщаютъ цѣлый рядъ догадокъ, какъ онъ разрѣшится. *Frankfurter Zeitung* утверждаетъ, что между Россіей и Германіей состоялось соглашеніе, въ основу котораго положено разрѣшеніе болгарскаго вопроса согласно Берлинскому трактату. *Correspondance de l'Est* предсказываетъ, что со стороны Германіи вскорѣ будетъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ устраненію принца Фердинанда изъ Болгаріи; *Indépendance Belge* увѣряетъ, что такой шагъ будетъ сдѣланъ со стороны Россіи и т. п.

Въ Болгаріи, можно думать, вскорѣ должны произойти какія-нибудь событія; подтвержденіемъ этому можетъ служить телеграфное сообщеніе, что Порта представила на дняхъ на утвержденіе султана проектъ циркулярной ноты, которую она признаетъ необходимымъ разослать по телеграфу турецкимъ посламъ. Въ циркулярной нотѣ подробно излагаются обстоя-

тельства, при которыхъ послѣдовалъ захватъ болгарскимъ правительствомъ Бѣлово-Вакарельской желѣзной дороги, а въ заключеніе поручается посламъ снестись съ правительствами, у которыхъ они аккредитованы, чтобы сообща внушительнымъ образомъ побудить болгарскихъ министровъ возвратиться на легальный путь, установленный Берлинскимъ трактатомъ. Если шагъ этотъ не произведетъ ожидаемаго дѣйствія, то до избранія въ Болгаріи законнаго князя и до пересмотра восточно-румелійскаго органическаго статута, Порта находитъ необходимымъ назначить соотвѣтственное лицо для временнаго исполненія должности восточно-румелійскаго генералъ-губернатора.

Шашечная задача № 50.
Н. Н. Шошина.

Шахматная задача № 51.
Г. Г.

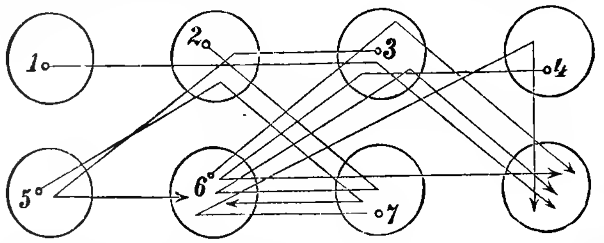

Шашечная задача № 50. Черныя. Бѣлыя. Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и 2 простыхъ черныхъ.

Шахматная задача № 51. Черные. Бѣлые. Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Задача буквъ № 52.
Н. С. Даржана.

Въ предложенныхъ кругахъ поставить буквы такъ, чтобы, читая отъ маленькаго кружка по линіи до стрѣлки, получились заданныя слова:

1. Матросское полотно.
2. Часть покинутаго руста рѣки.
3. Военная фуражка.
4. Первая степень болѣзни рака.
5. Сверхъестественныя существа женскаго рода.
6. Рѣка Оренбургской губерніи.
7. Злакъ.

Читая же обѣ строки буквъ, получимъ фамилію извѣстнаго иностраннаго писателя.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—картины проф. Ю. КЛЕВЕРА **„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА"**, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Ѳ. Н. Глинка (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повѣсть Д. В. Аверкіева. (Продолженіе).— Исторія одного таланта. Повѣсть Н. Станицкаго. (Продолженіе). — О предотвращеніи и лѣченіи тучности гимнастикой и діэтой. Д-ра Неисберга. — Къ рисункамъ: Въ камышахъ (съ рис.). — Касса ссудъ (съ рис.).—За бѣлками (съ рис.).— Туземцы острова Мадеры (съ 2 рис.). — Новый памятникъ императрицѣ Екатеринѣ Великой въ СПБ. (съ рис.). — Чествованіе въ СПБ. девятисотой годовщины крещенія Руси (съ 6 рис.).— Политическое обозрѣніе.—Задачи. —Заявленіе. – О перемѣнѣ адреса.— Объявленія.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ Ѳ. Клюшниковъ.

Дозвол. ценз., СПБ., 27 іюля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. — № 32 — г. XIX — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 6 августа 1888 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АВГУСТЪ 1888 г., съ 27 гравюрами и отд. листъ съ 23 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 14 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Баронъ Петръ Карловичъ Усларъ.

Не мало личностей въ высшей степени замѣчательныхъ проходили свое жизненное поприще не оцѣненными при жизни своей въ надлежащей мѣрѣ и лишь послѣ немалаго промежутка времени за ихъ кончиною имена ихъ начинали ставиться на подобающую имъ высоту. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ и покойный П. К. Усларъ, находящій теперь все больше и больше цѣнителей заслугъ, оказанныхъ имъ наукѣ и нашему отечеству неутомимыми трудами своими, посвященными въ теченіе почти четверти столѣтія Кавказу. Труды эти издаются теперь Кавказскимъ военно-народнымъ управленіемъ и Кавказскимъ отдѣломъ географическаго общества; портреты Услара составляютъ необходимую принадлежность школъ Дагестана и въ будущемъ этому почтенному дѣятелю предстоитъ занять въ благодарной памяти горскаго населенія, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ качествѣ первоучителя, создавшаго письменость для многихъ горскихъ племенъ.

Баронъ Петръ Карловичъ Усларъ. Съ современн. портрета, грав. Ю. Шюблеръ.

Петръ Карловичъ родился 20 августа 1816 года, въ родовомъ имѣніи своемъ Куровѣ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи и тамъ же скончался 8 іюня 1875 г. Въ теченіе трудовой своей жизни онъ лишь изрѣдка посѣщалъ любимый, родной свой уголокъ, гдѣ до десятилѣтняго возраста воспитывался. Учился онъ подъ руководствомъ Г. Миддендорфа, большаго поклонника классическихъ языковъ, съумѣвшаго пристрастить къ нимъ до такой своего ученика, что тотъ 12-лѣтнимъ юношей могъ свободно объясняться съ профессоромъ Реймсомъ по-латыни. Помѣщенный въ СПБ. третью гимназію, въ которой директоръ ея, извѣстный профессоръ Шнейдеръ, высоко поднялъ тогда изученіе древнихъ языковъ, Усларъ кончилъ курсъ 17-ти лѣтъ и поступилъ въ Инженерное училище. Выпущенный въ 1836 г. въ офицеры, службу свою

началъ въ саперномъ батальонѣ на Кавказѣ, оставался здѣсь до 1840 года, вернулся затѣмъ въ Петербургъ, поступилъ въ Военную академію и по окончаніи ея курса, назначенъ въ Сибирскій корпусъ. Участіе въ экспедиціи противъ возмутившагося киргизъ-кайсацкаго султана, Касымова, вызвало его на первый литературный трудъ, „Киргизкайсацкая степь“, помѣщенный въ *Отечественныхъ Запискахъ*; изъ Сибири онъ былъ командированъ для военно-статистическаго описанія сперва Тверской, а потомъ Вологодской губерній, и эти труды, превосходно исполненные, обратили на себя особенное вниманіе не только начальства, но и нашей печати. Испытавъ въ нихъ свои силы, Усларъ, послѣ Венгерской кампаніи, въ которой тоже участвовалъ, перешелъ въ 1850 году снова на Кавказъ, и составилъ тутъ замѣчательное военно-статистическое описаніе Эриванской губерніи. Но служба боевая постоянно отвлекала его отъ научныхъ занятій. Онъ принималъ участіе во многихъ военныхъ экспедиціяхъ, состоялъ во время Крымской войны начальникомъ штаба Гурійскаго отряда, затѣмъ, въ чинѣ уже полковника, начальникомъ штаба кутаисскаго генералъ-губернатора, дѣлалъ походъ въ Сванетію и лишь въ 1858 году, получивъ, по Высочайшему повелѣнію, назначеніе составителемъ исторіи Кавказа, всецѣло посвятилъ себя ученой дѣятельности.

Изученіе древнѣйшей исторіи Кавказа повело Услара къ лингвистическимъ изслѣдованіямъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, Пикте и др. лингвисты озарили своими изслѣдованіями отдаленное прошлое и на ряду съ ними лѣтописи и преданія оказались лишь слабыми пособіями. Усларъ пошелъ по слѣдамъ этихъ знаменитыхъ ученыхъ и послѣ продолжительныхъ опытовъ выработалъ свой собственный методъ изученія горскихъ нарѣчій Кавказа. Въ 1861 году онъ подалъ записку Кавказскому отдѣлу Географическаго общества, въ которой доказалъ необходимость составленія азбукъ для тѣхъ кавказскихъ языковъ, которые не имѣютъ своей письменности. Азбуки эти должны быть составлены при помощи самихъ же туземцевъ, которые единственно могутъ быть компетентными судьями при изображеніи звуковъ, свойственныхъ ихъ языкамъ. Алфавитъ взятъ былъ нашъ русскій, съ добавленіемъ нѣсколькихъ сочиненныхъ самимъ Усларомъ буквъ, выражающихъ звуки, свойственные лишь горскимъ нарѣчіямъ. Первый опытъ примѣненія своего метода сдѣлалъ Усларъ на одномъ изъ труднѣйшихъ по своему произношенію языковъ — аварскомъ, при помощи ученика VII класса Тифлисской гимназіи Геттинкау, по происхожденію аварца. Результаты получились самые удовлетворительные и хотя составленная имъ аварская азбука впослѣдствіи подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, но она дала возможность ознакомиться съ звуковою системою аварскаго языка. Въ томъ же году Усларъ перешелъ къ такому же опыту съ еще болѣе труднымъ языкомъ — абхазскимъ. Основа произношенія его состоитъ изъ сплетенія самыхъ разнообразныхъ звуковъ: шипящихъ, дрожащихъ, свистящихъ, жужжащихъ. „Если англійскій выговоръ“, говоритъ Усларъ, „походитъ на щебетаніе птицъ, объ абхазскомъ языкѣ можно сказать, что онъ напоминаетъ жужжаніе насѣкомыхъ“. Всѣхъ звуковъ въ абхазскомъ языкѣ насчитывается 55, а въ числѣ ихъ однихъ шипящихъ 23. Нужно было изучить каждый звукъ и прослѣдить способъ его образованія. При помощи туземцевъ, Усларъ успѣлъ совладать съ фонетикою этого языка и создать ему азбуку. Отъ абхазскаго, въ 1862 году, живя въ крѣпости Грозной, онъ обратился къ чеченскому при помощи муллы Ягулбая, муталемовъ и Кеди Досова. Когда азбука чеченская была составлена, эти сотрудники его въ шесть недѣль выучились читать совершенно свободно на своемъ языкѣ, на основаніи русскаго алфавита. „Изученіе родной грамоты“, говоритъ Усларъ, „на русскомъ основаніи служитъ наилучшимъ пособіемъ къ изученію грамоты русской. Выучите сначала ученика горца грамотѣ на его родномъ языкѣ, отъ него перейдите къ русской. Муталемы были въ восторгѣ отъ своихъ шестинедѣльныхъ занятій, въ продолженіе которыхъ выучились читать-писать на своемъ языкѣ и въ придачу выучились читать-писать по-русски. Эти успѣхи сравнивали они съ медленностію своего арабскаго ученія“. Затѣмъ, въ теченіе остальныхъ лѣтъ своей жизни, Усларъ исключительно посвятилъ себя изученію языковъ — кази-кумыхскаго, табасаранскаго и кюринскаго; по плану его составлены были инородческія школы и среди почти милліоннаго населенія горцевъ явилась впервые возможность передачи мѣстныхъ преданій, сказокъ, поговорокъ и другихъ народныхъ сказаній, а главное—родная письменность повела къ освобожденію горцевъ отъ арабской письменности, навязанной имъ мусульманствомъ и открыла дверь къ сближенію съ новымъ ихъ отечествомъ — Россіей. Всѣ эти начинанія и педагогическіе труды покойнаго П. К. Услара, прерываемые лишь учеными занятіями его по исторіи Кавказа, встрѣчали на каждомъ шагу тысячу препятствій не только въ мѣстныхъ условіяхъ края, но и со стороны административной. Такъ напр. учебное вѣдомство, принявшее во свое вѣдѣніе Темирханшуринскую инородческую школу, обратило ее въ прогимназію, мотивируя это недостаткомъ средствъ для содержанія въ Темиръ-ханъ-Шурѣ двухъ училищъ. Но теперь прошли уже эти времена непониманія мыслей и программъ Услара и, благодаря въ особенности покойному А. А. Шепелеву, завѣдывавшему всѣмъ горскимъ управленіемъ Кавказа, Усларовская система и школа получили надлежащее возрожденіе. Въ настоящемъ мѣсяцѣ исполнилось ровно 25 лѣтъ со дня открытія въ Дагестанѣ первой такой инородческой школы и при этомъ невольно приходятъ на память незабвенныя заслуги барона Петра Карловича Услара, оцѣненныя уже учеными германами въ статьѣ очень распространеннаго журнала *Globus* (Band XXVIII) подъ заглавіемъ „Peter von Uslar und die Kaukasische Forschungen“.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

XIV.

Изгойченко.

Послѣ пира, Киріаку Андреевичу не рѣдко приходилось Настасью Григорьевичеву навѣщать. И самъ онъ, бывало, заѣзжалъ, и Настасья за нимъ, случалось, присылала, и Мамелфа Тимоѳеевна туда же ѣздить сынка понукивала. Наконецъ до того дошло, что Киріаковъ конь изъ воротъ сталъ влѣво поворачивать, въ ту сторону, гдѣ Настасьинъ домъ. А когда случалось Киріаку мимо двора Григорьевичевой ѣхать, то коня надо было придерживать, чтобъ онъ къ ея воротамъ не поровилъ.

Киріаку на первыхъ порахъ весело было въ просторныхъ сѣняхъ Настасьиныхъ. Туда всѣ за дѣломъ и безъ дѣла съѣзжалися: тамъ обо всемъ говорили и спорили; оттуда расходились вѣсти по всему Новугороду. Толки его занимали, казались ему живымъ дѣломъ. Вскорѣ, однако, постоянная болтовня объ одномъ и томъ же, и на одинъ и тотъ же ладъ, наскучила ему. Киріака досадовало повальное легкомысліе. Настоящей заботы, какъ устроить дѣло, не было; словно всѣ сговорились, много не раздумывая, кричать какъ можно громче. Все и для всѣхъ было ясно, рѣшено и подписано. И толковать больше, казалось бы, не къ чему, а все толковали.

Въ сотый и двухсотый разъ повторяли, что московскихъ пословъ надо задержать въ Новѣгородѣ подольше, угощать ихъ, одарять и всячески чествовать. Господствовала увѣренность, что благодарные послы станутъ за то говорить предъ своимъ государемъ въ защиту Новгорода, и господинъ князь великій, усыпленный этими рѣчами, махнетъ рукой на пустую затѣю Захарія, Назара и иныхъ московскихъ нохлѣбниковъ, и дѣло кончится миромъ, „по старинѣ и пошлинѣ“. Вообще, по выраженію посадника, Новгороду слѣдовало теперь вести себя „тихохонько, смирнёхонько и къ тому еще умнёхонько“. Это словцо до того всѣмъ полюбилося, что его стали повторять ни къ селу, ни къ городу.

Возраженій противъ общаго мнѣнія не слышалось, и на случайнаго возражателя глядѣли не доброжелательно: Киріакъ испыталъ это на себѣ. Сталъ онъ присматриваться: не найдется ли ему хоть одного сомышленника? Кто-же? Ужь не тысяцкій-ли степенный, Василей Есиповичъ? Молчитъ онъ все, на вѣтеръ словъ не кидаетъ: видно крѣпкую думу думаетъ. Заговорилъ Киріакъ съ тысяцкимъ, намекнулъ ему, что не дурно-бы заблаговременно осмотрѣть городскую стѣну, пообвалилась молъ она по мѣстамъ, а Господь молъ еще вѣдаетъ на миръ, иль на розмирье съ Москвой пойдетъ.

Тысяцкій выслушалъ его внимательно, крѣпко захвативъ въ широкую ладонь свою бороду лопатою.

— А Городище? спросилъ онъ.
— Чтó-жь что Городище?
— А намѣстникъ тамъ.
— А чѣмъ-же онъ страшенъ-то? Въ городово строенье [1]) ему не вступатися: такъ вѣдь оно въ миродокончальной писано.
— Точно, отодвигая вправо широкую бороду, подтвердилъ тысяцкій.—А и то не лжа, что Москва изъ докончальной не выступитъ: любитъ тоже себя правой во всемъ оказывать.
— И я про тоже, Василей Есиповичъ.
— А ямы? прищурясь сказалъ тысяцкій, спроваживая бороду въ лѣвую сторону.
— Каки ямы? недоумѣнно Киріакъ спросилъ.
— Самъ, Киріакъ Андреевичъ, вѣдаешь, что ямы у князя отъ Городища вплоть до самой Москвы поставлены, а въ тѣхъ ямáхъ ямщики посажены [2]), а и ямьска гоньбá будетъ она скорая. А понѣ стѣну станемъ ставити, а и часу вѣдь не минетъ, какъ о томъ намѣстникъ съ гонцомъ грамоту пошлетъ. А на перемѣнныхъ коняхъ гонецъ въ два дни до Москвы добѣжитъ, а и грамоту князю въ комнату внесетъ. То-то. Нѣтъ, правду Ѳома Андреевичъ каже, что теперечко намъ тихохонько...
— Охъ, ужь мнѣ это умнёхонько! не выдержавъ, съ досадой Киріакъ сказалъ.
И съ этимъ словомъ отъ тысяцкаго отошелъ. Василей Есиповичъ поглядѣлъ ему вслѣдъ склоня голову, точно все еще прислушиваясь, да противъ обыкновенія, забравъ бороду въ обѣ руки, развелъ ее въ разныя стороны.
Съ тѣхъ поръ крѣпко замкнулся Киріакъ Андреевичъ въ своемъ скорбномъ умственномъ одиночествѣ. Самъ онъ мало съ кѣмъ заговаривалъ, и чѣмъ рѣже это дѣлалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что никто съ нимъ и слова молвить не хочетъ.
„И чего мнѣ дома не сидится?“ чаще сталъ онъ себя допрашивать.—„Аль для того я тутъ, чтобъ какъ матушка совѣтуетъ на очахъ у грáдскихъ старѣйшинъ быть, а тѣмъ себѣ воеводство добыть? Чего-жь я торчу-то на-людяхъ, а и себѣ, и всѣмъ на докуку?.. Аль Настасья?“
Нечего скрывать, что Настасья Петровна не противна была Киріаку Андреевичу. Нравилось ему ея смѣлое и вольное, прямо вдовье, съ мужчинами обхожденье, и тó было хорошо, что она обращалась не только смѣло, но и умѣло. Не слѣпъ былъ Киріакъ и къ ея пышной красотѣ, хотя спокойно онъ на нее глядѣлъ: не мутилось у него отъ того око свѣтлое, не становилось тревожнѣе его мечтанье.
И Настасьѣ Петровнѣ Киріакъ Андреевичъ не противенъ былъ. Она сумѣла разглядѣть разницу между нимъ и Васильемъ Дурневымъ. Киріакъ говорилъ съ ней ласково, какъ съ двоюродной сестрою, или съ тетушкой помоложе себя, и держалъ себя съ ней хоть и на близкомъ да непереступномъ разстояніи; Дурневъ-же, только не сдерживай она его порою холоднымъ и строгимъ взоромъ, давно-бы переступилъ завѣтный рубежъ: бабушкины слова дѣловитыя сказываетъ, а самъ дрожитъ да млѣетъ. Дивилась Настасья, что одного она сама приручаетъ да приманиваетъ, а онъ въ руки ей не дается, а другой такъ-бы и прильнулъ къ ней, хотя она его рѣдко поддразниваетъ, а чаще отталкиваетъ. Оставаясь вечеромъ одна-однехонька, Настасья часто и холодно раздумывала о томъ. Она часто твердила про себя, что хорошъ Киріакъ, всѣ скажутъ что упáвъ [3]) писанный, и сама она видитъ красоту его несомнѣнную, но сердце у нея при этомъ не тревожилось и помыслы ся оставались, какъ всегда, несмущенными. Слѣдомъ за такою думою, Настасья Петровна чинно на молитву становилася. А по молитвѣ, ложилась спать.
„Нѣтъ“, засыпаючи шепталось ей,—„ужь ежели мнѣ, молодой, да вдругорядь за-мýжъ идти, такъ за такого мужа угодить мнѣ надобно, чтобъ онъ славой своей мою славу перенялъ. А Васильюшкѣ, хоть-бы и холостъ ходилъ, тó не въ моготу, а про Киріака Андреича одинъ Господь развѣ вѣдаетъ“.
И во снѣ Григорьевичевой вдовѣ ничего мятежнаго не снилося; спокойно спала. Но хотя и умно, ложася спать, раздумывала Настасья Петровна, а на другой-же день по-прежнему приманивала Киріака Андреевича, въ чаяньи-ли его грядущей славы, или по вдовьей привычкѣ лукавой. Порой ее даже задоръ на него бралъ, и хотѣлось ей тогда и Киріака до того-же довести до чего Васильюшко самъ дошелъ; чтобъ млѣлъ онъ и горѣлъ, разговаривая съ нею. Только какъ ни старалася, не удавалось ей. Замѣтивъ, что Киріакъ тѣмъ печалится, что никто его не слушаетъ, Настасья не разъ принималась наставлять его.
— А вотъ послушай-ко, Киріакъ Андреевичъ, говорила она,—моего словечушка вдовьяго, хоть и не очень чтобъ умнаго да къ тебѣ доброжелательнаго. Слышу вѣдь я и понять могу, что умно ты все сказываешь, а только никому-то мысли своей мудрой втолковать не умѣешь. Умъ-то умомъ, а тó и умѣньицё еще на свѣтѣ водится. Я-то, Киріакъ Андреевичъ, не умна буду...
Тутъ всегда Настасья на чуточку замолкала и взглядывала какъ-то особенно изподлобья, словно маня за собой; всякій-то разъ она ждала, что Киріакъ Андреевичъ сейчасъ-же примется выхвалять ея умъ. Настасья любила хвалу, не скрывалася. „Хвалой со мною все сдѣлаешь“, перѣдко говорила она.
Но Киріакъ не то не умѣлъ, или не хотѣлъ побаловать Настасью, не то совѣстно ему было ее въ глаза хвалить.
— Такъ безъ ума я, Киріакъ Андреевичъ, живу, привздохнувъ продолжала Настасья Петровна, — а умѣнья мнѣ-ко не занимать стать: ты хоть посадницу нашу многоразумну о томъ спроси. А потому, Киріакъ Андреевичъ, тебѣ не самому-бы рѣчи свои умны высказывать, а йсперва мнѣ-бы ихъ по тайности растолковывать, а ужь я бы, повѣрь ты моей хитрости женской, сумѣла-бы ихъ высказать. А твоимъ умомъ да моимъ умѣньицемъ всѣ-бы дѣла мы вершили по своему.
Киріакъ только улыбался. И не знала Настасья, надъ чѣмъ онъ посмѣивается: надъ ея-ли умѣньемъ, или надъ своей неумѣлостью.
Настасья Петровна и дальше шла. Хотя Киріакъ и не хвалилъ ее въ глаза, и его красота не смущала ее, и о славѣ Киріаковой одинъ Богъ еще вѣдалъ,—все-же Настасьѣ Петровнѣ жаль было-бы отпустить его отъ себя. И узнай она, что Киріакъ заглядывается на иную, или къ другой присватывается, не на шутку-бы обидѣлась. И какъ дня три-четыре Киріакъ не показывался у нея въ сѣняхъ, молодая вдова посылала за нимъ своего ключника съ наказомъ чтобъ Киріакъ Андреевичъ пріѣзжалъ не медлючи: „посовѣтовать де съ тобой государынѣ требуется“.
Паробки живо примѣтили это частое посовѣтованье, и себѣ на усъ намотали. Случилось разъ, что какъ Киріакъ Андреевичъ далъ малость Настасьину паробку за какую-то послугу, то паробокъ, благодарствуя, сказалъ:
— А дай-же тебѣ Господи здоровьица! А и вѣкъ-бы намъ за тобой, Киріакъ Андреевичъ, жить.
— Аль мнѣ тебя у Настасьи Петровны перекупить? спросилъ шутя молодой бояринъ.
— А для-ча тебѣ покупать-то насъ? А тáкъ гадаемъ, что и даромъ тебѣ-жь достанемся, за государыней нашей, за Настасьей Петровной, въ приданое.
Бояринъ смутился, и велѣлъ паробку языкъ за зубами держать.

[1]) Городовое строенье—постройка крѣпостей.
[2]) Посажены—поселены. Ямъ отъ глагола ять, или яти (брать), мѣсто гдѣ лошадей берутъ.
[3]) Упавъ—красавецъ.

Турниръ Матвѣя Корвина. Картина Александра Вагнера, грав. Бонгъ.

Паробковы слова гвоздемъ засѣли въ головѣ у Киріака. „Аль до того ужь дошло?“ безпрерывно онъ себя спрашивалъ. — „Аль всѣмъ ужь знатно [1]) про то?“ И встала у него въ головѣ сумятица.

„Да така-ль еще, какъ Настасья Петровна, жена мнѣ надобна?“ раздумывалъ Киріакъ. — „За вдовьство-то свое попривыкла она къ волюшкѣ: все-бы ей на-людяхъ быть да новгородьско дѣло вершить. А послѣ такого житья, замужество ей, поди, и не покажется. да и мнѣ-ко въ женѣ вольное со всѣми обхожденье вдовье тоже, гляди, не по-мыслу будетъ“.

Нерѣдко ему вспадало на умъ, что лучше-бы хотя на время, вовсе къ Настасьѣ Григорьевичевой не ѣздить, и часто онъ ловилъ себя на этой мысли, сходя съ копя у крыльца Настасьина. Посовѣтоваться-бы, такъ съ кѣмъ? Матушку спросить, такъ та навѣрное отвѣтитъ, что знать де пришла пора молодцу жениться. Съ Лукой поговорить, — но съ Лукой Киріакъ нынче рѣдко видѣлся. Самъ-то онъ не разъ къ Аввакумовичу собирался, да конь его завозилъ въ другую сторону; Лука заѣзжалъ да все дома его не заставалъ. Притомъ, отъ матушки Киріакъ зналъ, что Лука, слыша отъ нея гдѣ сынъ день-деньской пропадаетъ, только посмѣивался да приговаривалъ: „а ничего, молъ, пущай; авось дѣло и сладится“. Однако не съ Лукой, съ кѣмъ-же посовѣтоваться.

Киріакъ своего дружка дома засталъ. Лука гостя встрѣтилъ, какъ всегда, съ привѣтливой улыбкой, только нынче улыбка его какъ-то важнѣе стала, и не горделивой внѣшней важностью, а внутренней важностью думъ и помысловъ.

— Ну что́, дружечушко, подѣлываешь? спросилъ Лука, цѣлуясь съ гостемъ.

Киріакъ не прямо къ дѣлу приступилъ. Сначала пожаловался Лукѣ на общее легкомысліе. Къ удивленію, Лука его осудительныхъ мыслей не одобрилъ.

— А вѣстимо смирно намъ жить надобно, сказалъ онъ, — и не то чтобъ на ссору лѣзть, а къ ней и малой прицѣпки не давать. А градоправители наши — не вовсе-же они, друже, дураки живутъ. У Владыки въ сѣняхъ не по одинъ годъ сидятъ, а и къградскому дѣлу люди будутъ навычные. О розмирьи тоже, гляди, не меньше твоего, Киріакушко, думаютъ. А еще глядятъ всюду-то Новугороду помощниковъ. А Литва, молъ, она что́ скажетъ? А Псковъ, за кого встанетъ? Торопиться-же имъ не́-по-что: что́ на-спѣхъ, то на-смѣхъ. Лѣто-жь нынѣ не сухо стоитъ, не тако, какъ въ Шолоньскій годъ: не подымется Москва симъ лѣтомъ на насъ, въ болотинѣ угрузнуть поопасается. А по лѣтѣ мокромъ станетъ осень богатая, а по богатой той осени еще па́дзерникъ [2]) да грязникъ придутъ, а рано-ли, поздно-ли Кузьма съ Демьяномъ въ семъ году станутъ зимушку ковать, про то̀ Богъ вѣсть. А дастъ Господь, на наше новгородьско на счастьицё, а зима-тъ будетъ спротливая, со дождями да со оттепелями, къ походу неспособная. Не скоро, гляди, санный путь установится, и дороги къ Новгороду откроются. А за это за времячко долгое наши старѣйшины и дѣло сдѣлаютъ.

— Такъ-бы они и сказывали! полууступчиво проговорилъ Киріакъ.

— А для-ча имъ про то сказывати? Аль ты безъ догадки живешь? Вотъ какъ дѣло обозначится, на мази, скажемъ будетъ, тутъ и насъ созовутъ на малое вѣчушко; не потаятся, небось.

Убѣдился-ли Киріакъ этими разсужденіями, или нынче его иныя думы сильнѣе тревожили, только онъ не сталъ спорить съ Лукой.

— Ладно ужь. Ты-то какъ поживаешь, что́ подѣлываешь?

— А пишу вѣдь все нынче, радушно отвѣчалъ Лука, — вовсе я теперь въ иконопись ударился. А съ того принялся, что какъ мысль моя всегдашняя въ монастырь идти, а тамъ, знамо, гуслями со скуки позабавиться не придется: не очень-то чернецы одобряютъ дѣло это наше гуслярное. Ну, и пишу вотъ, поучиваюсь, а Ѳедорушко, учитель мой миленькій, сталъ будто писаньё-то мое и нохваливати. А сталъ вотъ я Скорбящей ликъ писать, а таки-те о̀чушки у Пречистой написать похотѣлося, чтобъ скорбны были они и за всѣхъ скорбящія. А погляди-ко-ся, Киріакушко, каково̀ на твой глазъ окажется.

И Лука подвелъ Киріака къ наполовину конченной иконѣ. Тотъ долго молча на ликъ смотрѣлъ.

— А „дивно“ скажу, заговорилъ онъ. — А очи хо̀роши въ особину, какъ-бы живыя видятся. И это въ нихъ ѐ что, какъ скажешь ты, что и скорбны они и за другихъ скорбятъ... А только, по молчаньи раздумчиво примолвилъ Киріакъ, — сдается мнѣ, будто я тѣ очи у кого-то въявь видалъ...

Не успѣлъ Киріакъ этихъ словъ выговорить, какъ Лука порывисто схватилъ кисть, и наложилъ краску на очи, имъ самимъ съ любовью писанныя.

— Что́ ты, что́ ты! Аль ума ты рѣшился? вскричалъ Киріакъ, въ торопливости схвативъ друга за лѣвую руку. — И для чего ты сдѣлать-то такъ? съ грустью прибавилъ онъ.

— А надоть такъ, глухимъ голосомъ едва прошепталъ взволнованный Лука.

— А жаль.

— Мало-ль что жаль, сурово сказалъ Лука, какъ-бы успокоивая себя этой суровостію. — И мнѣ жаль, да надо-же...

И Лука, сурово рѣчь оборвавъ, взялъ икону и бережно положилъ на полку съ книгами, ликомъ внизъ. Зналъ онъ твердо чьи очи волей-неволей въ икону вписалися; не забылъ какъ глядѣла Марья Олександровна въ тотъ памятный день, когда невзначай выдала ему свою тайну.

Хотя Киріаку и въ мысль не пришло, что у Луки въ душѣ всколыхнулася любовная страсть, — все-же волненье пріятеля отразилось въ сердцѣ Киріаковомъ, не чѣмъ инымъ, какъ мыслью о Настасьѣ. Вдругъ точно живая мелькнула она у него предъ очами.

— А дѣло вѣдь у меня до тебя, и не малое, неспокойно онъ сказалъ.

— Сказывай.

Лука сталъ слушать, какъ побѣдившій свою страсть человѣкъ слушаетъ разсказъ другаго, еще болящаго тѣмъ-же душевнымъ недугомъ. Киріакъ открылъ другу всѣ свои сомнѣнья и смущенья.

— А будь другомъ, посовѣтуй, какъ мнѣ да тутъ быть. А самъ вѣдь не знаю: бѣжать-ли мнѣ отъ Настасьи Григорьевичевой, аль матушкино желанье сердечное выполнить. А и самъ я... ну, да самъ-то я сомутился весь, хожу будто потерянный, а чего хочу — и разобрать не могу.

Лука не сразу отвѣтилъ.

— И задачу-жь ты задалъ мнѣ! Ничего не сказать — обидѣть тебя, а говорить стать — не хуже-ль еще напутаешь. Къ твоей сумятицѣ да свою прибавишь. Вотъ кабы мнѣ въ душу къ Настасьѣ Григорьевичевой влѣзть да тамъ всѣ уголочушки оглядѣть, точно могъ-бы я тебѣ, Киріакушко, посовѣтовать. А безъ того, промолчать мнѣ, видно.

— Не у тебя, у кого-жь мнѣ совѣта спрашивати? молящимъ голосомъ Киріакъ сказалъ. — Ума, скажутъ, слушать надобно, а тебѣ ума, слава Господу, не занимать стать.

— А ты не вѣрь тому слову лестному, у ума совѣта не спрашивай. Умо-тъ лукавъ и хитеръ къ тому, ко всякой похоти на послугу бросается. А будемъ такъ

[1]) Знатно — извѣстно.

[2]) Па́дзерникъ — время, когда вѣтеръ листья съ деревьевъ поздергиваетъ.

говорить, что може на Настасью я золъ, аль она мнѣ не по-мыслу пришла. А стану я тебѣ теперь совѣтовать, анъ моя злоба на верхъ и всплыветъ, а подскажетъ мнѣ про нея слово недоброе. Нѣтъ, о такихъ дѣлахъ сердечныхъ, ты у умнаго совѣтушка не спрашивай; въ этакомъ дѣлѣ, на всю-то жизнь рѣшительномъ, умъ не совѣтчикъ.

— Не съ ума, съ кого-же совѣта-то спрашивать?

— А съ простеца что безъ лукавства ходитъ, а говоритъ безъ хитрости.

— А гдѣ-жь мнѣ такого найти? какъ-бы съ отчаяньемъ Киріакъ вскричалъ.

— А гдѣ-бы? переспросилъ Лука, и откинувъ назадъ голову, наморщилъ лобъ, какъ-бы вспоминая гдѣ такой простецъ живетъ.

— А ладно-ко. Такъ вотъ и стану сказывати, заговорилъ вдругъ чей-то невѣдомый голосъ.

Киріакъ съ удивленіемъ глянулъ въ уголъ, откуда послышался голосъ, и увидѣлъ, что тамъ сидитъ, склоня голову, незнаемый человѣкъ, не старъ еще, а лысъ. Одѣтъ въ одной рубашкѣ самой суровой да къ тому-же старой и дырявой, старой-же измочалившейся веревкой подпоясанъ, а на ногахъ у него сапоги не много ношенныя, шитья и товару хорошаго: сейчасъ видно, что съ боярской ноги. Пока Киріакъ невѣдомаго человѣка разглядывалъ, тотъ опять заговорилъ.

— А у князя-тъ дочй, сказываю, повѣствовалъ онъ самъ не зная кому, — больнй лежитъ, а который ужь годъ и невѣдомо. А и тутъ бы во снахъ, а въ яви вѣдь князю слышится, что ѐ де въ городѣ Ерусо́лимѣ а владыко святой, онъ Аверкій на имячько. „А пошли моль по него ты скорыхъ гонцовъ, а челомъ ему ударь святителю, а дастъ онъ княжнѣ-то твоей исцѣленьице.“ А долго-ль князьямъ да гонцовъ снарядить? А ямы у нихъ поставлены, а и въ нихъ ямщики посажены, а не мало жь у нихъ паробковъ, а и бо́яра у нихъ за холопьевъ стоятъ. А и шлетъ онъ князь тѣхъ скорыхъ гонцовъ, въ Ерусо́лимъ градъ, ко святому владыкѣ Аверкію. А и будутъ послы княженецкіе, въ Ерусо́лимѣ градѣ великоемъ, во святомъ томъ во мона́стырѣ, — гдѣ святитель, понимашь, живѐ. — во владычныхъ сѣняхъ бѣлокаменныхъ. А о́ны тутъ передъ образомъ становятся, а и Спасову лику молятся, Пречистой Святой Богородицѣ, а владыкѣ челомъ бьютъ, а о спа́сеньи княжимъ именемъ его спрашиваютъ, а дѣло-тъ ему свое повелѣнное докладываютъ. Что такъ моль и такъ: „лежитъ княжа́я дочй она немочьна, а ты бы, владыко, а святой вѣдь Аверкій на имячько, подвигнулся, исцѣлилъ бы ты нашу молоду княжну. А наше-тъ князь, онъ мило́стливый, а и мона́стырь-то твой онъ пожа́луе, а и дастъ тебѣ свою грамоту за печатью своей княженецкою, посеребрянной, на то-ли на свое на велико на жалованье, а на волости тѣ на богатыя, а съ рыбною ловлею, а со тѣми соляными со варницы старорусьскими“ Аверкій святой, владыко Ерусо́лимскій. а былъ вѣдь онъ скоръ на умоленьице, живо въ путь снаряжается, а берѐ на дороженьку всего одну про́сфору. А гонцы-те княженецки дивуются, что столь дологъ путь, а владыко берѐ одну про́сфору. А судятъ о́ны по своей по утробѣ ненасытноей. А надотъ сказать. нельзя промолчать: что мо́лода-тъ княжна а бѣсна была, — бѣсо-тъ въ ней, понимашь, гнѣздо свилъ. А почуялъ бѣсъ про Аверкія, что йде выгоняти его, а испрого́ворилъ онъ чрезъ тѣ уста дѣвйчьи чистыя: „а слышь-ко, княже, какъ ста́не владыко гнать-то меня, тутъ-то замечуся вѣдь я, а вели-ко за́годя ты кровлю рознять, не то всѐ твои палатушки поро́знесу, а и всѐ терема тѣ высокіе.“

Тутъ нестарый человѣкъ вдругъ замолчалъ и лысую голову еще ниже склонилъ.

— Кто таковъ? шепотомъ, точно боясь обезпокоить бѣдняка, спросилъ Киріакъ.

— Аль не знаешь ты? Аль у меня его николи не захватывалъ? шепотомъ же Лука отвѣчалъ. — И то правда, что на вашу сторону Софійску рѣдко онъ заходитъ, а больше по Торговой нашей бродитъ. А купецкой, вишь, онъ сынъ, только отецо-тъ его проторговался, въ изгои попалъ [1]), а сына потому жь Изгойченкомъ прозвали. А нй онъ юродивой, нй розумомъ простъ. А что сейчасъ вотъ сказывалъ, такъ повѣствовать житіе Аверкіево собирается. Сказывалъ онъ мнѣ, что есть у него начетчикъ-старикъ, онъ ему изъ книгъ житія вычитываетъ, а онъ ихъ по своему сказываетъ, чтобъ народушку было, значитъ, пононятнѣе. Ничего, хорошо сказываетъ, а и народушко его слушаетъ. А что бываетъ, какъ сейчасъ вотъ, Ерополь съ Ерусо́лимомъ смѣшалъ, такъ то не велика бѣда, аль вотъ еще староруську-то варницу соляную припуталъ. А дѣло его выходитъ доброе, а еще душеспасительно. А даръ этотъ сказательный есть же у него. А самъ сердцемъ сколь йростъ, разсказать нельзя: кто что ни попроситъ у него, а отдать сейчасъ все готовъ до рубашки. А тать его грабить станетъ, и тому безропотно все съ себя снять дастъ. А...

Тутъ Изгойченко, ровно отъ сна пробудясь, опять сталъ сказывать.

— А ощё было, говорилъ онъ, — у насъ въ Новѣгородѣ. А шелъ по у́лушкѣ святой юродивый, а и видитъ: бѣсъ по-надъ домомъ летатъ. Вотъ какъ птица бы, аль нѣтопырь, только нашима грѣшныма очама не видно, а святому-то явственно. И скрычалъ юродивый бѣсу: „Бѣсе! а бѣсе! все ты летаешь, а чимъ ты свою голову питаешь?“ А бѣсо-тъ, ѣраго-тъ этотъ анаѳемскій, святому въ отвѣтъ: „а летаю де да гляжу ощё, а нѣтъ-ли гдѣ горшка, кадки-ль непокрытыя, аль ѣства неблагословленнаго. А тутъ я въ крынку, въ горшокъ-ли нырну, а тамо-тко нажруся, напьюсь, да въ ѣство-ль, питье-ль наплюю да нахаркаю. А кто ѣстъ, пьетъ непокрыто, некрещенно, неблагословенно, а съ того моего харканья у него въ черевѣ болѣсть всяка заводится. И моръ на людей оттуда же.“

Тутъ Изгойченко замолчалъ и началъ ужь голову на грудь склонять, да точно вспомнивъ что́, поднялъ голову и снова сталъ сказывать, съ радостнымъ, какъ будто озареннымъ лицомъ.

— А про моро-тъ говорилъ, — а скажутъ будто Смерётушка по-людямъ ходитъ. А не правда вѣдь. Ходила смерть по-людямъ, въ досельныя времена, некрещеныя, а нынько нѐ-ходитъ. А носила она въ тѣ поры мѣшокъ съ собой, подъ лѣвою мышкою, а въ томъ мѣшкѣ у нея пилы съ подпилками, ножи да ножечки а ощё буравчики были кладены, а къ тому же и гвоздь съ мо́лотомъ. А пилами сухи жилы подпиливала, а ножами живыя подрѣзывала, а гвоздь съ молотомъ въ сердце вбивала, а людей всячески мучила. А нынь, какъ приде смертный часъ крестьянину, а по́шле Господь своего ангела по его по-душу, а стане ангелъ у взголовьица, а дастъ выпить чашу смертную.

— Вотъ простеца-то тебѣ, съ кѣмъ посовѣтовать, Лука Киріаку сказалъ, — ужь этотъ скажетъ по совѣсти.

И слѣдомъ крикнулъ: — Изгойченко, а Изгойченушко! а пододвинься-ко къ намъ.

Изгойченко встрепенулся, и оглядясь какъ вспугнутый звѣрокъ, вскочилъ на ноги и, шлепая широкими, не по ногѣ сапогами, вышелъ на средину комнаты.

— А, бо́ярско житье! вѣдь сладкое! А и сладко житье, да таково-ль сладко на томъ свѣтѣ буде? заговорилъ онъ, и сталъ расхаживать по комнатѣ, размахивая руками, въ увѣренности, что ловко передразниваетъ боярина. — Охъ, и медо-тъ на столѣ, а и чарочка по чарочкѣ и братйна вся! Эй, слышь-ко, паробокъ! а пива я хочу горячаго, а ходь-ко пива нацѣди,

[1]) Изгой — выбывшій по извѣстнымъ причинамъ изъ своего общества, или сословія.

да имбирю натолки, а ещё камень разожги, чтобъ какъ кину его въ жбанъ, а онъ бы тамъ засворчалъ. Слышь, болванъ, разожги дюжѣй, чтобъ пиво было горячѣй, да бѣги живѣй! Не то чоботъ сыму да тебѣ морду утру. Ха, ха, ха!

Изгойченко не захохоталъ, а скорѣе заржалъ, а самъ запрыгалъ, заскакалъ, и сталъ шлепать себя руками по голому тѣлу.

— А полно жъ тебѣ! прикрикнулъ на него Лука и потише Киріаку сказалъ: — А портятъ его бо́яра да купцы молодые да глупые, шутить, веселить себя заставляючи.

Изгойченко не раньше унялся какъ послѣ втораго окрика; тутъ онъ замолчалъ, и сталъ глядѣть на Луку милыми и несмѣлыми очами. Умъ не то чтобъ свѣтился въ нихъ, а какъ-то робко, точно совѣстясь, изъ-за угла выглядывалъ.

— Умница ты у меня, Изгойченушко, а шута изъ себя, дурака зачѣмъ же строишь? Ты лучше-ко подойди да на мо́лода боярина вотъ погляди. Слышь, онъ пріятель мнѣ, дружокъ собинный. Про тебя прослыша, съ Софійской стороны пріѣхалъ а съ тобой посовѣтовать. Скажи-т-ко: жениться-ль ему, аль погодить еще?

Изгойченко сталъ на Киріака глядѣть, и смотрѣлъ какъ-то особенно: глаза у него потускнѣли, ровно слезой задернулись, и хотя онъ глядѣлъ прямо въ лицо Киріаку, а казалось не на него смотритъ, а какъ-то внутрь себя, какъ беременная женщина.

— А ты въ кусты поѣзжай, Богу сперва помолись, а тамъ и женись, скороговоркой пробормоталъ онъ.

Лука съ Киріакомъ обмѣнялись взглядомъ: „къ чему молъ это?“

Какъ Киріакъ домой ужь поѣхалъ, то вспомнилось ему что онъ и самъ раздумывалъ, что не худо бы ему, хотя на время, перестать ѣздить къ Григорьевичевой.

„Вотъ онъ къ чему про кусты-то,“ — растолковалъ Киріакъ Изгойченково слово, „а и Богу помолиться — хорошъ же совѣтъ. Лука, поди, умнѣй не придумалъ бы.“

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицкаго (автора романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

Чрезъ нѣсколько дней я пошелъ на почту узнать, нѣтъ-ли мнѣ писемъ. Впереди меня у окна poste-restante стояла Дуняша; ей подали письмо, и я черезъ ея плечо успѣлъ замѣтить русскую марку. Дуняша не замѣтила меня; я ее догналъ на улицѣ и случайно спросилъ:

— Получили письмо для барышни?

Она меня поразила своимъ испугомъ и словами:

— Сдѣлайте божескую милость, не проговоритесь Черномору, что я для барышни получаю письма изъ Россіи.

Я успокоилъ Дуняшу. Она просила меня придти вечеромъ пить чай, сказавъ:

— Вы всегда развеселите ее чѣмъ-нибудь; что-то она эти дни грустная; а живодеръ съ каждымъ днемъ все хуже и хуже становится. Околѣвалъ-бы, — такъ нѣтъ, всталъ на ноги, чтобъ еще пуще мучить ее, бѣдную.

Вечеромъ я пришелъ къ чаю. Дуняша отворила мнѣ дверь и взволнованнымъ голосомъ произнесла:

— Какъ прочла письмо, такъ на ней лица нѣтъ, а онъ кричитъ на нее теперь.

Я вошелъ въ комнату и точно увидѣлъ слѣды слезъ на глазахъ Катерины Михайловны. Она сидѣла у окна за шитьемъ, а Сивцовъ ходилъ по комнатѣ и, увидѣвъ меня, со злобой сказалъ:

— Полюбуйтесь! Это артистка! Завтра ей надо пѣть, а она плакать изволила! И что̀ возмутительно—плачетъ-то о чемъ! Эта дрянная болтунья навѣрно получила отъ своего дѣдушки письмо съ извѣщеніемъ о Порошковѣ. Каково вамъ покажется? Нѣтъ, это только русская женщина способна такъ относиться къ своему голосу!

— Ахъ, Боже мой! какъ то нервно прервала Сивцова Катерина Михайловна. — Что̀ вы волнуетесь? Я буду завтра пѣть!

И она ушла въ свою комнату.

Сивцовъ въ недоумѣніи съ минуту постоялъ, потомъ быстро пошелъ за ней. Но въ ту-же минуту, какъ полоумный, выглянулъ изъ двери, крича:

— Доктора! воды!

Я бросился къ Дуняшѣ въ кухню, безсознательно повторяя то же самое:

— Доктора! воды!

Дуняша съ ковшомъ воды пролетѣла въ комнату барышни, а я съ графиномъ послѣдовалъ за ней.

Катерина Михайловна лежала на диванѣ въ обморокѣ. Дуняша бросилась мочить ей голову водой, а я теръ виски одеколономъ; Сивцовъ-же стоялъ неподвижно, какъ статуя, изображающая ужасъ.

— Бѣгите за докторомъ! прикрикнулъ я на него. Онъ бросился вонъ изъ комнаты. Дуняша съ плачемъ, съ оханьемъ разстегнула воротничекъ, сняла съ шеи Катерины Михайловны цѣпочку съ медальономъ и, подавая его мнѣ, сказала:

— Спрячьте къ себѣ, а то еще увидитъ мучитель-то ея.

Я сунулъ медальонъ въ жилетный карманъ.

Катерина Михайловна очнулась, уткнула лицо въ подушки и истерически зарыдала. Видно было, что ея страданія перешли границы. Я дѣлалъ знаки плачущей Дуняшѣ, чтобъ она своимъ участіемъ не мѣшала барышнѣ выплакать свое горе.

Когда Катерина Михайловна перестала рыдать и лежала спрятавъ лицо въ подушки; Сивцовъ возвратился съ докторомъ. Я вышелъ и въ другой комнатѣ поджидалъ, что̀ скажетъ докторъ. Сивцовъ проводилъ доктора въ переднюю, долго что-то съ нимъ разговаривалъ и, когда вернулся, то на мой вопросъ: „что̀ сказалъ докторъ о больной?“ воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Боже мой, Боже мой! Она завтра не можетъ пѣть!

И потокъ брани посыпался на Дуняшу, на ученицу, на Порошково и на Россію.

— Не знаете-ли вы, чѣмъ она такъ огорчилась? спросилъ меня Сивцовъ.

Я отрицательно покачалъ головой, а самъ подумалъ: „нашелъ дурака,—чтобъ я тебѣ выдалъ тайну твоей ученицы“. Мнѣ стало ясно, что есть какой-то печальный романъ въ жизни Катерины Михайловны. Въ первый разъ я возвратился въ свой номеръ отъ Катерины Михайловны въ скверномъ расположеніи духа, а противъ Сивцова я чувствовалъ страшную злость...

Раздѣваясь, я сунулъ въ карманъ жилета руку и вытащилъ медальонъ. Я положилъ его на ночной столикъ и, лежа въ постели, походилъ на почтмейстера въ „Ревизорѣ“ съ письмомъ Хлестакова; я скорѣе потушилъ свѣчу отъ соблазна, но долго не могъ заснуть, все думая о бѣдной Катеринѣ Михайловнѣ, у которой въ Россіи должно быть остались слишкомъ сильныя привязанности.

Вѣсть о внезапной болѣзни примадонны разнеслась по городу; всѣ ожидали перемѣны спектакля. За то съ какой радостью привѣтствовали ея появленіе на сценѣ! Я даже нашелъ, что она никогда такъ хорошо не пѣла, какъ въ этотъ вечеръ. По праву родственника я имѣлъ уже свободный доступъ за кулисы.

Катерина Михайловна пригласила меня ужинать къ себѣ. Она ничего не ѣла, такъ была утомлена, и прощаясь со мной, сказала:

— Пріѣзжайте завтра съ утра за мной въ коляскѣ, мнѣ необходимо подышать чистымъ воздухомъ, полежать на травѣ: я возьму Дуняшу, и мы поѣдемъ на ферму.

И, не слушая протеста Сивцова, ушла въ свою комнату.

Я вышелъ отъ Катерины Михайловны вмѣстѣ съ Сивцовымъ, и онъ мнѣ сказалъ:

— Вы не вздумайте исполнить ея дикаго желанія, она должна завтра цѣлый день пролежать въ постели. Пожалуйста, не являйтесь къ ней нѣсколько дней: ей нуженъ покой.

— Ну, ужь извините! Я исполню желаніе Катерины Михайловны. Вы лишаете ее самаго пустаго развлеченія.

— Какихъ, по вашему, ей нужно развлеченій? гнѣвно спросилъ меня Сивцовъ. — Какая благоразумная пѣвица можетъ выдумать себѣ такой нелѣпый отдыхъ? Она не имѣетъ права такъ небрежно относиться къ своему голосу... Вотъ, гдѣ проявляется татарщина въ русскихъ! Мы на все плюемъ, для насъ нѣтъ ничего святаго, для безобразныхъ минутныхъ капризовъ мы готовы пожертвовать самыми важными и высокими обязанностями... Признаюсь, отъ васъ-то я никакъ не ожидаю поощренія этой татарщины!

— Я также не ожидалъ, что вы превратитесь въ такого односторонняго человѣка и въ такого отчаяннаго деспота во имя искусства.

— Я.. я деспотъ? крикнулъ Сивцовъ, остановясь.

— А еще-бы нѣтъ!.. и если на то пошло, такъ я вамъ выскажу мой взглядъ на ваши отношенія къ своей ученицѣ: подъ видомъ охраненія ея голоса, вы дали волю своему чувству!

— Это какому?

— Ревности.

Сивцовъ разразился неестественнымъ смѣхомъ и съ негодованіемъ отвѣчалъ:

Французскій король Францискъ I со своими вѣрными друзьями. Картина графини Елизаветы Поччи, грав. Кнезингъ.

— Отлично, отлично! Вотъ какое вывели вы заключеніе изъ заботъ о моей ученицѣ! Мальчишка, что-ли, я, что буду думать о любви? Вспомните мои года! Я, еще сидя въ Полыновкѣ, тщательно анализировалъ свои чувства къ ней и убѣдился въ чистотѣ ихъ! Я вамъ выскажу свой взглядъ на любовь. Это—одна распущенность, мелкое и эгоистическое чувство въ человѣкѣ, и тотъ, кто проникнется высокими интересами въ жизни, не придаетъ важности мимолетному одуренію, подъ названіемъ „любовь!" Всѣмъ, кажется, извѣстно, что любовь—кратковременная вспышка, ненормальное состояніе, и кончается полнымъ охлажденіемъ. Для мужчины это мимолетное одуреніе проходитъ даромъ, а женщинѣ приходится всегда дорого расплачиваться за эту дурь; вся ея жизнь отравлена грубыми, пошлыми интересами. Я хочу уберечь ее отъ такой печальной участи; сама природа дала ей всѣ средства къ неисчерпаемымъ высокимъ наслажденіямъ. Искусство никогда не измѣнитъ ей, какъ ваша любовь. Я хлопочу только объ одномъ, чтобы она это поняла.. Теперь вы знаете мои воззрѣнія на любовь и мои безкорыстныя цѣли и, вѣрно, сами разсмѣетесь, даже устыдитесь своихъ нелѣпыхъ открытій насчетъ меня!

Съ этими словами Сивцовъ повернулся ко мнѣ спиной и чуть не бѣгомъ ушелъ отъ меня. Мнѣ было не до смѣха, да и Сивцовъ ошибся, думая, что доказалъ мнѣ свои безкорыстныя чувства къ своей ученицѣ. Очень можетъ быть, что онъ и самъ не сознавалъ своихъ настоящихъ чувствъ и желалъ лишь навсегда закрѣпить свои права на ученицу, охраняя ее отъ сердечной привязанности.

Я утромъ явился къ Катеринѣ Михайловнѣ съ коляской и съ холодной провизіей для нашей прогулки; но Дуняша уже все приготовила, чтобы состряпать на фермѣ настоящій обѣдъ. Катерина Михайловна дорогой была молчалива. На фермѣ мы нашли только одну дряхлую старуху, а все остальное семейство уѣхало на свадьбу къ родственникамъ. Дуняша завладѣла очагомъ и посудой и занялась стряпней. А Катерина Михайловна, уставъ съ дороги и разморенная свѣжимъ воздухомъ, сладко заснула подъ тѣнью дуба. Я было послалъ къ чорту всадника, который показался вдалекѣ, но онъ, вѣрно, замѣтилъ насъ, сошелъ съ лошади, взялъ ее подъ уздцы и пошелъ къ фермѣ. Я узналъ въ путешественникѣ американца. Это меня взбѣсило и удивило; какъ онъ могъ узнать, что примадонна на фермѣ? Потомъ я сообразилъ, что самъ сдѣлалъ промахъ, заказавъ съ вечера будущему Раулю нанять коляску на ферму и приготовить провизію. Я рѣшилъ не тревожить Катерину Михайловну извѣстіемъ объ американцѣ, пошелъ на ферму узнать, не готовъ-ли обѣдъ, и нашелъ слѣдующую картину: Дуняша хлопотала около кострюлекъ, американецъ глубокомысленно крошилъ бобы. Онъ не оставилъ своей стряпни при моемъ появленіи, только приподнялъ свою шляпу и добродушно улыбнулся. Дуняша затараторила:

— Пришелъ и сѣлъ; а я себѣ думаю: „постой голубчикъ, я тебя выживу отсюда", и говорю ему...

— На какомъ-же языкѣ вы могли разговаривать? спросилъ я.

— Какъ еще хорошо понялъ меня! Я ему сунула бобы и говорю: „синьора хочетъ кушать"—и показала ему на свой ротъ, а онъ и сѣлъ у меня за работу.

И Дуняша залилась смѣхомъ.

Мнѣ было тоже смѣшно видѣть за стряпней господина въ франтовскомъ костюмѣ для верховой ѣзды. Онъ былъ высочайшаго роста, атлетическаго сложенія, смуглый и съ неподвижнымъ лицомъ.

Я передалъ Катеринѣ Михайловнѣ, какую забавную сцену я видѣлъ сейчасъ. Она заволновалась и хотѣла немедленно уѣхать домой; но я началъ ее стыдить, что она придаетъ значеніе самымъ обыкновеннымъ вещамъ, и совѣтовалъ ей не обращать вниманія на американца.

Въ это время мы увидѣли шествіе съ фермы: Дуняша несла тарелки, стаканы и скатерть, а за ней американецъ несъ столъ. Трудно было подобрать такой контрастъ: Дуняша, живая какъ ртуть, раскраснѣвшаяся, казалась ребенкомъ передъ высочайшею, неподвижною фигурой американца.

Я засмѣялся и сказалъ Катеринѣ Михайловнѣ:

— Пригласимъ его пообѣдать съ нами, послѣ этого ему неловко будетъ дежурить на часахъ у подъѣзда, а вашъ учитель будетъ спокоенъ.

Дуняша обидчиво воскликнула, когда, по нашему приглашенію, американецъ сѣлъ за столъ:

— Ну, вотъ, барышня, отбили у меня моего помощника!

Американецъ съ большимъ трудомъ могъ изъясняться на французскомъ языкѣ; мы едва сдерживали улыбку при его усиліяхъ составлять фразы; впрочемъ, онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ и послѣ обѣда немедленно раскланялся съ нами, поблагодаривъ за гостепріимство, и уѣхалъ.

Дуняша послѣ его отъѣзда явилась къ намъ сердитая и объявила, что она порядкомъ выругала верзилу.

— За что? спросила Катерина Михайловна.

— Вѣрно любезничать началъ? замѣтилъ я.

— Ну, я-бы кочергой его хватила! А то выдумалъ мнѣ совать золотой въ руку,—я ему показала кулакъ.

Мы сдѣлали большую прогулку и потомъ поѣхали домой. Сивцовъ поджидалъ насъ у калитки дома.

— Теребитъ себѣ бороду, а мы славно прогулялись безъ тебя! шепотомъ произнесла Дуняша, и прибавила:—Смотрите, ни гу-гу о томъ, что барышня обѣдала съ верзилой: онъ ее заѣстъ!

Я не желалъ усиливать дурнаго расположенія духа Сивцова и не вошелъ въ комнаты, а простился съ Катериной Михайловной у калитки.

Съ этого дня американецъ каждое утро являлся ко мнѣ въ номеръ бесѣдовать. Я пріобрѣлъ навыкъ понимать его, да и онъ, вѣрно, конфузился въ присутствіи примадонны, когда такъ плохо изъяснялся на французскомъ языкѣ. Я узналъ отъ него, что онъ скитается по Европѣ уже пять лѣтъ; что онъ неожиданно получилъ въ наслѣдство огромный капиталъ; что еще ни одна женщина ему такъ не нравилась, какъ русская примадонна; что ему надоѣла холостая жизнь, и онъ готовъ жениться. Я постарался втолковать ему, что примадонна не выйдетъ за него замужъ.

— Да я вѣдь очень богатъ! съ наивностью отвѣчалъ онъ.

— Еслибы вы были втрое богаче, то для примадонны это не имѣло-бы никакого значенія.

— Такихъ глупыхъ женщинъ нѣтъ! съ увѣренностью замѣтилъ американецъ.

Онъ, вѣроятно, имѣлъ право это говорить, потому что, шляясь по Европѣ, пріобрѣталъ расположеніе разныхъ артистокъ и всякихъ другихъ женщинъ, падкихъ на деньги.

— Есть вездѣ странныя женщины въ этомъ отношеніи. Лучше не теряйте времени по-пусту, посовѣтовалъ я американцу...

Сивцовъ со дня нашей прогулки бросалъ на меня злобные взгляды, когда я являлся пить чай къ его ученицѣ. Онъ былъ невыносимо придирчивъ: то бранилъ ее, что она безчувственно пѣла, то вскидывался на нее, что она слишкомъ много придаетъ значенія игрѣ.

— Вы не драматическая актриса, а пѣвица, говорилъ онъ ей;—или вы намѣрены подражать пошлымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, которые бьютъ на эффектъ, на неучей? Но помните, что между профанами васъ слушаютъ люди хорошо, понимающіе музыку, и вы меня срамите!

— Гдѣ мнѣ думать объ эффектѣ, когда я безъ страху не могу выйти на сцену! кротко отвѣчала Катерина Михайловна.

— А отчего вашъ страхъ происходитъ?—отъ недобросовѣстности! Вы вѣчно заняты всякими пустяками, вамъ некогда обдумать хорошенько свою роль. Непростительно такое небрежное отношеніе къ сценѣ! Воображаетъ, что если публика снисходительна къ ней, то она ужъ достигла совершенства!

— Ничего подобнаго я никогда не думала, опять съ той-же кротостью отвѣчала Катерина Михайловна.

— Нѣтъ-съ, думаете, иначе вы-бы наканунѣ спектакля не плакали до обморока, не скакали-бы чортъ знаетъ куда, чтобы полежать на сырой травѣ, когда вамъ нужно было лежать въ постели. Все это доказываетъ, что у васъ въ головѣ однѣ глупости, что вы способны потерять голосъ изъ-за дикихъ вашихъ капризовъ!

Меня такъ и подмывало выругать Сивцова, но Катерина Михайловна останавливала меня своимъ взглядомъ, въ которомъ я читалъ просьбу молчать.

Сивцовъ захотѣлъ назначить тройную цѣну на мѣста въ бенефисъ своей ученицы; она упрашивала его не дѣлать этого, но онъ ее и слушать не хотѣлъ.

— Я возвышаю цѣну не изъ барышничества, а для поддержки вашего достоинства въ глазахъ будущихъ импрессаріевъ, — я лучше васъ знаю ихъ.

— Публика уже объ этомъ позаботилась, сказалъ я,—а вы, возвысивъ цѣну на билеты въ бенефисъ вашей ученицы, только дадите всѣмъ поводъ думать, что она алчная къ деньгамъ, когда этой черты нѣтъ въ ея характерѣ.

— Я и безъ васъ знаю, что Катерина Михайловна способна бросать деньги на вѣтеръ—то и дѣло посылаетъ въ Россію.

— Ну, много-ли я посылала денегъ Григорію Семенычу и Антипычу? произнесла Катерина Михайловна обиженнымъ тономъ.

— Еще-бы я вамъ позволилъ сорить деньги на всѣ стороны!.. Прошу васъ, попрежнему, не вмѣшивайтесь въ мои распоряженія,—я поступлю, какъ мнѣ кажется лучшимъ; въ совѣтчикахъ не нуждаюсь!..

Не смотря на дорогую цѣну, за три дня до бенефиса всѣ билеты были разобраны. Я волновался за Катерину Михайловну — она страшно робѣла выступить на сцену въ роли „Нормы" — но она блистательно исполнила ее; особенно ей удалась сцена съ дѣтьми. Я ужъ не говорю, какъ публика осыпала ее цвѣтами и вѣнками на сценѣ; но послѣ спектакля у подъѣзда ей вновь сдѣлали овацію: какъ только она вышла, чтобы сѣсть въ карету, толпа окружила ее, жала ей руки, кричала, аплодировала. Сивцовъ нашелся высвободить примадонну отъ восторженной толпы,—онъ закричалъ по-итальянски:

— Пустите ее сѣсть въ карету, хотите, чтобъ она простудилась?

Толпа разступилась. Сивцовъ проворно усадилъ Катерину Михайловну въ карету при крикахъ и рукоплесканіяхъ толпы. Я пріѣхалъ десятью минутами позже въ квартиру Катерины Михайловны. Дуняша вся въ слезахъ отворила мнѣ дверь и сказала:

— Идите скорѣе; онъ ее, бѣдную, совсѣмъ заѣстъ!

— За что?

— А зачѣмъ я приняла корзинку цвѣтовъ. Я пріѣхала раньше ихъ, — позвонили — я думала: барышня; впопыхахъ отворила дверь,—мнѣ кто-то сунулъ въ руку корзинку, сказавъ: „синьоринѣ“, и убѣжалъ. Я поставила корзинку на столъ, а какъ пріѣхалъ черноморъ, увидалъ корзинку—точно бѣлены объѣлся—началъ кричать, что я продаю свою барышню, и хочетъ отослать меня къ дѣдушкѣ.

И Дуняша горько заплакала.

Я слышалъ гнѣвные крики Сивцова изъ комнаты и поспѣшилъ войти. У самой двери я споткнулся о валявшуюся на полу корзину съ цвѣтами. Я увидалъ футляръ, тоже на полу, и поднялъ его. Сивцовъ нисколько не умѣрилъ своего гнѣва и продолжалъ кричать съ пѣной у рта.

— Завтра-же отправлю ее въ Россію! Она подкуплена, неблагодарная, мерзкая дѣвчонка!

Катерина Михайловна сидѣла за накрытымъ столомъ. Я открылъ футляръ и увидалъ дорогой брилліантовый браслетъ.

— Отличный подарокъ! отъ неизвѣстнаго? спросилъ я, положивъ его на столъ.

— Отъ очень извѣстнаго ей дурака и нахала! воскликнулъ Сивцовъ, — я ему брошу въ лицо его брилліанты!

— Чѣмъ и докажете вашу татарщину. И гдѣ это видано, чтобъ оскорбляли человѣка за укоренившійся въ публикѣ обычай — подносить подарокъ любимой артисткѣ? спросилъ я Сивцова.

— Это не публика, а просто шалопай, которому все равно, что скаковая лошадь взявшая призъ на скачкахъ, что пѣвица; они одинаково тщеславятся пріобрѣтеніемъ того и другаго на свои деньги. А я вотъ проучу ихъ наглость, покажу имъ, что они дерзкіе дураки!

— Подарокъ мнѣ присланъ, и я оставлю его у себя, сказала Катерина Михайловна, такимъ тономъ, что Сивцовъ отъ удивленія на секунду умолкъ, но тотчасъ-же продолжалъ:

— И надѣнете этотъ браслетъ на сценѣ, чтобы поощрить богача прислать вамъ подарокъ еще подороже?

И онъ отвратительно захохоталъ.

Я только что хотѣлъ отвѣтить Сивцову, но Катерина Михайловна остановила меня, и, обратясь къ Сивцову, спокойно отвѣтила ему на его оскорбленіе:

— Этого браслета я никогда не надѣну...

— Догадываюсь! перебилъ ее Сивцовъ, — продадите его! Я знаю, что вы желаете купить Порошково. Но я вамъ ручаюсь—черезъ два года вы будете имѣть великолѣпную виллу въ Италіи.

— Мнѣ не нужно никакихъ виллъ въ Италіи, перебила его Катерина Михайловна. — Я устала, хочу скорѣе лечь въ постель, а вы не даете мнѣ успокоиться.

Сивцовъ стиснулъ зубы такъ, что слышенъ былъ скрежетъ ихъ, а я былъ въ восторгѣ, что наконецъ Катерина Михайловна возмутилась и протестовала противъ безобразій своего учителя.

Конечно, ужинъ былъ мрачный, и мнѣ было обидно, что ей, бѣдной, послѣ всѣхъ волненій отъ овацій публики и отъ массы букетовъ и вѣнковъ, которые сыпались на нее, досталась только одна корзина—и ту Сивцовъ исковеркалъ, а все остальное велѣлъ оставить въ уборной.

Мы вышли отъ нея вмѣстѣ. Сивцовъ, идя по двору, ворчалъ самъ про себя:

— Она думаетъ о проклятомъ Порошковѣ!.. Хорошо же, я приму энергическія мѣры. Никогда, пока я живъ, не видать ей Россіи!

— Запродадите свою ученицу на десятки лѣтъ иностраннымъ антрепренерамъ? произнесъ я, возмущенный до глубины души.

— Запродамъ! Сама будетъ благодарить меня, какъ пройдетъ дурь! отвѣчалъ Сивцовъ.

Какъ только мы вышли на улицу, онъ повернулъ въ противоположную сторону отъ меня, хотя это ему было вовсе не по дорогѣ. Я былъ доволенъ, потому что боялся за себя — въ такое онъ привелъ меня раздраженіе.

Будущій Рауль подтвердилъ мою догадку, что подарокъ былъ присланъ отъ американца. Петруччіо и доставилъ корзину на квартиру примадонны.

Сивцовъ окончательно не могъ выносить моего присутствія у своей ученицы; какъ только я входилъ въ комнату, онъ бралъ свою шляпу и уходилъ. Я сообщилъ его угрозы Катеринѣ Михайловнѣ, которая отвѣчала мнѣ на это:

— Въ минуты раздраженія онъ самъ не сознаетъ чтò говоритъ; но онъ очень ошибается во мнѣ: я въ мелочахъ уступчива, но если дѣло идетъ о томъ чтò мнѣ дорого въ жизни, никто на свѣтѣ не заставитъ меня уступить!

Разъ утромъ я сидѣлъ въ своемъ нумерѣ и писалъ письма въ Россію, съ извѣщеніемъ о продленіи моего путешествія, — кто-то постучался. Я крикнулъ, чтобы вошли, и вскочилъ въ испугѣ со своего мѣста при видѣ Дуняши.

— Скорѣй идите къ барышнѣ! она васъ зоветъ къ себѣ. Скорѣе! торопила она меня.

Я схватилъ шляпу и, выбѣжавъ на улицу, взялъ фіакръ, и тогда только сталъ расспрашивать Дуняшу, чтò случилось съ Катериной Михайловной. Дуняша со слезами отвѣчала:

— Должно быть, барышня получила какое-нибудь очень нехорошее письмо изъ Петербурга; какъ прочла его, такое лицо у нея сдѣлалось страшное, что у меня ноги подкосились, насилу добѣжала къ вамъ съ ея приказаніемъ. А я-то какъ еще радовалась, когда несла ей съ почты письмо, думала: „ну, вотъ обрадую!“ — а вонъ чтò вышло!

Я нашелъ Катерину Михайловну блѣдною и сильно встревоженною. Она сразу поставила мнѣ вопросъ:

— Можете вы сдѣлать мнѣ огромное одолженіе?

— Говорите! Я готовъ!

— Можете вы ускорить свой отъѣздъ въ Россію?

— Если вамъ нужно, то я завтра же могу выѣхать, даже сегодня вечеромъ: послѣдній поѣздъ отходитъ очень поздно и я успѣю все приготовить къ отъѣзду.

Въ эту минуту мнѣ показалось, что еслибъ Катерина Михайловна попросила меня, вмѣсто Петербурга, куда я обязанъ былъ ѣхать дней черезъ десять, поѣхать въ Сибирь, и то бы я охотно исполнилъ ея просьбу, чтобъ успокоить ее.

— Я попрошу васъ дать телеграмму въ Петербургъ, сказала она, и тутъ же написала телеграмму, и отдавая мнѣ прибавила: — Вечеромъ, когда вы пріѣдете ко мнѣ проститься, у меня будетъ написано письмо, которое вы передадите лично.

Дуняша, узнавъ о моемъ неожиданномъ отъѣздѣ, воскликнула:

— Какъ же это мы безъ васъ здѣсь жить-то будемъ?

До этой минуты мнѣ не пришло въ голову спросить: какъ же это я не буду болѣе видѣть Катерину Михайловну. Мнѣ сдѣлалось вдругъ очень грустно.

Телеграмму я послалъ; она была на имя друга дѣтства Сивцова, помѣщицы Онуфріевой. Катерина Михайловна извѣщала ее о моемъ пріѣздѣ съ деньгами и просила скрыть отъ какой-то дамы кѣмъ уплаченъ долгъ.

Изъ этой телеграммы я могъ заключить, что тутъ не участвуетъ мужскаго лица. Я пошелъ въ кафе, проститься съ Сивцовымъ; онъ замѣтно радовался тому, что я наконецъ уѣзжаю изъ Милана, но все-таки мы простились очень сухо, совсѣмъ не такъ какъ встрѣтились въ этомъ же кафе.

Вечеромъ я отправился къ Катеринѣ Михайловнѣ. Она должно быть меня нетерпѣливо ждала, потому что первыя ея слова были:

— Успѣли все приготовить къ отъѣзду?

— Ѣду съ послѣднимъ поѣздомъ, отвѣтилъ я.

— Вотъ вамъ письмо, а вотъ и браслетъ, который вы продайте, а деньги лично передайте по адресу... Дадутъ мнѣ двѣ тысячи за этотъ браслетъ? спросила она, передавая мнѣ браслетъ, который ей поднесъ американецъ.

— Онъ гораздо дороже стоитъ.

— Мнѣ нужно только двѣ тысячи.

— Чтò же мнѣ дѣлать съ остальными деньгами, если я продамъ дороже? спросилъ я.

— Отдайте всѣ деньги. Я напишу, чтò сдѣлать съ остальными.

— Нѣтъ-ли еще какихъ порученій въ Россію?

— Нѣтъ! отвѣтила Катерина Михайловна, но торопливо добавила: — Чуть не забыла васъ попросить: ничего не говорите о раздражительности Сивцова, если о немъ васъ будутъ разспрашивать.

— А о васъ чтò сказать, если спросятъ; чтò мнѣ отвѣчать?

— Скажите, я довольна своей жизнью... Въ самомъ дѣлѣ, я совершенно довольна: такъ легко дѣлается на душѣ, если можешь предотвратить большую непріятность хорошимъ людямъ.

— Вы о себѣ-то побольше думайте! замѣтилъ я.

— Развѣ это не значитъ думать о себѣ, если можешь исполнить свое желаніе?

Мы вдругъ оба замолчали, сознавая, что настала минута нашего разставанія и Богъ вѣсть свидимся-ли мы когда-нибудь.

Я первый поспѣшилъ прекратить это тяжелое настроеніе.

— Прощайте, произнесъ я, протянувъ руку.

— Спасибо вамъ за все! растроганнымъ голосомъ произнесла Катерина Михайловна, крѣпко сжимая мою руку.

— Неужели мы не свидимся? какъ-то невольно вырвались у меня эти слова.

— Если оба будемъ живы, то непремѣнно свидимся въ Россіи, отвѣтила она.

— И поскорѣй бы, добавилъ я.

— Къ несчастью моему, я не скоро еще могу пріѣхать въ Россію, печально проговорила Катерина Михайловна. — Я никогда не забуду вашей услуги, прибавила она съ глубокимъ чувствомъ.

— Какая это услуга, днемъ раньше ѣхать въ Россію, отвѣтилъ я и поспѣшилъ уйти, потому что мнѣ сдѣлалось ужасно тяжело.

Дуняша, вѣроятно узнавъ, что я уѣзжаю по порученію ея барышни, уже не изъявляла своихъ соболѣзнованій, а проводивъ меня до калитки, только сказала на прощанье:

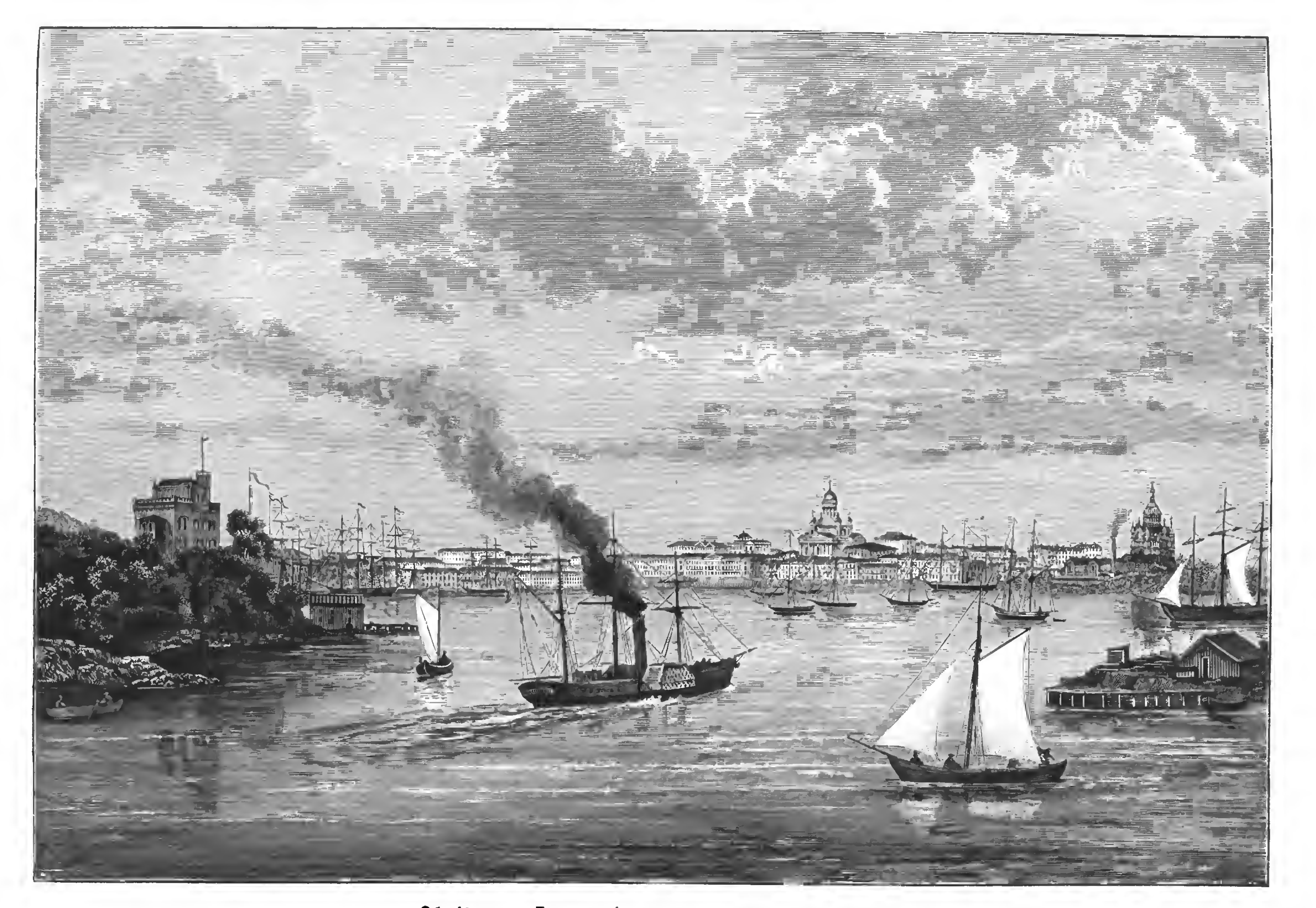
— Вы не забывайте мою барышню. Мы теперь съ однимъ Черноморомъ останемся.

— А вы берегите барышню, замѣтилъ я Дуняшѣ, которая въ негодованіи воскликнула:

— Господи, когда мы развяжемся съ этимъ аспидомъ и уѣдемъ домой!

Неудавшаяся погоня за натурой. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) **Н. Оболенскаго**, грав. Ангереръ.

Общій видъ Гельсингфорса. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Я не ожидалъ, чтобъ мой отъѣздъ могъ такъ сильно огорчить Петручіо: онъ едва сдерживалъ слезы.

— Учитесь прилежнѣе, сдѣлаетесь артистомъ, пріѣдете въ Петербургъ, вотъ мы и увидимся, утѣшалъ я его.

— Я непремѣнно пріѣду, съ увѣренностью произнесъ Петручіо.

Мнѣ была смѣшна эта самоувѣренность.

Я скакалъ въ Россію, какъ курьеръ; по пріѣздѣ въ Петербургъ продалъ браслетъ за три тысячи и отвезъ деньги съ письмомъ по адресу. Мнѣ очень понравилась „другъ дѣтства" Сивцова: она съ такимъ участіемъ разспрашивала меня о Катеринѣ Михайловнѣ.

— Ну, а что ея учитель? спросила она меня.

Я, конечно, исполнилъ приказаніе Катерины Михайловны и не упомянулъ о его деспотическомъ обращеніи съ ней.

— По его письмамъ ко мнѣ, мнѣ кажется онъ совсѣмъ рехнулся; боюсь, чтобъ онъ не замучилъ ее, строго произнесла моя собесѣдница и, тяжко вздохнувъ, продолжала: — Ужь такая ея горькая участь: то одинъ, то другой дышать ей не даютъ... Я, вотъ, сама поѣду поглядѣть, что творитъ мой музыкантъ; хоть я съ нимъ была дружна съ дѣтства, но если онъ мучитъ ее, такъ я ихъ и разгоню.

Я старался увѣрить добрую старушку, что Катерина Михайловна равнодушно смотритъ на всѣ вспышки своего учителя.

— Что-то мнѣ не вѣрится, отвѣтила она мнѣ, — скрываетъ, не хочетъ обидѣть его, а онъ, полоумный, этого не понимаетъ. Меня иногда зло возьметъ за ея излишнюю деликатность съ дрянными людьми. Вотъ вамъ примѣръ: прислала уплатить долгъ одной барыни, которая въ сущности гроша не стоитъ, да еще проситъ меня, чтобъ осталось для всѣхъ тайной, что это она выручаетъ изъ бѣды семейство этой дурищи и мотовки.

Мнѣ было жаль, что я не могъ покороче познакомиться съ другомъ дѣтства Сивцова, потому что мнѣ надо было ѣхать въ Москву.

Я переписывался съ Катериной Михайловной, но надо признаться, что она всегда отвѣчала мнѣ краткими письмами, особенно не любила, когда я спрашивалъ о Сивцовѣ, и разъ написала мнѣ: „Право, его жаль: онъ страшно страдаетъ, такъ что ему можно все простить. Я безъ ужаса не могу подумать, какъ онъ перенесетъ ударъ, который я ему готовлю; хотя не скоро разразится онъ надъ его головой, но все-таки уѣду же я въ Россію. Мнѣ бываетъ тяжело, когда онъ мечтаетъ, какъ повезетъ меня въ Америку и я сдѣлаюсь милліонеркой. Онъ воображаетъ, что это очень для меня соблазнительно. Я его не разувѣряю, пусть его мечтаетъ и утѣшаетъ себя; къ чему мнѣ его раздражать; придетъ время, тогда разомъ всѣ его мечты и исчезнутъ. У него явился новый поводъ къ волненіямъ. Онъ вздумалъ удвоить мой капиталъ, который сконилъ мнѣ, и операція удалась ему блистательно; но что онъ выстрадалъ за это время! Сами видите, какъ я могу съ такимъ больнымъ человѣкомъ сурово обходиться?"

(Продолженіе будетъ).

Филлоксера.

Профессора **К. Линдемана.**

Насѣкомое, едва замѣтное для невооруженнаго глаза, волнуетъ въ послѣднее время умы населенія не только тѣхъ мѣстностей, которыя прямо, матеріально заинтересованы его появленіемъ въ виноградникахъ, но также и въ другихъ областяхъ страны, хотя и неимѣющихъ винодѣлія, но заинтересованыхъ борьбою съ этимъ насѣкомымъ, какъ выдающимся общественнымъ фактомъ. Это маленькое насѣкомое есть филлоксера. Появившись въ виноградникахъ Бессарабіи въ 1886 году, она вызвала оживленныя пренія въ обществѣ и печати, продолжающіяся и по настоящее время.

Факты изъ прошлаго филлоксеры вполнѣ оправдываютъ тотъ интересъ, который возбудила она въ нашемъ обществѣ. Мало знаемъ мы такихъ насѣкомыхъ, которыя, подобно ей, оказываютъ столь губительное вліяніе на произрастаніе нашихъ культурныхъ растеній. Для подтвержденія сказаннаго стоитъ лишь обратиться къ исторіи филлоксеры во Франціи.

Появившись въ 1862 году первоначально въ двухъ ограниченныхъ мѣстностяхъ южной Франціи, занесенная изъ Сѣверной Америки съ привезенными оттуда лозами, филлоксера къ началу нынѣшняго года распространилась уже по 60 департаментамъ и въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ произвела страшныя опустошенія. Она совершенно убила виноградныя лозы на пространствѣ одного милліона гектаровъ (гектаръ немного меньше десятины). Кромѣ того, она въ настоящее время еще присутствуетъ на 690,000 гектаровъ. Такъ какъ въ настоящее время Франція имѣетъ всего около 2 милліоновъ гектаровъ виноградниковъ, то слѣдовательно филлоксерою поражено болѣе одной трети общаго числа ихъ.

Убытки понесенные Франціей чрезъ истребленіе указаннаго громаднаго количества виноградниковъ опредѣляются въ 7.200.000.000 франковъ. Маленькое насѣкомое взяло съ винодѣлія Франціи контрибуцію гораздо болѣе значительную, чѣмъ германская армія въ 1871 году взяла со всей Франціи. Но этими цифрами еще не выражается весь убытокъ, нанесенный Франціи филлоксерою. До размноженія тамъ филлоксеры, Франція не только удовлетворяла всю свою потребность въ винѣ, но даже снабжала имъ рынки всего міра. Въ послѣднее время это очень измѣнилось и Франція принуждена уже ввозить къ себѣ большое количество вина изъ-за границы, а также большое количество изюма (коринокъ), преимущественно изъ Греціи, для приготовленія низшихъ сортовъ вина. Этотъ ввозъ вина и изюма постоянно возрастаетъ. Такъ, на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній, было ввезено:

въ 1875 г. *вина* на 8.351.741 фр. и *изюма* на 5.755,614 фр.
„ 1887 „ „ „ 545.000,000 „ „ „ „ 98.000,000 „

А всего въ теченіе 13 лѣтъ отъ 1875 по 1887 включит. ввезено:

вина на 3.222,866,504 франка,
изюма на 577.805,984 фр
или вмѣстѣ на 3.800.672,488 франковъ.

Эту сумму должно прибавить къ потерямъ, понесеннымъ французскимъ винодѣліемъ отъ филлоксеры.

Изложенное вполнѣ выясняетъ важную роль, какую играетъ филлоксера въ жизни страны, и дѣлаетъ это насѣкомое вполнѣ заслуживающимъ вниманія. Но къ этому присоединяются факты другаго рода, еще болѣе обостряющіе важное значеніе этого насѣкомаго и дѣлающіе его въ иныхъ мѣстахъ истиннымъ бичемъ, даже много прежде чѣмъ оно значительными опустошеніями успѣетъ заявить о своемъ присутствіи въ виноградникахъ этихъ мѣстъ. Факты такого рода представляетъ намъ краткая, но уже богатая подобными примѣрами исторія филлоксеры въ Россіи и преимущественно въ Бессарабіи и въ Крыму.

Въ Бессарабіи филлоксера была найдена въ 1886 году въ виноградникахъ сел. Телешово, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, на 3,000 кустахъ. Для ея искорененія были истреблены тамъ филлоксерною коммисіею лозы на пространствѣ болѣе *20 десятинъ*, т. е. болѣе чѣмъ 150,000 тысячъ лозъ. Тѣмъ не менѣе филлоксера была найдена осенью того же года на виноградникахъ села Драсличены, того же уѣзда, на 900 кустахъ, причемъ для истребленія ея были уничтожены виноградники на пространствѣ 40 десятинъ, т. е. болѣе 300,000 здоровыхъ кустовъ.

Въ Крыму, въ мѣстности Нижніе Лимены, филлоксера была найдена на 9 кустахъ, а для искорененія ея были истреблены лозы на пространствѣ 18 десятинъ, т. е. болѣе 125,000 здоровыхъ лозъ.

Такимъ образомъ выдававшіе себя защитниками виноградниковъ отъ филлоксеры, словно нарочно старались перещеголять ее своею опустошительною дѣятельностью и истребить сотни тысячъ кустовъ тамъ гдѣ филлоксера успѣла уничтожить лишь сотни или даже десятки ихъ. Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ вопросъ о филлоксерѣ пріобрѣлъ у насъ чрезвычайное значеніе, возбуждая тревогу не только въ тѣхъ мѣстахъ Россіи гдѣ ростетъ виноградъ, но также далеко за предѣлами ихъ. Вездѣ возбуждается вопросъ: насколько существо дѣла оправдываются жертвы, требуемыя отъ нашихъ виноградарей? Не предъявляются-ли имъ требованія слишкомъ преувеличенныя чрезмѣрнымъ страхомъ или усердіемъ и далеко не оправдываемыя тѣмъ результатомъ, какой возможно получить вообще, даже при самомъ лучшемъ ходѣ дѣла?

Филлоксера есть маленькое насѣкомое, величиною около ½ миллиметра, живущее исключительно на виноградной лозѣ, преимущественно на корняхъ, рѣже и на листьяхъ ея. Живя на корняхъ, въ особенности на корневыхъ мочкахъ, большими обществами, и высасывая соки, филлоксера вызываетъ этимъ раздраженіе тканей въ пораженныхъ корневыхъ мочкахъ, вслѣдствіе чего послѣднія неправильно утолщаются и пріобрѣтаютъ очень характерный, узловатый внѣшній видъ. Происшедшія утолщенія, сначала плотныя и бѣловатыя, отмираютъ въ концѣ лѣта и гніютъ.

Филлоксера живущая на листьяхъ, такъ-называемая „листовая", живетъ не свободно на поверхности листа, а внутри особыхъ округленныхъ мѣшкообразныхъ наростовъ или орѣшковъ, образующихся на нижней сторонѣ листа. Такая листовая филлоксера, очень обыкновенная въ Америкѣ, встрѣчается въ Европѣ вообще гораздо рѣже корневой формы ея. У насъ въ Россіи листовая форма наблюдается лишь очень рѣдко.

Высасывая соки изъ корней виноградной лозы, филлоксера обусловливаетъ этимъ возникновеніе болѣзненнаго процесса, повидимому неминуемо оканчивающагося смертью пораженнаго куста. Но періодъ времени необходимый для наступленія этого исхода — далеко не одинаковъ при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Такъ во Франціи пораженные кусты погибаютъ обыкновенно уже на третій годъ послѣ пораженія ихъ. Уже въ первый годъ послѣ нападенія филлоксеры замѣчается болѣзненное состояніе лозы, выражаю-

щееся въ томъ, что образуется мало ягодъ, притомъ содержащихъ мало сахара и потому не пригодныхъ для изготовленія хорошаго вина. На второй годъ болѣзнь пораженной лозы выражается еще рѣшительнѣе недоразвитіемъ новыхъ побѣговъ и малой величиною листьевъ, а на третій годъ такой кустъ уже засыхаетъ. Въ Россіи кусты пораженные филлоксерою страдаютъ менѣе сильно и противостоятъ развитію болѣзни въ теченіе болѣе продолжительнаго срока. Извѣстно нѣсколько фактовъ, неопровержимо доказывающихъ, что напримѣръ въ Кубанской области, кусты уже 14 лѣтъ пораженные филлоксерою продолжаютъ давать урожаи выше среднихъ. Въ Крыму и въ Бессарабіи извѣстны такіе-же факты. Въ послѣднее время такое же медленное теченіе филлоксерной болѣзни лозъ было наблюдаемо и въ Германіи, на Рейнѣ. Мы еще не можемъ дать совершенно удовлетворительнаго объясненія этихъ фактовъ, но можемъ догадываться, что наблюдаемое различіе въ степени вліянія филлоксеры на виноградные кусты въ различныхъ странахъ зависитъ отъ климатическихъ условій, отъ различія въ свойствахъ породъ лозы, а также вѣроятно отъ различія въ культурѣ, напр. отъ преобладающаго возраста кустовъ и т. п. причинъ.

Взрослыя особи, т. е. самцы и самки филлоксеры, появляются въ западной Европѣ осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ. Онѣ безкрылыя и не имѣютъ ротовыхъ органовъ. Послѣднее объясняется тѣмъ, что такія особи не принимаютъ никакой пищи въ теченіе ихъ кратковременной жизни. Самки спѣшатъ пристроить единственное складываемое ими яичко, такъ-называемое *зимнее*, получившее такое названіе потому, что оно должно перезимовать и развить изъ себя филлоксеру лишь весною слѣдующаго года. У насъ въ Россіи взрослыя особи филлоксеры и образуемыя ими зимнія яйца до сихъ поръ еще никѣмъ не были найдены, поэтому еще не доказано размножается-ли у насъ филлоксера этимъ способомъ. Упомянутыя зимнія яйца складываются самками всегда въ опредѣленное мѣсто, именно на самую нижнюю часть ствола виноградной лозы, не выше одного или полутора фута надъ землею, въ трещины коры или подъ отставшія чешуйки ея.

Изъ зимнихъ яичекъ происходятъ весною личинки филлоксеры, по внѣшнимъ формамъ сходныя съ взрослыми, но отличающіяся тѣмъ, что головка ихъ снабжена длиннымъ хоботкомъ, заключающимъ въ себѣ четыре тонкія иголочки, при помощи которыхъ накалываются ткани растенія для извлеченія его соковъ. Эти личинки уходятъ въ землю, чтобы расположиться тамъ на корняхъ винограда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ часть личинокъ поднимается на листья, чтобы образовать тамъ вышеупомянутые орѣшки.

Личинки ушедшія на корни начинаютъ размножаться, складывая около себя отъ 30 до 400 неоплодотворенныхъ яичекъ, изъ которыхъ чрезъ нѣсколько дней выводится второе поколѣніе личинокъ, подобныхъ первымъ и также приступающихъ къ складыванію такихъ же неоплодотворенныхъ яичекъ. Развитіе личинокъ и наступленіе зрѣлости ихъ совершается такъ скоро, что въ теченіе лѣта успѣваетъ произойти пять, шесть или даже большее число генерацій, благодаря чему быстро увеличивается колонія корневыхъ филлоксеръ засѣвшая на корняхъ данной лозы. Такія колоніи размѣщаются преимущественно въ поверхностномъ слоѣ почвы на глубинѣ, приблизительно, одного аршина; но отдѣльныя особи уходятъ очень глубоко и были находимы даже на глубинѣ *шести футовъ*.

Послѣ нѣкотораго числа упомянутыхъ поколѣній нѣкоторыя личинки начинаютъ превращаться въ такъ-называемыхъ *нимфъ*. У такихъ личинокъ на боковыхъ сторонахъ туловища появляются четыре округленныя пластиночки, которыя суть зачатки крыльевъ. Когда эти зачатки достигнутъ нѣкоторой величины, такія нимфы линяютъ и превращаются въ такъ-называемую *крылатую* филлоксеру.

Такая крылатая филлоксера, снабженная четырьмя большими прозрачными крыльями, не соотвѣтствуетъ взрослой формѣ другихъ насѣкомыхъ, какъ это можно было бы предположить на томъ основаніи, что она одарена крыльями, которыя обыкновенно представляются достояніемъ насѣкомаго вполнѣ окончившаго свои метаморфозы. Крылатая филлоксера есть только особая форма личинки, происходящая наичаще въ томъ случаѣ, когда корни обитаемаго куста начинаютъ засыхать, угрожая гибелью живущимъ на ней колоніямъ безкрылыхъ корневыхъ личинокъ. Тогда, окрылясь и выходя на поверхность земли, такая филлоксера получаетъ возможность перелетать на другіе кусты, закладывать на нихъ новыя колоніи и такимъ образомъ содѣйствовать распространенію насѣкомаго по странѣ.

Крылатая филлоксера несетъ неоплодотворенныя яички, также какъ безкрылыя корневыя и листовыя личинки. Но эти яички отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что они не одинаковой величины: одни изъ нихъ больше, а другія маленькія; во-вторыхъ, они отличаются тѣмъ, что изъ этихъ яичекъ образуются не личинки, а взрослыя особи, причемъ изъ большихъ яичекъ происходятъ самки, а изъ маленькихъ — самцы.

Такимъ образомъ совершается размноженіе и развитіе филлоксеры. Но при этомъ должно замѣтить, что размноженіе ея можетъ происходить и безъ кладки зимняго яйца. Въ такомъ случаѣ корневыя личинки перезимуютъ и продолжаютъ весною слѣдующаго года размножаться неоплодотворенными яичками такъ, какъ будто-бы вовсе не было никакого зимняго перерыва въ ихъ дѣятельности. Полагаютъ, однако, что такимъ образомъ, безъ участія зимняго яичка, филлоксера можетъ размножаться лишь въ теченіе нѣкотораго, опредѣленнаго времени, и что по истеченіи этого срока наступаетъ истощеніе организма насѣкомыхъ, вслѣдствіе котораго они непремѣнно вымираютъ. Поэтому для постоянно прогрессирующаго размноженія филлоксеры въ нѣкоторой мѣстности считаютъ необходимымъ, чтобы отъ времени до времени, чрезъ извѣстные промежутки, появлялись взрослыя особи, которыя складывали бы всегда оплодотворенное зимнее яйцо. Но до сихъ поръ еще не установлено, какъ великъ этотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго колонія можетъ поддерживаться лишь посредствомъ складыванія неоплодотворенныхъ яичекъ.

Филлоксера перешла въ Европу изъ Америки на корняхъ привезенныхъ оттуда виноградныхъ лозъ. Такимъ же образомъ, т. е. на пересылаемыхъ растеніяхъ, она мало-по-малу распространялась изъ одной страны въ другую. Кромѣ того, филлоксера можетъ распространиться по мѣстности активно, переходя подъ землею отъ одного куста къ другому, слѣдуя по трещинамъ почвы, или же она перелетаетъ съ куста на кустъ въ видѣ крылатаго насѣкомаго. Гораздо рѣже можетъ быть переносима филлоксера изъ сада въ садъ на платьѣ или обуви или на земледѣльческихъ орудіяхъ. Я полагаю даже, что перенос ея этимъ послѣднимъ способомъ вовсе не былъ непосредственно наблюдаемъ, а допускается лишь на основаніи теоретическихъ соображеній.

Въ промежутокъ времени съ 1862 года филлоксера успѣла перейти почти во всѣ винодѣльныя страны Европы, за исключеніемъ лишь Греціи. Кромѣ Франціи, она присутствуетъ теперь въ Испаніи, Португаліи, Италіи, Швейцаріи, Германіи, Австро-Венгріи и Румыніи. Въ предѣлахъ Россіи она была найдена въ Крыму, въ Закавказьи, на сѣверномъ Кавказѣ и въ Бессарабіи.

Для противодѣйствія филлоксерѣ существуютъ два различныхъ метода. Одинъ изъ нихъ имѣетъ цѣлью, строго слѣдя за виноградниками, тотчасъ же обнаружить случившееся вторженіе насѣкомаго въ страну и, истребивъ образовавшееся гнѣздо его вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ окружающихъ его кустовъ, защитить такимъ способомъ всѣ остальные виноградники страны отъ зараженія ихъ филлоксерою. Этотъ методъ называется методомъ *истребленія* или радикальнаго противодѣйствія филлоксерѣ. Онъ примѣняется въ Швейцаріи, Сѣверной Италіи, Германіи и въ Россіи.

Второй методъ состоитъ въ томъ, чтобы, не задаваясь задачею совершенно истребить насѣкомое, распространившееся въ странѣ, принять такія мѣры, при помощи которыхъ виноградники, занятые филлоксерою, продолжали бы давать достаточные доходы. Это методъ *лѣченія* виноградниковъ. Онъ принятъ во Франціи, южной Италіи, въ Австро-Венгріи и въ Румыніи. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе эти два метода борьбы съ филлоксерою.

Методъ *радикальнаго истребленія* насѣкомаго слагается изъ мѣропріятій троякаго рода. Во-первыхъ, требуется ежегодное внимательное изслѣдованіе всѣхъ виноградниковъ страны, для того чтобы первое появленіе филлоксеры въ нихъ могло быть своевременно обнаружено, и чтобы первыя маленькія колоніи насѣкомаго могли быть истреблены пока онѣ еще не успѣли значительно распространиться. Въ этомъ истребленіи найденнаго гнѣзда состоятъ мѣропріятія втораго рода. Для достиженія этой цѣли пораженные виноградные кусты срѣзываются подъ корень и сожигаются; занятая ими почва перекапывается на глубину до полутора аршинъ, причемъ всѣ корни выбираются и также сожигаются. Перекопанная такимъ образомъ почва пропитывается сѣроуглеродомъ, керосиномъ, или смѣсью обоихъ веществъ, съ цѣлью убить насѣкомыхъ, оставшихся въ почвѣ. Точно также поступаютъ и съ нѣкоторымъ числомъ здоровыхъ кустовъ, окружающихъ обнаруженный очагъ филлоксерной заразы. Это дѣлается съ цѣлью образовать вокругъ такого очага такъ-называемый предохранительный поясъ, предполагая возможнымъ, что на кустахъ, включаемыхъ въ предѣлы его, могутъ быть заложены зимнія яйца, или же можетъ присутствовать филлоксера въ незначительномъ еще количествѣ и потому трудно замѣтная, но могущая здѣсь размножиться и перейти затѣмъ на сосѣдніе кусты. Этотъ предохранительный поясъ получаетъ иногда очень значительные размѣры, хотя основывается на совершенно произвольныхъ данныхъ.

Для удешевленія описанныхъ истребительныхъ работъ и для того чтобы не распугать филлоксеру, нынѣ совѣтуютъ не перекапывать почву зараженнаго мѣста, а срѣзавъ кусты подъ корень, прямо вводить въ почву, при помощи особыхъ инжекторовъ, сѣрный углеродъ въ большомъ количествѣ, который, распространяясь въ почвѣ, убьетъ какъ находящуюся тамъ филлоксеру, такъ и корни винограда, оставшіеся на своихъ мѣстахъ.

Третьяго рода мѣропріятія, обусловливаемыя этимъ радикальнымъ методомъ истребленія филлоксеры, имѣютъ полицейскій характеръ и состоятъ въ слѣдующемъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ была

найдена филлоксера и истреблена вмѣстѣ съ виноградными кустами, запрещается разводить какія бы то ни было растенія въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ четырехъ или пяти лѣтъ. Къ разведенію здѣсь винограда даже по истеченіи этого срока можетъ быть приступлено только съ особаго на то разрѣшенія властей. Затѣмъ для защиты отъ вторженія филлоксеры изъ изъ сосѣднихъ странъ, должно затруднить или совершенно запретить ввозъ изъ-за границы растеній или частей ихъ, могущихъ перенести на себѣ филлоксеру.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Турниръ во времена Матвѣя Корвина.

(Рис. на стр. 788 и 789).

Цѣлый рядъ чудесныхъ сказаній окружаетъ рыцарскій образъ Матвѣя Корвина, величайшаго венгерскаго короля, знаменитаго сына Іоанна Гуніади, который изъ простаго дворянина, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ, сталъ королемъ. Нашъ рисунокъ на стр. 788 и 789 передаетъ одно изъ событій въ жизни великаго Матвѣя Корвина.

Замокъ Фридрихскронъ близь Потсдама.

Такъ-называемые коммонсъ противъ Фридрихскронскаго замка.

Изъ далекой Чехіи прибылъ въ Офенъ рыцарь, по имени Голлубаръ, богатырскаго тѣлосложенія и громадной силы. Многіе считали его непобѣдимымъ: на всѣхъ турнирахъ повергалъ онъ всегда своихъ противниковъ на-земь и никто не отваживался болѣе выступать противъ него. Съ насмѣшливыми словами объѣзжалъ однажды Голлубаръ, во время одного изъ турнировъ, арену поединковъ и вызывалъ храбрецовъ помѣриться съ нимъ силою. Раздосадованный кичливостью чужеземца, выѣхалъ противъ него предводитель „чернаго войска", богатырь Павелъ Кинисій. Оба рыцаря приготовились уже ринуться другъ на друга, какъ вдругъ появился среди нихъ неизвѣстный рыцарь съ опущеннымъ забраломъ. Лица его не было видно, но по легкости и гибкости движеній всякій могъ догадаться, что онъ еще молодъ. Неизвѣстный обратился къ Кинисію съ просьбою уступить ему мѣсто, дабы высокомѣрный чехъ не говорилъ бы послѣ, что во всей Венгріи съ нимъ отважился сразиться только одинъ богатырь Кинисій. Голлубаръ громко засмѣялся на слова юноши и посовѣтовалъ еще прихватить себѣ на помощь двухъ сподручныхъ, если онъ вздумаетъ сразиться съ нимъ. „Хвастайся послѣ битвы", возразилъ ему спокойно неизвѣстный рыцарь, „стрѣла не тяжела, но можетъ ранить не легко". Какъ левъ устремился тогда на него Голлубаръ, но ловкій юноша, повернувъ коня, уклонился отъ ужаснаго удара. Тяжелое копье чеха попало въ край щита неизвѣстнаго и разбило его. Дважды затѣмъ нападалъ Голлубаръ, но каждый разъ неизвѣстный, какъ ящерица, увертывался отъ его копья. На третій разъ, примѣтивъ неловкое движеніе Голлубара, молодой рыцарь бросился на него и ловкимъ ударомъ выбросилъ исполина изъ сѣдла.

Радостный крикъ тысячи зрителей огласилъ воздухъ и несмѣтная толпа окружила побѣдителя, чтобы узнать, кто онъ такой. Съ словами: „Первый въ своей странѣ, я долженъ быть первымъ ея защитникомъ", снялъ рыцарь свой шлемъ—и всѣ узнали въ немъ своего молодаго короля Матвѣя, въ царствованіе котораго Венгрія достигла цвѣтущаго состоянія, продолжавшагося до самой его смерти, въ 1490 г.

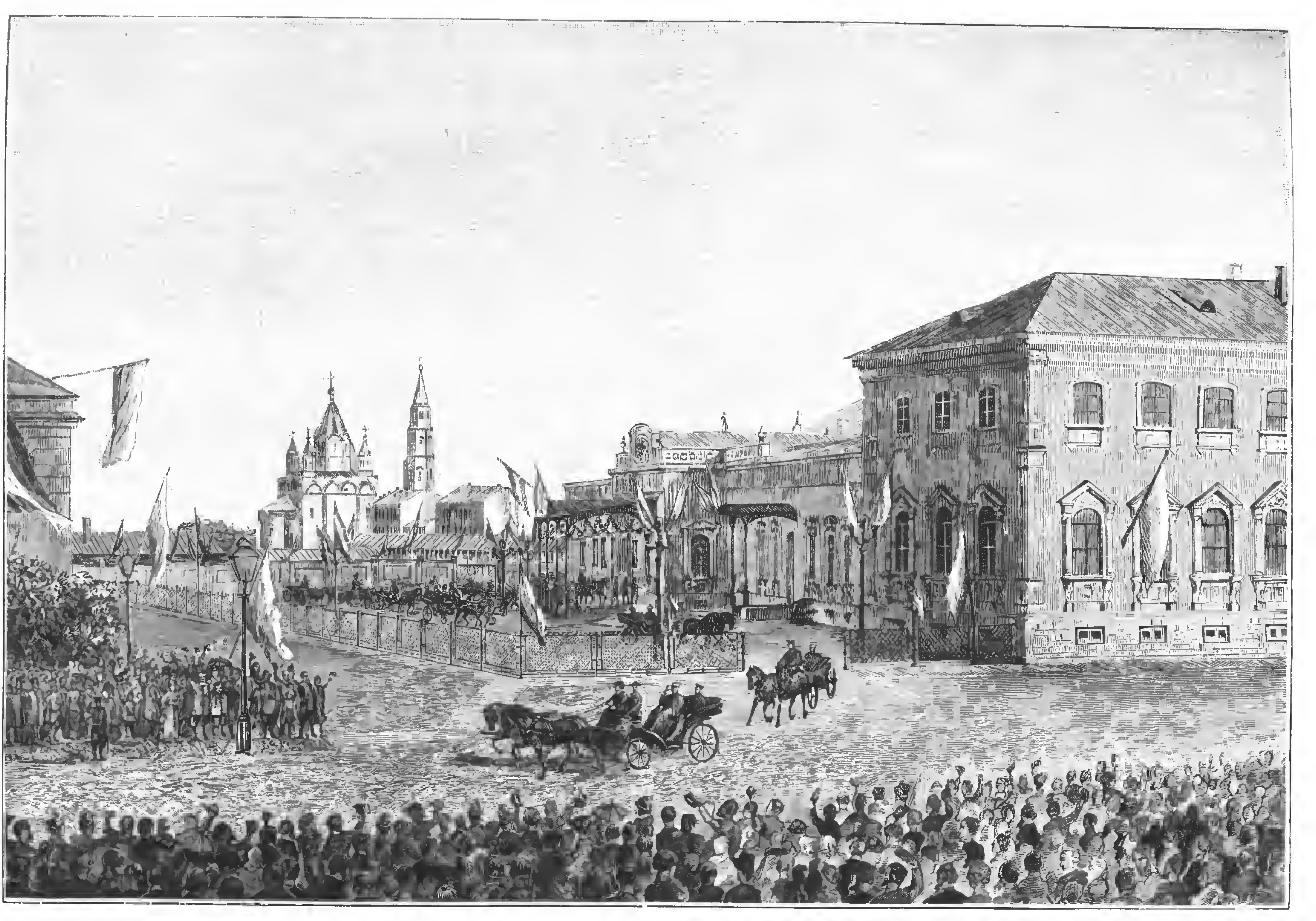
Францискъ I со своими друзьями.

(Рис. на стр. 793).

Царствованіе талантливаго, но безхарактернаго короля Франциска I принесло Франціи болѣе зла и бѣдствій, чѣмъ благодѣяній, которыми онъ всегда старался осыпать свою любимую родину. Ради нихъ онъ велъ въ теченіе всего своего царствованія (1515—1547 г.) борьбу съ Габсбургами Не получивъ почти никакого воспитанія, по волѣ своей честолюбивой матери, Луизы Савойской, поощрявшей только дурныя стороны его характера, чтобы безпрепятственно управлять страною,—Францискъ, тѣмъ не менѣе, нерѣдко проявлялъ вполнѣ симпатичныя стороны своей личности, которыя иногда заглушались легкомысліемъ и непостоянствомъ его живаго характера. Часто, утомленный постоянными походами или беззавѣтною и веселою жизнью блестящаго двора, король удалялся отъ всего окружающаго и въ тиши уединенія отдыхалъ отъ пережитыхъ треволненій. Такимъ онъ изображенъ на стр. 793, окруженный своими вѣрными друзьями, шутомъ Трибуле и собаками.

Неудавшаяся погоня за натурой. (Рис. на стр. 793).

Коротки осенніе и зимніе дни на Сѣверѣ, едва сядетъ русскій художникъ въ своей каморкѣ за работу, едва расходится его кисть—смотришь, уже смеркается, надо бросать палитру. А ужь о натурѣ и не думай—куда проберешься по нашимъ снѣжнымъ сугробамъ, да и каково работать на морозѣ! Ждутъ не дождутся наши живописцы лѣта, когда и солнце чуть не цѣлыя сутки стоитъ надъ горизонтомъ, и можно предпринимать дальнія экскурсіи за городъ. Небогатые художники при этомъ распоряжаются иногда весьма практично, покупая себѣ мужицкую кляченку, на которой и разъѣзжають по окрестностямъ со складнымъ мольбертомъ, табуретомъ и прочими

Пребываніе императора Германскаго въ Петербургѣ. Съ Царскосельскаго вокзала послѣ поѣздки въ Павловскъ

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. Флюгель.

принадлежностями, отыскивая живописныхъ уголковъ для эскизовъ. Бойкій рисунокъ г. Оболенскаго изображаетъ одного изъ такихъ пейзажистовъ, захваченнаго проливнымъ дождемъ на поискахъ за натурой.

Гельсингфорсъ. (Рис. на стр. 797).

Городъ Гельсингфорсъ въ Финляндіи основанъ въ царствованіе Шведскаго короля Густава Вазы и быстро пріобрѣлъ торговое значеніе. Въ 1639 году, при королевѣ Христинѣ, городъ былъ перенесенъ на 5 верстъ ближе къ глубокой водѣ. Едва новый Гельсингфорсъ сталъ подниматься, какъ въ 1657 году былъ истребленъ пожаромъ. Городъ возникъ изъ пепла только благодаря щедрой помощи королевы Гедвиги-Элеоноры, но въ теченіе столѣтія былъ незначительнымъ городкомъ. Ему пришлось пережить не мало тяжелыхъ бѣдствій: голодъ въ 1697 г., чуму въ 1710 г. и два непріятельскія нападенія въ 1712 и 1713 г. 12 августа 1713 г. городъ былъ подожженъ отступавшими финскими войсками и сгорѣлъ вторично; Гельсингфорсъ оставался пустымъ въ теченіе 8 лѣтъ. По заключеніи мира въ 1721 году городъ застроился сызнова и въ 1742 г. былъ свидѣтелемъ капитуляціи шведскихъ войскъ передъ русскими. Желая защитить превосходную глубокую гавань Гельсингфорса отъ нападеній непріятеля, шведскій адмиралъ Эрневердъ соорудилъ въ 1749 г. Свеаборгскія твердыни—„Сѣверный Гибралтаръ“ и сдѣлалъ Гельсингфорсъ недоступнымъ съ моря. Но русскія войска взяли въ 1808 году городъ съ сухаго пути и вслѣдъ затѣмъ осажденная крѣпость сдалась на капитуляцію, 3-го мая. Спустя два мѣсяца Гельсингфорсъ въ третій разъ выгорѣлъ. 27 марта 1812 г. Александръ I объявилъ Гельсингфорсъ главнымъ городомъ Финляндіи. Въ 1819 г. сюда были перенесены Сенатъ и другія правительственныя вѣдомства, университетъ и пр. Городъ быстро разросся и украсился превосходными постройками. Въ настоящее время это самый населенный и красивый городъ Финляндіи. Прекрасныя зданія, церкви съ колоннадами и куполами, общественныя гулянья, паркъ, ботаническій садъ, теперь самый сѣверный во всемъ свѣтѣ, такъ какъ онъ на нѣсколько десятковъ верстъ ближе къ полюсу, чѣмъ ботаническіе сады Петербурга, Упсалы, Христіаніи. Гельсингфорскій Александровскій университетъ, богатый письменными памятниками, сдѣлался центромъ научной дѣятельности въ Финляндіи. Гельсингфорсъ весьма живописно раскинутъ на полуостровѣ, простирающемся отъ Нюландскаго прибрежья на югъ, къ Финскому заливу. Почва вездѣ гранитъ. Со стороны моря городъ защищенъ грозными укрѣпленіями Свеаборга, котораго стѣны, пробитыя амбразурами, возвышаются на гранитныхъ утесахъ семи острововъ, господствующихъ надъ фарватеромъ залива. Однако Гельсингфорсъ городъ по преимуществу торговый, судоходство весьма дѣятельно; торговля внѣшняя, преимущественно съ Великобританіей, и внутренняя. Гельсингфорсъ служитъ главнымъ рынкомъ для двухъ внутреннихъ городовъ: Тавастгуста и Таммерфорса. Нашъ рисунокъ изображаетъ одну часть южной гавани, влѣво видиѣтся часть возвышеній — Ульрикасборгъ, гдѣ въ старину былъ шведскій шанецъ, а теперь возвышается астрономическая обсерваторія и за ней предмѣстье; въ серединѣ видны возвышающіяся главы православной и лютеранской церквей. Окрестности Гельсингфорса крайне живописны. Желѣзная дорога связываетъ городъ съ Петербургомъ и побережьемъ Ботническаго залива.

Замокъ Фридрихскронъ. (Рис. на стр. 800).

Замокъ Фридрихскронъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ покойнаго Германскаго императора Фридриха III. Это предпочтеніе легко объясняется тѣмъ, что замокъ Фридрихскронъ по справедливости надо признать самымъ лучшимъ изо всѣхъ замковъ Прусскаго королевскаго дома. Величественный и красивый наружный видъ соотвѣтствуетъ превосходной обстановкѣ внутреннихъ покоевъ. Во всемъ видны замѣчательный вкусъ и художественное понимание геніальнаго строителя Фридрихскрона, Фридриха Великаго. Кажется, сами граціи были пособницами въ сооруженіи этого великолѣпнаго дворца, гдѣ все напоминаетъ великаго короля. Въ его свѣтлыхъ и просторныхъ покояхъ обдумывалъ онъ свои планы, велъ съ блестящими приближенными остроумные разговоры или занимался музыкою.

Но не только самъ замокъ заслуживаетъ вниманія и удивленія,—окрестности его не менѣе великолѣпны. Изъ высокихъ оконъ горделиваго зданія видны чудесные сады, гдѣ широко раскинулись зеленыя лужайки, вокругъ нихъ исполинскія деревья тихо шепчутся густою листвою, по мраморному ложу катятся хрустально - свѣтлые источники и безчисленныя мраморныя статуи стоятъ въ нѣмомъ покоѣ.

Въ этомъ чудномъ замкѣ императоръ Фридрихъ родился и почилъ навѣки. Императорская фамилія помѣщалась въ сѣверной части замка, которая отдѣлялась отъ его южной части знаменитымъ раковиннымъ заломъ и надъ нимъ находящеюся большою мраморною залой, гдѣ стѣны и полъ облицованы краснымъ и бѣлымъ шлезвигскимъ мраморомъ. Въ прежнее время, императоръ, тогда еще кронпринцъ, жилъ въ первомъ этажѣ; въ послѣднее его пребываніе, комнаты принца находились въ нижнемъ этажѣ. Оттуда видна была вся главная аллея, идущая отъ Потсдама чрезъ королевскіе сады и кончающаяся у Фридрихскрона. Всѣ помѣщенія почившаго императора отличались просторомъ и богатымъ убранствомъ. Изображеніе комнаты, въ которой почилъ императоръ Фридрихъ, было помѣщено въ № 26 за настоящій годъ.

Пребываніе императора Германскаго въ Петербургѣ. (Рис. на стр. 801, 804 и 805).

Вечеромъ 8 іюля въ Красномъ Селѣ состоялась заря съ церемоніей. Изъ Петергофа Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Семействомъ и его величество императоръ Германскій съ его высочествомъ принцемъ Прусскимъ Генрихомъ отправились на Императорскомъ поѣздѣ въ Красное Село, куда прибыли въ 7 час. вечера.

Станція Красносельской желѣзной дороги была разукрашена флагами. На платформѣ собралось все военное начальство, послы, придворные чины и Императорская свита.

Для его величества императора Германскаго былъ поставленъ почетный караулъ, рота со знаменемъ и хоромъ музыки отъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Е. И. К. В. Императора Германскаго Короля Прусскаго Вильгельма II полка (см. рис. на стр. 805).

Отъ станціи дороги до лагеря были выстроены по улицамъ казаки Собственнаго Его Величества конвоя, кирасиры и уланы въ пѣшемъ строю.

Въ 7 часовъ начался объѣздъ лагеря. Ихъ Величества Императоры Россійскій и Германскій сѣли на коней. Ея Императорское Величество Государыня Императрица съ И. И. В. Великими Княгинями Маріею Павловною и Елисаветою Ѳеодоровною, Великою Княжною Ксеніею Александровною и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ ѣхала въ шарабанѣ, запряженномъ четверкою бѣлыхъ лошадей; въ другомъ такомъ же шарабанѣ, запряженномъ вороными лошадьми, ѣхали другія Великія Княгини.

Во время объѣзда лагеря всюду по линіи пѣли хоры полковыхъ пѣсенниковъ, а музыканты и барабанщики отъ всѣхъ частей были собраны передъ Царской ставкой, что въ большомъ лагерѣ у лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, въ одну большую колонну до 1,000 человѣкъ, которою дирижировалъ капельмейстеръ гвардейскаго корпуса Вурмъ.

Высокое мѣстоположеніе Царской ставки и открывающійся оттуда видъ на обширную равнину, бѣлыя палатки лагеря направо и налѣво отъ ставки, стройная колонна барабанщиковъ и музыкантовъ передъ ней, а по ея сторонамъ блестящая стѣна офицеровъ и кругомъ многочисленныя линіи народа, вдали заходящее солнце, озарявшее лучами заката двигавшіеся внизу поѣзды желѣзной дороги, — все это при прекрасной погодѣ дѣлало общую картину заката чрезвычайно эффектною.

Въ $^{3}/_{4}$ девятаго была подана повѣстка и ровно въ девять часовъ, какъ разъ когда солнце скрылось за горой, взвились три ракеты, и по третьей послѣдовалъ залпъ изъ всѣхъ орудій лагеря, а барабанщикъ забилъ зарю, принятую потомъ остальными барабанщиками и музыкантами и смѣнившуюся наконецъ величественными звуками гимна „Коль Славенъ“. Штабъ-горнистъ прочиталъ молитву „Отче нашъ“. Всѣ обнажили головы. Этимъ закончилась церемонія.

9 іюля, въ 11 часовъ утра, въ Красномъ Селѣ, состоялся Высочайшій смотръ. Войска построились на военномъ полѣ, фронтомъ къ Царскому валику, на четыре фаса. Царскій валикъ приходился въ серединѣ построенія. Всѣми войсками командовалъ Е. И. В. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ. Войска были одѣты въ обыкновенной формѣ, въ мундирахъ и шапкахъ, при орденахъ и шарфахъ, генералы въ лентахъ.

Въ 11 часовъ къ Царскому валику прибыли Особы Императорской Фамиліи и придворные. Когда прибыли Ихъ Величества Императоры Россійскій и Германскій, заиграла музыка, войска взяли на караулъ. Знамена салютовали Монархамъ. Объѣздъ начался съ конвоя и первой линіи. Впереди ѣхалъ командующій Главной Имп. Квартирой. Оба Императора ѣхали рядомъ; за ними въ двухъ парадныхъ шарабанахъ съ жокеями, въ четверку лошадей цугомъ каждый, слѣдовали Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини.

Въ $11^{1}/_{2}$ ч. начался церемоніальный маршъ (см. рис. на стр. 804). Войска проходили одинъ разъ. Пѣхота шла въ четырехвзводныхъ колоннахъ. Маршъ открывалъ командующій Главной Императорской Квартирой, за нимъ два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя, а затѣмъ, во главѣ своихъ войскъ, ѣхалъ Его Величество Государь Императоръ, салютуя императору Германскому. Когда Его Величество подъѣхалъ къ императору Вильгельму, оба Монарха отдали другъ другу честь и затѣмъ крѣпко пожали руки. Когда послѣ гвардейской пѣхоты пошла 22-я армейская дивизія, императоръ Германскій выѣхалъ впередъ и, ставъ впереди имени своего 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка, парадировалъ, салютуя предъ Государемъ Императоромъ. Оба Монарха отдали другъ другу честь и снова обмѣнялись рукопожатіями. Императоръ Германскій самъ благодарилъ свой полкъ, всѣ четыре батальона, по-русски: „спасибо, молодцы“.—„Рады стараться, Ваше Императорское Королевское Величество!“ стройно раздавался отвѣтъ ка-

ждаго батальона. За пѣхотой шли батальоны пѣшей артиллеріи, затѣмъ батареи и наконецъ кавалерія.

Послѣ парада, былъ накрытъ завтракъ à la fourchette, къ которому получили приглашеніе начальствующія лица, свита и командиры отдѣльныхъ частей.

За завтракомъ, Его Величество Государь Императоръ, пригласивъ наверхъ, въ Царскую палатку, командировъ частей, провозгласилъ тостъ за здоровье Августѣйшаго гостя и его славной арміи. Императоръ Вильгельмъ на русскомъ языкѣ отвѣчалъ тостомъ за здоровье Его Величества Государя Императора. Громкое, долго несмолкавшее восторженное „ура“ сопровождало оба тоста.

Въ три часа Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица отбыли въ Петергофъ, а его величество императоръ Германскій и принцъ Прусскій отправились на тройкахъ въ Павловскъ, гдѣ посѣтили королеву Эллиновъ и Е. И. В. Вел. Княгиню Александру Іосифовну. Вел. Княгиня проводила затѣмъ Императора до станціи желѣзной дороги, убранной флагами и зеленью. Играющій въ павловскомъ вокзалѣ оркестръ г. Лаубе встрѣтилъ императора Вильгельма германскимъ гимномъ, и затѣмъ русскимъ. Всѣ музыканты имѣли въ своихъ петлицахъ букетики васильковъ. Въ Петербургѣ, куда прибылъ поѣздъ въ началѣ седьмаго часа, императоръ Вильгельмъ со станціи (см. рис. на стр. 801) отправился въ домъ германскаго посольства и оттуда на Дворцовую набережную, сѣлъ на паровой катеръ „Дагмара“ и на немъ катался по окрестностямъ Петербурга, обозрѣвая острова. Погода была прекрасная, рѣка совершенно тихая и закатъ солнца вышелъ великолѣпенъ. На островахъ и у мостовъ собралось много дачниковъ, привѣтствовавшихъ императора. Въ половинѣ девятаго часа вечера, катеръ присталъ къ Сенатской пристани, красиво разукрашенной. Императоръ отправился къ германскому послу на обѣдъ.

Въ воскресенье, въ $6^1/_2$ час. вечера, въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ, въ Петровской залѣ, происходилъ парадный обѣдъ, на который было приглашено 270 лицъ. Большая свѣтлая Петровская зала была убрана растеніями и въ три линіи уставлена столами. У одного конца ея находился Императорскій столъ, расположенный во всю ширину залы покоемъ, съ золотымъ сервизомъ. Посрединѣ, гдѣ стояло кресло для Ея Величества, на столѣ былъ раскинутъ изящный коверъ изъ розъ, окаймленный бордюромъ изъ мелкихъ синихъ цвѣтовъ. Двѣ высокія золотыя вазы съ цвѣтами стояли по сторонамъ ковра. На всѣхъ столахъ также были сдѣланы платò изъ цвѣтовъ. Болѣе 3,000 розъ пошло на украшеніе. На столѣ вазы съ цвѣтами, вазочки съ фруктами, все до послѣдней вилки—изъ золота, также и нижнія тарелки. За прочими столами была изящная серебряная сервировка.

Къ $6^1/_2$ часамъ съѣхались на обѣдъ Особы Императорской Фамиліи, члены германскаго посольства и прочіе приглашенные.

За серединой стола заняла мѣсто Ея Величество Государыня Императрица, по правую сторону Ея Величества—императоръ Германскій, по лѣвую—Государь Императоръ. За обѣдомъ Его Величество Государь Императоръ провозгласилъ тостъ за императора Вильгельма, а императоръ Германскій отвѣчалъ тостомъ за Государя Императора.

Послѣ обѣда императоръ Германскій вдвоемъ съ принцемъ Генрихомъ пѣшкомъ прогуливались нѣкоторое время по верхнему саду. Въ нижнемъ саду между тѣмъ зажглась иллюминація. Изъ дворца открывался особенно эффектный видъ. Внизу били фонтаны съ знаменитымъ Самсономъ въ срединѣ, его бассейнъ былъ опоясанъ огнями, а зеленыя лужайки вокругъ него разрисованы арабесками цвѣтныхъ огоньковъ. Два павильона съ золотыми куполами по сторонамъ канала были иллюминованы по архитектурнымъ линіямъ. Каналъ, идущій отъ Самсона къ морю, представлялъ собою волшебную панораму огней. По всему его протяженію, между линіями фонтановъ съ обѣихъ сторонъ шли ряды огненныхъ обелисковъ, увѣнчанныхъ звѣздочками изъ цвѣтныхъ лампіоновъ.

11 іюля, въ 9 часовъ утра, въ Красномъ Селѣ происходило, въ Высочайшемъ присутствіи, ученье 85-му пѣхотному Выборгскому его императорскаго королевскаго величества императора Германскаго короля Прусскаго полку и затѣмъ всей кавалеріи съ конною артиллеріею. На смотру присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ, императоръ Германскій и Государыня Императрица.

Въ тотъ-же день, Ихъ Величества присутствовали на обѣдѣ въ Михайловкѣ, имѣніи Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича на Петергофской дорогѣ. Державныхъ Гостей встрѣчала Высокая Именинница-Хозяйка Вел. Кн. Ольга Ѳеодоровна.

Свита императора Германскаго удостоилась получить ордена и подарки изъ кабинета Его Величества, причемъ статсъ-секретарь графъ Гербертъ Бисмаркъ получилъ орденъ *Св. Александра Невскаго*, украшенный бриліантами, гофмаршалъ Липкеръ—*Станислава* 1-й степени. Точно также и многіе русскіе военные и гражданскіе чины получили германскіе ордена и подарки.

12 іюля состоялся отъѣздъ императора Германскаго и отплытіе германской эскадры. Въ четверть восьмаго утра отбылъ къ эскадрѣ Прусскій принцъ Генрихъ на яхтѣ „Марево“.

Съ утра, на кронштадскихъ рейдахъ началось движеніе. Стоящія на рейдахъ суда разцвѣтились флагами: пароходы, военные и частные, и паровые катера съ судовъ безпрестанно ходили по рейду.

Въ 9 съ четвертью часовъ, на Малый Кронштадтскій рейдъ прибылъ, на Имп. паровой яхтѣ „Стрѣльна“, императоръ Германскій. Его величество продолжалъ затѣмъ путь на катерѣ до германскаго авизò „Блитцъ“, на которомъ тотчасъ-же подняли штандартъ Германскаго императора, и начался салютъ. Императорская яхта „Александрія“ вышла черезъ часъ послѣ „Стрѣльны“ изъ Петергофа и отправилась на Малый рейдъ. На яхтѣ находились Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и другія Особы Императорской Фамиліи.

Когда „Александрія“ пришла на рейдъ, всѣ суда, форты и крѣпость салютовали. Германскій императоръ съѣзжалъ на „Александрію“ и затѣмъ на германскомъ катерѣ Ихъ Величества поѣхали къ флагманскому броненосцу. Штандартъ Германскаго императора перенесли на флагманскій фрегатъ германской эскадры „Баденъ“, которому былъ произведенъ Высочайшій смотръ съ артиллерійскимъ ученьемъ. По окончаніи ученья, Ихъ Величества сѣли на русскій Имп. катеръ. Ея Величество Государыня Императрица имѣла въ рукахъ роскошный букетъ, поднесенный командиромъ „Бадена“. Императорскій катеръ сопровождали катера съ Великими Князьями и Княгинями и Свитою. При съѣздѣ Императоровъ съ „Бадена“, фрегатъ салютовалъ.

На яхтѣ „Гогенцоллернъ“ Его Величество здоровался съ карауломъ по-нѣмецки. Командиръ яхты принцъ Генрихъ поднесъ Ея Величеству букетъ. Затѣмъ происходилъ завтракъ, по окончаніи котораго, когда настало время прощанія, оба Императора обнялись, троекратно поцѣловались и простились самымъ сердечнымъ образомъ.

По уходѣ „Александріи“, германская эскадра, отсалютовавъ, ушла, а яхта „Гогенцоллернъ“ стала сниматься съ якоря. Яхта не приняла буксира и подошедшаго военнаго парохода, и повернулась сама, только императоръ Вильгельмъ поздоровался по-русски съ командою парохода: „здорово, молодцы“. Черезъ полчаса яхта сдѣлала поворотъ и быстрымъ ходомъ пошла мимо судовъ. Императоръ здоровался по-русски съ командами военныхъ судовъ и привѣтливо раскланивался съ пассажирами частныхъ пароходовъ. Вездѣ люди стояли на реяхъ и отовсюду раздавались клики „ура“; вездѣ, со всѣхъ судовъ и фортовъ, гремѣлъ салютъ, музыка играла на военныхъ и частныхъ судахъ прусскій гимнъ, и скоро яхта скрылась въ дыму салюта на Большомъ рейдѣ.

Князь П. П. Вяземскій. (Портр. на стр. 805).

Русская литература снова понесла замѣтную потерю: 29 іюня, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, сенаторъ, князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, основатель Общества любителей древней письменности, авторъ изслѣдованія „Слова о полку Игоревѣ“. Воспитанный въ литературной средѣ, онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ проникся глубокой любовью къ отечественной литературѣ и достаточно потрудился въ области археологіи и исторіи русской словесности. Цѣлые четверть вѣка, лучшіе годы своей жизни посвятилъ онъ разработкѣ матеріаловъ для своего главнаго труда: „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“, труда, представляющаго собою цѣнный вкладъ въ науку и встрѣченнаго весьма сочувственно критикой. Другими важными трудами князя Вяземскаго считаются комментаріи къ документамъ графа Литта и извѣстное изслѣдованіе „Политика Фридриха II“. Въ прочихъ работахъ своихъ князь Вяземскій, большею частію, затрогивалъ такіе научные вопросы, которыхъ до него едва-ли кто-нибудь касался. Къ подобнымъ работамъ, между прочимъ, принадлежитъ его статья „Ходили-ли скандинавскіе пилигримы на поклоненіе Св. Мѣстамъ, черезъ Россію?“ Кромѣ того, покойный ученый напечаталъ: статью по предмету русской символики — „Волкъ и Лебеди“; „Синды, Зундъ и Сундары“—отвѣтъ на сочиненіе академика Дорна „Каспій“, въ которомъ былъ разобранъ трудъ Вяземскаго „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“; „Архивъ князя Вяземскаго“ (т. I)—„князь Андрей Вяземскій“, документы съ біографіей, составленной его внукомъ: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. 1816—1825, по документамъ Остафьевскаго архива“ и друг. Немаловажную услугу оказалъ наукѣ князь Вяземскій въ качествѣ предсѣдателя Общества любителей древней письменности, возникшаго по мысли князя. Образованное въ 1877 году изъ кружка, главнымъ образомъ, весьма состоятельныхъ лицъ, сочувствовавшихъ идеѣ князя — имѣть учрежденіе для изданія важныхъ славяно-русскихъ рукописей и для перепечатки рѣдкостей библіографическихъ. Общество любителей древней письменности имѣло большой успѣхъ и въ короткое время своего существованія обратило вниманіе не только соотечественниковъ, но и иностранцевъ на свою истинно полезную дѣятельность. Князь Вяземскій былъ всегда душою этого общества, самымъ усерднымъ вкладчикомъ и руководителемъ его, независимо отъ матеріальныхъ затратъ, отдавая созданному имъ дѣтищу все свое время, весь свой трудъ. Онъ „трудился какъ простой работникъ, ободряя другихъ и заражая ихъ своею неослаб-

Пребываніе императора Германскаго въ Петербургѣ. Высочайшій смотръ въ Красномъ Селѣ (9 іюля). Церемоніальный маршъ предъ Ихъ Величествами. Съ фотогр. Диго, грав. Ю. Шюблеръ.

ною энергіей... „Его любовь къ русской наукѣ,—говоритъ одинъ изъ членовъ Общества,—доходила до такого самоотверженія, что онъ охотно отдавалъ матеріалъ, почти приготовленный къ печати, въ распоряженіе другихъ и способствовалъ ихъ ученой извѣстности“,—эта въ высшей степени благородная черта, конечно, не нуждается въ комментаріяхъ. Благодаря князю Вяземскому, Общество любителей древней письменности имѣетъ отлично устроенный музей, библіотеку, собраніе рѣдкихъ рукописей и получило оффиціальное утвержденіе. На поприщѣ общественной и государственной дѣятельности князь Вяземскій заявилъ себя также съ самой лучшей стороны. Онъ оставилъ по себѣ добрую память и какъ попечитель Казанскаго учебнаго округа, и какъ начальникъ Главнаго управленія по дѣламъ печати, и какъ предсѣдатель комитета цензуры иностранной,—не смотря на кратковременное пребываніе во главѣ цензурнаго вѣдомства. Наконецъ князь Вяземскій заслужилъ прекрасную репутацію и на дипломатическомъ поприщѣ.

Князь П. П. Вяземскій († 29 іюня 1888 г.).
Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

Сынъ послѣдняго представителя блестящей пушкинской эпохи въ русской литературѣ, князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго поэта и критика, женатаго на княжнѣ Вѣрѣ Гагариной, князь Павелъ Петровичъ родился въ Варшавѣ, 2 іюня 1820 года. Еще когда Павлу Петровичу было 6 лѣтъ, Пушкинъ, близкій другъ его отца, написалъ ребенку въ альбомъ шутливые стихи:

„Душа моя, Павелъ,
Держись моихъ правилъ:
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.“

Все раннее дѣтство князя Павла Петровича мирно протекло въ тѣсной аристократической литературной семьѣ, дружившей съ семьей Карамзина, и молодой князь росъ и развивался подъ вліяніемъ прекрасной среды, блестящіе представители которой отличались горячей преданностью литературѣ и свято чтили искусство. Первоначальное образованіе князь Павелъ Петровичъ получилъ въ нѣмецкой школѣ Св. Петра, и высшее — въ Петербургскомъ университетѣ. Серьезный недугъ заставилъ князя совершить поѣздку за границу, откуда возвратясь онъ опредѣлился на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 20 декабря 1840 года. Спустя пять лѣтъ, князь занялъ должность младшаго секретаря нашей миссіи въ Константинополѣ, гдѣ посломъ въ это время былъ В. П. Титовъ. Столица восточнаго христіанства, еще сохранившая память о своемъ славномъ прошломъ, въ высшей степени заинтересовала пытливый умъ князя. Пробывъ здѣсь около пяти лѣтъ, онъ усердно занимался византійскою литературой и средневѣковыми повѣрьями, подготовляя постепенно матеріалы для своего изслѣдованія о „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ 1850 г. князь былъ переведенъ въ Гагу младшимъ секре-

Пребываніе императора Германскаго въ Петергофѣ. Почетный караулъ на Красносельской станціи Балтійской желѣзной дороги.
Съ фотогр. Диго, грав. Ю. Барановскій.

таремъ русской миссіи, года черезъ два назначенъ старшимъ секретаремъ и вскорѣ посланъ на конференцію въ Карлсруэ въ качествѣ исправляющаго должность повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ 1856 году князь былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры и назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ. Однако дипломатическая карьера его на этомъ и окончилась; князь перешелъ въ министерство Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ, въ пятидесятыхъ годахъ, служилъ и его отецъ, товарищемъ министра, и занялъ постъ помощника попечителя Петербургскаго учебнаго округа, а затѣмъ, въ 1859 году, сдѣланъ попечителемъ Казанскаго округа, и занималъ это мѣсто до 1862 года. Пожалованный, въ 1861 г., въ камергеры двора Его Имп. Величества, князь Павелъ Петровичъ былъ утвержденъ членомъ Археологической коммисіи министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1869 году. Черезъ четыре года онъ занялъ должность предсѣдателя Петерб. комитета цензуры иностранной, въ 1874 году пожалованъ въ гофмейстеры, а 5 апрѣля 1881 года назначенъ начальникомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати и оставался на этомъ посту до 1 января 1883 года, когда назначенъ сенаторомъ. Въ послѣдніе годы князь присутствовалъ въ общемъ собраніи сената. Онъ былъ кавалеромъ разныхъ орденовъ, имѣлъ разныя награды и много иностранныхъ знаковъ отличія. Послѣ него остались замѣчательная библіотека и знаменитый Остафьевскій архивъ, находящіеся около Подольска, въ подмосковной деревнѣ князя.

П. Б—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Вильгельмъ.—Безпорядки въ средѣ французскихъ рабочихъ. — Занятіе Массовы.

По возвращеніи императора Вильгельма II въ Германію нѣмецкія газеты измѣнили свой сдержанный тонъ на болѣе доброжелательный по отношенію къ Россіи и съ замѣчательнымъ единодушіемъ указывають на миролюбивыя и успокоительныя послѣдствія петербургскаго свиданія. Благодаря ему, какъ свидѣтельствуетъ *Крестовая Газета*, дружба между Петербургскимъ и Берлинскимъ дворами не только возобновилась, но даже усилилась. Вопросъ о русско-французскомъ союзѣ устраненъ де, но къ заключенію формальнаго договора съ Германіею петергофское свиданіе не привело. Все что было представлено на Высочайшее усмотрѣніе дипломатическимъ путемъ, особенно то, что касается болгарскаго вопроса, рѣшено де представить дальнѣйшимъ переговорамъ. Относительно этого послѣдняго вопроса та же газета сообщаетъ, что разработка и регулированіе деталей произойдутъ на свиданіи министровъ Россіи и трехъ среднеевропейскихъ государствъ. Послѣ утвержденія результатовъ свиданія верховною властью четырехъ державъ, они поступятъ на разсмотрѣніе конгресса, который де соберется съ цѣлію пересмотра Берлинскаго трактата. До того времени императоръ Германскій посѣтитъ Австрію и Италію. Посѣщенія эти несомнѣнно будутъ имѣть важное значеніе для послѣдующихъ событій; „по крайней мѣрѣ уже теперь—сообщаетъ *Correspondance de l'Est* изъ Рима—князь Бисмаркъ прислалъ Ватикану пространную ноту, въ которой излагаетъ причины необходимости поѣздки императора Вильгельма въ Римъ. По словамъ германскаго канцлера, поѣздка эта обусловливается исключительно военными причинами, политика же и Римскій вопросъ тутъ непричемъ. Германія нуждается въ Италіи, которая, въ случаѣ войны съ Франціей, можетъ выставить въ поле пятисоть-тысячную армію. Своею поѣздкою въ Римъ императоръ Вильгельмъ желаетъ засвидѣтельствовать передъ всею Европою, что Германія и Италія связаны военными узами. Вообще слово „военныя" часто повторяется въ нотѣ. Эти старанія канцлера ослабить всякіе неблагопріятные для престижа папы выводы изъ поѣздки императора въ Римъ произвели въ Ватиканѣ хорошее впечатлѣніе и будутъ, конечно, приняты во вниманіе".

Въ послѣднее время во Франціи происходитъ значительное движеніе рабочихъ, довольно тревожнаго свойства. Началось оно въ Парижѣ стачкою землекоповъ и каменотесовъ, требовавшихъ отъ частныхъ подрядчиковъ увеличенія заработной платы, какъ это сдѣлалъ парижскій городской совѣтъ. Въ произведенныхъ забастовавшими землекопами уличныхъ безпорядкахъ стали затѣмъ принимать участіе и другіе рабочіе; затѣмъ безпорядки появились и въ провинціи. Возбужденіе продолжаетъ разростаться. Въ Амьенѣ возмущеніе рабочихъ было настоящимъ бунтомъ. Столкновенія между безчинствовавшей толпой и полиціею, въ помощь которой пришлось дать войска, нерѣдко оканчивались кровопролитіемъ и всегда арестами. 27 іюля въ Парижѣ полиція сдѣлала распоряженіе, чтобы всѣ общественныя заведенія были закрыты въ 9 часовъ вечера. Всякія сходбища на улицахъ запрещены. Правительство встревожено и озабочено безпорядками, такъ какъ движеніе принимаетъ понемногу политическій характеръ. Нѣкоторыя газеты сообщаютъ, что руководящая роль въ стачкѣ рабочихъ принадлежитъ анархистамъ, — другія сообщаютъ что въ движеніи сильно замѣшаны буланжисты и въ подтвержденіе своихъ словъ указываютъ на сочувственныя манифестаціи буланжистскимъ органамъ и на тотъ фактъ, что забастовавшіе рабочіе преимущественно поютъ буланжистскія пѣсни.

Италія, за свои многолѣтнія неудачи въ Африкѣ, рѣшила вознаградить себя присоединеніемъ Массовы къ своимъ владѣніямъ, воспользовавшись отказомъ нѣкоторыхъ не-итальянцевъ платить налоги и подати, и оповѣстила о томъ державы подписавшія Берлинскій трактатъ. Относительно этого присоединенія въ палатѣ лордовъ маркизъ Солсбери заявилъ, что занятіе Массовы итальянцами состоялось если не съ согласія, то во всякомъ случаѣ съ вѣдома Англіи, которая такимъ образомъ приняла на себя соотвѣтственныя договорныя обязательства. Во *Fremdenblatt* напечатано оффиціозное сообщеніе по вопросу о юрисдикціи въ Массовѣ и въ немъ констатируется, что Италія ввела въ Массовѣ правильное судебное устройство и судопроизводство, которыя распространяются и на всѣхъ проживающихъ тамъ иностранныхъ подданныхъ. Поэтому капитуляціи, на которыя часть иностранцевъ ссылалась при отказѣ платить налоги, представляются недѣйствительными. *Fremdenblatt* приводитъ многочисленные примѣры, свидѣтельствующіе, что по существу подобнаго-же образа дѣйствій держались въ Босніи, Герцеговинѣ, Тунисѣ и Кипрѣ. Въ заключеніе газета говоритъ: „Въ виду всего этого австро-венгерское правительство, оставляя въ сторонѣ вопросъ о договорахъ, приведшихъ къ занятію Массовы, находитъ, что вслѣдствіе введенныхъ въ Массовѣ итальянскимъ правительствомъ учрежденій, капитуляціи не могутъ быть примѣнимы къ проживающимъ тамъ нашимъ подданнымъ, которые потому и должны повиноваться итальянскимъ законамъ".

Не всѣ, однако, державы отнеслись такимъ образомъ къ факту присоединенія Массовы. 23 іюля, по свѣдѣніямъ *Агентства Гаваса*, французскимъ правительствомъ разослана циркулярная нота по поводу Массовы. Въ нотѣ этой, обращенной къ великимъ державамъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, возражая на ноты итальянскаго правительства, заявляетъ, что Италія до конца 1885 года вовсе не высказывала намѣренія окончательно завладѣть Массовой. О фактическомъ завладѣніи этой территоріей Италія и впослѣдствіи не дѣлала заявленія, предписаннаго конференціей по вопросу о Конго, а потому Франція въ правѣ допустить, что капитуляціи остаются въ Массовѣ еще въ полной силѣ.

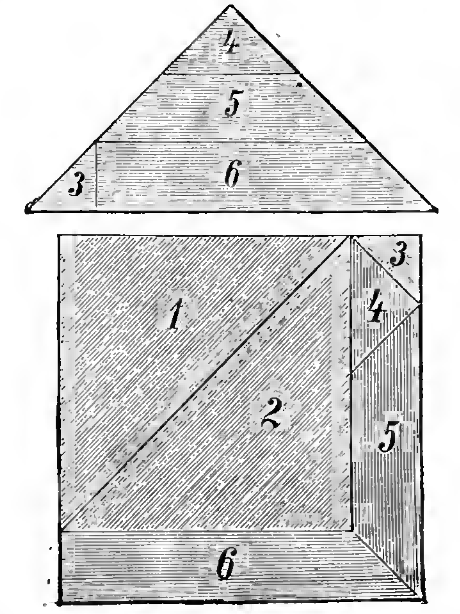
Оттоманская имперія также опротестовала дѣйствія Италіи, но на протесты Порты въ послѣдніе годы что-то мало обращаютъ вниманія.

Смѣсь.

Электрическое освѣщеніе въ Германіи. Статистика электрическаго освѣщенія въ Германіи даетъ слѣдующія цифры. Въ этой странѣ 15,000 ламиъ съ Вольтовой дугой, 170,000 лампъ съ раскаленіемъ проволоки до-бѣла и 4,000 динамо - электрическихъ. Онѣ требуютъ двигательной силы приблизительно въ 30,000 лошадиныхъ силъ. Одна изъ фирмъ въ Берлинѣ изготовляетъ въ день около 2,000 лампъ съ раскаленіемъ проволоки до-бѣла и очень скоро вѣроятно будетъ приготовлять до 5,000 въ день.

Рѣшеніе ребуса № 44 (помѣщеннаго въ № 27).
„Сума пуста, да душа-то чиста".

Рѣшеніе геометрической задачи № 45 (помѣщ. въ № 27).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** — А. С. Мохрякова, П. В. Пинкова, Дмитріева, П. Саккена, П. Е. Александрова, **Москва** - Эйсымонтъ, **Боровскъ** — Е. Е. Шекелева, **Варшава** — А. Моссановской, **Воронежъ** — В. Друри, **Витебскъ** - И. И. Дыжгальвисъ, **Демятрешевка** — И. А. Константинова, **Клинцы** — А. Е. Дрознина, **Красная Лука** — А. П. Шульженко, **Минскъ** — Л. Бергеръ, **Козая Одесса** — З. Федорова, **Придорожская** — П. М. Гаврилова, **Ржевъ** — З. С. Скибиневскаго, **Судогда** — В. И. Голубева, **Севастополь** — К. Сычева, **Чудкны** — Засмовскаго.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 46 (помѣщ. въ № 27).

1) $b+d=e$	$a=12=$ К	13) $k-i=o-e$	$n=3=$ В
2) $\sqrt{a+b}=n+p$	$b=13=$ Л	14) $e+l-c=\sqrt[5]{39.135,393}=33$	$o=29=$ Ы
3) $\frac{c}{n}=\frac{s}{t}$	$c=9=$ И	15) $\frac{k}{d}=\frac{g+s}{i}$	$p=2=$ Б
4) $\sqrt[5]{u-t}=i-g$	$d=15=$ Н	16) $\frac{f}{2}=2n$	$r=9=$ И
5) $c+h+r=f+i$	$e=28=$ Ъ	17) $\frac{a+x}{2}=v$	$s=3=$ В
6) $2l=m$	$f=12=$ К	18) $k+l=2i$	$t=1=$ А
7) $u-v=k-s$	$g=13=$ Л	19) $\frac{e}{f}=\frac{k-h}{r-(n+s)}$	$u=33=$ Ю
8) $\sqrt[3]{o-2t}=\frac{a}{4}$	$h=9=$ И	20) $n-p=t$	$v=20=$ Т
9) $x-e=t-1$	$i=15=$ Н	21) $\frac{v}{d}=\frac{f}{c}$	$x=28=$ Ъ
10) $b.g=2p+u.\frac{i}{3}$	$k=16=$ О		
11) $\sqrt{v-k}=2$	$l=14=$ М		
12) $p+r=\frac{u}{3}$	$m=28=$ Ъ		

„Кликъ клиномъ выбиваютъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**— К. Конюхова, **Москва**— Н. Федюшина, **Бѣлгородъ**— Θ. З. Мазуръ, **Минскъ**— З. Яцковеръ, **Петрозаводскъ**— Надеждина, **Тверь**— Малинникова, **Шувалово**— М. Лаговскаго.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“,

поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Пріемные часы директора, какъ и пріемъ вновь поступающихъ, имѣютъ быть съ 1-го по 15-е августа—по вторникамъ и по пятницамъ, съ 10 час. утра до 4 ч. пополудни.

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

Музыкально-драматическіе основанные въ 1882 г.

КУРСЫ РАПГОФЪ

№ 3299

Адресъ: СПБ., Малая Морская, д. № 7.

Письменныя заявленія о поступленіи просятъ адресовать на имя директора **Евг. Павл. Рапгофъ.**

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: А. Спеціальные: Пѣніе, фортепіано, скрипка, альтъ, віолончель, флейта, мѣдно-духовые инструменты, фаготъ, кларнетъ, драматическое искусство и музык. педагогика. **Б. Вспомогательные:** musique d'ensemble, оркестровый классъ, сольфеджіо, хоровой классъ для взрослыхъ и для дѣтей, теорія музыки, исторія музыки, музыкальная энциклопедія, педагогика форт. игры, классы мимическихъ пріемовъ и танцевъ, французскій и итальянскій языки. **За всѣ вспомогательные предметы отдѣльной платы не взимается. Занятія бываютъ утреннія и вечернія. Классы женскіе отдѣлены отъ мужскихъ.**

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Фортепіано: смотря по курсамъ отъ 15—75 руб. въ полугодіе или отъ 5—20 р. въ мѣсяцъ. **Пѣніе:** отъ 40—75 р. въ полугодіе или отъ 12—20 р. въ мѣсяцъ. **Драматическое искусство:** 40 р. въ полугодіе или 12 р. въ мѣсяцъ. **Оркестровые инструменты** отъ 30—50 р. въ полугодіе или отъ 9—15 р. въ мѣсяцъ. **Плата за экстерное занятіе,** т. е. у учащагося на дому. За одного на 50% дороже вышеозначенной платы, за двоихъ — на 25% дороже, за троихъ уже взимается та же плата, какъ и въ помѣщеніи курсовъ. Въ младшіе курсы принимаются лица безъ музык. подготовки. Начало занятій 1 сентября. **Директоръ курсовъ Е. П. Рапгофъ.**

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

❊ à l'Etoile du Nord ❊

ЛУИ БУИСЪ и К°.

М. № 3254 **Москва,** 6—2

Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„РУССКОЕ ДѢЛО“

(3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ),

издаваемую въ Москвѣ 3—2

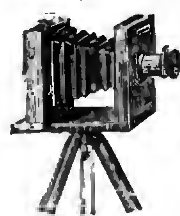
СЕРГѢЕМЪ ШАРАПОВЫМЪ.

За полгода съ доставкой и пересылкой **4 р.**; 3 мѣсяца **2 р.**

☞ Во второмъ полугодіи будутъ напечатаны нѣкоторыя весьма важныя посмертныя сочиненія **Н. П Гилярова-Платонова.** ☜ Р. № 3293

ФОТОГРАФИЧ. ПРИБОРЫ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошія фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже.

Аппараты для моментальныхъ снимковъ, очень удобные, 24 р.

Е. КРАУСЪ и К°.

Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 40. 2—2

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются безплатно. Р. № 3294

!НОВОСТЬ!

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина

МОЛЬДАКОТЪ

съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкій ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и дешевизна. Наставленія прилагаются. **Цѣна** безъ футл. 10 руб., въ орѣхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 фунт. № 3.03

Главный складъ въ писчебумажномъ магазинѣ **„ПОЛИГРАФЪ“, Москва,** Маросейка, д. Комитета.—Въ Нижегород. ярмар., Бразильскій Пассажъ, № 58.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды

спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.

СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3291 (3)

ФИСГАРМОНІЯ

одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не разстраивается, какъ фортепіано. Въ № 18 с. г. журнала „Нива“ помѣщена очень интересная статья, изъ которой можно каждому получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоніи. № 3300

Цѣны фисгармоній УДЕШЕВЛЕНЫ и стоятъ теперь

ФРАНЦУЗСКІЯ:		АМЕРИКАНСКІЯ:	
Изъ дубоваго дерева:		Изъ орѣховаго дерева:	
4 октавы, 49 голосовъ.	100 р.	5 окт. съ 4 регистр., 61 голосъ.	175 р.
5 окт., съ 1 регистр., 61 голосъ.	130 р.	5 „ съ 10 „ 122 „	250 р.
Изъ палисандроваго дерева:		5 „ съ 12 „ 122 „	300 р.
5 окт., съ 3 регистр., 61 голосъ.	160 р.	5 „ съ 12 „ 135 „	350 р.
5 „ съ 7 „ 93 „	200 р.	5 „ съ 13 „ 168 „	450 р.
5 „ съ 12 „ 154 „	300 р.	5 „ съ 18 „ 295 г. 600 и	700 р.
5 „ съ 19 „ 276 „	500 р.	5 „ съ 19 „ 323 гол. съ двумя клавіатурами	900 р.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ, а также вышеупомянутая статья журнала „Нива“ высылается безплатно.

Большой выборъ нотъ для фисгармоній.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. **Москва,** Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ

И. Н. ГНѢДИЧА.

ДЛЯ ТЕАТРА, ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ И ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** Комед. въ 2 дѣйств.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйст.

Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенный виньетками. Цѣна этому изящному изданію **2 р.,** съ пересылкою **2 р. 30 к.**

Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Нива“, Невскій, № 6.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

№ 3298 2—1

К. К. МАЗИНГА, ВЪ МОСКВѢ,

между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковскій пер.,

пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ, химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса и приготовительнаго класса. Воспитанники принимаются во всѣ классы приходящими и пансіонерами. Пріемные экзамены начинаются 8-го августа, начало ученія 17-го августа.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины *И. Петрова* и *В. Клюшникова.* Ц. 1 р.

М. № 3295 5—3

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ОТЪ ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗІИ

С. Н. ФИШЕРЪ

(Москва, Остоженка, домъ Бутиковой).

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года выдержали **испытаніе зрѣлости** и получили аттестатъ двѣнадцать воспитанницъ (выпускъ X). И. 3287 3—3

Пріемъ ученицъ на слѣдующій учебный годъ—22 августа.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

10-1

Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. **Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голкиевича.**

Наставленіе къ уходу и каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки

КРАСОЧНЫЙ ТОЛЕВЫЙ
заводъ. заводъ.

СІЙ и ЛООКЪ

Преемники В. И. Франке.

12—7 **Москва.** М. № 3003

Контора: Маросѣйка, д. Кайсарова

МЫЛО

провизора

А. М. ОСТРОУМОВА

противъ

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

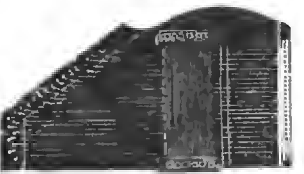
за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за **№ 3374.** М. № 3288 4—3

Полные фотографическіе приборы разн., складн. и легкіе, вмѣщающіе отъ 4 до 12 пласт. для снимания портр., группъ, видовъ и пр., новымъ момент. сух. способомъ, отъ 30 р. и дороже. **Секретный аппаратъ** съ пласт. на 6 снимковъ съ перес. 25 руб. 5—4

П. № 3078 (12)

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по **удешевл. цѣнамъ** въ 3½, 4, 5 и 8 руб. **со школой и нот.,** на которыхъ **самоучкой** въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный **прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.**

Дозвол. цензур., СПБ., 3 августа 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подъяч., д. 1.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIX г. | № 33 | г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 13 августа 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Друзья. Рис. Эрельмана, грав. Вальтеръ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Киріакова проѣздка.

Киріакъ, какъ истый новгородецъ, былъ упрямъ. Что задумывалъ, на томъ настаивалъ. Толкуя совѣтъ Изгойченка, онъ рѣшилъ, что не зачѣмъ ему чуть не безвыходно торчать въ сѣняхъ у Настасьи Петровны. Но какъ устроить это, оставаясь въ Новѣгородѣ? Матушка покою не дастъ, станетъ ежедневно спрашивать: „отчего, молъ, дитятко, дома сидишь?"—И Настасья Григорьевичева его не забудетъ, надоѣстъ своими нарочными; вдобавокъ, Киріакъ и самъ на себя не очень-то надѣялся. Онъ придумалъ уѣхать на время изъ города, и рѣшилъ даже куда. Вспомнилось ему про мызу, гдѣ его дѣдъ посадникъ, Киріакъ-же Андреевичъ, наскуча подъ старость суетливою новгородскою жизнью, прожилъ много лѣтъ почти безвыѣздно, какъ въ пустынѣ. Тамъ былъ построенъ высокій и просторный домъ; волость-же была и не настолько далека, чтобъ матушка испугалась далекаго „похода", и не настолько близка, чтобъ Григорьевичева могла слать туда скорыхъ и частыхъ гонцовъ, навѣдываясь о Киріаковомъ здоровьи. Все было обдумано, и Киріаку оставалось выманить согласье у матушки да принять ея родительское благословеніе.

И передъ этимъ не легкимъ дѣломъ не остановился Киріакъ. Онъ не отважился прямо открыть матушкѣ свои сомнѣнья и смущенья, боясь что она назоветъ ихъ вздоромъ, и прикажетъ послать сватовъ къ Настасьѣ Петровнѣ.

„Какъ-же тутъ я слова родительскаго ослушаюсь?" думалъ Киріакъ. „И помыслить-то о томъ грѣхъ великъ. А лучше я хитростью. А коль Настасья моя суженая, на конѣ мнѣ ее не объѣхать, а и въ лодьѣ не уплыть отъ ней. А покуда одна мнѣ дорога—въ кусты, какъ Изгойченко скаже".

Киріакъ сталъ хитрить передъ матушкой, но на первыхъ порахъ честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна разбивала всѣ его доводы. Скажетъ сынокъ, что ради богомолья собирается въ дѣдово поселье, чтобъ тамъ отговѣть на покоѣ,—матушка въ отвѣтъ: „како тамъ богомольё! аль мало церквей-монастырей въ Новѣгородѣ?" Придумаетъ, что хочется ему приглядѣться къ хозяйству, матушка только посмѣется: „како молъ тамъ хозяйство! А и приглядываться-то тебѣ къ хозяйству нè-почто-жь: аль ты вздумалъ въ ключники посельски наймоваться?" Начнетъ толковать, что страхъ какъ ему хочется поглядѣть на мызу, гдѣ дѣдъ, какъ пустынникъ, на старости лѣтъ жилъ, и тутъ Мамелфа Тимоѳеевна не задумается отвѣтомъ.

— А не ко времени глядѣть-то, глупенькій, вздумалъ, рано еще тебѣ о пустынномъ житіи загадывать, да и глядѣть-то тамъ, милочекъ мой рожоненькій, не на что.

Наконецъ удалось Киріаку повернуть матушку на свою стать. Какъ-то сама Мамелфа Тимоѳеевна, въ надеждѣ свести разговоръ на сватовство, замѣтила сыну, что онъ не веселъ сталъ.

— И то, догадался отвѣтить Киріакъ.—А чую, родименька, что опять меня тома беретъ, прежняя лютая хворь ко мнѣ подступается.

— Кака тамъ еще люта хворь? не безъ сердца, какъ на маленькаго, прикрикнула Мамелфа Тимоѳеевна, что всегда дѣлала когда занемогалось Киріаку, вѣроятно въ надеждѣ, что своимъ грознымъ окрикомъ отгонитъ отъ сына любую болѣзнь.

— А та-же вотъ немочь душевная, отъ коёй по недѣлямъ запершись сижу.

Мамелфа Тимоѳеевна испугалась не на шутку, и рада была на все согласиться, только-бы спасти свое дитятко отъ лютой немочи.

— А съѣздилъ-бы, эту малую проѣздочку сдѣлалъ... началъ было Киріакъ, но матушка и кончить ему не дала, и тутъ-же благословила ѣхать дѣдову мызу смотрѣть. Киріакъ назначилъ и день отъѣзда.

И хотя въ назначенный день съ самаго разсвѣта зарядилъ мелкій и частый дождикъ, Киріакъ не отложилъ „похода". Варенаго и печенаго было столько въ насадъ [1]) погружено, будто Киріакъ Андреевичъ задумалъ въ заморье плыть. Гребцы дружно взялись за весла и погнали лодью внизъ по Волхову. Но только минули Звѣринъ монастырь, а съ Антоньевымъ еще не поровнялись, какъ задулъ противный вѣтеръ. Еще сильнѣй замутилось мутное Волхово, забрызгало въ лодью, а тамъ и волной стало хлестать. Вдобавокъ крупный и холодный дождь сталъ бить прямо въ лицо. Двухъ верстъ за Антоньевъ не прошли, стали искать тихую заводь [2]), чтобъ переждать погоду. Киріакъ разсчитывалъ еще за-свѣтло слѣзть съ коня во дворѣ дѣдовомъ, а ужъ за-темно высадились только у Трехъ Двориковъ.

Три Дворика стояли на землѣ Киріаковой; въ нихъ жили рыбаки и въ Киріаковой водѣ рыбу ловили. Тутъ всегда выходили изъ лодей и ѣхали до мызы горой.

Киріакъ Андреевичъ за ненастный день намокся и назябся порядочно. Войдя въ высокую горницу, онъ первымъ дѣломъ переодѣлся и переобулся, и затѣмъ сталъ ходить разминая ноги, отекшія отъ долгаго сидѣнья въ лодьѣ. Онъ чувствовалъ себя бодро, и радовался что умно сдѣлалъ, не испугавшись погоды, и теперь ужъ далеко до Новагорода.

Скоро и ужинъ поспѣлъ. И вкусна-же послѣ знобкаго дня показалась Киріаку Андреичу горячая ушица! Въ концѣ ужина паробокъ спросилъ господаря, какъ онъ прикажетъ, сейчасъ-ли коней сѣдлать, или дождаться мѣсяца.

— А скоро вѣдь онъ и выстане [3]), добавилъ паробокъ.—А втораго куронѣнья [4]) вѣдь не дождется. А дорога-тъ лѣсомъ и всегда-то она, охъ! сильно блага [5]), а нунь-ко, поди, ощё поразгрязнило.

Киріакъ рѣшилъ дождаться мѣсяца, а пока приказалъ постелить войлокъ на лавкѣ да бросить подушку подъ голову. Киріакъ улегся на-спину, вытянулся, и руки за голову заложилъ.

„Что-жь мнѣ про Настасью Григорьевичеву не вспоминается?" спросилъ онъ самого себя. „А вотъ стану ко я всякую-то почушку спать ложась, себя спрашивати: вспоминалась-ли она мнѣ за цѣлый день?"

И съ этой мыслью Киріакъ глаза закрылъ. И только закрылъ, какъ ему въ очи полѣзли бѣлоголовыя волны, въ ушахъ вѣтеръ съ дождемъ зашумѣлъ, заревѣло мутное Волхово, и самого Киріака стало покачивать точно въ лодьѣ, да какъ встряхнетъ вдругъ. Всякій разъ, какъ чудилось ему будто лодку взбрасываетъ волной, Киріакъ открывалъ полусонные глаза и, тупо поглядѣвъ вверхъ, снова задремывалъ. При которой-то встряскѣ, Киріакъ очнулся и тутъ ему показалось будто въ щель волоковаго окна ползетъ свѣтлякъ, или изъ него вываливается самоцвѣтная гнилушка, и слѣдомъ мѣсячный лучъ палъ на полъ. Вошелъ паробокъ съ докладомъ, что кони осѣдланы, и мѣсяцъ всталъ.

[1]) Насадъ—лодья большая.
[2]) Заводь—тоже что на Волгѣ затонъ.
[3]) Выстать—вставать.
[4]) Куронѣнье—время когда пѣтухи поютъ.
[5]) Благой—грязный, болотистый.

Ѣхать пришлось чернолѣсьемъ. Кони грузно шлепали по липкой глинистой грязи, спотыкаясь по мѣстамъ въ налитыхъ водой выбоинахъ. Киріакъ ѣхалъ, подремывалъ. Какъ вѣтеръ набѣгалъ на лѣсъ и будилъ его, Киріаку снова чудилось что тò Волховъ шумитъ; а когда конь спотыкался — что волны расходились. Конь чуть на колѣни не палъ, и Киріакъ широко глаза открылъ.

— А это чтó за озеро кипитъ? спросилъ онъ.

— Како озеро? изумленно сказалъ паробокъ.—Никоёй тутъ воды съ испоконъ не было.

Киріакъ вглядѣлся, и увидѣлъ что тó туманъ, посеребрёный мѣсяцемъ, клубомъ переваливается чрезъ кусты.

— А только вотъ кусты проѣдемъ, и боръ сейчасъ, сказалъ паробокъ.—И дорога спорѣй пойдетъ.

Вотъ и вѣковѣчный боръ подвинулся навстрѣчу. Могучія сосны стояли великанами, широко другъ отъ друга. Киріаку захотѣлось увидѣть вершину бортовой сосны, но у него только шапка съ головы валилась. Мѣсяцъ слабо свѣтилъ въ просѣкѣ, на закатъ пошелъ. Боръ сталъ рѣдѣть; Киріакъ взглянулъ промежь деревъ на небо, а мѣсяцъ ужь серебряной краюшкой еле свѣтится. Какъ совсѣмъ изъ бора выѣзжать, Киріакъ, склонивъ голову, внизъ поглядѣлъ, на траву. На всякой-то былинкѣ стояло по трепетной капелькѣ, и думалось ему, что каждая изъ нихъ ждетъ, не дождется своего царя-солнышка, чтобъ вспыхнуть ему навстрѣчу цвѣтнымъ огнемъ. И солнышко не замедлило.

Весело и радостно стало Киріаку Андреевичу. „А слава Тебѣ, Господи!“ громко вскричалъ онъ, и снявъ шапку, молился на востокъ солнечный.

„А во городѣ-то живешь,“ подумалось ему, „хоть рано пробуждаешься, а этой Божьей красоты не видишь вѣкъ. И вольно же да лёгко тутъ дышется. А въ городѣ-тъ люди не чисто живутъ, всякаго-то мусора да грязи не вѣсть откуда натаскиваютъ. Скажутъ, что къ которымъ церквамъ встарь семь ступеней вело, нынѣ и двухъ не осталося, а все отъ той натасканной грязи человѣческой.“

Вскорѣ случилося имъ проѣзжать небольшую деревнюшку, всего о двухъ дворахъ. Народъ ужь вставалъ на работу, и всѣ, выходя изъ домовъ, крестились на востокъ, а замѣтивъ Киріака, низко ему кланялись. Киріакъ, отдавая поклонъ, на все любовался и радовался.

— А и глянь-ко, Киріакъ Андреевичъ, сказалъ паробокъ,—а бы синь дымокъ, эвонъ-то влѣвѣ, синѣется, а тò знать для твоего степенства байню подтапливаютъ. Вечоръ ощё поджидали тебя.

Поглядѣлъ Киріакъ на дымокъ, и высокій дѣдовъ домъ сталъ обозначаться вдали.

— На прикрасѣ домо-тъ, видно, стоитъ? спросилъ бояринъ.

— Коли же нѣтъ! паробокъ отвѣчалъ. — А и люди мѣсто не мимо же Крáсны Хòлмы прозвали. А коль въ теремъ взлѣсть, да оттоль, Киріакъ Андреевичъ, съ гульбища-то посмотрѣть, и не надивуешься. И дáлече видать. Лѣсъ кругомъ стоитъ; поверхь его погляди: ровно море это зѐлено пошумливаетъ. А рѣчушечка-та наша бѣдокурная, то здѣсь, то тамъ она на солнышкѣ посвѣчиваетъ, а въ котору сторону ни глянь, ровно вѣдь она кругъ двора кружитъ, облаву на него дѣлаетъ.

— А ну-т-ко-сь, сказалъ Киріакъ, пристегнувъ коня.

На крыльцѣ господаря встрѣтила высокая становитая женщина, съ лицомъ вмѣстѣ и важнымъ, и привѣтливымъ, лѣтъ Киріаковой матушки. Звали ее Ириньей Мишаничной [1]; встрѣчая господаря, она кланялась ему хлѣбомъ-солью, медомъ и вологою.

Иринья Мишанична и сейчасъ была женщина видная, а смолоду на весь Новгородъ красотóй славилась. Была она купеческая дочь, небогатаго торговца новгородскаго. Когда отцу-вдовцу нездоровилось, иль было недосугъ, то Иринья Мишанична за него сидѣла въ лавкѣ на торгу и продавала въ розницу суровскій товаръ. Запримѣтилъ ее Киріаковъ батюшко, и сталъ учащивать въ лавку. Иринья Мишанична, какъ теперь себя женщиной розумной понимала, такой же была и съ молоду. И хотя посадничій сынъ ей и нравился, она строго себя съ нимъ держала; полюбивъ, ума не теряла. Андрей Киріаковичъ съ полгода помучился, а тамъ палъ въ ноги государю-батюшку, прося его родительскаго благословенія на великое дѣло брачное. Старый посадникъ не тронулся сыновними слезами и, назвавъ женитьбу на купеческой дочкѣ окаянной мерзостью, обругалъ самоё Ириныо, сыну въ глаза, нехорошимъ словомъ. Послѣ, опомнясь отъ перваго гнѣва, старый посадникъ иначе дѣло повелъ; догадался что крикомъ да бранью не вылѣчишь сына отъ сердечной немочи, а только натравишь на пущую дурь. Освѣдомился онъ о самой Иринье и объ ея отцѣ, — оказалось что люди они добрые, честные, богомольные. Въ то время у посадника жилъ въ ключникахъ мòлодецъ, не одерноватый паробокъ, а вольный человѣкъ. Посадникъ сталъ ему сватать Иринью Мишаничну, и какъ дѣло въ ходъ пошло, послалъ за Ириньинымъ отцомъ, и затворясь съ нимъ въ комнатѣ, переговорилъ откровенно. Купецъ на томъ же сталъ что̀ сдумалъ бояринъ: что посадничью сыну на купецкой дочери жениться дѣло нестаточное.

— А ты выдай-ко ее за моего ключника. а не холопъ вѣдь онъ мнѣ, вольный человѣкъ, а по ряду [1]) ключи принималъ. А волость есть у меня кологородская [2]) и дамъ я ему ее въ кóртому [3]), а оброкъ не великъ положу. А въ душевной грамотѣ [4]) прикажу, чтобъ его съ той волости не сгоняли до-вѣку. А вдовой твоя дочй останется, а по тому жь ряду ей жить въ моей волости до-вѣку жь. Ѣсть-пить будетъ имъ что̀, а въ придачу и деньгами награжу.

Такая судьба дочери и купцу показалась дѣломъ статочнымъ. Придя домой, купецъ объявилъ дочкѣ что просваталъ ее, а тамъ честнымъ пиркомъ и за свадебку. Андрея Киріаковича все это время въ Новѣгородѣ не было. Случился тогда споръ со Свеями о рубежѣ, и бояре новгородскіе ѣхали на рубежъ, на говорку [5]) съ королевскими дворянами. Посадникъ пристроилъ сына къ этому посольству, пусть-молъ къ дѣлу навыкаетъ. Какъ вернулся Андрей Киріаковичъ съ говорки домой, Ириньи Мишаничны въ Новѣгородѣ и слѣдъ простылъ. На другой же день объявилъ ему батюшка, что нашелъ ему невѣсту честнаго рода, боярскую дочь Мамелфу Тимоѳеевну.

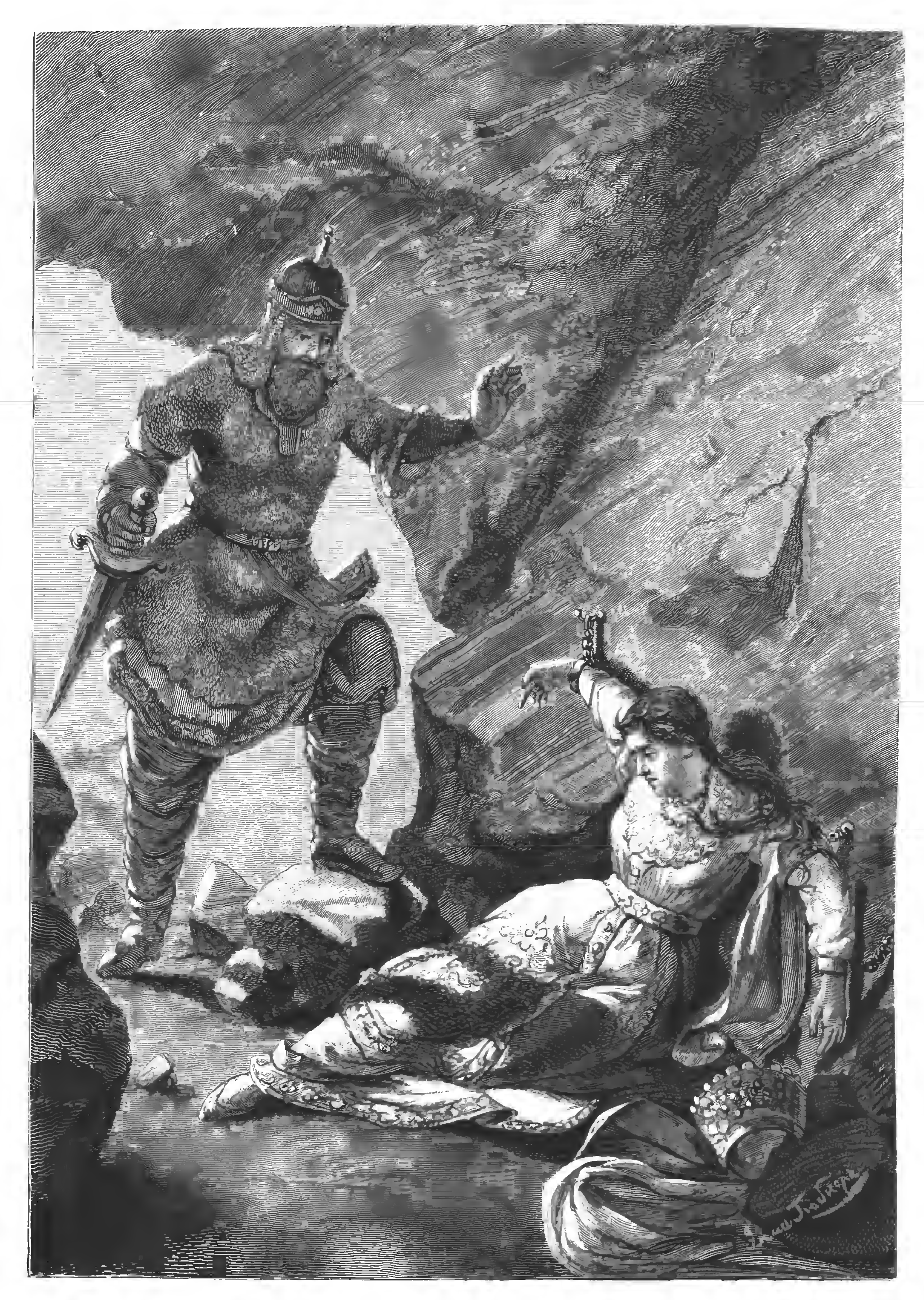
Иринья Мишанична теперь уже нѣсколько лѣтъ бездѣтно вдовѣла, а не вовсе еще забыла то время, какъ ей посадничій сынъ забавныя рѣчи говаривалъ. И какъ вспоминалось оно ей, садилась подъ окошечко и пригорюнясь, запѣвала:

Охъ, ты время мое, времячько!
А скорымъ-скорò ты минулося,
Яснымъ соколомъ а пролѣтѣло,
Золотымъ кольцомъ укатилося.

Киріакъ зналъ, что его отецъ заглядывался на Иринью Мишаничну и готовъ былъ жениться на ней. Дня два по пріѣздѣ они чинились съ Ириньей; словно приглядывались другъ къ другу, а потомъ разговорились. И завелась у нихъ ежедневная дружеская бесѣда. Киріакъ Андреевичъ, помня про отца, никакъ не могъ глядѣть на Иринью Мишаничну какъ на женщину вовсе

[1]) Мишанична — отчество отъ уменьшительнаго Миша. По новгородски не Ирина, а Иринья. Впрочемъ, въ мѣсяцословѣ XIII вѣка означено мая 5 не Ирины. а Ириніи.

[1]) Рядъ — условіе, договоръ, контрактъ.
[2]) Кологородскій—пригородный.
[3]) Кортома — аренда.
[4]) Душевная грамота — духовное завѣщаніе.
[5]) Говорка — переговоры, конференція.

Богатырскій эпосъ. Добрыня освобождаетъ Запаву Путятичну.
Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Э. Гюбнеръ, грав. Ю. Барановскій.

Запретное чтеніе. Съ карт. Э. Шнитцера, грав. Р. Бонгъ

для себя чужую. Обращался съ нею бережно и почтительно. Иринья Мишанична и подавно не сумѣла смотрѣть на Киріака какъ на вовсе посторонняго.

„А сыночекъ онъ вѣдь тому молодцу что́ былъ мнѣ по душѣ да по сердцу“, разсуждала она, „а потому выходитъ онъ мнѣ какъ бы пасынокъ; только не по закону, вѣдомо, а также какъ вотъ и его батюшко мнѣ женихомъ былъ по душѣ да по сердцу, да Господь не ссудилъ.“

Ириньѣ Мишаничнѣ весьма желалось узнать доподлинно, зачѣмъ Киріакъ Андреевичъ пожаловалъ въ Красны Хо́лмы; его словамъ, что онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ дѣдово поселье поглядѣть, она не очень вѣрила. Всѣ ея объ этомъ мнѣнія и разсужденія обычно заключались однимъ и тѣмъ же неодобрительнымъ возгласомъ: „ну, ужь и ро́дна матушка!“

Иринья Мишанична, понятно, не долюбливала Мамелфы Тимоѳеевны, и доселѣ, при мысли о ней, не могла побороть въ себѣ ревниваго чувства. Киріаковъ пріѣздъ подогрѣлъ это нерасположеніе. Иринья Мишанична стала гнѣваться на Мамелфу Тимоѳеевну за то, что она до сихъ поръ не позаботилась о Киріаковой судьбѣ.

„Этакой мо́лодецъ да холостъ ходитъ. Аль дѣвицы пригожи вовсе нунь въ Новгородѣ повывелись? Да за такого-то и царска дочь съ радостью выскочитъ, не задумается. Ну, ужь и ро́дна матушка!“

И слѣдомъ Иринья Мишанична что-то задумывала и въ чемъ-то хотѣла присрамить Мамелфу Тимоѳеевну,—только сама еще не могла рѣшить въ точности что́ такое сдѣлаетъ и чѣмъ именно пристыдитъ родную матушку.

Въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Ириньей Мишаничной, Киріакъ постоянно разспрашивалъ про дѣда, а объ отцѣ, по прирожденной душевной нѣжности, ни разу, ни полусловомъ не помянулъ. Иринья Мишанична была за то весьма ему благодарна, и разсказывая про дѣда, ни разу же, ни словомъ не проговаривалась объ отцѣ, точно у Киріака и вовсе отца не было.

Про дѣда Киріаку любопытно было знать все до самой малости. И какія онъ книги читалъ, и куда къ обѣднѣ ѣзжалъ, и водилъ ли съ кѣмъ хлѣбъ-соль, и какія кушанья любилъ. Посадничьему внуку нравилось все дѣлать по-дѣдовски, какъ старый посадникъ поступалъ. Сказала какъ-то Иринья Мишанична, что она дѣду всегда по пятницамъ готовила къ ужину тюрьку изъ черныхъ сухарей на квасу, сдабривая ее лукомъ да зеленымъ маслицемъ, и очень де эту тюрьку старый посадникъ одобрялъ,—и молодой Киріакъ Андреевичъ приказалъ готовить и себѣ ту же тюрьку, также по пятницамъ. Въ другой разъ Иринья Мишанична припомнила, что старый посадникъ любилъ по грибы ходить, и внукъ посадничій на завтра же, захвативъ кузовокъ, съ восходомъ солнечнымъ отправился въ лѣсъ. Эта забава ему полюбилася. И какъ пошелъ онъ во второй, или въ третій разъ по грибы, вотъ что́ съ нимъ случилося.

Находившись до устали, вздумалось Киріаку отдохнуть подъ плакучею березкою. Онъ сидѣлъ склонивъ голову и задумчиво любовался какъ солнышко, разсыпавшись на мелкіе золотые кружки, играло на муравѣ подъ березою, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, куда вѣтеръ листву шаталъ.

— А я-то тебя, батюшко, взыскалася! сказалъ надъ нимъ густой и звонкій, грудной, прямо деревенскій голосъ.

Киріакъ поднялъ глаза, и видитъ бѣлое лицо, обрамленное алой кумачной косынкой, брови соболиныя да очи черныя. Не успѣлъ онъ ихъ разглядѣть, какъ дѣвушка, замѣтивъ что обозналася, пустилась бѣжать. Только долгая черная коса издали виднѣлась. Привскочивъ на ноги, Киріакъ не могъ рѣшить, въ явь-ли онъ видѣлъ чернобровую, иль она ему въ дремѣ пригрезилась.

Киріакъ Андреевичъ, ложася спать въ ту ночь, едва успѣлъ глаза сомкнуть какъ тотчасъ же предъ нимъ запрыгали по травѣ золотые кружки, а слѣдомъ на него глянуло бѣлое лицо чернобровое. Чуть было, какъ давече, не привскочилъ на ноги Киріакъ Андреевичъ.

„А Настасья Петровна ужь который день мнѣ не вспоминалася“, подумалъ онъ.

На другое утро, за завтракомъ, Иринья Мишанична угощая по обычаю Киріака Андреевича, проронила такое слово.

— А Маккавеевъ вѣдь завтра, а и Спаса еще, Животворящаго Его креста честныхъ древъ происхожденіе,—а ты, Киріакъ Андреевичъ, куда же ко обѣденкѣ да къ водосвятью надумался?

— А въ монастырёкъ нашъ думаю, въ ближній, что̀ дѣдъ становить помогалъ.

— А ты на погостъ къ намъ поѣзжай, праздникъ вѣдь тамъ, а у насъ второму Спасу празднуютъ, Преображеніе Его чествуютъ. А и служба на погостѣ буде хо̀роша. Знамо, не Софьяна [1]) поютъ, а ладнёхонько. Многи народы окрестны туда сходятся, и наши черницы туда жь, гляди, потянутся. Дѣдушка-то твой покойный ужь всегда на Маккавеевъ тамъ обѣденку стаивалъ. Этотъ-то знакомецъ его ближній, про котораго не разъ я тебѣ сказывала, Щебельковъ Григорей Петровичъ, а отъ погоста его дворъ въ полуверстѣ.

— А до погоста далече-ль? Киріакъ спросилъ.

— А съ полсемой версты [2]), не далѣе.

Съ хитростью, или безъ хитрости совѣтовала Иринья Мишанична Киріаку на погостъ ѣхать,—то́ Богъ вѣсть.

II.

Маккавеи.

Ужь ежели дѣдъ Киріаковъ въ Маккавеевъ день всегда на погостъ къ водосвятію ѣздилъ, то внуку и подавно негдѣ было въ этотъ день у обѣдни стоять, какъ на погостѣ. Киріаковъ пріѣздъ всѣ замѣтили, да нельзя было и не замѣтить: давно ужь никто столь пышно не подъѣзжалъ къ погосту. За Киріакомъ шло десять паробковъ; кони подъ молодцами были одношерстные и одёжа на нихъ одноцвѣтная. Даньщикъ [3]), сказывали, съ зависти чуть не лопнулъ. Богаче всѣхъ онъ былъ въ окрестности, а и его затмилъ Киріакъ Андреевичъ. Половины обѣдни даньщикъ не выстоялъ, уѣхалъ: жаловался будто голову ему разломило.

Какъ посадничій внукъ въ храмъ Божій вошелъ, весь народъ самъ собою разступился передъ нимъ на обѣ стороны и Киріакъ прошелъ къ правому крылосу.

Правду говорила Иринья Мишанична: обѣдню пѣли хоть и не Софьяна, а ладно. На священникѣ риза была полотняная, да хорошо изукрашена: по всей ризѣ травы и цвѣты были шиты, а по подольнику была она оторочена кумачемъ на холщевомъ подкладѣ, и по кумачу травы же были шиты; пуговки [4]) хоть и простыя были, да красиво обтянуты тафтяными многоцвѣтными лоскутками.

„А хоть и бѣденъ погостъ“, подумалъ Киріакъ, „а какъ есть у прихожанъ къ храму Божію усердьице, такъ и поло̀тняна риза выйде узорочна.“

Апостола читать старикъ съ крылоса сошелъ; онъ слегка прихрамливалъ на лѣвую ногу и ходилъ съ костылькомъ. Читалъ не спѣша, явственно выгова-

[1]) Софьяна — причтъ и клиръ Святой Софіи, Премудрости Божіей.

[2]) Шесть съ половиною верстъ.

[3]) Даньщикъ — сборщикъ дани, податей.

[4]) Старинныя ризы (фелони) строились нѣсколько иначе противъ нынѣшнихъ; длина спереди и сзади была почти одинаковая; во время нѣкоторыхъ священнодѣйствій, передъ подымался и застегивался на нарочно для того пришитыя пуговицы.

ривая каждое слово. Киріакъ похвалилъ про себя его чтеніе, и ему пришло въ голову, что старикъ этотъ навѣрно дѣдовъ знакомецъ, про котораго такъ много тараторила Иринья Мишанична. Какъ обѣднѣ отходить, попъ догадался почтить посадничья внука: выслалъ ему просфору изъ алтаря со стихарнымъ дьячкомъ.

По обѣднѣ, на воду пошли. Недалече отъ церкви бѣжалъ ручей и въ одномъ мѣстѣ растекался и стоялъ крохотнымъ озеркомъ. Тутъ и воду святили. По одну сторону стали съ иконами и хоругвями, а по другую помѣстилось Божье священство и богомольцы. Въ серединѣ молебна, Киріакъ нечаянно взглянулъ на озерко и видитъ что маленькій мальчикъ, лѣтъ четырехъ не болѣе, въ воду залѣзъ. Видно, какъ мать замолилася, отбился отъ нея, и теперь, засучивъ штанишки, стоялъ въ водѣ, и брызгая ударялъ о воду то правой, то лѣвой ножкой. Мальчикъ былъ бѣлъ-бѣлехонекъ, волосики у него словно чистый ленъ; шлепая ножками, онъ выпялилъ свѣтлые глазенки на священника и, разинувъ ротикъ, слушалъ молебное пѣніе. Крестяся, Киріакъ любовался на мальчика.

Послѣ водосвятія, посадничій внукъ думалъ было домой, какъ къ нему подошелъ тотъ старикъ что̀ читалъ въ церкви апостола.

— А прости ужь, бояринушко, съ поклономъ заговорилъ старикъ, — а сдается мнѣ что нѐ кѣмъ тебѣ инымъ быть, какъ посадника нашего покойнаго, Киріака Андреевича, внучёнушкомъ.

— Вѣрно. А ты не Щебельковъ ли, Григорей Петровичъ будешь, а дѣду моему знакомецъ ближній?

— Ты-то меня почему жь, Киріакъ Андреевичъ, призналъ?

— Наслышанъ я довольно о тебѣ...

— Ай Иринья Мишанична? Охъ, и бой же баба, и языко-тъ у нея долгъ же! съ улыбкой, покачавъ головой, сказалъ Щебельковъ.

Киріакъ хотѣлъ было подтвердить его догадку, но видно и у старика языкъ былъ не коротокъ.

— А жаловалъ, жаловалъ вѣдь меня дѣдушко-то твой покойничушко, перехватилъ Щебельковъ Киріакову рѣчь. — А и дай Господи царствьице ему небесное. — И Щебельковъ, снявъ шапку, помолится за упокой души посадничей. — Больнё онъ меня, посадничушко милое, жаловалъ, а и въ Маккавеевъ день николи моимъ хлѣбомъ-солью не брезговалъ, всегда-то у меня обѣдывалъ. А ты, Киріакъ Андреевичъ, по дѣдушкѣ-ли пойдешь?

Киріакъ пошелъ по дѣдушкѣ, и Щебельковъ похвалилъ его за то.

— А мы пѣши вѣдь: недалече тутъ, полуверсты нѣтъ. А ты на коня садись, а я рядышкомъ. Не гляди что съ костылькомъ, ходокъ вѣдь я.

Киріакъ рѣшилъ идти пѣшкомъ, за что̀ старикъ еще разъ похвалилъ его. Пошли гурьбой: Щебельковъ съ Киріакомъ впереди, а за ними сосѣди, стариковы пріятели ближніе; нѣкоторые были и съ женами, и съ дочерьми.

Шли ближнею тропинкой, и вышли къ огороду, и какъ имъ за уголъ, чтобъ въ ворота пройти, поворачивать, услышалъ Киріакъ такой разговоръ.

— Трофимъ, а Трофимушко! кричалъ старушечій голосъ.

— А чего?

— Гдѣ-же туча-то, спрашиваю?

— Кака туча ощё?

— А тутъ вотъ межь полуночника и сивера стояла.

— А и не въ догадъ мнѣ.

— Охъ, ротозѣй окаянный! осерчала старуха и слѣдомъ окно хлопнуло.

Киріакъ слегка усмѣхнулся, а Щебельковъ только головой покрутилъ, какъ-бы хотѣлъ сказать: „ну, и крута-же баба у меня!“

Обѣдъ что-то замедлился. Щебельковъ съ нетерпѣньемъ и не безъ страха поглядывалъ на дверь: „что молъ тамъ, пироги-ли не дошли, аль, не дай Богъ, баба моя обѣдомъ оплошилася?“ Наконецъ дверь отворилась, и на порогѣ стыдливо стала дѣвушка.

— А ну? старикъ спросилъ.

— Матушкѣ не можется, зубы опять, какъ-бы совѣстясь проговорила дѣвушка.

— А не можется, на ту ея хворь, дастъ Господь, честны̀ гости не обидятся. А ты, именинница, чару бери да гостямъ о всей кланяйся, сказалъ хозяинъ и слѣдомъ, обратясь къ Киріаку Андреевичу: — А именинница у меня до̀чушка сегодня. А Маккавеева буде матушка, Соломонія. А только я ее по иному зову. Вишь ты, Киріакъ Андреевичъ, Евангелье у твоего дѣдушка было, а и посейчасъ, гляди, въ томъ-же коробѣ лежитъ, а ста̀ро евангелье древнее, ста два ему лѣтъ буде, какъ покойничушко твой сказывалъ. А въ немъ, въ Евангельи, святцы писаны, а въ нихъ-то я и вычиталъ: не Соломонья вѣдь, а Со̀ломонь въ старину писалося. А потому я и до̀чушку кликать сталъ: во всемъ-то старинку люблю. А такъ вѣдь оно и лучше, поди А по твоему-то какъ, бояринушко?

И Киріакъ нашелъ, что по старинному, пожалуй, и лучше. Тутъ всѣ сосѣди, старички почтенные. сколько ихъ ни было въ горницѣ, переглянулись между собой и закивали головой на Щебелькова, „и уменъ молъ у насъ Григорей Петровичъ“.

— Что-жь ты, Соломо̀нушка, зазѣвалася? А дѣлай, дѣвчи̇на, что̀ отецъ повелѣлъ. Чару съ медомъ бери, а начинай потчивать съ гостенька, хоть и не жданнаго да желаннаго, съ посадничья внука, съ Киріакушка Андреевича.

Дѣвушка дѣлала что̀ велѣлъ отецъ. Киріакъ до сихъ поръ не глядѣлъ на нее; нельзя-же ему было, чуть вошла дѣвушка, такъ на нее и воззриться. Какъ подошла къ нему Со̀ломонь съ чарою, Киріакъ поневолѣ разсмотрѣлъ ее, и узнавъ въ ней ту чернобровую что̀, обознавшись въ лѣсу, назвала его батюшкомъ, вспыхнулъ весь. Признала или нѣтъ дѣвушка молодца, а тоже заалѣлася.

За столъ сѣли одни мужчины, а женщины, застыдились-ли онѣ гостя новгородскаго, аль у хозяйки про нихъ бабій столъ былъ лаженъ, только особо онѣ нынче кушали. Въ старухино мѣсто, за хозяйку была Со̀ломонь Григорьевна и. не садясь за столъ, угощала гостей. Какъ усѣлись за столъ, Щебельковъ опять о женѣ заговорилъ.

— Не обезсудь ужь насъ, гостинёчушко дорогій, что баба то моя нунь не исправилась. Зубы, вишь ты, одолѣли ее, не тридцатый-ли годъ ими мучается. А съ зубовъ, гляди, и сама зубаста стала.

Всѣ старички почтенные, сколько ихъ ни было въ горницѣ, только головой закрутили, беззвучно смѣясь, одними устами: „ну молъ, и ска̀же ужь!“

А Щебельковъ, встрѣтивъ укоризненный взглядъ дочери, прибавилъ:

— А ты, дѣвчи̇на, не гляди на меня съ укоризною, не браня вѣдь про бабу свою, а про твою родитель-матушку сказываю, а для того, чтобъ гости ее не назвали олушей невѣжливою. Такъ-то, Соломо̀нушка. А про зубы-те, Киріакъ Андреевичъ, сказать: а бѣдова они статья. Хоть то̀ возьми: младенцы ими плачутся, а которы и помрутъ отъ нихъ, а и выростешь, какъ баба моя, тѣми-же зубами мучайся.

Тутъ Щебельковъ надолго замолчалъ, чтобъ не мѣшать гостямъ кушать. Только приказывалъ по временамъ дочери, чтобъ поусерднѣй потчивала. Какъ сталъ столъ во полустолѣ, пришла Щебелькову великая охота побесѣдовать съ Киріакомъ, но онъ все не рѣшался приступить къ разговору, опасаясь что гость еще голоденъ. И когда Киріакъ уже въ десятый разъ повто-

рилъ, что онъ сытъ-сытёхонекъ, тутъ только Григорей Петровичъ бесѣду завелъ.

— А слышь-ко, Киріакъ Андреичъ, сказалъ онъ.—а засельщина вѣдь мы будемъ, деревенщина, а еще и глухи люди живемъ: вѣсти до насъ не скоро доходятъ, знать. А съ новгородьскимъ бояриномъ, а еще со внукомъ посадничьимъ побесѣдовать, и любопытно намъ, Киріакъ Андреевичъ. Что у васъ тамъ въ Новѣгородѣ нунь затѣялося?

Киріакъ разсказалъ что зналъ.

— А слышите, други почтенные, внушительно обратился Щебельковъ къ старичкамъ.—А мы тутъ, Киріакъ Андреевичъ, мекаемъ вѣдь, что Захарій съ Назаромъ не съ дуру-же государемъ господина-то князя нашего назвали; знать, у нихъ съ кѣмъ изъ бояръ было столкованось. Аль и Владыко тутъ?

Киріакъ отвѣчалъ, что про это глухо говорятъ въ Новѣгородѣ и не велятъ даже о томъ довѣдоваться, потому что такая довѣдка была бы Москвѣ на руку.

— Вотъ оно что! какъ-бы съ задней мыслью проговорилъ хозяинъ.—Степенный, знать, не съ ними былъ, да и гдѣ ему, Курятнику! А намъ-бы про Владыку только довѣдаться. И въ Шолоньскій вѣдь годъ своему полку противъ князя Владыко биться не приказывалъ, а Псковичей молъ — бей ихъ! Такъ про Владыку ничего, Киріакъ Андреевичъ, не скажешь намъ?

Киріакъ отвѣчалъ, что и это дѣло темное.

— А безъ Владыки, обратился старикъ къ шабрамъ,—такой смѣлости и у Захарія не хватило-бы, даромъ что Вѣчьный дьякъ.

Всѣ старички почтенные, важно склонивъ головки на сторону, посидѣли молча и, погодя, въ голосъ всѣ отвѣтили:

— А безъ Владыки гдѣ-жь!

— А гдѣ пастырь, тутъ и стадо! Щебельковъ сказалъ.

И старички, опять помолчавъ, проговорили:

— А овцы вѣдь мы его словесныя.

Эти слова показались Киріаку странными, даже загадочными, и онъ не зналъ какъ ихъ слѣдуетъ понимать.

— Что-жь, гадаютъ-ли на зиму великаго князя походу быть? Григорей спросилъ.

Киріакъ отвѣчалъ, что не гадаютъ; надѣются, что миромъ Господь всполохъ пронесетъ, а князь по старинѣ стапетъ держать Новгородъ.

— Дай то, Господи! перекрестясь сказалъ Щебельковъ. — А мы вѣдь, Киріакъ Андреевичъ, струхнули было тутъ порядочно. Не лёгко вѣдь намъ, а крестьянушкамъ, что и говорить,—разореньицѣ было-бъ чистое. Отъ Шелоньскаго похода только что пооправимшись, а тутъ, на-ко-сь гляди, за боярски проступочки да своими боками отвѣчай. А зимній походъ куды грознѣй лѣтняго! Въ Шелоньской-то годъ по лѣсушкамъ прятались, а хоть голодно да не холодно. А въ зиму-тъ студёну куда бѣжишь? Какъ избы-то теплыя пожгутъ, въ лѣсу не согрѣешься: помирать надо. Да и въ городѣ зимой, какъ изъ волостей понабѣжитъ народушко, бѣда буде отъ бѣжанцовъ. Не лѣтняя вѣдь пора, на улушкѣ, аль на дворѣ не уснется вѣдь. А и ѣсть зимой болѣ хочется. А и тѣснота, а и дороговь [1]). Небось, у Курятника хлѣбушка на черный день не занасено, не сдогадается. А и голодъ буде, и моръ къ тому-жь.

„Вотъ Лукѣ-бы послушать,“ подумалъ Киріакъ.

— Ты-то самъ о походѣ, Киріакъ Андреевичъ, какихъ мыслей будешь? помолчавъ Щебельковъ спросилъ.

Киріакъ отвѣчалъ, что онъ, пожалуй, ждетъ скорѣе розмирья, чѣмъ мира.

— То-то же! многозначительно перемигнувшись со старичками, Щебельковъ сказалъ. — А еще, Киріакъ Андреевичъ, спросить тебя хочется: а есть-ли еще, остались-ли таки въ Новѣгородѣ, что за короля мыслятъ, аль повывелись?

[1]) Дороговь—дороговизна.

— Гдѣ повывестся! А не меньше вѣдь ихъ буде чѣмъ такихъ что за князя великаго станутъ.

— Знать Марѳа-то не вовсе еще усмирилася? сказалъ Щебельковъ, и помолчалъ, ожидая отвѣта, но не дождавшись его, прибавилъ: — А, грѣшенъ человѣкъ не люблю вѣдь я ее, Марфу-то.

— Что такъ? изумился Киріакъ.—Розумна живѐ.

— Розумна-то, розумна, а только розумо-тъ у нея будто не нашу стать, не на руськую. А безлѣпицу вѣдь удумала, чтобъ къ королю пристать. А какъ-бы тамъ у васъ въ городѣ отъ великаго князя ни отчуждалися, а намъ вѣдь вовсе отъ него не отчуждиться въ вѣкъ. Искони вѣдь мы великихъ князей отчина и дѣдина. Всея Руссіи не мимо пишутся, а и Новгородъ тутъ-же, во всей Руссіи. А не Литва-жь мы окаянная! вскричалъ Щебельковъ и даже по столу кулакомъ пристукнулъ.— А Марѳа куды? А въ Литву, а къ королю, а еще къ папёжу римьскому. То-то. На ея душѣ грѣхъ, что въ Шелоньскій годъ загубилъ я душу крестьянскую. Полонили, вишь, наши москвича, а схватали его грабячи. А онъ, знать, не смиренъ жилъ, сталъ лаяться: „латына молъ вы поганая!“ Не стерпѣлъ я его лаянья обиднаго, па осинушку молодца лытками вверхъ вздернуть велѣлъ. А загубилъ-же, говорю, неповинную душу крестьянскую. А правда-тъ его, и впрямь туда вѣдь, въ латына угодили-бы. Вотъ и розумъ Марѳинъ весь. Ишь, куда повернуть вздумала!—Старикъ пріостановился въ рѣчи, и уже безъ горячности, но твердо прибавилъ:—Анъ не поверне.

— А ни! помолчавъ, въ голосъ подтвердили сосѣди.

— То-то-же, подхватилъ Щебельковъ, — хвалилася галушка ракиту сломить, анъ не сломила.

Всѣ старички, сколько ихъ было въ горницѣ, покрутивъ, попрежнему, головой, беззвучно разсмѣялись.

— Гляди, Григорей Петровичъ, сказалъ Киріакъ,—а этакъ-то худо посадничью вдову честя, не берешь-ли ты грѣха на душу? Ужь будто и въ латына она повертывала? А ты слушай-ко, что про это дѣло ея у насъ въ Новѣгородѣ умны люди скажутъ.

И Киріакъ сталъ толковать ему мысль Луки Аввакумовича, что Новгородъ только княжчиной потянулъ-бы къ Литвѣ, а владычной пошлиной къ митрополиту Московскому.

— А ужь это дѣло и вовсе не крестьяньско, отрѣзалъ Щебельковъ.

— А чѣмъ такимъ? изумился Киріакъ.

— А сказано вѣдь: „никтоже можетъ двѣма господинома работати“, сирѣчь Богу да мамонѣ еще, строго отвѣчалъ старикъ.

„Вотъ-бы Лукѣ послушать“, снова подумалъ Киріакъ, а самъ ничего не съумѣлъ отвѣтить Щебелькову.

— А я вѣдь, Киріакъ Андреевичъ, продолжалъ Григорей,—не самъ-одинъ до того додумался, чтобъ Марѳу вѣроотступницей звать окаянною; не моего вѣдь ума дѣло тако великое, а научалъ меня, наказывалъ дружечушко мой сердечный, а розумомъ не въ мою версту, а книженъ къ тому. Въ черпецахъ, слышь, живетъ, *Временникъ* пишетъ. Что услышитъ аль самъ доглядитъ, а не зря вѣдь на бумагу кладетъ, а сгадавши, крѣпко сдумавши. Страхо-тъ Божій, начало это премудрости, въ сердцѣ имѣтъ, а пишучи согрѣшить опасается, чтобъ лжи на кого не положить. Лучше де не дописать, чѣмъ грѣхъ принять на душу. А Марѳы не хвалитъ-же онъ: зачѣмъ подняла князя великаго на Великій Новгородъ, а на всю ёще, скажи, землю новгородьскую. На начинающаго Богъ, скажетъ. А и самъ ты, Киріакъ Андреевичъ, вспомяни-ко, каково сухо лѣто въ Шелоньскій годъ было; такого лѣта старинушки не запомнятъ, а дождя ни кроплишечки [1]). А явственно Господь тогда великому князю поборалъ, а на нея-же, на Марѳу, на усобицы той заводчицу. А еще скажетъ: пеняю ладно молъ оно что мы, а всѣ вѣдь крестьяна

[1]) Кропля—капля.

Южно-германская крестьянка. Рис. Гансъ Фехнеръ, грав. Веберъ.

православные, а другъ на-друга съ мечомъ идемъ? Тому-ли Христосъ училъ? А не дьяволу-ль еще усобицей веселье творимъ? Аль мало у Руси вòроговъ? А со всѣхъ вѣдь сторонъ ее, остѣня, тѣснятъ. И Бисермена тутъ, и Литва-та окаянная, а и Чудь, и Нѣмцы поганые, и Свеи еще. А намъ не то, чтобъ Землю въ клочья драть, да братьевъ своихъ, ихъ-же Христосъ любить повелѣлъ, смерти предавать, а на тѣхъ-бы вороговъ всѣмъ міромъ православнымъ за одинъ стать. Такъ-то наставлялъ меня. А и вѣрно-ль, старички почтенные, сказывалъ?

— А не ѝначе! помолчавъ, потвердили сѣдыя головы.

Киріакъ только дивился, слушая эти рѣчи неслыханныя.

Послѣ обѣда старичкамъ подремать захотѣлося.

— А ты Киріакъ Андреевичъ, станешь-ли удневать, опочиво-тъ держать?

— Я развѣ передъ обѣдомъ когда съ полчасика сосну, отвѣчалъ Киріакъ.

— Умнёхонько, Киріакъ Андреевичъ, дѣлаешь. И я тоже вѣдь. А зòлотъ, скажутъ, сонъ предобѣденный, а старички почтенные пусть и серебрянымъ позаймутся, коль любо имъ. А намъ на что имъ разговоромъ-то мѣшать, а сойдемъ-ко лучше въ огородъ ко мнѣ. Тамо-тъ у меня цыновочка постелена, а мы-ко на ней, бесѣдуя, поваляемся.

И пошли поваляться на цыновочкѣ.

— А зришь-ли, Киріакъ Андреевичъ, э-вонъ-то гóрушка, еще островъ [1]) на ней. А тамъ вѣдь и землишечкѣ моей рубежъ. А люблю ту горушку, всякой-то денёчекъ почитай, лѣтомъ а и осенью, на нее хожу, прогуливаюсь. На закатъ солнечный оттоль любуюся. А дивно вѣдь. Солнышко тутъ вотъ закатается, глянь-ко-сь, за лѣсушкомъ. А тамъ на гóрушкѣ снопичешка съ два у меня брошено, чтобъ старыхъ костей на голой землѣ не студить. А вотъ оно и клонится. И за лѣсушко ужь. А тутъ дерева-те дивно поосвѣтятся, рóвно станутъ огнены. А тамъ ужь, какъ солнышку иовсе спать, потому и признать можно, что сейчасъ вовсе уйдетъ, что у елочекъ еловцы̀ [2]) вспыхнутъ, — ну, бы свѣча твоя Богу затеплится, жертва вечерняя.

Эта старикова рѣчь весьма полюбилась Киріаку, и онъ сталъ на него другими глазами смотрѣть. Щебельковъ заговаривалъ о томъ, о семъ, но видно было, что только подходъ дѣлаетъ къ настоящему разговору.

— А вотъ послушай-ко меня, степенство твое, внукъ ты посадничей, посовѣтуй мнѣ, съ нѣкоторою важностью повелъ рѣчь старикъ.—А не хотѣлось мнѣ за обѣдомъ, при шабрахъ-те, полную рѣчь держать. А не таяся отъ нихъ; тайности тутъ ни которой нѣтъ. Обо всемъ у насъ съ ними переговоренось. А тебя ради молчалъ, потому какъ тебѣ, пойми, на ту рѣчь мою не найти, пожалуй, отвѣтушка скораго.

Киріакъ насторожился: чтò молъ за рѣчи пойдутъ?

— А про государство рѣчь, сказалъ Щебельковъ, и замолчалъ, словно обдумывая дальнѣйшее.

— Что слухъ у насъ, гòворю, прошелъ про государство-то, послѣ вѣча-тъ вашего новгородьскаго. Что вотъ князь великій въ Новѣгородѣ государства своего похотѣлъ. А й задумались: къ худу-ль, къ хòрошу-ль оно, государьство-то?—Тутъ Щебельковъ снова чуточку помолчалъ. — А крестьянушекъ теперь возьмемъ, нарòдушко это черное, а чтó имъ надобѣть? А чтобъ тишина въ землѣ была, усобицы чтобъ слыхомъ не слыхать. А желаньицё-то это ихнее будетъ истое; какъ надо быть крестьянское. А насъ, своеземцевъ [1]), взять, а и мы ту-же пѣсню поемъ, о томъ-же въ храмѣ Божіемъ молимся: да тихое и мирное житіё поживемъ. Вотъ и намъ, государство-то, тоже будто оно и на руку.

Киріакъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Щебелькова; никогда онъ не слышалъ въ Новѣгородѣ такихъ рѣчей; и въ голову не только ему, но и самому Лукѣ Аввакумовичу такихъ мыслей про государство не приходило.

— А купца еще мы къ себѣ-же прихватимъ. Анъ усобица—торгу не помощница. Теперь князя великаго взять, и ему походъ не весельицё. Не охвота, знамо, и своихъ людей терять, и крестьянъ губить-разорять—дѣло не ладное. А лучше вѣдь ему на нихъ дань взять, черный боръ [2]) чтоль скажемъ, хоть по кажный годъ. Оттого и прибытокъ ему, а и крестьянству тѝшина, а еще русьской землѣ собираніе [3]).

Услыхавъ эти новыя рѣчи, Киріакъ не только съ изумленіемъ, но даже съ нѣкоторымъ страхомъ отодвинулся отъ Щебелькова.

— А Новгородъ-то Великій куда-жь? вскричалъ онъ.— А съ волей новгородьской, по твоему, что-жь станется?

— А ты прости-ко меня, бояринушко, съ тихой покорностью Щебельковъ отвѣчалъ,—не про городъ, про землю я тебѣ сказывалъ, про мысль земскую. А воля-то, знамо, новгородская, а что вѣдь городъ сдумаетъ, на томъ и мы покуда станемъ; покуда, пойми, до государьства-то...

— Такъ о чемъ-же ты, спросилъ Киріакъ, еще дальше отодвигаясь отъ Щебелькова,—о чемъ такомъ, Григорей Петровичъ, ты со мной хотѣлъ посовѣтовать?

— А таковъ ты дай совѣтъ, аль отвѣтъ мнѣ, Киріакъ Андреевичъ. Какъ вотъ ни мекаемъ мы, а выходитъ, что для всѣхъ-то оно, государство-то, дѣло ладное, опричь бòяръ однихъ. Знамо, не безъ нихъ-же и государство строится, и со всѣхъ почитай земель въ Москвѣ бòяра и князи собраны, а только всѣ они люди подневольные. А государеву думу хоть думаютъ да его-же воли слушаютъ. А наши бояра новогородьскіе, своей волей живутъ, люди они своевольные. А и воля-тъ новгородьска, про котору ты сказывалъ, бòярьска-жь она будетъ. За кого вѣчемъ станутъ, аль какъ теперь повелось, кто вѣче скупитъ, а вѣчникамъ денегъ дастъ. И такъ вѣдь мы гадаемъ, что и тѣ-то которы съ Захаромъ князя великаго государствомъ заманиваютъ, и они истаго государства не вѣдаютъ. Знамо, своихъ недруговъ, бòяръ-же, въ свою волю привести хотятъ. А тутъ и совѣтъ твой, Киріакъ Андреевичъ: какъ бòяре наши про государство сдумаютъ? Хòрошо-ль оно, аль будетъ въ немъ для ихней гордости обидушка?

Киріакъ не прямо отвѣчалъ, — до того смутили его стариковы слова.

— А какъ-же ты, Григорей Петровичъ, въ свой чередъ спросилъ онъ, — еще тѣмъ хвалишься, что старинку любишь во всемъ, а про государство таки рѣчи сказываешь? Сдается вѣдь, будто это дѣло вовсе новое.

— А новинка-ль, старинка-ль оно, тò Богъ вѣсть. А про Ярослава еще Володимеровича не мимо-же писано, что былъ онъ самовластцемъ всея земли русьскія. А къ книгамъ меня твой-же дѣдушко-покойничушко пріохачивалъ, а лѣтописца честь онъ-же мнѣ давалъ. А на него и пеняй, съ него и спрашивай.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (автора романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

Переписка наша тянулась года два, потомъ вдругъ прекратилась. Катерина Михайловна не отвѣчала на мои письма. Мнѣ это было очень досадно, но я покорился и пересталъ также ей писать. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я не имѣлъ никакого извѣстія о Катеринѣ Михайловнѣ. Наконецъ, получивъ отъ нея письмо, я радостно вскрикнулъ, узнавъ почеркъ, и не

[1]) Островъ—отдѣльный лѣсокъ.

[2]) Еловецъ—острая верхушка.

[1]) Своеземецъ — мелкій землевладѣлецъ. Своеземцы соотвѣтствовали московскимъ боярскимъ дѣтямъ; въ древности, по мнѣнію нѣкоторыхъ, они именовались *гридями*.

[2]) Черный боръ—подушная подать.

[3]) Собираніе въ противуположность разоренію. Въ этомъ именно смыслѣ московскіе государи и назывались „собирателями“.

сразу понялъ содержаніе письма. „Я поселилась въ Порошковѣ; кабинетъ, который вы занимали, готовъ для васъ. Если вы попрежнему питаете ко мнѣ дружбу, то пріѣзжайте ко мнѣ, вы мнѣ необходимы. Моя новая жизнь нуждается въ вашихъ совѣтахъ. Не подумайте, что я вышла замужъ; но перемѣна въ моей жизни произошла неожиданно. При свиданіи все узнаете. Не писала вамъ потому, что сначала слишкомъ была убита горемъ, а потомъ много было разныхъ хлопотъ. Мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами, когда я приду въ себя. Пріѣзжайте."

Я долго думалъ, что такое случилось съ Катериной Михайловной; но эгоистическое чувство взяло верхъ, и я былъ очень радъ, что она вернулась въ Россію. Къ моему огорченію, я не могъ сейчасъ выѣхать изъ Петербурга, но черезъ двѣ недѣли по полученіи письма, когда я сѣлъ въ вагонъ чтобъ ѣхать въ Порошково, то почувствовалъ такое же состояніе, когда юношей, сдавъ благополучно экзаменъ, отправлялся бывало на каникулы въ деревню къ своему дядѣ.

Подъѣхавъ къ дому въ Порошковѣ и не желая звать, чтобъ мнѣ отворили ворота, я взялъ съ телѣги свой ручной чемоданъ и вошелъ въ калитку. Двери параднаго крыльца на дворѣ были отворены; не встрѣтивъ никого и въ передней, я прошелъ въ залу. Тамъ все осталось попрежнему.

Я вышелъ на террасу, заслышавъ въ саду голосъ Катерины Михайловны, и вдругъ увидѣлъ ее, окруженную тремя дѣтьми: два мальчика и одна дѣвочка, всѣ были заняты куртинкой цвѣтовъ, которую пололи отъ травы. Катерина Михайловна стояла задомъ къ террасѣ, такъ что не могла меня видѣть. Я сошелъ со ступенекъ, она повернула голову и радостно бросилась ко мнѣ.

Мы крѣпко жали руки другъ другу и отъ волненія въ первый моментъ ничего не говорили.

— Ну, вотъ и свидѣлись! произнесла первая Катерина Михайловна.

— Да еще въ Порошковѣ! отвѣтилъ я. — Боже мой! воскликнулъ я, — какъ вы исхудали, вѣрно были сильно больны?

Катерина Михайловна, будто бы не слышала моего вопроса, указывая на дѣтей произнесла:

— Рекомендую вамъ моихъ дѣтей, и обратясь къ нимъ прибавила:—продолжайте свою работу, только не ссорьтеся между собою!—Потомъ сказала мнѣ: — пойдемте на террасу.

Дорогой она мнѣ разсказала, какъ она очень дешево купила Порошково, узнавъ отъ Антипыча, что оно продается. Но меня больше интересовали дѣти; я спросилъ ее:

— Чьи это дѣти?

— Мои воспитанники! Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ у нихъ умеръ отецъ, котораго я хорошо знала; онъ поручилъ мнѣ воспитаніе своихъ дѣтей.

— Значитъ, круглыя сироты?

— У нихъ есть мать.

И Катерина Михайловна назвала мнѣ фамилію. Оказалось, что это та самая г-жа Толкачева, чей долгъ былъ нѣкогда уплаченъ чрезъ мое посредство Катериной Михайловной. Я много слышалъ объ экстравагантныхъ похожденіяхъ этой барыни въ Москвѣ и Петербургѣ, не подозрѣвая, что именно для нея нарочно скакалъ изъ Италіи.

— Однако, вы взяли на себя очень трудную обязанность,— сказалъ я,—да еще въ ваши года...

Катерина Михайловна не дала мнѣ окончить фразу и произнесла:

— Въ этихъ дѣтяхъ теперь вся цѣль моей жизни. Одно меня тревожитъ: съумѣю-ли я хорошо выполнить обязанности воспитательницы? Я разсчитываю на вашу помощь. Вы, вѣроятно, догадываетесь, что я любила отца этихъ дѣтей? прибавила она, потупившись.

— Догадывался! отвѣтилъ я, и выразилъ свое удивленіе, какъ могъ развитой человѣкъ, судя по ея отзывамъ, жениться на такой женщинѣ, какъ г-жа Толкачева?

— Что васъ такъ удивляетъ? Развѣ не знаете, какъ умѣютъ барышни притворяться въ гостиной? Довѣрчивый, честный человѣкъ вѣритъ безусловно словамъ другого; къ тому же, ему никогда не случалось имѣть столкновенія съ барынями, которыхъ съ дѣтства искажаютъ воспитаніемъ. Я это видѣла на своей сестрѣ... Толкачеву глупѣйшимъ образомъ баловали родители, дѣлали все что ей приходило въ голову, а тутъ выдумали ей перечить, впрочемъ, справедливо находя, что она не была воспитана для скромной жизни, какую могъ ей дать бѣдный мужъ. Препятствіе со стороны родителей только подожгло взбалмошную барышню, она поставила на своемъ. Первая высказала свою безумную любовь, грозясь утопиться, отравиться, если онъ отвергнетъ ее. Онъ былъ молодъ, увлекся и женился, а съ такой женой ему уже не было возможности ни о чемъ другомъ думать, какъ только о добываніи денегъ. Пошли дѣти, расходы и заботы у него увеличились... Я познакомилась съ нимъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Въ семействѣ, гдѣ я поселилась, его очень любили и жалѣли. Я и теперь не очень податлива сходиться съ людьми, а тогда и подавно, но съ нимъ мнѣ было легко разговаривать. Я сама вызвалась помочь ему, когда узнала, что онъ очень озабоченъ малолѣтнею племянницей своей жены, которой вздумалось выписать дѣвочку изъ провинціи, чтобы дать ей образованіе въ Петербургѣ. Сами посудите, что могла сдѣлать полезнаго для дѣвочки такая женщина, у которой были заброшены ея собственныя маленькія дѣти. Я стала бывать въ домѣ Толкачевыхъ каждый вечеръ, репетируя уроки съ дѣвочкой, которую Толкачевъ помѣстилъ въ гимназію, а также давала и уроки музыки. Я видѣла, что мужъ совершенно махнулъ рукой на жену, которая, понявъ его охлажденіе къ себѣ, вздумала вернуть его любовь, возбуждая его ревность, стала кокетничать со всякимъ встрѣчнымъ и хвасталась мужу своими побѣдами, а потомъ вошла во вкусъ—танцовать по клубамъ, ѣздить на тройкахъ, посѣщать маскарады. Дома только спала да дѣлала сцены мужу изъ-за денегъ, которыхъ требовалось много для такого образа жизни. Что меня поразило: сама Богъ знаетъ гдѣ пропадала, а между тѣмъ дѣлала мужу сцену ревности ко всѣмъ, даже къ прислугѣ.

— А васъ она не ревновала? спросилъ я.

— Почему-то она считала меня такой уродливою дѣвушкой, которая не можетъ нравиться никакому мужчинѣ. Да я ее почти не видѣла, потому что она съ семи часовъ вечера постоянно исчезала изъ дому и возвращалась чуть не съ разсвѣтомъ; спала до обѣда, наряжалась и опять уѣзжала. Бывая каждый день въ семьѣ и видя брошенныхъ малютокъ,—хотя отецъ очень заботился о своихъ дѣтяхъ, но не могъ же онъ сидѣть дома при своихъ занятіяхъ,—я все свое свободное время по вечерамъ проводила съ дѣтьми, а когда они ложились спать, занималась съ племянницей. Мнѣ не приходило въ голову анализировать свое горячее участіе къ семейной жизни Толкачева. Дѣти часто заболѣвали и тогда я почти жила въ домѣ Толкачевыхъ, ухаживая за больными дѣтьми.

— И тутъ только поняли свои чувства къ ихъ отцу? спросилъ я.

— Слишкомъ много было въ то время у меня заботъ и возни съ больными дѣтьми, чтобъ я могла углубляться въ самоё себя. Но за то я короче узнала Толкачева, мы часто проводили цѣлыя ночи у постели больныхъ дѣтей и о многомъ говорили. Меня удивляло, какъ онъ не ожесточился отъ такой ужасной жизни. Онъ цѣлый день былъ занятъ и я часто видала, до какой степени измученнымъ возвращался онъ домой. По воскресеньямъ онъ могъ посидѣть съ дѣтьми и это было для него большимъ удовольствіемъ. Въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ, мы сидѣли всѣ за вечернимъ чаемъ; дѣти весело болтали съ отцомъ. Вдругъ раздался рѣзкій звонокъ въ передней и затѣмъ колокольчикъ звенѣлъ безостановочно. Мы всѣ перепугались и удивились, когда услышали гнѣвный крикъ хозяйки дома: она никогда такъ рано не возвращалась домой. Съ разгнѣванныиъ лицомъ она вошла въ столовую; вѣроятно, ее чѣмъ-нибудь сильно разсердили ея знакомые и она искала случая сорвать на комъ-нибудь свою злость. Сначала ни за что привязалась къ своей племянницѣ, выбранила самымъ оскорбительнымъ образомъ, потомъ вломилась въ обиду, что дѣти не захотѣли подойти къ ней, а бросились ко мнѣ; она величаво и съ такой силой отшвырнула ихъ отъ меня, что оба мальчика далеко отлетѣли и упали. „Моихъ дѣтей учать не любить меня!" закричала она на меня и хотѣла вырвать у меня съ рукъ свою дочь, но мужъ схватилъ ее за руки и сказалъ мнѣ: „Ради Бога, уведите скорѣй дѣтей!" — „Вонъ изъ моего дома интригантка! вонъ сейчасъ!" заорала Толкачева, вырываясь отъ мужа. Я схватила плакавшихъ отъ испуга дѣтей и заперлась съ ними въ дѣтской. Толкачева такъ неистово кричала бранясь, что, я думаю, слышно было на улицѣ; потомъ начала бить посуду; долго она бушевала. Я сидѣла въ дѣтской и старалась утѣшать дѣтей, которыя всѣ жались ко мнѣ отъ страха. Наконецъ крики смолкли и я стала укладывать дѣтей спать. Они уже спали, когда тихо постучались въ дверь; я отворила и отступила назадъ, до того былъ блѣденъ Толкачевъ. Онъ молча пожалъ мнѣ руку, посмотрѣлъ на спящихъ дѣтей, подошелъ къ племянницѣ жены, погладилъ ее по головѣ, она бросилась ему на шею и зарыдала. Онъ уговаривалъ ее не плакать и обратясь ко мнѣ сказалъ: „Возьмите ее къ себѣ ночевать." Уходя домой, я просила няню запереть дѣтскую на ключъ. Я была убѣждена, что Толкачева помѣшалась. На другой день Толкачевъ пріѣхалъ ко мнѣ, сталъ извиняться, что меня оскорбила его жена, и просилъ меня, чтобъ я на нѣсколько дней оставила у себя дѣвочку, пока онъ не помѣститъ ее на полный пансіонъ къ классной дамѣ гимназіи. Съ этого вечера я уже не была въ домѣ Толкачевыхъ и только тутъ поняла какъ дорогъ для меня этотъ человѣкъ; о его взаимности я и не думала; мнѣ казалось, что и моя любовь къ нему не честна, такъ какъ онъ не свободенъ. Мы видѣлись рѣдко: онъ на короткое время заходилъ въ семейство, гдѣ я жила; онъ такъ былъ убитъ, что всѣ его жалѣли.

— Такъ онъ и не узналъ, что вы его любили? спросилъ я Катерину Михайловну.

— Мы переписывались, но въ нашихъ письмахъ мы говорили о дѣтяхъ, о ихъ будущемъ воспитаніи. Онъ зналъ мои планы, что я вернусь въ Россію, чтобъ помогать ему въ воспитаніи дѣтей. Только послѣ его смерти мнѣ передали отъ него письмо, изъ котораго я узнала, что была взаимно любима... Я не застала его въ живыхъ, какъ ни спѣшила пріѣхать скорѣй въ Россію.

Общій видъ города Руана. Рис. съ натуры Барклай, грав. Барбанъ.

Судебная палата въ Руанѣ. Съ фотогр. рис. Барклай, грав. Гильдибрандтъ

Только зная ея исключительное дѣтство и юность, можно было объяснить себѣ существованіе такой платонической любви въ Катеринѣ Михайловнѣ. Я не могъ въ сумерки видѣть ея лица, но по голосу слышалъ, что страданія ея отъ потери любимаго человѣка были сильны.

— А какъ вы разстались съ Сивцовымъ? спросилъ я черезъ нѣсколько минутъ молчанія.

— Страшно вспомнить, какъ это было. Узнавъ что я ѣду въ Россію, онъ сначала молилъ меня, плакалъ; но видя мое непоколебимое рѣшеніе, пришелъ въ такую ярость, что я думала, онъ задушитъ меня. „Вы воровка“, кричалъ онъ, „вы украли у меня кровавые труды многихъ лѣтъ! Вы хуже всякаго убійцы на большой дорогѣ, вы отняли у меня всѣ мои радости, вырвали мою душу и оставили мнѣ жизнь. Берите ножъ и рѣжьте меня, это докажетъ что у васъ нашлась хоть капля жалости ко мнѣ.“ Онъ со страшными проклятіями убѣжалъ отъ меня.

Все это проговорила Катерина Михайловна дрожащимъ голосомъ.

— Отдохнете хорошенько въ деревнѣ, успокоитесь и снова поступите на сцену, сказалъ я.

— Если бы и желала этого, то не могла бы, отвѣчала она,— я потеряла голосъ.

Я не хотѣлъ ей вѣрить.

— Это ваше воображеніе, вы просто сильно измучились! Этого не можетъ быть.

— Я сама сначала такъ думала, но теперь убѣдилась, что мой голосъ пропалъ—я его надорвала. Передъ спектаклемъ, который былъ прощальный съ римской публикой, я получила телеграмму о болѣзни Толкачева. Судите, что со мной было. Я было заикнулась Сивцову, что не могу пѣть, но онъ пришелъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе что для меня пріѣхалъ импресаріо изъ Лондона послушать меня и ангажировать на Лондонскій оперный сезонъ. Такъ какъ я хотѣла на другой день объявить Сивцову о своемъ отъѣздѣ въ Россію, то я рѣшила сдѣлать надъ собой усиліе, и какая странность, я пѣла хорошо, даже Сивцовъ похвалилъ меня и заранѣе поздравилъ съ ангажементомъ.

Нечего и говорить, какъ меня поразила и эта потеря голоса, и то, что она такъ покойно помирилась со своимъ несчастьемъ. Я никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что Катерина Михайловна должна была ограничиться скромной ролью воспитательницы.

Съ этого лѣта, я каждогодно проводилъ Рождество и лѣто въ Порошковѣ, и убѣдился, что Катерина Михайловна разумно относилась къ своимъ обязанностямъ. Подчасъ ей трудновато было справляться съ шаловливыми дѣтьми, но она не падала духомъ. Мнѣ нравилось, что она не хвастала успѣхами своихъ учениковъ, не повторяла при дѣтяхъ ихъ остротъ и великодушныхъ порывовъ...

Настала пора отдавать дѣтей въ гимназію и Катерина Михайловна на зиму должна была покидать Порошково. Я перебрался изъ Москвы въ Петербургъ по своимъ занятіямъ, и она рѣшила жить въ Петербургѣ. Я сдѣлался у ней нахлѣбникомъ, и каждый день являлся обѣдать въ ея семейство. Я привязался къ дѣтямъ и тоже увлекся ихъ воспитаніемъ. Къ счастью для Катерины Михайловны, въ Петербургѣ не оказалось никого изъ ея родственниковъ: мать съ красавицей-сестрой жили за границей и очень были заняты своими семейными дѣлами. Красавица-сестра, разоривъ мужа, отыскала себѣ жениха—богатаго банкира изъ нѣмецкихъ жидковъ и хлопотала объ окончаніи развода, на который охотно согласился разоренный мужъ, чтобъ избавиться отъ красавицы-жены. Братъ Аркадій проживалъ въ Москвѣ, ѣздилъ на рысакахъ, сколачивалъ себѣ капиталъ, завѣдуя дѣлами очень богатой и пожилой барыни, и жилъ въ ея домѣ очень комфортабельно. Ѳедоръ-же спился, попалъ на скамью подсудимыхъ въ обществѣ шантажистовъ и былъ высланъ изъ Петербурга.

Дуняша очень привязалась къ дѣтямъ, которыхъ считала за круглыхъ сиротъ, потому что о ихъ матери не было ни слуху, ни духу. Толкачева давно вышла замужъ за телеграфнаго чиновника и съ нимъ уѣхала на Амуръ; оттуда писала она письма, хвастаясь, что она выписываетъ себѣ изъ Парижа всѣ наряды. Потомъ мы узнали стороной, что ея мужа прогнали со службы, вѣроятно, вслѣдствіе парижскихъ нарядовъ его супруги. Толкачева перестала писать и мы не знали гдѣ она находится.

Но внезапно, какъ снѣгъ на голову, нагрянула новая бѣда. Я по-утрамъ былъ занятъ и только въ праздничные дни могъ пройтись по Невскому. Какъ-то зимою гуляющихъ была цѣлая толпа, я встрѣтилъ одного своего знакомаго и мы медленно подвигались впередъ.

— Смотрите, вотъ ѣдетъ въ каретѣ итальянскій теноръ, отъ котораго всѣ петербургскія барыни съ ума сходятъ, сказалъ мнѣ мой знакомый.—Вотъ счастливецъ-то! Молодъ, красивъ, великолѣпный голосъ, который дастъ ему милліоны. Чортъ знаетъ, какъ несправедливо награждаетъ природа людей! Вы, вѣроятно, слышали его?

— Нѣтъ еще, все собираюсь, отвѣтилъ я, удивясь, что теноръ высунулся изъ окна кареты и смотрѣлъ на насъ.

— Что это, какъ онъ смотритъ на насъ? воскликнулъ мой знакомый.—Если-бы на нашемъ мѣстѣ были барыни, да онѣ отъ радости потеряли бы голову.

Наше удивленіе усилилось, когда карета, проѣхавъ мимо, повернула назадъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ итальянскій теноръ вышелъ изъ экипажа и направился прямо на насъ. Въ самомъ дѣлѣ, природа щедро наградила его; онъ былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ — и какая изящная красота! Распахнувъ свою соболью шубку, онъ загородилъ намъ дорогу и, радостно протянувъ мнѣ руку, съ итальянскимъ акцентомъ произнесъ по-французски:

— Вы узнаете меня, мосье С.?

Я остолбенѣлъ услышавъ свою фамилію, и подалъ руку тенору, которую онъ крѣпко сжимая продолжалъ:

— А я васъ сейчасъ-же узналъ; какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, освѣдомлялся въ адресномъ столѣ, но васъ не оказалось въ городѣ.

— Я на недѣлю ѣздилъ въ Москву.

Теноръ, видя что я его не узнаю, съ упрекомъ произнесъ:

— Забыли Петручіо!

Я радостно воскликнулъ:

— Боже мой! вотъ судьба-то! и я сжималъ руки своему бывшему любимцу въ Миланскомъ отелѣ.

Мы остановили теченіе публики.

— Пойдемте ко мнѣ, ради Бога, я такъ радъ, что васъ встрѣтилъ, сказалъ теноръ, беря меня подъ руку и подводя къ своей каретѣ, въ которой онъ мнѣ сказалъ, какъ только мы усѣлись:— Вы все такимъ же остались равнодушнымъ къ итальянской оперѣ, какимъ были въ Миланѣ?

Я оправдывался тѣмъ, что переселился въ Петербургъ недавно, все собирался въ оперу, но что много наслышался о немъ и много читалъ въ газетахъ о его голосѣ.

— И не подозрѣвали, что это тотъ самый Петручіо, который прощаясь съ вами обѣщалъ вамъ пріѣхать въ Петербургъ? Видите, я сдержалъ слово... съ самодовольствіемъ добавилъ онъ. — А не знаете-ли, гдѣ теперь бывшая примадонна, ваша соотечественница?

— Она здѣсь живетъ.

Теноръ даже привскочилъ отъ радости, воскликнувъ:

— Она здѣсь! значитъ, я увижу ее?.. Вотъ счастливый день для меня сегодня! Я, впрочемъ, зналъ съ утра, что меня ожидаетъ большая радость, добавилъ онъ серьезно.—Я вѣрю снамъ: если плачу во снѣ, то навѣрно меня ожидаетъ что-нибудь очень хорошее, а когда вижу золото—то непріятность. И во снѣ сегодня ночью я видѣлъ васъ обоихъ. Будто-бы я долженъ пѣть съ вашей соотечественницей на миланскомъ театрѣ, а меня не пускаютъ, потому что много наѣхало путешественниковъ и много работы въ отелѣ, въ которомъ я будто бы продолжаю служить. Сами видите, какъ вѣрно сны предвѣщаютъ.

Я едва сдерживалъ улыбку, слушая тенора.

Черезъ четверть часа мы бесѣдовали въ квартирѣ тенора за бутылкой великолѣпнаго краснаго вина, которое ему прислала одна изъ петербургскихъ его поклонницъ.

Теноръ опять завелъ рѣчь о Катеринѣ Михайловнѣ.

— Неужели она оставила сцену? спросилъ онъ.—А я все мечталъ, что можетъ-быть мы будемъ пѣть вмѣстѣ на сценѣ. Я вѣдь наводилъ справки о ней и узналъ, что она уѣхала въ Россію.

— Очень могло случиться, что вы бы и пѣли съ ней, если бы она не потеряла голосъ, сказалъ я и передалъ тенору о ея прощальномъ спектаклѣ въ Римѣ, конечно, умолчавъ о ея сердечной тайнѣ.

Теноръ искренно опечалился и разразился обильными проклятіями мнимому дядѣ бывшей примадонны.

— Такому злодѣю мало одной казни! говорилъ теноръ:—Такой голосъ загубить!.. Я бы, кажется, сначала убилъ его, а потомъ и самъ застрѣлился бы. Она навѣрно вышла замужъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ странно! воскликнулъ въ удивленіи теноръ и продолжалъ: — Если бы я ее встрѣтилъ, я сейчасъ бы ее узналъ, какъ и васъ... Вы знаете, что я молюсь на нее, я всѣмъ ей обязанъ!.. Да, въ первый разъ, какъ я услышалъ ее на сценѣ, она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я всю ночь не спалъ и мнѣ пришла мысль сдѣлаться самому пѣвцомъ, чтобъ пѣть съ ней вмѣстѣ. Я зналъ, что у меня есть голосъ, и порѣшилъ добиться, чтобъ меня взялся учить какой-нибудь профессоръ пѣнія. Сколько я перенесъ насмѣшекъ отъ моихъ товарищей, а отъ родственниковъ брани, когда узнали о моемъ желаніи учиться пѣть. Одна примадонна поддерживала меня; послушаешь ее и ободришься духомъ. Послѣ перваго моего успѣшнаго дебюта, я мысленно возсылалъ ей безконечныя благодарности. И о васъ вспоминалъ часто, вы такъ ласково обходились со мной, точно мы были равные. Я васъ очень полюбилъ и плакалъ о васъ, какъ о родномъ братѣ, когда вы уѣхали изъ Милана. Вы мнѣ принесли счастье, съ вашимъ пріѣздомъ повезло мнѣ. Я готовъ былъ простоять у вашей постели хоть цѣлую ночь, чтобъ говорить съ вами, такъ легко мнѣ было передавать вамъ мои радости и горе... Не правда-ли,

странныя бываютъ встрѣчи въ жизни людей?.. Ну, думали-ли вы, что Петручіо изъ Милана будетъ васъ угощать у себя такимъ рѣдкимъ виномъ?

— Мнѣ не кажется это такъ странно, потому что когда вы пѣли мнѣ арію изъ „Гугенотовъ", въ Миланѣ, и сообщили мнѣ свою радость, что профессоръ взялся васъ готовить къ сценѣ, я тогда же подумалъ, что можетъ-быть, и услышу васъ въ Петербургѣ въ роли Рауля, отвѣтилъ я.

— И услышите, потому что я въ свой бенефисъ хочу взять „Гугеноты". Ахъ, если бы она не потеряла голосъ — она пѣла бы Валентину! съ грустью произнесъ теноръ и добавилъ:—Вы завтра же представьте меня ей. Я такъ буду счастливъ, что увижу ее... Я много видѣлъ женщинъ съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался пѣвцомъ, ни одна изъ нихъ мнѣ не нравилась такъ, какъ примадонна. Когда она уѣхала изъ Милана, такъ я нѣсколько дней не ѣлъ, каждую ночь напролетъ плакалъ, и никакъ не могъ забыть ее.

(Оконч. въ слѣд. №)

Филлоксера.

Профессора **К. Э. Линдемана.**

(Окончаніе).

Изложенный здѣсь радикальный методъ борьбы съ филлоксерою сопряженъ съ чрезвычайными неудобствами, требуетъ очень значительныхъ денежныхъ затратъ и жертвъ, но въ то же время не приводитъ къ желаемому результату, что доказано фактами. Главнѣйшія неудобства его состоятъ въ томъ, что ежегодно и постоянно должны передвигаться по виноградной мѣстности особые разслѣдователи, которые, разрывая почву и обнажая корни винограда не только весною и осенью, но также во время лѣтнихъ жаровъ и засухи, подвергаютъ этимъ риску если не жизнь, то по крайней мѣрѣ плодоношеніе такихъ кустовъ. При этомъ самая возможность своевременнаго обнаруженія филлоксерной заразы затрудняется тѣмъ, что филлоксера распространяется въ землѣ на весьма значительную глубину, обыкновенно на одинъ или на полтора аршина, а иногда даже на *шесть футовъ*. Возможно-ли осмотрѣть у всѣхъ лозъ страны всѣ корни ихъ, простирающіеся на глубину хотя-бъ одного аршина? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно дать лишь отрицательный отвѣтъ. Кромѣ того, обнажите въ іюнѣ или въ іюлѣ у виноградного куста *всѣ его корни*, и можете быть увѣренными, что этотъ кустъ погибнетъ отъ такого совершеннаго надъ нимъ насилія. А между тѣмъ, если не осмотрѣть *всѣхъ корней*, или по крайней мѣрѣ большинства ихъ *у каждаго куста*, то никакъ нельзя имѣть увѣренность, что филлоксеры въ данномъ саду дѣйствительно нѣтъ. Этимъ и объясняются случаи просмотра филлоксеры разслѣдователями, осматривающими обыкновенно лишь нѣкоторое число кустовъ въ каждомъ саду и ограничивающимися осмотромъ лишь нѣкоторыхъ, болѣе поверхностныхъ корней у этихъ кустовъ. Не смотря однако даже на это обычное несовершенство изслѣдованія, осмотръ виноградниковъ и истребленіе найденныхъ гнѣздъ филлоксеры требуетъ все-таки большихъ денежныхъ средствъ, какъ на содержаніе цѣлой арміи разслѣдователей, такъ и на работы по истребленію. У насъ до сихъ поръ истрачено на это дѣло болѣе полу-милліона рублей въ теченіе семи лѣтъ, причемъ въ послѣднее время (1887 г.) за работу по истребленію одной десятины виноградника платилось до двухъ тысячъ рублей.

Между тѣмъ доказано, что такая система истребленія филлоксеры не приводитъ къ желаемому результату. Такъ, въ Швейцаріи, гдѣ эта система до послѣдняго времени пользовалась особымъ уваженіемъ, ежегодно приходилось истреблять виноградники въ Женевскомъ кантонѣ, что объясняли постояннымъ перелетомъ филлоксеры изъ сосѣднихъ департаментовъ Франціи; но не смотря на такое упорное примѣненіе системы, филлоксера все-таки проникла въ глубь Швейцаріи и въ 1887 году уже находилась въ виноградникахъ кантоновъ Цюрихскаго, Невшательскаго и Ваадскаго. Такъ въ Германіи филлоксера была найдена въ 1881 году въ долинѣ рѣки Аары; несмотря на энергичное примѣненіе системы истребленія обнаруженныхъ очаговъ заразы, филлоксеру истребить не удалось и ежегодно она съ тѣхъ поръ продолжаетъ появляться въ разныхъ мѣстахъ по р. Аарѣ. А въ 1887 году ея присутствіе было обнаружено на Рейнѣ, близъ Бибриха и Висбадена, близъ Штутгарта и около Лейпцига. Такимъ образомъ въ настоящее время филлоксера весьма значительно распространилась по Германіи, не смотря на рѣшительное примѣненіе системы радикальнаго истребленія ея въ первоначальныхъ очагахъ зараженія. Точно также и въ сѣверной Италіи ежегодно приходится истреблять виноградники въ Ломбардіи и близъ французской границы.

Изложенное здѣсь дѣлаетъ совершенно понятнымъ, почему авторитетнѣйшіе спеціалисты Германіи настаиваютъ на совершенной безуспѣшности системы истребленія филлоксеры и предлагаютъ отказаться отъ метода тягостнаго для населенія, дорогаго для правительства и не приводящаго къ желаемому результату. Въ Австро-Венгріи и въ южной Италіи правительство уже прежде отказалось отъ радикальнаго метода борьбы съ филлоксерою. Въ Австріи, послѣ первыхъ случаевъ примѣненія его, образовалось большое и могущественное общество виноградарей, въ рядахъ котораго стояли извѣстные спеціалисты, поставившее себѣ задачею отстоять виноградники отъ уничтоженія ихъ не филлоксерою, а тѣми мѣрами, которыя являются необходимымъ послѣдствіемъ радикальнаго метода борьбы съ нею. Это общество дѣйствовало такъ успѣшно, что на съѣздѣ, происходившемъ въ Вѣнѣ въ 1883 году, огромнымъ большинствомъ голосовъ было постановлено ходатайствовать объ отмѣнѣ радикальнаго метода истребленія филлоксеры. Въ южной Италіи должны были отказаться отъ примѣненія этого метода, вслѣдствіе того, что производители работъ встрѣтили энергическое сопротивленіе со стороны населенія, грозившее перейти въ открытое возстаніе.

Совершенно такъ же какъ въ Швейцаріи и Германіи—и у насъ примѣненіе радикальнаго метода не привело къ поставленной цѣли. Въ 1880 году, когда филлоксера была найдена въ Крыму на пространствѣ восьми десятинъ, было сдѣлано все для ея истребленія. Тѣмъ не менѣе ей удалось избѣгнуть полнаго тамъ уничтоженія и распространиться далѣе по области, такъ что, напр., въ 1887 году снова пришлось истреблять много виноградниковъ пораженныхъ ею. Такъ на Кавказѣ, напримѣръ, въ Сухумѣ, истребленіе филлоксеры продолжается съ 1882 года ежегодно, и все-таки она постоянно тамъ обнаруживается.

На основаніи изложенныхъ данныхъ мы приходимъ къ слѣдующему заключенію по поводу метода радикальнаго истребленія филлоксеры. Совершенная безуспѣшность этого метода, значительная дороговизна его и многочисленныя неудобства и жертвы налагаемыя имъ на населеніе, заставляютъ желать, чтобы страны, гдѣ онъ до сихъ поръ еще примѣняется, послѣдовали примѣру Австро-Венгріи и Италіи и отказались отъ него. Тѣмъ болѣе это желательно, что помянутыя жертвы, налагаемыя на виноградарей, достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ, какъ это видно изъ фактовъ, сообщенныхъ въ началѣ этой статьи и показывающихъ, съ какою безцеремонностью вырубаются сотни тысячъ здоровыхъ кустовъ потому только, что между нами найдено нѣсколько сотенъ кустовъ, занятыхъ филлоксерою, причемъ за вырубленные кусты никакого вознагражденія не выдается. Требованіе такихъ жертвъ нынѣ не можетъ быть оправдываемо при совершенно выяснившейся теперь непригодности метода истребленія филлоксеры, который можетъ быть называемъ „радикальнымъ" развѣ только въ насмѣшку.

Въ противоположность только что разсмотрѣнному методу радикальнаго истребленія филлоксеры, методъ *лѣченія* виноградниковъ пріобрѣтаетъ всюду все большее число сторонниковъ и защитниковъ. Его задача состоитъ въ томъ, чтобы, не добиваясь невозможнаго (т. е. совершеннаго истребленія филлоксеры), поддержать дѣятельность пораженныхъ кустовъ и дать имъ возможность давать удовлетворительные урожаи, не смотря на присутствіе филлоксеры. Эта задача успѣшно выполняется нѣсколькими различными, именно, слѣдующими мѣрами: а) затопленіемъ виноградниковъ; б) примѣненіемъ сѣрнаго углерода или сѣроуглеродистаго калія; в) распространеніемъ американскихъ лозъ, и г) культурою въ пескѣ. Остановимся нѣсколько на этихъ мѣрахъ лѣченія виноградниковъ.

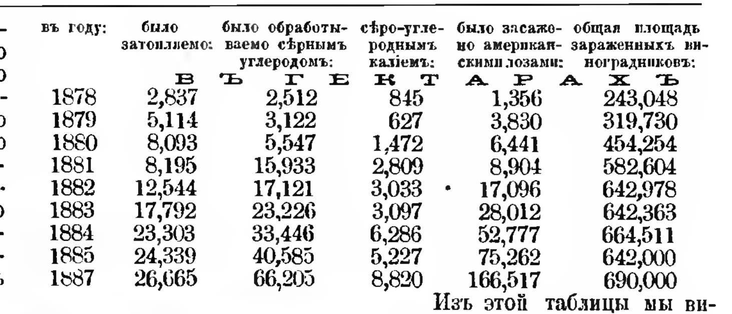
а) Затопленіе виноградниковъ, пораженныхъ филлоксерою, является однимъ изъ лучшихъ способовъ лѣченія тамъ, гдѣ примѣненіе его допускается мѣстными условіями. Поэтому онъ имѣетъ весьма большое распространеніе въ южной Франціи. Затопленіе совершается поздно осенью и ведется такъ, чтобы въ теченіе 60 или 70 дней виноградникъ былъ покрытъ слоемъ воды, нигдѣ не позволяющимъ почвѣ выступать изъ-подъ его поверхности. Въ теченіе этого продолжительнаго срока времени погибаетъ большинство насѣкомыхъ, живущихъ въ почвѣ такого затопляемаго виноградника. Чтобы примѣненіе этой мѣры стало возможнымъ въ большемъ числѣ мѣстностей, внесены въ нынѣшнемъ году во французскій парламентъ предложенія о сооруженіи трехъ каналовъ въ южной Франціи, долженствующихъ служить для отведенія воды изъ Роны. Кромѣ того, разрабатываются еще проекты нѣсколькихъ другихъ каналовъ. Сооруженіе этихъ предполагаемыхъ каналовъ дастъ возможность затоплять поверхность величиною болѣе двадцати-пяти тысячъ гектаровъ. Помимо того, для распространенія этого способа лѣченія во Франціи и въ Венгріи изданы законы, освобождающіе отъ налоговъ въ теченіе довольно продолжительнаго періода времени всѣ тѣ виноградные сады, въ которыхъ будутъ сдѣланы сооруженія, необходимыя для ихъ затопленія.

б) При лѣченіи виноградниковъ сѣроуглеродомъ, вводится

въ почву, помощью особыхъ снарядовъ, незначительное количество названнаго вещества, настолько, чтобы оно не могло вредить корнямъ лозы, въ то же время убивая нѣкоторое число насѣкомыхъ, живущихъ на этихъ корняхъ. Это дѣлается обыкновенно два раза въ годъ, раннею весною и потомъ вторично лѣтомъ. Какъ во Франціи, такъ и въ Венгріи, правительство выдаетъ безвозмездно какъ сѣрный углеродъ, такъ и спеціальные снаряды для его примѣненія, всѣмъ желающимъ употребить это вещество для лѣченія ихъ виноградниковъ. Во Франціи правительство выдаетъ нѣкоторую денежную субсидію всѣмъ виноградарямъ имѣющимъ виноградники не болѣе пяти гектаровъ величиною и желающимъ лѣчить ихъ при помощи сѣрнистаго углерода. Для того, чтобы получать эту субсидію, виноградарь долженъ присоединиться къ организованнымъ повсюду обществамъ или синдикатамъ, составленнымъ изъ садовладѣльцевъ лѣчащихъ принадлежащіе имъ виноградники, и обязаннымъ наблюдать чтобы каждый членъ исполнялъ принятыя на себя обязательства. На такихъ же условіяхъ правительство Франціи покровительствуетъ лѣченію виноградниковъ сѣроуглеродистымъ каліемъ, имѣющимъ однако меньшее распространеніе, вслѣдствіе дороговизны этого вещества и требуемаго имъ большаго количества воды и послѣдующаго удобренія навозомъ.

в) Было замѣчено, что американскія лозы оказываются весьма устойчивыми противъ филлоксеры и могутъ роскошно произрастать, не смотря на присутствіе большаго количества филлоксеры на ихъ корняхъ. Объяснить причину этой устойчивости, такъ рѣзко отличающей американскія лозы отъ европейскихъ, мы еще не можемъ, хотя до нѣкоторой степени ясно, что она зависитъ отъ видоваго различія этихъ лозъ. Особою устойчивостью противъ филлоксеры славятся виды Vitis riparia и Vitis rupestris. Но такъ какъ породы этихъ лозъ даютъ вино далеко не имѣющее того высокаго достоинства, какимъ славится вино французскихъ лозъ, то было бы невозможно замѣнить эти послѣднія насажденіемъ американскихъ породъ. Поэтому обратились къ прививкѣ французскихъ лозъ къ американскимъ корнямъ, получая такимъ образомъ растенія, ягоды которыхъ сохраняютъ всѣ первоначальныя ихъ свойства, корни же являются мало чувствительными къ филлоксерѣ. Въ настоящее время во Франціи уже имѣется много садовъ изъ такихъ привитыхъ лозъ, которыя совершенно оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды.

Изложенныя качества американскихъ лозъ заставляютъ видѣть въ нихъ залогъ побѣды надъ филлоксерою въ неотдаленномъ будущемъ—и потому понятно, что во Франціи, въ Испаніи и въ Венгріи распространеніе американскихъ лозъ находится подъ особымъ покровительствомъ правительства. Устраиваются государственные питомники этихъ лозъ въ разныхъ мѣстахъ страны, откуда лозы раздаются безплатно всѣмъ виноградарямъ; дѣлаются многочисленные опыты для ознакомленія съ породами, наиболѣе соотвѣтствующими различнымъ мѣстнымъ условіямъ, и т. п. Благодаря такому покровительству, американскія лозы быстро распространяются между виноградарями. Чтобы дать полное представленіе о томъ, какъ упорно растетъ вѣра французскихъ виноградарей въ значеніе американскихъ лозъ для будущаго французскаго винодѣлія, я приведу таблицу, составленную на основаніи отчетовъ центральной филлоксерной коммисіи въ Парижѣ, и показывающую, какъ увеличивается за послѣднее десятилѣтіе площадь виноградниковъ занятыхъ американскими лозами. Эта таблица, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ увеличивается площадь виноградниковъ лѣчимыхъ нѣкоторыми другими способами.

въ году:	было затопляемо:	было обработываемо сѣрнымъ углеродомъ:	сѣро-углеродныхъ каліемъ:	было засажено американскими лозами:	общая площадь зараженныхъ виноградниковъ:
	въ	гек	т	арахъ	
1878	2,837	2,512	845	1,356	243,048
1879	5,114	3,122	627	3,830	319,730
1880	8,093	5,547	1,472	6,441	454,254
1881	8,195	15,933	2,809	8,904	582,604
1882	12,544	17,121	3,033	17,096	642,978
1883	17,792	23,226	3,097	28,012	642,363
1884	23,303	33,446	6,286	52,777	664,511
1885	24,339	40,585	5,227	75,262	642,000
1887	26,665	66,205	8,820	166,517	690,000

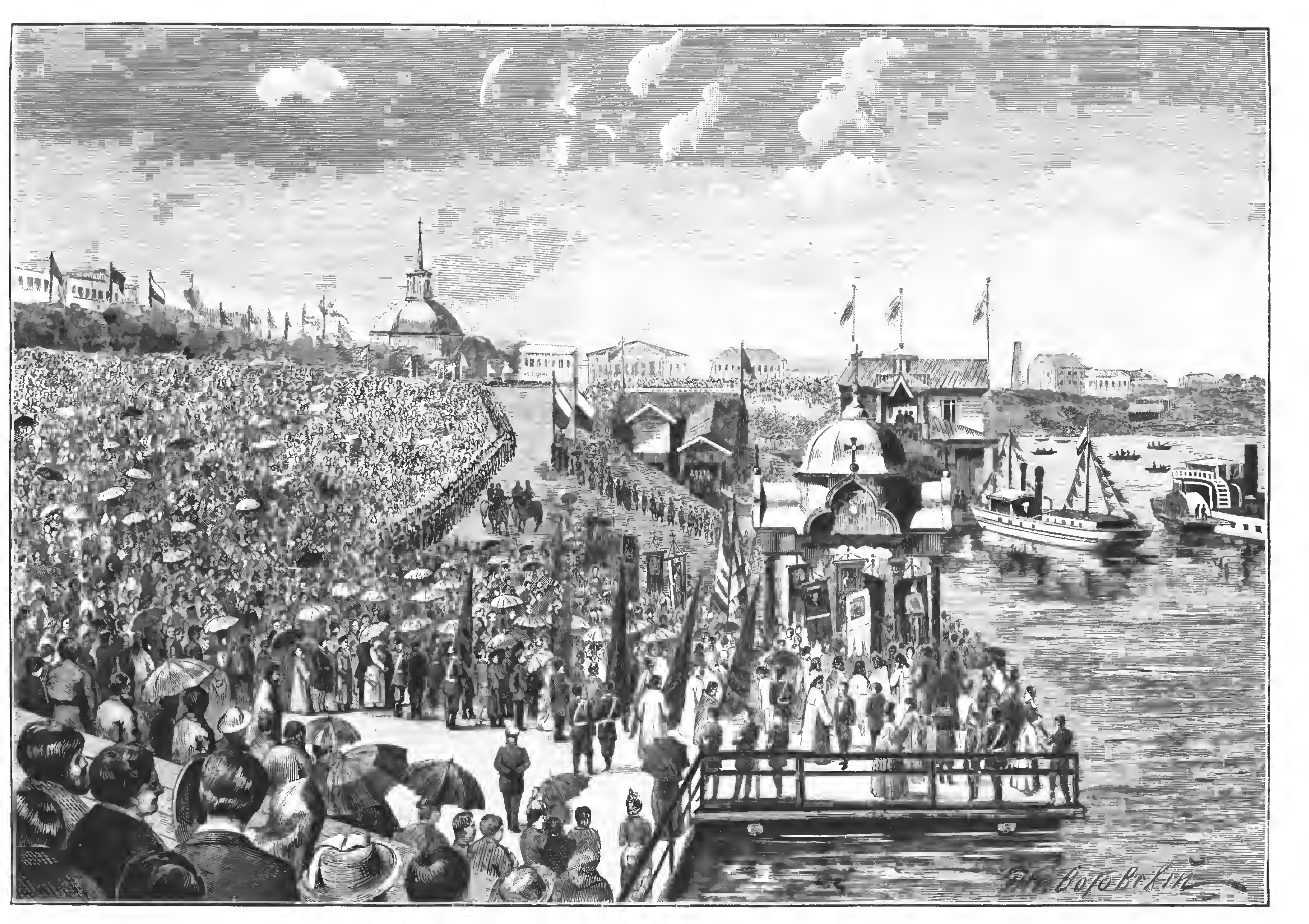

Игра на гусляхъ. Рис. **А. Земцова**, грав. Ю. Шюблеръ.

Изъ этой таблицы мы видимъ какимъ довѣріемъ пользуются описанные способы лѣченія виноградниковъ. Всего лишь десять лѣтъ тому назадъ американскія лозы занимали во Франціи только 1,356 гектаровъ, тогда какъ теперь ими занята тамъ площадь въ 166,517 гектаровъ. Десять лѣтъ тому назадъ сѣрный углеродъ для лѣченія больныхъ виноградниковъ примѣнялся на пространствѣ лишь 2,512 гектаровъ, тогда какъ теперь онъ примѣняется на пространствѣ 66,205 гектаровъ. Эти цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуютъ о томъ значеніи, какое имѣютъ эти орудія въ дѣлѣ борьбы съ филлоксерою. Точно также и въ Венгріи американскія лозы пріобрѣтаютъ теперь все большее распространеніе и спросъ на нихъ чрезвычайно возрастаетъ. Еще весною 1885 года венгерское правительство выписало изъ Франціи 2.559,675 американскихъ лозъ, для пополненія своихъ питомниковъ. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, за исключеніемъ Швейцаріи и Россіи, имѣются теперь питомники американскихъ лозъ и дѣлаются опыты разведенія ихъ. Даже въ Швейцаріи раздаются голоса за необходимость устройства тамъ такихъ питомниковъ. Филлоксерный съѣздъ происходившій въ Одессѣ, осенью 1887 года, также большинствомъ голосовъ постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы и въ Россіи были наконецъ учреждены питомники американскихъ лозъ и такимъ образомъ сдѣланъ запасъ наиболѣе совершеннаго оружія для борьбы съ филлоксерою, распространеніе которой по нашимъ виноградникамъ неотвратимо въ виду ея присутствія въ Бессарабіи и Крыму.

Мы ознакомились въ предшедшемъ съ различными способами лѣченія виноградниковъ пораженныхъ филлоксерою и имѣли при этомъ возможность убѣдиться въ томъ, насколько эти способы лѣченія пользуются довѣріемъ виноградарей. Сопоставляя это съ тѣмъ что сказано выше по поводу метода радикальнаго истребленія, мы видимъ, какое множество преимуществъ предъ послѣднимъ имѣетъ методъ лѣченія. Примѣненіе способовъ лѣченія не требуетъ отъ виноградарей особыхъ жертвъ; не парализуетъ отчаяніемъ ихъ хозяйственную предпріимчивость; оно даетъ правительству широкое поприще для оказанія поддержки развивающемуся винодѣлію, требуя отъ него гораздо меньше расходовъ чѣмъ при методѣ истребленія; при этомъ иниціатива правительства въ первомъ случаѣ всюду встрѣтитъ сочувствіе и вызоветъ благодарность, тогда какъ во второмъ случаѣ въ замѣнъ огромныхъ денежныхъ жертвъ оно получаетъ только раздраженіе населенія.

Уничтожить филлоксеру, разъ появившуюся въ странѣ, нельзя, какъ невозможно истребить вообще никакое вредное насѣкомое. Поэтому надо мириться съ положеніемъ, надо жить съ филлоксерою и, пользуясь опытомъ другихъ государствъ, примѣнять испытанныя ими средства, дѣлающія возможнымъ получать доходы отъ виноградниковъ, хотя и пораженныхъ филлоксерою.

Чествованія 900-й годовщины крещенія Руси въ Кіевѣ. Іордань на Днѣпрѣ и крестный ходъ 15 іюля.

По наброску (собст. „Нивы") Животовскаго, грав. Шюблеръ.

Къ рисункамъ.

Друзья. (Рис. на стр. 809).

Всѣмъ извѣстна привязанность водолазовъ, сенъ-бернардскихъ и другихъ собакъ къ дѣтямъ вообще и хозяйскимъ въ особенности, а также случаи спасанія малютокъ изъ воды или отъ хищнаго звѣря; но и помимо такихъ подвиговъ, любовь, питаемая благородными животными къ маленькимъ людямъ, ихъ кротость и долготерпѣніе по отношенію къ тираническимъ подъ часъ капризамъ какого-нибудь мальчугана, поистинѣ изумительны въ звѣрѣ. Изящная картинка Эрельмана представляетъ намъ двухъ такихъ друзей въ моментъ полнаго согласія.

Добрыня Никитичъ и Запава Путятишна.

(Рис. на стр. 812).

Художница избрала темою для своего рисунка одно изъ весьма распространенныхъ нашихъ древнихъ преданій: освобожденіе красной дѣвицы, томившейся въ злой неволѣ, въ пещерѣ у змѣя. Это преданіе передается десятками нашихъ былинъ, сказокъ и пѣсенъ, которыя служатъ только отголоскомъ обширнаго круга преданій и сказаній индо-европейскаго племени, разрабатывающихъ ту-же самую поэтическую тему. Вотъ какъ о ней повѣствуютъ наши древнія былины.

Въ кругу богатырей окружающихъ князя Владиміра Красное Солнышко, первое мѣсто, послѣ Ильи Муромца, занимаетъ тотъ Добрыня Никитичъ, которому былины приписываютъ по преимуществу „вѣжество“ — умѣнье обходиться съ людьми, знаніе обычаевъ и пріемовъ княжеской, дружинной среды. Одна изъ былинъ о Добрынѣ разсказываетъ, что онъ былъ большой охотникъ купаться и частехонько хаживалъ купаться на Почай-рѣку. Много разъ предупреждала его матушка о томъ, чтобы онъ не заплывалъ далеко по Почай-рѣкѣ, что та Почай-рѣка течетъ близь пещеры Змѣя-Горынича; а Змѣй „охочь къ себѣ въ пещеру людей таскать, молодцовъ съ дѣвицами въ полонъ брать“. Однако Добрыня и не думалъ Змѣя остерегаться, и вотъ—во время одного купанья — Змѣй напалъ на Добрыню въ то время, когда онъ былъ и нагъ, и беззащитенъ. Но богатырь не сробѣлъ и не потерялся: онъ схватилъ свою шапку пуховую „земли греческой“, набилъ ее пескомъ и пустилъ въ Змѣя. Песокъ Змѣю глаза запорошилъ; а Добрыня подскочилъ къ нему съ мечомъ и отрубилъ ему голову. Затѣмъ, убивъ змѣя, Добрыня снарядился во весь доспѣхъ богатырскій и пошелъ въ пещеру змѣя. Тамъ онъ нашелъ много всякаго богатства — золота, серебра и камней самоцвѣтныхъ; нашелъ и полонянниковъ, къ стѣнѣ прикованныхъ, и въ числѣ ихъ племянницу князя Владиміра, молодую красавицу Запаву Путятишну, которую Змѣй-Горынычъ унесъ въ свои горныя хоромы. И повелъ Добрыня съ собою освобожденныхъ отъ змѣя красныхъ дѣвицъ и добрыхъ молодцовъ и заслужилъ отъ князя Владиміра честь и похвалу великую.

Запретное чтеніе. (Рис. на стр. 813).

Кто не испыталъ въ юности, какъ тягостно отрываться отъ интересной книги, не докончивъ ее, и какъ мучительно исполнять приказаніе старшихъ не засиживаться при свѣчахъ за чтеніемъ, когда спать пора? Къ какимъ только выдумкамъ не прибѣгаютъ юные читатели и читательницы, чтобы обойдти это распоряженіе и не попасться грозной гувернанткѣ in flagrante delicto... Одинъ изъ такихъ способовъ изображенъ художникомъ на прилагаемомъ рисункѣ, исполненномъ тонкаго, едва уловимаго комизма. Стѣнные часы показываютъ безъ малаго полночь, часъ урочный, свѣча догораетъ, а обѣ подруги совершенно погружены въ книгу, приложенную въ ящикѣ рабочаго столика, подъ приподнятою скатертью. Одна читаетъ вслухъ, другая мечтательно слушаетъ, а забытый въ сторонкѣ глобусъ какъ бы укоризненно качаетъ головой... Чуть послышатся шаги, ящикъ быстро задвигается, скатерть опущена — и обѣ готовы сказать въ одинъ голосъ: „мы сейчасъ укладываемся, мы уроки повторяли!..

Южно-германская крестьянка. (Рис. на стр. 817).

Любители ксилографическаго искусства, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ эту гравюру, до того тонкую, что даже не вѣрится чтобъ она была исполнена на деревѣ.

Руанъ. (Рис. на стр. 820 и 821).

По склонамъ холма, обращеннаго къ югу, красиво расположенъ Руанъ (Rouen), главный городъ французскаго департамента Нижней-Сены и нѣкогда всей Нормандіи,—у самаго берега Сены, красиво извивающейся въ этомъ мѣстѣ. Старинная деревня д'Эмендревиль, на лѣвомъ берегу рѣки, въ настоящее время составляетъ часть города и представляетъ громадное предмѣстье Сенъ-Северъ, гдѣ расположены фабрики, заводы и всевозможныя мастерскія.

Громадное кольцо высокихъ холмовъ окружаетъ городъ, заключая въ себѣ цѣлый рядъ городковъ и деревень, разбросанныхъ повсюду въ окрестностяхъ Руана. Благодаря прекрасному географическому положенію, а также энергическому и предпріимчивому характеру своихъ обитателей, Руанъ уже давно достигъ выдающагося положенія среди французскихъ городовъ. Нынѣ въ самомъ городѣ насчитывается свыше 100 тысячъ жителей, но если причесть сюда населеніе окрестныхъ мѣстечекъ, которыя, какъ-бы пригороды, живутъ съ ними одною промышленною жизнью, число это должно быть увеличено еще по крайней мѣрѣ на половину.

Первое мѣсто среди достопримѣчательностей города занимаетъ руанскій соборъ, изображеніе котораго было помѣщено нами въ № 6 нашего журнала за нынѣшній годъ. Изъ свѣтскихъ построекъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о зданіи суда, воздвигнутомъ въ 1493—1499 годахъ (рис. на стр. 821). Оно является превосходнымъ образцомъ готической архитектуры болѣе поздняго періода. Трудно оторваться отъ этого зданія, повсюду унизаннаго башенками, пирамидами, каменными фестонами и кружевами, перемѣшанными съ фантастическими животными, драконами, химерами и проч. Зданіе суда за послѣднее время реставрировано и окончено молодымъ, очень даровитымъ архитекторомъ Лефоромъ, и представляетъ интересъ не только для любителя старины, но и для всякаго просвѣщеннаго посѣтителя. На дворѣ обращаетъ на себя вниманіе восьмиугольная башенка, занимающая середину внутренняго фасада. Внутри зданія особенно замѣчательны залъ прокуроровъ (salle des procureurs) и залъ засѣданій ассизнаго суда; въ послѣднемъ рѣзной потолокъ изъ почернѣвшаго дуба, украшенный позолоченною бронзою, представляетъ поистинѣ необыкновенное зрѣлище.

Кромѣ судебнаго зданія обращаютъ на себя вниманіе въ Руанѣ архіепископскій дворецъ, башня съ часами, построенная въ 1389 году, башня Іоанны д'Аркъ, въ которой была заключена Орлеанская Дѣва во время своего процесса, старинная ратуша и множество другихъ достопримѣчательностей.

Гусли. (Рис. на стр. 824).

Исторія музыкальныхъ инструментовъ, составляющая одинъ изъ существенныхъ отдѣловъ исторіи музыки, имѣетъ въ западноевропейской печати обширную литературу. Этимъ предметомъ занимались такіе выдающіеся ученые какъ Кирхеръ, Куссемакеръ, Шукэ, Боннани, Гютри, Кугачъ, Рецiусъ, Магильонъ и многіе другіе. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ предметъ почти совсѣмъ не разработанъ, хотя для составленія вполнѣ обстоятельной исторіи музыки въ Россіи безъ него обойтись невозможно.

Такъ, напр., въ настоящее время почти забытъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ нѣкогда у насъ инструментовъ, а именно гусли. Подъ словомъ *гусли* у насъ въ настоящее время понимаютъ различные виды лежачихъ арфъ, встрѣчающихся въ наиболѣе совершенномъ видѣ среди нашего духовенства и въ разнообразныхъ формахъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ инородцевъ. Исключеніе составляютъ: финскій *кантеле*[1]) съ тожественными ему латышскимъ *куклесъ* и литовскимъ *канклесъ*[2]) и еврейскія *цимбалы*. Всѣ остальныя лежачія арфы, встрѣчающіяся въ нашемъ отечествѣ, извѣстны вообще подъ названіемъ *гусли*.

Однако есть нѣкоторое основаніе полагать, что въ древности подъ словомъ *гусли* понимали не исключительно лежачія арфы, а вообще струнные инструменты. Гусли, пишетъ Кугачъ[3]), были уже извѣстны Славянамъ въ V вѣкѣ по Р. Хр. Весьма интересно и поучительно сообщеніе, дѣлаемое о гусляхъ извѣстнымъ историкомъ Н. М. Карамзинымъ[4]), которое можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія, что въ древности подъ словомъ *гусли* понимали вообще струнные инструменты, такъ какъ къ этому выводу, путемъ долголѣтнихъ изысканій, пришелъ извѣстный историкъ музыки Куссемакеръ[5]) въ своемъ изслѣдованіи о средневѣковыхъ киѳарахъ. Основываясь на византійскихъ историкахъ, Карамзинъ пишетъ, что въ началѣ VII вѣка Греки взяли въ плѣнъ трехъ Славянъ, которые вмѣсто оружія имѣли киѳары или гусли. Другими словами, инструменты, которые Греки называли киѳарами, Славяне называли гуслями, т. е., принимая въ соображеніе изслѣдованіе Куссемакера, можно придти къ выводу, что въ VII вѣкѣ и ранѣе слово *гусли* выражало собою вообще понятіе о струнныхъ инструментахъ.

Противорѣчіемъ этому мнѣнію является изслѣдованіе академикомъ Д. А. Хвольсономъ[6]) арабской рукописи X вѣка Ибнъ-Да-

[1]) Г. Гранстрёмъ, переводчикъ Калевалы на русскій языкъ, переводитъ kantelo иногда словомъ *гусли*, а иногда словомъ *кантеле*.

[2]) Экземпляры этихъ инструментовъ находятся въ музеѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и пожертвованы ему извѣстнымъ этнографомъ, приватъ-доцентомъ Спб. университета, Э. А. Вольтеромъ.

[3]) Fr. S. Kuhač, *Nesto o poviesti gusala.* Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga XXXVIII. U Zagrebu 1877. Трудъ этотъ былъ весьма обязательно предоставленъ въ мое распоряженіе вдовою академика И. И. Срезневскаго, Е. Ѳ. Срезневскою. Необходимыя свѣдѣнія изъ этого сочиненія перевелъ для настоящей статьи, со свойственною ему любезностью, извѣстный артистъ В. И. Главачъ.

[4]) Исторія Государства Россійскаго, соч. Н. М. Карамзина. Т. I, гл. I, стр. 15.

[5]) *Annales archéologiques* de Didron. Coussemaker, *Essai sur les instruments de musique au moyen age.* T. III. p. 87.

[6]) Д. А. Хвольсонъ, *Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Абу-Али-Ахмеда-Бенъ-Омаръ-Ибнъ-Дасты.*

ста, или Ибнъ-Дуста. Въ этой рукописи упоминается, что у Славянъ существовали разнаго рода лютни, гусли и свирѣли. Дѣло однако въ томъ, что различіе между лютнями и гуслями дѣлаетъ арабскій писатель Ибнъ-Даста и что вмѣсто слова *гусли*, какъ утверждаетъ Кугачъ, въ арабской рукописи стоитъ слово *тснибиръ*, что одни переводятъ словомъ *киоара*, другіе — *лира*, и третьи — *псалтеріонъ*.

Интересенъ отрывокъ изъ былины, въ которой упоминается о томъ, какъ Добрыня Никитичъ налаживалъ гусселокъ.

Какъ началъ гуселокъ налаживати
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града
И третью отъ Іерусалима.

Этотъ отрывокъ ясно показываетъ, что гуселокъ имѣлъ только три струны и что онъ подходилъ скорѣе къ типу гудка, чѣмъ къ типу псалтеріона, такъ какъ самая первобытная лежачая арфа имѣетъ не менѣе пяти струнъ. Древне-славянское слово *гусль*, пишетъ Кугачъ, обозначало киѳару; отъ этого слова произошли современныя названія: *гусле* у Сербовъ и Болгаръ; gusle, gusla и gusli у Хорватовъ; gosle у Словенцовъ; guslić у Поляковъ; housle у Чеховъ и *гусли* у Русскихъ.

Инструменты эти не тожественные, въ большинствѣ случаевъ смычковые, и могутъ служить наглядньмъ подтвержденіемъ мнѣнія высказаннаго въ началѣ этой статьи о средневѣковыхъ гусляхъ и киѳарахъ.

По справедливому замѣчанію профессора московской консерваторіи, протоіерея Д. В. Разумовскаго, наши гусли (псалтеріонъ, ψαλτήριον) занесены къ намъ изъ Греціи. Подтвержденіемъ его мнѣнія могутъ служить многіе памятники древности, начиная съ XI вѣка, которые писались у насъ художниками Греками, какъ напр. фреска Софійскаго собора въ Кіевѣ, гдѣ изображенъ человѣкъ играющій на гусляхъ. Разнообразныя гусли (арфы со сплошною резонансовою доскою и обыкновенныя) встрѣчаемъ на рисункѣ псалтири XIII вѣка, принадлежащей А. И. Хлудову. Интересно, что одинъ изъ рисунковъ гуслей XIV вѣка [1]) буквально сходится по формѣ съ гуслями Черемисовъ, которые не такъ давно удалось найти въ Костромской губерніи П. А. Рылѣеву, подарившему ихъ автору этой статьи. Кромѣ Черемисовъ, гусли встрѣчаются и у Чувашей. Экземпляръ этихъ гуслей находится въ Москвѣ въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ.

Наиболѣе совершенныя гусли встрѣчаются среди нашего духовенства [2]). Гусли эти состоятъ изъ резонансовой доски съ нѣсколькими голосниками. Къ резонансовой доскѣ прикрѣплены два вогнутые деревянные бруска. На одномъ изъ нихъ ввинчены желѣзные колки, на которые намотаны металлическія струны; другой-же брусокъ играетъ роль приструнника, т. е. служитъ мѣстомъ прикрѣпленія струнъ. Эти гусли настраиваются помощью ключа, совершенно тожественнаго съ ключами нашихъ роялей.

Струны соотвѣтствующія черньмъ клавишамъ помѣщены ниже струнъ соотвѣтствующихъ бѣлымъ клавишамъ. Число октавъ не всегда одинаково. Инструментъ помѣщается въ ящикѣ съ крышкою, который покоится на особомъ столикѣ, какъ это показываетъ рисунокъ. На гусляхъ обыкновенно исполняются пѣсни духовныя или народныя. Игра на этомъ инструментѣ передается однимъ лицомъ другому по преданію. Увѣряютъ однако, что существуютъ печатныя ноты для гуслей, хотя мнѣ и не приходилось ихъ видѣть. Сомнѣваюсь чтобы на всю Россію пришлось, въ настоящее время, болѣе двухъ десятковъ лицъ, умѣющихъ играть на этомъ инструментѣ, хотя между ними есть и артисты [3]). Гусли видимо вымираютъ и вѣроятно исчезнутъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

М. Пѣтуховъ.

Чествованіе 900-й годовщины крещенія Руси въ Кіевѣ. (Рис. на стр. 825).

Нигдѣ чествованіе событія, положившаго краеугольный камень въ основаніе всей русской исторіи, не происходило съ такою знаменательною торжественностью какъ въ самой колыбели христіанства на Руси, въ Кіевѣ, издревле получившемъ наименованіе „матери городовъ русскихъ“. Предпразднованія начались уже задолго до годовщины крещенія Руси. 11 іюля въ день преставленія Св. Ольги, первой христіанки изъ княгинь и князей русскихъ, въ Десятинной церкви совершено было торжественное богослуженіе съ панихидой по всѣмъ кіевскимъ князьямъ и княгинамъ древнѣйшаго періода, и крестный ходъ въ Трехсвятительскую церковь, по близости коей находился княжой дворъ Св. Владиміра, а на самомъ мѣстѣ храма, на холмѣ высился идолъ Перуна; здѣсь совершено было благодарственное молебствіе за избавленіе Россійской страны отъ тьмы язычества. 12 іюля, въ день кончины первомучениковъ христіанства въ Россіи, варяговъ Ѳеодора и Іоанна, въ великой Лаврской церкви было также торжественное богослуженіе съ панихидами по древнѣйшимъ митрополитамъ, содѣйствовавшимъ насажденію и утвержденію христіанства въ Россіи. 13 іюля совершена торжественная литургія архіерейскимъ служеніемъ въ церкви Св. Николая, что на Аскольдовой могилѣ, гдѣ „тайно существовала церковь устроенная христіанами отъ Андрея Первозваннаго Апостола просвѣщенными“.

Съ 14 іюля Кіевъ началъ украшаться флагами. Къ этому дню съѣхались уже всѣ присутствовавшіе на торжествѣ 15 іюля представители русскихъ епархій, сановники и славянскіе гости, прибывшіе изъ разныхъ странъ, русскіе почетные гости и депутаты, до 400 человѣкъ; всего-же съѣхалось и пришло пѣшкомъ въ качествѣ паломниковъ *до двадцати тысячъ* человѣкъ. День 14 іюля начался актомъ въ Кіевской Духовной Академіи, предназначеннымъ для чествованія 900-лѣтія со времени принятія христіанства Русскимъ народомъ. Торжество это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, высокопреосвященные Иларіонъ митрополитъ Черногорскій и Михаилъ митрополитъ Сербскій, многіе архіепископы, епископы, архимандриты и протоіереи русскихъ епархій, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, предсѣдатель С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества графъ Игнатьевъ, начальникъ Юго - Западнаго края генералъ-лейтенантъ А. Р. Дрентельнъ, управляющій Кіевскимъ учебнымъ округомъ И. Я. Ростовцевъ, губернскій предводитель дворянства князь Рѣпнинъ, кіевскіе губернаторъ и городской голова, профессоръ Сольскій, редакторъ *Народной Новины* А. Піеторъ, издатель *Червонной Руси* І. Марковъ, бывшій сербскій посланникъ С. Груичъ, Цанковъ и многіе другіе изъ пріѣзжихъ русскихъ и иностранныхъ гостей; были также профессора университета.

Актъ начался пѣніемъ молитвы *Днесь благодать Св. Духа насъ собра* и тропаря Св. Владиміру. Послѣ рѣчей ординарнаго профессора Духовной Академіи Малышевскаго, митрополитовъ Сербскаго и Черногорскаго, были прочитаны привѣтствія отъ митрополитовъ С.-Петербургскаго и Московскаго и экзарха Грузіи, адресы отъ Нижегородской епархіи и хоругвеносцевъ Московскаго храма Спасителя. Затѣмъ оберъ-прокуроръ Св. Синода перевелъ съ англійскаго языка адресъ присланный архіепископомъ Кентерберійскимъ. Далѣе поднесены были адресы отъ университетовъ, ученыхъ обществъ, епархій и городовъ русскихъ. Актъ окончился пѣніемъ русскаго гимна.

Въ самый день чествованія годовщины, 15 іюля, послѣ литургіи, которую совершали три митрополита, 12 архіепископовъ и епископовъ съ сонмомъ духовенства, состоялся великій крестный ходъ со всѣхъ кіевскихъ церквей къ Днѣпру на освященіе воды, которое изображено на прилагаемомъ рисункѣ (стр. 825). Противъ самаго Днѣпра находится высокая плоская возвышенность, вся покрытая деревьями и зеленью. На широкомъ плато этой плоской возвышенности расположена часть Кіева. Здѣсь находится, между прочимъ, соборъ Св. Софіи и Михайловскій монастырь. У подошвы этой возвышенности идетъ улица. Съ одной стороны она ведетъ на Подолъ, въ прибрежную часть Кіева, съ другой стороны поднимается на гору и ведетъ къ Лаврѣ. Отъ этой улицы устроенъ спускъ къ берегу Днѣпра, гдѣ находится пристань для пароходовъ. На горѣ помѣщается памятникъ Св. Владиміра, обращенный лицомъ къ Днѣпру. Внизу, противъ памятника, устроена у самой рѣки большая платформа, посреди коей возвышается красивая сѣнь;— это іордань для водоосвященія. Процессія съ иконами и хоругвями, знаменами и цеховыми значками двинулась при колокольномъ звонѣ изъ Софійскаго собора къ верхнему памятнику Св. Владиміра, а оттуда, по совершеніи литіи и благословеніи святителями народа, направилась по Александровской горѣ, гдѣ примкнули по пути лаврскихъ и кіевскихъ церквей крестные ходы, и остановилась у приготовленной на берегу Днѣпра іордани. Городъ былъ разцвѣченъ флагами и гирляндами съ золотымъ иниціаломъ равноапостольнаго князя. Народъ тысячами покрывалъ всѣ площади, вершины горъ и крыши домовъ. Днѣпръ былъ покрытъ множествомъ судовъ; 20 большихъ пароходовъ, переполненныхъ публикой, окружали купель. По окончаніи водоосвященія и провозглашенія многолѣтія, былъ произведенъ 101 выстрѣлъ при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Погода вполнѣ благопріятствовала торжеству. Войска стояли шпалерами вдоль улицъ, куда проходила процессія. Послѣ молебствія на площади возлѣ Христо-Рождественской церкви, духовенство, депутаціи и всѣ гости были приглашены на городской обѣдъ.

На этомъ обѣдѣ присутствовало около тысячи человѣкъ. Кромѣ многочисленныхъ адресовъ на имя митрополита кіевскаго и галицкаго Платона отъ разныхъ епархій, городовъ и обществъ получено было городомъ болѣе ста привѣтственныхъ телеграммъ, преимущественно изъ славянскихъ земель. Среди многочисленныхъ славянскихъ гостей, на обѣдѣ присутствовали: словацкій поэтъ Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій, бывшій раньше въ Кіевѣ на Кирилло Меѳодіевскомъ праздникѣ, Павелъ Мудровъ, ветеранъ и патріотъ, Амбро Піеторъ, редакторъ словацкой газеты *Народныя Новины*, докторъ Францискъ Барвичъ,

[1]) Смотри: „Русскія древности, издаваемыя по Высочайшему соизволенію подъ редакціею В. Прохорова“.

[2]) Экземпляръ подобныхъ гуслей подаренъ пишущему эти строки бывшимъ кинешемскимъ предводителемъ дворянства П. А. Рылѣевымъ.

[3]) П. А. Рылѣевъ указываетъ, какъ на замѣчательнаго гусляра, на діакона Снигирева. Мнѣ извѣстенъ также превосходный гусляръ среди высшаго нашего духовенства.

устроитель прошлогодняго народнаго собранія моравовъ, рѣшившихся возвратиться въ православіе и другіе. Во время обѣда оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ сказалъ рѣчь о значеніи чествуемаго событія, изъ коей приведемъ слѣдующія строки, касающіяся православной церкви: „Что бы съ нами сталось безъ этой церкви, страшно и подумать! Она одна помогла намъ остаться русскими людьми, собрать свои разсѣянныя силы, одушевила и вождей и народъ, дала ему терпѣніе пережить страшныя невзгоды, отъ голода и мора и отъ своихъ лихихъ людей и отъ чужихъ — и одолѣть враговъ своихъ, посылала сыновъ земли нашей умирать за свою землю, научала разсыпанное стадо собираться около пастыря. Церковь — мать родная и милая русскому человѣку; всѣ мы дѣти ей, и если кто блуждаетъ отъ нея далече, тѣ, Богъ дастъ, вернутся еще въ родительскій домъ, къ матери. Храмъ нашъ — это домъ русскому человѣку, домъ самый ближній, гдѣ всѣ равны отъ мала до велика, всѣ имѣютъ и находятъ свое мѣсто, всѣ почерпаютъ одинаково радость и утѣшеніе. Тутъ наша сила, тутъ тайная сокровищница судебъ нашихъ, тутъ хранилище драгоцѣннѣйшихъ нашихъ преданій и родникъ силъ нашихъ, которымъ суждено еще явиться въ будущемъ, если въ будущемъ оправдаемъ мы дѣлами правды и любви—всю истину нашей вѣры.“

Наслѣдный принцъ Александръ Сербскій.
Съ фот. грав. Флюгель.

Послѣ этой рѣчи хоромъ пѣвчихъ и духовенствомъ былъ пропѣтъ торжественный гимнъ „Тебѣ Бога хвалимъ“. Затѣмъ К. П. Побѣдоносцевъ произнесъ вторую рѣчь, въ которой характеризуя возросшее въ Россіи вмѣстѣ съ церковью единодержавіе, сказалъ: „Благословимъ Бога, избавившаго насъ отъ бѣдствій и раздоровъ народоправленія, которое изстари губило и продолжаетъ губить тѣ славянскія государства, гдѣ оно, къ несчастью ихъ и нашему, успѣло утвердиться. Подъ знаменемъ единодержавія и самодержавія мы выросли, подъ нимъ мы стоимъ, подъ нимъ составляемъ единое тѣло и охраняемъ въ немъ единую волю и въ немъ видимъ на грядущія времена залогъ правды, порядка и блага земли нашей, и вотъ первая заздравная наша чаша: да здравствуетъ Благочестивѣйшій Государь нашъ, всѣмъ намъ Отецъ, старшій сынъ и верховный на землѣ защитникъ церкви православной, Императоръ Александръ Александровичъ съ Государыней Императрицей и Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и нынѣшнимъ именинникомъ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и со всѣмъ Августѣйшимъ домомъ“. Рѣчь эта была встрѣчена громкимъ, долго не смолкавшимъ „ура“ и народнымъ гимномъ, исполненнымъ соединенными оркестрами военной и бальной музыки.

Продолжая рѣчь и провозгласивъ здравіе Св. Синода и присутствующихъ на торжествѣ іерарховъ, К. П. Побѣдоносцевъ, пригласилъ слушателей почтить благодарною памятью служеніе русскаго духовенства, вышедшаго изъ народа, съ народомъ жившаго, страдавшаго и радовавшагося, и русскаго христолюбиваго воинства въ годины испытаній стоявшаго грудью за родную землю и не щадившаго крови умирая за вѣру, царя и отечество, и заключилъ пожеланіемъ здравія и долгоденствія митрополиту Кіевскому и Галицкому. Растроганный владыко благодарилъ краткимъ, но теплымъ и сердечнымъ словомъ. Обѣдъ кончился около 6 часовъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

На посланную 15 іюля изъ Кіева оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ телеграмму Государю Императору съ поздравленіемъ отъ имени гражданъ Кіева по случаю всероссійскаго праздества и съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, отъ Его Величества получена изъ Петергофа на имя К. П. Побѣдоносцева слѣдующая телеграмма:

„Прошу передать всѣмъ Нашу сердечную благодарность за выраженныя чувства по случаю 900-й годовщины крещенія Руси. И Мы отпраздновали этотъ день торжественно въ Петербургѣ. Сожалѣю, что не пришлось Намъ быть сегодня въ Кіевѣ“.

Александръ.

Гроза 23-го Іюля въ СПБ. Сцена на углу Невскаго проспекта и Михайловской улицы.
Съ фотогр. генерала Несвѣтевича, грав. Флюгель.

Наталія королева Сербская и наслѣдный принцъ Александръ.

(Портр. на стр. 828 и 829).

Біографическія данныя о королевѣ Наталіи были уже помѣщены нами въ прошломъ году по случаю пребыванія ея величества въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно читателямъ, семейныя несогласія королевской Сербской четы, благодаря антинаціональной политикѣ и личнымъ свойствамъ короля Милана, приняли тотъ печальный оборотъ, который въ концѣ концовъ повелъ къ дѣлу неслыханному въ XIX вѣкѣ — насильственному отнятію сына у королевы-матери. Понятно поэтому то всеобщее участіе,

которое возбуждаетъ судьба ни въ чемъ неповиннаго юнаго принца.

Королевѣ Наталіи было всего 16 лѣтъ, когда она въ 1875 г. сочеталась бракомъ съ княземъ (нынѣ королемъ) Сербскимъ Миланомъ, едва достигшимъ въ то время 21-лѣтняго возраста. 2 (14) августа 1876 года, въ самый разгаръ сербско-турецкой войны, родился принцъ Александръ. Когда старыя турецкія пушки съ бѣлградской цитадели возвѣстили столицѣ о рожденіи наслѣдника престола, улицы Бѣлграда были почти пусты. Лишь старики, дѣти, женщины да раненые оставались въ столицѣ — остальное все ушло на войну. Со всѣхъ сторонъ вторгались въ страну полки Мурада V, Османъ-паша взялъ Зайчаръ, Сулейманъ-паша сжегъ Княжевацъ, съ юга батальоны Ахмедъ-Эюба вступали въ долину Моравы, а Мехмедъ-Али несъ опустошенія въ благословенную страну отъ Явора. Миланъ получилъ вѣсть о рожденіи принца въ лагерѣ подъ Парачиномъ. Воспріемникомъ принца отъ купели былъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ, и крещеніе совершено было съ большою торжественностью въ Бѣлградскомъ конакѣ. Настали другія, болѣе мирныя, хотя и не особенно счастливыя лично для королевской четы времена. Юный принцъ подросталъ бодрымъ, здоровымъ отрокомъ, учась подъ руководствомъ своего воспитателя, Dr. Докича изъ Бѣлграда. Теперь принцъ Александръ свободно говоритъ по русски, пофранцузски, по-англійски, по-нѣмецки и конечно на родномъ нарѣчіи. Королева посвятила воспитанію его всю свою жизнь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ семейныя несогласія вынудили ее покинуть Сербію и вмѣстѣ съ юнымъ принцемъ начать царственную Одиссею, переѣзжая изъ одного европейскаго города въ другой. Не было недостатка у принца и въ учителяхъ музыки, рисованія, верховой ѣзды и проч. Еще въ послѣднее время висбаденцы ежедневно видѣли принца, въ сербскомъ мундирѣ, верхомъ на сѣрой лошади, выѣзжающаго на прогулку въ сопровожденіи своего адъютанта, полковника Любоміра Баяловича. Самая нѣжнѣйшая любовь привязывала его къ королевѣ-матери — и теперь узы эти насильственно порваны. Въ бѣлградскомъ дворцѣ принцъ проводитъ печальные дни и часто плачетъ, скрывая свои слезы отъ отца, котораго очень боится.

Наталія королева Сербская. Съ фотогр. грав. Ю. Флюгель.

Гроза и ливень 23 іюля 1888 года въ СПБ.

(Рис. на стр. 828).

Въ субботу, 23 іюля, петербуржцы внезапно стали свидѣтелями давно уже невиданнаго явленія. Съ самаго ранняго утра въ воздухѣ чувствовалась духота и какъ-бы тяжесть нависшая надъ столицей. Первые люди ждали грозы — и не ошиблись. Вскорѣ послѣ двухъ часовъ пополудни, совершенно чистое небо заволоклось сплошною массою грозовыхъ тучъ и среди бѣлаго дня настала такая темнота, что письменныя занятія стали на нѣсколько времени буквально невозможны. Вдругъ туча эта разразилась грозою и ливнемъ, въ нѣсколько минутъ затопившимъ всѣ улицы и городскія площади. Свирѣпый вѣтеръ сбивалъ и комкалъ въ какое-то бѣловатое кружево частыя нити ливня; крупныя градины доходившія до размѣровъ лѣснаго орѣха перебили множество стеколъ по окнамъ, и многія квартиры были залиты водой, которая все прибывала на улицахъ, во многихъ мѣстахъ доходя лошадямъ по щиколотку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Невскаго проспекта размыло новую торцовую мостовую, противъ Думы образовалось цѣлое озеро и вода здѣсь доходила рабочимъ до пояса. Въ половинѣ пятаго ударъ молніи зажегъ часовню во имя Св. св. Бориса и Глѣба близь моста въ селеніи Стекляннаго завода, причемъ внутренность часовни сильно пострадала.

Въ садахъ и скверахъ повалено и попорчено много деревьевъ. Особенно жаль вырваннаго съ корнемъ, древняго дуба, одиноко стоявшаго какъ историческій памятникъ посреди Адмиралтейской набережной противъ Александровскаго сада. Что касается этого послѣдняго, то въ немъ повреждено множество цвѣточныхъ насажденій. Въ Михайловскомъ скверѣ расщепленъ старый тополь противъ театра, и самый садъ настолько потерпѣлъ, что его пришлось временно закрыть для публики. Также сильно пострадали столѣтнія липы Лѣтняго сада. Дорожки были размыты и попорчены во всѣхъ скверахъ.

По прошествіи полутора часовъ съ начала грозы, нѣкоторыя улицы какъ напр. Большая Италіанская все еще представляли сплошной потокъ; лишь мало-по-малу сбѣжала вода и затихли порывы грозы.

Политическое обозрѣніе.

Петергофское свиданіе императоровъ значительно повліяло на общее настроеніе въ пользу мира и къ ближайшему разрѣшенію болгарскаго вопроса; даже Вѣнская печать частью заговорила во враждебномъ принцу Кобургскому тонѣ, предсказываетъ скорое его паденіе и говоритъ что якобы въ Петергофѣ состоялось соглашеніе по болгарскимъ дѣламъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Болгаріи, разбойничество и безпорядки страшно усилились, положеніе принца Кобургскаго сдѣлалось очень шаткимъ; принцъ очень встревоженъ и приказалъ яхтѣ „Александръ“ идти въ Ломъ-Паланку, чтобы быть готовымъ на всякій случай.

Занятіе Италіею Массовы и ноты Итальянскаго правительства по вопросу о Массовѣ вызвали отвѣтную ноту Гоблэ, послѣдняя заканчивается слѣдующимъ заявленіемъ: „Если образъ дѣйствій Италіи поведетъ непосредственно къ упраздненію капитуляцій и прежнихъ нашихъ правъ въ Массовѣ, то намъ придется только принять на будущее время къ свѣдѣнію этотъ новый образъ дѣйствій и новый принципъ, на основаніи котораго безъ предварительныхъ переговоровъ и соглашенія съ державами капитуляціи утрачиваютъ силу въ странѣ, гдѣ введена европейская администрація. Мы предоставимъ себѣ выводить отсюда заключенія, предписываемыя нашими интересами тамъ, гдѣ оккупація наша упрочена на основаніи законныхъ правъ“. Въ требованіяхъ своихъ Французское правительство ссылается на прецеденты съ Каиромъ и Босніею, гдѣ Англія и Австрія вели особые переговоры со всѣми держа-

вами. Турція также неодобрительно смотритъ и не раздѣляетъ взглядовъ Итальянскаго правительства на Массовское дѣло. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Россіи, Германія, Великобританія, Австрія и Испанія заявили, что въ Массовѣ и ея территоріи капитуляціи не примѣнимы; всѣ прочія державы приняли это къ свѣдѣнію, соглашаясь при этомъ съ итальянскою нотою отъ 25 іюля; въ виду этого Франціи остается только согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ всѣми государствами.

Кромѣ непріятнаго поворота во внѣшнихъ дѣлахъ, внутреннее положеніе французской республики усложняется все усиливающеюся пропагандою монархистовъ, образовавшихъ новый агитаціонный союзъ, долженствующій оказать матеріальное пособіе подготовкѣ реставраціи. Рабочія волненія приняли довольно грозный характеръ и охватили довольно обширный районъ. Прибытіе генерала Буланже въ Сенъ-Жанъ-д'Анжели вызвало сильное волненіе и драку, потребовавшее вмѣшательства власти и вызвавшее много арестовъ. Таково незавидное внутреннее положеніе республики, парламентарному строю которой со всѣхъ сторонъ все болѣе угрожаютъ страшные признаки, свидѣтельствующіе о переходѣ борьбы изъ парламентскихъ залъ на улицу. Берлинскія газеты и въ особенности *Nordd. Allg. Zeit.* предсказываетъ скорое паденіе республики, такъ какъ по ихъ словамъ громадное большинство терпитъ республику, пока страна спокойна.

Буря, вызванная 900-лѣтіемъ крещенія Руси, въ Австро-Венгерскихъ газетахъ продолжается до сихъ поръ, на епископа Штроссмайера нападки сыпятся отовсюду, его уличаютъ въ панславизмѣ и въ сочувствіи русскимъ интересамъ въ ущербъ австро-венгерскимъ. Рѣчь маркиза Солсбери на банкетѣ у лордъ-мэра далеко не удовлетворила ожиданіямъ большинства англійской печати. Солсбери въ своей рѣчи высказалъ увѣренность, „что свиданіе императоровъ можетъ повести къ заключенію лиги мира, которую не въ состояніи будетъ нарушить никакая другая держава. Миръ между Германіею и Россіею означаетъ также миръ и съ Австро-Венгріею и со всѣми прочими державами". Рѣчь оказалась слишкомъ туманною и миролюбивою. Большая часть англійской печати высказывается, по болгарскимъ дѣламъ, во враждебномъ Россіи духѣ и предсказываютъ Портѣ, въ случаѣ соглашенія съ Россіею, рядъ потерь. Кваканія на Россію не мѣшаютъ однако англичанамъ преблагодушно отхватывать львиными долями лучшія и богатѣйшія земли въ Африкѣ и захватывать въ свои руки почти всю торговлю центральной Африки.

Смѣсь.

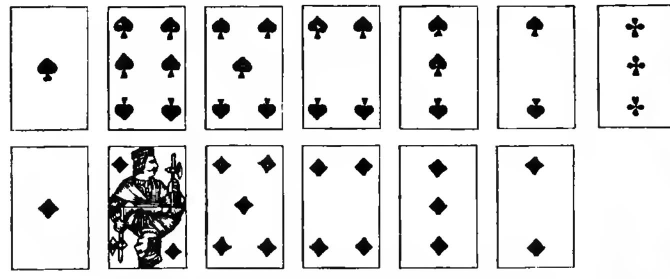
Для спасенія мнимо-умершихъ Чешскій врачъ, докторъ Скалль, предлагаетъ средство, заслуживающее самаго широкаго распространенія. Докторъ Скалль лѣчилъ одного чахоточнаго паціента, интеллигентнаго молодаго человѣка, который вполнѣ понималъ свое состояніе и нисколько не боялся смерти, но его ужасала мысль быть погребеннымъ заживо. Докторъ Скалль вспомнилъ, что ожогъ не производитъ пузырей на мертвомъ тѣлѣ и обѣщалъ больному, въ случаѣ его смерти, произвести надъ нимъ этотъ опытъ. Когда молодой человѣкъ умеръ, докторъ дѣйствительно сдѣлалъ опытъ при помощи инструмента, обыкновенно употребляемаго въ хирургіи для прижиганія. Такъ какъ часто бываютъ случаи, что даже опытные врачи не могутъ отличить дѣйствительно умершаго отъ мнимаго, а тѣмъ болѣе возможны такіе случаи въ деревняхъ, гдѣ покойниковъ свидѣтельствуютъ люди, едва умѣющіе читать и писать, то можно смѣло рекомендовать простой способъ доктора Скалля. Для этого можетъ служить просто раскаленное желѣзо, которое въ сомнительномъ случаѣ разрѣшитъ недоразумѣніе. (с.)

Новыя измѣненія на поверхности планеты Марсъ. Извѣстно, что Скіапарелли въ Миланѣ открылъ на Марсѣ цѣлую систему якобы узкихъ морскихъ рукавовъ, такъ-называемыхъ каналовъ, вслѣдствіе чего экваторіальная части этой планеты кажутся покрытыми сѣтью линій, будто проведенныхъ вдоль окружностей большихъ размѣровъ. Позже, многіе изъ каналовъ стали представляться какъ-бы двойными, со строго параллельными линіями. Существованіе этихъ двойныхъ каналовъ было подтверждено въ 1866 г. наблюденіями въ Ниццѣ, но мы и послѣ того остались, попрежнему, въ невозможности дать удовлетворительное объясненіе этому удивительному явленію. Въ настоящее время, сообщаетъ *Кельнская Газета,* планета Марсъ опять находится въ сосѣдствѣ съ землею, хотя и не въ столь благопріятномъ положеніи, какъ въ 1886 и 1882 годахъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря превосходнымъ атмосферическимъ условіямъ и великолѣпнымъ инструментамъ на обсерваторіи г. Бишофсгейма въ Ниццѣ, тамъ были вновь произведены весьма важныя наблюденія надъ поверхностью планеты Марсъ. Въ засѣданіи Парижской Академіи 14 мая, г. Перроттенъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ недавнихъ наблюденіяхъ въ Ниццѣ, которыя показали, что часть каналовъ, отчетливо видѣнныхъ и занесенныхъ на карту въ 1886 году, теперь совсѣмъ исчезла. Кромѣ того, часть материка, названная на картѣ Скіапарелли Ливіею, затоплена. Прежде Марсъ, какъ и всѣ континенты, представлялся краснымъ, нынѣ онъ представляется сине-зеленымъ—цвѣта моря. Ледяной поясъ у сѣвернаго полюса Марса очень ясно виденъ и наблюдавшіе его теперь въ Ниццѣ признаютъ, что въ настоящее время онъ пересѣкается каналомъ, который отчетливо выдѣляется на бѣлой массѣ окружающихъ его льдовъ и снѣговъ. Каналъ этотъ соединяетъ двѣ прежде разъединенныя части моря. Эти наблюденія въ высшей степени любопытны и еще усиливаютъ интересъ, возбуждаемый существованіемъ на Марсѣ каналовъ, но, къ сожалѣнію, не разъясняютъ намъ того, что на немъ происходитъ. Болѣе смѣлая, чѣмъ основательная гипотеза на счетъ искусственнаго происхожденія двойныхъ каналовъ теперь сама собою падаетъ: нынѣ замѣченныя измѣненія должны быть результатомъ великихъ естественныхъ переворотовъ. По какими силами вызваны послѣдніе — неизвѣстно. Гипотеза о могучихъ приливныхъ волнахъ, вздымаемыхъ двумя спутниками Марса, должна быть оставлена. Во всякомъ случаѣ, измѣненія на поверхности Марса такъ необычайны, что мы — на наше счастье, прибавимъ — въ настоящее время не можемъ себѣ представить ничего подобнаго на землѣ. (N).

Внѣшняя торговля Франціи въ 1887 г. съ 1 января по 31 декабря поясняется слѣдующими цифрами: ввозъ — 4,270,772,000 франковъ, а вывозъ—3,319,774,000 франковъ. Ансамбль мѣны представляетъ 7 съ половиной милліардовъ франк. и превосходитъ результаты 1886 года на 133 милліона франковъ. (с).

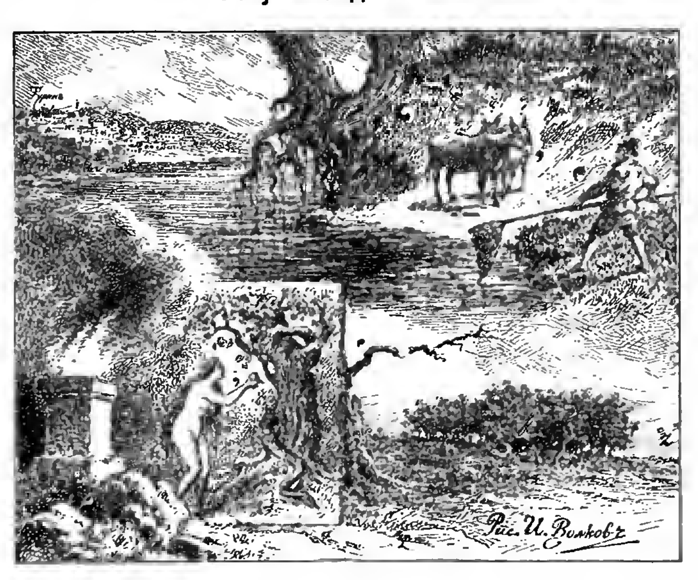
Задача игры въ винтъ № 53.
(г. С. П—скаго).

Четвертый партнеръ (Y) имѣетъ:

A (1-й партнеръ), имѣя несомнѣнныхъ 5 взятокъ, объявляетъ черви, X (2-й партнеръ) — пасъ, B — объявляетъ три трефы, которыя онъ могъ бы сыграть самостоятельно. Y, A и X— пасъ, B—четыре пики и, окончательно, *4 трефы* Вслѣдствіи не совсѣмъ правильнаго выхода Y, игроки A и B остаются безъ трехъ; при всякомъ другомъ ходѣ игра была бы выиграна. *Добавочныя условія:* 1) если бы эта игра велась вдвоемъ и вмѣсто A и X были бы „деревянные", то партнеръ Y при всякомъ ходѣ B дѣлалъ бы малый шлемъ на бубнахъ, не смотря на то, что за рукой у Y были бы король, дама и девятка бубенъ; 2) Если бы не перемѣняя мѣстъ, X имѣлъ бы партнеромъ B, то при всякомъ ходѣ Y, игроки X и B выигрываютъ м. шлемъ на трефахъ.—*Требуется:* a) Опредѣлить карты остальныхъ игроковъ, b) Показать возможность малаго шлема на бубнахъ, дѣлаемаго партнерами X и Y при всякомъ ходѣ игрока B, c) Указать при какомъ ходѣ игрока A, партнеры X и Y не могли бы сдѣлать м. шлема на бубнахъ, d) показать ходъ игры при 4-хъ трефахъ?

Ребусъ. Задача № 54.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. **Ю. Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

($14^{3}/_{4}$ вершк. вышины и **полтора аршина** ширины).

Опытъ предъидущихъ лѣтъ показалъ намъ, что одинъ образецъ рамы не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ нашихъ гг. подписчиковъ и въ виду этого, въ настоящемъ году. мы озаботились изготовленіемъ рамъ (на фабрикѣ **Ч. Гофмана, въ СПБ.**)—**ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, при чемъ первые два сорта имѣются изъ **золоченаго и черного** полированнаго багета, а третій только изъ одного черпаго. Размѣръ и цѣны рамъ, **со вставленными въ нихъ картинами** (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго **золоченаго** или **чернаго** полированнаго багета. съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 2 вершк.) по **4 руб.**, а съ упаковкою въ ящикѣ **для иногородныхъ** по **5 р. 50 к.** (безъ перес.).

№ 2. Изъ такого-же, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. $2^{7}/_{10}$ верш.): золоченая **6 р.**, и черная **5 р. 50 к.**, а съ упаковкою въ ящикѣ для иногородн. **7 р. 50 к.** и **7 р.** (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго чернаго полированнаго багета (ширина въ діам. $4^{1}/_{2}$ вершк.) художественной лѣпной работы, **11 руб.**, а съ упаковкою въ ящикѣ для иногор. **13 р.** (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться. **по полученіи слѣдуемыхъ за нихъ денегъ**, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки ихъ они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки. Въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ транспортной конторы и желѣзно-дорожной станціи, рамы будутъ высылаться почтою, но при этомъ гг. подписчики вмѣстѣ съ слѣдуемыми деньгами за рамы—благоволятъ прилагать и за почтовую пересылку. по разстоянію. за раму № 1 за 40 фунт., № 2 за 60 фунт., и № 3 за 60 фунт. При чемъ разсчетъ за почтовую пересылку считается слѣдующимъ образомъ: за разстояніе до 300 верстъ за каждый фунтъ по 3 к.; до 400 верстъ по 4 к. и т. д., прибавляя на каждыя 100 верстъ по 1 коп. съ фунта.

Первые два сорта рамъ имѣются также и въ разобранномъ видѣ (въ 4-хъ кускахъ), упакованныя въ ящики, и высылаются гг. иногороднымъ подписчикамъ по слѣдующей цѣнѣ: № 1-й—за **4** р., пересылка за 15 фунт.. № 2-й золоченая—за **6** р., а черная за **5** р. **50** к., пересылка за 23 фунт.

Въ виду поступающихъ отъ нѣкоторыхъ гг. подписчиковъ заявленій о желаніи получить главную **премію въ рамѣ**—теперь-же, т. е. не дожидаясь общей разсылки картины, мы нашли возможнымъ удовлетворить этому желанію, **и для тѣхъ лицъ. которыя пожелаютъ имѣть премію въ рамѣ, начать выдачу картины ТЕПЕРЬ-ЖЕ.**

Гг. городскіе подписчики при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору **свои подписные билеты на „Ниву“ 1888 г.**

Гг. московскіе подписчики могутъ получить **премію въ рамѣ также теперь**, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ **Н. Н. Печковской** (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: **№ 1**—по **5 руб.**, **№ 2**—золоченая—**7 р.**, черная **6 р. 50 к.** и **№ 3—12 р. 50 к.**

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ подписчиковъ**, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

№ 3311 МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ

КУРСЫ РАПГОФЪ.

СПБ., Малая Морская, № 7.

Пріемъ ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ дней, отъ 10 час. утра до 6 час. веч. Письменныя заявленія на имя директ. Евг. Павл. Рапгофъ. Подробности „Нива" № 32.

НОВЫЙ АДРЕСЪ МОДНОЙ МАСТЕРСКОЙ

Л. КЮТНЕРЪ.

ВЪ МОСКВѢ, ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА.

ROBES et MANTEAUX

I. HUTTNER.

М. 3304

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

Карм. форм. въ заминев. котелк. . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . . 10 р. 50

„Аргусъ" имѣетъ превосх. оптическ. качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, скачекъ, путешеств. и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названіе „универсальный бинокль". Р. № 3308 2—1

Е. КРАУСЪ и К°.

ФАБРИКА ОПТИЧЕСК. ИНСТРУМЕНТОВЪ

Парижъ, Aven. d. l. Républ., 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 43.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. безплатно.

МЫЛО

провизора

А. М. ОСТРОУМОВА

противъ

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за № 3374. М. № 3288 4—4

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА:

Г. О. КОРОБЧЕВСКІЙ

перевелъ свой зубоврачебный кабинетъ изъ Б. Морской, № 27 на уголъ Большой Морской и Гороховой, д. № 30—13, кв. 13. Принимаетъ отъ 11 час. до 4 час. пополудни.

„РУССКІЙ КЛУБЪ" и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды

спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Берри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.

СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3291 (4)

ДЕШЕВЫЯ ХОЗЯЙСТВ. ВЕЩИ!

ПО 20 КОП.

1) Универс. цементъ для склейки стекла и фарф.; ◆ 2) вѣчная вѣшалка-цѣпочка съ машинк. для платья; ◆ 3) наждакъ для чистки ножей; ◆ 4) составъ для полировки мѣди и бронзов. вещей; ◆ 5) порошокъ для серебренія мѣдн. вещей; ◆ 6) стеклорѣзъ; ◆ 7) золотыя или серебрян. чернила; ◆ 8) черниловыводчикъ изъ бумаги и бѣлья; ◆ 9) пятновыводчикъ изъ любой матеріи; ◆ 10) фруктечистка; ◆ 11) пробковынимтатель; 12) мышеловка; ◆ 13) минутная кухня, надѣвающ. на всякую лампу; ◆ 14) лента для запонокъ, предохр. ихъ отъ потери; ◆ 15) звѣзды самосвѣтящ. ночью; ◆ 16) новая черепаха эмальирован. самодвижущаяся; ◆ 17) приборъ: карандашъ, перо, грифель и линейка; ◆ 18) профитки для огарковъ; ◆ 19) карандашъ, пишущій чернилами, ◆ 20) щипцы карманн. для завивки волосъ холодн. способомъ; ◆ 21) брелокъ-свистокъ, ◆ 22) англ. альбомъ типовъ Гоголя.

ПО 35 КОП.

23) Салициловыя стельки отъ пота и отъ сырости; ◆ 24) спичечница самозажигающ. (хлопъ-огонь); ◆ 25) свѣчетушитель-автоматъ; ◆ 26) портмоне-пушка для мелкихъ денегъ, мельхіоров.; ◆ 27) одобрицъ отъ мозолей; ◆ 28) краска для мѣтки бѣлья (люб. цвѣта); ◆ 29) замазка для починки резин. галошъ и одежды; ◆ 30) крысоловка; ◆ 31) свѣтящ. розетки (пара); ◆ 32) чернильный карандашъ-автоматъ; ◆ 33) луна-карм. въ 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к., ◆ 34) герметическая пробка каучук.; ◆ 35) америк. точилка; ◆ 36) складн. кольца для салфетки, никель; ◆ 37) новость! стрѣляющія картины, 12 шт. въ конвертѣ; ◆ 38) средство отъ тараканов; ◆ 39) средство отъ клоповъ; ◆ 40) реноватъ, возвращающій вылинявшимъ вещамъ ихъ прежній цвѣтъ; ◆ 41) машинк. для открыванія сардинокъ.

ПО 50 КОП.

◆ 42) Ново! японская игра шахъ-матъ; ◆ 43) дорожная карманн. вѣшалка для пальто и платья, сигарообрѣзатель и 2 крючка для перчатокъ и сапогъ; ◆ 44) универсумъ карманн. приборъ для шитья; ◆ 45) щипцы-автоматъ для завивки волосъ; ◆ 46) живопись огнемъ; ◆ 47) пара телефоновъ металл.; ◆ 48) рисованіе по шаблонамъ въ изящн. коробк.; ◆ 49) 3 фокуса изящн.; ◆ 50) лампозажигатель, зажигаетъ разомъ много лампъ, не снимая стеколъ; ◆ 51) пульверизаторъ складной для духовъ; ◆ 52) самосвѣт. краска, съ наставл.; ◆ 53) 5 головоломокъ, занятіе интересное для взрослыхъ; ◆ 54) вышиваніе по канвѣ; ◆ 55) рѣзецъ для выкроекъ изящн.; ◆ 56) антикоринъ, новое средство отъ мозолей; ◆ 57) хрустальн. рамка съ позолотой для визитн. фотограф. карточки; ◆ 58) перо-чернильница и карандашъ никель.

ПО 75 КОП.

◆ 59) машинка для дѣланія папиросъ; ◆ 60) машинка для чистки картоф., яблокъ и фрукт. (загран.), ◆ 61) сифонъ-кранъ для шипучихъ водъ; ◆ 62) вѣсы для писемъ; ◆ 63) фильтры карманн. для очищен. воды; ◆ 64) безопасный кранъ для керосина и проч. ◆ 65) пробка-кранъ для напитк., герметич.; ◆ 66) путешествіе вокругъ свѣта, изящн.; ◆ 67) термометръ комнатный; ◆ 68) ново! синдетиконъ для склейки всѣхъ вещей; ◆ 69) фонарь карманн. сигнальный; ◆ 70) безмѣнъ на 25 ф.; ◆ 71) Ножи эмальиров. для рѣзанія фруктъ, лимоновъ, не темнѣющ.; ◆ 72) шинковки д. капусты, изящн.; ◆ 73) термометръ для ванны; ◆ 74) маш. для сбиванія сливокъ; ◆ 75) моментальный переплетчикъ, мѣдный. ◆ Луна свѣтящ. ночью.

ПО 1 РУБ.

◆ 76) альбомъ для фотограф. карточекъ; ◆ 77) американск. переплетчикъ съ 400 скобами; ◆ 78) книгодержатели—пара; ◆ 79) приборъ для золоченія, серебренія и бронзированія; ◆ 80) секретный замокъ америк.; ◆ 81) рюмка складная карманн. въ видѣ рулетки; ◆ 82) чернильница карманн. съ приборомъ; 83) подсвѣчникъ свѣтящ. ночью; ◆ 84) термометръ больной; ◆ 85) портмоне для мелкихъ денегъ, нов. серебра; ◆ 86) нов. перо-автоматъ; ◆ 87) спичечница самосвѣтящ. карманн. и столов. мельхіор.

ПО 1 РУБ. 50 КОП.

◆ 88) саморисователь, коимъ даже ребенокъ забавляясь научится рисовать; ◆ 89) максимальн. термометръ въ гуттаперч. футляр., для больныхъ; ◆ 90) складная рюмка, никель въ часовой оправѣ; ◆ 91) американскій книгоносъ съ маш. изящн.; ◆ 92) калиграфъ, коимъ легко можно выучится красиво писать; ◆ 93) Универсальн. клеянка (столярн.) безъ варки; ◆ 94) шаблоны для мѣтки бѣлья, азбука, цифры и краски несмывающ.; ◆ 95) новость! карманная электрическая спичечница съ запасомъ; ◆ 96) игра ясновидѣніе, основ. на физикѣ; ◆ 97) свѣтящ. дверныя доски съ любою надписью и дороже; ◆ 98) прессъ-бюваръ, никель, очень изящн.; ◆ 99) пѣшалка для платьевъ.

ПО 2 РУБ.

◆ 100) максимальн. термометръ, никел. футл. для больныхъ; ◆ 101) Бароскопъ указатель погоды съ термометромъ вмѣстѣ; ◆ 102) складн. клѣтка мѣдн.; ◆ 103) хрустальн. прессъ-папье самосвѣтящ.; ◆ 104) волшебный фонарь съ картинами; ◆ 105) камера-обскура для рисованія съ натуры; ◆ 106) пантографъ для увеличенія и уменьшенія рисунковъ; ◆ 107) всеобщій инструментъ, необходимый въ каждомъ хозяйствѣ, соедин. 12 разн. нужн. инстр.: молотокъ, ключъ для гаекъ, щипцы, клещи, отвертку и пр. (съ перес. 1 руб.); ◆ 108) 10 фокусовъ очень интересн. для взросл. и дѣтей; ◆ 109) дорожн. подсвѣчникъ, никель.

№ 115.

ПО 3 РУБ.

◆ 110) станокъ деревянн. для выпиловки ногою и рукою; ◆ 111) камера обскура складн. дорожн. на 4-хъ квадр. верш. (пересылка за 7 фунт.; ◆ 112) автофотографъ для переснимания портрет. съ руковод.; ◆ 113) 20 фокусовъ весьма интересн.; ◆ 114) дорожн. подсвѣчникъ, столов. и стѣнн., никель; ◆ 115) новость! выпрямитель брюкъ, сохраняетъ всегда формы брюкъ безъ утюжки (перес. за 7 ф.; ◆ 116) волшебный фонарь 12 картинъ въ 4, 5, 6, 7 р. и дороже.

ПО 5 РУБ.

◆ 117) электрич. столов. лампа-автоматъ, никель; (5 р. 50 к.) ◆ 118) станокъ для выпиловки, желѣзный, ножной и ручной, съ приспособленіемъ; ◆ 119) геліоминіатюра, приб. съ матеріал. для раскрашиванія фотографич. карточекъ; ◆ 120) геліоминіатюра и литохромія вмѣстѣ 7 р.; ◆ 121) мороженица, приготовляющ. мороженое безъ верченія на 10 порц. (перес. 8 ф.); ◆ 122) 40 фокусовъ интересн. и для сцены. ◆

ПО 10 РУБ.

◆ 123) фотографическій аппаратъ для снимания съ натуры визитн. и кабинетн. портрет., видовъ, ландшафтовъ и проч., съ пробн. снимкомъ и руководств.; пересылка за 15 фунт.; ◆ 124) дорожн. фотогр. аппаратъ для ½ пластинки съ двойн. кассет. и діафрагмами 25 р.; ◆ 125) ящикъ со столярн. и переплетн. инструментами и руководствомъ; ◆ 126) 50 фокусовъ очень интересн. для сцены. ◆

Всѣ цѣны съ пересылкою. Выписывающіе съ Кавказа и изъ Азіятск. Россіи прибавляютъ 20%. Товаръ на сумму менѣе 3-хъ руб. не высылается. **Заказы исполняются немедленно.** Каталогъ за 7-ми-коп. марку. Выписыв. на 25 р. пересылка на свой счетъ.

С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній. 4, Невскій пр., 4.

Фирма сущ. съ 1872 г. № 3310

ЛАМПА АВТОМАТЪ БЕЗЪ СТЕКЛА

Торговый домъ **И. А. КУМБЕРГЪ**, С.-Петербургъ.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3305

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску, которою печатается** иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„РУССКОЕ ДѢЛО"

(3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ),

издаваемую въ Москвѣ 3—3

СЕРГѢЕМЪ ШАРАПОВЫМЪ.

За полгода съ доставкой и пересылкой **4 р.; 3 мѣсяца 2 р.**

Во второмъ полугодіи будутъ напечатаны нѣкоторыя весьма важныя посмертныя сочиненія **Н. П. Гилярова-Платонова.** Р. № 3293

ТРУБЫ

газовыя, дымогарныя, топочныя, бурильныя и пр. всегда на лицо у

АЛЬБЕРТА ГАНЪ

Москва, Мясницкая ул., домъ Ананова.

Ц. № 3238 5—4

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Д-ръ Никольсонъ предостерегаетъ своихъ кліентовъ, что нѣкоторыя лица въ Россіи, пользуясь большою извѣстностью его **искусственныхъ тимпановъ для глухихъ,** поддѣлываютъ ихъ и объявляютъ о продажѣ по дешевымъ цѣнамъ.

Симъ объявляетъ онъ тоже, что никто въ Россіи не уполномоченъ для продажи тимпановъ, которые выдѣлываются только подъ его личнымъ надзоромъ въ Парижѣ и потому тѣ лица, которыя продаютъ ихъ въ Россіи, должны считаться поддѣлыщиками и будутъ преслѣдованы.

Поддѣлки эти вредны для здоровья.

Заказы слѣдуетъ присылать прямо въ контору д-ра Никольсона въ Парижѣ, 4, rue Dronot. № 3306

ЛАМПЫ, БРОНЗА,

Р. № 3307 **посуда и проч.** 3—1

рекомендуютъ въ торговомъ домѣ

AU BON MARCHÉ

◆ **Невскій пр., 49. Больш. Морская, 32.** ◆

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ **безплатно.** (8) Ц. № 3077

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи

РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,

W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается

Р. № 3309 безплатно. 26—1

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3302 4—2

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Дозвол. цензур., СПБ., 10 августа 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. — № 34 — г. XIX — 1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 20 августа 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

М. С. Щепкинъ.

Въ нынѣшнемъ году приходится вдвойнѣ чествовать память одного изъ великихъ русскихъ артистовъ — Щепкина, по случаю сотой годовщины дня его рожденія и двадцатипятилѣтія со дня кончины. Едва-ли кто-нибудь изъ нашихъ сценическихъ дѣятелей пользовался такой широкой популярностью и, не обинуясь, скажемъ, такимъ обожаніемъ въ публикѣ, какъ Щепкинъ; едва-ли кто изъ жрецовъ русскаго искусства такъ глубоко понималъ свое призваніе, какъ безсмертный Щепкинъ, такъ ревниво относился къ своему дѣлу, столь пламенно стремился къ совершенству. Великое дѣло талантъ, но съ однимъ талантомъ далеко уйти нельзя, если съ нимъ не соединены образованіе и развитіе. Щепкинъ отлично своимъ природнымъ умомъ сознавалъ непреложность этой истины и работалъ надъ собою неутомимо, съ рѣдкою энергіей. При поступленіи на сцену, вначалѣ онъ долженъ былъ идти ощупью, безъ руководителей, не видя хорошихъ образцовъ, которые приходилось ему отыскивать случайно, и онъ все-таки создавалъ роли, путемъ долгихъ размышленій и упражненій. Позднѣе, когда онъ очутился въ кругу образованныхъ людей, среди литературныхъ дѣятелей и профессоровъ университета, онъ развился еще болѣе, стараясь усвоить ихъ просвѣщенные взгляды на искусство, проникнуться пониманіемъ его, уяснить его требованія. Дорого стоила Щепкину постоянная работа надъ созданіемъ ролей; пользуясь чьимъ нибудь замѣчаніемъ, или просто по своему внутреннему убѣжденію, онъ, порою, уже совершенно созданную роль переработывалъ заново и немало безсонныхъ ночей провелъ онъ, раздумывая надъ какой-нибудь ролью. Оттого-то онъ, подобно опытному стратегу, дѣйствовалъ вѣрнымъ оружіемъ на своихъ зрителей и никогда не зналъ неудачи. Игру Щепкина Бѣлинскій называетъ—творческою, геніальною; „Щепкинъ — художникъ“, говоритъ этотъ критикъ, „и поэтому для него изучить роль не значитъ одинъ разъ пригото-

М. С. Щепкинъ (по поводу сотой годовщины его рожденія и двадцатипятилѣтія со дня кончины). Съ современнаго портр. грав. Ю. Шюблеръ.

виться для нея, а потомъ повторять себя въ ней: для него каждое новое представленіе есть новое изученіе". У Щепкина былъ высокій, неподражаемый комическій талантъ, въ соединеніи съ юморомъ и необыкновенной веселостью, ему одному свойственными, которые дѣйствовали на публику магически. Игра великаго комика, въ которой не было никогда ни тѣни фальши и которая заключала въ себѣ такую бездну чувства, искренности и правды, — сразу располагала къ себѣ зрителей. Щепкинъ такъ оригиналенъ въ выраженіи самыхъ трудныхъ характеровъ — говорилось въ одной современной рецензіи — умѣетъ придать имъ такой рѣзкій и блестящій колорить, что безотчетно увлекаетъ самаго строгаго знатока, поражая естественностью и непринужденностью игры своей. Геніальному артисту равно были доступны и иноземные характеры и типы, и чисто русскіе со всѣми оттѣнками національности, со всѣми чертами страны или вѣка, въ которыхъ эти типы и характеры дѣйствуютъ. „Онъ былъ, по словамъ Погодина, достойнымъ помощникомъ, дополнителемъ и истолкователемъ великихъ мастеровъ сцены, отъ Шекспира и Мольера, до нашихъ отечественныхъ писателей — Фонъ-Визина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Шаховскаго, Загоскина и Островскаго. Многіе Мольеровскіе характеры переданы имъ были такъ, что сами французы могли намъ иногда завидовать. Въ малороссійскихъ роляхъ онъ былъ неподражаемъ, и часто знакомилъ насъ съ Малороссіей лучше, чѣмъ сама исторія и даже поэзія. Наконецъ жиды, начиная отъ Шекспирова Шейлока до нашихъ бѣлорусскихъ корчмарей, ни на одной сценѣ не являлись съ такою поразительной вѣрностью, какъ у насъ." Никто не игралъ стариковъ Мольера лучше Щепкина. Видѣвшіе знаменитаго Тальму въ Парижѣ, а Щепкина въ Москвѣ, исполнявшихъ одну и ту же роль въ пьесѣ Казиміра Делавиня „Урокъ старикамъ"—не знали, кому изъ этихъ артистовъ отдать пальму первенства. Исполненіе ролей Фамусова и городничаго Сквозникъ-Дмухановскаго — было верхомъ совершенства, полнымъ торжествомъ таланта Щепкина. Послѣдней роли, по свидѣтельству тогдашнихъ очевидцевъ, онъ придавалъ специфическія провинціальныя черты и, глядя на Щепкина въ этой роли, легко было подумать, что не онъ исполнялъ роль написанную Гоголемъ, а Гоголь съ исполнителя написалъ своего городничаго. Значеніе таланта Щепкина въ немногихъ словахъ характеризовалъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Щепкина. „Вы очень хорошо помните — говорилъ ему нашъ историкъ — отвѣтъ Гоголя на упрекъ, что въ извѣстной комедіи его не выведено ни одного честнаго лица: „„Было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее „въ ней во все время продолженія ея. Это честное благородное „лицо былъ смѣхъ."" Вамъ, Михаилъ Семеновичъ, принадлежитъ честь за то, что вы всегда выходили на сцену вдвоемъ съ этимъ честнымъ, благороднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вы серьезно взглянули на свое искусство, вы поняли и другихъ заставили понять, что цѣль этого искусства — не потѣха праздной толпы, что цѣль его — смѣхомъ содѣйствовать очищенію нравовъ." И дѣйствительно, рѣдкій изъ дѣятелей русской сцены относился такъ серьезно къ своей профессіи, такъ уважалъ и, можно сказать, боготворилъ искусство, какъ Щепкинъ. „Жить для Щепкина — говоритъ С. Т. Аксаковъ — значило играть на театрѣ; играть — значило жить."

Подобно многимъ другимъ даровитымъ личностямъ въ нашемъ отечествѣ, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ былъ сыномъ крѣпостнаго, одного изъ дворовыхъ графа Волкенштейна, управлявшаго всѣми помѣстьями своего барина, и родился 6 ноября 1788 года, въ селѣ Красномъ, Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда. Когда ему было семь лѣтъ, онъ впервые увидѣлъ на домашнемъ театрѣ графа Волкенштейна оперу „Новое Семейство", и, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, такъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что сталъ чуть не бредить театромъ съ этого времени. Отданный въ народное судженское училище, впечатлительный и способный мальчикъ не переставалъ и здѣсь, среди ученья, пылать страстью къ театру, особенно послѣ того, когда ему удалось впервые самому участвовать въ пьесѣ Сумарокова „Вздорщица". Изъ Суджи родитель перевезъ его въ Бѣлгородъ и поселилъ у священника, человѣка весьма умнаго, который преподавалъ ему Законъ Божій, церковную исторію и даже начала латинскаго языка. Тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ прямо въ третій классъ губернскаго училища въ Курскѣ; черезъ какіе-нибудь два мѣсяца онъ догналъ товарищей и переведенъ былъ въ послѣдній, четвертый классъ. Превосходно занимаясь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ много читалъ, пользуясь книгами изъ библіотеки поэта Богдановича, автора „Душеньки", который вызвался руководить чтеніемъ Щепкина, увидавъ его впервые въ домѣ графа Волкенштейна. Страсть къ театру не угасала въ Щепкинѣ и поддерживалась знакомствомъ съ братьями Барсовыми, содержавшими частный театръ въ Курскѣ. Въ театрѣ этомъ Щепкинъ постепенно пріобрѣталъ нѣкоторыя познанія въ сценическомъ искусствѣ, и однажды, послѣ усиленныхъ просьбъ, былъ допущенъ къ исполненію роли Фирюлина въ пьесѣ Княжнина „Несчастье отъ кареты", причемъ заслужилъ игрой одобреніе своего барина. Это было лѣтомъ 1803 года; тѣмъ же лѣтомъ гр. Волкенштейнъ опредѣлилъ его помощникомъ землемѣра, межевавшаго земли графа, и Щепкинъ прекрасно выполнилъ свое дѣло. Ему исполнилось 16 лѣтъ, когда онъ блестяще сдалъ выпускной экзаменъ и, по приказанію своего помѣщика, произнесъ привѣтственную рѣчь попечителю Харьковскаго университета, пріѣзжавшему открывать гимназію въ Курскѣ, преобразованную изъ губернскаго училища. Онъ такъ угодилъ директору, что тотъ послалъ съ нимъ благодарственное письмо къ гр. Волкенштейну, и помѣщикъ, довольный *Мишею*, какъ тогда называли Щепкина всѣ графскіе домашніе, позволилъ ему заниматься чѣмъ хочетъ." Не трудно угадать, что, при своей страсти къ театру, Щепкинъ тотчасъ поступилъ на сцену, пристроившись къ Барсовымъ, у которыхъ онъ сталъ домашнимъ человѣкомъ. Въ ноябрѣ 1805 года по болѣзни какого-то актера, онъ сыгралъ роль почтаря въ одной драмѣ — и съ этого времени судьба его рѣшилась: Щепкинъ уже не сходилъ со сцены. Мы не станемъ, шагъ за шагомъ, слѣдить за его артистической карьерой, скажемъ только, что онъ безъ малаго двадцать лѣтъ велъ, какъ и большинство жрецовъ театральнаго искусства, вполнѣ кочевую жизнь. Игралъ онъ все, „что было необходимо для составленія спектаклей." Талантъ Щепкина, не смотря на условія далеко неблагопріятныя, росъ и развивался съ каждымъ годомъ. Во всей южной Россіи онъ уже пользовался такой извѣстностью, любовью и уваженіемъ, что въ 1818 году жители Полтавы съ Н. Г. Рѣпнинымъ во главѣ, устроивъ спектакль въ пользу Щепкина, выручили съ пожертвованными суммами около восьми тысячъ рублей, къ которымъ Рѣпнинъ прибавилъ двѣ тысячи слишкомъ, — и на вырученныя деньги выкупили артиста изъ крѣпостной зависимости. Въ 1822 году Щепкинъ дебютировалъ въ Москвѣ, сразу обворожилъ всѣхъ и былъ приглашенъ, съ 1823 года, въ московскую труппу служить по контракту, на амплуа первыхъ комиковъ. Въ это время директоромъ театровъ былъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, способствовавшій процвѣтанію драматическаго искусства на московской сценѣ. Онъ ввелъ Щепкина въ кругъ писателей и профессоровъ университета, которые, по собственному выраженію Щепкина, „научили его мыслить и глубоко понимать русское искусство". Въ 1825 г. Щепкинъ впервые дебютировалъ на Петербургской сценѣ, гдѣ также сдѣлался всеобщимъ фаворитомъ. Мало-помалу онъ перезнакомился со всѣми корифеями литературы. Пушкинъ относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и убѣждалъ Щепкина вести свои „Записки". Промежутокъ времени 1825—1855 г.г. былъ самымъ блестящимъ періодомъ сценической дѣятельности Щепкина, у котораго репертуаръ былъ громадный. Помимо своей несравненной игры, Щепкинъ услаждалъ москвичей и мастерскимъ чтеніемъ гоголевскихъ произведеній на литературныхъ вечерахъ, которые онъ устраивалъ съ 1843 года. Въ 1855 году былъ задушевно отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей его служенія русскому драматическому искусству. Послѣ этого Щепкинъ сталъ хворать и появляться на сценѣ все рѣже и рѣже, наконецъ, вынужденъ былъ и совсѣмъ ее оставить. По совѣту врачей онъ уѣхалъ на южный берегъ Крыма и 11 августа 1863 года скончался въ Ялтѣ. По отзывамъ всѣхъ, сколько-нибудь знавшихъ Щепкина, онъ имѣлъ гибкій умъ, пылкое воображеніе и рѣдкой доброты сердце. Любя прекрасное, онъ и чувствовалъ и любилъ благородно; онъ питалъ истинное уваженіе къ знанію и любилъ просвѣщеніе.

П. Быковъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

III.

Ириньины затѣи.

Вечеромъ, по пріѣздѣ домой, и на другое утро Киріакъ много раздумывалъ о рѣчахъ Щебелькова.

„А и о немъ, рѣшилъ онъ, — тоже можно молвить, что̀ самъ онъ про Мареу скажетъ, что розуменъ-то онъ розуменъ, да только не на новгородьску стать. Про землю, вишь... землѣ, вишь, государство буде на руку. Аль умъ изъ Новагорода ушелъ, аль намъ земли, что̀ она сдумаетъ, слушати? Аль... да не въ одночасье-же намъ все это дѣло вѣковѣчно порушить... И про бо̀ярьску гордыню опять... а то не гордость, что и

бо́яръ и городъ съ землей ровнять? У насъ де воли нѣтъ, и у города не будь?“

И затѣмъ, вникая глубже въ старикову мысль, Киріакъ много разъ повторялъ одни и тѣ же слова: „Всея Руссіи молъ... всея Руссіи...“ И вдругъ у него, изъ самой глубины сердечной вырвался отчаянный вопль и онъ про себя какъ-бы на крикъ закричалъ: „А Новгородъ-то куда-жъ? Аль отжилъ онъ, ненадобенъ?“

И никакъ онъ не могъ придумать что́-же будетъ съ Господиномъ Великимъ Новымгородомъ; всякій разъ, какъ ему казалось, что онъ вполнѣ понимаетъ мысль Щебелькова о всей Руссіи, у него въ головѣ все верхъ дномъ становилось; точно подъ его мыслями земля разверзалась и онѣ стремглавъ падали въ бездну. И отъ такого сердечнаго волненья, Киріакъ вскакивалъ съ мѣста и начиналъ крупно шагать по горницѣ. Дорого-бы онъ далъ, чтобъ сейчасъ свести Луку съ Григорьемъ, а самому ихъ разговора послушать. Долго-бы промучился Киріакъ, если-бъ Иринья Мишанична не повернула его мыслей въ другую сторону.

— А и не разскажешь ты мнѣ, завела она рѣчь за завтракомъ, — каково тебѣ, Киріакъ Андреевичъ, на погостѣ у насъ полюбилося?

Киріакъ отвѣчалъ, что очень полюбилось, и похвалилъ при томъ шитую полотняную фелонь.

— Такъ фелонь показалась-же тебѣ? многозначительно переспросила Иринья Мишанична.—А дивное вѣдь шитье.

— И шитье хвалю, а усердье еще болѣе.

— Обѣдалъ-то у Щебелькова, знать?

— А не у иного.

— А старико-тъ передъ тобою, гляди, сейчасъ и порасхвастался?

— Чѣмъ такимъ?

— А все онъ дѣдушку твоему покойному докладывалъ, что великаго молъ роду они, Щебельковы-те, боярскаго. Только что захудали да всѣхъ вотчинъ рѣшилися: всего и осталась землюшка его крохотная. А дѣдушка-то твой будто тому хвастанью его и вѣровалъ; сказывалъ мнѣ, что правда молъ это неложная.

Киріаку почему-то эти слова твердо запомнились.

— Старуха сама, что-ль, угощала?

— Ни, больна вѣдь сдѣлалась.

— Охъ, ужь эти зубы-те бѣдовыя! съ соболѣзнованьемъ воскликнула Иринья Мишанична и даже прихватилась за правую щеку.—А полавочниковъ да столешниковъ, сколь красно шиты, и не замѣтилъ, гляди.

Киріакъ дѣйствительно не замѣтилъ.

— Знамо, мужьской глазъ на эти дѣла наши женьскія незамѣтливъ. А пожалѣть о томъ можно. Знать, медо-тъ, въ хозяйкино мѣсто, Со́ломонь-же Григорьевна подносила?

— Она.

— Ну, и шитьё ея-же.

— Како шитьё?

— А вотъ столешникъ да полавочникъ. А и фелонь самъ-же ты—аль забылъ ужь?—хвалилъ.

Киріаку вдругъ припомнилась и фелонь, и его похвала, да видно кстати и взглядъ укоряющій за мать, и красота дѣвичья, и голосъ, какъ онъ звучалъ въ лѣсу, и даже золотыя кружечки запрыгали у него передъ глазами.

Иринья Мишанична, лукаво и украдкою взглянувъ на Киріака, съ довольнымъ лицомъ пребойко мотнула головой, и въ то-же время въ умѣ у себя точно узелокъ на память завязала. Въ этотъ день она больше о погостѣ не заговаривала, а на другой уже за обѣдомъ снова кое-что припомнила.

— А вотъ вчерась фелонь ты мнѣ, Киріакъ Андревичъ, хвалилъ, а у дьякона уларь [1]), знать, не въ примѣту тебѣ?

[1]) Уларь — орарь.

— И то не доглядѣлъ.

— А ея же шитья усерднаго.

И вновь, какъ вчера, припомнилась Киріаку Андреевичу Щебелькова дочь, а Иринья Мишанична по вчерашнему же поглядѣла на него. Тутъ онъ не утерпѣлъ, и разсказалъ Мишаничнѣ, какъ Соломонь Григорьевна набѣжала на него въ лѣсу.

— Ишь ты! сказала Иринья, какъ будто услышала о чемъ-то необыкновенномъ, о чемъ требуется крѣпко подумать.

Канунъ Спаса Преображенія приходился въ воскресенье, а въ субботу Иринья Мишанична объявила боярину что собирается завтра къ обѣднѣ на погостъ.

— Въ воскресенье торгъ у насъ, знашь; ну и сходка, вѣчье-то наше деревеньское у погоста. А мнѣ съ шабёрками потолковать надо; съ кого должишка получить, а кому и въ долгъ дать: дѣло житейское.

— Что-жь, поѣзжай.

— Я къ тому, что какъ Григорей ужь всегда у дѣдушка твоего на этого Спаса обѣдывалъ; какъ въ монастырькѣ-то праздникъ у насъ...

— А звалъ ужь я его, Киріакъ сказалъ.

— Ладно что звалъ. А и повторить можно... аль честь для него больнё велика буде?

— Что жь, и повторить можно, съ улыбкой отвѣчалъ Киріакъ. — Сказано: почти лице старче.

— И почтимъ. Честь-то его, хоть и захудалую да все жь бо́ярску этимъ зовомъ повторительнымъ подсдобнѝмъ малость, сказала Иринья, словно рѣчь шла о пирогѣ.

— Подсдобни, подсдобни, смѣясь подтвердилъ Киріакъ.

— Ладно-ко. Ужь онъ меня отъ обѣдни къ себѣ зазоветъ, пирога ѣсть: хлѣбосолъ вѣдь, честолюбивъ старикъ. У насъ же завтра кстати и по приходу разговоръ особый.

— О чемъ такомъ?

— А, вишь ты, во́здухи [1]) строить собрались; какъ ста̀ры-те ветхѝ ужь очунь. И разговоръ о томъ.

— Дѣло доброе, похвалилъ Киріакъ.

— Ужь худо-ли. А и дѣло-тъ у насъ затѣяно на большу̀ руку. Сдумалось намъ не ѝны воздухи состроить, а чтобъ противъ Юрьевскихъ какъ разъ былѝ, что̀ въ Юрьевѣ-то, у васъ въ Новѣгородѣ, во мона̀стыри. Шемякина княгиня ихъ, что-ль, строила какъ мужъ ея изъ Москвы побѣжалъ, да жилъ въ Новѣгородѣ.

Тутъ Иринья Мишанична немного помолчала, чтобъ и Киріакъ Андреевичъ могъ свое словцо вставить. Коль вставитъ молъ, значитъ разговоръ для него занятенъ, и тѣмъ именно занятенъ, что услышитъ про Со̀ломонь Григорьевну.

— Вотъ какъ! удивился Киріакъ, зная сколь трудно вышить плащаницу противъ Юрьевской.

— У насъ и узоро-тъ ужь достатъ, съ чего шить-то.

— Кто жь узоро-тъ дѣлалъ?

— А Григорью другъ будетъ, въ чернецахъ у васъ же въ Новѣгородѣ, а въ которомъ монастырѣ не помню ужь. А ученъ всему; такъ онъ и противень [2]) снялъ. Только нашо-тъ въ долину, скажутъ, вдвое почитай короче, и поу̀же тожь. А дивенъ узоро-тъ. Спаситель ровно вотъ на столѣ покойничекъ обмытъ, лежитъ, а и ангелы надъ Нимъ съ рапиды, аль какъ ихъ звать не упомню ужь. Опять по каймѣ многи святы шиты.

— Не легкое дѣло таки во́здухи шить, Киріакъ сказалъ, — и трудъ великъ, а мастерство надо не малое.

— А она-тъ, Со̀ломонь Григорьевна на что̀. Не руки— золото. Знамо, други дѣвчины помогутъ, да гдѣ имъ супротивъ нея — да̀леко, далѐче вѣдь. Только вотъ съ деньгами собьемся-ли; намъ хоть попроще бы...

— Зачѣмъ попроще? А шелкѝ, сѐребро да золото,

[1]) Воздухи—и въ нынѣшнемъ смыслѣ, и какъ здѣсь—плащаница.
[2]) Противень — копія, снимокъ.

На жатву. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав Ангереръ.

Окрестности Св. Горъ въ Харьковской губерніи. Съ картины С. Васильковскаго. грав. М. Рашевскій.

сколько надобно, мое даньё: вашъ же я по дѣду прихожаппъ.

„Ишь, только про Со̀ломонь, а и серебро и золото сейчасъ“, подумала Иринья Мишанична, и вслухъ промолвила:

— А за это твое, Киріакъ Андреевичъ, къ храму Божію усердьицё отъ Господа тебѣ воздаяніе.

Этотъ разговоръ за обѣдомъ былъ, а за ужиномъ снова вспомнила Иринья Мишанична о воздухахъ.

— Не запамятовать бы да не спутать мнѣ, Киріакъ Андреевичъ. Такъ серебро-тъ да золото твое?

— А шелки̇̀ забыла, знать. Да стой: по голубой землѣ, помнится, Спаситель шитъ?

— Вѣрно что по голубой.

— А у матушки, кажись, есть тафты локтя съ два, остаточекъ.

— Ну, исполать же тебѣ, Киріакъ Андреевичъ! А намъ, знать, только на койму черной тафты вымѣнять, да вотъ подкладъ да прикладъ еще. А съ міру по ниткѣ вѣдь. А со̀бьемся.

— А трудо-тъ, Киріакъ сказалъ.

Про трудъ Иринья Мишанична не спорила и при такомъ случаѣ расхвалила Со̀ломонь Григорьевну не за одинъ трудъ.

„Только про нее, и тафта, гляди, оказалася“, думала Иринья Мишанична отходя ко сну. „Зазнобила, знать, наша лебедь бѣлая внука посадничья. А ладно что за ужиной ему напомнила. А нѝшто ему, пусть дѣвья [1]) кра̀сота во сняхъ ему примечтается. Только что соно-тъ праздничный, скажутъ, не долгъ. Ну, да...“

А что „ну, да“ и самой себѣ не сказала Иринья.

На погостѣ Иринья Мишанична не столько Богу молилася, сколько съ шаберками тараторила. Узнала она про всѣ дѣла ихнія, а имъ выхваливала Киріака Андреевича за его усердіе къ храму Божьему. Отъ обѣдни къ Щебельковымъ зашла, и какъ обѣдъ отошелъ, вздумала было старуху попытать на счетъ своего дѣла, но что-то не долго съ ней бесѣдовала. Выйдя отъ старухи, она подозвала къ себѣ Со̀ломонь Григорьевну.

— Стой ты, дѣвья кра̀сота: слушай меня, сказала она, — а что яблоки у васъ въ семъ году каковы родились?

Со̀ломонь стала было объяснять, что еще не доспѣли за дожжами, но Иринья Мишанична не дала ей кончить.

— Стой ты, полно-ко тебѣ разговаривать, а веди ты меня яблоковъ смотрѣть.

Со̀ломонь повела ее.

— А вотъ, тетенька, кажись спѣленько, сказала она.

— А не для-ради яблочнаго лакомства звала я тебя, а бу̀де у насъ съ тобой подъ этой яблонью великъ разговоръ. Слушай ты, дѣвья кра̀сота, а становись противъ меня, а въ очи мнѣ прямо смотри, а отвѣтъ держи по совѣсти.

Иринья Мишанична, взявъ Со̀ломонь за руки, поставила ее противъ себя.

— А и пышная ты дѣвица, становитая, сказала она, любуясь дѣвушкой, — а хоть кому, такъ въ версту же. А ужь ты, дѣвья кра̀сота, моему слову этому вѣрь, и сама я смолоду хороша жила: толко-тъ знаю. А скажи-т-ко ты мнѣ: сдумала-ль ты еще за-му̀жъ пойти?

— Что ты, что ты! застыдилась Со̀ломонь Григорьевна.

— Охъ, и у тебя вижу повадка матушкина. Съ той вотъ промучалась, а что̀ ни скажу, а она: „что-й-ты, да что-й-ты!“ И этакъ же, какъ ты, руками ма̀ше. Ну, да съ нея спросъ не великъ: зубъ ее окаяпный съѣлъ, а и розумъ у нея, гляди, выѣлъ. А опричь тебя мнѣ, дѣвья кра̀сота, говорить не съ кѣмъ. Съ отцомъ-то твоимъ... Охъ, уменъ-то, уменъ, охъ! пора̀то розуменъ твой батюшко, и про все-то и за всѣхъ думу сдумаетъ: и за ко̀роля въ Литвѣ, и за князя въ Москвѣ, а и за тоё, скажи, новгородьско славно вѣчушко. Ну, а объ этакомъ дѣлѣ важномъ семейственномъ, — а хоть брось его. Ему вѣдь что̀ галка прѝлетитъ, что женихъ на̀бѣжитъ, одна стать.

Тутъ Иринья Мишанична передохнула.

— Нашего-тъ, Киріакушка-тъ Андреича, гляди, запримѣтила? подмигнувъ спросила она.

Со̀ломонь Григорьевна только рукой взмахнула, и повернувъ голову отъ Ириньи Мишаничны, стала глядѣть на яблочко.

— Охъ! въ лѣсѣ ты его еще, гляди, запримѣтила?

— Да нешто въ лѣсѣ онъ этта?.. начала было Со̀ломонь Григорьевна, но Иринья прервала ее.

— А не примѣтила, съ чего же ты, какъ чару подносить, а бы маковъ цвѣтъ вся заалѣлася?

— А тебѣ, тетенька, кто жь про то сказывалъ? со смущеніемъ и удивленьемъ спросила дѣвушка.

— Эва! разсмѣялась Иринья Мишанична, — аль въ дѣвкахъ я не жила, на молодца не заглядывалась? Да не къ тому рѣчь. А и вспоминалось про него, гляди, и во сняхъ грезилось, а ужь онъ-то про тебя съ разговорами ажь надоѣлъ мнѣ. О всемъ-то про тебя разспрашиваетъ.

Утверждая это, Иринья Мишанична ни мало не думала что прилыгаетъ: ей нынче и вправду казалось, что не она, а самъ Киріакъ всѣ эти дни наводилъ разговоръ на Соломонь Григорьевну.

— А вѣдь не худъ женишокъ? подмигнувъ опять Иринья спросила.

— Ой! что̀ ты! съ великимъ испугомъ вскрикнула Со́ломонь.

— А ну, не́ кричи, а слушай, дѣвья кра̀сота, меня. А по-мыслу, нѣтъ-ли онъ тебѣ, сказывай.

Со̀ломонь стояла, опустивъ глаза и тяжело дыша.

— А въ глаза гляди. Сватать вѣдь тебя собираюся.

Со̀ломонь въ глаза ей не глядѣла и попрежнему понуро держала голову.

— Да скажи же: по-мыслу-ль, взявъ дѣвушку за руки, допытывалась Иринья, — коль не по-мыслу, и дѣло мое—въ бросокъ.

— Ой, тетенька! всхлипнула Со̀ломонь Григорьевна и припавъ къ Ириньину плечу, заплакала.

Мишанична помолчала, дала ей время выплакаться.

— Слышь ты, дѣвья красота, таинственнымъ шепотомъ заговорила она,—а въ отца вѣдь онъ, а и вся-то порода ихъ влюбчивая. На мнѣ, знашь вѣдь, думалъ же... А не хуже ты меня, какъ я дѣвчѝной жила: вѣрь ты моему глазу нелестному.

Иринѣ Мишаничнѣ показалося, будто Со̀ломонь недовѣрчиво взглянула на нее.

— А не гляди на то, что сама-то я за посадничья сына мѣтила, а за ключника улучила. Тамо-тко отецъ былъ а строгъ старикъ, а туто-тко ро̀дна матушка одна. А бабье дѣло, тако же какъ и мы съ тобой. А материнско сердце упросливое [1]); поломается да й за образъ возьмется.

— Не смущай ты, не смущай меня! замахавъ руками вскрикнула Со́ломонь Григорьевна и отшатнулась отъ Ириньи, точно думая бѣжать отъ нея; однако не побѣжала.

— А ты не смущайся сама. Сама ты знашь, что женщина я живу розумная; не съ дуру же дѣло-то затѣяла. И ты розумъ въ головѣ держи, а на таку стать: думать-то о немъ думай-ко, а не вовсе задумывайся. А помни еще что замужьство Божьимъ судомъ зовутъ. А Богу молись, на него надёжу клади: безъ Бога ничего мы съ тобой не подѣлаемъ. Да ладно, пойдемъ-ко ужь мы съ тобой въ избу-то. Домовь мнѣ пора.

Пройдя полпути до избы, Иринья остановилася.

— А слышь, дѣвья красота, ты въ Спасовъ день у меня безпеременно побывай.

[1]) Дѣвья (отъ дѣва) — дѣвичья.

[1]) Упросливое — кого упросить легко.

— Да какъ же?

— А какъ и допрежь сего ѣжживала.

— Батюшко возьметъ-ли?

— А захоти, такъ и возьме. А я ему сама еще прикажу. Ты только меня слушайся. А что накажу, дѣлай-ко. А ужь я научу: разума-тъ у меня и не на тако дѣло хватитъ.

IV.

Спасовъ день на Хутынѣ.

Въ Спасовъ день, честнаго Его Преображенія, въ Хутынскомъ монастырѣ въ соборѣ престолъ. Чуть не весь Новгородъ туда устремился. Дивно было глядѣть какъ отъ побережья отчаливала лодья за лодьей; всѣ лодьи изукрашенныя. Гребцы и кормщики красно были одѣты, особенно на боярскихъ лодьяхъ. Ну, и народушко тоже не ударилъ лицомъ въ грязь: всѣ принарядились въ лучшее цвѣтное платье. Вѣтеръ отъ озера дулъ, а въ Хутынь спопутный. Лодьи, распустивъ бѣлополотняныя паруса, другъ дружку обгоняли, что твое стадо лебединое. Не мало народу и пѣши шло изъ усердья богомольнаго. Съ Торговой стороны, кто жилъ кодальше отъ берега, тѣ на коняхъ ѣхали; въ ихъ числѣ и Лука Аввакумовичъ.

Народу, такимъ образомъ, нашло и наѣхало видимо-невидимо. А гдѣ народъ, тутъ и торгъ. О томъ сколько народу было, можно по тому судить, что купцы на что жиловаты, вѣкъ свой плачутся, что въ убытокъ продаютъ, а и они сегодня жаловаться устыдились, и пѣли хвалы Святому Варламу Хутынскому, что хорошъ торгъ послалъ. Иные, правда, покрякивали, что коли-бъ знатье молъ, такъ привезли бы вдвое товару да и тѣмъ бы вѣрно расторговались.

У Славковскихъ уличанъ въ этотъ день была братчина, спасовщина. Пашко съ ними же былъ. Только ему праздникъ казался не въ праздникъ. Онъ съ того и пошелъ съ уличанами, что сидѣть дома было бы еще тошнѣй. Такія дѣла въ послѣднее время съ нимъ творились, что парень не умѣлъ о нихъ разсудить, и думая только руками разводилъ. На крѣпости онъ сидѣлъ не долго. Василей-сермяжникъ сдержалъ свое слово, и на другое же утро сбѣгалъ къ честной вдовѣ посадничьей. Та приказала ему сходить къ степенному тысяцкому, и ея именемъ печаловаться за Пашка, а къ посаднику степенному съ тѣмъ же послала внука. На третій день, оба степенные, сидя у Владыки въ сѣняхъ, у доклада, разговорились о Пашковомъ дѣлѣ.

— А псковичей-те обидѣть нельзя, сказалъ тысяцкій.

— Коли же! посадникъ отвѣчалъ, и подумавъ прибавилъ: — А ни Марѳы, по нонѣшнимъ временамъ.

— Нельзя же, подхватилъ тысяцкій, забирая въ крѣпкій кулакъ свою бороду лопатою.

— А Пашка-тъ испродадимъ [1]), еще подумавъ, сказалъ посадникъ.

— Ну?

— А въ двухъ рубляхъ.

— И то жирно псковьскому рылу-ту, замѣтилъ тысяцкій.

— А рубль мой, а рубль твой, смѣясь сказалъ Ѳома Андреевичъ.

— Мой-то псковьской знать; къ тебѣ вѣдь внука слала, посмѣялся и тысяцкій.

И тутъ же, скликнувъ бирича, степенные приказали выпустить Пашка. Пашка это поразило. „То схватали, то выпустили“, думалъ онъ, и никакъ не могъ понять ни за что схватали, ни за что выпустили.

Арбузьевъ узнавъ, что Пашко столь дешево отдѣлался, взбѣленился; черезчуръ ужь онъ надѣялся что Пашка въ конецъ погубилъ—и вдругъ такая обида! Первымъ дѣломъ пожалѣвъ, что задаромъ отдалъ гнѣдаго коня, Василей Селифонтьевичъ бросился ругать Лазаря.

— Аль я его, Пашка-тъ, на крѣпость не засадилъ? оправдываясь, сказалъ судья.

— А чорта-ли засадилъ, коли выпустили.

— А ты, Василей Селифонтьевичъ, чорта-тъ не брани, усовѣщевая его судья сказалъ, — пригодится не равно, а бабу ругай. Съѣзди-ко къ тетушкѣ своей крестовенькой. Мнѣ-ко староста кончанскій сказывалъ: „не безъ нея молъ“.

Арбузьевъ не хотѣлъ ѣхать къ бабушкѣ своей крестовенькой, и сталъ судьѣ доказывать, что онъ долженъ отдать назадъ гнѣдаго коня.

— А на коня купча ѐ, отвѣчалъ судья ухмыляясь кошачьимъ ртомъ и по-кошачьи же обтирая уста лапкой. — А поле же я Мордкѣ дамъ, а ты наймыта съ Пашкомъ биться готовь.

— И коня плуту, а и овсеца подлецу, а тутъ еще и наймыта триклятому! разсвирѣпѣлъ Арбузьевъ. — Да ты меня, Иродъ анаѳемскій, по міру пустить, что-ль, вздумалъ?

— А хоть ругательство твое ко мнѣ и полное, вѣжливо доложилъ судья, — да я то, памятуя милостивое твое ко мнѣ одолжепьице, не сержусь вѣдь. А еще и совѣтушкомъ тебя порадую.

— Ну?

— А Мордкѣ накажи чтобъ хромалъ до поля поусерднѣе. А еще и на костылекъ ему, Василей Селифонтьевичъ, разорись.

Этимъ костылькомъ сильно обидѣлъ судья Арбузьева; чуть было тотъ ему въ бороду не плюнулъ. Одно у Василья Селифонтьевича осталось прибѣжище — Буянъ, и вѣрный паробокъ, какъ всегда, успокоилъ своего господаря.

— А и Пашко-тъ не страшенъ нынь.

— А что?

— А óглумь взяла его; вовсе вѣдь, Василей Селифонтьевичъ, оглумѣлъ онъ.

— Да пѣшто онъ конь, Пашко-то твой, что оглумѣть смогъ?

— А коль оглумь его взяла, такъ и въ коня мѣсто сталъ. Совсѣмъ вѣдь потерялся; не живой, скажи. А ты въ мирѣ его на время оставь, Мордкѣ въ судъ не приказывай, — а съ того, вѣрь ты моему слову нелестному, още пуще потеряется.

Буянъ вышелъ пророкомъ. Какъ въ назначенный день, Пашко́ сталъ передъ уличанскимъ судьей, Мордки въ гридницѣ не оказалося. Уличана не могли понять, къ чему бы оно; самъ мудрый Василей-отвѣтчикъ въ тупикъ сталъ. Что Арбузьевъ судъ затѣялъ, въ томъ никто не сомнѣвался; съ чего жь онъ теперь-то попятился? Пашко, сколько ни думалъ, не могъ того рѣшить. И то́ казалось ему будто Арбузьевъ на него замышляетъ что-нибудь новое, позлѣе прежняго; то́ что Маврушенька померла, или Василей Селифонтьевичъ никогда и не кралъ ее. А не кралъ, такъ гдѣ жь она? И что́ такое съ нимъ самимъ творится, никакъ ужь Пашко́ не могъ понять.

Оттого-то онъ и въ Хутынь не веселъ шелъ. А въ Хутынѣ скучать некогда было. Послѣ обѣдни мало кто отправился домой. Тутъ обѣдъ, а у Славчанъ и братчина къ тому жь, а по обѣдѣ надо и на торгу потолкаться, и былинъ послушать, и каликъ не миновать; вдобавокъ слухъ прошелъ, что передъ вечернями будетъ скоморонья игра, и играть-то станетъ не иная артель, а того славнаго ата́мана Терентьюшка. Значитъ, ужь отмолясь, послѣ вечерни, приходилось плыть домой.

Славковскіе уличана послѣ братскаго обѣда, бродили гурьбой по полю вокругъ монастыря. Пашко не давалъ нигдѣ по долгу застаиваться, ничего послушать порядкомъ. „А чего вы тутъ не видали, аль не слыхали?“ спрашивалъ онъ, и шелъ дальше. Наскучивъ такой торопливостью, большинство отстало отъ Пашка; съ нимъ ходили немногіе, самые искренніе его друзья.

[1]) Испродать — оштрафовать.

И тѣмъ наконецъ наскучило его безцѣльное шатанье.

— А стой ты, Пашко, а истомилъ вѣдь всѣхъ насъ, сказалъ Василей - сермяжникъ, — а куда спѣшишь и самъ, гляди, не знашь.

— Я-то знаю, Пашко отвѣчалъ, шагая впередъ.

— Аль ищешь кого?

— А дѣдъ ѐ, былинки сказыватъ.

— А мало-ль ихъ тутъ гусляровъ-те, а ты же мимо всѣхъ.

— Не ту сказываютъ, котора мнѣ надобна. А и рѣдкій ту, мою-то, перенялъ.

— Что за былинка така? Аль хороша въ особину?

— А хороша, нѣтъ-ли, только мнѣ, по моей, значитъ, мысли попѣшней надобна.

Подивились уличана: „чуденъ де Пашко“: однако слѣдомъ за нимъ потянулися. Жалѣли тоже парня, что сталъ онъ какъ бы самъ не свой.

— А вотъ и онъ! радостно, увидѣвъ искомаго дѣда, вскричалъ Пашко.—А здраствуешь, дѣдушко.

— А здравъ буди, внученушко. А что скажешь, прикажешь ощё?

— А тебѣ вѣдь былинку сказывать.

— Не пожалѣй поминка, буде тѣ и былинка.

— Не пожалѣю ужь, только мою, котора мнѣ надобна, сказывай.

— А котора-жъ твоя буде?

— А про Прокофьюшка со Смольняниномъ.

— Эку вздумалъ! А и забылъ я ее, поди; давно не сказывалъ.

— Серебряной денежки не пожалѣю, только удружи.

— А забылъ дѣдушка, не вспомнитъ-ли денежка, отвѣчалъ старикъ и слѣдомъ сталъ гусли строить на веселый ладъ, на разымчивый.

Тѣмъ временемъ и Лука Аввакумовичъ къ старику подошелъ. Любилъ онъ потолкаться межъ народомъ, рѣчей послушать, мѣткое слово на лету подхватить. Какъ во всемъ, и въ народной рѣчи любилъ Лука Великій Новгородъ. Услыхавъ какую былинку парень заказалъ, Лука остался послушать.

Сказатель, тѣмъ временемъ, наладилъ гусли, и сталъ сказывать:

Какъ у насъ де было, во Новѣгородѣ,
У Ивана Предтечи на Опокахъ,
На широкомъ дворищѣ Петрятинѣ,
На тоѣмъ-ли на славномъ торговищѣ,
Что у тѣхъ-ли вѣсовъ, у вощаныихъ,—
Нѐ два кречета тутъ да вылётывали,
Двое молодцовъ ихъ да погуливало!
А одино-тъ на имя Прокофьюшко,
А и дру̀гій словетъ онъ Смольяниномъ.
А гуляючись добры-те молодцы,
Что желтыми кудерки потряхиваютъ,
Молодыхъ-те робятъ призадариваютъ,
А тоѣ вѣдь робя новгородьское,
Молодое оно, бездомовное;
А й лихима заманки заманиваютъ:
„Ой-же вы, господо новгородьское!
„А довольно вамъ ѐ лежебочничать,
„А и полно-ко вамъ доможировать [1]),
„А пойдемъ-ко на Волгу на матушку,
„На широку рѣку на раздольнюю,
„На раздольнюю рѣчушку вольнюю.
„А и станемъ по Волгѣ повольничать,
„А учнемъ-ка по вольной ушкуйничать.
„А кто хочетъ ѣсть-пить на готовое,
„На готовое да не на купленное,
„А валитесь ко мнѣ ко Прокофьюшкѣ,
„Ко тому-ли ощё ко Смольянину,
„А на дворо-тъ Прокофьевъ на широкій,
„А на улицу славну Рогатицу,
„А во тотъ во конецъ было Плотницкій.“

* * *

А и тутъ голытьба новгородьская,
Молодое робя бездомовное,
Ужь какъ было оно да догадливоѐ,
А ощё вѣдь оно пріохотливоѐ,
А и ѣсть-то вѣдь пить на готовое...

Тутъ старикъ, забывъ что дальше сказывать, научился схитрить, вздумалъ пошутить надъ Славчанами.

— А небось, сказалъ, — и вы-бы этакъ вотъ сманилися.

— Ну, важно Василей сермяжникъ отвѣчалъ, — въ своихъ домахъ тоже живемъ.

Старикъ, припомнивъ что сказывать, не сталъ спорить съ Васильемъ, а дальше свое сказанье повелъ:

А валилось къ нему ко Прокофьюшкѣ
Молодое робя бездомовное,
Не со мало къ Прокофью валилося,
Не со много къ удалу Смольянину,
А какъ стало всего вѣдь двѣ тысячи.
Ужь какъ тутъ-то робя новгородьское
Становило Прокофья въ ата̀маны,
А Смольянинъ, онъ шелъ въ подата̀маньё.

— Эка сила-то навалилася! съ восторгомъ Пашко вскричалъ.—А съ ними всего-бы добился.

Старикъ не безъ удивленья взглянулъ на Пашка, и опять сталъ сказывать.

Онъ сказывалъ какъ ушкуйники подплыли подъ Кострому; какъ на нихъ вышелъ изъ города московскій намѣстникъ Плещей, и какъ Плещею пришлось „плеща показать“ [1]), хотя у него войска было вдвое противъ новгородскаго.

— Ай да Плещей, и плеща показалъ! посмѣялись ребята.

Какъ увидѣли славны ушкуйнички,
Новгородьски удалы повольнички,
Что стоитъ крѣпкій городо-тъ Кострома,
Безо всякой-то онъ заборонушки,—
А шли оны тутъ да во Кострому,
Стали въ Костромѣ да опочивъ держать,
Опочиво-тъ держать да и пиръ пировать.
А гуляли денёчекъ до вечера,
А и дру̀гій денеко-тъ прогуливали,
А и третій денёкъ до полуночи.
Простояли тутъ цѣлу недѣлюшку,
Драгоцѣнны товары пограбили,
А и брали товары-те легкіе,
А и лёгки товары, все ёмкіе.
А и будутъ которы тяжелые,
Тѣ тяжелы товары, излишніе
Во глубоку ту Волгу помётывали.
А что брать-то вѣдь взять не приходится,
То кидали въ огонь да пускали на дымъ,
Да пускали на дымъ: не возиться-же съ нимъ.
А садилися тутъ во насадушки
Что во тѣ-ль ушкуи новгородьскіе,
А и сплыли по Волгѣ по матушкѣ
А подъ тотъ было городъ подъ Нижній
А и Нижній Новгородъ пограбили,
Набирали полоны великіе,
А пускали на дымъ Нижній Новгородъ.
А и сплыли по Волгѣ по матушкѣ.
А и плыли коротко-ли, долго-ли,
Выгребали подъ эти подъ Болгары,
Подъ тотъ городъ царево-тъ богатый.
Продавали крестьянски полонушки
Тѣмъ поганымъ купцамъ бесерменскіимъ.
А крестьяньскихъ тѣхъ душъ не жалѣючи,
На тѣ слезы крестьяньски не глядючи.
А и женъ разлучали тутъ отъ-мужей;
Отымали тѣхъ малыихъ дѣтушекъ,
Этихъ дѣтушекъ, малыхъ ребятушекъ
Что отъ тѣхъ отъ родителей-матушекъ
Да отъ этихъ кормильцевъ, отъ батюшковъ.

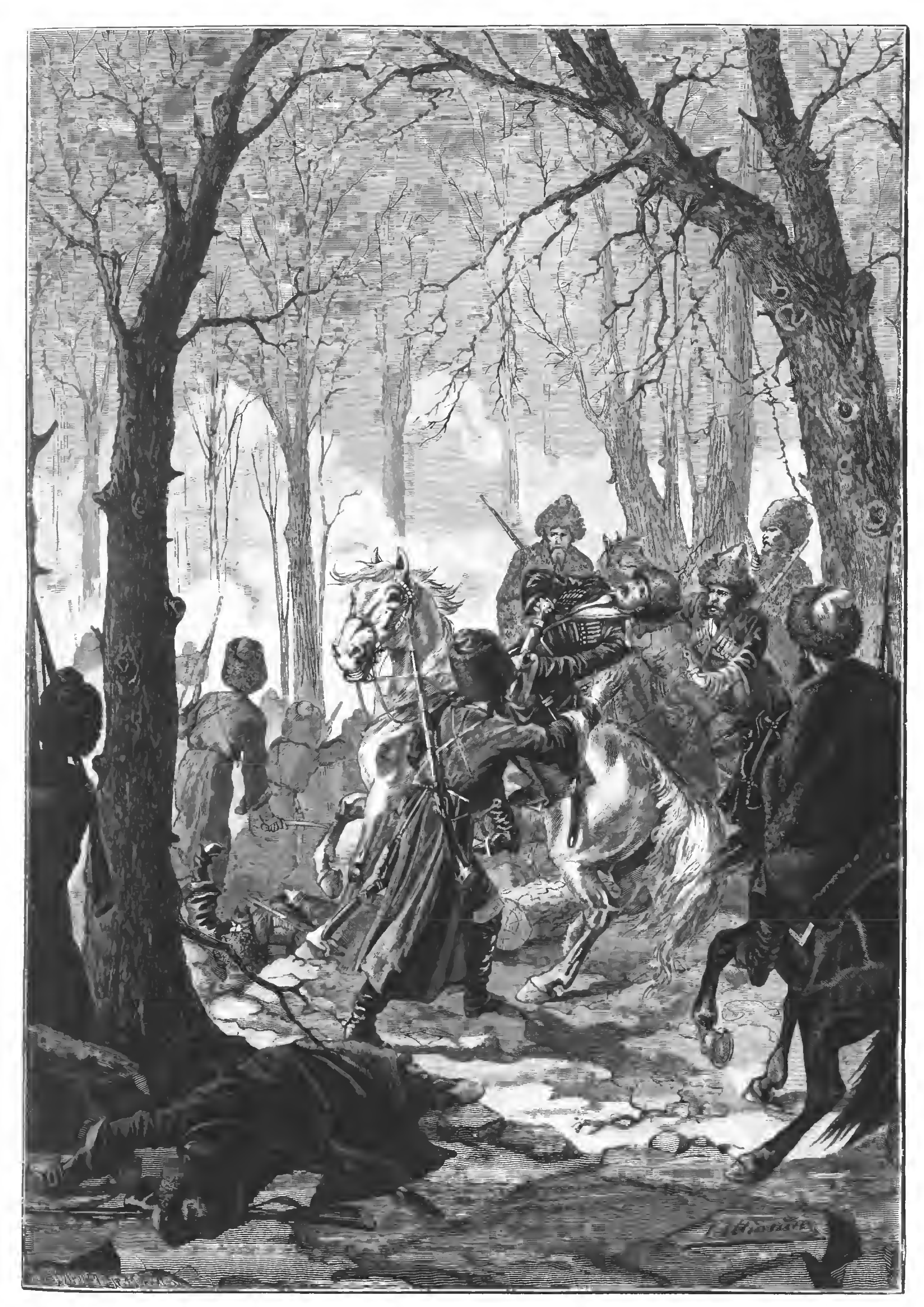
— А это оны худо ужь, Пашко сказалъ.—А и грѣхъ великъ.

— За это-бы и въ Волхово! Губанъ рѣшилъ.

Посадились теперь во насадушки
Во ты ушкуи новгородьскіе.
Хорошо ушкуи изукрашены,
А и всѣхъ ушкуевъ до семидесяти.
А и сплыли по Волгѣ по матушкѣ,
А и плыли коротко-ли, долго-ли,
Выгребили къ рѣчьному ко устьицу,
Ко тому-ли ко синему морюшку,
А ко славну-то морю Хвалыньскому,
А и зрѣли тутъ городъ невѣдомый,
А и будутъ подъ крѣпкимъ подъ городомъ,
Подъ невѣдомой той Асторо̀ханью...

[1]) Жирѣть ничего не дѣлая, сидя дома.

[1]) Показать плеща—тылъ показать.

Смерть генералъ-майора Слѣпцова (10 декабря 1851 г.).

Ориг. рис. (собственность „Нивы") Р. Штейна, грав. Флюгель.

— Вотъ такъ сплыли! изумился Губанъ.

— Аль далече? Василей освѣдомился.

— И-и! старикъ отвѣчалъ, и рукой махнулъ: „лучше молъ и не довѣдывайся!“

Подъ невѣдомой той Асторохапью,
А складали веселышки липовыя,
А бросали тѣ сходенки волжаныя,
А сходили-ко тутъ на крутой бережокъ,
На крутой бережокъ, на желтой на песокъ.

* * *

Асторохапьскій князь перелестливый,
А на имя Салтей онъ Салтеевичъ,
Заводилъ-ко на нихъ да почёстенъ пиръ,
А й почестные-ть столъ-столованьицё,
А и ѣствушка ставилъ сахарныя,
А и питьица ставилъ медвяныя,
А ощё и винищо то сладкое.
Ужь какъ славны удалы ушкуйнички,
Молодое робя новгородьское,
А и всѣ на пиру наѣдалися,
А и всѣ на пиру напивалися
А по подстольё всѣ завалилися.
Тутъ княжищо тое асторохапьско,
Онъ лукавый Салтей, перелестливый,
Призывалъ своихъ мурзей, улановей,
Приказалъ онъ рубить буйны головы,
Тѣ головушки буйны, упьянсливы...

— А и этого Салтея тоже въ Волхово! будучи нынѣ въ осудительномъ духѣ, рѣшилъ Губанъ.

Порубилъ онъ ихъ всѣ до единыя,
Не оставилъ удалыхъ на сѣмена.
И тутъ этимъ храбрымъ ушкуйничкамъ,
А поютъ добрымъ молодцамъ славушку,
А и славу поютъ, а и честь воздаютъ,
А и старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ молодцамъ, вамъ на послушанье,
Синю морюшку вѣдь на утишенье,
Тому славному морю Хвалынскому.

Какъ скончалъ сказатель, всѣ помолчали, точно желая удостовѣриться, что дальше ужь сказывать нечего.

— А за слезы-те материнськи, что вотъ дѣтей крестьянскихъ въ полонъ продавали, и покаралъ ихъ Господь, раздумчиво Пашко сказалъ. Иною та же былина теперь Пашку показалася,—а она-же, не другая, и его самого въ поволье сманила.

— А за грабежь ощё, что крестьянъ грабили, съ особой суровостью добавилъ Губанъ.

Пашка это слово ровно въ сердцѣ кольнуло. Онъ вскинулъ очи на Губана и что-то сказать хотѣлъ, да такъ съ полуоткрытымъ ртомъ и замеръ. „А и меня, за псковьской-же грабежь...“ пришло ему въ голову.

Старикъ, чтобъ ребятамъ веселѣй было расплачиваться, вздумалъ ихъ посмѣшить припѣвочкой.

А и князь-государь въ каменной Москвѣ,
Во Новѣгородѣ Вѣчьный колоколъ;
А и князевъ-то дворъ на Городищѣ,
Въ Неревскомъ вѣдь концѣ Мареинъ чуденъ дворъ;
А и скупо-тъ живѐ Юрьи Ренеховъ,
А щедры уличана-те Славчане:
Посулили-ко дѣдушку денежку,
Эту денежку нову серебряну,—
А и мнѣ старичку на обновочки
На дырявы на эти на лапотки,
Да на новы ощё на заплатушки.
Пріодѣнусь я, старъ, во обновушки,
А пойду ко своей ко зазнобушки,
Пріобунусь ощё въ драны лапотки,
А пойду ко своёй милой лапушкѣ,
Анъ дѣвчина слѣпа не признать старика,
Не признать старика, понамнеть мнѣ бока.

Тутъ старикъ, поднявъ глаза, кивнулъ на Пашка.

— А денежка-тъ моя гдѣ-же? шутливо-жалобнымъ голосомъ заплакалъ онъ.—Аль она погубилася, въ Волгу укатилася?

А Пашко стоитъ не слышитъ, въ кручиноватомъ раздумьѣ о Божьемъ наказаньи. Ребята ужь его раскликали.

— Бери, бери, вотъ старинушка, твоя денежка, опомнясь Пашко сказалъ.—А еще прими мое спасибушко сердечьное, добавилъ онъ растроганнымъ голосомъ.

Услыхавъ, что уличана парня Пашкомъ кличутъ, Лука Аввакумовичъ поближе къ нимъ подошелъ.

— Да ты со Славковой Пашко? Аль Иваньковичъ будешь? спросилъ онъ.

— Коли-же нѣтъ, Лука Аввакумовичъ.

— А меня почему-жъ знаешь?..

— Эва! А „въ князѣхъ-те?“ Пашко отвѣчалъ. И слѣдомъ, снявъ шапку, здоровался съ бояриномъ.

И уличана, признавъ Луку, заломали-же шапки. Поблагодаривъ Славчанъ за память, бояринъ отозвалъ Пашка въ сторону. Тутъ у нихъ про Маврушеньку разговоръ пошелъ. Разсказалъ Пашко про судъ и про свое на крѣпости сидѣнье, и Лука, выругавъ за то Арбузьева, разсказалъ какъ неудачно выпытывалъ у него про дѣвушку.

— Да найдемъ-же! увѣренно прибавилъ бояринъ.

— Аль у него, думашь? и радостно, и недовѣрчиво вскричалъ Пашко.

— А негдѣ ей болѣ быть. Не хотѣлъ я нонѣ, хоть и звалъ онъ меня въ волость свою подгородною, — ну, да ради тебя поѣду-же. А узнаю что, завтра за тобой нарочнаго пришлю. А и самъ ты ко мнѣ понавѣдайся: посовѣтуемъ. Ничего, крѣпись, Пашко, Бого-тъ не безъ милости.

Это слово послѣднее, какъ давече Губаново, кольнуло Пашка прямо въ сердце. Смутно у него на душѣ стало. „Мнѣ-ль на милость-то Господню надѣятись, коли...“

И мысль, что пока онъ не отмолитъ стараго грѣха, не вполнѣ покается въ грабежѣ, до тѣхъ поръ его Господь не помилуетъ, до того растревожила парня, что даже слезы у него изъ глазъ выступили.

Сколько ни уговаривали уличана Пашка идти съ ними скоморошью игру смотрѣть, онъ отказался наотрѣзъ:

— А я къ лодьѣ пойду; тамот-ко сосну, васъ дожидаючи, сказалъ онъ.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (автора романа *Три страны свѣта*).

(Окончаніе).

Придя обѣдать къ Катеринѣ Михайловнѣ, я ей разсказалъ свою встрѣчу съ теноромъ.

— Какая вамъ судьба въ своихъ прежнихъ знакомыхъ встрѣчать потомъ артистовъ! сказала Катерина Михайловна. — Я помню, какъ вы восхищались въ Миланѣ этимъ Петручіо и даже говорили мнѣ, что, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ я буду пѣть вмѣстѣ съ нимъ на сценѣ.

— Къ несчастію, мои пророчества наполовину исполнились, произнесъ я и объявилъ, что далъ слово тенору привезти его къ ней.

— Это зачѣмъ? воскликнула она недовольнымъ тономъ.

Я насилу упросилъ ее принять тенора. Мнѣ хотѣлось ввести хоть какое-нибудь развлеченіе въ ея однообразную жизнь.

— Хорошо, сказала Катерина Михайловна.—Я приму вашего тенора завтра, но вы, какъ знаете, такъ и устраивайте, чтобъ этимъ визитомъ и покончилось наше знакомство.

— На него пріятно смотрѣть, такъ онъ изященъ красивъ, простодушенъ, какъ ребенокъ! разсыпался я въ похвалахъ тенору.

— Вѣрю вамъ. Вѣроятно, какъ ребенокъ, не развитъ и совершенно не образованъ, проговорила улыбаясь Катерина Михайловна.

— Гдѣ же ему было получить образованіе! Но онъ настолько отполировался, что вполнѣ приличенъ... Весело на него смотрѣть, такъ онъ доволенъ своей судьбой, а это такъ рѣдко можно встрѣтить въ наше время, сказалъ я и, чтобъ умилостивить Катерину Михайловну, передалъ ей что говорилъ о ней теноръ. Но она приняла это очень холодно.

На другой день теноръ явился ко мнѣ даже ранѣе назначеннаго часа и долженъ былъ съ полчаса сидѣть одинъ и ждать моего возвращенія домой. Когда мы сѣли въ карету, я увидѣлъ большой букетъ цвѣтовъ. Я догадался, кому онъ предназначался. Зная застѣнчивость Катерины Михайловны, которая нисколько не уменьшилась въ ней съ лѣтами, я пожалѣлъ, что тенору пришло въ голову запастись букетомъ.

Но теноръ произвелъ хорошее впечатлѣніе на Катерину Михайловну своею изящною фигурой, мелодичнымъ голосомъ и искреннимъ уваженіемъ, съ какимъ онъ поднесъ ей букетъ, говоря по-итальянски.

— Въ Миланѣ я такъ былъ бѣденъ, что только могъ завидовать тѣмъ, кто могъ осыпать васъ цвѣтами.

Онъ разсказывалъ Катеринѣ Михайловнѣ о своемъ первомъ дебютѣ, о своемъ всегдашнемъ желаніи, какъ только началъ готовиться на сцену, получить ангажементъ въ Петербургъ. Онъ просидѣлъ довольно долго для перваго визита. Прощаясь, подалъ ложу Катеринѣ Михайловнѣ, прося ее пріѣхать въ оперу вечеромъ, чтобъ послушать его. Она отказывалась отъ ложи, но теноръ умолялъ ее и какъ-то по-дѣтски погрозилъ ей, что до тѣхъ поръ не выйдетъ на сцену, пока она не исполнитъ его желаніе. Я тоже сталъ уговаривать Катерину Михайловну ѣхать вечеромъ въ оперу. Она уступила, и теноръ отъ радости прищелкнулъ, присвистнулъ и сдѣлалъ па, какое дѣлаютъ бродящіе по улицамъ итальянскіе мальчики.

Катерину Михайловну эта выходка разсмѣшила. По уходѣ тенора, Катерина Михайловна сказала мнѣ:

— Вашъ любимецъ такъ же съумѣлъ выпросить мое согласіе ѣхать въ оперу, какъ мои дѣти это дѣлаютъ, когда имъ чего-нибудь хочется.

Я былъ доволенъ, что первый визитъ тенора сошелъ благополучно и спросилъ ее:

— Не правда-ли, онъ очень милъ?

— Мнѣ больше всего нравится въ немъ то, что онъ не стыдится своего прошлаго, отвѣтила мнѣ Катерина Михайловна.

Дуняша пришла въ ужасъ, узнавъ, что ея барышня поѣдетъ въ оперу, дѣти тоже надулись, всѣмъ было дико, что Катерина Михайловна проведетъ вечеръ не дома. Дѣти такъ прощались съ ней, точно она уѣзжала въ дальнюю дорогу.

Давали „Фауста“, ложа у насъ была во второмъ ярусѣ, боковая. Я слѣдилъ за Катериной Михайловной и замѣтилъ, что она измѣнилась въ лицѣ, когда заиграли увертюру. Занавѣсъ поднялась и она вздрогнула отъ шумныхъ аплодисментовъ тенору, который глядѣлъ на нашу ложу. Голосъ у него былъ свѣжій, необыкновенно пріятный. Очень эффектна вышла сцена превращенія изъ старика въ молодаго: онъ поразительно былъ красивъ.

Катерина Михайловна сидѣла неподвижно, блѣдная, весь актъ. Я было обращался къ ней раза два съ вопросомъ о теноръ, но она ничего мнѣ не отвѣтила, а какъ только опустился занавѣсъ, встала и проговорила:

— Мнѣ очень душно!

Я отвелъ ее въ фойе, усадилъ у окна, далъ ей лимонаду и предложилъ ей уѣхать домой, если она чувствуетъ себя нехорошо.

— Нѣтъ, прошло. Я отвыкла отъ свѣта, оркестра и шума, отвѣтила она: — закружилась голова.

— Какъ вы нашли голосъ и пѣніе Петручіо?

— Признаюсь вамъ, я хорошенько не вслушалась въ его пѣніе: у меня шумѣло въ ушахъ, не хорошо мнѣ было; разныя воспоминанія нахлынули.

Послѣ втораго акта Катерина Михайловна сама заговорила о тенорѣ:

— Голосъ у него отличный, только онъ плохо знаетъ музыку, да и не бережетъ своего голоса, очень форсируетъ; впрочемъ, всѣ эти недостатки поправимы, если бъ онъ посерьезнѣе занялся бы съ хорошимъ профессоромъ.

Я отправился въ уборную къ тенору, который, завидя меня, спросилъ, какъ нашла его пѣніе и игру Катерина Михайловна. Я, разумѣется, отвѣтилъ, что она очень довольна осталась и тѣмъ, и другимъ.

— Я сегодня для нея одной пою, публика для меня не существуетъ, сказалъ теноръ.

Онъ говорилъ правду, со сцены онъ постоянно смотрѣлъ на нашу ложу, такъ что многія дамы стали лорнировать Катерину Михайловну; но счастію, она такъ была углублена въ музыку и пѣніе, что не замѣтила этого, а также не обратила вниманія на взгляды тенора, который, подходя къ рампѣ при вызовахъ, прежде всего кланялся Катеринѣ Михайловнѣ, а потомъ откланивался публикѣ. Она, впрочемъ, полагала, что это относилось ко мнѣ, какъ его старому знакомому.

Когда мы сидѣли за чаемъ послѣ оперы, выраженіе лица Катерины Михайловны напомнило мнѣ Миланъ, какъ она, бывало, возвратясь послѣ спектакля, сидѣла въ той же позѣ за чаемъ и съ такимъ же задумчиво-утомленнымъ лицомъ.

— Вы не раскаиваетесь, что поѣхали въ оперу? спросилъ я ее.

— Нѣтъ, я даже довольна, что вы меня заставили ѣхать въ оперу. Я боялась, что гораздо тяжелѣе она подѣйствуетъ на меня; но оказалось, что я только въ первую минуту почувствовала сильное сожалѣніе о потерѣ своего голоса, о моихъ несбывшихся планахъ, а потомъ я какъ-то освѣжилась.

— А все-таки вы имѣете видъ очень утомленный.

— Физическая усталость ничего не значитъ, отвѣтила Катерина Михайловна и стала говорить объ оперѣ и ея исполнителяхъ, и мы долго засидѣлись.

Прощаясь, я ей сказалъ:

— Вотъ бы вы сдѣлали доброе дѣло, еслибъ взялись исправить недостатки въ пѣніи Петручіо.

— Что за дикая фантазія пришла вамъ въ голову? съ удивленіемъ отвѣтила Катерина Михайловна.—Ему слѣдуетъ обратиться къ настоящему хорошему профессору.

— А мнѣ кажется, что вы больше могли бы принести ему пользы. Вы такъ основательно знаете музыку, что смѣло можете конкурировать со многими профессорами пѣнія, да еще въ придачу сами были артисткой: вы дадите ему настоящее понятіе о сценическомъ искусствѣ. Онъ человѣкъ неразвитой, необразованный, а вы можете пріохотить его къ серьезному чтенію. Онъ на васъ чуть не молится, сказалъ я.

Катерина Михайловна пожала плечами и улыбаясь отвѣчала мнѣ:

— Вы, положительно, влюблены въ своего Петручіо! Можете сами заняться его развитіемъ и образованіемъ. Да и онъ, мнѣ кажется, такъ доволенъ, что поетъ, какъ птичка божья, и публика довольна его пѣніемъ, ну и прекрасно!

На другой день, когда я пришелъ къ обѣду, Катерина Михайловна встрѣтила меня строгимъ выговоромъ.

— Вы должно быть съ ума сошли! Я думала, что вы вчера нафантазировали только насчетъ моихъ занятій съ вашимъ любимцемъ, а онъ утромъ явился ко мнѣ съ кучей русскихъ романсовъ, чтобъ я выбрала ему и разучила ихъ съ нимъ для какого-то благотворительнаго концерта. Все это очень глупо съ вашей стороны.

— Вы сами знаете, что у меня утромъ столько было занятій, что я минуты не имѣлъ свободной, чтобъ видѣться съ нимъ, отвѣчалъ я.

— Странно! произнесла Катерина Михайловна.

— Да чѣмъ-же дѣло окончилось?

— Взялась, такъ онъ надоѣлъ мнѣ своимъ упрашиваніемъ.

Теперь мнѣ это почему-то вдругъ не понравилось.

— Поздравляю съ ученикомъ! холодно сказалъ я.

— Мое преподаваніе ограничится двумя романсами, съ твердостью произнесла Катерина Михайловна.

Уроки начались и Катерина Михайловна много билась съ ученикомъ, чтобъ онъ хорошо выговаривалъ по-русски.

— Я не ожидала, чтобъ онъ такъ плохо зналъ музыку, сказала она мнѣ.—По слуху поетъ; только итальянцы могутъ такъ пѣть, потому что съ ранняго дѣтства у нихъ развивается вѣрный слухъ и изумительная музыкальная память.

Разъ явился ко мнѣ теноръ очень мрачный и завелъ рѣчь о воспитанникахъ Катерины Михайловны, которыхъ наконецъ увидалъ, такъ какъ каждый день являлся на урокъ къ ней.

Я разсказалъ ему обстоятельно, какъ очутились на ея рукахъ трое сиротъ, даже показалъ документы. Теноръ въ восторгѣ воскликнулъ.

— Да это святая женщина! на нее молиться надо!.. Одного не могу постичь, почему она не вышла замужъ до сихъ поръ?

— Это ужь спросите у ней самой, отвѣтилъ я.

— Не можетъ быть, чтобъ въ такую женщину не были влюблены множество мужчинъ, допытывался теноръ, желая вѣроятразгадать почему Катерина Михайловна осталась одинокою.—Вѣроятно, она скоро выйдетъ замужъ, рѣшилъ онъ.

— Она считаетъ себя уже старухой.

Теноръ разсмѣялся и сказалъ:

— Еслибъ ей было 40 лѣтъ—и тогда-бы въ нее влюбились и женились-бы на ней.

Мнѣ теперь уже вовсе не нравилась такая восторженность въ тенорѣ къ его учетельницѣ.

Мы были въ томъ концертѣ, когда теноръ пѣлъ русскіе романсы и такой произвелъ фуроръ, что его заставляли повторить раза по два; Катерина Михайловна разучила съ нимъ нѣсколько романсовъ и онъ пропѣлъ ихъ когда его заставляли повторять.

Я поздравилъ Катерину Михайловну съ торжествомъ ея ученика, котораго чуть не на рукахъ вынесли изъ концертнаго зала и усадили въ карету.

Вечеромъ онъ явился къ Катеринѣ Михайловнѣ съ великолѣпнымъ букетомъ и поднесъ его своей учительницѣ, а дѣтямъ привезъ три коробки дорогихъ конфектъ. Онъ былъ необыкновенно веселъ, напѣвалъ, пѣлъ, плясалъ, какъ уличные итальянскіе мальчики, необычайно вѣрно изображалъ разбитымъ голосомъ пѣніе шарманщика. Мы до упаду смѣялись, даже Дуняша за что-то косо смотрѣвшая на ученика своей барышни, усмѣхалась; впрочемъ, она радовалась смотря на смѣющихся дѣтей.

Не знаю, какъ это устроилось, но уроки не прекратились, напротивъ они стали серьезнѣе, потому что она занялась со своимъ ученикомъ разучиваніемъ партитуры Рауля. Теноръ въ свой бенефисъ взялъ „Гугеноты“.

Катерина Михайловна замѣтно оживилась, съ большимъ интересомъ относилась къ урокамъ пѣнія, бывала въ оперѣ; мы сидѣли въ ложѣ для артистовъ, и теноръ въ костюмѣ въ промежуткахъ заходилъ посидѣть съ нами.

Я замѣтилъ, что Дуняша точно озлобилась; она вообще не отличалась вѣжливостью, но тутъ сдѣлалась необыкновенно груба. Я не могъ понять, что съ ней дѣлается. Наконецъ она высказалась: Катерина Михайловна запоздываетъ къ обѣду по случаю репетицій „Гугенотовъ“.

— Долго еще этотъ шарманщикъ будетъ шляться къ намъ?

Русскій отдѣлъ на Копенгагенской выставкѣ. Рисовальная школа Имп. Общества поощренія художествъ. Съ фотогр. грав. Ангереръ.

Русскій отдѣлъ на Копенгагенской выставкѣ. Строгановское училище техническаго рисованія въ Москвѣ. Съ фотогр. грав. Ангереръ.

обратилась она ко мнѣ.—Къ чему это вы привели его къ намъ? Не видите, что-ли, что̀ дѣлается у насъ.

— Что за чепуху вы городите, Дуняша! замѣтилъ я ей.

— Чепуху горожу! въ азартѣ вскрикнула она, — въ театрѣ чуть не спитъ, все забыла, только слушаетъ, какъ шарманщикъ мяукаетъ!.. Все вы виноваты! и Дуняша залилась слезами.

Я сдѣлалъ видъ, что мнѣ смѣшны страхи Дуняши и выбранилъ ее, что она суется не въ свое дѣло; однако меня точно кольнули ея слова. Мнѣ первый разъ пришло въ голову, какъ легко можетъ увлечь такой красивый, да еще пѣвецъ всякую женщину. Можетъ быть Катерина Михайловна пока еще не серьезно увлеклась имъ, но дальнѣйшее ихъ знакомство можетъ развить въ ней привязанность, которая будетъ для нея большимъ несчастьемъ, потому что между ними слишкомъ рѣзкая разница въ образованіи, да и въ лѣтахъ. Но опять мнѣ казалось, что это нелѣпо, что у Катерины Михайловны слишкомъ много здраваго смыслу, чтобъ она дозволила себѣ увлекаться одной красивой наружностью человѣка.

Я все-таки сталъ наблюдать за ней и къ своей радости не нашелъ никакихъ признаковъ увлеченія въ Катеринѣ Михайловнѣ своимъ ученикомъ, да и съ его стороны я ничего не замѣтилъ, кромѣ полнѣйшаго благоговѣнія къ ея музыкальному знанію и какъ къ женщинѣ, которая высоко стояла въ его глазахъ по своему уму, образованію и начитанности. Одно, что̀ я открылъ въ Катеринѣ Михайловнѣ—она точно помолодѣла. Я находился въ нерѣшимости предупреждать-ли мнѣ Катерину Михайловну объ опасности; я боялся оскорбить ее и порѣшилъ, что она просто увлеклась своими музыкальными занятіями.

Я не буду описывать всѣхъ неистовыхъ оваціи, какія получилъ теноръ въ свой бенефисъ. Благодаря трудамъ Катерины Михайловны, роль Рауля онъ исполнилъ замѣчательно хорошо. Ему поднесли цѣлый ворохъ букетовъ и вѣнковъ и много цѣнныхъ подарковъ. Только въ Россіи такіе щедрые подарки подносятъ иностраннымъ артистамъ.

Я и Катерина Михайловна были приглашены на ужинъ къ бефенціанту. Когда мы взбирались по лѣстницѣ его квартиры, масса его обожательницъ стояла снизу до верху. Тутъ были очень молоденькія барышни и очень пожилыя дамы; одна дѣвица, смотря на Катерину Михайловну, даже воскликнула: „Вотъ счастливица!“ По завистливымъ взглядамъ и перешептыванiемъ между собой поклонницъ тенора, когда мы шли по лѣстницѣ, видно было, что многія изъ нихъ знали его учительницу. За нами въ дверь хотѣла войти толпа женщинъ, которая стояла на площадкѣ, но лакей, впустивъ насъ, безцеремонно почти вытолкалъ двухъ пожилыхъ дамъ, ворвавшихся за нами и кричавшихъ: „Карточки мы пришли просить“.

Къ огорченію поклонницъ, ожидавшихъ на лѣстницѣ возвращенія домой тенора, онѣ не дождались его, потому, что онъ, во избѣжаніе встрѣчи съ ними, пробрался домой по черному ходу. Догадавшись о его хитрости, его обожательницы стали осаждать входную дверь, безпрерывно звоня и требуя фотографическихъ карточекъ тенора, который велѣлъ лакею вынести на лѣстницу цѣлую пачку своихъ карточекъ. Я пошелъ посмотрѣть на эту раздачу. Лакея чуть не сбили съ ногъ, такъ на него набросились дамы; вырывали у него карточки изъ рукъ, а у нихъ тоже вырывали другія дамы; поднялся крикъ, перебранка и дѣло чуть не доходило до драки. Одна хилая барышня по своему убожеству не смѣла рѣшиться на борьбу, а забравшись на окно, молила оттуда жалобнымъ голосомъ лакея, чтобъ онъ далъ ей карточку; но лишь только онъ протягивалъ къ ней карточку, ее перехватывали. Я сжалился надъ бѣдняжкой, принесъ букетъ изъ комнаты и перебросилъ къ ней, сказавъ:

— Онъ вамъ велѣлъ отдать.

Барышня успѣла поймать букетъ, но на нее какъ фуріи набросились другія женщины и вмигъ у бѣдной, геройски защищавшейся, остался одинъ остовъ букета: всѣ цвѣты были сорваны. Она истерически зарыдала. Я поспѣшилъ уйти съ очень нелестнымъ мнѣніемъ объ этихъ дамахъ, которыя могутъ доходить до такого бѣснованія въ проявленіи своихъ восторговъ къ итальянскимъ пѣвцамъ. Догадливый лакей выпроводилъ съ лѣстницы толпу только тѣмъ, что велѣлъ погасить газъ.

Въ то время, какъ я смотрѣлъ на эту правильную осаду дверей тенора, онъ очень искусно украсилъ кресло вѣнками и букетами и усадилъ за столъ свою учительницу, говоря, что всѣ эти вѣнки и букеты принадлежатъ ей, потому что онъ никогда-бы не могъ выполнить роль Рауля безъ ея помощи, съ чѣмъ я вполнѣ былъ согласенъ. Теноръ угостилъ насъ великолѣпнымъ ужиномъ и въ такомъ былъ упоеніи отъ счастья, что часто повторялъ:

— Сегодня самый счастливый день въ моей жизни!

Онъ все упрашивалъ насъ посидѣть.

— Я все равно не засну сегодня! Я такъ счастливъ, что вы у меня.

Я невольно вспомнилъ печальный ужинъ въ бенефисъ Катерины Михайловны и мнѣ стало безконечно жаль, что вся ея жизнь шла шиворотъ-навыворотъ.

Мы очень поздно уѣхали отъ тенора, который хотѣлъ проводить насъ домой; мы насилу отговорили его отъ этой глупости.

Желая отблагодарить свою учительницу, онъ привезъ ей на другой день корзину цвѣтовъ и тамъ лежалъ дорогой браслетъ, на которомъ внутри было вырѣзано число и годъ его бенефиса. Но, къ его огорченію, Катерина Михайловна приняла отъ ученика одну корзину цвѣтовъ. Теноръ не забылъ и дѣтей, онъ сдѣлалъ имъ отличные подарки: дорогой акваріумъ, много книгъ съ рисунками и конфетъ, не забылъ и Дуняшу, которой уходя далъ 25 рублей, но она ихъ не приняла, а пробурчала: „Лучше-бы сдѣлалъ подарокъ, если-бы не ходилъ къ намъ“.

— Что̀ она говоритъ? обратился теноръ ко мнѣ, удивленный отказомъ Дуняши принять его щедрый подарокъ.

— Благодаритъ васъ, но у ней правило такое: ни отъ кого не принимать денегъ даромъ.

— Странныя обѣ... проговорилъ съ неудовольствіемъ теноръ, выходя изъ дверей.

Къ моему удивленію, уроки не прекратились и послѣ бенефиса, а Дуняша съ нѣмымъ укоромъ смотрѣла на меня всякій разъ, когда я являлся къ обѣду и заставалъ тенора у Катерины Михайловны. Я вовсе не приходилъ отъ этого въ такое мрачное настроеніе, какъ Дуняша, но тоже призадумывался: чѣмъ-же это можетъ кончиться? Для меня уже ясно становилось, что теноръ снова влюбился въ Катерину Михайловну, но она не замѣчала этого, совершенно была спокойна въ его присутствіи, считала его за юношу и не разъ говорила мнѣ:

— Точно ребенокъ, способенъ расплакаться, если я отказываюсь пріѣхать въ театръ, когда онъ поетъ.

— Избаловали вы его! сухо замѣчалъ я ей.

— Кажется, что такъ; мы оба грѣшны въ этомъ... А замѣтили, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи? Если-бы онъ не такъ старался, у меня терпѣнія не хватило-бы съ нимъ заниматься, спокойно говорила Катерина Михайловна, и я умолкалъ...

Разъ мы сидѣли за обѣдомъ, Катеринѣ Михайловнѣ подали письмо; она съ удивленіемъ сказала:

— Отъ кого это можетъ быть?

Она ни съ кѣмъ не была въ перепискѣ, но когда распечатала его и прочла нѣсколько строкъ, то измѣнилась въ лицѣ, быстро встала изъ-за стола, проговоривъ:

— Кончайте обѣдъ безъ меня! и ушла въ свою комнату; даже дѣти замѣтили, какъ она поблѣднѣла.

Мы докончили обѣдъ безъ нея; дѣти ушли въ свою комнату, а я остался въ столовой, мучась разгадкой, отъ кого могла она получить письмо, которое такъ ее встревожило; пакетъ лежалъ на столѣ и адресъ былъ написанъ по-русски и женскою рукой.

Она позвала меня къ себѣ и прямо подала мнѣ письмо; у ней дрожала рука и голосъ былъ полонъ слезъ, когда она произнесла:

— Прочтите!

Пока я читалъ, она сидѣла, закрывъ лицо руками. Письмо было анонимное, наполненное самыхъ грязныхъ клеветъ на нее: тутъ были приплетены дѣти, которыхъ она будто-бы выдаетъ за чужихъ; упоминался и я въ весьма нелестномъ для нея смыслѣ. Письмо заканчивалось угрозами, что, если она не перестанетъ завлекать съ низменными цѣлями тенора, то публично разоблачатъ ея жизнь.

Я услышалъ тихія рыданія Катерины Михайловны, которая не отрывала своихъ рукъ отъ лица.

— Что̀ съ вами? сказалъ я ей, стараясь придать своему голосу спокойный тонъ,—развѣ можно огорчаться анонимными письмами какой-то сумасшедшей женщины? Если-бы видѣли какъ я, что̀ дѣлать на лѣстницѣ въ день бенефиса Петручіо, какъ бѣсновались его поклонницы, васъ не удивило-бы такое письмо. Разорвите его, а если еще получите, что̀ очень вѣроятно, то не распечатывая ихъ рвите.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ я глупа, что расплакалась! сказала Катерина Михайловна, вытирая слезы.

Я разорвалъ письмо на мелкіе кусочки. Мы оба лгали, будто-бы равнодушно отнеслись къ анонимному письму, и старались вести посторонній разговоръ, даже избѣгая упоминать о тенорѣ.

Я ушелъ отъ Катерины Михайловны въ крайне смутномъ состояніи духа. Какая-то повязка падала у меня съ глазъ, что-то разверзалось передо мною... Бѣдная, бѣдная барышня изъ Горушекъ!.. Вся жизнь ея, съ самой встрѣчи нашей на Порошкинскомъ мосту, проходила у меня въ головѣ, пока я шелъ домой, выбирая наиболѣе дальній путь и самыя малолюдныя улицы. Мнѣ хотѣлось уединиться чтобы привести въ порядокъ свои мысли и ощущенія, которыя метались во мнѣ подобно стаѣ вспугнутыхъ птицъ... Чѣмъ? Неужели этимъ письмомъ?—какой вздоръ! Не самъ-ли я сейчасъ такъ толково убѣждалъ ее не придавать ему ни малѣйшаго значенія?..

Я упорно гналъ отъ себя назойливый вопросъ и принимался перебирать въ умѣ всю жизнь барышни изъ Горушекъ. Мнѣ становилось ясно, что высокія дарованія совмѣстимы только съ младенческой чистою душой. Истинный художникъ, великая артистка—это дѣти, дѣти всю жизнь, довѣрчивыя, великодушныя и слабыя дѣти, которыхъ надо лелѣять, оберегать отъ слишкомъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительной жизни, чтобъ

сохранить ихъ божественный даръ... А то-ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Какъ проходитъ ихъ жизнь? Пока дарованіе не обнаружилось во всемъ своемъ лучезарномъ блескѣ, ослѣпляющемъ даже близорукихъ, — его игнорируютъ, гонятъ и топчутъ, какъ-бы инстинктивно чуя превосходство и завистливо стараясь затушить; а разъ оно проявилось—кто только не кидается эксплуатировать его, хотя-бы съ самыми безкорыстными цѣлями, какъ этотъ жалкій Сивцовъ, не говоря уже о нахалахъ, которые кишатъ вокругъ всякой восходящей звѣзды, поджидая той или другой добычи?.. Вотъ хоть-бы этотъ итальянскій проходимецъ, бывшій *лакей*... Я особенно подчеркнулъ въ мысляхъ это послѣднее слово и вдругъ почувствовалъ, что кровь заливаетъ мнѣ щеки краскою стыда... Боже мой, что-же это? За что я его оскорбляю? Ужь не ревную-ли я?.. Съ какого права?

Я даже засмѣялся, но такимъ дѣланнымъ смѣхомъ, что встрѣчный прохожій пріостановился на минутку и подозрительно посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ... И тутъ повязка окончательно спала съ моихъ глазъ, я какъ-то весь съежился, и не поднимая головы, спѣшилъ только домой...

Я понялъ, что всегда любилъ и ревновалъ мою барышню изъ Горушекъ, ревновалъ съ первой встрѣчи, почти не зная ее, даже къ Размотову, даже къ Сивцову, котораго самъ-же упрекалъ въ ревности... Любилъ даже разставаясь на годы... А теперь... теперь мое рѣшеніе было принято. Что мнѣ смущаться тѣмъ, что гдѣ-то, въ дали ся прошлаго, была какая-то *неземная* (я опять съ удовольствіемъ мысленно подчеркивалъ это слово) привязанность? Развѣ это любовь? Развѣ это то могучее чувство которое обращаетъ статую въ Галатею?.. Нѣтъ, она не жила еще моя Галатся, ей помѣшали добрые люди. Завтра пойду къ ней и если она не откажется принять опору моей руки, эта рука сумѣетъ устранить всѣ терніи на жизненномъ ся пути... Я-то по крайней мѣрѣ никогда ужь не обижу ее.

На этомъ я кончаю свой разсказъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ мы обвѣнчаны съ Катериной Михайловной, а такъ какъ нѣтъ ничего смѣшнѣе счастливыхъ мужей, говорятъ, то я и не распространяюсь о своемъ благополучіи. За то Дуняша просто ликуетъ, и дѣти наполняютъ домъ веселымъ щебетаньемъ.

КОНЕЦЪ.

Русскій отдѣлъ на Копенгагенской выставкѣ.

(Рис. на стр. 844 и 845).

Всѣ столицы Европы и другіе большіе города наперерывъ другъ передъ другомъ стараются устроить у себя какъ-нибудь всемірную или международную выставку. Не проходитъ года, чтобы такихъ выставокъ не было то въ той, то въ другой странѣ. Иногда ихъ бываетъ даже по двѣ, но три въ одно и то же время. На нынѣшній разъ очередь дошла между прочимъ и до Копенгагена, гдѣ теперь устроена собственно Скандинавская выставка, но съ особымъ отдѣленіемъ и для другихъ странъ. Изъ большихъ иностранныхъ государствъ на призывъ Даніи тотчасъ откликнулись Россія, Франція, Англія и Италія; затѣмъ, съ восшествіемъ на престолъ покойнаго императора Фридриха III, къ нимъ прибавилась и Германія, не смотря на свою спеціальную выставку въ Мюнхенѣ; Австрія же совсѣмъ отказалась отъ участія, въ виду своей собственной выставки въ Вѣнѣ. Иностраннымъ экспонентамъ назначалось въ Копенгагенѣ не болѣе какъ по 800 кв. метровъ на каждую національность; при этомъ въ ихъ отдѣлы допускались исключительно художественно-промышленные предметы, отличающіеся изяществомъ своихъ формъ и украшеній, и лишь наша Финляндія, наравнѣ со Скандинавскими государствами, т. е. съ Даніей, Швеціей и Норвегіей, могла доставить, кромѣ того, и чисто художественныя произведенія—по части живописи, скульптуры и архитектуры. Но изделія финляндской промышленности отошли все-таки къ русскимъ производствамъ, занявъ впрочемъ въ нашемъ отдѣлѣ почему-то особое мѣсто, равное приблизительно одной десятой всего пространства, отведеннаго остальной Россіи. Дѣлами по устройству собственно русскаго отдѣла завѣдывала Высочайше учрежденная коммисія по участію Россіи въ Копенгагенской выставкѣ. Она была образована при Министерствѣ Финансовъ, съ предсѣдательствомъ вице-директора Департамента Торговли и Мануфактуръ В. И. Тимирязева, изъ представителей отъ разныхъ учрежденій, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ художеству или промышленности; коммисарами-же на выставку были назначены: по собственно русскимъ губерніямъ—камергеръ П. И. Глуховской, по Финляндскимъ губ.—архитекторъ К. Я. Аренсбергъ. Для удобства, всѣ русскіе экспоненты были раздѣлены на четыре главныя группы: 1) Императорскіе и казенные заводы и фабрики (какъ-то: мозаичное отдѣленіе Академіи Художествъ; фарфоровый и стеклянный заводы; гранильныя фабрики въ Петергофѣ, Екатеринбургѣ и Колывани; Монетный дворъ, Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, Кусинскій и Златоустовскій горные заводы); 2) художественно-промышленныя школы (напр.: Рисовальная школа Императорскаго Общества поощренія художествъ, Центральныя училища техническаго рисованія гр Строганова въ Москвѣ и бар. Штиглица въ Петербургѣ, школы кружевницъ и женскихъ рукодѣлій); 3) разные частные заводы, фабрики и мастерскія по ихъ спеціальностямъ; 4) кустари (въ томъ числѣ Кавказскаго и Туркестанскаго края). Сообразно съ этимъ дѣленіемъ, распредѣлены были и мѣста на самой выставкѣ, гдѣ Россіи была отмежевана въ общей галлереѣ длинная полоса, состоявшая изъ трехъ отдѣловъ. Изъ нихъ, въ среднемъ, въ самомъ центрѣ, помѣстились издѣлія Императорскихъ и казенныхъ заводовъ и фабрикъ, окруженныя работами нашихъ лучшихъ частныхъ фабрикантовъ по части фарфора и фаянса (Корниловъ и Кузнецовъ), стекла и хрусталя (Нечаевъ-Мальцовъ), серебра и золота съ эмалью (Грачевъ, Овчинниковъ, Хлѣбниковъ, Чивилевъ), искусственныхъ цвѣтовъ (г-жа Попова), бронзы (Генрихсенъ) и проч. Затѣмъ, въ правомъ отъ главнаго входа отдѣленіи размѣстились со своими произведеніями остальные фабриканты по части бронзы и желѣза (Штанге, Верфель, Винклеръ), мебели (Ловингтонъ, Мельцеръ, Шмидтъ), разныхъ тканей — ситцевъ (Барановъ, Даниловская мануфактура), шерстяныхъ матерій (Жирардовская мануфактура), парчей (Сапожниковъ), бархатовъ (Цюндель); литографскаго дѣла (Ильинъ, Штадлеръ и Патинотъ) и проч., не считая множества мелкихъ экспонентовъ; далѣе шли кустари, примыкая къ той стѣнѣ, внѣшняя сторона которой была украшена деревяннымъ рѣзнымъ фасадомъ въ стилѣ старыхъ архангельскихъ и олонецкихъ построекъ, сооруженныхъ по проекту нашего извѣстнаго архитектора; И. П. Ропета артелью плотниковъ съ биржи г. Ратькова-Рожнова, доставившаго даровой лѣсъ для этого зданія. Наконецъ, въ лѣвомъ отдѣленіи заняли мѣсто художественно-промышленныя школы: съ одной стороны — Рисовальная школа Общества поощренія художествъ и Строгановское училище техническаго рисованія, съ другой — Штиглицевское училище. Между экспонатами послѣдняго преобладали не столько ученическія работы, состоявшія изъ росписныхъ изразцевъ для камина и изъ нѣсколькихъ десятковъ блюдъ и тарелокъ, акварелей и рисунковъ карандашемъ и перомъ съ натуры, гравюръ и композицій, — сколько издѣлія, изготовленныя, по заказамъ, въ другихъ мастерскихъ—гончарныхъ, литейныхъ и иныхъ, правда по ученическимъ же рисункамъ; напр. громадная ваза съ бронзовыми украшеніями, подсвѣчники и канделябры, рѣзной кіотъ и проч., посреди исполненныхъ самимъ профессоромъ, для курса исторіи искусства, образцовъ разныхъ стилей, а также фотолитографированныхъ Штадлеромъ и Патинотомъ снимковъ съ византійскихъ и русскихъ древностей изъ разныхъ изданій. Здѣсь мы ограничимся воспроизведеніемъ только тѣхъ щитовъ русскаго школьнаго отдѣла на Копенгагенской выставкѣ, гдѣ были размѣщены дѣйствительно произведенія учениковъ двухъ большихъ рисовальныхъ школъ—Петербургской и Московской, и сообщимъ хотя краткія свѣдѣнія о послѣднихъ, въ виду предстоящаго 50-тилѣтія первой и исполнившагося 25-ти-лѣтія второй. Притомъ не мѣшаетъ замѣтить, что, кромѣ представленныхъ нами здѣсь щитовъ и столовъ съ разными ученическими работами, по части живописи декоративной и на фарфорѣ, лѣпленія изъ воску, гравированія на деревѣ, рѣзьбы и выжиганія по дереву, выжиганія и писанія по кожѣ, акварели съ натуры и сочиненія рисунковъ (изъ Петербургской школы) и по части разныхъ маіоликовыхъ издѣлій въ русскомъ и восточномъ вкусѣ, лѣпленія орнаментовъ съ натуры, сочиненія рисунковъ по ткацкому, набивному, рѣзному и литейному дѣлу (изъ Московской). Императорское Общество поощренія художествъ выставило еще, въ среднемъ проходѣ русскаго школьнаго отдѣла, вертящуюся витрину. Здѣсь было собрано нѣсколько сотъ выполненныхъ учениками и ученицами Рисовальной школы образцовъ гравированія на деревѣ, сочиненія рисунковъ по всевозможнымъ отраслямъ художественной промышленности, между прочимъ: электрическія лампы и передъ-иконныя лампады—по заказу Государя Императора; металлическія блюда для поднесенія хлѣба и соли Его Величеству отъ Дагестанской области и нефритовыя—по заказу Петергофской гранильной фабрики; желѣзныя ворота и изразцовыя печи, переплеты и заглавные листы для изданія „Дума за думой" — по заказу Е. И. В. Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской; диванъ — по заказу Е. И. В. Евгенія Максиміліановича герцога Лейхтенбергскаго; часы—по заказу камергера Нечаева-Мальцова и проч.; наконецъ, акварели съ натуры, въ томъ числѣ съ предметовъ русскаго и восточнаго производства изъ богатѣйшаго музея принадлежащаго Обществу, для вновь предпринятаго имъ изданія подъ заглавіемъ „Сборникъ художественно-промышленныхъ рисунковъ, издаваемый съ Высочайшаго соизволенія на средства Министерства Финансовъ". На стѣнѣ, при входѣ въ тотъ-же отдѣлъ, рядомъ съ произведеніями Гельсингфорскихъ художественныхъ школъ, Обществомъ выставлены расположенные вѣеромъ лучшіе хромолитографированные листы изъ его изданій, какъ: „Русскій народный орнаментъ" съ текстомъ В. Стасова (1872), „Русскій орнаментъ" и „Искусство Средней Азіи" съ текстомъ Н. Симакова (1882), только что на-

званный „Сборникъ“. А Строгановское училище, помимо вышепоименованныхъ ученическихъ работъ спеціальныхъ классовъ, представило еще образцы послѣдовательнаго преподаванія и нѣсколько экземпляровъ своихъ изданій, которыя и выложены на столахъ въ томъ же отдѣлѣ.

Что̀ касается историческихъ данныхъ о названныхъ двухъ учрежденіяхъ, то Императорское Общество поощренія художествъ было основано нѣсколькими частными любителями въ Петербургѣ еще въ 1820 г. подъ названіемъ „Общества поощренія художниковъ“, для оказанія поддержки молодымъ начинающимъ художникамъ и для ознакомленія публики съ новыми художественными произведеніями путемъ выставокъ и изданій. Принятое затѣмъ подъ Высочайшее покровительство Императоромъ Александромъ I въ 1822 г. и Николаемъ I въ 1826 г., оно стало получать правительственную субсидію сперва въ 5000 р., потомъ въ 10,000 р. изъ Кабинета Его Величества. На его счетъ были отправлены пенсіонерами заграницу извѣстнѣйшіе русскіе художники — братья Брюлловы, Ивановъ и иные, по Россіи — братья Чернецовы и др.; его средствами пользовались почти всѣ выдающіеся художники, воспитанники Императорской Академіи Художествъ; оно завело одно изъ первыхъ въ Россіи литографскихъ заведеній и издавало одинъ изъ первыхъ русскихъ художественныхъ журналовъ. Въ 1833 г. былъ Высочайше утвержденъ первый уставъ Общества, въ 1857 г. — нѣсколько измѣненный и дополненный, наконецъ въ 1882 г.—совершенно новый, съ предоставленіемъ Обществу еще новыхъ правъ и съ наименованіемъ его „Императорскимъ“.

Этюдъ. Съ карт. Г. Швенцена, грав. М. Веберъ.

Состоящая при немъ Рисовальная школа для вольноприходящихъ, основанная министромъ финансовъ Канкринымъ въ 1839 г. и предназначавшаяся къ закрытію въ 1857 г., поступила въ его вѣдѣніе по Высочайшему повелѣнію въ 1858 г., съ назначеніемъ на ея содержаніе суммы сперва въ 4,000 р., затѣмъ въ 7,000 р. До 1868 г. она была чѣмъ-то въ родѣ подготовительнаго заведенія въ Академію Художествъ и черезъ нее прошли, можно сказать, почти всѣ дѣйствующіе теперь художники; но такъ какъ большинство учениковъ въ ней состояло все-таки изъ ремесленниковъ, то и положено было въ томъ году обратить школу въ художественно-промышленную, съ прибавленіемъ къ общерисовальнымъ и лѣпному классамъ — нѣсколькихъ спеціальныхъ, а именно: рѣзьбы по дереву, гравированія на деревѣ, живописи по фарфору, декоративной живописи, сочиненія рисунковъ по разнымъ родамъ художественно-промышленнаго производства (послѣдній съ 1870 года.). Въ теченіе 20 лѣтъ число учениковъ возросло въ ней съ 200 до 550, а учениць съ 150 до 350 (при 20 преподавателяхъ); при этомъ между учениками преобладающее мѣсто занимаютъ попрежнему ремесленники и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, а между ученицами — вообще лица привилегированныхъ сословій. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и расходы на школу съ 4,000 р. на 20,000 р. въ годъ. Изъ бывшихъ учениковъ нѣкоторые поступили рисовальщиками къ серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, Овчинникову, Хлѣбникову, Грачеву и др.; изъ учениць — работницами по части деревянной мозаики къ мебельному фабриканту Свирскому. Вскорѣ по передачѣ школы въ вѣдѣніе Общества, сильно измѣнилась и вся дѣятельность его: съ 1862 г. уничтожены пенсіонеры изъ числа художниковъ, съ 1866 года заведены ежегодные конкурсы не только по живописи, но и по художественной промышленности; съ 1870 года учрежденъ первый художественно - промышленный музей съ библіотекой и тогда же предпринято, вмѣсто выпуска въ свѣтъ гравированныхъ и литографированныхъ картинъ, видовъ и портретовъ, изданіе увражей по художественной промышленности, въ родѣ названныхъ выше. Музей и библіотека составились, главнымъ образомъ, изъ пожертвованій особъ Императорской Фамиліи и частныхъ лицъ, равно какъ изъ покупокъ на средства Общества, а Императоромъ Александромъ II былъ пожалованъ ему собственный домъ, выходящій на Б. Морскую и Мойку, гдѣ и соединились теперь всѣ отдѣльныя отрасли управленія Общества. Въ настоящее время въ его музеѣ числится свыше 8,000 предметовъ, въ библіотекѣ — болѣе 2,000 сочиненій, а въ школѣ — до 2,000 образцовъ. Капиталомъ Общество обладаетъ небольшимъ—менѣе чѣмъ въ 75,000 р.; ежегодный же бюджетъ его простирается теперь до 50,000 р., при количествѣ членовъ безъ малаго въ 750 человѣкъ. За все время своего существованія, какъ видно изъ печатныхъ отчетовъ его комитета, Общество продало разныхъ произведеній на своихъ выставкахъ въ пользу самихъ художниковъ на сумму свыше 400,000 р., пріобрѣло разныхъ предметовъ отъ нихъ же для своей ежегодной членской лотереи на сумму до 70,000 р., выдало премій на ежегодныхъ конкурсахъ на сумму свыше 50,000 р., израсходовало на содержаніе художниковъ до 60,000 р., на выдачу пособій имъ свыше 40,000 р. и, кромѣ того, учащимся въ своей школѣ— до 90,000 р., предоставило заказовъ послѣднимъ на сумму до 30,000 р., истратило на разныя изданія свыше 150,000 р.; всего же, благодаря Обществу, въ руки разныхъ дѣятелей на поприщѣ искусства перешло за время его существованія до 750,000 р.

Строгановское училище техническаго рисованія, что̀ у Страстнаго монастыря въ Москвѣ, образовалось въ 1862 г. отъ сліянія находившихся въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ двухъ

Общій видъ Копенгагенской выставки. По рис. I. Z., грав. М. Рашевскій.

„школъ техническаго рисованія“: „*второй*“ школы, основанной графомъ С. Г. Строгановымъ въ 1825 г., на свои средства, для обученія 360 ремесленниковъ и вообще дѣтей бѣдныхъ родителей разнымъ отраслямъ рисованія, относящимся до механическихъ искусствъ, а также элементарнымъ наукамъ, и принятой въ 1843 г., по Высочайшему повелѣнію, на содержаніе казны со всѣми пособіями (книгами, гравюрами, гипсовыми слѣпками), стоившими графу до 50,000 р., послѣ того какъ въ ней окончило уже курсъ 89 молодыхъ людей; и „*первой*“ школы, учрежденной въ 1836 г., по желанію Императора Николая I, при Московскомъ Дворцовомъ Архитектурномъ училищѣ для фабричныхъ мѣщанъ и переданной изъ Дворцоваго Вѣдомства въ Министерство Финансовъ въ 1842 г. Теперь на содержаніе Строгановскаго училища отпускается изъ казны до 28,500 р. въ годъ. За послѣдній 25-ти-лѣтній періодъ его существованія въ немъ окончило курсъ еще свыше 400 человѣкъ; изъ нихъ болѣе 80 поступило учеными рисовальщиками на фабрики, преимущественно ткацкія и набивныя, и около 320—учителями рисованія въ учебныя заведенія и въ частные дома; въ настоящее время въ немъ обучается у 20 преподавателей свыше 300 учениковъ, изъ которыхъ едва 1/10 принадлежитъ къ привилегированнымъ сословіямъ; остальные же 9/10—все дѣти мѣщанъ и крестьянъ, по преимуществу уроженцевъ Московской губ. За тотъ же 25-ти-лѣтній періодъ времени, бывшимъ директоромъ училища В. И. Бутовскимъ, были заведены при немъ художественно-промышленный музей съ библіотекой, выстроенъ доходный домъ на Мясницкой ул., изданы великолѣпный атласъ снимковъ съ заглавныхъ буквъ и заставокъ изъ древнихъ русскихъ рукописей подъ заглавіемъ „Исторія русскаго орнамента“ и сочиненіе французскаго ученаго архитектора Віолле-ле-Дюка „Русское искусство“, а въ прошломъ году предпринято изданіе „Мотивы орнаментовъ, снятые съ русскихъ произведеній“.

Размѣры журнала не позволяютъ намъ сдѣлать болѣе подробную характеристику двухъ старѣйшихъ художественно-промышленныхъ школъ въ Россіи, но уже и изъ нашего краткаго очерка можно видѣть, что въ нихъ обѣихъ преобладаетъ чисто національное направленіе, къ которому такъ стремятся теперь во всѣхъ странахъ а этимъ онѣ оказываютъ особенную услугу отечественной промышленности, вытѣсняя понемногу рисунками своихъ учениковъ и изданіемъ образцовъ прежняго мѣстнаго производства, иностранныя модели, къ тому же зачастую совершенно искаженныя, и за это, странное дѣло, вмѣсто порицанія, встрѣчаютъ большія похвалы отъ самихъ же иностранцевъ.

N.

Къ рисункамъ.

На жатву. (Рис. на стр. 836).

До восхода солнца, когда востокъ чуть подернулся розоватымъ свѣтомъ и на встрѣчу свѣтилу дня понеслись окаймленныя золотомъ облака, — отовсюду потянулись въ утренней прохладѣ жнецы и жницы на желтѣющую наливнымъ колосомъ ниву, чтобы по возможности сжать ее до полуденнаго зноя.

Эту картину и воспроизвелъ молодой художникъ П. Оболенскій прямо съ натуры.

Окрестности Св. Горъ въ Харьковской губерніи.

(Рис. на рис. 837).

Первыми поселенцами Святыхъ горъ, по преданіямъ, были выходцы изъ Кіева, послѣ татарскаго погрома въ 1240 году. Выходцы эти набрели на живописныя донецкія горы и тутъ поселились. Точныхъ свѣдѣній о времени основаніи обители нѣтъ, но предполагаютъ, что основателями были ушедшіе отъ разоренія иноки лавры Печерской; о томъ свидѣтельствуютъ, кромѣ ископанныхъ пещеръ, храмовые праздники, сходные съ Печерскими. Имя „Святыхъ горъ“ впервые встрѣчается, въ 1547 г., въ Книгѣ Большаго Чертежа. Татарскіе набѣги неоднократно опустошали обитель. Находясь, въ тѣ времена, на границѣ Руси и Крымской земли и будучи передовымъ постомъ монастырь сослужилъ большую службу, съ оружіемъ въ рукахъ монахи защищали границу Руси, отбивали и укрывали тысячи полоняниковъ бѣглецовъ. Въ 1679 г. татары взяли обитель и разорили ее до тла. Въ 1787 г. монастырь былъ закрытъ и монастырскія имѣнія подарены Потемкину. Только черезъ 70 лѣтъ монастырь былъ возстановленъ на прежнемъ мѣстѣ. Монастырь расположенъ весьма живописно, лучшаго мѣста нельзя было и выбрать, да и окрестности, въ особенности берега Донца, поражаютъ своею причудливой красотою. Донецъ течетъ между крутыхъ, изрытыхъ пещерами, мѣловыхъ высотъ, которыя образуютъ его правый берегъ; на одной изъ нихъ и пріютился живописный Святогорскій монастырь. Нѣсколько ниже обители Донецъ дѣлится на рукава, образуя островки, сплошь заросшіе осинами, дубами и березами. Нашъ рисунокъ передаетъ одно изъ такихъ поэтическихъ мѣстечекъ въ окрестностяхъ монастыря. Протекающая зигзагами рѣка образуетъ какъ-бы ущелье, сплошь заросшее зеленью, преимущественно дубами; берега поросли тюльпанами, фіалками, ромашкой, распространяющими масличный запахъ; всюду цѣлыя тучи щебечущихъ птицъ.

Смерть генералъ-маіора Слѣпцова.

(Рис. на стр. 841).

Рисунокъ помѣщаемый нами въ настоящемъ № *Нивы* напоминаетъ объ одномъ изъ тѣхъ героевъ Кавказа, которые своею жизнью и своею смертью способствовали закрѣпленію за Россіей этой далекой окраины, населенной такимъ воинственнымъ и неукротимымъ населеніемъ. Скажемъ два слова о знаменитомъ героѣ, въ честь котораго до сихъ поръ кавказцы поютъ военную пѣсню:

Стая на небѣ орловъ
Тучу разгоняетъ,
На чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ,
Съ Сунжей *) налетаетъ.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ родился въ Саратовѣ въ 1818 году. Его отецъ и дѣдъ—оба служили въ военной службѣ и на Кавказѣ, такъ что даже и тогда, когда онъ только поступилъ въ ряды кавказской арміи, его имя было извѣстно каждому старому кавказцу. Оставалось только поддержать честь этого имени, и Слѣпцовъ сдѣлалъ для этого все возможное. Благодаря своей необыкновенной, можно почти сказать, безумной отвагѣ, Слѣпцовъ быстро прошелъ блестящую военную карьеру: въ 1845 году (3 авг.) онъ, въ чинѣ маіора, былъ назначенъ командиромъ Сунженскаго линейнаго казачьяго полка, и создалъ такъ-называемую Сунженскую линію, которая служила твердымъ оплотомъ противъ чеченцевъ. Шесть лѣтъ Слѣпцовъ провелъ въ постоянной, непрерывной борьбѣ съ чеченцами и пріобрѣлъ среди этихъ воинственныхъ горцевъ такую громкую извѣстность, что гдѣ только бывало завидятъ они Слѣпцова на его бѣломъ конѣ, въ папахѣ съ краснымъ верхомъ, такъ ужъ бѣгутъ безъ оглядки, въ разсыпную. Въ теченіе этихъ шести лѣтъ командованія Сунженской линіей, Слѣпцовъ былъ не только командиромъ, а отцомъ и благодѣтелемъ подчиненнаго ему казачества. Безсребренникъ по природѣ своей, онъ все свое (довольно значительное) состояніе прожилъ на томъ, что отъ себя, изъ своего кошелька, вознаграждалъ и обезпечивалъ вдовъ и сиротъ тѣхъ казаковъ, которые бывали убиты подъ его командой въ дѣлахъ противъ горцевъ. Послѣ тысячи опасностей и подвиговъ, послѣ участія въ нѣсколькихъ кровопролитнѣйшихъ битвахъ, гдѣ онъ на конѣ первый изъ всего строя, въѣзжалъ на завалы и рубился шашкою,—Слѣпцовъ былъ убитъ въ ничтожномъ дѣлѣ съ горцами, на правомъ берегу рѣчки Гехи, 10 дек. 1851 года. Здѣсь, въ то время, какъ онъ велъ двѣ сотни на поддержку пѣхотѣ, занимавшейся рубкой лѣса, онъ былъ смертельно раненъ пулею на вылетъ, подъ ложечку. Въ карманѣ его нашли — гривенникъ; въ завѣщаніи своемъ онъ заботился только о своей завѣтной шашкѣ, которую назначилъ старшему изъ племянниковъ. Его похоронили въ Слѣпцовской станицѣ, на томъ мѣстѣ, которое онъ облюбовалъ для своей могилы еще при жизни. Надъ могилою его стоитъ памятникъ изъ южнаго камня, въ видѣ плиты, сажень въ пять вышины. Кругомъ желѣзная рѣшетка. 10 декабря казаки Слѣпцовской станицы совершаютъ панихиду надъ могилою своего незабвеннаго товарища и начальника. Слѣпцовъ умеръ на 33 году, въ чинѣ генералъ-маіора. Въ ту пору не легко было получить этотъ чинъ въ такіе молодые годы.

*) Т. е. съ Сунженскимъ казачьимъ полкомъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 848).

Къ числу чрезвычайно удачныхъ этюдовъ женскихъ головокъ, какъ по живописи, такъ и по тонкой и мягкой гравюрѣ, должна быть отнесена помѣщенная на стр. 848 картина Г. Швенцена, переданная талантливымъ рѣзцомъ извѣстнаго гравера М. Вебера. Спокойное и ясное выраженіе глазъ, привѣтливая улыбка, красивый національный костюмъ, — все обращаетъ на себя вниманіе въ помѣщенномъ этюдѣ.

Общій видъ Копенгагенской выставки.

(Рис. на стр. 849).

Открытая 6 (18) мая въ Копенгагенѣ художественно-ремесленная и сельско-хозяйственная выставка устроена въ память трехъ событій, имѣвшихъ существенное вліяніе на судьбы Даніи. Въ нынѣшнемъ году истекло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ принцъ-регентъ Фредерикъ, впослѣдствіи король Фредерикъ VI, послѣ долгой борьбы съ крупными землевладѣльцами, по совѣту своего министра графа Бернсторфа навсегда отмѣнилъ крѣпостное право. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ нѣсколько выдающихся предпринимателей основали Общество промышленности, которое въ теченіе полустолѣтія оказывало благодѣтельное вліяніе на развитіе ремеслъ въ Даніи. Наконецъ, четверть вѣка тому назадъ вступилъ на престолъ нынѣ благополучно царствующій король Христіанъ IX.

Выставка расположена на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ столицы, близь всемірно-извѣстнаго увеселительнаго сада Тиволи, который также включенъ въ ареалъ выставки, благодаря

чему она занимаетъ около 350 гектаровъ. На этомъ пространствѣ возвышаются разнообразныя зданія (павильоны) для различныхъ отраслей промышленности, искусства и сельскаго хозяйства, выстроенныя архитекторомъ Нирономъ въ древнемъ стилѣ деревянныхъ построекъ на Сѣверѣ — исключительно изъ дерева, пестро и изящно раскрашеннаго.

Главный отдѣлъ подъ громаднымъ куполомъ (на лѣвой сторонѣ рисунка) выстроенъ въ строгомъ стилѣ древне-норвежскихъ церквей. Зала подъ куполомъ предназначается исключительно для торжествъ и празднествъ по случаю выставки. Къ ней примыкаетъ международный художественно-ремесленный отдѣлъ, въ которомъ Швеція и Норвегія занимаютъ правую и лѣвую стороны перваго поперечнаго флигеля, а Данія — половину продольной залы; затѣмъ слѣдуютъ не-скандинавскія государства: Японія, Германія, Англія, Франція, Россія и Италія, съ особыми входами въ ихъ отдѣлы прямо изъ парка. Россія и Франція украсили свои отдѣлы своеобразными порталами. Читателямъ *Нивы* знакомъ уже внѣшній видъ русскаго отдѣла, помѣщенный нами въ № 17 за нынѣшній годъ; во Французскомъ же отдѣлѣ воспроизведенъ порталъ Тулонской думы.

Къ продольной залѣ примыкаетъ собственно художественный отдѣлъ въ особомъ зданіи, которое по внѣшнему виду вполнѣ гармонируетъ съ цѣлымъ; онъ обнимаетъ датскую, шведскую и норвежскую школы. Затѣмъ упомянемъ еще павильоны: садоводства, промышленности, датскихъ арміи и флота, рыболовства и гигіены. Обширное мѣсто занимаетъ отдѣлъ сельскаго хозяйства, въ которомъ замѣчательны молочные продукты, составляющіе, какъ извѣстно, главное богатство Даніи.

Руконожка (Chiromys madagascariensis).

(Рис. на стр. 852).

Около ста лѣтъ тому назадъ, путешественникъ Зоннератъ получилъ изъ одного лѣса на западномъ берегу Мадагаскара (громадный островъ у юго-восточныхъ береговъ Африки), пару въ высшей степени замѣчательныхъ животныхъ, о существованіи которыхъ еще никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. При видѣ ихъ даже туземцы выражали свое удивленіе криками „ай-ай!", почему это междометіе и стало собственнымъ именемъ новооткрытаго звѣрька. Только впослѣдствіи назвали его руконожкой, такъ какъ переднія и заднія лапы его организованы наподобіе руки, совершенно такъ-же какъ у обезьянъ и лемуровъ. До новѣйшаго времени одинъ изъ этихъ двухъ звѣрковъ, привезенный Зоннератомъ въ Парижъ, былъ единственнымъ экземпляромъ, дошедшимъ въ Европу, а появившееся въ 1783 г. Зоннератово описаніе, весьма несовершенное и недостаточное — единственнымъ источникомъ относительно образа жизни этихъ рѣдкихъ животныхъ. Начинали уже считать ихъ вымершими. Лишь въ 1844 году путешественнику де-Кастелю посчастливилось добыть живую руконожку, но только шкурка и скелетъ ея дошли въ Европу, а живые экземпляры стали появляться въ ея зоологическихъ садахъ всего съ 1862 года.

Руконожки, составляя особое семейство въ отрядѣ лемуровъ или полуобезьянъ, населяютъ предпочтительно бамбуковыя рощи внутри Мадагаскара. По свидѣтельству туземцевъ, животное это до того рѣдко, что лишь случайно можно увидать его. Руконожки живутъ уединенно, иногда парами, но никогда не встрѣчаются стаей. Онѣ по цѣлымъ днямъ спятъ въ самыхъ густыхъ чащахъ бамбука и только ночью выходятъ кормиться. Пища ихъ состоитъ изъ сердцевины бамбука и сахарнаго тростника, а также изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ. Дабы ее добыть, животное протачиваетъ своими крѣпкими рѣзцами отверстіе въ стволѣ растенія, вводитъ въ него средній палецъ руки и такимъ образомъ добываетъ сладкую сердцевину или насѣкомыхъ. Съ восходомъ солнца руконожка засыпаетъ, свернувшись, пряча голову между ногъ и накрывая ее пушистымъ хвостомъ. Крикъ ея похожъ на громкое хрюканье и ворчанье.

Принцъ Генрихъ Прусскій и его супруга.

(Портр. на стр. 853).

Недавно посѣтившій Россію вмѣстѣ со своимъ державнымъ братомъ, принцъ Альбертъ Вильгельмъ Генрихъ Прусскій, родился 2 (14) августа 1862 года въ Потсдамѣ, а въ апрѣлѣ 1877 года вступилъ въ число морскихъ кадетовъ. Первое практическое морское образованіе получилъ онъ на парусномъ фрегатѣ *Ніобея*, во время крейсерства въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ, за коимъ послѣдовало двухлѣтнее плаваніе въ восточно-азіатскихъ водахъ на корветѣ *принцъ Адальбертъ*, послѣ чего принцъ Генрихъ благополучно вернулся 10 (22) сентября 1880 г., 1 октября сдалъ въ Кильской морской школѣ первый экзаменъ на степень морскаго офицера, и въ день рожденія его отца, 6 (18) октября, назначенъ былъ морскимъ лейтенантомъ и поручикомъ 1 полка гвардіи. 1 октября 1882 года принцъ вторично предпринялъ дальнее плаваніе на корветѣ *Ольга* въ Вестъ-Индію и на восточный берегъ Южной Америки, по возвращеніи произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ перваго отряда матросовъ въ Килѣ, а въ 1887 г. начальникомъ I отряда миноносокъ, а затѣмъ капитаномъ корвета и свитскимъ майоромъ I полка гвардіи.

Супруга его, рожденная принцесса Гессенская, Ирина Луиза Марія Анна, родилась 11 іюля 1866 г. въ Дармштадтѣ. Она третья дочь нынѣ правящаго Великаго Герцога Лудвига IV и покойной супруги его, Алисы († 1878), дочери королевы Викторіи Англійской.

Важнѣйшіе русскіе грибы.

Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 9-ю красками.

Въ качествѣ недорогой (въ деревняхъ почти даровой) и притомъ не лишенной питательности пищи грибы занимаютъ не послѣднее мѣсто, тѣмъ болѣе что обиліе ихъ совпадаетъ какъ разъ съ сырыми, неурожайными годами, когда притомъ вслѣдствіе дождей полевыя работы по необходимости пріостанавливаются, или же осенью, когда онѣ кончены. При обиліи у насъ еще мѣстами лѣса, грибовъ бываетъ иногда такъ много, что не хватаетъ рукъ для ихъ сбора, не смотря на то, что всѣ отъ мала до велика могутъ принимать здѣсь участіе. Вѣроятно именно неопытности малолѣтокъ мы обязаны ежегодно повторяющимися случаями отравленій грибами, причемъ еще огромное большинство случаевъ, не попадая въ печать, остается неизвѣстнымъ. Крайне важно поэтому умѣть отличать съѣдобные грибы отъ ядовитыхъ. На прилагаемомъ листѣ изображены важнѣйшіе грибы съ такою точностью, чтобы по рисункамъ можно было безошибочно распознавать грибы въ природѣ. Поэтому мы далѣе ограничимся лишь краткимъ перечисленіемъ ихъ отличительныхъ признаковъ, а сначала познакомимъ нѣсколько съ ихъ жизнью.

Если, отправившись въ лѣсъ, отыскать любой грибъ и по возможности осторожно его сорвать, то часто на нижнемъ концѣ его пенька замѣтимъ какъ бы оторванные корешки, такъ что на первый взглядъ грибъ есть такое же растеніе, какъ и всѣ другія, и только отличается отсутствіемъ по большей части зеленой окраски, да особенною своею формой. Грибами вообще называются низшія споровыя растенія, лишенныя хлорофилла, т. е. зеленой окраски присущей большинству растеній, и размножающіяся не сѣмянами, а спорами подобно папоротнику. Отсутствіе цвѣтовъ у послѣдняго заставило народъ предположить, что надо обладать особеннымъ счастьемъ, чтобы увидѣть его цвѣтокъ, который де появляется лишь въ ночь на Ивана-Купала; на самомъ дѣлѣ цвѣтовъ у него совсѣмъ не бываетъ, а также и сѣмянъ, размноженіе же происходитъ спорами, сидящими на нижней поверхности его листьевъ. Изученіе грибовъ показало, что тѣ корешки которыми пенекъ гриба внѣдряется въ почву—и составляютъ собственно тѣло гриба, его мицелій, образованный сплетеніемъ длинныхъ, безцвѣтныхъ и различнымъ образомъ развѣтвляющихся тоненькихъ нитечекъ, называемыхъ гифами. Отсутствіе хлорофилла лишаетъ грибъ возможности образовать самому себѣ органическую пищу, подобно зеленымъ растеніямъ, а вынуждаетъ селиться его тамъ, гдѣ или находятся отбросы растительные или животные, какъ навозъ, перегной и т. п., или же избирать себѣ кормильца въ видѣ растенія или животнаго. Та же причина заставила нѣкоторые грибы вступить въ сожительство съ нѣкоторыми зелеными водорослями и образовать такимъ образомъ составной организмъ, называемый лишаемъ, гдѣ грибъ, получая отъ водоросли пищу, въ свою очередь даетъ послѣдней необходимую ей защиту и опору, благодаря чему она можетъ болѣе расправиться на солнцѣ, — почему и питаніе ея дѣлается обильнѣе и ростъ роскошнѣе. Мицелій даетъ на поверхность почвы плодоносныя гифы, слагающіяся въ плодоносъ или плодовое тѣло гриба, которое бываетъ очень разнообразной формы: иногда представляется въ видѣ гриба, какъ онъ извѣстенъ въ общежитіи, съ пенькомъ и шляпкою; другой разъ бываетъ лопастной, кустарно развѣтвленной формы, или же принимаетъ видъ роговыхъ желваковъ или наростовъ на деревьяхъ, какъ напр. общеизвѣстный трутовикъ (Polyporus fomentarius), который собирали прежде въ большомъ количествѣ для приготовленія изъ него трута. Плодоносныя гифы кончаются спорами, которыя часто лежатъ густымъ слоемъ, называемымъ гименіальнымъ. Различное залеганіе этого слоя даетъ признаки для различенія грибовъ. Интересною особенностью нѣкоторыхъ грибовъ является способность гименіальнаго слоя свѣтиться въ темнотѣ наподобіе свѣтляка, причемъ споры не обладаютъ этимъ свойствомъ. Такъ подъ оливковыми деревьями въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ появляется грибъ золотисто-желтаго цвѣта Agaricus olearius, который вечеромъ, благодаря своей фосфоресценціи, дѣлается особенно замѣтнымъ. Еще сильнѣе проявляется она у Agaricus Gardneri, который, изливая красивый зеленоватый свѣтъ, даетъ возможность замѣтить его на разстояніи уже 1000 шаговъ; воспользовавшись-же нѣсколькими экземплярами этого гриба, можно читать въ темнотѣ.

На прилагаемомъ рисункѣ имѣются представители двухъ семействъ. Семейство Agaricini отличается тѣмъ, что гименіальный слой залегаетъ на нижней поверхности шляпки въ видѣ

Руконожка (Chiromys madagascariensis). Рис. и грав. Шпехтъ.

лучеобразно расположенныхъ тоненькихъ пластиночекъ, тогда какъ у Боровиковаго (Polyporei) слой этотъ находится на внутренней поверхности тоненькихъ трубочекъ, такъ плотно соединенныхъ другъ съ другомъ, что нижняя поверхность шляпки представляется сплошною массою съ небольшими отверстіями; впрочемъ, стòитъ лишь разломить шляпку гриба, чтобы въ послѣднемъ разубѣдиться.

Общею извѣстностью пользуется очень ядовитый **Мухоморъ** (Amanita muscaria), ярко красныя шапочки котораго съ бѣлыми пятнами такъ рѣзко отличаютъ его отъ другихъ грибовъ, что, къ счастью, ошибиться въ немъ невозможно. Выше упомянутыя бѣлыя пятна на верхней поверхности шляпки—не чтò иное, какъ остатки пузыря, облекающаго въ молодости его верхнюю часть и лопающагося при дальнѣйшемъ быстромъ вытягиваніи пенька, причемъ часть остается на шляпкѣ, другая же сохраняется на пенькѣ въ видѣ ожерелья. Интересно, что ядовитыя свойства его очень давно извѣстны. Оказывается именно, что, по словамъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ лѣтописей, въ Норвегіи въ древности существовали богатыри, носившіе названіе *берсеркеровъ* которые по временамъ приходили въ страшное бѣшенство, причемъ теряли и разумъ и человѣчность; все попадавшееся имъ тогда подвергалось уничтоженію, будь это человѣкъ, звѣрь или неодушевленный предметъ. Сила ихъ при этомъ возрастала настолько, что лѣтописи могли представить ихъ себѣ только въ видѣ великановъ. Какъ теперь выяснено, временное ихъ бѣшенство происходило отъ того, что они съѣдали кусочки мухомора, причемъ особенно употребляли его передъ битвою, ибо тогда они съ удесятеренными силами и притомъ нисколько не чувствуя своихъ ранъ, набрасывались на противниковъ. Свѣтъ христіанства прекратилъ „берсеркерство“, хотя по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ Исландіи, напр., пришлось обратиться къ карательнымъ мѣрамъ для его искорененія. Впрочемъ, еще и въ настоящее время потребленіе этого вреднаго гриба въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжается. Такъ у насъ самоѣды и коряки пользуются его отваромъ съ цѣлью пьянства; послѣдніе вымѣниваютъ его за дорогую цѣну у своихъ сосѣдей камчадаловъ, которые спеціально для нихъ его собираютъ, причемъ конечно не остаются въ накладѣ, такъ какъ иногда за маленькій кусочекъ мухомора берутъ цѣлаго оленя, пользуясь тѣмъ что тамъ этотъ грибъ сравнительно не часто попадается.

Принцъ Генрихъ Прусскій и его супруга. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Вообще слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью къ грибамъ съ ожерельемъ, ибо всѣ они ядовиты за исключеніемъ употребляемыхъ въ пищу шампиньона, скрипицы и масленка.

Скрипица (Lepiota procera) представлена на рисункѣ въ натуральную величину, хотя иногда она достигаетъ вдвое большихъ размѣровъ. Отличить ее можно по свѣтло-коричневой шляпкѣ со многими темно-коричневыми остатками покрывала въ видѣ клочьевъ, причемъ вся срединная возвышенная часть также темнокоричневаго цвѣта, пенекъ съ большимъ ожерельемъ и нижнимъ сильно утолщеннымъ концомъ — внутри полый и также покрытъ снаружи какъ бы темно-коричневыми чешуйками.

Шампиньонъ (Psalliota campestris) въ молодости очень походитъ на ядовитую **Лѣсную поганку** (Amanita phalloides — см. рис.), но цвѣтъ послѣдней нѣсколько желтовато-зеленоватый, тогда какъ у шампиньона въ молодости — бѣлый, впадающій въ коричневый цвѣтъ. Лучшее же средство для ихъ различенія заключается въ пріятномъ характерномъ запахѣ шампиньона, тогда какъ поганка пахнетъ плѣсенью. Пластинки на нижней поверхности шляпки, будучи сначала бѣлыми, затѣмъ постепенно блѣдно-розовыми, далѣе красновато-коричневыми подъ конецъ принимаютъ черноватый цвѣтъ. Пенекъ плотный, бѣлый, подчасъ съ красновато-коричневымъ оттѣнкомъ.

Рыжикъ (Agaricus deliciosus), отличающійся матово-оранжевымъ цвѣтомъ шляпки, пріобрѣтающей затѣмъ въ срединѣ углубленіе, вокругъ котораго располагаются темно - оранжевые круги,—на нижней поверхности шляпки имѣетъ пластинки красиваго оранжеваго цвѣта. Пенекъ тоже оранжеваго цвѣта, сверху до низу одинаковой толщины, въ старости дѣлается внутри пустымъ.

Въ Германіи очень озабочены тѣмъ, чтобы не смѣшать его съ вредною, по мнѣнію нѣмцевъ, **Волнушкою** (Agaricus torminosus); у насъ волнушка преспокойно употребляется въ пищу, различіе же въ свойствахъ здѣсь вѣроятно обусловлено климатическими или даже почвенными условіями. Отличается она отъ рыжика болѣе глубокою впадиною въ срединѣ шляпки и болѣе темнымъ цвѣтомъ. Главное же отличіе заключается въ цвѣтѣ грибнаго сока, легко вытекающаго при разламываніи: у рыжика онъ красиваго оранжеваго цвѣта, переходящаго на воздухѣ въ зеленоватый, тогда какъ у волнушки онъ бываетъ бѣлаго цвѣта. По наружному виду близокъ къ только-что упомянутымъ **Груздь** (Agaricus piperatus); рѣзкое отличіе заключается впрочемъ въ томъ, что весь онъ бѣлаго цвѣта.

Стòитъ только разъ познакомиться, хотя бы на рисункѣ, съ ружнымъ видомъ **Лисички** (Cantharellus cibarius), чтобы ее не смѣшать съ другими грибами; слѣдуетъ только позаботиться о томъ, чтобы сумѣть отличить его отъ нѣсколько сходной съ нимъ **Поплаушки** (Cantharellus aurantiacus), чтò впрочемъ будетъ не трудно, если обратить вниманіе на то, что у послѣдней верхняя поверхность шляпки бархатиста и что пластинки болѣе густо окрашены въ желтый цвѣтъ, чѣмъ сама шляпка,—впрочемъ и случай къ этому представится не такъ часто, благодаря относительной рѣдкости поплаушки.

Къ этому же семейству Agaricini относится еще **Сыроѣжка** (Agaricus integer), которая, считаясь у насъ съѣдобною, въ Германіи пользуется славою вреднаго гриба. У сыроѣжекъ весьма разнообразна окраска (чаще красная) верхней поверхности шляпки, которая у нихъ всегда нѣсколько вогнута. Пластинки постоянно бѣлаго цвѣта, равно какъ и пенекъ, который до низу одинаковой толщины.

На пняхъ березы и нѣкоторыхъ другихъ деревьяхъ часто можно встрѣтить цѣлыя кучки **Березовыхъ опенокъ** (Hypholoma fascicularis). Это грибы небольшой величины съ желтовато-бурыми шляпками и такими же пластинками; названіе свое они получили благодаря тому, что избираютъ себѣ мѣстомъ произрастанія деревья, въ которыхъ развѣтвляется ихъ мицелій.

Изъ представителей, другаго семейства — Боровиковаго лучшимъ считается **Бѣлый грибъ** или боровикъ (Boletus edulis). На свѣтло-коричневомъ, утолщенномъ внизу пенькѣ съ бѣленькими нѣжными жилками сидитъ толстая темно или красновато-коричневая шляпка съ тоненькими, бѣлыми, позже желтоватыми трубочками на нижней поверхности. Особенно обращаемъ вниманіе на то, что пенекъ его никогда не бываетъ краснымъ, чтобы не смѣшать его съ немного похожимъ на него однимъ вреднымъ грибомъ.

Березовикъ (Boletus scaber) вообще схожъ съ боровикомъ. Шляпка его сѣровато-оранжеваго цвѣта или красновато-коричневаго и сравнительно съ пенькомъ не велика; трубочки бѣлыя, принимающія затѣмъ свѣтло-сѣрый, а далѣе и темно-сѣрый цвѣтъ, отъ прикосновенія къ нимъ легко темнѣютъ и молодыя. Пенекъ длинный испещренъ особенно книзу темными шероховатыми полосами.

Подосиновикъ или красный грибъ (Boletus versipellis s. aurantiacus) въ молодости представляетъ какъ бы столбики съ кирпично-красными шапочками, плотно облегающими высокій не утолщающійся пенекъ. Въ болѣе позднемъ возрастѣ края шляпки загнуты къ пеньку. Какъ трубочки, такъ и вообще все его мясо бѣлое и довольно твердое.

Моховикъ (Boletus subtomentosus), будучи въ общемъ похожъ на только что упомянутые грибы, отличается тѣмъ, что его шляпка, сѣровато-коричневаго цвѣта сверху и желтовато-зеленоватаго снизу, на ощупь гораздо мягче предъидущихъ и легко повреждается. Отличительнымъ признакомъ еще является, что мясо непосредственно подъ кожицею шляпки окрашено въ красивый красный цвѣтъ; вообще же оно имѣетъ свѣтло-желтую окраску.

Масленокъ (Boletus luteus) часто встрѣчается въ лѣсахъ въ большомъ количествѣ. Отличить его можно по слизистой грязно-коричневаго цвѣта верхней поверхности его толстой шляпки, которая легко отламывается отъ пенька, по очень тоненькимъ трубочкамъ красиваго свѣтло-желтаго цвѣта, а также по сперва бѣлому, затѣмъ темнѣющему ожерелью на свѣтло-желтомъ пенькѣ.

Уже по своеобразной формѣ **Сморчокъ** (Morchella esculenta) нельзя было подвести ни подъ одно изъ приведенныхъ семействъ и дѣйствительно онъ рѣзко отъ нихъ отличается. Вся морщинистая коричнево-бураго цвѣта поверхность его шляп-

ки, представляющейся въ видѣ булаво-виднаго утолщенія его пенька, усѣяна отверстіями, открывающимися въ сумочки со спорами, причемъ эти сумочки открываются лишь впослѣдствіи. Его характерная форма не дозволяетъ смѣшать съ другими грибами, почему подробнѣе его и не описываемъ.

Въ заключеніе, замѣтимъ вообще, что нѣкоторые грибы, считающіеся за границею вредными, у насъ поѣдаются безо всякаго вреда для здоровья. Въ Англіи, напр., вообще не ѣдятъ никакихъ грибовъ за исключеніемъ шампиньоновъ. Съ другой стороны, безнаказанность потребленія всякихъ грибовъ у насъ особенно поражала путешествовавшихъ по Сибири ученыхъ, какъ Палласъ и др. Поэтому находятъ, что свойства гриба могутъ сильно измѣняться сообразно съ климатическими и почвенными условіями; нѣкоторыми учеными вообще даже признается, что „ядовитость грибовъ на Сѣверѣ уменьшается и даже вовсе пропадаетъ.“ Подобный же примѣръ представляетъ наша пшеница, которая, по анализамъ Бибра, Лясковскаго и др., значительно разнится отъ заграничной, заключая въ себѣ больше азота.

Грибы, будучи легко сохраняемы по годамъ, если хорошо высушены, мѣстами служатъ предметомъ обширной торговли. Такъ на основаніи статистическихъ данныхъ извѣстно, что въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи жители собираютъ, сушатъ и продаютъ бѣлыхъ грибовъ на двѣсти тысячъ рублей въ годъ, считая по мѣстнымъ цѣнамъ 60 коп. за фунтъ. Цифра очень почтенная, но она могла-бы еще легко увеличиться, если-бы были указаны разумные способы сбора и заготовки грибовъ. Касательно сбора слѣдуетъ замѣтить, что цѣлесообразнѣе не срывать грибы, а срѣзать ихъ ножемъ такъ, чтобы нижняя часть пенька оставалась въ почвѣ, ибо при вырываніи повреждается мицелій гриба, что конечно вредитъ дальнѣйшему его плодоношенію. Также является очень желательнымъ болѣе обширное и цѣлесообразное искусственное разведеніе грибовъ, которое за границею все болѣе и болѣе развивается. Во Франціи, гдѣ болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ занимаются разведеніемъ шампиньоновъ, въ недавнее время введенъ новый способъ культуры ихъ, благодаря которому сборъ получается вдвое большій сравнительно съ прежнимъ. Для этого въ назначенномъ мѣстѣ, обыкновенно въ подвалѣ, хорошенько утрамбовываютъ грядку изъ простаго измельченнаго гипса; ни конскаго навоза, ни земли, какъ это прежде дѣлали, не прибавляютъ. Затѣмъ смѣшиваютъ мицелій и споры (т. е. просто кусочки шляпки) шампиньона съ большимъ количествомъ селитры, зарываютъ на 3—4 миллиметра въ грядку и поливаютъ по временамъ водою съ небольшою примѣсью растворенной селитры. Чрезъ нѣсколько недѣль (въ зависимости отъ теплоты помѣщенія) уже появляются грибы, сборъ коихъ почти неограниченъ, причемъ чемъ нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ вѣса въ 2—3 фунта.

Вообще слѣдуетъ ожидать, что грибы завоюютъ себѣ со временемъ надлежащее мѣсто среди другихъ пищевыхъ веществъ, тѣмъ болѣе, что по содержанію питательныхъ веществъ они близко подходятъ къ снятому молоку и сывороткѣ и много превосходятъ огурцы и тому подобныя овощи. Чтобы показать это на дѣлѣ, приводимъ результаты анализовъ въ круглыхъ цифрахъ: въ снятомъ молокѣ около 4% азотистыхъ веществъ, около $^{1}/_{3}$% жира, 4% углеводовъ и нѣсколько менѣе 1% золы; въ сывороткѣ $3^{1}/_{2}$% азотистыхъ веществъ, около $^{1}/_{3}$% жировъ, $2^{3}/_{4}$% углеводовъ и золы немного болѣе $^{1}/_{2}$%; въ шампиньонѣ около $3^{2}/_{3}$% азотистыхъ веществъ, $^{1}/_{3}$% жировъ, $2^{3}/_{4}$% углеводовъ, $1^{1}/_{2}$% клѣтчатки и $^{1}/_{2}$% золы; огурцы содержатъ 1% азотистыхъ веществъ, $2^{1}/_{4}$% углеводовъ, $^{1}/_{2}$% клѣтчатки и около $^{1}/_{4}$% золы,—остольное количество вездѣ вода. Изъ этихъ цифръ видно, что въ грибахъ содержится сравнительно много клѣтчатки, причемъ клѣтчатка мицелія грибовъ отличается особенною неудобоваримостью, но впослѣдствіи вѣроятно будетъ найденъ такой способъ ихъ приготовленія, который устранитъ и этотъ недостатокъ.

М. Штауде.

Политическое обозрѣніе.

Главный интересъ истекшей недѣли составляли выборы во Французскую палату депутатовъ. Производившіеся въ 3-хъ департаментахъ выборы закончились, какъ уже извѣстно изъ телеграммъ, избраніемъ генерала Буланже во всѣхъ трехъ департаментахъ. Само собой разумѣется, что эта манифестація должна была произвести весьма неблагопріятное впечатлѣніе во французскихъ правительственныхъ сферахъ, гдѣ до послѣдняго момента разсчитывали, что Буланже непремѣнно потерпитъ на выборахъ пораженіе. Выборы прошли весьма бурно; всюду гдѣ появлялся генералъ Буланже происходили шумныя манифестаціи, требовавшія вмѣшательства полиціи и жандармеріи и доводившія до открытаго столкновенія. Въ Амьенѣ и Дулланѣ произведено много арестовъ. Въ Парижѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ выборовъ. Передъ редакціями буланжистскихъ газетъ собрались громадныя толпы народа. Въ теченіе нѣкотораго времени полиція была даже не въ силахъ прочищать дорогу пѣшеходамъ. Толпа пѣла новый буланжистскій гимнъ „Овернскіе рекруты“ и восторженно привѣтствовала выставленные транспаранты съ портретами Буланже и Кёхлина. Результаты этихъ выборовъ наносятъ сильный ударъ республиканской партіи. Почти неслыханная въ лѣтописяхъ внутренней жизни Франціи побѣда одержана генераломъ Буланже на выборахъ въ департаментахъ Сѣверномъ, Нижней-Шаранты и Соммы. 263,730 голосовъ поданы за него избирателями, и во всѣхъ трехъ департаментахъ избраніе Буланже является обезпеченнымъ. Громадная побѣда, одержанная генераломъ Буланже, произвела всюду глубокое впечатлѣніе. Выборы эти пріобрѣтаютъ крайне непріятный оттѣнокъ для правительства и потому, что рядомъ съ Буланже побѣдителемъ остался г. Кёхлинъ, эльзасецъ родомъ, за послѣднее время сблизившійся съ буланжистами. Кёхлинъ получилъ 126,000 голосовъ и также избранъ.

Событіе это доказываетъ насколько сильно политическое обаяніе генерала, славящагося какъ защитникъ внѣшняго достоинства Франціи. Выборы доказали, что Французскій народъ умѣетъ цѣнить своихъ патріотовъ, стоящихъ на стражѣ и дорожащихъ достоинствомъ отечества въ международныхъ столкновеніяхъ. Выборъ Буланже явился какъ бы отвѣтомъ французской націи на рѣчь императора Вильгельма, произнесенную въ Франкфуртѣ, гдѣ на состоявшемся по случаю открытія памятника принцу Фридриху-Карлу обѣдѣ оберъ-бургомистръ провозгласилъ „Hoch“ въ честь присутствующаго на обѣдѣ императора. Императоръ благодарилъ и въ признательныхъ выраженіяхъ напомнилъ о вѣрности и преданности народа Гогенцоллернскому дому, воздалъ хвалу желѣзному характеру и стратегическому генію принца Фридриха-Карла, который былъ вождемъ Бранденбургскаго корпуса и сражался подъ Тіонвилемъ, гдѣ одержалъ побѣду надъ врагомъ. „Отъ пріобрѣтеннаго — присовокупилъ императоръ — никогда мы не откажемся и предпочтемъ скорѣе положить на мѣстѣ восемнадцать армейскихъ корпусовъ Германіи и 42 милліона нѣмцевъ, чѣмъ уступить хотя бы одинъ камень изъ пріобрѣтенной земли“. Въ этомъ именно духѣ императоръ и провозгласилъ тостъ за бранденбургскій городъ Франкфуртъ и 3-й армейскій корпусъ Рѣчь эта относится исключительно къ тѣмъ, съ кѣмъ побѣдоносно сражался покойный принцъ. Рѣчь Вильгельма II не представляетъ, конечно, ничего неожиданнаго. Понятно, что, возвратившись въ Германію увѣреннымъ въ обезпеченіи европейскаго мира, императоръ нашелъ нужнымъ дать понять германской публикѣ, что результатъ этотъ достигнутъ путемъ такихъ соглашеній, въ которыхъ не играетъ никакой роли возможность возвращенія Франціи отвоеванныхъ провинцій. Играло можетъ быть роль и желаніе заявить, что императоръ Вильгельмъ II искалъ гарантій мира вовсе не потому, чтобы не былъ готовъ на самую отчаянную войну за сохраненіе неприкосновенности территорій Германской имперіи.

Франкфуртская рѣчь Вильгельма II возбудила интересъ въ австро-венгерскихъ политическихъ сферахъ и печати, которыя стремятся выставить на видъ послѣдовавшее якобы ухудшеніе отношеній между Германіею и Россіею. Германская *Köln. Zeit.* заявляетъ по поводу рѣчи, что воинственности въ рѣчи императора нѣтъ и тѣни. Но знаменательно, что бóльшая часть оффиціозной канцлерской печати продолжаетъ враждебныя Франціи выходки. Много толковъ въ печати вызвало также назначеніе графа Вальдерзес на постъ начальника Главнаго германскаго генеральнаго штаба, такъ какъ графъ считается однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ австро-германскаго военнаго союза.

Итальянскій премьеръ Криспи прибылъ въ Германію. Что это не простое путешествіе видно изъ того, что одновременно съ главою итальянскаго министерства въ Фридрихсруэ прибылъ директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ въ Италіи и секретарь г. Криспи, какъ президентъ совѣта итальянскихъ министровъ. Слѣдовательно, съ г. Криспи пріѣхала къ имперскому канцлеру цѣлая канцелярія. Въ Фридрихсруэ понадобилось и присутствіе итальянскаго посла при Берлинскомъ дворѣ, графа де-Лоне, котораго, князь Бисмаркъ пригласилъ, уже по пріѣздѣ туда итальянскаго премьера. Послѣднія извѣстія изъ Вѣны сообщаютъ, что тамъ въ дипломатическихъ кружкахъ приписываютъ „важное значеніе“ путешествію Криспи. Тамъ смотрятъ на дипломатическое столкновеніе по дѣлу о Массовѣ, какъ на результатъ „непримиримой вражды между Италіей и Франціей“.

Выборы Буланже также не мало ускорили это свиданіе; полагаютъ, что при свиданіи князя Бисмарка съ Криспи, состоится между Германіею и Италіею соглашеніе относительно возможныхъ самыхъ серьёзныхъ случайностей.

Ясно, что здѣсь намекается на войну съ Франціей. Но во Франціи не видно никакихъ воинственныхъ замысловъ. Она завела лишь дипломатическій споръ съ Италіей по вопросу, въ которомъ она защищаетъ общеевропейское право.

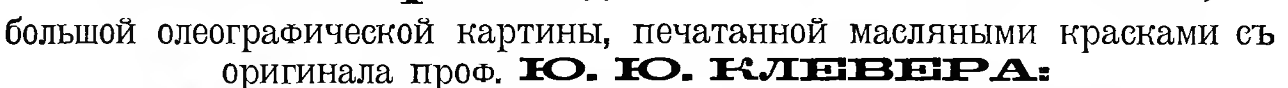
Въ Фридрихсруэ ожидали и графа Кальноки, но по послѣднимъ извѣстіямъ Криспи ѣдетъ въ Вѣну для переговоровъ съ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; туда-же ѣдетъ и князь Бисмаркъ, чтобы вмѣстѣ съ Криспи навѣстить графа Кальноки. Вообще Вѣна стала сборнымъ пунктомъ для

дипломатовъ. Туда уже прибылъ австрійскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ и австрійскій посолъ при дворѣ султана, а также дипломатическій агентъ въ Софіи г. Буріанъ. Значитъ, тамъ идутъ теперь рѣчи и подготовляются рѣшенія по восточному вопросу или, въ частности, по вопросу болгарскому.

Очевидно, что-то затѣвается. Англійскія газеты и въ особенности *Times* утверждаютъ, что свиданіе это является новымъ подтвержденіемъ упроченія союза среднеевропейскихъ державъ, дальнѣйшее существованіе котораго остается де главнѣйшею гарантіей европейскаго мира.

Трудно вѣрить въ миръ, обставленный такими недружелюбными отношеніями. Фразы о мирѣ остаются только фразами. Отношенія Италіи къ Франціи болѣе чѣмъ вызывающія. Вѣнскія газеты утверждаютъ, что нота Криспи по массовскому дѣлу внушена княземъ Бисмаркомъ, слѣдовательно Италія является только застрѣльщикомъ. *Neue Freie Presse* утверждаетъ, что Италія, благодаря своему союзу съ Германіей и Австро-Венгріей, занимаетъ въ массовскомъ вопросѣ настолько сильную позицію, что Франція вынуждена будетъ уступить.

Но слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что и Франція не лишена союзниковъ въ этомъ дѣлѣ. Мы уже говорили о протестахъ Порты и Греціи, по послѣднимъ извѣстіямъ Египетъ также протестовалъ противъ установленія итальянскаго протектората надъ Зулой. Въ отвѣтъ на обвиненіе въ непослѣдовательности, греческому посланнику въ Римѣ Папагропуло предписано вручить Криспи дополнительную ноту, въ которой аонскій кабинетъ опровергаетъ итальянскія обвиненія. Папагропуло, на основаніи данной ему инструкціи, долженъ утвердительно заявить, что Греція всегда поступала послѣдовательно, никогда не признавала правильными притязаній Италіи на отмѣну капитуляцій и никогда не приказывала живущимъ въ Массовѣ грекамъ уплачивать городскіе налоги.

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. **Ю. Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(подробности см. въ предъидущ. №. 33).

Рѣшеніе шашечной задачи № 48 (помѣщенной въ № 29).

Бѣлыя.	Черныя.
1. a 5 — c 3	a 7 — b 6 (a, b)
(если 1.	h 6 — g 5
то 2. c 1 — h 6	a 7 — b 6
3. h 6 — g 7	
4. c 3 — f 6 и т. д.)	
2. c 1 — c 3	b 6 — a 5 (c, d)
3. e 3 — c 5	h 6 — g 5 (e)
	(если-же f 6 — g 5
то 4. c 3 — f 6	
5. c 5 — f 8 и далѣе понятно, если-же	
3.	c 5 — f 4
то c 3 — h 8 и т. д.)	
4. c 5 — d 4	g 5 — f 4 (f, g)
5. c 3 — a 1	f 4 — h 2
	(если c 5 — c 3
то 5. a 1 — g 7	
„ 6. g 7 — c 3)	
6. d 4 — e 3	a 5 — b 4
7. e 3 — d 4	c 5 — c 3
8. a 1 — h 8 и т. д.	

a) 1. . . . . . . f 6—g 5, 2. c 3—g 7. h 6—f 8; 3. c 1—h 6, a 7—b 6 (если f 8—e 7, то 4. h 6—g 7 и т. д.); 4. h 6—e 3, b 6—a 5; 5. e 3—d 4 и т. д.

b) 1. . . . . . . c 5—f 4; 2. c 3—h 8, f 4—h 2; 3 h 8—d 4 и т. д.

c) 2. . . . . . . f 6—g 5: 3. c 3—g 7 и т. д. какъ въ варіантѣ *a*.

d) 2. . . . . . . b 6—c 5; 3. e 3—b 6. h 6—g 5 (если f 6—g 5, то 4. c 3—g 7; 5. b 6—e 3 и т. д.): 4. b 6—d 4 и какъ въ главномъ рѣшеніи.

e) 3. . . . . . a 5—b 4, то 4. c 5—a 3, h 6—g 5; 5. a 3—c 5 и 6. c 5—d 4 и т. д.

f) 4. . . . . . . a 5—b 4; 5. c 3—a 5; 6. a 5—h 6 и т. д.

g) 4. . . . . . . e 5—f 4: 5. d 4—h 8 и 6. c 3—d 2 и т. д.

Нѣкоторые варіанты, вслѣдствіе ихъ легкости, пропущены; они и такъ очевидны.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Я. В. Васильева, П. П. Мосалова, **Исады**—В. И. Кожина, **Муромъ**—Ф. М. Уткина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 49 (помѣщенной въ № 29).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф d 1—d 2	g 6—f 5
2) f 2—f 4+	Куда угодно.
3) Ф d 2—a 2, С e 6—d 5, Ф d 2—d 5++	

a.

1)	Л h 4—e 4
2) f 2—f 4+	Л e 4—f 4:
3) Ф d 2—d 5++	

b.

1)	Куда угодно.
2) Ф d 2—c 3+	Л h 4—e 4
3) f 2—f 4++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—П. Гвоздичкина, **Вологда**—П. В. Пзимова, **Дисна**—Ф. Іоффе, **Исада**—В. И. Кожина, **Красная Луна**—А. П. Шульженко, **Люботинъ**—Д. Черпущенко, **Петровское**—Стараго Инвалида, **Россіены**—Шахмат. кружка, **Смоленскъ**—В. В. Рачинскаго, **Югостица**—Случайныхъ игроковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—картины проф. Ю. КЛЕВЕРА

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“,

поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марнсъ.** Редакторъ **В. Клюшниновъ.**

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ листовъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя, и всѣ танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра и значительно длиннѣе, чѣмъ у другихъ ручныхъ органовъ.

Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами 35 руб., простаго фениксъ прежней конструкціи съ 10-ю пьесами **25 руб.** Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по **70 коп.** Списокъ пьесъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — **безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 3316

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива“.** № 2405

5,000,000 деревьевъ приготовлено въ питомникахъ для продажи, изъ коихъ 800,000 фруктовыхъ. Цѣна фруктовымъ привитымъ отъ 5 к. за дерево, лѣснымъ—отъ 80 к. за тысячу деревъ. Прейсъ-курантъ по требованію. Садоводство **В. В. Быханова** въ Липецкѣ (Тамб. губ.) высылаетъ безплатно,

---

Москва, Арбатъ, Мал. Песковскій пер., д. Адамовича. Ц. № 3313 1—1

Только ОДИНЪ рубль.
Только ОДИНЪ рубль.
Только ОДИНЪ рубль.
Только ОДИНЪ рубль.
Только ОДИНЪ рубль.

стоитъ **необходимая и практичная** вещь для каждаго человѣка, каждый можетъ имѣть постоянно при себѣ свой именной штемпель, каждый можетъ самъ отпечатать себѣ визитныя карточки, разныя бланки, отмѣтить свои вещи, книги, бѣлье и проч., эта вещь есть

Удобная, необходимая и практичная вещь для каждаго человѣка, по доступной цѣнѣ.

Брелокъ-штемпель носится при цѣпочкѣ часовъ и очень украшаетъ цѣпочку.

изящно отдѣланный никеллированный БРЕЛОКЪ-ШТЕМПЕЛЬ

содержащій въ себѣ изъ настоящаго каучука изготовленный штемпель, изображающій имя, отчество и фамилію по желанію также и званіе или мѣстожительство того лица, которое заказываетъ штемпель; этотъ штемпель даетъ чистые и красивые оттиски, и на столь проченъ, что можетъ прослужить много лѣтъ; одинъ флаконъ штемпельной краски (хватающій для штемпеля на нѣсколько лѣтъ) прилагается **безплатно.**

Цѣна за такой **брелокъ-штемпель** лишь **ОДИНЪ рубль сер.,** желающіе получить такой брелокъ **золоченый** съ прелестною отдѣлкою, прилагаютъ за это еще **60 копѣекъ** (деньгами или почтов. марками) при такой цѣнѣ каждому возможно и слѣдуетъ заказать себѣ такую необходимую вещь.

При заказѣ прошу четкимъ почеркомъ написать имя, отчество и фамилію, которыя желаютъ помѣстить въ штемпелѣ и адресъ, куда выслать.

Заказы съ деньгами прошу посылать по адресу:

въ гор. **Нарву,** СПБ. губ.,
Купцу **Веніамину Давидовичу Михайловскому.** № 3315

Въ книжномъ магазинѣ

Н. Киммеля въ Ригѣ

вышло изъ печати:

3имъ

дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ

Практическое Руководство къ

культурѣ Розъ

И. А. Штегманна.

Цѣна 75 коп., съ пересыл. 80 коп.

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНКА

для выдѣлыванія пуговицъ.

Необходимо для всѣхъ портнихъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.

Новѣйшая, простая и очень практическая машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

!ПРОЧНѢЕ и ДЕШЕВЛЕ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

ЦѢНЫ МАШИНКИ:	Р. К.	ЦѢНЫ ПУГОВИЦЪ:	Р.
для портныхъ	18 —	Пуговицы	1 за гроссъ.
		22 28 32 36	
„ портнихъ	13 50	1 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к.	„ „ „
„ для каретник. и сѣдельщик.	20 —	Пуговицы	7 за тыс.
для драпировщиковъ и декоратор.	15 —	Пуговицы	3 за тыс.

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!

Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ:

у С. БЕРНШТЕЙНА „ ФРАНЦА ГЮНТЕРЪ МОСКВА Большая Лубянка, Варсонофьевскій пер., домъ Рябушинскихъ,
9—5 **и въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у Франца Гюнтеръ, Садовая, № 12.** № 3270

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—13

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна Флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона.—пров. Кинуненъ. (32) № 2946

ПАНСІОНЪ Ѳ. В. ГЕДЕ. № 3317 2—1

(СПБ., Изм. полкъ. 2-я рота, д. 3 (противъ Инст. Гражд. Инжен.)

Общеобразовательное частное учебное заведеніе 2-го разряда съ приготовительнымъ классомъ. Пріемъ ежедневно съ 11—3 и съ 5—6. Начало классовъ 31 августа.

А. РОДЖЕРСЪ

Учебникъ англійскаго языка (2-е изд.), для школъ и самообученія).

I часть—75 к., II ч.—1 р. 50 к. Прод. въ лучш. книжн. магазин. и у автора: СПБ., Пушкинская, 20. № 3 318

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. **Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича.**

Наставленіе къ уходу и каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки. 0-2

№ 4711
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ
МЫЛА

получили извѣстность, благодаря своимъ качествамъ: значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Спеціально рекомендую:

№ 4711 Роза — Хрустальное мыло,
№ 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Резеда—Хрустальное мыло.
№ 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Монополь — Глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3268 2—2

ГЛАВНОЕ ДЕПО

у АЛЕКС. ТИСЪ и К°.

Пушкинская, № 4.

КЛИШЕ

Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Прейсъ-куранты, Объявленія и пр.

КСИЛОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

КАРЛЪ РИХТЕРЪ

Троицкая улица, д. № 27а.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

КЛИШЕ

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

Карм. форм. въ замшев. кошелк. . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . . 10 р. 50

„Аргусъ“ имѣетъ превосх. оптическ. качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, скачекъ, путешеств. и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названіе **„универсальный биноклъ“.**
Р. № 3308 2—2

Е. КРАУСЪ и К°.

ФАБРИКА ОПТИЧЕСК. ИНСТРУМЕНТОВЪ

Парижъ, Aven. d. l. Républ., 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. безплатно.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3291 (5)

Дозвол. цензур., СПБ., 17 августа 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Прачеш. пер. ... нч., д. 1.

Важнѣйшіе русскіе грибы.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIX г. № 35 — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 27 августа 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Н. И. Уткинъ.

Гравированіе въ западной Европѣ, существующее цѣлыя сотни лѣтъ, гордится цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе славныхъ именъ. Въ Россіи граверное искусство получило свое развитіе, сравнительно, недавно и потому число представителей его весьма ограничено; тѣмъ не менѣе между этими немногими представителями есть такіе, произведенія которыхъ могутъ вполнѣ соперничать съ лучшими заграничными образцами и которыми русское искусство смѣло можетъ гордиться. Наша Академія Художествъ, со времени ея основанія имѣла двухъ превосходныхъ граверовъ—Чемесова и Берсенева, но оба они, умершіе рано, были лишь предвѣстниками той славы, которою пользуется Н. И. Уткинъ, замѣчательный труженикъ, всю жизнь посвятившій горячо любимому имъ искусству (этому тяжелому и довольно неблагодарному труду, сопряженному часто съ потерей зрѣнія) и заботившійся о томъ, чтобы и по смерти его „граверное поле не запустѣло въ Академіи". Со дня его кончины въ нынѣшнемъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе, и потому будетъ весьма кстати вспомнить объ Уткинѣ, который ни на шагъ не уклонялся отъ своего художественнаго пути и упорнымъ трудолюбіемъ пріобрѣлъ себѣ честное, славное имя, щедро заплативъ Академіи и родинѣ своей за все, что было для него сдѣлано. Въ исторіи нашей гравюры Уткинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и особенно славится своими портретами, которыхъ онъ награвировалъ болѣе шестидесяти, въ томъ числѣ около двадцати большихъ портретовъ, въ техническомъ отношеніи представляющихъ верхъ совершенства и стоившихъ художнику много времени и усиленной работы. Особенно цѣнятся, и у насъ, и заграницей, гравированные Уткинымъ портреты Суворова, митрополита Михаила, императрицы Екатерины II, графа С. С. Уварова, П. А. Муравьева, Лейтона. Хотя этого рода работы его гораздо выше исполненныхъ имъ историческихъ сюже-

Н. И. Уткинъ (по поводу двадцатипятилѣтія со дня кончины).
Съ современ. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

товъ и виньетокъ, но и между послѣдними не мало прекрасныхъ вещей, каковы, напримѣръ, виньетки: „Антей, несущій земной шаръ", „Переходъ Суворова черезъ Чертовъ мостъ", „Phoebe fave" и другія, отличающіеся необыкновенной тонкостью и изяществомъ рѣзца. Историческія гравюры его, которыми Уткинъ и началъ и кончилъ свое граверное поприще, также обличаютъ въ немъ много вкуса и оригинальный талантъ; они выдержаны вполнѣ, изящны, и говорятъ о рѣзцѣ сильномъ, свободномъ и легкомъ. Уткинъ—ученикъ Клаубера и его продолжатель; онъ старался подражать и другимъ иностраннымъ граверамъ, но, заимствуя у кого-бы то ни было изъ иностранныхъ мастеровъ техническіе пріемы, перерабатывалъ ихъ по своему, почти каждой своей гравюрѣ, изъ лучшихъ, разумѣется, придавалъ свой собственный оригинальный оттѣнокъ. Нѣсколько разъ,—по замѣчанію Ровинскаго. его біографа,—Уткинъ отступалъ отъ манеры своего перваго учителя и гравировалъ въ манерѣ другихъ мастеровъ, но снова возвращался къ пріемамъ Клаубера, и наибольшее число его произведеній выполнено подъ сильнымъ вліяніемъ сего послѣдняго. Безукоризненный, классически-чистый рисунокъ, блескъ и щегольство, непринужденность и простота рѣзьбы и удивительно прекрасный тонъ, вотъ отличительныя качества произведеній Уткина, не только капитальныхъ, но и второстепенныхъ.

Николай Ивановичъ Уткинъ родился 8 мая 1780 года въ Твери, въ домѣ Никиты Артамоновича Муравьева, Екатерининскаго вельможи, гдѣ въ то время жилъ сынъ вельможи, Михаилъ Никитичъ, впослѣдствіи бывшій однимъ изъ воспитателей великихъ князей Александра и Константина Павловичей, потомъ сенаторомъ, попечителемъ Московскаго университета, а также писателемъ. Законнымъ отцомъ ребенка былъ написанъ въ метрикѣ дворовый человѣкъ Муравьева, Иванъ Степановичъ Уткинъ. Дѣти М. Н. Муравьева, по свидѣтельству А. Г. Бибикова, называли Уткина своимъ братомъ, на что Николай Ивановичъ, со свойственной ему крайней застѣнчивостью, всегда отвѣчалъ: „помилуйте, какой я Муравьевъ, я просто крѣпостной вашего батюшки." Благодаря ходатайству Никиты Артамоновича Муравьева, Николай Ивановичъ былъ принятъ въ Академію Художествъ. Ему исполнилось тогда пять лѣтъ и потому онъ, какъ малолѣтній, былъ „сданъ на попеченіе классныхъ дамъ и нянюшекъ, положенныхъ по тогдашнему академическому штату" при малолѣтнемъ классѣ. Здѣсь подъ заботливымъ женскимъ присмотромъ онъ оставался три года, послѣ чего перешелъ во второй и третій приготовительные учебные классы. По замѣчанію В. В. Толбина, автора брошюры объ Уткинѣ, сфера изящнаго окружала Николая Ивановича уже и тогда, когда онъ едва понималъ, къ чему его готовятъ и развила въ немъ любовь къ художественно-прекрасному, какъ по всечасному столкновенію съ нимъ, такъ и по природной склонности. Въ граверный классъ Уткинъ поступилъ въ 1794 году и сперва не могъ оказать никакихъ успѣховъ, потому что имѣлъ учителемъ Радига, вскорѣ уволеннаго изъ академіи „по причинѣ худого отъ старости лѣтъ зрѣнія", а потомъ какого-то Иванова, гравера довольно плохаго. Въ 1796 году академія пригласила извѣстнаго въ то время гравера Игнатія Клаубера, ученика знаменитаго Вилля. Это былъ учитель замѣчательный, съ любовью занимавшійся преподаваніемъ и не дѣлавшій секрета изъ своего искусства. Подъ его руководствомъ Уткинъ въ короткое время усовершенствовался настолько, что могъ уже принимать участіе въ гравированіи ландшафтовъ Щедрина и атласа къ Путешествію Сарычева. Онъ копировалъ уже историческія гравюры изъ Орлеанской и Флорентійской галерей и, какъ замѣчаетъ Ровинскій, не рабски штрихъ въ штрихъ, а свободной манерой, съ полутѣнями собственнаго изобрѣтенія. Въ этихъ незначительныхъ работахъ уже была видна рука хорошаго рисовальщика и будущаго мастера. Въ 1800 году Уткинъ кончилъ курсъ со 2-й золотой медалью, дававшей право оставаться пенсіонеромъ при академіи, для усовершенствованія въ гравированіи, три года, и исполнить программу на 1-ю золотую медаль. Эту послѣднюю Уткинъ получилъ, за прекрасную гравюру „Іоаннъ Креститель" съ оригинала Менгса, въ 1802 году, а въ слѣдующемъ году отправленъ въ Парижъ, куда онъ, по словамъ, прибылъ въ самый замѣчательный переходный политическій ея періодъ и былъ свидѣтелемъ борьбы устанавливающагося владычества будущаго императора съ неугомонившимися еще чисто республиканскими элементами. Уткину повезло съ перваго раза: онъ пристроился у знаменитаго гравера и члена національнаго института Шарля Бервика, который полюбилъ молодаго художника, какъ роднаго сына; познакомился онъ близко и съ учителемъ Клаубера—Виллемъ и вращался почти исключительно въ средѣ чиновниковъ посольства, людей съ высшимъ образованіемъ, и эти знакомства повліяли на него прекрасно, расширивъ кругъ познаній Уткина. Уроки Бервика сдѣлали свое дѣло: Уткинъ дѣлалъ огромные успѣхи и за гравюру „Эней спасающій Анхиза", находившуюся на парижской выставкѣ 1809—1810 года, получилъ золотую медаль отъ Парижской Академіи Художествъ; гравюра эта очень понравилась Наполеону и онъ наговорилъ граверу много лестнаго. Вслѣдъ за тѣмъ и наша Академія, за ту-же гравюру, произвела Уткина въ „назначенные академики", а императоръ Александръ Павловичъ наградилъ его бриллiантовымъ перстнемъ. Когда срокъ пребыванія Уткина за границей окончился, Академія нѣсколько разъ призывала его въ отечество. но онъ отпрашивался всякій разъ и вернулся лишь въ 1814 году, проведя передъ этимъ два мѣсяца въ Лондонѣ, куда былъ отправленъ по ходатайству воспитателя императора Александра. По возвращеніи въ Россію, Уткинъ тогда же признанъ академикомъ, черезъ годъ опредѣленъ въ граверный классъ помощникомъ къ Клауберу, „какъ искусный граверъ, отличившійся своимъ искусствомъ и между иностранными художниками въ Парижѣ", а черезъ три года получилъ мѣсто Клаубера, умершаго въ 1817 году, и назначенъ смотрителемъ эстамповъ въ Эрмитажѣ. Теперь онъ сталъ человѣкомъ обезпеченнымъ, его награждали и академія, и разныя вліятельныя и высокопоставленныя лица; многія иностранныя Академіи Художествъ избрали его въ свои члены. Все это, однако, не заставило Уткина опочить на лаврахъ, облѣниться, чему мы видѣли и видимъ столько примѣровъ. Онъ съ прежнимъ энтузіазмомъ, съ любовью весь отдавался своему дѣлу, училъ другихъ и выпускалъ изъ своей мастерской капитальныя и, болѣе или менѣе, талантливыя работы. Въ 1839 году онъ признанъ заслуженнымъ профессоромъ. Приближавшійся пятидесятилѣтній возрастъ и прежняя неутомимая дѣятельность его не могли не отозваться на здоровьѣ и на силахъ Уткина, онѣ начали видимо слабѣть, и Уткинъ, работавшій теперь только надъ доскою „Василій Великій" съ картины Шебуева, постепенно началъ оставлять занимаемыя имъ должности; въ 1850 году онъ сдалъ граверный классъ своему любимому и высокодаровитому ученику Ѳ. И. Іордану, а въ 1860 уволился отъ должности хранителя эстамповъ Эрмитажа, сохранивъ званіе „почетнаго хранителя". Отпраздновавъ весьма торжественно свой пятидесятилѣтній юбилей въ декабрѣ 1859 года, Уткинъ совершенно уединился и черезъ четыре года тихо почти за работой скончался, 83 лѣтъ отъ роду. Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ рядомъ съ другимъ русскимъ граверомъ, Скородумовымъ. Уткинъ былъ замѣчательнымъ преподавателемъ и пекся объ ученикахъ своихъ даже и тогда, когда, оставивъ академію, они „вступали на трудный путь практической жизни". Весь свой капиталъ, 25,000 руб., онъ завѣщалъ Академіи художествъ „исключительно на поощреніе и вспомоществованіе художниковъ, посвятившихъ себя гравированію на мѣди". Таковъ былъ этотъ замѣчательно гуманный и любвеобильный человѣкъ, для котораго трудъ составлялъ первую потребность въ жизни.

П. Быковъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

V.

Скоморошья игра.

Недалече Лука Аввакумовичъ отъ Славковскихъ уличанъ отошелъ, какъ набрелъ на другую толпу. Разный народъ кружкомъ стоялъ, а въ серединѣ вертѣлся какой-то человѣкъ и размахивая руками, словно, кому-то грозя, кричалъ рѣзкимъ голосомъ. Лука еще издали узналъ въ этомъ крикунѣ Изгойченка. Изгойченко былъ сегодня въ одной драной рубахѣ; хорошіе сапоги, въ чемъ недавно онъ щеголялъ, видно, кому нибудь понадобились; за то, хоть и босикомъ ходилъ, да въ шапкѣ съ чужой головы, и въ такой-то шапкѣ, что можно было предсказать, что не долго онъ ее поноситъ: кому нибудь и она понадобится.

Какъ Лука сталъ подходить къ толпѣ, Изгойченко, видимо сердясь, подбѣжалъ почти въ упоръ къ стоявшему впереди другихъ молодому купцу.

— А! такъ ты такъ-то! кричалъ онъ съ исказившимся лицомъ.—Ну, такъ слушай, дурья твоя голова, что ощё съ тобой буде.

И отбѣжавъ на середину круга, Изгойченко потопо-

талъ на мѣстѣ, точно выплясывая, и затянулъ на церковный напѣвъ:

Многи лѣта! многи лѣта!
А жена тобѣ Лизавета,
Ощё дура нѣта!

И тутъ, при общемъ хохотѣ, заржавъ по конскому, снова, кривляясь, подбѣжалъ къ молодому купцу. Не стерпѣлъ купецъ, и быстро засучивъ рукавъ, думалъ Изгойченка въ лицо ударить, но только шапку съ него сшибъ.

— Что-й ты, Изгойченко, разшумѣлся такъ? сказалъ Лука, проталкиваясь въ середину круга. — Съ чего это онъ?

— А, вишь, Старкову жену больнё хорошу обѣщалъ, сказалъ кто-то въ толпѣ, и всѣ, вспомнивъ какова обѣщанная невѣста, захохотали.

— А и буде, буде ему! радостно вскричалъ Изгойченко.

Старковъ снова сжалъ было руку въ кулакъ, да Лука его уговорилъ.

— А что́ съ него, съ юродива, спрашивати! махнувъ рукой на Изгойченка, сказалъ онъ.

— Да нѣшто я на прорицанье его безпутное, обиженнымъ голосомъ заговорилъ Старковъ, какъ-бы сердясь, что бояринъ заподозрѣлъ его въ такомъ малодушіи. — А ты-бы послушалъ каки рѣчи-те безлѣпешны онъ тутъ выкрикивалъ. Ужь за нихъ стоило-бъ. А народу смута одна.

Лука не успѣлъ спросить, что̀ за рѣчи, какъ Изгойченко опять набросился на Старкова.

— Ай ты не вѣрушь? не вѣрушь? съ гнѣвомъ заговорилъ онъ.

— Ан не вѣрую! вскричалъ Старковъ такимъ голосомъ, точно ругалъ Изгойченка самымъ послѣднимъ словомъ.

— А! такъ ты Михайлѣ юродивому не вѣрушь? къ Клопьскому чудотворцу вѣры не и́мѣшь? [1]) весь затрясясь, гнѣвно залопоталъ Изгойченко.—А ладно-ко, ладно! А буде вамъ всѣмъ!

Изгойченко перемѣнился весь. Съ блѣднымъ лицомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ всклокоченными волосами, съ загорѣвшимися очами, поднявъ вверхъ по-локоть загорѣлую руку, сжавъ въ кулакъ всѣ пальцы, кромѣ указательнаго, и грозя этимъ перстомъ, онъ закричалъ какъ-бы не своимъ голосомъ:

— А! покориться не хотите! Что-жъ! не покоряйтесь, не покоряйтеся! А народился князь Иванъ-Тимоѳей. А всѣхъ онъ васъ, всѣхъ, всю-то вольницу новгородьску! А такъ онъ васъ, такъ...

И тутъ Изгойченко сталъ руками вертѣть, точно срывая курчатамъ голову.

— А то-то-же; помните! грозно добавилъ онъ, показавъ кулакъ.

И при послѣднихъ словахъ, заскрежетавъ зубами, столь страшно глазами повелъ, что отъ него невольно попятились. Многимъ даже почудилось, что не Изгойченко это стоитъ, а ужь не самъ-ли Клопскій чудотворецъ юродивый, на Новгородъ грозясь, изъ гроба всталъ.

Лука давно зналъ про это прорицанье, и хотя свое у него о немъ было мнѣніе, но и онъ порядочно смутился отъ словъ Изгойченка; не на столько, впрочемъ, чтобъ не замѣтить народнаго смятенья.

— А полно-ко, Изгойченушко, ласково сказалъ бояринъ, подходя къ нему и гладя его, какъ маленькаго, по головкѣ.—А не сердись ужь. А сшелъ-бы лучше къ моему шатру. Не обѣдавши, гляди; а прикажешь, накормятъ вѣдь.

Изгойченко тотчасъ-же присмирѣлъ отъ ласки, и покорно пошелъ куда ему было сказано. А новоподаренную шапку такъ и оставилъ на землѣ лежать.

— Оно точно, обратясь къ народу, заговорилъ Лука,—давно ужь скажутъ про это прорицанье Михайлово. А и чудотворецъ онъ вѣдомый. А только былъ-же онъ княжескаго рода, а и думалъ по княжески. А намъ не лучше-ль своихъ святителей послушать, что̀ они скажутъ.

Народъ подвинулся къ боярину.

— А про Іону вспомнилъ я, про владыка нашего покойнаго. А святъ-же человѣкъ былъ. Не мало межь вами и такихъ стоитъ, что помнятъ, какъ онъ стараго князя Василей Васильевича отъ смерти спасъ, отъ напрасныя [2]). А передъ самой смертью своей ѣздилъ владыко къ князю великому въ Москву, и въ великой любви его князь содержалъ. А просилъ старецъ святой, чтобъ по старинѣ князь держалъ Великій Новгородъ, а и нонѣшній князь, Иванъ Васильевичъ, господинъ нашъ, съ отцомъ въ комнатѣ тогда сидѣлъ. А обѣщалъ владыко, что передъ Божьимъ престоломъ за князей по смерти молиться буде, коль они Новгородъ въ старинѣ соблюдутъ. А нонѣшнему князю и ослабу и свободу отъ ордынскихъ царей прорицалъ, только де Новгородьской пошлины онъ не порушитъ. Аль князю отъ своего счастьица да отъ владычня благословенья отказаться теперь?

— Такъ, такъ! заговорили вокругъ Луки, и у всѣхъ съ его словъ стало легче на сердцѣ.

Едва толпа поуспокоилась, какъ издали донеслись звуки; гдѣ-то въ бубны забили и въ сопѣли засопѣли, и въ свистѣли засвистѣли. Всѣ бросились скоморошью игру смотрѣть. Лука Аввакумовичъ туда-же пошелъ. Много народу его перегнало.

Недалече отъ монастыря, но уже на Арбузьевской землѣ, пристроился Теренька со своей игрой. У самаго лѣса дремучаго, на здоровыхъ и высокихъ пняхъ былъ взмощенъ рундукъ. Только-бы кровельку надъ нимъ сдѣлать, и вышла-бы сказочная избушка на курьихъ ножкахъ: къ лѣсу она стала задомъ, къ новгородцамъ передомъ.

Передъ рундукомъ, какъ коверъ, разстилался скошенный лужекъ. Впереди было отведено мѣсто для бояръ. Василей Селифонтьевичъ постарался, не ударилъ въ грязь лицомъ. По его приказу, паробки притащили и полстей войлочныхъ и скамеекъ, и мягкихъ подушекъ. Съ одной стороны рундука было мѣсто отведено гдѣ ставить боярскихъ коней и паробкамъ своихъ господарей дожидать, а съ другой — былъ шатеръ раскинутъ, а въ немъ наставлены всякія заѣдки и питья.

— А знай молъ нашихъ! Василей Селифонтьевичъ сказалъ, — а коли весь городъ, такъ и весь сможетъ Арбузьевъ угостить.

Много бояръ къ нему въ гости собралось. Давно ужь прошелъ слухъ по Новугороду, что игра въ Спасовъ день будетъ особая; Юрьи Репеховъ даже охрипъ, всюду о томъ благовѣстя. Не только бояра, и изъ богомольныхъ бояриньъ нѣкоторыя взмолились посмотрѣть скомороховъ. Настасья Петровна примѣръ подала. Она всѣмъ говорила, что ничего—можно на Хутынѣ скомороховъ смотрѣть: зовутъ-же ихъ во дворы боярскіе, и тутъ не на торгу играть будутъ, а все равно, что у Арбузьева въ гостяхъ. На счетъ-же вольныхъ шутокъ, чего Настасья Петровна опасалась по наслышкѣ о скоморохахъ, Юрьи Сергѣичъ ей заклятье далъ, что Теренька ему божмя божился, что на сей-то разъ ужь оставитъ ихъ, потому что ему въ томъ честь весьма велика, что и боярыни его игрой не побрезгаютъ.

Василей Селифонтьевичъ суетился и бѣгалъ во всѣ стороны, повторяя въ сотый разъ, что онъ и лѣсу на рундукъ пожаловалъ, и рундукъ его-же парубки мостили. Хвалилъ и игру скоморошью, хвастая, что былъ на

[1]) Св. Михаилъ юродивый былъ княжескаго рода; онъ пришелъ въ Клопскій монастырь (въ 20 верстахъ отъ Новгорода, на рѣкѣ Веряжи) въ 1408 году и скончался проживъ въ монастырѣ 44 года.

[2]) Напрасный—внезапный.

Молотьба лошадьми въ Донской области. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Е. Краснушкиной, грав. Гоппе.

Рыболовы-любители на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Ижакевича, грав. Ю. Шюблеръ.

ученьи, какъ Терёнька свою артель играть училъ, и все молъ отлично, только послѣдней, самой главной шутки и ему, какъ ни просилъ, не показалъ Терёнька.

Лука, подошедъ и увидѣвъ на какую широкую ногу затѣялъ Арбузьевъ угощенье, поморщился. Ему подумалось, что Василей Селифонтьевичъ не даромъ раскошелился: на всякій де случай себѣ друзей припасаетъ, если изъ-за Маврушеньки, по своему бычьему упрямству, дойдетъ до бѣды. Лука ошибался: не только Арбузьеву, но и самому Буяну такая хитрость и не грезилась. А выпалъ Василью случай прославиться, отчего-же не почехвалиться? Пива да меды—не въ гробъ-же ихъ съ собой, прости Господи, класть!

Лукѣ не хотѣлось нынче съ Арбузьевымъ разговаривать; онъ боялся, что не выдержитъ и станетъ его бранить за послѣднія продѣлки надъ Пашкомъ. И радъ онъ былъ, что натолкнулся на Юрья Репехова; съ этимъ о чемъ хочешь заговори.

— Вотъ съ тобой, сказалъ Лука Юрью,—аль не съ тобой тó я, съ Киріакомъ Андреевичемъ разговоръ велъ...

— О чемъ такомъ? съ жадностью подхватилъ Юрьи.

— А, вишь, Юрьи Сергѣевичъ, о томъ у насъ съ нимъ разговоръ былъ, что ни въ чемъ-то Москва передъ Новымгородомъ не выстоитъ. А хоть-бы это скоморошье дѣло взять, игрецкое, ужь самое пустое, кажись, а и тутъ Москвѣ далеко до Великаго Новагорода.

— Вѣрно! такъ рявкнулъ Юрьи, что многіе оглянулися.

— А и рѣчь московьску взять... Наша-та рѣчь а красна вѣдь она, высокая. А въ Москвѣ-то что? Маква да атецъ—вотъ и краса вся.

Въ народной толпѣ тѣсновато становилося; кое-гдѣ уже слышалось: „ой, не пихайся, чортъ!" и бабы повизгивали. Впереди, какъ разъ за боярами, двое стояли; давно ужь они тутъ помѣстилися, съ самыхъ обѣдовъ. И все-то время объ одномъ и томъ же проспорили. Одинъ твердилъ что нынче про Терентья мужа будутъ скоморохи играть, а другой докладывалъ что не про Терентья игра пойдетъ, а только атамана Терентьемъ звать, по отцу Гаврилычемъ, а игра будетъ невиданная. И оба они про тó вѣрно знали, обоимъ сами скоморохи сказывали, и оба уговаривали другъ друга не спорить.

Неподалеку отъ этихъ спорщиковъ, двое парней стояли; оба молоденькіе: едва усъ пробивался, едва щека пушилася. Одинъ свѣжій, здоровый, кровь съ молокомъ, и все-то онъ, словно стыдясь, краснѣлъ. Другой мозглявъ на видъ, и надо быть пресердитый; все-то онъ, шипя на стыдливаго, правой щекой подергивалъ да закусывалъ справа нижнюю губу.

— И съ чего эку рань забиралися! язвилъ онъ товарища.

Не долго ужь парнямъ и игры скоморошьей оставалось ждать, какъ откуда ни возьмись бабочка или вдовка молоденькая, сама невеличка, черпявенькая, кругленькая да плотненькая: настоящій жучокъ. За ней, какъ выводокъ за маткой, дѣвчата гурьбой шли. Гдѣ словомъ ласковымъ, гдѣ шуточкой, а гдѣ и локотками ловко работая, пробилась она со своимъ выводкомъ сквозь густую толпу въ самый передъ. А пробившись, потѣснила парней.

— Эти откуль ощё? огрызнулся на нихъ мозглявый.

— Молчи ужь ты, а Христа ради молчи! дергая его за полу, шепотомъ уговаривалъ стыдливый.

— Нашелъ дурака молчать! не унимался мозглякъ,— эку рань пришли раненьску, а эти откуль?.. Ишь, скамеечку ощё приволокли съ собой!..

Бабочка, не обращая вниманія на его ворчьбу, уставила скамеечку и сама посередкѣ сѣла.

— А ну, дѣвушки, потѣснись, усаживайся!

Дѣвушки, которыя, потѣснясь, усѣлися, а другія сзади стали, обхватя руками другъ дружку и сидѣвшихъ впереди подругъ.

— Ишь, разсѣлися! Невидаль-боярыни каки! сказалъ мозглявый.

— А молчи ужъ ты! шепталъ стыдливый, крѣпко схвативъ товарища за руку.

— Боярыни, гóворю.

— А ты за нами паробкомъ постой, съ веселымъ смѣхомъ отозвалась бабеночка.

У мозгляваго лицо перекосилось и не найдясь отвѣтомъ, онъ только зашипѣлъ.

— А откуль ощё скамеечку добыли? надумался онъ спросить.

Бабочка ни слова.

— То-то, съ особой злобой мозглякъ сказалъ, чувствуя, что товарищъ ему сталъ больно руку щипать.— А любопытно-бъ знать. Не у чернецовъ-ли вымолили?

Кое-кто въ толпѣ и хихикнулъ, а у мозгляка отъ того храбрости прибыло.

— Замолчали, вишь. Аль сказать нельзя?

Бабочка глядѣла въ сторону, будто не слышала, а сама выжидала: на чемъ бы срѣзать парня.

— То-то, молчокъ. Аль цѣлованось было? погромче мозглявый крикнулъ.

Хохотъ пошибче пошелъ, а дѣвушки не рады стали что увязались за бабочкой.

— Аль може... наглѣе вскричалъ мозглякъ да бабочка кончить не дала.

— Ты-то съ чего, а листъ баенный, со скамьёй присталъ? огрызнулась она. — Аль та скамеечка въ примѣту тебѣ?

— Не въ примѣту будь, не спрашивалъ бы, еще наглѣе брякнулъ мозглякъ. — Знаю я чья...

— Тебѣ ли не знать! бабочка его перекрикнула,— коли тебя на той скамеечкѣ вечоръ батя сѣкъ.

Тутъ хохотъ такой всталъ, что стыдливый со сраму на-земь сѣлъ, таща за собой товарища, а тотъ ему вцѣпился со злости всей пятерней въ волосья.

— Лѣзутъ, чу, лѣзутъ, гляди! заговорили со всѣхъ сторонъ.

И точно, отъ лѣсу на рундукъ стала взбираться по лѣсенкѣ скоморошья артель. Всѣ молодцы были статные и видные; одѣты въ новые одноцвѣтные кафтаны. Выйдя впередъ рундука, они стали рядкомъ и, низко поклонясь на три стороны, немного попятились и вновь рядомъ ставъ, стали сказывать скоморошью былину:

Какъ у насъ де было во Новѣгородѣ,
На Торговой стороны, на Знаменской,
А и жилъ-былъ Терентій-мужъ,
Онъ Терентій-мужъ Данильевичъ.

Скоморохи разступалися по срединѣ, и изъ-за нихъ, словно мѣсяцъ въ просѣкѣ, выплылъ скоморошій атаманъ Терентьюшко.

Какъ увидѣли его, такъ всѣ и ахнули, а потомъ со смѣху какъ закатятся. И мудрено удержаться было: на рундукѣ стоялъ не иной кто, а самъ живой Юрьи Репеховъ. И борода его нечесаная, и волосы его лохматые и одежда точно съ Юрья снята.

— Такъ на эту-то игру невиданну ты меня звалъ смотрѣть? не утерпѣлъ, рявкнулъ на весь народъ Юрьи Репеховъ.

— А не погнѣвись, Юрьи-свѣтъ Сергѣевичъ, съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ атаманъ съ рундука,—коли мать меня да въ тебя спорóдила.

Хохотъ пуще, и Юрью нечего было дѣлать, разсмѣялся самъ.

— А игра-та эта что за невидаль, ты конца-ко дождись! добавилъ Терентьюшка и мигнулъ ребятамъ, чтобъ дальше хоромъ былину сказывали.

А и стала у Терентья-то жена больна,
Охъ, трудна-больна, больнё немочна.

Тутъ скоморохи опять по середкѣ разступались и

изъ-за нихъ выскочила Терентьева жена. Была-ли то дѣвушка или скоморохъ молодой, бабой переряженъ,— никто не могъ рѣшить.

— Ишь ты, трудна-больна, а какъ выскочила, вслухъ сказалъ Губанъ.

Былина сказывала что у Терентьевой жены приключился „утинъ“ [1]), а палъ де онъ въ буйну голову, а съ буйной головы въ „бѣла плечушка“, а со плечушекъ въ животъ пошелъ. По мѣрѣ разсказа Терентьева жена на рундукѣ хваталася то за голову, то за плечи, то за животъ, а сама еле на ногахъ держалася: ну, свалится сейчасъ да и полно. Дальше былина сказывала, какъ просила жена позвать скомороховъ,—молодцовъ поученыихъ, чтобъ ее мóлоду, вылечили.

— Вотъ такъ лѣкарей пашла! не удержались, съ хохотомъ крикнули въ толпѣ.

Терентьева жена тѣмъ временемъ откуда-то добыла мужу шапку и на голову ему ее надвинула и клюшку въ руку сунула. Клюшка не прошла не замѣченной: „ишь ты, и клюшки не забыла!“ А какъ былина далѣ стала сказывать:

А и шелъ-пошелъ Терентій-мужъ,
А и шелъ-пошелъ Данильевичъ.

тутъ скоморохи разступились, будто двери растворились. Атаманъ шелъ, а сзади его молодой скоморошина что́ жену игралъ, будто пошелъ провожать мужа до воротъ.

Какъ Терентій-мужъ шелъ да оглядывался, молодая жена за голову рукой прихватывалась да пошатывалась, а только онъ спиной къ ней оборачивался, она его чуть не толкала въ горбъ кулакомъ. Эта игра всѣмъ понравилась; громко смѣялись.

Скоморошья артель сдвинулась; атаманъ, обѣжавъ позади своихъ молодцовъ, появился ужь съ боку, а шелъ будто запыхавшись и отирая потъ.

Здравствуй-ко, Терентій-мужъ,
Здравствуй-ко, Данильевичъ,

съ поклономъ, хоромъ сказывала артель.

Какъ въ былинѣ пошла рѣчь Терентьева, что у него захворала жена, тутъ атаманъ сталъ молодаго скомороха передразнивать какъ тотъ отъ мнимой боли корчился и ежился, и такъ ловко онъ его передразнивалъ что всѣ были довольны.

— Ой да Терентьюшко, кричали,—а нелестный атаманъ будешь!

Былина дальше шла. Стала она Терентью Данильевичу устами скомороховъ совѣтовать, чтобъ онъ

Скоро бы скочилъ въ Холстинскій рядъ,
Скоро бы купилъ холстинскій мѣхъ.

И атаманъ быстро, со смѣшной старческой торопливостью побѣжалъ вдоль ряда скомороховъ, и спрятавшись за ними на минутку, снова впередъ выскочилъ держа въ рукахъ большой, пребольшой холщевой мѣшокъ.

— Живо оборотилъ! замѣтилъ одинъ.

— Недалече, знать, пояснилъ ему другой.

Скоморохи стали Терентья Данильевича упрашивать да уговаривать чтобъ онъ лѣзъ „во холстинскій мѣхъ“, обѣщая что тѣмъ его больную жену выпользуютъ и вылѣчатъ. Что́ смѣху было какъ атаманъ, умолясь на скоморошьи упрашиванья, полѣзъ въ мѣшокъ. Напослѣдокъ и клюшку въ мѣшокъ къ нему кинули, и опять клюшка не прошла незамѣченной.

— Ишь, и клюшку не забыли же!

Взваливъ при общемъ не хохотѣ ужь, а скорѣй ржаньи, Терентья въ мѣшкѣ къ себѣ на плечи, скоморохи потянулись гуськомъ въ одну сторону, и какъ задніе до середины рундука дошли, стала видна скамейка, а на ней Терентьева жена, обнявшись съ молодцомъ, сидѣла.

— Эвона, хворь кака высыпала! догадался одинъ, не молодой ужь человѣкъ.

[1]) Утинъ — болѣзнь.

— Аль ты сейчасъ то̀ разчухалъ? подхватилъ другой.—А не третьего-ли дни, кажись, а самъ ты скомороховъ звалъ жену пользовати?

Шутка не мимо проскочила. На зубокъ догадливаго подняли.

— Ну, и бабы тожь! крикнулъ кто-то.—А и хитра живѐ повадка женская!

— Ну, и вы тоже, мужескъ полъ, хороши были будете! огрызнулась за всѣхъ черненькая что̀ жучокъ бабочка.

И съ этихъ мѣстъ поднялся споръ у мужиковъ съ бабами. Стали они, перебраниваясь, перечитыся другъ съ дружкой—кто изъ нихъ честнѣе живетъ.

Скоморохи, между тѣмъ, дошедъ до края рундука, слѣзли съ него внизъ по лѣсенкѣ.

— А полно-ко вамъ а споровать! во всю мочь крикнулъ Губанъ на мужиковъ и бабъ.—А слышьте-ко, скоморохи-те бы въ ворота колотятся.

Споръ затихъ. И точно послышалось будто кто-то брякнулъ кольцомъ прикалитнымъ, а тамъ словно щеколда съ цѣпью зазвякала, и напослѣдокъ явственно стало слышно что въ ворота колотятся.

Терентьева жена прыгнула со скамейки и подбѣжала къ краю рундука, а скоморохи, понизя голосъ, ровно изъ-за воротъ просилися:

Ты пусти-ко скомороховъ ночевать,
Молодыихъ на тесовую кровать.

Парень, что̀ сидѣлъ обнявшись, также прыгнулъ на край рундука и сталъ ее оттоль тащить на середку, а она упиралася.

— Ишь, не по норову ему пришло! замѣтили въ толпѣ.

А скоморохи все ночевать просилися, докладывая какъ бы въ отвѣтъ на хозяйкины сомнѣнья, что

Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи люди честливые.

Хозяйка, вѣроятно убѣдившись въ ихъ вѣжливости и честливости, махнула рукой чтобъ всходили на крыльцо. То́ увидя, молодой парень спрятался со страху подъ скамеечку.

— Усь, усь его! загалдѣли въ толпѣ.

Скоморохи съ мѣшкомъ на плечахъ снова взлѣзли на рундукъ, поклонились хозяйкѣ и затѣмъ стали былину дальше сказывать. Въ былинѣ Терентьева жена спрашивала: не видали-ли гдѣ скоморохи Терентья „постылаго да супостатаго.“ Скоморохи отвѣчали что видали, лежитъ, молъ, Терентій во чистомъ полѣ,

А рѣзвыма ножки во чисто̀-поле,
А и буйной головой въ ракитовъ кустъ,
А и буйна-то головка испроломлена.

Былина затѣмъ сказывала, какъ Терентьева жена тому радовалась и бранила своего покойнаго муженька, и на рундукѣ у скомороха, въ ладъ со словами, лицо становилось веселое, а тамъ онъ и въ плясъ пустился. Тутъ одинъ скоморошина сталъ поколачивать по мѣшку, а былина, межь тѣмъ, сказывала:

А и слышь-ко ты, холстинскій мѣхъ,
А не по̀-за очь бранятъ, въ глаза говорятъ.

— Аль уснулъ онъ тамъ? вскрикнулъ здоровый парнекъ, забывъ свою стыдливость.

Отъ его-ли вскрику, отъ другаго-ль чего, атаманъ пробудился и полѣзъ изъ мѣшка вонъ. Какъ совсѣмъ ужь вылѣзъ, вздумалъ онъ свою клюшку достать да, какъ-будто зацѣпясь за мѣшокъ, споткнулся и упалъ прямо на скамеечку. Изъ-подъ нея парень какъ заяцъ прыснулъ и на бѣгъ ударился: только пятки засверкали.

— Ой лови, лови, держи его! зауськали въ толпѣ.

Куда держать, его и слѣдъ простылъ. Терентій-мужъ, поднявшись съ рундучнаго пола, подошелъ къ женѣ и приподнявъ клюшку, держалъ ее, точно собирался жену учить.

— А что задумался? а бей, учи ее! вскричалъ Губанъ. — А вѣдь всѣ вид'ли мы!..

— Вид'ли, а вид'ли же! пронеслось въ толпѣ.

— А что вид'ли-то? заступилась за Терентьеву жену, круглая что жучекъ бабенка. — Всего и было, что цѣлованось!

— А тебѣ чего ощё захотѣлося? окрысились на нее со всѣхъ сторонъ.

И тутъ пуще прежняго споръ у мужиковъ съ бабами пошелъ. Атаманъ, стоя на рундукѣ, прислушивался къ спору и когда мужики погромче кричали, будто учить жену хотѣлъ, а когда бабы шибче провизгивали, словно отдумывалъ. Долго этотъ крикъ и визгъ стоялъ.

— А и полно-ко вамъ, рявкнулъ во весь народъ Юрьи Репеховъ, дождавя послѣдней, давно обѣщанной атаманомъ шутки. — Дайте-ко-сь игру доглядѣть!

Юрья послушались, затихли. Терентій-мужъ такъ грозно клюшкой взмахнулъ, что бабы даже взвизгнули: думали и впрямь жену убьетъ. Терентьева жена была догадлива; увернувшись отъ клюшки, она съ воемъ пала мужу въ ноги, и обхватила руками его чеботы.

— А! виниться топеры! вскрикнули не безъ радости мужики.

— Ой, винюсь, винюсь! вопила на рундукѣ Терентьева жена. — Ой, прости ужь меня, Терентьюшко, а мой миленькій, господинъ ты мой а жалостливый.

— А худо винишься, Терентій сказалъ. — Поисправься, а поисправь-ко-ся, моя женушка.

Терентій, взявъ руки въ боки, и широко разставивъ ноги, важно и гордо предъ женой стоялъ.

— Ой, ужь какъ звать-то тебя, господинъ мой а миленькій, не придумаю.

— А полно-ко господиномъ звать, государемъ хочу, Терентій сказалъ.

Съ этихъ словъ ровно у всѣхъ духъ перехватило, и на мигъ, другой стала мертвая и холодная тишина. Какъ Теренька самъ послѣ разсказывалъ, за вѣкъ ему эта малая минутка показалася, и у него по спинѣ даже озноб прошелъ. Струхнулъ онъ порядочно: „не черезъ край-ли молъ шуткой захлестнулъ?“ Слѣдомъ за этой мертвой и холодной тишиной словно буря сорвалась. Страшный вскрикъ зашумѣлъ. Хутынскіе чернецы послѣ сказывали, что они въ обители испугались того вскрика, не вѣдая что такое дѣлается.

— Ой же, Терентьюшко! вскричали новгородцы. — Исполать тебѣ за эту шутку твою хорошую! А и вѣкъ тебѣ быть въ скоморошьихъ во атаманахъ!

— Ишь, ласуны, разлакомились! пробурчалъ сердито бояринъ, пробираясь межь толпой.

— А тебѣ не по вкусу, знать: не московьскій медъ! насупясь отвѣчали ему.

— А это, гляди, не подовинникъ ли буде? кто-то сказалъ, намекая на убитаго Овина.

— А ну его къ бѣсу! третій вскричалъ. — А что, господо, а ощё бы...

— А и впрямь ощё. Ой, слышь, Теренька, ощё, ощё! закричали со всѣхъ сторонъ.

Терентій ослушаться не посмѣлъ. Опять онъ клюшкой взмахнулъ, а жена ему взмолилася. А какъ до „государя“ дошло, тутъ не стерпѣлъ, вскочилъ на ноги Юрьи Репеховъ.

— А не даромъ, Терентій, у Арбузьева ты хвастался, а сказывая что и мнѣ-ко раскошелиться велишь. Анъ бери — твое добро!

И съ этимъ словомъ Юрьи кошель на рундукъ метнулъ. Хотя Арбузьевъ потомъ и разсказывалъ, будто Юрьи впередъ полъ-кошеля денегъ, которыя покрупнѣе, къ себѣ въ карманъ высыпалъ, а только остальное бросилъ Теренькѣ, а все же его, Юрьевъ, починъ былъ. Велико дѣло починъ: слѣдомъ всѣ бояра и житьи стали метать свои кошельки на рундукъ.

— А стой, постой-ко, Терентьюшко, вскричалъ Василей сермяжникъ,—а и наша денежка не щербата живе. А мечи, господо, что кому по могутѣ, въ мой высокъ колпакъ.

И снявъ колпакъ, оборотилъ его внизъ тульей. Полонъ колпакъ ему денегъ набросали.

Василей къ рундуку подошелъ.

— А получай сполна, слышь, Терентьюшко, сказалъ онъ. — А прими ощё мое спасибушко сердечное.

Всѣ подхватили это слово Васильево и кричали Терентью спасибо.

— А что, робя, аль ощё? кто-то смущенно спросилъ.

— А и то: аль ощё? подхватили съ разныхъ концовъ. — Ой, слышь-ко, Тере...

Да на полусловѣ и замеръ крикъ. Къ вечернѣ въ Хутынѣ въ большой колоколъ ударили. И всѣ, открывъ головы, истово перекрестились и заспѣшили къ вечернѣ, оставивъ Тереньку съ артелью считать богатую выручку да дуванъ дуванить.

(Продолженіе будетъ).

Смерть Роланда.

(Изъ А. де-Виньи).

Князя Д. Н. Цертелева.

I.

Люблю я рога звонъ въ лѣсу во тьмѣ ночной;
Въ его мелодіи мнѣ слышится порой
Погоня быстрая, и трепетъ бѣдной лани;
Сквозь шумъ листовъ призывъ любви и звукъ рыданій.

* * *

Какъ часто этотъ звонъ въ полночной тишинѣ
То радостью, то вдругъ печалью вѣялъ мнѣ
Какъ будто тамъ опять трубятъ среди долины,
Какъ въ тѣ года, когда въ ней гибли паладины...

* * *

Волшебный край, гдѣ горъ цвѣтущихъ блещетъ рядъ,
Гдѣ надъ потоками надвинувшись стоятъ
Угрозой скалы, циркъ забытый Марборэ
И гдѣ синѣя въ даль уходятъ Пиренеи.

* * *

Подъ яркой ризою изъ снѣга и цвѣтовъ,
Стоите вѣчно вы на грани двухъ міровъ,
У вашихъ ногъ не разъ мой чуткій слухъ ласкали
Напѣвы тихіе и нѣги и печали.

* * *

То путникъ, запоздавъ одинъ въ глуши лѣсной,
Призывомъ мѣднымъ вдругъ пробудитъ мракъ ночной;
Стада, насторожась съ вниманіемъ пугливымъ,
Внимаютъ среди горъ всѣмъ звонкимъ переливамъ...

* * *

Повиснувъ лань замретъ надъ крутизной
Не думая бѣжать, глядитъ во мракъ ночной;
А рога звонъ, кругомъ разнесшійся далеко,
Съ немолчной жалобой сливается потока.

* * *

Вы, тѣни славныя, встаете ли опять?
Что въ этихъ звукахъ намъ хотите вы сказать?
О Ронсеваль! ужель его увижу тѣнь я,
Роланда духъ ужель не могъ найдти забвенья?

II.

Убиты всѣ; тѣла навалены кругомъ,
Роландъ и Оливье стоятъ еще вдвоемъ;
Врагъ близко, смерть грозитъ имъ каждое мгновенье
„Сдавайтесь“, имъ кричатъ, „сдавайтесь—нѣтъ спасенья!“

* * *

Шутъ за прялкой. Картина Германа Каульбаха, грав. Брендамуръ.

„Смотри остались вы одни, дружины нѣтъ;“
Но будто грозный левъ Роландъ кричитъ въ отвѣтъ:
„Пусть прежде скалы тѣ, что тамъ стоятъ высоко
Низринутся на дно шумящаго потока“.

* * *

—„Сдавайся-жъ вотъ онѣ!“ Въ долинѣ грянулъ громъ;
Сорвавшись съ вышины—и на пути своемъ
Ломая все—дубы и сосны вѣковыя,
Скала скатилась внизъ, умолкли воды злыя;

* * *

И на утесъ, какъ тигръ, Роландъ спѣшитъ прыгнуть,
„Спасибо, ко врагамъ ты проложилъ мнѣ путь!“
На ихъ полки одинъ напасть онъ хочетъ снова—
И войско все дрожитъ предъ нимъ бѣжать готово.

III.

Спокойно между тѣмъ, обратно среди горъ,
Съ дружиной ѣхалъ Карлъ; шелъ мирный разговоръ,
И Люцъ, и Аржелесъ виднѣлись недалеко
Средь зелени лѣсовъ, надъ лентою потока.

* * *

На родину идутъ—и свѣтится у всѣхъ
Въ глазахъ веселіе; вездѣ шумъ, говоръ, смѣхъ,
Шипя течетъ вино, и лютня трубадура
Звучитъ среди долинъ сказаньями Адура.

* * *

Роландъ хранитъ ихъ тылъ: спокойно все кругомъ;
На ворономъ конѣ съ лиловымъ чепракомъ,
Близъ Карла и Тюрпенъ съ иконою святой—
Поводья держитъ онъ разсѣянной рукой.

* * *

Онъ молвитъ: „государь, умершихъ мчится рать
Надъ нами, вамъ небесъ не должно искушать:
Остановитесь здѣсь—то огненной толпою
Ихъ тѣней хороводъ несется надъ землею“.

* * *

Сверкнула молнія, темнѣвшій небосклонъ
Блеснулъ, издалека донесся слабый звонъ,—
И поводъ затянувъ, сквозь сумракъ грозной ночи
Тревожно Карлъ назадъ во тьму вперяетъ очи.

* * *

„Вы слышали?“ Ему въ отвѣтъ епископъ: „Да,
Быть можетъ пастухи зовутъ свои стада...
Быть можетъ Оберонъ такъ слабо и уныло
Трубитъ въ лѣсу глухомъ, поетъ и шепчетъ милой.“

* * *

И дальше ѣдетъ Карлъ, но видъ его чела
Мрачнѣе той грозы, что небо облегла:
Измѣну чуетъ средь безмолвія ночнаго
А рогъ звенитъ, звенитъ и замираетъ снова.

* * *

„Бѣда! Роландъ зоветъ, скорѣй назадъ скакать!
На помощь будетъ онъ лишь умирая звать...
Назадъ, назадъ! Летите всѣ какъ вихорь скоры,
Дрожите подо мной, предательскія горы!...“

IV.

Покрыты пѣною, надъ пропастью дрожатъ
Ихъ кони; впереди едва горитъ закатъ:
Сквозь мракъ едва видны на грани небосклона—
Еще бѣгутъ враговъ далекія знамена.

* * *

„Тюрпенъ, ты ничего не видишь надъ водою?“
—„Двухъ рыцарей; они раздавлены скалою:
Одинъ—послѣдній вздохъ отдалъ; душа другого,
Простясь съ землей, сюда насъ призывала снова—
Онъ все сжимаетъ рогъ слабѣющей рукой.“

* * *

Какъ грустенъ рога звонъ во тьмѣ въ глуши лѣсной!

Рядовой Степанъ Гордіенко.

Разсказъ **Андрея Львовича.**

Степанъ Гордіенко служилъ рядовымъ въ первой стрѣлковой ротѣ нашего полка. Сознаться, право, не затѣйливый былъ солдатикъ этотъ Гордіенко: небольшаго роста, неуклюжъ, рябоватъ,—совсѣмъ не видный солдатикъ. Сказалъ бы вамъ, что онъ былъ даже и глуповатъ нѣсколько, да боюсь не соврать бы. Не любилъ говорить мой Гордіенко, все отмалчивался; такъ и умеръ—никто не узналъ, что тамъ было у него въ головѣ: глупъ-ли былъ, какъ и многіе, иль уменъ.

Вотъ, бывало, идемъ мы походомъ. Грязь и слякоть, сверху и снизу вода. Сыро, мокро, идти тяжело.

„Эка жизнь!“ слышатся вздохи. „О-охъ!“ поправляетъ ранецъ старикъ безсрочно-отпускной солдатъ; „охъ“, кряхтитъ онъ и еле-еле ползетъ. Ранецъ тяжелъ, отъ ремней на плечахъ кровавыя полосы, солдатъ боленъ, идти дѣйствительно тяжело.

— Братцы, пра не могу, прохрипѣлъ больной и ухватился за молодаго солдата, шедшаго рядомъ.

— Да вотъ-тѣ Гордіенко возьметъ твой ранецъ, ха, ха, ха! сострилъ ротный балагуръ-калужецъ и толкнулъ рядомъ шедшаго Гордіенко.

Тотъ очнулся отъ задумчивости, широко раскрылъ глаза. Зачѣмъ его толкнули, онъ не понималъ.

— Мм? Чого?

Всѣ расхохотались.

— Ранецъ волоки! прокричалъ ему сквозь хохотъ ротный острякъ,—вонъ человѣкъ помираетъ, ранецъ прими у него, тебѣ вѣдь мало одного ранца!

— Мм... успокоился Гордіеко и принялся отстегивать ранецъ у больнаго.

— Что за глупости! крикнулъ фельдфебель,—въ лазаретную линейку больнаго!

— Да тамъ мѣстовъ нѣтъ, Сидоръ Карпычъ, отвѣтилъ дежурный по ротѣ.

А Гордіенко давно уже несъ ранецъ больнаго и ружье.

— Подохнешь, не дойдешь, рѣзко замѣтилъ ему отдѣленный ефрейторъ.

— Мм? Ни!

И съ двумя ранцами Гордіенко, нѣсколько изогнувшись, идетъ такъ же, какъ и съ однимъ.

— Ну и дуракъ! хохочетъ ротный острякъ-калужецъ.

„Ну и дуракъ!“ думаютъ за нимъ почти всѣ солдаты. „Да и какъ не назвать дуракомъ? тутъ и такъ тяжело...“

— Эхъ вы свиньи, свиньи! подслушалъ ихъ разговоръ полуротный командиръ, прапорщикъ,—дай Гордіенко ружье, я помогу тебѣ.

— Ни, ваше благородіе, я не то что на спини, я въ зубахъ его донесу, вамъ не дамъ!

И уперся на своемъ, донесъ ранецъ до бивуака.

„Ну, извѣстное дѣло, нашъ прапорщикъ добрый человѣкъ, а Гордіенко все-таки дуракъ“, думали солдаты.

Дуракъ да дуракъ, такъ дуракомъ и проходилъ весь походъ. Прошли юго-западъ Россіи, прошли и Молдавію, и Валахію, перешли за Дунай, а Гордіенко все дуракъ, да дуракъ.

— „Нѣтъ, видно глупъ“, думали и офицеры, вглядываясь иной разъ въ незатѣйливую физіономію Степана Гордіенко.

— „Дуренъ? Ну и не хай дуренъ!“ думалъ себѣ Гордіенко и молча шелъ дальше. Не то у него въ головѣ было. „Господи“, вѣчно молилъ Степанъ Гордіенко,—„якъ бы то мини боя сподобиться?..“

И съ этою мыслью обыкновенно засыпалъ онъ на бивуакѣ, съ нею вставалъ, и съ нею же, всегда готовый на новый и вѣчный походъ, шелъ дальше и дальше. Ни вздоха, ни ропота, ни упрека, ни жалобы. Идетъ задумчивый, всегда бодрый и крѣпкій, немного угрюмый, идетъ къ какой-то раньше намѣченной цѣли и никто его будто не можетъ свернуть, никто не столкнетъ его съ этой дороги — упорно идетъ.

Такъ прошли мы много походовъ. По сторонамъ ужъ слышны были орудійные выстрѣлы, но мы не вступали въ сраженье. Вотъ-вотъ поведутъ въ дѣло, одинъ переходъ и понюхаемъ пороху — приходимъ — нѣтъ ничего. Застаемъ или покойный бивуакъ другаго полка, или къ шапочному разбору, какъ говорится, подоспѣемъ — опоздаемъ въ сраженье. Острили молодые офицеры, что нашему полку не везетъ...

Наконецъ судьба смилосердилась. Подъ вечеръ прискакалъ казакъ.

— Что? что?..

— Непріятель, братцы!

— Ну?

— Э! братцы, видимо-невидимо!

— Да гдѣ?
— Да тамъ.
— Да ты куда?
— Къ енералу писульку...
— Писулька... осклабилъ зубы Гордіенко и какъ-то странно заблистали у него глаза, — коли бъ Господь сподобивъ! пробурчалъ онъ и задумался.
— А ты чего, радъ что-ли? подошелъ къ нему ротный острякъ.
— Ну, радъ! такъ что-жь?
— Врешь, боишься! расхохотался калужецъ.
— Боюсь?.. у Гордіенки сверкнули глаза, — ну ни! вотъ побачишь!—И, круто повернувшись къ нему спиною, пробурчалъ:— дурень, дурень... самъ дурень.. оть що! а я не боюсь! вотъ що!

. . . .

— Бессарабскій полкъ, надѣвай ранцы! въ ружье! раздался тревожный голосъ командира полка по бивуаку.
— Бессарабцы въ ружье! живо! раздались такія же тревожныя команды. У каждаго екнуло сердце.
„Ну, сподоби Боже", подумалъ Гордіенко и зло вскинувъ ранецъ на плечи, пристукнулъ слегка ружьемъ.
Полкъ выступилъ на ночь. Съ вечера пошелъ градъ, потомъ полилъ дождь; съ полночи стало такъ холодно, какъ только бываетъ въ глубокую осень. Въ Болгаріи ночи вообще холодны, во время же дождей дѣлается просто невыносимо.
Всю ночь мы прошли. Днемъ отдохнули подъ дождемъ—и подъ дождемъ на ночь снова пошли. Переходъ былъ ужасный: холодъ, грязь и полная неизвѣстность.
„Что же въ бой?" думали многіе. Но вмѣсто боя намъ приходилось шлепать по грязи. Мокрые, холодные и голодные мы наконецъ стали на бивуакъ. Но что это былъ за бивуакъ? открытое, пахотное поле и ни кустика, ни деревца, ни строенія вблизи. Холодъ страшный.
„Хоть бы заборъ какой-нибудь", думали плутоватые солдаты, „все бы, хоть и досталось отъ начальства, ночью согрѣлись бы."
— Гордіенко, что-жь дровъ нѣтъ? прикрикнулъ на него ротный острякъ. — Что-жь мы безъ дровъ будемъ?
— Нема, про себя буркнулъ Гордіенко.
— Нема! дуралей! я знаю, что нема! почти зло процѣдилъ сквозь зубы калужецъ. Ему было такъ холодно, что онъ готовъ былъ серьезно злиться на Гордіенку. Солдаты даже не хохотали надъ этой шуткой...

. . . .

Скученъ бивуакъ въ темную ночь, подъ дождемъ, безъ огней. Темными массами лежатъ солдатики, гдѣ можно лежать, гдѣ грязи помельше; темными группами стоятъ они прижавшись другъ къ другу гдѣ-нибудь въ лужѣ, и молча каждый, какъ бы забывшись, тупо и тоскливо всматривается въ даль въ темноту. Но стоять невыносимо, пройдя верстъ сорокъ, сорокъ пять. Ноги подкашиваются, острый холодный вѣтеръ съ дождемъ такъ и гнетъ человѣка къ землѣ. Какова бы ни была постель—ляжешь. И мало-по-малу укладывается народъ, крестится и укладывается въ лужахъ.
— Брр! прямо въ лужу лицомъ угодилъ, слышится чей-то дрожащій отъ холода голосъ.
— Братцы, вотъ тутъ суше, сюда!
И толпа людей бросается въ темнотѣ къ тому мѣсту.
— Куда! пошелъ! тутъ первый взводъ!
Кого-то гонятъ... Кто-то шлепаетъ по лужѣ... упалъ... легъ въ лужу...
— Эхъ, братцы, ну и стужа! слышится на сухомъ мѣстѣ.
— А ты къ намъ полѣзай, тутъ въ водѣ теплѣе...
Кто-то гдѣ то ругается...
Къ утру еще холоднѣе.
— Брр! то тамъ, то самъ слышится въ темныхъ массахъ лежащихъ солдатъ.
— О! Господи, вотъ жизнь! простоналъ какой-то изъ „полублагородныхъ" (бывшій лавочникъ, взятый изъ запаса)...
Часа два ночи. Холодъ невыносимъ. Солдаты всѣ на ногахъ; стоятъ, окоченѣли, жаль смотрѣть, дрожатъ, жмутся другъ въ другу, да мало толку...
Начинаетъ свѣтать. На горизонтѣ забѣлѣла полоса. Дождь пересталъ.
— Эхъ, братцы, недогадались, отпроситься-бы, да дровъ въ лѣсу нарубить, вѣдь вонъ лѣсокъ, сказалъ кто-то, указывая на востокъ.
— Лѣсокъ-то лѣсокъ, да верстъ пять до него.
— Ну?
— Вотъ те и ну!
— Братцы, гляди, гляди! послышались голоса съ другой стороны.
— Да чего?
— Да Гордій дровъ волокетъ!
— Ну??
— Да волокетъ-же, говорятъ тебѣ!
Въ полуверстѣ по пахоти двигалось дѣйствительно что-то странное: не то шалашъ, не то корова, не то человѣкъ въ кустѣ.
— Ты это гдѣ? воскликнулъ обрадованный ротный командиръ.
— А онъ тамъ у лису, ваше благородіе! и лицо Гордіенки засіяло довольной улыбкой, шире масляницы.
— Ваше благородіе, безъ спросу отлучился, заикнулся было фельдфебель.
Но... но вина Гордіенки была слишкомъ мала въ сравненіи съ его подвигомъ. Весь мокрый, заливаясь потомъ, Гордіенко бросилъ на-земь огромную вязанку дровъ, отстегнулъ поясъ, на которомъ была привязана сзади другая вязанка, и снялъ съ петли тянувшееся за нимъ срубленное сухое дерево.
— Экій благодѣтель! говорили солдатики, разводя костеръ и грѣясь у огня,—право благодѣтель...
— А вѣдь и глупъ! ну и глупъ! хохоталъ, сидя у огня, ротный острякъ-калужецъ.
— А глупъ таки, повторилъ взводный.
„Глупъ, глупъ", думало большинство, отогрѣвая окоченѣвшіе члены и слушая разговоръ о Гордіенкѣ. „Дурень!" рѣшили окончательно всѣ, когда за холоднымъ, пасмурнымъ утромъ показалося солнышко и пригрѣло бивуакъ, „дурень и больше ничего!"
А Гордіенко спалъ, какъ убитый, и насмѣшекъ калужца даже не слышалъ.
— Ну, подымайся, дурова голова! толкнулъ его грубо товарищъ. Гордіенко еле продралъ глаза.
— Тю! у! ха, ха, ха! захохотало нѣсколько голосовъ надъ его ухомъ.—Ну и рожа!
У Гордіенки дѣйствительно странное было лицо — мученическое лицо.
— Надѣвай ранцы! въ ружье! раздалась команда. Гордіенко всталъ.
— Мм? протирая глаза, промычалъ онъ вопросительно, глядя на смѣющихся ему въ лицо товарищей. — Мм? зѣвнулъ онъ, перекрестился, вскинулъ ранецъ, сталъ на мѣсто.
— Шагомъ маршъ!
И Гордіенко пошелъ такъ-же, какъ и всѣ.
Прошло много времени. Дѣлали мы походы по Турціи (теперешней Болгаріи), участвовали въ перестрѣлкахъ, занимали сторожевыя линіи, холодали, голодали, подчасъ, терпѣли, словомъ, не мало, но въ бою все-же не были.
Гордіенку никто не замѣчалъ. Онъ по прежнему несъ чужіе ранцы, ружья, выслушивалъ насмѣшки товарищей и кличку „дурака", молча упорно шелъ, холодалъ, голодалъ... Ни разу за всѣ походы Гордіенко не болѣлъ и чуть было даже не разозлился, когда товарищи спросили его разъ, не боленъ-ли онъ..
Но вотъ, наконецъ, навернулся и бой; какъ-то случайно, какъ-то совсѣмъ неожиданно.
Ночью подошли мы къ позиціи, а раненько утромъ услышали орудійную пальбу. То былъ день славнаго для нашего полка Аблавскаго боя—24 августа.
Первая стрѣлковая рота конечно пошла въ цѣпь. Пошелъ и Гордіенко. Должно быть пошелъ. Кто тамъ увидитъ солдата въ бою? Мало-ли ихъ умираетъ?.. Не видать было и Гордіенки...
Дымъ, ружейная трескотня, шумъ, крики, стоны раненыхъ... Гдѣ ты Гордіенко?..
— Да я отъ-онъ де я самъ есть!! радостно, какъ на праздникѣ отозвался онъ на зовъ взводнаго и сталъ примащиваться за деревомъ, высматривать себѣ цѣль.
„Гляди—дуракъ, а тоже цѣлится", подумалъ взводный унтеръ.
— Убивъ!!! Савель Гаврилычъ, убивъ! ей-же Богу убивъ!!! воскликнулъ вдругъ во все горло Гордіенко и замахалъ ружьемъ въ восторгѣ.—Дивиться, братцы, ажъ перекувырнувсь!
Дѣйствительно изъ-подъ дымка ружья Гордіенки, въ томъ-же направленіи трепеталъ на лошади черкесскій всадникъ, видимо офицеръ, и, подхваченный двумя черкесами, поворачивалъ назадъ.
Мы стали отступать. Турки, какъ черти, лѣзли на нашу позицію. Огонь сталъ невыносимъ. Каждому казалось, что онъ былъ въ кипящемъ котлѣ: ни выстрѣловъ, ни криковъ, ни командъ, ни даже собственнаго голоса; ничего не слышно—шумъ, дымъ, адъ.
„Въ виноградникъ, въ виноградникъ", у каждаго мелькнуло въ головѣ при отступленіи.
Стали отступать въ виноградникъ.
— Взводъ пли! кто-то гаркнулъ.
Выстрѣлили.
— Взводъ пли!.. пли!.. пли!..
И пошли угощать турокъ залпами.
— Взводъ... Бѣги скорѣй чортова кукла! прервалъ команду унтеръ, увидя, что Гордіенко бѣжитъ прямо на залпъ.
— Стрѣл... стрѣляйте, дяденька, и Гордіенко припалъ къ землѣ.
Раздался залпъ. Гордіенко поднялся, подбѣжалъ къ винограднику.
— Ты чего тамъ у турокъ гостилъ?
— А... ахвицеръ приказавъ...
— Что?
— А?.. а?.. а?.. зашатался зеленый Гордіенко и, какъ-бы струсивши, выпустилъ ружье изъ рукъ и сталъ подгибать колѣни.
— Да онъ, братцы, раненъ.
Гордіенко держался за грудь.
— Гдѣ тебя?

Видъ главнаго стана промысловъ Нѣмчинова, Сибирякова и Базанова, Якутск. обл. Олекминскаго округа.

Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Христіанія, столица Норвегіи. Съ фотогр. грав. Клоссъ.

— А... а... а... показалъ онъ впередъ, — тама... тамепька... хвицера вбили...

И упалъ. Сдѣлано было еще нѣсколько залповъ. Огонь, какъ будто, утихъ.

— Савель... Савель Гавриловичъ, несмѣло потянулся Гордіенко къ унтеру и ухватилъ его за фалду, — дяденька... Савель...

Тотъ обернулся.

— Тутъ... отъ тутъ... Гордіенко показалъ за голенище, — тутъ... горш... гроши на свичу... дяденька... а отъ тутъ хрестъ... то сыну маленькому отошлить... дяденька.

И поцѣловалъ ему руку... А въ глазахъ было столько кротости... Многіе обернулись къ умирающему.

— Прощайте, братцы, еле вымолвилъ онъ,—сподобивсь, какъ-то младенчески и вмѣстѣ торжественно произнесъ, — сподобивсь... и перекрестился.

„Сподобимся... всѣ сподобимся“, екнуло у всякаго и стали цѣловаться съ Гордіенко.

— Прощай, Гордѣй, прощай, голубчикъ! заряжая ружья говорили товарищи,—може сегодня еще увидимся...

— Ура! ура! раздалось гдѣ-то слѣва.—Ура!..

Все заколыхалось. Всякій вобралъ въ себя воздуху, какъ можно больше въ грудь... оглянулся... встрепенулся...

— Ура?.. братци... ура??.. привскочилъ Гордіенко, — подимить... и мене подпимить... и я... Вврр!!!...

Но вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ крикомъ, вылетѣлъ и послѣдній вздохъ Гордіенки.

Товарищи побѣжали впередъ. Бой кончился. Изъ голенища у Гордіенки взводный вынулъ нѣсколько копѣекъ, досталъ гдѣ-то свѣчку; она свѣтила на всѣхъ.

— Эхъ, братцы, не дуракъ онъ былъ, пра не дуракъ! вздохнулъ взводный, глядя въ спокойное мертвое лицо Степана Гордіенки.

Весь взводъ вздохнулъ. Поняли, должно быть, наконецъ, что *человѣкъ* былъ рядовой Степанъ Гордіенко; человѣкъ не великій, да такой, съ которымъ великія дѣла можно дѣлать. Съ ними-то Россія и дѣлала великія дѣла. Пусть-же и его, Степана Гордіенки, скромный образъ останется въ памяти, по крайней мѣрѣ нашего, роднаго ему, полка.

Перелетъ ласточекъ.

Наша суровая и продолжительная зима, разстающаяся притомъ съ нами такъ неохотно, заставляетъ насъ особенно цѣнить всякое указаніе на скорое наступленіе болѣе теплаго времени года, а поэтому всякая травка, выглянувшая на свѣтъ Божій, является дорогимъ и желаннымъ гостемъ. Появленіе же перелетныхъ птицъ, показывающее, что весна вошла уже въ свои права и готова принять этихъ далекихъ странниковъ со всѣмъ своимъ радушіемъ, доставляетъ намъ еще большее удовольствіе.

Одною изъ самыхъ любимыхъ птичекъ несомнѣнно является домовая ласточка, которая, возвратившись въ свое покинутое прошлою осенью жилище, почти сейчасъ же начинаетъ хлопотливо заботиться о приведеніи его въ порядокъ. Радость при ея возвращеніи невольно наводитъ на мысль о томъ, какія причины заставляютъ ее улетать отъ насъ и прилетать обратно и гдѣ она проводитъ зимніе мѣсяцы.

Касательно послѣдняго вопроса свѣдѣнія еще не достаточно полны: несомнѣнно, что онѣ перелетаютъ въ Африкѣ за одиннадцатый градусъ сѣверной широты и вѣроятно доходятъ до умѣреннаго пояса южной Африки; также гостятъ онѣ зимою во всѣхъ долинахъ Индіи и Цейлона.

Что касается причины ихъ переселенія, то прежде существовало нѣсколько объясненій: думали, что врожденный инстинктъ побуждалъ ихъ къ этому; нѣкоторые же ученые предполагали даже, что перелеты съ сѣвера на югъ и обратно находятся въ связи съ земнымъ магнетизмомъ, причемъ считали птицъ одаренными особымъ органомъ, способнымъ различать степень напряженія этой силы. Но эти толкованія, не основанныя на фактахъ, пришлось оставить, ибо туманное выраженіе „врожденный инстинктъ“ прикрываетъ, собственно говоря, незнаніе этой причины; особаго-же органа, служащаго птицамъ компасомъ, до сихъ поръ еще никому не удалось уловить. Приходится поэтому обратиться къ методу уже испытанному въ естествознаніи, а именно къ разсмотрѣнію всѣхъ однородныхъ явленій какъ ступеней въ развитіи одного и того же дѣятеля.

При этомъ для объясненій причины отдаленныхъ перелетовъ ласточекъ, аистовъ и др. нужно будетъ изучить сходное явленіе, но въ болѣе слабой степени, наблюдаемое у хохлатаго жаворонка, сойки, зимородка, тетерева, глухаря и др. птицъ, которыхъ можно бы назвать кочевыми. Онѣ, не предпринимая отдаленныхъ перелетовъ, неопредѣленно странствуютъ съ мѣста на мѣсто подъ вліяніемъ недостатка въ кормѣ или неблагопріятной погоды. Мы сдѣлаемъ шагъ дальше, если обратимъ вниманіе на птицъ питающихся ягодами; здѣсь направленіе уже не является безразличнымъ.—Такъ такъ на Сѣверѣ кусты покрываются снѣгомъ настолько, что добываніе корма становится невозможнымъ, птицы во что бы то ни стало должны отыскивать болѣе южныя мѣста. Ежегодное наступленіе зимы также часто со всею своею неумолимостью заставляетъ ихъ находить направленіе къ югу. Конечно, примѣръ родителей не оставался безъ вліянія на слѣдующія поколѣнія, хотя по мнѣнію Русса оно не такъ сильно, какъ это думаютъ нѣкоторые ученые; съ другой стороны, возможность достать себѣ больше корма, улетая дальше, давала преимущество и производила подборъ наиболѣе развитыхъ птицъ. Теперь понятно, что изъ такихъ кочевыхъ птицъ постепенно могли образоваться перелетныя.

Что здѣсь имѣемъ не простую догадку, а теорію, вполнѣ подтверждаемую фактами, доказывается еще тѣмъ, что существуютъ птицы, которыя, смотря по обстоятельствамъ, то живутъ осѣдло, то кочуютъ, то предпринимаютъ правильные перелеты. Такъ гагары живущія у береговъ незамерзающаго Нѣмецкаго моря—осѣдлы; живущія на восточномъ берегу Даніи и Шлезвига—кочуютъ, ибо съ появленіемъ льда онѣ переселяются къ берегамъ Нѣмецкаго моря; между тѣмъ какъ гагары Исландіи и Гренландіи должны быть причислены къ перелетнымъ птицамъ. Такимъ образомъ перелетъ не есть особенность какого-нибудь вида, но—благопріобрѣтенная привычка, образовавшаяся подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ причинъ, главнымъ же образомъ недостатка въ кормѣ, и воспитанная постояннымъ упражненіемъ.

Что касается домашнихъ ласточекъ (Hirundo urbica L.), то раньше онѣ также не были вынуждены къ такимъ отдаленнымъ перелетамъ. Въ третичную геологическую эпоху климатъ Европы вообще мало отличался отъ тропическаго. Измѣняясь затѣмъ понемногу, онъ заставлялъ сначала ихъ дѣлать лишь незначительныя экскурсіи, которыя со временемъ рука объ руку съ измѣненіемъ климата становились все отдаленнѣе, при чемъ наступавшее вновь теплое время года на родинѣ позволяло имъ снова возвращаться на прежнее мѣсто обитанія. Такія же путешествія предпринимаетъ колибри въ Америкѣ, при наступленіи холодовъ переселяясь изъ Канады въ Мексику и совершая обратное путешествіе съ приближеніемъ лѣта. Интересно, что колибри и нѣкоторыя другія пѣвчія птицы, не обладая достаточной силой полета, часто пользуются при этомъ или услугами попутнаго вѣтра, или по-просту усаживаются на плечи аистовъ, которые въ сопровожденіи такого хора пѣвцовъ благополучно достигаютъ своей цѣли.

Перелетъ птицъ съ одного конца материка на другой вполнѣ объясняется приведеннымъ способомъ, но какъ объяснить, что птицы при своемъ переселеніи перелетаютъ чрезъ громадныя пространства воды, чрезъ цѣлыя моря, чтобы найти себѣ пропитаніе въ отдаленной Африкѣ. Разсматривая мѣста ихъ переправы черезъ Средиземное море, увидимъ, что они соотвѣтствуютъ наиболѣе мелкимъ его мѣстамъ, изобилующимъ притомъ же островами, мысами и т. п. Конечно, здѣсь наши странницы могутъ переправится съ наименьшею опасностью. Кромѣ того, оказывается на основаніи геологическихъ данныхъ, что Средиземное море прежде представляло рядъ бассейновъ, не вполнѣ раздѣлявшихъ два материка и слившихся лишь впослѣдствіи. Прежде приходилось, слѣдовательно, птицамъ придерживаться лишь сухаго пути для достиженія своей цѣли. Постепенное же уничтоженіе этой соединительной полосы земли не могло повліять на направленіе ихъ пути, потому что, совершаясь лишь постепенно и очень медленно—вѣками, было почти незамѣтно для ежегодно перелетавшихъ здѣсь птицъ. Точно также перелетъ птицъ съ Исландіи и Гренландіи въ Англію чрезъ Фарёрскіе острова объясняется прежде существовавшею неразрывною связью между этими пунктами.

И такъ причину интересующаго насъ явленія надо видѣть въ томъ, что недостатокъ подходящаго корма заставлялъ ласточку отыскивать его сначала въ ближайшей мѣстности, а затѣмъ при постепенномъ измѣненіи климата все дальше и дальше. Такъ какъ пищу ласточекъ, какъ и большинство другихъ изъ широкоротыхъ (Hiantes), ротовое отверстіе коихъ доходитъ до самыхъ глазъ, составляютъ преимущественно насѣкомыя, которыхъ онѣ ловятъ на лету, то не трудно видѣть, что это обстоятельство способствовало развитію быстроты полета и силы летательныхъ мышцъ. Съ другой стороны, при полетѣ, особенно при такомъ быстромъ и почти непрерывномъ, тратится такая масса вещества мускуловъ, что для ихъ возстановленія необходимо очень обильное питаніе,—и дѣйствительно всѣ широкоротыя отличаются своею прожорливостью. Неразрывная связь между тѣмъ и другимъ сильно способствовала образованію такихъ превосходныхъ летуновъ, какъ ласточка. Понятно, что совершенство полета выработалось постепеннымъ упражненіемъ, причемъ наименѣе развитыя, не имѣя возможности достать себѣ достаточно корма, хирѣли еще больше или даже погибали, между тѣмъ какъ болѣе совершенныя имѣли всего вдоволь и давали обильное и сильное потомство. Такой естественный подборъ, еще болѣе неумолимый при перелетахъ, и сдѣлалъ то, что выносливость и быстрота полета ласточекъ просто изумительна. Цѣлый день птица летаетъ безъ устали и только темнота или приближеніе грозы можетъ ее заставить укрыться въ гнѣздѣ.

О быстротѣ полета ласточекъ можно составить себѣ понятіе по тому, что за нѣсколько дней до обычнаго ихъ появленія въ западной Европѣ, видѣли ихъ въ Хартумѣ въ Египтѣ у сліянія Голубаго и Бѣлаго Нила. Конечно такое одностороннее развитіе не могло обойтись безъ ущерба для другихъ органовъ: ноги развиты слабо, умственныя способности посредственны, изъ чувствъ одно зрѣніе развито сравнительно хорошо.

Въ заключеніе не безъинтересно указать, что ласточка какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ въ народѣ пользуется особымъ почетомъ и даже считается какъ бы священною. Такое уваженіе, доходящее напр. въ Испаніи до того, что нашло себѣ выраженіе въ пословицѣ, что „убивающій ласточку, убиваетъ свою мать", вполнѣ основательно,—ибо не принося ни капли вреда, ласточка приноситъ громадную пользу уничтоженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, причемъ вся ея организація и образъ жизни вполнѣ приспособились къ этой цѣли. **М. Штауде.**

Грозный батько казацкій.

(По поводу постановки памятника Богдану Хмѣльницкому въ Кіевѣ). (Рис. на стр. 873).

6 января 1654 года состоялась въ Переяславѣ (Полтавской губ.) та знаменитая казацкая *рáда*, на которой окончательно и безповоротно рѣшенъ былъ переходъ Малороссіи въ подданство Московскому государю. На поставленный категорически вопросъ Богдана Хмѣльницкаго—кому хотятъ покориться казаки: хану-ли Крымскому, султану-ли Турскому, королю-ли Польскому или „православному великой Россіи государю"—всенародное множество отвѣчало знаменитыми, историческими словами: „Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!" И эти слова начертаны на подножіи того прекраснаго памятника Богдану Хмѣльницкому, который недавно воздвигнутъ въ Кіевѣ, на Софійской площади. На памятникѣ, исполненномъ по проекту академика Микѣшина, Богданъ изображенъ скачущимъ на конѣ, въ богатомъ гетманскомъ одѣяніи. Сдерживая одною рукою коня, онъ, другою рукою, высоко поднимаетъ свою гетманскую булаву и ею указываетъ на Сѣверо-Востокъ—туда, откуда ждетъ спасенія и умиротворенія для своей несчастной родины. Памятникъ, подъ которымъ начертано рѣшеніе Переяславской рáды, одинаково увѣковѣчиваетъ въ памяти потомства и эпоху возсоединенія Малороссіи съ Великою Россіею и самое событіе, и личность того народнаго вождя, который съумѣлъ всѣхъ убѣдить въ необходимости „подклониться подъ государеву высокую руку".

Совершенно случайно, открытіе памятника Богдану Хмѣльницкому,—затянувшееся, по разнымъ причинамъ, чуть не на цѣлый десятокъ лѣтъ—совпало съ празднованіемъ 900-лѣтія крещенія Руси. Воспоминаніе о торжествѣ христіанской вѣры надъ язычествомъ при Владимірѣ Равноапостольномъ совпало съ воспоминаніемъ объ окончательномъ торжествѣ православія надъ кознями враговъ нашей вѣры, такъ долго и такъ жестоко угнетавшихъ русское населеніе Украйны за горячую преданность православной церкви. Чрезвычайно любопытно, что даже современники Богдана Хмѣльницкаго, тотчасъ послѣ того, какъ возсоединеніе Малороссіи съ Московскимъ государствомъ совершилось, уже понимали всю важность событія и ставили его въ нѣкоторую связь съ первоначальною эпохою распространенія въ Россіи христіанства. Такъ извѣстный Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, встрѣчая царскаго посла боярина Бутурлина „съ товарищи" *), въ привѣтственной рѣчи своей сказалъ имъ: „Цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ благочестивый Владиміръ, князь Русскій; цѣлуетъ васъ святый апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семъ мѣстѣ всюю просіяти славу Божію, которая нынѣ вашимъ присутствіемъ благополучно паки обновляется; внидите въ домъ Бога нашего и на первѣйшее сѣдалище благочестія Русскаго".

Прозорливый пастырь церкви вѣрно угадалъ и вѣрно опредѣлилъ важность событія, которое совершилось на глазахъ у всѣхъ православныхъ въ Переяславѣ. Предполагаемъ, что читателямъ *Нивы* будетъ пріятно, если мы припомнимъ историческіе факты, предшествовавшіе Переяславской рáдѣ и въ краткихъ чертахъ постараемся возстановить передъ ними образъ грознаго „казацкаго батьки".

Едва-ли не первое упоминаніе о знаменитомъ впослѣдствіи гетманѣ, Зиновіи Богданѣ Хмѣльницкомъ, встрѣчаемъ въ малороссійскихъ и польскихъ памятникахъ, при описаніи той несчастной битвы подъ Цецорою (6 октября 1617 года), въ которой, сражаясь противъ турокъ, палъ гетманъ Жолкевскій, пало множество поляковъ—полегли и двѣ тысячи человѣкъ казачьяго войска. Въ числѣ павшихъ казаковъ былъ и сотникъ Чигиринскій, Михаилъ Хмѣльницкій. Сынъ его, Зиновій Богданъ, взятъ былъ въ плѣнъ турками и два года провелъ въ турецкой неволѣ. Это былъ блестящій молодой человѣкъ, храбрый, способный, одаренный тактомъ и проницательнымъ умомъ, получившій даже довольно изрядное воспитаніе въ іезуитской школѣ въ Ярославѣ (въ Галиціи). Онъ одинаково хорошо говорилъ и писалъ по-польски и по-русски, владѣлъ изрядно латынью, былъ искуснымъ діалектикомъ и стилистомъ. Два года жизни въ турецкой неволѣ пошли этому молодому человѣку въ прокъ: онъ отлично выучился турецкому языку, присмотрѣлся къ турецкимъ нравамъ и обычаямъ, уразумѣлъ и характеръ народа, и политику его правительства. Вернувшись домой изъ плѣна, онъ, какъ и всѣ казаки, въ особенности родовитые и достаточные—сталъ служить въ реестровомъ казацкомъ войскѣ, и добился въ немъ виднаго положенія. Одновременно занималъ онъ важную и отвѣтственную должность „войсковаго писаря." Есть свѣдѣнія о томъ, что, въ этой должности, Богданъ Хмѣльницкій бывалъ неоднократно участникомъ въ казацкихъ посольствахъ къ Рѣчи Посполитой, и будто бы даже побывалъ за границей, въ Германіи и Франціи. Но, въ сущности, мы очень мало имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о Богданѣ до той минуты, когда онъ выступаетъ на историческую сцену въ качествѣ грознаго историческаго дѣятеля, вождемъ громаднаго народнаго движенія. Несомнѣнно только то, что въ теченіе тѣхъ тридцати лѣтъ, которыя протекли послѣ битвы подъ Цецорою и турецкаго полона, Богданъ успѣлъ на себѣ самомъ испытать всю тягость страшнаго гнета, который съ польской стороны тяготѣлъ надъ всею Украйною.

Богданъ былъ женатъ—жену его похитилъ сосѣдъ, польскій шляхтичъ, и насильно обвѣнчался съ ней въ костелѣ, по римско-католическому обряду. Богданъ владѣлъ богатымъ хуторомъ, насѣками, стадами, землями—пришелъ на него нежданно-негаданно сосѣдній польскій панъ, съ ватагою своей дворовой служни, отнялъ хлѣбъ, выжегъ угодья, завладѣлъ имѣньемъ Богдана. У Богдана былъ любимый сынъ, десятилѣтній ребенокъ; ребенокъ не понравился польскому пану, который засѣкъ его плетьми до смерти... Понятно, что послѣ всѣхъ этихъ тяжкихъ испытаній, Богданъ долженъ былъ горячо сочувствовать той народной массѣ, которая рвалась изъ польскихъ оковъ. Но онъ не сразу поддался соблазну личной мести. Измученный насиліями и оскорбленіями, Богданъ взывалъ къ справедливости, жаловался въ суды, дошелъ до самого короля Владислава, который любилъ и уважалъ умнаго Богдана. Но и самъ король пожалъ плечами и сказалъ, что за такія обиды и раззоренія можно мстить только саблей—и Богданъ послушалъ его совѣта... Осенью 1847 года онъ ушелъ въ Сѣчь Запорожскую, захвативъ съ собою кстати и старинныя королевскія грамоты донскихъ казаковъ, вошелъ въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ и поднялъ ту страшную грозу, которая потрясла Польшу до основанія и привела къ громкимъ побѣдамъ Хмѣльницкаго надъ Поляками, при Желтыхъ Водахъ, при Корсуни, при Пилавцахъ. Эти побѣды привели, однако же, только къ знаменитому Зборовскому договору, который сулилъ успокоеніе и свободу всей Малороссіи, а въ сущности—заключалъ въ себѣ условія невыполнимыя ни для той, ни для другой стороны. Хмѣльницкій видѣлъ передъ собою въ будущемъ необходимость нескончаемой борьбы, нескончаемаго разоренія и кровопролитія, изъ котораго Малороссія, при всемъ геройствѣ казаковъ и гайдамаковъ, никогда не могла бы выйти побѣдительницею... За спиной у Польши стояла католическая Европа, которая оправдывала польско-іезуитское угнетеніе православныхъ, а борьбѣ противъ православія придавала значеніе чуть ли не крестоваго похода противъ схизматиковъ. Только тогда, когда тяжкое пораженіе послѣдовало за блестящими побѣдами, Богданъ отрезвился отъ того славолюбія, которое туманило его голову, и рѣшилъ идти путемъ, уже давно указаннымъ ему простымъ народомъ, толпами переселявшихся во владѣнія Московскаго царя, гдѣ пришельцевъ принимали ласково и поселяли на земляхъ, составлявшихъ тогдашній южный рубежъ Русской земли. Богданъ истощилъ всѣ средства къ борьбѣ, извѣрился въ этихъ средствахъ и рѣшился молить о подданствѣ царя Алексѣя Михайловича. И царь внялъ мольбамъ народнаго вождя. По вопросу о подданствѣ Малороссіи, первая дума была у государя съ боярами, 22 февраля 1653 года, въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, а „совершися государская мысль во семъ дѣлѣ", въ понедѣльникъ третьей недѣли великаго поста, марта 14. Царь поспѣшилъ на помощь взывающихъ къ нему, гибнущихъ малороссіянъ, хотя и обдумалъ и обсудилъ всю тягость отвѣтственности, которую беретъ на себя, вступая въ долгую и трудную борьбу съ Польшей за права своихъ единовѣрцевъ и единоземцевъ. И единовѣрцы оцѣнили по достоинству царскую милость, прогремѣвъ въ отвѣтъ своему гетману: „Волимъ подъ царя восточнаго православнаго!" И когда гетманъ сказалъ: „Будь такъ! Да Господь Богъ нашъ укрѣпитъ насъ подъ его царскою крѣпкою рукой!"—Народъ на это отвѣтствовалъ единогласно: „Боже утверди! Боже укрѣпи! Чтобы мы въ вѣкъ всѣ едины были!"

И Богъ внялъ искреннему гласу народа:—Онъ утвердилъ, укрѣпилъ и соединилъ воедино русскій Сѣверъ съ русскимъ Югомъ!.. И вотъ на Кіево-Софійской площади воздвигли величавый памятникъ тому, кто съумѣлъ понять „гласъ народа".

П. Полевой.

*) Бутурлинъ „съ товарищи" былъ посланъ въ Малороссію для приведенія къ присягѣ казацкой старшины. Послѣ Переяславской рáды онъ направился въ Кіевъ, гдѣ ему присягнулъ митрополитъ и старшее духовенство кіевское.

Къ рисункамъ.

Молотьба лошадьми въ Донской области.

(Рис. на стр. 860).

Молодая артистка, перу которой принадлежитъ прилагаемый рисунокъ, г-жа Краснушкина, особенно талантливо изображаетъ всевозможныхъ лошадей, начиная отъ кровныхъ и до крестьянскихъ рабочихъ. Рисунки ея воспроизведены всегда съ натуры или по крайней мѣрѣ съ этюдовъ, заготовленныхъ во время лѣтнихъ художественныхъ экскурсій по Россіи. На этотъ разъ передъ нами гумно въ Донской области; хлѣбъ молотится крестьянскими или казачьими лошадьми, которыхъ гоняютъ по раструшеннымъ снопамъ. Способъ довольно первобытный, и конечно, возможный только въ Новороссіи, благодаря ея баснословнымъ урожаямъ.

Рыболовы-любители на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ.

(Рис. на стр. 861).

Въ произведеніяхъ г-на Ижакевича всегда есть нѣкоторая доля поэзіи, понятной только русскому человѣку—онѣ всегда чрезвычайно типичны. Главная прелесть прилагаемаго рисунка — это удивительное спокойствіе вечернихъ тоновъ неба, воды и дали, кутающихъ легкимъ сумракомъ самые фигуры рыболововъ, благодаря чему особенно рельефно выступаетъ перспектива и отъ всей картины вѣетъ полнымъ затишьемъ лѣтняго вечера.

Шутъ за прялкой. (Рис. на стр. 865).

Нѣмецкій художникъ, Германъ Каульбахъ, съ которымъ читатели *Нивы* уже знакомы по его превосходнымъ изображеніямъ дѣтей, на этотъ разъ изобразилъ намъ шута, окруженнаго дѣвушками и молодицами, засадившими его за прялку. Увы! какъ говоритъ нѣмецкая пословица: „чему не выучился Генсхенъ (Ванюшка), того Гансъ (Иванъ) никогда не усвоитъ“. Всякая наука дается лишь съ молоду—и неловкіе пріемы шута, добродушно потѣшающаго собравшуюся публику, вызываютъ общій смѣхъ женщинъ.

Передъ дуэлью. Карт. франц. художн. Дюпена, грав. Бонгъ.

Христіанія. (Рис. на стр. 868).

Уже съ половины одиннадцатаго столѣтія городъ Осло существовалъ на мѣстѣ, занимаемомъ теперь предмѣстьемъ Христіаніи. Въ 1624 г. послѣ сильнаго пожара, уничтожившаго Осло, возникъ новый городъ, названный въ честь короля Христіана IV — Христіаніею. Городъ расположенъ на высотѣ 134 ф. надъ уровнемъ моря, у оконечности живописнаго залива — Христіанія-фьордъ. Въ старину этотъ заливъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Viken* и служилъ мѣстомъ засады и убѣжищемъ, гдѣ нормандскіе викинги снаряжали свои флотиліи и гдѣ они ихъ прятали по возвращеніи изъ набѣговъ. Заливъ этотъ легко защищаемъ, потому что берега его противъ Дрёбака сходятся такъ близко, что остается только узкій каналъ, защищаемый крѣпостью Оскарсборгъ. Христіанія почти вся вновь отстроена изъ камня и кирпича, послѣ пожара 1858 года; теперь она состоитъ изъ предмѣстій и 6 частей города. Въ Христіаніи находится множество публичныхъ зданій; здѣсь помѣщаются: парламентъ или стортингъ, высшія судебныя учрежденія и главныя учебныя заведенія. Университетъ, основанный въ 1811 году, одинъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ въ Европѣ по своимъ многочисленнымъ коллекціямъ и библіотекѣ, заключающей около 250,000 тт., въ вѣдѣніи университета состоятъ ботаническій садъ и обсерваторія. Послѣ Бергена Христіанія производитъ самую значительную торговлю, правильное пароходное сообщеніе соединяетъ Христіанію со всѣми городами скандинавскаго побережья, съ главными портами Западной Европы и даже съ Нью-Іоркомъ; кромѣ того, сѣть желѣзныхъ дорогъ все болѣе и болѣе возвышаетъ значеніе Христіаніи какъ столицы и торговаго пункта, населеніе въ текущемъ столѣтіи почти удесятерилось и насчитывается до 80,000 челов. Благодаря чистотѣ воздуха и красотѣ окрестностей, столица Норвегіи одинъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ для жительства. Очень красивъ видъ съ Эгеберга на городъ; съ вершины скалы Акерсгусъ открывается прекрасный

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ. Съ фотогр. Э. Козловскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

видъ на большую часть города, суда стоящія на рейдѣ и зеленѣющіе острова. Множество островов, разбросанныхъ по фіорду покрыты лѣсомъ и садами съ красивыми дачами. Вся картина напоминаетъ болѣе Италію, чѣмъ Сѣверъ и, безъ сомнѣнія, самая живописная въ сѣверной Европѣ.

Видъ главнаго стана промысловъ Нѣмчинова, Сибирякова и Базанова. (Рис. на стр. 869).

Система рѣки Витима, притока Лены, извѣстна своими богатыми золотыми розсыпями по всей Восточной Сибири. Наиболѣе выдающимися по количеству добываемаго золота и богатству золотоноснаго песка считаются пріиски Благовѣщенскій и Успенскій, принадлежащіе Нѣмчинову, Сибирякову и Базанову. Пріиски эти находятся въ Якутской области, Олекминскаго округа и расположены вблизи одинъ отъ другаго, на берегахъ двухъ рѣчекъ, Аканака и Накатами, впадающихъ въ Бадайбу—притокъ Витима. Количество добываемаго ежегодно на нихъ золота простирается отъ 250 до 500 пуд.; число же работающихъ колеблется отъ 2,000 до 3,000 человѣкъ. Со 100 пудовъ золотоноснаго песку получается тамъ среднимъ числомъ до 4 золотниковъ золота.

Передъ дуэлью. (Рис. на стр. 872).

Весьма важно, отправляясь на поединокъ, быть вполнѣ увѣрену въ клинкѣ, которымъ придется наносить и отражать удары. Французскій художникъ Дюпенъ написалъ намъ одного изъ дворянъ-бреттеровъ прошлаго вѣка передъ дуэлью. Съ какой любовью сгибаетъ онъ упругое стальное лезвее особой, быть-можетъ завѣтной шпаги, которую онъ беретъ съ собою лишь на подобныя „встрѣчи“ (rencontres), какъ назывались эфемистически поединки въ XVIII столѣтіи и донынѣ еще называются во Франціи.

Жозефъ Мартенъ, французскій путешественникъ по Сибири. (Портр. на стр. 876).

Жозефъ Мартенъ, одинъ изъ немногихъ иностранныхъ путешественниковъ посѣтившихъ мало извѣстныя и труднодоступныя области на востокъ отъ озера Байкала, между Леной и Амуромъ, провелъ въ Азіатской Россіи 7 лѣтъ, и владѣя какъ русскимъ языкомъ, такъ и нѣкоторыми нарѣчіями сибирскихъ инородцевъ, собралъ значительныя коллекціи и составилъ нѣсколько интересныхъ маршрутовъ, значеніе коихъ было оцѣнено Военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго штаба въ Петербургѣ.

Мартенъ, по происхожденію французъ, родился въ городѣ Віеннѣ въ Дофине въ 1850 году, избралъ поприще инженера и служилъ по вѣдомству путей сообщенія въ Парижѣ, а во время франко-прусской войны 1870 года сражался въ восточной (Луарской арміи), поступивъ охотникомъ въ ряды алжирскихъ стрѣлковъ, и былъ раненъ. По окончаніи войны, Мартенъ вернулся на поприще инженера и отправился въ Россію, гдѣ вступилъ на частную службу въ Москвѣ у г.г. Барановскихъ и производилъ для нихъ различныя изслѣдованія въ Крыму и на Кавказѣ. Въ русско-турецкую кампанію 1878—9 годовъ онъ съ г. Барановскимъ прибылъ въ Дунайскую армію съ цѣлью организовать госпиталь Краснаго Креста отъ имени комитета московскихъ купцовъ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своею дѣятельностью въ госпиталяхъ и былъ отправленъ въ главную квартиру, гдѣ генералъ Коссинскій поручалъ ему нѣкоторыя работы; въ Боготѣ онъ встрѣтилъ полковника Гальяра, французскаго военнаго агента, который рекомендовалъ Мартена военному министру, а затѣмъ Мартенъ имѣлъ счастіе представиться Государю Императору и Великому Князю Главнокомандующему Николаю Николаевичу Старшему. Его Высочество поручалъ Мартену много важныхъ работъ, которыя онъ исполнилъ въ совершенствѣ, произведя, напр., ассенизацію Плевны послѣ капитуляціи Османъ-паши, а также и главной квартиры въ Санъ-Стефано. Въ то же время онъ оставался на службѣ у г. Барановскаго, который присылалъ ему пожертвованія въ пользу раненыхъ.

По окончаніи войны генералъ Галль послалъ Мартена посѣтить золотые пріиски на Ленѣ въ Сибири; затѣмъ въ 1880 и 1881 годахъ, Мартенъ объѣхалъ Усурійскій край, берега Японскаго моря и берега Кореи, въ которой китайцы нѣкогда уже разрабатывали золотые рудники. Во время этихъ поѣздокъ Мартенъ ввелъ въ употребленіе динамитъ для раздробленія мерзлой почвы, произвелъ многочисленные анализы кварцевъ и написалъ множество интересныхъ замѣтокъ по мѣстной геологіи и географіи.

Въ 1882 году Мартенъ вернулся въ Парижъ и выставилъ въ Географическомъ обществѣ множество предметовъ собранныхъ имъ во время путешествія. Всѣ эти коллекціи были принесены имъ въ даръ французскимъ музеямъ.

По возвращеніи въ Россію, онъ былъ посланъ г. Базилевскимъ на золотые пріиски въ восточной Сибири. Окончивъ порученіе, г. Мартенъ, вмѣсто того чтобы вернуться въ Петербургъ, воспользовался своимъ пребываніемъ въ этихъ отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ мѣстностяхъ и возымѣлъ смѣлую мысль объѣхать Становой хребетъ и Лену на границахъ съ Китаемъ. Испросивъ отпускъ, Мартенъ на свой счетъ собралъ караванъ человѣкъ въ 20 тунгузовъ и якутовъ, 120 сѣверныхъ оленей, 20 лошадей и десятка два собакъ подъ багажъ и провизію. Во главѣ этого каравана Мартенъ въ теченіе 9½ мѣсяцевъ прошелъ 2,500 верстъ, въ совершенно безлюдной странѣ, прокладывая топоромъ путь въ дѣвственныхъ лѣсахъ, пробираясь на якутскихъ лыжахъ по ледникамъ и строя плоты для плаванія по рѣкамъ. Отправясь съ береговъ Лены въ мартѣ 1883 г., онъ въ самый разгаръ зимы прибылъ на Амуръ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, всѣхъ лошадей, собакъ и до полусотни оленей.

Послѣ этого опаснаго путешествія онъ вернулся въ Иркутскъ, гдѣ далъ отчетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ генералъ-губернатору Анучину, и затѣмъ при помощи г.г. Барановскихъ и московскаго торговаго дома Сабашниковыхъ въ теченіе двухъ лѣтъ обозрѣвалъ пріиски Забайкальской области, рѣкъ Амура и Зеи.

Въ началѣ 1886 г. Мартенъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны (Св. Станислава онъ получилъ еще въ 1879 году). Московское этнографическое общество удостоило его золотой медали. Маршрутъ его былъ составленъ въ Военно-топографическомъ отдѣлѣ Главнаго штаба.

Въ январѣ 1887 года Мартенъ вторично вернулся въ Парижъ, гдѣ тамошнее, а также и Ліонское географическое общество присудили ему большія золотыя медали. Въ Парижѣ онъ устроилъ въ залѣ этнографическаго музея въ Трокадеро выставку своихъ коллекцій, собранныхъ въ послѣднее путешествіе. Прилагаемъ на стр. 876 изображеніе одного изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ этой выставки.

Факсимиле открытаго письма, совершившаго кругосвѣтное путешествіе. (Рис. на стр. 877).

Когда появился фантастическій разсказъ Жюля Верна: „Въ 80 дней вокругъ свѣта“, никому не приходило въ голову, что дѣйствительно возможно совершить кругосвѣтное путешествіе въ такой короткій промежутокъ времени, и объѣхать земной шаръ въ 80 дней или около того. Помѣщенное на стр. 877 факсимиле открытаго письма является нѣкоторымъ доказательствомъ осуществимости такого путешествія. Изображенное на ней открытое письмо, благодаря существующему съ 1875—1876 г. всемірному почтовому союзу, облетѣло земной шаръ почти въ 88 дней. ¹/₁₃ іюня, прошлаго года, письмо было отправлено г. Смитомъ изъ Либавы, съ просьбою,—какъ это можно усмотрѣть изъ текста самаго письма,—обращенною ко всѣмъ адресатамъ: получивъ письмо и сдѣлавъ на немъ отмѣтку о днѣ прибытія, отправить карточку далѣе, обозначивъ тамъ-же день отсылки ея. Самая посылка письма была слѣдствіемъ заклада, что открытое письмо можетъ объѣхать вокругъ свѣта въ 100 дней. ¹/₁₃ іюня письмо полетѣло въ Египетъ, по адресу г. Чапмана, въ Александрію, куда и прибыло черезъ 10 дней. Въ тотъ-же день оно было отослано въ Сингапуръ, на Малакскомъ полуостровѣ, и получено тамъ черезъ 3 недѣли. Отосланное г. Роберту Дроссу, въ Іокагамѣ въ Японіи, оно прибыло въ этотъ городъ послѣ 18-дневнаго странствованія и на другой день отправлено въ далекій путь по Тихому океану въ Америку. 8 августа письмо было уже въ Санъ-Франциско, а черезъ недѣлю оно перенеслось отъ береговъ одного океана къ другому, и 13 августа было получено въ Нью-Іоркѣ. Черезъ два дня письмо полетѣло къ мѣсту своего послѣдняго назначенія въ Либаву, куда и прибыло благополучно 28 августа, все испещренное отмѣтками, помарками и штемпелями, какъ это видно на прилагаемыхъ рисункахъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ и Н. Н. В. Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ и Алексій Александровичъ изволили выѣхать изъ Петергофа, 14 августа, въ 6 час. 20 мин. пополудни, по Николаевской желѣзной дорогѣ, и благополучно прибыть въ село Ильинское 15 августа, въ 11½ час. дня.

— Ея Величество Государыня Императрица, съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксеніею Александровною, изволили прибыть въ Гмунденъ 15 августа, въ 5 час. пополудни. При проѣздѣ чрезъ Вѣну, Ея Величество была привѣтствована Наслѣднымъ Принцемъ Рудольфомъ и Его Супругою Эрцгерцогинею Стефаніею. При пріѣздѣ въ Гмунденъ Государыня Императрица была встрѣчена на вокзалѣ членами семействъ герцога Кумберландскаго и принца Вельскаго и состоящими при нихъ придворными. По слухамъ въ теченіе недѣли прибудетъ въ Гмунденъ императоръ Австрійскій, чтобы сдѣлать визитъ Августѣйшимъ Гостямъ.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать изъ собственныхъ Его Величества суммъ двадцать пять тысячъ руб., на воспособленіе погорѣльцамъ гор. Оренбурга, потерпѣвшимъ отъ бывшаго 10 августа пожара.

Финансы.

— Въ теченіи первыхъ пяти мѣсяцевъ текущаго года государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи поступило 288.346,000 руб. или 33,9% итога, назначеннаго на этотъ годъ по росписи, противъ 261.954,000 руб. или 33% за то же время прошлаго года; въ настоящемъ году болѣе на 26.392,000 р. Со включеніемъ доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, давшихъ противъ прошлаго года уменьшеніе, итогъ поступленій къ 1-му іюня 1888 года составляетъ 305.168,000 руб., противъ 283.207,000 руб. къ тому-же сроку 1887 года, превыситъ послѣднюю сумму на 21.961,000 руб. или почти на 8%.

Промышленность.

— Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, возникаетъ содовое производство. Высочайше утвержденное товарищество содоваго производства, въ которомъ принимаютъ, главнымъ образомъ, участіе гг. Любимовъ, Сольвейль и другіе, уже пріобрѣло близь ст. Деконской, Донецкой желѣзной дороги, Деконско-покровскую соляную копь, для добыванія необходимой для содоваго производства соли, и значительный участокъ земли на берегу Донца, у селенія Третьей Роты, гдѣ предполагаютъ устроить заводъ, производительностью въ 1 милліонъ пудовъ.

Торговля.

— Продолжающіе выясняться результаты урожая оказываютъ прочное вліяніе на настроеніе хлѣбныхъ рынковъ; оно крѣпнетъ, несмотря на установившуюся хорошую погоду, дающую надежду убрать при благопріятныхъ условіяхъ значительно пострадавшіе хлѣба.

— Успенская ярмарка въ Харьковѣ идетъ удовлетворительно. Хорошо торгуютъ бумажными крестьянскими товарами и простыми сортами суконъ; менѣе удовлетворительно торгуютъ высокими сортами мануфактуры.

Литература и наука.

— 18 августа, исполнилось 50-ти-лѣтіе ученой дѣятельности заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ русской словесности и ординарнаго академика Имп. академіи наукъ Ѳеодора Ивановича Буслаева.

— Экспедиція изъ студентовъ, предпринявшая восхожденіе на Араратъ, выѣхала 11 августа изъ Эривани и прибыла въ тотъ же день въ Сардаръ-Булахъ. Экспедиція раздѣлилась 12 августа на двѣ группы. Одна группа отправилась съ Марковымъ во главѣ, на Большой Араратъ; другая группа, со студентомъ Ковалевскимъ, пошла на Малый Араратъ и чрезъ четыре часа достигла вершины. Восхожденію на Большой Араратъ препятствовала крайне неблагопріятная погода. Ночью было морозъ, а днемъ снѣгъ и метель. 13 августа, въ 2 часа дня, членъ-сотрудникъ Географическаго Общества Е. С. Марковъ и учитель бакинскаго реальнаго училища М. И. Поповъ съ всадникомъ мѣстной стражи А. Мануковымъ и пятью курдами достигли вершины Большаго Арарата, гдѣ произвели метеорологическія наблюденія. Въ память восхожденія на вершину Арарата сложена изъ камней пирамида въ человѣческій ростъ, видимая снизу въ зрительную трубу.

— Недавно въ Кіевѣ наблюдалось весьма красивое явленіе — образованіе ряда круговъ около солнца. Хотя явленіе круговъ наблюдается не особенно рѣдко, но за то весьма рѣдко приходится наблюдать его въ полномъ видѣ. Солнце было окружено кругомъ, внутренній край котораго былъ окрашенъ въ красный цвѣтъ. Въ высшей и низшей точкахъ круга къ нему касались дуги двухъ другихъ круговъ вогнутостью обращенныя къ горизонту. Чрезъ солнце проходилъ второй полный кругъ, центромъ котораго служила верхняя точка касанія перваго круга и верхней дуги. Второй кругъ обнималъ третій, концентрическій съ нимъ. Съ правой и лѣвой сторонъ круговъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, ниже ихъ, находились еще двѣ дуги.

— 30 іюля, около 6 часовъ вечера, въ окрестностяхъ Владикавказа было наблюдаемо весьма рѣдкое атмосферное явленіе, именно шарообразная молнія. По направленію балки, двигалась очень медленно четкообразная группа огненныхъ шаровъ. Совершенно ясно можно было различить три шара, изъ коихъ средній былъ желтаго цвѣта, съ золотистымъ отливомъ, фута два въ діаметрѣ, и по бокамъ его — два шара, великолѣпно окрашенныхъ въ пурпуровый цвѣтъ и по объему гораздо меньшихъ перваго. Берега балки были озаряемы пурпуровымъ цвѣтомъ. Это явленіе продолжалось не болѣе трехъ минутъ; затѣмъ, шары сперва уменьшились въ объемѣ и потомъ мгновенно исчезли. Шарообразная молнія, — явленіе до сихъ поръ не разъясненное и весьма рѣдко наблюдаемое. Молніи, имѣющія видъ шаровъ, очень опасны, такъ какъ шары медленно движутся близъ земной поверхности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрываются съ страшнымъ трескомъ, поражая всѣ окружающіе ихъ предметы.

Изъ губерній и областей.

— 14 августа разнеслась вѣсть, что въ 7 часовъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Батума, по Артвинскому шоссе, горцами сдѣлано нападеніе на купца Коха и его знакомыхъ, выѣхавшихъ на двухъ извощикахъ для прогулки. Всѣ они были ограблены; среди пострадавшихъ были дамы. Горцы были вооружены ружьями Пибоди. Виновные еще не открыты; приняты энергическія мѣры; для поимки грабителей посланы милиціонеры.

— Газета *Ардзагапкъ* сообщаетъ, что Персидскій шахъ пожаловалъ патріарху всѣхъ армянъ Макарію свой портретъ, украшенный бриліантами. Этотъ высшій изъ персидскихъ знаковъ отличія врученъ при шахской грамотѣ епархіальному начальнику персидскихъ и индійскихъ армянъ, епископу Грикорису, для поднесенія патріарху Макарію.

Политическое обозрѣніе.

Поѣздка Криспи на свиданіе съ княземъ Бисмаркомъ и встрѣча его на обратномъ пути съ графомъ Кальноки продолжаютъ составлять главную тему газетныхъ разсужденій. Графъ Кальноки, прибывшій въ Эгеръ утромъ, встрѣтилъ г. Криспи на вокзалѣ; обмѣнявшись привѣтствіями, министры отправились въ отель гдѣ обѣдали вмѣстѣ. Болѣе всего поѣздкой итальянскаго премьера интересовались въ Вѣнѣ. По словамъ *Fremdenblatt:* „Свиданіе графа Кальноки съ Криспи свидѣтельствуетъ лишь о неизмѣнно сердечныхъ отношеніяхъ между обѣими державами, соединенными узами дружбы. Выгоды взаимнаго обмѣна мыслей представляются особенно ощутительными въ такое время, какъ теперь, когда не смотря на сравнительное успокоеніе, все еще обнаруживается неувѣренность въ будущемъ. Было бы безразсудно соединять это свиданіе съ какими-либо воображаемыми агрессивными стремленіями. Какъ въ Фридрихсруэ, такъ и въ Эгерѣ не выходили изъ рамокъ мирной политики. Жизненные интересы Италіи побуждаютъ эту державу сосредоточить все свое вниманіе на сохраненіи нынѣшняго равновѣсія силъ на Средиземномъ морѣ. Австро-Венгрія признаетъ совершенную законность этой политики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интересы на Востокѣ вполнѣ допускаютъ тамъ солидарность италіянской и австро-венгерской политики.“ Въ томъ же духѣ высказывается и остальная вѣнская печать. Берлинская *Nordd. Allg. Zeit.* говоритъ по поводу свиданія въ Фридрихсруэ: „Пребываніе въ Фридрисруэ г. Криспи придаетъ нынѣшнему положенію политическихъ дѣлъ исключительный отпечатокъ. Знаменательное событіе съ удовольствіемъ принимается къ свѣдѣнію всѣми сторонниками стремленій средне-европейскаго союза“; далѣе газета говоритъ, что „поѣздка г. Криспи въ Германію не чужда политическимъ побужденіямъ. *Berl. Polit. Nachrichten* замѣчаетъ, что „для Италіи наступилъ моментъ яснѣе обрисовать нынѣшнее свое политическое воздѣйствіе, хотя бы для того только, чтобы положить конецъ разногласіямъ между Римомъ и Парижемъ.“ И такъ всѣ эти поѣздки и свиданія сводятся къ болѣе совмѣстнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Франціи. Итальянская печать также продолжаетъ придавать политическимъ послѣдствіямъ этихъ поѣздокъ весьма важное значеніе и заявляетъ, что переговоры въ Фридрихсруэ и въ Эгерѣ привели къ значительнымъ результатамъ, и что эти результаты обнаружатся въ ближайшемъ будущемъ.

Римскія газеты сообщаютъ, что надняхъ Испанія будетъ признана великою державою, послѣ чего она присоединится къ лигѣ міра. И это все для сохраненія равновѣсія на Средиземномъ морѣ? *Times* по поводу поѣздки г. Криспи высказываетъ слѣдующее: „Новое посѣщеніе князя Бисмарка итальянскимъ министромъ-президентомъ составляетъ фактъ большой важности. Послѣдній пріѣздъ его въ Фридрихсруэ привелъ къ опубликованію союза между Германіею и Италіею, и такъ какъ немыслимо, чтобы ноты касающіяся Массовы написаны были безъ предварительнаго совѣщанія съ Берлиномъ, то едва ли можно допустить, чтобы второе посѣщеніе могло означать что-либо кромѣ возстановленія и укрѣпленія этого союза. Раздраженіе съ какимъ итальянская печать отзывается о Франціи, составляетъ нѣкоторымъ образомъ серьезный симптомъ, дѣлающійся еще болѣе серьезнымъ вслѣдствіе возрожденія буланжизма во Франціи“. Касаясь далѣе положенія дѣлъ во Франціи, газета говоритъ: „Во Франціи обнаруживается много миролюбивыхъ стремленій и замѣчается нерасположеніе къ войнѣ. Мы искренно надѣемся, что мирные инстинкты одержатъ верхъ; но опасность положенія кроется въ слишкомъ позднемъ сознаніи страны, что подавая голоса за Буланже, Франція высказалась если и не за войну, то по крайней мѣрѣ за предоставленіе ему права рѣшить: будетъ война или миръ“. Изъ послѣднихъ извѣстій видно что политика Криспи вызвала въ Англіи довольно сильное охлажденіе къ интересамъ Италіи. Въ *Indép. Belge* телеграфируютъ изъ Лондона, что прежнія симпатіи къ Италіи уступили мѣсто довольно враждебному чувству, выражающемуся въ порицаніи дѣйствій итальянскаго премьера относительно Франціи. А тутъ кстати явились и непредвидѣнные результаты Массовскаго дѣла. Порта предложила измѣнить ст. 10 суэзской конвенціи, включивъ туда заявленіе, что̀ западное прибрежье Чермнаго моря составляетъ часть египетской территоріи, и что̀ защита этого прибрежья лежитъ на обязанности хедива, причемъ, однако, всѣ права султана на это прибрежье остаются неприкосновенными. Передавая это извѣстіе телеграмма отъ 15 августа добавляетъ, что „ратификація суэзской конвенціи отложена на неопредѣленное время“. Такое рѣшеніе Порты наноситъ сильный ударъ англійской дипломатіи, считавшей суэзскую конвенцію дѣломъ поконченнымъ; немудрено если общественное мнѣніе Англіи еще болѣе отшатнется отъ г. Криспи, такъ какъ онъ является главнымъ виновникомъ торгово-политическихъ неудачъ Англіи. По словамъ вѣнской газеты *Correspondance de*

l'Est, „князь Бисмаркъ совѣтовалъ Криспи быть сдержаннѣе и объяснилъ, что Германія обѣщала Россіи сохраненіе status quo. Италія должна принять это въ соображеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо уважить интересы Россіи въ Болгаріи". Но этотъ совѣтъ, если только онъ былъ данъ, не мѣшаетъ Италіи стремиться къ занятію Триполи, въ виду чего вся итальянская эскадра, маневрировавшая передъ Гаэтою, сосредоточится ниже Сициліи, въ портѣ Аугуста. Вчера нѣсколько судовъ вышли изъ Аугусты и отправились на востокъ. Все это оправдываетъ предположеніе французскихъ газетъ о намѣреніи Италіи захватить Триполи. По сообщеніямъ парижской и вѣнской печати, отношенія Италіи къ Франціи все болѣе обостряются и во французскихъ оффиціальныхъ сферахъ ожидаютъ серьезнаго столкновенія съ Италіею.

Ходятъ слухи, что въ Берлинѣ въ началѣ сентября предполагается съѣздъ нѣсколькихъ руководящихъ государственныхъ людей, который займется главнымъ образомъ, разрѣшеніемъ Болгарскаго вопроса. По послѣднимъ сообщеніямъ, Порта находится теперь подъ исключительнымъ вліяніемъ Россіи и вскорѣ въ Константинополѣ произойдутъ разныя преобразованія въ кабинетѣ. Будущимъ военнымъ министромъ называютъ Османъ-пашу, безусловнаго сторонника Россіи. Въ Константинополѣ высказывается все сильнѣе недовольство къ Италіи и охлажденіе къ Германіи.

І. Мартенъ, французскій путешественникъ по Сибири.
Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Общественное мнѣніе въ Парижѣ поуспокоилось, по побѣды Буланже до сихъ поръ продолжаютъ волновать общество. Генералъ Буланже уѣхалъ заграницу и вернется къ открытію палаты. *Nordd. Allg. Zeit.*, возражая на заявленіе *Times* о томъ, что успѣхи Буланже произведутъ въ Берлинѣ непріятное впечатлѣніе, высказываетъ слѣдующее: „У насъ нѣтъ никакихъ воинственныхъ поползновеній. Мы рады всякому французскому правительству, которое не угрожаетъ миру. Буланже далъ достаточно увѣреній, что въ интересахъ Франціи, онъ дорожитъ миромъ; по этому намъ нѣтъ причины безпокоиться изъ-за него. Съ буланжистскою Франціею мы можемъ жить въ такомъ-же согласіи, какъ съ бонапартистскою. Послѣ всего того, что говорилъ и писалъ Буланже въ послѣднее время, мы вправѣ считать его миролюбивымъ. Если ему удается сохранить спокойствіе и порядокъ, то успѣхи его будутъ встрѣчаемы съ удовольствіемъ и нами и всею Европою". Вся эта хвалебная статья разсчитана на общественное мнѣніе Франціи, весьма подозрительно относящемуся ко всему идущему изъ Берлина. Разсчетъ довольно вѣрный—буланжизмъ во Франціи уже заподозрѣнъ въ сочувствіи къ Германіи. Статья *Nordd. Allg. Zeit.* произвела сильное и непріятное впечатлѣніе на французскую печать. Враждебныя Буланже газеты, вос-

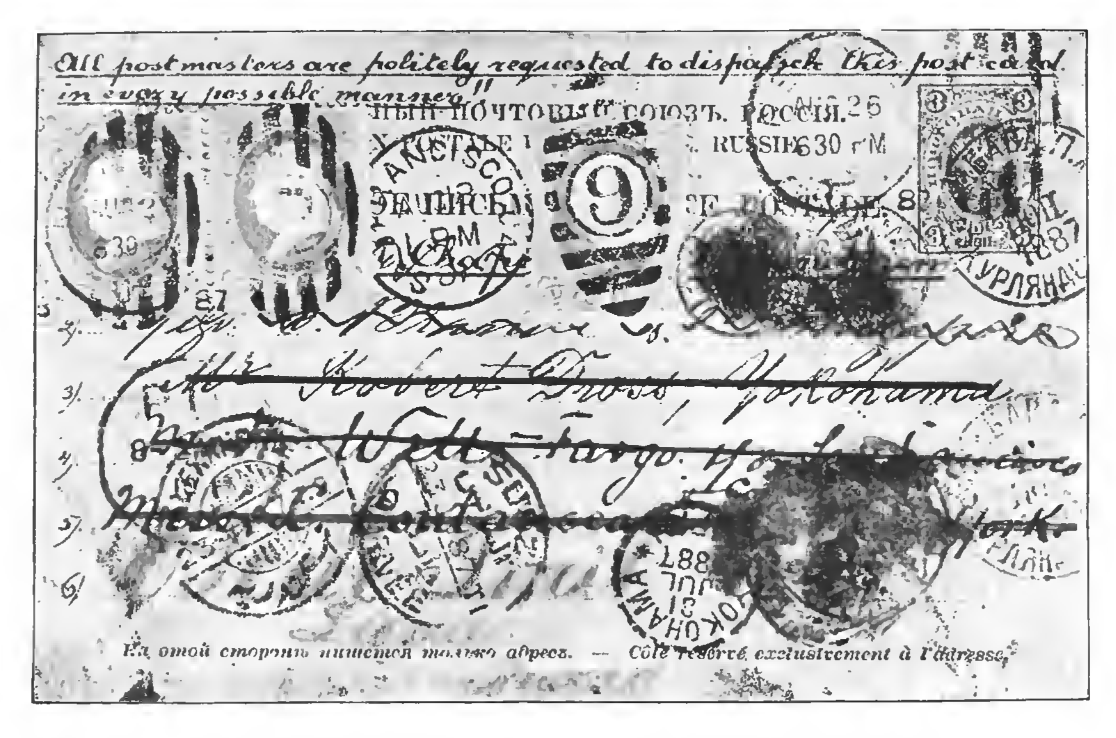

Выставка коллекціи привезенной французскимъ путешественникомъ І. Мартеномъ изъ восточной Сибири, въ Трокадеро, въ Парижѣ.
Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

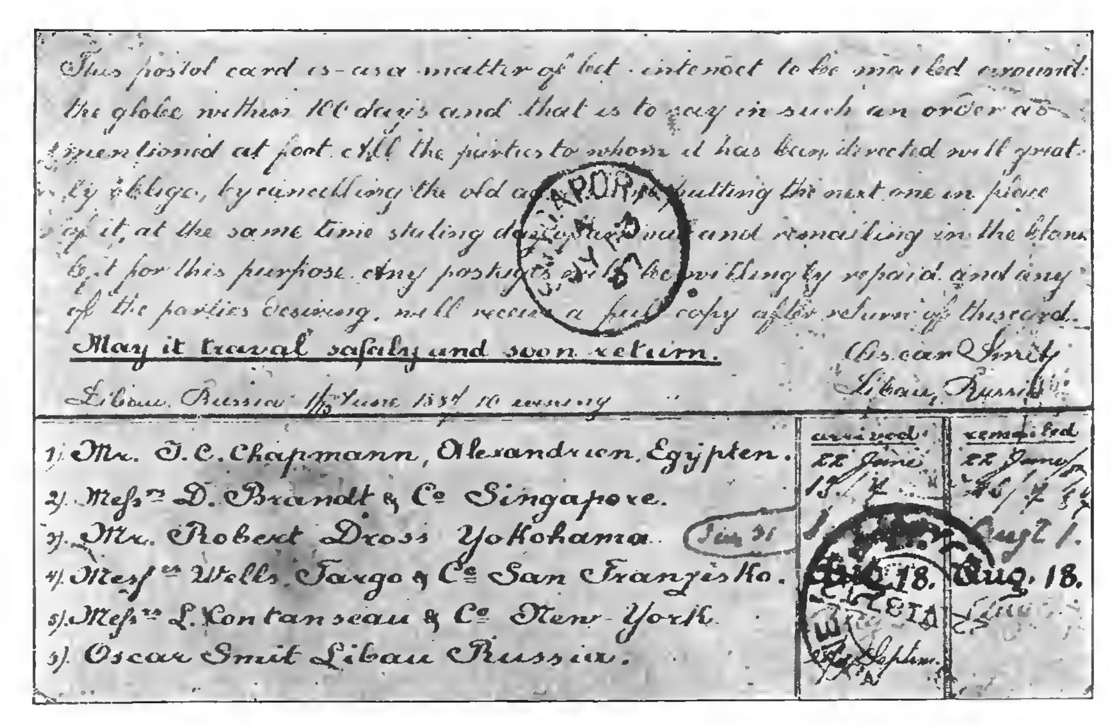
пользовавшись статьей, открыли рядъ новыхъ нападеній на генерала Буланже. Можно надѣятся, что общественное мнѣніе Франціи не ошибется на этотъ разъ и во время оцѣнитъ эти нападки.

Смѣсь.

Инженеръ-технологомъ Густавомъ Риттеромъ въ Варшавѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изобрѣтенъ препаратъ, „Экссикаторъ", для уничтоженія сырости въ стѣнахъ и сохраненія деревянныхъ частей зданія отъ гніенія, порчи грибомъ и т. п. Нынѣ изобрѣтатель издалъ особой брошюрой монографію этого средства, которую и разсылаетъ безплатно по требованію желающихъ ознакомиться съ препаратомъ. Письма адресовать: Риттеръ—Варшава, Контора: Королевская, № 39.

All postmasters are politely requested to dispatch this post card in every possible manner
[illegible]ный почтовый союзъ. Россія.
3) Mr Robert Dross, Yokohama
4) [illegible] Wells Fargo [illegible]
5) Messrs [illegible] New York
На этой сторонѣ пишется только адресъ. — Côté réservé exclusivement à l'adresse.

Факсимиле открытаго письма, совершившаго кругосвѣтное путешествіе.

This postal card is as a matter of bet intended to be mailed around the globe within 100 days and that is to say in such an order as mentioned at foot. All the parties to whom it has been directed will greatly oblige, by cancelling the old a[illegible] putting the next one in place of it, at the same time stating date [illegible] and remailing in the blank left for this purpose. Any postage will be willingly repaid and any of the parties desiring, will receive a full copy after return of this card.

May it travel safely and soon return.

Oscar Smit
Libau, Russia

Libau, Russia 1/13 June 1887 10 morning

1) Mr. J. C. Chapmann, Alexandrien Egypten.
2) Messrs D. Brandt & Co Singapore.
3) Mr. Robert Dross Yokohama.
4) Messrs Wells Fargo & Co San Franzisko.
5) Messrs L. Contanseau & Co New-York.
6) Oscar Smit Libau Russia.

arrived | remailed
Aug. 18. | Aug. 18.

Факсимиле открытаго письма, совершившаго кругосвѣтное путешествіе. Оборотная сторона.

Болѣзнь глазъ отъ узкихъ воротниковъ. Доктора уже не разъ указывали на узкіе воротники, какъ на причину воспаленія глазъ. Извѣстный окулистъ, профессоръ д-ръ Фёрстеръ въ Бреславлѣ недавно опять сообщалъ, что въ его практикѣ было до 300 случаевъ хроническихъ страданій глазъ, причину которыхъ слѣдуетъ искать исключительно въ слишкомъ узкихъ воротникахъ. (N).

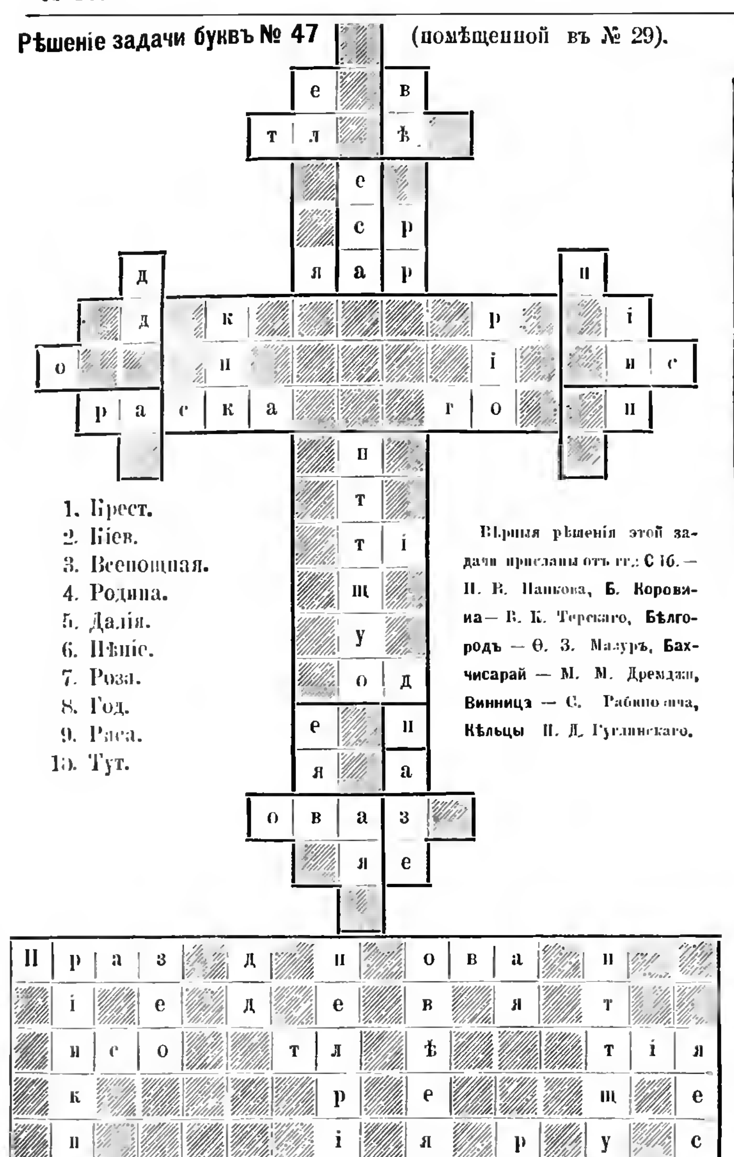
Новая Гренландская экспедиція. Хранитель музея въ Бергенѣ, д-ръ Ф. Нансенъ, который, въ обществѣ трехъ норвежцевъ и двухъ лапландцевъ, собирался предпринять путешествіе по Гренландіи, съ цѣлью проѣхать ее насквозь, отъ востока на западъ, по словамъ *Кельнской газеты*, на-дняхъ уже отправился въ путь черезъ Исландію. Принимая за исходную точку своихъ странствій Изафіордъ, путешественники намѣреваются добраться до сѣверо-восточнаго берега Гренландіи на суднѣ, на какомъ ѣздятъ обыкновенно на ловлю тюленей. На случай если льды не дадутъ имъ возможности пристать къ берегу на этомъ суднѣ, они берутъ съ собой лодку, снабженную ледопильной машиной (Eisboot), на которой и надѣются достигнуть земли. Кромѣ того, путешественники запасаются необходимыми припасами, санями, палатками, постелями и разными инструментами. Для дальнѣйшаго движенія внутри страны они вооружены лыжами, которыми всѣ отлично владѣютъ. Цѣль предпріятія — изслѣдовать внутренность Гренландіи. Западный бе-

регъ ея уже не разъ посѣщали путешественники, напр: датчанинъ Янсонъ, шведъ Норденшильдъ, американецъ Пирей, но никто еще не проходилъ ее насквозь. Теперь это впервые предпринимается. Путешествіе Нансена состоится на счетъ копенгагенскаго купца А. Гамеля, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже снаряжалъ пароходъ Dijmphna въ экспедицію къ Сѣверному Ледовитому океану. (N).

Первый банкъ основанъ былъ въ Венеціи въ 1156 году и назывался Camera d'imprestito. (с.)

По словамъ „Келн. газ.", напослѣдніе дни Помпеи брошенъ новый свѣтъ нѣкоторыми находками, сдѣланными во время произведенныхъ недавно раскопокъ. Въ домѣ № 23, квартала 2а, найдено много серебряныхъ сосудовъ и три книжки. Обстановка, при которой сдѣланы эти находки, заставляетъ предполагать, что обладательница этихъ цѣнныхъ вещей, въ моментъ катастрофы, увязала ихъ въ платокъ, чтобы, кромѣ жизни, спасти еще что-нибудь. Намъ извѣстны изъ описанія Плинія Младшаго ужасы того дня, когда страшная масса лавы, извергнутая Везувіемъ, погребла подъ собою Помпею; день превратился въ темную ночь, среди которой бѣгущіе теряли другъ друга; мужъ звалъ жену, дѣти родителей; самъ Плиній находился среди этой сумятицы вмѣстѣ со старухой-матерью, тщетно умолявшею своего преданнаго сына думать только о собственномъ спасеніи. Вѣроятно, не такъ счастлива была та женщина, которая замѣшкалась, занявшись укладкой своихъ пожитковъ, нѣкая Дисидія Маргарисъ. Мы знаемъ ея имя изъ книжекъ, которыя она тоже не хотѣла оставить и которыя представляютъ собою важные документы и запродажныя записи. Это, по обыкновенію, покрытыя воскомъ деревянныя дощечки, соединенныя по-нѣсколько въ одну книжку, величиною въ 20—13 центиметровъ. Въ первые дни по нахожденіи, ихъ можно было свободно прочесть, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дерево разрушено сыростью, но позднѣе воскъ мѣстами отвалился (вѣроятно вслѣдствіе высыханія дерева) и распался на мелкія частицы. Всѣ письменныя условія заключены между названною владѣтельницею и нѣкоею Помпеею Ноте, вольноотпущенною Прискуса; два изъ нихъ, судя по имени консула, относятся къ 61 г. по Р. Хр.; по одной изъ записей, Дисидія Маргарисъ покупаетъ отъ Помпеи Ноте двухъ молодыхъ рабовъ, Симплициуса и Петринуса; въ другой, представляющей родъ поясительной записки, также идетъ рѣчь о покупкѣ рабовъ; въ третьей говорится о 1,450 сестерціяхъ, которыя Помпея Ноте обязуется уплатить Дисидіи Маргарисъ, вѣроятно въ случаѣ негодности рабовъ. Серебряную утварь Дисидіи составляютъ четыре кубка съ четырьмя подносами, четыре чаши съ ручками, четыре маленькія чаши, еще четыре чаши другой формы, четыре чаши съ ножками, одна чаша безъ ручекъ, фильтръ, фляжка съ продырявленнымъ дномъ, ложка, маленькій ковшъ; это, очевидно столовый приборъ на четыре персоны, но, какъ видно, схваченный второпяхъ и не въ полномъ составѣ. Все серебро вѣситъ 3943,70 грам. Кромѣ того, несчастная намѣревалась спасти серебряную статуэтку Юпитера на бронзовомъ пьедесталѣ, большое бронзовое блюдо съ выпуклыми краями, выложенное внутри прекрасно вычеканенною серебряною накладкою, и наконецъ, три пары золотыхъ серегъ. — И въ другихъ отношеніяхъ раскопки послѣдняго времени дали удовлетворительные результаты. По хирургическому искусству мы видимъ много медицинскихъ инструментовъ (большею частью бронзовыхъ),которые первоначально лежали въ деревянномъ ящикѣ, отъ котораго сохранились остатки. Есть нѣсколько вещей, соединенныхъ въ наборъ, каковы: зонды, различной формы крючки, щипчики, ножикъ съ согнутымъ стальнымъ лезвіемъ и т. д. Тамъ-же лежали и аптекарскіе вѣсы съ двумя чашечками и принадлежащими къ нимъ гирьками, которыя представляютъ скалу въ 14, 17,5, 21, 24,9, 35,8 грам. Между множествомъ домашней утвари особенно выдается прекрасная бронзовая кастрюля, отдѣланная накладнымъ серебромъ въ видѣ рельефной головы, также бронзовая лампа съ сохранившейся свѣтильней, и наконецъ различная посуда, терракотты, золотыя кольца и серьги. (с).

Рѣшеніе задачи буквъ № 47 (помѣщенной въ № 29).

1. Брест.
2. Кіев.
3. Всенощная.
4. Родина.
5. Далія.
6. Пѣніе.
7. Роза.
8. Год.
9. Раса.
10. Тут.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **С 16.** — П. В. Панкова, **Б. Коровина** — В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ** — Ѳ. З. Мазуръ, **Бахчисарай** — М. М. Дремдзи, **Винница** — С. Рабиновича, **Кѣльцы** И. Д. Гуглинскаго.

Русь. Празднованіе девятисотлѣтія крещенія русскаго народа.

Ребусъ. Задача № 55.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА",

поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

XVII-й УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА Ѳ. И. РУССО.

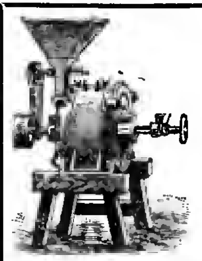
ОСНОВАНА ВЪ 1872 ГОДУ.

Большая Садовая, уголъ Вознесенскаго просп., д. 57—43 (Подъѣздъ съ Б. Садовой).

Кромѣ имѣющагося состава преподавателей, вновь приглашенъ по классу фортепіано **профессоръ К. Я. ЛЮТШЪ**

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: спеціальные: пѣніе, фортепіано, скрипка, альтъ и віолончель; **дополнительные:** теорія музыки, сольфеджіо, гармонія, контрапунктъ и анализъ формъ, хоровое пѣніе, итальянскій языкъ (для посѣщающихъ классъ пѣнія), исторія музыки, musique d'ensemble и методика фортепіанной игры. **ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ:** отъ 20 до 60 руб. за полугодіе или отъ 6-ти до 17-ти руб. въ мѣсяцъ, смотря по избираемому предмету и степени познаній. Особой платы за дополнительные предметы не взимается. Въ школу Ѳ. И. Руссо принимаются лица каждаго возраста и даже безъ всякой музыкальной подготовки. Программы выдаются и высылаются безплатно

Пріемъ ежедневно отъ 10-ти ч. утра до 7-ми час. вечера. № 3326

НОВАЯ мукомольная мельница **„ТРІУМФЪ“** завода **БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ** принадлежитъ къ лучшимъ настоящаго времени.

Болѣе 600 штукъ въ работѣ.

ЗАВОДЪ СТРОИТЪ КРОМѢ ТОГО: плуги, бороны, вѣялки, жнеи, косилки, локомобили 3, 4 и 6 силъ, кон. грабли, молотилки, сѣялки, соломорѣзки, сѣнныя пресса, насосы, пожарныя трубы, паровыя машины и пр. № 3319 3—1

ДЖЕННИНГСЪ и ГЮЗНИТЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

◆ ПИСЬМЕННОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ◆

ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ

на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, вполнѣ замѣняющее устное преподаваніе, съ успѣхомъ практикуемое по всей Россіи, въ теченіе многихъ лѣтъ, быстро и легко усваиваемое лицами обоего пола. Полнѣйшее ручательство за успѣхъ. Окончившимъ курсъ выдаются свидѣтельства. Вознагражденіе весьма умѣренное. Программы и пробныя письма высылаются безплатно. Преподаватель бухгалтеріи: **А. Н. ЯНКОВСКІЙ въ Ригѣ.** Р. № 3329

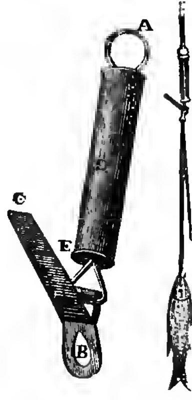
ДЛЯ СТЕКЛЯННЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

Опытный мастеръ художественнаго травленія на стеклѣ, хорошо знакомый со всѣми новѣйшими способами травленія на освѣтительномъ, выпукломъ и плоскомъ стеклѣ, желаетъ вступить въ сношеніе съ стеклянными заводомъ.

Лучшія рекомендаціи представляетъ по желанію. Письма просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, **И. И. Гаугъ**, Вознесенскій пр., № 30, кв. 56. № 3324

Продаются: 1) Дача 12 верстъ, ст. Чернь, 15 дес. земли. Домъ, лѣсъ, прудъ. Вблизи рѣка. 2) Пашни 50 дес. 3) Мельница и постр. съ 23 дес. луга. Разстояніе участковъ верста. Адресоваться: **въ Орелъ, Г. де-Тейльсъ.**

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. **П. Ф. Каратаевъ**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к., выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 3323

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. Н. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ѳ. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящн. литограф. обложкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ**, въ контору журнала „**Нива**“ (Невскій, 6).

ГАРМСЕНЪ и К°.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ

Гостиный Дворъ, № 131 и 144, С.-Петербургъ,

(существуетъ съ 1840 года).

честь имѣютъ извѣстить о полученіи большаго выбора

НОВОСТЕЙ ДЛЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ

и пальто для осенняго и зимняго сезоновъ.

Постоянно имѣется большой выборъ **полотна и столоваго бѣлья**, лучшихъ голландскихъ и русскихъ фабрикъ, **готоваго бѣлья** мужскаго, дамскаго, дѣтскаго и постельнаго, **чулочнаго товара** и проч. и проч.

Товаръ лучшаго качества, цѣны весьма умѣренныя.

Заказы изъ провинціи исполняются точно и добросовѣстно.

Прейсъ-курантъ а также **образцы** высылаются безплатно, но необходимо точно опредѣлить, какого рода товаръ требуется и примѣрно на какую цѣну. № 3328

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНКА

для выдѣлыванія пуговицъ

Необходимо для всѣхъ портнихъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.

Новѣйшая, простая и очень практическая машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

!ПРОЧНѢЕ и ДЕШЕВЛЕ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

ЦѢНЫ МАШИНКИ:	Р. К.	ЦѢНЫ ПУГОВИЦЪ:	Р.
для портныхъ	18 —	Пуговицы	1 за гроссъ.
		22 / 28 / 32 / 36	
„ портнихъ	13 50	1 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к.	„ „ „
„ для каретник. и сѣдельщик.	20 —	Пуговицы	7 за тыс.
для драпировщиковъ и декоратор.	15 —	Пуговицы	3 за тыс.

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!

Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ:

у **С. БЕРНШТЕЙНА** „ **ФРАНЦА ГЮНТЕРЪ** **МОСКВА** Большая Лубянка, Варсонофьевскій пер., домъ Рябушинскихъ, и въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ**—у **Франца Гюнтеръ, Садовая, № 12.** 9—6 № 3270

Въ книжной торговлѣ спеціально для иногородныхъ

А. Я. ПАНАФИДИНА,

№ 3325

С.-Петербургъ, Бол. Итальянская, № 8, поступили въ продажу:

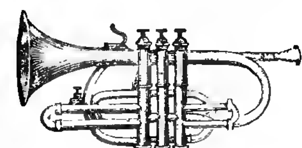
ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Первая книжка разсказовъ. СПб. 1888 г. Изд. 4-е. Содержаніе: Четыре дня.— Происшествіе.— Трусъ.— Встрѣча.— Художники. — Ночь.— Attalea princeps. — То, чего не было. Цѣна съ перес. 1 руб.

Вторая книжка разсказовъ. СПб 1888 г. Изд. 3-е. Содержаніе: Денщикъ и офицеръ.— Изъ воспоминаній рядоваго.— Красный цвѣтокъ.— Медвѣди. — Сказка о жабѣ и розѣ. — Надежда Николаевна. Цѣна съ перес. 1 руб.

Печатается **третья книжка разсказовъ.** Содержаніе: Лягушка путешественница.— Сказаніе о Гордомъ Аггеѣ.—Сигналъ.—Вясльрское дѣло.—Статьи о русской живописи: I. Вторая выставка общества выставокъ художественныхъ произведеній. II. Новая картина Семирадскаго „Свѣточи Христіанства“. III Конкурсъ на постоянной выставкѣ художественныхъ произведеній. IV. Императорская академія художествъ за 1876—1877 учебный годъ. V. Замѣтки о художественныхъ выставкахъ. Подлинная исторія Энскаго земскаго собранія. Очень коротенькій романъ, и прочіе. Ц. съ перес. 1 руб.

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ, ЛЮБИТЕЛЕЙ и АРТИСТОВЪ.

Скрипки отъ 2½ до 800 руб.
Смычки отъ 50 к. до 60 р.
Скрипки малаго размѣра для дѣтей отъ 2½ до 40 руб.
Віолончели отъ 25 до 801 руб.
Віолончели малаго размѣра для дѣтей отъ 15 до 50 руб.
Корнетъ-а-пистонъ отъ 18 до 275 р.
Флейты отъ 3 до 175 р.
Англійское концертино по умѣреннымъ цѣнамъ, отъ 24 до 250 руб.;
а также всѣ другіе музыкальные инструменты **хорошаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ.** Иллюстрированный прейсъ-курантъ—безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо **музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.** № 3235

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 36 и 42. Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

ТРУБЫ

газовыя, дымогарныя, топочныя, бурильныя и пр. всегда на лицо у

АЛЬБЕРТА ГАНЪ

Москва, Мясницкая ул., домъ Ананова.

Ц. № 3238 5—5

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ-колесные велосипеды спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра викonта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. **СПБ.,** Б. Морская, 21. Р. № 3291 (6)

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московск.) прейсъ-курантъ отъ Чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 24 августа 1888 г. Изданіе А. Ѳ. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ѳ. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. № 36

г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 3 сентября 1888 г. Цѣна этого № 20 к. съ перес. 25 к.

И. П. Сахаровъ.

Уваженія достойны труженики, всецѣло отдающіе себя на безкорыстное служеніе наукѣ вообще, но еще болѣе заслуживаютъ уваженія и глубокой признательности такіе дѣятели, которые употребляютъ всѣ труды и силы на изученіе и познаніе своего отечества, на выясненіе, по возможности, всѣхъ сторонъ жизни роднаго народа, прошлой и настоящей, изученіе столь важное для его исторіи. Къ подобнымъ дѣятелямъ принадлежалъ Сахаровъ, авторъ „Сказаній Русскаго народа“, усердный изслѣдователь руской старины и народности, всю свою жизнь посвятившій разработкѣ отечественной наукѣ древностей. Скромный ученый, онъ впервые затронулъ самые живые вопросы этой науки, и едва-ли найдется такая, даже самая незначительная отрасль ея, которую онъ оставилъ-бы безъ изслѣдованія и серьезнаго изученія. Для разъясненія быта стараго времени, Сахаровъ работалъ надъ всѣмъ: его равно занимали повѣрья,

Иванъ Петровичъ Сахаровъ (по поводу двадцатипятилѣтія со дня кончины).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

обычаи. и древняя письменность и искусство, и нумизматика, и исторія техническаго, ремесленнаго развитія. Бездну труда и старанія вложилъ онъ въ свое дѣло, не мало потратилъ времени на собираніе матеріаловъ, исходивъ добрую половину матушки Руси. Въ хижинахъ поселянъ — говоритъ князь А. Н. Голицынъ— собиралъ онъ народныя преданія, въ городахъ и селахъ обозрѣвалъ сохранившіеся народные памятники, въ архивахъ пересмотрѣлъ нужные историческіе акты. По преданіямъ, памятникамъ и актамъ возстановлялъ онъ въ описаніяхъ своихъ старую русскую жизнь, изображалъ русскую народность по живымъ источникамъ. Чего отшельники не вносили въ лѣтописи, чего нѣтъ въ актахъ, что сокрыто было отъ русскихъ историковъ,—то помѣщено имъ въ „Сказаніяхъ Русскаго народа“. Русскій человѣкъ, Русская земля, русскіе памятники, три основныя идеи, взятыя имъ за основаніе, составляютъ предметъ всѣхъ его изысканій. Языкъ, литература, се-

менныя повѣрья, записки современниковъ, одежды, народные обычаи—служили для изображенія всѣхъ дѣйствій русскаго человѣка; а храмы, кремли, гробницы, дворцы, терема, оружіе, гравированіе, иконописаніе, народное пѣніе, монетное дѣло—приняты были для описанія Русской земли, гдѣ въ искусствахъ и художествахъ русскій умъ составлялъ памятники для нашей родины. Нельзя не проникнуться полнымъ уваженіемъ къ Сахарову, къ его замѣчательнымъ работамъ, особенно если принять въ соображеніе тѣ неисчислимыя трудности, препятствія и всякія разочарованія и непріятности, съ которыми были сопряжены занятія этого археолога. Къ сожалѣнію, труженики науки долговѣчностью не отличаются. Сахаровъ не дожилъ до шестидесятилѣтняго возраста, — и нынѣ исполнилось со дня его смерти ровно двадцать пять лѣтъ.

Сынъ тульскаго священника, Иванъ Петровичъ Сахаровъ родился въ Тулѣ, 29 августа 1807 года и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной духовной семинаріи, гдѣ „обучался разнымъ языкамъ и наукамъ“. Отецъ его, Петръ Андреевичъ, мечталъ сдѣлать сына священникомъ, но юноша обнаруживалъ склонность къ наукамъ и по окончаніи семинарскаго курса, уволенный въ августѣ 1830 года сперва въ епархіальное вѣдомство, а потомъ и изъ духовнаго званія, поступилъ, въ декабрѣ того-же года, въ Московскій университетъ по медицинскому факультету. Еще въ семинаріи Сахаровъ началъ заниматься русскою исторіей, совершенно неожиданно для него самого, вслѣдствіе оскорбленнаго національнаго чувства. Однажды онъ услыхалъ, какъ два иностранца, „оставшіеся просвѣщать русскія головы послѣ 1812 года, изъ числа мародеровъ“, увѣряли, что русскіе не имѣютъ своей исторіи. Сахаровъ не могъ уличить этихъ иностранцевъ, потому что не зналъ русской исторіи; „меня учили какой-то безсвязной исторіи по Шрекку“. Это обстоятельство заставило его искать въ библіотекѣ отца книгъ по русской исторіи; найденныя сочиненія не удовлетворили его, и онъ повѣдалъ о своемъ горѣ священнику П. И. Иванову, „человѣку не весьма ученому, но любившему горячо родину и просвѣщеніе“. Онъ далъ юношѣ исторію Карамзина, которую, Сахаровъ, по его собственнымъ словамъ, читалъ долго и много, и которая помогла ему узнать родину, научила любить русскую землю и уважать русскихъ людей. Мало-по-малу въ немъ, среди чтенія исторіи Карамзина, зародилось первое желаніе узнать, какъ жили наши отцы, явилось желаніе писать. Разъ, посѣтивъ мѣстную церковь, построенную во времена царя Алексѣя Михайловича, Сахаровъ узналъ, „что такое древности, и что нужно для мѣстной исторіи.“ Памятники той эпохи, сохранившіеся въ церкви, навели его на мысль, что „древности надо изучать по наличнымъ памятникамъ въ архивахъ, а не въ новыхъ книгахъ“. Съ того времени и начинаются его розыски и занятія археологіей, встрѣченныя многими недовѣрчиво и недружелюбно. Въ маѣ 1830 года появился первый плодъ его трудовъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ*—по замѣчанію Сахарова „первенецъ всѣхъ несчастій, гоненій и ссоръ съ добрыми и недобрыми“. Попытку его печататься многіе осудили, и только благодаря заступничеству друзей, дѣло Сахарова окончилось благополучно; безъ нихъ молодой авторъ едва было не лишился, по его словамъ, „всего грядущаго въ жизни“. Переѣхавъ въ Москву и поступивъ въ университетъ, Сахаровъ продолжалъ съ увлеченіемъ свои занятія „старымъ бытомъ“ и печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльно. Защитивъ диссертацію, онъ въ 1835 году, былъ вынужденъ изъ Московскаго университета со степенью лекаря перваго отдѣленія и назначенъ врачемъ с.-петербургской почтамтской больницы, гдѣ прослужилъ вплоть до 1856 года, всѣ досуги отъ службы посвящая изданію собранныхъ имъ матеріаловъ. Въ 1836 году вышла первая часть его сочиненія „Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ“. Рукопись этого сочиненія была готова еще въ 1835 г. въ Москвѣ и прошла не мало мытарствъ, пока появилась въ свѣтъ, да и самая книга испытала достаточно мытарствъ, судовъ, пересудовъ и толковъ. Истинно русское міросозерцаніе Сахарова не встрѣтило поддержки и сочувствія въ той средѣ, которая наиболѣе сохраняла начала исповѣдуемыя Сахаровымъ. Тамъ его труды встрѣчены были не только равнодушно, но и враждебно. „Дѣло доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками, и бѣда уже висѣла надъ его головою.“ Но помощь, сочувствіе, поддержка и огражденіе его направленія пришли къ Сахарову изъ той сферы, въ которой, какъ онъ думалъ, царило все иноземное, а все истинно русское было предано забвенію. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а затѣмъ главно-начальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, князь А. Н. Голицынъ заступился за Сахарова; онъ представилъ, въ 1841 году, третье изданіе „опальной и гонимой“ книги „Сказаніе русскаго народа“ императору Николаю при запискѣ, въ которой разъяснилъ все значеніе трудовъ своего подчиненнаго и ходатайствовалъ о поощреніи автора. Николай Павловичъ, со свойственнымъ ему великодушіемъ, наградилъ Сахарова брилліантовымъ перстнемъ и назначилъ ему пособіе, въ видѣ прибавки къ жалованью. Послѣ этого опала съ книги была снята, и Сахаровъ сталъ усердно печатать дальнѣйшіе труды свои сперва въ заведенной имъ, собственной типографіи, которую ради изданія трудовъ своихъ потомъ долженъ былъ продать; таковы, между прочимъ, „Записки русскихъ людей“, „Русскія народныя сказки“, „Лѣтопись русской нумизматики“, „Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи“, „Писатели Тульской губерніи“, „Деньги московскихъ удѣльныхъ князей“, „Обозрѣніе славяно-русской библіографіи“, „Записка для обозрѣнія русскихъ древностей“ и друг. Критика съ большимъ единодушіемъ привѣтствовала эти труды замѣчательнаго собирателя остатковъ древней русской жизни, народной и исторической. „Труды Сахарова — замѣтилъ одинъ изъ критиковъ — запишетъ Русь въ своей памяти; они такъ благородны, такъ прекрасны, такъ плодоносны.“ Кромѣ отдѣльныхъ изданій, Сахаровъ помѣщалъ свои труды въ *Маякѣ*, *Литер. Газетѣ*, *Отечеств. Запискахъ*, *Рус. Вѣстникѣ*, *Сѣверной Пчелѣ*, *Москвитянинѣ* и *Журн. Министр. Народнаго Просвѣщенія*. Не смотря на эти литературно-ученыя занятія и службу въ должности врача при почтовомъ вѣдомствѣ, онъ находилъ еще время и для педагогической дѣятельности, читая лекціи палеографіи въ Училищѣ Правовѣдѣнія и еще нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ дѣятельность Сахарова видимо начинаетъ ослабѣвать. Издавъ первую часть своей книги „Записка о русскихъ гербахъ“, въ 1856 году, онъ вскорѣ вышелъ въ отставку и переселился въ свое имѣніе, въ Валдайскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько мучительныхъ лѣтъ, будучи боленъ неизлечимо и скончался 24 августа, 1863 года, въ новгородской усадьбѣ Зарѣчье, Валдайскаго уѣзда, отъ размягченія мозга. Тѣло его погребено при церкви Успенія, Рютинскаго погоста. За пять лѣтъ до кончины, Сахаровъ пожелалъ еще разъ посмотрѣть на русскую жизнь сѣверныхъ губерній, и узнать, что сохранилось здѣсь изъ старой русской жизни. Онъ увидѣлъ какъ переродилась русская деревенская жизнь и вынесъ далеко не отрадныя впечатлѣнія, убѣдясь, что въ своемъ движеніи впередъ русскій человѣкъ оставилъ вполнѣ неприкосновенною—одну вѣру своихъ отцовъ и дѣдовъ. Иванъ Петровичъ Сахаровъ былъ членомъ Археологическаго, Географическаго и другихъ обществъ.

П. Быковъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VI.

Маврушенька.

Пашко, отставъ отъ Губана съ Васильемъ, пошелъ не къ лодьѣ, а въ монастырь. Тамъ, поставивъ свѣчу у гроба чудотворцева и помолясь передъ его честнымъ образомъ, въ серебрѣ изваяннымъ, онъ вышелъ изъ собора, а что дѣлать съ собой, не зналъ. Идти-ли ему къ лодкѣ, или въ монастырѣ вечерни дожидаться. Тревожно ему было, не спокойно, а въ груди точно невыплаканныя слезы закипали.

„Инъ, къ лодьѣ пойду!“ рѣшилъ онъ.

И полпути онъ не дошелъ до лодки, повернулъ назадъ, а тамъ опять втупикъ сталъ: куда идти. Напослѣдокъ рѣшилъ:

„Пойду молъ, прогуляюсь со немножечко. Ходючи, полегчаетъ.“

И пошелъ, самъ не зная куда. Тропинка забирала влѣво, и онъ влѣво шелъ; вправо тропинка поворачивала и онъ поворачивалъ въ правую сторону. А въ груди попрежнему тревога и невыплаканныя слезы. Пашко и не замѣчалъ, что кто-то, нагнавъ его, идетъ сзади шагахъ въ десяти, какъ-будто опасаясь подойти поближе.

— А Пашко, а Иванъковичъ! не громко кликалъ нагнавшій его человѣкъ.

Пашко все шелъ да шелъ, не слыша оклика. Осмѣлился наконецъ нагонявшій человѣкъ, и поближе подошедъ, опять кликнулъ: „а, Иванъковичъ!“ и тронулъ Пашка за локоть.

Пашкó вздрогнулъ, оборотился и воззрился на тронувшаго его за локоть человѣка, да вдругъ на него какъ кинется.

— Задушу, задушу! кричалъ, хватая его за воротъ.

Тотъ человѣкъ думалъ было вырваться, но не смогъ, палъ на колѣни, а потомъ и вовсе свалился.

— Ой, Пашкó! ой, Иванькович! а слышь, а не бьютъ вѣдь лежачаго, молился онъ.

— Задушу, гóворю! свирѣпо и грозно кричалъ Пашкó, подобравъ подъ себя того человѣка и охвативъ ему горло руками.

— Ой, Пашкó! ужь захрипѣлъ тотъ. — Ой, Мавру... ой, знаю гдѣ...

Пашко отнялъ руки отъ горла.

— Ой, и ты жь... А и сѝленъ, и скоръ къ тому!.. А чепано-тъ мой, ой! а и дрýгаго въ заводи нѣту-ти, плакался тотъ человѣкъ, а затѣмъ, будто вспомнивъ что-то нечаянно забытое, захлебываясь добавилъ: — А тотъ-то, въ коёмъ предъ судьей стоялъ, а стянулъ вѣдь Арбузьевъ съ плечъ... „А твоя де вина что, чепанъ одѣвая, прорѣху прорвалъ, а въ ту де прорѣху и все дѣло мое провалилося...“ А ты, ишь ты!.. А я вѣдь нарокомъ нагонилъ тебя, а съ ласкою... А и скоръ же на руку... А чепано-тъ...

— А ну те, съ чепаномъ-то! прервалъ Пашкó Мордкино причитанье. — А гдѣ, сказывай.

— А не дàлече тутъ... Ой-же, Господи! а тутъ-то, тутъ... опять заплакался Мордка, увидѣвъ незамѣченную до того прорѣху, — а хоть вовсе брось... А не дàлече ту... У Арбузьева... Охъ, охъ ты Господи!.. А въ волости у него, гóворю...

— Ну, слышь, Мордка, Пашкó сказалъ, — а только не обманешь, а Маврушеньку сыщемъ, инъ Василей тебѣ новъ чепанъ сошьетъ...

Мордка бросился было благодарить Пашкà.

— А послѣ ужь... А веди теперь, сказалъ Пашкó и взявъ Мордку за руку впереди себя поставилъ. — Къ ней... прямо... съ разстановкой и съ трудомъ, но твердо добавилъ онъ.

Мордка помялся на мѣстѣ.

— А знашь, Иваньковичъ, а я тебя къ задворкамъ... А во дворѣ-тъ парубки, слышь...

— Къ задворкамъ веди, властно приказалъ Пашкó.

Мордка еще помялся, и тронулся.

— Лѣсомъ, прямичкомъ, не дорогой пойдемъ, сказалъ онъ немного погодя.

Шли они молча и скоро вошли въ темный лѣсъ. Порой на Пашкà нападало сомнѣнье, не въ засаду-ли его Мордка ведетъ. „А задушу тогда“, рѣшалъ онъ, и опять безо всякой мысли, въ издрогнувшемъ ожиданьи, бодро шагалъ за нимъ. Мордка порой останавливался, приглядывался и прислушивался.

— Слышь, къ вечерни вдарили, сказалъ онъ, — а въ Хýтынѣ, въ великъ колоколъ. А съ той стороны звонъ, отколь намъ надобенъ: вѣрно идемъ.

И опять пошли.

— Пиръ онъ нынче ладитъ, на бóяръ, на знакомцевъ своихъ, снова пріостановясь Мордка сказалъ. — Для-того я тебя и съ задворковъ.

Пашкó ни слова, а только головой повелительно взмахнулъ: веди молъ знай.

Темновато стало; туча-ли нашла, или сумерки пали, не разобрать въ лѣсу.

— Ай, заяцъ? съ испугомъ вскричалъ Мордка, увидя какъ передъ ними юркнулъ звѣрокъ.

— Ни, вѣкша, спокойно отвѣчалъ Пашкó. — Эвона она гдѣ, на сосну скочила.

И опять шли да шли.

— А ну, слава Богу! сказалъ Мордка и вздохнулъ полегче. — Вотъ и тропинка-та, прямо къ задворкамъ. А и долго жь не давалася. Ужь думалъ не обошелъ-ли Лѣсъ [1]). А самъ знашь, мѣсто-то како здѣсь. А Худыпь, скажутъ, въ старь звалося: худо мѣсто-то, проклято.

— А далече ощё? Пашкò откликнулся.

— А съ полчаса не буде.

И эти полчаса ужь вовсе молча шли.

— А и плетень вотъ, тына-то съ сёй стороны нѣту-ти, пояснилъ Мордка. — А сейчасъ.

Немного погодя, Мордка остановился и насторóжился, и затѣмъ сталъ шептать пошептомъ.

— Глянь, вишь, э-вонъ оконце-то, ощё свѣтится, на чердакѣ-то [2]). Ейная горница. Изба тутъ одна стоитъ, жила близко нѣту-ти. Скажутъ байня, что-ль, допрежь сего въ рощицѣ стояла. А перестроилъ, а чердачекъ накинулъ... А что-жь, Иваньковичъ, стоишь, а съ Богомъ! Не высокъ плетень, а во двори тихо, ощё знать бны не воротимшись изъ Хутыня.

Пашкò подошелъ къ плетню и ужь думалъ было шагнуть черезъ него да одумался.

— А стой, воротясь, подозвалъ онъ Мордку. — А за проводы—на вотъ тебѣ, денежка. А добуду — вотъ те чудотворецъ святый Хýтынскій—и чепанъ. А ну!

И онъ махнулъ рукой, чтобъ Мордка прочь шелъ, а самъ опять двинулся къ плетню. Шагу не дошедъ, онъ остановился и снявъ шапку, крестился усердно.

„А съ Богомъ топерь,“ мысленно ободрилъ онъ себя, и за плетнемъ сталъ.

Изъ осторожности Пашкó шелъ еле ступая, озираясь и по временамъ останавливаясь. У избы, высоко ее переростя, стояла береза тонкая и къ лазанью сподручная. Перекрестясь и чуя что сердце стало сильнѣй колотить о ребра, Пашкó полѣзъ вверхъ. „Э! и гульбище [3]) есть, и стать на него съ березы не трудно“. И Пашкò неслышно на гульбище сталъ. Волоковая дверь была пріотворена. Пашкò, подкравшись, заглянулъ въ чердакъ. Ничего горенка, уютная, чисто прибранная. „А! вонъ и постелюшка!“

Но постелюшки не могъ разглядѣть Пашкò: все у него вдругъ въ глазахъ повернулося и ходуномъ пошло. „А она гдѣ-жь?“ ужь со злостью подумалъ онъ. Глянулъ Пашкò въ другую сторону и видитъ: она сама, Маврушенька, у стола на лавкѣ сидитъ. Сейчасъ лишь пріодѣлась, подрумянилась. Старается покраше поднизь прикрѣпить. „Вотъ и ладно, кажись“. Она подвинула тонкую восковую свѣчку, оправила зеркальце на столѣ и въ него смотрится. Должно быть самой себѣ показалася: просіяла вся, хитренько подмигнула кому-то въ зеркальце и усмѣхнулась. Съ этой усмѣшкою опять ожила злость у Пашкà въ сердцѣ. Нежданно для себя онъ шагнулъ въ горенку.

Маврушенька всполошилась, скочила на ноги, крикнуть хотѣла, да такъ съ разинутымъ ртомъ и осталась. Дрожь ее взяла, ноги подкашивались.

— Аль Пашкó? едва слышно прошептала она, ощупувая у самоё себя глаза. — Аль живой?..

— Аль ты меня покойникомъ полагала? не двигаясь съ мѣста спросилъ Пашкò.

— А какъ же, недоумѣнно говорила она,—въ поволья-то... Убили, сказывали.

— Такъ этимъ, знать, онъ сманилъ-то тебя, что меня мертвымъ сказывалъ? спросилъ парень со злобою ужь на Арбузьева.

— Такъ живъ ты? не вовсе еще въ себя придя и не разобравшись, радоваться ли ей его приходу, иль плакать, вскрикнула дѣвушка, и слѣдомъ, съ несомнѣнной ужь радостью, хотѣла къ нему броситься. — Ахъ, ты, голубчикъ ты мой!.. а сыскалъ же меня!..

— Нѣтъ, стой! строго приказалъ Пашкò, какъ бы и себя въ то же время сдерживая. — Постой, постой ощё! быстро пробросилъ онъ, какъ бы сбираясь съ мыслями,

[1]) Лѣсъ — лѣшій.
[2]) Чердакъ — теремъ.
[3]) Гульбище — балконъ.

Гезы подаютъ прошеніе намѣстницѣ Маргаритѣ Пармской. Съ акварели Германа Тенъ-Кате, грав. Веберъ.

и заговорилъ яснымъ порывистымъ голосомъ, точно зная, что такъ, а не иначе, слѣдуетъ говорить. — А я тебѣ ясперва скажу, что будешь ты а дѣвка сама лживая! Это что́-жь ты мнѣ путашь-то? будто съ того пошла, что во гробѣ я? Аль этакъ-то жениховъ обрученныхъ поминать установлено? А говори жь! прикрикнулъ онъ.

Какъ листъ затряслась Маврушенька.

— Обманулъ, обманулъ онъ меня, лепетала она не то чтобъ оправдываясь, а сама не зная къ чему.

— А матушку свою, честну вдову, на кого покинула? На тѣ вздохи немолчные, на тѣ слёзы горючія? А стоишь и не спросишь вѣдь: ощё ль жива она?

Маврушенька, склонивъ голову, стояла заломивъ руки, и не было въ ней силы спросить про матушку.

— А жива. Крестись; а жива-же, говорю.

Маврушенька покорно крестилась, и въ три ручья тихо заплакала. Пашко̀ потупился.

— Аль силомъ онъ тебя? хмуро выглядывая изподлобья, допрашивалъ Пашко̀, и не давъ слова отвѣтить Маврушенькѣ, закричалъ: — Не лги, не лги же; шабёрки-те видѣли, какъ въ проулченко выбѣгала къ нему, а подарки отъ него принимала же, а заманиванья его слушала. Охъ, убить, убить тебя, триклятую!

И Пашко̀ порывисто, какъ отъ ужаснаго соблазна, отвернулся отъ нея и, ухватясь рукой за горло, застопалъ, захрипѣлъ.

— А и ты-то, ты! собралась съ силами Маврушенька. — А зачѣмъ въ поволье-то шелъ, а меня бросилъ?

— А гдѣ-жь бросалъ? Сказывалъ вѣдь я тебѣ, зачѣмъ иду. Чтобъ нужду отъ дому вовсе отогнать; чтобъ ни въ чемъ-то ты не пуждалася, а жила бы сытёхонько, веселёхонько... А и ты... а тутъ...

И шатаясь, онъ привалился на лавку и зарыдалъ навзрыдъ. Маврушенька дала ему выплакаться.

— А слышь, Пашко̀... начала было она, подходя къ нему.

— А молчи ужь ты, подлая! свирѣпо стиснувъ зубы прошипѣлъ Пашко̀.

И вставъ съ лавки, онъ заходилъ взадъ и впередъ по горенкѣ, утирая слезы кулакомъ и не глядя на дѣвушку, даже какъ-бы опасаясь, что она ему нечаянно попадется на глаза.

У Маврушеньки, какъ ей казалось, все въ сердцѣ перевернулося отъ Пашкова слова обиднаго, а вдобавокъ — это-то и щемило ее — и правдиваго. И она вдругъ, въ одинъ мигъ, въ первой разъ за долгое, долгое время вспомнила какъ жила, чѣмъ тѣшилась.

„А улещивалъ же онъ, уговаривалъ“, обрывками путалось въ ея головѣ. „А ощё про Пашка̀, что бросилъ-то, а забылъ... А вѣсти эти нелестными сказывалъ... И правда, даривалъ онъ ее. И сердце ее противъ Пашка̀ ставилъ, чтобъ противенъ ей парень оказался: не то помнить его, а такое поперекъ ему сдѣлать, чтобъ помнилось до вѣку... А ощё-то что?.. А сманилъ, а везъ къ себѣ, поилъ пьяною...“

Кажется все, рѣшительно все припомнила, и все это надо-бы разсказать Пашку̀. Да какъ разсказать-то? Въ головѣ оно мелькнуло, а словъ, чѣмъ разсказать — нѣтъ. Сердце у нея засосало, и стоя на мѣстѣ она заметалася, и сама ужь не помня себя, пала на колѣни, головой къ лавкѣ, въ ту сторону, гдѣ сейчасъ передъ тѣмъ сидѣлъ Пашко̀. И силится, силится припомнить, что̀ надо говорить и собрать тѣ слова, что̀ куда-то затерялися.

„А! вспомнила. Отъ матушки хоронилась, а рѣчи его ей сказывать боялася...“ И въ великомъ волненіи, присѣвъ на полъ, и широко раскрывъ глаза, закричала вслухъ: — Охъ, охъ! а жива ль ощё моя матушка?

Отъ этого вскрика Пашко̀ оторопѣлъ и забылъ свой гнѣвъ.

— Опомнись, а Христосъ съ тобой, растерянно говорилъ онъ. — А вѣдь сказывалъ же я тебѣ, что жива молъ, жива твоя матушка, а крестилась ты ощё. А крестись, окрестись опять, кресто-тъ на себя скорѣй клади.

Маврушенька вновь послушно крестилась, только безсмысленно, сама не зная что̀ дѣлаетъ.

— А послушай ты... заговорила она.

Трудно и нудно, точно черезъ силу выдавливались у нея слова. Порою она схватывала себя за горло, будто желая отдавить тѣ слезы, что тамъ скопились и придавили слова, которыя она хотѣла поскорѣй выговорить.

— А улещивалъ, путаясь въ рѣчи сказывала она. — А говаривалъ... А ушелъ ты.. А я одна... а не смѣла ей, ни словечушка... Ужь похвалить ли?.. Матушка ты моя, а родименька!.. Дай вспомнить-то... Шелъ ты да наказывалъ. А помню, ужь помню все... Молчи, молчи, не надобно; безъ тебя все припомнила... Ну, а тутъ... И пригожъ, и на рѣчь ласковъ... „А вывѣдалъ,“ говоритъ, „вѣрно вывѣдалъ. Не на рубежь де, не на псковскій. А взманился на Москву молъ. А къ князю молъ служить сшелъ...“ Этакъ-то, про тебя, знашь, дословечно говаривалъ... А самъ и обѣщалъ и даривалъ... Матушку бы спросить... И противъ тебя мое сердце круто поворачивалъ... А боялась же матушки, го́ворю, страшилася... Охъ, прости, охъ прости меня, родна матушка!

Тутъ у нея слезы сперва брызнули, а потомъ тихо потекли, и съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣчи легче, ровнѣй полились.

— А попалась какъ, ужь не вспомнюся... А поилъ, дарилъ, всѣ забавушки, а чего только вздумаю... А бывало, бывало а тошнёхонько, а грустнёхонько... Вспоминать-то, небось, вспоминалося. Не забудешь вѣдь... А страшилась, такъ-то страшилася этой тоски неслыханной, этой памяти непрошенной, этой боли сердечной, что отъ нея утопилась бы, аль повѣсилась... И гнала, всячески отъ себя гнала, на все пускалася, только бъ ее прогнать... А закружуся—и нѣтъ памяти... И легко... А тамъ опять... охъ! тошнёхонько, тяжелёхонько... И нынче вотъ, въ Спасовъ праздничекъ, а съ утра вѣдь, съ самаго...

— А лжа, лжа ѐ! вскричалъ Пашко̀, слушавшій до того внимательно и сочувственно. — Аль не видѣлъ я тебя, какъ съ гульбища глядѣлъ? Убиралась ты, въ зеркальце глядѣлася, а тамъ на свою видно кра̀соту любуючись, въ зеркальце кому-то ухмылялася, да еще хитренько подмигивала: „погуляемъ, молъ, а до-сыти“. Нѣтъ, убить, убить тебя, змѣю подколодную, пока на смерть не ужалила!

— Охъ! правда моя, охъ! истинная!.. всхлипывая во все время Пашковой рѣчи, приговаривала Маврушенька.

— Нѣтъ, молчи ты, моихъ рѣчей не заговаривай! свирѣпѣлъ Пашко̀. — Ты припомни-ко-сь, что ощё надѣлала. А мать было въ гробъ свела, осоромила... Свѣтлы ея очушки отъ слезъ притуманила; едва видитъ сердечная. А шить ей — великъ трудъ. „Охъ, слѣпну совсѣмъ“, сказывала. Аль мало тебѣ? А ощё молодца на посмѣхъ подняла. Того не считаю, что̀ изъ-за тебя вытерпѣлъ, а съ душой-то моей что̀ ты сдѣлала? А передъ Богомъ вѣдь кольцами у насъ помѣняносъ. Мое-то на перстѣ сейчасъ. А обѣты предъ духовнымъ отцомъ да предъ образомъ Знаменья пречистаго на дымъ пошли? Аль мало ощё? Куда, въ какой омутъ меня затягиваешь?

И въ пылу Пашко̀ не замѣчалъ, что Маврушенька не рыдала ужь, а сидя на полу билась головой о лавку; не розумныя слова выговаривала, а выкликивала нѣчто страшное.

— Разверзлась, разверзлась! выкликивала Маврушенька. — До самого-то дна моя душенька разсѣлася! А и гады тамъ, змѣи, аспиды... А все-то дѣла мои мерзко-

грѣховныя... А и явственны пуль, а допрежь не видѣла... Охъ, гадюки все, жаловитыя, ядовитыя... А и жалятъ, ѣдятъ мою душеньку, охъ! сгложатъ они мое окоянно сердчушечко, а все безъ остаточка. Пожалѣй ужь, пожалѣй меня, а помилуй ты, безталанну грѣшницу!.. Охъ, прости, прости-ко меня, свою кровную обидчицу!..

— Не могу, не смогу, не хочу простить! закричалъ Пашко́. — А на-что ты мнѣ теперь, а говори? Берёгъ я тебя, въ душѣ носилъ, что́ ладонку на шеѣ отъ мощей кіевскихъ. А теперь брошу, а брошу, кину,ростопчу тебя!

— А бей, убей меня, только прости, ради Христа, прости! приговаривала она.

— Христомъ-Богомъ молишься, а какъ бросала-то меня Христа помнила-ль? А что̀ мнѣ теперь въ тебѣ дорого? Аль душа твоя? Аль кра̀сота твоя? Такъ я твою душу въ адъ пихну, а красоту твою съ лица кулаками собью. Чтобъ о ней и памяти не было.

— Охъ, бей ты, убей меня, а только прости, прости!..

— А не убью, думашь? Ай пожалѣю тебя? Такъ вотъже на тебѣ, а на, на, на!..

И Пашко̀ дважды или трижды ее ногой пихнулъ, а тамъ, ужь не помня себя, накинулся на нее и схвативъ за русую косу, сжалъ ее въ кулакѣ и сталъ себѣ на руку съ силой наматывать. И убилъ-бы, да Богъ грѣха не попустилъ.

Шумъ и крикъ, и гамъ какой-то на дворѣ всталъ. И раньше онъ слышался да за рѣчами своими горячими ни Пашко́, ни Маврушенька его не примѣтили. Теперь-же вдругъ услышалъ Пашко̀, и опомнился. Размотавъ косу съ руки, онъ выпустилъ ее изъ кулака.

— А что́ тамъ, а вставай, Маврушенька.

И онъ бережно поднялъ ее съ пола. Оба прислушались. На дворѣ и въ бубны били, и въ свистѣли свистѣли, и крикъ слышался, и кони ржали, и собаки, всполошась, лаяли. Маврушенька на цыпочкахъ побѣжала, и чуть отодвинула волоковое окно, что выходило во дворъ.

— А пріѣхалъ, знать, шепотомъ сказала она. — И гости, и скоморохи съ нимъ. А на дворѣ-то темь, съ фонарями ходятъ.

— А что-жь теперь? какъ-бы приходя въ себя спросилъ Пашко́.

— А уйди, Пашко́; застанутъ на грѣхъ.

— Меня спровадивъ, а сама къ нему? со всплескомъ только-что остывшаго гнѣва спросилъ Пашко.

— Да покарай меня Господь! перекрестилась въ отвѣтъ Маврушенька.—Да... слышь, бы громъ гремитъ... А! вотъ и мо́лонья просвѣтила, какъ-бы съ радостью воскликнула она.—А коль лгу я на самую на чуточку, да пусть Михаилъ Архангелъ Божій, что мечетъ стрѣлы огненны во врага Божія, а пуститъ въ сердце мнѣ сейчасъ, сейчасо-т-ко, а свою каменну стрѣлу, а и паду я у ногъ твоихъ бездыханная.

Этой съ жаромъ сказанной клятвѣ повѣрилъ Пашко̀.

— А со мной пойдемъ? подумавъ, сказалъ онъ.

— А пошла-бы, а и съ радостью, быстро залепетала Маврушенька.—А какъ схватится, да прикажетъ, чтобъ плясать имъ шла. А сугона тутъ. Наробковъ вѣдь полонъ дворъ. А пошлетъ во всѣ концы. А захватятъ, измучатъ вѣдь, истерзаютъ, убьютъ тебя да волкамъ скормятъ. А чтобъ я,—а ни, ни! да не бойся ужь! А отступись отъ меня Пресвятая Богородица, Госпожа Царица наша Небесная, Пречистое ея Знаменье!.. А какъ убьютъ-то тебя, а тутъ я... Охъ, и голубчикъ-же ты мой, соколикъ ты мой ясненькій, ощё женишокъ богоданенькій! обнимая и цѣлуя Пашка̀ приговаривала Маврушенька.

И Пашко́ цѣловалъ ее, не помня простилъ-ли онъ, или нѣтъ свою обрученную невѣсту.

— А какъ-же мы? шепнулъ онъ сквозь поцѣлуй.

— А ты завтречка, сквозь поцѣлуй-же отвѣчала она.— а съ уличана, съ надежными...

— А на коняхъ мы...

— Не пѣши-же. А какъ зайде солнышко. А гляди, смотри на окошечко. А засвѣчу предъ иконушкой лампадушку. А горитъ она, а смѣло лѣзь. А не буде горѣть, а жди, пожди: нельзя, пойми, опасно.

И они условливались быстрымъ и частымъ шепотомъ, разбирая какъ лучше и надежнѣй устроить побѣгъ. Вдругъ внизу дверью хлопнуло и послышались шаги по лѣстницѣ. Оба вздрогнули и спѣшно крестами другъ дружку осѣня, неслышно цѣловалися. Пашко́, бережно ступая, въ дверь юркнулъ, и съ гульбища на березу.

Маврушенька, гдѣ стояла тамъ и осталася, мысленно шепча молитву Божьей Матери.

VII.

Владычень судъ.

Пашко̀ быстро до плетня добѣжалъ, и въ лѣсъ ступилъ. Въ томъ-ли мѣстѣ онъ плетень перелѣзъ, гдѣ и давече, о томъ онъ не думалъ. Про тропинку, на которую его Мордка вывелъ, ему и не вспомнилось. Шелъ наугадъ, куда глаза глядѣли, или вѣрнѣй сказать, куда ноги несли: темь въ лѣсу была страшная. Только какъ молнія проблескивала, причудливо, словно волшебствомъ, освѣщался лѣсъ. Пашко̀ не засматривался на этотъ сказочный свѣтъ. Внутри у него все бурлило и горѣло, и буйныя мысли кипѣли въ головѣ. Мысли эти для него самого были темны; только по временамъ свѣтлѣло у него въ мозгу, и тогда Пашко́ про себя шепталъ: „а нашелъ, а скраду-же“. Отвага била въ немъ ключемъ. Какъ дождь сталъ пробивать сквозь густыя вѣтви да мочить парня, и Пашко́ сталъ немного поспокойнѣе. Онъ вышелъ на полянку; дождь какъ изъ ведра лилъ.

Пашко́, снявъ шапку, мочилъ на дождѣ свою кудластую голову и ерошилъ рукой волосы, чтобъ взмокли хорошенько. Отъ того посвѣжѣй становилось у него въ головѣ, и первой ясной мыслью то было, что надо отъ дождя спрятаться.

Перебѣжавъ полянку, Пашко́ вошелъ въ густой лѣсъ. Вскорѣ посчастливилось ему набрести на широко-дуплистое дерево. Онъ влѣзъ въ дупло и примостившись усѣлся на корточкахъ. Вздохнувъ глубоко, онъ почувствовалъ себя веселымъ и бодрымъ. Припомнилъ все что́ у нихъ было съ Маврушенькой и набожно перекрестяся, мысленно Господу хвалу пѣлъ, что не ввелъ его Отецъ Небесный во искушеніе, но избавилъ отъ лукаваго. И Пашко́ сталъ обдумывать до мелочи какъ онъ завтра выкрадетъ Маврушеньку. И подъ эту пріятную думу, задремалъ парень.

„Ой, ой, скорѣе, а то упустишь теперь, а вѣкъ ужь нѐ-найдешь!“ склонясь къ нему, скорымъ пошептомъ говорила Маврушенька. Пашко́ глаза открылъ, ощупался вокругъ и вылѣзъ изъ дупла. Свѣтло ужь было; солнышко вставать собиралося. Пашко́ опозноваться сталъ.

„А на нашей-же я сторонѣ, на Знаменской“, раздумывалъ онъ. „А солнышко-тъ у насъ гдѣ вы́стане? [1]) А туто-то ко.—И онъ пальцемъ ткнулъ гдѣ.—А ладноко, а теперь гдѣ у насъ Волхово? А коли дома этакъ-же къ солнышку стать къ утреннему, а тутъ оно прйдется.—И опять пальцемъ ткнулъ.—Ладно-ко. А и выходить, что теперь отъ меня а вонъ оно гдѣ, Волхово“.

И опять пальцемъ ткнувъ, Пашко́ примолвилъ „ладно-ко“. Провѣривъ раза два, три прежнее, чтобъ потверже запомнить, Пашко́, перекрестясь, тронулся въ путь. Шелъ онъ прямо, держась по солнышку, обходя только тѣ мѣста, гдѣ глубока̀ была топь болотная. Тропинка, и не одна, то вправо, то влѣво, манила его, но онъ миновалъ ихъ, не взманиваясь ни на одну. Долгонько-таки пришлось ему по лѣсу постранствовать: на-

[1]) Выстать—вставать.

конецъ набрелъ онъ на торную дорогу. Тутъ онъ подумалъ порядочно.

Никакъ онъ припомнить не могъ выше иль ниже Хутыня приходится Арбузьевская волость. Вчера Мордка велъ его по звону монастырскому, да не запомнилъ онъ сверху или снизу слышался колокольный звонъ. И какъ ночью перелазилъ взадъ черезъ плетень, не помнилъ-же твердо въ которую сторону побѣжалъ. Не набрести-бы ненарокомъ на Арбузьева? Этотъ чортовъ Буянъ пожалуй еще встрѣтится, и тогда прости, прощай Маврушенька! А тутъ, какъ на бѣду, небо задернуло тучами. Однако онъ вспомнилъ съ которой стороны свѣтило солнышко.

„Инъ вверхъ по дорогѣ пойду", вдругъ онъ рѣшилъ, какъ-бы по наитію.

Впереди невдалекѣ взлобочекъ виднѣлся. „А не виднѣй-ли оттолѣ буде:" утѣшалъ себя Пашкó. Взойдя на взлобокъ, онъ увидѣлъ, что дорога дальше круто поворачиваетъ, въ ту сторону гдѣ, по его соображенію, бѣжитъ рѣка. Вскорѣ лѣсъ сталъ рѣдѣть справа, и по мѣстамъ будто и Волхово просвѣчивало. Пашкó взялъ вправо съ дороги и прибавилъ шагу. По мѣрѣ того какъ лѣсъ рѣдѣлъ замѣтнѣе, и парень шибче шелъ, и затѣмъ ужь бѣгомъ пустился и выбѣжалъ на рель [1]). Вотъ оно и Волхово! Пашкó глянулъ на ту сторону, а напротивъ стоитъ деревнюшечка, ему примѣтная. Хутынь приходился далече позади, а волость Арбузьева тамъ-же гдѣ-то въ лѣсу затерялась. Пашкó посмотрѣлъ вверхъ по рѣкѣ на ту сторону; въ это время солнышко выглянуло на минуту и въ городѣ поверхъ лѣса на церквахъ загорались кресты. Пашкó палъ на колѣни и пѣлъ какія зналъ утреннія молитвы. Помолясь, онъ свернулъ назадъ въ лѣсъ и направился къ дорогѣ. Дождь сталъ моросить.

Немного погодя послышался сзади телѣжный стукъ. Пашкó свернулъ съ дороги и спрятался за дерево. Бояться было нечего: то мужичекъ въ городъ ѣхалъ. А ѣдучи, мужичекъ со скуки подбиралъ пѣсенку про все чтó ему сейчасъ видѣлось. Онъ пѣлъ:

Поразгрязвила дороженька,
Поразгрязла, поразмокнула...

— А ну! тронулъ мужикъ лошадь вожжей и опять затянулъ:

Моросить ощё да чáстымъ дожжикомъ,
А частúмъ, мелкúмъ, надокучливымъ.

Пашкó рядилъ мужика, чтобъ его въ городъ свезъ. Мужичекъ, почуявъ негаданный заработокъ, стегнулъ бурушку, и не въ долгѣ они доѣхали до города.

Пашкó раньше всего забѣжалъ къ Маврушиной матушкѣ. Стукнулся онъ у открытаго окна.

— Ай Пашкó? а óтворю сейчасо-т-ко.

— А стой, въ окно скричу, сказалъ Пашкó, и когда Лукерья въ окно выставилась: — А нашелъ вѣдь я.

— Кого нашелъ-то? затрепетала въ радостномъ предчувствіи Лукерья.

— А ее жь, Маврушеньку, въ досадѣ на старушечью недогадливость крикнулъ Пашкó. — А не дáлече-ту, у Арбузьева подъ Хутынемъ.

— Да какъ же? освѣдомилась было Лукерьюшка.

— А не досугъ мнѣ подъ окномъ торчать, а ныпче жь скраду, а ты Богу, знай, помаливайся, да и былъ таковъ, оставивъ матушку въ радостномъ недоумѣніи.

Скоро Пашкó добѣжалъ домой.

— Ай хозяинушко ласковый? ай ты будешь? спросилъ его подручный, какъ онъ входилъ въ калитку.

— Коли же нѣтъ, отозвался Пашкó.

— А уличана-те тебя взыскалися...

— А нашелся, вишь! крикнулъ не останавливаясь Пашкó.

— А стой-ко ты, а хозяинушко, нагоняя его заговорилъ подручный. — А вѣдь чуть-то я, изъ-за твоей этой торопливости, дѣла не забылъ.

— Ну? пріостановился Пашкó.

— А сегодни, чуть свѣтъ, гонецъ къ тебѣ прибѣгалъ, а отъ Луки сказывалъ, отъ Аввакумовича съ Бояней было улицы, отъ боярина.

— А знаю ужь, прервалъ хозяинъ словоохотливаго подручнаго.

— А приказывалъ, только ты воротишься, а шелъ бы сейчасъ въ Боляню улицу. А дѣло, за которымъ тобѣ идти, а то дѣло, сказывалъ, оно тобѣ вѣдомо.

Догадавшись зачѣмъ его зоветъ Лука Аввакумовичъ, Пашкó приказалъ подручному отрѣзать себѣ краюшку хлѣба и не жалѣя посыпать ее солью, а самъ прошелъ въ сѣни, а оттуда въ чуланъ и сталъ на скорую руку переодѣваться и переобуваться. Выйдя онъ кликнулъ подручнаго.

— А сбѣгай-ко, мóлодецъ, къ уличанамъ, а скажи: вернулся молъ хозяинушко, а самъ въ Бояню улицу шелъ, а вамъ де поклонъ прислалъ. А и ждали бы они меня, скоро оберну, а коней бы готовили человѣкъ ихъ съ пять, аль шесть, а по вечеру погонимъ молъ.

И съ этимъ словомъ хозяинъ къ калиткѣ пошелъ.

— А коней-те кому жь изъ уличанъ-те приказывать? ужь въ догонку ему закричалъ подручный.

Пашко, пріостановясь, подумалъ.

— А Василью скажи сермяжнику, а достальнымъ о конѣхъ приказывать не къ чему. А у Василья-то головушка розумная, самъ сдогадается.

И тутъ, закусивъ краюху, Пашкó только-что не бѣгомъ побѣжалъ.

Луку онъ дома захватилъ.

— А жду, не дождусь тебя, сказалъ Лука. — А пашелъ же я.

— И я нашелъ; а здравствуешь, Лука Аввакумовичъ! бойко отвѣчалъ Пашкó.

— А ну? взмотнувъ чтó конь головой, спросилъ Лука.

Пашко коротенько разсказалъ какъ ему удалось отыскать Маврушеньку.

— А слушай же а ты теперь, сказалъ Лука, и сталъ разсказывать чтó вчера у Арбузьева случилося.

Дѣло такъ было. Лука, какъ обѣщалъ Пашку, рѣшился ѣхать къ Арбузьеву на попитки. Ѣхали они долго, съ привалами; Василей Селифонтьевичъ рѣшилъ что все взятое подъ Хутынь надо непремѣнно выпить дорогою, чтобъ возы полегчить. Пріѣхали ужь за-темно, а въ дому былъ сготовленъ „сйленъ столъ". Смѣшки да прибаутки да выпивка. Напослѣдокъ Арбузьевъ сталъ заставлять Тереньку плясать.

Теренька, по скоморошьей злопамятливости, не забылъ что Арбузьевъ про него говорилъ грубо, еще тогда, какъ былъ у него въ саду „походъ". Тогда же атáманъ замоталъ себѣ на-усъ его грубость, и для памяти завязалъ узелокъ на гайтанѣ [1]). Много помогъ ему Арбузьевъ, приказавъ нарубкамъ взмостить рундукъ для игры на своей землѣ и изъ своего лѣсу; нечего и говорить, что за все это время не только самъ Теренька задаромъ жилъ у Василья Селифонтьевича на хлѣбахъ, но и вся его артель кормилась въ Арбузьевской же людской. Теренька все это ни во чтó считалъ и принималъ не болѣе, какъ должное къ нему уваженіе, и злобы своей не откладывалъ. Вдобавокъ, Арбузьевъ снова раздосадовалъ Тереньку на пиру, увѣряя всѣхъ, что безъ него, безъ Василья Селифонтьевича, вся бы игра оказалась дѣломъ праховымъ. И когда Арбузьевъ сталъ просить Тереньку въ плясъ пойти, тотъ долго отнѣкивался, а затѣмъ, выскочивъ изъ-за стола, объявилъ, что и радъ бы, и такъ бы проплясалъ, какъ съ роду еще не плясывалъ, а только нужна ему для того хорошая плясея.

[1]) Рель — берегъ, который въ половодье водой понимается; поемный лугъ.

[1]) Гайтанъ — поясокъ рубашечный.

Литературный альбомъ. „Русалка", А. С. Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Соломко. грав. Флюгель.

2

— А гдѣ-ко мнѣ взять ее, плясею-то? откликнулся Василей.—А на нѣтъ, слышь, Терентьюшко, и суда нѣтъ.

— А ѐ же, Теренька сказалъ.

— Аль ты память-то виномъ залилъ, а очнись-ко, Терентьюшко! какъ бы предостерегая его сказалъ Арбузьевъ.

— Анъ врешь, а ощё и не разъ у меня съ нею было плясано, съ дерзостью крикнулъ Теренька.

— Очнись, говорю! уже стращая крикнулъ Василей и поднялся съ мѣста.

— А Маврушенька...

— Кака ощё, чортъ, Маврушенька? ужь рявкнулъ Селифонтьевичъ, и порывисто выскочивъ изъ-за стола, подлѣ Тереньки сталъ. — А пляши, чортъ, со мной! добавилъ онъ, сильно дернувъ Тереньку за руку.

— Кака? А что у Пашка-тъ скралъ, а вѣ...

Арбузьевъ такъ его по скулѣ хватилъ, что Теренька, не договоривъ, грохнулся на полъ.

— А со Славковой, а вѣдомо! уже на полу валяясь прокричалъ атаманъ.

Арбузьевъ бросился на него, осѣдлалъ его и сталъ тузить кулакомъ по чему пришлось. На-силу, насилу ихъ розняли. Лука, узнавъ что ему требовалось, поскорѣй подъ шумокъ, не смотря на грозу, поѣхалъ домой.

— А что жь мы теперь-то, Иваньковичъ, дѣлать учнемъ? спросилъ бояринъ окончивъ разсказъ.

— А скраду, сѐвечеръ-же [1]) скраду, хвастливо вскрикнулъ Пашко, забывъ что похвальное слово гнило.

— Гм! вдумчиво сказалъ Лука. — Аль думашь, Арбузьевъ ее тамъ, въ волости, досель держитъ? А вѣрь ты моему слову нелестному, что нынче же на зорюшкѣ спровадилъ онъ ее куда подалѣе. На эти-те дѣла и у Василья Селифонтьевича хитрость великая; опасливо живетъ.

Пашко ударилъ объ полы руками, и съ досады вцѣпясь себѣ въ волоса, какъ рванетъ ихъ.

— А и не баба я, а этакъ опростоволосился! вскричалъ онъ. — А и надо-бъ вечоръ же скрасть, да этого же, вишь, мы съ Маврушенькой поопасалися что плясать ее хватится, а сугона буде. А такъ бы надо, круто добавилъ онъ, — самимъ уйти, а избу-тъ поджечь, чтобъ слѣда не было.

— Полно-ко, не тревожь себя, успокоивалъ его Лука Аввакумовичъ, — а не хуже-ль ощё вышло бы? Пожаро-тъ завидячи, къ избѣ-бъ бросились, а Василей ощё псовъ велѣлъ-бы съ цѣпи спустить. А и Богъ вѣсть чѣмъ бы кончилось.

— Ну, со свирѣпой рѣшимостью заговорилъ Пашко,— а знаю ужь я чѣмъ ему удружить.

— А ну?

— А на вѣче сволоку его, а тамъ, небось, не отнѣкается.

Лука помолчалъ.

— А еще Богъ вѣсть за кого вѣче-то. У него тоже не безъ заступы.

Пашко и ротъ разинулъ: тотъ-ли молъ это Лука говоритъ, что вскричалъ „въ князѣхъ“?

— А и то сказать, спокойно продолжалъ Лука, — что дѣло-то твое не Вѣчьнаго оно буде розума. А надобенъ тутъ владычень судъ.

— Это что за судъ ощё?

— А надо тебѣ предъ Владыкой жалобу на Арбузьева положить. А таки-те дѣла искони Владыко судитъ, его пошлина, по помаканупу, по правдѣ, понимашь, святительской. А предъ Владычнимъ судомъ и самъ Василей Селифонтьевичъ ослушникомъ не явится. А отъ вѣку, сколько стоитъ Новгородъ, всякъ Владыку слушался, а имя его грозно держалъ [1]).

Пашко, слушая про владычень судъ, сколь онъ честенъ и грозенъ, со страху похолодѣлъ даже. И этотъ страхъ убѣждалъ его въ могуществѣ владычняго суда.

— А до Владыка, и до Владыка дойду же, съ рѣшимостью онъ сказалъ.

— А понѣ же сходи, посовѣтовалъ Лука. — А стой, вспомнилъ онъ, — а у меня до Владыка и дѣло ѐ. Книжку ему одну пообѣщалъ добыть, а нунь та книжка переписана. А сегодни же и пошлю ее съ тобой. Дворецкій мой и проводитъ тебя, и моимъ именѐмъ и сдоложитъ про тебя. А на коняхъ ступайте, чтобъ Владыку до обѣда захватить. Въ долгій ящикъ откладывать нечего.

И Лука тотчасъ же распорядился всѣмъ.

Пашко сердечно благодарилъ боярина за оказанную помощь и за добрый совѣтъ.

— А полно-ко, Иваньковичъ, добродушно сказалъ Лука, — а на то мы, бояра, и надобны чтобъ народушку подсоблять.

Пашко удивленно, какъ-то съ боку посмотрѣлъ на Луку.

— Ну, это развѣ ты, Лука Аввакумовичъ, одинъ такъ думашь, со всегдашней своей откровенностью сказалъ онъ, — а и много сказать что съ десятокъ ощё такихъ же, какъ ты простыхъ, найдется, на весь, клади, на Великій на Новгородъ. Ну, а остатніи-то... А хоть бы Арбузьева того взять, а у Мордки, у нищаго, можно сказать, голаго, а чепанъ, имъ же даренный, съ плечъ стянулъ. А Мордка ради него душу дьяволу продавалъ, на завѣдому лжу крестъ въ судѣ цѣлуючи. А Арбузьевъ-то изъ худшихъ-ли ощё буде, спроси-т-ко у народушка, хоша бы уличанъ своихъ... Одначе, раздобаривать-то мнѣ съ тобою, бояринушко ласковый, некогда... А прощашь, слышь, Лука Аввакумовичъ.

И на прощанье Пашко довѣрчиво протянулъ руку, и бояринъ не брезговалъ, бралъ кожевника за руку.

(Продолженіе будетъ).

[1]) Севечеръ — сегодня вечеромъ (подобно *сегодня*).

[1]) Грозно держать — почитать грознымъ. Хотя это выраженіе и вошло въ литературный обиходъ, но часто ему придаютъ не то значеніе.

Ворохъ.

Разсказъ **Андрея Львовича.**

14 ноября 1877 года полкъ дрался съ турками при селеніи Трестеникъ. У насъ тамъ была укрѣпленная позиція. Къ вечеру всѣ атаки турокъ были отбиты и мы перешли въ наступленіе. Пошла впередъ и 3-я рота. Ее послали на усиленіе стрѣлковой цѣпи и только третій взводъ остался сомкнутымъ, и оврагомъ пошелъ нѣсколько сзади. При отступленіи турки страшно смѣшались. Боевая линія во многихъ мѣстахъ изломалась. Стрѣлковыя роты, смѣшавшись съ линейными, побѣжали за турками. Тамъ былъ сильный учащенный огонь. Третій же взводъ 3-ей роты замѣшался въ суетѣ и затерялся, какъ часто бываетъ въ бою. Отсталъ-ли онъ, впередъ-ли далеко ушелъ — трудно сказать.

Идетъ третій взводъ безъ огня оврагомъ. Впереди стрѣльба.

— Не отставай отъ цѣпи! твердитъ взводный унтеръ, но взводъ ползетъ — устали.

Вечерѣетъ. Мало видно и своихъ и непріятеля. Поднялся взводъ на бугоръ, глядитъ унтеръ, а цѣпи-то впереди нѣтъ. На противуположномъ же бугрѣ нежданно-негаданно лежитъ окопавшаяся турецкая рота.

— Вотъ такъ наскочили!.. Ложись! скомандовалъ унтеръ. Случился небольшой окопъ — залегли.

— Степанъ Петровичъ, ахнемъ впередъ! авось спугнемъ! совѣтовалъ ефрейторъ.

— Ну, нѣтъ братъ, гляди, тамъ цѣлая рота, а у насъ и патроновъ-то нѣтъ; спустимся внизъ, они насъ, какъ куропатокъ перестрѣляютъ; подождемъ.

Притаился взводъ, лежитъ. Патроны раньше разстрѣляли, солдаты молчатъ.

— Экіе подлецы! гляди, вѣдь они нашихъ боковымъ огнемъ по лощинѣ обстрѣливаютъ, сказалъ взводный.

— Ударимъ, Степанъ Петровичъ!

— Да какъ тутъ ударить? еслибъ смерклось совсѣмъ — въ

штыки, а то вѣдь... тово... Ихъ бы хитростью какою спугнуть?

— Гиппидинъ зводный, я встрою этава дѣла.

— Что?

— Только я отсюдова уйду, вмѣшался въ разговоръ еврей-барабанщикъ.

— Чего? Уйду? прикрикнулъ взводный и замахнулся прикладомъ.

— Дозвольте отлучиться, улыбался лукаво барабанщикъ.

— Воръ брать ты, каналья, убѣжишь назадъ, знаю я вашу породу.

— Никакъ нѣтъ, Степанъ Петровичъ, зачево я побѣгу назадъ, я впередъ побѣгу, я съ одново моя персона выгоню ихъ оттуда, показалъ онъ на турокъ.

И лукавый барабанщикъ спустился лощиною внизъ, скрылся со своимъ барабаномъ.

— Ахъ ты дьяволыщина, сидятъ проклятые и даже замѣчать насъ не хотятъ, обидно даже.

— Я дерну, патронъ есть у меня, приложился ефрейторъ.

— Ну, нѣтъ, задумался унтеръ, — ужъ коли хитрить, такъ хитрить, авось и вправду жидъ Борохъ выручитъ.

. . . .

Но тутъ я позволю себѣ вставить нѣсколько словъ объ этомъ Борохѣ.

— Ахъ ты жидъ! гаманово ухо! — дразнятъ бывало ротнаго барабанщика еврея Бороха Зелинскаго.

— Какой я жидъ? Въ меня батько солдатъ, въ меня и матка..

— Что? и матка солдатъ?

— Ну, и матка солдатъ! чего тебѣ?

Солдаты хохочатъ.

— Вотъ подожди, затрусится въ тебѣ твоя жидовская душа, какъ подъ пули попадешь.

— Кули?.. Я самаго граната не шпигаюсь!

— Ну, да!

— Вотъ тебѣ хрестъ!

— Ахъ ты подлюга, еще и крестится!

— Я самъ какъ затарабаню подъ ухо увъ своя барабанъ, такъ ни кули не услышу, ни граната, ни самого чорта!

— Храбрись, храбрись, чортова ступа! хохотали солдаты...

. . . .

Барабанщикъ Борохъ Зелинскій, или просто Борохъ, какъ называли его, былъ небольшаго роста Бердичевскій еврейчикъ; какъ и всѣ они, черненькій, сухощавый, съ длинной гусиной шеей, на которой насажена была фига вмѣсто головы. Основнымъ качествомъ его души была, какъ ни странно это среди евреевъ, — драчливость. Борохъ велъ свою родословную напрямикъ отъ какого-то древне-еврейскаго воина, и вѣроятно поэтому былъ драчливъ. Силишки-то у него никакой не было, зато задора — хоть индюковъ дразни. За пустую шутку солдата Борохъ лѣзъ прямо въ физіономію и бѣднымъ хохликамъ доставалось отъ проворнаго барабанщика.

— Ахъ ты бисовъ горобецъ! почесывался хохликъ, получая мѣткіе удары то въ бокъ, то въ спину. Борохъ оставался побѣдителемъ. Солдаты хохотали, но подчасъ и накладывали Бороху; а уже если накладывали, то пребольно, надо сказать. Борохъ не унывалъ и при удобномъ случаѣ снова задирался. Вотъ и весь Борохъ.

. . . .

И такъ взводъ лежалъ въ окопѣ и выжидалъ, пока турецкая рота сама добровольно очиститъ ему мѣсто. Но турки мѣста не очищали, взвода этого не хотѣли даже и замѣчать, а преисправно поджаривали наши наступающія части и били ихъ во флангъ.

— Ну, и кого послушались, Степанъ Петровичъ, жида! извѣстно улизнетъ, радъ случаю, говорилъ ефрейторъ; — ахнемъ впередъ! настаивалъ онъ.

— Да и то, не лежать же тутъ, рѣшилъ унтеръ, — надобно впередъ, стыдно отставать.

— Да что и начальство скажетъ! вставилъ ефрейторъ.

— Ну, будь, что будетъ. Съ Богомъ, братцы!

Обошелъ взводъ бокомъ горы, тихонько спустился въ лощину. Стало уже темновато совсѣмъ. Турки не видятъ.

— Ну, смотри же, дружно въ штыки!

— Ладно, Петровичъ, ладно! поплевывая въ ладонь отвѣтилъ ефрейторъ.

— Пафъ! пафъ! пафъ! Ала-ла! замѣтили турки.

— Ура, братцы, ура! крикнулъ взводный и бросились на гору.

— Ала-ла-ла-ла-ла-ла! залопотали вдругъ пугливо въ окопѣ турки, смѣшались, дали нѣсколько торопливыхъ выстрѣловъ и побѣжали вонъ.

— Ну, диво, насъ вѣдь въ четверо меньше, удивился унтеръ.

Взбѣжали на гору, вскочили въ окопъ, глянули... и за животики схватились. Турки бѣгутъ, озираются, видимо поражены неожиданностью. Слѣва же торжественно, высоко поднявъ подбородокъ и вытянувъ свою гусиную шею, выступаетъ Борохъ, лупитъ, что есть мочи, въ барабанъ какой-то персидскій, не то китайскій маршъ и настойчиво преслѣдуетъ бѣгущихъ.

— Ай да Борохъ! ай да жидъ! вопили солдаты, покатываясь отъ хохота.

Борохъ остановился; важно заложилъ барабанныя палки въ гнѣзда, заломилъ на бекрень кепи, засунулъ за бортъ палецъ, сталъ въ воинственную позу и свысока глянулъ на взводъ.

— Это меня вонй спигались! по наполеоновски указалъ онъ на бѣгущихъ.

— Да тебя же, тебя, чортово пугало! хохоталъ взводъ.

А турки дѣйствительно бѣжали отъ Бороха. Услышавъ его барабанъ почти сзади себя, они вообразили, что ихъ обошли, а тутъ спереди послышалось „ура" и они, растерявшись, побѣжали.

— Ай да жидъ! хохотали солдаты, — ай да Борохъ!

. . . .

Взводъ подошелъ къ остальнымъ взводамъ, которые были уже собраны и въ составѣ роты пошелъ дальше. Стало совсѣмъ темно. Ружейная пальба казалась фейерверкомъ. Изъ орудій, какъ изъ пастей сказочныхъ драконовъ, вылетало цѣлое море пламени. Третья рота легла...

Вдали напротивъ показался клубъ дыму, за нимъ вылетѣло пламя. Что-то зашипѣло... Ближе... ближе... — граната.

— Сюда! сюда!

Шарахъ!..

— Боже мой, Боже!.. въ самую середину роты...

Дымъ, трескъ, звонъ, крикъ ужаса... Тишина... мертвая тишина...

— Живъ? живъ? каждый щупаетъ самого себя.

Чей-то подавленный стонъ...

— Даниленкѣ ногу оторвало, ваше благородіе, тихо доложилъ ротному командиру фельдфебель.

— Носилки! Носилки!

— Барабанщика убило! послышались голоса.

— Что?

— Бороха, Бороха убило!

— Гдѣ онъ?..

Впереди роты, распластавшись на землѣ, разметавъ руки и ноги, лежалъ Борохъ. Барабанъ отшвырнуло далеко въ одну сторону, палки въ другую, а шапки вовсе не было.

Борохъ открылъ одинъ глазъ, приподнялъ голову... „живъ?.. нѣтъ... и поползъ на брюхѣ собирать свои вещи, натолкнулся на оторванную ногу Даниленки, машинально ухватилъ ее и всталъ.

— Да ты живъ?

— Нѣтъ, вмѣръ... завсѣмъ вмѣръ, блѣдный и дрожащій отвѣтилъ Борохъ.

Принесли носилки, взяли раненаго, пошли. За носилками очутился Борохъ, въ полномъ снаряженіи: съ барабаномъ и съ оторванной по голенище ногою Даниленки.

— Ты это куда? спросилъ ротный.

Борохъ держалъ за уцокъ сапога оторванную ногу раненаго и дрожалъ, какъ осиновый листъ.

— Куда тебя чортъ несетъ?

— Нога, и Борохъ показалъ оторванную ногу солдата.

— Ну, такъ что-жъ что нога?

— Можетъ быть какъ нибудь приставятъ до его, показалъ онъ на раненаго Даниленку.

Стихотвореніе.

Я повѣдалъ безбрежному морю
Про великія муки мои, —
И оно мнѣ отвѣтило нѣжно
Тихимъ плескомъ привѣтной струи.

* * *

Я повѣдалъ свободному вѣтру,
Какъ мнѣ душно на свѣтѣ—и онъ
Мнѣ принесъ благодатную свѣжесть
Изъ далекихъ волшебныхъ сторонъ.

* * *

Я повѣдалъ вѣтвистымъ деревьямъ
Про томленье мое—и они
Поспѣшили меня убаюкать
Тихимъ шелестомъ въ чудной тѣни.

* * *

Я повѣдалъ горячему солнцу,
Что не вижу я свѣтлаго дня—
И оно лучезарною мощью
Освѣтило, согрѣло меня.

* * *

Я сказалъ человѣку-собрату
О моемъ безотрадномъ пути—
И, пожавъ какъ-то странно плечами,
Поспѣшилъ онъ подальше уйти.

Петръ Вейнбергъ.

Памятникъ императрицѣ Маріи Терезіи въ Вѣнѣ.

Макарьевскій Желтоводскій монастырь на Волгѣ.

Историческій очеркъ
А. Мельникова.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ его мѣстечекъ, на краю Почаинскаго оврага, близъ такъ называемой Лыковой дамбы, вся утопая въ зелени окружающихъ садовъ, стоитъ одна старинная церковь извѣстная у Нижегородцевъ подъ именемъ Мироносицкой. Эта церковь одна изъ древнѣйшихъ въ городѣ и была въ старину соборомъ съ главнымъ придѣломъ во имя Знаменія, о чемъ свидѣтельствуютъ старинные синодики хранящіеся въ этой церкви; въ старину она была деревянная, но въ XVI столѣтіи перестроена въ каменную по образцу прежней. Теперь вся она бѣлая, старинной архитектуры, съ пятью голубыми въ золотыхъ звѣздахъ куполами, весело выглядываетъ изъ вѣковыхъ липъ и вязовъ, которыми поросъ до самаго дна глубокій Почаинскій оврагъ; глядитъ она на обветшалыя стѣны и башни нижегородскаго кремля, что увѣнчали собой противоположный утесъ.

Близъ этой старинной церкви, когда-то находился небольшой прудъ, и около этого, давно уже засыпаннаго пруда, еще и до сей поры, показываютъ мѣсто, гдѣ находился домъ, въ которомъ, по преданію, родился Св. Макарій, основатель Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря на Волгѣ. Говоря о началѣ этой древней обители, нельзя не сказать нѣсколько словъ объ ея основателѣ, съ жизнью котораго такъ тѣсно связаны первоначальныя судьбы ея.

Преподобный Макарій былъ сынъ посадскаго, отца его звали Иваномъ, а мать — Маріей; имени даннаго ему при крещеніи неизвѣстно, такъ какъ Макаріемъ онъ назывался уже въ иноческомъ санѣ; съ самаго ранняго дѣтства онъ усердно посѣщалъ сосѣднюю Знаменскую церковь, пѣлъ на клиросѣ и прислуживалъ за обѣдней, любилъ онъ посѣщать также и недавно основанный невдалекѣ отъ города, на живописномъ склонѣ нагорнаго берега Волги, Печерскій монастырь. Въ этотъ-то монастырь, какъ повѣствуетъ его житіе, онъ, будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду, пришелъ однажды въ пищенскомъ рубищѣ и просилъ настоятеля принять его въ число иноковъ. Настоятелемъ Печерскаго монастыря былъ въ товремя еще его основатель, преподобный Діонисій. Удивленный не дѣтскою рѣшимостью и умомъ мальчика, послѣ долгой бесѣды съ

Церковь Михаила Архангела надъ Св.-воротами въ Макарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Мельникова, грав. Шлиперъ.

Внутренній видъ Троицкаго собора въ Макарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Мельникова, грав. Шлиперъ.

Видъ на Макарьевъ и Лысково снизу. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Мельникова, грав. Шлиперъ.

Часть сѣверной стѣны въ Макарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Мельникова, грав. Шлиперъ.

нимъ онъ наконецъ рѣшился его принять. Здѣсь онъ удивлялъ всю братію строгостью своей жизни. Въ 1374 г. Діонисій назначенный епископомъ въ Суздаль, долженъ былъ покинуть свой монастырь; тогда удалился и Св. Макарій, убѣгая, какъ говорится въ его житіи, славы мірской, такъ какъ молва о его подвижничествѣ гремѣла по всей окрестности. Долго бродилъ онъ по берегамъ Волги ища уединенія, пока наконецъ не остановился верстахъ во ста отъ Нижняго, невдалекѣ отъ впаденія въ Волгу рѣки Керженца, близь озера Желтыя Воды. Теперь этого озера давно не существуетъ, оно слилось съ Волгой, измѣнившей свое теченіе въ концѣ XVII столѣтія. Еще недавно вокругъ этого мѣста шумѣли темные вѣковые лѣса, въ четырнадцатомъ же вѣкѣ здѣсь были непроходимыя дебри. Здѣсь-то, ископавъ себѣ пещеру, Св. Макарій думалъ найти полное уединеніе. Между тѣмъ, прямо напротивъ за Волгой, верстахъ въ пяти отъ берега, уже существовало въ то время большое богатое село Лысково выстроенное на мѣстѣ разореннаго татарами болгарскаго города Сундовита, остатки котораго въ видѣ рвовъ и валовъ примѣтны еще и до сихъ поръ на такъ-называемой Оленьей горѣ за селомъ. Скоро провѣдали лысковцы о поселившимся невдалекѣ прославленномъ подвижникѣ, стали приходить къ нему на поклоненіе. Многіе пожелали остаться съ нимъ и ископали себѣ также пещеры. Такимъ образомъ около Макарія собралась цѣлая братія; тогда-то онъ рѣшилъ основать монастырь во имя Живоначальной Троицы.

Впрочемъ, основанію монастыря, какъ гласитъ одно преданіе, много способствовалъ, скрывавшійся въ то время въ Нижнемъ отъ преслѣдованій Шемяки, Василій Васильевичъ Темный, чѣмъ вѣроятно и объясняется отчасти быстрое его возникновеніе. Въ пять лѣтъ новый монастырь сдѣлался до того значительнымъ, что, окруженный цѣлымъ населеніемъ и привлекая къ себѣ цѣлыя толпы богомольцевъ, сталъ безпокоить своимъ близкимъ сосѣдствомъ, сильное въ то время, Казанское царство. И вотъ въ 1439 году, во время своего вторженія въ Россію, Улу-Махметъ не оставилъ безъ вниманія недавно возникшую обитель и разрушилъ ее до основанія. Самъ Макарій, съ оставшеюся въ живыхъ братіею, былъ отведенъ плѣнникомъ въ Казань. Что это разореніе было сдѣлано не безъ нѣкоторыхъ стратегическихъ соображеній, доказывается тѣмъ, что, отпуская вскорѣ плѣнниковъ, казанцы взяли клятву съ престарѣлаго Макарія, не возобновлять монастыря на прежнемъ его мѣстѣ. Похоронивъ павшихъ на мѣстѣ разоренной обители иноковъ, Макарій съ братіею удалился съ береговъ Волги, и послѣ долгаго скитанія по заволжскимъ лѣсамъ, наконецъ остановился на берегу рѣки Унжи, невдалекѣ отъ города того же имени *), и здѣсь основалъ новую обитель извѣстную нынѣ подъ именемъ Стараго Макарія.

Прошло сто девяносто лѣтъ, и на мѣстѣ разоренной обители шумѣли темными вершинами вѣковыя деревья, но обители суждено было снова возникнуть еще въ большемъ блескѣ и великолѣпіи. О возобновленіи монастыря такъ гласитъ одно преданіе: „Жилъ въ Тетюшскомъ монастырѣ на Волгѣ нѣкій инокъ убогій, украшенный нищетою духовною, Муромскій урожденецъ именемъ Авраамій; ему однажды во снѣ явился преподобный Макарій и велѣлъ идти на мѣсто разоренной обители для ея возобновленія. Авраамій повиновался: пришедши на указанное Св. Макаріемъ мѣсто, онъ выстроилъ себѣ келію; потомъ, повелѣніемъ же Св. Макарія, ходилъ въ Унжскій монастырь и принесъ оттуда списокъ иконы Святаго Макарія. По монастырскимъ актамъ, Авраамій дѣйствительно былъ первымъ настоятелемъ возобновленной обители; но существуетъ другое преданіе, которое возобновленіе приписываетъ князю Пожарскому, къ Нуриновской волости **), которой принадлежало это мѣсто. По монастырскимъ актамъ, время возобновленія относится къ 1624 году, а по другимъ источникамъ можно предполагать, что оно было нѣсколько позднѣе, а именно не ранѣе 1626 года, такъ какъ говорится, что, для испрошенія благословенія на основаніе монастыря, Авраамій ходилъ въ Москву съ персидскимъ посольствомъ несшимъ въ даръ царю Михаилу Θеодоровичу Ризу Господню, что было именно въ 1626 году.

Получивъ разрѣшеніе отъ патріарха Филарета Никитича, Авраамій призвалъ на помощь жителей сосѣднихъ селъ Лыскова и Мурашкина, въ которомъ онъ самъ жилъ до удаленія въ Тетюшскій монастырь, и съ помощью ихъ выстроилъ первую деревянную церковь о трехъ придѣлахъ: главный придѣлъ во имя Живоначальной Троицы и два малыхъ—во имя Макарія, куда и перенесъ списокъ съ Унжской иконы, и во имя государева Ангела—Михаила Малеина. Отстроивъ первую церковь, онъ принялся за другую во имя Успенія. Обитель снова быстро разросталась и богатѣла отъ богатыхъ пожертвованій и вкладовъ; о богатствѣ монастыря свидѣтельствуетъ, напримѣръ, одно извѣстіе, гдѣ упоминается о серебряныхъ колоколахъ, звонъ которыхъ разносился далеко по Волгѣ; это было еще при жизни самого Авраамія, тогда же монастырь получалъ по его просьбѣ ежегодно 28 четвертей ржи отъ князя Воротынскаго. Вскорѣ послѣ смерти Авраамія деревянныя постройки были замѣнены каменными.

*) Нынѣ Макарьевъ уѣздный городъ Костромской губерніи.
**) Село Нурипъ, родовое имѣніе князей Пожарскихъ.

Дальнѣйшія судьбы монастыря тѣсно связаны съ судьбами вскорѣ учрежденной здѣсь Макарьевской ярмарки.

Волга служила всегда главной артеріей русской торговли. Съ самыхъ древнихъ временъ эта торговля носила ярмарочный характеръ. У восточныхъ писателей X и XI вѣковъ, какъ напримѣръ Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Хаукалъ, Масуди и друг. есть упоминаніе о большихъ ярмаркахъ въ городѣ Ателѣ, столицѣ хозарскаго царства и въ Болгарахъ, главномъ городѣ болгарской земли, а въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается объ ярмаркѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ бывшей въ 1366 году. Съ основаніемъ Казани, главнымъ центромъ волжской торговли сдѣлалась Арская ярмарка, собиравшаяся подъ стѣнами этого новаго города на Арскомъ полѣ; сюда съѣзжались и русскіе купцы, но казанцы всегда враждебно смотрѣли на своихъ сосѣдей и часто заводили ссоры и распри, которые не рѣдко кончались избіеніемъ пріѣзжихъ гостей, такъ что наконецъ, послѣ одного изъ такихъ погромовъ въ 1524 году, великій князь Василій IV Ивановичъ запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить въ Казань, и указалъ новое мѣсто для ярмарки на берегу Суры не далеко отъ ея впаденія въ Волгу, въ недавно имъ основанномъ городѣ Василѣ. Этимъ великій князь думалъ нанести ударъ Арской торговлѣ. Между тѣмъ въ семидесяти верстахъ отъ Василя вверхъ по Волгѣ, на полъ-пути между устьемъ Шексны и Астраханью, находилась прославленная обитель Св. Макарія. Караваны судовъ, выходившіе ранней весной изъ Астрахани съ товарами азіатскими, встрѣчались въ серединѣ лѣта близь монастыря съ караванами идущими съ верховьевъ Волги съ товарами европейскими, которые изъ Архангельска проникали въ Волгу черезъ Шексну. Установился обычай останавливаться у *Макарія*. Мало-по-малу завелась мѣновая торговля, торговля эта расширялась съ каждымъ годомъ, между тѣмъ какъ Васильская ярмарка годъ отъ году пустѣла.

Такъ шло до 1641 года когда наконецъ ярмарка уже офиціально была учреждена на этомъ мѣстѣ именнымъ указомъ царя Михаила Θеодоровича. Тогда монастырю была дана грамота о правѣ на сборъ пошлинъ съ пріѣзжающихъ торговать купцовъ и о владѣніи волжскимъ перевозомъ. Это была тоже важная доходная статья, въ особенности при расширеніи торговли, когда ярмарка распространилась на оба берега. Для торговли офиціально былъ назначенъ только одинъ день, именно—день Св. Макарія, 25 іюля; хотя купцы торговали и дольше, но монастырь имѣлъ право взимать пошлины только за одинъ день.

Монастырь богатѣлъ. Вокругъ него воздвигались крѣпкія стѣны на деньги (1000 рублей) пожертвованныя Анною Ильинишною Морозовой (женою Бориса Ивановича); строились просторные каменные корпуса братскихъ келій съ кладовыми и подвалами; строились особыя помѣщенія для привозимыхъ на ярмарку товаровъ, съ которыхъ монастырь получалъ тоже не мало доходу, церкви украшались великолѣпными фресками, ризницы наполнялись сокровищами. Почти каждый годъ монастырь получалъ какую-нибудь новую привилегію, такъ напримѣръ: управленіе монастыря было сначала игуменское, а съ 1666 года была учреждена архимандрія; послѣ посѣщенія въ 1669 году Антіохійскаго патріарха Макарія, монастырю даны еще разныя привилегіи и между прочимъ право служить на корахъ съ рипидами. Монастырю въ это время принадлежало 3,177 душъ крестьянъ. Только въ 1667 году, оклеветанный передъ царемъ въ какихъ-то злоупотребленіяхъ, монастырь лишился было своего главнаго дохода, сбора пошлинъ; но вскорѣ, по ходатайству рязанскаго архіепископа Иларіона, съ монастыря была снята эта опала и снова возвращены прежнія права.

Въ 1670 году, во время мятежа Стеньки Разина, монастырь постигло сильное бѣдствіе напомнившее времена Улу-Махмета. Лысковцы и Мурашкинцы, передавшіеся бунтовщику, вызвавъ изъ Курмыша казака Осипова, посланнаго туда Разинымъ на атаманство, 1 октября утромъ подступили къ монастырю.

Съ начала они расположились за Волгой и ударили изъ пушекъ. Осиповъ послалъ къ настоятелю двухъ казаковъ, съ умильными письмами (прокламаціями) Разина, но послы были задержаны. Настоятель, отецъ Пахомій, отобравъ письма Разина, послалъ ихъ немедленно съ гонцомъ въ Москву къ царю; другаго гонца онъ послалъ въ Нижній къ воеводѣ Голохвастову, прося защиты. Между тѣмъ Осиповъ, не дождавшись возвращенія своихъ казаковъ, послалъ вторично двоихъ; но и этихъ задержалъ отецъ Пахомій и подвергъ строгому допросу и показанія ихъ отправилъ въ Москву. Тогда, раздраженные упорствомъ монаховъ, мятежники переплывъ Волгу, окруживъ монастырь съ трехъ сторонъ, къ стѣнамъ привалили бревна и зажгли. Въ то время въ монастырѣ находился сибирскій архіепископъ Симеонъ. Онъ вмѣстѣ съ отцомъ Пахоміемъ ободрялъ братію; взявъ икону Св. Макарія, они обходили по стѣнамъ съ пѣніемъ псалмовъ. Мятежники стрѣляли изъ пушекъ, стѣны монастыря готовы были рухнуть, но монастырь не сдался. Тогда Осиповъ послалъ къ осажденнымъ мурашкинскаго священника съ обѣщаніемъ отступить и больше никогда не возвращаться, если ему будутъ отпущены его казаки. Не желая раздражать болѣе противниковъ, отецъ Пахомій отпустилъ казаковъ. Оси-

повъ началъ быстро отступать, но встрѣтивъ на другой сторонѣ другую буйную шайку бродягъ, внезапно снова возвратился къ монастырю. Тогда всѣ иноки и находящіеся въ монастырѣ бѣжали въ окрестные лѣса. Видя неминуемую гибель, удалился и отецъ Пахомій; остались только сибирскій архіепископъ Симеонъ да монастырскій ключарь, рѣшившіеся лучше умереть, нежели покинуть Святую обитель. Мятежники ворвались и начали грабить, но въ это время пронесся слухъ, что московскій отрядъ подъ командою князя Щербатова двинулся къ Лыскову; это спасло монастырь, такъ какъ мятежники въ испугѣ бросились къ своимъ жилищамъ.

Мы уже говорили, что въ 1667 году право на сборъ пошлинъ было временно отнято у монастыря. Петръ I отнялъ его навсегда, монастырь только не долгое время пользовался частью этихъ доходовъ, но въ 1751 году окончательно былъ лишенъ ихъ; на счетъ казны были выстроены деревянные корпуса для лавокъ, приносившіе доходу въ годъ до 1,000 рублей. Хотя это былъ тяжелый подрывъ, но все-таки, пока ярмарка находилась вблизи, монастырь могъ поддерживать свое существованіе отъ постоянныхъ вкладовъ и пожертвованій. Такъ шло около шести лѣтъ, пока ярмарка не была переведена Нижній Новгородъ.

Давно уже, по мѣрѣ расширенія торговли, начали сказываться разныя неудобства избраннаго мѣста. По причинѣ тѣсноты ярмарка раздѣлилась на двѣ части: одна часть расположилась близь монастырскихъ стѣнъ и была подъ вѣдѣніемъ казны, другая за Волгой, на землѣ принадлежавшей Лысковскому помѣщику князю Грузинскому, извѣстному самодуру своего времени; здѣсь онъ собиралъ пошлины и царилъ неограниченно. Это-то и не понравилось кажется главнымъ образомъ государственному канцлеру графу Румянцеву, посѣтившему ярмарку въ 1816 году; не понравился и причудливый князь, державшій себя гордо съ людьми высокостоящими. Какъ-бы то ни было, были важныя причины вызывавшія необходимость перевести ярмарку на новое болѣе просторное мѣсто. Графъ Румянцевъ предложилъ купцамъ перевести ее въ Нижній, но купцы, привыкшіе къ своему насиженному мѣсту, привыкшіе и ко всѣмъ его неудобствамъ, не хотѣли покинуть обитель Св. Макарія, сдѣлавшагося покровителемъ волжской торговли, и отвѣчали графу Румянцеву, что перевода ярмарки не желаютъ. Тогда графъ, повидимому, рѣшился настоять на своемъ. Помогъ услужливый случай. Ярмарка кончилась; но едва успѣли разъѣхаться купцы, какъ среди ярмарочныхъ зданій вспыхнулъ огонь, вѣтеръ несъ пламя и искры прямо на смежныя съ ярмаркой городскія строенія; вслѣдствіе такой опасности грозившей городу, жителямъ Макарьева было приказано не выходить за городскую черту, а горящая ярмарка была окружена цѣпью казаковъ, недопускавшихъ ни кого приближаться. Пламя истребило всѣ постройки, и тогда, не смотря на сильныя возраженія купцовъ, преимущественно московскихъ и ярославскихъ, ярмарка въ слѣдующемъ-же году открыта была противъ Нижняго Новгорода на луговой сторонѣ.

Съ этихъ поръ монастырь началъ приходить въ сильный упадокъ. Къ довершенію невзгодъ, какъ-бы сама природа стремилась окончательно докончить запустѣвшую обитель, — Волга измѣнивъ свое теченіе, стала приближаться все ближе и ближе къ монастырю, разрушая и безъ того ветшавшія стѣны и башни сильными весенними разливами. Годъ отъ году разрушались древніе храмы, а средствъ для поддержанія ихъ не было никакихъ, обрушилось нѣсколько башенъ, провалился средній куполъ Троицкаго собора. Наконецъ въ 1873 году монастырь былъ упраздненъ. Тогда опустѣли и богатыя ризницы, единственныя свидѣтельницы прежняго величія и богатства; многое было отобрано попечительствомъ и роздано по разнымъ церквамъ, но многое было утрачено и не извѣстно гдѣ теперь находится. Шесть древнихъ иконъ этого монастыря находятся въ настоящее время въ новомъ ярмарочномъ соборѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, старинный списокъ Унжской иконы—въ часовнѣ Св. Макарія на ярмаркѣ противъ Главнаго дома.

Теперь монастырь снова начинаетъ оживать. Четыре года назадъ при немъ учреждена женская община. Монастырь нашелъ себѣ двухъ покровителей, пекущихся о его возобновленіи, въ лицѣ двухъ богатыхъ московскихъ купцовъ. На ихъ личныя средства сдѣлано много значительныхъ поправокъ. Смиловалась и Волга. Она снова измѣняетъ теченіе, отступая съ каждымъ годомъ дальше отъ монастыря, затопляя противуположный берегъ и принимая такимъ образомъ прежнее свое направленіе XV и XVI вѣковъ.

Изъ шести церквей монастыря возстановлено пока три: старинная церковь Успенія, маленькая церковь при настоятельскихъ келіяхъ Св. Антонія и, построенная въ 1808 году, церковь Св. Макарія. Совершенно не гармонирующая стилемъ своей архитектуры съ остальными древними постройками, она окружена съ трехъ сторонъ портиками и фронтонами дорическаго стиля, съ четвертой соединена такою-же колонадой съ Троицкимъ соборомъ. Самою древнею нужно считать церковь Успенія, потому что она первая по смерти Авраамія была перестроена въ каменную въ 1651 году. Самая церковь находится во второмъ этажѣ, въ низу-же устроены подвалы, имѣвшіе когда-то назначеніе для склада залежавшагося на ярмаркѣ товара. Внутри ея низкіе приземистые своды и глубокія окна, единственно свидѣтельствуютъ о ея древности; но эти своды покрыты, къ сожалѣнію, грубымъ малеваніемъ современнаго богомаза. Впрочемъ, близь входной двери, на лѣвой сторонѣ находится интересное изображеніе монастыря во время его процвѣтанія; это изображеніе можетъ служить хорошимъ подспорьемъ при реставраціи зданій. Изъ древностей, въ этой церквѣ находится, единственная уцѣлѣвшая какими-то судьбами вещь—это старинный покровъ на плащаницѣ XVII вѣка, затканный серебромъ по темно-гранатовому бархату. Ризница этой церкви, въ свое время, была особенно богата; здѣсь хранились дорогія облаченія изъ аксамита, парчи, объяри, бархата и камки, драгоцѣнныя митры, усыпальная комната и особенно замѣчательные два оклада на Евангеліяхъ, одно времени царствованія Ѳеодора Алексѣевича, другое—Петра I. Изъ церкви Успенія прежде былъ крытый переходъ въ настоятельскія кельи, отъ котораго теперь только осталось шесть обломковъ колонъ, на которыхъ онъ утверждался. Среди настоятельскихъ келій находилась очень маленькая церковь Св. Антонія Великаго, выстроенная по обѣщанію архіепископомъ Казанскимъ Антоніемъ; въ настоящее время въ этой церкви ничего нѣтъ интереснаго за исключеніемъ иконостаса, цѣликомъ написаннаго на одномъ огромномъ холстѣ, но живопись не очень старая.

Величественный видъ представляетъ нынѣ полуразрушенный Троицкій соборъ; снаружи онъ напоминаетъ древній новгородскій пошибъ, внутри московскій Успенскій соборъ: тѣ же четыре тяжеловѣсныя колонны, такія-же узкія высокія окна въ два яруса. Послѣ того какъ въ 1859 году, средній куполъ этого собора обрушился и засыпалъ обломками кирпича и штукатурки всю его внутренность, онъ стоялъ заброшеннымъ. Теперь въ немъ царитъ полумракъ, со сводовъ, со стѣнъ и колоннъ, смотрятъ суровые, строгіе лики святыхъ; стѣны этой церкви были покрыты, когда-то, великолѣпными фресками, отъ которыхъ осталось неповрежденными очень не много, всего лучше уцѣлѣли изображенія святыхъ на четырехъ колоннахъ, довольно уцѣлѣла также живопись на сводѣ средняго алтарнаго абсида и въ плафонѣ одного изъ малыхъ куполовъ Знаменіе Богородицы. Монастырь окруженъ, теперь совершенно мѣстами разваливнеюся стѣною, протяженія по 525 саженъ съ каждой стороны. Стѣна эта была заложена въ 1662 году при игумнѣ Исаіи и окончена при отцѣ Пахоміи въ 1667 году, а черезъ десять лѣтъ снова возобновлена послѣ Лысковскаго погрома; съ южной ея стороны, обращенной къ Волгѣ, находятся Святыя Ворота, на сводѣ этихъ воротъ сохранилась мѣстами фрески одного характера съ фресками Троицкаго собора, надъ воротами помѣщенъ вдѣланный въ стѣну Россійскій гербъ по повелѣнію Екатерины II, посѣтившей Макарьевскій монастырь во время своего путешествія по Волгѣ на галерѣ „Тверь“ въ 1767 году. Въ верхней части этихъ воротъ помѣщается церковь Михаила Архангела, на стѣнѣ этой церкви обращенной внутрь двора находится надпись вязью: *Лѣта 7178 году Іуня въ .... день святыя ворота и на нихъ церковь Собора Архистратига Михаила со всякою церковною утварью да к той церкве присовокуплена трапеза 1, брацкіе 4 келіи исподних а построено по обѣщанію преосвященнаго Иларіона Митрополита Рязанскаго и Муромскаго...*

Теперь церковь эта пуста, стѣны ея совершенно голы; отъ иконостаса, славившагося въ свое время, рѣзьбой, позолотой и иконами отличнаго Строгановскаго письма, остался одинъ остовъ. Другая церковь, помѣщающаяся также на стѣнѣ, передѣлана изъ башни въ 1686 году на средства нѣкоего Прокудина. Эта церковь во имя Св. Григорія, тоже пуста и служитъ складочнымъ мѣстомъ для разныхъ монастырскихъ запасовъ. Между этими двумя церквами по стѣнѣ идутъ братскія кельи, а внизу каменныя палатки со сводами для пріѣзжающихъ гостей (теперь пусты). По серединѣ монастырскаго двора невдалекѣ отъ Святыхъ Воротъ находится могила возобновителя монастыря Авраамія, а близь Троицкаго собора, рядомъ съ его алтаремъ, другая могила иноковъ павшихъ во время нашествія Улу-Махмета.

Монастырь еще носитъ характеръ полнаго запустѣнія, хотя можно надѣяться, что благодаря заботамъ нѣкоторыхъ почитателей этой древней святыни, онъ снова приметъ свой прежній внѣшній видъ.

Къ рисункамъ.

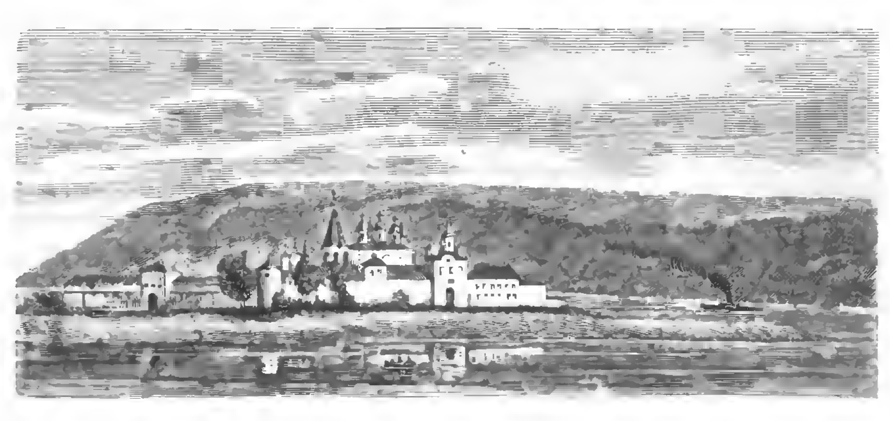
Гёзы и Маргарита Пармская. (Рис. на стр. 884 и 885).

Читатели *Нивы* знакомы уже съ помѣщенною въ № 4 за текущій годъ картиною Оомса „Неистовство испанцевъ въ Антверпенѣ“; прилагаемый нынѣ снимокъ съ акварели Тенъ-Кате составляетъ прекрасный pendant къ ней. Гёзами назывался союзъ нидерландскихъ дворянъ и другихъ недовольныхъ испанскимъ владычествомъ въ правленіе короля Филиппа II. Когда

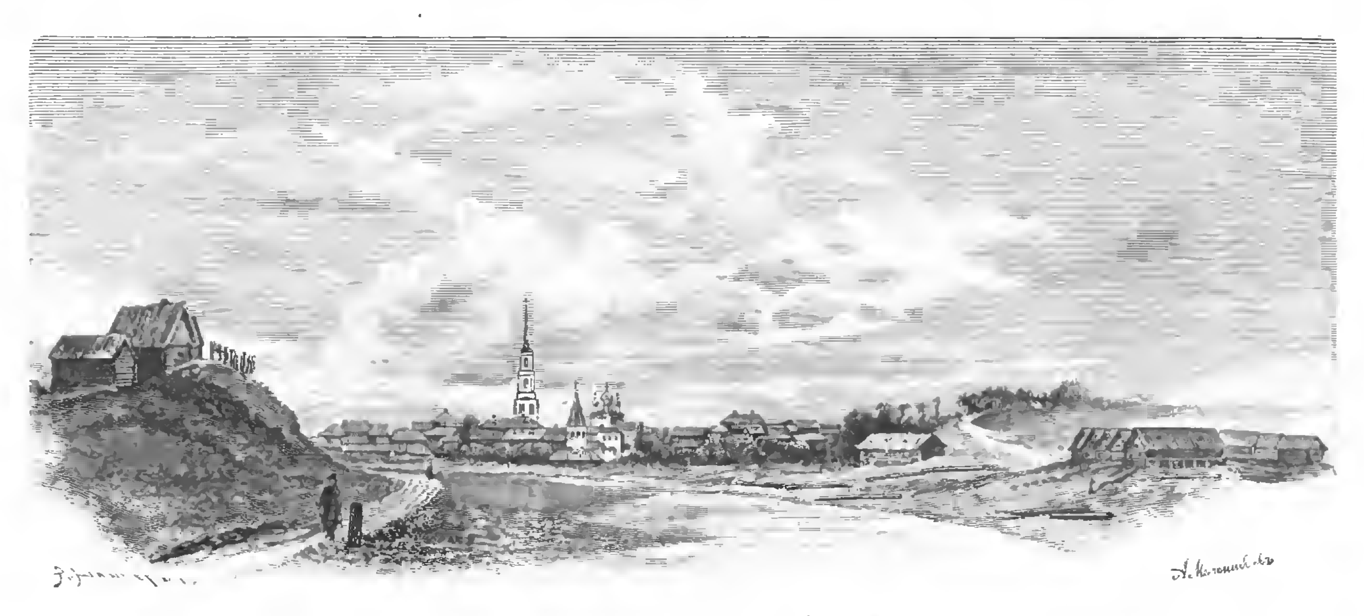
послѣдній издалъ повелѣніе чтобы въ Нидерландахъ введена была инквизиція, недовольные этимъ дворяне собрались въ Кюиленбургскомъ домѣ въ Брюсселѣ въ ноябрѣ 1565 года, причемъ Филиппъ де-Марни, владѣтель Сентъ-Альдегондскій, составилъ документъ извѣстный подъ названіемъ *компромисса*, въ которомъ излагался протестъ противъ предполагаемаго введенія инквизиціи. Множество знатнаго дворянства и именитыхъ гражданъ подписало его, и 5 апрѣля 1566 г. было подано прошеніе объ отмѣнѣ королевскаго указа намѣстницѣ короля испанскаго, Филиппа II, Маргаритѣ Пармской, четырьмя стами дворянъ съ графами Генрихомъ Бредероде и Лудвигомъ Нассаускимъ во главѣ, въ ея брюссельскомъ дворцѣ. Рѣшеніе намѣстницы было благопріятно просителямъ, и дворянство праздновало 8 апрѣля свою побѣду блестящимъ пиромъ, на которомъ одинъ изъ гостей разсказалъ, будто бы въ то время какъ намѣстница смутилась при видѣ многолюдной толпы просителей, президентъ совѣта по финансамъ, графъ Барлемонъ для успокоенія ея шепнулъ ей, что „это не болѣе какъ кучка попрошаекъ“. (Ce n'est qu'un tas de gueux!) Выслушавъ этотъ разсказъ, графъ Бредероде тотчасъ предложилъ въ видѣ бравады назвать ихъ союзъ этимъ даннымъ въ насмѣшку прозвищемъ. Предложеніе его было принято съ восторгомъ и такимъ образомъ произошло названіе *Гёзовъ*, т. е. попрошаекъ, нищихъ. Значкомъ принадлежности къ союзу были избраны носимыя на шляпахъ или поясахъ, серебряныя или золотыя вещи, представлявшія миніатюрную копію съ употребляемыхъ въ нищенскомъ промыслѣ, какъ напр. сума и т. п.; или же дворяне носили платье сѣраго цвѣта какъ нищенствующіе монахи. Чеканили даже такъ-называемые *пфенниги гёзовъ*, овальные серебряные или золотые жетоны, у которыхъ на лицевой сторонѣ изображенъ былъ бюстъ Филиппа II съ подписью: „*Во всемъ вѣрны королю*“, а на другой — нищенская сума съ двумя протянутыми руками и подписью: „*даже до попрошайничества*“. Въ мартѣ мѣсяцѣ союзъ насчитывалъ всего 2000 членовъ; въ маѣ Бредероде могъ уже сказать что Гезы численностью своей превосходятъ песокъ морской: такъ подѣйствовало простонародное прозвище союза. Во время кроваваго режима герцога Альбы въ Нидерландахъ, многіе нидерландскіе эмигранты снарядили каперскія суда, съ которыми и преслѣдовали испанскіе корабли; это были такъ-называемые *морскіе гёзы* или *водяные гёзы*, которые вскорѣ стали грозою испанцевъ. Дворянство и купечество жертвовали значительныя суммы на сооруженіе кораблей и дѣлили барыши. Англійскія, французскія и даже нѣмецкія гавани служили имъ убѣжищемъ. Но такъ какъ гёзы не имѣли законныхъ документовъ, то съ ними поступали какъ съ морскими разбойниками до тѣхъ поръ пока, по совѣту Колиньи, принцъ Вильгельмъ Оранскій, заключивъ съ ними союзъ, выдалъ имъ каперскія свидѣтельства и назначилъ ихъ адмираломъ графа Маркскаго. 1 апрѣля 1572 года морскіе Гёзы взяли Бриль при устьѣ Мааса, и съ этого началась война, которую Нидерланды вели за свою независимость до 1648 года.

Сѣверныя ворота въ Макарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

Церковь Св. Женъ-мироносицъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Ориг. рис. (собст. „Нивы“) А. Мельникова. грав. Шлипперъ.

Село Лысково со стороны Волги. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

Литературный альбомъ. „Русалка“, Пушкина.

(Рис. на стр. 896).

Эффектный рисунокъ г. Соломко воспроизводитъ предъ нами ту сцену „Русалки“, когда дочь мельника, только что покинутая княземъ, въ отчаяніи рѣшается броситься въ Днѣпръ на берегу котораго за мельницей и застаетъ ее старикъ-отецъ.

Мельникъ *(въ слезахъ)*. До чего я дожилъ!
Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитя ты у меня свѣтъ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Дочь. Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣею подколодной онъ меня —
Не жемчугомъ опуталъ...
(Рветъ съ себя жемчугъ).
Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу-мою!

Неаполитанскіе водолазы. Рис. Колларцъ, грав. Клоссъ.

Мельникъ. Ты бредишь, право, бредишь.
Дочь (*снимаетъ съ себя повязку*).
Вотъ вѣнецъ мой,
Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
(*бросаетъ повязку въ Днѣпръ*)
Теперь все кончено...
(*бросается въ рѣку*).
Старикъ (*падая*). Охъ, горе, горе!..

Водолазы въ Неаполитанскомъ заливѣ.

(Рис. на стр. 897).

Пассажиры пароходовъ и кораблей, посѣщающихъ приморскіе города теплыхъ странъ, нерѣдко бываютъ очевидцами очень интереснаго зрѣлища. Прибрежные жители, чаще всего молодые люди или мальчики, окружаютъ, на лодкахъ или вилавь, прибывшее судно и съ замѣчательною ловкостью и проворствомъ вытаскиваютъ изъ воды брошенную туда монету. Не успѣетъ она еще опуститься на дно, какъ нырнувшій пловецъ подхватываетъ ее рукою или зубами и съ нею возвращается на поверхность воды. Помѣщенный на стр. 753 рисунокъ, изображаетъ подобную сцену въ Неаполитанскомъ заливѣ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Аденѣ, мальчики, за мелкую монету, ныряютъ подъ киль судна съ одной стороны его на другую или остаются подъ водою иногда по нѣскольку минутъ. Умѣньемъ нырять славятся добыватели губокъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ и ловцы жемчужныхъ раковинъ въ Персидскомъ заливѣ и у береговъ Цейлона. Искусство подолгу оставаться подъ водою не было безъизвѣстнымъ народамъ древности, и исторія ихъ упоминаетъ нѣсколько лицъ, прославившихъ себя этимъ искусствомъ. Такъ, между прочимъ, Геродотъ и Павзаній упоминаютъ о нѣкоемъ Скиласѣ или Скиллисѣ, проплывшемъ нѣсколько верстъ подъ водою до Артемизія, гдѣ стоялъ флотъ персидскаго царя Ксеркса, и перерѣзавшемъ канаты у персидскихъ кораблей, чѣмъ онъ не мало способствовалъ уничтоженію судовъ во время бури. О времени, какое человѣкъ можетъ пробыть подъ поверхностью воды, сообщается много различнаго. Самое продолжительное пребываніе съ точностію было наблюдаемо 26 марта 1886 года въ Лондонѣ, когда извѣстный пловецъ Джемсъ Финней оставался подъ водою 4 минуты 29¼ секундъ.

Ѳ. И. Буслаевъ. (Портр. на стр. 900).

18 августа исполнилось полвѣка плодотворной дѣятельности ученаго, оказавшаго громадныя услуги развитію русскаго самознанія — въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ духовной жизни: наукѣ, искусствѣ и народномъ бытѣ. Имя Буслаева, ординарнаго академика и заслуженнаго профессора Московскаго университета, пользуется громкою извѣстностью по всей Россіи, не говоря уже о нѣсколькихъ поколѣніяхъ его учениковъ. Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ родился 13 апрѣля 1818 года въ городѣ Керенскѣ, Пензенской губ., и первоначальное образованіе получилъ въ Пензенской гимназіи (тогда еще четырехклассной). Въ 1834 году поступилъ въ Московскій университетъ по словесному отдѣленію философскаго факультета, гдѣ былъ ученикомъ Погодина и Шевырева, и окончивъ курсъ въ 1838 году началъ педагогическую дѣятельность учителемъ русскаго языка во 2-й Московской гимназіи. Въ іюнѣ 1839 г. онъ отправился за границу, въ качествѣ наставника при дѣтяхъ тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа, графа С. Г. Строганова. Въ Италіи онъ изучалъ языкъ Данта и Тасса, древности съ Винкельманомъ въ рукахъ, и тамошнія школы живописи. Возвратясь черезъ два года въ Россію, онъ продолжалъ свою службу въ Москвѣ сначала во второй, а затѣмъ въ ново-учрежденной III (реальной) гимназіи. Первое время своего учительства посвятилъ онъ педагогическимъ работамъ, изъ коихъ первою было наставленіе учителямъ приходскихъ училищъ о звуковомъ методѣ обученія азбукѣ. Въ 1842 году Буслаевъ былъ назначенъ въ Московскій университетъ помощникомъ къ тогдашнимъ профессорамъ русской словесности, И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву; съ того же времени начали появляться въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ его сочиненія. Въ 1844 году появилось его изслѣдованіе (2 тома) „О преподаваніи отечественнаго языка“, указавшее большинству учителей новые пути преподаванія языка и словесности. Въ томъ-же году онъ держалъ экзаменъ на степень магистра, а съ января 1847 года читалъ студентамъ Московскаго университета сравнительную грамматику и исторію русскаго языка. Это примѣненіе сравнительно-историческаго метода къ изслѣдованію русской словесности составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ Буслаева. Не менѣе замѣчательная, магистерская диссертація его „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, была блистательно защищена имъ въ 1848 году. Съ 1857 года, по выходѣ Шевырева изъ университета, Ѳ. И. Буслаевъ читалъ, кромѣ прежнихъ, лекціи изъ исторіи древней русской литературы, которую началъ разрабатывать совершенно самостоятельно, воспользовавшись доступными въ то время источниками, рукописными и печатными. Въ 1858 году онъ издалъ въ 2-хъ томахъ „Историческую грамматику русскаго языка“, а въ 1861 году—„Историческую христоматію“. Эти два труда его извѣстны каждому образованному русскому, такъ какъ въ нихъ впервые указанъ вѣрный путь къ изученію основъ русской книжной рѣчи. Еще ярче выразилось чисто-русское направленіе ученой дѣятельности Буслаева въ его изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго искусства, за которымъ Ѳ. И. впервые призналъ самостоятельность и права на глубокое изученіе. Таковы его „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“ (1861), „Русскій богатырскій эпосъ“ (1862) и „Общія понятія о русской иконописи“, напечатанныя имъ (1866) въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ публичномъ музеѣ,— Общества, коего Буслаевъ былъ секретаремъ съ 1864 года. Въ 1869 году вышелъ въ свѣтъ его „Учебникъ русской грамматики“, сближенной съ церковно-славянскою, а въ 1870 году издана „Русская Христоматія“. Кромѣ того, Буслаевымъ за все время его ученой дѣятельности написана бездна статей и отзывовъ о различныхъ сочиненіяхъ по русской народности и литературѣ.

Внутренность Ахалъ-Текинской мельницы.

(Рис. на стр. 900).

У подошвы Конетъ-Дага, Кюренъ-Дага, Келатскихъ и другихъ горъ, на границѣ съ персидскою провинціей Хорасанъ, въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ, встрѣчаются чрезвычайно характернаго устройства мельницы. Отъ находящагося на возвышеніи арыка (водопроводной канавы) возводятся нѣсколько длинныхъ насыпей въ линію съ перерывами, одна ниже другой, на подобіе уступовъ лѣстницы; въ перерывахъ между насыпями и ставятся водяныя мельницы съ горизонтальными турбинами (водяными колесами). Вода бѣжитъ изъ арыка по первой отъ него насыпи, приводитъ въ движеніе первую мельницу, затѣмъ переходитъ на вторую насыпь, и т. д. Постройка мельницы представляетъ простую глинобитную саклю, въ рѣдкихъ случаяхъ съ маленькими окошками и стрѣльчатыми дверями. Внутри мрачныя, сырыя помѣщенія эти освѣщаются керосиновыми лампочками. Горизонтальная турбина приводитъ въ движеніе горизонтальный же жерновъ, надъ которымъ подвѣшенъ пирамидальной формы мѣшокъ, служащій пріемникомъ для засыпаемаго зерна. Изъ отверстія въ нижнемъ жерновѣ сыплется мука, которую собираютъ совкомъ.

Антилопа Оронгò (Pantholops Hodgsoni).

(Рис. на стр. 901).

Это красивое животное, чучела котораго привезены г. Пржевальскимъ изъ его путешествія и нынѣ находятся въ музеѣ Академіи Наукъ, водится на высокихъ нагорьяхъ сѣвернаго Тибета. Рога самца достигаютъ 23 дюймовъ длиною. Въ зимней шерсти верхъ и бока морды, бока груди и передняя сторона ногъ — чернаго цвѣта; спина свѣтло-бурая, остальное — бѣлаго цвѣта. Въ общемъ звѣрь издали кажется совершенно бѣлымъ.

Мѣстомъ жительства оронгò избираетъ горныя долины и волнистыя степи; вода для него также необходима какъ для яка и хулана, а потому антилопы эти держатся исключительно въ тѣхъ мѣстахъ пустыни, гдѣ есть рѣчки или ключи. Они живутъ небольшими обществами въ 5—20—40 головъ; лишь изрѣдка, на хорошихъ пастбищахъ попадаются стада въ сотню особей. Оронгò вообще мало остороженъ; даже на открытой мѣстности онъ подпускаетъ охотника шаговъ на триста или на двѣсти, а иногда и ближе. Громъ выстрѣла и свистъ пули также не пугаютъ звѣря; онъ только удивляется и тихо отходитъ, посматривая на стрѣлка. Подобно другимъ антилопамъ, оронгò весьма выносливъ на рану, и даже пробитый пулей насквозь, нерѣдко уходитъ далеко.

Монголы и тангуты считаютъ оронгò святымъ животнымъ, и ламы не ѣдятъ его мяса, которое весьма вкусно, въ особенности осенью, когда звѣрь бываетъ очень жиренъ. Кровь его считается лѣкарствомъ, а рога употребляются для различныхъ шарлатанствъ. Наконецъ, между всѣми сѣверными монголами распространено мнѣніе, что оронгò имѣетъ только одинъ рогъ, поставленный вертикально въ срединѣ лба, но что такіе экземпляры попадаются по одному на тысячу. Не отсюда-ли происходитъ извѣстный миѳъ о единорогѣ?

Вожаки-монголы, кромѣ того, разсказываютъ цѣлую легенду по поводу того, что самки оронгò обыкновенно выводятъ дѣтенышей въ долинѣ между хребтами Марко-Поло и Гурбу-Найджи. Быть-можетъ антилопы идутъ сюда въ надеждѣ хоть на время укрыться отъ своихъ враговъ — медвѣдей, волковъ и грифовъ. Но легенда гласитъ, что всѣ оронгò обитающія въ Тибетѣ, составляютъ приданое средней дочери какого-то духа, живущаго въ горахъ Амне-Мачинъ, на верховьяхъ Желтой рѣки. Эта дочь, выйдя замужъ, проживаетъ теперь на горѣ Балдынъ-Дорджи, къ подножію которой ежегодно и должны стекаться принадлежащія ей антилопы, для повѣрки ихъ числа и для вывода потомства.

Политическое обозрѣніе.

Италія.—Генералъ Буланже.—Сербія.—Болгарія.

Истекшая недѣля прошла безъ особенныхъ приключеній. Интересы газетъ преимущественно сосредоточились на предстоящей поѣздкѣ Германскаго императора въ Римъ. Въ вѣнскихъ газетахъ появилось даже сообщеніе о предполагаемой поѣздкѣ императора Франца Іосифа въ Римъ, но *Fremdenblatt* опровергаетъ это сообщеніе. Итальянская дипломатія и печать не преминула воспользоваться этими слухами, прокричать объ упроченіи тройственнаго союза, о дипломатическомъ пораженіи Россіи, и дать имъ своеобразную окраску. Но всѣ эти выходки никого не обманутъ. Итальянская дипломатія потерпѣла крушеніе. Въ Берлинской *Nation. Zeit.* отъ 13 августа напечатано слѣдующее: „Вопреки распространеннымъ слухамъ, будто свиданіе въ Фридрихсруэ успокоило Криспи, мы узнали отъ достовѣрныхъ лицъ, что итальянскій министръ-президентъ относится вообще весьма спокойно къ общему положенію дѣлъ; впечатлѣніе же произведенное во Франціи его поѣздкою, показываетъ, что на на нее взглянули тамъ, какъ на демонстрацію, значеніе которой не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій“. Въ *Standard* напечатана статья, обсуждающая нынѣшнее положеніе европейскихъ дѣлъ; газета высказываетъ увѣренность, что Франція не стремится къ войнѣ ни съ Италіей, ни съ Германіей, но что германскому канцлеру необходимо выставлять Францію проникнутою воинственнымъ задоромъ, потому что такая репутація роняетъ ее во мнѣніи свѣта. Вообще мнѣніе англійскаго общества и печати все болѣе обращается въ пользу Франціи. Ударомъ для итальянской политики является также помолвка наслѣдника Греческаго престола съ сестрою Германскаго императора, принцессою Софіею. Въ прибавленіяхъ къ *Reichs-Anz.* уже объявлено о помолвкѣ. Такая близкая связь Аѳинъ съ Берлиномъ въ ближайшемъ будущемъ несомнѣнно окажетъ вліяніе на взаимныя отношенія государствъ. Массовскій вопросъ можно считать почти поконченнымъ. Гобле въ отвѣтной нотѣ на послѣднюю ноту Криспи, напоминаетъ доводы, приведенные Криспи, и затѣмъ говоритъ: „Примѣры, приведенные итальянскимъ правительствомъ, свидѣтельствуютъ, что измѣненія въ сюзеренныхъ правахъ всегда санкціонируются договорами. Такъ было въ Алжирѣ, гдѣ дей передалъ намъ свои права законнымъ порядкомъ на основаніи капитуляціи. То же самое можно сказать о Добруджѣ и территоріи уступленной Сербскому королевству. Даже и завоеваніе можетъ считаться окончательнымъ лишь послѣ того, когда оно привело къ мирному трактату. Нота заканчивается замѣчаніемъ: „Вмѣсто возбужденія вопроса передъ Европой Италіи слѣдовало-бы придти къ соглашенію съ Франціей. Такъ какъ этотъ конфликтъ извѣстенъ теперь державамъ, то онѣ признаютъ, что Франція не уклонилась отъ мѣры, которую обязано соблюдать правительство, относящееся съ должнымъ уваженіемъ къ дружественной державѣ, при огражденіи своихъ правъ и государственнаго своего достоинства“. По мнѣнію газеты *Riforma*, итальянское правительство не будетъ отвѣчать на эту послѣднюю ноту Гобле. Италія дѣлаетъ спѣшныя приготовленія, для продолженія военныхъ дѣйствій противъ абиссинцевъ. Климатическія условія позволяютъ приступить къ военнымъ операціямъ ранѣе ноября.

Въ политическихъ кружкахъ Парижа упорно держится слухъ, что генералъ Буланже, уѣхавшій въ Швецію, проѣдетъ въ Петербургъ, по полученіи ожидаемыхъ телеграммъ. Сообщаютъ, что генерала Буланже видѣли уже въ Гамбургѣ, но всѣ эти слухи мало вѣроятны. На приведенную нами, въ предыдущемъ обозрѣніи, статью *Nordd. Allg. Zeit.* о миролюбивомъ настроеніи Буланже, послѣдній сдѣлалъ заявленіе, что онъ мало придастъ значенія статьямъ нѣмецкой печати о его личности, что это не болѣе какъ жалкая тактика и происки французскаго посла въ Берлинѣ Эрбетта. Оппортунисты продолжаютъ свои вылазки противъ генерала. На банкетѣ данномъ въ честь Флоке въ Тулонѣ, министръ-президентъ произнесъ рѣчь, въ которой совѣтовалъ республиканцамъ единеніе, въ виду стремленій къ авантюристской диктатурѣ и къ монархической реставраціи.

Разводъ Сербскаго короля откладывается въ дальній ящикъ. Королева Наталія заявила, чрезъ своего повѣреннаго Пирочанца, о своемъ намѣреніи лично явиться на разборъ дѣла. Король былъ противъ этого, но всѣ министры заявили, что по сербскимъ законамъ никакому отвѣтчику не можетъ быть прегражденъ доступъ въ судѣ. Король Миланъ прислалъ консисторіи слѣдующую телеграму: „Мы узнали, что наша Августѣйшая супруга Наталія препроводила въ консисторію свои показанія. Мы просимъ переслать ихъ намъ, дабы мы могли заручиться еще другими необходимыми документами. Во всякомъ случаѣ предлагаемъ консисторіи отложить на три мѣсяца рѣшеніе дѣла“. На основаніи этой телеграммы королевской четѣ сообщено, что консисторія отсрочила свои засѣданія до 20 ноября. Отсрочка эта вызвана де желаніемъ короля ознакомиться съ доводами, представленными королевою въ консисторію. Въ *Corres. de l'Est* сообщаютъ: „Въ депутатскихъ кругахъ говорятъ, что скупщина провозгласитъ разводъ короля по собственной иниціативѣ, какъ мѣру, вызванную государственною необходимостью“. Этимъ якобы и объясняютъ отсрочку разбирательства бракоразводнаго дѣла въ консисторіи, но это объясненіе мало вѣроятно. Вѣрнѣе, что подулъ другой вѣтеръ и королю Милану приходится отступать; это предположеніе подтверждается телеграммой изъ Бѣлграда въ *Neue Freie Presse*, что Ристичъ и Богишичъ вызваны въ Аббацію къ королю Милану. Этому обстоятельству придаютъ особенное значеніе. По слухамъ, дѣло идетъ о перемѣнахъ въ составѣ сербскаго кабинета, или даже о замѣнѣ всего нынѣшняго министерства новымъ.

Внутреннія дѣла Болгаріи вновь начинаютъ привлекать общее вниманіе. По полученнымъ въ Вѣнѣ извѣстіямъ изъ Софіи, въ Тырновѣ и другихъ городахъ были произведены многочисленные аресты. По сообщеніямъ, эти аресты совпали съ распространившимися слухами о готовящейся новой революціи въ Болгаріи. Въ Вѣнѣ утверждаютъ, что софійскій префектъ Басмаджіевъ, ѣздившій въ Австрію по порученію Стамбулова, сказалъ въ Бѣлградѣ, что положеніе принца Фердинанда болѣе чѣмъ шатко.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Его Величество Государь Императоръ и Е. В. Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ изволили отбыть 21 августа, въ $7^1/_2$ час. пополудни, изъ села Ильинскаго въ Петербургъ.

— Ея Величество Государыня Императрица и И. И. В. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Вел. Кн. Ксенія Александровна, 23 августа возвратились изъ заграничнаго путешествія, прибывъ на Александровскую станцію (въ Царскомъ Селѣ) въ $9^1/_2$ ч. утра.

Въ тотъ же день, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили прибыть въ С.-Петербургъ и, посѣтивъ въ $12^1/_2$ ч. дня Петропавловскій соборъ, возвратились въ Петергофъ.

— 24 августа, Ихъ Императорскія Величества со всѣми Своими Августѣйшими Дѣтьми, въ сопутствіи Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича, отправились изъ Новаго Петергофа на югъ Россіи. Ихъ Величества изволятъ прослѣдовать въ районъ маневровъ войскъ, назначенныхъ отъ Харьковскаго и Одесскаго военныхъ округовъ.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: I. Предоставить министру Внутреннихъ Дѣлъ командировать въ Череповецкій уѣздъ, на срокъ не долѣе трехъ лѣтъ, временную коммисію изъ лицъ, избранныхъ по соглашенію съ министрами Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія и съ государственнымъ контролеромъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1. На помянутую коммисію возлагаются: а) обязанности и полномочія входящія въ кругъ вѣдомства уѣздной земской управы и представительство мѣстнаго земства въ уѣздныхъ учрежденіяхъ; б) приведеніе въ точную извѣстность и въ должный порядокъ всѣхъ отраслей мѣстнаго земскаго хозяйства; в) установленіе основаній для равномѣрнаго обложенія имуществъ, а равно составленіе и приведеніе въ исполненіе новой раскладки, и г) разсмотрѣніе жалобъ и заявленій на произведенное за прежнее время начисленіе на имущества земскихъ недоимокъ и пени, а равное принятіе мѣръ къ поступленію недоимокъ, сложенію и разсрочкѣ таковыхъ. II. На время пребыванія въ Череповецкомъ уѣздѣ означенной въ п. 1 коммисіи пріостановить дѣятельность мѣстной уѣздной земской управы и созывъ въ уѣздѣ очередныхъ земскихъ собраній и избирательныхъ съѣздовъ.

Финансы.

— Изъ 202 городскихъ общественныхъ банковъ въ Россіи, приславшихъ свои отчеты Правительству, по значительности произведенныхъ ими въ 1887 году оборотовъ, первое мѣсто занимаютъ 88 банковъ, имѣющихъ обороты отъ 1.000,000 до 52.751,300 рублей въ годъ, при чемъ свыше 10.000,000 рублей простирались обороты слѣдующихъ 12 банковъ: Харьковскаго 52.751,300 руб., Кишиневскаго 18.746,500 руб, Пензенскаго 15.086,000 руб., Самарскаго 13.648,200 руб., Нижегородскаго 13.075,600 р., Черниговскаго 13.043,300 р., Казанскаго 12.863,200 р., Керчь-Еникольскаго 11.671,300 р., Воронежскаго 11.124, 700р., Ростовс. на-Дону 10.859,500 р., Калужскаго 10.285,200 р., Кременчугскаго 10.107,000 р.

Затѣмъ, отъ 500,000 до 1.000,000 р. оборотовъ кассы имѣли 44 банка, отъ 100.000 до 500,000 р. 63 банка и менѣе 100.000 р.— 7 банковъ.

Морское дѣло.

— 18 августа прибылъ въ Кронштадтъ фрегатъ „Генералъ-Адмиралъ“, на которомъ плавалъ Е. И. В. Вел. Кн. Георгій Александровичъ. Фрегатъ, выйдя изъ Кронштадта въ половинѣ іюля мѣсяца, зашелъ на нѣсколько дней въ Гельсингфорсъ и оттуда отправился въ Балтійское море; послѣ плаванія, совершеннаго большею частію подъ парусами, фрегатъ прибылъ въ Кэгёбухту близь Копенгагена. Выставка этого города, въ продолженіи стоянки фрегата въ бухтѣ, была осмотрѣна офицерами фрегата.

— 19 августа пришелъ въ Кронштадтъ изъ Ревеля клиперъ „Крейсеръ“ съ приспущеннымъ флагомъ и скрещенными реями. На клиперѣ доставлено тѣло командира этого судна, капитана 2-го ранга Ермолаева, скоропостижно скончавшагося въ Ревелѣ во время ученья на клиперѣ.

Смѣсь.

„Путеводитель“, приспособленный къ сниманію фотографіи, представляетъ нѣчто дѣйствительно новое. Отнынѣ всякій гуляющій можетъ быть и фотографомъ. Солнечные лучи сами собою собираются въ маленькомъ аппаратѣ и схваченное изображеніе концентрируютъ и фиксируютъ на посеребренныхъ пластинкахъ „Путеводителя“. Уже не разъ изготовлялись и описывались аппараты, служащіе подобнымъ цѣлямъ, но изъ нихъ всѣхъ замѣчательнѣе фотографическая камера въ формѣ гида, которая недавно пущена въ ходъ пользующеюся обширной извѣстностью фирмою Гааке и Альберса во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Остроумный аппаратъ изобрѣтенъ химикомъ, докторомъ Крюгенеромъ (тоже изъ Франкфурта). Маленькій ящичекъ въ формѣ книги „Путеводителя“ (въ родѣ „Германіи“ Бедекера), въ коленкоровомъ переплетѣ, имѣетъ три отдѣленія. Среднее заключаетъ въ себѣ аппаратъ для снимковъ, второе содержитъ 25 фотографическихъ пластинокъ, а третье служитъ для пластинокъ, уже бывшихъ въ употребленіи. Соотвѣтственныя пружинки передвигаютъ пластинки изъ одного отдѣленія въ другое. Книгу можно носить въ рукѣ за ремешокъ, или подъ мышкою: весь аппаратъ со своими 25 пластинками, вѣситъ не болѣе 500 граммъ. Эта легкость и дѣлаетъ то, что фотографическій „Путеводитель“ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе и торжество фотографической техники. (N).

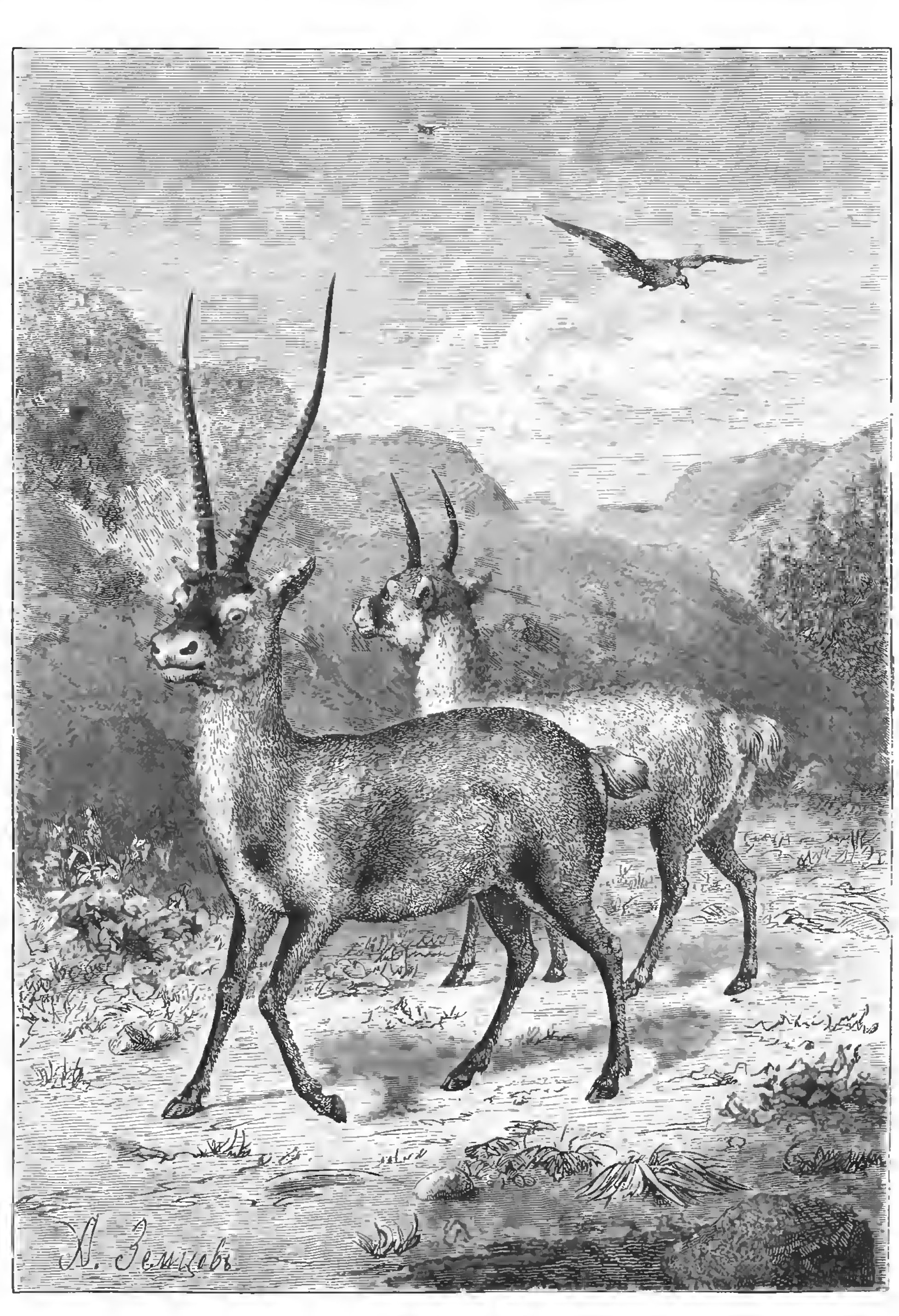
Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

О желѣзной дорогѣ по вершинамъ деревъ слѣдующее сообщаетъ одинъ калифорнійскій листокъ: „Нашимъ сосѣдямъ можетъ быть не извѣстно, что у насъ, въ графствѣ Сонома, существуетъ рельсовый путь, какого еще нигдѣ нѣтъ и о какомъ до сихъ поръ ни въ одной книгѣ не упоминалось. На высшей точкѣ ландшафта, вдоль берега тянется желѣзная дорога, проложенная по вершинамъ деревъ. Между Клинпермюленомъ и Стуартовомъ пикомъ путь пересѣкается глубокимъ оврагомъ, гдѣ всѣ деревья ровно спилены, и къ стволамъ прикрѣплены балки и шины. Среди вышеупомянутаго оврага высятся рядомъ два мощныя красныя дерева, служащія главною и прочною опорой пути. Верхушки ихъ отпилены на разстояніи 75 футовъ отъ земли и по нимъ ходятъ тяжело нагруженные вагоны такъ же безопасно, какъ и по пути, сооруженному по всѣмъ правиламъ науки. И въ другихъ частяхъ Калифорніи лѣса красныхъ деревъ могли-бы

Внутренность Ахалъ Текинской мельницы. Оригин. рис. (собственность „Нивы“) **Раевскаго**, грав. Ольшевскій.

служить тѣмъ-же цѣлямъ и пролагаемыя по ихъ вершинамъ желѣзныя дороги обходились-бы гораздо дешевле, чѣмъ теперь стоитъ уничтоженіе этихъ лѣсовъ, чтобы послѣ воздвигать на ихъ мѣстѣ новые пути сообщенія. (N).

Золотые рудники въ Китаѣ. Въ древнія времена въ Китаѣ разрабатывалась масса золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Дѣйствительно, каждая провинція Небесной Имперіи богата драгоцѣнными металлами. По части доступныя были скоро истощены, часто столѣтнею разработкой. Въ другихъ же мѣстахъ рудокопы, по обыкновенію, должны были спускатися внутрь земли, борогься съ наводненіями и удушливыми газами, хотя, конечно, безуспѣшно, такъ какъ китайцы были очень мало знакомы съ искусствомъ удаленія воды и процессами вентиляціи. Они обыкновенно приписывали всѣ несчастія гнѣву адскаго духа, Фангъ-Шина, раздраженнаго тѣмъ, что землю лишаютъ ея сокровищъ; гнѣву Фангъ-Шина приписывали также чуму, землетрясенія. Къ концу четырнадцатаго вѣка одинъ изъ послѣднихъ императоровъ династіи Шуновъ издалъ даже декретъ, запрещающій разработку рудниковъ подъ страхомъ смерти. Однакоже въ нѣкоторыхъ провинціяхъ на разработки, производящіяся на поверхности земли, смотрѣли сквозь пальцы, напр. въ Тзе-Шуанъ, Канъ-Си и т. д. Впослѣдствіи расходы, вызванные войной съ Франціей, дали понять правительству Пекина необходимость увеличить доходы Имперіи, рискуя даже пренебречь гнѣвомъ Фангъ-Шина; поэтому было рѣшено открыть разработку нѣкоторыхъ значительныхъ рудниковъ, находящихся по сосѣдству съ важнымъ городомъ Шее-Фу, провинціи Шангъ-Тонгъ, замѣчательной по рожденію Конфуція, 2,400 лѣтъ тому назадъ. Работы были ввѣрены въ некомпетентныя руки, а потому и не дали результатовъ. Но вице-король имперіи не потерялся; онъ послалъ инструкціи китайскому консулу въ Санъ-Франциско, который собралъ и отправилъ въ Китай опытный персоналъ рудокоповъ; калифорнскіе методы были приложены въ богатѣйшей странѣ и послужили какъ бы основаніемъ къ обширной разработкѣ. Дѣйствительно, плата въ день китайскому рудокопу—75 сантимовъ, между тѣмъ какъ калифорнскому она достигаетъ 20 франковъ, слѣдовательно равна, приблизительно, платѣ 25 китайскимъ. Отправка этой экспедиціи инженеровъ и рабочихъ происходила 21 сентября, сначала на кораблѣ „Пекинъ" до Вокгаомы, а оттуда на другомъ кораблѣ въ Шее-Фу. (С).

Антилопа Оронгò (Pantholops Hodgsoni). Ориг. рис. (собственность „Нивы") А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

Еще одна легенда, разсѣявшаяся какъ дымъ—подъ такимъ заглавіемъ пишутъ изъ Парижа слѣдующее: Недавно изъ пруда при замкѣ Фонтенебло были выловлены всѣ карпы; самые тяжелые и старые экземпляры отобраны и проданы, а девятьсотъ прекрасныхъ молодыхъ рыбъ пущены обратно въ прудъ. Не смотря на то, что всѣ болѣе крупные карпы не миновали рукъ рыболова, между пойманными не оказалось ни одного, вѣсящаго болѣе десяти фунтовъ. Старыхъ карповъ, временъ Францвска I, съ золотыми кольцами въ носу, вдернутыми этимъ королемъ, не осталось и слѣда, а между тѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, многіе ученые и неученые утверждали, что сами видѣли карповъ съ золотыми кольцами. Вѣдь существуетъ мнѣніе, что карпы живутъ по нѣсколько сотъ лѣтъ. Еще великій Бюффонъ упоминалъ о такой баснословной продолжительной жизни, въ доказательство которой постоянно приводились карпы Фонтенебло. Какъ бы то ни было, изъ пойманныхъ карповъ ни одинъ не достигалъ пятидесяти, а тѣмъ болѣе ста лѣтъ. Это было единогласно признано какъ опытными рыбаками, такъ и приглашенными учеными. О старыхъ карпахъ обросшихъ мхомъ отнынѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Но чтобы не дать легендѣ погибнуть окончательно, устраивается на дняхъ, разумѣется въ честь карповъ, празднество въ Фонтенебло, на которомъ нѣжными ручками мѣстныхъ дамъ нѣсколькимъ карпамъ дѣйствительно будутъ продѣты золотыя колечки. Если, когда-нибудь, впослѣдствіи снова вытащутъ изъ пруда живаго или соннаго карпа, кольцо будетъ ему служить отмѣткой: но тогда уже будетъ достовѣрно извѣстно, что кольцо вложено въ 1888 г., когда карпу было никакъ не болѣе 10-ти лѣтъ. (с.)

Недавнія наблюденія надъ громоотводомъ при Кёльнскомъ соборѣ показали, что молнія и въ теченіи этого года тоже ударила въ иглу главной сѣверной башни и по громоотводу благополучно спустилась въ землю. На этотъ разъ ударъ, должно полагать, былъ очень силенъ, ибо крѣпкая платиновая игла расплавилась на пространствѣ 10 милиметровъ. Замѣчательно, что въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ соборная башня пять разъ обязана своимъ спасеніемъ громоотводу. Частныя мѣстныя наблюденія вполнѣ сходятся съ оффиціальными въ томъ, что число несчастій отъ молній, раздѣленное на одинаковое количество зданій, за послѣднія сорокъ лѣтъ настолько возросло, что опасность подвергнуться удару молніи, въ этотъ промежутокъ времени, больше, чѣмъ утроилась. (N).

Шашечная задача № 56.
В. И. Шошина.
Черныя.

Бѣлыя.
Бѣлыя начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Шахматная задача № 57.
Г. Готшалъ.
Черные.

Бѣлые.
Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Задача. Ходъ коня № 58.

		ся	снул-	при	вста		
	ся	по	ло	и	цей	вѣ	
лис	свѣ	про	нул	це	съ	дой	пти
весь	ло	что	томъ	встре	ве	я	томъ
чимъ	тамъ	пе	лѣсъ	бѣ	солн	дой	жаж
раз	про	та	о	сен	ной	раз	при
за	ря	что	вѣт	что	те	лонъ	наж
снул	ска	но	пе	наж	ней	шелъ	ска
го	тре	ся	зать	къ	зать	дой	по

Рѣшеніе задачи буквъ № 52 (помѣщенной въ № 31).

Шекспиръ.

1. Шекъ.
2. Ерикъ.
3. Кени.
4. Скиръ.
5. Пери.
6. Икъ.
7. Рисъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ г.г.: **СПБ.** — Ф. Михель, А. Сазонова, П. Любавина, Н. В. Папкова, М. Рымкевича, Мордгина, А. А. Поспѣева, **Архангельскъ** — З. Калашникова. **Ананьевъ** — С. Бастырь, **Болховъ** — М. Спурпицына, В. Любимова, **Бѣлгородъ** — О. Мазуръ, **Бологое** — Ф. А. Штадесъ, **Бобруйскъ** — Е. Мольской, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Бендеры** — Н. С. Дархана, А. Туровскаго, **Воронежъ** — В. И. Друри. **Дисна** — С. А. Дубинкова, **Калуга** — И. Белигоцкаго, **Кіевъ** — С. Штильмана, К. Рженскаго. **Кременчугъ** — Д. Бейма, **Красная Луна** — А. Н. Шульженко, **Новочеркаскъ** — Еманова, Голубина, **Павловскъ** — Ю. Детерп.

Рѣшеніе шашечной задачи № 50 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлыя.	Черныя.
E5 — F6	G5 — E7
F4 — G5	H4 — F6
E3 — F4	C5 — G1
B8 — D6	E7 — C5
D2 — E3	G1 — D4
C1 — B2	D4 — A1
F4 — E5	F6 — D4
A3 — B4	C5 — A3
A5 — C3	D4 — B2
H6 — C1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Я. В. Васильева, А. П. Трубецкаго, П. Ситникова, С. Т. Грибока, П. В. Люхина, С. Марупина, П. В. Папкова, А. А. Поспѣева, **Москва** — П. П. Смирнова, Ф. П. Черпышева, **Бѣлгородъ** — Ф. З. Мазуръ, **Екатеринославъ** — М. В. Дадковскаго, **Исады** — В. Н. Кожина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 51 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлые.	Черные.
1. Фh5 — d1	1) d6 — c5
2. Kd2 — c4+	2) d5 — c4
3. Фd1 — d8++	
1.	1) g3 — g2
2. Фd1 — g1	2) d6 — c5
3. Фg1 — c5++	
2.	2) d5 — d4
3. Kd2 — c4++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — В. И. Шошина, **Дисна** — Х. Розенфельдъ, М. Гильдинъ, **Кіевъ** — Г. Я. Балаховскаго, А. Охоцкаго. **Николаевъ** — Добогорій-Мокріевича, **Одесса** — Е. Лебединскаго, **Петровское** — Стараго инвалида.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **И. П. Сахаровъ** (съ портр.).— **Вѣчу не быть.** Старинная повѣсть **Д. В. Аверніева.** Часть II. (Продолженіе).— **Борохъ.** Разсказъ **Андрея Львовича.**— Стихотвореніе **Петра Вейнберга.** — **Макарьевскій Желтоводскій монастырь на Волгѣ.** Историческій очеркъ **А. Мельникова** (съ 8 рис.). — Къ рисункамъ: **Гезы и Маргарита Пармская** (съ рис.).—**Литературный альбомъ. „Русалка“, А. С. Пушкина** (съ рис.).—**Водолазы въ Неаполитанскомъ заливѣ** (съ рис.).—**Ѳ. И. Буслаевъ** (съ портр.).—**Внутренность Ахалъ-Текинской мельницы** (съ рис.). — **Антилопа Оронго** (съ рис.).—Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе.— Смѣсь.— Задачи.—Заявленіе.— **Рамы для преміи „Нивы“ 1888 г.**— О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. — **При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1888 г., съ 33 гравюрами и отд. листъ съ 29 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 19 рис. выпильныхъ работъ.**

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Утвержденные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ

Основ. въ 1882 году.

КУРСЫ РАПГОФЪ.

Адр.; Малая Морская, № 7.

Пріемные часы директора какъ и пріемъ вновь поступающихъ *ежедневно съ 10 ч. у. до 6 ч. вечера.*

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: *За всѣ вспомогательные предметы отдѣльной платы не взимается.*

А Спеціальные: пѣніе, фортепіано, скрипка, віолончель, флейта и пр. оркестровые инструменты, драматическое искусство и музыкальная педагогика. **Б Вспомогательные:** musique d'ensèmble, сольфеджіо, хоровой классъ для взрослыхъ и для дѣтей, теорія, исторія музыки, музыкальная энциклопедія, педагогика фортеп. игры, классъ мимическихъ пріемовъ и танцевъ, франц. и итальянск. языки. № 3340

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: *Смотря по предметамъ и по курсамъ отъ 15 до 75 р. въ полугодіе или отъ 5 до 20 р. въ мѣсяцъ. Занятія бываютъ дневныя и вечернія. Начало занятій 1 сентября. Пріемъ продолжается въ теченіи всего сентября.*

Директоръ курсовъ Евг. Павл. Рапгофъ.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ! 10—3

Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. **Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича.**

Наставленіе къ уходу и каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки.

Продаются: 1) Дача 12 верстъ. ст. Черпь, 15 дес. земли. Домъ, лѣсъ, прудъ. Вблизи рѣка. 2) Пашни 50 дес. 3) Мельница и постр. съ 23 дес. луга. Разстояніе участковъ верста. Адресоваться: **въ Орелъ, Г. де-Тейльсъ.**

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
К. К. МАЗИНГА, ВЪ МОСКВѢ,

№ 3298 2—2

между Воздвиженкой и Знаменкой. Ваганьковскій пер.,

пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ, химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса и приготовительнаго класса. Воспитанники принимаются во всѣ классы приходящими и пансіонерами. Пріемные экзамены начинаются 8-го августа, начало ученія 17-го августа.

Полные фотографическіе приборы разн. складн. и легкіе, вмѣщающіе отъ 4 до 12 пласт. для снимапія портр., группъ, видовъ и пр., новымъ момент. сух. способомъ, отъ 30 р. и дороже. **Секретный аппаратъ** съ пласт. на 36 снимковъ съ перес. 25 руб. 5—5

XVII-й УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА Ѳ. И. РУССО.

ОСНОВАНА ВЪ 1872 ГОДУ.

Большая Садовая, уголъ Вознесенскаго просп., д. 57—43 (Подъѣздъ съ Б. Садовой).

Кромѣ имѣющагося состава преподавателей, вновь приглашенъ по классу фортепіано **профессоръ К. Я. ЛЮТШЪ**

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: спеціальные: пѣніе, фортепіано, скрипка, альтъ и віолончель; **дополнительные:** теорія музыки, сольфеджіо, гармонія, контрапунктъ и анализъ формъ, хоровое пѣніе, итальянскій языкъ (для посѣщающихъ классъ пѣнія), исторія музыки, musique d'ensèmble и методика фортепіанной игры. **ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ:** отъ 20 до 60 руб. за полугодіе или отъ 6-ти до 17-ти руб. въ мѣсяцъ, смотря по избираемому предмету и степени познаній. Особой платы за дополнительные предметы не взимается. Въ школу Ѳ. И. Руссо принимаются лица каждаго возраста и даже безъ всякой музыкальной подготовки. Программы выдаются и высылаются безплатно.

Пріемъ ежедневно отъ 10-ти ч. утра до 7-ми час. вечера. № 3341

ПОМОЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ

Д-ра РЕГЕЛЯ и КЕССЕЛЬРИНГА.

№ 3338

(Выборгск. ст., Лабораторное шоссе, № 1).

Имѣетъ честь обратить вниманіе господъ Любителей Садоводства, что самое удобное время для пересылки и посадки въ петербургскомъ климатѣ выносливыхъ сортовъ хвойныхъ, красиво цвѣтущихъ, многолѣтнихъ и земляники, считается августъ до половины сентября. Лиственныя деревья, розаны, красиво-цвѣтущіе кустарники, плодовыя деревья, ягодные кустарники, пересылаются для посадки съ половины сентября до начала морозовъ, а весною послѣ оттаянія почвы. На болѣе отдаленныя разстоянія въ южныя губерніи, на Кавказъ и Туркестанъ, самый лучшій періодъ для пересылки и посадки всѣхъ живыхъ грунтовыхъ растеній, считается осень.

Съ заказами просимъ обращаться къ Я. К. Кессельрингу, проживающему въ Помологическомъ Саду, а за каталогами письменно къ д-ру Э. Л. Регелю въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду.

ЦѢНЫ ФИСГАРМОНІЯМЪ УДЕШЕВЛЕНЫ!

Французскія стоятъ теперь 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р., американскія 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1,400 руб.

ФИСГАРМОНІЯ

одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не разстраивается, какъ фортепіано. Въ № 18 с. г. журнала „Нива“ помѣщена интересная статья, изъ которой можно каждому получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоніи.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ, а также вышеупомянутая статья журнала „Нивы“ высылаются безплатно.

Большой выборъ нотъ для фисгармоній. № 3343

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. **Москва**, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ШОКОЛАДЪ ТОВАРИЩЕСТВА А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

Р. № 3344 2—1

продается во всѣхъ городахъ РОССІИ.

4-е ИЗДАНІЕ (4-я ТЫСЯЧА).

Дѣтскія пѣсни на русскіе и малороссійскіе напѣвы съ аккомпаниментомъ фортепіано, составлены А. Мамонтовой, подъ редакціей

П. Чайковскаго.

Съ приложеніемъ тѣхъ же пѣсенъ въ 3-хъ голосномъ переложеніи К. Альбрехта

Цѣна 1 р. 25 к. н.

Москва у **П. Юргенсона.** № 3342

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

Вс. С. Соловьева.

Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника Н. С. Панова. **Изданіе III.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Ц. № 3078 (14)

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по **удешевл. цѣнамъ** въ 3½, 4, 5 и 8 руб. **со школой и нот.**, на которыхъ **самоучкой** въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный **прейсъ-курантъ** всѣмъ инструментамъ **безплатно.**

БѢЛЬЕ

мужское, дамское, дѣтское, постельное и столовое, готовое и на заказъ, чулочный товаръ и проч. и проч., а также

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ

РЕКОМЕНДУЕТЪ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ГАРМСЕНЪ и К°.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ

Гостиный Дворъ, № 144. С.-Петербургъ,

(существуетъ съ 1840 года).

Изящный фасонъ, аккуратная работа, товаръ лучшаго ткачества.

Заказы изъ провинціи исполняются аккуратно и добросовѣстно, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3334

ГИГІЕНИЧЕСКОЕ

БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

провизора **Г. Ф. Юргенса**

противъ излишней потливости.

Рекомендуется какъ благовонное туалетное мыло высшаго достоинства. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 2—2

Цѣна 1/1 кус. 50 к., 1/2 кус. 30 к.

Главный складъ у **К. И. Феррейна** въ Москвѣ. М. № 3289

М. № 3225 5—5

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Г. № 3291 (7)

Дозвол. ценз., СПБ., 31 августа 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, [illegible]ьяч., д. 1.

XIX г. — № 37 — г. XIX — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 10 сентября 1888 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. В. Вышеславцевъ.

Недавно умеръ одинъ изъ скромныхъ литературныхъ дѣятелей — А. В. Вышеславцевъ, посвятившій добрую половину своей жизни изученію исторіи искусства, большой любитель и знатокъ живописи. Его довольно капитальный трудъ „Исторія искусства въ Италіи", заключающійся въ трехъ томахъ — плодъ этого многолѣтняго изученія, обратилъ на себя вниманіе нашей художественной критики. Онъ представляетъ едва-ли не первое русское изслѣдованіе о древнемъ искусствѣ совершенно оригинальное и вполнѣ самостоятельное. Трудъ этотъ, какъ слишкомъ спеціальный, доступенъ лишь меньшинству публики, интересующейся художествами; за то другое сочиненіе Вышеславцева, „Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія" доставило ему обширный кругъ читателей и пользовалось большою популярностью. Будучи довольно серьезно по содержанію, оно написано въ высшей степени увлекательно, прекраснымъ, живымъ, образнымъ языкомъ; авторъ, въ своей книгѣ, смотритъ на предметы съ весьма разнообразныхъ сторонъ и притомъ становится на очень симпатичную точку зрѣнія: онъ любитъ изящную простоту природы и поклоняется этой чарующей простотѣ, являясь противникомъ той псевдо-цивилизаціи, которая только искажаетъ ее и даже оскорбляетъ. Книга Вышеславцева по благородству мысли и по художественному изложенію нѣсколько напоминаетъ гончаровскую „Фрегатъ Палладу" и, по единодушному отзыву критиковъ, ее смѣло можно дать въ руки каждому молодому человѣку, еще не окрѣпшему въ своемъ развитіи. Алексѣй Владиміровичъ Вышеславцевъ, дворянинъ по происхожденію, родился въ селѣ Караулѣ, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, 20 мая 1831 года. Десяти лѣтъ его отдали въ Московскій дворянскій институтъ, по окончаніи курса въ которомъ Алексѣй Владиміровичъ намѣревался поступить на физико-математическій факуль-

Алексѣй Владиміровичъ Вышеславцевъ († 22 апр. 1888 г.).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

тетъ Московскаго университета, но такъ какъ число студентовъ его было ограничено въ 1848 году, то онъ выбралъ факультетъ медицинскій. Изъ Университета Алексѣй Владиміровичъ выпущенъ былъ въ 1854 году, какъ разъ въ Крымскую кампанію, и опредѣленъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ. Съ апрѣля по 30 августа онъ находился съ полкомъ въ Севастополѣ на Малаховомъ курганѣ и свои впечатлѣнія и воспоминанія о севастопольской оборонѣ описалъ потомъ въ статьяхъ: „Шестое іюня въ Севастополѣ", „Тридцатое августа въ Севастополѣ", „Сутки на Малаховомъ курганѣ", „Севастополь въ послѣдніе мѣсяцы осады" и друг. По заключеніи мира Вышеславцевъ перевелся въ Балтійскій флотъ, въ 23-й экипажъ и поступивъ на клиперъ „Пластунъ" врачомъ, отправился, въ 1857 году, въ кругосвѣтное плаваніе, которое длилось три года. Будучи въ Монтевидео, Вышеславцевъ перешелъ на корветъ „Новикъ" и на немъ вернулся въ Кронштадтъ въ 1860 году, числясь въ 28-мъ флотскомъ экипажѣ съ 1859 года. Плаваніе свое на этихъ судахъ Вышеславцевъ совершилъ по Атлантическому океану, Малайскому морю, поднялся до Амура, затѣмъ по Тихому океану до Буэносъ-Айреса и снова по Атлантическому океану—и свои путевые очерки помѣщалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860—1861 года, изъ которыхъ потомъ и составилась книга „Очерки перомъ и карандашемъ", роскошно иллюстрированная по наброскамъ ея автора, Верещагинымъ, Шишкинымъ, Шарлеманомъ и друг. Выйдя въ 1861 г. въ отставку, во время освобожденія крестьянъ, Вышеславцевъ сдѣлался мировымъ посредникомъ 5-го участка Тамбовскаго уѣзда и прослужилъ въ этой должности три года. Когда, въ 1865 году, открылся Государственный Контроль, Вышеславцевъ перешелъ въ него на службу и занималъ мѣсто управляющаго контрольной палатой: въ Черниговѣ—два года, въ Одессѣ—пять лѣтъ и въ Варшавѣ—четыре года. Затѣмъ болѣзнь заставила его оставить коронную службу и поселиться въ своемъ имѣніи Волховщинѣ, Тамбовскаго уѣзда, гдѣ онъ и проживалъ большею частью, удѣляя однако время на дѣятельное участіе въ земскомъ самоуправленіи. Съ выходомъ въ отставку послѣ кругосвѣтнаго плаванія, Вышеславцевъ горячо предался искусству, предпринималъ не разъ поѣздки въ Италію, спеціально для изученія итальянской живописи. Онъ составилъ превосходную коллекцію произведеній живописи, зодчества и архитектуры, и послѣ него остались великолѣпные альбомы копій съ древнихъ картинъ, исполненныхъ по его заказу. Онъ и самъ занимался немного живописью, и въ послѣднее время весь отдавался писанію образовъ для церковнаго иконостаса строющагося въ Тамбовѣ пріюта Св. Елисаветы и приготовленію къ печати третьяго тома своего изслѣдованія „Исторія искусства въ Италіи". Смерть застала его за этими мирными трудами; онъ скончался въ Тамбовѣ, 22 апрѣля. Вышеславцевъ работалъ въ *Русской Бесѣдѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ*, *Нови* и др. изданіяхъ. Отдѣльно имъ напечатаны: „Между храмовъ и развалинъ", „Умбрія и живописныя школы сѣверной Италіи въ XV столѣтіи", „Джотто и Джоттисты", „Замѣтки русскаго о современной Грузіи".

П. Б—овъ.

Рѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VIII.

Крѣпкая узда.

У Владыки, по докладѣ, скоро впустили дворецкаго Луки Аввакумовича. Не въ долгѣ же онъ назадъ отъ Владыки вышелъ, и приказалъ Пашкѣ идти черезъ сѣни прямо въ комнату: Владыко молъ повелѣлъ.

Торопливо и трепетно пробѣжалъ Пашкó черезъ свѣтлыя и обширныя сѣни, не замѣтивъ ни ихъ убранства, ни того сидѣль-ли кто въ нихъ. Волоковая дверь въ комнату была пріотворена, и Пашкò опасливо, бокомъ пролѣзъ въ нее. Комната послѣ сѣней казалась темною—и Пашкò, не видя гдѣ Владыко сидитъ, оторопѣлъ даже. Въ переднемъ углу передъ кіотомъ теплилась лампада. Пашкò перекрестился предъ иконою.

— Молись, чадо, поусерднѣе, послышался тихій и ровный голосъ. — А клади три земные поклона предъ иконой Пречистыя.

Пашкó клалъ три земные поклона, и оборотился въ ту сторону, откуда слышался голосъ и гдѣ пробивался свѣтъ сквозь маленькое оконце. Раньше всего бросился ему въ глаза кожаный складной аналой, а на немъ крестъ и книга, святое Евангелье, маленькое, съ какимъ попы выходятъ молебенъ пѣть. По ту сторону аналоя Владыко сидѣлъ за столомъ на лавкѣ, положивъ руку на столъ; свѣтъ изъ окна падалъ прямо на бѣлую точно изваянную изъ воска руку святителя. Лица Владыки парень не могъ разглядѣть вполнѣ: Владыко сидѣлъ спиною къ окну. Запомнилось ему только что и лицо, какъ рука, было безъ кровинки и только казалось чуть-чуть пожелтѣе руки отъ трепетнаго лампаднаго отблеска. Пашкò поклонился Владыкѣ въ ноги, прося его святительскаго благословенія.

— Возстань, чадо, благословивъ сказалъ Владыко, и далѣе заговорилъ тихимъ и ровнымъ безстрастнымъ голосомъ, не возвышая и не понижая его ни на одномъ словѣ, не спѣша въ рѣчи и не растягивая ее.

Эта тихая и ровная безстрастность неотразимо дѣйствовала на Пашкá, заставляя его внимательно вслушиваться во всякое слово. Ему казалось по временамъ, что Владыко говоритъ откуда-то сверху, голосомъ отрѣшеннымъ отъ всѣхъ скорбей земныхъ.

— Присылалъ ко мнѣ, говорилъ Владыко, — болярипъ Лука Аввакумовичъ своего дворецкаго, и чрезъ него мнѣ о дѣлѣ твоемъ докладывалъ, что яко-бы хощешь ты предо мной на болярина Арбузьева жалобу положить. Точно, поколику выразумѣлъ я сіе дѣло твое изъ словъ его, дворецкаго, есть оно моему суду подлежащее. Но жалоба твоя еще предо мной не положена есть, а заранѣе, по долгу моему святительскому, желательно мнѣ есть твое дѣло, не весьма обычное и къ разсмотрѣнію трудное, духовне уразумѣть. А какъ хощешь ты, по свидѣтельству дворецкаго, сочетаться бракомъ съ оною дѣвицею, о ней же у васъ пря съ Арбузьевымъ, то довлѣетъ тебѣ передъ бракосочетаніемъ во грѣсѣхъ, вольныхъ и невольныхъ, принести предъ Господомъ покаяніе, или, какъ вы скажете, поновиться душею. А будетъ таковó есть твое хотѣніе, самъ я стану тебѣ въ отца духовнаго мѣсто.

Пашкó ни слова не сумѣлъ отвѣтить на долгую рѣчь Владыки, и только по его лицу, издрогнувшему, какъ бы въ ожиданіи чего-то таинственнаго и страшнаго, Владыко могъ заключить о желаніи Пашка поновиться душой.

— А помолимся, чадо, предъ таинствомъ святаго покаянія, сказалъ Владыко и сталъ у аналоя, давая тѣмъ знать Пашкѣ, что приступаетъ къ святому таинству.

Пашкò помолился усердно на колѣняхъ, и поцѣловалъ, по слову святителя, крестъ честный.

— Теперь отвѣтствуй мнѣ искренне, какъ на духу отвѣщаешь отцу своему духовному, а памятуя что не мнѣ, а Богу Незримому, Вездѣсущему и Всевѣдущему будешь сказывать, Его же есмь азъ, по власти отъ Господа же мнѣ данной, послухъ недостойный.

Пашкò началъ исповѣдь робко, но ободренный двумя, тремя вопросами святителя сталъ говорить складнѣе, страшась всѣмъ сердцемъ своимъ и малую лжу вымолвить, или скрыть какой-нибудь тяжкій грѣхъ. Святитель слушалъ внимательно, сохраняя на лицѣ восковое безстрастіе. Не утаилъ Пашкó и вчерашняго, и съ великими слезами каялся, что чуть-было онъ не убилъ до-смерти Маврушеньки.

По исповѣди, Владыко именемъ Господнимъ отпустилъ рабу Божію Павлу всѣ его вольныя и невольныя прегрѣшенія.

— Теперь побесѣдуемъ, сказалъ Владыко, грузно опускаясь на лавку. — Намѣреніе твое бракомъ устроиться есть похвальное, и даю я тебѣ на то полное

мое благословеніе. И паче долженъ хвалу тебѣ воздать, что погибшую ты взыскать хощешь. А въ притчѣ Господней, во святомъ Еуангеліи сказано: „ангели Божіи, на то зря, радуются“. И до конца претерпи, сыне, а взыщи, взыщи душу погибшую.

Крѣпко запомнилось Пашкѹ это слово о взысканіи погибшей души.

— А еще, продолжалъ наставлять Владыко, — отъ добраго корене и плодъ добръ же бываетъ. А вчерашній день, въ того мѣсто, чтобы идти смотрѣть съ уличанами своими срамную потѣху скоморошью, о ней же бѣси радуются, шелъ ты къ угоднику Божію молитися, и его молитвами, вѣрь, спасенъ ты былъ отъ грѣха смертнаго, какъ обуянный страстью діаволей поднялъ было руку свою на невѣсту, а смерти предать ее похотѣвъ. Умолилъ, вѣрь, святый чудотворецъ Варлаамъ Хутыньскій да не попуститъ Господь грѣха смертнаго.

Слушая святительское наставленіе, Пашко̀ невольно расплакался, и всхлипывая приговаривалъ:

— Ей, во истину.

— А теперь о земномъ уже побесѣдуемъ, а не наказывать [1]) теперь тебя я буду, а дѣло твое на твою же волю положу. Ввѣришь ты мнѣ сіе дѣло твое, и я заутра же, въ сей-же часъ предобѣденный повелю Арбузьеву предъ моими очами стать, а буду его уговаривати и усовѣщевати да возвратитъ онъ тебѣ дѣвицу, тобою въ невѣсты себѣ избранную. А срокъ ему положу седьмицу отъ завтрешняго дня, и въ оный день, минувшей седьмицѣ, получишь ты ее отъ меня изъ рукъ на руки. Илѝ же будетъ ты, какъ истецъ, потребуешь суда владычня, то прикажу сейчасъ же отъ тебя дьяку моему жалобу принять. Рѣшай же. А памятуй о томъ, что говорю я сейчасъ съ тобою не просто какъ отецъ духовный твой съ сыномъ своимъ духовнымъ же, не яко пастырь со овцею своею словесною, но яко Владыко Новгородьскій, съ вольнимъ мужемъ, съ гражданиномъ великаго града сего.

— Какъ сдумаешь, Владыко преосвященный, такъ сему дѣлу и стать, рѣшилъ Пашко̀.

— Твоя воля, вольній мужъ, подтвердилъ Владыка.

Пашко̀ немного помялся.

— А какъ ты, Владыко, посовѣтуешь... А поосвѣти-ко а розумо-тъ мой, буду вѣдь я тёменъ человѣкъ, словечушкомъ своимъ святительскимъ.

— Посовѣтовать я тебѣ могу во истину, а скажу что миромъ прикончить Богу угоднѣе. И то еще пойми, что и по судѣ губитель чести дѣвичьей въ покоѣ тебя, гадательно, не оставитъ же. Не вышло бы крови пролитія. А святый псалмопѣвецъ, царь Давидъ, изъ глубины же сердечной ко Господу взывалъ: „избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего“. Псаломъ сей „помилуй мя Боже“, уповательно, вѣдомъ же тебѣ есть: часто въ церкви чтутъ.

Пашко́ припомнилъ пятидесятый псаломъ и какъ дошелъ до упомянутыхъ Владыкою словъ, то сталъ креститься, и вслухъ уже выговорилъ: „Избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего“.

— А и Арбузьева, усовѣстивъ, я приведу ко кресту, чтобъ онъ не мстилъ тебѣ, помолчавъ добавилъ Владыко.—Какъ-же рѣшишь ты, сыне мой духовный?

— Миромъ лучше, какъ-бы въ раздумьи Пашко́ сказалъ,—а и Маврушенькѣ легче-же буде.

— Только, сыне, ввѣривъ мнѣ дѣло сіе, памятуй, что тебѣ до конца претерпѣть надобѣть. А ни чѣмъ уже въ дѣло не вступатися, и злобу свою на болярина оставить-же. Господь во святомъ Еуангеліи повелѣлъ не токмо не мстить врагамъ, но паче любить ихъ.—И тутъ Владыко, ровно въ церкви въ книгу, зачиталъ нараспѣвъ: — Любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть“.

[1]) Наказывать — наставлять, поучать.

Затѣмъ Владыко далъ Пашкѹ время подумать о словахъ святыхъ.

— Такъ миромъ выходитъ? переспросилъ онъ.

— А миромъ-же, рѣшительно и громко отвѣчалъ Пашко́.

— А миромъ, такъ и я съ миромъ-же отпущу тебя.

И Владыко, вставъ съ лавки, вынулъ изъ кіота небольшую икону.

— А вотъ тебѣ, сыне, поминочекъ невеликъ о мнѣ грѣшномъ и недостойномъ рабѣ Божіемъ. Сдѣлай милость, на память прими икону сію святого Варлаамія Хутыньскаго чудотворца, его-же молитвами избавленъ былъ отъ лукаваго. А взыщи, взыщи душу погибшую.

Пашко́, съ благодарными слезами, благоговѣйно поклонился Владыкѣ въ ноги, а тотъ благословилъ его иконою.

Пришло Пашкѹ время уходить, а онъ медлилъ, точно хотѣлъ сказать что-то, да недоумѣвалъ какъ.

— А ѝмѣшь еще нѣчто сказать, Владыко его ободрилъ,—говори несомнительно.

— А какъ-же, Владыко преосвященный, а отысповѣдалъ ты меня, а душу мою, скажемъ, поновилъ-же, а быватъ, ходимъ мы къ исповѣди, а попу деньгѹ несёмъ а и свѣчу ощё.

Едва замѣтная улыбка промелькнула на восковомъ лицѣ святителя; казалось даже, что то̀ была не улыбка, а свѣтъ лампадный, вспыхнувъ, пробѣжалъ у него по лицу.

— А свѣчу, въ соборъ войдя, затепли предъ ликомъ Пречистыя, а деньгу неимущимъ раздѣли, повелѣлъ онъ.

Пашко́ такъ и сдѣлалъ. Сейчасъ-же, какъ отъ Владыки вышелъ, прошелъ въ соборъ и затеплилъ свѣчу, и деньгу нищимъ раздѣлилъ.

„А хо́рошо Владыко-тъ го́ворилъ, твердилъ онъ про себя, идя домой,— и красно къ тому. А и наказывалъ душеспасительно. А ужь этого его словечушка важнаго, что вотъ „погибшую молъ взыскуешь“, а не забыть мнѣ до́-гроба. Въ особину какъ на прощаньи-то повелѣлъ“.

Пашкѹ спокойно-бы ждать срока назначеннаго Владыкой, а онъ на другой-же день какъ будто и нарушилъ свое обѣщанье покончить дѣло вполнѣ миромъ. Какъ сталъ приближаться тотъ часъ, въ который Владыко повелѣлъ стать предъ свои очи Василей Селифонтьевичу, точно кто понукать сталъ Пашка: „поди молъ да поди“. Онъ отправился въ Дѣтинецъ, и самъ не зная хорошенько зачѣмъ. Хотѣлось-ли ему узнать по лицу Арбузьева,—съ какимъ онъ лицомъ отъ Владыки выйдетъ,—все-ли уладилось, или-же ему хотѣлось поглядѣть съ какимъ срамомъ и униженьемъ выбѣжитъ его лютый врагъ отъ Владыки. Долгое время спустя Пашко́ склонялся къ той мысли, что ему желалось послѣдняго.

Дойдя до Владычнихъ палатъ, Пашко́ такъ за угломъ схоронился, чтобъ ему все было видно, а Арбузьевъ не могъ-бы его замѣтить.

„Отъ кровей-те“, Владыка сказывалъ, вспомнилось ему.

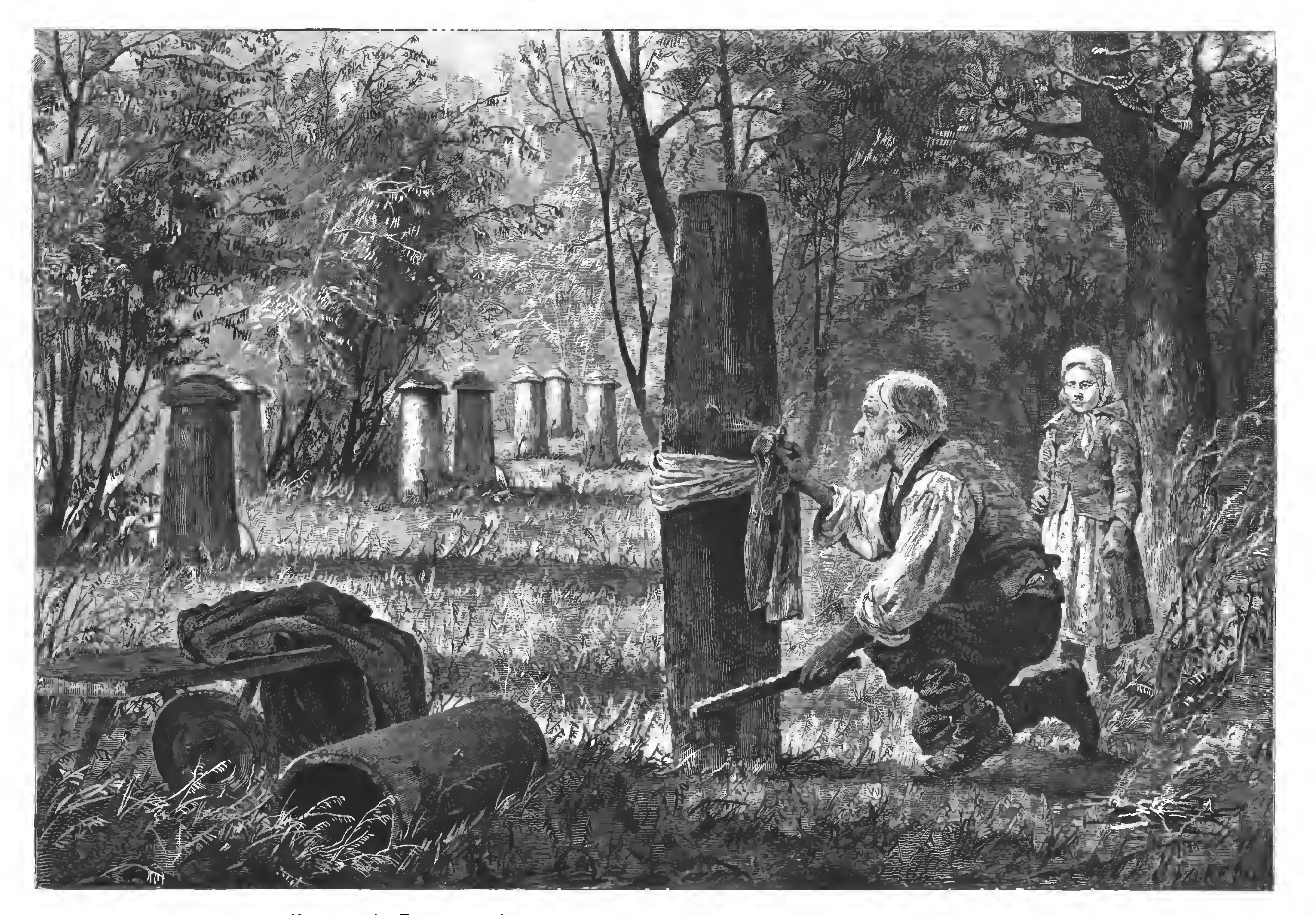
Василей Селифонтьевичъ подъѣхалъ къ Владычнымъ палатамъ съ великой гордостью и пышностью; поглядите молъ, люди добрые, до чего я важенъ, са́мъ де Владыко шлетъ за мной скорыхъ гонцовъ, приказываетъ просить, чтобъ я не оставилъ его своимъ посѣщеньемъ. Чуть не полныхъ два часа пробылъ Арбузьевъ у святителя, какъ то̀ замѣтилъ Пашко́ по звону на той, называвшейся „часозвоней“, каменной колокольнѣ съ часами звонящими, которую покойный владыко Евфимій поставилъ въ саду у городской стѣны.

„А дюже его Владыко паритъ“, не безъ злой радости думалось парню.

Арбузьевъ выбѣжалъ отъ Владыки самъ не свой, во-

Смѣшной женихъ. Съ карт. Кеменди, грав. Брендамуръ.

На пасекѣ. Подкуриваніе пчелъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, грав. Ю. Барановскій.

все потерянный. Глаза у него бѣгали какъ у пойманного вора, лицо было бѣлѣй полотна, и нижнюю челюсть подергивало судорогой.

„А влетѣло, знать“, ужь вовсе злорадостно подумалъ Пашко. „А пйшто ему, губителю триклятому“.

Какъ Арбузьеву на коня садиться, Буянъ сталъ ему что-то докладывать; но онъ, сверкнувъ глазами, такъ страшно заскрежеталъ на него, что вѣрный паробокъ, видимо струсилъ, хотя былъ и не робкаго десятка и боярина своего ни въ грошъ не ставилъ. Сѣвъ верхомъ, Арбузьевъ съ силой стегнулъ коня; на дыбы взвился борзый конь. И погналъ Василей Селифонтьевичъ, что́ есть духу, въ Неревской конецъ.

„А правду Лука Аввакумовичъ сказывалъ,“ думалъ идя домой Пашко́, „что Владыка-тъ и Арбузьевъ не посмѣетъ ослушаться.“

Не смотря на такое думанье, для него успокоительное, Пашку́ было не по себѣ. Точно онъ сдѣлалъ что-то нехорошее, а когда и что́ именно, онъ никакъ не могъ разобрать. Тревожно и смутно стало у него на душѣ.

Арбузьевъ, между тѣмъ, круто осадилъ коня у двора старой посадницы. Кузьма подбѣжалъ къ его стремени.

— А дома-ль ощё моя бабушка крестовенькая, а добра-ль здорова̀ моя тетушка? умышленно путая свое обычное привѣтствіе, спросилъ Арбузьевъ, какъ всегда весело и беззаботно; на чуткое ухо однако было слышно, что не вовсе онъ нынче покоенъ, и что у него внутри все-то подергиваетъ.

— А дома-жь, здорова̀ ощё. А сдоложу-ко сейчасъ, говорилъ Кузьма, остановясь у крыльца.—А ощё, какъ приказывалъ ты, Василей Селифонтьевичъ, чтобы тебѣ о Пашкѣ докладывать...

— А провались твой Пашко́, а и ты съ нимъ въ тріисподнюю! прорычалъ Арбузьевъ, отстраняя Кузьму.— А и самъ я войду нонѣ къ бабушкѣ бездокладочно.

И онъ сталъ всходить по крутой каменной лѣстницѣ, оставивъ Кузьму внизу раздумывать: пьянъ-ли сегодня Василей Селифонтьевичъ, иль съ нимъ нѣчто попритчалось.

Съ нарочнымъ шумомъ вошелъ Арбузьевъ въ сѣни, похлопывая дверьми, и хотѣлъ уже безъ доклада ввалиться и въ комнату, какъ посадница стала на порогѣ.

— Аль ты, Василей, будешь? строго опросила она.— А что̀-же лѣзешь ты безобсылочно, бездокладочно, бы невѣжа деревеньская?

— А спѣшилъ-же, бабушка крестовенька, а поспѣшалъ-же я, тётушка, тебя за твое неоставленьице великое благодарствовать.

— Ужь не помню что-то я...

— Да мнѣ-то оно, тетушка, больнё памятно. А и въ мысли у меня, побѣднаго, не было, что ажь до Владыки ты меня до̀ведешь. Инъ ужь такъ-то я тебя, бабушка моя, благодарствую, сказалъ Арбузьевъ и насмѣшливо поклонился, дотрагиваясь правой руки до земли.

— Съ чего Владыка-тъ ощё путаешь? высоко поднявъ брови, спросила посадница.

— А ужь знаю я тебя, тетушка, а и вѣдаю кака ты стара будешь притворница, а туто-тъ меня не про̀ведешь.

— Охъ, Василей, гляди, не заговаривайся. А хоть и люблю я тебя...

— А мнѣ-ко отъ этой любви твоей въ пору ужь и подвѣситься, прервалъ ее Арбузьевъ. — А Пашка̀-тъ кто училъ ко Владыкѣ идти? спросилъ онъ вдругъ какъ-то отрывисто, точно думая поразить посадницу нечаяннымъ спросомъ.

— Что̀ про Пашка̀-тъ опять путашь?

— А какъ-же мнѣ да тебѣ не благодарствовать, Арбузьевъ, не слушая ее, свое несъ. — А нунь-ко конецъ мнѣ пришелъ! Конченъ пиръ, Василей Селифонтьевичъ, а конченъ пиръ! А про Арбузьева пропало пиши. Людямъ въ глаза послѣ этого стращанья владычняго хоть не показывайся! А не станутъ-ли ощё въ меня людины [1]) на улушкѣ пальцемъ тыкати? А по твоей-же, тетушка, по милости! Ты-же научала Пашка̀; ему гдѣ-бы самому, дурню болвапоголовому, до Владыка додуматься.

Посадница начала догадываться въ чемъ дѣло.

— А хоть Пашка̀ и давно я не видала, а ему не совѣтовала, твердо сказала она,—а Владыка не очень-же долюбливаю, а за это, какъ увижу, скажу ему спасибо.

— Тебѣ-ль ему не благодарствовать, коль по твоей дудкѣ Владыко плясать выучился? А и стращатъ ощё. „Отлучу де отъ святого причащенія“. А хоть и самъ я пропустилъ три говѣньица, а на-духу не былъ-же; такъ то̀ дѣлалъ я во̀льнѣй волею, а вѣрнѣй сказать ради грѣховъ моихъ, охъ! тяжкіихъ, что опасался я попу ихъ сказывать, а ещё, коль на правду пошло, и Бога страшился-же. А ужь этакъ-то!.. А и того, видно, ему мало оказалося, пообѣщалъ, былъ милостливъ, ощё полное отъ церкви отлученьице. А мнѣ что̀-жь топерь, аль топитися, аль рѣзатись? Да топерь сами, что-ни ѐ людишки послѣдніи отъ меня бѣго̀мъ побѣгутъ, а и на-смѣхъ, охъ! подымутъ меня. Охо-хо! а и пропала, распропала моя головушка, на вѣкъ осоромленная. А за что̀, про что̀? Аль я убилъ, ограбилъ кого? А никто ощё, какъ и живъ-то я, отъ меня обидушки не видывалъ. Аль что дѣвчонку-то скралъ? Такъ кто-жь безъ грѣха въ Новѣгородѣ?

И Арбузьевъ съ досады зарыдалъ навзрыдъ.

— То-то, Васильюшко, пожалѣла его старая посадница,—не слушался ты меня, какъ тебя я упрашивала. Инъ вспятилъ [2]) бы тогда Пашку̀ Маврушеньку...

— А вспятилъ бы, вотъ те крестъ честной, что вспятилъ-бы, коли-бъ со мной ласкою, въ слезахъ говорилъ онъ.—А ты-же съ ножомъ къ горлу-то приступала ко мнѣ! И Лука, этотъ лысый бѣсъ, тобою-жь подосланный, мало того, ощё вѣчьемъ меня сталъ стращать, анаѳемскимъ! А никто-то изъ васъ понять не смогъ, каковъ Арбузьевъ въ душѣ живетъ. А изъ него ласкою хоть веревки вей. А попроси ты тогда меня со вѣжествомъ, — а вотъ на, бери. А коль сило̀мъ да нуженьемъ,—а вотъ на же тебѣ, выкуси.

Посадница подняла на него грозныя очи.

— Охъ, Василей, съ сухой суровостью проговорила она,—не однова̀ я тебѣ сказывала: что нужна на тебя узда крѣпкая...

— Ой-же бабушка ты моя крестовенька! торопливо подхватилъ Арбузьевъ заминая свое невѣжество, и точно вертясь мыслью во всѣ стороны.— А и какъ ощё, тетушка моя милая, надобна. Ужь не помню я, сказывалъ аль нѣтъ тебѣ, какъ былъ я этта разъ во обители, а и видѣлъ тамъ икону невиданну: писанъ святой, а самъ въ уздѣ. А чернецъ-то, что̀ водилъ меня, сталъ мнѣ ту икону потолковывать: молъ узда-та знаменуетъ плоти обузданіе. А и я... А и мнѣ-ко... И Арбузьевъ запнувшись на мгновеніе, съ дикой какой-то радостью вскрикнулъ:— А нашелъ-же, нашелъ и я ту узду крѣпкую!

— Знать, Владыко на тебя ту узду вздѣлъ.

— А ру̀ки, слышь, бабушка моя крестовенькая, на то ко̀ротки у Владыка вашего новгородьскаго, чтобъ на Арбузьева узду вздѣть! гордо прокричалъ онъ и величаво вскинувъ голову, весь выпрямился.—А таку-то я узду нашелъ, что буде она въ пору всему Новугороду.

Посадница подумала, что Василей шатнулся въ умѣ.

— А что-жь, бабушка крестовенька не спросишь-то, не довѣдашься, тетенька, гдѣ-молъ, Васильюшко, нашелъ таку узду желѣзную? А на Москву вѣдь отъ-

[1]) Людинъ—простой, черный человѣкъ.
[2]) Вспятить—назадъ (вспять) отдать, возвратить.

ѣду, къ великому князю на Новгородъ служить пойду, помолчавъ немного, твердо сказалъ онъ, точно и самого себя желая утвердить въ этой нечаянной мысли.

Посадница отъ него даже шатнулася.

— Аль ты съ Владычня наказанья въ умѣ помутился? съ окрикомъ спросила она. — Да Арбузьевъ-ли ты, полно?

— А Арбузьевъ-же, спокойно Василей подтвердилъ.

— Аль забылъ ужъ ты, какъ дядѣ твоему московскій катъ ссѣкъ голову?

— А какой онъ дядя мнѣ? А завалящій, троюродный! А и ссѣкъ ему государь голову за перевѣтъ да измѣну, что къ Литовскому перевернулся. А всѣмъ-бы этимъ перевѣтникамъ...

Чего хотѣлъ пожелать Василей Селифонтьевичъ всѣмъ перевѣтникамъ, не удалось ему высказать. При этомъ словѣ гнѣвно глянула на него старая посадница, и затѣмъ, поведя очами на икону, властно ихъ на порогъ перевела. Этимъ властнымъ взглядомъ она точно вышвырнула Арбузьева за порогъ. Опрометью бросился Василей Селифонтьевичъ изъ сѣней, самъ не зная со страху-ли передъ крестовой тетушкой или съ радости, что сумѣлъ придумать выходъ изъ срама и уничиженья.

У посадницы отъ душевнаго усилія подкосились ноги, и падая на колѣни, она вскинула очи на икону и въ великомъ отчаяніи воскликнула:

— И до сего ты меня попустила дожить, Мать Пресвятая Богородица!

IX.

Сóломонь Григорьевна.

Въ Спасовъ день, честнаго Его Преображенія, у Киріака Андреевича всего и гостей было, что Щебельковъ самъ одинъ. Изъ монастырька они ѣхали вмѣстѣ, а едва словомъ обмѣнялись. По пріѣздѣ, въ короткое время до обѣда, они, точно сторожась другъ друга, не заговаривали вовсе. Не то чтобъ кошка межъ нихъ проскочила, а чувствовали оба, что своеземцу и боярину, землѣ и городу, послѣ бесѣды въ Маккавеевъ день, не столковаться. Надо-бы завести бесѣду о чемъ-нибудь попроще, да ни одному изъ нихъ не приходило ничего такого на умъ, потому что обоимъ былъ ужъ слишкомъ памятенъ прежній разговоръ.

Во полустолѣ Щебельковъ придумалъ безобидный разговоръ.

— А и не спрошу тебя, Киріакъ Андреевичъ, заговорилъ онъ, — а глядѣлъ-ли ты въ то Евангелье, про которо у насъ съ тобой рѣчь шла въ Маккавеевъ день?

У Киріака и изъ головы вонъ, чтó за Евангелье.

— А какже, припомнилъ ему Щебельковъ,—а дѣдово-то Евангелье древнее со святцами. А гдѣ Маккавеева-то матушка Сóломонь вмѣсто Соломоніи писана.

Киріакъ удивился даже какъ онъ могъ забыть про то Евангелье. Порѣшили отыскать послѣ обѣда книгу въ коробѣ и затѣмъ слово за слово пошла у нихъ бесѣдушка смиренная. Сталъ Григорей Петровичъ вспоминать про Киріакова дѣдушка. Изъ Ириньиныхъ разсказовъ, Киріакъ зналъ весь дѣдовъ обиходъ, его свычаи и обычаи; Щебельковъ-же помнилъ его мысли и помыслы, какъ дѣдъ понималъ вещи и другихъ училъ понимать. Передъ Киріаковымъ взоромъ точно встала живая дѣдова душа. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Щебельковъ снова ему полюбился, и давешняго другъ отъ друга стороженья какъ и не было. Говорили межъ собой какъ старинные и задушевные друзья, и разговорясь не замѣчали какъ время летитъ.

— Ой! вспохватился Киріакъ, — а и достанется-жь мнѣ отъ Ириньи Мишаничны.

— А чтó такъ?

— А звала меня къ себѣ въ гости, сказывала, что по настоящему сегодни не мой, а ейный праздничекъ, какъ она тутъ жилица постоянная, а ты де наѣжжій гость. А я-то было и запамятовалъ. А она за гордость, боюсь, сочтетъ.

Тутъ и Щебельковъ спохватился, что онъ не одинъ пріѣхалъ, а съ дочкой; что самъ онъ въ монастырь проѣхалъ, а дочка прямо къ Иринье Мишаничнѣ.

— А дѣло, гляди, Киріакъ Андреевичъ, поправимое.

— И то.

И оба пошли черезъ дворъ къ Иринье.

У Ириньи Мишаничны столъ давно уже отошелъ, и гостьи всѣ разъѣхались. Тѣ гостьи, которыя, по мнѣнію Ириньи, были умны, сами собирались домой, а другихъ она умѣючи спровадила. Послѣ обѣда, стала она жаловаться на нездоровье, что будто ее всю въ ломъ разломило, и при этомъ, прихватываясь рукою то за одинъ, то за другой бокъ, и приговаривая: „охъ“ да „ахъ!“ Дольше всѣхъ не сдавалась на эти приговариванья дьячиха, наконецъ и ее сплавила Иринья.

— А коль тебѣ, тетенька, не можется, сказала Соломонушка, — а сносылала-бы за батюшкомъ, а намъ, гляди, и домовь пора.

— А стой ты, постой: эка скорая! А не гоню-жь я тебя.—И помолчавъ немного, Иринья Мишанична, понизивъ голосъ, прибавила: — А мы съ тобой, дѣвья крáсота, ощё дорогого гостенька дождемся.

Соломонушка не сказала ни слова и только уставила очи въ кирпиченъ полъ. У Ириньи въ горницѣ полъ былъ крашенъ подъ разноцвѣтные кирпичики.

— А сама ты знашь, дѣвья крáсота, заговорила вновь Иринья Мишанична,—что живу я женщина розумная, а ничего-то не дѣлаю безъ розума. Для-того и хворь эту на себя накидывала. А то дьячихѣ волю дай, она и разсядется, а готова пять дёнъ прогостить. А ощё и сплетки горазда-жь сплетать, а приди-ко самъ при ней...

Соломонушка опять ничего не отвѣтила, и еще сильнѣе въ полъ уставилась.

„А дѣвье дѣло стыдливое“, рѣшила про себя Мишанична, и не желая стыда дѣвичьяго тревожить, заговорила о другомъ; потомъ, будто нечаянно, опять на Киріака Андреевича съѣхала.

Побесѣдовали, и языкъ у Мишаничны порядочно примололся, а дорогой гостинекъ все не жалуетъ. Иринья стала безпокоиться, придетъ-ли вовсе, а наконецъ и зло ее взяло.

— Ужъ и батюшко твой родименькій, съ неудовольствіемъ сказала она,—а какъ пойдетъ раздоборы раздобаривать, не кончитъ вѣкъ.

„Аль у насъ Киріакъ Андреевичъ въ дѣдушку горденекъ?“ въ то же время подумалось ей, но она не высказала этого соображенія, и разсердилась еще сильнѣй.

Помолчали снова, и обѣимъ это время показалося за долгое. Въ то самое мгновеніе, какъ Иринья думала сказать: „Не прійде, знать“, Сóломонь Григорьевна выглянула въ окно.

— А вотъ и батюшко идетъ, сказала она.

Иринья Мишанична опрометью къ окну бросилася.

— Ай одинъ? на бѣгу она вскрикнула.

— А еще кто-то, кажись, съ нимъ.

Поглядѣвъ въ окно, Иринья погрозила дѣвушкѣ. Сóломонь Григорьевна вспыхнула чтó маковъ цвѣтъ.

Иринья бросилась на крыльцо гостей встрѣчать. Послѣ обычныхъ привѣтствій и угощенья, когда всѣ усѣлися, Киріакъ сталъ извиняться, что поздно пришелъ.

— А меня брани, Иринья Мишанична, отозвался Щебельковъ,—а съ розговоромъ-то...

— Аль не правду я тебѣ, Соломонушка, сказывала, подхватила Иринья Мишанична,—что на раздоборы твоего батюшка взять. Какъ разсядется да мысли, что кречетовъ по поднебесью, распуститъ, а поди-т-ко-ся лови ихъ!

— А съ высоты, гляди Иринья Мишанична, виднѣй, съ довольною улыбкой сказалъ старикъ.

— А со стороны-то еще виднѣй, добавила Мишанична, съ намекомъ для нея вполнѣ яснымъ, но вовсе непонятнымъ для старика.

— А со стороны-ль, съ высоты-ль глядѣть, промолвилъ онъ, — а намъ съ тобой, Со́ломонь Григорьевна, поди, и домовь собираться время.

— А готова я, батюшко, отвѣчала дѣвушка, покорливо вставъ съ лавки.

— И куды это заспѣшился, старъ! вскинулась на него Иринья Мишанична.—А успѣешь-ко еще доѣхать за-свѣтло.

— А не ѣхать, го̀ворю, а про сборы рѣчь.

— А каки сборы таки? Аль ты въ чужедальню сторонушку собираешься?

Щебельковъ и самъ зналъ, что ему предстоятъ сборы недолгіе, да какъ-же смолчать передъ бабою.

— А велики, невелики-ли, а все-жь доглядѣть надобно, а кони съѣли-ль овесъ да будутъ-ли еще поены.

— А вотъ и заврался, старъ, напустилась на него Иринья, — а ощё и хозяина похвалилъ, что будто у него во дворѣ кони стоятъ не кормлены и не поены. Анъ Киріакъ Андреичъ невѣсть что̀ про меня подумать; что буду я женщина самая негожая, а объ егонныхъ гостяхъ не заботливая.

Старикъ увидѣлъ, что точно заврался порядочно.

— А не о тебѣ, слышь, рѣчь, Иринья Мишанична, а не про Киріака-же Андреевича, началъ выпутываться старикъ,—а какъ на паробка своего не очунь я надѣюся...

— А коль ты, подхватила Иринья, — въ своемъ паробкѣ сумнѣваешься, инъ шапку бери да пойдемъ глядѣть, радѣла-ль я, аль нѣтъ о твоихъ коняхъ.

И она чуть не силкомъ потащила Щебелькова изъ горницы. Щебельковъ, считая себя виноватымъ, не противился ей, а о томъ, ладное-ли дѣло молодца съ дѣвчиной вдвоемъ оставлять—и не подумалъ.

Молодецъ съ дѣвицей, нежданно, негаданно оставшись вдвоемъ въ горницѣ, оба смутилися. Вспомнилось вдругъ Киріаку, что онъ ни у отца, ни у дочери не спрашивалъ о здоровьи старой Щебельчихи. Со̀ломонь Григорьевна посмотрѣла на него исподлобья, какъ-бы желая узнать, въ правду-ли онъ заботится о матушкиномъ здоровьи, и нѣтъ-ли въ его словахъ насмѣшливаго намека на обычную ея хворь, ставшею чуть не притчей въ околоткѣ. Удостовѣрясь, что лицо у Киріака ни мало не насмѣшливое, она отвѣчала на его вопросъ съ сердечной благодарностью.

Киріаку казалося, что онъ точно заглянулъ въ душу къ дѣвушкѣ и прочелъ въ ней всѣ эти помыслы. Такое бережное раденье о материнской чести, замѣченное имъ уже не въ первый разъ, понравилось Киріаку, и онъ безо всякаго смущенія заговорилъ съ дѣвушкой.

Киріакъ спросилъ о воздухахъ, что̀ она собиралась шелками шить. Пожелалось ему узнать въ точности, сколько именно и какого припаса требуется. Со̀ломонь Григорьевна отвѣчала обстоятельно, и Киріакъ Андреевичъ старался запомнить ея слова, чтобъ не оказалось въ чемъ-нибудь недостатка.

— А скоро-ль за вышиванье-то сядете? спросилъ онъ.

— А какъ припасы всѣ соберемъ, а тогда и примемся. А дѣвушекъ насъ пять или шесть сядетъ, а будемъ шить безъ лѣпости.

Киріакъ Андреевичъ, видя что пожалуй за нимъ выйдетъ остановка, обѣщалъ послать къ матушкѣ нарочнаго. Затѣмъ, онъ спросилъ гдѣ онѣ будутъ шить: у Щебелькова, или у Ириньи Мишаничны.

— А у крёстной моей матушки, у Натальи Адріановны, отвѣтила дѣвушка.—Аль не знашь ты ее, Киріакъ Андреевичъ? А ужь во всемъ-то околоткѣ она женщина вѣдомая.

И дѣвушка разговорилась о своей крестной. Послѣ она удивлялась на самое себя, что этакъ-то сразу пошла разговаривать съ незнакомымъ почти мо̀лодцомъ, и говорила съ нимъ легко, безо всякой хитрости и скрытности. Киріакъ Андреевичъ узналъ, что крёстная—дѣвушка ужь въ лѣтахъ; живетъ одинокая, а домомъ такъ хорошо правитъ, что всѣ мужчины удивляются. Срублена у ней въ верхнемъ жилѣ просторная свѣтлица, и работать тамъ способно. Еще узналъ Киріакъ, что Наталья Адріановна не жалуетъ ни мужчинъ, ни женщинъ, а жалѣетъ однѣхъ дѣвушекъ. И не одна Со̀ломонь Григорьевна ея крестная дочь, а почти всѣ дѣвушки окрестныя. И креститъ Наталья Адріановна только дѣвочекъ, а мальчиковъ крестить отказывается. Любитъ крёстная собирать къ себѣ всѣхъ крестныхъ дочерей или, какъ теперь, ради работы, а не то о святкахъ. И о святкахъ у нея такъ весело, что и разсказать нельзя! Замужъ Наталья Адріановна оттого не пошла, что считаетъ себя не пригожею, и точно лицо у нея рябоватое, все въ оспинахъ, и только глаза у нея большіе и добрые. Не шла крёстная не отъ того, что не сватали; многіе засылали къ ней и сватовъ, и свахъ, но она всѣмъ поворотъ отъ воротъ указывала, потому что всѣхъ мужчинъ считаетъ лукавыми, прелукавыми, и вдобавокъ падкими на приданое.

— А ужь будетъ, крёстна, Киріакъ Андреевичъ, говорила далѣ Со̀ломонь Григорьевна, — дѣвушка сама добра и любительна. А разъ было, даньщикъ съ нею заспорился. А даньщико-тъ у насъ богатъ да скупъ. И сталъ даньщикъ сказывать, что не всякому молъ нищему подавать слѣдоваетъ, а тому только который во истину нуждается, а не мало молъ межь нихъ и обманщиковъ. А и правда вѣдь!.. А мимо крёстной-то двора, надо тебѣ знать, Киріакъ Андреевичъ, ни одна ощё калика безъ подаяньица не прохаживала. Ну, ужь крёстна тутъ ему, даньщику-то, и отвѣтила. А таково-то хо̀рошо: „А какже, спрашиваетъ, я не дамъ-то ему, коль онъ проситъ Христовымъ имячькомъ? А обманетъ онъ меня, подаенье у меня выманитъ, анъ его тутъ грѣхъ, а коль я-то на Христово имячько не откликнуся, анъ тутъ мой ужь грѣхъ“. Даньщикъ словно языкъ проглотилъ. А кто слушалъ, всѣ уму ея сдивовалися. А и вправду вѣдь стоило. А и во всемъ-то она така-же любительна. А ни съ кѣмъ вѣдь не сварится не ссорится. А обидитъ кто ее, она безъ слова прочь отойдетъ. А также вотъ скажетъ: „а его молъ грѣхъ“, а мнѣ молъ за творящаго-то напасть развѣ молитися.

Послѣ разсказа оба помолчали, и это молчанье ни одному не показалось тягостнымъ: поговорили, молъ, и помолчать время. Немного погодя, Киріаку Андреевичу зачѣмъ-то потребовалось узнать, была-ль Со̀ломонь Григорьевна въ Новѣгородѣ. Она отвѣчала, что была; только маленькою, въ тотъ годъ какъ было Шолоньское разоренье, когда князь Великій проходилъ походомъ на Новгородъ. Онѣ сплыли въ городъ вдвоемъ съ матушкой да съ работницей, и стояли въ Околоткѣ [1]) въ женскомъ монастырѣ, у просвирницы, поповой вдовы, а попъ-то приходился съ родни батюшкѣ.

— А сидмя сидѣли мы во мона̀стырѣ, выходить на улушку опасалися. А мятежъ силенъ былъ въ Новѣгородѣ; почитай каждый день на вѣче сходилися, а то тутъ, то тамъ били въ колоколъ по набатному. А поповна сказывала, что многихъ убили да пограбили. А какъ вѣче у Софеи становилося, такъ вопль народный въ монастырѣ былъ слышенъ. А матушка съ просвирницей со страху Богу молятся, а я въ уголочушкѣ гдѣ прижавшись сижу, а сама-то дрожмя дрожу. И такъ-то я новгородцевъ не взлюбила — страхъ; что не дадутъ мнѣ, дѣвчурушкѣ, до сыти наиграться, набѣгатись. А еще мнѣ думалось, что всѣ-те они мужи буйные да грабёжчики.

— Аль и досель, Со̀ломонь Григорьевна, шутя Ки-

[1]) Околотокъ—часть непосредственно прилегавшая къ Дѣтинцу.

За туалетомъ. Картина Роберта Эппса, грав. Девисъ.

ріакъ спросилъ. — новгородцевъ ты такими-жъ понимаешь, буйными да грабежчиками?

Со́ломонь подняла на него очи, а затѣмъ, потупивъ ихъ, какъ-то загадочно и заманчиво улыбнулась.

Сталъ было Киріакъ Андреевичъ про Новгородъ толковать, какъ вернулися Иринья Мишанична со Щебельковымъ.

Иринья сводила старика не къ однимъ конямъ, а выводила его и по хозяйству, будто спрашивая совѣта. И при то́мъ не теряла того изъ виду, чтобъ ходить имъ не долго и не коротко, а въ самый разъ.

— Аль поразговорилися? входя спросилъ Щебельковъ.—А о чемъ такомъ у васъ, до́чушка, разговоръ-то шелъ?

— А о воздухахъ, а еще о моей крёстной матушкѣ, да о томъ вотъ какъ мы съ родной матушкой въ Шолоньскій годъ въ городъ бѣгали, съ мѣста вставъ отвѣчала Соломонушка.

— А нашла еще что̀ разсказывать, какъ вы съ родной матушкой отъ великаго-то князя бѣгали! смѣясь Щебельковъ сказалъ.—А немного, гляди, и вспомнила, невеличка тогда была, по восьмому-ль, по девятому. А ты лучше-бъ Киріака Андреевича про Шолоньскій бой спрашивала. А хоть и молодешенекъ онъ тогда былъ, а былъ въ томъ бою раненый, а еще и въ полонъ взятъ.

Соломонь Григорьевна удивленными глазами взглянула на Киріака, и онъ показался ей совсѣмъ другимъ: такимъ большимъ да мужественнымъ, чуть не богатыремъ, про которыхъ сказываютъ въ былинахъ.

Какъ пришло время гостямъ домой ѣхать, и бояринъ, и его кортомщица [1]) проводили ихъ до крыльца. Соломонушка сѣла въ одноколку деревенскую, высокую и тяжелую. На коня паробокъ бочкомъ присѣлъ, а старикъ за дочкой верхомъ побѣжалъ. Проводивъ гостей, Киріакъ прошелъ въ хоромы.

Дорого-бъ дала Иринья Мишанична, чтобъ узнать доподлинно, о чемъ такомъ у дѣвушки съ молодцомъ бесѣда шла; не весьма она вѣрила, что они говорили о крестной да о воздухахъ.

По утру, Киріакъ Андреевичъ, захвативъ съ собою посоленную краюшку, не завтракавъ въ лѣсъ ушелъ. Вернулся онъ передъ обѣдомъ ужь, а кузовокъ, во что̀ грибы брать, былъ пустёхонекъ. Иринья это замѣтила, и рѣшила, что зазнобила молъ, зазнобушка, съ того и грибовъ не примѣтилъ.

Въ обѣдъ Киріакъ былъ не разговорчивъ; Иринья обиняками на Щебелькова рѣчь навела.

— А спасибо что напомнила, сказалъ бояринъ. — А отобѣдаю, дамъ я тебѣ, Иринья Мишанична, книгу старинную, Евангелье, а ты завтра-же, не запамятуй, пошли ее съ нарочнымъ къ Григорей Петровичу. А прикажи сказать: молъ Киріакъ Андреевичъ проситъ принять за поминочекъ, а самъ де велѣлъ просить прощеньица, что, въ Новгородъ заспѣша, не успѣлъ съ поклономъ заѣхати.

— Какъ въ Новгородъ? руками о полы ударивъ, вскричала Иринья Мишанична.—Когда-жь ты это надумать-то успѣлъ, Киріакъ Андреевичъ?

— А сейчасъ, Иринья Мишанична, съ улыбкой отвѣчалъ онъ.—А завтра на зорюшкѣ и погонимъ къ Тремъ Дворикамъ.

— Знать тебѣ у насъ не по норову пришло. И съ чего тебѣ такъ скоро Кра̀сны Хо́лмы надокучили?

— А ни чѣмъ они мнѣ не надокучили, а матушка, поди, стосковалася. Да и мнѣ пора.

А зачѣмъ пора, не сказалъ.

Отобѣдавъ, Киріакъ призвалъ паробка и приказалъ ему, чтобъ завтра на зарѣ, будетъ вёдро иль погода, все было готово къ походу. Затѣмъ, приказавъ на сегодня „раннюю ужину“, отпустилъ Иринью Мишаничну, а самъ сталъ съ паробкомъ укладываться.

„Вотъ-те и зазнобушка!“ приговаривала Иринья, идя черезъ дворъ въ свою избу бѣлую.

За ужиномъ разговоръ шелъ хозяйственный, и Иринья опять ни съ чѣмъ почивать ушла. Киріакъ Андреевичъ, ложась спать, сталъ раздумывать о сегодняшнемъ и вчерашнемъ. Цѣлое утро онъ нынче по лѣсу бродилъ, все одно и то же перебирая въ умѣ. Вспоминался ему вчерашній разговоръ. Какъ онъ ея мысли будто въ душѣ прочелъ. И про воздухи, сколько какого припаса надо прислать. И про крестную: какъ ладно про нее разсказывала Соломонь Григорьевна. Весь разговоръ ея, тихій и скромный, былъ по сердцу Киріаку; говоритъ она безо всякихъ ужимокъ, сейчасъ видно, что изъ души льется безхитростная рѣчь. И какъ она умѣетъ увидѣть во всемъ доброе и хорошее! Что̀ она говорила про Новгородъ—Киріаку неясно вспоминалось; за то ея заманчиво-загадочная улыбка такъ и мелькала у него предъ глазами.

Такія-то мысли все утро маялись у Киріака въ головѣ. И слѣдомъ стало выклевываться какое-то темное и смутное желанье, и почти нежданно для самого Киріака, выразилось оно рѣшеньемъ ѣхать въ Новгородъ. Зачѣмъ ѣхать, Киріакъ не спрашивалъ и самого себя; „надо молъ такъ“, сказалъ онъ самъ себѣ.

Когда у Киріака стали смыкаться глаза, и ему казалось, что голова тонетъ въ подушки, а въ ушахъ зашептались разные шепоты, пригрезилось молодцу будто его матушка кличетъ.

— Киріакушко, а Киріакушко! явственно слышался матушкинъ голосъ.

„А ужь сплю, почитай, вовсе сплю“, думаетъ Киріакъ въ отвѣтъ.

— А каку я тебѣ невѣсту хо́рошу высватала.

„А кабы Со́ломонь Григорьевну“, думается Киріаку въ отвѣтъ, но конца этой думы онъ и самъ не узналъ: заснулъ.

Когда на зарѣ пришли его будить, онъ проснулся съ той-же мыслью, съ чѣмъ заснулъ вчера. „А кабы Со́ломонь Григорьевну!“ чуть не вслухъ сказалъ онъ.

Киріакъ обулся и прошелся по горницѣ, и ему подумалось, что еще никогда до сегодня онъ не ступалъ такъ твердо на ногу. Слѣдомъ у него тревожно стало на сердцѣ. Странною показалась Киріаку эта смѣсь тревоги съ бодростью.

Прощаясь съ Ириньей, Киріакъ Андреевичъ вновь повторилъ, чтобъ она нынче-же послала нарочнаго къ Григорей Петровичу съ книгою.

„Аль я ошиблась?“ глядя въ открытые ворота, куда выѣхалъ Киріакъ, раздумывала Иринья Мишанична.— „Аль не въ батюшка онъ, въ дѣдушка? А хоть-бы поклонъ послалъ, а хоть-бы про во́здухи что велѣлъ сказать!..“

(Продолженіе будетъ).

(Продолженіе будетъ).

Старшій унтеръ-офицеръ Савелій Бончуковъ.

Разсказъ **Андрея Львовича.**

— На-хлѣбъ на-воду, на двое сутокъ!

Солдатъ отсидѣлъ.

— У! дьяволъ, скотина! встрѣчаетъ его взводный унтеръ,— что, голоденъ? На ѣшь, жри! ворчитъ Бончуковъ и суетъ голодному солдату оставленную порцію и миску борща.

„Ишь лопаетъ!.. А кой чортъ тебя дергалъ?.. служба дѣло святое, не то что...“

— Да я Савелъ Павловичъ... заикается солдатикъ.

— Жри! лопай! кто тебя спрашиваетъ?

И закрутивъ свой толстѣйшій усъ, унтеръ отошелъ и издали бурча поглядываетъ на голоднаго.

„Черти, дьяволы, тьфу! Вотъ кажется горло передралъ-бы за

[1]) Кортомщица—арендаторша; ко́ртома—аренда.

ихъ службу, а отойдетъ отъ сердца, опять того... тьфу!“ думаетъ Бончуковъ.

— На, трубку пососи, бокомъ суетъ онъ трубку подъѣвшему солдату,—дьяволы!..

И все-то онъ сердится. И сердится на самого себя.

— Ну и на дьявола они мнѣ?.. на чорта? И чтó въ нихъ? тьфу! А вотъ болитъ сердце за нихъ, болитъ да и все тутъ! задумается подъ часъ Бончуковъ.

. . . .

Старшій унтеръ-офицеръ 2-го взвода, 7-ой роты Савелій Павловичъ Бончуковъ былъ родомъ пермякъ, роста средняго, сутуловатъ; смуглое, угрюмое его лицо съ огромными подстриженными усами пугало молодыхъ солдатъ. Рявкнетъ Бончуковъ, такъ и съежится солдатишка; шевельнетъ бровью, глянетъ, точно рублемъ подаритъ. Но зла въ Бончуковѣ не было, была только строгость.

— Ты чего сталъ? ну! ты чего?

— Да вотъ, Савель Павловичъ, письмо домой нѣкому отписать, переминается солдатикъ.

— Письмо домой?.. а самъ?

— Да не умѣю.

— Не умѣю! а грамотѣ почему не учился? а? Дьяволъ! давай напишу.

Садится и выводитъ на письмѣ глупые солдатскіе поклоны.

— Ну, еще кому кланяться, будетъ уже!

— Да еще кланяюся низко я куму моему Степану Степановичу Степаненку и супругѣ ихъ..

— Тьфу! чортъ! ну? И супругѣ его.. какъ звать? строчитъ унтеръ, весь потный отъ устали.

. . . .

Случилась въ ротѣ покража. У одного изъ рядовыхъ 2-го взвода украли рубаху и пару портянокъ.

— Черти! кто укралъ? скажи! скажешь, ничего не будетъ, только морду побью!

Никто не сознавался.

— Дьяволъ! подъ судъ вѣдь пойдешь, сгніешь, въ арестантской — пропадешь! Скажи раньше, докладывать не стану ни фельдфебелю, никому.

Не сознаются.

Доложилъ Бончуковъ фельдфебелю, тотъ командиру роты.

Кто? кто? Не находятъ.

Проходитъ недѣля, другая. Наконецъ Бончуковъ находитъ вора (онъ оказался въ другомъ взводѣ), ведетъ его къ командиру роты. Командиръ сдѣлалъ допросъ, воръ сознался, дѣло ясное.

— Нечего дѣлать, пойдешь подъ судъ, сказалъ командиръ.

Солдатъ вышелъ изъ канцеляріи.

— Спасибо, Бончуковъ, обратился командиръ роты къ унтеру.

— Радъ стараться, угрюмо отвѣтилъ тотъ.

— Ступай себѣ, сказалъ командиръ Бончукову и сталъ подписывать какія-то бумаги.

Бончуковъ стоитъ, молчитъ.

— Да ты чего? оторвался отъ бумагъ командиръ.

Бончуковъ переминается.

— Что?

— Дозвольте ему рожу избить ваше благородіе?

— Кому?

— Да ему, вору этому самому. Такъ какъ я его пымалъ тоесть и у меня во взводѣ покража, то есть меня, значитъ, обидѣлъ онъ, я съ нимъ и расправлюсь.

— Да ты сума сошелъ! прикрикнулъ было командиръ.

— Ваше благородіе, дозвольте... потому, какъ я его пымалъ, то-есть изъ-за меня пойдетъ дуракъ солдатъ подъ судъ, пропадетъ, арестантомъ сдѣлается... дозвольте лучше побить?

Бончуковъ получилъ выговоръ отъ командира роты и вышелъ изъ канцеляріи ни съ чѣмъ.

На слѣдующій день, когда командиръ роты хотѣлъ было отправлять уже рапортъ о преданіи солдата суду за воровство; фельдфебель доложилъ, что пойманный вчера воръ боленъ.

— Что съ нимъ?

— Да боленъ ваше благородіе, сильно боленъ, переминается фельдфебель.

— Да что-же съ нимъ?

Фельдфебель молчитъ.

— „Что-нибудь загадочное“, подумалъ командиръ и пошелъ поглядѣть на больнаго.

Все стало ясно.

— Кто его такъ избилъ? спросилъ командиръ.

— Бончуковъ, ваше благородіе.

Вспылилъ было командиръ, но потомъ подумалъ, доложилъ командиру баталіона. Рѣшено было вора суду не предавать; „двухъ шкуръ съ вола не дерутъ“, рѣшилъ командиръ баталіона. Бончукова же отрѣшили отъ взвода и смѣстили на меньшій окладъ.

. . . .

Выступили въ походъ. Бончукова снова сдѣлалали взводнымъ.

— Черти! бабы, а не солдаты! ругается Бончуковъ,—одѣться, обуться походомъ не умѣютъ! Почему у тебя сапогъ порванъ? ишь намулилъ ногу!

— Да сапожнику все нѣкогда въ походѣ, а самъ не умѣю подчинить сапога, плачетъ солдатъ.

— Не умѣю, дьяволъ! А мулить ногу умѣешь?

Остановились на бивуакъ; поужинали, стали укладываться на ночлегъ.

— Поди, струментъ вонъ въ ранцѣ у меня возьми! кличетъ Бончуковъ солдата съ порваннымъ сапогомъ. — Садись, чортъ! ворчитъ Бончуковъ.

— Да Савель Павловичъ, можетъ какъ завтра перебуду, а тамъ на дневкѣ...

— На дневкѣ, чортъ, нѣтъ не на дневкѣ! садись! гляди.

И садится Бончуковъ на барабанъ къ костру, беретъ дратву, шило, — гляди, вишь какъ, гляди, вотъ, ну... да ты приглядывайся какъ, другимъ разомъ я тебѣ подлсцу зашивать твои дьяволовы сапоги не стану, ты гляди!

И къ часу ночи сапоги хоть на смотръ.

— Что чортъ, хорошо идти? спрашиваетъ Бончуковъ утромъ въ походѣ.

— Ужъ и какъ хорошо, Савель Павловичъ!

— Ну, то-то... Портянку-то хорошо-ли завернулъ? а то вѣдь я тебя за портянку..

— Хорошо, Савель Павловичъ.

— Ну, то-то, ворчитъ Бончуковъ и сосетъ свою носогрѣйку въ походѣ.

. . . .

Выступили въ бой 24 августа. Рота на цѣпь пошла.

— Что, струсилъ, чортъ, боишься? рычитъ Бончуковъ на малодушнаго солдатика. — Держись браво какъ на смотру! кричитъ онъ взводу. — Богъ тебѣ нынче смотръ производитъ, самъ Богъ, слышь! Держись молодцомъ!.. Что горбъ гнешь? Небось, Богъ видитъ! торжественно похаживаетъ онъ по взводу подъ пулями. — Ишь ты, ишь! заробѣлъ какъ заяцъ и прицѣлъ-то забылъ? а на прицѣлѣ вся душа солдатская покоится!

— Ой! ой! суетится струсившій и растерявшійся солдатикъ,— ой! и не можетъ поставить прицѣла отъ страха.

— А вотъ я тебѣ ойкну! подлетаетъ къ нему Бончуковъ, — вотъ тебѣ вой, а вотъ тебѣ и другой! угощаетъ онъ здоровенными пинками труса и переставляетъ ему прицѣлъ. Трусъ понемногу приходитъ въ себя.

— Убью! какъ собаку убью труса! гремитъ Бончуковъ по взводу, — фронтъ дѣло святое, а сраженье Божье дѣло! Бѣжишь отъ смерти, сама на тебя наскочитъ!

Солдаты понимаютъ его. У каждаго пробуждается чувство гордости, самоотверженія и каждый старается быть не трусомъ.

— Стой! какъ передъ Богомъ стой въ бою!

И Бончуковъ показываетъ примѣръ: стоитъ, ни глазомъ не моргнетъ, ни бровью въ минуту крайней опасности.

— Петровъ, что заспѣшилъ? патроновъ много? Вотъ я тебѣ! И громадный кулакъ Бончукова страшнѣе пули кажется виноватому, суетливому солдатику Петрову.

— Григорьевъ, куда побѣжалъ? тутъ тебѣ за этимъ деревомъ лучше. Себя хоронишь, чортъ! вижу! Смотри, вотъ онъ я! стоитъ онъ на совершенно открытомъ мѣстѣ,— Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ...

Бой въ разгарѣ. Перебили больше половины взвода у Бончукова, самого его ранили въ ногу и въ плечо.

— Савелій Павловичъ, кровь течетъ, показалъ солдатикъ.

— Чортъ! течетъ! вижу безъ тебя! А ты свое дѣло замѣчай, стоитъ какъ мраморный столбъ Бончуковъ.

Рота отступила шаговъ тридцать назадъ въ виноградникъ. На прежнемъ мѣстѣ осталась стрѣлковая цѣпь мертвецовъ.

— Кто тамъ стоитъ среди нихъ?..

Стоитъ Бончуковъ посреди своихъ, опустилъ голову, задумался.

— Бончуковъ! кликнулъ фельдфебель.

Тотъ оглянулся, взвалилъ флегматично ружье на плечо, побрелъ... подошелъ къ ротѣ. Губы сжаты, лобъ избороздило морщинами, глаза мутные.

— Что, много? кто-то спросилъ.

Бончуковъ только рукою махнулъ, а изъ глазъ такъ и побѣжали слезы ручьями. Сердито отвернулся онъ въ сторону, быстрымъ движеніемъ локтя рванулъ по глазамъ, чтобы утереть слезы, поскорѣй зарядилъ ружье.

— Чудно, рука дрожитъ, буркнулъ онъ себѣ подъ носъ, — должно и мой чередъ...

— Берегись, берегись! крикнули въ виноградникѣ.

— Сюда!

Зашипѣла граната. Суматоха. Кто-то съ размаху двинулъ въ грудь Бончукова, тотъ упалъ навзничь. Надъ его ухомъ разорвало гранату.

— Господи Христе! перекрестился Бончуковъ, всталъ, глядитъ, а рядомъ-то съ нимъ лежитъ окровавленный ротный воришка. Къ нему потянулась рука.

— То... то я васъ хотивъ отборонить, слабо заговорилъ голосъ воришки.

— Чорр...!!.. сквозь слезы сорвалось было съ языка Бончукова...

— То я васъ... я... въ грудь толки...

Но говорить ужъ было и не кому и не къ кому: говорившій не кончивъ фразы умеръ, а Бончукову пуля прострѣлила високъ.

На пути въ Индію *).

Н. Н. Каразина.

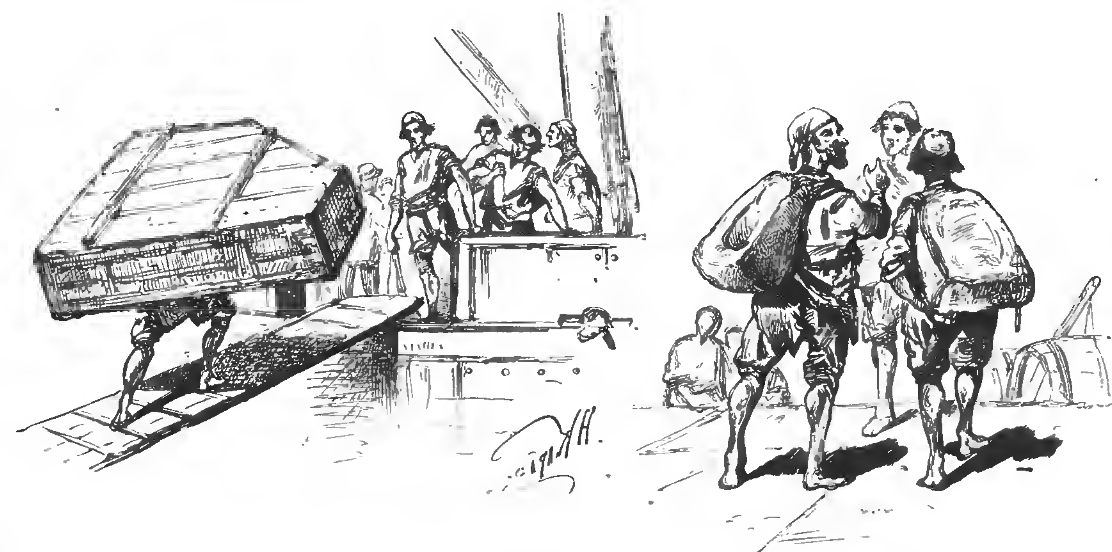
Письмо первое (съ 9-ю ориг. рис. автора).

Каспій.

Въ Астрахани приходится разстаться съ комфортабельнымъ волжскимъ пароходомъ „Константинъ Кауфманъ“ и его симпатичнымъ командиромъ. Далѣе путь предстоитъ моремъ—и суда, совершающія свои рейсы по Волгѣ, не рискуютъ далеко забираться въ весьма негостепріимныя волны этого моря-озера. Собственно морская пристань находится отъ города въ ста двадцати верстахъ; надо пройти еще лабиринтъ безчисленныхъ рукавовъ нашей исторической рѣки, и тогда только выбраться за баръ, на глубину 9-ти футовъ, минимальную глубину для морскихъ судовъ. Переходъ этотъ совершается на небольшомъ, сравнительно, пароходѣ, „Константинъ Кавосъ“; товары же и вообще грузы транспортируются на баржахъ, буксируемые многочисленными, небольшими на видъ, по весьма могучими пароходами-буксирниками.

На пути въ Индію. На „девяти футахъ“.

Скучную, унылую на видъ картину представляютъ собою берега волжской дельты...

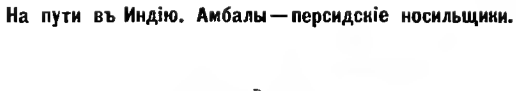

На пути въ Индію. Амбалы—персидскіе носильщики.

Сплошныя, едва мѣстами поросшія низменности; глинистый цвѣтъ воды; мрачныя, приземистыя, словно расползшіяся въ илистомъ пескѣ постройки рыбачьихъ ватагъ; изрѣдка, лишенныя садовъ и вообще какой-нибудь зелени, селенья, исключительно на-

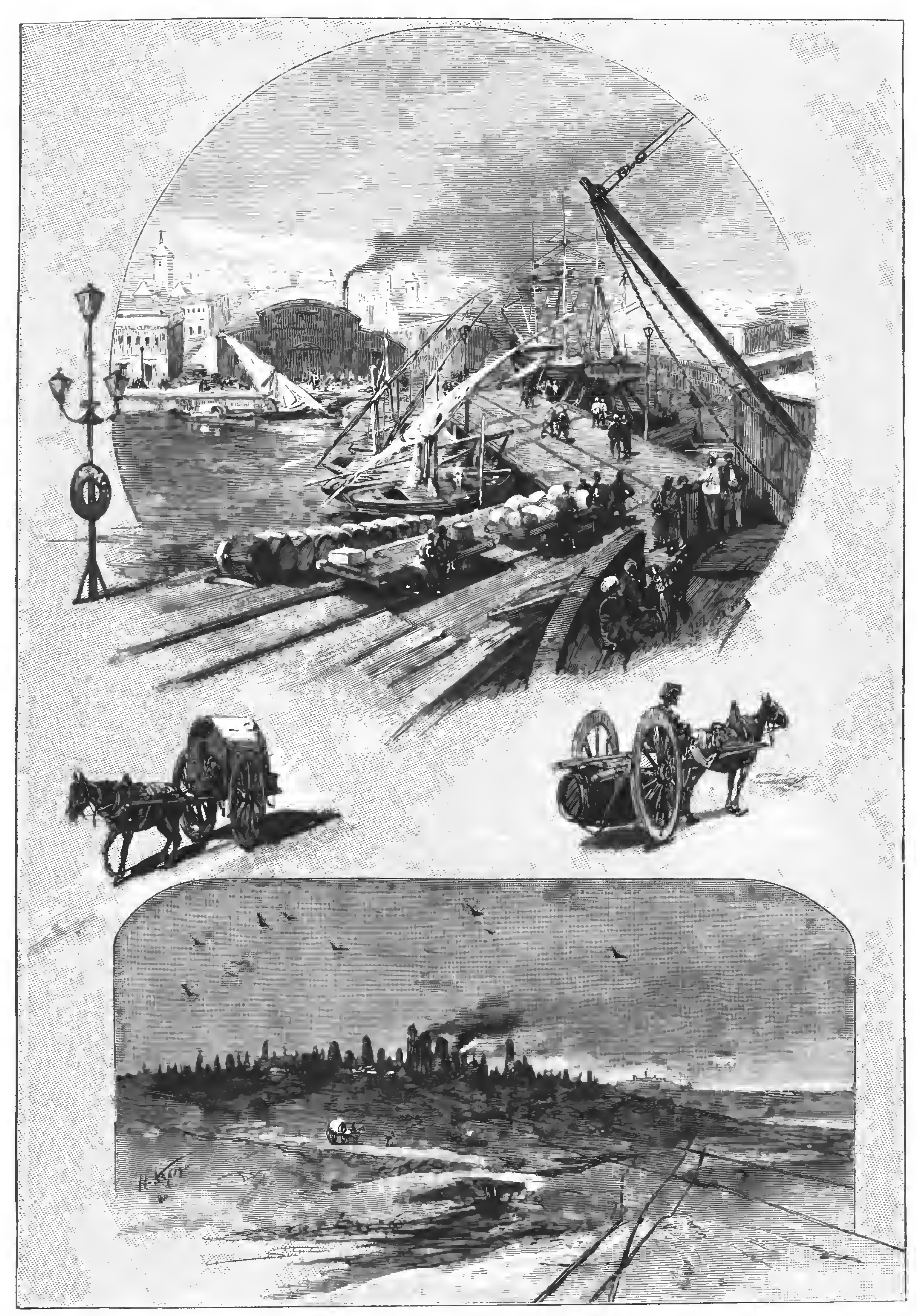
На пути въ Индію. Матросы персы.

На пути въ Индію. Рыбачья лодка („Бѣлужница“).

*) Я озаглавилъ мои письма „На пути въ Индію“ —потому, что новая дорога составляетъ одно изъ главнѣйшихъ и самыхъ трудныхъ звеньевъ этого пути (предназначеннаго самой исторіей для сближенія и духовнаго обновленія двухъ міровъ—европейской культуры и основной культуры древняго Востока.

На пути въ Индію. Виды города Баку.

Пристань Общества „Кавказъ и Меркурій“.

Персидская арба.

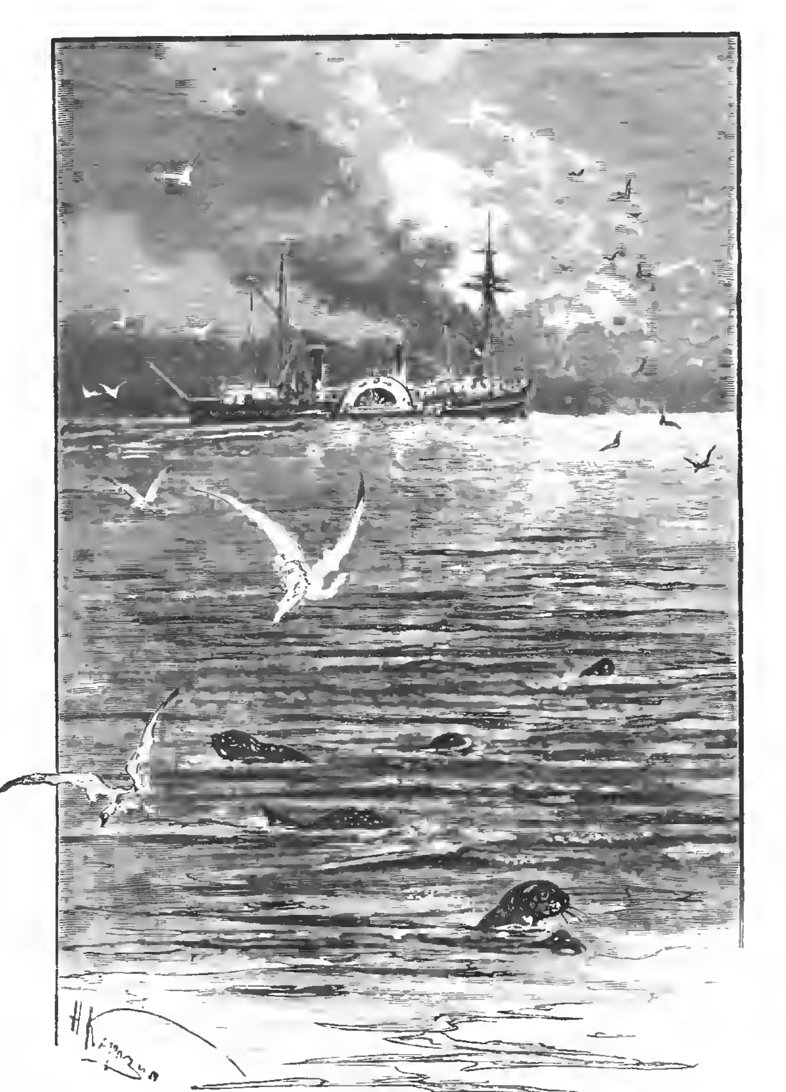
Нефтяные буры въ Балаханахъ.

селенная рыбаками. Воздухъ пропитанъ запахомъ сырой рыбы и разсола, всюду по берегамъ кружева всевозможныхъ сѣтей и рыболовныхъ снарядовъ, тысячи лодокъ, то качающихся на причалахъ, то вытащенныхъ на песчаный берегъ, и, словно груды сухой щепы, цѣлые буквально стога вяленой воблы, все это ясно указываетъ на исключительный промыселъ населенья. Но вотъ впереди, вы начинаете замѣчать полосу черпаго дыма на горизонтѣ; эта полоса растетъ, колышется. Сквозь нея маячитъ цѣлый лѣсъ мачтъ и трубъ, вѣтеръ доноситъ тяжелые вздохи пароходовъ, прерываемые рѣзкими свистками; словно грохотъ и бурленье мельничныхъ колесъ, глухой говоръ жизни и движенія, и мало-по-малу передъ вашими глазами выростаетъ цѣлый плавучій городъ, кишащій самою энергичною, лихорадочною дѣятельностью. Вы на *„девяти футахъ“*. (Рис. на стр. 916).

Сначала вамъ кажется, что вы попали въ невозможную толчею разнокалиберныхъ судовъ, гдѣ и разобраться-то порядочно нѣтъ никакой возможности, но это потому только, что глазъ вашъ еще не привыкъ оріентироваться на водѣ, измѣрять разстояніе, опредѣлять взаимное положеніе. Скоро вы осваиваетесь со всѣмъ окружающимъ и начинаете понимать ясно все, что происходитъ передъ вашими глазами. Каждое пароходное общество имѣетъ тутъ свое опредѣленное мѣсто, гдѣ на мертвыхъ якоряхъ стоятъ его колоссальные плавучіе дебаркадеры—это громадныя баржи, въ кадрахъ которыхъ, какъ въ запасныхъ магазинахъ, складываются милліоны пудовъ сданныхъ къ отправленію товаровъ. На палубахъ этихъ баржъ помѣщаются опять крытые пакгаузы и теплыя постройки для администраціи и рабочихъ,—и каждый такой дебаркадеръ, служа для своего общества главнымъ соединительнымъ пунктомъ, обставленъ почти вплотную паровыми и парусными судами. Кромѣ того, множество судовъ стоящихъ на якоряхъ, или осторожно пробирающихся въ открытое море и оттуда, безпрестанно мѣняютъ детали этой интересной, чисто морской картины, оживленной тысячами голосовъ человѣческихъ и покрывающими ихъ голосами паровиковъ и свистомъ вѣтра въ сѣтяхъ рангоутовъ и такелажей. Условные флаги днемъ и фонари ночью даютъ вамъ возможность находить свое мѣсто. Вотъ уже видна и наша пристань Общества „Кавказъ и Меркурій“, самаго могучаго и богатаго Общества нашего на Востокѣ, а около нея грузно раскачивается на якорѣ колоссальный двухтрубный пароходъ „Императоръ Александръ III“, красиво перерѣзывающій синее весеннее небо своими стройными мачтами. „Константинъ Кавосъ“ идетъ прямо къ его лѣвому борту, ловко ставитъ свою тяжеловѣсную баржу, которую онъ приволокъ изъ Астрахани на буксирѣ; самъ, словно облегченный, даетъ веселый свистокъ и, обойдя съ противоположнаго борта, дѣлаетъ „стопъ!“ и выкидываетъ переходные мостки. Мы начали перебираться.

Боже мой! какая суетня закипѣла моментально на всѣхъ трехъ соединенныхъ палубахъ. Пароходъ „Александръ“ долженъ сегодня же къ ночи выступить въ море, а ему предстоитъ погрузить въ свои бездонныя нѣдра болѣе тридцати тысячъ пудовъ груза. Сотни рабочихъ персовъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и таковыхъ же портахъ, крайне грязные, въ своихъ то вытертыхъ бараньихъ шапкахъ, то въ круглыхъ лоснящихся отъ жира и грязи тюбетейкахъ, словно черти повыскакали изъ люковъ дебаркадера и начали свою муравьиную работу. Необычайная сила этихъ носильщиковъ, выработанная безпрестанною практикою, по истинѣ изумительна; глядя на нихъ вы забываете, что это люди,—это какія-то вьючныя животныя, кстати неуклюже осѣдланныя, совершенно машинально исполняютъ свою животную работу. Грузъ въ десять и болѣе пудовъ совершенно основательно покоится на широкой полусогнутой спинѣ атлета и быстро движется по мосткамъ, пока его не подхватятъ крючья и цѣпи паровой лебедки и не спровадятъ въ глубину люка. Я самъ видѣлъ перса перенесшаго на своей спинѣ рояль, уложенный въ ящикъ, и не по твердой устойчивой почвѣ, а по зыбкимъ доскамъ безъ перилъ, перекинутыхъ съ борта на бортъ, въ свою очередь покачивающихся пароходахъ. (Рис. на стр. 916).

Мы окончили пріемъ нассажировъ и клади, а также справились съ нагрузкою довольно скоро, и къ восьми часамъ вечера могли сняться съ якоря. Солнце садилось багровое, въ подозрительную туманную полосу, вдали на горизонтѣ виднѣлась бѣлесоватая полоска пѣнистыхъ гребней морской волны, и мы могли смѣло, по этимъ признакамъ, разсчитывать на ночь не особенно покойную, особенно для тѣхъ пассажировъ, которые недолюбливаютъ морской качки.

На пути въ Индію. Пароходъ „Императоръ Александръ III“.

Капитанъ парохода Лингладъ — родомъ финляндецъ, съ дѣтства морякъ, переплывалъ всѣ океаны и считается по справедливости однимъ изъ опытнѣйшихъ морскихъ капитановъ; а такъ какъ уже совершенно стемнѣло и только красноватая полоса, словно пожарнаго зарева, указываетъ еще мѣсто оставленнаго нами рейда, а впереди сгустился мракъ, и въ этомъ сыромъ мракѣ „ничего въ волнахъ не видно“, то можно оставить свой наблюдательный постъ на капитанскомъ мостикѣ, идти ужинать и спать до разсвѣта. Такъ я и сдѣлалъ.

Пассажирское помѣщеніе раздѣляется на три класса, но и третій классъ имѣетъ все нужное для комфорта путешественниковъ; что же касается перваго класса, то здѣсь вы можете вполнѣ удовлетворить свои самыя изысканныя требованія; въ вашемъ распоряженіи прекрасный салонъ для сбора, гдѣ обѣдаютъ, отдѣльная каюта для спальни и уборной, ванны холодныя морскія и горячія и ко всему этому превосходный столъ съ прекраснымъ виннымъ буфетомъ; прислуга дрессированная и вѣжливая, что вообще очень рѣдко. Стоимость переѣзда отъ Астрахани до Узунъ-Ада, около тысячи верстъ, всего 14 рублей, это въ первомъ классѣ. Надѣюсь, не дорого! Каспійское море—очень безпокойное море, на немъ качка несравненно хуже качки океанской, вслѣдствіе не достаточной глубины и короткости волнъ; это что называется толчея, мучительно дѣйствующая на непривычныхъ путешественниковъ и опасная для судна. Открытые берега даютъ просторъ степнымъ вѣтрамъ, быстро развивающимся въ ураганы — и крушенія на Каспіи явленіе далеко не рѣдкое.

Въ ночь вѣтеръ засвисталъ и когда я проснулся и поднялся на верхъ, то общій салонъ былъ совершенно пустъ, всѣ пассажиры и пассажирки въ безпомощномъ положеніи позаперлись въ своихъ каютахъ, откуда слышались печальные стоны и вздохи, изрѣдка требованія льду и лимоновъ.

Вѣтеръ къ утру слабѣлъ, малахитово-зеленаго цвѣта волны Каспія съ ярко бѣлыми пѣнистыми гребнями, безъ конца теряясь въ розовато-золотистомъ туманѣ восходящаго солнца, представляли чудную чарующую картину; далеко на сѣверо-западъ убѣгали сѣрые клочья ночныхъ тучъ, тамъ и сямъ качались на якоряхъ лодки рыбаковъ — бѣлужьихъ промышленниковъ; въ пѣнистыхъ гребняхъ волнъ рѣзвились, высовывая свои круглыя головы, цѣлыя стада тюленей, играя чуть не у пароходныхъ колесъ. (Рис. на стр. 918). Впереди, чуть-чуть—и то въ сильный морской бинокль—очерчивался нагорный берегъ—это

Кавказъ, а правѣе, нѣсколько ближе—песчаная полоска „Чечня“, острова заслоняющаго Терскій заливъ съ устьемъ воспѣтаго Лермонтовымъ Терека. Пройдя по высотѣ Чечня, мы спустимся прямо къ Петровску, и войдемъ въ гавань, часамъ къ двумъ пополудни. Капитанъ посылаетъ успокоить дамъ, обѣщая имъ нѣсколько часовъ полнаго отдыха, за стѣнками Петровскаго мола.

Петровскъ, довольно большой, очень красиво расположенный городъ, съ удобною гаванью, съ прекрасными общественными садами — когда-то жилъ полною военною жизнью, но съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа, утратилъ свою воинственную физіономію и теперь буквально дремлетъ въ ожиданіи желѣзной дороги, долженствующей соединить его съ Владикавказомъ; тогда онъ снова оживетъ, хотя и не прежнею военною, но за то кипучею торговою жизнью. Сдавъ часть груза и разставшись съ нѣкоторыми пассажирами, мы выступили далѣе по направленію къ Апшеронскому полуострову и разсчитывали по пути остановиться въ Дербентѣ, но увы! въ этотъ городъ, съ боя взятый Петромъ Великимъ, мы, на этотъ разъ, не попали. Дѣло въ томъ, что Дербентъ не защищенъ, какъ Петровскъ, каменнымъ моломъ—и останавливаться вблизи его берега на якорѣ, во время свѣжаго вѣтра, не безопасно для судовъ, да и безполезно для города, ибо въ волну ни какая лодка не въ состояніи отплыть отъ берега и подойти къ судну: ее разобьетъ въ дребезги о береговые камни, у которыхъ бушуетъ прибой, разрушающій въ щепу все, что подвернется на его дорогѣ. А вѣтеръ скоро разсѣялся и стихъ, только въ виду были иглы Апшеронскаго маяка, руководясь которымъ, мы осторожно вошли въ узкій Апшеронскій проливъ, огибая далеко выдвинувшійся мысъ того-же имени. Пройдя проливомъ, пароходъ перемѣнилъ курсъ съ юго-восточнаго направленія круто на западъ и къ ночи въ полной штиль передъ нашими глазами развернулась дивная, чарующая панорама Баку, вся въ огняхъ, словно сказочная фантастическая иллюминація. Внизу у самого берега бриліантами, горѣли электрическіе фонари на пристаняхъ „Кавказа и Меркурія“, братьевъ Нобель и казенной морской. Красные и зеленые огни безчисленныхъ судовъ дополняли картину; вмѣсто свѣжаго морскаго вѣтра, на насъ пахнуло словно изъ накаленной печи, жаромъ нагрѣтыхъ за день каменныхъ скалъ берега и его таковыхъ-же строеній.

Уже было поздно и осмотръ интереснаго Баку пришлось отложить до утра.

Городъ раздѣляется на двѣ главныя части, такъ называемыя „Бѣлый“ и „Черный“ города. Первый—это собственно городъ—жилой, со старымъ замкомъ, когда-то независимыхъ хановъ, съ улицами расположенными на терасахъ береговой возвышенности, съ живописными базарами, кишащими восточнымъ, пестрымъ торговымъ людомъ, съ жалкимъ-чахлымъ губернаторскимъ садомъ, магазинами, пристанями, пакгаузами и многочисленными торговыми конторами. Второй—это городъ заводскій, вѣчно защищенный отъ солнца сплошными тучами чернаго дыма заводскихъ трубъ, закопченный, смрадный, городъ создающій быстро милліонныя состоянія и также быстро обращающій милліонеровъ въ жалкихъ бѣдняковъ. Здѣсь изъ сырой нефти вырабатываютъ милліоны пудовъ керосина, который расходится по всему свѣту. Здѣсь царство техническаго Ваала.

Верстахъ въ 12 отъ Баку высятся холмы Балаханъ, гдѣ добывается нефть, и отсюда цѣлая сѣть металлическихъ трубъ, расположенная прямо на поверхности, проводитъ натуральную нефть для обработки въ „Черный городъ“.

Размѣры моихъ писемъ слишкомъ тѣсны чтобъ я подробно останавливался на описаніи всего, что представлялось моимъ глазамъ; кромѣ того. неразъ читатели „Нивы“ встрѣчались на ея страницахъ съ подробными описаніями и рисунками нефтяной Бакинской промышленности, а потому перейду прямо къ тяжелому заключенію, невольно являющемуся послѣ безпристрастнаго осмотра.

Глядя сколько гибнетъ даромъ, всасываясь въ почву, выливаясь въ море, образуя по берегамъ его смрадныя озера, драгоцѣннаго матерьяла, нельзя назвать все это разумною эксплоатаціею,—это хищническій, безтолковый, суетливый, безразсчетный и часто безсмысленный, ничемъ не оправдываемый грабежъ съ погромомъ даровъ природы — грабежъ, который, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, накажетъ-таки хищниковъ современемъ—полнымъ истощеніемъ источниковъ...

Баку страдаетъ отсутствіемъ прѣсной воды; нѣсколько такихъ колодцевъ и фонтановъ едва удовлетворяютъ первыя потребности жителей, а между тѣмъ, проведите воду съ какими-бы то нибыло затратами—и богатый климатъ сторицею вознаградитъ эти потери, дастъ прибыль, передъ которою покажется ничтожна прибыль нефтепромышленности. Защищенный отъ вѣтровъ, никогда не знающій зимы — Бакинскій берегъ, дайте ему только воду, превратится въ мгновеніе ока въ одну сплошную оранжерею.

Въ Баку мы получили громадную партію сахара, провезеннаго через Тифлисъ по желѣзной дорогѣ, около 30 тысячъ пудовъ; вся эта партія назначалась въ Бухару, и пароходъ Александръ III долженъ былъ забрать все въ свои ненасытныя нѣдра, нагрузка заняла почти цѣлыя сутки, и мы выступили поздно ночью, съ трудомъ выбравшись на просторъ изъ лабиринта, стоящихъ на якоряхъ, парусниковъ и пароходовъ. Теперь мы держимъ курсъ прямо на востокъ, къ азіатскому берегу; цѣль нашего плаванія—Узуна-Ада—начальная точка новой Закаспійской желѣзной дороги, соединившей рельсовымъ путемъ столицу Петра Великаго съ древнѣйшею столицею великаго Тамерлана. Въ добрый часъ!

Къ рисункамъ.

Смѣшной женихъ. (Рис. на стр. 908).

Картина Кменди изображаетъ намъ будуаръ конца прошлаго вѣка, когда только что вошли въ моду „невѣроятные“ костюмы, такъ и названные народнымъ чутьемъ здраваго смысла (incroyables). Молодой человѣкъ, очевидно недалекій, чтобы не сказать совсѣмъ простакъ, собираясь дѣлать предложеніе, вырядился съ головы до ногъ во все новое съ иголочки. Но одно дѣло надѣть модное платье, другое дѣло—умѣть носить его. Тѣ смѣшныя подробности туалета, которыя на свѣтскомъ щеголѣ скрадываются его статною фигурой, развязностью и обворожительными манерами, на нашемъ простачкѣ выступили во всемъ своемъ безобразіи,—и смѣшливая невѣста, закрываясь вѣеромъ, видимо колеблется, полно ужь принимать ли ей въ серьезъ этого шута-гороховаго.

На пасѣкѣ. (Рис. на стр. 909).

Передъ нами малороссійская пасѣка (Уманьскій уѣздъ Кіевской губ.); канунъ *Перваго Спаса* — медоваго (1 августа). Завтра, послѣ обѣдни будутъ святить медъ—и весь хуторъ разговѣется новинкой. Зажиточный крестьянинъ-пасѣчникъ перегоняетъ пчелъ изъ верхняго улья въ нижній, чтобъ удобнѣе вырѣзать сотъ. Такіе ульи состоятъ изъ двухъ выдолбленныхъ цилиндровъ, одинъ на другомъ. Ставъ на колѣни передъ колодой (ульемъ), пасѣчникъ зажигаетъ тряпку и вдуваетъ этотъ дымъ въ улей; пчелы одурѣваютъ и цѣпляются къ стѣнкамъ улья; тогда пасѣчникъ стучитъ по верхнему улью палкой, пчелы осыпаются въ нижній, а верхній снимается съ чистымъ медомъ.

За туалетомъ. (Рис. на стр. 913).

Прелестныя жанровыя картинки Роберта Эннса всегда говорятъ сами за себя, не требуя никакихъ поясненій. Обращаемъ вниманіе читателей на тонкую гравюру, въ совершенствѣ передающую рельефность фигуръ и перспективу комнаты.

Переходъ Ганнибала черезъ Альпы.
(Рис. на стр. 729).

Переходъ Ганнибала съ многотысячнымъ войскомъ черезъ Альпы — останется во всѣ времена однимъ изъ величайшихъ военныхъ подвиговъ. Перебравшись съ большими затрудненіями черезъ Роданъ, или нынѣшнюю Рону, онъ рѣшился дойти до завѣтной Италіи по Альпамъ, высокою неприступною стѣною подымавшимся передъ храбрымъ карѳагенскимъ вождемъ. Несмотря на доходившія до него вѣсти о трудностяхъ, какія придется испытать войску, не привыкшему къ суровой и холодной погодѣ, среди снѣжныхъ пустынь, на горныхъ крутизнахъ и дорогахъ, заваленныхъ лавинами, онъ смѣло двинулся въ походъ вдоль Родана, торопя свое войско совершить переходъ до наступленія зимы, которая увеличила-бы предстоящія препятствія. Первые дни передвиженія въ долинѣ Родана, гдѣ можно было еще найти провіантъ для войска и пастбища для лошадей и слоновъ, находившихся въ войскѣ Ганнибала,—прошли безъ особыхъ затрудненій. Вступивъ за Изаромъ въ землю Аллоброговъ, карѳагеняне быстро достигли подножія Альповъ; но по мѣрѣ того, какъ имъ приходилось подыматься по горамъ все выше и выше, увеличивались и умножались трудности перехода. Высокою стѣною высились передъ нимъ безконечныя цѣпи горъ, ослѣпительно блистая своими покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами. Кромѣ того, взбираясь на крутизны и пролагая себѣ путь въ горной странѣ, Ганнибалу на каждомъ шагу приходилось бороться съ воинственными горцами, храбро отстаивавшими свои жилища и стада отъ нападеній нежданныхъ пришельцевъ. Войско медленно подвигалось впередъ посреди голыхъ, лишенныхъ всякой растительности скалъ и утесовъ, нагроможденныхъ одни на другіе, черезъ безконечныя гряды горъ, возвышавшихся изъ снѣга и облаковъ къ небу. Послѣ девятидневнаго восхожденія, войско достигло наконецъ вершины, по всей вѣроятности, Малаго Сенъ-Бернара, гдѣ ему пришлось пробираться по узкимъ тропинкамъ на высотѣ свыше 6,000 футъ. Послѣ упорной стычки съ горцами, продолжавшейся почти цѣлый день, Ганнибалъ остановился здѣсь со своими воинами и далъ своему измученному и окоченѣвшему войску двудневный отдыхъ отъ понесенныхъ трудовъ. Дико и пустынно было мѣсто стоянки: ни человѣческаго голоса, ни слѣда жизни; изрѣдка пробѣжитъ вспугнутый звѣрокъ и тотчасъ-же скроется въ какой-нибудь разсѣлинѣ, или

величавый орелъ, поднявшись съ вершины горы и медленно описывая круги, пронесется надъ этою страною облаковъ и вѣтра. Отдохнувъ и оправившись насколько было возможно въ этой безлюдной мѣстности, карѳагеняне двинулись дальше, ободренные пришедшими къ нимъ послами отъ кельтовъ. Они передали войску, что уже не далеко плодоносныя, счастливыя

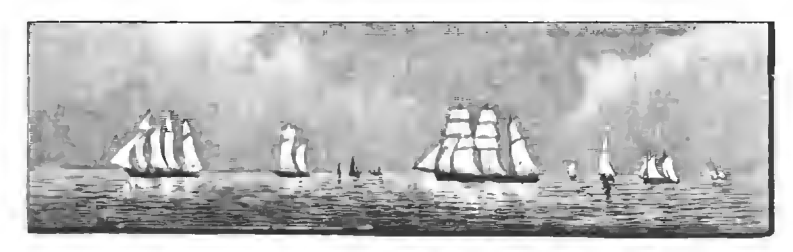
На пути въ Индію. Петровскъ.

долины сѣверной Италіи, гдѣ его ждутъ дружественныя племена салассовъ и инсубровъ, ненавидящихъ общаго врага—римлянъ. Теперь путь лежалъ по каменистому склону, откуда уже видны были зеленѣющія страны Италіи, привлекавшія къ себѣ взоры утомленныхъ странниковъ. Мужественно

На пути въ Индію. Апшеронскій маякъ.

двигалось войско Ганнибала посреди новыхъ трудностей. Сентябрь былъ на исходѣ и приближалась осень. Новый пушистый снѣгъ одѣлъ въ бѣлую пелену горы, часто заметая долины. Проводники сбивались съ пути, занесеннаго снѣгомъ, въ которомъ гибли тысячи людей и животныхъ. Пятнадцать дней продолжалось странствованіе Ганнибалова войска по Альпамъ, пока не достигло долины Duria major (Дора-Балтеа). Въ ней Ганнибалъ, прежде чѣмъ пойти далѣе, осмотрѣлъ свое войско. Какой жалкій видъ оно теперь представляло! Нестройныя, голодныя и утомленныя толпы, въ лохмотьяхъ и грязи, вмѣсто гордыхъ и мужественныхъ войскъ, съ которыми онъ вышелъ изъ Испаніи. Приведя въ извѣстность свои наличныя силы, онъ увидѣлъ, что переходъ черезъ Альпы стоилъ ему болѣе половины арміи. Изъ 59,000 воиновъ у него осталось не болѣе 26,000, — пѣхоты 20,000 и около 6,000 конницы. Съ помощью ихъ Ганнибалъ готовился низвергнуть гордый Римъ съ высоты его славы.

На пути въ Индію. Каспійскія парусныя суда.

Замерзшій водопадъ въ Добшинской ледяной пещерѣ.

(Рис. на стр. 924).

Въ Венгріи, Седмиградіи, Хорватіи встрѣчается много пещеръ, но ни одна изъ нихъ не представляетъ такого интереса, какъ Добшинская. Къ чарующему контрасту внѣшней лѣтней температуры окружающей пещеру и внутренней прохлады, присоединяется еще противоположность измѣнчивости и неподвижности формъ. Наряду съ ледяными массами, которыя лежатъ у насъ подъ ногами или вздымаются громадными стѣнами, видимъ мы столбы соединяющіе ледяной паркетъ со сводами надъ нашей головой, фонтаны и потоки во всемъ напряженіи движенія, но замерзшими въ ледъ, низвергающіеся со всѣхъ сторонъ водопады, но не шумящіе и не пѣнящіеся подобно всѣмъ прочимъ, а нѣмые и неподвижные, ибо они совершенно замерзли.

Зажженныя свѣчи, съ которыми вступаешь въ пещеру, ряды тамъ и сямъ прикрѣпленныхъ лампочекъ, или пламя магнія, которое повременамъ зажигаетъ проводникъ, усиливаютъ обаяніе картины. Въ мѣняющихся отраженіяхъ свѣта, кажется, снова видишь теченіе, брызги и пѣну всѣхъ этихъ потоковъ, которые нѣкогда бушевали въ этой пещерѣ, до тѣхъ поръ пока природа не сковала ихъ на вѣки внезапнымъ и грознымъ: „Стой!“ Таково по крайней мѣрѣ впечатлѣніе, хотя геологія учитъ насъ, что замерзаніе этихъ водъ произошло отнюдь не мгновенно, а лишь мало-по-малу въ долгіе промежутки времени.

Это замѣчательное чудо природы находится въ Гемерскомъ жупанствѣ (комитатѣ) Венгріи, въ нѣсколькихъ часахъ пути

Переходъ Ганнибала черезъ Альпы. Рис. Мертѐ, грав. Клоссъ.

отъ желѣзнодорожной станціи Попрадъ. Отдѣленіе пещеры, въ которомъ находится замерзшій водопадъ называется „Салономъ“.

Крупповская скорострѣльная пушка. (Рис. на стр. 733).

При современномъ способѣ веденія войны, справедливо придается огромное значеніе возможно быстрому распредѣленію боевого матеріала по всѣмъ направленіямъ. Между тѣмъ какъ прежнія стремленія—достигать наибольшей начальной скорости увеличивая вѣсъ снаряда (ядра)—съ повсемѣстнымъ введеніемъ казно-зарядныхъ орудій и медленно-горящихъ сортовъ пороха можно считать въ нѣкоторой степени сошедшими со сцены, нынѣ стараются напротивъ какъ можно болѣе увеличить быстроту самой стрѣльбы изъ орудій. Цѣль эта достигается заимствованными у ружей металлическими патронами, позволяющими соединять зарядъ (порохъ) и снарядъ (ядро, бомбу, гранату) въ одно тѣло, снабженное воспламенительнымъ приспособленіемъ. Какъ ни разнообразно при этомъ сложное устройство затворовъ, замыкающихъ стволъ орудія съ казны и облегчающихъ быстрое заряжаніе и пальбу, основаніе—металлическій патронъ—остается всюду однимъ и тѣмъ же. При этомъ еще сильно ограничивающую роль играетъ самый калибръ скорострѣльнаго орудія, такъ какъ трудность изготовленія прочныхъ и способныхъ къ сопротивленію металлическихъ гильзъ быстро возростаетъ съ калибромъ орудія.

Фирма Круппа давно уже обратила вниманіе на эти новыя орудія и нынѣ изготовляетъ скорострѣльныя орудія калибромъ отъ 4 до 13 центиметровъ, стрѣляющія снарядами до 30 килограммовъ вѣса.

На нашемъ рисункѣ изображена Крупповская скорострѣльная пушка, калибра 7½ центиметровъ, на корабельномъ лафетѣ и съ панцырнымъ щитомъ. Орудіе это стрѣляетъ двумя сортами снарядовъ, въ 6,8 и 5,85 килограммовъ вѣсомъ, которые, при зарядѣ въ 3 килограмма пороху, получаютъ начальную скорость въ 570 и 610 метровъ. Болѣе тяжелый снарядъ, при допускаемой устройствомъ лафета максимальной элевацiи подъ угломъ 25°, бьетъ на 8,300 метровъ, и броненосный снарядъ пробиваетъ броню изъ мягкой стали въ 13 центиметровъ толщины, а на 1000 метровъ еще одну броню въ 8½ центиметровъ.

Орудіе это дѣлаетъ 17—20 выстрѣловъ въ минуту. Болѣе крупныя орудія даютъ меньшее количество выстрѣловъ въ минуту: десяти-центиметроваго калибра 15 выстрѣловъ, тринадцати-центиметроваго—12.

Для управленія орудіемъ достаточно двухъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, сидя на подвижномъ соединенномъ съ лафетомъ сидѣньѣ, слѣдитъ за всѣми поворотами орудія въ стороны. Онъ наводитъ орудіе, стрѣляетъ, открываетъ и запираетъ затворъ. Второй только подаетъ патроны и вставляетъ ихъ въ стволъ орудія. Выбрасываніе выстрѣленныхъ патроновъ и взводъ ударника происходятъ автоматически при отпираніи и запираніи затвора.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: государственныя имущества, состоящія въ вѣдѣніи Военно-народнаго управленія на Кавказѣ, а также Кубанскаго и Терскаго областныхъ правленій и управленія черноморскаго округа, передать въ завѣдываніе министерства Государственныхъ Имуществъ.

— Высочайше повелѣно: городъ Вѣрный оставить Семирѣченскимъ областнымъ центромъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Промыселъ трески и пикшуя на Мурманскомъ берегу продолжается удовлетворительно, чему благопріятствуетъ погода и достаточный запасъ наживки—песчанки, которая ловится въ настоящее время хорошо; уловъ-же сайды на западной сторонѣ Мурмана — посредственный. Китобойными пароходами съ начала промысловъ добыто китовъ на заводахъ: въ Еретикахъ — 21 и въ Арѣгубѣ—8.

— Вслѣдствіе появленія въ дербентскихъ виноградникахъ болѣзни мильдью, сборъ винограда ожидается на ⅔ меньше прошлогодняго. Въ окрестностяхъ Петровска разведеніе виноградныхъ садовъ производится усиленно.

— Въ Алешкахъ отъ прививки сибирской язвы овцамъ Панкѣева въ участкѣ Пендіарова пало въ три дня 5.000 овецъ. Противъ распространенія заразы приняты мѣры.

— Одинмъ изъ астраханскихъ садовладѣльцевъ, С. С. Твороговымъ, была предпринята попытка разведенія пчелъ въ Астрахани. Привезенный изъ Саратова рой пчелъ очень удачно пережилъ два года и далъ уже пять новыхъ роевъ, которые работаютъ такъ хорошо, что даютъ надежду на дальнѣйшіе успѣхи.

— Въ южной части Алатырскаго и въ Ардатовскомъ уѣздахъ во множествѣ показался червь, поѣдающій озимые посѣвы, которые взошли прекрасно; теперь поля почернѣли.

Торговля.

— Цѣны на хлѣбъ на международномъ рынкѣ идутъ вверхъ безостановочно. Но по послѣднимъ, повышеннымъ цѣнамъ сдѣлокъ совершается мало, вслѣдствіе сдержанности продавцевъ, увѣренныхъ въ дальнѣйшемъ повышеніи. Такая увѣренность почерпывается изъ постоянно прибывающихъ новыхъ свѣдѣній о несоотвѣтствіи требованій, которыя должны предъявить страны, нуждающіяся въ привозномъ хлѣбѣ, съ тѣми, имѣющимися въ виду, количествами хлѣбовъ новаго и прежнихъ урожаевъ, какія могутъ поставить страны, снабжающія хлѣбомъ. Общій итогъ привоза не превыситъ 29½ милл. четвертей; недостающее для потребленія западной Европы значительное количество, 40 милл. четвертей —можетъ быть, по всей вѣроятности, лишь частью покрыто привозами изъ Россіи. Недостающая цифра еще болѣе возростаетъ, доходя до 43 милл. четвертей, если принять во вниманіе и потребность въ привозномъ хлѣбѣ странъ внѣевропейскихъ. Весьма естественно, что при этихъ условіяхъ цѣны продолжаютъ неуклонно идти въ гору и что продавцы ждутъ дальнѣйшаго ихъ повышенія, не считая достигнутаго улучшенія отвѣчающимъ настоящему положенію рынка.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 25 августа, послѣ крестнаго хода изъ старо-ярмарочнаго собора къ макарьевской часовнѣ и совершеннаго въ ней молебствія, спущены ярмарочные флаги и ярмарка считается оффиціально закрытою, но въ дѣлахъ полное оживленіе, розничная продажа идетъ хорошо. Платежи на ярмаркѣ поступаютъ исправно, протестовъ очень мало, переписки векселей почти нѣтъ.

— По южнымъ желѣзнымъ дорогамъ въ настоящее время уже происходитъ усиленное хлѣбное грузовое движеніе; по Лозово-Севаст. дорогѣ въ Севастополь ежедневно прибываетъ, среднимъ числомъ, до 175 вагоновъ хлѣба новаго урожая, т. е. свыше ста тысячъ пудовъ.

Постройки и сооруженія.

— Въ настоящее время, въ Кронштадтѣ, за городомъ, при морской лабораторіи, производятся весьма интересныя работы по устройству артезіанскаго колодца. Эти работы исполняются гражданскимъ инженеромъ Катерфельдомъ. Діаметръ буровой скважины — 4 дюйма. Въ настоящее время прошли уже около 50 футовъ. Работы, согласно условіямъ контракта, должны быть окончены въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, если при углубленіи не встрѣтится препятствій, какъ-то: камня и кремня.

— Прорытіе канала отъ р. Сулака до Петровска окончено. Пропускъ воды ожидается весною 1889. Каналъ будетъ орошать пространство на 70 верстъ.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 23 августа, въ собраніи ярмарочнаго купечества состоялось постановленіе биржеваго комитета ходатайствовать о недопущеніи новой компаніи для устройства нефтепровода отъ Баку до Батума, на организацію каковаго предпріятія концессіонный срокъ миновалъ.

28 августа, собраніе ярмарочнаго купечества, въ предсѣдательствѣ Осипова, большинствомъ 40 голосовъ противъ 14, учредило коммисію, которой поручена перестройка главнаго ярмарочнаго дома, на что на значено 300,000 руб. Къ работамъ приступятъ въ эту осень.

— Въ Ростовѣ-на-Дону, 30 августа, въ присутствіи начальствующихъ лицъ и представителей города, освящено выстроенное на городскія средства зданіе классической гимназіи.

Изъ губерній и областей.

— 9 августа надъ г. Царицыномъ разразился проливной дождь съ необыкновенно крупнымъ градомъ — величиною въ грецкій орѣхъ, въ куриное яйцо и даже болѣе: были замѣчены отдѣльныя градины вѣсомъ до полуфунта. Во время этого ливня, птицы кружились и метались въ воздухѣ, не находя пристанища и защиты, и падали, застигнутыя въ полетѣ и убиваемыя наповалъ градомъ; люди и животныя въ ужасѣ бѣжали по улицамъ, пораженныя градинами. Въ то-же время изъ оконныхъ рамъ въ домахъ со звономъ сыпались стекла; даже большія бемскія стекла—и тѣ не выдерживали ударовъ градинъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на улицахъ образовались широкіе потоки дождевой воды. Причиненные градомъ въ домахъ убытки довольно значительны: такъ, на станціи „Волжская“, Волго-Донской желѣзной дороги, выбито 2,222 стекла; на станціи „Царицынъ“, Грязе-Царицынской желѣзной дороги, — три тысячи слишкомъ, въ тюрьмѣ — 200, въ земской больницѣ—240. Многія лица получили болѣе или менѣе сильныя раны: такъ, напр., одному мужчинѣ на базарѣ ранило голову чрезъ фуражку до крови и одной женщинѣ расшибло щеку. Въ окрестностяхъ Царицына пострадали отъ града арбузныя бахчи.

— Въ различныхъ частяхъ Каспійскаго моря, преимущественно въ его сѣверной половинѣ, замѣчено громадное количество мертвой красной рыбы. Такъ, съ парохода общества „Кавказъ и Меркурій“ — „Александръ Жандръ“ командиромъ и его помощникомъ въ теченіи только двухъ часовъ было насчитано на поверхности моря около тысячи красныхъ рыбъ; попадалась также и частиковая рыба — судакъ и вобла.

— Изъ Тегерана сообщаютъ, что тамъ идутъ большія приготовленія къ выѣзду Шаха въ Россію. Шахъ прибудетъ въ Баку въ сентябрѣ. Онъ везетъ съ собой много подарковъ, въ томъ числѣ 16 лошадей чистой арабской крови.

Политическое обозрѣніе.

Опасность столкновенія между Франціею и Италіею временно улажена; но надолго-ли? Италія ждетъ только случая возвратить себѣ тѣ преимущества, которыя французы успѣли пріобрѣсти въ Средиземномъ морѣ, благодаря Тунису. По словамъ петербургскаго корреспондента *Correspondance de l'Est*, Криспи разсчитывалъ съ помощью Массовскаго вопроса побудить Русское правительство къ серьезнымъ протестамъ и тѣмъ вызвать охлажденіе отношеній между Германіею и Россіею. Надежда эта, однако, не оправдалась. Петербургскій кабинетъ не далъ вовлечь себя ни въ какое вмѣшательство. Онъ только энергично далъ понять въ Римѣ, что Россія не можетъ согласиться со взглядами Криспи на это дѣло и не одобряетъ такого неуваженія къ существующимъ трактатамъ. Россія очень де благодарна князю Бисмарку за то, что онъ съумѣлъ успокоить Криспи. Не менѣе признательно, по словамъ той же газеты, Русское правительство и Гобле, за то что онъ отстранился отъ этого дѣла. Въ Петербургѣ такому рѣшенію вопроса очень де рады. Франція не вернется болѣе къ Массовскому вопросу и смотритъ на него только какъ на спорный пунктъ, по которому должны вступить въ соглашеніе Порта и Италія. По свѣдѣніямъ изъ Адена, въ Абиссиніи готовится большое наступательное движеніе противъ итальянцевъ, но по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Римѣ не особенно стремятся къ побѣдамъ. Въ засѣданіи 27 августа совѣтъ министровъ рѣшилъ не посылать новыхъ подкрѣпленій войскамъ африканскаго экспедиціоннаго корпуса.

На неоднократныя заявленія газетъ о присоединеніи Испаніи къ центральному союзу, мадридскія газеты говорятъ, что Испанское правительство стремится лишь къ одной цѣли—сохранить полную нейтральность въ отношеніи всѣхъ державъ, что и заставляетъ Испанію держаться въ сторонѣ отъ всякихъ коалицій и союзовъ.

Поѣздка генерала Буланже, оставаясь загадкою, продолжаетъ интересовать нѣкоторыя политическія сферы. Въ Австріи и Германіи онѣ чрезвычайно возбуждены, слѣдятъ за каждымъ шагомъ популярнаго генерала и стараются предугадать: посѣтитъ ли Буланже Россію или нѣтъ. Газетные слухи передаютъ самыя нелѣпыя извѣстія. По словамъ бонапартистской *Patrie*, генералъ обязательно посѣтитъ Петербургъ и Москву, а Швеція де лишь попутная станція. *Figaro* утверждаетъ, будто генерала Буланже видѣли въ Мадридѣ. Гамбургскій *General Anzeiger* сообщаетъ, что изъ Берлина, черезъ Гамбургъ, въ Голландію былъ отправленъ отрядъ полицейскихъ сыщиковъ, на которыхъ было возложено слѣдить за всѣми подробностями путешествія Буланже. Вся эта тревога представляетъ не мало интереса и доказываетъ, что съ г. Буланже тѣсно связаны жизнь и помыслы значительной части Французскаго народа.

Предстоящая поѣздка въ Римъ императора Вильгельма возбуждаетъ сильное недовольство среди клерикаловъ. Не надо забывать, что Германія насчитываетъ до 12 милліоновъ католическаго населенія и что въ особенности это элементъ враждебный канцлерской политикѣ.

Сербское правительство приняло строжайшія мѣры къ пресѣченію манифестацій въ день тезоименитства королевы Наталіи. По распоряженію властей, въ Бѣлградѣ въ этотъ день всѣ трактиры и кофейни были закрыты съ 9 часовъ вечера, было воспрещено вывѣшивать флаги и устраивать иллюминацію. Гарнизонъ былъ усиленъ и войскамъ воспрещено отлучаться изъ казармъ. Бѣлградъ принялъ видъ города въ осадномъ положеніи, что вызвало общее недовольство; даже сторонники короля не были согласны съ такими распоряженіями. Но всѣ эти предосторожности не помѣшали Сербскому народу выразить свое сочувствіе королевѣ Наталіи. 26 августа храмы были переполнены молящимися и весь Бѣлградъ разукрасился флагами. Общее негодованіе противъ Христича и его клевретовъ достигло крайняго предѣла.

По сообщеніямъ *Temps*, Миланъ раздраженъ противъ Христича, отказавшагося исполнить инструкцію на случай пріѣзда королевы Наталіи въ Бѣлградъ. Отказъ Христича разгнѣвалъ Милана, и король рѣшилъ немедленно составить новое министерство съ Ристичемъ во главѣ. По порученію Милана, Ристичъ останется въ Вѣнѣ довольно продолжительное время. Въ Аббаціи между королемъ и Ристичемъ происходили неоднократныя совѣщанія о разводѣ, при чемъ Ристичъ указывалъ на гибельныя послѣдствія развода и выработалъ основанія для примиренія между супругами. Король согласился съ доводами Ристича.

Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ съ каждымъ днемъ ухудшается; по словамъ *Berl. Tagbl.*, существующіе на Балканскомъ полуостровѣ порядки грозятъ въ близкомъ будущемъ полнымъ возстаніемъ Болгаріи, Македоніи и Албаніи. Разбои развились до чудовищныхъ размѣровъ. Въ Болгаріи даже столица не обезпечена отъ грабительскихъ набѣговъ. 15 августа, нѣсколько разбойниковъ пытались ограбить въ Софіи сербскаго дипломатическаго агента Данича въ его квартирѣ, но бѣжали, уступивъ вооруженному сопротивленію Данича и его кавасовъ. По извѣстіямъ изъ Македоніи, шайка арнаутскихъ разбойниковъ подожгла деревню Прападиnту въ Кеприльскомъ округѣ. Но всего ужаснѣе положеніе дѣлъ въ Албаніи, которая три недѣли уже находится почти на военномъ положеніи. Между миридитскими племенами и племенами населяющими высоты къ сѣверу отъ Скодра существуетъ давнишняя ненависть, поддерживаемая кровною местью. Мириды почти ежедневно дѣлаютъ разбойничьи нападенія и между ними происходятъ настоящія сраженія, побѣдители выжигаютъ дома, церкви и посѣвы. Вся равнина, разстилающаяся отъ праваго берега Джины до горъ, представляетъ грустную картину полнаго опустошенія. Городокъ Алессіо охраняется нѣсколькими батальонами регулярнаго войска. Вообще турецкія власти безсильны и часто бываютъ принуждены вступать въ переговоры съ разбойниками. Европейское вмѣшательство необходимо для успокоенія и водворенія порядка на Балканскомъ полуостровѣ, раздираемомъ неурядицами.

Библіографія.

Изданія Э. Гоппе въ СПБ.

Календарь Ежедневникъ на 1889 г. (годъ XVIII), съ двумя безплатными приложеніями: 1) справочная книжка, 2) табель-календарь. Цѣна безъ пересылки 75 коп., съ пересылкой 1 р. 25 к.

Календарь для хозяекъ на 1889 г., съ двумя безплатными приложеніями: 1) поваренная книжка и 2) табель-календарь. Цѣна безъ пересылки 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к., на веленевой бумагѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Большой ежедневникъ на 1889 г., съ двумя безплатными приложеніями: 1) справочная книжка и 2) табель-календарь (размѣромъ вдвое больше календаря-ежедневника). Цѣна безъ пересылки 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Прекрасные отрывные календари г. Гоппе настолько извѣстны публикѣ, что мы ограничиваемся извѣстіемъ о томъ, что на 1889 г. они уже поступили въ продажу.

Полный иллюстрированный каталогъ оптика и механика О. Рихтера въ СПБ. 1888.

Необходимая книга для всѣхъ учебныхъ заведеній низшихъ, среднихъ и высшихъ, а также для тѣхъ родителей, которые даютъ своимъ дѣтямъ домашнее воспитаніе не щадя средствъ на учебныя пособія. Книга эта содержитъ полный перечень, описанія и изображенія всѣхъ учебныхъ пособій и приборовъ для нагляднаго преподаванія и опытовъ по математикѣ и геодезіи, химіи и технохиміи, минералогіи, статикѣ, динамикѣ, физикѣ, зоологіи, анатоміи, ботаникѣ и проч., съ обозначеніемъ цѣнъ. Цѣна 5 р., съ пересылкой 6 р.

Сборникъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Эстляндской губерніи. I. О поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Составилъ и издалъ А. Н. Василевскій. Ревель. 1888.

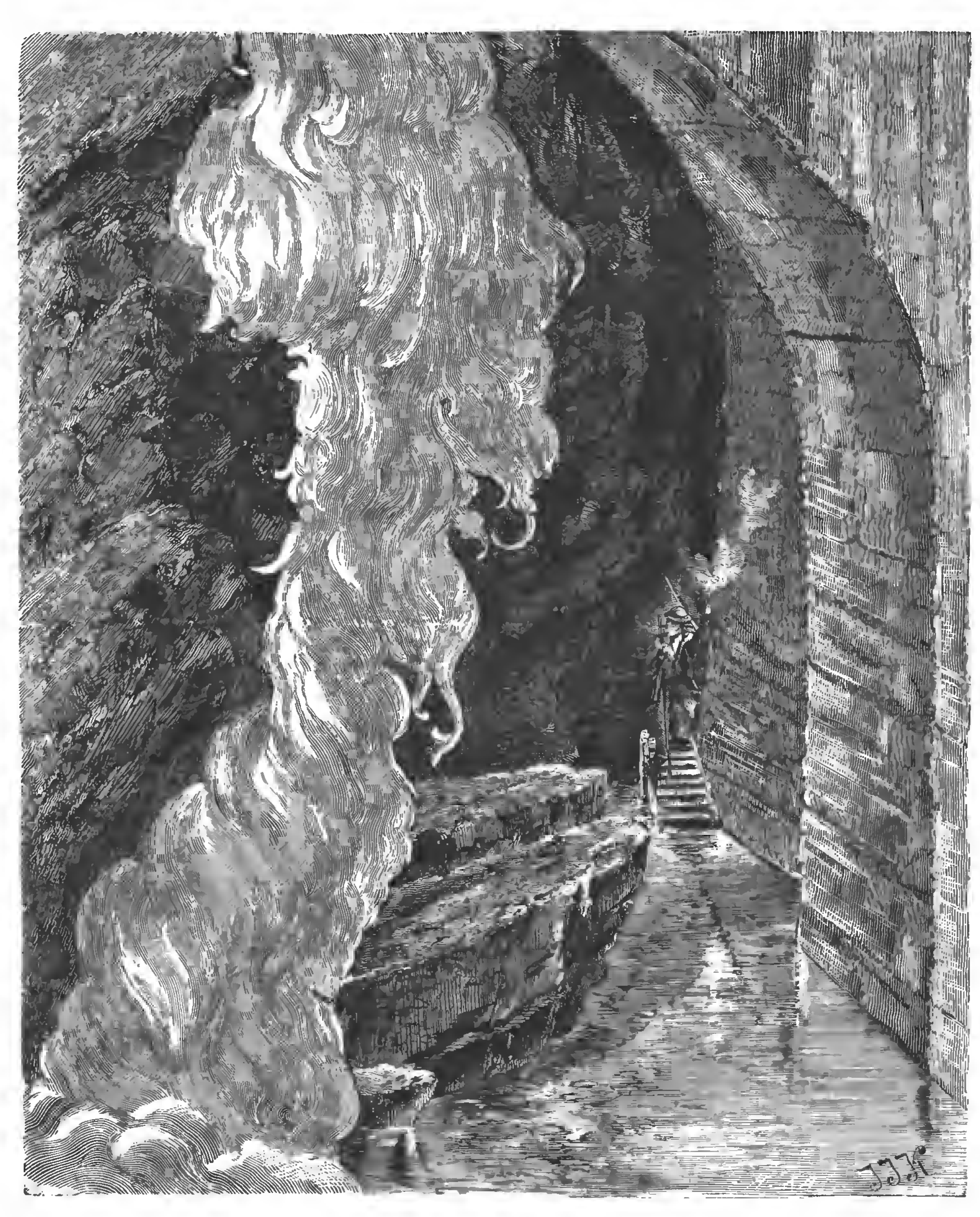
Весьма почтенный трудъ, представляющій сводъ всѣхъ постановленій объ устройствѣ быта Эстляндскихъ крестьянъ, съ разъясненіями каждаго узаконенія. Необходимая книга для юристовъ служащихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Цѣна 6 р.

Смѣсь.

Капитанъ В. Баде, совершившій путешествіе къ Сѣверному полюсу, прочелъ недавно въ франкфуртскомъ коммерческомъ собраніи, лекцію о своемъ пребываніи среди эскимосовъ. Сообщаемъ здѣсь, заимствованную изъ *Франкф. Газеты*, заключительную часть этой лекціи: „Жилище эскимосовъ имѣетъ 15 футовъ длины и ширины, при 5 футахъ высоты; къ нему ведетъ длинный ходъ, пробраться въ которомъ можно только ползкомъ. Проникнувъ въ подобную землянку, вы видите ея обитателей въ самой легкой одеждѣ, потому что жара здѣсь достигаетъ свыше 20—25° по Р. Въ то время какъ единственная забота мужчинъ заключается въ добываніи пищи для семьи, женщины неутомимо и усердно занимаются шитьемъ и хозяйствомъ; правда, приготовленіе кушанья не представляетъ для нихъ большаго труда, такъ какъ ѣда ихъ состоитъ утромъ, въ полдень и вечеромъ исключительно изъ тюленьяго мяса. Землянка освѣщается лампой; вокругъ нея сидятъ на корточкахъ обитатели, жуютъ жирные куски тюленьяго мяса, выплевывая сокъ въ пламя, которое они такимъ образомъ поддерживаютъ; свѣтильня для лампы приготовляется изъ высушеннаго оленьяго мха. Огонь эскимосы высѣкаютъ ударяя кускомъ желѣза по камню, причемъ трутомъ имъ служатъ сережки гренландской ползучей ивы, единственнаго малорослаго древообразнаго растенія. Швейное искусство эскимосскихъ женщинъ изумительно, тѣмъ болѣе что иглами

служатъ рыбьи кости, а нитками тонкоразщепленныя сухожилія изъ высушенныхъ хвостовыхъ плавниковъ тюленя. Лекторъ демонстрировалъ поистинѣ образцовыя издѣлія: изготовленную такимъ образомъ одежду. Кожи тюленья и др. употребляются для верхней одежды, а подъ нею гренландцы носятъ рубахи изъ пуха гагачьяго и другихъ птицъ. Интересенъ способъ сватовства у эскимосовъ. Когда молодой эскимосъ считаетъ себя достаточно искуснымъ охотникомъ чтобы прокормить семью, онъ копаетъ яму въ землѣ, сколачиваетъ изъ снѣга хижину, причемъ непремѣнно обиваетъ ее внутри тюленьими шкурами, и затѣмъ становится по поясъ въ яму, въ знакъ того, что желаетъ выбрать себѣ жену. Это вызываетъ оживленіе среди эскимосскихъ дѣвушекъ и онѣ являются какъ-бы на показъ. Онъ выскакиваетъ, хватаетъ одну изъ нихъ и, несмотря на притворное сопротивленіе, тащитъ въ хижину. Разъ попавъ туда, дѣвушка остается у него, считаетъ себя его законно обвѣнчанною женой и надѣваетъ на косу черную ленту — признакъ замужней женщины—тогда какъ дѣвушки носятъ голубыя, а вдовы бѣлыя ленты. Читать и писать эскимосъ не умѣетъ, а считаетъ только до пяти, по пяти пальцамъ. Если ему нужно выразить большее число, онъ говоритъ такъ: одна рука, два или болѣе пальцевъ на другой рукѣ, столько-то пальцевъ на одной ногѣ или столько-то на другой; сорокъ обозначаютъ два цѣлыхъ человѣка. Число 54 на эскимосскомъ языкѣ было бы поэтому выражено слѣдующимъ образомъ: одна рука и другая и четыре пальца на одной ногѣ и два человѣка цѣликомъ." (с).

Надъ измѣненіемъ яркости кометы Энке производилось въ различное время нѣсколько наблюденій, но до сихъ поръ не выясненъ вопросъ, почему эта комета, находясь въ одинаковомъ разстоянiи отъ земли и солнца, не отличалась даже приблизительно одинаковою яркостью; иногда свѣтъ ея былъ такъ слабъ, что комету едва можно было разглядѣть въ зрительную трубу; при другихъ появленіяхъ, раньше и позже того, она достигала такой яркости, что становилось видимою невооруженному глазу. Недавно, по словамъ *Post*, г. Берберихъ произвелъ болѣе подробныя изслѣдованія этого вопроса и напечаталъ въ *Астрон. Изв.* результаты своего труда,—судя по которымъ яркость кометы находится въ зависимости отъ измѣняющихся явленій на поверхности солнца: въ періодъ большаго количества солнечныхъ пятенъ комета отличалась большею яркостью, и наоборотъ, въ періодъ наименьшаго количества пятенъ, свѣтъ кометы былъ очень слабъ; даже неправильности въ восьмилѣтнемъ періодѣ солнечныхъ пятенъ (напр. 1788—1804 и 1829—1837) повидимому отражались на степени яркости кометы. Для физическаго объясненія этого факта г. Берберихъ напоминаетъ о сходныхъ свѣтовыхъ явленіяхъ, которыя наблюдаются при помощи Гейслеровыхъ трубокъ надъ разрѣженными газами, чрезъ которыя проходитъ электрическій токъ. Такъ какъ, съ одной стороны, подобные газы, представляющіе главную составную часть кометы, обладаютъ ничтожною плотностью, а солнце можетъ оказывать электрическое дѣйствіе на тѣла вселенной, а съ другой—электрическое накаливаніе разрѣженныхъ газовъ можетъ происходить и при очень низкой

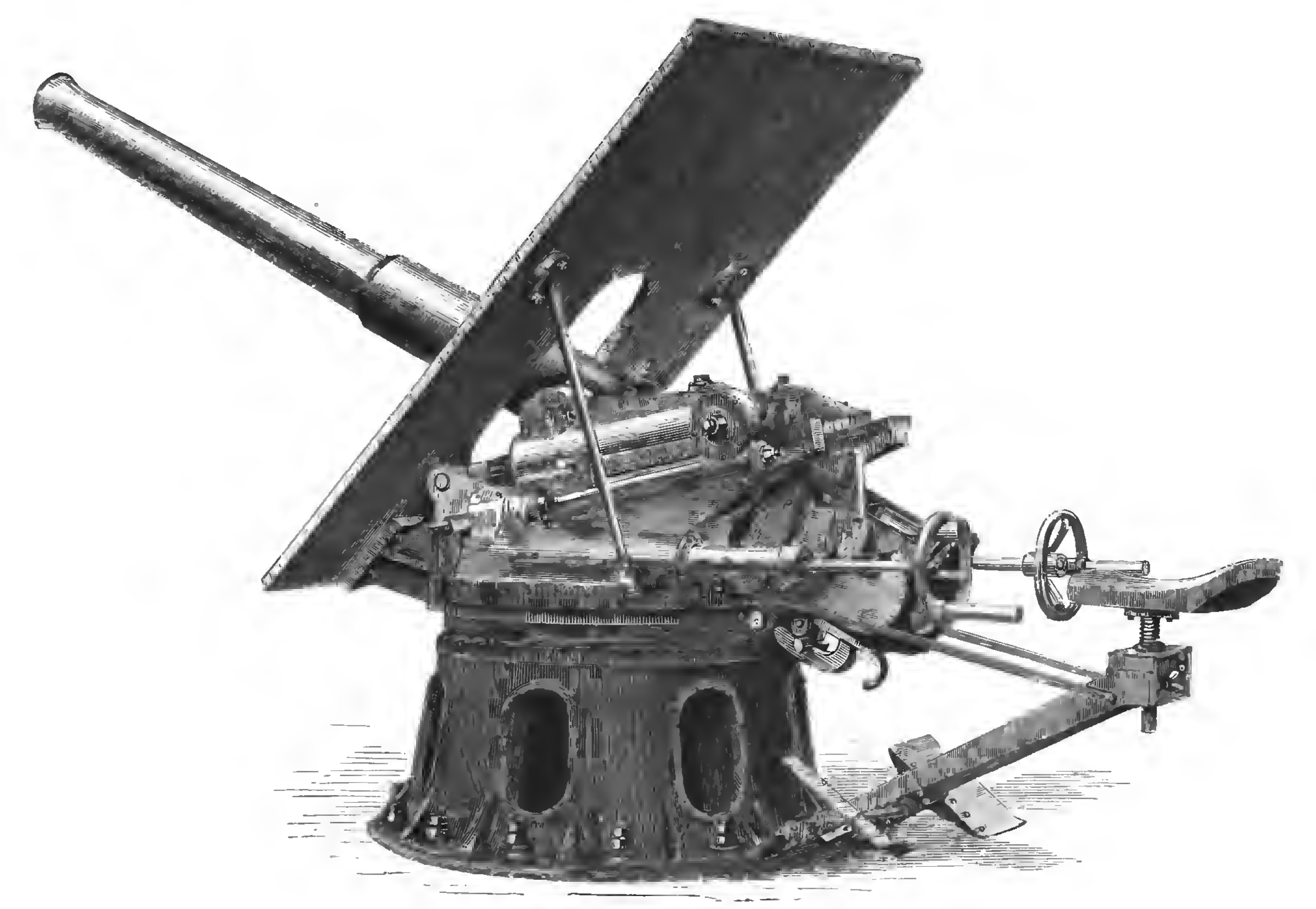

Оледенѣвшій водопадъ въ Добшауерской ледяной пещерѣ. Рис. И. Кирхнера.

температурѣ, то весьма возможно, что вышеупомянутыя измѣняющіяся свѣтовыя явленія проистекаютъ отъ передаваемаго солнцемъ электричества. Въ будущемъ гипотеза эта должна быть еще провѣрена, если только на свѣтовыя явленія, періодически появляющейся кометы, будетъ обращено должное вниманіе, что, судя по добытымъ до сихъ поръ результатамъ, не можетъ не представлять величайшаго интереса. Было бы дѣйствительно замѣчательно, если бы оказалось, что измѣняющееся электрическое дѣйствіе солнца не только способно приводить въ движеніе наши чувствительныя магнитныя стрѣлки и вызывать сѣверныя сіянія, но прямо или косвенно вліять и на измѣненіе свѣта кометы. (с.)

Вода одно изъ самыхъ сильныхъ растворяющихъ средствъ. Она растворяетъ большую часть твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и всѣ газы. Отсюда такъ трудно добывать изъ натуральныхъ источниковъ воду совсѣмъ чистую и безъ всякой примѣси. Растворяя различныя тѣла, вода сама, однако, не измѣняется и не скрываетъ свойствъ растворимыхъ въ ней веществъ: она въ высшей степени нейтральна. Большинство веществъ растворяется легче въ горячей, чѣмъ въ холодной водѣ: одна известь составляетъ исключеніе. Степень растворимости, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія ни къ вѣсу атомовъ, ни къ характеру химическихъ соединеній. На основаніи этого растворяющаго свойства воды и растенія получаютъ изъ почвы свое неорганическое питаніе: она вызываетъ и поддерживаетъ въ нихъ обращеніе растительнаго сока. Кислородъ растворяется въ количествѣ 3,7 частей по объему на 100 частей воды и существуетъ во всякой водѣ на открытомъ воздухѣ. Другіе газы еще въ большемъ количествѣ въ ней растворяются: столь общеупотребительныя сельтерская и содовая воды суть не иное что какъ водные растворы этихъ газовъ, которые, такъ же точно какъ и сѣроводородный газъ, растворяются въ 16 процентахъ по объему въ водѣ. Есть газы и еще болѣе растворимые, напр. амміакъ. Двѣ причины обусловливаютъ растворимость въ водѣ газовидныхъ тѣлъ: температура и атмосферическое давленіе. Чѣмъ холоднѣе вода, тѣмъ больше газа можетъ она растворять и удерживать въ растворенномъ видѣ. При кипяченіи она выпускаетъ всѣ газы. Атмосферическое давленіе тоже имѣетъ вліяніе на степень растворимости газовъ: послѣдняя даже находится въ прямомъ отношеніи къ первому. Изъ наблюденій видно, что въ горныхъ итальянскихъ озерахъ водятся лишь низшія и болѣе мелкія породы рыбъ. Это объясняется высокимъ положеніемъ вышеупомянутыхъ озеръ надъ поверхностью моря, въ области разрѣженнаго воздуха и менѣе сильнаго атмосферическаго давленія. Вода въ этихъ озерахъ, слѣдовательно, содержитъ въ себѣ меньшее количество растворенаго воздуха и потому менѣе способна поддерживать животную жизнь. (N).

Тетанинъ. Однимъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ заболѣваній, причина которыхъ до сихъ поръ не поддавалась никакимъ изслѣдованіямъ, можетъ быть названъ: *травматическій столбнякъ* (*Wund-Starrkrampf*), этотъ „страшнѣйшій врагъ хирурговъ"—какъ его называлъ Диффенбахъ. Въ настоящее время, (по словамъ *Фосс. газ.*), благодаря неутомимымъ трудамъ и усовершенствованнымъ методамъ изслѣдованія, ученымъ удалось проникнуть въ эту непроглядную тьму. Превосходные труды нѣмецкихъ бактеріологовъ, Флюгге, Николайера, Розенбаха, констатировали присутствіе особаго возбудителя названной болѣзни, имѣющаго весьма опредѣленные характерные признаки, такъ что существованіе бациллы травматическаго столбняка не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію. Однако до сихъ поръ не былъ еще открытъ тотъ ядъ, который возникаетъ вслѣдствіе существованія и жизнедѣятельности столбняковой бациллы, обусловливающій ея страшное дѣйствіе. Въ настоящее время уже имѣются доказательства тому, что этотъ характерный ядъ, *тетанинъ*, дѣйствительно существуетъ и именно въ живомъ, больномъ человѣкѣ. Тетанинъ, открытый уже ранѣе путемъ анализа, былъ фактически извлеченъ профессоромъ Берлинскаго университета Бригеромъ, изъ ампутированной руки, непосредственно вслѣдъ за ея отнятіемъ. Провѣрочные опыты, производившіеся съ тетаниномъ надъ здоровыми животными, надъ мышами, кроликами и морскими свинками, дали утвердительные результаты и животныя, надъ которыми производились опыты, подвергались травматическому столбняку. Впрочемъ опытъ съ собакой не далъ никакихъ результатовъ, а подкожное вспрыскиваніе яда лошади вызвало сильное и продолжительное подергиваніе мускуловъ, но не произвело оцѣпенѣнія, столь обыкновеннаго при столбнякѣ лошадей. Дальнѣйшія изслѣдованія должны быть направлены къ тому, чтобы противопоставить *тетанину* специфическое противоядіе, которое бы парализовало его дѣйствіе. (е.)

Новая скорострѣльная пушка Круппа.

Астрономомъ Денингомъ, въ Лондонѣ, добыты недавно интересныя свѣдѣнія относительно высоты на которой бываютъ видимы огненные шары и падающія звѣзды. При исчисленіи было принято во вниманіе 80 метеоровъ, наблюдавшихся въ періодъ 1865—1887 г. Оказалось, въ среднемъ выводѣ, что метеоръ при началѣ своего появленія достигаетъ 69 миль высоты, а при угасаніи 30 миль. Для падающихъ звѣздъ начальная высота достигаетъ 80 миль, конечная 54 миль, среднее теченіе 67 миль. Выходитъ, повидимому, что огненные шары, прежде чѣмъ достигнутъ видимой степени раскаленности, проникаютъ въ атмосферу на 11 миль глубже, чѣмъ мелкіе метеоры, и что они при окончательномъ расплаеніи находятся на 24 мили ближе къ землѣ, чѣмъ болѣе легкіе метеоры. Весьма вѣроятно, по этому что телескопическія падающія звѣзды, видимыя почти каждую ночь, достигаютъ еще большей высоты, чѣмъ болѣе яркія изъ этихъ тѣлъ, видимыя простымъ глазомъ. Всѣ приведенныя здѣсь цифры показаны въ англійскихъ миляхъ. (с.)

2-й заемъ 1866 года. 45-й тиражъ 1-го сентября 1888 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
51	25	500	2912	20	500	5178	25	500	7927	35	500	10638	4	500	12943	25	500	15550	34	500	17833	47	500
65	16	500	3016	24	500	5196	6	500	7943	28	500	10756	43	500	13032	6	500	15562	31	1000	17837	12	500
217	42	500	3058	50	500	5326	15	500	7954	16	500	10813	17	500	13064	17	500	15577	19	500	17839	25	5000
251	12	500	3068	36	500	5342	4	500	7991	46	1000	10822	7	500	13072	21	500	15600	43	500	17886	27	1000
365	25	500	3257	48	500	5411	26	500	8041	9	500	10866	47	500	13089	47	500	15728	22	500	17940	19	500
418	35	500	3328	29	500	5438	9	500	8044	43	500	11164	2	500	13094	36	500	15751	45	500	18158	50	5000
423	7	500	3339	30	500	5511	25	500	8101	15	500	11165	1	500	13123	48	500	15816	15	500	18275	34	500
475	33	500	3402	23	500	5559	24	8000	8342	32	500	11252	43	500	13192	41	500	15864	42	500	18378	6	1000
489	39	500	3535	22	500	5626	30	500	8382	35	500	11318	11	500	13317	11	500	16135	41	500	18427	29	500
661	23	500	3620	32	500	5657	10	500	8405	24	500	11380	8	500	13371	15	500	16214	43	500	18532	5	5000
735	25	500	3705	32	500	5675	45	500	8452	26	500	11389	46	500	13391	39	500	16245	27	1000	18540	16	500
853	2	500	3774	32	500	5680	24	10000	8475	17	1000	11533	9	500	13419	2	500	16254	34	500	18567	44	500
857	9	500	3828	8	500	5762	32	500	8492	48	500	11579	4	500	13425	14	1000	16276	42	500	18608	18	500
935	45	500	3829	31	500	5782	9	500	8557	26	8000	11646	23	500	13450	20	1000	16470	23	500	18619	20	500
979	48	25000	3916	45	500	5819	39	500	8725	37	500	11688	29	1000	13549	3	500	16571	14	500	18625	19	500
1188	3	1000	3973	36	500	5983	4	500	8739	31	500	11692	20	500	13591	20	500	16611	22	500	18653	45	10000
1215	20	500	3985	37	500	6086	2	500	8741	28	500	11784	33	500	13656	23	500	16724	11	1000	18696	41	500
1299	1	500	4119	9	500	6145	48	500	8918	36	5000	11931	48	500	13657	34	500	16736	40	500	18737	17	500
1356	39	500	4244	26	500	6197	29	500	8996	48	500	11958	50	500	13803	16	500	16753	25	500	18796	5	500
1429	25	500	4245	36	500	6260	31	500	9301	47	500	11986	11	500	13903	24	500	16869	40	500	18847	23	1000
1440	3	5000	4258	44	500	6479	13	500	9310	16	500	12006	25	500	14061	27	500	16871	40	500	18900	33	500
1514	42	500	4270	39	5000	6523	44	500	9384	22	500	12146	39	500	14128	43	500	16943	6	500	18915	17	1000
1661	32	500	4329	42	500	6582	44	500	9395	36	500	12188	17	500	14473	48	500	16966	3	500	18983	13	500
1742	9	500	4335	46	10000	6744	16	500	9447	34	500	12199	20	500	14538	22	500	16978	18	500	19007	12	500
1744	29	500	4352	44	500	6757	31	200000	9456	42	500	12231	22	500	14550	33	500	16982	1	500	19037	43	500
1885	15	500	4359	34	500	6810	21	500	9504	36	500	12232	48	500	14615	6	1000	17019	6	500	19065	50	500
1899	7	500	4381	39	5000	6827	21	500	9560	33	500	12256	47	5000	14762	44	1000	17051	39	500	19076	3	500
1991	41	500	4502	25	500	6855	17	500	9709	48	500	12365	5	1000	14769	28	500	17130	10	500	19217	33	8000
2003	7	75000	4544	35	500	7016	21	500	9791	15	8000	12368	36	500	14805	31	500	17178	24	1000	19486	38	500
2089	46	500	4611	43	500	7088	21	500	9802	15	500	12591	42	500	14911	17	500	17183	14	500	19539	42	500
2137	41	500	4631	23	500	7121	24	1000	9907	6	500	12713	19	500	14952	33	500	17231	42	500	19556	36	500
2190	29	500	4729	47	500	7130	24	500	9932	44	500	12772	43	500	15012	10	500	17306	48	500	19694	16	500
2195	41	500	4793	18	40000	7142	15	500	9992	46	500	12871	15	500	15023	34	500	17433	36	500	19752	42	500
2206	23	500	4810	34	500	7250	4	500	10101	44	500	12886	50	1000	15105	40	500	17539	31	500	10838	42	500
2274	38	500	4986	47	8000	7347	9	500	10106	50	500	12897	38	500	15154	3	500	17763	8	500	19876	8	500
2350	42	500	4991	34	500	7590	44	500	10345	33	500	12931	28	500	15187	5	500	17792	25	500	19897	3	500
2491	14	500	5081	40	500	7646	7	500	10512	28	500	12941	3	500	15379	13	500	17793	30	500	19992	38	1000
2613	1	500	5155	40	500	7837	37	500	10612	24	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

188, 634, 729, 1381, 1949, 2201, 2230, 2739, 3074, 3346, 3366, 3667, 3862, 3894, 3928, 4592, 4836, 4844, 5636, 6295, 6673, 7114, 7138, 7223, 7461, 7487, 7609, 7943, 8112, 8181, 8221, 8238, 8645, 8682, 9211, 9311, 9605, 10118, 10223, 10405, 10622, 10924, 11279, 11316, 11559, 12001, 12091, 12266, 12346, 12544, 12587, 12696, 12768, 12855, 13149, 13416, 13689, 13696, 13842, 13888, 14364, 14491, 14669, 14757, 14770, 15183, 16115, 16320, 16321, 16556, 16593, 16635, 16641, 16778, 16815, 16837, 16947, 17074, 17202, 17617, 18191, 18293, 18492, 18508, 19068, 19855.

Алгебраическая задача № 59.

Русская пословица состоитъ изъ 14 буквъ; если вмѣсто буквъ поставить числа, соотвѣтственно мѣстамъ ихъ въ русской азбукѣ, то между этими числами будутъ слѣдующія соотношенія:

1) Пятое относится къ одиннадцатому, какъ тринадцатое къ къ разности перваго и четвертаго.

2) Квадратный корень изъ суммы двѣнадцатаго и восьмаго равенъ двумъ третямъ десятаго.

3) Четвертое относится къ двѣнадцатому, какъ сумма девятаго и восьмаго къ разности перваго и тринадцатаго.

4) Кубичный корень изъ шестаго равенъ половинѣ втораго числа.

5) Второе относится къ десятому, какъ сумма седьмаго и восьмаго къ суммѣ третьяго и того же восьмаго числа.

6) Первое число равно суммѣ четвертаго, двѣнадцатаго и двумъ третямъ втораго числа.

7) Третье относится къ одной трети четвертаго, какъ седьмое къ одной трети двѣнадцатаго.

8) Кубичный корень изъ четырнадцатаго равенъ половинѣ десятаго числа.

9) Сумма пятаго и одиннадцатаго равна удвоенному тринадцатому числу.

10) Девятое относится къ разности двѣнадцатаго и восьмаго, какъ разность одиннадцатаго и седьмаго къ разности пятаго и третьяго числа.

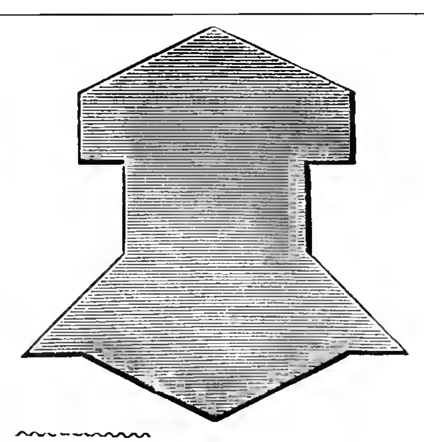
11) Сумма четырнадцатаго и шестаго равна суммѣ перваго, четвертаго и третьяго.

12) Одиннадцатое относится къ четвертому, какъ пятое къ двѣнадцатому числу.

13) Сумма девятаго и десятаго равна четвертому и третьему числу.

14) Разность втораго и третьяго равна разности десятаго и седьмаго числа.

Геометрическая задача № 60.

Разрѣзать данную фигуру прямыми линіями на 10 частей, такъ, чтобы составить изъ нихъ квадратъ.

Задача № 61.

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	16
17	18	19	20
21	22	23	24
25	26	27	28
29	30	31	32

Найти 7 словъ. Буквы этихъ словъ размѣстить на мѣстахъ соотвѣтствующихъ чиселъ такъ, чтобы получилась одна пословица.

1) Молочный продуктъ 31. 12. 22. 15. 28.
2) Часть тѣла 6. 25. 9. 7. 24.
3) Гласная буква 21.
4) Мѣсто мытья 11. 16. 1. 18.
5) Служебныя степени 20. 8. 23. 29. 32.
6) Народъ въ Европѣ 14. 27. 2. 3. 26.
7) Танецъ 17. 5. 10. 13. 4. 19. 30.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА" поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. ценз., СПБ., 7 сентября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. № 38 | г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 17 сентября 1888 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Н. В. Станкевичъ.

Въ исторіи нашего умственнаго развитія ярко выдѣляется чрезвычайно талантливая личность молодаго дѣятеля, рано похищеннаго смертью. Не громка была его дѣятельность, не важны были его литературныя заслуги. Онъ написалъ нѣсколько статей философскаго содержанія, двѣ-три заурядныя повѣсти, да нѣсколько изящныхъ стихотвореній, ничего особеннаго не представляющихъ. А между тѣмъ при воспоминаніи объ этомъ скромномъ дѣятелѣ вѣетъ чѣмъ-то неизъяснимо прекраснымъ, отраднымъ, чувство глубокой симпатіи и уваженія къ нему невольно наполняетъ всю душу; передъ вами встаетъ дѣтски чистый, свѣтлый образъ высоконравственнаго человѣка, одно присутствіе котораго дѣйствовало на окружающихъ неотразимо, самымъ обаятельнымъ образомъ и котораго справедливо сравнивали съ подземнымъ ключомъ, чье существованіе можно узнать по роскоши зелени, распространяемой имъ въ кругѣ своего вліянія. И онъ, дѣйствительно, какъ благодатный ключъ питалъ и живилъ всѣхъ его окружавшихъ; еще на школьной скамьѣ, въ стѣнахъ университета, сдѣлался онъ центромъ кружка товарищей, добровольно подчинявшихся вліянію его „свѣтлаго ума, благороднаго сердца и строгихъ нравственныхъ требованій“; позднѣе его безконечное благотворное вліяніе живо чувствовали такія, сами по себѣ даровитыя личности, какъ Бѣлинскій, Грановскій, Кольцовъ и другія. Этимъ „вліятельнымъ“ человѣкомъ былъ Николай Владиміровичъ Станкевичъ, со дня рожденія котораго въ текущемъ году исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ. Съ именемъ Станкевича связывается пора пробужденія лучшей части нашего общества, когда его представители стали „сознавать важность строгаго, добросовѣстнаго служенія наукѣ, необходимость нравственныхъ требованій отъ себя и отъ другихъ, общественное значеніе чистоты дѣйствій и побужденій“. Имя Станкевича напоминаетъ намъ

Николай Владиміровичъ Станкевичъ (по поводу 75-ой годовщины дня его рожденія).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

о существованіи въ тридцатыхъ годахъ замѣчательнаго кружка, страстно увлекавшагося гегелевской, тогда новой философіей, стремившагося къ высокому, гуманному пониманію жизни, который образовался изъ выдающихся литературныхъ силъ и безспорно игралъ важную роль въ литературѣ. Онъ оставилъ послѣ себя замѣтный слѣдъ, поднялъ всѣ тѣ литературные и научные вопросы, надъ разработкою которыхъ потомъ трудились лучшіе русскіе люди, всю свою жизнь посвятившіе „на служеніе мысли высокой, на служеніе правдѣ". Въ Станкевичѣ, этомъ типѣ удивительно благороднаго, возвышеннаго молодаго существа, отразилась, по справедливому замѣчанію его біографа, *юность* одной эпохи нашего развитія: онъ какъ будто собралъ и совокупилъ въ себѣ лучшія нравственныя черты, благороднѣйшія стремленія и надежды своихъ товарищей. Въ немъ сошлось какъ въ центрѣ все прекрасное, которое было разсѣяно въ толпѣ окружавшихъ его друзей... Причина *повсемѣстнаго* вліянія Станкевича заключается —говоритъ тотъ же біографъ— не въ талантахъ, которыхъ онъ проявить не успѣлъ, не въ познаніяхъ, хотя объемъ ихъ былъ весьма уже значителенъ, не въ умѣ, хотя глубина и проницательность его были охотно признаваемы. Причина полнаго, неотразимаго вліянія Станкевича заключалась въ возвышенной его природѣ, въ способности нисколько не думать о себѣ и безъ малѣйшаго признака хвастовства или гордости невольно увлекать всѣхъ за собой въ область идеала. Благодаря такой способности онъ подчинялъ своему вліянію чуть не каждаго, кто съ нимъ знакомился сколько нибудь близко, не говоря уже о друзьяхъ его. Самъ Грановскій считалъ себя ученикомъ Станкевича, не въ отношеніи эрудиціи, для которой помощь товарищей ему не была нужна, а въ смыслѣ „науки сбереженія души, воспитанія воли, неослабнаго бодрствованія въ благихъ помыслахъ". На Бѣлинскомъ вліяніе Станкевича также отразилось въ высшей степени благотворно и, какъ это всѣмъ извѣстно, даровитый критикъ въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ", которыя произвели столь сильное впечатлѣніе, прямо высказалъ воззрѣнія станкевичевскаго кружка, всю сущность его убѣжденій—его стремленія къ отысканію путей правды и добра. Свѣтлый образъ Станкевича жилъ съ Бѣлинскимъ до конца и критикъ нашъ въ послѣдній періодъ дѣятельности своей съ благоговѣніемъ вспоминалъ о своемъ другѣ, который, безъ сомнѣнія, много способствовалъ образованію безукоризненно-чистаго характера Бѣлинскаго. Станкевичъ несомнѣнно игралъ роль и въ исторіи образованія Кольцова, въ развитіи его таланта; какъ извѣстно, онъ и открылъ этотъ талантъ и вывелъ Кольцова на литературную дорогу; подъ вліяніемъ ученія Станкевича Кольцовъ написалъ и нѣкоторыя думы свои, въ которыхъ, показавъ свою необыкновенную силу, выразилъ весьма удачно отвлеченную мысль вполнѣ поэтически. Наконецъ и Гоголь до нѣкоторой степени обязанъ нравственною поддержкой Станкевичу при самомъ началѣ литературной карьеры своей. Встрѣченный холодно въ Петербургѣ, гдѣ публика какъ-то подозрительно смотрѣла на его „Ревизора", Гоголь встрѣтилъ въ Москвѣ и участіе и иной пріемъ. „Станкевичъ и весь кругъ его поняли съ перваго раза смѣхъ, производимый созданіями Гоголя, весьма серіозно, почти такъ, какъ понималъ его впослѣдствіи самъ авторъ". Вліянію личности Станкевича поддался и нѣмецкій профессоръ Вердеръ, у котораго онъ, въ Берлинѣ, бралъ уроки логики. Вердеръ просто влюбился въ своего ученика, отъ котораго, по его признанію, столько-же получалъ самъ, сколько и давалъ ему. У Станкевича была истинно-человѣческая, богатая натура; онъ обладалъ пытливымъ, философскимъ умомъ и нѣжною, отзывчивою. поэтическою душой; мысль и поэзія составляли основу его существованія, находясь между собою въ гармоніи и подчиняясь чувству мѣры. „Философско-поэтическій элементъ, присутствовавшій въ Станкевичѣ — говоритъ его біографъ, Анненковъ,—былъ именно тѣмъ дѣятелемъ, который волновалъ сердца и выводилъ ихъ изъ летаргіи. Куда бы животворный элементъ этотъ ни обращался въ теченіи своемъ, онъ увлекалъ за собою даже самыя упорныя, самыя лѣнивыя натуры".

Николай Владиміровичъ Станкевичъ родился въ деревнѣ своего отца, Удеревкѣ, Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, въ 1813 году. На одиннадцатомъ году его отдали въ острогожское уѣздное училище, гдѣ онъ впервые обнаружилъ наклонность къ изящному, полюбивъ театръ, и открылъ въ себѣ замѣчательныя актерскія способности. На зимнихъ и лѣтнихъ вакаціяхъ въ деревнѣ онъ, съ братьями и сестрами, устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ отличался, какъ главный и лучшій актеръ. Пробывъ два года въ училищѣ, онъ, въ 1825 году, поступилъ въ Воронежскій Благородный пансіонъ П. К. Θедорова, имѣвшій гимназическую программу и приготовлявшій молодыхъ людей въ университетъ. Въ пансіонѣ Станкевичъ занимался усердно и прочелъ всѣхъ русскихъ классиковъ; здѣсь впервые онъ проявилъ глубокую религіозность, никогда не покидавшую его, нѣжность души и сильную, неутомимую жажду къ поэзіи, выразившуюся, между прочимъ, и въ писаніи стиховъ. Въ Воронежѣ, во время пребыванія своего въ училищѣ, Станкевичъ познакомился и тѣсно сблизился съ Кольцовымъ, руководилъ его чтеніемъ и, вообще, съ этихъ поръ сдѣлался его покровителемъ. Окончивъ пансіонскій курсъ, Станкевичъ переѣхалъ въ 1830 году въ Москву, гдѣ поселился въ семействѣ извѣстнаго профессора М. Г. Павлова, которому былъ рекомендованъ своимъ наставникомъ, П. К. Θедоровымъ, и вскорѣ сталъ держать экзаменъ въ университетъ. Онъ поступилъ въ такъ-называемое тогда, словесное отдѣленіе и жилъ въ домѣ Павлова до конца университетскаго курса, причемъ Павловъ имѣлъ значительное вліяніе на направленіе и развитіе Станкевича. Къ первымъ годамъ университетской жизни Станкевича относится его основательное изученіе нѣмецкаго языка и близкое ознакомленіе съ поэтами Германіи. „Для Станкевича— говоритъ г. Анненковъ—нѣмецкая поэзія не только была родникомъ эстетическихъ впечатлѣній; она сдѣлалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣриломъ, на которое прикидывалъ онъ всю жизнь и собственное достоинство. Онъ по ней выучился распознавать признаки ничтожества и смерти въ явленіяхъ, принимаемыхъ за существенное и необходимое условіе жизни; онъ по ней выучился требовать отъ себя моральнаго усовершенствованія; она расширила также пониманіе Станкевича и возбудила къ дѣятельности всѣ умственныя его силы." Въ университетѣ онъ слушалъ лекціи М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и друг.; всѣ эти профессора имѣли сильное вліяніе на умы слушателей, „а слѣдовательно и на Станкевича, но особенную роль въ его развитіи игралъ молодой профессоръ Н. И. Надеждинъ, — первый человѣкъ отвѣтившій прямо на разные вопросы, мучившіе Станкевича. Ко времени студенческой жизни его слѣдуетъ отнести и выступленіе Станкевича въ литературѣ. Онъ издалъ трагедію „Василій Шуйскій", написанную очень гладкими стихами, и дышащую благородствомъ и достоинствомъ, и печаталъ стихотворенія въ „*Бабочкѣ*", „*Сѣверныхъ цвѣтахъ*", „*Литературной Газетѣ*", „*Телескопѣ*" „*Молвѣ*". Въ 1834 году Станкевичъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата и уѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ свою деревню, гдѣ принялся за изученіе Геродота, Θукидида, перечелъ „Иліаду", „Одиссею" и готовилъ себя для дѣятельности въ области исторіи. Возвратясь въ 1835 г. въ Москву, онъ предался изученію философіи, велъ, между прочимъ, въ высшей степени интересную переписку съ Грановскимъ и началъ службу по министерству Народнаго Просвѣщенія. Проживъ здѣсь два года, 1835 — 1836, онъ въ маѣ 1836 отправился лечиться на Кавказъ, гдѣ пробылъ до августа, потомъ пожилъ въ деревнѣ, въ Москвѣ и въ 1837 году уѣхалъ для серьезнаго леченія за границу. Сперва онъ жилъ Берлинѣ, Дрезденѣ, Карлсбадѣ и другихъ мѣстахъ, много работая надъ своимъ образованіемъ, потомъ путешествовалъ по Италіи. Между тѣмъ болѣзнь его развилась чрезвычайно быстро, и въ ночь на 25 іюня 1840 года Н. В. Станкевичъ тихо скончался въ городкѣ Нови, въ сорока верстахъ отъ Генуи. Тѣло его перевезено въ Россію и похоронено въ деревнѣ Удеревкѣ, мѣстѣ рожденія Станкевича.

П. Б—овъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

X.

Молодикъ.

На третій день по отъѣздѣ Киріаковомъ, въ Красны Холмы пригонилъ нарочный и привезъ съ собой коробъ. На разспросы Ириньи Мишаничны, нарочный отвѣчалъ, что господарь приказывалъ ему на-спѣхъ гнать, и прибѣжавъ во дворъ сдать коробъ ей, Иринѣ Мишаничной, и сказать притомъ что въ коробѣ кладены припасы воздушные, чѣмъ воздухи шить. А самой Иринѣ Мишаничнѣ велѣно, чтобъ она не мѣшкая отослала тотъ коробъ къ Щебелькону, къ Григорей Петровичу, а сдала тамъ съ рукъ на руки его, Щебельковой, дочери, Соломонь Григорьевнѣ.

У Ириньи Мишаничны отъ пріѣзда нарочнаго все въ головѣ перевернулося. Съ самаго отъѣзда Киріакова, она раздумывала: „въ кого онъ: въ батюшка аль въ дѣдушка?" и уже стала склоняться къ послѣдней мысли—и вдругъ коробъ какъ снѣгъ на голову! Иринья ушамъ своимъ не вѣрила.

— Да точно ль этакъ самъ онъ сказывалъ чтобъ Со-

ломонь Григорьевнѣ коробъ отдать а съ рукъ на руки? переспросила она.

— А коли же нѣтъ! отвѣчалъ нарочный.

— Да ты выразумѣй меня хорошохонько, вновь толковала Иринья, — а о томъ вѣдь я тебя спрашиваю, точно-ль самъ онъ эти слова сказывалъ, чтобъ коробо-тъ Соломонь Григорьевнѣ сдать съ рукъ па руки?

— Аль я господарскій приказъ придумывалъ? съ сердцемъ нарочный отвѣчалъ. — А я и имячька такого, чтобъ Соломонь, отродясь не слыхалъ. А коли онъ наказывалъ чтобъ съ рукъ на руки; такъ де Иринье Мишаничной и скажи, чтобъ съ рукъ на руки.

— Такъ съ рукъ на руки? еще разъ переспросила она, и вдругъ повеселѣла.—А слышь ты, затараторила она, — а бѣги-ко-сь въ стряпущую, а моимъ имемъ бабѣ стряпущей приказывай, чтобъ давала тебѣ ѣствушекъ хорошихъ, каки молъ для самой Ириньи Мишаничны сготовлены, да вели ощё пива себѣ нацѣдить цѣлый жбанъ. Да стой-ко, я сама съ тобой сбѣгаю.

Иринья Мишанична впередъ паробка побѣжала въ стряпущую, а тотъ сзади шелъ да раздумывалъ: что молъ я за коробъ такой привезъ что и кушанье мнѣ особое, и пива цѣлый жбанъ? Иринья, распорядившись чтобъ нарочнаго угостили „сытнёхонько да пьянёхонько“, велѣла поскорѣй коня закладать, а сама, заспѣшась, все еще не могла опомниться и въ себя придти. Ужь какъ сѣла она въ плетушку на двухъ колесахъ, поставивъ коробъ себѣ въ ноги, да изъ воротъ выѣхала, тутъ только она очувствовалась.

„А наша взяла“, первой ея мыслью было, и слѣдомъ она вознику крикнула: — А погоняй, знай, Михеюшко!

И всю-то дорогу такъ: прошепчетъ про себя „а наша взяла“ и крикнетъ вслухъ Михеюшку чтобъ зналъ, погонялъ.

Подкатя къ Щебельковымъ, Иринья Мишанична такъ-то скоро вспорхнула на крыльцо что хозяева и встрѣтить ее не успѣли.

— А наша взяла! а слышь-ко, Соломонушка, а наша взяла! кричала, опрометью въ избу вскочивъ, Иринья Мишанична.

Всѣ всполошились и приступили къ гостьѣ съ разспросами.

— А и гдѣ жь онъ, Михеюшко? не отвѣчая на разспросы шумѣла Иринья. — А и увалень же! А дайте-ко-сь сама я сбѣгаю.

Иринья бросилась было изъ избы, какъ на порогѣ сталъ Михеюшко, съ большимъ коробомъ въ рукахъ.

— А глядите, глядит-ко-ся каки припасы присланы, выхвативъ коробъ у Михеюшки изъ рукъ и ставя его на лавку, на крикъ кричала Мишанична.

Въ избѣ, кромѣ своей семьи, была Соломонушкина крестная, Наталья Адріановна. Всѣ обступили Мишаничну, а она, сердясь на триклятую веревку, спѣшно развязывала коробъ. Въ коробѣ, въ холстѣ заверчены, лежали тафта голубая и тафта черная, серебро, золото и шелки разноцвѣтные.

— А наслалъ-то сколько, гляди! вскричала Иринья Мишанична.

— Добра тафта, осмотрѣвъ на свѣтъ и ощупавъ тафту, сказала старая Щебельчиха.

— А добрѣй и не бывать, подтвердила Наталья Адріановна.

— Ой, да ты же это будешь, Наталья Адріановна! сказала Мишанична. — а я то, прости, заспѣша, тебя не примѣтила.

И обѣ гостьи цѣловалися.

— Ой, гляди, Иринья Мишанична, смѣючись Щебельковъ сказалъ. — у тебя за этой за спѣшкою и съ хозяевами сегодни было не здороваюсь.

Иринья, разсмѣясь надъ своей поспѣшностью, здоровалась съ хозяевами.

— Ужь не обезсудьте вы меня, какъ я съ этимъ коробомъ въ мысляхъ запуталась. А ужь сбимшись съ пути, до конца буду путаться. А спрошу вѣдь васъ не по обычаю: ощё было-ль у васъ обѣдано? А поѣхано у меня на спѣхъ было, объ обѣдѣ не помнячи, а дорогой-то меня порастрясло порядочно.

Хозяева думали было за обѣдъ садиться да заслышавъ что кто-то спѣшитъ, рѣшились обождать и теперь милости просили у дорогой гостьюшки, чтобъ она не побрезговала, ихъ хлѣба-соли откушала. Старая Щебельчиха бросилась хлопотать объ обѣдѣ.

— А, ишь ты, говорю, сколько всякаго припаса наслано, заговорила Иринья Мишанична подходя къ коробу. — А сказывалъ будто у матушки голубой тафты не великъ остаточекъ, а всего молъ локтя съ два, никакъ де не болѣе, а прислалъ-то цѣлу половинушку новую. А о черной тафтѣ у насъ и рѣчи съ нимъ не было. А шелковъ, сребра-золота, а хватитъ ихъ на троп воздухи.

— А вѣстимо, вставилъ свое слово Щебельковъ, — гдѣ жь мужчинѣ о бабьихъ дѣлахъ помнить въ точности. А какъ чего не знаешь, все думаешь что мало молъ; также вотъ и Киріакъ Андреевичъ...

— А ты, знай, молчи, старъ, а въ наше дѣло женьско не путайся! перебила его Иринья, значительно подмигнувъ Соломонушкѣ.

— Ну, сказала въ полъ-обѣда Наталья Адріановна,— а я, значитъ, сегодни же крестинушку къ себѣ увезу, а завтра мы и достальныхъ дѣвчатушекъ соберемъ, а житьё же у насъ пойде за работою—скажи: обитель дѣвичья.

— Гляди, вступилась Иринья Мишанична, — втолкуешь имъ ощё что и замужъ-то идти дѣло нехвальное.

— А толкуй, не толкуй имъ, а прійде пора, также какъ ты вотъ, Иринья Мишанична, за-мужъ выскочатъ.

— Ну, какъ я-то, смутясь проговорила Иринья, — не дай Богъ.

Наталья Адріановна и сама смутилась.

— Ужь прости ты, Иринья Мишанична, эту мою опрометчливость: не къ тому вѣдь слово-тъ молвила. А сама вѣдашь, Божій тутъ судъ.

— Во истину Божій, сказала важно Иринья, и точно вспомнивъ вдругъ, спросила: — А каку тебѣ, Григорей Петровичъ, книгу-ту въ поминокъ прислалъ Киріакъ Андреевичъ?

Услыхавъ что въ книгѣ про Соломонь писано, Иринья Мишанична крѣпко губы сжала, словно боясь, что нескромное слово силкомъ проскочитъ сквозь нихъ. Иринья сидѣла рядомъ съ Соломонь Григорьевной и успѣла таки шепнуть ей въ ушко: „аль и по сейчасъ ты, дѣвья красота, не увѣрилась?“

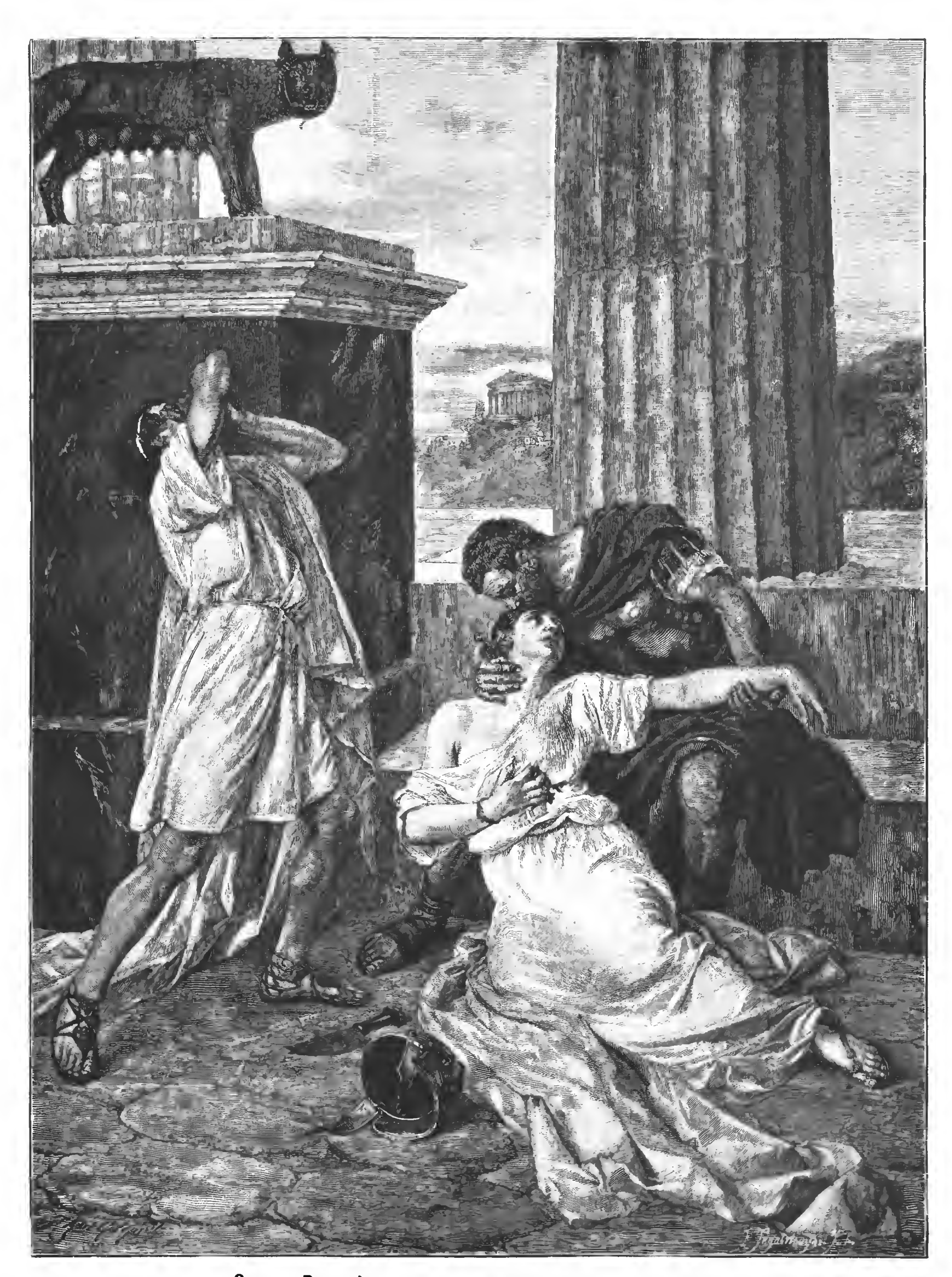
Соломонь вся сжалась, боясь что у нея кровь бросится въ лицо, а батюшко замѣтитъ да спроситъ, съ чего она застыдилася. Напрасно, однако, опасалась дѣвушка: не къ лицу, къ сердцу прихлынула кровь, а лицо у нея стало блѣдное.

Собираясь уѣзжать, Иринья Мишанична улучила таки часокъ съ глазу на глазъ поговорить съ дѣвушкой.

— А слышь-ко ты, дѣвья красота, тебѣ вѣдь прислано, а коробо-тъ самъ, пойми, тебѣ же сдать наказывалъ съ рукъ на руки. Только я того не дѣлала, какъ ты дѣвчина у насъ стыдливая, заалѣлась бы, а тутъ наша тайность, гляди, раньше чѣмъ слѣдъ, на Божій свѣтъ и выскочила-бъ. А пойми же, говорю, а ощё и тому вѣрь, дѣвья красота, а не пройде отъ сегодни недѣлюшки, а крайній срокъ — десять денъ, какъ твой батюшко свою дѣвчину просватаетъ.

Гостила Соломонь Григорьевна у своей крестной недѣлю, гостила и десять дней, и другая недѣля прошла, а Ириньино прорицанье все не исполнилось.

Пришли Адріаны съ Натальями, именины крестной. Именины приходились во вторникъ; Иринья Мишанична не пріѣхала, и въ воскресенье въ погостѣ у

Смерть Виргинiи. Съ карт. Карла Гебгардта, грав. Тегетмайеръ.

Въ безвыходномъ положеніи. Съ картины Флейшера, грав. Остъ.

обѣдни не была же, и всѣ за имениннымъ столомъ удивлялись: „что бъ оно молъ значило? ужь не больна-ли лежитъ?“ Одна Соломонь Григорьевна ни слова не сказала объ Иринькиномъ нездоровьи, а про себя думала, что стыдно молъ ей, души дѣвичьей смутительницѣ, на глаза показаться.

Черезъ недѣлю послѣ именинъ, во вторникъ, крестная, только обѣды отошли, уѣхала по какимъ-то неотложнымъ дѣламъ, и хотя скоро обѣщала воротиться да замѣшкалась. Дѣвушки, прикончивъ трудную работу, въ ожиданіи крестной къ ужину, усѣлись на крылечныхъ ступенькахъ. Было ихъ дѣвушекъ шесть, иль семь, и все-то были дѣвушки хорошія. Про Соломонь Григорьевну и говорить нечего: всѣ крестныя сестры ее почитали за старшую, во всемъ ей уважали и даже спорили: кто изъ нихъ Соломонушку больше любитъ и угождаетъ ей съ полной охотою? Любушка знала всѣ примѣты, которая къ чему, и про сны, и про мѣсяцъ, и про гаданья всякія. Дросидушка была дѣвушка хозяйственная: вкуснѣй ея никто въ околоткѣ пироговъ не пекъ, а на именинахъ она такъ отличилася, что и разсказать нельзя. А умомъ не вышла дѣвушка: что̀ ей въ голову приходило, то и ляпала, и всегда какъ-то случалося, что скажетъ она безо всякаго умысла, а выйдетъ будто сказала со злою хитростью. Липушка умѣла родствомъ считаться, до седьмой воды съ киселя, если не далѣе, при чемъ всегда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ выкрикивала: „а ужь не спорь ты со мной, а спроси лучше крестную.“ Остальныя были просто дѣвушки хорошія; умѣли онѣ безъ науки своему смѣху дѣвичьему смѣяться, и своимъ дѣвичьимъ слезамъ плакать, — что̀ и продѣлывали по многу разъ въ день.

— А нонѣ вѣдь молодикъ нарождается, сказала Любушка, — а только вотъ не знаю въ которой сторонушкѣ; не прозѣвать бы его.

— А я вечоръ ощё глядѣла да не видѣла, вытаращивъ глаза объявила Дросидушка.

Всѣ такъ и закатилися. И Соломонь Григорьевна улыбнулась, хотя въ задумчивости и не разслышала, что ляпнула Дросида.

— Что, что ты во снахъ-те видѣла? спросила она.

— А не во снахъ же, въ явь, да и то не видѣла, обстоятельно отвѣчала пучеглазая Дросидушка.

Дѣвушки опять закатилися.

— А я „во снахъ“ думала, задумчиво проговорила Соломонь.

— А вотъ что̀ хошь прозакладую, сказала Липушка, — что видѣла наша Соломонушка сонъ значительный.

— Что за сонъ? встрепенулась Любушка. — А сказывай, скорѣече, Соломонушка, — сказывай, разгадаю я. Только стой, постой, встану-ко я, какъ молодико-тъ мнѣ прозѣвать не хочется.

И Любушка, вскочивъ, сбѣжала съ крыльца и поглядѣвъ по сторонамъ, не видно-ль гдѣ новаго мѣсяца, стала лицомъ къ остальнымъ дѣвушкамъ.

— Что-жь ты, Соломонушка, сказывай.

— Охъ, страшнёхонько!

Дѣвушки насторожились.

— А страшенъ сонъ да милостливъ Богъ, прошептала одна изъ нихъ.

— А видѣлось мнѣ, дѣвушки, съ затаеннымъ страхомъ говорила Соломонь. — Видѣлось мнѣ, будто стою я въ новой горницѣ, а все въ ней чисто на-чисто прибрано, и полъ такъ чисто выскребенъ [1], что вотъ нѣту на немъ ни соринночки, ни пылиночки. И дорожка по полу постелена полотняна, бѣлымъ-бѣлая. А на мнѣ самой платье бѣлымъ-бѣло, бы первый снѣгъ. И стою я да на полъ и на самое себя дивуюся. И вдругъ какъ побѣгу, побѣгу по дорожкѣ-то, по полотняной. А тамъ вижу что бѣгу-то я ужь по дорогѣ вверхъ, на горушку, а дорога-то пловатая, грязная прегрязная. А ноги у меня безъ чоботовъ, голыя, и въ грязи всѣ. И такова-то мнѣ досадлива эта грязь стала, что я съ досады и проснулася.

— А ничего во снѣ нѣтъ страшнаго, мгновенно рѣшила Любушка, ни мало не сомнѣваясь въ своемъ снотолкованіи. — А платье да горницы новы — жизнь тебѣ новая. А платно постелено — дорога тебѣ; а что бѣлое, то дороженька чистая. А что въ грязи ноги вымарала, то къ богачеству. Одно только сумнительно что на горушку лѣзла. Вотъ кабы съ лѣстницы, почетъ бы тебѣ былъ. А на горушку, будто къ горюваньицу.

— То-то же, привздохнувъ сказала Соломонушка, обративъ вниманье на толкованье про гору. — А еще я тебѣ, Любушка, скажу что платье-то бѣлымъ-бѣлое — страшенъ сонъ.

— А что жь въ платьи то страшнаго? спросила Любушка, незамѣтно для себя входя въ грустное настроеніе своей подруги.

— А вотъ что я скажу вамъ, дѣвушки. Какъ была я еще мала-малехонька, жила у насъ старушка древняя. Ужь не знаю я, была ль она намъ сродственница, аль просто приживала у насъ, безпріютная. Только любили ее всѣ, а самъ батюшко звалъ ее своею бабушкой. И вотъ, какъ помирать ей пришло, видѣла она во снахъ будто стоитъ она середь поля чистаго, а надѣта на ней сорочка бѣлымъ-бѣлая. И пробудясь, стала она кликать всѣхъ. А отъ старости она почитай съ печки не слазила. И, помню я, столпились мы всѣ у печки, и я тутъ же, за матушкину сорочку уцѣпясь, стою. А бабушка сверху еле слышно свой сонъ сказываетъ. А на послѣдокъ молвила: „а приде молъ скоро моя смеретушка; къ тому я себя и въ бѣлой сорочкѣ видѣла что знать моя душенька отъ скверны земной обѣлилася.“ И въ тотъ же день, аль на друго̀й, и преставилась. И вотъ, какъ стану вспоминать, ровно сквозь туманъ мнѣ печка видится, а на ней лежитъ восковая, скажи, бабушка, а мы внизу стоимъ. А про сонъ-тъ мнѣ не однова̀ потомъ матушка сказывала.

Всѣмъ дѣвушкамъ показалось, что Соломонушка вдругъ замолчала, не договоривъ чего-то самаго страшнаго. Тихій ангелъ пролетѣлъ надъ дѣвушками.

— А что, ляпнула съ дуру Дросида, — сплылъ онъ, что-ль, въ Новгородъ?..

— Кто въ Новгородъ сплылъ? зашумѣли дѣвушки.

— А бояринъ-то этотъ молодый, Кюръ его, что-ль, звать, аль Курилою?..

— Киріакъ Андреевичъ? подхватила Липушка.

— Это ты съ чего жь про него вспомнила? вскипнулась съ досадой Соломонь Григорьевна на пучеглазую Дросиду.

— А былъ же у васъ, удивленно та отвѣтила, да отъ великаго удивленья такъ и осталась съ открытымъ ртомъ.

— А упавъ, скажутъ, замѣтила одна изъ дѣвушекъ.

— Точно, совладавъ съ собой прилгала Соломонь Григорьевна, — былъ онъ у насъ въ Маккавеевъ день. А только гостей у насъ, сами знаете, тутъ полонъ дворъ. А матушка на грѣхъ прихворнула. А мнѣ за угощеньемъ его упаства и доглядѣть было некогда. А точно, батюшко будто послѣ и сказывалъ что хорошъ съ лица.

— А какже въ Спасовъ день, скажутъ, отозвалась Липушка, — вы съ батюшкомъ къ нему въ гости ѣздили?

— Батюшка-то точно у него сидѣлъ, а я — у Ирины Мишаничной. А ѣхала я нездоровая, ради приказа батюшкина. И не къ обѣднѣ проѣхала, а прямо къ Мишаничной. А въ обѣдъ и самоё Мишаничну, може слышали, разломило въ ломъ. Тутъ мы съ батюшкомъ и домовь поѣхали, ужь во второй разъ прилгала дѣвушка.

[1]) То есть вымытъ мочалкою съ пескомъ.

Липушка, между тѣмъ, замѣтивъ что Дросида все еще съ открытымъ ртомъ сидитъ, задумала ее вышутить.

— А гляньте-ко-сь, дѣвушки, какъ Дросидушка-та у насъ о бояринѣ размечталася, а сидитъ ротъ розиня, сама думаетъ что самъ онъ къ ней. печеный, въ ротъ влетитъ. Знатно babприноравливается замужъ за него, за Киріако-тъ Андреевича.

Дросидушка. сквозь дѣвичій смѣхъ, не сразу разобрала чѣмъ такимъ надъ ней Липушка подсмѣялась. А разобравъ, страсть какъ осердилась.

— Это ты, видно, съ дуру за него замужъ выскочить собираешься, крикнула она.

— А соберись-ко я, съ сердцемъ-же отвѣчала Липушка, — такъ не по твоему; не съ дуру, а съ ума бы собиралася. Да нельзя мнѣ лихъ, потому какъ родня онъ мнѣ, хоть и дальняя.

— Какъ родня? спросили съ разныхъ сторонъ.

— А какъ и всегда родня водится.

И Липушка принялась за свое любимое дѣло, стала высчитывать свое родство съ Киріакомъ. Высчитывая, она безпрестанно сбивалась и, не смотря на то что никто и не думалъ ей перечить, вскрикивала: „а ужь не спорь ты со мной, а спроси лучше крестную.“ Дѣвушки сначала прислушивались къ ея „счету“, а затѣмъ однѣ межь собой зашушукались, а другія просто задумались. А Липушка, знай себѣ, родствомъ считается.

— А вотъ онъ, молодикъ! прервала ее Любушка. — А сидите всѣ, не шелохайтесь, а сейчасо-тъ-ко вамъ онъ окажется. А я-то, охъ! олуша я безталанная, ждала, ждала да съ лѣвой сторонушки и выждала. И надо жь мнѣ было съ мѣста-то соскакивать! горевала Любушка, а затѣмъ спѣшно крикнула:—А что, дѣвушки, нѣтъ-ли у кого хлѣба краюшечки аль сѐребра въ рукахъ?

— А у Соломонушки вѣдь сѐребро, отвѣчала Липушка.

— Что, гдѣ сéребро? съ испугомъ отозвалась Соломонушка.

— А на правой же ладошкѣ у тебя, сказала Липушка.

Всѣ бросились глядѣть что̀ за серебро. Вышло что Соломонь Григорьевна, задумавшись, невзначай сняла съ пальца старинную серебряную жуковину, еще отъ прабабушки, и положила ее на ладонь.

— Ну, Соломонушка. вскрикнула Любушка, — а будешь ты самая счастливая. А вѣрь моему слову нелестному, а только этотъ мѣсяцъ на ущербъ пойде, станешь ты богатая. А еще спа-то боялася: а выходитъ и тутъ правда моя, а ноги въ грязи — къ тому же богачеству.

И съ этого разговоръ опять на сны повернулъ. Стали всѣ разсказывать про свои сны значительные, и всякой-то свой сонъ казался значительнѣй всѣхъ.

— А ты, Дросидушка, чего жь молчишь, снова пристала къ ней Липушка, — аль тебѣ николи ничего во сняхъ не мечталося?

— А видѣла.

И только она ротъ открыла, ужь всѣ дѣвушки приготовились смѣяться.

— Что жь ты видѣла? не унималась Липушка.

— А цвѣты видѣла, будто я цвѣты рвала.

— А чтожь ты съ цвѣтами-те дѣлала?

— А ѣла ихъ.

Дѣвушки со смѣху поперхнулися.

— А и въ явѣ я всегда ихъ ѣмъ, сорву цвѣтикъ и скушаю.

Дѣвушки смѣялись до слезъ.

— Охъ, сквозь смѣхъ едва выговорила Липа. — Видно наша Дросидушка, что твоя буренушка, и въ явь, и во сняхъ о жвачкѣ думаетъ.

— Нѣтъ вы, дѣвушки, слушайте что я вамъ дальше про сны стану сказывать, сказала Любушка. — А что праздничный сонъ — до обѣда, про то, гляди, и сами вы свѣдомы. А вѣдь и достальные сны не ровны живутъ, а бываютъ и крѣпкіе, и легкіе.

Всѣмъ стало любопытно знать, какіе такіе сны бываютъ крѣпкіе да легкіе.

— А крѣпки сны живутъ подъ середу, а въ особину подъ пятницу. Эти-те сны ужь всегда, всегда сполняются. А подъ други дни будутъ сны легкіе, пустячные: который сбывается, а больше нѣтъ. А еще скажу тебѣ, Соломонушка, помолчавъ прибавила Любушка, — какъ на снахъ гадать.

— На снахъ гадать? изумилась Соломонь Григорьевна.

— А также вотъ. А ложася спать, задумай-ко, о чемъ тебѣ гадать требовается. А скажемъ: обновы тебѣ коей захотѣлося, а гадай на обновушку. А сказывай засыпаючи: „быть, не быть-ли мнѣ, дѣвушкѣ. во обновушкѣ?“ Коль увидишь ты себя во сняхъ во обновушкѣ, на яву тебѣ не видать ее. А увидишь будто не даютъ ее тебѣ, аль еще лучше отняли,—тутъ ужь вѣрь быть тебѣ на яву со обновушкой. А также, по тому же, можно гадать о чемъ вздумается, а только понимать на выворотъ. Во снѣ сбудется, въ явь не сбудется; а во сняхъ не сбудется, на яву, вѣрь, сбудется.

Въ ту же ночь, ложась спать, Соломонь Григорьевна вспомнила про это гаданье. И подумалось ей что завтра молъ середа, а подъ среду говорила Любаша, сны бываютъ крѣпкіе, которые всегда сбываются. И помолясь Богу, какъ совсѣмъ ужь въ постель легла Соломонушка, стала она про себя твердить: „Коль за нимъ мнѣ быть, въ церкви мнѣ съ нимъ во снѣ не вѣнчатися, а и стану вѣнчаться не довѣнчаетъ попъ. А не жить мнѣ за нимъ, нишъ во снѣ я съ нимъ безъ помѣхи повѣнчаюся.“ И съ такой мыслью дѣвушка уснула.

По утру, какъ просыпаться ей, стала кровь приливать въ голову, и будила дремотную мысль. Мысль сквозь легкій сонъ припомнила вчерашнее желаніе. И видитъ Соломонушка что она, дожидая жениха, стоитъ у нихъ на погостѣ, въ церкви. Вышелъ попъ, а она, сама не зная какъ, очутилась слѣва подлѣ жениха. Риза на попѣ-батюшкѣ новая, драгоцѣнная, и вѣнцы изъ олтаря вынесли также новые, драгоцѣнные. И вдругъ дѣвушкѣ пришло въ голову, что все это она во снѣ грезитъ. Смутно вспоминая Любушкины слова, Соломонь съ трепетомъ видитъ, что никто не мѣшаетъ ея вѣнчанью съ Киріакомъ Андреевичемъ. Страшно ей хочется чтобъ помѣшали, и дрожь ее беретъ, что сейчасъ вѣнчанье кончится. Вотъ ужь и кончено, и попъ велитъ цѣловаться. „Охъ, помѣшайте, помѣшайте же!“ силится вскрикнуть дѣвушка, и пробуждается.

„Охъ, никто-то не помѣшалъ!“ вдругъ вспомнила она и сердце у нея до того тоскливо сжалося, что на взрыдъ она заплакала.

— Что̀ ты. а что съ тобой, Соломонушка? любовно спросила ее крѐстная: въ одномъ чуланѣ [1]) спали онѣ.— Аль тебѣ во сняхъ что̀ страшно примечталося? Аль проснулась ты нездоровая?

— Охъ. крестна, моя крестнушка! всхлипывая отвѣчала дѣвушка. — А никто то, никто попу насъ вѣнчать не помѣшалъ. Охъ, охъ!

Крестная разспрашивать, а крестнушка разсказывать о своемъ гаданьи.

— Охъ ужь гаданья мнѣ эти! сказала Наталья Адріановна, — не скажу что будутъ они дѣло дьявольско. А знамо, его, Шутово [2]), дѣло. Шутки онъ стро-

[1]) Чуланъ — спальня, вообще комната безъ окна.

[2]) Шутъ — шаловливый духъ, или нѣжить, какъ зовутъ ихъ въ народѣ. Онъ ничего злаго не дѣлаетъ, а только шутитъ. Напримѣръ, возьметъ да и спрячетъ вещь, которая только что была въ рукахъ, а хозяинъ никакъ найти не можетъ, хоть и знаетъ что лежитъ она тутъ, гдѣ-нибудь возлѣ. Тогда, говорятъ, надо черезъ лѣвое плечо до трехъ разъ поглядѣть, приговаривая: „Шутъ, Шутъ, пошути да и намъ отдай.“ И Шутъ смилостивится, отдастъ.

итъ, а людямъ, гляди, и гореваньице... Да съ кѣмъ же ты, не скажешь мнѣ, во спяхъ-те вѣнчалася?

— А съ нимъ же, съ Киріакомъ Андреевичемъ.

Крестная строго посмотрѣла на дѣвушку.

— Да какже тебѣ такое влѣзло въ голову? спросила она, и въ отвѣтъ услышала горше прежнихъ рыданія.

Крестная присѣла на постель къ Соломонушкѣ, и стала утѣшать ее, какъ только умѣла.

— А она, она все, приговаривала сквозь рыданія Соломонь Григорьевна. — А смутила шептаньемъ своимъ мою душеньку. А сама-то я, може, о немъ день, дру́гій, аль недѣлюшку погрезила, а тамъ бы и замшилося. И жила бы я себѣ, дѣвчи́на, веселёхонька... А она, она все, триклята смутьяницица!

— Да кто она-то?

— А знамо, Иринья Мишаничиа.

И тутъ дѣвушка разсказала крестной всѣ свои мысли и помыслы, со встрѣчи въ лѣсу до послѣдняго разговора съ Мишаничной.

— А и бѣда моя что ни чѣмъ я тебѣ не могу посовѣтовать, сокрушалась крестная, — какъ эти мысли любовныя вовсе онѣ мнѣ незнакомыя. А ужъ Иринья Мишаничиа!.. Ишь ты!.. Какъ сама была гордая!.. И хоть за гордость эту ея непокрытую и посѣтилъ ее Господь, а дру́гихъ-те, ахъ ты! на тѣ же горды мысли наставливаетъ.. Ахъ ты, Господи, Господи!..

И крестная сама поплакала надъ чужимъ горемъ.

— А по меньше бы ты, чтоль, крестинушка, о немъ думала, сказала она.

— И то я свою думу сдерживала. А какъ сказала мнѣ она про срокъ не великъ, который ждать-то приходится, и тутъ я себя еще пуще сдерживала. А твердила себѣ съ утра до ночи, что молъ дѣло это нестаточное. Недѣлюшка прошла, ничего-то мнѣ. А вотъ какъ десятъ-то дёнъ восполнилось, и стало у меня въ сердечушкѣ покалывать. А молчала-жь я, никому ни словечушка, и може и замолчала бы въ себѣ эту грусть-тоску неспосную, а тутъ ну... Охъ, ты горе мое, гореваньице... А и страсть-кручина тяжелая!..

— А ты вотъ что̀, надумалась посовѣтовать крестная, — въ душѣ-то ты себя не сдерживай, а пусть она, эта дума-та твоя, про себя думается, а только о томъ, чѣмъ дѣло кончится, повыкинь изъ головы. А возложи ты это дѣло свое на Господа, и молись: молъ да будетъ воля Твоя, Отца Небеснаго. А своей воли у тебя чтобъ не было. Своя воля, на-добро-ль она, на-худо, а не знашь вѣдь. А Божья-то воля всегда намъ напользу. А коль сполнитъ Господь твое желаньицё, добро тебѣ; а не сполнитъ, знай: во зло-бъ оно тебѣ оборотилося. Такъ-то вотъ, Соломонушка. А ощё: наша воля короткая, а Господня воля обширная, а къ тому, скажи: человѣколюбива она, и многомилостива. А вставай-ко теперь, крестинушка, а умоешься да причешешься, а вмѣстяхъ мы Богу помолимся: да будетъ молъ, Господи, воля Твоя небесная.

Блѣдная и слабая встала съ постели дѣвушка, а вглядись въ нее: стала красна тою духовною красотою, чѣмъ знаменуется на человѣческомъ лицѣ сердечное горе.

(Продолженіе будетъ).

Познакомились.

Комедія въ одномъ дѣйствіи

Е. Северина (автора *Супружеское Счастье*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Весновъ, Владиміръ Николаевичъ, 40 лѣтъ.

Людмила, его дочь, 17 лѣтъ.

Градова, Лена, 20 лѣтъ.

Бряцаловъ, Михаилъ Ивановичъ, 22 лѣтъ.

Кабинетъ Веснова. Роскошная обстановка въ строгомъ стилѣ. Массивная мебель. Темные обои, ковры; на стѣнахъ оружіе и портреты. Направо большой письменный столъ, налѣво широкая отоманка. Каминъ. Шкафы съ книгами. На письменномъ столѣ горитъ лампа подъ абажуромъ, и въ каминѣ пылаютъ дрова. При поднятіи занавѣса сцена пуста. Раздаются торопливые шаги и въ дверь справа, раздвигая портьеру, выглядываетъ Людмила.

Явленіе I.

Людмила и Лена.

Людмила (*выглядывая изъ портьеры*). Все сдѣлано, какъ я приказала. Каминъ топится, лампа зажжена и ни души; чудесно! (*Оборачивается*). Иди, Лена, намъ здѣсь никто не будетъ мѣшать. (*Входитъ. За нею Лена въ нарядномъ вечернемъ туалетѣ, съ любопытствомъ осматриваетъ обстановку комнаты*). Видишь, какъ здѣсь хорошо! Это мой любимый уголокъ. Когда папа дома нѣтъ, а его почти всегда дома нѣтъ, и когда M-lle Марьяна запрется въ своей комнатѣ, я прибѣгаю сюда, беру одну изъ книгъ въ шкафу... (*Лена подходитъ къ шкапу съ книгами*). Не въ этомъ, не въ этомъ! Тутъ скука одна, Тьеры тамъ разные, да Бокли, тощища! А вонъ тамъ, въ маленькомъ, что поближе къ спальнѣ, въ немъ все романы и, чудо какіе интересные! Усаживаюсь на диванъ... (*Садится на отоманку*) и читаю. А иногда сплю. (*Вытягивается на отоманкѣ*). Тутъ и спать отлично, тихо, никто не мѣшаетъ, а какъ хорошо пахнетъ, не правда-ли? (*Нюхаетъ воздухъ*). Духами, сигарами и кожей. Я обожаю этотъ запахъ.

Лена (*оглядывая комнату*). У мужа моего тоже такъ пахнетъ. Это потому, что они много курятъ. А кабинетъ у твоего отца прекрасный, вотъ-бы такой Володѣ! Онъ все жалуется, что ему прохаживаться негдѣ, чтобъ сочинять лекціи, а сидя онъ не умѣетъ, ужъ такая привычка. Вдохновеніе только тогда и находитъ на него, когда передъ нимъ просторъ и когда я сижу въ той-же комнатѣ, съ работой. Онъ очень любитъ, когда я сижу у него въ кабинетѣ съ работой.

Людмила (*нетерпѣливо*). Да будетъ! Ты мнѣ это тысячу разъ разсказывала! Послушай лучше, что̀ я тебѣ скажу.

Лена. Сейчасъ. Дай мнѣ прежде разсмотрѣть этотъ столъ. Онъ очень удобенъ. Надо бы моему мужу такой. Ты не знаешь, у кого твой отецъ его заказывалъ? (*Внимательно осматриваетъ столъ*).

Людмила. Не знаю. Ахъ, Леночка! Еслибы ты только знала, въ какомъ я волненіи сегодня!

Лена (*разсматриваетъ вышитое кресло*). Какая прелесть! Это кто вышивалъ? ты?

Людмила. Нѣтъ, не я, я не умѣю вышивать. Это подарокъ одной дамы, папа у нее часто бываетъ. Ахъ, Лена, еслибъ ты только знала, какъ я счастлива! (*Вытягивается на отоманкѣ и закидываетъ руки за голову*). Нѣтъ, ты представить себѣ не можешь, какъ я счастлива!

Лена (*равнодушно*). Чѣмъ-же ты такъ счастлива? А есть у тебя узоръ съ этого шитья?

Людмила (*отрывисто*). Нѣтъ у меня никакихъ узоровъ!

Лена. Жаль. (*Беретъ бюваръ со стола и разглядываетъ его*). А это ему кто дѣлалъ?

Людмила (*сердито*). Почемъ я знаю! Все та же дама вѣроятно, онъ мнѣ своихъ секретовъ не говоритъ.

Лена (*разсудительно*). Ты не замужемъ, тебѣ нельзя всего говорить. (*Кладетъ бюваръ на мѣсто*) Непремѣнно вышью такой Володѣ.

Людмила. Не замужемъ! (*Приподнимается*). Какъ ты мнѣ надоѣла твоимъ чванствомъ! Не замужемъ! Да ты кажется воображаешь, что умнѣе стала, потому что замужъ вышла?

Лена (*спокойно*). Разумѣется умнѣе. Еще въ прошломъ году я была такая-же дѣвочка, какъ и ты, и жизни вовсе не знала.

Людмила (*запальчиво*). Пожалуйста, не называй меня дѣвочкой, я этого терпѣть не могу! Особенно теперь.

Лена. Что̀ теперь? Да ты и въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то особенно взволнована сегодня? Мы это и по запискѣ твоей замѣтили.

Людмила (*стремительно*). Мы... мы... кто это мы? Я одной только тебѣ писала?

Лена. Не кипятись. Мы, то-есть, Володя и я

Людмила (*срываясь съ мѣста*). Какъ? Твой мужъ читалъ мою записку?

Лена (*спокойно*). Читалъ. Онъ всѣ мои письма читаетъ.

Людмила (*съ отчаяніемъ*). Лена! Что ты со мной сдѣлала! Да это просто низость! Ну, какъ тебѣ не стыдно!

Лена (*опускаясь въ кресло, обмахивается вѣеромъ*). Никакой тутъ низости нѣтъ. Володя говоритъ...

Людмила. Ахъ, оставь пожалуйста! Что̀ это у тебя за привычка постоянно говорить про твоего мужа? Очень интересно, нечего сказать!

Лена. Что ты сердишься? (*Пожимая плечами*). Не понимаю! У насъ съ Володей такой уговоръ: ничего не скрывать другъ отъ друга...

Людмила. Да мнѣ-то какое дѣло до вашихъ уговоровъ!

Лена (*разсудительно*). Если между мужемъ и женой не будетъ общихъ духовныхъ интересовъ...

Людмила. Духовные интересы! (*Хохочетъ*). Какія слова!

На условленномъ мѣстѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Юмудскаго, грав. Бергъ.

Лена (*съ досадой*). Самыя обыкновенныя. Мы съ Володей еще не такія слова употребляемъ, когда разговариваемъ вмѣстѣ... Однако, мнѣ засиживаться у тебя долго нельзя сегодня. Ты писала, что желаешь меня видѣть и даже имѣешь что-то важное мнѣ сообщить?.. Что̀ такое? (*Молчаніе*). Да говори-же скорѣе, къ восьми часамъ я должна быть въ театрѣ.

Людмила (*нерѣшительно*). А что̀ сказалъ твой мужъ, когда прочиталъ мою записку?

Лена (*смѣется*). Да ничего особеннаго. Зачѣмъ тебѣ знать?

Людмила. Какъ зачѣмъ? Вотъ это мило! Про меня говорятъ, мои письма показываютъ, надъ ними смѣются, а я не должна знать!

Лена. Ужъ и вспылила! Никто надъ тобой не смѣялся, а если и посмѣялись немножко...

Людмила. Вотъ видишь! Ты сама сознаешься!

Лена. Увѣряю тебя, что самымъ безобиднымъ образомъ. Вѣдь мы тебя очень любимъ, Милочка!

Людмила. Мы... кто это мы? Я одну только тебя хочу знать и любить, никого больше.

Лена. Нельзя тебѣ не знать Володю, когда онъ мой мужъ.

Людмила. Такъ ты, значитъ, все ему разсказываешь?

Лена. Все.

Людмила (*въ большомъ волненіи*). Прекрасно! Я, значитъ, и передъ тобой должна молчать! Передъ моимъ единственнымъ другомъ! Отъ котораго у меня никогда не было тайнъ! (*Сквозь слезы*). Теперь ужъ у меня, значитъ, никого нѣтъ на свѣтѣ! (*Отвертывается, чтобъ скрыть слезы*).

Лена (*подходитъ къ ней*). Милочка! Да что̀ съ тобой? Горе какое нибудь? (*Людмила, продолжая отвертываться, качаетъ головой*). Почему-же ты такая взволнованная? (*Заглядываетъ ей въ глаза*). Голубчикъ ты мой, да ты плачешь? Объ чемъ это?

Людмила. Нѣтъ у меня никакого горя... я сама не понимаю что со мной дѣлается... Я счастлива, очень счастлива!.. но меня каждый вздоръ раздражаетъ и каждую минуту плакать хочется... (*Вытираетъ слезы*). Говорятъ, это нервы, я не знаю, а только я очень, очень счастлива!

Лена (*пристально смотритъ на нее*). Милочка! Да ты влюблена вѣрно? (*Людмила киваетъ*). Представь себѣ, вѣдь мой мужъ тотчасъ-же отгадалъ!

Людмила. Не говори мнѣ, ради Бога, про твоего мужа! Я слышать про него не могу!

Лена (*не слушая ее*). Онъ это вывелъ изъ твоей записки. Она была такъ нацарапана, что мы насилу могли ее разобрать, вся въ кляксахъ, слова недописаны... Володя тотчасъ-же сказалъ: твоя пріятельница влюблена вѣрно. Такъ и вышло. О, онъ у меня очень проницательный! А отецъ твой знаетъ?

Людмила (*продолжая отвертываться*). Знаетъ.

Лена. Такъ онъ ужъ, значитъ, сдѣлалъ тебѣ предложеніе? (*Людмила утвердительно киваетъ*). Да кто-жъ онъ такой? (*Нетерпѣливо*). Ну, что ты секретничаешь, вѣдь я все равно узнаю. (*Молчаніе*). Не хочешь? Ну, я сама доберусь (*Задумывается*). Князь Рѣпинъ? (*Людмила качаетъ головой*). Дороховъ? (*Та же игра*). Неужто Маханскій? (*Та же игра. Людмила съ трудомъ удерживается отъ смѣха*). Да ктожъ-бы это могъ быть? Бряцаловъ? Онъ! Онъ! Не качай пожалуйста головой, я отлично вижу, что это онъ. Ты такъ вспыхнула, даже уши покраснѣли! (*Раздумчиво*). Бряцаловъ! Вотъ ужъ не ожидала я, что ты выберешь себѣ такого мужа!

Людмила (*съ живостью*). Это почему?

Лена (*сдержанно*). Да такъ. Мнѣ всегда казалось, что тебя выдадутъ за человѣка порядочнаго, съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, умнаго...

Людмила. Такъ по твоему Бряцаловъ не уменъ?

Лена. Мы еще недавно говорили объ этомъ съ Володей...

Людмила. Нѣтъ, ты отвѣчай на мой вопросъ,—почему ты думаешь, что Бряцаловъ не уменъ?

Лена (*сдержанно*). Я этого не говорю.

Людмила (*волнуясь*). Нѣтъ, нѣтъ, ужъ я по тону твоему вижу, что онъ тебѣ не нравится! Почему? Да говори-же, почему онъ тебѣ не нравится?

Лена. Я не понимаю, изъ чего ты это заключаешь! Развѣ я тебѣ сказала что-нибудь? Онъ можетъ-быть очень хорошій человѣкъ.

Людмила (*съ возрастающимъ раздраженіемъ*). Можетъ-быть... можетъ-быть... Развѣ такъ выражаются про человѣка, который будетъ мужемъ твоего друга? Развѣ-бы я такъ выразилась про твоего Володю! Вотъ я наединѣ съ тобой ругаю его, говорю что онъ противный... да онъ и въ самомъ дѣлѣ противный и я его терпѣть не могу за то, что онъ читаетъ мои письма и вмѣшивается въ мои дѣла съ тобой... А вздумай-ка кто-нибудь сказать про него гадость, я глаза выцарапаю! А ты, ты объ моемъ женихѣ Богъ знаетъ какого мнѣнія!

Лена. Да что̀ съ тобой? Ничего подобнаго...

Людмила. Постой! Ты его считаешь дуракомъ...

Лена. Какъ ты выдумываешь!

Людмила. Ты объ немъ говоришь съ гримасой, вотъ такъ: „онъ можетъ-быть хорошій человѣкъ“.

Лена (*пожимая плечами*). И все это тебѣ только такъ кажется.

Людмила. Ахъ, пожалуйста, не оправдывайся! Вы всѣ, всѣ ненавидите моего бѣднаго Мишу! Но я его еще больше буду любить за это! Да, еще больше! Теперь, послѣ того, какъ и ты противъ него, я его обожаю!

Лена. Кто-же еще противъ него?

Людмила (*внѣ себя*). Кто? Да всѣ! Папа, M-lle Марьяна, тетенька Любовь Васильевна, дяденька Николай Ивановичъ, всѣ, всѣ, даже камердинеръ Василій, даже моя горничная Лиза, всѣ терпѣть его не могутъ и всякаго зла ему желаютъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я невѣста, всѣ ходятъ съ кислыми физіономіями и дуются на меня.

Лена. И отецъ твой тоже?

Людмила. Да онъ-то всему и причиной! Какъ узналъ, что Бряцаловъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе, онъ такъ разсердился, такъ кричалъ на весь домъ, что я даже струсила, право! Напустился на M-lle Марьяну за то, что она не довольно строго присматривала за мной, на Марью Андреевну за то, что она раньше не донесла на насъ, поссорился съ тетенькой потому, что Миша мнѣ сдѣлалъ предложеніе въ ея домѣ, — всѣмъ досталось. И мнѣ больше всѣхъ разумѣется. Ахъ, Леночка, я была очень, очень несчастна!

Лена. И что-жъ потомъ?

Людмила. Это цѣлую недѣлю продолжалось. Папа со мной говорить не хотѣлъ. Я сидѣла въ своей комнатѣ и все плакала, все плакала. Никого ко мнѣ не пускали, одну только Лизу. Черезъ нее только я и знала, что̀ въ домѣ дѣлается, — какъ Мишина мать пріѣзжала къ папѣ и долго говорила съ нимъ, запершись въ гостиной. Она такая важная дама; толстая, всегда въ бархатномъ платьѣ ходитъ и говоритъ такъ громко и строго, точно всѣмъ приказываетъ. Папа ее въ прихожую провожалъ, и серьезный такой, блѣдный. (*Вздыхаетъ*). Бѣдный папа! Я знаю, ему тоже не легко, онъ вѣдь меня такъ любитъ! Ему хотѣлось бы, чтобъ я до самой старости не выходила замужъ. Но развѣ это возможно? Я не хочу старой дѣвой оставаться. Мнѣ ужъ семнадцать лѣтъ. Вонъ, Сашенька Тихонова, она на три мѣсяца моложе меня и ужъ замужемъ. Вѣрочка Найденова тоже.

Лена. Чѣмъ же у васъ кончилось, наконецъ?

Людмила. Да вышло по моему, конечно. Не могъ же онъ не согласиться, когда я ему объявила, что умру если онъ не отдастъ меня за Мишу.

Лена. Ну, умереть вовсе не такъ легко, какъ ты думаешь!

Людмила. Очень даже легко. Я въ эту недѣлю такъ похудѣла, что платье надо было перешивать. Ничего не ѣла, по цѣлымъ ночамъ не спала. (*Вздыхаетъ*). Нѣтъ, Леночка, отъ любви очень даже можно умереть! И умираютъ. Чахнутъ, чахнутъ и умираютъ наконецъ. Сколько разъ я читала объ этомъ.

Лена. Мало-ли что̀ въ книгахъ написано! Сочинить все можно.

Людмила. И на самомъ дѣлѣ бываетъ, не въ однѣхъ только книгахъ. И Миша тоже былъ въ отчаяніи. А вѣдь отъ отчаянія даже стрѣляются, ужъ это не въ однѣхъ книжкахъ, а и въ газетахъ часто встрѣчается.

Лена. Теперь онъ, конечно, утѣшился?

Людмила. Да, теперь онъ опять веселъ. (*Молчаніе*). Какъ онъ хорошо танцуетъ, не правда-ли? По моему, никто̀ такъ не танцуетъ, какъ онъ. (*Молчаніе*). Онъ мнѣ и лицомъ съ перваго же разу понравился. Всѣ говорятъ про Зыбина, что онъ хорошъ собой, но я нахожу, что Миша несравненно лучше. Вотъ посмотри! (*Снимаетъ браслетъ съ медальономъ и подаетъ Ленѣ.*) Вѣдь, чудо какой хорошенькій, не правда-ли?

Лена (*холодно*). Да, не дуренъ, но только не въ моемъ вкусѣ.

Людмила (*обиженно*). Какой же у васъ вкусъ, позвольте узнать?

Лена (*смѣется*). Ты мой вкусъ знаешь.

Людмила. Но еслибъ у всѣхъ была такая большая борода, какъ у твоего мужа, это было бы ужасно!

Лена (*подовая ей назадъ браслетъ*). Твой женихъ на дѣвочку похожъ, я не люблю такихъ лицъ. Но если онъ тебѣ нравится, ну, и слава Богу.

Людмила. Разумѣется, онъ мнѣ нравится. (*Разсматривая портретъ*). И даже очень, очень нравится! (*Всторону*). Неужто жъ онъ и въ самомъ дѣлѣ похожъ на дѣвочку? (*продолжаетъ разсматривать портретъ и задумывается*)

Лена. Впрочемъ, наружность ничего не значитъ. Можно и съ женоподнымъ личикомъ быть хорошимъ и дѣльнымъ человѣкомъ.

Людмила (*язвительно*). Еще бы! Для этого вовсе не надо имѣть такихъ бакенбардъ, (*показываетъ растопыренными пальцами*) какъ у твоего Володи.

Лена. Ловкость въ танцахъ и свѣтскій лоскъ тоже не мѣшаютъ. Володя знакомъ съ однимъ губернаторомъ, тотъ отлично вальсируетъ, а между тѣмъ его въ министры прочатъ. Можно даже быть героемъ. Я слышала про одного молодаго генерала, ни одинъ балъ въ Москвѣ безъ него не обходится, а на войнѣ онъ такъ отличался, что имя его всему міру гремитъ.

Людмила. А почему ты думаешь, что Миша не можетъ быть героемъ?

Лена. Я этого вовсе не думаю. У мужа моего былъ товарищъ по университету, на видъ совсѣмъ пустенькимъ, дурачкомъ, казался...

Людмила (*запальчиво*). Мой женихъ не пустой и на дурачка вовсе не похожъ!

Лена. Да я развѣ про него? Я говорю про одного изъ Володиныхъ товарищей, а жениха твоего я вовсе не знаю.

Людмила (*раздражаясь*). Что̀ ты мнѣ все повторяешь: не знаю, не знаю... ты его знаешь столько же, сколько и всѣ, сколько и я... (*Спохватившись*). Ты тоже встрѣчалась съ нимъ на балахъ, танцовала съ нимъ...

Лена. Танцовала. Такъ что-жъ изъ этого? Я съ нимъ даже на конькахъ каталась.

Людмила (*стремительно*). Когда?

Лена (*смѣется*). Въ прошломъ году.

Людмила. Что ты смѣешься? (*Всторону*). Господи, какъ она меня злитъ сегодня!

Лена (*продолжая смѣяться*). Мы и на театрѣ вмѣстѣ играли.

Людмила. На театрѣ! (*Всторону*) Да чтò-жь это такое? Какъ со мной, такъ и съ ней! Чтò-жь это такое?

Лена. И даже на одной изъ репетицій между нами произошло маленькое недоразумѣніе.

Людмила. Какое недоразумѣніе.

Лена. Ну, ужь извини, душа моя, я тебѣ этого не скажу. Ты слишкомъ взволнована, изъ каждыхъ пустяковъ исторіи дѣлаешь.

Людмила. Это странно однако жь, ты говоришь что не знаешь его, а между тѣмъ...

Лена. Разумѣется, я его не знаю. Мало ли съ кѣмъ танцуешь, катаешься на конькахъ, въ любительскихъ спектакляхъ участвуешь и даже (*хохочетъ*) объясненія въ любви выслушиваешь, за ужиномъ, послѣ шампанскаго, передъ послѣднимъ котильономъ.

Людмила. Онъ тебѣ въ любви объяснялся?

Лена (*смѣется*). Кто?

Людмила. Миша, мой женихъ, ты сама сейчасъ сказала.

Лена. Успокойся, я говорю вообще. Никогда твой женихъ мнѣ въ любви не признавался. (*Съ достоинствомъ*) Ты все забываешь, что я замужняя женщина, душа моя, мнѣ каждый мальчишка въ любви признаваться не посмѣетъ. (*Надѣваетъ перчатки и накидываетъ на себя мантилью*). Однако, я у тебя засидѣлась, мнѣ давно пора. Ты чтò дѣлаешь сегодня вечеромъ?

Людмила (*смущаясь*). Да ничего особеннаго.

Лена. Сидишь дома? Одна? (*Пристально на нее смотритъ*). Понимаю! Жениха вѣрно ждешь? Да?

Людмила. Да перестань смѣяться, Лена! Это несносно, наконецъ!

Лена. Вы что-то затѣяли на сегодняшній вечеръ? (*Хохочетъ*) Я по глазамъ у тебя вижу, что затѣяли! Ну, признавайся скорѣе, а то вѣдь я все равно сама отгадаю.

Людмила. Да нечего и отгадывать... Насъ ни на минуту не оставляютъ вдвоемъ...

Лена. Ну, ну, да говори же скорѣе!

Людмила. Намъ даже и поговорить другъ съ другомъ серьезно не удалось ни разу... Ты представить себѣ не можешь, чтò это за мука!

Лена. Очень даже могу себѣ представить. И что-жь дальше?

Людмила. И какъ это не сообразить, право! Вѣдь я за него замужъ выхожу, надо же мнѣ знать его мысли, его характеръ, ну, все, однимъ словомъ! Нельзя же такъ, зря, не зная человѣка...

Лена. А какъ же ты невѣстой-то его сдѣлалась?

Людмила. Это дѣло другое, Ахъ, Лена, еслибъ ты только знала! (*Вздыхаетъ*).

Лена. Да знаю я! отлично, лучше тебя знаю!

Людмила. Мнѣ вѣдь только съ нимъ и весело было танцовать! Ужь какой былъ балъ у графини Зобовой, помнишь? И живыя картины, и всѣмъ дамамъ букеты давали, и кавалеровъ у меня было пропасть, и одѣта я была лучше всѣхъ, вѣдь правда?

Лена. Правда, правда!

Людмила. И не смотря на все это, мнѣ было такъ скучно, такъ скучно, что я просила папу до ужина уѣхать. И все это потому, что его не было на этомъ балѣ.

Лена. Что жь это доказываетъ?

Людмила. Какъ чтó? Да это значитъ, что я его люблю, такъ люблю, что жить безъ него не могу. Развѣ не правда? Какихъ еще доказательствъ?

Лена. Да я не объ этомъ вовсе! Ну, любишь, любишь, любишь, всѣ это знаютъ, всѣ этому вѣрятъ, чего тебѣ больше? А ты мнѣ скажи, чтò вы на сегодняшній вечеръ затѣяли? Вотъ чтò мнѣ интересно.

Людмила. Мы придумали... ну, чтобъ хоть часъ, хоть полчаса пробыть вмѣстѣ и наговориться на свободѣ, мы придумали кататься ѣхать вдвоемъ. Онъ заѣдетъ за мной въ девятомъ часу, (*смотритъ на часы на каминѣ*) вотъ ужь скоро, въ санкахъ, на своемъ рысакѣ, и если намъ только удастся обмануть M-lle Марьяну...

Лена. Вы прокатитесь по Невскому, по Морской и назадъ? Такъ, что-ли?

Людмила. Да.

Лена. И вы это придумали, чтобъ познакомиться другъ съ другомъ?

Людмила. Да, чтобъ познакомиться. Именно, чтобъ познакомиться.

Лена. (*со смѣхомъ качаетъ головой*). И какже вы глупы, дѣти мои, какже вы глупы!

Людмила. Да перестань же смѣяться, Лена!

Лена. Да какъ же надъ вами не смѣяться-то! (*Хохочетъ*). Это они ѣдутъ кататься на рысакѣ... И рысакъ отличный, я знаю рысака Брицалова, въ крошечныхъ санкахъ, въ которыхъ и одному-то сидѣть тѣсно, ночью, въ морозъ, чтобъ познакомиться другъ съ другомъ! (*Хохочетъ*) Чтобъ узнать характеръ, (*хохочетъ*) мысли другъ друга (*хохочетъ*). Ты меня уморила, милочка! Да ты совсѣмъ ребенокъ, куда тебѣ замужъ выходить, ты совсѣмъ, совсѣмъ ребенокъ!

Людмила (*въ смущеніи*). Да я не понимаю, право, что же тутъ смѣшнаго?

Лена. Ты ровно ничего не понимаешь, дитя мое, ровно ничего. (*Мѣняя тонъ*). Хочешь я тебѣ скажу, чтò вы будете дѣлать во время этого катанія?

Людмила. Мы разговаривать будемъ.

Лена. Цѣловаться вы будете и ничего больше.

Людмила. Леночка! Ну, какъ тебѣ не стыдно!

Лена (*настойчиво*). Да, да, цѣловаться. Ужь ты не спорь, пожалуйста, со мной, я по опыту знаю. И никакого знакомства изъ этого не произойдетъ, а головка твоя пуще прежняго вскружится и ты рѣшительно не въ состояніи будешь ничего понимать, вотъ и все! (*Молчаніе*). А ты лучше вотъ чтò сдѣлай: оставайся-ка дома, да продержи его у себя весь вечеръ. Вотъ здѣсь. Обстановка для серьезныхъ разговоровъ самая подходящая. (*Всторону*) Каждую минуту отецъ можетъ пріѣхать. (*Вслухъ*) Возьми какую-нибудь работу, съ работой въ рукахъ будешь казаться солиднѣе, и заведи съ нимъ рѣчь про его дѣтство, про его отношенія съ матерью, про его планы насчетъ будущаго. Вѣдь замужествомъ шутить нельзя, душа моя, тутъ вопросъ о счастьи всей вашей жизни рѣшается.

Людмила (*растрогана*). Да, да, мнѣ именно объ этомъ и хочется съ нимъ переговорить, и вотъ, до сихъ поръ никакъ не удавалось.

Лена (*съ важностью*). Надо знать, какъ онъ смотритъ на жизнь, на свои обязанности передъ обществомъ... вѣдь онъ, кажется, служитъ гдѣ-то?

Людмила. Какже, какже, чиновникомъ особыхъ порученій.

Лена. Ну, вотъ видишь. Отъ него, значитъ, судьба многихъ людей зависитъ. (*Людмила слушаетъ съ большимъ вниманіемъ*) Разузнай хорошенько про его убѣжденія, это очень важно, а также какого сорта книги онъ любитъ читать. Мой мужъ говоритъ, что по одному этому можно судить объ умственномъ развитіи человѣка. Не забудь также разспросить объ его друзьяхъ — чтó это за люди и за чтò именно онъ ихъ любитъ. Тебѣ непремѣнно надо это знать, вѣдь друзья эти будутъ ходить къ вамъ часто, каждый день; представь только себѣ, какъ это несносно, если это будутъ все идіоты вродѣ... вродѣ... ну, вродѣ Губанова, напримѣръ, или Шарикова, у которыхъ однѣ только карты на умѣ, кутежи, оперетка и тому подобное безобразіе.

Людмила (*въ волненіи*). Я все это понимаю, Лена, увѣряю тебя, что понимаю, у меня только словъ нѣтъ, чтобы выразить мою мысль!

Лена. Слова найдутся, все зависитъ отъ настроенія. А твою M-lle Марьяну я увезу съ собой въ театръ, чтобъ она вамъ не мѣшала. У насъ, кстати, и мѣсто есть въ ложѣ.

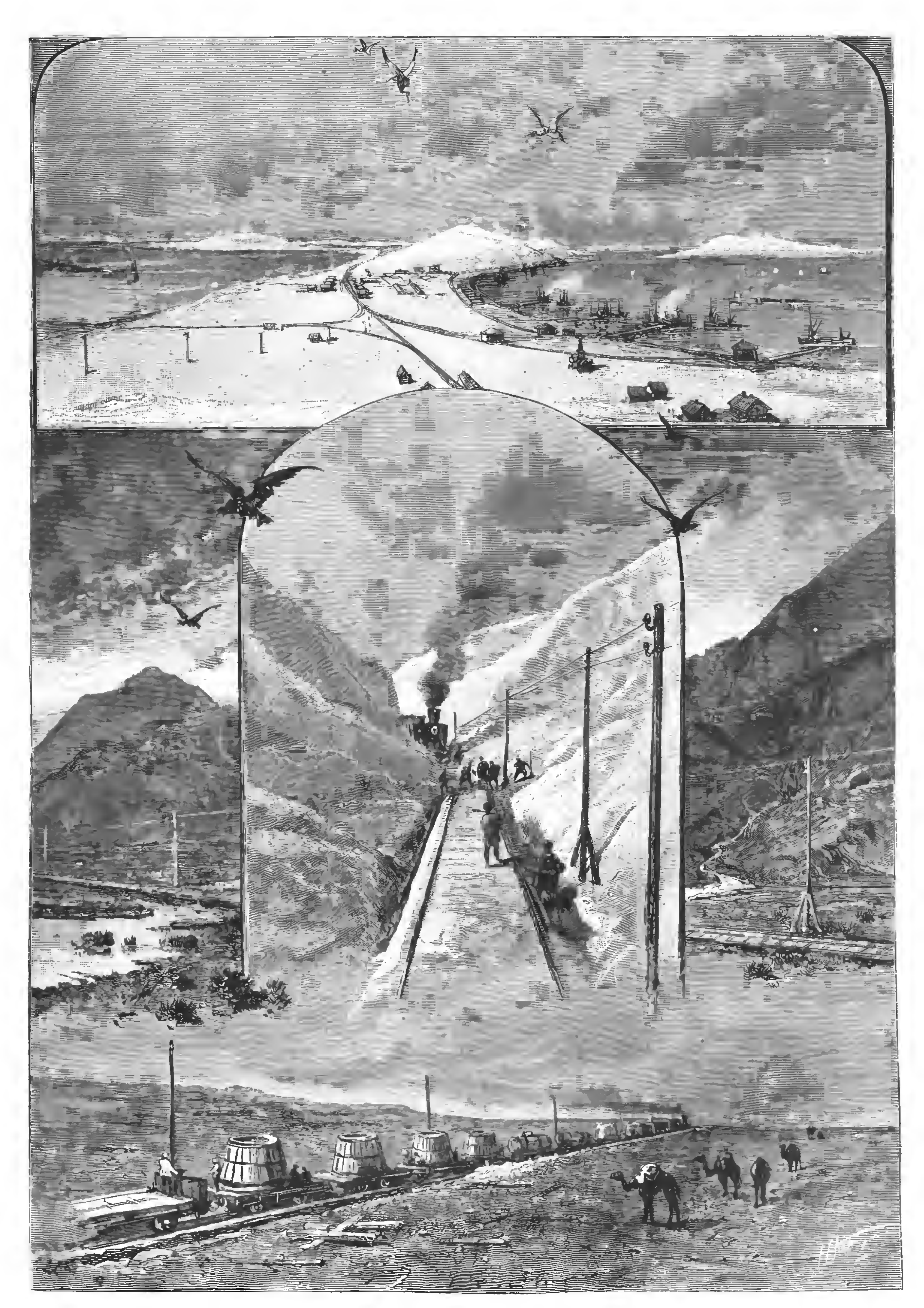
Людмила. Да она не поѣдетъ, можетъ-быть?

Лена. Не поѣдетъ? На новую пьесу Дюма съ Брендо въ главной роли? Посмотрю я, какъ она не поѣдетъ! Ты только не вмѣшивайся, ради Бога, ужь я знаю какъ ее уговорить. (*Цѣлуетъ Людмилу*). Помни же уговоръ: не цѣловаться и быть серьезной. Прощай, желаю вамъ хорошенько познакомиться!

(*Уходитъ въ дверь направо*).

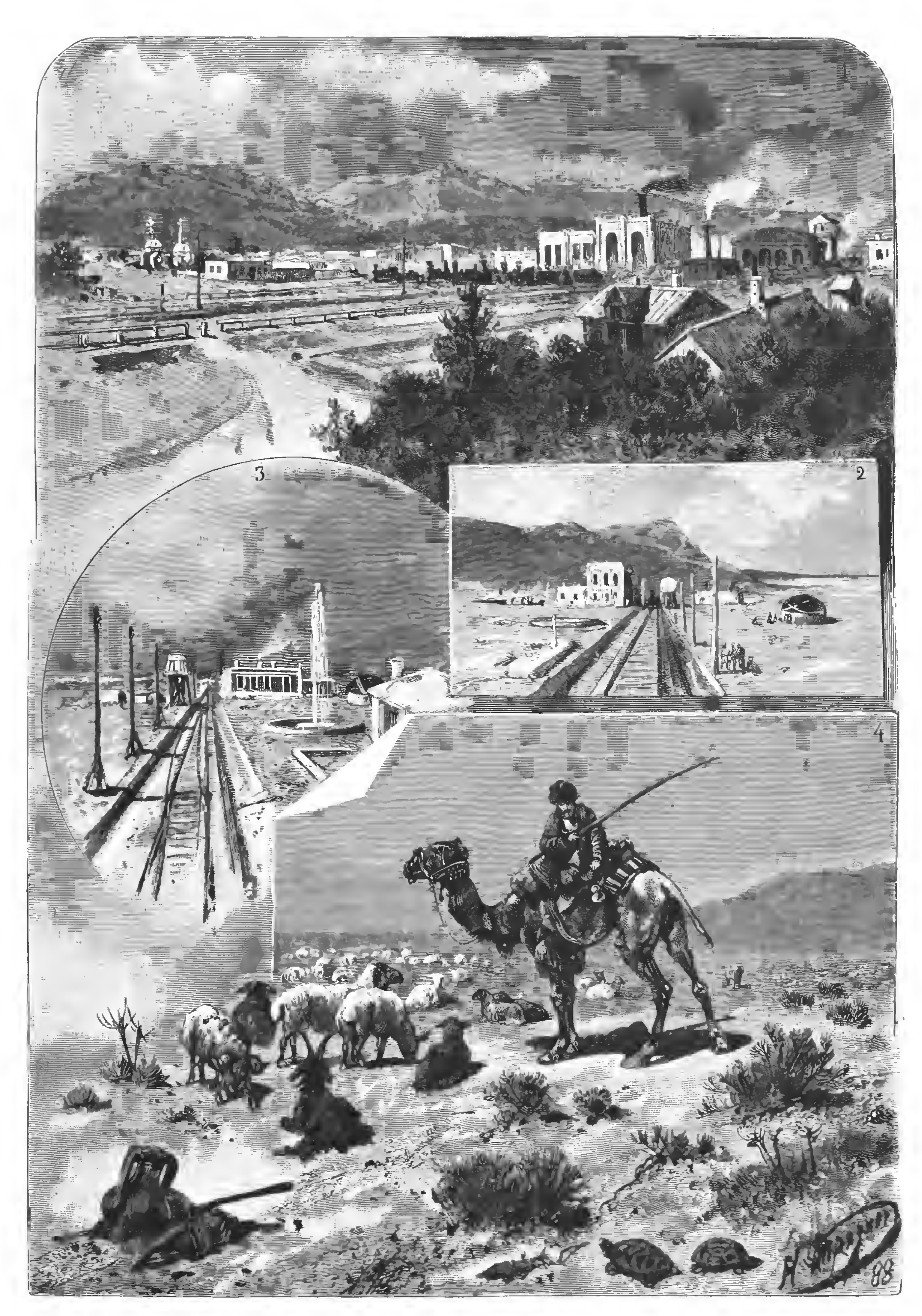
Явленіе II.

Людмила (*одна*). Чтò она со мной сдѣлала! Новыхъ мыслей столько, голова отъ нихъ кружится! (*Молчаніе*). И чтò всего досаднѣе — это то, что я и раньше это знала и часто думала объ этомъ... Раньше, до моей встрѣчи съ Мишей. Не дурочка же я въ самомъ дѣлѣ, чтобъ не понимать, что мужъ долженъ быть и умный, и всему хорошему сочувствовать, и что всю жизнь цѣловаться нельзя. (*Молчаніе.*) Разумѣется, всю жизнь цѣловаться нельзя. (*Вздыхаетъ.*) А вѣдь онъ меня именно поцѣлуями съ ума и свелъ, честное слово! Какъ начнешь съ нимъ о чемъ-нибудь серьезномъ толковать, онъ сейчасъ цѣловаться, и все перезабудешь, разумѣется. Надо все это ему объяснить. Лена правду говоритъ, катаніе это онъ придумалъ, чтобъ цѣловаться. Ужь съ этой-то стороны я его хорошо знаю. Ужасно любитъ цѣловаться! (*Рѣшительнымъ тономъ*). Не поѣду я съ нимъ кататься! Лена говоритъ: возьми какую-нибудь работу. Но у меня никакой нѣтъ работы... Взять развѣ чулокъ у Марьи Андреевны? Ну да, ничего больше не остается дѣлать. (*Выбѣгаетъ и возвращается съ начатымъ чулкомъ въ рукахъ*). Съ такой работой я ужь совсѣмъ старухой буду казаться, и такой почтенной, что ужь, конечно, (*передразниваетъ Лену*) ни одинъ мальчишка объясняться въ любви не посмѣетъ. (*Смѣется*). Смѣшная эта Лена! Какъ она важничаетъ тѣмъ, что замужемъ! (*Передразниваетъ Лену*) Мы съ Володей... Про Володю написали... Володя сказалъ... Носится она, носится съ нимъ, надоѣла даже! (*Задумывается.*) Правда, что онъ у нея умный и ученый. Молодой еще, а ужь про него говорятъ: „Нашъ извѣстный Градовъ“, я сама слышала. (*Со вздохомъ.*) Чѣмъ-то мой Миша прославится! И собой недуренъ. Вѣдь это я, чтобъ подразнить ее, подтруниваю надъ его бородой и бакенбардами, а на самомъ дѣлѣ нельзя не сознаться, что онъ красивый, глаза у него живые такіе, выразительные, да и вообще... (*Задумывается.*) Ну, конечно, мой Миша лучше. (*Задумывается*). Несравненно лучше! (*Задумывается.*) Какъ это мы влюбились другъ въ друга? (*Припоминаетъ.*) Мы встрѣтились на балѣ у Трофимовыхъ, на мнѣ было розовое платье и всѣ говорили, что я прелесть... Его я тотчасъ же замѣтила. Онъ танцовалъ съ Наденькой Завьяловой, и я подумала: какой хорошенькій! Дай Богъ, чтобъ онъ пригласилъ меня на мазурку! И вдругъ, онъ подходитъ ко мнѣ: „mademoiselle, voulez vous me faire l'honneur...“ Можете себѣ представить! (*Задумывается*). Нѣтъ, тутъ еще ничего особеннаго не произошло между нами, по-

На пути въ Индію. Узунъ-Ада. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Копетъ-Дагъ. Дюны. Водяной поѣздъ Копетъ-Дагъ.

На пути въ Индію. Кизилъ-Арватъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Ю. Шюблеръ.

Станція Коджъ. Тюрямепъ пастухъ Станція Бами.

жалъ онъ мнѣ руку послѣ, когда мы на конькахъ съ нимъ катались. А поцѣловалъ онъ меня въ первый разъ на любительскомъ спектаклѣ, за кулисами. О, какъ я это хорошо помню! Сюда, пониже щеки, около самой шеи... (*Указываетъ мѣсто.*) Я такъ сконфузилась, что и роль забыла. Мнѣ надо было сказать... я горничную играла... „tous les ordres de madame seront remplis“, а я сказала... что, бишь, я такое сказала? Чушь какую-то, всѣ расхохотались, а я расплакалась. Второй разъ онъ поцѣловалъ меня у тетеньки Прасковьи Михайловны. Мы смотрѣли альбомъ съ швейцарскими видами, онъ нагнулся—и прямо въ губы! Слава Богу, что никто не видѣлъ! (*Молчаніе*). Ну, а ужь какъ невѣстой я его сдѣлалась, тутъ ужь безъ счету пошло! (*Покачивая головой*). Не хорошо! Я ему такъ и скажу сегодня. Пусть знаетъ, что у меня не одинъ только вздоръ въ головѣ, что я и разсуждать умѣю, и что мнѣ не одни только поцѣлуи нужны... О, нѣтъ! Мнѣ еще нужно... Ужь я ему скажу, что̀ мнѣ нужно! Все скажу, и его тоже заставлю высказаться, непремѣнно заставлю! Онъ вѣрно воображаетъ, что я дѣвочка, что я ничего не понимаю, что изъ меня конфектами и поцѣлуями все можно сдѣлать...

(*Справа, тихо крадучись, входитъ Брягаловъ съ коробкой конфектъ въ рукахъ*)

(Оконч. въ слѣд. №).

Новый способъ выращиванія растеній.

Наслажденіе, которое всякій испытываетъ, оставляя лѣтомъ душный городъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ полей и лѣсовъ, покрытыхъ ласкающимъ нашъ взоръ зеленымъ ковромъ растительности, — наслажденіе это настолько велико, что и зимою заставляетъ насъ украшать окна комнатъ растеніями. Кромѣ того, что они способствуютъ очищенію комнатнаго воздуха, самый уходъ за ними представляетъ для многихъ большое удовольствіе, особенно если еще труды вознаграждаются хорошимъ ихъ состояніемъ. Каждый появляющійся цвѣтокъ доставляетъ любителю большую радость; за то какое огорченіе онъ испытываетъ, если вдругъ какое-нибудь любимое растеніе начинаетъ хирѣть и пропадаетъ! Тутъ поневолѣ приходитъ въ голову, что, еслибы явилась возможность видѣть почву, въ которой укореняется растеніе, насквозь, чтобы удалить все мѣшающее развитію, то это было бы прекрасно; конечно, если бы можно было выращивать растенія, подобно вербамъ, оставляемымъ послѣ Вербнаго Воскресенія въ стаканѣ съ водою и образующимъ при этомъ корни и листья, такъ что является возможность сажать ихъ въ землю, гдѣ онѣ и растутъ очень хорошо. Но всѣмъ извѣстно по опыту, что долго держать въ водѣ вербу нельзя, — она погибаетъ постепенно. Съ другой стороны, извѣстно, что̀ верба дольше можетъ прорости въ водѣ, если къ ней прибавить земли. Очевидно, что часть земли растворяется въ водѣ, въ которой находятся корешки вербы и благодаря этому она, питаясь этими веществами, растетъ дольше. Остается знать, какія вещества необходимы для корней растенія, и прибавивъ ихъ къ водѣ культивировать такимъ образомъ растеніе.

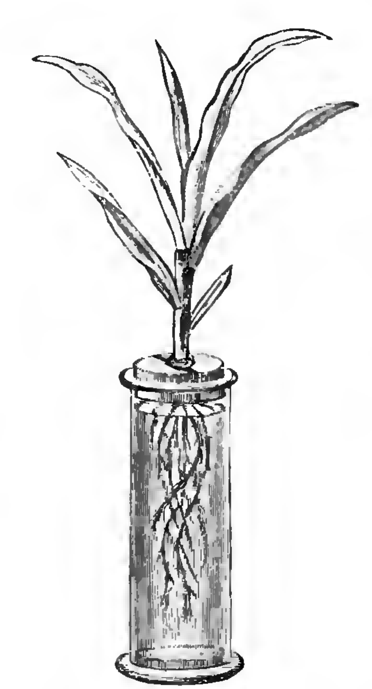
За послѣднее время естествознаніе, для цѣлей физіологіи растеній, разработало именно такой методъ выращиванія растеній—и онъ завоевалъ себѣ такое почетное мѣсто, что нашелъ себѣ примѣненіе при рѣшеніи нѣкоторыхъ чисто практическихъ вопросовъ. Въ виду того, что этотъ методъ очень интересенъ и поучителенъ, причемъ не представляетъ какихъ-либо трудностей, вѣроятно найдутся лица, которыя пожелаютъ его продѣлать.

Для опыта можно воспользоваться какимъ угодно временемъ года, но конечно лѣтомъ производить его лучше всего. Для этого выбираютъ наилучше развитыя сѣмена какого-либо растенія, для начала совѣтуемъ преимущественно воспользоваться сѣменами кукурузы, хотя овесъ, гречиха, ячмень и бобы также дадутъ хорошіе результаты; затѣмъ обливаютъ ихъ водою въ какомъ-нибудь сосудѣ и оставляютъ стоять отъ 12 до 24 часовъ. Они при этомъ впитаютъ въ себя большое количество воды, причемъ сами разбухнутъ. Лучше всего помѣстить эти сѣмена на довольно толстый слой увлажненныхъ водою древесныхъ опилокъ, положенныхъ хоть бы въ поддонникъ отъ цвѣточнаго горшка, и накрыть все это не плотно какимъ-нибудь ящикомъ. При этомъ сѣмена начинаютъ проростать, что прежде всего бываетъ замѣтно по тому, что наружная ихъ кожица лопается и тоненькій корешокъ, постепенно удлиняясь, внѣдряется между частичками дерева. Главная забота заключается здѣсь въ томъ, чтобы молодое растеньеце не подсыхало. Когда корешки достигнутъ длины 2—3 сантиметровъ, тогда приступаютъ собственно къ водной культурѣ. Для этого придется запастись для каждаго растеньица по широкогорлой стклянкѣ, причемъ вмѣстимость ея должна сообразоваться съ величиною выбраннаго растенія, для кукурузы стклянка должна вмѣщать до 4 фунтовъ воды. Затѣмъ надо будетъ заняться приготовленіемъ питательной жидкости. Въ аптекѣ или другомъ мѣстѣ пріобрѣтемъ нѣкоторыя соли (главное — онѣ должны быть по возможности чище), а именно: азотно-кислой извести (иначе называемой известковою селитрою), хлористаго калія, сѣрно-кислой магнезіи, фосфорно-каліевой соли и хлористаго желѣза. Для растворенія этихъ солей лучше пользоваться дистиллированною водою, хотя можно взять и простую кипяченую (первую легко достать во всякой аптекѣ). На 10½ фунтовъ (обыкновенныхъ, не аптекарскихъ) воды необходимо отвѣсить азотно-кислой извести (известковой селитры) 4 золотника, затѣмъ по 1 золотнику хлористаго калія, фосфорно-кислой магнезіи и фосфорно-каліевой соли, далѣе нужно обратить особенно вниманіе на то, чтобы всѣ эти соли растворились, для чего отвѣшенныя ихъ количества растворять сначала въ небольшомъ количествѣ воды и уже затѣмъ вливать этотъ растворъ въ остальную воду. Приготовивъ такимъ образомъ питательный растворъ, остается влить его въ вышеупомянутыя широкогорлыя стклянки и помѣстить туда растеньица. Не надо при этомъ упускать изъ вида, что корешки у нихъ очень нѣжны и что ихъ легко повредить; поэтому высвобожденіе ихъ изъ опилокъ надо производить со всею осторожностью и передъ опусканіемъ въ жидкость обмыть ихъ хорошенько водою. Когда растеньице находится уже въ питательной жидкости, прибавляютъ двѣ, три капли некрѣпкаго раствора хлористаго желѣза въ стклянку, отчего образуется осадокъ фосфорно-кислаго желѣза бѣлаго цвѣта. Для того, чтобы растеньица держались въ извѣстномъ положеніи, въ горло сосуда вплотную вставляютъ пробку, предварительно разрѣзанную по діаметру на двѣ равныя части, въ срединѣ дѣлаютъ желобокъ, въ которомъ и закрѣпляютъ стебелекъ растеньеца, обмотавъ его предварительно клочкомъ ваты въ мѣстѣ его соприкосновенія съ пробкою. Вата, не сдавливая его, удерживаетъ тѣмъ не менѣе совершенно неподвижно. Впрочемъ, приложенный рисунокъ гораздо проще разъяснитъ, какъ все это надо сдѣлать. Когда вставляютъ и закрѣпляютъ растеніе окончательно въ стклянку, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чтобы погружены въ растворъ были только корешки, остатокъ сѣмени во избѣжаніе подсыханія помѣщается между пробкою и поверхностью раствора. Почти все уже сдѣлано и теперь остается только выставить все это на окно и позаботиться о томъ, чтобы на него не падалъ слишкомъ сильный, прямой солнечный свѣтъ. Впрочемъ, чтобы въ питательной жидкости не развились водоросли, которыя могутъ лишь мѣшать развитію растенія, слѣдуетъ оклеить стклянку черною глянцевитою бумагою, черною поверхностью внутрь, иначе жидкость на солнцѣ будетъ слишкомъ нагрѣваться, а еще лучше приготовить футляры для стклянокъ изъ картона и оклеить ихъ черною бумагою вышеуказаннымъ образомъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы не лишаемся возможности отъ времени до времени слѣдить за развитіемъ корней, вынимая сосудъ изъ футляра, что̀ является очень интереснымъ.

Когда растеньице потребитъ болѣе половины предложеннаго ему раствора, слѣдуетъ долить прокипяченою (лучше дистиллированною) водою. Только изрѣдка приходится замѣнять все количество раствора новымъ. Полезно отъ времени до времени вынимать корни изъ жидкости на 2—3 дня и погружать ихъ на это время въ чистую воду, а еще лучше, если къ ней прибавить небольшое количество извести. При вниманіи и осторожности всякій съумѣетъ справиться со всѣми этими пріемами и въ награду получитъ вполнѣ хорошо развитое растеніе, совершенно не прикасавшееся къ почвѣ. При этомъ надо только не забывать охранять его отъ слишкомъ сильнаго прямаго солнечнаго свѣта, а также, что̀ очень важно, слѣдить за тѣмъ, чтобы жидкость, окружающая корни, не пріобрѣтала щелочной реакціи. Послѣднее рѣзко бросится всякому въ глаза по образованію на корняхъ чернаго осадка сѣрнистаго желѣза и легко поправимо: стоитъ лишь влить въ растворъ фосфорной кислоты (совершенно безвредной, неядовитой, которую отпустятъ безъ затрудненія изъ аптеки), до изчезновенія этого чернаго осадка. Для полученія сѣмянъ, ко времени цвѣтенія слѣдуетъ мягкою, тоненькою кисточкою перенести пыльцу съ тычинки растенія на его пестикъ; еще же лучше будетъ перенести пыльцу на другое растеніе и такимъ образомъ произвести опыленіе перекрестное.

Такимъ образомъ мы, посредствомъ этого метода культуры, имѣемъ полную возможность не только слѣдить за постепеннымъ развитіемъ всего растенія, но также знаемъ всѣ тѣ вещества которыя ему идутъ въ пищу. И дѣйствительно, при помощи корней оно получитъ известь, окись калія, магнезію и желѣзо въ соединеніи съ кислотами: азотною, сѣрною, хлористою и фосфорною. Легко даже опредѣлить количество всѣхъ этихъ солей, потребленныхъ каждымъ растеніемъ. Если мы затѣмъ опредѣлимъ въ сухомъ состояніи средній вѣсъ взятаго сѣмени и затѣмъ средній вѣсъ сухаго вещества растенія, то будемъ поражены громадною разницею въ этихъ двухъ числахъ. Очевидно, что кромѣ той пищи, которую мы отпустили растенію, оно воспользовалось еще другою ускользнувшею отъ нашего вниманія. Поразительно при этомъ, если мы возьмемъ цвѣтущее растеніе, что̀ разница въ иныхъ случаяхъ можетъ превышать въ 1000 и болѣе разъ количество потребленныхъ солей. Но это легко объяснится, если мы примемъ во вниманіе

окружающій растеніе воздухъ и возможность изъ него черпать при помощи зеленыхъ листьевъ на солнечномъ свѣтѣ углекислоту и употреблять ее на построеніе своего тѣла. Судя по количеству усвоиваемой углекислоты, скорѣе можно было бы даже сказать, что она-то и есть та пища, изъ которой растеніе строитъ свое тѣло, а тѣ неорганическія соединенія, которыя мы ему предложили, составляютъ лишь необходимое условіе этого питанія. Главная масса растенія состоитъ изъ органическаго вещества, и это является крайнѣ важнымъ обстоятельствомъ для всего животнаго міра, а для человѣка въ особенности. Всѣ животныя питаются органическими веществами растительнаго происхожденія, ибо даже мясо животныхъ— ни что иное, какъ переработанная животнымъ организмомъ трава или зерно. Впрочемъ, питательность растеній есть частное явленіе общаго ихъ свойства запасать силу. Всякая паровая машина нуждается въ топливѣ, которое является, такъ сказать, складомъ силы, расходуемой машиною, по мѣрѣ его сгоранія. Топливомъ, какъ извѣстно, являются остатки растеній настоящаго времени—въ видѣ дровъ, или отдаленной каменно-угольной геологической эпохи — въ видѣ каменнаго угля, и только нефть, по весьма вѣроятной гипотезѣ профессора Менделѣева — неорганическаго происхожденія. Такимъ образомъ органическія соединенія, ведущія въ природѣ всегда (за исключеніемъ нефти) свое начало отъ растеній, содержатъ въ себѣ въ скрытомъ состояніи силу, которая находитъ себѣ примѣненіе или въ техникѣ и т. п., или-же служитъ для поддержанія дѣйствія механизма животнаго. Но подобно матеріи и сила ни твориться вновь, ни изчезать не можетъ; откуда-же черпаютъ ее растенія? Единственнымъ источникомъ силы на землѣ является солнце, растеніе-же является лишь естественнымъ приборомъ для улавливанія и скопленія ея въ формѣ органическихъ соединеній. При помощи химическихъ процессовъ, совершающихся въ растеніяхъ (причемъ неорганическая пища играетъ, хотя намъ и неизвѣстную, но очень важную роль), происходитъ превращеніе энергіи солнечнаго луча въ химическое напряженіе, жизнь-же животныхъ представляетъ превращеніе этого напряженія въ теплоту и движеніе; въ первыхъ заводится такъ сказать, пружина, которая спускается въ послѣднихъ.

Новый способъ выращиванія растеній.

И такъ мы видимъ, что пища животныхъ является собственно говоря не чѣмъ инымъ, какъ консервомъ солнечныхъ лучей, какъ остроумно выразился московскій профессоръ Тимирязевъ. Такимъ образомъ, далѣе говоритъ онъ, поэтъ мечтатель, съ грустью взирающій на прозаическій трудъ ученаго, съ удовольствіемъ услышитъ отъ него, что онъ самъ, поэтъ, такое-же эфирное существо, сотканное изъ воздуха и свѣта, какъ и безплотныя созданія его фантазіи. Всякій при этомъ въ правѣ, на равнѣ съ китайскимъ императоромъ, величать себя сыномъ солнца, какъ это замѣтилъ еще Гельмгольцъ.

М. Штауде.

На пути въ Индію.

Н. Н. Каразина.

Письмо второе (съ 2 рис. автора).

(Продолженіе).

Прорвавшись побѣдоносно сквозь первую линію песчаныхъ преградъ, дюнную полосу Каспійскаго прибрежья, полотно дороги, прямою линіею стелется по совершенно ровной долинѣ, паралельно хребту Копетъ-Дагъ. На пространствѣ болѣе пятисотъ верстъ нѣтъ ни сколько-нибудь значительныхъ подъемовъ, ни поворотовъ. Вправо отъ дороги путешественникъ, на всемъ этомъ пути, любуется красивыми очертаніями горнаго хребта— слѣва, безконечно сливаясь съ синевою горизонта, залегла степь, тянущаяся вплоть до лѣваго берега Аму. Почва солонцеватоглинистая, но уже съ значительною примѣсью плодотворнаго лёса, такъ-называемаго желтозема. Близость горъ, не превышающая отъ полотна болѣе восьми верстъ разстоянія, и обиліе у подножія и въ самыхъ нѣдрахъ Копетъ-Дага—родниковъ, дастъ возможность снабжать желѣзнодорожныя станціи превосходною водою, идущею по трубамъ напоромъ. У большинства станцій устроены фонтаны, бьющіе довольно высоко, а вокругъ нихъ обширные резервуары. Красивыя постройки станціонныхъ зданій и казармъ, окруженныя еще молодыми садиками и плантаціями, уютно ласкаютъ глазъ, придавая когда-то мрачной, кишащей разбоями равнинѣ видъ уюта и культуры. Зимовки тюркменовъ сгруппировались по близости станцій; ихъ стада пестрятъ зеленые скаты горныхъ подножій; подъ закоптѣлыми, черными сводами войлочныхъ кибитокъ, привѣтливо вьются дымки довольства и мира; а по желѣзу дороги гулко гремитъ желѣзо колесъ, безконечно въ даль несется веселый свистокъ паровоза и длинною лентою клубится и стелется по степи побѣдоносный паръ, тревожа табуны верблюдовъ, нагоняя панику на многочисленные овечьи отары.

Участокъ дороги до перваго большаго административнаго пункта, до города Кизылъ-Арвада, выстроенъ много раньше, еще во время экспедиціи генерала Скобелева, а потому участокъ этотъ отличается болѣе жилымъ, установившимся характеромъ. Переходъ тюркменъ отъ вольной хищнической жизни, къ мирнымъ занятіямъ землелѣліемъ, здѣсь замѣтенъ гораздо рѣзче чѣмъ далѣе. Тамъ и сямъ, по близости зимовокъ, вы видите уже обширныя запашки пшеницы и ячменя и зеленѣютъ поля сѣянныхъ кормовыхъ травъ. Появилось уже колесо, мало-по-малу вытѣсняющее примитивный вьючный способъ транспортировки. По здѣсь кочуютъ пока еще бѣднѣйшіе роды. Богатые роды Мерва и Теке, значительно далѣе, группируются по бассейнамъ рѣкъ Мургаба и Теджена.

Станція за станціей остаются позади, поѣздъ несется по превосходному, ровному полотну дороги; впереди уже синѣетъ полоса садовъ и ярко бѣлѣютъ на солнцѣ городскія зданія,— это Кизылъ-Арвадъ, когда-то, очень недавно, жалкая первобытная крѣпостца съ нѣсколькими сотнями кибитокъ—теперь, прекрасный удобный городъ, раскинувшійся почти на двухверстномъ разстояніи.

Кизылъ-Арвадъ—это главный административный пунктъ Закаспійской желѣзной дороги; здѣсь сгруппированы первоклассныя мастерскія и резиденція управляющаго дорогою; улицы города большею частью шоссированы, освѣщаются на ночь фонарями, а мѣстность у станціи, даже электричествомъ. Дома очень красивы, опрятно окружены садами, прекрасные русскіе и туземные базары, гдѣ вы можете запастись всѣмъ необходимымъ для жизни, военный клубъ, лазареты и первоначальныя школы; и все это. въ какія-нибудь пять шесть лѣтъ, возникло въ силу культурной энергіи, словно по мановенію волшебнаго жезла.

Къ рисункамъ.

Смерть Виргиніи. (Рис. на стр. 932).

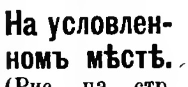
Въ 449 году до Р. Х. во главѣ правленія древнимъ Римомъ стояли такъ-называемые децемвиры (10 мужей), родъ верховной коммисіи, учрежденной еще въ 451 году по предложенію трибуна Терентилія Арсы для составленія законовъ возможно уравнивающихъ права всего римскаго народа, т. е. какъ патриціевъ (аристократіи), такъ и плебеевъ (простонародья). Вмѣстѣ съ тѣмъ децемвирамъ вручена было верховная власть въ государствѣ на одинъ годъ. Въ число децемвировъ былъ выбранъ и назначенный въ 452 году консуломъ Аппій Клавдій, изъ знаменитаго рода Клавдіевъ. Онъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе плебеевъ, такъ что когда по истеченіи годичнаго срока власть децемвировъ была продолжена еще на годъ, его вторично выбрали децемвиромъ. Но теперь онъ сбросилъ маску, мало по малу ввелъ тиранническое правленіе и когда окончился вторичный годичный срокъ, Аппій съ 9-ю товарищами самовольно удержали за собою власть и на третій годъ. Въ то время сосѣдніе народы эквы и сабиняне разбойничьимъ набѣгомъ вторглись въ римскую область. Децемвиры собрали войско и выступили противъ неприятелей. Въ Римѣ оставались только Аппій и Оппій съ двумя легіонами, чтобъ охранять власть децемвировъ; но тутъ неожиданное событіе опрокинуло ее. Аппій питалъ страсть къ Виргиніи, дочери Луція Виргинія, всѣми уважаемаго плебея, и невѣстѣ бывшаго народнаго трибуна Ицилія. Воспользовавшись отсутствіемъ ея отца, находившагося въ походѣ противъ эквовъ и сабинянъ, Аппій рѣшился захватить Виргинію. Для этого одинъ изъ его кліентовъ, Маркъ Клавдій, долженъ былъ дать показаніе, что Виргинія была дочерью его рабыни и только подкинута бездѣтной женѣ Луція. Маркъ Клавдій захватилъ

Виргинію, когда она шла въ школу, и привелъ ее на судъ къ Аппію, который тотчасъ постановилъ рѣшеніе, что рабыня должна слѣдовать за своимъ господиномъ. Тогда Нумиторій, дядя Виргиніи, и женихъ ея Ицилій разоблачили предъ народомъ замыселъ Аппія. Такъ какъ послѣднему грозило возстаніе, децемвиръ уступилъ и оставилъ Виргинію въ ея семьѣ, но при этомъ объявилъ, что постановитъ окончательный приговоръ на другой день. Виргиній, вызванный между тѣмъ изъ похода Нумиторіемъ и Ициліемъ, лично прибылъ на форумъ (площадь, гдѣ творился и судъ) съ дочерью, одѣтою въ траурное платье. Не смотря на завѣренія и мольбы отца ея, Аппій, полагаясь на свою вооруженную стражу, приказалъ Марку Клавдію взять и увести Виргинію, какъ свою рабыню. Тогда Виргиній просилъ у децемвира позволенія допросить въ присутствіи самой Виргиніи ея старую няньку, дабы для своего успокоенія по крайней мѣрѣ убѣдиться въ томъ, что онъ ошибочно считалъ Виргинію своей дочерью. Аппій далъ свое согласіе. Приблизясь къ дочери, несчастный отецъ обнялъ ее, и вдругъ вырвавъ у стоявшаго по близости мясника ножъ, вонзилъ его въ грудь Виргиніи.

Картина Гебгардта изображаетъ прощальный поцѣлуй, даваемый несчастнымъ отцемъ смертельно раненой дочери; всторонѣ рыдаетъ женихъ ея Ицилій у пьедестала знаменитой волчицы, вскормившей основателей Рима. Аппій Клавдій приказалъ схватить Виргинія, но тотъ бѣжалъ въ лагерь. Сенаторы Валерій и Горацій, ненавидѣвшіе тиранію Аппія, призвали возмущенный гибелью Виргиніи народъ къ отмщенію, и Аппію едва удалось потушить возстаніе созывомъ сената. Между тѣмъ Виргиній вернулся въ Римъ съ преданнымъ ему войскомъ и занялъ Авентинскую гору, чтобы организовать тамъ возстаніе плебеевъ. Децемвиры, видя конецъ своей власти, сложили ее, и сенатъ провозгласилъ возстановленіе прежняго государственнаго строя. Аппій Клавдій и Оппій покончили съ собой въ темницѣ самоубійствомъ.

Въ безвыходномъ положеніи. (Рис. на стр. 933).

Въ XVIII вѣкѣ, во главѣ правленія мелкими нѣмецкими княжествами или герцогствами, нерѣдко стояли женщины, вдовствующія регентши за малолѣтствомъ наслѣдниковъ престола и т. д. Дворъ такой владѣтельной особы, при нѣсколько патріархальномъ бытѣ, принималъ чрезвычайно своеобразный характеръ. Наибольшимъ вліяніемъ на правительницу пользовались не министры и сановники, стоявшіе у дѣлъ, а дамы непосредственно къ ней приближенныя, зачастую какая-нибудь любимица-камеристка, съумѣвшая поправиться, изучить слабости своей повелительницы, и мало-по-малу, незамѣтно, забрать ее въ руки, ставъ для нея необходимою; но этому искатели повышенія по службѣ и всевозможныхъ милостей, помимо заслугъ, прежде всего старались обезпечить себѣ доброе расположеніе такихъ фаворитокъ. Картина Флейшера изображаетъ намъ двухъ такихъ чающихъ движенія, которые, долго прождавъ аудіенціи въ пріемной, успѣли-таки перехватить на пути главную камеристку, въ то время какъ она несла шоколатъ своей государынѣ, и наперерывъ задабриваютъ фаворитку своими любезностями и комплиментами. Молодая дѣвушка очутилась въ безвыходномъ положеніи: бросить подносъ и убѣжать она не можетъ, и поневолѣ должна выслушать ходатайства съ намеками на щедрое вознагражденіе, если ей удастся исхлопотать ожидаемыя милости.

На условленномъ мѣстѣ. (Рис. на стр. 937).

Укромныя уголки за плетнями по задворкамъ — обычное мѣсто свиданій сельской молодежи. Мало ли о чемъ приходится переговорить съ женишкомъ относительно будущаго, а дома—строго, да и не водится такъ до свадьбы. Вотъ и хоронится дѣвушка, прикрываясь платочкомъ, въ тѣни развѣсистыхъ яблонь огорода и задумчиво глядя вдаль, поджидаетъ своего милаго... Типичный рисунокъ г. Юмудскаго прекрасно передаетъ это напряженное ожиданіе въ чертахъ сельской красавицы.

Памятникъ Леону Гамбетта на площади Карусели въ Парижѣ. Съ фот. грав. Доши.

Памятникъ Леону Гамбетта. (Рис. на стр. 944).

Великій французскій патріотъ новѣйшаго времени дождался наконецъ достойнаго его памятника. Величественный обелискъ, украшенный его статуей и символическими фигурами, высится на площади Карусели въ Парижѣ, напоминая всѣмъ жителямъ и безчисленнымъ пріѣзжимъ о заслугахъ Леона Гамбетты предъ отечествомъ. Тотчасъ по кончинѣ его открыта была національная подписка на памятникъ, доставившая 355,000 франковъ. Комитетъ по сооруженію обратился съ воззваніемъ къ фран-

Бывшее Павловское училище (Меньшиковъ дворецъ), нынѣ I кадетскій корпусъ, по набережной Невы. Съ фот. Третескаго, грав. Шлипперъ.

Нынѣшнее Павловское училище (бывшій Дворянскій полкъ), по Большой Спасской улицѣ на Петербургской Сторонѣ. Съ фот. Третескаго, грав. Рашевскій.

Музей бывшаго Павловскаго училища, нынѣ музей 1-го кадетскаго корпуса (посрединѣ залы помѣщаются модели крѣпостей). Съ фотогр. грав. Шлипперъ.

Церковь бывшаго Павловскаго училища, строенная архитекторомъ Казанскаго собора. Съ фотогр. грав. Шлипперъ.

25-лѣтіе Павловскаго училища и 175-я годовщина бывшаго Дворянскаго Полка.

цузскимъ скульпторамъ и назначилъ конкурсъ, въ которомъ приняли участіе знаменитѣйшіе изъ ваятелей и архитекторовъ Франціи. Авторы памятника, гг. Обе и Буало, получили знаки ордена Почетнаго Легіона.

Павловское училище. (Рис. на стр. 945 и 948).

Основателемъ регулярной арміи въ Россіи слѣдуетъ считать Петра Великаго, такъ какъ только при немъ русское войско получило правильную организацію; Петръ также является и основателемъ первыхъ военныхъ школъ, учредивъ первую военную школу при бомбардирской ротѣ, въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Петръ не ограничился этимъ и учредилъ еще нѣсколько спеціальныхъ военныхъ школъ. Первый кадетскій корпусъ возникъ по мысли сподвижника Петра, графа П. И. Ягужинскаго, въ царствованіе Анны Іоанновны. Учрежденіемъ корпуса желали избавиться отъ необходимости посылать молодежь заграницу для образованія и обученія военному дѣлу. Открытый 17 февраля 1732 г. Кадетскій корпусъ помѣстили въ особо назначенный домъ, съ обширнымъ мѣстомъ, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ помѣщается и донынѣ. Военно-учебныя заведенія пережили съ того времени не мало измѣненій и преобразованій. Но наибольшимъ перемѣнамъ подверглись они въ началѣ царствованія императора Александра II, при которомъ Кадетскіе корпуса были преобразованы въ военныя училища и военныя гимназіи; въ 1863 году спеціальные классы Кадетскихъ корпусовъ соединили въ три отдѣльныя заведенія, съ присвоеніемъ имъ названія военныхъ училищъ. Изъ трехъ военныхъ училищъ первому присвоено наименованіе Павловскаго, и оно было помѣщено въ зданіи 1-го Кадетскаго корпуса, переведеннаго въ помѣщеніе упраздненнаго Павловскаго корпуса (бывшее прежде Дворянскаго полка); начальникомъ училища былъ назначенъ генералъ-майоръ П. С. Ванновскій (нынѣ военный министръ). Павловское училище помѣщалось въ зданіи 1-го Кадетскаго корпуса до 1887 г., когда военныя гимназіи вновь преобразовали въ корпуса и Первому корпусу вернули старое его помѣщеніе, а Павловское училище перевели въ вышеупомянутое зданіе бывш. Дворянскаго полка. Помѣщаемые нами рисунки представляютъ Павловское училище въ старомъ и новомъ помѣщеніяхъ. Домъ бывшаго Павловскаго училища, нынѣ опять занимаемый Кадетскимъ корпусомъ, почти современенъ основанію Петербурга. Петръ Великій подарилъ все это мѣсто князю Александру Даниловичу Меньшикову, и онъ, въ 1710 г., здѣсь построилъ деревянный домъ для пріѣзда чужестранныхъ пословъ, называвшійся Посольскимъ домомъ, и каменный по берегу Невы. Въ то время парадный ходъ былъ съ Невы, подъ большимъ балкономъ, принадлежащимъ теперь къ церкви; послѣдняя служила тогда Бальною залою. Въ 1727 г., по паденіи кн. Меньшикова, домъ перешелъ во владѣніе графа Остермана, отъ котораго и поступилъ подъ Кадетскій корпусъ. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1744 г., послѣдовало перенесеніе церкви въ большой (бальный) залъ, гдѣ она находится и понынѣ. Всѣ эти залы подвергались неоднократно внѣшнимъ измѣненіямъ.

Въ послѣднюю четверть вѣка быстрое развитіе и усовершенствованіе всѣхъ отраслей военнаго дѣла значительно возвысили и усложнили, сравнительно съ прежнимъ временемъ, тѣ требованія отъ войсковыхъ офицеровъ, коими главнѣйше обусловливается успѣхъ выполненія каждымъ изъ нихъ служебныхъ обязанностей.

Преобразованныя военно-учебныя заведенія наши успѣли приготовить за истекшее 25-лѣтіе для всѣхъ родовъ оружія болѣе 12,000 офицеровъ съ законченнымъ, общимъ и военно-научнымъ образованіемъ; сверхъ того, со времени учрежденія у насъ юнкерскихъ училищъ въ 1864 г., армія получила собственно изъ этого источника 17,280 офицеровъ.

Пятнистая пантера (Neofelis macrocelis).

(Рис. на стр. 949).

Это одна изъ самыхъ красивыхъ крупныхъ кошекъ и притомъ, по зоологическимъ признакамъ, стоящая совершенно отдѣльно въ ряду прочихъ, имѣя лишь отдаленное сходство развѣ съ однимъ тигромъ. Ростомъ она значительно меньше послѣдняго, длина тѣла достигаетъ лишь трехъ футовъ. Основной цвѣтъ мѣха пепельно-сѣрый или коричнево-сѣрый, иногда же и сѣро-бѣлый, переходящій въ желтоватый и красный; пятна черныя и темно-сѣрыя. Въ шестидесятыхъ годахъ пятнистая пантера была еще большою рѣдкостью, какъ въ зоологическихъ садахъ, такъ и въ музеяхъ. Это животное водится на островѣ Суматрѣ, рѣже въ Сіамѣ и на Борнео, бо̀льшую часть жизни проводитъ на деревьяхъ, и умѣя превосходно лазить, преслѣдуетъ между сучьями и вѣтками свою добычу, состоящую изъ птицъ и мелкихъ звѣрковъ. По виду, пятнистая пантера самое привлекательное существо изо всего кошачьяго рода. Сравнительно съ величиной, которая не уступаетъ леопардовой, звѣрь этотъ необыкновенно кротокъ. Поживившихъ въ неволѣ пятнистыхъ пантеръ можно гладить и ласкать, не опасаясь. Онѣ отвѣчаютъ на ласку, сводятъ дружбу съ домашними животными, напр. съ собачками, и обращаются съ ними весьма нѣжно.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: относительно устройства быта иностранныхъ поселенцевъ, водворившихся въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, постановить:

Иностранные поселенцы, принявшіе русское подданство и не пріобрѣвшіе, до времени обнародованія настоящихъ правилъ, правъ высшаго состоянія, вводятся въ составъ сельскихъ или городскихъ обывателей.

Не принявшіе русскаго подданства поселенцы, водворившіеся внѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ на собственныхъ или арендуемыхъ земляхъ, причисляются, для отбыванія повинностей, къ волостямъ, ближайшимъ къ мѣсту водворенія, безъ истребованія пріемныхъ приговоровъ отъ подлежащихъ волостныхъ сходовъ. Поселенцы этого разряда подчиняются волостному управленію, сверхъ того, также въ полицейскомъ отношеніи.

— Высочайше повелѣно: Въ составѣ Приморской области образовать двѣ новыя округи: 1) *Анадырскую*, включивъ въ оную составляющій нынѣ часть Гижигинской округи Чукотскій полуостровъ, съ системою р. Анадыри, и назначивъ мѣстопребываніемъ окружнаго управленія село Марково на названной рѣкѣ, и 2) *Командорскихъ островов*ъ, составивъ ее изъ острововъ Беринга, Мѣднаго и Тюленьяго и назначивъ мѣстопребываніемъ окружнаго начальника островъ Берингъ, а помощника его — островъ Мѣдный.

Должность военнаго губернатора гор. Владивостока и состоящую при немъ канцелярію упразднить, присоединивъ Владивостокъ, вмѣстѣ съ полуостровомъ Муравьевъ-Амурскимъ и островомъ Русскимъ, къ составу Южно-Уссурійскаго округа Приморской области.

Мѣстопребываніемъ областнаго правленія Приморской области назначить гор. Владивостокъ, куда перевести изъ Хабаровки военнаго губернатора и областное правленіе.

Финансы.

— Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка по 1 сентября 1888 года совѣтомъ банка разсмотрѣно 6,455 дѣлъ о ссудахъ. Изъ сего числа по 5.824 дѣламъ разрѣшены ссуды, на сумму 52.723,715 руб.

Торговля.

— Всѣ наиболѣе авторитетные земледѣльческіе и экономическіе журналы единогласно утверждаютъ о значительномъ пониженіи урожая пшеницы, сравнительно съ прошлымъ годомъ. Газеты исчисляютъ это пониженіе для одной Европы почти въ 278 милл. пудовъ. *Evening Corn Trade Circular*, сопоставляя возможное снабженіе и недоборъ пшеницы въ странахъ потребленія въ кампанію 188⁸/₉ года, приходитъ къ заключенію, что ожидаемое требованіе должно превысить возможное снабженіе на 125.000,000 пудовъ, которые могутъ быть покрыты лишь на счетъ невидимыхъ запасовъ.

Послѣднія извѣстія сообщаютъ однако о нѣкоторомъ ослабленіи цѣнъ и сокращеніи оборотовъ въ теченіе трехъ-четырехъ дней на большинствѣ хлѣбныхъ рынковъ. Есть всѣ основанія полагать, что это пониженіе, вызванное спекулятивными цѣлями, имѣетъ лишь временный характеръ.

Пути сообщенія.

— Высочайше повелѣно: Предоставить министру Путей Сообщенія разрѣшить управленію Екатерининской желѣзной дороги продолжить означенную дорогу, за счетъ владѣльцевъ и арендаторовъ Кальміусо-Богодуховскихъ копей, до группы этихъ копей отъ станціи Ясиноватой, на протяженіи около 20 верстъ.

— Министръ Путей Сообщенія прибылъ 6 сего сентября въ Самару изъ Спалы черезъ Брестъ, Вязьму, Ряжскъ и тотчасъ выѣхалъ для осмотра вновь построенной дороги въ Уфу. Черезъ мостъ по Волгѣ министръ прошелъ пѣшкомъ.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Нерчинска телеграфируютъ отъ 4 сентября: Маловодье Шилки вынуждаетъ пароходы съ грузами зимовать на Амурѣ. Запоздавшую іюльскую почту съ Амура, снятую съ парохода „Ермакъ", тянули отъ Горбицы лямкой на лодкахъ. Третьяго дня почта на Амуръ отправлена на плотахъ, для сдачи пароходу. Переселенцы отправляются на плотахъ. Въ Покровской станицѣ высажена тысяча отпускныхъ солдатъ; приходится отправить ихъ и рабочихъ съ золотыхъ пріисковъ пѣшкомъ на 200 верстъ по прибрежнымъ горамъ. Аргунь еще полноводна и если убрать нѣсколько камней, то будетъ и въ малую воду доступна пароходству до верховья. Застой и убытки навигаціи требуютъ энергическихъ мѣръ къ улучшенію сообщенія съ Амуромъ.

Политическое обозрѣніе.

Крайне двойственными являются отношенія къ Россіи двухъ дружественныхъ и сосѣднихъ державъ: Германіи и Австро-Венгріи. Всякое сочувствіе къ Россіи и всему русскому строго преслѣдуется и это дѣлается оффиціально правительствами, за-

вѣряющими въ то-же время нашу дипломатію въ своихъ миролюбивыхъ стремленіяхъ. Недавно еще королева Наталія подверглась неслыханному въ международныхъ отношеніяхъ оскорбленію. Затѣмъ императоръ Австрійскій лично сдѣлалъ выговоръ епископу Штроссмайеру за привѣтствіе посланное почтеннымъ поборникомъ славянства въ Россію въ день 900-лѣтія крещенія Руси. Германія и Австро-Венгрія всѣми силами стремятся уронить обаяніе Россіи въ славянствѣ, и нельзя не замѣтить, что онѣ достигли значительныхъ успѣховъ. Болгарія оторвана отъ своей освободительницы исключительно происками австрійскаго правительства. Въ Сербіи происходитъ полное разложеніе: правительство Милана-отступника ежечасно развращаетъ сербовъ своими австро-венгерскими симпатіями, *заставляя* народъ сочувствовать католической, иноплеменной державѣ и отрывая его помыслы отъ православной Руси. Оскорбленіе всего русскаго усиливается съ каждымъ днемъ и исключительно исходитъ отъ правительственныхъ сферъ Германіи и Австро-Венгріи. Но борьба въ Болгаріи и Сербіи—борьба скрытая, закулисная. Эпизоды-же съ королевой Наталіей и епископомъ Штроссмайеромъ по крайней мѣрѣ откровенны.

Въ день девятисотлѣтія крещенія Руси Дяковарскій епископъ Штроссмайеръ послалъ въ Кіевъ привѣтственную телеграмму, въ которой упомянулъ о христіанской культурной миссіи Россіи. Венгерская печать подняла настоящую бурю противъ маститаго епископа, называя его измѣнникомъ и требуя примѣрнаго наказанія. Императоръ Францъ-Іосифъ внялъ голосу разъярившихся мадьяръ и сдѣлалъ въ Бѣловарѣ (въ Хорватіи) выговоръ епископу. Выговоръ сдѣланъ въ крайне рѣзкой формѣ и такого выговора, по словамъ *Berl. Tagebl.*, не получало еще ни одно должностное лицо въ Австро-Венгріи въ царствованіе Франца-Іосифа. Съ демонстративною любезностью императоръ бесѣдовалъ съ епископами Позиловичемъ и Граниловичемъ и кардиналомъ Михаловичемъ и издали обратился къ Штроссмайеру со слѣдующими словами: „Я сперва не хотѣлъ даже вѣрить, чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ могъ дерзнуть сдѣлать подобную выходку. Къ великому сожалѣнію, я убѣдился, однако, что господинъ епископъ, очевидно самъ не сознавая, рѣшился на шагъ направленный и противъ государства, и противъ церкви, привѣтствовавъ не-католическое торжество. Вы повидимому сами не сознавали что дѣлали“, добавилъ императоръ. Епископъ Штроссмайеръ отвѣчалъ: „Ваше величество, моя совѣсть чиста; я дѣйствовалъ съ самымъ лучшимъ патріотическимъ намѣреніемъ“. Императоръ послѣ этого отвернулся отъ епископа. Штроссмайеръ тотчасъ удалился. Въ Крейцѣ, одной изъ первыхъ желѣзнодорожныхъ станцій, населеніе, узнавшее объ этомъ событіи, устроило епископу сочувственную демонстрацію. Почти весь городъ, имѣя во главѣ городское управленіе, встрѣтилъ епископа, дѣти по пути бросали цвѣты и всѣ присутствующіе, подъ звуки собравшихся мѣстныхъ капеллъ, пѣли хорватскій національный гимнъ и привѣтствовали его криками „живіо“ и словами „да здравствуетъ гордость и слава хорватской націи“. Въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ на другой-же день проявилось еще торжественнѣе сочувствіе благородной личности епископа. Эти демонстраціи произвели на правительство удручающее впечатлѣніе, а въ мадьярской печати невозможное озлобленіе. По словамъ *Pester Lloyd*: „Хорваты стремятся услышать на улицахъ Загреба топотъ русскихъ казацкихъ полчищъ“. Бѣловарскій эпизодъ произвелъ совсѣмъ неожиданные для Вѣны и Пешта результаты. Непримиримые лагери сошлись и весь Хорватскій народъ слился воедино для защиты своихъ національныхъ интересовъ отъ мадьярскихъ порядковъ, грозящихъ задушить славянство въ Австро-Венгріи.

Сербскій король рѣшилъ отложить дѣло о разводѣ съ королевой Наталіей въ дальній ящикъ. Мы уже говорили о появившемся въ печати протестѣ королевы Наталіи противъ прошенія короля о разводѣ. Документъ этотъ крайне обширенъ, и мы должны ограничиться только перепечаткой выдающихся мѣстъ: „Судьба нашей прекрасной, но выдержавшей не мало испытаній страны представляетъ много страннаго и изумительнаго. Въ настоящее время вся Сербія взволнована и обращаетъ взоры свои къ прискорбнымъ событіямъ, совершающимся на престолѣ едва учрежденнаго королевства. Его величеству королю сербскому благоугодно было отвергнуть законно повѣнчанную съ нимъ, преданную ему жену, которая дала ему наслѣдника Сербскаго престола и которой онъ передъ алтаремъ нашей святой церкви торжественно далъ клятву, что останется ей вѣрнымъ, будетъ любить ее до гробовой доски. Ему благоугодно было отнять у матери сына, бывшаго единственною ея радостью и утѣшеніемъ въ жизни... Я изгнана изъ горячо любимой мною страны, какъ преступница, хотя жизнь моя, публичная и частная, и въ государствѣ и въ семьѣ, всегда была открытою книгою для всякаго. Я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя, и ожидаю приговора, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, хотя и съ неизлѣчимою раною въ сердцѣ. Могу сослаться на многихъ свидѣтелей, занимающихъ высокое положеніе и пользующихся большимъ значеніемъ въ обществѣ и государствѣ: они могутъ удостовѣрить, что я желала моему царственному супругу и странѣ только одного хорошаго, и дѣйствовала всегда въ этомъ духѣ. При всемъ томъ, я и теперь еще не отказываюсь отъ надежды на примиреніе съ моимъ супругомъ, и ежедневно обращаюсь по этому поводу съ горячими молитвами къ Всевышнему Богу. Если же, къ величайшему моему сожалѣнію, соглашенія нельзя будетъ достигнуть, то я окажусь вынужденною прибѣгнуть ко всѣмъ находящимся въ моемъ распоряженіи средствамъ, для защиты правъ моихъ и достоинства матери, супруги и королевы. Никто не посѣтуетъ на меня за это, и никто не потребуетъ, чтобы я, по какимъ-либо соображеніямъ, отказалась отъ моей защиты и допустила занесеніе въ скрижали исторіи того факта, что первая Сербская королева подала поводъ къ разводу и что этотъ поводъ нанесъ ей безчестіе“. Королева заканчиваетъ протестъ прекрасными словами: „Объявляю въ заключеніе, что никогда не дамъ согласія на разводъ, такъ какъ для него не существуетъ никакихъ законныхъ мотивовъ, и ему противятся мои чувства и мое убѣжденіе, какъ вѣрной дочери нашей святой церкви, а съ другой стороны, подобный образъ дѣйствій предписывается мнѣ обязательствами, которыми я связана съ моимъ сыномъ и царственнымъ достоинствомъ. Женская моя гордость должна была замолкнуть передъ вопросомъ объ исполненіи долга, и потому обращаюсь къ консисторіи съ просьбою: 1) сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы, согласно закону, произведены были надлежащія попытки къ примиренію, и 2) лично вызвать меня къ суду своему по этому спорному дѣлу. Принадлежащее мнѣ право личной защиты передъ консисторіею нисколько не зависитъ затѣмъ отъ вызова къ суду; если же оно будетъ у меня отнято насильно, то о постановленіи приговора не можетъ быть и рѣчи, и то, что суды въ настоящемъ случаѣ рѣшать, будетъ само по себѣ недѣйствительно и лишено юридической силы. Святой православной церкви вѣрная и покорная дщерь Наталія“.

Это воззваніе и требованіе лично явиться въ судъ для оправданія подѣйствовали на Милана, не желавшаго разоблачать истинныхъ причинъ несогласій съ королевою; смѣло можно предполагать, что разоблаченія были бы далеко не въ пользу Милана, что и заставило его взять обратно свое прошеніе о разводѣ. Не смотря ни на что, оффиціозная и правительственная печать Германіи и Австро-Венгріи продолжаетъ свои нападки на королеву и старается помѣшать примиренію Милана съ супругою; но это давленіе на Милана врядъ ли будетъ успѣшно. Настроеніе Сербскаго народа приняло угрожающій для короля характеръ и стремленіе къ самосохраненію заставитъ его держаться примирительнаго образа дѣйствій.

Общественное мнѣніе въ Германіи сильно заинтересовано присутствіемъ въ Берлинѣ австрійскаго эрцгерцога Альбрехта. Эрцгерцогъ считается главой партіи не забывающей 1866 г. и питающей къ Германіи не совсѣмъ дружественныя чувства. Альбрехтъ всегда считался сторонникомъ Россіи, живо помнящимъ услугу Россіи, которая спасла Габсбургскую династію въ 1849 году. Берлинскія газеты придаютъ этому посѣщенію своеобразную окраску, указывая на полнѣйшее единодушіе всѣхъ партій Австро-Венгріи съ германскою политикою. Однако и среди австрійцевъ не мало находится зрячихъ людей, дающихъ должную оцѣнку дружбѣ съ Германіей.

Предстоящіе выборы во Франціи занимаютъ всѣхъ. Передаютъ, что Флоке внесетъ проектъ о пересмотрѣ конституціи. Дѣлается это для предупрежденія дальнѣйшихъ успѣховъ генерала Буланже и его сторонниковъ. Борьба партій разгорится во всей силѣ и, къ сожалѣнію, сосредоточитъ все вниманіе Французскаго народа на этой внутренней борьбѣ, что дастъ возможность врагамъ Франціи игнорировать ее во внѣшнихъ дѣлахъ опять на довольно продолжительное время.

Смѣсь.

Двумъ туринскимъ изслѣдователямъ (по словамъ *Tägl. Rundschau*) удалось открыть причину эпидемическаго столбняка затылочныхъ нервовъ (Genickstarre), одной изъ наиболѣе страшныхъ болѣзней. Въ наше время бактерій неудивительно услышать, что причина и этой болѣзни все тѣ же мелкія, живыя существа, которыя оказываются столь опасными врагами человѣчества. Микроорганизмъ, производящій онѣмѣніе позвонковъ, названъ лицами открывшими его „Meningococcus“, потому что главное его дѣйствіе заключается въ воспаленіи оболочекъ головнаго и спиннаго мозга. Онъ тождественъ съ бактеріей, причиняющей воспаленіе легкихъ (Diplococcus pneumoniae), которое часто бываетъ связано съ онѣмѣніемъ названныхъ позвонковъ. Надъ животными уже было произведено нѣсколько опытовъ предохранительной прививки Meningococcus'а по Пастеровскому методу и прививка эта увѣнчалась успѣхомъ, но необходимы существенныя усовершенствованія для примѣненія ея къ человѣку. (с.)

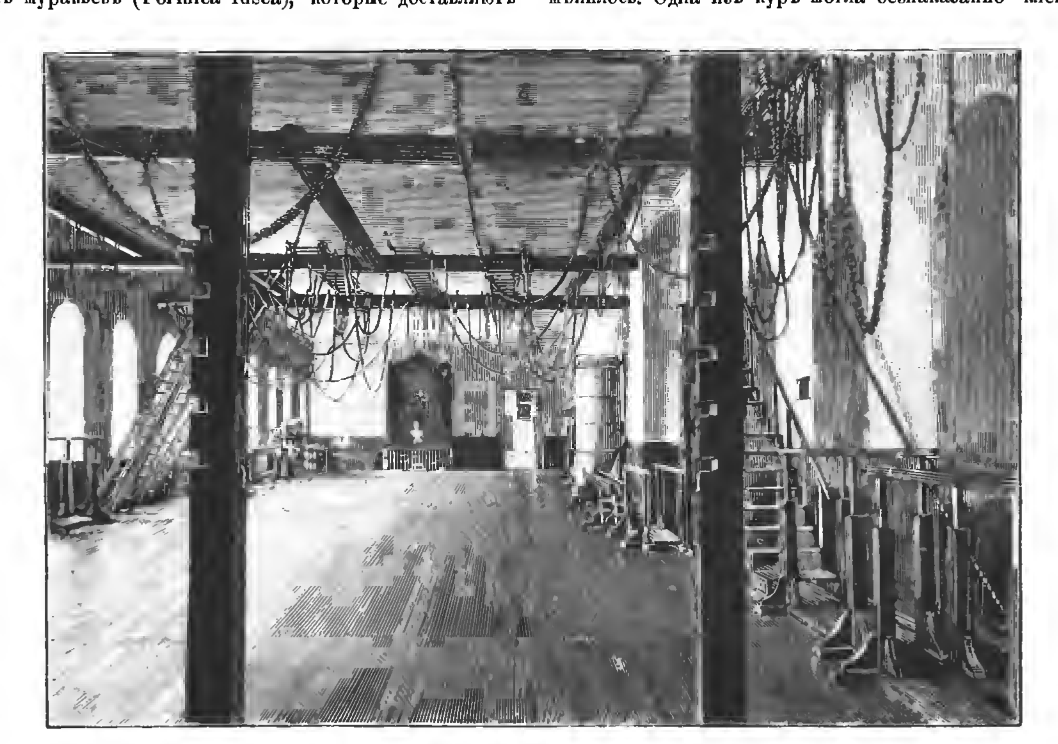
Новѣйшія наблюденія Леббока надъ муравьями. По сообщенію *Ежеди. Обозрѣнія,* извѣстный естествоиспытатель Джонъ Лёббокъ прочелъ недавно лекцію, въ которой изложилъ новыя, интересныя наблюденія, произведенныя имъ надъ его любимцами — муравьями. До сихъ поръ преобладало убѣжденіе, что *Formica sanguinea,* видъ муравьевъ, который похищаетъ куколки (такъ наз. муравьиныя яйца) другихъ муравьевъ, чтобы воспитать изъ нихъ рабовъ, вовсе не имѣетъ необходимости держать рабовъ ради своего существованія, подобно другому виду, *Polyergus, rufescens.* Сдѣланныя Лёббокомъ наблюденія надъ *Formica sanguinea* противорѣчатъ этому убѣжденію и повидимому доказываютъ, что и этотъ видъ муравьевъ, также какъ и *Polyergus,* не можетъ существовать безъ слугъ. Такъ напр., когда Лёббокъ въ одномъ изъ своихъ искусственныхъ гнѣздъ занятыхъ названнымъ видомъ муравьевъ, не допускалъ его обитателей вводить новыхъ рабовъ и такимъ образомъ постепенно уменьшалъ число слугъ, пока наконецъ и послѣдній изъ нихъ не издохъ,— то и муравьи-господа стали мало-по-малу издыхать, и подъ конецъ ихъ осталось всего шесть. Тогда Лёббокъ положилъ у входа въ гнѣздо нѣсколько куколокъ рыжихъ лѣсныхъ муравьевъ (Formica fusca), которые доставляютъ рабовъ Formica sanguinea. Куколки тотчасъ же были унесены въ гнѣздо, гдѣ вслѣдъ затѣмъ вскорѣ появились молодые рабы. Быстрое вымираніе „господъ“ сразу прекратилось, такъ что съ того дня до сихъ поръ издохло всего два муравья. Это очевидно доказываетъ, что рабы въ гнѣздѣ несутъ какую-нибудь опредѣленную обязанность; въ чемъ она состоитъ, откроетъ намъ будущее. Относительно продолжительности жизни муравьевъ Леббокъ сообщилъ, что муравьиная матка, о которой онъ упоминалъ уже въ прежнихъ сообщеніяхъ, и до сихъ поръ жива. Ей теперь должно быть 14 лѣтъ и она все еще кладетъ плодоносныя яйца. Леббокъ произвелъ также нѣсколько опытовъ по вопросу, какъ муравьи узнаютъ другъ друга. Онъ взялъ изъ гнѣзда А нѣсколько куколокъ и сдалъ ихъ на попеченіе нѣсколькимъ муравьямъ того же вида, но изъ другаго гнѣзда В. Когда куколки созрѣли, одну часть молодыхъ муравьевъ онъ положилъ въ гнѣздо А, другую въ гнѣздо В. Тѣ изъ нихъ, которые попали въ родное гнѣздо, были тамъ приняты дружелюбно, другіе же подверглись нападенію и изгнанію. Это доказываетъ, что узнаваніе происходитъ не по какимъ-нибудь знакамъ или лозунгамъ, какъ до сихъ поръ полагали, потому что будь это такъ, муравьи были бы признаны своими не въ гнѣздѣ А, а въ гнѣздѣ В, такъ какъ это родное гнѣздо ихъ воспитателей. (с).

Помѣщеніе роты въ бывшемъ Павловскомъ училищѣ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Соглашеніе между собакой и курицей. Слѣдующій разсказъ доказываетъ, что и между животными различныхъ породъ иногда существуетъ нѣчто въ родѣ взаимнаго соглашенія или договора. „У меня была очень бдительная цѣпная собака. Звали ее Петтель и она представляла помѣсь таксы съ лягавой. Вѣроятно, этимъ происхожденіемъ обусловливалась и неприязнь ея къ домашней птицѣ. Куры у меня содержались за невысокимъ плетнемъ, который ихъ и защищалъ отъ нападеній врага. Но иногда онѣ перелетали черезъ плетень и приближались къ кадушкѣ съ кормомъ для собаки. Петтель этого не выносилъ и всегда съ яростью кидался на куръ. Мы постоянно боялись, что онъ задушитъ которую нибудь изъ этихъ превосходныхъ насѣдокъ. По внезапно положеніе вещей измѣнилось. Одна изъ куръ могла безнаказанно клевать кормъ изъ кадушки собаки, а та стояла возлѣ и даже не ворчала. Что случилось? Какой переворотъ произошелъ въ Петтелѣ?

Женѣ моей скоро удалось разрѣшить загадку. Она около этого времени замѣтила, что одна изъ куръ вдругъ перестала нестись. Заслышавъ однажды ея кудахтанье, обыкновенно предшествовавшее снесенію яйца, жена моя поспѣшила на ея крикъ. Что же? Курица выходила изъ собачьей конуры, гдѣ только что снесла яйцо, а Петтель тѣмъ временемъ пробрался въ свое жилище, схватилъ яйцо, лапою разбилъ его и съ жадностью лакалъ содержимое. Дружелюбіе его къ курицѣ такимъ образомъ объяснялось. Не было-ли это настоящимъ формальнымъ договоромъ между двумя животными? Само собою разумѣется, что послѣ этого открытія контрагенты должны были отказаться отъ своего союза.“ (N).

Гимнастическая зала бывшаго Павловскаго училища, съ портретомъ императора Александра II и бюстомъ Я. И. Ростовцева. Съ фот. грав. Рашевскій.

Пятнистая пантера (Neofelis macrocelis). Рис. Фризе.

Д-ръ Вильсингъ, въ физико-астрономической обсерваторіи въ Потсдамѣ, сдѣлалъ нѣсколько опытовъ по опредѣленію средней плотности земли. Наблюденія производились имъ при помощи маятника, устроеннаго механикомъ Репсольдомъ. Маятникъ состоитъ изъ мѣднаго стержня, въ 1 метръ длины, на концахъ котораго помѣщаются шары, въ 550 граммовъ вѣсомъ. Посредствомъ наблюденія за продолжительностью размаха маятника, опредѣляются необходимыя для исчисленія неизмѣнныя величины, а именно такъ-называемый моментъ инерціи и положеніе центра тяжести маятника. Наблюденія производились въ подвальномъ помѣщеніи обсерваторіи, менѣе подверженномъ колебаніямъ температуры; притягательными массами служили два чугунныхъ цилиндра, вѣсящіе по 325 килограммовъ каждый. Изъ 68 наблюденій д-ръ Вильсингъ получилъ цифру 5,594, какъ показатель средней плотности земли. Цифра эта значительно меньше, чѣмъ полученная физикомъ Дролли, однако она согласуется со многими другими подобными-же наблюденіями. (с.)

Электрическая женщина. Въ *Нѣм. Мед. Еженед. Обозрѣніи* пишутъ изъ Парижа, что недавно въ біологическомъ обществѣ д-ромъ Ферé сдѣлано сообщеніе объ одной женщинѣ, проявлявшей особыя электрическія свойства. Когда она, напр., дотрагивалась до вилки, то нерѣдко между ея рукой и вилкой появлялись искры; когда она подавала руку своей пріятельницѣ или обнимала ее, то послѣдняя получала электрическій ударъ. Ферé не умѣлъ объяснить себѣ названныхъ явленій и обратился къ д'Арсонвалю, который обладаетъ обширными познаніями по этой части; послѣдній опредѣлилъ, что указанныя явленія происходятъ единственно отъ необыкновенной сухости кожи субъекта. Съ помощью гигрометра, спеціально изготовленнаго для этой цѣли, было выяснено, что кожа больной, особенно съ лѣвой стороны тѣла, даже и въ сырую погоду бываетъ почти совершенно суха. Кожу ея можно сравнить съ каучуковой пластинкой, которая вслѣдствіе тренія объ одежду постоянно заряжается электричествомъ. Женщина эта происходитъ изъ семьи, въ которой нервныя страданія наслѣдственны. Электрическія явленія начали обнаруживаться у нея около 15-ти-лѣтняго возраста и достигли высшаго предѣла въ 1883 году, когда ей было 27 лѣтъ. Она начала замѣчать около этого времени, что пальцы ея притягиваютъ легкіе предметы. Если платье касалось какой-либо части тѣла, то слышался трескъ, показывались искры, а платье иногда такъ сильно приставало къ тѣлу, что затрудняло свободу движеній. Всѣ эти явленія усиливались при треніи, или подъ вліяніемъ волненія. Всего рѣзче они проявлялись въ сухую погоду, особенно въ морозъ. У названной женщины есть 11-ти-лѣтній сынъ, который въ раннемъ дѣтствѣ, не считая судорожныхъ припадковъ кашля по ночамъ, былъ совершенно здоровъ. Позднѣе однако и у него появилась та-же нервность и истеричность какъ у матери, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тѣ-же электрическія явленія, сопровождающіяся искрами и трескомъ. (с.)

Бобръ былъ въ прежнее время—пока культура не вытѣснила его—едва-ли не самымъ распространеннымъ животнымъ въ Сѣверной Америкѣ: онъ заселялъ всѣ внутреннія воды отъ Гудзона до Сакраменто, отъ Макензи до Мексики. По всей Сѣверной Америкѣ видны слѣды древнихъ бобровыхъ сооруженій, дамбы, до 800 метровъ длины, которыми эти трудолюбивыя животныя прорѣзывали долины, запруживали воду и осушали лѣса; такимъ образомъ они расчищали себѣ свободныя пространства и въ самоустроенныхъ озерахъ возводили свои постройки. До сихъ поръ существуютъ многія изъ этихъ озеръ, занимающихъ площадь отъ 10 до 15 гектаровъ. У истоковъ Форда на южной сторонѣ Верхняго озера, на протяженіи $^1/_6$ мили, находятся 15 подобныхъ водныхъ пространствъ, слѣдующихъ одно за другимъ; въ области, впадающаго въ Верхнее Озеро, Шоколаднаго ручья, близъ Маркетты, имѣющаго всего $1^1/_4$ мили длины, ихъ насчитываютъ до 200: на западъ отъ Маркетты, у истоковъ Форда и Эсконады, на пространствѣ $^1/_{10}$ квадратной мили, расположены, одно возлѣ другаго, 70 бобровыхъ прудовъ, занимающихъ поверхность отъ 1 до 25 гектаровъ. Такимъ образомъ бобры совершенно измѣнили видъ нѣкотораго пространства земной поверхности. Трудъ ихъ не пропалъ безслѣдно даже тамъ, гдѣ, послѣ вымиранія животныхъ, насыпь прорвалась и вода утекла;—на этихъ мѣстахъ образовались изобилующіе травою луга, такъ наз. „бобровые луга", представляющіе пріятное разнообразіе въ густыхъ первобытныхъ лѣсахъ, служащіе пристанищемъ для многочисленныхъ оленей и доставляющіе колонистамъ прекрасное сѣно. Бобры не довольствовались однимъ сооруженіемъ плотинъ, они прорывали и каналы въ болотахъ, для болѣе удобнаго передвиженія и для сплава дерева. Каналы эти теперь, послѣ прорыва плотинъ, превратились въ полезныя для почвы водосточныя канавы. Индійское сказаніе вполнѣ право, говоря, что Великій Духъ поручилъ бобру надзоръ за водами. Изъ Черепашьяго озера вытекаетъ съ восточной стороны Шоколадный ручей, впадающій въ Верхнее озеро, а съ западной, Бобровый каналъ соединяетъ его съ ближайшими потоками Эсконады, впадающей въ Мичиганъ; такимъ образомъ создается крохотное сообщеніе, которымъ могутъ однако пользоваться легкіе мѣстные челноки, между двумя водными областями. Бобръ—единственное животное имѣющее столь значительное и прочное вліяніе на форму земной поверхности и даже на измѣненіе климата. Не подлежитъ сомнѣнію, что осушеніе болотъ и превращеніе сырой лѣсной почвы въ озера или луга, значительно смягчаетъ суровость климата. (с.)

Что такое капли? Люди непосвященные подъ этимъ словомъ вообще понимаютъ неопредѣленой величины частицы жидкости, или нѣкоторое количество таковыхъ;—и они отчасти правы, такъ какъ тѣла, которымъ свойственно капельно-жидкое состояніе сцѣпленія, незаключенныя въ стѣнки, тотчасъ-же изливаются каплями. Если мы, осторожно наклоняя стклянку, станемъ выпускать жидкость черезъ край, то часть жидкости отдѣляется и падаетъ въ видѣ шарика. Таково понятіе о каплѣ, въ узкомъ значеніи слова, подъ которымъ разумѣютъ дѣлимость жидкости и которымъ пользуются на практикѣ. Эта дѣлимость, однако, находится въ зависимости отъ многихъ обстоятельствъ, а именно отъ плотности или удѣльнаго вѣса данной жидкости, отъ формы и величины сосуда и проч. По словамъ *Ест.-Техн. Обозрѣнія*, отсчитывая одинаковое число капель, можно изъ одного сосуда дать ихъ по вѣсу въ большемъ количествѣ, чѣмъ изъ другаго. Для достиженія соразмѣрности, изготопляются особые приборы, каплемѣры, капельные пузырьки, изъ которыхъ, по объему капель, освобождается одинаковое количество жидкости. Но такъ какъ удѣльный вѣсъ жидкостей весьма различенъ, то въ одномъ и томъ-же количествѣ капель, не смотря на одинаковый объемъ ихъ, можетъ быть различный вѣсъ.

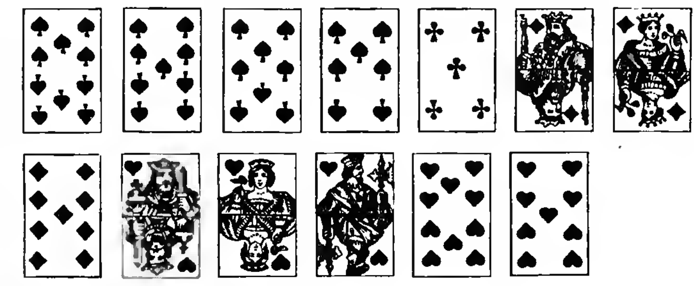
Такъ примѣрно на 10 граммъ приходится:

Эфира (сѣрнистаго). . .	500 кап.	Масла перечной мяты . .	250 кап.
Спирта (въ 96%)	300 „	„ гвоздичнаго. . . .	200 „
Петролеума	250 „	„ коричнаго	200 „
Масла розоваго	250 „	„ миндальнаго . . .	200 „
„ лимоннаго. . . .	250 „	Воды	160 „
„ бергамотоваго. .	250 „	Сѣрной кислоты (конц.).	120 „

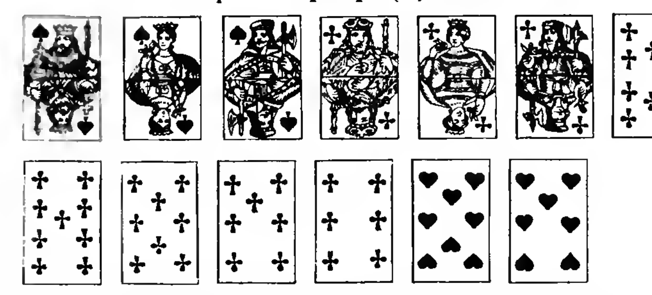
Если въ рецептахъ и предписаніяхъ, каковые часто встрѣчаются въ научно-популярныхъ листкахъ, указывается извѣстная пропорція капель, то слѣдуетъ, если рецептъ дѣйствительно требуетъ точности, обращать особенное вниманіе на измѣреніе капель, именно на ихъ объемъ, потому что изъ одной капли, налитой изъ стклянки съ широкимъ и толстымъ краемъ, можетъ выйти три или четыре по капельному пузырьку. Очень часто случается, что человѣкъ, непосвященный, желая приложить къ дѣлу какой-нибудь рецептъ (напр. духовъ), который покажется ему достойнымъ вниманія, приходитъ къ совсѣмъ иному, неудовлетворительному результату, именно вслѣдствіе невѣрнаго измѣренія каплями входящихъ въ нихъ составныхъ частей. (с.)

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 53 (помѣщ. въ № 33).

Первый партнеръ (*A*) имѣетъ:

Третій партнеръ (*B*) имѣетъ:

Игра четыре трефы. *Y* и *X* возьмутъ три взятки на тузовъ пикъ, червей и трефъ и укроютъ козырьми 2 раза пику и 1 разъ черву, слѣдовательно возьмутъ всего 6 взятокъ.—*М. шлемъ на бубнахъ.* Положимъ *B* выходитъ съ пики; *Y* положитъ маленькую, *X*—козыря и отходивъ туза червей, идетъ въ черву; *Y* перекрываетъ козыремъ и—въ пику, *X*—козыремъ и - въ черву; *Y* беретъ 2-мъ козыремъ и ходитъ 3-ю пику, *X* бьетъ 3-мъ козыремъ и ходитъ 4-ю черву; *Y*—козыря, отхаживаетъ туза пикъ и ходитъ въ трефу; *X* бьетъ тузомъ, ходитъ 5-ю черву; *Y* бьетъ козыремъ и выходитъ въ 5-ю пику; *A* долженъ брать поневолѣ дамой или королемъ козырей и выходить съ козыря же къ *Y* подъ туза и валета козырей; очевидно, обѣ взятки беретъ послѣдній и *X* и *Y* *дѣлаютъ малый шлемъ.*—Если бы ходъ былъ отъ игрока *A*, то козырнувъ со *старшихъ* бубенъ, этимъ самымъ помѣшалъ бы *X* и *Y* сдѣлать малый шлемъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—А. Глкнкина, В. Мутьева, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣла**—В. Шимкевича, **Самара**—С. Н. Ухова.

Рѣшеніе ребуса № 54 (помѣщеннаго въ № 33).

„Покорно слово гнѣвъ укрощаетъ".

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи, — карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА **„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“** поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 13 сентября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. — № 39 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XIX — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 24 сентября 1888 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Я. Ѳ. Головацкій.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ среди галицко-русскихъ студентовъ Львовскаго университета образовался скромный кружокъ, задавшійся цѣлью возродить галицко-русскую литературу. Онъ сталъ заниматься собираніемъ памятниковъ народнаго творчества, писать произведенія прозаическія и поэтическія, пытался издавать альманахъ, а чтобы рѣзче отличить свое нарѣчіе отъ прочихъ славянскихъ, принялъ даже особое, фонетическое правописаніе. Къ этому кружку, которому пришлось съ первыхъ же шаговъ встрѣтить сильное противодѣйствіе Австрійскаго правительства, принадлежалъ одинъ студентъ, ставшій душою и руководителемъ благороднаго дѣла возрожденія русской словесности. Его не устрашили преслѣдованія австрійскихъ властей и тогда и позже, и онъ съ истиннымъ самоотверженіемъ защищалъ права русской народности. Этотъ студентъ былъ Яковъ Головацкій, получившій потомъ извѣстность своею разнообразною дѣятельностью, какъ ученый, литераторъ и ревностный патріотъ. 1 мая текущаго года смерть пресѣкла эту плодотворную дѣятельность галицко-русскаго неутомимаго труженика, который еще за нѣсколько часовъ до кончины подписывалъ корректурные листы своей работы. Честный борецъ за славянское возрожденіе, Головацкій сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, и мы считаемъ долгомъ почтить его память сообщеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ свѣдѣній объ умершемъ.

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій. († 1 мая 1888 г.). Грав. Ю. Шюблеръ.

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій происходитъ изъ довольно древней русско-галицкой фамиліи; одинъ изъ предковъ его при Богданѣ Хмельницкомъ „ляхамъ сильно допекалъ“. Сынъ уніатскаго священника, Головацкій родился 17 (29) октября 1814 года въ галиційскомъ селѣ Чепеляхъ, Злочевскаго округа, и получилъ первоначальное образованіе въ Львовскомъ народномъ училищѣ, куда онъ былъ отданъ шести лѣтъ отъ роду, а затѣмъ въ гимназіи въ Львовѣ. Окончивъ здѣсь курсъ,

онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, потомъ слушалъ лекціи философіи въ Коницахъ (Кашау) и въ Пештскомъ университетѣ и закончилъ свое образованіе опять въ университетѣ Львовскомъ по богословскому факультету, въ 1839 году. Какъ мы уже знаемъ, еще въ университетѣ Львовскомъ Головацкій примкнулъ къ кружку Маркіана Шашкевича, заботившагося о возсозданіи національной словесности и задумавшаго съ этой цѣлью издать альманахъ *Заря*. Когда Австрійское правительство не только запретило альманахъ, но и осудило самое направленіе *Зари*, а всѣхъ сочинителей книжки отдало подъ надзоръ полиціи, члены кружка разъѣхались въ разныя стороны. Головацкій, по его собственнымъ словамъ, сгорая жаждою познакомиться со славянами и славянскими литературами, отправился въ Кошицкую академію, а оттуда перешелъ въ Пештскій университетъ. „Здѣсь—говоритъ онъ—я близко сошелся со многими учеными словаками, сербами и хорватами, при чемъ мы обмѣнялись нашими мнѣніями, желаніями и сѣтованіями о нашихъ общихъ нуждахъ". Въ 1837 году галицко-русскимъ патріотамъ удалось напечатать въ Будинѣ (въ Венгріи) сборникъ произведеній, тѣхъ самыхъ, которые были въ запрещенной *Зарѣ*. Сборникъ носилъ заглавіе „Русалка Днѣстровая" и, между прочимъ, заключалъ въ себѣ и первый поэтическій опытъ Головацкаго „Два вѣнка". Однако и „Русалка", при разсмотрѣніи ея львовскую цензурой, подверглась участи перваго альманаха; по уговору съ товарищами, Головацкій принялъ всю вину относительно изданія книжки на себя и готовъ былъ подвергнуться отвѣтственности, но былъ помилованъ. Въ 1843 году его рукоположили въ санъ священника и дали сперва мѣсто викарія въ приходѣ Пастынскомъ, а затѣмъ самостоятельный приходъ въ селѣ Хмѣлевѣ, Чертковскаго округа. Въ 1848 году, съ провозглашеніемъ равноправности и полной свободы народностей, населяющихъ Австрію, русскіе галичане устроили въ Львовѣ политическій клубъ, литературное общество „Галицко-Русская Матица" и основали первую червонорусскую политическую газету *Заря Галицка*. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена каѳедра русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ и введено преподаваніе русскаго языка во всѣхъ гимназіяхъ восточной Галичины. На эту каѳедру русскаго языка былъ тогда же приглашенъ Головацкій, занявшійся преподаваніемъ также и въ двухъ гимназіяхъ. Въ университетѣ Головацкій преподавалъ около 20 лѣтъ и былъ избираемъ, по два года къ ряду, въ деканы и ректоры. Только благодаря своему такту и осторожности онъ могъ держаться на каѳедрѣ такъ долго. Сдѣлавшись сотрудникомъ едва-ли не всѣхъ русскихъ газетъ, выходившихъ въ Австріи, онъ горячо отстаивалъ русскую народность отъ враждебныхъ поползновеній поляковъ и нѣмцевъ и въ печати, и на лекціяхъ, стараясь въ своихъ слушателяхъ пробудить любовь ко всему русскому, къ литературѣ, къ историческимъ преданіямъ и выяснить всю необходимость духовнаго слiянія славянъ съ народомъ великорусскимъ. Всѣми силами стремился онъ обнаружить истинную цѣль польскихъ происковъ и опровергать клеветы поляковъ. Такое направленіе его дѣятельности не могло нравиться польской партіи, и скоро она начала вести ожесточенную борьбу съ галицко-русскимъ патріотомъ, особенно, когда намѣстникомъ Галиціи сдѣлался вожакъ этой партіи графъ Голуховскій. Головацкому удавалось не разъ опровергать нелѣпыя обвиненія взводимыя на него поляками. Однако Голуховскій все-таки отстранилъ его отъ преподаванія въ академической и второй львовской гимназіяхъ, запретилъ составленные Головацкимъ учебники на русскомъ языкѣ и оставилъ его въ покоѣ лишь по неволѣ, когда ушелъ съ своего поста. Но по возвращеніи на него Голуховскій возобновилъ свои ярыя преслѣдованія, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ лишить Головацкаго каѳедры, наконецъ добился таки своего. Это случилось въ 1867 году, когда въ Москвѣ открылась этнографическая выставка, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода всеславянскимъ съѣздомъ. Головацкій поѣхалъ на этотъ „историческій" съѣздъ — и остался въ Россіи. По почину гр. Д. А. Толстаго, ему предложили мѣсто предсѣдателя коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Варшавская главная школа и Новороссійскій университетъ приглашали занять каѳедры русской литературы. Отклонивъ послѣднія два приглашенія, Головацкій принялъ предложеніе виленской коммиссіи и 22 декабря 1867 года былъ утвержденъ ея предсѣдателемъ. Эту должность занималъ онъ до самой кончины и сверхъ того, съ 1871 года предсѣдалъ во временной коммиссіи по устройству публичной библіотеки и музея въ Вильнѣ, состоялъ членомъ распорядительнаго комитета западнаго отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества и членомъ попечительнаго совѣта Виленскаго учебнаго округа. Головацкій оставилъ послѣ себя не мало трудовъ разнообразнаго содержанія, напечатанныхъ на его родинѣ и въ Россіи; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: „Розправа о языцѣ южнорусскомъ" (Львовъ, 1849), „Грамматика русскаго языка въ Галиціи" (1849), „Историческій очеркъ основанія Галицко-Русской матицы" (1861), „Христоматія церковно-славянская и древнерусская" (1854), „Очеркъ старославянскаго баснословія или миѳологіи" (1860), „Львовская русская епархія сто лѣтъ тому назадъ" (1861), „О первомъ литературно-умственномъ движеніи русиновъ въ Галиціи" (1865), „Карпатская Русь" (Спб. 1875), „Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси" (М. 1878), — четырехтомное сочиненіе, удостоенное Уваровской преміи, „Географическій словарь западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ" (Вильна, 1884) — трудъ, удостоенный высочайшей награды, „Дополненіе къ очерку славянорусской библіографіи Ундольскаго" и мног. друг. Кромѣ того, Головацкій издавалъ, вмѣстѣ съ Богданомъ Дѣдицкимъ сборникъ „Галичанинъ", участвовалъ въ славянскихъ и русскихъ періодическихъ изданіяхъ, а въ молодости печаталъ беллетристическія произведенія изъ народной жизни подъ псевдонимомъ *Яцка Балагура*. Головацкій имѣлъ чинъ дѣйств. статск. совѣтника, нѣсколько орденовъ и золотыя медали отъ Географическаго общества и Уваровскую и состоялъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ университетовъ и различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій русскихъ и славянскихъ. Головацкій неуклонно, съ юныхъ лѣтъ и до могилы, шелъ одною дорогой, трудился на пользу славянства и поэтому память благороднаго галицкаго патріота должна быть равно дорога какъ для его соотечественниковъ, такъ и для русскихъ. **П. Быковъ.**

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XI.

Встрѣча на дорогѣ.

Арбузьевъ, отъ тетушки своей крестовенькой, домой погналъ, въ подгородную волость. Золъ онъ вышелъ отъ бабушки, а отъ скорой гоньбы еще сильнѣе взбудоражился. За то и ѣлъ, и пилъ сегодня Василей Селифонтьевичъ за четверыхъ, словно не куски глоталъ, а своихъ кровныхъ обидчиковъ.

Наѣвшись, напившись всласть, бояринъ немного очувствовался.

„Инъ вспятить, такъ вспятить," рѣшилъ онъ. — „А и то ладно молъ что хоть срокъ мнѣ даденъ въ семь дёнъ.

И съ этой мыслью, велѣлъ онъ кликнуть Маврушеньку. Дѣвушка войдя, стала у двери.

— А ну, иди же, рядкомъ садись, пьянымъ голосомъ шепнулъ Арбузьевъ.

Маврушенька не двигалась.

— А присаживай-ко-ся, а слышь, медкомъ вѣдь попотчую, еще пьянѣе Арбузьевъ шепталъ.

— А полно ужь, буде, отозвалась Маврушенька.

— А да ну же, иди!

— А сказала, нѐ-пойду, рѣзко отвѣчала дѣвушка.

— Ишь ты, кака нонѣ вышла ежова! И гдѣ ты спѣсивьства-то этого понабралась?

— А гдѣ бъ ни брала, а полно, гòворю. Не раба вѣдь я твоя, Василей Селифонтьевичъ, не одернованая, а нè почто жь тебѣ и въ волости меня держать, а и мнѣ-ко домовь пора.

— А тебѣ дома-то чтò, аль голодуха занадобилась? съ усмѣшкой сказалъ Арбузьевъ.—А коль обновы тебѣ похотѣлося, инъ прямо бы, голубушка, сказывала. А не люблю, знашь, этихъ хитростей вашихъ увертливыхъ.

— А до-гроба никоей мнѣ отъ тебя обновы не занадобится, твердо сказала Маврушенька.

— Ой, чтò-й ты! А гляди-ко-сь каку ощё покажу.

И Арбузьевъ съ отдышкой привсталъ было съ лавки.

— А не подходи, слышь! съ силой крикнула дѣвушка.

Арбузьевъ, будто оторонѣвъ отъ крика, присѣлъ на лавку, а самъ со смѣху какъ закатится.

— Ой, ой! проговорилъ онъ, — ой, спужала было досмерти.

— Оставь смѣшки, Василей Селифонтьевичъ, изъ-подъ лобья хмуро однимъ окомъ взглянувъ на него, сказала Маврушенька. — А и о смерти тожь не го́вори подъ руку.

— Ой, что́ такъ? заливаясь спросилъ бояринъ.

— А то что на всякъ случай, у меня захваченъ ножъ, гляди.

И тутъ Маврушенька заложила руку за пазуху. Съ бо́льшаго-ли смѣху-ли, или съ непритворнаго страху, Арбузьевъ, откинувшись назадъ, крѣпко ударился головой объ оконный косякъ, и сталъ досадливо рукой ушибъ тереть.

Тутъ хмѣль у него изъ головы немного выскочилъ, и онъ не то нерѣшительно, не то боязливо глянулъ на Маврушеньку.

— А взрѣжу себя, а ужь тебя къ себѣ не до́пущу! помолчавъ сказала она, и быстро, но безъ торопливости вытащила изъ-за пазухи ножъ.

— Ой да дьяволы-те ѣшь! Эка дѣвчи́на о́зорна! Гляди-ко-сь!... А ножъ още!..

— Отпускашь, что-ль, домовь меня?

— А ну те въ тріисподнюю!.. Эка невидаль!.. А надокучила и сама ты мнѣ! Затѣмъ и звалъ вѣдь, что въ зашеи прогнать хотѣлъ! А чтобъ те псы поро́зорвали!.. О, волчья снѣдь!.. А съ ножемъ още...

И тутъ Арбузьевъ словно про себя сталъ ругаться, только изрѣдка вслухъ вскрикивая:

— О, подлая!.. А съ ножомъ още.

— Когда-жь домовь-то? по терпѣливомъ молчаніи спросила дѣвушка.

— А ты тутъ още! засвирѣпѣвъ вскинулся Василей Селифонтьевичъ. — А прочь, прочь ползи! А съ моихъ очей въ пекло пеклиньско!.. А я видѣть тебя не хочу!..

И бояринъ сталъ порочить ее всякой бранью.

Маврушенька, стоя по-одаль, попрежнему терпѣливо слушала его брань.

— А домовь-то когда-жъ? не двигаясь съ мѣста спросила она.

— Охъ! да уйди же а ты! не своимъ голосомъ Арбузьевъ крикнулъ. — А съ Буяномъ приказъ пришлю. А съ ножемъ още!..

И Арбузьевъ глаза зажмурилъ, словно ножъ сверкнулъ какъ разъ предъ нимъ. Маврушенька постояла немного, будто обдумывая, и затѣмъ мелькомъ на Арбузьева взглянувъ, вмѣстѣ и гадливо, и жалостливо, вышла вонъ.

„Вотъ те и сказъ весь! А още и сроку недѣлюшку! бурчалъ про себя Василей Селифонтьевичъ. — Ишь, дьяволы! А още неволею!.. О, дьяволы-жь триклятые!

Отъ злобы у него все нутро взбудоражилось. Только злоба на сей разъ была куцая. Какъ песъ она изъ-за забора выглядывала на недруговъ, а смѣлости, чтобъ броситься на нихъ, не хватало въ ней.

— Буянъ! крикнулъ господарь.

— Что́? аль знать у васъ съ Маврушенькой нелады пошли? входя спросилъ вѣрный паробокъ, давая тѣмъ знать, что разсказъ не нуженъ: все молъ, стоя за дверьми, слышалъ.

— А кабы одна Маврушенька, а и Владыко ту [1]).

— Ну ужь сказывай, чтоль, Василей Селифонтьевичъ, снисходительно замѣтилъ Буянъ, приготавливаясь слушать господаря, какъ старшій братъ слушаетъ про проказы меньшаго.

Арбузьевъ разсказалъ, успастивъ свою повѣсть не мягкими ругательствами.

— А что́ жь дѣлать тутъ, а Буянушко? спросилъ онъ, заглядывая въ глаза паробку, какъ виноватый песъ хозяину.

[1]) Ту — тутъ.

— А дѣлать, Василей Селифонтьевичъ, нечего, развѣ что вспятить ее какъ мине срокъ. А съ Владыкомъ-то немного нашутишься.

— Аль мнѣ имъ покорится? Аль сняли оны съ меня волюшку? Аль мнѣ въ подневольни къ нимъ писатися?

— И запишешься, убѣдительно Буянъ сказалъ.

— Ну, ужь это! вскрикнулъ Арбузьевъ и будто онѣмѣлъ съ горя. — А ну, помолчавъ ласково заговорилъ онъ, — думай же, Буянушко, подумывай.

— А не о двухъ я, Василей Селифонтьевичъ, головахъ.

— А вдвоемъ-то, слышь Буянушко, о двухъ же мы съ тобой головахъ, желая ободрить паробка сказалъ господарь.

— А у Владыка-тъ, скажи, още руки долгія.

— А на меня-то нунь коротки! А по мнѣ и на тебя таки жь окажутся. А ни онъ, ни тетушка моя крестовенька съ вѣчьемъ своимъ анаѳемьскимъ купленнымъ, не достанутъ же насъ. Простился вѣдь я на-вѣкъ съ Новымгородомъ: къ князю великому отъѣду служить.

— А такъ бы ты ясперва, Василей Селифонтьевичъ и сказывалъ, отвѣчалъ Буянъ такимъ голосомъ, точно выговаривалъ крѣпкое слово. — Инъ дѣло твое, гляди, поправимое.

— Ой да Буянушко! А зо́лота буде у меня головушка! Аль придумалъ что́?

— Ничего не придумывалъ. А на-перво, Василей Селифонтьевичъ, надо тебѣ засту́пу крѣпкую. Не на Москвѣ ты още. О томъ подумай.

— А ну?

— Завтра жь, какъ съ похмѣлья-то пробудишься, въ Городище гони.

— Туда-то зачѣмъ?

— А къ княженецкому гони намѣстнику, а о́пасъ бери.

— Какой о́пасъ още?

— А грамоту эту опасну [1]), съ чѣмъ тебѣ на Москву проѣхать, чтобъ путь тебѣ чистъ былъ, пойми.

— Это чтобъ въ сугону не пускалися?

— А понялъ же, какъ бы съ удивленіемъ сказалъ Буянъ. — А не то, Владыко-тъ прикаже посаднику, а онъ дастъ на тебя биричей новгородьскихъ, а сволокутъ тебя въ Великій Новгородъ. Ну, а съ о́пасомъ а чистъ путь, го́ворю.

— А и головушка жь у тебя умная, скажу. А умомъ-то ты съ Лукой, гляди, съ самимъ Аввакумовичемъ поверстаешься.

Тутъ господарь помолчалъ, выжидая что скажетъ паробокъ, а паробокъ молчалъ въ ожиданіи господарскаго слова.

— А далѣ-то что жь, Буянушко?

— А далѣ, Василей Селифонтьевичъ, тебѣ ужь сказывать: что̀ ты самъ дѣлать вздумалъ, аль чего тебѣ още похотѣлося.

— А ничего-то я, Буянушко, не вздумывалъ, а развѣ похотѣлось мнѣ имъ всѣмъ нагадить.

— А всѣмъ-то кому жь?

— А и Владыку-то, а още моей тетушкѣ крестовенькой, а и всему, скажи, Великому Новугороду. Чтобъ помнили. Чтобъ такъ вотъ вышло, что хоть о́ны меня и приневолили, а будто самъ я, Арбузьевъ, все своей волюшкой дѣлалъ. А имъ бы ажно въ носъ бросилась эта гадость-то моя, чѣмъ нагадимъ-то мы имъ.

— Дѣло мудреное, вдумчиво Буянъ сказалъ.

— Аль захватимъ мы съ собой въ Москву Маврушеньку, а съ о́пасомъ вѣдь? отважился придумать самъ Василей Селифонтьевичъ.

— Ну, это, Василей Селифонтьевичъ, отложить надобѣть. А какъ съ Маврушенькой-то въ Москву при́дешь, а всѣмъ вѣдь тутъ объявится каковъ кречетъ изъ Новагорода вылетывалъ, а сволокъ молъ съ чужа двора утушку. А не похвалятъ же.

[1]) Опасная грамота — листъ на свободный проѣздъ.

Судъ Париса. Съ карт. Швенингера, грав. Бон

— И то, согласился, Василей Селифонтьевичъ. — А вспятить, значитъ?

— Не безъ этого.

— А вспятить, такъ вспятить, безповоротно господарь рѣшилъ. — А и къ бѣсу ее! А съ ножемъ ощё!..

И Арбузьевъ, какъ давече, быстро зажмурилъ глаза. Помолчали вновь господарь и паробокъ, ожидая другъ отъ друга перваго слова.

— А слышь, Буянушко! какъ-то опасливо Арбузьевъ заговорилъ, словно побаиваясь, что снова ему достанется отъ паробка за глупое думанье.

— Аль надумалъ что̀? съ недовѣріемъ спросилъ Буянъ.

— А, вишь, какъ вспячивать-то станемъ ее, а тутъ бы имъ чѣмъ и напакостить. Вотъ, чтобъ помнили.

— А дѣло-тъ го̀ворю, мудреное, снова повторилъ паробокъ.

— А думай же, сдумай, Буянушко, а подумывай, словно науськивая пса приговаривалъ Арбузьевъ.

Буянъ думалъ, опустя голову.

— А что дашь-то за думанье? спросилъ онъ вдругъ, взглянувъ на Василея.

— А каки таки у насъ торги съ тобой. А навсегды разъ было сказано, а бери молъ что̀ вздумашь. Для другого кого, для тебя не жаль.

— А вольнюю? отрывисто сказалъ Буянъ, и глянулъ куда-то въ сторону.

— А ну, ну, ну! Ой, и вывезъ же ты, Буянушко. А по̀што тебѣ та̀я вольняя? недоумѣнно и жалобно пропѣлъ господарь.

— Я-то знаю по̀што о̀на мнѣ.

— А скажи-т-ко, ну, а что̀ ты ощё на волѣ дѣлать-то учнешь?

— А знаю ужь что̀, Василей Селифонтьевичъ.

— Да мнѣ-ко занятно знать. А думаю что вовсе о̀на тебѣ не надобна, а и дѣлать-то тебѣ съ волей нечего.

— А коньми бы сталъ въ Новѣгородѣ поторговывать. А прибытокъ великъ.

— Ой, полно-ко, Буянушко. А за мной живучи, болѣ прибытушка добудешь вѣдь.

— Ну! какъ бы съ сомнѣньемъ Буянъ сказалъ. — Аль вольнёй-то не дашь ты? по молчаніи спросилъ онъ.

— А буде тебѣ и вольня, а въ душевной моей грамотѣ [1]).

— Да у тебя душевна-та писана-ль?

— Ой, да что̀ ты! Эки страхи придумывашь. А знашь вѣдь самъ, какъ трепещу-то я этого часа смёртнаго. А страшусь-то я его, вѣрнѣй сказать, ажъ до-смерти.

— Для того вѣдь и спрашиваю, что ладно буде, коль поболѣвъ умрешь, а какъ въ одночасье-то преставишься, а такъ же вотъ во хмѣлю, съ мѣста вставъ, да навзничь на полъ опрокинешься.

— Охъ, умру! Охъ, умру я сейчасъ! всѣмъ дебелымъ тѣломъ трясясь, и блѣднѣя въ лицѣ, вопилъ Арбузьевъ.

— А полно ужь тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, а не буду ужь. А выпей медку, что-ль, успокоивалъ его Буянъ.

Арбузьевъ заморскимъ виномъ отпаивалъ свой страхъ.

— А слушай-ко что ощё скажу я тебѣ, Василей Селифонтьевичъ.

— А ну, Буянушко?

— А отъѣдешь въ Москву ты, а вѣдь стану я тебѣ вовсе не надобенъ.

— Всюды, всегды ты мнѣ, Буянушко, надобенъ. А помереть вѣдь мнѣ безъ тебя, вѣрь ты моему слову нелестному.

— А ужь вѣрно скажу, что я буду тебѣ не надобенъ, потому какъ въ Москвѣ ты оженишься.

— На двое про то бабка-то сказывала.

— А безъ перемѣны ужь оженишься. Потому: сдумай самъ, Москва тебѣ буде мѣсто новое, незнакомое. А ни сродниковъ, ни дружковъ собинныхъ. А заступа вездѣ нужна. А богатъ прiѣдешь. Отцы на тебя сейчасъ позарятся, станутъ сватати, а подумавъ что одно-тъ и у каши не споръ, тестя себѣ добыть научишься. Опять-же, на первыхъ порахъ, не лѣпо тебѣ буде тамъ уродовать да бражничать, какъ въ Новѣгородѣ. А со скуки ощё, го̀ворю, оженишься.

— А что̀, какъ-бы отъ чистаго сердца сказалъ Василей,—а и правда твоя, гляди, Буянушко. Время бросить мнѣ житьё это безобразное. А вѣрнѣй сказать, въ Москвѣ перво времячко ухо востро держать прійдется. А узда-тъ вѣдь тамъ крѣпкая.

— И самъ ты, вижу, Василей Селифонтьевичъ, до того-жь додумался, что въ Москвѣ я тебѣ буду не надобенъ.

— Нѣтъ, ужь до Москвы-то проводи меня, и тамо-т-ко на первыхъ порахъ буду я безъ тебя, Буянушко, что безъ правой безъ рученьки.

Буянъ подумалъ. И вдругъ у него передъ глазами почему-то мелькнули Славковскіе уличана, Нашко̀ съ Васильемъ-сермяжникомъ и братъ его двоюродный Губанъ. Смотрятъ они на него не добромъ: „погоди молъ и за тебя примемся".

— А ну, слушай, Василей Селифонтьевичъ, что ощё вздумалъ-то я. А такъ скажемъ: на Москву-то провожу я тебя, а коль ты тамъ да оженишься, а мнѣ въ тотъ-же часъ чтобъ вольняя. А я погляжу ужь тамъ, може мнѣ въ Москвѣ и полюбится. А коньми торговать може тамо-т-ко прибыльнѣй.

Послѣднія слова Буянъ прибавилъ какъ-бы для себя и про себя.

— Что-жь, по рукамъ что-ль, Василей Селифонтьевичъ? спросилъ онъ обождавъ немного.

— А по рукамъ-же, Буянушко.

И господарь съ паробкомъ били по рукамъ.

— Ну, ладно, Буянъ сказалъ. — А ты мнѣ завтра Василей Селифонтьевичъ, дай запись.

— Каку запись ощё?

— А какъ къ намѣстнику завтра съ тобой въ Городищѣ поѣдемъ, а ту мнѣ и запись дашь, что молъ какъ въ Москвѣ оженюсь я, твоя стало милость, Василей Селифонтьевичъ, въ тотъ-же молъ часъ паробку моему Буяну вольня.

— Ишь ты, Ѳома кака живешь невѣрная! Аль рукобитью-то моему нелестному не вѣруешь?

— А вѣрю-жь. А только какъ для тебя я о̀пасъ придумывалъ, потому-жь и мнѣ запись въ о̀паса мѣсто. А и то сказать, Василей Селифонтьевичъ, а не Мордка-жь я буду, чтобъ у меня новъ чепанъ да съ плечь доловь, а знаю вѣдь я всё твои тайности.

— А ну, ну! А пошелъ ужь!.. А и къ Мордкѣ ощё себя прiравнялъ. А ощё скажу я тебѣ, Буянушко, сколь люблю-то я тебя, не повѣруешь. А дамъ тебѣ, каку самъ сказывалъ, запись эту вольнюю, а похочешь, такъ и въ Москвѣ у меня-жь жить останешься. А оженясь, поставлю тебя ключникомъ.

— А пошто, Василей Селифонтьевичъ, мнѣ у тебя въ ключахъ не ходить, а только ужь по-ряду [1]).

— А по-ряду, такъ по-ряду... А сказывай теперь како ты уродство придумывалъ?

— А пакость, Василей Селифонтьевичъ, такова живѐ. Первымъ дѣломъ, мы Маврушеньку подалѣ куда, а скажемъ хоть къ Тихвину, чтоль, сослать ее научимся. А будто, понимашь, отъ Владычня имени.

Арбузьевъ съ такимъ напряженіемъ слушалъ паробка, что отъ нетерпѣнья даже на лавкѣ подскакивалъ.

— А ну, ну! приговаривалъ онъ.

— А до Тихвина не доѣзжаючи, а велимъ паробку гдѣ на дворѣ ее кинути. Понимашь, на ночь о̀ны пристанутъ, а онъ въ ночи-то одинъ крадучись уйде, а ее

[1]) Душевная грамота — духовное завѣщаніе. Рабовъ по смерти обычно отпускали на волю.

[1]) Рядъ—договоръ, условіе.

на двори покинувши. А паробку, за молчокъ, чтобъ никому не сказывалъ, можно и двуколку [1]) дать, и съ лошадью, а ощё и вольнюю. А и паробокъ у насъ во двори такой найдется, а хворъ къ тому, на работу негодящій, а звать Филюшкомъ. Ощё онъ мнѣ племянникомъ доводится.

Арбузьевъ сталъ было высчитывать во сколько ему обойдется эта затѣя, да Буянъ не далъ кончить.

— А Маврушенька-та пусть пѣша въ Новгородъ прогуляется. А нѝчто ей, а еще и на здоровьице, жирушка-то понагу̀ляла.

— А и то, пусть ее по лѣсамъ-те погуливатъ. А съ ножомъ ощё!..

И Арбузьеву до того живо, и вдобавокъ потѣшно, представилось, какъ Маврушенька съ ножомъ въ рукахъ погуливаетъ по лѣсу, что онъ чуть было не прыснулъ со смѣха.

— А стой-ко, Буянушко, вдругъ спохватился онъ.— Какъ Маврушенька этакъ-же, какъ давече, у̀прется, ѣхать-то заупрямится.

— А чего-жь ей упрямиться?

— А не повѣруетъ.

— Какъ-же не повѣруетъ, коль Владыко приказалъ? А ощё я этотъ разговоро-тъ вашъ, какъ вы съ ней ладкомъ-то сегодни бесѣдовали, на нашу-жь стать поверну. А точно, скажу, звалъ онъ тебя для прощаньица, потому какъ Владыко повелѣлъ ему отпустить тебя; съ того де и обнову дарить хотѣлъ, чтобъ не очунь ты на него Владыкѣ плакалась. А сказать де этого не успѣлъ, какъ ты съ ножомъ тутъ. А съ твоего молъ ножеваго стращаньица у нашего чёртушка... Тутъ, понимашь, я тебя, Василей Селифонтьевичъ, для вѣрности выругаю... Такъ у нашего де чёртушка, у бѣса-то нашего пузатаго, съ ножа твоего въ брюхѣ молъ ножами зарѣзало. На силу молъ отпоилъ его.

— А ладно ужь, сказалъ Арбузьевъ, не очень-то довольный тѣмъ, что паробокъ звалъ его въ глаза чёртушкомъ,—а только, гляди, Буянушко, хорошо-ль ощё у тебя удумано: съ чего молъ Владыко ей въ Тихвинъ ѣхать велитъ?

— А опетемью принять.

— Ишь ты! подивился бояринъ паробковой обдуманности, и затѣмъ уже спросилъ изъ простаго любопытства:—А за что-же такъ, опетемья то?

— А за прошлое житьё. И тебѣ вѣдь Василей Селифонтьевичъ, надъ быть, отъ Владыка опетемья-же положена.

— Ну мнѣ-ко да опетемья ощё! съ неудовольствіемъ сказалъ Арбузьевъ.—А ты гляди-ко, будетъ-ли ощё гдѣ близь Тихвина обитель дѣвичья?

— А ты знашь, что-ль, что нѣтъ ее?

— А почемъ мнѣ знать?

— Ну, и я не вѣдаю. А Маврушенька и подавно о ней не слышала. А стало быть есть-же она, обителе-тъ, коли владыко приказалъ.

— Такъ Владыко? прищурясь Арбузьевъ переспросилъ.

— А онъ-же, никто иной, не моргнувъ глазомъ, увѣренно Буянъ сказалъ.

Арбузьевъ не могъ сдержаться, и фыркнулъ со смѣху.

— Ой-же ты, Буянушко! вскричалъ онъ.— А за эту твою выдумку ладную. а стоило-бъ тебя Новугороду поставить во посадники.

Буянъ ни слова не отвѣчалъ, но по глазамъ его видно было, что такой чести онъ не считаетъ для себя великою.

— А ладнёхонько все у тебя Буянушко, удумано, а только, знашь...

И Арбузьевъ за ухомъ почесалъ.

[1]) Новгородская телѣга была двухколесная, — что осталось по сейчасъ, напр. въ Лужскомъ уѣздѣ.

— А что̀ тамъ ощё?

— Одно о̀пасно, какъ-бы Владыко-тъ, какъ на срокъ Маврушенька предъ его очи не буде поставлена, не взъѣлся на насъ. А отпи̂ше, гляди, въ Москву про наше уродьство-то.

— А правду знать, Василей Селифонтьевичъ, про ворону скажутъ. что пу̀гана молъ куста боится. А и ты по вороньему. Видно не мало тебя Владыка щенялъ [1]). А покоенъ будь, предъ Владыкомъ мы бѣлы̂ станемъ.

— Какъ-же мы передъ нимъ обѣлимся?

— А такъ-же вотъ. На-перво, прохлаждаться намъ съ тобой здѣсь нечего. А добудемъ о̀насъ. и на конь сейчасъ. А пойдемъ спѣшкою, съ немногыма паробки, а обозъ съ собой возьмемъ легкій-же. А на рубежь на Тверьской прибѣжавъ, тамо-т-ко станемъ ждать обоза нашего тяжелаго. А тяжелъ обозъ, онъ по̀йде съ ключникомъ. Ну а тутъ. слушай-ко, какъ мы Владыка обмануть научимся.

И Буянъ на минутку замолкъ, какъ будто для того, чтобъ обдумать ужь все безъ пропуска.

— А слышь, Василей Селифонтьевичъ. А съ дороги пошлемъ мы ко Владыкѣ паробка, велимъ ему сказывать, что „господарь у насъ обезпокоился: стала-ль молъ на срокъ предъ твои очи Маврушенька. А стоитъ де Василей Селифонтьевичъ нынѣ въ волости у своего сродника. А эту прилику вѣдь сдѣлать можно, что у сродственника мы остановилися... А телѣжнаго молъ обоза ожидаючи. А безпокоенъ де онъ оттого сталъ, что слалъ къ нему ключникъ, которому тяжелый обозъ приказанъ, нарочнаго... А и эту прилику вѣдь можно сдѣлать, что и нарочный пригонитъ-же... А сказывалъ де нарочный, что съ того молъ тяжолъ обозъ не ѣде. что ждали, поджидали того-же молъ все паробка, съ кѣмъ Маврушенька предъ твои очи послана. А паробокъ молъ досель не бывалъ. А бояринъ съ того де безпокоился, что въ тотъ день, какъ ему на Москву идти, и Маврушенька была послана. А съ того де онъ ощё больше убивается, что слалъ съ тѣмъ-же паробкомъ поминокъ тебѣ. А не малъ молъ тебѣ, Владыко, поминочекъ: кубокъ великъ золоченный да ощё гривна дѣдня драгоцѣнная. А опасается молъ ужь не пропалъ-ли и поминокъ къ тому. А такого молъ, Владыка, поминочка кому не жаль? А и эту прилику, Владыку въ угоду, вѣдь мы сдѣлаемъ, что выѣдетъ о̀на у насъ по новгородьской дороженькѣ, а знамо потомъ Филюшко взадъ лѣсомъ по̀верне. А и что̀ тутъ Владыка-тъ подѣлатъ? А паробка-тъ нашего къ нему посланнаго, хоть къ кресту приводи. А поцѣлуе кресто-тъ съ чистой совѣстью, потому какъ тебя у сродника онъ видѣлъ-же, а нарочнаго отъ ключника слышалъ-же, а Маврушеньку поѣдучись не проморгалъ-же. А сколь ни кусай, ничего не выкусишь. Это, Василей Селифонтьевичъ, первое. А второе ощё научу ужь я паробка сказывать. Молъ того у насъ опасаются, что какъ буде эта Маврушенька дѣвчонка сама лядащая. И Василей де Селифонтьевичъ не разъ ее за то и за косу училъ, и плеткой билъ. Да все де ей не-ймется, потому какъ лядащая. А думка-тъ у насъ по дворѣ такова живѣ: что дорогой-то она съ паробкомъ, съ кѣмъ была-тъ послана, смолвилась да оба и укралися, позарившись на великъ поминокъ твой, на Владычень-то.

Тутъ Буянъ немного помолчалъ.

— Такъ вотъ оно каково, Василей Селифонтьевичъ, у меня уродьство-то удумано. А ни сучка̀, ни задоринки. А комару не подо-что носу подточить. А пиши тутъ онъ, Владыко, отписывай, а со всѣхъ-те сторонъ мы бѣлехоньки. А ни тпру, ни ну! А Владыкѣ-жь къ тому поминка жаль... Что̀-жь замолчалъ-то Василей Селифонтьевичъ? Аль не понялъ ты?

У Арбузьева на лицѣ стояло, что онъ думаетъ о

[1]) Щенять, или щунять—учить какъ щенятъ учатъ.

Буяновой рѣчи, и ищетъ въ ней хоть маленькой прорѣхи. Сильно нахмурился Василей Селифонтьевичъ отъ непривычнаго и тяжелаго думанья. Вдругъ лицо у него просвѣтлѣло да хохотать онъ какъ ударится! Того его хохота ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

— Ой, ой, ой! сквозь хохотъ онъ покрикивалъ. — Охъ, хо, хо! охъ, Буянушко! А ужъ этакъ удумалъ ты, хо, хо! А и денегъ не жаль на таку шутку-ту хорошу! Хо, хо, хо! хо, хо, хохошеньки! А ужъ послѣдня-то что про Маврушеньку придумывалъ, ажъ зубами оны скрежетать пойдутъ. А ждутъ вѣдь, что не дѣвчину везутъ, а чуть не саму святу мученицу. Ой, ой! умру съ хохоту. А она-то, ихняя-та мученица, а съ дороги съ паробкомъ укралася. А досада къ тому, что поминокъ пропалъ. А надо-жь про поминокъ ощё и тетушкѣ сказывать... Ой, и буде-жь имъ... Хо, хо, хо!... А на вѣкъ памятно... Нѣтъ, нѣтъ, ты стой, а Пашко-тъ!.. Этакъ-то его мнѣ Владыко пахвалилъ. А тутъ, па-косъ, гляди... Хо, хо, хо! охъ! умру съ хохота... А Пашко-тъ, отъ-то олухо-тъ, хо, хо, хо! а ощё, скажи, и олушина!.. Хо, хо, хо!..

— Ладно-ко, Василей Селифонтьевичъ, Буянъ сказалъ, давъ господарю выхохотаться.—А пойду-ко-сь да Маврушеньку оборудую.

— А я-то, что-жь? какъ-бы съ испугомъ Арбузьевъ спросилъ.

— Аль у тебя дѣла нѣтъ? А садись-ко да пей себѣ на здоровьице.

— Охъ, одному-то мнѣ...

— Знамо, пиры да попитки намъ теперь строить некогда. А только Теренька на что-жь?

— Аль во дворѣ онъ?

— А гдѣ-жь ему быть? Аль съ битой скулой да съ рыломъ квашенымъ идти ему щепить [1]) по Новгороду?

— А порядочно я его, знать?

— Ладнёхонько. Да ты что, Василей Селифонтьевичъ? Аль опасаешься, что онъ съ битья-то твоего третьегодпишняго гнѣвъ на тебя держитъ? А не знашь, вижу, ты обычая ихняго игрецкаго [2]). А всегда вѣдь оны такъ, ровно свиньи въ хлѣву, аль още тыи псы во дворѣ: сегодня бьются, на завтра цѣлуются: сегодня-ль цѣлуются, на завтра бой у нихъ.

— А ну, зови его со всѣми скоморохами.

— Ладно-ко. Только-ты ему, гляди, чего съ пьяна не выболтай—ехидноящій мужиченушко

— Эва! Аль ты не знашь, Буянушко, а вѣдь самъ я на эти дѣла ехиденъ мужъ.

Такъ все и сталось, по сказанному, какъ по писанному. Во время опасъ добыли, и Маврушенька изъ воротъ выѣхала, и бояринъ побѣжалъ къ сроднику. И къ Владыкѣ гонецъ во время-же погналъ. Затѣмъ господарь съ немногими паробками поскорѣй пошелъ. Верстахъ въ десяти отъ рубежа новгородскаго, они стали станомъ въ лѣсу, поджидая обоза тяжелаго. Не очень-то это житье въ лѣсу нравилось Арбузьеву, да дѣлать было нечего: Буянъ никуда его отъ себя не пускалъ. Пришлось посидѣть и на сухоястіи, а этого Василей Селифонтьевичъ не долюбливалъ и въ великое говѣнье. Только когда, по Буянову расчету, тяжелый обозъ близко подошелъ, сняли они станъ въ лѣсу и выѣхавъ на большую дорогу, завернули въ заѣзжій дворъ. Дорвался тутъ Василей Селифонтьевичъ до жирныхъ щей, до бока бараньяго съ кашею.

Догладывая бараній бокъ, при чемъ у него щеки и борода съ жиру лоснились, Арбузьевъ думалъ утереться-ли ему столешникомъ, или еще спросить у дворничихи баранины, — какъ въ избу вошелъ проѣзжій человѣкъ, по платью бояринъ. Взглянулъ Василей Селифонтьевичъ въ проѣзжаго боярина, анъ то самъ Лука Аввакумовичъ въ избѣ стоитъ, кладетъ передъ образомъ крестъ по писанному.

За Лукой въ тотъ самый день, какъ у него Пашко былъ, и только-что онъ отпустилъ парня къ Владыкѣ со своимъ дворецкимъ, прислалъ степенный посадникъ Ѳома Андреевичъ. Степенный просилъ Луку, именемъ всего Великаго Новгорода, чтобъ онъ съѣздилъ на рубежъ новгородьскій, и привелъ порубежниковъ къ кресту на имя Господина Великаго Новагорода. Такъ всегда дѣлалось по старинѣ, когда ждали розмирья съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей. Лука Аввакумовичъ, съ великой радостью на другой-же день на зарѣ выѣхалъ, и теперь, сдѣлавъ дѣло, возвращался въ Новгородъ.

Арбузьевъ и обрадовался-то Лукѣ, какъ своему старинному пріятелю, и струхнулъ порядочно: молъ не Великимъ-ли Новымгородомъ за мной посланъ? Оно конечно, опасъ у нихъ съ Буяномъ взятъ, а все-таки.. Лука Аввакумовичъ, со своей стороны, помолясь передъ образомъ и поклонясь по ученому, сталъ вглядываться съ кѣмъ это далъ ему Господь встрѣтиться.

— А ты, чадушко, какимъ-же побытомъ тутъ очутился? спросилъ Лука, узнавъ Арбузьева.

— Господи! Аль ты будешь, Лука Аввакумовичъ? А вотъ гора-то съ горой...

И пріятели цѣловалися.

— Да ты-то здѣсь зачѣмъ? вновь Лука спросилъ.

— А надумался, вишь ты, а Лука Аввакумовичъ, а къ одному а тутъ, знашь, а понимашь, а сродникъ онъ ощё, пойми, буде мнѣ, намѣренно растягивая рѣчь всякими вставками, кое-какъ научился солгать Арбузьевъ.

— Къ какому такому сроднику?

— А какъ-бы, знашь, сказать-то тебѣ, Лука Аввакумовичъ?., а повѣрнѣй, что-ль, что-бъ, понимашь, не налгать-то мнѣ тебѣ очунь-то. А скажемъ такъ, что будетъ молъ такой, завалящій пѣкакій, промямлилъ Арбузьевъ, и быстро добавилъ:—А ты-то куда аль отколь?

Лука сказалъ.

— А давно изъ Нова-то города?

И на этотъ вопросъ Лука далъ отвѣтъ.

— Эва-но-сь, когда ощё! успокоясь, съ радостью вскричалъ Арбузьевъ.—Такъ дѣловъ нашихъ новгородьскихъ стало не вѣдашь ты?

— А каки тамъ дѣла у васъ?

— А тетушка-та моя крестовенька этакъ-то меня подвела, а съ Пашкомъ, слышь, на меня Владыку клали жалобу. А правду-тъ сказать, я съ сорому-то этого и побѣжалъ изъ Новагорода. На время, знашь, Лука Аввакумовичъ, что вотъ, съ распросами приставая, очунь ужъ мнѣ надокучили.

— Аль судъ былъ? съ живостью спросилъ Лука.

— Ну! важно Арбузьевъ сказалъ. — А таковъ-ли я мужо-тъ буду, самъ ты о томъ свѣдомъ, Лука Аввакумовичъ, чтобъ себя до Владычня суда довести? А знамо, миромъ кончили. А я ощё Пашка одарилъ не жалѣючи, а Владыко-тъ, благословлялъ-же онъ меня.

— Ну, и ладно, сухо отвѣчалъ Лука, — а мнѣ обѣдать пора.

И Лука сѣлъ за обѣдъ. Въ полъ-обѣда, взглянувъ въ окно, Лука увидѣлъ, что мимо двора тянется огромный обозъ, и полюбопытствовалъ узнать чей. Арбузьевъ, выставясь въ окно, сразу призналъ свой тяжелый обозъ, и спѣшно приказалъ Буяну мигомъ про обозъ узнать. Буянъ, возвратясь съ докладомъ, объявилъ, что новгородьскій [1]).

— А съ чѣмъ? Лука спросилъ

— А вотъ, поди жь, и не сдогадался о томъ спросить, Лука Аввакумовичъ.

Лука и не замѣтилъ какъ господарь съ паробкомъ перемигнулися.

[1]) Щепить—щеголять, франтить. Щапъ—щеголь, франтъ.
[2]) Игрецкій—актерскій.

[1]) То есть Господина Великаго Новгорода; казенный, какъ говорится.

Прогулка въ рощѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") И. Волкова, грав. Ангерерь.

— А кони-тъ осѣдланы? спросилъ Арбузьевъ.

— У крыльца твою милость дожидаются.

Лука сталъ было уговаривать, чтобъ Василей посидѣлъ съ нимъ, да тотъ ни за что, ссылаясь на дальнюю и вдобавокъ незнакомую дорогу.

— А и ты скоро, поди? спросилъ онъ Луку.

— А кони откормятся, да паробки отдохнутъ.

— Аль у тебѣ кони больнё притомилися?

— Порядочно-таки.

Злая усмѣшка промелькнула у Арбузьева. Лука вызвался его до крыльца проводить.

— А прощашь, Лука Аввакумовичъ, чуть не со слезами приговаривалъ Арбузьевъ, обнимаясь съ пріятелемъ. — Богъ вѣсть, увидимся-ль когда. А ты ужь, Христа ради, прости меня, коль я въ чемъ прегрѣшилъ передъ тобой. Ужь всѣ мои обидушки за разъ прости.

Лука Аввакумовичъ подивился даже, съ чего такъ размякъ Василей, и по его усиленной просьбѣ сказалъ ему всѣхъ обидъ прощеніе.

— А кланяйся отъ меня-ко всѣмъ, ужь съ коня говорилъ Арбузьевъ,—а и тетушкѣ моей крестовенькой, а всему ощё Великому Новугороду. А сказывай ты имъ, надбавивъ голоса продолжалъ онъ,—что всѣмъ-де Васютушка Арбузьевъ кланяется, а милости молъ проситъ въ Москву къ себѣ, а буде имъ всѣмъ тамо-т-ко отъ государя князя моего Великаго угощеньице.

Арбузьевъ тронулъ было коня, да тотчасъ и сдержалъ.

— А ощё, ужь крикомъ кричалъ онъ, — всѣмъ - то вамъ, всему Новугороду, скрозь землю провалиться. А и тебѣ чёртушкѣ плѣшатому, съ ними-же!.. А вотъ вамъ отъ Арбузьева и поминочекъ...

И Василей наровилъ было плюнуть Лукѣ въ лицо, да конь дернулъ—и весь плевокъ попалъ ему-же, Василью, въ бороду.

Лука Аввакумовичъ гнѣвомъ вскипѣлъ. И стой у крыльца конь осѣдланный—вскочилъ-бы онъ на него, и нагнавъ, отподчивалъ-бы Арбузьева мечомъ.

„А набѣдокурилъ онъ, знать, здо̀рово“, охладясь отъ гнѣва, подумалъ Лука. „Думалъ на поминокъ всему Великому Новгороду въ лицо плюнуть, анъ вышло, что самъ-же отъѣхалъ оплеванный. А и отъѣздо-тъ его, не въ убытокъ Новугороду, и Москвѣ не въ прибытокъ-же. Охъ! кабы только этаки, а то...“

И не додумавъ, Лука въ избу пошелъ.

(Продолженіе будетъ).

Морскія картинки.

(И. К. Айвазовскому).

I.

Догораетъ румяная зорька вдали.
Тихо на̀ море волны тумана легли
Все темнѣй и темнѣе небесная высь;
Миріады свѣтилъ замерцали, зажглись
Средь пучинъ ея синихъ, бездонныхъ—
И въ пучинѣ морской отразились они:
Замелькали въ волнахъ золотые огни,
Закачались въ излучинахъ сонныхъ...

* * *

Тихо, тихо кругомъ... И въ душѣ тишина,
И въ восторгѣ гляжу, со слезами во взорѣ,
Какъ слилися двѣ бездны—и небо и море,—
Отдались обаянью волшебнаго сна...

II.

Реветъ и мечется въ гранитныхъ берегахъ,
Что въ клѣткѣ лютый звѣрь, неистовое море...
Не видно кроткихъ звѣздъ на темныхъ небесахъ
И волны въ тьмѣ глухой клокочутъ на просторѣ...

* * *

Въ ихъ власти, безъ людей, безъ мачтъ и безъ руля,
То въ бездну падая, то на горы влѣзая,
Несутся жалкіе обломки корабля
Къ угрюмымъ берегамъ невѣдомаго края.

* * *

На гордомъ кораблѣ странѣ чужой везли
Отважные пловцы товары дорогіе,
Искали золота—и только смерть нашли,
А остовъ судна сталъ игрушкою стихіи...

* * *

А тамъ, на берегу, изъ хижинъ рыбаковъ,
Какъ будто дѣтскія испуганныя очи,
Ряды трепещущихъ и робкихъ огоньковъ
Вперяютъ взоръ во тьму таинственную ночи.

* * *

Но тѣмъ, кто ихъ зажегъ, не страшенъ бури вой
И море не страшно̀—кипучее, родное.
За скуднымъ ужиномъ сошлись они семьей,
Гуторя весело подъ музыку прибоя.

* * *

А черезъ часъ-другой весь этотъ людъ заснетъ
И хороводы волнъ изъ дали безпредѣльной
Примчатся и, шумя всю ночку напролетъ,
Ихъ убаюкаютъ, какъ пѣсенью колыбельной...

* * *

А на̀-берегъ корабль ужь выброшенъ волной:
Какъ дѣточкамъ роднымъ, заботливое море
Шлетъ рыбакамъ дары, добытые цѣной
Чужой погибели, цѣной людскаго горя...

III.

Полдень. Блещутъ небеса
Безпредѣльной синевою...
Паръ струится надъ водою.
Неподвижны паруса
Надъ недвижною ладьею.

* * *

Всюду небо и вода,
Всюду тонетъ взоръ въ пучинѣ...
Посреди небесъ пустыни
Таетъ бѣлыхъ тучъ гряда,
Отражаясь въ глади синей.

* * *

И къ чертѣ, гдѣ неба сводъ
Гранью сталъ простору водъ,
Мчится въ даль неутомимо
Черной точкой пароходъ,
Разстилая струйку дыма...

* * *

Онъ исчезъ... Лишь небосклонъ
Затуманенъ дымкой тѣни...
Такъ проходитъ счастья сонъ
И отъ краткихъ наслажденій
Оставляетъ жизни онъ
Дымъ безплодныхъ сожалѣній...

В. Величко.

Познакомились.

Комедія въ одномъ дѣйствіи

Н. Северина (автора *Супружеское Счастье*).

(Окончаніе).

Явленіе III.

Людмила и Бряцаловъ.

Людмила (*не замѣчая Бряцалова*). Но онъ ошибается! Нѣтъ, милостивый государь, вы ошибаетесь, я очень люблю конфеты, но когда дѣло идетъ о такомъ важномъ вопросѣ, какъ замужество, тутъ уже не до поцѣлуевъ и не до конфетъ... (*Бряцаловъ поставилъ шляпу и конфеты на письменный столъ, заходитъ сзади и цѣлуетъ ее въ щеку. Людмила вскрикиваетъ*). Ахъ, какъ вы меня испугали! (*Отстраняетъ его*).

Бряцаловъ (*развязно, слегка на веселѣ*). Да развѣ ты меня не ждала? (*Хочетъ ее поцѣловать, она отходитъ къ оттоманкѣ*).

Людмила. Какъ это вы подкрались? Я не слыхала... (*Всторону*). Надо съ нимъ на *вы*, чтобъ онъ съ первой минуты понялъ, въ какомъ я серьезномъ настроеніи. И никакихъ фамильярностей не допускать.

Бряцаловъ. Да вѣдь ты сама сказала: позвонить какъ можно тише, чтобъ одинъ только Иванъ слышалъ, и пройти прямо въ кабинетъ, — я такъ и сдѣлалъ. Сани у крыльца, одѣвайся скорѣе! (*Хочетъ ее поцѣловать, она отходитъ къ письменному столу*).

Людмила. Я не хочу сегодня кататься. Мы лучше посидимъ дома.

Бряцаловъ. Что случилось? Папа тебѣ вѣрно разносъ за что-нибудь учинилъ? Странная ты какая-то сегодня, сердитая.

Людмила. Я не сердитая.

Бряцаловъ. Зачѣмъ-же ты со мной на *вы*?

Людмила (*смущаясь*). Да такъ... Нельзя-же вѣчно однѣми только глупостями заниматься, надо подумать и о томъ, что насъ въ будущемъ ждетъ... (*Всторону*). Совсѣмъ не такъ у меня выходитъ.

Бряцаловъ (*не вслушиваясь*). Да это послѣ, а теперь кататься поѣдемъ.

Людмила. Я не поѣду кататься.

Бряцаловъ. Почему?

Людмила. Да очень просто. Я раздумала. Ну, какая польза въ этомъ катаньѣ? Пустое препровожденіе времени и ничего больше. И Леночка то же говоритъ. Впрочемъ, мнѣ ужь это и раньше приходило въ голову, я вовсе не такой ребенокъ, какъ воображаютъ, и много думаю, когда я одна... (*Всторону*). Путаю что-то! (*Вслухъ*). Мнѣ хотѣлось-бы... Садитесь вотъ тутъ и будемте говорить серьезно, по душѣ. (*Беретъ чулокъ и начинаетъ вязать*). Мнѣ надо предложить вамъ нѣсколько вопросовъ... (*Онъ хочетъ ее обнять, она его отстраняетъ*). Осторожнѣе, пожалуйста, я вамъ могу глаза выколоть спицами. (*Быстро вяжетъ. Всторону*). Вотъ и пригодился чулокъ-то!

Бряцаловъ. За что ты сердишься на меня? (*Спохватившись*). Ахъ, я дуракъ! И забылъ совсѣмъ! (*Кидается къ ящику съ конфетами и подаетъ ей его*). Вотъ тебѣ конфеты. Отъ Кочкурова.

Людмила (*отталкивая ящикъ*). Не надо мнѣ конфетъ! (*Всторону*). Мы совсѣмъ не понимаемъ другъ друга! (*Вслухъ*). Вы мнѣ каждый день конфекты возите, точно я маленькая.

Бряцаловъ (*озадаченъ*). Да вѣдь это твои любимыя! Ты можетъ-быть пирожнымъ объѣлась за обѣдомъ?

Людмила (*Всторону, пожимая плечами*). Ну, какъ тутъ съ нимъ о духовныхъ интересахъ разговаривать?

Бряцаловъ. Надо было побольше вина выпить. Я всегда послѣ сладостей вино пью, а потому очень много всякой всячины могу съѣсть, и ничего. (*Ѣстъ конфеты*). Да вотъ сегодня, напримѣръ, мы обѣдали въ Маломъ-Ярославцѣ,—Андреевъ, Голубчевскій, Марковинъ и я, вся наша компанія, однимъ словомъ,—я одинъ почти цѣлый страсбургскій пирогъ съѣлъ, ты не вѣришь? Честное слово! Правда, что потомъ я много шампанскаго выпилъ. (*Открываетъ ящикъ и беретъ конфету въ ротъ*).

Людмила. Эти господа, съ которыми вы обѣдали, это ваши друзья?

Бряцаловъ. Закадычные. Мы вмѣстѣ и въ училищѣ разныя потѣшныя штуки выкидывали, и потомъ, всѣ parties de plaisir вмѣстѣ. Насъ водой не разольешь. Отецъ Андреева грозится, что наслѣдства его лишитъ за то, что онъ путается съ нами, но тотъ, конечно, и въ усъ себѣ не дуетъ. Вѣдь это только такъ говорится: лишу наслѣдства, а какъ-же онъ его лишитъ, когда другихъ наслѣдниковъ, кромѣ Петьки, у него нѣтъ? Въ прошломъ году мы всѣ вмѣстѣ Зефирину чествовали, колье ей въ десять тысячъ поднесли... (*Роется въ конфетахъ и ѣстъ*).

Людмила (*разсѣянно*). Кому вы поднесли колье?

Бряцаловъ (*Всторону*). Ай, ай, ай! Вотъ попался-то! (*Вслухъ*). Это не я, милочка, это Марковинъ, тотъ дарилъ, а я нѣтъ... (*Всторону, ставя конфеты на письменный столъ*). Вотъ сболтнулъ-то не ловко! Теперь замазывать надо. (*Вслухъ*). Марковинъ двухъ негровъ себѣ нанялъ, настоящихъ, знаешь! Черныхъ-пречерныхъ, и сколько ихъ не мой, они все чернѣе дѣлаются... Это не то, что у Голубева. Этотъ какую штуку удралъ,—взялъ двухъ чухонцевъ, вымазалъ имъ рожи сажей, одѣлъ въ красныя куртки и цѣлый день водилъ ихъ за собой по Невскому... (*Прохаживается по сценѣ, жестикулируя и кривляясь. Людмила вяжетъ и мелькомъ взглядываетъ на него, хмурится*). Честное слово! (*Останавливается передъ Людмилой, засунувъ руки въ карманы*). Ѣдемъ, что-ли, кататься-то? Сани ждутъ. Я нарочно сѣраго рысака приказалъ заложить.

Людмила. Я сказала, что не поѣду. (*Не переставая вязать, садится въ кресло около письменнаго стола*).

Бряцаловъ. Ну, какъ знаешь. Мнѣ хотѣлось прокатиться послѣ обѣда, голова что-то тяжела, но лучше домой ѣхать, да спать завалиться. (*Зѣваетъ и потягивается*). Всю недѣлю раньше шести часовъ утра спать не ложился.

Людмила (*всторону*). Вотъ онъ и уѣдетъ, и опять ни о чемъ не удастся поговорить! (*Вслухъ*). А я думала вы со мной останетесь? Мы бы поговорили, мнѣ надо о многомъ васъ разспросить.

Бряцаловъ (*всторону*). Что это съ ней сегодня? Кататься не хочетъ, цѣловаться не хочетъ... для чего-же она меня удерживаетъ? Ужь не насплетничали-ли ей на меня? (*Вслухъ*). Чтожь, я останусь, пожалуй, еще немножко.

Людмила (*указывая на кресло*). Садитесь вотъ тутъ.

Бряцаловъ (*бросается на оттоманку*). Нѣтъ, ужь я лучше здѣсь. (*Ерзаетъ на мѣстѣ, подпрыгивая на пружинахъ*). О чемъ-же ты хочешь со мной говорить?

Людмила (*всторону*). Съ чего-бы начать? (*Вслухъ*). Послушайте, Миша, мнѣ хотѣлось-бы знать, вы... вы въ какихъ отношеніяхъ съ вашею матушкой?

Бряцаловъ (*встрепенувшись*). Съ maman?.. (*Всторону*). Что это ей вздумалось про maman спрашивать? (*Вслухъ*). Ты спрашиваешь, въ какихъ я отношеніяхъ съ maman?

Людмила (*пригибаясь къ работѣ, чтобъ скрыть смущеніе*). Да, мнѣ очень важно это знать.

Бряцаловъ (*всторону*). Такъ и есть! Навѣрное узнала про перепалку, что была у насъ вчера! (*Вслухъ*). Тебѣ, вѣрно, Виноградовъ насплетничалъ? (*Всторону*). Надо это выяснить.

Людмила. Виноградовъ? Съ какой стати?

Бряцаловъ (*волнуется*). Да ужь я знаю! Больше некому. Не даромъ погрозился онъ мнѣ пальцемъ на улицѣ... Я ѣхалъ въ Демидронъ, а онъ... Онъ вѣрно и отцу твоему что-нибудь разсказалъ, — я встрѣтился сегодня утромъ съ Владиміромъ Николаевичемъ въ Пассажѣ и онъ мнѣ такъ сухо поклонился...

Людмила. Да M-r Виноградовъ и не былъ у насъ вовсе.

Бряцаловъ. Отъ кого же вы знаете? Не стала-бы ты серьезничать и дуться, еслибъ тебѣ не насплетничали на меня.

Людмила. Я вовсе не дуюсь... (*Бряцаловъ соскочилъ съ мѣста и хочетъ ее обнять, она его отталкиваетъ*). Оставьте меня, пожалуйста! Нельзя-же всю жизнь только цѣловаться.

Бряцаловъ. Не всю жизнь, а когда никого нѣтъ...

Людмила. Все равно. Чѣмъ-бы серьозно разговаривать!..

Бряцаловъ. О чемъ-же намъ говорить?

Людмила. Мало-ли о чемъ! (*Всторону*). Какъ съ нимъ трудно серьезный разговоръ вести! (*Молчаніе. Бряцаловъ опускается на оттоманку и посвистывая озирается по сторонамъ; онъ видимо скучаетъ, она хмурится и вяжетъ. Вслухъ*). Я у васъ спросила, въ какихъ вы отношеніяхъ съ матушкой, а вы свернули разговоръ на M-r Виноградова...

Бряцаловъ (*смущенъ*). Да видишь у меня на дняхъ была исторія съ maman изъ-за жида. (*Всторону*). Ужь я ей лучше самъ разскажу. (*Вслухъ*). Виноградовъ былъ тутъ. Maman очень неосторожна, она вѣчно при всѣхъ заводитъ со мной непріятные разговоры. Сколько разъ просилъ я ее этого не дѣлать, особенно при Виноградовѣ, который и съ вами знакомъ, и съ другими, такъ нѣтъ-же! Ну, вотъ теперь... Тутъ жидъ одинъ, плутъ страшный! Онъ увѣрилъ maman, что я ему пять тысячъ долженъ, но вѣдь это неправда,—много-много, если я, за все время, двѣ тысячи у него перебралъ...

Людмила (*въ раздраженіи бросаетъ работу*). Нѣтъ! мы съ вами такъ никогда ни дочего не договоримся!" Я у васъ спрашиваю про вашу мать, а вы мнѣ про жида! Ну, какое мнѣ дѣло до этого жида! Хоть-бы вы милліонъ были ему должны, не все-ли мнѣ равно.

Бряцаловъ. Какой тамъ милліонъ, милочка! Только двѣ тысячи, честное слово. И знаешь что? Я можетъ-быть такъ устрою, что ничего ему не заплачу, честное слово!

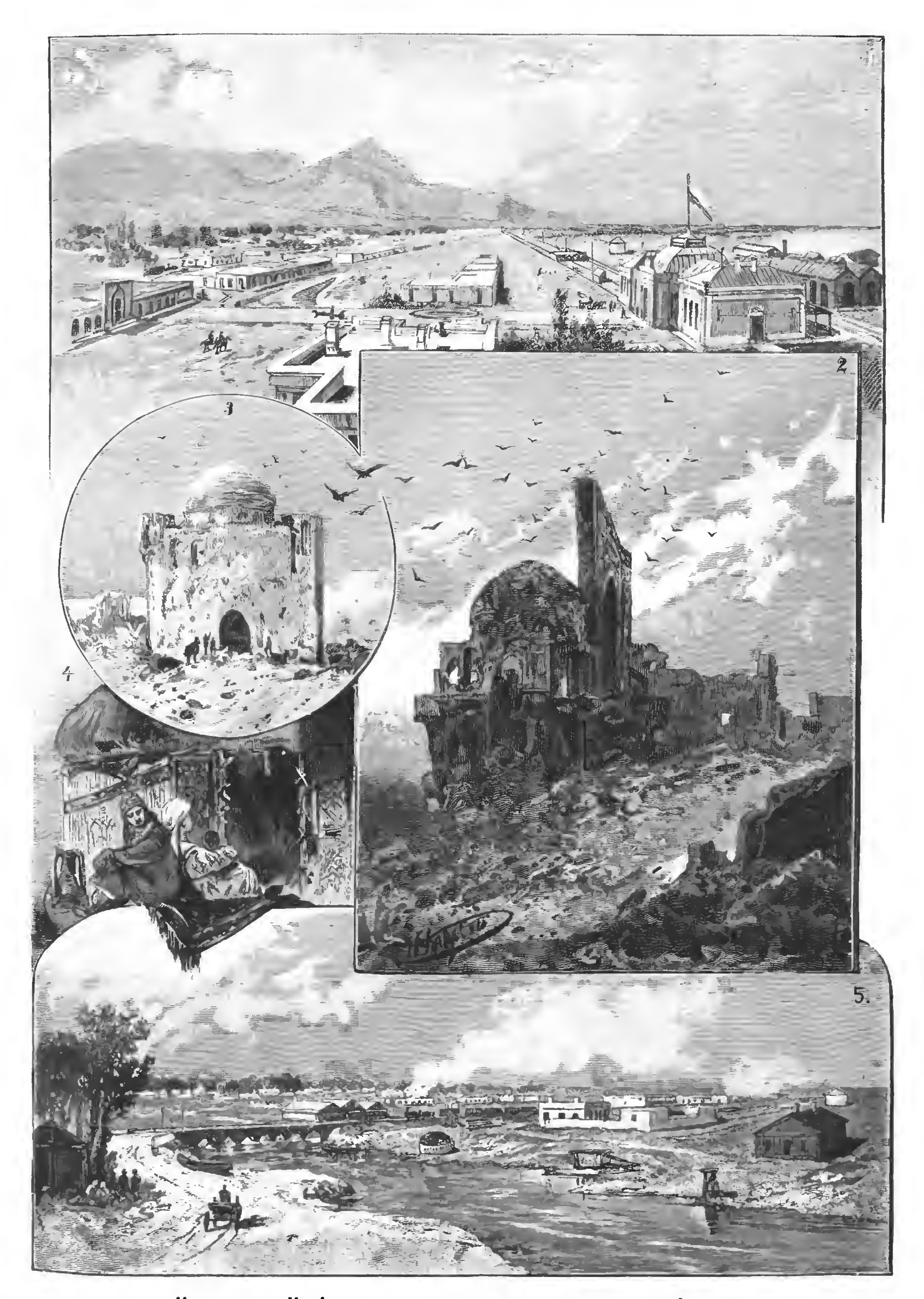
Людмила (*запальчиво*). Опять! (*Въ отчаяніи*). Ну, какъ-же вы не хотите понимать! Духовные интересы у насъ должны быть общіе, это у всѣхъ такъ, я должна про васъ все знать... а я ровно, ровно ничего не знаю! Вѣдь такъ нельзя... (*Прерывающимся отъ волненія голосомъ*). Замужествомъ шутить нельзя, отъ этого счастье всей жизни зависитъ!

Бряцаловъ (*всторону*). Ну, конечно, ей нажаловались на меня! И не одинъ Виноградовъ вѣрно, а еще кто-нибудь. (*Вслухъ*). Да чтожь тебѣ знать, Милочка? Ничего нѣтъ особеннаго, — какъ всѣ, такъ и я. Другіе кутили и я кутилъ, другіе долги дѣлали и я дѣлалъ, по чтобъ особенное что-нибудь—вовсе нѣтъ. А maman... maman все преувеличиваетъ, ужь у нея привычка такая... Посмотрѣла-бы ты на другихъ,—Путанинъ векселя поддѣлываетъ, я

На пути въ Индію. Бохардемское подземное озеро. Ориг. рис (собств. „Нивы“) **Н. Каразина**, грав. Ю. Шюблеръ.

1. Входъ въ пещеру снаружи. 2. Первый подземный ярусъ. 3. Озеро третьяго яруса. 4. Горный орелъ. 5 Антилопа. 6. Охотникъ тюркменъ. 7. Персъ, желѣзнодорожный сторожъ. 8. Фаланга, средней величины.

На пути въ Индію. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Н. Каразина**, грав. Флюгель.

1. Асхабадъ. 2. Султанъ-Санджаръ, мечеть въ старомъ Мервѣ. 3. Мечеть близъ Асхабада. 4) Тюркменки. 5. Русскій Мервъ на Мургабѣ.

знаю это навѣрное, а Любавинъ у отца деньги изъ бюро таскаетъ, ну, а я... я никогда ничего подобнаго, честное слово! Но maman хотѣлось-бы, чтобъ я, какъ дѣвочка, сидѣлъ-бы все дома, читалъ-бы книги...

Людмила (*въ сторону*). Не забыть-бы про книги спросить.

Бряцаловъ. Вотъ также насчетъ службы... Ну, зачѣмъ мнѣ каждый день ходить въ канцелярію, когда тамъ никого изъ нашихъ не бываетъ?..

Людмила (*опять взяла чулокъ*). А какъ вы смотрите на ваши служебныя обязанности, Миша?

Бряцаловъ. Да что на нихъ смотрѣть-то?... Ткнулъ писарю въ зубы красненькую, онъ тебѣ какую угодно бумагу напишетъ.

Людмила (*въ сторону, со вздохомъ*). Ну, врядъ-ли онъ когда-нибудь будетъ министромъ!

Бряцаловъ. Всѣ такъ дѣлаютъ. (*Молчаніе. Онъ ёрзаетъ по дивану, она вяжетъ*). А знаешь, Луповицкіе попугая купили, по случаю продавался. Дорого, по моему, сто рублей. (*Вытягивается на оттоманкѣ. Людмила, не поднимая глазъ съ работы, проявляетъ признаки раздраженія*). Правда, что съ клѣткой, но вѣдь онъ только два слова и умѣетъ сказать: „попка дуракъ", ничего больше. (*Молчаніе*). А у Стуковенкова бабушка умерла. (*Зѣваетъ*). Послѣ завтра хоронить будутъ. (*Зѣваетъ. Закидываетъ руки за голову и смотритъ въ потолокъ, насвистывая мотивъ изъ оперетки*). А знаешь что? (*Людмила поднимаетъ голову*). Я думаю голубей завести, когда мы послѣ свадьбы вернемся изъ-за границы... (*Людмила съ досадой, снова принимается быстро шевелить спицами*). Ихъ очень весело гонять. Ты видѣла когда-нибудь?

Людмила (*сдерживая раздраженіе*). Вы любите читать?

Бряцаловъ. Что читать?

Людмила. Книги, разумѣется.

Бряцаловъ. Читаю иногда. А что?

Людмила. Какія книги вы любите читать?

Бряцаловъ. Да разныя. Какія попадутся, тѣ и читаю. (*Молчаніе. Онъ посвистываетъ, она все больше и больше раздражается*). Я знаю одного старика... (*Зѣваетъ*). У него вся квартира завалена книгами... (*Зѣваетъ*). Сѣсть негдѣ. (*Приподнимается, подкладываетъ себѣ подъ голову другую подушку и опять ложится*).

Людмила (*всторону*). Про книги съ нимъ не стоитъ говорить, надо про другое что-нибудь. (*Молчаніе, а за тѣмъ вслухъ*). А еслибъ война была, пошли-бы вы сражаться, Миша?

Бряцаловъ. Сражаться? (*Зѣваетъ*). Я войны не боюсь... (*Зѣваетъ*).

Людмила. Вы такой храбрый?

Бряцаловъ. Да чего мнѣ бояться-то? Вѣдь я единственный сынъ, меня все равно въ солдаты не заберутъ. (*Зѣваетъ*).

Людмила (*всторону*). И въ герои не годится! (*Молчаніе, а затѣмъ вслухъ*). Сегодня Лена мнѣ про своего мужа разсказывала... Онъ профессоръ, вы знаете? Лекціи въ университетѣ читаетъ... Трудно, должно быть, читать лекціи... (*Ждетъ отвѣта*). Миша, вы слышите, что я говорю?

Бряцаловъ (*сквозь сонъ*). Мммм...

Людмила. Онъ ихъ не иначе можетъ сочинять, какъ прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. И папа тоже, когда у него какое нибудь серьезное дѣло, онъ тоже все ходитъ, все ходитъ, и ужъ тогда съ глупостями къ нему нельзя приставать... Лена со своимъ мужемъ очень дружны, у нихъ всѣ духовные интересы общіе... (*Молчаніе*). А вы, Миша, какъ вы смотрите на супружескія обязанности? (*Бряцаловъ всхрапываетъ. Она съ ужасомъ прислушивается*). Чтожь это такое? Онъ заснулъ, кажется? (*Бросаетъ чулокъ на столъ и бѣжитъ къ оттоманкѣ*). Такъ и есть, спитъ! (*Съ отвращеніемъ*). И какъ храпитъ противно! Фи, гадость какая! (*Разглядываетъ его съ гримасой*). Какое глупое лицо! И ротъ открытый! Фи! (*Бряцаловъ храпитъ*). Ну, что я съ нимъ стану дѣлать? Разбудить? Опять начнетъ глупости врать, цѣловаться... Не хочу я съ нимъ цѣловаться! А говорить съ нимъ не объ чемъ, — про что ни начинала, ничего не выходитъ... Пусть ужь спитъ лучше... (*Съ отчаяньемъ*). Вотъ у меня какой женихъ! Вотъ у меня мужъ какой будетъ! Какая я несчастная! Еслибъ только знали, какая я несчастная! (*Падаетъ въ кресло и рыдаетъ громко нѣсколько мгновеній. Бряцаловъ храпитъ. Раздаются шаги въ сосѣдней комнатѣ, дверь съ шумомъ растворяется и Весновъ входитъ, въ шляпѣ и перчаткахъ*).

Явленіе IV.

Тѣже и Весновъ.

Весновъ (*не замѣчая ни Людмилы, ни Бряцалова. Сердитъ*). Хороши порядки! Въ прихожей ни души, и дверь не заперта. А здѣсь каминъ топится... (*Бросаетъ шляпу на стулъ и стаскиваетъ перчатки*). Ужь это Людмила Владиміровна изволила тутъ, вѣрно, распорядиться!.. (*Людмила всхлипываетъ, онъ къ ней оборачивается*). Ты что тутъ дѣлаешь? Опять у меня въ кабинетѣ расположилась! Сколько мнѣ разъ повторять, чтобъ никто не смѣлъ сюда безъ меня входить! Вчера всѣ бумаги у меня перепутала, третьяго дня нужной книги не могъ доискаться... вѣдь это силъ никакихъ нѣтъ съ такой своевольной и избалованной дѣвчонкой! (*Сбрасываетъ съ письменнаго стола вязанье Людмилы, коробку съ конфетами, перчатки и шляпу Бряцалова, отрывисто и сердито приговаривая*). Нахозяйничала! Это что такое? Это что такое? Чья это шляпа? (*Бряцаловъ всхрапываетъ, Весновъ оборачивается*). Да тутъ спитъ кто-то? (*Подходитъ ближе*). Михаилъ Ивановичъ! (*Строго Людмилѣ*). Какъ онъ сюда попалъ? Гдѣ M-lle Марьяна? Я сказалъ, чтобъ никогда васъ не оставляли вдвоемъ!

Людмила (*всхлипывая*) Ахъ, папа! папа! Не кричи ты на меня, ради Бога! Развѣ ты не видишь, я и безъ того несчастна! (*Рыдаетъ*).

Весновъ (*смягчаясь*). Да чтожь это, наконецъ? Боленъ онъ, что-ли, у васъ тутъ сдѣлался? Такъ надо за докторомъ послать. (*Хочетъ прижать пуговку звонка, Людмила хватаетъ его за руку*).

Людмила (*рыдая*). Онъ не боленъ... оставь его спать, пожалуйста, я все тебѣ разскажу.

Весновъ (*подозрительно смотритъ то на нее, то на Бряцалова*). Да онъ пьянъ, кажется? (*Людмилѣ, запальчиво*). Что у васъ тутъ произошло? (*Хватаетъ ее за руку и тащитъ на авансцену*). Говорите, сударыня! (*Людмила еще пуще рыдаетъ, онъ пристально и сдвинувъ брови, смотритъ на нее, потомъ быстро оборачивается къ Бряцалову*). Негодный мальчишка! А гувернантка-то! Гувернантка-то какова! Ей поручаютъ дѣвочку, а она...

Людмила (*сквозь рыданія*). Не сердись, папа! Не сердись! Я одна во всемъ виновата! (*Ловитъ его руки чтобъ поцѣловать, онъ ее отталкиваетъ*).

Весновъ (*строго*). Отстань! (*Идетъ къ оттоманкѣ, хочетъ будитъ Бряцалова. Она кидается за нимъ, обнимаетъ его и силой оттаскиваетъ на авансцену. Слѣдующая сцена должна происходить въ полголоса.*)

Людмила (*умоляющимъ шепотомъ*). Папочка! Дорогой! Не буди ты его, ради Бога, не буди! Дай мнѣ прежде все тебѣ разсказать!

Весновъ (*угрюмо*). Да что тутъ разсказывать! Ни на что не похоже! Вы одни... ты Богъ знаетъ въ какомъ видѣ... рыдаешь... безумствуешь... онъ спитъ... это чортъ знаетъ что такое! А еще воспитанный молодой человѣкъ! Изъ хорошаго общества! Ну, Людмила, не ждалъ я отъ тебя этого! Такая была умница — и вдругъ... Срамъ-то какой!

Людмила (*хочетъ его обнять, онъ ее отталкиваетъ. Всхлипывая*). Не сердись, папа, пожалуйста, не сердись! Я ничего не могу говорить, когда ты сердишься!

Весновъ (*оборачивается къ оттоманкѣ*). Хорошъ мальчикъ! Это онъ, вѣрно, съ холостаго обѣда изволилъ сюда явиться, къ невѣстѣ!

Людмила (*порывисто*). Не называй меня невѣстой, папа! Я не хочу выходить замужъ!

Весновъ (*въ недоумѣніи*). Это еще что за новости? Да вы ужь почти помолвлены! Попробуй онъ у меня отказаться, да я его!..

Людмила (*не слушая отца*). Онъ глупый, пустой, ничего не понимаетъ... съ нимъ ни объ чемъ говорить нельзя... (*Всхлипываетъ.*)

Весновъ (*съ изумленіемъ.*) Совсѣмъ помѣшалась дѣвчонка! Да ты про кого это такъ выражаешься?

Людмила (*презрительно указывая на Бряцалова*). Про него, конечно! Ты только посмотри, какое у него глупое лицо!

Весновъ (*всторону*). Ну, слава Богу! Кажется начинаетъ понимать его какъ слѣдуетъ.

Людмила. Какъ онъ скверно храпитъ! Не хочу я за него замужъ, папа, не хочу! (*Прижимается къ отцу.*) Всѣ надо мной смѣяться будутъ, вотъ и Лена сейчасъ...

Весновъ. Какая Лена?

Людмила. Градова. Это она посовѣтывала мнѣ просидѣть съ нимъ цѣлый вечеръ вдвоемъ. И чтобъ M-lle Марьяна намъ не мѣшала, она увезла ее въ театръ.

Весновъ (*опускается въ кресло и сажаетъ дочь на колѣни*). Ну, разскажи же мнѣ обстоятельно, что у васъ тутъ произошло?

Людмила. Ахъ, папа! Во всемъ этомъ одинъ только ты виноватъ!

Весновъ. Я? Вотъ ужь не ожидалъ-то!

Людмила. Разумѣется, ты. Кто приказалъ M-lle Марьянѣ вѣчно тутъ быть, когда онъ приходитъ, и ни на минуту не оставлять насъ вдвоемъ? Вѣдь ты? Какъ же намъ было познакомиться? Совсѣмъ невозможно! Вотъ мы и придумали кататься ѣхать вдвоемъ. Но тутъ Лена пріѣхала и сказала, что ничего изъ этого катанья не выйдетъ, что мы всю дорогу цѣловаться только будемъ...

Весновъ. Однако, твоя Лена—дама опытная, какъ видно.

Людмила. Да, папа, она все знаетъ. Она сказала: посиди съ нимъ дома, будь серьезнѣе, не позволяй ему цѣловаться и постарайся узнать его духовные интересы...

Весновъ. Ого! Это очень хорошій совѣтъ. Ты ему послѣдовала?

Людмила (*со вздохомъ*). Да, папа. И вотъ что изъ этого произошло! Онъ зѣвалъ, зѣвалъ и заснулъ, наконецъ.

Весновъ. Онъ заснулъ подъ твои умныя рѣчи? Ахъ, ты моя бѣдняжечка! (*Цѣлуетъ ее*).

Людмила (*прижимаясь къ отцу*). Мнѣ было очень обидно, папа.

Весновъ (*весело*). Еще бы не обидно! Ну, и что-жь мы теперь съ нимъ станемъ дѣлать, а? (*Людмила прячетъ лицо на его плечѣ*). Отказать ему надо? (*Она утвердительно киваетъ*). Да ты раздумаешь можетъ-быть? Вамъ надо можетъ-быть еще ближе познакомиться? (*Приподнимаетъ ей голову и съ улыбкой заглядываетъ ей въ глаза*).

Людмила. Не надо! Не надо! Мы довольно знакомы, не надо больше!

Весновъ (*поднимаясь съ мѣста*). Если

такъ, ступай къ себѣ, а я ужь тутъ одинъ постараюсь уладить дѣло.

Людмила (*прыгая къ нему на шею*). Милый, добрый папочка! Я теперь долго, долго ни за кого замужъ не выйду! (*Убѣгаетъ*).

Явленіе V.

Весновъ и **Бряцаловъ**.

Весновъ. Это мы еще увидимъ. А теперь надо этого молодца разбудить, да поласковѣе его выпроводить. (*Подходитъ къ Бряцалову и дотрогивается до его плеча*). Михаилъ Ивановичъ! Проснитесь, Михаилъ Ивановичъ!

(*Бряцаловъ просыпается*).

(*Занавѣсъ*).

На пути въ Индію.

Н. Н. Каразина.

Письмо третье (съ 2 рис. автора).

(Продолженіе).

Характеръ мѣстности за Кизылъ-Арвадомъ тотъ-же, только на половинѣ пути, у станціи Бохардема находится весьма интересное явленіе природы, которое всякому проѣзжающему осмотрѣть обязательно: — это бохардемское подземное озеро, всего въ часѣ ѣзды отъ полотна дороги.

У сторожевой казармы на дорогѣ были заранѣе заготовлены для насъ верховыя лошади и проводники, снабженные кувшинами нефти (такъ называемые здѣсь, мазуты) и паклей для факеловъ. Обогнувъ пшеничное поле, миновавъ небольшой аулъ у самаго подножія горъ, мы замѣтили черное треугольное отверстіе, въ одномъ изъ скалистыхъ скатовъ; скоро мы добрались до него и слѣзли съ лошадей. Это отверстіе, издали казавшееся намъ чѣмъ-то вродѣ лисьей норы, оказалась довольно высокою аркой, открывавшею глубокій спускъ въ первый подземный ярусъ; спускъ облегченъ деревянною лѣстницею. Спустившись не глубоко, около ста футовъ, мы очутились въ грандіозномъ сводчатомъ залѣ слабо освѣщенномъ, словно изъ слуховаго окна, голубоватыми лучами деннаго свѣта изъ входнаго отвестія. Въ глубинѣ этого зала видно начало широкаго извилистаго корридора — тамъ уже царитъ полный мракъ; и проводникъ занялся приготовленіемъ нефтяныхъ факеловъ. Скоро красное пламя освѣтило причудливые изломы каменныхъ арокъ, забѣгало на острыхъ ребрахъ выступовъ и отдаленныхъ группъ, и по мягкому сыпучему грунту (вѣковыя залежи голубинаго помета) мы начали спускъ въ нижніе ярусы. Воздухъ здѣсь тяжелый; душный, пропитанный сѣрными испареніями.

Миріады голубей, обитателей верхнихъ ярусовъ, съ шумомъ носились надъ нашими головами, встревоженные непрошенными посѣтителями. Черезъ нѣсколько минутъ утомительнаго спуска мы на берегу озера; это довольно большой бассейнъ сѣрной воды, прозрачной какъ кристалъ, невозмутимо покойной, безъ всплеска, безъ движенія; здѣсь у берега маленькій плотикъ легко выдерживающій тяжесть двухъ человѣкъ, для дальнѣйшаго обозрѣванія. Въ глубинѣ видны трещины, за ними очевидно дальнѣйшее расширеніе воднаго бассейна, еще недостаточно изслѣдованнаго. Фантастическую, полную чарующей прелести, картину представляетъ это подземное царство мрака и покоя, нарушаемаго только противнымъ пискомъ множества летучихъ мышей и ихъ беззвучнымъ полетомъ.

Здѣсь внизу дышать легче чѣмъ въ верхнихъ ярусахъ, а можетъ быть это ощущеніе результатъ привычки; однако, занеся въ записную книжечку все видѣнное и сдѣлавъ наброски, что заняло около получаса времени, я почувствовалъ крайнюю потребность выбраться поскорѣе на свѣжій воздухъ, и мы направились обратно, съ трудомъ одолѣвая тяжелый подъемъ подземной галлереи. Какъ радостно, какъ привѣтливо блеснулъ далеко передъ нами свѣтъ солнца! какъ отрадно было, выбравшись наверхъ, полною грудью вдыхать ароматную волну чуднаго горнаго воздуха!

Въ горахъ Копетъ-Дага тюркмены занимаются охотою на джейрановъ (родъ антилопы) и кабановъ, которые стадами спускаются опустошать хлѣбныя поля. Кромѣ того, фауна горъ очень богата. Особенно разнообразны виды пернатыхъ хищниковъ; въ степяхъ встрѣчается множество черепахъ, змѣй и колоссальныхъ ящерицъ, достигающихъ до трехъ аршинъ длины. Въ солонцовой почвѣ несмѣтное количество отвратительныхъ фалангъ, особенно ихъ много на участкѣ дороги именно у бохардемской станціи. Укушеніе ихъ хотя и не смертельно, но сильно болѣзненно, сопровождается припадками удушья и дорогами; впрочемъ, въ особенно жаркое время, въ іюлѣ мѣсяцѣ, бывали и болѣе печальные исходы, но странное дѣло, не смотря на это обиліе фалангъ, случаи укушенія чрезвычайно рѣдки и мѣръ предосторожности не принимается ровно никакихъ; полураздѣтые туземцы спятъ прямо на землѣ и часто утромъ видятъ подъ собою раздавленныхъ во снѣ отвратительныхъ насѣкомыхъ.

Не доѣзжая семидесяти верстъ до Асхабада, расположена старая тюркменская крѣпость Геокъ-Тепе, центръ текинскаго рода, громадная, четвероугольная, обнесенная полуразмытыми дождемъ, глинобитными стѣнами, свидѣтельствующими о геройской оборонѣ тюркменъ, не устоявшихъ таки противъ мужества атакующихъ. Здѣсь, въ Геокъ-Тепе, рѣшалась судьба всѣхъ тюркменскихъ родовъ и ихъ дальнѣйшая будущность. Пали эти гордыя твердыни — и всѣ остальные роды, а за ними богатый Мервъ уже добровольно вошелъ въ составъ Россіи, давъ слово на вѣчную вѣрность „Акъ-Падишаху“ Бѣлому царю.

Станція Геокъ-Тепе, расположенная у самыхъ стѣнъ, еще сохранила слѣды страшнаго взрыва и артиллерійскихъ брешей, слѣды осадныхъ работъ и холмики могилъ павшихъ героевъ; еще двѣ-три станціи — и Асхабадъ, столица Закаспійской области. Нашъ рисунокъ представляетъ часть города, прилегающую къ желѣзнодорожной станціи. Правѣе вы видите красивое зданіе вокзала, за нимъ сараи для локомотивовъ и мастерскія, прямо, à vol-d'oiseau, дома станціонныхъ властей, межъ ними бассейнъ съ фонтаномъ, лѣвѣе начало города. На мѣстѣ прежняго Асхабада уже были довольно густые, тѣнистые сады тутовыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, которые и вошли въ составъ центральной части города. Въ Асхабадѣ расположены войска Закаспійской области, это центръ военнаго управленія края и резиденція командующаго войсками. Здѣсь же сооружены и монументы павшимъ ставропольцамъ и артиллеристамъ, большая походная церковь и около базаръ, на которомъ торгуютъ русскими, а главное восточными товарами. Торговое населеніе преимущественно армяне, татары и персы, не смѣвшіе прежде сюда показать даже кончика своего носа. За Асхабадомъ, въ разстояніи всего двѣнадцати верстъ, у самой дороги живописно раскинулись древнѣйшія развалины Анау, гдѣ лучше всего сохранилась старая мечеть, съ причудливыми арабесками изъ майолики на лицевомъ фронтонѣ, памятникъ стараго персидскаго искусства. Далѣе полотно дороги постепенно мѣняетъ свое направленіе къ сѣверо-востоку. Мало-по-малу удаляясь отъ Копетъ-дагскаго хребга, пересѣкая долины рѣкъ Теджена и Мургаба, синяя зубчатая гряда горъ постепенно исчезаетъ въ туманѣ и черезъ девять часовъ пути вы пересѣкаете Тедженъ, царство охоты, и поѣздъ приходитъ въ Мервъ, измѣнившійся съ начала нашего владычества до неузнаваемости. Прежній тюркменскій Мервъ, тоже, что и Геокъ-Тепе, только въ несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ жизни. Обиліе воды, богатая растительность, плодоносная почва, въ сто разъ вознаграждающая человѣка за его труды, а главное узелъ важнѣйшихъ караванныхъ путей, дѣлали его однимъ изъ первоклассныхъ пунктовъ всей закаспійской страны. Въ данное время городъ (русскій Мервъ) расположенъ на обоихъ берегахъ Мургаба: на правомъ — желѣзнодорожная и торговая часть, на лѣвомъ — административно-военная. Городъ выросъ всего въ три года — и какъ выросъ! Глядя на эти красивыя чистенькія зданія, кокетливо прячущіяся въ группахъ садовъ, эти кипящіе жизнью рынки, спѣющіе поѣзда, коляски извощиковъ, вывѣски различныхъ магазиновъ и лавокъ, вы совершенно забываете, что еще такъ недавно здѣсь только группировались полудикія кибитки варваровъ и царилъ произволъ ножа и висѣлицы.

Къ рисункамъ.

Судъ Париса. (Рис. на стр. 955 и 956).

Кому не извѣстна легенда о троянскомъ царевичѣ Парисѣ, котораго избрали три богини, Зевсова супруга Юнона (Гера), богиня мудрости и войны Минерва (Паллада-Аѳина) и Венера (Афродита) судьей для разрѣшенія вопроса: которая изъ трехъ всѣхъ красивѣе? Царевичъ долженъ былъ вручить красивѣйшей золотое яблоко изъ сада Гесперидъ. Извѣстный нашимъ читателямъ германскій художникъ, Швеннингеръ, воспроизводитъ эту легенду въ болѣе близкихъ къ намъ по времени формахъ, перенося ее въ XVIII столѣтіе. Въ великолѣпномъ салонѣ прошлаго вѣка собралось небольшое общество за дессертомъ послѣ обѣда. Три молодыя красавицы, которымъ въ то галантное время охотно давался титулъ богинь (déesses) повторяютъ древне-греческую сагу, потребовавъ чтобъ одинъ изъ трехъ поклонниковъ ихъ красоты вручилъ достойнѣйшей яблоко. Какъ-то выпутается новый Парисъ изъ этого затруднительнаго положенія и не повлечетъ-ли за собою приговоръ его новой троянской войны?

Прогулка въ рощѣ. (Рис. на стр. 961).

Прелестные сельскіе жанры г. Волкова хорошо извѣстны читателямъ *Нивы*. Дополняемъ ихъ рядъ прилагаемымъ видомъ просѣки въ чернолѣсьи, гдѣ у самой дороги оказалась нора

какого-то хищника, быть можетъ, лисья или барсучья, сильно заинтересовавшая младшаго изъ прогуливавшихся въ рощѣ. Старшій, должно-быть дѣдушка, чтобы потѣшить внучка, взялъ длинную хворостину и ворошитъ ею въ норѣ, какъ бы выгоняя предполагаемаго звѣря...

Карменъ. (Рис. на стр. 968).

Чарующій образъ вѣтреной героини послѣдняго произведенія Бизе, до сихъ поръ еще ни одному живописцу не удавался въ такой степени какъ на прилагаемомъ рисункѣ съ картины Мелида. Вотъ она передъ нами живьемъ, эта пресловутая *Карменъ*, съ ея кошачьей гибкостью и вкрадчивостью, быстрыми какъ перемѣна вѣтра причудами, беззавѣтной страстью и столь же безповоротнымъ охлажденіемъ. Достаточно взглянуть на эти темные и загадочные какъ ночь глаза, подернутые влагой, на эту капризно неопредѣленную улыбку чтобы прочесть въ этомъ лицѣ нѣчто роковое. Это именно та всесильная чаровница, которая могла заставить храбраго солдата забыть для нея свою воинскую честь, невѣсту и престарѣлую мать, бѣжать изъ полка, стать контрабандистомъ, а потомъ бросила его ради перваго подвернувшагося красавца тореадора, и до того была увѣрена въ своей власти надъ прежнимъ своимъ поклонникомъ, что не побоялась подъ ножемъ его проскользнуть на свиданіе—и погибла такъ же внезапно, какъ вершила свои и чужія судьбы всю свою жизнь.

Карменъ. Съ карт. Мелида, грав. Штадельманъ.

Чудотворный образъ Тихвинской Божіей Матери, во вновь сооруженномъ серебряномъ кіотѣ. (Рис. на стр. 969).

Чествуемая всею православною Россіей, Тихвинская чудотворная икона Божіей Матери, писанная, по преданію, Евангелистомъ Лукою, уже болѣе пяти вѣковъ пребываетъ въ городѣ Тихвинѣ, Новгородской губерніи. До 1886 года икона постоянно находилась въ холодномъ монастырскомъ соборѣ во имя Успенія Богоматери, а съ этого времени, по распоряженію епархіальнаго начальства, святую икону стали ежегодно переносить на зиму въ теплый Покровскій соборъ, что и совершается постоянно въ концѣ сентября и началѣ Мая. Основаніемъ такому распоряженію послужило неудобство исполненія въ холодномъ соборѣ церковныхъ требъ и молебновъ, въ зимнее морозное время, отчего среди служащихъ іеромонаховъ возникали частыя простудныя болѣзни, нерѣдко влекшія за собою смертельный исходъ.

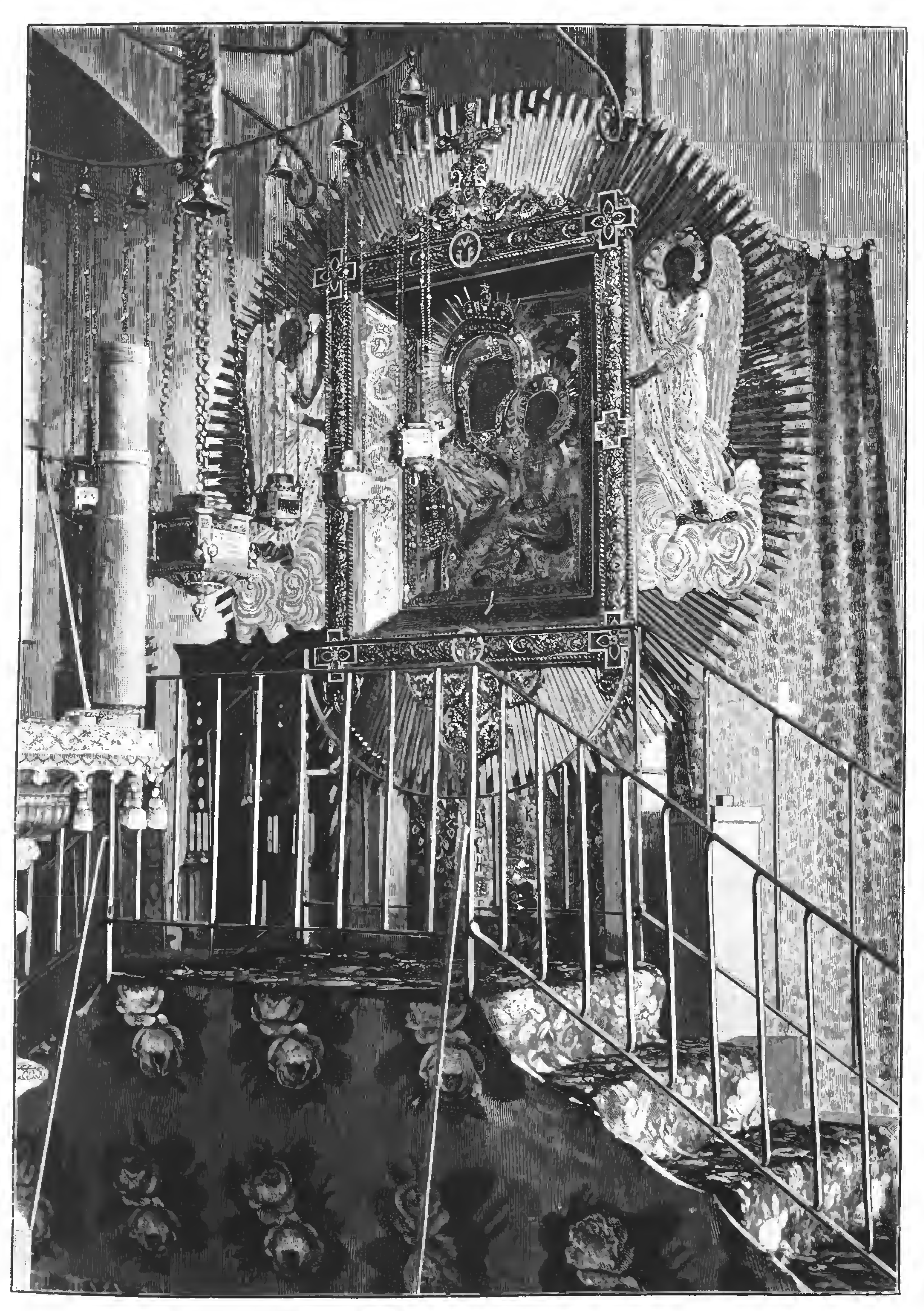
Съ перенесеніемъ чудотворной иконы на зимнее время въ теплую церковь потребовалось соорудить къ ней новый кіотъ, такъ какъ прежній кіотъ остался для лѣтняго помѣщенія иконы въ холодномъ соборѣ. Съ этою цѣлію архимандритомъ Иннокентіемъ было приступлено къ сбору добровольныхъ пожертвованій, на которыя и былъ заказанъ, московской фабрикѣ металлическихъ издѣлій Постникова серебряный кіотъ вѣсомъ въ 118 фунтовъ, стоимостью въ 6,000 руб. Въ мартѣ нынѣшняго года кіотъ былъ доставленъ въ монастырь и установленъ въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы.

Новый кіотъ состоитъ изъ широкой серебряно-вызолоченной рамы съ изящной рѣзьбою, украшенной по сторонамъ эмальированными крестами и медальонами; съ обѣихъ сторонъ раму поддерживаютъ два ангела, въ бѣлыхъ серебряно-матовыхъ ризахъ, окруженные облаками; во всѣ стороны отъ рамы расходятся серебряно-вызолоченныя стрѣлы сіянія. Въ общемъ рисунокъ кіота какъ бы наглядно воспроизводитъ древнее преданіе, свидѣтельствующее о томъ, что Тихвинская чудотворная икона явилась въ 1383 г. въ Новгородскихъ предѣлахъ, носимая ангелами по воздуху.

Нашъ рисунокъ изображаетъ чудотворную икону, облеченную въ великолѣпную ризу изъ чистаго золота, вѣсомъ 21 фунтъ, украшенную множествомъ брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней, среди которыхъ есть приношенія Высочайшихъ Особъ. Икона вставлена въ новый серебряный кіотъ. Предъ нею виситъ массивная золотая лампада, жертва графа Н. П. Шереметьева въ 1803 г., осыпанная брилліантами; стоимость ея по настоящему времени превышаетъ 100,000 руб.; по обѣимъ сторонамъ ея, по три въ рядъ, помѣщаются шесть меньшихъ серебряно - вызолоченныхъ лампадъ работы Овчинникова, принесенныхъ въ даръ обители въ 1885 г. неизвѣстнымъ жертвователемъ. Кромѣ этихъ лампадъ предъ иконою установленъ художественной работы серебряный подсвѣчникъ, вѣсомъ 3 пуда 1¼ фунта, пожертвованный сыномъ графа Н. П. Шереметьева — Дмитріемъ. При зажженныхъ лампадахъ сосредоточенное здѣсь обиліе золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, украшающихъ и окружающихъ святыню, производитъ величественное впечатлѣніе. Л. Г.

Мыза Сиворицы. (Рис. на стр. 972).

Мыза Сиворицы — нынѣ одна изъ самыхъ красивыхъ усадебъ въ окрестностяхъ Петербурга. Она лежитъ у Варшавскаго шоссе, въ 12 верстахъ разстоянія отъ Гатчины, на берегу рѣчки Сиворки, впадающей въ границахъ имѣнія въ рѣку Суйду. Окаймленная богатыми заливными лугами, которые въ свою очередь опять окружены прекрасными, на горѣ растущими лѣсами, рѣка Суйда въ глубокой, извилистой долинѣ протекаетъ 12 верстъ на протяженіи принадлежащихъ къ имѣнію угодій, представляя рядъ самыхъ живописныхъ видовъ, достойныхъ кисти лучшаго художника. Подобные же богатые виды находятся и по берегамъ Сиворки, изъ которыхъ одинъ мы помѣстили въ настоящемъ №. Построенный въ видѣ дворца господскій домъ, соединенный крытыми полукруглыми галереями съ двумя двухэтажными флигелями, расположенъ среди прекраснаго парка въ 40 дес. величины. Домъ этотъ (см. рис.) построенный въ началѣ сего столѣтія, соотвѣтствуетъ потребностямъ самаго широкаго, старорусскаго гостепріимства. Надъ

Чудотворный образъ Тихвинской Божіей Матери. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

подваломъ съ кухонными и погребными помѣщеніями, поднимается 2-хъ-этажное зданіе. Бо̀льшая часть нижняго этажа занята обширными залами, между тѣмъ какъ въ верхнемъ этажѣ, кромѣ просторной билліардной, насчитывается болѣе дюжины сравнительно маленькихъ комнатъ для гостей, каждая съ отдѣльнымъ выходомъ въ корридоры. Въ томъ же родѣ со всѣми удобствами для многочисленныхъ гостей устроены и оба флигеля.

Съ башнеобразной надстройки надъ крышей открывается прекрасный видъ на лѣса и поля имѣнія, на долины Суйды и Сиворки, вплоть до полотна Варшавской желѣзной дороги, пересѣкающей угодья имѣнія на востокѣ. Благодаря высокому положенію и отсутствію болотъ, мѣстность эта одна изъ самыхъ здоровыхъ близъ Петербурга.

Протекающая черезъ паркъ рѣка Сиворка образуетъ въ немъ обширное озеро съ прекраснымъ водопадомъ и каскадами при выходѣ изъ него. Хорошо содержимые лѣса, около 1,200 десят., пересѣкаются большимъ числомъ лучеобразно изъ разныхъ центровъ выходящихъ дорожекъ и на видъ совершенно походятъ также на громадный паркъ. На 350 десят. полевыхъ угодій ведется успѣшно траво-посѣвное хозяйство, а 500 десят. заливныхъ луговъ ежегодно отдаютъ въ арендное содержаніе, преимущественно квартирующимъ въ Гатчинѣ кавалерійскимъ полкамъ на травяное довольствіе.

Имѣніе въ нынѣшнихъ его границахъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Восточная часть, бывшая мыза Елецъ, въ паркѣ которой находятся для археолога не безъинтересные большіе курганы (сопки), какъ говорятъ, со временъ войны Св. Александра Невскаго со Шведами, когда-то составляла часть пожалованнаго императрицею Елисаветою арапу Петра Великаго, Ганнибалу, прадѣду Пушкина, имѣнія Суйды. Западная часть, собственно Сиворицы, находилась съ 1723 года во владѣніи семейства Апраксиныхъ и была проиграна въ 1783 году въ карты одному Демидову. Послѣдній построилъ въ 1784 году, въ принадлежащемъ къ имѣнію селѣ Никольскомъ, красивую каменную церковь, а на мѣстѣ снесенной имъ старой, деревянной церкви, воздвигнулъ въ паркѣ изящную часовню, куда до сихъ поръ въ Николинъ день, 9 мая, совершается крестный ходъ изъ церкви села Никольскаго, при громадномъ стеченіи народа изъ окрестностей.

Въ рукахъ гостепріимныхъ владѣльцевъ изъ рода Демидовыхъ имѣніе оставалось до начала семидесятыхъ годовъ сего столѣтія. Ими устроенъ былъ прекрасный паркъ съ рыбными прудами какъ при усадьбѣ, такъ и еще въ нѣсколькихъ живописныхъ мѣстахъ въ лѣсу, или вѣрнѣе сказать, весь лѣсъ въ сущности былъ превращенъ въ огромный паркъ, гдѣ часто раздавались звуки охотничьихъ рожковъ и весело пировали многочисленные гости.

Но времена измѣнились, дѣла послѣдняго владѣльца сильно пошатнулись, имѣніе было у него наконецъ отобрано кредиторами. Изъ конкурса купили сильно разстроенное имѣніе въ 1874 году нынѣшніе владѣльцы и не мало трудовъ и денежныхъ жертвъ потребовалось, чтобы привести его опять въ то хорошее состояніе, въ которомъ оно находится нынѣ.

Бакланы (Phalacrocorax carbo). (Рис. на стр. 973).

Эта чрезвычайно прожорливая рыбоядная птица, называемая также *водянымъ ворономъ* и *корморапомъ* и достигающая до $1^1/_2$ аршина длины и чуть не сажени въ размахѣ крыльевъ, встрѣчается во всей Европѣ, начиная отъ Норвегіи, зимою же попадается въ огромномъ количествѣ въ Африкѣ, нерѣдко въ Средней Азіи и Сѣверной Америкѣ, откуда перелетаетъ до восточной Индіи и Южной Америки. Бакланы живутъ по берегу моря и прѣсныхъ водъ. Большія рѣки или потоки, окруженные лѣсами, служатъ имъ постояннымъ жилищемъ. Эти надоѣдливыя и смѣлыя птицы селятся даже въ непосредственной близости деревень, и прогнать ихъ довольно трудно. Онѣ общительны и держатся всегда стадами, особенно многочисленными по скалистымъ берегамъ моря. На внутреннихъ материковыхъ водахъ баклановъ рѣшительно невозможно терпѣть, такъ какъ они наносятъ громадный вредъ рыболовству. Одинъ бакланъ съѣдаетъ пищи болѣе чѣмъ человѣкъ. Китайцы однако съумѣли воспользоваться этою прожорливостью баклановъ и дрессируютъ ихъ для рыбной ловли. Для этого ихъ воспитываютъ смолоду въ неволѣ, и даже размножаютъ, подкладывая ихъ яица подъ домашнюю курицу. Молодыхъ очень рано берутъ на воду и тщательно дрессируютъ. Они прыгаютъ по приказанію хозяина въ воду, ныряютъ и выносятъ пойманную рыбу наверхъ. Хозяинъ-рыболовъ стоитъ на плоту въ $2^1/_2$ фута ширины и отъ 15 до 20 футовъ длины, который двигается помощью весла. Какъ только бакланъ поймалъ рыбу, онъ появляется на поверхность воды съ добычею въ клювѣ, просто съ цѣлію проглотить ее, но этому мѣшаетъ завязанная на шеѣ бичевка или надѣваемое на шею металлическое кольцо, такъ что волею-неволею птица плыветъ съ добычею къ плоту. Рыбакъ при этомъ подвигается къ ней какъ можно скорѣе, потому что иногда, въ особенности если рыба крупная, между разбойникомъ и его жертвой завязывается настоящая драка. Подплывъ къ баклану, хозяинъ набрасываетъ на птицу сѣтку, прикрѣпленную на длинной жерди, и подтягиваетъ ее такимъ образомъ къ плоту вмѣстѣ съ рыбой, которую немедленно отбираетъ, а баклану даетъ въ награду нѣсколько пищи, ославивъ кольцо на шеѣ. Затѣмъ, давъ птицѣ отдохнуть, отправляетъ ее опять на работу. Случается, бакланъ схватитъ такую большую рыбу, что одинъ не можетъ ее вытащить; тогда на помощь ему спѣшатъ остальные (ихъ всегда берутъ по нѣскольку на плотъ). Иногда бакланы стараются отнять другъ у друга добычу и помощь переходитъ въ драку. Тогда между зрителями, которыхъ всегда много на берегу и на мостахъ, составляется пари въ пользу той или другой птицы.

Новое изобрѣтеніе.

Автоматически-безпрерывно-дѣйствующій приборъ профессора д-ра Вольперта, для опредѣленія чистоты воздуха посредствомъ химическаго дѣйствія углекислоты.

Нѣтъ сомнѣнія, что чистота комнатнаго воздуха имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка и въ особенности дѣтей.

Чистъ воздухъ почти вездѣ, гдѣ атмосфера содержитъ обыкновенно 3 и самое большее 5 десятитысячныхъ углекислоты; но не всегда такъ бываетъ въ закрытыхъ жилыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ не рѣдко замѣчаютъ накопленіе углекислоты и въ 10 разъ большее.

Человѣкъ, какъ извѣстно, выдѣляетъ чрезъ выдыханіе и транспирацію, взамѣнъ вдыхаемаго кислорода, не только углекислоту и воду, но и органическія вещества.

Уже много лѣтъ тому назадъ Дю-Буа-Ремонъ указывалъ на исходящее изъ легкихъ вещество, которое онъ назвалъ антропотоксиномъ или человѣчьимъ ядомъ.

Составъ этого вещества не выясненъ еще и до сихъ поръ; однако парижскіе физіологи Браунъ-Секуаръ, въ сообществѣ съ д-ромъ Дарсонвалемъ недавно, долгими инжекціонными опытами надъ живыми животными, доказали, что легкія человѣка и въ здоровомъ ихъ состояніи выдѣляютъ ядъ, который въ жилыхъ не провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ дѣйствуетъ разрушительно на здоровье.

Углекислота въ небольшомъ количествѣ, въ какомъ она обыкновенно содержится въ комнатахъ, нельзя сказать чтобы была вредна; но за то она, по Петенкоферу, служитъ масштабомъ для выдѣляемыхъ вмѣстѣ съ нею отъ выдыханія и транспираціи веществъ.

Этимъ-то масштабомъ и воспользовался проф. д-ръ Вольпертъ и устроилъ самодѣйствующій приборъ для испытанія качества воздуха посредствомъ химическаго дѣйствія углекислоты.

Рисунокъ представляетъ приборъ Вольперта, въ основу котораго профессоръ положилъ слѣдующій новый принципъ: окрашенная жидкость, на которую углекислота дѣйствуетъ обезцвѣчивающе, пущенная по бѣлому шнурку, покажетъ, смотря по большему или меньшему разстоянію, которое она сдѣлала до обезцвѣчиванія, большее или меньшее содержаніе углекислоты и слѣдовательно бо̀льшую или меньшую чистоту воздуха.

Комнатный воздухъ очень чистъ при содержаніи углекислоты

	менѣе нежели 0,5	на	тысячу
чистъ	отъ 0,5—0,7	„	„
удовлетворителенъ	„ 0,7 — 1	„	„
худъ	„ 1 — 2	„	„
очень худъ	„ 2 — 4	„	„
безусловно вреденъ	при болѣе 4	„	„

Приборъ, какъ видно на рисункѣ, состоитъ изъ деревяннаго консоля, снабженнаго наверху стекляннымъ сосудомъ для жидкости съ металлическимъ поплавкомъ, а внизу шкалою съ надписями, поверхъ которыхъ спускается сверху внизъ бѣлый спеціально приготовленный шнурокъ, по которому и проходитъ жидкость и смотря по содержанію углекислоты теряетъ свой цвѣтъ на извѣстномъ мѣстѣ.

Красная жидкость, приготовляемая изъ раствора Phenol-Phtalein, раствора соды и дестиллированной воды, имѣя пра-

вильное теченіе внизъ по бѣлому шнурку, не измѣнитъ своего цвѣта въ чистомъ воздухѣ и останется, дойдя до-низу, красною; въ худомъ, испорченномъ воздухѣ она теряетъ свой цвѣтъ не дойдя до-низу. Для опредѣленія степени порчи воздуха служитъ граница между свѣтло-красною и безцвѣтною полосою шнурка.

Обхожденіе съ приборомъ очень просто.

Цѣна его у Рихтера въ СПБ. 15 рублей.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: въ губерніяхъ: С.-Петербургс., Московс., Харьковс., Полтавс., Черниговс., Кіевс., Волынс., Подольс., Херсонс. и Бессарабс., въ уѣздахъ: Симферопольс., Евпаторійс., Ялтинс., Ѳеодосійс. и Перекопс., Таврической губерніи, и городахъ: Саратовѣ съ уѣздомъ, Ростовѣ-на-Дону и Таганрогѣ, а также С.-Петербургс., Одес., Керчь-Еникольск. и Севастопольс. градоначальствахъ, въ Николаевскомъ военномъ губернаторствѣ и въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ Кронштадтскому военному губернатору, срокъ дѣйствія введеннаго въ нихъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, 11-го іюля 1887 года, положенія объ усиленной охранѣ продолжить еще на одинъ годъ.

Военное и морское дѣло.

— Въ Севастополѣ особая коммисія, въ предсѣдательствѣ контръ-адмирала Казнакова, производила испытаніе двѣнадцатидюймовыхъ и тридцатипяти-калиберныхъ орудій на броненосномъ кораблѣ „Чесма". Результаты оказались блестящими; сотрясенія послѣ выстрѣловъ почти нѣтъ.

— Изъ Кронштадта, 14 сентября, клиперъ „Крейсеръ", подъ командою капитана Безобразова, ушелъ въ заграничное плаваніе. Клиперъ идетъ въ Тихій океанъ, кругомъ Мыса Доброй Надежды.

Пути сообщенія.

— Министръ Путей Сообщенія, на всеподданнѣйшее донесеніе Государю Императору о послѣдовавшемъ, 8 сего сентября, открытіи Самаро-Уфимской желѣзной дороги, имѣлъ счастіе получить, 9 сего сентября посланную въ Уфу, слѣдующую телеграмму отъ Его Императорскаго Величества:

„Сердечно радуюсь открытію Самаро-Уфимской желѣзной дороги, въ особенности тому, что исключительно русскій матеріалъ употребленъ на ея постройку. Благодарю васъ и всѣхъ дѣятелей, потрудившихся въ этомъ дѣлѣ. Прошу передать тоже и жителямъ городовъ: Самары, Уфы и Бугуруслана Мое спасибо, за выраженныя ими чувства и благожеланія Мнѣ и Моей Семьѣ".

„АЛЕКСАНДРЪ".

Сооруженіе дороги — этого перваго звена въ будущемъ сибирскомъ рельсовомъ пути — представляетъ ту особенность, что матеріалы для ея постройки: желѣзо, рельсы, цементъ, подвижной составъ, — все безъ исключенія — русское.

— Движеніе грузовъ по Лозово-Севастопольской дорогѣ увеличилось въ семь разъ противъ ея провозопропускной способности.

— Изъ Нерчинска, отъ 10 сентября, телеграфируютъ, что двѣсти тысячъ пудовъ товаровъ, въ томъ числѣ чай, остаются до весны въ Покровкѣ; часть вывезется зимою. Безводье останавливаетъ промывку золота.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Харьковѣ, 12 сентября, открылись засѣданія экстреннаго съѣзда углепромышленниковъ Донецкаго бассейна по вопросу о выясненіи причинъ угольнаго кризиса и мѣръ къ его устраненію.

— Въ Чарджуѣ, 11 сентября, произходило освященіе строющагося хлопкоочистительнаго завода средне-азіятскаго товарищества П. Кудринъ К°.

— Въ Москвѣ, 14 сентября, въ саду при домѣ Межеваго вѣдомства открылась выставка садоводства, плодоводства и огородничества.

Торговля.

— Недѣля по 11 сентября сопровождалась ослабленіемъ спроса и пониженіемъ цѣнъ пшеницы почти на всѣхъ рынкахъ западной Европы. Причины такого пониженія заключаются отчасти въ установленіи хорошей погоды, благопріятствующей окончательной уборкѣ хлѣбовъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что существенной поправки въ результатахъ урожая текущаго года предвидѣть уже нельзя, но спекуляція на пониженіе пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы распространеніемъ слуховъ о возможномъ еще улучшеніи видовъ на урожай добиться пониженія цѣнъ. Другую причину проявившейся наклонности къ пониженію можно видѣть въ усиленіи подвозовъ новыхъ туземныхъ хлѣбовъ, не высокое качество которыхъ отражается на цѣнахъ, причемъ слабѣющая тенденція сказывается и на хлѣбахъ всякаго происхожденія. Наконецъ, повышеніе фрахтовъ, въ свою очередь, не остается безъ вліянія на измѣненія въ цѣнахъ. Настроеніе заграничныхъ рынковъ только отчасти отразилось въ русскихъ портовыхъ городахъ, гдѣ цѣны слегка понизились, но и тутъ продавцы проявляютъ сдержанность; на большинствѣ же внутреннихъ рынковъ сдѣлки продолжаются по твердымъ, а иногда и повышеннымъ цѣнамъ, вслѣдствіе увѣренности въ предстоящемъ заграничномъ спросѣ по цѣнамъ значительно болѣе высокимъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства недѣльный отпускъ изъ Россіи за-границу нѣсколько сократился. Владѣльцы русскаго хлѣбнаго товара выжидаютъ цѣнъ, болѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительному положенію рынка.

— Въ Харьковѣ, среди торговцевъ, отказавшихся посѣщать Ильинскую ярмарку въ Полтавѣ, возникло ходатайство предъ Правительствомъ объ устройствѣ здѣсь въ іюлѣ особой ярмарки съ цѣлью полтавскую ярмарку сдѣлать излишнею.

— Въ Севастополь прибываетъ ежедневно около 300 вагоновъ съ хлѣбомъ.

Наука.

— 11 сентября, въ Спб. университетѣ происходила публичная защита диссертаціи, подъ заглавіемъ: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ", представленной приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи, С. Ѳ. Платоновымъ въ совѣтъ историко-филологическаго факультета для полученія степени магистра русской исторіи. По окончаніи диспута магистрантъ былъ утвержденъ въ искомой степени.

Изъ губерній и областей.

— Въ Вѣрномъ, легкія землетрясенія, сопровождаемыя подземнымъ гуломъ, стали въ послѣднее время почти ежедневными. Недавно въ Суйдунѣ была междуусобная рѣзня, прекращенная теперь энергическимъ распоряженіемъ новаго дзянь-дзюня.

— Въ Батумѣ, 11 сентября, въ 3 ч. 23 м., было землетрясеніе. Два колебанія слѣдовали непосредственно одно за другимъ, въ 8 час. 35 м. вечера и 12 сентября въ 2 ч. 32 м. дня, опять повторилось землетрясеніе. Колебанія почвы легкія и направляются съ востока на западъ.

— Въ Ташкентъ прибылъ путешественникъ генералъ-майоръ Пржевальскій со своими спутниками.

Политическое обозрѣніе.

Вниманіе всѣхъ европейскихъ политиковъ за истекшую недѣлю было сосредоточено на дневникѣ Германскаго императора Фридриха III, напечатанномъ въ октябрской книжкѣ *Deutsche Rundschau*. Нынѣ въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатано письмо имперскаго канцлера къ министру юстиціи, въ которомъ сообщается копія съ доклада канцлера императору Вильгельму II относительно дневника императора Фридриха, причемъ канцлеръ заявилъ, что императоръ повелѣлъ опубликовать докладъ и утвердилъ представленіе о преслѣдованіи судебнымъ порядкомъ публикаціи дневника и ея виновника. Въ своемъ докладѣ канцлеръ считаетъ дневникъ въ приведенномъ видѣ неподлиннымъ и, указывая на то, что наслѣдный принцъ не могъ располагать точными свѣдѣніями, говоритъ: „я не получалъ отъ короля позволенія бесѣдовать съ наслѣднымъ принцемъ о секретныхъ политическихъ вопросахъ, потому что король опасался съ одной стороны нескромности въ сношеніяхъ съ исполненнымъ французскихъ симпатій Англійскимъ дворомъ, а съ другой—ущерба нашимъ отношеніямъ къ нашимъ германскимъ союзникамъ вслѣдствіе слишкомъ широкихъ цѣлей и насильственныхъ мѣръ, которыя предлагали наслѣдному принцу его сомнительные совѣтники. Наслѣдный принцъ находился въ сторонѣ отъ всякихъ дѣловыхъ переговоровъ". Далѣе въ докладѣ выставляются на видъ неточности дневника. Еще 13 іюля 1870 года имперскій канцлеръ считалъ войну неизбѣжною, а король, прочитавъ нѣсколько разъ рѣчь Эмиля Оливье, рѣшилъ de motu proprio приступить къ мобилизаціи. Неточны тоже сообщенія относительно пожалованія ордена Желѣзнаго Креста военнослужащимъ, не принадлежавшимъ къ составу прусской арміи. Пренія и разногласія во мнѣніяхъ относительно германской конституціи произошли не въ Версали, а еще 9 сентября въ Доншери. Неточны, наконецъ, сообщенія, что наслѣдный принцъ намѣревался прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ союзниковъ, равно какъ заявленія относительно вопроса о непогрѣшимости. Въ заключеніе сказано, что уголовный законъ долженъ быть примѣненъ, какъ въ томъ случаѣ, если публикація подлинная, такъ и въ томъ случаѣ, если приходится имѣть дѣло съ подложнымъ, какъ полагаетъ канцлеръ, документомъ.

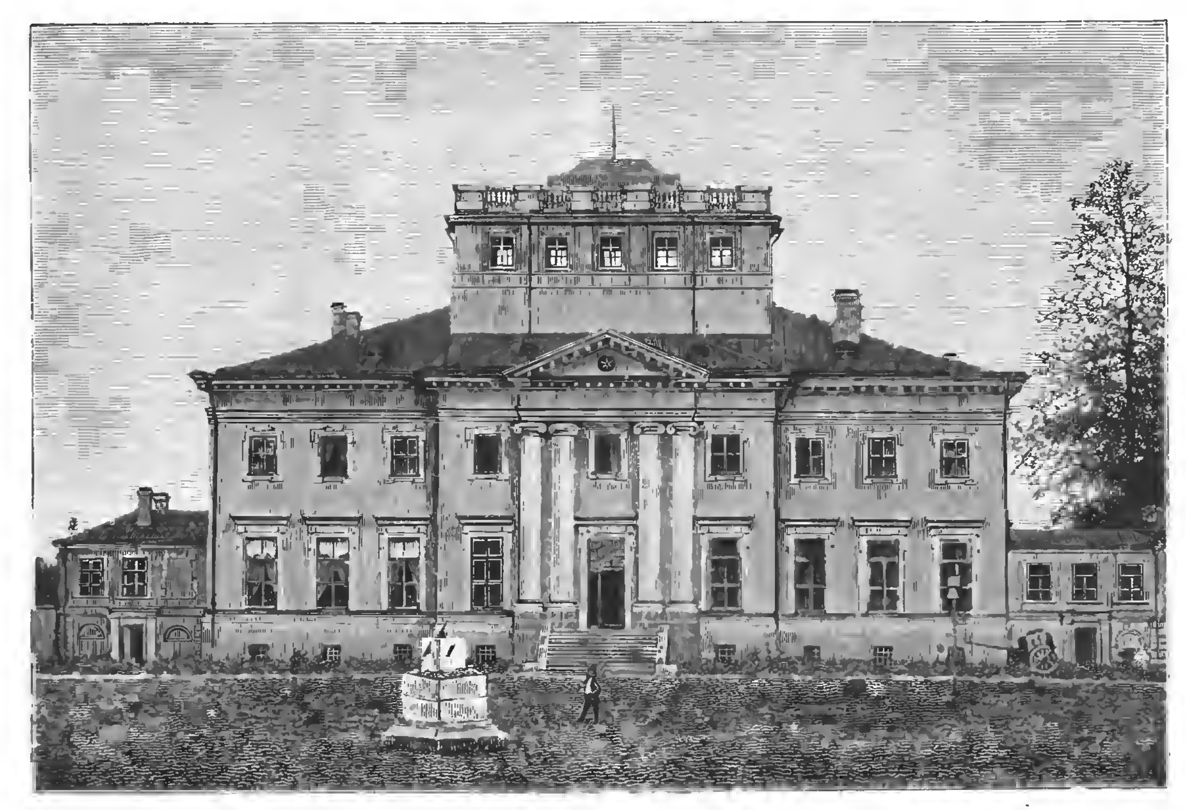
Кронштадтскій Вѣстникъ передаетъ подробности чествованія офицеровъ крейсера „Адмиралъ Корниловъ", имѣвшаго стоянку въ городѣ С.-Назерѣ во Франціи, гражданами этого города. 24 августа командиръ и офицеры крейсера получили приглашеніе отъ гражданъ всего С.-Назера на вечеръ. Прибывъ на пристань, наши офицеры въ каретахъ отправились въ мэрію. Толпы народа стояли по пути и всѣ зданія блистали пышною иллюминаціею. Выйдя изъ каретъ, наши офицеры прошли въ ратушу среди двухъ шеренгъ молодыхъ людей, членовъ общества гимнастовъ, причемъ сначала раздались звуки національнаго русскаго гимна, а затѣмъ марсельеза. Пріемная зала красиво декорирована была національными флагами, щитами съ изображеніемъ герба Франціи и съ надписью R. F. Здѣсь уже собралось общество, состоящее изъ представителей городовъ С.-Назера и Нанта.

Тогда г. Гайге, мэръ города С.-Назера, подошелъ къ столу, и окинувъ взоромъ все собраніе, обратился съ небольшою рѣчью къ командиру и офицерамъ крейсера отъ лица представителей всего города, въ которой благодарилъ за посѣщеніе и принятіе ихъ приглашенія на вечеръ. Далѣе послѣдовали обычныя взаимныя представленія, и затѣмъ офицеры отправи-

лись изъ ратуши пѣшкомъ въ Grand Hôtel, въ небольшомъ разстоянiи отъ мэрiи. Это было вполнѣ торжественное шествiе.

Впереди шли музыканты, освѣщенные факелами и сопровождаемые огромнымъ хоромъ пѣвцовъ-любителей; улицы были освѣщены огнями, народъ стоялъ сплошною стѣною, раздавались оглушительные крики: „Vive la Russie! Vive la France!“

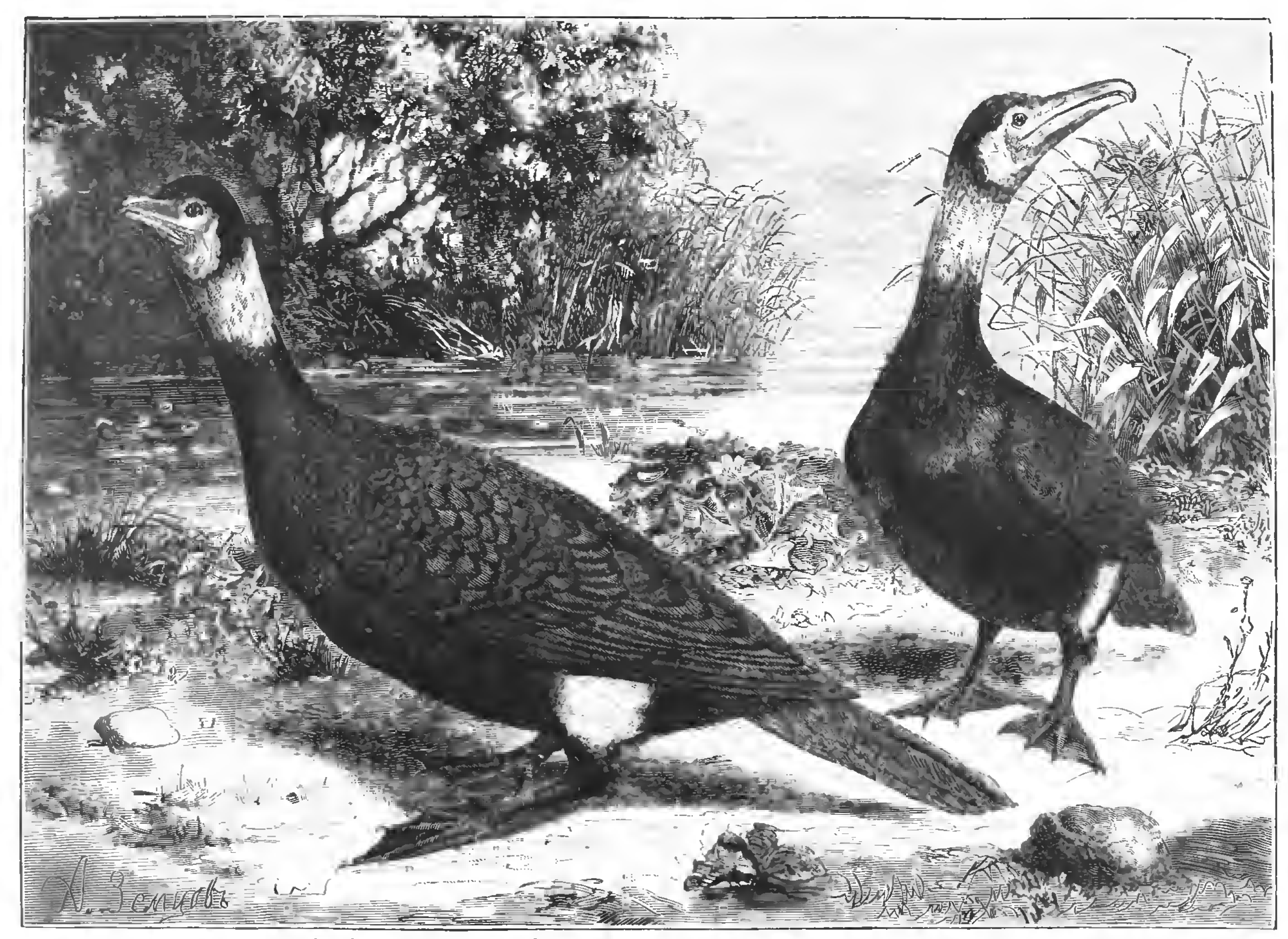
Въ Грандъ-отелѣ былъ роскошно сервированъ ужинъ; всѣхъ гостей было до 250 человѣкъ. Тутъ были главные представители интеллигенцiи С.-Назера, Нанта и множество коммерсантовъ.

Мыза Сиворицы. Видъ замка. Съ фотогр. грав. М. Рашевскiй.

Мыза Сиворицы. Видъ парка Съ фотогр. грав. М. Рашевскiй.

Послѣ обычныхъ привѣтствiй и перваго бокала шампанскаго, къ столу подошелъ г. Гайге и сталъ читать рѣчь. Въ началѣ указавъ на чувства и положенiе матери, разставшейся со своимъ

Бакланы (Phalacrocorax carbo). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

О разсылкѣ преміи „НИВЫ“ на 1888 г.,

большой картины профессора Императорской Академіи Художествъ **Ю. Ю. КЛЕВЕРА**, печатанной красками (24 вершк. ширины и $14^{3}/_{4}$ вершк. вышины) подъ названіемъ:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“.

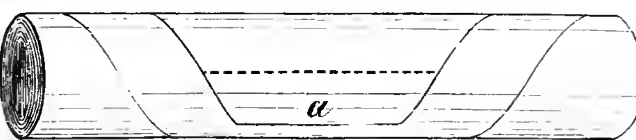
Въ виду новыхъ правилъ Почтамта, не допускающихъ разсылку преміи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, одновременно чрезъ Газетную Экспедицію подъ бандеролью, мы принуждены преміи нынѣшняго года разсылать заказными посылками **чрезъ Посылочное Отдѣленіе СПб. Почтамта**, а такъ какъ вслѣдствіе этого порядка разсылка очень усложняется и требуетъ много труда и времени, какъ на отправку, такъ и на задѣлку посылокъ, то, въ виду этого, мы начали разсылку преміи 1888 г. уже теперь для гг. подписчиковъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ (окраины Сибири, Туркестана, и проч.), затѣмъ послѣдуетъ очередь другихъ мѣстъ Сибири, Кавказа и т. д. и наконецъ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей.

Мы приняли всѣ мѣры, чтобы ускорить отправку преміи и, не смотря на весьма затруднительный способъ этой отправки, надѣемся удовлетворить всѣхъ нашихъ подписчиковъ въ возможно скоромъ времени.

Необходимое предупрежденіе.

При вскрытіи преміи, предупреждаемъ нашихъ читателей обращаться **осторожно**, дабы не испортить картины.

Здѣсь изображенъ чертежъ средней части запакованной преміи. **Для вскрытія надо только разрѣзать бумагу по линіи, обозначенной на чертежѣ точками**, т. е. выше линіи наклейки а; далѣе бумага уже развертывается сама собою.

Чертежъ средней части запакованной преміи въ уменьш. видѣ.

Вынимая изъ обертки картину, скатанную лицевою стороною кнаружи, **не слѣдуетъ ее свертывать въ обратную сторону, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ, ибо лакъ можетъ потрескаться и картина испортиться.** Слѣдуетъ, вынувъ, просто **разложить картину на столѣ**, наложивъ на края какія-нибудь прессъ-папье или какія-либо тяжести, и дать ей вылежаться нѣсколько дней, тогда она расправится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму. Въ Сибирь, Кавказъ и мѣста, находящіяся не на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, преміи разсылаются задѣланныя въ холстъ. При полученіи, холстъ этотъ слѣдуетъ осторожно снять и затѣмъ поступить какъ сказано выше.

питомцемъ, г. Гайге продолжалъ: „Подобно тому городъ С.-Назеръ, промышленности и попеченію котораго русское правительство пожелало довѣрить заботу о постройкѣ крейсера „Адмиралъ Корниловъ“, не пожелалъ, чтобы это превосходное судно удалилось изъ мѣста своего вооруженія быть-можетъ навсегда, не проявивъ Россіи, оказавшей ему столь высокое довѣріе, своей симпатіи и своей благодарности. Въ особенности С.-Назеръ желаетъ передать русскимъ офицерамъ и инженерамъ, слѣдившимъ за постройкою судна, что с.-назерское населеніе сохранитъ надолго чувства истиннаго уваженія и дружескаго къ нимъ расположенія. Такова цѣль сегодняшняго вечера.“

Далѣе, ораторъ выразилъ въ своей рѣчи удовольствіе, что городу представился прекрасный случай показать свои мастерскія, работы своихъ инженеровъ и, наконецъ, обращаясь къ командиру и офицерамъ, закончилъ рѣчь слѣдующими словами: „Господа! Имя, носимое вашимъ судномъ—это славное имя одно уже можетъ возбудить энтузіазмъ вашей страны. Будьте увѣрены, что каждый французъ не безъ волненія вспоминаетъ про адмирала Корнилова, про этого героя-моряка, котораго безпощадная смерть поразила на грозныхъ укрѣпленіяхъ, имъ самимъ воздвигнутыхъ. Если я говорю про этого доблестнаго адмирала, память котораго чтятъ даже враги, — это для того, чтобы напомнить тотъ судъ, который произнесла исторія надъ ужасною войною, на которую я намекаю. Этотъ ясный и краснорѣчивый судъ уже давнымъ-давно соединилъ ваше отечество съ нашимъ. И совершенно понятно, что тамъ, гдѣ не было ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей — были только одни храбрые.“

Послѣ тостовъ произнесъ рѣчь г. Дюпенъ, совѣтникъ канцеляріи префекта Нижней Луары. „Г.г. офицеры! Я приношу вамъ лучшія пожеланія отъ луарскаго префекта, удержаннаго въ Нантѣ по долгу службы; онъ поручилъ мнѣ выразить вамъ симпатію народа, котораго онъ представитель,—вамъ, храбрымъ и ученымъ офицерамъ и славнымъ морякамъ Императорскаго Россійскаго флота. Исполнивъ эту миссію, я предлагаю вамъ, любезные согражданe, отъ имени представителя Нижней Луары, выпить за здоровье Его Величества Александра III, царствованіе котораго выказало столь славное и успѣшное движеніе на пути цивилизаціи въ Азіи и который своею любовью, глубокимъ миромъ и прогрессомъ привлекъ къ себѣ уваженіе и восхищеніе всей Европы“. За здоровье Его Величества послѣдовала самая шумная овація. Послѣ всѣхъ чествованій наши офицеры оставили залу въ 10½ ч. и на возвратномъ пути опять выслушивали крики собравшагося народа.

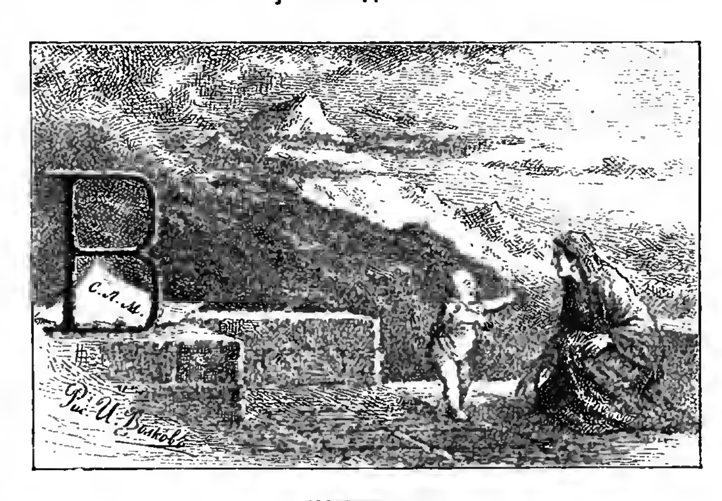
Въ общемъ положеніе дѣлъ въ Европѣ за истекшую недѣлю мало измѣнилось. Интересъ къ Болгаріи значительно ослабѣлъ и въ печати появляются только извѣстія о господствующихъ тамъ неурядицахъ. Одинъ изъ болгарскихъ министровъ Начевичъ чуть не пострадалъ отъ покушенія. Онъ возвращался изъ Румыніи и на одной изъ станцій между Журжевомъ и Букурештомъ, нѣкто Киселовъ вошелъ въ вагонъ и произвелъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, но далъ промахи и былъ схваченъ. Болгарское правительство обратилось къ румынскому съ просьбою о выдачѣ Киселова, но получило отказъ.

Какъ телеграфируютъ въ газету *Народову*, король Миланъ въ непродолжительномъ времени долженъ прибыть въ Бѣлградъ; возвращеніе это назначено на 23 сентября. Бракоразводный процессъ отсроченъ до 29 ноября. Сербскіе граждане, по мѣрѣ возможности, повсюду праздновали день тезоименитства дорогой королевы, не смотря на строжайшія запрещенія правительства. Послѣдствія неисполненія правительственныхъ распоряженій, какъ пишутъ въ газетѣ *Народни Листы*, все болѣе обнаруживаются теперь многочисленными арестами. Въ Шабцѣ много арестованныхъ, между ними купцы Савва Ильичъ, Матичъ, Бaичъ, Галочъ; всѣ арестованные посажены въ тюрьмы по обвиненію въ томъ, что праздновали тезоименитство королевы иллюминаціей своихъ домовъ, вывѣшиваніемъ флаговъ и тостами въ гостиницахъ за здоровье королевы. То же произошло въ городахъ: Лѣсницы, Крупли, Лозанцы, Кральевцахъ, Раци и многихъ другихъ, такъ или иначе почтившихъ королеву.

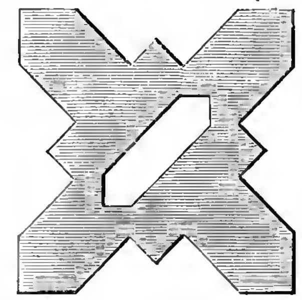
Смѣсь.

О свѣтѣ, издаваемомъ морскими волнами, сообщаетъ новые факты д-ръ Бернгардъ Фишеръ изъ Киля, бывшій спутникомъ профессора Роберта Коха во время путешествія послѣдняго въ Индію, предпринятаго съ цѣлью изслѣдованія холеры. Фишеръ открылъ два рода свѣтящихся грибковъ. Одинъ (названный имъ Bacillus phosphorescens) онъ нашелъ въ морской водѣ, когда посѣтилъ Вестъ-Индію. Ему удалось воспитать его на разныхъ искусственныхъ почвахъ. Лучшей почвой оказалась вареная рыба. Перенеся частицы свѣтящихся бациллъ на вышеуказанную почву, онъ уже 36 часовъ спустя замѣтилъ появленіе на ней маленькихъ сѣроватобѣлыхъ точекъ. Разводимые такимъ образомъ грибки свѣтятся мягкимъ бѣлымъ огонькомъ съ синеватымъ отблескомъ, но лишь на поверхности, находящейся въ соприкосновеніи съ атмосферическимъ воздухомъ. Сила издаваемаго этими бактеріями свѣта еще можетъ быть увеличена воздѣйствіемъ на нихъ опредѣленныхъ химическихъ веществъ, напр. хлористой магнезіи. Второй родъ свѣтящихся грибковъ д-ръ Фишеръ открылъ на морской рыбѣ, происходящей изъ Восточнаго океана. (N).

Ребусъ. Задача № 62.

Геометрическая задача № 63.

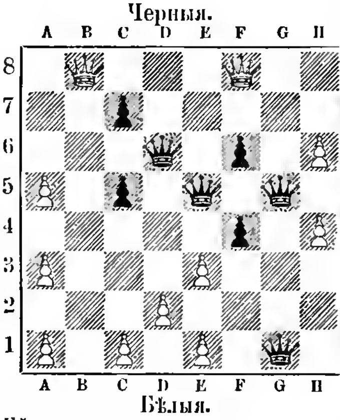

Данную фигуру разрѣзать прямыми линіями на двѣнадцать частей такъ, чтобы изъ нихъ составить прямоугольный треугольникъ.

Шашечная задача № 64.

К. О. Ц.

Черныя.

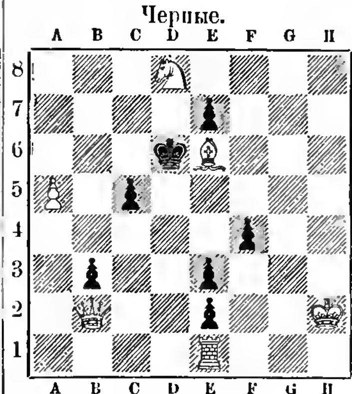
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и двѣ шашки черныхъ.

Шахматная задача № 65.

Г. Г.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При этомъ № прилаг. для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключ. московскихъ) объявленіе отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 21 сентября 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса**, Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. — г. XIX

№ 40 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 1 октября 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1888 г., съ 33 гравюрами и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 30 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Игра въ шахматы. Картина Ѳ. Бухгольца (выставка Имп. Акад. Худ. 1888 г.), грав. Шюблеръ.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Шелъ 1771 годъ. Іюль мѣсяцъ былъ на исходѣ и въ Москвѣ стояла очень жаркая лѣтняя погода.

Первопрестольная переживала тяжелый, страшный въ лѣтописи ея существованія годъ. Еще зимой появились первые признаки, а весной разразилась надъ городомъ страшная кара Господня. Это былъ, по выраженію народа, бичъ Божій. На Москвѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе.

Чума вырывала жертвы свои ежедневно и ежечасно, усиливаясь съ каждымъ днемъ. Начавъ весною съ десятковъ, теперь въ лѣтніе мѣсяцы она уносила людей почти сотнями въ день.

Въ столицѣ была полная неурядица. Все что было людей съ достаткомъ, не только дворяне, но и богатое купечество, зажиточные мѣщане — все еще съ весны бѣжало изъ Москвы. Оставался преимущественно простой народъ.

Многія изъ властей московскихъ тоже бѣжали. Примѣръ показалъ самъ генералъ-губернаторъ, фельдмаршалъ Салтыковъ. Старикъ, почти восьмидесяти лѣтъ, ради страха смерти уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе, Марѳино, самовольно покинувъ свой постъ.

За его отсутствіемъ, власть принялъ въ свои руки сенаторъ Еропкинъ, человѣкъ дѣятельный, энергическій, смѣлый и умный. Онъ раздѣлилъ тотчасъ столицу на участки, назначилъ вездѣ отдѣльныхъ временныхъ начальниковъ или коммиссаровъ. Началась правильная, упорная борьба съ „матушкой чумой“. Но видно она уже давно расходилась не на шутку, время было упущено и теперь стало не подъ силу бороться съ ней.

Всѣ подмосковные монастыри стали карантинами, куда отправляли людей изъ зачумленныхъ домовъ. Вездѣ гдѣ оказывался чумовой покойникъ, всѣхъ жильныхъ запирали въ домѣ, запрещая имъ всякія сношенія. Въ случаѣ непослушанія отправляли ихъ насильно въ карантинъ.

Народъ волновался все болѣе. Всякіе нелѣпые слухи, ходившіе въ городѣ, легко подымали чернь на всякое буйство. Болѣе всего были озлоблены москвичи на докторовъ, а равно и на властей, якобы потворствовавшихъ докторамъ. Говорили, что не чума виновата, а доктора подкуплены кѣмъ-то чтобы морить православный народъ.

Предположеніе это, въ которое твердо вѣрила вся московская чернь, основывалось главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ, что въ эти дни въ Москвѣ почти не было русскихъ врачей. Всѣ наличные медики въ первопрестольной были исключительно нѣмцы, поляки или жиды. Даже главныя медицинскія власти города—и тѣ были почти безъ исключенія иноземцы всевозможныхъ странъ. Главный докторъ всей Москвы, начальникъ всѣхъ больницъ, „штатъ-физикусъ“, былъ нѣмецъ фонъ-Риндеръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы были уже нѣкоторыя улицы и переулки заставленные рогатками, такъ какъ все населеніе ихъ вымерло, всѣ дома были заколочены, а проѣздъ среди зачумленныхъ домовъ изъ предосторожности запрещался. Разумѣется, были дома и домики, изъ которыхъ населеніе все выѣхало или бѣжало. Были и такіе, гдѣ умерло неболѣе двухъ человѣкъ, а всѣхъ остальныхъ забрали и отправили въ карантины за городъ.

Такъ или иначе, но всѣ улицы стояли пустынныя, дома съ закрытыми ставнями, ворота и калитки заколоченныя досками.

Въ одномъ изъ переулковъ близь Арбата было, именно, полное безлюдье, хотя рогатокъ еще не поставили, такъ какъ въ числѣ двухъ десятковъ домовъ, уже заколоченныхъ, еще оставалось домовъ пять, гдѣ жили обыватели.

Посреди этихъ немногихъ уцѣлѣвшихъ, въ ярко выкрашенномъ голубою краской домикѣ съ расписными ставнями, жило еще цѣлое семейство, которое матушка-чума до сихъ поръ обходила. Небольшой деревянный домикъ съ четырьмя оконцами на улицу, съ десяткомъ такихъ же оконцевъ во дворъ и въ маленькій садикъ, принадлежалъ арбатскому купцу-лавочнику.

Домъ этотъ нанималъ уже года три офицеръ въ отставкѣ, поручикъ Артемій Никитичъ Филисовъ, съ женой, семнадцатилѣтней дочерью и пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. При нихъ было человѣка три-четыре дворовыхъ людей.

Поручикъ Филисовъ былъ въ исключительномъ положеніи, и не смотря на бѣдную обстановку, на мѣщанскій бытъ, его знала вся Москва, и вельможная, и чиновная.

Его родной отецъ, бригадиръ Никита Артемьевичъ Филисовъ, былъ хорошо извѣстенъ не только всей Москвѣ, но и Петербургу. Бригадиръ жилъ широко и открыто, на боярскій ладъ, въ собственныхъ своихъ палатахъ у Никитскихъ воротъ.

Единственный же сынъ его, поручикъ Артемій Филисовъ, съ двумя дѣтьми ютился въ маленькой квартиркѣ въ переулкѣ. Здѣсь, въ пяти горницахъ размѣстился кое-какъ самъ Филисовъ, жена его, дочь, сынъ и люди. А тамъ, въ большомъ каменномъ домѣ бригадира былъ онъ одинъ, да при немъ жила его двоюродная сестра, пожилая, но красивая вдова. Тамъ въ домѣ было до двадцати-пяти пустыхъ покоевъ и горницъ.

Разумѣется, поручикъ Филисовъ былъ извѣстенъ всѣмъ ради своего отца. Филисовы отецъ и сынъ были теперь если не въ полной ссорѣ, то въ размолвкѣ. Причина этой размолвки была по времени и обычаямъ очень серьезна.

Поручикъ Филисовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, безъ позволенія и безъ благословенія родительскаго обвѣнчался съ дѣвушкой, которую полюбилъ. Дѣвушка эта была дочерью просвирни сосѣдняго прихода. Послѣ такого срамнаго событія бригадиръ, конечно, не пожелалъ видѣть сына и объявилъ его лишеннымъ наслѣдства.

Въ теченіе шести лѣтъ Филисовы не видались между собой. Бригадиръ, не смотря на хлопоты и совѣты всѣхъ друзей и знакомыхъ простить молодаго офицера, упорно продолжалъ не допускать къ себѣ ни ни сына, ни его семью.

Наконецъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ своей свадьбы Филисовъ-сынъ, окончательно погибая безъ средствъ къ жизни, почти нищенствуя, обратился съ просьбой къ начальству. Генералъ-губернаторъ заинтересовался судьбой молодаго человѣка. Снова принялись всѣ за бригадира—и тотъ уступилъ. Онъ повидался съ сыномъ и невѣсткой, позволилъ имъ пріѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми. Всѣ пробыли у бригадира часа два, не болѣе. Никита Артемьевичъ объяснилъ сыну, что будетъ давать ему на прожитокъ четыреста рублей въ годъ, то есть средства къ безбѣдному существованію. Затѣмъ бригадиръ подарилъ невѣсткѣ Агафьѣ Филипповнѣ дворовую женщину въ мамушки для дѣтей, а сыну двухъ дворовыхъ людей, лѣтъ по двадцати, для услугъ.

Видаться съ сыномъ и его семьей бригадиръ не изъявилъ согласія и объяснилъ, что когда будетъ какая нужда, то сынъ можетъ заглянуть, свое дѣло пояснить.

Съ этого дня Филисовы, нанявъ квартиру попросторнѣе, жили бѣдно, но по крайней мѣрѣ были сыты и одѣты. Разумѣется, изъ года въ годъ, пока подростали дѣти, Филисовы надѣялись, что отецъ положитъ гнѣвъ на милость; каждый годъ мечтали они, что переѣдутъ въ большой и богатый домъ бригадира.

Но годы шли, въ палатахъ Никиты Артемьевича распоряжалась всѣмъ красивая двоюродная сестрица, „соломенная" вдова, а Филисовъ со своей семьей коекакъ существовалъ, перебивался, кочуя изъ одной наемной квартирки въ другую.

Когда дочери Филисова, Клеопатрѣ, которую всѣ звали уменьшительнымъ „Клёна", минуло двѣнадцать лѣтъ, бригадиръ предложилъ сыну отдать внучку къ нему въ домъ, дабы возможно было дать ей дворянское воспитаніе. Но Филисовъ на это не согласился, и Клёна осталась въ домѣ родителей.

— Отецъ будетъ нищенствовать, а дочь въ золотыхъ каретахъ кататься! сказалъ онъ. — Это не рука.

И поручикъ, наоборотъ, предложилъ отцу взять сынишку, мальчугана умнаго и шустраго; но бригадиръ отказалъ въ свою очередь. До него уже доходили слухи, что мальчуганъ-внукъ въ мѣщанской обстановкѣ своихъ родителей велъ такую жизнь, вращался въ такой средѣ, что сталъ совсѣмъ шатунъ-мальчишка, умѣвшій только озорничать на улицѣ и на сосѣднихъ дворахъ и огородахъ.

Не смотря на стѣсненныя средства, Филисова всетаки съумѣла дать кое-какое воспитаніе своей дочери. Клёну училъ грамотѣ приходскій дьячокъ. Дѣвочка была отъ природы чрезвычайно способная, умная, смѣлая, даже, пожалуй, черезчуръ бойка. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была очень красива и умѣла нравиться всѣмъ.

II.

Такъ прошло время. Теперь Клёнѣ пошелъ уже семнадцатый годъ и она уже сама съумѣла составить себѣ въ Москвѣ кругъ знакомыхъ.

Поручикъ Филисовъ и его жена, за послѣднее время совершенно болѣзненные, сидѣли безвыходно дома. Самъ Филисовъ, которому было около тридцати восьми лѣтъ, казался на видъ гораздо старше. Ему можно было дать около пятидесяти. Жизнь тяжелая, скучная, съ безвыходною бѣднотой, а главное, полная униженій, конечно, повліяла на него. За послѣднее время у него появился даже тотъ порокъ, который часто является у русскаго человѣка отъ горя, праздности или незадачи въ жизни. Филисовъ началъ пить и на него изрѣдка нападалъ запой.

При этомъ всѣ знакомые и сосѣди отъ души жалѣли поручика, объясняя его порокъ несчастною обстановкой и виня во всемъ богача и упрямца бригадира.

Агафья Филипповна Филисова вслѣдствіе своихъ недуговъ проводила большую часть дня въ постели. Только часа по два въ день она сидѣла у окошечка, занимаясь оглядываніемъ прохожихъ и проѣзжихъ. Лѣтомъ при отворенномъ окнѣ она останавливала всякаго идущаго опросами. Такимъ образомъ вскорѣ Агафья Филипповна знала въ лицо и по имени не только всю свою улицу, но и прилегающіе переулки. Вмѣстѣ съ тѣмъ она знала все, что творится во всемъ околоткѣ, кто какъ живетъ, кто съ кѣмъ хлѣбъ-соль ведетъ или враждуетъ, кто на что надѣется.

Въ то-же время мальчуганъ, которому было теперь уже пятнадцать лѣтъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, бывая Богъ вѣсть гдѣ, якшаясь Богъ вѣсть съ кѣмъ. Родные часто журили сына, иногда запирали его на дворѣ въ чуланъ, но добиться ничего не могли. Опредѣлить его куда-либо на службу было еще рано, да и тотъ экзаменъ, который требовался для поступленія хотя бы въ полкъ, юноша сдать, конечно, не могъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Тотъ мѣстный дьячокъ, который обучалъ чему могъ барышню Клеопатру Артемьевну, давно уже отказался отъ ея братца, Филиппа Артемьевича, объясняя, что онъ кромѣ гоньбы голубей, игры въ бабки и свайку или швырянья каменьевъ чрезъ сосѣдскіе заборы, ничѣмъ не въ состояніи заняться. Филиппъ началъ съ тринадцати лѣтъ дружиться и водиться со всякимъ подозрительнымъ людомъ. Въ послѣднее время городскія власти уже два раза обратили вниманіе его отца на какіе-то неблаговидные поступки. Наконецъ, чума и смутные дни въ Москвѣ должны были окончательно разнуздать молодца.

Одновременно Клёна съумѣла по немножку завести себѣ много знакомыхъ. Она была пріятельницей многихъ барышенъ, своихъ сверстницъ, часто бывала во многихъ московскихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ гостила по нѣскольку дней, изрѣдка навѣдываясь домой. Вслѣдствіе этого за послѣдній годъ Клёна среди совершенно мѣщанской, бѣдной и грязной обстановки своихъ родителей казалась какъ бы чужою для нихъ, приличною барышней, дочерью родовитыхъ дворянъ. Даже всѣ сосѣди въ улицѣ съ почтеньемъ звали ее „бригадирская внучка", какъ бы игнорируя ея родныхъ.

Знакомые же Клёны предпочитали изъ тщеславія назвать или представить ее кому-либо подъ этимъ именемъ бригадирской внучки, чтобы не сказать что она дочь полунищаго поручика полевой команды, женатаго вдобавокъ на „просвирненской" дочкѣ.

Братъ и сестра не были дружны. Филиппъ, хотя былъ моложе Клёны на два года, пользовался, разумѣется, гораздо большею свободой. Но на него бѣдная обстановка, отсутствіе всякаго воспитанія и сѣренькое житье-бытье подѣйствовали губительно. Теперь между братомъ и сестрой не было уже ничего общаго, и дѣвушка гнушалась мальчугана.

Клёна вела себя примѣрно, скромно и разумно, какъ подобало бригадирской внучкѣ и родовитой дворянкѣ по происхожденію; братъ же становился совсѣмъ уличнымъ озорникомъ и шалуномъ. Няня звала его: Полуночникъ.

Лѣтомъ Клёну часто приглашали ея друзья къ себѣ въ деревню, подъ Москвою или далѣе, и чѣмъ дольше гостила дѣвушка, тѣмъ, конечно, тяжелѣе ей было возвращаться въ родительскій домъ. Тѣсно и тоскливо казалось ей въ трехъ маленькихъ горницахъ, гдѣ лежала больная мать, какъ-то отупѣвшая и отъ обстановки, и отъ образа жизни, и гдѣ, съ другой стороны, изрѣдка бывалъ пьяный отецъ, являвшійся изъ сосѣдняго питейнаго дома, лохматый, испачканный, въ растерзанномъ видѣ.

Вмѣстѣ съ Клёной, постоянно сопровождая ее повсюду, бывала и мамушка, подаренная когда-то бригадиромъ и теперь обожаемая ею Ариша или Арина Матвѣевна. Умная женщина, насколько могла и умѣла, обучала уму-разуму свое дитятко и наставляла какъ вести себя въ обществѣ.

Благодаря именно вліянію Арины Матвѣевны, ея постояннымъ хлопотамъ, Клёна и могла завести свой кругъ знакомства. Когда Клёнѣ исполнилось еще только четырнадцать лѣтъ, Арина Матвѣевна уже вездѣ, всѣми правдами и неправдами, старалась, чтобы ея ненаглядное дитятко проникло въ какой-нибудь хорошій дворянскій домъ. Арина Матвѣевна отправлялась впередъ развѣдчикомъ, знакомилась съ людьми, съ мамушками, дружилась, и затѣмъ уже начинала свои подкопы, свою

Жучище-то какой! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

Шашлыкъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Юмудскаго, грав. Пуцъ и Бергъ.

атаку, добиралась до барина или до барыни, печаловалась на судьбу семьи Филисовыхъ, жаловалась на скареда и кровопійцу бригадира, горевала надъ судьбою своей питомицы.

Кончалось тѣмъ, что заинтересованные разсказами Арины Матвѣевны дворяне желали повидать барышню, а затѣмъ уже Клёна легко могла „постоять за себя". Черезъ мѣсяцъ послѣ того, что дѣвушка въ первый разъ переступала порогъ какого-нибудь дома, ее уже всѣ любили въ немъ и приглашали постоянно.

Случалось даже раза три, что нѣкоторыя семьи дворянскія совѣтовались съ Ариной Матвѣевной, нельзя-ли какъ высвободить Клёну изъ ея семьи, переманить къ себѣ и взять на воспитаніе. Но это было невозможно. Филисовъ продолжалъ надѣяться, что когда-нибудь бригадиръ смирится духомъ, проститъ ихъ окончательно, и если Клёна найдетъ хорошаго и выгоднаго жениха, то бригадиръ, какъ бы лишившій сына всего состоянія, удѣлитъ что-нибудь на приданое своей ни въ чемъ неповинной внучкѣ.

Такъ подошелъ страшный чумовой годъ.

Среди весны, на Пасхѣ, съ Клёной, гостившею въ одномъ богатомъ боярскомъ домѣ, гдѣ она была особенно близко знакома и любима, случилось маленькое происшествіе, весьма много значившее въ жизни бригадирской внучки. На одной изъ вечеринокъ Клёна встрѣтилась съ молодымъ офицеромъ, звенигородскимъ помѣщикомъ.

И до сихъ поръ были молодые люди, которые ухаживали за Клёной, которые даже отчасти нравились ей самой, но однако никогда еще ничего не случалось, какъ казалось ей, „особеннаго". Тутъ же, при знакомствѣ съ молодымъ офицеромъ, Клёна сразу почуяла что-то, прочла нѣчто въ его глазахъ. Вдругъ и ей, а равно и ему самому сказалось въ ихъ отношеніяхъ нѣчто особенное.

— Суженые! говоритъ въ этихъ случаяхъ народъ.

За послѣднее время Клёна чаще всего бывала въ семьѣ Зиновьевыхъ, гдѣ была лишь одна дочь, дѣвочка, гораздо моложе Клёны.

Хотя маленькая Катя Зиновьева не могла по годамъ своимъ быть ей пріятельницей, тѣмъ не менѣе Клёна съумѣла добиться того, что дѣвочка полюбила ее до страсти.

Въ данномъ случаѣ схитрившая дѣвушка поступала по совѣту своей умной няни Арины Матвѣевны.

Изо всѣхъ домовъ московскихъ, за которыми теперь ухаживали москвичи, особенно выдавались двѣ семьи: графа Ивана Григорьевича Орлова и Зиновьева, женатаго на Орловой. Такъ какъ госпожа Зиновьева приходилась родною теткой могущественнымъ вельможамъ Орловымъ, то знакомство съ нею было полезно для всякаго. Умная мамушка Арина Матвѣевна сообразила, что для Клёны весьма важно сдѣлаться любимицей въ домѣ Зиновьевыхъ.

Объясняя это своему дитяткѣ, Арина говорила:

— Ужь когда-когда, а гляди, будетъ отъ этого прокъ. Мало-ли что въ жизни приключиться можетъ. А они люди въ Москвѣ знатные и черезъ своихъ петербургскихъ вельможныхъ сродственниковъ люди сильные.

Когда подошло лѣто, Клёна, бывавшая у Зиновьевыхъ всю зиму, уже стала первой любимицей госпожи Зиновьевой. И вотъ однажды у нихъ она встрѣтила молодаго красиваго офицера Напольнаго полка.

Николай Козляниновъ, такъ звали молодаго офицера, былъ средней руки дворянинъ, помѣщикъ Звенигородскаго уѣзда. Всей родни на свѣтѣ была у него только старая мать, жившая безвыѣздно въ своемъ домѣ въ Звенигородѣ.

Козляниновъ былъ малый красивый, добрый и немного робкій въ обращеніи, будучи отъ природы тихаго дѣвичьяго нрава. Это послѣднее обстоятельство отражалось, впрочемъ, далеко неблагопріятно на его внѣшности: онъ былъ высокаго роста и плечистъ, а скромное дѣвичье личико, бѣлое и румяное, при его мощной фигурѣ, придавало ему смѣшной, отчасти даже глуповатый видъ.

Бойкая чернобровая Клёна, слегка худощавая и небольшаго роста, была совершенною противоположностью этого офицера. Быть-можетъ именно благодаря этому внѣшнему и внутреннему различію они и должны были быстро и легко сойтись.

Козлянинова въ домѣ Зиновьевыхъ принимали радушно, считая его даже дальнимъ родственникомъ. Онъ явился въ Москву весной, въ отпускъ изъ своего Напольнаго полка, стоявшаго въ одномъ изъ уѣздовъ московскихъ, и хлопоталъ по дѣлу. У его матери была долголѣтняя тяжба.

Зиновьевы своимъ авторитетомъ въ Москвѣ помогали молодому человѣку и дѣло ладилось. Онъ долженъ былъ выиграть тяжбу. Но съ того дня, что онъ встрѣтилъ въ домѣ родственниковъ хорошенькую „бригадирскую внучку", какъ ее всѣ называли, Николай Козляниновъ пересталъ заниматься своимъ тяжебнымъ дѣломъ. Сразу и всецѣло побѣдила его дѣвушка и онъ былъ поглощенъ заботами не судейскими, а любовными, думая все время о томъ, какъ бы опять гдѣ-либо встрѣтиться или провести вечеръ съ Клеопатрой Артемьевной Филисовой.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ вечеровъ Козляниновъ, не скрывая своего чувства отъ Зиновьева, попросилъ совѣта: какъ быть въ этихъ неожиданныхъ для него и новыхъ обстоятельствахъ.

— Что же, отозвался Зиновьевъ,—дѣло хорошее, Филисовы живутъ въ бѣдности, почитай въ нищетѣ, но дѣдушка Клёны богачъ, другъ графа Ивана Орлова и сосѣдъ его. Какъ онъ ни вертись, а въ концѣ концовъ все его состояніе перейдетъ двумъ внукамъ, Клёнѣ и ея брату.

Собравъ всѣ свѣдѣнія о семьѣ Филисовыхъ, объ ея родныхъ, а равно и объ ихъ дѣдѣ-бригадирѣ, Козляниновъ съѣздилъ въ Звенигородъ и объяснился съ матерью.

Старушка очень обрадовалась, что ея единственный обожаемый сынокъ собирается жениться на московской барышнѣ.

— Если у ней мать просвирненская дочь, то за-то дѣдушка бригадиръ!

Разсудивъ такимъ образомъ, Анна Ильинишна Козлянинова дала свое согласіе и благословеніе, и обѣщала даже пріѣхать въ Москву сама сватать своего сына.

Козляниновъ порѣшилъ прежде всего познакомиться съ Филисовыми, побывать у нихъ нѣсколько разъ въ домѣ, а затѣмъ, уже зная навѣрно, что родители Клёны взглянутъ на его намѣреніе благопріятно, выписать старуху-мать.

Однажды Клёна объявила своимъ родителямъ, что тотъ самый молодой офицеръ, котораго она видаетъ у Зиновьевыхъ и о которомъ мамушка Арина Матвѣевна успѣла уже кое-что передать барынѣ, желаетъ явиться къ нимъ въ гости.

Филисовы, конечно, были очень рады, что выискался наконецъ женихъ для дочери, дворянинъ, офицеръ и вдобавокъ дальній родственникъ извѣстнаго въ Москвѣ Зиновьева.

Въ тотъ вечеръ, когда Козляниновъ долженъ былъ въ первый разъ явиться въ гости, нѣсколько часовъ сподрядъ въ маленькой квартиркѣ совершенно опустѣвшаго переулка шла нѣкотораго рода сумятица. Филисовы прибирались, чистились, готовились кое-какъ угостить ожидаемаго посѣтителя. Они побаивались отчасти, что молодой офицеръ, увидавъ ихъ бѣдную обстановку, пожалуй раздумаетъ. Арина Матвѣевна одна не боялась этого.

— Не изъ таковскихъ онъ, говорила она постоянно и Филисову и барынѣ.—Ужь я его какъ хорошо знаю!

Дѣйствительно, Козляниновъ былъ давно первымъ другомъ Арины Матвѣевны. Съ ней онъ видался еще чаще чѣмъ съ Клёной.

Арина Матвѣевна нашла возможнымъ уже съ мѣсяцъ бывать въ гостяхъ у молодаго офицера, который занималъ одну комнату, у какого-то чиновника на Знаменкѣ.

Мамушка выдумала себѣ какое-то дѣло, о которомъ, конечно, не давала никакихъ объясненій, и ради этого дѣла ей приходилось часто проходить мимо квартирки офицера. Каждый разъ она заходила къ нему отдохнуть и просиживала часокъ, бесѣдуя съ Николаемъ Ивановичемъ.

Разумѣется, предметомъ всѣхъ бесѣдъ бывала всегда Клёна. Мамушка съ первыхъ разовъ пояснила офицеру, что ея дитяткѣ о замужествѣ и думать нечего: и рано, и обстоятельства такія особыя. Убѣдивъ молодаго человѣка, что она и ея дитятко совсѣмъ не думаютъ о замужествѣ, мамушка уже не стѣсняясь бесѣдовала о своей питомицѣ какъ бы о совершенно постороннемъ человѣкѣ или какъ бы съ женатымъ человѣкомъ.

Арина Матвѣевна распѣвала соловьемъ. По ея словамъ, конечно, не было на свѣтѣ подобнаго божества, какъ ея Клёна. И красавица, и умница, и сердце золотое.

Разумѣется, Арина мамушка прежде всѣхъ узнала и убѣдилась, что чувство Козлянинова къ ея дитятку совершенно серьезно.

Теперь, когда ожидали въ домѣ Филисовыхъ гостя и намѣченнаго жениха, Арина Матвѣевна имѣла право сказать:

— Ужь я его знаю, какъ своего роднаго. Онъ не изъ таковскихъ, чтобы напужаться вашимъ горькимъ и тѣснымъ состояніемъ. Ему денегъ и не нужно, онъ самъ Звенигородскій помѣщикъ. И опять-таки онъ знаетъ, что дѣдушка Никита Артемьевичъ не безсмертный, прости Господи. Когда-нибудь да протянетъ ноги и все, что́ у него есть, вамъ достанется.

III.

Наконецъ предъ вечеромъ Козляниновъ явился въ квартиру Филисовыхъ. Если бы онъ былъ нѣсколько дальновиднѣе, то конечно увидѣлъ-бы, что за исключеніемъ Клёны вся семья ея была для него въ качествѣ жениха не находкой. Не казиста была эта семья и съ виду.

Самъ отставной офицеръ Филисовъ, на видъ почти старикъ, отъ своего несчастнаго порока, казался человѣкомъ совершенно спившимся, болѣзненнымъ и глупымъ. Его красноватое лицо было какъ-то безжизненно. Онъ сидѣлъ вѣчно согнувшись, часто по нѣсколько минутъ сподрядъ глядѣлъ не сморгнувъ мутными бѣлесоватыми глазами и разиня ротъ, какъ бы не сознавая окружающаго. Изрѣдка онъ оживлялся—и въ немъ проглядывалъ прежній Филисовъ, сынъ порядочной и богатой семьи, прежній болѣе или менѣе блестящій офицеръ. Но затѣмъ снова спина его сгибалась, голова, замѣтно облысѣвшая, наклонялась на грудь, и снова смотрѣлъ онъ на Козлянинова безсмысленными глазами человѣка изнуреннаго запоемъ.

Козляниновъ слышалъ отъ Арины Матвѣевны, конечно вскользь и не въ подробностяхъ, что Филисову случалось пить по цѣлой недѣлѣ запоемъ, хотя пьянство его никогда не приводило къ буйству.

Мать Клёны тоже была женщина на видъ невзрачная, не красивая, и хотя теперь при сравненіи съ мужемъ она казалась приличною барыней, но въ ней также изрѣдка проглядывало и сквозило что-то прежнее.

Когда оживлялся Филисовъ, въ немъ сказывался прежній благовоспитанный дворянинъ. Когда оживлялась Филисова, въ ней сказывалась прежняя умная, разбитная, самоувѣренная просвирненская дочка, получившая воспитаніе въ оградѣ приходской церкви, гдѣ и зиму и лѣто игрывала она съ дѣвчонками и мальчишками всего околотка. Благодаря именно этой бойкости, она съумѣла обворожить когда-то молодаго Филисова и выйти за него замужъ.

Иногда при бесѣдѣ съ Филисовой недальновидный Козляниновъ все-таки замѣчалъ, что барыня, вѣроятно, прежде была ухарь-дѣвица, но не изъ благоприличныхъ. Во всякомъ случаѣ, крѣпостная мамушка Арина была гораздо приличнѣе самой госпожи Филисовой.

Наконецъ, третій членъ семьи, пятнадцатилѣтній малый, казавшійся на видъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, грубоватый Филиппъ, сильно не понравился офицеру.

Онъ явился на нѣсколько минутъ въ гостиную, гдѣ всѣ сидѣли, развалился около матери, которая его обожала, ничего не говорилъ, не участвовалъ въ общей бесѣдѣ, но только по очереди смотрѣлъ каждому говорившему въ лицо смѣлымъ, отчасти нахальнымъ взоромъ. При этомъ онъ то зѣвалъ, то потягивался на креслѣ, какъ въ постели, то начиналъ насвистывать какую-то кабацкую пѣсенку. Нѣсколько разъ прервалъ онъ бесѣду Филисовыхъ съ гостемъ и сдѣлалъ два-три совершенно неумѣстные вопроса.

Такъ въ ту минуту, когда Филисовъ разговаривалъ съ Козляниновымъ о новыхъ распоряженіяхъ Еропкина по поводу карантиновъ для зачумленныхъ, молодой Филисовъ вдругъ прервалъ ихъ разговоръ вопросомъ:

— А что, онъ часто собирается бывать у насъ? выговорилъ онъ, показывая пальцемъ на Козлянинова.

— Если ваши родители позволятъ, отвѣчалъ Козляниновъ, нѣсколько смущаясь.

Но Филиппъ перебилъ его словами:

— Чего-же не позволить! Вотъ у насъ дѣвка невѣста, надо-же ее сбыть кому. Мы рады всякому, кто не женатъ, а холостъ.

Разумѣется, вся семья смутилась отъ этой грубоватой откровенности малаго; но, по счастію, онъ тотчасъ-же, зѣвнувъ нѣсколько разъ, надѣлъ свой картузъ, подошелъ къ окну, побарабанилъ по стеклу и засвиставъ что-то вышелъ изъ горницы.

Только одна Арина Матвѣевна, сидѣвшая въ той-же комнатѣ въ уголку, вздохнула и головой покачала. Она одна изо всѣхъ не боялась дурныхъ послѣдствій отъ свиданія Козлянинова съ семействомъ.

За то Клёна боялась болѣе всѣхъ. Ей казалось, что Козляниновъ, по мѣрѣ того какъ сидѣлъ у нихъ и бесѣдовалъ, становился задумчивѣе. Умной Клёнѣ чудилось, что молодой человѣкъ настолько непріятно пораженъ всею ихъ обстановкой, что Богъ вѣсть, выдержитъ ли его чувство эти испытанія.

Однако, къ великой ея радости, Козляниновъ попросилъ позволенія, придравшись къ какому-то пустому случаю, придти вновь на другой день.

Съ этого дня молодой офицеръ сталъ бывать у Филисовыхъ очень часто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Арина Матвѣевна съумѣла такъ устроить, что молодые люди видались постоянно и въ церкви, и на бульварахъ, и на гуляньяхъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ перваго посѣщенія Козлянинова, онъ прямо объявилъ своей возлюбленной, что посылаетъ гонца за матерью, прося ее пріѣхать и оффиціально сватать его.

Но вмѣсто этого Клёна должна была просить своего „Колю“ обождать нѣкоторое время, такъ какъ ея мать хворала уже нѣсколько дней.

— Когда выздоровѣетъ, сказала Клёна,—тогда ужь

отпишите вашей матушкѣ. А то маменька и принять ее не можетъ, лежитъ въ постели.

Въ эти страшные дни, когда моровая язва свирѣпствовала съ ужасающей силой по всей Москвѣ, постоянно можно было наблюдать одно и то же удивительное обстоятельство.

Одни боялись черной смерти до безумія, до полной потери разума и смысла, бѣжали отъ чумы изъ города или, не имѣя возможности покинуть Москву, суетились и метались изъ конца въ конецъ, ожидая смерти при малѣйшемъ нездоровьи, при легкой головной боли и при легкой коликѣ. Иному, отъ страху, простое утомленіе казалось уже прицѣпившеюся къ нему чумою Многіе отъ страха чумы заболѣвали и умирали не чумой.

Но именно вмѣстѣ съ этимъ, рядомъ съ подобнаго рода людьми, были совершенно другіе, смотрѣвшіе кругомъ себя ребячески наивно.

Въ числѣ такихъ людей была и семья Филисовыхъ.

Въ ихъ переулкѣ уже оставалось не болѣе трехъ-четырехъ домовъ, гдѣ жили обыватели: все остальное было пусто и заколочено. Ихъ переулокъ уже получилъ новое названіе, москвичи называли его „Мертвымъ" и имя это долженствовало остаться за нимъ на вѣки. А между тѣмъ, одна Арина Матвѣевна изрѣдка качала головой и говорила господамъ:

— Нехорошее у насъ мѣсто, проклятое, чтоль. Больше чѣмъ гдѣ-либо мрутъ здѣсь. Чтò-бы вамъ собрать кое-какіе пожитки, да перебраться куда въ другой околотокъ. Вѣдь на нашихъ глазахъ вся улица вымерла или разбѣжалась Кто на томъ свѣтѣ, кто за заставой Московской, а кто въ карантинѣ. Право-бы, лучше убраться вамъ.

Но на эти совѣты и замѣчанія Филисовъ тупо, съ полусонными глазами, отвѣчалъ мамушкѣ вопросомъ:

— Куда? какъ? зачѣмъ?

И матушка должна была повторять сотый разъ все тѣ-же резоны.

Барыня, со своей стороны, на увѣщанія няни махала рукой и говорила:

— Полно, матушка, все судьба. Отъ смерти не уйдешь, куда ни бѣгай. Вона тутъ сколько народу перемерло, весь переулокъ пустой, а мы вотъ ничего.

Наконецъ, въ тѣ дни, когда Козляниновъ собирался уже посылать гонца за своей матерью. Филисова заболѣла и лежала въ постели въ сильномъ жару. Вскорѣ начался бредъ, а семья, наблюдая за больной, удивлялась.

Всякій изъ нихъ повторялъ вопросительно

— Чтó это такое приключилось? Должно-бытьззнобилась, аль холоднаго квасу испила.

Если-бы не лѣтнее время, то пожалуй тотъ-же Филисовъ свалилъ-бы болѣзнь жены на угаръ.

Живя въ зачумленномъ городѣ, гдѣ мерли сотни людей въ день, въ переулкѣ который былъ почти пустъ и назывался „Мертвымъ", вся семья въ теченіе нѣсколькихъ дней не подумала, никому на умъ не пришло, что у Филисовой та-же самая чума.

Только черезъ недѣлю послѣ того, что барыня слегла въ постель и лежала уже вся въ темныхъ пятнахъ, безъ сознанія, съ тяжелымъ, горячимъ дыханіемъ, Арина Матвѣевна первая догадалась и ахнула. Она не произнесла слова „чума", еще менѣе могла произнести московское прозвище „черная смерть", но объявила Филисову и Кленѣ:

— Не хорошо, ахъ, не хорошо! И до насъ она добралась!

Разумѣется, открытіе поразило всѣхъ.

Болѣе всѣхъ перепугалась молодая дѣвушка и въ то же время ей стало стыдно за то чувство, которое сказалось на душѣ. Она испугалась, потому что мать въ опасности, почти при смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась еще болѣе мысли, что въ случаѣ ея смерти они будутъ считаться зачумленными. Тогда они должны будутъ запереться въ своемъ домѣ, прекративъ всякія сношенія съ окружающимъ міромъ, по строгому приказу начальства, или-же отправляться въ карантинъ куда-нибудь въ подмосковный монастырь.

Такъ или иначе, свиданія съ Козляниновымъ должны будутъ прекратиться.

Филисовъ, убѣдившись, что жена въ чумѣ и кончается, былъ страшно пораженъ и совершенно потерялъ разсудокъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ около кровати жены и лицо его было безсмысленнѣе чѣмъ когда-либо.

Арина Матвѣевна предлагала барину послать за докторомъ, но Филисовъ отмахивался и говорилъ:

— Чтò тутъ! Какой докторъ! Докторъ уморитъ.

На предложеніе послать за священникомъ Филисовъ тоже отмахивался и говорилъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ. Чтó священникъ? Да онъ и не пойдетъ. Они нынче боятся къ умирающимъ ходить.

Разумѣется, не прошло еще двухъ дней, какъ Филисова перестала дышать и была уже страшнымъ чумовымъ мертвецомъ.

Арина Матвѣевна прежде всего озаботилась сдѣлать то, чтò дѣлали всѣ москвичи, то есть скрыть настоящую болѣзнь, отъ которой умерла барыня. Но это ей не удалось. Молодой барченокъ изъ какихъ-то своихъ невѣдомыхъ видовъ первый объявилъ въ участкѣ о смерти матери отъ моровой язвы.

Тотчасъ появилась въ домѣ полиція, а вмѣстѣ съ ней два мужика одѣтые въ засмоленую одежду. Это были такъ называемые „мортусы", которые, не притрогиваясь руками къ чумовому покойнику, крючьями стаскивали его съ кровати въ подставленный гробъ. Если это былъ бѣднякъ, то его трупъ крючьями вывалакивался даже изъ дома на улицу, втаскивался въ телѣгу и увозился безъ гроба.

Послѣ ужасной процедуры похоронъ чумоваго покойника, которая наводила ужасъ на всѣхъ обывателей, семейству зачумленной было предложено или устроить свой собственный карантинъ въ домѣ, запершись и не сносясь ни съ кѣмъ въ городѣ, или отправляться въ карантинъ въ Донской монастырь.

Филисовы предпочли остаться въ своей квартирѣ. Къ нимъ былъ приставленъ солдатъ, который долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы они не выходили изъ дома и никого къ себѣ не пускали.

Разумѣется, несмотря на этотъ объявленный домашній арестъ и приставленнаго солдата, Филисовы продолжали изрѣдка отлучаться изъ дома, а равно и впускали къ себѣ всѣхъ, кто не боялся войти въ домъ.

То же самое происходило во всей Москвѣ. Всѣ мѣры, которыя принимались властями против распространенія моровой язвы, не вели ни къ чему. Всѣ эти мѣры безъ исключенія встрѣчали противодѣйствіе въ населеніи. Нетолько ни кто не соблюдалъ карантиновъ, но даже когда кто заболѣвалъ въ домѣ чумой, то это тщательно скрывали отъ властей. Наконецъ, когда заболѣвшій умиралъ, то ради самосохраненія, чтобы не попасть въ карантинъ, чумоваго покойника хоронили тайкомъ, въ огородѣ или въ подвалѣ и въ случаѣ огласки клялись и божились, что у нихъ въ домѣ покойника никогда не бывало и что изчезнувшее лицо выѣхало изъ Москвы.

При этомъ большею частью ссылались на одну изъ заставъ, гдѣ пропускъ изъ столицы былъ свободенъ, но дорогѣ на городъ Ростовъ.

Всякій разъ, когда обыватели заявляли объ изчезнувшемъ лицѣ, что онъ выѣхалъ въ Ростовъ, начальство знало, что человѣкъ этотъ умеръ и гдѣ-нибудь тайкомъ похороненъ. И выраженіе: „выѣхалъ въ Ростовъ" осталось на вѣки въ языкѣ, сохранивъ свой особый подразумѣваемый смыслъ.

(Продолженіе будетъ).

Вечеркомъ. Ориг. рис. (собст. „Нивы") Зощенко, грав. Шюблеръ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XII.

Бабушкино горе, Марьюшкины слезы.

Воротясь въ Новгородъ, Лука Аввакумовичъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ побывать у старой посадницы и разсказать ей про встрѣчу съ Арбузьевымъ; тайкомъ, думалось ему, Василей Селифонтьевичъ въ Москву сбѣжалъ.

„А какъ ѣхать-то?“ Лука себя спросилъ. „Аль очи скорбны и за всѣхъ скорбящи досель вспоминаются?“

И онъ, вздохнувъ, поникъ головой. Какъ будто и давно все это было: давно онъ при Киріакѣ краской зачерпилъ тѣ очи, а въ явь-то они, ухъ! какъ давно видѣлись. Точно годы прошли съ тѣхъ поръ. Много было пережито душой за это время, оттого оно и долгимъ казалось.

„Аль и раньше я тѣ очи зрѣлъ?“ мечталось на яву Лукѣ. „Аль они передъ умнымъ [1]) моимъ взоромъ всегда теплились, да въ явь-то только разъ мнѣ ихъ повидѣть случилося? А судьба, знать. Божій судъ... Оттого-то я тѣхъ очей забыть не могу, что была она моя сужена. Да. Сужена-то сужена, да не ряжена. Иной порядилъ ее въ жены себѣ, повѣнчалъ за себя на вѣкъ, а ему она не сужена. Уклонились отъ Божья суда, и мука пошла. И имъ вдвоемъ вѣковать, и мнѣ одинокому...“

На нѣкоторое время, а на долго-ли, и самъ Лука того не зналъ, мысли у него въ головѣ точно вовсе прекратилися.

„А оттого и не сужена“, вновь самъ съ собой заговорилъ онъ. „что не достоинъ я. Жизнь прожилъ какъ нóнадя. Метался, метался, во всѣ, скажи, стороны. И въ гуслярство бросался, и къ иконописи навыкъ, и... и... да мало-ль куда не метался я! А ровно настоящаго, истаго и не было. Аль суета суетствій, всяческая суета, какъ Экклесіастъ каже?... Охъ, видно развѣ тамъ пристань будетъ, это „тихое и мирное пристанище“. Жизнь кончена, во монастырь пойду. У святыхъ воротъ всю суету съ себя сброшу, а и горю туда дорога заповѣдана, заказана...“

И Лука, вставъ, по комнатѣ прошелся.

„А по-что-жь мнѣ къ посадницѣ и не ѣхати?“ смѣлѣе онъ самого себя спросилъ. „Чтó очи-те? Такъ всегда-же, говорю, они передъ моимъ умнымъ окомъ теплились. И этому я вѣрую. Аль страшусь я, что вновь обуяетъ меня это навожденіе, что тогда-то чуть было не овладало мной? Такъ въ тотъ мигъ, какъ очи на иконѣ зачернилъ, и его вовсе изъ сердца выкинулъ. А мертвъ я нынѣ человѣкъ на красоту женскую. А духовному оку она не страшна. Нѣтъ въ сердцѣ соблазну, и очи тѣлесные не то видѣть будутъ. А ѣду-же“.

Въ своемъ раздумьи, Лука и не подумалъ назвать Марью Олександровну по имени: и того не пришло ему въ голову вспоминаетъ-ли она о томъ, какъ открыла ему свои ревнивыя мысли.

Марья Олександровна помнила весь свой разговоръ съ Лукой Аввакумовичемъ. И тò какъ онъ по-братски за нею ухаживалъ, и то какъ шатнулся отъ нея и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты. Съ той поры мысль о Лукѣ въ ея душѣ крѣпко перевилась съ ревнивою думою. Когда ей своя судьба казалась горька и она вспыхивала гнѣвомъ на своего Васеньку, Марья Олександровна думала о Лукѣ. Онъ для нея былъ истый мужъ; таковъ, какимъ слѣдуетъ быть всякому. И разуменъ, и добръ, и сердцемъ горячъ, и вдобавокъ сдержанъ, волей твердъ. За такимъ-то мужемъ и она-бы жила счастливо. Не знала-бы злой ревности, и не стыдилась-бы въ душѣ за мужа. Но когда мысль дальше шла, когда въ грезѣ она чуть-ли уже не обвѣнчана съ нимъ была, то въ головѣ у нея начинало двоиться: голубила и ласкала она не этого желаннаго мужа, а своего дорогого Васеньку.

— Охъ! и люблю-жь я его, а онъ-то, онъ-то меня за тридевять!..

Случилось, что Марьюшка словила себя на этой двойственной думѣ. И устыдилась, и почла за великій грѣхъ.

„Какъ-же это я въ началѣ не примѣтила?“ совѣщалась она сама съ собой. „Выходитъ, что любовь моя раздвоилася. У того душа хòроша и сердце великое, а душой-же и сердцемъ я къ нему прилѣпилась. А у этого, у Васенько-то чтó оставалося? Аль одна крàсота тѣлесная?

И Марья Олександровна наединѣ съ собой, краской со стыда вспыхнула, и стала бранить себя и усовѣщивать. Успокаивала она себя тѣмъ, что ея Васенька еще молодъ, не возмужалъ душой. А у того-то много было пожито, и видано, и слыхано, и въ книгѣ читано, и въ головѣ думано. До всего этого и Васенька дойдетъ въ свое время. Вотъ ужь тогда-то она начнетъ любить его!..

Но того времени приходилось ждать, а пока, какъ ни бранила себя Марья Олександровна, все въ мысляхъ двоилась и мучалась.

Васенька, казалось ей, въ послѣднее время ходилъ какъ-бы потерянный, и поласковѣй къ женѣ сталъ.

„Знать, обжегся тамъ“, злорадно думала жена, но не жалѣла мужа и сердцемъ къ нему не располагалась.

И Марья Олександровна искала „тихаго и мирнаго пристанища“. Только оно иначе передъ ней брезжилось, чѣмъ предъ Лукой. Ждала она великаго внѣшняго горя; тò горе придетъ нежданно, негаданно. Грозно обступитъ оно со всѣхъ сторонъ домъ посадницынъ, и негдѣ будетъ искать имъ помочи. И сколько ни звони другихъ, никто извнѣ не откликнется. Тутъ-то, ища другъ у друга утѣшенія, и они съ мужемъ сживутся сердцемъ и слюбятся. Эта мысль о внѣшнемъ горѣ слѣдовала за нею всюду, и чуть она задумывалась, какъ начинала точно вдаль всматриваться: не виднѣется-ли гдѣ это желанное горе, хотя-бы въ видѣ малого облачка, которое затѣмъ разростется въ громадную тучу.

Такъ-то поживала изо дня въ день Марья Олександровна. Не зная ея душевной жизни, одни завидовали ея житью сладкому да богатому, а другіе считали его холоднымъ и мертвеннымъ. „Знамо, въ животъ живутъ, о животѣ только и думаютъ“, говорила Настасья Григорьевичева про домовитыхъ замужнихъ женщинъ съ той поры, какъ сама стала великою вдовой новгородскою. Тёмны очи человѣческія, оттого имъ и чужая душа кажется потемками.

Васенька Дурневъ послѣднее время дѣйствительно ходилъ какъ потерянный; меньше шутилъ и рѣже зубоскалилъ надъ другими. Марья Олександровна вѣрно угадала, что онъ обжегся.

Василей Ѳедоровичъ не могъ забыть того сладкаго сна, какъ онъ цѣловался съ Настасьей Петровной, а своя жена показалась ему за чужую женщину. И чаще всего этотъ сонъ приходилъ ему въ голову, когда онъ сидѣлъ въ обширныхъ Настасьиныхъ сѣняхъ. Бѣда ему была оставаться вдвоемъ съ Григорьевичевой, а это случалось всякій разъ, какъ старая посадница, добывъ важную вѣсть, приказывала внуку шепнуть ее въ

[1]) Умный—въ смыслѣ: душевный, умственный. Умный взоръ, умная молитва.

ушко Настасьѣ Петровнѣ, чтобъ никому не въ домекъ было, кѣмъ добыта та вѣсть.

Василей Ѳедоровичъ по новгородскому дѣлу сидѣлъ съ Настасьей въ ея горницѣ. Вечерѣло. Настасья, выслушавъ дѣло, задумалась. И хороша же она была въ задумчивости, склонивъ на бокъ голову и подперши ее согнутою пухлою ручкой. Залюбовался на нее Василей Ѳедоровичъ, и до того былъ жарокъ его взоръ, что Настасья, вздрогнувъ, невольно подняла на него свои мутнолукавые глаза.

— А что́ ты это, Василей Ѳедоровичъ, на меня таково́ не хорошо воззрился? спросила она, оглядывая его всего съ головы до ногъ.

— Аль не знашь ты? съ пыломъ Василей сказалъ.— А что сердце, ознобивъ, къ себѣ примучила, о томъ не сдогадалася?

— Что́ ты, что̀ ты! полунѣжно, полусмѣясь отвѣчала вдова. — А этаки рѣчи какъ бы не къ лицу тебѣ.

— Это что̀ оженепъ хожу? Такъ слово скажи ..

Настасья не на шутку испугалася; не того, что по слову сбудется, а того что ей самой придется выйдти изъ самодовольнаго дебелаго спокойствія.

— Охъ, грѣхъ какой! сказала она безъ особой мысли о грѣхѣ.

— А не твой, мой грѣхъ буде!

— Что ты, Василей Ѳедоровичъ! протянула вдова, обдумывая дальнѣйшую рѣчь. — И съ чего только тебѣ эти мысли пришли въ голову? а кажись бы я не такъ веду себя, чтобъ низко таково́ обо мнѣ думати.

— А полно-ко, моей рѣчи не заговаривай! А думала-ль, нѣтъ-ли — то́ Богъ вѣсть, а только заронила ты своимъ взглядомъ заманчивымъ въ мое сердце малую искорку. Съ того оно по тебѣ разгоралося. Во снѣ-ль, на яву о тебѣ же думаю. Живъ не буду, добуду тебя. А силой-ли, ласкою, не знаю самъ...

И тутъ Василей словно шагнуть къ ней хотѣлъ. Настасья Петровна, сидя, вся выпрямилась, и оттого выросла на цѣлую голову.

— Охъ, не люблю ужь я, какъ ты этакъ-то предо мной стоишь, брезгливо промолвила она. — А сядь-ко, сядь, Василей Ѳедоровичъ, а садись же ты, меня слушайся...

И Настасья при послѣднихъ словахъ, ласково посмотрѣла на Василья, и ему показалось что ея глаза то́ дошептали, чего не договорилъ языкъ. Глаза шептали: „а меня ты, бѣлъ голубчикъ мой, послушайся.“ И Василей покорливо тамъ сѣлъ, куда указывали Настасьины глаза.

— А не дѣвочька я молоденька, а и любовь-то эту мужьскую вѣдаю...

Не тѣ слова Настасья говорила, которыхъ ждалъ Василей.

— Знаю я съ чего ты меня отговариваешь! На иного внука посадничья заглядѣлася...

— На Киріака-тъ Андреевича? невиннымъ голосомъ и съ такимъ же невинно-сердечнымъ взглядомъ спросила Настасья и нѣжно при томъ улыбнулась, а кому— Богъ вѣсть.

— А попытай онъ лихъ, ужь я съ нимъ управлюся!

— Охъ! опять ты, Василей Ѳедоровичъ, взбудоражился, покачавъ головой сказала вдова, — аль тебѣ трудъ великъ меня слушати? А посиди-ко часочушко смирнёхонько, а меня ужь хоть черезъ силу послушайся...

И опять очи будто домолвили „мой миленькій“, и отъ этого взгляда Васенька снова усмирился.

— А жила я, Василей Ѳедоровичъ замужемъ не одинъ годъ, и доля замужняя довольно мнѣ вѣдома. А на прошлую жизнь не жалуюсь, а только сызнова эту канитель тянуть ни съ кѣмъ-то, вѣрь, мнѣ не охотится.—Тутъ Настасья Петровна помолчала. — А ужь вновь не идти мнѣ во замужество не только за тебя, принявъ на душу эту мысль смертогрѣховную,—холодно, умомъ, а не сердцемъ добавила она, — а ни за того Киріака Андреевича.

И, замолчавъ, Настасья какъ бы по привычкѣ оправила у себя поднизь на головѣ и монисто на нѣжной шеѣ.

— Овдовѣвъ-то, Василей Ѳедоровичъ, я иной свѣтъ увидѣла. Знаю я теперь про себя, что стала я господарыней полною, а ничьей-то на мнѣ нѣту волюшки. И всѣ-то меня понимаютъ такою же господарыней самовластною. А за мужемъ жила, въ терему-то сидя, ничего-то я не видѣла. А на пирахъ, хоть бы и великаго князя угощаючи, ничего я не слышала. У мужатыхъ женъ подвѣсками уши запавѣшены.—При этихъ словахъ Настасья Петровна поиграла серьгами самоцвѣтными. — А теперь, Василей Ѳедоровичъ, стала я господарыней; видна, скажи, на весь Новгородъ. Не хвастаю, что будто красна солнышка свѣчу Новугороду, а̀ все же научалась приравнять себя къ ясной зоренькѣ [1]). А всѣмъ вѣдь вольно, на меня глядя, любоватися, для всѣхъ я равно свѣтла, а ужь пригрѣвой мнѣ ничьей не быть до-вѣку. Аль отъ такой-то жизни да вновь мнѣ въ мужнинъ теремъ лѣзть? Аль забыла я тамъ что̀? Да и дѣлать тамъ мнѣ нечего, развѣ предъ иконой лампадушкой теплиться? А тѣмъ утѣшаючись, что мужъ при моемъ же свѣтѣ Богу молится? Подумай-ко самъ.

Василей Ѳедоровичъ, точно закаменѣвъ, съ закаменѣлымъ же сердцемъ слушалъ эту рѣчь. Какъ замолчала она, ему въ голову будто холоднымъ вѣтеркомъ повѣяло.

— А прощай, Настасья Петровна! срываясь съ мѣста, рѣзко сказалъ онъ.

— А куда же ты? ровно ничего не случилося, удивилась Настасья. — А у меня для бабушки и отвѣтъ не сготовленъ.

— А что́ отвѣтъ! махнувъ рукой сказалъ Василей.— Не ступать моей ногѣ черезъ твой порогъ.

— А бабушка-то какъ же? засмѣялась Настасья Петровна. — Аль намъ открыть ей всѣ наши съ тобой тайности?

И она взглянула на Василья съ лукаво-вопросительной улыбкой, и глаза у нея свѣтло загорѣлись.

— А мнѣ безъ тебя, гляди, буде и скучнёхонько! прибавила она вздохнувъ.

„Охъ!“ Василью подумалось, — „а станешь ты и впередъ меня такими заманками заманивать, а быть тебѣ отъ меня придушенной.“

Съ этого вечера и ходилъ Василей какъ бы потерянный, и зная свою вину передъ женой, старался быть съ нею поласковѣй.

Такъ вотъ что́ случилось съ тѣхъ поръ, какъ Лука Аввакумовичъ не былъ у старой посадницы.

Лука замѣтилъ, что посадница за это время какъ будто стала больше сутулиться и съ лица спала, отчего глаза у нея еще сильнѣе вырѣзались.

— Здравствуй, Лука Аввакумовичъ, привѣтливо сказала боярыня,—а давно ко мнѣ ты не жаловалъ.

— Въ отъѣздѣ былъ.

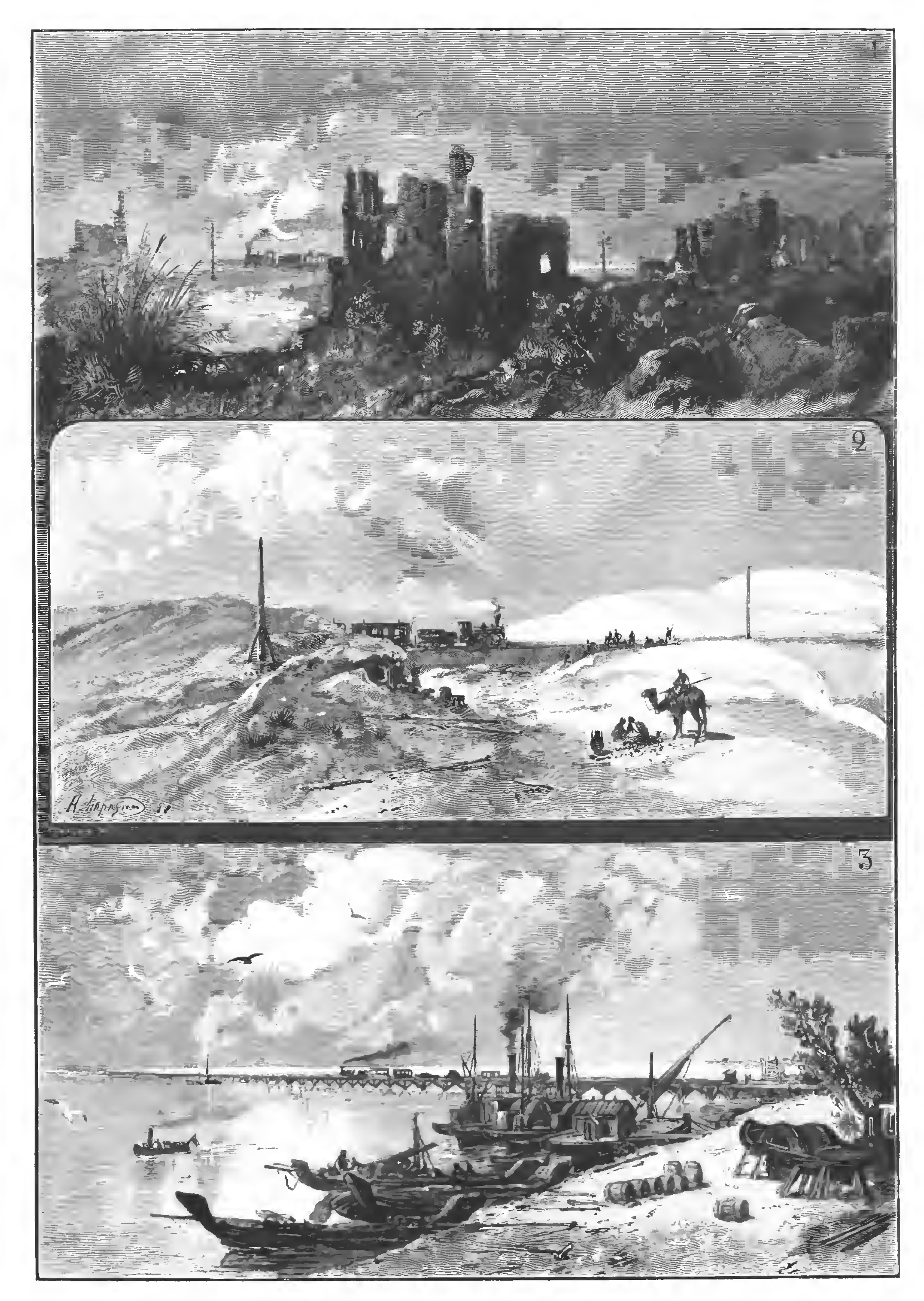
— Знаю что въ отъѣздѣ, только не о томъ говорю. И раньше сколько разъ я къ тебѣ позыватыевъ моихъ ни посыловала, ни разу ты меня, старуху, навѣстить не удосужился.

Лука хотѣлъ было что-то сказать.

— И полно-ко, ужь не оправдывайся. Есть это въ тебѣ, что отъ людей, ровно волкъ, хоронишься. А меня сторониться, гляди, и грѣхъ: не вовсе вѣдь ты мнѣ чужой.

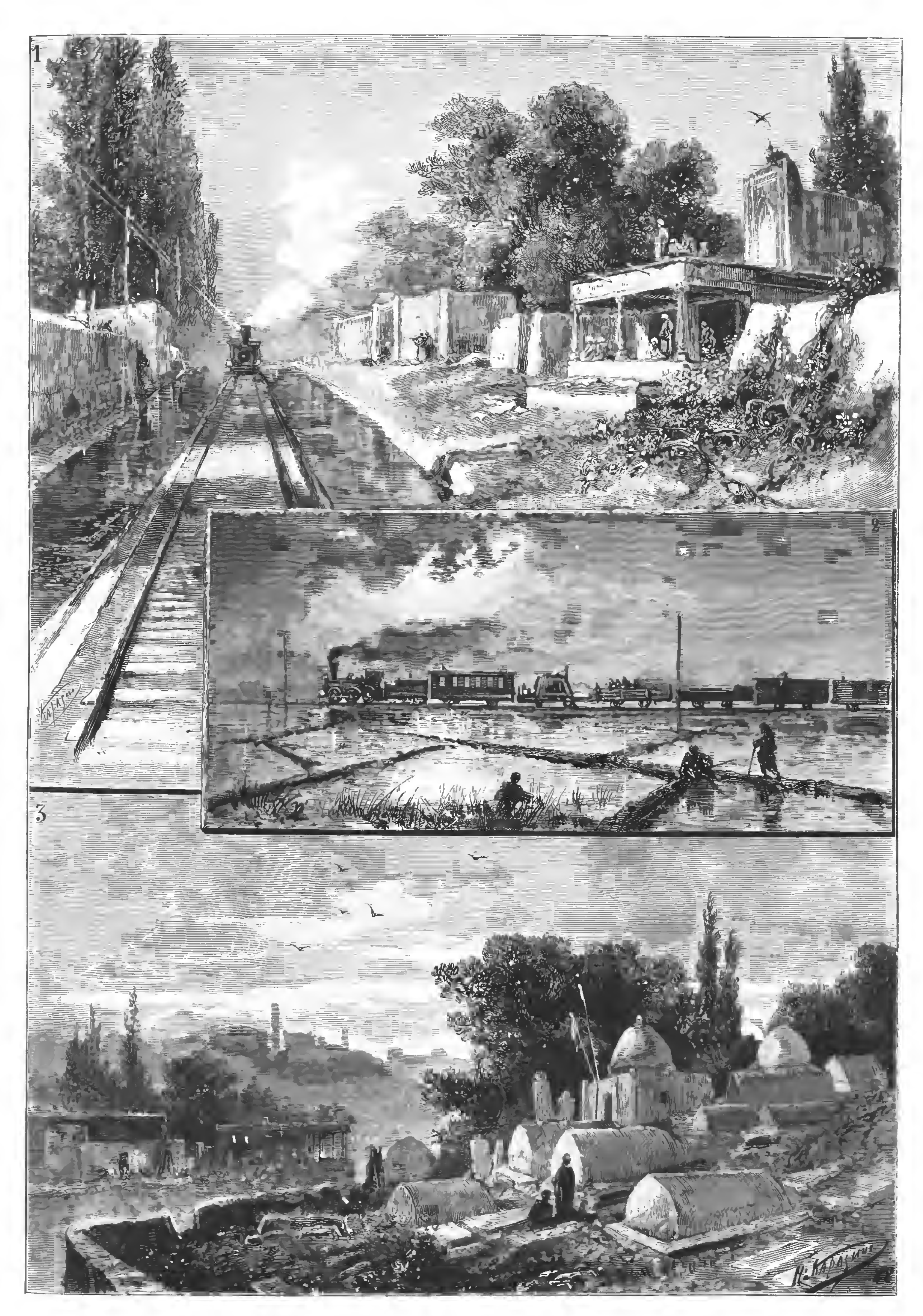
И старая посадница сосчиталась родствомъ съ Лукой чрезъ какихъ-то бабушекъ, тетушекъ и невѣстушекъ.

[1]) Къ утренней звѣздѣ. Солнце первоначально употреблялось въ женскомъ родѣ, согласно миѳическимъ воззрѣніямъ.

На пути въ Индію. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“), **Н. Каразина**, грав. Флюгель.

1. Байрамъ-Али—развалины древняго Мерва. 2. Въ сыпучихъ пескахъ. 3. Мостъ черезъ Аму въ Чарджуѣ.

На пути въ Индію. По долинѣ Заравшана. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Н. Каразина**, грав. Рашевскій.

1. Бухарскій оазисъ. 2. Дамба по рисовымъ плантаціямъ. 3. Бухара

— А хóрошо ль съѣздилъ-то, Лука Аввакумовичъ?

— Далъ Богъ, ладнёхонько... Охъ! встрѣтилъ я на дорогѣ Арбузьева нашего Васютушку.

— Знать вовсе отъѣхалъ? сухо спросила посадница.

— Аль знала ты?

— Былъ вѣдь, прощался со мной.—И посадница хотѣла было разсказать про свою обиду, да только рукой махнула. — А Богъ ужь съ нимъ! Хоть любила я его, жаловала, а за чтò, про чтó, спросить ежели, сама не знаю; видно такъ ужь попривыкши была: на глазахъ взросъ... А все жь скажу, что отвалилось гнúло яблочко червивенько, а кто пóдбере—не разлакомится.

Посадница вздохнула, только не о томъ о чемъ сказала, а о томъ про чтò думала говорить дальше.

— Такъ не лиха-та бѣда что въ Москву отъѣхалъ. Одно меня сомущаетъ. А скажи-ко ты мнѣ, Лука Аввакумовичъ: аль эта мысль московьска до того всюду у насъ просочилася, до того во всѣхъ, какъ ржа въ желѣзушко, въѣлася, что сумѣла путь найти и въ пýсту голову Васильеву? Самъ ты сгадай: кто онъ былъ? А гнилушечка, ничевушечка. Вѣкъ свой пилъ да бражничалъ. Въ стары годы такъ бы и помереть ему. А нунь-ко, гляди Лука Аввакумовичъ, чуть вѣдь довелось ему покориться правдѣ новгородской, а ужь въ дѣлѣ такомъ чтò Господь повелѣлъ, анъ въ Москву сейчасъ. Аль мы себя обманываемъ, что крѣпко стоитъ древо новгородьское, аль насквозь все оно червемъ проточено? Аль у насъ замѣшались умы, и очи готовы глядѣть въ въ котору придется сторону: на Святую-ль нашу Сóфею, аль на тоё Успенье московьское? Скажи жь ты мнѣ, а Лука Аввакумовичъ?

Лука вспомнилъ свою недавнюю, на заѣжжемъ дворѣ недоконченную думу, и... оба помолчали.

(Продолженіе будетъ).

На пути въ Индію.

Н. Н. Каразина.

Письмо четвертое (съ 2 рис. автора).

(Окончаніе).

За Мервомъ всего одна станція, около двадцати верстъ; на громадныя разстоянія тянутся развалины еще древнѣйшаго Мерва — Байрамъ-Али, раскинутыя на низменной мѣстности, изрѣзанной слѣдами когда-то богатаго, искусно устроеннаго орошенія. Фантастическую картину, особенно ночью представляетъ желѣзнодорожный поѣздъ, стремительно мчащійся надъ этими молчаливыми развалинами, свидѣтелями страницъ отдаленнѣйшей исторіи Востока. Самая замѣчательная изъ развалинъ, это мечеть Султанъ-Санджаръ, изображенная въ полукругѣ на нашемъ рисункѣ въ № 39, стр. 965. За Байрамъ-Али вы уже въ преддверіи песковъ, пустыни смерти. Эти пески, прорываясь между бассейномъ Мургаба и Аму, тянутся почти вплоть до лѣваго берега послѣдней, оставляя только узкую береговую полосу зелени, результатъ вѣковой усидчивой борьбы земледѣльца, но уже земледѣльца не тюркмена, а вѣчно осѣдлаго, культурнаго таджика. Первые пески начинаются черезъ двѣ станціи послѣ Байрамъ-Али, наивысшее развитіе ихъ достигаетъ у станціи Репетекъ; это сплошныя подковообразныя песчаныя горы, медленно, но побѣдоносно двигающіяся по направленію господствующихъ воздушныхъ теченій.

Для энергическаго строителя дороги эти пески представляли рядъ невозможныхъ, казалось, непреодолимыхъ трудностей. Основываясь на точномъ и полномъ изученіи законовъ движенія песка (труды главнымъ образомъ нашего извѣстнаго ученаго геолога и путешественника И. В. Мушкетова), найдены были и средства противодѣйствія. Кромѣ того, обширные разсадники растеній, спеціально растущихъ въ пескахъ, не требующихъ поливки, прекрасно организованные на главнѣйшихъ песчаныхъ станціяхъ, дающіе матерьялъ для засадокъ, живыхъ изгородей, заслоновъ, неусыпная бдительность надзора — все взятое вмѣстѣ дало побѣду надъ этимъ препятствіемъ и провело ленту желѣзныхъ рельсъ прямо къ берегамъ Аму-Дарьи, къ цвѣтущему, роскошному оазису Чарджуйскаго берега.

Подъ вліяніемъ жгучихъ лучей южнаго солнца, продолжительнаго жаркаго лѣта, при необычайномъ плодородіи лёссовой почвы, капля воды производитъ чудеса растительной силы; но дайте почвѣ эту каплю,—если же ея нѣтъ, та же сила убьетъ всякую жизнь, превративъ все въ одну мертвую, сожженную солнцемъ пустыню. Поэтому границы культурныхъ зеленыхъ оазисовъ очерчиваются чрезвычайно рѣзко, особенно это замѣтно при въѣздѣ въ оазисъ Чарджуя. Еще хвостъ всего поѣзда не вышелъ изъ мертвыхъ песковъ, голова уже промелькнула мимо сочнаго виноградника, нырнувъ въ прохладную тѣнь роскошныхъ тутовыхъ деревьевъ. Самый городъ Чарджуй остается верстахъ въ шести справа; сквозь массы зелени окрестныхъ садовъ вы видите только гребни его высокой цитадели и башни воротъ; желѣзнодорожная станція и русскій поселокъ находятся на самомъ берегу рѣки, и васъ съ перваго раза пріятно поражаетъ видъ пароходныхъ мачтъ и трубъ, оживляющихъ широкую, многоводную рѣку.

Здѣсь жизнь кипитъ ключемъ — всюду толпы рабочихъ персовъ и солдатъ; то кладутъ рельсы на добавочныхъ и подвозныхъ путяхъ, то копошатся у береговыхъ сооруженій, то закладываются обширные фундаменты новыхъ, еще будущихъ зданій, грохочутъ и щелкаются буферами сотни вагоновъ, свистятъ паровые свистки, тутъ солдатская удалая пѣсня, тамъ стройные звуки музыки, гортанная восточная рѣчь и т. д. Это среднеазіатское „Чикаго", временная резиденція самого строителя дороги; по ту сторону рѣки уже тянется новый, Самаркандскій, участокъ дороги, только что оканчивающійся, а потому, по длинному граціозному деревянному мосту, перекинутому легкой нитью, черезъ четырехверстные разливы рѣки, поѣздъ за поѣздомъ, медленно, шагомъ, тянутся ряды вагоновъ, нагруженныхъ всевозможными строительными матерьялами.

У пристани лѣваго берега стоятъ два красивые, совершенно новенькіе парохода: „Царь" и „Царица", предназначенные для плаванія вверхъ по рѣкѣ до Керки (и даже Келифа) и внизъ до Петрово-Александровска. Кромѣ того, виднѣются еще нѣсколько частныхъ паровыхъ суденышекъ, легкихъ катеровъ и у самаго берега на причалахъ, вытянулись громадные бухарскіе и хивинскіе каюки, со своими оригинальными кормами и носовыми частями. У станціи-же расположены два баталіона нашихъ войскъ въ прекрасныхъ казармахъ, обсаженныхъ деревьями; по близости уже образовался базаръ; также организованъ общественный клубъ, изрядный ресторанъ и даже гостиница съ палатками-нумерами для пріѣзжающихъ. Обиліе тѣни, прекрасная вода, дешевизна произведеній почвы и ихъ разнообразіе дѣлаютъ жизнь въ Чарджуѣ вполнѣ сносною и комфортабельною даже для маленькихъ хозяйскихъ бюджетовъ; семейные элементы пришлаго населенія поэтому поощряются и господствуютъ.

По ту сторону Аму-Дарьи тянется снова не широкая полоса мертвыхъ песковъ Каракуль, отдѣляющая бассейнъ Аму отъ бассейна Заравшана; здѣсь снова повтореніе борьбы искусства съ мертвою силою природы—и затѣмъ уже вплоть до самаго Самарканда дорога идетъ по непрерывному цвѣтущему оазису Заравшана, минуя Бухару, пересѣкая Ката-курганъ и остановившись наконецъ у самыхъ стѣнъ древнѣйшей столицы Тамерлана, средне-азіатскаго мусульманскаго Рима.

Станція Бухара помѣщена въ одиннадцати верстахъ отъ столицы ханства; въ Ката-курганѣ поѣздъ вступаетъ уже снова въ наши владѣнія, закрѣпленныя за нами со времени бухарскаго похода 1868 года и покоренія Самарканда Константиномъ Петровичемъ Кауфманомъ, которому не довелось дожить до этого времени, не привелъ Богъ полюбоваться плодами его благотворной, административной дѣятельности.

Зависимость между муравьями и растеніями.

Несомнѣнно, что одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій, съ которымъ насъ знакомитъ новѣйшее естествознаніе, заключается въ томъ, что часто очень различные организмы, напр. растенія и животныя, оказываются во взаимной зависимости, помогая другъ другу въ борьбѣ за существованіе. Въ высшей степени это проявляется у цвѣтущихъ растеній и посѣщающихъ ихъ насѣкомыхъ. Пчелы, осы и др. двукрылыя, перелетая отъ цвѣтка къ цвѣтку съ цѣлью воспользоваться ихъ нектаромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непроизвольно выполняютъ извѣстную цѣль, заключающуюся въ томъ, чтобы произвести перекрестное опыленіе или различныхъ цвѣтовъ одного и того-же растенія. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія Шпренгель подмѣтилъ это соотношеніе между растеніями и насѣкомыми и указалъ, что собственною пыльцею большинство цвѣтовъ не оплодотворяется, а иногда даже не можетъ произвести оплодотвореніе. Затѣмъ появилось наблюденіе, что на нѣкоторыхъ цвѣтахъ тычинки и пестики созрѣваютъ въ различное время, чѣмъ совершенно исключается возможность самооплодотворенія элементовъ одного и того-же цвѣтка. Яркая окраска, запахъ и другія свойства развились при помощи естественнаго подбора, съ цѣлью

болѣе успѣшно привлекать къ себѣ уже издали насѣкомыхъ. Дарвинъ, выкопавшій изъ пыли архивовъ изслѣдованіе Шпренгеля, дополнилъ и расширилъ собственными наблюденіями, вслѣдствіе чего не осталось никакого сомнѣнія въ вѣрности объясненій перваго. Дарвинъ для доказательства высказанныхъ положеній покрывалъ часть луга, засѣяннаго бѣлымъ клеверомъ, густою сѣтью, петли которой были настолько мелки, что, не препятствуя доступу воздуха и свѣта къ растеніямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно исключали возможность приближенія насѣкомыхъ къ цвѣтамъ. Въ результатѣ оказалось, что только десятая часть всѣхъ цвѣтовъ оказалась оплодотворенною, между тѣмъ какъ тѣ-же растенія, росшія въ той же почвѣ, при совершенно тѣхъ же условіяхъ, но безъ сѣтки, принесли полное количество сѣмянъ. Тотъ же самый опытъ былъ повторенъ надъ фасолью, и Дарвинъ нашелъ, что покрытыя сѣткою растенія не образовали ни одного сѣмени—и только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, подражая пчеламъ, переносилъ мягкою кисточкою пыльцу съ тычинки на пестикъ, образовались сѣмена. Эти опыты вполнѣ выяснили роль насѣкомыхъ въ дѣлѣ оплодотворенія и открыли широкое поле для изслѣдованія въ нѣкоторыхъ цвѣтахъ приспособленій, благодаря спеціальному устройству которыхъ насѣкомыя, проникающія въ чашечки цвѣтовъ за нектаромъ, не могутъ уйти не отплативъ растенію за эту пищу перенесомъ на своемъ тѣлѣ его пыльцы на рыльце другаго цвѣтка. Самыя чудесныя приспособленія такого рода обнаружены у орхидныхъ растеній Дарвиномъ, который изучилъ ихъ очень подробно. Всѣ эти и тому подобныя явленія среди отчаянной борьбы за существованіе представляютъ вообще утѣшительное зрѣлище въ томъ отношеніи, что видишь, какъ взаимная помощь ведетъ къ гармоническому сочетанію жизни двухъ особей. Вообще за послѣднее время обратили вниманіе на этотъ рядъ явленій и въ особенности на зависимость между муравьями и нѣкоторыми растеніями; выводы изъ этихъ наблюденій оказались очень интересными и дальнѣйшее изложеніе, поэтому, посвящаемъ этому предмету.

Уже давно лѣсоводы, лѣсничіе и другія близкія къ лѣсу лица, обратили свое вниманіе на то, что деревья, постоянно посѣщаемыя муравьями, застраховываются отъ нашествія прожорливыхъ гусеницъ, приносящихъ такой сильный вредъ. Поэтому, чтобы защитить наиболѣе цѣнныя деревья отъ нападенія гусеницъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, предлагали даже проводить полосы сахарнаго раствора, чтобы такимъ образомъ привлечь находящіеся по близости колоніи муравьевъ къ посѣщенію этихъ деревьевъ. Оказывается, что муравьи не терпятъ себѣ вблизи никакихъ конкурентовъ и храбро отстаиваютъ свои поля (какъ можно бы назвать эти полосы сахара) отъ всѣхъ непрошенныхъ гостей. Вооруженіе ихъ вполнѣ достаточно для этой борьбы, а ихъ мужество и неустрашимость вѣроятно извѣстны всякому, кому только приходило въ голову какимъ-нибудь способомъ разрушать ихъ жилище, потому что единственное спасеніе отъ ихъ дружнаго нападенія можно найти лишь въ бѣгствѣ. Оказывается далѣе, что очень большое число растеній, какъ европейскихъ, такъ и неевропейскихъ, сознали пользу, которую имъ могутъ оказать эти маленькія насѣкомыя, а поэтому сами позаботились о томъ, чтобы извѣстными приспособленіями привлечь къ себѣ этихъ защитниковъ; одни выработали для нихъ удобныя жилища, другія привлекаютъ ихъ къ себѣ лакомыми кушаньями. Послѣднія выдѣляются спеціальными желѣзами—нектаріями, которыя найдены у осины и нѣкоторыхъ другихъ тополевыхъ. Весною первые 2—3 листа осины, въ мѣстѣ, гдѣ черешокъ листа переходитъ въ пластину, имѣютъ два нектарія, выдѣляющіе сладкій сокъ съ жадностью поѣдаемый муравьями. Этимъ объясняется, почему рѣдко попадается серебристый тополь безъ того, чтобы въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ не находился муравейникъ. Шведскій ученый Люндштремъ утверждаетъ даже, что въ его отечествѣ ни одно дерево изъ тополевыхъ нельзя встрѣтить безъ сосѣдства съ муравьями. Да оно и понятно, говоритъ онъ далѣе, потому что эти насѣкомыя защищаютъ тонкіе листья вышеупомянутыхъ деревьевъ отъ нападенія множества вредныхъ насѣкомыхъ и ихъ гусеницъ, въ присутствіи муравьевъ не осмѣливающихся на нихъ появляться, подобно тому какъ „мыши не могутъ показаться тамъ, гдѣ живетъ кошка“.

Тополевыя растенія не одни выработали эти желѣзистые органы, они встрѣчаются и у другихъ растеній; такъ у нѣкоторыхъ видовъ гороха (Vicia sativa и V. faba) ихъ можно найти на нижней поверхности прилистниковъ. Уже положеніе этихъ приспособленій ясно указываетъ, что предназначены они преимущественно для взбирающихся снизу насѣкомыхъ, тогда какъ цвѣты очевидно для тѣхъ, которыя могутъ слетѣть на нихъ съ высоты. Притомъ, для того чтобы облегчить взбирающемуся наверхъ насѣкомому его поиски за нектаріями, они окрашены у видовъ гороха въ темнофіолетовый цвѣтъ.

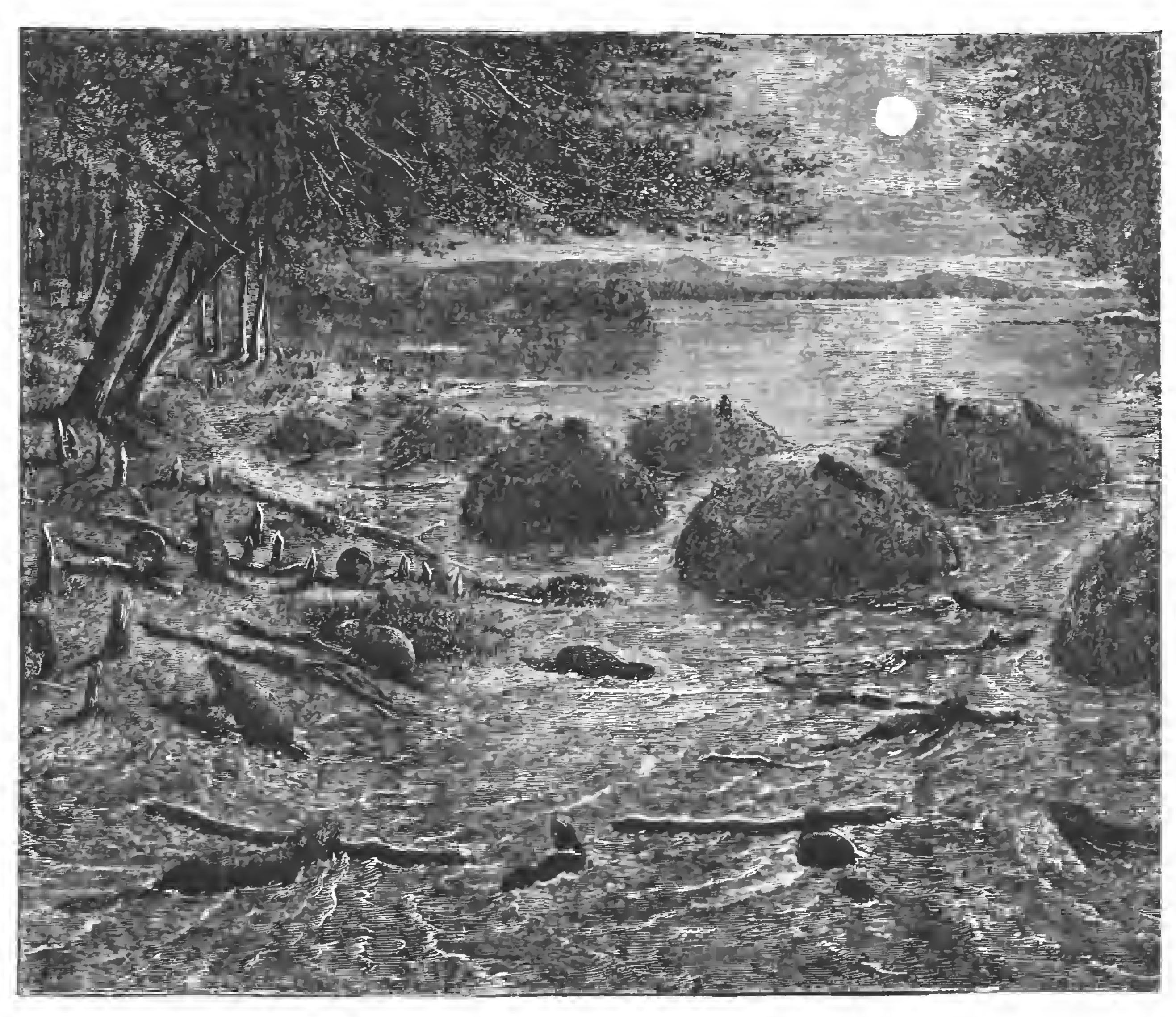
Сообразно съ тѣмъ, какія затраты сдѣлало растеніе и съ какою заботливостью выработало оно нектаріи—и польза получаемая при ихъ помощи громадна, потому что, благодаря сладкому выдѣленію нектаріевъ, они привлекаютъ къ себѣ муравьевъ, которые являются лучшими ихъ охранителями отъ нападенія вредныхъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ устанавливается родъ товарищества, основанный на взаимной пользѣ. Въ нашихъ широтахъ зависимость между муравьями и растеніями только въ этомъ и заключается; но въ тропическихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта встрѣчаются нѣкоторыя растенія, которыя служатъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ, такъ что здѣсь мы имѣемъ не только товарищество, но и сожительство или, какъ это называютъ въ наукѣ, симбіозисъ.

Представителемъ такихъ растеній-муравейниковъ является живущая на Явѣ и другихъ островахъ Myrmecoidea tuberosa, родъ кустарника, ведущаго паразитную жизнь на деревьяхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что ея стволъ, вообще очень сильно утолщенный, пронизанъ со всѣхъ сторонъ отверстіями, ведущими въ полости, которыя взаимно сообщаются. Всѣ эти полости постоянно служатъ жилищемъ одного очень маленькаго вида муравьевъ: Pheidole javana. При малѣйшемъ сотрясеніи человѣкомъ или какимъ-нибудь лазящимъ животнымъ дерева, на которомъ растутъ вышеназванные кустарники, тотчасъ изо всѣхъ его отверстій появляются сотни тысячъ муравьевъ, причемъ едва удается спастись отъ ихъ нападенія. Изъ очень подробныхъ разъясненій англійскаго ученаго Форбза, попавшаго въ такое непріятное положеніе, можно заключить, что защита муравьевъ очень серьезна. За это растеніе даетъ имъ помѣщеніе, вполнѣ защищенное отъ всѣхъ неблагопріятныхъ измѣненій погоды, а можетъ быть даже и пищу внутри своихъ стволовъ. Что полости произошли не благодаря дѣятельности самихъ насѣкомыхъ, а являются нормальными образованіями растеній, въ которыхъ лишь впослѣдствіи поселяются муравьи, на то есть подробныя изслѣдованія Трейба.

Недавно боннскій профессоръ Шимперъ изучалъ зависимость между растеніями и муравьями въ тропическихъ странахъ Америки, причемъ получилъ цѣлый рядъ очень интересныхъ результатовъ. Главнымъ образомъ предметомъ его изученія было бразильское растеніе Cecropia adenopus, растущее не только въ дѣвственныхъ американскихъ лѣсахъ, но и среди саваннъ внутри этой части свѣта. Это дерево отличается гладкимъ съ треугольными пятнами стволомъ, возвышающимся на короткихъ въ видѣ столбовъ воздушныхъ корняхъ. Вѣтки въ мѣстѣ прикрѣпленія къ стволу идутъ совершенно горизонтально, затѣмъ на разстояніи 2—3 футовъ круто поворачиваютъ наверхъ, отъ чего все растеніе по виду напоминаетъ канделябру. Стволъ внутри пустой съ вѣерообразными поперечными складками, причемъ постоянно заключаетъ въ себѣ муравьевъ, для которыхъ онъ какъ бы созданъ, и лишь стоитъ неосторожно толкнуть или начать трясти дерево, какъ появляется безчисленная армія ея защитниковъ—муравьевъ (Azteca sp.). При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что для вылазки служатъ имъ маленькія круглыя отверстія, находящіяся около верхнихъ междоузлій. Поэтому срубить такое дерево—дѣло не особенно пріятное, такъ какъ муравьи безпощадно устремляются на рабочихъ и лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней ихъ можно оттуда выжить.

Однако этотъ воинственный гарнизонъ является для цекропіи очень полезнымъ, вполнѣ защищая ее отъ нападенія одного вида муравьевъ, уничтожающаго листья (этихъ послѣднихъ муравьевъ нѣтъ въ Старомъ Свѣтѣ, поэтому и растенія не могли выработать приспособленія для своей защиты). Стоитъ только появиться такому вредному муравью на цекропіи, тотчасъ же онъ долженъ или удалиться или погибаетъ въ неравной борьбѣ съ муравьями-защитниками, такъ какъ они очень ревниво заботятся о томъ, чтобы это дерево не уступить другимъ. Здѣсь они являются вполнѣ господами выгоднаго для себя положенія, при чемъ и растенія оказываются вполнѣ приспособленными для радушнаго относительно ихъ гостепріимства. Это особенно бросается въ глаза, если мы разсмотримъ способъ заселенія такого дерева. Оплодотворенная муравьиная самка, впослѣдствіи дѣлающаяся царицею колоніи, пробуравливаетъ себѣ въ верхней части ствола отверстіе, посредствомъ котораго попадаетъ въ лежащую тамъ пустоту. Скоро это отверстіе заростаетъ и тогда она начнетъ класть яйца въ такомъ вполнѣ замкнутомъ помѣщеніи. Затѣмъ, когда изъ яицъ выйдутъ рабочіе муравьи, они возстанавливаютъ опять возможность сношенія съ наружнымъ міромъ, возобновляя отверстіе. При этомъ въ высшей степени замѣчательно, что царица пробуравливаетъ себѣ отверстіе, чтобы попасть въ дерево, не въ любомъ, а въ строго опредѣленномъ мѣстѣ у верхняго конца пустоты. Шимперъ, обратившій на это вниманіе, нашелъ также, что само растеніе помогаетъ такъ-сказать этому акту тѣмъ, что дѣлаетъ перегородку въ этомъ мѣстѣ очень тонкою, вслѣдствіе чего насѣкомому приходится преодолѣвать здѣсь очень незначительное препятствіе. О случайности здѣсь не можетъ быть и рѣчи, а потому это образованіе придется отнести къ столь нерѣдкимъ въ природѣ явленіямъ приспособленія. Разсматриваемое нами дерево идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше, потому что, кромѣ жилья для своихъ дорогихъ гостей, оно даетъ еще имъ вкусную пищу, выдѣляя ее на верхушкахъ необитаемыхъ вѣтвей, на листьяхъ. Эти выдѣленія имѣютъ видъ маленькихъ кругленькихъ тѣлецъ, очень похожихъ на яйца насѣкомыхъ, и сидятъ на нижнихъ поверхностяхъ черешковъ, причемъ особенно многочисленны они на молодыхъ только что развернувшихся листьяхъ. Муравьи по-

ѣдаютъ эти шарики съ поразительною жадностью, и удивительно, что лишь успѣютъ они исчезнуть, какъ вновь появляются на тѣхъ же мѣстахъ благодаря росту. Такъ какъ эти образованія, состоя изъ бѣлковъ и жировъ, представляютъ для самого растенія очень важный питательный матріалъ, отлагаемый имъ только для высшихъ цѣлей въ сѣменахъ, почкахъ и спорахъ, то понятно, что потеря такого дорогаго матеріала должна окупаться—и дѣйствительно благодаря муравьимъ, оно получаетъ очень важное преимущество въ борьбѣ за существованіе. Понятно, что растенія, наилучше приспособившіяся

Жилища бобровъ.

къ тому, чтобы привлечь къ себѣ охранителей, выживали въ большемъ числѣ сравнительно съ лишенными этихъ приспособленій. Они дали потомство, которое при такомъ же естественномъ подборѣ выработало тѣ органы, которые на первый взглядъ могутъ показаться даже спеціально созданными для этой цѣли.

Въ приведенныхъ фактахъ мы видимъ общее явленіе природы, которое очень часто проявляется. Какъ яркіе и пахучіе цвѣты служатъ для привлеченія насѣкомыхъ для цѣлей перекрестнаго опыленія; какъ, далѣе, сочные и красивые плоды, обращая на себя вниманіе птицъ и животныхъ, служатъ для лучшаго распространенія сѣмянъ произведшаго ихъ растенія,—такъ и здѣсь приспособленія нѣкоторыхъ растеній даютъ возможность имъ оградить себя отъ вредныхъ насѣкомыхъ и тѣмъ успѣшнѣе вести борьбу за существованіе. Всѣ эти объясненія въ глазахъ нѣкоторыхъ можетъ быть лишаютъ природу прелести таинственности, но для мыслящаго наблюдателя прелесть при этомъ только возростаетъ, такъ какъ высшее наслажденіе состоитъ именно въ разоблаченіи кажущихся чудесъ, которыя при этомъ оказываются еще большими чудесами.

М. Штауде.

Къ рисункамъ.

Игра въ шахматы. Картина Ѳ. Бухгольца.

(Рис. на стр. 977).

Художникъ изобразилъ намъ маленькій уголокъ древне-русской жизни, дополнивъ дѣйствительность цвѣтами фантазіи. Старый, сановитый и дородный бояринъ играетъ въ шахматы со своимъ сыномъ—взрослымъ юношей, а боярынни съ боярыней-матерью и съ маленькимъ братишкой-боярченкомъ собрались около стола и смотрятъ на игру отца съ сыномъ. Отецъ озадачилъ сына удачнымъ ходомъ, и любуется замѣшательствомъ юноши, который задумался надъ шахматной доской и старается найти выходъ изъ своего затруднительнаго положенія.

Кстати замѣтить, что шахматы (или тавлеи) были извѣстны въ древней Руси съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ. Не только въ описяхъ боярскаго и царскаго имущества, сохранившихся намъ отъ XVII вѣка, мы находимъ упоминаніе о *тавлеяхъ* и *тавлейныхъ* доскахъ, какъ о весьма обыкновенной комнатной утвари; но мы знаемъ, что уже и въ началѣ XVI вѣка игра въ шахматы была однимъ изъ весьма распространенныхъ развлеченій царскаго и боярскаго досуга. Есть основаніе думать, что шахматы проникли къ намъ съ отдаленнаго Азіятскаго Востока еще въ тѣ отдаленныя времена, когда арабскіе купцы завязали, по Волгѣ и Каспійскому морю, черезъ Камскихъ болгаръ, первыя торговыя сношенія съ Сѣверомъ Руси и Новгородомъ. На это отчасти указываетъ извѣстная, чрезвычайно поэтическая новгородская былина о „*Садкѣ богатомъ гостѣ*", въ которой разсказываются похожденія этого типическаго представителя новгородской торговли. „Садко, богатый гость" представляется намъ смѣлымъ мореходомъ, который, совершая далекія странствованія по морской пучинѣ, не хочетъ платить никакой дани и царю морскому. Когда, наконецъ, царь морской требуетъ гостя новгородскаго къ отвѣту и поднимаетъ противъ него пучину морскую, то Садко самъ проситъ корабельщиковъ, чтобы они его опустили въ пучину; онъ самъ за себя хочетъ отвѣтъ держать морскому царю. Корабельщики опускаютъ Садко на море, посадивъ его на *шахматную* доску и давъ ему въ запасъ *шах-*

Смѣлѣй! Картина Гагборга, грав. Боде.

маты и *гусли звончатыя.* Садко славился своимъ умѣньемъ играть въ шахматы и своею сладкозвучною игрою на гусляхъ. Надѣясь на свое умѣнье, онъ и въ палаты морскаго царя несетъ съ собой шахматы, предполагая усладить досуги мрачнаго владыки морей этою мудреною игрою и потѣшить его звончатыми гуслями.

Жучище-то какой! (Рис. на стр. 980).

Крестьянскія дѣти весьма равнодушны къ окружающему ихъ міру мелкихъ существъ, которыми кишатъ лѣтомъ и трава, и цвѣты, и кусты. Безконечно разнообразная красота бабочекъ и жуковъ не останавливаетъ на себѣ ихъ любопытства; какъ-бы ни былъ пестръ мотылекъ— это все *бабочка*, какой бы рѣдкій экземпляръ жесткокрылаго ни попался имъ на глаза — это все *жукъ*, котораго развѣ что можно привязать на нитку и заставить тащить какую-нибудь щепочку. Но иногда и дѣтское вниманіе бываетъ привлечено выходящимъ изъ ряда явленіемъ. Вотъ кучка ребятишекъ случайно напала на такъ-называемаго рогача-оленя, жука довольно рѣдкаго въ средней полосѣ Россіи, а въ Малороссіи извѣстнаго подъ названіемъ *турки.* Величиною онъ съ порядочнаго рака, жужжитъ на лету какъ пуля и тяжко шлепается о-земь съ налета. Всѣ ребятки поражены въ разной степени, смотря по возрасту—и эти оттѣнки страха, изумленія, любопытства и равнодушія тѣхъ кому и рогачъ не въ диковинку, очень талантливо уловлены художникомъ на прилагаемомъ рисункѣ.

Шашлыкъ. (Рис. на стр. 981).

Шашлыкъ—слово татарское и значитъ собственно: желѣзный прутъ, вертелъ, на которомъ жарятъ баранину (кебабъ). Кавказскіе горцы (а встарь и наши линейные казаки) употребляютъ для этого желѣзные шомпола прежнихъ ружей. Мало-по-малу названіе это было перенесено и на самое кушанье изъ баранины, приготовляемое слѣдующимъ образомъ. Баранина рѣжется мелкими кусками съ жиромъ и нанизывается на шомполъ; затѣмъ, въ землѣ выгребается ямка, въ которую кладутся уголья, на которыхъ и обжариваютъ баранину въ собственномъ жиру. Умѣло приготовленный шашлыкъ чрезвычайно вкусенъ, и съѣдается обыкновенно тутъ же на мѣстѣ приготовленія, безо всякой сервировки, кромѣ того же шомпола, какъ это видно на правой сторонѣ рисунка.

Вечеркомъ. (Рис. на стр. 985).

Прелестная сельская идиллія, облитая кроткимъ, еще вечернимъ свѣтомъ луны, выглядывающей сквозь вѣтви старой ракиты. Въ Малороссіи часто можно встрѣтить такія сцены, благодаря сравнительно болѣе мягкимъ правамъ и остаткамъ чего-то рыцарскаго въ отношеніяхъ къ женщинѣ.

Жилища бобровъ. (Рис. на стр. 992).

Въ № 38 *Нивы* за текущій годъ („Смѣсь", стр. 950), мы коснулись вліянія сооруженій возводимыхъ бобрами на растительность и самый климатъ страны. Теперь, прилагая рисунокъ такъ-называемаго боброваго пруда съ плотиной и постройками, скажемъ нѣсколько словъ о самой зодческой дѣятельности этихъ замѣчательныхъ животныхъ. Бобръ — одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей порядка грызуновъ; взрослые самцы имѣютъ до трехъ футовъ длины и сверхъ того хвостъ въ 1 футъ. Соотвѣтственно такому росту, они обладаютъ и значительною силой, необходимой для возведенія ихъ построекъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то, разоблачивъ естественную исторію бобра отъ всѣхъ басенъ и легендъ, которыми ее облекаютъ даже въ новѣйшее время, получимъ приблизительно слѣдующее.

Бобры избираютъ ручей, берега котораго кажутся имъ удобными для ихъ построекъ, и въ такомъ мѣстѣ, которое представляетъ вблизи достаточно средствъ для пропитанія (питаются они преимущественно древесною корой). Прежде всего они устраиваютъ плотину, чтобъ имѣть постоянно такой уровень воды, который достигалъ бы пола ихъ шалашей. Плотина имѣетъ внизу 10—12 футовъ толщины, а кверху суживается до 2 футовъ. Бобръ рубитъ себѣ строевой матеріалъ зубами; онъ безъ затрудненія перекусываетъ вѣтви толщиною въ дюймъ, а древесные стволы, болѣе чѣмъ въ футъ толщиною, подгрызаетъ вокругъ и въ особенности со стороны рѣки, пока они не наклонятся и не упадутъ въ воду. Стадо бобровъ прежде всего обрываетъ съ деревьевъ сучья, потомъ перегрызаетъ самыя деревья на куски, которымъ предназначено служить сваями для плотины, тогда какъ сучья и вѣтви употребляются на постройку стѣнъ. Кору бобры тотчасъ обгладываютъ или прячутъ на зиму. Для постройки плотины бобры употребляютъ сучья толщиною въ руку и длиною отъ двухъ до шести футовъ; втыкаютъ ихъ однимъ концомъ глубоко въ землю, плотнымъ рядомъ, а мелкіе и гибкіе куски вбиваютъ въ промежутки, затыкая отверстія иломъ. Эту работу они продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вода не поднимется до самыхъ шалашей. Сторона плотины противъ теченія отлога, а противоположная отвѣсна. Плотина такъ прочна что по ней смѣло можно ходить. Для бобровъ нуженъ постоянный уровень воды по крайней мѣрѣ на 4 фута поверхъ входа въ шалаши, для того чтобы зимой ледяная кора не могла замыкать этихъ отверстій.

Выше плотины и преимущественно на горной сторонѣ острова, но нерѣдко и посерединѣ рѣки, бобры строятъ себѣ на рѣшетчатомъ фундаментѣ такъ-называемыя поселенія. Они прокапываютъ вкось проходъ изъ воды вверхъ по берегу и настилаютъ на берегу холмъ отъ 4 до 7 футовъ вышины и отъ 10 до 12 въ разрѣзѣ. Онъ похожъ на хлѣбную печь съ очень толстыми стѣнами изъ облупленныхъ кусковъ дерева, набросанныхъ въ перемежку и скрѣпленныхъ иломъ и пескомъ. Одна комната въ этомъ жилищѣ имѣетъ куполообразный потолокъ и полъ, усѣянный мелкимъ щебнемъ, а другая, у входа, служитъ кладовою для съѣстныхъ припасовъ, т. е. для сучьевъ и кореньевъ водяной розы, которыхъ иногда находятъ тамъ такой большой запасъ, что ими нагружается цѣлая тачка. Бобры неутомимо трудятся надъ своими постройками и собираютъ запасы, пока имъ не помѣшаетъ ледъ. Если вода поднимется слишкомъ высоко и проникаетъ въ шалашъ, то бобры дѣлаютъ въ куполѣ отверстіе и убѣгаютъ. Во всякомъ случаѣ, большія плотины и поселенія строятъ только цѣлыя стада бобровъ; но одиночкѣже они живутъ въ простыхъ норахъ, такъ-же какъ и выдры: эти норы, въ родѣ барсучьихъ, имѣютъ отъ 30 до 40 шаговъ длины, лежатъ въ уровень съ водою и имѣютъ выходы на сушу. Выстраиваемыя-же вблизи этихъ норъ поселенія служатъ имъ не постояннымъ жилищемъ, а только убѣжищемъ на то время, когда полноводье изгоняетъ ихъ изъ норъ.

Смѣлѣй! (Рис. на стр. 993).

Картина Гагборга изображаетъ одну изъ самыхъ часто повторяющихся сценъ рыбачьей жизни въ приморскихъ мѣстечкахъ. Это рыбакъ высаживающій изъ лодки молодую рыбачку на берегъ во время прилива, который только что начался и вода еще не глубока, но тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка, въ самомъ-ли дѣлѣ изъ страха или по весьма понятному кокетству, не рѣшается ввѣрить себя коварной стихіи, безъ помощи милаго ей человѣка.

Древности Ростова Великаго. Расписныя ворота подъ церковью Воскресенія. (Рис. на стр. 996).

Костромская и Ярославская губерніи представляютъ собою обширное поле для изслѣдованій нашей русской старины. Масса памятниковъ XVI и XVII столѣтій, сохранившихся въ этой мѣстности, поражаетъ археолога. Памятники эти чрезвычайно разнообразны и даютъ намъ возможность составить себѣ довольно полное представленіе о бытѣ нашихъ предковъ за два вѣка до нашего времени. Въ Ярославской губерніи особенно поражаетъ обиліемъ древнихъ памятниковъ небольшой уѣздный городокъ Ростовъ — нѣкогда важный церковно-административный пунктъ и резиденція Ростовскаго митрополита. Недаромъ назывался городъ Ростовъ въ былыя времена „Ростовомъ Великимъ", въ отличіе отъ соименныхъ городовъ въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси. Расположенный на берегу Ростовскаго озера, городъ Ростовъ и теперь еще сохраняетъ слѣды своего древняго величія въ прекрасныхъ зданіяхъ своего кремля и во множествѣ церквей, которыми тѣсно застроены улицы теперь небольшаго и незначительнаго городка (10.000 жителей). Ростовскій кремль и въ особенности ростовскій архіерейскій домъ вполнѣ заслуживаютъ особаго описанія. Вотъ, напр., небольшой, но чрезвычайно любопытный образчикъ ростовскихъ древностей — снимокъ съ расписныхъ воротъ, ведущихъ къ архіерейскому дому.

Эти ворота пробиты въ стѣнѣ кремля, подъ церковью Воскресенія, которая была построена митрополитомъ Іоною въ 1675 г. Ворота замѣчательны, какъ по самой формѣ своей, представляющей правильную, широкую арку, такъ и по тѣмъ изображеніямъ, которыя помѣщаются на двухъ его створчатыхъ половинкахъ.

По преданію, сохранившемуся въ Ростовѣ, расписныя ворота были сооружены по повелѣнію Ростовскаго митрополита Арсенія III Мацѣевича, который правилъ здѣсь паствою между 1742—1763 годами. Сто лѣтъ спустя, ворота эти пришли въ такую ветхость, что ихъ оказалось необходимо обновить, и въ 1860 году, усердіемъ мѣстныхъ гражданъ, они были возобновлены, при чемъ нѣкоторая часть старинныхъ изображеній утрачена. Въ настоящее время, на каждой изъ створчатыхъ половинокъ, помѣщается по 17 изображеній, каждое изъ нихъ въ особой квадратной рамкѣ изъ желѣзныхъ пластинокъ, прибитыхъ гвоздями. Самыя изображенія писаны на желѣзныхъ листахъ, укрѣпленныхъ на деревянной основѣ створовъ. Каждое изображеніе представляетъ собою *эмблему* — иносказательное изображеніе — съ надписью, поясняющею то, что изображено кистью. Многія изъ этихъ эмблемъ чрезвычайно остроумны и оригинальны. Такъ, надъ изображеніемъ медвѣдя, держащаго алебарду, видимъ надпись: „кто у меня отниметъ?" Надъ колоколомъ, который приведенъ въ движеніе, стоитъ надпись: „звонъ его не для его самого." Далѣе, видимъ птицу, сидящую на двухъ пушкахъ, и надъ нею надпись: „ни того, ни другаго не боится." Въ одномъ изъ квадратовъ изображенъ бѣгущій левъ и надъ нимъ пѣтухъ на деревѣ; а

надпись гласитъ: „чиню сильнѣйшему трясеніе.“ Надъ изображеніемъ ежа читаемъ: „сколько оружія, столько непріятелей.“ Надъ снопомъ колосьевъ: „въ мелкихъ статьяхъ великій составъ.“ Надъ изображеніемъ грабли: „собираетъ разсыпанное.“ Всѣ эти изображенія и надписи, вмѣстѣ взятыя, производятъ на насъ чрезвычайно странное впечатлѣніе, и живо переносятъ насъ въ то доброе старое время, когда наши предки были еще неприхотливы на остроуміе и любили украшать цвѣтами народнаго юмора произведенія немудренаго стѣнописнаго художества.

И. З. Морозовъ. (Портр. на стр. 997).

Весной текущаго года русская промышленность понесла чувствительную утрату въ лицѣ одного изъ самыхъ выдававшихся ея представителей, Ивана Захаровича Морозова, владѣльца Богородско-Глуховской мануфактуры, скоропостижно скончавшагося 10 апрѣля, на 62 году жизни, отъ разрыва сердца. Покойный былъ однимъ изъ главныхъ представителей старинной купеческой фамиліи Морозовыхъ; онъ приходился внукомъ знаменитому Саввѣ Морозову. И. З. Морозовъ родился въ 1826 году; въ 1848 году онъ раздѣлился со своимъ братомъ (Саввой) и дядею (Викулой) и началъ самостоятельную дѣятельность съ небольшимъ сравнительно капиталомъ. Ему досталась не очень большая фабрика въ с. Глуховѣ, близъ г. Богородска, работавшая сарпинку, зефиръ и т. п. Дѣла покойнаго, благодаря его неутомимой энергіи и практической сметкѣ, съ самаго начала пошли очень успѣшно. Постепенно с. Глухово выросло въ большой, чисто фабричный городокъ; въ окрестностяхъ его покойному принадлежало болѣе 8 т. десятинъ земли. Компанія Богородско-Глуховской мануфактуры, учрежденная Захаромъ Саввичемъ Морозовымъ съ 1853 года, благодаря дѣятельности покойнаго Морозова, расширила свои дѣла до громадныхъ размѣровъ и даетъ заработокъ 12-тысячной массѣ рабочаго народа, пребывающаго на фабрикахъ мануфактуры, при сельцѣ Глуховѣ, въ двухъ верстахъ отъ города; кромѣ того, около 4,000 рабочихъ работаютъ на сторонѣ, въ Зуевскомъ отдѣленіи мануфактуры, на фабрикахъ въ с. Кузнецахъ, и по деревнямъ. Богородскъ своимъ благоустройствомъ обязанъ также вліянію покойнаго Морозова, заботами котораго, два года назадъ, сооружена и желѣзная дорога до этого города. Въ Петербургѣ Морозовъ имѣлъ большой центральный складъ ситцевыхъ товаровъ (въ Чернышевомъ пер.) и магазинъ для розничной продажи (на Б. Садовой ул.). Въ коммерческомъ мірѣ Морозовъ былъ извѣстенъ своею рѣдкою честностью. Слово его всегда было неизмѣннымъ.

Въ числѣ нашихъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ покойный И. З. Морозовъ выдѣлялся чисто отеческою заботливостью о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ всѣхъ своихъ служащихъ и рабочихъ. На главныхъ Морозовскихъ фабрикахъ, въ Глуховѣ, рабочіе располагаютъ всѣми условіями здоровой и дешевой жизни. Для нихъ устроены тамъ магазины, дешевыя столовыя, помѣщенія, школы, больницы и т. п. Среди рабочихъ и служащихъ покойный пользовался рѣдкою популярностью. Попасть на фабрику Морозова каждый рабочій считаетъ счастьемъ—и если ему это удалось, то развѣ только какія-либо исключительныя условія могутъ заставить его удалиться съ нея. Въ обращеніи съ рабочимъ народомъ Морозовъ былъ справедливъ, доступенъ во всякое время. На фабрикахъ Глуховской мануфактуры никогда не возникало ни волненій, ни стачекъ рабочихъ. Покойный не любилъ сутяжничества ни съ сосѣдними землевладѣльцами, ни съ крестьянскими обществами, и порубки въ лѣсныхъ дачахъ, потравы на поляхъ и лугахъ, благодушно переносилъ, вычитывая мужикамъ въ такихъ случаяхъ лишь рѣзкую проповѣдь о сосѣдскихъ отношеніяхъ. Со дня открытія мировыхъ судебныхъ учрежденій И. З. Морозовъ былъ безсмѣннымъ почетнымъ мировымъ судьею Богородскаго округа. Покойный былъ извѣстенъ и какъ щедрый благотворитель: онъ много жертвовалъ на школы, больницы и богадѣльни. Счетъ благотворительности въ главной конторѣ Глуховской мануфактуры всегда былъ открытъ нуждающимся, погорѣльцамъ и пострадавшимъ отъ другихъ бѣдствій. Вся окрестность Богородска помянетъ добромъ покойника. Въ дѣлахъ вѣры онъ придерживался старообрядческаго толка и много сдѣлалъ для своихъ единовѣрцевъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Имп. Высоч. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Вел. Кн. Георгій Александровичъ изволили 18 сентября благополучно прибыть во Владикавказъ и 20 числа, въ 11 вечера, отбыли въ Екатеринодаръ.

— Вел. Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи и Вел. Кн. Елисавета Θеодоровна отбыли 18 сентября изъ Константинополя, и на другой же день прибыли на пароходѣ „Кострома“ въ Смирну въ три часа утра. 21 сентября „Кострома“ бросила якорь у Бейрута въ 6 часовъ утра. 22 сентября Ихъ Императ. Высоч. выѣзжаютъ на лошадяхъ въ Бальбекъ и Дамаскъ.

Правительственныя распоряженія.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Имп. Московскомъ воспитательномъ домѣ благотворительнаго общества, имѣющаго цѣлью привлеченіе частной благотворительности въ помощь благотворительности и заботамъ вѣдомства Императрицы Маріи о питомцахъ сего дома.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о крайне-бѣдственномъ положеніи пострадавшихъ отъ пожаровъ жителей городовъ: Оренбурга, Орска (Оренбургской губерніи) и Невеля (Витебской губерніи), 23 августа 1888 года Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ названныхъ городовъ.

Финансы.

— Поступленіе за первое полугодіе текущаго года государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи опредѣлились въ 354.133,000 рублей противъ 316.668.000 руб. за тотъ же періодъ времени 1887 года, т. е. нынѣ болѣе на 37.465,000 или на 11,8%. За присоединеніемъ же къ этимъ итогамъ доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, общее поступленіе государственныхъ доходовъ съ 1 января по 1 іюля 1888 года выражается въ 370.959,000 рублей противъ 337.929,000 рублей въ 1887 году, болѣе на 33.030,000 рублей.

Торговля.

— Цѣны на хлѣбные продукты за недѣлю къ 18 сентября продолжали клониться къ пониженію почти на всѣхъ рынкахъ. Значительное давленіе на хлѣбную торговлю оказываютъ подвозимые въ большомъ количествѣ хлѣба новаго урожая на всѣ главнѣйшіе рынки потребленія. Къ этому присоединяется и вліяніе установившейся почти повсюду въ Западной Европѣ ясной и теплой погоды, благотворно дѣйствовавшей на хлѣба, оставшіеся еще на корню. И въ Англіи, и во Франціи сборъ пшеницы исчисляютъ теперь выше первоначальныхъ предположеній. Хотя недоборъ хлѣбовъ въ нынѣшнемъ году является уже установившимся и общепризнаннымъ фактомъ, тѣмъ не менѣе и небольшая даже поправка не можетъ не отражаться на положеніи хлѣбнаго рынка и уровнѣ цѣнъ. Наклонность къ пониженію успѣла отразиться и на русскихъ рынкахъ, гдѣ начинаютъ происходить сдѣлки для экспорта по цѣнамъ, значительно ослабѣвшимъ. Вялое настроеніе русскихъ рынковъ усиливается, благодаря рѣзкому повышенію фрахтовъ. Неизбѣжность усиленнаго въ текущемъ году вывоза русскаго хлѣба побудила пароходовладѣльцевъ поднять цѣны, которыя не проявляютъ никакой наклонности къ пониженію, несмотря даже на паденіе цѣнъ на хлѣба въ мѣстахъ сбыта.

— Въ Ельцѣ открытіе земскаго элеватора назначено на 23 сентября. Приглашенія элеваторной коммисіи уже разосланы.

— Вывозъ зерноваго хлѣба въ Закаспійской области въ Баку продолжается. Краю угрожаетъ истощеніе запасовъ вслѣдствіе неурожая. Мѣстами цѣны на пшеницу доходятъ до 2 р. 75 к. за пудъ.

Искусства изобразительныя.

— Академистъ А. М. Опекушинъ окончилъ недавно изготовленіе статуи Императора Александра II для памятника, воздвигаемаго въ Бозѣ почивающему Государю въ Ченстоховѣ, Петроковской губерніи. Монархъ представленъ стоящимъ въ порфирѣ, надѣтой поверхъ обще-генеральскаго мундира. Пьедесталъ, на которомъ будетъ возвышаться статуя, украшенъ гербами десяти губерній Царства Польскаго, а вокругъ пьедестала будутъ расположены: шапка Мономаха, Императорская корона, держава, государственный мечъ и корона Царства Польскаго. Величина статуи—почти вдвое больше натуральной. Пьедесталъ для нея исполняется по проекту архитектора Гуна. Отливка бронзовыхъ частей памятника производится на заводѣ г. Морана.

— Извѣстный пейзажистъ, профессоръ Ю. Ю. Клеверъ, получилъ отъ Германскаго императора малую золотую медаль, за свое участіе въ нынѣшней берлинской академической художественной выставкѣ, на которой его картина „Зимній вечеръ въ окрестностяхъ Петербурга“ (премія „Нивы“ за текущій годъ) обращаетъ на себя вниманіе посѣтителей.

— 26 минувшаго августа, въ зданіи Императорскаго Эрмитажа вспыхнулъ пожаръ, къ счастію тотчасъ-же прекращенный и не причинившій никакого вреда художественнымъ сокровищамъ этого музея. По неосторожности рабочихъ, загорѣлось въ подвальномъ этажѣ Эрмитажа, занятомъ матеріалами и принадлежностями электрическаго освѣщенія.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Благовѣщенска, отъ 22 сентября телеграфируютъ, что въ Екатерино-Никольской станицѣ означеннаго числа въ 3 часа 15 м. пополудни было землетрясеніе, продолжавшееся минуту; много потрескалось печей и упало трубъ.

— Въ Тифлисъ, 22 сентября, прибылъ чрезвычайный посолъ Персидскаго шаха—Хуссамъ-Эсъ-Салтане.

Некрологъ.

— 20 сентября, въ 1 ч. 40 м. по-полуночи, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался въ Петербургѣ директоръ медицинскаго департамента, тайный совѣтникъ Николай Евграфовичъ Мамоновъ.

Политическое обозрѣніе.

Обнародованный въ *Deutsche Rundschau* полу-апокрифическій дневникъ покойнаго императора Фридриха III, содержащій весьма интересныя разоблаченія, возбудилъ громадный интересъ не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Дневникъ этотъ, якобы веденный Фридрихомъ III во время франко-прусской войны, обнимаетъ время отъ 11 іюля 1870 по 12 марта 1871 г. Опубликованный документъ свидѣтельствуетъ о глубочайшихъ противорѣчіяхъ въ политическихъ дѣлахъ, существовавшихъ между Фридрихомъ III и княземъ Бисмаркомъ. Замѣчателенъ разговоръ, про-

Древности Ростова Великаго. Расписныя ворота подъ церковью Воскресенія. Съ фот. Барщевскаго, грав. Шлиперъ.

исходившій 2 ноября 1870 г. у Фридриха III съ канцлеромъ, объ отношеніяхъ Пруссіи къ южно-германскимъ государствамъ: „Князь Бисмаркъ спросилъ меня, какъ же слѣдуетъ поступать съ южными германцами, т. е. желаю-ли я, чтобы къ нимъ обратились съ угрозами. Я отвѣчалъ: „„Да опасности никакой нѣтъ; „будемъ дѣйствовать твердо и повелительно, и вы увидите, что „я былъ правъ, когда говорилъ, что вы сами не достаточно „сознаете свою силу““. Бисмаркъ энергически возсталъ противъ угрозъ крайними мѣрами, и сказалъ, что это бросило бы эти государства въ объятія Австріи. Такъ, по вступленіи въ должность, онъ имѣлъ твердое намѣреніе довести Пруссію до войны съ Австріею, но въ то время не рѣшился говорить объ этомъ съ его величествомъ, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ благопріятное для того время. Теперь также де необходимо предоставить времени дать развиться германскому вопросу. Я возразилъ, что въ качествѣ представителя будущаго, не могу равнодушно взирать на такую медлительность; нѣтъ надобности прибѣгать къ силѣ и можно спокойно дождаться, осмѣлятся-ли Баварія и Виртембергъ присоединиться къ Австріи. Нѣтъ ничего легче, какъ добиться отъ собравшагося здѣсь большинства германскихъ государей не только провозглашенія имперіи, но и утвержденія отвѣчающей справедливымъ требованіямъ германскаго народа конституціи, съ верховнымъ главою. Это было бы давленіемъ, противъ котораго короли не могли бы устоять. Бисмаркъ замѣтилъ, что этого мнѣнія моего никто не раздѣляетъ; для достиженія желанной цѣли правильнѣе было бы предоставить починъ рейхстагу. Когда я коснулся образа мыслей Бадена, Ольденбурга, Веймара и Кобурга, онъ сослался на волю его величества. Я отвѣчалъ, что его пожеланія, какъ мнѣ хорошо извѣстно, вполнѣ достаточно для того, чтобы и его величество признала такое дѣло невозможнымъ. Бисмаркъ возразилъ, что я напрасно обращаюсь къ нему съ упреками, которыхъ заслуживаютъ другіе. Необходимо, сказалъ онъ, — имѣть при этомъ въ виду большую самостоятельность въ политическихъ дѣлахъ короля, который каждую важную депешу самъ просматриваетъ и даже исправляетъ. Онъ сожалѣлъ о томъ, что вопросъ объ императорѣ и главѣ государства вообще обсуждается, такъ какъ это можетъ показаться обиднымъ Баваріи и Виртембергу. Я замѣтилъ, что вопросъ этотъ поднятъ Дальвигомъ. Бисмаркъ возразилъ, что мой образъ выраженій долженъ оказать вредное дѣйствіе, и что, по его мнѣнію, кронпринцу не слѣдовало бы выражать такіе взгляды. Я протестовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ такого загражденія мнѣ устъ, особенно въ подобномъ вопросѣ, касающемся будущности, и сказалъ, что считаю долгомъ ни въ комъ не оставлять сомнѣній на счетъ моихъ взглядовъ. Притомъ, только его величество въ правѣ дѣлать мнѣ указанія на то, что подлежитъ или не подлежитъ моему обсужденію, если вообще допустить, что лѣта мои не позволяютъ мнѣ самому судить о вещахъ“. Интересны также высказываемыя Фридрихомъ III соображенія по отношенію къ внутреннему строю государства. Неотвѣтственная власть

канцлера, захватившая въ свои руки всѣ вѣдомства управленія и все нынѣшнее обще-имперское устройство, вызывала въ покойномъ императорѣ громадное недовольство. Всѣ эти разоблаченія тѣмъ болѣе интересны, что они появились въ моментъ внутренней политической борьбы въ Германіи и поднятаго вопроса о реорганизаціи имперскихъ вѣдомствъ. Появленіе въ печати дневника вызвало среди газетъ цѣлый рядъ гадательныхъ предположеній относительно того, какимъ образомъ могли достаться въ руки частнаго лица собственноручныя записки покойнаго императора. Въ оффиціозной печати появились заявленія о поддѣлкѣ документовъ, но оффиціозныя опроверженія не поколебали установившагося убѣжденія въ подлинности. Не смотря на возбужденіе этого замѣчательнаго процесса, неудачныя попытки опровергнуть подлинность дневника встрѣчены германскою печатью недоброжелательно. *Deutsches Tageblatt* говоритъ: „Намъ неизвѣстно, на основаніи какихъ законныхъ положеній можно бы было начать подобное дѣло, или воспретить обнародованіе подобныхъ документовъ. Подобное дѣло покроетъ печальнымъ пятномъ честь Германіи и нѣмецкаго народа". Предстоящіе выборы заставили прусскія, враждебныя Бисмарку, партіи воспользоваться дневникомъ для нанесенія жестокихъ ударовъ канцлеру. Въ клерикальныхъ кружкахъ опубликованіе дневника также произвело большую сенсацію, тѣмъ болѣе, что не смотря на предстоящее посѣщеніе Ватикана Вильгельмомъ II, отношенія германскаго правительства къ папѣ все болѣе обостряются. Германское правительство продолжаетъ преслѣдованіе виновныхъ. Считающійся главнымъ виновникомъ тайный совѣтникъ професс. Геффкенъ подвергнутъ аресту и кромѣ того германскія власти рѣшили предупредить дальнѣйшее распространеніе журнала *Deutsche Rundschau* съ заключающимся въ немъ дневникомъ. Если другія повременныя изданія опубликуютъ впредь какія-либо выдержки изъ воспоминаній покойнаго императора, то будутъ тотчасъ конфискованы, а редакторы ихъ преданы суду. Большая часть вѣнской печати обсуждаетъ это дѣло и высказывается не въ пользу князя Бисмарка и усматриваетъ противорѣчія въ его докладѣ, который будто бы вызванъ гнѣвомъ противъ партіи свободомыслящихъ.

И. З. Морозовъ. † 10 апрѣля 1888 года. Съ фот. Грибова, грав. Шюблеръ.

Поѣздка императора Вильгельма въ Вѣну вызываетъ много толковъ объ отношеніяхъ союзниковъ и о рѣшеніи болгарскаго вопроса. По словамъ *Corr. de l'Est* при личномъ свиданіи императоровъ рѣшеніе этого вопроса будетъ поставлено на практическую почву. *Nord* высказываетъ, что поѣздка Германскаго императора въ Вѣну и Римъ еще болѣе скрѣпитъ ихъ взаимныя отношенія. *Berl. Tageblatt*, обсуждая посѣщеніе Вильгельмомъ II Ватикана, говоритъ, что отношенія Пруссіи къ Ватикану ясно опредѣлились и не могутъ вызвать новыхъ недоразумѣній, но что многіе смотрятъ на эту встрѣчу не безъ опасенія. Въ заключеніе *Berl. Tag.* говоритъ что при свиданіи отнюдь не будетъ затронутъ вопросъ о возстановленіи свѣтской власти папы. По другимъ сообщеніямъ, Ватикану дали понять изъ Берлина, что вопросъ этотъ считаютъ давно поконченнымъ, что существующія отношенія къ Италіи прямо санкціонируютъ положеніе Папы.

Изъ Сербіи приходятъ извѣстія, заставляющія ожидать скораго министерскаго кризиса. Причиною выставляется бракоразводное дѣло королевской четы. По словамъ *Berl. Tageblatt*, король откажется отъ расторженія брака и ограничится прекращеніемъ дальнѣйшаго сожительства.

Англія, недавно завладѣвшая страною Бетчуановъ, все болѣе увеличиваетъ свои захваты и расширяетъ сферу своего вліянія въ Африкѣ въ ущербъ интересамъ другихъ государствъ. Захватъ территоріи, на сѣверъ отъ территоріи Буровъ, и установленіе протектората надъ нею, вызвали протестъ со стороны Португаліи, но этотъ протестъ оставленъ Англіею безъ вниманія.

Смѣсь.

„Изобрѣтеніемъ мяснаго экстракта и введеніемъ его въ повсемѣстное употребленіе, Либихъ оказалъ большую заслугу". Такъ отзывается извѣстный словарь Брокгауза въ большой статьѣ, посвященной знаменитому химику Юстусу фонъ-Либиху, объ одномъ изъ важнѣйшихъ его изобрѣтеній. Всѣмъ извѣстно, какъ быстро послѣ своего перваго появленія въ Мюнхенѣ, экстрактъ этотъ завоевалъ почетное положеніе на международномъ рынкѣ. Едва-ли, въ настоящее время, много найдется такихъ хозяйствъ, въ которыхъ бы не употреблялся *Либиховскій мясной экстрактъ*.

Самъ по себѣ экстрактъ этотъ не питателенъ, такъ какъ онъ не содержитъ бѣлковины; но какъ ароматная приправа къ супамъ, мяснымъ блюдамъ, соусамъ и т. п., онъ замѣчательно улучшаетъ вкусъ этихъ блюдъ и упрощаетъ ихъ приготовленіе, что очень важно и въ отношеніи экономическомъ.

Новое, для вызова мѣстной анестезіи, средство. На послѣднемъ засѣданіи Берлинскаго Медицинскаго Общества, д-ръ Левинъ сообщилъ о новомъ средствѣ, вызывающемъ мѣстную нечувствительность. Докладчикъ получилъ изъ Англіи вывезенный изъ Африки ядъ гайабъ, которымъ дикари обмазываютъ стрѣлы. Изслѣдованіе этого яда повело его къ изученію другихъ стрѣлочныхъ ядовъ и такимъ образомъ онъ дошелъ до растенія Erythrophlaeum judiciale или ordiale, употребляемаго на западно-африканскомъ побережьи, отъ Сенегала до Конго, для Божьяго суда. Алкалоидъ этого растенія, эритрофлеинъ, извѣстенъ уже съ 1882 года. Дикари

заставляютъ обвиняемаго выпить настой изъ коры, листьевъ, корней или плодовъ этого растенія; если у испытываемаго субъекта чрезъ извѣстное время появится рвота, то онъ избавляется отъ суда и смерти: его признаютъ невиновнымъ, а отъ яда онъ освободился самъ посредствомъ рвоты. Въ противномъ случаѣ онъ умираетъ въ страшныхъ корчахъ и судорогахъ, если раньше нетерпѣливая толпа не расправится съ нимъ по закону Линча. Къ удивленію своему, докладчикъ открылъ, что алкалоидъ гайаба сходенъ съ эритрофлеиномъ. Далѣе онъ констатировалъ, что эритрофлеину свойственно двоякое дѣйствіе: ослабленіе дѣятельности сердца и причиненіе судорогъ, кромѣ того, въ немъ неожиданно обнаружилось свойство притуплять чувствительность въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла. Въ то время какъ два сентиграмма убиваютъ собаку, впусканіе капель изъ 2-хъ-процентнаго раствора эритрофлеина черезъ 15—20 минутъ вызываетъ нечувствительность глаза, продолжающуюся отъ $1^1/_2$ до 2 дней. Вспрыскиваніе его подъ кожу морской свинки тоже производило безчувственность отдѣльныхъ мускуловъ. (с.)

Настоящіе изобрѣтатели оспопрививанія. Еще задолго до того времени, когда докторъ Дженнеръ, которому приписывается это изобрѣтеніе, ввелъ прививку коровьей лимфы, женщина-писательница, леди Монтегю (умерш. въ 1762 г.), обратила вниманіе на оспопрививаніе при помощи человѣческой лимфы, съ которымъ она ознакомилась въ Турціи. Оспопрививаніе производилось тамъ старухами и называлось „прививкою“. Леди Монтегю пишетъ въ своихъ мемуарахъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Каждую осень, въ сентябрѣ, когда сильныя жары уже нѣсколько спадаютъ, составляются общества въ пятнадцать-шестнадцать человѣкъ и отправляются къ одной изъ старухъ, занимающихся прививкой оспы. Женщина приноситъ орѣховую скорлупку наполненную самою лучшею оспенною матеріей и спрашиваетъ каждаго, какую вену ему открыть. Она вскрываетъ большой иглой указанную вену и впускаетъ въ ранку столько матеріи, сколько умѣщается на концѣ иглы; затѣмъ прикрываетъ рану кусочкомъ скорлупы, перевязываетъ ее и тѣмъ-же способомъ вскрываетъ еще четыре или пять венъ. Паціенты остаются вполнѣ здоровыми до восьмаго дня, когда наступаетъ лихорадка и они принуждены бываютъ пролежать въ постели отъ двухъ до трехъ дней. Большая рѣдкость чтобы у людей съ привитой оспой появлялось на лицѣ болѣе десяти-пятнадцати оспинъ, послѣ которыхъ никогда не остается рябинъ. Черезъ недѣлю они уже пользуются прежнимъ здоровьемъ. Французскій посланникъ въ Константинополѣ однажды сказалъ мнѣ шутя: „Замѣчательно, здѣсь оспопрививаніе превратилось въ забаву, въ родѣ того какъ въ другихъ мѣстахъ лѣченіе минеральными водами“. Не было случаевъ, чтобы человѣкъ подвергшійся оспопрививанію, умеръ отъ оспы; я сочла необходимымъ привить оспу и моему маленькому сыну“. Лэди Монтегю писала это въ 1749 году, а Дженнеръ произвелъ свое первое оспопрививаніе только въ 1796 г. (с.)

Различныя воззрѣнія. Ни одно изъ племенъ, населяющихъ землю, не съумѣло въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ съ такимъ упорствомъ сохранить свои первобытные нравы, какъ тѣ кочующіе обитатели пустынь Аравіи, Сиріи и Сѣверной Африки, которые извѣстны подъ общимъ именемъ бедуиновъ. Всѣ попытки склонить ихъ къ осѣдлой жизни оставались до сихъ поръ безуспѣшными, и даже силою ихъ нельзя заставить принять европейскій образъ жизни. Вотъ характеристическій примѣръ, разсказанный французскимъ путешественникомъ Ф. Гюгонне: „Французы думали“, говоритъ онъ, „что самый лучшій способъ пріучить арабовъ къ осѣдлой жизни— склонить ихъ вождей къ постройкѣ постоянныхъ жилищъ. Авторитеты имѣютъ для араба огромное значеніе и онъ охотно слѣдуетъ примѣру своихъ вождей. Эти послѣдніе дѣйствительно согласились, чтобы французы построили имъ дома. Но когда однажды инженеръ, строившій домъ одному шейху, спросилъ его, какъ онъ находитъ свое новое жилище, арабъ отвѣтилъ: „Я просто въ восторгѣ; французы въ самомъ дѣлѣ прелюбезный народъ; они оказали мнѣ услугу, которую я не забуду во всю мою жизнь. Съ тѣхъ поръ какъ выстроенъ мой домъ, у меня не пропало ни одной овцы; я каждый вечеръ велю ихъ загонять въ домъ и поутру онѣ оказываются всѣ въ цѣлости“.—„Какъ!“ воскликнулъ офицеръ, „а ты самъ гдѣ-же помѣщаешься?“—„О, я“, отвѣчалъ шейхъ, принявъ высокомѣрный видъ, „ты долженъ понять, что человѣкъ подобный мнѣ, можетъ жить только въ шатрѣ изъ верблюжьей шерсти!“ (с.)

Рѣшеніе ребуса № 55 (помѣщеннаго въ № 35).

„Языкъ до добра-то не доведетъ“.

Рѣшеніе шашечной задачи № 56 (помѣщенной въ № 36).

Бѣлыя.	Черныя.
D8 — F6	D6 — A3
A1 — B2	A3 — C1
A5 — B6	A7 — C5
C3 — B4	C5 — A3
F6 — B2	C1 — куда угодно.
H6 — C1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Ф. С. Платонова, А. П. Трубецкой, П. А. Ситникова, Я. В. Васильева, Бабанчикова, А. А. Поспѣева, П. В. Панкова, **Москва**—Г. Заглодина, П. П. Смирнова, Ф. П. Чернышева, Ф. Е. Соловьева, Ф. М. Коленцева. **Астрахань**—А. Попова, **Болховъ**—В. П. Кроткова, П. П. Абанина, **Дисна**—С. А. Лубнякова, **Златополь**—О. А. Недачина, **Карачевъ**—Е. П. Смирнова, **Казань**—Е. Идельсонъ, **Кіевъ**—Л. Е. Шилохвастова, **Калвзинъ**—Малиновскаго, **Ковровъ**—О. Д. Манькова, **Касимовъ**—Зворыкина, **Медвѣдеао**—Лейцингеръ, **Н. Новгородъ**—М. П. Михайлова, **Орелъ**—Н. П. Крадецкаго, **Стар. Рязань**—Кожина, **Середа**—Лундышева, **Тверь**—П. Гусева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 57 (помѣщенной въ № 36).

1) C e1—b4 Кр. h4—h5
2) Л g3—h3+ g4 : h3
3) К e4—f6+ Кр. h5—h4 или h5—h6
4) C b4—f8 или e1++

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—П. Гвоздева, **Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Николаевъ**—Дебагорій-Мокріевичъ, **Орелъ**—Ф. Гейцъ, **Севастополь**—П. А. Хршановскаго, **Старая Рязань**—В. Н. Кожина.

Рѣшеніе задачи „Ходъ коня“ № 58 (помѣщенной въ № 36)

		58	41	8	17		
	42	27	18	59	54	9	
28	25	40	57	16	7	66	53
43	34	19	26	55	60	1	10
24	29	56	39	6	15	52	65
35	44	33	20	61	48	11	2
30	23	38	47	14	5	64	51
45	36	21	32	49	62	3	12
22	31	46	37	4	13	50	63

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**: Павперова, П. Люхина, Т. Ширкова, В. Алексѣева, Л. Сысоевой, Б. Постникова. Л. Свенторжецкаго, Ледерле, П. В. Панкова, С. В. Моругина, П. Бауеръ, М. Косоварова, С. Алабина, А. А. Поспѣева, П. Е. Александрова, Э. Мартиновскаго; **Москва**: П. Хрусталева, Н. Орлова, П. Романова, П. Г. Кузнецова-Дмитріева, **Бобруйскъ**—Е. Мольской, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Брянскъ**—Д. S., **Болховъ**—В. Георгіевскаго, **Бендеры**—Туровскаго, **Брасово**—П. Ронтеринъ, **Б. Гаушица**—Кархашъ, **Болховъ**—С. Кротяова, **Воронежъ**—Вильвильевича, **Вологда**—А. Прахова, **Городище**—Орлова, **Екатеринославъ**—Авчинникова, **Задонскъ**—М. Богомолова, **Ижевское**—Мамырина, **Коломна**—М. Шевлякина, **Кіевъ**—А. Шульженко, К. В. Ржевскаго, **Медвѣдеао**—Лейцингеръ, **Минскъ**—Лебедевой, **Новочеркаскъ**—Д. Жигмановской, **Одесса**—Р. О., **Полтава**—А. Лукина, **Симбирскъ**—М. Вишневскаго, А. Щербо, **Сима**—А. Миронова, **Серпуховъ**—А. С. К., **Тамбовъ**—О. Гуновой, **Троица**—П. Соловьева, **Уральскъ**—М. Попова, **Шацкъ**—А. Филимоновича, А. Тюменева, **Ярославль**—Э. Круглова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА СООРУЖЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому геніальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому сентября 1888 года къ Казначею Общества поступило пожертвованій 28.647 рублей 21 копѣйка.

Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала „Нива“.

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться Казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА
❋ à l'Etoile du Nord ❋
ЛУИ БУИСЪ и К°.
М. № 3254 **Москва,** 6—4
Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

№ 4711 ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА

получили извѣстность, благодаря своимъ качествамъ; значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Спеціально рекомендую:

№ 4711 Роза — Хрустальное мыло,
№ 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Резеда—Хрустальное мыло.
№ 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Монополь — Глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3353 6—2
ГЛАВНОЕ ДЕПО
у АЛЕКС. ТИСЪ и К°.
Пушкинская, № 4.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь облегченіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ для православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:	**I классъ.**		**II классъ.**		**III кл. жел. дор. и II кл. на парох.**		**III классъ.**	
	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.	
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183	126	62	50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіева чрезъ Одессу . .	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . **45** р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . **32** р.
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . **22** р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ **С.-Петербургѣ:** у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Въ **Троице-Сергіевской лаврѣ:** у о. Агапита, въ Новой гостиницѣ.

Въ **Москвѣ:** у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.

Въ **Кіевѣ:** у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ.

Въ **Воронежѣ:** у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.

Въ **Перми**—у Аркадія Александровича Малѣева.

Въ **Казани:** у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ.

Въ **Одессѣ:** у М. П. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли", по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до **Яффы и обратно,** отъ Одессы и Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

Православное Палестинское Общество проситъ за необходимыми свѣдѣніями и объясненіями, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, обращаться еще: въ **Одессѣ:** къ протоіерею Александру Николаевичу Кудрявцеву, въ Университетъ; въ **Константинополѣ:** къ Іосифу Петровичу Юговичу, главное Агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли. № 3379 3—2

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

НОВЫЕ РИСУНКИ АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ
для выпиливанія лобзикомъ, цѣна по 1 руб. съ пересылкой за серію изъ 12 листовъ. I-я и II-я серія разсылаются. Магазинъ
4—3 **Бр. ЛИНДЕМАНЪ.** Ц. № 3364
Москва, Мясницкая, домъ Ферстеръ.

ДЛЯ **СЕЛЬСКИХЪ** ХОЗЯЕВЪ:
МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ.
изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
НА СКЛАДѢ ПРИ МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ
В. АККЕРМАНА,
СПБургъ, Пески, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 3390 4—1

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3393 3—1
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

8—1 Главное депо для Россіи: братья Фохтсъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

Высочайше утвержденное
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ
ПОМОЩЬ
Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премію въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ чиновника, купца, присяжнаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи

а) въ случаѣ смерти страхователя — наслѣдникамъ его капитала въ 5000 рублей;

б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;

в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду—ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.

II. За ежегодную премію въ 100 рублей застрахованное лицо, того-же возраста, пріобрѣтаетъ не только право на полученіе вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обезпечиваетъ его **полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій,** въ случаѣ преждевременной смерти страхователя—его наслѣдникамъ, въ противномъ же случаѣ **ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.**

Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ преміи, начиная съ 3-го года страхованія, понижаются.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6—3

МОСКОВСКАЯ ФАБРИКА МЕХАНИЧЕСКОЙ ВЫШИВКИ
М. ТИМАШЕВЪ и Комп.
имѣетъ честь увѣдомить почтеннѣйшую публику, что
6 сентября послѣдовало открытіе розничнаго магазина
въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линіи, № 68, противъ Пажескаго корпуса.
Продажа по **фабричнымъ цѣнамъ** всѣхъ произведеній собственной фабрики.

Спеціальность обшивокъ и прошивокъ для дамскаго бѣлья, накидки для подушекъ, шитыя покрывала, шировое шитье для юбокъ и пеньюаровъ, шелковые воланы для бальныхъ платьевъ, суровые бумажные воланы, шарфы вышитые для театровъ, вышитые букеты, цвѣты, фигуры, всевозможныя отдѣлки и пр. Мt. № 3397

МАГАЗИНЪ
Г. БАРАНОВА и К°.,
Москва, уг. Петровки и Столешникова пер., д. Рожнова.
РЕКОМЕНДУЕТЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ламнъ, бронзы, люстръ, канделябръ, подсвѣчниковъ и проч., фарфора, хрусталя заграничныхъ и русскихъ фабрикъ, столовыхъ сервизовъ отъ 10 руб., чайныхъ отъ 3 руб. и желѣзно-эмальированной кухонной посуды.
ОСОБОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: металлическихъ кроватей, мраморныхъ и цинковыхъ умывальниковъ, ваннъ и буковой мебели; также № 3391
МАГАЗИНЪ ПРИНИМАЕТЪ ПОСТАВКИ: кроватей, оловянныхъ вещей, стальныхъ издѣлій, для госпиталей, больницъ, училищъ и вообще казенныхъ заведеній.
Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ ст. ж. д.

М. № 3225 5—5

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Дозвол. цензур., СПБ., 28 сентября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 октября 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Задворки. Съ карт. Журавлева, грав. М. Рашевскій.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

IV.

На другой же день послѣ похоронъ жены, Филисовъ, поднявшись рано утромъ, одѣлся въ свое лучшее платье, прибрался и, осмотрѣвъ тщательно себя въ зеркалѣ, отправился къ Никитскимъ воротамъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ считалъ долгомъ являться съ докладомъ къ своему отцу.

Когда бригадиру доложили о прибытіи „молодаго барина“, какъ продолжали звать стараго на видъ поручика, онъ принялъ сына, какъ всегда, спокойно, строго, холодно, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнія.

— Здорово, Артемій Никитичъ, произнесъ бригадиръ, когда сынъ его вошелъ въ кабинетъ.— Садись.

Бригадиръ зналъ, что сынъ, котораго онъ не видалъ уже мѣсяцевъ пять, никогда не является безъ особо важной причины.

— Что? Денегъ что-ли тебѣ понадобилось? произнесъ бригадиръ, окидывая сына взглядомъ. Осмотрѣвъ его съ головы до пятъ, онъ невольно подумалъ:

„Не долго протянешь. Весь сгорѣлъ отъ винища. Вонъ она, судьба-то. Дворянинъ Филисовъ, родной сынъ— пропоица. Пьетъ не хуже какого приказнаго стрекулиста отъ Иверскихъ воротъ“.

Дѣйствительно, видъ у поручика Филисова былъ болѣе чѣмъ когда-либо болѣзненный, изнуренный и жалкій. Артемій Никитичъ сидѣлъ и глядѣлъ какъ пришибленный. Лицо съ лиловатымъ оттѣнкомъ, сонные глаза и пунцовый носъ явно доказывали, что этотъ человѣкъ совершенно отравленъ спиртомъ. Голова его слегка тряслась на плечахъ, руки и ноги тоже изрѣдка какъ бы подергивало.

— Что же, не хватаетъ что-ли денегъ? повторилъ бригадиръ вопросъ и едва замѣтно вздохнулъ, думая про себя:

„Денегъ-то не жаль. Да на что̀? На кабакъ!“

— Нѣтъ, батюшка - родитель, я не насчетъ сего. Денегъ хоть и немного, а есть. Что̀ изволите отпускать намъ, почитай, хватаетъ на все.

— Да вѣдь на вино изъ нихъ много, сынокъ, уходитъ, отозвался бригадиръ безъ малѣйшей укоризны въ голосѣ.

Филисовъ-сынъ вмѣсто отвѣта глубоко вздохнулъ и молчалъ.

— Что? Скажешь, хворость. Правда, говорятъ такъ, что запой хворость. Только я, сынъ, этому не вѣрю. Кабы твоя жизнь потрафилась иначе, женился бы на иной какой дѣвицѣ изъ нашего дворянскаго состоянія, да жилъ бы у меня въ домѣ, такъ никогда бы пить не сталъ. Вѣдь, пойди, все шибче зашибаешь?

— Пью, кратко и съ какимъ то грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ произнесъ Филисовъ-сынъ, какъ если-бы на вопросъ доктора: „боленъ-ли онъ“, онъ отвѣчалъ: „болѣю“.

— По какому же дѣлу ты нынѣ являешься? Что̀ новаго? Дочка здорова?

— Слава Богу. А вотъ жена моя, Агафья Филипповна...

— Ну, съ Агафьей Филипповной. Богъ съ ней! махнулъ рукой бригадиръ, не давая сыну досказать.—А вотъ Клёна какъ?

— Здорова.

— Ну и хорошо. А сынишка что̀? Озорничаетъ, безпутствуетъ? Пора, любезный, озаботиться. А то, избави Богъ, выростетъ изъ него чудодѣй, который всю нашу фамилію осрамитъ. Что̀ онъ дѣлаетъ?

— Да ничего-съ. Пропадаетъ.

— Изъ дому пропадаетъ? Такъ чего ты смотришь?

— Да что̀ же я могу?

— А то: могу... Позови двухъ солдатъ, нарѣжь свѣжихъ березовыхъ, да отстегай. Да коли будешь стегать такъ каждый день или хоть черезъ день, онъ черезъ мѣсяцъ и остепенится. Дѣло-то простое! Кабы меня не пороли или тебя не пороли, такъ и мы тоже чудачили бы. А ты вотъ живешь съ дѣтьми безъ розогъ. Ну вотъ у тебя все кверху ногами и трафится. Ужь кажется, не мудреное дѣло имѣть розги въ домѣ, да стегать. А ты и этого не можешь. Эхъ, да что̀ съ тобой!

И бригадиръ махнулъ рукой, тряхнулъ головой и, отвернувшись, сѣлъ почти бокомъ къ сыну.

— Да что̀ розги, заговорилъ Филисовъ-сынъ.—Вѣдь кому, батюшка-родитель, какъ что̀ покажется. Вѣдь вотъ, къ примѣру сказать, эту самую стѣну или дверь не будете вы стегать, потому что розги обхлестаете, а толку не будетъ никакого. Такъ-то вотъ и Филипка мой. Его хоть палачу отдать подъ плети—и то, полагательно, ничего не будетъ. Все ему трынъ-трава! Вѣдь вотъ теперь опять родная мать все-таки умерла, а ему и горюшка мало. Онъ на нее и не поглядѣлъ. А вѣдь ужь какъ она его любила, какъ она его завсегда...

Но бригадиръ прервалъ сына.

— Что? Что? Умерла?

— Такъ точно-съ.

— Твоя жена?

— Ужь и похоронили.

— Такъ что-же ты не говоришь?

— Да я собственно за этимъ и явился доложить вамъ, что Агафья Филипповна отдала Богу душу.

— Когда?

— Третій день уже.

— Что̀ же такое съ ней приключилось?

— Да все она-же-съ.. Самая эта болѣзнь... поспѣшная.

— Что? вскрикнулъ бригадиръ,—чума?

— Чума-съ, вѣжливо доложилъ Филисовъ.

Наступило молчаніе. Бригадиръ сидѣлъ вытаращивъ на сына глаза и даже разинувъ ротъ.

— Отъ чумы... умерла? Отъ моровой язвы? переспросилъ онъ, какъ бы не вѣря.

— Точно такъ-съ...

Бригадиръ вдругъ поднялся со своего кресла, отступилъ шага на два назадъ и крикнулъ:

— Да что̀ ты ошалѣлъ что ли? Очумѣлъ, какъ сказываютъ нынѣ? Какъ же ты, дурья твоя голова, лѣзешь къ намъ? У тебя чумовой покойникъ, ты долженъ быть въ карантинѣ, а ты прямо шасть ко мнѣ въ кабинетъ. Меня, что-ли, хочешь уморить? Вѣдь ты намъ домъ зачумить сразу можешь. Вѣдь, можетъ, ты ее, треклятую, ужь и занесъ, баранья твоя голова!

— Да я исключительно желалъ, батюшка-родитель... началъ Филисовъ глупымъ голосомъ.

Но бригадиръ замахалъ рукой и закричалъ еще громче:

— Ступай, уходи. Ну тебя! Вотъ дуракъ-то! Уходи скорѣй. Гей, люди! Гей, кто тамъ? Черти! началъ кричать бригадиръ изо всѣхъ силъ.

Въ ту же минуту въ двухъ дверяхъ, за-разъ, показалось нѣсколько человѣкъ лакеевъ.

— Отворяй всѣ окна! А ты уходи скорѣй. Ахъ, дурья голова! снова воскликнулъ бригадиръ. — А вы живо, обратился онъ къ людямъ,—берите, уносите это.. показалъ онъ на то кресло, гдѣ сидѣлъ передъ тѣмъ его сынъ. —Унесите его, забросьте на огородъ, да изрубите на мелкіе кусочки, чтобы не попало кому. Проводите

барина до крыльца. Всѣ окошки растворить! А домъ, чтобы сейчасъ пришли изъ аптеки, да весь окурили. Ахъ ты, Создатель! закончилъ бригадиръ и, махнувъ отчаяннымъ жестомъ на сына, вышелъ изъ кабинета въ свою спальню.

Въ то же время Филисовъ, съ какимъ-то глупо изумленнымъ лицомъ, двинулся въ другія двери и, медленно пройдя по богато убраннымъ горницамъ отцовскаго дома, вышелъ на крыльцо и тихо побрелъ домой.

— Выгналъ, произнесъ онъ тихо, уже за воротами.— Выгналъ! какъ пса какого. онъ такъ меня выгоняетъ. Жестокосердый! Не будетъ ему счастія на землѣ и не будетъ ему упокоенія на томъ свѣтѣ за его злодѣйство со мною.

Поручикъ Филисовъ медленно подвигался къ Никитскимъ воротамъ и мысль его тупо вертѣлась все около одного и того же слова: „выгналъ“.

При этомъ онъ глубоко и сильно чувствовалъ жестокое якобы оскорбленіе, которое ему было нанесено сейчасъ отцомъ. Его больному уму представлялось уже теперь что-то, чего въ дѣйствительности никогда не было. Ему чудилось, что тому назадъ нѣсколько мгновеній холопы его отца выгнали его изъ дома, чуть не въ шею. Ему чудилась теперь воображаемая боль въ спинѣ и затылкѣ.

— Стало-быть они меня колотили, выпроваживая? соображалъ онъ.

И вдругъ слезы показались на глазахъ Филисова. Онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ и выговорилъ:

— Вонъ оно что. Бьютъ. А я все-таки офицеръ, все-таки я твой сынъ. а ты бригадиръ. Вонъ оно что!

Въ эту самую минуту взоръ тихо двигавшагося Филисова упалъ на небольшую дверь подъ вывѣской, куда постоянно входилъ народъ или выходилъ, громко говоря и крича. Наконецъ появилась оттуда фигура полуголая, и, покачиваясь, прислонилась къ стѣнѣ.

Филисовъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Что-то особенное произошло во всемъ его существѣ. Вдобавокъ изъ этой двери пахнуло чѣмъ-то и всѣ жилки, казалось, въ немъ дрогнули. Запахъ, который заставилъ бы другаго удалиться отсюда, его потянулъ неудержимою силой.

Филисовъ вдругъ громко зарыдалъ на всю улицу и, колотя себя кулакомъ въ грудь и въ голову, заговорилъ вслухъ, хрипя и всхлипывая:

— Бьютъ дворянина. Сына роднаго бьютъ. Одинъ конецъ. Да и опять... что же? Я немножко, да и домой. Ей Богу, немножко. Я не пьяница какой...

И Филисовъ исчезъ въ тѣхъ же дверяхъ.

Черезъ полчаса времени онъ вышелъ оттуда уже въ разстегнутомъ сюртукѣ, безъ картуза, безъ палки съ серебрянымъ набалдашникомъ, даже безъ шелковаго платка на шеѣ. Всѣ эти предметы, за неимѣніемъ денегъ, остались въ кабакѣ.

Въ первый разъ въ жизни Филисовъ напился не на чистыя деньги, а оставивъ вещи какъ бы въ залогъ. Онъ плелся по улицѣ, едва передвигая ноги. Изрѣдка онъ ударялъ себя въ грудь кулакомъ, силился что-то произнести, но ничего не выходило и только раза два съ губъ его едва внятно сорвалось слово:

— Убили. убили!

Когда ввечеру Филисовъ вернулся домой, Клёпа и Арина Матвѣевна съ ужасомъ встрѣтили его. Онъ вышелъ съ утра принарядясь въ свое лучшее платье, а теперь возвращался совершенно раздѣтый, не только безъ мундира, но и безъ сапогъ. Одна нога была въ носкѣ, другая даже босая.

Разумѣется, пьяный отецъ не былъ новостью для Клёны. Но до сихъ поръ Филисовъ тратилъ деньги, какія жена давала ему изрѣдка; ему было достаточно нѣсколькихъ гривенъ на цѣлый день. Теперь же, послѣ похоронъ, денегъ въ домѣ не было—и онъ сразу, въ одинъ день, лишился платья и вещей, на очень крупную сумму.

Смирно, виновато и молчаливо пройдя въ свою горницу, Филисовъ легъ и тотчасъ же заснулъ мертвецкимъ сномъ.

—Бѣда теперь, выговорила Арина Матвѣевна.—Покойница его воздерживала, а вотъ теперь всего сутки какъ похоронили, а онъ ужъ все свое платьишко дворянское спустилъ. Вѣдь у него и палка была съ собой. Вѣдь это одни всего рублей на тридцать въ одинъ день ухнулъ. Вѣдь онъ, Клёпушка, теперь весь домъ растащитъ. Коли пошелъ человѣкъ пить не на деньги, а на разную рухлядь, на всякій скарбъ, то прощай весь домъ. Крышу сниметъ, коли она его собственная, и ту стащитъ въ кабакъ. Что-же тутъ дѣлать-то? Подумать надо.

— Что, няня, думать? отозвалась Клёпа грустно.— Ничего тутъ не придумаешь.

Однако Клёпа съ мамушкой рѣшили по возможности наблюдать за отцомъ и не давать ему уходить со двора съ какими бы то ни было вещами. Съ этого дня, несмотря, конечно, на солдата, Филисовъ выходилъ изъ дому ежедневно и всякій разъ умѣлъ перехитрить дочь и няньку, что-нибудь стащивъ изъ дома.

Почти каждый день ввечеру появлялся къ дѣвушкѣ молодой Козляниновъ и всѣ ихъ бесѣды сводились къ тому. какъ быть, что предпринять. По совѣту Арины Матвѣевны, молодые люди рѣшили, не смотря на недавнюю кончину матери Клёны, все-таки какъ можно скорѣе вѣнчаться.

Черезъ недѣлю Козляниновъ рѣшилъ отправиться въ Звенигородъ къ матери, объясниться съ ней и, ради смутнаго времени на Москвѣ, обойтись безъ соблюденія всяческихъ обычаевъ, необходимыхъ при сватовствѣ и вѣнчаніи.

— Какія тутъ обыкности. когда отецъ запилъ, а братъ пропалъ безъ вѣсти. Если матушка согласится, рѣшилъ Козляниновъ,—то просто пріѣдете вы обѣ въ Звенигородъ, да тамъ мы и обвѣнчаемся.

V.

Прошло болѣе недѣли съ отъѣзда молодаго офицера, и Клёпа ждала съ минуты на минуту гонца и хорошей вѣсти. Она считала часы и минуты и отъ зари до зари думала только объ одномъ, когда вырвется изъ дому.

Филисовъ, уже раза два не ночевавшій дома, вдругъ однажды, уйдя со двора ввечеру, не вернулся и на утро. Прошло такъ дней пять, а о немъ такъ же какъ о Филиппѣ не было ни слуху, ни духу. Клёпа посылала горничную во всѣ дома, гдѣ могъ бы оказаться ея отецъ: но отовсюду горничная приносила извѣстіе, что господа уже мѣсяца съ два или три какъ не видали Артемія Никитича; или же она приносила извѣстіе, что и самый домъ-то пустъ и господа давно уѣхали изъ Москвы.

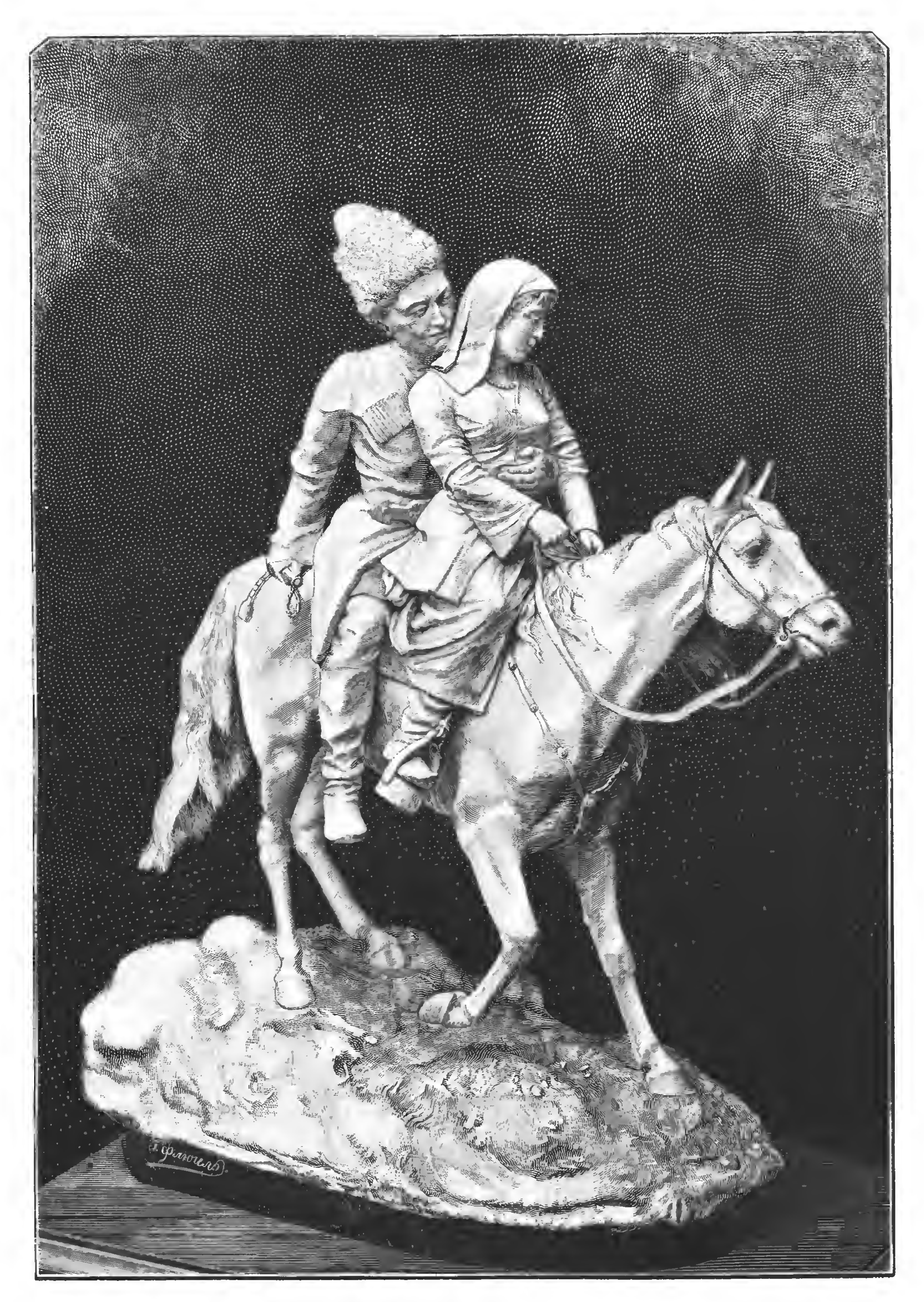
Арина Матвѣевна вздыхала. но говорила:

— Пущай его, Богъ съ нимъ. Что же намъ? Какой онъ отецъ? Онъ только обуза.

Но Клёпа не могла успокоиться при мысли, что отецъ среди чумы, ратующей по всей Москвѣ, пьяный бродитъ или валяется гдѣ-нибудь на улицѣ.

На шестой день по исчезновеніи отца Клёпа умолила Арину Матвѣевну пойти на Божедомку, гдѣ въ большомъ зданіи содержали всѣхъ больныхъ не имѣющихъ пристанища или подобранныхъ на улицѣ.

— Не можетъ онъ тамъ быть, говорила Арина Матвѣевна.—Привезли бы его туда, очувствовался бы онъ, сказалъ свое званіе и свое мѣстожительство, его бы и препроводили къ намъ. Тамъ, Клёпушка, остается только голытьба, бродяги, Иваны-не помнящіе-родства. Не можетъ тамъ быть родитель твой.

Съ прогулки домой. Группа П. А. Самонова, грав Флюгель.

На птичномъ дворѣ. Съ карт. Тимоѳеева, грав. Ю. Шюблеръ.

Однако, не смотря на сопротивленіе мамушки, Клена упросила ее отправиться на Божедомку.

Арина Матвѣевна собралась на утро и отправилась на дальній конецъ Москвы, чуть не черезъ весь городъ. Мамка ушла изъ дому, качая головой, какъ бы говоря:

— Вѣдь вотъ какое баловство. Что ни надумаешь, все я выкладывай. Всякую твою причуду тотчасъ бѣгу исполнить.

Но часа черезъ три послѣ этого Арина Матвѣевна прибѣжала домой съ платкомъ на боку и, завидя Клену, замахала руками. Она такъ шибко бѣжала домой черезъ весь городъ, что окончательно задохнулась и не могла произнести ни слова.

Отдышавшись, мамка заговорила:

— Нѣту, нѣту его, померъ. Да какъ ужасно, ужасно!

И Арина Матвѣевна передала Кленѣ подробно все, что съ ней произошло.

— Вотъ не чаяла, не гадала объ этакомъ услыхать, не только своими глазами увидать.

Оказалось, что когда Арина Матвѣевна подходила къ большому дому, гдѣ умирали отъ чумы подобранные на улицахъ обыватели, съ этого же двора съѣзжала телѣга, нагруженная, почти верхомъ, покойниками. Такъ какъ гробовъ не хватало, да и были они дороги, то всѣхъ чумовыхъ бродягъ хоронили просто въ общихъ ямахъ, на дальнемъ отъ Москвы, отдѣльномъ кладбищѣ. Съ Божедомки чумовыхъ покойниковъ ежедневно отвозили въ телѣгахъ по полудюжинѣ за-разъ, прикрытыхъ лишь рогожей.

И въ этой телѣгѣ, которую увидала Арина Матвѣевна, ей сразу бросилась въ глаза голова мертвеца, хорошо ей знакомая. Такъ какъ она подходила къ этому дому съ мыслью о баринѣ Артеміи Никитичѣ, то понятное дѣло, что при взглядѣ на одного изъ кучи покойниковъ, которыхъ навалили въ телѣгу, мамушка сразу признала своего барина. Желтый камзолъ съ оборваннымъ галуномъ, оставшійся на немъ, окончательно убѣдилъ Арину Матвѣевну, что одинъ изъ этихъ страшныхъ покойниковъ, наваленныхъ въ телѣгѣ, не кто иной какъ Филисовъ.

Арина Матвѣевна хотѣла было остановить телѣгу, заявивъ о томъ, что признаетъ одного изъ покойниковъ и желаетъ взять его на-домъ, чтобы дать честное погребеніе. Двое солдатъ, стоявшихъ у воротъ, подняли женщину только на смѣхъ.

— Это баринъ мой! Дворянинъ! Поручикъ Филисовъ! объяснила мамка.

— Вотъ дура выискалась, чего проситъ! Если мы будемъ этакъ кажиной изъ васъ прохожей дурѣ дарить по покойничку, яко бы родственнику, такъ этимъ дѣламъ конца не будетъ. Поручикъ! Дворянинъ! Ишь брешешь-то! Попалъ бы въ Божій домъ дворянинъ! Къ намъ попадаетъ голытьба безродная. Аль тебѣ приглянулся покойничекъ-то? Ужь выбрала бы какого помоложе!

Арина Матвѣевна настолько опѣшила, встрѣтивъ на свою просьбу только шутки и прибаутки, что не знала, что и дѣлать.

Между тѣмъ покуда мамка соображала, какъ ей быть, телѣга уже исчезла изъ виду и была, пожалуй, за версту отъ дома.

— Что-же, перекрестилась вдругъ Арина Матвѣевна,—царство ему небесное. Не все-ли равно, какъ въ мать сыру землю зароютъ, въ гробѣ аль безъ гроба.

И Арина Матвѣевна пустилась изъ всѣхъ силъ бѣжать домой, объявить Кленѣ поразительную вѣсть.

Разумѣется, теперь на душѣ мамки все-таки сказывалось какое-то чувство, говорившее ей, что нѣтъ худа безъ добра. Теперь безъ отца, тащившаго все изъ дому ради своего запоя, въ домѣ станетъ спокойнѣе. Клена становится прямой наслѣдницей своего дѣда.

Клена отнеслась къ смерти отца довольно спокойно. За послѣднее время ея личная жизнь шла какъ-то особенно, даже стала въ разрѣзъ съ существованіемъ ея родныхъ. Минувшей зимой и весной Клена даже мало видала отца и мать. Кромѣ того, ей уже давно сдавалось, она чувствовала сердцемъ, что между ней и родными легла какая-то пропасть.

Теперь же прибавилось вдобавокъ нѣчто новое. Былъ человѣкъ на свѣтѣ, недавно еще чужой, который сталъ ей дороже всего въ мірѣ.

И вотъ черезъ два дня пришло извѣстіе изъ Звенигорода—и оно поразило молодую дѣвушку гораздо болѣе, нежели вѣсть о смерти спившагося отца.

Козляниновъ сообщалъ черезъ солдата, что онъ получилъ приказаніе не отлучаться ни на одинъ день отъ полка, который выступаетъ въ командировку къ границѣ Тверской губерніи, для содержанія кордона между Москвою и Петербургомъ. Николай Ивановичъ прибавлялъ, что какъ только кончится его командировка, онъ тотчасъ явится въ Москву вмѣстѣ съ матерью, чтобы вѣнчаться.

Клена, а равно и Арина Матвѣевна, обѣ были смущены. Обѣимъ казалось, что командировка и кордонъ только предлоги, только выдумка. Козляниновъ просто отказывается. Или мать не дала согласія своего на бракъ, или его самого испугала мысль взять жену изъ такой семьи, какъ Филисовы.

— Да и мало-ли что! воскликнула Клена съ отчаяніемъ.— Мало-ли какія причины! На пути изъ Москвы къ Звенигороду могъ онъ повстрѣчать какую красавицу и разумъ отъ нея потерять.

— Ну, это ужь, прости, дѣвичьи привередничанья! сказала мамка.

Но Клена въ первый разъ въ жизни была поражена въ самое сердце. Не переставая, проплакала она весь день и всю ночь. Только на утро она успокоилась, потому что Арина Матвѣевна, тоже чуть не съ ума сходившая въ мысляхъ какъ помочь горю, наконецъ-таки надумала диво-дивное. Она заявила своему дитяткѣ что сегодня-же сама отправится въ Звенигородъ прямо къ Николаю Ивановичу и лично узнаетъ и вызнаетъ: вправду-ли назначенъ онъ въ кордонъ, или просто отлынивает отъ брака.

Клена, не отвѣчая ни слова, только кинулась въ восторгѣ на шею своей нянѣ, и чуть не задушила ее въ своихъ объятіяхъ.

Черезъ часъ послѣ этого, Арина Матвѣевна уже выходила изъ дому, босоногая, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ. Она только наказала Кленѣ, что если явится „изъ бѣговъ" братъ, то дѣйствовать съ нимъ смѣло и рѣшительно и пугнуть жалобой самому бригадиру.

— Ты ему объясни, дитятко, что теперь, съ кончиной его родителей, вся власть надъ нимъ въ рукахъ дѣдушки. А онъ съ нимъ не пошутитъ, до смерти запоретъ. Ввечеру, родная, притворяйся крѣпко, и калитку и ставни сама оглядывай. Людишкамъ не довѣряй. И носу изъ дома не моги казать, покуда я не вернуся. Нонѣ времена лихія. Ну, прости, дитятко!

VI.

Между тѣмъ въ Москвѣ начались самые бурные дни. Къ чумѣ прибавился народный бунтъ, безпричинный и безсмысленный.

Моровая язва, усилившись въ лѣтніе мѣсяцы, распространялась все болѣе и косила обывателей безпощадно. Въ іюнѣ было около тысячи умершихъ отъ чумы, въ іюлѣ тысяча семьсотъ, въ августѣ семь тысячъ слишкомъ, наконецъ въ сентябрѣ умирало по семисотъ человѣкъ въ день и умерло всего за мѣсяцъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ.

Москвичи, обезумѣвшіе отъ страха „черной смерти", уже не жили по домамъ, а бродили и слонялись по улицамъ и день и ночь — по тогдашнему выраженію на-вѣки оставшемуся въ языкѣ — какъ „очумѣлые".

Полная безурядица въ городѣ, отъ массы умершихъ и ежеминутно умирающихъ, даже на улицѣ, на ходу... Отсутствіе страха предъ закономъ, предъ карой людскою, когда за спиной ходитъ кара Господня — черная смерть... Очень много слуховъ, одинъ другаго невѣроятнѣе, которые бѣгали по городу... Много отчаяннаго народу во всѣхъ кабакахъ, выпущеннаго изъ остроговъ ради нужды въ людяхъ, которымъ чумовые покойники не страшны и которыхъ одѣли „мортусами“, заставляя хоронить умершихъ.. Наконецъ много выморочныхъ квартиръ, пустыхъ и заколоченныхъ, гдѣ можно было грабить безнаказанно не только ночью, но и днемъ, пропивать награбленное и опять идти на добычу... Все вмѣстѣ разнуздало московскую чернь.. Въ концѣ августа уже начались малые бунты и открытое сопротивленіе властямъ въ разныхъ фабричныхъ кварталахъ. Случилась крупная свалка на Разгуляѣ, гдѣ едва не убили и не растерзали доктора Шафонскаго, главнаго директора Введенскаго госпиталя... Наконецъ, все созрѣло къ настоящему бунту, какихъ не бывало со временъ стрѣлецкихъ на Москвѣ.

Бунтъ начался у Варварскихъ воротъ, гдѣ было всегда страшное скопленье народа около чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери. Отсюда толпа бросилась въ Кремль, разграбила Чудовъ монастырь, затѣмъ бросилась, въ поискахъ за архіереемъ Амвросіемъ, въ Донской монастырь. Ненавидимаго чернью и духовенствомъ Амвросія нашли и убили среди монастырской ограды. На другой день начались побоища между бунтарями и Великолуцкимъ полкомъ въ Кремлѣ и на Красной площади. Конечно, вскорѣ все было усмирено...

Но во всѣхъ этихъ „очумѣлыхъ“ подвигахъ московской черни участвовалъ, увлеченный своими друзьями, Филиппъ Филисовъ, сынъ поручика и внукъ бригадира.

Явившійся въ Москву въ октябрѣ графъ Григорій Орловъ, а за нимъ морозы — прекратили чуму... и стали судить бунтарей и убійцъ архипастыря, погибшаго мученическою смертью.

Филиппъ, отличавшійся въ бунтѣ, при грабежѣ Чудова монастыря, при битвѣ съ солдатами на Красной площади, попалъ конечно въ острогъ и, въ ожиданіи наказанія, срамнаго для семьи, ничего не далъ знать о себѣ ни сестрѣ, ни дѣду бригадиру. Онъ отрезвился, быстро измѣнился нравомъ, даже переродился, сидя въ острогѣ... Но было поздно. Судьи разбирали его подвиги, а до его душевнаго состоянія имъ не было дѣла. Въ качествѣ недоросля его присудили не на каторгу, а на поселеніе въ Сибирь.

Между тѣмъ няня побывала въ Звенигородѣ и вернулась вскорѣ послѣ страшнаго бунта. Она нашла Клену почти больною отъ перенесеннаго перепуга.

Арина Матвѣевна познакомилась со старухой Козляниновой и вернулась къ своему дитяткѣ съ добрыми вѣстями. Однако Клена все-таки загрустила, узнавъ все...

Оказалось, что няня застала старушку Анну Ивановну въ сборахъ въ дорогу. Она покидала Звенигородъ ради страха чумы и съѣхала въ Клинъ. Самого же Козлянинова няня уже не нашла даже, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ со своей командой наряженъ по службѣ на границу Московской губерніи, гдѣ организовался кордонъ изъ пикетовъ и рогатокъ.

Дѣйствительно, въ виду все усиливавшагося мора, было строжайше указано изъ Петербурга запереть чуму, елико возможно на маломъ пространствѣ, и крѣпчайше наблюдать, чтобы она не перешла въ другія губерніи. Наипаче надо было преградить страшной посѣтительницѣ путь изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ была императрица. Разумѣется, въ южныя губерніи чумѣ было пробраться легко вмѣстѣ съ бѣгущими дворянами и холопами; но на сѣверъ, по дорогѣ на Тверь и Новгородъ,— было указано подъ страхомъ смерти не пропускать никого. Козляниновъ, со своей командой, изъ Звенигорода попалъ въ Клинъ, а затѣмъ на границу Тверской губерніи.

И наступила невольная тягостная разлука для влюбленныхъ.

Офицеръ исполнялъ свой долгъ по службѣ въ кордонѣ, верстъ за полтораста отъ Москвы, а въ стѣнахъ ея оставалась его дорогая Клена, отъ которой только разъ, черезъ полтора мѣсяца, получилъ онъ извѣстіе, да и то не изъ первыхъ рукъ. Онъ узналъ, что родители Клены уже умерли отъ чумы, а Филиппъ окончательно пропалъ безъ вѣсти.

Клена съ няней не остались на той квартирѣ, а наняли другую, изъ боязни что дѣдъ велитъ имъ идти къ себѣ. Но они дали свой адресъ Козлянинову и были вскорѣ увѣдомлены посланнымъ солдатомъ. что Николай Ивановичъ попрежнему любитъ свою желанную, кланяется ей и крѣпко надѣется, что когда минуетъ столицу кара Господня. то они, если будутъ живы и невредимы, снова свидятся и соединятся на-вѣки.

Затѣмъ цѣлый мѣсяцъ не было вѣстей отъ Козлянинова и послѣ этого пришло отъ него обстоятельное посланіе, въ которомъ онъ подробно разсказывалъ какъ едва не умеръ.

Дѣйствительно, молодому человѣку суждено было поплатиться за содержаніе кордона, гдѣ часто задерживали чумовыхъ, пробиравшихся по деревнямъ чтобы умереть на родинѣ.

Когда въ Москвѣ уже начинало стихать моровое повѣтріе и начинались свѣжіе дни и морозцы по утрамъ, когда всѣ чуяли что бѣды проходятъ и черная смерть сама помираетъ, тогда-то вдругъ и разнемогся кордонный офицеръ. Сначала онъ предполагалъ да и всѣ думали, что у него простая простуда, но вдругъ оказалось нѣчто такое что всѣ кругомъ, и товарищи, и солдаты, отшатнулись и разбѣжались отъ него. Остался ходить за нимъ одинъ солдатъ-денщикъ, давно привязанный къ барину какъ вѣрный песъ.

У Козлянинова оказалась хотя и не очень сильная, но все-таки моровая язва.

Послѣ цѣлаго лѣта всюду свирѣпствовавшей чумы, не только хорошій докторъ, но всякій фельдшеръ, даже всякій мужикъ-знахарь уже умѣли и могли отличить „тетку моровую“ отъ всякой другой болѣзни. Главные ея признаки: жаръ, безпамятство, бредъ, багровыя пятна на тѣлѣ и нарывы — все появилось у офицера. Самъ Николай Козляниновъ, приходя въ себя на мгновенье, не сталъ себя обманывать напрасною надеждой, что у него горячка, а понялъ что̀ у него. Онъ собрался смиренно, кротко, но безъ слабодушія и боязни — умереть по-христіански. Онъ снарядилъ тотчасъ двухъ гонцовъ къ матери и къ невѣстѣ.

Солдатъ отправленный въ Москву не разыскалъ барышни Филисовой. Другой донесъ вѣсть въ Звенигородъ и передалъ старушкѣ, что ея сынъ при послѣднемъ издыханіи.

Разумѣется, Козлянинова тотчасъ же собралась къ сыну; но съ трудомъ дѣлая отъ старости по 20 верстъ въ сутки по страшной непролазной грязи, по болотамъ и гатямъ маленькаго проселка, не скоро добралась къ сыну, въ Тверскую губернію.

Когда старушка обняла больнаго, то фельдшеръ лѣчившій его, заявилъ что всякая опасность давно миновала. Но увѣреніе его не столько успокоило Козлянинову, сколько бодрый видъ сына.

— Да, былъ, матушка, на волосокъ отъ смерти, а теперь [чую, что живъ останусь, не умру... заявилъ Козляниновъ, улыбаясь.

Оправившись отъ болѣзни, офицеръ узналъ, что солдатъ посланный къ Кленѣ вернулся не разыскавъ ее.

— И слава Богу! Умница, что дуракъ! пошутилъ Козляниновъ.

И онъ тотчасъ снарядилъ другаго гонца къ барышнѣ Филисовой съ письмомъ, которое написалъ ему товарищъ.

Клена была страшно поражена этимъ извѣстіемъ.

Хотя опасность для ея возлюбленнаго уже миновала, тѣмъ не менѣе она проволновалась нѣсколько дней и рѣшила наконецъ отправиться въ Клинъ.

Мамушка сначала сопротивлялась, но затѣмъ конечно уступила. Онѣ наняли крытую повозку и пару лошадей и весело двинулись въ путь.

„Можетъ быть тамъ и всѣмъ бѣдамъ нашимъ конецъ", думали обѣ про себя. „Достать священника сговорчиваго, надѣть подвѣнечное платье... и все..."

Въ Клину не оказалось ни старушки, ни офицера. Онъ, едва оправившійся отъ болѣзни, былъ снова куда-то командированъ, а мать вернулась въ Звенигородъ... Тутъ только Арина Матвѣевна сообразила все свое легкомысліе... Онѣ пріѣхали въ чужой городъ съ послѣдними деньгами и у нихъ оставалось не болѣе семи рублей. Обсудивъ свое положеніе, онѣ рѣшились идти въ Звенигородъ пѣшкомъ. Ходить для Клены было дѣломъ не привычнымъ, и чрезъ тридцать верстъ ноги ея уже опухли и заболѣли... Но главная бѣда была не въ этомъ... Всѣ дороги подъ Москвой были переполнены страннымъ, сомнительнымъ и опаснымъ людомъ, бѣглецами послѣ бунта, острожниками и душегубами...

Много страху натерпѣлись въ пути и молодая дѣвушка, и ея мамка, но однако благополучно добрались до Звенигорода.

Разумѣется, старушка Анна Ивановна обрадовалась возлюбленной своего дорогаго Коли... Она пріютила ее у себя, ласкала и миловала, но послѣ перваго-же откровеннаго объясненья обо всемъ съ мамушкой, заявила твердо, что „такъ не приличествуетъ дворянамъ" дѣйствовать. Козлянинова говорила, что она не можетъ согласиться на бракъ своего сына съ дѣвицей безъ разрѣшенія, согласія и благословенія ея родныхъ...

— Ты, моя пташка, теперь въ волѣ бригадира-дѣда, сказала Козлянинова. — Къ нему ты и должна немедля идти, повиниться что замедлила и попросить прощенія. Какъ всѣ бѣды моровыя пройдутъ, сынокъ пріѣдетъ въ Москву, я пріѣду и начнемъ мы благоприлично свататься.

Не смотря ни на увѣренья Клены, что дѣдъ быть-можетъ воспротивится ея счастью, не смотря на просьбы и слезы ея — старуха твердо стояла на своемъ.

Кончилось тѣмъ, что Козлянинова стала снаряжать свою „пташку" въ Москву, обѣщаясь пріѣхать съ сыномъ при первой же возможности.

— Пойми, пташка, что дѣдушка-богачъ за этакое дѣло можетъ тебя лишить наслѣдства. А пойдешь ты теперь къ нему, да выйдешь замужъ отъ него, все твое будетъ! сказала Козлянинова.

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ согласилась и умная Арина Матвѣевна, поступившая неразумно лишь изъ слабости характера и любви къ питомицѣ.

Клена понемногу тоже одумалась и согласилась, что Анна Ивановна права. Теперь, послѣ всего ею пережитаго, видѣннаго и перечувствованнаго, она глядѣла на окружающее уже не глазами полуребенка, какъ еще недавно. Она испытала уже и горе, и страхъ, и нужду. Намыкалась и намаялась довольно. Ей самой захотѣлось скорѣе въ большущія палаты дѣдушки-бригадира.

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

— А коль стало такое, такъ наша въ томъ вина, Лука Аввакумовичъ.

Лука вопросительно взглянулъ на старую посадницу.

— А тѣхъ же вина, говорю, чьимъ розумомъ и доблестью Великъ Новгородъ строился.

— Чья же? спросилъ Лука, недоумѣвая что именно хотѣла сказать посадница.

— Чья? выпрямясь и гордо вскинувъ голову, спросила Мароа. — А наша вѣдь, боярска. Наша вѣдь сторона Софійская, наши же ковцы Наревской съ Загородцкимъ, Новгородъ строили.

— Аль народушко?.. вставилъ Лука.

— А что народушко-то твой? Чернь-ть эта безобразна? Звѣрь дивій [1]) аль овца безгласна. Предъ стригущимъ-то. Не однѣ руки, и головы у нихъ закорузлыя. О чревѣ думаютъ, о деньгѣ заботятся. Промѣняютъ они волюшку новгородьску на ту московьску копеечку.

— Да какъ-же... хотѣлъ было опять Лука свое слово вставить.

— А съ испоконъ боярскимъ духомъ живъ былъ Новгородъ. А живъ духъ, и тѣло крѣпко. А нынѣ замутилося. Не въ честь имъ вольними мужами быть, въ государевы холопи вписатися наровится. Не про Васплья, самъ знаешь, сказываю, а много ихъ, не ему чета, а будутъ головушки, гляди, смышленыя, только въ московьску сторону покривилися. А такъ бы надобѣть: государь молъ ты, а и Великъ Новгородъ потому-жь государемъ зовись. Анъ розь у насъ, во всемъ-то рознь. А еще животы берегутъ. Князю дань, аль дары, какъ на миру-то придетъ, не жаль дать. А дарами еще другъ предъ дружкой чехвалятся. А вотъ на дѣло-то ратное... не то чтобъ денегъ жаль, а вымерь, знать, ратный духъ. А не лучше ль молъ мы отъ господина князя великаго откупимся, заплатимъ рублями новгородьскими за свою предъ нимъ проступку. Видно мечи да стрѣлы нынь въ рубли да полтины выродились, а боярскій духъ въ кошель ушелъ. То-ль въ старину-ту, самъ ты вѣдаешь, Лука Аввакумовичъ? „А сидѣли Новгородцы безъ князя съ Семеня дни по Великъ день о Якунѣ [1])". А шло тогда князей, больше ихъ семидесяти. А и Богъ воборалъ, и Знаменье было Пречистыя. А нынѣ что? гдѣ ратоборцы? стратиги силы новгородьскія?

— Кореннемъ крѣпко дерево, сказалъ Лука, все думая о народѣ.

— Истинно, истинно, подтвердила старая посадница. — И я тоже говорю, что изсякъ онъ, корень боярскій. А нынѣ мы не поисправимся, ту и славу поютъ Новугороду.

— Однимъ боярамъ не въ моготу, иначе заявилъ Лука свою мысль.

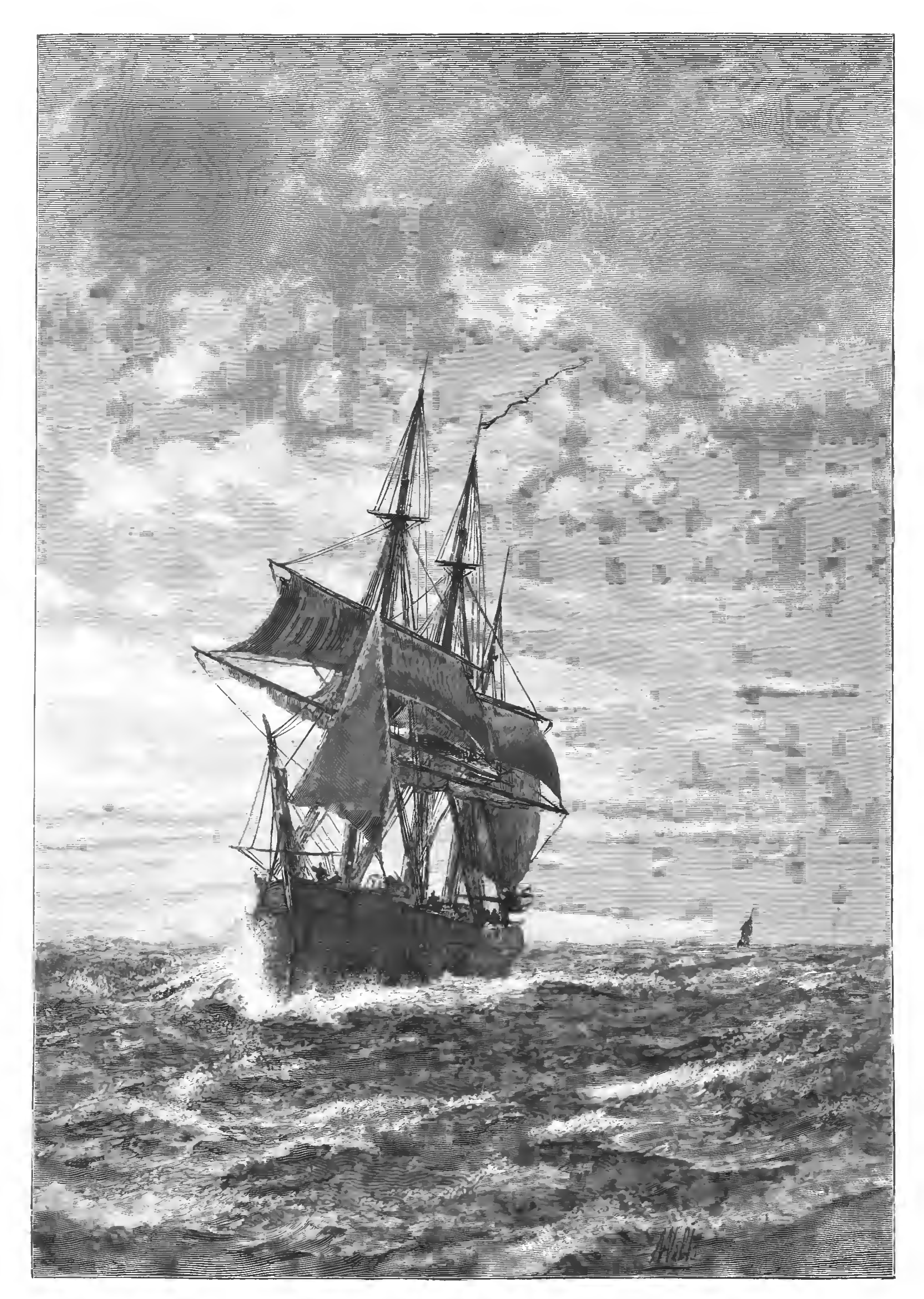
— А кому жь еще?

— А всему Великy Новугороду: и вящшимъ мужамъ, и молодшимъ мужамъ, вольнимъ же. И Якунъ не безъ нихъ. И нынѣ не безъ народушка.

— А въ старину-ту зря, одного Якуна вижу, какъ бы строго взвѣшивая каждое слово, проговорила посадница. — А достальніи, коль они путно что дѣлали, такъ имъ же были взбужены, а не своей высокой мыслью подвигнуты. А и на Твердислава, вспомни, вставала чернь, а его боронила Прусьска улица... А нынь

[1]) Дивій — дикій; собственно: дивный, невиданьный.

[1]) Это случилось въ 1167 году, при посадникѣ Якунѣ Мирославичѣ и архіепископѣ Іоаннѣ. Новгородцы приписывали снятіе осады суздальцами чуду (Знаменію Пресвятыя Богородицы). Семень день — 1 сентября, Великъ день — Пасха.

Въ свѣжій вѣтеръ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. Лагоріо, грав. М. Рашевскій

и взбудити, видно, некому. Аль на Владычни молитвы надѣешься? Такъ не Иванъ же святитель Владыкомъ у насъ, а и друга Знаменья не дождемся.

— А по-что жь не добръ-то онъ, Владыко?

— А тѣмъ онъ худъ, что какъ въ Апокалипсисѣ писано: „яко ни студенъ еси, ни теплъ“. А таки-те на-что гожи, самъ вѣдаешь. Въ Новѣгородѣ молясь, на московьски иконы зритъ. И во всемъ таковъ: хоть бы Пашково дѣло взять. Миромъ, ишь ты, съ Васильемъ думалъ сладить, а на него мечъ надобенъ. Охъ ужъ! таки миротворцы не хуже-ль они вороговъ?.. А теперь поминай какъ звали его, Василья-то, а съ нимъ и Маврушеньку по имени.

— Аль не вспятилъ? съ гнѣвомъ въ очахъ вскричалъ Лука.

— А гдѣ вспятить! Еще слово клеветное на нее же взвелъ.

И старая посадница разсказала что знала о Буяновомъ „уродствѣ“.

— Ну, поблѣднѣвъ въ лицѣ и съ горящими очами, сказалъ Лука. — А знай я про то, ужь Василей свѣтъ Селифонтьевичъ отвѣдалъ бы моего меча. А хоть бы тверской рубежь перебѣжалъ, и тамъ доспѣла бы его калена стрѣла.

— Любо глядѣть на тебя, Лука Аввакумовичъ, какъ всколыхнулся ты отъ гнѣва на Арбузьева. А взгорись, этакъ же огнемъ взгорись за обиду новгородьскую. А поколь ее не выместишь. Чтобъ знала Москва да вѣдала, каково надъ Великимъ Новугородомъ насильничать!

Лука недоумѣнно и растерянно глядѣлъ на посадницу.

— Что глядишь-то на меня, аль не чуешь въ себѣ духа высокаго? А время мнѣ своихъ выдвинуть. Близкихъ нѣтъ, за дальнихъ возьмусь, а не то и вовсе чужихъ, а бы гожи были. Настолько-то Мароы станетъ. А нынѣ Новугороду ты вѣдомъ. Похоти еще на послѣднемъ вѣчушкѣ, выкликнули-бъ тебя въ посадники. Не я говорю, а стары боя́ра умные. И наши, Неревски, и Прушана.

— Ужь гдѣ мнѣ! какъ бы съ испугомъ сказалъ Лука. — И въ роду-то у насъ не повелось быть на степени.

— А мало-ль что не повелось!..

— Анъ не выкликнутъ. „Гдѣ ему, гусляру-то“, скажутъ.

— А тотъ же разговоръ шелъ, какъ гадали-думали кого на рубежь послать. А съумѣлъ же ты сдѣлать дѣло новгородьское.

Лука понялъ что посылка его на рубежь не обошлась безъ посадницы.

— А ты крѣпко на-крѣпко эту мысль въ головѣ держи. А не завтра же тебѣ на степень ступить велю. А пока-что, и Ѳома гожъ. А придетъ время, бодръ явись.

Лука тяжело дышалъ, и горящими очами точно въ высь глядѣлъ, на ту высокую степень, куда ему Мареа путь указывала. Иль не сегодня онъ размышлялъ о суетѣ мірской и собирался въ монастырь идти? А вотъ она, опять передъ нимъ эта жизнь многомятежная! И куда еще манитъ!..

— Не въ посадники, хоть въ тысяцки. Самъ же скажешь, что народушко любъ тебѣ. „А не безъ нихъ Якунъ“, молвилъ. И ты съ ними же. А съ кѣмъ бы ни было только бъ отстоять намъ волю новгородьскую! А добромъ-ли, лихомъ-ли.

Посадница помолчала.

— А на-перво тебѣ, Лука Аввакумовичъ, — полноко на боку у себя лежать, въ Бояни-то улицѣ. На-людяхъ надо жить. Съ сегодни и починъ клади. У меня отобѣдаешь. Не то чтобъ силенъ столъ я нынѣ строила, а будутъ таки. Сведу тебя съ людьми добрыми, со старичками почёстными. А послушать ихъ разъ, другій, что годъ у Владыка въ сѣняхъ сидѣть. А отъ нихъ переймешь дѣло-то градское. А у нихъ, знаю я, къ тебѣ, не къ иному душа лежитъ. За „въ князѣхъ-тѣ“.

Лукѣ отнѣкиваться не приходилось.

За столомъ посадница на него не нарадовалась. Онъ много слушалъ, мало спрашивалъ, а что спрашивалъ, то съ большимъ умомъ. Мареа видѣла, что не ошиблась въ Лукѣ, и старымъ боярамъ онъ также понравился.

Всѣмъ бы вышелъ почестный столъ, еслибъ къ концу не случилось помѣхи. Марья Олександровна ни жива, ни мертва за столомъ сидѣла. При видѣ Луки, всѣ мысли, чѣмъ она мучилась за послѣднее время, встрепенулись въ ея умѣ. Въ часъ она за-годъ передумала. Нынче ей сильнѣй, чѣмъ когда либо, желалось близкаго горя и она думала о немъ съ такимъ напряженіемъ, что не выдержала и громко вскрикнула.

— Что съ тобой, Марьюшка? нѣжно спросила бабушка.

— Охъ, бабушка миленька! отвѣчала молодая боярыня. — Охъ, страшно мнѣ! Охъ, страшно! Охъ, тако-то мнѣ вспоминалось. А всей душой, скажи, устрашилася.

На бабушкины разспросы, Марьюшка не то чтобъ отказывалась отвѣчать, а казалось боялась своимъ разсказомъ встревожить, не столько себя, сколько другихъ.

— А сказывай ужь! А что еще страшно припомнила? А правду всю, и строго, и любовно приказала бабушка.

— А про Зосиму-то, про игумна Соловецкаго...

Дальше не къ чему было разсказывать. Всѣ знали какое видѣніе было на пиру Зосимѣ—и кого изъ бояръ онъ видѣлъ тогда сидящими безъ головъ, тѣмъ были отсѣчены буйныя въ Старой Русѣ повелѣніемъ государя московскаго.

— А и горе-то, йде же! говорила Марья Олександровна, какъ бы въ явь то видя, о чемъ сказывала. — А и тѣсно стало вокругъ Новагорода. Обложило тучей грозно-червовою. Ни проходу, ни продору; ни конному, ни пѣшему... Охъ, охъ!..

Смутны встали гости изъ-за стола посадницына.

XIII.

Ненила Петровна.

Мамелфа Тимоѳеевна не-вѣсть какъ обрадовалась сыну, особенно потому, что онъ воротился раньше, чѣмъ она разсчитывала; до Успеньева дня она не ждала его. „Знать, по Настасьюшкѣ соскучился“, подумала Мамелфа Тимоѳеевна.

О воздухахъ матушка захлопотала не меньше сынка. Тотчасъ же послала за знакомымъ купцомъ, и приказала ему принести припасы для воздуховъ. Купецъ принесъ втрое противъ того, сколько было надобно. Честная вдова выбирала умѣючи, заботясь о чести Киріаковой, чтобъ не сказали про него люди добрые что вотъ молъ внукъ посадничій обѣщанье-то далъ, а денегъ для Бога пожалѣлъ: прислалъ всего, какъ есть, въ обрѣзъ да вдобавокъ припасу дешеваго. Затѣмъ у Мамелфы Тимоѳеевны съ купцомъ шелъ не малый торгъ: рублями ей платить не хотѣлося, и она нудила купца чтобъ онъ бралъ отъ нея хлѣбомъ, рыбою и разными запасами: все равно молъ придется же тебѣ на торгу покупать. Купецъ долго разсчитывалъ сколько какого запасу ему требуется для дому, и притомъ выгадывалъ, чтобъ обошлось ему вдвое дешевле чѣмъ при покупкѣ на торгу. Наконецъ-то уладились, товаромъ помѣнялися, и боярыня сверхъ того пообѣщала купцу денегъ въ ростъ дать.

Мамелфа Тимоѳеевна приказала купцу при себѣ всѣ припасы въ холстъ завертѣть и уложить въ коробъ. При ней же купецъ и коробъ увязалъ, въ чемъ и Киріакъ Андреевичъ ему помогалъ. За этимъ дѣломъ у нихъ все утро прошло, а въ обѣдъ Мамелфѣ Тимо-

ѳеевнѣ вспало на мысль: „не оттого-ли Киріакушко обѣщалъ строить воздухи, что думаетъ на Настасьѣ свататься?..“

— А вижу я теперь, Киріакушко, вслухъ сказала матушка, — что вовсе понапрасному отговаривала я тебя отъ проѣздушки. А проѣздился, помолился ощё...

У Киріака въ памяти мелькнули Изгойченковы слова: „а тамъ и женись“. Слѣдомъ и то̀ онъ припомнилъ, что̀ ему шепталось въ полуснѣ передъ отъѣздомъ изъ Красныхъ Холмовъ.

— А воротился ты домовь бодрёхонекъ, веселёхонекъ, продолжала между тѣмъ Мамелфа Тимоѳеевна.— А что̀ жь не скажешь ты мнѣ, а милочекъ мой, о чемъ такомъ тебѣ со скуки въ Красныхъ Хо̀лмахъ гадалося? Про кого была твоя думушка безсонная? Не объ одномъ-ли ощё, золотенькій, мы съ тобой думали? А ждучи-то тебя, все мнѣ мечталося что воротится молъ мое сыночушко любименькое, да и скажетъ своей родитель-матушкѣ...

Мамелфа Тимоѳеевна не безъ умысла замолчала.

„А высватай мнѣ Со̀ломонь Григорьевну“, шепнулось у Киріака въ памяти.

— А что жь не отвѣчашь-то мнѣ, Киріакушко?

— О чемъ такомъ, ро̀дна матушка?

— Аль ты въ рѣчь мою не вслушался?

— А слушалъ же, весело сказалъ Киріакъ,—ждалъ твоего словечушка послѣдняго.

— А и мнѣ рѣчи тянуть не къ чему, прямо вѣдь выскажу, весело же завторила сыну Мамелфа Тимоѳеевна. — Такъ, слышь, Киріакушко, этакъ-то мнѣ безъ тебя все думалось, что пріѣхавъ вотъ скажешь мнѣ: а высватай молъ...

— Со̀ломонь Григорьевну, невольно проговорилъ Киріакъ вслухъ, и смутился своего нечаяннаго слова.

Ему подумалось: „не ладно молъ оно вышло, что этакъ-то напрямки сказалъ.“ Да слова, выпустивъ, не поймаешь.

— Кака ощё Со̀ломонь Григорьевна? насупивъ брови спросила матушка.

— А котора во̀здухи шить буде...

— Да гдѣ жь ты видѣлъ ее? съ изумленіемъ вскричала честна̀ вдова.

— А у батюшка ейнаго обѣдалъ въ Маккавеевъ день, а еще у Ирины Мишаничной.

При имени Ирины, Мамелфа Тимоѳеевна вспыхнула.

— А шутемъ ты, знать, про сватанье...

— Нѣтъ, матушка, слово это мое буде не шуточно.

— А коль не шуточно это слово-то твое, отрѣзала Мамелфа Тимоѳеевна, — нишъ толкомъ бы ты его сказывалъ.

Киріакъ Андреевичъ въ этотъ день больше говорить не осмѣлился.

Прошло сколько-то дней. Матушка словно и забыла про Со̀ломонь.

— А что жь ты, Киріакушко, какъ-то утромъ сказала она, — все дома сидишь. Аль съ дороги не отдохнулъ еще?

— А велика-ль дорога-та была!

— То-то, и сама я такъ думаю что недальняя, а и отдохнуть отъ нея давно-бъ пора. А съѣздилъ бы, навѣстилъ кого.

— А Луки же пѣту въ Новѣгородѣ.

— Не одинъ Лука...

— А другихъ-те успѣю еще, сказалъ Киріакъ, и рукой махнулъ.

Мамелфа Тимоѳеевна помолчала немного.

— А какже, Киріакушко, поласковѣй заговорила она, — а будто ты прежде къ Настасьѣ-то ѣздить, золотенькій, къ Григорьевичевой охотился. А частёхонько вѣдь, припомни-ко, любименькій, къ ней ты заѣжживалъ.

— А заѣжживалъ, да й пріѣздился.

— Ой что̀ такъ, бажоненькій? съ недовѣрчивой усмѣшкой спросила Мамелфа Тимоѳеевна.

— А по твоему приказу и ѣздилъ-то.

— А я тебя не неволила, строго отвѣчала матушка, и прочь пошла.

„И что̀ за имя тако Со̀ломонь?“ ворчала она про себя. — „А сколько вѣдь ни думаю, а не было у насъ николи въ роду такого имячька.“

На бѣду въ это самое утро воротился гонецъ, котораго посылали съ коробомъ, и попался прямо на очи господарынѣ. Ей онъ и передалъ наказъ Ирины Мишаничны, что „коробъ сдапъ молъ Со̀ломонь Григорьевнѣ, съ рукъ па руки, а Со̀ломонь Григорьевна много благодарствовала, и за шитье въ тотъ же часъ садилася, и поклонъ приказывала да велѣла сказывать, что крѣпко па то надѣется, что Киріакъ Андреевичъ пріѣдетъ ея работы смотрѣть.“ Придумывая такой наказъ, Ирина Мишанична никакъ не разсчитывала что онъ попадетъ въ уши Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ.

— А что̀ у васъ тамъ за Со̀ломонь Онтоновна заводилася? спросила за обѣдомъ матушка, умышленно забывая отчество дѣвушки. — А поклоны шлетъ незнакомымъ мо̀лодцамъ, а ощё зоветъ па себя смотрѣть?

Киріакъ вспыхнулъ. Хотя онъ и не видѣлъ еще наробка, но чувствовалъ что матушка говоритъ и то же, да не то что̀ отъ гонца слышала.

— А сказывалъ я тебѣ, сдержавъ себя, отвѣчалъ онъ.

— А нѐ-помню ужь я! Аль эта она буде что̀ Иринына-то подруженька?

Киріакъ промолчалъ.

— А вѣжеству-то, знать, она у Ирины же обучалася. А та, скажутъ, съ молоду ой, ой! кака была... И Мамелфа Тимоѳеевна сама замолчала, видя что перехватила, и начала говорить о томъ, о чемъ при сынѣ и заикаться не слѣдовало бы. — А чьихъ она? заминая неловкую рѣчь спросила боярыня.

— А Щебельковыхъ же.

— А ну ужь сказывай, все про нее сказывай, приказала сыну Мамелфа Тимоѳеевна.

Киріакъ никакъ не ждалъ, что ему сегодня придется говорить о Со̀ломонь Григорьевнѣ. Онъ началъ рѣчь, сбиваясь и путаясь, и хотя потомъ и оправился, да черезчуръ ужь заботился о томъ съ какимъ лицомъ его слушаетъ матушка. Мамелфа Тимоѳеевна въ началѣ морщила брови и хмурилась, а потомъ стала слушать степенно. Киріакъ разсказалъ все по порядку и какъ встрѣтился съ дѣвушкой въ лѣсу, и о чемъ бесѣдовалъ съ нею у Ирины, и какъ ему о ней передъ сномъ въ ушахъ шепталося.

Мамелфа Тимоѳеевна ни слова не сказала въ отвѣтъ, да и про себя-то ничего не подумала. „А блажь вспала, а про̀йде“, рѣшила она уже часъ спустя.

Видя что у нихъ съ матушкой какъ будто нелады пошли, и опасаясь худшаго, Киріакъ надумался угодить родненькой и на другой же день съѣздилъ къ Настасьѣ Григорьевичевой, а затѣмъ денька три спустя, опять къ ней завернулъ. Мамелфа Тимоѳеевна такому обороту дѣла весьма обрадовалась.

„А вѣрно что блажь вспала,“ отпустивъ сына во второй разъ къ Настасьѣ думала она. — „Вѣстимо молодешенекъ да глупешенекъ: съ того она ему и показалася... А може къ тому и не вовсе уродъ.“

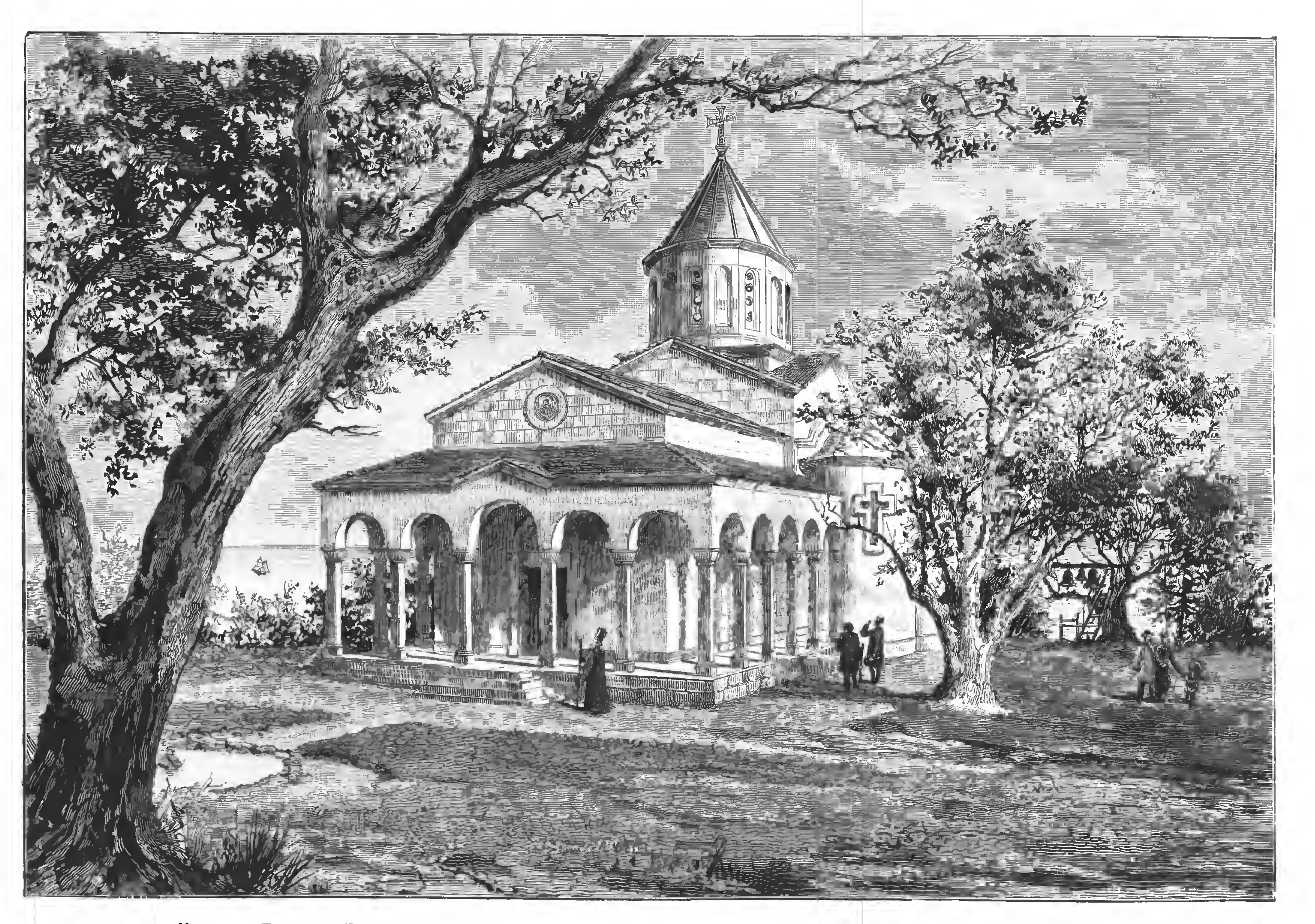
Мамелфа Тимоѳеевна съ великимъ трудомъ допускала, что Со̀ломонь Григорьевна не вовсе уродъ, твердо увѣренная что та только дѣвушка можетъ быть хороша, которую она сама выберетъ для сына.

Послѣ перваго заѣзда сына къ Настасьѣ Петровнѣ, Мамелфа Тимоѳеевна о ней съ нимъ не заговаривала. А какъ онъ въ другой разъ тамъ побывалъ, не удержалась.

— А что жь ты мнѣ, Киріакушко, не скажешь, какову̀ ты Настасьюшку Петровну засталъ. А гляди,

Финляндія. Видъ г. Ловизы. Съ фотогр грав. М Рашевскій.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы въ Оріандѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") акад. Бенуа, грав. М. Рашевскій.

увидя тебя, моего боженебнькаго, и не вѣсть какъ она взрадовалась.

— А было ей съ чего радоваться! много у нея народу-то въ сѣняхъ торчитъ: однимъ больше, меньше-ли, не все-ль ей равно?

— А ужь нè-споръ со мной, голубчикъ мой любименькій, знаю ужь я что безъ тебя она поскучивала. Не разъ вѣдь присылала о тебѣ навѣдываться: скоро-ль мòлъ Киріако-тъ Андреевичъ воротится? А заѣжжая, сама о томъ же провѣдовала. А не скрыть ужь, Киріакушко. А я вѣдь, милочекъ мой, тò видя радовалась.

Киріакъ ничего не сказалъ, а Мамелфа Тимоѳеевна на себя подосадовала что перебивъ его рѣчь не во время, спутала его мысли.

— А о чемъ же у васъ бесѣда шла? погодя спросила она.

— А бесѣда тамъ изо-дня-въ-день одна стоитъ. Сегодни изъ-пуста въ порожнее, на завтра изъ-порожня въ пусто льютъ.

— Да я про Настасьюшку вѣдь спрашиваю, съ ней-то у васъ о чемъ же разговоръ былъ?

— А о томъ же, какъ бы нехотя Киріакъ отвѣчалъ.

— Да о чемъ же именно, я желаю знать, съ раздраженной настойчивостью добивалась матушка.

— А вѣстимо о Великомъ Новѣгородѣ.

— А что жь, аль худа эта бесѣдушка?

— Не худа бъ была, коли бъ къ дѣлу вела.

— А и дѣла, милочекъ мой, погодя дождешься.

Киріакъ ничего не отвѣчалъ, только взмахнувъ рукой на матушкины слова какъ на сущую пустяковину. Это маханье рукой показалося матушкѣ непочтительнымъ.

— А погляжу-ко я, Киріакушко, вовсе дру̀гимъ ты изъ этой своей проѣздочки домовь пришелъ, погодя начала она долгую рѣчь. — Перемѣна въ тебѣ больша оказывается, а нè-къ-хорошу. Охъ! чуяло мое сердце материньско, ощё какъ отпускала-то тебя, что не къ добру оно буде. Задичалъ ты самъ промежь засельщины, деревенщины, а на мои слова рукой помахиваешь. Не прежнимъ милымъ птенчикомъ влетѣлъ ты во рóдно гнѣздушко. Съ перваго же взгляда я въ тебѣ это замѣтила, только тебя же обидѣть боясь, не выговаривала. Даромъ что ты здоровымъ да бодрымъ прикидывался. Родительскій-то взоръ зорокъ: меня-то не обмануть тебѣ.

— Да чѣмъ же я тебя, матушка, хотѣлъ обманывать?

— А ужь вовсе, вовсе дру̀гій сталъ, не прямо на вопросъ отвѣчала матушка, и помолчавъ добавила. — А нѣтъ въ тебѣ ни прежней сыновней ласковости, ни этого милаго ребячьяго лепета что со всѣмъ-то ты, съ горемъ-ли, съ радостью, бѣжалъ ко своей родной матушкѣ.

— А пріѣхавъ, кажись, о всемъ тебѣ, моему родителю, докладывалъ.

— О всемъ-то, óбо-всемъ да не какъ слѣдовало, не безъ рѣзкости возразила матушка. — А время-ко мнѣ, вижу, напомнить тебѣ о святой волости [1]) родительской.

Киріакъ глаза на матушку поднялъ.

— Изъ воли твоей николи я не выходилъ, твердо, даже жестко отвѣчалъ онъ.

— А и на томъ благодарствую что волѣ моей родительской покоренъ былъ. Не вовсе знать отговорили тебя отъ родной матушки.

Киріакъ молчалъ.

— А полно-ко мнѣ говорить загадками да недомолвками, раздражаясь сыновнимъ молчаніемъ продолжала матушка.—А часъ пришелъ объявить тебѣ властну волю родительску.

Киріакъ и на эту рѣчь ни слова не вымолвилъ.

[1]) Волость — власть, вообще все чтò зависитъ отъ данной воли.

— А долгъ свой родительскій сполнить хочу, оженить тебя.—И помолчавъ немного, прибавила: — а у меня и невѣстушка высмотрѣна.

Упорное молчаніе Киріака раздражало Мамелфу Тимоѳеевну.

— А что жь молчишь ты? вскинулась она на него. — Аль все равно на комъ оженю-то я тебя?

— Твоя воля, покорливо отвѣчалъ сынъ, и порывисто добавилъ: — а только не на Настасьѣ Григорьевичевой!

Мамелфа Тимоѳеевна изъ себя вышла.

— Аль мнѣ у тебя о томъ спрашиватись? вскричала она. — А велю—и на ней оженишься.

Киріакъ молчалъ, не глядя на родительницу.

— А это откуль ощё взялъ, чтобъ молчать-то на спросъ родительскій? допекала сынка Мамелфа Тимоѳеевна.—Аль перепялъ вѣжество деревеньское? Такъ я сумѣю тебя въ свою волю прівести, полную.

— А сказалъ ужь я, какъ бы про себя замѣтилъ Киріакъ.

— Нечего сказать, дождалась на старости лѣтъ отъ родна сыночушка почтеньица! И невѣсты ему, гляди, не смѣй высватать. Ужь не эту-ль ощё сватать-то велишь, какъ бишь ее? а Ириньину-ту подруженьку. Такъ о томъ у меня и гадать не моги. Знаю я этихъ деревеньскихъ-то! Этаки ужь живутъ безстыжія! А и родня ощё негожа така навяжется чтò всплачешься.

— А не видѣвъ людей, за чтó жь ты хулить ихъ вздумала, матушка? съ любительнымъ упрекомъ сказалъ Киріакъ.

Именно потому что въ его упрекѣ звучала любительная нѣжность, и взбѣленилась Мамелфа Тимоѳеевна.

— Да ты чтó ко мнѣ съ ней-то присталъ? А слова родителю своему не дашь выговорить? Съ чего спѣшить-то велишь мнѣ съ этимъ негожимъ сватовствомъ? Аль у васъ, прости Господи, съ нею грѣхъ былъ?

Киріакъ отвѣчалъ безъ словъ, горькимъ упрекомъ въ очахъ. Мамелфа Тимоѳеевна со стыдомъ потупила очи.

Съ этого часа пошли у нихъ нелады. „Все кончено!" оба тутъ же подумали. О сватовствѣ они другъ съ другомъ больше не заговаривали, но о чемъ бы у нихъ ни шла рѣчь, всегда просачивалась раздорная мысль и превращала рѣчь въ острую и суровую. Спроситъ у Киріака матушка, гдѣ онъ въ праздникъ молиться будетъ, а сынъ отвѣтитъ что въ той или иной церкви, и Мамелфа Тимоѳеевна тотчасъ обидится.

— Аль тебѣ въ одной со мной церкви ужь стало тѣсно Богу молитися?

Откажется Киріакъ отъ какого-нибудь кушанья, и тутъ не промолчитъ матушка.

— Знать, Иринья тебѣ ѣствушки больнё сахàрны готовила, что дома-ть тебѣ и ѣда не въ ѣду.

И во всемъ такъ же. Киріакъ не отставалъ отъ матушки; разница только въ томъ была что онъ молча проглатывалъ мнимыя обиды. Изрѣдка только, какъ матушка черезчуръ ужь круто говорила, у него въ горлѣ спиралось дыханье и хрипѣло невысказанное слово.

Матушка думала на своемъ настоять. „Этакъ же батюшко его упрямился", размышляла она, — „а прожилъ же вѣкъ со мной, а жили ладнёхонько, а какого еще сыночушка спорòдили, самого вѣдь Киріакушка."

И сыну вспоминалось про батюшка. „А така жь видно и мнѣ судьба чтò и батюшку", думалъ. Противиться матушкѣ ему и въ мысль не вспадало. Въ одномъ только онъ воспротивится: на Настасьѣ, хоть проклинай его матушка, не женится, а прямо скажетъ, что не съ чего ему на вдовѣ жениться. Киріаковъ разсчетъ былъ вѣренъ: Настасьино вдовство и самой матушкѣ казалось помѣхой. Оттого она и откладывала сватовство со дня на день.

Неладная жизнь была тягостна обоимъ, и конца

края ей не предвидѣлось. Чѣмъ круче была матушка, тѣмъ милѣе вспоминался Киріаку и тихій разговоръ Соломонушкинъ, и ея издрогнувшій за материнскую честь взглядъ, и ея заманчиво-загадочная улыбка. Тамъ-то миръ да тишина, а тутъ свара да разладица.

Мамелфа Тимоѳеевна не мало же думала про Ириньину подругу. Ненавидѣла она ее великою ненавистью. Въ злобѣ ей даже мерещалось, что еслибъ какимъ-нибудь побытомъ Соломонь Григорьевна очутилась у нихъ въ домѣ, то она скорѣй бы замуровала дверь въ свою комнату и съ голоду себя поморила, чѣмъ допустила бы себя взглянуть на этаку безстыжую дѣвчину, что зоветъ молодцовъ на свою красоту глядѣть.

Во мнѣньи Мамелфы Тимоѳеевны „Ириньина подруга“ казалась всѣмъ дурна; ей даже притчалось, будто и съ лица она черная. „А стоитъ вѣдь передо мной будто туча черная, а свѣтъ мое солнышко, Киріакушка, отъ очей моихъ скрываючи“, плакалась она. Не знала Мамелфа Тимоѳеевна что оттого она ревнуетъ сына къ безстыжей дѣвчинѣ, что межь нихъ любовь заводилась; межь Настасьей и Киріакомъ о любви и помина не было, оттого и Настасья ладна казалась матушкѣ.

Надолго бы затянулся этотъ раздоръ, не вступись въ дѣло Непила Петровна.

(Продолженіе будетъ).

Волшебныя кольца.

Въ наши дни довольно много чудесныхъ явленій прошлаго времени, получивъ раціональное объясненіе, перешли въ разрядъ естественныхъ, причемъ конечно утратили всю прелесть таинственности. Къ числу таковыхъ-же слѣдуетъ отнести и волшебныя кольца. Иногда, впрочемъ, ошибочно называютъ волшебными кольцами явленіе, которое состоитъ въ томъ, что растенія относящіяся къ семейству плауновъ (Lycopodium), растутъ иногда въ видѣ довольно правильныхъ круговъ, достигающихъ 1—1½ сажени въ діаметрѣ. Но это не настоящія волшебныя кольца.

Послѣднія попадаются довольно рѣдко, на необработанныхъ мѣстахъ, гдѣ почва достаточно богата перегноемъ, сравнительно чаще на горныхъ лугахъ. Въ такихъ мѣстахъ можно встрѣтить полныя и почти правильныя кольца, выдѣляющіяся вслѣдствіе того, что растенія ихъ образующія замѣтно лучше развиты, чѣмъ окружающая травяная растительность. Густая, темнозеленая листва и высокіе стебли обозначаютъ волшебное кольцо и, чтобы его еще болѣе рѣзко оттѣнить, площадь, заключенная этимъ кольцомъ, покрыта крайне жидкою, иногда совсѣмъ жалкою травою. Волшебныя кольца въ исключительныхъ случаяхъ достигаютъ діаметра до 15 сажень, хотя и въ 5 сажень не особенно часты, тогда какъ обыкновенные ихъ размѣры 1—1½ сажени въ діаметрѣ. Средней величины круги легко замѣтны уже на разстояніи цѣлыхъ верстъ, особенно если смотрѣть на нихъ съ нѣкоторой высоты. Средину занимаетъ желтоватая площадь низкой, чахлой травы, кольцеобразно ограниченная какъ-бы вѣнкомъ замѣчательно сочной и хорошей травы, причемъ все это расположено на фонѣ средней по своему развитію луговой растительности. Въ Германіи народъ уже давно подмѣтилъ эти волшебные круги и, не имѣя возможности подъискать подходящаго этому явленію объясненія, приписалъ ихъ образованіе феямъ: центральная площадь—это мѣсто, которое избрали феи себѣ для танцевъ при лунномъ свѣтѣ, причемъ подъ ихъ ногами растительность поблѣднѣла и зачахла, тогда какъ окружающее эту площадь кольцо высокой травы образовалось по ихъ приказанію для того, чтобы онѣ могли вполнѣ предаться своему веселью, не опасаясь, что кто-нибудь подсмотритъ ихъ пляску.

Естествоиспытатель, встрѣчаясь съ подобнымъ явленіемъ и желая себѣ его объяснить, прежде всего обратитъ вниманіе на тѣ растенія, которыя обыкновенно образуютъ волшебное кольцо. При этомъ оказывается, что оно образовано самыми распространенными представителями; чаще всего встрѣчается плевелъ (Lolium), ежа (Dactylis) и костеръ (Bromus). Замѣчательно, что волшебное кольцо, разъ образовавшись на данномъ мѣстѣ, много лѣтъ подъ-рядъ остается на немъ, причемъ кольцо постепенно расширяется, растетъ, такъ что наибольшими размѣрами отличаются старѣйшія изъ нихъ. Все это указываетъ на то, что за все это время дѣйствуетъ одна постоянная причина, которая, вызвавъ образованіе такого кольца, поддерживаетъ далѣе его существованіе и ростъ въ продолженіе цѣлыхъ годовъ.

Причину этого явленія можно открыть, если весною или осенью навѣстить заинтересовавшее насъ образованіе и по возможности ближе осмотрѣть его. Оказывается именно, что въ это время весь наружный край нашего кольца покрытъ цѣлыми колоніями грибовъ. Послѣдніе относятся къ различнымъ родамъ, причемъ не малое число ихъ принадлежитъ къ числу съѣдобныхъ; такъ здѣсь можно найти шампиньонъ и нѣкоторыхъ его наиболѣе вкусныхъ родственниковъ; впрочемъ, встрѣчаются и ядовитые, но не въ очень большомъ количествѣ.

Если допустить, что грибы способствовали образованію кольца фей, тогда круглая форма разбираемаго нами явленія объясняется очень просто. Первоначально возникаетъ одиночный грибъ. Осенью онъ разсѣиваетъ свои спѣлыя споры вокругъ себя; эти споры проростаютъ и образуютъ кругъ грибовъ; далѣе этотъ кругъ такимъ-же образомъ стремится увеличиться въ своихъ размѣрахъ во всѣ стороны. Но такъ какъ за собою онъ оставляетъ уже истощенную почву, которая не такъ пригодна его развитію, то онъ и получаетъ поступательное движеніе не во всѣ стороны въ одинаковой степени, а лишь въ наружную, къ неистощенной почвѣ. Одно поколѣніе грибовъ смѣняется другимъ, причемъ вся колонія движется центробѣжно, оставляя за собою истощенную и потому не заселенную грибами площадь. Еслибы хорошее развитіе травы можно было связать съ присутствіемъ грибовъ, то понятно, что и эта выдѣляющаяся по своему развитію растительность должна была-бы образовать окружность, соотвѣтствующую положенію грибовъ.

Почему же растенія, поселяющіяся у наружнаго края вышеупомянутой колоніи грибовъ, могутъ развиваться лучше? Такъ какъ извѣстно, что грибы сгниваютъ быстро и образуютъ тогда родъ удобренія, весьма богатаго азотистыми веществами, то этимъ обстоятельствомъ легко объясняется особенно роскошное произрастаніе травы на мѣстахъ ихъ разложенія. Вѣроятно и это имѣетъ здѣсь мѣсто, хотя для объясненія всего явленія это оказывается недостаточнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ нельзя объяснить крайней истощенности почвы внутренней площади, отличающейся въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ почти совершенною безплодностью, точно такъ же какъ остается необъясненнымъ, почему только со внутренней стороны кольца появляется такая выдающаяся по развитію растительность. Еслибы все дѣло зависѣло только отъ удобряющаго дѣйствія грибовъ, то это обнаружилось бы не только позади нихъ, но и передъ ними. Поэтому должно существовать еще нѣчто, что бы представляло болѣе глубокую причину взаимопомощи растеній и грибовъ.

Эта причина лично предстанетъ предъ нашими глазами, если мы осторожно вытащимъ грибъ изъ почвы: на нижнемъ концѣ его мы замѣтимъ бѣловато-сѣрыя ниточки, которыя собственно и образуютъ тѣло гриба — его мицелій, разстилающійся подъ землею, тогда какъ то что обыкновенно называется *грибомъ* (т. е. шляпка и пенекъ) есть только одно его плодовое тѣло. Весною или осенью мицелій этотъ образуетъ на своемъ молодомъ, наружномъ концѣ, въ большомъ количествѣ такія плодовыя тѣла, т. е. такъ-называемые грибы, причемъ хорошо развившаяся трава укореняется прямо тамъ, гдѣ проходитъ здоровая, плодущая часть ткани мицелія. Ясно теперь, что болѣе роскошное развитіе здѣсь растительности зависитъ именно отъ его присутствія. Обративъ на это обстоятельство свое вниманіе, мы тотчасъ вспомнимъ новѣйшія открытія, по которымъ оказывается, что древесные корни, благодаря сообществу мицелія гриба, пріобрѣтаютъ особенную способность легко усваивать питательныя вещества почвы. Дѣло въ томъ, что грибная ткань дѣйствуетъ на окружающее ее замѣчательно растворяющимъ образомъ. Замѣчено далѣе, что корневые волоски нѣкоторыхъ высшихъ растеній оказываются обвитыми мицеліемъ, который вѣроятно живетъ на нихъ паразитомъ, но зато, въ свою очередь, дѣйствуя растворяющимъ образомъ на составныя вещества почвы, облегчаетъ ихъ принятіе при посредствѣ корней. Такимъ образомъ хозяинъ, благодаря паразиту, получаетъ съ бо̀льшею легкостью себѣ кормъ и не тяготится поэтому своимъ нахлѣбникомъ. Нѣчто похожее происходитъ и въ волшебномъ кольцѣ. На основаніи наблюденій извѣстно, что корневые волоски растущей въ кольцѣ травы также обвиты тканью гриба; иногда же послѣдняя прямо проникаетъ въ нихъ. Здѣсь также, слѣдовательно, грибъ питается насчетъ травы, со своей стороны помогая ея питанію раствореніемъ почвы. Вслѣдствіе этого оба сотоварища развиваются роскошно; у гриба усиленное питаніе выражается большимъ количествомъ плодовыхъ тѣлъ, у травы же наружнымъ благоденствіемъ и повышеннымъ содержаніемъ золы и азота, какъ это показали химическіе анализы.

Но благодаря этимъ союзникамъ по эксплоатаціи почвы происходитъ то, что въ примѣненіи къ человѣку зовутъ хищническимъ хозяйствомъ. Мѣсто ихъ хозяйства отличается такою истощенностью, что по цѣлымъ годамъ почва теряетъ возможность надлежащимъ образомъ питать растительность; должно пройти продолжительное время, прежде чѣмъ атмосферическіе и др. дѣятели успѣютъ привести въ растворимое состояніе новыя количества почвы, а до тѣхъ поръ это мѣсто рѣзко отличается голодающею и потому чахлою растительностью.

Мы видимъ, слѣдовательно, здѣсь простое объясненіе этому явленію, и вмѣстѣ наталкиваемся на интересный фактъ ассоціаціи въ растительномъ царствѣ, причемъ два эгоиста, благодаря взаимной помощи, достигаютъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ еслибы они работали отдѣльно.

М. Штауде.

В. Г. Тепляковъ.

(Портр. на этой стр.).

Между второстепенными поэтическими дарованіями тридцатыхъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе весьма симпатичный талантъ Теплякова — поэта мало извѣстнаго публикѣ. Теперь имя его совершенно забыто, но въ то время онъ имѣлъ свой кругъ почитателей, и его произведенія, въ особенности „Ѳракійскія элегіи“, были оцѣнены критикой, не смотря на то, что тогда все вниманіе и общества, и критики было сосредоточено на яркихъ свѣтилахъ поэзіи: Пушкинѣ, Жуковскомъ, Дельвигѣ, затмѣвавшихъ собою остальныхъ „питомцевъ музъ и вдохновенья“, жившихъ съ ними въ одно время. Критикъ „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду“ находитъ, что стихи Теплякова полны гармоніи, лирическаго движенія и проблесковъ чувства; Жуковскій также былъ высокаго мнѣнія о талантѣ этого поэта. Когда Тепляковъ получилъ подарокъ отъ императора Николая Павловича за свою книгу „Письма изъ Болгаріи“, ему поднесенную, Жуковскій, передавая этотъ подарокъ, между прочимъ писалъ Теплякову: „Позвольте принести вамъ искреннюю благодарность и за себя: я порадовался сердечно вашему подарку, ибо давно уже уважаю васъ, какъ поэта съ дарованіемъ необыкновеннымъ и какъ пріятнаго прозаика, умѣющаго давать слогомъ своимъ прелесть учености...“ И поэтъ Дмитріевъ, въ то время уже маститый старецъ, довольно лестно отозвался о произведеніяхъ Теплякова. „Признаюсь вамъ — писалъ ему извѣстный баснописецъ — что по прочтеніи полнаго собранія вашихъ стихотвореній, я не безъ труда вѣрю, что вы тверитянинъ: каждая ваша пѣснь дышетъ теплотою и ясностью роскошнаго Юга.“ Но всего авторитетнѣе для насъ, конечно, отзывъ Пушкина, который въ своемъ *Современникѣ* помѣстилъ разборъ „Ѳракійскихъ элегій“ Теплякова и привелъ цѣлый рядъ выписокъ. Особенно ему понравилась элегія „Гебеджинскія развалины“. „Въ ней — говоритъ Пушкинъ — обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ“; выписавъ затѣмъ бо́льшую часть элегіи, великій поэтъ восклицаетъ: „Это прекрасно! Энергія стиховъ удивительна!“ Въ заключеніе онъ хвалитъ и разныя мелкія стихотворенія Теплякова, имѣющія неоспоримое достоинство. „Еслибы г. Тепляковъ — говоритъ Пушкинъ — ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи „Одиночество“ и станса „Любовь и Ненависть“, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами.“ Пушкинъ, къ которому Тепляковъ всегда относился съ благоговѣніемъ и котораго называлъ великимъ учителемъ своимъ, имѣлъ огромное вліяніе на развитіе поэтическаго таланта автора „Ѳракійскихъ элегій“. Во многихъ стихотвореніяхъ Теплякова чувствуется также большое вліяніе Байроновской поэзіи, вообще же преобладающимъ чувствомъ въ его произведеніяхъ является тихая грусть, къ которой перѣдко примѣшивается горечь недовольства собою. Поэтъ сознаетъ вполнѣ безсиліе свое проявить данный ему Богомъ талантъ въ полномъ блескѣ; въ одной пьесѣ онъ прямо указываетъ, что именно мѣшало этому таланту развернуться:

„О други! Крылья соколины
Душа расправила-бъ моя,
Когда бы раннія кручины
Изъ урны бѣшеной судьбины
Не проливались на меня!“

Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ. Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

Если Тепляковъ мало извѣстенъ какъ поэтъ, то какъ прозаикъ онъ и совсѣмъ неизвѣстенъ, а между тѣмъ онъ оставилъ нѣсколько прекрасныхъ изслѣдованій Востока, изученіемъ котораго занимался весьма ревностно; одинъ изъ его отчетовъ объ экспедиціи въ завоеванные русскими города древней Мизіи и Ѳракіи былъ переведенъ на нѣкоторые европейскіе языки и обратилъ на себя особенное вниманіе знаменитаго оріенталиста Генриха Клапрота. Находясь при русской миссіи въ Константинополѣ, Тепляковъ нерѣдко представлялъ въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ обстоятельныя и дѣльныя записки о внутреннемъ состояніи Турціи, о ея финансахъ и ея исторіи. Тепляковъ превосходно владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и турецкимъ и довольно основательно зналъ древніе языки. Вообще онъ былъ человѣкъ способный и, для того времени, превосходно образованный. Безъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ бы гораздо болѣе, могъ бы выдвинуться весьма значительно и какъ поэтъ, еслибы прожилъ долѣе и еслибы надъ нимъ не тяготѣли жизненныя обстоятельства. Болѣзнь и страданія не покидали его всю жизнь, частыя бѣдствія преслѣдовали его съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, а одна непріятная исторія, приключившаяся съ нимъ, когда ему было двадцать пять лѣтъ съ небольшимъ, подѣйствовала на него сильно и неотразимо. Все это, вмѣстѣ взятое, не разъ наводило даровитаго поэта „на мысль покинуть совершенно свѣтъ и жить отшельникомъ“. Эти же причины сдѣлали его большимъ оригиналомъ, пробудили въ немъ наклонность къ бродячей жизни. Онъ постоянно, по словамъ его біографа, носилъ какое-то странного покроя коричневое пальто, въ родѣ мѣшка, сильно помятую шляпу, или „шапку невидимку“, какъ онъ самъ ее называлъ, и никогда не разставался съ желѣзною палкой, фунтовъ въ десять вѣсомъ, съ надписью „memento mori“. Кромѣ того онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и вѣчно странствовалъ, такъ что, порою, его друзья теряли его, на годъ, на два, совсѣмъ изъ виду. И Пушкинъ, бывшій съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и цѣнившій его дарованіе, не даромъ называлъ Теплякова Мельмотомъ-Скитальцемъ. Дѣйствительно, онъ скитался всю жизнь по свѣту, среди скитаній и умеръ.

Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ происходитъ отъ одного изъ дворянскихъ родовъ Тверской губерніи и родился, отъ брака статскаго совѣтника Григорія Алексѣевича Теплякова съ Прасковьей Аггеевною Свѣчиной, 15 августа 1804 года, въ Твери. Послѣ домашняго образованія онъ былъ помѣщенъ въ московскій Благородный пансіонъ, выйдя изъ котораго поступилъ, шестнадцати лѣтъ, въ Павлоградскій гусарскій полкъ юнкеромъ. Здѣсь ему пришлось вращаться въ средѣ развитыхъ и образованныхъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе воспитаніе получили въ германскихъ университетахъ, занимались литературою и науками и принадлежали къ масонскимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ. Тепляковъ не могъ отстать отъ товарищей

Степной пастухъ въ Угорской Руси. Рис. Зверина, грав. Моссе.

и сталъ усердно пополнять пробѣлы своего воспитанія и примкнулъ также къ одной масонской ложѣ. Прослуживъ съ небольшимъ четыре года, онъ по болѣзни оставилъ службу и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь ему пришлось поплатиться и за увлеченіе масонскимъ ученіемъ, и за знакомство съ нѣкоторыми лицами, причастными къ декабрьскому возмущенію: его посадили въ Петропавловскую крѣпость, а когда онъ здѣсь занемогъ, перевели въ военный госпиталь и затѣмъ по выздоровленіи отправили въ Александро-Невскую лавру, на покаяніе. Въ концѣ 1826 г. Тепляковъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя, о дозволеніи ему жить въ болѣе тепломъ климатѣ, и ему позволили выбрать мѣстомъ жительства Херсонъ. Здѣсь вскорѣ онъ былъ обокраденъ крѣпостнымъ своимъ лакеемъ, а потомъ подвергся разбойничьему нападенію двѣнадцати злоумышленниковъ, ограбившихъ его и изранившихъ. Тепляковъ написалъ о своемъ ужасномъ положеніи государю. Николай Павловичъ простилъ его совершенно, вернулъ ему чины, прислалъ двѣ тысячи рублей на обзаведеніе и повелѣлъ принять его на государственную службу. Сперва Тепляковъ служилъ въ таганрогской таможнѣ, очень недолго, а потомъ, съ 1827 года находился въ штатѣ новороссійскаго и бессарабскаго губернатора, графа Воронцова, главнымъ образомъ занимаясь археологическими разысканіями для открытія памятниковъ древности, поступавшихъ въ новоучрежденный тогда Одесскій музеумъ. Съ этой цѣлью онъ путешествовалъ, въ 1828 г., по Кавказу, а въ 1829 г. по Балканскому полуострову. Плодомъ перваго путешествія — были стихотворенія, посвященныя Кавказской природѣ и жизни, результатомъ втораго—явилась интересная книга „Письма изъ Болгаріи“ (СПБ. 1833). Въ 1834 г. Тепляковъ былъ командированъ въ Константинополь, Малую Азію и Грецію, для собранія свѣдѣній о торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею и для научныхъ разысканій. Пропутешествовавъ мѣсяцевъ семь, Тепляковъ, въ 1835 г., отправился въ Петербургъ хлопотать о переводѣ на службу по министерству Иностранныхъ Дѣлъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Въ Петербургѣ, какъ видно изъ его дневника, Тепляковъ перезнакомился со всѣми литературными свѣтилами и на одномъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, въ присутствіи цесаревича Александра Николаевича, читалъ свои „Ѳракійскія элегіи“. Затѣмъ онъ жилъ въ имѣніи своего отца близъ Твери, въ Москвѣ, гдѣ вращался въ обществѣ Лажечникова и Ѳедора Глинки и уѣхалъ, наконецъ, къ мѣсту службы — въ Константинополь. Въ 1837 — 1838 годахъ онъ былъ въ Аѳинахъ, въ качествѣ дипломатическаго курьера, для взученія исторіи Греціи, и путешествовалъ по Египту, Сиріи и Палестинѣ. Отрывки изъ записокъ веденныхъ имъ въ это время онъ помѣстилъ въ „Литерат. прибавл. къ Русскому Инвалиду“ конца 30-хъ годовъ. Достаточно ознакомясь съ Востокомъ, Тепляковъ пожелалъ, по его словамъ, „посмотрѣть на Европу, поближе взглянуть на прославленную цивилизацію нашего времени“. Съ этой цѣлью онъ просилъ о переводѣ его въ другое посольство, и когда ему было отказано, онъ вышелъ въ отставку, въ 1840 году, прожилъ недолго въ Петербургѣ и отправился, на собственныя средства, странствовать по Европѣ. Въ Парижѣ, какъ частый посѣтитель салона С. П. Свѣчиной, Тепляковъ встрѣчался съ Ламартиномъ, Шатобріаномъ и другими корифеями литературы и часто „блестящими разсказами о своихъ путешествіяхъ по Востоку увлекалъ слушателей“. Между тѣмъ здоровье его разстраивалось, и, по совѣту врачей, онъ въ 1841 году жилъ съ мая и до конца іюля въ Ангіенѣ; оправившись, онъ „исполнилъ обѣтъ“ свой — посѣтилъ берега Рейна, Швейцарію и Италію. Въ Римѣ онъ познакомился съ знаменитымъ полиглотомъ Меццофанти и, желая представиться папѣ Григорію XVI, въ одну недѣлю выучился легко объясняться по-итальянски. Папа былъ удивленъ и этой легкостью, и вообще начитанностью Теплякова и предложилъ ему разобрать архивные документы по процессу Беатриче Ченчи, съ тѣмъ, чтобы написать ея исторію. Болѣзнь и другія причины заставили его оставить эти занятія и возвратиться во Францію, гдѣ онъ лѣчился въ Виши, а потомъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ развившаяся сильно хроническая болѣзнь свела его въ могилу. Онъ скончался 2 октября 1842 года и похороненъ на Монмартскомъ кладбищѣ. Какъ видно, смерть пришла къ нему вовремя, ибо онъ жаловался на тоску и скуку и писалъ за нѣсколько дней до кончины къ брату: „Я видѣлъ все, что только есть любопытнаго въ подлунномъ мірѣ, и все это мнѣ надоѣло до невыразимой степени“.

П. Быковъ.

Къ рисункамъ.

Задворки. Картина Журавлева. (Рис. на стр. 1001).

Картины г. Журавлева всегда такъ типичны и понятны русскому человѣку, что не нуждаются ни въ какихъ разъясненіяхъ. Кто не знаетъ деревенскихъ задворокъ и той тихой, незамѣтной жизни, которая копошится тамъ изо-дня-въ-день и день-денской?

Съ прогулки—домой. Группа П. А. Самонова. (Рис. на стр. 1004).

У кавказскихъ горцевъ и нашихъ казаковъ въ обычаѣ подвозить такимъ образомъ своихъ родственницъ, женъ и невѣстъ. Эта группа, какъ и всѣ прочія работы г. Самонова, пріобрѣтена въ собственность магазиномъ Штанге (въ СПБ.), который отливаетъ ее изъ бронзы на продажу. Петръ Александровичъ Самоновъ началъ заниматься скульптурой съ 1884 года, первое время больше самоучкой, затѣмъ посѣщалъ мастерскія извѣстныхъ скульпторовъ, гдѣ знакомился съ пріемами искусства, а въ 1885 году отправился въ Парижъ и тамъ изучилъ всѣ музеи. Всѣ его произведенія того времени были куплены Верфелемъ въ Антверпенѣ, во время посѣщенія выставки, на которой они были экспонированы авторомъ.

На птичномъ дворѣ. (Рис. на стр. 1005).

Изящная картинка г. Тимофеева изображаетъ молодую птичницу, которая вынесла своимъ любимымъ хохлушкамъ особенно вкусные остатки своего обѣда—хлѣбныя крошки, кашу и т. п.

Въ свѣжій вѣтеръ. (Рис. на стр. 1009).

Морскіе виды профессора Лагоріо хорошо извѣстны читателямъ „Нивы“. Каждый изъ нихъ—это цѣлая поэма изъ волнъ и облаковъ, обнимающая собою то или другое состояніе подвижной стихіи. Прилагаемый на этотъ разъ рисунокъ изображаетъ море въ свѣжій вѣтеръ, такъ радующій моряковъ и слегка накреняющій на бокъ судно, которое весело разсѣкаетъ гребни валовъ.

Городъ Ловиза. (Рис. на стр. 1012).

Городъ Ловиза, считающій до 3000 жителей, находится въ Перноскомъ уѣздѣ, Нюландской губерніи, въ Финляндіи, и расположенъ на берегу Финскаго залива. Въ 1743 году рѣка Кюмень стала границею между Финляндіею и Россіею. Нѣсколько купцовъ изъ уступленныхъ Швеціею городовъ Фридрихсгама и Вильманстранда испросили позволеніе перенести свою торговлю къ одному изъ морскихъ заливовъ, вдающихся на южномъ прибрежьѣ, въ приходѣ Перно, въ 15 верстахъ къ западу отъ Кюмени. Шведское правительство, найдя полезнымъ основать здѣсь городъ, купило за 300 талеровъ имѣніе Дегербю и 26 іюня 1746 г., выдало грамоту на основаніе города Дегербю. Король Адольфъ-Фридрихъ посѣтилъ новый городъ и назвалъ его Ловизою въ честь королевы Ловизы-Ульрики, хорошо извѣстной въ исторіи XVIII вѣка. Городъ тотчасъ получилъ право приморскаго города, дарственныя земли и другія льготы, сдѣлался главнымъ городомъ Кюменьгородской губерніи и получилъ гарнизонъ въ 500 человѣкъ. Ловиза предназначалась быть пограничнымъ укрѣпленіемъ. На восточной и сѣверовосточной сторонахъ видны еще слѣды укрѣпленій. Впослѣдствіи планъ измѣнился: островъ Свартгольмъ при входѣ въ заливъ былъ укрѣпленъ; это укрѣпленіе и до сихъ поръ защищаетъ входъ въ гавань. Въ мартѣ 1808 г. городъ сдался на капитуляцію русскимъ войскамъ и съ этого года принадлежитъ Россіи. Приморское положеніе даетъ возможность Ловизѣ вести порядочную торговлю, но, къ сожалѣнію, обмелѣвшая гавань и множество камней дѣлаютъ этотъ портъ доступнымъ только для мелкихъ судовъ. Большія суда останавливаются верстахъ въ пяти отъ города. Ловиза расположена среди густонаселенной и зажиточной мѣстности; здѣсь производится постройка купеческихъ судовъ и довольно большая торговля желѣзомъ и лѣсомъ. Близость эстляндскаго прибрежья усиливаетъ и безъ того большую контрабанду, въ особенности тайную торговлю спиртомъ. Городъ расположенъ весьма живописно. Нашъ рисунокъ передаетъ видъ съ восточной стороны. Городъ окаймленъ уступами деревьевъ; высоко поставленная кирка господствуетъ надъ городомъ. При городѣ есть минеральныя воды и морскія купанья, довольно охотно посѣщаемыя. Пароходное сообщеніе связываетъ Ловизу съ Петербургомъ и Гельсингфорсомъ.

Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ Оріандѣ. (Рис. на стр. 1013).

Расположенное на южномъ берегу Крыма, извѣстное имѣніе Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, Оріанда, еще во времена генуэзскаго владычества носила названіе „Casale Orianda“, которое татарами передѣлано было въ *Урьянда* или *Ургенда*. При татарахъ на лугахъ Оріанды бродили пастухи со своими стадами, и вся эта мѣстность представляла печальное запустѣніе. По окончательномъ присоединеніи Крыма къ русскимъ владѣніямъ въ царствованіе Екатерины II, въ 1783 году Оріанду пріобрѣлъ въ собственность Ревеліоти, начавшій разводить здѣсь виноградники. Затѣмъ Ревеліоти продалъ имѣніе графу Кушелеву-Безбородко, у котораго въ 1825 году купилъ его императоръ Александръ I, а по кончинѣ его Оріанда перешла въ собственность императора Николая. Въ 1827 году государь подарилъ Оріанду своей супругѣ, отъ которой она и перешла къ нынѣшнему ея владѣльцу.

Не много даже въ Крыму такихъ живописныхъ мѣстностей. Природа надѣлила Оріанду живописными утесами и дивною зеленью лѣсовъ; искусство человѣка обогатило ее роскошью и убранствомъ. Въ великолѣпномъ паркѣ Оріанды растутъ самыя рѣдкія деревья, достигая необыкновеннаго роста; чудесные цвѣты наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ; съ выдвигающейся отвѣснымъ утесомъ горы Мегаби открывается восхитительная панорама всего Южнаго берега Крыма. Дворецъ Великаго Князя Константина Николаевича построенъ по плану архитектора Штакеншнейдера и частію по плану берлинскаго архитектора Шинкеля. Августѣйшій хозяинъ, всесторонне заботясь о своемъ имѣніи, въ послѣднее время украсилъ его благолѣпнымъ храмомъ Покрова Пресвятыя Богородицы, изображеннымъ на нашемъ рисункѣ. Храмъ построенъ изъ бѣлаго мрамора въ древнемъ стилѣ; а внутри будетъ украшенъ мозаичными образами, надъ которыми уже нѣсколько лѣтъ трудится извѣстный мозаистъ Сальвини. Полагаютъ что работы его продлятся еще лѣтъ десять-двѣнадцать. Колокольня устроена на вѣтвяхъ и стволѣ громаднаго дерева, съ небольшой лѣсенкой ведущей къ колоколамъ.

Степной пастухъ въ Угорской Руси.

(Рис. на стр. 1017).

Угорская Русь, входящая въ составъ венгерской половины царства Габсбурговъ, насчитываетъ до 3.200,000 душъ, живущихъ на южныхъ склонахъ Карпатскихъ горъ, въ окрестностяхъ Ужгорода и Бардѣева, въ жупанствахъ или комитатахъ Гёмёрскомъ, Спишскомъ, Шарискомъ, Землянскомъ, Сабольскомъ, Угочскомъ, Сатмарскомъ, Бережскомъ, Ужгородскомъ, Мармарошскомъ, Абауварскомъ и Боршодскомъ. Угорскіе русскіе дѣлятся на верховинцевъ (горцевъ) и долинянъ (живущихъ въ долинахъ). Нарѣчіе ихъ понятно каждому малороссу. По мнѣнію Шафарика, угро-русскій народъ можно считать коренными жителями нынѣшней Венгріи, чѣмъ и объясняется существованіе въ Венгріи многихъ городовъ, носящихъ названіе О-россъ. Земля занимаемая русскими, называется Крайною (Украйной), а народъ—крайниками. Переселеніе русскихъ въ Венгрію повторялось въ разныя эпохи. При королѣ Андреѣ I, вслѣдствіе брака его съ третьею дочерью Ярослава, многіе русскіе пришли въ Венгрію. Самое значительное переселеніе русскихъ произошло при Лудовикѣ Великомъ подъ водительствомъ Новгородскаго князя Ѳедора Коріатовича. Около 1360 г. въ Венгрію пришло 40,000 русскихъ, которые поселились въ Мармарошскомъ и Бережскомъ комитатахъ. Наплывъ русскихъ въ Венгрію продолжался и въ XVII вѣкѣ. Когда мадьяры пришли въ Паннонію, русскіе и славяне были уже христіанами по обряду восточной церкви; но пришельцы-мадьяры по разнымъ причинамъ возобладали надъ кореннымъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, каждый кто могъ доказать свое русское происхожденіе, считался свободнымъ. Русскіе пользовались тѣми же правами, какъ и мадьяры, и имѣли собственное управленіе. Ихъ вѣдали свои выборные (князья), которые были подчинены выборнымъ воеводамъ. Сынъ короля Стефана назывался dux Russorum (герцогъ Руссовъ). Самыя должности носили русскія названія (надворный панъ, воевода по-мадьярски *войвода*, стольникъ—*астальнокъ*, отъ *сталъ*—столъ). Русскіе составляли почетную стражу мадьярскихъ государей. Потомки этихъ высокопоставленныхъ русскихъ вошли впослѣдствіи въ составъ мадьярской знати (Любомірскіе, Петровы, Липтаевы, Березинскіе и др.). Остались вѣрны своей національности дворянскіе роды Добрянскихъ, Бачинскихъ, Ладомірскихъ, Ладыжинскихъ, Духновичей. Но въ концѣ XV вѣка русскіе, пользовавшіеся доселѣ одинаковыми правами съ мадьярами, лишены были правъ свободнаго перехода. Громадныя области, населенныя русскими, отдавались во владѣніе мадьярскимъ семействамъ. Бѣглые крестьяне подчинены были суду и расправѣ дворянскихъ судей. Такъ совершилось закрѣпощеніе Угорской Руси, и только Іосифъ II въ 1785 г. отмѣнилъ крѣпостную зависимость крестьянъ.

Талантливый изобразитель угро-русскихъ и другихъ славянскихъ народныхъ типовъ, Францъ Звѣрина, родился 1835 года въ Гротовицѣ, въ Моравіи, началъ свое образованіе въ реальныхъ школахъ Знайма и Праги и докончилъ его въ Пражской академіи художествъ. Уже съ 19-ти лѣтъ началъ Звѣрина свои художническія странствованія и въ теченіе многихъ лѣтъ посѣтилъ Привислинскія губерніи, Волынь, Украйну, Ногайскую степь, Сербію, Молдавію, Славонію, Крайну, Истрію, Далматію, Герцеговину, Боснію, Венгрію, Албанію и Италію,—все это на свой счетъ и страхъ, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ, а нерѣдко и опасностямъ, подчасъ добывая себѣ пропитаніе игрой на скрипкѣ. Результатомъ этихъ странствій и явились цѣлыя серіи тѣхъ превосходныхъ типовъ, образчикъ коихъ прилагается въ этомъ №.

Серебряные складень и блюда, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величествамъ во время путешествія на югъ Россіи.

(Работы придворнаго фабриканта И. П. Хлѣбникова). (Рис. на стр. 1020).

1) Складень, поднесенный Херсонскимъ земствомъ, украшенъ эмалью въ русскомъ стилѣ, съ иконами писанными на серебрѣ: посрединѣ св. Александръ Невскій, съ правой стороны св. Марія Магдалина и Спаситель; съ лѣвой стороны: св. Николай Чудотворецъ и Смоленская Божія Матерь, именуемая Путеводительницей.

2) Блюдо отъ Кубанскаго казачьяго войска, съ 4-мя гравированными видами, изображающими: церковь Запорожской Сѣчи, чтеніе грамоты, группу казаковъ въ прежнемъ одѣяніи и въ современномъ обмундированіи. Солонка къ этому блюду въ видѣ литавръ (копія съ солонки поднесенной казаками императрицѣ Екатеринѣ II).

3) Блюдо отъ Херсонскаго дворянства, чеканное, съ эмалевыми: вензелемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, государственнымъ гербомъ и гербомъ Херсонской губерніи; къ нему солонка такого-же стиля.

4) Блюдо отъ посада Новой Праги, съ узоромъ въ видѣ колосьевъ ржи на бортѣ и надписью: 1) „Боже судъ Твой Цареви даждь и правду Твою сыну Цареву“. 2) „Дни на дни Царсви приложиши лѣта Его до дне рода и рода“; къ нему солонка того-же характера.

Пріюты для животныхъ въ Индіи. (Рис. на стр. 1021).

Сознаніе, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, но живетъ и послѣ погребенія — не было чуждо многимъ древнимъ народамъ, но загробная жизнь имъ рисовалась или на подобіе земнаго существованія, или въ видѣ перехода души изъ одного тѣла въ другое. Вѣрованіе въ такое переселеніе душъ или, какъ его называютъ, метемпсихозъ, встрѣчается и понынѣ, какъ напримѣръ у современныхъ индусовъ, у которыхъ брамины учатъ, что грѣховная душа переходитъ изъ тѣла одного животнаго въ другое, пока не искупитъ своихъ прегрѣшеній. Чтобы облегчить тягостное существованіе душъ своихъ предковъ, многія индусскія племена обходятся съ животными съ большою любовью и кротостью. Въ особенности этимъ отличается многочисленная секта Джайновъ, устроившая въ Бомбеѣ убѣжище для животныхъ всякаго рода. Оно занимаетъ въ индійскомъ кварталѣ города довольно значительное пространство и называется Пинджрапулъ. Войдя въ него, посѣтитель прежде всего попадаетъ на обширный дворъ, окруженный навѣсами и сараями. Большой садъ занимаетъ середину его. Болѣе 300 коровъ, быковъ и телятъ, вмѣстѣ съ буйволами, помѣщаются подъ навѣсами. Большинство этихъ животныхъ дряхлы или искалѣчены; болѣе молодыя животныя пасутся подъ сѣнью громадной смоковницы. Въ другой части сада находится птичникъ. Куры, утки, цапли, аисты и голуби являются главнѣйшими его обитателями. Нѣсколько далѣе можно замѣтить подъ деревьями отдѣльныя клѣтки съ попугаями и другими птицами. Тутъ же обезьяны и дикобразы находятъ себѣ пристанище. Въ другихъ, меньшихъ по размѣру, частяхъ помѣщенія содержатся до 250—300 больныхъ и бродячихъ собакъ; далѣе помѣщаются лошади, овцы, козы и другія животныя.

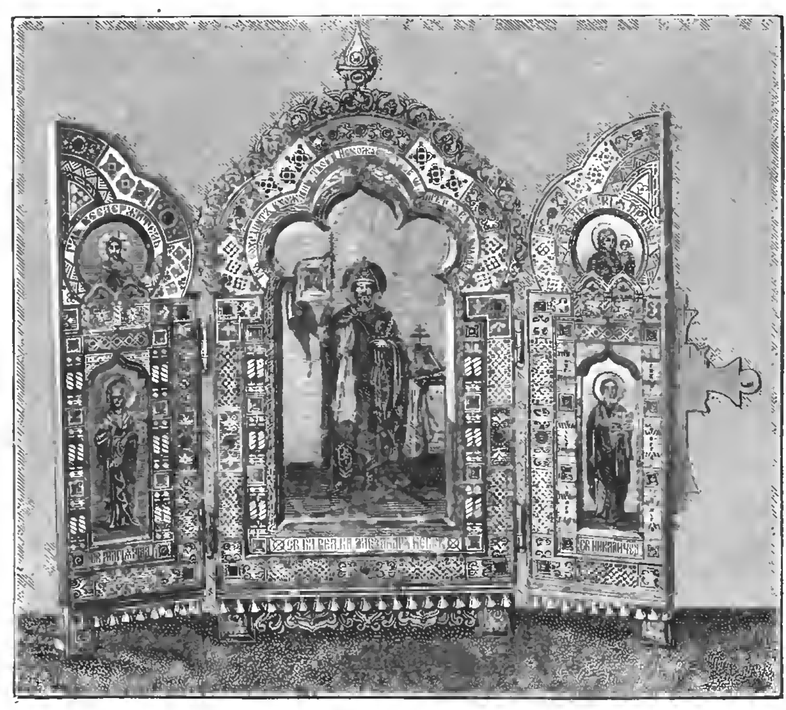
Въ другихъ городахъ Индіи секта джайновъ также устраиваетъ убѣжища, преимущественно для птицъ, и на улицахъ, близъ домовъ богатыхъ индусовъ, нерѣдко можно увидѣть птичники, въ родѣ изображеннаго на стр. 1021. Они называются *парабара* и представляютъ красивыя постройки, украшенныя иногда рѣзною работою. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ городъ Ахмедабадъ.

Забота о звѣряхъ не ограничивается одними домашними или полезными животными, но распространяется, какъ мы уже упомянули, на дикобразовъ и обезьянъ, которымъ въ Бенаресѣ построенъ цѣлый храмъ. Она идетъ еще далѣе, и какъ это ни странно, но уходомъ и попеченіемъ пользуются даже крокодилы. Въ Джайпурѣ для нихъ построенъ у воротъ города особый водоемъ, въ которомъ содержится до 300 крокодиловъ.

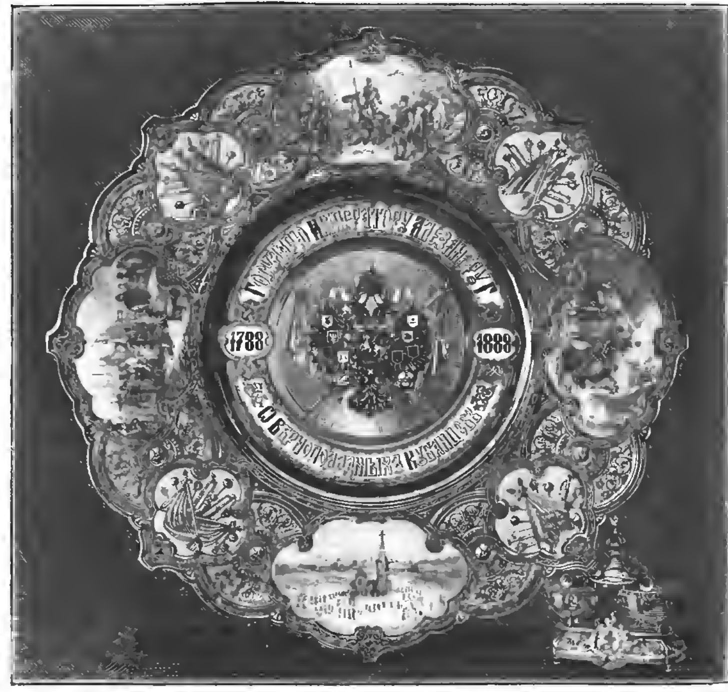
Политическое обозрѣніе.

Столбцы германскихъ и австро-венгерскихъ газетъ за истекшую недѣлю исключительно наполнялись извѣстіями о пребываніи императора Вильгельма въ Вѣнѣ. Императоръ прибылъ въ Вѣну 21 сентября въ 9 часовъ вечера. Встрѣча, вопреки сообщеніямъ нѣкоторыхъ газетъ, была вполнѣ восторженная. Путь, по которому долженъ былъ прослѣдовать Германскій императоръ со станціи въ Гофбургъ, представлялъ чрезвычайно оживленную и пеструю картину. Особенно красивъ былъ видъ Баттенбергской улицы. На ней была воздвигнута тріумфальная арка и большинство домовъ убрано флагами. Съ крышъ, балконовъ и оконъ ниспадали длинные флаги, преимущественно австрійскихъ цвѣтовъ. По улицамъ были выстроены войска, путь по которому долженъ былъ прослѣдовать Вильгельмъ и прилежащія улицы были наполнены толпами народа. Къ приходу поѣзда прибыли на вокзалъ императоръ Францъ-Іосифъ, наслѣдный принцъ Рудольфъ и находящіеся въ Вѣнѣ эрцгерцоги съ ихъ свитами, всѣ въ прусскихъ мундирахъ. Императоръ сталъ на коверъ противъ того мѣста, гдѣ долженъ былъ

остановится императорскій вагонъ. Ровно въ 9 часовъ прибылъ поѣздъ, войска взяли на караулъ, музыка заиграла національный прусскій гимнъ и всѣ присутствующіе обнажили головы. Встрѣча императоровъ была самая задушевная; союзные монархи облобызались и долго держали другъ друга въ объятіяхъ. Императоръ Францъ-Іосифъ былъ видимо тронутъ. Затѣмъ императоръ Вильгельмъ обратился съ привѣтствіями къ эрцгерцогамъ. Во время проѣзда съ вокзала оба императора были привѣтствованы криками толпы. Во дворцѣ императрица ственными тостами, вызвавшими не мало разсужденій въ вѣнскихъ газетахъ. По словамъ газетъ: „Тосты императоровъ отмѣтили важный политическій моментъ въ исторіи міровыхъ событій. Устами монарховъ засвидѣтельствована неразрывность австро-германскаго союза". Вообще свиданіе союзныхъ монарховъ вызвало множество предположеній и, между прочимъ, о скоромъ якобы рѣшеніи болгарскаго вопроса. По этому поводу сообщалось, что императоръ Вильгельмъ ведетъ переговоры со своими союзниками о разрѣшеніи вопроса въ согласіи съ Рос-

Складень отъ Херсонскаго земства.

Блюдо отъ Кубанскаго войска.

Блюдо отъ дворянства Херсонской губ.

Блюдо отъ посада Новой Праги (Херсонской губ.).

Серебряные складень и блюда, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величествамъ во время путешествія на югъ Россіи.

(Работы придворнаго фабриканта И. П. Хлѣбникова). Съ фотогр. грав. Г. Флюгель.

Елизавета и наслѣдная принцесса встрѣтили своего высокаго гостя. Поздоровавшись съ императрицею и кронпринцессою, императоръ Вильгельмъ удалился въ отведенные ему аппартаменты, гдѣ и принималъ визиты эрцгерцоговъ, общеимперскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ министровъ и высшихъ придворныхъ сановниковъ. Вечеромъ императоры присутствовали на придворномъ концертѣ, гдѣ Вильгельмъ долго бесѣдовалъ съ Тисою и гр. Кальноки. На другой день, 22 сентября, происходилъ парадный обѣдъ въ Редутной залѣ императорскаго дворца, во время котораго императоры неоднократно обмѣнивались сочувсіею. Къ этимъ слухамъ наша дипломатическая газета *Journ. de St.-Pétersb.* относится отрицательно. По ея словамъ, поѣздки молодаго Германскаго императора къ европейскимъ дворамъ не имѣютъ иной цѣли, кромѣ засвидѣтельствованія дружественныхъ отношеній къ сосѣднимъ державамъ. „Въ Петергофѣ, говоритъ газета, императоръ Вильгельмъ убѣдился въ миролюбивыхъ стремленіяхъ русской политики, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ подѣлится этими впечатлѣніями въ Вѣнѣ и Римѣ. Такимъ образомъ толки о разрѣшеніи болгарскаго вопроса явились очевидно преждевременными, и водвореніе порядка въ измученной странѣ

еще долго будетъ тормозиться Австро-Венгріей подъ разными благовидными предлогами". Императоръ Вильгельмъ, бывшій послѣдніе дни на охотѣ съ императоромъ Австрійскимъ, 28 сентября простился съ Францъ-Іосифомъ и отбылъ въ дальнѣйшій путь въ Италію.

Въ *N. fr. Prese* сообщаютъ изъ Берлина, что арестованному по дѣлу о дневникѣ императора Фридриха, профессору Геффкену, вскорѣ возвратятъ свободу. Означенное предположеніе вызвано различными соображеніями и между прочимъ болѣзненнымъ состояніемъ заключеннаго, страдающаго разстройствомъ нервовъ. Обвиненіе Геффкена во враждебныхъ къ Германіи чувствахъ вызвало энергичные протесты знающихъ близко его лицъ. Профессоръ Бонскаго университета Мейеръ, другъ Геффкена, въ письмѣ напечатанномъ въ *Köln. Zeit.*, заявляетъ, что арестованный былъ всегда искреннимъ поклонникомъ Гогенцоллернскаго дома и что побудительною причиной къ напечатанію дневника императора Фридриха было желаніе выставить публично заслуги покойнаго монарха въ дѣлѣ объединенія Германіи. По увѣренію проф. Мейера, Геффкенъ желалъ выдвинуть предъ судомъ исторіи прямую и благородную личность почившаго монарха и его преданность идеѣ объединенія и возвеличенія Германіи. Касательно же причинъ, заставившихъ князя Бисмарка предать Геффкена уголовному преслѣдованію *Corres. de l'Est* замѣчаетъ, что имперскому канцлеру было необходимо показать германскому народу и союзникамъ, что императоръ Вильгельмъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, неуклонно идетъ по стопамъ своего дѣда. *Nation. Zeit.* сообщаетъ слѣдующія подробности о дѣлѣ Геффкена: Между имперскимъ генеральнымъ прокуроромъ, берлинскимъ императорскимъ прокуроромъ и прокуроромъ ландгерихта происходили долгія совѣщанія. Пока еще неизвѣстно, откуда добыта рукопись, опубликованная въ *Deutsche Rundschau*. Предполагаютъ, что въ Англіи добыто нѣсколько копій съ оригинала, переданнаго Англійской королевѣ во время ея пребыванія въ Берлинѣ. Германское правительство, впрочемъ, не было сильно поражено напечатаніемъ дневника. Дипломатическимъ путемъ уже было извѣстно, что копіи съ этого документа находятся въ рукахъ третьихъ лицъ. Говорятъ, что въ связи съ этимъ дѣломъ находится неожиданный отъѣздъ принца Вельскаго изъ Вѣны, наканунѣ пріѣзда Германскаго императора. Вопросъ о дневникѣ вообще продолжаетъ служить въ Германіи предметомъ газетной полемики. Въ канцлерской печати замѣтно желаніе сгладить впечатлѣніе, произведенное арестомъ Геффкена; весь ходъ дѣла замѣтно обратился не въ пользу канцлера: и по сообщеніямъ гамбургскихъ газетъ, прокуратура до сихъ поръ не формуловала еще обвиненія, и по слухамъ, прокуратура верховнаго обще-имперскаго суда склонна отказаться отъ обвиненія Геффкена въ государственной измѣнѣ.

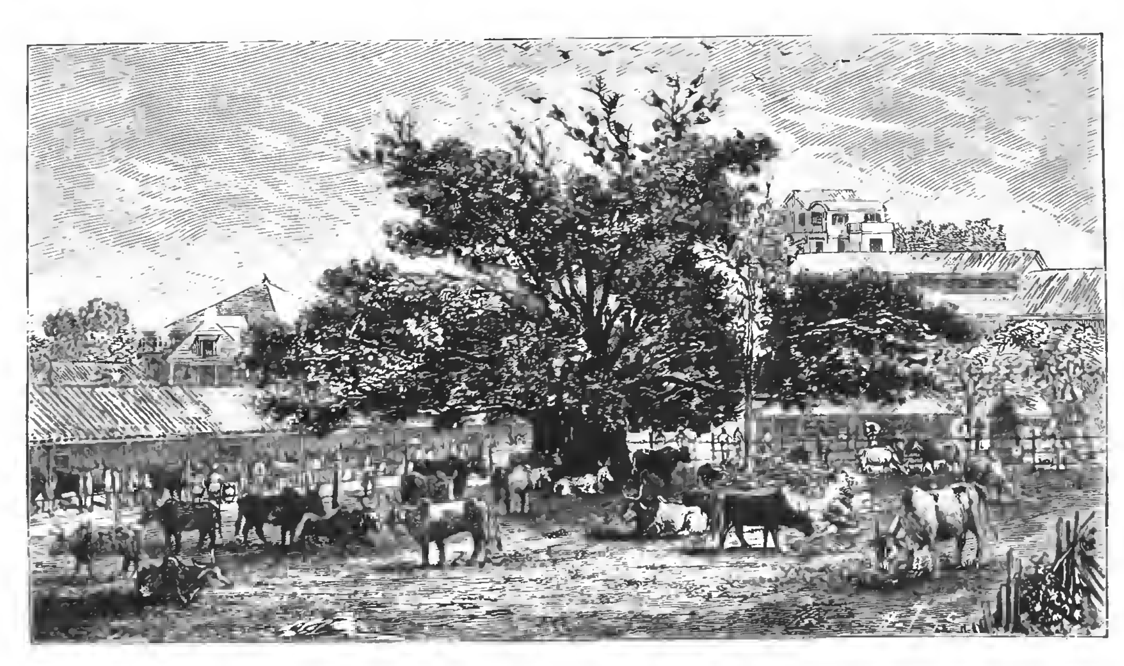
Парабара, пріютъ для птицъ въ Ахмедабадѣ (Индія).
Съ натуры рис. А. Тиссандье.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи все ухудшается и принимаетъ даже угрожающій характеръ. По возвращеніи Милана ждутъ объявленія осаднаго положенія. Король, не смотря на возрастающую оппозицію, намѣренъ заставить консисторію постановить приговоръ, по дѣлу о разводѣ, согласный съ его требованіями, и потому не сочувствующіе этому рѣшенію члены духовнаго суда будутъ замѣнены новыми — сторонниками короля. Всѣ сторонники королевы вѣроятно будутъ удалены изъ государства.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи И. Имп. Выс. Государя Наслѣдника Цесаревича и Вел. Кн. Георгія Александровича, отбыли изъ Новороссійска 23 сентября, на пароходѣ „Москва", заходили на Новый Аѳонъ, гдѣ присутствовали при закладкѣ храма, и оттуда направились на Батумъ, куда и прибыли 25 сентября, въ 10 часовъ утра.

Пинджрапулъ, пріютъ для увѣчныхъ животныхъ въ Бомбеѣ (Индія). Съ натуры рис. А. Тиссандье.

Правительственныя распоряженія.

— Государь Императоръ, 3 августа 1888 года, Высочайше соизволилъ предоставить губернаторамъ: кіевскому, подольскому, волынскому, черниговскому и полтавскому, впредь до замѣщенія должности генералъ-губернатора Юго-Западнаго края, полномочія, установленныя ст. 15 и 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, коими пользуются губернаторы въ губерніяхъ объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны и неподвѣдомственныхъ генералъ-губернаторамъ; полномочія же

сихъ послѣднихъ, указанныя въ ст. 17 упомянутаго положенія, по направленію къ военному суду отдѣльныхъ дѣлъ, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, предоставить временно въ пяти поименованныхъ губерніяхъ министру Внутреннихъ Дѣлъ.

— Высочайше повелѣно: на полицейскія должности въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, учрежденныя Высочайше утвержденнымъ 9 іюня 1888 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, опредѣлять лицъ, имѣющихъ право вступать въ гражданскую службу, независимо отъ того, имѣютъ-ли они чины, или ихъ не имѣютъ.

Сельское хозяйство.

— Въ Ярославлѣ, 25 сентября, открыта въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ конная и сельскохозяйственная выставка. Конный отдѣлъ вполнѣ удовлетворителенъ.

— Въ Кіевѣ, 22 сентября, состоялось открытіе выставки съ отдѣлами второстепенныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Выставка состоитъ изъ отдѣловъ хмѣлеводства, садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства, пивоваренія и молочнаго хозяйства, хлѣбныхъ и стручковыхъ растеній, а также удобрительныхъ туковъ и земледѣльческихъ орудій.

Торговля.

— Недѣля 11—17 сентября (ст. ст.) не внесла сколько-нибудь существеннаго улучшенія въ положеніе международнаго хлѣбнаго рынка; тѣмъ не менѣе нѣкоторые отдѣльные признаки указываютъ, что снова пробудилось стремленіе къ повышенію. Послѣднее въ особенности стало замѣтно къ концу отчетной недѣли. Собственно говоря, повышательное движеніе при настоящемъ положеніи хлѣбнаго рынка не представляется неожиданностью и скорѣе могло бы быть разсматриваемо какъ нормальное; вопросъ сводится лишь къ тому, насколько съумѣютъ и будутъ въ состояніи производители хлѣба выработать подходящія для нихъ условія сбыта. Многочисленныя извѣстія, полученныя съ *русскихъ* рынковъ, указываютъ на занятое повсемѣстно производителями выжидательное положеніе. Съ другой стороны, покупатели, не находящіе поддержки въ заграничномъ спросѣ и таможнихъ цѣнахъ, также не спѣшатъ покупками.

Народное просвѣщеніе.

— Въ недавнее время Императорское Московское техническое училище обогатилось еще одною стипендіею значительнаго размѣра. Почетная гражданка М. Ѳ. Морозова пожертвовала капиталъ въ 30,000 р. для употребленія процентовъ съ него на ежегодную командировку за-границу одного изъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ въ означенномъ учебномъ заведеніи.

Наука.

— По словамъ газеты *Валгусъ*, недавно въ окрестностяхъ Меррекюля (въ 17 вер. отъ Нарвы) былъ наблюдаемъ замѣчательный миражъ. Весь Петербургъ, отстоящій въ 155 вер. отъ Меррекюля, былъ виденъ какъ на ладони; можно было различить не только зданія, но даже цвѣтъ крышъ, лѣса, поставленные у ремонтировавшихся домовъ и проч. Сѣвернѣе видны были окрестности Петербурга. Миражъ продолжался около часа.

Изъ губерній и областей.

— На Шекснѣ, въ 2 верстахъ отъ Рыбинска, принадлежащій купцу Калачеву пассажирскій пароходъ „Марія“ столкнулся съ буксирнымъ пароходомъ Журавлева и пошелъ ко дну. Изъ пассажировъ, число которыхъ не превышало 25, спасено 15, погибло около 10 человѣкъ.

— Въ Тифлисъ прибылъ посланникъ при шахѣ Персидскомъ, князь Долгорукій.

— Прибывшій недавно изъ Англіи, для изслѣдованія главнаго кавказскаго хребта, профессоръ Донкинъ и его два проводника пропали безъ вѣсти въ ледникахъ горы Каштантау. Разыскивать ихъ прибылъ туристъ Уллс. О дальнѣйшей судьбѣ пропавшихъ ничего неизвѣстно.

Некрологъ.

— 13 сентября скончался въ Одессѣ главный инженеръ новороссійскихъ коммерческихъ портовъ, генералъ-лейтенантъ Николай Семеновичъ Гора.

— 25 сентября скончался въ своемъ имѣніи, Прилукскаго уѣзда, членъ Государственнаго Совѣта Г. П. Галаганъ.

Смѣсь.

Безумно-смѣлый прыжокъ. Въ *Мюнхенскія новѣйшія изв.* пишутъ изъ Нью-Іорка отъ 13 апрѣля: „Воздухоплаватель Эдвардъ Д. Хоганъ взялся спрыгнуть съ воздушнаго шара на высотѣ десяти тысячъ футовъ, не открывая парашюта, а предоставивъ раскрытіе его встрѣчному теченію воздуха, вызываемому быстрымъ паденіемъ,—высота и рискъ, на которые не отваживался еще никто изъ аэронавтовъ. Поднятіе шара происходило въ Джаксонѣ, въ штатѣ Мичиганѣ, мѣстѣ жительства воздухоплавателя. Вслѣдствіе объявленія о задуманномъ предпріятіи, сюда собралось множество репортеровъ, представителей арміи и спортсменовъ, которые съ большимъ любопытствомъ слѣдили за дѣлаемыми приготовленіями. Многіе старались отговорить смѣльчака отъ его попытки, долженствовавшей, по мнѣнію большинства, кончиться смертью. Увѣщанія, однако, не привели ни къ чему. Въ 11 ч. 5 м. Хоганъ поднялся на своемъ шарѣ и, достигнувъ высоты 10,000 футовъ, онъ медленно проплылъ около 300 футовъ въ направленіи къ сѣверу, представляясь маленькою темною точкой въ ослѣпительномъ эфирѣ. Собравшіеся наблюдали за шаромъ, сдерживая дыханіе. Вооруженные оптическими инструментами, они ясно видѣли приготовленія Хогана къ скачку. „Онъ не рѣшается!“ восклицали одни. „Нѣтъ!“ кричали другіе, „онъ уже стоитъ на краю гондолы!“ И дѣйствительно, Хоганъ сталъ на край гондолы, прикрѣпилъ хладнокровно конецъ парашюта къ своему поясу, не ожидая чтобы парашютъ могъ раскрыться ранѣе, чѣмъ на 300—400 фут., но опасаясь, чтобы онъ не вырвался при внезапномъ сотрясеніи; затѣмъ поднялъ руки кверху—готовясь къ прыжку. Многіе изъ зрителей, блѣднѣя и дрожа, отвернулись въ сторону, затѣмъ раздался крикъ ужаса: Хоганъ былъ внѣ гондолы! Подобно пушечному ядру летѣлъ онъ внизъ одну, двѣ, три сотни футовъ, а парашютъ оставался закрытымъ. Вскорѣ послышались новыя восклицанія, парашютъ началъ забирать воздухъ, онъ раскрылся, подобно крыльямъ воздушнаго чудовища и паденіе почти мгновенно пріостановилось. Вслѣдъ затѣмъ, слегка покачиваясь, оно перешло въ спокойное опусканіе средней скорости. Черезъ три минуты послѣ скачка, отважный человѣкъ спустился цѣлымъ и невредимымъ въ открытое поле. Хоганъ разсказывалъ, что у него захватило духъ только на нѣсколько секундъ, но вслѣдъ за наполненіемъ парашюта воздухомъ онъ быстро оправился. Парашютъ изготовленъ изъ грубой матеріи и имѣетъ въ діаметрѣ 20 футовъ. Колебаніе аппарата устраняется четырехдюймовымъ отверстіемъ въ серединѣ матеріи. Хоганъ до того не видалъ ни одного воздухоплавателя, маневрирующаго съ парашютомъ, и самъ произвелъ лишь нѣсколько опытовъ съ незначительной высоты“. (с.)

Быстрый судъ. Рѣдко преступники подвергаются такому быстрому суду, какому подвергся въ Нью-Іоркѣ полицейскій Карлъ Рикертъ, совершившій, въ форменной одеждѣ, кражу со взломомъ. Въ 3 часа утра Рикертъ былъ схваченъ при ограбленіи лавки одного коммисіоннаго торговца и аукціонатора, надзоръ за которой ему неоднократно поручался; раннимъ утромъ онъ былъ уже уволенъ со службы, и въ главномъ полицейскомъ управленіи „позорно разжалованъ“, причемъ ему отрѣзали пуговицы у мундира. Послѣ того, судья Пауэръ, выслушавъ обвиненіе въ полицейской тюрьмѣ, выразилъ надежду, что главный уголовный судъ, въ примѣръ прочимъ, постановитъ скорое судебное рѣшеніе. Уже въ 11 часовъ утра дѣло было передано на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, вынесшаго въ 1 ч. 25 м. обвиненіе въ ограбленіи со взломомъ. 20 минутъ спустя Рикертъ былъ приведенъ къ предсѣдателю Смиту, призналъ себя виновнымъ, былъ приговоренъ предсѣдателемъ къ десятилѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, а въ 3 часа вѣроломный полицейскій уже началъ отбывать наказаніе. Осужденному 29 лѣтъ; онъ имѣетъ жену и ребенка; 20 сентября 1885 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ полицейскую должность, а до того былъ солдатомъ союзной арміи. По словамъ *Нью-Іоркской газ.*, за тридцать лѣтъ это третій случай, что полицейскій оказывается виновнымъ въ кражѣ со взломомъ. Полицейскій Акинсъ въ 1870 г. былъ присужденъ за вышеупомянутое преступленіе къ 20-ти-лѣтнему тюремному заключенію, а полицейскій Нугентъ, замѣшанный въ дѣлѣ о кражѣ въ Мангатанскомъ банкѣ, вскорѣ затѣмъ былъ приговоренъ къ продолжительному заключенію въ смирительномъ домѣ. (с.)

Шахматная задача № 66.

Л. Лермета.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Шашечная задача № 67.

В. Шошина.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Задача буквъ (Ходъ коня) № 63.

Раздѣлить данный квадратъ, не прямыми линіями, на три части, которыя сложить такъ, чтобы изъ нихъ составилась крестообразная фигура и можно было прочитать, посредствомъ хода коня—отрывокъ изъ произведеній извѣстнаго русскаго писателя.

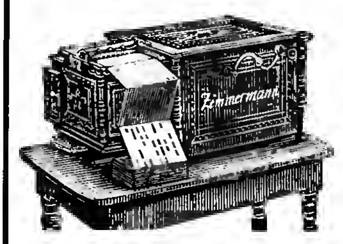
н	я	і	о	с	е	а	н
х	и	х	х	г	ъ	т	ч
о	т	а	а	о	а	м	к
к	ъ	и	я	ъ	м	р	а
ъ	д	л	д	о	з	д	т
а	т	ъ	ш	ъ	о	н	о
т	и	х	е	а	ш	ч	х
ѣ	н	ь	л	к	о	с	ь

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ и имѣетъ приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами **80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка на счетъ покупателя. № 3412

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. 6. Торлецкаго.

Только что вышелъ изъ печати
1-й ТОМЪ
полнаго собранія сочиненій
для фортепіано

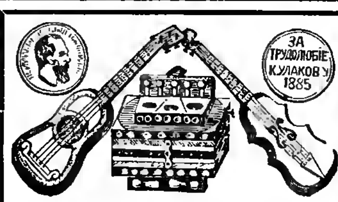
П. ЧАЙКОВСКАГО.

Новое, пересмотрѣнное авторомъ изданіе.
СОДЕРЖАНІЕ:
op. 1. Scherzo à la russe. Impromptu. op. 2. Ruines d'un chateau. Scherzo. Romance sans paroles. op. 4. Valse. op. 5. Romance. op. 7. Valse-Scherzo. op. 8. Capriccio. op. 9. Rêverie. Polka-Mazurka. op. 10. Nocturne. Humoresque. П. № 3402

Цѣна 2 рубля.
Москва, у П. Юргенсона.
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона.

№ 3410

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И ФАБРИКА

А. Е. КУЛАКОВЪ.

Реком. гармоніи, гитары, скрипки, мандолины, цитры, флейты, лирофоны, струны, герофоны, аристоны, кларіофоны и пр.
Цѣны фабричныя. Торговцамъ скидка.
Иллюстр. прейсъ-курантъ выс. безплатно.
4—3 **ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ И КОНТОРА:** 3351
Въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая, № 40.

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ

КОНЬКОВЪ

отъ 2 руб.—15 руб. за пару. 3371
Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.
Ж. БЛОКЪ. СПБ., Б. Морская, 21.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „**Нива**". № 2405

!НОВОСТЬ!

усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина

МОЛЬДАКОТЪ

съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкій ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и несложность. Шьетъ какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи двойнымъ, нераспарываемымъ швомъ. Наставленія прилагаются. **Цѣна** безъ футл. 10 р., въ орѣхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 фунт. № 3405

Главный складъ въ писчебумажномъ магазинѣ **„ПОЛИГРАФЪ", Москва,** Моросейка, д. Комитета.

ЦѢНА только 10 р. с.

ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новѣйшей конструкціи, помѣщена въ ящикѣ, къ которому придѣлана весьма раціонально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣнъ — чер. комнаты и корридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пуговка, придѣл. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ обр. кажд. хозяинъ въ сост. устроить въ нѣсколько минутъ домашнее телеграфн. сообщеніе. Болѣе точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

у Казанск. м., д. № 30—16, входъ съ Екат. кан., въ С.-Петербургѣ. № 3378 7—3

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3393 3—2
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ

СПЕРМАЦЕТОВЫЕ

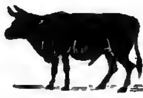
ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ

КОСМЕТИКА

А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза; также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ СПБ. Химической Лабораторіи, въ Русск. Общ. торговли аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Ко., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійск. имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38. № 3403

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ".

К. МАСЛЯННИКОВА.

Много рисунковъ, практическіе безплатн. отвѣты на вопросы, съ рисунк. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. **Безплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ.** Программа высылается безплатно. № 3411

На годъ **6 р.** Спб. Надеждинская, № 39.

№ 4711

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различнымъ запахомъ:
Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ. геліотропъ, ландышъ, оппопонаксъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая.
Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.

Цѣна за флаконъ
содержащій 1/4 фунта
1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3359 6—2
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

у Алекс. ТИСЪ и К°.
Пушкинская, № 4.

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ

по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она **дѣйствуетъ вѣрно, легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.**

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6—1

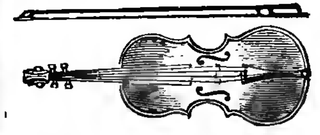
Для нормальнаго пріема достаточна половина обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

НОВЫЕ РИСУНКИ АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ для выпиливанія лобзикомъ, цѣна по 1 руб. съ пересылкой за серію изъ 12 листовъ. I-я и II-я серія разсылаются. Магазинъ

4—4 **Бр. ЛИНДЕМАНЪ.** Ц. № 3364

Москва, Мясницкая, домъ Ферстеръ.

Скрипки, віолончели, контрабасы въ большомъ выборѣ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ, смычки, струны и всѣ принадлежности продаются оптомъ и въ розницу. Пріемъ въ починку. Прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается безплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно.

Дмитрій Александровичъ

АЛЕКСАНДРОВЪ

депо музыкальныхъ инструментовъ
Невскій пр., № 53, въ С.-Петербургѣ.

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

Le *MAGNIFIQUE ALBUM ILLUSTRÉ* renfermant *554 gravures inédites* de Robes, Confections, Articles pour toilettes de Dames et Enfants, Vêtements pour Hommes, etc., ainsi que la nomenclature de tous les tissus en Soieries, Lainages, Indiennes, Toiles etc. etc., qui

Vient de Paraître.

L'envoi en est fait *GRATIS ET FRANCO* contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie
à Paris

Sont également envoyés *franco* les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*. (Bien spécifier les genres et prix.)

Expéditions franco de port à partir de *25* fr. jusqu'à la frontière Russe, ou jusqu'à destination, moyennant une augmentation de *10 0/0*, pour toute commande dépassant *100* fr.

A. № 3406 3—1

РЕПЕРТУАРЪ ФОРТЕПІАННЫХЪ
ПІЕСЪ

350 піесъ, распредѣленныхъ по степенямъ трудности на пять разрядовъ, составленный профессорами СПБ. Консерваторіи

К. ЛЮТШЕМЪ и К. К. ФАНЪ АРКЪ.
ИЗДАНІЕ

В. БЕССЕЛЬ и К°.

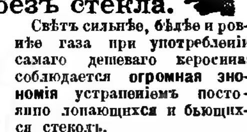
С.-Петербургъ, Невскій, 54. **Москва,** Петровка, 12. № 3400

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы

ГИЧКОКЪ

без стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается **огромная экономія устраненіемъ** постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/6 копѣйки въ часъ.

◆ Полное ручательство за доброкачеств. ◆
Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая	12 руб.
Висячая	15 руб.
Стѣнная	15 руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на **3** р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на **4** р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 15 октября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Константинъ, наслѣдный принцъ Греческій, и принцесса Софія Прусская. Грав. Бонгъ.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Наконецъ однажды, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ полдень Клёна и ея мамка приближались со страхомъ къ пресловутому дому у Никитскихъ воротъ.

Близъ палатъ, гдѣ жилъ именитый графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ, братъ родной любимца царицы, стоялъ въ глубинѣ большаго двора, яркосиній и расписной домъ дворянина и исконнаго москвича Никиты Артемьевича Филисова, уроженца и старожила Никитской. Было время, когда этотъ домъ былъ въ околоткѣ самый большой и „знатный" всякому москвичу. Но времена перемѣнчивы... Домъ Филисова все оставался въ томъ-же видѣ, каковымъ былъ еще при „первомъ" императорѣ, а рядомъ, гдѣ стоялъ тогда домишко мѣщанина-сыромятника, выстроился во времена царицы Анны небогатый дворянинъ Григорій Ивановъ Орловъ и зажилъ съ большой семьей, состоящей все изъ сыновей... Прошло еще двадцать пять лѣтъ. Пришли времена Великой Екатерины и вмѣсто „благоприличнаго" дворянскаго домика средней руки — нагромоздились вдругъ цѣлыя палаты, въ которыхъ зажилъ уже не простой дворянинъ, а именитый и богатый графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ. Палаты же Филисовыхъ, хоть были все тѣ-же, казались теперь уже не палатами, а домикомъ около домины Орлова. А садъ дворянина смахиваетъ на палисадникъ или огородъ возлѣ Орловскаго сада, вновь разбитаго на заморскій ладъ съ ручейками, мостиками, фонтанами, павильонами, гдѣ среди зелени, къ довершенію соблазна, виднѣются повсюду бѣлыя куклы на постаментахъ, и мужскія, и женскія. Да еще какія? Почти всѣ голыя!..

Въ домѣ бригадира Филисова послѣ чумы стало вдвое веселѣе. Бригадиръ не поддался общему страху и не бѣжалъ изъ столицы, подобно другимъ дворянамъ. Онъ не только остался въ зараженной Москвѣ, но поступилъ на службу коммисаромъ въ коммисію Еропкина, истиннаго покорителя моровой язвы. Послѣдствіемъ доблестнаго поведенія Филисова было то, что будучи безъ прошенія отставленъ при воцареніи государыни, въ числѣ прочихъ „малоспособныхъ", теперь онъ вновь былъ принятъ на службу и награжденъ вмѣстѣ съ другими немногими воителями-покорителями чумы.

Никита Артемьевичъ преобразился вслѣдствіе царской милости. Насколько онъ бывалъ угрюмъ, живя отставнымъ бригадиромъ, настолько теперь былъ веселъ, горделиво счастливъ и со всѣми привѣтливъ. И дворовые его теперь зажили веселѣе.

До появленія страшной смертоносной гостьи въ Москвѣ, Филисовъ, человѣкъ уже лѣтъ подъ шестьдесятъ, но моложавый и бодрый, и по внѣшности, и по образу жизни—мирно проживалъ вдвоемъ съ дальнею родственницей, приходившейся ему двоюродною сестрой. Марья Евграфовна Толбухина была однако лѣтъ на двадцать моложе „братца", какъ она его называла. Она была уже давнымъ-давно, съ 17-лѣтняго возраста „соломенною" вдовой и такъ давно жила у Филисова, проживъ за-мужемъ только годъ, что весьма многіе и не знали про ея замужество, а считали старою дѣвицей. Досужіе и злоязычные знакомые и пріятели заподозрѣвали конечно дружбу бригадира и его родственницы. Сорокалѣтняя Толбухина и теперь была еще недурна лицомъ и стройна станомъ, а когда во времена оны появилась соломенная вдова въ домѣ секундъ-майора Филисова, то была настоящей красавицей.

— Просто картина! говорили тогда всѣ, любуясь на нее. Но откуда явилась Толбухина, есть-ли у нея свое состояніе, живъ-ли безвѣстно пропадающій мужъ и что дѣлаетъ—никто ничего не зналъ.

Именно этой соломенной вдовы, распоряжавшейся въ домѣ дѣда полною хозяйкой, всего болѣе и боялась теперь Клёна.

Собираясь къ дѣду, Клёна съ радостью думала о новой жизни у бригадира, который всегда былъ чрезвычайно ласковъ съ ней и только жалѣлъ зачастую, что ее воспитываютъ не по-дворянски и позволяютъ шатанье одной-одинехонькой по чужимъ людямъ. Бригадиръ, за послѣдній годъ изрѣдка вспоминая о внучкѣ, подумывалъ о томъ, что если Клёна выйдетъ хорошо замужъ, то онъ сдѣлаетъ ее своей наслѣдницей, минуя ея отца.

Сударыня-чума все это упростила, унесла родителей этой внучки, почти унесла и вертопраха-брата, который пропалъ безъ вѣсти, а дѣвушку поставила въ положеніе какъ-бы родной дочери и единственной наслѣдницы.

Бригадиръ искренно обрадовался появленію Клёны, такъ какъ онъ, зная что дѣвушка покинула квартиру своихъ родителей, думалъ что она загибла такъ-же какъ загибъ ея братъ. О Филиппѣ бригадиръ уже имѣлъ вѣрныя вѣсти, что онъ „доигрался" до острога и находится подъ судомъ. Поэтому появленіе Клёны было неожиданнымъ и утѣшительнымъ сюрпризомъ. Она оказалась жива, невредима и не „загибла".

— Что-жъ? Стало быть такъ Богу угодно! рѣшилъ онъ, принимая въ домъ внучку-сироту съ ея няней.

Было совершенно понятно, что Филисовъ не можетъ сожалѣть о потерѣ сына, съ которымъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Даже Арина Матвѣевна была тоже, повидимому, довольна тѣмъ, какъ распорядилась чума съ ея господами. Сама Клёна на первыхъ порахъ повеселѣла въ новой, богатой и вполнѣ дворянской обстановкѣ дѣда. Домъ — палаты, дворовыхъ десятки, лошади и экипажи, именитые гости, даже самъ митрополитъ бываетъ разъ въ годъ съ поздравленіемъ въ день Святаго Никиты великомученика. Дѣдъ-же сталъ еще любовнѣе къ внучкѣ и тотчасъ нашилъ ей цѣлую кучу бѣлья и платьевъ, подарилъ золотыя сережки и выписалъ изъ Питера для забавы бѣлую болонку.

Бабушка, какъ стала звать Клёна Марью Евграфовну, была тоже нѣжна къ ней, хотя менѣе дѣда, и съ первыхъ-же дней подолгу, по часамъ цѣлымъ, обучала ее „свѣтскости и людскости", учила ходить, присѣдать и говорить, даже учила смѣяться смѣло и просто, по-дворянскому, не закрывая ротъ пригоршней. Однажды, замѣтивъ, что внучка и сморкаться прилично не умѣетъ, а „трубитъ въ платокъ на весь околотокъ", она и сморкаться стала учить внучку—„безпримѣтно".

Клёна выслушивала эти наставленія, но при этомъ недоумѣвала. Какъ-же прежде-то она бывала во многихъ богатыхъ и важныхъ домахъ и ее нигдѣ не находили мужичкой, а любили и хвалили всегда и за поведеніе, и за обращеніе. А теперь у бабушки—все не такъ!

Побаиваясь Марьи Евграфовны Толбухиной, Клёна конечно слушалась приказаній ея, исполняла все, какъ умѣла, но наединѣ съ обожаемой няней Аришей разсуждала на свой ладъ.

— Какъ-же это, Ариша?

Ариша какъ-то ежилась въ отвѣтахъ.

— Неужели-же я совсѣмъ мужичка, какъ она сказываетъ? говорила Клёна.

— Оставь ее... Пущай... Вѣдь не худому учитъ.

— Да я не про то, не худому... А больно ужь прицѣпляется... И чхнуть—наука нужна, говоритъ.

— Она это со скуки. Дѣлать ей нечего, объясняла Арина.—Вотъ учительствомъ время и убиваетъ. Всѣхъ учитъ. Такъ завсегда, сказываютъ люди, у нея было, объясняла няня.— Не ты одна у нея для времяпрепровожденья. Она холоповъ сама, бываетъ, обучаетъ, какъ по горницамъ ходить, за обѣдомъ служить. Коровницъ и тѣхъ обучаетъ, какъ коровъ доить. Сама я разъ видѣла, какъ она съ бадьей подъ корову лазала и доила. Что-жъ? Есть такія-то на свѣтѣ учительницы! Что ни сдѣлай, все не по ихнему. Ну и Богъ съ ней! Пускай утѣшается. Она все-таки-же барыня добрая.

Однако няня Арина Матвѣевна, называя Толбухину доброю, все-таки про себя рѣшила, что Марья Евграфовна „добра-то по-своему“. Людей она не поретъ и не изводитъ, какъ другія барыни-лиходѣйки, но есть въ ней что-то, за что ее люди не любятъ, зовутъ заглазно: „пила“.

VIII.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ того что няня и дитятко ея явились и зажили въ домѣ бригадира, въ двухъ отдѣльныхъ горницахъ, въ мезонинѣ или на вышкѣ,—обѣ онѣ, и 40-лѣтняя женщина, и 17-лѣтняя дѣвушка, каждая про себя, смутно почуяли что-то новое. Боясь признаться вслухъ другъ другу, онѣ обѣ начали съ инымъ чувствомъ вспоминать простую и бѣдную жизнь въ квартирѣ покойныхъ Филисовыхъ, начали будто жалѣть прежнее свое житье и словно томиться въ богатой обстановкѣ бригадира. Однако ни няня, ни дѣвушка ни разу не обмолвились вслухъ объ этомъ тайномъ чувствѣ, которое стало копошиться у обѣихъ на душѣ. Онѣ понимали, разумѣется, другъ друга, чуяли обоюдныя одинакія чувства и помыслы, но заговорить не хотѣли, какъ-бы боясь, что отъ этого признанья приключится для нихъ еще горшее, т. е. станетъ имъ еще тяжелѣе.

„Можетъ это мнѣ такъ сдается по глупости, а она—ничего довольна!“ думала каждая изъ нихъ, или вѣрнѣе обманывала самоё себя.

Однако, помимо постоянной „строгости“ въ домѣ бригадира, какой-то якобы дворянской сдержанности даже въ весельи, даже въ смѣхѣ, помимо вѣчныхъ поученій сладкорѣчивой и многорѣчивой барыни-бабушки—были и еще причины для нихъ обѣихъ скучать по прежней жизни.

Дѣвушка оказалась вдругъ какъ-бы взаперти, какъ-бы птицей въ золотой клѣткѣ. Зима проходила, а ее никуда не пускали; подругъ и пріятельницъ своихъ она еще не видѣла ни разу у себя и къ нимъ не могла отправиться въ гости.

Бригадиръ и Толбухина не отказывали прямо, а говорили: „хорошо“ и „ладно“ или „обожди“ или „увидимъ“.

Клёна терялась въ догадкахъ, ждала и скучала...

Аринѣ-же Матвѣевнѣ пришлось во многомъ измѣнить своимъ привычкамъ. Въ домѣ покойныхъ господъ она была первое лицо, какъ бывшая кормилица дѣтей и мáма обожаемая ими. Она распоряжалась во всемъ домѣ и въ хозяйствѣ больше чѣмъ сама барыня. Теперь-же она была не только не первою, но послѣднею спицей въ колесницѣ.

Арина Матвѣевна тоже не понимала, почему баринъ Никита Артемьевичъ никуда не выпускаетъ ея дитятко.

„А вѣдь въ Москвѣ-то опять веселье!“ думала няня.

Послѣ пережитыхъ страшныхъ дней, первопрестольная матушка-Москва дѣйствительно хотя не сразу, а потихоньку, но все-таки возвратилась къ своей всегдашней мирно-веселой жизни.

Начало зимы и ноябрскіе морозы, обычные въ это время, явились теперь какъ благодать, встрѣчались какъ милость Божья всѣми жителями.

Эти морозы совершенно прекратили въ городѣ моровое повѣтріе, изгнали страшную гостью воевавшую въ теченіе всего 1771 года, но особенно свирѣпствовавшую за шесть мѣсяцевъ лѣта и осени, какъ истинная кара Господня, какъ Египетская казнь надъ грѣшными людьми.

Москва, обезумѣвшая лѣтомъ и осенью отъ страха черной смерти, наполовину вымершая или разбѣжавшаяся, теперь снова приняла прежній видъ.

Только нѣкоторыя улицы и переулки, преграждённые рогатками, а въ нихъ ряды домовъ, у которыхъ окна и двери были заколочены наглухо досками — напоминали еще о недавней гостьѣ, которая тутъ пировала, убравъ на тотъ свѣтъ всѣхъ обывателей до единаго.

Много, часто и всячески поминали теперь москвичи пережитые ужасы и радовались за себя что уцѣлѣли. Страшнымъ разсказамъ и конечно привиранью не было конца. Рѣдкая семья могла похвалиться и воздать хвалу Богу, что она вся на лицо. Наоборотъ, нѣкоторые старые и молодые очутились бобылями, тогда какъ еще недавно, съ полгода назадъ, были членами большихъ семей, нынѣ лежащихъ по разнымъ чумнымъ погостамъ вокругъ города.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, время все уноситъ, старая быль новымъ быльемъ заростаетъ; хорошее-ли, худое-ли, въ памяти людской тоже не долговѣчно...

Горе тоже умираетъ въ сердцѣ—изживается...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ первопрестольная столица уже шумѣла и гудѣла по-старому... Разбѣжавшійся людъ вернулся; дворяне, разъѣхавшіеся по своимъ дальнимъ вотчинамъ, снова наполняли свои родовые дворы и палаты, и снова, растворивъ настежь ворота, зазывали гостей на пиры.

Въ иномъ домѣ еще шумнѣе стало, веселились наслѣдники, у которыхъ „сударыня чума чумовна“ унесла черезчуръ скаредныхъ или строгихъ родителей... Вѣдь нѣтъ на свѣтѣ худа безъ добра. Иной москвичъ теперь тайно на душѣ похвалялъ „сударыню черную гостью“, что она на побывкѣ своей въ стѣнахъ Бѣлокаменной прихватила и унесла много постылаго или стѣснительнаго человѣка, жену, мужа, свекра, тещу...

Придя въ домъ дѣда, Клёна тоже радовалась сначала и ждала съ нетерпѣньемъ спасительныхъ морозовъ.

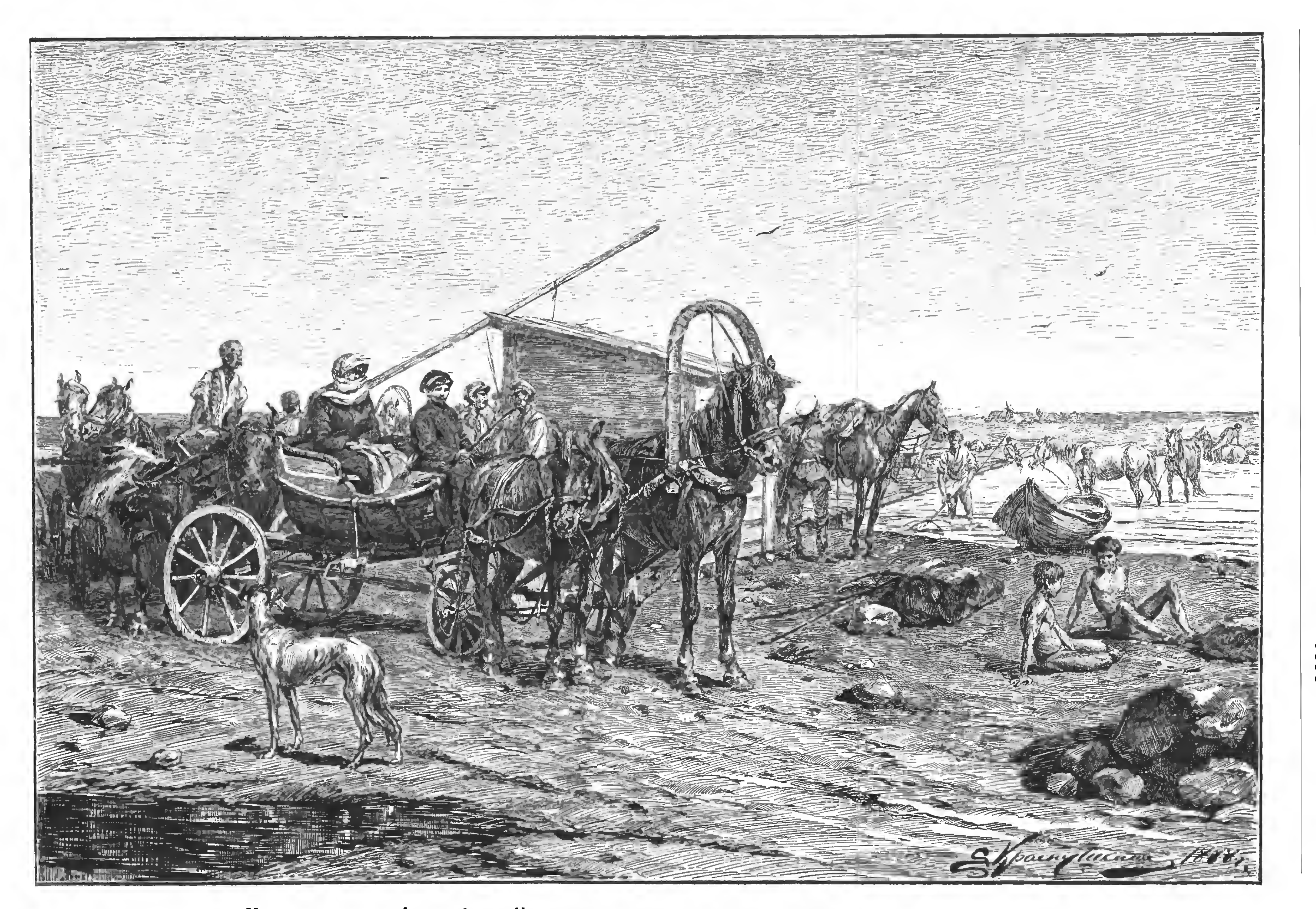
„Пройдетъ чума, утихнетъ все, явится въ Москву Козляниновъ и сдѣлаетъ свое предложеніе дѣдушкѣ“, такъ думала часто Клёна, думала и Арина.

Однако вотъ уже прошелъ и ноябрь мѣсяцъ, а объ Козляниновѣ не было ни слуху, ни духу. Клёна горевала и боялась, что ея возлюбленный погибъ тоже страшною смертью. Не мало народу и въ сосѣднихъ городахъ съ Москвой перемерло такъ-же, какъ и въ столицѣ.

Въ концѣ ноября мѣсяца, однажды утромъ, Арина Матвѣевна, выходившая со двора, вернулась бѣгомъ въ мезонинъ, гдѣ были ихъ отдѣльныя горницы, и заявила своему дитяткѣ, запыхавшись, раскраснѣвшись отъ волненія... Николай Ивановичъ въ Москвѣ! Былъ онъ очень боленъ, лежалъ два мѣсяца въ огнѣ, на волоскѣ отъ смерти, очень похудѣлъ и измѣнился. Но по-прежнему любитъ Клёну и явился въ Москву женихомъ. На-дняхъ благоприлично познакомится онъ съ бригадиромъ и, по обычаю, свата зашлетъ.

Страстно захотѣлось Клёнѣ повидаться со своимъ возлюбленнымъ, котораго она такъ давно не видала, но никакія ухищренія ни ея, ни Арины не привели ни къ чему. Клёна уже не была свободна, какъ прежде. Она уже не могла выѣхать или выйти изъ дому одна съ няней. Ее выпускали только по дворянскому въ ка-

Пожаръ во время полевыхъ работъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") И. Волкова, грав. Ф. Волковъ.

Мостъ черезъ р. Аксай близъ Новочеркаска. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Е. Краснушниной. грав. Ангереръ

ретѣ, да и при этомъ съ ней всегда отправлялась Толбухина или самъ бригадиръ.

Свидѣться, слѣдовательно, гдѣ-либо—было невозможно.

Единственное, что̀ могла устроить Арина, было не великою радостью. Въ назначенный часъ, всякій день Козляниновъ проходилъ или проѣзжалъ мимо воротъ дома бригадира, а Клёпа становилась у окна чтобы мелькомъ увидѣть его. Она могла видѣть буквально одну секунду, какъ мелькнетъ кто-то въ мундирѣ въ воротахъ. Такъ какъ домъ Филисова стоялъ въ глубинѣ большаго двора, то до воротъ, мимо которыхъ могъ пройти или проѣхать Козляниновъ, было, по крайней мѣрѣ, саженей 20. Подойти ближе къ окнамъ, значило войти во дворъ,—а это было конечно невозможно.

Но если по пословицѣ „голь на выдумки хитра“, то любовь на выдумки еще хитрѣе. При помощи Арины Матвѣевны, возлюбленнымъ удалось наконецъ повидаться. Но это свиданіе было при такой ужасной и опасной обстановкѣ, отъ которой морозъ по спинѣ пробиралъ Клёну и волосъ дыбомъ становился на головѣ няни.

Однажды, въ темнотѣ сумерекъ, онѣ обѣ прошли тайкомъ по огромнымъ сугробамъ въ садъ бригадира, и по колѣна въ снѣгу, съ замираніемъ сердца, пугливо озираясь, какъ преступницы, черезъ силу добрались въ дальній край сада. А здѣсь черезъ заборъ появился Козляниновъ.

Многочисленная дворня бригадира, вымуштрованная Толбухиною, доносила ей объ малѣйшемъ случаѣ, обо всякой мелочи въ домѣ. Поэтому было конечно опасно и даже безумно рѣшиться на подобнаго рода свиданіе.

Но этой одной встрѣчи для молодыхъ людей оказалось достаточно. Они условились во всемъ, и черезъ нѣсколько дней Козляниновъ долженъ былъ обыкновеннымъ приличнымъ образомъ объясниться съ бригадиромъ относительно своихъ намѣреній.

Но тутъ-то и началось нѣчто ужасное для Клёны...

На заявленіе черезъ знакомыхъ прапорщика Козлянинова о желаніи его представиться бригадиру, Никита Артемьевичъ объявилъ, что не видитъ никакой нужды имъ знакомиться, такъ какъ между молодымъ офицеромъ и имъ-старикомъ нѣтъ ничего общаго. А что̀ есть, т. е. внучка невѣста—это бригадиру какъ-бы и на умъ не приходило.

Разумѣется, рѣшиться идти къ бригадиру чтобы объяснять, что этотъ Козляниновъ почти нареченный женихъ,—ни у внучки, ни у няни не хватило храбрости.

Арина Матвѣевна, выходившая со двора, хотя съ позволенія Толбухиной, но довольно часто, каждый разъ отправлялась на совѣщанія къ Николаю Ивановичу. Но время шло и не приносило ничего новаго.

Послѣ отвѣта бригадира, что нѣтъ никакой нужды знакомиться — Козляниновъ не зналъ, что̀ и дѣлать. Засылать отъ себя свата къ бригадиру, въ качествѣ еще незнакомаго ему человѣка — было не въ обычаѣ, да и не привело-бы ни къ чему.

Бригадиръ прогналъ-бы свата и разсердился-бы еще болѣе.

И вотъ теперь Клёна, а равно и ея няня, начинали уже прямо раскаиваться въ томъ, что явились добровольно въ эту кабалу, въ эту крѣпостную зависимость къ дѣду.

— Ну, да авось еще... Богъ милостивъ! все повторяла мамушка своей питомицѣ; но сама думала про себя: „Нѣтъ, не милостивъ къ намъ Господь. Почитала я обузой родителей Клёнушки и грѣшила... Вотъ нѣту ихъ—а стало намъ еще хуже и мудренѣе...“

IX.

Въ эти-же самые дни, когда Козляниновъ и Клёна отчаявались въ своемъ дѣлѣ, Никита Артемьевичъ тайно принималъ свои мѣры, о которыхъ не знала даже и Толбухина.

Однажды утромъ, когда бригадиръ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ предъ столомъ и разглядывалъ три книги большаго формата въ красивомъ переплетѣ, за его спиной у дверей стоялъ почтительно вошедшій высокій человѣкъ. Бригадиръ весь погрузился во французское иллюстрированное изданіе Телемака, такъ какъ чуть-чуть „мараковалъ“ по французски, научившись за послѣднее время отъ своей родственницы и друга. Толбухина владѣла этимъ языкомъ въ совершенствѣ, но бригадиръ читать свободно не могъ и только понималъ разговорный языкъ.

Бригадиръ конечно и не читалъ книгу, а перелядывалъ гравюры и разбиралъ ихъ подписи. Часто случалось однако, что и тутъ попадались ему незнакомыя слова и онъ только по догадкѣ или по сюжету могъ знать, что̀ изображаетъ рисунокъ. Эти иллюстраціи бригадиръ только что получилъ, выписавъ ее изъ Петербурга для подарка своей „сестрицѣ“.

Наступилъ день ея рожденья, который справлялся всегда шумно и нарадно, такъ что въ домѣ бывалъ „пиръ на весь міръ“, съ угощеньемъ не только всей дворни, но и всякаго кто шелъ въ ворота... прохожихъ, нищихъ, странниковъ, даже мѣщанъ сосѣднихъ. Этотъ обычай, стоившій конечно дорого и отъ котораго приходилось накладно, начиналъ уже исчезать въ Бѣлокаменной. Кормили и поили теперь только нищихъ и странниковъ, а простыхъ прохожихъ и незнакомыхъ хозяину сосѣдей изъ мѣщанъ уже не считали нужнымъ угощать.

Бригадиръ, какъ человѣкъ очень богатый, соблюдалъ этотъ обычай, лестный для самолюбія дворянина. У него угощеніе бывало — на славу. „Встрѣчному и поперечному. Приходи, ѣшь медвѣдь, коза и барабанщикъ!“

Теперь Филисовъ уже готовился всячески къ празднованію дня рожденія Марьи Евграфовны. Великолѣпная брилліантовая звѣзда, которая въ видѣ шпильки должна была украсить голову и прическу Толбухиной—была уже заказана датчанину-ювелиру, жившему на Неглинной рѣчкѣ, а иллюстраціи уже прибыли изъ Петербурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ домѣ, въ кладовыхъ, въ погребахъ и на кухнѣ — замѣчалось еще большее движеніе. Пекли, жарили, солили, варили всякую всячину и для гостей барина, и для народа, что будетъ угощаться на дворѣ.

Бригадиръ, занятый картинами, не замѣтилъ, когда дверь его кабинета отворилась, а на порогѣ появился человѣкъ большаго роста и атлетическаго сложенія. Вошедшій сталъ у притолки и не двигался, а равно не произносилъ ни слова, ожидая, когда бригадиръ самъ обернется и увидитъ его. Простой кафтанъ синяго сукна, черныя шаровары въ высокихъ смазныхъ сапогахъ и усы съ бородкой свидѣтельствовали, что пришедшій былъ или изъ мѣщанъ, или изъ крѣпостныхъ людей. По лицу, умному и смѣлому, по манерѣ держаться, а главное, по проницательно бойкому взгляду большихъ сѣрыхъ глазъ, незнакомецъ смахивалъ скорѣе на „вольнаго“ человѣка, а не на крѣпостнаго холопа.

Пока баринъ сидѣлъ уткнувшись въ рисунокъ, изображавшій морскую бурю и корабль заливаемый волнами—богатырь стоявшій на порогѣ оглядѣлъ всю горницу и бригадира съ книгами, и по губамъ его скользнула улыбка, хитрая, самодовольная и отчасти презрительная...

Бригадиръ, переглядѣвъ наконецъ всѣ картины, будто почуялъ присутствіе посторонняго въ комнатѣ, обернулся и увидѣлъ стоящаго у дверей богатыря.

— А-а! воскликнулъ онъ съ довольствомъ въ голосѣ.— Герасимъ! А я и не примѣтилъ...

— Здравствуй, Никита Артемьевичъ! отозвался тотъ, кланяясь въ поясъ.

— Ну что̀, Герасимъ? Справилъ все?..

— Какъ указывать изволилъ. Все.

— До-чиста всю подноготную принесъ? весело спросилъ бригадиръ.

— Какъ есть до-чиста! усмѣхнулся самодовольно Герасимъ и головой тряхнулъ.

— Ну, разсказывай... Да подойди ближе...

Бригадиръ повернулся въ креслѣ лицомъ къ стоявшему теперь передъ нимъ богатырю и съ видимымъ любопытствомъ глядѣлъ на него.

— Когда изъ Звенигорода вышелъ?

— Вчерась послѣ вечерни...

— Двадцать часовъ шелъ? Ну ужь скороходъ! Этакъ и я пройду.

— Гдѣ-же двадцать, Никита Артемьевичъ. Меня ночь и мятель восемь часовъ держали на дорогѣ, да и пришелъ я не сейчасъ. Я ужь пообѣдалъ, да пріодѣлся—къ твоей милости почище явиться.

— Ну и ладно. Это я вѣдь къ слову. Тутъ снѣха не было. Могъ и двое сутки идти. Что городъ хорошій—Звенигородъ?

— Хорошій. Древній городъ! Храмовъ довольно. Обывателей немного, но съ виду городъ, что тебѣ губернія! развязно, но важно произнесъ Герасимъ.

— Губернія? Скажи на милость! усмѣхнулся бригадиръ. — Какія слова подбираетъ, самыя ученыя. Ну разсказывай.

— Да что-жь, Никита Артемьевичъ, почитай новаго и мало. Важно только, что все это, что̀ вы изволили полагать—подтвердилось. Помѣщики они, но не важные. Барыня—вдова отъ трехъ мужьевъ.

— Отъ трехъ мужьевъ?

— Дѣтей-же одинъ этотъ стало-быть.

— Офицеръ. Прапоръ?

— Такъ точно, пѣшей команды прапоръ и за моровое повѣтріе служилъ при рогаткахъ у графа Брюссова, но награды ни самомалѣйшей не получилъ. За то самъ, сказываютъ, чуть не померъ. Кто говоритъ отъ моровой болѣлъ онъ, а кто—не отъ чумы, а такъ... Теперь живутъ они всегда со вдовой, а въ чуму жили врозь... Онъ при рогаткахъ въ Тверской губерніи находился, а она, барыня, ѣздила все...

— Какъ ѣздила? Куда?

— Отъ чумы то-ись ѣздила.

— А да! Понимаю... Какъ и всѣ „дровяне“. Какъ ша̀лая отъ чумы бѣгала! По крайней мѣрѣ убѣгла, аль нѣтъ?

— Какъ убѣгла? не понялъ Герасимъ.

— Не болѣла?

— Нѣтъ, не болѣла... Да она все равно и такъ должна-бы давно помереть. Барынька старѣющая, скрюченная, сморчокъ личикомъ. Въ чемъ только душа держится! Живутъ они въ своемъ доподлинно домѣ и на хорошей улицѣ.

— А домъ?

— Что̀ домъ!.. На дрова годится. Его строилъ, сказываютъ, дѣдушка барыньки, когда ея и на свѣтѣ не было. Она въ немъ родилась, въ этомъ домѣ. Сколько-жь ему-то годовъ, когда ей всѣ семьдесятъ, а то можетъ и восемьдесятъ.

— А имѣніе... Вотчина?

— Въ домѣ имѣнія десятка два столовъ, шкаповъ, да стульевъ. А вотчина ихняя—такъ поселочекъ махонькой.

— Врешь.

— Ей-богу... Душъ ста нѣтъ...

— Сто душъ все-таки...

— Нѣту, говорю ихъ. А душъ шестьдесятъ, либо семь десятковъ есть. И оброкъ ихъ самый гривенный, потому земли мало, да и та негодная.

Герасимъ замолчалъ, а бригадиръ сидѣлъ задумавшись. Наступила пауза. Наконецъ Филисовъ очнулся и вымолвилъ:

— Ну, а какъ насчетъ чувствъ пра̀пора и насчетъ, т. е. нашей барышни? Было у нихъ, правда, все покончено? Былъ сговоръ?..

— Люди ихъ всего этого доподлинно не знаютъ, отвѣчалъ Герасимъ, — а что былъ, говорятъ, слухъ у нихъ, что молодой баринъ женихъ нѣкоей московской барышни, только будто-бы богатѣющей барышни... Такъ что не поймешь о комъ такой былъ слухъ. Объ Клеопатрѣ Артемьевнѣ или объ другой какой. Но полагательно, что объ ней, объ нашей барышнѣ.

— Вѣстимо объ ней. На мое иждивеніе глаза закидывали! Да что-жь? Оно и правильно. Она наслѣдница и есть и была тогда. Ну... А теперь какъ-же? Теперь то что̀?

Герасимъ усмѣхнулся многозначительно.

— И теперь стало быть тоже... Всѣ люди ждутъ молодую барышню къ себѣ. Сказываютъ, отъ чумы отсрочка вышла. А теперь скоро, молъ, обвѣнчается молодой баринъ и привезетъ хозяюшку въ Звенигородъ.

— Врешь ты, Герасимъ, иль и въ правду такъ?

— Какъ я смѣю, Никита Артемьевичъ. Сказываю, что̀ узналъ. Да и не одни холопы такъ-то говорятъ, а и въ лавочкѣ около дома то же мнѣ объяснили. Молодой-то баринъ живетъ здѣсь, а не тамъ въ Звенигородѣ.

— Здѣсь? Какъ здѣсь? Въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ живетъ, и ужь почитай давно!

— А служба-то?

— Этого ужь я знать не могу. А что онъ давно, какъ въ Москвѣ. . и будто...

Герасимъ заикнулся, не рѣшаясь говорить.

— Ну?

— Будто, сказываютъ, ладитъ.

— Что̀ ладитъ?

— Свое дѣло. Свадьбу...

Герасимъ вымолвилъ это слово, глядя съ любопытствомъ въ лицо барина, чтобы прочесть, какое впечатлѣніе произведетъ оно. Лицо бригадира сразу омрачилось и стало тревожно...

— Ну поди себѣ... Спасибо... Все хорошо, толково-то... Да я зналъ, что ты справишь; недаромъ грамотѣй и скороходъ. Спасибо! Ступай.

Богатырь поклонился слегка и вышелъ изъ горницы, а бригадиръ тихо вздохнулъ.

— Плохо... Возня будетъ... Что-жь, повозимся! проворчалъ онъ себѣ подъ носъ.

X.

Около полудня, за часъ до обѣда, т. е. въ положенное время для бесѣдъ объ дѣлахъ, бригадиръ явился въ горницу къ Толбухиной, которая сидѣла за пяльцами.

Опустившись медленно въ покойное кресло, Филисовъ вымолвилъ какъ-бы докладъ начальству.

— Сестрица. Дѣло у меня...

— Ну-съ! отозвалась Марья Евграфовна, какъ отзывается не грозный, но все-таки строгій начальникъ.

Она откинулась отъ пялецъ, надъ которыми сидѣла нагнувшись, и заткнувъ иглу въ канву, прикрыла работу кускомъ полотна. При этомъ она взглянула на свои стѣнные часы: не виновенъ-ли бригадиръ въ несвоевременномъ появленіи для бесѣды о дѣлахъ. Оказалось, что бригадиръ виновенъ на десять минутъ.

— Еще нѣтъ двѣнадцати часовъ, Никита Артемьевичъ. Могли-бы вы меня отъ работы не отнимать...

— Ну, послѣ доработаешь! нетерпѣливо отозвался Филисовъ.

И сестрица удивленно поглядѣла на бунтующаго подчиненнаго. Бригадиръ говорилъ Марьѣ Евграфовнѣ „ты“ только въ минуты особой нѣжности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ минуты досады и гнѣва.

— И такъ можно... Да-путаница выходитъ. Что-жь такое у васъ? Важное?

— То-то важное... И смѣхотворное, и важное. По-

мните-ли вы, матушка-сестрица, какъ офицерикъ Козлятиновъ знакомиться хотѣлъ съ нами?

— Ну-съ!

— Эта вишь козлятина въ женихи лѣзетъ къ Клёнѣ. У него штаны да рубаха всего имущества — онъ вотъ и подъѣзжаетъ къ внучкѣ бригадира Филисова.

— Фамилія его Козляниновъ, а не Козлятиновъ, и я слышала—у него есть вотчина и домъ въ Звенигородѣ, отозвалась важно Толбухина, какъ бы говоря: „Видишь не удивилъ, я побольше твоего знаю“.

— Да имѣньишко въ шестьдесятъ душъ и домишко въ семь комнатъ съ огородомъ. Коли для васъ это большущимъ иждивеньемъ и несмѣтнымъ богатствомъ кажетъ — тогда, пожалуй, зовите его новымъ словомъ: миллинеромъ.

— Милліонеромъ желаете вы сказать, батюшка-братецъ, поправила собесѣдника Толбухина.

— Такъ вотъ-съ этотъ Козлятиновъ, продолжалъ упрямо бригадиръ, какъ бы не слушая, — намъ можетъ надѣлать хлопотъ. Онъ давно, съ прошлой весны еще, влѣпился въ Клёну, а она тоже отъ него безъ памяти. Будь живы сынъ съ невѣсткой — они были бы уже обвѣнчаны.

— Почему же вы это думаете?

— Не думаю, а знаю.

— Отъ кого же?

— Отъ солдата прохожаго... если ужь вамъ, сестрица, нужны нарочитыя улики и посылки судейскія. Ну вотъ я, сославшись на сего солдата, и говорю вамъ, что Козлятиновъ долженъ былъ уже вѣнчаться съ Клёной, когда открылась моровая въ городѣ и поставила все вверхъ ногами, а въ томъ числѣ и ихъ сборы къ вѣнцу. Понимаете вы, матушка-сестрица, что̀ изъ этого слѣдуетъ? Чего теперь ждать намъ?

— Нѣтъ. Простите. Не знаю. Темно говорите.

Филисовъ, нѣсколько оживившись, передалъ Толбухиной свои предположенія, что если молодые люди влюблены другъ въ друга и еще недавно, по согласію родителей съ обѣихъ сторонъ, должны были вѣнчаться, то теперь они сочтутъ себя въ правѣ дѣйствовать рѣшительнѣе. А эта „любовишка“ ихъ конечно причинитъ не мало хлопотъ.

— Не знаю. Не понимаю, отозвалась Толбухина спокойно. — Что-жь они? Самокруткой что-ли обвѣнчаются? Безъ вашего согласія?

— А почему бы и нѣтъ?

Толбухина дернула плечами и промолчала.

— Уйдетъ она съ нянькой, какъ пришла сюда. Тѣмъ же порядкомъ. Убѣжитъ къ его матери, да въ Звенигородѣ и повѣнчается! горячѣе воскликнулъ бригадиръ.

— А вы ее лишите наслѣдства! умышленно спокойнымъ голосомъ какъ бы добавила Толбухина.

Бригадиръ разсмѣялся насмѣшливо, но не сердито.

— Что-жь я отъ этого выиграю, что мое имѣніе родовое мимо рукъ родной внучки пойдетъ? На богадѣлокъ, на Божедомку, въ монастыри дармоѣдамъ!.. Хороша прибыль!

Бригадиръ замолчалъ, ожидая, что̀ скажетъ „сестрица“, но Толбухина сидѣла и молча глядѣла на стѣну, гдѣ висѣлъ портретъ ея отца въ дворянскомъ мундирѣ.

— Ну-съ, что же-съ? вымолвилъ наконецъ Филисовъ.

— Дайте подумать... сказала Марья Евграфовна смягчившись.—Можетъ что̀ и надумаю. А прежде надо бы вамъ съ ней самой поговорить. Можетъ быть она теперь, будучи въ вашемъ домѣ, не пожелаетъ этакого жениха, пожелаетъ кого-нибудь почище да и чиномъ повыше простаго прапора.

— Что̀ вы дѣвицей-то не были что-ли, что такъ неосновательно разсуждаете. Дѣвицамъ что̀ прапоръ, что̀ фельдмаршалъ—все едино. Лишь бы глазки у него масляные были, да хватомъ былъ. А вы вотъ что̀, сестрица, поговорите съ Клёной. Узнайте какъ она чувствуетъ.

— Извольте. Сегодня же все узнаю отъ нея и если есть что̀ и впрямь, то разговорю.

— Ну вотъ. Вы на это вѣдь мастерица! вкрадчиво и льстиво произнесъ бригадиръ.

Никита Артемьевичъ вѣрилъ въ мастерство Марьи Евграфовны на всѣ руки. Кому же лучше съумѣть „разговорить“ кого-либо, какъ не ей, владѣющей рѣчью въ совершенствѣ, яко-бы подъ-стать какому проповѣднику изъ духовенства. Никита Артемьевичъ, говоря о хлопотахъ, какія можетъ причинить ему „любовишка“ внучки, не проронилъ однако ни слова о главной причинѣ, почему подобное замужество Клёны могло ему быть непріятно. Но бригадиръ зналъ, что сестрица догадывается. И дѣйствительно, она не только догадывалась, а знала навѣрное, въ чемъ дѣло.

А дѣло было вмѣстѣ и простое, и мудреное. Это была затѣя бригадира, и затѣя, по мнѣнію Толбухиной, такая, у которой „нѣтъ ни головы, ни хвоста“.

Съ точки зрѣнія самого Филисова предпріятіе это являлось самымъ обыкновеннымъ житейскимъ разсчетомъ. Онъ хотѣлъ выдать внучку по своему выбору, за близкаго человѣка, имъ уже намѣченнаго. Съ точки зрѣнія сестрицы Толбухиной затѣя эта могла представляться дѣломъ мудренымъ и даже пагубнымъ, ибо женихъ бригадиромъ избранный былъ человѣкъ лѣтъ на сорокъ старше Клёны.

Это былъ давнишній пріятель и однокашникъ Филисова по Шляхетскому корпусу, гдѣ они еще школьниками дѣлили и пироги, и перья, и радости, и печали, и даже розги... Иначе говоря, они изъ дружбы обоюдно брали на себя вину другаго, когда за недѣлю у кого-либо изъ нихъ приключалось двѣ шалости или двѣ вины и предстояло въ субботу, „экзекуціонный“ день, получить двойную порцію розогъ.

Послѣ выпуска друзья были сослуживцами въ одномъ и томъ же полку карабинеровъ, а затѣмъ, когда Филисовъ получилъ не прося — отставку по прошенію или „абшидъ“ и вышелъ въ „чистую“, съ чиномъ бригадира, его другъ перешелъ въ „рябчики“, т. е. въ гражданскіе чины. Теперь онъ былъ статскимъ совѣтникомъ и засѣдателемъ въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ.

Другъ этотъ, Геннадій Ивановичъ Братолюбцевъ, былъ старый холостякъ, когда-то богатый, но теперь разорившійся, сильно нуждавшійся и часто бравшій денегъ у друга Филисова.

Происхожденіе Братолюбцева было темное въ томъ смыслѣ, что фамилія его была сочиненная и отецъ его до 30-ти лѣтъ—какъ помнилъ хорошо самъ онъ—носилъ совершенно иную фамилію, даже не русскую, а нѣмецкую.

Бригадиръ ни слова, ни разу не сказалъ Марьѣ Евграфовнѣ о своей затѣѣ обвѣнчать обожаемаго имъ, Богъ вѣсть за что̀, друга-пріятеля съ появившеюся въ домѣ внучкой; но Толбухина слишкомъ хорошо знала братца, чтобы не догадаться тотчасъ, о чемъ началъ мечтать онъ.

Никита Артемьевичъ обладалъ одною весьма рѣдкою чертой характера. Онъ былъ способенъ на безпримѣрное постоянство и безусловную слѣпую преданность тѣмъ, кого онъ разъ полюбилъ. Его 20-ти-лѣтняя привязанность къ Толбухиной и 50-ти-лѣтняя почти за всю жизнь привязанность къ другу-однокашнику Братолюбцеву, могли подвигнуть его на всякую жертву, на всякій подвигъ до самозабвенія. Захоти Толбухина, все его состояніе давно бы принадлежало ей по дарственной. Много разъ предлагалъ бригадиръ сестрицѣ передать ей все при жизни и жить на ея иждивеніи. Ему была по сердцу мысль, что онъ будетъ у сестрицы на хлѣбахъ, а не она у него.

Будь на мѣстѣ Толбухиной женщина безчестная, бригадиръ былъ бы вѣроятно давно нищимъ, на улицѣ.

Дѣдушка и внучка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. Леонтовскаго,** грав. Бергъ.

2

Точно также не разъ собирался Никита Артемьевичъ подарить половину своего состоянія разорившемуся другу. Но опять-таки на свое счастье попалъ на честнаго человѣка, который на такое предложеніе однокашника и сослуживца отвѣчалъ смѣхомъ и шутками.

— Называться бы тебѣ не Никитою, а Кузьмой или Даміаномъ. И вирямь безсребренникъ! отвѣчалъ другъ.— Какъ это тебя при этой добротѣ никто еще не объегорилъ. Марья Евграфовна не дала! Спасибо ей, умницѣ. А то бы давно пошелъ ты по міру.

Теперь у незлобиваго, причудливаго мечтателя Филисова, съ появленіемъ внучки въ домѣ, явилась новая сильная привязанность. Онъ начиналъ шибко любить ее, но на свой ладъ, и мечталъ устроить ея судьбу тоже на свой, а не на ея ладъ. Соединить судьбу обожаемаго друга съ судьбой любимой внучки, назвать товарища своихъ дѣтскихъ игръ своимъ внукомъ и видѣть внучку женою этого однокашника стало вдругъ для бригадира его сладчайшею мечтой. Все состояніе родовое и благопріобрѣтенное имъ пошло бы въ прямой родъ, въ линію и въ то же время... Да, въ то же время досталось бы и другу-пріятелю. И не въ видѣ подарка и подачки на бѣдность, а по обычаю и закону.

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Настасья Петровна, встрѣтясь на Софійской паперти съ Киріакомъ Андреевичемъ, въ своей низаной рѣчи упоминала, что ея сестрица Ненилушка хвалится, будто Мамелфа Тимоѳеевна въ любви ее содержитъ. Ненилушка похвастать не прочь была, но этимъ хвалилась не мимо.

Межь сестрами любовь была особенная: онѣ никакъ не могли забыть другъ о дружкѣ, и старались одна предъ другой, чтобъ чѣмъ нибудь раздосадовать сестрицу, или хоть словцомъ кольнуть. Особенно усердствовала Ненила Петровна. Она во всемъ завидовала сестрѣ. Настасья была и моложе, и пригоже, и замужъ, хоть и житья дочь была, выскочила за боярина; Ненилаже, какъ и матушка, за житьемъ жила. Овдовѣла сестра, а Ненилушка зависти своей не отложила. Причина заключалась въ томъ, что, какъ говорила Ненила Петровна: „а хоть и не былъ молъ Иванъ Григорьевичъ — дай ему Господь царствіе небесное за то, что сестру въ рукахъ держалъ! — ни посадникомъ, ни тысяцкимъ, да могъ-же быть; а моему Онуфрію Лептѣевичу, хоть того умнѣй онъ будь, степенствомъ вѣкъ не величатися: степень житьимъ заказана“.

Тому, что Настасья овдовѣвъ прославилась на весь Новгородъ, Ненила не очень завидовала. Для нея, какъ для множества женъ и вдовъ, и житьихъ и боярскихъ, Марѳа была „особь статья“; идти по ней было имъ не по разуму. Онѣ не осмѣливались бранить ее вслухъ, но не очень о ней и заботились: „не женьское молъ дѣло“. Какъ Настасья по Марѳѣ пошла, Ненилушка взахнула отъ ужаса, но потомъ, обдумавъ, посмѣялась надъ сестрой: „И наша де соколёна туда-жь увязалася. А подлинно скажутъ: куды конь съ копытомъ, туды и ракъ съ клешней“.

Этимъ Ненила и удовольствовалась. Когда-же Настасья Петровна проникла къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ, Ненилушка разгнѣвалась не на шутку. То-же множество женъ и вдовъ новгородскихъ, для кого Марѳа была „особь статья“, ставило себѣ въ образецъ Мамелфу Тимоѳеевну. Что̀ Мамелфа Тимоѳеевна сдумаетъ, на томъ и всѣ онѣ становилися.

Нельзя было не ѣхать къ тому празднику, куда собиралась Мамелфа Тимоѳеевна. Господарыни хвалились, что у нихъ то или иное кушанье готовится точно такъ какъ у Мамелфы Тимоѳеевны. На Ивана-постнаго ничего круглаго не полагалось не только ѣсть, но и рубить, потому что въ этотъ день Мамелфа Тимоѳеевна ничего круглаго не кушала и рубить не приказывала. Шелъ-ли споръ о томъ, можно-ли разгавливаться, когда Петра и Павла приходится въ среду или пятницу и когда, по народному выраженію, Петръ у Павла корову укралъ,—и тутъ довольно было сказать, что Мамелфа Тимоѳеевна никогда въ такомъ разѣ не разгавливается, чтобъ рѣшить споръ.

Къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ ѣздили совѣтоваться обо всемъ: время-ли сына женить, иль грибы солить; какъ лучше свадьбу справить и чѣмъ прочнѣе кровлю крыть; какъ родителей поминать и какъ какіе пироги да блины ставить; кого звать въ крестные отцы и какія овощи время сажать. Вся наука житейскаго обихода была доподлинно извѣстна Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ, и оттого ея добрая слава между вдовъ и женъ новгородскихъ притемняла славу Марѳы. Ужь Ненилушкѣ-ль не въ честь было, что она къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ не только въѣзжа въ домъ, а свой у нея человѣкъ? И вдругъ сестрица и сюда просунулась!

„Эвося что̀ вздумала!“ сердилась Ненила. „А въ нашъ огородъ ужь пожаловала. А не погнѣвайся, Настасья Петровна, я тебя отсюда еще повыкурю“.

Это выкуриванье Ненилушка видѣла и въ явь, и во снѣ. Она твердо знала, что это дѣло будетъ трудное, особенно съ тѣхъ поръ какъ прошелъ слухъ, что Мамелфа Тимоѳеевна не прочь Настасью Петровну невѣсткой звать. И вдругъ къ великой радости Ненила Петровна узнала, что Киріакъ Андреевичъ упрямится жениться на Настасьѣ.

А что Ненила Петровна сумѣла узнать о томъ, въ этомъ не было ничего мудренаго. Знала она о всѣхъ честныхъ дворахъ въ Новѣгородѣ, что̀ въ которомъ творится или затѣвается; впрочемъ, на этотъ счетъ она не брезгала и простыми дворами.

Ненила Петровна жила у самаго Знаменья, а новгородцы къ святой иконѣ Знаменской были не менѣе прибѣжны, чѣмъ стали потомъ москвичи къ Иверской. Кто къ Знаменью шелъ, или ѣхалъ,—какъ было миновать Ненилу Петровну? Она-же была женщина хлѣбосольная и на разговоръ ловкая. Не однѣ господарыни Богу молятся, а потому у Ненилы Петровны было наказано дворнѣ, чтобъ одерноватыхъ богомольцевъ и богомолокъ угощали въ людской застольной. А холопямъ, сойдясь, о чемъ-же разговаривать, какъ не про то, что̀ дѣлается у господарей, ихъ поносить да ими-же и чехвалиться? Ненилѣ Петровнѣ ежедневно докладывали о чемъ шла бесѣда въ застольной.

Ненила, зная все, не развозила зря по городу сплетенъ, а знаньемъ своимъ пользовалась умѣючи: не для того только, чтобъ разстраивать чужія дѣла, а и затѣмъ, чтобъ ихъ устраивать. Какъ Настасья Петровна надѣялась со временемъ въ Марѳино мѣсто стать, такъ и Ненила Петровна мѣтила замѣнить Новугороду Мамелфу Тимоѳеевну.

Про Киріака узнала Ненила слѣдующимъ образомъ. У Мамелфы Тимоѳеевны была кормилка, которая ее выкормила: у родной ея матушки грудница сдѣлалась. Отъ кормилки своей у господарыни никакой тайности не было. Кормилка, не зная какъ урядить семейственный раздоръ, не отаилась отъ Ненилы Петровны и стала

съ ней совѣтоваться, какъ съ близкой, почти родной.

Добывъ важную вѣсть, Ненила Петровна съ радости чуть не вспрыгнула и рѣшила сейчасъ-же подѣлиться сю съ сестрицей.

Ненилушка пересидѣла у Настасьи всѣхъ гостей, давъ ей понять, что имъ требуется поговорить по откровенности.

— А что́, сестрица любименька, заговорила Ненилушка, когда онѣ остались вдвоемъ, — а давно-ль ты была у Мамелфы Тимоѳеевны?

— А некогда мнѣ, сестрица миленька, по гостямъ больнё часто разъѣзжать. Время у меня иде не по-твоему, а не безъ-толку.

— Гдѣ ужь мнѣ за тобой, любименька! Мнѣ развѣ хвалиться тобой, что вотъ молъ у насъ какова въ роду Настасьюшка вышла умомъ сверстна!

— А и мнѣ вѣдь, миленька, тобой буде не нахвататься: какова молъ у насъ Ненилушка сердцемъ добра!

— Ужь всегда-то ты, любименька, надо мной злобствуешь, а вѣдь я къ тебѣ ото всей души... Такъ Мамелфы-то Тимоѳеевны ты, знать, давненько не видѣла? Аль Киріакъ Андреевичъ нонѣ къ тебѣ не по-часту жалуетъ?

Настасья Петровна обвела сестрицу глазами, точно высматривая не выглядываетъ-ли гдѣ у нея въ прорѣшку злой умыселъ.

— А сказывала-бы ужь, сестрица миленька, безъ подходца злобственнаго. Знаю вѣдь я, что николи-то ко мнѣ за добромъ не жалуешь.

— А такъ вѣдь я, любименька, спрашивала, безо всякаго вѣдь умысла. А съ проста думала: что молъ оно тако̀, что Киріакъ Андреевичъ къ сестрицѣ моей любименькой все учащивалъ, а нунь молъ внукъ посадничій и на-очи ей не кажется?

— И всё вѣдь такъ, миленька. А частятъ ко мнѣ, пока кому надобна.

— А знать, любименька, подхватила Ненилушка, — *ты* ему нунь стала не надобна. А не то вѣдь это чтобъ *онъ тебѣ* не надобенъ сталъ.

Настасью взорвало.

— Да ты съ чего, миленька, ко мнѣ со своимъ свѣтъ-Киріакушкомъ пристала? А коль тебѣ онъ занадобился, инъ хоть цѣлуйся съ нимъ.

— А намъ, женамъ мужатымъ, любименька, въ томъ грѣхъ великъ; не знаю ужь какъ по вашему, по вдовьему.

Настасьюшка любименька сильно разсердилась, видя что Ненилушка миленька своими скорыми отвѣтами беретъ надъ ней верха. И не зная въ точности, чѣмъ досадить сестрѣ, сказала первое, что̀ пришло въ голову.

— Аль ты въ бо̀ярски свашеньки нунь записалася? спросила она.—А ужь не думашь-ли ты меня за него высватать?

— А ужь гдѣ-ко-ва мнѣ, сестрица любименька, тебя сватати, а сама ты себя за любого молодца высваташь, не хуже вѣдь Забавы Путятичны, какъ въ былинахъ скажутъ.

— А ты, сестрица миленька, про всяку-жь сплетку выдумашь.

— Анъ сплетокъ сплетать я ощё не научалася, и не свое вѣдь, любименька, про твое-то это самоё себя высва̀тываньё сказывала. А давно про это слухъ прошелъ въ Новѣгородѣ. А твоя-жь дворня и про̀несла.

— А живешь ты, миленька, до дворскихъ сплетокъ пріохотливая. А къ тому и сама горазда-жь придумывать.

— А мнѣ-ко съ чего придумывать! Не ты-ль сама на него пиры строила, а ппрами-те чуть не на торгу хвастала?

Настасья съ досады не придумала отвѣта.

— А только скажутъ, не унималась донимать Ненила Настасью, — будто женишоко-тъ отъ тебя воротится, а гдѣ-то-сь себѣ дѣвчину высмотря хо̀рошу.

Этого Настасья ужь вовсе снести не могла: пусть-бы Киріакъ Андреевичъ вѣкъ у нея въ сѣняхъ сидѣлъ, не смѣя сказать послѣдняго слова хоть до-вѣку, а ужь это чтобъ дѣвчинъ на сторонѣ высматривать...

— А мнѣ-то что́, хоть-бы десять онъ ихъ высмотрѣлъ! съ задоромъ вскричала она.—А захоти я за мужъ идти, нашла-бы себѣ получше его. А ты то, бо̀ярска свашенька, оплошилася — сестрѣ сыскать жениха хорошаго не съумѣла-же. А твой-то Киріакъ Андреевичъ ужь больнё плохъ, не вышелъ ничѣмъ.

Говоря эти слова, Настасья сама чувствовала, что завирается да съ досады не могла сдержать себя.

— А тѣмъ вѣдь онъ тебѣ, любименька, не по норову нунь пришелъ, что съ гордыни-то твоей спѣсь сбилъ. Всегда-то ты жила у насъ, Настасьюшка, тригордая, и за перваго за боярина-же выскочила.

— Аль я самокруткой съ нимъ вѣнчалася, а не отъ родителей была выдадена?

— Да меня-то нѐ-что Онуфрій мой Лентѣевичъ увозомъ увезъ? сама не зная къ чему вскрикнула Ненила.

— А ты прости, миленька, ощё рыломъ не вышла жить за бояриномъ!

— А ты, прости, любименька, сколько рыла ты своего ни пятила, а за внука посадничья не попала-же.

— Что́ ты ко мнѣ пристала со внукомъ-то своимъ посадничьимъ, а и съ этой своей Мамелфой Тимоѳеевной? Это вамъ вѣдь, у Знаменья живучи, Мамелфа за диво оказывается. А мнѣ-ко, на Прусьской улицѣ, и Марѳа подъ стать.

— Этакъ-то ты свою свекровушку честишь, хоть и мо̀ленну да у Господа не вы̀моленну! А стыднёхонько вѣдь, Настасьюшка-любушка, и грѣхъ къ тому.

— Ты, Ненилушка-милушка, лучше-бъ свои грѣхи подсчитывала.

— Каки таки грѣхи у меня заводилися?

— А таки-же, милушка, что будешь ты перва въ Новѣгородѣ сплетница, а сестрицу счастью завистница.

— Было-бъ ощё, и-ахъ Господи! чему завидовать.

— А ужь тебѣ-то и раба моя сама послѣдня не позавидуетъ.

— Этого ужь и отъ тебя, любименька, не ждала, что къ рабѣ родну сестру приравнять на̀учишься.

— Не того ощё, миленька, отъ меня до̀ждешься. Въ другій разъ и порогъ укажу.

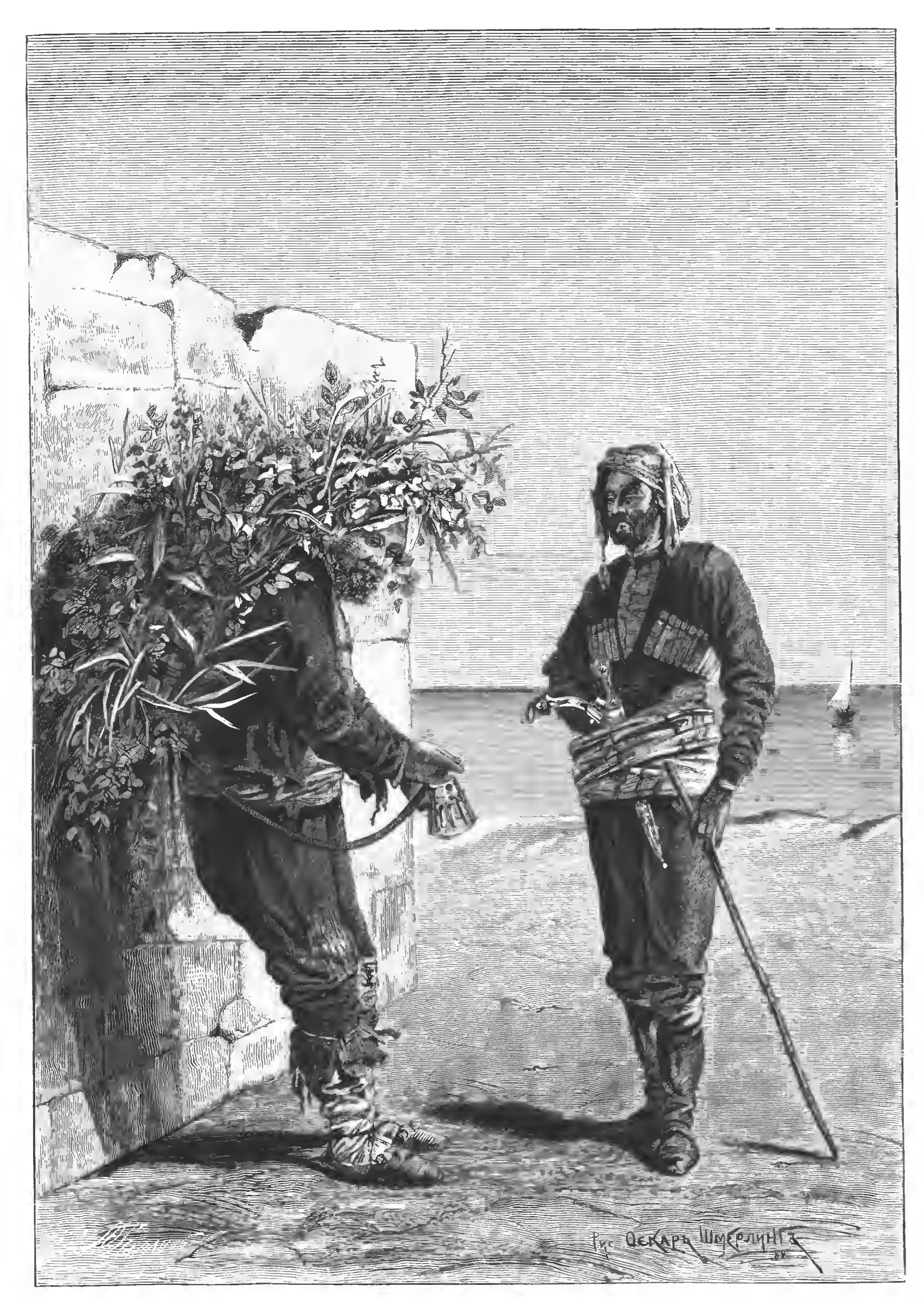
— А ужь за это много тебѣ, ме́ньша сестра, благодарствую. Глядите-ко-сь, подивуйтеся! Пришла вѣдь я, тебя-же, любименька, жалѣючи, съ полнымъ вѣжествомъ, анъ мнѣ-ко порогъ, гляди! Да ты велѣла-бъ лучше меня со-двора сбить.

— И того, больша сестра, до̀ждешься, коль отъ сплетокъ не у̀йменься!

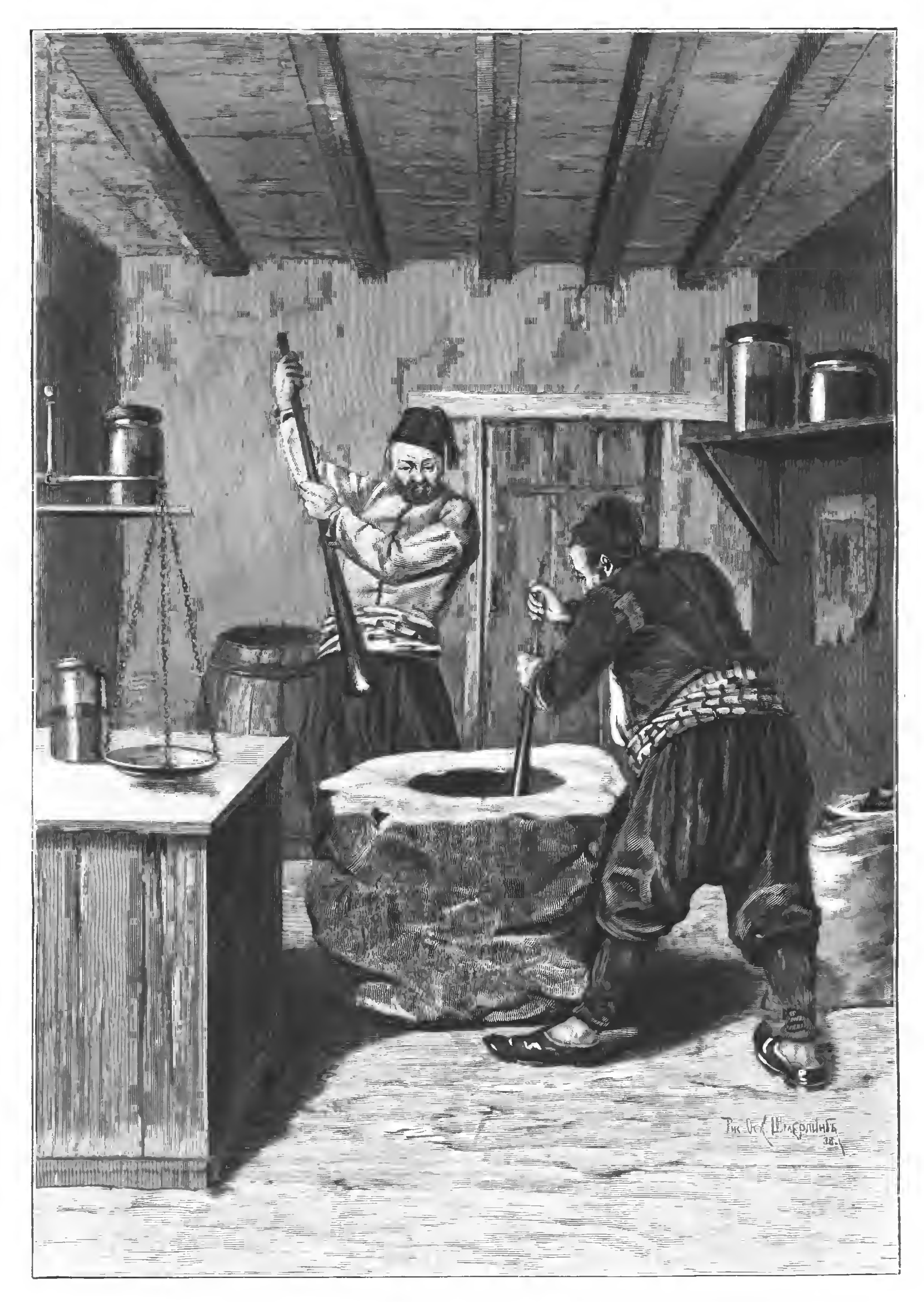
И сестры вовсе разругалися, не хуже бабъ на торгу. Напослѣдокъ Настасья Петровна не выдержала, выбѣжала изъ горницы въ чуланъ, и съ шумомъ задвинула дверь. Ненила Петровна бросилась было за ней, но одумалась, и только въ дверь со злости плюнула.

Настасья Петровна до того растревожилась, что въ чемъ была бросилась на кровать, и съ досады заплакала.

„Во всемъ-то я умна буду“, выплакавшись стала она сама передъ собой хвастать, „а ужь на это бабье дѣло буду я женщина сама глупая. Въ этомъ Ненилушка всегда надо мной верха возьметъ. Охъ ужь! этака обидчица. А съ чего мнѣ было досадовати? Анъ высмотрѣлъ, такъ и высмотрѣлъ. Знать не похотѣлъ онъ быть воеводою. Мнѣ-то что! Только-бъ вздумала, а и мо̀лодцовъ!..“ И погодя немного, Настасья съ холодной улыбкой добавила: „А и вѣкъ мнѣ этого не всхочется! Одной-то ладнѣй, гляди“. И еще полежавъ подумала: „А Марѳа-то у меня на пиру про него

„Саукъ-су“ (уличный продавецъ холодной воды въ Батумѣ). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) О. Шмерлинга, грав. Барановскій.

Толченіе кофе въ Батумѣ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **О. Шмерлинга**, грав. Шюблеръ.

сказывала, что воеводьскій моль умъ! Нашла ума воеводьскаго! Соколёну на ворону промѣнялъ. А не быть-же ему, коль на то пошло, воеводою. Пока жива-то я не допущу".

И Настасья Петровна вполнѣ успокоилась: коль не будетъ Киріакъ Андреевичъ воеводою, такъ на что-жь онъ ей понадобится?

Ненила Петровна, выплюнувъ свою досаду, попила кваску, и позвавъ рабу, немного оправилась.

„А куй желѣзо, покуль горячо!" сказала она уже весело, и приказала везти себя къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ.

Честная вдова попеняла дорогой гостенькѣ, что она ее вовсе забыла и давно не жаловала. Ненила отговаривалась тѣмъ, что ее не кто иной, а сестра отвадила отъ Мамелфы Тимоѳеевны.

— А только къ тебѣ я вздумаю, апъ отъ сестры съ посылкою бѣгутъ что Настасья молъ Петровна къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ вздумала, такъ не поѣдешь-ли молъ и ты съ ней вмѣстяхъ?

— А отчего-жь бы вамъ вмѣстяхъ-те меня не порадовати?

— А незнашь ты вижу, Мамелфа Тимоѳеевна, норова Настасьина. А гдѣ со мной ни встрѣтится. погрызется сейчасъ. Всегда-то на меня злобствуе. А ужь лучше, я думала, пусть молъ Мамелфа Тимоѳеевна на меня посердится, чѣмъ мнѣ у нея съ Настасьюшкой свару затѣвать. А и меньшу сестру добрымъ людямъ съ худого конца не стать мнѣ показывати.

Мамелфа Тимоѳеевна, зная Настасью за ласковую голубушку, не мало подивилась этимъ рѣчамъ.

— А съ чего-бы ей на тебя, Ненилушка, злобствовати?

— А со вдовьяѣ житья. Знамо молода, за-мужъ хочется. Съ другими-то она, поди, ласкова, а притворяетъ себя на эту ласковость, все-то норовя во замужество. А со мной-то чиниться ей не къ чему. А мнѣ-ко сестру не въ соромъ-же вводить. И жаль вѣдь ее, доля-то ейная горькая.

Мамелфа Тимоѳеевна подивилась, чѣмъ такимъ Настасьюшкина доля будетъ горькая.

— А тѣмъ-же все, что молода вдова. Замужъ-то ей, говорю, хочется, а кто-жь сынка на вдовѣ оженить похотится? На тебя самоё сошлюсь, Мамелфа Тимоѳеевна. Знамо не вдову-же прочишь за Киріака-то Андреевича?

Ничего не сказала Мамелфа Тимоѳеевна, только подумала, что и всѣ молъ этакъ-же о вдовахъ говорятъ.

— А за стараго-то вдовца ей, Настасьюшкѣ, не неволится. Который съ дѣтьми вдовецъ, тотъ и не возьме ее, потому какъ и своего-то сыночушка единаго вовсе вѣдь она забросила. У мамушекъ да нянюшекъ не накормленъ сидитъ. А бываетъ, поиграться съ моими ребятками къ намъ его привезутъ, не повѣруешь вѣдь, Мамелфа Тимоѳеевна, мои-же дѣтушки опосля спрашиваютъ: „что молъ оно, мамонька, аль Ванюша то дома живе не кормленный, что на пирого-тъ у насъ ровно на невидаль каку набросился?" А головушку бѣлюшкѣ вычесать этимъ частымъ гребнемъ рыбозубчатымъ [1]), и того знать матушкѣ некогда. А ужь что говорить. Вовсе вѣдь она въ чужихъ дѣлахъ запуталася, а дворо-тъ свой на ключника забросивши. Такъ вдовый-то отецъ на такой пожениться задумается.

Мамелфа Тимоѳеевна, слушая Ненилу Петровну, все о томъ-же думала, что никакъ молъ нельзя принуждать Киріакушка женитьбой на вдовѣ.

— А ужь сѐутро [2]), ахъ!.. вскликнула Ненила Петровна и замолчала, и затѣмъ, пододвинувшись къ боярынѣ, сказала потихоньку: —А прости ужь, Мамелфа Тимоѳеевна, не погнѣвайся что у тебя-то спрошу про Киріака Андреевича?

[1]) Рыбозубчатый—изъ рыбьяго зуба (т. е. моржеваго). Промыселъ, нынѣ совсѣмъ заброшенный.

[2]) Сѐутро—сегодня утромъ.

Мамелфа Тимоѳеевна насторожилася.

— А слухо-тъ прошелъ по Новугороду, а шелъ онъ, ужь про то я знаю доподлинно, со двора Настасьина...

Ненилушка на чуточку примолкнула.

— Что за слухъ? нахмурила слегка брови Мамелфа Тимоѳеевна.

— А тотъ-же слухъ, что быдто ты, Мамелфа Тимоѳеевна...

Ненилушка опять замолчала, и Мамелфа Тимоѳеевна молчала-же.

— А слухо-тъ таковъ, не погнѣвись, Мамелфа Тимоѳеевна, какъ-бы со страхомъ и трепетомъ заговорила Ненилушка, — что ладишь ты, не гнѣвайся... Киріака-то Андреевича, охъ! за Настасьюшку.

— А что-жь изъ того? вмѣсто отвѣта строго спросила Мамелфа Тимоѳеевна.

— А вѣстимо тому слуху я не вѣровала, потому: знаючи, что не съ чего тебѣ на вдовѣ-то сыночушка... А ощё и дородство твое, не погнѣвайся, высокое памятуя... А только, сама ты знашь, охъ! сбблазнъ великъ, а и честь-то роду нашему не слыхана, потому какъ сами мы будемъ роду житьяго — и вдругъ, охъ! за внука посадничья... А и не вѣруя, не погнѣвись, Мамелфа Тимоѳеевна, я тому слуху взрадовалась, а сама въ себѣ сдумала: эка честь молъ сестрицѣ моей любименькой, а по ней и мнѣ въ честь. И съ этой мыслью радошной къ Настасьюшкѣ-любушкѣ сѐутро бросилась. Не стане-же молъ таиться она отъ сестрицы своей миленькой. А пріѣхавъ, обнячкомъ, знашь, ее выспрашиваю, потому какъ самоё-то меня, не погнѣвись, Мамелфа Тимоѳеевна, охъ! страхъ забралъ, что съ родомъ такимъ высокимъ да посадничьимъ!.. И не то чтобъ отвѣта ждала, а только малаго намека пріятнаго... А Настасьюшка-то, моя любушка, только имячько Киріака-то Андреевича заслышала, какъ взбѣсится, да меня-же всякой бранью оклёскивала, а напослѣдокъ: „дурища молъ ты несосвѣтима" [1]), сказала. А тебя тожь, Мамелфа Тимоѳеевна, величала она не по вѣжеству. А я-то къ ней вѣдь со всякимъ любительствомъ. А ужь про Киріака-тъ Андреевича... Охъ, грѣхи, грѣхи-те наши тяжкіе!..

И тутъ Ненила Петровна дала себѣ передышку, зная что тѣмъ еще сильнѣй возстановитъ Мамелфу Тимоѳеевну противъ Настасьи.

— А какже вѣдь, говоритъ: „ничѣмъ де не вышелъ онъ, чтобъ поимать меня во замужество, а къ тому-же, скаже, и больнё плохъ!" Это про Киріака-то Андреевича! Ну, тутъ я и взбѣленилася, а взбѣсясь изъ розума выступила. Вѣдь за правду-тъ я буду женьщина сама горячая. Не-глядя вѣдь что сестра она! И таково-то мы тутъ съ нею разбранилися; чуть вѣдь у насъ съ нею не было схваченось. А ужь я бъ ее опростоволосила!

Мамелфа Тимоѳеевна сама себя отъ гнѣва не вспомнила. Этакъ-то смѣть говорить про Киріакушка! Пусть она съ нимъ ссорится, на то она ему родная матушка, а чтобъ чужія да вдобавокъ еще ею-же обласканныя, да такія въ придачу, что сами навязывались къ ней въ невѣстки, смѣли найти какое худо въ Киріакушкѣ!..

Сказавъ Ненилушкѣ великое спасибо за то, что она вступилась за честь Киріакову противъ меньшей сестры, Мамелфа Тимоѳеевна подумала, что съ такою умною и доброжелательною женщиной, какъ Ненила Петровна, не дурно и посовѣтоваться.

— Охъ, и дѣти, скажу я тебѣ, Ненилушка, ужь и дѣтушки! со вздохомъ она промолвила. — Нѣтъ ихъ, такъ скучнехонько, а и пойдутъ оны, йно всплачешься.

— А что такъ? вкрадчивымъ пошептомъ спросила Ненила Петровна.

— А вздумалъ онъ, Ненила Петровна, ѣхать въ эту

[1]) Несосвѣтимый—такой темный, что освѣтить нельзя.

проѣздочку, а я на то давала ему свое благословеньице родительско.

— Такъ, такъ, съ живой радостью въ очахъ поддакивала Непила.

— Анъ и бѣда...

— Аль тамо-т-ко онъ себѣ невѣсту высмотрѣлъ? подхватила Ненилушка.

— А не лестно ты про то, Ненилушка, сдогадалася. А ужь тутъ-то какъ и сказать-то тебѣ не вздумаю.

— Аль невѣста-та?.. съ испугомъ Ненила спросила.

— То-то и говорю, что какъ сказать-то тебѣ — не вздумаю. А такъ ужь, что-ли, стану сказывать. Дѣвчина буде деревеньская. Въ боярскомъ домѣ ступить не сумѣе вѣдь. А нашему-тъ вѣжеству новгородьскому не обучена, гляди. Столько и скажутъ, что велика буде рукодѣльница.

— А и поэтому ужь можно знать, что роду она хорошаго!

„А и впрямь!“ подумала Мамелфа Тимоѳеевна. „Какъже я о томъ раньше не сдогадалася. Анъ хорошій родъ, во всемъ онъ скажется“.

— На чемъ-же ты, Мамелфа Тимоѳеевна, становилася?

— А вовсе вѣдь я, Ненилушка, въ мысляхъ-те поразстроилась.

— Тако̀во ужь, Мамелфа Тимоѳеевна, буде оно, дѣло-тъ материньское. А и сына, гляди, жалѣешь-же ты, а и попрёку этого страшишься, что вотъ скажутъ всѣ: „аль не смогла молъ она ему невѣсту сыскать въ Новѣгородѣ?“ А сама къ тому думаешь: „а коль дурна-то молъ эта женушка-то деревеньска окажется, нѐ-прощу молъ себѣ я до-вѣку, что дала ему свое благословеньё родительско“. А за другу-тъ сына приневоливать вѣстимо жаль. А и то сказать: „какова эта друга-та, что̀ сама ему высваташь, още окажется. Не хуже-ль молъ деревеньской-то?“ А вѣрно-ль я, Мамелфа Тимоѳеевна, эти мысли-те твои сказываю?

— А истинно, въ этихъ вотъ самыхъ мысляхъ я и терялася.

Хотя Мамелфа Тимоѳеевна терялась совсѣмъ въ другихъ мысляхъ, но сейчасъ ей подумалось, что Ненилушка и впрямь всѣ ея помыслы, будто въ книгѣ, вычитала.

Обѣ помолчали.

— А какъ-же, Ненилушка?

— Что̀ ты-то скажешь, Мамелфа Тимоѳеевна?

— А видно, правду пословка-та скажетъ, что чужа ноша не ломитъ плечъ, а чужа слеза не солона...

— Охъ ужь нѣтъ, а и нѣтъ-же, Мамелфа Тимоѳеевна. А кладешь ты на̀-меня быдто напраслину. А сижу вотъ я да все думаю, а и весь-то свой умъ ко твоей бѣдѣ прикладываю. Ажъ вспотѣла вся. А сойдико съ меня этой думаю хоть семь ихъ, потовъ, а ужь я, гляди, что̀ и выдумаю. А ужь какъ-бы намъ?.. А не этакъ-ли?.. Ой, а нѣтъ, гляди; а буде оно дѣло-тъ неладное... Охъ, прибавь, прибавь мнѣ, мнѣ-ко, Господи, ума-разума!.. Аль ужь такъ сказать... Аль не этакъ-ли...

И вертя такъ и сякъ мыслью въ головѣ, Ненила вдругъ какъ будто и надумалась.

— А ужь нѣшто этакъ вотъ, сказала она, сама не зная что̀ именно скажется, — а взяла-бы ты эту свою незѣстушку, деревеньску-то, да повидѣла.

Мамелфа Тимоѳеевна точно прозрѣла вдругъ отъ этого совѣта, нечаяннаго для самой совѣтчицы.

— А и впрямь! твердо сказала она.—А умнехонько, гляди, ты Ненилушка, придумала.

— Ой ли? подивилась сама на свой умъ Ненилушка, и слѣдомъ прибавила уже съ властію:—А повидь, повидь ее, Мамелфа Тимоѳеевна.

(Продолженіе будетъ).

Прошлогоднее наводненіе въ Китаѣ.

По отчету китайскаго сановника, которому поручено изслѣдовать опустошенія, произеденныя послѣднимъ наводненіемъ въ Китаѣ, почти шестая часть провинціи Хананъ, называемой садомъ Китая, была совершенно затоплена и превратилась въ огромное озеро; лишь тамъ и сямъ, на поверхности воды, торчали крыша пагоды или высокая башня, указывая, что здѣсь еще недавно находились обширные города. Тысячи жителей, спасшихся отъ наводненія, оставались безъ крова и имущества. Наводненіе началось вблизи г. Кай-фунг-фу, одного изъ значительнѣйшихъ городовъ провинціи. Огромная плотина, служившая для защиты мѣстности, была размыта напоромъ воды на протяженіи нѣсколькихъ миль, и все, что̀ возвышалось надъ поверхностью земли, было смыто и снесено водою. Въ округахъ Чинг-чау и Ченг-Тау не менѣе 3000 большихъ деревень было въ нѣсколько минутъ уничтожены наводненіемъ и почти никто изъ жителей не имѣлъ возможности спастись. Чтобы яснѣе представить себѣ размѣры бѣдствія, постигшаго Китай, вспомнимъ, что мѣстность равняющаяся по величинѣ Голландіи, но гораздо гуще населенная, образовала сплошное озеро. Поверхность этого озера исчислялась въ 8—10 тысячъ англійскихъ миль, а число жителей, населявшихъ эту мѣстность, достигало 5-ти милліоновъ. По сообщенію пекинской газеты, спасшихся отъ смерти, но оставшихся въ страшной нищетѣ, насчитывали также нѣсколько милліоновъ. Бѣдствіе произвело глубокое впечатлѣніе на императорскую семью въ Пекинѣ. Правительству потребовалась сумма въ 10 милліоновъ таэлей и помощь европейскихъ инженеровъ, чтобъ хоть сколько-нибудь помочь причиненному злу. Чтобы собрать требуемыя деньги, совѣтники богдыхана предложили немедленно пріостановить заготовку оружія и военнаго матерьяла во всемъ государствѣ, выдачу жалованья въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ замѣнить выдачею риса — что̀ легко могло повести къ возстанію, — а также обложить пошлиною нѣкоторые предметы первой необходимости. Императорская семья издала по поводу страшнаго бѣдствія слѣдующій декретъ: „Императоръ выражаетъ симъ глубокую скорбь, вызванную наводненіемъ въ Хананѣ, гдѣ Желтая рѣка вылла изъ береговъ и причинила неисчислимыя страданія населенію. Тяжесть постигшаго край бѣдствія отняла у императрицы-матери сонъ и аппетитъ. Она проситъ богдыхана предоставить въ распоряженіе губернатора Ханана 100,000 таэлей изъ сбереженія ея собственной казны, для раздачи пострадавшимъ въ Хананѣ и сосѣдней провинціи Анджуй. При этомъ губернатору предписывается выбрать надежныхъ чиновниковъ, чтобы выполнить возлагаемую на нихъ задачу безъ всякихъ злоупотребленій“. Кромѣ помощи пострадавшимъ, богдыханъ былъ озабоченъ и наказаніемъ виновниковъ бѣдствія. „Въ сентябрѣ (1887) уже замѣтны были признаки приближающейся опасности, но служащіе при рѣчныхъ сооруженіяхъ чиновники выказали непростительную небрежность, не принявъ своевременно необходимыхъ мѣръ. Генералъ-директоръ ходатайствовалъ о замѣщеніи чиновниковъ другими, но мы считаемъ такую кару черезчуръ легкою; мы повелѣваемъ, чтобы виновные въ небрежности чиновники, по смѣщеніи ихъ, были поставлены по берегу рѣки въ „кангахъ“ у позорныхъ столбовъ.“ Упоминаемыя въ декретѣ канги суть не что̀ иное, какъ деревянный ошейникъ, надѣваемый на шею и плечи осужденнаго; онъ не снимается во все время наказанія, иногда отъ 14 дней до 3 мѣсяцевъ: днемъ осужденные выставляются въ открытомъ мѣстѣ у позорныхъ столбовъ. Ошейникъ этотъ не даетъ возможности ни лежать, ни двигаться свободно и такъ великъ, что не позволяетъ поднять рукъ до головы.

Помимо денегъ, пожертвованныхъ императрицею въ пользу пострадавшихъ, она устроила даровыя кухни; правительство отдало въ распоряженіе потерпѣвшихъ отъ наводненія хранившіеся въ магазинахъ Пекина 32 милліона фунтовъ рису и раздавало теплыя циновки и одѣяла. Чтобы предотвратить могшее вспыхнуть возстаніе, губернаторъ потерпѣвшей провинціи старался привлечь всѣхъ способныхъ людей къ работамъ по возобновленію плотинъ.

Причины катастрофы все тѣ же, которыя въ теченіе послѣднихъ 2000 лѣтъ шесть разъ мѣняли теченіе Желтой рѣки. Въ настоящее время, при повсемѣстныхъ телеграфныхъ сообщеніяхъ, такое событіе не могло оставаться долго неизвѣстнымъ; но еще въ 1852 году, прошло пять лѣтъ, прежде чѣмъ извѣстіе о подобномъ же бѣдствіи достигло Шанхая... Нынѣшнее русло Желтой рѣки отдѣлилось отъ прежняго въ пятистахъ верстахъ выше устья. Рѣка имѣетъ въ этомъ пунктѣ около 0,8 версты ширины и образуетъ уголъ, при чемъ теченіе ударяетъ въ южный берегъ. Сильные ливни, продолжавшіеся десять дней, м порывистый вѣтеръ усилили еще болѣе напоръ воды, которая наконецъ сорвала укрѣпляющія берегъ фашины. Объятые страхомъ жители и служащіе при плотинахъ старались исправлять по возможности поврежденія въ плотинѣ, пока главная масса воды оставалась въ старомъ руслѣ; но когда рѣка окончательно повернула на югъ, войдя въ русло маленькой сосѣдней рѣчки Лю-чіа, борьба стала немыслима. Вода хлынула черезъ плотмну и затопила ближайшія деревни;

водяная масса двигалась потокомъ въ 50 километровъ шириною. Какъ извѣстно, Желтая рѣка течетъ съ большою быстротою съ Монгольской возвышенности въ Китайскую равнину и приноситъ въ своемъ теченіи массу желтой земли, залегающей въ сѣверо-западномъ Китаѣ на нѣсколько сотъ футовъ глубины. Отъ этой желтой земли рѣка и получила свое названіе. Вслѣдствіе наносимаго слоя земли, берега и дно рѣки постепенно возвышаются надъ сосѣдними полями и въ концѣ концовъ не только поверхность воды, но и самое русло становится выше окружающей мѣстности. Достаточно разрыва плотины, чтобы вода разлилась по равнинѣ, стремясь туда съ извѣстной высоты; этимъ и объясняется возможность полнаго измѣненія русла. (С.)

Къ рисункамъ.

Константинъ, наслѣдный принцъ Греческій, и принцесса Софія Прусская.

(Портреты на стр. 1025).

Недавно состоялась помолвка наслѣднаго принца Греческаго съ одною изъ сестеръ императора Вильгельма, принцессою Софіей.

Наслѣдникъ Греческаго престола, принцъ Константинъ-Демосѳенъ-Генрихъ, герцогъ Спартанскій, сынъ короля Эллиновъ Георга и королевы Ольги Константиновны, родился 21 іюля (2 августа) 1868 года въ Аѳинахъ и, согласно конституціи Эллинскаго королевства, былъ крещенъ въ православіе. Воспитаніемъ и первоначальнымъ образованіемъ его завѣдывали нѣмецкій филологъ и многосторонній ученый Dr. Лидерсъ и греческій полковникъ Колокотрони, подъ неусыпнымъ надзоромъ Августѣйшихъ родителей. Подготовленный такимъ образомъ къ высшему образованію, принцъ Константинъ слушалъ въ Аѳинскомъ университетѣ лекціи лучшихъ профессоровъ и ревностно занимался всестороннимъ изученіемъ древней Греціи и ея памятниковъ. Затѣмъ, въ сопровожденіи Dr. Лидерса, онъ отправился въ Германію, гдѣ въ Лейпцигскомъ университетѣ посвятилъ себя изученію преимущественно государственнаго права, исторіи, археологіи и древне-греческой словесности. Теоретическимъ военнымъ образованіемъ принца руководилъ полковникъ Колокотрони съ дѣтскихъ лѣтъ; для практическаго же изученія военныхъ наукъ, принцъ вмѣстѣ со своимъ наставникомъ прибылъ въ Берлинъ и причислился ко 2-му гвардейскому полку. Въ морское дѣло принцъ былъ посвященъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся греческихъ адмираловъ. Берлинскіе сослуживцы принца превозносятъ его ревность къ службѣ и готовность переносить всѣ труды и лишенія сопряженныя съ военнымъ призваніемъ, не смотря на высокое происхожденіе. Такъ, на послѣднихъ маневрахъ, напр., принцъ бивакировалъ подъ открытомъ небомъ наряду съ послѣднимъ солдатомъ, подвергая себя всѣмъ перемѣнамъ далеко не благопріятной погоды. Принцъ чрезвычайно любимъ и въ отечествѣ своемъ, гдѣ особенно цѣнятъ его простоту и общительность, а также горячую любовь къ Греческому народу.

Принцесса Софія-Доротея-Ульрика родилась въ Потсдамѣ 2 (14) іюня 1870 года. Первою воспитательницею ея была англичанка, подъ надзоромъ Августѣйшей бабки, императрицы Августы, супруги покойнаго императора Вильгельма I. Принцесса съ дѣтства обнаруживала замѣчательныя способности къ иностраннымъ языкамъ, музыкѣ и живописи. Извѣстно, что покойный отецъ ея, императоръ Фридрихъ III, за день до кончины своей и въ день рожденія принцессы, сказалъ ей: „Оставайся такою-же благочестивою и доброю, какою всегда была до сихъ поръ. Это послѣднее желаніе твоего умирающаго отца"; а императоръ Вильгельмъ I, дѣдъ принцессы, иначе не называлъ ее какъ „наша маленькая мудрость" (unsere kleine Weissheit).

Благодаря этому браку, Греческій королевскій домъ породнится съ четырьмя царственными домами Европы. Король Эллиновъ Георгъ—сынъ короля Датскаго Христіана IX и родной братъ Государыни Императрицы, равно какъ и супруги наслѣдника Британскаго престола, принцессы Александры Вельской. Супруга его, королева Ольга Константиновна — двоюродная сестра Государя Императора. Къ этимъ родственнымъ связямъ прибавляется теперь родство съ Германскимъ императорскимъ домомъ.

Камышевка (Acrocephalus arundinacens).

Пожаръ во время полевыхъ работъ.

(Рис. на стр. 1028).

Исполненный движенія рисунокъ г. Волкова изображаетъ одно изъ самыхъ страшныхъ сельскихъ бѣдствій—пожаръ на селѣ въ самый разгаръ страды, т. е. въ то время, когда по избамъ остаются лишь старый да малый, совершенно безпомощные въ своемъ безсиліи противъ грозной стихіи, охватывающей дворъ за дворомъ. И вотъ, работавшіе въ полѣ, завидѣвъ грозную тучу дыма, поднимающуюся надъ селомъ съ зловѣщими огненными языками, бросаютъ земледѣльческія орудія и опрометью спѣшатъ на выручку...

Мостъ черезъ рѣку Аксай близь Новочеркаска.

(Рис. на стр. 1029).

Въ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества мѣстами еще донынѣ уцѣлѣла такъ-называвшаяся встарину мостовая пошлина. На берегу рѣки у моста, сооруженнаго на общественныя деньги какимъ-нибудь селомъ или станицей.

Тихая молитва. Съ карт. А. Зейферта, грав. Герике.

строится небольшая караулка, въ которой и сидитъ сборщикъ платы за проѣздъ по мосту, обыкновенно не выше копѣйки или двухъ. Рисунокъ г-жи Краснушкиной изображаетъ такую караулку на р. Аксаѣ, въ бойкое лѣтнее время, когда вокругъ нея постоянно толпятся самыя разнохарактерныя группы, ожидающія очереди уплатить пошлину. Тутъ и мѣщанская таратайка, и хохликъ на парѣ воловъ, и дышловая упряжка землевладѣльца, и казаки со своими верховыми лошадьми, которыхъ они тутъ же и купаютъ, и купающіеся ребятишки...

Дѣдушка и внучка. (Рис. на стр. 1033).

Спокойствіе полнаго невѣдѣнія на зарѣ начинающейся жизни и спокойствіе давно отжитой, со всѣми ея минувшими бурями, догорающей жизни на склонѣ лѣтъ—трогательный аккордъ, часто звучащій въ будничномъ быту людей простыхъ сердцемъ, разгадка инстинктивнаго взаимнаго влеченія и дружбы между самыми младшими и старѣйшими членами семьи, какъ бы помимо поглощенныхъ заботами дѣятельныхъ ея представителей,—все это прекрасно передано въ типическомъ рисункѣ г. Леонтовскаго.

Батумскіе типы. Саукъ-су (уличный продавецъ холодной воды) и толченіе кофе.

(Рис. на стр. 1036 и 1037).

Холодная вода лѣтомъ на знойномъ Югѣ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ потребностей населенія большихъ городовъ. Поэтому вывозная торговля льдомъ во многихъ мѣстахъ ведется въ большихъ размѣрахъ; напр., Бостонъ и Нью-Іоркъ, начавшіе еще въ началѣ вѣка вывозить ледъ на Мартинику и въ Остъ-Индію, нынѣ отправляютъ его въ южные штаты, въ Мексику, Вестъ-Индію и Южную Америку, Остъ-Индію, Китай, Японію, Австралію, Капскую колонію, и даже въ Сицилію и Египетъ. Въ Европѣ Норвегія посылаетъ свой ледъ во Францію, Испанію и др. страны. Въ послѣднія десятилѣтія ледъ стали приготовлять искусственно, замораживая воду въ громадныхъ количествахъ на особыхъ машинахъ,—и теперь уличный продавецъ холодной воды самое обыкновенное явленіе въ городахъ Испаніи, Италіи и всего Востока. На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ такихъ торговцевъ въ Батумѣ, такъ называемый *саукъ-су*. Здѣсь дѣло ведется еще весьма первобытнымъ способомъ. Торговецъ носитъ на спинѣ холодную воду въ ведрѣ, прикрытомъ зелеными вѣтвями отъ палящихъ лучей солнца. Дно ведра снабжено гибкой трубкой, изъ которой продавецъ и наливаетъ воду въ стаканъ по требованію покупателя.

Кофе—любимый напитокъ Востока; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если его тамъ уничтожаютъ въ огромномъ количествѣ, очень хорошаго качества и въ очень крѣпкомъ видѣ. Въ Батумѣ, какъ въ бывшемъ турецкомъ городкѣ, жители тоже не отказываютъ себѣ въ чашечкѣ-другой кофе, приготовленнаго настолько крѣпко, что потребители его, послѣ каждаго глотка, считаютъ необходимымъ выпить большой глотокъ холодной воды, такъ какъ иначе кофе, выпитый залпомъ, сильно и вредновозбудительно дѣйствуетъ на нервную систему.

Самый способъ толченія кофе, при широкомъ распространеніи его, примѣненъ къ тому, чтобы въ кратчайшій промежутокъ времени добыть возможно большее количество мелко истолченнаго кофе. Турки-продавцы кофе нашли удобнымъ практиковать слѣдующій способъ толченія: въ ступу, приготовленную изъ какой-нибудь прочной минеральной породы, всыпается фунтовъ 12 — 15 жаренаго кофе, который затѣмъ толчется (по преимуществу *двумя* работниками поочередно) громаднѣйшими желѣзными пестами. Такимъ образомъ въ теченіе полу-часа у нихъ получается до 15 фунтовъ кофе чрезвычайно мелко истолченнаго.

Камышевка (Acrocephalus arundinaceus).

(Рис. на стр. 1040).

Камышевки распространены по всѣмъ частямъ свѣта, а родиной имъ служитъ Старый Свѣтъ, т. е. громадный материкъ, образуемый Европой, Азіей и Африкой. Всѣ онѣ любятъ воду или по крайней мѣрѣ болотистыя мѣста, заросшія ситникомъ и травой; большинство же предпочитаетъ камышъ и тростникъ. Неразборчивыя въ выборѣ мѣстожительства, онѣ селятся какъ на прудахъ внѣ деревень и на подгородныхъ каналахъ, такъ и на большихъ озерахъ и рѣкахъ, рѣдко посѣщаемыхъ человѣкомъ. Всѣ виды живутъ скрытно въ чащѣ тростника и тому подобныхъ растеній, и замѣтить ихъ было бы трудно, еслибъ не ихъ неумолкаемое пѣніе. Впрочемъ, у этихъ прилежныхъ пѣвцовъ нѣтъ мелодическихъ, звучныхъ нотъ; пѣніе ихъ скорѣе какая-то стрекочащая болтовня, по которой ихъ легко узнать. Онѣ превосходно лазятъ по отвѣснымъ стебелькамъ вверхъ, прижимаются и бѣгаютъ точно мыши по землѣ, и вообще умѣютъ отлично прятаться въ чащѣ камыша. Пищей служатъ имъ насѣкомыя и ихъ личинки, собираемыя на болотныхъ растеніяхъ. Гнѣздо располагается надъ самой землей или у большинства надъ водой, между отвѣсными стебельками тростника или вѣтвями кустовъ. Постройка его — верхъ искусства для птицы, форма похожа на продолговатый мѣшокъ, и оно внутри очень толсто. Входъ (лоточекъ) глубоко загибается по краю, такъ что даже при сильномъ движеніи непрочныхъ устоевъ гнѣзда, въ вѣтеръ напр., птенцы не подвергаются никакой опасности. Замѣчательно, что камышевки предугадываютъ до извѣстной степени погоду, зная, напр., напередъ о грозящемъ наводненіи, и въ ожиданіи его строятъ гнѣзда выше обыкновеннаго. Стѣнки гнѣзда строятся изъ сухихъ травяныхъ листочковъ и стебельковъ, которые внутри становятся тоньше, и вмѣстѣ съ нѣсколькими корешками составляютъ внутреннюю выстилку. Затѣмъ на эту основу настилается внутри мелкая трава, конскіе волосы, овечья шерсть, гусеничная ткань и т. п.

Тихая молитва. (Рис. на стр. 1041).

Не мало прелестныхъ женскихъ головокъ изображено талантливою кистью Альфреда Зейферта. Образчикомъ его искусства въ этомъ можетъ служить гравюра, помѣщенная на стр. 1041. Молодая дѣвушка, въ отдаленномъ углу средневѣковой церкви вся отдалась тихой молитвѣ подъ стройные звуки органа. Сосредоточенное, спокойное выраженіе лица весьма вѣрно уловлено художникомъ.

Митральеза Максима. (Рис. на стр. 1044).

Немного лѣтъ тому назадъ показалось-бы сказкой, еслибъ кто нибудь заговорилъ о митральезѣ дающей 10 — 12 выстрѣловъ въ секунду, т. е. въ минуту 600—700 выстрѣловъ, изъ коихъ почти каждый попадаетъ въ цѣль, причемъ единственный стволъ орудія отнюдь не разгорячается, а единственный человѣкъ управляющій этою скорострѣльною машиной нисколько не устаетъ.

Таково, однако, изобрѣтеніе американскаго электро-техника Гирама Максима, посвятившаго свои труды военнымъ цѣлямъ съ 1884 года и нынѣ прославившагося своей митральезой.

Геніальная идея изобрѣтателя состоитъ въ томъ, что онъ воспользовался вредною для всякаго огнестрѣльнаго оружія, такъ-называемою *отдачею* (возвратнымъ толчкомъ воспламененнаго заряда въ казенникъ) и употребилъ эту силу съ пользою, заставивъ ее продѣлывать все то, что прежде долженъ былъ исполнять самъ стрѣлокъ, какъ-то: открывать замокъ орудія, выбрасывать пустой патронъ заряда, вставлять новый патронъ, запирать замокъ и наконецъ воспламенять свѣжій зарядъ, — все это автоматически, т. е. безъ малѣйшей помощи человѣка. Только для перваго выстрѣла, стрѣляющій прижимаетъ гашетку (спускъ), остальные летятъ сами собою одинъ за другимъ, до тѣхъ поръ, пока въ машинѣ есть патроны.

Митральеза Максима состоитъ изъ обыкновеннаго стальнаго ствола, который почти по всей длинѣ покрытъ широкимъ цилиндрическимъ футляромъ изъ бронзы. Сзади къ стволу примыкаетъ четвероугольный ящикъ, заключающій въ себѣ замокъ и тѣ механизмы, посредствомъ коихъ производится автоматически заряжаніе и стрѣльба. На фиг. 1 изображены стволъ и ящикъ, составляющіе собственно митральезу. Вѣситъ она всего пудъ съ небольшимъ. Въ задней части ящика видна рычажная система, которая приводится въ движеніе рукой. Движенію ея соотвѣтствуетъ движеніе замка. Самый замокъ изображенъ на фиг. 2 въ перспективѣ. Заряжаніе митральезы производится слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: отдѣльные патроны втыкаются въ тесьму-патронташъ произвольной длины; тесьма эта продѣвается однимъ концомъ въ особое отверстіе ящика. Если подвинуть рукой рычажную систему одинъ разъ впередъ и назадъ, то соотвѣтственно этому замокъ подвинется одинъ разъ назадъ и впередъ. При движеніи замка назадъ — изъ тесьмы будетъ вытащенъ одинъ патронъ; при движеніи замка впередъ — патронъ этотъ вставится въ стволъ и замокъ замкнется. Затѣмъ прижатіемъ гашетки производится первый выстрѣлъ. Отдачею (толчкомъ воспламененнаго заряда) рычажная система приводится въ движеніе, т. е. замокъ опять движется одинъ разъ назадъ и впередъ; при первомъ движеніи одинъ патронъ выталкивается изъ тесьмы (которая также автоматически подвигается на одинъ патронъ въ сторону), а пустой (выстрѣленный) патронъ вытаскивается изъ ствола (какъ видно на фиг. 2); при послѣднемъ движеніи — вытащенный изъ тесьмы патронъ вставляется въ стволъ, а пустая гильза выбрасывается въ особое отверстіе. Если затѣмъ прижать большимъ пальцемъ находящійся позади ящика нажимъ (похожій на таковой же у аппарата Морза), то выстрѣлъ происходитъ тотчасъ за обратнымъ движеніемъ замка. При постоянномъ прижиманіи нажима рычажная система движется безъ остановки взадъ и впередъ, т. е. митральеза стрѣляетъ безпрерывно, до тѣхъ поръ пока не выйдутъ всѣ патроны изъ тесьмы. Стоитъ отвести палецъ отъ нажима — и стрѣльба моментально прекращается. Наконецъ если подвинуть задвижку передъ нажимомъ, такъ что послѣдній будетъ постоянно прижатъ ею—то можно преспокойно уйти отъ митральезы: она будетъ стрѣлять сама равномѣрнымъ тактомъ и непрерывно, пока не изведетъ всѣхъ патроновъ до единаго. Тесьма съ патронами при каждомъ выстрѣлѣ будетъ автоматически подвигаться на одинъ патронъ и мало-по-малу протащится вся на другую сторону ящика митральезы.

Это постоянное движеніе тесьмы, равномѣрная пальба зарядовъ (ра-та-та! ра-та-та! ра-та-та!), при каждомъ выстрѣлѣ быстрое движеніе ствола впередъ и назадъ и выскакивающіе изъ бронзоваго футляра бѣлые дымки пара, образуемаго испареніемъ хо

лодной воды находящейся въ футлярѣ для охлажденія ствола — все это производитъ впечатлѣніе паровой машины. На фиг. 3 изображена вся митральеза. Треножная подставка ея защищена стальнымъ щитомъ, вполнѣ прикрывающимъ солдата отъ ружейнаго огня непріятелей. Вѣсъ всей митральезы около 7 пудовъ. Такую митральезу имѣлъ съ собою извѣстный изслѣдователь Африки Станлей въ послѣднюю свою экспедицію и наводилъ ею паническій ужасъ на цѣлыя орды дикарей.

Вмѣсто треножника, митральеза можетъ быть уставлена какъ показано на фиг. 4, что гораздо удобнѣе, такъ какъ солдатъ можетъ перевозить ее за дышло, на которомъ сидитъ самъ. Потребная для охлажденія ствола вода, какъ уже упомянуто, находится въ бронзовомъ футлярѣ и охлаждаетъ его по всей длинѣ. Развивающаяся въ стволѣ вслѣдствіе постоянной пальбы теплота сначала нагрѣваетъ эту воду, а затѣмъ обращаетъ ее въ пары, между тѣмъ какъ самъ стволъ никогда не нагрѣвается выше точки кипѣнія воды. Безъ этого охлажденія стволъ скоро бы раскалился до-красна. При устройствѣ митральезы, показанномъ на фиг. 3 и 4, вода вливается непосредственно въ футляръ чрезъ особое отверстіе. Футляръ вмѣщаетъ 2 литра воды, коихъ достаточно на 1,000—15,000 выстрѣловъ, послѣ чего вся вода испарится и должна быть замѣщена свѣжею.

При митральезѣ изображенной на стр. 5 охлаждающая вода заключается въ колоколо-образной подставкѣ подъ давленіемъ $3^1/_2$ атмосферъ. Посредствомъ трубъ и регулятора, колоколъ сообщается съ бронзовымъ футляромъ. При каждомъ выстрѣлѣ, автоматически открывается клапанъ, причемъ извѣстное количество воды вдавливается въ футляръ. Паръ вылетаетъ при каждомъ выстрѣлѣ изъ устья футляра на воздухъ. Эта митральеза, отличающаяся и въ другихъ отношеніяхъ по внѣшнему виду отъ вышеописанныхъ, устанавливается на палубѣ корабля; завѣдующій ею матросъ упирается плечомъ въ выходящій позади ящика костыль, и такимъ образомъ направляетъ митральезу, которая можетъ поворачиваться по кругу, а стволъ ея можетъ подниматься и опускаться, что позволяетъ обстрѣливать огромное пространство.

Весьма оригинальный способъ употребленія и переноски митральезы изображенъ на фиг. 6 и 7. Митральеза со всѣми снарядами заключена въ ящикъ, приспособленный для ношенія его на плечѣ; достаточно раскинуть его — и ящикъ превращается въ грозную скорострѣлку. Наконецъ фиг. 8 показываетъ митральезу на стальномъ лафетѣ, со стальными же колесами, которыя могутъ быть передвинуты такъ, что вполнѣ закрываютъ и ее, и солдата отъ непріятельскихъ пуль, картечи и шрапнели.

О мѣткости выстрѣловъ этой митральезы разсказываютъ чудеса. Максимъ стрѣлялъ изъ нея на 300 шаговъ въ цѣль съ чернымъ кружкомъ. Пули попадали до того близко одна отъ другой въ черный кружокъ, что наконецъ какъ бы пилой выпилили его изъ цѣли.

Словомъ, это по истинѣ адское орудіе, предназначенное для настоящей бойни человѣчества.

Наполеонъ. (Рис. на стр. 1045).

23 апрѣля 1821 г. на островѣ Св. Елены „въ неволѣ мрачной“ угасъ „великій человѣкъ, властитель осужденный, могучій баловень побѣдъ“, какъ называетъ Наполеона Пушкинъ. Пораженный въ 1815 г. при Ватерлоо Веллингтономъ и Блюхеромъ, онъ бѣжалъ въ Парижъ, который не хотѣлъ припять вождя, еще недавно признаннаго всеобщимъ приговоромъ Франціи. Попытка бѣжать въ Америку окончилась неудачею. Наполеонъ отдался въ руки англичанъ, и они отвезли его на корабдѣ *Беллерофонъ* на островъ Св. Елены, „на знойный островъ заточенья, подъ сѣнью чуждою небесъ“. Тамъ почти 6 лѣтъ прожилъ „Изгнанникъ вселенной“. Къ этому времени относится оригинальный рисунокъ, гравюра съ котораго помѣщена на стр. 1045. Это не особенно лестное для великаго человѣка изображеніе, можно думать, является работою кого-нибудь изъ англичанъ, всегда ненавидѣвшихъ корсиканца, но въ то-же время оно не лишено нѣкоторой доли жизненной правды. Въ такой одеждѣ должно-быть бродилъ по пустынному острову „генералъ Бонапартъ“, какъ его всегда величалъ строгій и суровый губернаторъ Св. Елены, сэръ-Гудзонъ Лау (Hudson Low); надвинувъ широкополую шляпу на высокое чело, императоръ бродилъ „на чужой скалѣ, за синими морями“, какъ говоритъ Лермонтовъ, пока, забытый, не угасъ—

Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Германскій продолжаетъ свои путешествія по Европѣ. 28 сентября Вильгельмъ II переѣхалъ съ Австро-Венгерской территоріи въ Италію и на другой день въ четверть пятаго прибылъ въ Римъ, великолѣпно убранный по этому случаю. Какъ переѣздъ, такъ и самое пребываніе повидимому прошли при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ Австріи. Газеты наполнены подробнѣйшими описаніями всего совершившагося за послѣдніе дни. Съ особеннымъ вниманіемъ онѣ останавливаются на посѣщеніи Германскимъ императоромъ папы и на происходившемъ затѣмъ въ Квириналѣ парадномъ обѣдѣ. Свиданіе между Вильгельмомъ II и папою, по словамъ телеграммы, имѣло весьма сердечный характеръ. На обѣдѣ король Гумбертъ провозгласилъ тостъ въ честь императора и императрицы Германскихъ и германской арміи—славы и оплота Германіи. „Фактъ—говорилъ государь объединенной Италіи—что верховный глава великаго народа и достославной династіи, съ которой я связанъ узами старой дружбы, пребываетъ теперь въ Римѣ, представляется мнѣ новымъ залогомъ союза, заключеннаго нами ради мира Европы и блага нашихъ народовъ.“ Въ отвѣтъ Германскій императоръ поблагодарилъ за прочувствованную рѣчь и указалъ на сходныя судьбы обѣихъ странъ, которыя подъ водительствомъ великихъ вождей завоевали себѣ единство. „Изъ этого вытекаетъ — присовокупилъ императоръ—что оба народа всегда будутъ поддерживать другъ друга для охраненія единства, которое является самою благонадежною гарантіею мира.“ Въ заключеніе императоръ благодарилъ за сердечный пріемъ и провозгласилъ тостъ за здоровье королевской четы и за доблестную итальянскую армію.

Обѣ эти рѣчи замѣтно отличаются отъ тостовъ, произнесенныхъ недавно въ Вѣнѣ императоромъ Францемъ-Іосифомъ и его царственнымъ гостемъ, въ особенности рѣчь послѣднюю. Въ ней особенно знаменательно указаніе на причины симпатій, существующихъ между Италіей и Германіей: сходственность исторической судьбы обѣихъ странъ и охраненіе единства — лучшей гарантіи мира. Стремленіе къ единству поднесь живетъ въ Германіи, въ чемъ можно было убѣдиться еще недавно. 3 октября вольные города Гамбургъ и Бременъ присоединились къ Германскому таможенному союзу.

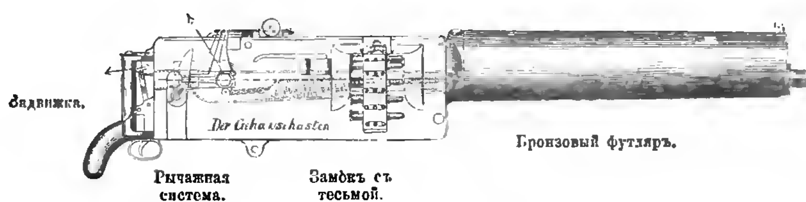
Пребываніе Германскаго императора въ Неаполѣ сопровождалось не меньшею торжественностью, чѣмъ въ Римѣ. Спускъ на воду броненосца „Re Umberto“ въ Кастелламаре, состоялся въ присутствіи громадной толпы народа. На церемоніи крещенія судна присутствовали императоръ Вильгельмъ, Итальянскій король и принцы. По спускѣ броненосца толпа разразилась восторженными возгласами въ честь короля и сдѣлала оваціи обоимъ государямъ, которые затѣмъ присутствовали на морскомъ смотру въ Неаполѣ, посѣтили тамъ музеи и присутствовали при грандіозномъ концертѣ. Изъ Неаполя оба монарха вернулись въ Римъ 6 октября, а 7 числа Германскій императоръ отправился въ Берлинъ.

Въ это время Франція занималась вопросами внутренней политики. Въ настоящее время открылась снова парламентская сессія и первымъ предложеніемъ въ засѣданіи палаты депутатовъ, происходившемъ 3 октября, былъ законопроектъ Флоке о пересмотрѣ конституціи. Существенныя постановленія этого законопроекта: обновленіе одной трети сената и одной трети палаты депутатовъ каждые два года; сенатъ лишается права на рѣшенія касательно распущенія палаты, и до частнаго своего обновленія сохраняетъ лишь право контроля и veto, а въ финансовыхъ вопросахъ ему предоставляется только право дѣлать представленія. Для предупрежденія неустойчивости кабинетовъ, министры будутъ назначаться на точно опредѣленный срокъ, причемъ за палатою сохраняется право преданія ихъ суду. По предложенію правительства, палата избираетъ государственный совѣтъ, который вырабатываетъ законы. Всѣ страхи о предстоящей неудачѣ этого предложенія оказались преждевременными. Парижская палата депутатовъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ приняла предложеніе Флоке и препроводила внесенный имъ проектъ закона о пересмотрѣ конституціи въ обыкновенную парламентскую коммисію, предварительному обсужденію которой подлежатъ такого рода проекты. Впрочемъ, вопросъ этотъ попалъ опять въ долгій ящикъ, такъ какъ въ коммисіи по пересмотру конституціи разсматривается теперь девять проектовъ и она намѣрена выслушать ихъ составителей, начиная съ Флоке и кончая генераломъ Буланже.

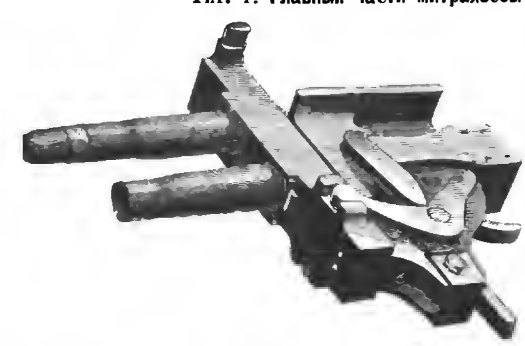
Смѣсь.

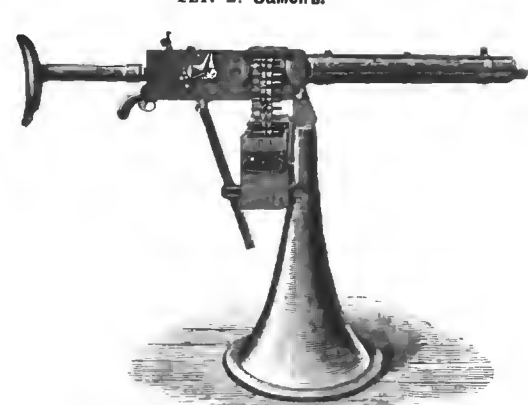
Поющая долина. Въ *Ежедн. Обозрѣніи* сообщаютъ, что прошлою зимой, во время охоты цѣлаго общества въ южной Прирейнской области, г. Рѣло открылъ поющую долину. Она находится между Гохвальдомъ и Идарвальдомъ, къ западу отъ Эрбескопфа, самой высокой горы Прирейнской области, къ востоку отъ дороги изъ Гершескейля въ Тальфангъ, въ долинѣ рѣчки Рѣдербахъ. Рѣло описываетъ свои наблюденія слѣдующимъ образомъ: „Въ отдаленной лѣсной глуши отъ времени до времени раздавался колокольный

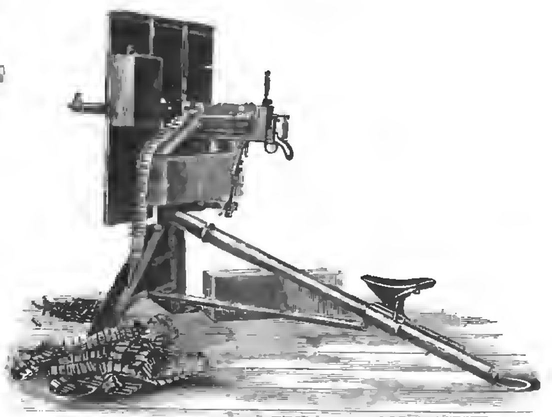
звонъ, который, повидимому, исходилъ изъ той части лѣса, куда направлялось общество. Сначала мы предполагали, что звонъ раздается изъ церкви какого-нибудь близь-лежащаго села; однако на далекое разстояніе кругомъ незамѣтно было никакого человѣческаго жилья. Поэтому я сталъ внимательнѣе прислушиваться и былъ удивленъ поразительною чистотой звука, его необыкновенно отчетливымъ, подобнымъ стону, наростаніемъ и замираніемъ и чрезвычайною быстротой, съ какою одинъ звукъ смѣнялъ другой, неуспѣвшій еще совершенно затихнуть. Хотя не было никакого сомнѣнія, что звуки, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, образуются каждый отдѣльно, но это быстрое слѣдованіе и продолжительность каждаго отдѣльнаго звука производили такое дѣйствіе, что слышно было одновременно множество звуковъ въ различныхъ стадіяхъ развитія. Мнѣ стало ясно, что звуки возникаютъ внизу, въ началѣ долины; благопріятствующій имъ, дующій вверхъ по долинѣ вѣтеръ, направленіе котораго, повидимому, совпадало съ продольною осью долины, относилъ звукъ далѣе и, вѣроятно вслѣдствіе какой-нибудь акустической, особенности мѣстности, звуки раздавались именно въ верхней части долины, вдоль противоположной намъ стѣны лѣса. Этотъ замѣчательный феноменъ вѣроятно прошелъ бы мало замѣченнымъ нами, еслибы не случилось новаго, весьма страннаго и совершенно неожиданнаго явленія: внизу долины вновь возникаетъ звукъ, который все усиливается и усиливается, но распространяется не вдоль противоположнаго лѣса, а по направленію къ намъ, доходитъ до насъ, медленно проносится мимо насъ, все сгущаясь, и при этомъ достигая такой своеобразной красоты и полноты, что я невольно сдерживаю дыханіе; затѣмъ, удаляясь, онъ постепенно ослабѣваетъ и наконецъ замираетъ вдали". Относительно происхожденія звуковъ могутъ быть дѣлаемы только совершенно гадательныя предположенія. Притомъ и самое явленіе должно быть подвергнуто болѣе точному изслѣдованію. Рёло полагаетъ, что въ Рёдербахской долинѣ не можетъ быть и рѣчи о звуковыхъ волнахъ, исходящихъ отъ какого-нибудь постоянно звучащаго предмета. Что причиною звуковъ не былъ и вѣтеръ, это доказываетъ поразительная неизмѣняемость высоты тона, совершенно независимой отъ его силы. Явленіе скорѣе производило такое впечатлѣніе, будто звучащій предметъ самъ двигался впередъ, а потому оно можетъ быть объяснено лишь особыми воздушными образованіями, цилиндрическими круговоротами, которые медленно движутся по долинѣ. (с.)

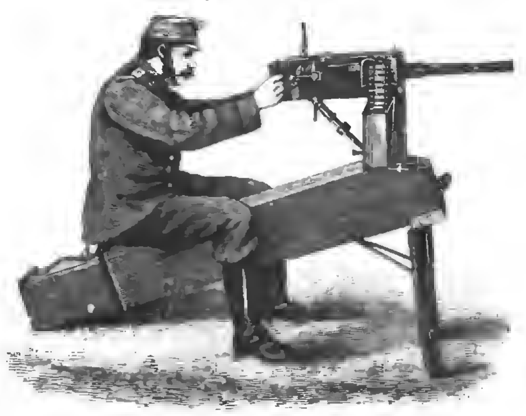
Фиг. 1. **Главныя части митральезы Максима.**

Фиг. 2. **Замокъ.**

Фиг. 5. **Корабельная митральеза.**

Фиг. 3. **Митральеза съ треножникомъ и стальнымъ щитомъ.**

Фиг. 4. **Передвижная митральеза.**

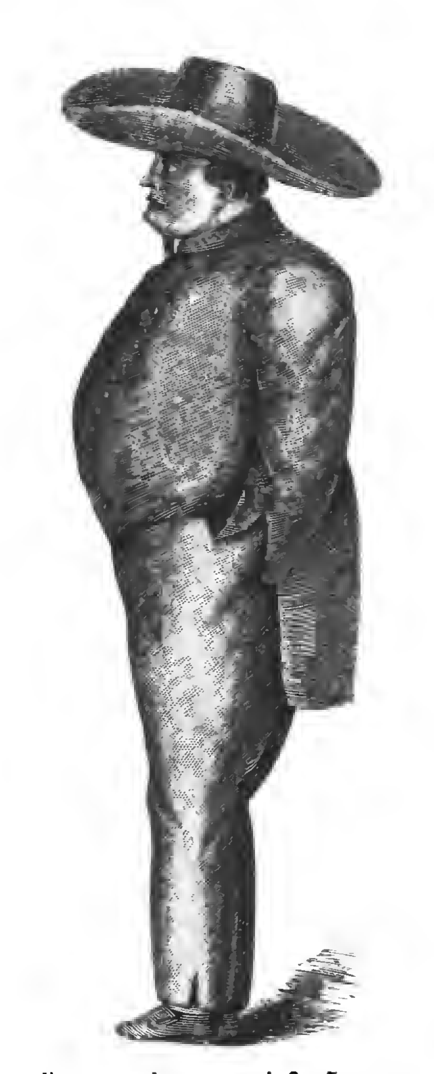

Фиг. 7. **Переносная митральеза, въ дѣйствіи.**

Фиг. 6. **Переносная митральеза, въ упакованномъ видѣ.**

Фиг. 8. **Митральеза на стальномъ колесномъ лафетѣ.**

Борьба съ тигромъ, у племени Курговъ (въ Индіи), описывается однимъ очевидцемъ слѣдующимъ образомъ: На арену вышелъ человѣкъ, вооруженный лишь туземнымъ ножомъ и одѣтый въ короткія панталоны, доходившія до колѣнъ. Ножъ, который онъ держалъ въ правой рукѣ, имѣлъ тяжелый клинокъ, около двухъ футовъ въ длину и добрыхъ три дюйма въ ширину, а къ рукояткѣ, съ которою онъ образовывалъ прямой уголъ, клинокъ постепенно съуживался. Этимъ оружіемъ курги владѣютъ въ совершенствѣ; передъ ударомъ они размахиваютъ имъ кругообразно надъ головой и затѣмъ со страшною силою направляютъ на предметъ, въ который хотятъ попасть. Борецъ представился раджѣ. Выраженіе его лица, когда онъ подалъ знакъ, чтобы выпустили тигра, поистинѣ можно было назвать величавымъ. Его черты выражали такъ-сказать сосредоточенную нравственную силу и твердую рѣшимость. Тѣло его лоснилось отъ масла, которымъ онъ натеръ его, чтобы придать своимъ членамъ больше эластичности. Онъ нѣсколько разъ поднималъ руку надъ головою, подавая знакъ, чтобы его врага выпустили на арену. Задвижка огромной клѣтки была наконецъ выдвинута кверху; изъ нея выпрыгнулъ великолѣпный королевскій тигръ, съ поднятой дыбомъ шерстью, и остановился передъ кургомъ, помахивая хвостомъ и глухо рыча. Царственное животное взглянуло сначала на своего противника, затѣмъ на галерею, гдѣ сидѣлъ раджа съ царедворцами; оно, казалось, чувствовало себя на свободѣ далеко не хорошо, очевидно пораженное необычайностью своего положенія. Оглядѣвшись кругомъ, тигръ неожиданно повернулся и пошелъ обратно въ клѣтку, изъ которой сторожа, стоявшіе на ней, напрасно старались его выгнать. Тогда къ вывѣсившемуся чрезъ рѣшетку хвосту тигра были прикрѣплены ракеты, а кургу подали горящій фитиль, которымъ онъ зажегъ ихъ. Тигръ со страшнымъ ревомъ выскочилъ

на арену и пока ракеты разрывались, онъ бѣгалъ кругомъ въ невыразимой ярости. Наконецъ онъ залѣзъ въ уголъ, мурлыкая какъ кошка. Клѣтку между тѣмъ заперли и такимъ образомъ отступленіе ему было отрѣзано. Во время взрыва ракетъ кургъ стоялъ неподвижно, не спуская глазъ съ непріятеля; наконецъ сталъ медленными но твердыми шагами приближаться къ нему. Тигръ поднялся съ мѣста, и ощетинившись подался назадъ. Онъ, казалось, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія начинать враждебныя дѣйствія; но противникъ его не унимался. Продолжая пристально смотрѣть на тигра, онъ все болѣе приближался къ нему, а тигръ пятился назадъ, не отворачивая однако головы. Но вотъ кургъ внезапно остановился; животное приподнялось и изогнуло спину, готовясь къ прыжку. Теперь борецъ сталъ отступать, и когда онъ отошелъ настолько, что тигръ не могъ различить его взгляда, разъяренное животное пригнулось къ землѣ, собралось и съ неистовымъ ревомъ прыгнуло впередъ. Его противникъ, вполнѣ подготовленный къ этому, отскочилъ въ сторону и, когда тигръ всталъ на землю, кургъ взмахнулъ своимъ увѣсистымъ ножомъ и со страшною силою ударилъ въ одну изъ заднихъ ногъ животнаго, какъ разъ надъ суставомъ. Кости были перешиблены и тигръ не въ состояніи сдѣлать второй прыжокъ. Раненое животное страшно зарычало, повернулось внезапно къ кургу, который тѣмъ временемъ отодвинулся на нѣсколько шаговъ, и поползло на трехъ лапахъ, волоча четвертую, висѣвшую только на одной кожѣ. Кургъ стоялъ съ высоко поднятымъ ножомъ и спокойно ожидалъ нападенія. Какъ только тигръ приблизился къ нему, онъ со страшною силою поразилъ его всею тяжестью своего грознаго оружія, и царственное животное, съ раскроенымъ черепомъ, упало къ ногамъ своего побѣдителя, который хладнокровно вытеръ ножъ о его красивую шкуру, почтительно поклонился раджѣ и удалился съ арены при громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей. (с.)

Наполеонъ I на островѣ Св. Елены.
Съ современнаго рисунка, грав. Шюблеръ.

Новый строительный матеріалъ, такъ-называемый ксилолитъ (дерево-камень), долженъ, повидимому, въ скоромъ времени обратить вниманіе заинтересованныхъ кружковъ, благодаря своему целесообразному составу. Строительный лѣсъ, который, въ виду постояннаго усовершенствованія каменныхъ и цементныхъ матеріаловъ, оставляетъ желать относительно прочности еще многаго, долженъ будетъ въ извѣстныхъ случаяхъ уступить мѣсто ксилолиту, такъ какъ этотъ искусственный продуктъ, обладая хорошими свойствами древесной массы, не имѣетъ ея недостатковъ. Ксилолитъ есть, произведенное подъ сильнымъ давленіемъ, химическое соединеніе опилокъ въ тягучую, твердую массу, которая имѣетъ всѣ преимущества дерева и твердыхъ каменныхъ породъ. Благодаря тому, что матеріалъ этотъ не горитъ въ самомъ сильномъ жарѣ, сохраняетъ постоянство объема при морозѣ и сырости,—достигается такая способность сопротивленія стихійнымъ вліяніямъ, какой не имѣетъ ни одинъ строительный матеріалъ. Полнѣйшая безопасность противъ разрушительнаго трутника также имѣетъ не малую цѣну. Не смотря на такую твердость и прочность, ксилолитъ, подобно всякому дереву, очень хорошо и легко поддается обработкѣ инструментами и можетъ служить какъ для устройства половъ, обшивки стѣнъ, такъ и въ особенности для покрышки крышъ. (с.)

Прожорливость птицъ. О людяхъ, которые ѣдятъ мало, говорятъ обыкновенно: „Онъ ѣстъ, какъ птичка“. Между тѣмъ такое сравненіе совершенно неправильно. Дроздъ, напримѣръ, проглатываетъ улитку сразу. Пропорціонально этому, человѣкъ долженъ былъ-бы съѣдать за одинъ присѣстъ четверть быка. Реполовъ также прожорливъ въ высшей степени. Вычислено, что для того, чтобы поддержать нормальный вѣсъ реполова, потребовалось бы ежедневно количество животной пищи, равное дождевому червю въ 14 футовъ длиною. Если бы взять человѣка обыкновеннаго роста и сравнить его массу съ массою реполова, то можно было-бы вычислить, сколько пищи онъ потребилъ-бы въ 24 часа, еслибы ѣлъ въ той же пропорціи, какъ птица. Если предположить, что колбаса въ 9 дюймовъ толщины представляетъ дождеваго червя, то человѣкъ долженъ былъ-бы ежедневно съѣдать 27 футовъ такой колбасы. Это въ особенности интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ какую удивительную дѣятельность должны проявлять питающіяся насѣкомыми птицы въ охотѣ за добычею. (с.)

Охота въ Венгріи. Г. Павелъ Баръ сообщаетъ въ *L'Eleveur*, что Австро-Венгрія остается до сихъ поръ вѣрна охотничьимъ традиціямъ. Тамъ ежегодно происходятъ большія бойни дичи. Принцъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій въ своемъ владѣніи Вальсъ организовалъ большія охоты въ загонъ. 1,400 фазановъ и кроликовъ были убиты въ 3 дня. Великій герцогъ отправился затѣмъ въ Стифингенъ для охоты на кабановъ. Въ продолженіе 6 часовъ, 138 этихъ животныхъ были убиты и изъ нихъ 27 старыхъ. Великій герцогъ одинъ убилъ 60. Онъ впрочемъ одинъ

„Зимній вечеръ въ окрестностяхъ Петербурга.“

Картина проф. Имп. Акад. Худож. Ю. КЛЕВЕРА.

(Главная премія „Нивы“ на 1888 годъ).

Въ настоящее время всѣ наши городскіе и иногородные подписчики получили уже главную премію *Нивы* на 1888 годъ, и мы считаемъ умѣстнымъ сказать о ней нѣсколько словъ. До сихъ поръ *Нива* еще ни разу не давала преміи такихъ значительныхъ размѣровъ. По почтовымъ правиламъ, ограничивающимъ размѣръ премій, оказалось невозможнымъ разослать ее обычнымъ путемъ по бандерольной таксѣ чрезъ Газетную Экспедицію Почтамта. Пришлось прибѣгнуть къ отправкѣ ея по способу отправленія частныхъ посылокъ, не смотря на все его неудобство и дороговизну при громадномъ числѣ ста тысячъ экземпляровъ и на трудность разсчитать время такъ чтобы всѣ наши подписчики, изъ коихъ многіе живутъ на отдаленныхъ окраинахъ Россіи, получили премію почти одновременно. Всѣ эти трудности теперь преодолѣны и намъ остается обратить вниманіе гг. подписчиковъ на самую премію. Въ этой картинѣ, какъ теперь могутъ убѣдиться гг. подписчики, превосходно переданы безконечно-разнообразные оттѣнки неба и облаковъ, принимаемые ими во время заката на Сѣверѣ. Для того чтобы передать всю эту неуловимую игру красокъ, потребовалось двадцать семь литографскихъ камней въ величину картины, покрытыхъ каждый особою краской. Если же принять во вниманіе что каждая краска накладываемая на другую даетъ новую, то число всѣхъ оттѣнковъ получается столь же громадное какъ и въ самой природѣ.

Картина представляетъ заходъ солнца надъ ледяною поверхностью взморья, занесенною снѣгомъ. Ярко-красный, какъ-бы раскаленный дискъ солнца въ багровомъ заревѣ почти касается черты горизонта, отражаясь тѣми-же алыми тонами въ громадной полыньѣ перваго плана, образовавшейся вслѣдствіе оттепели между берегомъ и льдомъ взморья. На правой половинѣ картины прежде всего поражаетъ, начиная съ перваго плана, необыкновенно живо написанный снѣгъ, то рыхлый и талый на дорогѣ, исполосованный безчисленными слѣдами полозьевъ, то мягко-пушистымъ налетомъ покрывающій крыши избъ; то калено-заиндевѣвшій на вѣтвяхъ хвои въ лѣсу и всюду согрѣтый теплыми отсвѣтами зари въ контрастъ холоднымъ тонамъ тѣней и дымковъ, поднимающихся изъ трубъ. Съ лѣвой стороны тянется безпредѣльная равнина взморья, съ ея прозрачными, кое-гдѣ взломанными льдинами, въ которыхъ, какъ въ граняхъ хрусталя, дробятся, играютъ и переливаются на иной ладъ основные тона неба. Поставленная на одной изъ льдинъ вѣха, дальняя лодка, у которой хлопочутъ нѣсколько рыбаковъ, и запоздалыя птицы, спѣшнымъ полетомъ пробирающіяся на ночлегъ, даютъ чувствовать всю глубину воздушной перспективы надъ необозримою равниной.

Общее впечатлѣніе картины—глубокое затишье, отъ котораго какъ бы вѣетъ въ душу зрителя миромъ и покоемъ.

изъ лучшихъ стрѣлковъ Австріи и его охоты весьма популярны. (с)

Какъ предохранительное средство отъ дифтерита, докторъ Іогансонъ, главный врачъ городской больницы въ Либавѣ, совѣтуетъ заставлять дѣтей каждый вечеръ полоскать ротъ и горло дезинфицирующею жидкостью. Если въ теченіе дня дифтеритныя бактеріи попали въ полость рта, то не успѣваютъ проникнуть далеко и легко могутъ быть устранены всполаскиваніемъ, иначе за ночь онѣ могли бы уже развить болѣзнь. При общераспространенномъ обычаѣ всполаскивать ротъ утромъ, а не вечеромъ, частицы пищи, оставшіяся во рту, за ночь предаются гніенію и способствуютъ развитію бактерій. Днемъ, при постоянныхъ глотательныхъ движеніяхъ, условія неблагопріятны для развитія паразитовъ; ночью же, когда обмѣнъ веществъ происходитъ въ ограниченныхъ размѣрахъ, болѣзнь развивается легче. Лучшимъ полосканіемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить марганцово-кислое кали, которое въ каждой аптекѣ можно пріобрѣсти за нѣсколько копѣекъ. Средство это имѣетъ то преимущество, что, употребляя его, можно видѣть, совершилась ли дезинфекція. Въ этомъ случаѣ свѣтло-красный цвѣтъ жидкости послѣ всполаскиванія переходитъ въ темно-красный. Докторъ Іогансонъ, на основаніи многолѣтней медицинской практики, считаетъ возможнымъ рекомендовать это средство, какъ наиболѣе дѣйствительное. (с.)

Рѣшеніе задачи № 61 (помѣщенной въ № 37).

Н	е	к	р
а	с	н	а
и	з	б	а
у	г	л	а
м	и	к	р
а	с	н	а
п	и	р	о
г	а	м	и

1) Масло. 2) Спина. 3) А. 4) Бани. 5) Ранги. 6) Греки. 7) Мазурка.

Не красна изба углами, — красна пирогами.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **СПБ.:** Н. В. Панкова, А. Суворова, Григорьева, Л. Маснера, А. А. Поснѣева, Н. В. Андреева, Л. Свенторжецкаго, Г. Г. Ходунова, Н. Конигссеръ, А. Ледерле, Г. Кербахъ, П. Стронскаго, В. К. Долгополова, М. Рымкевичъ, М. Г. Косовецъ, С. С. Романовскаго, К. Штейнъ, В. Нестерова, П. И. Кутафьевъ, Н. Еро-ина, В. Смоленцова, П. Н. Михайловой, В. Талалова, С. Клыкова, Н. В. Люхина, И. А. Андреева, А. Тонъ, М. Г—ъ, А. Н. Кузнецовой, Д. Ф. Соснина, А. Моисеева, Тихоныча, Г. Аверкіева, П. Баландина, Е. Астромова; **Москва** — Д. Г. Герасимова, В. Кравцова, П. Шкробова, Н. Крюкова, А. Строевой, П. Хрусталева, Б. А. Богардо, В. Михѣева, И. Я. Романова, Х. А. Кравцова, А. Котова, **Астрахань**—Бендерскихъ, **Александровскъ**—Ю. А. Зайцевой, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Болховъ** — В. Георгіевскаго, **Б. Глушица** — А. Н. Кархилева, **Бологое** — Ф. А. Штадесъ, **Бобруйскъ**—Е. Мольской, **Виница**—С. Рабиновича, **Витебскъ** — И. Мочало, **Вязьма** — Тяполовскаго, **Воронежъ** - А. Константиновой, Д. Шиць, **Весьегонскъ** — Н. Кушелева, **Влодава** — Огнева, **Геническъ** — С. Вильгуръ, **Жиздра** — А. Азасова, **Златополь** — О. А. Педвчинъ, **Замоша**, — П. О. Зотова, **Ивенецъ** — Р. Гоенкова, **Кіевъ** —Н. Булгакова, Л. Е. Шилохвастова, **Калуга** — И. Велигоцкаго, **Кронштадтъ** — Ф. Матье, **Казань** — А. Н. Денисовой, **Лебедянь** — В. Чурилина, **Медынь** — П. Дубенской, **Мѣдниково** —П. Н. Сухатова, **Мелитополь** — Хохловкиныхъ, **Николаевъ** — Фалькертъ, **Нарва** А. Надпорожской, **Одесса** — Шаповалова, **Орѣхово** — Юрьева, **Петергофъ** — О. Григорьева, **Ростовъ на Д.** — А. Шиканова, **Рупосово**—Е. Алексѣева, **Севастополь**—Н. Максимасти, **Самара** — М. Смирнова, **Смоленскъ** — В. Турцевича, **Судога** — С. Голубева, **Тверь** — Н. Мамкина, **Тульчинъ** — З. Липранди, **Ц. Село** — Цедербаумъ, Бордоноса, **Шкуринская** — Н. Ф. Спичакъ, **Шавли**—Коваленко, **Ярославль**—Н. Мосягина.

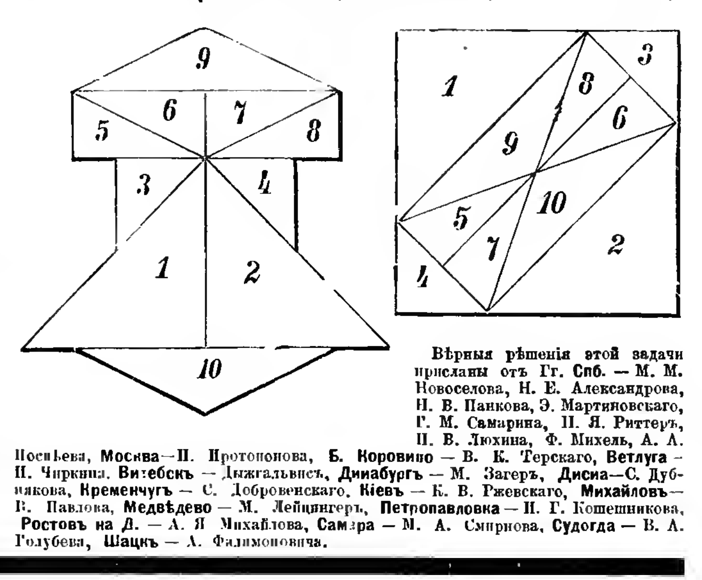
Рѣшеніе алгебраической задачи № 59 (помѣщ. въ № 37).

1) A.	$E : L = N : A - D$	$A = 34 =$ ѳ
2) B.	$\sqrt{M + H} = \frac{2K}{3}$	$B = 6 =$ е
3) C.	$D : M = J + H : A - N$	$C = 5 =$ д
4) D.	$\sqrt[3]{F} = \frac{B}{2}$	$D = 15 =$ о
5) E.	$B : K = G + H : C + H$	$E = 19 =$ т
6) F.	$A = D + M + \frac{2B}{3}$	$F = 27 =$ ъ
7) G.	$C : \frac{D}{3} = G : \frac{M}{3}$	$G = 5 =$ д
8) H.	$\sqrt[3]{O} = \frac{K}{2}$	$H = 1 =$ а
9) J.	$E + L = N2$	$J = 14 =$ н
10) K.	$J : M - H = L - G : E - C$	$K = 6 =$ е
11) L.	$O + F = A + D + C$	$L = 19 =$ т
12) M.	$L : D = E : M$	$M = 15 =$ о
13) N.	$J + K = D + C$	$N = 19 =$ т
14) O.	$B - C = K - G$	$O = 27 =$ ъ

„Ѳедотъ да не тотъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: Н. Морель, Е. А. Гибшманъ, М. М. Штцингсонъ, П. В. Панкова, А. А. Поснѣева, А. К. Нулло.

Рѣшеніе геометрической задачи № 60 (помѣщ. въ № 37).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг. **Спб.** — М. М. Новоселова, Н. Е. Александрова, Н. В. Панкова, Э. Мартиновскаго, Г. М. Самарина, П. Я. Риттеръ, П. В. Люхина, Ф. Михель, А. А. Поснѣева, **Москва**—П. Протопопова, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Ветлуга** - П. Чиркина, **Витебскъ** — Дыжгальвисъ, **Динабургъ** — М. Загеръ, **Дисна**—С. Дубнякова, **Кременчугъ** — С. Добровенскаго, **Кіевъ** — К. В. Ржевскаго, **Михайловъ**—В. Павлова, **Медвѣдево** — М. Лейцингеръ, **Петропавловка** — Н. Г. Кошешникова, **Ростовъ на Д.** — А. Я Михайлова, **Самара** — М. А. Смирнова, **Судогда** — В. А. Голубева, **Шацкъ** — А. Филимоновича.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Р. ГЛЕЗЕРЪ ВЪ РИГѢ
КАРАНДАШНАЯ ФАБРИКА

высылаетъ прейсъ-куранты безплатно и коллекціи образцовъ по полученіи 75 к. марками.
2—2 Ищутъ представителей. № 3409

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3393 3—3
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

БЕРЕЗОВАЯ
ЭМУЛЬСІЯ
косметика
А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается нѣжною и она придаетъ ей бѣлизну и нѣжность. Зимою она удобна противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза. Цѣна флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 руб., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Обществѣ торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торговл. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38. № 3420

ГЛАВНОЕ ДЕПО

Изъ настоящей сосновой шерсти отъ ревматизма, ломоты, простуды и слабогрудія.
И. И. МАРКОВА.

СПБ., на уг. Невскаго и Литейной, д. № 78/66.

Костюмы изъ настоящей сосновой шерсти **малой величины для мужчинъ и дамъ**, состоящіе изъ фуфайки, кальсонъ, чулковъ или носковъ 13 р., тоже средней величины 15 р. 50 к., большой величины 18 р. и 19 р. 50 к.

Отдѣльно фуфайки малой величины 6 р., средней 7 р., большой 8 р. 50 к. Чулки за пару 2 р. 75 к. Носки 1 р. 50 к. Набрюшники 3 р. Наспинники 8 р. Наколѣнники 2 р. 50 к., 3 и 3 р. 25 к. Нагрудники 2 р. 75 к. Напульсники 1 р. Ночные колпаки 3 р. Чепчики 2 р. 50 к. Шерсть для вязанія по 5 р. за фунтъ. Сосновыя стельки 1 р. за пару, митенки 2 р. Вата 1/1 листъ 2 р. 50 к., 1/2 л. 1 р. 50 к. и 1/4 л. 75 к. Сосновое прозрачное масло въ склянкахъ 50 к., 75 к. и 1 р. Сосновое мыло 75 к. и 1 р. 50 к. за кусокъ.

Всѣ эти вещи изъ настоящихъ сосновыхъ иголъ и полезны для страдающихъ ревматизмомъ, ломотою и слабогрудіемъ, въ чемъ удостовѣрено многими учеными, а именно нашимъ многоуважаемымъ заслуженнымъ профессоромъ Ю. К. Траппъ, а равно и заграничными профессорами, а именно: Паули, Буяковскій, Якоби, Генцель, Шильбахъ, Нимейеръ и мн. др.

Депо по требованію высылаетъ во всѣ мѣста Имперіи съ надбавкою къ стоимости на почтовые расходы отъ 50 к. до 1 р., кромѣ посылки сосноваго масла, которое должно быть въ жестянкѣ, отъ 1 до 5 флаконовъ 50 к. Всѣ требованія исполняются немедленно, въ чемъ ручается депо. № 3417

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (38) № 2946

Въ редакціи „ВѢСТНИКА МОДЫ“

(СПБ., Б. Итальянская, № 8), продаются:

Курсъ женскихъ рукодѣлій. Большой томъ, съ 1007 рис., въ роскошн. пер. Цѣна 3 руб. и 4 р. съ перес.

Курсъ кройки, примѣрки и шитья дамскихъ нарядовъ. Съ 620 рис. Цѣна 3 руб. съ пер. въ перепл. 4 руб.

Курсъ кройки, примѣрки и шитья дѣтскихъ нарядовъ. Съ 381 рис. Цѣна 2 руб. съ перес. и 3 руб. въ перепл. № 3423

Курсъ кройки, примѣрки и шитья бѣлья. Съ 566 рис. Цѣна 2 р. и 2 р. 25 к. съ пер.

ОДОРАМИНЪ ТУАЛЕТНЫЙ

пастильки замѣняющія туалетную воду, одну пастильку на чашку воды.

Онѣ служатъ для освѣженія кожи и придаютъ пріятный запахъ; коробка, содержащая 24 пастильки, стоитъ 1 руб.

М. № 3425
4—1

Брокаръ и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

Глицериновое молоко 75 к. — **Ирисовое молоко** 1 р. 25 к.
МОЛОКО ДЕРМОФИЛЬ 2 руб. 25 коп.
ВОДА ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р. 50 к.
Кольдъ-Кремъ самаго высшаго качества 60 коп.
Глицериновый Кремъ 50 коп. | **Кремъ Дермофиль** 80 коп.
КРЕМЪ ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 руб.
Пудра Велютинъ 60 к. — **Пудра де Нинонъ** 75 коп.
ПУДРА ДЕРМОФИЛЬ 1 р.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

КРЕМЪ КАМЕЛІА, бѣлый, розовый и рашель 1 рубль.

ХИМИЧЕСКАЯ
С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.

2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.

3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ. Pt. № 3413

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. **Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ изящн. литограф. обертнѣ 1 р. 25 к.,** а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ СПБ., къ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПОСТОЯННЫЙ ДОХОДЪ для КАЖДАГО безъ всякихъ расходовъ,

пріисканіемъ земскихъ почтовыхъ марокъ; подробности по адресу: № 3422

Евг. СЕМЕНОВИЧЪ,
С.-Петербургъ, 7 линія, домъ 62, кв. 3.

НОВОСТЬ.

Ищу компаньона или покупателя на право производства и распространенія новоизобрѣтеннаго скороводонагрѣвательнаго аппарата; аппаратъ сей заслужилъ полное одобреніе и получена привилегія; подобныхъ сему аппарату еще не существовало; онъ въ 50 м. времени нагрѣваетъ 14 ведеръ воды до 50 градусовъ, съ затратой топлива 27 ф. дровъ, стоимостью 3¾ копѣйки; вѣсъ его 3 пуда; онъ примѣнимъ въ домашнемъ и сельскомъ хозяйствѣ, больницахъ, водолечебницахъ, на фабрикахъ, заводахъ, въ ремесленныхъ и прачешныхъ заведеніяхъ, гостинницахъ, буфетахъ.

СПБ., Старо-Петергофскій просп., д. № 22, кв. 8. **Ф. С. Милашко,** у Ново-Калинкина моста. № 3415

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

ПОСРЕДСТВОМЪ **ЛЕКЦІЙ И ПЕРЕПИСКИ,** СОВЕРШЕННО ЗАМѢНЯЮЩЕЙ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ **ПОЛНѢЙШЕЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА УСПѢХЪ.** ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ПИСЬМА ВЫСЫЛАЮТСЯ **БЕЗПЛАТНО.**

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ, ВЪ МОСКВѢ.
адресъ:
Москва, Арбатъ, Мал. Песковскій пер., д. Адамовича.
Ц. № 3414 1—1

!НОВОСТЬ!

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина

МОЛЬДАКОТЪ

съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкій ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и несложность. Шьетъ какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи двойнымъ, нераспарываемымъ швомъ. Наставленія прилагаются. **Цѣна** безъ футл. 10 р., въ орѣхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 фунт. № 3405

Главный складъ въ писчебумажномъ магазинѣ **„ПОЛИГРАФЪ“, Москва,** Моросейка, д. Комитета.

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

Le *MAGNIFIQUE ALBUM ILLUSTRÉ* renfermant *554 gravures inédites* de Robes, Confections, Articles pour toilettes de Dames et Enfants, Vêtements pour Hommes, etc., ainsi que la nomenclature de tous les tissus en Soieries, Lainages, Indiennes, Toiles etc. etc., qui

Vient de Paraître.

L'envoi en est fait *GRATIS ET FRANCO* contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie à Paris

Sont également envoyés *franco* les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*. (Bien spécifier les genres et prix.)

Expéditions franco de port à partir de *25* fr. jusqu'à la frontière Russe, ou jusqu'à destination, moyennant une augmentation de *10 0/0*, pour toute commande dépassant *100* fr.

А. № 3406 3—2

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:

МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ, изобрѣтенія В. Аккермана,

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины,

МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ

на складѣ при механическомъ заводѣ

В. АККЕРМАНА,

СПБургъ, Пески, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 3390 4—2

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы

ГИЧКОКЪ

без стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина: соблюдается **огромная экономія** устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/6 копѣйки въ часъ.

◆ Полное ручательство за доброкачеств. ◆

Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая	12 руб.
Висячая	15 руб.
Стѣнная.	15 руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на 3 р. дороже. Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

Только-что отпечатано и поступило въ продажу

НОВОЕ, **ПЯТОЕ** ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ**, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

☞ **Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.**

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

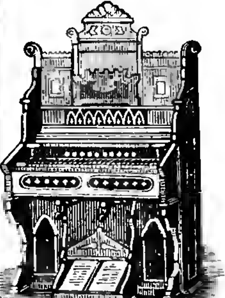
3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. **6 р. 75 к.**; въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями—**8 руб.**, съ пересылкою **9 руб.**

Для подписчиковъ **„Нивы“—5 р. 50 к.**, съ перес. **6 р. 25 к.**; въ переплетѣ **7 р.**, съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращатся въ **СПБургъ**, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

8—3 Главное депо для Россіи: братья Фохтсъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

ФИСГАРМОНІИ

ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

французскія 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.; американскія 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

Въ № 18 сего года журнала „Нива“, помѣщена интересная статья, изъ которой можно получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоній. Эта статья, а также иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ НОТЪ ДЛЯ ФИСГАРМОНІИ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3421
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

Амер. фисг. въ 300 р.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва. Кузнецкій мостъ, д. бывш. Торлецкаго.

ЖУРНАЛЪ „ЭПОХА“

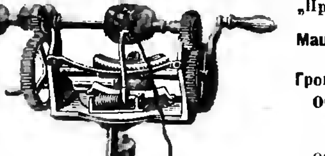
будетъ выходить съ Октября мѣсяца 1888 года ежемѣсячно книжками отъ 200 до 240 страницъ, по программѣ литературно-научныхъ журналовъ. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, Большая Никитская, д. Зотова, въ конторѣ объявленій Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, и въ конторѣ Гиляровскаго, въ Столешниковомъ пер. Въ Петербургѣ: на Невскомъ просп., въ книжномъ магазинѣ Г. Мартынова.

Годовая цѣна съ пересылкой и доставкой .	6 рублей.
За 3 мѣсяца съ Октября по Декабрь с. г. .	2 р. 25 к.
За 15 книжекъ—по 1 Января 1890 года . .	8 рублей.
За отдѣльную книжку журнала, съ доставкой	75 коп.
„ „ „ „ безъ доставки	60 коп.
За границу годовое изданіе	8 рублей.

Допускается разсрочка на годовое изданіе со взносомъ 2 рублей послѣдовательно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, или по одному рублю въ мѣсяцъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: Я. В. Абрамовъ, С. А. Венгеровъ, В. В., Н. Н. Златовратскій, П. В. Засодимскій, Г. Б. Іолосъ, В. Г. Короленко, Каронинъ, проф. И. В. Лучицкій, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), А. А. Михиловъ, Г. А. Мачтетъ, В. П. Марковъ, Минскій, А. А. Поповъ, А. С. и В. С. Пругавины, В. И. Савихинъ, В. И. Семевскій, П. А. С—скій, А. М. Скабичевскій, Г. И. Успенскій, А. П. Чеховъ, С. А. и Е. С. Щепотьевы, А. И. Эртель, С. Н. Южаковъ, С. А. Юрьевъ и др.

П. № 3416 Издатель **А. Колачевскій.**

„Практичная НОВОСТЬ, необходимая во всякомъ хозяйствѣ“:

Машины для чистки картофеля, яблокъ и другихъ фруктовъ. Патентъ Герцога.

Громадное сбереженіе матеріала и времени!

Очистка болѣе 3-хъ пудовъ въ часъ

Цѣна отъ 10 до 20 рублей.

Объяснительныя брошюры высылаются по первому требованію.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ:

у Р. БАУМГАРТЕНЪ и Комп. въ МОСКВѢ,

Чижовское Подворье, Торговое отдѣленіе, № 4. № 3418

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

---

85 РУБЛЕЙ.

Шубка „БОЯРЫНЯ“.

Изъ лучшаго шевіота, на шелковой саржѣ, на пуху. **ШАЛЬ, ШАПКА, МУФТА** изъ каракуль. Длина 32 в. На среднюю полноту. № 3419

СОБСТВЕННОСТЬ ДОМА

Ю. ФЛОРАНЪ,

СПБ., 18, Большая Морская.

ЦѢНА только 10 р. с.

ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новѣйшей конструкціи, помѣщена въ ящикѣ, къ которому придѣлана весьма раціонально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣнъ—чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пуговка, придѣл. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ обр. кажд. хозяинъ въ сост. устроить въ нѣсколько минутъ домашнее телеграфн. сообщеніе. Болѣе точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

у Казанск. м., д. № 80—16, входъ съ Екат. кан., въ С.-Петербургѣ.
№ 3378 7—4

самаго высшаго качества, можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговлахъ аптекарскими товарами.

ГЛАВНОЕ ДЕПО у
АЛЕКС. ТИСЪ и К°.

Р. № 3383 Пушкинская, 4. 5—2

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.

Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.

Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.

СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3373

Дозвол. цензур., СПБ., 12 октября 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. [illegible] ч., д. 1.

XIX г. — № 43 — г. XIX — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 22 октября 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

П. Н. Полевой.

Петръ Николаевичъ Полевой—сынъ извѣстнаго писателя и журналиста, Н. А. Полевого—родился въ 1839 г. (25 февр.) въ СПБ. Первоначальное образованіе получилъ дома и продолжалъ въ гимназіи, сначала въ IV (Ларинской), а потомъ въ V-й. По окончаніи гимназическаго курса вступилъ въ университетъ по историко - филологическому факультету и окончилъ курсъ въ 1861 году со степенью кандидата. Главнымъ предметомъ его занятій въ университетѣ было изученіе кельтійскихъ, романскихъ и германскихъ нарѣчій, въ связи съ изученіемъ памятниковъ народной поэзіи славянской и германской. Осенью 1861 г. Полевой опредѣлился на службу учителемъ русскаго языка и словесности въ Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, близъ Новгорода, и среди той глуши, въ которой корпусъ находился, написалъ свою магистерскую диссертацію. Въ 1864 году онъ получилъ степень магистра русской словесности и поступилъ приватъ-доцентомъ въ С.-Петербургскій университетъ. Отсюда онъ былъ отправленъ доцентомъ на ту же каѳедру въ новооткрытый университетъ Новороссійскій (въ Одессѣ); а затѣмъ, по предложенію Министерства, перешелъ ординарнымъ профессоромъ на каѳедру русскаго и церковно-славянскаго языка въ Императорскій Варшавскій университетъ. Здѣсь Полевой прослужилъ три года и, въ 1871 г., выйдя въ отставку, исключительно посвятилъ себя издательской и литературной дѣятельности, преимущественно въ области ученой и общеобразовательной. Многія изъ книгъ, изданныхъ П. Н. Полевымъ въ періодъ времени между 1870—1880 гг., имѣли успѣхъ весьма значительный. Особенно понравились публикѣ его роскошно-иллюстрированныя изданія: „Народныя русскія сказки", „Родные отголоски" и „Исторія русской литературы", съ портретами, памятниками, снимками съ рукописей и древними заставками. При появленіи этой кни-

П. Н. Полевой. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

ги, 3,000 экземпляровъ ея разошлись въ три недѣли, и затѣмъ, послѣдовательно, она выдержала еще пять изданій. Послѣ изданія въ свѣтъ „Русской литературы“, П. Н. Полевой, давно уже питавшій сердечное влеченіе къ русской старинѣ, сталъ болѣе и болѣе уклоняться въ область русской исторіи и археологіи. Результатомъ его трудовъ по этой части были изданные имъ „Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта“, обнимающіе древнѣйшій періодъ русской исторіи. На время онъ былъ отвлеченъ отъ своихъ занятій дѣятельностью журнальною (въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ онъ издавалъ *Живописное Обозрѣніе*); а затѣмъ вновь обратился къ изученію русской старины, и преимущественно XVII вѣка. Съ этою эпохой, богатою красками, типами и чрезвычайнымъ оживленіемъ народной жизни, П. Н. Полевой рѣшился ознакомить русскую публику въ цѣломъ рядѣ историческихъ романовъ. Первый изъ этихъ романовъ „Братья Соперники“—уже извѣстенъ нашимъ читателямъ. Изъ этого романа, замѣтимъ кстати, заимствованъ былъ авторомъ сюжетъ драмы, которая должна явиться въ концѣ нынѣшняго года на русской сценѣ подъ названіемъ „Правительница Софья“. Въ настоящее время П. Н. Полевой занятъ окончательною отдѣлкою большаго романа изъ эпохи Смутнаго времени.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XI.

Неудача молодаго офицера, невозможность не только свататься, но даже и познакомиться съ бригадиромъ привела конечно къ тому, что его мать, Анна Ильинишна Козлянинова, явилась снова въ Москву.

Это была женщина уже лѣтъ 60-ти, а на видъ еще старше, слабая и болѣзненная старушка, вѣчно скрипѣвшая, какъ говорятъ про хворающихъ людей. Ея знакомые дивились, да и сама она добродушно удивлялась, что все живетъ и не помираетъ. Вокругъ ея умираютъ здоровые да молодые, а она все на ладанъ дышетъ—и все жива! За послѣднее страшное время моровая язва унесла вокругъ старушки тысячи людей, богатырей, молодыхъ, здоровыхъ юношей и дѣтей, а ее не тронула, только напугала до полусмерти и заставила еще болѣе посѣдѣть и похирѣть.

Единственный ея сынъ былъ и единственнымъ ея ребенкомъ, но уже отъ третьяго брака. Старушка пережила трехъ мужей. Всѣ трое жаловались, что у нихъ хилая жена, а всѣ трое ушли на тотъ свѣтъ прежде нея.

Старушка добродушно шутила, что не мудрено ей спутаться, какъ себя назвать по фамиліи. Четырьмя разными фамиліями называлась она за всю свою жизнь—одною дѣвическою, да тремя мужними.

Первые два брака ея были бездѣтны и только отъ третьяго уже, когда было ей 40 лѣтъ, нежданно-негаданно родился обожаемый ею Коля.

Трудно было представить себѣ насколько старушка боготворила своего юнаго, красиваго и добраго Колю. Въ особенности услаждалась она мыслью, что его всѣ любятъ... Стало-быть хорошій малый.

Дѣйствительно, Николай Козляниновъ былъ любимцемъ и товарищей, и начальства, и сосѣднихъ дворянъ Звенигородскаго уѣзда. Не мало барышенъ по сосѣдству съ удовольствіемъ пошли бы за него замужъ. Все у него было: и дворянство, и состояніе, и офицерскій мундиръ, и статная фигура, и доброе сердце, и ласковая улыбка, и большіе, будто бархатные, голубые глаза.

Онъ былъ отъ природы чрезвычайно застѣнчивъ, особенно почтителенъ со всѣми и, вообще, какъ-то особенно мягокъ въ обращеніи. Былъ у него одинъ большой недостатокъ, но его никто какъ бы не замѣчалъ. Ни его родная мать, ни друзья, ни знакомые, никто не хотѣлъ его замѣчать, или вѣроятнѣе не могъ замѣтить.

Николай Козляниновъ былъ отъ природы недалекъ умомъ, даже, какъ говорятъ, простоватый малый. Отъ этого природнаго малоумія и проистекалъ быть-можетъ его чрезвычайно мирный и тихій нравъ.

— Звѣздъ съ неба не хватаетъ, говорили про него нѣкоторые,—за то сердце золотое, да и собой красавецъ.

Только разъ, въ самый разгаръ чумы, начальникъ всего кордона и всѣхъ рогатокъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ столицы, чтобы не пропустить чуму въ Петербургъ, — полковникъ, графъ Брюссъ, посудилъ Козлянинова прямо и откровенно.

— Вотъ дуракъ-то отчаянный... повторялъ Брюссъ, сносясь по дѣламъ службы съ молодымъ офицеромъ.— Что ни укажешь — все переврётъ... Отпѣтый дуракъ!..

Эта оцѣнка начальника, человѣка добраго и справедливаго, нѣсколько озадачила молодаго офицера, когда онъ о ней узналъ. И Козляниновъ добродушно сталъ самъ себя спрашивать:

— А ну, какъ я и впрямь отпѣтый дуракъ?.. Отчего же прежде, ни матушка, ни друзья-пріятели этого не замѣчали?

Теперь, когда страшное моровое повѣтріе прекратилось, все стихло, только говоръ народный да разсказы бабъ остались отъ страшныхъ дней — всѣ дѣятели временъ чумы получили повышеніе и награды, начиная отъ сенатора генерала Еропкина и кончая послѣднимъ сержантомъ. Лишь Козляниновъ въ числѣ немногихъ не получилъ никакой награды. Это его сначала нѣсколько опечалило. Старушка-мать рѣшила, что это все произошло отъ зависти и недоброжелательства враговъ.

А между тѣмъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей чумныхъ дней, тотъ же графъ Брюссъ, часто теперь вспоминалъ въ Петербургѣ:

— Былъ у меня, въ чуму на Москвѣ, подъ командой одинъ прапоръ, изъ себя видный и малый сердечный. Гдѣ его съ командой ни поставишь кордономъ — такъ смотришь черезъ недѣлю матушка-чума уже и перелѣзла дальше. И опять раздвигай кордонъ шире и захватывай мѣсто куда она перелѣзла. Четыре раза перемѣнялъ я его и гонялъ съ одного мѣста на другое. Разъ поставилъ кордономъ вдоль берега широкой Оки, авось, думаю, здѣсь мой отпѣтый дуракъ вмѣстѣ съ рѣкой чуму уберегутъ и не пропустятъ... Анъ нѣтъ! Не прошло двухъ недѣль, какъ разъ насупротивъ его стоянія, за рѣкой, въ деревушкѣ объявилась гостья и пошла народъ морить. И тутъ не уберегъ! Далъ сударынѣ-чумѣ черезъ рѣчку перескочить или переплыть.

Вотъ этотъ-то самый, по мнѣнью графа Брюсса, отпѣтый дуракъ, если не былъ годенъ для государственной службы, то во всякомъ случаѣ могъ быть годнымъ семьяниномъ и гражданиномъ.

Теперь, въ Москвѣ, Козляниновъ испугался, узнавъ что его возлюбленная въ домѣ бригадира-дѣда.

Смутное предчувствіе сказало ему что онъ болѣе не женихъ. И дѣйствительно, послѣ перваго же свиданія съ няней Ариной Матвѣевной, Козляниновъ увидѣлъ, что ему приходится бросить мысль о женитьбѣ.

Окончательно не зная, что̀ дѣлать и съ какого конца взяться чтобы умилостивить гордаго бригадира, молодой человѣкъ рѣшилъ вызвать въ Москву свою старуху-мать. Ей, какъ женщинѣ, да еще старухѣ, было легче дѣйствовать въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ сватовство.

Анна Ильинишна, старѣвшая не по днямъ, а по часамъ, была послѣ всѣхъ треволненій, путешествій и „бѣганій“ отъ чумы еще дряхлѣе на видъ. Хотя и черезъ силу, но она тотчасъ двинулась въ Москву и

ночевавъ два раза на разстояніи семидесяти верстъ, прибыла къ сыну на помощь.

Старушка сначала не могла въ толкъ взять отчего „таковое помѣшательство“ приключилось, отчего бригадиръ Филисовъ упорствуетъ не только согласіемъ на бракъ внучки, но даже горделиво отозвался, что и знакомиться не желаетъ.

— Да ничего ты худаго въ Москвѣ не учинилъ? спросила она наконецъ сына съ тревогой.

Молодой человѣкъ даже сразу и не понялъ вопроса старухи.

— Не вышло-ли у тебя или не приключилось-ли какое срамное обстоятельство, которое дошло до ушей бригадира и сдѣлало его нашимъ супротивникомъ?

— Что́ вы, матушка, Господь съ вами...

— Ну не оклеветали-ли тебя, не очернили-ли въ его мысляхъ къ тебѣ? Въ столицѣ люди злы...

— Кому-же было клеветать? Нѣтъ, не думаю. А просто не хочетъ онъ выдавать за меня Клёну.

— Отчего? Чѣмъ ты ей не женихъ? Лучше тебя и сыскать нельзя. Днемъ съ огнемъ не найдешь!

— Желаетъ онъ видно сосватать Клёну за какого-либо именитаго человѣка, сановнаго и богатаго, за полковника что-ли... Я почемъ знаю... А не хочетъ онъ меня—и все тутъ.

— Удивительно, развела руками Козлянинова.—Попробую, да попытаю я сама — можетъ вся притча и разъяснится.

XII.

Козляниновы прежде всего наняли небольшое, но приличное помѣщеніе на Моховой улицѣ. Ни старуха, ни офицеръ понятія не имѣли о томъ, что первый этотъ шагъ — былъ уже промахъ. На Моховой не жило ни единаго дворянина, ибо по близости протекала мутная и вонючая Неглинка и близъ ихъ квартиры торчали двѣ мукомольныя мельницы. Козляниновы не чуяли, что бригадиръ, когда узнаетъ объ кварталѣ гдѣ они поселились, назоветъ офицера „женихомъ съ болота“.

Въ новую квартиру прибыло изъ деревни полдюжины дворовыхъ людей, которыхъ пришлось тотчасъ „обшивать“. У кого изъ нихъ былъ кафтанъ „дранъ-раздранъ;“ у кого сапоги „каши просили“. У другаго шапки не было „ни самомалѣйшей“, ибо дома онъ шлыкомъ обходился или гололобый бѣгалъ. У третьяго совсѣмъ ничего не было. Синяя рубаха, да тулупъ! А какой-же дворовый человѣкъ — въ овчинѣ ходитъ! Столичные люди осмѣютъ.

Послѣ дворни и „обшивки“ ея явились многія другія хлопоты и траты. У самой Анны Ильинишны городской салопъ оказался двухъ цвѣтовъ. Правая сторона лиловая, а лѣвая пола и полъ-спины—будто блакжевыя. Матерія не выдержала и полиняла. Вѣроятно она готовилась служить вѣрой и правдой лѣтъ пятнадцать, а пришлось служить и всѣ сорокъ лѣтъ. Когда Анна Ильинишна была дѣвицей-невѣстой, салопъ былъ одноцвѣтный. Она это хорошо помнила. Вѣдь онъ былъ темно-лиловый...

— Удивительно! говорила она теперь, качая головой.

— Полинялъ, матушка, шутка-ли сколько ему, объяснялъ сынъ смѣясь.

— То-то полинялъ. Обманщикъ нынѣ купецъ сталъ! наровитъ всякаго наду́вомъ взять.

— Не нынѣ матушка... А тогда, когда его покупали или шили... А нынѣшніе купцы тутъ не при чемъ! шутилъ Козляниновъ.—Такъ-ли, этакъ-ли,—а нуженъ вамъ новый салопъ. Въ этакомъ ѣхать къ бригадиру—избави Боже! Здѣсь Москва!

Старушка, волей-неволей и скрѣпя сердце, занялась нарядами. Помимо новой покрышки на салопъ, пришлось и платье новое шить, которое щеголиха-портниха посовѣтовала и взялась шить изъ новой, самой всѣмъ любезной матеріи... Козлянинова называла эту матерію по своему и никакъ не могла запомнить ея настоящее заморское названіе... Старуха ахала и въ себя не могла прійти отъ того новаго положенія, въ какое попала.

— Вотъ до чего дожила! До искушенія людей! Надо не нынѣ—завтра въ гробъ ложиться, а я себѣ платья изъ „горлату́ра“ шью... Одинъ грѣхъ!

Иногда-же Козлянинова называла матерію и совсѣмъ по своему...

— Какъ только мое платье изъ „горлодёра“ поспѣетъ, такъ тотчасъ поѣду свахой отъ тебя къ гордецу Никитскому. Не посмѣетъ онъ намъ отказать...

Наконецъ самая большая трата, на которую приходилось Козляниновымъ рѣшиться, была покупка кареты. Не только для барыни-помѣщицы, дворянки и старухи, нужна была въ Москвѣ своя карета-рыдванъ, но даже послѣдній, почти неимущій чиновникъ „рябчикъ“ или прапорщикъ, если только онъ былъ изъ столбовыхъ дворянъ, долженствовалъ имѣть карету какую-бы то ни было.

„Дворянину пѣшкомъ ходить по городу не приличествуетъ! Дворянинъ, да пѣшій!“

Эти слова говорились стариками въ поученіе и какъ благой совѣтъ молодымъ людямъ, сынамъ и внукамъ, которые уже начинали понемногу рѣшаться на подобный соблазнъ для жителей.

„Дворянинъ, да пѣшій!“ звучало имъ во слѣдъ съ укоризной.

Большая карета желтая съ голубымъ чехломъ на козлахъ—появилась тоже у Козляниновыхъ.

Жаль было старухѣ денегъ! Но когда рыдванъ, величественно качаясь на своихъ стоячихъ рессорахъ—якобы корабль на волнахъ морскихъ—появился громыхая на дворѣ, то старушка ясною улыбкой встрѣтила экипажъ...

— Никогда намъ твой Никитскій не откажетъ! произнесла она увѣренно, обращаясь къ сыну.

„Развѣ можно не отдать за молодца дѣвицу замужъ, когда его мать во мнѣ въѣдетъ на дворъ!“ будто сказалъ старушкѣ этотъ желтый рыдванъ.

Разумѣется, къ каретѣ понадобился и цугъ лошадей, но онѣ нашлись по счастью въ деревнѣ. Хотя цугъ былъ разномастный, но кони были не въ примѣръ столичнымъ, сытые и шустрые, тогда какъ въ Москвѣ на десятокъ цуговъ болѣе половины были изъ коней заморенныхъ. Бѣдный дворянинъ, содержа и гоняя свой цугъ, исполнялъ строгій обычай, а не франтилъ. Если лошади были тощи отъ худаго корма и гоньбы, то иной владѣлецъ ихъ и самъ бывалъ не всегда накушавшись вплотную, а если и сытъ, то въ гостяхъ.

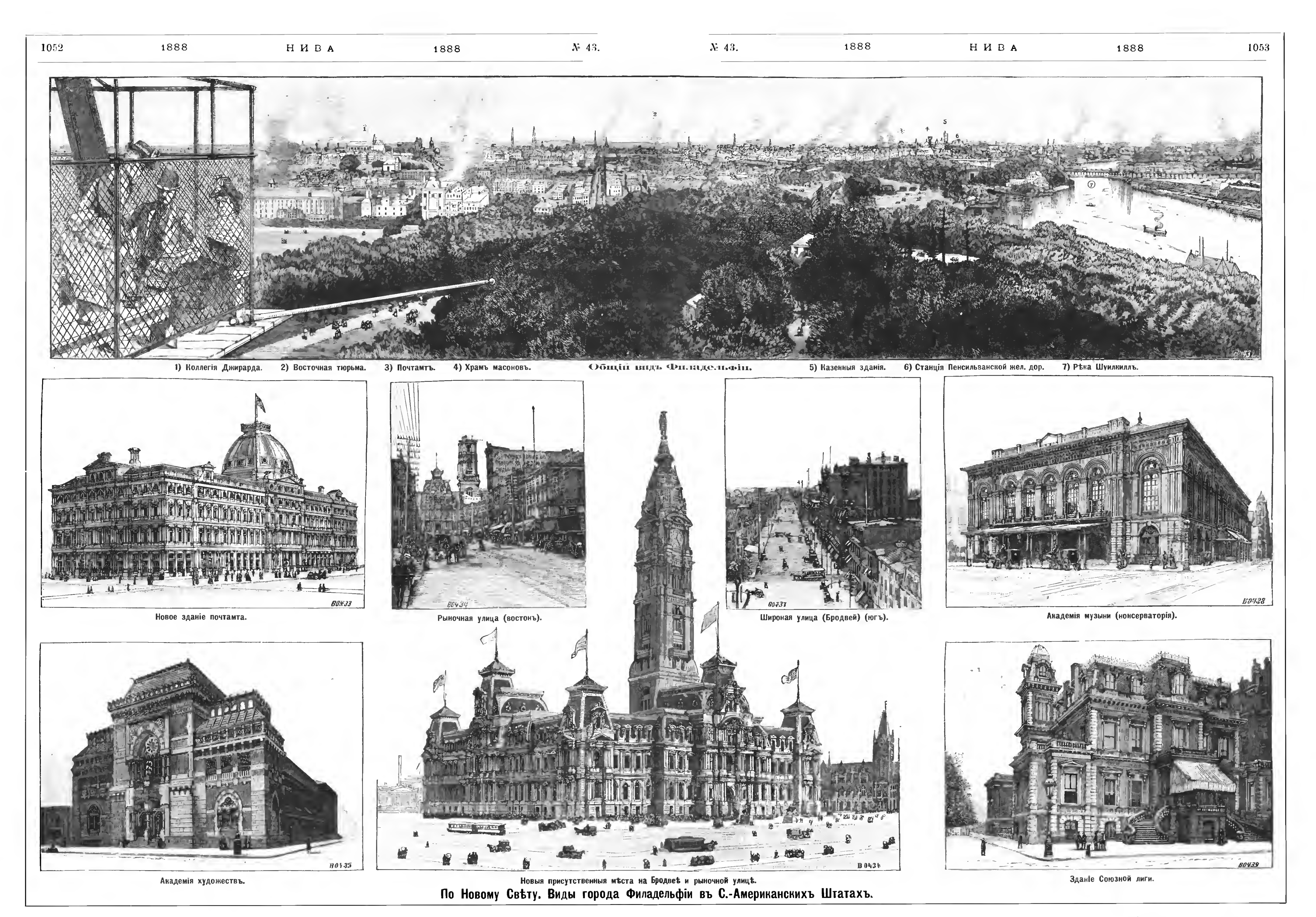
По мѣрѣ того что всѣ хлопоты и заботы, всѣ обновы и затраты приходили къ концу и приближался роковой день поѣздки старушки къ бригадиру, Анна Ильинишна болѣе робѣла и трусила.

— Вѣдь и мы дворяне столбовые! Царю Ивану Васильевичу твой дѣдъ правду въ глаза рѣзалъ! говорила старуха сыну вдругъ, безъ всякаго вопроса съ его стороны, и тѣмъ какъ-бы выдавала свою тайную робость, свои опасенія и тревогу души.

— Я по дѣвичеству генеральская дочка! говорила старуха въ другой разъ, забывая, что при ея рожденіи генераловъ на Руси еще не существовало, за исключеніемъ нѣсколькихъ, да и то больше заморскихъ, изъ любимцевъ Великаго Петра.

Внутренняя тревога и сомнѣніе въ успѣхѣ въ теченіе многихъ дней привели къ тому, что когда карета, цугъ коней, кафтаны и ливреи людей, новый лиловый салопъ и платье изъ „горлодёра“ были готовы, старушка не выдержала и слегла въ постель. Она ничѣмъ не болѣла, но встать не могла и лежала, говоря сыну:

— Что́ Филисовы, что̀ Козляниновы—все едино. Тѣ-же дворяне!

1) Коллегія Джирарда. 2) Восточная тюрьма. 3) Почтамтъ. 4) Храмъ масоновъ. Общій видъ Филадельфіи. 5) Казенныя зданія. 6) Станція Пенсильванской жел. дор. 7) Рѣка Шуилкиллъ.

Новое зданіе почтамта.

Рыночная улица (востокъ).

Широкая улица (Бродвей) (югъ).

Академія музыки (консерваторія).

Академія художествъ.

Новыя присутственныя мѣста на Бродвеѣ и рыночной улицѣ.

Зданіе Союзной лиги.

По Новому Свѣту. Виды города Филадельфіи въ С.-Американскихъ Штатахъ.

Наконецъ, однажды, въ воскресный день, барыня Анна Ильинишна, помолясь усердно въ приходѣ за обѣдней, рѣшилась ѣхать къ „Никитскому“ бояриму, какъ называла она Филисова.

Съ той минуты что Козлянинова въѣхала во дворъ дома бригадира и объ ней побѣжали доложить, и до той минуты, что старушка, подсаживаемая четырьмя лакеями, снова сѣла въ свой рыдванъ—время показалось ей и мигомъ, и вѣкомъ. Все что̀ собственно произошло и было говорено и бригадиромъ, и ею—все заволокло какимъ-то туманомъ.

Плотный, высокій, суровый лицомъ хозяинъ съ сѣдыми, топырящимися, какъ усы, бровями, встрѣтилъ гостью поспѣшно и любезно въ залѣ, проводилъ въ диванную и усадилъ. Онъ былъ чрезвычайно почтителенъ и привѣтливъ.

Анна Ильинишна объявила, что слышала отъ знакомыхъ и родственниковъ, что бригадиръ продаетъ вотчину въ сорокъ душъ... Ей-бы очень желательно было узнать всѣ подробности, какъ и что̀?.. Бригадиръ, ухмыляясь, заявилъ, что ничего не продаетъ, но знакомству радъ... Старуха стала говорить о томъ, что имѣетъ сына-офицера, что молодымъ людямъ надо жениться рано, скорѣе „степенство“ пріидетъ.

— А то бѣда! сказала она.—Холостая жизнь погубительная... Такъ-ли, государь мой?

— Истинно! отозвался бригадиръ.

Описавъ подробно свои обстоятельства, знакомыхъ и жизнь въ Звенигородѣ, даже описавъ свое троекратное вдовство, Козлянинова рѣшилась спросить заикаясь: былъ-ли бригадиръ женатъ и имѣетъ-ли дѣтей...

— Былъ и имѣлъ! кратко отозвался Филисовъ.

— Были? переспросила старушка.—Овдовѣли...

Бригадиръ молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— А дѣти ваши?

— Теперь никого, сударыня, нѣтъ, кромѣ дѣвицы-внуки, однозвучно произнесъ бригадиръ, будто говоря: „тебѣ это нужно, ну такъ—вотъ!“

— Это очень утѣшительно, пріятно, сказала старуха.

— Что̀? Дѣтей потерять?

— Какъ то-ись? не поняла Анна Ильинишна придирки хозяина, но тотчасъ прибавила вопросомъ:

— Дѣвица-невѣста?

— Да-съ! на возрастѣ.

— Замужъ пора...

— Нѣтъ, еще не пора! отрѣзалъ бригадиръ.

— Отчего-же?..

— Жениховъ нѣтъ! опять отрѣзалъ бригадиръ.

— Въ Москвѣ... да нѣтъ жениховъ... стараясь хитрить, вымолвила Козлянинова, изображая удивленіе и лицомъ, и голосомъ.

— Въ Москвѣ-то ихъ, сударыня, непочатой уголъ, но для внуки моей ни единаго нѣтъ.

Бригадиръ произнесъ эти слова такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Анна Ильинишна не знала, какъ продолжать бесѣду. Но вдругъ счастливая мысль пришла ей на умъ.

— Очень-бы желала я спознакомиться съ вашей дѣвицей! сказала она.

— Вы уже, сударыня, знакомы съ ней... насколько мнѣ извѣстно, сказалъ бригадиръ.

Слова эти какъ громомъ поразили старуху... Она совсѣмъ растерялась... До сихъ поръ все еще шло хорошо, какъ подобаетъ въ щекотливыхъ обстоятельствахъ. Она глаза отводила бригадиру и бесѣдовала „обинякомъ“. Онъ тоже, какъ водится, не выводилъ ничего „на чистоту“. Дѣло какъ будто шло на ладъ и какъ по маслу. И вдругъ сразу бухнулъ онъ такое слово, что все зданіе, сооруженное старухой, будто рухнуло и разсыпалось...

Анна Ильинишна оторопѣла, съ трудомъ переводила дыханіе и не знала совершенно, что̀ дѣлать и что̀ сказать.

„На чистоту хватилъ“, повторяла она мысленно. „Что-жь теперь?..“

Она собиралась было сейчасъ „обинякомъ“ знакомиться съ Клёной, которая пріидетъ въ диванную, а онъ говоритъ, что онѣ уже знакомы!..

Старушка окончательно потерялась и не знала, какъ поступить и что̀ дѣлать. Бригадиръ досталъ табакерку изъ кармана и подавая спасъ гостью однимъ словомъ, сказаннымъ привѣтливо:

— Нюхать не изволите?..

— Бросила... Бросила! оживилась Козлянинова, находя предметъ для бесѣды...

Бригадиръ сталъ черезчуръ весело, смѣясь, доказывать, что нюхательный табакъ великое изобрѣтеніе для рода человѣческаго, безъ котораго была-бы сущая тоска жить на свѣтѣ.

Съ этой минуты бригадиръ, удивительно разболтавшись и какъ-то чудно̀ усмѣхаясь, не далъ Аннѣ Ильинишнѣ произнести ни единаго слова. Три раза старушка разѣвала ротъ чтобы снова начать „обинякомъ“ бесѣду объ дѣвицѣ-внукѣ... Но бригадиръ повѣствовалъ ей о Москвѣ, объ Иванѣ Великомъ, объ Иванѣ Грозномъ, объ Иванѣ дурачкѣ, о чумѣ, о Туркѣ, о галерномъ флотѣ, о путешествіи господина Телемака, которое совершено было имъ болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ.

— И что̀ вы! Господь съ вами! сообразила старуха.— И съ Рождества Христова двухъ тысячъ годовъ не прошло.

— Оный Телемакъ, царскій сынъ, жилъ еще до Рождества Христова.

— И полноте грѣшить! Нешто это возможно! ахнула Козлянинова.

Бригадиръ громко разсмѣялся и опять заболталъ всякую околесную.

И густымъ, непроницаемымъ туманомъ заволокло мысли старушки. Она сидѣла какъ опьянѣлая и въ глазахъ ея начало рябить и тоже все путалось, и прыгало, и гудѣло. И сынъ, и турки, и Иванъ Великій, и Клёна, и Телемакъ, и галерный флотъ...

И невѣдомо какъ, будто чудомъ какимъ, вдругъ очутилась Анна Ильинишна въ своемъ рыдванѣ и уже ѣхала домой. А какъ очутилась, она почти и не знала... Встали, помнится, они съ мѣстъ своихъ, посмотрѣть цвѣты заморскіе въ горшкахъ, что̀ стояли на окнахъ залы... А послѣ осмотра какихъ-то розановъ очутились въ передней. А здѣсь ея лакеи, какъ только завидѣли барыню, бросились къ ней, накинули на нее новый салопъ. А бригадиръ все ее привѣтливо провожалъ, въ передней даже помогалъ одѣться, даже самъ приказалъ карету поближе къ крыльцу подать.

По мѣрѣ того что старушка ѣхала домой, туманъ сгущался въ ея мысляхъ... Вышло что-то такое путаное, безъ начала и безъ конца... Или будто задавилъ ее звѣрь какой безъ головы и безъ хвоста.

— Ну что̀? Что̀ матушка? Что̀? встрѣтилъ старуху сынъ на подъѣздѣ.

— Да ничего... Съѣздила!.. отозвалась Анна Ильинишна, входя въ домъ.

Козляниновъ быстро освободилъ мать отъ салопа, теплой шляпы, платка и всякой всячины, провелъ въ гостиную, усадилъ и уже нетерпѣливо спросилъ:

— Ну-съ... Ну-съ... Что̀-же?

— Да ничего!

— Какъ ничего!?

— Все слава Богу.

— Видѣлись съ Клёной?

— Нѣтъ...

Не скоро, при помощи всякихъ и многихъ разспросовъ, но наконецъ молодой человѣкъ вполнѣ понялъ къ чему привела поѣздка матери къ бригадиру.

XIII.

Обѣщаніе „сестрицы“ своему сожителю повліять на внучку и „разговорить“ ее, заставило Толбухину готовиться и собираться съ мыслями ради пущей удачи.

Въ день посѣщенія Козляпиновой, Марья Евграфовна и за столомъ, и послѣ обѣда, была особенно ласкова со внучкой. Въ сумерки онѣ вмѣстѣ поѣхали ко всенощной, а вечеромъ Толбухина долго разсуждала съ Клёной объ шитьѣ ей новаго платья къ праздникамъ. Это было предисловіемъ или вступленіемъ, которое Толбухина мысленно назвала: avant-propos. Но о дѣлѣ, по порученію бригадира, она не проронила со внучкой ни слова.

Толбухина, умственно приготовляясь къ походу на внучку, обдумывала каждое слово предстоящей рѣчи, или лучше сказать своей проповѣди внучкѣ. Эта нравоучительная и убѣдительная проповѣдь должна была подѣйствовать, по ея мнѣнію, на Клёну настолько сильно, чтобы дѣвушка сама отказалась отъ всякой мысли собираться замужъ за своего возлюбленнаго.

Цѣль Толбухиной заключалась не въ томъ чтобы подготовить Клёну къ противодѣйствію со стороны дѣда, а именно въ томъ, чтобы все обошлось и уладилось какъ бы по желанію самой дѣвушки. Впрочемъ, она сочиняла свою рѣчь, приготовляясь говорить, и больше думала о томъ какое впечатлѣніе внѣшнее произведетъ ея красивая рѣчь, чѣмъ о послѣдствіяхъ ея. Лишь бы красиво вышло, умно, игриво, однимъ словомъ красно; а убѣдитъ-ли она внучку или нѣтъ, объ этомъ Толбухина какъ будто не заботилась. Ужь очень она любила свое искусство словоизверженія.

На другой день, конечно, около полудня, въ горницахъ Клёны, которыя помѣщались наверху въ мезонинѣ и окнами выходили въ занесенный сугробами садъ, появилась Марья Евграфовна. Видъ у нея былъ особенно торжественный; лицо улыбалось привѣтливо, но глаза смотрѣли многозначительно и загадочно. Даже костюмъ на ней былъ не простой, будничный, и поверхъ платья изъ драдедама была накинута цѣнная бѣлая турецкая шаль, которую она когда-то получила еще въ приданое, при выходѣ замужъ за своего, нынѣ безвѣстно пропадающаго мужа.

При видѣ бабушки, Клёна даже оторопѣла и смутилась. Если бы бабушка собиралась выѣхать вмѣстѣ съ съ нею, то предупредила бы ее; и она тоже бы одѣлась. Очевидно, что Марья Евграфовна разрядилась для какого-то особеннаго выѣзда. Но зачѣмъ тогда лѣзть къ ней на вышку по крутой лѣстницѣ? Толбухина вообще крайне рѣдко заглядывала въ горницы внучки, а въ парадномъ туалетѣ — ея появленіе было уже чрезвычайнымъ происшествіемъ.

Войдя въ горницу, Марья Евграфовна, хотя уже видѣлась поутру съ внучкой, снова торжественно расцѣловалась съ нею и прибавила:

— Я къ тебѣ. Въ гости. Сядемъ, побесѣдуемъ о важномъ дѣлѣ.

Марья Евграфовна сѣла въ большомъ креслѣ, но не оперлась на спинку, а какъ бывало всегда, выпрямилась, сложила руки на колѣняхъ и, немножко закинувъ голову назадъ, привѣтливо-торжественно смотрѣла на внучку.

Въ этой позѣ пріодѣтая Марья Евграфовна была еще очень недурна собою; слѣды прежней красоты еще не исчезли и теперь ясно сказывались. Вздернутый вверхъ подбородокъ правильныхъ очертаній открывалъ красивую полную шею, вокругъ которой лежало бѣлое тюлевое монисто. У Толбухиной еще не было морщинъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ маленькихъ на лбу и на вискахъ, которыя какъ ниточки проходили по ровной чистой кожѣ ея бѣлаго лица. Большіе каріе глаза съ слегка опущенными вѣками, когда она закидывала голову, и какъ бы слегка прищуренные придавали ея фигурѣ почтенно-кокетливый видъ.

Всякій, кто въ такую минуту поглядѣлъ бы на сестрицу бригадира, „соломенную“ вдову, понялъ бы какъ легко было бригадиру двадцать лѣтъ тому назадъ подпасть подъ полную зависимость къ этой женщинѣ и до сей поры оставаться ей вѣрнымъ. Хотя и была она ему двоюродной сестрою, но будь она женою не пропадающаго, а умершаго человѣка, то быть-можетъ. съ разрѣшенія архіерейскаго, Марья Евграфовна называлась бы теперь бригадиршей Филисовой.

Клёна, усѣвшаяся противъ Марьи Евграфовны, невольно засмотрѣлась на нее и вымолвила наивно:

— Какая вы, бабушка, еще красивая! Какъ принарядитесь — просто прелесть!.. Краше иной молодой.

Марья Евграфовна, видимо польщенная, улыбнулась, и два ряда диковинно сохранившихся зубовъ заблестѣли какъ жемчугъ.

— Удивительно!.. проговорила полушепотомъ Клёна, какъ бы себѣ самой.

— Я къ тебѣ, внучка, по дѣлу пришла. Хотя я, какъ ты говоришь, молода на видъ, но духомъ я старая старуха и старше меня по духу не найдешь ты во всей столицѣ. Послушай меня, внемли всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумомъ своимъ тѣмъ рѣчамъ, которыя я поведу, ради разъясненія тебѣ, ради уразумѣнія тобою, того священнаго долга, коимъ ты обязалась передъ своимъ дѣдомъ, переступивъ порогъ очага его семейнаго. Вѣдаешь ли ты, моя милая, и понимаешь-ли ты всю святость тѣхъ обязанностей, кои, такъ сказать, еще съ сотворенія міра Господь опредѣлилъ, указавъ людямъ...

Толбухина запнулась и передохнула.

Въ это время раздался тяжелый вздохъ въ углу горницы. Марья Евграфовна быстро обернулась.

Тамъ, сгорбившись, опершись на колѣни локтями и уставивъ на барыню умные глаза, сидѣла Арина Матвѣевна.

Няня, слышавшая весь приступъ къ проповѣди бабушки, невольно прошептала:

— Ну, начала отчитывать!.. И при этомъ она вздохнула.

Слова не долетѣли до слуха Толбухиной, но тяжелый, непритворный и краснорѣчивый вздохъ достигъ до нея.

Толбухина кротко обратилась къ ней и выговорила:

— Ну, Арина Матвѣевна, тебѣ не слѣдъ меня слушать. Ты выйди, побудь тамъ гдѣ, а когда я поговорю съ внучкой — тогда можешь вернуться.

Много на это могла бы отвѣтить Арина Матвѣевна, которая для Клёны за всю ея жизнь значила больше чѣмъ родная мать. Но умная женщина никогда, ни единымъ словомъ не противорѣчила барынѣ. И теперь, ни слова не вымолвивъ, няня покопалась умышленно въ вещахъ, потомъ послушно пошла изъ горницы, но успѣла украдкой глянуть раза три на дѣвушку. И глаза ея сказали Клёнѣ:

„Пущай! Что-жь? На вороту не повиснетъ. Полаетъ, а вѣтеръ унесетъ.“

Слишкомъ знали другъ друга женщина-мамка и ея дорогое дитятко чтобы въ секунду, только глянувъ другъ другу въ глаза, не перемолвиться краснорѣчивыми взглядами.

На многозначительный взглядъ Арины Матвѣевны Клёна своимъ тревожнымъ взглядомъ какъ бы отвѣтила нянѣ:

„Тутъ чѣмъ - то пахнетъ... Она пришла не спроста!“

„Такъ смотри, берегися! Съумѣй защитить себя и даромъ не сдавайся!“ какъ бы отозвалась няня.

И сразу волшебствомъ набралась Клёна храбрости въ добрыхъ и любящихъ глазахъ обожаемой няни.

Послѣдствіемъ этого было то, что когда Арина Матвѣевна скрылась за дверью, то Клёна сидѣла передъ

бабушкой уже не смущенная, и хотя немного тревожная, но не боявшаяся того, что она услышитъ.

Марья Евграфовна снова заговорила, и такъ какъ она начала съ сотворенія міра, то долго звучалъ ея голосъ въ горницѣ, произнося пропасть словъ очень длинныхъ и замысловатыхъ, которыхъ Клёна даже не понимала, хотя чуяла, что это были русскія слова, а не заморскія.

Но скоро рѣчь бабушки стала приближаться къ чему-то хорошо понятному Клёнѣ и близкому, къ чему-то, что она оберегала въ сердцѣ своемъ отъ всякаго чужаго глаза и чужаго слова.

Понемногу Клёна начинала чувствовать, что рѣчь заходитъ о томъ, что ей дороже всего въ мірѣ. Ей стало казаться, что эта сладкая бабушкина рѣчь приближается къ этому сердечному ея сокровищу, какъ волкъ среди ночи мягко и беззвучно приближается къ мѣсту, гдѣ сейчасъ будетъ у него жертва, раздастся стонъ и прольется на снѣгъ алая кровь.

Клёна сидѣла уже оробѣвшая и румяная, хотя имя „его“ еще не было произнесено. Она уже не слушала бабушки и не понимала что та говоритъ. Голосъ Толбухиной звучалъ въ горницѣ, какъ журчитъ ручей, безъ смысла и безъ перерыва, а Клёна слушала не ручей, а самое себя, слушала то, что происходило у нея на душѣ. И слышала она только одинъ вопросъ, который въ тысячный разъ повторяло ей ея собственное сердце:

— Что ей отвѣчать?.. Что отвѣчать?

Наконецъ голосъ Марьи Евграфовны оборвался. Въ комнатѣ стало тихо. Клёна пришла въ себя и увидѣла, что бабушка вопросительно глядитъ на нее и какъ бы ждетъ отвѣта.

— Что же?.. произнесла Марья Евграфовна.

— Что?.. совершенно робѣя повторила Клёна.

— Скажи же мнѣ, что я спрашиваю.

Клёна не знала, что бабушка спрашиваетъ, но на ея счастье порывъ краснорѣчія еще не прошелъ совсѣмъ и Марья Евграфовна вновь торжественно, но и съ чувствомъ повторила то, чего не слыхала внучка.

— Предпочтешь-ли ты, спрашиваю я, изъ родной семьи идти въ чужую, мужнину, изъ богатства въ бѣдность, и жить всю свою жизнь безъ благословенія, если не родительскаго, то тѣхъ, кто замѣняетъ тебѣ покойныхъ родителей?..

У Клёны, которая еще недавно пользовалась полною свободой, не могло теперь сорваться съ языка отъ смущенія слово „нѣтъ“, т. е. не могло сорваться слово согласія. Но съ другой стороны у нея не хватило духу сказать рѣзко и прямо этой привѣтливой бабушкѣ, что она способна на такой поступокъ, который та порочитъ и казнитъ. И среди наступившей тишины Клёна выговорила откровенно наивно, даже простодушно:

— Я, бабушка, право не знаю.

Марья Евграфовна, обдумывавшая въ эту минуту свою, уже сказанную рѣчь, сознавалась про себя:

„А хорошо я все это описала и разъяснила.“

Слова внучки въ отвѣтъ на эту рѣчь какъ бы разбудили ее.

— Что ты говоришь? произнесла она, и красивое лицо ея омрачилось сразу.

— Не знаю... повторила Клёна просто.

— Какъ!.. Ты полагаешь возможнымъ выйти замужъ за кого-либо безъ согласія твоего дѣдушки, который тебя любитъ, который тебя, круглую сироту, принялъ въ домъ!.. Что ты! Опомнись!.. Я кажется достаточно пояснила тебѣ какой великій и тяжкій грѣхъ неповиновеніе родителямъ или лицамъ, вмѣсто ихъ посланнымъ Богомъ. Ну, да, впрочемъ, что жъ тутъ разсуждать издалека... Давай говорить попросту: много-ли ты знаешь этого прапора Козлятинова? Небось какое у него прозвище смѣхотворное — таковъ онъ и весь... А состояньице самое маленькое, едва хватающее на одежду приличную.

Зачѣмъ Толбухина, подражая бригадиру, умышленно коверкала фамилію офицера, она сама не знала.

А между тѣмъ этотъ пустякъ оказался важнымъ обстоятельствомъ. Клёна вспыхнула, обидясь за своего возлюбленнаго.

— Фамилія его, бабушка, Козляниновъ. Старинная дворянская. Не хуже нашей... А вотчина у нихъ въ Звенигородѣ. Какая, не вѣдаю... А сказываютъ—иждивеніе достаточное. А каковъ онъ изъ себя, вы, бабушка, судить не можете, потому что вы не пожелали его видѣть. Повидаете его и, право, божусь я вамъ, измѣните свои мысли.

И въ голосѣ Клёны вдругъ зазвучало нѣчто, о чемъ Толбухина не имѣла никакого понятія: зазвучалъ нравъ, свой, дѣвичій, хоть бы и ребяческій, но все-таки нравъ, которому препятствовать будетъ нѣсколько мудрено.

Оказывалось ясно, что вся длинная и красная рѣчь Марьи Евграфовны была на этотъ разъ что объ стѣну горохъ.

Толбухина задумалась и долго молчала.

— Слушай, внучка, вновь заговорила она, — дѣдушка Никита Артемьевичъ никогда не согласится на твой бракъ съ этимъ прапоромъ, потому что, какъ я имѣю нѣкоторыя предположенія, — онъ нашелъ тебѣ достойнаго супруга.

На этотъ разъ Клёна снова измѣнилась въ лицѣ и стала уже не румяная, какъ нѣсколько мгновеній назадъ, а сидѣла блѣдная и глаза ея сверкали и испугомъ, и гнѣвомъ.

— Чего же ты оробѣла? спросила Толбухина, замѣтивъ перемѣну. — Подумаешь, что я тебѣ сказала, что тебя, вотъ, сейчасъ, окрутятъ, да за колдуна какого стараго замужъ и отдадутъ. Ты не знаешь кого тебѣ могъ дѣдъ выбрать и кто можетъ быть твоимъ нареченнымъ.

— Мнѣ все равно, бабушка, глухо произнесла Клёна, — кто бы онъ ни былъ, хоть королевичъ заморскій... Мнѣ все равно... Если не Коля — то хоть Сиволдай какой.

— Сиволдай? Что такое?

— Не знаю. Такъ сказывается... Ну, уродъ... Страшилище! Если не Коля Козляниновъ, мой нареченный, мой любимый, то мнѣ все едино кто... Все едино пропадать!..

— Не благоприличествуетъ, милая моя, чужаго человѣка называть ласковымъ именемъ. Онъ тебѣ не Коля, а Николай... и какъ тамъ его по батюшкѣ... Слыхала я—Ивановичъ, кажется.

— Я Колей привыкла его называть... Я такъ называла его еще при жизни покойныхъ родителей. Вамъ няня Ариша можетъ засвидѣтельствовать, что Николай Ивановичъ былъ не только моимъ нареченнымъ, но еслибы не разныя помѣхи и проволочки — то мы бы успѣли еще лѣтомъ повѣнчаться при жизни моихъ родителей.

— Ну, что было, то и быльемъ поросло, голубушка: объ этомъ мы и говорить не будемъ, а будемъ сказывать, что должно быть... Ты нынѣ не на Арбатѣ, въ хибарочкѣ у своихъ неимущихъ родителей, а въ дворянскихъ палатахъ бригадира Филисова, спокойно вразумительно и даже ласково произнесла Толбухина. — Если прежде какой-нибудь ходящій пѣшкомъ прапоръ могъ быть твоимъ нареченнымъ — то теперь ему наши ворота не по пути... Его съ нашего двора въ зашей прогонятъ.

На глазахъ Клёны появились слезы и она начала плакать.

— Ты подумай... Нечего плакать, нечего слезы лить... Подумай хорошенько, поразсуди обо всемъ. Разсуди всѣ эти обстоятельства и все, что я тебѣ говорила,

Прелюдія. Съ карт. Кизеля, по фотогр. „Уніонъ“ въ Мюнхенѣ.

почувствуй сердцемъ своимъ все мною тебѣ разъясненное и посмотри—всѣ твои теперешнія мысли и желанія обернутся тебѣ же самой одной блажью, глупствами. Черезъ сутки ты сама пріидешь ко мнѣ или къ дѣдушкѣ посмѣяться надъ прошлой блажью!..

Въ этихъ словахъ Толбухиной звучала такая увѣренность, что Клёна стала смотрѣть на бабушку, какъ смотрятъ на людей, въ разсудкѣ которыхъ начинаютъ сомнѣваться...

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XIV.

Пашкó надумался.

Въ срочный день, боясь пропустить назначенный Владыкою часъ, Пашкó рано вышелъ изъ дому. Идучи, онъ не столько радовался, сколько понукалъ себя на радость.

„Съ чего-же я не радуюсь?“ дивился онъ на самого себя. „Сегодни-жь увижу Маврушеньку. Навѣкъ ужь“.

Но какъ ни понукалъ себя парень, настоящей радости въ немъ не было. Сердце словно одеревенѣло, и въ головѣ какъ будто сквозь сонъ шепталось, что никакой ему радости нынче и не будетъ.

Въ заднихъ сѣняхъ у Владыки набралось много всякого народу: и міряне тутъ были, и духовные, и мужчины, и женщины. Пашкó, войдя, клалъ крестъ по писаному и велъ поклонъ по ученому, на всѣ четыре стороны. Намѣтивъ себѣ мѣстечко неподалеку отъ двери, онъ бережно присѣлъ на лавку и нѣкоторое время просидѣлъ не шевелясь; затѣмъ неторопливо и не безъ робости обвелъ сѣни очами: Маврушеньки не оказалось.

„Рано еще; знать, не привезли“, утѣшалъ онъ себя.

Въ сѣняхъ всѣ вели себя какъ-то опасливо; говорили, какъ комарики пожужживали, боясь выйти изъ чиннаго полушепота: переходя съ мѣста, ступали бережно на цыпочки, чинно поскрипывая сапожками; чихали, вздыхали и кашляли съ воздержаніемъ. Порою дюжій дьяконскій голосъ, къ досадѣ своего носителя, прорывался нежданно, но тутъ-же исчезалъ безслѣдно, словно съ испуга проваливался въ животъ. Только двое сѣнныхъ служекъ, уже съ нажитою сѣдиной и чревомъ наѣденнымъ, разговаривали безъ умолку межь собой, хотя и шепотомъ, но безо всякой чинности, свирѣпо покряхтывая и грубо прихихикивая, не пугаясь и того, когда у нихъ вырывалось громкое слово. На всѣхъ они глядѣли съ такимъ видомъ, какъ-бы думали сказать: „вамъ, болванамъ, знамо, диво во владычнихъ сѣняхъ быть, а мы де люди привычные“.

Молоденькій комнатный служка, выскочивъ отъ Владыки, сталъ среди сѣней, и такимъ-же голосомъ, какъ перебѣгая съ крылоса на крылосъ, выводилъ гласъ „восьмый“ или „вторый“, нараспѣвъ выкликнулъ:

— А кто тутъ буде отъ боярина Арбузьева?

При имени Арбузьева, Пашкó вздрогнулъ, и увидалъ, что здоровый паробокъ, вставъ съ лавки, направился къ двери. Паробокъ сидѣлъ неподалеку отъ него, и Пашкó удивился, какъ онъ его раньше не замѣтилъ. Время, которое паробокъ пробылъ у Владыки, показалося Пашкý за вѣкъ. Съ каждой минутой, онъ тревожился все сильнѣе, самъ не зная съ чего, и твердилъ про себя: „не къ добру, не къ добру“. Въ тревогѣ онъ принимался оглядывать сѣни съ тёмной надеждой увидѣть Маврушеньку, хотя твердо зналъ, что нѣтъ ея въ сѣняхъ.

Вдругъ сквозь чинный полушепотъ въ сѣняхъ, послышался изъ комнаты голосъ Владыки. Онъ грозно возвысился какъ-бы негодуя. Всѣ притихли, даже сѣдатые служки—и тѣ замолчали и, склонивъ на бокъ голову, стали однимъ глазкомъ на дверь поглядывать, точно прислушиваясь не ухомъ, а именно этимъ окомъ.

Голосъ Владыки вскорѣ стихъ, но въ сѣняхъ долго еще всѣ молчали. Пашкó, какъ насторожился, такъ и шелохнуться не смѣлъ.

Комнатный служка снова выскочилъ отъ Владыки, и прикланиваясь на каждомъ шагу, по обычаю всѣхъ служекъ, быстро подбѣжалъ къ сѣннымъ и шепнулъ имъ какой-то приказъ. Одинъ изъ нихъ, сорвавшись съ лавки, бросился опрометью вонъ изъ сѣней. Хотя подобное случалось и раньше, но на этотъ разъ всѣмъ, и особенно Пашку, оно показалось за нѣчто важное. Ждали чего-то необычайнаго. Вскорѣ служка запыхавшись вбѣжалъ назадъ въ сѣни, и отворивъ двери, сталъ у нея, взметнувъ глазами во всѣ стороны, точно говоря: „возстаньте молъ“. Покрайности, всѣ такъ поняли его миганье.

Черезъ сѣни проплылъ Владычень дьякъ, о чемъ знавшіе его шепнули невѣдавшимъ. На всѣхъ лицахъ, сколько ни было народу въ сѣняхъ, сказалось: „а что-то еще будетъ?“ Дьякъ не долго пробылъ у Владыки и выйдя какъ-то особенно мигнулъ служкѣ, который у дверей стоялъ. Тотъ опять опрометью на крыльцо. Тутъ только замѣтили, что дьякъ не одинъ вышелъ отъ Владыки: сзади, у двери въ комнату, стоялъ Арбузьевскій паробокъ словно ракъ ошпаренный; на лбу у него выступилъ крупный потъ, а онъ и не думалъ отирать его; глаза у паробка были полупотуплены, и онъ какъ будто и хотѣлъ да не смѣлъ поднять ихъ. Служка вернулся съ двумя биричами. Дьякъ властно махнулъ имъ рукой на паробка, и не поворачивая къ нему головы, грозно скосилъ глаза въ его сторону. Биричи подхватили паробка подъ руки.

— Охъ! повели болѣзнаго, вслухъ пожалѣла паробка какая-то вся сморщенная въ комокъ старушенка, да сама до того испугалась своего нечаяннаго слова, что стала глазами по полу шарить, какъ-бы ища щелки, куда ей провалиться.

Пашкó не успѣлъ одуматься какъ его кликнули къ Владыкѣ.

— Крѣпись, сыне, сказалъ Владыко, благословивъ парня.—А слушай вѣсть нерадостну.

И онъ пересказалъ Пашкý, что Буянъ натвердилъ паробку; только о словѣ клеветномъ на Маврушеньку умолчалъ. Онъ самъ тому не вѣрилъ; давече, именно услышавъ его, возвысилъ свой негодующій голосъ и не хотѣлъ безъ нужды преогорчать огорченнаго.

Пашкó потерялся. Ему чудилось, что онъ сейчасъ развалится по кусочкамъ.

— Аль убилъ онъ ее?

— Господу не попускающу, сохранится во здравіи, отвѣчалъ Владыко.—А въ томъ я чаяніи, что боляринъ помыслилъ надъ нами надругательство сотворить.

И Владыко сталъ всячески утѣшать Пашкà, наставляя его отъ Писанія. Пашкó плохо внималъ. Своя дума у него въ головѣ бурлила.

— Зналъ бы, прервалъ онъ на половинѣ поученіе,—не слушался бъ. Выкралъ бы, какъ сдумалъ допрежь того. А не то всею улицей, на волость-то!.. нà-потокъ [1]) взялъ бы. Да и сожгли бъ еще.

Владыко грустно покачалъ головою, но не тотчасъ оговорилъ гнѣвное слово, помня реченіе Сирахово: „есть молчай, не имать бо отвѣта: и есть молчай вѣдый время“.

— Что жь мы, Владыко, теперь, аль на судъ его?

[1]) Потокъ — разграбленіе.

— Да вѣдь вовсе же онъ на Москву отъѣхалъ, государю великому князю служить.

Пашко посмотрѣлъ на Владыку мутными глазами.

— Аль правды на него вовсе нѣтъ? вскричалъ онъ.

Владыко не успѣлъ, или не посмѣлъ, страха ради новгородьскаго, сказать про государевъ судъ.

— А скажи: въ рукахъ она была да упустилъ. Ой же ты, Маврушенька! Куды жь ты скрылася? Аль не видѣть мнѣ тебя а до-вѣку?

Парень сталъ привсхлипывать, и затѣмъ вовсе расплакался. Настало время Владыкѣ слово сказать.

— Потерпи Господа, мужайся и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа, словами псалмопѣвца началъ Владыко свое поученіе, — яко же и Отецъ твой Небесный долготерпѣливъ и многомилостивъ былъ къ твоимъ прегрѣшеніямъ.

Пашко поднялъ глаза на святителя, какъ бы изумясь новому неслыханному слову, но дальше, хотя и хотѣлъ, не смогъ внимать. У него въ ушахъ словно буря шумѣла и голова кружилася.

„Куды еще меня броситъ непогодушка?“ говорилъ онъ про себя. „Аль тутъ мнѣ и аминь пришелъ?“

Когда парень на мгновенье, другое приходилъ въ память, то слышалъ какъ тихій и ровный голосъ настойчиво твердитъ: „И потерпи Господа“. Повторялъ-ли Владыко эти слова вслухъ, или просто они вспоминались Пашку, того онъ разобрать не могъ.

На прощанье Владыко обнадежилъ Пашка, что какъ будетъ въ Москву гонца къ митрополиту слать, то прикажетъ ему и про Арбузьева.

„Когда то еще,“ подумалъ Пашко, „а теперь-то что?“

Выйдя отъ Владыки, парень самъ не зналъ, куда пошелъ. „Ой, тону — и вовсе утопъ ужь“, шепталъ онъ, и ему мерещилось что его поглотила морская пучина, и онъ слышитъ какъ у него надъ головой съ шумомъ сдвигаются волны. Мысленно встрепенувшись, онъ дико поводилъ глазами какъ бы ища по сторонамъ соломенки, за что можно бы уцѣпиться. „Аль къ ней еще?“ мелькнуло у него въ головѣ, и онъ бросился къ старой посадницѣ.

Посадница ничѣмъ ему помочь не умѣла. Пославъ внука къ Владыкѣ, она въ добавленіе къ Пашкову разсказу, узнала про клевету на Маврушеньку, но также сочла за лучшее не говорить о томъ Пашку. Въ утѣшенье ему она прибавила, что какъ поѣдутъ молъ къ князю послы новгородскіе, то можно будетъ имъ наказать про Арбузьева.

„А когда-то оны поѣдутъ еще? а теперь-то что?“ подумалъ Пашко.

Оставалось еще сходить къ Лукѣ Аввакумовичу: не придумаетъ-ли онъ чего. Пашко жилъ этою надеждой, пока бояринъ не воротился изъ поѣздки. Но что могъ придумать Лука, кромѣ того что парень слышалъ ужь и отъ Владыки, и отъ старой посадницы? Правда, онъ добавилъ, что какъ станутъ отписывать Арбузьевскія волости на Господина Великій Новгородъ, то можетъ быть въ которой-нибудь изъ нихъ и окажется Маврушенька.

Остальная надежда рушилась. Извнѣ помощи больше не откуда было ждать; требовалось искать опоры внутри, въ самомъ себѣ. Пришло время прорости тому сѣмени, что бросилъ Владыко благословенною рукой.

„Потерпи Господа!“ вспомнилъ Пашко. — „А еще Владыко про грѣхи сказывалъ“, дальше думалъ парень, — „что Господь молъ моимъ грѣхамъ терпѣлъ же. Вѣдь правда же, истинная. И раньше вѣдь онъ этакъ же мнѣ наказывалъ, а я-то, гляди-ко-сь, сколь терпѣливъ былъ — крадучись на Арбузьева бѣгалъ смотрѣть: какову молъ ему байню Владыко задастъ. А поруганіе его видя, еще радовался. „Мало еще“, думалъ. Этакъ-то до конца всякій претерпѣть сумѣетъ. Нечего сказать, хорошо было терпѣньице. А скажи, бы вовсе его не было.“

И Пашко взялся за трудный подвигъ терпѣнія. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сталъ строже блюсти за собой и разбираться въ душѣ. Ни одного желанья, ни одного помышленья онъ не оставилъ въ покоѣ: все оглядѣлъ, все новою мѣрой смѣрилъ и новымъ вѣсомъ взвѣсилъ. Онъ точно по косточкамъ перемывалъ свою прошлую жизнь, и душа оттого живилась и чистотою возвышалась.

Не дряблое и не хрупкое сердце било и мыкало горе; ни раздавить, ни раздробить его было горю не подъ силу. Сердце отъ ударовъ закалялось, мужало и крѣпло. Пашко сталъ догадываться, что горе его человѣкомъ поставило: открыло ему то сокровище, котораго „тля не тлитъ“, просвѣтивъ его око мысленное, свѣявъ съ него темноту грѣховную.

„А не мимо же бѣду-то Господнимъ посѣщеньемъ зовутъ“, твердилъ онъ про себя, — „воистину Господь посѣтилъ меня.“

Самъ того не замѣчая, Пашко сталъ прилежнѣй работать: душевный трудъ крѣпилъ тѣло. Въ досужее время онъ ходилъ къ Лукерьѣ, Маврушенькиной матушкѣ, свой разговоръ у нихъ былъ и оба знали что тѣмъ разговоромъ не надокучатъ они другъ другу. Поговорятъ, вспомнятъ старое, погадаютъ о будущемъ, всплакнутъ порой. А на сердцѣ, гляди, и легче.

Какъ-то Лукерья замѣтила въ разговорѣ, что старые люди говорятъ, что если по живому панахиду отпѣть, то онъ востоскуется по-дому, и вскорѣ объявится. Пашко на это не пошелъ: „грѣхъ великъ“, сказалъ, и слѣдомъ ему подумалось, что Маврушенькѣ, коль жива, и безъ того тоскуется. „А гляди та тоска ей, что и мнѣ же, на пользу,“ разсудилъ онъ.— „А пусть и она потерпитъ Господа.“

Пока Пашко такъ жилъ, молва о немъ обошла весь Новгородъ: не было двора гдѣ бы, жалѣя, не толковали о немъ. Дошла молва и до Пашкова знакомца Шутова.

Шутовъ былъ купецъ; звали его Гораздъ Ивановичъ. Пашко на него работалъ: что кожъ выдубитъ, то къ нему снесетъ. Другихъ купцовъ онъ и знать не хотѣлъ: Шутовъ разсчитывался по чести и безъ задержки.

Гораздъ Ивановичъ былъ человѣкъ особенный. Умъ у него былъ пытливый и упорный. Трудно его было сбить съ того, на чемъ онъ сталъ. Попадись Шутовъ въ руки ересіарху, и успѣй тотъ убѣдить его въ главномъ, Гораздъ Ивановичъ самъ бы дальше учителя пошелъ. И сталъ бы проповѣдывать новое ученье, и набралъ бы пропасть учениковъ. Ему выпало возглашать не ересь, а нѣчто иное; будучи начетчикомъ, Гораздъ Ивановичъ такъ о себѣ понималъ, что „проповѣщаетъ онъ лѣто Господне благопріятное“.

Шутовъ торговалъ съ Москвой. По первому снѣгу онъ велъ туда обозъ, а по послѣднему оттуда съ обозомъ приходилъ, мѣняя новгородскій товаръ на московскій. Такимъ бытомъ ему приходилося жить больше въ Москвѣ, хотя домъ и семья у него были въ Новѣгородѣ. Немудрено что Гораздъ Ивановичъ поотсталъ отъ новгородской пошлины и умомъ помосквичился. Родной городъ былъ для него старымъ прадѣдовскимъ домомъ; въ немъ и привычно, и уютно, но онъ ставленъ давно, обветшалъ совсѣмъ: жаль не жаль, хочешь не хочешь, а пора рубить новый. Въ Москвѣ заводилось новое градское строенье и Гораздъ Ивановичъ одобрялъ его. „И намъ этакъ же время строиться“, думалъ онъ.

Въ первой же разъ, какъ Пашко принесъ ему кожи, Шутовъ сталъ выговаривать парню.

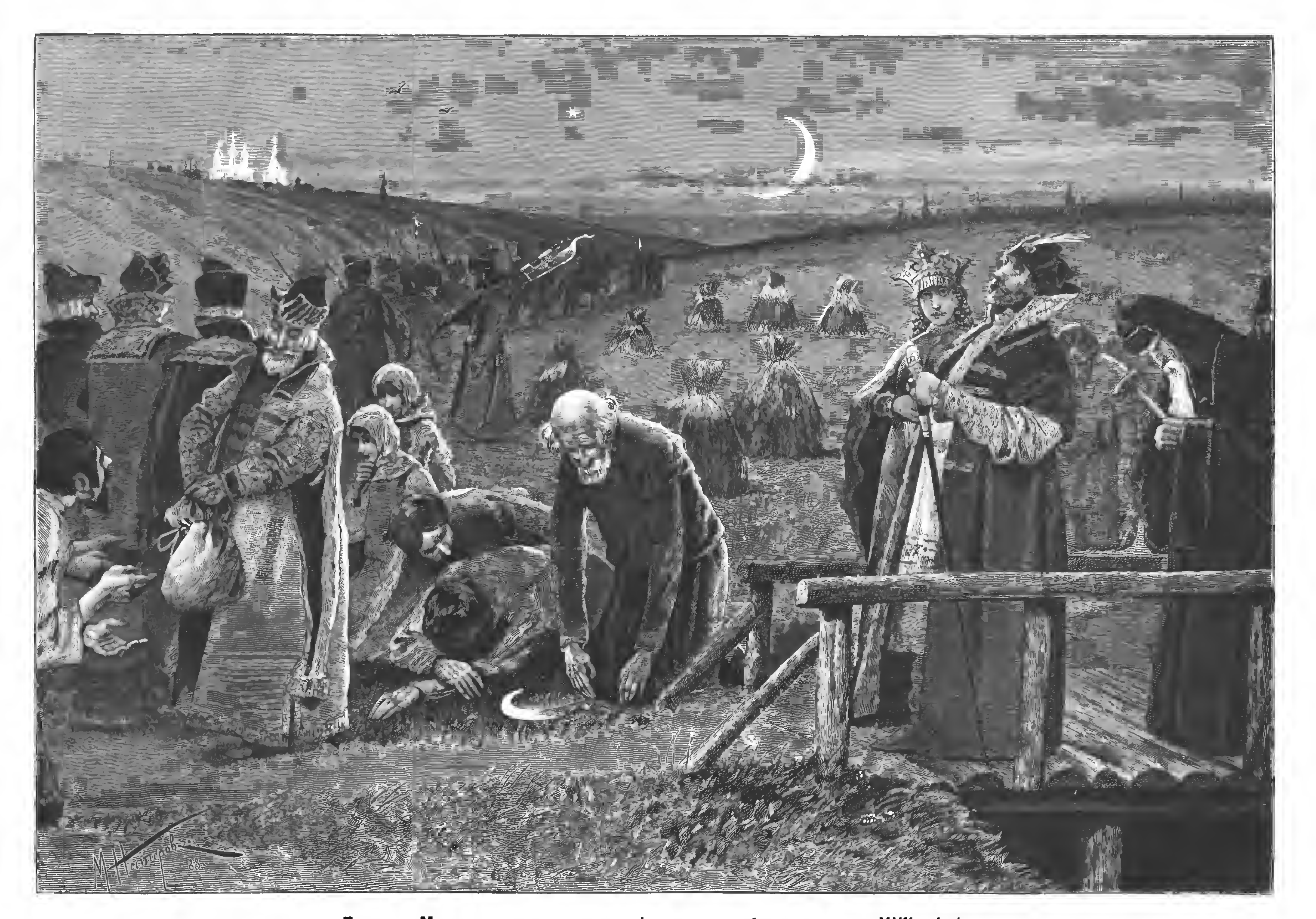
— А это ужь, Иваньковичъ, не ладно сдѣлалъ, сказалъ онъ, — что отъ меня потаился. Будемъ вѣдь мы съ тобой знакомцы старинные. Мальчушечкомъ вѣдь ты за своимъ батюшкомъ покойнымъ ко мнѣ бѣгивалъ.

— Не легко тожь про тако дѣло-то, Гораздъ Ивановичъ, сказывать. Еще какъ кому это дѣло окажется.

— А боярамъ, небось, сказывалъ. То-то же. Да еще

Навмахія (морское сраженіе), зрѣлища для народа при римскомъ императорѣ Клавдіи.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Мерте, грав. Шпехтъ.

Походъ Московскаго государя пѣшкомъ на богомолье въ XVII вѣкѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") М. Нестерова. грав. Ю. Шюблеръ.

не однова къ нимъ ходилъ. То-то же. А каки бны тебѣ совѣты совѣтовали? Много-ль тебѣ отъ нихъ было помочи? То-то же. А я тебѣ, гляди, познакомѣй буду, поближе ихъ. И совѣтъ бы далъ, небось, поладнѣе ихняго. Давно бъ Маврушеньку повыручили.

— Ой-ли? вскричалъ Пашко, и у него въ голосѣ сквозь недовѣріе послышалась радость.

— Вѣрно что ладнѣй. Только ты не тамъ суда искалъ, гдѣ слѣдовать.

— А гдѣ жь, по твоему, искать-то его?

— Знамо на Москвѣ. Аль ты про государевъ судъ не слыхивалъ?

— Нѣтъ, на Низу новгородьца не судити. А слышь, Гораздъ Ивановичъ, о томъ и на вѣчѣ кричали.

— Да мало-ль что у васъ на вѣчьи-то зря галдятъ! Аль ты, Иваньковичъ, не вовсе вѣдь глупъ же ты, этой дурости досель вѣруешь?

— А кака жь она, Гораздъ Ивановичъ, дурость-та буде, коли при мнѣ на вѣчѣ двоихъ бóяръ сказнили за то? Своими очами зрѣлъ вѣдь, какъ въ топоры ихъ примали.

— И на этотъ мятежъ еще государевъ судъ будетъ, увѣренно Гораздъ сказалъ.

Пашко опѣшилъ.

— То-то, мòлодо, зèлено, ни о чемъ-то не свѣдомо. А время бъ тебѣ, Иваньковичъ, въ понятіи состоять. О пòшлинѣ московьской слыхалъ-ли ты?

— А чтò мнѣ о ней слушать-то? Да и не къ чему! легкомысленно отвѣчалъ Пашкó, и точно одумавшись прибавилъ: — аль не по нашему бны, москвичи-те, живутъ? На вѣчье не сходятся?

— А коёму у нихъ вѣчу быть, коли государь у нихъ?

— А люди чтó-жь у нихъ дѣлаютъ?

— А тихое да мирное житіе живутъ, какъ въ церкви молятся да и мы поживемъ. При своемъ дѣлѣ всякъ. Купецъ, какъ я, торгуй себѣ. А кожевникъ, какъ ты, свой чанъ знай. А спроситъ государь тебя, отвѣтъ держи, какъ сдумашь самъ, а при томъ сказывай: „такова молъ мысль моя, а воля де, государь, твоя". Вотъ она, московьска пошлина нелестная. А не то чтобъ на вѣчѣ галдѣть да въ топоры еще!

— А мы, Гораздъ Ивановичъ, слышь и „въ князѣхъ" вѣдь. Этакъ намъ на вѣчѣ Лука Аввакумовичъ потолковывалъ.

— Были вы „въ князѣхъ", съ сердцемъ Гораздъ Ивановичъ сказалъ, — пока князи водилися. А нунь князи всѣ подъ рукой государевой. А и вамъ туда жь, а не въ сторону, благо на Москвѣ, слышь, царства чаютъ.

— Это чтò за царьство еще?

— А слышь, оженился государь на царевнѣ, нашего же древняго греческаго закону. А отъ царевны кому жь, какъ не царямъ пойти? А коль царь, такъ одинъ на всю Руссію. И въ Евангельи о томъ писано: „да будетъ едино стадо, и единъ пастырь". А только буде отъ Орды ослаба Москвѣ, йно и царь объявится. А и нынѣ государь скажутъ, какъ въ чýжи земли грамоты шлетъ, царемъ же пишется.

— Ишь ты! подивился Пашкó, не очень-то понявъ толкованіе Шутова. — А только скажу тебѣ, Гораздъ Ивановичъ, при моемъ-то дѣлѣ, знашь, буде бно, царьство-то, не при чемъ.

— Это почему же? строго спросилъ Гораздъ Ивановичъ.

— Арбузьевъ на Москву жь отъѣхалъ, князю великому служить.

— Дальше-то чтó? еще строже купецъ спросилъ.

— А то же что ему слуги своего не обижать статъ, ни за шестника [1]) не вступатися.

— А и дуракъ ужь вовсе вышелъ ты, Иваньковичъ! выругался Шутовъ. — Въ головѣ у тебя сѣно, знать, напихано. Что предъ Богомъ, что предъ царемъ, всѣ ровны живутъ. Всѣ ему холопи пишутся, а служатъ съ трепетомъ. Не на лица ему зрѣть, а правду цареву знать. И мечь затѣмъ носитъ, чтобъ злыхъ сѣчь. Въ Апостолѣ чти. А еще писано: „Бога бойтеся, князя чтите". А не то, что таку безлѣпицу, какъ ты, врать. Судъ у него праведенъ. И во псалтыри не мимо сказано: „Боже, судъ твой цареви даждь и правду твою сыну цареву". А про вѣче-то ваше въ церкви чтутъ-ли? Сдумай-ко самъ, Иваньковичъ!

— Гм! такъ вотъ оно каково, царьство-то! прошепталъ Пашкó, и предъ его умнымъ взоромъ стало рости нѣчто великое и грозное, много грознѣй и честнѣй суда Владычняго; такое на чтó взирать развѣ съ трепетомъ, повинуясь ему съ сыновнею любовью.

— А это слово-то твое, слышь, Гораздъ Ивановичъ, что про правду-тъ цареву ты сказывалъ, аль буде бно не лестное? помолчавъ Пашкò спросилъ.

— Аль крестъ мнѣ въ томъ цѣловать велишь?

— И поцѣлуешь, живо Пашкò подхватилъ. — Потому какъ мнѣ... Слышь, Гораздъ Ивановичъ, взбудоражилъ-же ты меня, такъ вѣдь сказать надобѣть что и нýтро все во мнѣ перевернулъ... А дѣло тако вышло... затѣмъ вѣдь я тебя и спрашиваю...

— А въ чемъ-же мнѣ увѣрять-то тебя, коли оно не одному мнѣ это дѣло вѣдомо. Недавно вѣдь, четвертый годъ, что-ль, пошелъ, какъ государь на миру прйходилъ, а шли-жь на судъ къ нему не одни бòяра, и молодшіе, нашъ-же братъ. А кого хошь спроси: хвалили всѣ тогды что молъ праведенъ судъ. И то сказать: про этотъ судъ ужь забудутъ-ли!..

— Чтò мнѣ дрýгихъ-те спрашивати, и твоему слову я повѣрую. А только ты ужь сдѣлай милость-ту, крестъ цѣлуй... Ужь мнѣ только-бъ увѣриться; взадъ я николи не попячуся. Не долго думая, и на Москву сòйду.

— Слышь, Иваньковичъ, до снѣгу пожди. Обозъ пòведу, и тебя вòзьму.

— А была мнѣ нужда тебя, Гораздъ Ивановичъ, ждать. Къ тому времени, гляди, я и взадъ оборочу.

— Спѣшить-бы, Иваньковичъ, не къ чему...

— Нѣтъ ты, Гораздъ Ивановичъ, постой...

— Самъ-то ты не спѣши, а слушай-ко, Иваньковичъ. — И Гораздъ Ивановичъ, посмотрѣвъ на дверь, вовсе тихо сталъ сказывать: — Больнё вѣче-то ваше, гляди, разгалдѣлося. А государь обиду таку что лжу на него положили, еще стерпитъ-ли? А чаютъ москвичи-те, что склàдну [2]) прйшле по осени.

— Да я-жь не отъ него, а къ нему-жь иду. Не то, чтобъ у меня умыселъ какой супротивный былъ, а о немъ-же мой надѐжный помыселъ. Чѣмъ-же такимъ мнѣ сила [3]) московьска страшна-та окажется? А всѣмъ этакъ-же стану сказывать, что иду молъ царевой правды зрѣть, искать суда государева. А только ты-то, Гораздъ Ивановичъ, мнѣ крестъ цѣлуй.

И понудилъ-таки Горазда Ивановича, снявъ со стѣны, икону цѣловать. Тутъ только Пашкò успокоился, и поклонился въ ноги Шутову.

— Прими, сказалъ, — мое великое спасибушко, за совѣтушко свое ладное. А стану-жь тебя, Гораздъ Ивановичъ, въ отцово мѣсто чтить.

Купецъ, поднявъ, цѣловалъ парня.

— Слушай-же и ты, Иваньковичъ. Коль неотложно задумалъ ты, помалчивай. Уличанамъ ни-ни, про пйрого-тъ съ грибами памятуя. А спросятъ куда сдумалъ: — на богомолье де. А ужь бòярамъ-те своимъ, и въ мысли не шкни.

— А чтò такъ?

— А то-же что имъ въ зарѣзъ приде. Говорить-то много нечего: по осени объявится. Знай себѣ молчи да помалчивай.

[1]) Шестникъ — иноземецъ, пришлый.

[2]) Складная грамота — объявленіе войны; собственно грамота, которой одна сторона складывала съ себя крестное цѣлованіе. Иначе эта грамота звалась разметною.

[3]) Сила — армія.

Пашко́ отъ Шутова прошелъ прямо къ Лукерьѣ.

— Къ тебѣ вѣдь я, матушка, сказалъ онъ, — челомъ бью. Перебралась-бы ты ко мнѣ во дворъ, присмотрѣла-бы за нимъ, пока хожу-то я. А очей-те тебѣ шитьемъ трудить не къ чему.

— Аль ты сдумалъ куды, Пашко́?

— А на Москву-жь, государева суда искать. Что-жь мнѣ его, злодѣя-то моего, жалѣть, что-ль? Може Маврушенька у него гдѣ на крѣпости засажена, морятъ ее съ голоду. А государе-тъ не свой братъ, не Владыко нашъ, новгородьской-то. Гро́зенъ вѣдь.

И Пашко́, разсказавъ своей названной матушкѣ, какъ его Гораздъ Ивановичъ наставилъ на умъ, приказывалъ чтобъ она о томъ никому ни словечушка не дохнула. На другой-же день Лукерья перебралась къ нему во дворъ, а Пашко́, призвавъ подручнаго да наймыта, имъ настрого наказывалъ во всемъ въ его мѣсто слушаться его названной матушки, а ее училъ, какъ за парнями смотрѣть.

Простясь съ уличанами, и сказавъ имъ что идетъ по обѣщанью въ Кіевъ, поклониться Печерскимъ чудотворцамъ, Пашко́, отпѣвъ напутственный молебенъ у Знаменья, зашагалъ по Низовской долгой дороженькѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Бабье дѣло.

Простясь съ Ненилушкой, Мамелфа Тимоѳеевна позвала на совѣтъ кормилку, и онѣ запершись стали раздумывать какъ-бы и Со́ломонь Григорьевну поглядѣть, и отъ Киріака Андреевича скрыть, зачѣмъ родной матушкѣ занадобилась въ Красны Хо́лмы плыть. День думали, ничего не придумали; другой сидѣли, ничего не высидѣли. Ужь къ концу недѣли кое-что пришло въ голову. Выдумка, впрочемъ, вышла не хитрая.

Матушка стала пространно толковать сынку, что въ томъ монастырькѣ, который ставилъ покойный посадникъ, что-то не то провалилось, не то обвалилось, а на такой молъ случай по душевной дѣдовой грамотѣ отказаны деньги, а потому она и задумала свезти ихъ сама, да кстати посмотрѣть: крѣпко-ль стоитъ строенье монастырское.

Киріакъ сразу догадался, что эта нескладная рѣчь простой отводъ, а потому не отвѣчалъ ни слова. Только лицо у него стало строгое. Матушка радовалась, что онѣ съ кормилкой такъ умно все придумали, что Киріакушкѣ и не въ догадъ: не то сейчасъ-бы повеселѣлъ.

Киріакъ думалъ: „Тоже что́ и съ батюшкомъ. Затѣмъ и плыветъ, чтобъ дѣвчину за кого ни придется замужъ отдать“.

Какъ въ Кра́сны Хо́лмы прибѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что не завтра, такъ послѣ-завтра пожалуетъ боярыня, Иринья Мишанична струхнула порядочно.

„Аль ѣдетъ о́на меня съ ко́ртомы [1]) гнать за мое о Киріакѣ Андреевичѣ попеченьице?“ первое пришло ей въ голову. Одумавшись, она на этотъ счетъ успокоилась. „Анъ въ душевной о ко́ртомѣ писано что дадена молъ о́на мнѣ до-вѣку. Аль ко́ртому хо́че повыкупить, а мнѣ-ко съѣхать велитъ? Такъ вдали-жь я живу, а ейнаго Киріакушка и не видать мнѣ болѣ. Аль ругать меня плыветъ? А за этимъ будто и съ мѣста не стоило трогаться“. О томъ, что родная матушка ѣдетъ смотрѣть невѣсту, Иринѣ и въ голову не приходило. Уставъ отъ безплоднаго думанья, Иринья воскликнула: „А да ну ее! А и тьфу еще!“

Иринья Мишанична и впрямь плюнула.

„Зачѣмъ-бы ни ѣхала“, разсудила она далѣе, „одно мнѣ придумывать надобно: каковъ-то я съ нею разговоръ поведу? А такъ-же я вотъ съ нею, а и этакъ вотъ,“ водя пальцемъ и вправо и влѣво и впередъ, рѣшила Мишанична, и въ головѣ у нея притомъ точно юла юлила. „Лови-ко-сь ее!“ посмѣялась Иринья, и важно добавила: „А много лгать мнѣ передъ нею точно нечего“.

По обычаю, Иринья вышла встрѣчать господарыню съ хлѣбомъ, солью и вологою. Обѣ посмотрѣли другъ на дружку, при чемъ каждая старалась скрыть, что разсматриваетъ другую.

„А и было что́ брать!“ подумала Иринья. „Развѣ что бо́ярска дочи́ да богатая“.

„А и было на что́ заглядываться!“ подумала Мамелфа Тимоѳеевна. „Развѣ что своей волюшкой, не родительской“.

Послѣ встрѣчи цѣлыхъ два дня онѣ и не видѣлись. Приказы отъ господарыни шли чрезъ кормилку, а самоё Ириньи Мишаничны и не звали на очи къ боярынѣ.

На третій день послѣ обѣда приказала Мамелфа Тимофеевна кликнуть Иринью къ себѣ. Мишанична войдя стала у двери: тамъ ее и оставила боярыня. Мамелфа Тимоѳеевна не мало мучилась, какъ ей звать Иринью: просто-ль по имени, или лучше безъ имени по отчеству.

— А звала, спросить тебя, Иринья, хочу, заговорила Мамелфа Тимоѳеевна, рѣшивъ, что лучше звать по имени,—про воздухи-те что́ Киріакъ Андреевичъ жертвовалъ. Шить о̂ны тутъ у васъ приказаны, ладно-ль вышьютъ-то? Хо̂роши-ль у васъ будутъ рукодѣльницы?

— По нашему, Мамелфа Тимоѳеевна, по деревеньскому сказать: лучьше молъ и нѣтъ. А Киріако-тъ Андреевичъ хвалилъ-же фелонь, ея-же о̂на буде шитья превосходнаго. А и то взять, не за плату-жь шьётъ, по усердію.

Мамелфа Тимоѳеевна при послѣднихъ словахъ взглянула на Мишаничну.

„Это усе̂рдьё о̂на за то мнѣ загнула, что вотъ сказала я, будто шить-то приказаны“, подумала боярыня, и рѣшила что съ Ириньей надо ухо востро держать.

— А чьихъ-же о̂на что шить-то усердствуе?

— Щебелькова дочи́, Григорей Петровича, на имячко Со̂ломонь Григорьевна.

При имени Мамелфа Тимоѳеевна поморщилась.

— Знакомъ вѣдь онъ Киріаку Андреевичу. Аль не сказывалъ? И посаднику другъ-же былъ. Умнымъ его покойничекъ сказывалъ. Съ того вѣдь и у насъ онъ умомъ прославился. А намъ ужь гдѣ-бы его ума доглядѣть. Вѣстимо, засельщина будемъ, залѣшана. Лѣсо-тъ окрестъ, не видно скрозь, съ того тёмны люди живемъ. А посаднико-тъ, знамо ужь!..

„И это о̂на загнула-жь мнѣ!“ снова подумала Мамелфа Тимоѳеевна, и рѣшила звать ее по отчеству.

— Запамятовала, гляди, Мишанична, а этакъ-же вотъ и Киріакушко про него сказывалъ.

Иринья тутъ-же вставила про захудалый родъ Щебельковыхъ и опять не какъ свое, а какъ посадничьи рѣчи; сказывалъ-молъ покойникъ, что Щебельковы и воеводами бывали и въ лѣтописцѣ про то стоитъ. Это для матушки было новое; сынокъ про родъ ни слова. Кстати Мамелфа Тимоѳеевна вспомнила, какъ Ненила Петровна вскрикнула въ разговорѣ: „молъ хорошій-то родъ во всемъ онъ скажется“.

— Аль сыновъ ему, Щебелькову, не далъ Богъ?

— Одна дочи́: Со̂ломонь Григорьевна.

— Анъ гляди, ужь о̂на и на возростѣ буде коль, какъ скажешь ты, такъ-то мастерица шить.

— Дѣвчи́на на выданьи.

— Что-жь отецо-тъ не сватаетъ ее?

— Само-тъ Григорей Петровичъ, ишь, въ книжку сильно зачитается, а мать-то больня́ у ней. А и то сказать: по нашему-то по за̂лѣсью гдѣ ихъ тута жениховъ-те взять?

— Аль что́ роду онъ буде, Щебельково-тъ, великаго?

— Да и родъ къ тому.

— Аль собою о̂на не вышла чѣмъ?

[1]) Ко́ртома—аренда.

— По нашему, по деревеньскому ладна живѐ. Намъ, знамо, на очахъ росла—пригляделася; не по-хорошу мила, а по-милу баска.

— Сама-жь ты новгородка будешь, Мишанична. Дѣвчинъ видывала-же, а котора хороша—умѣешь же назвать.

— Какъ-бы сдоложить-то тебѣ, Мамелфа Тимоѳеевна, чтобъ не вовсе солгать-то мнѣ. Будемъ такъ го̀ворить, что по новгородьскому она не изъ послѣднихъ же, а такъ себѣ буде дѣвчѝна середняя.

„Знать вовсе уродъ, коль Иринья, и та ее въ середнія ставила“, не безъ радости подумала Мамелфа Тимоѳеевна и хитренько вслухъ добавила: „А такъ вѣдь я разговорилась... А рѣчь не о ней у насъ, о воздухахъ.

„Э, э! не воздухи-же зрѣть сплыла ты изъ Новагорода“, благодаря этой хитрости смекнула Мишанична.

— А гдѣ-жь у васъ воздухите шьютъ?

И на это Иринья дала подробный отвѣтъ; при чемъ подумала, что хотя она и безъ особаго умысла принизила на счетъ красоты Со̀ломонь Григорьевну, а пожалуй оно и лучше вышло, чѣмъ и съ умысломъ: „теперь молъ какъ увидитъ, то-то сдивуется“.

— А мнѣ-ко, знать, и посмотрѣть на нихъ не придется, со вздохомъ сказала боярыня, — а хотѣлось-бы, потому какъ Киріакушко жертвовалъ.

— А коль тебѣ, Мамелфа Тимоѳеевна, поглядѣть на нихъ похотѣлося, йно это дѣло са̀мо легкое. Прикажи, повели, анъ прйвезутъ: налюбуешься ими въ волюшку.

— Что-жь мнѣ дѣвчинъ отъ шитья отрывать, Мишанична? Быдто и не ладно вѣдь.

„А хитростью-то ты мнѣ подъ стать“, подумала Иринья и вслухъ добавила:—Да и съ дѣвчинами прйвезутъ. Пусть у тебя пошьютъ. И честь имъ не малая, и твоето ко храму Господню усердьице похвалятъ-же всѣ. Только вотъ, поди, и Наталью Адріановну звать придется: потому какъ у нея вѣдь во дворѣ шьютъ, и ея-же то усердіе. А не звать, такъ народъ у насъ, охъ! языченъ живѐ. Скажутъ вѣдь: что боярыня молъ, такъ и чужо усердье перехватываетъ.

„Аль о̀на сдогадалася? А хитра-жь живѐ, мнѣ подъ стать“, подумала Мамелфа Тимоѳеевна, видя что Иринья обдумала все до послѣдняго: и примѣтить будетъ нельзя, что усердье затѣяно ради того, чтобъ высмотрѣть Со̀ломонь Григорьевну.

— А что-же стоишь-то ты, садись-ко-ся, Мишанична.

Иринья, сказавъ господарынѣ спасибо на ласкѣ, сѣла, и въ головѣ у нея при этомъ превесело что-то безъ словъ мурлыкалось.

(Продолженіе будетъ).

Нѣмецъ-копейщикъ иноземскаго полка въ Москвѣ. Грав. Флюгель.

Серебряная группа, поднесенная Государынѣ Императрицѣ офицерами Кубанскаго войска.
По проекту **Каразина**, лѣпилъ **Сафоновъ**, работа Хлѣбникова. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Къ рисункамъ.

Филадельфія. (Рис. на стр. 1052 и 1053).

Филадельфія—„городъ братской любви"—важнѣйшій городъ Сѣверо-Американскаго штата Пенсильваніи, лежитъ на узкой полосѣ земли близь сліянія широкаго Шулкиля съ величественнымъ Делаваромъ. Благодаря значительной глубинѣ и ширинѣ послѣдней рѣки, по которой свободно ходятъ большіе морскіе корабли, филадельфійскую гавань можно считать морскою, хотя воды Атлантическаго океана омываютъ берега Пенсильваніи, почти въ полутораста верстахъ на востокъ отъ главнаго города этого штата. На мѣстѣ нынѣшняго поселенія, лѣтъ за 50 до его основанія, поселились выходцы изъ Скандинавіи. Впослѣдствіи этотъ уголокъ земли былъ уступленъ Англійскимъ правительствомъ за 16,000 фунтовъ стерлингъ, въ 1682 году, знаменитому апостолу квакеровъ Пену, и тотъ предоставилъ на немъ селиться своимъ приверженцамъ и бѣглымъ изо всѣхъ странъ. Пенъ обладалъ замѣчательными колонизаторскими способностями, съ яснымъ пониманіемъ того, въ чемъ нуждалось вновь зарождающееся государство. Основной законъ могущественнаго нынѣ союза Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ своимъ началомъ конституцію, содержавшую 24 статьи, которую глава квакеровъ предложилъ своей общинѣ въ 1683 году. Такимъ образомъ Филадельфія была, въ извѣстной степени, духовнымъ центромъ великой страны, стремившейся къ освобожденію изъ-подъ опеки Британскаго льва. Старинная ратуша „города братской любви", отстроенная въ 1723—1734 годахъ, неоднократно являлась свидѣтельницею многихъ достопамятныхъ событій; въ одной изъ залъ, названной впослѣдствіи „Independence Hall", была провозглашена 22 іюня 1776 года независимость американской націи.

На одномъ изъ нашихъ рисунковъ изображены какъ старое зданіе ратуши, такъ и новое „State Hall". О громадныхъ размѣрахъ послѣдняго, начатаго постройкою въ 1871 году, можно судить по тому, что на него израсходовано до конца 1885 года около 15 милліоновъ рублей, а оно и понынѣ не окончено. Площадь, занимаемая имъ, равняется 39 съ половиною тысячамъ квадратныхъ саженъ. Нижній этажъ зданія построенъ изъ гранита, а верхнія части преимущественно изъ туземнаго мрамора. Другія изображенія на нашихъ рисункахъ указываютъ, что выдающіяся постройки Филадельфіи—богатаго университетскаго, торговаго и промышленнаго города, насчитывающаго почти милліонъ жителей, отличаются большимъ просторомъ, чѣмъ это замѣчается въ главномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, Нью-Йоркѣ. Рядомъ съ интереснымъ въ историческомъ отношеніи „Carpenter's Hall", сооруженнымъ въ 1770 году и служившимъ членамъ континентальнаго конгресса для ихъ собраній, заслуживаютъ особаго вниманія прекрасное зданіе почтамта, украшенная аркадами таможня, учрежденный въ 1735 году Пенсильванскій университетъ, академія музыки, построенная въ готическомъ стилѣ, академія естественныхъ наукъ, великолѣпная Жирардова коллегія (воспитательный домъ) и многія другія. Кромѣ того, среди зданій служащихъ торговымъ и промышленнымъ цѣлямъ, многія, въ особенности дворцы-банки, отличаются архитектурными красотами. Равнымъ образомъ многія изъ церквей, которыхъ насчитывается въ Филадельфіи до 600, обращаютъ на себя вниманіе туриста. Видимый на одномъ изъ нашихъ рисунковъ мостъ, ведетъ черезъ Шулкиль къ громадному, великолѣпному Фермонтскому парку, въ которомъ красовалось въ 1876 году зданіе всемірной выставки, устроенной въ память окончанія перваго столѣтія независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Прелюдія. (Рис. на стр. 1057).

Авторъ этой изящной картинки, Конрадъ Кизель, знаменитый жанристъ, представляетъ собою замѣчательный примѣръ того, какъ трудно иногда художнику найти свое истинное призваніе. Онъ родился 17 (29) ноября 1846 года въ Дюссельдорфѣ, и сначала посвятилъ себя зодчеству, которое изучалъ въ Берлинской академіи архитектуры; затѣмъ онъ перешелъ въ мастерскую скульптора Шапера, занялся ваяніемъ и создалъ нѣсколько прелестныхъ статуэтокъ; наконецъ, во время поѣздки въ Голландію, еще разъ перемѣнилъ свои планы и теперь уже окончательно предался живописи. Это искусство онъ изучалъ первоначально въ Берлинѣ, подъ руководствомъ Паульсена, затѣмъ вернулся въ родной Дюссельдорфъ и тамъ усовершенствовался благодаря Вильгельму Зону. Открывъ собственную мастерскую, онъ написалъ цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ, отличающихся блестящею техникой.

Прилагаемый рисунокъ представляетъ молодую женщину прошлаго вѣка, собирающуюся пѣть подъ аккомпанементъ лютни, на которой пальцы ея перебираютъ прелюдію.

Навмахія при Римскомъ императорѣ Клавдіи. (Рис. на стр. 1060).

Римскій императоръ Тиверій Клавдій, преемникъ и дядя Калигулы, царствовалъ съ 41 года послѣ Р. Х. до 54 года, когда онъ былъ отравленъ своею женою Агриппиною. Слабый тѣломъ и духомъ, онъ, по воцареніи, уступилъ всѣ заботы по управленію имперіей своей первой женѣ Мессалинѣ и своимъ любимцамъ, которые, не стѣсняясь, давали волю жестокости и любостяжанію. Не смотря на то, недолгое царствованіе Клавдія было ознаменовано нѣсколькими замѣчательными дѣяніями. Къ числу ихъ должно быть отнесено устройство и укрѣпленіе императорской гавани въ Остіи и отведеніе Фучинскаго озера въ странѣ марзовъ (нынѣшнее Лаго-ди-Челано, въ 90 верстахъ отъ Рима) при посредствѣ громаднаго канала чрезъ скалистыя горы въ рѣку Лирисъ, нынѣшнюю Гарильяно. Послѣднее сооруженіе было предпринято съ цѣлію осушить постоянно увеличивавшіяся болота по берегамъ озера и выгадать значительное пространство земли подъ земледѣліе. 30,000 человѣкъ работали въ теченіе 11 лѣтъ надъ каналомъ и когда исполинскій отводный каналъ въ 52 году былъ готовъ, Клавдій рѣшилъ дать римлянамъ на озерѣ, передъ спускомъ воды, навмахію. Греческое слово *навмахія* собственно значитъ: морское сраженіе; у римлянъ же оно обозначало искусственное представленіе такого сраженія, а также мѣсто, гдѣ оно происходило.

Юлій Цезарь впервые ввелъ навмахію какъ народное зрѣлище, устроивъ для этого въ 46 г. до Р. Х. искусственное озеро на Марсовомъ полѣ; Августъ далъ народу такое же зрѣлище на искусственномъ пруду въ 300 саженъ длины и 200 саженъ ширины. Клавдій пожелалъ устроить такую навмахію, которая превосходила бы все до тѣхъ поръ виданное въ этомъ родѣ. Ареною для морскаго сраженія служило вышеупомянутое озеро въ 1½ мили шириной, на которомъ совершенно серьезно, т. е. на смерть, бились два флота, въ 10.000 человѣкъ каждый. Побережье озера было обстроено громадными деревянными трибунами съ галереями и ложами, вмѣщавшими тысячи зрителей. Зрѣлище началось всевозможными эволюціями какъ отдѣльныхъ кораблей, такъ и цѣлыхъ флотилій, гонками и т. п.; затѣмъ началось изображенное на нашемъ рисункѣ настоящее сраженіе обоихъ флотовъ, изображавшихъ морской бой Египтянъ съ Финикіянами. Оба флота были превосходно снаряжены и состояли изъ пяти- четырехъ- и трех-дечныхъ весельныхъ кораблей, у коихъ носъ былъ снабженъ крѣпкимъ тараномъ, тогда какъ на палубѣ и башняхъ стояли тяжело-вооруженные латники. Актерами на этомъ кровавомъ зрѣлищѣ (навмахаріями) были гладіаторы, плѣнники или приговоренные къ смерти преступники. Между большими кораблями сновали плоскодонныя суда и лодки для метанія зажигательныхъ снарядовъ на корабли. Со страшнымъ грохотомъ сталкивались между собою крупныя суда, причемъ слабѣйшее почти неизбѣжно шло ко дну; въ противномъ случаѣ они сцѣплялись крюками бортъ къ борту и начинался кровопролитный рукопашный бой. Вскорѣ поверхность озера покрылась плавающими досками, балками, мачтами и другими обломками, за которые хватались раненые или упавшіе черезъ бортъ, напрасно ища спасенія, такъ какъ едва имъ удавалось достичь берега, стоявшіе тамъ на плотахъ вооруженные отряды отталкивали ихъ обратно на озеро. Между тѣмъ зажигательные снаряды дѣлали свое дѣло: то тамъ, то сямъ поднимались уже языки пламени, охватывая корабль за кораблемъ. Истощивъ всѣ усилія въ стараніи потушить пожаръ, весь экипажъ такого судна въ отчаяніи бросается черезъ бортъ и становится жертвою другой, не менѣе страшной стихіи, утопая въ волнахъ. По извѣстіямъ современныхъ римскихъ писателей, почти всѣ участвовавшіе въ этой навмахіи погибли страшною смертью. Въ заключеніе были отперты шлюзы замыкавшіе истоки озера—и вся масса запруженной воды, хлынувъ страшнымъ потокомъ, понесла не только обломки, но и уцѣлѣвшія суда въ бездну.

Походъ Московскаго государя на богомолье (въ XVII вѣкѣ). (Рис. на стр. 1061).

„Пѣшіе походы" Московскихъ государей и государынь на богомолье были, въ быту нашихъ царей, весьма часты и весьма обыкновенны въ половинѣ XVII вѣка. Такіе походы предпринимались обыкновенно ими для того, чтобы воздать должную дань уваженія извѣстному, мѣстно-чтимому святому, и тогда совершались въ день празднованія его памяти; или-же цѣлью похода избиралась одна изъ покровительствуемыхъ государями. излюбленныхъ обителей, въ которыхъ цари и царицы пащи и гостили нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время. Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, „пѣшіе походы" дѣлались *по обѣту*, чтобы испросить благословеніе того или другаго святаго на выполненіе задуманнаго дѣла или умолить милосердіе Божіе во избавленіе отъ угрожающаго бѣдствія. Цѣлью такихъ обѣтныхъ походовъ, предпринимаемыхъ царицами, часто бывали горячія молитвы объ избавленіи отъ неплодія, которое и считалось самымъ осязательнымъ и явнымъ доказательствомъ гнѣва Божія.

Пѣшіе походы предпринимались при тѣхъ-же условіяхъ и обставлялись тѣми же предосторожностями, какъ и всякіе иные походы Московскихъ государей. Впередъ, дня за два и болѣе, высылалась вся государева дворцовая служня, съ запасами,

съ кухонной посудой, съ обозомъ прохладительныхъ напитковъ—квасовъ, медовъ и разнаго рода пива. Тутъ-же, подъ прикрытіемъ значительнаго отряда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ вооруженной стражи, отправлялись на первые *стны* (остановки) царскіе спальники съ постельнымъ бѣльемъ, подушками, перинами, одѣялами и прочимъ домашнимъ скарбомъ. Въ томъ-же обозѣ слѣдовали сундуки и коробьи (за крѣпкими замками и печатями) съ царскою бѣлевою и платвенною казною. Эта казна, особыми царскими стольниками и окольничими, охранялась и равномѣрно распредѣлялась на пути государева шествія, по стнамъ и мѣстамъ, назначеннымъ для ночлега. Само собою разумѣется, что вся дорога, по которой предстояло идти государю и государынѣ, тщательно исправлялась, чинилась и очищалась, и для охраны и береженія царскаго шествія (или поѣзда) впереди, въ нѣкоторомъ разстояніи, шелъ особый охранный отрядъ изъ конныхъ *жильцовъ* (дворцовой стражи) и пѣшихъ стрѣльцовъ. Такой же отрядъ и замыкалъ собою шествіе, между тѣмъ какъ непрерывная цѣпь стрѣльцовъ съ пищалями, бердышами и копьями шла по обѣ стороны дороги, въ почтительномъ отдаленіи отъ царя, царицы и ихъ свиты изъ ближайшихъ вельможъ. Во главѣ этой свиты шествовалъ государевъ духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго дворцоваго собора, соборный дьяконъ и пѣвчіе дьяки.

Пѣшій походъ на богомолье начинался съ того, что государь служилъ напутственный молебенъ у *крестовъ*, т. е. у тѣхъ часовенъ, которыя были выстроены близь заставы московской. Затѣмъ, на всемъ протяженіи пути, царь и царица, обязательно, останавливались служить молебенъ въ каждой попутной церкви, гдѣ мѣстное духовенство встрѣчало ихъ съ крестами, иконами и св. водою, и получало отъ государей щедрые дары и богатые вклады въ церковную казну. Передъ царственною четой торжественно выступалъ казначей государя, ближній-бояринъ, и изъ просторнаго, широкаго кожанаго кошеля, похожаго по виду на конскую торбу, разсыпалъ направо и налѣво обильную милостыню тѣмъ сотнямъ нищихъ, калѣкъ и всѣмъ, кто могъ приползти къ краю дороги и протянуть руку за подаяніемъ.

Пѣшіе походы государевы были истиннымъ праздникомъ для всего населенія по пути государева шествія. Все населеніе наряжалось въ лучшее чистое платье и высыпало на дорогу. Косцы бросали косьбу, жнецы и жницы оставляли жатву, пахари бросали соху на бороздѣ и спѣшили взглянуть вблизи на своего царя и царицу, отвѣсить имъ низкій земной поклонъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ государево шествіе останавливалось стномъ, народъ смѣло шелъ къ царю и царицѣ, и суровая стража царская не преграждала доступа къ царю, не мѣшала общенію царя съ народомъ. Каждый спѣшилъ поднести дорогимъ гостямъ что было у него самаго завѣтнаго и лучшаго. Бабы подносили государынѣ сыръ, молоко, яйца; дѣвушки—вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ; дѣти—лѣсную малину и землянику въ берестяныхъ коробкахъ. Мужики угощали государя сотовымъ медомъ и свѣжими орѣхами. Если съ царицею на богомолье шествовали и царскія дѣти, мужики и бабы подносили имъ въ подарокъ самодѣльныя игрушки. И государь съ государынею благодушно принимали эти посильные дары и отдаривали за нихъ и даромъ, и привѣтомъ. Одинъ изъ такихъ пѣшихъ походовъ государя и государыни на богомолье изображенъ и нашимъ художникомъ въ настоящемъ № *Нивы*, во всѣхъ подробностяхъ описанной нами обстановки.

Копейщикъ-нѣмецъ изъ иноземскихъ полковъ.

(Рис. на стр. 1064).

Копейщики или *пикинеры* составляли весьма видную и значительную часть иноземскихъ полковъ на Руси въ XVII вѣкѣ, и первоначально бывали и конные, и пѣшіе. Трудность ихъ службы въ томъ и заключалась, что они несли на себѣ двойную тягость—были обучены и пѣшему бою противъ конницы, и конному бою противъ пѣхоты. Вооруженіе ихъ состояло изъ *пики* или *копья*, чрезвычайно длиннаго, большею частью двухсаженнаго. На поясѣ у нихъ была *шпага*. Оборонительнымъ вооруженіемъ для копейщиковъ служили: желѣзная *шапка* (или шеломъ) и желѣзныя *латы*, которыя спереди распадались на двѣ полы или лопасти. Сверхъ того, на шею надѣвали копейщики особый *ожерелокъ* или *ошейникъ* и могли носить (хотя не всегда носили) желѣзныя *наручи*. Чрезвычайно любопытны тѣ подробныя наставленія, которыя находимъ въ *Русскомъ уставѣ* 1647 года относительно вооруженія копейщиковъ. „Копейщику,“ говорится въ *Уставѣ* — „надобны *полныя латы*, только не очень бы тяжелыя, какъ встарину бывало, что ему мало не осла подъ латы надобно, на чемъ бы латы везти, какъ есть вестфальскія латы *съ брюхами*. Латы по мѣркѣ не ниже пояса, а *ошейникъ* чтобы легокъ былъ, и не тяжелъ, а *наручи* не очень долги были, а то отъ нихъ больше порухи, нежели пользы“.

Впослѣдствіи изъ копейщиковъ образовались *драгунскіе* и *рейтарскіе* иноземскіе полки. Къ вооруженію копейщиковъ въ драгунскихъ полкахъ прибавились еще только *топоры*, которые они привѣшивали къ сѣдлу; къ вооруженію копейщиковъ въ рейтарскихъ полкахъ прибавились *мушкеты* (впослѣдствіи замѣненные *карабиномъ*) и два *пистолета*. Когда, впослѣдствіи, иноземскіе полки были уничтожены и рейтарскіе, и драгунскіе полки стали комплектоваться русскими солдатами, драгунамъ были отведены мѣста стоянки на югѣ Россіи, гдѣ еще грозили въ то время нападенія со стороны татаръ. Современная воинская тактика признала драгунскіе полки единственными, вполнѣ удовлетворяющими воинскимъ потребностямъ нашего времени, но отмѣнила главное оружіе бывшихъ копейщиковъ — длинное копье, оставивъ его только въ легкой, иррегулярной кавалеріи.

Серебряная группа, поднесенная Государынѣ Императрицѣ 22 сентября офицерами Кубанскаго войска.

(Рис. на стр. 1065).

22 сентября сего года, во время пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ городѣ Екатеринодарѣ, офицеры Кубанскаго казачьяго войска поднесли Государынѣ Императрицѣ группу изъ серебра, изображающую сцены тревоги въ станицѣ. Въ массѣ подношеній группа эта была выдающимся нумеромъ по красотѣ работы и по замыслу, и остановила на себѣ особенное вниманіе Августѣйшихъ путешественниковъ.

На мраморной черной скалѣ расположены фигуры изъ массивнаго серебра, изображающія: наверху сторожеваго казака, пристально изъ-подъ руки всматривающагося въ даль — въ торопливомъ движеніи бурка свалилась съ плечъ и красиво задержалась на выступѣ скалы. Конь казака тянется вслѣдъ за хозяиномъ, словно раздѣляя съ нимъ тревожное состояніе.

Ниже, въ центрѣ группы—старый бородатый казакъ выскакиваетъ изъ разсѣлины, застегивая кинжалъ, передъ нимъ молодая казачка досѣдлываетъ коня, а мальчикъ-внукъ—надѣваетъ уздечку; еще ниже, казакъ почти готовый къ бою, вскочилъ на лошадь и, красиво изогнувшись назадъ, принимаетъ винтовку изъ рукъ своей жены, держащей на рукахъ груднаго младенца. Справа вы видите совсѣмъ молодаго казака, раньше всѣхъ выскочившаго по тревогѣ. Онъ волнуется, суетится и торопитъ другихъ. Дворовая собаченка волнуется тоже, дополняя живую и бойкую картину боевой станичной жизни; у подножія скалы извивается по черному мрамору серебряная Кубань, дробясь о камни и какъ-бы соединяя линіи группы съ массивнымъ полированнымъ пьедесталомъ.

Группа эта исполнена въ мастерскихъ извѣстной фирмы Хлѣбникова по идеѣ и рисункамъ художника Н. Н. Каразина и подъ его дальнѣйшимъ личнымъ наблюденіемъ. Лѣпилъ всѣ фигуры скульпторъ Сафоновъ, извѣстный знатокъ лошадей и ихъ движенія. Мастерская отливка и тонкая чеканка Хлѣбникова—довершили работу.

Группа эта вѣситъ около 9 пудовъ, и серебра чистаго въ ней до 3-хъ пудовъ. Она была установлена въ залѣ Екатеринодарскаго дворца, въ красивой нишѣ драпированной темновишневымъ бархатомъ и до поднесенія покрыта войсковыми значками. По прочтеніи привѣтствія значки были отдернуты, депутаты разступились—и просили Ея Величество осчастливить ихъ принятіемъ этого подношенія, имѣющаго напоминать Государынѣ Императрицѣ о незабвенныхъ для Кубанцевъ дняхъ Высокаго посѣщенія.

Полевка-корнеѣдка (Arvicola amphibius).

(Рис. на стр. 1068).

Къ мелкимъ, но злѣйшимъ врагамъ сельскаго хозяйства принадлежитъ и корнеѣдка, распространенная по всей Европѣ и Западной Азіи. Звѣрокъ этотъ не болѣе 16 центиметровъ длины, съ хвостомъ въ $7^1/_2$—$8^1/_2$ центиметровъ; цвѣтъ шерсти на спинѣ сѣрый или темнокоричневый, на брюшкѣ—сѣровато-бѣлый. Корнеѣдка, отлично плавающая и ныряющая, охотно селится на берегу стоячихъ и текущихъ водъ, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется также водяною крысой; водится и на мокрыхъ лугахъ, и на поляхъ, по низинамъ. Она живетъ въ подземныхъ галереяхъ, роя которыя вспучиваетъ землю холмиками, какъ кротъ; но питается корнеѣдка исключительно растительными веществами, въ противоположность кроту, который истребляетъ насѣкомыхъ и червей. Поэтому корнеѣдка всегда направляетъ свои подземныя траншеи къ корнямъ, преимущественно свекловицы и другихъ корнеплодныхъ растеній, а также плодовыхъ деревьевъ (грушъ, вишенъ и т. п.) и сочныхъ луговыхъ травъ. Присутствіе ея легко распознать по тому, что въ мѣстахъ не изобилующихъ пищей она роетъ свои ходы у самой поверхности земли. Размножается она чрезвычайно быстро — каждая самка въ теченіе лѣта рождаетъ по крайней мѣрѣ 5 разъ по 3 — 7 дѣтенышей. Корнеѣдка не подвержена зимней спячкѣ и всю зиму питается преимущественно древесными и травяными корнями. Поэтому человѣкъ настойчиво преслѣдуетъ корнеѣдку; изъ прочихъ враговъ ея всѣхъ опаснѣе ласка, которая преслѣдуетъ корнеѣдку и въ подземныхъ ходахъ ея на сушѣ, и въ водѣ. Хорьки, кошки и совы также охотятся за корнеѣдкой.

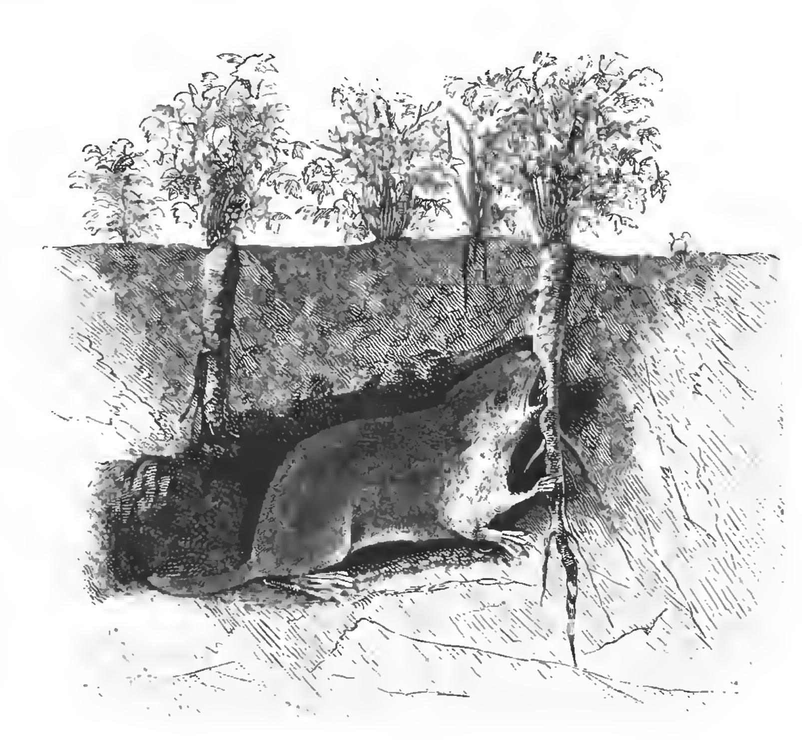
Рогожные намёты для ловли кефали въ Черномъ морѣ.

(Рис. на стр. 1068).

Рисунокъ, приложенный къ настоящему № *Нивы*, представляетъ одинъ изъ весьма оригинальныхъ способовъ ловли

рыбы въ Черномъ и Азовскомъ морѣ. Такъ ловится преимущественно *кефаль*, любимая рыба керченскихъ грековъ, и *скумбрія*, другая мелкая черноморская, очень вкусная, рыбка. Эти породы ловятся особаго рода *намётами*, которые устраиваются слѣдующимъ образомъ. Изъ хорошихъ циновокъ сшиваютъ полосу въ 1—1¼ аршинъ шириною; оба края циновки загибаютъ кверху на 1—2 вершка въ вышину, и снаружи загиба протягиваютъ веревку, чтобы загибъ держался. Такимъ образомъ рогожная полоса, сажень въ 50 и болѣе длиною, принимаетъ видъ узкой, длинной, весьма мелкой коробки.

Въ темныя, безлунныя ночи, этотъ намётъ растилаютъ на поверхности воды или отъ берега въ море, или съ двухъ лодокъ — въ разныя направленія. Стая кефали, приближаясь къ намёту и видя темную полосу на водѣ, старается черезъ нее перепрыгнуть, но попадаетъ въ рогожную коробку. Отсюда, рыбаки, подъѣзжая къ намёту на лодкахъ, вычерпываютъ рыбу простыми сачками. Замѣтимъ кстати, что кефалья икра чрезвычайно высоко цѣнится мѣстными жителями, особенно греками. Въ Крыму ее предпочитаютъ осетровой и платятъ на мѣстѣ 2 руб. за фунтъ; въ Константинополѣ охотно даютъ за нее и 3 руб., и дороже. Приготовленіе ея очень просто: ее вынимаютъ изъ рыбы въ томъ самомъ мѣшечкѣ, въ которомъ она заключена, пересыпаютъ солью и сушатъ на солнцѣ, нѣсколько разъ поворачивая, и при каждомъ поворотѣ снова пересыпая солью.

Полевка-корнеѣдка (Arvicola amphibius). Грав. Шюблеръ.

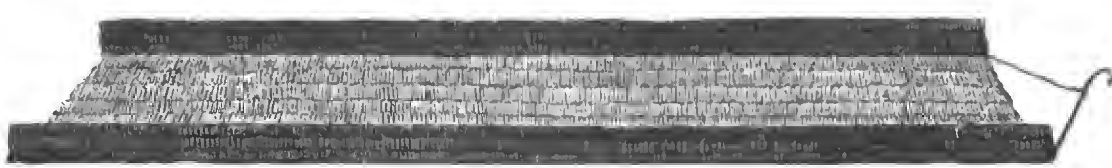
Стробоскопическіе круги. (Рис. на стр. 1069).

Назадъ тому лѣтъ десять, англійскій ученый Сильванъ Томсонъ, профессоръ физики въ Бристольскомъ университетѣ, познакомилъ публику съ такъ-называемыми стробоскопическими кругами, особыми рисунками, при помощи которыхъ получается замѣчательный оптическій обманъ. Если начертить нѣсколько концентрическихъ (имѣющихъ общій центръ) круговъ и, держа рисунокъ передъ глазами въ одной рукѣ, сообщить ей круговое движеніе (справа налѣво, или слѣва направо— все равно), то глазамъ покажется, будто начерченные на бумагѣ круги вертятся. Изображенный на стр. 1069, чертежъ 1, въ особенности если начертить его вчетверо больше нашего рисунка, весьма ясно проявляетъ это свойство стробоскопическихъ круговъ. Достаточно положить рисунокъ на ладонь правой руки, и глядя на него сверху, водить рукою, описывая ею небольшой кругъ на плоскости стола—и всѣ восемь концентрическихъ круговъ завертятся на бумагѣ.

Фиг. 2 представляетъ семь розетокъ, которыя также вертятся при этомъ опытѣ.

Фиг. 3 и 4 представляютъ модели двухъ дисковъ, которые должны вращаться на оси; напр., если вырѣзать ихъ изъ картона, то достаточно проткнуть ихъ центръ и насадить его на остріе карандаша. Если эти круги завертѣть какъ колесо, чертежи замѣчательно измѣняютъ свою

Рогожный наметъ для ловли кефали въ Черномъ морѣ.

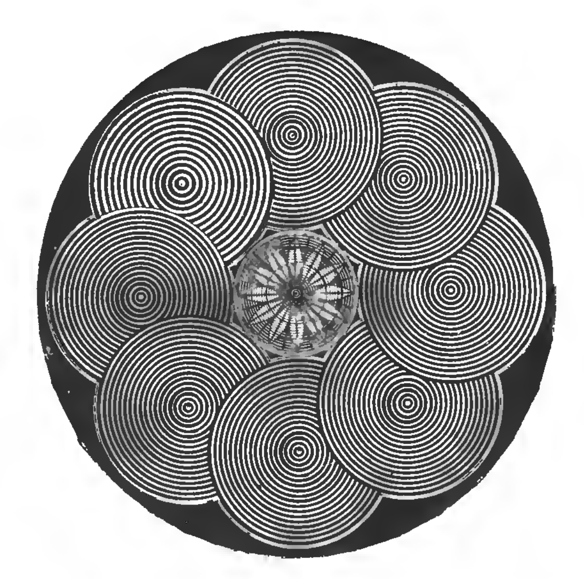
форму. Лучистые круги фиг. 3 исчезаютъ; вмѣсто нихъ виденъ одинъ кругъ, котораго окружность ограничена центрами начерченныхъ круговъ; внѣ этой окружности видно нѣсколько полу-круговъ. Фиг. 4 при вращеніи совершенно измѣняется: вмѣсто паралельныхъ линій видны концентрическіе круги.

Какъ уже сказано, для опыта лучше всего перечертить эти фигуры вчетверо крупнѣе, наклеить на картонъ, проткнуть въ центрѣ и насадить хоть на остріе карандаша.

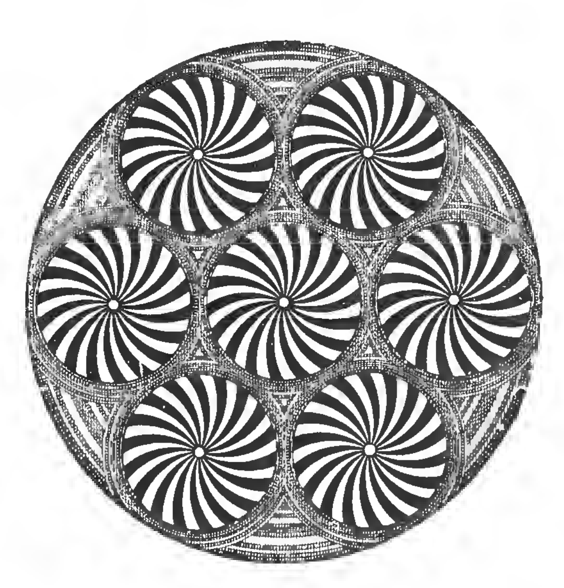
Продавецъ жаренаго мяса въ Батумѣ.

(Рис. на стр. 1072).

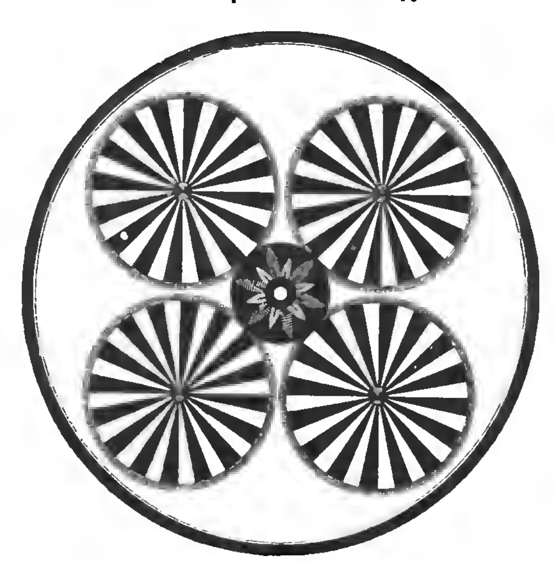
Каждый, побывавшій хоть разъ недолгое время въ Батумѣ и пофланировавшій по улицамъ этого своеобразнаго городка, навѣрное замѣтилъ и даже обратилъ особое вниманіе на оригинальный способъ приготовленія жаренаго мяса въ маленькихъ жестяныхъ печкахъ, расположенныхъ часто чуть не посреди улицы. Болѣе-же любознательный путешественникъ, отвѣдавшій мясо приготовленное въ этихъ печкахъ, навѣрное сравнилъ, а то и выше поставилъ пашего излюбленнаго филе на вертелѣ. А между тѣмъ устройство печки и поджариваніе мяса въ ней очень просто, до крайности удобно и легко примѣнимо. Дѣло вотъ въ чемъ: печка дѣлается изъ жести, иногда довольно толстой; къ двумъ ея боковымъ стѣнкамъ придѣлываются полочки предназначающіяся для расположенія топлива—углей; отъ центральной точки крыши шкафа къ дну его устанавливается въ отвѣсномъ положеніи желѣзный стержень—родъ вертела, который, у концовъ заостряясь, можетъ быть приведенъ въ быстрое вращательное движеніе. Жареніе мяса тоже не сложно: куски мяса, по преимуществу мягкія части, нанизываются на стержень, послѣ чего онъ движеніемъ руки вмѣстѣ съ мясомъ приводится во вращательное движеніе. Стержень, какъ претерпѣвающій малое треніе у своихъ концовъ, приведенный разъ въ движеніе, продолжаетъ довольно долгій промежутокъ времени вращаться, и мясо, подогрѣваемое снизу раскаленными углями, равномѣрно поджаривается. Мясо изжаренное такимъ способомъ отличается особенно пріятнымъ вкусомъ и сочностью. Продажа этого мяса производится на улицѣ подъ открытымъ небомъ, и жители, по преимуществу изъ рабочаго класса, часто, тутъ-же расположившись подлѣ кухни, съ аппетитомъ поѣдаютъ такъ вкусно приготовленное блюдо.

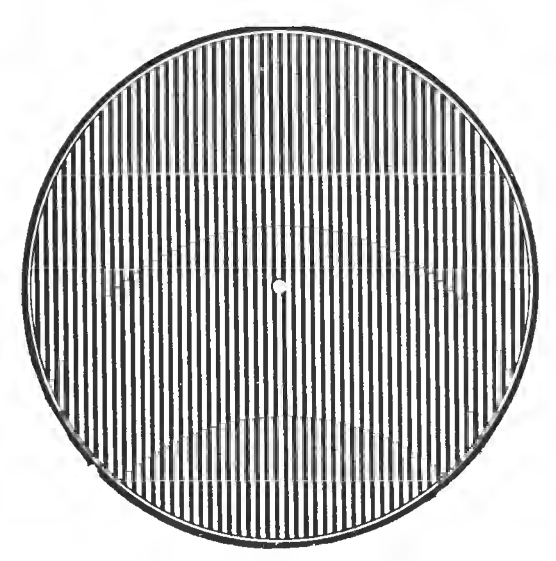
Фиг. 1. Стробоскопическіе круги.

Фиг. 2. Стробоскопическіе круги.

Фиг. 3. Стробоскопическіе круги.

Фиг. 4. Стробоскопическіе круги.

Политическое обозрѣніе.

Не успѣлъ императоръ Германскій Вильгельмъ II возвратиться изъ своего втораго путешествія по Европѣ въ Потсдамъ, какъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что юный монархъ собирается побывать въ началѣ будущаго года въ Португаліи и Испаніи и якобы германское посольство въ Мадридѣ уже оповѣщено объ этомъ. Рядомъ съ тѣмъ англійская печать высказываетъ надежду что императоръ Вильгельмъ не откажется посѣтить „родину его матери“. По словамъ *Times*, нельзя требовать, чтобы это посѣщеніе совершилось теперь, но когда бы ни пріѣхалъ въ Англію „государь великаго народа, нашъ естественный союзникъ и близкій соплеменникъ“, онъ смѣло можетъ разсчитывать на сердечный пріемъ со стороны Англійской націи. Эти предположенія, однако, не должны отвлекать вниманіе отъ впечатлѣній и результатовъ совершившихся уже путешествій. Къ сожалѣнію, газеты чрезвычайно скупы на изложеніе ихъ и только рѣдкія извѣстія позволяютъ лишь догадываться о нихъ. Смѣло можно сказать, что посѣщеніе Россіи должно было убѣдить въ миролюбивомъ и безкорыстномъ ея расположеніи. Подтвержденіемъ тому служитъ замѣтка газеты *Post* по поводу появившейся въ *Fremdenblatt* тревожной статьи о предстоящихъ будто бы передвиженіяхъ русскихъ войскъ на западной границѣ. Указывая, что оповѣщеніе о передвиженіяхъ

русскихъ войскъ состоялось еще весною, *Post* присовокупляетъ, что общее политическое положеніе Европы исключаетъ предположеніе, будто Россія занята въ настоящее время приготовленіями къ воинственнымъ дѣйствіямъ на Западѣ. Со времени поѣздки императора Вильгельма въ Петербургъ отношенія между Германіей и Россіей были постоянно хорошими, дружественными. а потому публика де поступитъ благоразумно, если въ настоящее время не будетъ поддаваться никакимъ опасеніямъ. Вообще статьѣ *Fremdenblatt*'а не придаютъ никакого значенія и она разсчитана преимущественно на то, чтобы, по случаю новыхъ расходовъ на армію, произвести воздѣйствіе на австрійскій парламентъ. Что касается втораго путешествія, то, по мнѣнію, высказываемому въ хорошо освѣдомленныхъ кружкахъ, главнымъ результатомъ поѣздки императора Вильгельма въ Римъ является упроченіе германско-итальянскаго союза. Охлажденіе между Германіей и Ватиканомъ, вызванное болѣе тѣснымъ сближеніемъ императора Вильгельма съ королемъ Гумбертомъ, считаютъ въ здѣшнихъ политическихъ сферахъ явленіемъ временнымъ. хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣхъ же сферахъ много толкуютъ о сближеніи Ватикана съ Франціей.

Въ ожиданіи грядущихъ событій, всеобщее вниманіе невольно обращено на процессъ Геффкена въ Германіи по поводу обнародованія дневника покойнаго императора Фридриха III, свѣтлая личность котораго живетъ еще у всѣхъ въ памяти. Въ самый разгаръ слѣдствія по дѣлу Геффкена, котораго окончательно рѣшено предать суду по обвиненію въ измѣнѣ отечеству, въ Лондонѣ, 3 октября, появилась книга доктора сэръ-Мореля Мэкензи „О роковой болѣзни доблестнаго Фридриха“ (The fatal Illness of Frederick the Noble), сообщающая интересныя подробности тяжелыхъ страданій вѣнценоснаго больнаго, въ которыхъ, между прочимъ, обвиняются профессора Бергманъ, Гебгардтъ и другіе нѣмецкіе врачи. Книга раздѣлена на 3 части. Первая изъ нихъ посвящена исторіи болѣзни, вторая озаглавлена „Споръ“, а третья содержитъ статистическія данныя. Кромѣ того, каждая глава носитъ особый заголовокъ, иногда довольно курьезный. Профессоръ Бергманъ, тотчасъ-же послѣ появленія книги, выступилъ съ опроверженіемъ взводимыхъ на него обвиненій при посредствѣ *New York Herald*. Вслѣдъ за нимъ въ той-же газетѣ профессоръ Вирховъ подтвердилъ, что причиной смерти императора Фридриха не была неудачная операція, предпринятая Бергманомъ 12 апрѣля, и вмѣстѣ съ профессоромъ Вальдейеромъ обнародовалъ декларацію, въ которой, на основаніи протокола о вскрытіи тѣла императора Фридриха, доказываетъ всю ложность взводимаго Мэкензи на профессора Бергмана обвиненія. Изъ этой декларація видно, что то мѣсто гортани, въ которомъ Бергманъ сдѣлалъ, будто-бы, ошибочный прорѣзъ, чѣмъ и вызналъ. будто-бы, нарывъ, а потомъ и воспаленіе въ легкихъ со смертельнымъ исходомъ, найдено было при вскрытіи въ нормальныхъ условіяхъ. Взводимыя на профессоровъ Бергмана и Гебгардта обвиненія не находятъ отклика въ высшихъ сферахъ, и 12 октября профессора Бергманъ и Гебгардтъ были приглашены къ императорскому обѣденному столу.

Внесенный Флоке проектъ пересмотра конституціи является злобою дня для Франціи. Наступившій затѣмъ вопросъ, кому долженъ быть предоставленъ этотъ пересмотръ, раздѣлилъ всѣ парламентскія партіи на два лагеря. Буланже, со своими сторонниками, къ которымъ примкнули имперіалисты и роялисты, требуетъ созыва учредительнаго собранія или верховнаго конгресса. Съ другой стороны, Флоке заявляетъ, что самодержавный конгрессъ представляется невозможнымъ, и большинства обѣихъ палатъ могутъ, по его мнѣнію, войти между собою въ соглашеніе. Флоке поддерживаетъ Клемансо, высказавшійся въ пользу предложеннаго министромъ-президентомъ Флоке пересмотра конституціи. Онъ заявилъ, что будетъ поддерживать политику Флоке, которая устранитъ опасности диктатуры и возвратитъ на правильный путь республиканцевъ, введенныхъ въ заблужденіе буланжистами.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника и Великаго Князя Николая Александровича и Вел. Кн. Георгія Александровича, прибыли 12 октября въ Кутаисъ.

Дѣла церкви.

— Въ Іерусалимѣ 1 октября торжественно освящена церковь св. Маріи Магдалины, близъ Геѳсиманіи. Церковь построена на средства Государя Императора и Его Августѣйшихъ Братьевъ, въ память въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Александровны. Обрядъ освященія совершалъ блаженнѣйшій Никодимъ, патріархъ Іерусалимскій. Богослуженіе началось въ $7^{1}/_{2}$ часовъ утра, тотчасъ по прибытіи въ храмъ Ихъ И. В. Вел. Князей Сергія Александровича и Павла Александровича и Вел. Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, и окончилось въ 11 часовъ. Храмъ, по своему виду и богатому убранству, производитъ самое отрадное впечатлѣніе.

5 октября Ихъ Имп. Выс. прибыли изъ Іерусалима въ Яффу и остановились на ночь въ домѣ архимандрита Антонія, а утромъ, 6 октября, присутствовали при закладкѣ, въ саду Тавиѳы, храма, который строитъ архимандритъ.

Городскія извѣстія.

— 13 октября, въ Спб., въ зданіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, происходило торжественное чествованіе министра Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретаря, сенатора, д. т. с. Николая Карловича Гирса, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его служебной дѣятельности.

Морское дѣло.

— 6 октября, въ конференцъ-залѣ Николаевской Морской академіи и Морскаго училища, состоялся торжественный выпускной актъ Морскаго училища. Весь пріемъ настоящаго выпуска состоялъ изъ 82 человѣкъ. Изъ нихъ со времени поступленія отстало 27 человѣкъ; отъ прежнихъ пріемовъ присоединилось къ выпуску 10 человѣкъ. Къ экзаменамъ въ настоящемъ выпускѣ приступило 65 гардемариновъ; выдержало испытанія 63 гардемарина. Изъ окончившихъ курсъ училища признанъ достойнымъ быть записаннымъ на мраморную доску, золотыми буквами, фельдфебель Наполеонъ Клембовскій. Кромѣ того, удостоены преміи 10 гардемариновъ.

— Пароходъ „Архангельскъ“ погибъ отъ столкновенія у южнаго берега Норвегіи. Погибло 18 человѣкъ экипажа.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, близь селенія Кабанъ, Ольтинскаго округа, Карсской области, были найдены мѣсторожденія мѣди. Недавно было приступлено къ развѣдкамъ, и добытое небольшое количество руды было отправлено въ Карсъ для изслѣдованія. Это изслѣдованіе показало, что процентное содержаніе въ отдѣльныхъ кускахъ руды весьма неравномѣрно, отъ 6% до 52%. Качество мѣди весьма хорошее.

— Въ Кіевѣ, 10 октября, закрыта сельскохозяйственная выставка. Самая высшая награда (почетный отзывъ) присуждена по фруктовому отдѣлу инспектору сельскаго хозяйства Черняеву за труды по распространенію опытныхъ знаній по сушкѣ фруктовъ и овощей.

Торговля.

— Недѣля 25 сентября—1 октября (ст. ст.) отличалась, по словамъ *Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли*, колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ и неправильнымъ, вообще, ходомъ дѣлъ на всѣхъ почти руководящихъ хлѣбныхъ рынкахъ. Причиною такой перемѣны, какъ и можно было ожидать, явилась сѣвероамериканская спекуляція. На *русскихъ* рынкахъ перемѣнъ не замѣтно, и въ большинствѣ преобладаетъ попрежнему выжидательное настроеніе, вызываемое надеждою на улучшеніе въ близкомъ будущемъ цѣнъ. Разсчеты русскихъ производителей хлѣба и торговцевъ въ этомъ отношеніи подтверждаются и послѣдними свѣдѣніями изъ Лондона.

— На царицынскомъ рынкѣ цѣны на керосинъ повышаются, требованіе возростаетъ. Въ настоящее время неоплаченный акцизомъ керосинъ продаютъ по 30 и $30^{1}/_{2}$ коп. Цѣны на нефтяные остатки также идутъ на повышеніе. Черные остатки продаются по 16 коп., зеленые — по 14 и $14^{1}/_{2}$ за пудъ. Торговля рыбою съ каждымъ днемъ все болѣе оживляется; прибытіе рыбныхъ товаровъ изъ Астрахани увеличивается; настроеніе рынка остается крѣпкимъ и въ цѣнахъ замѣтно повышеніе.

Народное просвѣщеніе.

— 5 октября, въ Педагогическомъ музеѣ Военно-учебныхъ заведеній состоялось собраніе Обще-педагогическаго отдѣла Учебно-воспитательнаго комитета музея. Въ этомъ собраніи была прочитана записка: „Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“, составленная законоучителемъ Тамбовскаго Екатерининскаго института, о. А. Архангельскимъ. Въ томъ же засѣданіи собраніе рѣшило въ послѣдующія засѣданія комитета разсмотрѣть слѣдующіе вопросы: о переутомленіи учениковъ въ школахъ, о вредѣ сидячей жизни и о воскресномъ отдыхѣ для учениковъ.

Литература и наука.

— Въ Петербургѣ, 10 октября, послѣ лѣтняго перерыва, состоялось первое засѣданіе Русскаго Литературнаго Общества, въ новомъ его помѣщеніи (Гороховая, № 33), причемъ были прочитаны авторами поэма кн. Д. Н. Цертелева и стихотвореніе І. І. Ясинскаго. Особенный интересъ возбудило чтеніе нигдѣ еще не напечатанныхъ писемъ Гоголя. Въ преніяхъ принимали участіе: гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. С. Суворинъ, Кн. Д. Н. Цертелевъ, Н. Н. Каразинъ и др.

— 5 октября, въ СПБ. состоялось первое послѣ лѣтняго перерыва общее собраніе членовъ Географическаго Общества, посвященное слушанію сообщенія вице-предсѣдателя общества П. П. Семенова о его поѣздкѣ въ Закаспійскую область и въ Туркестанъ.

Изъ губерній и областей.

— Въ Москвѣ, 11 октября, въ 4-мъ часу дня, рухнула выходящая на Кузнецкій Мостъ лицевая стѣна въ три этажа и капитальная стѣна дома, устраиваемаго купеческимъ обществомъ для торговыхъ помѣщеній; 21 рабочій ранены, убитыхъ обнаружено было четверо. Раскопки обвалившейся части зданія купеческаго общества производились безпрерывно. Съ начала катастрофы до 11 час. веч. копали пожарные пяти частей, потомъ ихъ замѣнили рабочіе, присланные подрядчикомъ рухнувшей постройки. Тусклое освѣщеніе обвала замѣнилось съ 9 часовъ двумя электрическими фонарями. Къ утру были отрыты еще четыре трупа въ подвалѣ. Всего убитыхъ и умершихъ отъ ранъ девять человѣкъ. 13 октября окончилась раскопка развалинъ; больше труповъ не было найдено.

— Землетрясенія въ Карсской области все

еще не прекратились, но стали рѣже и слабѣе. Наиболѣе сильное сотрясеніе почвы произошло въ 2 ч. 30 м. ночи 15 сентября. Въ это время начались вертикальные толчки, которые продолжались около 10-ти секундъ.

Некрологъ.

— 11 октября, скоропостижно скончался въ СПБ., во время исполненія въ его присутствіи операціи въ клиникѣ, ординарный профессоръ и академикъ Имп. военно-медиц. академіи, д-ръ медицины и хирургіи, завѣдывающій 1-мъ хирургическимъ отдѣленіемъ военнаго госпиталя, совѣщательный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, д. ст. с. Евстафій Ивановичъ Богдановскій.

Смѣсь.

Завѣщаніе учителя ариѳметики. Фортунатъ Дрейпуль, учитель ариѳметики въ Страсбургѣ, оставилъ послѣ своей смерти, послѣдовавшей въ 1713 году, слѣдующее завѣщаніе: „Мой высокочтимый дѣдушка, Проспоръ Дрейпуль, училъ меня читать и считать. Однажды, когда мнѣ едва минуло восемь лѣтъ, онъ доказывалъ мнѣ, что если ежегодно прибавлять къ капиталу проценты, то онъ въ теченіе ста лѣтъ увеличится въ сто тридцать разъ. Вниманіе, съ которымъ я его слушалъ, повидимому, очень понравилось старику; онъ неожиданно вынулъ изъ кармана 24 ливра и съ энтузіазмомъ, памятнымъ мнѣ до сихъ поръ, сказалъ: „Дитя мое, помни всю свою жизнь, что при помощи экономіи и ариѳметики для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ. Дарю тебѣ 24 ливра, снеси ихъ къ моему другу, купцу, который изъ желанія быть мнѣ пріятнымъ, вложитъ ихъ въ свое дѣло. Ты долженъ ежегодно присоединять къ этой суммѣ проценты, съ тѣмъ чтобы послѣ твоей смерти на эти деньги было основано богоугодное заведеніе для успокоенія твоей и моей души“. Я исполнилъ приказъ дѣда. 24 ливра превратились съ тѣхъ поръ (въ 62 года) въ 600, которые я, съ тою-же цѣлью, дѣлю на пять равныхъ частей и завѣщаю, чтобы они, подобно основной суммѣ, постоянно возрастали, причемъ чрезъ каждые сто лѣтъ одна пятая суммы должна быть употреблена въ дѣло. Первая часть чрезъ сто лѣтъ составитъ 13,000 ливровъ, на которые должно быть осушено и воздѣлано болото, лежащее вблизи моего мѣсторожденія. Сто лѣтъ спустя вторая часть составитъ 1.700,000 ливровъ; на эту сумму должно быть учреждено 80 премій для поощренія науки. Еще черезъ сто лѣтъ третья часть возрастетъ до 220 милліоновъ. На это должны быть основаны по всему государству 100 патріотическихъ ломбардовъ, изъ которыхъ каждому трудолюбивому и честному гражданину будутъ выдаваемы безпроцентныя ссуды; кромѣ того, въ главнѣйшихъ городахъ должны быть основаны 12 музеевъ и 12 библіотекъ. Каждая изъ нихъ будетъ имѣть по 10,000 ливровъ ежегодной ренты на содержаніе 40 заслуженныхъ ученыхъ. Черезъ слѣдующія сто лѣтъ четвертая часть составитъ 30 милліардовъ. На нихъ должны быть основаны 100 новыхъ городовъ и заселены 150,000 человѣкъ каждый. Мнѣ могутъ возразить, что во всей Европѣ не найдется такого количества наличныхъ денегъ; въ виду этого я предоставляю моимъ душеприказчикамъ превращать деньги, по ихъ усмотрѣнію, въ недвижимыя имущества. Наконецъ, послѣдняя, пятая часть, по истеченіи пятисотъ лѣтъ, возрастетъ до 3,900 милліардовъ. Изъ этихъ денегъ должны быть сначала уплачены наши государственные долги, затѣмъ, если достанетъ—долги англичанъ, въ благодарность за прекрасное сочиненіе Ньютона, озаглавленное *Универсальная ариѳметика*. Исполнители завѣщанія, въ числѣ шести, должны быть избираемы изъ числа честнѣйшихъ гражданъ, и каждый изъ нихъ, умирая, долженъ назначить себѣ преемника. За свои труды, они могутъ, при расходованіи четвертой доли, раздѣлить между собою небольшую частичку ея въ 32 милліона.“ Вотъ какихъ чудесъ можетъ надѣлать бережливый человѣкъ изъ 24 ливровъ!..

Однако, не шутя, эти колоссальныя исчисленія до извѣстной степени осуществимы, доказательствомъ чему можетъ служить слѣдующій фактъ: Въ Норвичѣ въ 1724 году умеръ одинъ судья. Онъ оставилъ по завѣщанію 4000 фунт. стерлинговъ, которые должны были быть отданы въ ростъ на 60 лѣтъ, а по прошествіи этого срока на нихъ надлежало основать школу, въ которой бы безвозмездно воспитывались и получали пищу и одежду 120 воспитанниковъ. Душеприказчиками онъ назначилъ одного епископа и нѣсколько другихъ уважаемыхъ личностей. Въ маѣ 1784 года срокъ истекъ, сумма наличныхъ денегъ достигла 74,000 фунт. стерлинговъ и благотворительное заведеніе дѣйствительно было основано. (с.)

Землеѣды. Изъ числа болѣзней, которымъ подвержены обитатели тропическихъ странъ, геофагія или страсть ѣсть землю, можетъ быть названа одною изъ самыхъ замѣчательныхъ. Болѣзнь эта настолько распространена, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ считаться повальною и притомъ крайне пагубною болѣзнью. Ей подвержены бываютъ въ равной мѣрѣ люди всѣхъ цвѣтовъ и положеній; въ особенности-же дѣти и подростки становятся жертвами пагубной страсти, отъ которой уже нѣтъ спасенія; ни дружескія увѣщанія, ни страхъ передъ строгимъ наказаніемъ, ни ужасающіе примѣры, ни перспектива вѣрной смерти не въ состояніи остановить несчастную склонность; сила воли утрачивается совершенно, и только неусыпный надзоръ и держаніе больнаго взаперти могутъ еще предотвратить гибель. Землеѣда можно безошибочно узнать по его наружности: цвѣтъ лица блѣдный, восковой, безкровный; лицо одутловатое; тѣло худѣетъ, мускулы ослабѣваютъ, животъ пухнетъ, взглядъ становится неподвижнымъ и неопредѣленнымъ; появляется одышка; больной дѣлается пугливымъ, скрытнымъ и нелюдимымъ. Землеѣды обнаруживаютъ особенное, болѣзненное пристрастіе къ жирному, красному или желтому глинозему, смѣшанному съ разлагающимися остатками органическихъ веществъ, а гдѣ его нѣтъ, употребляютъ въ пищу и хрящевой, известковый песокъ. Что многія дикія племена, какъ напр. Отомаки на Ориноко, страдаютъ геофагіей, давно извѣстно; но что землеядство распространено подъ тропиками и между нѣкоторыми цивилизованными народностями, отчасти европейскаго происхожденія, до сихъ поръ рѣдко упоминалось; а между тѣмъ, въ тѣхъ странахъ не только люди, но и почти всѣ дикія животныя, не исключая птицъ, разыскиваютъ и съ жадностью поглощаютъ глинистую землю. Они во множествѣ собираются въ мѣстахъ глинонахожденія, которыя скоро становятся извѣстными охотникамъ, какъ хорошія мѣста охоты. Даже въ желудкѣ крокодила находятъ большія количества глинистой земли. (с.)

Великодушный турокъ. Бывшій великій визирь Юссуфъ-паша, прославившійся впослѣдствіи въ Египтѣ въ качествѣ полководца, игралъ однажды, находясь еще въ низшихъ чинахъ, со своими рабами въ джиридъ (метательное копье). Одинъ изъ рабовъ имѣлъ несчастіе попасть дротикомъ въ глазъ своему господину, который отъ невыносимой боли упалъ въ обморокъ и навсегда лишился глаза. Когда Юссуфъ пришелъ въ себя, несчастный бросился къ его ногамъ и со слезами на глазахъ молилъ о прощеніи. Визирь совершенно хладнокровно подалъ ему кошелекъ и сказалъ: „Ступай, ты свободенъ; возьми эти деньги и оставь мой домъ навсегда. Я тоже человѣкъ; твое присутствіе напоминало бы мнѣ, что ты причина моего несчастія и я могъ бы поступать съ тобою несправедливо.“ (с.)

Сколько центнеровъ вѣситъ земля? Если при исчисленіи объема земли возьмемъ за основаніе ея діаметръ и примемъ во вниманіе, что земля въ $5^2/_3$ разъ тяжелѣе воднаго шара, равнаго ей объема, а кубическій метръ воды вѣситъ 20 центнеровъ, то прійдемъ къ слѣдующему выводу: Окружность большаго круга, проходящаго черезъ центръ земли, равняется 40.000,000 метровъ, слѣдовательно діаметръ земли въ кругломъ числѣ будетъ 12.738,853 метра, а отсюда, по формулѣ $\frac{d^3 \pi}{6}$ или

$$\frac{12.738,853 \,.\, 12.738,853 \,.\, 12.738,853 \,.\, 3,14}{6}$$

кубическое содержаніе будетъ = 1,081,855,795,637,421,051,023 кубическихъ метровъ. Это число, умноженное на $5^2/_3$. 20 дастъ вѣсъ объема земли равный 122,610,323,505,574,385,782,607 центнеровъ или: сто двадцать двѣ тысячи шестьсотъ десять тpилліоновъ, триста двадцать три тысячи пятьсотъ пять билліоновъ, пятьсотъ семьдесятъ четыре тысячи триста восемьдесятъ пять милліоновъ, семьсотъ восемьдесятъ двѣ тысячи шестьсотъ семь центнеровъ (с.)

Кролики въ Австраліи. Какъ извѣстно, кролики настолько расплодились въ Австраліи, что во многихъ округахъ превратились въ самый страшный бичъ, какой только можно себѣ представить. Правительство Новаго Южнаго Вельса было наконецъ вынуждено назначить сумму въ 25,000 ф. стерлингъ за изобрѣтеніе средства для полнаго истребленія этихъ животныхъ. Какой страшный вредъ наносятъ кролики австралійскому сельскому хозяйству, можно видѣть — по словамъ *Ежедн. Обозрѣнія*—изъ слѣдующаго примѣра, сообщаемаго въ одну англійскую газету г. Локгартомъ, близко знакомымъ съ мѣстнымъ положеніемъ дѣла. На одной фермѣ въ колоніи Викторіи, на южномъ берегу р. Муррея, было 110,000 штукъ овецъ. Когда Локгартъ снова посѣтилъ ферму два или три года спустя, количество скота сократилось уже до 1200 штукъ. Виновниками такого опустошенія были кролики. Они поѣли все, уничтожили всѣ травы и всякую зелень; погрызли кору на кустарникѣ и наконецъ сами погибли тысячами, пока не могли перейти Муррей, для отысканія свѣжихъ пастбищъ въ Новомъ Южномъ Вельсѣ. Изъ южной части Викторіи кролики постепенно пробирались далѣе къ сѣверу, пока не были остановлены р. Мурреемъ. Наконецъ и это препятствіе было устранено: наводненіе, размывшее часть южнаго берега, увлекло массы кроликовъ на сѣверный берегъ, въ Новый Южный Вельсъ. При этомъ конечно множество ихъ погибло, но и послѣ катастрофы осталось достаточное количество для водворенія на сѣверномъ берегу. Отсюда кролики направились еще далѣе къ сѣверу, и Локгартъ полагаетъ, что эта перекочевка въ сѣверномъ направленіи превратилась у нихъ въ инстинктъ. Развитіе этого инстинкта онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: кроликъ-самецъ склоненъ умерщвлять дѣтенышей, если успѣваетъ до нихъ добраться. Самки знаютъ эту слабость—и потому, предъ тѣмъ какъ метать дѣтенышей, стараются уйти отъ нихъ, именно въ сѣверномъ направленіи. Покинутые самцы спокойно остаются на мѣстѣ, дожидаясь съ юга новой стаи самокъ и т. д. Подобная перекочевка на сѣверъ достигла въ настоящее время границъ Квинсланда, отстоящаго на нѣсколько сотъ англійскихъ миль отъ того мѣста, гдѣ кролики перешли Муррей. Локгартъ предлагаетъ воспользоваться этимъ инстинктомъ кроликовъ для ихъ истребленія. Для этого достаточно было-бы переплетать всѣ деревянныя изгороди, имѣющія западновосточное направленіе, крѣпкою проволокою, такимъ образомъ, чтобы животныя не могли подкапываться подъ заборъ. Идущіе съ юга кролики направятся тогда

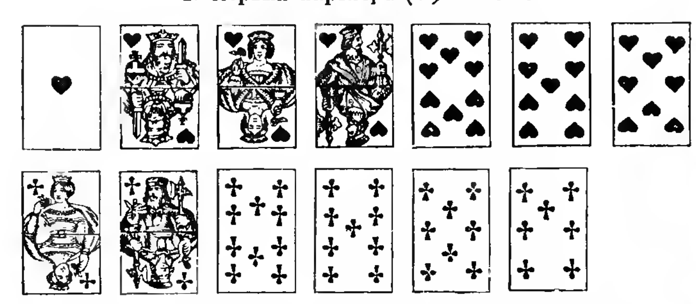
Продавецъ жаренаго мяса въ Батумѣ. Ориг. рис. (собств. **„Нивы“**) **Шмерлинга**, грав. Ольшевскій.

вдоль забора и будутъ попадать въ нарочно разставленные силки. Прежде всего Локгартъ требуетъ прекращенія выдачи премій за убитыхъ кроликовъ, такъ какъ этимъ способомъ бѣдствіе только увеличивается. Когда охота на кроликовъ превратится въ выгодное занятіе, ловцы ихъ (rabbit-trappers) будутъ принимать мѣры къ тому, чтобы этотъ источникъ дохода не изсякъ. (с.)

Задача игры въ винтъ № 69.

(составл. **С. П—скимъ**).

1. Первый партнеръ *(А)* имѣетъ:

На переговорахъ третій партнеръ (*B*) самостоятельно договорился до *пяти бубенъ*, при чемъ указалъ въ переговорахъ на двѣ взятки въ трефахъ.—Второй партнеръ (*X*) назначилъ три пики, а *Y* поддержалъ на 4 пики, но болѣе назначить они не могли.—*A* окончательно назначилъ малый шлемъ на червахъ, хотя могъ назначить и большой.

2. Съ чего бы ни пошелъ *X*, игроки *A* и *B* должны сдѣлать большой шлемъ, но благодаря оплошности *B*, они остались безъ одной: еслибъ и *A* дурно разыгралъ, то они остались бы безъ *3-хъ*.

Добавочныя условія: а) если-бъ *A* удовлетворился назначеніемъ 5-ти бубенъ, то они должны были, при вѣрной на видъ игрѣ, тоже остаться безъ одной, хотя у противниковъ трефы были не на одной рукѣ; b) если-бъ А остановился на маломъ шлемѣ на трефахъ, то игра не могла быть проигранною, но если бы къ одному изъ противниковъ отъ другаго переложить трефонку, то *A* и *B* тоже остались бы безъ одной; с) наконецъ, если бы игра осталась за игроками *X* и *Y*, то они, навѣрное, сдѣлали бы малый шлемъ на пикахъ.

Требуется: 1) опредѣлить карты остальныхъ партнеровъ; 2) показать ходъ игры, назначенной *A*: 3) указать оплошность, сдѣланную *B*, и ошибку, которую могъ бы сдѣлать *A*: 4) показать розыгрышъ игры въ 5-ть бубенъ, назначенной *B*.

Ребусъ. Задача № 70.

Задача—загадка № 71.

си	вѣ	ком	по	гах
жу	бо	тя	тя	го
и	но	хо	н	я
в	хо	са	ло	хо
гах	хо	на	на	жу

Перемѣнить отдѣльно въ каждой изъ трехъ частей квадрата мѣста слоговъ такъ, чтобы изъ слоговъ составилась фраза-загадка, которую и отгадать.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ предъидущіе годы многіе изъ нашихъ Гг. подписчиковъ просили о высылкѣ имъ втораго подписнаго бланка на „Ниву" слѣдующаго года, **для передачи своимъ знакомымъ**. Въ настоящемъ году, въ предупрежденіе такихъ-же просьбъ, мы прилагаемъ при этомъ №. два подписныхъ бланка.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, СПБ., Васильевскій Островъ, 2-я линія, домъ № 7, поступила въ продажу книга:

НОВАЯ РУССКАЯ СКОРОПИСЬ
О. Н. Половникова.

Содержаніе: Предисловіе.—Азбука.—Прописи. Спб. 1888 г. Цѣна 50 к., съ перес. 60 коп.

Авторомъ этой книги сдѣлано полное преобразованіе русской скорописи. Съ этимъ преобразованіемъ механическій письменный трудъ сокращается до 40% (т. е. на написаніе чего старою скорописью нужно было употребить 10 час., новою скорописью, при раннемъ навыкѣ, употребится только 6), безъ ущерба точности, ясности и красоты скорописи. Новая скоропись доступна для изученія каждому грамотному, почему и удобна для всеобщаго употребленія. № 3447

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ; по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она действуетъ вѣрно, легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6—2

Для нормальнаго пріема достаточна половина обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
КОСМЕТИКА
А. ЭНГЛУНДЪ.

Освѣжаетъ и придаетъ свѣжесть. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 р.—2 банки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Обществѣ торговли аптекарск. товарами, у А. Рузанова, СПБ. Техно-Химич. Лабор.— Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Бодбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмерныхъ торговл. Россійской Имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, СПБ. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. № 3438

АДРЕСА

всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: International. Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко. № 3435 5—2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3393 3—3
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр., и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

Въ книжной торговлѣ спеціально для иногороднихъ

А. Я. ПАНАФИДИНА,

С.-Петербургъ, Бол. Итальянская, д. № 8, поступили въ продажу:

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Первая книжка разсказовъ. Содержаніе: Четыре дня — Происшествіе.— Трусъ.— Встрѣча.— Художники.— Ночь.— Attalea princeps.— То, чего не было. СПб. 1888 г. Изд. 4-е. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

ЕГО-ЖЕ. Вторая книжка разсказовъ. Содержаніе: Деньщикъ и офицеръ.—Изъ воспоминаній рядоваго.— Красный цвѣтокъ.— Медвѣди.— Сказка о жабѣ и розѣ.—Надежда Николаевна. СПб 1888 г. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. № 3456

Въ книжн. магаз. Петербурга: у Попова, Панафидина, Вольфа, Суворина, Фену и др. кн. Вновь вышедшая книга—юмористическій романъ

НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ,
ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ.

Похожденія живописца, картины въ лицахъ Мазилкина, Тряпкина, Пачкунова, Баклуша-Бей, Баталина, княжна Батистова и Маша, съ 100 рисунками Буша, текстъ Пальмина. Цѣна 1 руб. **Содержаніе книги:** Изящныя искусства.—Призваніе.—Забавы отрочества.—Признаки творчества и любви.—Финансовыя затрудненія.— Бой и побѣда.—Романическая княжна.— Зарожденіе картины.— Маскарадъ.—Заключеніе.

Рисунки Буша до того смѣшны, что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ. Складъ и продажа: у **Ю. Конденъ**, Москва, М. Бронная, д. Румянцева. Выписывая изъ склада, за пересылку не платятъ. П. № 3430 3—1

Вышло изъ печати въ Петербургѣ и Москвѣ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

СЕЛЬСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1889 Г.
Я. АБРАМОВА. Mt № 3410

Со святцами, съ портретомъ Наслѣдника Цесаревича и многими рисунками. **162** колонны убористой печати. **ЦѢНА 20 КОП.** Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и складахъ, въ столицахъ и провинціи. Выписывающіе отъ составителя (С.-Петербургъ, Пески, 7 улица, д. № 8, Якову Васильевичу Абрамову) **не менѣе 100 книжекъ** пользуются, смотря по желанію, или даровой пересылкой или же уступкой по 5 коп. отъ каждой книжки. За пересылку платится по разстоянію (3 экземпляра съ упаковкой вѣсятъ 1 ф.).

Поступили въ продажу НОВЫЯ изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Общедоступное землемѣріе. Съ 280 рисунками и чертежами. Составилъ **А. Колтановскій.** Цѣна **75** коп.

Славянскій букварь. **Т. Лубенца.** 2-е изданіе. Ученымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ допущено къ употребленію, въ качествѣ *учебника*, въ тѣхъ церковно-приходскихъ школахъ, въ которыхъ русская грамота преподается прежде славянской. Цѣна 5 коп. Mt. № 3442

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на детевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ".
К. МАСЛЯННИКОВА.

Много рисунковъ, практическіе безплатн. отвѣты на вопросы, съ рисунк. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. **Безплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ.** Программа высылается безплатно. На годъ **6 р.** № 3432

ЭЛЕВАТОРЫ,

ихъ конструкц. и значеніе для Россіи. **К. Масляникова. 12 рис.** Съ перес. 40 к. **Главнѣйшія причины сельско-хозяйствен. кризиса** и мѣры къ его прекр. Съ пер. 15 к. Спб. Надеждинская, № 39.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"): 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

НОВѢЙШАГО ОБРАЗЦА отъ 3 р., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р. и т. д. до 150 р. за штуку въ оптическомъ и хирургическомъ магазинѣ

М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛЛЕРЪ

Москва, Рождественка, д. Фирсановой.

ЦѢНА только 10 р. с.
ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новѣйшей конструкціи, помѣщена въ ящикѣ, къ которому придѣлана весьма раціонально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣнъ—чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пуговка, придѣл. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ обр. кажд. хозяинъ въ сост. устроить въ нѣсколько минутъ домашнее телеграфн. сообщеніе. Болѣе точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

у Казанск. м., д. № 30—16, входъ съ Екат. кан., въ С.-Петербургѣ. № 3378 7—5

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ МѢХОВЪ
ДЛЯ ДАМЪ.

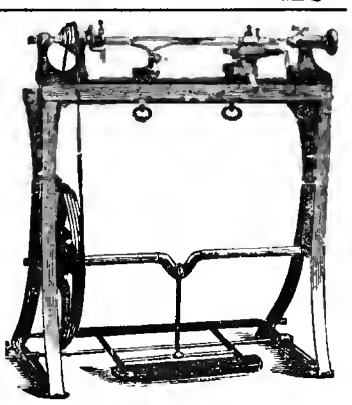
Пріемъ въ покрышку и передѣлку мѣховъ гг. покупателей.

Всѣ скорняжныя работы.

ШУБКИ, РОТОНДЫ, МУФТЫ, БОА.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Ю. ФЛОРАНЪ
18, Больш. Морская. Pt. № 3428

РУССКАГО ИЗДѢЛІЯ усовершенствованные токарные станки, не уступающіе всѣмъ заграничнымъ, между тѣмъ болѣе какъ въ два раза дешевле, имѣются готовые и на заказъ, въ механическомъ заведеніи **Д. Скавронскаго,** Бассейная ул., д. № 10, СПБ. Любительскіе станки совершенно металлическіе отъ 65 р., съ супортомъ отъ 85 р. Прейсъ-куранты высылаются за 14 коп. марку. № 3445

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16 1

ДОМАШНІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КАЛЕНДАРЬ 1889 Г.

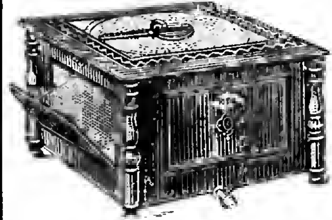
Съ 43 рис. 96 стр. Ц. 20 к.

Складъ у книгопродавца Губинскаго въ С.-Петербургѣ. № 3446 5—1

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ"

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. выписыв.: въ г. Хвалынскъ **И. Комисарову.**

ГЕРОФОНЪ.

ЦѢНА ГЕРОФОНА УДЕШЕВЛЕНА.

Обыкновенный герофонъ съ 10 пьесами стоитъ теперь только **30 руб.**

Герофонъ съ приспособл. для игры „forte" и „piano" съ 10 пьесами только **32 руб.** Большое количество добавочн. пьесъ по **60 коп.** за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунтовъ.

Каталогъ нотъ для герофона, а также иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно.

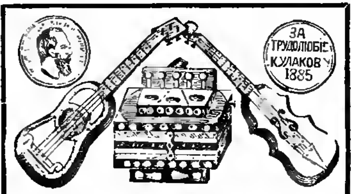
Герофоны к ноты къ нимъ продаются у меня только настоящіе патентованные.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО № 3451

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. 6. Торлецкаго.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И ФАБРИКА

А. Е. КУЛАКОВЪ.

Реком. гармоніи, гитары, скрипки, мандолины, цитры, флейты, лирофоны, струны, герофоны, аристоны, кларіофоны и пр.

Цѣны фабричныя. Торговцамъ скидка.

Илюстр. прейсъ-курантъ выс. безплатно.

4–4 **ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ И КОНТОРА:** 3351

Въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая, № 40.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖѢ:

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированнымъ 8
„ темно-полированнымъ. . . . 8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . „ 30
Альбомъ III **новый**. . . . . . . „ 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.

Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (3)

„РУССКІЙ КЛУБЪ" и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (2)

Только-что отпечатано и поступило въ продажу

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,** гравированнымъ на стали, и **факсимиле.**

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. **Цѣна 6 руб.,** съ перес. **6 р. 75 к.;** въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями—**8 руб.,** съ пересылкою **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 н.; въ переплетѣ **7 р.,** съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращатся въ **СПБургъ,** въ контору журнала „Нива" (Невскій, 6).

МАГАЗИНЪ БРОНЗЫ

К. БЕРТО

бывшаго торговаго дома **Ф. Шопенъ,**

Михайловская ул., № 4, домъ Волжско-Камскаго банка.

Г-нъ К. Берто имѣетъ честь извѣстить, что онъ пріобрѣлъ въ собственность фабрику и модели бывшаго торговаго дома **Ф. Шопена,** и что онъ, какъ дѣлалъ и прежде, будетъ продолжать принимать всякіе заказы и исполнять всѣ бронзовыя работы. Рt. № 3407 2–2

8–4 Главное депо для Россіи: братья Фохтсъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

ЕВГЕНІЙ ДАММЪ

единственное въ своемъ родѣ заведеніе

ИСКУССТВЕННАГО ТИСНЕНІЯ

Самыми различными рисунками бархатъ, трипъ, манчестеръ и кожу; красятъ и чистятъ не распарывая всевозможн. вещи; чистятъ кружева, гобелены и мебель не снимая; магазины:
Могилевская ул., д. 21, близъ Египетскаго моста.
Васильевскій Островъ, 7-я линія, д. № 30, близъ Большаго просп.
Офицерская ул., д. № 6, близъ Вознесенскаго пр.
Троицкій пер., д. № 27, близъ Пяти Угловъ.
Фабрика: Петровскій Островъ, собственный домъ. № 3433

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (39) № 2946

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

Le *MAGNIFIQUE ALBUM ILLUSTRÉ* renfermant *554 gravures inédites* de Robes, Confections, Articles pour toilettes de Dames et Enfants, Vêtements pour Hommes, etc., ainsi que la nomenclature de tous les tissus en Soieries, Lainages, Indiennes, Toiles etc. etc., qui

Vient de Paraître.

L'envoi en est fait *GRATIS ET FRANCO* contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie
à Paris

Sont également envoyés *franco* les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*. (Bien spécifier les genres et prix.)

Expéditions franco de port à partir de *25* fr. jusqu'à la frontière Russe, ou jusqu'à destination, moyennant une augmentation de *10* 0/0, pour toute commande dépassant *100* fr.

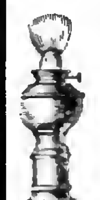
А. № 3406 3–3

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы

ГИЧКОКЪ

без стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается **огромная экономія** устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/6 копѣйки въ часъ.

▶ Полное ручательство за доброкачеств. ◀

Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:
Столовая . . . . . 12 руб.
Висячая . . . . . 15 руб.
Стѣнная. . . . . . 15 руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на **3** р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на **4** р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

РОСКОШНЫЯ ШАЛИ

Песцовыя отъ 25 руб. Лисьи подъ чернобурую лисицу отъ 7 до 25 р. Бурыя отъ 25 до 50 р. Черныя отъ 50 до 500. Бѣлыя Кавказск. овчин. отъ 5 до 15 руб. Тибетской — 15 до 35 р. Скунс. 15 до 35. Предлагаетъ **Суринъ,** Невскій, вер. галл. Гостин. Дворъ, № 23. № 3427

При этомъ № прилаг. для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключен. московск.) объявл. отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 19 октября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 29 октября 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Е. С. Семенова.

Знаменитая трагическая актриса Екатерина Семеновна Семенова, подобно большинству русскихъ артистокъ, была далеко не знатнаго происхожденія. При появленіи своемъ на сценѣ въ 1803 году, она оказалась полуграмотною: ей должно было начитывать роль, объяснять каждый монологъ съ удареніемъ всякаго стиха, что впослѣдствіи обыкновенно дѣлала жившая у нея актриса Лобанова, исполнявшая на сценѣ ея наперсницъ. Въ началѣ же ея сценическаго поприща съ нею много занимался извѣстный переводчикъ Иліады, Н. И. Гнѣдичъ, повѣрявшій ея мимику предъ каждымъ спектаклемъ, въ которомъ она участвовала; онъ заставлялъ ее молча выражать лицомъ тѣ чувства, которыя должно было вызвать въ ней то или другое драматическое положеніе. Оленинъ, Крыловъ и Нелединскій также занимались сценическимъ воспитаніемъ артистки, и благодаря имъ, Семенова могла соперничать даже съ такими

Екатерина Семеновна Семенова. Съ современнаго портр. грав. Ю. Шюблеръ.

талантами, какъ всемірно извѣстная, M-lle Жоржъ. Вотъ какъ характеризуетъ Семенову современникъ ея и большой знатокъ театра, С. Т. Аксаковъ:

„Разнеслся слухъ, что Гнѣдичъ переводитъ Вольтерова „Танкреда“ для того чтобы Семенова въ роли Аменаиды показала во всемъ блескѣ свой талантъ и могла бы достойно соперничать съ M-lle Georges, игрою которой Гнѣдичъ не былъ вполнѣ доволенъ; онъ особенно чувствовалъ въ ней недостатокъ огня, которымъ самъ былъ надѣленъ даже въ излишествѣ. Вскорѣ Гнѣдичъ заѣхалъ къ Шушерину и сказалъ ему, что переводитъ „Танкреда“ и даже привезъ прочесть начало своего перевода, который по тогдашнему времени казался намъ превосходнымъ. Переводъ былъ конченъ и пьеса поставлена съ необыкновенною поспѣшностью, въ три мѣсяца. Все исполнилось такъ, какъ предполагалъ переводчикъ: Семенова торжествовала, и въ публикѣ образовалась партія, которая не только сравнила ее съ

M-lle Georges, но въ роли Аменаиды отдавала ей преимущество. Впослѣдствіи переводъ „Танкреда" былъ напечатанъ съ приложеніемъ портрета Семеновой и стихами къ ней переводчика. Мы съ Шушеринымъ видѣли Семенову въ роли Аменаиды два раза; во второй разъ Шушеринъ смотрѣлъ ее единственно для повѣрки сдѣланныхъ имъ замѣчаній послѣ перваго представленія, которыя показались мнѣ не совсѣмъ справедливыми; но Шушеринъ былъ правъ и убѣдилъ меня совершенно. Превозносимая игра Семеновой въ этой роли представляла чудную смѣсь, которую могъ открыть только опытный и зоркій глазъ такого артиста, какимъ былъ Шушеринъ. Игра эта слагалась изъ трехъ элементовъ: первый состоялъ изъ незабытыхъ еще пріемовъ, манеры и формы выраженія всего того, что̀ игрывала Семенова до появленія M-lle Georges; во второмъ — слышалось неловкое ей подражаніе въ напѣвѣ и быстрыхъ переходахъ отъ оглушительнаго крика въ шопотъ и скороговорку. Шушерину при мнѣ сказывали, что Семенова, очарованная игрою Жоржъ, и день и ночь упражнялась въ подражаніи, или лучше сказать въ передразниваніи ея эффектной декламаціи; третьимъ элементомъ, слышнымъ болѣе другихъ — было чтеніе самого Гнѣдича, пѣвучее, трескучее, крикливое, но страстное и, конечно, всегда согласное со смысломъ произносимыхъ стиховъ, чего однако онъ не всегда могъ добиться отъ своей ученицы. Вся эта амальгама, озаренная поразительною сценическою красотою молодой актрисы, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ и гремящихъ звукахъ неподражаемаго, очаровательнаго голоса, производила увлеченіе, восторгъ и вырывала громъ рукоплесканій." Далѣе авторъ описываетъ, какъ „Семенова явилась въ первый разъ въ роли Антигоны въ „Эдипѣ въ Аѳинахъ". Какъ она была хороша! Какой голосъ! Какое чувство, какой огонь! Ну да вотъ какой огонь: когда въ третьемъ актѣ Креонъ, въ отсутствіи Тезея, похищаетъ Эдипа и воины удерживаютъ Антигону, то она пришла въ такую пассію, что, произнеся первые четыре стиха:

Постойте варвары! пронзите грудь мою,
Любовь къ отечеству довольствуйте свою.
Не внемлютъ — и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ;
Не внемлютъ — и мой вопль теряется въ пустынѣ...

вырвалась у воиновъ и убѣжала вслѣдъ за Эдипомъ, чего по піесѣ не слѣдовало дѣлать; сцена оставалась, можетъ быть минуты двѣ, пустою; публика, восхищенная игрой Семеновой, продолжала хлопать; когда-же воины притащили Антигону на сцену насильно, то громъ рукоплесканій потрясъ театръ! Все вышло такъ естественно, что публика не могла замѣтить нарушенія хода піесы".

Въ 1826 году Е. С. Семенова покинула сцену, выступивъ въ послѣдній разъ публично въ трагедіи „Пожарскій". Спустя два года она вышла замужъ за князя Гагарина и поселилась въ Москвѣ. Тамъ вокругъ нея собирается кружокъ молодыхъ людей, среди которыхъ встрѣчаются имена С. Т. Аксакова, Надеждина, Погодина и Пушкина. Александръ Сергѣевичъ, воспѣвшій „младую Семенову" въ „Онѣгинѣ", говорятъ, поднесъ ей экземпляръ своего „Бориса" съ собственноручною надписью: „Княгинѣ Катеринѣ Семеновнѣ Гагариной—отъ Пушкина, Семеновой—отъ сочинителя". Сдѣлавшись княгинею, Семенова иногда принимала участіе въ благородныхъ спектакляхъ съ благотворительною цѣлью, появляясь передъ избранною публикою. Послѣдніе годы жизни знаменитой артистки были опечалены несчастливымъ замужествомъ ея дочери. Екатерина Семеновна скончалась въ 1846 г. 1 марта.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIV.

Ласково расцѣловалась Марья Евграфовна со смущенною и озадаченною внучкой, и уйдя, тотчасъ изъ приличія выѣхала со двора чтобы этимъ выѣздомъ объяснить свой незаурядный праздничный костюмъ. Она не хотѣла чтобы люди знали, что одѣвалась она собственно не для гостей, а для торжественной проповѣди внучкѣ.

Толбухина выѣхала со двора въ Кремль въ красивой каретѣ, качавшейся на высокихъ стоячихъ рессорахъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ, цугомъ сѣрыхъ коней съ красивыми форейторами впереди. Ѣдучи теперь по улицамъ Москвы, Марья Евграфовна все думала о внучкѣ и о своемъ объясненіи. Она была довольна собой, своей рѣчью и своимъ внѣшнимъ видомъ. Недаромъ внучка въ простотѣ души высказалась, удивленная красивой внѣшностью своей не настоящей, а лишь нареченной бабушки. Дѣйствительно, сорокалѣтняя Марья Евграфовна казалась на этотъ разъ очень моложавою. Съ ней бывали эти перемѣны, она была по французскому выраженію journalière. Иной день она казалась даже старше своихъ лѣтъ, а въ другое время моложава и красива, какъ если бы ей было въ дѣйствительности всего 30 лѣтъ отъ роду.

„Она пойметъ, что, поступая по моимъ указаніямъ, поступитъ правильно", думала Марья Евграфовна.— „Поплачетъ, погорюетъ, но передумавъ все, что̀ я ей такъ хорошо сказала, она убѣдится, что нужно бросить мысль о бракѣ съ офицерикомъ".

Перейдя мысленно къ затѣѣ бригадира относительно брака внучки съ 60-лѣтнимъ его другомъ Братолюбцевымъ, Толбухина невольно созналась себѣ самой, что эта затѣя совершенно нелѣпая. Она сама въ ея годы не пошла бы за друга и кума бригадира. Онъ былъ человѣкъ добродушный и веселый, но „пустоватъ" и, какъ говорится, „до старости щенокъ" по своимъ мыслямъ, привычкамъ и внѣшнему виду. И Клёна конечно будетъ съ нимъ несчастлива. Это было бы грѣшно допустить.

„Это грѣхъ! Ей Богу грѣхъ. И на моей душѣ былъ бы этотъ грѣхъ!" думала Толбухина.

Черезъ часъ времени, возвращаясь домой, она уже рѣшила, что должна твердо противодѣйствовать затѣѣ бригадира, ибо ея совѣсть повелѣваетъ это.

— И за Звенигородскимъ прапоромъ ей не бывать, но и за стараго холостяка крутить ее грѣхъ! разсудила и рѣшила она.

Справедливость къ людямъ и правильность въ жизни—были какъ-бы девизомъ Толбухиной.

Марья Евграфовна была женщина степенная, во всемъ хладнокровная и вѣроятно поэтому справедливая. Въ повседневной жизни, она любила чистоту, тишину и порядокъ, т. е. тоже „правильность" во всемъ. Ей бы хотѣлось чтобы все человѣчество жило такъ-же правильно, какъ существуетъ міръ Божій — солнце, земля и твердь небесная. Всякому человѣку слѣдовало-бы, по убѣжденію Толбухиной, жить, чувствовать и мыслить, подобно часамъ. Она находила, что всѣ животныя живутъ правильнѣе человѣка. Всякія треволненья, сомнѣнье, колебанье, порывъ, пылъ, увлеченіе, раскаяніе и сотни другихъ атрибутовъ человѣческой природы — все это было чуждо Марьѣ Евграфовнѣ и даже иногда не понятно.

— Это все люди на себя напускаютъ. Это все блажь одна! часто объясняла Толбухина какое-нибудь обыкновенное явленіе людской жизненной суеты.

Слѣдовательно, печали и радости людскія, горе и счастіе ихъ, для нея были блажью.

— Какъ-же это я вотъ... Никогда я еще смолоду ни отъ какой радости не прыгала, никогда ничему особенно не радовалась, никогда ни о чемъ черезчуръ не горевала. А бывали-же и у меня обстоятельства, и радостныя, и печальныя. А отчего? Нужна правильность въ чувствованіяхъ. Телепокъ только можетъ этакъ, безъ всякаго повода и безъ причины, вдругъ задравъ хвостъ, начать по деревнѣ прыгать. А человѣкъ свое человѣческое и дворянское достоинство соблюдай. Звѣрь, птица и букашка живутъ правильно. Холопъ можетъ жить во всякихъ треволненіяхъ, онъ не себѣ принадлежитъ, а дворянину. Онъ хоть и съ душой, но холопской. Онъ „продажная" душа. Его на базаръ выводятъ и продаютъ рядомъ съ коровой, съ овцами, съ

сѣномъ и всякой живностью. А человѣкъ. т. е. дворянинъ съ душой благородно рожденной, долженъ жить правильно, собой владѣть и себя яко-бы коня науздѣ держать.

И Толбухина „воздерживалась во всемъ“, т. е. жила методически. Проводила она день свой такъ-же правильно, какъ шли большіе стѣнные часы въ столовой. Она вставала и ложилась, кушала, вышивала въ пяльцахъ, раскладывала пасьянсъ, выслушивала сплетни, доносы и переносы своей главной ключницы Степаниды, собранныя со всего околотка, бесѣдовала объ суетѣ міра сего или о дѣлахъ и хозяйствѣ съ бригадиромъ—все въ положенные часы дня.

Когда бригадиръ въ забывчивости сунется вдругъ говорить съ сестрицей объ какомъ дѣлѣ, во время стола или найдя ее за пяльцами, то Марья Евграфовна вмѣсто отвѣта и бесѣды скажетъ нравоучительно:

— Я теперь кушаю! Я теперь вышиваю!

И бригадиръ отложитъ разговоръ до предназначеннаго для такихъ бесѣдъ часа. т. е. до семи вечера или до двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня.

Если люди въ домѣ прозвали барыню „пилой“ за ея склонность къ поученіямъ, нравоученіямъ и обученію ихъ всему, что ни случилось. то въ кругу знакомыхъ своихъ Толбухина заслужила иное наименованіе. Московское дворянство считало ее чрезвычайно умною въ рѣчахъ и называло философомъ.

— Барыня-филозофъ, говорили про нее. -Всегда высоко паритъ мыслями.

Однако были тоже москвичи, которымъ чудилось. что рѣчи Марьи Евграфовны, хотя высокопарны. но будто пустозвонны. Она хорошо и складно говоритъ, подбираетъ слово къ слову, какъ бисеръ нанизываетъ на нитку или будто иголкой крестики шерстяные кладетъ по канвѣ. Но прослушать ее цѣлыхъ два часа —и ничего въ головѣ не останется. ничего полезнаго отъ нея не узнаешь и не запомнишь.

При этомъ Толбухина за всю свою жизнь въ домѣ бригадира никогда никому ласковаго слова не сказала, никогда ни отъ одной чьей либо бѣды не ахнула, какъ многіе люди, бываетъ, дѣлаютъ. Всякому бываетъ „вчужѣ жалко“, а Марьѣ Евграфовнѣ была казалось даже „своя рубашка къ тѣлу“ не близка.

— Нутра въ ней нѣту! давно рѣшили про нее холопы.—Истуканъ изваянный! говорили и знакомые. Красивая и привѣтливая, а улыбнется алыми устами, будто тебя студёной водой обольетъ.

И хотя Толбухина не сдѣлала зла никому никогда, а доброю все-таки не слыла. И никто ее помимо бригадира не любилъ. На вновь поселившуюся въ домѣ молодую внучку она производила тяжелое впечатлѣніе своимъ невозмутимо-яснымъ, но будто ледянымъ прекраснодушіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будто на смѣхъ своей природѣ и своему черствому нраву, Толбухина любила „играть въ нѣжныя чувства“, по выраженію перваго друга бригадира—Братолюбцева.

— Всякій человѣкъ хвастаетъ тѣмъ, чего у него нѣтъ, а не тѣмъ, что есть! разсуждалъ умный и острый другъ бригадира. —Зналъ я одного воеводу, который вѣки-вѣчные жаловался на зубную боль. То ночь не спалъ онъ отъ боли, то онъ трое сутокъ безумствовалъ отъ зубовъ. А у него еще съ молодости отъ какого-то знахарскаго снадобья всѣ зубы цѣликомъ съ корнями вывалились въ двѣ недѣли, такъ что съ двадцати лѣтъ онъ вставилъ себѣ фальшивые. Вотъ и Марья Евграфовна хвастаетъ нѣжностью сердца, кое у нея тоже давно изъ нутра вывалилось или коего у нея и съ рожденія не бывало.

Братолюбцевъ однако ошибался въ одномъ отношеніи: Толбухина не хвасталась своей нѣжностью и чувствительностью предъ другими людьми, а какъ-бы рисовалась предъ самой собою, даже скрывая многое предъ посторонними.

Такъ, между прочимъ, Толбухина обожала извѣстный родъ живописи, новую школу, процвѣтавшую въ ея время и во главѣ которой сталъ навѣки знаменитый Вато. Въ горницѣ Мареы Евграфовны были четыре большія картины, изображавшія пастушковъ, пастушекъ, маркизъ и маркизовъ... На этажеркахъ, горкахъ и на тумбахъ стояли кучки фарфоровыхъ бездѣлушекъ, изображавшихъ все тѣ-же сюжеты. что и картины. На большой тумбѣ у средняго окна стояла дорогая севрская группа, изображавшая двухъ обнявшихся подъ деревомъ. Надъ влюбленной четой сидѣлъ въ вѣтвяхъ амуръ и стрѣлой указывалъ на дощечку, привѣшенную къ дереву, гдѣ золотая надпись гласила:

„Serment d'aimer, et puis... aimer, et après tout... aimer!“

Вмѣстѣ съ пастушками, амурами и маркизами было въ горницѣ Толбухиной и много книгъ, исключительно французскихъ, такъ какъ языкъ ея любимыхъ пастушковъ Марья Евграфовна знала до тонкостей, какъ быть-можетъ никто во всей Москвѣ. Но любимаго автора у ней не было. Она равно любила и Маривò, и Лафонтена, и Мармонтеля.

— Лишь-бы по французски было написано.. На этомъ языкѣ все хорошо, часто говорила она,—такъ же какъ на русскомъ все грубо выходитъ.

Особенное презрѣніе чувствовала Толбухина къ Новикову и его изданіямъ и книгамъ. По поводу этого бывали у ней частыя столкновенія съ бригадиромъ, изъ которыхъ она однако всегда выходила побѣдоносно, ибо умѣла спорить и „заговаривать“.

XV.

Клёна, оставшись одна, послѣ визита бабушки, сидѣла не шелохнувшись нѣсколько минутъ.

„Вотъ оно недоброе!“ думалось ей. Вотъ оно, что давно чуялось ея сердцу. Въ какой незадачливый часъ рѣшилась она идти къ дѣду жить! Какой роковой шагъ былъ тотъ, которымъ она переступила порогъ этого дома!.. Но неужели-же все пропало, всему милому и дорогому конецъ? Нѣтъ! Какъ онѣ сюда съ няней пришли, такъ могутъ и уйти. Да. Но вѣдь придти было легко, а уйти будетъ трудно. Дѣдъ—человѣкъ властный. Захоти онъ, то можетъ ее и ея милаго въ тюрьму засадить.

Дѣвушка понурилась, и слезы заструились по ея лицу. По счастью, тотчасъ за исчезновеніемъ красивой и разфранченной бабушки въ горницѣ Клёны появилась на рысяхъ ея утѣшительница-няня.

— Ну что?.. Такъ! Такъ! Вижу... До слезъ отчитала, будь ей пусто! воскликнула Арина Матвѣевна.

— Ахъ. Ариша!.. Ариша! воскликнула въ свою очередь дѣвушка и, бросясь на шею къ мамушкѣ, залилась слезами еще пуще.

— Что? Что такое? Аль и впрямь новость какая? Да говори. Не томи...

Клёна въ короткихъ словахъ передала все, что слышала отъ бабушки насчетъ рѣшенія бригадира относительно Козлянинова и насчетъ ея собственныхъ подозрѣній. что у дѣда есть на примѣтѣ свой женихъ.

— И Богъ вѣсть еще какой! сказала няня.—Пожалуй еще такой-же старый, какъ и онъ самъ! вѣрно угадала она.

— Ахъ. няня, не все-ли мнѣ равно какой!

— Какъ. родимая, можно! Молодой или старый—это дѣло первѣющее. Ты глупа—не понимаешь.

— Да мнѣ-то все едино! И молодой, да другой, а не Коля — мнѣ все тѣмъ-же кащеемъ будетъ. Ахъ, умру я! Вотъ что. И зачѣмъ это чума меня не убрала вслѣдъ за батюшкой съ матушкой!?

Парки. Картина П. Тумана. грав. **Веберъ.**

— Полно ты грѣшить! Несказанное приплетать.

— Няня, что-же дѣлать? Подумай. Нельзя-же такъ покориться имъ. Что-же дѣлать-то мнѣ?

— Ничего, дитятко мое. Ничего.

— Какъ ничего?

— Да такъ. Ничего.

— Соглашаться на предательство Коли? Выходить за ихъ жениха?

— Зачѣмъ! Богъ съ тобой! Сначала ничего не будемъ дѣлать, никакимъ то-ись голосомъ не откликаться. Будто все это не про насъ. И пронесетъ Господь бѣду. Образумятся наши привередники. А придетъ коли намъ солоно отъ нихъ—тогда мы...

И Арина Матвѣевна смолкла.

— Что тогда? Что?

— Тогда видно будетъ, голубка. Что, не глядя въ святцы, да трезвонъ заводить! Увидимъ. А придетъ часъ — мы такой съ тобой трезвонъ подымемъ, что и дѣдушка на попятный пойдетъ. Онъ вѣдь насъ не знаетъ. Какія мои, ты да я,—шустрыя. Мы себя рвать не дадимъ, тоже кусаться умѣемъ.

— Ахъ, няня, все это ты зря болтаешь, отчаянно вымолвила Клёна.

— Не обижай человѣка попусту...

— Разлюбила ты меня... Теперь въ богатствѣ, въ сытости, тебѣ не до меня. Тебѣ что за дѣло, что я пропаду. Тебѣ нравится здѣсь у дѣдушки въ хоромахъ. Ты рада, что родители мои на томъ свѣтѣ, а мы въ золотѣ...

— Ахъ ты языкъ пожёвый! Скажи на милость, что она тутъ отрѣзала. А? изумилась Арина Матвѣева.—Что ты, дитятко, мыслями что-ли рѣшилась? Или ехидничаешь?

— Нѣтъ. Я правду говорю! плакала Клёна.

— Хороша твоя правда. Клеветничанье одно. Да еще на кого-же, на свою мамку, коя за тебя животъ свой положить всегда готова.

— Да... Говорится такъ. А вотъ теперь...

— Что теперь? Ничего и теперь...

— Вотъ сколько я просила тебя: устрой мнѣ повидаться опять съ Колей. А ты что? Ты въ отвѣтъ: „Нѣтъ да нѣтъ!" А вотъ они покуда ладятъ свадьбу мою съ вѣдуномъ какимъ-то. Мнѣ хоть-бы разъ повидать Колю.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ спрашиваетъ!

— Да, спрашиваю. Зачѣмъ? Кой толкъ изъ того будетъ, что вы повидаетесь? Кой прокъ?

— Сговоримся что дѣлать.

— Сговоритесь, а тамъ ты и на попятный. А его предашь. Знаю я тебя...

— Вотъ тебѣ Богъ Господь, няня. Я на все пойду.

Клёна перекрестилась на образъ, висѣвшій въ углу горницы, и глаза ея сразу высохли и заблестѣли. Арина Матвѣевна поглядѣла и ничего не отвѣчала, но помолчавъ нѣсколько мгновеній, выговорила:

— Ну и не кручинься! Сиди да жди. Я за тебя буду сторожить. И ничего я не проморгаю. Когда нашъ часъ придетъ—все я сдѣлаю. Николая Ивановича не токмо въ садъ, въ сугробы, а хоть сюда на вышку къ тебѣ приведу.

— Какъ? Что ты... По воздуху?

— Хоть-бы и по воздухамъ... А про себя я тоже тебѣ скажу... Я тебя сюда къ дѣдушкѣ привела, къ затѣйнику, прости Господи, и чудодѣю... Ну, я-же тебя отсюда и уведу, коли онъ отъ старости твое злополучіе замыслилъ. Довольно съ тебя этого, корительница?

Клёна съ влажными отъ слезъ глазами, горячо обняла свою маму, снова почуявъ сердцемъ, — какъ часто бывало,—что эта Ариша единственный человѣкъ въ мірѣ, который любитъ ее до самопожертвованія.

„Она вотъ... и онъ... Двое только у меня — дорогихъ", думала Клёна. „Но онъ—совсѣмъ иное дѣло. Та любовь будто изъ огня вся. Жжетъ и палитъ—и разумъ, и сердце... А эта любовь тихая, ясная, но хорошая тоже и будто солнышко грѣетъ..."

Няня весь день просидѣла сумрачная и задумчивая. Клёна чуяла сердцемъ, что „ея Ариша" обсуждаетъ мысленно, что дѣлать.

„Сём-ко я опять навѣдаюсь къ моей барынѣ дорогой!" рѣшила Арина Матвѣевна ввечеру. „Можетъ, что новенькаго принесу моей Клёнушкѣ. А она мнѣ рада будетъ".

„Дорогая" барыня, какъ называла няня старуху Козляинову, дѣйствительно всегда съ особымъ удовольствіемъ и искреннею радостью встрѣчала няню возлюбленной сына. Да и няня тоже обожала этого обожаемаго ею сына,—слѣдовательно, уже этого одного обстоятельства было достаточно чтобы Арина Матвѣевна была желанною гостьей для Козляиновой. Къ тому-же, это былъ единственный въ Москвѣ человѣкъ, съ которымъ Анна Ильинишна могла отвести душу въ бесѣдѣ. Знакомыхъ у старухи въ городѣ не было, вновь знакомиться она не хотѣла, да и не съ кѣмъ было, а поболтать, порядить и посудить ей иногда сильно хотѣлось.

Въ Звенигородѣ у Козляиновой были двѣ-три пріятельницы, барыни, съ которыми она постоянно видѣлась. Хотя все давнымъ-давно было переговорено между барынями и каждая изъ нихъ по одному взгляду, по одному выраженію лица другой—знала, что та хочетъ сказать, однако онѣ все-таки охотно убивали время, переливая изъ пустаго въ порожнее, перетряхивая соръ своего житья-бытья.

Рано утромъ, но однако отстоявъ уже заутреню и раннюю обѣдню у Вознесенья на Никитской, няня двинулась въ гости къ своей „дорогой барынѣ".

XVI.

Поселившись поневолѣ въ Москвѣ, Анна Ильинишна скучала теперь невообразимо и по цѣлымъ днямъ отъ тоски—дремала. Сынъ былъ плохимъ собесѣдникомъ, а теперь ходилъ скучный, угрюмый. Да съ нимъ, молодымъ офицеромъ, и нельзя было бесѣдовать о многомъ такомъ, что интересовало старуху, такъ какъ ему все это было совсѣмъ не любопытно, а иное важное казалось смѣхотворнымъ. Такъ не разъ случалось.

Однажды Козляинова съ пріятельницами звенигородскими была цѣлую зиму въ нѣкоторомъ волненіи, куда дѣвался цесарскій пѣтухъ, подаренный матушкѣ соборной попадьѣ однимъ капитаномъ.

„Былъ пѣтухъ! Вотъ былъ и ходилъ! И всѣ его видѣли! Накапунѣ въ сумерки еще Агашка видѣла, около дровъ! И нѣтъ его! Сгинулъ! И вся зима проходила, а пѣтух не проявлялся! И дѣло не разъяснялось! Удивительно!.. Прямо—колдовство!"

Когда Козляинова передала однажды сіе происшествіе съ цесарскимъ пѣтухомъ матушки-попадьи своему сыну — молодой человѣкъ много и долго смѣялся. И оказалось, что это онъ не надъ пѣтухомъ смѣется, а надъ охотой такимъ дѣломъ любопытствовать и заниматься...

— Ну пропалъ и чортъ съ нимъ! рѣшилъ онъ.

— Знаю—пропалъ. Эко умникъ сказалъ. Всѣ знаютъ. А ты разсуди это умомъ!—Вотъ что. Гдѣ онъ дѣвался?

— Ну, подохъ.

— Нѣтъ. Подохъ, такъ нашли-бы колѣлаго на дворѣ, аль на улицѣ.

— Ну, украли...

— Некому украсть. Совсѣмъ некому. Улетѣть онъ

тоже не могъ.. Вотъ ты умомъ и раскрой!.. Удивительно!

Скоро однако Козляниновъ смѣхомъ, шутками и несочувствіемъ своимъ къ звенигородскимъ происшествіямъ—отбилъ у старухи-матери всякую охоту бесѣдовать съ нимъ.

Умная няня конечно тоже нисколько не сочувствовала многому, что занимало разумъ старой барыни; но Арина Матвѣевна, преслѣдуя свои личныя цѣли, вела себя хитро, дальновидно и ловко. Ей надо было войти въ довѣріе, полюбиться барынѣ, чтобы затѣмъ подчинить ее себѣ, ради собственныхъ кровныхъ надеждъ и желаній. Арина Матвѣевна хотѣла во что бы то ни стало заставить барыню согласиться на то, въ чемъ она упорно отказывала обожаемому сыну. Няня надѣялась на побѣду, хотя и не легкую, въ дѣлѣ брака самокруткой ея сына и Клёны. Но няня ошиблась.

Заставить старуху Козлянинову согласиться на бракосочетаніе ея сына съ бригадирскою внучкой съ ея благословенія, но безъ таковаго со стороны бригадира—было такъ же трудно, какъ заставить старуху идти воровать по сосѣдству. Такъ она и выражалась:

— Брать дѣвицу въ жены изъ дворянскаго дома безъ согласія или благословенія ея родителей или тѣхъ „кто въ ихъ мѣсто“ — вотъ все то же, что выйти на базаръ да начать воровать изъ лукошекъ, съ лотковъ, да прилавковъ.

Однако Арина Матвѣевна не унывала и твердо вѣрила въ успѣхъ своего предпріятія, какъ вѣрила вообще въ свое искусство подчинять себѣ волю другихъ людей.

— Авось уломаю въ концѣ концовъ — концы мои будутъ! утѣшала себя няня послѣ каждаго посѣщенія Козляниновой и новаго отказа старой барыни „идти воровать на базаръ“.

На этотъ разъ Козлянинова особенно обрадовалась, увидавъ няню.

— Охъ, рада я тебѣ, мама. Радымъ рада! встрѣтила старуха гостью.

— Спасибо на ласкѣ, Анна Ильинишна, отозвалась Арина.

— Не благодарствуй. Правду говорю. Тебѣ-ли, кому-ли, всякому въ моемъ одиночествѣ рада будешь. Одурѣла я, мать моя, сидьмя сидя въ этой Москвѣ, одна какъ перстъ. Я здѣсь, что грибъ подъ лопухомъ въ дремучемъ борѣ. Ни мнѣ не видать никого, ни меня никому не видно. Ну садись, говори, разсказывай. Побольше, золотая, побольше. Что̀ на умѣ ни есть—все выкладай. Я охотница слушать. Мнѣ хочь и глупое послушать—все едино, очень любопытно. Смерть люблю слушать. Только бы не грѣховное, что искуситель на усъ себѣ намотать можетъ, да душу потомъ загубить. А то все хорошо... Говорю тебѣ — одурѣла я отъ одиночества. Инъ бываетъ сдается, что я въ монастырѣ какомъ и схиму приняла.

— А Николай-то Ивановичъ, нешто отсутствуетъ все?.. удивилась няня. — Въ гостяхъ да уѣздахъ?..

— Нѣтъ, куда ему уѣзжать! Все дома сидитъ тоже. Да оттого и бесѣдовать съ нимъ нельзя, что онъ ничего не знаетъ, что̀ на Москвѣ новаго приключается. Да и кой прокъ отъ него теперь? Онъ и глядитъ, да не видитъ, и слухаетъ, да не слышитъ. У него одна твоя Клёна и на умѣ, и на языкѣ, и во всѣхъ чувствіяхъ. Ну сказывай, что̀ случилось въ городѣ-столицѣ. Пожаръ что-ль?.. А? Драка? Убивство? Обокрали кого? Сбѣжалъ чей холопъ?

— Да ничего, матушка Анна Ильинишна. Ничего такого особливаго въ городѣ не случилось, сказала няня наобумъ. — Все слава Богу...

— Обидно! искренно сожалѣя о такой невзгодѣ, отозвалась старуха. — Какъ же это? Городъ большой, жителей многія множества, улицы народомъ кишмя кишатъ... Да можетъ быть и случилось что̀, да ты, мама, не знаешь. Такъ идя сюда, прохожихъ бы опросила и мнѣ принесла... А то что жь этакъ, съ пустыми руками идешь! укоризненно закончила Козлянинова.

— У насъ, родная моя и дорогая барыня, тоже укоризненно, но серіозно выговорила няня,—своихъ бѣдъ-бѣдовыхъ полны руки, такъ гдѣ ужь тутъ любопытствовать насчетъ чужихъ бѣдъ, происхожденій и приключеній!

И сразу вмѣсто пустой болтовни няня перевела бесѣду на свое кровное дѣло и заставила старуху говорить о бракѣ сына.

— Все въ рукахъ твоего Никитскаго боярина. А мы тутъ ничего не можемъ! сказала Козлянинова.

Няня стала говорить прямо о печальной необходимости вѣнчаться молодежи безъ согласія бригадира.

Старуха махнула рукой и даже слегка отвернулась отъ собесѣдницы.

— Что-жь, матушка-барыня, коли инако нельзя.

— Самокрутка — не дворянское дѣло!

— Съ вашего согласія материнскаго... А они вѣдь не родители. Онъ—дѣдъ, а она даже и не бабка, а чужая совсѣмъ для Клёнушки. А вы мать родная...

Няня краснорѣчиво и долго убѣждала старуху дать свое согласіе, какъ нравственную поддержку и сыну, и его невѣстѣ... Козлянинова молчала, вздыхала, охала... Такъ старуха и отмолчалась. Няня собралась домой...

— Наши дворянскія правила и обычности крѣпко въ насъ сидятъ, мама золотая, сказала Козлянинова нянѣ на прощанье и въ видѣ извиненія. — Крѣпко-накрѣпко во мнѣ иное обыкновенье сидитъ, недаромъ его съ мальства̀ розгой, аль плеткой родители и учители вхлестывали. Я бы и воровать могла, да какъ вспомню, что̀ мнѣ единожды, годовъ десяти отъ роду, за уворованную антоновку было, такъ сразу и отшибетъ. Двѣ недѣли, помнится, сидѣть не могла, ходила каракатицей, а спать на бочекъ ложилась...

Арина Матвѣевна угрюмая вернулась домой и лицо ея было настолько озабочено и темно, что первый попавшійся ей на дворѣ бригадира человѣкъ съ любопытствомъ опросилъ няню:

— Аль приключилось что̀ тебѣ, Арина Матвѣевна? Не солоно хлѣбавши, идешь, сдается.

Задумавшаяся глубоко путемъ-дорогою няня, пришла въ себя. Предъ ней стоялъ ея новый пріятель, почти вѣрный другъ, съ которымъ она за послѣднее время все болѣе сходилась. Это былъ скороходъ бригадира Герасимъ Морковниковъ.

Няня конечно отозвалась, что ничего у нея особливаго нѣтъ на умѣ.

— Такъ... Ломаетъ меня. Застудилась должно...

— Ахъ, не ври... Не меня словами пустыми взять. Я наскрозь всякаго человѣка вижу! сказалъ богатырь.— Твое дѣло! Не сказываешься, ну и помочь тебѣ нельзя. А будетъ тебѣ нужда, ты пріиди, да Герасиму все и повѣдай. Онъ не дуракъ. Рѣзаное да рубленое склепывать приходилось.

Эти нѣсколько словъ скорохода должно быть попали въ цѣль или были сказаны въ особую минуту, важную и трудную для мамушки.

Сама не зная, какъ и зачѣмъ, а въ тотъ же вечеръ няня сошлась со скороходомъ въ пустой горенкѣ въ нижнемъ этажѣ, около людской, и повѣдала ему все свое и барышнино горе.

— Хотите вы за молодаго офицера. А нашъ гнетъ за другаго, за какого. Что жь?.. Завсегда такъ было на свѣтѣ. Тутъ — чья возьметъ? Подумаемъ, мамушка, погадаемъ. Можетъ я что̀ и надумаю вамъ въ помощь, а себѣ въ разживу. Дай мнѣ сроку денька три...

Няня послѣ этой дружеской и откровенной бесѣды повеселѣла. Герасимъ тоже соглашался, что надо прибѣгнуть къ лукавству и обману, ибо ни бригадира, ни Козляниновой не переупрямишь.

Умная няня попалась, однако, какъ старый воробей на мякинѣ.

Черезъ часъ послѣ бесѣды скорохода съ мамкой, онъ былъ уже въ кабинетѣ бригадира, явившись безъ зова барина, а по собственному почину. При первыхъ же словахъ любимца, бригадиръ вскочилъ съ кресла, а затѣмъ, ни слова не вымолвивъ, опустился снова, но побагровѣлъ въ лицѣ.

— Самокруткой... прошепталъ онъ наконецъ.—Увозить, украдать будетъ. Украдать?!

— Такъ точно... Тайкомъ изъ дому уведетъ...

— Да вѣдь за это... если я его накрою... я его убить могу. Мнѣ законъ житейскій разрѣшаетъ его убить... Тебѣ прикажу, другому кому, Антону, Петру... Видишь молъ... офицеръ... крадетъ внучку мою... Клади его, какъ пса... Чѣмъ попало...

Бригадиръ едва говорилъ, задыхаясь отъ гнѣва.

— Ну и не тревожь себя. Такъ мы и знать будемъ! подобострастно вымолвилъ Герасимъ.—Нарвется на кого изъ насъ, хоть на меня, мы его и ухлопаемъ. Да это дѣло и не скоро у нихъ склеится... Еще мѣсяца три прособираются... Я только упредить счелъ своимъ вѣрнымъ долгомъ.

— Спасибо, Герасимъ. Я тебѣ это зачту! воскликнулъ Филисовъ съ чувствомъ.—Ты да Степанида, только двое вѣрныхъ людей у насъ и есть.

И Герасимъ вышелъ радостно улыбаясь.

XVII.

Морковниковъ и Степанида были дѣйствительно главныя лица въ домѣ бригадира.

Барская барыня, женщина уже пожилая, шарообразнаго вида, маленькая, толстая, съ заплывшимъ отъ сна и обильной пищи лицомъ, была любимицей Толбухиной и ненавидима всѣми въ домѣ. Она была отъ природы женщина не злая, но обязанность ея, или прямой, такъ сказать, долгъ совѣсти состоялъ въ томъ, чтобы наушничать, подсматривать, подслушивать и доносить все барынѣ-хозяйкѣ.

Степанида была слишкомъ лѣнива и тяжела на подъемъ, чтобы проныройвсюду пролѣзть и все разузнать... А барыня требовала отчетности, ради порядка въ домѣ. Поэтому, Степанида, не злая и не лгунья отъ природы, чтобы доказать свое рвеніе и дѣятельность, должна была поневолѣ сочинять и взводить то на одного, то на другаго холопа всякія небылицы.

Барыня считала долгомъ, вполнѣ довѣряя своей любимицѣ, наказать ослушника или ослушницу... Отсюда происходила путаница и куча несправедливостей. То и дѣло наказывался кто-нибудь болѣе или менѣе строго за поступокъ, котораго никогда не дѣлалъ. Вотъ за это сочинительство и ненавидѣли Степаниду. А она въ свой чередъ сочиняла не ради любви къ клеветѣ и не ради природной злости, — а ради того, чтобы казаться усердной въ исполненіи своей обязанности соглядатая.

Съ этою Степанидой съ перваго дня вступленія въ домъ добрая и правдивая Арина Матвѣевна какъ-то само собою стала во враждебныя отношенія. Будь Степанида злюкой, — няни барышниной, вѣроятно, не было-бы уже давно въ домѣ, ибо Арина Матвѣевна постоянно противорѣчила Степанидѣ, выговаривала ей все въ глаза, осуждала за клеветничество и лганье и вообще взяла подъ свою защиту всѣхъ дворовыхъ.

Впрочемъ, положеніе няни было отчасти исключительнымъ въ домѣ. Хотя она когда-то и была крѣпостною бригадира, но подаренная имъ формально, документомъ, покойной невѣсткѣ, теперь считалась крѣпостною холопкой молодой барышни, перейдя къ ней, какъ-бы по наслѣдству отъ матери. Арининой помѣщицей была Клёпа, и такимъ образомъ, бывшая крѣпостная бригадира теперь ему совершенно не принадлежала по закону.

Это обстоятельство объяснилъ нянѣ самъ-же бригадиръ и добродушно, и толковито.

— Ты теперь не моя. Я съ тобой ничего подѣлать не могу, хоть ты мнѣ сейчасъ начни грубить... Только выгнать изъ дому тебя могу. Ты барышнина холопка и она одна можетъ сотворить съ тобою что̀ похочетъ.

Правдивая Арина Матвѣевна рѣшилась стать въ неріязненныя отношенія къ Степанидѣ, видя и понимая какъ умная женщина, что и бригадиръ, и его Толбухина люди собственно добрые. Въ обоихъ всегда было можно, если смѣло дѣйствовать, найти правду и правдивый судъ. Къ тому-же, дитятко ея настолько ее любила, что никогда-бы не дала даже дѣду въ обиду. Наконецъ у смѣлой Арины Матвѣевны появилось страшное оружіе противъ Степаниды.

Она знала за барской барыней одинъ грѣхъ, который и другіе знали, но всѣ эти другіе никогда-бы не рѣшились прійти и разсказать тайну господамъ. Единственнымъ человѣкомъ способнымъ на это была полунезависимая въ домѣ мама барышни.

Грѣхъ, который водился за Степанидой, — были ея отношенія къ Герасиму Морковникову.

Огромнаго роста, силачъ и богатырь съ виду, умный, но двоедушный и лукавый, этотъ Герасимъ, отчасти избалованный бригадиромъ, правилъ въ домѣ должностью, которая имѣлась во всякомъ богатомъ дворянскомъ быту. Онъ былъ скороходомъ. Иначе говоря, онъ былъ лакеемъ, который не имѣлъ въ самомъ домѣ никакого отдѣльнаго занятія, не служилъ за столомъ и не сидѣлъ въ прихожей, какъ другіе лакеи, но цѣлымъ днямъ, съ одной обязанностью вставать, когда кто-либо изъ господъ пройдетъ или гости пріѣдутъ.

Вообще онъ не дѣлалъ ничего по дому. Его обязанность состояла исключительно въ томъ, чтобъ исполнять порученія бригадира и быть на посылкахъ. Онъ слонялся вѣкъ по городу, то съ письмомъ, то съ вещью по знакомымъ барина или по лавкамъ и магазинамъ, иногда отправлялся и въ уѣздъ.

Названіе его, конечно, не соотвѣтствовало быстротѣ исполненія этихъ порученій. Отъ прежней мудреной должности оставалось лишь одно прозвище.

Въ прежнія времена бывали у бояръ и дворянъ дѣйствительно настоящіе скороходы, которыхъ иногда посылали въ страшную даль, и въ вотчину, и въ иной губернскій городъ, хотя-бы за триста верстъ. И скороходъ скоро ходилъ. Теперь-же оставались въ домахъ дворянъ люди, на обязанности которыхъ было исполненіе порученій и вообще гонка по Москвѣ... Но ходили они такъ-же, какъ и прочіе простые смертные.

Самъ бригадиръ шутилъ часто насчетъ своего Герасима, а равно и другихъ скороходовъ своихъ знакомыхъ.

— Какіе это, чортъ, скороходы теперь!.. Вывелась ихъ порода. Помню я при Екатеринѣ Алексѣевнѣ, первой императрицѣ, да и при Аннѣ Ивановнѣ бывали такіе быстроходы.. А знатнѣе всѣхъ водились они въ царствованіе Великой дщери Петровой. У графовъ Разумовскаго и Бестужева были такіе, что по пятнадцати верстъ въ часъ отхватывали. Лучше всякой ямской лошади... А этотъ теперь народъ иной—черепашьей породы. Ихъ-бы теперь слѣдъ звать: долгоходы.

Часто бригадиръ такъ и обращался къ своему Герасиму:

— Ну, ты, долгоходъ, снеси вотъ писулю. Тутъ вотъ за угломъ домъ-то... Авось къ ночи вернешься.

Такъ какъ посылки эти по городу случались не часто,

Литературный альбомъ. „Эолова арфа“. Баллада Жуковскаго. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Ангереръ.

то Герасимъ, собственно говоря, былъ свободенъ по цѣлымъ днямъ. И остальнымъ людямъ занятія было мало въ домѣ, но все-таки каждому что-нибудь да случалось дѣлать. Герасимъ-же проводилъ день во снѣ, въ болтовнѣ, или въ ѣдѣ всего того, чѣмъ угощала его пріятельница, полномочная въ домѣ ключница и барская-барыня.

Герасимъ, какъ большинство богатырей и силачей, былъ человѣкъ собственно добродушный, и если когда-либо вмѣшивался въ какую ссору или драку въ домѣ или на дворѣ, то всегда затѣмъ, чтобы мирить враждующихъ и отдуть въ крайнемъ случаѣ того, кто палѣзалъ и шумѣлъ больше, не соглашаясь на мировую.

Герасима любили въ домѣ, несмотря на ненависть къ его пріятельницѣ.

Единственное существо, которое скороходъ считалъ какъ будто долгомъ разъ въ недѣлю легонечко поколотить—была именно Степанида. Но это происходило, такъ сказать, по дружбѣ. Какъ всякій мужъ жену свою долженъ учить изрѣдка колотушками,—такъ и Герасимъ считалъ долгомъ изрѣдка поучить уму-разуму свою пріятельницу, чаще всего за ея лѣнь и распущенность тѣлесную.

Богатырь-скороходъ отличался кромѣ того отъ всѣхъ другихъ дворовыхъ людей бригадира еще и тѣмъ, что могъ, хотя не бѣгло, прочесть Псалтырь и Часословъ. Равно могъ онъ нацарапать что-нибудь не очень мудреное для господъ, или приказъ въ вотчину старостѣ, или счетъ, или смѣту товара, который надо закупить въ лавкахъ.

Герасимъ очень гордился своей грамотностью и поэтому, часто, съ высоты своего величія, говорилъ про дворню:

— Темные люди, что̀ съ нихъ взять.

Во времена, когда не всякій дворянинъ былъ обученъ грамотѣ и большинство сановниковъ умѣло только правильно подписать свое имя и фамилію,—человѣкъ, имѣвшій возможность написать цѣлую страницу, болѣе или менѣе разборчиваго письма, былъ знаменательнымъ и совершенно исключительнымъ явленіемъ.

Хотя бригадиръ и называлъ Герасима „долгоходомъ“, но за то съ гордостью и съ удовольствіемъ рекомендовалъ его знакомымъ:

— Это мой скорописецъ.

То, что̀ называлось новымъ словомъ „скоропись“ только въ эти дни, въ половинѣ царствованія Екатерины Великой начало входить въ общее употребленіе среди грамотныхъ людей.

До того времени замысловатые значки и крючки писанной азбуки не давали возможности даже вполнѣ грамотному человѣку писать быстро.

Такъ какъ бригадиръ при всякомъ дѣлѣ въ Верхнемъ и Нижнемъ Судахъ всегда посылалъ своимъ ходатаемъ Герасима, то его скороходъ имѣлъ уже много знакомыхъ среди подьячихъ, которыхъ былъ цѣлый легіонъ у Воскресенскихъ воротъ, близъ образа Иверской Божьей Матери.

Въ средѣ этихъ подьячихъ и стрекулистовъ, Герасиму, грамотному человѣку, видному съ лица, видному ростомъ, умѣвшему разумно бесѣдовать, было легко завести друзей.

Часто случалось ему по какому либо дѣлу отправляться въ трактиръ и опорожнить цѣлый самоваръ насчетъ приглашавшаго, а иногда и на свой собственный, а время проходило въ поучительныхъ и любопытныхъ бесѣдахъ про законы, про суды, про власти и про многое иное...

Изрѣдка, не болѣе раза въ мѣсяцъ, Герасимъ позволялъ себѣ выпить, но, вернувшись домой, тщательно скрывался, чтобы никто его въ нетрезвомъ состояніи не видалъ. Деньги у скорохода, разумѣется, водились, хотя жалованья онъ никакого не получалъ, какъ крѣпостной человѣкъ.

Ясно, что источникъ дохода былъ не чистый. Но въ данномъ случаѣ виновнымъ былъ не Герасимъ: онъ только бралъ эти деньги и тратилъ. Пріобрѣтались онѣ хитрыми путями, его пріятельницей—барской-барыней.

Герасимъ и Степанида уже издавна были первыя лица въ домѣ бригадира. Теперь только завелось третье лицо, которое выдѣлялось среди прочихъ дворовыхъ—няня барышни, Арина Матвѣевна.

Упрямо-правдивая женщина стала однако въ странныя отношенія къ обоимъ любимцамъ въ домѣ: со Степанидой она была врагомъ, а съ Герасимомъ почти въ дружбѣ.

— Онъ умный, а она дура, разсуждала няня.—Онъ скромный, хоть многое знаетъ, чего не всѣ господа разумѣютъ. Она ничего, кромѣ перины да варенья, и знать не хочетъ. Лукавъ онъ, глаза у него хитрые, не смотрятъ прямо... Да что-жь мнѣ до этого...

Арина Матвѣевна не могла не отнестись съ особеннымъ уваженіемъ къ тому, что Герасимъ могъ „куная“ перо въ чернила царапать на бѣлой бумагѣ такіе крючечки, изъ которыхъ человѣческая рѣчь производилась, а другой по этимъ крючечкамъ могъ всякое дѣло узнать.

Умной нянѣ Аринѣ грамота казалась не только дѣломъ страшно мудренымъ, но даже отчасти дѣломъ таинственнымъ. Она была въ душѣ увѣрена, что эта грамота хотя и полезна, а все-таки навѣрно врагомъ человѣческимъ изобрѣтена. А тотъ, кто можетъ хорошо владѣть грамотой, непремѣнно колдунъ и съ нечистой силой можетъ имѣть сношенія, если захочетъ.

Съ человѣкомъ, какъ Герасимъ, ей надо было, слѣдовательно, состоять въ дружбѣ. Полная неудача въ тайномъ предпріятіи заставила умную Арину упасть духомъ, искать поневолѣ и безсознательно помощи извнѣ. А ловкій и хитрый Герасимъ будто волею судьбы вдругъ теперь подвернулся ей подъ руку.

„Что̀ ему старый баринъ!“ разсудила няня, пойдя на свиданіе и откровенную бесѣду со скороходомъ. „Умретъ онъ, Клёпа будетъ наслѣдницей всего имущества и всѣхъ холоповъ. Всякому человѣку выгодно теперь ей услужить. Герасимъ ужь конечно это понимаетъ!“

Но няня страшно ошиблась въ своихъ разсчетахъ.

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

На другое-же утро, чуть свѣтъ, Ирина спѣшила къ Натальѣ Адріановнѣ; опять она на Михѣюшка покрикивала чтобъ зналъ-погонялъ, а про себя вновь твердила: „наша взяла“.

Пріѣхавъ, она заперлась съ хозяйкой и долгонько онѣ шептались. Ирина Мишанична первымъ дѣломъ, именемъ Мамелфы Тимоѳеевны просила чтобъ Наталья Адріановна ей честь сдѣлала, пріѣхала-бы со всѣми крестинушками у нея во дворѣ воздуховъ пошить. А дальше стала выкладывать свои домыслы, и убѣдила Наталью Адріановну, что ея крестинушкѣ Господь шлетъ счастье.

— Гдѣ-жь наша боярыня предбудуща?

— Кликнемъ сейчасъ.

Соломонушка. войдя, какъ увидѣла Иринью, и шагу дальше не ступила.

— Что̀-жь стоишь, со мной не здороваешься?

— А съ чѣмъ еще пожаловала? тупо, въ полъ глядя, спросила вмѣсто отвѣта Соломонушка.

— Рано, гляди, предо мной ты загордѣлася, не боярыня еще. А и будешь за внукомъ посадничьимъ по моей-же вѣдь милости.

— Охъ! молчи ужь ты, зла смутьяньщица.

— За мое-жь добро, да меня-жь и вылаяли, а Наталья Адріановна?

— Не мало я тожь, по твоей милости, плакала.

— Аль что скоро-тъ клала въ десять дёнъ, а выждала ты цѣлыхъ четыре недѣлюшки да столько-жь дёнъ, такъ и въ рёвъ ревѣть?

— О, да что мнѣ тебя еще слушати! круто повертываясь, сказала Со̀ломонь Григорьевна.

— Да стой-же, постой, дай выговорить. Пріѣхала слышь, ро̀дна матушка, тебя-жь смотрѣть.

Соломонушка остановилась, но попрежнему не глядѣла на Иринью.

— Что-жь, въ самомъ дѣлѣ ты, уже сердясь крикнула Иринья Мишаничиа. — Спиной ко мнѣ еще поворотилася! Аль не слышишь ты, тебѣ го̀ворю. что Мамелфа Тимоѳеевна смотрѣть тебя пріѣхала. Крутнись скорѣй, къ себѣ зоветъ.

— Не поѣду я! глядя въ уголъ, крикнула дѣвушка.

— Съ чего-жь не поѣдешь-то?

— Не поѣду я, ни шагу не сдѣлаю, хоть со злости розорись ты.

— Ой гляди, не серди меня. Я-жь все это дѣло-то затѣяла, да и разстрою я-жь.

— И дѣла нѣтъ, одно хва̀станьё.

— Скорѣече, гляди, образу̀мливайся, а упорьство свое сейчасъ оставь. Охъ! глядѣть - то на тебя, поди, стыдобушка... Взгляныко, крестна, подивуйкося!.. Чья это у тебя дѣвчу̀рушка махонька, упершись въ уголъ стоитъ? А ты, миленька, перстокъ помусоль да очушки имъ натри, быдто плакала... Ой, гляди каково ее обидѣли, еще внука посадничья высватали!.. Что же молчишь? А ты ножкой брыкнись да зарюмь къ тому. А мы-то съ крестной. на тебя глядя, возго̀воримъ: „чьё моль это чадушко-то больнё миленько уродилося?“

— Коль въ правду она смотрѣть меня пріѣхала, все въ уголъ уставясь. сказала Со̀ломонь Григорьевна,— такъ у батюшка смотринамъ быть. А не слыхано, гляди, чтобъ дѣвчины сами на смотрины бѣгали...

— Слышь, Наталья Адріановна? Ишь, Щебелькока-тъ кровь гордыбачится! А прилику надо-жь намъ сдѣлать, глупая, что во̀здуховъ зрѣть плыли мы изъ Новагорода да непарокомъ невѣстушку высмотрѣли.

Но сколько Иринья Мишаничиа ни толковала, почему Со̀ломонь Григорьевнѣ надо ѣхать, Соломонушка попрежнему упрямилась. Нашло на нее сегодня.

— А да что̀ тутъ а мнѣ! вскричала Иринья Мишаничиа! не зная какъ сладить съ дѣвушкой. — Глядѣть-то мнѣ на нее нѐ-по-что-жь! Вотъ и все тутъ...

— Не упрямься-же, крестнушка, заговорила было Наталья Адріановна. тихо подходя къ ней.

— Аль и тебя о̀на, крѐстна, о̀бошла? со злостью вскричала Со̀ломонь Григорьевна.—Да не вѣрь-же, не вѣруй ей! Лжетъ вѣдь все. трилюта обманщица.

— Это я-то трилюта обманщица? вскочивъ съ лавки на - крикъ закричала Мишаничиа. — Такъ-то ты! плевать-же на тебя хочу! А еще съ дурищей разговаривати, да ее-же еще и упрашивати. Такъ вѣдь и Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ стану докладывати, что бѣсна моль. Только Киріаку-тъ Андреевичу потому не въ примѣтушку, что бѣсо-тъ въ ней присмирѣлъ тогды, а знамо мо̀лодца на грѣхъ заманивая.

— Малость-ту хоть ты потерпи, Иринья Мишаничиа, шепнула ей Наталья Адріановна, и подойдя къ Соломонушкѣ положила ей лѣвую руку на правое плечо, а правой стала по головкѣ гладить, любовно заглядывая въ очи дѣвушкѣ.

— Вспомни-ко, крестну̀шка, говорила она,—какъ ты предо мною плакала, соно-тъ свой гадательный сказывая. Не ты-ль тогда, молясь, обѣщалася что возложишь это дѣло-то свое на Господа. Вотъ нунь-ко Господь шлетъ тебѣ счастьице, а ты, гляди...

— Охъ, крестнушка! вскричала прерывая ея рѣчь Со̀ломонь Григорьевна.—Не вѣруй ты, ради Господа, не вѣруй ей.

А сама, бросясь къ крестной на грудь, въ три ручья заплакала.

— Пореви, поплачь, авось либо дурь свою слезьми выгонишь, еще въ сердцахъ приговаривала Иринья. и затѣмъ, давъ дѣвушкѣ успокоиться, прибавила:—Иди ужь, ну! ко мнѣ топерь, помиримся.

Со̀ломонь Григорьевна все еще не глядѣла на Мишаничиу.

— Отстань! проворчала она.

— Это ужь и вовсе грѣхъ, строго сказала Наталья Адріановна.—Много постарѣ тебя Иринья Мишаничиа. а сама еще зоветъ мирится. Иди-же, иди, настойчиво приказывала она, и оборотивъ дѣвушку къ гостьѣ лицомъ, стала ее слегка подталкивать.

Со̀ломонь шага съ три еще упрямилась, а тамъ съ крикомъ бросилась къ Ириньѣ. И цѣлуя ее и въ уста, и въ руку, сама и смѣялась, и плакала.

— Ну, ужь Богъ проститъ! ужь ты мнѣ, а-ахъ! и сама-то я, на тебя глядя, чуть не взбѣсилася! лаская ее приговаривала Иринья.

Со̀ломонь Григорьевна понемногу успокоилась.

— Ужь и всполоху ты намъ было задала, сказала Мишаничиа, а сама какъ ударится смѣяться.

И обѣ другія весело разсмѣялися. И ужь никогда не могли онѣ вспомнить про этотъ всполохъ безъ хохоту.

— Ну, а помнишь-ли, дѣвья кра̀сота, похваляясь добавила Иринья, — какъ мы съ тобой яблоковъ ходили смотрѣть, а я еще примолвила: тамъ де батюшка былъ, строгъ старикъ, а тутъ только родна матушка; бабье дѣло моль, тако жь какъ и мы съ тобой. Вотъ и вышла вѣдь я нелестна отгадчица. Ужь чтобъ я да за что̀ взялася, а вышло бъ оно не по моему, такого дѣла и нѣтъ его!

Какъ Наталья Адріановна на подводѣ привезла воздухи въ Кра̀сны Холмы, а дѣвчины вслѣдъ верхами прибѣжали, и стали не доѣзжая крыльца съ коней слазить, Мамелфа Тимоѳеевна догадалась посмотрѣть на нихъ въ окно. Первая бросилась ей въ глаза Дросидушка.

„Знать эту пучеглазу - ту розиню и высмотрѣлъ, рѣшила она, — аль ту вонъ курносеньку? подумала она на Любушку,—аль ужь не эту-ли что лопошитъ-то громче всѣхъ?“ добавила она про Линушку.

Остальныхъ ей словно и смотрѣть не хотѣлося; Со̀ломонь она сбоку мелькомъ замѣтила.

„Хоть бы эту вотъ становитую, подумала она про нее, — ну, да гдѣ жь ему!..“

Какъ гостьи съ дороги пооправились. Наталью Адріановну позвали съ господарыней кушать, а дѣвушекъ Иринья Мишаничиа угощала особо.

Послѣ кушанья, дѣвушки распялили воздухи, и Мамелфа Тимоѳеевна вышла къ нимъ. Показывать вызвалась Линушка, на томъ основаніи что она хоть и дальняя, а все же родня боярынѣ. Всѣ дѣвушки при этомъ взглянули на Со̀ломонь Григорьевну, какъ бы спрашивая нѣмымъ взглядомъ ея согласья.

— Бойка же у насъ Линушка, не сробѣетъ съ самой разговоръ держать, пусть же она и показываетъ, сказала Со̀ломонь Григорьевна.

Видъ города Юрьевца. Съ фотографіи Иванова.

Деталь устройства свободной поперечной балки (мосты чрезъ Бѣлую, Уфу и Волгу у Твери). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Мостъ черезъ рѣку Бѣлую (Самаро-Уфимская ж. д.), построенный инж. В. Березинымъ, по проекту инж. Н. Бѣлелюбскаго. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій

Залопотала Липушка, лебезя предъ Мамелфой Тимоѳеевной.

„Ну, сороку бѣлобоку подстрѣлилъ, думала матушка, — съ того видно и разговоръ ейный ему въ любовь пришелъ, что стрекоче она по сорочьему. А шитьё вотъ, точно что невиданно.“

— А ты знать сама набольша швея будешь? спросила боярыня Липушку.

Дѣвушки тревожно зашевелилися: чего молъ добраго, еще Липушка чужимъ трудомъ прославится.

— А гдѣ ужь ей! молвила Ириньи Мишаничпа. — А вотъ она мастерица-та наша славная. А выдвинькося. Соломонь Григорьевна, не съ чего-жь тебѣ за другихъ притулятися [1])?

Мамелфа Тимоѳеевна, взглянувъ, даже шатнулась отъ дѣвичьей красоты.

„А красовита собою, подумала она, — а только изъ подлобья глядитъ, знать норовомъ крута.“ И глядя на воздухи, не на дѣвушку, принялась шитье хвалить. „Шитья не похвалить нельзя“, мысленно отвѣчала она при томъ на свои тайныя сомнѣнья что не черезчуръ-ли ужь расхваливаетъ.

На сей разъ смотрины тѣмъ и кончились, а съ завтра же Мамелфа Тимоѳеевна стала въ свѣтлицу, гдѣ дѣвушки шили, по часту похаживать, по долгу посиживать, заговаривая то съ той, то съ другой, и стараясь быть ровною со всѣми. И хотя Мамелфа Тимоѳеевна разспрашивала всѣхъ дѣвушекъ равно и чуть не объ одномъ и томъ же, но слушала внимательно только отвѣты Соломонь Григорьевны. Слушая, она придумывала подо что бы подкопаться. Въ началѣ разговоръ дѣвушки ей не нравился и голосъ казался грубъ, „ровно де бревна валитъ, не словечушки выговариватъ“, и отвѣты были не быстрые: „знать, хитритъ въ умѣ да придумываетъ.“ Но дня черезъ два, три дѣвушка обошлась, попривыкла къ боярынѣ, и стала отвѣчать не робѣючи. Мамелфа Тимоѳеевна уступала понемногу; но съ каждымъ днемъ ея худое о Соломонь Григорьевнѣ мнѣніе умалялося, а доброе росло.

Дольше всего ее смущало имя, что не было такого имени у нихъ въ роду, да и кликать неловко, языку трудъ великъ. Въ этомъ ее Мишанична выручила.

— А слышь-ко, Соломонушка, сказала какъ-то она при боярынѣ.

Мамелфа Тимоѳеевна сердито даже покосилась на Ириньи: „а давно бъ тебѣ этакъ сдогадаться звать. А то, ишь ты, паладила Соломонь, да Соломонь Григорьевна. А Соломонушка, оно буде имя миленько, а и ловко звать.“ И Мамелфа Тимоѳеевна разъ пять, иль шесть проговорила про себя „Соломонушка,“ а затѣмъ не стерпѣла и подойдя къ пяльцамъ наклонилася.

— А тутъ бы серебромъ еще, Соломонушка, взмолвила она.

Иринья до того стала при этомъ мигать Соломонь Григорьевнѣ, что чуть у нея очи изо лба не выпали.

Разъ, ставъ по утру, Мамелфа Тимоѳеевна подумала: „а долго-ль мнѣ еще супротивъ нея на дыбки да на дыбки? а не время-ли?..“ Тутъ дума у нея на время прекратилась, и тѣ слова что наклевывались „а Господня воля, знать“ не выговорились. Точно Мамелфа Тимоѳеевна ихъ издали увидѣла, да поскорѣй отъ нихъ отворотилася. Однако, посидѣвъ еще съ часокъ, при чемъ она все время покачивала головой изъ стороны въ сторону и мысли въ ладъ головѣ маялись, приказала Мамелфа Тимоѳеевна позвать къ себѣ Ириньи Мишаничну.

— Садись-ко, Иринья Мишанична.

Иринья ушамъ своимъ не повѣрила что дожила до такой чести: „и по имени молъ зоветъ, и величать по изочеству“.

— Таиться мнѣ отъ тебя, Иринья Мишанична, болѣ не къ чему. Здогадалась жь ты зачѣмъ я наѣхала, потому какъ и дѣло-то это, гляди, тобою же затѣяно.

— Како дѣло тако? смирно спросила Мишанична.

— А полно ужь! У тебя же Соломонушку онъ высмотрѣлъ.

Иринья Мишанична вмѣсто отвѣта припала къ боярынѣ, цѣлуя ее въ правое плечо, а Мамелфа Тимоѳеевна стала ее по плечу поглаживати.

„Только что не ей, а мнѣ Господь судилъ за покойнымъ Андрей Киріаковичемъ жить, думала Мамелфа Тимоѳеевна, — а то вышла бъ изъ нея боярыня добрая.“

„Только что не мнѣ, а ей Господь судилъ за покойнымъ Андрей Киріаковичемъ жить, а женщина она буде сама добрая“, разсуждала про себя Иринья Мишанична. „А мнѣ хоть та славушка выпала, что егопному сыночушку невѣсту высмотрѣла.“

И съ того часа между вдовами пошли лады, и онѣ стали сообща придумывать, какъ бы доподлинно высмотрѣть Соломонушку, нѣтъ-ли у ней какой тайной хвори. Соломонь Григорьевна и не догадывалась, какъ за ней блюли: не знала она что Мамелфа Тимоѳеевна въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ кралася на цыпкахъ въ чуланъ, гдѣ она спала, и склонясь къ изголовью, слушала какъ она дышетъ: „молъ легко-ли у нея дыханьицѣ“. Все что требовала наука житейская, не всегда въ такихъ случаяхъ скромная, было продѣлано надъ Соломонь Григорьевной.

II.

Московскій рубежъ.

Арбузьевъ, перебѣжавъ тверской рубежъ, съ прохладой пошелъ, вѣрно разсуждая что Москва съ мѣста не сдвинется, гдѣ стоитъ тамъ и останется, и какъ бы онъ тихо къ ней ни шелъ, все же до нея дотащится.

Въ Твери у него Буянъ захворалъ; господарь не отважился идти дальше безъ вѣрнаго паробка. Перезнакомился онъ съ тверскими боярами, и пилъ съ ними и передъ ними хвасталъ безъ просыпу, говоря что оттого отъѣхалъ, что сколь градскому дѣлу ни радѣлъ, а на степень его, завидуя богатству, не поставили.

Тверское житье полюбилось Василью Селифонтьевичу; хотя бы вѣкъ въ Твери вѣковать. Буянъ, оправясь, сталъ понукать господаря; тотъ долго не сдавался. То его брала охота съ новымъ знакомцемъ поляковать [1]), утереть ему носъ своими выжлецами: смотри-молъ, Тверь, каковы псы новгородскіе. То Василью Селифонтьевичу требовалось дождаться чьихъ-то именинъ; то окрестить чью-то дочь.

— А знаешь-ли, Буянушко, что я еще за ночь-ту придумывалъ? спросилъ какъ-то господарь, валяясь утромъ на постели.

— Гдѣ жь мнѣ знать мысль твою господарскую, угрюмо отвѣчалъ вѣрный паробокъ.

— Сёмъ-ко мы съ тобой въ Твери останемся, а задамся я, слышь, за тверского князя великаго.

Буянъ только глаза на господаря скосилъ.

— Что-жь молчишь-то ты? а, Буянушко? Ладно-ль я сдумалъ-то?

— Може и ладно, только дивно мнѣ.

— Что дивно-то?

— Да то же что новгородьской рубежь перебѣжавъ, ты быдто и думать научился. А во Новѣгородѣ не очунь ты на думанье-то нудился.

— А тебѣ только бы перечить мнѣ. Ладно-ка, сказывай ужь свою-то мысля поперечную.

— А сказывать, Василей Селифонтьевичъ, велишь, ипъ слушай же. Гляди, быдто у тебя въ Новгородской землѣ вотчины оставалися. А Тверьскому-то ихъ у Господина Новагорода Великаго оттягать не подъ

[1]) Притулятися — прятаться прижавшись къ кому или чему либо.

[1]) Поляковать — охотиться въ полѣ.

силу. А у Московьскаго руки живутъ долгія. Не всѣ, такъ хоть Двиньскія, самыя вѣдь богатыя, вспятить велитъ. Вѣдашь самъ, что многи нунь двиньски бояра за Москву задаваются. И тебѣ потому жь на Москвѣ честь буде особая. А на Твери-то остамшись, гляди, и то добро, что съ собой захвачено, истеряешь все безъ остаточка, все пьянствуя да уродуя. Тогды-то, господарь, что дѣлать учнешь? Аль въ послужильцы къ боярину какому запишешься? Такъ отъ этакой чести тебя, бо́яра, скажи, исконнаго новгородьскаго, Господи помилуй!..

— И ты ужь! прервалъ Арбузьевъ его строптивую рѣчь. — Всегда-то, Буянъ, ты крутенекъ жилъ, а послѣ хвори-то этой твоей и приступу къ тебѣ вовсе нѣтъ. Отъ злости-то, гляди, ажь пожелтѣлъ весь.

— За тобой живучи да не пожелтѣть еще! огрызнулся вѣрный паробокъ. — Только говорю, что время ужь; въ Москву-ту, пойми. По всей-то Тверьской землѣ, слышь, кормы ставить готовятся, московьскаго похода на Новгородъ ждучи. То-то. А не то, чтобъ намъ прохлаждатися.

— Ладно-ко-сь, Твери посмотрѣвъ, Москвы смотрѣть пойдемъ, Буянушко, какъ-то лѣниво согласился господарь.

Придя на Московскій рубежь, Василей Селифонтьевичъ убѣдился и самъ, что давно было время отправляться въ путь. У первой же околицы остановили обозъ.

— Слышь, знако̀мъ, кричалъ татаринъ съ коня, — пѣши съ лошади, въ изба хади.

— Чего хади! Ты кому кри̇̀чишь-то, образина анафемьска? въ свою очередь крикнулъ Василей Селифонтьевичъ.

— Тебѣ, знако̀мъ, кричалъ; земской изба хади.

— А пошто мнѣ въ земьску-ту избу лѣзть?

— Тетка смотри; Тетка набольши.

— Кака тамъ еще къ дьяволу тетка заводилася?

— Набольши, знако́мъ. Караулъ держимъ. Гайда, знако́мъ, гайда.

— Вотъ и столкуй съ дьяволомъ, коли онъ покрестьянски говорить не обученъ, обратился Арбузьевъ къ Буяну.

— А ты ему опасъ, Василей Селифонтьевичъ, кажи, посовѣтовалъ Буянъ, вынимая грамоту изъ-за пазухи.

— Опаса есть? Давай сюды, Тетка сматри̇̀тъ, живо подхватилъ татаринъ, только что не вырывая грамоты у Буяна изъ рукъ. — А самъ, знако́мъ, въ изба гайда. Караулъ буди̇̀мъ.

Арбузьева взорвало. Пуще всего „тетка“ его бѣсила, да еще эти чертовы словечушки *караулъ* съ *гайдой*. Ругательски онъ сталъ татарина честить.

— Полно-ко тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, усовѣщевалъ его Буянъ. — Глянь-ко-сь, народушко изъ изобъ повылѣзъ, твоего руганья необряднаго слушати.

— Вѣрна, татаринъ подтвердилъ, тыча вдаль пальцемъ. — Тетка, сматри, на крыльца стаитъ, ругать буди̇̀тъ.

Глянулъ Василей Селифонтьевичъ куда татаринъ перстомъ указывалъ, а никакой тамъ тетки нѣтъ, а только сѣдатый мужикъ стоитъ на крыльцѣ и козыремъ держа руку надъ глазами вглядывается въ ихъ сторону. Дѣло въ томъ, что въ селѣ передовымъ отрядомъ стояли князя Семена Ряполовскаго послужильцы, шесть семей, а набольшимъ у нихъ былъ Теткинъ, Иванъ Захарьевичъ. Къ нимъ было придано десятка съ два татаръ для разъѣздовъ.

— Что̀ намъ, слышь, Василей Селифонтьевичъ, уговаривалъ его Буянъ, — со своимъ уставомъ-то. Спѣшься же... Вѣдь не̇̀ съ воли жь некрестъ брехалъ, чтобъ въ земску избу лѣзть.

Не безъ упорства и брани сошелъ Арбузьевъ съ коня. Татаринъ съ опасомъ впередъ на конѣ побѣжалъ. Съ одышкой волоча по грязной улицѣ свою упитанную утробу, Василей Селифонтьевичъ не переставалъ ворчать.

— И земелька же! И заѣхали жь! выговаривалъ онъ Буяну, точно тотъ силкомъ завезъ его въ Низовскую землю.

— Который бояринъ Арбузьевъ будетъ? дочитавъ грамоту спросилъ Теткинъ, не сходя съ крыльца и не прося боярина на крыльцо.

— Слышь, образина эта твоя некрѐщена, обоза не пускатъ, вмѣсто отвѣта сказалъ Арбузьевъ.

— Не во гнѣвъ твоей чести боярской, пѣвуче москвичъ отвѣчалъ, — не своей волей Абдулка приказывалъ. Малепечько тебѣ обождать придется.

— А опасъ же! съ крикомъ возгласилъ Василей Селифонтьевичъ.

— Вижу что опасъ!.. не столько надбавляя голоса, сколько придавая ему важности, сказалъ Теткинъ. — А только приказъ государевъ есть.

— А ты... началъ было Василей Селифонтьевичъ, да Буянъ его благовременно дернулъ за полу.

— Я государю моему не ослушникъ, а слуга буду, отрубилъ москвичъ.

— Не къ чорту же, къ государю на Москву иду, не вытерпѣлъ, буркнулъ Василей Селифонтьевичъ, не взирая на Буяново за-полу дерганье.

— Къ государю-то и ты, чать, бояринъ, служить же идешь, а не вольничать, какъ бы нажимая ножемъ отрѣзалъ набольшій. — А о чортѣ притомъ и поминать бы не годилося.

— Ну! только и могъ вымолвить Арбузьевъ, отдуваясь на эту московскую рѣчь.

— Ась? точно не дослышавъ спросилъ Теткинъ, строго прищурясь сверху на боярина.

Василей Селифонтьевичъ этого строгаго сверху щуренья не вынесъ, и потупилъ очи въ землю.

— Знамо служить, смущенно проговорилъ онъ и, погодя, добавилъ: — А только чтожь это оно „чать-то бояринъ“ буде?

Москвичъ разсмѣялся.

— А *чать*-то, снова пѣвуче заговорилъ онъ, — то присловье наше масковское. А то же ано будетъ что „нади“, аль „гляди“.

— Ишь ты!

Тутъ Теткинъ, сойдя съ крыльца, съ почтительнымъ поклономъ милости просилъ боярина пожаловать въ земскую избу. Какъ Василей Селифонтьевичъ на крыльцо полѣзъ, Теткинъ вѣжливо впередъ его обѣжалъ, и отворивъ дверь въ избу, снова съ поклономъ же просилъ пожаловать. Арбузьевъ, дивясь, только головой покачивалъ. „Ну и Москва ужь! А буде она сама мудреная! То крута она, покруче, скажи, моего Буянушка, а то нако-сь, гляди, какова́ ласкова.“

Въ избѣ уговорились, что Теткинъ нынче же къ князю своему Ряполовскому погонитъ съ опасомъ Абдулку, а князь де на Москву боярамъ отпишетъ, а бояре, молъ, государю сдоложивъ, съ нарочнымъ указъ пришлютъ. А пока что́, Теткинъ отведетъ Василей Селифонтьевичу бѣлую избу; велико де село, а изобъ хорошихъ въ немъ много; обозъ же пусть станомъ въ полѣ постоитъ, ничего ему не подѣлается.

Не очень-то понравилось новое поселье Василею Селифонтьевичу, да дѣлать нечего, приходилось терпѣть. Теткинъ ему полюбился, малый былъ почтительный и услужливый, на службу строгъ, къ пустякамъ не придирчивъ, на многое смотрѣлъ сквозь пальцы. Однимъ Иванъ Захарьевичъ не угодилъ бо́ярину повгородскому, не умѣлъ пить какъ тому требовалось. Чарочку, другую опорожнитъ, да и скажетъ свою любимую пословицу: „молъ дѣвушка гуляй, гуляй да дѣльца не забывай“.

Со скуки Василей Селифонтьевичъ, по выраженію

Буяна, „пудился думать“. Выдумки были не очень умныя.

— А вотъ, вдругъ скажетъ, — не сдогадался-то я Теренька захватить съ собой, пѣсней бы онъ тѣшилъ меня и пить мнѣ было бъ съ кѣмъ. А, Буянушко?

— Ужь лучше бъ тобѣ, Василей Селифонтьевичъ, было набрать артель скоморошью, а самому идти въ атаманы. И честь бы тобѣ по тому жь въ Москвѣ была.

Иной разъ встоснется боярину по вольнему житью новгородьскому.

— Нѣтъ въ тебѣ, Буянушко, этой сдогадочки, чтобъ господарю своему забаву сыскать. Со скуки-то мнѣ, хоть лапоть соси. Высмотрѣлъ бы гдѣ хорошу дѣвчину московьску, къ нашему бы двору ее приманилъ.

— Аль тобѣ, Василей Селифонтьевичъ, владычня суда опять захотѣлося? Съ Москвы-то, гляди, не больнё скоро уйдешь ты. Крѣпки тоже заставы московьскія.

Арбузьеву съ этихъ словъ на лавкѣ покойно не сидѣлося.

— Что, аль чешется? со смѣхомъ Буянъ спрашивалъ. — Знатъ, видно, песъ чье мясо съѣлъ.

Наконецъ-то дождался Василей Селифонтьевичъ указа государева: приказано ему жить въ порубежномъ селѣ до похода государева: а будетъ сказанъ походъ—идти ему, Арбузьеву, въ походъ съ князь Семенъ-Ряполовскими послужильцами, а быть съ ними же до новаго указа государева. Взвылъ Василей Селифонтьевичъ, услышавъ государевъ указъ.

— Ну, и заѣхали жь! плакался онъ передъ Буяномъ.

Самъ Буянъ не очень-то былъ доволенъ такимъ поворотомъ дѣла; ему бы въ Москву поскорѣй, а тамъ, оженивъ господаря, вольную получить.

— Самъ же ты, Василей Селифонтьевичъ, вспомни-ко-сь, въ Новѣгородѣ плакался, что нужна де на меня узда крѣпкая. Вотъ и взнузданъ нунь.

— Все вѣдь ты, со своею хворью-то. Давно бы безъ тебя я на Москвѣ былъ.

— А ты на Твери, пуще того, знать, не путался да не бражничалъ.

Такіе обоюдные попреки вскорѣ стали у нихъ за обычай. Отъ бездѣльной тоски порядочно-таки переругивались они. Какъ-то подъ-вечеръ, уставъ отъ крика на вѣрнаго наробка, вздумалъ господарь прогуляться въ поле къ своему обозу: „еще цѣлъ-ли молъ мой обозо-тъ стоитъ?“ Подходя къ околицѣ, онъ услышалъ громкій разговоръ. „Знать, новой конь новгородьской, какъ я же, ума не спросясь, въ московьску узду просится“, подумалъ Василей Селифонтьевичъ, и слѣдомъ, какъ будто кланяясь тому коню, насмѣшливо проговорилъ вслухъ: „Милости просимъ. Взнуздаютъ вѣдь“.

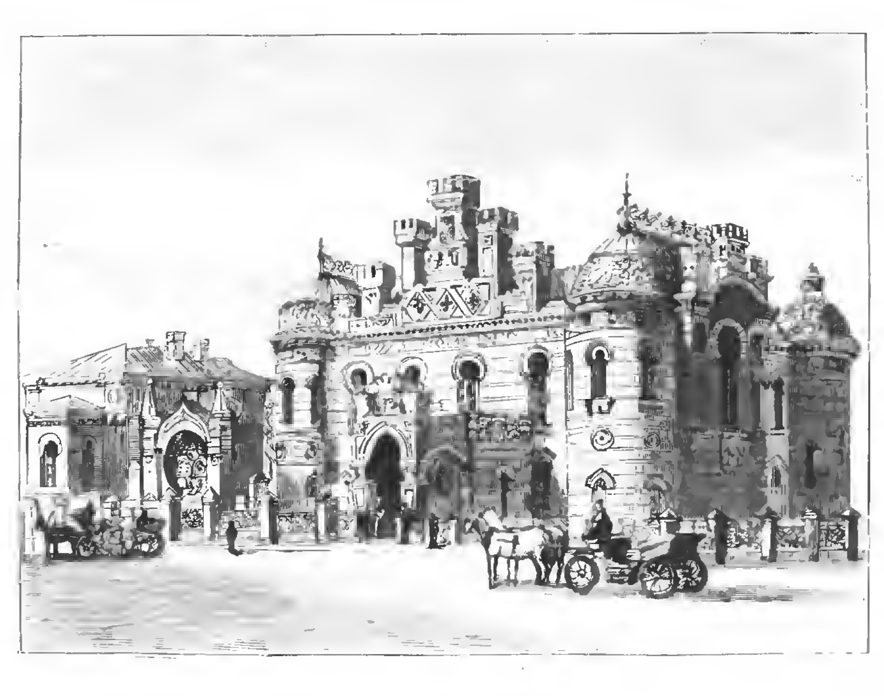
— А коли жь я да къ государю иду, а еще съ жалобой, на его правый судъ надѣючись, кричалъ какой-то парень, высоко взмахивая руками.

— Да что-жь ты безъ опаса-то шелъ? спрашивалъ Теткинъ, случившійся въ ту пору у околицы.

— А шелъ-же Новгородьску землю скрозь, Тверьску-же миновалъ, а безъ опаса. Ан на самомъ-то рубежѣ московьскомъ, на порогѣ, скажи, государевомъ, только-бъ въ избу влѣзть, — ан опаса имъ занадобилась. А къ государю-жь я, ко князю великому, сказываю, челомъ ощё бить, его-же царева суда ищучи.

Арбузьеву голосъ парня показался знакомымъ: вглядѣлся, ан то Пашко.

„Э-вося кто, гляди, пожаловалъ! О, волчья снѣдь!.. А еще, гляди, за мной увяжется, съ Маврушенькой-то“, подумалъ онъ, и слѣдомъ ему пришла такая мысль: „А нѣтъ того у Буяна, чтобъ за мной пойти. А може де мнѣ еще и думать за господаря придется“.

Восточно-Сибирское Отдѣленіе Импер. Русскаго Географ. Общества въ Иркутскѣ.
Грав. Ю. Шюблеръ.

И Василей Селифонтьевичъ рѣшилъ было послать за Буяномъ перваго встрѣчнаго мальчишку, да отложилъ.

„Послѣ ругани-то моей, гляди, заупрямится — думать откажется. Проси его тута, упрашивай, въ чужой, скажи, землѣ, да еще на улицѣ. А и самъ я управлюся“.

И безъ дальнѣйшей думы Василей Селифонтьевичъ сталъ издали подзывать Теткина.

— А подь-ко, поди-т-ко-сь сюды, Ивано-тъ Захарьевичъ. Слово скажу, а еще дѣло, гляди, государево.

Теткинъ поспѣшилъ на государево дѣло.

— А спрашивалъ-ли ты еще молодца, шепотомъ заговорилъ Василей Селифонтьевичъ, ставъ такимъ образомъ, что Пашку его лица не было видно, — какъ молъ тебя по имени зовутъ?

— А Пашкомъ, сказываетъ.

— Такъ оно и е. То-то и я гляжу, онъ мнѣ издали Пашкомъ-же оказыватъ. И голосъ егонный-же.

— Аль знакомъ онъ тебѣ, Василей Селифонтьевичъ?

— А славенъ, скажи, на весь Великій Новгородъ. Первый грабежчикъ вѣдь. Еще у Марфы-то, у посадницы,—доводится она мнѣ тетушкой вѣдь крестовенькой, Иванъ Захарычъ,—такъ у ней-то, у тетушки моей, у крестовенькой, Пашко-тъ буде права рученька. И вѣчникъ къ тому. Онъ-же и бояръ рубилъ, что на вѣчьи за государя стали.

— Гм., призадумался Теткинъ.—А говоритъ, что къ государю молъ съ челобитьемъ иду.

— Прилику, знамо, дѣлатъ. А со злымъ, вѣрь, умысломъ. Не отъ Мареы-ль еще и подосланъ-то? А попыталъ-бы его, Иванъ Захарьевичъ, хорошохонько; вспарилъ-бы, знашь, въ московьской тоей баенкѣ.

Теткинъ пуще задумался.

— Спасибо тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, что надоумилъ меня.

И Теткинъ озабоченно пошелъ къ околицѣ. Василей

Старый зубръ, преслѣдуемый волками. Рис. и грав. Шпехтъ.

Селифонтьевичъ, видно раздумавъ обозъ смотрѣть, воротился въ избу, и идя все оглядывался украдкой на Пашко: „что молъ съ нимъ сдѣлаютъ?“

— Какъ-же ты говоришь, что съ челобитьемъ къ государю идешь, сказалъ Теткинъ Пашку,—а вотъ вашъ-же бояринъ, новгородецъ-же, скажетъ будто вѣчникъ ты вѣдомый да грабежчикъ къ тому. И опять: государевыхъ слугъ вѣрныхъ на вѣчи рубилъ.

— Это кто-жь сказыватъ, да и вретъ еще? Пашко спросилъ.

— Арбузьевъ, Василей Селифонтьевичъ.

— Аль здѣсь онъ?

— Здѣся-т-ко.

— А ему-ль да на-меня не лгать еще? На него вѣдь иду съ жалобой. Маврушеньку онъ-же скралъ. Владыку онъ-же обманывалъ.

И Пашко со всегдашнею своей откровенностью разсказалъ Теткину все дѣло.

„Что за притча!“ думалось Ивану Захарьевичу. „Оба-ль врутъ, аль одинъ всего? И парень съ виду простъ, и Василей Селифонтьевичъ не больно хитеръ. Который-же изъ нихъ на выдумки гораздъ? Тотъ-то скажетъ: „съ челобитьемъ иду“, а другой: „слугъ де государевыхъ рубилъ“. Василей Селифонтьевичъ самъ къ государю въ службу просится, а самъ этакъ-то Мароинымъ родствомъ чехвалится. А если къ тому отъ Владычьняго суда сбѣжалъ... Охъ, ужь эта мнѣ вольница новгородьская!.. А стану-ко я за обоими въ оба присматривать“.

И потолковавъ еще съ Пашкомъ, Иванъ Захарьевичъ приказалъ его на ночь свести въ баню, въ ту-же гдѣ новгородецъ пойманный сидитъ, да приставить караульныхъ къ банѣ.

Арбузьевъ, отходя ко сну, не стерпѣлъ, чтобъ не похвастать передъ Буяномъ: „како молъ я надъ Пашкомъ уродьство учинилъ“.

— И ладно его удумалъ-то я, добавилъ онъ,—а теперь, знать, Пашко Маврушеньку искать разучится. А вѣдь ты только моего думанья хорошаго не хвалишь, Буянушко, завидуя.

Буянъ и на сей разъ не похвалилъ господарскаго думанья, и сколько Василей Селифонтьевичъ ни приставалъ къ нему, молчкомъ отдѣлался.

— Вставай-ко, Василей Селифонтьевичъ, Богу молись да мнѣ благодарствуй, за мое здоровьице свѣчку ставь, будилъ на другое утро господаря вѣрный паробокъ.

— Не жирно-ль буде, еще и свѣчку ставь, огрызнулся съ просонья Василей Селифонтьевичъ.

— А коли-жь я тебя изъ бѣды, изъ неминучей, скажи, вызволилъ.

— Никоей бѣды и не было.

— А Пашко-тъ?

— Да въ байнѣ-же, на крѣпости сидитъ. А и вспарятъ еще.

— Убралъ я его.

— Кого убралъ?

— Пашка. Убѣгъ-же онъ, съ тѣмъ, съ другимъ-то полоняникомъ [1]) новгородскимъ.

— Да какъ-же такъ? выпуча глаза господарь спросилъ.

— А такъ-же вотъ, что на сторожѣ мои-же знакомцы были поставлены. Вотъ и подсѣлъ я къ нимъ, покалякать быдто, знашь. Гляди, до куронѣнья и докалякались. Я имъ тутъ и сказываю, что и спать молъ пора, а передъ сномъ-бы по чарочкѣ медку боярскаго—въ самый разъ. Оны, знамо, не отрекалися. А съ меду-тъ ихъ въ сонъ и вдарило. Я тутъ запоръ, что въ байнѣ, отколачивалъ. Тёмна-же ночь, не узналъ меня Пашко, а я и голосомъ-то тонкимъ такимъ скрычалъ, ровно бабенка молоденька: „нѣтъ молъ запора-то, и сторожа-де спитъ, хранитъ“.

— А оны что-жь?

— Вѣстимо новгородцы живутъ, народушко сдогадливый, на бѣгъ сейчасъ.

— Да какъ-же такъ? попрежнему господарь сказалъ: никакъ онъ сообразиться не могъ.

— Коль правду-тъ сдоложить, такъ я москвичамъ въ медъ зелья этого забыдущаго подсыпалъ.

— Да откуль-же ты добылъ его?

— А изъ Новагорода еще былъ у меня захваченъ остаточекъ. Знашь, зелье то, что у твоей милости было держано. Какъ бывало, которы поупрямѣе, на твою волю склонялъ, такъ всегды-же этимъ зельемъ ихъ угащивалъ.

— Дѣла ты этаки нехвальны дѣлашь, а ими еще, гляди-ко, и прихвастываешь!

— А ты-же мнѣ ихъ, Василей Селифонтьевичъ, дѣлать-то приказывалъ.

— Это запоро-тъ отбивать я училъ?

— Ни, строптивыхъ-те зельемъ опаивать.

Василей Селифонтьевичъ вовсе тутъ съ толку сбился, и ругаться сталъ.

— Слышь-ко, Василей Селифонтьевичъ, не больнё-же сердитуй-то. Слушай-ко, что я тебѣ еще скажу. А слушая, думай-ко. Не выпусти я въ ночь Пашка, анъ сегодни-жь-бы его къ князю свели, къ Теткинскому, къ Ряполовскому-то. А онъ князю-бы всѣ твои простучочки и высказывалъ.

— А врешь-же ты, Буянушко, завираешься, поласковѣй господарь сказалъ, радуясь, что удалось ему на словѣ словить паробка. Съ чего-бы Пашку съ княземъ обо мнѣ разговоръ держать, коли и не знатъ онъ здѣсь-ли я еще.

— Аль вечоръ онъ не видалъ тебя?

— Это ужь и вовсе врешь, еще веселѣе Арбузьевъ вскричалъ.— Потому какъ я вечоръ къ нему спиной стоялъ.

— А Ивано-тъ Захарычъ, думашь, ему не сказывалъ: слушай, молъ, что на тебя-то Арбузьевъ бояринъ послушествоватъ. А на Пашка ты чего не взвелъ, что и бояръ онъ-же рубилъ. Аль Пашко, думашь, молчалъ на то?

— А это-то враньё сейчасъ-же ты выдумывалъ, уже съ торжествомъ возгласилъ Василей Селифонтьевичъ.

— Ну, это ты, видно, Василей Селифонтьевичъ, соврать-то сейчасъ научался. Вечоръ Абдулка у околицы дневальнымъ былъ, и мнѣ онъ-же, не иной кто сказывалъ.

Арбузьевъ вдругъ какъ-то опѣшилъ съ этихъ словъ.

— Ахъ онъ волчья снѣдь!.. на меня-жь еще и вину свалилъ. Ужь это-ль уродьство мое да не ладно было удумано?

— Было оно у тебя, Василей Селифонтьевичъ, думано, да не додумано.

— Что-жь мнѣ-то теперь, а Буянушко? Аль на судъ опять?..

— Говорю-жь я тебѣ: за мое здоровьё Богу свѣчку ставь, какъ Пашка-то я сплавить додумался. А было-бъ тобѣ ужо! За эти дѣла-те нехвальны, какъ ты-то скажешь, анаоемьски, больне-жь на Москвѣ кнутомъ бьютъ.

— Это что дѣвчину скралъ, такъ и кнутомъ бить?

— А Владыка-тъ ты еще обманывалъ.

— Ну, это уродьство не мое, твое думанье.

— Этому ужь никто и не повѣрудтъ, чтобъ паробокъ да за господаря думу держалъ. А хоть и мое оно думанье, да твое дѣланье. Потому и кнутомъ тебя. И еще скажу: только ты меня подъ кнутъ подведешь, ту я всѣ дѣла твои соромьски [2]) до суда-жь доведу. А довольне-жь ихъ!..

— Доводи, доводи, коль на то пошло!..

— А кнутъ, скажутъ, у ката московьскаго здоровъ

[1]) Полоняникъ—плѣнникъ.

[2]) Соромьскій—срамный.

живѐ, а самъ онъ дюжъ къ тому. Какъ по спипью разъ да два...

— Про ваше сиипьё-то, про холопьско, кнутъ плетепъ, а пе про мою спипушку боярьску.

— Анъ на Москвѣ-то про всѣхъ воровъ одипъ кпутъ, хоть бо̀ярь, аль князь будь, со злобной радостью сказалъ Буянъ.

— Охъ, молчи ужь ты! блѣднѣя вскричалъ Василей Селифонтьевичъ.

— Вѣдь ужь взнузданъ ты. А какъ кнутпьомъ-то къ тому, а и копь важнецъ, хоть на торгъ веди.

— Охъ, охо! а куды-жь ты, мое сердечушко, укатилося? завопилъ бояринъ.

— Не бось найдется, какъ я медомъ отпою тебя.

И отпаивая медомъ боярина, Буянъ не уппмался, и съ какимъ-то мычаньемъ вмѣсто хохота приговаривалъ:— Не бось, кнутикъ тебѣ не по мыслу. А вспомни-ко-сь, Василей Селифонтьевичъ, какъ меня ажь до синихъ крестовъ парить охотился, предъ Лукой Аввакумовичемъ. А стой-ка, сугопа-то, скажутъ, послана, дастъ Богъ Пашка и словятъ еще. А тутъ и копь, го̀ворю, важнецъ конь, хоть па торгъ веди.

III.

Киріакова свадьба.

Кпріакъ одиноко тосковалъ въ Новѣгородѣ. Онъ попрежнему думалъ, что матушка поѣхала за тѣмъ, чтобъ Со̀ломонь Григорьевну выдать замужъ за перваго встрѣчнаго. Пріѣзду Луки Киріакъ не вѣсть какъ обрадовался. Поспѣшилъ опъ ему разсказать про свое горе. Только пе такъ его Лука пожалѣлъ, какъ ждалъ того Киріакъ.

— Буде твое горе съ полу̀горя, сказалъ Лука.— Не статочно дѣло, чтобъ твоя матушка чужую дочь незнакомую заму̀жъ выдавать вздумала. А какъ тесть твой предбудущій, самъ-же ты скажешь, горденекъ живѐ, такъ опъ въ тако-то̀, какъ ты вздумалъ, сватанье твоей матушкѣ, знамо, и вступиться не дастъ.

— Такъ зачѣмъ-же ей было въ Красны Холмы плыть?

— А невѣстку предбудущу поглядѣть похотѣлося.

Киріакъ руками замахалъ, и сталъ усиленно доказывать, что никакъ того не можетъ быть, что онъ знаетъ тоже, до чего упряма его матушка.

Лука выговорилъ ему за такой непочтительный отзывъ о матушкѣ.

— Охъ ты, пѣженка! добавилъ онъ.— Въ сильны воеводы [1]) мѣтишь, а отъ этакихъ пустяковъ раскисъ, словно дѣвчонка маломочная. Потерпѣлъ бы ты съ Пашка̀, такъ узналъ бы какъ горе по йменю зовутъ, величаютъ по изотчеству.

— Какого еще Пашка̀ припелъ?

Лука разсказалъ про Иваньковича.

Съ этого часа, Киріакъ какъ раздумается о своемъ горѣ, всегда-то ему Пашко̀ на умъ придетъ. И начнетъ прибирать: не видалъ-ли онъ гдѣ его, и въ памяти какъ будто и выступитъ, что точно видѣлъ онъ такого парня, какимъ Лука описываетъ Пашка̀. А гдѣ, какъ ни силится, не можетъ припомнить. Часто ему при этомъ съ чего-то мечталось, что его судьба и Пашкова межь собой туго-на-туго какъ нити перевились: молъ сыщетъ Пашко̀ Маврушеньку—и я оженюсь па Соломонь Григорьевнѣ; а не сыщетъ—и я нѣтъ. И до того эта мечта внѣдрилась у него въ сердцѣ, что онъ сталъ даже посылать своего ключника въ Славкову улицу справляться, не вернулся-ли парень. Слыша, что нѣтъ еще, посадничій сынъ начиналъ придумывать, какія новыя бѣды постигли Пашка̀; ему начинало мерещиться, что ему самому готовится еще горшая чѣмъ Иваньковичу чаша и онъ старался разгадать какова именно она будетъ.

Не съ того-ли Киріаку такъ часто думалось про Пашка́, что сердце его, узнавъ горе, просилось жалѣть о другихъ горюнахъ? Съ того, или съ другаго, а только полюбилъ внукъ посадничій эти скорбныя грезы, и по цѣлымъ часамъ терялся въ нихъ.

Между тѣмъ, Мамелфа Тимоѳеевна придумывала, какъ бы ей сватовство поумнѣй повести; чтобъ не слишкомъ навязываться Щебелькову родствомъ да не оказалось бы при томъ, что она точно изъ сыновнихъ рукъ глядитъ. Иринья была призвана на совѣтъ, и въ первое же затѣмъ воскресенье поѣхала къ обѣднѣ на погостъ.

— Погляжу я па тебя, старъ, стала она выговаривать Щебелькову, сидя у него за пирогомъ,—и загордѣлъ же ты вовсе: нѣтъ того чтобъ въ Красны Хо̀лмы къ намъ понавѣдаться. А господарыня вѣдь давно у насъ гоститъ, Киріаку-тъ Андреевичу ро̀дна матушка, и твою дѣвчину ласкала же. Что̀ жь молчишь? Аль коне-тъ твой не кованъ стоитъ? Аль охромѣлъ бу̀ръ-косматенькій?

— А слышь, Иринья Мишапична, не хромѣлъ мой косматенькій и кованъ же стоитъ... Только какъ же безъ зва-то мнѣ, сдумай-ко, ѣхати. Буде о̀но опасно.

— А чѣмъ же опасно?

— Какова еще эта твоя боярыня новгородьска...

— А какова надобна, обходительна да ласкова. Мнѣ не вѣруешь, хоть дочь спроси.

— Такъ-то оно такъ... А только я, кажись, ни съ одной еще боярыней, какъ па свѣтѣ живу, бесѣды не велъ. Пожалуй что̀ и напутаю. Спроситъ еще: зачѣмъ молъ, старъ, ты ко мнѣ пожаловалъ? Каковъ я тутъ отвѣтъ сдержу?

— Скажешь за дочку молъ, что къ дочушкѣ моей была ты, боярыня, ласкова, пришелъ тебѣ благодарствовать.

— Эвося! да мало-ль дѣвчи̂нъ во дворѣ у васъ воздухи шили; коль всѣ-те отцы благодарствовать повадятся, а бы комары о̀ны боярыню о̀блѣпятъ.

— О Киріаковомъ здоровьицѣ, Андреевича-то, спроси. Любилъ же ты его, жаловалъ, а матушкѣ память эта твоя о ея сыночушкѣ бажененькомъ мила же буде... Охъ! да стой ты, старъ. А за книгу-тъ, за свя̀то Евангелье, а гдѣ еще Со̀ломонь-та писана, гляди-ко-сь ты Киріакъ-то Андреевичу и не благодарствовалъ. Вотъ и скажешь матушкѣ...

— Это развѣ... Аль ѣхать мнѣ, Соломонушка?

— А съѣзди-ко, родный батюшко.

Эти слова прозвучали такъ нѣжно, что Со̀ломонь Григорьевна испугалась: не замѣтилъ-бы батюшка этой неумѣстной нѣжности.

— Вотъ и ладно, Иринья подхватила.—А ты слышь, Соломонушка, его поторапливай. Съ утра ему нотверживай, что нынче жь молъ съѣзди, батюшко. А то вѣдь у стараго въ память ровно въ рѣшето провалится.

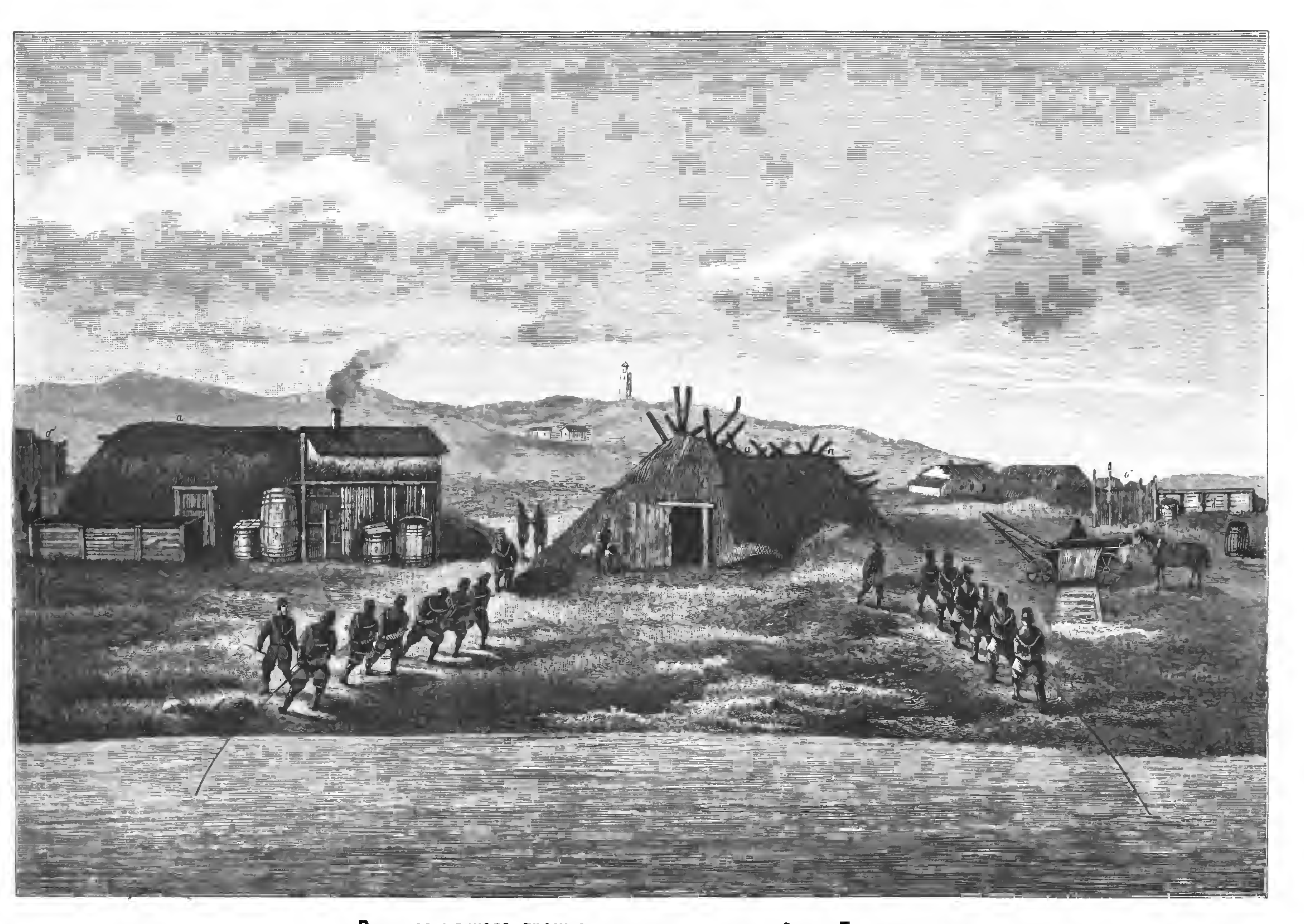
Въ понедѣльникъ же съ утра напомнила Со̀ломонь Григорьевна батюшку, что надо ѣхать къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ, да понедѣльникъ—тяжелый день, не поѣхалъ старикъ. Во вторникъ Григорью Петровичу будто и не поздоровилось; въ среду совсѣмъ было собрался да выходя изъ сѣней о порогъ споткнулся. Не хороша примѣта, и опять отложилъ старикъ поѣздку. Въ четвергъ обложной дождикъ сѣялъ, а пятница опять тяжелый день. Въ субботу понастойчивѣй стала дочка съ утра приступать къ батюшку.

— А слышь-ко, Соломонушка, субботній-то день буде онъ бабій день, да хозяйственный. Уборка, гляди, у нихъ въ хоромахъ йде, полы моютъ. Лучше-т-ко я завтречка, въ воскресный день побѣгу въ монастырекъ къ обѣденкѣ, а отъ обѣдни-то...

Но дочка и рѣчи кончить не дала.

— Гляди-ко, батюшко, боярыня скаже еще: не ко мнѣ молъ пріѣхалъ старъ, къ обѣденкѣ. А ко мнѣ мимоѣздочкой, знать, надумался.

[1]) Сильный воевода — предводитель силы, то есть арміи.

Видъ сельдянаго промысла и тяги неводомъ близъ Еникале.
По рисунку къ изслѣдованію рыболовства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, грав. М. Рашевскій.

— Ну ужъ, коли тебѣ такъ похотѣлося...

— Ничегошеньки-то мнѣ не похотѣлося, рѣзконько отвѣчала дочка, а сама и вспыхнула, и очи въ полъ потупила.—а нельзя-жь того... Гляди, Ирипья Мишанична разболтала ужь, что на-дняхъ молъ старъ собирается. А нѣтъ тебя цѣлу недѣлюшку... Еще и Киріаку Андреевичу за досаду станетъ, что къ тебѣ онъ таковъ ласковъ былъ да желателенъ, а ты его родитель-матушкѣ не всхотѣлъ и малаго почтеньица показать.

— Ишь ты, каково расписывашь, отца журя... А ужь этакъ-то... Вели-т-ко, что-ль, паробку коня сѣдлать.

Изображеніе шелковой нити, принимающей форму круга.

Какъ конь былъ осѣдланъ, еще пуще заторопила Соломонь Григорьевна батюшка, и крестя его на дорогу, чуть не заплакала.

— Господь съ тобой! отецъ сказалъ.—Съ чего это ты?.. Не въ дальню каку дороженьку собираюсь, къ обѣду и вернусь, гляди.

— Скорѣеча, батюшка, ворочайся, упрашивала Соломонь Григорьевна.

Дѣвушкѣ всѣ эти дни думалось, что эта недѣля была для нея самая трудная: кабы зналъ де батюшка что ѣдетъ мою судьбу рѣшать, не сталъ бы дѣла тянуть, меня жалѣючи. Оказалось однако, что недолгіе часы, съ отъѣзда до пріѣзда батюшки-

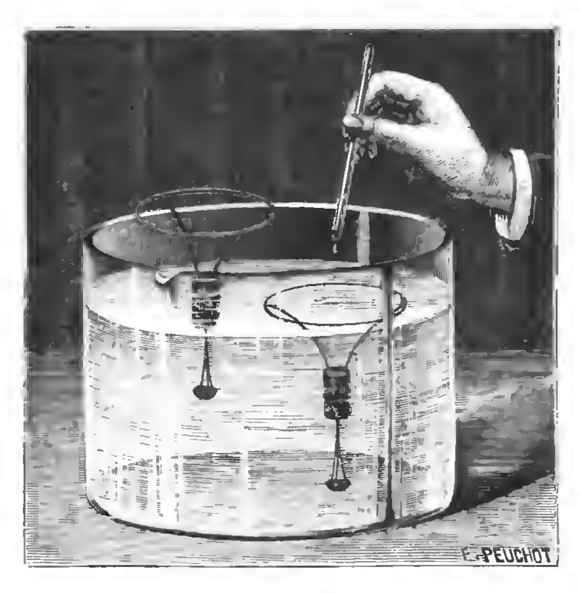
Карандашъ, держащійся подъ другимъ карандашемъ вслѣдствіе сцѣпленія округленныхъ поверхностей.

Мѣдное кольцо, плавающее на поверхности воды.

Коробочка изъ бумаги, закрывающаяся когда въ нее наливаютъ воду.

Кольцо изъ желѣзной проволоки, поддерживающее, при опусканіи въ воду, пробку, къ которой оно прикрѣплено.

Физика въ домашнихъ опытахъ.

ка, были для Соломонь Григорьевны того труднѣй.

Вначалѣ она была бодра, и все ей думалось про батюшка, какъ онъ на конѣ бѣжитъ. „Вотъ молъ онъ въ лѣсъ въѣхалъ, а теперечь-ко не тамъ-ли буде, гдѣ въ третьемъ году пашню въ лѣсушкѣ подымали. А ужь теперь молъ безпремѣнно онъ съ предпослѣдней горушки къ мельницѣ спускается. Конь-тъ ушами прядетъ, мельничный шумъ слушая, а по плотинѣ таково бережно ступаетъ. Вотъ ужь батюшко и на послѣдней горушкѣ, и Красны Холмы предъ нимъ какъ на долони всѣ обозначились. Вотъ и въ сѣни вошелъ, и съ Мамелфой Тимоѳеевной здоровкается."

И тутъ дѣвушкѣ вдругъ страшно стало. „Ой, Господи!" вскрикнула она, и перекрестилася. „Ну, да о чемъ имъ долго толковать-то, живо сладятся", какъ бы успокоивая себя проговорила она. „Вотъ ужь батюшка и домой собирается, и на коня ужь сѣлъ, и вздъ погналъ. Близко ужь; сейчасъ и воротится."

И Соломонушка, подбѣжавъ къ окну, стала отца выглядывать. Нѣтъ, никѣмъ-никого. „Гдѣ жь это онъ?" растревожилась было дѣвушка, но тутъ же надъ собой разсмѣялася.

„То-то я, дѣвчина, глупехонька!" сказала она про себя. „Мысле-тъ моя шибко бѣжитъ, бы птица летитъ, а батюшко-то, поди, туда ѣдучи, и до мельницы не добѣжалъ ощё."

И она стала снова мысленно слѣдить за батюшкиной поѣздкой, только теперь старалась думать подлиннѣе, и подолгу сама съ собой спорила: доѣхалъ, аль нѣтъ батюшка до того или иного мѣста. Опять, какъ сталъ батюшко въ ея мечтахъ здороваться съ Мамелфой Тимоѳеевной, страшно стало дѣвушкѣ и передъ ея очами явственно вырисовалось лицо боярынино.

„Съ чего жь это думой-то я располагалася, что будто и сговоръ сейчасъ? Просто може Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ передъ отъѣздомъ въ Новгородъ батюшка повидать захотѣлося, какъ ей о немъ довольнё сыночушко-тъ насказалъ... А точно что она буде ласкова... Да не со мной же одной, а со всѣми, скажи, дѣвчинами была она ласкова. А чтобъ она ко мнѣ мила была въ особину, аль сердцемъ ко мнѣ располагалася, такъ нѣтъ же этого, и въ заводѣ не было. Какъ вспомню-ко я теперь..."

И слѣдомъ дѣвушкѣ стало вспоминаться, какъ Мамелфа Тимоѳеевна, разговаривая съ нею, сердито бровью повела, а въ другой разъ сердито же губы сжала, а потомъ еще на нее прищурясь, сердито же глядѣла. Все это вспоминалось ей съ особой ясностью: и что при какомъ словѣ боярыня, сердясь, сдѣлала, и чуть-ли даже не въ который день и часъ случилось то, или иное. Послѣ, припоминая этотъ трудный день, Соломонь Григорьевна уже никогда не могла вызвать изъ памяти эти мелочи, и только удивлялась, какъ тогда-то онѣ мерещились ей словно передъ глазами до малой чуточки.

Чѣмъ больше вспоминались всѣ эти строгости будущей свекрови, тѣмъ сильнѣе тревожилась Соломонушка. И сама того не замѣчая, она стала полегоньку всхлипывать, а тамъ и вслухъ ужь со слезами причитывать: „охъ, я безчастная!" Даже матушку встревожила; та прибѣжала изъ стряпущей избы узнать что такое случилось съ дочкой.

— Что, Соломонушка? О чемъ такомъ?

Соломонь Григорьевна не знала, что отвѣтить: сказала будто ей тошнехонько и голова крѣпко разболѣлась.

— Прилегла бы, уснула, дитятко. Стой-ко-ся дамъ я тебѣ сюды взголовьице. Да не знобко-ль еще тебѣ?

Дѣвушка подумала, что и впрямь лучше ей соснуть и дождаться батюшка во снѣ. Уснуть не уснулося; только она глаза закроетъ, какъ и выступитъ передъ ней строгое лицо Мамелфы Тимоѳеевны; взмахнетъ она головушкой, видѣнье расплывется какъ масло по водѣ, и затѣмъ опять то же лицо выдвинется изъ тьмы и глядитъ еще строже. Наконецъ-то Соломонушка вздремнула крошечку, а думалось ей что она и не вѣсть какъ долго спала. Вдругъ точно подъ ней зашаталась лавка, и кто-то толкнулъ ее, назвавъ по имени. Всполошилась Соломонь Григорьевна, присѣла на лавкѣ, оглядѣлася. „Аль мнѣ во снахъ что страшно примечталося?" спросила она себя, и ей припомнился тотъ страшный сонъ, который видѣла она, гадая о своей судьбѣ.

„Охъ! знать время пришло тому сну сполниться, что про него я нечаянно вспомнила", со страхомъ прошептала она. — „Вѣренъ сонъ подъ середу, Любушка сказывала... николи-то съ нимъ въ явь мнѣ не вѣнчатися!.."

Сердце у нея захолонуло. Поплакать бы, такъ слезъ нѣтъ. Пусто какъ-то въ ней стало: ни мысли въ головѣ, ни чувства въ тѣлѣ; ровно неживая сидитъ. Пришла матушка къ обѣду ее звать, насилу раскликала.

— Аль батюшко воротился? не своимъ голосомъ вскричала Соломонь Григорьевна и къ двери было стремглавъ кинулась.

— Гдѣ воротиться! остановила ее матушка. — Вѣстимо, поѣхалъ старъ, пиши: пропалъ.

— Такъ для-ча жь ты меня кликала? сердито накинулась Соломонь Григорьевна на матушку.

И сдѣлалась она тутъ такая нехорошая что, какъ послѣ говорила ей матушка, никогда она ее такой не видала. Слова не дастъ сказать: кричитъ, сердится, язвитъ матушку всякими попреками и реветъ, и ногами топаетъ. Старуха даже всплакнула малость. Однако уломала-таки ее матушка, уговорила къ обѣду идти.

Соломонь Григорьевна за обѣдомъ почти ничего не кушала, только чуть не поминутно вскакивала изъ-за стола и подбѣгала къ окну: все ей слышался топотъ батюшкина коня.

Послѣ обѣда вышла она на крыльцо дожидаться батюшка. И тутъ напала на нее мука мученская: всѣмъ-то она тревожилась, всякими страхами грезила: и батюшка-то конь расшибъ, испугавшись волка, вдругъ понесъ: и у Мамелфы-то Тимоѳеевны хоромы горятъ; и Киріакъ-то Андреевичъ, на матушкинъ зовъ изъ Новагорода плывя, пошелъ ко дну въ мутномъ Волховѣ. Только какъ слышался у ней въ ушахъ конскій топъ, да вскакивала дѣвушка чтобъ взглянуть, не батюшка-ли домой спѣшитъ,—на эти короткія мгновенья отставали отъ нея привязчивыя мучительныя грезы.

Пришла матушка ее въ избу гнать. „Что молъ на вѣтру сидишь. Сиверко вѣдь. А еще головой жаловалась, и знобило жь тебя."

Какъ ни упиралась Соломонушка, матушка, взявъ ее за руку, свела въ избу. Изба была топлена, и назябшаяся на дворѣ дѣвушка, согрѣваясь, успокоивалась. Взглянула она какъ-то въ передній уголъ, анъ завтрашнему празднику лампада ужь затеплена, и ярко горитъ.

„Вотъ мучаюсь я, въ душѣ терзаюся, а нѣтъ у меня той думушки, чтобъ Царицѣ Небесной помолиться, Пречистому Ея Знаменью."

Не вставъ по какой-то странной забывчивости, дѣвушка лежа стала шептать всѣ святыя молитвы, какія только вспоминалися. Тихая мысль на нее сошла. Какъ-то покойно и тепло стало на сердцѣ: точно въ душѣ послѣ жаркаго дня насталъ прохладный вечеръ: еще свѣтитъ солнышко, а ужь не паритъ, и легонькій вѣтерокъ лицо свѣжитъ, и легко дышется.

Затихнувъ, Соломонь Григорьевна и не примѣтила какъ сумерки нашли, и того даже не слышала, какъ батюшкинъ конь до крыльца добѣжалъ, и тогда только опомнилась, какъ батюшко, сильно хлопнувъ дверью, въ избу вошелъ. И видитъ она, что батюшка идетъ, какъ

пьяный шатается, и громко во весь голосъ свою бабу кличетъ.

— Чтó тебѣ? Съ чего ты еще шатаешься? спросила старая Щебельчиха.

— Охъ, пропилъ я, прогулялъ свою доченьку! вокилъ старикъ, и какъ будто нечаянно наткнувшись на лавку, навалился всѣмъ туловищемъ на столъ, и сталъ, будто съ горькимъ плачемъ, причитывать: — Охъ! и пропилъ же, прогулялъ я свою доченьку.

— А толкомъ, что-ль, старый, сказывай! толкая его въ плечо, проговорила Щебельчиха.

Григорей Петровичъ въ отвѣтъ на ея толканье одно твердилъ, что пропилъ онъ свою доченьку родименькую, да еще любименькую.

— Аль и вирямь ты на старости лѣтъ, впервóй, скажи, до-пьяна нарѣзался! уже съ сердцемъ Щебельчиха кричала.

— Пропилъ же, сосваталъ свою доченьку, не за черпаго крестьянина, не за своего брата своеземца вѣдь, не за того заѣзжаго дороднаго боярина новгородьскаго, а за самого внука посадничья! все еще притворяясь пьянымъ, твердилъ старикъ.

Щебельчиха пуще на него сердилась.

Вдругъ старикъ всталъ, и встряхнувшись, точно сбросивъ двадцать лѣтъ съ плечъ, какъ молоденькій бодро выпрямился, и важно глядя, сказалъ какимъ-то особенно звучнымъ голосомъ:

— Молись, жена, и вирямь Господь послалъ намо-т-ко счастьице. Просваталъ я свою Соломонь Григорьевну за внука посадничья, за Киріака свѣтъ Андреевича. А съ матушкой его ной у меня по рукамъ бито.

Соломонь Григорьевна до сихъ поръ только съ удивленіемъ смотрѣла на батюшкины продѣлки, и такъ слушала его причитанья, будто они до нея ни мало не касалися. И вдругъ батюшко, какъ ей подумалось, совсѣмъ неожиданно назвалъ по имени Киріака Андреевича.

— Вставай, дочи, Богу молись! властно промолвила матушка.

Соломонь Григорьевна взглянула, и видитъ, что матушка стоитъ передъ образомъ, а лампадный свѣтъ падаетъ ей прямо въ лицо... „Да матушка-ль это, полно, стоитъ?“ усумнилась дѣвушка. Столь радостно свѣтилось матушкино лицо, и такъ много было въ немъ любительной къ Богу благодарности, и слезы крупно текли по помолодѣвшимъ, казалось, щекамъ. Хорошо было лицо матушкино.

И всегда потомъ, чрезъ многіе годы, когда уже матушка лежала въ сырой могилѣ, какъ только вспоминала про нее Соломонь Григорьевна, всегда передъ ней вставало то лицо матушкино, какимъ она видѣла его въ этотъ свѣтлорадостный часъ.

Вслѣдъ за матушкой съ батюшкомъ и Соломонь Григорьевна молилась передъ образомъ. А все ей не вѣрилось, что судьба ея уже рѣшена, и все происходившее вокругъ казалось ей пріятнымъ сномъ.

Сладившись, дѣло чуть было не то что разладилось, и надѣлало не мало тревоги у Щебельковыхъ въ дому. „Гдѣ свадьбѣ быть: тутъ-ли, или въ Новѣгородѣ?“ задумалась Мамелфа Тимоѳеевна. Подвернулась Иринья, и стала толковать, что въ Новѣгородѣ лучше, а то скажутъ молъ что Киріака Андреевича тайно вѣнчали, на уродѣ женя. Хотѣлось-ли Мишаничной въ Новѣгородѣ на боярской свадьбѣ свашенькой покрасоваться, иль она посовѣтовала безъ особаго умысла, только сбила она съ толку самоё Мамелфу Тимоѳеевну. Григорей Петровичъ съ радости вовсе голову потерялъ, и какъ-то заѣхавъ къ краснохолмской господарынѣ, не думая, далъ согласье на свадьбу въ Новѣгородѣ, да воротясь домой расхвастался вдобавокъ предъ дочкой своимъ необдуманнымъ согласьемъ.

— Не быть тому ввѣкъ! съ силой сказала дочка.

— Это чему не бывать? Щебельковъ спросилъ.

— А тому, чтобъ я не изъ родительска дома къ вѣнцу шла.

— Да коли жь я согласье далъ.

— Да моего-то согласья на то нѣтъ.

— Аль изъ-за этого и свадьбѣ разойтись?

— А пусть и расходится, рѣшительно отвѣтила Соломонушка. — Аль я сирота безотняя, бездомная, что изъ чужá угла подъ вѣнецъ пойду? Аль стыдно имъ что у насъ изба проста, хоть и бѣлая, а у нихъ высоки-те тéремы? Каково бы ни было, да есть же у меня приданое. А хоть и не богатъ домъ, да родительскій. Николи же я на то согласья не дамъ.

„Ишь, какъ боярыня наша предбудуща раскудахталась“, думалъ Григорей Петровичъ, слушая шумныя дочкины рѣчи, и позвалъ на помощь свою бабу. Но баба еще пуще дочки на него напустилась.

— Вовсе ты, вижу, обезумѣлъ, старъ, сказала она.

Старикъ въ конецъ растерялся, и не радъ былъ, что ввязался не въ свое дѣло.

„Видно бабья честь тутъ чѣмъ-то порушена“, думалъ онъ. — „Я вотъ и вѣкъ изжилъ, а досель о бабьей чести слыхомъ не слыхалъ, анъ нынѣ она предо мной сама объявилася.“

Но сколько ни подсмѣивался старикъ надъ бабьей честью, а сердце у него сосало, что по своей необдуманной торопливости, чего добраго, порушилъ дочернее счастье.

— Какъ же да теперь быть? спросилъ онъ.

— А ты, батюшко, свое согласье взадъ бери, отвѣчала дочка.

— А вѣстимо ты! подтвердила Щебельчиха старая.

Ни живъ, ни мертвъ поѣхалъ на другой день Григорей Петровичъ къ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ. И бранилъ же онъ себя, думая, что „правду молъ про меня люди скажутъ, что хоть и уменъ я живу, да не на эти дѣла семейственныя.“

Съ великимъ страхомъ заговорилъ онъ съ краснохолмской господарыней. Однако, выслушавъ „бабьи“ доводы, Мамелфа Тимоѳеевна безъ спору съ ними согласилась. Мысленно она похвалила свою невѣстку за упорство: „Дородьство де ея тутъ сказалося.“ И еще разъ припомнилось ей слово Ненилушкино, что „хорошій молъ родъ во всемъ скажется.“

— Вѣстимо, отвѣчала боярыня старику, — глýпа эта мысль взбрела мнѣ въ голову. И то сказать, не сама же я эту дурость придумывала, а сбила меня егоза Мишанична.

Слава Богу, опять дѣло наладилось.

Между тѣмъ, Мамелфа Тимоѳеевна послала къ сыну гонца, чтобъ поспѣшалъ онъ ко своей родитель-матушкѣ: крѣпко де она по немъ соскучилась. Гонцу было на-строго наказано, чтобъ коль онъ и слышалъ чтó о дѣлѣ свадебномъ—и заикнуться бъ о томъ не смѣлъ предъ Киріакомъ Андреевичемъ.

Киріакъ догадался сердцемъ, что дѣло сладилось, но всю дорогу нарочно твердилъ себѣ, что ничего не устроилось, а просто матушка по бурному осеннему времени опасается одна плыть въ Новгородъ. Но сколько ни твердилъ онъ про себя это, а въ душѣ у него пѣлась свадебная пѣсня. Какъ вступилъ Киріакъ въ высокія краснохолмскія сѣни да увидѣлъ что матушка сидитъ въ переднемъ углу, а лицо у нея престрогое, вдругъ у него сердце упало. Творя земной поклонъ родительницѣ, онъ бѣды себѣ ждалъ.

— А стань-ко передо мной, Киріакъ Андреевичъ, слова моего родительскаго послушай-ко.

Оттого что матушка впервые назвала его по имени и отечеству, у Киріака еще пуще упало сердце.

— Помнишь-ли ты, памятуешь-ли, какъ я тобѣ, еще въ Новѣгородѣ, не разъ говаривала, что приде

молъ часъ, объявлю я тебѣ властну волю родительску?—Тутъ Мамелфа Тимоѳеевна помолчала немного.— Пришелъ часъ. Нашла я тебѣ невѣстушку по своей мысли, хорошу невѣстушку дородную. А сосватала я тебя на Щебельковой дочери, Григорей Петровича, на Соломонь Григорьевнѣ.

У Киріака отъ слезъ духъ перехватило, и онъ палъ въ ноги своей родитель-матушкѣ.

IV.

У Трехъ Двориковъ.

Настали въ Красныхъ Холмахъ предсвадебные дни, хоть и хлопотливые да веселые. Народу что день прибывало; меньше двадцати за столъ не садилося. Съѣзжалась изъ Новагорода женихова родня богатая; Лука Аввакумовичъ пріѣхалъ, прошенъ быть отцомъ посаженымъ.

Многимъ и по разному была памятна Киріакова тысяцкимъ, степеннаго Ѳому Андреевича и степеннаго Василья Есиповича.

Окрестнымъ своеземцамъ, этимъ почтеннымъ старичкамъ что въ Маккавеевъ день въ ладъ Щебелькову головушками поматывали, тѣмъ свадьба Киріакова стала памятна, что на другой день свадебное веселье притуманилось. Ранымъ-рано по утру пригонилъ къ Лукѣ Аввакумовичу скорый гонецъ отъ самой Марѳы посадницы, и словомъ сказывалъ, чтобъ на-спѣхъ спѣшилъ бояринъ въ Великій Новгородъ. Вечоръ-молъ о полудни Великій князь прислалъ Господину Великому Новугороду складную грамоту. Слыша, что война близится, какъ было не вздохнуть окрестнымъ своеземцамъ? Въ Новгородъ бѣжать, отцовское и нажитое добро съ собой таща, — расходъ великъ, а будетъ еще дороговь [1]) въ городѣ, а что останется въ избахъ, съ собой не захвачено, то уплыветъ въ широ-

Царскій курганъ близь Керчи. Съ фот. Блюма, грав. М. Рашевскій.

свадьба. Въ семьѣ до правнуковъ разсказывали, что какъ отворились олтарные двери да вышелъ священникъ съ дьякономъ, невѣста чуть не на всю церковь взахнула. Какъ послѣ Соломонь Григорьевна сказывала мужу, оттого это случилося, что на попѣ-батюшкѣ и на отцѣ-дьяконѣ ризы были новыя, точь въ точь какъ тѣ что она во снѣ видѣла, гадая о свадьбѣ. А какъ вынесли новые вѣнцы, такъ она насилу сдержалась, чтобъ не крикнуть вновь: и вѣнцы были какъ разъ тѣ самые, что ей тогда приснилися.

Женскому полу Киріакова свадьба тѣмъ была памятна, что сколько ни глядѣли онѣ, ни одна не могла примѣтить: кто прежде на тафтяной платъ ступалъ, женихъ или невѣста. Видно оба сразу ступали, нога въ ногу.

— А оттого вровень и ступали они, докладывала всѣмъ веселая свашенька, Ирипья Михайловна, — что ровню я сосватала. Молодецъ дѣвчинѣ въ версту какъ разъ, и дѣвчина молодцу въ версту-жь потому. А не ровню-то мнѣ-бъ и не высватать, отъ батюшка тому не обучена.

Наѣзжимъ боярамъ, а по нимъ и всѣмъ новгородцамъ тѣмъ была долго памятна Киріакова свадьба, что то была послѣдняя боярская свадьба, на которой, величая въ пѣснѣ, сказывали славу Господину Новугороду Великому, поминая по имени дородныхъ посадника съ кіе карманы московскіе, иль на дымъ будетъ пущено.

Лука Аввакумовичъ, не взирая на Марѳинъ приказъ, хотѣлъ было отложить отъѣздъ до четвертаго дня свадебнаго, да сама Мамелфа Тимоѳеевна отговорила его.

— Хоть и радость-то намъ больша была бъ, сказала боярыня,—и честь къ тому высокая, что ты, посаженый отецъ, для-ради нашего весельица, остался, а то, Лука Аввакумовичъ, помни, и мы понимаемъ-же, что ждетъ тебя въ Новѣгородѣ не свое како дѣло отложимое, а безотложно дѣло новгородьское, всего, скажи, Господина Великаго Новагорода.

Лука Аввакумовичъ положилъ выѣхать въ тотъ-же день послѣ обѣденнаго стола. Съ этихъ словъ краснохолмской господарыни, благодаря Григорею Петровичу, межь гостей слухъ прошелъ, что Марѳа зоветъ его на степень, потому что теперь нуженъ де Новугороду смышленый посадникъ, чтобъ сумѣлъ государевъ гнѣвъ утишить, а не дастъ Богъ, князь Великій не утишится, такъ боронилъ-бы волю новгородскую.

— Слышь-ко, Лука Аввакумовичъ, сказалъ онъ въ полъ-обѣда, — Курятнику, гляди, и на покой пора.

— Не тако время, Григорей Петровичъ, чтобъ посадника мѣнять, Лука отвѣчалъ.

[1]) Дороговь—дороговизна.

— А я скажу: самое теперь времячко его со степени пихнуть. Лежи молъ на печи, старъ.

— За что́ же такъ?

— За то что Курятникъ. Куръ ему щупать, а не посадничать.

Всѣ даже рты разинули въ ожиданіи что̀ отвѣтитъ бояринъ.

— Курятникомъ, гляди, Григорей Петровичъ, сказалъ Лука, — ястребка зовутъ.

— Да ястребоко-тъ этотъ, скажу, только на куръ и грозенъ, при общемъ смѣхѣ отвѣчалъ Щебельковъ.— А мы ужъ лучше, Лука Аввакумовичъ, за твое здоровьице выпьемъ. Пошли тебѣ, Господи, счастьице!

И Григорей Петровичъ при этомъ кивнулъ головой старичкамъ, и старички выпили за здоровье Луки, желая ему счастья. И наѣзжіе бояре пить не отказывались.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Парки. (Рис. на стр. 1080 и 1081).

Имя талантливаго живописца и рисовальщика, Павла Тумана, хорошо извѣстно въ художественномъ мірѣ. Копіи съ его картинъ, а въ особенности прелестныя иллюстраціи, помѣщаются очень часто на страницахъ журналовъ. Поступивъ 19-ти лѣтъ, въ 1853 году, въ Берлинскую академію, онъ спустя три года переселился въ Дрезденъ. Съ 1860 года начинаютъ появляться его иллюстраціи, въ которыхъ Туманъ по красотѣ и изяществу рисунка не имѣетъ соперниковъ. Въ теченіе почти 30-лѣтняго періода, онъ далъ множество отдѣльныхъ иллюстрацій, а также рисунковъ къ различнымъ выдающимся литературнымъ произведеніямъ. Такъ, между прочимъ, имъ иллюстрированы: Шекспировъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Энохъ Арденъ“ Теннисона, стихотворенія Шамиссо, миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ и много другихъ.

Георгъ I, король Эллиновъ (по поводу двадцать-пятой годовщины вступленія на престолъ). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Ольга Константиновна, королева Эллиновъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Помѣщенная на стр. 1080 и 1081 гравюра передаетъ копію съ картины „Парки“. Какъ извѣстно, эти римскія богини, подобно греческимъ мойрамъ, являлись олицетвореніемъ человѣческой судьбы. По Гезіоду, онѣ были дочерьми Ночи и Эреба. Одна изъ нихъ, Клото, пряха жизненной нити, обыкновенно изображалась съ веретеномъ; другая Лахезида, дарователъница жребія нити, сучила ее, вплетая, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, въ жизнь лавры или розы; а третья—неотвратимая — Атропосъ, вооруженная ножницами, пресѣкала ими нить человѣческаго бытія.

Эолова арфа. (Рис. на стр. 1085).

Одною изъ выдающихся балладъ В. А. Жуковскаго, оригинальною по формѣ и трогательною по содержанію, надо признать его балладу „Эолова арфа“. Въ ней разсказывается о нѣжной привязанности дочери властителя Морвенскаго, могучаго Ордала, прекрасной Минваны къ сладкогласному и смиренному пѣвцу, младому и прекрасному Арминію, который для нея былъ „краше всѣхъ витязей“. Вѣтвистый дубъ

„на холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ“

былъ свидѣтелемъ ихъ тайныхъ свиданій.

Однажды, какъ бы предчувствуя близкую разлуку, унылый пѣвецъ привязалъ свою арфу „подъ наклономъ вѣтвей“.

„Будь арфа для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь,
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалію, цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!“

Предчувствіе не обмануло пѣвца. Молва о свиданіяхъ достигла отца и онъ отправилъ Арминія въ изгнаніе. Съ тѣхъ поръ Минвана часто приходила къ вѣтвистому дубу. Однажды Минвана сидѣла у дерева—„душой вдалекѣ“, какъ вдругъ...

„изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый стонъ“,

и она поняла, что „земля опустѣла и милаго нѣтъ.“ Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ она „ходила на холмъ и звукамъ внимая мечтала о миломъ“. Когда же не стало и Минваны, то при лунномъ свѣтѣ, въ полночный часъ, у завѣтнаго дуба стали появляться двѣ тѣни:

„Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ“.

Юрьевецъ. (Рис. на стр. 1088 и 1089).

Въ двадцати четырехъ часахъ ѣзды отъ Ярославля внизъ по Волгѣ лежитъ у подножія высокаго южнаго берега рѣки уѣздный городъ Костромской губерніи Юрьевецъ, называемый, въ

отличіе отъ Юрьева Владимірской губерніи и Юрьева-Дерпта, Поволжскимъ. Онъ тянется на протяженіи 4 верстъ по склону довольно крутой горы, гдѣ живописно раскинулись небольшіе, преимущественно одноэтажные, домики и нѣсколько храмовъ съ высокими колокольнями, окруженные садами, что̀ нѣсколько оживляетъ окружающія Юрьевецъ безлѣсныя высоты южной стороны, противъ которыхъ въ Волгу впадаетъ рѣка Унжа. Особенно красивъ видъ на городъ съ находящейся за нимъ плоской возвышенности. Изъ-за крышъ и зелени садовъ на десятки верстъ виднѣется величавая Волга, съ ея широкими островами и противолежащимъ низкимъ берегомъ, на которомъ кое-гдѣ мелькаютъ разсѣянныя деревушки среди полей и лѣсовъ. Юрьевецъ принадлежитъ къ числу старѣйшихъ городовъ земли Русской. По преданію, Св. Великій князь Юрій Всеволодовичъ остановился однажды ночевать въ устьѣ рѣки Унжи, и ночью на горѣ увидѣлъ икону Св. Великомученика Георгія, съ горящею передъ ней свѣчой. Въ память этого явленія Юрій Всеволодовичъ основалъ на этомъ мѣстѣ городъ съ церковью во имя Св. Георгія. Во всякомъ случаѣ Юрьевецъ уже безспорно существовалъ съ 1328 г. и былъ извѣстенъ подъ именемъ Георгіевска или Юрьева и въ отличіе отъ соименныхъ городовъ назывался Поволжскимъ. Въ 1448 г. Юрьевецъ отошелъ къ княжеству Московскому, а черезъ три года Василій Темный уступилъ его Суздальскому князю Ивану Васильевичу. Городъ неоднократно былъ опустошаемъ, особенно въ смутное время самозванцевъ. Въ 1708 г. городъ приписанъ къ Казанской губерніи, затѣмъ находился въ Нижегородской провинціи и только въ 1778 г. Юрьевецъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Костромской губерніи. Въ настоящее время городъ насчитываетъ до 4,000 жителей и ведетъ довольтя бойкую торговлю, преимущественно хлѣбомъ и лѣсомъ, хотя значительная часть жителей торгуетъ внѣ города, занимаясь судоходствомъ по Волгѣ и лѣснымъ промысломъ по Унжѣ. Въ послѣдніе годы здѣсь развилась фабрично-заводская промышленность и обороты ея простираются до милліона рублей.

Мостъ черезъ рѣку Бѣлую. (Рис. на стр. 1088 и 1089).

8 сентября открыта, въ присутствіи министра Путей Сообщенія, построенная временнымъ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ *Самаро-Уфимская* дорога, протяженіемъ 452 в., составляющая часть строющейся Самаро-Уфа-Златоустовской линіи. Дорога начинается не отъ Самары, а въ 38 в. отъ нея, у разъѣзда Кинель, гдѣ расходятся двѣ линіи—Оренбургская и Новая-Уфимская. Вторая половина дороги (къ гор. Уфѣ) представляла много трудностей въ постройкѣ. На всемъ протяженіи дороги встрѣчается большое число искусственныхъ сооруженій—трубъ, мостиковъ и мостовъ, по значительнѣйшимъ, выдающимся сооруженіемъ представляется мостъ черезъ рѣку Бѣлую, которую дорога пересѣкаетъ за нѣсколько верстъ до города Уфы. Мостъ черезъ Бѣлую почти такъ же высокъ, какъ Александровскій (Сызранскій) черезъ Волгу, но въ два раза короче его.

Въ свое время журналъ *Нива* познакомилъ своихъ читателей съ волжскимъ мостомъ, считающимся нынѣ по длинѣ первымъ въ Россіи, третьимъ въ Европѣ и шестымъ въ свѣтѣ [1]); теперь мы помѣщаемъ видъ моста черезъ Бѣлую, снятый въ день освященія и открытія дороги, и приводимъ главнѣйшія свѣдѣнія объ этой постройкѣ. Мостъ имѣетъ 6 пролетовъ по 50 саженъ; всего же длина моста между береговыми опорами или устоями до 310 саж. Желѣзное строеніе расположено на двухъ устояхъ и пяти рѣчныхъ опорахъ или быкахъ. Всѣ опоры имѣютъ кессонное основаніе, заложенное на глубинѣ отъ 7 до 8 саж., ниже горизонта низкихъ водъ, частью на сплошной гипсовой скалѣ, частью въ крупномъ гравіи; каждый быкъ основанъ на одномъ желѣзномъ кессонѣ, а каждый устой на трехъ кессонахъ, кладка надъ которыми переходитъ помощью сводовъ въ цѣльный массивъ. Быки по виду своему сходны съ быками волжскаго моста. Подобно волжскому мосту и здѣсь, для свободнаго прохода бѣлянъ въ высокую воду, низъ желѣзнаго строенія возвышается надъ горизонтомъ самыхъ высокихъ водъ (1854 г.) до 5 саж., всего же отъ уровня рельсовъ до низкихъ водъ 11 саж., а до подошвы опоръ отъ 18 до 19 саж. Опоры выведены изъ известняка, ледорѣзы же облицованы песчаникомъ; всего кладки въ устояхъ и быкахъ до 3,000 куб. саж. Кладка выведена на цементномъ растворѣ, для котораго цементъ поставленъ заводами Товарищества К. Шмидта (въ Ригѣ) и Портъ-Кунда (въ Эстляндіи).

Желѣзное строеніе моста въ каждомъ пролетѣ состоитъ изъ 2 фермъ такъ-называемой полупараболической раскосной системы съ нижнимъ прямымъ и верхнимъ криволинейнымъ, очерченнымъ по параболѣ, поясомъ. Высота фермы по серединѣ пролета 40 футовъ, а по концамъ 28 футовъ; фермы связаны между собою вверху и внизу распорками и діагоналями. Ѣзда производится по нижнимъ поясамъ фермъ. Особенность устройства моста черезъ Бѣлую заключается въ томъ, что здѣсь рельсовое полотно поддерживается желѣзными поперечинами, которыя не приклепаны концами своими къ фермамъ, а *свободно лежатъ на нижнихъ поясахъ ихъ*, съ помощью шарнировъ, будучи пропущены сквозь трубчатыя стойки фермъ. Опорныя поперечины, приходящіяся по концамъ пролета, наглухо прикрѣплены къ фермамъ. Всѣ поперечины приведены во взаимную связь склепанными съ ними долевыми балочками, на которыхъ уложены рельсы на деревянныхъ шпалахъ. Такое устройство примѣнено у насъ впервые и одновременно въ мостахъ чрезъ Волгу у Твери на Николаевской дорогѣ, чрезъ Бѣлую Самаро-Уфимской дороги и чрезъ Уфу Уфа-Златоустовской дороги; при подобномъ устройствѣ достигается вполнѣ правильная передача на фермы давленій отъ проходящихъ по мосту поѣздовъ и не происходитъ поперечнаго искривленія мостоваго строенія, происходящаго при проходѣ поѣздовъ въ случаѣ несвободныхъ поперечинъ. Для большей ясности прилагаемъ рисунокъ, представляющій деталь устройства свободной поперечной балки въ мостахъ чрезъ Бѣлую, Уфу и Волгу у Твери. Снимокъ этотъ сдѣланъ во время сборки на Путиловскомъ заводѣ моста чрезъ Волгу у Твери.

[1]) Длина моста чрезъ Тейскій заливъ 3,286, чрезъ Фортскій заливъ 1,607, чрезъ Волгу 1,485 метровъ; первые два моста въ Шотландіи.

Желѣзо для моста через Бѣлую, какъ и для другихъ мостовъ дороги, поставлено Воткинскимъ заводомъ (на Уралѣ). Мостовыя части всѣ изготовлялись у самаго моста, гдѣ контрагентомъ моста устроены были обширныя мастерскія одновременно для мостовъ чрезъ Бѣлую и Уфу; по берегу Бѣлой образовался временной городокъ съ рабочимъ и конторскимъ населеніемъ для моста. Для сборки фермъ на мѣстѣ служили постоянныя подмости, устроенныя между опорами по линіи моста. Желѣзо для пролетныхъ частей моста чрезъ Бѣлую пошло до 220,000 пуд.

Мостъ черезъ Бѣлую начатъ во второй половинѣ 1886 г., всѣ опоры были готовы осенью 1887 г.; тогда же приступлено было къ сборкѣ пролетныхъ частей, которая и окончена была нынѣшнимъ лѣтомъ.

Испытаніе моста, произведенное правительственною коммисіею за нѣсколько дней до открытія движенія, дало, по заключенію коммисіи, прекрасные результаты. Мостъ черезъ Бѣлую, исполненный подъ общимъ вѣдѣніемъ начальника работъ дороги инж. К. Я. Михайловскаго, построенъ контрагентомъ моста инж. В. И. Березинымъ, построившимъ ранѣе мосты черезъ Волгу Оренбургской дороги и Днѣпръ въ Екатеринославѣ. Онъ же строитъ съ подряда мостъ черезъ Уфу. Производителемъ работъ моста чрезъ Бѣлую отъ управленія дороги былъ инж. Вилейшисъ. Проекты желѣзнаго строенія мостовъ черезъ Бѣлую и Уфу составлены проф. Н. А. Бѣлелюбскимъ, съ участіемъ инж. Богуславскаго 2. Сварочное желѣзо Воткинскаго завода для мостовъ Самаро-Уфимской дороги по многочисленнымъ испытаніямъ оказалось высокаго качества.

Восточно-сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества въ Иркутскѣ. (Рис. на стр. 1092).

Императорское Русское Географическое Общество, основанное въ 1845 году въ Петербургѣ, имѣетъ, какъ извѣстно, отдѣлы Кавказскій и Сибирскій. Послѣдній, до открытія университета въ Томскѣ, былъ единственнымъ такъ сказать пріютомъ высшей науки въ Сибири, въ которомъ учащаяся молодежь могла получать какія-нибудь указанія и руководство при желаніи посвятить себя изученію края. Зданіе и библіотека Сибирскаго отдѣла были уничтожены пожаромъ 1879 года. Съ тѣхъ поръ, при помощи частной подписки, воздвиглось новое зданіе, изображенное на нашемъ рисункѣ. Музей и изданія Сибирскаго отдѣла съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все большее значеніе.

Старый зубръ, преслѣдуемый волками.

(Рис. на стр. 1093).

На страницахъ „Нивы“ мы не разъ описывали нравы и жизнь этого вымирающаго жвачнаго, которое уцѣлѣло отъ прошлыхъ вѣковъ лишь въ Бѣловѣжской пущѣ, благодаря покровительству человѣка, да кое-гдѣ на Кавказѣ. Могучія животныя умѣютъ мастерски защищаться отъ своихъ враговъ. Медвѣди и волки могутъ быть опасными только телятамъ, да и то если мать погибла отъ какой-либо случайности и они остались беззащитными. При очень глубокомъ снѣгѣ случается однако, говорятъ, что стая голодныхъ волковъ бросается соединенными силами на одинокаго зубра, утомляетъ его преслѣдованіемъ и наконецъ осиливаетъ, хотя и не безъ тяжкихъ утратъ. Каждый зубръ можетъ однимъ ударомъ ноги разбить въ прахъ вцѣпившагося въ него волка или задушить его тяжестью тѣла, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ нанести ему серіозную рану. Но и этой силѣ, какъ всему на землѣ, положенъ извѣстный предѣлъ—старость. Зубры живутъ отъ 30 до 50 лѣтъ; коровы умираютъ приблизительно лѣтъ на десять раньше быковъ, но и послѣдніе къ старости обыкновенно слѣпнутъ или теряютъ зубы; тогда они конечно уже не въ состояніи ѣсть какъ слѣдуетъ, именно не могутъ отгрызать молодыхъ вѣтвей, худѣютъ, чахнутъ и наконецъ умираютъ. Вотъ такіе-то безсильные инвалиды обыкновенно и становятся жертвой лѣсныхъ хищниковъ, какъ это изображено на превосходномъ рисункѣ Шпехта

Видъ сельдянаго промысла и тяги неводомъ близь Еникале. (Рис. на стр. 1096).

Азовское море вообще поразительно богато рыбою; всѣ мѣстныя условія—въ особенности мелководность моря и обиліе скопляющихся въ немъ органическихъ веществъ—способствуютъ пита-

нію и размноженію рыбы въ Азовскомъ морѣ. Особенно богатъ своими уловами Керченскій проливъ, составляющій переходъ отъ мелководнаго Азовскаго бассейна къ болѣе глубокому и бурному бассейну Чернаго моря. Главную часть рыбныхъ богатствъ Керченскаго пролива составляетъ прекрасная и чрезвычайно вкусная керченская сельдь, которая ловится близъ Керчи, повыше Еникале, въ громадномъ изобиліи: уловъ сельдей здѣсь, въ средніе годы, доходилъ до 8 и до 10 милліоновъ штукъ. Ловъ сельдей въ Еникале бываетъ хорошъ только въ началѣ осени; когда-же вода начнетъ около береговъ покрываться *шерехомъ* (тонкимъ ледкомъ), тогда сельдь, избѣгая его, уходитъ въ Камышъ-Бурунскую бухту, которая лежитъ уже за узкимъ мѣстомъ пролива и гдѣ притокъ соленой воды съ моря настолько великъ, что море не замерзаетъ всю зиму.

Ловъ сельдей производится громадными неводами, которые охватываютъ пространство въ 75—100 саженъ; для вытаскиванія подобныхъ неводовъ необходимо бываетъ прибѣгать къ помощи, по крайней мѣрѣ, 15-ти—20-ти дюжихъ работниковъ. Такіе невода ставятся, обыкновенно, при обиліи сельдей, въ двойномъ количествѣ. Пока одинъ неводъ стоитъ, другой—уже тянутъ, наваливая рыбу большими грудами на берегу, около того поселка, который составляетъ „сельдиной промыселъ“ или лучше сказать „сельдяное промысловое селеніе“. На рыбу набрасывается тотчасъ-же куча бабъ и дѣвокъ, которыя чрезвычайно быстро ее пластаютъ, чистятъ и переносятъ въ ведрахъ въ соляные амбары, гдѣ она опускается въ готовый разсолъ. Способъ приготовленія керченской сельди, до настоящаго времени, самый первобытный, самый небрежный, и это много вредитъ превосходнымъ качествамъ этой рыбы, ничѣмъ не уступающей по вкусу и нѣжности мяса знаменитымъ голландскимъ сельдямъ.

Физика въ домашнихъ опытахъ. (Рис. на стр. 1097).

Въ мартѣ нынѣшняго года бельгійскій физикъ Van der Mensbrugghe прочелъ въ Бельгійскомъ обществѣ микроскопистовъ интересный докладъ касательно изучаемой имъ эластичности поверхностнаго слоя различныхъ жидкостей.

Вотъ передъ нами стаканъ воды, говоритъ этотъ ученый,—вся ли масса наполняющей его жидкости отличается одинаковыми свойствами? Въ теченіе долгаго времени на вопросъ этотъ давали положительный отвѣтъ; нынѣ это стало невозможнымъ. Чтобы уяснить себѣ дѣло, разсмотримъ силы проявляемыя частицами жидкости. Во-первыхъ, мы замѣчаемъ, что частицы жидкости имѣютъ свойство взаимно притягиваться, такъ какъ, опустивъ напр. карандашъ вертикально въ воду и вынувъ его изъ нея, мы увидимъ на концѣ карандаша висящую каплю этой жидкости; если мы эту каплю мысленно пересѣчемъ пополамъ горизонтальною плоскостью, то всѣ частицы капли ниже этой воображаемой плоскости очевидно должны притягиваться частицами находящимися выше плоскости—иначе не могло бы быть равновѣсія и нижняя половина капли должна была бы упасть на полъ. И такъ это сцѣпленіе частицъ зависитъ отъ ихъ притягательной силы.

Съ другой стороны, частицы воды имѣютъ и противоположное свойство—взаимно отталкиваться; въ самомъ дѣлѣ: если мы оставимъ стаканъ съ водою въ покоѣ на нѣсколько дней, кончится тѣмъ, что вся вода въ немъ испарится; не доказываетъ ли это, что кромѣ силы притягательной, сцѣпляющей частицы, онѣ обладаютъ еще и противоположною, заставляющею ихъ взаимно отталкиваться и уноситься вверхъ въ видѣ пара.

Изучая строеніе жидкостей съ этой точки зрѣнія, продолжаетъ референтъ,—я пришелъ къ слѣдующему выводу: въ жидкости не можетъ быть равновѣсія между притягательною и отталкивающею силами, безъ того чтобы въ поверхностномъ ея слоѣ (уровень воды въ стаканѣ) частицы не проявляли стремленія взаимно отталкиваться,—стремленія, которому постоянно противится сила ихъ взаимнаго притяженія.

Отсюда ясно, что этотъ поверхностный слой жидкости можно сравнить съ тонкою эластичною перепонкой, которую растягиваютъ съ нѣкоторымъ усиліемъ и коей упругость постоянно противится болѣе значительному растягиванію. Вотъ почему можно сказать, что поверхностный слой жидкости подвергается дѣйствію силы стягивающей его, подъ вліяніемъ коей онъ стремится какъ можно болѣе сократиться (т. е. занять возможно меньшее пространство).

Какова же толщина слоя обладающаго этою эластичностью? Гг. Плато и Кинке, различными пріемами, вычислили, что толщина этого слоя не превышаетъ $^{1}/_{20000}$ миллиметра. А какъ велико напряженіе этой стягивающей силы? Оно измѣняется, смотря по роду жидкостей, а для одной и той-же жидкости оно ослабѣваетъ съ повышеніемъ ея температуры. При 15° С. стягивающая сила дистиллированной воды равна приблизительно $7^{1}/_{2}$ миллиграммамъ на миллиметръ длины; въ прованскомъ маслѣ она равна $3^{1}/_{2}$, въ керосинѣ $2{,}6$, въ безводномъ алкоголѣ $2^{1}/_{2}$ и въ эфирѣ нѣсколько менѣе 2 миллиметровъ.

Существованіе этой стягивающей силы доказывается нѣсколькими, весьма простыми опытами.

1-й опытъ. Возьмемъ два карандаша, одинъ изъ легкаго дерева и не болѣе 4 миллиметровъ толщины; другой значительно толще. Приложимъ ихъ одинъ къ другому, такъ чтобы они соприкасались по прямой горизонтальной линіи. Наложимъ смоченною кисточкой нѣсколько капель воды на оба карандаша, близъ линіи ихъ соприкосновенія, такъ чтобы прилегающія къ ней части карандашей были хорошо смочены. Получится небольшая масса воды прилегающая къ обоимъ карандашамъ и съ обѣихъ сторонъ вогнуто искривленная, какъ это видно въ разрѣзѣ *a b* на фиг. 1. Карандашъ изъ легкаго дерева будетъ подвѣшенъ къ другому, благодаря стягивающей силѣ вогнутыхъ поверхностей воды *a* и *b* по ту и по другую сторону линіи соприкосновенія карандашей.

2-й опытъ. Вычистимъ какъ можно лучше колечко изъ мѣдной проволоки около 1 миллиметра толщины и 8 центиметровъ въ діаметрѣ; затѣмъ осторожно положимъ его (придерживая пинцетомъ, какъ показано на фиг. 2) на поверхность чистой воды въ хорошо промытомъ сосудѣ. Мѣдное кольцо будетъ плавать на поверхности, не смотря на то что удѣльный вѣсъ его почти въ 9 разъ болѣе удѣльнаго вѣса воды. Это явленіе зависитъ отъ того, что эластичныя (стягивающія) силы жидкости внутри и внѣ окружности кольца даютъ равнодѣйствующую, направленную снизу вверхъ (смотри чертежъ *a* на фиг. 2); точно также плаваютъ на поверхности воды—стальныя иголки, шарики ртути и т. п.

3-й опытъ. Возьмемъ листокъ тонкой и неглазированной бумаги въ 17 центиметровъ длины и 3 центиметра ширины; загнемъ края, такъ чтобы получился продолговатый четвероугольникъ въ 15 центиметровъ длины и 1 центиметръ ширины; приподнимемъ края (имѣющія слѣдовательно 1 центиметръ высоты), сдѣлаемъ на углахъ складочки по діагонали квадратовъ, образованныхъ первыми складками краевъ и получимъ такимъ образомъ длинную коробочку; выравнямъ ея продольныя стѣнки паралельно одна другой (см. фиг. 3). поставимъ ее на столъ, смочимъ кисточкой хорошенько всѣ внутреннія стѣнки водой и нальемъ въ нее воды на 4—5 миллиметровъ высоты. Стягивающая сила поверхностнаго слоя воды тотчасъ заставитъ боковыя стѣнки коробочки сблизиться и такимъ образомъ коробочка закроется сама собою.

4-й опытъ. Возьмемъ цилиндрическую пробку (фиг. 4) въ 2 центиметра толщиною и 4 центиметра длины; въ центръ одного конца ея воткнемъ тонкую желѣзную проволоку въ 6 или 8 центиметровъ длины съ крючечкомъ или чашечкой для груза. На другомъ концѣ пробки приладимъ кольцо изъ тонкой желѣзной проволоки, имѣющее 10 центиметровъ въ діаметрѣ и поддерживаемое двумя ножками изъ той же проволоки, которыя и воткнемъ въ пробку, какъ показано на рисункѣ, т. е. такъ чтобы плоскость кольца была перпендикулярна къ оси пробки и концентрична съ поверхностью конца послѣдней. Сдѣлавъ это, погружаемъ весь снарядъ въ воду, налитую въ банку достаточной глубины. Если грузъ взятъ соотвѣтственнаго вѣса, то пробка будетъ стоять въ водѣ вертикально, высовываясь надъ уровнемъ не менѣе какъ на 8 или на десять миллиметровъ. Если затѣмъ погрузить весь снарядъ отвѣсно въ жидкость гораздо ниже ея уровня и предоставить самому себѣ, кольцо уже не выйдетъ изъ воды; оно поднимется крошечку надъ уровнемъ, образуя съ нимъ двояко-вогнутый менискъ. При этомъ стягивающія силы поверхностнаго слоя даютъ равнодѣйствующую, направленную сверху внизъ и достаточную для того чтобы преодолѣть стремленіе легкой пробки вынырнуть вверхъ.

Если грузъ приноровленъ какъ слѣдуетъ, то равнодѣйствующая вмѣстѣ съ собственнымъ вѣсомъ всего снаряда едва превосходитъ стремленіе пробки вверхъ; въ такомъ случаѣ достаточно приблизить къ водѣ небольшой клочекъ ваты напитанной эфиромъ (что уменьшаетъ стягивающую силу поверхностнаго слоя)—и кольцо тотчасъ отдѣлится отъ жидкости, пробка вынырнетъ и весь снарядъ приметъ первоначальное положеніе.

До сихъ поръ мы производили опыты надъ довольно значительными массами жидкости и притомъ имѣющими лишь одну свободную поверхность; приведемъ теперь еще одно доказательство стягивающей силы поверхностнаго слоя, представляемое незначительнымъ объемомъ жидкости имѣющей два поверхностныхъ слоя въ соприкосновеніи съ воздухомъ, причемъ эффектъ получается еще разительнѣе.

5-й опытъ. Возьмемъ смѣсь изъ одного литра воды, 25 граммовъ марсельскаго мыла и 25 граммовъ леденца; погрузимъ въ нее рамку изъ желѣзной проволоки (см. фиг. 5) и затѣмъ вынемъ рамку изъ жидкости. Рамка будетъ покрыта и заполнена внутри тонкою пленкой раствора, повидимому не имѣющей никакого вѣса, до того ровно она натянута на рамкѣ; на эту пленку положимъ связанную концами бумажную или шелковую нитку; контуръ ея приметъ какую-нибудь случайную извилистую форму, потому что жидкая пленка будетъ находиться какъ внутри контура, такъ и внѣ его. Но какъ только мы прорвемъ пленку внутри контура, нитка быстро натянется и приметъ форму правильной окружности; это результатъ стягивающей силы обоихъ поверхностныхъ слоевъ уцѣлѣвшей пленки внѣ контура. Нитка принимаетъ ту форму, при которой она можетъ охватить наибольшее пространство при данной длинѣ нити; математическій анализъ доказываетъ, что форма эта есть окружность круга.

И такъ вотъ несомнѣнныя доказательства эластичности поверхностнаго слоя жидкостей.

Царскій курганъ въ Керчи. (Рис. на стр. 1100).

Крымъ представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ уголковъ

европейскаго древняго міра. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанской эры полуостровъ былъ заселенъ колоніями грековъ, которыя процвѣтали въ Тавридѣ, расширялись и богатѣли постепенно и раскинулись, наконецъ, широкою цѣпью по всему южному, юго-восточному и юго-западному берегу Крыма. Къ числу богатѣйшихъ греческихъ колоній принадлежалъ и городъ Пантикапея (нынѣшняя Керчь), занимавшій весьма важное въ географическомъ смыслѣ положеніе у входа въ Азовское море. Захваченныя варварами, греческія колоніи держались еще долгое время, не утрачивая своего торговаго и культурнаго значенія, и вошли въ составъ того Воспорскаго царства, которое скиѳы основали на Таврическомъ полуостровѣ и на прибрежьяхъ Азовскаго моря. Другія азіятскія орды нахлынули сюда впослѣдствіи и стерли съ лица земли послѣдніе остатки цвѣтущихъ греческихъ городовъ: отъ нихъ остались только обломки и развалины зданій въ землѣ да гробницы, обильныя бытовыми остатками, краснорѣчиво свидѣтельствующими о высокой образованности и о художественномъ вкусѣ нѣкогда жившихъ здѣсь грековъ. Около Керчи (Пантикапеи) рядъ высокихъ могильныхъ насыпей (кургановъ) тянется почти непрерывною дугообразною цѣпью отъ Азовскаго моря, съ сѣвера, къ Павловскому мысу; другой рядъ такихъ же кургановъ огибаетъ Керчь съ запада и оканчивается у горы Митридата, которая подошвою своею упирается въ проливъ. Къ сѣверу отъ Керчи, по дорогѣ къ нынѣшнему карантину, встрѣчается также множество кургановъ, расположенныхъ рядами. Такими же рядами кургановъ покрыта и вся поверхность горы Митридата, и подъ этими насыпями расположены древнія Пантикапейскія катакомбы. Особая Археологическая коммисія, щедро поддерживаемая крупными суммами, назначенными на содержаніе ея еще императоромъ Николаемъ Павловичемъ, вотъ уже около полувѣка работаетъ надъ раскопкою керченскихъ кургановъ, и далеко еще не исчерпала всѣхъ тѣхъ сокровищъ, которыя заключаются въ нѣдрахъ керченскихъ гробницъ. Нѣсколько залъ Эрмитажа, наполненныхъ драгоцѣнною добычею этихъ раскопокъ, служатъ осязательнымъ доказательствомъ тѣхъ трудовъ, которые были Коммисіею употреблены на выполненіе трудной и сложной археологической задачи. Многое въ этихъ залахъ Эрмитажа составляетъ величайшую драгоцѣнность въ томъ смыслѣ, что не встрѣчается въ другихъ, даже богатѣйшихъ музеяхъ Европы, и сохраняетъ намъ память о тѣхъ чертахъ быта древнихъ, которыя остались бы для насъ совершенно неизвѣстными, если-бы мы не разработали керченскихъ древностей.

Отдѣльныя гробницы обширной керченской усыпальницы получили особыя названія. Одна изъ нихъ, которой рисунокъ мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*, называется *Царскою* могилою потому, что представляетъ огромное, величавое и чрезвычайно сложное сооруженіе. Это самая большая изъ доселѣ извѣстныхъ керченскихъ гробницъ. Она находится на сѣверо-востокѣ отъ Керчи, въ 4-хъ верстахъ, близъ керченскихъ зданій. Огромныя стѣны составляли входъ въ гробницу; этотъ входъ заложенъ былъ большими плитами, скрѣпленными по концамъ свинцомъ. Весь курганъ надъ гробницею сложенъ изъ правильно расположенныхъ слоевъ глины и крупнаго камня. Въ окружности, у самой подошвы, онъ имѣетъ 125 саженъ; узкій входъ въ гробницу простирается на 17 саженъ. Огромныя боковыя стѣны гробницы, внутри кургана, сходятся вверху и составляютъ коническій сводъ, состоящій изъ 11 уступовъ камней, которые горизонтально положены одинъ на другой. Высота гробницы, отъ основанія до верхняго камня, замыкающаго сводъ, равняется пяти саженямъ. Надъ нижними стѣнами видны другія стѣны, составляющія сначала многоугольникъ, а потомъ кругъ, восходящій въ видѣ правильнаго конуса. По свидѣтельству древнихъ писателей, такія кругообразныя гробницы относятся къ временамъ весьма отдаленнымъ. Изящество отдѣлки, правильность и несокрушимая прочность Царской гробницы—поразительны. Внутри гробница, при раскопкахъ, оказалась разграбленною за много вѣковъ до нашего времени.

Король Эллиновъ Георгъ I и королева Греческая Ольга Константиновна.

(Рис. на стр. 1101).

На-дняхъ праздновалось двадцатипятилѣтіе вступленія на престолъ короля Эллиновъ Георга I. Помѣщая портретъ его величества, считаемъ своевременнымъ напомнить читателямъ главнѣйшія даты. Георгъ I (Христіанъ-Вильгельмъ-Фердинандъ-Адольфъ), второй сынъ короля Датскаго, Христіана IX, и королевы Луизы, родился 12 (24) декабря 1845 г. До вступленія на престолъ Греціи, принцъ носилъ имя Вильгельма, получилъ образованіе въ Копенгагенѣ и посвятилъ себя морской службѣ. Когда старшая сестра его, принцесса Александра, въ сопровожденіи родителей и всей семьи, отправилась 26 февраля (10 марта) 1863 года въ Англію для бракосочетанія съ принцемъ Вельсскимъ, принцъ Вильгельмъ также сопутствовалъ ей, и при этомъ обратилъ на себя вниманіе англійскихъ государственныхъ людей, искавшихъ кандидата на вакантный Греческій престолъ. Россія и Франція благосклонно отнеслись къ этой кандидатурѣ, и уже 11 (23) марта англійскій посолъ въ Аѳинахъ объявилъ временному правительству, что три покровительствующія державы остановили свой выборъ на принцѣ Вильгельмѣ, который и былъ 18 (30) марта въ греческомъ національномъ собраніи единогласно избранъ королемъ, подъ именемъ Георга I.

13 (25) апрѣля въ Копенгагенъ прибыла депутація, съ адмираломъ Константиномъ Канарисомъ во главѣ, звать принца въ Грецію. Но рѣшеніе дѣла нѣсколько замедлилось, такъ какъ Датскій дворъ обусловилъ свое согласіе нѣкоторыми требованіями. Кромѣ присоединенія Іоническихъ острововъ къ Греціи, новый король долженъ былъ получать, сверхъ 1.000,000 драхмъ по штату, ренту въ 12,000 фунтовъ стерлинговъ, коею обезпечивались державамъ покровительницамъ проценты съ греческаго государственнаго долга. 18 (30) мая греческое національное собраніе согласилось на это требованіе и дѣло было окончательно улажено протоколомъ трехъ державъ покровительницъ (въ Лондонѣ, 5 іюня). На другой день принцъ Вильгельмъ принялъ предложенную ему корону и 15 (27) іюня былъ признанъ со стороны Греческаго національнаго собранія совершеннолѣтнимъ. 31 августа (12 сентября) король Георгъ подписалъ актъ, коимъ за себя и за свое потомство передалъ младшему брату Вальдемару и меньшимъ, буде таковые произойдутъ отъ брака его родителей, старшинство по датскому престолонаслѣдію. 5 (17) октября онъ отплылъ изъ Копенгагена и 18 (30) октября, высадясь въ Пиреѣ, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Аѳины, гдѣ на другой день, въ національномъ собраніи, принялъ присягу на вѣрность конституціи и бразды правленія.

По конституціи, наслѣдникъ короля Георга и прочее его потомство должны принадлежать православной церкви. Послѣдовавшее при его вступленіи на престолъ присоединеніе Іоническихъ острововъ, а 15 (27) октября 1867 года бракосочетаніе короля съ дочерью Великаго Князя Константина Николаевича, Великою Княжной Ольгой Константиновной, и воспитаніе дѣтей ихъ въ духѣ православія, укрѣпили его династію. Что касается національныхъ стремленій Грековъ присоединить Ѳессалію, Эпиръ и Кандію, то новый король относился къ нимъ гораздо благосклоннѣе своего предшественника. Эта перемѣна политики проявилась уже при возстаніи Кандіотовъ въ 1868 году. Въ восточномъ кризисѣ 1876 года король старался оставаться въ добромъ согласіи съ великими державами. Въ 1878 году министерство и палаты побудили короля къ занятію Ѳессаліи, но вслѣдствіе неблагопріятнаго военно-политическаго положенія, черезъ нѣсколько дней по выступленіи войскъ въ походъ, послѣдовалъ приказъ вернуться. Такъ какъ Порта не обратила вниманія на постановленія Берлинскаго конгресса 1878 и Берлинской конференціи 1880, то король въ 1880 году предпринялъ поѣздку ко дворамъ великихъ державъ, чтобы обезпечить ихъ благосклонность видамъ Греціи. Наконецъ въ 1881 году бо́льшая часть Ѳессаліи и нѣкоторая часть Эпира были присоединены къ Греціи.

Дѣти отъ брака Георга I съ королевою Ольгой Константиновной: наслѣдный принцъ Константинъ, герцогъ Спартанскій (р. 1868 г.); принцъ Георгъ (р. 1869); принцесса Александра (р. 1870); принцъ Николай (р. 1872); принцесса Марія (р. 1876); принцесса Ольга (р. 1880) и принцъ Христофоръ (р. 1888).

Событіе 17-го октября.

Внезапно, какъ благодатный Божій громъ въ безоблачномъ небѣ, потрясла Россію ужасающая вначалѣ и затѣмъ несказанно радостная вѣсть о чудесномъ избавленіи Государя Императора со всей Августѣйшей Семьей Его, а съ Ними и всѣхъ русскихъ людей, отъ страшной опасности. Примемъ съ благоговѣніемъ и сложимъ въ сердцахъ нашихъ это свидѣтельство особаго благоволенія Царя царствующихъ и Господа господствующихъ къ Помазанникамъ Его.

Вотъ подробныя свѣдѣнія о крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 года, на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ (сообщенныя министромъ Императорскаго Двора по телеграфу со станціи Долгинцево, отъ 18 октября).

Императорскій поѣздъ, вышедшій изъ ст. Тарановка въ полдень 17 октября, потерпѣлъ крушеніе на 277-й верстѣ, между ст. Тарановка и Борки, на насыпи, пролегающей чрезъ довольно глубокую балку. Во время крушенія, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, со всѣмъ Августѣйшимъ Семействомъ, и лица Свиты, находились за завтракомъ, въ вагонѣ-столовой. При сходѣ съ рельсовъ перваго вагона произошла страшная качка; слѣдующіе вагоны слетали на обѣ стороны; вагонъ-столовая, хотя и остался на полотнѣ, но въ неузнаваемомъ видѣ: все основаніе съ колесами выбросило, стѣнки сплюснулись и только крыша, свернувшись на одну сторону, прикрыла находившихся въ вагонѣ. Невозможно было представить, чтобы кто-либо могъ уцѣлѣть при такомъ разрушеніи. Но Господь Богъ сохранилъ Царя и Его Семью: изъ обломковъ вагона вышли невредимыми Ихъ Величества и Ихъ Августѣйшія Дѣти. Спаслись и всѣ находившіеся въ этомъ

вагонѣ лица, получивъ лишь легкіе ушибы и царапины. кромѣ флигель-адъютанта Шереметева, который пострадалъ болѣе другихъ, но не тяжело. Къ прискорбію, гибель прочихъ изъ разбитыхъ частей поѣзда сопровождалась несчастіями. Убиты: фельдъегерскаго корпуса штабсъ-капитанъ Брешъ, лѣкарскій помощникъ, коллежскій ассесоръ Чекуверъ, писецъ повѣсточной части Шернбергъ, оффиціантъ Лаутеръ, ѣздовые Шашинъ и Басковъ, камеръ-казакъ Сидоровъ, егерь В. Григорьевъ; изъ поѣздной прислуги: слесаря Оноришникъ и Итинъ; кондукторы Стрѣльчунось и Королисъ; обойщикъ Лингенфельдъ; желѣзнодорожнаго батальона нижніе чины: Ганадуринъ, Загурскій, Медвѣдевъ, Прусъ, Звѣревъ и Коровкинъ. Раненыхъ 18. Дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Шервалъ, находившійся въ своемъ купэ, получилъ сильный ушибъ. Государь Императоръ изволилъ лично распоряжаться организаціей помощи раненымъ. Несмотря на крайне дурную погоду, при пронизывавшемъ дождѣ и сильной грязи, Его Величество нѣсколько разъ спускался подъ откосы къ убитымъ и раненымъ и помѣстился въ вытребованный къ мѣсту крушенія свитскій поѣздъ только тогда, когда послѣдній раненый былъ перенесенъ въ санитарный поѣздъ, прибывшій, по требованію, изъ Харькова. Раненые отправлены въ Харьковъ въ сопровожденіи генералъ-майора Мартынова, а полковникъ Гернстъ оставленъ на мѣстѣ крушенія для распоряженія по отправленію тѣлъ убитыхъ и сбору вещей изъ разбитыхъ вагоновъ. Государь Императоръ повелѣлъ перевезти останки погибшихъ въ Петербургъ и озаботиться обезпеченіемъ ихъ семействъ. Вслѣдствіе прегражденія пути, свитскій поѣздъ съ Ихъ Величествами и Августѣйшимъ Ихъ Семействомъ, былъ направленъ для движенія по Екатерининской линіи, на ст. Лозовую. На этой станціи приглашеннымъ, по Высочайшему повелѣнію, сельскимъ духовенствомъ были отслужены, въ Высочайшемъ присутствіи, панихида по скончавшимся жертвамъ несчастнаго случая и благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю дивнаго избавленія отъ величайшей опасности. По окончаніи богослуженія, Государь Императоръ пригласилъ всѣхъ находившихся въ поѣздѣ, включая и прислугу, въ станціонную залу, на поздній обѣдъ. Слѣдствіе выяснитъ точную причину крушенія поѣзда; но о какомъ-либо злоумышленіи въ этомъ несчастномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ. „НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,

издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

Въ теченіе **девятнадцати лѣтъ** изданія, „Нива“ съ каждымъ годомъ постепенно улучшалась въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ, увеличивалась въ объемѣ и годъ отъ году давала все лучшія безплатныя преміи, а въ послѣдніе годы, кромѣ обычной большой преміи, выдавала по нѣскольку экстренныхъ приложеній, состоящихъ изъ отдѣльныхъ, для каждаго весьма полезныхъ, таблицъ съ изображеніями различныхъ предметовъ знанія, печатанныхъ нѣсколькими красками, на толстой веленевой бумагѣ. Вообще, съ теченіемъ времени, „Нива“ дѣлалась все богаче и разнообразнѣе, что конечно не осталось незамѣченнымъ нашими читателями.

Улучшая такимъ образомъ свой журналъ, мы довели его до объема почти вдвое большаго, чѣмъ онъ былъ 19 лѣтъ тому назадъ.

При такихъ капитальныхъ улучшеніяхъ, мы естественно несли все большіе и большіе расходы по изданію журнала, а между тѣмъ подписная цѣна „Нивы“ оставалась та же, что была и при началѣ изданія.

Имѣя въ виду и на будущее время расширять объемъ журнала, всесторонне улучшать его, **совершенствовать главную премію** и увеличивать по возможности количество безплатныхъ приложеній, мы **поставлены въ необходимость** нѣсколько возвысить подписную цѣну „Нивы“.

Въ портфелѣ Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова—**„Опасная игра“**, романъ.
Н. Висковатова—**„Головка съ натуры“**, разсказъ.
Кн. М. В. (автора романа *Дѣти Солнцева*) — **„Мнимая любовь“**, романъ въ 2 част.
Графа А. А. Голенищева-Кутузова—**„Время“**, стихотвореніе.
Князя Д. Н. Голицына-Муравлина—**„Увлеченіе“**, повѣсть.
П. Дорошенко—**„Кто же?“** современный разсказъ.
В. П. Желиховской—**„Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина“**, разсказъ.
М. В. Крестовской—**„Торжество Юліи Андреевны“**, романъ.
Н. В. Кукольника—**„Крѣпостной художникъ“**. (Посмертное произведеніе).
Евгенія Львова—**„Три могикана“**, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи.
В. И. Немировича-Данченко—**„Подъ звонъ колоколовъ“**, ром. въ 2-хъ част.
П. Н. Полевого—**„Корень зла“**, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.
Графа Е. А. Саліаса — **„Барыни-крестьянки“**, историческій романъ.
Н. Северина—**„Перепутала“**, комедія въ 1 дѣйствіи.
Н. Станицкаго—**„Дѣдушка“**, разсказъ.
А. В. Стернъ—**Божье дитя“**, разсказъ.
Ѳ. Ѳ. Тютчева—**„Артемій Саватьевъ“**, разсказъ.
А. Фета—**„Внѣ моды“**, повѣсть.
Кн. Д. Н. Церетелева—**„Иранское преданіе“**.
О. Чюминой—**„Загадка“**, комедія въ 1 дѣйствіи.

Далѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе **1889 года „Нива“** дастъ болѣе 50 портретовъ **русскихъ** общественныхъ дѣятелей съ біографіями, сотни **оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ** и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ **РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ**, множество видовъ **русскихъ** городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной **русской** жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и заграницей.

Кромѣ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ**, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ **„Нива“** выдается **особое безплатное ежемѣсячное приложеніе** „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до **500 модныхъ гравюръ** въ годъ, до **350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ** и множество **РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ**, до **400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину**, множество **буквъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.**

Какъ главную премію на 1889 г. гг. **годовые** подписчики имѣютъ безплатно получить большую **олеографическую** картину печатанную масляными красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“,

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. **14¾** вершк. вышины и **полтора аршина ширины.**

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ, **„Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера**, даетъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ **„Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“ проф. В. Д. Орловскаго** превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, осѣненный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шири облегающей его степи.

Мы выставляемъ въ непродолжительномъ времени картину въ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у **Н. Н. Печковской**, Петровскія линіи	6 р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи.	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	6 р. 50 к.			За границу	9 р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ **Главную Контору Редакціи „НИВЫ“** (А. Ф. Марксу), въ **С.-Петербургъ**, Невскій проспектъ, д. № 6.

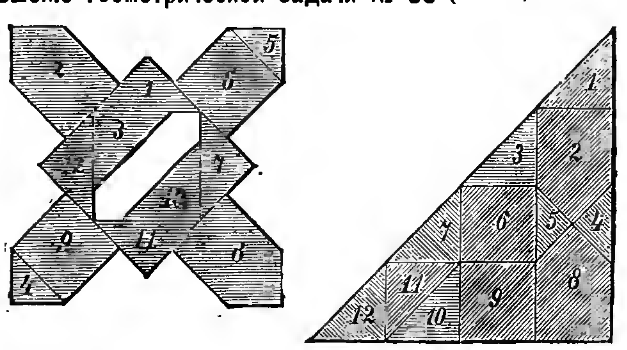
Редакція и издатель „НИВЫ“.

Смѣсь.

Въ римскомъ ежемѣсячномъ журналѣ *Ephemerides Liturgicae* помѣщено интересное сообщеніе объ одной изъ предлагаемыхъ реформъ календаря. Французское астрономическое общество, назначившее премія за лучшее предложеніе, присудило первую премію за работу нѣкоего Гастона Армелэна. Онъ упрощаетъ календарь слѣдующимъ образомъ: день новаго года считается совершенно отдѣльно, не идя въ счетъ ни мѣсяца, ни недѣли, а просто обозначается какъ день новаго года. Затѣмъ остается раздѣлить 364 дня; они дѣлятся на четыре четверти года (триместра), въ каждой по 91 дню, что составитъ 13 недѣль. Въ первомъ изъ 3 мѣсяцевъ триместра считается 31 день, а въ двухъ остальныхъ по 30. Наступающій черезъ каждые четыре года високосный день занимаетъ тоже отдѣльное мѣсто, какъ и день новаго года. Таковы главныя основанія предлагаемой реформы, которая во всякомъ случаѣ значительно упростила бы календарь; всѣ года были бы равны, всѣ триместры также; мѣсяцы, имѣющіе 31 день, повторялись бы въ правильномъ порядкѣ и всѣ дни мѣсяца приходились бы ежегодно въ одинъ и тотъ же день недѣли. Реформа эта имѣла бы особенно важное значеніе для церковнаго календаря, который можетъ измѣняться сообразно съ наступленіемъ праздника Пасхи, 36-ю различными способами. Между тѣмъ, когда воскресные дни приходились бы всегда въ опредѣленныя числа мѣсяца, Пасха могла бы выпасть только на одно изъ пяти воскресеній, а календарь мѣнялся бы только 5-ю способами. Неподвижная установка воскресныхъ дней въ опредѣленныя числа устранила бы пререканія о праздникахъ и т. д. Вышеназванный журналъ замѣчаетъ, что эта реформа въ своихъ основныхъ чертахъ предлагалась уже въ 1835 г. аббатомъ Мастрозини, но теперь она гораздо послѣдовательнѣе разработана Армелэномъ. (с.)

Долговая росписка Торквато Тассо. Часто встрѣчаемые разсказы про лишенія и нищету, которыя приходится испытывать писателямъ, къ сожалѣнію, не суть плоды фантазіи. Печальнымъ подтвержденіемъ этого факта можетъ служить автографъ знаменитаго италіанскаго поэта, автора „Освобожденнаго Іерусалима", найденный при продажѣ съ аукціона собранія рукописей выдающихся лицъ. Этотъ лоскутокъ бумаги, написанный рукою Тассо, гласитъ такъ: „Я, нижеподписавшійся, симъ удостовѣряю, что получилъ отъ Джіакомо Коста 25 лиръ, подъ залогъ шпаги моего отца, шести сорочекъ, четырехъ простынь и двухъ салфетокъ. Марта 2 дня 1579 года. Торквато Тассо". Тассо было тогда 26 лѣтъ отъ роду. Онъ жилъ въ глубокой нищетѣ, что и заставило его, какъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутая росписка, заложить шпагу, унаслѣдованную имъ годъ назадъ отъ отца, который при помощи ея блестяще сражался подъ знаменами герцога Мантуанскаго. (с.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 63 (помѣщ. въ № 39).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** — В. Постникова, Ѳ. Студенова, А. Сазонова, П. Александрова, Н. В. Панкова, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Дикабургъ** — Е. Арбузовой, **Кіевъ** — А. П. Шульженко, **Кудрунюла** — Н. Г. Яксъ, **Лебедянь** — В. И. Чурилина, **Прохладная** — Н. А. Иванкова, **Смоленскъ** — В. Хонъ, **Самара** — М. А. Смирнова, **Чернизово** — А. Е. Рѣщикова, **Уфа** — К. Фомкиныхъ, **Чудины** — Зосимовскаго. **Шацкъ** — А. Филимоновича.

Рѣшеніе ребуса № 62 (помѣщеннаго въ № 39).
„За весельемъ горе идетъ".

Рѣшеніе шахматной задачи № 65 (помѣщенной въ № 39).

Бѣлые.	Черные.
1. Кр. h2 — h3	f4 — f3
2. Л e1 — d1+	Куда угодно.
3. Ф b2 — h2 или Ф b2 — e5++	
1.	Кр. d6 — c7
2. Ф b2 — e5+	Кр. c7 — d8
3. Ф e5 — b8++	
1.	c5 — c4
2. Ф b2 — d4+	Кр. d6 — c7
3. Ф d4 — b6++	

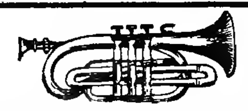
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — В. Усова, В. И. Шошина, А. Маснера, Шипицына, **Москва** — Н. Геоздичкина, **Богатое** — А. Алфеева, **Ковно** — А. Г—аго, **Калуга** — С. Н. Соколова, **Курскъ** — Э. С., **Смоленскъ** — В. Рачинскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 64 (помѣщенной въ № 39).

Бѣлыя.	Черныя.
1) b 8 — a 7	1) g 1 — d 4
2) a 5 — b 6	2) c 7 — a 5
3) d 2 — c 3	3) d 4 — b 2
4) a 7 — e 3	4) f 4 — d 2
5) f 8 — b 4	5) a 5 — c 3
6) h 6 — d 6	6) f 6 — e 5
7) d 6 — f 4	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — А. А. Поспѣева, В. Н. Шошина, **Москва** — Н. Гаерклоеа, **Калуга** — С. Н. Соколоеа.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Корнетъ-а-пистоны, трубы, флейты, кларнеты, пиколо-флейты, флажолеты, чеканы, мюзеты и всѣ проч. духовые инструменты и принадлежности къ нимъ.

Пріемъ въ починку.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно. Mt. № 3444

ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Д. А. АЛЕКСАНДРОВА

Невскій просп., № 53, въ С.-Петербургѣ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, віолончели, басы. Смычки 1½—50 мар. Футляры 3½—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Патентованная нѣмая скрипка для учениковъ (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Сарасате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

Р. № 3468 Крейцнахъ. 9—1

= ВАЖНО ДЛЯ ТОРГОВЦЕВЪ. =

НОВѢЙШІЯ

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛКИ

изъ стекла, металла и ламетта въ большомъ выборѣ предлагаю и отправляю во внутрь Россіи для образца:

Цѣлая коллекція. . С. Р. 10 — } съ дост.
Половина . . . . . „ „ 5 25 }

и свѣчи для елки. № 3464

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ.

С.-Петербургъ, Садовая, № 12.

ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 коп., съ перес. 2 руб., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 коп. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Обществѣ торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торговл. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38. № 3439

Близъ Тифлиса продается лѣсъ съ мѣдн. и др. рудниками. А. Ф. Шталь. Тифлисъ.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. **Всеволода Соловьева.** СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Въ книжн. маг. „Нов. Времени" и на станц. ж. д., продается новая книга:

ФИЗІОЛОГІЯ ЛЮБВИ

П. Мантегацца. Перев. съ 3-го итальянск. изд. С. и М. Цѣна 1 р. 50 коп.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3393

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ".

К. МАСЛЯННИКОВА.

Много рисунковъ, практическіе безплатн. отвѣты на вопросы, съ рисунк. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. **Безплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ.** Программа высылается безплатно. На годъ **6 р.** № 3455

ЭЛЕВАТОРЫ,

ихъ конструкц. и значеніе для Россіи. **К. Масляникова. 12 рис.** Съ перес. 40 к. **Главнѣйшія причины сельско-хозяйственн. кризиса** и мѣры къ его прекр. Съ пер. 15 к. Спб. Надеждинская, № 39.

№ 4711

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различнымъ запахомъ:

Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ, геліотропъ, ландышъ, оппопонаксъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая.

Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.

Цѣна за флаконъ

содержащій ¼ фунта

1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3359 6—3

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

у Алекс. ТИСЪ и К°.

Пушкинская, № 4.

ЛИБИХА КОМПАНІИ

МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ

Настоящія лишь тѣ банки снабженныя подписью *J. v. Liebig* СИНЯГО ЦВѢТА

8—5 Главное депо для Россіи: братья Фохтсъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

ВАСИЛ. ПЕРЛОВЪ

съ СЫНОВЬЯМИ

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ ВЪ МОСКВѢ БОЛѢЕ СТА ЛѢТЪ.

СОБСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ НАХОДЯТСЯ:

Въ Петербургѣ: 1) Загородный пр., № 26.
„ 2) Садовая, пр. Гостин. двора, 16.
„ 3) Невскій, бл. Надеждинской, 90.
„ 4) Садовая, близъ Сѣнной, № 44.
„ 5) Чернышевъ мостъ, 64.
„ 6) Литейная, 25.
„ 7) Петербургская стор., Бол. пр., 38.
Москвѣ: 1) Первая Мѣщанская, собственный домъ.
„ 2) Варварка.
„ 3) Тверская, д. Малькіель.
„ 4) Калужскій рынокъ.
„ 5) Нѣмецкій рынокъ.
„ 6) Покровскія ворота.
„ 7) Пречистенскія ворота.
„ 8) Китайскій проѣздъ.
„ 9) Петровскія линіи.
„ 10) Смоленскій рынокъ.
„ 11) Пятницкая, д. Филиппова.
Варшавѣ: 1) Налевки, 10.
„ 2) Новый Свѣтъ, 33.
„ 3) Лѣшно, 15.
„ 4) Маршалковская, 44.
„ 5) Прага, 7.
„ 6) Электоральная, 10.
Кіевѣ: 1) уголъ Крещатика и Думской площади.
„ 2) Крещатикъ, 44.
Кіевѣ: 3) Александровская, 87.
Харьковѣ: 1) Николаевская площадь.
„ 2) Московская, 28.
„ 3) Екатеринославская, 22.
Курскѣ: 1) Московская, 26.
„ 2) Херсонская, 12.
Одессѣ—Ришельевская.
Нижнемъ-Новгородѣ—Сафронская пл.
Тифлисѣ—Эриванская.
Ригѣ—Купеческая.
Орлѣ—Болховская.
Саратовѣ—Александровская.
Воронежѣ—Дворянская.
Таганрогѣ—Петровская.
Вильно—Большая.
Новочеркаскѣ—Платовскій проспектъ.
Кременчугѣ—Херсонская.
Елисаветградѣ—Перспективная.
Владикавказѣ—Александровскій пр.
Динабургѣ—Петербургская.
Тамбовѣ—Базарная.
Псковѣ—Великолуцкая.
Островѣ—Большая.
Минскѣ—Соборная.
Витебскѣ—Замковая.
Либавѣ—Ново-Базарная.
Дерптѣ—Большой рынокъ.
Ревелѣ—Большой рынокъ.
Нижегородской ярмаркѣ.
Вѣнѣ—Kärtnerring, 15.
Берлинѣ—Friedrich Strasse, 65.
Парижѣ—Rue d'Enghien, 39.

Благодаря хорошему курсу, доброта чая значительно улучшена, поступилъ въ продажу чай на 1 р. 40 к.

и увеличена скидка покупающимъ не менѣе 50 фунт.

Условія оптовой продажи высылаются по требованію.

Контора, главный складъ и развѣска въ Москвѣ: Первая Мѣщанская, соб. домъ. № 8465

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

Помады высшаго качества и воды для волосъ

ХИННАЯ И ТОНИЧЕСКАЯ

приготовленныя съ разрѣш. СПБ. Врачебн. Управленія.

Экстрактъ Вежеталь Віолетъ де-Пармъ по 90 коп | **Шампуйнь для мытья головы по 40 коп.**

Бриліантинъ Эссъ-Букс по 90 коп.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1. Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенскаго просп. и Казанской ул., д. Шредера, № 18—54.

(Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1. На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ХИМИЧЕСКАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

== ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ ==

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Рt. № 3452 1—1

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (40) № 2946

Дозвол. цензур., СПБ., 26 октября 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. | г. XIX

№ 45 | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 5 ноября 1888 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1888 г., съ 32 гравюрами и отд. листъ съ 28 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

М. П. Лазаревъ.

Кто изъ русскихъ не знаетъ, сколько славныхъ дѣлъ совершилъ нашъ флотъ, сколькими неувядаемыми лаврами покрылъ онъ себя. Но далеко не многимъ извѣстно, кто способствовалъ этой славѣ, кто, напримѣръ, былъ устроителемъ и учителемъ знаменитаго Черноморскаго флота, нашедшаго свою безвременную погибель въ роковую Севастопольскую годину. Безъ малаго двадцать лѣтъ управлялъ флотомъ этотъ виновникъ славы его, и возсоздавъ наши морскія силы, поставилъ флотъ на такую высоту, что онъ сталъ возбуждать зависть иностранцевъ. Этотъ замѣчательный дѣятель — Лазаревъ, тотъ самый адмиралъ Лазаревъ, который оказалъ столько услугъ отечеству и на боевомъ поприщѣ, и на административномъ, и, наконецъ, въ качествѣ кругосвѣтнаго плавателя. Въ нынѣшнемъ году исполнилось столѣтіе со дня рожденія его, и поэтому будетъ весьма кстати вспомнить о немъ, отдать должное доброй памяти необыкновенно трудолюбиваго, энергичнаго, храбраго и въ высшей степени способнаго человѣка. Адмиралъ Лазаревъ улучшилъ кораблестроеніе, укомплектовалъ число линейныхъ судовъ—и суда, построенныя его стараніями, отличались прочностью, красотой отдѣлки, возбуждая удивленіе не только соотечественниковъ, но даже иноземцевъ; онъ усовершенствовалъ морскую артиллерію, введя многія новыя приспособленія и употребленіе орудій новаго типа; устроилъ адмиралтейства въ Николаевѣ и Новороссійскѣ со всѣми современными улучшеніями, а для адмиралтейства въ Севастополѣ выбралъ мѣсто и выработалъ планъ. Отстроенное послѣ кончины адмирала, оно, по Высочайшему повелѣнію, названо *Лазаревскимъ*. Имъ же приведено въ блестящее состояніе также и Гидрографическое Депо, почти не существовавшее въ 1833 году, и затѣмъ издавшее много отличныхъ картъ и всевозможныхъ книгъ, относящихся до мор-

Адмиралъ М. П. Лазаревъ (по поводу сотой годовщины его рожденія).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

скаго искусства. Помимо спеціальныхъ работъ по флоту, Лазаревъ занимался „классическими постройками“ въ Севастополѣ; два раза воздвигъ зданіе библіотеки для морскихъ офицеровъ, построилъ доки и украсилъ городъ церковью Петра и Павла, домами Морскаго Собранія, училища для дѣвицъ и т. п. Для Лазарева, страстно преданнаго морскому дѣлу и всему что такъ или иначе съ этимъ дѣломъ было связано, „не существовало другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ моря: въ нихъ сосредоточивалось его честолюбіе, его надежды, помыслы, весь смыслъ его жизни. „Политикой, дипломатіей онъ не занимался; многіе, въ томъ числѣ и Н. Н. Муравьевъ отзывались, поэтому, о Лазаревѣ, какъ о человѣкѣ, устранявшемъ отъ себя всѣ распоряженія выходившія изъ круга его прямыхъ обязанностей, но это, напротивъ, слѣдуетъ ему вмѣнить въ заслугу. Какъ преобразователь флота, Лазаревъ одновременно обращалъ все свое вниманіе на внѣшнее устройство его и на внутреннее состояніе. Своимъ подчиненнымъ онъ старался передать то изумительное рвеніе и любовь къ дѣлу, которыми онъ былъ самъ проникнутъ всецѣло. Онъ внесъ во флотъ совершенно иной духъ, такъ сказать, почистивъ личный составъ его, внесъ живую силу, направивъ всѣхъ и каждаго къ благородной цѣли совершенствованія. „Служа примѣромъ неутомимой дѣятельности,—говоритъ одинъ изъ біографовъ Лазарева—онъ требовалъ отъ подчиненныхъ не занятій *между прочимъ*, а посвященія всѣхъ силъ избранному поприщу.“ Характеристика, сдѣланная имъ Павлу Степановичу Нахимову — „душою чистъ и любитъ море“, служила указаніемъ его идеала. Только чистые душою могли разсчитывать попасть въ кружокъ его приближенныхъ. Честность безукоризненная, фанатическая заботливость о казенной копейкѣ составляли первое условіе избраннаго круга... Походная церковь и казенный ящикъ составляли двѣ корабельныя святыни. Въ тѣ времена, болѣе чѣмъ когда-либо, существовали всякія интриги и искательства. Лазаревъ былъ чуждъ всего этого и невольно заставилъ и уважать себя, и любить. Онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Н. Н. Раевскимъ, гр. А. Ѳ. Орловымъ, кн. М. С. Воронцовымъ и даже съ кн. А. С. Меншиковымъ, относившимся къ людямъ нѣсколько презрительно. Всѣ болѣе или менѣе цѣнили характеръ Лазарева, который привлекалъ къ себѣ ясностью въ направленіи дѣятельности, энергіей и прямотою и честностью. Онъ дѣйствовалъ неотразимо прекрасными качествами души и ума и на начальствующихъ, и на подчиненныхъ. Заслужить похвалу адмирала для послѣднихъ составляло самую высокую награду, подвергнуться его неудовольствію—тяжелое наказаніе. Онъ не даромъ потратилъ столько времени и силъ: его многіе ученики сдѣлались гордостью своей родины,

И юный Лазарева флотъ,
Краса и честь Эвксинскихъ водъ,
Вождемъ великимъ утѣшался,
Руками чьими созданъ былъ,
Чей духъ высокій затаилъ...

Таковъ плѣнительный образъ создателя Черноморскаго флота; Лазаревъ еще ждетъ своего біографа,—„ждетъ пытливаго взгляда, чтобы изъ учителя черноморскихъ моряковъ превратиться въ образецъ государственнаго дѣятеля“.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи. Родился онъ во Владимірской губерніи, 3 ноября 1788 года, въ довольно небогатой семьѣ, и, не имѣя никакихъ покровителей, вездѣ самъ, упорнымъ трудомъ, пробивалъ себѣ дорогу. Выпущенный гардемариномъ изъ Морскаго кадетскаго корпуса, въ 1803 году, онъ, въ числѣ тридцати воспитанниковъ, былъ отправленъ въ Англію для болѣе всесторонняго знакомства съ морскою наукою. Проплававъ два года въ Атлантическомъ океанѣ и, получивъ чинъ мичмана заграницею въ 1805 году, онъ въ маѣ 1808 года, вернулся въ отечество. Служба въ англійскомъ флотѣ и коснувшійся молодаго моряка строй англійской жизни—оказали весьма благотворное вліяніе на Лазарева и въ отношеніи научномъ, и въ дѣлѣ воспитанія его характера. Едва Лазаревъ вернулся изъ заграничнаго плаванія, какъ ему снова пришлось двинуться въ путь—принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ союзнаго англо-шведскаго флота. Назначенный въ эскадру адмирала Ханыкова, онъ, въ числѣ другихъ, долженъ былъ идти на помощь нашему кораблю „Всеволоду“, аттакованному двумя англійскими кораблями. Послѣ упорной защиты нашъ корабль сдался и Лазаревъ очутился въ плѣну, впрочемъ, ненадолго; въ томъ же году онъ снова плавалъ въ той же эскадрѣ, а затѣмъ, вплоть до сентября 1813 года, участвовалъ въ крейсерствахъ по Финскому заливу и Балтійскому морю. 1 сентября 1813 года Лазаревъ, по предложенію Россійско-Американской компаніи, принялъ командованіе надъ принадлежащимъ ей судномъ „Суворовъ“, снаряженнымъ въ кругосвѣтное плаваніе, и отправился въ Ситху. Лазареву тогда было всего 25 лѣтъ, но репутація молодаго офицера уже сложилась, и вотъ почему ему было поручено самостоятельное командованіе судномъ—что являлось дѣломъ необычайнымъ. Три года продолжалось это плаваніе, и молодому капитану представился случай выказать и способности свои, и желѣзную энергію. На обратномъ пути имъ открыта группа изъ пяти необитаемыхъ острововъ. Въ 1819 году Лазарева назначили командиромъ военнаго шлюпа „Мирный“, который вошелъ въ составъ ученой экспедиціи изъ двухъ судовъ для изслѣдованія южнаго полушарія. Это путешествіе длилось два года и два мѣсяца: Лазареву удалось составить замѣчательное собраніе образцовъ всѣхъ видѣнныхъ имъ судовъ, употребляемыхъ дикими, и по возвращеніи изъ путешествія онъ получилъ чинъ капитана 2-го ранга. 24 августа 1822 года Лазареву пришлось отправиться въ третье кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Крейсеръ“, командиромъ котораго онъ былъ назначенъ; „Крейсеръ“ вернулся изъ путешествія черезъ три года и его щегольской видъ, образцовый порядокъ на кораблѣ обратили на себя вниманіе всѣхъ моряковъ. Произведенный въ капитаны 1-го ранга, Лазаревъ былъ назначенъ командиромъ корабля „Азовъ“, строившагося въ Архангельскѣ, затѣмъ служилъ, въ 1827 году, въ эскадрѣ адмирала Сенявина, послѣ чего сдѣланъ начальникомъ штаба отдѣльной эскадры, подъ флагомъ вице-адмирала гр. Гейдена и участвовалъ въ знаменитой Наваринской битвѣ, гдѣ военно-морскія способности Лазарева выказались въ полномъ блескѣ. „Неустрашимый капитанъ 1-го ранга Лазаревъ—говорится въ донесеніи гр. Гейдена о славной побѣдѣ—управлялъ движеніями „Азова“ съ хладнокровіемъ, искусствомъ и мужествомъ примѣрнымъ... Къ чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное ученіе по пушкамъ и порядокъ, въ коемъ служители всегда содержались, были причиною, что корабль „Азовъ“ дѣйствовалъ съ такимъ успѣхомъ въ пораженіи и истребленіи непріятеля“. Въ награду за Наваринскій бой Лазаревъ получилъ чинъ контръ-адмирала; послѣ этого два года онъ плавалъ по Средиземному морю и блокировалъ Дарданеллы; послѣдующіе два года провелъ въ Балтійскомъ морѣ, и въ 1832 г. назначенъ начальникомъ штаба Черноморскаго флота, съ которымъ имя Лазарева связалось навѣки. Въ 1834 году онъ утвержденъ въ должности главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ; дѣятельность адмирала не ограничивалась высшимъ руководительствомъ: въ 1838, 1839 и 1840 гг. Лазаревъ лично предводительствовалъ эскадрою, которая доставляла дессантныя войска на Кавказъ, облегчивъ своею примѣрною распорядительностью занятіе пунктовъ при рѣчкахъ Туапсе, Псезуапе, Субаши и друг. Одинъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ на рѣчкѣ Псезуапе названъ фортомъ Лазарева. Неутомимо работая, адмиралъ Лазаревъ мало дорожилъ своимъ здоровьемъ; въ 1845 году у него началъ развиваться недугъ—ракъ въ желудкѣ,—который и свелъ его въ могилу. Въ январѣ 1851 г., по совѣту врачей, Лазаревъ переселился изъ Севастополя въ Одессу, затѣмъ отправился лѣчиться въ Вѣну. Но медицинская помощь была безсильна и Лазаревъ 11 апрѣля 1851 года скончался въ Вѣнѣ. Останки адмирала перевезены въ Россію и похоронены въ Севастополѣ, среди развалинъ котораго Лазареву поставленъ великолѣпный памятникъ. Адмиралъ Лазаревъ состоялъ почетнымъ членомъ Морскаго ученаго комитета и многихъ ученыхъ обществъ.

П. Быковъ.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XVIII.

Разумѣется, Арина Матвѣевна ни слова не повѣдала своему дитяткѣ ни о новомъ своемъ посѣщеніи старухи Козляниновой, ни объ откровенной бесѣдѣ со скороходомъ.

„Что зря смущать робенка!“ думалось нянѣ.

Прошло дня два. Клёна отъ зари до зари сидѣла молча, какъ истуканъ, не двигаясь и глубоко задумавшись, или бродила, какъ привидѣніе, по своимъ двумъ горницамъ. Арина Матвѣевна пробовала утѣшать дитятко, просила не горевать и увѣряла что „еще Богъ милостивъ“. Клёна при этомъ безсмысленно взглядывала на няню, какъ бы не понимая, что она говоритъ, или же вздыхала и, не отвѣтивъ, задумывалась еще пуще. Изрѣдка только она произносила вслухъ, но какъ бы себѣ самой:

— Я его видѣть хочу! Видѣть!

Наконецъ, на третій день, въ сумерки, дѣвушка, сидѣвшая противъ няни у окна, заговорила:

— Няня... Такъ нельзя... Мнѣ хоть руки на себя наложить... Такъ нельзя...

— Вѣдаю, что нельзя. Да что же?.. Ничего не подѣлаешь.

— Бѣжать намъ надо къ Аннѣ Ильиничнѣ.

— Чтò проку... Она насъ не приметъ или тотчасъ привезетъ обратно къ дѣдушкѣ.

— Богъ съ тобой!

— Такъ. Вѣрно, дитятко. Я ужь съ ней надысь толковала. Она сказываетъ: „лучше горевать, чѣмъ срамиться.“

— Такъ зачѣмъ же ты молчишь? Не скажешь, что и послѣдняя-то надежда сгинуть должна и что мнѣ теперь...

Дѣвушка не договорила и понурилась, какъ бы окончательно сраженная.

— Надо ждать. Да надо тоже съ Николаемъ Ивановичемъ мнѣ завести рѣчь. Съ нимъ съ однимъ, чтобы и матушка его ничего не знала. Онъ инако посудитъ. Молодцы самокрутокъ не боятся.

— Я-то... Я-то когда же его увижу? Вѣдь я его чуть не годъ не видала. Пойми это. Когда онъ былъ далеко, да и въ чуму — все какъ-то легче сдавалось. А теперь, когда я знаю что онъ на подачу руки близко, что ты вотъ отъ него приходишь, меня томитъ.

— Надысь видѣлись въ саду.

— Видѣлись? На минуту! Въ ночи! Въ снѣгу... Ни объ чемъ не переговорили. Мнѣ надо видѣть его, разглядѣть, побесѣдовать, сговориться чтò дѣлать. Няня! Слушай!

Клёна поднялась со своего мѣста и, измѣнившись въ лицѣ. со сверкающими глазами подошла и встала предъ Ариной Матвѣевной.

— Слушай! повторила она дрожащимъ голосомъ. — Я больше не могу. Я истомилась... Сдѣлай мнѣ, чтò я тебя буду просить. Не сдѣлаешь, я удавлюсь. Я знаю, какъ это удавляются, видѣла. Помнишь, у насъ въ сараѣ на крюкѣ повѣсился форейторъ.

— Ну тебя... Тьфу!.. Чтò вспоминаетъ и какія рѣчи ведетъ — не дѣвичьи.

— Не болтай пустаго, Ариша... Я не въ шутку. Вотъ тебѣ Господь Богъ, что я удавлюсь, если ты не исполнишь моего прошенія.

— Да что-же? Чего тебѣ?

— Обѣщайся. Поклянись, что исполнишь.

— Какъ же мнѣ, дитятко, обѣщать, не зная о чемъ ты просишь. Можетъ быть несказанное чтò выдумала.

— Да, несказанное, мудреное, погибельное. Да вѣдь мнѣ семь бѣдъ? одинъ отвѣтъ. Да! Я страшное надумала, да нешто моя смерть лучше тебѣ. Вотъ тебѣ Матерь Божья свидѣтельница, что коли ты не сдѣлаешь по моему — я удавлюсь. И какъ ты меня ни стереги — я тебя обману. Найдешь ты меня на бичевѣ въ петлѣ.

— Полно! Полно! Ну нешто этакія рѣчи говорятъ. Морозъ даже по кожѣ подираетъ! воскликнула Арина Матвѣевна.

— На вотъ, гляди...

Клёна вытащила изъ кармана пучокъ тонкой и длинной бичевы и показала нянѣ. Та только ротъ разинула и руками всплеснула.

— Вчера въ ночь, — вотъ тебѣ крестъ, — я совсѣмъ собралась ужь было давиться, пока ты спала... Да меня спасла вдругъ...

Клёна смолкла и, комкая бичеву въ карманъ, стояла задумавшись.

— Кто? Кто? произнесла нѣсколько разъ Арина Матвѣевна. — Говори же, оглашенная. Кто спасъ?

И няня заплакала вдругъ отъ страха и ужаса, который ее обуялъ при видѣ бичевы съ приложенной на концѣ петлей.

— Спасла меня лѣстница, глухо вымолвила Клёна.

— Лѣстница. Богъ съ тобой, дитятко. Путаешь...

— Да, лѣстница. Вотъ эта. Гляди. Видишь?

Клёна показала нянѣ въ окно, за которымъ рисовалась отчетливо въ небѣ длинная лѣстница, приставленная изъ сада къ крышѣ дома. Безъ такой лѣстницы не было ни единаго двора въ Москвѣ, а у палатъ бригадира ихъ было три. Одна вела на крышу съ главнаго двора, другая—съ боку дома съ задняго двора, а третья—изъ саду. Эту послѣднюю конечно заносило зимой сугробами и по ней лазили на чердакъ только лѣтомъ.

— Вотъ по этой лѣстницѣ... ночью... можно влѣзть... Пробравшись въ садъ черезъ заборъ!.. А съ чердака къ намъ рукой подать. Я про Колю это...

— Что-о? протянула Арина Матвѣевна, пораженная.

— Ничего другаго, няня, выдумать я не сумѣла. А это дѣло я весь день переворачивала на мысляхъ. И одно я тебѣ сказываю: или ты устроишь мнѣ это, повидаю я Колю, сговорюсь, чтò дѣлать намъ, или руки на себя...

— Гдѣ же? Куда же?.. Сюда ему лѣзть! Господь съ тобой! Въ чужой домъ? Къ дѣвицѣ? Ночью?

Наступила пауза. Клёна отошла и сѣла на свое мѣсто, вопросительно и упорно глядя на Арину Матвѣевну.

— Не гляди такъ страшно! отмахнулась та.—Нешто я могу такое...

— Няня... Ты ему скажи. Это его дѣло. Онъ ни единой минуты не усумнится. Чтò ему стоитъ ночью перемахнуть изъ переулка заборъ, пройти сугробы, влѣзть на чердакъ, а чрезъ дверку прямо къ намъ въ горницы. Тутъ мы однѣ наверху и никто его не увидитъ... Это стократы проще, чѣмъ когда мы вечеромъ сами ходили въ сугробы. Насъ могли увидѣть, какъ мы лазили въ снѣгъ, вмѣсто того чтобъ ходить по разчищенной дорожкѣ. Нѣтъ легче этого дѣла! Меня Господь спасъ, постановивъ подъ глаза эту лѣстницу. Я сразу будто все поняла. Сразу мнѣ будто кто шепнулъ: „Ахъ, молъ, ты безумная! Да вотъ какъ вамъ повидаться! Хоть всякій день видайтесь! И никто не узнаетъ!“

— А изъ нижнихъ оконъ кто увидитъ?

— Ночью-то? Изъ гостиной, да изъ диванной? Кто же тамъ бываетъ ночью-то? А ихъ опочивальни, да горницы всѣ во дворѣ. Ихъ обоихъ.

— А сюда кто заглянетъ. Да у насъ найдетъ. Тогда, гдѣ я буду? Въ Сибири? А ты? На тебя покоръ людской!

— Ночью никто къ намъ не пойдетъ.

— Да грѣхъ это и срамота. Порочить себя...

— Такъ тебѣ лучше чтобы я окаянною смертью померла? Ну что-жь, хорошо... Спасибо! Помни это... Будешь меня въ гробъ класть, опознаешься, да поздно будетъ...

Голосъ Клёны задрожалъ, и она заплакала. Няня бросилась къ ней, сѣла около нея и, обнявъ крѣпко, прижала къ себѣ и начала цѣловать.

Чрезъ нѣсколько минутъ Арина Матвѣевна произнесла полушепотомъ:

— Озадачила! Дай мнѣ съ мыслями собраться. Вотъ я завтра къ ранней пойду, свѣчу поставлю угоднику Николѣ, да помолюся... А тамъ подумаю, чтò Богъ на душу положитъ. Можно коли, то я... Я ему скажу. Какъ онъ знаетъ. Пролѣзть-то нѣтъ ничего легче. Такъ все само подладилось. Да не хорошо. Молодцу къ дѣвицѣ, ночью, въ горницу... Не хорошо. И не увидятъ, да совѣсть-то заѣстъ.

— Онъ не чужой какой, тихо вымолвила Клёна. — Онъ мой женихъ съ благословенія родительскаго.

Арина Матвѣевна вздохнула и мысленно повторила себѣ то же самое.

„Что-жь. Правда все это“, подумала она наконецъ.— „И какъ чудно потрафилось. И лѣстница изъ саду. И мы-то однѣ у чердака на вышкѣ... Семъ-ко я заутро

Этюдъ. Картина Перуджини, грав. Робертсъ.

пойду къ ранней... Помолюся въ придѣлѣ угоднику Галактіону — узъ рѣшителю...“

XIX.

Въ тѣ же дни бригадиръ мысленно волновался, собираясь поговорить серіозно и окончательно со своимъ другомъ.

Онъ уже нѣсколько разъ за послѣдній мѣсяцъ намекалъ другу о томъ, что имѣетъ до него очень важное дѣло.

Когда однажды Братолюбцевъ смѣясь спросилъ: ужь не хочетъ-ли другъ заразъ получить всѣ тѣ деньги, которыя онъ у него понемногу забралъ взаймы, то бригадиръ даже разсердился. Онъ назвалъ друга „шалымъ чортомъ“, у котораго всякія „непутныя гадости“ на умѣ. Но затѣмъ Филисовъ объяснилъ, что дѣло его крайне важное и на-дняхъ подробно объяснится.

Появленіе въ Москвѣ молодаго Козлянинова заставила Филисова спѣшить. Волей-неволей приходилось теперь отправляться къ другу и объясняться.

Геннадій Ивановичъ Братолюбцевъ, статскій совѣтникъ, кавалеръ и засѣдатель Верхняго Земскаго Суда, хотя и разъѣзжалъ по Москвѣ въ желтой каретѣ цугомъ, но позолота на рыдванѣ давно полиняла, а цугъ лошадей былъ настолько заморенъ не ѣздой, а скудной пищей, что многіе, глядя на проѣзжающаго барина, догадывались, что всѣ его денежки „куры склевали“.

Жилъ Братолюбцевъ когда-то въ собственномъ домѣ, и въ саду своемъ тоже разводилъ канавки, фонтаны и мостики. Затѣмъ онъ продалъ садъ, на которомъ широко выстроился какой-то чиновникъ, а затѣмъ вскорѣ продалъ и домъ. Теперь Братолюбцевъ помѣщался на маленькой квартирѣ, близь Москвы-рѣки. Квартира его была изъ самыхъ плохихъ и, къ тому же отъ нея, было недалеко до той суконной фабрики, гдѣ началась еще недавно и распространилась по всему городу моровая язва. Помѣщеніе вообще было далеко не дворянское.

Судьба странно связала дружбой Филисова съ Братолюбцевымъ. Между ними не было ничего общаго. Насколько бригадиръ былъ порядливъ, экономенъ и за все свое существованіе приумножилъ родительское достояніе, а не уменьшилъ—настолько же Братолюбцевъ былъ человѣкъ безпорядочный и легкомысленный.

Бригадиръ съ рѣдкимъ постоянствомъ скромно жилъ послѣднія 20 лѣтъ, проводя время въ бесѣдахъ съ Толбухиной, а Братолюбцевъ за это время прошелъ и огонь и воду и мѣдныя трубы.

Теперь, когда ему тоже было около 60 лѣтъ, онъ продолжалъ вести почти ту же безтолковую холостую жизнь. Все состояніе его большею частью погибло отъ страсти къ карточной игрѣ. Теперь проигрывать было нечего. Но проигравъ когда-то большія суммы, теперь Братолюбцевъ продолжалъ проигрывать послѣдніе гроши. Часто, въ бесѣдахъ съ другомъ-бригадиромъ, онъ восторженно мечталъ о томъ что если бы онъ получилъ какое-либо наслѣдство, то сейчасъ бы отъигрался.

Бригадиръ только головой качалъ.

Несмотря на то, что этотъ другъ былъ сомнительнаго русскаго и дворянскаго происхожденія, что отецъ его когда-то назывался совершенно иной, шведской, фамиліей, и не смотря на его безпорядочность—бригадиръ все-таки, будто толкаемый слѣпою судьбой, рѣшался теперь предложить этому другу руку и сердце молоденькой внучки и все свое сбереженное состояніе.

Подобныя нелѣпости и противорѣчія въ жизни людей необъяснимы, а случаются сплошь и рядомъ.

Бригадиръ утѣшалъ себя разумѣется мыслью, что онъ спасетъ друга, что женитьба его остепенитъ. При этомъ Никита Артемьевичъ былъ убѣжденъ, что Клёна будетъ счастлива съ Геннадіемъ Ивановичемъ, потому что онъ человѣкъ веселый, забавникъ, шутникъ. Всякой молодой дѣвушкѣ съ нимъ должно житься легко и весело, а стало-быть и счастливо.

Когда бригадиръ явился на квартиру друга, гдѣ безпорядокъ царилъ во всемъ, гдѣ безтолковая жизнь холостяка и его неряшливость сказывались повсюду—онъ нашелъ друга за интереснымъ занятіемъ. Хотя около него лежали кипой служебныя бумаги, самъ онъ былъ занятъ совершенно инымъ.

На подоконникѣ, у котораго онъ сидѣлъ, прыгалъ въ клѣткѣ ученый чижикъ, и засѣдатель Верхняго Суда, отложивъ дѣла на ближайшій стулъ, занимался тѣмъ, что обучалъ чижика таскать на веревочкѣ маленькую телѣжку съ кормомъ, хитро вырѣзанную изъ бумаги. Чижикъ, отъ великаго-ли разума, или вѣрнѣе отъ великаго голода, очень забавно и хитроумно клювомъ и лапками притаскивалъ себѣ телѣжку съ кормомъ.

— Чудакъ ты человѣкъ! выговорилъ Филисовъ, найдя друга за этимъ занятіемъ.

Затѣмъ бригадиръ попросилъ друга бросить все, и судейскія бумаги, и чижа, и собравъ всѣ свои мысли и чувства, приготовиться выслушать то, что онъ ему повѣдаетъ.

Когда Филисовъ, сначала смущаясь и заикаясь, а потомъ горячо и съ увлеченіемъ объяснилъ другу, что онъ хочетъ женить его на своей внучкѣ и отдать ему все свое состояніе, то Геннадій Ивановичъ вытаращилъ на пріятеля глаза.

— Нынѣ не святки и не 1 апрѣля... произнесъ онъ.—Или у тебя какое помраченіе вышло въ головѣ?..

— Зачѣмъ помраченіе... Просвѣтлѣніе... отшутился Филисовъ.

— Въ своемъ-ли ты разумѣ, Никитка?

— Въ своемъ завсегдашнемъ, Генька!..

Филисовъ заговорилъ горячо—и Геннадій Ивановичъ пересталъ понемногу удивляться, сталъ слушать внимательнѣе, а черезъ нѣсколько времени заявилъ уже, что худаго тутъ нѣтъ ничего, только, по его мнѣнію, Клеопатра Артемьевна за него замужъ никогда не пойдетъ, лучше захочетъ въ монастырь постричься.

— Вѣдь ты ей дѣдъ, а я тебѣ ровесникъ. Пойми ты это, сказалъ онъ, растерявшись.

— Извѣстное дѣло, прійдется сначала и приневоливать, отозвался бригадиръ.—Нельзя и требовать, чтобы молодая дѣвица въ тебя врѣзалась, якобы въ какого рыцаря диковинной красоты. Но Клёна дѣвушка разумная и благонравная, сначала поартачится, а потомъ и образумится... А тамъ уже по пословицѣ: „Стерпится — слюбится“.

Братолюбцевъ, тронутый до глубины души, облобызалъ друга и вымолвилъ взволнованнымъ голосомъ, что онъ всегда зналъ, какого истиннаго друга имѣетъ въ Филисовѣ.

— Но все-жь-таки, дай мнѣ немножко подумать... прибавилъ онъ. — Страшно мнѣ больно... Она совсѣмъ молоденькая, а я ужь скоро перевалю на седьмой десятокъ. Было время—и я шибко женскому полу нравился, но всему своя пора... Теперь оно поди ужь и невозможно... Я опасаюсь, другъ любезный. и знаешь-ли чего?.. многозначительно вымолвилъ Братолюбцевъ.

— Чего?

— А того, что твоя внучка, узнавъ какого ты ей жениха выискалъ, не говоря ни слова, убѣжитъ да и бултыхъ въ прорубь въ Москву-рѣку.

Братолюбцевъ весело и добродушно разсмѣялся.

Затѣмъ онъ отошелъ отъ Филисова, приблизился къ зеркалу, внимательно и молча осмотрѣлся и, показывая другу на свое отраженіе, вымолвилъ:

— Да, отъ этакого-то жениха, пожалуй, что всякая дѣвица побѣжитъ въ Москву-рѣку... Ну, да это дѣло не такое, что тяпъ-ляпъ да и корабль... Увидимъ!.. Только предупреждаю тебя, другъ сердечный, что насильно я съ твоей внучкой вѣнчаться не стану. Пу-

скай она идетъ по доброй волѣ, а не такъ, чтобы подъ вѣнцомъ меня ото всего сердца и ко всѣмъ чертямъ посылать!.. Изъ этого счастья никакого не выйдетъ, а только погубленіе, и ея собственное, и мое...

— Ну, это все дѣло мое... глубокомысленно замѣтилъ бригадиръ. — Я Клёну знаю... Вотъ увидишь какое происхожденіе изъ всего у насъ будетъ.

Вернувшись домой, бригадиръ удивилъ свою сожительницу яснымъ лицомъ и веселымъ духомъ.

— Ужь не награду-ли какую, батюшка-братецъ, изволили получить?.. встрѣтила его Толбухина. — Ужь больно вы, Никита Артемьевичъ, разцвѣли лицомъ.

— Воистину, матушка-сестрица, награду... Только не царскую, а награду судебную!

— Изъ суда?

— Что̀ вы! Судъ никакихъ наградъ не даетъ. А меня судьба наградила. Судьба. Все такое, сестрица, чего такъ прямо я сболтыхнуть вамъ не могу. Вотъ на сихъ дняхъ изложу вамъ все. И такъ же, какъ вы любите, въ подробной рѣчи! Якобы протоіерей какой съ амвона въ высокоторжественный день...

Ровно черезъ сутки, бригадиръ уже объяснилъ все сестрицѣ. Толбухина не удивилась ни мало, къ его удивленію, такъ какъ давно знала, въ чемъ заключаются тайные планы своего сожителя насчетъ внучки.

Давно уже Марья Евграфовна не говорила и не бесѣдовала съ бригадиромъ такъ, какъ ей пришлось теперь... А пришлось ей, не заготовивъ никакихъ рѣчей и умныхъ словъ, еще горячѣе и быть-можетъ еще умнѣе и краснорѣчивѣе сразиться со своимъ братцемъ. Забыла даже Марья Евграфовна сидѣть чинно и порядливо, выпрямившись въ креслѣ и закинувъ голову назадъ. Забыла видно, что гнѣвъ—вѣдь та же одна блажь людская. Она волновалась, двигалась въ креслѣ, размахивала руками... Вспомнивъ вдругъ о своемъ неправильномъ поведеніи, она принимала позы, но черезъ мгновеніе снова забывала и снова горячилась и двигалась.

Она доказывала бригадиру, что его затѣя лишь одно непозволительное и слабоумное мечтаніе; къ тому же и грѣшное предпріятіе.

— Я женщина не молодая, а за вашего Братолюбцева не согласилась бы выйти замужъ. А гдѣ же дѣвочкѣ въ семнадцать лѣтъ, да выходить за такого! Закабалить себя съ пустозвономъ и картежникомъ... Вы, братецъ... извините... мечтатель!

Бригадиръ при этомъ словѣ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и побагровѣлъ.

— Что̀ съ вами? произнесъ онъ едва слышно. — Двадцать лѣтъ прожили въ одномъ домѣ — и я отъ васъ ни единаго худаго слова не слыхалъ. Неужто черезъ двадцать лѣтъ въ нашихъ бесѣдахъ такія ругательства окажутся?

— Я не ругаюсь, батюшка-братецъ. Это не бранное слово.

— Нѣтъ, бранное, сударыня... Въ приложеніи ко мнѣ, бригадиру царской службы и 60-ти-лѣтнему человѣку—подобное слово есть ругательство. Вы, сударыня! Вы—мечтательница!!. Вы и въ пяльцахъ-то все пастушковъ съ овечками вышиваете! И кофе-то пьете изъ чашечки съ голымъ амуромъ! И книжки-то французскія ваши все про разныя любовныя похожденія и предосудительныя исторіи разсказываютъ... Такъ не вамъ меня называть этимъ словомъ... Вотъ что̀, сударыня!..

И это слово „сударыня“, нѣсколько разъ произнесенное, означало гораздо болѣе, нежели гнѣвный голосъ и грозный взглядъ бригадира.

Ни онъ, ни его сестрица не помнили, когда въ послѣдній разъ онъ назвалъ ее „сударыней“ вмѣсто слова: „сестрица.“

Филисовъ всталъ и быстрыми шагами вышелъ изъ горницы. Когда, вскорѣ послѣ этого, дворецкій доложилъ, что подано кушать, то бригадиръ приказалъ доложить барынѣ, что она можетъ садиться за столъ, а что онъ покушаетъ у себя въ кабинетѣ одинъ.

И въ этотъ день, въ первый разъ съ минуты появленія Клёны въ домѣ, она обѣдала вдвоемъ съ бабушкой.

Бригадиръ, сидя одинъ, старался занять себя посторонними предметами и мыслями, но въ ушахъ его неотступно звучало слово: „Мечтатель!“

XX.

Поклонница Вато̀ и Мариво̀ была задѣта за живое неповиновеніемъ своего братца и тѣмъ, что онъ вдругъ взбунтовался, оскорбился простымъ словомъ ею сказаннымъ, да, вдобавокъ, сдѣлалъ на ея счетъ нѣсколько замѣчаній, которыя „не вырубишь топоромъ“, хотя они и не были написаны, а были лишь сказаны и запечатлѣлись въ ея памяти.

Картинки, куколки и книжки Толбухиной вдругъ оказались двусмысленными и негодными предметами.

Впрочемъ Марья Евграфовна была слишкомъ „прекраснодушна“ чтобы долго волноваться и сердиться, а тѣмъ болѣе—быть способною на злопамятство или на мщеніе. Она была только удивлена сценой съ бригадиромъ и особенно смутило ее то обстоятельство, что сама она измѣнила себѣ, что она взволновалась.

— Какъ могла я волненію души предаться? укоряла она теперь себя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главное, что̀ всколыхнуло спокойствіе и миръ будничной жизни сестрицы бригадира, было его упрямство. Марья Евграфовна слишкомъ привыкла къ безусловному повиновенію своего братца и теперь была озадачена.

Дѣло, казалось, было уже вовсе не въ Клёнѣ, не во внучкѣ и не въ однокашникѣ и другѣ Филисова. Дѣло было во внезапномъ проявленіи воли бригадира, да еще въ такомъ бурномъ видѣ.

И Богъ вѣсть какое чувство вдругъ заставило Толбухину дѣйствовать... Упрямство-ли, желаніе-ли поставить на своемъ, какъ было всегда, и доказать сожителю свое превосходство,—или же дѣйствительно жалость къ юной внучкѣ, желаніе ее спасти отъ тягостной судьбы и постылаго брака съ пожилымъ холостякомъ. Что̀ собственно руководило Толбухиной, она и сама не знала. Быть можетъ—къ ея великому изумленію и негодованію—сердце руководило ею, женское, нѣжное, отзывчивое...

Такъ-ли, иначе-ли, но Марья Евграфовна, зная навѣрное, что черезъ день бригадиръ уѣдетъ изъ дому съ утра и пробудетъ нѣсколько часовъ по своимъ дѣламъ въ городѣ, послала человѣка съ запиской къ Братолюбцеву, въ которой она просила его явиться къ ней для разговора о важныхъ предметахъ, не терпящихъ отлагательства.

Толбухина въ своей цидулѣ, на „грубомъ“ русскомъ нарѣчіи (по-французски она писала изящно), изъяснялась въ торжественныхъ выраженіяхъ. Братолюбцевъ могъ сразу догадаться, что дѣло идетъ положительно о серьезномъ вопросѣ.

Веселый, безпечный, остроумный и подчасъ колкій на слово, засѣдатель тотчасъ же обѣщалъ быть, а себѣ обѣщалъ позабавиться надъ сожительницей друга, поднимая на смѣхъ ея торжественность и высокопарность, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ назначенный день Геннадій Ивановичъ явился. Бригадира не было уже дома—и Толбухина, встрѣтивъ гостя, попросила его къ себѣ въ горницу. При взглядѣ на нее обычная и вѣчная веселость Братолюбцева сразу пропала. Лицо Толбухиной поразило его. Онъ ожидалъ картинныхъ жестовъ, пѣвуче-важнаго голоса, торжественно-величественнаго выраженія на лицѣ. На дѣлѣ оказалось нѣчто противоположное. Толбухина очевидно была смущена. И лицо, и голосъ, и вся ея фигура говорили ясно, что она робѣетъ, смущается, и что дѣло, за которое она взялась, будто пугаетъ ее.

Толбухина имѣла видъ растерянный...

„Чтò за притча?!“ подумалъ Братолюбцевъ и почему-то вдругъ самъ смутился.

Пройдя за хозяйкой въ ея комнату и усѣвшись провить нея на диванчикѣ, около севрской группы, которая клялась aimer и aimer вѣки-вѣчные, Геннадій Ивановичъ, вѣчно подшучивавшій надъ этой фарфоровой четой любовниковъ, теперь и не поглядѣлъ на нее. Онъ всматривался нѣсколько озабоченно въ лицо хозяйки, которая, робѣя до очевидности, усаживалась противъ гостя и, не глядя ему въ глаза, слегка покраснѣла.

„Создатели! Творцы мои!“ мысленно воскликнулъ Братолюбцевъ, какъ всегда во множественномъ числѣ, ради шутки и острословія. Но въ сущности настроеніе его было далеко не шуточное.

— У меня до васъ, Геннадій Ивановичъ, очень важное дѣло, выговорила хозяйка.

„Вижу, чую, осязаю всѣми чувствіями, что важное“, не сказалъ, а подумалъ Братолюбцевъ. — „Заговори ты своимъ проповѣдническимъ голосомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, торжественно, запой ты — я бы зналъ, что дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ... Но твоя роба и на меня страхъ нагнала...“

Братолюбцевъ откашлянулся и произнесъ:

— Чтò прикажете? Я вашъ слушатель и слуга...

— Вамъ Никита Артемьевичъ сватаетъ внучку? Клёпу хочетъ за васъ выдать? выговорила Толбухина, какъ бы выпалила.

— Да-съ... Тоись онъ... это только его прожекты. А я тоись... это такъ-съ... Это... Это...

И Братолюбцевъ смолкъ. Быть можетъ, въ первый разъ за цѣлый годъ, онъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

„Ты, да женихъ! Да еще семнадцатилѣтней дѣвочки!“ будто шепнулъ ему кто-то на ухо, будто эта же самая севрская группа; будто она въ свой чередъ теперь его на смѣхъ подымаетъ.

Толбухина, какъ всѣ люди любящіе красныя рѣчи и приторный фальшиво-торжественный тонъ въ пустыхъ случаяхъ, теперь не умѣла и не могла исподволь, понемногу, привести бесѣду къ главному вопросу... Она чувствовала въ себѣ только достаточно храбрости чтобы начать и довести до конца простой судейскій допросъ.

„Давай Богъ, хоть и этакъ-то... Лишь бы договорить свое, все выложить“... думала она. — „А гдѣ ужь тутъ о красотѣ рѣчи и ораторствѣ помышлять.“

И собравшись съ духомъ, Толбухина начала отрывочный допросъ, на который Геннадій Ивановичъ отвѣчалъ конфузясь, какъ школьникъ.

— Бригадиръ вамъ сваталъ Клёну?.. Говорилъ?..

— Говорилъ-съ. На сихъ дняхъ впервые...

— Чтò жь вы отвѣтствовали? Дали свое согласіе?..

— Нѣтъ-съ.

— Отказались наотрѣзъ? Отшутились по обычаю своему смѣшными словами?

— Нѣтъ-съ... Не... Ничего не... Ничего-съ.

— Подумать хотите?

— Да-съ. Такое дѣло, что... Тутъ нужно... Этакое дѣло...

— Да, Геннадій Ивановичъ. Это такое дѣло, въ которое ни мой братецъ, ни вы, умный и просвѣщенный человѣкъ, — сами не вдумались какъ слѣдуетъ, и какъ дѣти малыя съ огнемъ забавляетесь. И опасное затѣяли, и грѣшное...

И Толбухина, вовсе не собиравшись быть краснорѣчивою, на этотъ разъ дѣйствительно краснорѣчиво, горячо, съ увлеченіемъ, убѣдительно и толково разъяснила Братолюбцеву всю нелѣпость и грѣховность затѣи бригадира и все самолюбивое ребячество его самого. Гость слушалъ, опустивъ глаза на коверъ и даже опустивъ голову... Много непріятнаго для его самолюбія услышалъ онъ, а тѣмъ не менѣе, слушая, мысленно повторялъ:

„Правда! И это правда! Опять правда! И опять правда!“

Когда Марья Евграфовна кончила свою рѣчь заявленіемъ, что внучка—огонекъ, о который они съ другомъ опалятъ свои крылышки (все-таки не могла Толбухина обойтись безъ красотъ рѣчи), она прибавила ласково дружески:

— Простите меня... Я не обижать васъ хотѣла. Я спасти бѣдную сироту отъ погибели хочу. А можетъ быть и васъ отъ срама и несчастія уберечь. Клёна изъ такихъ дѣвицъ, кои громовыя.

— Какъ? спросилъ Братолюбцевъ. — Громовыя?

— Да. Она мужу постылому дорого обойтись можетъ... Вы и братецъ ее не знаете. А я уже знаю...

Братолюбцевъ не отвѣчалъ и наступило молчаніе.

Хозяйка тревожно ждала результата своего объясненія; она уже жалѣла, что „не готовилась“ и сказала не заученную рѣчь, а „такъ, по просту“ объяснилась.

— Пожалуйте вашу ручку, выговорилъ Братолюбцевъ взволнованнымъ голосомъ. — Спасибо стократы. На всякаго мудреца много на свѣтѣ простоты! Никита Артемьевичъ оказался пѣтый дуракъ! А другой-то его пріятель, Братолюбцевъ Геннадій,—осина! Хуже осины... Чучело огородное!..

— Такъ вы покидаете мысли о женитьбѣ на Клёнѣ?

— Стыдиться буду вспоминать объ этой глупости. Обижаться буду, коли вы когда опять напомните.. Дуракъ дурака съ панталыку сбилъ! Вотъ! Чего вамъ еще? Козлятина ослятину подговорила огородъ городить!.. Ну, и нагородили! Простите... Я домой! Совѣстно на васъ смотрѣть. Завтра заѣду.

Братолюбцевъ простился съ хозяйкой и быстро вышелъ изъ горницы, слегка румяный и смущенный.

— Ну, слава Богу! произнесла вслухъ Толбухина.— А почему успѣшно такъ потрафилось?.. Хорошій онъ человѣкъ! Вотъ почему! И сердце, и разумъ есть!..

(Продолженіе будетъ).

Женщинѣ-Другу.

(А. П. З.)

Въ дни тяжкихъ думъ и злой тревоги,
Когда, разбитъ и одинокъ,
Среди покрытой тьмой дороги
Стоялъ я, глядя—огонекъ
Не заблеститъ-ли хоть на время,
Не дастъ-ли свѣта и тепла
Душѣ, согнувшейся подъ бремя
Тоски, безвѣрія и зла,—
Въ ту вѣчнопамятную пору
Я встрѣтилъ васъ. Покорный вамъ,
Привѣтно ласковому взору,
Сердечно дружескимъ словамъ,
Я вновь воскресъ душой и тѣломъ
И, весь живительно согрѣтъ,
Въ какомъ-то упованьи смѣломъ
Пошелъ впередъ...
Ахъ, много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ. За эти годы
На долю выпало мою
Вновь много горя и невзгоды...
Но если я еще стою
Несокрушаемый волною
Моей бунтующей судьбы,—
То потому, что *вы* со мною
Въ минуты горя и борьбы;
Что вы врачующей рукою
До ранъ касаетесь моихъ,
Когда не знаю я покою
Отъ безпощадной боли ихъ...
Опора дѣломъ и словами
Вы мнѣ въ печальномъ бытіи.
И всюду слѣдуютъ за вами
Благословенія мои...

Петръ Вейнбергъ.

Гиневра. Картина Альфреда Фредерикса, грав. Брендамуръ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

Съ отъѣздомъ Луки, и другимъ гостямъ не сидѣлося въ Красныхъ Холмахъ. Всѣхъ заботила мысль о близкой войнѣ. Отпустивъ гостей, и Мамелфа Тимоѳеевна стала не мѣшкая въ дорогу укладываться, приказавъ Иринѣ и Натальѣ Адріановнѣ съ собой ѣхать: молъ авось-либо въ новгородскихъ хоромахъ про всѣхъ мѣста хватитъ. Что сватъ со сватьюшкой вмѣстѣ съ дочкой поѣдутъ, о томъ казалось и рѣчи подымать бы не къ чему, да Григорей Петровичъ заупрямился. Сколько его дочь съ женой ни уговаривали, не сдавался старикъ.

— Ты, баба, слышь, плыви съ дочерью, а мнѣ-ко на старости лѣтъ не стать ни изъ дома трогаться, ни съ насижена мѣста подыматися.

Зять сумѣлъ однако уговорить тестя.

— Слышь, тестюшко, сказалъ онъ, — въ нашемъ Загородьскомъ концѣ, гляди, и мнѣ каки ворота сторожить прикажутъ, а тутъ-то ты опытомъ своимъ воиньскимъ пригодился-бъ мнѣ, далъ бы совѣтушко розумное.

— Слышь-ко, зятюшко, отвѣчалъ тесть, — може и я еще, старъ, пригожусь Новугороду. Только чтобъ Луку на степень. Орудуй же. А на Курятника-тъ вашего не очень я надѣюся.

Горой [1]) ѣхать за осеннею грязью и думать было нечего; выжидали, не установится-ли погода, чтобъ покойнѣй было водой плыть. И дождались, казалось, времячка; выпалъ свѣтлый октябрскій день, засвѣтило солнышко словно и по лѣтнему. Правда, вѣтеръ былъ силенъ, да надѣялись, что къ вечеру стихнетъ. Пріѣхали къ Тремъ Дворикамъ за полдень, чтобъ, тамъ заночевавъ, на утро чуть свѣтъ въ лодью сѣсть. Не тутъ-то было: передъ закатомъ солнечнымъ, вѣтеръ пуще завылъ, а тамъ вьюга поднялась, снѣгъ повалилъ: ну, зима, скажи, пришла. На другое утро, вставъ рано, Киріакъ Андреевичъ вышелъ на дворъ, поглядѣть какова погода. Метель еще не унималась. Плыть и собираться было не къ чему: только людей изморишь да себя заморозишь. Зашелъ Киріакъ въ черную избу сказать ключнику что̀ сдумалъ, и видитъ, что въ углу на лавкѣ сидитъ какой-то человѣкъ; какъ вошелъ бояринъ — поклонился и опять сталъ жевать хлѣбъ съ солью, прикусывая лукомъ. Боярину молодецъ показался знакомъ, и говоря съ ключникомъ онъ все на него поглядывалъ, думая что гдѣ-то онъ видалъ это словно дубленое лицо и эти смышленые глаза. Кончивъ о дѣлѣ, Киріакъ спросилъ о нёмъ ключника: тотъ отвѣчалъ, что вечоръ молъ, ужь поздно, какъ всѣ спать полегли, сталъ проситься прохожій отъ метели; впустили: не колѣть же крестьянской душѣ на холодѣ.

— Отколь ты, молодецъ? спросилъ Киріакъ.

— Новгородецъ вѣдь я, только нынь изъ Ладоги... вставая отвѣчалъ парень, и взглянувъ попристальнѣй на боярина, воскликнулъ: — Ахъ ты, Господи! и не въ примѣту мнѣ, вѣдь ты же будешь внуко-тъ посадничей, а на имячко... дай Богъ памяти!.. никакъ Киріакъ вѣдь Андреевичъ. Еще на Прусьской улицѣ твой дѣдъ церковь аль придѣлъ ставилъ.

Подивился Киріакъ, откуда молодецъ знаетъ его.

— Какъ же, а на Великомъ-то мосту, было съ недѣлю что-ль послѣ вѣча-то, что̀ въ Вознесеньевъ день созвóнили, чуть-ли не въ самый семикъ еще, съ Губаномъ-то ты на мосту кланялся. А я съ нимъ же шелъ.

Киріакъ невольно усмѣхнулся, вспомнивъ что тогда сказалъ про него молодецъ.

— Аль Губану сродственникъ ты будешь?

— Ни. А Славчанинъ, какъ онъ же. Съ одной будемъ улицы.

— Да тебя-то какъ же звать?

— А Пашкóмъ вѣдь; Иванькович по изотчеству.

— Господи! радостно воскликнулъ Киріакъ. — Вотъ гора-то съ горой, скажутъ...

— Аль знашь ты меня? въ свою очередь изумился Пашкó.

Киріакъ отвѣчалъ, что о немъ много наслышанъ отъ отца своего посаженнаго, Луки Аввакумовича, и слыша про его горе, не разъ крѣпко жалѣлъ о немъ.

— Откуда-жь теперь-то ты?

— Да съ Ладоги жь, сказывалъ! какъ бы не совсѣмъ довольный что бояринъ забылъ ужь объ этомъ обстоятельствѣ, отвѣчалъ Пашкó. — Водой мы шли, да вечоро-тъ въ тиху заводь становилися, какъ вѣтеро-тъ налъ, да взводень великъ пустилъ — противнякъ къ тому [1]). А мнѣ, знамо, не потерпѣлося. Что молъ сидѣть-то тутъ, може вѣтру того день на пять стане, пойду-ко молъ я горой, что-ль. А тутъ метель — да, слава Господу, на ваши Дворики набрелъ.

— Какъ же ты въ Ладогу-то попалъ?

— Дóлга моя о томъ буде сказочка, отвѣчалъ Пашкó.

— Сказывай ужь, какъ все-то мнѣ про тебя знать хочется.

И усѣвшись на лавку, бояринъ посадилъ подлѣ себя Пашка́. Пашкò разсказалъ, какъ, наслышавшись отъ Горазда Ивановича о великокняжескомъ судѣ, вздумалъ онъ идти въ Москву, искать правды государевой: какъ дошелъ до рубежа московьскаго и что̀ наплелъ на него Арбузьевъ московскому набольшему.

— Ну! подбодрилъ Киріакъ разсказчика.

— Ну, ведутъ меня, знашь, въ баенку, сказывалъ Пашкò. — Иду я собѣ да думаю: слава молъ Богу, что въ байнѣ ночевать прійдется, въ полѣ-то ночлегъ не больнё онъ сладостенъ. А може и байня къ тому же недавно топлена. Войдя, перекрестясь, на лавку легъ, а самъ думаю: что̀ молъ Василей-то Селифонтьевичъ стрѣтился, такъ, гляди, оно и лучше. Потому: знаю гдѣ мнѣ найти его. А рóбѣть мнѣ не къ чему, потому какъ и набольшій, что̀ у околицы-то, не очень-то Арбузьевску вранью вѣруетъ. И тутъ я въ себѣ успокоился. А далѣ думаю: „гдѣ-жь молъ другій новгородецъ-то что сказывали въ байнѣ сидитъ?“ Анъ гляжу, не вовсе еще темно было, онъ на другой лавкѣ пошевеливается.

— Кто жь онъ былъ таковъ?

— Скажу заразъ [2]). Увидалъ и онъ меня, спрашиватъ: „кто таковъ?“ И взрадовался же онъ мнѣ, какъ бы брату родному. Знамо, межь шестниковъ да съ землякомъ повстрѣчатися! Спрашиватъ онъ меня: „откуль и по что?“ Я, какъ тебѣ же сейчасъ, ему обо всемъ докладываю. А ты молъ какъ въ байню попалъ? „А я, сказыватъ, купецъ буду, по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ былъ, думалъ къ Покрову домой поспѣть, въ Ладогу. Только на Москвѣ не дали жь мнѣ óпаса, потому какъ собирается государь слать Новугороду Великому складну грамоту. Вотъ, говоритъ, и встосниксь мнѣ по батюшкѣ да по своей молодой семеюшкѣ. Аль мнѣ, думаю, всю зиму-ту на Москвѣ безъ дѣла жить? Не долго, баетъ, думая сымалъ съ себя хорошу одежу купецкую, въ мѣхъ клалъ, а самъ

[1]) Гора — берегъ.

[1]) Вѣтеръ налъ — задулъ. Взводень — волненіе.

[2]) Заразъ — сейчасъ.

одѣвалъ московьску одежу крестьянскую и на рубежь сшелъ. Хоть молъ и заставы вездѣ поставлены да я, разспросивъ, прямичкомъ гдѣ пройду и въ Тверьску землю выбѣгу. А оттоль де дорога беззаставна живе."

Пашко̀ помолчалъ малость.

— Да! какъ бы вспомнивъ что-то забытое сталъ онъ дальше разсказывать. — „И вотъ, го̀воритъ купецо-тъ, пробираюсь я лѣсушкомъ: а на-поле выйдя, только мнѣ съ полъ-версты пробѣжать — тамо-т-ко ужъ другій лѣсъ, тверьской ужъ, думается. Только я на середину поля вышелъ, анъ объѣздчикъ московьскій на конѣ бѣжитъ. А мнѣ-ко, говоритъ, дѣться некуды: бѣжать молъ—на конѣ догонитъ онъ; не то арканъ накинетъ на шею,—ту мнѣ и карачунъ приде отъ татарина".

— Это что-жь *карачуно*-тъ? Киріакъ спросилъ.

— *Аминь*, аль *смерть* еще, сказать по нашему. „Вотъ, купецо-тъ го́воритъ, сталъ я и жду. солгу молъ что въ деревнюшку молъ ближнюю пробираюся, и буде мнѣ та лжа во спа́сенье." Только объѣздчико-тъ лжи этой не послушалъ, свелъ купца къ той же околицѣ, гдѣ и съ меня о̀паса требовали. Призналъ вѣдь набольній, по говору-то, что купецо-тъ мой буде изъ Новагорода. Ну, и въ баенку. Такимъ-то бытомъ мы другъ дружкѣ свои бѣды и повѣдали. „Что жь теперь ты думашь-то?" это я купца-тъ спрашиваю. „А только де часъ улучу—на бѣгъ ударюся. Потому поря̀то я опасаюсь де, что затаскаютъ меня въ Москвѣ по приказамъ, какъ и одежу я свою смѣнялъ на крестьянскую. Лазутчикъ молъ ты, соглядать пришелъ. Не дай Господи, пытая, замучаютъ. А ты какъ же, аль вмѣстяхъ бѣжимъ?" это ужь купецъ меня спрашиватъ. А я ту думушку что̀ въ байнѣ-то у меня была сдумана, ему и сказываю. Что молъ отъ суда скораго мнѣ бѣжать не приходится. Сталъ тутъ меня стращать купецъ: „молъ не до тебя государю теперь, въ Москвѣ молъ ужъ молебствуютъ, собираясь въ походъ на Новгородъ. Какъ еще дѣло-тъ молъ пове́рнется, вотъ може Арбузьевску вранью ту повѣруютъ, что быдто рубилъ ты бо̀яръ, которы за государя-то стояльцы были нелестные. Тебѣ молъ гдѣ послуховъ взять, а у Арбузьева, знамо, мошна толста. Не безъ пытки молъ тутъ; и кнута еще отвѣдашь же." И таково-то застращалъ онъ меня, что я ажно затрясся весь, — зубъ, скажи, на зубъ не попаде никакъ. Послѣ ужь признавался мнѣ купецъ, что молъ нарокомъ я тебя покрѣпче застращивалъ, потому какъ вдвоемъ-то спорѣй бѣжать. „И опять же, говоритъ, вижу что ты молодецъ дюжъ собою, меня куда сильнѣй. Съ такимъ-то вдвоемъ и на объѣздчика наткнуться не страшно." Да мнѣ-то эта хитрость его въ тѣ поры не въ домекъ была. Къ тому еще сказать надобно, что у купца. вишь ты, не мало денегъ съ собой было, въ лаптишечки засунуты, въ пазухѣ еще зашиты, и около пояса въ чересѣ обверчены. Съ того-то ему пуще товарища залучить хотѣлось, и бѣжать съ того жь нудилось.

— Какъ же бѣжали-то вы? Сторо̀жа, гляди, была? Аль потомъ ужь?

— Въ ту же ночь и бѣжали. Знамо, сторо̀жа, аль по московьски-то *караулъ* звать. Мы межь собой-то говоримъ да и притихнемъ, что молъ о̀ны?—и слышимъ что москвичи межь собой раздобариваютъ, этакъ-то словечушки растягиваютъ, словно пѣсню, скажи, играютъ. Ну, какъ настращалъ меня купецъ-то порядочно, и ночь ужь темна стала къ тому времени, — слышимъ, москвичи какъ бы и призамолкнули. Время спустя, быдто запоръ кто рванулъ, а далѣ, слышимъ, голосъ какъ бы женьскій сказыватъ: „бѣгите молъ, сто́рожа спитъ". А мы то̀ слыша даже пріужа̀хнулись. Человѣчь-ли то еще голосъ? думаемъ. Вѣдь и въ байнѣ тожь не́жить [1]) своя, баенникъ. Не онъ-ли объявился молъ? И досель вѣдь не знаю я, кто тотъ добръ человѣкъ былъ, аль о̀на женщина, — одно только Господу благодаренье пою, что не инъ кто, а Онъ же спасъ.

Пашко̀, замолчавъ, набожно крестился.

— Слушаешь, Киріакъ Андреевичъ, какъ замолкнулъ этотъ голосо-тъ, мы и съ мѣста не смѣемъ встать. А тамъ ужь купецо-тъ мой ползкомъ поползъ къ двери, какъ-бы кошка за мышью крадучись, боится вѣдь чтобъ половица подъ нимъ не скрипнула. Подползши-то, дверь толконулъ, знамо легохонько, анъ о̀на подавается. Какъ щель стала порядочна, видимъ небо вызвѣздѣло, а сторо̀жа-тъ наша точно что спитъ, храпитъ. Не долго думая, и какъ ужь о̀но случилося, не спрашивай, не припомню и самъ, потому стали мы оба тутъ, и съ купцомъ-то моимъ, какъ-бы полоумные. Рехнумшись ума, скажи. Только вѣдь одно передъ нами стоитъ, что воля-та, бѣжимъ молъ. Толконулъ меня, знашь, купецъ къ тому — и не знаю какъ меня за нимъ вслѣдъ изъ байни ноги вынесли. Доползли мы до плетня, да черезъ него скорѣй, далъ Богъ выскочили на задворки; еще и въ томъ слава Создателю, что байня-та почитай на краю села стояла. Полземъ опять, стать на ноги не смѣемъ. Анъ псы взлаяли. „Охъ, Господи! думаю, какъ бы насъ еще псы не облаяли, побѣга-тъ нашего черны-бъ во̀роны неограяли". Тутъ вѣтерокъ пахнулъ, отъ псовъ въ нашу сторону. Ну, сердечушку и полегчало. За деревню выползли, про объѣздъ вспомнили. Нѝ живы, нѝ мертвы вѣдь. Видимъ вдали черно стоитъ, темно то́ лѣсушко, думаемъ. А тутъ боръ [1]) пошелъ, въ немъ полземъ, духа перевести не смѣючи. Глянулъ я кверху какъ-то, анъ темно вверху. Вставай молъ, го́ворю, купцу-то, въ лѣсу молъ. Онъ тутъ на ноги вскакивалъ да какъ заяцъ по лѣсу, а я за нимъ не хуже выжлеца. Бѣжимъ, бѣжимъ, ничего-то не думаемъ. Анъ и вскричалъ мой купецъ. Гляди-ко-сь, въ болото забѣгалъ, по колѣна угрязъ. Ну, тутъ я его вытаскивалъ. И съ радости мы съ нимъ не вспомнились, стали цѣловаться да обниматься. Слава-жь Тебѣ, Господи! А помолясь, спать ложилися, свѣтла дожидать.

Пашко духъ перевелъ, и попросилъ кваску испить.

— Ну, сталъ Пашко̀ продолжать разсказъ, — легли-то мы весело, а встали-то скучнёхонько. Не сами вставали, дожжь взбудилъ. Со сна, знамо, ѣсть хочется, а хлѣбушка хоть бы та крошечка. Потому какъ побѣгучись, сказывалъ ужь я, вовсе вѣдь мы ума рѣшилися. Я сумы своей съ толокномъ да сухарями не захватывалъ. А купецо-тъ мой въ этой дурости еще надо мной верха бралъ. Не только мѣха не вспомнилъ, гдѣ платье-то у него хо́рошо было кладено, и безъ шапки выскочилъ. Ну, хоть голоднымъ, все надоть намъ далѣ по грязи брести, а куды идти-то намъ, въ каку сторону, вишь, умны го́ловы, не вѣдаемъ. Молъ въ тверьску-ль еще сторонушку выбѣжали, не въ глубь-ли Москвы забиралися. Знамо, заяцъ, купецо-тъ мой, бѣжалъ безъ думушки, вправо да влѣво путаясь, только гдѣ-бъ ему пропорскнуть пословоднѣе, а и выжлецъ, я-то, гнался жь за нимъ безъ розума. Въ лѣсѣ-тъ, въ дожжь, буде не опознатися. Пойдемъ молъ, куды глаза глядятъ, только-бъ съизнова намъ въ ту околицу триклятую лбами не стукнутись: потому — буде намъ за побѣгъ-то! Прямы молъ, скажутъ, шильники, закуютъ въ желѣзушки. Стали мы тутъ болото - то, гдѣ угрязъ было купецъ, слѣва обходить... Что̀ вспоминать - то! Всего натерпѣлися, и холоду, и голоду. А страху что̀ отъ лютаго звѣрья голоднаго. Да ну!.. Ободрамшись всѣ, до костей вымокши, въ грязи, ровно боровы вывалямшись. Въ брюхѣ-тъ только побуркиваетъ съ брусницы-то. Ажь всплакался тутъ купецо-тъ мой на свои денежки

[1]) Нежить — духъ.

[1]) Боръ — верескъ.

Оружейная палата въ Москвѣ. Съ фотогр. Шереръ и Набгольцъ, грав. Бергъ.

Внутренній видъ Оружейной палаты въ Москвѣ. Съ фотогр. Шереръ и Набгольцъ, грав. Бергъ.

что́ въ лапотки у него были поверчены, только молъ тягость съ нихъ, трудятъ молъ о́ны моиноженьки. А далѣ взревѣлъ что быкъ, и вовсе ту съ горя обезпамятовалъ. Сталъ лапотки съ ногъ рвать, да деньги въ грязь метать: пропадай молъ мое богачество, все одно молъ въ ла́потны дырья укатишься. Самъ плачетъ, волосья рветъ, а по лицу себя кулаками бьетъ не жалѣючи. Черезъ силу я его въ память приводилъ. Деньги, знамо, подбиралъ, да въ тряпицу обвертѣвъ за голенища клалъ: еще молъ мнѣ же купецъ за то скажешь спасибушко. Маялись мы этакъ полныхъ два дни. На третій день далъ Богъ солнышка. Хоть малость обсушились да погрѣлися. Къ вечеру ужь выходили на дороженьку, еле вѣдь колеи знать, въ лѣсѣ еще. Стоимъ гадаючи, молъ вправо, аль влѣво свернуть намъ. Анъ слѣва, видимъ, мужикъ съ поля домой соху на сивушкѣ волочитъ. Купецо-тъ мой издали еще окликалъ его, звалъ дядюшкомъ: „здорово молъ, милъ дядюшко.“ Была вѣдь тутъ, Киріакъ Андреевичъ, не повѣруешь ты, у́мна хитрость купецкая.

— Въ чемъ хитрость-то?

— А въ томъ же, что онъ мужика-то дядей звалъ. На то вѣдь надѣючись что и онъ его звеличатъ дядюшкомъ. Такъ оно и случалося. Тутъ купецо-тъ мой радостно этакъ меня въ бокъ толконулъ, а словами взговорилъ: „Молись молъ Богу, Пашко́, на тверьску де землю выбѣгли.“ Ты-то почему же знашь? поизумился я. „Знать не дослышалъ ты, что мужико-тъ меня *дзядей* звалъ. а это молъ дзяконье нелестна буде тверьска примѣтушка, потому какъ москвичи сызмала о́ны дзякать не обучены.“

Всѣ, кто слушалъ Пашкову повѣсть, подивились хитрости купеческой.

— Тѣмъ временемъ-то, мужикъ къ намъ пододвинулся. Зритъ на насъ съ опаскою: не лѣшіе-ль еще молъ изъ лѣсушка повыбѣгли. Таковы-то хо́роши да обрядливы стали мы предъ нимъ. Коня, не доѣзжаючи при́держалъ, кри́читъ намъ: „откулешны?“ Тутъ купецъ ему правду сказывалъ, что выбѣгли молъ изъ полону московьскаго, третій молъ день ку́са во рту не было, не оставь же молъ, дядюшко, странныхъ насъ. Велъ насъ тверичъ въ свою деревнюшечку, не да́лече была. Давалъ намъ ужину, вкусили мы свята хлѣбушка. Задавались мы спать съ купцомъ, спали до полуденъ вѣдь. На завтра, воскресенье было, обѣдомъ накормивъ, провожалъ насъ тверичъ, на дорогу давалъ хлѣбушка. А денегъ, сколько ни просилъ его купецъ, не взялъ и за поминочекъ: „грѣхъ молъ со странныхъ брать, да еще молъ съ полонянниковъ.“ Цѣловались мы съ нимъ прощаючись; благодарствуя ему, какъ отцу родному въ ноги кланялись. Пошли затѣмъ, а тамъ по времени и на большакъ [1]) выбрались. Тутъ, въ первомъ же селѣ, покупалъ купецъ намъ одеженку, да еще копя съ подводою. При томъ не забывалъ же, ржицы купилъ, и грузили мы ее на подводушку. „Потому, какъ сказывалъ, что молъ дешевъ тутъ хлѣбъ, у насъ-де по ратному времени стане дороговь, стану я его продавать съ выгодою“. Знамо, дѣло купецкое. Затѣмъ къ и́ному обозу приставали мы, купцы-жь съ товаромъ шли. Нечего тутъ и сказывать! Пошло наше дѣло съ легкостью. Развѣ о томъ мнѣ степенству твоему сдоложить буде, какъ попалъ-то я, Киріакъ Андреевичъ, въ Ладогу. А будемъ мы ужь близъ Новгорода. взговорилъ купецъ: „слышь-ко, Иваньковичъ, поворотъ буде ту, версты съ двѣ ихъ оставалося, поближе мнѣ прямичкомъ проѣхать въ Ладогу. Хошь, свезу тебя во Новгородъ, а коли де ты не побрезговашь, съѣхалъ бы со мной въ нашу Ладогу. Батюшка де мой буде купецъ житочный [2]), не отпуститъ тебя безъ поминочка, какъ спасъ ты его сыночушка единаго, что вотъ изъ полону-тъ вывелъ, изъ болотины вытаскивалъ, и деньги къ тому схоронилъ“. А я въ себѣ думаю: „хо́дилъ-гу́лялъ я, молодецъ, довольне е̇ времени, а дома хоть и оставленъ у меня Офонюшка. да не въ четыре-жь руки работалъ, въ двѣ всего. Може еще и полѣнивался. Правда, оставлена у меня за домомъ смотрѣть Маврушенькина матушка да не бабье дѣло молъ кожи мять. Все-жь о́по, скажи, безъ глаза хозяйскаго дѣлалось. А съ Ладоги-тъ сплыву съ поминочкомъ“. Такимъ-то бытомъ попалъ я въ Ладогу. Тамъ меня кормили, поили, угащивали. цѣлыхъ вѣдь три дни, еще остаться просили, да пора ужь и домовь мнѣ. А купцовъ батюшка дарилъ мнѣ одёжу хо́рошу, обулъ меня въ но́вы сапоженьки, и рубль давалъ въ поминочекъ. Тутъ ужь я тебѣ, Киріакъ Андреевичъ, и все разсказалъ.

Вскорѣ Киріаку Андреевичу доложили, что обѣ боярыни встамши молъ, и зоветъ его Мамелфа Тимоѳеевна завтракать. Приказавъ Пашка̀ накормить сытнёхонько, бояринъ пошелъ въ бѣлую избу. Потомъ туда-же и Пашка̀ позвали. И боярынямъ повѣствовалъ онъ про свои бѣды, а тѣ, слушая, не разъ принимались плакать. Киріакъ Андреевичъ сказалъ Пашку̀, что нечего ему горой идти въ Новгородъ. съ нами де сплывешь, дастъ Богъ на завтра потеплѣетъ и вѣтеръ спопутный падетъ. Киріакъ разсказалъ также Пашку̀ какъ онъ о немъ думалъ и посылалъ справляться, тоскуя въ Новѣгородѣ.

— Вишь, Пашко̀, ожененъ нунь хожу, добавилъ онъ, — и тебѣ Господь пошлетъ счастьица.

— А дастъ-же, съ увѣренностью сказалъ Пашко̀. — Только-бъ научиться мнѣ терпѣть Господа, какъ Владыко меня наказывалъ. Только у меня, Киріакъ Андреевичъ, ишь ты, сколь велико терпѣньице: ажь до Москвы меня домыкало. И то во мнѣ еще, какъ Василей сермяжникъ скаже, что яровитъ буду, и своей яростью всяко дѣло спортить радъ.

Въ черной избѣ, между тѣмъ, шли всякіе пересуды о Пашкѣ, и какъ онъ вошелъ туда отъ бояриpа, одинъ паробокъ сказалъ ему:

— Слышь-ко, Иваньковичъ, что̀ баба-та тутошна сказыватъ. Сказывай, что-ль. Митревна.

— Нечего мнѣ ему сказывать, огрызнулась баба на паробка, и слѣдомъ Пашку: — А только какъ-бы я твою невѣстушку за недѣлю такъ до Покрова, чтоль, видѣла.

— Маврушеньку? гдѣ-жь ты ее видѣть-то смогла?

— Какъ звать-то ее—спросить я не сдогадалася, а только-жь видѣла. Шла тутъ дѣвчина мимо насъ, также вотъ, какъ твоя невѣста, загубилася. Сказывала, молъ завезли меня да́лече въ лѣсъ люди недобрые, тамо-т-ко и покинули. Черезъ силу молъ на Новгородьску дороженьку выбралась.

— Какова̀-жь она собою-то, дѣвчина-та?

Митревна сказала. „Точь въ точь какъ-бы и Маврушенька“ подумалось Пашку.

— Только стой! прибавила баба,—эта-та что́ мимо шла, оказыватъ она больше какъ-бы женщина.

— Ну, не моя, дру́га, знать, сурово Пашко сказалъ.— Не больнё и схожа вѣдь на Маврушеньку. какъ ты сейчасо-тъ про нее сказывала. Мало-ль горюшъ по свѣту шатается.

Хотя Пашко и говорилъ такъ вслухъ, про себя же думалъ, что и впрямь де не иная кто проходила, а Маврушенька. И чѣмъ дальше онъ о томъ думалъ. тѣмъ скорѣе хотѣлось ему поспѣть въ Новгородъ. Чуть сдержался, чтобъ не идти тотчасъ.

„Буде ужь“, успокоивалъ онъ себя, „про терпѣнье-то не сейчасъ-ли толковалъ я Киріакъ Андреевичу. Покуль видно не выучусь Господа терпѣть, не зрѣть мнѣ лица Маврушенькина“.

[1]) Большакъ — большая дорога.
[2]) Житочный—зажиточный.

Въ тотъ день, молясь на ночь, Пашко много разъ повторилъ: „Потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое! Потерпи Господа“.

V.

Малое вѣче.

Какъ московскій подьячій прибѣжалъ со складною грамотою отъ государя своего Князя Великаго къ господину Великому Новугороду, степенный посадникъ Ѳома Андреевичъ послалъ за степеннымъ тысяцкимъ Василіемъ Есиповичемъ, и вмѣстѣ они читали грамоту. Прочтя, приказывали новгородскимъ подьячимъ писать съ той грамоты противни [1]), а затѣмъ, созвавъ кончанскихъ старостъ, приказывали Вѣчьному дьяку прочесть передъ ними грамоту, и дали каждому старостѣ по противню, наказавъ оповѣстить чрезъ уличанскихъ старостъ весь Великій Новгородъ, что Князь Великій сложилъ съ себя свое къ нему крестное цѣлованье. Правду сказать, Великій Новгородъ и безъ того уже зналъ объ этомъ, и всюду шли толки о розмирьи съ Москвой.

Посовѣтовавшись съ тысяцкимъ, Ѳома Андреевичъ рѣшилъ на третій день созвать малое вѣче. Забѣгали по всѣмъ концамъ подвойскіе и биричи, оповѣщая о томъ кого слѣдуетъ.

Лука Аввакумовичъ добрался до Новагорода только встало солнце того самаго дня, на который было созвано вѣче. Ему доложили о вѣчѣ и еще о томъ, что вчера, какъ стемнѣло ужь, прибѣгалъ паробокъ отъ Марѳы посадницы, и сказывалъ, что господарыня проситъ накрѣпко, чтобъ бояринъ заѣхалъ къ ней тотчасъ-же по пріѣздѣ. Подумавъ, что вѣче назначено въ третьемъ часу [2]), Лука рѣшилъ, что не успѣетъ заѣхать передъ вѣчемъ къ посадницѣ, и на-скоро переодѣвшись и позавтракавъ, погналъ прямо въ Дѣтинецъ. Подъѣхавъ къ владычней палатѣ, гдѣ вѣчу быть, по конямъ у крыльца онъ увидалъ, что не многіе еще бояре съѣхались.

„Нечего мнѣ съ позаранку въ палатѣ торчать“, подумалъ онъ, и приказавъ паробкамъ съ конями стать у крыльца, самъ пошелъ помолиться въ соборъ: да поплетъ ему Господь духъ совѣта и розума.

Въ соборѣ, ставъ передъ образомъ Пречистыя, онъ прочелъ сперва тѣ молитвы, что положено передъ началомъ всякаго добраго дѣла. Ими не утолился его молитвенный жаръ и Лука продолжалъ молиться, уже отъ себя слагая молитвы. Онъ зналъ наизусть, отъ доски до доски, всѣ псалмы Давыдовы, и нынѣ, молясь, не то чтобъ избиралъ изъ нихъ, а какъ-то сами собой просились ему на уста тѣ стихи, которые подходили и къ его душевному настроенью и къ трудному дѣлу новгородскому.

„Господи Боже отецъ нашихъ“, жарко молился Лука, „вскую, Господи, отринулъ еси до конца: разгнѣвася ярость твоя на овцы пажити твоея. Помомни сонмъ твой, его-же стяжалъ еси испервa. Вскую отвращаеши руку твою и десницу твою отъ среды нѣдра твоего въ конецъ? Не забуди гласа молитвенникъ твоихъ. Господи, прибѣжище еси былъ намъ въ родъ и родъ. Не ты ли, Боже, отринувый насъ, и не изыдеши, Боже, въ силахъ нашихъ? [3]) Даждь намъ помощь отъ скорби, и суетно спасенье человѣческо. Господи, услыши молитву мою, внуши моленіе мое во истинѣ твоей, услыши мя въ правдѣ твоей. Благословенъ Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченіе, персты мои на брань. Милость моя и прибѣжище мое, заступникъ мой и избавитель мой, и на Него уповахъ: повинуяй люди мои подъ мя“.

Произнеся послѣдній стихъ, Лука невольно смутился. „Съ чего аль къ чему сей стихъ изъ устъ моихъ вымолвился?“ подумалъ онъ, и затѣмъ съ разстановкою, какъ-бы углубляясь въ смыслъ святыхъ словъ, повторилъ шепотомъ: „повинуяй люди моя подъ мя“. И тутъ дрожь у него прошла по всему тѣлу.

„Какіе люди станутъ подъ моей рукой ходить, а мнѣ повиноватися..! Аль къ тому это, что стара посадница на степень меня заманивала?“ И опять точно ознобъ напалъ на него.

Склоня голову, бояринъ крѣпко задумался: молитва уже больше не шепталась въ его душѣ, и уста были нѣмы. Очнувшись, Лука перекрестился и проговорилъ тѣ слова, которыми всегда заканчивалъ молитву: „Приими, Боже, молитву мою яко-же молитву мытареву. Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“.

Неспѣшною походкой, какъ-то особенно осторожно держа голову, точно боясь всплеснуть и помутить свои важные помыслы, Лука вышелъ изъ собора и сталъ на паперти. Передъ нимъ и подъ нимъ разстилался Великій Новгородъ. Осеннее солнышко прорѣзало тучи и ударило по золоченымъ крестамъ разноцвѣтныхъ храмовъ Божіихъ.

„И красота, сказать нельзя!“ почти вслухъ воскликнулъ Лука. Ему пришло въ голову, какъ много покойный Владыко Евѳимій украсилъ Новгородъ церковнымъ и палатнымъ строеньемъ каменнымъ.

„И церкви-те Божіи“, думалось ему, „другъ съ дружкой переглядываясь, о Евѳиміи, знать, разговоръ ведутъ. Одна-то скаже: „меня де ставилъ онъ“, а друга въ отвѣтъ: „меня за-ново молъ подписывалъ“. Ту водрузилъ онъ нову каменну замѣсто обветшалой въ деревнѣ; эту кровлей желѣзной крылъ да крестъ на ней золотилъ“.

И вдругъ точно вся кровь у него кинулась къ сердцу, и вскипѣла тамъ.

„Любилъ-же ты, святитель Божій“, воскликнулъ онъ, обращаясь душой къ почившему Владыкѣ, „волю новгородьскую. И ставился не въ Москвѣ, въ Смоленскѣ; не отъ Московьскаго митрополита, отъ Кіевскаго, не боясь того, что скажутъ будто рушишь тѣмъ законъ нашъ греческій. И нынѣ, Владыко, возри съ небесъ на вертоградъ сей, твоею любовною рукою воздѣланный, и умоли Господа да мимо идетъ туча эта грозная. Да укрѣпитъ Господь на праву брань руку новгородьскую. А врази наши—мечь ихъ да внидетъ въ сердцѣ ихъ, и луцы ихъ да сокрушатся“.

И Лука повелъ очами, какъ-бы желая однимъ взглядомъ обнять весь Новгородъ. Остановились очи его въ той сторонкѣ, гдѣ его домъ стоялъ, и высилась ихъ приходская церковь; потомъ все дальше и дальше переводя взоръ, оглядывалъ онъ всю Торговую сторону; вотъ ужь смотритъ онъ черезъ зарѣчную городскую стѣну, туда, гдѣ, убѣгая въ темный лѣсъ, вьется Низовская дороженька.

„А сколько, мало годовъ, вѣковъ, скажи“, думалъ Лука, „отцы-дѣды городъ строили, всякимъ узорочьемъ, богатѣючи, украшали. Аль не нашъ ужь онъ, Новгородъ, аль тѣмъ великъ только кажется, что чужа рука до него тянется? Аль на ту руку у насъ и меча нѣтъ? Аль правду про него скажутъ: „у, ты молъ, утолсте, ужире“... Нѣтъ-же, живъ Господь, и живъ Новгородъ!“ И вспомнивъ, что его ждетъ неотложное дѣло новгородское, бояринъ спѣшно пошелъ къ палатѣ.

Вся предпалатная площадка была теперь заставлена конями; нѣкоторые были привязаны къ коновязямъ, другихъ паробки держали въ поводу.

„Знать всѣ ужь съѣхались!“ подумалъ Лука.

И давно ужь, должно быть, съѣхались, потому что паробки успѣли разсѣсться кучами, играя въ зернь, бранясь и судача про господарей. Иные, видно съ холоду иль съ жиру взбѣсясь, бились на палкахъ и бо-

[1]) Противень—копія.
[2]) Отъ солнечнаго восхода.
[3]) Съ войсками нашими.

ролися; третьи затѣвали обычныя дурачества. Дѣвчина, изъ себя рыжая, шла мимо палаты; къ ней мигомъ подскочилъ молодой паробокъ.

— Тебѣ, знать, дѣвонька, не холодно, вскричалъ онъ,— гляди-ко, робя, на головѣ-то у ней бы пожаръ горитъ.

— Отстань, пострѣлъ! отвѣтила дѣвонька, и такъ толкнула парня, что онъ отлетѣлъ отъ нея.

На его мѣсто подлетѣла къ дѣвушкѣ цѣлая ватага.

— И впрямь нонѣ холодно, сказалъ одинъ, — а руки у меня ознобимшись, страхъ. Дай-ко я околъ дароваго пожара погрѣюся.

— Ой вы, гальё желторото, ишь разгалдѣлися! Не видите, что-ль. бояринъ йде? крикнулъ на нихъ паробокъ постарше.

Желторотое гальё разступалось и кланялось Лукѣ Аввакумовичу, сохраняя еще на устахъ дурашливой смѣхъ. Паробки постарше при его проходѣ лѣниво подымались съ земли, кланялись съ какой-то суровостью, и только онъ миновалъ ихъ, сплевывали сквозь зубы не безъ легкаго присвиста. Лукѣ нынче и въ дурашливыхъ паробкахъ милъ былъ Новгородъ.

Только Лука Аввакумовичъ занесъ правую ногу на первую ступеньку, какъ сзади послышался конскій топъ. Оглянулся онъ, и видитъ, что то́ спѣшитъ на вѣче старый посадникъ Григорей Михайловичъ Тучинъ. Остановился Лука, чтобъ впередъ пропустить посадника.

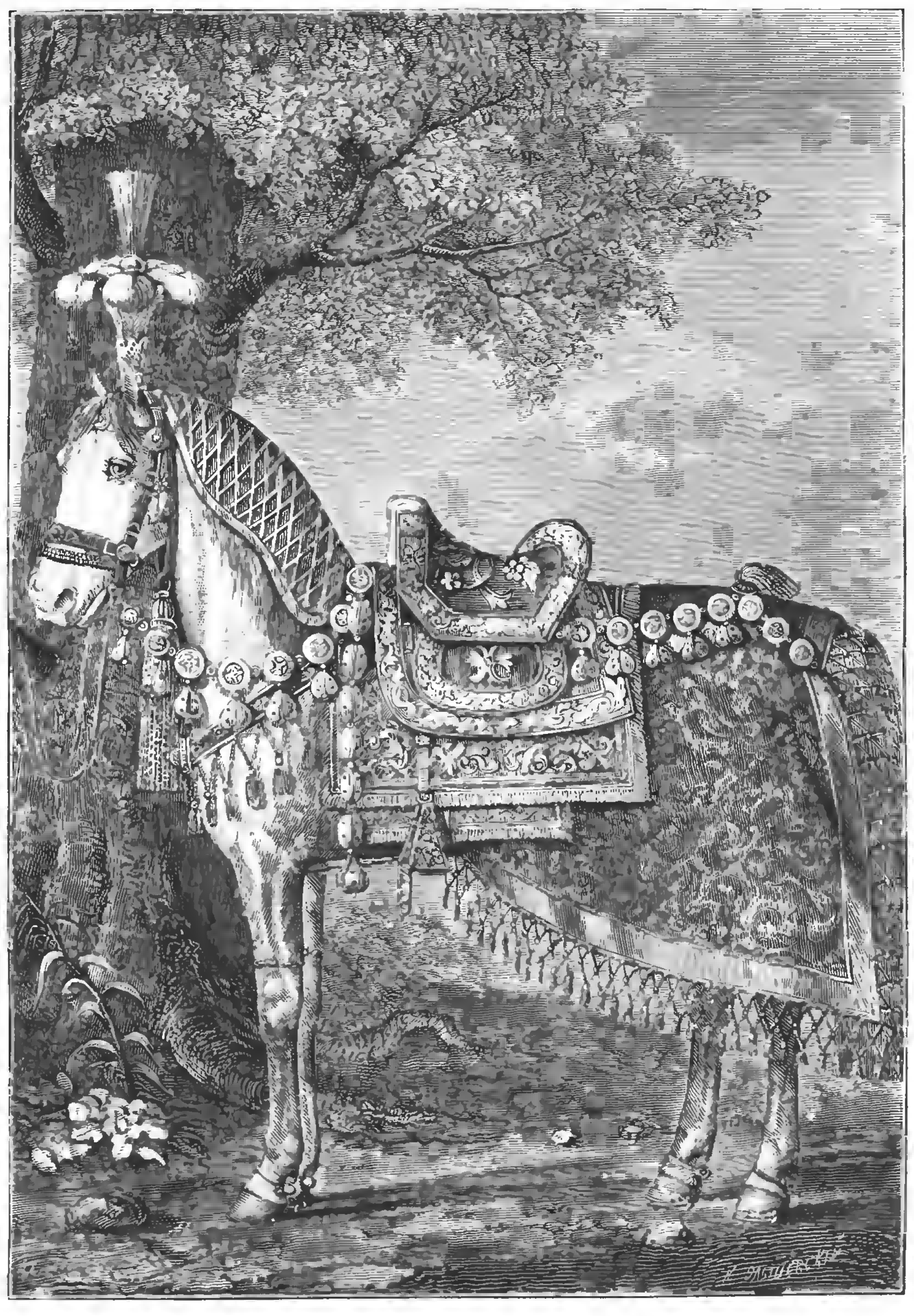
— Опоздали мы съ тобой нынѣ, Григорей Михайловичъ, говорилъ онъ здороваясь съ Тучинымъ. — Заглядѣлся я съ паперти на Новгородъ. А и кра́сота! Слышалъ, може, какъ муроль-то этотъ [1]), Аристотель, въ Москву проѣзжалъ, и любуючись-же сказывалъ, что нигдѣ молъ кра́соты такой не видывалъ опричь города своего Венедскаго [2]).

Тучинъ ничего не отвѣчалъ, и какъ взглянулъ на него Лука, то увидѣлъ, что врядъ-ли Григорей Михайловичъ вслушался въ его рѣчь. Иныя, видно, думы роились въ его головѣ. Сѣдъ былъ посадникъ, и только густыя нависшія брови еще чернѣлись, да изъ-подъ нихъ вспыхивали огнемъ черные какъ угли глаза.

„Не мимо, знать, отца твоего тучей прозвали“, подумалъ Лука, „и сынъ въ отца. Истая вѣдь туча грозная!“

Входя въ палату, Лука услышалъ, что ладономъ пахнетъ: „Знать де молебенъ отпѣли ужь, и только не начинали поджидаючи вотъ Григорея Михайловича“. Тучинъ былъ прямой новгородецъ; не глядѣлъ ни въ Московскую, ни въ Литовскую сторону.

(Продолженіе будетъ).

Конскій уборъ XVII вѣка. По рисунку изъ книги „Одежда и вооруженіе россійскихъ войскъ“, грав. К. Ольшевскій.

Виноградный грибокъ.

Въ настоящее время доносятся слухи съ Кавказа, что тамъ появился виноградный грибокъ,—не излишне поэтому познакомить читателей *Нивы* съ жизнью этого грибка и со средствами, при помощи которыхъ въ другихъ странахъ удалось одолѣть его. Особенную опасность онъ представляетъ для виноградниковъ вслѣдствіе своего чрезвычайно быстраго развитія. На островѣ Мадерѣ, напр., почти всѣ насажденія лозы были уничтожены имъ въ 1853 году, и жителямъ пришлось надолго бросить винодѣліе, причемъ они почти исключительно занялись разведеніемъ кошенильнаго кактуса (нопала или опунціи) изъ-за особаго вида тлей, живущихъ на вѣтвяхъ этого растенія и идущихъ въ продажу подъ названіемъ кармина или кошенили. Столь громадный вредъ, конечно, заставляетъ интересоваться этимъ растеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наводитъ на мысль о томъ, что̀ мы собственно пьемъ подъ названіемъ „мадеры“ и не лучше ли употреблять наши отечественныя вина, чѣмъ отправлять ихъ заграницу. Правда, они нѣсколько кисловаты, но зато ихъ можно получить безъ примѣси; притомъ у насъ также имѣется глицеринъ, такъ что и мы—извините снисходительно читатель—

[1]) Муроль—архитекторъ.
[2]) То есть Венеціи.

Катастрофа 17 октября 1888 близъ ст. Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги.

По фотографіи и указаніямъ очевидца Л., рисовалъ художникъ Н. Троянъ, грав. Демчинскій.

можемъ ихъ подсластить послѣднимъ, причемъ вино пріобрѣтаетъ ту густоту, которая такъ высоко цѣнится знатоками. Такое вино, будучи истинно безвреднымъ и здоровымъ, обойдется значительно дешевле иностраннаго.

Что до самаго гриба, то онъ принадлежитъ къ числу сумчатыхъ, которые получили, подобно базидіальнымъ, свое названіе отъ способа образованія споръ. Послѣднія (обыкновенно по восьми) образуются здѣсь не на концахъ грибныхъ ниточекъ (гифовъ), а, какъ увидимъ ниже, внутри особыхъ сумочекъ (аскусовъ). Не входя въ подробности раздѣленія сумчатыхъ грибовъ, замѣтимъ лишь, что виноградный грибъ принадлежитъ къ семейству Erysiphei, представители котораго вызываютъ какъ на травахъ, такъ и на деревьяхъ, преимущественно на ихъ листьяхъ, особую болѣзнь, извѣстную въ общежитіи подъ названіе *бѣли* или *мучной росы*, благодаря тому обстоятельству, что пораженныя части растеній въ извѣстное время года покрываются какъ-бы мукою. Виды этого семейства живутъ не внутри питающаго растенія, а на его поверхности, пуская только присоски въ его кожицу (см. рис 1 а). Этимъ они отличаются отъ большинства другихъ паразитовъ. Припомнимъ, что всѣ грибы питаются на счетъ выработанныхъ хлорофиллоносными растеніями веществъ, ибо сами, вслѣдствіе отсутствія хлорофилла, не могутъ образовать углесодержащихъ веществъ (преимущественно углеводы), образуя лишь бѣлковыя (углесодержащія, азотистыя тѣла) и жиры; то есть, всѣ грибы суть паразиты. Благодаря такому наружному паразитизму и появляясь всегда въ большомъ количествѣ, грибы эти, несмотря на свои небольшие размѣры, легко замѣтны невооруженному глазу уже весною, когда ихъ мицелій (сравн. статью о грибахъ въ X нумерѣ *Нивы*) разстилается по поверхности зараженной части растенія въ видѣ нѣжной бѣловатой паутины.

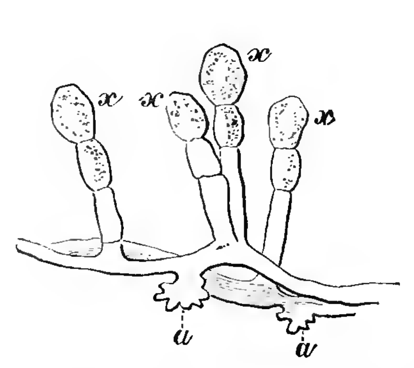

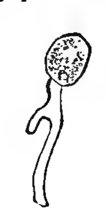
Рис. 1. Виноградный грибъ (Oidium Tuckeri Berk). Отвѣсно приподнимающіяся вѣтви мицелія, отшнуровывающія на концѣ по одной спорѣ ж (конидіи), и присоски (увеличено въ 400 разъ).

Однако намъ не приходится далеко искать, чтобы познакомиться съ этими грибами; весьма близкій къ Erysiphei видъ, такъ-называемый Aspergillus или правильнѣе Erotium glaucum, встрѣчается повсюду. Почти всѣ наши съѣстные припасы, особливо черный хлѣбъ, на сыромъ мѣстѣ весьма скоро покрывается плѣсенью, т. е. мицеліемъ только что названнаго гриба. Теперь и понятно будетъ, почему семейство Erysiphei называютъ мучнисто-росяночными грибками или просто плѣсенями.

Вскорѣ на заплѣсневѣломъ кускѣ хлѣба появляются между бѣлыми пятнами зеленыя, отъ которыхъ отдѣляется тончайшій порошокъ, что особенно легко обнаружить, если хлѣбъ положить заплѣсневѣлою стороной внизъ на черную бумагу и накрыть все это колпакомъ. Если слегка дунуть на этотъ порошокъ, то онъ разлетается; то-же самое происходитъ въ природѣ: каждое теченіе воздуха уноситъ такія пылинки, которыя и осѣдаютъ тамъ и сямъ. Попавъ на умѣренно-сырое мѣсто, гдѣ имѣется достаточно питательныхъ веществъ, пылинка разрастается въ развѣтвляющуюся нить, въ новый мицелій,—появляется бѣлая паутина, которая затѣмъ зеленѣетъ. Любознательный читатель и за этимъ развитіемъ легко можетъ наблюдать, если не пожалѣетъ труда перенести пылинку на свѣжій кусочекъ хлѣба; причемъ, чтобы опытъ вѣрно и скоро удался, необходимо хлѣбъ изрѣдка увлажнить водою.

Теперь мы знаемъ, что такое плѣсень и какъ она появляется; но что это за порошокъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, припомните лишь, что у цвѣтковыхъ растеній сѣменами называется то, что образуется въ плодѣ, и попавши въ благопріятныя условія, разростается въ новое растеніе. Слѣдовательно, это будутъ сѣмена этого грибка,—его споры, ибо грибы принадлежатъ къ споровымъ растеніямъ, не имѣющимъ цвѣтовъ, т. е. тычинокъ и пестиковъ. Линней назвалъ эти растенія тайнобрачными, предположивъ (что теперь и доказано для большинства ихъ), что и у нихъ существуетъ половое, но скрытое отъ глазъ человѣка размноженіе. Теперь Линнеевское названіе замѣнено, потому что, хотя споры физіологически (производя новое растеніе) вполнѣ сходны съ сѣменами цвѣтковыхъ растеній или сѣменныхъ (явнобрачныхъ Линнея), но тѣмъ не менѣе, образуясь инымъ способомъ, не одинаковы (гомологичны) по происхожденію съ послѣдними.

У кого имѣется подъ руками микроскопъ, тотъ можетъ наблюдать и за самимъ образованіемъ этихъ споръ; нѣкоторыя вѣтви мицелія приподнимаются отвѣсно, и надуваясь на концахъ булавовидно, даютъ массу коротенькихъ отроговъ въ видѣ кегель, верхушки которыхъ отшнуровываютъ рядами одну спору за другую, почему такая головка представляется лучистою. Еще проще образуются споры у Erysiphei, гдѣ прямо верхушка отвѣсныхъ вѣтвей безпрестанно отшнуровывается. Эти споры, какъ у Eurotium, способны сейчасъ-же проростать въ мицелій, на которомъ опять появляются споры (рис. 2). Такимъ образомъ сразу образуется большое количество такихъ споръ, которыя у Erysiphei бѣлаго цвѣта и производятъ именно впечатлѣніе мучнаго налета, который передается съ растенія на растеніе.

Рис. 2. Прорастающая спора.

Эти споры образуются безполымъ размноженіемъ, почему ихъ и называютъ „конидіями“, а не спорами, и говорятъ о конидіальной формѣ мицелія. Такимъ образомъ размножаются Erysiphei въ теченіе лѣта. Осенью-же образуются и настоящія споры, „аскоспоры“, являющіяся дѣйствительно образованіями половаго размноженія. При этомъ концы двухъ сосѣднихъ вѣтвей мицелія растутъ другъ другу навстрѣчу; одинъ изъ нихъ, обыкновенно большей величины, закручивается, притомъ у нѣкоторыхъ родовъ на подобіе штопора. По соприкосновеніи лишь одинъ конецъ (если они были не одинаковой величины, то большій) далѣе развивается и его принимаютъ за органъ соотвѣтствующій пестику (аскогонъ) другой конецъ—за соотвѣтствующій тычинкѣ (поллинодій). По оплодотвореніи аскогонъ развѣтвляется, — послѣднія развѣтвленія перегородкою, превращаясь въ клѣтки, и суть тѣ сумки (аски), въ которыхъ образуются аскоспоры. Одновременно съ образованіемъ сумокъ, изъ-подъ аскогона выростаютъ нѣсколько трубчатыхъ отроговъ, которые, обростая аскогонъ и полинодій и расчленяясь перегородками, окутываютъ ихъ плотною массою—все это вмѣстѣ называется „плодомъ“; стѣнки его впослѣдствіи еще болѣе утолщаются и бурѣютъ. Мицелій при образованіи плодовъ постепенно уничтожается, такъ что послѣдніе, которые обыкновенно замѣтны простому невооруженному глазу въ видѣ темныхъ пятенъ среди лучисто-паутиннаго налета, впослѣдствіи одни только и сохраняются отъ всего грибка.

Познакомивъ читателя съ развитіемъ плѣсеней, вернемся къ виноградному грибку, который извѣстенъ пока только въ своей конидіальной формѣ, почему весьма возможно, что части мицелія или, что еще вѣроятнѣе, его конидія зимуютъ. Онъ былъ впервые описанъ въ 1848 г. Беркелеемъ (Berkeley), который назвалъ его Oidium Tuckeri въ честь садовника Тукера, открывшаго его въ 1845 г. (хотя онъ вѣроятно раньше былъ распространенъ въ Европѣ). Въ 1851 году грибокъ распространился уже по всей Франціи, Швейцаріи и Германіи; особенно-же свирѣпствовала эта болѣзнь по Средиземному морю: въ Италіи, Малой Азіи, Сиріи, Алжирѣ, а въ 1852 г. появилась на островѣ Мадерѣ. Его громадный вредъ обусловливается тѣмъ, что онъ съ листьевъ переходитъ на молодыя ягоды и именно уже въ то время, когда ягоды еще величиною въ горошину, причемъ на пораженныхъ мѣстахъ кожица бурѣетъ (рис. 3). Эти пятна постепенно сливаются и указываютъ на отмираніе кожицы, благодаря чему она не можетъ больше слѣдить за развитіемъ и увеличеніемъ мякоти ягоды, которая, надавливая на эту послѣднюю, легко ее разрываетъ, такъ что ягоды гніютъ и лишь зерна повидимому развиваются правильно. Подчасъ заражаются ягоды односторонне, почему онѣ иногда отчасти развиваются и получается неправильная форма ягоды. Такъ какъ пока повсюду виноградная болѣзнь оказалась вызванною однимъ и тѣмъ-же грибкомъ, то почти несомнѣнно, что и у насъ на Кавказѣ появился Oidium Tuckeri.

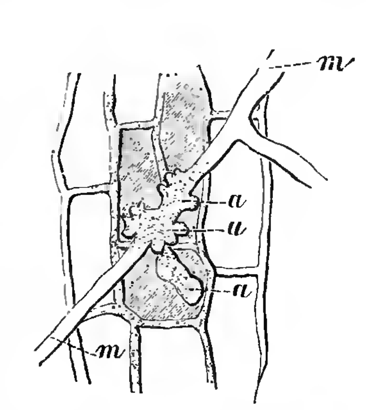

Рис. 3. Кусочекъ кожицы зараженной ягоды: m мицелій, a присоски, вокругъ которыхъ пробурѣли клѣтки кожицы (увеличено въ 400 разъ).

Что касается средствъ противъ этой болѣзни, то лучше всего, какъ и отъ другихъ подобныхъ поверхностныхъ паразитовъ, обсыпаніе лозы сѣрнымъ цвѣтомъ изъ мѣха, пузыря или посредствомъ пудряной кисти во время утренней росы, нѣсколько разъ, передъ и послѣ цвѣтенія и еще разъ въ августѣ. Совѣтуютъ также впрыскиваніе смѣси, состоящей изъ одной части извести на три части сѣры, которая варится въ 5 частяхъ воды. Пробовали еще другія сѣросодержащія вещества, напр. сѣрнистую землю, „minerale greggio“, заключающую до 40% сѣры, однако подобныя вещества лишь тамъ примѣнимы, гдѣ такой матеріалъ дешевъ, какъ напр. въ Италіи, особливо на Сициліи. Дѣйствіе сѣры притомъ вѣроятно механическое, ибо наблюдали, что виноградный грибъ не появлялся на растеніяхъ густо покрытыхъ дорожною пылью; если-бы, напротивъ, изъ сѣры образовалась безпрестанно сѣрнистая кислота, т. е. сѣра вліяла-бы химически, то погибли-бы и сами растенія. Замѣтимъ далѣе, что

не всѣ сорта винограда одинаково подвержены этой болѣзни, особливо страдаютъ мускатные и мальвази; впрочемъ доказано, что въ Европѣ и американскіе сорта, которые считаются въ общемъ болѣе крѣпкими, также поражаются ею.

Наконецъ, достойно упоминанія, что, по изслѣдованіямъ де-Бари, въ мицеліи плѣсеней, несмотря на всю нѣжность и удивительную тонкость его гифъ, живетъ другой грибокъ Cicinnobolus Cesatii, который, препятствуя его успѣшному развитію, также оказываетъ пользу въ борьбѣ съ виноградньмъ грибкомъ.

Однако виноградный грибъ отнюдь не единственный изъ растительнаго царства врагъ лозы. Въ видѣ прибавленія укажемъ также еще на другой, также микроскопическій, грибокъ, принадлежащій къ семейству переноспоровыхъ (Perenosporeae), изъ коихъ одинъ видъ (Phytophtora infestans de Bary раньше названный Perenospora infestans Caspary) производитъ извѣстную и очень распространенную болѣзнь картофеля. Подобный послѣднему видъ причиняетъ именно такъ-называемую виноградную плѣсень, отъ которой также лоза сильно можетъ пострадать, и если грибокъ этотъ не истребляется своевременно, то и имъ опустошаются на годы громадныя площади виноградниковъ; какъ это и было по верхнему Рейну, въ южной Франціи, въ Венгріи, Греціи и Италіи. Нѣмцы называютъ его ложною или американскою мучной росою лозы (falscher или amerikanischer Mehlthau-Pilz des Weinstockes, Perenospora viticola, de Bary), благодаря большому сходству въ явленіяхъ заболѣванія лозы этимъ грибкомъ съ болѣзнью виноградиаго грибка. Дѣйствительно, его мицелій также плотно прикладывается къ верхней кожицѣ листа въ видѣ тоненькой паутины. Впослѣдствіи и здѣсь листъ бурѣетъ, съеживается и наконецъ отпадаетъ; равнымъ образомъ грибокъ переходитъ и на ягоды, которыя притомъ сгниваютъ и отмираютъ.

Для предохраненія лозы отъ заболѣванія виноградною плѣсенью съ успѣхомъ примѣнили въ Италіи, Франціи и Тиролѣ способъ обсыпанія—и преимущественно гашеною известью. Для сего растворяютъ около 24 фунтовъ мѣднаго купороса въ трехъ ведрахъ воды и растворомъ этимъ обливаютъ 241 фунта негашеной извести, которая вслѣдствіе этого разсыпается. Употребляютъ также различныя жидкости: г. Анвейлеръ въ Радольфцелѣ (Radolfzell) устроилъ особый аппаратъ для разбрызгиванія. Изъ всѣхъ предлагаемыхъ жидкостей наиболѣе пригодной оказалась слѣдующая: растворяютъ въ 12 штофахъ горячей воды шесть фунтовъ мѣднаго купороса, равнымъ образомъ размѣшиваютъ 6 фунтовъ хорошей жженой извести въ 8 штофахъ воды; затѣмъ сливаютъ обѣ жидкости и разбавляютъ ихъ 60 ведрами воды. (Другія средства желающіе могутъ почерпнуть въ „Pomologische Monatshefte“ von Fr. Lucas in Reutlingen тетр. 11, 1857 г.)

Кстати сообщимъ еще новое наблюденіе Келлера надъ филлоксерою (Phylloxera vastatrix)—самымъ ожесточеннымъ врагомъ лозы изъ животнаго царства. Заставляя голодать двѣ колоніи безкрылой тли филлоксеры, онъ на шестой день замѣтилъ особенную оживленность у нихъ: онѣ суетились по стѣнкамъ своего острога; на десятый же день всѣ обратились въ куколокъ, изъ коихъ на тринадцатый день вылупился цѣлый рой крылатой тли. Такимъ образомъ, этимъ доказывается, что голодъ не умерщвляетъ тлю, напротивъ способствуетъ ея дальнѣйшему развитію и даже распространенію, ибо недоразвитая (безкрылая) тля, превращаясь въ крылатую (откладывающую яйца) даетъ этимъ начало новому поколѣнію. Поэтому если въ іюлѣ и августѣ лозы уничтожаются сѣроуглеродомъ, то немедленно приходится браться и за ихъ искорененіе тщательной ріолировкою, чтобы не дать неубитой тлѣ далѣе развиваться, или же слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ (какъ это совѣтуетъ Келлеръ), покрыть землю охранительною покрышкой во избѣжаніе разлета крылатой тли. Отнюдь не слѣдуетъ поэтому оставлять неискорененными убитыя сѣроуглеродомъ лозы до зимы, какъ это дѣлается мѣстами, ибо съ одной стороны немыслимо предположить, что удастся погубить всю тлю, а съ другой — благодаря отмиранію лозъ и искусственному голоданію тли именно и даются наиболѣе благопріятствующія условія для дальнѣйшаго распространенія филлоксеры.

Э. Нидергеферъ.

Къ рисункамъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 1112 и 1113).

Въ цѣломъ рядѣ этюдовъ прелестныхъ женскихъ головокъ или картинъ-портретовъ выдающихся красавицъ, помѣщенная на стр. 1112 и 1113 гравюра займетъ безспорно выдающееся мѣсто. Никакое описаніе не скажетъ того, что говоритъ за себя картина англійскаго художника Чарльза Эдварда Перуджини. Въ своихъ картинахъ онъ всегда отличается тщательнымъ, мягкимъ рисункомъ и пріятнымъ колоритомъ, который, къ сожалѣнію, не можетъ быть переданъ одноцвѣтною гравюрою, по тѣмъ рѣзче выступаетъ первое изъ приведенныхъ качествъ англійскаго жанриста.

Гиневра. (Рис. на стр. 1117).

Полусказочныя приключенія и жизнь бретонскаго короля Артура и его сподвижниковъ, рыцарей Круглаго Стола, нерѣдко служили содержаніемъ множеству сказаній. Вначалѣ извѣстныя лишь въ изустной передачѣ, они обработывались во времена процвѣтанія рыцарскихъ романовъ въ длиннѣйшія исторіи, прихотливо изукрашенныя вымыслами составителей ихъ, любившихъ окружать героевъ своихъ разсказовъ всевозможными небылицами. Но и гораздо позже сказанія о королѣ Артурѣ вдохновляли поэтовъ. Такъ, между прочимъ, трогательная исторія любви Гиневры (Ginevra, Ghwenhwynar), прекрасной супруги короля Артура, къ молодому герою Ланцело (Lancelot, Lanzelet), одному изъ рыцарей Круглаго Стола, послужила темою Вильгельму Герцу, въ Германіи, и Альфреду Теннисону, въ Англіи, для ихъ произведеній. Помѣщенная на стр. 1117 гравюра, съ картины американскаго художника Альфреда Фредерикса, служитъ иллюстраціей къ стихотворенію англійскаго поэта-лауреата и изображаетъ Гиневру, вышедшую проводить своего супруга, который отправляется въ походъ со своими сподвижниками. Среди нихъ находится также дорогой ея сердцу молодой рыцарь.

Общій видъ Оружейной Палаты и одна изъ ея залъ. (Рис. на стр. 1120 и 1121).

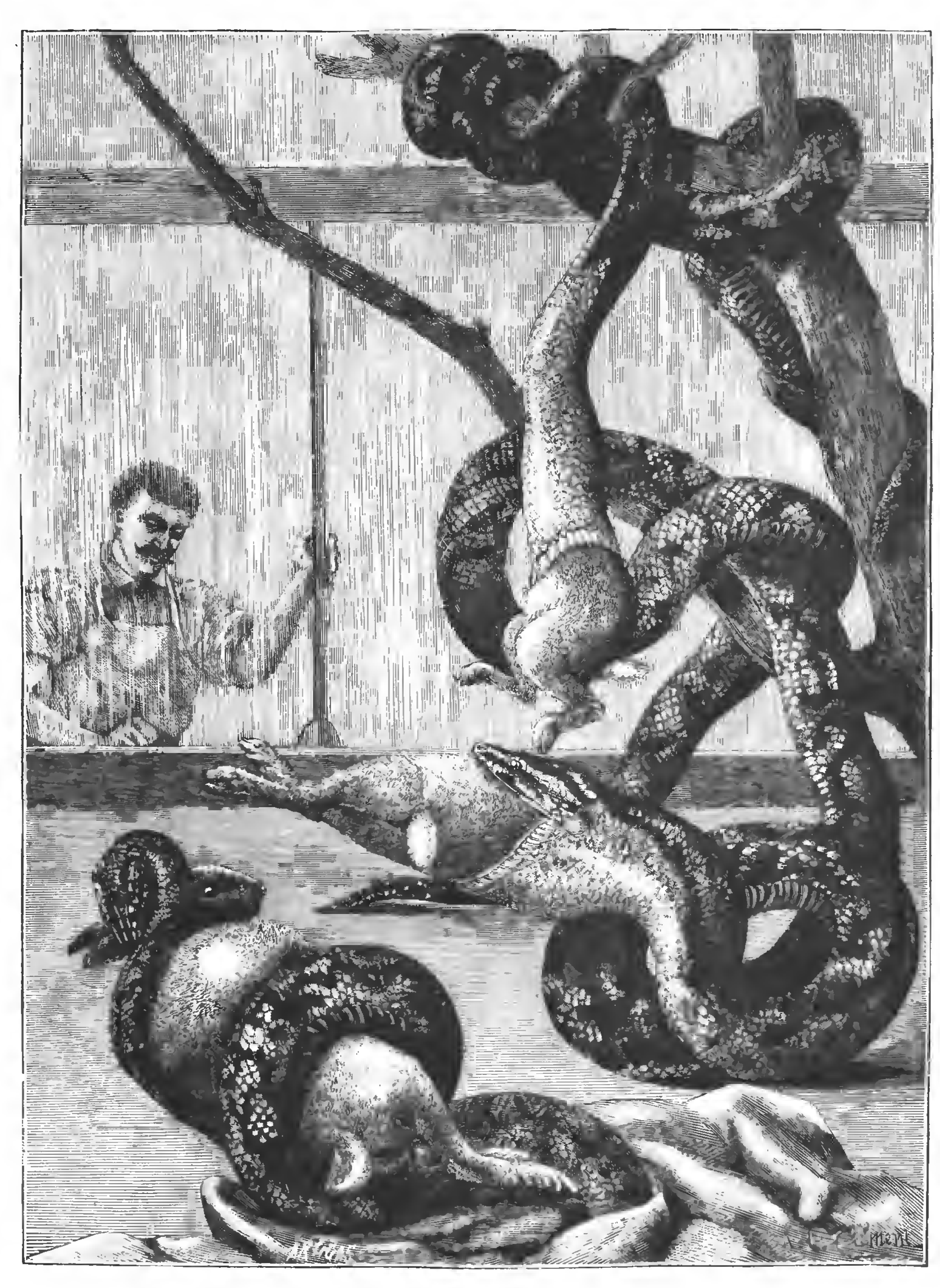
Оружейная Палата въ Москвѣ представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ музеевъ въ Европѣ. Этотъ музей, постоянно переполненный иностранцами (въ особенности англичанами), заключаетъ въ себѣ, кромѣ всякихъ драгоцѣнностей, чрезвычайно важные матеріалы для исторіи различныхъ отраслей искусства не только въ Россіи, но и вообще въ Европѣ, такъ какъ здѣсь сохраняются не только русскія древности, не только издѣлія русскихъ мастеровъ, но и огромное количество утвари и оружія, въ разное время поднесенныхъ въ даръ русскимъ царямъ иноземными государями.

Оружейная Палата, какъ и всякій другой богатый и обширный музей, сложилась постепенно и создалась не сразу. Исторія Оружейной Палаты чрезвычайно любопытна и поучительна, и начинается издавна. Уже при великомъ князѣ Московскомъ, Іоаннѣ III Васильевичѣ, между соборомъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ, было воздвигнуто особое каменное зданіе, выходившее окнами на Дворцовую площадь. Іоаннъ III, любившій окружать себя блескомъ и великолѣпіемъ (послѣ женитьбы на греческой царевнѣ), приказалъ собрать въ это зданіе всѣ свои драгоцѣнности, и съ той поры оно получило названіе *Большой Казны*. Здѣсь были собраны царскія одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой и серебряной столовой посуды, драгоцѣнные камни, престолы, украшенные золотой и серебряной рѣзьбой и осыпанные каменьями, золотые обои, шитые ковры, издѣлія изъ жемчуга и т. п. Хранителями всѣхъ сокровищъ Большой Казны были назначены бояре-казначеи, и при нихъ дьяки. Всѣмъ вещамъ были составлены подробныя описи, а приходу и расходу ихъ велись особыя книги. Мало-по-малу, Большая Казна, при наслѣдникахъ Іоанна III, пополнялась не только вещами, которыя приносили въ даръ иноземныя посольства, но и новыми издѣліями русскихъ мастеровъ, работавшихъ постоянно въ царской мастерской. Рядомъ съ Большою Казною, со временемъ была построена особая *Оружейная Палата*, которою управлялъ бояринъ-оружничій, и *Конюшенная Палата*, которою завѣдывалъ бояринъ-конюшій; первая служила царскому дворцу арсеналомъ и мѣстомъ храненія драгоцѣннаго оружія; вторая была хранилищемъ драгоцѣнной конской сбруи и упряжи. Множество оружій, одеждъ, украшеній и всякой посуды и утвари поступали ежегодно въ эти дворцовыя хранилища изъ царскихъ мастерскихъ, въ которыхъ постоянно работали лучшіе алмазники, рѣзчики, оружейники, посошники, колымажники, столяры, чеканщики, лѣпщики и иконописцы. Производствомъ работъ въ царскихъ мастерскихъ завѣдывали два обширныя вѣдомства: *государева мастерская палата* и *царицына мастерская палата*. Благодаря этому постоянному пополненію, сокровища царской Большой Казны возростали такъ быстро, что уже при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ (Грозномъ) царская казна возбуждала изумленіе иностранцевъ. Англичанинъ Горсей, французъ Маржеретъ и полякъ Москевичъ, которые близко были знакомы съ царскою казною Московскихъ государей (до начала XVII вѣка), говорятъ съ восторгомъ о тѣхъ дивныхъ богатствахъ, которыми эта казна была переполнена.

Тяжелый ударъ царской казнѣ нанесенъ былъ въ 1611—1612 году, во время московскаго разоренія, когда боярская дума обязалась содержать на свой счетъ польско-литовскія войска, въ ожиданіи прибытія королевича Владислава. Тогда, по недостатку денегъ, большое количество золотой и серебряной посуды было перечеканено въ монету, а многія драгоцѣнности и просто разграблены поляками. Другая, очень чувствительная утрата понесена была царскою казною въ 1737 году, во время

страшнаго Кремлевскаго пожара. Огонь не пощадилъ Оружейной Палаты, причемъ погибло много драгоцѣннаго древняго оружія и трофеи Полтавской побѣды—шведскія знамена.

Важная перемѣна въ способѣ храненія и пополненія царской казны произошла при Петрѣ Великомъ, который образовалъ особое присутственное мѣсто, подъ названіемъ „Мастерской Оружейной Палаты", и на это вѣдомство возложилъ храненіе царскихъ сокровищъ и управленіе московскими дворцами. При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго приказано было „хранить въ Мастерской Палатѣ только такія вещи, которыя въ диковинку", а всю остальную серебряную и золотую посуду постепенно распродать. Въ началѣ царствованія Екатерины II были приняты нѣкоторыя мѣры къ лучшему устройству „Мастерской Оружейной Палаты", но только уже при Александрѣ I для помѣщенія сокровищъ царской казны построено было особое зданіе, въ которомъ они помѣщались въ теченіе первыхъ сорока лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Изъ этого зданія, въ 1812 году, всѣ сокровища Оружейной Палаты были вывезены заблаговременно въ Нижній-Новгородъ. По окончательнымъ своимъ устройствомъ Оружейная Палата обязана Императору Николаю I, глубокому почитателю русской старины и русскаго искусства. При сооруженіи въ Кремлѣ новаго дворца, онъ повелѣлъ соорудить новое зданіе для Оружейной Палаты, въ связи съ дворцомъ (на мѣстѣ бывшаго въ старину Конюшеннаго Приказа). Зданіе было построено съ прочными каменными сводами во всѣхъ этажахъ, и вполнѣ обезпечено отъ всякой опасности со стороны пожара. Здѣсь древнія сокровища московскихъ царей нашли себѣ вполнѣ достойное, истинно-царское помѣщеніе.

Кормленіе змѣй въ Зоологическомъ музеѣ. Рис. Клеманъ, грав. Артигасъ.

Въ верхнемъ этажѣ нынѣшней Оружейной Палаты, въ особыхъ залахъ верхняго этажа, хранятся царственныя регаліи и царскія облаченія, надѣваемыя во время коронацій. Въ дру-

гихъ залахъ, ближайшихъ къ лѣстницѣ, драгоцѣнное древнее оружіе и вооруженіе—шеломы, пансыри, зерцала, щиты, саадаки и кольчужныя рубахи. Двѣ залы, изъ которыхъ одна представлена на нашемъ рисункѣ въ настоящемъ № *Нивы*, наполнены сверху донизу древнею царскою столовою утварью и посудой. Значительную долю этой утвари и посуды составляютъ издѣлія старыхъ голландскихъ, шведскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ мастеровъ. Послѣднія особенно отличаются изяществомъ формъ и отдѣлкою; но имъ нисколько не уступаютъ, въ этомъ отношеніи, издѣлія русскихъ старинныхъ мастеровъ. Вообще говоря, сокровища, заключенныя даже только въ одной этой залѣ Оружейной Палаты, какъ по своей матерьяльной цѣнности, такъ и по историческому и научному значенію, не поддаются никакой, даже и приблизительной оцѣнкѣ, и Москва, по справедливости, можетъ гордиться своею Оружейною Палатой, однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ музеевъ въ Европѣ.

Древнерусскій конскій уборъ.

(Рис. на стр. 1124).

Древняя Русь, въ особенности Московская, любила хвалиться передъ иноземцами своими отличными верховыми конями. Постоянныя сношенія со степью и кочевниками давали возможность русскимъ людямъ добывать себѣ подъ верхъ настоящихъ степняковъ, и хорошій *аргамакъ* былъ первою и главною утѣхою каждаго русскаго служилаго человѣка—дворянина или сына боярскаго. Чѣмъ богаче и знатнѣе былъ московскій бояринъ, тѣмъ красивѣе и статнѣе были его кони, тѣмъ больше бывало ихъ на его конюшнѣ. Бояре именно любили блистать не только качествомъ коней на своей конюшнѣ, но и количествомъ ихъ — и потому нерѣдко выводили за собою въ поле огромную свиту въ 150 — 200 вооруженныхъ слугъ, всю посаженную на лихихъ одномастныхъ коней. Въ большой модѣ среди боярства былъ обычай дарить другъ друга конями и подводить коней въ подарокъ государю. Если и боярскія конюшни были такъ богаты хорошими конями, то ужь конечно на царскихъ конюшняхъ ихъ считали тысячами. Цѣлые табуны царскихъ коней паслись на заповѣдныхъ лугахъ въ подмосковныхъ царскихъ селахъ. Такое множество лошадей было тѣмъ болѣе необходимо, что эти царскія лошади предназначались не только для ѣзды царя, царицы и царскаго семейства, но и всего царскаго двора. Куда бы ни ѣхалъ царь или царица, ихъ всюду сопровождала обширная конная свита *), и, сверхъ того, за царскими повозками вели въ поводу по 30 и по 40 нарядно-убранныхъ коней.

Уборъ коня былъ предметомъ особой заботливости московскихъ бояръ и царей. Красота этого богатаго и чрезвычайно сложнаго убора была просто поразительна, какъ это можно видѣть изъ приложеннаго рисунка. Голова лошади украшалась уздечкою, поверхъ ремней обшитой цвѣтнымъ бархатомъ или цвѣтнымъ сафьяномъ и усаженной крупными каменьями, жемчугомъ и золотыми бляхами; надъ оголовкомъ уздечки возвышался высокій султанъ изъ страусовыхъ перьевъ и тонкой золотой проволоки, осыпанной яхонтовыми искорками. Внизъ отъ оголовка опускалась на особой привѣскѣ длинная кисть изъ жемчужныхъ нитей (такъ-называемый *наузъ*). *Наперсникъ*—передняя часть сбруи, бывала украшена точно такъ же, какъ и уздечка, и, сверхъ того, увѣшана жемчужными *рясками* и кисточками. Подъ сѣдломъ, окованнымъ золотыми или серебряными золочеными полосами, украшенными также каменьемъ, на спину лошади накидывали богатый, бархатный, расшитый золотомъ, шелками и жемчугомъ короткій *чепракъ*, а подъ чепракъ—два или три такихъ же богатыхъ *покровца*. Весь задъ коня покрывался богатѣйшею парчевою или бархатною попоной, которая называлась *чалдаръ*. На гриву и хвостъ коня накидывалась золотая или жемчужная сѣтка (*нагривникъ* и *нахвостникъ*). Сверхъ всего этого, поводья уздечки замѣнялись такъ-называемыми *гремячими цѣпями* изъ фигурныхъ серебряныхъ звеньевъ съ бубенцами и колокольцами; такія же цѣпи шли отъ сѣдла къ хвосту, свѣшиваясь по бокамъ, и висѣли около сѣдла, по обѣ стороны, спускаясь до самыхъ стремянъ. Иногда конскій уборъ дополнялся серебряными наколѣнниками и серебряными бубенцами, которые навязывались на бабки четырехъ ногъ.

*) Чрезвычайно любопытно то, что, по древне-русскому обычаю, боярыни и боярышни, сопровождавшія царицу, ѣхали также верхами, сидя на сѣдлахъ по-мужски.

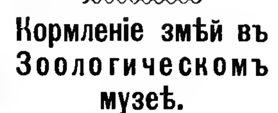

Профессоръ Е. И. Богдановскій. († 11 октября 1888 г.).
Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Шюблеръ.

Катастрофа 17-го октября близь станціи Борки Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги.

(Рис. на стр. 1125).

Подробности крушенія Императорскаго поѣзда и Божіей милостью чудеснаго избавленія Императорской Семьи отъ опасности см. ниже, на стр. 1130.

Кормленіе змѣй въ Зоологическомъ музеѣ.

(Рис. на стр. 1128).

Чрезвычайно интересное, но въ то же время отталкивающее зрѣлище представляетъ кормленіе змѣй въ зоологическихъ садахъ и музеяхъ. На стр. 1128 изображено кормленіе пифоновъ въ одной изъ клѣтокъ зоологическаго музея въ Парижѣ. Одѣяла, которыми накрываютъ этихъ пресмыкающихся, сняты какъ для того, чтобы дать имъ больше простора, такъ и изъ предосторожности, чтобы они не схватили ихъ вмѣстѣ съ пищею, что иногда случается. Затѣмъ въ витрину со змѣями впускаютъ кролика. Онъ, при видѣ незнакомой ему обстановки, кажется изумленнымъ или даже испуганнымъ. Въ свою очередь, одна изъ змѣй его увидала, подняла голову и начала пристально смотрѣть на бѣдное животное. Затѣмъ, немного попятясь, она быстро кидается на свою жертву, широко разинувъ пасть. Схвативъ какъ попало, змѣя обвивается вокругъ кролика, сдавливаетъ его въ сильныхъ кольцахъ своего изворотливаго тѣла и остается въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Кроликъ пытается вначалѣ высвободиться, но вскорѣ перестаетъ биться, задушенный сильными мускулами змѣи. Почувствовавъ, что кроликъ уже мертвъ, пифонъ медленно раскручивается и, обнюхавъ задушенную жертву, находитъ ея голову. Тогда, неторопясь, онъ широко раскрываетъ свою пасть и беретъ кролика за голову. Его крючковатые зубы проникаютъ въ тѣло млекопитающаго, что служитъ точкою опоры, и затѣмъ начинается постепенное проглатываніе.

Кроликъ повидимому вдвое объемистѣе тѣла змѣи, тѣмъ не менѣе онъ будетъ проглоченъ. Надо замѣтить, что челюсти змѣи растяжимы; части нижней челюсти соединены спереди эластическою связкою и къ черепу онѣ прикрѣплены при посредствѣ косточки называемой квадратною, что придаетъ еще большую растяжимость челюсти. Также и пищепріемникъ отличается значительною эластичностью. Чтобы проглотить пищу, змѣя сперва подвинетъ впередъ одну часть нижней челюсти, и укрѣпивъ ее при помощи зубовъ въ мясѣ пищи, придвинетъ къ ней другую половину, а затѣмъ уже верхнюю челюсть. Такимъ образомъ кроликъ постепенно исчезаетъ въ широкой пасти пресмыкающагося. Проглатыванію помогаетъ въ изобиліи выдѣляемая слюна, а также перистальтическія движенія пищепроводника. Вслѣдствіе послѣднихъ, змѣи проглатываютъ пищу даже вися внизъ головой, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

Е. И. Богдановскій. (Порт. на стр. 1129).

Во вторникъ, 11 октября, внезапно скончался профессоръ хирургіи при Медико-хирургической академіи, Е. И. Богдановскій. Смерть похитила неутомимаго ученаго въ самомъ разгарѣ его дѣятельности, во время занятій его со студентами пятаго курса академіи, которымъ онъ объяснялъ ампутированіе предплечья. Внезапная кончина профессора, во время лекціи, произвела удручающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ и вообще на всѣхъ знавшихъ покойнаго, любившихъ и уважавшихъ его какъ прекраснаго учителя и хорошаго русскаго человѣка.

Уроженецъ Могилевской губерніи, Евстафій Ивановичъ, получилъ образованіе въ семинаріи, откуда въ 1853 году поступилъ въ Медицинскую академію. Въ 1858 году онъ окончилъ курсъ съ золотою медалью и спустя три года, выдержавъ экзаменъ на доктора медицины, отправился за-границу для дальнѣйшаго усовершенствованія. По возвращеніи въ 1863 году въ Петербургъ, онъ, въ качествѣ адъюнктъ-профессора, завѣдывалъ хирургическою клиникою, при которой и оставался до дня смерти.

Происходившія 14 октября похороны служили нагляднымъ доказательствомъ какимъ уваженіемъ пользовался покойный. Всѣ профессора и нѣсколько сотъ студентовъ провожали останки умершаго на кладбище Александро-Невской лавры, гдѣ надъ свѣжею могилою докторъ Мультановскій обрисовалъ въ горячей рѣчи симпатичный образъ почившаго хирурга.

„Академія никогда не забудетъ его,“ говорилъ г. Мультановскій, „не потому, что имя его золотыми буквами начертано на мраморной доскѣ въ залѣ академіи, а по той плодотворной его дѣятельности, слѣды которой историкъ найдетъ въ изобиліи въ анналахъ академіи. Не можетъ забыть его и общество, которому онъ посвятилъ свою жизнь, руководясь великимъ въ медицинской дѣятельности девизомъ: „Si non prodest, ne noceas“, т. е. „не наноси вреда, если не можешь принести пользы.“

Подробности крушенія 17 октября.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и др. русскихъ газетахъ напечатаны разсказы очевидцевъ катастрофы 17 октября, на основаніи коихъ можно уже составить себѣ полное понятіе о ней. Крушеніе произошло на высокой, пятисаженной насыпи, проходящей черезъ балку, имѣющую до 50 саженъ ширины; по одну сторону насыпи находится озеро. Поѣздъ шелъ, какъ показывалъ манометръ, со скоростью 65 верстъ въ часъ.

„Въ передней части вагона - столовой, разсказываетъ художникъ Зичи (*Новое Время*),—помѣщался буфетъ, въ задней—маленькое отдѣленіе, гдѣ сервирована была закуска. Въ самой столовой, между буфетомъ и отдѣленіемъ для закуски, столъ помѣщался въ серединѣ и былъ привинченъ къ полу и стѣнкамъ вагона. Въ центрѣ стола, съ лѣвой стороны, сидѣлъ Государь, налѣво отъ него: кн. Оболенская, генералъ-адъютантъ Зиновьевъ, ген.-ад. Даниловичъ и флигель-адъютантъ Шереметевъ, помѣщавшійся всего ближе къ буфету; съ правой стороны Государя сидѣли: статсъ-дама Шереметева, гр. Воронцовъ-Дашковъ, ген.-ад. Рихтеръ, ген.-маіоръ Мартыновъ, Л. Х. Гиршъ, и Великій Князь Георгій Александровичъ. Напротивъ Государя сидѣла Государыня, имѣя по правую руку министра путей сообщенія, фрейлину графиню М. Кутузову и меня, а по лѣвую: ген.-ад. Ванновскаго, графиню А. Кутузову, Наслѣдника-Цесаревича, Вел. Княжну Ксенію Александровну и генер.-адъютанта Черевина.“

Завтракъ оканчивался, когда почувствовалось страшное по силѣ сотрясеніе. Катастрофа имѣла три момента: послѣдовало сперва два толчка, а затѣмъ, не прошло и секунды, какъ вагоны стали разлетаться въ дребезги. Какъ передаетъ *Гражданинъ*, послѣ перваго толчка послѣдовала остановка; второй моментъ: силою инерціи выбитъ низъ вагона, причемъ всѣ упали на насыпь, и третій моментъ, самый ужасный, когда стѣны вагона отдѣлились отъ крыши и начали падать внутрь и когда крыша повалилась; къ счастью, стѣны встрѣтились и образовали крышу, на которую свалилась крыша вагона. Вагонъ-столовая обратился въ неузнаваемую, приплюснутую массу. Весь ходъ колесъ (тележка) отброшенъ далеко въ сторону; стѣны разбились на мельчайшія части, крыша, свернутая въ сторону, прикрыла жалкіе останки вагона. Подъ этими-то обломками, казалось, была погребена Царская Семья. Но Богъ не попустилъ такого несчастья для Россіи: Царь, Царица и Августѣйшія Дѣти были сохранены для Отечества однимъ лишь чудомъ Всевышняго.

„Крыша навалилась на насъ косо, разсказываетъ далѣе г. Зичи, съ моей стороны, между стѣнкой вагона и крышей, было отверстіе, черезъ которое я и вышелъ; за мной вышла графиня Кутузова, за нею Государь; Государыня, насколько я помню, была вынута изъ оконца вагона. У Государя оказался сплющеннымъ серебряный портсигаръ въ карманѣ съ правой стороны.“

По свидѣтельству другаго очевидца, полковника Иванова, въ моментъ катастрофы у Государыни повреждена рука выше локтя. Государь получилъ ушибы въ плечо и въ ногу. Второй ушибъ такъ силенъ, что по утвержденію одного изъ очевидцевъ, верхняя одежда Государя лопнула у самаго колѣна. Его Величество въ первыя минуты слегка прихрамывалъ, тѣмъ не менѣе не обращалъ на ушибы никакого вниманія.

За вагономъ-столовой слѣдовалъ вагонъ, въ которомъ находилась Великая Княжна Ольга Александровна. Этотъ вагонъ въ моментъ крушенія сталъ поперекъ полотна, чѣмъ и была предотвращена дальнѣйшая катастрофа: онъ такъ-сказать спасъ жизнь Царской Семьи. Если бы онъ не принялъ на себя напоръ слѣдовавшихъ за нимъ вагоновъ, послѣдніе должны были бы неизбѣжно налетѣть на разбитую столовую.

Всѣхъ глубже подъ обломками находился Великій Князь Михаилъ Александровичъ, такъ что прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ его выкопали. Въ вагонѣ, гдѣ находилась Великая Княжна Ольга Александровна, была оторвана стѣна, и Великая Княжна вмѣстѣ со стѣною была отброшена на нѣсколько саженъ. Княжна, освобожденная изъ вагона, увидѣвъ Государя, сказала ему: „Папа, не безпокойся. Мнѣ ничего, я не ушиблась. Только уж дальше я ни за что не поѣду“.

Тревога и испугъ спасшихся лицъ при видѣ разрушенія вагона-столовой смѣнились общею радостью, когда увидѣли, что изъ-подъ обломковъ вагона вышелъ совершенно бодрымъ и здоровымъ сперва Государь Императоръ, потомъ Императрица, а затѣмъ и остальные члены Августѣйшей Семьи.

Сердца наши исполнились радостью — передается въ *Новостяхъ* со словъ одного изъ очевидцевъ катастрофы — и, какъ мы ни были ушиблены и какъ нѣкоторые изъ насъ ни страдали сами отъ боли, но всѣхъ насъ, при видѣ чудеснаго спасенія Царя и Его Семьи, охватилъ такой восторгъ, что мы закричали „ура“! Первый вопросъ Государя Императора былъ: „все-ли съ людьми благополучно“? Но раздававшіеся стоны и крики о помощи показывали, что не все благополучно.

Изъ лицъ свиты многіе пострадали, хотя и не опасно, но тѣмъ не менѣе довольно тяжело и болѣзненно. Болѣе другихъ пострадалъ флигель-адъютантъ Шереметьевъ. Хотя онъ старался скрыть свои страданія, тѣмъ не менѣе у него повреждены два пальца и (какъ полагаютъ) буфетомъ сдавлена грудь. Также получили довольно сильные ушибы генералъ-адъютанты Черевинъ (въ голову) и Рихтеръ, графъ Воронцовъ-Дашковъ и г.-а. Зиновьевъ. Генералъ-адъютантъ Даниловичъ былъ такъ оглушенъ ударомъ, что его перенесли на креслѣ, но затѣмъ онъ быстро оправился. Оффиціантъ Лаутеръ, служившій со стороны Государя, былъ выброшенъ съ подносомъ черезъ двери въ буфетъ и убитъ наповалъ. Всѣ четыре оффиціанта, находившіеся въ буфетномъ отдѣленіи вагона-столовой, убиты, равно какъ и всѣ рабочіе бывшіе въ вагонѣ-мастерской: они были придавлены запасными колесами. Въ вагонѣ министра Путей Сообщенія, который весь уничтоженъ, находились баронъ Шернвалъ, инженеръ дороги Кроненбергъ и управляющій дорогой Кованько. Ихъ всѣхъ выбросило въ образовавшееся при погромѣ отверстіе вагона.

Пострадали не одни люди; убита и любимая собака Государя. Звали ее Камчатка; она была привезена изъ Камчатки на крейсерѣ „Африка“. Это красивое животное отличалось необычайною преданностью къ Государю и всюду слѣдовало за Его Величествомъ.

По словамъ очевидцевъ, мѣсто катастрофы представляло ужасную картину (см. планъ на слѣд. стр.). Вагонъ - кухня слетѣлъ подъ откосъ; крыша другаго—министерскаго вагона, снесена къ берегу озера и т. д. Первые четыре вагона представляютъ собою груду щепокъ и желѣза. Первый локомотивъ неповрежденный стоялъ на пути, но заднія его колеса сошли съ рельсовъ и уперлись въ шпалы. Второй локомотивъ, тоже неповрежденный, врылся въ песокъ насыпи. Со словъ того же очевидца, въ *Новостяхъ* разсказывается, что слезы показались на глазахъ Государя при видѣ картины крушенія.

Мало-по-малу около Государя стала группироваться свита и вообще всѣ оставшіеся въ живыхъ. Единственными свидѣтелями крушенія были оцѣпенѣлые отъ ужаса солдаты Пензенскаго пѣхотнаго полка, стоявшіе въ цѣпи въ этой мѣстности. Увидавъ, что нѣтъ никакой возможности оказать помощь пострадавшимъ силами и средствами изъ разбитаго поѣзда. Государь приказалъ солдатамъ стрѣлять. Началась тревога по всей линіи; сбѣжались солдаты, съ ними оказался врачъ Пензенскаго полка; появились перевязочныя средства, хотя и въ скудномъ количествѣ. Была слякоть, шелъ мелкій, холодный дождь съ изморозью. Государыня была въ одномъ платьѣ, сильно пострадавшемъ въ моментъ катастрофы. Подъ руками не нашлось ничего, чѣмъ прикрыть бы отъ холода Ея Величество, и на плечи Царицы накинули офицерское пальто. Въ первый моментъ многіе изъ находившихся здѣсь генераловъ, желая оказать посильное содѣйствіе, дѣлали каждый свои распоряженія; это очень тормозило общій ходъ работъ и замедляло помощь. Видя это, Государь взялъ всѣ общія распоряженія на себя: приказывалъ, указывалъ и помогалъ съ удивительнымъ самообладаніемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ. ни разу не возвысивъ голоса. Государыня утѣшала и успокоивала каждаго раненаго, не дѣлая никакого различія между ними въ пользу ихъ званія или другихъ личныхъ преимуществъ.

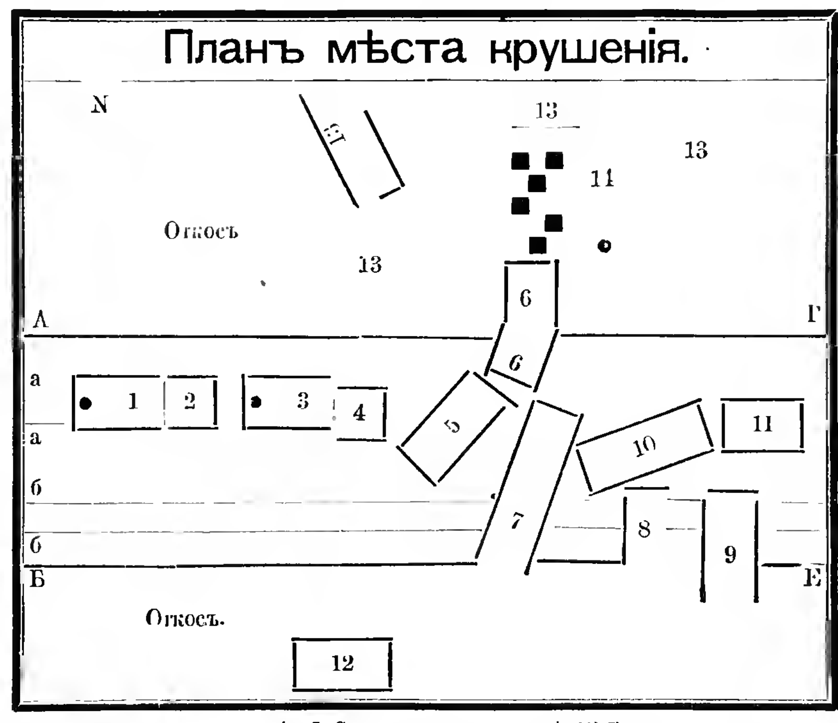
Баронъ Шернваль, оглушенный паденіемъ, съ сильно поврежденною ногой и страшно распухшею верхнею частью лица, въ первые моменты послѣдовавшіе за крушеніемъ, находился на откосѣ въ полусидячемъ положеніи: качался изъ стороны въ сторону, стоналъ и произносилъ какія-то малопонятныя слова. Государыня подошла къ нему и, имѣя на себѣ сверхъ платья офицерское пальто и башлыкъ, прикрыла этимъ башлыкомъ разбитую голову старика... Государыня Императрица съ изумительною силой духа, никогда въ жизни не присутствовавшая при какихъ-либо перевязкахъ, сама помогала и утѣшала несчастныхъ, вытирая имъ платкомъ лобъ и обнадеживая въ скоромъ выздоровленіи. Эта помощь, это самоотверженное участіе дѣйствовали магически на пострадавшихъ. Многіе переставали стонать, слушали, отвѣчали, просили у Государыни поцѣловать ся руку.

Великіе Князья при докторахъ исполняли обязанности фельдшеровъ, помогая дѣлать перевязки, принося воду, лекарства... Великія Княжны то были при Матери, то при братьяхъ, то при Государѣ,—и все это подъ дождемъ, при вѣтрѣ и въ страшной грязи въ теченіе пяти часовъ.

Вскорѣ послѣ катастрофы, одинъ изъ генераловъ свиты передалъ Государю небольшой обломокъ трухлявой шпалы; Государь отдалъ его полковнику Иванову, сказавъ, что этотъ обломокъ быть можетъ будетъ ему нуженъ при слѣдствіи.

За неимѣніемъ другихъ санитарныхъ приспособленій, раненыхъ переносили на обломкахъ мебели, причемъ ихъ и усопшихъ сносили подъ откосъ, гдѣ въ сторонѣ подавали первую помощь и раненымъ, помѣщеннымъ въ санитарный поѣздъ по его прибытіи. Такимъ образомъ, Ихъ Величества пробыли подъ дождемъ, въ грязи и на холодѣ, постоянно спускаясь внизъ и поднимаясь вверхъ, около пяти часовъ. ни на минуту не перерывая своей великодушной и самоотверженной дѣятельности. Только въ сумерки, когда были приведены въ извѣстность всѣ убитые и не осталось ни одного раненаго, Ихъ Величества сѣли во второй прибывшій сюда Царскій (свитскій) поѣздъ литера Б и отбыли въ Лозовую.

Было уже темно, когда Императорскій поѣздъ прибылъ въ Лозовую. Изъ вагона въ сопутствіи свиты вышли Ихъ Величества, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Государь былъ спокоенъ и печаленъ. У встрѣтившаго съ крестомъ Ихъ Величествъ священника Государь и Государыня поцѣловали руку, что еще болѣе увеличило смущеніе сельскаго пастыря, никогда не видавшаго на своемъ вѣку ни Царя, ни Царицы. Съ трепетомъ и дрожью въ голосѣ начало богослуженіе сельское духовенство. Здѣсь, въ залѣ *третьяго* класса, въ присутствіи тол-

1) Паровозъ.
2) Тендеръ.
3) Паровозъ 2-й.
4) Тендеръ 2-й.
5) Багажный вагонъ.
6) Поварская.
7) Слесарная.
8) Столовая Ихъ Величествъ.
9) Велико-княжескій вагонъ.
10) Вагонъ Ихъ Величествъ.
11) Вагонъ Наслѣдника Цесаревича.
12) Кухня.
13) Вагонъ министра путей сообщенія.
14) Обломки вагона для служителей и конвоя.

А. и Г.=бровка съ лѣвой стороны; Б. и Е.=бровка съ правой стороны; аа=рельсы втораго пута, бб=рельсы перваго пути

Разстояніе между А. и Г., т. е. линія, на которой произошло крушеніе=50 саженямъ; разстояніе между А. и Б., т. е. ширина полотна=4,60 саж.

N—стоячая вода, образовавшаяся отъ осеннихъ разливовъ.

пы человѣкъ въ 400, совершалось первое въ Россіи благодарственное Господу Богу молебствіе за чудесное избавленіе Государя, Царицы и всей Царской Семьи отъ смертельной опасности. Молебенъ длился около полутора часа. За нимъ слѣдовала панихида по убіеннымъ. Во время панихиды изъ-подъ прикрытыхъ руками глазъ Государя Императора неудержимо текли слезы...

Послѣ богослуженія всѣ молча сѣли за столъ. Рядомъ съ Царскимъ и свитскимъ стоялъ другой, тоже накрытый столъ. Начальникъ станціи, не зная числа прибывшихъ въ поѣздѣ, принялъ мѣры, чтобы хватило на всѣхъ. Государь приказалъ сѣсть всѣмъ бывшимъ на поѣздѣ и желающимъ, безъ чиновъ. Сѣли и обѣдали всѣ, не выключая прислуги и даже нѣкоторыхъ изъ постороннихъ, причемъ обѣдъ за обоими столами былъ совершенно одинаковъ.

Библіографія.

М. П. Розенгеймъ. Стихотворенія. 2 т. СПБ 1889 г. Новое изданіе произведеній покойнаго поэта является неожиданнымъ подаркомъ для его многочисленныхъ поклонниковъ, такъ какъ три предшедшія (первое вышло 30 лѣтъ тому назадъ, въ 1858 году), давно раскуплены и составляютъ рѣдкость. Въ настоящее изданіе вошли всѣ его поэмы и стихотворенія до послѣдняго *Русь-рѣка*, напечатаннаго не задолго до кончины маститаго поэта и произведшаго такое глубокое впечатлѣніе. Въ типографскомъ отношеніи оба тома изданы весьма изящно и по всему вѣроятію будутъ быстро раскуплены.

О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворенія. СПБ 1889 г. Въ массѣ стихотворныхъ сборниковъ, появившихся за послѣднее время, выдающимся и отраднымъ явленіемъ надо признать появившійся недавно сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній О. Н. Чюминой-Михайловой. Въ то время какъ многіе изъ современныхъ поэтиковъ и поэтовъ занимаются лишь унылыми переливами гражданской скорби или безсодержательнымъ изготовленіемъ рифмованныхъ строчекъ, большинство произведеній молодой поэтессы, отличаясь безукоризненною формою, исполнены глубоко поэтическаго содержанія. Въ особенности удачны переводы передающіе въ изящной формѣ и прекраснымъ языкомъ, произведенія Коппе, Гюго и др. французскихъ поэтовъ. Всѣ эти качества новаго сборника позволяютъ намъ рекомендовать его читателямъ *„Нивы“*.

Владиміръ Великій. Поэма Э. I. Стагнеліуса. Переводъ со шведскаго В. И. Головина. СПБ. 1888 г. Въ переводѣ г. Головина это произведеніе шведскаго поэта впервые передано въ полномъ его объемѣ и размѣромъ подлинника (гекзаметромъ). Содержаніемъ поэмы, какъ извѣстно, служитъ крещеніе Руси при Св. Владимірѣ. Что касается причины, заставившей Стагнеліуса избрать сюжетомъ для своей поэмы событіе изъ русской исторіи, то въ объясненіе этого г. Головинъ, въ своемъ предисловіи, заявляетъ, что Стагнеліусъ, преклонявшійся предъ всѣмъ великимъ, описалъ *Владиміра* подъ обаяніемъ тогдашняго величія Россіи, побѣдительницы Наполеона и освободительницы Европы, вѣря въ высокое историческое призваніе нашего Отечества. Текстъ поэмы Стагнеліуса поясняется многочисленными примѣчаніями переводчика, помѣщенными въ концѣ книги.

М. В. Крестовская. I. Раннія грозы. Испытанія. II. Вин

жизни. Уголки театральнаго мірка. СПБ. 1889 г.

Г-жа Крестовская, выступившая впервые года три тому назадъ, сразу заняла выдающееся мѣсто въ средѣ современныхъ беллетристовъ. Вышедшіе нынѣ два томика представляютъ сборникъ всего напечатаннаго ею до сего времени въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Эго блестящіе очерки чрезвычайно разнообразныхъ слоевъ общества, которые читаются съ большимъ интересомъ и невольно увлекаютъ изящесгвомъ концепціи и изложенія.

Сельскій Хозяинъ за 1888 г. Мы получили послѣдній нумеръ весьма полезнаго иллюстрированнаго сельскохозяйственнаго журнала, редижируемаго землевладѣльцемъ *К. И. Масляниковымъ* съ большимъ знаніемъ дѣла и нуждъ нашей сельской промышленности. Отмѣчаемъ то обстоятельство, что „Сельскій Хозяинъ“ — *первое и единственное частное изданіе* выдержавшее съ успѣхомъ *три года* изданія. Привѣтствуя по этому поводу успѣхъ основательно задуманнаго журнала практическаго сельскаго хозяйства, искренно желаемъ ему широкаго распространенія въ нашей земледѣльческой странѣ.

Политическое обозрѣніе.

17 октября — день страшнаго крушенія Императорскаго поѣзда близъ станціи Борки и чудеснаго избавленія Русскаго Царя со всей Августѣйшей Семьей Его отъ грозившей ужасной опасности — сосредоточило на себѣ вниманіе всего просвѣщеннаго міра. Вѣсть о сохраненіи жизни и здоровья Державнаго Русскаго Вождя со всѣмъ Его Семействомъ, при такомъ страшномъ несчастіи, какъ молнія облетѣла весь міръ, вызвавъ повсюду живѣйшую радость. Отовсюду получались въ Россіи искреннія привѣтствія и поздравленія. Иностранные государи и правители, высшіе государственные дѣятели и множество другихъ лицъ, спѣшили выразить радостныя чувства по случаю новаго проявленія великой милости Всевышняго, ниспосланной Россіи. „Вся Европа, говоритъ *National Zeitung*, соединяется въ сердечныхъ молитвахъ за чудесное спасеніе Государя, котораго признаютъ опорою всеобщаго мира“.

Отмѣчая сердечный характеръ поздравленій, полученныхъ русскимъ Дворомъ и Императорскимъ правительствомъ изъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра, *Journal de S.-Pétersbourg* говоритъ, что главные органы иностранной печати поспѣшили со своей стороны обратиться къ Россіи съ прочувствованными поздравленіями, причемъ искренно признали, до какой степени Его Величество Императоръ Александръ III считается повсюду однимъ изъ благонадежнѣйшихъ и самыхъ мощныхъ оплотовъ общаго мира.

За послѣднее время Балканскій полуостровъ являлся ареною различныхъ и разнообразныхъ событій. На югѣ его, въ Греціи, былъ торжественно отпразднованъ 25-лѣтній юбилей благополучнаго царствованія Георга I. Празднества длились нѣсколько дней и завершились 23 октября завтракомъ, даннымъ отъ городскаго управленія въ Акрополѣ въ честь королевской фамиліи и высокихъ гостей. Вечеромъ состоялась великолѣпная прогулка при факельномъ освѣщеніи и сожженъ былъ блестящій фейерверкъ. *Journal de St.-Pétersbourg,* говоря объ этомъ юбилеѣ, указываетъ на высокія качества, которыя часто обнаруживалъ король Георгъ среди весьма трудныхъ обстоятельствъ. „Не разъ случалось, пишутъ въ этой газетѣ, что внутреннія распри усложнялись международными затрудненіями, но король Георгъ съумѣлъ преодолѣть тѣ и другія и довести свой народъ до нынѣшняго его сравнительно процвѣтающаго и исполненнаго вѣры въ будущее состоянія. Русскій народъ, крѣпко связанный съ эллинскимъ различными узами, искренно выражаетъ свои сердечныя пожеланія, чтобы Провидѣніе попрежнему охраняло греческій народъ и его царствующій домъ и вселяло въ нихъ силу и мудрость, благодаря которымъ судьбы народовъ свершаются въ мирѣ и преуспѣяніи.“

Совсѣмъ другаго рода событія происходятъ въ Сербіи. Печальныя семейныя отношенія между Сербской королевой Наталіей и ея супругомъ разрѣшены самымъ неожиданнымъ образомъ королемъ Миланомъ и бракоразводному ихъ процессу данъ конецъ, который, однако, рискованно признать развязкою этого событія, безпримѣрнаго по своеволію и безсердечію короля. 12 октября, въ оффиціальной бѣлградской газетѣ опубликовано письмо Милана къ лже-митрополиту, котораго онъ проситъ сдѣлать постановленіе о разводѣ его съ супругою, какъ „верховнаго пастыря“. Просьба, или скорѣе приказъ своему ставленнику, не остался безъ отвѣта и вслѣдъ за письмомъ Милана въ той-же газетѣ напечатанъ, за подписью лже-митрополита Ѳеодосія, документъ, въ которомъ заявляется, что бракъ, заключенный 5 октября 1875 года между Сербскимъ королемъ и королевой Наталіей расторгнутъ въ силу архіепископскаго благословенія.

По словамъ *Франкфуртской газеты*, обнародованіе королевскаго развода произвело въ Бѣлградѣ самое потрясающее впечатлѣніе, такъ какъ королева Наталія пользуется общею любовью народа.

Поступокъ лже-митрополита Ѳеодосія не остался безъ отвѣта со стороны королевы Наталіи. Газетѣ *Indépendance Roumaine* сообщаютъ, что она, получивъ извѣстіе о разводѣ, телеграфировала ему въ отвѣтъ: „Узнавъ о вашемъ рѣшеніи, утверждаю, что бракъ, заключенный по законамъ нашей святой православной церкви, не можетъ быть расторгнутъ простымъ правительственнымъ сообщеніемъ въ оффиціальной газетѣ. Примите къ свѣдѣнію, что я считаю рѣшеніе ваше недѣйствительнымъ и никакой законной силы не имѣющимъ“.

Чтобы ослабить или даже заглушить впечатлѣніе, произведенное разводомъ, король Миланъ рѣшился сдѣлать отчаянный шагъ и издалъ манифестъ о пересмотрѣ сербской конституціи. Разсчетъ короля Милана оказался вѣрнымъ и депеши принесли извѣстіе, что пересмотръ конституціи встрѣченъ ликованіями. Но эти ликованія и факельныя шествія въ Бѣлградѣ, во время которыхъ „крупные торговцы“ благодарили короля за его заботы о народѣ, никого не могутъ обмануть и положеніе дѣлъ въ Сербіи должно быть признано критическимъ.

Смѣсь.

Приключенія обезьяны. Въ берлинскомъ Акваріумѣ находится обезьяна такъ-называемой гибралтарской породы. Жизнь этой обезьяны представляетъ нѣкоторое подобіе уголовнаго романа, и приключенія ея являются злой насмѣшкой на англійскими законами и ихъ примѣненіемъ. Обезьяны этой породы, ростомъ съ 6-ти или 8-милѣтняго ребенка, отличаются значительной силой и встрѣчаются въ настоящее время лишь въ небольшомъ числѣ, въ скалистыхъ мѣстностяхъ Гибралтара. На ряду съ другими свойствами, обезьяна эта обладаетъ замѣчательнѣйшими сторожевыми способностями. При появленіи чего-либо подозрительнаго, стоящія на посту обезьяны подымаютъ невообразимый крикъ и визгъ. Англійское правительство рѣшило утилизировать такое свойство животнаго для охраненія крѣпости Гибралтара, и въ пятидесятыхъ годахъ издало законъ, налагавшій высокую пеню за истребленіе обезьянъ. Слѣдствіемъ этого закона была чрезвычайная дерзость животныхъ, изъ числа которыхъ описываемый нами экземпляръ принадлежалъ вмѣстѣ со своей подругой къ наиболѣе смѣлымъ и дерзкимъ; они отваживались даже производить разбойническіе набѣги на человѣческое жилье. Однажды эта милая чета явилась въ одиноко-расположенную горную хижину, обшарила въ отсутствіе хозяевъ весь домъ и нашла груднаго ребенка въ колыбели. Вызвалъ-ли послѣдній чѣмъ-либо неудовольствіе обезьянъ, или онѣ имѣли къ тому какую-либо особую причину, но только онѣ распорядились такъ, что ребенокъ оказался мертвымъ. Возвратившимся родителямъ удалось захватить убійцъ, и они представили обезьянъ губернатору, такъ какъ сами по закону не имѣли права умертвить ихъ. Губернаторъ, не рѣшавшійся принять на себя отвѣтственность за нарушеніе закона, созвалъ военный судъ, который и приговорилъ обезьянъ къ смерти. Но здѣсь англійскія власти снова пришли въ недоумѣніе: какимъ образомъ привести приговоръ въ исполненіе? Въ концѣ концовъ остановились на ядѣ. Обезьянамъ дали по винной ягодѣ, заключивъ въ каждую изъ нихъ сильную дозу стрихнина. Самка съѣла плодъ и черезъ нѣсколько минутъ издохла въ страшныхъ мученіяхъ. Самецъ-же предварительно освидѣтельствовалъ данную ему ягоду, нашелъ ядъ, обнюхалъ его и такъ какъ запахъ ему вѣроятно не понравился, то онъ выбросилъ стрихнинъ, съѣлъ плодъ и разумѣется остался въ живыхъ. Тутъ возникло новое недоумѣніе. Въ англійскомъ законодательствѣ существуетъ особая статья, которая гласитъ, что приговоръ надъ преступникомъ можетъ быть исполненъ не болѣе одного раза. Не оставалось ничего другаго, какъ оставить обезьяну безнаказанною. Одинъ изъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона взялъ ее къ себѣ и подарилъ впослѣдствіи англійской дамѣ, жившей на островѣ Мальтѣ. Здѣсь обезьяна нѣсколько цивилизовалась, ѣла за столомъ вмѣстѣ съ прислугой и вообще вела себя довольно удовлетворительно. Но однажды, въ отсутствіе своей госпожи и всей прислуги, она учинила страшное опустошеніе надъ портьерами, коврами и мебелью, вслѣдствіе чего была вновь подарена въ другія руки. Такимъ образомъ она досталась одному семейству жившему въ Гамбургѣ, которое передало ее берлинскому Акваріуму. Въ настоящее время знаменитая обезьяна живетъ въ одномъ и томъ-же отдѣленіи съ извѣстнымъ павіаномъ, которому, ради научныхъ цѣлей, былъ вырѣзанъ можжечекъ, что не мѣшаетъ ему попрежнему весело пользоваться жизнью. (с.)

Въ одномъ изъ засѣданій Имп. Географическаго Общества, былъ поднятъ вопросъ, крайне интересный какъ съ научной, такъ и съ практической точки зрѣнія. Рѣчь шла о необходимости заняться изслѣдованіями различныхъ пунктовъ Россіи, которые, какъ было дознано, все болѣе и болѣе возвышаются надъ поверхностью моря. Вполнѣ доказано, что на сѣверѣ Имперіи, какъ напр. въ Финляндіи и на Соловецкихъ островахъ, уже съ давнихъ поръ берега поднимаются все выше и выше надъ уровнемъ моря, что служитъ прямымъ доказательствомъ прогрессивнаго поднятія почвы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ. „НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,

издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

ПРИ УЧАСТІИ: Д. В. Аверкіева. Дорошенко. Н. Д. Ахшарумова. Н. А. Бороздина, Максима Бѣлинскаго (I. Ясинскаго), П. В. Быкова, П. И. Вейнберга. В. Величко, кн. М. Н. Волконскаго, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, кн. Д. Голицына-Муравлина. И. А. Гончарова. Г. П. Данилевскаго, В. П. Желиховской, Н. Н. Каразина. В. В. Крестовскаго. М. В. Крестовской. А. Н. Майкова. А. Я. Максимова. В. И. Немировича-Данченко, П. Н. Полевого. Я. П. Полонскаго, гр. Е. А. Саліаса, Н. Северина. Н. Станицкаго, А. В. Стернъ. Вл. Толля. К. В. Тхоржевскаго. А. Фета. кн. Д. Н. Цертелева. О. Чюминой и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ „НИВЫ“ принимаютъ участіе извѣстнѣйшіе русскіе художники: проф. И. К. Айвазовскій. акад. С. Ѳ. Александровскій. акад. А. Н. Бенуа. акад. В. А. Бобровъ, проф. К. Б. Венигъ, проф. В. П. Верещагинъ, проф. Г. П. Виллевальде. акад. М. Я. Вилліе. акад. П. Н. Грузинскій. проф. Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, акад. Ф. С. Журавлевъ, А. Е. Земцовъ, Зиновьевъ. акад. М. А. Зичи. Н. Н. Каразинъ, акад. А. Д. Кившенко. проф. Ю. Ю. Клеверъ, акад. М. П. Клодтъ, проф. П. О. Ковалевскій, акад. А. И. Корзухинъ, проф. Н. А. Кошелевъ. П. П. Куріаръ. К. Я. Крыжицкій, проф. Л. Ф. Лагоріо. К. Лебедевъ. акад. К. В. Лемохъ, Лоренцъ. Лосевъ, акад. И. К. Макаровъ, акад. В. Е. Маковскій. проф. К. Е. Маковскій, проф. А. И. Мещерскій, Н. Оболенскій. проф. В. Д. Орловскій, Х. П. Платоновъ, проф. Л. О. Премацци, проф. А. А. Рицциони. Н. С. Самокишъ, проф. Н. Е. Сверчковъ, проф. Г. И. Семирадскій, акад. Ю. О. Томашевичъ-Бонча. акад. К. А. Трутовскій, акад. Ю. И. Феддерсъ. акад. А. А. Харламовъ, Ціонглинскій. акад. Ѳ. П. Чумаковъ, Н. Шаховской, проф. А. I. Шарлемань, Юмудскій и друг.

Въ портфелѣ Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова—„**Опасная игра**“. романъ.
П. Висковатова—„**Головка съ натуры**“, разсказъ.
Кн. М. В. (автора романа *Дѣти Солнцевыхъ*)—„**Мнимая любовь**“, романъ въ 2 част.
Графа А. А. Голенищева-Кутузова—„**Время**“, стих.
Князя Д. Голицына-Муравлина—„**Увлеченіе**“. нов.
П. Дорошенко—„**Кто-же**“. современный разсказъ.
В. П. Желиховской—„**Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина**“. разсказъ.
М. В. Крестовской—„**Торжество Юліи Андреевны**“, романъ.
Н. В. Кукольника—„**Крѣпостной художникъ**“. (Посмертное произведеніе).
Евгенія Львова—„**Три могикана**“, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи.
А. Луговаго—„**Боръ**“, поэма.
В. И. Немировича-Данченко—„**Подъ звонъ колоколовъ**“, романъ въ 2-хъ част.
П. Н. Полевого—„**Корень зла**“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.
Графа Е. А. Саліаса—„**Барыни-крестьянки**“, историческій романъ.
Н. Северина—„**Перепутала**“. комедія въ 1 дѣйствіи.
Н. Станицкаго—„**Дѣдушка**“, разсказъ.
А. В. Стернъ—„**Божье дитя**“. разсказъ.
Ѳ. Ѳ. Тютчева—„**Артемій Саватьевъ**“, разсказъ.
А. Фета—„**Внѣ моды**“, повѣсть.
Кн. Д. Н. Цертелева—„**Иранское преданіе**“.
О. Чюминой—„**Загадка**“, комедія въ 1 дѣйствіи.

Далѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе **1889 года** „**НИВА**“ дастъ болѣе 50 портретовъ **русскихъ** общественныхъ дѣятелей съ біографіями. сотни **оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ** и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ **РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ** и **на Передвижной выставкѣ**, множество видовъ **русскихъ** городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной **русской** жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и заграницей.

Кромѣ разныхъ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ**. выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „**Нива**“ выдается **особое безплатное ежемѣсячное приложеніе** „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до **500 модныхъ гравюръ** въ годъ, до **350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ** и множество **РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ**, до **400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину**, множество **буквъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.**

Какъ главную премію на 1889 г. гг. **годовые** подписчики имѣютъ безплатно получить большую олеографическую картину печатанную маслян. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“,

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. **14¾** вершк. вышины и **полтора аршина ширины.**

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ „**Зимній пейзажъ**“ **проф. Ю. Ю. Клевера.** даетъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ „**Лѣтній вечеръ въ Малороссіи**“ **проф. В. Д. Орловскаго** превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, осѣненный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шири облегающей его степи.

Мы выставляемъ въ непродолжительномъ времени картину въ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи. гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	5 р.	Безъ доставки въ **Москвѣ**, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у **Н. Н. Печковской**, Петровскія линіи	6 р.	Съ пересылкою въ **Москвѣ** и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи.	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	6 р. 50 к.			За границу	9 р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ **Главную Контору Редакціи „НИВЫ“** (А. Ф. Марксу), въ **С.-Петербургъ**, Невскій проспектъ. д. № 6.

Редакція и издатель „НИВЫ“.

Песчаныя отмели, прежде совершенно покрытыя водою, теперь замѣтно выдаются изъ нея и постепенно превращаются въ дюны. Нѣкоторые города, стоявшіе прежде на самомъ берегу моря, теперь, благодаря поднятію почвы, находятся на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Прибрежные жители Финляндіи привыкають смотрѣть на дюны, какъ на будущіе луга и пастбища. Этотъ таинственный, безпрерывный процессъ, совершающійся въ огромныхъ размѣрахъ, требуетъ внимательнаго изученія. Географическое Общество, постоянно озабоченное изысканіемъ наилучшихъ способовъ для изслѣдованія этого явленія, выработало рядъ мѣръ, которыя будутъ приведены въ исполненіе въ Финляндіи, такъ какъ мѣстныя власти изъявили согласіе устроить постоянныя водоизмѣрительныя сооруженія для систематическихъ наблюденій, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ береговыхъ пунктахъ и вблизи городовъ. На южномъ берегу еще цѣлы прежнія сооруженія подобнаго рода. На нихъ значатся цифры тѣхъ годовъ, въ которые производились наблюденія. 15 лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи были предприняты работы такого рода, старательно производившіяся въ теченіе 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ. На Соловецкихъ островахъ также нѣкогда существовали приспособленія для измѣренія воды. Существуютъ ли они и по сіе время и производятся ли наблюденія,—будетъ приведено въ извѣстность тѣми лицами, которыя отправятся туда. Спеціально для Финляндіи, было бы крайне полезно, сдѣлать сравненія старой карты съ болѣе новыми. Эту работу взялъ на себя г. Банхдорфъ, какъ спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, А. А. Тилло, членъ Географическаго Общества, изъявилъ готовность посвятить себя этому труду, а баронъ Майдель, руководящій изслѣдованіями Бѣлаго моря, обѣщалъ всевозможное содѣйствіе. (с.)

Алгебраическая задача № 72.

Одна русская пословица состоитъ изъ 17 буквъ; если эти буквы замѣнить числами согласно алфавиту русской азбуки, то получимъ слѣдующія между ними соотношенія:

1) Половина перваго относится къ суммѣ шестаго и четвертаго, какъ половина одиннадцатаго къ суммѣ десятаго и четырнадцатаго числа.

2) Произведеніе средняго само на себя равно послѣднему числу.

3) Послѣднее равно кубу тринадцатаго числа.

4) Первое относится къ одиннадцатому, какъ двѣ трети пятнадцатаго къ учетверенному шестнадцатому.

5) Квадратный корень изъ суммы восьмаго и десятаго равенъ шестнадцатому числу.

6) Кубичный корень изъ шестаго числа равенъ четвертому числу.

7) Сумма третьяго и втораго равна суммѣ седьмаго и двѣнадцатаго числа.

8) Третье равно кубу половины пятаго числа.

9) Первое относится къ четвертому, какъ одиннадцатое къ четырнадцатому числу.

10) Разность пятнадцатаго и семнадцатаго равна суммѣ третьяго и четырнадцатаго числа.

11) Сумма седьмаго и десятаго равна суммѣ пятнадцатаго и шестнадцатаго числа.

12) Второе относится къ двѣнадцатому, какъ сумма шестаго и шестнадцатаго къ разности пятнадцатаго и восьмаго числа.

13) Разность четырнадцатаго и тринадцатаго равна девятому.

14) Пятое относится къ разности шестаго и четвертаго, какъ разность десятаго и четырнадцатаго къ суммѣ шестнадцатаго и семнадцатаго числа.

15) Разность одиннадцатаго и десятаго равна разности перваго и шестаго числа.

16) Семнадцатое относится къ тринадцатому, какъ девятое къ разности пятаго и шестнадцатаго.

17) Сумма первыхъ двухъ равна суммѣ одиннадцатаго и двѣнадцатаго числа.

Шахматная задача № 73.

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 74.

К. О. Ц.

Черныя.

A B C D E F G H

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

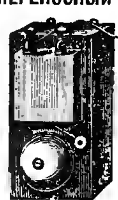
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЦѢНА только 10 р. с.

ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новѣйшей конструкціи, помѣщена въ ящикѣ, къ которому придѣлана весьма раціонально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣнъ—чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пуговка, придѣл. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ обр. кажд. хозяинъ въ сост. устроить въ нѣсколько минутъ домашнее телеграфн. сообщеніе.

Болѣе точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

у Казанск. м., д. № 30—16, входъ съ Екат. кан., въ С.-Петербургѣ.
№ 3378 7—7

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ" 10-2

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіи недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ И. Комисарову.

КРАСОЧНЫЙ заводъ. ТОЛЕВЫЙ заводъ.

СІЙ и ЛООКЪ

Преемники В. П. Франке.

12—10 **Москва.** М. № 3603

Контора: Маросѣйка, д. Кайсарова.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1½—50 мар. **Футляры** 3½—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Патентованная нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Сарасате, Соре, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

Р. № 3468 **Крейцнахъ.** 9—2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ билетовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3303

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящной литограф. обертке 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная: 1 р. 25 коп.,** а съ пересылкою **1 руб. 60 коп.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ,** въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на научно-практическій журналъ виноградства и винодѣлія

„РУССКІЙ ВИНОДѢЛЪ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1889 г. **„Русскій Винодѣлъ"** будетъ издаваться по прежней программѣ ежемѣсячно, книжками отъ 5—8 печат. листовъ. Въ 1889 г. въ **„Русскомъ Винодѣлѣ"** будутъ, между прочимъ, помѣщаться статьи по **коньячному производству** и по приготовленію **шипучихъ винъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Кирочная, 28. Mt. № 3471 2—1

Редакторъ-издатель **Александръ Альмедингенъ.**

ВСЕМІРНЫЙ ЯЗЫКЪ ЭСПЕРАНТО.

Съ самыхъ древнихъ временъ общечеловѣческій языкъ принадлежитъ къ любимѣйшимъ мечтамъ человѣчества. Какое громадное значеніе имѣло бы для человѣчества установленіе одного общаго, международнаго языка,—объ этомъ намъ нечего распространяться. Кто хотъ разъ задумался надъ этимъ вопросомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится, что никакая жертва не должна была бы насъ устрашить, если бы могли ею добыть себѣ всемірный языкъ, и что содѣйствовать по мѣрѣ возможности осуществленію этой традиціонной мечты человѣчества—составляетъ долгъ каждаго человѣка.

Международный языкъ (Lingvo Internacia), предложенный д-мъ Эсперанто, былъ опубликованъ въ концѣ 1887 года и въ короткое время пріобрѣлъ себѣ много друзей, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ часомъ. Языкъ этотъ чрезвычайно звученъ, необыкновенно легокъ и даетъ возможность объясниться съ члономъ какой угодно націи. По поводу эсперантскаго языка предложено:

ВСЕМІРНОЕ ГОЛОСОВАНІЕ,

въ которомъ принять участіе можетъ всякій. Чѣмъ больше лицъ приметъ участіе въ голосованіи, тѣмъ скорѣе будетъ рѣшенъ вопросъ, тѣмъ скорѣе осуществится традиціонная священная мечта человѣчества. Подробности объ этомъ голосованіи изложены въ сочиненіи: „Д-ръ Эсперанто. Международный языкъ. Предисловіе и полный учебникъ",—которое можно получить за 15 коп. Въ виду необыкновенной важности и высокаго интереса дѣла, надѣемся, что каждый изъ читателей этой газеты познакомится съ упомянутою книжкою и передастъ содержаніе ея всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ.

До сего дня вышли слѣдующія сочиненія по международному эсперантскому языку.

1. Международный языкъ д-ра Эсперанто. Предисловіе и полный учебникъ. Цѣна 15 коп., съ пересылкою 25 коп.

2. Dua Libro de lingvo internacia (Вторая книга международнаго языка). Цѣна 25 коп., съ пересылкою 35 коп.

3. Aldono al la Dua Libro (Прибавленіе ко второй книгѣ). Цѣна 10 коп., съ пересылкою 15 коп.

Первая книжка вышла на различныхъ языкахъ: цѣна ея на русскомъ языкѣ 15 коп., а на остальныхъ языкахъ—по 20 коп., съ пересылкою 30 коп. Вторая и третья книжки изданы на языкѣ международномъ и содержатъ въ себѣ упражненія и бесѣды съ друзьями международнаго языка.

Вышепоименованныя сочиненія можно получать въ книжныхъ магазинахъ; каждый отдѣльный экземпляръ можно также выписывать непосредственно отъ издателя (адресъ: Варшава, д-ру Л. Заменгофу, улица Пржеяздъ, № 9), причемъ мелкія суммы (меньше рубля) можно присылать почтовыми марками. Выписывающіе не менѣе чѣмъ на одинъ рубль за пересылку не платятъ. № 3470

ОДОРАМИНЪ ТУАЛЕТНЫЙ

пастильки замѣняющія туалетную воду,

одну пастильку на чашку воды.

Онѣ служатъ для освѣженія кожи и придаютъ пріятный запахъ; коробка, содержащая 24 пастильки, стоитъ 1 руб.

М. № 3425
4—2

Брокаръ и К°.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться **въ Контору** журнала **„Нива",** а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи

РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,

W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается

Р. № 3309 безплатно. 26—6

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для **гувернантокъ** рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. За справками просятъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58.

№ 3197 15—10 **Комитетъ.**

ФАБРИКА КАУЧУК. ШТЕМПЕЛЕЙ
ГРАВЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ и ПЕРЕДВ. БУКВЫ

Ж. ШАНСОНЪ Наслѣдники

подъ управл. Феликса Львовича ЖАКЕ

Москва, Столешниковъ пер. д. № 8

Перо-карандашъ штемпель. Цѣна 5 предмет. 1 р. съ пересыл. 1 р. 20 к. По желан. съ нал. плат.

За 7-ми коп. марку высыл. Каталогъ.

Каталогъ—Руководство для перепродавцевъ въ 70 страницъ высыл. за 70 к. марками. Москва, Столешник пер. д. Соболева № 8. № 3469

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ; по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она **дѣйствуетъ вѣрно, легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.**

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6—3

Для нормальнаго пріема достаточна половина обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

М. 3304

CRÈME-SIMON

(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON

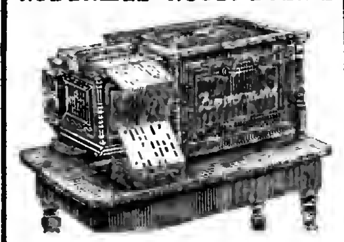
И МЫЛО à la CRÈME-SIMON

имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 15—2

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Ц. съ 10-ю пьесами **80 руб.** Добавочныя пьесы смотря по длинѣ по **1 р. 20 к.**, **2 р 40 к.** и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка на счетъ покупателя. Списокъ пьесъ и иллюстрир. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.** № 3463

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

Карм. форм. въ замшев. кошел. . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . 10 р. 50

„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, поля и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія **„универсальный бинокль"**. Театральн. бинокли въ разн. оправ. отъ 5 р.

Е. КРАУСЪ и К°.

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Парижъ, Aven. d. l. Républ., 4.
2–2 **СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ**
С.-Петербургъ. Мойка, № 43.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. безплатно. Р. № 3150

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ".

К. МАСЛЯННИКОВА.

Много рисунковъ, практическіе **безплатн.** отвѣты на вопросы, съ рисунк. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. **Безплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ.** Программа высылается безплатно. На годъ **6 р.**

ЭЛЕВАТОРЫ,

ихъ конструкц. и значеніе для Россіи **Н. Масляннинова. 12 рис.** Съ перес. 40 к. **Главнѣйшія причины сельско-хозяйственн. кризиса** и мѣры къ его прекр. Съ пер. 15 к. Спб. Надеждинская, № 39.

Только-что отпечатано и поступило въ продажу

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ**, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено новыми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. **Цѣна 6 руб.**, съ перес. **6 р. 75 к.**; въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями—**8 руб.**, съ пересылкою **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. **6 р. 25 к.**; въ переплетѣ **7 р.**, съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращатся въ СПБургъ, въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

СТРАХОВАНІЕ

ОТЪ

НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ

ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ"

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

№ 3389 2–2

Общество заключаетъ:

1) **Страхованіе отдѣльныхъ лицъ** отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время **путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, при катаніи верхомъ; при несчастьяхъ въ домахъ, фабрикахъ, театрахъ, храмахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при исполненіи служебныхъ обязанностей;** вообще вездѣ—**дома и внѣ дома,—съ условіемъ возврата всѣхъ внесенныхъ премій или безъ таковаго.**

2) **Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п.** отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Подробныя **брошюры** о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, по требованію, выдаются и высылаются безплатно **Главною Конторою въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.**

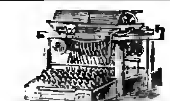
ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона.—пров. Кинуненъ. (11) № 2946

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.

Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.

Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3373

самаго высшаго качества, можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами.

ГЛАВНОЕ ДЕПО у
АЛЕКС. ТИСЪ и К°.
Р. № 3383 Пушкинская, 4. 5–3

ДОМАШНІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

КАЛЕНДАРЬ 1889 Г.

Съ 43 рис. 96 стр. **Ц. 20 к.**

Складъ у книгопродавца **Губинскаго** въ С.-Петербургѣ. № 3446 5–3

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ
ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА

В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья

въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавесиныхъ, которые превосходнѣе нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантной и прочной отдѣлкой.

Т. п. адресовать: **въ Кіевъ, В. Ф. Червеному и С.** № 3461 4–2

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы

ГИЧКОКЪ

безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается **огромная экономія** устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на ⅙ копѣйки въ часъ.

Полное ручательство за доброкачеств.

Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая	**12 руб.**
Висячая	**15 руб.**
Стѣнная.	**15 руб.**

Съ колпакомъ и кольцомъ на **3** р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на **4** р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ Рождественскій прейсъ-курантъ отъ А. М. Рузанова въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 2 ноября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. | № 46
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 12 ноября 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

И. П. Котляревскій.

Когда изученіе народнаго быта проникло въ русскую литературу, нѣкоторые писатели стали заниматься изученіемъ и изображеніемъ жизни также и малорусскаго простолюдина. При этомъ они находили болѣе удобнымъ изображать своеобразную малороссійскую жизнь не литературнымъ языкомъ, а мѣстнымъ говоромъ, обратясь непосредственно къ простонародной рѣчи малоросса, которую, мало-по-малу, и ввели въ литературу. Таково происхожденіе такъ-называемой „малорусской литературы“, основателемъ коей нѣкоторые совершенно неправильно считаютъ Котляревскаго, со дня смерти котораго въ октябрѣ 1888 года исполнилось 50 лѣтъ. Этотъ якобы родоначальникъ новой украинской словесности конечно не думалъ создавать особой малорусской „литературы“, которая есть такая же безсмыслица, какъ литература бѣлорусская, володимерская, сибирская и вообще всюду, гдѣ мѣстный говоръ отличается отъ великорусскаго. Котляревскій просто первый изъ писателей заговорилъ на малороссійскомъ нарѣчіи и первый правдиво изобразилъ малороссійскій бытъ необыкновенно живыми и яркими красками. Въ началѣ нынѣшняго вѣка господствовало мнѣніе, что мужикъ обязательно долженъ смѣшить своей рѣчью, — вотъ почему, отдавая дань подобному взгляду, Котляревскій и дебютировалъ въ литературѣ своей „Энеидой“, которую написалъ по образцу „перелицованной“ Энеиды Осипова и Котельницкаго. „Энеида“ Котляревскаго — произведеніе единственное въ своемъ родѣ. Въ немъ боги и герои классическаго міра дѣйствуютъ въ кругу жизни малорусскаго простонародья, въ обстановкѣ его быта, и самъ авторъ является здѣсь въ образѣ простаго хохла, ведущаго повѣствованіе о событіяхъ изъ античной жизни. Пародія Котляревскаго, помимо своего интереса, какъ веселой. блестящей шутки, имѣетъ еще не малое значеніе, какъ вѣрная картина украинскаго быта, какъ изобра-

И. П. Котляревскій (по поводу 50-й годовщины смерти).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

женіе пороковъ и смѣшныхъ сторонъ малоросса. „Эта пародія — говоритъ Костомаровъ — возымѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было ожидать отъ такого рода литературныхъ произведеній. На счастье Котляревскому, въ малорусской натурѣ слишкомъ много особеннаго, ей только свойственнаго юмора, и его-то вывелъ Котляревскій на свѣтъ, желая позабавить публику; но этотъ народный своеобразный юморъ оказался, независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ. Самъ авторъ былъ человѣкъ въ высокой степени талантливый. Не смотря на то, что онъ для своего произведенія избралъ почти несвойственный малорусской поэтической рѣчи четырехстопный ямбъ, какимъ въ обиліи писали тогда русскіе поэты, „Энеида“ имѣла громадный успѣхъ и Котляревскій открылъ собою цѣлый рядъ многихъ талантливыхъ писателей“. „Энеида“ выдержала нѣсколько изданій, но еще ранѣе появленія своего въ печати, она ходила по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ, и ею положительно зачитывалась не только образованная публика, но и грамотные простолюдины; многіе стихи этой потѣшной поэмы заучивались наизусть и обращались въ поговорки. Не одна только „Энеида“ создала популярность Котляревскому. Слава его зиждется также на драматическихъ произведеніяхъ его, „Наталкѣ-Полтавкѣ“ и „Москалѣ-Чаривникѣ“. Въ этихъ произведеніяхъ даровитый поэтъ пошелъ далѣе своего перваго произведенія, и не желаетъ только развеселить публику, но пытается изобразить положительныя стороны малорусской жизни, идеалы украинскаго простолюдина, болѣе или менѣе поэтизируя быть его. „Обѣ эти пьесы — по словамъ Костомарова — долго игрались на сценѣ въ Малороссіи, а „Москаль-Чаривникъ“—въ столицахъ, гдѣ послѣдняя и до сихъ поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до сихъ поръ еще ничего такого, что бы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи. „Наталка“ очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными“. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли найдется теперь такой человѣкъ въ Малороссіи, которому бы не были извѣстны пѣсни изъ „Наталки-Полтавки“ — „Віютъ витры“ и „У сусида хата біла“, полныя грусти и искренняго, неподдѣльнаго чувства. Въ той и другой пьесѣ Котляревскій обнаружилъ большое знаніе народной жизни и умѣлъ чрезвычайно удачно воспользоваться этимъ знаніемъ: черты украинскихъ нравовъ схвачены имъ прекрасно. Правда, комедіи его довольно сантиментальны, но нельзя-же ему ставить въ вину того, что въ нихъ отразилось тогдашнее направленіе; сантиментальность была тогда въ духѣ времени. Кромѣ трехъ названныхъ произведеній, Котляревскій не создалъ болѣе ничего капитальнаго. Онъ собиралъ малорусскія пѣсни, пословицы; изъ послѣднихъ болѣе ста вошли въ книгу Снегирева; написалъ также „Замѣтки о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ“, „Оду малороссійскому губернатору князю Куракину“, составилъ, по порученію барона Мейендорфа, „Журналъ военныхъ дѣйствій 2 корпуса, 1806 года“ и перевелъ, съ французскаго, по желанію княгини В. А. Репниной, „Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. Евангеліи Луки“. Котляревскій имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе, и его сочиненія, въ свое время, сильно вліяли на всѣхъ, кто понималъ малорусское нарѣчіе. Онъ былъ, по замѣчанію Кулиша, единственный писатель, воспроизводившій всѣми забытую жизнь украинскаго простонародья.

Иванъ Петровичъ Котляревскій родился въ Полтавѣ, 29 августа 1769 года. Его предки по мужской и по женской линіи были природные малороссы; дѣдъ его былъ діакономъ Успенской соборной церкви въ Полтавѣ, а отецъ служилъ въ магистратѣ этого города. Котляревскій выросъ въ очень недостаточной семьѣ и рано узналъ нужду; зачастую ѣлъ онъ впроголодь, питаясь однимъ хлѣбомъ, и не имѣлъ обуви. Это не мѣшало ему нисколько засиживаться надъ книгой и любить заниматься тою нехитрою наукой, какую ему преподавала первоначально дьячекъ ихъ приходской церкви. Когда Котляревскому минуло тринадцать лѣтъ, его отдали въ Полтавскую семинарію, гдѣ онъ скоро подружился съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ, извѣстнымъ переводчикомъ „Иліады“, съ которымъ велъ иногда переписку и впослѣдствіи. Еще бурсакомъ Котляревскій началъ слагать вирши, и дѣлалъ это съ такой легкостью, что товарищи прозвали его „риѳмачемъ“; онъ отличался также остроуміемъ, имѣлъ даръ разсказчика и пользовался большимъ расположеніемъ въ семинаріи, за свой добродушный, веселый нравъ, будучи всегда душою товарищескаго кружка. Что касается его успѣховъ въ наукахъ, то онъ въ особенности успѣвалъ въ языкахъ, изучивъ прекрасно языки латинскій и французскій, а позднѣе и польскій. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе, но онъ предпочелъ свѣтское поприще и, въ ожиданіи мѣста, сдѣлался домашнимъ учителемъ, живя на кондиціяхъ въ помѣщичьихъ домахъ. Въ это время, страстно любя мѣстное нарѣчіе, интересуясь нравами и обычаями Украйны, онъ дѣятельно собиралъ этнографическія свѣдѣнія и для этого часто переодѣвался въ крестьянское платье, стараясь сблизиться съ простонародьемъ. Затѣмъ Котляревскому удалось попасть въ штатъ бывшей Новороссійской канцеляріи, гдѣ онъ прослужилъ довольно долго и оставилъ службу съ чиномъ губернскаго регистратора. Вскорѣ затѣмъ онъ сталъ подвизаться на поприщѣ военномъ, сдѣлавъ всю кампанію 1806—1807 гг., при чемъ онъ былъ отправленъ посломъ къ буджакскимъ татарамъ, съ тѣмъ, чтобы склонить ихъ къ союзу съ Россіей. Подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, Котляревскій исполнилъ возложенное на него порученіе блистательно. Выйдя, въ 1808 году въ отставку, съ чиномъ капитана и съ мундиромъ, онъ года два бѣдствовалъ, напрасно ища мѣста, хлопоча у сильныхъ міра; часто ложился онъ голодный, въ темнотѣ осенней ночи, ибо ему не на что было купить и свѣчу. Наконецъ, въ 1810 году, онъ былъ опредѣленъ на должность надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей. Здѣсь онъ прослужилъ семнадцать лѣтъ и сдѣлалъ многія нововведенія, за что и былъ награжденъ, еще въ 1817 году, чиномъ маіора, бриліантовымъ перстнемъ и пенсіей по самую смерть. Малороссійскій генералъ-губернаторъ Лобановъ-Ростовскій, любя изящныя искусства, содѣйствовалъ къ устройству любительскаго театра въ Полтавѣ, и директоромъ этого театра выбралъ Котляревскаго, который нерѣдко появлялся на сценѣ въ комедіяхъ и операхъ и въ 1819 году поставилъ здѣсь свою „Наталку-Полтавку“, при содѣйствіи бывшаго военнаго губернатора края князя Репнина. Затѣмъ на сценѣ данъ былъ „Москаль-Чаривникъ“; обѣ пьесы принимались съ восторгомъ, но напечатаны были лишь въ 1837 и 1841 гг. Въ августѣ 1827 г., Котляревскій былъ назначенъ попечителемъ Полтавскаго богоугоднаго заведенія; прослуживъ лѣтъ восемь, онъ уволился по болѣзни и скончался 29 октября 1838 года. Незадолго до кончины онъ отпустилъ на волю своихъ людей, а имущество роздалъ роднымъ и пріятелямъ. Въ 1822 году Котляревскаго избрали въ члены Общества любителей россійской словесности. Могила Котляревскаго находится на городскомъ кладбищѣ по Кобелякской дорогѣ, рядомъ съ могилою его школьнаго друга Н. И. Гнѣдича.

П. Б—овъ.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXI.

Клёнина няня ходила между тѣмъ темнѣе ночи, сама на себя не похожа.

— Не дамъ я пропадать моему дитяткѣ. Лучше въ Сибирь пойду... Лучше на томъ свѣтѣ въ аду кромѣшномъ мнѣ быть...

Въ тотъ день, когда бригадиръ съ сестрицей повздорили, Арина Матвѣевна была особенно скучна. Затѣмъ она всячески проволновалась цѣлую ночь, не смыкая глазъ, и поднявшись еще до разсвѣта, при первомъ ударѣ въ колоколъ въ сосѣднемъ храмѣ, отправилась къ обѣднѣ.

Въ церкви няня молилась мало и продолжала мысленно спорить сама съ собой.

— Наложить на себя руки я ее не допущу. Коли я привела ее на грѣхъ къ чудодѣю-дѣдушкѣ, то я же ее должна и упасти отъ всѣхъ бѣдъ. Быть ей за Николаемъ Ивановичемъ. Божьбу даю я вотъ предъ престоломъ Божьимъ, что быть ей его супругою. Но что-жъ подѣлать? Надо же что придумать. Сложа руки досидишься до того, что ее выдадутъ замужъ за какого постылаго...

И задавая себѣ вопросъ, какъ поступить, Арина Матвѣевна поневолѣ должна была сознаться, что остается

одинъ путь спасенія: уговориться скорѣе во всемъ съ молодымъ Козляниновымъ.

Прежде няня мечтала устроить дѣло иначе: она рѣшалась бѣжать со своимъ дитяткомъ изъ дому бригадира къ Аннѣ Ильинишнѣ. А разъ Клёна на свободѣ— все дѣло само собою сладится. Баринъ Никита Артемьевичъ обидится, обозлится и махнетъ рукой на супротивницу-внучку.

„А намъ только того и нужно!" мечтала няня. — „Сейчасъ мы и за свадебку честнымъ пиркомъ, а не силкомъ. А казны-то своей и вотчины лишитъ дѣдушка Клёну, такъ что-жь дѣлать! Богъ съ нимъ! И сквозь золото слезы льются. Лучше съ алтыномъ за милымъ, чѣмъ въ жемчугахъ съ постылымъ."

Теперь, по пріѣздѣ Анны Ильинишны, была новая помѣха. Няня должна была бросить мысль о побѣгѣ въ домъ барыни. Козлянинова и слышать не хотѣла о томъ чтобы ея Коля самокруткой женился и „выкрадывалъ" невѣсту.

— Мы не татары какіе, прости Господи! объяснила она. — Татарва выкрадываетъ невѣсту и калымъ платитъ. Это и грѣхъ и срамъ! заявляла старуха.

Анна Ильинишна просила обождать, умилостивить бригадира и „благородно" жениться по людски и по Божьему. Она почему-то надѣялась на перемѣну образа мыслей „Никитскаго боярина", какъ звала она бригадира.

Стало быть теперь вся надежда Арины Матвѣевны была на одного Козлянинова. Его надо подбить дѣйствовать рѣшительнѣе.

Приходилось молодежи сговориться, какъ дѣйствовать, и конечно тайно и отъ бригадира, и отъ Козляниновой.

— Какъ повѣнчаются, то и бухнутся въ ноги: „Виноваты, простите!" Никита Артемьевичъ—кремневый, устоитъ и прогонитъ. А барыня-мамаша одинъ денекъ поплачетъ, поохаетъ и вѣстимо проститъ! рѣшила няня.

Выходя изъ церкви послѣ обѣдни, няня мысленно приготовилась окончательно дѣйствовать и къ тому же неотложно. Первымъ дѣломъ конечно должно быть свиданіе молодыхъ людей.

— Ась-ко я подумаю объ лѣстницѣ? Пораскладу на мысляхъ. Лѣстница эта и впрямь чудно притрафляется къ нашему дѣлу!

Вернулась няня домой, разбудила свое дитятко и дала ей вынутую за ея здоровье просвирку — скушать натощакъ.

Затѣмъ, когда полусоная Клёна кушала просвирку, потягиваясь въ постели, няня подошла къ окну и стала молча глядѣть, да разглядывать...

„Чудно!" думалось ей. — „Лѣстница эта и впрямь искушеніемъ какимъ въ глаза лѣзетъ. Ишь вѣдь торчитъ... А садъ-то занесенъ сугробами и никогда въ немъ никого, даже Жучка со двора сюда не заглядываетъ, боится увязнуть... А вонъ рядомъ и заборъ въ проулокъ глухой. А дверь-то съ чердака рядомъ съ нашей дверью. Стало быть барченку въ ночь темную изъ проулка въ нашу свѣтелку только шагнуть молодецки. Съ полдюжины разовъ шагнуть—и тутъ онъ! У насъ! И никто не видалъ и не слыхалъ. А счастье-то имъ какое, повидаться, да побесѣдовать на раздольи!"

— Вотъ! Вотъ! уже шептала няня. — Прійти въ проулокъ — разъ, черезъ заборъ — два, по сугробамъ — три, на лѣстницу — четыре, на чердакъ — пять... Да къ намъ въ горницу — шесть. Полдюжины разовъ! шутила уже няня, глядя на искусительницу-лѣстницу. Но вдругъ она прибавила, перекрестившись: — Охъ, Господи, прости и помилуй!

Арина Матвѣевна потому ахнула и перекрестилась, что рѣшилась окончательно исполнить просьбу дитятки.

— Чего ты охаешь, да крестишься? спросила Клёна, полу-грустно, полу-лѣниво.

— Закрестишься! ворчнула няня.

— А что?

— Ничего...

— Аль увидѣла что̀ въ саду?

— Нѣту. Чего тамъ видѣть? Ворону на березѣ развѣ увидишь, весело отозвалась Арина Матвѣевна.

— Такъ чего же?

— Своимъ мыслямъ я, дитятко, охаю, да и тому, что ты надумала просить.

— Какъ знаешь, няня, отозвалась Клёна тихо и спокойно, понявъ слова по своему. — Какъ знаешь, такъ и дѣлай. Не хочешь, не надо. Но пожалѣешь. Мое слово крѣпко.

— Полно ты... Глупая ты голова...

Арина Матвѣевна подошла къ кровати дѣвушки, обняла ее и стала цѣловать.

— Охъ, глупая голова, стращаетъ туда же свою Арину.

— Я не стращаю. Мнѣ жизнь постыла, сама знаешь. Одинъ конецъ.

— Да нешто виданное дѣло чтобы мамка какая свое дитятко бросила въ бѣдѣ или злымъ людямъ на потѣху предала? Нешто у меня тебѣ былъ когда въ чемъ отказъ? Глупая твоя голова! Вотъ грѣхъ и погибельное дѣло надумала ты, а мамка разводила, разводила мыслями и что-жь...

Клёна по улыбающемуся ласково и весело лицу няни увидѣла и поняла ея рѣшеніе идти на это „погибельное" дѣло.

— Няня! вскрикнула Клёна, и крѣпко обнявъ Арину, она страстно прижалась къ ней.

— Что-жь дѣлать! И впрямь другаго ничего не надумаешь... Да и правду сказать... Чудно̀!

— Что чудно̀?

— Эта лѣстница... Чудно̀!

— Что? Я не пойму.

Няня объяснилась и кончила словами:

— Будто на-смѣхъ ее тутъ приладили изъ проулка къ намъ въ горницы.

— На счастье, а не на-смѣхъ! сіяя радостью, воскликнула Клёна садясь на постели. — Это стало быть такова воля Божія, а не грѣхъ.

— А искушеніе дьяволово?

— Что̀ ты! Христосъ съ тобой, Ариша!

— Вѣрно сказываю, дитятко. Искушеніе врага человѣческаго, сказываютъ люди, точію такъ бываетъ, какъ еслибъ самъ Господь устроялъ. Ты знаешь, единожды было, что діаволъ во образѣ священника являлся одной красавицѣ чтобы ее погубить. Она было исповѣдаться къ нему, глядитъ, а у духовнаго-то отца клобукъ на бекрень надѣтъ, по ямщицки, и одинъ рогъ торчитъ наружу. Оба-то не влѣзли въ клобукъ. Она глядь ему на ноги, а у него конское копыто. Чуть онъ ее не погубилъ...

— Мало что́ разсказываютъ, няня. А вотъ говорятъ тоже что его и нѣту совсѣмъ, и никто никогда не видалъ.

— Охъ, слышала я это, дитятко. И отъ тебя, и отъ господъ. Это все озорничество барское — этакія мысли въ себѣ держать. Это дитятко, съ господскаго, сытаго корму все такъ говорится. Жисть барская—масляница, вотъ господа дворяне и не знаютъ что́ выдумать. И болтаютъ всякое непотребное. Вотъ у нихъ и его, прости Господи, дьявола, нѣту теперь на свѣтѣ. А я тебѣ вотъ разскажу. Разъ было въ Кіевѣ...

— Ну, няня, брось... прервала Клёна мамку. — Богъ съ нимъ и съ Кіевомъ. Скажи лучше: когда?.. заискивающе прибавила дѣвушка, ласкаясь къ женщинѣ.

— Что?

— Когда? Когда?.. Ну.. Вѣдь ты устроишь?.. Скажешь? Приведешь?..

— Нѣтъ, ужь пускай самъ молодецъ лазаетъ! усмѣх-

Ожиданіе. Картина Э. Ничкаго, грав. Гёнеманъ.

нулась Арина Матвѣевна.—Мое дѣло его только надоумить. А онъ ужь самъ въ проулокъ приходи и черезъ заборъ валяй, да по лѣстницѣ шагистѣе махай на чердакъ.

— Когда же? Когда?

— Да вотъ сегодня схожу къ Аннѣ Ильинишнѣ. Перемигнуся съ нимъ, да уйдя съ глазъ барыни—перемолвимся. Я все ему разъясню. А онъ себѣ на усъ намотаетъ... А ввечеру попозднѣе пущай и прибудетъ...

— Нынче?

— Нынче! Коли ему будетъ время.

— Охъ, ему-то будетъ время! воскликнула Клёна.

— И я такъ-то думаю! разсмѣялась Арина Матвѣевна.

— Няня! Милая! Радость моя! Дорогая!.. Соколикъ мой!..

И долго дѣвушка ласкалась всячески, не зная какъ лучше выразить нянѣ свое счастье.

— Глупое ты, неразумное дитятко, бурчала Арина Матвѣевна,—будто не видишь, что твоя мама, для тебя, хоть на казнь торговую и лютую пойдетъ!..

XXII.

Братолюбцевъ вызвалъ тотчасъ же къ себѣ друга и кума для важнаго объясненія.

Филисовъ удивился, отправился и явился съ недоумѣвающимъ лицомъ.

— Чего тебѣ надо? сказалъ онъ входя.

— Нужда.

— Знамо нужда, коли зовешь въ свою конуру. Да чтó?

— Важнѣющее дѣло. Объясниться намъ надо.

— Объяснимся, другъ.

— И подобаетъ побесѣдовать, какъ взрослымъ и почитай старикамъ, а не какъ ребятамъ какимъ, вотъ какъ въ прошлый разъ было.

— Какой прошлый разъ?

— А вотъ, когда ты меня тутъ засталъ съ чижомъ.

— Тогда я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ... Чтó ты городишь?.. Поясни.

И бригадиръ уже тревожно глядѣлъ на друга.

— Ну да, вотъ въ тотъ самый разъ, мы съ тобой, какъ малые ребята болтали, и дурашное, да еще пагубное дѣло затѣяли.

— Женитьбу твою?

— Женитьбу.

— И это ты именуешь...

— Пагубнымъ дѣломъ.

— Чтó ты?

— И дурашнымъ!

— Да что ты?..

— Ничего я, дружище... Ты вотъ все-ли въ добромъ здоровьи?.. Самъ спятилъ и меня было уже рѣшилъ умомъ.

— Да ты бѣлены объѣлся.

— Объѣлся съ тобой, Никитка. Въ тотъ разъ ты угостилъ. А теперь мнѣ полегчало...

— Ты не хочешь жениться на Клёнѣ? закричалъ бригадиръ уже внѣ себя,—Говори толкомъ. Не хочешь?

— Не хочу.

— Отчего?

— Я ей не пара. Я ей въ дѣды гожусь, а не въ мужья.

— Ты дуракъ! заоралъ бригадиръ.

— Нѣтъ. Есть дуракъ... да не я!

— Дуракъ... Дуракъ... Своего счастья...

— Не понимаешь, молъ... Ладно! Только я тебѣ сказываю, ты эту глупую забаву изъ головы выброси...

— А-а... Понялъ! Тебя Марья Евграфовна разговорила? Признайся. Все равно я ее заставлю сказать.

Братолюбцевъ сознался тотчасъ, что Толбухина, какъ женщина разумная, ему глаза открыла. А затѣмъ онъ началъ усовѣщевать друга бросить затѣю и сталъ довѣрчиво доказывать всю несообразность такого брака.

— Я, братецъ мой, остался до старости щенокъ въ иныхъ дѣлахъ. Я заднимъ умомъ крѣпонекъ, а переднимъ совсѣмъ плохъ. Другой бы тебѣ тогда же смѣхомъ отвѣтилъ на твое предложеніе, а я съ дуру согласіе далъ. Теперь вотъ, спасибо Марьѣ Евграфовнѣ... я очухался...

Братолюбцевъ говорилъ долго, холодно и толково.

Бригадиръ молчалъ, какъ убитый, затѣмъ молча поднялся, и не прощаясь пошелъ.

— Что-же? Молчишь? То-то! сказалъ Братолюбцевъ другу, особенности нрава котораго зналъ съ дѣтства.

Бригадиръ не отозвался ни единымъ звукомъ и быстро вышелъ въ прихожую.

— Ну и слава Богу! добавилъ Братолюбцевъ.— Такъ-то лучше... Я такъ и вѣрилъ.

Молчаніе бригадира означало всегда, что онъ согласенъ, убѣжденъ и не хочетъ вслухъ сознаться.

Вернувшись домой, Никита Артемьевичъ прямо пошелъ на вышку къ внучкѣ.

Клёна изумилась и испугалась появленія дѣда въ ея горницахъ. Это посѣщеніе означало что-нибудь особенно важное.

— Здравствуй, внучка. Я къ тебѣ въ гости, выговорилъ Филисовъ, стараясь казаться веселымъ, хотя по лицу его еще видно было, что онъ озабоченъ.

— Слушай, Клёна, сказалъ бригадиръ, садясь на диванъ,—хочешь замужъ идти?

Клёна оторопѣла и молчала.

— Не хочешь?

— Какъ прикажете! вырвалось у Клёны испуганно и торопливо.

— Это приказывать можно, да страшно... Отвѣчай мнѣ по душѣ, по совѣсти, не лги, хуже будетъ... ласково проговорилъ Филисовъ.—Шибко ты любишь своего прапора Козлятинова?

— Дѣдушка! воскликнула Клёна и, ярко вспыхнувъ, затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Любишь... Видать... Стало быть за другаго какого тебя и не сватай?

— Избави Богъ за другаго! воскликнула Клёна невольно, но спохватившись, прибавила:—На то ваша воля!

— Пойдешь ты за Геннадія Ивановича? произнесъ Филисовъ внятно, съ разстановкой и внимательно пытливо глядя въ лицо внучки.

Клёна измѣнилась въ лицѣ—и, за минуту пунцовая, трепетная и радостная, замерла на мѣстѣ и какъ-то осунулась точно пришибленная.

Глаза ея, широко раскрывшись, выражали одинъ неподдѣльный безконечный ужасъ, какъ еслибы дѣдъ принесъ ей вѣсть, самую потрясающе-страшную.

— За Геннадія Ивановича, моего друга и кума пойдешь? повторилъ бригадиръ.

У Клёны не было силъ отвѣчать... Она старалась что-то вымолвить; губы ея шевелились, но не могли ничего произнести.

Бригадиръ всталъ, подошелъ молча, взялъ дѣвушку обѣими руками за голову и поцѣловалъ въ лобъ.

— Это я такъ... Не пужайся... Я ради шутки...

И бригадиръ быстро вышелъ отъ внучки. У него что-то творилось на сердцѣ, чего онъ не хотѣлъ выдать нечаянно помимо воли.

Дѣдъ смягчился сердцемъ.

„Ну, Богъ съ вами! Будь по вашему!“ рѣшилъ онъ про себя.

XXIII.

Конечно Аринѣ Матвѣевнѣ не трудно было все устроить. Часовъ въ десять вечера, въ глухомъ переулкѣ, вдоль котораго тянулся заборъ большаго сада бригадира, появился проѣзжій въ простыхъ саняхъ въ одну лошадь и остановился тамъ, гдѣ ветхій заборъ примы-

калъ къ высокой каменной оградѣ. Здѣсь кончался садъ бригадира и была граница его владѣній. За новой каменною оградою начиналась земля его сосѣда, именитаго графа Орлова.

— Ну стой тутъ, Семенъ, приказалъ молодой человѣкъ, одѣтый въ простое русское платье, обращаясь къ возницѣ. — Если кто проѣдетъ да будетъ тебѣ опросъ чинить — не сказывай чей ты и ничего не говори. Обругайся.

— Слушаю-съ. А спроситъ кто: зачѣмъ ночью у забора стою? отозвался мужикъ.

— Говорятъ: отругайся на всѣ спросы.

— А коли здѣсь шалятъ, да на меня наскочутъ головорѣзы, Николай Ивановичъ? Тутъ мѣсто вишь какое „единённое", да глухое. Отъ головорѣзовъ ругней не отбояришься.

— Ну ужъ это твое дѣло! усмѣхнулся молодой Козляниновъ. — Угони, что-ль отъ нихъ.

— А тамъ опять вертай сюда же?

— Вѣстимо.

— Хорошо, коли у нихъ не здѣсь сидѣнье. А коли здѣсь насижено — опять къ нимъ прямо въ лапы вертай.

— Ну такъ что-жь? Инако-то какъ же? Вѣдь не отпустить же мнѣ тебя и пѣшкомъ ночью домой идти.

— Вѣстимо нельзя. Да я инако надумалъ. Вы долго-ль пробудете тутъ?

— Съ часъ, а то съ два...

Умный мужикъ предложилъ барину лучше уѣхать постоять у рогатки, близь Никитскихъ воротъ, чтобы уберечь и себя и лошадь, а затѣмъ въ положенное время явиться на мѣстѣ.

— Здѣсь стоять, такъ безпремѣнно все такъ потрафится, что вамъ пѣшкомъ домой идти придется, да холопа и коня лишиться. По моему лучше, если вы ослобонитесь, да выйдете, а еще меня нѣтъ, вы за заборомъ малость обождете.

— Ладно.

Мужикъ ударилъ по лошади и тотчасъ скрылся среди темноты. Молодой человѣкъ прошелъ вдоль забора и затѣмъ выбралъ мѣсто, гдѣ нанесло большой примерзшій сугробъ и гдѣ перелѣзать было удобнѣе. Онъ легко и ловко вскочилъ, сѣлъ на заборъ и живо спрыгнулъ съ противоположной стороны въ садъ бригадира.

— Славно! шутя проворчалъ онъ, очутившись по поясъ въ рыхломъ снѣгу.

И съ трудомъ, увязая и барахтаясь въ сугробахъ, Козляниновъ сталъ подвигаться на огонекъ, мерцавшій въ верхнихъ окнахъ дома сквозь оголенныя вѣтви деревьевъ.

„Это у нея свѣтъ. То-то небось радуется и ждетъ не дождется", подумалъ онъ.

Арина Матвѣевна, конечно, подробно условилась съ молодымъ бариномъ и все толково разъяснила ему. Козляниновъ разыскалъ среди тьмы, почти ощупью, лѣстницу; живо, ловчѣе всякаго трубочиста или кровельщика, поднялся по ней и въ одинъ мигъ былъ въ слуховомъ окнѣ и на чердакѣ. Няня, которая загодя вынула раму слуховаго окна, была конечно здѣсь же. Шагнувъ навстрѣчу фигурѣ, появившейся съ лѣстницы, няня произнесла тихо:

— Николай Ивановичъ—вы?..

— Нѣтъ, не я, веселымъ шепотомъ отозвался Козляниновъ. — Ну, веди скорѣе. Сердце такъ прыгаетъ, что боюсь выскочитъ совсѣмъ.

— Тише, тише. Я впередъ войду въ сѣнцы, да прислушаюсь. Помилуй Богъ...

— Небось. Да и всѣ спятъ, поди...

— Спятъ, да на грѣхъ мастера пѣтъ. Вы обождите минуту. Я сейчасъ.

Арина Матвѣевна тихонько отворила дверку съ чердака въ сѣнцы, куда упиралась лѣстница, ведущая изъ низу, и гдѣ была дверь въ горницы барышни. Прошло минуты двѣ и няня снова пріотворила дверку, просунула въ темнотѣ руку и, взявъ молодаго человѣка за рукавъ кафтана, потянула за собой.

Чрезъ мгновенье Козляниновъ былъ въ комнатѣ Клёны. Огонь свѣчи ослѣпилъ его; онъ невольно прищурился, но въ ту же секунду небольшая женская фигура стремительно бросилась къ нему, обхватила его шею руками и стала почти душить.

— Коля! Коля! чуть слышно повторяла дѣвушка, и лицо ея стало мокро отъ радостныхъ слезъ.

Няня оставила молодежь и тоже утирая слезы рукавомъ, вышла снова въ сѣнцы стоять на часахъ про всякій случай.

Не скоро выпустила Клёна изъ объятій своего дорогаго, нареченнаго, котораго не видала вблизи безконечно давно. А между тѣмъ ее разлучили съ нимъ обстоятельства всего за нѣсколько дней до предполагавшейся свадьбы.

— Ты похудѣлъ, дорогой... Похудѣлъ! Но такой же красавецъ! говорила Клёна, ненасытно оглядывая его съ ногъ до головы.

— Я что? А вотъ ты, бѣдная, похудѣла. И глаза не тѣ у тебя. Печальные глаза.

— Да вѣдь мнѣ смерть въ этомъ домѣ. Еслибъ Ариша тебя не взялась привести — я бы на себя руки наложила. Ну, да что объ этомъ! Теперь мы сговоримся, какъ намъ быть. Ты на завтра пріидешь опять?

— Вѣстимо. И завтра и послѣ-завтра! съ восторгомъ выговорилъ Козляниновъ. — Всякій вечеръ буду лазать, покуда ты не соберешься въ путь со мной по этой же лѣстницѣ. А скажи, на случай, если кто придетъ, гдѣ вы меня укроете. Подумали вы объ этомъ?

— Вотъ тутъ, въ сосѣдней горницѣ, въ шкафу платяномъ.

— Покажи. Пойдемъ. Это надо видѣть загодя, чтобы знать куда прямо бѣжать.

Молодые люди весело перешли въ сосѣднюю горницу, которая была просторнѣе, но помимо дивана, стола и стульевъ была загромождена большимъ платянымъ шкафомъ и шестью большими сундуками.

Клёна, держа свѣчу, подняла руку—и красные, расписные сундуки ярко и какъ-то странно засверкали своею оковкой кругомъ молодаго человѣка.

— Фу! Помилуй Богъ! Ишь вѣдь... произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

Эти сундуки какъ-то зловѣще сверкнули кругомъ него.

— Что ты?

— Да эти сундуки! Ишь какъ... Чума вспомнилась мнѣ. Ввечеру гробами выглядятъ.

— Богъ съ тобой, Коля! Когда же гробы красные бываютъ...

— Смотри, прищурься. Ей Богу точно гробы. Что жь? Это, поди, все приданое тебѣ нанасено?

— Да. Съ самаго чуть-ли не съ перваго дня ихъ здѣсь поставили и все кладутъ да кладутъ всякое такое. Теперь только два остались пустыхъ. А эти полны.

— Ну это все имъ и останется, коли дѣдушка не проститъ насъ за самокрутку.

Козляниновъ отворилъ дверку шкафа и глянулъ въ него.

— И тутъ полно?

— Да. И тутъ.

— Наколочено плотно. Въ случаѣ тревоги и нужды прятаться тутъ сразу-то и не пролѣзешь... разсмѣялся офицеръ.

— Небось. Такъ сдается. А со страху живо влѣзешь, пошутила Клёна. — А не то въ сундукъ пустой. Еще того лучше.

— Это вѣрно.

Козляниновъ поднялъ за скобу крышку крайняго сундука и снова разсмѣялся.

— Ишь вѣдь... Этакихъ полдюжины добромъ наполнить! Видно много денегъ у дѣдушки. Матушка говорила что у нея всего одинъ сундукъ былъ, когда она замужъ шла.

— А у моей матушки когда она выходила и ни одного не было, весело сказала Клёна. — А прожила съ батюшкой счастливо. Вмѣстѣ и на тотъ свѣтъ ушли. Такъ-то вотъ и мы съ тобой! Пойду я за тебя безъ единаго сундука приданаго, за то счастья и любви я столько тебѣ за собой принесу, что въ ста сундукахъ не уложится.

Молодые люди вернулись въ первую горницу и, снова усѣвшись рядомъ, заговорили шепотомъ, но уже серьезно, о своемъ дѣлѣ.

Клёна разсказала своему Колѣ все что̀ слышала отъ дѣда, приходившаго къ ней, и свое недоумѣніе вынесенное изъ разговора съ нимъ.

Козляниновъ передалъ своей возлюбленной, что его старуха-мать тоже противъ его вѣнчанія, если оно будетъ безъ согласія бригадира. Но молодой человѣкъ прибавилъ:

— Это не помѣха. Не забота. Какъ приведу тебя къ намъ, да скажу: „Ѣдемте, молъ, скорѣе въ Звенигородъ вѣнчаться!“ то матушка всѣ свои резоны позабудетъ, заплачетъ, расцѣлуетъ и на все согласится...

Козляниновъ пробылъ болѣе часу съ Клёной и сталъ собираться.

— Завтра же все налажу, приготовлю, разузнаю и опять буду къ тебѣ, тѣмъ же путемъ. Жди, милая.

— Ты пораньше бы, сказала Клёна. — Какъ стемнѣетъ. Внизу подъ лѣстницей всѣ окна изъ диванной выходятъ, гдѣ никто и днемъ-то не сидитъ, не только вечеромъ. За то дольше у меня побудешь.

— Раньше? Я бы и радъ. А какъ кто сюда придетъ на вышку! отозвался молодой человѣкъ.

— Некому. Никогда почитай никто не приходитъ. Развѣ Степанида. А случись такое, няня насъ сторожитъ. Ты сейчасъ шасть въ шкафъ. И сиди тамъ смирнехонько, покуда не уйдутъ.

— Вѣрно! Ну прости, до завтрева, радость моя.

Долго прощались молодые люди.

— Господи! шептала Клёна. — И когда я подумаю, что не будь чумы, давно бы ужь мы съ тобой были мужъ съ женой.

— Да. Видно такъ нужно. Все, сказываютъ, къ лучшему творится.

— Охъ, все-ли... Не вѣрю я... Чего бы лучше тогда-то... А теперь бѣги, крути, серди дѣдушку, по городу соблазнъ пущай, толки, да пересуды. Охъ, нѣтъ. Лучше бы Коля, тогда...

— Ну, того не вернешь. Теперь-то вотъ давай Богъ все справить безъ промаха. Прости родная...

XXIV.

Весь слѣдующій день Козляниновъ употребилъ на всякія хлопоты и заботы, а главное разузнавалъ найдется-ли священникъ въ Москвѣ, который согласится его вѣнчать съ бѣглянкой безъ обычнаго обыска и безъ „письменности“, т. е. документовъ. Оказалось, что бригадира въ столицѣ побаивались изъ-за его близкихъ сношеній съ генераломъ-губернаторомъ. Козлянинову пришлось поэтому всѣ свои надежды возложить на одного звенигородскаго священника, который, будучи многимъ обязанъ его покойному отцу, скорѣе согласится прійти къ нему на помощь и покривить, если не душой и совѣстью, то закономъ и обрядомъ церковнымъ.

Вечеромъ, молодой человѣкъ, точно такъ же, какъ и наканунѣ, по своимъ старымъ слѣдамъ миновалъ садъ, лѣстницу и чердакъ и снова провелъ около трехъ часовъ со своею нареченной; Арина же Матвѣевна снова просидѣла на-сторожѣ за дверью.

И чуть не пришлось вдругъ Козлянинову спасаться и прятаться, такъ какъ Марья Евграфовна прислала вдругъ наверхъ бойкую дѣвушку спросить у внучки краснаго шемаханскаго шелку.

Няня спохватилась во-время, не пустила въ горницу шуструю дѣвку, рысью влетѣвшую наверхъ по лѣстницѣ. Она сказала, что сама спроситъ и принесетъ барынѣ требуемое. Но молодежь, вдругъ услышавшая въ сѣнцахъ разговоръ, уже перетрусилась.

Козляниновъ бросился зайцемъ со своего мѣста и сталъ на порогѣ двухъ горницъ, готовый спрятаться вмигъ. въ случаѣ необходимости.

Прощаясь на этотъ разъ съ дѣвушкой, офицеръ вдругъ грустно задумался и глубоко вздохнулъ.

— Что̀ ты? спросила Клёна съ удивленіемъ.

— Ничего. Такъ. Вдругъ сгрустнулось. Будто кто мнѣ шепнулъ, что я тебя болѣе не увижу.

— Полно! Господь съ тобой! испугалась Клёна.—Зачѣмъ такое думать. Да и почему?.. Что же можетъ случиться? Проулокъ нашъ правда глухой, но въ немъ головорѣзы боятся очень-то шалить! Орлова-графа боятся. Пожалуется самой царицѣ...

— Нѣтъ, я не то... Да вѣдь я же нынѣ офицеромъ и при саблѣ. Я ее у лѣстницы оставилъ, чтобы не гремѣть. Я не про переулокъ говорю или шалуновъ. А такъ вдругъ взгрустнулось. Ты можетъ меня разлюбишь... Мысли свои перемѣнишь... прибавилъ онъ вопросительно, но шутя и улыбаясь.

— Да, вотъ это ино дѣло—это пожалуй возможно, пошутила и Клёна. — Я вотъ заутро соберусь вдругъ замужъ. За кого... Ну, хоть бы за дѣдушкина пріятеля, Кащея Ивановича Братолюбцева. Жениховъ у насъ въ домѣ — онъ одинъ. Ты сюда прилѣзешь, а няня тебѣ и скажетъ: „барышни нѣту-съ! Барышня обвѣнчалась и уѣхала въ Нѣмецію или Швецію къ его родственникамъ!“ весело болтала Клёна.—Онъ вѣдь не русскій и прозываетъ себя кличкой, а не родовымъ прозвищемъ.

И молодые люди, пошутивъ еще, простились, но когда Козляниновъ снова перелѣзъ черезъ заборъ и, найдя свои сани въ концѣ переулка, отъѣхалъ, то снова грусть заползла ему въ сердце.

„Чудно!“ подумалось ему. — „Ѣду со свиданья съ милой, а самъ пригорюнился. Аль сердце поетъ предъ невѣдомой незадачей. Неужто и Звенигородскій батюшка отказомъ мнѣ отвѣтитъ? Что̀ тогда дѣлать?.. Ну что-жъ? Поѣдемъ по Россіи искать согласника. Хоть въ Муромскіе лѣса поѣдемъ. Тамъ живутъ попы бѣглые въ скитахъ... Есть между ними иные святой жизни, почище городскихъ. Богъ дастъ, еще только мнѣ раза два и слазать сюда. А тамъ и Клёну за собой по лѣстницѣ спущу бережно.“

— Баринъ, а баринъ? давно уже окликалъ задумчиваго Козлянинова кучеръ Семенъ.

— Ну? Что̀?

— А тутъ проходили мимо двое головорѣзовъ. Съ дубьемъ. Одинъ шаркнулъ по мнѣ, да мимо.

— Врешь.

— Ей Богу... Такъ дернулъ, что не увернися я, какъ есть въ лепешку бы обратилъ, окаянный.

— Что̀ же ты? Какъ упасся-то?...

— Угналъ, вѣстимо. Бѣжали за мной по проулку сажень сорокъ и отстали. Ужь какъ мнѣ баринъ неохотно было опять вертать сюда за вами. Думалось: „а ну они опять тутъ сидятъ.“ Нѣтъ. Гулящіе были, а не сидящіе. И какъ это ихъ много развелось на Москвѣ! А все отъ чумы это окаянство пошло.

— Чума-то при чемъ-же?..

— Такъ сказываютъ! рѣшилъ Семенъ.

На слѣдующее утро, Николай Козляниновъ былъ ранехонько разбуженъ дворовымъ человѣкомъ, который, тайно отъ барыни и по приказанію молодаго барина, ѣздилъ въ Звенигородъ. Онъ привезъ хорошія вѣсти. Священникъ, духовникъ семьи, отвѣчалъ на словахъ,

Этюдъ. Рис. Антонъ фонъ-Вернеръ, грав. Брендамуръ.

что для Николая Ивановича все сдѣлаетъ—и что можетъ и чего не можетъ.

Молодой человѣкъ ребячески весело и бодро вскочилъ съ постели, быстро одѣлся и отправился къ матери. которая. не смотря на свои годы и болѣзненность, вставала съ восходомъ солнца въ силу привычки.

„Надо еще попытать матушку", подумалъ молодой человѣкъ.

И поздоровавшись со старухой-матерью, Николай Козляниновъ тотчасъ, какъ бывало всякій день за послѣднее время, завелъ бесѣду о Клёнѣ и о намѣреніи во что бы то ни стало жениться на ней, вопреки всѣмъ помѣхамъ, вопреки упрямству бригадира и матери.

— Твое дѣло. Ты ужь не махонькой... отвѣчала Анна Ильинишна, пригорюнясь.—А я на грѣшное происхожденіе брака не могу дать своего согласія. Какъ я тебя ни люби, а Господа Бога изъ-за тебя обманывать не стану.

Это была постоянная угроза старухи за послѣдніе дни, которую она повторила сыну разъ сто.

— Да вы поясните. матушка, тоже въ сотый разъ спрашивалъ Козляниновъ. — какой же то обманъ предъ Богомъ? Тутъ обманъ бригадира, а не Господа.

Но пояснить того, что ясно понимала сама Анна Ильинишна, — она не могла.

На этотъ разъ старуха даже отмахнулась рукой. покачала головой и вздохнула, какъ бы говоря: „самъ знаешь, что я хочу сказать".

Чрезъ минуту, однако, она заговорила:

— И сердечко мое шепчетъ мнѣ, что ты, сынокъ. начудесишь пренепогибельно. И происхожденіе всего будетъ горестное. Да. Ты не думай, что мать стара да глупа отъ лѣтъ становится. такъ ничего и не смыслитъ. Я не вижу — подслѣповата, и слышу плохо—тугоуха стала отъ хворостей, да отъ лѣтъ. За то у меня сердце все видитъ и слышитъ. А мнѣ оно сказываетъ, что быть бѣдѣ. Стало быть ты предпріимствуешь — что мнѣ не сказываешь. Вечеросъ загадала я, отходя ко сну... Вѣрное, стародавнее гаданіе и не грѣшное... Не карты ваши—Антихристова выдумка! А гаданіе молитвенное... Загадала я: ложусь, молъ, я на Сіонскихъ горахъ, три ангела у меня въ головахъ! Одинъ-то, молъ, все видитъ, а другой-то все слышитъ, а третій-то пущай мнѣ всю правду скажетъ... И вотъ вижу я, сидишь ты въ стихарѣ голубомъ, да въ митрѣ и такъ ты говоришь мнѣ: „Матушка, иди что-ль подъ мое благословенье. Я митрополитъ!" А я тебѣ: „Почему, молъ, ты въ стихарѣ? Пономарь ты, а не митрополитъ!"—А ты и плюнь на меня, да такую рожу скорчилъ, что гляжу я, ужь ты—не ты. А сидитъ предо мной козелъ съ рогами и оретъ благимъ матомъ: „забодаю! забодаю!" Я бѣжать да кричать... Да такъ проснумшись, чуть съ кровати не свалилась. А очухалась и давай плакать... Дуренъ сонъ сей и дурнѣе нѣту его.

— Сны, матушка, пустое... проворчалъ Козляниновъ, чувствуя поневолѣ нѣчто непріятное на душѣ, тѣмъ болѣе что ему какъ-то нездоровилось съ утра.

— У васъ нынѣ все пустое, трынъ-трава все... вздохнула Анна Ильинишна.—Вонъ въ Ростовѣ одинъ сынъ своихъ отца съ матерью три года тому будетъ убилъ до смерти... Да еще чѣмъ? Киркой!

Козляниновъ разсмѣялся украдкой. Онъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ слышалъ отъ матери про Ростовскій случай, а Анна Ильинишна продолжала все считать три года.

— Да неужто же, матушка, заговорилъ онъ, помолчавъ, — вы сможете меня съ женой молодой прогнать— если мы къ вамъ придемъ и въ ноги бросимся прощенья просить.

— Мало, что я прощу... Я стара, да и глупа стала... Я прощу всякое твое безобразіе. Да Богъ-то не проститъ и обоихъ накажетъ. И тебя, и меня!

— А вы-то, простите? А? Простите? приставалъ молодой человѣкъ, полушутя, полутревожно.

— Отвяжись ты. отчаянный. Тебѣ двухъ бы отцовъ имѣть. да строгихъ, а не мать старую. Они бы тебя въ чуланъ сажали... А я что могу!?

Молодой человѣкъ разсмѣялся, нѣжно расцѣловалъ мать и весело вышелъ изъ горницы.

Черезъ часъ, выѣхавъ изъ дому, онъ былъ уже въ Гостиныхъ рядахъ и радостный, но тоскливо-радостный, ходилъ по лавкамъ, выбирая золотыя обручальныя кольца. Эта тоскливость или скорѣе усталость на его лицѣ было послѣдствіемъ недомоганья, которое онъ чувствовалъ въ себѣ все явственнѣе...

„Ввечеру полѣзу въ мезонинъ, почитай въ послѣдній разъ", думалъ онъ. — „Завтра ужь сама Клёна будетъ спускаться. А я встрѣчу ее ужь на лѣстницѣ, да подсоблять буду чтобы не свалилась."

И молодой человѣкъ. выбравъ и купивъ кольца, не зналъ, что дѣлать. Онъ сталъ разсчитывать сколько еще времени остается до свиданія съ милой.

— Страсть! До семи часовъ еще девять часовъ ждать остается. Куда бы сунуться — время убить?

И онъ вспомнилъ вдругъ, что на вѣнчальныхъ кольцахъ его отца и матери были вырѣзаны ихъ имена.

„И я такъ-то сдѣлаю"... рѣшилъ онъ, и не смотря на то что голова его слегка горѣла и въ ней скрывалась тупая боль, онъ весело сталъ разыскивать по Тверской рѣзчика, нѣмца родомъ. Найдя его, онъ передалъ ему кольца, требуя чтобы тотъ немедленно сѣлъ за работу и при немъ рѣзалъ два имени: „Клеопатра" и „Николай."

Нѣмецъ сѣлъ за работу, а Козляниновъ усѣлся около него и до вечера, хотя чрезъ силу, слѣдилъ за его руками и рѣзцемъ.

„Чудно!" думалось ему. — „Вѣдь у меня лихоманка: такъ весь и горю. Ну да врешь ты, хвороба. Все-таки я Клёну повидаю сейчасъ, хотя бы минуту одну."

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

Въ палатѣ стоялъ длинный столъ, наряженный низкимъ сукномъ. Подъ Святыми, опершись плечами о стѣну, сидѣлъ Владыко, въ бѣломъ клобукѣ, устало склонивъ голову. По правую отъ него руку сидѣлъ степенный посадникъ, ниже его по старшинству старые посадники, и еще ниже сыновья и внуки посадничьи. Степенный тысяцкій сидѣлъ по лѣвую руку отъ Владыки, пониже его старые тысяцкіе, а дальше бояре, по старшинству родовъ. На самомъ концѣ стола ютилось пять человѣкъ житьихъ, по одному отъ конца. Въ палатѣ стоялъ еще столъ пониже; за нимъ сидѣлъ Вѣчьный дьякъ со своими подьячими.

Григорей Михайловичъ и вслѣдъ за нимъ Лука подошли къ Владыкѣ и, кланяясь ему въ ноги, просили благословенья святительскаго. Садясь на мѣсто, Лука оглядѣлъ всю палату, и подивился тому, что у всѣхъ лица были радостныя, ровно праздничныя. „Чему-жь оны такъ взрадовались?" подумалъ онъ.

— Благослови, Владыко, началъ вѣчу положить, сказалъ степенный Ѳома Андреевичъ, когда вновь пришедшіе усѣлись, и говоръ затихъ.

Владыко далъ благословеніе едва слышнымъ голосомъ, и сѣвъ еще ниже опустилъ свое бѣлое, безкровники, лицо.

— Свѣдомы всѣ вы, господа моя и братія, зачѣмъ вѣче созвано. Слалъ намъ господинъ нашъ Князь Великій, складну грамоту, гнѣвъ свой положа на отчину свою, Великій Новгородъ.

Посадникъ помолчалъ немного, и всѣ молчали-же.

— Знамо, намъ не йно что̀, а къ рати надо готовиться, сказалъ посадникъ, и опять помолчалъ.

— Ладно сдумалъ! не стерпѣлъ, что̀ шмель пробунчалъ свою хвалу Юрьи Репеховъ.

— И така еще мысль моя была, продолжалъ посадникъ,—что до рати-то... кому еще Господь за молитвы родительски поборать буде, скрыто-жь о̀но отъ нашего розума человѣческаго. Такъ до рати-то, го̀ворю, не попытаться-ль намъ, господо̀, миромъ съ господиномъ княземъ нашимъ уладиться.

Тутъ Юрьи ужь не хвалилъ Ѳому Андреевича. „Рублемъ, знать, борониться хотятъ“, подумалъ Лука.

— Блажени миротворцы: яко тіи сынове Божіи нарекутся, подтвердилъ Владыко отъ писанія посадниково слово.

— Такъ такова-то мысль моя немудреная. А что̀ вы, отцы мои и братія, посовѣтуете?

Всѣ, обращаясь другъ къ дружкѣ, зашептались; затѣмъ сквозь шепотъ явственно стало слышаться, что выкликаютъ тѣхъ, чьего совѣта хотятъ слушать. Тучина выкликали, но онъ сидѣлъ какъ-бы ничего не слыша. Короба тоже многіе называли.

— Слышь-ко, Яковъ Ѳеодосѣевичъ, твоего совѣта хотятъ слушати, ужь вовсе громко сказалъ сидѣвшій насупротивъ его Грузъ, старый тысяцкій.

— А каковъ-же вамъ совѣтушко я старичекъ дать-то еще смогу? обводя всѣхъ ласковымъ взоромъ, заговорилъ Коробъ. — Само-тъ я, оспо̀да моя и братія, не очень-то о семъ домыслился. Развѣ такъ мнѣ, что-ль, ужь сказывати? Правду-тъ молвить, не вѣдаемъ-же мы доподлинно, за что̀ на насъ господинъ Князь Великій свой гнѣвъ положилъ. А кажися все-то мы что̀ въ докончальнѣй, котора на Шолонѣ была писана, предъ нимъ справили. Держали княженье его честно и грозно къ тому, безъ обидушки.

— А государьство-то!.. Что государемъ не зовемъ его! стали ему говорить со всѣхъ сторонъ.

— Слышу ужь, дослышался, сказалъ Коробъ.— Что̀-жь государьство-то? Аль какъ звать-то его? Розно вѣдь можно звать-то, скажу. И Новгородъ Великій розно-жь потому зовутъ. Одинъ ка̀же: Господинъ молъ Новгородъ Великіи. А дру̀гій: Государь молъ. Припомните-ко, хоть-бы послѣдне это вѣчушко: розно-жь звали. Знамо, по старинѣ, по исконной той пошлинѣ новгородьскія, господиномъ-бы треба звать. А что-жь? За-нужду и такого-то, что у него еще и гуменьцѐ не пострижено, батюшкомъ-попомъ звать научишься. Такъ-ли я еще сказываю? не замололся-ли старъ?

— А такъ-же, взревѣлъ Юрьи Репеховъ.

— Спасибо тобѣ, Юрьи Сергѣевичъ, всегда-то ты ободряешь меня. А и други-те хоть не го̀ворятъ да не хмуры-жь сидятъ. Такъ звать-то, говорю, можно по розному. Господиномъ-то по нашему выйде, по новгородьскому; а государе-тъ по московьскому. Одно стало по старинному, а друго-тъ по новому. И такъ еще можно придумывать, чтобъ на обѣ статьи звать, чтобъ обѣмъ сестрамъ по серьгамъ было—ни о̀дной-то не въ обидушку.

Всѣ нетерпѣливо зашевелились: что̀ молъ старый еще выдумалъ?

— Такъ и звать научимся, что о̀дно имя любо о̀но Новугороду, а друго имячько московское: господине государь молъ. Господино-тъ ты въ Новѣгородѣ, а въ Москвѣ ты-же государь молъ. А отъ себя говоря, всякъ этакъ-то зови, государемъ. Ублажаючи-то. И только какъ ото всего Новагорода, слово-тъ новгородьско сказывая, тутъ ровно языкъ не научался еще хорошохонько по-нову звать, а просто зови: „господине молъ“ по пошлинѣ.

Всѣ, перемигнувшись, усмѣхнулися.

— Одно это-вотъ. А друго-тъ куды мудренѣй. Это что̀-вотъ Ѳома Андреевичъ сказывалъ, степенное наше посадничушко: что „миромъ молъ“. Свѣдомо вамъ, отцы и братія, что рать дѣло трудное. И мо̀лодцовъ такихъ, которы къ рати-то были-бъ гораздъ обучены, поро̀то мало-жь ихъ нонѣ въ Новѣгородѣ. И опять-же, кому Богъ побѣду дастъ и одоленьицѐ. И Владыко о мирѣ-же поучалъ насъ, не отъ розума вѣдь было человѣческа, а отъ свята писанія, слова-те Христовы сказывая.

Коробъ помолчалъ.

— Какъ-же миро-тъ устроить намъ? Аль пока Князь Великій съ Москвы не придвинулся, не снарядить-ли намъ пословъ, чтоль, къ нему? А какъ-бы намъ... Охъ! да съ чего-жь это взялся я, старъ, вамъ совѣтовати? Ума вѣдь тутъ надобно, при чемъ ужь буде мое умишечко ветхонькое, коли само-тъ Умъ межь насъ сидитъ?

Всѣ очи оборотились къ тому концу стола, гдѣ сидѣли житьи. Межь нихъ былъ и Іевъ Марковичъ; онъ сидѣлъ такъ же, какъ въ Настасьиныхъ сѣняхъ бесѣдуя съ Марѳой, заложивъ длинную ногу за ногу и свѣся чуть не до стола свою долгоносую голову.

— Что-жь молча сидишь-то ты, Іевъ Марковичъ? спросилъ его Коробъ.

— Сказывай, сказывай, Яковъ Ѳеодосѣевичъ, мысль свою полную. А я еще малехонько сдумаю. Може, дастъ Богъ, мыслишечка кака и наклюнется.

— Коль по̀лну мысль велишь, Іевъ Марковичъ, сказывать, такъ и выскажу. А такъ вѣдь, господо̀, я думаю, что не долго молъ гадаючи, намъ пословъ излюбить-бы, чтоль, и слать тѣхъ пословъ не медлючи, пока, скажемъ, сила, что-ль, московьска въ походъ не двинулась.

— Анъ опащиковъ [1]), взмолвилъ Іевъ.

— Это что-жь, опащиковъ-то? какъ-бы не раскусивъ Іевлевой мысли, спросилъ Коробъ.

— Знамо, въ розьмирье не на Городищѣ-же о̀пасъ брать, сказалъ степенный тысяцкій, съ сердцемъ двинувъ влѣво свою бороду лопатою. — А безъ о̀пасу посламъ пути нѣтъ. Для того и опащиковъ шлютъ, чтобъ о̀пасъ они посламъ добыли.

— Тако-тъ о̀но точно такъ, Василей Есиповичъ, какъ будто все еще не смекнувъ дѣла, отвѣчалъ Коробъ,—да только такъ о̀но станется, что опащики-те въ Москву погонятъ, а изъ Москвы взадъ воротятся, а послы-те развѣ тогды ужь, не скоро къ тому...

— Анъ отложечка. А время-тъ, о̀но не стоитъ вѣдь, йде все, пояснилъ Іевъ.

Всѣ не сдержались, стали веселы. Лука не сразу понялъ это веселье; взглянулъ онъ почему-то на Тучина, а тотъ хмурый сидитъ; только уста у него передернулись, точно онъ хотѣлъ что-то сказать да замолчалъ слово.

— А вѣдь и я, старъ, гляди, Іевъ Марковичъ, хоть не скоро, да выразумѣлъ-же! сказалъ Коробъ, точно они заранѣе не условились съ Маркычемъ какъ вѣче вести и теперь онъ разспрашивалъ не для того, чтобъ и самые глупые поняли въ чемъ дѣло. — А далѣ, продолжалъ онъ,—не о томъ-ли, господо̀, ужь подумать намъ, каковъ наказъ, что-ль, посламъ дать? По моей-то по сметочкѣ, такъ оно сказать надобно, что Шолоньско докончанье намъ покрѣпити — въ самый разъ. Аль намъ больше еще что̀ занадобилось? А ничегошеньки. И побожиться не грѣхъ. По старинѣ вѣдь мы, по пошлинѣ. Ладно-ль тако-тъ, Іевъ Марковичъ? Какъ о̀но тамо-т-ко, давай Богъ памяти, было писано? Не такъ-ли оно, что судити молъ намѣстнику

[1]) Опащикъ—гонецъ ради полученія опаса для пословъ.

Свадебный поѣздъ на Москвѣ въ XVII вѣкѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") М. Нестерова, грав. Бергъ.

Литературный альбомъ. „Полтава“, Пушкина. Кочубей въ темницѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Лоренца, грав. Шюблеръ.

со посадникомъ, а въ чемъ не управятся, пріѣхавъ молъ по третій годъ [1]) самъ съ посадникомъ-же тому дѣлу конецъ учинишь.

— Не по четвертый-ли, Яковъ Ѳеодосѣевичъ? Іевъ спросилъ.

— По третій, кажись, Ѳома Андреевичъ? вопросительно глянувъ на степеннаго, сказалъ Коробъ, по прежнему притворяясь, что не можетъ понять вопроса.

— По третій, по третій, Яковъ Ѳеодосѣевичъ, вотъ какъ ты сказываешь, и на Шолонѣ было писано, простодушно пояснилъ степенный.

Снова пришлось тысяцкому двинуть въ сторону свою бороду лопатою.

— Знамо по третій, сказалъ онъ, — а только коль и посламъ по третій-же сказывать, такъ о чемъ-же ѐны станутъ съ боярами московьскими на говоркѣ разговаривати?

— Земля-то наша, знамо, вышла торговая—и запросимъ по тому, добавилъ Коробъ.—Анъ опять, того гляди, отложечка. Такъ-ли, Іевъ Марковичъ?

— А еще скажи: „безъ робости“, отвѣчалъ житій.

— Знамо что безъ робости. Было-бъ намъ съ чего рѳ́бѣть-то! подтвердилъ Яковъ Ѳеодосѣевичъ. — А еще чего посламъ въ наказъ, не придуматъ-ли кто?

— А вотъ о пѳ́звахъ [2]), чтобъ позвовъ-то въ Москву не было, сказалъ степенный посадникъ.—И на послѣднемъ вѣчушкѣ о томъ-же кричали.

— Знамо, заговорили со всѣхъ сторонъ. — Тѣми позвами самъ онъ изъ докончанья выступилъ.

— Ужь каки позвы ту, коль по четвертый годъ, поспѣшилъ вставить свое слово Яковъ Ѳеодосѣевичъ: доселѣ не степенный, а онъ велъ вѣче и ему того-же и до конца хотѣлося.—А въ наказо-тъ, знамо, надо-жь писать. Може кто еще, отцы и братія, Господину Новугороду Великому совѣтушкомъ поспособствуетъ? А бы ты, Юрьи Сергѣевичъ, слово молвить хотѣлъ, предупредительно повернулся онъ къ Репехову, уловивъ, что тотъ собирается говорить.

— А про пятцевъ [3]), аль забыли всѣ? сказалъ Репеховъ.

— Ужь это точьпо что и грѣхъ, поди. Какъ-же мы-то о братьяхъ своихъ, которы на Москвѣ въ нуждѣ живутъ, запамятовали. Христову-то знать заповѣдь забыли-же, съ сокрушеньемъ сказалъ Коробъ.—За то что напомнилъ ты намъ, надоумилъ наши головы безпамятны, забывчивость-то эту нашу грѣховну присоромилъ-же,—надоть намъ тобѣ, Юрьи Сергѣевичъ, спасибушко сказать великое.

— Спасибо-же тебѣ, Юрьи Сергѣевичъ, великое! Вѣкъ тобѣ намъ совѣты давать! сказали всѣ, кланяясь Юрью, и Юрьи, благодарствуя на спасибѣ, отдалъ поклонъ.

— Болѣе, гляди, къ наказу прибавить нечего, развѣ послѣ кто еще вздумать. Такъ-ли, отцы и братія, я гѳ́ворю? опросилъ Коробъ вѣче. — А что-жь, Ѳома Андреевичъ, велѣлъ-бы дьяку, что-ль, записать для памяти что̀ въ наказо-тъ писать, обратился онъ къ степенному посаднику, и оглядѣлъ всѣхъ, какъ-бы желая добавить: „глядите-кось сколь у васъ степенный простъ, и того не смыслитъ, чтобъ дьяку писать приказать“.

— Слышь-ко, Иванъ Панкратьевичъ, началъ было Ѳома Андреевичъ.

Но Коробъ ему не далъ кончить, и быстро вставъ съ мѣста, подошелъ къ дьячьему столу, и сталъ толковать съ Иваномъ Панкратьевичемъ.

— Про имячько-то, какъ звать его, не забудь-же въ наказъ писать, громче всего онъ выкрикивалъ.

[1]) То есть черезъ два года въ третій.
[2]) Позовъ—вызовъ къ суду.
[3]) Пятцы—взятые на миру за приставовъ, отъ глагола *няти* (брать) откуда наше „на“ (бери). Въ 1476 г. великій князь взялъ шесть „бояръ великихъ“ и отправилъ ихъ въ Москву.

VI.

Грамота о пятидесяти восьми печатяхъ.

Дѣло, казалось, было улажено. Вслѣдъ за Коробомъ, многіе повставали съ мѣста; кому ноги хотѣлось поразмять; кому, отойдя отъ стола, дружку слово, другое въ ушко шепнуть; нѣкоторые и потому встали, что встаютъ-же другіе. Пріятели Коробовы толпились вокругъ него и хвалили его за то, что умно вѣче велъ.

— Не впервой вѣдь, усмѣхаясь говорилъ Яковъ Ѳеодосѣичъ.—На степени бывалъ-же я.

— И вѣкъ тебѣ быть на степени! приговаривали хвалители.

Тучинъ попрежнему хмуро сидѣлъ, ни съ кѣмъ не заговаривая, и едва отвѣчая тѣмъ, кто обращался къ нему.

— Не здоровъ, знать, говорили про него.

Лука Аввакумовичъ, обдумавъ все, что̀ было говорено на вѣчѣ, рѣшилъ, что дѣло рѣшено не худо; чѣмъ дольше затянется посольство, тѣмъ спокойнѣе и сильнѣе Новгородъ приготовится къ войнѣ.

— Послушайте-ко, господо, возгласилъ степенный посадникъ, и когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, продолжалъ:—Стало, въ наказо-тъ посламъ о томъ станемъ писать, что первое: какъ звать-то его умѣючи, а далѣ про Шолоньско докончанье-то, но четвертый годъ сказывать, да о позвахъ еще, чтобъ позвы оставилъ, да о пятцахъ къ тому. И сдумалъ, скажемъ, Господинъ Великій Новгородъ, чтобъ слать впередъ опасщиковъ, а опасъ ѐны привезутъ, ѝно тутъ пословъ слать.

— Только вы и сдумали? нежданно спросилъ Тучинъ.

— А коль ты болѣ сдумалъ, ранѣ-бы сказывалъ, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Ѳома Андреевичъ.

— Аль мнѣ запретъ вышелъ слово сказать? запальчиво Тучинъ возразилъ.

— Какой еще запретъ вздумалъ! Самъ молчалъ-же ты, какъ выкликали-то тебя, совѣта спрашиваючи, строго степенный сказалъ.—Ну, хоть поздно вздумалъ, да сказывай ужь, что-ль.

— Всегда-то мы рады, Григорей Михайловичъ, твоего словечушка разумнаго послушати, какъ-бы исправляя посадникову рѣзкость, слащаво пропѣлъ Коробъ.

— Рады, не рады-ль вы, а свое скажу, сталъ Тучинъ рѣчь держать. — Спрошу васъ, и со степеннымъ посадникомъ, что-жь это, аль послами вы задумали боронить Святой Софіи волости?

— Зачѣмъ пословъ-те шлемъ — было-жь о томъ, Григорей Михайловичъ, говѳ́рено, думая успокоить его сказалъ Яковъ Ѳеодосѣевичъ.

— Нѐ глухъ и я, Яковъ Ѳеодосѣевичъ, сижу! отрѣзалъ Тучинъ.—Ты дай-ко исперва мнѣ рѣчь сдержать, а тамъ ужь, коль сможешь, отвѣтъ держи. Вотъ что̀ я вамъ, осподa моя, скажу: пу́сто это дѣло вы затѣяли, что пословъ-то слать. И ѳ́паса, гляди, не дастъ же имъ. Знаю вѣдь... постойте галдѣть, ужь дослушайте!.. могу же я это понять, гѳ́ворю, что мыслите вы время протянуть. Только тяни, не тяни его, а долго оно, время-то, и много еще его впереди останется, много поболѣ, скажи, чѣмъ вытянете. А что̀ запроска эта купечеська, такъ она къ чему? По четвертый молъ годъ ходи въ Новгородъ. Такъ онъ васъ и послушаетъ! Аль сила московьска побита лежитъ, а мы на костехъ стоимъ, что вы господину нашему Князю Великому указъ чинить задумали?.. Да не кричьте ужь, знаю что̀ скажете!.. что вотъ молъ мы каковы: „безъ робости“. А коль безъ робости, такъ за мечъ берись, грудью встрѣнь.

Тутъ шумъ, доселѣ сдержанный, до того взросъ, что Тучину пришлось замолчать на время.

— Правда-то моя заколола очи, знать? качая головой крикнулъ онъ на всю палату. — Ну, пу! выкричьтесь ужь, а я передохну̀ пока.

Долго еще кричали. Одни противъ Тучина, что онъ обиду чинитъ всему Новгороду Великому; другіе за него, чтобъ дали Григорею Михайловичу рѣчь скончать.

— А може онъ и путно что вздумалъ, то того, то другаго уговаривалъ Коробъ, — вѣдомо-жь вамъ, каковъ будетъ! Вѣдь горячь же, всегда этакъ-же, ровно съ цѣпи сорвется.

Крики наконецъ замолкли.

— А что еще-то, Григорей Михайловичъ, скажешь? спросилъ Ѳома Андреевичъ.

— Про пятцевъ скажу.

— О пятцахъ-то что еще! снова загалдѣли съ разныхъ сторонъ.

— А тоже, что слово вы только о нихъ пикните, сейчасъ-же господинъ Князь Великій почуетъ, что вновь-де съ Литовьской стороны потянуло.

— Что-жь намъ, аль за братьевъ своихъ предъ нимъ и попечаловаться ужь нельзя? Юрьи спросилъ.

— Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесѐмъ. Екклизіастъ глаголетъ, отвѣчалъ Тучинъ. — А теперь бы о нихъ, о пятцахъ-то, помалчивать.

— Видно что у тебя въ роду никто за приставы на Москву не пять! кричали ему со всѣхъ сторонъ. — А у меня вѣдь братъ родный... А дядя-то мой... А отца няли-же... А Лошинькій, кровный вѣдь онъ мнѣ буде сродственникъ!.. А по крестьянству-то, за други-то свои...

— Аль заповѣдь Христову сполнять не всегда на то время е́? сказалъ Коробъ.

— Ты-то пуще Христа помнишь! огрызнулся на него Тучинъ. — А про Литовьскій вѣтеръ, аль не слышалъ? сейчасъ-же я сказывалъ?

— Да не олуховъ-же, прости Господи, въ послы выкликнемъ, надбавляя въ свой чередъ голоса, отвѣчалъ Яковъ Ѳедосѣевичъ. — Станутъ стелить вѣдь мягонько, а всячески его умасливать. Челомъ, знамо, станутъ бить, чтобъ помиловалъ да пожаловалъ. Да отъ дѣла такого порато крестьянскаго, чтобъ о плѣненныхъ молить, о душахъ-то скорбящихъ да озлобленныхъ [1]), и самъ Владыко не откажется.

— Еще и за долгъ свой почту, за святительскій, подтвердилъ Владыко.

Тучинъ и тутъ уступить не хотѣлъ.

— А коли такъ вы, сверкнувъ глазами крикнулъ онъ, — за умыселъ не хотите въ толкъ взять къ чему я рѣчь клоню, инъ па прямки я вамъ стану сказывать. Съ того вѣдь вы и охрабрилися, стали хвастаться, что станемъ молъ съ Княземъ Великимъ говорить безъ робости, что вечоро-тъ на бабье вѣче сорока съ Литвы на долгомъ хвостѣ вѣсть принесла.

Тутъ только Лука понялъ вполнѣ, отчего всѣ сошлись на вѣче веселы и радовались особенно тому, что время протянется. Раньше ему никто о томъ не говорилъ, зная близость его къ старой посадницѣ.

— Може ты свѣдомъ стрекотать по сорочьему, при общемъ смѣхѣ Коробъ отвѣчалъ Тучину. — А у насъ на то стрекотанье, коль оно было еще, что у дѣвчинъ, уши завѣшены.

— У тебя-то пуще завѣшены!.. Все-то притворствуя...

— Не стало еще тобѣ учить меня какъ въ палатѣ сидѣть и что говорить. Ажь посѣдатѣлъ я весь у Владыки въ сѣняхъ у доклада сидючи, и на степени не однова, тебя подолѣе, былъ.

— То-то ты, тутъ сидя, отъ Литвы отпираешься, а въ домѣ-тъ у тебя въ Литовьску-жь сторонушку оконушко прорублено.

— Оставь ты, Григорей Михайловичъ, Христа ради, эти рѣчи-те, вступился въ споръ степенный посадникъ. — Про Литву ничего-то Господинъ Новгородъ Великій не вѣдаетъ. А ты про нее говоришь, такъ слову своему ты-жь господинъ, тебѣ за него и отвѣтъ держать.

Это отпиранье отъ Литвы одобрялъ Лука Аввакумовичъ.

— Не на дворищѣ жь мы стоимъ, отвѣчалъ Тучинъ посаднику, — въ палатѣ сидимъ, своей семьей, такъ съ чего-же намъ въ гулючки-те играть? Тамо-тъ, знамо, блюстись надобѣтъ, не сказать бы слова лишняго. Не то черне-ть молъ пронесетъ еще, аль криво въ розумъ возьметъ. А здѣсь-то, слава Богу, блюстись некого. Прямо безъ лести скажу: не вѣрьте вы Литвѣ той окаянной! И что нынѣ брешетъ—брехалъ ужь этотъ песъ, король-то честный политовскій. Вспомните-ко, въ Шолоньскій годъ эту-жь брехню заводилъ, что накуплю молъ вольнаго царя [1]) со всей Ордой на князя Московьскаго. И въ тѣ поры, хоть и умнѣе вашихъ сидѣли тутъ головушки, а съ дурости его лестнымъ словамъ вѣровали. А гдѣ теперь тѣ умны головушки? Аль запамятовали? И нынѣ брехунъ тѣмъ-же васъ манитъ, а вы съ велика ума ему вѣруя, пословъ слать задумали да время затягивать. Такъ же, какъ тѣ мужы, и вы въ лужу, въ кровавую сядете! Ни онъ, ни рада его Литовьска, за Новгородъ ополчаючись, и коней-те сѣдлать они не вздумаютъ.

— Сказываю-жь я тебѣ, строже повторилъ посадникъ, — что вовсе мы ни о Литвѣ, ни о вольномъ царѣ не свѣдомы. На короля надѣючись, съ чего бы намъ пословъ-то слать?

— Знамо не свѣдомы! въ голосъ закричали всѣ.— Все то́ твои, Григорей Михайловичъ, пусты выдумки.

И это общее отнѣкиванье хвалилъ-же въ душѣ Лука.

— Такъ-то вы! окинувъ палату огнегорящимъ взоромъ, вскричалъ Тучинъ. — Коль вы отрекаетесь, ино и я отрекусь отъ васъ.

И съ этимъ словомъ, вставъ съ мѣста, вышелъ на середину палаты. Всѣ недоумѣнно на него глядѣли.

— Коль до того дошло, что нельзя бояру сказать Господину Новгороду слова праваго; коль вы затѣяли боронить Святой Софіи волости бабьими сплётками да запроской купеческой, да еще хитростью шуто-гороховой, аль какъ дѣтки большихъ пугаючи, тулупъ выворотя, вѣдмедемъ взревутъ, — ино кланяюсь я вамъ, осподѣ моей и братіи, Господину Новгороду Великому. Не слуга я ему, отъѣду прочь. Иду челомъ бить въ службу государю всея Русіи. А вы, мертвы, оставайтесь, безъ меня своего мертвеца схороните.

И поклонясь на три стороны, Григорей Михайловичъ кланялся Владыкѣ въ ноги.

— Благослови, Владыко, на новый путь.

Смутился Владыко такой неожиданной вещи и съ минуту колебался, и затѣмъ, вставъ, благословилъ въ послѣдній разъ свое чадо духовное.

Вѣче замолкло. Точно незапный громъ какъ разъ надъ головами ударилъ.

— Не выпускать бы, чей-то голосъ вымолвилъ долго спустя по уходѣ Тучина. — Пронесетъ еще.

— Нечего проносить-то, поведя суровой бровью, сказалъ степенный посадникъ. — И про Тучина тожь правду надо сказывать. Горячь, знамо, бы зелье пороховое вспылитъ, а только не памятозлобенъ-же.

— Богъ ужь съ нимъ! многіе сказали. — А что отъѣхать похотѣлъ, ино то исконна правда [2]) боярска.

Вновь тихій ангелъ надъ вѣчемъ пролетѣлъ.

— Благословите, отцы и братія, слово сказать, какъ бы робѣя проговорилъ Лука. Онъ дрожалъ отъ внутренняго волненія; мысли буйно клубились у него въ головѣ; онъ зналъ, что скажетъ слово сильное, но цѣлая рѣчь въ своей послѣдовательности еще не ясна была его уму. Всѣ къ нему оборотились.

[1]) То-есть: страдающихъ.

[1]) Хана татарскаго.

[2]) Правда — право.

— О Тучинѣ скажу. Не вовсе вѣдь неправъ Григорей Михайловичъ.

Лука слышалъ какъ въ палатѣ зашуршало; всѣмъ стало неловко отъ этихъ его первыхъ словъ, и они задвигались. Старики хмуро межь собой переглянулися: „этотъ молъ что̀ затѣватъ?“

— Въ томъ онъ не правъ, продолжалъ Лука, — что зря хулилъ Господина Великій Новгородъ: зачѣмъ де вздумалъ пословъ къ господину князю великому слать. Анъ безъ пословъ нельзя.

Легче вздохнулося вѣчу, и Лука какъ-то почувствовалъ, что они съ добрымъ сердцемъ станутъ слушать его дальнѣйшую рѣчь.

— А въ томъ онъ правъ, Григорей Михайловичъ, что одними послами нельзя боронить Святой Софіи. Правда, отъ пословъ время затянется, да дѣло отъ нихъ не станется. А треба намъ, чтобъ дѣло-то сталось на всей волѣ новгородьской.

Лука помолчалъ немного, чтобъ справиться съ одолѣвавшимъ его волненьемъ. Тишь въ палатѣ была, никто даже не кашлянулъ; всѣ очи впились въ Луку.

— Треба намъ, го̀ворю, продолжалъ Лука, чувствуя что голосъ его и звонче сталъ, и наполняетъ собою всю каменную палату, — треба намъ, чтобъ дѣло то стало по нашему. А тутъ надо намъ ту думушку имѣть, чтобъ ни на кого-то намъ не надѣятись, опричь Господа Царя Небеснаго, ни на сыны, ни на князи человѣческіе. А приде помощь, откуда-бъ она ни была, — Богъ послалъ. А нѣтъ ни откуда подмогушки—съ Богомъ же. Вспомнимъ, братья, клятвы и завѣты отцовъ и дѣдовъ нашихъ, и укрѣпимся ихъ-же древнимъ розумомъ. Пусть они накажутъ [1]) насъ своими дѣлами великими.

Затѣмъ вспомнилъ Лука какъ отбивались дѣды отъ силъ суздальскихъ и побѣдили ихъ заступленьемъ Божьей Матери. Это, славнѣйшее въ новгородскихъ лѣтописяхъ, дѣяніе всѣ знали съ дѣтства и всегда воспоминаніе о немъ, возвышая, будило душу новгородскую.

— Не однова̀ - же приходилось дѣдамъ нашимъ безъ князя отсиживаться отъ вороговъ за крѣпкими стѣнами городовыми. И то̀ вспомните, какъ Гюрги, великій князь Суздальскій [2]), къ новгородцамъ слалъ, чтобъ выдали они ему своихъ братьевъ, что̀ ему, князю, были нѐ любы, и притомъ хвастался: „молъ поилъ есмь кони Тверью, еще и Волховомъ напою“. А тутъ Господинъ Новгородъ Великій безъ князя жилъ, ставили новгородьцы по путямъ сторо̀жи крѣпкія, а городъ твердили-же [1]), хотяще умереть за Святую Софію, о посадникѣ о Иванкѣ Дмитріевичѣ.

[1]) Научать.

[2]) Гюрги—Юрій, въ 1224—25 году.

Вся палата дрогнула. Немногіе знали о томъ, а кто помнилъ, люди книжные, тѣ вскрикнули: „Правда-жь твоя, Лука Аввакумовичъ“.

— А къ тому я, отцы и братія, продолжалъ Лука,— о славѣ дѣдней вспомнилъ вамъ, чтобъ знали вы да вѣдали, что такова̀ была исконная пошлина новгородская. И всегда-то такъ, въ безкняжое время, межь собой уряжалися. А нынѣ не то же-ль сдѣялось? Гдѣ онъ, князь нашъ новгородьскій, излюбленный? Нѣтъ его. А господинъ нашъ Князь Великій всея Руссіи, въ гнѣвѣ своемъ, ярымъ окомъ зритъ на Новгородъ, готовитъ огонь и мечъ на свою отчину. Но не къ тому жь, крѣпко помните, я рѣчь держу, чтобъ пословъ не слать. Нѣтъ, по̀шлемъ же. А и въ тотъ-то разъ, какъ сидѣли о Иванкѣ Дмитріевичѣ, далъ Богъ боя не было, сославшись послы, съ господиномъ Княземъ Великимъ наши дѣды уладились, взяли миръ на всей своей волюшкѣ. И намъ подай Господи, безъ рати же, со своими господами князьями великими на всей волѣ новгородьской миръ взять.

— Подай то̀ Господи! всѣ, крестясь, зашептали.

— А только и намъ, какъ дѣдамъ же, надо-ть межь собой, укрѣпясь крестнымъ цѣлованьемъ, урядиться грамотой. И выбирать къ тому воеводу розумнаго. А не таковъ-ли нашъ князь кормленный, Шуйскій князь, Гребенка Василей Васильевичъ? Не его-ли намъ надо-ть собѣ ставить воеводою?..

— А вѣстимо его, не иного кого! всѣ подтвердили.

— И рядъ къ тому жь напишемъ, чтобъ биться намъ до послѣдняго, и умереть за Святую Со̀фею о степенномъ посадникѣ Ѳомѣ Андреевичѣ.

И какъ давече Тучинъ, быстро вставъ съ мѣста, Лука поклонился Владыкѣ въ ноги, примолвивъ: „Благослови, преосвященный Владыко, грамоту писать.“ И какъ давече, святитель смутился на мгновеніе, а затѣмъ, давъ благословенье боярину, приподнялъ его за руки съ колѣнъ и цѣловалъ въ уста.

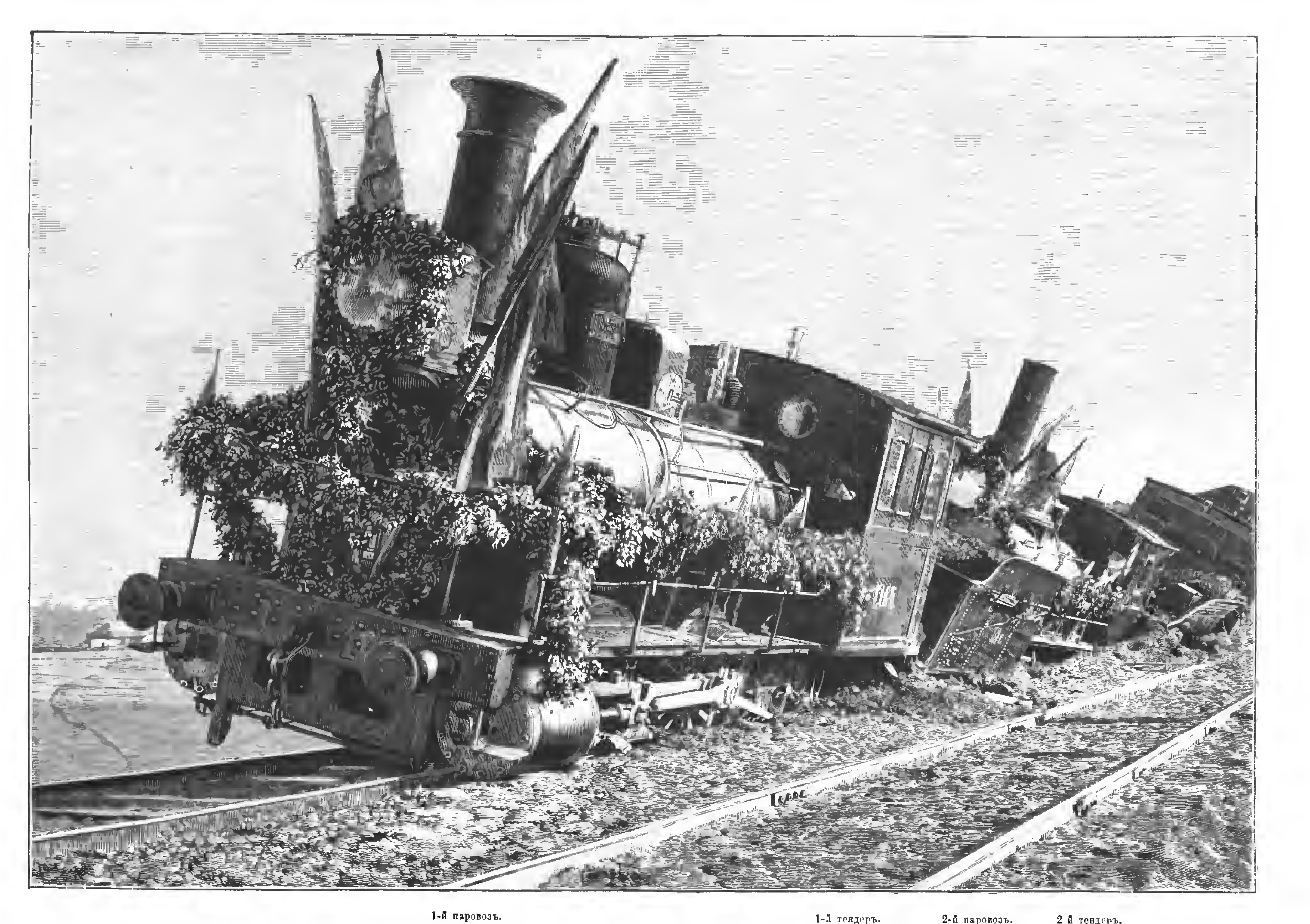
Тутъ понялъ Лука, что дѣло свершилося. Шумъ и крикъ въ палатѣ стоялъ. Все вѣче, вставъ съ мѣстъ, съ поклономъ благодарствовало Луку.

— Этакъ же я тебя на Дворищѣ цѣловалъ, Лука Аввакумовичъ, обнявъ его, говорилъ степенный посадникъ, — а только скажу, что не служба то̀ твоя была,

[1]) Твердить—крѣпить, укрѣплять.

Стихотвореніе Лермонтова съ воспроизведеніемъ его собственноручнаго наброска. Грав. Ангереръ.

1-й паровозъ. 1-й тендеръ. 2-й паровозъ. 2-й тендеръ.

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября близь станціи Борки. Оба паровоза и тендеры послѣ крушенія.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

а службишка. А нонѣ сослужилъ ты Новугороду истую службу великую.

Сейчасъ же и грамоту писали, и крестъ цѣлуя, привѣшивали къ ней печати. Пятьдесятъ восемь печатей дьякъ сосчиталъ. Пятьдесятъ восемь родовъ боярскихъ восхотѣли умереть за Святую Софію о посадникѣ своемъ Ѳомѣ Андреевичѣ.

Прямо съ вѣча Лука Аввакумовичъ проѣхалъ къ старой посадницѣ. Она ужь знала все; внучекъ, едва печать къ грамотѣ привѣсилъ, поспѣшилъ оповѣстить бабушку о новой славѣ новгородской. Марѳа встрѣтила Луку какъ роднаго сына.

— Живъ еще видно, Господино-тъ нашъ Великій Новгородъ, коль таковы, какъ ты, у него сыночушки рòдятся, сказала она цѣлуя въ уста своего излюбленника.

— Не меня, тебя же, матушка посадница великая, хвалить надобѣть. Только и дѣла моего было, что приказъ твой исполнилъ.

Посадница вопросительно взглянула на него.

— Вѣдь ты же мнѣ, попомни-ко, наказывала, молъ взбуди-же, взбуди душу новгородьскую. Вотъ далъ Богъ, взбудилъ. А не своимъ же, твоимъ тò сдѣлалъ розумомъ.

— Не съ чего тебѣ тожь и принижать себя. Наче бно гордости, скажутъ, приниженье-то. А о томъ сдумать теперь надобѣть, чтобъ на степень тебя.

Лука покачалъ головой.

— Дастъ Богъ, мине меня чаша сія. Горька она. Да и не таковъ я человѣкъ, каковъ на степень надобенъ.

— Это чтó еще вздумалъ? Чѣмъ такимъ пè гожъ сталъ?

— А тѣмъ, что-ли, скажу, матушка, что нѣтъ у меня къ грàдскому дѣлу навыка настоящаго и выдержки нѣтъ. Такъ скажу: самъ не знаю, по правдѣ-ли, аль по моей гордости самомнительной, только считаю я себя розумомъ не ниже ихъ, чуть не новыше-ль еще. Только что не гожъ на степень, тоже могу понять. Нѣтъ во мнѣ того, какъ вотъ Ѳома Андреевичъ: и слабъ-то, и хилъ онъ, и будто простъ умомъ, слова отъ себя молвить не умѣетъ, чужое мямлетъ вѣдь, а едва почуетъ, что крѣпко стоитъ, оперши съ о могутныя плечушки новгородьскія, такъ и бровью сурово поведетъ и пристрожится во-время, и слово взмолвитъ вѣское. Все-то съ выдержкой. Аль опять хоть бы это лисье умѣнье взять, чтò у Короба. Путаетъ вѣдь, путаетъ онъ, матушка, анъ гляди въ свою долгую рѣчь что въ тенета всѣхъ запутаетъ: и радъ бы да не выскочишь, иди за нимъ. Ну, теперь вóзьмемъ хоть Іева долгоносаго. И того вѣдь я не смыслю, чтобъ, какъ онъ, вѣкъ молчать да промежь чужыхъ рѣчей свое словечушко махонько да удаленько, ровно гвоздь въ бревно вбить, а тѣмъ гвоздемъ вѣче скрѣпить. А я-то чтó? Какъ пошлетъ Господь своей милостью благодатный часъ, и взмолвлю, и слово скажу дѣйственное. Вѣдь ровно не свое гòворю, а вдругъ найде па меня, бы кто мнѣ его въ душу подговариваетъ. А не то вѣдь это, чтобъ цѣль памѣтя, улучить [1]) ее. Нѣтъ въ моемъ словѣ и того напуска богатырскаго, что какъ у Тучина во всякой, бывало, рѣчи слышится.

— Охъ, Тучинъ, Тучинъ, Григорей ты Михайловичъ! привздохнула посадница.—Памятуешь-ли, Лука Аввакумовичъ, какъ мы съ тобой про Арбузьева разговаривали. А Тучинъ-то не Васенькѣ чета. Словно столбъ соборный, на чемъ сводъ держится, сразу рухнулся. Вспомнико-ва какъ въ Апокалипсисѣ писано, что предъ концемъ-то звѣзды одна за другой съ небеси надутъ. А эта ужь не перва-ль звѣзда съ новгородьска небушка покатилася?.. Ну, да чтò о немъ. О живомъ станемъ думати... Чтò жь ты, аль все, что-ль, высказалъ чѣмъ ты на степень-то не гожъ?

— Вотъ и сказываю, матушка, что тѣмъ я на степень не гожъ что въ палатѣ у Владыка не былъ выдержанъ, не надъ грамотами сгорбясь выкупѣлъ... Ну, да чтò много о томъ сказывать. И думать-то понѣ грѣхъ о томъ.

— Это почему жь?

— Потому, что цѣлованъ крестъ у насъ чтобъ стоять о Ѳомѣ Андреевичѣ. А будетъ другій, не Ѳома, на степени, ино тутъ многи, соблазнясь, отъ креста отступятся. И раздѣлится на ся Новгородъ.

— А вотъ по этому слову твому, что сейчасъ сказалъ, и знать что гожъ ты на степень... Да дастъ Богъ!..

VII.

Взысканіе погибшей.

Тучинъ чуть не пророкомъ сталъ. Великій князь приказалъ задержать новгородскихъ опасчиковъ въ Торжкѣ до своего прихода. Время, правда, шло безъ задержки, но и сила московская не стояла. Наконецъ-то пришла не ложная вѣсть: видѣлъ государь опасчиковъ, и далъ опасъ на пословъ.

Межъ тѣмъ, великокняжескій мечъ, не унимаясь, и огонь, не утоляясь, ужь ходили въ землѣ новгородской, и лилась кровь христіанская.

Зима подошла; снѣгъ землю порошилъ да кстати видно запорашивалъ и умъ новгородскій. Не унывалъ пока Новгородъ; тепло и сыто въ немъ жилось; сладко онъ подремливалъ подъ вьюжливую и метельливую пѣсню, лаская себя несбыточными снами. Видно, разбогатѣвъ, излѣнился онъ, сталъ бѣгать упорнаго труда, а только бы ему чтò жирному коту, на лежанкѣ лежа, помурлыкивать. Могъ онъ еще на часокъ, другой тряхнуть стариной, а тамъ опять поскорѣй бы на лежаночку. За то грàдская мудрость гордо разгуливала по его улицамъ, и прославляя себя, о себѣ же и радовалась; считая себя „паче оружія ратнаго“, она и о томъ даже не озаботилась, чтобъ выжечь Городище да окрестные монастыри, какъ тò въ старые годы дѣлалось. Зачѣмъ молъ ихъ жечь, коль отъ пословъ пришла радостная вѣсть, что „принялъ де ихъ государь въ сàмо Введеньё, ласковъ съ ними былъ, ѣсть къ себѣ просилъ, а на другій день повелѣлъ боярамъ своимъ съ ними поговорити: теперь де говорка идетъ.“

Только на другое, на третье-ль утро послѣ этой радостной вѣсти проснулись новгородцы, а ужь въ окрестныхъ монастыряхъ москвичи стоятъ, въ теплыхъ избахъ грѣются, щи себѣ горячія къ обѣду готовятъ, навѣдываются въ глубокіе погреба монастырскіе. Новгородцу же изъ города и шагу ступить нельзя.

Вотъ и послы воротились, но не такъ ужь веселы, какъ поѣхали. Было тутъ время, цѣлыхъ десять дней, когда государь приказалъ воеводамъ своимъ отпустить половину воевъ за кормомъ и только съ другой сторожилъ Новгородъ,—тутъ бы новгородцамъ ударить на московскій станъ, да грàдская мудрость проморгала. Строчила она новый наказъ посламъ: коль такъ молъ онъ, такъ этакъ сказывать, а если и о томъ еще заговорятъ, такъ не этакъ-ли ужь отвѣчать?

Какъ перешелъ государь по льду черезъ озеро, да чтò день стали подходить къ нему свѣжія силы, и псковичи стали гдѣ имъ было указано, тутъ только вскинулся ото сна Новгородъ Великій, зазвонивъ въ Вѣчный колоколъ.

Декабрь ужь на дворѣ стоялъ; солноворотъ близился: собиралось солнце на лѣто, зима на морозъ. Вспомнили бояре, что они утверждались между собою крестомъ, и какъ бы прозрѣвъ, увидѣли что по Волховскому льду чистъ путь въ Новгородъ; стали на рѣкѣ городъ рубить и крѣпить его пушками. Закипѣла работа горячая: не робѣй де, душа новгородская, пусть-ко онъ на приступъ сунется! А неволя ему была крѣпкія стѣны

[1]) Улучить — въ прямомъ смыслѣ, попасть изъ лука.

лбомъ разбивать, когда и безъ меча, голодомъ можно было доконать вольныхъ мужей.

Въ эту-то горячую пору, новгородскій воевода князь Шуйскій-Гребенка, вездѣ поспѣвая, замѣтилъ что въ Плотницкомъ концѣ въ одномъ мѣстѣ стѣна еле жива стоитъ, и приказалъ не медля крѣпить ее. За-день работы не кончили, а князю хотѣлось самому до конца за ней приглядѣть; чтобъ завтра не терять даромъ времени на проѣздъ изъ дому, князь рѣшилъ заночевать на Торговой сторонѣ, въ ближайшей уличанской гридницѣ. Потребовалось ему послать грамотку къ своему подручному воеводѣ Киріаку Андреевичу; Славчане въ сторожѣ стояли. Ему указали на Пашко: и человѣкъ молъ вѣрный, и ходокъ знатный, и Киріаку Андреевичу хорошо знакомъ.

Понесъ Пашко грамотку чуть не черезъ весь Великій Новгородъ. Идетъ, слушаетъ, какъ снѣгъ подъ ногами похрустываетъ; поглядываетъ по сторонамъ, гдѣ какіе сугробы намела послѣдняя вьюга; съ церковью поровняется, на ходу, шапку снявъ, крестится.

„Тёмно становится“, думается Пашку. — „Вездѣ-то по домамъ ужь вечеряютъ — и почи часъ, въ обратный путь иди, захватить мнѣ придется. А наши-тъ, гляди, ужь отужинаютъ. Мнѣ бы, дурню, хоть хлѣба кусъ на дорогу взять. Шелъ бы да пожевывалъ, да снѣжкомъ прикусывалъ. Аль у Киріака Андреевича... Ласковъ вѣдь, даромъ что Пруппанинъ.“

Вотъ и до Великаго моста дошелъ молодецъ, а на мосту ужь ни души.

„По лѣвой сторонѣ пойду, поглажу-ко каку стѣну, скажутъ, противъ стана Московскаго срубили. Э-вонъ она гдѣ, далече. И костры разложены. И люди вонъ ходятъ. Мимо огня идучи и тѣнь же отъ себя метнулъ. А что жь это огонь ровно звѣздочка загорался? Знать, словецъ на шеломѣ блеснулъ.“

Ужь съ моста Пашку сходить, какъ замѣтилъ что съ горы кто-то на рѣку бѣжитъ: мужчина или женщина, разглядѣть нельзя.

„Что жь ему на рѣкѣ о сю пору занадобилось?“ разсуждалъ Пашко. — „Аль баба она глупая, воды забыла наносить, да на-ночь глядя на пролубь спѣшила? Да нѣтъ! гдѣ жь бы ей съ коромысломъ со всѣхъ ногъ бѣжать.“

И Пашко невольно пріостановился. Вдругъ на рѣкѣ словно въ воду что-то бухнуло.

— Господи-Владыко! перекрестясь сказалъ Пашко.— Аль оступился онъ, аль съ голодухи въ воду ринулся?.. Спѣшно князе-тъ велѣлъ ворочаться... Аль дать мнѣ душѣ крестьянской погинути?.. Бѣгучись взадъ пойду, наверстаю времячко. Аль коня себѣ еще у Киріакъ Андреевича выпрошу... Ласковъ вѣдь, даромъ Прушанинъ.

И разсуждая такимъ образомъ, Пашко, самъ того не зная, уже стремглавъ бѣжалъ на рѣку. Ставъ на нижкемъ концѣ проруби, онъ сбросилъ съ себя тулупъ на тотъ случай если придется въ воду лѣзть, и думалъ, не разуться-ли?

„Ладно коль съ той стороны ринулся, но водѣ гдѣ и вынырнетъ. А коль отсюда, подъ ледъ унесло!“ И онъ пристально глядѣлъ на воду. „И темно жь, хоть бы звѣздочка!“

Вдругъ, какъ будто и всплыло нѣчто. Пашко наклонился, руки протянулъ и ухватился прямо за женскую косу.

„Знать дѣвчина въ воду кинулась.“

Вытащивъ на ледъ утопленницу, онъ спѣшно завернулъ ее въ тулупъ, взвалилъ на плечи, и въ гору.

„Не далече тутъ, отогрѣютъ, дастъ Богъ“, бодрилъ онъ себя, все надбавляя шагу. — „А вотъ и Пруська улица, и Михайло Архангелъ, и боярскій дворъ.“ Брякнувъ кольцомъ прикалитнымъ, Пашко сталъ сильно ногой о подворотню бить.

— Кто тамъ еще... нѣтъ нонѣ на васъ пропаду! кричалъ приворотникъ.

— Отъ воеводы, слышь. Дѣло-тъ повгородьско!

— Аль ты, Пашко? призналъ его приворотникъ по голосу.

— Я же. Скорѣеча, вѣдмедь, ворочайся. Не одинъ вѣдь я.

— Съ кѣмъ же? отворивъ калитку, спросилъ приворотникъ.

— А на же тебѣ, крѣпче, вѣдмедь, держи. Не въ палаты жь ее... Изъ пролуби вынулъ... Въ подклѣтъ — чего сталъ? — неси.

И толкнувъ изумленнаго нежданною ношей приворотника, чтобъ тотъ скорѣе шелъ, Пашко вбѣжалъ по каменной лѣстницѣ въ сѣни. Въ домѣ еще не спали, только что отужинали, и самъ Киріакъ Андреевичъ съ тоненькой восковой свѣчой въ рукахъ выглянулъ изъ боковой комнаты.

— Аль ты, Пашко? окликнулъ онъ.

— Отъ воеводы жь съ грамоткой. Гдѣ жь она? шаря за пазухой Пашко отвѣчалъ.

— Иди сюда, въ боковушку за мной, принявъ грамоту сказалъ Киріакъ. — Стой ты... гдѣ жь ты тулупъ-тъ истерялъ?

— Искупаться чуть было не довелось. Не съ одной вѣдь я къ твоей милости грамоткой, поминочекъ еще по дорогѣ захватилъ.

— Какой поминочекъ?

— Душу крестьянску изъ проруби вынулъ. Въ тулупо-тъ она у меня и поверчена.

— Гдѣ жь она?

— Приворотнику сдалъ, въ подклѣтъ бы несъ, приказывалъ.

— Пойти было сказать матушкѣ. Она вѣдь... знаетъ вѣдь всяки снадобьи...

И Киріакъ спѣшно вышелъ въ сѣни.

— Сдоложили ужь, воротясь сказалъ онъ, — въ подклѣтъ сошла матушка. Скаже, что отойде молъ, а огнёвы не буде жь.

Присѣвъ къ столу, Киріакъ сталъ читать грамоту; прочти, онъ взялся было за перо, отвѣтъ писать, да точно что вспомнивъ отложилъ перо.

— Пожди-ко, Пашко, со немножечко. Нельзя этакъ, наобумъ писать, а спросить спосылать.

И Киріакъ вновь въ сѣни вышелъ. Пашко, войдя, у двери сталъ; потомъ сѣвъ на лавку — задремалъ. Протерѣвъ глаза, онъ увидѣлъ что Киріакъ Андреевичъ воротился, и сидя у стола пишетъ грамотку.

— Сготовилъ вотъ, бери, Пашко, сказалъ бояринъ.— А какъ задержалъ я тебя, такъ для скорости на конѣ побѣжишь, съ паробкомъ. Скажутъ, тоже не безъ грабежа нонѣ въ Новѣгородѣ.

— Есть таки, не безъ этого. Бѣжанъ, вишь, много въ городѣ, а хлѣба что было похвачено съ собой, все съѣдено, а работы гдѣ молъ ее нынь сыскать въ Новѣгородѣ. Охъ, туга жизнь пошла, тугохонька... А послы вѣдь...

— О послахъ-те и князь спрашивалъ, вернумшись-ли молъ оны отъ князя великаго. А я вѣдь и самъ не зналъ. А ужь писать было, такъ не одно „когда“, а и „съ чѣмъ“ писать.

— Съ чѣмъ же оны? освѣдомился Пашко.

— Все, слышь, надѣючись, что дѣло-тъ уладится. Дастъ Богъ! разсѣянно отвѣчалъ бояринъ, стараясь отогнать отъ себя невольную тяжелую думу, и затѣмъ спѣшно заговорилъ о другомъ.—А вотъ пока коня-то сѣдлаютъ, може взглянулъ бы ты на свою спасенну? Въ верху она у матушки положена. Пойдемъ-ко.

(Оконч. въ слѣд. №).

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября близъ станціи Борки. Телѣжка, вырванная изъ-подъ вагона-столовой.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Вагонъ Августѣйшихъ дѣтей.
Часть стѣнки вагона-столовой.

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября близъ станціи Борки. Вагонъ Августѣйшихъ дѣтей и часть стѣнки вагона-столовой.

Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Плавательный пузырь рыбъ.

Всѣ кому приходилось видѣть, хотя бы только на рисункахъ, рыбъ южныхъ морей, согласятся, что ихъ вполнѣ справедливо называютъ „морскими бабочками“. И дѣйствительно, благодаря яркости окраски и живости ихъ движеній, это сравненіе невольно приходитъ каждому въ голову. Наши рыбы, не отличаясь особенно яркою окраскою, могутъ быть сравниваемы съ болѣе обыкновенными сѣренькими бабочками сѣверныхъ странъ. И здѣсь онѣ оживляютъ, такъ сказать, подводный ландшафтъ, быстро исчезая и появляясь вновь передъ глазами наблюдателя.

Но не всегда это было такъ. Въ прежнія геологическія эпохи преобладали одно время панцырныя рыбы, напоминавшія собою средневѣковыхъ рыцарей, съ головы до ногъ закованныхъ въ броню,— даже плавники и тѣ были заключены въ прочный панцырь. Быстроты движеній при этомъ конечно не могло быть, но зато подъ этимъ покровомъ рыба была защищена отъ нападенія многочисленныхъ въ то время хищниковъ. Постепенно панцырь смѣнился болѣе легкимъ покровомъ, дозволившимъ рыбѣ избѣгать опасности при помощи быстроты движеній. Конечно, главная роль при плаваніи принадлежитъ хвостовому плавнику, боковые плавники дополняютъ его дѣятельность; опусканіе же ко дну и поднятіе рыбы на поверхность воды обыкновенно считаютъ зависящимъ отъ спеціальнаго для этого органа — плавательнаго пузыря.

Съ этимъ органомъ всякій изъ читателей знакомъ, такъ какъ онъ находится въ видѣ весьма замѣтной составной части внутренностей у нашихъ обыкновенныхъ съѣдобныхъ рыбъ. Главнѣйшею его ролью считаютъ способствованіе поднятію и опусканію въ водѣ. Рыба, сжимая мускулы, залегающіе въ стѣнкахъ плавательнаго пузыря, уменьшается въ объемѣ, причемъ ея удѣльный вѣсъ (отношеніе ея вѣса къ вѣсу воды равнаго ей по объему) увеличивается, вслѣдствіе чего она тонетъ, погружается въ водѣ. Наоборотъ, ослабляя мышцы пузыря, рыба всплываетъ на поверхность воды вслѣдствіе уменьшенія своего удѣльнаго вѣса. Далѣе возможно, что рыба, сжимая только переднюю часть его, дѣлаетъ тяжелѣе лишь переднюю часть своего тѣла, которая и опускается книзу; при сжатіи задней половины пузыря происходитъ, понятно, обратное явленіе. Такимъ образомъ рыба при помощи плавательнаго пузыря получаетъ возможность держаться и измѣнять положеніе своего тѣла на любой высотѣ.

Если предположить, что дѣйствительно въ вышесказанномъ заключается назначеніе этого органа, то, въ виду большой важности его функціи, слѣдуетъ ожидать, что каждая рыба его имѣетъ, такъ какъ каждой приходится и опускаться, и подыматься. Но оказывается, что многія рыбы имѣютъ его столь незначительныхъ размѣровъ, что служить для этихъ цѣлей онъ никакъ не можетъ. Далѣе, многіе изъ разсматриваемыхъ водныхъ обитателей даже совсѣмъ его не имѣютъ, какъ напр.: акула, камбала, скатъ, морской скорпіонъ (Cottus), минога и др. Близкіе по своему родству роды рыбъ устроены въ этомъ отношеніи различно. Даже въ одномъ и томъ же родѣ нѣкоторые виды—съ плавательнымъ пузыремъ, тогда какъ другіе лишены его. Въ качествѣ примѣра можно указать на макрель (Scomber-scomber), у которой онъ отсутствуетъ, тогда какъ Scomber pneumatophorus причисляется къ числу счастливыхъ обладателей пузыря. Далѣе, красивая индійская райская рыба (Polynemus paradiseus) не имѣетъ пузыря, всѣ же другіе виды этого рода его имѣютъ.

Понятно, что предположить, будто всѣ лишенныя плавательнаго пузыря рыбы менѣе способны къ движенію въ водѣ сравнительно со своими товарками—никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ и въ числѣ первыхъ есть замѣчательно хорошіе пловцы. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ поднятіе и опусканіе удобно достигается при помощи плавниковъ; одна только акула, кажется, обладаетъ особенно гибкимъ позвоночникомъ, много помогающимъ ей при этомъ.

Если мы обратимъ вниманіе на мускулатуру стѣнокъ плавательнаго пузыря, то съ удивленіемъ замѣтимъ, что она развита иногда очень слабо, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совсѣмъ отсутствуетъ; здѣсь объ измѣненіи объема пузыря не можетъ быть и рѣчи, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ заключенъ въ костяную коробку. Послѣдній, такъ сказать, ударъ общепринятому мнѣнію касательно роли плавательнаго пузыря рыбъ нанесенъ опытами французскаго естествоиспытателя Шарбоннель-Саля, который въ самое послѣднее время доказалъ, что движеніе рыбъ, даже имѣющихъ сокращающійся плавательный пузырь, не зависитъ отъ измѣненія его объема. Этотъ натуралистъ изслѣдовалъ, въ какомъ отношеніи находится измѣненіе давленія воздуха въ этомъ органѣ къ движеніямъ самой рыбы, причемъ понятно, что это измѣненіе давленія воздуха въ немъ можетъ находиться въ зависимости лишь отъ его объема. Если предположить, что общераспространенное мнѣніе справедливо, то при каждомъ увеличеніи давленія воздуха въ пузырѣ, соотвѣтствующемъ его сокращенію и увеличенію удѣльнаго вѣса рыбы, должно ожидать опусканія ея внизъ. Конечно здѣсь приходится принять во вниманіе увеличеніе давленія, происходящее отъ внѣшнихъ причинъ, напр. при опусканіи внизъ вслѣдствіе возрастанія столба производящей давленіе жидкости. Въ виду послѣдняго Шарбоннель производилъ свои опыты слѣдующимъ образомъ. Онъ втыкалъ въ плавательный пузырь живой рыбы (для опытовъ бралъ карповъ, пискарей, щукъ и окуней) тонкую, внутри пустую иглу и соединялъ послѣднюю при помощи каучуковой трубки съ такъ-называемымъ барабаномъ Марреи. Этотъ приборъ, часто употребляемый при физіологическихъ опытахъ, состоитъ изъ цилиндрической металлической коробки, вмѣсто одной изъ стѣнокъ которой натянута каучуковая пластинка; внутрь этой коробки ведетъ узкая трубка, съ которой можно соединить каучуковую трубочку. Всякое измѣненіе давленія внутри плавательнаго пузыря поведетъ къ измѣненію давленія внутри барабана; послѣднее же выразится колебаніемъ каучуковой перепонки. Колебанія пластинки записываются на вращающемся цилиндрѣ посредствомъ штифта, соединеннаго съ нею при помощи рычага. Чтобы опредѣлить, насколько эти измѣненія зависятъ отъ измѣненія пассивнаго давленія (не зависящаго отъ рыбы, а отъ внѣшнихъ причинъ), Шарбоннель прикрѣплялъ къ спинѣ рыбъ эластичный мѣшокъ, который онъ также соединялъ съ другимъ показателемъ Марреи. Понятно, что всѣ измѣненія давленія внутри этого резервуара, могутъ зависѣть лишь отъ измѣненія давленія пассивнаго, причемъ двѣ одновременно получающіяся кривыя позволяютъ судить о томъ, имѣется-ли въ плавательномъ пузырѣ активное измѣненіе давленія, зависящее отъ воли животнаго.

При этихъ опытахъ въ результатѣ оказалось, что, пока рыбы спокойно плавали въ резервуарѣ, обѣ кривыя получались вполнѣ тожественныя, что показывало отсутствіе активнаго измѣненія давленія воздуха въ плавательномъ пузырѣ, при чемъ и участіе послѣдняго при движеніи не обнаруживалось. Если же рыба производила рѣзкія движенія, то легко было подмѣтить внезапное повышеніе давленія въ пузырѣ, что конечно происходило отъ сокращенія мускуловъ, приводящихъ въ движеніе хвостовой плавникъ. Но эти явленія не соотвѣтствовали погруженію рыбы: они одинаково часто обнаруживались въ этомъ случаѣ, равно какъ и при поднятіи на поверхность. Это указываетъ, что сжатіе плавательнаго пузыря не находится въ причинной связи съ опусканіемъ рыбы и что, слѣдовательно, движенія ея въ водѣ происходятъ безъ содѣйствія этого органа.

Эти прекрасные опыты дѣлаютъ значеніе плавательнаго пузыря крайне загадочнымъ, убѣждая насъ лишь въ томъ, что гидростатическія его свойства могутъ быть лишь случайными. Какое же значеніе приписать этому странному органу?

Американскій изслѣдователь Чарльзъ Моррисъ пытается отвѣтить на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что плавательный пузырь представляетъ собою остатокъ прежняго дыхательнаго органа. Изъ исторіи развитія давно уже извѣстно сотвѣтствіе между пузыремъ и легкими высшихъ позвоночныхъ животныхъ: и тотъ, и другія развиваются изъ мѣшкообразнаго углубленія части кишечника. У большинства взрослыхъ рыбъ, напр. у окуня, полость пузыря вполнѣ замкнута и совершенно отдѣлена отъ полости кишечника, но во многихъ случаяхъ, напр. у карповъ, происхожденіе его вышеупомянутымъ образомъ находитъ и въ позднемъ возрастѣ выраженіе въ томъ, что онъ соединяется трубкообразнымъ придаткомъ съ пищеводомъ. Можетъ быть нѣкоторымъ приходилось въ дѣтствѣ забавляться щелканіемъ при раздавливаніи плавательныхъ пузырей; замѣтили, вѣроятно, что одни издаютъ при этомъ громкій трескъ, тогда какъ отъ пузыря другихъ рыбъ этого удовольствія получить не удавалось. Вышеупомянутая трубка сообщается съ наружнымъ воздухомъ, отчего и получила названіе воздушнаго хода. Рыбы безъ этого хода во взросломъ состояніи—имѣли его будучи въ зародышѣ. Существуютъ также рыбы, имѣющія, такъ сказать, ложный воздушный ходъ, ибо вслѣдствіе заростанія внутренней полости онъ не можетъ уже проводить воздухъ. Послѣдній случай очевидно представляетъ переходъ къ неимѣющимъ воздушнаго хода. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ мы въ правѣ предположить, что предки нашихъ рыбъ безъ воздушнаго хода—нѣкогда имѣли таковой, причемъ сохранившія его до настоящаго времени въ палеонтологическомъ отношеніи представляютъ болѣе древнюю стадію въ исторіи развитія.

Сходство между плавательнымъ пузыремъ и легкими основывается не только на эмбріологическихъ данныхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ подтверждается даже со стороны физіологіи. Такъ выяснено, что рыбы относящіяся къ роду карповъ—пользуются имъ для дыханія и даже погибаютъ, если имъ какъ-нибудь въ этомъ воспрепятствовать: если перевязать воздушный ходъ ниткою или растянуть въ водѣ сѣть, препятствующую имъ выплывать на поверхность воды,—онѣ задыхаются. У такъ-называемыхъ двоякодышащихъ рыбъ плавательный пузырь дѣйствуетъ вполнѣ замѣняя легкія. Это приспособленіе оказываетъ имъ громадную услугу, позволяя существовать въ жаркое время года, когда рѣчки, въ которыхъ онѣ живутъ въ Африкѣ, совершенно пересыхаютъ. Плавательный пузырь у нихъ одиночный, или-же въ видѣ двухъ рядомъ лежащихъ мѣшковъ съ ячееобразными выступами внутри. Уже поэтому они близко подходятъ къ легкимъ, причемъ не лишено значенія, что ихъ воз-

душный ходъ открывается на брюшной сторонѣ пищевода, тогда какъ у другихъ рыбъ — на спинной. Впрочемъ, найдены промежуточныя звенья между тѣмъ и другимъ, у которыхъ онъ открывается сбоку пищеварительной трубки.

Устройство плавательнаго пузыря, приближающее его къ легкимъ, встрѣчается также у нѣкоторыхъ другихъ рыбъ; такъ въ Сѣверной Америкѣ водится рыба, носящая названіе Lepidosteus, съ пузыремъ, раздѣляющимся вдоль на двѣ полости съ цѣлой массой мелкихъ ячеекъ внутри. Всѣ эти приспособленія, вызванныя, какъ и у легкихъ, стремленіемъ увеличить поверхность соприкосновенія воздуха съ кровеносными сосудами для полнаго окисленія крови животнаго,—встрѣчаются нерѣдко.

Всѣ эти факты заставляютъ Морриса признать плавательный пузырь за выродившійся органъ (и именно легкія), который теперь находится на степени постепеннаго исчезанія, причемъ удержался онъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приспособился къ какой-нибудь новой дѣятельности, одною изъ коихъ является измѣненіе удѣльнаго вѣса рыбы.

Можно указать на различныя еще функціи плавательнаго пузыря. Такъ-называемая барабанъ-рыба (Pogonias chomis) получила свое названіе благодаря способности издавать звуки, которые нашли схожими со звукомъ отдаленнаго барабана. Вѣроятно это происходитъ отъ тренія глоточныхъ зубовъ, причемъ плавательный пузырь играетъ роль резонатора, усиливающаго звукъ. Другая рыба Trigla издаетъ родъ ворчанія, производя это мускулами плавательнаго пузыря, стѣнки котораго богато снабжены ими. У карповъ отъ передней половины пузыря идетъ цѣпь состоящая изъ трехъ косточекъ, къ ушному лабиринту, такъ что пузырь замѣняетъ здѣсь барабанную перепонку. Замѣчательно тонкій слухъ этихъ рыбъ, благодаря которому ихъ можно пріучить на звукъ колокола приплывать для ѣды (какъ это можно видѣть въ Нижнемъ саду въ Петергофѣ, на большомъ прудѣ у дворца Марли), легко объясняется вышеприведенною особенностью устройства плавательнаго пузыря. Въ качествѣ подтвержденія того, что это органъ — вырождающійся, слѣдуетъ указать на разнообразіе въ величинѣ и строеніи его, тогда какъ этого не бываетъ съ органами, продолжающими нести опредѣленную и важную обязанность. Да это и будетъ вполнѣ понятно, такъ какъ, обязанные своимъ происхожденіемъ естественному подбору, они удерживаются по причинѣ своей полезности для организма послѣдующими поколѣніями; утративъ-же свое значеніе, они наслѣдственностью больше не закрѣпляются, потому что не даютъ никакихъ преимуществъ въ жизненной борьбѣ.

Остается теперь выяснить, каковы были причины, обусловившія развитіе и опять исчезновеніе этихъ органовъ воздушнаго дыханія у рыбъ.

На это Моррисъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Извѣстно, что суша сдѣлалась обитаемою задолго до появленія позвоночныхъ животныхъ. На это указываютъ находки насѣкомыхъ въ древнѣйшихъ пластахъ силурійской и девонской формаціи, и присутствіе ихъ даетъ право предположить, что на землѣ тогда была уже и растительная, и животная пища, причемъ едва-ли можно допустить, что наиболѣе высокоразвитыя рыбы оставались въ этомъ случаѣ простыми зрителями и не пытались воспользоваться находящеюся на сушѣ пищею. Зарастаніе воды тиною и высыханіе заливовъ должно было способствовать развитію органовъ, дозволявшихъ имъ дышать внѣ воды. Что это возможно, легко видѣть изъ того, что существуютъ рыбы, проводящія иногда нѣкоторое время на сушѣ. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ является Anabas scandens (лазящая рыба), обитающая въ рѣкахъ или болотахъ Индіи и влѣзающая, по словамъ описывающаго ее Дольдорфа, даже на деревья. Такого рода путешествія для нея возможны потому, что каждая ея жаберная полость соединяется съ другою, въ которой находится органъ, образованный многочисленными костяными пластинками покрытыми слизистою оболочкою, причемъ, по новѣйшимъ воззрѣніямъ, органъ этотъ вполнѣ замѣняетъ легкія. Также можетъ долгое время оставаться на сушѣ маленькая рыбка Periophtalmus Koelreuteri, которая, при преслѣдованіи насѣкомыхъ, дѣлаетъ при помощи своихъ брюшныхъ и хвостовыхъ плавниковъ преумопрительные прыжки. Особаго приспособленія для воздушнаго дыханія подмѣтить у нея не удалось, но чрезвычайно узкія жаберныя щели предохраняютъ жабры отъ быстраго высыханія, что также относится къ нашему обыкновенному угрю, дозволяя ему безъ особаго для себя вреда находиться долгое время на сушѣ.

Если даже въ настоящее время, когда суша переполнена опаснѣйшими врагами, нѣкоторыя рыбы рѣшаются выходить на нее, то это дѣлается вполнѣ вѣроятнымъ для той эпохи, когда отсутствіе позвоночныхъ животныхъ дозволяло менѣе рисковать при этомъ. Поэтому Моррисъ предполагаетъ, что раньше гораздо большее число рыбъ покидало свою родную стихію, чтобы заняться охотою на берегу. Образованіе легкихъ, изъ которыхъ затѣмъ развился плавательный пузырь, произошло сначала въ видѣ впячиванія части пищевода, отъ котораго они отдѣлялись лишь складкою слизистой оболочки. Такое устройство можно найти и въ настоящее время у близкой къ лазящей рыбѣ—Ophiocephalus. Далѣе изъ этой формы развился мѣшкообразный органъ съ узкимъ отверстіемъ въ полость глотки, затѣмъ шагъ за шагомъ все это перешло въ плавательный пузырь въ его настоящемъ видѣ, съ воздушнымъ ходомъ, слоемъ мышцъ и сѣтью капилларовъ. При помощи различныхъ переходныхъ формъ, изъ коихъ многія сохранились до настоящаго времени, мы доходимъ до полнаго измѣненія легкихъ, съ которыми въ настоящее время встрѣчаемся еще у двоякодышащихъ.

Вѣроятно при началѣ каменноугольной эпохи такихъ рыбъ было много и онѣ подолгу выходили на берегъ. Конечно весь этотъ процессъ шелъ рука объ руку съ измѣненіемъ плавниковъ, которые должны были уступить мѣсто болѣе подходящимъ органамъ для передвиженія по сушѣ,—такъ можно объяснить происхожденіе земноводныхъ или амфибій. Но съ этихъ поръ условія измѣняются и рыбы должны понемногу уступить сушу болѣе примѣнившимся къ ней животнымъ: плавникъ не могъ устоять въ борьбѣ съ ногами и лапами, почему рыбамъ, снабженнымъ легкими, пришлось снова вернуться къ своей стихіи—водѣ. Это въ свою очередь должно было вызвать измѣненіе въ органахъ воздушнаго дыханія, и только нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря особеннымъ условіямъ, могли сохранить легкія; въ большинствѣ-же случаевъ этому органу пришлось примѣниться къ новымъ условіямъ и возложить на себя новыя обязанности.

М. Штауде.

Къ рисункамъ.

Ожиданіе. (Рис. на стр. 1140 и 1141).

Изящная картина г. Ничкаго представляетъ молодую дѣвушку въ костюмѣ первой половины XVI вѣка. Средневѣковое платье въ обтяжку съ нескромнымъ вырѣзомъ лифа уступило мѣсто болѣе широкому и менѣе открывавшему грудь; рукава прикрыли нижнюю часть рукъ, которая съ 1450 года большею частію являлась обнаженною до локтя, гдѣ теперь вмѣсто разрѣза появился перехватъ яркаго цвѣта, наподобіе носимыхъ ландскнехтами. Все еще значительный вырѣзъ груди прикрылся прозрачною тканью. Длинный поясъ спускается на бедро съ прикрѣпленными къ нему ножнами, въ которыхъ спрятанъ ножъ или стилетъ. Молодая дѣвушка стоитъ у окна съ мелкимъ свинцовымъ переплетомъ оконныхъ рамъ, поджидая кого-то дорогаго ея сердцу...

Этюдъ. (Рис. на стр. 1145).

Однимъ изъ популярнѣйшихъ нѣмецкихъ художниковъ считается Антонъ-фонъ-Вернеръ, творецъ „Провозглашенія Германской имперіи въ Версалѣ“ и „Берлинскаго конгресса“. Какъ образчикъ его тонкаго письма и изящнаго рисунка можетъ служить прелестный этюдъ головы старика, помѣщенный на стр. 1145.

Свадебный поѣздъ на Москвѣ (въ XVII вѣкѣ). (Рис. на стр. 1148).

Художникъ очень удачно возсоздалъ одну изъ частыхъ московскихъ уличныхъ сценъ добраго стараго времени. По узкимъ, искривленнымъ, извилистымъ и холмистымъ улицамъ той части Москвы, которая носила названіе „Деревяннаго города“ (въ отличіе отъ Бѣлаго, отъ Китай-города и Кремля) и состояла изъ посадовъ и подгородныхъ слободъ, вошедшихъ въ черту города — тянется длинный свадебный поѣздъ. Въ переднемъ возкѣ, обитомъ снаружи пестрыми коврами и ярко расписанномъ, сидятъ невѣста со свахой, тщательно укрытыя отъ посторонняго глаза. Пара сытыхъ добрыхъ коней, запряженныхъ гусемъ, тащитъ возокъ по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ и возница бойко помахиваетъ на коней длиннымъ *гусевымъ* кнутомъ. О-бокъ возка невѣсты, верхомъ на нарядномъ конѣ, ѣдетъ *дружка* невѣсты — главный оберегатель всего поѣзда. Въ слѣдующихъ за возкомъ саняхъ ѣдутъ поѣзжане — родственницы и подружки невѣсты. По сторонамъ поѣзда ѣдутъ нарядные слуги, неся въ рукахъ толстыя (такъ-называемыя, *ослопныя*) свѣчи, не для освѣщенія пути поѣзда, а для того, чтобы свѣтомъ благословенной свѣчи согнать съ пути поѣзда всякую нечисть. По пути поѣзда, всѣ жители, а въ особенности жительницы — спѣшатъ навстрѣчу поѣзжанамъ и стараются узнать— кто ѣдетъ на вѣнчанье, и къ какой церкви направляется поѣздъ? Гдѣ ждетъ невѣсту нетерпѣливый женихъ? Всѣхъ разбираетъ любопытство — всѣмъ хочется воспользоваться хоть малою частицею чужаго счастья и радости.

А вдали, надъ скученною массою занесенныхъ снѣгомъ деревянныхъ домовъ, заборовъ и убогихъ храмовъ виситъ угрюмый зимній сумракъ; деревья садовъ покрыты толстой корой серебристаго инея; галки съ крикомъ кружатся надъ одинокими главами церквей и крышами домовъ, темными пятнами мелькая на мутно-сѣромъ небѣ.

Крыша вагона-столовой, поддерживаемая на подпоркахъ послѣ крушенія. Вагонъ Августѣйшихъ дѣтей.

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября близъ станціи Борки. Вагонъ Августѣйшихъ дѣтей (съ другой стороны).

Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

Литературный альбомъ. „Полтава“, Пушкина. Кочубей въ темницѣ. (Рис. на стр. 1149).

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ,
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье:
Въ одной изъ башенъ подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь; но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни...

Новый президентъ С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, генералъ Веніаминъ Гаррисонъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

„Сосна“, стих. М. Ю. Лермонтова.

(Рис. на стр. 1152).

Въ альбомѣ, принадлежавшемъ Лермонтову и относящемся къ 1840 году, находится автографъ прелестнаго восьмистишія „Сосна“. Оно напечатано было впервые уже по смерти поэта, въ январской книгѣ *Отечественныхъ Записокъ* за 1842 годъ. Самъ поэтъ его не помѣстилъ въ первомъ изданіи своихъ стихотвореній, процензурованныхъ 13 авг. 1840 года. Надо предполагать, что „Сосна“, этотъ прелестный переводъ стихотворенія Гейне, былъ поэтомъ написанъ уже въ концѣ года, когда онъ въ послѣдній разъ прибылъ въ Петербургъ. Любопытно, что въ альбомѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ, на одномъ листѣ съ автографомъ находится также и легкій карандашный набросокъ, сдѣланный самимъ поэтомъ. Набросокъ этотъ служитъ коментирующею иллюстраціею стихотворенія.

На первомъ планѣ, на льдистой вершинѣ, поэтъ изобразилъ сосну и далеко-далеко, за неопредѣленною туманною далью, силуэтъ одинокой пальмы на горючемъ песчаномъ утесѣ. Къ ней, не то въ туманѣ, не то въ облакахъ пыли, скачетъ всадникъ, будто аллегорическое изображеніе безпокойной мысли поэта, несущейся изъ полунощнаго сѣвернаго края въ сторону южную. Жажда любящей души, порывъ ея къ недосягаемой цѣли, отражается въ этомъ наброскѣ, коментирующемъ состояніе поэта. Выполненъ этотъ набросокъ художникомъ К. А. Газенкампфомъ.

Въ альбомѣ находится также и первая попытка перевода, сдѣланная Лермонтовымъ и снабженная эпиграфомъ изъ Гейне.

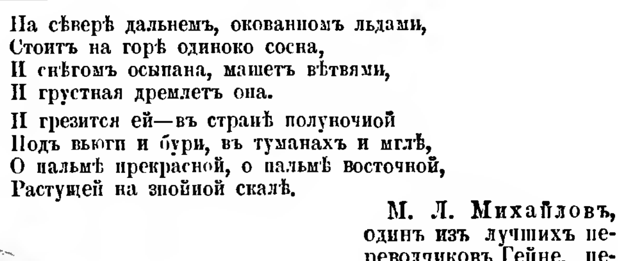
Ein Fichtenbaum steht einsam
In Norden auf kahler Höh.
(*Heine*).

На хладной и голой вершинѣ
Стоитъ одиноко сосна,
И дремлетъ... подъ снѣгомъ сыпучимъ
Качаяся дремлетъ она.

Ей снится прекрасная пальма
Въ далекой восточной землѣ,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скалѣ.

Изъ этого наброска выработалось въ окончательномъ видѣ извѣстное всѣмъ стихотвореніе.

Въ нашей литературѣ многіе переводчики Гейне пытались перевести знаменитое стихотвореніе, не смущаясь мыслью, что имъ приходится бороться со стихомъ Лермонтова. Перевелъ стихотвореніе Грековъ:

На сѣверѣ дальнемъ, окованномъ льдами,
Стоитъ на горѣ одиноко сосна,
И снѣгомъ осыпана, машетъ вѣтвями,
И грустная дремлетъ она.

И грезится ей—въ странѣ полуночной
Подъ вьюги и бури, въ туманахъ и мглѣ,
О пальмѣ прекрасной, о пальмѣ восточной,
Растущей на знойной скалѣ.

М. Л. Михайловъ, одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ Гейне, перевелъ стихотвореніе такъ:

На сѣверномъ голомъ утесѣ
Стоитъ одинокая ель.
Ей дремлется. Сонную снѣжнымъ
Покровомъ одѣла мятель.

И ели мерещется пальма,
Что въ дальней восточной землѣ
Одна молчаливо горюетъ
На зноемъ сожженой скалѣ.

А. Н. Майковъ передаетъ стихотвореніе нѣмецкаго поэта въ слѣдующей формѣ:

Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ,
Кедръ одинокій въ пустынѣ стоитъ.
Дремлетъ, могучій, подъ пѣснями вьюги,
Дремлетъ и видитъ—на пламенномъ Югѣ
Стройная пальма растетъ и, съ тоской,
Смотритъ на Сѣверъ его ледяной.
(1867 г.)

Здѣсь вмѣсто сосны является кедръ. Чуткій къ пониманію поэзіи и большой знатокъ Гейне, покойный М. В. Праховъ указывалъ на недостатокъ Лермонтовскаго перевода, который онъ все же признавалъ прекраснымъ. Недостатокъ онъ видѣлъ въ томъ, что Лермонтовымъ не переданъ оттѣнокъ въ поэзіи Гейне, у котораго сосна—ein Fichtenbaum—поставлена въ мужскомъ родѣ, ей противуположна пальма—женскаго рода. Поэтому Праховъ предлагалъ вмѣсто сосны поставить *кедръ* и самъ попытался перевести стихотвореніе.

Одинокъ на обрывѣ утеса
Кедръ царственный гордо стоитъ;
Подъ плачъ завывающей вьюги
Весь въ инеѣ тихо онъ спитъ.
И все ему грезится пальма
Въ далекой восточной землѣ —
Стоитъ сиротой позабытой
Подъ солнцемъ на знойной скалѣ. (1867 г.).

П. И. Вейнбергъ въ противуположность пальмѣ ставитъ въ своемъ переводѣ „дубокъ“.

На сѣверной, горной вершинѣ
Дубокъ одинокій стоитъ;
Онъ дремлетъ—и льдомъ и снѣгами,
Какъ бѣлымъ покровомъ покрытъ.

И бѣдному грезится пальма,
Что въ дальней, восточной землѣ
Нѣма, одинока горюетъ
На солнцемъ сожженной скалѣ.

Вѣроятно найдутся и еще попытки.

Пав. Висковатовъ.

Катастрофа 17 октября.

(Рис. на стр. 1153, 1156, 1157 и 1160).

Для уясненія прилагаемыхъ рисунковъ, изображающихъ части разбитаго поѣзда въ томъ видѣ какъ онѣ представлялись въ первые дни послѣ катастрофы, напомнимъ читателямъ мѣсто событія. На седьмой верстѣ отъ „Борокъ“ имѣется насыпь протяженіемъ въ 250 саж.; насыпь эта устроена въ глубокой балкѣ и имѣетъ высоту въ 5,8 саж., а ширину на по-

лотнѣ въ 4,00 саж., оба откоса имѣютъ 7½ саж.; съ правой стороны по пути отъ Лозовой на Харьковъ имѣется у основанія насыпи небольшое озеро, образующееся ежегодно отъ стока весеннихъ и осеннихъ водъ, а съ лѣвой стороны — глубокая ложбина; вокругъ нея степь, нигдѣ ближе шести верстъ нѣтъ жилья. Императорскій поѣздъ шелъ въ составѣ двухъ локомотивовъ: первый Зигля, второй Струве, съ тендерами, и четырнадцати вагоновъ различной величины и тяжести. Послѣ катастрофы всѣ эти части поѣзда приняли слѣдующее положеніе.

Первый паровозъ (см. рис. на стр. 1153) стоитъ на рельсахъ, врѣзавшись въ песокъ; за нимъ *тендеръ* въ такомъ-же положеніи. *Второй паровозъ* стоитъ въ такомъ-же положеніи, какъ и первый, но колеса его находятся не на рельсахъ; за нимъ тендеръ въ такомъ-же положеніи.

Багажный вагонъ, въ которомъ помѣщался паровой двигатель и динамо-электрическая машина для освѣщенія поѣзда, сошелъ съ рельсовъ и задняя часть его разбита.

Оба тендера и второй паровозъ накренились налѣво, считая отъ Ростова къ Харькову.

Минуя на этотъ разъ буфетъ и слесарную, вагонъ министра Путей Сообщенія, кухню, поварскую и вагонъ для служителей, переходимъ прямо къ столовой Ихъ Величествъ. По краямъ этого вагона были расположены небольшія помѣщенія въ видѣ буфетовъ. Вагонъ этотъ почти совершенно уничтоженъ. Передняя часть крыши оторвана. Стѣнки и полъ его хотя и уцѣлѣли, но лежатъ отдѣльно отъ вагона въ разныхъ мѣстахъ, недалеко другъ отъ друга (см. рис. на стр. 1157). Только одна поперечная стѣнка не оторвалась отъ уцѣлѣвшей части крыши, которая съ другой стороны поддерживается на подставленныхъ послѣ крушенія деревянныхъ подпоркахъ (рис. на стр. 1160). Прикрѣпленная къ крышѣ стѣнка лежитъ плашмя. Принадлежностей въ этомъ вагонѣ почти совсѣмъ нѣтъ, остались только неоторванными бронзовыя вѣшалки на помятой и поломанной стѣнкѣ. Ни „телѣжки“, ни колесъ, ни буферовъ отъ этого вагона не видно. Лежитъ онъ на полотнѣ дороги, повернутый бокомъ. Телѣжка, вырванная толчкомъ изъ-подъ вагона, изображена на стр. 1156.

За столовой слѣдуетъ *Велико-Княжескій вагонъ* (см. рис. на стр. 1157 и 1160). Катучая телѣжка съ колесами оторвалась и отброшена въ сторону, самый вагонъ среднею частью своею лежитъ на „бровкѣ“ (по границѣ полотна дороги и откоса); поперечныхъ стѣнокъ въ немъ нѣтъ, одна изъ нихъ вошла въ вагонъ, другая лежитъ въ сторонѣ отъ вагона, такъ что внутренность вагона видна съ той и другой стороны. Одинъ конецъ этого вагона лежитъ на грудѣ обломковъ разныхъ металлическихъ частей (рессоръ, колесъ, осей и др.) и приподнятъ сравнительно высоко, другой же конецъ свѣшивается съ насыпи. Вагонъ этотъ былъ раздѣленъ на три отдѣленія; стѣны крайнихъ отдѣленій убраны темносинимъ сафьяномъ, а среднее отдѣлано зеленою шелковою матеріей. Мягкая мебель въ этомъ вагонѣ почти вся сохранилась. Изъ этого вагона, какъ извѣстно, была выброшена силою толчка Великая Княжна Ольга Александровна безъ малѣйшаго ушиба.

Глядя на эти изображенія разбитыхъ вдребезги столовой и Велико-Княжескаго вагона, какъ бы въ очію видишь, какое чудо совершилъ Всемогущій Богъ, спася драгоцѣнную жизнь нашего обожаемаго Монарха и Его Августѣйшей Семьи.

Остальныя части поѣзда будутъ изображены въ слѣдующемъ № *Нивы*.

Новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. (Портр. на стр. 1161).

Веніаминъ Гаррисонъ, только что избранный въ президенты Соединенныхъ Штатовъ, сынъ мистера Джона Скотта Гаррисона и внукъ генерала Вильяма Генри Гаррисона, девятаго президента Соединенныхъ Штатовъ, родился 8 (20) августа 1833 года въ домѣ своего дѣда, въ Сѣверномъ Бердѣ, въ Огайо. Онъ воспитывался въ академіи Кари, близъ Синсинати, и въ университетѣ Майэми, въ Оксфордѣ, въ Огайо. Затѣмъ онъ изучалъ въ теченіе 2 лѣтъ правовѣдѣніе въ Синсинати. Въ октябрѣ 1853 г., еще не достигнувъ совершеннолѣтія, онъ женился на К. Л. Скоттъ, дочери преподобнаго И. В. Скотта, изъ Оксфорда въ Огайо. Отъ этого брака у него родились сынъ съ дочерью. Генералъ Гаррисонъ, избранный въ депутаты въ Индіанополисѣ въ 1854 г., началъ свою дѣятельность на политическомъ поприщѣ съ 1856 г., въ качествѣ республиканскаго оратора. Въ 1860 г. онъ былъ выбранъ докладчикомъ Верховнаго суда въ Индіанѣ. Когда вспыхнула междоусобная война, онъ былъ назначенъ полковникомъ и по окончаніи войны вернулся бригаднымъ генераломъ. Въ 1864 году онъ снова былъ избранъ докладчикомъ суда въ Индіанѣ. Съ 1881 по 1887 г. онъ былъ сенаторомъ.

Политическое обозрѣніе.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ аѳинскихъ юбилейныхъ торжествъ, Данія празднуетъ 25-лѣтіе благополучнаго царствованія своего государя, короля Христіана IX. Державный родитель Государыни Императрицы, короля Греческаго и герцогини Вельсской, принцъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскій, женатый съ 1842 года на принцессѣ Луизѣ, племянницѣ Датскаго короля Христіана VIII, вступилъ на престолъ 3 ноября 1863 года, по смерти сына Христіана VIII. Фридриха VII.

Четверть вѣка уже маленькая страна находится подъ просвѣщеннымъ управленіемъ Христіана IX, отнюдь не теряясь среди великихъ державъ, съ дворами коихъ онъ связанъ тѣсными узами родства или дружбы. Россія, въ лицѣ Наслѣдника Русскаго престола, привѣтствуя маститаго короля, пламенно желаетъ долгоденствія и счастливаго царствованія вѣнценосному родителю Государыни Императрицы, во славу и на благо Даніи.

Первый министръ Англіи маркизъ Солсбери, на банкетѣ, ежегодно устраиваемомъ лордомъ-мэромъ въ Гильдголлѣ, произнесъ рѣчь о нѣкоторыхъ событіяхъ послѣдняго времени и о современномъ политическомъ состояніи Европы. Отвѣчая на тостъ въ честь министерства, глава англійскаго кабинета сказалъ: „Возстаніе въ Афганистанѣ подавлено и нѣтъ никакого повода опасаться недостатка лояльности со стороны нашихъ сосѣдей. Сдѣланный Персидскимъ шахомъ шагъ, который открылъ торговлѣ единственную судоходную рѣку въ Персіи, весьма благоразуменъ. Мѣра эта состоялась не только въ пользу Англіи, но и всего міра; она обозначаетъ начало политики, благодаря которой Персія можетъ быть призвана къ новой жизни. Небольшія войны въ Черныхъ Горахъ, въ Сиккимѣ и на побережьи Восточной Африки имѣютъ лишь временный характеръ и не заслуживаютъ почти никакого вниманія. Только событія подъ Суакимомъ того заслуживаютъ, но и тамошнее положеніе не возбуждаетъ опасенія, хотя и доказываетъ, что Англія не исполнила еще принятыхъ на себя передъ Египтомъ обязательствъ. Границы Египта должны быть обезпечены къ тому желанному дню, когда наша отвѣтственность по отношенію къ этому краю прекратится“. Въ заключеніе маркизъ Солсбери выразилъ мнѣніе, что всѣ Европейскія правительства желаютъ мира. Ораторъ надѣется, что и впредь они будутъ стремиться къ тому же. Единственнымъ предметомъ заботы является то, какъ бы взрывъ народныхъ чувствъ не увлекъ за собою правительства. Другимъ предметомъ опасеній служатъ усиливающіяся вооруженія. „Это, однако — продолжалъ ораторъ — не ослабляетъ нашей увѣренности въ мирѣ, но мы, соотвѣтственно желаніямъ народа, должны тоже быть готовыми на всякій случай. Въ другихъ народахъ вооруженія также должны возбуждать опасенія, потому что хотя правительства предпочитаютъ миръ, но часть населенія ревностно желаетъ войны. Что касается насъ, то, ставя миръ выше всего, мы являемся представителями народа, который въ этомъ отношеніи вполнѣ единодушенъ“. Это довольно туманное указаніе на миролюбивое настроеніе въ Европѣ—не должно отвлекать вниманіе отъ заявленія маркиза о благоразумномъ шагѣ шаха Персидскаго. Открытіе свободнаго судоходства всѣмъ націямъ по рѣкѣ Каруну, въ сущности, есть новый шагъ для просвѣщенныхъ мореплавателей въ Персію, такъ какъ они, пользуясь монополіей судоходства по Тигру и Ефрату, одни только въ состояніи посылать суда въ Карунъ. Замѣчательно, что это событіе совершилось въ отсутствіе князя Долгорукова, русскаго посла при Персидскомъ дворѣ, ѣздившаго на Кавказъ во время пребыванія тамъ Государя Императора.

Не много интересныхъ политическихъ извѣстій долетаетъ въ Европу изъ-за океана. Но за послѣднее время президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Всѣхъ интересовалъ вопросъ, кто одержитъ верхъ: бывшій-ли глава союза „демократъ“ Гроверъ Кливландъ, или республиканскій кандидатъ генералъ Гаррисонъ. Кому достанется власть: „демократамъ“-ли, когда-то бывшимъ сторонникамъ невольничества и автономіи отдѣльныхъ штатовъ, или „республиканцамъ“, прежнимъ поборникамъ освобожденія чернокожихъ и сторонникамъ государственнаго единства республики, но къ сожалѣнію запятнавшимъ себя въ послѣдніе годы нахожденія у государственныхъ дѣлъ взяточничествомъ и другими далеко не доблестными поступками. Эти-то дѣйствія республиканцевъ и были причиною, что 3 года тому назадъ власть перешла къ демократамъ; нынѣ же она снова въ рукахъ республиканцевъ, одержавшихъ надъ своими противниками полную побѣду. Гаррисонъ выбранъ президентомъ.

Смѣсь.

Билетъ въ оперу. Когда, 16 апрѣля 1847 года, шла въ первый разъ въ Парижѣ опера Мейербера „Пророкъ“, наплывъ публики былъ настолько великъ, что за мѣста платились неслыханныя цѣны и напр. отдѣльные купоны въ ложахъ продавались по 700—800 франковъ. Разсказываютъ по этому поводу много забавныхъ анекдотовъ, обрисовывающихъ безумство, до котораго доходили фана-

тики, желавшіе во что бы то ни стало добыть себѣ билетъ. Но нижеслѣдующій случай, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является русскій, повидимому превосходитъ всѣ остальные.

Обыкновенно героями подобныхъ приключеній привыкли видѣть англичанъ, но на сей разъ это былъ чистокровный русскій, который, получивъ, не безъ труда даваемое въ то время, разрѣшеніе на заграничную поѣздку, примчался съ экстра-почтой въ Парижъ, чтобы присутствовать на первомъ представленіи новой оперы. Однако, не смотря на страшную быстроту, съ которою онъ ѣхалъ день и ночь, бросая пригоршнями деньги почтальонамъ и станціоннымъ смотрителямъ, ему не удалось пріѣхать въ Парижъ раньше чѣмъ въ самый день представленія „Пророка“ и то только въ 6 часовъ вечера. Въ половинѣ седьмаго нашъ меломанъ былъ уже у кассы Большой оперы, но съ ужасомъ узналъ, что уже поздно. Ни за какую цѣну нельзя было получить ни одного мѣста. Даже барышники давно уже распродали всѣ свои билеты за баснословныя суммы. Меломанъ былъ близокъ къ отчаянію. Сознаніе, что тысячи верстъ, сдѣланныя со страшнымъ напряженіемъ, не привели ни къ чему, что теперь, въ послѣднюю минуту, приходится отказаться отъ горячо лелѣяной мечты, было слишкомъ тяжело.

Рѣшившись испробовать всѣ средства, нашъ герой обратился къ одному изъ счастливцевъ, который собирался войти въ коридоръ, ведущій въ ложи.

— Милостивый государь, проговорилъ онъ,—у васъ есть билетъ?

— Разумѣется, сударь.

— Не уступите-ли вы его мнѣ?

— За кого вы меня принимаете, милостивый государь?

— Я бы далъ за него 500 франковъ; я бы далъ за него все что вы потребуете.

Бросивъ презрительный взглядъ на говорившаго, счастливый владѣлецъ билета пошелъ своею дорогой, не удостоивъ его болѣе ни однимъ словомъ.

„Онъ правъ“, сказалъ про себя русскій. „Можно-ли предположить, чтобы счастливецъ, которому удалось получить билетъ на первое представленіе „Пророка“, былъ настолько глупъ, чтобы перепродать его за какую бы то ни было цѣну!“

Въ то время какъ отчаянный меломанъ предавался этимъ размышленіямъ, онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ своему лѣвому жилетному карману. Быстрымъ движеніемъ онъ успѣлъ схватить чью-то руку, которая только что успѣла завладѣть его часами. Воръ тщетно старался высвободиться. Желѣзная рука крѣпко сжимала его руку.

— Ты напрасно сопротивляешься, воскликнулъ русскій,—я сейчасъ передамъ тебя полиціи.

Воръ, убѣдившись, что всякое сопротивленіе излишне, прибѣгнулъ къ мольбамъ.

— Сжальтесь, простоналъ онъ жалобнымъ голосомъ,—пощадите несчастнаго; одна лишь нужда...

— Хорошо, возразилъ русскій, котораго вдругъ осѣнила счастливая мысль.—Я отпущу тебя, но съ условіемъ, чтобы ты досталъ мнѣ билетъ на сегодняшнюю оперу.

— Съ удовольствіемъ добылъ бы, возразилъ воръ,—но гдѣ его возьмешь? у меня нѣтъ билета.

— Такъ что-жь изъ этого! Развѣ у тебя были часы, раньше чѣмъ ты вытащилъ мои? а? Употреби тоже самое средство, чтобы получить билетъ,—только смотри, будь половчѣе.

— Какъ, вы хотите, чтобы я укралъ билетъ!

— Разумѣется, ты стащишь билетъ у перваго проходящаго и получишь за свой трудъ и ловкость 500 франковъ, но съ условіемъ, чтобы ты добылъ мнѣ въ то-же время имя и адресъ лица, у котораго украдешь билетъ.

— 500 франковъ, пробормоталъ воръ,—это стоитъ попытать счастья! Будьте спокойны, господинъ графъ или князь, я съумѣю оправдать ваше лестное довѣріе, прошу только пять минутъ срока.

— Такъ за дѣло! Ты сейчасъ показалъ себя очень неловкимъ; отъ тебя зависитъ возстановить свою репутацію.

И воръ дѣйствительно блестящимъ образомъ загладилъ свою ошибку. Не прошло и пяти минутъ, какъ въ рукахъ русскаго находился желаемый билетъ и небольшой бумажникъ съ визитными карточками несчастнаго, который соединенными усиліями русскаго меломана и парижскаго карманнаго вора, лишенъ былъ возможности присутствовать на этомъ достопамятномъ представленіи.

Русскій уплатилъ вору обѣщанные 500 франковъ и, не чувствуя отъ радости земли подъ ногами, поспѣшилъ занять свое мѣсто.

На слѣдующее утро онъ написалъ своей жертвѣ слѣдующее письмо:

„Милостивый государь! Мнѣ удалось завладѣть вчера вашимъ билетомъ въ оперу, но я чувствую себя слишкомъ обязаннымъ за полученное мною удовольствіе, чтобы не попытаться по крайней мѣрѣ вознаградить васъ за понесенную вами денежную потерю. Такъ какъ мнѣ хорошо извѣстно, что мѣста на это представленіе продавались по весьма высокой цѣнѣ и легко можетъ быть, что вы уплатили 25 луидоровъ, я посылаю вамъ эту сумму съ покорнѣйшею просьбой принять кромѣ того прилагаемый билетъ на второе представленіе „Пророка“. Затѣмъ прошу не брать на себя напраснаго труда узнавать мое имя. Когда вы получите это письмо, меня уже не будетъ въ Парижѣ. Преданный вамъ *Неизвѣстный*.“ (с.)

Во время. Пользующійся въ настоящее время обширною извѣстностію, испанскій поэтъ Труэба, приводившій въ восторгъ своихъ соотечественниковъ своею книгою пѣсенъ, переносилъ въ молодости большія лишенія. Потерявъ, вслѣдствіе банкротства своего хозяина, мѣсто приказчика въ желѣзной лавкѣ, онъ получилъ занятія въ городской ратушѣ и здѣсь въ такой мѣрѣ успѣлъ заслужить общее довѣріе, что былъ избранъ въ число лицъ завѣдывавшихъ рекрутскимъ наборомъ. Несмотря на отвѣтственность этого поста, содержаніе поэта не превышало десяти реаловъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ, при всевозможной экономіи, ему необходимо было тратить не менѣе тринадцати реаловъ. Этотъ ежемѣсячный дефицитъ въ три реала довелъ молодого человѣка до самаго тягостнаго положенія, тѣмъ болѣе безвыходнаго, что самолюбіе не позволяло ему прибѣгать къ помощи друзей.

Убитый и разстроенный, вышелъ онъ въ одно воскресенье изъ своего дома и неожиданно былъ остановленъ какимъ-то землякомъ, который, подойдя къ нему, почтительно освѣдомился, не ошибается-ли онъ, предполагая, что имѣетъ счастье говорить съ дономъ-Труэба. Услышавъ утвердительный отвѣтъ, незнакомецъ отвелъ молодаго человѣка въ сторону и остановился подъ ближайшими воротами.

— Сеньоръ, началъ онъ,—я вижу что вы не узнаете меня; я-же, напротивъ того, помню васъ очень хорошо. Я отецъ одного изъ рекрутъ, котораго въ послѣдній наборъ хотѣли взять неправильно на службу, вмѣсто сына одного богача, подкупившаго коммисара. Я не зналъ къ кому обратиться за помощью, но ваша наружность сразу внушила мнѣ довѣріе. Подойдя къ вашему столу, я откровенно разсказалъ въ чемъ дѣло. Разсказъ мой привелъ васъ въ негодованіе и вы обѣщали помочь мнѣ вернуть мои права. Вы сдержали обѣщаніе, сеньоръ. Черезъ нѣсколько дней я возвращался въ свою деревню вмѣстѣ съ сыномъ, а сынъ богача сталъ солдатомъ. Вы не помните этого?

Труэба молча пожалъ руку старика. Тотъ продолжалъ:

— Возвратясь домой, я сказалъ своему сыну: „Господинъ этотъ, даже не спросивъ откуда мы родомъ, сохранилъ тебѣ восемь лѣтъ работы вблизи отъ твоихъ родителей. Поэтому будетъ вполнѣ справедливо, если мы отдадимъ ему по крайней мѣрѣ заработокъ одного года. Я охотно буду содержать тебя весь этотъ годъ на свой счетъ, съ тѣмъ чтобы все, что ты заработаешь, было отложено, какъ принадлежащее нашему благодѣтелю“. И вотъ, сеньоръ, я принесъ вамъ эти деньги. Тутъ труды одного года; за остальныя семь лѣтъ мы остаемся вашими должниками.

Съ этими словами старикъ вложилъ въ руку поэта кошелекъ, и удалился прежде чѣмъ ошеломленный поэтъ успѣлъ прійти въ себя.

Сумма была такъ велика, что не только вывела поэта изъ настоящаго затруднительнаго положенія, но и на будущее время избавила отъ лишеній.

Когда поэтъ разсказываетъ этотъ случай, онъ всегда прибавляетъ съ отличающею его теплою вѣрой, что до сихъ поръ не знаетъ, былъ-ли старикъ дѣйствительно отецъ рекрута, или посланецъ Милосерднаго Бога, сжалившагося надъ бѣдственнымъ положеніемъ молодаго человѣка. (с.)

Ужинъ въ Отёлѣ. Обычное общество Мольера составляли Буало, Лафонтенъ, Расинъ, композиторъ Люлли, живописецъ Миньяръ и вѣчно веселый поэтъ Шапель. Они собирались то въ Парижѣ, у Буало, то въ сельскомъ уединеніи Отёля, у Мольера. Послѣдній, живой и забавный на сценѣ, въ обществѣ всегда бывалъ разсѣянъ, задумчивъ и молчаливъ.

Однажды вечеромъ Мольеръ почувствовалъ себя нездоровымъ и удалился на покой, поручивъ Шапелю замѣстить себя за столомъ, гдѣ еще оставались пировать его друзья. Шапель, большой охотникъ до вина, такъ усердно угощалъ гостей, что скоро всѣ опьянѣли, не исключая и благоразумнаго Буало. Въ оживленной бесѣдѣ одинъ изъ присутствующихъ привелъ древнее изреченіе, гласящее, что „первое благо въ мірѣ не родиться, второе во время умереть“. Разгоряченные виномъ собесѣдники пустились въ разсужденія на эту тему и горько сѣтовали на неразлучныя съ жизнью страданія. „Всѣ мы жалкіе трусы!“ замѣтилъ Шапель, „отчего бы намъ не положить сразу конецъ и нашимъ сѣтованіямъ, и самой жизни?

Рѣшеніе шахматной задачи № 66 (помѣщенной въ № 41).

Бѣлыя.	Черныя.
1) Кр. h8 — e8	d7 — d5
2) К. f4 — e6++	
1)	d7 — d6 или
2) Ф. e8 — e3++	Кр. c5 — d4
1)	Кр. c5 — b5
2) Л. g6 — g5++	
1)	Кр. c5 — d6
2) Ф. e8 — e7++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— В. Н. Шошина, Н. Шипицына, Е. Будаговой, **Москва**—И. Гвоздичкина, **Богатое** — А. Алфеева, **Вологда** — Н. А. Обнорскаго, **Лососны — А.** Вильбушевичъ, **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Исады** — В. Н. Кожина, **Кіевъ**—А. П. Шульженко, **Малмыжъ**—Свящ. Помосова, **Николаевъ**— Дебагорій-Мокріевичъ, **Орелъ** — Брадецкаго, Ф. Гейнцъ, **Рига**—С. Шмелева, **Смоленскъ** — В. Рожинскаго, Б. Турцевичъ, **Сѣдлецъ**—В. Владимірова, **Шелаевское**— М. Жеребцова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 67 (помѣщенной въ № 41).

Бѣлыя.	Черныя.
1) e 3 — d 4	1) b 2 — c 5
2) h 4 — g 5	2) f 6 — h 4
3) b 4 — a 3	3) e 7 — b 4
4) a 5 — g 7	4) f 8 — h 6
5) a 3 — b 2	5) h 6 — g 5
6) b 2 — e 5	6) g 5 — f 4
7) e 5 — d 4	7) f 4 — e 3
8) d 4 — c 5	8) e 3 — g 1
9) c 5 — b 4	9) h 4 — f 2
10) b 4 — e 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб** —А. А. Поспѣева, Н. К. Панкова, **Москва**—Н. Первухина, **Болховъ**— П. Панина, **Вышгородъ** — Е. Я. Кромина, **Голты**—И. Яновскаго, **Исады**—В. Н. Кожина, **Ковровъ**—Ф. Мавькова, **Касимовъ**— Зворыкина, **Калязинъ**—Малиновскаго, **Мологa** — М. Н. Неустроева, **Медвѣдево**— Лейцингеръ, **Н. Серпуховъ** — В. Дукина, **Орелъ**—Ф. Гейнцъ, **Середа**- **М. В.** Лундышева, **Тверь**—Н. Гусева, **Угличъ**—**М.** Недошивина.

О преміи „НИВЫ“ на 1889 годъ.

Получивъ первые экземпляры главной преміи на будущій 1889 годъ и желая теперь-же познакомить съ нею гг. подписчиковъ, мы разослали ее для выставки въ нижепоименованные книжные магазины и библіотеки, гдѣ желающіе и могутъ видѣть картину. Оригиналъ картины написанъ профессоромъ Имп. Акад. Художествъ **Вл. Д. ОРЛОВСКИМЪ**, а олеографическія копіи съ нея отпечатаны масляными красками, въ 27 тоновъ, въ одномъ изъ лучшихъ заграничныхъ артистическихъ заведеній. Картина точно такого же формата какъ и премія прошлаго года, **т. с. 14¾ вершк. вышины и полтора аршина ширины**, и имѣетъ названіе:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ **„Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера, даетъ намъ** надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ. **„Лѣтній пейзажъ“ проф. В. Д. Орловскаго,** превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, осѣненный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шири облегающей его степи.

Дабы каждый могъ наглядно убѣдиться въ превосходномъ исполненіи копіи, мы выставили ее—въ помѣщеніи Конторы „Нивы“ (Невскій, 6)—**рядомъ съ оригиналомъ.**

Картина разошлется **Гг. годовымъ** подписчикамъ „Нивы“ **(безъ всякой доплаты за перссылку ея)**, въ **октябрѣ 1889 года.**

Картину можно видѣть:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и у книгопродавцевъ: И. П. Анисимова, В. А. Березовскаго, Ф. А. Битепажа. А. И. Бортнезскаго М. О. Вольфа, Глазунова, Дейбнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Луковникова (бывш. Цвылева), Н. Г. Мартынова, А. Я. Панафидина, М. В. Попова, Карла Риккерэ. И. Д. Тяпкина, М. М. Стасюлевича, Тузова, Н. О. Фену, Цинзерлинга, Эггерса и К°., Эриксона, въ кн. маг. „Новаго Времени“, „Народная Польза“, въ конт. объяв. Матисенъ и въ Центральн. конторѣ объявленій Петрика.
„ Москвѣ: въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской (въ Петровскихъ линіяхъ), и у книгопродавцевъ А. Ланга, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, Девяткина, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Леухина, Земскаго, въ кн. маг. насл. бр. Салаевыхъ и „Новаго Времени“.
„ Архангельскѣ: въ Общественн. библ.
„ Астрахани: въ „Прикаспійсн. книжн. магаз.“
„ Баку: у кн. Тараева.
„ Бердянскѣ: въ кн. маг. Гаврилицы и К°.
„ Брестъ-Литовскѣ: въ кн. маг. Варгафтига.
„ Варшавѣ: у книгопр. В. М. Истомина и кн. маг. Карбасникова.
„ Вильно: въ кн. маг. Сыркина и Стракуна.
„ Витебскѣ: у кн. Миндельсона и О. К. Іогансона.
„ Владикавказѣ: въ кн. маг. Червинской.
„ Владимірѣ: въ кн. маг. А. А. Бѣлякина и И. П. Иванова.
Вологдѣ: въ маг. Д. В. Волоцкаго.
„ Воронежѣ: въ кн. маг. М. П. Савостьянова. М. С. Селикгъ и Е. В. Юркевича.
„ Вяткѣ: въ кн. маг. А. И. Залѣсской.
„ Гродно: въ кн. маг. „Народная Польза“.
„ Дерптѣ: въ Русской Библіотекѣ.
„ Динабургѣ: у кн. К. Іозеса и у Я. Падежина.
„ Екатеринбургѣ: въ кн. маг. Пономареба и Н. В. Пироговскаго.
„ Екатеринодарѣ: у кн. П. Т. Галладжіянца.
„ Екатеринославѣ: у кн. Шаффермана и въ кн. маг. Ульмана и К°.
„ Елисаветградѣ: въ кн. маг. И. И. Золотарева.
„ Житомірѣ: у книгопр. Савчука.
„ Иркутскѣ: у книгопродавца Синицына.

Въ Казани: у кн. А. А. Дубровина, З. П. Рязанова. К. П. Алексѣева и въ муз. маг. „Восточная лира.“
„ Калугѣ: въ кн. маг. А. А. Мантейфеля и въ магаз. наслѣдн. Мясникова.
„ Кам.-Подольскѣ: въ кн. маг. Симоновскаго
„ Кишиневѣ: въ кн. маг. М. О. Шаха и Лихтанскаго.
„ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина. Корейво. гг. Гинтера и Малецкаго, Іогансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз.“ и у И. А. Розова.
„ Керчи: въ кн. маг. А. Г. Дервисье.
„ Ковно: въ кн. маг. „Общ. любит. чтенія“. и въ магаз. І. С. Мандельштама.
„ Козловѣ: въ кн. маг. Муравьева и у П. П. Дурново.
„ Костромѣ: въ кн. маг. Бекенева, Д. П. Бѣлянкина и Соколова.
„ Кременчугѣ: въ библ. И. М. Саддъ.
„ Кронштадтѣ: въ кн. маг. „Кроншт. Вѣстн.“ и въ магаз. Бр. Чекуновыхъ.
„ Курскѣ: въ кн. маг. Кашкина, Переплетенко и М. Н. Дружинина.
„ Кутаисѣ: въ кн. маг. Бр. Чиладзе.
Кѣльцахъ: въ магаз. Леонъ и К°.
„ Либавѣ: въ кн. маг. Р. Пуце.
„ Лебедянь (Тамб.): въ магаз. В. Н. Чурилина.
„ Лодзи: у кн. Р. Шатке и Г. М. Стракуна.
„ Ломжѣ: въ магаз. А. Рихтера.
„ Люблинѣ: у кн. Кизеветтера.
„ Минскѣ: въ кн. маг. А. Городенскаго, въ библ. С. Ф. Савицкой и Е. Френкеля.
„ Митавѣ: у книгопр. Бестгорна.
„ Могилевѣ: въ кн. маг. Сыркина.
„ Моршанскѣ: въ кн. маг. М. Прокофьева.
„ Нижн. Новгородѣ: въ кн. маг. „Первая Нижегор. артель“ и библ. Лебедева.
„ Николаевѣ (Херс.) у М. О. Шаха.
„ Новгородѣ: въ кн. маг. И. И. Дорреръ
„ Новочеркаскѣ: въ кн. маг. Г. В. Ананьевой и въ маг. Прокофьева.
„ Одессѣ: у кн. Е. П. Распопова, въ кн. маг. „Новаго Времени“, Аксюка, В. И. Бѣлаго, И. А Розова и В. Г. Суворова.
„ Омскѣ: въ кн. маг. В. М. Орлова.
„ Орлѣ: въ кн. маг. В. Д. Кашкина и въ магаз. „Орловскаго Вѣстника“.
„ Оренбургѣ: въ кн. маг. Н. П. Кудрина.

Въ Острогожскѣ: въ библ. Рѣдкина.
„ Пензѣ: въ кн. маг. Н. А. Магницкаго и С. Н. Алексѣева.
„ Перми: въ кн. маг. О. П. Петровской.
„ Петрозаводскѣ: въ „Алексѣевск. Общ. Библ.“
„ Полтавѣ: въ кн. маг. Бойно-Родзевича и Е. Ф. Богоявленскаго и К°.
„ Полоцкѣ: въ кн. маг. М. А. Екатова.
„ Псковѣ: въ кн. маг. Ю. Вольфрама.
„ Радомѣ: въ магаз. Р. Чарнецкой.
„ Ревелѣ: въ кн. маг. Гг. Клуге и Штремъ и у кн. Вассермана.
„ Ригѣ: въ кн. маг. А. В. Витлина и Н. Киммеля.
„ Ростовѣ-на-Дону: въ кн. маг. Теръ-Абраміана и Романенко.
„ Рязани: въ кн. маг. С. С. Шемаева.
„ Самарѣ: въ кн. маг. Плотникова и Грау.
„ Саратовѣ: въ кн. магаз. „Приволжская книжн. торг.“
„ Севастополѣ: въ кн. маг. О. А. Протопоповой.
„ Симбирскѣ: въ кн. маг. К. И. Юргенса.
„ Симферополѣ: въ кн. маг. Н. Туманова и у Н Н. Шматько.
„ Скопинѣ (Ряз.): въ кн. маг. М. Л. Сафонова.
„ Славянскѣ (Хар.): у А. В. Мандрыкина.
„ Смоленскѣ: въ кн. маг. В. Ѳ. Лаврова.
„ Ставрополѣ: въ кн. маг. М. Т. Тимофѣева.
„ Сувалкахъ: въ магаз. С. Левиновской.
„ Таганрогѣ: въ книжномъ маг. Покровскаго и Линицкаго.
„ Тамбовѣ: въ кн. маг. Зотова.
„ Ташкентѣ: въ кн. маг. Шварца.
„ Твери: въ кн. маг. Ахматова (быв. Кашкина).
„ Тифлисѣ: въ кн. маг. „Центральная кн. торг.“, Л. Б. Хиддекель и въ кн. торг. К. А. Бебутова и А. А. Іоаннисіани.
„ Томскѣ: въ кн. маг. Макушина и Михайлова.
„ Тулѣ: въ кн. маг. Л. И. Пузыревскаго и А. Д. Львова.
„ Уфѣ: въ кн. маг. Блохина.
„ Харьковѣ: въ книжн. маг. „Новаго Времени“, Полуехтова, въ магаз. Н. П. Овсянникова, въ библ. Бирюкова и въ конт. Ф. Н. Константинова.
„ Херсонѣ: въ кн. маг. М. О. Шаха.
„ Черниговѣ: въ кн. маг. Данюшевскаго.
„ Череповцѣ: въ кн. маг. Ф. Н. Лаговскаго.
„ Ярославлѣ: въ кн. маг. Кокуева.

Рѣка всего во ста шагахъ отсюда: бросимся въ нее!"—„Браво!" единодушно воскликнуло все общество. Друзья вскочили изъ-за стола, въ послѣдній разъ обнялись и направились къ Сенѣ.

Мольеръ, узнавъ о томъ, поспѣшилъ къ своимъ гостямъ, съ цѣлью отклонить ихъ отъ безумнаго шага. Но онъ скоро убѣдился, что они глухи къ голосу разсудка. „Какъ, друзья мои!" воскликнулъ онъ тогда: „вы принимаете геройскую рѣшимость, но не хотите, чтобы и я былъ съ вами! Или вы полагаете, что я меньше васъ презираю жизнь?"—„Онъ правъ", замѣтилъ Шапель: „и мы передъ нимъ виноваты. Пойдемъ, Мольеръ, напейся и ты съ нами!"—„Повремените еще немного", возразилъ Мольеръ, „наше намѣреніе слишкомъ хорошо, чтобы мы привели его въ исполненіе тайкомъ. Если мы теперь умремъ, о насъ, пожалуй, скажутъ, что мы утопились ночью, послѣ хорошаго ужина, въ припадкѣ отчаянія или опьяненія. Подождемъ до утра, и тогда, трезвые, при дневномъ свѣтѣ, на глазахъ у всѣхъ бросимся въ воду".—„Онъ правъ", вторично одобрилъ Мольера Шапель: „И такъ, господа, мы утопимся утромъ, а пока давайте допивать еще остающееся вино".

Они опять сѣли за столъ, а когда настало утро—само собой разумѣется—уже не думали топиться. (X)

Рѣшеніе задачи буквъ № 63 (помѣщенной въ № 41).

н	я	і	о	с	е	а	н
х	н	х	х	г	ъ	т	ч
о	т	а	а	о	а	м	к
к	ъ	и	я	ъ	м	р	а
ъ	д	л	д	о	з	д	т
а	т	ъ	ш	ъ	о	н	о
т	и	х	е	а	ш	ч	х
ѣ	н	ь	л	к	о	с	ь

				19 а	30 т	25 ъ	28 ш				
				24 т	27 н	20 х	17 с				
57 х	54 н	59 х	50 х	31 ѣ	18 н	29 ь	26 л	3 к	14 о	5 с	10 ь
60 о	63 т	56 а	53 а	48 н	23 я	16 і	21 о	8 е	11 е	2 а	13 н
55 к	58 ъ	49 н	62 я	51 ъ	32 м	39 р	44 а	15 г	4 ъ	9 т	6 ч
64 ъ	61 д	52 л	47 д	42 о	15 з	22 д	35 т	38 о	7 а	12 м	1 к
				33 ъ	36 о	43 н	40 о				
				46 а	41 ш	34 ч	37 х				

„Какъ счастье многіе находятъ, лишь тѣмъ что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали ого гг.: СПб. — А. А. Носиљева, Э. А. Маргиновскаго, П. Е. Александрова, Москва—Е. Тимофѣевой, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бобруйскъ—Е. Мольской, Одесса—Р. О.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежвій печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ДОМАШНІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

КАЛЕНДАРЬ 1889 Г.

Съ 43 рис. 96 стр. Ц. 20 к.
Складъ у книгопродавца Губинскаго въ С.-Петербургѣ. № 3446 5—4

Печатается и въ началѣ декабря выйдетъ въ свѣтъ издаваемый съ благотворительною цѣлью художественно-литературный сборникъ

„ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА".

Въ художественномъ отдѣлѣ этого изданія, кромѣ портретовъ и вида могилы Гаршина, будутъ помѣщены 23 фототипіи съ рисунковъ гг. Беггрова, Богданова, Брюллова, Волкова, Дубовского, Киселева, Клодта, Кондратенко, Крачковскаго, Крыжицкаго, Кузнецова, Лемоха, В. Маковскаго, Малышева, Полѣнова, Рѣпина, Савицкаго, Шишкина, Ярошенко. Литературный отдѣлъ составится изъ произведеній гг. Абрамова, Алчевской, Жемчужникова, Короленко, Мережковскаго, Минаева, Михайловскаго, Плещеева, Гл. Успенскаго, Чехова, Чуминой, Шеллера, Щедрина и др. Здѣсь-же будутъ помѣщены письма И. С. Тургенева къ В. М. Гаршину.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3487 5—4
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON
И МЫЛО à la CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16 3

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина **СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.**

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ"** съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ" съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ,** равно какъ и **холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ,** и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. **Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р 25 к., пересылка 75 к.** Въ Азіятскую Россію за 3 фунт.

Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ"**, Моросейка, д. Комитета. № 3185

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ
на научно-практическій журналъ виноградства и винодѣлія

„РУССКІЙ ВИНОДѢЛЪ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1889 г. **„Русскій Винодѣлъ"** будетъ издаваться по прежней программѣ ежемѣсячно, книжками отъ 5—8 печат. листовъ. Въ 1889 г. въ **„Русскомъ Винодѣлѣ"** будутъ, между прочимъ, помѣщаться статьи **по коньячному производству** и по приготовленію **шипучихъ винъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Кирочная, 28. Мt. № 3171 2 2
Редакторъ-издатель **Александръ Альведингенъ.**

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ
Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться **въ Контору журнала „Нива"**, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1889 годъ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ
ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

ЦѢНА ЗА ГОДЪ: 4 РУБ. ЦѢНА ЗА ПОЛГОДА: 2 РУБ.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политическ. хроника; изъ заграничн. жизни; мнѣнія печати; изъ литературы и жизни; фельетонъ—разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, научное обозрѣніе, очерки провинціальной жизни; письма изъ провинціи; внутренняя хроника; хроника открытій и изобрѣтеній; театръ и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель: торговыя извѣстія; объявленія.

При недорогой **цѣнѣ** изданію придана серьезная постановка. **Сотрудники:** М. Н. *Альбовъ*, А. А. *Бахтіаровъ*, В. В. *Бирюковичъ*, В. Л. *Величко*, К. *Говоровъ*, Н. В. *Засодимскій*, В. *Крестовскій* (псевдонимъ), А. В. *Кругловъ*, А. Н. *Леминъ*, Н. С. *Лѣсковъ*, Е. Д. *Максимовъ*, К. П. *Медвѣдскій*, В. И. *Острогорскій*, А. Н. *Плещеевъ*, А. Г. *Сахарова*, Н. *Секринъ*, В. В. *Стасовъ*, К. М. *Фофановъ*, М. М. *Филипповъ*, М. К. *Цебрикова* и др.

Сроки выхода. Газета „День" съ 1889 года будетъ выпускаема **ежедневно** въ такомъ порядкѣ: **пять разъ** въ недѣлю листами обычнаго формата ежедневныхъ изданій по 5 столбцовъ на страницѣ и **два** раза (преимущественно послѣ праздничныхъ дней) въ формѣ прибавленій къ №№.

Цѣна за годъ **-4** руб., за 6 мѣс.**—2** р., за 3 мѣс. – **1** руб. Заграницу на годъ 6 руб. Отдѣльн. №№ по **5** коп. съ пер. Объявленія принимаются по **10** коп. за строку петита. № 3491

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.

☞ При этомъ № „Нивы" разсылается иногороднымъ подписчикамъ № газеты „День". Лица, почему либо не получившія его, благоволятъ заявлять о томъ въ контору газеты „День" и № немедленно имъ вышлется.

Издатель **А. А. Греве.** Редакторъ **И. В. Скворцовъ.**

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива" № 2405

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. Морскаго (Лебедева)
съ 118 рис. и виньетками **Н. Н. Каразина.**

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ, **съ золотымъ** тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ПРАЗДНИКИ.

Только 10 р.

Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч. въ кабинетную величину, съ пробн. снимкомъ и руководствомъ. Пересылка за 15 фунт. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4. **Невскій просп., 4,** рядомъ съ Главн. Штабомъ, **С.-Петербургъ.** № 3481

№ 4711
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА

получили извѣстность, благодаря своимъ качествамъ; значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Спеціально рекомендую:

№ 4711 Роза — Хрустальное мыло,
№ 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Резеда—Хрустальное мыло,
№ 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Монополь — Глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3353 6—3

ГЛАВНОЕ ДЕПО
у АЛЕКС. ТИСЪ и К°.
Пушкинская, № 4.

КАЛЕНДАРИ на 1889 г., КРЕСТНЫЙ (15 к.) и КРЕСТОВЫЙ (40 к.)

можно получать у всѣхъ книгопродавцевъ. Складъ въ Москвѣ у книгопр. А. Д. Ступина.

„НОВОСТИ ДНЯ"

ежедневная общественная, политическая и литературная газета.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВЪ 1889-мъ ГОДУ

Цѣль газеты **„Новости Дня"**—въ общедоступной формѣ служить для читателя живымъ и яркимъ отраженіемъ интересовъ текущей дѣйствительности. **„Новости Дня"** удовлетворяютъ, какъ столичныхъ читателей, быстро схватывая на лету злобу столичнаго дня, такъ и провинціальныхъ, давая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и занимательное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ. Для выполненія этой программы въ **„Новостяхъ Дня"** существуютъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: „Бесѣда", Телеграммы", „Факты и слухи", „Толки печати", „По чужимъ краямъ", „Картинки общественной жизни", „Замѣтки праздношатающагося", „Московскія новости", „Театръ и музыка", „Петербургскія новости", „Провинція", „Въ царствѣ Ѳемиды", „Разныя извѣстія", „Смѣхъ и горе". Кромѣ того, еженедѣльно: „Воскресные наброски", „Петербургскія письма", „Бесѣды стараго театрала". Независимо отъ этого, въ **„Новостяхъ Дня"** помѣщаются портреты лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Для наступающаго 1889 года имѣются, между прочимъ, оригинальные романы и повѣсти: **„БЕЗПРИДАННИЦА"**, романъ въ 2 ч. и **„ДАМА САМЪ-ТРЕТЕЙ"**, повѣсть, соч. князя *С. В. Голицына* (авт. романа „Былое Времечко"). **„ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ"**, соч. *Н. Н. Г.*, **„МУКИ ПРОМЕТЕЯ"**, повѣсть изъ театральн. быта, соч. *Н. А. Хлопова.* **„СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ"**, ром., соч. *Н. Осипова.* **„ДВѢ СЕСТРЫ"**, повѣсть, сочиненіе *С. Нестерова.* **„ПЕРСТЪ БОЖІЙ"**, историческая повѣсть изъ временъ „Тишайшаго" царя Алексѣя Михайловича, соч. *Д. Дмитріева.*

Годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ романъ: „Купленный мужъ" — *В. Ривала.*

Ц. № 3483 3 1

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1889 годъ.	На 12 м.	На 11 м.	На 10 м.	На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
Съ пересылкой во всѣ города Имперіи . .	9 —	8 50	8 —	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —

Адресъ: **Москва. Контора газ. „Новости Дня".** *Ред.-изд. А. Липскеровъ.*

Прошу почтить своимъ благосклоннымъ вниманіемъ мои произведенія изъ каучука и металла, признанныя лучшими, по своему безукоризненному и изящному исполненію. Какъ-то: штемпеля для Конторъ, Присутственныхъ мѣстъ, заголовокъ писемъ, факсимиле, монограммы, формулярные штемпеля для Судебныхъ учрежденій величиною до 20 сантиметровъ, Медали, Гербы, Эмблемы, Номераторы-Пагениры, Номераторы, числинники, со вставными каучуковыми числами и массивными каучуковыми и металлическими числовыми колесами самокрасящіеся и ручные.

Каучуковые типы для набора отдѣльныхъ словъ и чиселъ всякой величины съ ящикомъ. Штемпеля, Алфавиты, наборы чиселъ изъ каучука и вальцевой массы для сигнировки ящиковъ и тюковъ. Сигнатуры изъ каучука величиною до 25 сантим. изъ вальцевой массы всякой величины.

Ударные штемпельные прессы, мѣдныя и стальныя печати, в равно и печати для выжиганія, изящнаго исполненія.

Всевозможные карманные штемпеля: автоматы, штемпеля часы, карандаши (послѣдніе и изъ массивнаго серебра), ножики, спичечницы, брелоки къ часамъ изъ никеля, серебра и золота.

Всевозможныя гравировальныя работы на всѣхъ металлахъ.

Лучшая штемпельная краска различныхъ цвѣтовъ.

Лучшія черныя чернила для мѣтки бѣлья.

Аппараты для печатанія бронзою на стеклѣ, порцеланѣ, матеріи, кожѣ и проч.

Порошки: золотой, серебряный, мѣдный и различныя бронзы. Mt. № 3497 2—1

Новый патентованный способъ травленія на стеклѣ и всѣхъ металлахъ.

Сухая штемпельная краска съ подушкою всегда готовая къ употребленію.

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ".

К. МАСЛЯННИКОВА.

Много рисунковъ, практическіе **безплатн.** отвѣты на вопросы, съ рисунк. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. **Безплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ.** Программа высылается безплатно. На годъ **6 р.**

ЭЛЕВАТОРЫ,

ихъ конструкц. и значеніе для Россіи **К. Масляннинова. 12 рис.** Съ перес. 40 к. **Главнѣйшія причины сельско-хозяйственн. кризиса** и мѣры къ его прокр. Съ пер. 15 к. Спб. Надеждинская, № 39.

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ

ЧЕШСКО - СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА

В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья

въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавесныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантной и прочной отдѣлкой.

Т. п. адресовать: **въ Кіевъ, В. Ф. Червеному и С.** № 3461 4—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1889 годъ
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".
(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

26-го іюня 1889 г. минетъ **десять лѣтъ,** какъ издается **„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"**. Этотъ рядъ цѣлыхъ годовъ нашего изданія, пользовавшагося все это время добрымъ вниманіемъ и довѣріемъ со стороны русскаго общества и русскаго народа, добрый откликъ ему со всѣхъ сторонъ Россіи и изъ среды **славянскихъ народовъ** поддерживаетъ нашу энергію и къ будущему служенію на пользу **русскимъ** и **славянскимъ интересамъ** и даетъ намъ право высказаться болѣе точно и опредѣленно о задачахъ нашихъ и намѣреніяхъ.

* * *

Прежде всего, мы, конечно, не измѣнимъ и въ будущемъ нашему знамени, на которомъ значится **„правда и польза для Отечества"**.

Строго добросовѣстное служеніе этимъ двумъ принципамъ и **твердое** отстаиваніе ихъ отъ всякаго на нихъ посягательства—вотъ что составляетъ и всегда будетъ составлять нашу господствующую задачу.

* * *

Чутко стоя на стражѣ общественныхъ интересовъ, мы внимательно, какъ и прежде, будемъ слѣдить за всѣмъ, что совершается **внутри и внѣ** дорогаго для насъ Отечества, что такъ или иначе отражается на его историческихъ судьбахъ. Намъ слишкомъ дороги эти судьбы и потому мы не пропускали и не пропустимъ ни одного изъ событій, вліяющихъ **положительно** или **отрицательно,** какъ на совершенствованіе русской жизни, такъ и на политическое положеніе Россіи—какъ великой державы, **достоинство, могущество и слава** которой составляютъ нашу національную гордость.

* * *

Преисполненные чувствомъ **истиннаго патріотизма** и потому глубоко заинтересованные во **благѣ** для нашей родины, въ ея **общемъ** преуспѣяніи и величіи, мы съ одинаково серьезнымъ вниманіемъ относимся ко **всѣмъ** сторонамъ государственной и общественной жизни, посредство трактуя о дѣлахъ и вопросахъ **политическихъ, административныхъ, законодательныхъ, судебныхъ, городскихъ, земскихъ, финансовыхъ, экономическихъ, торговыхъ, промышленныхъ,** о вопросахъ **народнаго образованія, народнаго здравія** и вообще о всѣхъ соціальныхъ и политическихъ явленіяхъ, имѣющихъ **прямое** или **косвенное** отношеніе къ жизни и къ быту русскаго человѣка.

* * *

Историческіе русскіе завѣты и чувство единства нашего національнаго духа съ единоплеменными и единокровными намъ **народами славянскими** заставляютъ насъ также зорко слѣдить и за судьбами **славянства,** также добросовѣстно содѣйствовать всему, что только можетъ сплотить **славянство** въ одно цѣлое съ нами...

* * *

Смерть славныхъ московскихъ публицистовъ **заставила насъ особенно усилить наше рвеніе въ исполненіи своихъ обязанностей и направить всѣ наши силы къ тому, чтобы послѣдовать, насколько то будетъ возможно, тѣмъ сторонамъ ихъ дѣятельности, которымъ мы сочувствовали при ихъ жизни и которыя остались и понынѣ для насъ симпатичными.**

* * *

Въ разработкѣ **„Славянскаго вопроса"**, въ газетѣ нашей между прочими, участвуетъ постоянно и извѣстный славистъ **О. Ѳ. Миллеръ,** членъ **с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества.** Для той-же цѣли установлены нами тѣсныя сношенія со всѣми славянскими землями и имѣются нѣсколько спеціальныхъ корреспондентовъ: въ **Софіи, Константинополѣ, Цетиньѣ, Рущукѣ, Бѣлградѣ, Львовѣ, Краковѣ, Вѣнѣ и другихъ славянскихъ городахъ.**

* * *

Въ трудахъ редакціи, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ кромѣ редактора-издателя, принимаютъ участіе многіе извѣстные представители нашей публицистики и профессуры, многіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія (юристы, филологи, педагоги, агрономы, техники, военные и проч.), нѣкоторые изъ извѣстныхъ нашихъ беллетристовъ, а равно и многіе представители государственнаго и общественнаго служенія.

* * *

Независимо отъ руководящихъ статей, которыя имѣютъ мѣсто въ нашей газетѣ **не исключая ни праздничныхъ, ни послѣ праздничныхъ дней,** независимо отъ всѣхъ другихъ помѣщающихся въ газетѣ публицистическихъ статей и сообщеній какъ о внутреннихъ дѣлахъ, такъ и о заграничныхъ, словомъ, независимо отъ всего того, что посвящается **злобѣ дня, жгучему интересу минуты,** редакція не мало мѣстъ удѣляетъ и чистой беллетристикѣ. Въ этомъ отношеніи **„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"** даетъ читателю столько, сколько не даетъ почти ни одна газета въ Россіи.

* * *

Въ наступающемъ 1889 году, независимо отъ многихъ улучшеній во всѣхъ отдѣлахъ газеты, въ смыслѣ еще большаго разнообразія газетнаго матеріала и еще большей свѣжести извѣстій, въ фельетонахъ **„РУССКАГО КУРЬЕРА"** имѣютъ быть напечатаны на ряду съ другими очерками и разсказами и нѣсколько **большихъ беллетристическихъ произведеній.**

* * *

Кромѣ болѣе чѣмъ 300 внутреннихъ корреспондентовъ и корреспондентовъ въ Софіи, Константинополѣ, Цетиньѣ, Рущукѣ, Бѣлградѣ, Львовѣ, Вѣнѣ, Краковѣ и Прагѣ, **„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"** имѣетъ еще своихъ постоянныхъ, спеціальныхъ корреспондентовъ въ гг. Нью-Іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Берлинѣ и друг. гор.

* * *

Для своевременнаго ознакомленія русскаго общества какъ съ дѣятельностью нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, такъ и вообще съ особенно важными внутренними и политическими новостями, въ С.-Петербургѣ имѣютъ постоянное жительство нѣсколько спеціальныхъ корреспондентовъ **„РУССКАГО КУРЬЕРА"**.

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ" выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ по слѣдующей программѣ:

I. ПОСТАНОВЛЕНІЯ и РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.— II. ОБЗОРЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ; ОБСУЖДЕНІЕ „ВОПРОСОВЪ ДНЯ". — III. ХРОНИКА: извѣстія — придворныя, военныя, литературныя, художественныя, театральныя, музыкальныя, торговыя и др. Біографіи и некрологи. — **IV. ТЕЛЕГРАММЫ. — V. МОСКОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ. — VI. МНѢНІЯ РУССКОЙ и ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ ПО ТЕКУЩИМЪ ВОПРОСАМЪ.— VII. ЖИЗНЬ РОССІИ:** народное образованіе, земство, городское и крестьянское самоуправленіе, промышленность и торговля; корреспонденціи изъ Россіи; извлеченія изъ журналовъ и газетъ.— **VIII. ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ:** корреспонденціи изъ-за-границы; извлеченія изъ иностранныхъ газетъ.— **IX. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:** романы, повѣсти, очерки, разсказы, сцены, стихотворенія. — **X. ФЕЛЬЕТОНЪ:** обзоръ явленій внутренней жизни; литературная лѣтопись; обзоръ журналовъ; историческій листокъ; научная хроника; хроника заграничной жизни; театръ и музыка.—**XI. КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:** статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и промышленности.— **XII. СУДЕБНАЯ ХРОНИКА:** судебные процессы. — **XIII. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ:** случаи, анекдоты и проч. — **XIV. СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ:** свѣдѣнія—биржевыя, желѣзнодорожныя, театральныя и отвѣты редакціи. — **XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ" помѣщаются ЕЖЕДНЕВНО, НЕ ИСКЛЮЧАЯ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ и ТАБЕЛЬНЫХЪ: политическое обозрѣніе, разнообразные фельетоны и передовыя статьи по текущимъ вопросамъ и СЛАВЯНСКОМУ.

Телеграммы помѣщаются **„Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства"** и отъ собственныхъ корреспондентовъ заграничныхъ и русскихъ.

Всего въ каждомъ номерѣ помѣщается текста, кромѣ объявленій, болѣе 3000 строкъ. № 3486

Въ издательскомъ отношеніи газета также поставлена въ вполнѣ благопріятныя условія.

Для печатанія газеты имѣется своя типографія, снабженная новѣйшей конструкціи машинами и аппаратами, въ томъ числѣ скоропечатной англійской машиной **„Викторія"**, печатающей и фальцующей 10,000 экземпляровъ газеты въ часъ, аппараты для стереотипа и два мотора: **газовый и паровой. Для разсылки газеты** въ провинцію имѣется экспедиторъ и для Москвы—артель разносчиковъ. **Бумага** по заказу нашему получается съ извѣстной фабрики **М. Г. Кувшинова.**

РЕДАКЦІЯ, КОНТОРА ИЗДАНІЯ и ТИПОГРАФІЯ помѣщаются въ собственномъ домѣ Н. П. Ланина въ Москвѣ.

Условія подписки:

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ МОСКВѢ:		СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА:		ЗА ГРАНИЦУ:	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.	На годъ	20 р. — к.
„ 6 мѣс.	5 „ — „	„ 6 мѣс.	6 „ — „	„ 6 мѣс.	12 „ — „
„ 3 „	2 „ 75 „	„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	6 „ — „
„ 1 „	1 „ 10 „	„ 1 „	1 „ 25 „	„ 1 „	2 „ 50 „

1. **Подписка принимается** съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.
2. **Гг. иногородные,** при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.
3. **За перемѣну** адреса городскаго и иногороднаго — 30 коп. При перемѣнѣ городскаго на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ подписки.

Редакторъ-издатель **Н. П. Ланинъ.**

ЗАЯВЛЕНІЯ отъ окончившихъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и ищущихъ мѣстъ въ провинціи принимаются безплатно въ конторѣ состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны Дамскаго Общества, въ С.-Петербургѣ (въ зданіи Михайловскаго дворца, входъ противъ театра), по средамъ и субботамъ, отъ 3-хъ до 5-ти часовъ. Тамъ-же принимаются заявленія лицъ, желающихъ обратиться къ Обществу за рекомендаціею учительницъ и гувернантокъ. № 3494

Врачебное Управленіе разрѣшило ввозъ и продажу **цвѣточно-благовонной**

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Муррей и Ланманъ, Нью-Іоркъ

въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харькова.

Агенты въ главныхъ городахъ Россіи; просятъ обращаться къ К. Ф. Гейсслеръ, С.-Петербургъ и Эд. Гейне, Харьковъ. № 3478 5—1

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛКИ

удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ высылаю коллекціи состоящихъ изъ

СТЕКЛА, МЕТАЛЛА, ЛАМЕТЫ

и проч. № 3490

Каждая для одной елки, в именно:

110 предметовъ	Р. С. 18, 50	по полученіи надлежащ. суммы.
75 „	„ „ 10, 50	
60 „	„ „ 7, —	

включительно упаковка и пересылка.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ

Садовая, 12, С.-Петербургъ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключ. московск.) пробный № газеты „День" въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 9 ноября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIX г. № 47 | г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 19 ноября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. Н. Оленинъ.

Однимъ изъ образованнѣйшихъ людей эпохи Александра I-го, принимавшихъ ближайшее и непосредственное участіе въ успѣхахъ отечественной словесности и художествъ,—былъ Оленинъ. Этотъ государственный человѣкъ достаточно и съ честью послужилъ своей родинѣ, немало потрудившись и на административномъ, и на ученомъ поприщахъ. Его благотворная дѣятельность была весьма разнообразна: онъ отличался, какъ храбрый воинъ, въ Шведской кампаніи, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, занимался собираніемъ памятниковъ древней русской жизни, имѣлъ большія археологическія познанія; благодаря его хлопотамъ, извѣстный археологъ-художникъ Ѳ. Г. Солнцевъ, здравствующій и нынѣ, былъ посланъ въ Москву и другіе русскіе города „для срисованія старинныхъ нашихъ одѣяній, оружія, церковной и царской утвари и прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ историческимъ, археологическимъ и этнографическимъ свѣдѣніямъ“. Онъ много сдѣлалъ хорошаго въ качествѣ президента Императорской Академіи Художествъ, и его заслугъ на пользу академіи не могли поколебать разные легкомысленные, невѣжественные критики, ставившіе въ вину президенту то, что онъ заботился также и о нравственности воспитанниковъ академіи. Оленинъ немало послужилъ также дѣлу устройства и управленія Императорской Публичной Библіотеки, директоромъ которой онъ пробылъ тридцать пять лѣтъ. При немъ произведены капитальныя пристройки библіотеки и ея сокровища пріумножились. Оленинъ не былъ только покровителемъ талантовъ, онъ любилъ ихъ, участвовалъ въ ихъ дѣятельности, входилъ во всѣ подробности трудовъ ихъ, и возбуждалъ ихъ дѣятельность не одними совѣтами, но и нѣжнѣйшею дружбою. Въ домѣ Оленина, по свидѣтельству графа Ѳ. П. Толстаго, „собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося дарованіями, по-

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ (по поводу 125-й годовщины рожденія).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

знаніями и умомъ". Всѣ русскіе писатели того времени, всѣ ученые, составляющіе гордость родной литературы и науки— Пушкинъ, Жуковскій, Дмитріевъ, Державинъ, Капнистъ, кн. Вяземскій, Карамзинъ, А. И. Тургеневъ, гр. С. С. Уваровъ, Дашковъ и другіе — находили въ домѣ Оленина самый дружественный, радушный пріемъ, и просвѣщенный, страстно любившій искусства хозяинъ дома пользовался тѣсною дружбой и глубокимъ уваженіемъ этихъ корифеевъ отечественной словесности. Наконецъ, Оленинъ трудился, насколько доставало его силъ, и въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ даже сколько-нибудь сносной біографіи этого въ высшей степени полезнаго, почтеннаго дѣятеля, и его заслуги все еще ожидаютъ должной оцѣнки. Въ нынѣшнемъ году исполнилось сто двадцать пять лѣтъ со дня рожденія Оленина, и это даетъ намъ поводъ познакомить читателей съ біографическими данными бывшаго президента академіи.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ родился 21 ноября 1763 года въ Москвѣ, отъ брака статскаго совѣтника Николая Яковлевича Оленина съ Анной Семеновной Волконской, дочерью генералъ-аншефа князя Семена Өедоровича Волконскаго. До десяти лѣтъ Алексѣй Николаевичъ жилъ дома и затѣмъ былъ отвезенъ къ родственницѣ своей, извѣстной княгинѣ Е. Р. Дашковой. Въ домѣ княгини на него обратила вниманіе императрица Екатерина II и, согласно ея волѣ, молодой Оленинъ былъ записанъ въ Пажескій корпусъ, а затѣмъ, въ 1780 г., отправленъ въ Дрезденскую артиллерійскую школу, „для обученія воинскимъ и словеснымъ наукамъ", въ которой пробылъ пять лѣтъ. Въ бытность заграницей Оленинъ въ 1783 г. считался выпущеннымъ изъ Пажескаго корпуса и получилъ чинъ капитана. Въ 1785 г. онъ переведенъ въ артиллерію, въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны артиллеріи и черезъ два года уволенъ по болѣзни съ чиномъ маіора. Опредѣленный въ 1789 году снова на службу, онъ поступилъ въ Псковскій драгунскій полкъ въ чинѣ подполковника и устроилъ при своемъ полку конную артиллерійскую роту, первую еще тогда въ Россіи. Когда началась война со Швеціей, Оленинъ принялъ въ ней участіе, а затѣмъ въ 1792—1794 гг. храбро сражался противъ поляковъ и участвовалъ въ усмиреніи конфедератовъ Лидскаго повѣта. Получивъ чинъ полковника, Алексѣй Николаевичъ въ 1795 году уволился отъ военной службы и перешелъ въ гражданское вѣдомство. Съ этого времени начинается его служебная дѣятельность, въ высшей степени разнообразная: поступивъ въ учрежденную по штату Государственнаго ассигнаціоннаго банка экспедицію о закупкѣ мѣди, онъ сдѣланъ былъ совѣтникомъ банка, затѣмъ назначенъ управляющимъ Банковаго монетнаго двора, послѣ чего, въ 1798 г., опредѣленъ оберъ-прокуроромъ 3-го департамента Сената, а въ слѣдующемъ году сдѣланъ управляющимъ юнкерской школой при Сенатѣ. Въ апрѣлѣ 1801 года его перевели въ канцелярію Государственнаго Совѣта экспедиторомъ и вскорѣ сдѣлали статсъ-секретаремъ. Съ образованіемъ въ Россіи министерствъ, въ 1802 году, Оленинъ назначенъ вмѣстѣ со Сперанскимъ состоять при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ для составленія канцеляріи и послѣ этого опредѣленъ первымъ по времени товарищемъ министра Удѣловъ съ оставленіемъ и въ другихъ должностяхъ. Въ декабрѣ 1806 года Оленинъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго земскимъ ополченіемъ первой области и исправлялъ съ 1807 по апрѣль 1808 г. должность дежурнаго генерала. По окончаніи милиціи онъ былъ награжденъ орденомъ и золотой медалью, получилъ право носить милиціонный мундиръ и принятъ по Высочайшему повелѣнію въ почетные члены Оружейной палаты. Въ 1808 году онъ сдѣланъ помощникомъ директора Императорской Библіотеки, черезъ два года назначенъ, будучи уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, и съ преобразованіемъ Императорской Библіотеки въ публичную, въ 1811 году переименованъ директоромъ библіотеки. Будучи почетнымъ членомъ Оружейной палаты, Оленинъ „настаивалъ" на отправленіи К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева „въ путешествіе по Россіи для открытія и описанія древнихъ достопамятностей" и успѣлъ въ этомъ. Путешествіе состоялось въ 1809 г. подъ главнымъ начальствомъ П. С. Валуева, управлявшаго Мастерскою и Оружейной палатою. Разсмотрѣвъ отчеты путешественниковъ, вернувшихся въ Москву послѣ первой поѣздки, въ мартѣ 1810 г. Оленинъ, между прочимъ, писалъ Валуеву: „Я все моихъ помышленій остановить не могу и памятники отечественнаго нашего художества меня часто смущаютъ. Вашему высокопревосходительству предлежитъ на свѣтъ ихъ произвести изъ тьмы невѣдѣнія и забвенія, въ которыхъ они доселѣ находились." Немногія эти строки прекрасно характеризуютъ Оленина и его любовь къ русской наукѣ и искусствамъ. 4 августа 1816 года, при учрежденіи особаго комитета для разсмотрѣнія дѣлъ и нуждъ Императ. Акад. Художествъ, Оленинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, а затѣмъ въ 1817 сдѣланъ президентомъ академіи. Въ 1827 г. Оленину повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта: въ слѣдующемъ году онъ былъ предсѣдателемъ строительнаго комитета Публичной Библіотеки и членомъ главнаго управленія цензуры. Ранѣе онъ предсѣдалъ въ комитетѣ, вѣдавшемъ дѣла по перестройкѣ Исаакіевскаго собора и за труды эти и по сооруженію памятника императору Александру I-му получилъ разныя награды. Въ 1830 году онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Почти одновременно со вступленіемъ на дѣйствительную службу, въ 1786 г., Оленинъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи, по представленному имъ труду — „Толкованіе многихъ русскихъ старинныхъ рѣченій". Къ наукѣ Оленинъ почувствовалъ влеченіе еще съ молодыхъ лѣтъ, когда онъ учился въ Дрезденѣ, гдѣ въ королевской библіотекѣ изучалъ сочиненія по исторіи и древностямъ. „Изящныя произведенія ваянія, живописи и архитектуры,— говоритъ самъ Оленинъ — *съ юныхъ лѣтъ* моихъ сильно на меня дѣйствовали." Не смотря на серьезныя служебныя занятія, онъ находилъ еще время на работы научныя, на изысканія въ области археологіи и искусствъ. Свои сочиненія онъ писалъ на языкахъ русскомъ и французскомъ, но издавалъ крайне неохотно, въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а потому его печатные труды составляютъ библіографическую рѣдкость. Послѣднею его работой былъ „Планъ изданія древностей Россійскаго государства", составившій начало текста къ рисункамъ художника Солнцева. Оленинъ скончался 17 апрѣля 1843 года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, неподалеку отъ Сперанскаго, Гнѣдича и Крылова, съ которыми его связывала тѣснѣйшая дружба. **П. Б—въ.**

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXV.

Ровно черезъ сутки, вечеромъ, у бригадира въ гостяхъ сидѣлъ его другъ. Геннадій Ивановичъ былъ особенно веселъ за весь день, а теперь „въ ударѣ" шутить, балагурить и острить. Филисовъ и Толбухина невольно смѣялись его прибауткамъ.

Согласіе Филисова бросить пустыя мечтанья о бракѣ его съ внучкой дѣлали Братолюбцева довольнымъ и веселымъ. Кромѣ того, онъ былъ отчасти гордъ тѣмъ, что не поддался на искушеніе.

— Гдѣ же бригадирская внучка, какъ называютъ въ Москвѣ вашу красавицу? воскликнулъ онъ наконецъ.

— Она у себя. Мы за ней пошлемъ, сказалъ Никита Артемьевичъ и приказалъ просить барышню внизъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ явился камердинеръ самого барина, Антонъ, и доложилъ, что барышня „отвѣтствуютъ, что имъ не по себѣ и онѣ сойти не могутъ."

— Что такое? Захворала? встревожился бригадиръ. Но въ ту же минуту вошла въ горницу Степанида съ подносомъ, на которомъ было варенье и смоква для гостя.

— Что такое съ барышней, не знаешь? спросила Толбухина у любимицы.

— Ничего-съ. А что же собственно? отозвалась барская барыня. — Почему изволите спрашивать?

— Хворой сказывается...

— Э, матушка. Балуется, шутитъ. Какая хворость. Я сейчасъ слышала изъ коридора, какъ она соловьемъ заливается тамъ у себя на вышкѣ, хохочетъ чему-то до упаду. Знать мамка представляетъ что смѣхотворное.

— Такъ вотъ оно какъ! воскликнулъ Братолюбцевъ.— Мы же ее проучимъ. Ну-т-ко, Никитка, и вы, Марья Евграфовна, идемъ на приступъ цитадели! Пойдемъ сами къ ней въ гости. Я никогда не бывалъ! Хоть и не гоже къ дѣвицамъ мужчинамъ хаживать, да мнѣ старику можно.

— Вѣстимо. Ты свой человѣкъ. Что-жъ! Пойдемъ. И

мы ея смѣху посмѣемся, да и проучимъ. Пущай насъ угощаетъ.

— Ну, а я слуга покорный лазить! заявила Марья Евграфовна.

Чрезъ нѣсколько мгновеній бригадиръ и его другъ поднялись вдвоемъ по лѣстницѣ и вошли въ горницу Клёны.

— Вотъ вы какъ, сударушка. Жалуетесь на хворость, когда здоровехоньки! заговорилъ Братолюбцевъ. — Такъ мы сами къ вамъ. Извольте насъ угощать.

Клёна сильно смутилась при появленіи незванныхъ гостей, краснѣла, потуплялась и тщетно старалась что-либо вымолвить; она стояла бормоча безсвязно и безсмысленно.

Няня Арина Матвѣевна тоже была видимо встревожена.

— Ну, здравствуйте, обѣ! И старая, и молодая. Растерялись! сказалъ бригадиръ. — Что за важность, что Геннадій Ивановичъ сюда пришелъ. Онъ мнѣ другъ, а стало быть и внукѣ — не чужой. Ну, ну... Полно краснѣть-то, сажай гостей и вели сюда снизу нести подносъ со сластями.

Гости сѣли къ столу. Клёна, все еще смущенная, тоже опустилась на стулъ около дѣда. Арина Матвѣевна побѣжала внизъ за угощеньемъ, но по дорогѣ на лѣстницѣ охала и вздыхала.

Братолюбцевъ, между тѣмъ, болталъ безъ умолку: и вскорѣ всякими шутками и прибаутками развеселилъ и Клёну. Дѣвушка посмѣлѣла, оживилась и по какой-то необъяснимой для бригадира причинѣ быстро перешла отъ своего смущенія къ дерзкому веселію. Въ ней сказывалось даже что-то вызывающее и какъ будто неестественное. Нѣчто „неблагопристойное въ дѣвицѣ“, какъ думалось ея удивленному дѣду.

Дѣйствительно, Клёна стала раздражительно весела, черезчуръ громко говорила, рѣзко смѣялась, порывисто двигалась и вдругъ громко вскрикивала безъ видимой причины.

Братолюбцевъ, накушавшись вдоволь смоквы, которую обожалъ, и истощивъ запасъ своихъ остротъ, потребовалъ карты у няни и началъ показывать дѣвицѣ всякіе замысловатые фокусы. Клёна много смѣялась, но раздраженіе не покидало ее, а няня заявила уже раза три, среди фокусовъ барина-гостя, что у ея барышни „и въ самъ-дѣлѣ ровно лихорадка. И головка болитъ. Отъ смѣха пуще разболится. Ей надо скорѣе въ постельку.“

— Ну, ладно. Коли гоните гостей по турецкому, то гости уйдутъ! рѣшилъ наконецъ Братолюбцевъ, вставая уже при третьемъ замѣчаніи няни. — Насильно милъ не будешь, хошь разорвися.

И гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, смѣясь надъ тѣмъ что ихъ выгоняютъ силкомъ, ушли и спустились внизъ.

Когда бригадиръ, идя впереди, достигъ своего кабинета, а Братолюбцевъ пріостановился въ залѣ провѣрить свои карманные часы по большимъ стѣннымъ часамъ, что онъ дѣлалъ постоянно — Марья Евграфовна вышла въ залу отъ себя и, улыбаясь, собиралась что-то спросить у гостя...

Въ этотъ мигъ наверху въ мезонинѣ раздались ужасные, дикіе, душу раздирающіе крики. Это былъ, судя по голосу, крикъ няни, повторившійся нѣсколько разъ. Но еще сильнѣе и громче раздался лишь одинъ разъ отчаянный, пронзительный вопль Клёны...

Всѣ конечно бросились по лѣстницѣ снова наверхъ, но Арина Матвѣевна выскочила къ нимъ на встрѣчу въ сѣнцы и на площадкѣ лѣстницы упала на полъ, крича, какъ потерянная:

— Покойникъ! Покойникъ!

Бригадиръ, а за нимъ и гость, не понимая ничего, почти перепрыгнули черезъ упавшую няню и вбѣжали къ Клёнѣ.

Здѣсь они увидѣли молодую дѣвушку, распростертую на полу безъ чувствъ и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Сумятица несказанная поднялась тотчасъ въ домѣ. Бригадиръ приказалъ поднять внучку и нести на кровать, но люди на повторяемый бариномъ приказъ: „Несите! Несите!“ понесли барышню внизъ.

Братолюбцевъ хотѣлъ остановить людей, но услыхалъ голосъ Марьи Евграфовны на лѣстницѣ.

— Давайте. Скорѣе. Ко мнѣ. У меня оттиранья есть. Несите сюда.

И двое людей, спустивъ осторожно по лѣстницѣ безчувственную барышню, снесли и положили ее на кровать ея бабушки.

— Покойникъ? Покойникъ? Какой покойникъ? повторялъ бригадиръ; повторяли и всѣ люди въ домѣ...

Многіе обступили съ этимъ вопросомъ няню Арину Матвѣевну, но та хотя и была въ сознаніи, глядѣла и двигалась, но дико озиралась и не хотѣла произнести ни слова...

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ домѣ бригадира Филисова была такая смута, о которой зналъ весь околотокъ.

Весь домъ былъ перепуганъ на смерть тѣмъ, что въ мезонинѣ появились и ходятъ мертвые. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Дворовые втихомолку обвиняли барина въ томъ, что онъ при жизни сына и невѣстки круто поступалъ съ ними, какъ бы изгналъ изъ-подъ родительскаго крова, и будучи богатъ, не помогалъ имъ.

— Не будь они въ такомъ нищенскомъ состояніи, говорили теперь всѣ, — можетъ быть и чума бы ихъ не захватила. Вотъ теперь, не живши въ домѣ при жизни, душеньки ихъ и пришли къ намъ на житье... Теперь домъ отъ нихъ и испорченъ... Какое же житье въ домѣ, гдѣ ходятъ покойники!

Клёна пролежала двое сутокъ въ постели, въ горницѣ около спальни бабушки.

На всѣ разсужденія Марьи Евграфовны, что стыдно и грѣхъ бояться покойниковъ и привидѣній, а еще сугубый грѣхъ бояться своихъ родителей — Клёна не отвѣчала ничего и вообще за все время не произнесла ни единаго слова. Она была цѣлыхъ два дня въ такомъ состояніи, что казалась близкою къ умопомѣшательству. Она стонала, плакала, металась, но молчала и дико озиралась.

Арина Матвѣевна была тоже сама не своя, хотя и была на ногахъ, но тоже сурово и испуганно молчала, и тоже странно глядѣла на всѣхъ. Она не отходила ни на шагъ отъ своего дитятки, сидѣла сгорбившись около ея кровати и такъ оставалась и на ночь. Она иногда дремала, но вздрагивала — просыпаясь при малѣйшемъ звукѣ.

Въ первую же ночь Толбухина вставала два раза и приходила къ внучкѣ: оба раза она застала Клёну и ея няню не спящими. Онѣ перешептывались о чемъ-то, и смолкали тотчасъ же, когда она появлялась. Третій разъ, уже подъ утро, Толбухина прислушалась прежде чѣмъ войти, и до ея слуха донесся опять шепотъ внучки и няни. Когда же она вошла въ горницу, то обѣ притворились крѣпко спящими.

„Удивительно это“, подумала Толбухина.

Бригадиръ отнесся ко всему происшествію со смѣхомъ, обозвалъ всѣхъ дурнями, внучку — глупенькою дѣвочкой, Арину — шалою дурой, а сестрицѣ Никита Артемьевичъ прибавилъ шутя:

— И хорошее дѣло, коли мертвецы ходятъ. Стало быть и мы съ тобой когда помремъ, то ходить будемъ.

Аларихъ въ Римѣ (410 г. по Р. Хр.). Съ картины В. Линденшмидта, грав. Гейеръ.

Оно много лучше и веселѣе, чѣмъ все лежать да лежать до втораго пришествія.

Марья Евграфовна суевѣрно отмахнулась отъ братца и перекрестилась.

Однако, единовременно съ сумятицей отъ привидѣній въ домѣ бригадира, случилась нѣкотораго рода смута и въ московскомъ обществѣ.

На утро, послѣ того что барышнѣ Филисовой съ няней привидѣлся покойникъ въ мезонинѣ, посланецъ отъ госпожи Козлянинновой явился въ домъ бригадира съ вопросомъ: „не знаетъ-ли чего баринъ и домочадцы о молодомъ ихъ баринѣ Николаѣ Ивановичѣ, который, выѣхавъ изъ дому уже болѣе сутокъ, не является домой.“

Когда доложили бригадиру о посланцѣ, онъ пожалъ плечами и велѣлъ позвать лакея Козлянинновой.

— Чего тебѣ нужно? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Барыня меня послала опросить, не вѣдомо-ли вамъ что̀ объ нашемъ молодомъ баринѣ. Не знаемъ куда онъ запропалъ.

— Да я-то почему могу это знать?..

— Барыня насъ всѣхъ разсылаетъ по всей Москвѣ, всѣхъ опрашивать. Вотъ и къ вамъ меня послала.

Бригадиръ снова пожалъ плечами и произнесъ:

— Молодой человѣкъ мало-ли гдѣ можетъ пропадать. Изъ-за этого не приличествуетъ разсылать по городу и дѣлать ему худую славу, что онъ дома по суткамъ не ночуетъ и невѣдомо гдѣ пропадаетъ... А у насъ-то и подавно нечего спрашивать, такъ какъ онъ у насъ никогда не бывалъ.

— Точно такъ-съ, отозвался дворовый, — да ужъ барыня-то очень убивается.

Черезъ сутки до бригадира дошла вѣсть, которая интересовала и занимала всю Москву. Всѣ говорили о безслѣдной пропажѣ молодаго офицера.

Шелъ уже четвертый день послѣ того что онъ выѣхалъ изъ дома ввечеру, и куда онъ дѣвался — не было и слѣда.

Анна Ильинишна черезъ силу отправилась сама къ оберъ-полиціймейстеру, побывала, еле таская ноги, и у генералъ-губернатора. Власти московскія отнеслись къ дѣлу съ сочувствіемъ—и послѣдствіемъ этого было много разговоровъ, но дѣла и толку не было.

По всей полиціи было дано знать, что безъ вѣсти пропалъ молодой офицеръ, господинъ Козлянинновъ. Полиція стала по всей Москвѣ разузнавать и разыскивать: и въ городѣ, и въ окраинахъ, въ трактирахъ и кабакахъ, и во всякихъ вертепахъ. Оберъ-полиціймейстеръ самъ ѣздилъ на Разгуляй, главный притонъ воровъ и разбойниковъ. Говоръ пошелъ по всей Москвѣ, но собственно розысковъ въ настоящемъ смыслѣ — не было никакихъ.

А между тѣмъ, одновременно нѣкоторые изъ московскихъ жителей стали навѣдываться къ бригадиру, толковать съ нимъ о чемъ толковала вся Москва, а онъ одинъ не зналъ, и въ разговорѣ дѣлать Филисову странные, какъ ему казалось, вопросы.

— Да вамъ-то ничего невѣдомо? говорилъ одинъ.

И бригадиръ удивляясь отвѣтствовалъ:

— Да мнѣ-то почему же можетъ быть извѣстно больше, чѣмъ кому-нибудь другому!.. Что онъ былъ когда-то знакомъ съ внучкой — такъ изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы знали, какую онъ велъ жизнь и гдѣ ему голову проломили, или гдѣ онъ утопъ.

Одинъ близкій человѣкъ и пріятель пріѣзжалъ посовѣтовать бригадиру вызвать кучера господина Козлянинова и дать ему денегъ.

— Зачѣмъ это?! изумлялся бригадиръ.

— Да все лучше.

И больше пріятель ничего не сказалъ.

Двое другихъ знакомыхъ побывали у бригадира и многозначительно вставили въ свою бесѣду слова о томъ, что дѣло это хлопотливое такъ не останется, что оно дойдетъ до Питера и до государыни.

Слова были простыя, но тонъ и взглядъ собесѣдниковъ не понравились бригадиру.

— Я-то тутъ при чемъ же?!. разводилъ онъ руками.

II.

Прошло еще двое сутокъ и бригадиръ былъ вытребованъ къ генералъ-губернатору. Еропкинъ въ бесѣдѣ глазъ-на-глазъ объяснилъ Филисову, чтобы онъ вызвалъ къ себѣ кучера безъ вѣсти пропавшаго молодаго человѣка и далъ ему на чай, дабы прекратить его злостное вранье и опасное разглашеніе, вредное для имени бригадира.

Изъ этой бесѣды Филисовъ уже узналъ, что кучеръ пропавшаго Козлянинова доложилъ барынѣ своей, а она разсказываетъ всѣмъ, что въ ту ночь, когда молодой баринъ исчезъ, онъ его довозилъ до переулка, прилегающаго къ саду бригадира. Здѣсь баринъ, по его словамъ, приказалъ ему стоять до его возвращенія и на вопросы прохожихъ не говорить чей онъ и чьи сани. До утра простоялъ тутъ кучеръ, не дождавшись барина, и вернулся домой одинъ.

Бригадиръ вынесъ изъ этой бесѣды то, что̀ и слѣдовало: онъ понялъ, что судейскіе крючки, съ которыми вѣроятно барыня Козлянинова уже совѣтовалась, желаютъ запутать его въ дѣло совершенно до него не касающееся, ради того, чтобы попользоваться его деньгами.

„Ну, это шалишь“... думалъ бригадиръ, возвращаясь домой. — „Не на таковскаго напали, чтобы притянуть меня къ глупому приключенію. Изъ-за того, что онъ хотѣлъ свататься, не слѣдуетъ ничего. И никакой моей прикосновенности къ дѣлу быть не можетъ.“

Въ подобныхъ случаяхъ, когда кто-либо имѣлъ несчастье оказаться прикосновеннымъ къ дѣлу и былъ въ то же время человѣкъ съ состояніемъ, слѣдовало, по обычаю, выработанному опытомъ, осторожно держаться въ сторонѣ и гордо молчать, оставляя дѣло идти своимъ чередомъ и никакъ не давать ни единаго гроша никому. Въ данномъ случаѣ не слѣдовало, конечно, призывать кучера Козлянинновой и давать ему что-либо на чай. Помимо этого, практика выработала другой спасительный обычай: тотчасъ же, не жалѣя денегъ, а жалѣя себя, большими кушами сразу прекратить все или „замазать“ дѣло.

Братолюбцевъ, до котораго дошли, конечно, городскіе слухи, тотчасъ же явился къ Филисову, и въ качествѣ чиновника Верхняго Земскаго Суда, близко знающій судейскіе порядки, явился на помощь къ бригадиру.

— Дѣло глупѣйшее, распроглупѣйшее, сказалъ онъ.— Коли ты причастенъ къ пропажѣ молодца, такъ и я причастенъ, и вся Москва виновата... Да не въ томъ дѣло. Въ такихъ обстоятельствахъ темныхъ и диковинныхъ не виновный бываетъ виноватъ, а всегда правыи. Съ самаго начала повернулось все очень диковинно. „Гласъ народа—гласъ Божій“ сказывается по пословицѣ, а я скажу: „гласъ народа—гласъ завидущихъ.“ И надо скорѣе сему гласу заткнуть глотку. Этотъ проклятый кучеръ своимъ враньемъ все дѣло направилъ совсѣмъ особенно.

— Что̀ же мнѣ дѣлать? спросилъ бригадиръ.

— Давай денегъ. Кушъ... Давай тысячи двѣ, а то и три. Я сейчасъ начну походъ, и въ три дня все переверну. У насъ въ Судѣ надо замазать двухъ отчаянныхъ кровопійцъ, которымъ это обстоятельство—манна небесная. Кучера Козлянинновскаго вызову, ему дамъ рублей двѣсти. И черезъ два-три дня все будетъ въ порядкѣ. А такъ, съ этой болтовней, по всѣмъ московскимъ закоулкамъ долго-ли до грѣха. Ты знаешь, какъ въ нынѣшнія времена царица къ такимъ дѣламъ слухъ

прилагаетъ, какія строгости пошли. Чего добраго, обнесутъ тебя въ Питерѣ враги—и пропадешь.

— Да я-то тутъ при чемъ же?!. воскликнулъ внѣ себя бригадиръ.—Что-жь я его убилъ что-ли?

— Голубчикъ ты мой, не сердися, а разсуждай. Въ сердцѣ проку мало... Ты мнѣ скажи: знамо-ли тебѣ, что Каинъ убилъ Авеля? Отвѣчай!

— Что-жь ты шутовствуешь! Тутъ дѣло, а онъ балуется.

— Нѣтъ, я не балуюсь... А ты отвѣтствуй: убилъ-ли Каинъ Авеля?

— Ну, убилъ.

— Говоритъ-ли весь міръ, съ сотворенія міра, что Каинъ убилъ...

— Говоритъ, нетерпѣливо отвѣчалъ бригадиръ.

— Ну вотъ, видишь-ли ты. Весь міръ говорилъ и будетъ говорить... А правда-ли это — невѣдомо: свидѣтелей у сего убійства не было.

— Какъ не было?!

— Да такъ. Кто же могъ быть свидѣтелемъ? Адамъ съ Евой ничего не видали, а другихъ людей и на свѣтѣ не было... Вотъ видишь-ли ты къ чему я веду. Коли молва кого сдѣлаетъ воромъ или душегубцемъ, хотя бы совершенно безвиннаго — то изъ этого можетъ произойти, что онъ виновнымъ все-таки останется... Такъ вотъ, давай-ка лучше денегъ, а въ случаѣ чего ты въ сторонѣ, а я въ отвѣтѣ: я прикрывалъ, а не ты. Да, впрочемъ, виноватыхъ и не будетъ. На твой карманъ запустили завидущіе глаза кое-кто изъ нашихъ крючковъ... Ну вотъ, мы ихъ и удовлетворимъ. Все и устроится.

Дѣйствительно, Братолюбцевъ взялъ у друга двѣ тысячи рублей для „замазыванія“ и черезъ нѣсколько времени толки въ Москвѣ начали слабѣть. Отчасти надоѣло всѣмъ толковать все объ одномъ и томъ же. А кромѣ того прошелъ слухъ, что кучеръ повинился барынѣ въ своемъ лганьѣ и заявилъ, что онъ молодаго барина никогда въ переулокъ къ забору сада бригадира не возилъ. „Былъ онъ въ ту ночь выпимши и ему оное померещилось.“

III.

Однажды, въ тѣ же дни, около полуночи, по глухому переулку вдоль забора, отдѣлявшаго переулокъ отъ бригадирскаго сада, двигался медленно молодой парень въ рваномъ тулупѣ, со шлыкомъ на косматой головѣ и въ стоптанныхъ лаптяхъ. Одинъ лапоть, совершенно растрепанный, шлепалъ по ногѣ при всякомъ шагѣ...

Парень оглядѣлся и взмахнулъ на заборъ... Онъ прислушался съ забора—все было тихо... Спрыгнувъ въ садъ, онъ полѣзъ по сугробу и выбрался на дорожку, разчищенную и усыпанную пескомъ.

— Алёха... Ты?.. тихо послышалось въ кустахъ.

— Я, также отозвался парень.

Изъ чащи вышелъ человѣкъ огромнаго роста и вымолвилъ громче:

— Ну, Алёха... Тутъ братъ не воровать тебѣ надо... Тебя надули, кто послалъ...

— А что-же? оробѣвъ отозвался парень.

— Мертвое тѣло изъ-подъ сугроба вырыть и тащить надо! Отсюда за заборъ, въ сани и увози... Я вырою—приволоку сюда, а ты волоки за Москву.

— Куда? Что вы это?

— Куда знаешь, твое это дѣло. Увезешь, получишь поль-ста рублей...

— Это не наше дѣло. Мы этого не можемъ... жалостливо заговорилъ парень.—Помилуйте! Отродясь такого не знали...

Богатырь началъ убѣждать парня, уговаривать, но малый упрямо и боязливо стоялъ на своемъ.

— Это не наше дѣло. Мнѣ сказывали идти сюда слизнуть ящикъ съ добромъ... А мертвое тѣло... намъ на кой-же прахъ. Кака-така разжива! Ни чуточки не нужно.

Богатырь взялъ парня за плечи и выговорилъ:

— Ну, это ты балуешь. Я тебя заставлю.

Парень, мгновенно шаркнувъ отъ собесѣдника, бросился къ забору, быстро перелѣзъ обратно и былъ таковъ...

— Что-жь я теперь буду дѣлать? растерянно вымолвилъ богатырь, т. е. Герасимъ.

IV.

Между тѣмъ прошло уже 10 дней съ исчезновенія молодаго офицера, и объ немъ не было ни слуху, ни духу.

Дворовые старушки Козляниновой уже рѣшились, по совѣту приходскаго священника, служить панихиды по убіенномъ боляринѣ Николаѣ.

— Коли пропалъ, то стало быть померъ, а коли померъ молодой человѣкъ, то вѣстимо не собственной кончиной, такъ разсуждалъ священникъ.

Анна Ильинишна, и безъ того болѣзненная и слабая, свалилась окончательно. Она лежала въ постели въ полудремотѣ стараго, слабаго и съ каждымъ часомъ слабѣющаго существа. И день и ночь она тихо плакала и вздыхала, или лежала въ полузабытьѣ и бредила, называя и призывая своего Колю.

Наконецъ, однажды снова появился во дворѣ бригадира посланецъ отъ барыни Козляниновой по важному дѣлу.

Бригадиръ разсердился, даже топнулъ ногой и крикнулъ на весь домъ:

— Гони его въ шею!.. Когда я развяжусь съ этой козлятиной поганой! Какое мнѣ дѣло до нихъ!

— Онъ сказываетъ, что барыня его помираетъ, ужь причащалась и исповѣдывалась, заявилъ камердинеръ Антонъ.

— Да мнѣ-то что до этого! Помретъ послѣ исповѣди, а про меня опять на всю Москву пустятъ, что померла отъ моего отвѣта и огорченія, которое я ей нанесъ... Гони его вонъ!..

Когда Антонъ вышелъ изъ кабинета, Никита Артемьевичъ, подумавъ немного, всталъ и быстрыми шагами двинулся вслѣдъ за лакеемъ.

— Антонъ! крикнулъ онъ.—Зови его!..

Присланный посланецъ барыни Козляниновой объявилъ бригадиру, что барыня „слезно и рабски“ (такъ приказала она доложить) проситъ боярина Никиту Артемьевича дозволить ей повидаться съ молодой барышней.

— Зачѣмъ!? удивился бригадиръ.

— Не могу знать-съ. Но только барыня Анна Ильинишна, такъ сказываютъ, что онѣ помираютъ. Завтра, либо послѣ-завтра безпремѣнно, сказываютъ, собираются помереть. А по сему случаю желательно имъ повидать барышню Клеопатру Артемьевну, чтобы съ ними распрощаться. Приказали такъ: стань на колѣни и ползай въ ногахъ у барина, покуда не позволитъ онъ барышнѣ сѣсть въ карету и ѣхать.

Лакей замолчалъ, а бригадиръ стоялъ въ нерѣшительности, пыхтѣлъ и думалъ:

„Помираетъ... Что-жь, вѣдь не вретъ... Она тоже не при чемъ. У нея сына единственнаго убили... Клёна считалась чуть не невѣсткой ея. Пускай повидаются, расцѣлуются... Можетъ старухѣ отъ этого кончина спокойнѣе да тише будетъ. Богъ съ ней... Пускай. Просьбу умирающаго завсегда слѣдуетъ исполнять“.

Подумавъ про себя, бригадиръ объявилъ лакею, что барышня сегодня-же въ сумерки пріѣдетъ къ госпожѣ Козляниновой, но не болѣе какъ часа на полтора, на два времени.

Когда Марья Евграфовна, посланная бригадиромъ, объявила Клёнѣ о положеніи и просьбѣ старушки Козляниновой и о томъ, что дѣдъ отпускаетъ ее проститься со старухой, Клёна вскочила, сѣла на кровать и произнесла порывисто, какъ если-бы слово это вырвалось у ней помимо воли:

— Низачто!

Толбухина смутилась и даже отступила на шагъ.

— Низачто!.. низачто!.. никогда! заговорила Клёна.— Избави Богъ!.. Не могу я видѣть, не хочу прощаться...

Толбухина сѣла около дѣвушки и стала ее успокоивать и уговаривать. Клёна ничего не отвѣчала, или отвѣчала уклончиво, и наконецъ начала плакать.

— Ничего и не поймешь, произнесла Толбухина.— Богъ тебя знаетъ! Можно-ли было изъ-за пустаго миража такъ разстраиваться. Положимъ, что теперь ты разстроена извѣстіемъ о безвременной погибели своего предмета... Но всетаки я не пойму, какъ-же не желать увидѣться съ его матушкой, которая при смерти... Вѣдь она сердцемъ къ тебѣ расположена.

Клёна заявила наконецъ, что желаетъ подумать и дастъ отвѣтъ черезъ часъ.

Когда Толбухина вышла отъ нея, дѣвушка перетолковала съ няней своей и затѣмъ вскорѣ прислала ее доложить бабушкѣ, что она согласна ѣхать и поѣдетъ вмѣстѣ съ Ариной Матвѣевной.

Въ сумерки, какъ было указано бригадиромъ, карета съ Клёной и съ няней выѣхала со двора. Бригадиръ не хотѣлъ, чтобы экипажъ его, болѣе или менѣе извѣстный въ Москвѣ, видѣли днемъ у подъѣзда дома Козляниновой.

— Опять въ Москвѣ болтать начнутъ. И коли старуха умретъ, опять меня припутаютъ къ этимъ Козляниновымъ, рѣшилъ бригадиръ.— А ночью меньше народа болтается по улицамъ... Можетъ быть никто кареты и не увидитъ.

На этотъ разъ разсчеты бригадира не оправдались. Снова пошли по Москвѣ толки и пересуды объ свиданіи бригадирской внучки съ Козляниновой.

Свиданіе молодой дѣвушки и старухи происходило сначала глазъ-на-глазъ, а потомъ въ присутствіи одной няни Арины Матвѣевны.

Пожилая женщина-ключница, сидѣвшая безотлучно около отходящей барыни, была выслана изъ комнаты. Люди госпожи Козляниновой во время бесѣды ея съ пріѣзжей гостьей толпились за двѣ комнаты въ прихожей, разсуждая о своихъ бѣдахъ и о пропажѣ барина или его убіеніи. Людей смущало то обстоятельство, что не нынѣ завтра они будутъ, какъ говорилъ судейскій повытчикъ, людьми вольными за отсутствіемъ наслѣдниковъ и родственниковъ у барыни Козляниновой.

— Будемъ мы всѣ моровые, говорили они, и только одна ключница поправляла и говорила:

— Чего врете!.. Какіе моровые? Выморочные.

Но бесѣда барыни съ гостьей кончилась сумятицей въ домѣ. Съ барышней приключился обморокъ у самой кровати Анны Ильинишны и ее вынесли на диванъ въ гостиную.

Съ ней сдѣлался припадокъ, сдѣлались корчи и судороги. Нянюшка ея тоже тряслась всѣмъ тѣломъ, вѣроятно отъ перепуга и ужаса, а барыня у себя повторяла безъ конца:

— Божеское наказаніе... Погубители!.. Я до царицы дойду!

Когда барышня Филисова пришла въ себя и хотѣла снова пойти проститься съ барыней, то Анна Ильинишна замахала руками и заявила ключницѣ:

— Не хочу, не хочу... Богъ съ нею, съ лиходѣйкой!.. Не нужно...

Эти слова были переданы Клёнѣ. Она, плача и дрожа всѣмъ тѣломъ, усѣлась въ карету со своей няней и уѣхала обратно. А слово барыни: „лиходѣйка“, ея нежеланіе проститься съ барышней, которую она сама-же вызвала, смутили всѣхъ домочадцевъ. Вѣсть эта выбѣжала на улицу, пробѣжала по околотку, а черезъ два дня ужъ вся Москва, перепначивая и перевирая случай, разносила это по всему городу.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда бригадирской внучки, Анна Ильинишна приказала готовить карету и лошадей, укладывать вещи, собираясь ѣхать въ Петербургъ.

— Куда вамъ, матушка, Господь съ вами! уговаривала ее ключница.—Нѣшто можно вамъ ѣхать...

Но Анна Ильинишна твердымъ голосомъ приказывала все, что слѣдовало къ отъѣзду, назначенному на утро. Ей повидимому было гораздо лучше, она даже просидѣла около получаса въ постели, приказала подать шкатулку, сосчитала наличныя деньги, и рѣшила, что хватитъ на поѣздку въ Питеръ и обратно.

Зачѣмъ она вдругъ собралась—Анна Ильинишна не сказала ни слова, но повторяла безпрестанно:

— Я это такъ не оставлю!.. Я постою за бѣднаго Колю. Я до царицы дойду!

Въ домѣ и на дворѣ поневолѣ стали собираться. Карету осматривали, мазали, подвинчивали; лошадямъ задали двойной кормъ, а въ домѣ въ двѣ важи укладывали платья и кое-какія вещи.

Вечеръ и ночь Анна Ильинишна пролежала спокойно, никого не тревожа изъ людей, и на вопросы, нѣсколько разъ обращенные къ ней ключницей,— не отвѣчала ничего.

Ключница легла въ своемъ углу на тюфякѣ, брошенномъ на полу, а когда проснулась — уже разсвѣтало. Ей почудилось, что барыня кличетъ ее. Ключница, чувствуя себя виновною, что проспала безъ просыпу чуть не цѣлую ночь, бросилась къ барынѣ со словами: „что прикажете?“

Но Анна Ильинишна ничего не приказывала и приказать не могла.

Въ то время когда на дворѣ уже выкатили карету и прилаживали одну важу, какъ надо уложенную и запертую, Анна Ильинишна ужъ отправилась въ болѣе дальній путь, изъ котораго не возвращаются.

О смерти барыни ахнули всѣ дворовые; кое-кто принялся выть и причитать: другіе побѣжали за батюшкой и за гробовщикомъ. А одинъ изъ людей счелъ долгомъ, по собственной охотѣ, броситься оповѣстить всѣхъ къ бригадиру.

На похоронахъ старушки не было буквально ни единаго человѣка, такъ какъ родни у ней не было, а знакомыхъ она еще въ Москвѣ не пріобрѣла. Только посторонніе прохожіе толпились около домика при выносѣ тѣла, а затѣмъ кое-кто изъ любителей зашелъ помолиться въ приходъ на отпѣваніе.

И всюду, снова, съ пущею силой заговорили о чрезвычайномъ случаѣ, о невѣдомомъ убіеніи молодаго офицера и о послѣдовавшей затѣмъ кончинѣ бѣдной старушки-матери. При этомъ все-таки молва народная, будто у ней чутье какое, припутывала и упоминала бригадира Филисова и бригадирскую внучку.

— Кучера-то барыни Козляниновой закупилъ бригадиръ, говорили одни.—Онъ прямо показывалъ, что баринъ его запропалъ около его дома.

— Бригадирская внучка повинилась нашей барынѣ-то, что дѣдушка ейный поймалъ молодца въ саду и приказалъ холопамъ его бить! говорили люди покойной.—Били, били его бѣднаго и забили до смерти... А опосля того тѣло и сбыли съ рукъ.

— А что, братцы, да если онъ живъ? соображали нѣкоторые.—Такъ себѣ живьемъ-живехонекъ, да скрылся, въ бѣгахъ что-ль...

— Кто-жь его знаетъ... Мертвымъ никто его не видалъ!

— Да, это дѣло темное, все происхожденье сомнительно, говорилось и въ дворянскихъ домахъ.—Какъ угодно, а этакъ нельзя позволять людямъ пропадать. Они не иголки! Что-жь это такое будетъ, если этакъ начнутъ дворянскіе сынки пропадать, а тамъ за ними и старые да почтенные люди. Поѣдешь вотъ въ гости, да и пропадешь. На что похоже!..

(Продолженіе будетъ).

Забубенная головушка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **О. Шмерлинга**, грав. Бергъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Окончаніе).

Онъ провелъ Пашкà черезъ сѣни, по крутой лѣстницѣ на верхъ; затѣмъ по крытому переходу прошли они въ небольшую комнату. Лампада ярко горѣла въ горницѣ. На лавкѣ лежала женщина, покрытая шубой. Сама Мамелфа Тимоѳеевна сидѣла у изголовья, а напротивъ, застѣняя лицо спасенной, стояла Иринья Мишаничка, нынѣ и на шагъ не отстававшая отъ боярыни: таково-то вдовы слюбились межъ собой.

— Пашкà привелъ, матушка. Поглядѣть вотъ ее.

— А гляди, что-ль, Пашкò, сказала Иринья, отходя въ сторону.

Пашко даже помертвѣлъ весь, какъ глянулъ на утопленницу.

— Охъ... Маврушенька! едва слышно пролепеталъ онъ, и бросился было къ ней.

— Не взбуди ты, Христа ради, не взбуди ее! сказала Мамелфа Тимоѳеевна, быстро, словно молоденькая, вскочивъ на ноги и заслоняя собой Маврушеньку.

Киріакъ крѣпкой рукою взялъ Пашкà за руку и повелъ вонъ изъ комнаты. Тотъ шелъ за нимъ какъ сонный, и ужь въ сѣняхъ опомнился. Павъ на колѣни передъ образомъ, взрыдалъ Пашко; изъ другой комнаты слыша, можно-бъ подумать, что не молодецъ тó плачетъ, ребенокъ кричитъ.

— Слышь, Пашкò, сказалъ Киріакъ, — заночуйко у насъ. А грамотку-ту съ паробкомъ пошлю, велю сказывать, что самъ молъ задержалъ.

Пашкò вдругъ встрепенулся.

— Нельзя того, Киріакъ Андреевичъ. Крестъ вѣдь у насъ цѣлованъ, чтобъ померетъ за Великій Новгородъ, а воеводы чтò повелитъ слушаться. Въ бережи она у васъ тутъ, Маврушенька, останется. Сколько времени Господа терпѣмши, какъ и терпѣнью-то конецъ пришелъ, а тутъ-бы до завтра всего не дотерпѣть мнѣ!

Маврушенька скоро оправилась. Какъ объявилъ ей Пашкò, что беретъ ее за себя замужъ, Мамелфа Тимоѳеевна оставила ее до свадьбы у себя.

— Не òтпущу, объявила она Маврушенькиной матушкѣ. — Богъ ее ко мнѣ во дворъ привелъ — отъ меня-жь и къ вѣнцу пойде. Приданое про нея у меня, Богъ дастъ, найдется.

Маврушенька Пашку разсказала все чтò съ ней дѣялось. На другую-же ночь по выѣздѣ, Филюшко, какъ-бы опоздинвшись, остановился на ночлегъ въ лѣсу. Пробудясь по утру, она увидѣла, что однинёхонька въ лѣсу. Спасибо еще, что сумку съ сухарями да кваску бурачекъ оставилъ.

— Вѣрила вѣдь я Буяну-то, что Владыко на меня опитемью положилъ, а эта-та опитемья, знать, отъ Бога мнѣ была послана.

Натерпѣлась она всего; узнала, что злые люди живутъ, и добрыхъ встрѣтила. Выходила она, сама ужь не зная какъ, назадъ къ Волхову. Въ городъ не посмѣла идти, думала — не повѣрятъ ей, что таковотъ съ нею сталося, а скажутъ: „обманула молъ Пашкà, опять къ Василью Селифонтьевичу пошла, а нонѣ онъ знать въ зашей прогналъ ее“. Рѣшила вправо взять, въ Ладогу. Тамъ сказывалась изъ-подъ Тихвина, и назвалась Марьюшкой. Посчастливилось ей въ Ладогѣ; взялъ ее вдовецъ въ наймытки, за домомъ глядѣть: Швецъ, какъ и ея покойный батюшко. Только ей по Новугороду стосковулося, сошла въ Новгородъ, какъ швецъ ни умаливалъ, а мало вѣдь въ жоны не бралъ.

Слушая, дивился Пашкò, что онъ чуть не по слѣдамъ Маврушенькинымъ шелъ и настигнуть ее не могъ, а тамъ де обрѣсти довелось, гдѣ Божій перстъ указалъ.

Въ Новѣгородѣ не посмѣла Маврушенька идти къ матери, по угламъ жила. Гдѣ день, гдѣ два поработаетъ, а въ одномъ домѣ шила цѣлую недѣлю. На Торговую сторону и черезъ рѣку боялась даже глядѣть, а ужь идти-то туда! Разъ только, въ темныя сумерки, при чемъ частый и мелкій дождь моросилъ, и ледепецъ падалъ, она пошла взглянуть на дворъ родительскій. Заколоченъ стоитъ. Подумала: „умерла молъ моя родна матушка, да не я-ль еще ее своимъ стыдомъ во гробъ-то свела?“

Послѣдніе дни пришлось плохо. Работы вовсе не стало; не то чтобъ шить, а ужь на всякую работу напрашивалась, на самую черную, изъ-за хлѣба куска. „Не надо“, скажутъ, — а въ другомъ мѣстѣ: „И самимъ молъ ѣсть нечего, сама знашь кака дòроговь, а и моръ не далече-жь ходитъ“.

— А тутъ день не ѣмши, и другій также проходила до вечера. Вотъ и сдумала: лучше молъ чѣмъ мнѣ съ голоду колѣть на улицѣ, потоплю я себя въ проруби. И вспомнила тутъ про матушку: „жива молъ, нѣтъ-ли, на земли-ль ты будешь, аль на небеси, помолись молъ за мою грѣшну душу, мила матушка!“ Съ тѣмъ и подъ-гору. Прямо вѣдь на прорубь набѣжала. Въ воду павъ, испужалася. Со всей силы, за край проруби руками хваталася, вылѣзти думала. Ужь одно колѣнко на льду было, анъ поскользнулась да въ Волхово. И духъ было вонъ. А тутъ-то гляди, за матушкино умоленьице, Господь и спасенье свое слалъ.

Хоть свадьба и была рѣшена въ первый-же вѣнчальный день, какъ кончатся Филипповки, и Мамелфа Тимоѳеевна уже отдала приказъ, чтобъ отпуская благословляли невѣсту Киріакъ съ женой, а сама съ Лукой Аввакумовичемъ благословитъ Пашкà, а встрѣчать въ дому молодыхъ велѣла швецовой вдовѣ, — все-же Маврушенькѣ не вѣрилось, что возьметъ ее за себя Пашкò. Разъ она ему и высказала это.

— Аль въ правду ты меня за-мужъ за себя возьмешь? спросила она.

— Коли-же нѣтъ! А съ чего мнѣ было отступатися?

— Ужли-же не стыдъ брать?

— Не мнѣ стыдо-тъ, а тому злодѣю, чтò тебя до проруби было довелъ. А мнѣ въ чемъ стыдъ — что обручёну невѣсту сыскалъ, памятуя Владычне слово отъ писанія: „взыщи молъ погибшую?“ Николи-жь я тому стыду не повѣрую. Какъ миръ съ Москвой на своей волѣ возьмемъ, къ Владыку схожу, спрошу его. А вѣрно, ужь помяни мое слово, скаже онъ: „такъ молъ òно и по писанію“.

VIII.

Добили челомъ.

Великій князь стоялъ въ селѣ у Лошинскаго, одного изъ новгородскихъ „пятцевъ“. Въ воскресенье, на завтра Николина дня, въ высокихъ и свѣтлыхъ сѣняхъ боярскихъ хоромъ, псковскіе посадники и бояре, съ поминками въ рукахъ, ждали государева выхода. Долгонько ждать пришлось; у стариковъ даже ноги затекать стали, а сѣсть не смѣли, переминались съ ноги на ногу.

Жмурясь отъ солнышка, что падало имъ прямо въ очи, псковичи поглядывали направо, на ближнюю отъ окна дверь; туда ихъ приставъ съ докладомъ прошелъ. Наконецъ-то дверь отворилась. Приставъ, ставъ на порогѣ, и прикрывъ ротъ рукою, слегка кашлянулъ: „пооправьтесь молъ, идетъ сейчасъ“. Псковичи оправились, и уставили очи на отворенную дверь. Оттуда сперва

вышли отроки государевы; за ними, по два въ рядъ, стольники и бояре, всё въ пышныхъ ферязяхъ, въ золотѣ. Вотъ и государь съ братьями показался въ дверяхъ. Завидѣвъ его, псковичи челомъ ударили и затѣмъ подносили свои поминки.

Государь, сказавъ спасибо своей отчинѣ Пскову на поминкахъ, сѣлъ у окна на лавку и сталъ разсматривать золоченый кубокъ.

— Здорово-ль пришли, люди добровольные, тепло̀-ль еще испомѣстилися? спросилъ онъ.

Псковичи, благодарствуя на ласковомъ словѣ, отвѣчали, что все у нихъ ладно.

— Пушки, пищали и самострѣлы съ собой привезли-ли? освѣдомился государь.

— Все противъ твоего, государь, приказа сполнили, отвѣчалъ посадникъ Алексѣй Копановъ.—Со всею природою, съ чѣмъ къ городу приступать, пришли, какъ приказалъ намъ быть на твое дѣло государево.

— Отчину нашу Псковъ, ѣдучи, всё-ли по добру-здорову оставили? Послѣ пожару-то пообстроились-ли? съ особой ласковостью спросилъ великій князь.

— Гдѣ ужъ! по простотѣ ляпнулъ другой посадникъ, Степанъ Максимовъ. — Черезъ силу вѣдь рубились [1]) въ походъ...

— Хлѣба, муки съ собой захватили-ль? не дослушавъ его рѣчи, спросилъ государь.

— Всего, государь, навезли: и хлѣба, и муки, и рыбы, и меда, великъ обозъ купеческій, отвѣчалъ Копановъ.

— Дастъ Богъ, пищали и пушки не занадобятся, а у купцовъ мука не слежится, чай.

— Коль по началу о концѣ судить, не вдолгѣ расторгуются, скоро за новымъ обозомъ придется слать.

— Вотъ и поправка вамъ, послѣ пожару-то, подхватилъ государь, переведя очи на Максимова.— Подай вамъ, Господи, мужи добровольные. Я службы отчины моей Пскова не забуду-же. Торгуйте, расторговывайтесь... А мы вотъ, какъ съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ ни торгуемся, все въ цѣнѣ не сходимся... Ну, съ новымъ княземъ вашимъ, а моимъ намѣстникомъ, все-ли поладили? добавилъ онъ, и перевелъ глаза на Копанова.

— Дай ему Господи здоровья, во Псковѣ княжа, отвѣчалъ тотъ.

— Послѣ прежняго-то всякъ сладокъ окажется, по простотѣ бухнулъ Степанъ Максимовъ. — Такого вѣдь насильника, какъ Псковъ сталъ, не видѣли.

— Что̀ ужь такъ? прихмурясь государь спросилъ.

Максимова и свои-то сзади и съ боковъ толкали. и видѣлъ онъ, что государь притуманился, да какъ-же ему было на спросъ государевъ не отвѣтить?

— Довольно то̀ сказать, что какъ послѣ всѣхъ-те обидъ его, въ Москву поѣхалъ, а Псково-тъ, того не рядя [2]), ему на всякъ станъ кормы съ честью ставили, и тутъ онъ приставы и старость губскихъ, которые ему чествовали, повязавъ...

— Ну, что̀ ста̀ро, Степанъ Максимовъ. поминать! прервалъ его рѣчь Копановъ. — Лучше станемъ-ко государю своему служить по старому, а Государь Великій по старинѣ-жь насъ будетъ жаловать.

— И пожалую, твердо отвѣчалъ государь, и замѣтивъ, что дверь со двора отворяется, приподнявъ голову, сталъ смотрѣть, кого молъ Богъ даетъ.—А! вотъ кто, Өедоръ Давыдовичъ пожаловалъ, сказалъ онъ. — Ну что̀, каково у васъ торго-тъ тамъ идетъ съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ? И не дождавшись отвѣта, вновь обратился къ псковичамъ: — На васъ сошлюсь, мужи добровольные, вамъ о своемъ горѣ попечалуюсь. Слалъ ко мнѣ вашъ старѣйшій братъ, своей волей, сами знаете, пословъ своихъ, подвойскаго да дьяка Вѣчьнаго; звали меня съ сыномъ моимъ государи себѣ, а послѣ на вѣчѣ заперлися [1]), ложь на меня положили. Ну, эту вину, обличивъ, и простить-бы мочно, только-бъ напредки поисправились. А въ исправленья мѣсто, того мы дождались, что вновь послы новгородскіе передъ моими бояре во всемъ томъ заперлися. Какъ скрутилъ ихъ малепечко, тогда лихъ повинилися. Да и то вѣдь!.. Бьютъ чуть не ежедёнъ челомъ, а какъ добить не сдогадаются... Охъ, истинно есть писано, что коли молитъ молъ „врагъ твой веліимъ гласомъ, не вѣруй ему: седьмь бо есть лукавствій въ души его“. А у Господина Великаго Новагорода не всѣ-ли восемь будутъ? добавилъ онъ и усмѣхнулся.

Тотчасъ-же усмѣхнулись и всѣ бояре московскіе, при чемъ старались, чтобъ ихъ усмѣшка вышла въ полъ-усмѣшки государевой.

— А и повинясь, печаловался государь псковичамъ,— коротилися... туда-жь, куда песъ возвращается. Какъ я на миру къ нимъ приходилъ, били мнѣ на бояръ своихъ челомъ, что грабежи де и наѣзды чинили. и приказалъ я тѣхъ бояръ въ Москву яти; нынѣ-же, какъ съ войскомъ пришелъ, вновь челомъ бьютъ чтобъ пожаловалъ, тѣхъ насильниковъ съ Москвы, вотчину мою Новгородъ грабить, отпустилъ... А кто-жь въ печальникахъ? гляжу, анъ прежніе мои-жь челобитчики: на кого челобитье клали предо мной, о тѣхъ безъ стыда печалуются. Разсудите-жь меня, мужи добровольные, съ моей отчиной, Великимъ Новымгородомъ, по совѣсти; а я къ своей лихой бѣдѣ никакъ ума не приложу.

Судили или нѣтъ про себя мужи добровольные своего государя съ его вотчиной, то Богъ вѣсть; только вслухъ о томъ они ни словомъ не заикнулись.

— О чемъ-же, бишь, еще-то я предъ вами хотѣлъ попечаловаться? А! вспомнилъ, далъ Богъ! Государьства нашего хотятъ, а во всемъ-то указываютъ, и въ томъ даже сколько съ сохи дани взять, урокъ намъ чинятъ. Ино которое-жь то̀ государьство наше? Изъ чужихъ рукъ держать его будто и не приходится.—И помолчавъ, къ Өедору Давыдовичу: —Да вы полно эти слова мои, что урокъ они мнѣ чинятъ, имъ сказывали-ль?

— Смѣемъ-ли, государь, мы, холопи твои, грознаго велѣнья твоего ослушаться? отвѣчалъ бояринъ.

— То-то же. А про то имъ докладывали-ль что тако̀ва мы государства хотимъ, какъ держимъ наше государьство въ Низовской землѣ, на Москвѣ?

— И о томъ толковали имъ, государь.

— Ну? вспыхнувъ очами, спросилъ великій князь.

— А таковъ отвѣтъ услышали, что бьютъ молъ челомъ Великій Новгородъ, пожаловали-бы государи свою отчину: явили-бы то, какъ ихъ государству быти въ Новѣгородѣ, занеже, скажутъ, „отчина твоя, господине, Великій Новгородъ, пошлины Низовскія не знаютъ, какъ молъ государи Князи Великіе свое государьство держатъ въ Низовской земли“.

— Гдѣ знать! какъ-бы вѣря новгородскому слову сказалъ государь.

— А все врутъ вѣдь, мятежники! отвѣчалъ Өедоръ Давыдовичъ.—Мы съ Тучковымъ не мало диву дались, и за досаду-жь намъ стало, какъ таковъ отвѣтъ услышали. Не мы-ль сами на лапскомъ [2]) вѣчѣ, нельзя явственнѣй, про государство-то явили имъ? Тѣми-же словами и сказывали, что вотъ молъ какого государьства государи князи великіе хотятъ.

— Ладно молъ. Ждутъ, видно, подмогушки съ которой ни есть сторонушки. Да намъ-то ждать нечего.—И подумавъ, государь какимъ-то крутымъ голосомъ сказалъ:— Прямо имъ. Өедоръ Давыдовичъ. скажи: вѣчу не быть молъ. колоколу не быть: вотъ государьство московское. А еще помни: копейнаго [3]) съ нихъ ни рубля не возьму,

[1]) То есть: снарядились; собственно: верстались кому сколько воевъ выставлять и съ какими доспѣхами.

[2]) То есть: не ставя въ рядъ, или строку; не взирая на то.

[1]) Отперлися,—стали оспаривать, прю затѣяли.

[2]) Ланской—прошлогодній. Годъ числился съ 1 сентября.

[3]) Копейное—контрибуція.

Любопытные. Картина Д. Скутецкаго, грав. Кнюмзе.

Была роскошная весна... Картина К. Швенингера, грав. Пейне.

тѣмъ ихъ жалую, а въ того мѣсто сёла и волости, которыя нынѣ за Великимъ Новымгородомъ, намъ-бы дали. Будутъ де, скажешь, тѣ села и волости наши, государевы, какъ въ Низовской землѣ. А безъ государевыхъ де селъ и волостей государство не стоитъ.

Грозно и властно сказавъ свое велѣнье, государь обвелъ глазами своихъ бояръ, и какъ-бы спрашивая ихъ совѣта, добавилъ:—А что били они челомъ, чтобъ вывода [1]) изъ Новагорода не было, да въ боярскія вотчины намъ не вступатися, йно тѣмъ, думаю, мочно ихъ и пожаловать. А быть какъ вы приговорите.

Боярская дума то-же приговорили, что̀ государь указалъ.

— Такъ-то скорѣе уладимся. Загостились мы въ Новѣгородѣ, на Москву время. Ступай-же, Ѳедоръ Давыдовичъ, повѣствуй имъ слово мое твердо, безъ грозы; гроза не надобна. Вѣжливенько сказывай. А въ волости молъ и животы боярскіе не вступится, того не наслись-бы [2]). Чуть что̀, ты эти слова и тверди имъ, чтобъ не наслись-то. А вывода молъ не будетъ-же. Ступай... Аль стой! заодно ужь сказать: какъ о государствѣ добьютъ челомъ, такъ скажешь, чтобъ на мое имя крестъ цѣловали, весь Новгородъ: и бояре, и житьи, и молодшіе люди, и вдовы, и жены боярскія.

И по уходѣ Ѳедора Давыдовича, посмѣялся самъ:— До чего дожили, а? что съ бабами, не на печи сидя, воевать пришлось. А? что-то вы, люди добровольные, про то скажете?

Ничего не сказали псковичи. Какъ услышали они, что Вѣчьному колоколу не быть въ Новѣгородѣ, такъ сердце у нихъ ущемилося; едва-едва удержались отъ слезъ. „Скончался молъ старѣйшій братъ, и молодшему не долго жить. Знамо де: кошку бьютъ, невѣсткѣ наметку даютъ“.

— Простите ужь, мужи добровольные, вновь заговорилъ государь,—за торгомъ-то новгородскимъ отпустить васъ забылъ. Что̀ сказалъ вамъ, еще подтвержу: по старинѣ отчину нашу Псковъ будемъ жаловать. Да и Новгородъ!.. не выступи онъ самъ изъ старины своей, и впредь жилъ-бы по своей пошлинѣ. Разбогатѣлъ, привередливъ сталъ: Москва не красна ему, на Литву давай заглядываться. Чужихъ людей пустить въ свою отчину хозяйничать—послѣдне то̀ дѣло есть, сами знаете. А на васъ, отчину мою, я надѣюся: на Литву не позаритесь, къ Нѣмцамъ не приступитесь.

Псковичи даже перекрестились: какъ де на зловѣрныхъ позарясь, отъ своихъ отступиться?

— И прародителямъ твоимъ, государь, сказалъ Копановъ,—мы, отчина твоя и дѣдина, всегда были искони неизмѣнны и неотступны, и впредь о томъ-же Бога молимъ, чтобъ вамъ, государямъ, и внукамъ и правнукамъ вашимъ по старинѣ служить.

— По старинѣ служба, по старинѣ и жалованье. И мнѣ не забыть-же, что вы первые въ своей грамотѣ меня Русьскимъ царемъ звали. Ступайте-же и помните!

Межъ тѣмъ новгородскіе послы, услыхавъ отъ государевыхъ бояръ, что великіе князья хотятъ такого государства, чтобъ колоколу Вѣчьному не быть и посадника отложить, не дали никакого отвѣта: „ѣдемъ молъ въ городъ да о томъ скажемъ Новугороду“. Послы изъ бояръ и житьихъ проѣхали къ Владыкѣ, а тѣ что̀ были отъ черныхъ людей, по одному съ конца, отпросились у Владыки домой.

Послы, передъ тѣмъ какъ у Владыки за обѣдъ сѣсть, разослали бирючей, и владычнихъ служекъ, и своихъ паробковъ по степенныхъ посадника съ тысяцкимъ и по всѣхъ бояръ, съ наказомъ чтобъ на-спѣхъ въ палатѣ собиралися. Какъ только степенные вошли въ палату, и Владыко съ послами туда-же шелъ; сейчасъ-же, не ожидая пока съѣдутся остальные, послы стали докладывать о томъ, что имъ сказали государевы бояре.

Вновь пріѣзжавшихъ оповѣщали уже знавшіе, что такъ молъ и такъ. Всѣ, выслушавъ, терялись, какъ люди которымъ пришли сказать, что ихъ пріятель, съ кѣмъ они сейчасъ сидя въ комнатѣ весело бесѣдовали за виномъ, выйдя въ другую горницу, въ одночасье преставился.

— Охъ, Господи, пронесетъ-ли еще эту тучу-то мо̀рокомъ! привздохнулъ степенный посадникъ, думая о томъ, что̀-то молъ на Дворищѣ будетъ, какъ придется объявить эту вѣсть.

— Ни, Ѳома Андреевичъ, на вѣкъ та туча стала надъ Новымгородомъ—ни которымъ вѣтромъ не сдвинется, сказалъ степенный тысяцкій.

— Полно-ко, Василей Есиповичъ, найдется вѣтеро-тъ, найдется, да еще и сильню бурю вздвигне, скажи. Знай-молъ, крѣпи парусовъ, отвѣчалъ Коробъ. — А только, вѣстимо, кормщика надо понадежнѣй взять, добавилъ онъ, нагло кивнувъ головой на степеннаго посадника.

И Яковъ Ѳедосѣевичъ самовольно возмнилъ себя степеннымъ посадникомъ, надежнымъ новгородскимъ кормщикомъ. Тѣмъ временемъ, многіе уже бояре съѣхались, и оправившись отъ перваго испуга, стали межъ собой все громче и громче разговаривать.

— Что̀ ужь тутъ дѣлать учнешь! сказалъ Ѳома Андреевичъ на вопросъ одного боярина, и руками о полы ударилъ.

— Знамо биться намъ! закричали многіе. — Нешто задаромъ отдавать Новгородъ? Лучше - жь померетъ намъ всѣмъ до послѣдняго.

— Стойте-ко-сь, возвыся голосъ сказалъ Коробъ.— помереть-то всегда поспѣете. А биться, нѣтъ-ли Новугороду, не въ нашу мѣру тако дѣло вершить: на Дворищѣ о томъ рѣчь буде.

— На завтра-жь вѣче созвать!.. Чего тянуть!.. на завтра-же! заговорили со всѣхъ сторонъ.

— Куды спѣшишь-то, да и съ чѣмъ еще? Диви-бы каку вѣсть радостну стали являть.

— А были-жь, Яковъ Ѳедосѣевичъ, и черны люди съ вами въ послахъ, сказалъ Ѳома Андреевичъ,— скажутъ-же своимъ слово государево: не скроешь вѣдь.

— Аль я сказывалъ, чтобъ имъ рты позашивать? огрызнулся на него Яковъ Ѳедосѣевичъ. — Знамо, станутъ сказывать. А коль о̀ны скажутъ, такъ намъ-то для-ча-жь являть спѣшишь? Пусть - ко народушко, узнавъ, сдумаетъ. А сразу-то всѣхъ да однимъ о̀бухомъ шеломить, бы̀дто и не приходится. И о̀ны, москвичи-те, и йны всяки народы что̀ за ними потянулися, пусть-ко тѣмъ временемъ пріѣдятъ что̀ изо Пскова навезено. А тамо-т-ко, гляди, и ростопель.

— Да ты что̀ жь, Яковъ Ѳедосѣевичъ, сдумалъ-то? стали его спрашивать:—биться, вишь, успѣемъ еще, да и вѣче не въ угоду жь ему.

— А вотъ послушайте-ко, отцы и братія, а тамъ ужь и сказывайте, что нашему уроду все не въ угоду молъ. Може и мнѣ что̀ въ угоду окажется.—Коробъ помолчалъ. — Прямо стану сказывати. Быть бою, аль нѣтъ, то̀ Богъ вѣстъ да народушко. Божій же гласъ, скажутъ. Мы-ль москвичей изможемъ, аль о̀ны насъ, Господня же власть. А намъ... полно-ко намъ, господо̀, отъ бѣды отворачиваться, аль боясь на нее взглянуть жмуриться. Смѣло ей, бѣдѣ-то, въ очи глядѣть научимся. Такъ станемъ говорить, что Вѣчьнаго колокола—нѣтъ его въ Новѣгородѣ, и посадничество отложено. Попытаемъ тутъ у него, что̀ онъ оставитъ-то намъ.

— А безъ колокола, развѣ лысый бѣсъ намъ останется, буркнулъ Юрьи Репеховъ.

— Охъ, много еще, Юрьи свѣтъ Сергѣевичъ, много

[1]) Выводъ—переселеніе.

[2]) Не опасались.

останется. Цѣлыхъ пять ихъ, статей, я придумывалъ. А по времени еще надумаемъ. Тоже при старомъ князѣ, какъ вѣчны грамоты отложили. думали ужь, что конецъ Новугороду. А вотъ же прожили. И безъ вѣча протянемъ же, до... хоть такъ сказать: до Велика дни Новгородьскаго.—Коробъ помолчалъ, утѣшаясь тѣмъ, что всѣ съ жадностью ловятъ каждое его слово. — А о статьяхъ теперь. Перва статья. чтобъ вывода не чинилъ изъ Новагорода, потому: выведетъ что ни е лучьши роды, которы намъ надобны. Друга статья, чтобъ въ вѳлости бóярски. ни въ земли, ни въ воды ихъ, ни въ животы нани не вступался бы. Разоривъ, обезсилитъ. А ужь третью статью, не такъ-ли сказывать, чтобъ позвовъ на Москву не было, а судъ бы у насъ былъ. какъ испоконъ сталъ въ Новѣгородѣ. Еще статья: чтобъ на службу въ иныя земли наряду не чинилъ изъ Новагорода; а то въ разны стороны разъѣдемся, ничего ужь не сдумаемъ. А тутъ, знамо, у Владыка въ палатѣ не велятъ сидѣть—у Настасьи жь у Григорьевичевой сѣни будутъ просторныя. По мыслу-ль вамъ, господó, статьи-те мои?

Всѣ хвалили Якова Ѳедосѣевича, и бодрѣй стали глядѣть.

— А пята статья ужь сáма главная. Коль ее отстоимъ, дастъ Богъ, оживетъ Новгородъ. О томъ статья, что на всемъ, о чемъ я вамъ сейчасо-т-ко сказывалъ, крестъ бы онъ намъ цѣловалъ, слово свое крестомъ крѣпилъ.

— Этого и не пойму ужь, снова прервалъ Коробову рѣчь Юрьи Репеховъ.

— Сейчасъ и пóймешь вѣдь, Юрьи Сергѣевичъ, важно и спокойно отвѣчалъ Коробъ.—Кому кресто-тъ цѣловать буде? Великому Новугороду. А поцѣлуе крестъ, апъ живъ стоитъ Новгородъ. Не цѣлуютъ вѣдь креста мертвому.

Всѣ встрепенулися, какъ незапно разбуженные отъ сна.

— Да и такъ скажемъ, что не Новугороду крестъ стане цѣловать, а къ намъ однимъ только, къ бóярамъ новгородьскимъ. И тутъ уцѣлѣетъ же хоть мáло гнѣздушко. гдѣ намъ птенцовъ искормить. а ему жь нъ пагубу. И такó дѣло вáжно, это крестно цѣлованьице, что и сказать нельзя. Такъ вѣдь думаю, что всячески его добиваться надобѣть. Не похоче самъ, станемъ челомъ бить, чтобъ пожаловалъ, боярамъ своимъ цѣловать велѣлъ. А и тò не въ угоду ему, пусть намѣстникъ, которому быть въ Новѣгородѣ, цѣлуе же крестъ.

Тутъ Яковъ Ѳедосѣевичъ услышалъ себѣ такую хвалу, какой отродясь не слыхивалъ. И благодарствуя осподѣ своей, Коробъ про себя думалъ: „вышелъ я, какъ тотъ камень, его же небрегоша молъ зиждущіи, сей бысть во главу угла.“

— Напослѣдокъ ужь молвлю словечушко еще посмѣлѣй, остáтнее, сказалъ онъ.— Нечего ужь намъ межь собой таиться-то. Сказывалъ вотъ Василей Есиповичъ, что стала молъ туча-та на-вѣкъ надъ Новымгородомъ, ни которымъ де вѣтромъ съ мѣста не сдвинется. А я вамъ гòворю, что далѐче ту тучу вѣтеръ òтнесе — въ самоѐ Москву, а тамо-т-ко óна. грóзна, прóльется. Спохватится жь и король честный. И ему вѣдь лакомъ кусъ, Велико-тъ Новгородъ.

— А въ ту пору, вскричали ему въ отвѣтъ, — станемъ тебѣ, Яковъ Ѳедосѣевичъ, бить челомъ, чтобъ ты въ Новѣгородѣ посадничалъ. до вѣку!..

IX.

Бѣда и пабѣдки.

Нашко правду говорилъ Киріаку Андреевичу что тугая жизнь пошла въ Новѣгородѣ. Протянувъ цѣлую недѣлю, пережевавъ вдосталь Коробовы мысли, послы опять потянулись въ село бывшее Лошинскаго. На сей разъ черныхъ людей съ собою не брали; поѣхалъ Владыко со старыми посадниками.

Напрасно ждалъ Новгородъ съ чѣмъ воротятся послы отъ государя: послы какъ сквозь землю провалилися; недѣля прошла, святки настали, другая недѣля минула, а о послахъ ни вѣсточки.

Всѣ давно знали, что государь повелѣлъ Вѣчьному колоколу не быть и чтобъ посадничество отложили; по посадникъ зачѣмъ-то еще торчалъ въ городѣ и вѣче сходилось на Дворищѣ. Ничего сдумать не могли: надвое распался Великій Новгородъ. Одни кричали: „номереть хотимъ за Святую Софею;“ другіе мыслили за государя задаться. Съ тѣмъ и вѣче расходилося. Холодъ и голодъ, между тѣмъ, свое дѣло дѣлали. Холодъ дворы да амбары раскрывалъ, а кое-гдѣ добирался и до кровель; голодъ что день, то больше трупья выметывалъ на улицу.

Въ четвертый день рождественскихъ праздниковъ, въ воскресенье, въ Дѣтинецъ набилось много народу, пришли по обычаю поклониться святынѣ новгородской.

Сойдясь, пародъ не расходился. Толковали о послахъ. чтò съ ними сталось; другіе говорили: „что молъ о послахъ думать, коли не вѣдомо что и съ Новымгородомъ содѣялось?“ Степенные градоправители, узнавъ что народъ какъ бы вѣчемъ у Софіи сталъ и выкликаетъ ихъ, поспѣшили въ Дѣтинецъ. Взойдя на крыльцо, они здоровались съ народомъ, кланяясь на три стороны.

Приговорилъ народъ: быть вѣчу. и степенные своей осподы и братіи не ослушались. Ставъ впереди народнаго множества, Ѳома Андреевичъ со всѣмъ вѣчемъ пошелъ чрезъ Великій мостъ съ Софійской стороны на Торговую.

Много народу къ вѣчу на дорогѣ пристало, а какъ стали бить въ колоколъ видимо-невидимо набѣжало. Только что степенный Ѳома Андреевичъ вздумалъ было рѣчь держать, самъ хорошенько не зная чтò говорить въ такой бѣдѣ, какъ послышались крики, чтобъ дали дорогу воеводѣ новгородскому. Съ рундука видно было, что князь Василей Васильевичъ Шуйскій-Гребенка, съ немногими паробками, въѣхалъ на коняхъ на Дворище.

Сошедъ съ бѣлаго коня, князь пошелъ межь народомъ къ Вѣчьной избѣ. Взойдя на помостъ, онъ, помолясь, кланялся на всѣ четыре стороны и благодарствовалъ за-хлѣбъ за-соль Господину Великому Новугороду.

— Какъ служилъ я Господину Великому Новугороду, говорилъ онъ, — и до-вѣку служить бы радъ. А только слышу, господо, что повелѣлъ государь въ отчинѣ своей Новѣгородѣ вѣчьному колоколу не быть, а посадничество отложить. Ино. господо, моя служба вамъ впредь не надобна. Слагаю жь съ себя потому крестно цѣлованье къ Господину Новугороду Великому. Не стало господаря—и слуга воленъ сталъ. А вамъ, господо, всему Великому Новугороду, на-хлѣбѣ, на-соли, на кормахъ новгородьскихъ еще разъ челомъ бью. Дай вамъ, Боже, всякаго обилія.

И поклонясь на всѣ стороны, князь тихо сошелъ съ рундука, и народъ, молча разступаясь, очищалъ ему путь.

Нежданно воевода сложилъ съ себя крестное цѣлованье. У всѣхъ сердце пало. Доселѣ все еще какъ-то не вѣрилось, еще теплилась надежда въ душѣ новгородской. А теперь и воевода отъ Господина Новагорода Великаго, какъ отъ мертвеца. отступился!..

Долго домашнимъ не вѣрится. что вовсе скончался дорогой покойникъ: нѣтъ. нѣтъ да и шевельнется въ глубинѣ сердечной, что спитъ молъ онъ, оживетъ сейчасъ. А покойника не только въ домовину положили, но уже и на погостъ изъ дому понесли. Такъ, послѣ словъ князя Шуйскаго, поняли новгородцы, что ихъ волю понесли уже на погостъ: зарыть оставалося.

— Не кручиньтесь же, стали бояре ободрять народъ,—межь собой поговоря, иного воеводу поставимъ.

— А кого жь тотъ воевода въ бой поведе? стали кричать въ народѣ.—На голодно брюхо и топоръ тяжелъ, а не то чтобъ въ доспѣхахъ!... До чего вѣдь довели!.. И сытые нынь, скажи, живутъ въ проголодь... Моръ въ городѣ!..

— А вотъ послы... взговорилъ было Ѳома Андреевичъ.

— А что послы-те? гдѣ оны еще? безъ толку перебили его.

— Нѣтъ, стой, молчи, пусть *онъ* кàже, говорили другіе, тыча пальцами на посадника.—А что послы-те? О чемъ еще у нихъ говорка была?.. Нашихъ, не бось, черныхъ, въ тотъ разъ взяли, какъ вѣчу не быть... А о чемъ такомъ говорка была?.. Знамо бояра свои животы берегли... Ну, стой, пусть *онъ* каже... Пошто молчишь-то?.. Аль у тебя языка во рту нѣтъ?..

— Знамо сказывали, о чемъ было наказано, растерявшись отвѣчалъ степенный посадникъ.

— О чемъ же доподлинно?

— А миромъ же думали. Шолоньско докончанье покрѣпить думали. А онъ, вишь, государства похотѣлъ. На томъ словѣ и ўперся что государства молъ...

— А послы-те что жь?

— Гдѣ ужь перечить, знамо потакивали...

— То-то вы Новгородъ и протакали! съ горькимъ смѣхомъ отвѣчали ему.

— Что ужь!.. Божья власть, сказалъ посадникъ, разводя руками на новгородскую бѣду.

— А нонѣ оны съ чѣмъ же у государя-тъ застряли?

Ѳома Андреевичъ сталъ перечитывать всѣ статьи Коробовы.

— Такъ и è что о своихъ животахъ пеклись... А мы тѣ животы порастрясемъ еще!.. У, толстобрюхіе! Имъ и горюшка мало, что крестьяна мрутъ... Гляди каки глàдки стоятъ; ни одинъ, небось, съ голодухи не осунулся!..

— Гдѣ же, отцы и братія, съ укоризной сказалъ Ѳома Андреевичъ, — гдѣ же объ однихъ животахъ своихъ пеклись?.. Не правда вѣдь... О всѣхъ, гляди, думали, о всемъ Господинѣ Великомъ Новѣгородѣ... хоть бы судъ взять...

— А самому тебѣ на тотъ лестный судъ стать!..

—А позвы еще, аль чтобъ наряда не чинилъ?..

— А намъ, видно, господо, свой нарядъ чинить... А каковъ нарядъ?.. Знамо на дворы на боярски!.. Не мереть же съ голоду... У, толсторылые!.. На свою голову ихъ на степень ставили... Сбавимъ ужо жиру-ту съ васъ!.. Разъѣлися!.. Кровью-то нашей понасытились!.. Ишь черева-те торчатъ!.. А мы ту тяготу раздѣлимъ вѣдь!.. До чего довели!.. Ни стыда нѣтъ въ нихъ, ни совѣсти... Черти окаянные!.. Грабители, мучители!..

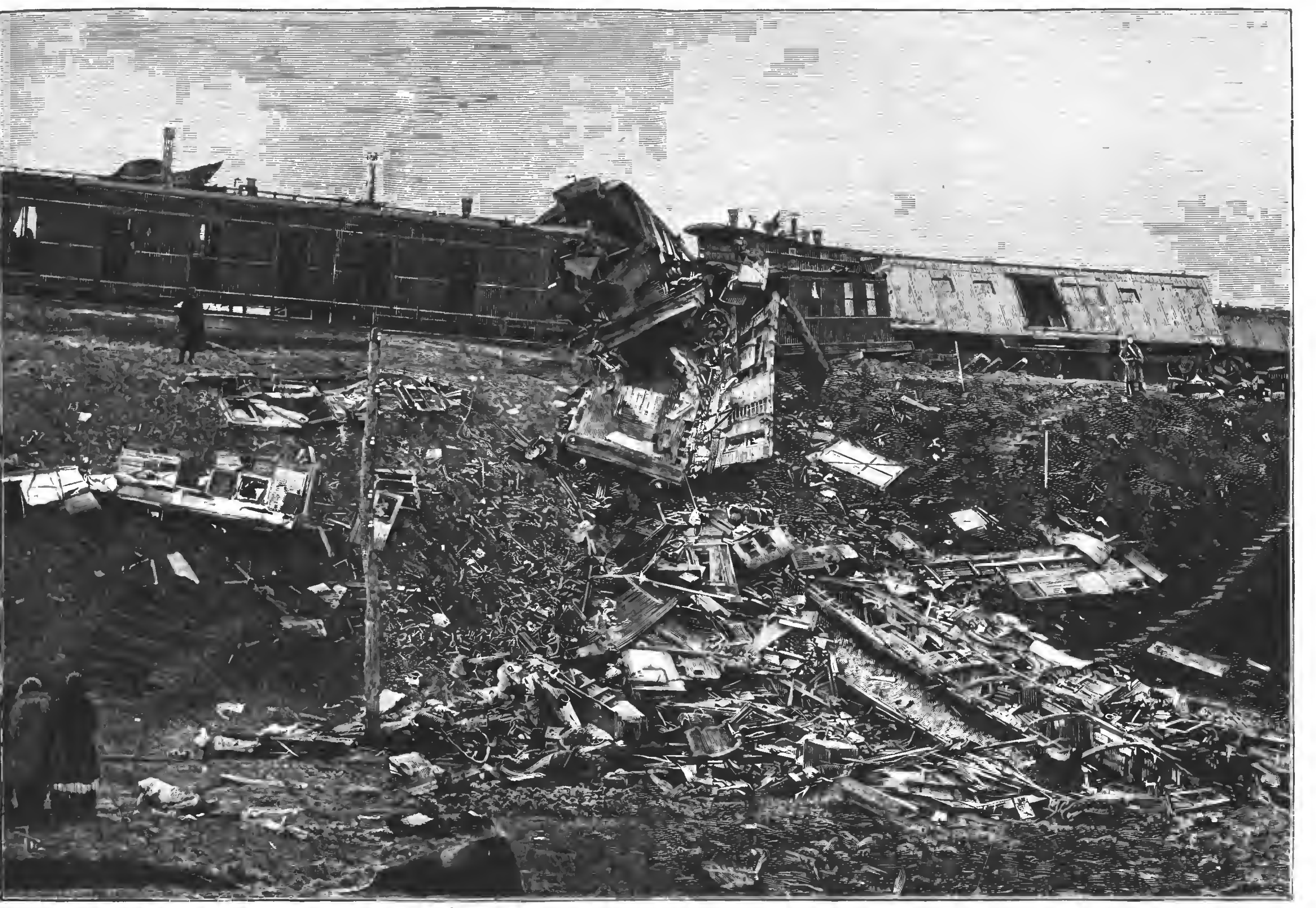
Слыша брань и поношеніе, степенный Ѳома Андреевичъ впервые въ жизни опустилъ со стыда сѣдую голову. Изъ потупленныхъ очей крупныя слезы капали на рундукъ.

— Что галдѣть-то!.. Доспѣхи вздѣнь, за топоры примайся!.. Съ холоду-тъ разогрѣемся!.. Не однимъ же имъ, толсторылымъ, жрать!.. И медку попьемъ!..

— А что, господо, не добро, слышьте, затѣвается, по домамъ бы, что-ль, намъ, посовѣтывалъ Василей сермяжникъ своимъ уличанамъ.

Исполинскіе кактусы въ Аризонѣ. Рис. Кронау, грав. Кезебергъ.

Обломки людской и Министерскаго вагона. Поварская. Вагонъ электр. освѣщ. и багажнаго отдѣленія.

Катастрофа 17 октября близъ станціи Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Обломки разбитаго министерскаго вагона.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

— И то, Пашко подтвердилъ. — А не въ грабежчики жь намъ, прости Господи.

И многіе славчане по домамъ пошли. Глядя на нихъ всѣ, кто поразумнѣе, потянулись съ Дворища. Вѣче долго еще, впрочемъ, не расходилось, а разошлось не за добромъ.

На другой день и послы воротились.

— А всѣ вѣдь статьи, докладывалъ Коробъ въ палатѣ, — которы тута мы придумывали, всѣ вѣдь безъ слова отдалъ, и безъ разговора всѣмъ тѣмъ отчину свою жаловалъ. А стали просить чтобъ крестъ цѣловалъ, выслалъ бояръ сказать: „не быти молъ моему цѣлованію“; о боярахъ замолвили, чтобъ оны цѣловали, и то отмолвилъ; напослѣдокъ о намѣстникѣ, чтобъ хоть онъ крестомъ покрѣпилъ — и на то не согласенъ. Знамо государи своимъ боярамъ, аль народу не цѣлуютъ креста, а только инымъ господамъ, государямъ же. Тутъ ужь, не зная какъ быть, стали опасной грамоты просить, чтобъ явить обо всемъ Новугороду. И опаса не далъ же. Думали мы что вовсе ужь померли. Эти двѣ недѣли какъ бы въ полону прожили. Хоть то бы вымолить, чтобъ не чрезъ высылку боярьску, а отъ устъ его слышати чѣмъ буде свою отчину жаловати. Нынѣ только къ себѣ допустилъ, и всѣмъ чѣмъ просили пожаловалъ, опричь, знамо, крестна цѣлованія. Туть, челомъ ударивъ, вышли мы, а онъ бояръ къ намъ выслалъ, селъ и волостей себѣ прося. А мы Новугороду то явить отпросилися. А нынѣ что вы, отцы и братія, сдумаете...

Такая-то тугая жизнь шла въ Новѣгородѣ. Больше всѣхъ Лука Аввакумовичъ тужилъ; такъ, по крайности, ему самому думалось. Онъ сиднемъ дома сидѣлъ. Добраго на улицѣ ни увидать, ни услыхать было, особенно въ эти послѣдніе дни. Развѣ о мертвое тѣло конь споткнется, да крикъ грабежный донесется издали. Какъ у пророка Исаіи писано: „скоро плѣни, нагло расхити“. Во всѣхъ боярскихъ дворахъ сторожа была удвоена; наробки въ доспѣхахъ и день, и ночь. На Дворищѣ для ругни сходилися, да за тѣмъ еще, чтобъ сдумать кого грабить нынче. Бояре на народъ вставали, народъ на бояръ. Какъ пьяный шатался Великій Новгородъ.

Лука, какъ услышалъ, что вѣчу не быть, въ тотъ-же день положилъ въ монастырь идти. Хлопоталъ о томъ, чтобъ отписать волости и села на монастырь, да притомъ бѣдную родню дальнюю не очень обидѣть. Хлопоты вышли долгія. Много также роздалъ Лука неимущимъ. Каждый день у него въ стряпущей пекли хлѣбы, и ставили, прикрывъ убрусами, на столахъ въ сѣняхъ. Кто нуждался, шелъ прямо въ сѣни и перекрестясь хлѣбъ бралъ; кто два бралъ—и тому не возбраняли.

То внѣшнее горе, котораго такъ желательно ждала Марья Олександровна, давно ужь настало. И чѣмъ круче оно обвивалось вокругъ Новагорода, тѣмъ свѣтлѣе становилось въ душѣ молодой боярыни.

Ея Васенька, послѣ нежданнаго разговора съ Настасьей Петровной, долго еще хмуръ ходилъ. Услышавъ о томъ, что Киріакъ собирается жениться, онъ вдругъ встрепенулся какъ отъ толчка.

„Не глядя на ея красоту, ину за себя беретъ“, думалъ онъ. „А холостъ-же ходилъ, и Настасья его пуще моего приманивала. А я-то ревновалъ его... Стыдно вѣдь... отъ молодой жены-то...“

И Василей Өедоровичъ какъ съ горы посмотрѣлъ на свое прошлое безуміе. Малъ и ничтоженъ показался онъ самому себѣ.

„Все отъ бездѣлья, что дѣла-ть настоящаго у меня нѣтъ“, рѣшилъ онъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ перестал засиживаться въ Настасьиныхъ сѣняхъ. Скажетъ что̀ бабушка приказала, да и домой скорѣй. Разъ Григорьевичева вздумала его удержать.

— А что мнѣ безъ-толку по чужимъ сѣнямъ слоняться? отвѣчалъ Василей Өедоровичъ. — Лучше-ко я дома съ семьей посижу. Да и говорить болѣ, Настасья Петровна, не о чемъ... Развѣ то сказать... сама, поди, слышала... что Киріако-тъ Андреевичъ женится. Упаву, скажутъ, за себя беретъ, такой-то молъ нѣтъ и въ Новѣгородѣ.

Настасья Петровна язычекъ прикусила.

Съ малаго вѣча, гдѣ Лука рѣчь держалъ, еще болѣе воспрянулъ душой Василей Өедоровичъ. Доселѣ, разсказывая бабушкѣ о томъ, чего наслушался въ палатѣ, онъ говорилъ чаще съ усмѣшкой, а тутъ съ горящимъ лицомъ, съ восторженнымъ взоромъ:

— Вотъ мужъ, истый мужъ! твердилъ онъ.

Много и долго говорилъ онъ потомъ съ женою о Лукѣ, всегда заканчивая рѣчь тѣмъ-же возгласомъ:

— Такимъ-бы и мнѣ далъ Богъ сдѣлаться! А, Марьюшка?

Марьюшка не нарадовалось, глядя на мужа. Ея былыя мечты теперь сбывалися. На этомъ сближались мужъ съ женой; дальнѣйшее горе и вовсе ихъ сблизило. Отъ горя не въ семьѣ, гдѣ-же утѣхи искать?

Какъ раньше бабушка не видѣла, что межь внуками словно кошка проскочила, такъ не замѣтила она и ихъ новой радости. Горе ее въ щепку высушило; на уста она точно замокъ навѣсила, и все больше молилась да читала Апокалипсисъ.

Срѣтенье въ томъ году приходилось въ Чистый Понедѣльникъ. Марөа наканунѣ, въ великое заговѣнье, простилась по обычаю со всѣми домашними. Съ полуночи она стала на молитву въ своей комнатѣ.

Плохо въ ту ночь спалось Василью Өедоровичу. Все то онъ тревожился: то ему чудилось будто у воротъ кони ржутъ, то люди разговаривая ходятъ, то въ калитку стучатся.

— Вѣтеръ силенъ на дворѣ, въ трубѣ шумитъ, по кровлѣ шелеститъ,—съ того тебѣ и чудится. А съ Богомъ спи! успокоивала его Марья Олександровна.

Чуть свѣтъ замеледился, Василей Өедоровичъ явственно услышалъ, что въ калитку колотятся.

— Это ужь не грезится, сказалъ онъ женѣ.

— Точно, кольцо брякаетъ, и я слышу, отвѣчала прислушавшись Марья Олександровна.

— Поглядѣть было что̀ тамъ еще.

И на-спѣхъ обувшись и одѣвшись, Василей Өедоровичъ вышелъ въ сѣни. На стрѣчу ему Кузьма вбѣжалъ со двора, бѣлѣе полотна, въ одномъ чеботѣ.

— Что̀ тамъ?

— Приставы московьски, не попадая зубомъ на зубъ, едва внятно, пробормоталъ дворецкій.

— Сказать было бабушкѣ, тихимъ шепотомъ, словно боясь испугать кого, отвѣчалъ Василей Өедоровичъ, и осторожно, ступая на цыпочки, пошелъ къ бабкиной комнатѣ и потихоньку поцарапался въ двери.

— Кто тамъ? отозвалась Марөа.

— Пришли, бабушка... приставы-те... московьски...

— А!.. выйду сейчасъ.

Василей слышалъ, какъ бабушка грузно положила три земные поклона, шепча: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость [1]) его“.

Какъ бабка со внукомъ сошли въ сѣни, тамъ уже стояли московскіе приставы. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ посадницѣ, и тяжело положивъ правую руку ей на плечо, твердымъ голосомъ сказалъ:

— Поимана еси Богомъ и государемъ Княземъ Великимъ.

Другой приставъ тоже оповѣстилъ Василью Өедоровичу.

— Крутитесь теплѣй. И ѣхать сейчасъ, сказалъ первый приставъ.

Черезъ полчаса двѣ кибитки выѣхали со двора посадницына, и гнали на спѣхъ въ село бывшее Лошинскаго.

[1]) Кротость—сокрушеніе.

Тамъ въ сѣняхъ, на лавкѣ у двери, долго сидѣла посадница; не сморгнувъ, не поведя головой въ сторону, она точно закаменѣла. Марья Олександровна черезъ мужа взглядывала на бабку и тихо плакала, пожимая украдкой руку своему Васенькѣ. Василей Ѳеодоровичъ сидѣлъ свѣсивъ голову, между женой и бабкой, и то на одну, то на другую кручиновато взглядывалъ. За все долгое время, они не перемолвились и словомъ.

— Привезли? послышался сухой голосъ изъ сосѣдней комнаты.—А другихъ-те?

— И другихъ няли-же, государь.

Государь вышелъ къ посадницѣ.

— Довелось таки свидѣться, сказалъ онъ, и взглянувъ Марѳѣ въ очи, невольно попятился.

Ему вспомнилось, что давно ужь, когда онъ послѣ Шолонскаго боя въѣзжалъ въ Новгородъ, то при проѣздѣ по одной улицѣ невольно взвелъ глаза на окна, почувствовавъ на себѣ чей-то упорный и злой взглядъ. Тогда онъ освѣдомился чей домъ, но названное имя ничего ему не объяснило; теперь онъ узналъ чьи очи смотрѣли тогда на него изъ чужаго окна.

— На себя пеняй, честна вдова посадничья. Не я, ты своей хитростью до того довела Новгородъ.

— Намъ съ тобой о Новѣгородѣ, не дослушавъ государевой рѣчи отвѣчала Мароа, — предъ престоломъ Господнимъ судъ буде. А на землѣ межь насъ, господине, нѣтъ суда.

— На Литву было не заглядываться.

— И о томъ, кто насъ на Литву глядѣть нудилъ, Господень-же судъ.

— А это, знать, внукъ твой будетъ?

— Ѳедоровъ сынъ, глухо молвила посадница.

Поглядѣвъ на внука, государь оглядѣлъ и его жену. Марья Олександровна стойко выдержала глазъ государевъ.

— Въ Новѣгородѣ тебѣ жить не къ чему. Тише безъ тебя-то, меньше говору, и мнѣ поспокойнѣе. Испомѣстятъ тебя тутъ до времени, а тамъ укажу куда свезти.

И государь думалъ уйти. Марѳа не шевельнулась, и затѣмъ какъ будто внезапно чѣмъ-то подвигнутая, ступила шагъ впередъ, и низко государю поклонясь, дотронулась пальцами правой руки до полу.

— Попечалуюсь, господине, тебѣ, сказала она.

— О комъ?

— Не разоряй, государь, Новагорода; береги его; пригодится еще...

— Не разорители зовемся мы, а собиратели земли руськія, отвѣчалъ государь.

Въ среду на той-же первой недѣлѣ Лука Аввакумовичъ рѣшилъ въ монастырь идти. Наканунѣ онъ сходилъ въ баню, чтобъ омыть грѣховную плоть. Не рѣдко, когда онъ лежалъ на лавкѣ въ банѣ, а паробокъ теръ его вѣникомъ съ мыломъ, ему чудилось что ужь онъ умеръ и его омываютъ къ погребенію. Въ этотъ разъ, ему тоже представилось съ особой ясностью.

„Учатъ отцы святые“, думалъ Лука, „что сорокъ дней по преставленіи душа наша на землѣ пребываетъ. А на кого, аль на что ты. душе моя, изъ тѣла изшедъ, глядѣть полетишь въ Новѣгородѣ? Аль на Дворище, вспоминаючи какъ „въ князѣхъ“ молвила, аль въ полату Владычню каменну, гдѣ возносилась мыслью высокою?.. О суета суетствій!.. Аль еще въ Арбузьевскій садъ заглянешь, грѣховны дѣла поминаючи, а ими мучаясь... Охъ, Господи!.. Боже! милостивъ буди мнѣ. грѣшному... Аль стукнешься быстрой ласточкой къ старой посадницѣ въ теремъ подъ оконушко, доглядишь... О суета суетствій, и всяческая суета!.. А въ мирѣ и покаяніи скончати...“

На другой день. какъ ни рано задумалъ Лука идти въ монастырь, Киріакъ Андреевичъ поспѣлъ-таки проводить своего посаженнаго отца. Лука ему обрадовался.

— Спасибо-жь тебѣ, сказалъ Лука. — А пока коробы съ книгами на подводу грузятъ, посидимъ еще.

— Аль нынче ужь? Киріакъ спросилъ.

— Откладывать не къ чему. Слава Господу, что удостоилъ меня грѣшнаго. Вечоръ съ паробками прощался, на волю отпускалъ.

Оба помолчали.

— Что въ городѣ, Киріакушко? спросилъ Лука.

— Сказали: выводу не быть, а ему въ боярски села и волости не вступатися, анъ третьёго дни няли-же, и животы на князя отписали-же...

— Кого?

— Марѳу со внукомъ, да еще...

Киріакъ назвалъ нѣсколько именъ.

Услышавъ что и Репеховъ взятъ, Лука вспомнилъ какъ сказалъ о немъ на вѣчѣ, что нашъ молъ репешокъ всюду прицѣпится, и тяжело вздохнулъ.

— А Коробъ? по молчаніи спросилъ онъ.

— Не слыхать, чтобъ няли... Да этотъ не дастся, хитеръ: волчій ротъ. лисій хвостъ.

— А какъ мыслишь, Киріакушко, еще помолчавъ Лука сказалъ, — неужто-жь тѣмъ все и кончится? А й вовѣкъ душѣ Новгородьской не воскреснути?

— Охъ, Лука Аввакумовичъ, милый мой посаженный батюшко, вѣруй ты самъ тому воскресенію—не шелъ бы ты во монастырь жить.

— А вотъ мыслилъ бывало, задумчиво продолжалъ Лука, — во вьюности-то что коль доведе молъ Господь въ черницахъ жизнь скончать, стану де лѣтописца писать о славѣ дѣдней внукамъ въ память. А нынѣ и писать нечего: конецъ Новугороду.

И опять помолчали.

— Ты какъ-же, Киріакушко?

— Сдумали съ матушкой, какъ Волхово тронется, на вѣкъ въ Красны Холмы сплыть. Тамо-т-ко смирнёхонько, за дворомъ глядя, станемъ жить. А въ Новѣгородѣ дѣлать нечего. И къ тестю опять ближе, женѣ веселѣй. Да и мнѣ буде съ кѣмъ со скуки побесѣдовать.

— Молодъ-же ты еще!.. Этакъ-то въ селѣ на вѣкъ схоронить себя!..

— Аль мнѣ въ службу ему челомъ бить? гордо Киріакъ сказалъ. — Безъ меня найдутся. А й нашлись ужь... Ну, а дѣти будутъ, тѣ знамо не вольни новгородьцы, москвичи родятся. Ихъ на Москву ѣхать не стану отговаривати.

— Охъ, и пора мнѣ, гляди! спохватился Лука, подымаясь съ лавки.

Въ это время доложили боярину, что другой сынъ его посаженный, Пашко, съ уличанами пришелъ. Лука приказалъ впустить ихъ. Съ Пашкомъ вошли Губанъ-кафтанникъ и Василей-сермяжникъ.

— Проститься съ тобой, Лука Аввакумовичъ, пришли, объявилъ Пашко.

Лука, благодаря, просилъ садиться.

— Гости будете, сказалъ онъ. — Каково живете, можете?

— А далъ Богъ, отвѣчалъ Губанъ-кафтанникъ, — полегше прежняго житьё пошло. Москвичи многи тожь за походъ пообносилися, заказываютъ, нами не брезговаютъ. Купцы нонѣ дёшево сукно пустили, залежалося.

— А Новгородъ-то нашъ! покачавъ головой Лука сказалъ.

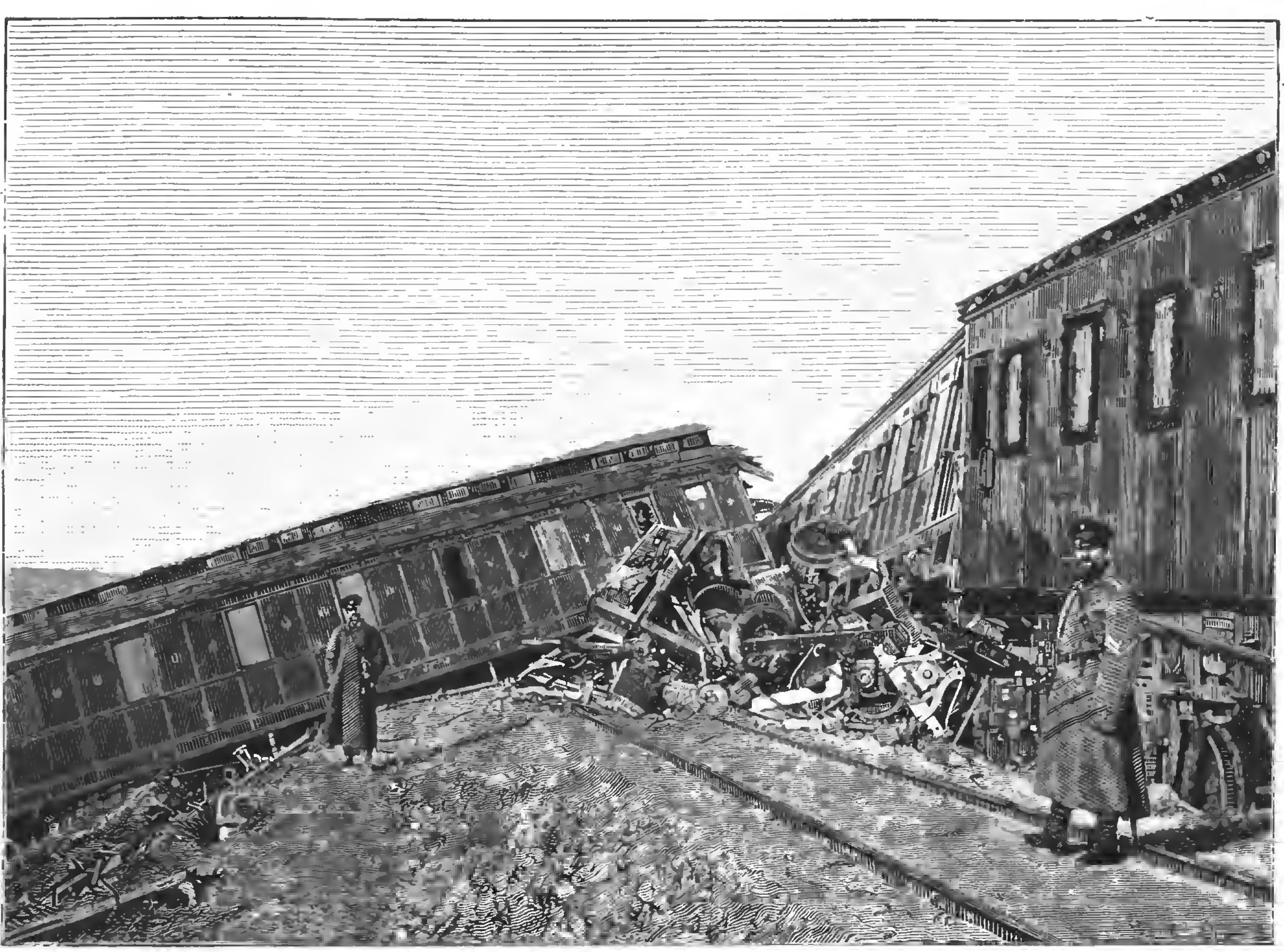
— Не нашимъ хотѣньемъ, Божьимъ то строеньемъ содѣялось, важно отвѣчалъ Василей-сермяжникъ. — А намъ что много о томъ говорити?

— Охъ, добавилъ Пашко, — знать не мы нынь въ князѣхъ, а князи въ насъ.

Лука припомнилъ весеннее вѣче, и хотѣлъ что-то сказать, да такъ съ полуоткрытымъ ртомъ и остался. Нижняя челюсть у него при томъ какъ-то по старчески отвисла.

Катастрофа 17 октября близъ станцiи Борки. Вагоны Наслѣдника Цесаревича и Ихъ Величествъ. (Колеса телѣжки перваго наскочили на телѣжку послѣдкяго). Съ фотогр. грав. Рашевскiй.

Великокняжескiй вагонъ. Вагонъ Ихъ Величествъ. Вагонъ Наслѣдника Цесаревича.

Катастрофа 17 октября близъ станцiи Борки. Вагоны Великокняжескiй, Ихъ Величествъ и Наслѣдкика Цесаревича. Съ фотогр. грав. Барановскiй.

Первый паровозъ и тендеръ. Второй паровозъ и тендеръ. Багажный вагонъ. Кухня. Вагонъ-столовая. Ве ликокняжескiй вагонъ.

Катастрофа 17 октября близъ станцiи Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Общiй видъ Императорскаго поѣзда въ первые дни послѣ крушенiя. Съ фотогр. грав. Ольшевскiй.

— Пора мнѣ, вновь онъ сказалъ.—Простите, братія, меня грѣшнаго.

И Лука каждому клапялся въ ноги, и они ему земной-же поклонъ творили, а вслѣдъ трижды цѣловались. Киріакъ взялся проводить отца посаженнаго до Святыхъ воротъ, а славчане домой пошли.

Оттепель стояла на дворѣ. Мокрый снѣгъ падалъ большими хлопьями, и тотчасъ-же таялъ.

— Слышьте, господо̀, сказалъ Губанъ, — нынѣ колоколо-тъ съ Вѣчной башни на Москву свезутъ.

— Ты почемъ знашь?

— Ужь вѣрный человѣкъ мнѣ про то сказывать.

— А пойдемъ-ко, поглядимъ еще, подхватилъ Пашко̀.

— На бѣду не накупиться-бы, гляди, сталъ отговаривать Василей-сермяжникъ.—Погонятъ еще...

— Смирнехонько станемъ глядѣть, отвѣтилъ Пашко̀.—А станутъ гнать, безъ слова-же домовь пойдемъ.

И рѣшили идти на Дворище. Издали еще разглядѣли они, что у башни москвичи въ доспѣхахъ толпой стоятъ. Тихо подошли славчане, и смирнехонько стали сзади. Молодой малый, держа подъ уздцы лошадь въ пошевняхъ, стоялъ лицомъ къ своимъ; онъ мигомъ примѣтилъ славковскихъ уличанъ.

— А! новгородчи пожаловали, дразня ихъ, вскричалъ онъ,—съѣлъ молъ тридцать пироговъ съ пирогомъ, а три съ творогомъ.

— Не замай, стоятъ! крикнулъ на него набольшій.— А у тебя гляди, каналья ты этакая, самъ зубы скалишь, а пошевни, мотри, гдѣ стоятъ? Того гляди, колоколъ въ снѣгъ угрузимъ. Эй, новгородьска душа! подсобите-ко своего вѣчника сдержать, пока малый коня-тъ осадитъ.

Новгородцы дружно схватились за канатъ. Колоколъ подался вверхъ.

— Спускай теперь, да бережно! Такъ, такъ. Чтобъ онъ у васъ на пошевни легче пуху палъ. Ладно-ли?

— Ловко угодилъ! отвѣчали снизу.

Набольшій сбѣжалъ съ башни.

— Живо, ребята, гужевыхъ припрягай! Не зря, толкомъ дѣлайте.

— А куды жь его? полюбопытствовалъ Пашко̀.

— Къ Успенью, скажутъ, на колокольницу государь обѣщалъ. Полно-ка ему злоязычничать, благовѣстить пойдетъ. А что-й ты какъ бы съ лица мнѣ знакомъ? обратился набольшій къ Пашку̀. — Чать Пашкомъ тебя звать?

Пашко̀, узнавъ Тёткина, струхнулъ было порядочно.

— А Пашкомъ же, съ поклономъ, ломая шапку, отвѣчалъ онъ.—А тобя вѣдь никакъ Иваномъ Захарычемъ на околицѣ кликали?

— Вѣрно. Съ чево жь ты изъ бани укрался тогда?

— Трусу тоже спраздновалъ, и другій полонянико-тъ сманилъ.

— А онъ кто таковъ былъ?

Пашко̀ сказалъ.

— Такъ бы ему, дураку, и мнѣ сказывать. А то̀, ишь ты, какую околесную городить нашелъ... Ну, ребята, пошевеливайся! крикнулъ онъ на своихъ. — А дѣло твое, Пашко̀, на мой глазъ, было правое; билъ бы теперь государю челомъ.

— Господь насъ съ Васильемъ-то Селифонтьевичемъ разсудилъ. Добылъ вѣдь я Маврушеньку, изъ проруби вынямши, оженепъ нупь хожу.

— Ну, дай вамъ Боже совѣтъ да любовь! Осмотрись, ребята, осмотрись. На ухабѣ намъ не застрять бы гдѣ, какъ гуже-тъ лопнетъ.

— А гдѣ жь онъ, Арбузьевъ-то, теперь? спросилъ Василей-сермяжникъ. — На Москву, кажутъ, сбѣгши.

— Давно я его изъ виду потерялъ, отвѣчалъ Теткинъ. — Въ началѣ было похода къ боярамъ пристроился, съ ними и походо-тъ дѣлалъ.

— Помёрши же онъ, Василей Селифонтьевичъ, сказалъ Губанъ.

— А ты откуль знашь?

— А сказать забылъ, вечоръ Буянъ забѣгалъ ко мнѣ. Сказывалъ, какъ молъ къ Новугороду подошли, тутъ онъ, Арбузьевъ-то, челомъ билъ, чтобъ отчину ему вспятили что̀ подъ Хутынемъ. Вспятилъ же государь, пожаловалъ. А съѣхалъ туды, знакомцевъ, такихъ же какъ самъ бражниковъ, на новоселье звалъ. Пьянство къ тому. И Теренька-скоморохъ не вѣсть откуды взямшись. А хоромы-те съ осени не топлены, угарно, знать, закрыли къ тому. Буяно-тъ въ людской спалъ. По-утру, каже, всѣхъ на снѣгъ новыволокли. Которы и очнулися. А Василей Селифонтьевичъ ажъ посинѣлъ весь, и пѣна-во-рти.

— Ну, Царство ему Небесное! перекрестясь, Теткинъ сказалъ. — Не ко двору бъ онъ намъ на Москвѣ пришелся. Слушаться не умѣетъ, приказывать не смыслитъ. Аль готово у васъ? Трогай, ребята. Съ Богомъ!.. Прощенья просимъ.

— Прощаешь же, Иванъ Захарьевичъ. Дай тобѣ Господи здоровьица.

— И вамъ тово жь. Спасибо, что подсобили-то намъ.

— А и о тобѣ, Иванъ Захарьевичъ, спасибушко великое что не погналъ ты насъ.

— Не люблю безъ нужды строжиться. А гнать-то съ чего жь? Одно государево дѣло дѣлали.

Проводивъ съ Дворища колоколъ, славчане домой пошли. Какъ съ первой церковью они поровнялися, Пашко̀, остановясь, подолгѣе передъ ней молился.

— А это, вѣрь ты моему слову нелестному, сказалъ Василей Губану, — за упокой онъ души Арбузьева молится. Поря̀то добръ парень сталъ.

До Славковой дошли.

— Ко мнѣ бы, что-ль, господо̀, Пашко̀ сказалъ.— Помянуть чѣмъ Богъ послалъ покойника.

— Какого покойника?

— А колоколо-тъ Вѣчный. Сами, скажи, въ гробъ клали.

— Охо, хо! примолвилъ Василей-сермяжникъ, — а знать тутъ и Господину Великому Новугороду вѣчну память поютъ.

КОНЕЦЪ.

Къ рисункамъ.

Аларихъ въ Римѣ. (Рис. на стр. 1172 и 1173).

Семихолмный Римъ былъ въ ужасѣ и смятеніи. Болѣе шести столѣтій, со времени карѳагенянина Ганнибала, гордая столица все еще сильной Западной Римской имперіи, не видала подъ своими стѣнами чужеземнаго, сильнаго и побѣдоноснаго войска. Имя Алариха повторялось въ обѣихъ частяхъ имперіи болѣе тринадцати лѣтъ, начиная отъ Константинополя и вплоть до Италіи и притомъ съ возраставшимъ безпокойствомъ. Ни оба императора, ни ихъ совѣтники и военачальники долго не знали, врагъ-ли онъ имъ или другъ. Теперь этотъ Аларихъ, молодой король вестготовъ, изъ герцогскаго рода Балтовъ, стоялъ у самыхъ воротъ вѣчнаго города. Подобно второму Александру Великому, онъ появился съ воинственными толпами своихъ подданныхъ извнутри Балканскаго полуострова чтобы завоевать себѣ царство. Несмотря на неудачи, которыя ему пришлось встрѣтить, онъ съумѣлъ постоянными угрозами войны добиться у Греческаго императора Аркадія власти и почетнаго положенія въ восточной имперіи. Неудовлетворенный, однако, этимъ, онъ двинулся со своими полчищами на Италію и сразился въ 403 году по Р. Х. со славными римскими легіонами при Полленціи и Веронѣ. Онъ потерпѣлъ въ обѣихъ битвахъ пораженіе, но тѣмъ не менѣе ему удалось получить высокую должность полководца союзныхъ дружинъ у западно-римскаго императора Гонорія, боявшагося своевольнаго возстанія и хотѣвшаго снискать тѣмъ самымъ его дружбу. Коварное умерщвленіе могущественнаго правителя и императорскаго совѣтника Стилихона, наступившія затѣмъ смуты, а также невыполненіе нѣкоторыхъ обѣщаній со стороны римскаго двора, послужили поводомъ къ походу Алариха на Римъ.

Не безъ страха и содроганія приближался воинственный вестготскій король къ могучимъ твердынямъ Рима. Но уже съ первыхъ дней осады онъ увидѣлъ, что когда-то страшный городъ, былъ не тѣмъ, чѣмъ онъ являлся во времена Пуническихъ войнъ. Тогда каждый гражданинъ, отъ сенатора до бѣднѣйшаго простолюдина, гордый славою своей родины, изъ любви къ ней готовъ былъ съ радостью отдать жизнь и имущество на спасеніе ея. Теперь же во главѣ государства былъ безсильный и слабохарактерный императоръ, окруженный тщеславными совѣтниками, только и помышлявшими о стяжаніи богатства и титуловъ, хотя бы цѣною жизни всѣхъ, кто могъ быть въ томъ помѣхою; а вмѣсто когда-то доблестныхъ гражданъ — безсильная толпа черни, жаждавшая только хлѣба и зрѣлищъ. Римъ заперъ ворота, но не надолго. Голодъ вскорѣ заставилъ почти полуторамилліонное населеніе столицы просить о пощадѣ. Недешево она имъ досталась. 5000 фунтовъ золота, 30,000 серебра и множество драгоцѣнныхъ тканей были цѣною освобожденія. Аларихъ отступилъ въ Тоскану, откуда онъ послалъ пословъ съ требованіемъ признать себя повелителемъ Италіи, Галліи, Иллиріи и Далмаціи, т. е. почти всей Западной имперіи. У императора Гонорія достало мужества отвергнуть требованія побѣдителя и вестготскій король бросился со своими полчищами къ резиденціи Гонорія, Равеннѣ, чтобы мечемъ принудить согласиться на свои требованія. Цѣлый годъ безполезной осады истощилъ терпѣніе страшнаго завоевателя и онъ, покинувъ Равенну, устремился къ Риму въ 410 году. Подкупомъ удалось Алариху проникнуть въ городъ чрезъ Саларскія ворота, и гордый Римъ сталъ жертвою такого опустошенія, кровопролитія и грабежа, какихъ не видали никогда его высокія стѣны. Гнѣвъ необузданнаго побѣдителя не зналъ предѣловъ. Во время этого разоренія, говоритъ Грегоровіусъ въ своей исторіи вѣчнаго города, были найдены у какой-то вдовы цѣнныя святыни. Въ этихъ церковныхъ сокровищахъ нѣкоторые признали дары Св. Петра—и христіанинъ Аларихъ съ торжественностью велѣлъ перенести ихъ на посрамленіе языческому городу—въ храмъ. Эту сцену торжественнаго шествія посреди опустошаемаго Рима и передалъ своею талантливою кистью Линденшмидтъ (рис. на стр. 1172 и 1173).

Но не долго торжествовалъ побѣдитель. Походъ въ южную Италію, а оттуда въ Сицилію, кончился неудачно. Вскорѣ послѣ того могущественный вестготскій король заболѣлъ и умеръ въ Козеніи, на рѣчкѣ Бузентинѣ, нынѣшней Бузенто. Вѣрные подданные Алариха похоронили его трупъ на днѣ самой рѣчки, которую временно запрудили, а послѣ погребенія умертвили всѣхъ рабовъ, устраивавшихъ плотину. Такимъ образомъ имъ удалось навѣки сдѣлать неизвѣстною могилу своего любимаго предводителя.

Забубенная головушка. (Рис. на стр. 1177).

Одинъ изъ тѣхъ „пропащихъ" молодцовъ, для которыхъ вся цѣль жизни выражается пожеланіемъ:

Ой, кабы всѣ бабы были молодицы,
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы,
Кабы всегда чарка доходила до рту
А все остальное...
По боку да къ чорту!

Любопытные. (Рис. на стр. 1180).

Каждому возрасту присущи свои интересы. Въ мастерскую одного изъ италіанскихъ художниковъ, которые обыкновенно нанимаютъ себѣ такія помѣщенія въ покинутыхъ дворцахъ и нежилыхъ палаццо, зашла молодая дѣвушка съ меньшимъ братишкой, пользуясь приглашеніемъ привратницы, благо артиста дома нѣтъ, посмотрѣть на его картины. И вотъ, пока красотка, съ художественнымъ чутьемъ итальянки, заглядывается на какой-нибудь пейзажъ или портретъ, мальчуганъ, въ блаженномъ восторгѣ, весь погруженъ въ краски и кисти, которыми такъ славно можно бы намазать что-нибудь на стѣнѣ ихъ двора...

Была роскошная весна... (Рис. на стр. 1181).

Имя Швенингера хорошо извѣстно читателямъ *Нивы*. Его изящныя произведенія отражаютъ большею частью или XVIII столѣтіе, или Средніе вѣка. Такъ и на прилагаемомъ рисункѣ художникъ изобразилъ средневѣковую парочку въ обстановкѣ роскошнаго мая, среди цвѣтущихъ кустарниковъ, на одномъ изъ которыхъ заливается своими трелями пѣвецъ весны.

Исполинскіе кактусы въ Аризонѣ. (Рис. на стр. 1184).

Кактусы являются почти единственными представителями флоры каменистыхъ пустынь Аризоны, территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, расположенной между Утахомъ, Невадой, Калифорніей и Мексикой. За то неприхотливыя, почти не требующія влаги растенія эти поражаютъ разнообразіемъ своихъ формъ. Всѣ очертанія и краски, какія только принимаетъ растительность, соединяются здѣсь въ одномъ семействѣ кактусовыхъ. Вотъ передъ нами у раскаленныхъ солнцемъ, каменныхъ стѣнъ утеса, налитыя сокомъ, шарообразныя мамилляріи всевозможной величины—начиная отъ кулака до нѣсколькихъ футовъ въ окружности. Тамъ—составленныя изъ плоскихъ овальныхъ звеньевъ, украшенныя огненно-красными цвѣтами, опунціи образуютъ цѣлую чащу какъ-бы кустарниковъ. Здѣсь — длинными, въ палецъ толщины, канатами свѣшивается со скалы змѣиный кактусъ. Далѣе встрѣчается такъ-называемый кружевной кактусъ, производящій на нѣкоторомъ разстояніи такое впечатлѣніе, какъ будто онъ покрытъ кружевнымъ покрываломъ. За нимъ стоятъ высокія слеги сѣраго дерева съ мелкими зелеными листиками, подъ которыми скрываются страшно-колючія шипы.

Но всѣхъ ихъ подавляетъ собою, изображенный на нашемъ рисункѣ такъ-называемый *Питагайя*, одинъ изъ видовъ рода *Cereus*, достигающій отъ шести до восьми саженъ высоты. Главный стволъ его имѣетъ 2—2½ фута въ поперечникѣ и, кверху раздѣляясь, даетъ нѣсколько побочныхъ, которые тянутся параллельно главному, такъ что все растеніе имѣетъ видъ громаднаго канделябра. Отсюда и названіе этого кактуса—*исполинскій свѣщникъ*. Въ маѣ и іюнѣ концы вѣтвей и главнаго ствола украшаются крупными бѣлыми цвѣтами, изъ которыхъ къ августу образуются вкусные плоды, употребляемые туземцами въ пищу.

Катастрофа 17 октября.

(Рис. на стр. 1185, 1188, 1189, 1192 и 1193).

Продолжаемъ описаніе составныхъ частей Императорскаго поѣзда, потерпѣвшаго крушеніе.

На стр. 1192 изображена часть вагона-столовой въ томъ видѣ, какъ она представлялась въ первые дни послѣ крушенія. Столовая представляетъ совершенныя щепки, лежитъ параллельно слесарной; поперекъ пути лежитъ крыша и продольная стѣнка; все, что осталось отъ частей этого вагона, отброшено.

Во время работъ по разборкѣ остатковъ отъ разбитыхъ вагоновъ Императорскаго поѣзда и вещей, находившихся въ нихъ, былъ найденъ образъ Спасителя. Этотъ образъ оказался единственно цѣлымъ и неповрежденнымъ изъ всѣхъ предметовъ, которые находились въ вагонѣ-столовой, гдѣ завтракалъ Государь Императоръ со Своею Семьей.

Рисунокъ наверху стр. 1189, представляетъ относительное положеніе Великокняжескаго вагона, вагона Ихъ Величествъ и вагона Наслѣдника Цесаревича. Первый изъ трехъ стоитъ поперекъ рельсовъ, продольно наклонясь по направленію насыпи; на лѣвомъ концѣ его скрыто за рамой рисунка то отверстіе, въ которое выброшена была Великая Княжна Ольга Александровна. У противоположнаго конца виденъ въ ракурсѣ, на другихъ рельсахъ, вагонъ Ихъ Величествъ, а крайнимъ къ правой сторонѣ рисунка—вагонъ Наслѣдника Цесаревича. Въ углу, образуемомъ Великокняжескимъ вагономъ и вагономъ Ихъ Величествъ—невообразимая груда поломанныхъ тележекъ, осей, колесъ, дающая понятіе о той тяжести и путаницѣ металлическихъ частей, изъ-подъ которой мѣстами приходилось освобождать раненыхъ и тѣла убитыхъ.

На рис. стр. 1188, изображающемъ вагонъ Ихъ Величествъ и Наслѣдника Цесаревича съ другой стороны (съ правой), ясно видно, какъ послѣдній передними своими колесами налѣзъ на колеса Императорскаго вагона и въ такомъ положеніи остановился, будучи удержанъ заторможенными задними вагонами. Всѣ находившіеся въ этомъ вагонѣ и во всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ сзади лишь попадали съ своихъ мѣстъ, но остались цѣлыми и невредимыми. Автоматическіе тормаза сослужили свою службу.

Императорскій вагонъ, обломавъ шкворни, соскочилъ съ своихъ тележекъ, пролетѣлъ со страшною силою, разбросавъ и разрушивъ впереди шедшіе вагоны, и остановился, упершись лѣвымъ угломъ въ остатки отъ вагона-кухни, а правымъ — въ полотно насыпи. Кузовъ его остался цѣлъ, а находившаяся въ немъ прислуга Ихъ Величествъ отдѣлалась лишь испугомъ и ушибами отъ толчковъ. Стоявшіе на передней площадкѣ вагона лакеи Ивушкинъ, Федоровъ и Гавриловъ провалились и были придавлены обломками вагоновъ, изъ-подъ которыхъ и были извлечены, причемъ пришлось вырубать для нихъ отверстіе.

Изъ переднихъ частей поѣзда останавливаетъ на себѣ вниманіе министерскій вагонъ (рис. на стр. 1185), какъ извѣстно первый сошедшій съ рельсовъ и затѣмъ разбитый вдребезги, изображенія которыхъ занимаютъ всю середину рисунка; крыша его и незначительные остатки сброшены вправо внизъ по насыпи. Находившіяся въ этомъ вагонѣ лица сильно пострадали: вагонный рабочій слесарь убитъ, тяжело ранены инженеръ Шеривалъ, курьеръ Васильевъ и камердинеръ министра Шварцъ. Инженеръ Кронебергъ былъ найденъ среди обломковъ вагона, головою внизъ, но при всемъ этомъ онъ отдѣлался лишь легкими пораненіями лица и покрововъ головы.

Рис. на стр. 1193 изображаетъ вагонъ-кухню, безъ крыши и стѣны, слетѣвшій съ насыпи и разсыпавшій всѣ свои принадлежности по скату.

Русскій Странникъ (Евгеній Львовъ), у котораго мы заимствовали описаніе моментовъ, непосредственно слѣдовавшихъ за крушеніемъ (см. „Нива" № 45, стр. 1131), свидѣтельствуетъ, что первымъ по тревогѣ, кромѣ солдатъ, прибылъ исправникъ, причемъ у его стражниковъ оказались нѣкоторыя перевязочныя средства.—„Ну, слава Богу", сказалъ Государь, увидавъ помощь,—„будемте работать". И самъ сталъ выносить раненыхъ, поднимая ихъ осторожно и съ необычайною силой. (*Нов. Время* № 4550).

Катастрофа 17 октября близъ станціи Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Крыша, одна изъ стѣнокъ и полъ вагона-столовой.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Юбилейныя празднества въ Копенгагенѣ закончились 7 ноября баломъ, на которомъ присутствовали королевская фамилія, Августѣйшіе гости, министры, члены дипломатическаго корпуса и до 1,000 другихъ приглашенныхъ особъ. По единогласнымъ заявленіямъ лицъ, вернувшихся изъ Даніи и присутствовавшихъ на тамошнихъ празднествахъ, весь Датскій народъ безъ различія сословій и партій проявлялъ свою преданность Королевскому дому. „Датскій народъ, какъ справедливо замѣтилъ *Journal de St.-Pétersbourg*, окружаетъ глубокимъ почтеніемъ и искреннею любовью короля, королеву и всю королевскую семью. Онъ знаетъ, что судьбы его неразрывно связаны съ судьбами царствующаго дома и, видя, что послѣдній служитъ предметомъ уваженія и сильной симпатіи какъ всѣхъ государей, такъ и всѣхъ народовъ, народъ сознаетъ то, чѣмъ онъ ему обязанъ, и молитъ Провидѣніе о ниспосланіи многолѣтія королю и королевѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, по извѣстіямъ изъ Берлина, замѣтно болѣе спокойное настроеніе какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; особенно замѣчалось ослабленіе прежнихъ напряженныхъ отношеній къ сосѣдней Германской имперіи. По сообщеніямъ оттуда-же, всѣ единогласно признаютъ въ высшей степени симпатичнымъ впечатлѣніе, произведенное внукомъ короля Христіана, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. На обратномъ пути изъ Даніи Наслѣдникъ Русскаго престола остановится въ Берлинѣ, гдѣ сдѣланы уже большія приготовленія для встрѣчи Высокаго Гостя.

Катастрофа 17 октября близь станціи Борки. Вагонъ-кухня, разбитый и скатившійся съ насыпи. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Работы по пересмотру конституцій во Франціи и въ Сербіи значительно рознятся одна отъ другой. Насколько живые и подвижные французы медлятъ, настолько сербы торопятся окончить проектъ новой конституціи. По извѣстіямъ изъ Бѣлграда, тамъ надѣются, что пересмотръ конституціи будетъ законченъ къ 15 ноября, такъ какъ всѣ партіи готовы вотировать безъ дальнѣйшаго обсужденія въ великой скупщинѣ проектъ новой конституціи, выработанный коммисіей. Несмотря на это единодушіе партій, Пирочанацъ, бесѣдуя съ сотрудникомъ *Correspondance de l'Est*, высказалъ, что онъ немногаго ожидаетъ отъ пересмотра сербской конституціи. По мнѣнію Пирочанца, прежде всего надо бы перемѣнить и улучшить администрацію. Конституціи 1869 года было бы совершенно достаточно для Сербіи. Въ положеніи дѣлъ Сербіи ничто не измѣнится до тѣхъ поръ, пока не будетъ создано новое административное право. Какъ международное положеніе Сербіи, такъ и ея кредитъ, зависятъ отъ того, каково въ ней управленіе.

Во Франціи коммисія по пересмотру проектовъ конституціи высказываетъ такія заключенія, которыя невольно наводятъ на мысль, что разрѣшеніе этого вопроса должно затянуться надолго. Не такъ давно она высказалась за то, что пересмотръ конституціи долженъ быть дѣломъ учредительнаго собранія, а 2 ноября коммисія высказалась за упраздненіе сената и должности президента республики. Но эти странныя заключенія коммисіи проходятъ почти незамѣченными въ настоящее время, въ виду ряда событій поглотившихъ все вниманіе французовъ Важнѣйшую злобу дня составлялъ нимскій процессъ. Депутатъ Нума Жилли въ публичной рѣчи, произнесенной имъ въ Нимѣ утверждалъ, что въ бюджетной коммисіи палаты депутатовъ „засѣдаетъ по меньшей мѣрѣ двадцать *Вильсоновъ*". Не называя ихъ поименно, онъ заявилъ, что готовъ назвать ихъ передъ судомъ. Одинъ изъ членовъ коммисіи, депутатъ Андріе подалъ вслѣдствіе того жалобу въ Нимскій судъ, обвиняя Жилли въ клеветѣ. Хотя многіе предвидѣли, что этотъ скандальный процессъ долженъ кончиться ничѣмъ, такъ какъ обвиняя въ продажности членовъ бюджетной коммисіи, Жилли не имѣлъ въ виду Андріе; тѣмъ не менѣе отъ Жилли ждали интересныхъ разоблаченій на судѣ. Но эти ожиданія не оправдались. При разбирательствѣ дѣла обвиняемый Жилли заявилъ, что нападки его были направлены не противъ Андріе, а противъ двадцати членовъ бюджетной коммисіи. Жилли отказался защищаться и предоставилъ рѣшеніе самому суду. Андріе объяснилъ, что судебное преслѣдованіе противъ Жилли было возбуждено имъ для защиты собственной чести и что обвиненіе было имъ возбуждено ради общественнаго интереса. Такъ какъ нимскій судъ присяжныхъ отказался выслушать обѣ стороны и разрѣшилъ обвиняемому представить доказательства только противъ истца Андріе, то послѣдній проникся убѣжденіемъ, что резолюція не можетъ дать ему удовлетворенія, на которое онъ разсчитывалъ, а потому онъ и беретъ жалобу назадъ, и Жилли былъ оправданъ судомъ. Самый процессъ, а въ особенности его счастливое окончаніе для обвиняемаго, рядомъ съ тѣмъ, что противъ обвиненія Жилли никто изъ членовъ бюджетной коммисіи.

кромѣ Андріс, не отозвался, долженъ привести публику къ крайне неблагопріятнымъ заключеніямъ о добропорядочности какъ членовъ коммисіи, такъ и всей палаты. Общественное неудовольствіе противъ нихъ и безъ того значительно, но оно, можно думать, еще усилится напечатаннымъ Нумою Жилли памфлетомъ, въ которомъ онъ обвиняетъ наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей въ вымогательствѣ, безнравственности, произволѣ, продажности и безчестности. Источникомъ для составленія памфлета послужили замѣтки одного изъ агентовъ тайной полиціи. Памфлетъ вызоветъ, вѣроятно, массу судебныхъ процессовъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Профессоромъ В. Ѳ. Грубе (въ Харьковѣ) получена изъ Гатчины, отъ гофмаршала князя В. С. Оболенскаго, телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Ихъ Величества шлютъ раненымъ поклонъ и желаютъ имъ скорѣйшаго выздоровленія. *Князь Оболенскій*“.

Профессоръ В. Ѳ. Грубе по сообщенію „Новостей“, отвѣтилъ князю Оболенскому слѣдующею телеграммою:

„Раненые, безконечно осчастливленные участіемъ къ нимъ Ихъ Величествъ, просятъ ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ Ихъ Величествъ свою безпредѣльную благодарность за постоянныя трогательныя заботы о нихъ. Состояніе здоровья всѣхъ раненыхъ съ каждымъ днемъ замѣтно улучшается. Нѣкоторые настолько поправились, что на-дняхъ уѣдутъ“. *Проф. Грубе.*

Дѣла церкви.

— 8 ноября, въ Узунъ-Ада состоялось торжественное освященіе первой русской церкви въ Закаспійской области. До сего времени были только двѣ военно-походныя церкви въ Асхабадѣ и Мервѣ. Церковь построена по проекту академика Урлауба на пожертвованія жителей и торгово-промышленныхъ конторъ. Престолъ освященъ во имя Св. Архистратига Михаила.

Народное просвѣщеніе.

— 9 ноября, министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, посѣтилъ Императорскій с.-петербургскій университетъ. Предъ началомъ лекціи проф. Сергѣевича, статсъ-секретарь Деляновъ обратился съ краткою рѣчью къ студентамъ перваго семестра, присутствовавшимъ на лекціи и сказалъ, что Государь Императоръ былъ тронутъ теплымъ, живымъ, единодушнымъ участіемъ студентовъ харьковскаго, московскаго и петербургскаго университетовъ въ торжественной встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Рѣчь министра была покрыта аплодисментами студентовъ.

Торговля.

— Въ ходѣ западно-европейской хлѣбной торговли за недѣлю съ 10 ноября (29 октября) никакихъ существенныхъ измѣненій, сравнительно съ предшествовавшею недѣлею, не произошло. Настроеніе было твердымъ; сдѣлокъ съ русскимъ зерномъ, благодаря уступчивости сторонъ, вслѣдствіе паденія русскаго денежнаго курса, много, и цѣны, склоняясь къ повышенію, держались стойко. Особенно бойко шелъ овесъ, недостатокъ котораго ощущается повсемѣстно. По сообщенію *Вѣсти. Финанс., Промышл. и Торговли*, уступчивостью выдѣлялись именно продавцы русскаго зерна, тогда какъ съ хлѣбами другихъ происхожденій сдѣлокъ было мало, вслѣдствіе нежеланія владѣльцевъ продавать по существующимъ цѣнамъ, при увѣренности въ ихъ подъемѣ. На *русскихъ хлѣбныхъ рынкахъ* держится прежнее выжидательное положеніе. Отдѣльные рынки не представляли никакихъ выдающихся особенностей. Цѣны, въ общемъ, на весь октябрь обнаружили мало перемѣнъ: колебанія происходили въ ограниченныхъ предѣлахъ.

Пути сообщенія.

— 6 ноября, эксперты, изслѣдовавшіе потерпѣвшій крушеніе Императорскій поѣздъ, окончивъ свои работы, выѣхали къ мѣстамъ своего служенія. 9 ноября, оберъ-прокуроръ Коин, закончивъ предварительное слѣдствіе, выѣхалъ въ Петербургъ. Военный караулъ охраняетъ мѣсто катастрофы и оставленные на станціи Харьковъ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ по дѣлу о крушеніи 17 октября, два вагона. Вагоны Ихъ Величествъ и Наслѣдника Цесаревича стоятъ на запасныхъ путяхъ харьковской станціи.

— 5 ноября открыто правильное пассажирское и товарное движеніе по Ржево-Вяземской ж. дорогѣ, протяженіемъ 116 верстъ, и дорога передана во временное завѣдываніе обществу Новоторжской желѣзной дороги, срокомъ по 31 декабря 1893 года.

Театръ.

— 6 сего ноября, въ память столѣтія со дня рожденія знаменитаго русскаго актера Михаила Семеновича Щепкина, въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи с.-петербургскаго драматическаго общества, происходило чествованіе его памяти, устроенное по почину совѣта „Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ“. Торжество началось панихидою по покойномъ М. С. Щепкинѣ. Рядъ чтеній былъ открытъ П. Ѳ. Горбуновымъ, какъ сообщается въ газетѣ *Новое Время*, который въ сжатомъ очеркѣ познакомилъ присутствующихъ съ дѣтствомъ знаменитаго артиста, приведя нѣкоторые отрывки изъ его автобіографіи. Затѣмъ прочла свои воспоминанія о М. С. Щепкинѣ артистка А. И. Шубертъ. Далѣе артистъ В. П. Далматовъ прочиталъ статью С. Т. Аксакова, которая была читана на 50-лѣтнемъ юбилеѣ М. С. Щепкина. Утро закончилось чтеніемъ артистомъ М. И. Писаревымъ „Писемъ петербургскихъ литераторовъ къ М. С. Щепкину“, по поводу празднованія его пятидесятилѣтняго юбилея.

Искусства образовательныя.

— Предсѣдательница Перваго Дамскаго Художественнаго кружка въ СПБ. извѣщаетъ членовъ и постоянныхъ гостей кружка, что вечернія собранія кружка по средамъ начнутся съ 9 ноября въ Михайловскомъ дворцѣ.

Наука.

— Въ январѣ 1889 г. въ Петербургѣ, въ Соляномъ Городкѣ, открывается Врачебно-гигіеническая выставка III съѣзда русскихъ врачей. Цѣль выставки — дать возможность врачамъ и публикѣ во время съѣзда ознакомиться съ научными и техническими усовершенствованіями въ области разнообразныхъ медицинскихъ спеціальностей. На выставкѣ предполагаются слѣдующіе отдѣлы: 1) гигіеническій, 2) больничный, 3) терапевтическій, 4) хирургическій, акушерскій и гинекологическій, 5) анатомо-антропологическій и физіологическій, 6) анатомо-патологическій и гистологическій, 7) бактеріологическій, 8) медицинской гидрологіи и климатологіи, 9) фармацевтическій. Для доставки экспонируемыхъ предметовъ назначается срокъ съ 15 ноября по 15 декабря 1888 года. Доставленные позднѣе этого срока предметы могутъ быть помѣщены на выставку лишь въ томъ случаѣ, если окажется свободное мѣсто.

Смѣсь.

Послѣдніе дни короля Лудвига II (Изданіе медицинской книжной торговли Фишера, Г. Корнфельда, Берлинъ). Подъ такимъ заглавіемъ напечатано недавно сочиненіе д-ра Франца Карла Мюллера, бывшаго ассистентомъ Гуддена. Трудъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ достовѣрный документъ и живое описаніе извѣстной потрясающей драмы. „Даже для посвященнаго“, говоритъ д-ръ Мюллеръ, въ своемъ предисловіи, „не легко вполнѣ понять характеръ короля Лудвига, представляющій собою соединеніе духовнаго величія съ духовнымъ недугомъ. Никому не удастся распутать этотъ лабиринтъ и доказать, гдѣ величіе короля переходило въ болѣзнь. Уединенная жизнь короля окутывала его таинственнымъ покровомъ—и когда пришло время высказаться психіатру, болѣзненный процессъ зашелъ уже такъ далеко, что не оставалось никакого сомнѣнія въ родѣ болѣзни“. Въ высшей степени интересно описаніе, какимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, удалось, наконецъ, овладѣть несчастнымъ королемъ. „Около полуночи (съ 11 на 12 іюня 1886 г.)“, такъ разсказываетъ авторъ, „прибыли мы въ Шванштейнъ. Едва успѣли мы выйти изъ экипажей, какъ навстрѣчу намъ выбѣжалъ камердинеръ Мейеръ, давнишній, вѣрный слуга короля, и умолялъ насъ поспѣшить въ королевскіе покои, такъ какъ его величеству извѣстно, что противъ него что-то предпринимается и онъ повидимому рѣшился прибѣгнуть къ самоубійству. Такъ, напримѣръ, онъ уже нѣсколько разъ требовалъ ключъ отъ башни, вѣроятно съ цѣлью броситься оттуда въ бездну: его удалось удержать только подъ предлогомъ, что ключъ затерянъ и его тщательно разыскиваютъ. Гудденъ быстро рѣшилъ какъ дѣйствовать. Часть прислужниковъ отправилась наверхъ, чтобы загородить входъ въ башню: другая, вмѣстѣ съ ними и жандармами, спустилась наоборотъ нѣсколькими ступенями ниже. Такимъ образомъ пространство передъ коридоромъ оставалось свободнымъ, и король, выходя изъ своихъ комнатъ, не могъ видѣть никого изъ насъ. Камердинеръ вошелъ съ ключемъ къ королю.

„Вскорѣ послышались твердые шаги, и мы увидѣли у дверей коридора высокаго, величественнаго мужчину, который короткими, отрывистыми фразами разговаривалъ съ почтительно наклонившимся слугою. Прислужники, находившіеся наверху и внизу, вмѣстѣ съ нами направились къ двери и отрѣзали королю обратный путь. Въ одно мгновеніе они схватили больнаго подъ руки, а Гудденъ выступилъ впередъ со словами: „Ваше величество, на меня возложена самая прискорбная задача, какую мнѣ когда-либо приходилось выполнять. Согласно мнѣнію четырехъ психіатровъ наблюдавшихъ ваше величество, принцъ Луитпольдъ принялъ регентство. Мнѣ приказано въ эту-же ночь проводить ваше величество въ замокъ Бергъ. Если ваше величество прикажете, карета будетъ подана въ 4 часа?“ Король воскликнулъ коротко и печально „Ахъ!“ и произнесъ: „Чего-же вы хотите? Что все это значитъ?“ Прислужники повели короля обратно въ спальню, изъ которой онъ только что вышелъ. Тамъ начались переговоры. Гудденъ представилъ насъ каждаго отдѣльно. Король освѣдомился о различныхъ подробностяхъ лѣченія принца Отто, причемъ замѣтно было, что онъ усиленно старается владѣть собою, и вдругъ спросилъ: „Какъ вы можете объявлять меня душевно-больнымъ, когда меня вовсе не подвергали предварительному осмотру и освидѣтельствованію?“—„Ваше величество, въ этомъ не было необходимости; имѣется достаточное количество документальныхъ свидѣтельствъ, вполнѣ убѣдительныхъ и къ несчастью подавляющихъ“.—„А какъ-же долго можетъ продлиться лѣченіе?“—„Ваше величество, законъ гласитъ: „Если король, по какой-либо причинѣ, не можетъ управлять государственными дѣ-

лами долѣе года, то назначается регентство“; слѣдовательно пока, самый короткій срокъ—годъ“.—„Ну, по всей вѣроятности, дѣло пойдетъ быстрѣе: можно поступить такъ же, какъ съ султаномъ; спровадить человѣка на тотъ свѣтъ очень легко“.—„Ваше величество, моя честь запрещаетъ мнѣ отвѣчать на это“. Тогда король обратился ко мнѣ (д-ру Фишеру) и точно также сталъ разспрашивать о состояніи здоровья принца Отто. Затѣмъ подошли прислужники, которымъ король задавалъ вопросы о ихъ личныхъ дѣлахъ. Почти съ каждымъ разговоръ оканчивался вопросомъ: „Отчего вы не уходите изъ комнаты? Мнѣ хотѣлось бы быть одному: это, наконецъ, невыносимо!“ Далѣе больной сталъ говорить о своемъ пребываніи въ горахъ, гдѣ несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ душномъ городѣ. „Воздухъ тамъ чистъ, вода свѣжа. Нельзя осуждать человѣка за то, что онъ любитъ жить въ горахъ“. Около 4 часовъ, когда карета была подана, Гудденъ сказалъ: „Если ваше величество прикажете, мы можемъ ѣхать, карета готова“.—„Да, да, въ такомъ случаѣ поѣдемте“. Затѣмъ послѣдовала поѣздка въ замокъ Бергъ, гдѣ король тотчасъ же занялъ свои комнаты, предварительно обставленныя профессоромъ Грасгеемъ надлежащими мѣрами предосторожности. Позднѣе король потребовалъ д-ра Мюллера, котораго сначала разспрашивалъ о его личныхъ дѣлахъ, а затѣмъ о принцѣ Отто. „Не правда-ли, точно такъ же какъ прежде вы докладывали мнѣ (на счетъ принца Отто), такъ теперь вы пишете доклады обо мнѣ?“—„Я еще не получалъ никакого приказанія“.—„Въ такомъ случаѣ напишите, что мнѣ очень худо; вѣдь будутъ рады услышать, что мнѣ хуже“.—„Ваше величество, какъ я вполнѣ убѣжденъ, радость вызоветъ только извѣстіе, что здоровье короля поправляется“.—„Да, вѣдь не трудно подсыпать человѣку въ супъ чего-нибудь, чтобы онъ никогда не проснулся“. На это я ничего не отвѣтилъ. „Какія существуютъ снотворныя средства?“—„Ихъ очень много: опій, морфій, хлораль-гидратъ, ванны, умыванья, гимнастическія упражненія“. Конецъ разговора былъ слѣдующій: „Вы останетесь постоянно здѣсь?“—„Мы будемъ помѣсячно чередоваться съ другимъ врачемъ, который еще не назначенъ“.—„Ужъ тотъ навѣрно придумаетъ какое-нибудь средство, чтобы отправить меня на тотъ свѣтъ“.—„Ваше величество, я ручаюсь за своего товарища какъ за самого себя; обязанность врача помогать и исцѣлять, а не разрушать“.—„Да, вамъ я довѣряю; а тотъ... другой?“ Такимъ образомъ невинные вопросы смѣнялись мыслями о преслѣдованіи. Страхъ передъ приближенными обнаруживался въ немъ постоянно. Авторъ подробно описываетъ послѣднюю прогулку короля съ Гудденомъ въ Троицынъ день 1886 г., закончившуюся катастрофой, послѣ которой нашли оба трупа въ Штарнбергскомъ озерѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Приговоръ, который исторія со временемъ произнесетъ надъ королемъ Лудвигомъ, несомнѣнно признаетъ за нимъ великіе замыслы и великія дѣла; остается только глубоко скорбѣть о томъ, что благородному государю суждено было кончить сумасшествіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать и его врача, который обходился съ больнымъ какъ съ королемъ и за свои убѣжденія пошелъ на смерть“. (с.)

Величайшее жилое зданіе въ свѣтѣ. Изъ Нью-Іорка сообщаютъ, что въ Миннеаполисѣ приступлено недавно къ сооруженію дома, въ сравненіи съ которымъ гигантскіе, двѣнадцати-этажные отели на Баттери и Бродвеѣ въ Нью-Іоркѣ, являются простыми хижинами. Предпринято это сооруженіе съ цѣлью дать еще одинъ толчокъ системѣ, которой держится въ настоящее время строительное искусство въ Америкѣ и положить начало новой, представляющей бóльшую прочность, бóльшую безопасность отъ огня и воровъ, требующей меньшихъ денежныхъ затратъ. Инженеръ Л. С. Буффингтонъ взялъ патентъ на свою новую систему и огласилъ планъ первой постройки. Постройка эта если не чудовищна, то во всякомъ случаѣ подавляетъ, несмотря на свою простоту и даже стройность; это колоссальное, гигантское зданіе—чудо, предъ которымъ, въ изумленіи, умолкаетъ разумъ. Домъ походитъ на исполинскую башню, усѣянную зеркальными окнами. Въ немъ не менѣе двадцати восьми этажей, въ которые ведутъ двѣнадцать элеваторовъ (подъемныхъ креселъ), приводимыхъ въ движеніе паровыми машинами. Каждый изъ элеваторовъ представляетъ собою маленькій салонъ, имѣетъ своего кондуктора и поднимается въ предназначенный ему этажъ съ тою-же правильностью, какъ желѣзная дорога къ мѣсту назначенія. Элеваторъ и замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ желѣзную дорогу, только дома старой системы строились въ длину и ширину, а этотъ построенъ въ вышину. Длина и ширина дома занимаютъ всего 80 футовъ, между тѣмъ какъ высота отъ основанія до двадцать-восьмаго этажа равняется 350 футамъ. Зданіе состоитъ изъ 728 большихъ комнатъ; всѣ онѣ расположены съ наружной стороны, слѣдовательно по четыремъ стѣнамъ, и получаютъ свѣтъ снаружи; заднихъ комнатъ нѣтъ вовсе. Посреди зданія вьются отъ основанія до крыши двѣ желѣзныя лѣстницы, для пользованія въ случаѣ повреждения подъемныхъ машинъ. Крыша стеклянная и даетъ массу свѣта до самыхъ нижнихъ сѣней. Зданіе четырехугольное, крыша остроконечная, ограниченная четырьмя башенками. При постройкѣ дерево употребляется только для дверей и оконныхъ рамъ; строеніе состоитъ исключительно изъ желѣзнаго, обложеннаго камнемъ, остова, который могъ бы быть продолженъ вверхъ до безконечности. Всѣ 728 помѣщеній, которыя предназначены для дѣловыхъ цѣлей и слѣдовательно будутъ употребляться для конторъ, уже снабжены вдѣланными въ стѣны несгораемыми шкафами; въ желѣзный полъ гдѣланы желѣзные пульты, шкафы и стулья, такъ что вопросъ о мебели отходитъ въ область преданій. Элеваторы поднимаются до двадцать-восьмаго этажа въ полъ-минуты; слѣдовательно, головокружительная высота достигается быстрѣе чѣмъ какой-нибудь удобный первый этажъ частнаго дома. Впрочемъ, какъ полагаетъ счастливый изобрѣтатель, воздухъ „тамъ наверху“ не только здоровъ, но и дешевъ въ двойномъ смыслѣ. Можно будетъ, не заботясь о территоріальномъ вопросѣ, возводить постройки хотя до облаковъ, потому что воздухъ и пространство въ немъ есть достояніе общественное и свободное отъ всякихъ цѣнъ и налоговъ. Жгучій вопросъ о постоянно возрастающемъ вздорожаніи въ большихъ городахъ земельной цѣнности разрѣшенъ; пока будутъ строить въ высоту, земля въ длину подешевѣетъ. (с.)

О вліяніи алкоголя на потомство. Въ одномъ изъ засѣданій Парижской академіи, профессоръ Шарко сообщилъ объ интересныхъ опытахъ, произведенныхъ гг. Мере и Камбемэлемъ надъ вырождающимъ дѣйствіемъ алкоголя на потомство. Опыты производились различными способами надъ собаками. Прежде всего было изслѣдовано вліяніе хроническаго отравленія алкоголемъ. Съ этою цѣлью здоровую понятливую овчарку поили въ теченіе восьми мѣсяцевъ ежедневно извѣстнымъ количествомъ полынной водки, которое было доведено постепенно до 11 граммовъ въ день на килограммъ вѣса тѣла. Сначала у собаки стали обнаруживаться различныя разстройства центральной нервной системы, и наконецъ она впала въ состояніе бѣшенства, сопровождавшееся паралическимъ состояніемъ. Послѣ этого собакѣ данъ былъ отдыхъ. Затѣмъ другая, совершенно здоровая собака принесла отъ первой мѣсяца черезъ два 12 щенятъ. Двое изъ нихъ родились мертвыми, трое погибли случайно, семеро издохли отъ различныхъ болѣзней: отъ эпилептическихъ припадковъ, отъ бугорчатки легкихъ и брюшины и пр. Вскрытіе ихъ обнаружило органическіе недостатки, которые очевидно могли быть приписаны только дѣйствію алкоголя, какъ напримѣръ: утолщеніе черепныхъ костей, жировое перерожденіе печени и т. д. При второмъ опытѣ было опредѣлено вліяніе остраго отравленія алкоголемъ на потомство. Здоровой собакѣ давали въ теченіе послѣднихъ 23 дней ея беременности сначала по 2,75 граммъ, а потомъ по 5 граммовъ въ день на килограммъ вѣса тѣла. Изъ шести принесенныхъ ею щенятъ, трое родились мертвыми; изъ трехъ остальныхъ двое были хорошо развиты физически, но тупы и непонятливы; третій былъ хуже развитъ, отличался медленнымъ ростомъ, плохою смышленностью, и въ замѣтной степени аносміею, т. е. слабостью чутья. Послѣдній изъ поименованныхъ щенятъ — самка — послужилъ для третьяго опыта: для изслѣдованія вліянія остраго отравленія алкоголемъ на второе поколѣніе. Она произвела трехъ щенятъ; одинъ изъ нихъ околѣлъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія и въ немъ обнаружены были многія неправильности въ развитіи органовъ: недоразвитіе нѣсколькихъ пальцевъ, волчья пасть, неправильное положеніе сердца и т. д.; второй щенокъ сталъ чахнуть и издохъ черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія. Третій щенокъ остался въ живыхъ, былъ смышленъ, но у него оказались поражены брыжжечныя железы и парализована задняя часть тѣла. Такимъ образомъ, судя по этимъ примѣрамъ, вырожденіе проявляется во второмъ поколѣніи сильнѣе, чѣмъ въ первомъ. Оба изслѣдователя намѣрены продолжать свои интересные опыты. (с.)

Въ собраніи одного изъ отдѣленій Азіатскаго Общества, въ Мадрасѣ, былъ прочитанъ докладъ о москитахъ, этомъ бичѣ жаркихъ странъ. Въ докладѣ указывалось на то, что названныя насѣкомыя, извѣстныя намъ только съ одной неблагопріятной стороны, приносятъ и нѣкоторую пользу человѣку. Жизнь москита, по словамъ докладчика, длится всего отъ 29 до 30 дней, изъ которыхъ онъ только три дня проводитъ въ образѣ летающаго насѣкомаго. Три дня онъ живетъ въ формѣ яйца, 21 день въ видѣ гусеницы и 2 дня въ видѣ куколки. Естественнымъ мѣстопребываніемъ москита въ теченіе этихъ 26 дней, предшествующихъ превращенію его въ летающее насѣкомое, служитъ гнилая и испорченная вода, а главное назначеніе его—способствовать очищенію этой воды. Пища гусеницъ состоитъ изъ гніющихъ растительныхъ и животныхъ веществъ, а такъ какъ чрезвычайная прожорливость есть характеристическое свойство гусеницъ, то всѣ силы ихъ существованія устремлены на очищеніе и освѣженіе гнилой воды. Изъ этого слѣдуетъ, что москитъ отнюдь не заслуживаетъ той дурной репутаціи, которая составилась о немъ, такъ какъ въ теченіе большей части своей жизни онъ приноситъ пользу. Конечно сомнительно, чтобы эти соображенія могли служить особеннымъ утѣшеніемъ для жертвъ, ужаленныхъ москитами. (с.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

РЕБУСЪ НА ПРЕМІИ № 75. (Ориг. рис. И. Волкова).

За вѣрное рѣшеніе этого ребуса назначаются преміи — 16 экз. „Нивы“ 1889 г. Экземпляры эти будутъ распредѣлены между **четырьмя** рѣшившими **городскими СПБургскими** и между **двѣнадцатью** иногородными подписчиками „Нивы“. Рѣшеніе ребуса, фамиліи и адреса получившихъ премію, напечатаются въ 50 № „Нивы“.

Въ текущемъ году мы нашли болѣе удобнымъ присуждать преміи за рѣшенія ребуса не первымъ рѣшившимъ его, какъ это было въ предъидущіе годы, а по жребію, для чего всѣ поступившія до 3 декабря рѣшенія, пронумеруются по порядку (городскія и иногородныя—отдѣльно) и затѣмъ будетъ брошенъ жребій. При такомъ порядкѣ мы надѣемся устранить всякія неудовольствія со стороны рѣшившихъ ребусъ, которыя иногда изъявлялись въ прошлые годы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ. „НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,

издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

ПРИ УЧАСТІИ: Д. В. Аверкіева, Дорошенко, Н. Д. Ахшарумова, К. А. Бороздина, Максима Бѣлинскаго (І. Ясинскаго), П. В. Быкова, П. И. Вейнберга, В. Величко, кн. М. Н. Волконскаго, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, кн. Д. Голицына Муравлина, И. А. Гончарова, Г. П. Данилевскаго, В. П. Желиховской, Н. Н. Каразина, В. В. Крестовскаго, М. В. Крестовской, А. Н. Майкова, А. Я. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, П. Н. Полевого, Я. П. Полонскаго, гр. Е. А. Саліаса, Н. Северина, Н. Станицкаго, А. В. Стернъ, Вл. Толля, К. В. Тхоржевскаго, А. Фета, кн. Д. Н. Цертелева, О. Чюминой и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ „НИВЫ“ принимаютъ участіе извѣстнѣйшіе русскіе художники:

проф. И. К. Айвазовскій, акад. С. Ѳ. Александровскій, акад. А. Н. Бенуа, акад. В. А. Бобровъ, проф. К. Б. Венигъ, проф. В. П. Верещагинъ, проф. Г. П. Виллевальде, акад. М. Я. Вилліе, акад. П. Н. Грузинскій, проф. Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, акад. Ф. С. Журавлевъ, А. Е. Земцовъ, Зиновьевъ, акад. М. А. Зичи, Н. Н. Каразинъ, акад. А. Д. Кившенко, проф. Ю. Ю. Клеверъ, акад. М. П. Клодтъ, проф. П. О. Ковалевскій, акад. А. И. Корзухинъ, проф. Н. А. Кошелевъ, П. П. Куріаръ, К. Я. Крыжицкій, проф. Л. Ф. Лагоріо, К. Лебедевъ, акад. К. В. Лемохъ, Лоренцъ, Лосевъ, акад. И. К. Макаровъ, акад. В. Е. Маковскій, проф. К. Е. Маковскій, проф. А. И. Мещерскій, Н. Оболенскій, проф. В. Д. Орловскій, Х. П. Платоновъ, проф. Л. О. Премацци, проф. А. А. Риццони, Н. С. Самокишъ, проф. Н. Е. Сверчковъ, проф. Г. И. Семирадскій, акад. Ю. О. Томашевичъ-Бонча, акад. К. А. Трутовскій, акад. Ю. И. Феддерсъ, акад. А. А. Харламовъ, Ціонглинскій, акад. Ѳ. П. Чумаковъ, Н. Шаховской, проф. А. І. Шарлемань, Юмудскій и друг.

Въ портфелѣ Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ.
П. Висковатова—„Головка съ натуры“, разсказъ.
Кн. М. В. (автора романа *Дѣти Солнцевыхъ*)—„Мнимая любовь“, романъ въ 2 част.
Графа А. А. Голенищева-Кутузова—„Время“, стих.
Князя Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, пов.
П. Дорошенко—„Кто-же“, современный разсказъ.
В. П. Желиховской—„Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина“, разсказъ.
М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, романъ.
Н. В. Кукольника—„Крѣпостной художникъ“. (Посмертное произведеніе).
Евгенія Львова—„Три могикана“, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи.
А. Луговаго—„Боръ“, поэма
В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, романъ въ 2-хъ част.
П. Н. Полевого—„Корень зла“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.
Графа Е. А. Саліаса—„Барыни-крестьянки“, историческій романъ.
Н. Северина—„Перепутала“, комедія въ 1 дѣйствіи.
Н. Станицкаго—„Дѣдушка“, разсказъ.
А. В. Стернъ—„Божье дитя“, разсказъ.
Ѳ. Ѳ. Тютчева—„Артемій Саватьевъ“, разсказъ.
А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть.
Кн. Д. Н. Цертелева—„Иранское преданіе“.
О. Чуминой—„Загадка“, комедія въ 1 дѣйствіи.

Далѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе **1889 года „НИВА“** дастъ болѣе 50 портретовъ **русскихъ** общественныхъ дѣятелей съ біографіями, сотни **оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ** и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ **РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ**, множество видовъ **русскихъ** городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной **русской** жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и заграницей.

Кромѣ разныхъ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ**, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается **особое безплатное ежемѣсячное приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**—въ немъ до **500 модныхъ гравюръ** въ годъ, до **350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ** и множество **РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ**, до **400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, множество буквъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.**

Какъ главную премію на 1889 г. гг. **годовые** подписчики имѣютъ безплатно получить большую олеографическую картину печатанную маслян. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“,

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. 14¾ вершк. вышины и **полтора аршина ширины.**

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ **„Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера**, даетъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ **„Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“ проф. В. Д. Орловскаго** превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, осѣненный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шири облегающей его степи.

Мы выставляемъ въ непродолжительномъ времени картину въ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	5 Р.	Безъ доставки въ **Москвѣ**, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у **П. Н. Печковской**, Петровскія линіи	6 Р.	Съ пересылкою въ **Москвѣ** и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	6 Р. 50 К.			За границу	9 Р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ **Главную Контору Редакціи „НИВЫ“** (А. Ф. Маркса), **въ С.-Петербургъ.** Невскій проспектъ, д. № 6.

Редакція и издатель „НИВЫ“.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

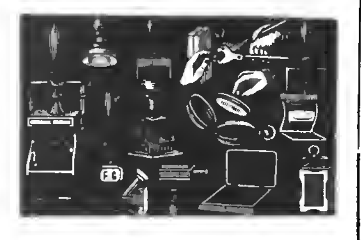

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ
ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья
въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендують свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавесныхъ, которые превосходнѣе нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантной и прочной отдѣлкой.

Т. п. адресовать: въ Кіевъ, В. Ф. Червеному и С. № 3461 4—4

Прошу почтить своимъ благосклоннымъ вниманіемъ мои произведенія изъ каучука и металла, признанныя лучшими по своему безукоризненному и изящному исполненію. Какъ-то: штемпели для Конторъ, Присутственныхъ мѣстъ, заголовокъ писемъ, факсимиле, монограммы, формулярные штемпеля для Судебныхъ учрежденій величиною до 20 сантиметровъ, Медали, Гербы, Эмблемы, Номераторы-Пагенеры. Номераторы, числепинки, со вставными каучуковыми числами и массивными каучуковыми и металлическими числовыми колесами самокрасящіеся и ручные.

Каучуковые типы для набора отдѣльныхъ словъ и чиселъ всякой величины съ ящикомъ. Штемпели, Алфавиты, наборы чиселъ изъ каучука и вальцевой массы для сигнировки ящиковъ и тюковъ. Сигнатуры изъ каучука величиною до 25 сантим. изъ вальцевой массы всякой величины.

Ударные штемпельные прессы, мѣдныя и стальныя печати, а равно и печати для выжиганія, изящнаго исполненія.

Всевозможные карманные штемпеля: автоматы, отемпели часы, карандаши (послѣдніе и изъ массивнаго серебра), ножики, спичечницы, брелоки къ часамъ изъ никеля, серебра и золота.

Всевозможныя гравировальныя работы на всѣхъ металлахъ.

Лучшая штемпельная краска различныхъ цвѣтовъ.

Лучшія черныя чернила для мѣтки бѣлья.

Аппараты для печатанія бронзою на стеклѣ, порцеланѣ, матеріи, кожѣ и проч.

Порошки: золотой, серебряный, мѣдный и различныя бронзы. Mt. № 3497 2—2

Новый патентованный способъ травленія на стеклѣ и всѣхъ металлахъ.

Сухая штемпельная краска съ подушкою всегда готовая къ употребленію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

ЦѢНА ЗА ГОДЪ: **4 РУБ.** ЦѢНА ЗА ПОЛГОДА: **2 РУБ.**

Съ 1889 года будетъ выпускаема ежедневно. Подробное объявленіе и пробный № разосланы при № 46 „Нивы". № 3499 4—1

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, д. 4.
Издатель А. А. Греве. Редакторъ И. В. Сворцовъ.

ЛИБИХА КОМПАНІИ
МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ
Настоящія лишь тѣ банки снабженныя подписью *J. v. Liebig* *СИНЯГО ЦВѢТА*

8—7 Главное депо для Россіи: братья Фохтсъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

1812. — ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ — 1889.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ГАЗЕТА СЪ ПЕРЕХОДОМЪ КЪ НОВОМУ ИЗДАТЕЛЮ И ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ дополнена новыми отдѣлами и увеличена ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Обширная программа, всесторонняя обработка современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внутренней и заграничной жизни, а также своевременное сообщеніе всѣхъ выдающихся новостей дня, даютъ возможность вполнѣ замѣнить дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты подписчикъ получаетъ:

1) По воскресеньямъ, отпечатанный на глазированной бумагѣ нумеръ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.**

2) Въ теченіе года будутъ выданы въ видѣ приложеній **ШЕСТЬ КНИГЪ НОВЫХЪ БОЛЬШИХЪ РОМАНОВЪ.**

3) „МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ" (12 нумеровъ въ годъ) съ образцами работъ.

4) „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ", отпечатанный въ три краски.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ИМѢЮТЪ ПРАВО получить ОДНО изъ ДВУХЪ художественныхъ приложеній:

5) Олеографическую копію съ картины художника С. И. Верещагина, отпечат. въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировк. и рельефомъ

„ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ"

Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, а также роскошная обстановка, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ эту картину очень интересною.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

6) **„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ"**

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ СОРОКА КАРТИНЪ этого АЛЬБОМА, есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: Гг. Рѣпина, Неврева, Шварца. Маковскаго, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наукова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины АЛЬБОМА отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку.

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить вышеозначенную КАРТИНУ или АЛЬБОМЪ, благоволятъ высылать ОДИНЪ РУБ. за экз. (съ пересылкою).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»

На годъ: съ доставкою и пересылкою 8 р. — На полгода 4 р.

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору:

Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 3506 3—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Н. ІЕВЛЕВА и Л. ВИНОГРАДОВЪ

въ Москвѣ, Ильинка, Биржевая площадь, д. Хлудова.

Собственной фабрики: сусальное червонное золото, двойникъ и серебро для золоченія иконостасовъ, главъ, крестовъ и проч.

Рекомендуетъ: настоятелямъ церквей и монастырей, церковнымъ старостамъ, а также торговцамъ, иконостасныхъ дѣлъ мастерамъ, иконописцамъ, живописцамъ вывѣсокъ, позолотчикамъ, заводчикамъ восковыхъ свѣчей и др.

2-е отдѣленіе: Никольская, Третьяковскій проѣздъ.

Торговля КРАСКАМИ сухими и тертыми, лаками масляными и спиртовыми лучшихъ фабрикъ, бронзовымъ порошкомъ и разными принадлежностями для типо-литографій, художниковъ, живописцевъ, иконописцевъ, столяровъ, маляровъ и пр.

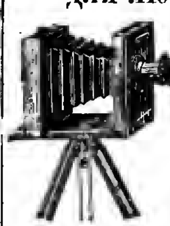
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ

лаковъ всемірно-извѣстной фабрики Ноблессъ и Гоара (Nobles et Hoare) въ Лондонѣ.

Требованія гг. покупателей выполняются немедленно. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3503

Торговля на Нижегородской ярмаркѣ близъ Главнаго дома, на Царской ул., д. № 158.

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ.
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошія фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже. № 3500 2—1

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются безплатно.

Е. КРАУСЪ и К°.

Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С-Петербургъ. Мойка, № 40.

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различными запахомъ:
Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ, геліотропъ, ландышъ, оппопонансъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая.

Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.

Цѣна за флаконъ
содержащій ¼ фунта
1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3359 6—4

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
у Алекс. ТИСЪ и К°.
Пушкинская, № 4.

БАНДАНЕОНЫ, чудесные музыкальные инструменты, легко самоучимы, отъ 27—210 марокъ. **Аннордеонъ** гармоники превосходныя отъ 3 марокъ. Самоучители. Р. № 3512 2—1

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ,
Фабрика инструментовъ, въ Висбаденѣ.
Прейсъ-куранты безплатно и франко.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ,
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3487 5—5

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НОВОСТЬ!
Американскія металлическія лампы
ГИЧКОКЪ
без стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина, соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1½ копѣйки въ часъ.

Полное ручательство за доброкачеств.

Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая	12 руб.
Висячая	15 руб.
Стѣнная	15 руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на 3 р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

№ 3501 НОВАЯ КНИГА: 2—1

О. Н. ЧЮМИНА (МИХАЙЛОВА).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

360 стр. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ книжн. магаз. „Новаго Времени“.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. За справками просятъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58.
№ 3197 15—11 Комитетъ.

Только что поступили въ продажу два тома сочиненій

М. В. КРЕСТОВСКОЙ.

Томъ I. Раннія грозы. Испытаніе.—Томъ II. Внѣ жизни. Уголки театральнаго міра.

Цѣна каждаго тома 1 руб. 50 коп.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, а также и въ другихъ—въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ. № 3504

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (11) Ц. № 3077

СКРИПКИ

отъ 2½ до 800 рублей.

Самоучитель Баганца 1 р., 2½ и 4 р.

Смычки отъ 50 к. до 60 р.

Альты, віолончели, контрабасы и пр.

ДѢТСКІЯ скрипки и віолончели.

Ноты въ большомъ выборѣ.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Самоучитель Баганца по 1½ и 3 р.

Трубы, Тромбоны, Вальторны, Альтгорны, Теноргорны, Баритоны, Басы и пр.

Ноты въ большомъ выборѣ.

ФЛЕЙТЫ

въ 3, 5, 8, 12, 18, 25, 35, 50, 60, 75 до 150 р.

Самоучитель Келера 1½ и 3 р.

Кларнеты, Гобои, Фаготы, Флажолеты и пр.

Ноты въ большомъ выборѣ.

ЖЕЛѢЗНЫЕ СКЛАДНЫЕ ПЮПИТРЫ

стоячіе, односторонніе въ 4, 6, 12 р., стоячіе двухсторонніе въ 14 и 18 р. Желѣзные столовые въ 2 р. Деревянные столовые въ 75 к., 1, 1½, 2 и 3 р. **Метрономы въ 6 и 9 р. СВѢЖІЯ СТРУНЫ. Камертоны** и всѣ музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества по дешевымъ цѣнамъ.

ФИСГАРМОНІИ

ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.

АМЕРИКАНСКІЯ въ 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

Фисгармонія одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро: кто мало-мальски играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія очень практична по своей простой конструкціи, а также потому, что она не разстраивается, какъ фортепіано.

Въ № 18 сего года журнала „Нива“ помѣщена интересная статья, изъ которой можно получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоніи. Эта статья, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ—безплатно.

Большой выборъ нотъ для фисгармоніи.

(Американская фисгармонія въ 300 р.)

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять цѣлыя увертюры, большія попури, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы.

Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ и имѣетъ приспособленіе для игры forte и piano.

Оркестръ-Манопанъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и проч.

Цѣна съ 10-ю пьесами **80 руб.** Добавочныя пьесы по **1 р. 20 к., 2 р. 40 к.** и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по **1 р. 20 к.** Каталогъ пьесъ для оркестра-манопанъ —**безплатно.**

ГЕРОФОНЪ ручной органъ, на которомъ можно посредствомъ разныхъ картонныхъ нотныхъ листовъ исполнять всевозможныя пьесы. По случаю улучшенія курса, обыкновенный герофонъ съ 10-ю пьесами стоитъ теперь только **30 р.**, герофонъ съ приспособленіемъ для игры forte и piano только **32 руб.** Добавочныя пьесы по **60 коп.** за каждую.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами **28 руб.**, добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ по **60 коп.**

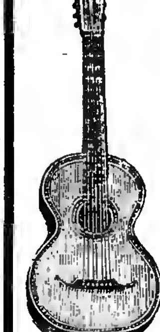
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами (металлическія нотныя кольца разной величины) **35 руб.** Добавочныя пьесы безъ различія размѣра по **70 коп.**

Фениксъ прежней конструкціи съ 10-ю пьесами **25 р.** Добавочныя пьесы безъ различ. размѣра по **70 к.**

Герофоны, аристоны, фениксы и ноты къ нимъ продаются у меня только настоящіе патентованные, поддѣланныхъ, которые легко портятся—не имѣю.

Каталоги нотъ для герофона, аристона и феникса—безплатно.

ГИТАРЫ

въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 р. (отъ 8-ми р. и дор. съ механизмомъ для струнъ).

Самоучитель Соколова 1½, 3 и 4½ р.

МАНДОЛИНЫ

въ 10, 25, 35, 50, 60, 75, 100 р.

Самоучитель Келера 2 руб.

ЦИТРЫ

отъ 12 до 125 руб.

Самоучитель Майера 2 р. и 4 руб.

АНГЛІЙСКІЯ КОНЦЕРТИНО

по удешевленнымъ цѣнамъ.

Съ мѣдными вибраторами въ 24, 32, 45, 55, 75 р.; со стальными въ 100, 125, 140, 160, 200, 250 руб.

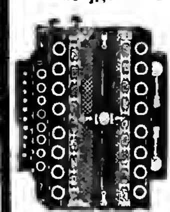
Концертино-баритоны въ 100, 175 и 250 руб.

Заключаютъ въ себѣ объемъ полной хроматической гаммы. По своему особенно пріятному тону и возможности исполнять на нихъ послѣ недолговременнаго упражненія разныя пьесы съ полной экспрессіей, они получаютъ все большее и большее распространеніе.

Самоучитель Пуссана 2 руб.

ГАРМОНІИ

по удешевленнымъ цѣнамъ.

Однорядныя въ 3, 4½, 6, 8, 10, 12, 15, 18 и 24 р.

Двухрядныя въ 14, 20, 22, 25, 28, 30, и 35 руб.

Трехрядныя въ 35, 50, 60 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 руб.

Ноты его же по 75 коп. и 1 руб. за тетрадь.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества. **Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.**

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. № 3507

С.-Петербургъ, Большая Морская. № 36 и 42. — Москва. Кузнецкій мостъ, домъ бывш. Торлецкаго.

Пересылка на счетъ покупателя.

НОВАЯ КНИГА.

ГИГІЕНА ГОЛОСА.

Съ 16 рис. въ текстѣ.

Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ.

Составилъ **М. Н. Глубоковскій,** врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. № 3515 3—1

Цѣна **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Выписывающіе отъ издателя (**Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ**) за пересылку не платятъ.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.

М. № 3454 4—1 **Брокаръ и К°.**

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ

КОНЬКОВЪ

отъ 2 руб.—15 руб. за пару. 3371

Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

Ж. БЛОКЪ. СПБ., Б. Морская, 21.

А. М. РУЗАНОВЪ

Гостиный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ

высылаетъ по первому требованію безплатно свой спеціальный

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Цѣны на заграничныя произведенія понижены. № 3480 6—2

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ журнала „Дѣтское чтеніе“ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 16 ноября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. — г. XIX
№ 48 — 1888
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 26 ноября 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ю. И. Симашко.

Юліанъ Ивановичъ Симашко происходитъ изъ древней дворянской фамиліи Кіевской губ. *) Отецъ его въ 1810 году переселился въ Варшаву, гдѣ и родился Симашко 21 марта 1821 г. Въ 1830 году онъ опредѣленъ кадетомъ въ Павловскій кадетскій корпусъ, гдѣ во время ученія, при отличныхъ успѣхахъ по математикѣ, особенно пристрастился къ естествовѣдѣнію, и съ твердымъ намѣреніемъ посвятить себя этимъ наукамъ, просилъ о выпускѣ его изъ корпуса для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Уволенный изъ корпуса 19 февраля 1838 г., онъ уже 4 октября того-же года, по выдержаніи экзамена въ университетѣ, былъ опредѣленъ учителемъ математики въ Шлиссельбургское уѣздное училище. Съ этого времени начинаются его офиціально педагогическія и рядомъ кабинетныя естественно-научныя занятія. Его педагогическія способности обратили на себя вниманіе товарищей и начальниковъ, такъ что черезъ 1½ года онъ сталъ домашнимъ учителемъ въ частномъ семействѣ, доставившемъ ему всѣ способы для естественноисторическихъ занятій, которымъ Симашко предался со всѣмъ пыломъ юности. Въ 1844 году онъ былъ назначенъ учителемъ естественной исторіи въ Павловскій кадетскій корпусъ. Съ 1845 по 1847 годъ онъ печаталъ спеціальныя изслѣдованія, въ бюллетеняхъ Московскаго общества испытателей природы и С.-Петербургской Академіи Наукъ, о пластахъ девонской системы въ С.-Петербургской губ., о сухопутныхъ и прѣсноводныхъ моллюскахъ Россіи. Съ 1848 по 1852 издалъ „Русскую Фауну“, единственное въ своемъ родѣ сочиненіе до сихъ поръ. Министерство Народнаго Просвѣщенія поручило ему составить учебникъ зоологіи для гимназій. Исполнивъ эту работу въ теченіе 1852 — 1854 годовъ, давшую, какъ из-

*) Въ различныхъ актахъ начала XVII столѣтія фамилія писана на русскомъ языкѣ различно: Сіомашко, Семашко и Сѣмашко, въ актахъ на польскомъ языкѣ Siemaszko. Въ документахъ опредѣленія его въ корпусъ писано *Симашко*.

Ю. И. Симашко (по поводу 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности).
Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

вѣстно, совершенно для насъ новое направленіе наукѣ о животныхъ, Симашко вслѣдъ затѣмъ, въ 1854—1857 годахъ, по порученію того-же Министерства, занялся составленіемъ и изданіемъ Учебнаго Атласа Всеобщей Географіи для гимназій, пользовавшихся до того старинными атласами Максимовича и Лоскутова. Оба эти сочиненія, совершенно измѣнившія характеръ преподаванія зоологіи и географіи, замѣчательны и съ технической стороны тѣмъ, что всѣ рисунки въ зоологіи, до 1200 — впервые появившіеся политипажами въ руководствѣ — изготовлены были въ Петербургѣ, и конгревовскій, а затѣмъ хромолитографическій способъ изданія атласа—похоронили навсегда старый типъ учебниковъ и способы изданія географическихъ атласовъ. Служебными занятіями Симашко за это время по 1856 годъ было преподаваніе естественной исторіи въ кадетскихъ корпусахъ 1-мъ, 2-мъ, Павловскомъ, Школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ и въ Лѣсномъ институтѣ, гдѣ онъ читалъ спеціальные курсы лѣсной энтомологіи и орнитологіи.

Въ 1856 году, съ учрежденіемъ Ученаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Симашко переводится на службу въ Министерство съ назначеніемъ членомъ Ученаго Комитета по естественнымъ наукамъ и чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ. Въ этомъ званіи онъ оставался до 1863 года, а затѣмъ вновь назначенъ членомъ Ученаго Комитета въ 1869 году. Въ этотъ періодъ Симашко, вмѣстѣ съ умершимъ недавно генераломъ Мандерштерномъ, учредилъ Энтомологическое Общество, въ которомъ былъ секретаремъ за первое пятилѣтіе существованія общества. Его ежемѣсячныя ученыя сообщенія въ засѣданіяхъ Общества, его публичныя лекціи, на которыхъ зала 6-й гимназіи не могла вмѣстить всѣхъ слушателей, его личныя изслѣдованія вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ въ С.-Петерб. губ., организованныя имъ, санкціонированныя покойнымъ К. М. Бэромъ изслѣдованія вреднаго хлѣбнаго червя въ Средней Россіи, саранчи на югѣ ея—придали Энтомологическому О-ву значеніе выдающагося ученаго учрежденія. Тогда, по иниціативѣ Симашко, при Обществѣ учреждены были отдѣленія ботаническое, фотографическое и другія—единственныя въ то время мѣста обмѣна между спеціалистами.

Наконецъ докладъ, поданный Симашко министру Народнаго Просвѣщенія, о необходимости въ Россіи мѣстныхъ естественноисторическихъ изслѣдованій — вслѣдствіе чего министерство отпустило 4000 руб. для изслѣдованія Петерб. губ.—послужилъ эрою въ естественноисторическихъ изслѣдованіяхъ Россіи; составленная при Обществѣ организаціонная коммисія, съ участіемъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета, дала практическое направленіе этимъ изслѣдованіямъ, и естественно повела къ учрежденію нынѣшнихъ Обществъ натуралистовъ при всѣхъ университетахъ.

Дѣятельность Симашко за это же время, какъ педагога, близко ознакомившагося, по званію члена Ученаго Комитета съ положеніемъ школьнаго дѣла въ Россіи, началась съ 1858 года. Симашко оставилъ дѣятельность свою въ Энтомологическомъ обществѣ, и признавая что начальное обученіе для того времени было обществу нужнѣе, чѣмъ спеціально научныя изслѣдованія, онъ, подъ псевдонимомъ Я. Фоссъ, со всею энергіею приступилъ къ педагогическимъ трудамъ. Результатомъ этой дѣятельности появилось болѣе 400 изданій, обнимавшихъ, кромѣ лингвистики, почти всѣ предметы домашняго обученія и курса въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Его образовательныя игры (игры Фребеля, подвижныя буквы, прописи, пособія по рисованію, комнатная гимнастика), пособія по элементарному школьному обученію (азбуки, прописи, ариѳметическіе классные счеты, ариѳметическіе кубы, модели рисованія), пособія для среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній (анатомическія и кристаллографическія модели, тригонометрическія линіи, карты, атласы, идеальный рельефъ земной коры) — стали необходимыми пособіями во всѣхъ семьяхъ и школахъ.

Въ полномъ разгарѣ этой дѣятельности, Симашко былъ приглашенъ бывшимъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантомъ Н. В. Исаковымъ, къ устройству въ бывшемъ складѣ учебныхъ пособій, въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса, по Набережной Невы, Педагогическаго музея. Отдавшись всецѣло этому дѣлу, Симашко провелъ два лѣта въ обзорѣ подобныхъ учрежденій за-границею, преимущественно въ Лондонѣ, въ Кэнсингтонскомъ музеѣ, и двѣ зимы въ организуемомъ имъ музеѣ. Въ короткое время музей безвозмездными, ничѣмъ не вознагражденными, трудами г. Симашко былъ поставленъ на такую степень совершенства, что могъ, какъ собиратель пособій, выступить на промышленной выставкѣ 1870 года, уже безъ участія Симашко, который на эту выставку пожелалъ явиться самостоятельнымъ экспонентомъ-производителемъ. Эта выставка породила много поощряемыхъ казеннымъ учрежденіемъ подражателей дѣятельности Симашко, который, по мѣрѣ появленія новыхъ производителей, оставлялъ производство учебныхъ пособій, посвящая свою дѣятельность основанному имъ тогда же педагогическому журналу *Семья и Школа.*

Журналъ этотъ издавался подъ его редакціею только до 1878 года, когда г. Симашко, командированный отъ Министерства Финансовъ, куда перенесъ свою службу въ 1874 году, на Парижскую, потомъ въ 1880 году на Вѣнскую международныя выставки, занялся изученіемъ техническаго и ремесленнаго образованія. Отчетъ о первой командировкѣ былъ представленъ министру Финансовъ и напечатанъ Министерствомъ подъ заглавіемъ „Общее состояніе техническаго образованія и необходимость распространенія его въ Россіи“. Въ этомъ отчетѣ впервые ясно разграничены различныя степени техническаго образованія очеркомъ задачъ ремесленныхъ школъ, техническихъ училищъ, курсовъ техническихъ знаній и проч. Особенное значеніе г. Симашко придавалъ ремесленному образованію, что еще яснѣе выразилось въ его докладѣ постоянной Коммисіи техническаго образованія по поводу обозрѣнія многихъ петербургскихъ мастерскихъ въ качествѣ (послѣдней служебной должности его) окружнаго инспектора по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Этотъ докладъ, памятный петербургскимъ ремесленникамъ, пробудилъ среди ремесленнаго сословія сознаніе и заставилъ отнестись критически къ своему положенію и къ поднятію уровня ремеслъ.

Оставивъ службу въ 1884 году съ незначительною пенсіею, Симашко не оставилъ своей дѣятельности какъ натуралистъ; издавна занимаясь метеоритами, онъ работаетъ надъ описаніемъ русскихъ метеоритовъ, и работа эта должна составить *pendant* къ его русской фаунѣ. Натуралисты, близко знающіе фундаментальность работы Симашко, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого сочиненія, а мы убѣждены, что эта новая, заросшая съ 1807 и 1819 годовъ научная тропа, обратится въ широкую дорогу труда и знанія отечественныхъ натуралистовъ.

Много можно перечесть именъ лицъ достигшихъ богатства, славы и чиновъ, но мало такихъ, которые бы столь твердо вписали имя свое въ исторію просвѣщенія Россіи, какъ Ю. И. Симашко.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

V.

Прошла недѣля послѣ смерти барыни Козляниновой, прошла другая, миновали святки, праздники и Новый годъ, которые отвлекли вниманіе Москвы на всякія затѣи, катанье съ горъ, гаданье, веселые вечера и вечеринки у именитыхъ московскихъ дворянъ.

Странное и загадочное приключеніе съ молодымъ офицеромъ, конечно, позабылось. Не только друзей, но и близкихъ знакомыхъ не было въ Москвѣ у безъ вѣсти пропавшаго, и поэтому некому было особенно вспоминать о немъ.

Въ домѣ бригадира все пошло по старому, снова было мирно и тихо; бригадиръ радовался, что дурацкая исторія позабыта и что его, вслѣдствіе показаній пьянаго кучера, не сдѣлали причастнымъ къ дѣлу.

— Спасибо, другъ вѣрный. Хорошій далъ совѣтъ. Двумя тысячами заткнулъ голодныя глотки.

Марья Евграфовна снова вышивала въ пяльцахъ, читала французскія книжки, но обращалась съ бригадиромъ нѣсколько сурово, какъ-бы протестуя молчаливо противъ его намѣреній и плановъ.

Бригадиръ, какъ человѣкъ добродушный и безхарактерный въ жизни, но способный какъ-бы поневолѣ упереться козломъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, снова вернулся къ своимъ мечтамъ и опять часто толковалъ съ другомъ о его женитьбѣ на внучкѣ. Братолюбцевъ отмалчивался или отшучивался. Поэтому Филисовъ рѣшилъ покуда оставить дѣло, но мѣсяца черезъ полтора, Великимъ постомъ, заговорить снова съ молодой дѣвушкой, а къ Красной горкѣ отпраздновать свадьбу.

Но если въ Москвѣ и въ домѣ бригадира все пошло,

повидимому, на старый, мирный ладъ, то бригадирская внучка и ея няня были исключеніемъ. Имъ жилось, повидимому, попрежнему мудрено.

Клёна бывала молчалива, грустна по цѣлымъ днямъ, но — что̀ удивляло особенно Толбухину — не столько печальна, сколько озабочена. Казалось, что она не горюетъ и не плачетъ о безслѣдно и загадочно потерянномъ предметѣ своей любви, а проводитъ деньденьской въ какомъ-то безпокойствѣ, будто бѣда какая у нея надъ головой виситъ.

То же самое, хотя нѣсколько иначе, выражалось и въ нянѣ Аринѣ Матвѣевнѣ. Женщинѣ было тоже какъ-то не по себѣ. Прежнюю веселость и говорливость какъ рукой сняло. Она тоже по цѣлымъ днямъ сидѣла задумчивая, какъ и ея дитятко.

Арина Матвѣевна не печалилась, а какъ-то сурово озлобившись, казалось, на весь міръ Божій, грызлась, по выраженію людей, со всѣмъ домомъ. Прежняя простодушная ласковость Арины Матвѣевны, готовность услужить каждому — исчезли. Теперь она привязывалась ко всѣмъ и бранилась со всѣми.

Единственнымъ ея собесѣдникомъ, съ которымъ она за послѣднее время какъ будто сошлась гораздо ближе— былъ Герасимъ. Вслѣдствіе этого, борьба между двумя женщинами—няней и барской барыней, еще усилилась. Теперь Степанида уже начинала прямо ревновать Арину къ своему возлюбленному.

Наибольшая перемѣна, происшедшая въ домѣ, сказалась въ поведеніи скорохода и богатыря Герасима. Любимецъ барскій уже два или три раза навлекъ на себя гнѣвъ барина за ослушаніе и своеволіе.

Скороходъ, со времени странной исторіи съ Козляниновыми, сталъ жить совсѣмъ иною жизнью. Онъ больше отлучался изъ дома, чаще ворочался на-веселѣ, а нѣсколько разъ бывалъ и сильно пьянъ. Онъ исполнялъ всѣ порученія бригадира неохотно, непорядливо, ругался со всѣми такъ-же, какъ и Арина Матвѣевна. Но при этомъ онъ грозился и хвасталъ, говоря, что ему на все и на всѣхъ наплевать, что онъ своему праву хозяинъ и если захочетъ, то откупится на волю, что самъ баринъ его не посмѣетъ не отпустить.

Вмѣстѣ съ этимъ у скорохода постоянно замѣчали люди то, что̀ было наименѣе возможно скрыть—деньги.

Дворовый человѣкъ того времени, въ качествѣ крѣпостнаго, не получалъ жалованья; слѣдовательно всякій алтынъ, который являлся у него въ рукахъ, могъ быть только изъ подозрительнаго источника. У Герасима бывали не алтыны въ рукахъ: у него видали заразъ по нѣскольку рублей. Наконецъ, про него узнали, что онъ вмѣстѣ съ новыми пріятелями кутитъ по сосѣднимъ трактирамъ, что компанія его не простая, не холопы сосѣднихъ господъ, а чиновники, пономари, дьяконы, судейскіе повытчики. Въ томъ числѣ самъ дворецкій графа Орлова не гнушается водить компанію со скороходомъ бригадира Филисова.

Однажды слухъ о деньгахъ и кутежахъ Герасима дошелъ и до бригадира.

Никита Артемьевичъ вызвалъ къ себѣ холопа, не кричалъ на него, а хладнокровно потребовалъ объясненія. Герасимъ объяснилъ барину, что дѣйствительно виноватъ, видается кое - съ - кѣмъ изъ друзей въ трактирахъ и тратитъ деньги, но что деньги эти заработаны имъ не предосудительнымъ образомъ, и онъ проситъ у барина позволенія и впредь также зарабатывать себѣ.

На вопросъ бригадира какая-такая работа, Герасимъ отвѣчалъ, что его одинъ изъ друзей-стрекулистовъ обучилъ писать просьбы и такъ какъ его скоропись чистая и красивая, то у него очень много заказчиковъ.

— Чуть не каждый день, прибавилъ онъ,—какой-либо мѣщанинъ проситъ написать куда-либо въ судъ прошеніе или челобитную.

— Вотъ какъ!.. воскликнулъ бригадиръ.—Молодецъ... Пиши!.. Богъ съ тобой.

И бригадиру Филисову почему-то понравилось, что его крѣпостной холопъ попалъ чуть не въ дьяки судейскіе.

Одновременно однако съ этимъ заявленіемъ Степанида увѣряла барыню, что Герасимъ вретъ, что никакихъ челобитныхъ онъ писать не въ состояніи и что деньги онъ достаетъ Богъ вѣсть откуда.

— Это дѣло поганое. Хорошо бы было барину вступиться и не дозволять сего. Сказываютъ люди: я ворую, да ему даю. Вотъ Богъ святъ—не я! Да и гдѣ же мнѣ такія большія деньги взять!

Марья Евграфовна рѣшила, что ея любимица наушничаетъ на скорохода изъ ревности, такъ какъ она сердита на него и ревнуетъ его къ нянѣ. Марья Евграфовна была убѣждена въ томъ, что у няни Арины Матвѣевны, женщины еще не старой, явились новыя отношенія съ красивымъ скороходомъ.

Въ подобнаго рода дѣла господа не вмѣшивались, считая это не благопристойнымъ. Лишь бы все было на видъ прилично; а что̀ творится въ людскихъ и на дворѣ — до того барину именитому дѣла нѣтъ.

Дворъ всякаго барина не монастырь, а самъ онъ не настоятель-игуменъ. Лишь бы дѣло дѣлали дворовые люди и не поносили своихъ господъ въ сосѣдяхъ. На послѣднее обращалось наибольшее вниманіе. А чѣмъ бо̀льшую свободу давать холопамъ въ извѣстныхъ проявленіяхъ ихъ существованія — тѣмъ больше любятъ они господъ и тѣмъ менѣе разносятъ дурную славу объ нихъ.

„И пускай ихъ", думала Марья Евграфовна про Герасима и про няню. „Можетъ быть послѣ Великаго поста, если Клёна согласится замужъ выдти, мы и эту свадьбу сыграемъ."

Но однажды Марья Евграфовна должна была, къ своему великому удивленію, убѣдиться, что ея подозрѣнія ни на чемъ не основаны. Озлобленная на весь міръ Божій, няня все больше грызлась со всѣми въ домѣ, все чаще бесѣдовала съ Герасимомъ, но за глаза начинала относиться объ немъ съ особенною злобой. Вмѣстѣ съ этимъ Арина все больше и больше молилась Богу, все чаще ходила въ церковь ко всѣмъ службамъ. Кромѣ того, она отпрашивалась часто изъ дому и посѣщала всѣ московскіе монастыри, а затѣмъ отпросилась у господъ къ Троицѣ и вернулась черезъ недѣлю потише нравомъ, какъ бы успокоившись. На другой же день, явившись къ барынѣ Марьѣ Евграфовнѣ, няня бросилась ей въ ноги и объявила, что у нея есть „великая" просьба до барыни.

— Будьте милостивы! Не откажите!

— Что̀ такое?! удивилась Толбухина.

— Испросите у барина мнѣ грѣшной разрѣшеніе идти въ монастырь.

Марья Евграфовна настолько изумилась, что и ротъ разинула.

— Какъ то-ись? отозвалась она.

— Да такъ. Отпустите душеньку мою на покаяніе. Я буду за васъ за всѣхъ молиться ежеденно и еженощно. И себя спасу, и ваши грѣхи замолю... Отпустите... Доложите барину.

— Да ты вѣдь Никитѣ Артемьевичу не крѣпостная. Ты по закону Клёнина. Какъ она... Она тебя не захочетъ отпустить. Ей безъ тебя покажется еще скучнѣе.

— На это барышня согласна... А вы барина попросите все-таки. Безъ него нельзя.

— Изволь. Только, признаюсь, чудно мнѣ, няня, все это... И съ чего это вдругъ?

— Да такъ, ужь тяжело больно.

— Отчего тяжело?

— Сама не знаю... опустивъ глаза вымолвила няня.— Ужь такъ тяжело, что и жить нельзя. Отпустите.

— Чудно... Была ты веселая, болтливая, смѣхотли-

Ткачиха. Акварель барона М. П Клодта (собств. „Нивы"), грав. Шюблеръ

Предъ разлукой. Картина Піо Риччи, грав. Шей.

вая, и вдругъ съ того самаго раза, что почудился тебѣ покойникъ-баринъ на вышкѣ, заскучала и вотъ чѣмъ кончила. Вѣдь это съ того раза пошло.

— Да! со вздохомъ произнесла Арина Матвѣевна.— Съ того раза. Все съ того раза пошло... Тяжело! Такъ будьте мать родная, попросите барина.

— Изволь, изволь. Помѣхи тебѣ не будетъ... Что же, дѣло хорошее. Только не зря-ли ты собралась? Подумай.

— Ахъ, нѣтъ, матушка! Какое зря. Я ужь давно собралась.

— И барышня это знала?

— Вѣстимо знала.

— И ничего противъ этого не имѣетъ?

— Что-же ей? Она сама рада бы въ монастырь...

Толбухина изумленно поглядѣла на няню, но потомъ сообразила въ чемъ дѣло.

— Это изъ-за брака со старымъ Братолюбцевымъ? Это дѣвичьи сборы! Это она пугаетъ монастыремъ, а никогда не пойдетъ... Да это дѣло еще вилами по водѣ писано. Можетъ Богъ дастъ при моемъ сопротивленіи Никита Артемьевичъ совсѣмъ перемѣнитъ мнѣніе. Можетъ мы выдадимъ ее за такого офицера, который будетъ почище вашего, безъ вѣсти пропавшаго... А чудное это дѣло, какъ вспомнишь!.. Удивительное дѣло! Какъ это онъ и куда пропалъ? вымолвила Толбухина.

Арина Матвѣевна, смотрѣвшая спокойно въ лицо барынѣ, вдругъ опустила глаза, даже измѣнилась слегка въ лицѣ и молчала.

— Правду-ли я сказываю, вѣдь удивительное дѣло?

— Да, глухо отозвалась Арина Матвѣевна.

— Какъ ты полагаешь, няня... Теперь дѣло прошлое. Знаешь-ли ты, что̀ болталъ кучеръ Козляниновой?

— Знаю, глухо отозвалась Арина Матвѣевна.

— Вѣдь онъ говорилъ, что подвозилъ будто бы молодаго барина къ переулку нашего сада.

Няня молчала.

— Ну, что̀ же ты молчишь? Знаешь ты это?

— Знаю.

— Что-жь ты про это скажешь?

Няня измѣнилась въ лицѣ и вымолвила глухо:

— Ничего не скажу.

И вдругъ то озлобленіе, которое часто прорывалось наружу, сказалось въ эту минуту въ пожилой женщинѣ. Она злобно взглянула въ лицо барыни и произнесла совершенно инымъ голосомъ, грубымъ и дерзкимъ.

— Чего жь вы меня-то пытаете? Что́-жь я его убила что-ли, или зарѣзала?

Марья Евграфовна была невольно удивлена этою перемѣной и не сразу отвѣчала.

— Что̀ ты!.. Богъ съ тобой!.. Чего это ты вдругъ такъ?

— Я ничего... А нечего, говорю, меня пытать.

— Да ты остервенилась.

— Остервенишься!.. со страннымъ смѣхомъ произнесла Арина Матвѣевна. — Да, ужь именно ваше слово святое: остервенишься! Осатанѣешь!

Но вдругъ она вздохнула, провела рукой по лбу, какъ-бы отгоняя какія мысли, и вымолвила:

— Ну, такъ попросите барина... Могу я надѣяться?

— Вѣстимо, сказано ужь тебѣ.

Няня поклонилась въ поясъ и быстро вышла вонъ изъ горницы барыни.

„А странная перемѣна въ этой женщинѣ“, думала Марья Евграфовна. — „Просто какъ загадка какая... Озлобилась, стала изрѣдка грубить, чего никогда съ ней не бывало. Переругалась со всѣмъ домомъ, а вмѣстѣ съ этимъ все Богу молится и изъ-за чего-то въ монастырь собралась постригаться. Чисто чудеса въ рѣшетѣ!..“

Черезъ два дня послѣ этого объясненія съ барыней, Арина Матвѣевна еще болѣе удивила всѣхъ домочадцевъ.

VI.

Однажды вечеромъ, когда бригадира не было дома, Марья Евграфовна сидѣла въ своей горницѣ и разсуждала со Степанидой о хозяйствѣ. А вверху въ мезонинѣ сидѣли вдвоемъ няня съ чулкомъ въ рукахъ и Клёна безъ дѣла, сложивъ безпомощно руки на колѣняхъ и глядя какъ бы безсознательно куда-то въ темное окно. Онѣ о чемъ-то поговорили, затѣмъ замолчали, и каждая думала свою думу.

Блѣдное и похудѣвшее личико Клёны, освѣщенное одной сальной свѣчей, съ которой обѣ позабыли снять нагаръ, казалось еще болѣе истомленнымъ, чѣмъ когда-либо. Взглядъ ея красивыхъ глазъ, затуманенный печалью въ первое время послѣ загадочной исторіи съ ея нареченнымъ и возлюбленнымъ,— теперь чаще вспыхивалъ такимъ же огонькомъ, какой бывалъ во взорѣ Арины. Клёна тоже стала порою какъ бы озлобляться по примѣру своей няни.

Часто среди своихъ докучливыхъ думъ, Клёна повторяла шепотомъ едва слышно нянѣ или себѣ самой одну и ту же фразу:

— Такъ жить нельзя. Лучше удавиться.

Среди тишины царившей въ горницѣ скрипнула дверь,—на порогѣ появился богатырь Герасимъ и сталъ у притолки, тихо притворяя за собою двери.

Обѣ женщины шелохнулись; Клёна вздрогнула и отвернулась порывистымъ движеніемъ, а няня сразу, будто по мановенію жезла волшебника, выпрямилась и, какъ говорится, окрысилась или остервенилась.

— Ну, опять? вымолвила она тѣмъ злобнымъ тономъ, которымъ она часто говорила теперь.

— Да, опять... повторилъ скороходъ, стоя у двери, и при этомъ запустилъ свои огромныя руки въ полы своего кафтана.

Наступило молчаніе.

— Злодѣй!.. проворчала Арина Матвѣевна. — Нѣтъ на тебя ничего! Ни дубины, ни ножа! Хоть бы ты подохъ гдѣ въ трактирѣ... Прирѣзалъ бы тебя кто....

— Покорнѣйше благодаримъ, Арина Матвѣевна. Зачѣмъ же-съ... Да я не изъ махонькихъ дворянчиковъ-прапорщиковъ, кои слабѣе мухи... Ко мнѣ смерть-то придетъ, такъ прежде чѣмъ взять меня, еще поломается со мною. А вотъ чахлый офицерикъ...

Клёна вдругъ обернулась на это слово. Лицо ея горѣло, одинъ гнѣвъ сказывался во всѣхъ чертахъ ея красиваго лица, а въ глазахъ стояли слезы, но тоже слезы озлобленія, а не печали.

— Наконецъ я къ дѣдушкѣ пойду!.. Я скажу дѣдушкѣ... проговорила она съ отвращеніемъ и злобой, мѣряя съ головы до ногъ скорохода, который дерзко стоялъ у двери, выставивъ одну ногу впередъ и подбоченясь.

— Къ дѣдушкѣ? произнесъ онъ вопросительно.

— Да. Если такъ, я пойду прямо, сама все ему на чистоту...

— Пожалуйте, барышня... Милости просимъ. Говорите! Это ваше дѣло. Прикажите и я скажу... А вы лучше, барышня, по добротѣ своей не слушайте этой глупой бабы и не серчайте. Что̀ же дѣлать?.. Нужда. Я бы васъ безпокоить не сталъ.

— Да нѣтъ же у меня!.. Нѣтъ! И когда же конецъ? проговорила Клёна.

— Ахъ, дьяволъ! Вотъ дьявольское отродье! выговорила Арина Матвѣевна. — Изъ-за тебя я въ монастырь иду, дьяволъ! Лучше въ монастырь, чѣмъ въ Сибирь. Лучше постригуся и буду монахиня, чѣмъ въ сѣромъ халатѣ съ арестантами воровкой да мошенницей гулять по городу.

— Это твое дѣло, Арина Матвѣевна. Въ монастырь-ли, въ Сибирь-ли, куда ты пойдешь, мнѣ совсѣмъ не занимательно. А вотъ ты барышню не смущай, и опять-таки, ея волѣ желательно — ты и повинуйся. Приказываетъ она вамъ — вы исполняйте.

— Да развѣ она приказываетъ, дьявольское отродье! Ты видишь, что она сама побѣжала бы къ барину жаловаться... Говори же ты, когда же конецъ-то будетъ?..

— Конецъ?.. разсмѣялся Герасимъ. — Какой же конецъ? Я о семъ обстоятельствѣ мыслями не раскидывалъ... А полагаю такъ, по правдѣ разсудить, что вотъ ты въ монастырь, Аринушка, уйдешь. Меня туда къ тебѣ не пустятъ, да и взять будетъ съ тебя нечего. Барышню, слышно, прочатъ за Геннадія Ивановича. Къ ней тоже никогда не сунешься. Братолюбцевъ-то—самъ засѣдатель въ Верхнемъ, самъ крючкотворъ судейскій. Такъ вотъ покедова ты не въ монастырѣ, да и покедова барышня только невѣста, такъ вотъ я и пользуюсь... А тамъ ужь конецъ моей масляницѣ, придетъ чистый понедѣльникъ и зубы на полку. Такъ вотъ по то мѣсто, вы ужь меня утѣшьте, не прекословьте.

— Няня, выговорила Клёна,—поди поскорѣе... Избавь меня отъ него... Видѣть его не могу... Поскорѣе!..

Арина Матвѣевна встала, зажгла свѣчу, вышла въ другую комнату и оттуда слышался ея голосъ и ворчанье.

— Сатана... Самъ сатана. Наказалъ насъ Господь.

Покуда няня была въ другой комнатѣ, Клёна оперлась на столъ руками и отвернулась, чтобы не видѣть фигуры богатыря, которая производила на нее гнетущее впечатлѣніе.

Скороходъ стоялъ, какъ истуканъ, не двигаясь, на томъ-же мѣстѣ, и переводилъ глаза съ барышни на дверь растворенную въ другую горницу, гдѣ копошилась няня. Но вдругъ онъ произнесъ, хотя полушепотомъ, но достаточно громко, чтобы Клёна могла разслышать:

— Спасибо замужъ выдаютъ. Бога молите! А то бы я не того востребовалъ! Все-бы у меня какъ по щучьему велѣнью исполнялось! Чего-бы я ни хотѣлъ. Все ты мнѣ вынь, да положь... Хоть-бы себя самою... Вотъ что̀, барышня!.. А есть во мнѣ христіанство... Другой-бы не то. Другой-бы васъ въ три погибели согнулъ.

— Молчи! воскликнула Клёна.—Не смѣй!..

Голосъ дѣвушки оборвался отъ избытка негодованія и гнѣва.

— Я вѣрно сказываю.

— Молчи!.. громче вскрикнула Клёна, ступила на два шага къ скороходу и прибавила: — Только слово еще одно... я опрометью брошусь внизъ къ дѣдушкѣ и все разскажу.

И видно въ звукѣ этихъ словъ и во всей позѣ дѣвушки, Герасимъ увидѣлъ такую рѣшительность, такой порывъ, что предпочелъ повиноваться и замолчалъ. Но въ ту-же минуту на голосъ своего дитятки выскочила Арина Матвѣевна съ узломъ въ рукахъ и вымолвила:

— Что̀ еще?.. Что̀ такое?..

Клёна махнула рукой, отошла, сѣла снова на свое мѣсто и понурилась. Арина Матвѣевна швырнула узелъ на полъ къ ногамъ Герасима и прибавила:

— Тащи, хамово отродье!

— Зачѣмъ! такъ мы не согласны, проговорилъ Герасимъ.—Въ послѣдній разъ ты меня, Аринушка, поддѣла ловко, одного тряпья всякаго наклавши. А я, вотъ, теперь прежде освидѣтельствую что́ тутъ.

Герасимъ нагнулся на полъ, взялъ узелъ, развязалъ его, повытаскалъ оттуда разную мелочь, бѣлье, одно женское платье, какой-то цвѣтной шелковый платокъ, и, сидя на полу на корточкахъ, проговорилъ, обращаясь къ нянѣ:

— Нѣтъ, Аринушка. Нынѣ дешево не купишь. Мы дороже стали. Принеси-тко ты мнѣ платьеце шелковое. У васъ вѣдь, поди, ихъ заготовлено не мало.

— Что?!.. воскликнула няня.

— Такъ, такъ говорю... Тащи скорѣе, а то до ночи не кончимъ разговоровъ. Давай самое лучшее изъ шелковыхъ и съ фалборами, да съ бахромами, чтобы мнѣ за него рублей десять отсчитали... А то вишь наклала дряни всякой... Ну, ну... живо!

Арина Матвѣевна стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Герасима и тряслась всѣмъ тѣломъ; злоба душила ее.

— Не ортачься, Аринушка. Чего окрысилась... Со злости, смотри. лопнетъ у тебя что̀ внутри. Тащи ты скорѣе платьеце хорошенькое, да еще парочку шелковыхъ платочковъ въ придачу. Вотъ тогда обѣщаю я тебѣ — цѣлыхъ двѣ недѣли не понавѣдуюсь. Слышишь-ли? Цѣлыхъ двѣ недѣли не увидишь ты меня здѣсь.

Арина быстро, уже безъ свѣчи бросилась въ сосѣднюю горницу, какъ-бы внѣ себя, и черезъ мгновеніе стукнула крышкой сундука. Также порывисто, почти выскочила она назадъ и швырнула въ голову скорохода голубое шелковое платье, обшитое кружевами.

— Вотъ хорошо! Только ты напрасно все швыряешься.

Герасимъ сложилъ платье, сталъ завязывать узелъ, но вдругъ прибавилъ:

— А парочку платочковъ-то позабыла?

— Ну! грозно крикнула Арина Матвѣевна.

— Парочку, говорю, платочковъ.

— Ну!! на весь домъ заорала Арина Матвѣевна, какъ-бы теряя сознаніе и, бросившись кошкой на все еще сидѣвшаго на полу передъ узломъ богатыря, она вцѣпилась ему въ волосы.

Клёна вскочила, бросилась къ нянѣ съ криками, но въ это время богатырь сильнымъ ударомъ кулака отшибъ отъ себя женщину. Она упала на полъ и Герасимъ быстро вышелъ. Няня вскочила съ пола, кинулась вслѣдъ за нимъ, нагнала его на лѣстницѣ и снова съ крикомъ и визгомъ схватила его за волосы. И снова богатырь машистымъ ударомъ кулака въ грудь отбилъ отъ себя, какъ ребенка, плотную и сильную женщину.

Но за то на ея отчаянный крикъ поднялся на ноги весь домъ, и все праздное населеніе прибѣжало на лѣстницу.

Герасимъ обозлился, и, вмѣсто того чтобы спускаться, бросился вверхъ, къ горницѣ Клёны.

— Чортъ этакій! проговорилъ онъ.—Куда теперь съ узломъ-то!

И круто повернувъ отъ дверей горницы барышни, богатырь бросился къ дверкѣ, выходившей на чердакъ, и скрылся за нею. Арина Матвѣевна лежала на лѣстницѣ. Ударъ въ грудь ею полученный былъ такъ силенъ, что она не могла стать на ноги, тяжело дышала и стонала.

Сбѣжавшаяся дворня поднялась по лѣстницѣ, обступила няню съ разспросами. Были нѣкоторые голоса, спрашивавшіе не привидѣлись-ли ей опять покойница или покойникъ, но Арина Матвѣевна, охая, отвѣчала одной только жесточайшею бранью на все и на всѣхъ. Проклинала весь міръ Божій.

— Уходите всѣ къ дьяволу! повторяла она. — И съ чего вы прилѣзли, черти?.. Что̀ вамъ нужно? Ничего у меня не болитъ... Просто оступилась, да и упала... Уйдите всѣ къ дьяволу, хамово отродье!

На голосъ барыни снизу: „въ чемъ дѣло и что̀ случилось“, няня отвѣтила вполголоса:

— Ишь дозоромъ ходитъ, лѣшій.

Черезъ нѣсколько минутъ мамка поднялась на ноги, вернулась въ горницу Клёны, а люди разошлись по дому, удивляясь до чего можетъ человѣкъ измѣниться. „Была такая привѣтливая, да добрая Арина Матвѣевна, а стала совсѣмъ злыдень. Грызется, ни къ селу, ни къ городу, со всѣми. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ монастырь собирается, инокиней хочетъ быть“.

VII.

Марья Евграфовна была права, когда сказывала, что

въ домѣ у нихъ происходятъ чудеса въ рѣшетѣ. Каждый день приносилъ новый сюрпризъ.

Вскорѣ послѣ того дня, когда дикіе крики не перепуганной, а лишь оступившейся на лѣстницѣ и упавшей няни подняли на ноги весь домъ, одинъ изъ домочадцевъ, отличавшійся прежде примѣрнымъ поведеніемъ за нѣсколько лѣтъ, явился откуда-то пьянымъ, исколотилъ двухъ человѣкъ, избилъ барскую барыню, а затѣмъ громко на дворѣ и въ людской кричалъ:

— Наплевать мнѣ на всѣхъ: и на барина, и на барыню. А барышня мнѣ все равно, что щенокъ дворной. И про всѣхъ я знаю такое дѣло, что скажи я только одно слово начальству—всѣ они въ Сибири будутъ.

Такъ оралъ громко въ пьяномъ видѣ скороходъ Герасимъ Морковниковъ. Все это уже пришлось довести до свѣдѣнія Марьи Евграфовны.

На другое утро, проспавшись, онъ кланялся въ ноги барынѣ, прося не доводить до свѣдѣнія барина ничего, и отказывался отъ своихъ словъ, говоря, что такой безсмыслицы и чепухи онъ не могъ говорить.

Марья Евграфовна простила, обѣщала ни слова не говорить бригадиру и запретила другимъ докладывать о буйствѣ. Но такъ какъ она не повѣрила ему, а вѣрила людямъ, то слова скорохода смутили ее.

— И дѣло это, матушка-барыня, несообразное. Я вотъ крѣпостной холопъ, и что̀-же такое я могу знать, за что̀ вы въ Сибирь можете идти. Все это на меня со злобы наплели.

„Малый не глупый“, думала она. „А у пьянаго, что̀ на умѣ, то и на языкѣ... Что̀-же это значитъ?! Просто чудеса!..“

Вслѣдъ за Герасимомъ явилась няня Арина Матвѣевна и тоже повалилась въ ноги, молила, чтобы ей позволили, не медля ни мало, хоть завтра постричься въ монастырь.

— Не терпится, матушка-барыня, поскорѣе душеньку свою спасать.

— Да почему-же спѣхъ такой? Не такое это дѣло...

— Нѣтъ, матушка... Ради Создателя дозволь... Или я завтра поутру пойду къ игуменіи Вознесенскаго монастыря, или въ Москву-рѣку топиться.

— Господь съ тобой, няня... Съ тѣхъ поръ, что свѣтъ стоитъ, такого не видано, чтобы человѣкъ такъ думалъ и разсуждалъ: либо монастырь, либо рѣка. Ты послушай меня: коли твое состояніе души находится въ этакомъ смутномъ видѣ, что ты думаешь объ утопленіи — то тебѣ въ монастырь не подобаетъ. Если-же ты хочешь богоугодною жизнью заслужить на томъ свѣтѣ — то какъ-же можешь ты въ то-же время думать о грѣховномъ погубленіи себя?

Марья Евграфовна, давно уже за послѣднее время не говорившая своихъ проповѣдей и никого не отчитывавшая, принялась теперь съ особеннымъ удовольствіемъ отчитывать няню, на тему постриженія и утопленія.

Арина Матвѣевна смиренно выслушала все. Изрѣдка лицо ея выражало внутреннюю кипучую злобу отъ нетерпѣнія или отъ чего другаго. Но въ концѣ концовъ Толбухина все-таки обѣщала, что на утро Арину Матвѣевну отпуститъ въ монастырь и можетъ она постригаться, хотя-бы немедленно.

„Удивительное дѣло!..“ думала оставшись одна Марья Евграфовна. „Стала женщина совсѣмъ ехидная, и лицо и глаза злые, и припадки какіе-то пошли. Тотъ разъ на лѣстницѣ орала, валялась на ступенькахъ точно бѣснующаяся... И впрямь будто въ нее нечистая влѣзла и она бѣсомъ одержима... Авось ее монастырская жизнь исправитъ!.“

Наконецъ черезъ день было новое удивительное явленіе въ домѣ.

Послѣ стола, за которымъ внучка все молчала, но видимо волновалась, она заявила бригадиру и Толбухиной, что хочетъ съ ними поговорить объ важномъ дѣлѣ.

Толбухина хотѣла было отложить объясненіе до назначеннаго для бесѣдъ часа, но Клёна настаивала объясниться тотчасъ-же, и бригадиръ удивляясь вымолвилъ:

— Вѣстимое дѣло. Сейчасъ пойдемъ ко мнѣ и говори что̀ хочешь. Это Марья Евграфовна завела распорядокъ по часамъ, когда говорить, когда молчать, когда думать... Удивительно, матушка-сестрица, какъ это нѣтъ у васъ еще опредѣленнаго часа сморкаться или иное что̀ дѣлать.

И выйдя изъ-за стола, всѣ трое отправились въ кабинетъ бригадира.

И здѣсь, при первыхъ словахъ волновавшейся, то краснѣвшей, то блѣднѣвшей дѣвушки, Марья Евграфовна всплеснула руками, а бригадиръ ахнулъ и оторопѣлъ.

Клёна заявила о своемъ желаніи тоже постричься въ монастырѣ вмѣстѣ съ няней. Жизнь ей была постыла, говорила, единственный человѣкъ, котораго она любила и за котораго собиралась выходить замужъ, погибъ, и жизнь ея слишкомъ стала тягостна. Единственное спасеніе—монастырь.

Бригадиръ заволновался такъ, какъ давно съ нимъ не бывало. Глаза его стали влажны, какъ если-бы слезы прошибли его; голосъ его упалъ, сталъ какой-то дряблый и хрипливый, чувство сказывалось въ каждомъ словѣ, которое онъ произносилъ. Уговаривая внучку, успокоивая ее, бригадиръ взялъ ее за руки, нагнулся, поцѣловалъ въ лобъ и вдругъ выговорилъ:

— Дѣлай что̀ хочешь... Иди куда пожелаешь. По коли ты оробѣла, что я тебя прочу за Геннадія Ивановича, то Богъ съ тобой... Этого не будетъ... Не бойся что я тебя неволить стану! Выбирай кого хочешь. Кого полюбишь, за того и пойдешь. Я слова не скажу противнаго.

Клёна удивилась и голосу, и виду, и словамъ дѣдушки. Все это схватило ее за сердце, тронуло до глубины души, и она порывисто припала къ рукамъ бригадира и стала цѣловать ихъ. Но черезъ минуту она изумила и его, и бабушку.

— Нѣтъ, вы не такъ поняли меня. Я не отъ того прошусь въ монастырь, что не хочу идти за Геннадія Ивановича. Если онъ согласится, то я не пойду въ монастырь, а за него съ охотой пойду.

И дѣдъ и бабушка ахнули вмѣстѣ.

— Да, продолжала Клёна. — Я пойду за него хоть сейчасъ, и Богъ дастъ, коли онъ будетъ со мною ласковъ, мы не будемъ несчастливы. Что-жъ? Онъ человѣкъ добрый, я не боюсь... Но только одинъ уговоръ, дѣдушка: дозвольте мнѣ съ Геннадіемъ Ивановичемъ побесѣдовать глазъ-на-глазъ. Есть у меня... Но нѣтъ духу у меня вамъ сказать... Есть у меня что̀ ему сказать, чего бы я вамъ не желала сказать. Дозвольте мнѣ съ нимъ объясниться. Если онъ послѣ этого захочетъ вѣнчаться со мной—то я буду рада. И тогда объ монастырѣ и думать забуду.

Разумѣется, бригадиръ съ радостью согласился на такого рода предложеніе. Но тотчасъ же, подумавъ, поневолѣ онъ изумился той доли загадочности, которая была въ этомъ поведеніи и въ словахъ внучки.

На его разспросы Клёна отвѣчала уклончиво или отзывалась прямо:

Нѣтъ, не скажу. Что̀ вамъ за дѣло! Мы съ Геннадіемъ Ивановичемъ всю жизнь вмѣстѣ проживемъ... Ему я и скажу это, ему и поясню.

Наступило молчаніе, послѣ котораго бригадиръ, нѣсколько озадаченный, отпустилъ внучку, но уже глядѣлъ на нее исподлобья, а не съ прежнимъ чувствомъ и волненіемъ. Марья Евграфовна развела руками и снова повторила вполголоса.

— Чудеса въ рѣшетѣ! Какъ есть чудеса!

Зима. Рис. Ст. Рейханъ, грав. Тирія.

— А рѣшето оное—поганое! глухо добавилъ бригадиръ.

Толбухина не поняла и уставилась на братца своего.

— Вы сказываете: чудеса въ рѣшетѣ... Ну, я добавляю, что рѣшето это поганое... Сдается мнѣ... Ну, да что̀ толковать! Лучше молчать!

И бригадиръ отчаянно махнулъ рукой.

VIII.

Когда Клёна вернулась отъ дѣда къ себѣ на вышку и объяснила своей нянѣ, что вскорѣ, быть можетъ даже на утро, у нея будетъ съ Геннадіемъ Ивановичемъ объясненіе, то Арина Матвѣевна вздохнула и вымолвила:

— Какъ же, дитятко мое? За что̀ же ты меня-то губишь? Зачѣмъ ты сказалась? Уговоръ былъ у насъ, что ты объявишься, когда я буду монахиня, а теперь завтра же пріѣдетъ Геннадій Ивановичъ, объяснишь ты ему все, схватятся за меня, а я еще не монахиня... И быть мнѣ въ Сибири, вмѣсто монастыря.

— Нѣтъ, милая. Не можетъ этого быть. Онъ добрый... Посмотри, что онъ ничего не скажетъ. Онъ даже, вѣроятно, поможетъ намъ, какъ все дѣло обдѣлать, чтобы ни дѣдушка, ни бабушка ничего не узнали... Онъ добрый. А ты все-таки завтра утромъ ступай, разузнай когда тебѣ постригаться. Можетъ оно тотчасъ-же совершится, а я подожду сутки объясняться съ Геннадіемъ Ивановичемъ, скажусь хворою.

На утро Арина Матвѣевна встала, одѣлась, подошла къ кровати Клёны и, чтобы не разбудить ее, стала цѣловать край одѣяла, который свисъ къ полу. Но затѣмъ няня не выдержала, начала плакать, всхлипывать, а черезъ минуту неудержимыя рыданія огласили горницу и разбудили дѣвушку.

Въ просонкахъ Клёна вскочила, сѣла на кровати и выговорила испуганно:

— Что̀?.. Что̀ такое?.. Что̀ случилось?..

— Ничего, дитятко мое, черезъ силу произнесла няня,—проститься хотѣла, не хотѣла будить тебя, да вотъ разревѣлась!.. Прощай! Я уже не вернусь... Я останусь въ монастырѣ. Можетъ завтра и постригутъ. Я не дворянка какая... церемоній-то никакихъ не будетъ. Долго-ли нашу сестру холопку постричь да шапку нахлобучить... Прощай, дитятко!

Клёна бросилась на шею няни и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ обѣ молча плакали, цѣловались и опять плакали.

— За что̀ же это насъ Богъ наказалъ? произнесла только полушепотомъ Клёна.—Чѣмъ мы виноваты были!

Арина Матвѣевна почти вырвалась изъ объятій своего дитятки, почти бѣгомъ спустилась внизъ, вышла на крыльцо, и быстрыми шагами направилась къ Никитскимъ воротамъ.

Няня болѣе не возвращалась въ этотъ день, и Клёнѣ было понятно, что игуменья приняла Аришу, оставила въ монастырѣ, а вскорѣ надо ждать и постриженья.

Дѣйствительно, черезъ два дня послушница изъ монастыря пришла на дворъ бригадира, чтобы передать барышнѣ порученіе отъ ея няни.

Арина Матвѣевна, съ дозволенія матери игуменьи, просила свое дитятко прибыть на утро въ монастырь, чтобы присутствовать при ея постриженіи.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ домъ Братолюбцевъ, собираясь побесѣдовать съ Клеопатрой Артемьевной. Клёна вышла къ нему, но отказалась отъ объясненія подъ предлогомъ того, что ей нездоровится, не по себѣ и мысли ея заняты постриженіемъ няни. Причина была вполнѣ уважительная. Братолюбцевъ, разумѣется, сіялъ отъ счастья, узнавъ о бесѣдѣ Клёны съ дѣдомъ.

— Вы сами, сударушка моя дорогая, пожелали со мной перетолковать, сказалъ Геннадій Ивановичъ, — оттого я и явился. А когда вы соизволите—тогда мы и побесѣдуемъ... Это ваше дѣло, а не мое... Да и вообще говоря, знайте, сударушка моя, что всякое ваше желаніе для меня приказаніе. Не думайте, что я не понимаю вашихъ чувствъ... Вѣдь я не сто̀ю васъ. И первымъ дѣломъ почту себя обязаннымъ заслужить вашу любовь и изъ постылаго сдѣлаться, если возможно, коли не милымъ, то хотя-бы не совсѣмъ отвратнымъ для васъ... Вотъ моя задача будетъ... Такъ съ нынѣшняго дня, красавица моя, извольте приказывать. Желаете бесѣдовать въ другой день—отложимъ. Когда прикажете—тогда и явлюсь.

— Какъ няню постригутъ, я успокоюсь, такъ мы съ вами и побесѣдуемъ, заявила Клёна.

— Извольте, моя красавица.

Въ монастырѣ, при обрядѣ постриженія своей мамы, Клёна не только сама плакала навзрыдъ на всю церковь, но своимъ внѣшнимъ видомъ заставила расплакаться и многихъ монахинь.

Игуменья, умная женщина, дальновидная, слышавшая о бригадирѣ и его домочадцахъ, знавшая исторію страннаго исчезновенія молодаго офицера, смутно чуяла теперь, что у этой няни, собравшейся въ монастырь, и у этой дѣвушки, помимо горя, есть еще что-то затаенное, загадочное.

Клёна вернулась домой совершенно разбитая и надломленная и физически, и нравственно. Она тотчасъ же легла въ постель, но потомъ, при звукахъ чьихъ-то шаговъ на лѣстницѣ, вздрогнула, вскочила и, бросившись къ дверямъ, заперлась на ключъ. Потомъ она прислушалась, къ ея двери подошелъ кто-то и кашлянулъ, затѣмъ взялся за замокъ и хотѣлъ отворить. При видѣ запертой двери, стоявшій за нею, какъ почудилось Клёнѣ, разсмѣялся. Ей послышались слова: „ишь ты, прыткая“. Затѣмъ ужь она ясно услыхала слова, сказанныя вполголоса:

— Барышня, отворите.... Это я. Дѣльце есть... Барышня!

Это былъ голосъ скорохода.

Клёна съ гнѣвнымъ лицомъ отошла отъ двери къ кровати, легла и произнесла злобно:

— Нѣтъ, сатана. Теперь моя дверь будетъ всегда заперта. Черезъ недѣли двѣ я буду тоже въ монастырѣ, либо буду женою судейскаго человѣка, къ которому ты не полѣзешь.

Все это Клёна не подумала про себя, а прошептала.

Въ то же время ручка двери продолжала шевелиться и слова вполголоса повторялись громче:

— Барышня, жалѣть будете. Не артачьтесь... Отворите... Сейчасъ уйду, только дѣльце малое.

Но Клёна, лежа на спинѣ, заложивъ руки подъ голову, съ сухимъ и румянымъ отъ гнѣва лицомъ, не только не двигалась, но даже не шевелила глазами.

Черезъ нѣсколько минутъ снова послышались шаги на лѣстницѣ. Герасимъ ушелъ.

Въ тотъ же день Клёна объявила дѣду, что желала бы тотчасъ безотлагательно поговорить съ Геннадіемъ Ивановичемъ.

Бригадиръ послалъ карету за другомъ, но самъ тоже торопился и какъ-то смущался. Ему очень хотѣлось, чтобы объясненіе внучки съ другомъ произошло какъ можно скорѣе, чтобы разгадать скорѣе загадку и узнать въ чемъ дѣло.

Всю прошлую ночь бригадиръ проспалъ плохо, чего давно не бывало съ нимъ. Внучка не выходила у него изъ головы, и если-бы Клёна и ея няня знали, что̀ подозрѣвалъ бригадиръ, чѣмъ смущался, чѣмъ сокрушался—то няня и дѣвушка удивились бы, а няня несказанно оскорбилась бы.

Къ досадѣ бригадира, карета вернулась назадъ, и гайдукъ доложилъ, что Геннадія Ивановича нѣтъ дома и гдѣ онъ въ гостяхъ—невѣдомо. А писуля барина была оставлена у него на квартирѣ.

Въ тотъ же вечеръ Клёна умоляла бабушку позво-

лить ей спать около нея, въ сосѣдней горницѣ внизу, чтобы не быть ночью одной на вышкѣ.

Марья Евграфовна вспомнила исторію о привидѣніяхъ и согласилась тотчасъ же.

— Да переходи совсѣмъ. Что-жь тебѣ тамъ одной... Меня не стѣснишь. Возьми себѣ маленькую горницу, да и переѣзжай въ нее. Кое-что оставь наверху, а что́ понужнѣе съ собой возьми. А днемъ гдѣ хочешь сиди... И внизу, и наверху у себя.

Клёнѣ именно такъ и хотѣлось устроиться: она радостно поблагодарила бабушку и въ ту же минуту, при помощи нѣсколькихъ горничныхъ, перенесла кое-что сверху внизъ, а затѣмъ люди спустили по лѣстницѣ ея кровать и кое-что изъ мебели.

— Опасается навожденья! шептались люди.

Ложась спать въ горницѣ, рядомъ съ бабушкой, Клёна оглядѣлась, тяжело вздохнула и горько улыбнулась.

— Вотъ какъ бываетъ, прошептала она. — Было время, радовалась я обстоятельству, что живу наверху отдѣльно, а теперь рада, что здѣсь внизу. И будь я спервоначала здѣсь—не случилось-бы ничего. Можетъ даже и все бы иначе потрафилось. И дѣдушка бы свое согласіе далъ. И Коля бѣдный не погибъ-бы такъ страшно... Господи, какъ страшно! Закроешь глаза и видишь его!

IX.

На слѣдующій день, еще до полудня пріѣхалъ Геннадій Ивановичъ, а черезъ нѣсколько минутъ засѣдатель земскаго суда и красавица-дѣвушка сидѣли глазъ-на-глазъ и бесѣдовали. Бесѣда эта продолжалась недолго.

Клёна спросила у Геннадія Ивановича, согласенъ ли онъ съ нею вѣнчаться, но не на Красной Горкѣ, до которой еще далеко, а сейчасъ, какъ можно скорѣе.

Геннадій Ивановичъ изумился, развелъ руками и отвѣчалъ:

— Если Никита Артемьевичъ будетъ согласенъ, такъ по мнѣ хоть завтра же. Но только, сударушка моя, зачѣмъ же такой спѣхъ? Будь я молодецъ да красавецъ, будь я каковъ когда-то былъ, тому лѣтъ съ тридцать—такъ я бы понялъ воспѣшность вашу. Проистекала бы она отъ чувствій вашихъ. А теперь, воля твоя, красавица моя, не пойму я, зачѣмъ вамъ такой спѣхъ?

— Такъ мнѣ хочется. Причина есть, но простая, какой не стоитъ вамъ и говорить. Но это, Геннадій Ивановичъ, мое первое условіе, а иначе позвольте ужь лучше и я постригуся.

— Зачѣмъ дѣло стало? Извольте. Пойдемъ къ другу моему, объяснимъ все и хоть черезъ недѣлю вѣнчаться.

— Даже скорѣе, вымолвила Клёна.

— Ну и скорѣе... немножко прежде. Я радъ говорю, хоть сейчасъ въ храмъ.

— Теперь второй уговоръ, Геннадій Ивановичъ... И этотъ-то самый мудреный и есть. Я бы и говорить не стала, но знаю что вы добрѣйшей души человѣкъ, вамъ можно сказать... Вы меня спасете... И меня, и няню. Скажите, захотите-ли вы меня и няню мою погубить или спасти?

— Какъ же, конечно... Что́ вы... Не пойму я... Конечно... Да въ толкъ я не возьму!.. произнесъ, разводя руками и даже вытаращивъ глаза, Братолюбцевъ.

— Я буду молить васъ, чтобы вы, по добротѣ души своей, пошли со мной вмѣстѣ въ обманъ. Намъ надо обмануть дѣдушку и бабушку. Хоть и грѣхъ это, а надо, надо!

— Да какъ? Что́ вы... Да вы поясните... А то я совсѣмъ опѣшилъ, растерянно произнесъ Братолюбцевъ.

И дѣйствительно, 60-ти-лѣтній балагуръ и „пустозвонъ“, какъ называла его Марья Евграфовна, совершенно растерялся. Ему тоже ужь начинало мерещиться Богъ знаетъ что́. И такъ уже онъ за послѣднее время взиралъ на Клёну, какъ на дѣвицу отчасти сомнительную. Много въ ней чего-то непонятнаго. Даже немножко какъ будто страшно на такой жениться. А тутъ примѣшалось еще и объясненіе по ея вызову. Теперь же прямо дѣвушка говоритъ, что нужно ее спасти отъ бѣды и нужно обманывать бригадира и Толбухину.

— Да вы поясните, красавица моя. Меня даже страхъ пробирать начинаетъ. Можетъ такое дѣло непокладное, что я ничего не могу. Говорите же. Что́ же?! Грѣхъ что-ли съ вами какой былъ? Съ вашимъ прежнимъ предметомъ произошло что-нибудь?.. Ну тотъ, что пропалъ безъ вѣсти, или убіенъ... Съ нимъ что-ли какой грѣхъ? Такъ вы, сударыня моя, изволите знать, что есть на свѣтѣ такія обстоятельства, коихъ честно́й человѣкъ распутать не въ состояніи. И радъ бы, да дворянство ему помѣхой.

Клёна изумленнымъ взглядомъ поглядѣла въ лицо Братолюбцева и произнесла въ свою очередь:

— Что̀ вы? Мнѣ невдомекъ о чемъ вы изволите говорить. Оставьте его... Царство ему небесное... И зачѣмъ о немъ поминать!.. Тутъ объ нянѣ дѣло, да обо мнѣ.

— Такъ говорите, говорите!.. нетерпѣливо воскликнулъ Братолюбцевъ.—А то пугаемся только. Говорите!.. Я на кострѣ сижу...

— Вамъ вѣдомо, Геннадій Ивановичъ, что съ тѣхъ поръ какъ я пришла въ домъ къ дѣдушкѣ, онъ сталъ готовить мнѣ, по обычаю, приданое. Этого приданаго уже накопилось много сундуковъ всякихъ платьевъ, да бѣлья, да накидокъ, только два сундука еще пустые и ихъ теперь собираются наполнить. Знаете-ли вы это?

— Слышалъ. Такъ что-же? Что̀ же вы про тряпье-то заговорили?

— Знаете, такъ слушайте. Сундуки эти—мое приданое. Вы поставите дѣдушкѣ условіемъ, что выставлять приданаго въ день вѣнчанія или загодя, какъ завсегда бываетъ, не будутъ, что вы сего не желаете. Да это стало выводиться у именитыхъ дворянъ, одни купцы да мѣщане раскладываютъ всякіе чепцы да юбки по всѣмъ горницамъ. Вы скажи́те дѣдушкѣ, что возьмете сами сундуки и такъ запертыми и увезете къ себѣ. А людей пришлете за ними своихъ и накажете имъ крѣпко-накрѣпко снести по лѣстницѣ сундуки, не удивляться, не ахать и, увозя, ни слова не говорить никому.

Братолюбцевъ снова развелъ руками и выговорилъ:

— Дѣло простое и исполнимое, а вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ загадку. И глупое дѣло, и тревожное дѣло... Вы какъ себя чувствуете? Головка у васъ не болитъ?

— Нѣтъ. Что́ вы?

— Какъ вы себя чувствуете? Вы все тревожились, плакали, да убивались... Можетъ и хвораете малость?

— Нѣтъ, немножко голова болитъ... такъ нездоровится.

А между тѣмъ Братолюбцевъ думалъ про себя: „Создатель мой! Не спятила-ли она отъ горееванія, да спятивши-то, свихнувшись-то и собирается за меня замужъ поскорѣй да поскорѣй“.

— А коли все слава Богу, заговорилъ онъ вслухъ.— такъ вы поясните мнѣ, разгадайте мнѣ загадку. Что́ же это за приключеніе съ сундуками? Почему же не вскрывать ихъ? Да своихъ людей посылать, чтобы увозить.

Клёна потупилась и произнесла тихо:

— Я вамъ все скажу и эту загадку разгадаю... Но дайте мнѣ ваше дворянское слово, что въ случаѣ вашего несогласія, вы ничего не скажете дѣдушкѣ и не будете губить мою няню.

— Вѣстимо, вѣстимо... но зачѣмъ несогласіе... Дѣло вростое, только загадками, непонятное...

— Такъ слушайте, Геннадій Ивановичъ: въ этихъ сундукахъ приданаго нѣтъ и половины, больше половины разворовано.

— Какъ то-ись это!?.

— Такъ, половины нѣтъ. Самыхъ дорогихъ платьевъ шелковыхъ нѣтъ, шубки нѣтъ, платковъ шелковыхъ нѣтъ... Говорю я вамъ, разворовано все.

Союзники въ Мерзебургѣ (1813 г.). Съ карт. проф. Виллевальде, грав. Балингъ.

Петербургскіе типы. На службу. По акварели А. Бильдерлинга, грав. Шюблеръ.

— Да кѣмъ же?

Клёна собралась отвѣтить, но голосъ у нея оборвался, она замолчала, потомъ снова собралась говорить, но какъ-то запнулась. Послѣ мгновеннаго молчанія она опять хотѣла сказать, но слово опять осталось на языкѣ... Видно было, что произнести это слово было ей невозможно.

— Что же?.. Какъ же это?.. Кто же воровалъ-то все?

— Няня... глухо произнесла Клёна.

И въ ту минуту когда Братолюбцевъ съ пренебреженьемъ пожалъ плечами, Клёна вдругъ отчаянно зарыдала.

— Голубушка моя, сударушка, красавица ты моя, стыдно-ста, да и грѣхъ объ тряпьѣ плакать!.. Мы сто другихъ платьевъ нашьемъ... А что няня согрѣшила противъ васъ — такъ Богъ съ ней. Она васъ выходила, сколько ночей небось не спала надъ вами... Ну, вотъ и попользовалась теперь. Богъ съ ней. Не жалѣйте.

Отъ этихъ словъ и увѣщеваній Братолюбцева, молодая дѣвушка зарыдала еще сильнѣе, но болѣе уже не вымолвила ни слова.

— Такъ вотъ и все ваше объясненіе... произнесъ наконецъ Братолюбцевъ.

— Да, да, черезъ силу выговорила Клёна.

— Все?!.

— Все.

— Какъ есть таки все? Больше ничего? приставалъ уже удивляясь Братолюбцевъ.

— Какъ есть все.

— Ей Богу?

— Ей Богу же. Что̀ же вы?.. Почему же не вѣрите?.. Больше ничего, да поскорѣе свадьбу. Не губите няню. Она хоть и монахиня, судить ее поздно теперь, да все-таки, не говорите ничего дѣдушкѣ.

— И это все, красавица моя? повторилъ Братолюбцевъ, взявъ за руку дѣвушку.

— Да все же, все.

— Ахъ я... Создатель мой!.. Ахъ я телятина!.. Ахъ я свинья этакая!.. Простите вы меня?

И Геннадій Ивановичъ, совсѣмъ спутавшись въ своихъ мысляхъ, вдругъ бухнулся на колѣни передъ молодой дѣвушкой, поцѣловалъ ея руку, а потомъ, захвативъ край ея платья, сталъ цѣловать какую-то оборку. Послѣ этого онъ выпрямился, сталъ на ноги и произнесъ, почти прокричалъ:

— Такая свинья, какихъ нѣтъ на свѣтѣ... А есть еще другая свинья — это вашъ дѣдушка.

Но вдругъ Братолюбцевъ спохватился и прибавилъ:

— Простите, глупости я говорю... Не годится такъ... И дѣдушка-то вашъ, старый филинъ, придумалъ что̀... Такъ будь по вашему, сударыня моя... Прикажу людей моихъ прислать за вашими сундуками, прикажу, чтобы подлецы всю дорогу охали какъ тяжело нести имъ. Будь сундуки совсѣмъ пустые, я прикажу людямъ дѣлать видъ и сказывать, что они самое тяжелое тащатъ и увозятъ... Ну, простите. Я побѣгу къ Никитѣ Артемьевичу, да и вы идите поскорѣе. Надо ему пояснить, что я на всѣ ваши уговоры согласенъ и свадьбу поскорѣе строить.

И не дождавшись отвѣта, Братолюбцевъ выбѣжалъ изъ горницы, а Клёна съ грустнымъ лицомъ и со смутнымъ страхомъ на душѣ отъ своего роковаго рѣшенія, опустила голову, закрыла лицо руками и погрузилась въ нерадостную думу.

И долго просидѣла она такъ, не сознавая гдѣ она и не слыша ничего, какъ бы въ дремотѣ.

„Невѣста?! Я—невѣста!.. И чья?..“ думалось ей. „Я счастлива должна быть, что хоть старый меня беретъ за себя. Господи! Да за что̀ же все это такъ обернулось!..“

X.

— Хорошъ мой бригадиръ! А я еще того лучше! Козлятина ослятину пригласила огородъ городить! шепталъ Братолюбцевъ на ходу.

Геннадій Ивановичъ разумѣется ногъ подъ собой не слышалъ, сіяющій и счастливый ворвался онъ вихремъ въ кабинетъ къ своему другу, и тотчасъ прежде всего началъ дружески, хотя и крѣпкими словами, ругать бригадира. Филисовъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, понялъ что брань происходитъ, судя по лицу Братолюбцева, отъ хорошихъ вѣстей.

— Да ты поясни прежде, а потомъ ужь ругайся, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, брешешь, ваше высокородіе... Прежде я тебя отругаю какъ нельзя хуже, а потомъ и поясню.

Разумѣется, Братолюбцевъ передалъ все другу подробно и не скрывъ ничего.

То, что̀ было для Клёны страшною тайной и серьезно озадачило и смутило ея дѣда, объясненное теперь Братолюбцевымъ, заставило бригадира взять себя за голову и произнести:

— Слава Тебѣ Создателю! Правда твоя. Да, я дурафья порядочная. Не сообразилъ того, что иная дѣвочка изъ мухи слона сдѣлаетъ, и этимъ-то слономъ зря тебя и пугаетъ. А присмотришься, глядь крохотальная мушка... И самъ въ дуракахъ, да еще въ свиньяхъ очутишься.

— Ну, прости меня, Никита Артемьевичъ, меня ты такъ огорошилъ, что я при ней, при Клеопатрѣ Артемьевнѣ, и тебя и себя въ свиньи поставилъ.

— И хорошее дѣло... смѣясь отозвался бригадиръ.— Но какова же бестія нянька-то!.. Какова бестія! Вотъ вамъ и довѣренный человѣкъ.

— Нѣтъ, ужь ты брось объ этомъ и не поминай, выговорилъ Братолюбцевъ серьезно. — Не даромъ я ей слово давалъ объ этомъ умолчаніи... И коли я этому слову измѣнилъ, то ради собственно мысли, внучку передъ тобой оправдать, чтобы ты зналъ, что все это муха, а не слонъ. А объ нянькѣ ты и заикаться не смѣй.

— Вѣстимо... Я такъ это сказываю. Все же она бестія воровка—и не будь она въ монастырѣ, я бы ее, грѣшный человѣкъ, раньше-ли, позже-ли поймалъ бы и засудилъ. А теперь она въ монастырѣ пущай бестія спасается... Надо будетъ приданое новое дѣлать.

— Нѣтъ ужь, предоставь это мнѣ. Мы сами наполнимъ сундуки, когда они у меня будутъ.

— А вѣдь хитрая каналья, прибавилъ Филисовъ.— Она изъ-за этого въ монастырь пошла, что ее въ монастырскомъ одѣяніи въ судъ нельзя притянуть, игуменья не дастъ. Коли заполучила воровку, то скроетъ это, чтобы монастырь не срамить. Прехитрая каналья!

Затѣмъ друзья развеселились при мысли, что имъ надо будетъ вмѣстѣ обмануть Марью Евграфовну и ничего не говорить ей о томъ, что приданое, которымъ она такъ усердно занималась, все разворовано.

— Понесутъ сундуки твои молодцы, смѣялся бригадиръ,— будутъ охать отъ тяжести, а Марья-то Евграфовна будетъ сердцемъ радоваться сколько своей внучкѣ накроила да нашила...

Разумѣется, бригадиръ согласился съ радостью на условіе внучки какъ можно скорѣе назначить свадьбу, а теперь тотчасъ же сдѣлать вечеринку для объявленія о бракѣ внучки.

— Созову къ себѣ на сговоръ всю матушку Москву! воскликнулъ Никита Артемьевичъ.

И тотчасъ же былъ посланъ человѣкъ заявить приходскому священнику для совершенія обыска и оповѣщенія прихожанъ.

Со слѣдующаго же дня домъ бригадира какъ бы преобразился. Среди мирной, будничной, незатѣйливой жизни московскаго дворянства всякое семейное празднество: свадьба, крестины, или чей-либо день рожденія, являлись поводомъ выйти всѣмъ домочадцамъ изъ обычной и скучной колеи.

Утромъ Марья Евграфовна объявила барской барынѣ, что скоро въ домѣ вечеръ, гости и „сговоръ“ барышни, а затѣмъ и свадьба. И весь домъ зашумѣлъ, всѣ радовались и суетились, хотя радоваться было нечему, а суетиться и подавно.

Всякій изъ домочадцевъ бригадира понималъ, что барышня выходитъ замужъ при печальныхъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, потерявъ чуднымъ образомъ своего прежняго жениха и возлюбленнаго, а затѣмъ выходитъ замужъ за человѣка, который лѣтъ на сорокъ старше ея.

Геннадій Ивановичъ былъ бодръ и моложавъ съ виду, брился по обычаю времени настолько часто и тщательно, что сѣдина не выступала на его лицѣ, полномъ и румяномъ; голова была всегда закрыта щегольскимъ напудреннымъ парикомъ; мундиръ былъ всегда какъ бы съ иголочки. Вообще 60-ти-лѣтній засѣдатель настолько занимался своей особой и франтилъ, былъ настолько всегда подвиженъ и веселъ, что казался лѣтъ на двадцать моложе бригадира. Тѣмъ не менѣе одна его дружба, однокашничество съ бариномъ Филисовымъ доказывали, что онъ самъ ужъ годится Клёнѣ въ дѣдушки, а не въ мужья.

День свадьбы былъ уже назначенъ, и до него оставалось нѣсколько дней.

Клёна, повидавъ своего нареченнаго, просила его какъ можно скорѣй исполнить свое обѣщаніе, т. е. прислать за сундуками. При этомъ она передала Братолюбцеву ключи отъ сундуковъ, такъ какъ опасалась, конечно, основательно, что Марья Евграфовна передъ отпускомъ приданаго захочетъ провѣрить его.

Братолюбцевъ смѣясь взялъ связку ключей, смѣясь показалъ ихъ бригадиру и увезъ домой.

Черезъ два дня явились молодцы, дворовые Геннадія Ивановича, и должно быть былъ имъ какой приказъ отъ барина, потому что они чудно ухмылялись. Когда кто-то изъ людей бригадира вызвался помогать сносить сундуки по лѣстницѣ, то главный камердинеръ Братолюбцева объяснилъ, что ни подъ какимъ видомъ онъ его не допуститъ: баринъ приказалъ всѣ сундуки имъ самимъ сносить по лѣстницѣ на телѣги, не безпокоя никого изъ дворовыхъ бригадирскаго дома.

Люди Братолюбцева исполнили приказаніе свято. Сундука два снесли они по лѣстницѣ, переглядываясь между собою, и одинъ изъ нихъ вымолвилъ вполголоса:

— Ну, не очень-то пусто.

Но затѣмъ, когда пришлось нести и спускать еще три сундука, то между молодцами пошелъ смѣхъ, говоръ и прибаутки.

— Руки обломаешь, шутилъ одинъ.

— Ой, ой! Спина трещитъ, приговаривалъ другой.

— Тише, тише, вы!.. Вырвется изъ рукъ убьетъ до смерти, прибавлялъ смѣясь третій.

Клёна, присутствовавшая при томъ какъ сносили сундуки, нѣсколько оживилась: лицо ея было веселѣе; она видѣла, что обѣщаніе Братолюбцева исполняется вѣрно. Онъ помогалъ ей спасти честь дорогой Арини, единственнаго человѣка на свѣтѣ, котораго она теперь любила всей душой.

Клевета, возведенная ею на няню, оставалась клеветой только по отношенію къ самому Братолюбцеву. Кромѣ него, никто ничего не зналъ и не считалъ ея Арину Матвѣевну воровкой.

Когда сундуки увезли изъ дома, Клёна, почти счастливая, насколько она могла быть въ ужасныхъ обстоятельствахъ ея жизни, вернулась въ свою горницу внизу около стальни Марьи Евграфовны и подумала:

„Сегодня же отправлюсь въ монастырь сказать нянѣ, что все слава Богу“.

За все это время былъ въ домѣ одинъ человѣкъ, который не радовался будущему замужеству барышни, ходилъ не въ духѣ, озабоченный, ворчалъ и бранился, и часто говорилъ самъ себѣ:

— Надо поспѣшить. Одинъ хорошій кушъ сорву и чортъ съ ней.

Это былъ Герасимъ Морковниковъ.

Когда понесли сундуки, Герасимъ стоялъ молча въ числѣ прочихъ людей и страннымъ взоромъ провожалъ каждый сундукъ. Онъ замѣтилъ, что послѣдніе сундуки тащатъ почти пустые, замѣтилъ шутки и смѣхъ дворовыхъ людей Братолюбцева, и хотя былъ уменъ, а сообразить таки ничего не могъ. „Должно быть чуютъ что пустые ящики, чуютъ да опасаются, помалкиваютъ. Ихъ дѣло сторона“, думалъ онъ. „Да, не мало прошло черезъ мои руки этой дряни, тряпья разнаго... А много-ли я выручилъ... Ста рублей не выручилъ. Иное что бригадиру полъ-ста рублей стоило, у меня псы прижиматели за три да за четыре рубля брали, да еще грозились, что ворованное продаю. Нѣтъ, я не воръ, а что другихъ воровать заставляю, такъ то мое счастье. Какой же человѣкъ не станетъ своимъ счастьемъ пользоваться“.

Посидѣвъ немного въ прихожей, Герасимъ вымолвилъ себѣ подъ носъ:

— Да... Неча время терять. Одинъ кушъ сорву съ нея — и чортъ съ ней!

XI.

Замѣтивъ особенную тишину, наступившую въ домѣ послѣ отъѣзда людей Братолюбцева, Герасимъ сообразилъ, что надо пользоваться тѣмъ временемъ, когда бригадиръ занимается или отдыхаетъ у себя въ кабинетѣ, а барыни Марьи Евграфовны нѣтъ дома. Онъ быстро всталъ, и усмѣхнувшись лукавою и злобною улыбкой, направился къ горницѣ, гдѣ была барышня.

Его появленіе въ комнатѣ среди тишины и безъ зова заставило Клёну вскочить съ мѣста и вспыхнуть.

— Ну?!.. выговорила она рѣзко, подобно своей нянѣ, вызывающе подходя къ дворовому.

— Къ вамъ, барышня, выговорилъ Герасимъ.

— Да вѣдь ты видѣлъ! рѣзко воскликнула Клёна.— Ты видѣлъ, все увезли... Что-жь я теперь могу дать! Съ себя все снять, или кресло какое отдать тебѣ?.. На вотъ, тащи диванъ... озлобившись засмѣялась Клёна.

— Вы не серчайте, барышня, а послушайте, что̀ я вамъ скажу, вполголоса заговорилъ Герасимъ.

— Нечего мнѣ слушать.

— Послушайте, барышня. Я въ послѣдній разъ можетъ-быть къ вамъ прихожу... Понимаете—въ послѣдній. Больше я васъ тревожить не стану. Разсудите сами. Хоть и безпокоилъ я васъ, хоть много всякой дряни Арина Матвѣевна мнѣ передала, но что-же вы полагаете, за такое дѣло, какъ мое, отплатили вы по совѣсти? Ахъ, барышня, грѣхъ это! За такое дѣло мало дать сто червонцевъ, а вы что̀ дали мнѣ?.. Разные юбки да платочки. Только за одинъ платокъ да за одно платье получилъ я всего рублей съ двадцать, а остальное все за гроши сбывалъ. По совѣсти, барышня, вы мнѣ не отплатили, какъ бы слѣдовало, по христіански. Другой бы на моемъ мѣстѣ и ни вѣсть что̀ съ вами сдѣлалъ-бы. Скрутилъ-бы васъ, какъ сказывается, по рукамъ и по ногамъ... Шутка ли сказать какое дѣло!.. Страшнѣющее дѣло! Сибирью да каторгой пахнетъ, плетьми оно для васъ пахнетъ. Клейменое дѣло! За него клейма ставятъ на лбу каленымъ желѣзомъ. „Убійца, душегубъ“, такъ и выжгутъ на лбу... А вы тряпками хотите отдѣлаться.

Покуда Герасимъ говорилъ, Клёна отступила, сѣла на стулъ и снова стала озлобленна и блѣдна.

— Думаете-ли, барышня, что я лгу, что за это въ Сибирь не гоняютъ? спросилъ Герасимъ и полупрезрительно глядѣлъ на Клёну. — Скажите: лгу я?

— Нѣтъ, черезъ силу выговорила Клёна.

— Вѣдь знаете вы сами, что я васъ отъ плетей и

отъ Сибири упасъ... Вѣдь знаете вы это? Вѣрите, что оно доподлинно такъ?

— Да... да... выговорила Клёна нетерпѣливо, чуя, что если она не отвѣтитъ, то Герасимъ снова повторитъ тотъ же вопросъ.

— Ну, такъ вотъ, изволите ли видѣть, не грѣхъ-бы вамъ предъ замужествомъ отплатить мнѣ какъ подобаетъ по совѣсти, по христіанству. Я вѣдь изъ-за васъ въ убійцахъ состою... Думаете вы, что легко на себя чужую вину брать... Такъ вотъ я и пришелъ въ послѣдній разъ сказать вамъ: отплатите мнѣ какъ слѣдуетъ по христіанству хорошимъ кушемъ, я васъ и безпокоить, вотъ какъ передъ Богомъ, больше не буду.

— Да гдѣ же я денегъ возьму!.. отчаянно воскликнула Клёна.

— Потише, барышня... услыхать могутъ... Вы не гнѣвитесь... безпокоясь проговорилъ Герасимъ.

Богатырь-скороходъ прислушался къ шагамъ въ сосѣднемъ коридорѣ, и когда они стихли, сдѣлалъ два шага впередъ, приблизился къ Клёнѣ и, слегка нагнувшись, проговорилъ:

— Денегъ у васъ никакихъ нѣтъ, и взять не у кого... Но вы можете меня отблагодарить инако и я васъ научу какъ. Только согласіе ваше нужно. У барина на столѣ, а нѣтъ бываетъ въ правомъ ящикѣ стола, лежитъ завсегда перстенекъ съ краснымъ камушкомъ. Никита Артемьевичъ при мнѣ хвасталъ имъ одному барину, сказывая, что цѣны нѣтъ перстеньку. За двѣсти рублей, говоритъ, не продамъ. А баринъ тотъ спрашивалъ: „что это подарокъ чей или память чья“: а Никита Артемьевичъ въ отвѣтъ ему отмолвилъ: „нѣтъ, какая память,—купилъ. Мнѣ на него наплевать, а такъ вотъ сказываю, что его развѣ за триста рублей можно отдать...“ Поняли вы, барышня? Стало быть перстень тотъ деньги стоитъ большія, а привязанности къ нему бариновой нѣтъ никакой. Ну, вотъ вы меня и отблагодарите. И больше я васъ безпокоить не буду.

Клёна подняла глаза на выпрямившагося снова Герасима и лицо ея выражало одно удивленіе.

— Я ничего не пойму!.. Такъ что же мнѣ сдѣлать?

— А вы возьмите этотъ перстенёкъ, да мнѣ и отдайте.

— То-есть стало-быть украсть его?

— Взять, да мнѣ и передать.

— Украсть!.. Воровать!.. Вѣдь это стало быть надо своровать его у дѣдушки!

— Ну, тамъ какъ знаете. Не воруйте, такъ возьмите.

— Какъ-такъ возьмите? Что ты ума рѣшился! Вѣдь его своровать надо.

— Попросите у дѣдушки, чтобы онъ вамъ подарилъ, а не захочетъ — возьмите. Только, барышня, на мой толкъ лучше не просить его подарить. Перовенъ часъ бригадиръ откажетъ, не дастъ, и послѣ того вамъ будетъ мудрено его взять. На васъ же онъ и подумаетъ. А вы ужь лучше прямо такъ и берите его. Господа никоимъ образомъ на васъ не подумаютъ, скажутъ — кто-либо изъ людей своровалъ, пошумятъ, посерчаютъ, да и бросятъ это дѣло. Кто укралъ невѣдомо, а весь домъ нельзя въ Сибирь сослать изъ-за одного вора... Ну-съ... Какъ же, барышня?..

Клёна, задумавшаяся, какъ бы пришла въ себя и произнесла:

— Обожди. Выйду замужъ—я у Геннадія Ивановича попрошу денегъ и тебѣ отдамъ...

Герасимъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ужь позвольте. Я не махонькой. Какой-же это супругъ, да еще старый, молоденькой женкѣ дастъ двѣсти рублей, невѣдомо на что? Вы, замужняя, и нехотя, меня обманете. А мнѣ тогда на васъ руки коротки будутъ. Донеси я тогда на васъ, судейскую барыню, въ вашъ же судъ. Меня Геннадій же Ивановичъ съ другими товарищами спрячутъ въ Сибирь безъ суда. Полноте, барышня. Сами знаете, что пустое обѣщаете. Нѣтъ-съ. Надо теперь вамъ до свадьбы расплатиться со мной. Госпожа Братолюбцева на меня и посмотрѣть не захочетъ!

Наступило молчаніе. Клёна снова опустила голову и сидѣла какъ-бы въ забытьи, недвижна, какъ статуя.

— Что-же, барышня? проговорилъ наконецъ Герасимъ, услыхавъ снова шумъ шаговъ въ домѣ и боясь, что его застанетъ въ горницѣ вернувшаяся Марья Евграфовна.

— Уходи! вымолвила Клёна. — Ты ума рѣшился... Меня обворовалъ, а теперь посылаешь у дѣдушки воровать... Не могу я!.. Уходи!..

Любимцы. Съ картины Э. Мюнье, грав. Брендамуръ.

— Ну, какъ знаете. барышня. Жаль мнѣ васъ! Быть вамъ завтра въ острогѣ да арестантскомъ халатѣ. а то и въ кандалахъ... разсмѣялся Герасимъ.

Клёна вздрогнула и взглянула въ лицо Герасиму: оно было спокойно и насмѣшливо.

Должно-быть тревожное и блѣдное лицо Клёны выражало какой-либо вопросъ, потому что Герасимъ пожалъ плечами и какъ-бы отвѣтилъ:

— Что-же мнѣ-то?.. Сами вы посудите! жалѣть васъ?.. Да что же вы мнѣ? Богъ съ вами!.. Вы мнѣ не родственница какая, не дочь родная... Съ чего я буду молчать. Я изъ-за васъ себя подставлялъ, могъ теперь угодить въ Сибирь давно, а вы мнѣ не хотите перстенекъ у дѣдушки со стола взять да отдать... Воровка вишь! Такъ вамъ въ воровки идти вишь не охота, а мнѣ въ случаѣ огласки идти въ злодѣи да въ убійцы была охота.

— Ты крѣпостной холопъ, а я дворянка! съ негодованіемъ воскликнула Клёна.

— То-то вы дворянское сѣмя... вдругъ озлобившись прошипѣлъ Герасимъ. — Разсуждаете вы всегда такъ: мнѣ молъ не приличествуетъ воровать—я дворянка. А тебѣ молъ, холопу, приличествуетъ, будучи христіаниномъ, убійцей себя ставить, да еще за другихъ и задаромъ, здорово живешь. Нѣтъ, сударушка моя, я вотъ сейчасъ этимъ самымъ шагомъ пойду къ бригадиру нашему, да ему все и выложу, какая такая у него любимѣйшая внучка въ домѣ проживаетъ, коя съ нянюшкой своей смертоубійствомъ

Христіанъ IX, король Датскій (по поводу 25-й годовщины вступленія на престолъ). Съ фот. грав. Б. Пуцъ.

Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ и его Высоконареченная невѣста Принцесса Александра Греческая. Съ фот. Бергамаско и Пазетти, грав. Шюблеръ.

занимаются. Прощайте! Вы завтра же въ кандалахъ въ острогъ будете препровождены. Честь имѣю заранѣе поздравить и поклонъ нижайшій...

Герасимъ двинулся, но Клёна вскочила какъ ужаленная, бросилась къ богатырю и, ухвативъ его за рукавъ кафтана, остановилась и другой рукою схватила себя за голову.

— Стой!.. едва слышно произнесла она.—Стой!.. Я подумаю.... Я устрою. Гдѣ ящикъ въ столѣ?... Я подумаю...

— Ну, вотъ такъ-то лучше. До завтрашняго утра... А то ужъ, извольте, изъ жалости я до завтрашняго вечера буду ждать. А коли завтра ввечеру не дадите вы мнѣ того перстенька—то ужъ... извините... Халатъ вамъ сѣрый, цѣпи, кандалы, клейма, ермолку и пожалуйте въ острогъ. Такъ помните! Цѣлый вамъ день, цѣлую ночь, и опять цѣлый день и на думанье и на дѣйствованіе... Да и дѣло-то, барышня, плевое. Посмотрите, дѣдушка пошумитъ часика два, да и плюнетъ, а кто взялъ—канетъ то дѣло на дно рѣчки. Никому, николи, ничего въ этомъ не будетъ, а я все-таки буду съ наградой отъ васъ по христіанству.

— Уйди! Уйди! съ судорогой въ горлѣ глухо отозвалась Клёна.

— Согласны стало?..

— Уйди!.. Да... Все... Согласна! Только уйди! Съ глазъ долой скорѣе...

Герасимъ, ухмыляясь отчасти насмѣшливо и презрительно, вышелъ изъ горницы.

XII.

Молодая дѣвушка опустилась въ кресло и схватила себя за голову. Сначала она тяжело и порывисто дышала, гнѣвно бормотала вслухъ невнятныя слова, но потомъ слезы заструились по лицу ея. Она успокоилась и постепенно стихла совсѣмъ. На лицѣ ея вдругъ появилась грустная и тоскливая улыбка.

— Да, такъ, конечно... вымолвила она вслухъ,—сдѣлаю все... Такъ и слѣдуетъ. Такова судьба... Господь Богъ хочетъ, чтобы такъ было по справедливости. Она изъ-за меня въ воровки пошла, изъ-за того-же воровакія въ монастырь пошла, вмѣсто того, чтобы жить со мною... Ну, вотъ и я тоже. Только моя доля тяжелѣе. Ариша не воровала, а съ моего вѣдома и при мнѣ брала и этому злодѣю отдавала... А я вотъ и взрямь должна идти на воровство... тайкомъ отъ дѣдушки. Да... мы съ тобою ровня теперь, прибавила Клёна, грустно улыбаясь.—Ровня... И я, и ты—воровки... Только ты съ однимъ именемъ этимъ, а я и взрямь буду настоящая воровка.

Между тѣмъ до слуха Клёны достигъ шумъ въ домѣ. Она прислушалась. Громче всѣхъ звучалъ голосъ Марьи Евграфовны, а затѣмъ прозвучалъ добродушный, веселый и раскатистый смѣхъ дѣдушки. Въ то же время явилась Степанида и позвала барышню въ залу.

Клёна вышла, украдкой отирая лицо, но уже спокойная, рѣшившаяся на невольный проступокъ.

Она нашла въ залѣ Марью Евграфовну, которая кипятилась, горячилась и волновалась, какъ никогда въ жизни ея съ ней не бывало. Бригадиръ стоялъ съ веселымъ лицомъ и хихикалъ.

— Что же это ты, обернулась Марья Евграфовна ко внучкѣ.—Нешто это возможное дѣло! Отпустили приданое безъ счета, безъ накладной, не пересмотрѣли, не уложили какъ слѣдуетъ. Какъ все было наверху, коекакъ, въ разныхъ сундукахъ—такъ все и потащили къ жениху. Вѣдь это срамъ!

— Что дѣлать!.. какъ бы играя комедію, разводилъ руками бригадиръ и смѣялся.

— Какъ же ты допустила, Клёна? Ты бы сказала, что меня дома нѣтъ, пріѣду и приготовлю все и отпустимъ.

Клёна пробормотала что-то. Ее занималъ вопросъ, почему дѣдушка относится къ этому обстоятельству какъ-то странно, не только не сердится, но даже ухмыляется какъ-то хитро. Какъ будто онъ знаетъ что-нибудь.

— Да и гдѣ же это видано, продолжала Марья Евграфовна,—чтобы сундуки съ приданымъ увозились чуть не за сто лѣтъ до свадьбы... Вѣдь это по-турецки, по-персидски, а не по русскому обычаю. Приданое идетъ послѣ вѣнчанія, либо за нѣсколько часовъ до вѣнчанія въ домъ жениха. А вдругъ свадьба разстроится, прибавила Толбухина.—Что-же, тогда назадъ везти?

— Тьфу! Типунъ тебѣ на языкъ, прибавилъ бригадиръ, и лицо его сдѣлалось серьезно.—Что ты, сестрица, каркаешь!.. Дюжина тебѣ типуновъ на языкъ... Разстроится?.. Нешто можно въ такихъ дѣлахъ такія слова говорить!

Бригадиръ сердито повернулся на каблукахъ и быстро вышелъ изъ залы въ свой кабинетъ.

— Негодно... Нехорошо... Стыдно... Срамъ... И тебѣ срамно, Клёна, обратилась Марья Евграфовна ко внучкѣ.—Должно было меня подождать, а не тащить сундуки, не переглядѣвъ, не пересчитавъ всего.

И Марья Евграфовна также, махнувъ отъ гнѣва хвостомъ своего длиннаго атласнаго платья, вышла въ другія двери и направилась къ себѣ.

Люди, присутствовавшіе при этой сценѣ, стали тоже расходиться. Скоро Клёна осталась одна въ большой залѣ, сѣла на стулъ у окна, выходившаго на дворъ, и глянула на ворота настежь растворенныя въ улицу. И вдругъ вспомнилось бѣдной дѣвушкѣ, какъ еще не такъ давно она сиживала на этомъ стулѣ, а тамъ въ воротахъ, вдали, долженъ былъ промелькнуть по уговору военный мундиръ на одно мгновеніе. И этимъ она бывала тогда и счастлива, и несчастлива. А между тѣмъ, если бы дѣдъ не держалъ ее взаперти, позволялъ выѣзжать со двора, далъ бы возможность повидаться съ ея Колей — никогда-бы никакого несчастья не произошло. Была-бы она теперь его женой и, хотя лишенная наслѣдства и состоянія дѣдушки, все-таки была бы счастлива. Онъ былъ бы живъ, а она не сдѣлалась бы женой старика.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Ткачиха. (Рис. на стр. 1204).

Ткачество принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ кустарныхъ и домашнихъ производствъ въ Россіи. Приготовленіе пряжи и полотенъ, простыхъ и тонкихъ, составляетъ обыкновенно занятіе крестьянъ въ долгіе, зимніе вечера. Тканье полотенъ особенно распространено въ Ярославскомъ уѣздѣ, гдѣ центромъ этого производства является село Великое, а также во многихъ селеніяхъ Ростовскаго, Пошехонскаго и Рыбинскаго уѣздовъ. Въ Костромской губ. производится выдѣлка столоваго и камчатнаго полотна, весьма сильно развившаяся въ южной части Кинешемскаго уѣзда. Въ Владимірской губ., особенно въ уѣздахъ Шуйскомъ, Суздальскомъ и Юрьевецкомъ, тканье льна достигло такой степени, что могло выдерживать конкурренцію фабрикъ, пока не было вытѣснено развитіемъ хлопчато-бумажнаго производства. Далѣе, тонкія и бѣлыя полотна выдѣлываются въ Казанской губ., въ Калязинскомъ, Кашинскомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ Тверской губ., колонистами Варшавской, Плоцкой и Калишской губ. Полотна выдѣлываемыя въ сѣверныхъ губ. Архангельской, Вологодской и Олонецкой считаются самыми грубыми. Въ мѣстностяхъ гдѣ существуютъ хлѣбные рынки, крестьяне выдѣлываютъ большое количество мѣшковъ, напр. въ Тверской губ. (на 100,000 руб. въ годъ), въ Бугурусланскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ Самарской губ., а также въ Подольской.

Акварель барона М. П. Клодта, воспроизведенная нашей гравюрой, изображаетъ сельскую ткачиху, работающую у окна за станомъ, едва ютящимся въ тѣсной избѣ.

Предъ разлукой. (Рис. на стр. 1205).

Въ бурныя времена XVI столѣтія, вѣка войнъ по преимуществу, прекрасному полу то и дѣло приходилось собирать своихъ отцовъ, братьевъ и мужей въ далекіе походы. Предъ разлукой искусныя ручки дамъ по цѣлымъ днямъ были заняты шитьемъ знаменъ, шарфовъ, перевязей и т. п. Граціозная картинка италіянскаго художника представляетъ намъ владѣтельницу замка, которая, съ грустною улыбкой на опечаленномъ лицѣ, производитъ послѣдній осмотръ всего заготовленнаго ею къ выступленію въ походъ.

Зима. (Рис. на стр. 1209).

Пушистымъ снѣгомъ посыпая,
Пришла зима. Лѣса и нивы
Стоятъ безлюдны, молчаливы,
Одеждой бѣлою блистая.
Рѣка, подъ ледяной корою,
Свои безшумно катитъ воды
И слышны стоны непогоды
Въ морозномъ воздухѣ порою...

Союзники въ Мерзебургѣ. (Рис. на стр. 1212).

Въ то время какъ Наполеонъ съ центромъ своихъ силъ шелъ на Москву и обратно, правое и лѣвое крылья его арміи, австрійцы и пруссаки, насильно втянутые имъ въ войну 1812 года, также не совсѣмъ бездѣйствовали. Австрійская армія, подъ начальствомъ Шварценберга, занята была медленнымъ и безплоднымъ походомъ на Волынь, а прусская, подъ командой Йорка, осаждала Ригу. Но какъ только узнали о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи, Шварценбергъ отступилъ въ предѣлы Австріи и занялъ нейтральное положеніе, а Йоркъ капитулировалъ, или лучше сказать, перешелъ на сторону русскихъ. Французы, находившіеся еще въ Польшѣ и Пруссіи, бросились частью въ Данцигъ, частію въ другія Прусскія крѣпости, оставшіяся за ними по договору. Но король Прусскій тайно выѣхалъ изъ Берлина, находившагося въ рукахъ французовъ, прибылъ въ Бреславль и оттуда объявилъ Франціи войну. Онъ двинулся навстрѣчу императору Александру и 28 февраля 1813 года заключилъ съ нимъ въ Калишѣ оборонительный и наступательный союзъ. Часъ возмездія пробилъ. Пруссія возстала какъ одинъ человѣкъ, горя желаніемъ свергнуть ненавистное иго; все мужское населеніе стало подъ знамена; при каждомъ полку сформировались отряды вольныхъ стрѣлковъ; по примѣру Австріи учрежденъ былъ ландверъ (запасъ), а оставшіеся по домамъ отцы семействъ вооружились на всякій случай подъ названіемъ ландштурма (ополченія). Калишское воззваніе короля Прусскаго, начинавшееся словами: „Побѣдоносная русская армія, сопровождаемая войсками ея союзника, короля Прусскаго, возвѣщаетъ Германіи возвращеніе свободы и независимости", отозвалось въ сердцахъ всѣхъ нѣмцевъ, и народъ не щадилъ никакихъ жертвъ на вооруженіе. Послѣ того какъ Наполеонъ съ обычною быстротою, собралъ свѣжее трехсотъ-тысячное войско и одержалъ нѣсколько побѣдъ, хотя и не блестящихъ, къ русско-прусскому союзу приступила и Австрія, 12 августа 1813 года. Извѣстенъ исходъ этой кампаніи союзниковъ. Послѣ кровавой Лейпцигской битвы, Наполеонъ, теряя сраженіе за сраженіемъ, отступалъ на Фрейбургъ, Эрфуртъ, Франкфуртъ, Майнцъ, и въ ноябрѣ вся Германія по Рейнъ была очищена отъ французовъ. Вступленіе союзниковъ въ каждый освобожденный городъ было истиннымъ тріумфальнымъ шествіемъ среди радостныхъ кликовъ населенія. Картина нашего маститаго баталиста, проф. Виллевальде, изображаетъ пребываніе союзныхъ войскъ въ Мерзебургѣ, близъ Лейпцига.

На службу. (Рис. на стр. 1213).

Чисто петербургскій типъ, встрѣчающійся на каждомъ шагу по улицамъ Сѣверной Пальмиры. Скромный, но уже пользующійся достаточнымъ окладомъ чтобы позволить себѣ роскошь *извощика*, а не *конку*, дѣятель такой-то канцеляріи такого-то департамента, съ объемистымъ портфелемъ подъ мышкой, поспѣшаетъ къ мѣсту своего служенія...

Любимцы. (Рис. на стр. 1216).

Кролики составляютъ важное подспорье въ сельскомъ быту западной Европы, гдѣ мясо и домашняя птица такъ дороги, что крестьянинъ не смѣетъ и мечтать о нихъ, за исключеніемъ развѣ большихъ торжествъ. Содержаніе этихъ милыхъ звѣрковъ почти ничего не стоитъ, особенно лѣтомъ, когда они питаются травой, да кое-какими подачками своихъ исконныхъ покровителей — дѣтей.

Христіанъ IX. (Порт. на стр. 1217).

Какъ мы уже упомянули въ №№ 46 и 47, въ Даніи состоялся юбилей 25-лѣтняго благополучнаго царствованія короля Христіана IX.

Христіанъ IX, четвертый сынъ Фридриха-Вильгельма-Павла-Леопольда, герцога Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондебургъ-Глюксбургскаго, родился 27 марта (8 апрѣля) 1818 г. въ замкѣ Луизенлундѣ, близъ Шлезвига. 14 мая 1842 года онъ сочетался бракомъ съ Луизой, третьей дочерью Вильгельма, ландграфа Гессенъ-Кассельскаго и принцессы Луизы-Шарлотты, сестры короля Датскаго Христіана VIII. Съ этого времени онъ поселился въ Копенгагенѣ и вступилъ въ ряды датскаго войска, которое онъ не покинулъ даже въ 1848—1850 годахъ, когда всѣ другіе Шлезвигъ-Гольштейнскіе принцы оставили датскую службу. Указанный 24 мая 1851 г. „варшавскимъ", а затѣмъ 26 апрѣля слѣдующаго года „лондонскимъ" протоколомъ, какъ наслѣдникъ датскаго престола, онъ былъ признанъ таковымъ 19 іюля 1853 года, закономъ о престолонаслѣдіи. Со смертію сына Христіана VIII, Фридриха VII, разведеннаго со своими двумя супругами и женатаго морганатически на Луизѣ Расмуссенъ, впослѣдствіи графинѣ Даннеръ, на датскомъ престолѣ прекратилась Ольденбургская династія и на него вступилъ Христіанъ IX, 3 ноября 1863 г., что повело къ войнѣ Даніи съ Пруссіей и Австріей. На другой день послѣ этого, въ Шлезвигѣ провозгласилъ себя, по наущенію Берлина и Вѣны, герцогомъ представитель другой линіи, Зондербургъ-Аугустенбургской, принцъ Фридрихъ VIII. Возгорѣвшаяся война имѣла чрезвычайно тяжелыя послѣдствія для Даніи. Несмотря на все мужество ея войска, она была побѣждена и должна была лишиться почти половины своихъ владѣній. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ началось царствованіе Христіана IX. Но благодаря цѣлому ряду мудрыхъ внутреннихъ реформъ, Данія достигла того положенія, какое она нынѣ достойно занимаетъ въ ряду прочихъ европейскихъ государствъ. Не удивительно, поэтому, что король со всею своею семьей пользуется горячею любовью датчанъ, которые никогда не забудутъ, что онъ для нихъ сдѣлалъ. Поэтому становятся понятными тѣ восторженныя ликованія, которыми ознаменовался четверть-вѣковой юбилей Датскаго короля.

Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ и его Высоконареченная невѣста Принцесса Александра Греческая. (Портр. на стр. 1217).

Высоконареченная невѣста, съ которою помолвленъ Великій Князь Павелъ Александровичъ во время пребыванія Его Имп. Высочества въ Аѳинахъ, — старшая дочь короля Эллиновъ, Георга I. Она родилась 18 (30) августа 1870 года, т. е. на 10 лѣтъ моложе Августѣйшаго жениха своего, родившагося 21 сентября 1860 года.

И. Д. Деляновъ. (Портр. на стр. 1220).

23 ноября настоящаго года исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности министра Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретаря, Ивана Давыдовича Делянова.

И. Д. Деляновъ родился въ Москвѣ, 30 ноября 1818 года. Поступивъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ и въ 1838 году началъ службу во II отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Здѣсь занятія молодаго юриста были замѣчены начальствомъ и онъ принялъ дѣятельное участіе въ цѣломъ рядѣ кодификаціонныхъ работъ того времени. Особенно плодотворна была его дѣятельность съ 1845 по 1858 годъ, когда онъ состоялъ при главноуправляющемъ II Отдѣленіемъ графѣ Блудовѣ. Его труды не остались невознагражденными; въ 1848 году онъ произведенъ въ статскіе совѣтники, а черезъ три года награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1858 году онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и занялъ постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа; съ этого времени начинается дѣятельность И. Д. Делянова по министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ томъ же году, 8 ноября, онъ назначается временно завѣдующимъ учебною частью въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ Александровскомъ училищѣ и въ С.-Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ. Эти послѣднія обязанности Деляновъ исполнялъ до возвращенія изъ-за границы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Норова. 18 января 1860 года И. Д. Деляновъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, а 4 августа 1861 года директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Въ томъ же году, 6 декабря, по назначеніи барона Корфа главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, И. Д. Деляновъ занялъ мѣсто директора Императорской публичной библіотеки. Но трудныя и многочисленныя работы, сопряженныя съ занятіемъ этого поста, не мѣшали ему исполнять цѣлый рядъ важныхъ обязанностей по министерству Народнаго Просвѣщенія и впослѣдствіи по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

Назначенный въ 1866 году товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, И. Д. Деляновъ въ слѣдующемъ году награжденъ званіемъ статсъ-секретаря, а въ 1873 году чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Призванный 16 марта 1882 года занять постъ министра Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь Деляновъ проявилъ на этомъ посту громадную опытность и основательное знакомство съ нуждами отечественнаго просвѣщенія, что и доказалъ цѣлый рядъ преобразованій въ этой области въ теченіе слишкомъ шестилѣтней дѣятельности И. Д. Делянова.

Э. Ф. Направникъ.

(Портр. на этой стр.).

Въ ноябрѣ текущаго года капельмейстеръ СПБ. русской оперы, Эдуардъ Францевичъ Направникъ, праздновалъ 25-лѣтіе своей артистической дѣятельности. Эта дѣятельность исполненная особенной энергіи и неутомимости, весьма почтенна и плодотворна. Петербургъ многимъ обязанъ г. Направнику: своимъ безподобнымъ концертнымъ, русскимъ опернымъ оркестромъ, постановкою около тридцати оперъ, между прочимъ, всѣхъ новыхъ русскихъ оперъ, а также возобновленіемъ нѣкоторыхъ капитальныхъ оперъ, каковы напримѣръ: „Гугеноты", „Лоэнгринъ", „Русланъ и Людмила", „Юдиоь" и т. д. Кромѣ того, съ 1870 года талантливый капельмейстеръ руководитъ концертами Русскаго Музыкальнаго Общества и концертами Филармоническаго Общества. Вообще, во всѣхъ музыкальныхъ дѣлахъ столицы онъ и до сихъ поръ принимаетъ дѣятельное и довольно вліятельное участіе. Поистинѣ надо удивляться той настойчивости, энергіи и тому терпѣнію, съ какимъ г. Направникъ ведетъ свое дѣло, къ которому онъ относится вполнѣ добросовѣстно и съ большой любовью. Какъ композиторъ, г. Направникъ менѣе извѣстенъ и далеко не такъ популяренъ, хотя имъ написано, особенно въ первый періодъ его музыкальной дѣятельности, не мало произведеній, разнаго характера, болѣе или менѣе талантливыхъ. Изъ крупныхъ его сочиненій извѣстностью пользуются двѣ оперы: „Нижегородцы" и „Гарольдъ". Послѣдняя поставлена была на Маріинской сценѣ въ началѣ ноября 1886 года и шла съ большимъ успѣхомъ при великолѣпной обстановкѣ и съ рѣдкимъ ансамблемъ. Въ этомъ произведеніи композиторъ является прямымъ послѣдователемъ Рихарда Вагнера, что не мѣшало ему дать исполнителямъ нѣсколько нумеровъ весьма мелодичныхъ, весьма красивыхъ. Публикѣ особенно нравились въ этой пятиактной, большой оперѣ (въ 9 картинахъ) пѣсня Адели, ея романсъ, дуэтъ съ несчастнымъ Гарольдомъ, аріозо Вильгельма, септетъ съ хоромъ, его молитва, реквіемъ монаховъ. „Гарольдъ" немного страдаетъ длиннотами, но въ немъ, какъ и въ прочихъ произведеніяхъ г. Направника, видна весьма опытная рука, замѣтно превосходное знаніе сцены до послѣднихъ мелочей. Что касается фугъ, сонатъ, увертюръ и другихъ сочиненій почтеннаго нашего капельмейстера, то они всѣ отличаются прекрасною оркестровкой.

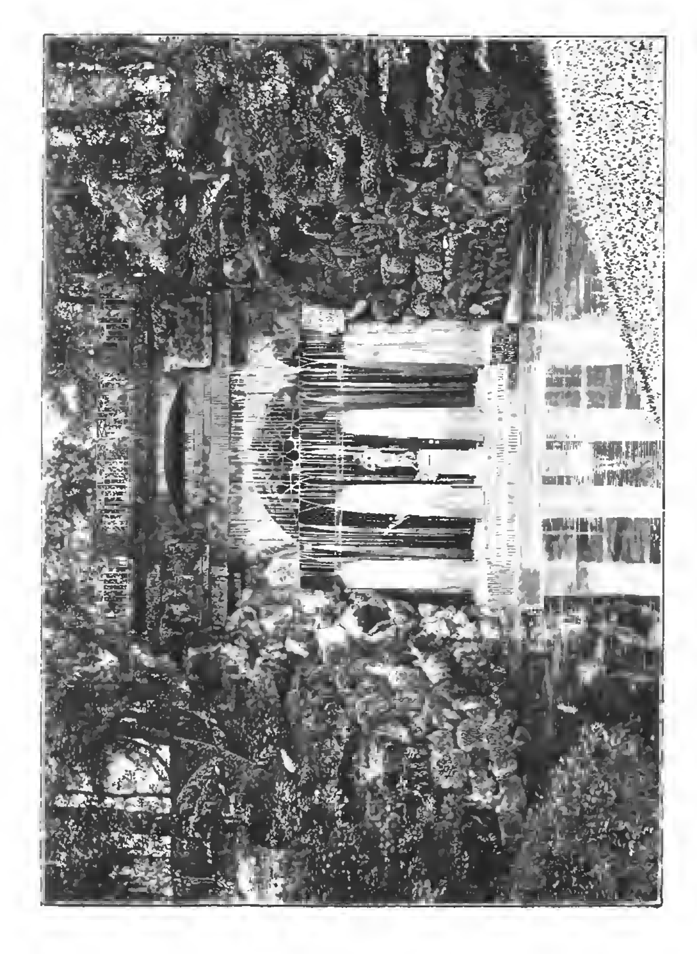
Эдуардъ Францевичъ Направникъ, по происхожденію Чехъ, сынъ школьнаго учителя, и родился въ Бейштѣ въ 1838 году. Еще пятилѣтнимъ ребенкомъ началъ онъ проявлять недюжинныя музыкальныя способности, развитіемъ которыхъ руководилъ до двѣнадцати лѣтъ нѣкто Пугонный, товарищъ отца Направника. Въ 1850 году молодой Направникъ поступилъ въ реальное училище въ Пардубицѣ, а черезъ два года перешелъ въ высшее отдѣленіе этого училища въ Прагѣ. Скудныя средства семьи помѣшали ему, однако, кончить курсъ общаго образованія. Похоронивъ мать, а затѣмъ и отца, Направникъ окончательно избралъ музыкальную карьеру, желая въ ней найти и средства къ существованію. Много онъ вынесъ горя, непріятностей, много и упорно трудился пока достигъ завѣтной цѣли. Музыкальное образованіе довершилъ онъ въ органной школѣ подъ руководствомъ профессора Блажка, въ фортепіанномъ институтѣ Майделя, гдѣ потомъ сдѣлался преподавателемъ; инструментовку изучалъ онъ у Киттеля, директора консерваторіи въ Прагѣ. Всюду онъ дѣлалъ огромные успѣхи, самъ пробивалъ себѣ дорогу. До 1861 года онъ написалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ фугъ, прелюдій, скрипичную сонату, около пяти фантазій для фортепіано, нѣсколько увертюръ на чешскіе простонародные мотивы, одну симфонію, достаточно романсовъ, дуэтовъ, балладу, мессу и проч., все почти на чешскіе тексты. Въ 1861 году князь Юсуповъ пригласилъ Направника управлять его домашнимъ оркестромъ, и г. Направникъ переѣхалъ въ Петербургъ. Съ этого времени начинается и его усиленная, разнообразная дѣятельность, и его видные успѣхи. Прослуживъ у князя Юсупова два года, онъ

И. Д. Деляновъ (по поводу пятидесятилѣтія служебной дѣятельности).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

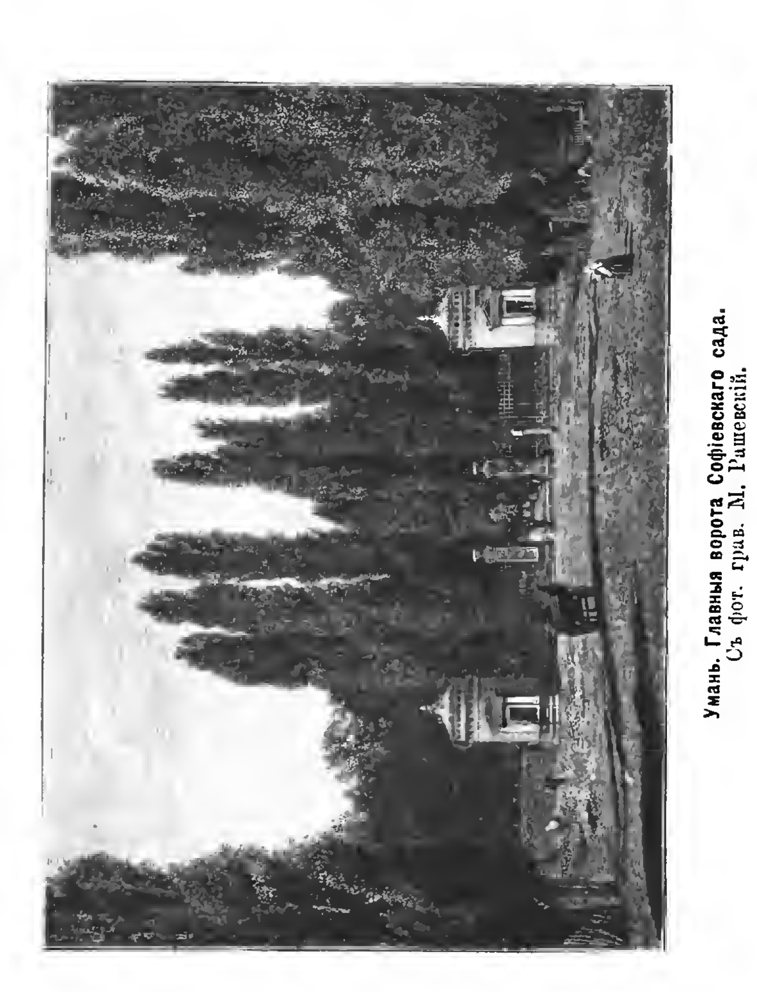

Э. Ф. Направникъ (по поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Умань. Гротъ Венеры въ Софіевскомъ саду.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Софіевскій садъ въ Умани. Водопадъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Умань. Главныя ворота Софіевскаго сада.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Софіевскій садъ въ Умани. Видъ съ террасы на храмъ.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

поступилъ помощникомъ капельмейстера Императорскихъ театровъ, Лядова. Въ 1867 г. мы видимъ его сперва вторымъ, а затѣмъ (въ 1869) и первымъ капельмейстеромъ русской оперы. Съ пріѣзда въ Россію композиторская дѣятельность Направника стала менѣе въ количественномъ отношеніи, но за то выиграла въ качественномъ. Въ 1867 г. онъ поставилъ своихъ „Нижегородцевъ", затѣмъ написалъ, между прочимъ, симфоническую поэму „Демонъ", нѣсколько русскихъ романсовъ, тріо для фортепіано, скрипки и віолончели, удостоенное преміи на конкурсѣ Русск. Музык. Общества, народные танцы и друг. За свою капельмейстерскую и композиторскую дѣятельность Направникъ награжденъ множествомъ подарковъ отъ Императорской Фамиліи, отъ общества и сотоварищей по службѣ. Теперь г. Направнику ровно 50 лѣтъ, дѣятельность его въ полномъ разгарѣ, и публика справедливо ждетъ отъ нея еще много хорошаго. **П. Б.**

Умань и Софіевка.

(Рис. на стр. 1221 и 1225).

Умань, самый южный городъ Кіевской губерніи, а послѣ Бердичева самый крупный уѣздный городъ Юго-Западнаго края, лежитъ на берегу рѣчки Уманьки, среди малолѣснаго, но богатаго черноземомъ уѣзда, пространствомъ въ 3,785 кв. верстъ съ 300,000 жителей. Населеніе уѣзда, занимающееся хлѣбопашествомъ, живетъ большею частью въ весьма крупныхъ селахъ и мѣстечкахъ (въ Тальномъ до 10,000 жит.), расположенныхъ въ долинахъ рѣкъ и ручьевъ, которые часто, запруженные мельничными плотинами, образуютъ большое количество болѣе или менѣе значительныхъ озеръ и прудовъ. Въ уѣздѣ имѣются нѣсколько сахарныхъ заводовъ и большихъ крупчатокъ.

Городское населеніе, въ которомъ еврейскій элементъ играетъ весьма видную роль, занимается преимущественно торговлею и разными ремеслами. Лѣтъ 30 тому назадъ, числилось въ городѣ 16,000 жителей и 1.600 большею частью деревянныхъ домовъ, нынѣ въ городѣ навѣрно до 30,000 жителей. Изъ городскихъ зданій замѣчательны: бывшая Базиліанская коллегія (нынѣ Окружной судъ); бывшій дворецъ Потоцкаго, костелъ, да зданіе Уманскаго училища земледѣлія и садоводства (рис. на стр. 1225) въ знаменитомъ Софіевскомъ паркѣ.

Историческое значеніе кромѣ того еще имѣетъ глубокій, вырытый въ скалѣ колодецъ (около 180 фут. глубины) передъ Базиліанской коллегіей (рис. на стр. 1225). Православный соборъ весьма невзраченъ. Церкви во многихъ селахъ уѣзда далеко превосходятъ его размѣрами и красотой.

До проведенія желѣзныхъ дорогъ, охватывающихъ Умань со всѣхъ сторонъ (впрочемъ, не доходя ближе 90 верстъ), городъ былъ однимъ изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ хлѣбной торговли, а до 1 января 1867 года главнымъ городомъ Кіево-Подольскаго округа южныхъ поселеній. Съ уничтоженіемъ послѣдняго и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, городъ потерялъ много въ своемъ значеніи, но есть надежда, что съ постройкою желѣзнодорожной вѣтви изъ Шполы въ Казатинъ, торговля его опять значительно поднимется.

Исторія Умани весьма бурная и кровавая. Во время постоянныхъ смутъ, волновавшихъ Малороссію въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и до конца XVIII вѣка, Умань выдерживала нѣсколько осадъ и дважды была взята штурмомъ и вырѣзана почти до послѣдняго человѣка.

О времени основанія города мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, но уже въ 1620 году онъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Малороссіи. Въ 1664 году Умань выдерживала осаду Замойскаго и Тетеры, а въ 1671 году, когда Малороссія распадалась на 3 гетманства, городъ сталъ столицею гетмана Михаила Ханенка, ставленника польскаго короля, прогнавъ гарнизонъ чигиринскаго гетмана Дорошенка, покровительствуемаго Турціею. Но уже въ 1674 году, послѣ торжественнаго вступленія султана въ Чигиринъ, Умань была обложена Дорошенкомъ съ турецкою арміею и взята штурмомъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Всѣ жители безъ различія пола и возраста были умерщвлены, а со взятыхъ въ плѣнъ казацкихъ старшинъ была съ живыхъ содрана кожа, и набитыя соломою чучела, какъ трофеи, вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ арбъ, наполненныхъ отрубленными головами убитыхъ уманцевъ, посланы къ султану.

Но не смотря на смутныя времена, Умань скоро оправилась. Въ половинѣ XVIII вѣка, подъ покровительствомъ графовъ Потоцкихъ, воеводъ Кіевскихъ, Умань опять является цвѣтущимъ городомъ, въ которомъ бойко торгуютъ греки, армяне, жиды. Городъ славится своимъ богатствомъ, своей Базиліанской коллегіею съ 400 студентами. Потоцкій содержитъ въ Умани гарнизонъ, конный полкъ „Уманскихъ казаковъ" въ 2,600 человѣкъ, изъ которыхъ 300 человѣкъ, составляя его лейбъ-гвардію, постоянно живутъ въ его резиденціи Кристинополѣ.

Полкъ этотъ былъ разбитъ на 3 сотни. Полкомъ командовалъ полковникъ, сотнями — сотники по назначенію Потоцкаго. Казаки жили въ особенной слободѣ около Умани; полковникъ и сотники пользовались вмѣсто жалованья доходами съ извѣстныхъ мызъ, а младшіе офицеры—доходами фермъ. Каждая сотня имѣла знамя голубое съ крестомъ (гербъ Потоцкихъ).

Когда въ 1765 году, во время гоненія изъ-за вѣры диссидентовъ въ Польшѣ, Барскими конфедератами были убиты въ Жаботинѣ Харко съ 700 приверженцами и былъ сожженъ Данило Кумниръ,—возсталъ за вѣру послушникъ Максимъ Желѣзнякъ. Благословленный переяславскимъ епископомъ Гервасіемъ и снабженный отъ епископа Мельхиседека универсаломъ, такъ называемою „Золотою грамотою", Желѣзнякъ, вступивъ въ союзъ съ Запорожскими казаками, завладѣлъ Чигириномъ и двинулся отсюда съ ежедневно возраставшимъ войскомъ, на Лисянку, избивая всѣхъ попадавшихся ему на дорогѣ поляковъ и жидовъ, въ отмщеніе за смерть Кумнира и Харки.

Комендантъ Лисянки, по совѣту жителей, сочувствовавшихъ возстанію, сдалъ крѣпость безъ выстрѣла на капитуляцію, но былъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ и всѣми католиками и жидами.

Ужасъ охватилъ все неправославное народонаселеніе края. Всѣ спасались бѣгствомъ въ укрѣпленные города, а болѣе всего набилось народу въ Бѣлой Церкви и Умани. На послѣдній городъ повелъ Желѣзнякъ свои полчища.

Уманскими казаками тогда номинально командовалъ полковникъ Обухъ, но въ сущности полкъ слушался только команды сотника Ивана Гонты, любимца графа Потоцкаго и взаимно ему весьма преданнаго человѣка. Въ городѣ начальствовалъ коммисаръ (губернаторъ) Младановичъ, а крѣпостными верками завѣдывалъ землемѣръ Шавронскій, бывшій офицеръ арміи Фридриха Великаго.

Когда стало извѣстно о приближеніи Желѣзняка, уманскіе казаки выступили навстрѣчу непріятелю по Звенигородской дорогѣ и стали лагеремъ въ степи. Вслѣдъ за выступленіемъ войска, получено было отъ Потоцкаго ласковое письмо на имя Гонты съ назначеніемъ его командиромъ полка. Письмо это почему-то Младановичъ скрылъ, и когда ему донесли, что Гонтою получено было письмо отъ Желѣзняка съ приглашеніемъ присоединиться къ нему, то онъ велѣлъ Гонтѣ и другимъ сотникамъ явиться для объясненія въ городъ. Собранная въ Умани польская знать требовала казни Гонты.

Явившіеся въ городъ сотники были весьма дурно приняты Младановичемъ, и хотя онъ не смѣлъ ихъ казнить, но публично обидѣлъ разными упреками и требованіемъ вторичной присяги на вѣрность польскому дѣлу. Письмо Потоцкаго онъ и теперь не вручилъ Гонтѣ.

Вернувшійся въ лагерь, жестоко обиженный Гонта, узнавъ о письмѣ и о намѣреніяхъ его казнить, по требованію его подчиненныхъ, на вторичное приглашеніе Желѣзняка, согласился дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Умани. Давъ полковнику своему случай спастись бѣгствомъ, онъ двинулся съ полкомъ къ Умани и сталъ лагеремъ около Грекова лѣса (нынѣ часть Софіевскаго парка). Возвращенію полка уманцы сначала очень обрадовались, воображая, что полкъ вернулся послѣ побѣды надъ Желѣзнякомъ, но скоро, къ ужасу своему, увидѣли, что вслѣдъ за полкомъ явились и полчища непріятеля. Гонта выѣхалъ имъ навстрѣчу и въ виду города подалъ руку Желѣзняку.

Немедленно было предложено городу сдаться. Но знакомые съ участью Лисянки, уманцы порѣшили защищаться. 30 часовъ кипѣлъ отчаянный бой вокругъ стѣнъ и башенъ городскихъ, а когда у защитниковъ не стало пороху и воды, казаки ворвались въ городъ — и началась та ужасная драма, которая извѣстна въ исторіи подъ названіемъ „Уманьской рѣзни". 18,000 поляковъ и жидовъ погибло въ одинъ день. Глубокіе колодцы у Базиліанской коллегіи были завалены 3,000 труповъ; уцѣлѣли только принявшіе православіе. Шавронскій погибъ въ башнѣ, державшейся до послѣдней минуты, а Младановичъ былъ взятъ въ плѣнъ и зарубленъ Гонтою по прочтеніи теперь только переданнаго ему письма. Желѣзнякъ объявилъ себя гетманомъ Малороссійскимъ, а Гонту назначилъ княземъ Уманьскимъ.

Не долго улыбалось счастье Гонтѣ и Желѣзняку. Посланный противъ нихъ слабый польскій отрядъ регіментаря Стемиховскаго, вскорѣ былъ подкрѣпленъ русскимъ отрядомъ полковника Кречетникова. Къ нимъ присоединились и 1,000 человѣкъ донскихъ казаковъ. Но такъ какъ и теперь считали себя слишкомъ слабыми для успѣшнаго боя съ многочисленнымъ отрядомъ возставшихъ, то рѣшено было прибѣгнуть къ военной хитрости.

Посланы были къ Гонтѣ одни донскіе казаки подъ командою Кривого. Кривой предложилъ Гонтѣ и Желѣзняку соединиться съ регулярными своими войсками, съ донцами, для совмѣстнаго дѣйствія противъ Барскихъ конфедератовъ, а народъ распустить по домамъ. Ничего дурнаго не подозрѣвавшіе, Гонта и и Желѣзнякъ дались въ обманъ. Они распустили народъ

и были приглашены Крывымъ на передпоходную пирушку. Перепившись на этой пирушкѣ, они были, вмѣстѣ съ 2,000 своихъ казаковъ, перевязаны донцами. Желѣзнякъ былъ сосланъ въ Сибирь, а Гонта выданъ Стемиховскому, который его велѣлъ казнить въ мѣстечкѣ Сербахъ. Когда передъ четвертованіемъ со спины Гонты сняли 12 ремней кожи, то онъ говорилъ, не моргая глазомъ: „вотъ сказали, будетъ больно, а оно ни крошки не больно, точно блохи кусаютъ".

Изъ жителей мѣстечка Лисянки и окрестныхъ селъ былъ разстрѣлянъ 10-ый человѣкъ, и съ тѣхъ поръ въ этихъ селахъ носятъ: дѣвицы—черныя ленты вмѣсто красныхъ въ волосахъ, а мужчины крестъ на черной лентѣ на груди. Въ селѣ Орадовкѣ, подаренномъ Потоцкимъ вмѣстѣ съ Росошками Гонтѣ, сохранилась еще дверь въ старой деревянной церкви, на которой Гонтою вырѣзаны были слова: „Сію дверь поставилъ панъ Гонта". Надо надѣяться, что эта дверь послѣ сноса въ прошломъ году старой церкви, была передана въ надлежащія руки.

Въ слѣдующія затѣмъ сравнительно мирныя времена, Умань опять поднялась и стала снова значительнымъ центромъ Юга. Графъ Станиславъ Феликсъ Потоцкій, тотъ самый Потоцкій, который игралъ столь видную роль въ исторіи послѣднихъ дней своего отечества, перенесъ сюда свою резиденцію, облегчилъ участь своихъ крѣпостныхъ уменьшеніемъ барщины и устроилъ прекрасный Софіевскій паркъ.

Станиславъ Феликсъ (Щенсный) Потоцкій былъ человѣкъ мягкій, съ идеальными началами, но при томъ не далекій умомъ и самолюбивый. Въ молодости своей онъ страстно влюбился въ дѣвицу Гертруду Комаровскую, дочь не особенно знатнаго помѣщика. Противъ желанія родителя, гордаго воеводы Кіевскаго, онъ тайно вступилъ съ нею въ бракъ. Узнавъ объ этомъ, отецъ велѣлъ похитить молодую женщину ночью и увезти въ монастырь. Но въ дорогѣ она была задушена и брошена въ прудъ. Молодой вдовецъ былъ въ отчаяніи, но потомъ женился, по желанію родителей, на дѣвицѣ изъ дома Мнишковыхъ. Благодаря своему знатному положенію, онъ былъ назначенъ генераломъ польской артиллеріи.

Во время путешествія императрицы Екатерины II внизъ по Днѣпру и ея свиданіи съ Польскимъ королемъ Станиславомъ-Августомъ, Потоцкій былъ весьма обласканъ императрицею въ Кіевѣ и Каневѣ, и сталъ ея горячимъ приверженцемъ. Изгнанный впослѣдствіи основателями польской конституціи 1792 года изъ Польши, онъ вмѣстѣ съ другими консерваторами составилъ Тарговицкую конфедерацію, и обратился съ просьбою о помощи къ русской императрицѣ. Сто тысячъ русскаго войска, подъ начальствомъ Каховскаго и Кречетникова, вступили въ Польшу на помощь конфедератамъ. Польское правительство обратилось къ прусскому королю съ ходатайствомъ, чтобы онъ поддержалъ его по обѣщанію; но Фридрихъ Вильгельмъ II отвѣчалъ, что поляки безъ его вѣдома и согласія перемѣнили старый порядокъ на конституцію 3 мая, что они сами могли предвидѣть тѣ затрудненія, въ какихъ теперь находятся, и т. д. Предоставленныя собственнымъ силамъ, польскія войска съ самаго начала стали отступать предъ русскими, которые и заняли Варшаву. Результатомъ этого, какъ извѣстно, былъ второй, а вскорѣ затѣмъ и третій раздѣлъ Польши.

Въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ Потоцкій много содѣйствовалъ поднятію благосостоянія крестьянъ, уменьшеніемъ барщины до 1 дня паньщины въ мѣсяцъ, 12 лѣтнихъ дней шарварки и 12 лѣтнихъ дней покоса. Послѣ развода со второй женой, онъ женился на знаменитой красавицѣ Софьѣ, бывшей черкесской невольницѣ.

Софья Потоцкая была родомъ изъ Грузіи. Она попала въ плѣнъ къ черкесамъ, но была освобождена полковникомъ Витте, за котораго и вышла замужъ. Впослѣдствіи Витте былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Керчи и тутъ Потоцкій познакомился съ Софіею и страстно полюбилъ ее. Встрѣчая взаимность, онъ купилъ согласіе мужа на разводъ за 200,000 руб. и женился на ней.

Исторію основанія Софіевскаго сада разсказываютъ такъ. Однажды, во время прогулки съ мужемъ въ лѣсу близъ Умани, Софія, пораженная природной красотою мѣстности, воскликнула: „Ахъ какъ хорошо было-бы, если-бъ эта мѣстность превратилась въ волшебный садъ". Вскорѣ послѣ того Потоцкій со своей супругою отправился за границу, гдѣ пробылъ 3 года. За это время лѣсъ дѣйствительно превращенъ былъ въ волшебный паркъ. За сотни верстъ перевезены были громадныя сосны и ели; явились въ скалахъ глубокія пещеры, на высотахъ террасы, пруды, фонтаны, гроты, подземные тоннели, храмы, водопады, мраморныя статуи лучшихъ скульпторовъ,—словомъ создана та Софіевка, которая еще сегодня восхищаетъ каждаго посѣтителя и такъ великолѣпно описана въ поэмѣ другомъ Потоцкаго, поэтомъ Трембецкимъ. Основаніе сада, какъ увѣряютъ, стоило до 3 милліоновъ рублей.

Послѣ польскаго бунта 1830 года, замѣшанный въ немъ тогдашній владѣтель Умани жилъ заграницей. Императоръ Николай требовалъ отъ него возвращенія въ Россію; Потоцкій отвѣчалъ отказомъ, вслѣдствіе чего были конфискованы его имѣнія и изъ нихъ образованъ Кіево-Подольскій округъ южныхъ поселеній. Большая часть крестьянъ была переведена изъ своихъ селъ близъ лѣсовъ во вновь построенныя, весьма красивыя, но большею частію и весьма неудобныя въ хозяйственномъ отношеніи села по большимъ дорогамъ. Старые сады крестьянъ были вырублены и предписана посадка новыхъ садовъ около новыхъ ихъ домовъ часто на такихъ мѣстахъ, гдѣ вслѣдствіе открытой мѣстности и отсутствія влаги, посадка садовъ не была мыслима. Вмѣсто прежнихъ управляющихъ и экономовъ завѣдывали хозяйствомъ офицеры и унтеръ-офицеры, крестьяне получили полувоенный строй, построены были манежи, лазареты, провіантскіе магазины, дома для генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, переведенныхъ сюда на постоянную стоянку кавалерійскихъ дивизій. Мѣстечки и села получили тамъ особенный, типичный, неестественный видъ, которымъ отличались всѣ военныя поселенія какъ Юга, такъ и Сѣвера. По 30 лѣтъ спустя, съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, и поселеніямъ возвращена была свобода. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преобразованнаго управленія южными поселеніями, съ 1861 до 1867 года, физіономія всего края измѣнилась какъ по мановенію волшебнаго жезла. Въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ исчезли громадныя селенія въ нѣсколько тысячъ душъ въ одныхъ мѣстахъ, не оставляя за собою почти никакихъ слѣдовъ, и выросли таковыя же громадныя села въ другихъ мѣстахъ, близъ лѣсовъ, на берегахъ ручейковъ, на мѣстѣ старыхъ, когда-то уничтоженныхъ садовъ. Весьма характерно для того времени донесеніе пристава 2-го стана Уманскаго уѣзда Уманскому управленію. Оно приблизительно такъ гласитъ: „По пути изъ мѣстечка Дубовой въ г. Умань мною усмотрѣно между Горбовскимъ и Тяровскимъ лѣсами село, не извѣстно откуда явившееся. По разспросамъ у мѣстныхъ жителей, я узналъ, что это село называется Собковкою, о чемъ я честь имѣю донести полицейскому управленію для дальнѣйшихъ распоряженій."

Еще во время существованія южныхъ поселеній основано было въ Софіевскомъ саду училище садоводства, а впослѣдствіи, въ 1868 году, это училище было преобразовано въ училище земледѣлія и садоводства съ правами гимназіи. Оканчивающіе курсъ въ этомъ училищѣ не-дворяне получали права почетныхъ гражданъ, а прошедшіе впослѣдствіи еще 2-хъ или 4-хъ-лѣтній практическій курсъ въ Никитскомъ саду въ Крыму — званіе ученыхъ садоводовъ или виноделовъ.

Изъ помѣщенныхъ на страницѣ 1221-й 4-хъ видовъ сада, 1-й изображаетъ главныя ворота сада. Съ лѣвой стороны этихъ воротъ находится длинный гранитный жолобъ, для пріема ключевой воды, протекающей въ подводныхъ трубахъ сюда со средины парка, гдѣ она бьетъ изъ скалы (гротъ Діаны). Этотъ ключъ снабжаетъ весь городъ прекраснѣйшею водой. Отъ главныхъ воротъ ведетъ прямая красивая аллея каштановыхъ деревьевъ къ порталу въ видѣ римскаго храма, за которымъ открывается прелестный видъ на нижній прудъ съ фонтаномъ въ срединѣ и на противоположныя террасы.

Подъ этимъ рисункомъ изображенъ видъ со средней террасы на нижній прудъ и храмъ.

Правѣе изображенъ водопадъ у пруда съ золотыми рыбками. Водопадъ снабжается водою изъ средняго пруда, протекающею въ широкомъ подземномъ тоннелѣ, длиною въ ½ версты, отъ средняго пруда до маленькаго бассейна надъ водопадомъ, черезъ который граціозно перекинутъ легкій мостъ. Тоннель можно проѣхать на лодкѣ.

Надъ этимъ рисункомъ изображенъ гротъ Венеры со статуею богини. Въ гротъ этотъ ведетъ подземный ходъ. Спущенная изъ средняго пруда вода стѣною закрываетъ богиню и внутренность грота, представляя прекрасное зрѣлище, особенно въ солнечный день, для всѣхъ находящихся внутри грота.

Кромѣ этихъ четырехъ эффектныхъ видовъ, имѣется еще масса другихъ, не менѣе красивыхъ, какъ-то: павильонъ на островѣ средняго пруда, глубокій львиный гротъ, Елисейскія Поля съ красивымъ рядомъ плотинъ вдоль ручейка, средняя терраса съ колонною императора Николая, фонтанъ у виноградника, громадная оранжерея и проч. и проч.

Многочисленныя зданія училища съ его фермами, питомниками, фруктовыми садами, учебными полями и покосами, расположены на самой верхней террасѣ, нѣсколько ниже верхняго пруда, лежащаго уже внѣ предѣловъ парка и снабжающаго водою фонтаны парка. Въ зданіяхъ училища живутъ большая часть учениковъ, директоръ, инспекторъ, учителя, практиканты, масса рабочихъ и проч. Зданія большею частію недавно построены и внутреннее устройство ихъ весьма практично. Оранжерея, одна изъ самыхъ богатыхъ растеніями и можетъ быть самая крупная въ Россіи, занимаетъ громадное пространство. Въ ней находится масса рѣдкихъ растеній. Особенно замѣчательны: отдѣлъ камелій и банановъ, да громадныя араукаріи.

Новое роскошное иллюстрированное изданіе.

„ФАУСТЪ“, ГЁТЕ.

Обѣ части, въ переводѣ **А. Фета**, съ гравюрами и эстампами по рисункамъ **Энгельберта Зейбертца.**

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.

Образецъ рисунковъ, уменьшенный въ 10 разъ. Фаустъ и Мефистофель въ Ауэрбаховомъ погребѣ.

Это первое въ Россіи полное роскошное изданіе „Фауста“, достойное великаго всемірнаго поэта и его совершенно исключительнаго, даже для Гёте, произведенія.

Въ самомъ дѣлѣ, „Фаустъ“ исчерпываетъ собою всю земную мудрость и изо всѣхъ поэтическихъ произведеній служитъ лучшею подготовкою къ воспріятію высшихъ откровеній сверхчувственнаго міра. Правитель, государственный человѣкъ, воинъ, ученый, художникъ, простой гражданинъ и прежде всего *человѣкъ* во всѣхъ треволненіяхъ житейскаго моря найдетъ себѣ въ этой книгѣ надежное руководство и разъясненіе сомнѣній обуревающихъ его въ томъ многосложномъ и обманчивомъ калейдоскопѣ, который называется земною жизнью. Проводя своего Фауста по всѣмъ отраслямъ высшей общественной дѣятельности, Гёте, не смотря на избранную имъ внѣшнюю обстановку средне-вѣковаго германскаго государства, затрогиваетъ и разрѣшаетъ такіе вопросы государственнаго и общественнаго быта, которые никогда не устарѣютъ, — не говоря уже о тѣхъ сокровенныхъ тайнахъ души человѣческой, которыя никогда не могутъ быть вскрыты нашимъ ограниченнымъ разумомъ и лишь до нѣкоторой степени освѣщаются намсками геніальныхъ поэтовъ. Вотъ почему „Фаустъ“ долженъ быть настольною книгою каждаго мыслящаго человѣка.

Приступая къ этому монументальному изданію, мы не щадили ни труда, ни средствъ для того, чтобъ оно вполнѣ и всестороннее соотвѣтствовало цѣли.

Что касается литературной стороны изданія, то изъ многочисленныхъ переводовъ первой части „Фауста“ и трехъ полныхъ переводовъ трагедіи на русскій языкъ, мы выбрали переводъ А. Фета, какъ безспорно художественнѣйшій и притомъ передающій великое произведеніе Гёте безъ малѣйшихъ отступленій и вольностей, почти дословно, размѣромъ подлинника и съ соотвѣтствующими риѳмами. По громадности трудъ нашего знаменитаго лирика можетъ сравниться развѣ съ переводомъ „Иліады“ Гнѣдича, и Россія въ правѣ гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ, обладая двумя столь точными воспроизведеніями величайшихъ поэтическихъ твореній древняго и новаго міра. Хорошо сознавая тѣ трудности пониманія, какія представляетъ читателю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вторая часть трагедіи, переводчикъ сопровождаетъ ее въ концѣ книги весьма обстоятельными объясненіями и комментаріями, которыя ничего не оставляютъ неразъясненнымъ, и великое произведеніе становится такимъ образомъ доступнымъ всякому.

Изъ иллюстрацій къ „Фаусту“ не много такихъ, которыя были бы его достойны; извѣстные рисунки Лиценмайера относятся лишь къ первой части трагедіи, а знаменитые эстампы Каульбаха слишкомъ немногочисленны и совершенно потерялись бы въ громадѣ роскошнаго изданія in-folio. Поэтому, не взирая на дороговизну, мы пріобрѣли превосходныя гравюры на мѣди съ рисунковъ Энгельберта Зейбертца, обнимающихъ обѣ части „Фауста“ и какъ нельзя болѣе подходящихъ къ характеру самаго произведенія Гёте. Эти эстампы отличаются строгою выдержанностью древне-германскаго стиля, а помѣщенные на ряду съ ними болѣе 200 рисунковъ на деревѣ, виньетокъ и заставокъ напоминаютъ отца гравюры—Альбрехта Дюрера.

Прилагаемъ, какъ образецъ, въ десять разъ уменьшенный снимокъ съ одного изъ эстамповъ, изображающаго полетъ Фауста и Мефистофеля на бочкѣ изъ Ауэрбахова погреба.

Обнимающій не болѣе десяти печатныхъ листовъ обыкновеннаго компактнаго шрифта, въ нашемъ изданіи „Фаустъ“ напечатанъ слишкомъ на 100 листахъ лучшей веленевой бумаги крупными буквами, такъ что почти каждая составная часть каждой сцены позволяетъ читателю остановиться на ней, какъ того требуетъ многозначительное, исполненное величайшихъ тайнъ искусства, произведеніе міроваго поэта-мыслителя.

Наконецъ, для того, чтобъ и внѣшняя оболочка изданія вполнѣ соотвѣтствовала содержимому, мы поручили одному изъ нашихъ художниковъ, составить оригинальный рисунокъ для переплета въ древне-германскомъ стилѣ. По этому рисунку былъ тщательно исполненъ мѣдный штампъ, надъ которымъ граверъ трудился около полугода, и такимъ образомъ получился роскошный рельефно тисненый, кожаный (шагреневый) переплетъ, вполнѣ соотвѣтствующій книгѣ.

Появленіе этой книги за нѣсколько недѣль предъ праздниками Рождества, даетъ возможность каждому любителю сдѣлать себѣ или друзьямъ богатый подарокъ на елку. Подробности о цѣнѣ см. въ объявленіяхъ.

Политическое обозрѣніе.

Пребываніе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Берлинѣ сопровождалось цѣлымъ рядомъ торжественныхъ церемоній и почестей, изъ которыхъ нѣкоторыя признаются, по извѣстіямъ изъ Берлина, явленіемъ совершенно необычайнымъ. Прибывъ въ 9 час. 15 м. веч., Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ встрѣченъ императоромъ, принцемъ Генрихомъ, генералитетомъ, берлинскими губернаторомъ и комендантомъ, назначенными состоять при Его Высочествѣ офицерами и персоналомъ русскаго посольства. Императоръ былъ въ русской военной формѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ — въ прусскомъ гусарскомъ мундирѣ. Послѣ сердечныхъ привѣтствій, Высочайшія Особы прошли передъ фронтомъ стоявшей въ почетномъ караулѣ роты имени Императора Александра полка и затѣмъ, сѣвъ въ придворный экипажъ, прослѣдовали въ домъ русскаго посольства, вездѣ торжественно привѣтствуемые публикою. На пути отъ вокзала желѣзной дороги до зданія русскаго посольства Наслѣдника Цесаревича сопровождалъ эскадронъ Gardes du Corps, что дѣлается лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Въ русскомъ посольствѣ въ честь Наслѣдника Цесаревича былъ ужинъ, сервированный на двухъ столахъ. За столомъ, за которымъ сидѣли Его Высочество и императоръ Вильгельмъ, помѣщались также принцъ Генрихъ Прусскій, посолъ графъ Шуваловъ съ супругою, графъ Гербертъ Бисмаркъ и другія лица. Для прочаго персонала русскаго посольства и офицеровъ Вестфальскаго гусарскаго полка ужинъ подавался въ сосѣднихъ комнатахъ. Присутствіе императора Германскаго на ужинѣ въ русскомъ посольствѣ, прежде чѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ съ визитомъ въ императорскомъ дворцѣ, считаютъ въ Берлинѣ явленіемъ большой важности.

На другой день, 10 ноября, въ честь Наслѣдника Цесаревича императоръ произвелъ утромъ по новому уставу ученье сводному батальону полка Императора Александра. Затѣмъ императоръ, по случаю открытія рейхстага, простился съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, соизволившимъ принять отъ офицеровъ полка приглашеніе на завтракъ. За завтракомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ провозгласилъ тостъ за здоровье императора Вильгельма. Полковой командиръ отвѣтилъ тостомъ за здоровье Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича, провозгласив-

шаго затѣмъ тостъ за благоденствіе полка. Оба тоста были провозглашены Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на нѣмецкомъ языкѣ, что отмѣчается нѣмецкими газетами съ особеннымъ удовольствіемъ.

На бывшемъ въ тотъ-же день парадномъ обѣдѣ во дворцѣ присутствовали Наслѣдникъ Цесаревичъ, герцогъ Аостскій съ супругой, эрцгерцогъ Эсте и около ста приглашенныхъ особъ. За столомъ играла музыка отъ полка Императора Александра.

Вечеромъ, въ 11½ ч., Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ въ Петербургъ. До вокзала проводили Цесаревича принцъ Леопольдъ, состоявшіе при Его Императорскомъ Высочествѣ офицеры и персоналъ русскаго посольства.

Берлинскія газеты высказываются въ весьма сочувственныхъ выраженіяхъ о Государѣ Наслѣдникѣ по случаю пребыванія Его Императорскаго Высочества въ Берлинѣ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела задушевность личныхъ отношеній между Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Германскимъ императоромъ.

Journal de St.-Pétersbourg, по поводу пріема Государя Наслѣдника въ Берлинѣ, говоритъ: „Какъ видно изъ депешъ, 24 часа, проведенные въ Берлинѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на обратномъ пути изъ Копенгагена, вызвали манифестаціи сердечной симпатіи со стороны его величества императора Вильгельма, двора, общества и населенія. Мы рады указать на эти манифестаціи, но нисколько ими не удивлены. Не говоря уже о чарующемъ впечатлѣніи, которое производитъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, въ Россіи знаютъ, что тѣсныя отношенія дружбы связываютъ обѣ Императорскія Фамиліи и что съ той и другой стороны всегда рады случаю проявить эти чувства.“

Во время пребыванія Наслѣдника Русскаго престола въ Берлинѣ, состоялось въ Бѣлой залѣ Королевскаго дворца торжественное открытіе рейхстага, при чемъ въ придворной ложѣ присутствовали императрица Викторія-Августа, Наслѣдникъ Цесаревичъ, герцогъ Аостскій съ супругой и эрцгерцогъ Эсте.

Въ тронной рѣчи, прочитанной императоромъ Вильгельмомъ, заявляется, что поѣздка его по Германіи убѣдила его въ томъ, что идея имперскаго единства пустила уже повсемѣстно глубокіе корни въ народномъ сознаніи; затѣмъ упоминается о присоединеніи Гамбурга и Бремена къ германскому таможенному союзу и о торговой конвенціи съ Швейцаріей. Констатируя удовлетворительное финансовое положеніе, императоръ радостно привѣтствуетъ обнаруживающійся въ Германіи общій экономическій прогрессъ. Земледѣліе находится еще въ подавленномъ состояніи, но возможность большей доходности отъ продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ обнадеживаетъ, что положеніе это улучшится. Въ рѣчи заявляется, что будутъ внесены законопроекты о рабочихъ артеляхъ, объ измѣненіи въ уставахъ страхованія отъ болѣзней, а также объ обезпеченіи престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду. По поводу англо-германскаго соглашенія относительно восточной Африки предполагается вести дальнѣйшіе переговоры съ другими правительствами, а также внести въ рейхстагъ соотвѣтственные законопроекты. Отношенія Германіи ко всѣмъ прочимъ державамъ имѣютъ мирный характеръ. Самъ императоръ непрестанно заботится объ упроченіи мира. Было бы

Уманьское училище садоводства и земледѣлія. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Видъ города Умани, Кіевской губерніи. Бывшая іезуитская коллегія и историческій колодезь. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

несовмѣстно съ христіанскою вѣрой, исповѣдуемою императоромъ, и съ его понятіемъ о нравственномъ своемъ долгѣ навлекать безъ необходимости на Германію бѣдствія хотя бы даже и побѣдоносной войны.

Journal de St.-Pétersbourg, отмѣчая, что „этою тронною рѣчью императоръ Вильгельмъ открылъ первую обыкновенную сессію германскаго парламента со времени восшествія его величества на престолъ", указываетъ, что она констатируетъ мирный характеръ отношеній имперіи ко всѣмъ правительствамъ и свидѣтельствуетъ о весьма миролюбивыхъ намѣреніяхъ Германіи, равно какъ о надеждѣ на поддержаніе мира.

Въ берлинской печати и въ политическихъ кружкахъ упрочилось мирное впечатлѣніе, произведенное словами тронной рѣчи, относившимися до внѣшней политики. Пессимистическое воззрѣніе *Post*, противорѣчащее словамъ тронной рѣчи, не считается здѣсь выраженіемъ взгляда руководящихъ сферъ. Воззрѣніе это объясняется съ одной стороны незнаніемъ обстоятельствъ, а съ другой—вліяніями не имѣющими ничего общаго съ высшей политикой. Постоянная тревога, въ которой часть печати позволяетъ себѣ держать капиталистовъ, вызываетъ повсемѣстно, особенно же въ финансовыхъ и торговыхъ кружкахъ, ощущеніе весьма тяжкаго гнета. Возбужденіе тревожныхъ опасеній представляется особенно неосновательнымъ въ виду преобладающаго убѣжденія въ томъ, что миролюбивому настроенію державъ удастся устранить опасные для мира элементы и обезпечить сохраненіе мира.

Смѣсь.

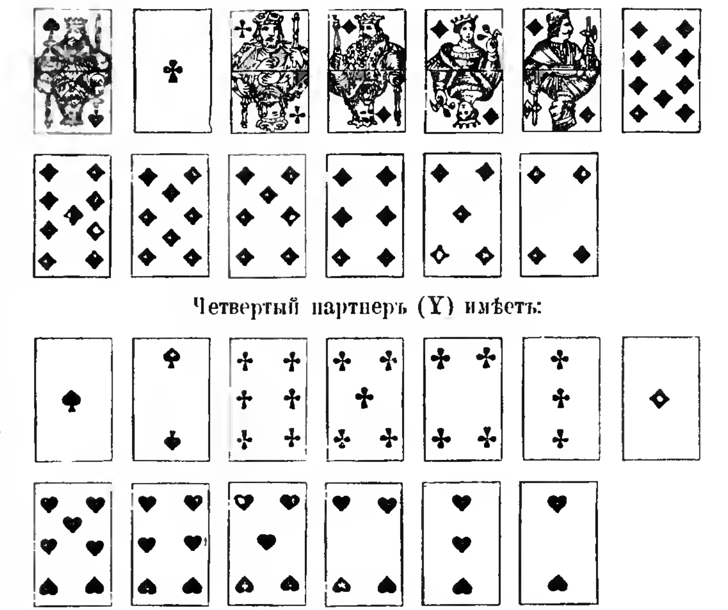
Друзья и почитатели Юліана Ивановича Симашко рѣшили отпраздновать его 50-лѣтній юбилей 18 декабря. Въ часъ дня юбиляру будутъ принесены поздравленія отъ ученыхъ обществъ и др. лицъ, а въ 5½ часовъ состоится обѣдъ. Подписка на обѣдъ принимается въ магазинѣ „Новаго Времени" (Невскій, 38), по 8 р. съ персоны. Распорядители юбилея: профессоръ Э. К. Брандтъ (Тверская ул., 13) и В. П. Воленсъ (Симеоновскій пер., 5).

Изслѣдованія доисторической Америки. При щедрой поддержкѣ правительства и состоятельныхъ частныхъ лицъ, изслѣдованія, стремящіяся къ уясненію вопроса о доисторическомъ прошломъ Америки и ея обитателей, могутъ отмѣтить новую побѣду. Франку Кёшингу,—который уже много лѣтъ проживаетъ въ Мексикѣ среди индійцевъ Цуни и настолько слился съ этимъ племенемъ, что былъ возведенъ имъ въ священническій санъ—удалось открыть развалины большаго древнеиндійскаго города. Развалины эти находятся въ штатѣ Аризона, къ сѣверу отъ южной Тихоокеанской дороги, въ недалекомъ разстояніи отъ теперешняго городка Феникса. Древній городъ, названный Кёшингомъ Ласъ-Муэртосъ (городъ мертвыхъ), повидимому, занималъ неправильную площадь въ девять англійскихъ квадратныхъ миль; дома располагались преимущественно большими квадратами; городъ окружала высокая стѣна, служившая, очевидно, для его защиты; посрединѣ находились развалины огромнаго храма и подъ ними найдено множество скелетовъ. Открыты также многочисленныя кладбища; по разнымъ способамъ погребенія и по обычаю, употребительному и по сіе время у индійцевъ Цуни, класть въ могилы тѣ или другіе предметы, Кёшингъ, благодаря своему знанію туземныхъ религіозныхъ обрядовъ, пришелъ къ заключенію, что обитатели древняго города должны быть разсматриваемы какъ предки нынѣшнихъ индійцевъ племени Цуни. Судя по очевиднымъ признакамъ и стариннымъ преданіямъ Цуни, городъ былъ разрушенъ страшнымъ землетрясеніемъ. Послѣ внезапно разразившейся катастрофы, о силѣ которой можно судить по тысячамъ найденныхъ скелетовъ, и истребившей во всякомъ случаѣ значительную часть жителей, развалины постепенно покрывались наносными пескомъ и вся домашняя утварь отлично сохранилась. Найденныя вещи состоятъ главнымъ образомъ изъ предметовъ ежедневнаго употребленія; по формѣ и украшеніямъ гончарныхъ издѣлій, они сходны съ употребляемыми и по настоящее время племенемъ Цуни. Замѣчательно, что не найдено вовсе металлическихъ предметовъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ласъ-Муэртосъ, Кёшингъ открылъ второй городъ, названный имъ, вслѣдствіе найденныхъ остатковъ водопровода, Ласъ-Акквіасъ. Во всякомъ случаѣ города эти принадлежали народу могущественному, воинственному, свѣдущему въ искусствахъ и наукахъ. Слѣды этого народа, въ видѣ развалинъ городовъ, укрѣпленій, дворцовъ, храмовъ, пирамидъ и другихъ памятниковъ, открываются непрерывною цѣпью, начиная отъ сѣверныхъ границъ Чили чрезъ Перу, Эквадоръ, всю центральную Америку, Мексику, Новую Мексику и Аризону до Солянаго озера въ Утахѣ; но время процвѣтанія этого народа миновало задолго до испанскаго нашествія. (с.)

Величайшіе въ мірѣ часы. Слава величайшихъ въ мірѣ часовъ безспорно принадлежитъ указателю времени на Вестминстерской башнѣ въ Лондонѣ. Эти часы приводятъ въ дѣйствіе указательную стрѣлку на четырехъ циферблатахъ, изъ коихъ каждый имѣетъ 22 фута 6 дюймовъ (англійскихъ) въ разрѣзѣ, и выбиваютъ полные часы на колоколѣ, вѣсомъ въ 13½ тоннъ или 810 пудовъ, а четверти на четырехъ колоколахъ меньшихъ размѣровъ, которые имѣютъ всѣ вмѣстѣ 8 тоннъ вѣсу. Вестминстерскіе часы славятся изумительной точностью, съ какою дѣйствуютъ. Въ прошломъ году они, продѣйствовавъ 134 дня, показывали всего четыре секунды разницы съ астрономическимъ указателемъ на Лондонской обсерваторіи, что составляетъ по одной секундѣ въ мѣсяцъ. Въ теченіе семнадцати дней они дѣйствовали безъ всякаго замѣтнаго отступленія. Одинъ маятникъ этихъ часовъ имѣетъ 15 футовъ длины и 700 фунтовъ (болѣе 8 центнеровъ) вѣсу. Ни жаръ, ни холодъ на него не вліяютъ: онъ состоитъ изъ цинка и желѣза. Большая растяжимость цинка при возвышеніи температуры уравновѣшивается меньшею растяжимостью желѣза при тѣхъ-же условіяхъ, и наоборотъ. Другой маятникъ относительно меньше вѣситъ, всего 6 пудовъ. Онъ пробѣгаетъ пространство, равное 200 футамъ, и поддерживаетъ ходъ часовъ въ теченіе 8 дней. Ихъ заводятъ еженедѣльно. Боевыя гири значительно тяжелѣе. Одинъ молотъ, ударяющій по большому колоколу, извѣстному подъ именемъ Big Ben (большой Веньяминъ), вѣситъ 13½ пудовъ. Боевыя гири тоже пробѣгаютъ пространство равное 200 футамъ, но въ половину времени, чѣмъ двигательная гиря, и потому заводятся два раза въ недѣлю. Часы бьютъ съ удивительной точностью. Ихъ первый ударъ соотвѣтствуетъ гриничскому нормальному времени. Объ истеченіи каждаго часа дается знать на королевскую обсерваторію въ Гриничѣ, для того чтобы чиновники могли тамъ контролировать вѣрность хода часовъ. Вестминстерскіе часы существуютъ съ 1859 г. Ихъ чистятъ каждые четыре года, а разбирали въ первый разъ только въ 1886 году, причемъ оказалось, что въ исправленіи нуждались одни колеса, которыя усвленно дѣйствуютъ при вытягиваніи гирь. Циферблаты, какъ мы уже говорили, имѣютъ въ разрѣзѣ 6 метровъ 85 сентиметровъ, т. е. въ обхватѣ болѣе 21 метра 50 сентиметровъ. Черточки или точки, обозначающія минуты, отстоятъ одна отъ другой на 35 сентиметровъ. Кончикъ минутной стрѣлки пробѣгаетъ ежедневно путь въ 516 метровъ, ежегодно въ 189,850 метровъ, что составляетъ около 26 географическихъ миль. Такимъ образомъ эта стрѣлка пробѣжала съ 1859 года по настоящее время пространство, равное 754 географическимъ милямъ, т. е. совершила седьмую часть кругосвѣтнаго путешествія. (N.)

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 69 (помѣщ. въ № 43).

Третій партнеръ (*B*) имѣетъ:

Четвертый партнеръ (Y) имѣетъ:

Розыгрышъ м. шлема въ червяхъ. *X* ходитъ въ пику, *A* бьетъ козыремъ и козыряетъ, при чемъ оказывается, что всѣ козыри на одной рукѣ; еслибъ *B* снесъ на козырей туза и короля трефъ— былъ-бы взятъ *б. шлемъ*, а такъ какъ *B* этого не сдѣлалъ, то *A* приходится, оставивъ для заручки одного козыря, выходить въ трефу. *B*, отходивъ туза и короля трефъ, выходитъ въ бубны, *Y* кроетъ тузомъ, а *A* перекрываетъ козыремъ и, отходивъ еще двѣ трефы, остальныя двѣ карты отдаетъ *Y* на козыря и пику. Еслибы *A* выкозырялъ до конца и вышелъ-бы въ трефу, то *A* и *B* сдѣлали-бы всего 9 взятокъ.—*Игра пять бубенъ*. *Y* вполнѣ основательно выходитъ съ трефы, разсчитывая, что *X* перекроетъ; но этого не случилось, *B* взялъ королемъ и козырнулъ; *Y*, заручившись на туза бубенъ, снова идетъ въ трефу, *X* перекрываетъ козыремъ и ходитъ въ пику. Такимъ образомъ *X* и *Y* берутъ три взятки.

Остальныя условія, очевидно, удовлетворяются даннымъ раскладомъ картъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.—А. Глинкина, Оренбургъ— А. Е. Игнатьева.**

Рѣшеніе задачи—загадки № 71 (помѣщенной въ № 43).

хо	жу	на	го	ло
вѣ	хо	тя	и	на
но	гах	хо	жу	я
бо	си	ком	хо	тя
и	в	са	по	гах

Хожу на головѣ,
Хотя и на ногахъ;
Хожу я босикомъ,
Хотя и въ сапогахъ.

Разгадка: сапожный гвоздь.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 876 лицъ и за недостаткомъ мѣста фамиліи рѣшившихъ помѣщены быть не могутъ.

Рѣшеніе ребуса № 70 (помѣщеннаго въ № 43).
„Нужда бѣду родитъ“.

ПОПРАВКА.

Въ № 45, на стр. 1120, подъ видомъ внутренняго двора Кремлевскаго Дворца и старинныхъ царскихъ теремовъ, по ошибкѣ типографіи, вкралась подпись: „Оружейная палата“. Эта подпись могла относиться только къ рисунку, помѣщенному нами на слѣдующей страницѣ.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НОВѢЙШІЕ ДУХИ:

№ 4711 НАРЦИССЪ

въ 300, 200, 150 коп. за флак., своимъ пріятнымъ, хорошимъ запахомъ также скоро пріобрѣтетъ благоволеніе дамъ, какъ и любимые

№ 4711 ЛАНДЫШЪ

зеленый, съ золотомъ, ярлыкъ, въ 300 240, 165 и 100 к. за флаконъ и

№ 4711 VIOLETTES DE PARME

въ 240, 160 и 125 коп. за флаконъ, неподражаемые своимъ пріятнымъ запахомъ. При покупкѣ просятъ обращать вниманіе на

№ 4711

(фабричная марка), которая находится на ярлыкахъ, какъ единственный знакъ неподдѣльности.

Имѣется во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговлахъ аптекарскими товарами въ Россіи.

Главное депо у **Аленс. ТИСЪ и Кпмп.** Пушкинская ул., № 4. Р. № 3531

НОВОСТЬ! ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ!

Для салона. Полная оркестровка. Гамма 40 тон. въ 2 игры, красивая отдѣлка, полировка съ золотой вырѣзьбой. Мелодичные звуки, металлическія ноты, неподвергающіяся порчѣ (что часто случается съ картонными), большой выборъ пьесъ, танцевъ, арій изъ разныхъ оперъ, духовныхъ пѣсенъ, національныхъ русскихъ пѣсенъ и пр. Цѣна органу-соловей съ 10-ю пьесами **50 р.**; пьесы отдѣльно по **75** к. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно. Mt. № 3558

Рекомендуетъ фабрика музыкальн. инстр.

Д. А. АЛЕКСАНДРОВА

Каталоги высылаются безплатно.

Депо музыкальныхъ инстр., **Невскій пр., № 53, въ С.-Петербургѣ**

Прейсъ-курантъ издѣлій Ковалевскаго, картонныхъ, металлическихъ и обтянутыхъ манекеновъ, разныхъ размѣровъ, очень удобныхъ для примѣрки платьевъ, для портныхъ и для магазиновъ. Картонные (и вообще всѣ съ точенымъ трехъ-винтовымъ постаментомъ) 6 руб., съ металлическимъ кринолиномъ 7 р. 50 к.; металлическіе изъ толстой проволоки 4 руб., изъ тонкой проволоки 3 р. 50 к., обтянутые, въ натуральную величину 8 р., обтянутый бюстъ и кринолинъ до половины 6 р., съ простымъ постаментомъ безъ винтовъ на 50 коп. дешевле. Честь имѣю довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что металлическіе кринолины въ манекенахъ раздвигаются, т. е. кринолинъ можно увеличить и уменьшить по желанію, и металлическіе манекены выдѣлываются не изъ простой желѣзной проволоки, а изъ бронзированной. Дѣтскіе вообще на 1 р. 50 к. дешевле. Отправка во всѣ города Россійской имперіи: за упаковку 50 к. со штуки; доставка на счетъ получателя, т. е. при полученіи уплатить за доставку, смотря по вѣсу и разстоянію, чрезъ страховыя конторы. Гг. покупателямъ отъ 5 и болѣе штукъ уступка 10%. Вмѣсто мелкихъ денегъ можно посылать почтовыми марками. По желанію упомянуть, какой кому нуженъ размѣръ. Адресъ: **Издѣлія манекеновъ Г. Ковалевскаго:** Тверская, Старо-Газетный переулокъ, домъ Толмачева, въ Москвѣ. № 3484

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	ГОДЪ XIV-й. О ПОДПИСКѢ НА 1889 г.	Въ С.-Петербургѣ съ доставкою
съ преміею на годъ **8 р. 50 к.** безъ преміи ½ г. **4 „ 25 .** годовые подписчики вносящіе по **4 р. 50 к.** за каждое ½ г. пользуются тоже преміею.		съ преміею на годъ **9 р. — к.** безъ преміи ½ г. **4 „ 50 „** годовые подписчики вносящіе по **5 р.** за каждое ½ г. пользуются тоже преміею.

НА ЖУРНАЛЪ „СТРЕКОЗА“

Журналъ „Стрекоза“, вступая въ 14 годъ своего изданія, приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы какъ и прежде быть **первымъ** юмористическимъ изданіемъ въ Россіи, какъ по изяществу рисунковъ, такъ и по разнообразію и игривости текста.

Редакція поспѣшила для этой цѣли пригласить нѣсколько новыхъ художественныхъ и литературныхъ силъ и увѣрена въ совершенномъ успѣхѣ своего новаго 14 года.

Премія нашего журнала на 1889 годъ будетъ носить очень громкое названіе; но будетъ она называться очень громко только потому, что, желая дать въ заглавіи хотя бы приблизительное понятіе о содержаніи преміи, никакъ не возможно назвать ее менѣе громко. № 3524 2—1

Премія будетъ называться:

„ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ ВСЕМІРНАГО ЮМОРА“.

Мы имѣемъ въ виду предложить роскошно-иллюстрированный сборникъ, въ составъ котораго войдутъ выдержки изъ произведеній наиболѣе извѣстныхъ юмористовъ: русскихъ, англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, испанскихъ, польскихъ, чешскихъ и др. Эта блестящая, одаривная часть, идея говоритъ сама за себя. На каждой страницѣ будутъ разсказы, настоящіе перлы и адаманты. Нашъ сборникъ введетъ широко до ушей улыбающагося читателя въ почтеннѣйшую семью наиболѣе веселыхъ и остроумныхъ разсказчиковъ, поэтовъ и философовъ въ мірѣ. Книга вовсе не поступитъ въ частную продажу, потому что было бы грѣшно продавать на наличныя деньги (хотя бы даже и на металлическія) такой великолѣпный и безпримѣрный подарокъ. Утѣшаемъ себя мыслью, что со времени Гутенберга (съ 1438 г.! смотри „Исторію Среднихъ вѣковъ“!) никогда не выходила еще изъ-подъ печатнаго станка книга, которая могла бы выдержать хотя бы самое отдаленное сравненіе съ будущею преміею нашего маститаго журнала.

Во всѣ гор.-да Имперіи съ пересылкою		За Границу съ пересылкою
съ преміею на годъ **10 р.** безъ преміи ½ года **5 р.** годовые подписчики вносящіе по **5 р. 50 к.** за каждое ½ г. пользуются тоже преміею.	Требованія просимъ адресовать въ главную контору журнала **„СТРЕКОЗА“ (ГЕРМАНУ КОРНФЕЛЬДЪ)** въ С.-Петербургѣ.	съ преміею на годъ **12 р.** безъ преміи на ½ г. **6 р.** годовые подписчики вносящіе по **7 руб.** за каждое ½ год. пользуются тоже преміею.

Издатель **Г. К. КОРНФЕЛЬДЪ.** Редакторъ **И. Ф. ВАСИЛЕВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваем. **П. П. Щегловымъ,** журналъ съ карикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. **400 больш. рисунк.,** множество **иллюстрацій въ тексту, масса карикатуръ. 12 карт.,** въ видѣ ежемѣс. прилож., **историческаго содержанія.**

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шир.), **исполненная масляными красками, КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ академика И. М. Прянишникова:**

„ПЛѢННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: **на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 коп.**

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ конторѣ редакціи. Иногороднихъ просятъ адресовать на имя издателя, **Павла Петровича Щеглова:** Москва, Зацѣпская ул., соб. домъ. 10—2 П. № 3189

Главное депо для Россіи: братья Фохтъ, В. О., 1-я лин., № 4. 8—8 № 3396

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ“** съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ,** какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ,** равно какъ и **холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ,** и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. **Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р 25 к., пересылка 75 к.** Въ Азіатскую Россію за 3 фунт.

Главный складъ **въ Москвѣ,** въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“,** Маросейка, д. Комитета. № 3542

CRÈME-SIMON

(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

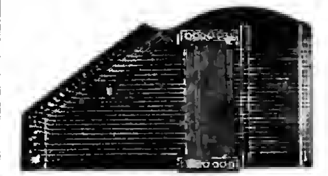

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON и мыло **à la CRÈME-SIMON** имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-4

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖѢ:

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированнымъ	8
„ темно-полированнымъ	8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по	„ 30
Альбомъ III **новый**	„ 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.

Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (5)

„НОВОСТИ ДНЯ“

ежедневная общественная, политическая и литературная газета.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1889 — ВЪ 8-ГО 8-ДУ 9

Цѣль газеты **„Новости Дня“**—въ общедоступной формѣ служить для читателя живымъ и яркимъ отраженіемъ интересовъ текущей дѣйствительности. **„Новости Дня“** удовлетворяютъ, какъ столичныхъ читателей, быстро схватывая на лету злобу столичнаго дня, такъ и провинціальныхъ, давая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и занимательное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ. Для выполненія этой программы въ **„Новостяхъ Дня“** существуютъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: „Бесѣда“, Телеграммы“, „Факты и слухи“, „Толки печати“, „По чужимъ краямъ“, „Картинки общественной жизни“, „Замѣтки праздношатающагося“, „Московскія новости“, „Театръ и музыка“, „Петербургскія новости“, „Провинція“, „Въ царствѣ Ѳемиды“, „Разныя извѣстія“, „Смѣхъ и горе“. Кромѣ того, еженедѣльно: „Воскресные наброски“, „Петербургскія письма“, „Бесѣды стараго театрала“. Независимо отъ этого, въ **„Новостяхъ Дня“** помѣщаются портреты лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Для наступающаго 1889 года имѣются, между прочимъ, оригинальные романы и повѣсти: **„БЕЗПРИДАННИЦА“,** романъ въ 2 ч. и **„ДАМА САМЪ-ТРЕТЕЙ“,** повѣсть, соч. князя *С. В. Голицына* (авт. романа „Былое Времячко“), **„ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ“,** соч. *Н. Н. Ге,* **„МУКИ ПРОМЕТЕЯ“,** повѣсть изъ театральн. быта, соч. *Н. А. Хлопова.* **„СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ“,** ром., соч. *Н. Осипова.* **„ДВѢ СЕСТРЫ“,** повѣсть, сочиненіе *С. Нестерова.* **„ПЕРСТЪ БОЖІЙ“,** историческая повѣсть изъ временъ „Тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича, соч. *Д. Дмитріева.*

Годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ романъ: „Купленный мужъ“—*В. Риваля.*

Ц. № 3483 3-2

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1889 годъ.	На 12 м.	На 11 м.	На 10 м.	На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
Съ пересылкой во всѣ города Имперіи. .	9 —	8 50	8 —	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —

Адресъ: **Москва, Контора газ. „Новости Дня“.** *Ред.-изд. А. Липскеровъ.*

Исключительное управленіе розничною и продажу цвѣточно-благовонной

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Мурред и Ланманъ, Нью-Іоркъ

въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харькова.

Агенты въ главныхъ городахъ Россіи: просятъ обращаться къ К. Ф. Гейсслеръ, С.-Петербургъ, и Эд. Гейне, Харьковъ. № 3478 5—2

Извѣстная своими доброкачественными издѣліями

С.-Петербургская Чулочно-Трикотажная Фабрика

В. И. КЕРСТЕНА,

поставщ. военно-учебныхъ заведеній (сущ. съ 1855 г.), **предлагаетъ** бумажные и высшаго сорта шерстяные кальсоны, фуфайки, носки, чулки, гамаши, кофты, юбки и проч. Р. № 3530 2—1

Получать можно исключительно только въ собственномъ складѣ: Васильевскій Островъ, 1 лин., д. 40. Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

„НЕДѢЛЯ"

въ 1889 году.

„НЕДѢЛЯ" состоитъ изъ **двухъ** изданій: газеты, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ) и **журнала**, выходящаго разъ въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ годъ).

Годовое содержаніе „НЕДѢЛИ" состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Обще-газетной, 2) Политической, 3) Научно-практической, 4) Литературно-критической, 5) Общественно-житейской, 6) Фельетонной, 7) Справочной и 8) Редакціонной.

Въ ежемѣсячныхъ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ" помѣщаются романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать **беллетристикой**.

Въ вышедшихъ номерахъ и книжкахъ „НЕДѢЛИ" напечатаны статьи *Н. В. Абрамова, Н. С. Бельскоинина, П. И. Вейнберга, князя М. Н. Волконскаго, Ѳ. Ѳ. Воронцова, барона Р. А. Дистерло, В. Л. Дедлова, (Кигна), А. Я. Ефименко, Л. Ѳ. Кона, А. П. и П. П. Красновыхъ, Н. С. Лѣскова, Евг. Л. Маркова, Д. Л. Мамаева, Д. Л. Мордовцева, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонскаго, В. О. Порудоловой, Л. Раскова, В. А. Тимирязева, графа Л. Н. Толстого, Глѣба Успенскаго, Н. Флеровскаго, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), Н. В. Яковлевой* и друг.

№ 3505 3—2

ЦѢНА газеты „НЕДѢЛЯ" вмѣстѣ съ ежемѣсячными „КНИЖКАМИ НЕДѢЛИ" — **девять** руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА на 1889 годъ ОТКРЫТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ", Ивановская, 2.

Редакторъ-издатель **П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.**

1812. — ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ — 1889.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ГАЗЕТА СЪ ПЕРЕХОДОМЪ КЪ НОВОМУ ИЗДАТЕЛЮ И ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ ДОПОЛНЕНА НОВЫМИ ОТДѢЛАМИ И УВЕЛИЧЕНА ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Обширная программа, всесторонняя обработка современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внутренней и заграничной жизни, а также своевременное сообщеніе всѣхъ выдающихся новостей дня, даютъ возможность вполнѣ замѣнить

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты подписчикъ получаетъ:

1 По воскресеньямъ, отпечатанный на глазированной бумагѣ нумеръ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

2) Въ теченіе года будутъ выданы въ видѣ приложеній

ШЕСТЬ КНИГЪ НОВЫХЪ БОЛЬШИХЪ РОМАНОВЪ.

3) „**МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ**" (12 нумеровъ въ годъ) съ образцами работъ

4) „**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**", отпечатанный въ три краски.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ИМѢЮТЪ ПРАВО получить ОДНО изъ ДВУХЪ художественныхъ приложеній:

5) Олеографическую копію съ картины художника **С. И. Верещагина**, отпечат. въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировк. и рельефомъ

„ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ"

Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, а также роскошная обстановка, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ эту картину очень интересною.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

6) **„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ"**

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ **СОРОКА КАРТИНЪ** этого **АЛЬБОМА**, есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: **Гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковскаго, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савицкаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова** и друг. Картины АЛЬБОМА отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку.

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить вышеозначенную КАРТИНУ или АЛЬБОМЪ, благоволятъ высылать **ОДИНЪ РУБ.** за экз. (съ пересылкою).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»

На годъ: съ доставкою и пересылкою 8 р. — На полгода 4 р.

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору:

Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 3506 3—2

ШУТЪ

большой еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ каррикатуръ, печатаемыхъ красками (хромолитографія). Годовая цѣна съ доставк. и перес. **7** руб., на полгода съ пер. **4** р. — Въ годъ **52** №№ въ формѣ большихъ иллюстрацій. По обилію рисунковъ самый полный юмор. журн. Болѣе **400** рис. и каррик. въ нѣсколько красокъ и около **600** въ одну краску. Множество шутокъ, загадокъ, ребусовъ и пр. **ТЕКСТЪ**: злобы дня — обозрѣніе текущей и бушующей жизни столицы и провинціи, стихотворенія, юмористич. новости, очерки, разсказы, сцены, анекдоты, бубенчики, попурри и проч. Годовые подписчики получаютъ въ январѣ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ**

„ДАМСКІЙ МАСКАРАДЪ"

роскошный альбомъ костюмовъ, работы нашего извѣстнаго художника **Н. А. Богданова.** Альбомъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ, на превосходной **эстампной** бумагѣ и можетъ служить украшеніемъ самой изящной гостиной. Гг. **иногородные** подписчики благоволятъ приложить къ подписной цѣнѣ **60** коп. для пересылки преміи страховою посылкою.—Для гг. служащихъ допускается разсрочка чрезъ ихъ казначеевъ.—Въ теченіе года будетъ печататься **„портретная галлерея извѣстныхъ личностей".—Адресъ редакціи**: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 110. № 3528 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1889 годъ

НА БОЛЬШУЮ, ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ).

Десять лѣтъ изданія достаточно, полагаемъ, выяснили характеръ нашей публицистической дѣятельности, твердо поставленной нами подъ девизъ: **„правда и польза для отечества"**.

Горячо стоя на стражѣ **русскихъ и славянскихъ** интересовъ и зорко слѣдя за всѣми сторонами общечеловѣческаго прогресса, мы всегда чутко отзывались на все, что могло по нашему крайнему разумѣнію способствовать къ преуспѣянію русскаго народа ко благу и славѣ Россіи.

Всѣ общественные вопросы встрѣчаютъ **съ нашей стороны** вполнѣ безпристрастную и обстоятельную разработку ихъ.

На ряду съ серьезными публицистическими работами читатели найдутъ въ нашей газетѣ и матеріалъ для легкаго чтенія — критику, беллетристику, отзывы о театрѣ, музыкѣ, живописи и свѣдѣнія обо всемъ, что составляетъ „новость и злобу дня", какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Имѣя во всѣхъ главныхъ городахъ Европы и въ Америкѣ спеціальныхъ корреспондентовъ, а также до трехсотъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, мы можемъ знакомить читателей со всѣмъ, что происходитъ у насъ и въ чужихъ краяхъ.

Передовыя статьи и фельетоны печатаются **ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ** дней.

Кромѣ редактора-издателя **Н. П. ЛАНИНА**, принимающаго непосредственное участіе своими личными публицистическими трудами въ разработкѣ вопросовъ: по внѣшней политикѣ, славянскаго, финансовыхъ, экономическихъ и общественныхъ, **въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:**

Профессоръ **О. Ѳ. МИЛЛЕРЪ** (славянскій вопросъ въ литературѣ, критика), проф. **В. П. ДАНЕВСКІЙ** и проф. **А. И. ЗАГОРОВСКІЙ** (вопросы политики, права общественнаго и народнаго образованія), **Н. П. Аксаковъ** (вопросъ славянскій, беллетристика), **Д. А. ЛИНЕВЪ** (тюрьмовѣдѣніе, патронатство и беллетристика), **В. Ѳ. БАУДЕРЪ** (право политики), **А. Е. СЕРЕБРЯКОВА** (по политическому отдѣлу), **И. М. РЕВА** (сельское хозяйство, торгово-промышленные интересы и желѣзнодорожное дѣло), **А. ВЛАДИМІРОВЪ** (общественные вопросы, по преимуществу объ интересахъ юго-западнаго края), **г. ТЮНИНЪ** (изслѣдованія по расколу), **г. ТЮТРЮМОВЪ** (общественные вопросы, преимущественно по русскому самоуправленію), **М. ЩУЦ—ОЙ** (юридическіе вопросы), **д-ръ В. П. ОКОРОКОВЪ** (народное здравіе и общественная гигіена), **Князь ЕНИКѢЕВЪ** (общественные вопросы), **Графъ Е. А. САЛІАСЪ** (историческій романъ), **А. В. КРУГЛОВЪ, А. Е. ДОГАНОВИЧЪ, Ив. Щегловъ** (псевдонимъ), **Дм. АРАКСОВЪ** (псевдонимъ), **ИСТОМИНЪ** (псевдонимъ), (всѣ по беллетристикѣ), **С. А. ЮРЬЕВЪ, С. Н. ФИЛИППОВЪ** (критика изящныхъ искусствъ), **ВЕНЕВИЧЪ** (псевдонимъ) (литература, критика и библіографія), и многіе другіе публицисты, ученые, писатели, спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, принимающіе участіе въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по предложенію редакціи. Воскресный фельетонъ ведется авторомъ, хорошо знакомымъ читателямъ **„РУССКАГО КУРЬЕРА" — „Современнымъ чудакомъ"**. Ежедневная бесѣда *„Дѣла и дѣлишки"* ведется однимъ изъ извѣстныхъ писателей, взявшимъ псевдонимъ **„Сотрудникъ"**.

Спеціальные политическіе корреспонденты, постоянно проживающіе за границей:

СТОЯНОВЪ въ Рущукѣ, **Ф. ПАЗДИРЕКЪ** (редакторъ журнала „Die Slavische Worte") въ Прагѣ, **А. А. ВАРЕНЦЪ** въ Константинополѣ, **Е. ПОМЕРАНЦЪ** въ Парижѣ, **Е. СТЕПАНОВЪ** въ Парижѣ, **ПЕТРЪ КУИНДЖИ** въ Парижѣ, **А. ТИЛЬШЪ** въ Прагѣ, **ЭМИЛЬ РУССЕЛЬ** въ Калифорніи (San-Francisco), **М. ГИНОДМАНЪ** и **ЛЕВЪ ЛАНДАУ** въ Вѣнѣ, **М. РОЗЕНТАЛЬ** въ Нью-Іоркѣ.

Въ наступающемъ 1889 году, независимо отъ многихъ улучшеній во всѣхъ отдѣлахъ газеты, въ смыслѣ еще большаго разнообразнаго газетнаго матеріала и еще большей свѣжести извѣстій, въ фельетонахъ **„РУССКАГО КУРЬЕРА"**, имѣютъ быть напечатаны на ряду съ другими очерками и разсказами и **нѣсколько крупныхъ беллетристическихъ произведеній извѣстныхъ писателей.**

Въ первыхъ-же январскихъ номерахъ начнется печатаніемъ: № 3523 3—1

БОЛЬШОЙ РОМАНЪ

ГРАФА ЕВГ. АНДР. САЛІАСА.

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ" выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ по прежней программѣ.

Телеграммы помѣщаются **„Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства"** и отъ собственныхъ корреспондентовъ заграничныхъ и русскихъ.

Всего въ каждомъ номерѣ помѣщается текста, кромѣ объявленій, болѣе 3000 строкъ.

Условія подписки:

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ МОСКВѢ:	СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ ГОРОДА:	ЗАГРАНИЦУ:
На годъ . . . . 9 р. — к.	На годъ . . . . 10 р. — к.	На годъ . . . . 20 р. — к.
„ 6 мѣс. . . . 5 „ — „	„ 6 мѣс. . . . 6 „ — „	„ 6 мѣс. . . . 12 „ — „
„ 3 „ . . . . . 2 „ 75 „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „	„ 3 „ . . . . . 6 „ — „
„ 1 „ . . . . . 1 „ 10 „	„ 1 „ . . . . . 1 „ 25 „	„ 1 „ . . . . . 2 „ 50 „

1. **Подписка принимается** съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

2 **Гг. иногородные**, при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.

3. **За перемѣну** адреса городскаго и иногороднаго — 30 коп. При перемѣнѣ городскаго на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ подписки.

Редакція и контора изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. ЛАНИНА.

Редакторъ-издатель **Н. П. Ланинъ.**

ГОТОВАЛЬНИ

для воспитанниковъ отъ 1 руб. 25 коп. до
№ 3453 6 р. и дороже. 2—2
Въ оптическомъ и хирургическомъ магазинѣ
М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛЛЕРЪ
Москва, Рождественка, противъ клиникъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Н. ФЕНУ и К°.
въ С.-Петербургѣ.
Хорошій выборъ **книгъ** для **подарковъ**, въ изящныхъ папкахъ и переплетахъ.
Новый каталогъ выйдетъ въ концѣ ноября и будетъ разосланъ, въ учебныя заведенія **безплатно**, а частнымъ лицамъ въ обмѣнъ 7 коп. марки. Mt. № 3537

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛКИ

удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ высылаю коллекціи состоящихъ изъ стекла, металла, ламеты и проч.

Каждая для одной елки, а именно:

110 предметовъ	Р. С. 18. 50	по полученіи надлежащ. суммы.
75 „	„ „ 10. 50	
60 „	„ „ 7. —	

включительно упаковка и пересылка.
ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ
Садовая. 12. С.-Петербургъ.

На 1889 (II-й) г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„СЧЕТОВОДСТВО"

Редакторъ-издатель **Ад. Мар. Вольфъ.**
Безъ дост. **5** р., съ дост. **6** р. на годъ.
Программа: I. Значеніе сч-ва. II. Исторія и теорія сч-ва. Коммерческія знанія. III. Практич. отдѣлъ. IV. Разборъ отчетовъ. V. Библіографія. VI. Судебн. отдѣлъ. VII. Темы и задачи VIII. Смѣсь и справ. отдѣлъ. IX. Объявленія.
Подробная программа высылается безплатно. № 3533 3—1
Контора редакціи: **СПБ.. Караванная. 16.**
№№ за 1888 годъ 6 руб.

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи
РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,
W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается безплатно.
P. № 3309 26—7

НОВЫЯ ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛОКЪ

ПРОЧНЫ И ОЧЕНЬ ПРАКТИЧНЫ.
№ 1-й вѣсомъ фунтъ выдерживаетъ елку въ 100 ф. 2 р. 50 к.
№ 2-й вѣсомъ фунтъ выдерживаетъ елку въ 160 ф. 3 р. 50 к.
Бр. ЛИНДЕМАНЪ
Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

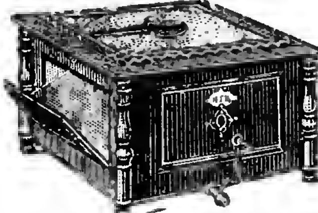
Пишетъ въ три раза быстрѣе перв. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.
Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.
Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3373

А. М. РУЗАНОВЪ

Гостиный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ
высылаетъ по первому требованію безплатно свой спеціальный
РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
Цѣны на заграничныя произведенія понижены. № 3480 6—3

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

ГЕРОФОНЪ.

ЦѢНА ГЕРОФОНА УДЕШЕВЛЕНА.
Обыкновенный герофонъ съ 10 пьесами стоитъ теперь только **30 руб.**
Герофонъ съ приспособл. для игры „forte" и „piano" съ 10 пьесами только **32 руб.**
Большое количество добавочн. пьесъ по **60 коп.** за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунтовъ.
Каталогъ нотъ для герофона — безплатно

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

съ 10-ю пьесами **28 руб.** Добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ по **60** коп.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

съ 10-ю пьесами (металлическія ноты: кольца разной величины) **35 р.** Добавочныя пьесы безъ различія размѣра по **70 коп.**

ФЕНИКСЪ

прежней конструкціи
съ 10-ю пьесами **25 р.** Добавочныя пьесы безъ различ. размѣра по **70 к.**

Герофоны, аристоны, фениксы и ноты къ нимъ продаются у меня только настоящіе патентованные; поддѣланныхъ, которые легко портятся — не имѣю.

Каталоги нотъ для герофона, аристона и феникса — БЕЗПЛАТНО.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнить посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами **80 руб.** Добавочныя пьесы по **1 р. 20 к., 2 р. 40 к.** и **дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по **1 р.** 20 к. Пересылка на счетъ покупателя.
Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана — **безплатно.**

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

Малыя ручныя по 2 р. и 4 р.
Малыя заводныя игр. 2 пьесы по 6 р.

„ „	4	„	по 10 р.
„ „	6	„	по 15 и 18 р.
Большія „	4	„	по 22 и 28 р.
„ „	6	„	по 30 и 40 р.
„ „	8	„	по 45 и 55 р.
„ „	12 пьесъ		по 65 р.
„ „	съ цитрою, игр. 8 пьесъ,		по 65, 75 и 150 р.
„ „	съ цитрою, игр. 12 пьесъ,		по 75 и 120 р.
„ „	съ цитрою, съ 3-мя валами, играющ. 24 пьесы,		по 350 р.

Большія заводныя съ барабаномъ и колокольчиками по 150 и 250 р.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 3526

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

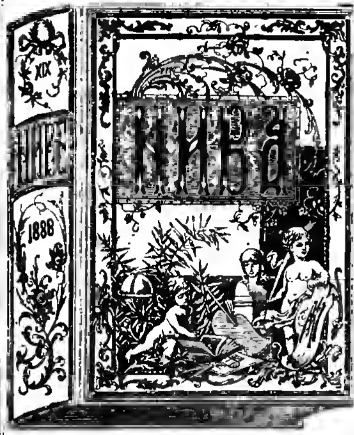
Измайловскій проспектъ, №. 21.
РЕКОМЕНДУЮТСЯ ВЪ ОСОБЕННОСТИ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

СОСТАВЫ ИЗЪ ВАЗЕЛИНА.

ВАЗЕЛИНЪ ДУШИСТЫЙ по 40 коп.
Помада ВАЗЕЛИНЪ по 40 коп. | **Кольдъ-Кремъ ВАЗЕЛИНЪ** по 45 к.
Такъ какъ ВАЗЕЛИНЪ не портится и не горькнетъ, то онъ съ большимъ удобствомъ замѣняетъ Кольдъ-Кремъ.
Мыло Вазелинъ по 45 коп.
приготовленное съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста. № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ. Pt. № 3516

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, напечатанныя красками; на 1888 г. по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

№ 3501 НОВАЯ КНИГА: 2—2
О. Н. ЧЮМИНА (МИХАЙЛОВА).
СТИХОТВОРЕНІЯ.
360 стр. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
Въ книжн. магаз. „Новаго Времени".

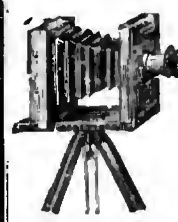
Коньки амер. сист. съ ключемъ 2 р. с.
Тоже никкелированные „ 4 р. 50 к.
Коньки англ. сист. съ винтомъ передвижнымъ, съ задними ремнями 2 р. 50 к.
Коньки системы Постниковъ, Бозе и др.
При сообщеніи длины сапога заказы немедленно исполняются.
Ц. № 3562 2—2

Бр. ЛИНДЕМАНЪ.

Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

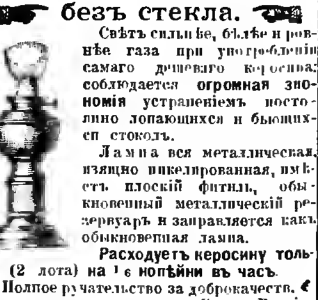
Этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошія фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже.
№ 3500 2—2
Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются безплатно

Е. КРАУСЪ и К°.

Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ. Мойка. № 40.

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы
ГИЧКОКЪ
безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается **огромная экономія** устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.
Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.
Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/6 копѣйки въ часъ.
Полное ручательство за доброкачеств.
Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая	**12** руб
Висячая . . .	**15** руб.
Стѣнная. . . .	**15** руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на **3** р. дороже
Цѣны въ Азіатскую Россію на **4** р. дороже
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 337[illegible]

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ редакціи газеты „Новости Дня" въ Москвѣ.

XIX г. — г. XIX

№ 49 — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 3 декабря 1888 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Съ базара. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Н. Кравченко**, грав. Флюгель.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Долго просидѣла Клёна на этомъ стулѣ. Она не помнила ничего и была какъ бы въ забытьи; шаги бригадира разбудили ее и привели въ себя.

— Ну, прости, внучка, подошелъ къ ней дѣдъ. — Я со двора! Надо для вечеринки нашей столѣтняго венгерскаго вина поискать купить. А ты поди бабушку урезонь. Разобидѣлась она за отпускъ приданаго и не знаетъ почему мы такъ дѣло спроворили.

Клёна съ удивленіемъ поглядѣла въ лицо дѣда и невольно подумала:

„Стало-быть онъ знаетъ, стало-быть ему все разсказалъ Братолюбцевъ“.

Но бригадиръ, будто обмолвившись нечаянно, поспѣшно поцѣловалъ внучку въ лобъ и вышелъ. Онъ сѣлъ въ поданный экипажъ и выѣхалъ со двора.

Клёна проводила его глазами, повернулась и пошла было къ себѣ, но вдругъ среди залы она стала на мѣстѣ какъ вкопаная. Дверь настежь растворенная въ сосѣднюю комнату, диванную, за которой былъ кабинетъ дѣда, остановила ее и какъ бы сказала ей: „Забыла? Вотъ я растворилась какъ бы сама собой, приглашая тебя идти скорѣе. Пользуйся временемъ, а то еще раздумаешь, испугаешься, въ бѣду попадешь потомъ... Поскорѣе!.. Не стой!.. Чего медлишь! Сейчасъ Антонъ прибирать кабинетъ придетъ, а при немъ нельзя будетъ. А тамъ ночь, а тамъ завтра днемъ минуты пожалуй не выберется удобной... Да ну, скорѣй!.. Скорѣе!.. Ахъ, погубишь ты себя!..“

И все это слушала и хорошо разслышала Клёна, словно не она сама думала или говорило что̀ въ ней самой, а какъ бы дѣйствительно говорила эта дверь.

Клёна быстрыми шагами, почти бѣгомъ, бросилась въ кабинетъ дѣда, пугливо озираясь и дрожа всѣмъ тѣломъ—не отъ боязни, что ее найдутъ здѣсь, а отъ другаго чувства вдругъ сказавшагося во всемъ ея существѣ. Она часто бывала въ этой горницѣ въ отсутствіе дѣда и иногда сидѣла здѣсь, читала. Если кто и придетъ, то нисколько не удивится, что она зашла сюда.

Почему же тряслась она? Почему лицо ея поблѣднѣло, а въ глазахъ становилось какъ-то темно?

Потому что это дѣло, за которымъ она пришла сюда, сейчасъ перемѣнитъ все. Она другая будетъ, она будетъ тѣмъ, на что̀ люди пальцемъ показываютъ—или жалѣя, или презирая.

Клёна быстрымъ взоромъ окинула письменный столъ дѣда, гдѣ была куча всякой мелочи. Перстня не было. Она знала его хорошо и знала, что онъ дѣйствительно сто̀итъ дорого, такъ какъ на немъ былъ большой рубинъ, окруженный брилліантами, и поэтому дѣдъ прячетъ его въ ящикахъ.

„Въ правомъ ящикѣ“, вспомнилось ей. Она стала отворять ящикъ, испуганно взглядывая на растворенную дверь; руки ея полусознательно шарили въ ящикѣ, отбрасывая всю мелочь, которая попадалась подъ пальцы.

Наконецъ, въ глубинѣ она увидѣла маленькую зеленую коробочку и вспомнила, что въ ней всегда лежитъ перстень. Она взяла ее и, вынувъ перстень, бросила коробочку на только что начатое бригадиромъ письмо, гдѣ лежало еще сырое, съ чернилами перо.

Сжимая перстень судорожно въ рукѣ, она пошатываясь и пылая какъ въ огнѣ, вышла изъ кабинета дѣда, не сознавая гдѣ она и куда идетъ.

Очутившись у себя въ горницѣ, она вспомнила, что все ею сдѣланное было сдѣлано какъ бы въ полуснѣ или полумглѣ умственной.

Вернувшись, дѣдушка сейчасъ замѣтитъ и брошенную пустую коробочку на столѣ, и даже ящикъ, оставленный отпертымъ. И Клёна чуть не бѣгомъ бросилась опять въ кабинетъ дѣда, но на порогѣ его встрѣтила камердинера Антона.

— Что̀ вы, барышня? Дѣдушки нѣтъ. Выѣхали... сказалъ лакей.

— Выѣхалъ... повторила Клёна.—Мнѣ... карандашъ хотѣлось попросить, солгала она и тотчасъ вспыхнула.

Антонъ замѣтилъ смущеніе барышни и подивился.

— Помилуйте. Карандаши всякіе на столѣ есть. Выбирайте любой... Есть красные, желтые, всякіе... У дѣдушки все такое есть...

Клёна вошла и вдругъ остановилась среди комнаты. Ящикъ стола былъ вдвинутъ, коробочки, изъ которой она вынула перстень, не было на столѣ. Антонъ прибралъ и спряталъ.

„Но вѣдь онъ видѣлъ, что коробочка пуста?“ возникъ вопросъ въ ея умѣ.

Взявъ карандаши, Клёна вернулась къ себѣ и долго повторяла тотъ же вопросъ: „Видѣлъ онъ или нѣтъ?“

„Если Антонъ видѣлъ, что перстня нѣтъ, то вѣрно подумалъ, что дѣдушка взялъ его уѣзжая и бросилъ коробочку на столъ!“ рѣшила Клёна.

Въ это мгновеніе дверь отворилась и на порогѣ ея комнаты появился Герасимъ. Послѣ отъѣзда барина, онъ изъ прихожей видѣлъ все.

— Что же, готово?.. вымолвилъ скороходъ.

— Вотъ! произнесла Клёна черезъ силу и протянула, не глядя на вошедшаго, свою дрожащую руку, въ которой было судорожно сжато украденное.—Бери!.. уйди!..

И отдавая перстень, Клёна испытывала то же чувство стыда, какъ если-бы крала второй разъ. Герасимъ заговорилъ что-то.

— Уйди! уйди! отчаянно произнесла Клёна.

XIII.

Между тѣмъ наступилъ день празднества, давно всѣми въ домѣ жданнаго съ волненіемъ и радостною тревогой, — день назначенный для празднованія „сговора“ бригадирской внучки за бригадирскаго же друга, засѣдателя верхняго земскаго суда.

Вся Москва дворянская, знавшая Филисова, уже знала по слухамъ и толкамъ городскимъ о томъ, что бригадиръ—чудакъ и упрямица—выдаетъ свою молоденькую внучку за пріятеля, который дѣвушкѣ въ дѣды годится. Но оффиціальное объявленіе о бракѣ должно было произойти на вечеринкѣ Филисова.

Бригадиръ, сзывавшій гостей на вечеринку, втайнѣ готовился устроить цѣлое торжество. Въ саду готовилась иллюминація, а на дворѣ даровое угощеніе всѣмъ, кто пожелаетъ войти въ растворенныя настежь ворота. Въ людскихъ же предполагалось угощеніе дворовыхъ людей, которые пріѣдутъ съ господами.

Никита Артемьевичъ заранѣе, за цѣлую недѣлю, сталъ сзывать гостей. Онъ жилъ настолько мирною и замкнутою жизнью за послѣдніе годы, что со многими почти совсѣмъ раззнакомился. Пришлось ѣздить по Москвѣ, заискивать и любезничать, дабы быть увѣреннымъ, что всѣ приглашенные дѣйствительно пріѣдутъ на вечеръ. Впрочемъ, Филисовъ пользовался теперь, послѣ своей дѣятельности во время чумы и царской милости, большимъ уваженіемъ среди москвичей.

Нѣкоторые знакомые бригадира поговаривали, что со временемъ, и скоро можетъ-быть, Филисовъ сдѣлается генераломъ, а пожалуй въ одинъ прекрасный день замѣнитъ новаго генералъ-губернатора Москвы— Еропкина.

— Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, говорили они, — былъ такой-же никому незнаемый человѣкъ, простой дворянинъ московскій, а сталъ внезапно, по одному слову царицы, генералъ-губернаторомъ на мѣсто фельдмаршала Салтыкова. И почему знать, черезъ пять или шесть лѣтъ, помретъ или выйдетъ въ отставку Еропкинъ, а на его мѣсто назначатъ повелителемъ Москвы генерала Филисова.

Вслѣдствіе хорошей репутаціи и общаго уваженія, бригадиру было не трудно сразу возобновить прерванное знакомство однимъ-двумя визитами и быть увѣреннымъ, что вся Москва пріѣдетъ на его праздникъ.

Въ назначенный для сговора день, съ утра въ домѣ и на дворѣ было особенное оживленіе, движеніе и гулъ. И баринъ съ барыней хлопотали, распоряжались, и вся дворня до послѣдней бабы, недавно привезенной изъ вотчины, тоже суетились, да еще вдобавокъ съ веселымъ шумомъ. Всякій радостно дѣлалъ свое дѣло; а дѣла было много. Во всемъ домѣ было лишь одно существо, которое оставалось какъ-бы безучастнымъ къ окружающему движенію.

Это была, конечно, сама невѣста.

— Слава Тебѣ Господи! воскликнула она, оставшись одна и крестясь торопливо.—Слава Тебѣ Господи, что наконецъ я вырвусь изъ этого мытарства. Буду женою Братолюбцева, буду въ другомъ домѣ и избавлюсь отъ моего мучителя!

Но при этомъ въ лицѣ Клёны не было и простой радости, не только восторженнаго счастья невѣсты. Напротивъ, слезы часто выступали на глазахъ.

Часовъ въ шесть вечера домъ бригадира весь засіялъ. Не было горницы, въ которой не горѣло-бы десятка три свѣчей въ люстрахъ и канделябрахъ. Въ парадныхъ гостиныхъ ярко свѣтились новыя диковинки—выписанныя черезъ Петербургъ заморскія лампы, гдѣ горѣло масло. А нарочито откомандированный къ нимъ офиціантъ изрѣдка приходилъ заводить ихъ ключемъ, какъ часы. Немало найдется москвичей, которые въ этотъ вечеръ въ первый разъ увидятъ эту любопытную диковинку.

Вскорѣ и передній, и задній дворы бригадира, какъ ни были велики, стали покрываться вплотную рыдванами и колымагами. Конечно вскорѣ не хватило мѣста, и вереницы экипажей начали становиться вдоль всего переулка. Экипажи запоздавшихъ гостей должны ужь были отъѣзжать чуть не къ Никитскимъ воротамъ.

Въ домѣ и во всѣхъ горницахъ была сплошная толпа гостей. Въ числѣ прочихъ, съ особымъ почетомъ и любезною предупредительностью, встрѣтилъ хозяинъ генералъ-губернатора Еропкина, оберъ-полицеймейстера князя Грузинскаго и сосѣда своего, графа Ивана Григорьевича Орлова.

Одновременно съ пріѣздомъ гостей загорѣлись шкалики во всемъ саду.

Послѣ перваго обношенія всякими лакомствами, когда почетные гости сидѣли въ большой гостиной на главномъ диванѣ, наступила важная минута. Явились офиціанты съ подносами, на которыхъ стояли стаканы съ пѣнистымъ виномъ. Бригадиръ, обращаясь къ самымъ именитымъ гостямъ, слегка смущаясь, отчасти нескладно, объявилъ, что его внучка Клеопатра сговорена за господина Братолюбцева.

Всѣ гости съ виномъ въ рукахъ приподнялись съ мѣстъ, другіе явились изъ сосѣднихъ горницъ, и всѣ взоры обратились къ виновницѣ торжества.

Клёна, сидѣвшая въ углу среди нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ она почти не знала, поднялась съ мѣста и по обычаю встрѣтила пожеланія низкими поклонами. Послѣ невѣсты всѣ поздравляли жениха. Геннадій Ивановичъ Братолюбцевъ, неосторожный на языкъ, теперь платился за свои прежнія острыя словечки. Его поздравляли. Онъ радостно сіялъ. Но затѣмъ повсюду, во всѣхъ горницахъ и за его спиной, москвичи отплачивали ему за его прежнія шпильки и булавки. Почти всѣ безъ исключенія посмѣивались между собой надъ тѣмъ, что старый холостякъ выдумалъ жениться на молоденькой дѣвочкѣ.

Послѣ угощенія сластями и фруктами, съ которыми снова явилась вереница офиціантовъ, обходившая всѣ горницы, хозяинъ попросилъ всѣхъ въ большую залу. Въ ней былъ сюрпризъ: долженъ былъ показать свое искусство пріѣзжій въ Москву иностранный фокусникъ.

Братолюбцевъ, самъ любившій фокусы, не могъ утерпѣть, чтобы въ день своего сговора не угостить москвичей своимъ любимымъ искусствомъ.

Гости усѣлись рядами на стульяхъ, а заморскій чудодѣй, полунѣмецъ-полужидъ, въ красномъ халатѣ вышитомъ золотыми звѣздами и въ высокомъ, остромъ, золотомъ колпакѣ, сталъ передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и уставленнымъ всякаго рода загадочными предметами. Фокусникъ началъ свои финтыфанты при полномъ молчаніи.

Хозяева—бригадиръ и его сестрица—воспользовались тѣмъ временемъ, когда вниманіе гостей было поглощено любопытными штуками кудесника, чтобы отправиться хлопотать и распоряжаться насчетъ ужина.

Въ то же самое время внизу, во всѣхъ людскихъ горницахъ, гдѣ жила многочисленная дворня бригадира—шло тоже обильное угощеніе. Пріѣзжихъ холоповъ было конечно болѣе чѣмъ гостей, даже болѣе чѣмъ вдвое, такъ какъ самый небогатый дворянинъ, пріѣхавшій съ женой на вечеръ, все-таки привезъ съ собою по крайней мѣрѣ четырехъ дворовыхъ: двухъ лакеевъ, кучера и форейтора. А иная старая барыня, пріѣхавшая одна-одинёхонька, привезла съ собой четырехъ гайдуковъ на запяткахъ рыдвана, кучера и двухъ форейторовъ,—и на одну гостью въ горницахъ хозяина, угощалось въ людскихъ семь человѣкъ.

Разумѣется и кучера, и форейторы являлись угощаться поочереди и возвращались скорѣе къ лошадямъ, которыхъ покуда оберегали люди бригадира. Но масса лакеевъ безпечно угощалась вволю. Весь нижній этажъ былъ биткомъ набитъ гостями въ разноцвѣтныхъ ливреяхъ, съ вычурными украшеніями. Всѣмъ завѣдывали и распоряжались внизу: барская барыня, любимецъ бригадира Герасимъ Морковниковъ и камердинеръ Антонъ съ женой.

Герасимъ былъ чрезвычайно доволенъ и счастливъ. Казалось, что, помимо должности главнаго распорядителя среди дворни всѣхъ московскихъ дворянскихъ домовъ, онъ былъ доволенъ еще чѣмъ-то другимъ. Дворовые Филисова никогда не видали скорохода Морковникова болѣе торжествующимъ и самодовольно важнымъ.

Разумѣется, здѣсь внизу также всякихъ яствъ и всякаго питья было вволю.

Герасимъ, угощавшій всѣхъ всякими медами, ягодными сбитнями и простымъ виномъ, поневолѣ долженъ былъ показывать примѣръ, выпивать и самъ. И вѣроятно богатырь хватилъ черезъ край, или-же былъ чрезъ мѣру чѣмъ-то осчастливленъ. Вскорѣ, когда наверху господа были еще заняты фокусами, Морковниковъ былъ уже сильно навеселѣ, громко хохоталъ и крикливо болталъ со своими гостями. Умнаго краснобая слушали холопы московскіе разиня ротъ. Недаромъ скороходъ бригадира водился съ чиновниками и подьячими всякихъ вѣдомствъ. Онъ былъ, конечно, разумомъ много выше всей этой полудикой оравы. Одна грамота ставила его выше не только холоповъ, но и многихъ дворянъ.

Литературный альбомъ. „Ангелъ смерти", Лермонтова. Ада. Ориг. рис (собств. „**Нивы**") **В. Бартоломея,** грав. Шлиперъ

Литературный альбомъ. „Ангелъ смерти“, Лермонтова. Ангелъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **В. Бартоломея**, грав. Шлиеръ

Барская барыня Степанида, хлопотавшая и внизу, и вверху, была озабочена поведенiемъ Герасима, раза три подходила къ своему другу и однажды шепнула ему на ухо:

— Смотри, не угостися въ мертвецкую!

— Что жь... Мертвецы инъ бываетъ счастье приносятъ! громко расхохотался Герасимъ.

Озадаченная этимъ отвѣтомъ, Степанида опѣшила...

XIV.

Наконецъ однажды, забѣжавъ внизъ, барская барыня увидѣла что ея прiятель, уже очень крѣпко подкутившiй, громко и сердито споритъ о чемъ-то, стучитъ кулакомъ по столу, а гости его или слушаютъ удивляясь, или подсмѣиваются. Степанида остановилась и услыхала слова, которыя совсѣмъ ее встревожили.

— Сказываю я, что всѣ у меня въ почтенiи ходятъ. Да вотъ она... Иди сюда!.. Говори! воскликнулъ Морковниковъ, увидя Степаниду. И рѣзко откачнувшись на лавкѣ, онъ крикнулъ во все горло: — Иди, старый чортъ!.. Слушай!

Степанида боязливо подошла.

— Говори имъ... Не вѣрятъ, олухи. Сказываю, что у меня господа, вотъ какъ, въ почтенiи. Что̀ захочу, то съ ними и подѣлаю!.. И Никита Артемьевичъ самъ мое слово цѣнитъ, и Марья Евграфовна моимъ совѣтомъ не брезгуетъ. А барышня, внучка ихъ, такъ и совсѣмъ въ моей волѣ. Что̀ я захочу, то съ ней и подѣлаю. Вотъ захочу чтобъ сговору не быть и свадьбѣ не быть... И не будетъ ни шиша!

— Что ты... ошалѣлъ что-ли! прошептала Степанида, смущенная пьяной выходкой.

— Нѣтъ, ты ошалѣла!.. заоралъ Герасимъ. — Я что̀ скажу барышнѣ, то мое слово свято. Прикажу вотъ сейчасъ, брося гостей въ сани садиться, по Москвѣ ѣхать кататься — и поѣдетъ!.. Да что̀ тутъ толковать!.. вдругъ, какъ бы озаренный какою-то внезапною и удивительною мыслiю, воскликнулъ Герасимъ: — Подь наверхъ, скажи ей, Клёнѣ вашей... Ну, барышнѣ, что-ли... Чтобы шла сюда! Дѣло у меня есть до нея. Слышь, аль нѣтъ!

Гулъ голосовъ присутствующихъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Нѣсколько десятковъ прiѣзжихъ холоповъ загалдѣли разомъ. Кто хохоталъ, кто усовѣщевалъ распорядителя-хозяина не буянить съ-пьяну, кто ругался или подсмѣивался, что онъ до „зеленаго змѣя“ хватилъ.

— Поди спать, десятый разъ повторяла уже барская барыня, понимая, что Герасимъ просто напился пьянъ.

Но гости-холопы не ожидали, конечно, того, что̀ произошло. Смѣхъ, шутки и прибаутки многихъ насчетъ того, что скороходъ бригадирскiй наклюкался вдрызгъ и у него умъ за разумъ заходитъ, сразу смѣнились общимъ молчанiемъ, изумленiемъ и страхомъ. Богатырь-скороходъ поднялся съ лавки, ухватилъ въ лапу двѣ порожнiя бутыли и взмахнувъ ими зарычалъ, какъ звѣрь.

— Иди, старая вѣдьма, наверхъ и скажи барышнѣ, что я зову ее сюда!.. А не то я тебя вотъ тутъ... Вотъ тебѣ Богъ... Убью до смерти!..

Всѣ бросились къ Герасиму. Кто хотѣлъ отнять бутыли, кто усовѣщевалъ, кто ласкалъ и убѣждалъ льстивыми словами. Герасимъ вдругъ успокоился, бросилъ бутыли на полъ, провелъ руками по головѣ и молчалъ нѣсколько мгновенiй. Затѣмъ онъ прошепталъ:

— Правда! Сказалъ съ маху... Но назадъ словъ не возьму!..

— Вернися ты въ себя... вымолвила Степанида. — Что̀ ты... Очухайся! Взялся угощать, да самъ себя пуще всѣхъ и угостился.

Герасимъ, совершенно спокойный, сѣлъ снова на свою лавку, оглянулся на всѣхъ своихъ гостей совершенно яснымъ, трезвымъ взоромъ и увидѣлъ передъ собой насмѣшливыя, улыбающiяся лица.

— Да, былъ во мнѣ хмѣль, да выскочилъ, прошелъ. Гляньте-ко на меня. Что? Пьянъ я или нѣтъ? Прошелъ хмѣль, аль не прошелъ? Ну, говорите, что-ли!..

Нѣсколько голосовъ засмѣялись въ гурьбѣ, толпившейся около скорохода.

— Живо выскочилъ. Ишь молодецъ какой! Совсѣмъ инако и выглядитъ.

— А вотъ коли хмѣль во мнѣ прошелъ, то вы не думайте, что я съ-пьяна болтаю... Подь, Степанида, наверхъ и скажи барышнѣ Клеопатрѣ Артемьевнѣ, что Герасимъ Морковниковъ проситъ ее, не медля ни минуты, пожаловать сюда въ людскую. Дѣло есть у меня до нея... А коли не пойдетъ она, то скажи ей, что Герасимъ приказываетъ, молъ, вамъ доложить: не пожелаете вы исполнить его прошенiе, то онъ, тѣмъ самымъ часомъ, самолично придетъ наверхъ и бригадиру на ушко нѣкоторое дѣло доложитъ. Поняла? Ты вѣдь не дура, авось можешь все такъ барышнѣ доложить.

Степанида стояла не двигаясь и испуганно глядѣла на своего друга.

— Что̀ ты!.. Господь съ тобой! Какъ ей сюда идти... нѣшто можно. Будь еще другое время, а теперь домъ полонъ гостей. Какъ ей сюда идти, да и зачѣмъ ей!?.. Не гоже!.. Не благоприличествуетъ. Коли не пьянъ ты, такъ ума рѣшился... бормотала Степанида.

— Ну, слушай, Степанида! Знаешь ты, что я задаромъ не крещусь. Видала виды отъ меня... На̀ вотъ тебѣ крестъ...

Герасимъ перекрестился и мѣрно прибавилъ:

— Если ты сiю же минуту не пойдешь звать сюда барышню — я тебя здѣсь же за-мертво положу.

Отъ лица скорохода, отъ его голоса, отъ всей его фигуры вѣяло чѣмъ-то такимъ зловѣщимъ, что всѣ гости-холопы, и трезвые, и пьяные, одинаково, замолчали какъ убитые. Страхъ какой-то напалъ на всѣхъ. Дѣло принимало скверный оборотъ, пахло судомъ. Степанида, дѣйствительно знавшая и своего прiятеля и что̀ значило его обѣщанiе, сопровождаемое крестнымъ знаменiемъ, тотчасъ же побѣжала наверхъ.

Клёпа была въ большой гостиной среди нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, когда барская барыня приблизилась къ ней и вымолвила растерянно:

— Барышня, пожалуйте на два словечка.

— Что̀? отозвалась дѣвушка.

— Два словечка мнѣ вамъ на ушко сказать.

Клёпа поднялась, Степанида побѣжала изъ гостиной почти на рысяхъ и дѣвушка, удивляясь, послѣдовала за ней.

Въ коридорѣ Степанида остановилась и обернулась.

— Барышня, начала женщина, запыхавшись не отъ усталости, а отъ волненiя, — Герасимъ внизу, подгулялъ, буянитъ. Такое сейчасъ надумалъ... Я не знаю право... Я боюсь вамъ не доложить. Господа его набаловали своей лаской. Ужь какъ сами знаете...

— Да что̀ такое? встревожилась Клёпа.

— Герасимъ приказалъ мнѣ васъ просить внизъ...

— Зачѣмъ?

— Не знаю зачѣмъ. Подгулялъ... Зови, говоритъ, барышню сюда, ко мнѣ; а не пойдетъ она, я жаловаться буду барину.

— Жаловаться?

— Нѣтъ!.. Я, говоритъ, пойду барину такое на ушко скажу, что бѣда...

— Я не понимаю! глухо выговорила Клёпа, хотя сразу поняла все...

— И я, барышня, не понимаю... Такъ балуется, подгулялъ. Только страшно, барышня. Право, страшно. Вы лучше сойдите ужь...

— Кто тамъ внизу? Холопы прiѣзжiе?

— Да-съ.

— Пьяны всѣ?..

— Никакъ-съ нѣтъ. Одинъ нашъ, почитай, подгу-

лялъ. А тѣ всѣ ничего. Онъ предъ ними расхвастался, что коли васъ онъ попроситъ внизъ, то вы тотчасъ и пойдете.

Наступило молчанье.

Клёна тяжело дышала, потупившись. Лицо ея выражало однако не испугъ и смущенье, а гнѣвъ.

— Скажи ему поди, что онъ разума рѣшился. твердо произнесла она.—Я при гостяхъ въ домѣ отлучиться съ верху не могу. А второе, не могу тоже идти въ людскія горницы, гдѣ никогда не бывала, да еще при чужихъ холопахъ.

— Охъ. барышня, золотая моя, сокровище мое, взмолилась Степанида.—понимаю я все это, да боюся... Боюся я ему такое отвѣтствовать. Чую я, бѣда будетъ. Набаловали вы его. Онъ, вотъ ей Богу, сейчасъ сюда наверхъ шаркнетъ и сраму надѣлаетъ.

— Что-жь ты хочешь?

— Сойдите. На одну минуту. Будто для порядка пришли. Бываетъ, господа этакъ-то на праздникѣ въ домѣ, ходятъ сами поглядѣть какъ чужихъ холоповъ у нихъ угощаютъ... Все-ли хорошо... Вѣстимо хозяйское это дѣло, а не барышнино дѣвичье... Да что ужь тутъ разбирать...

Клёна тяжело вздохнула и двинулась впередъ.

— Я съ вами... Я съ вами! обрадовалась Степанида.— Ему только эту блажь его исполните. А то онъ ничего.

Черезъ минуту Клёна, слегка поблѣднѣвшая, мѣрной тихой поступью, гордо поднявъ голову, входила въ огромную людскую горницу, гдѣ было жарко, душно, смрадно и пахло пролитымъ виномъ.

Вся толпа сидѣвшихъ, дико хохотавшихъ и крикливо галдѣвшихъ лакеевъ, гайдуковъ, кучеровъ и всякихъ крѣпостныхъ гостей—поднялась съ шумомъ съ мѣстъ и обернулась къ появившейся дѣвушкѣ. Изъ уваженія къ молодой барышнѣ, но главнымъ образомъ отъ изумленія ихъ—наступило сразу гробовое молчаніе.

Клёна обвела гордымъ и суровымъ взоромъ всю эту пеструю толпу, которая дико взирала на нее, и приблизилась къ столу, за которомъ сидѣлъ развалясь Герасимъ Морковниковъ. Онъ одинъ не всталъ, откачнулся назадъ къ стѣнѣ и, нахально глядя между двухъ свѣчей на приближающуюся барышню, самодовольно, но презрительно усмѣхался...

— Что тебѣ нужно? вымолвила Клёна холодно и глядя прямо ему въ глаза.—Что случилось?..

— Ничего! грубо отозвался Герасимъ: не вставая, онъ обернулся къ толпѣ дворовыхъ и прибавилъ:—Ну вотъ, видѣли! Приказалъ придти—и пришла. Теперь можете, барышня, во-свояси отправляться наверхъ. Вамъ здѣсь—и я скажу—не мѣсто. Мнѣ токмо хотѣлось показать этимъ вотъ ротозѣямъ, что я властенъ надъ вами. Что похочу, то вы и сдѣлаете. Вотъ и все! Ну, ступайте. Чего же вы...

Клёна стояла, не двигалась и тряслась всѣмъ тѣломъ. Лицо ея стало мертво-блѣдно...

Наконецъ она зашаталась и взмахнула руками, какъ-бы стараясь не упасть.

Степанида бросилась къ барышнѣ, поддержала ее и выговорила тихо, почти на ухо:

— Пойдемте... Плюньте вы на него.

И Клёна въ полусознательномъ состояніи, въ какомъ-то чаду, послушно двинулась за барской барыней, среди всеобщаго молчанія.

Степанида вывела ее изъ людской и поддерживая какъ больную подняла по лѣстницѣ.

Оправившись нѣсколько въ своей горницѣ, Клёна черезъ силу вышла къ гостямъ, но всѣ замѣтили ея болѣзненный видъ.

Празднество бригадира удалось на славу. Гости были веселы и довольны, много нахохотавшись фокусамъ заморскаго кудесника. Ужинъ окончательно развеселилъ всѣхъ.

Но разъѣхавшіеся послѣ полуночи со двора бригадира московскіе дворяне развезли по городу чудную и диковинную вѣсточку... Каждый холопъ разсказалъ своему барину что произошло въ людской дома бригадира въ самый разгаръ веселья наверху.

Холопы только дивились тому колѣну, которое отмочилъ скороходъ Филисова. Господа-дворяне не ограничились однимъ удивленіемъ; они стали разъяснять приключеніе, пошли на догадки и пришли къ тому заключенію, что бракъ молодой дѣвушки со старымъ холостякомъ, бывшій для нихъ загадкой или дикой прихотью бригадира, сталъ теперь ясенъ. Но какъ ясенъ?.. Чернѣе сажи!

„Покрыть грѣхъ надо"! рѣшили благопріятели, плотно покушавшіе и лихо попировавшіе у хлѣбосола-хозяина.

Разумѣется, на утро и бригадиръ, и Марья Евграфовна узнали о посѣщеніи Клёною людской; но узнали на особый ладъ.

Барская-барыня, по наущенію одумавшагося скорохода, взяла все на себя. Она сама будто-бы просила барышню сойти взглянуть на угощеніе людей, боясь безпокоить барыню Марью Евграфовну, занятую гостями.

Степанида получила выговоръ за глупый поступокъ, но тѣмъ дѣло и кончилось. Разумѣется, никто изъ людей бригадира не сунулся къ нему съ докладомъ и разъясненіемъ.

XV.

На другой же день Никита Артемьевичъ взялъ тысячу рублей и выѣхалъ изъ дому, самодовольно но загадочно улыбаясь.

— Куда вы это?.. спросила Толбухина.

— Секрé!.. Какъ говорите вы по французскому. Грандъ секрé, матушка-сестрица. Разпро-грандъ секрé!

Бригадиръ вернулся только въ сумерки, опоздавъ къ обѣду на цѣлый часъ, къ изумленію Толбухиной. Но онъ былъ чрезвычайно въ духѣ.

Секретъ былъ простой. Съ того дня что онъ узналъ отъ пріятеля объ недостачѣ многаго въ сундукахъ внучки; онъ задумалъ, не говоря никому ни слова, пополнить приданое. Приготовленія и хлопоты ради вечера заняли его время; теперь же, будучи свободнымъ, онъ выѣхалъ изъ дома именно ради этой цѣли и побывалъ въ разныхъ модныхъ магазинахъ. Забавляясь мыслію, что онъ самъ занимается бабьимъ дѣломъ, онъ выбралъ разные наряды для Клёны и приказалъ отправить въ особомъ сундукѣ прямо на квартиру жениха.

„Всѣмъ будетъ сюрпризъ: и новобрачной, и даже сестрицѣ... А нянька жаль что въ монахиняхъ, я бы ее проучилъ", нѣсколько разъ повторилъ мысленно Филисовъ.

За обѣдомъ бригадиръ весело шутилъ на счетъ своего таинственнаго дѣла въ Москвѣ, заставившаго его запоздать къ столу.

Но злая судьба готовила въ этотъ день смуту въ домѣ.

Послѣ обѣда бригадиру понадобилось что-то въ ящикѣ стола, который онъ часто открывалъ. Выдвинувъ правый ящикъ, бригадиръ удивился и насупился. Пожимая плечами, осмотрѣлъ онъ перерытый ящикъ и вслухъ невольно выговорилъ:

— Что-жь это такое!?.. Словно вихрь небесный пронесся тутъ!?.. Ишь вѣдь какъ все перешарено! Марья Евграфовна стала видно дѣлать у другихъ то̀, чего не любитъ у себя...

Бригадиръ увидѣлъ поверхъ всего коробочку зеленую, и открылъ ее. Но она была пустая. Онъ сталъ искать перстень въ ящикѣ—и не находилъ его; осмотрѣлъ весь столъ—но нигдѣ не нашелъ ничего.

„Чудное дѣло!.." подумалъ онъ и тотчасъ крикнулъ своего камердинера.

— Перстня нѣтъ, сказалъ онъ.

Антонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на барина. Бытьможетъ въ первый разъ въ жизни случилось ему слышать вопросъ о томъ, гдѣ какая вещь.

— Я же не знаю, Никита Артемьевичъ. Онъ у васъ завсегда былъ въ коробочкѣ, вотъ въ этой самой; а она либо на столѣ, либо въ ящикѣ.

— Ну, а теперь перстня въ коробочкѣ нѣтъ! воскликнулъ бригадиръ.

— Ну, стало быть вы его брамши съ собой куда задѣвали. Утрось я видѣлъ коробочку пустую, безъ ничего. Взяли да и потеряли.

— А я тебѣ говорю, что никуда не бралъ. Съ недѣлю назадъ я его еще видѣлъ въ коробочкѣ, вотъ въ этомъ ящикѣ, и теперь его нѣтъ. Гдѣ онъ — не знаю. А я его не бралъ.

— Ну и я, Никита Артемьевичъ, стало-быть знать ничего не могу. отозвался человѣкъ спокойно.

— Что-жь его украли что-ли? почти шутя произнесъ Филисовъ.

— Украли!.. Тутъ не улица, замѣтилъ Антонъ.— Окромя васъ да меня и украсть некому.

— Дуракъ ты совсѣмъ. Ты да я—красть не будемъ, а стало-быть кто третій взялъ.

— Такого третьяго, кромѣ барыни, во всемъ домѣ нѣту, Никита Артемьевичъ. Надо ее спросить или искать. Куда-нибудь завалился.

Такъ какъ опросъ Марьи Евграфовны, а затѣмъ и поиски не привели ни къ чему, то и баринъ и лакей были смущены не пропажей дорогаго перстня, а чуднымъ происшествіемъ.

— Перстень, Богъ съ нимъ, говорилъ бригадиръ,—а въ домѣ не хорошо...

— Вѣстимо! Чтò вамъ перстень! А страшно, что ходитъ онъ въ домѣ...

— Воръ то есть?..

— Нѣтъ, ужь не воръ, Никита Артемьевичъ. Нѣтъ... Какой воръ, чтò вы!..

— Да кто-же?

— Да такъ, не воръ. Хоть онъ и въ домѣ, а только не воръ.

— Кто-же тогда? Духъ?

— Да, вѣстимо, домовой шалитъ.

— Вотъ тебѣ и здравствуйте! воскликнулъ бригадиръ. — Вотъ тутъ и толкуй.

И разсердившись вдругъ на это объясненье, онъ прогналъ Антона.

Черезъ нѣсколько времени бригадиръ рѣшилъ, однако, что этого дѣла оставлять нельзя.

Перстня-то не жаль. Чортъ съ нимъ! Это не такъ важно, а важно тò, что въ домѣ воръ, гдѣ его двадцать лѣтъ не бывало. Это дѣло не шуточное!

Черезъ часъ весь домъ былъ поднятъ на ноги словами, что барина обокрали.

Половина дома держалась мнѣнія Антона, что перстень не украденъ, а въ домѣ домовой шалитъ.

Появленіе домоваго было для всѣхъ гораздо вѣроятнѣе, нежели появленіе вора.

Всѣ одинаково безпокойно суетились и разсуждали объ исчезновеніи перстня, и только два лица въ домѣ относились къ событію нѣсколько иначе.

Клёна, которой тоже было передано самимъ бригадиромъ о пропажѣ перстня, выдержала короткую бесѣду съ дѣдушкой, только дыханіе ея слегка сперлось и лицо чуть-чуть передернуло. Но она не выдала себя, и бригадиръ ничего не замѣтилъ. Ему показалось только страннымъ, что внучка отнеслась къ дѣлу черезчуръ хладнокровно, какъ если-бы ей сказали, что иголка пропала. А между тѣмъ это видимое хладнокровіе было совершенно иное. Клёна при разговорѣ съ дѣдушкой о перстнѣ вдругъ застыла, окаменѣла, сознавая и переживая вновь ужасъ своего поступка.

Другой человѣкъ въ домѣ, Герасимъ, въ карманѣ котораго, въ бумажкѣ, уже былъ переданный ему Клёной перстень, высказывалъ свое мнѣніе о домовомъ ради приличія, самъ-же украдкой усмѣхался и думалъ: „Ужь кому-нибудь да будетъ плохо. На домоваго покиваютъ, а въ концѣ концовъ примутся за холопа какого. Съ домоваго-то взятки гладки, а холопа-то можно и въ темную засадить“.

Чѣмъ дальше шли разговоры о пропажѣ, тѣмъ болѣе, казалось, баринъ выходилъ изъ себя. Все безобразнѣе представлялось ему обстоятельство, что въ его домѣ появился воръ. Тотчасъ-же слѣдовало его, конечно, найти, такъ какъ подобный случай въ дворянскомъ домѣ есть даже отчасти срамъ въ сосѣдяхъ.

Не въ духѣ, суровый и гнѣвный, легъ бригадиръ спать, а подъ утро позвалъ Антона и началъ съ вопроса:

— Ну, что-же?

Антонъ не зналъ даже чтó и отвѣчать. Онъ развелъ руками.

— Стало-быть нѣтъ?

— Да гдѣ же ему быть, Никита Артемьевичъ. Вѣдь домоваго не словишь.

— Ну, ты мнѣ не смѣй небылицы въ лицахъ представлять. Тутъ нѣтъ домоваго, а есть тутъ воръ. И живъ я не буду, коли не разыщу его и не сдамъ въ солдаты или не сошлю въ Сибирь... А первый кто виноватъ —ты. Тебѣ одному доступъ ко мнѣ въ горницу, когда-бы ты ни захотѣлъ. И если воръ не найдется, то ты у меня и отправишься въ солдаты.

— Помилосердуйте! воскликнулъ холопъ, опускаясь на колѣни и мѣняясь въ лицѣ.—Никита Артемьевичъ! Сколько лѣтъ я служилъ... И вдругъ этакое...

— Сколько-бы ты лѣтъ ни служилъ, а ты убираешь горницу. Ты въ мои столы можешь лазать, а больше никто. Стало-быть коли воръ не найдется — ты и виноватъ. А теперь пошелъ вонъ! И чтобы къ вечеру былъ мнѣ воръ на лицо.

И весь день прошелъ въ толкахъ и сумятицѣ. Вся дворня охала и волновалась, жалѣя Антона, убѣжденная въ его правотѣ.

Вечеромъ бригадиръ спросилъ у кого-то изъ людей чтó Антонъ, и на отвѣтъ что онъ сидитъ и не смѣетъ на глаза показаться, бригадиръ позвалъ Герасима.

— Ступай завтра утромъ къ полиціймейстеру и заяви, что я требую въ домѣ сыскъ.

— Слушаю-съ, отозвался Герасимъ.

Извѣстіе, что на утро въ домѣ будетъ сыскъ, т. е. кучка подьячихъ и полицейскихъ съ понятыми, произвела такое-же дѣйствіе на всѣхъ домочадцевъ бригадира, какъ если-бы на другое утро ожидалось нашествіе непріятеля, потопъ или землетрясеніе.

Тѣ изъ людей, которые были наиболѣе удалены отъ господъ по своимъ обязанностямъ—и тѣ волновались.

Старуха-коровница, которая за нѣсколько лѣтъ службы не переступала порога прихожей барскихъ горницъ, и та отчаянно выла. сидя на задворкахъ, ожидая, что и ей завтра предстоитъ, по малой мѣрѣ, отвѣдать розогъ, а то и кандаловъ.

Человѣкъ пять подьячихъ, съ особенно скверными лицами, явились въ домѣ бригадира и, получивъ отъ него объясненіе и указаніе, перешли въ людскую, умѣстились за столомъ полукругомъ, поставили чернильницу, разложили бумагу и перья и стали по-очереди вызывать дворовыхъ.

Сыскъ продолжался почти цѣлый день.

Къ вечеру главный подъдьякъ явился къ бригадиру и доложилъ, что подозрѣніе падаетъ на его камердинера Антона.

— Почему? отозвался бригадиръ.

— Да такъ ужь, изо всего дѣла видно.

— Да вѣдь тебѣ видно, приказная строка, а не мнѣ, разсердился бригадиръ.—А ты, приказная піявка, коли

Титанія. Съ карт. Г. Шмихена, грав. Кирмзе.

обвиняешь кого, такъ докажи. А зря всякаго можно оболгать.

Приказный объяснилъ коротко, что подозрѣніе падастъ на Антона, вслѣдствіе указаній на него другаго лица, такого-же холопа какъ и онъ—скорохода Герасима.

Разумѣется, бригадиръ немедленно приказалъ позвать своего любимца.

Герасимъ, нѣсколько смущаясь, доложилъ барину, что онъ дѣйствительно при сыскѣ домашнемъ показывалъ на Антона, такъ какъ Антонъ за послѣднее время отлучался изъ дому невѣдомо куда и, кромѣ того, у его жены появилось сразу два новыхъ платья.

Антонъ самъ, совершенно потерявшись, путался въ показаніяхъ и говорилъ то одно, то другое.

Сначала онъ заявилъ, что ходилъ провожать за заставу кума, который къ нему навѣдался; затѣмъ увѣрялъ, что онъ ходилъ подъ Новинское, гдѣ за деньги показывался бѣлый арапъ на манеръ ярославскаго мужика.

Платье онъ будто у портныхъ взялъ на подержанье, а затѣмъ говорилъ, что тотъ-же кумъ подарилъ женѣ это платье; другое-же—вовсе не новое, а старое, сшитое уже съ полгода назадъ.

Вообще все, что отвѣчалъ Антонъ, было отвѣтами человѣка путающагося въ своихъ показаніяхъ. Происходила-ли эта путаница отъ содѣяннаго преступленія или отъ смущенія робкой натуры — судить было некому.

Бригадиръ далъ Антону одну ночь на раздумье, чтобы добровольно сознаться, а подьячимъ велѣлъ уходить и вернуться на утро.

На утро виновный стоялъ на своемъ, говорилъ, что онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, что такое ужь его несчастіе, что Господь Богъ по грѣхамъ наказалъ.

— Да вѣдь ты въ Сибирь пойдешь! воскликнулъ бригадиръ, уже теряя терпѣніе. — Лучше сознайся, тогда я тебя просто въ какую дальнюю деревню на скотный дворъ сошлю. А коли не отдашь перстень, что ты безстыдно укралъ, то иди въ Сибирь.

— Не могу я на себя чужаго грѣха взять, отозвался обвиняемый. — Не годно!

Около полудня явился тотъ-же подьячій съ солдатами. Вся дворня собралась въ людской и около нея на дворѣ. При всѣхъ дворовыхъ подьячій нацѣпилъ веревку на шею камердинера и передалъ конецъ ея солдату.

Жена Антона и его маленькій сынъ выли и голосили. Наконецъ, жена упала на землю въ корчахъ; ее подняли и унесли. Солдатъ, взявшій веревку, и подьячій, съ „дѣломъ" подъ мышкой, уже собирались двинуться за ворота, когда въ самомъ домѣ произошло цѣлое событіе.

XVI.

Въ эти самыя минуты и уже давно, близь окна залы, выходящаго на дворъ, стояла и тряслась всѣмъ тѣломъ сама молодая барышня. При движеніи солдатъ со двора, Клёна закричала:

— Стойте!.. Стойте!

Какъ только два лакея сидѣвшіе въ прихожей услышали восклицаніе барышни, оба разомъ поняли и тотчасъ выбѣжали на дворъ остановить шествіе.

Сама же Клёна бросилась въ кабинетъ къ дѣду, влетѣла какъ ураганъ, кинулась предъ нимъ на колѣни и воскликнула:

— Дѣдушка, я... я украла... Остановите... Антонъ не при чёмъ. Я украла.

Разумѣется, въ первыя минуты бригадиръ не удивился, а перепугался. Ему показалось, что внучка мгновенно сошла съ ума.

Прежде всего бригадиръ позвалъ сестрицу къ себѣ на помощь, такъ какъ онъ потерялся окончательно и не зналъ, что̀ думать и что̀ дѣлать.

Марья Евграфовна съ трудомъ подняла Клёну съ пола, усадила ее на диванъ, поила водой. Клёна тряслась всѣмъ тѣломъ, всхлипывала, задыхалась и повторяла только одно слово: „украла".

На всѣ разспросы Марьи Евграфовны и бригадира, Клёна отвѣчала все то же:

— Я, я... не Антонъ... Я украла... Чего же вамъ больше?..

Но зачѣмъ украла она, гдѣ перстень, какъ могло подобное совершиться — Клёна не объясняла ничего.

— Я... Что-жъ вамъ еще?..

— Да перстень-то гдѣ-же? приставала Марья Евграфовна.

— Потеряла... выговорила наконецъ Клёна.

Наступило молчаніе. Бригадиръ стоялъ смущенный, тяжело дышалъ и наконецъ, обращаясь къ Марьѣ Евграфовнѣ, выговорилъ тихо, но тревожно:

— Уведите ее... Положите въ постель... Напиться дайте чего-нибудь... теплаго что-ли. Да за лекаремъ пошлите.

Клёна встала и послушно отправилась за бабушкой въ свою горницу и послушно легла въ постель. Мысли ея путались въ головѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилось какое-то желаніе уйти и спрятаться отъ всѣхъ. Клёна отвернулась къ стѣнѣ, уткнулась лицомъ въ подушку и пролежала такъ нѣсколько часовъ.

Между тѣмъ, Марья Евграфовна вернулась къ бригадиру въ кабинетъ, сѣла противъ него и, глядя въ его смущенное лицо, молча, однимъ взглядомъ и даже своей позой какъ бы спрашивала: „Что̀ вы скажете? Какъ посудите?"

Въ кабинетѣ воцарилась тишина: бригадиръ не зналъ что̀ и отвѣчать на вопросительный взглядъ сестрицы.

Наконецъ, послѣ длинной паузы, Никита Артемьевичъ выговорилъ:

— Отъ великаго горя люди часто лишаются разсудка. Мы съ тобой отнеслись такъ, просто, съ легкимъ сердцемъ къ пропажѣ Козлянинова, т. е. къ его убіенію, тайному и непонятному. А она по своему приняла это къ сердцу. Все въ ней перегорѣло: и въ сердцѣ, и въ мысляхъ все перепуталось. Лишилась она своего яснаго разума. Такъ день-деньской живетъ будто разумная, а въ дѣйствительности она лишилась разума, какъ сказывается по-русски—спятила. Бо̀льшаго я ничего придумать не могу.

И Никита Артемьевичъ, смущенный, отправился къ своему другу посовѣтоваться, потолковать.

На этотъ разъ бесѣда друзей была короткая. Братолюбцевъ сразу понялъ дѣло по своему, и бригадиръ, ударивъ себя ладонью по лбу, ахнулъ.

— Мнѣ и на умъ этого не пришло! воскликнулъ онъ.

— А дѣло самое простое, замѣтилъ Братолюбцевъ.— Сплошь и рядомъ бываетъ. И чудно, что ты, старый тетеревъ, не догадался. Просто изъ жалости къ человѣку берутъ на себя поганое дѣло. А по моему, другъ, и Антонъ твой не виноватъ, а есть у васъ другой воръ и должно быть малый не промахъ, коли на него нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Подьячіе да повытчики подлецы, рады хоть кого ни на есть со двора потащить. Вотъ твоей внучкѣ, изъ жалости къ невинному человѣку, и пришло на умъ взять все дѣло на себя. На мой толкъ, брось все... Чортъ съ нимъ, съ этимъ перстнемъ. Антона не губи зря, а на слова внучки вниманія не обращай... Сказываетъ, что сама украла—ну и пущай.

Бригадиръ вернулся домой не только спокойный, но и радостный. Онъ удивлялся только самому себѣ, какъ это такая простая мысль не пришла ему на умъ.

Однако, въ домѣ, по возвращеніи бригадира, радость

его прошла. За время его отсутствія, Клёпа снова, но уже подробнѣе разсказала все бабушкѣ, созналась въ кражѣ. Мало того, она просила бабушку устроить ей все дѣло. Если перстень этотъ такъ дорогъ дѣдушкѣ, то она бралась снова достать его назадъ съ тѣмъ только, чтобы Марья Евграфовна дала ей сто или двѣсти рублей взамѣнъ.

Толбухина обѣщала, и онѣ уговорились, что на утро перстень будетъ опять у бригадира, а Клёпа получитъ сто рублей.

По возвращеніи бригадира, Марья Евграфовна передала ему все подробно. И въ первый разъ за послѣднія двадцать лѣтъ съ бригадиромъ случилось нѣчто особенное. Онъ зашатался и кое-какъ доплелся до кресла. Старика-дворянина окончательно сразило это странное извѣстіе. Во-первыхъ, внучка дѣйствительно воровка, а во-вторыхъ, и не сумасшедшая воровка, а правильно разсуждающая, обѣщающая возвратить покраденное за деньги.

На утро рано Братолюбцевъ былъ уже въ домѣ друга. Пріѣхалъ онъ точно также спокойный и веселый, такъ какъ прибылъ глубоко убѣжденный въ томъ, что̀ объяснилъ накапунѣ. Но черезъ нѣсколько времени тотъ же Геннадій Ивановичъ былъ смущенъ еще болѣе нежели бригадиръ.

Онъ объяснялся со своей нареченной. Болѣе часа бился онъ съ ней и вышелъ изъ горницы молодой дѣвушки взволнованный и встревоженный.

Объясненіе Братолюбцева съ Клёной не привело, конечно, ни къ чему.

— Да какъ это все случилось? поясните вы мнѣ, приставалъ онъ.

— Поневолѣ... Нужно... отвѣчала Клёпа.

— Вѣдь вы знаете, что это дѣло срамное, не только для дворянки, но и для холопа простаго.

— Знаю, отозвалась Клёпа, потупившись.

— Мерзкое дѣло.

— Знаю.

— Какъ же вы рѣшились на него?

— Нужно было.

— Деньги были нужны?

— Деньги.

— Зачѣмъ?.. куда?.. Все у васъ есть. Коли что̀ купить хотѣли, надо бы у дѣдушки попросить; къ нему не хотѣли идти — мнѣ бы сказали, взаймы бы взяли. Стало-быть вы продали вещь?

— Нѣтъ, отдала.

— Кому же?

— Этого я не скажу.

— И онъ вамъ денегъ далъ? Продалъ и принесъ деньги?

— Нѣтъ.

— Стало-быть вы ихъ получите?

— Нѣтъ, не получу.

— Стало-быть тотъ, кому вы отдали перстень, ограбилъ васъ?

— Нѣтъ.

— Въ домѣ онъ живетъ, этотъ человѣкъ? Холопъ онъ вашъ?

— Нѣтъ, лгала Клёна. И этимъ однимъ словомъ она путала все дѣло и губила себя.

Это былъ единственный отвѣтъ, который былъ ложью. Но онъ былъ главный. На остальное она отвѣчала правду или говорила прямо, что не скажетъ.

— Да вѣдь вы обѣщали бабушкѣ возвратить перстень, если она вамъ дастъ денегъ?

— Обѣщала.

— И не смогли этого сдѣлать. Стало-быть тотъ лѣшій не возвратилъ вамъ перстень и деньги не принесъ. Что̀ же это за дѣло такое! Вѣдь это темное дѣло! разсудите сами. Такое темное. что я и полагаю, что вы на себя чужую вину взяли. Полагаю я, что Антонъ укралъ перстень, а вы изъ жалости на себя берете. Только посудите, моя красавица, жалость жалостью, а срамота срамотой. Коли вамъ дѣдушка обѣщаетъ Антона помиловать, снимите вы съ себя срамное обвиненіе. Вѣдь Антонъ укралъ, а не вы?

— Нѣтъ, я! продолжала отстаивать Клёна.

— И больше вы ничего не скажете ни мнѣ, ни дѣдушкѣ, кому вы отдали перстень и зачѣмъ все это произошло?

— Ничего не скажу. Когда буду вашей супругой — то всю правду вамъ и передамъ, можетъ-быть... А теперь не могу.

Братолюбцевъ на эти слова ничего не отвѣтилъ, вздохнулъ и потупился.

— Когда наша свадьба?.. Поскорѣе бы... вымолвила Клёна. — Конецъ мученію моему.

— Мученью?!.. подхватилъ Братолюбцевъ, удивляясь.

— Да, мученью... Истомилась я. Мнѣ здѣсь не жизнь, а каторга. Вотъ воровать начала, а скоро, кажется, и руки на себя наложу... Скоро-ли наша свадьба?

Братолюбцевъ слегка пожалъ плечами, видимо смутился, хотѣлъ что-то отвѣчать, пробурчалъ какое-то слово и запнулся.

— Спасите вы меня скорѣе изъ дьяволовыхъ рукъ... Погубитъ меня врагъ, мучитель, сатана... проговорила отчаянно Клёна.

Братолюбцевъ вытаращилъ глаза. откинулся на креслѣ и долго молча смотрѣлъ на дѣвушку, понурившуюся предъ нимъ и закрывшую лицо руками.

Наконецъ онъ снова протяжнѣе и глубже вздохнулъ, понурился тоже какъ бы подъ впечатлѣніемъ какого-то принятаго рѣшенія, затѣмъ медленно поднялся.

— Такъ ничего вы мнѣ не скажете?

Клёна молчала.

— Ну, Богъ съ вами!

Братолюбцевъ повернулся и тихо вышелъ изъ ея горницы.

— Стало-быть украла-таки? рѣшилъ бригадиръ. узнавъ въ чемъ состояла бесѣда Братолюбцева съ невѣстой.

— Да, украла... отозвался этотъ.

— Славно!.. рѣшилъ бригадиръ.

— Да, хорошо... отозвался его другъ.

— И назадъ получить не можетъ?

— Нѣтъ... Не можетъ.

— А кому отдала не скажетъ?

— Нѣтъ.

— Славно!.. Ай да внучка у меня въ домѣ!.. дрожащимъ голосомъ произнесъ бригадиръ и прибавилъ: — Ну, какъ же теперь быть?

— Да ужъ я не знаю, отозвался Братолюбцевъ. — Ты самъ лучше меня понимаешь... Не хорошее дѣло... Или тутъ темнота какая, кою мы разгадать не можемъ, а отъ нея во-вѣки истины не добьемся. Или же отъ горя помутился у ней разсудокъ... Ну, а ты самъ разсуди, другъ, за что̀ же мнѣ вѣнчаться и въ жены брать таковую. Я ни воровки. ни сумасшедшей въ супруги себѣ въ мои годы не желаю.

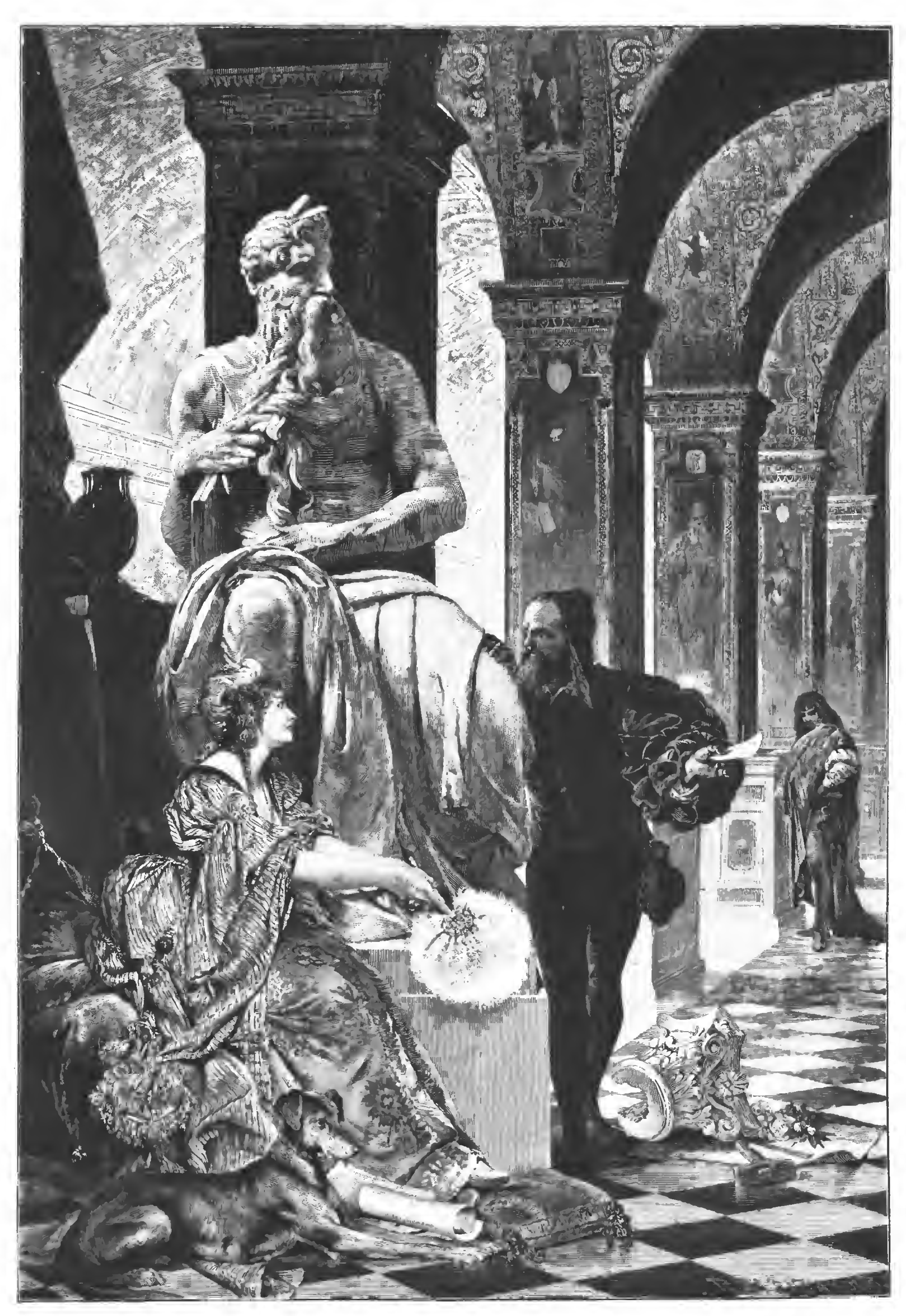
Бригадиръ ничего не отвѣтилъ на это и только черезъ нѣсколько минутъ прибавилъ какъ бы въ заключеніе:

— И ничему стало-быть не бывать?

— Ничему, другъ, не бывать. Обожди малость, а тамъ сбудь съ рукъ... Выдай замужъ за какого прохожаго молодца, которому терять нечего: ни чести, ни совѣсти... А самое лучшее дѣло, пускай она идетъ, какъ собиралась, въ монастырь. Въ монастыряхъ часто и горе, и уродство, и срамъ подъ рясой хоронятъ. Но повѣрь, мнѣ, въ моемъ теперешнемъ состояніи, тоже не легко. Все-жь таки... Я... я за послѣднее время привыкъ считать ее своей нареченною, привыкъ уважать, цѣнить и любить, а теперь вдругъ этакое на

Похищеніе птенца. Къ карт. Г. Шаумана, грав. Кнезингъ.

Микель Анджело и Витторія Колонна. Съ карт. Г. Шнейдера, грав. Бренддамуръ.

голосу сладилось... Либо она воровка, да еще и наглая, может и прежде такой у матушки съ батюшкой была; или же она съ горя, утраты возлюбленнаго своего помѣшалась... А умалишенную любить и за себя брать не приходится.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Можетъ обойдется... заговорилъ бригадиръ.—Можетъ и впрямь затемненіе разума нашло... Сумасшествіе тоже вѣдь хворость. Пройдетъ недугъ и станетъ она опять, какая была...

— Вѣрно, другъ... Вѣрно... отозвался Братолюбцевъ.— Да такъ-ли оно? Можешь ли ты руку на сердце положа сказать, что она хворости ради все это натворила. А распропажа, разворованіе всего приданаго... Это что? Нянька? А если не нянька... Много-ль мы знаемъ эту дѣвицу? Безъ году недѣлю она у тебя въ домѣ-то. Почитай — чужая! А какова она съ дѣтства была у родителей своихъ, что видѣла кругомъ, что слыхала, что сама привыкла творить по праву своему, мы не вѣдаемъ... Да что тутъ... Страшно... Страшно, другъ...

Въ голосѣ Геннадія Иваныча звучали слезы и горечь сердечная.

— Я ее... Я вѣдь ее вотъ какъ... Какъ паренекъ молодой возлюбилъ! выговорилъ онъ вдругъ. — Помолодѣлъ самъ... Я бы за нее... прикажи она, топиться бы пошелъ... Ей-Богу, такъ сдается. А знать, что она воровка... Ну, да что тутъ толковать. Не судьба. Жаль мнѣ тебя, что у тебя въ домѣ, на старости твоихъ лѣтъ — этакое приключилось. Прости.

Чрезъ нѣсколько минутъ, послѣ длинной паузы, друзья молча разстались.

Бригадиръ остался въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тяжелыя думы, а Братолюбцевъ, печальный, тихою походкой вышелъ изъ дома друга.

XVII.

Клёна въ это время сидѣла въ своей горницѣ и если бы въ эту минуту Братолюбцевъ зашелъ еще разъ взглянуть на нее, то, конечно, остался бы въ полномъ убѣжденіи, что эта дѣвушка не воровка, какъ говорилъ онъ, а только просто умалишенная, не знающая и не сознающая того что она дѣлаетъ. Лицо Клёны было сухо и блѣдно, глаза сверкали, губы ея были судорожно и гнѣвно сжаты; но во всемъ ея существѣ сказывалась всего яснѣе не печаль, не робость, а озлобленіе.

Въ головѣ ея повторялась неясно, въ какомъ-то туманѣ, одна и та же мысль. Будто голосъ чей-то издалека шепталъ:

— Убить бы его слѣдъ, мучителя!

И Клёна сама повторяла беззвучно губами:

— Да, убить бы тебя!

Ввечеру явилась къ внучкѣ Марья Евграфовна. Долго прособиралась поклонница Вато и Мариво идти къ дѣвушкѣ съ непріятнымъ, серьезнымъ и тяжелымъ порученіемъ бригадира и Братолюбцева. Отъ жениха она должна была объявить оскорбительный для чести дѣвушки отказъ, а отъ дѣда предложеніе или скорѣе приказаніе покинуть его домъ и ѣхать жить въ вотчину въ Костромской губерніи, чтобы ради срама удалиться изъ Москвы.

Разумѣется, бригадиръ не хотѣлъ тотчасъ гнать внучку изъ дому, но онъ хотѣлъ, чтобы она тотчасъ узнала это рѣшеніе ея участи.

Марья Евграфовна не скоро привела Клёну въ полное сознаніе и конечно не сразу объявила ей первую ужасную новость.

Когда дѣвушка поняла вполнѣ, что Братолюбцевъ беретъ свое слово назадъ и не хочетъ жениться на ней — Клёна вскочила съ мѣста какъ ужаленная, глаза ея сверкнули, дыханіе захватило судорогой, но она не вымолвила ни единаго слова. Ни единаго звука не сорвалось съ ея поблѣднѣвшихъ и дрожавшихъ губъ.

Она снова опустилась на кресло и застыла. Марья Евграфовна перешла къ другому порученію отъ имени дѣда, но Клёна не слушала бабушки.

„Пропала! Загибла! Онъ меня здѣсь загубитъ. Бѣжать надо!“ мысленно повторяла Клёна.

Но вдругъ ей пришла новая мысль и лицо оживилось на минуту.

„Въ монастырь. Да... Какъ собиралась, такъ и надо. Съ Аришей вмѣстѣ буду...“

— Ты меня не слушаешь, произнесла наконецъ Марья Евграфовна. — Ты слышишь, что дѣдушка желаетъ, чтобы ты выѣхала изъ его дома...

— Хорошо... Выѣду... Да... Сейчасъ... машинально выговорила Клёна, очевидно думая о другомъ.

— Не сейчасъ... Но черезъ недѣлю... Ну хоть и позже... Только знай это. Не полагай, что такое дѣяніе можетъ остаться...

— Бабушка! рѣзко прервала Клёна Толбухину, какъ бы собиравшуюся начать цѣлую проповѣдь. — Бабушка! Попросите его... Умолите его... За что же такъ...

— Это его послѣднее слово, Клёна. Послѣ такого срама дѣдушка не хочетъ, чтобы ты оставалась въ домѣ его.

— Не дѣдушка... Что мнѣ это. Я на край свѣта готова идти. Въ монастырь пойду... Про Геннадія Ивановича я говорю. Умолите его... Я буду хорошая ему жена.

Марья Евграфовна, разумѣется, отказалась наотрѣзъ исполнить подобную просьбу внучки. Толбухина была изумлена тѣмъ, какъ мало поразили Клёну двѣ такія важныя вѣсти: отказъ жениха и изгнаніе изъ-подъ роднаго крова.

„Да ей все это, какъ объ стѣну горохъ!“ рѣшила Марья Евграфовна.

Толбухина оставила внучку одну, не считая даже нужнымъ ее утѣшить. Она рѣшила, что дѣйствительно лучше всего постричь дѣвушку и, такъ сказать, искупить монашествомъ весь приключившійся срамъ.

Между тѣмъ у Филисова съ сестрицей явились новыя заботы — московскіе сплетни и толки.

Чрезвычайный случай въ домѣ бригадира не могъ остаться тайной. Не прошло трехъ дней, какъ вся Москва дворянская, Богъ вѣсть какъ, узнала о необычайномъ и срамномъ приключеніи въ домѣ Никиты Артемьевича Филисова. И всякій толковалъ и перетолковывалъ случай на свой ладъ.

Заключеніе всякій выводилъ буквально такое же, какое мысленно дѣлалъ теперь и самъ Филисовъ.

„Нельзя отвѣчать за дѣвушку пришедшую въ домъ уже семнадцати лѣтъ, хоть и внучка она ему, а почти чужая. Не онъ ее воспитывалъ. Родилась и воспиталась она совсѣмъ въ другой обстановкѣ. Можетъ быть еще и у отца вела она себя негоднымъ образомъ, воровала, а можетъ и пьянствовала. Ужь брать пріемыша въ домъ, такъ бери маленькимъ. Виданое-ли дѣло, чтобы брали пріемыша двадцатилѣтняго! Этакъ и сорокалѣтняго, стало быть, можно взять.“

Въ домѣ бригадира всѣ были равно смущены; царствовала какая-то тяжелая тишина отъ зари до зари; Никита Артемьевичъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, никуда не выѣзжалъ, говоря сестрицѣ, что ему совѣстно въ люди глаза показать.

Марья Евграфовна тоже сидѣла дома у себя въ горницѣ и не могла приняться ни за какое дѣло. Въ головѣ ея всѣ мысли перепутались. Она чуяла теперь въ исторіи съ перстнемъ нѣчто загадочное, что ее пугало всего болѣе. Она не вѣрила въ то, что Клёна взяла на себя чужую вину—Антона-ли, другаго-ли какого человѣка. Равно Толбухина не вѣрила и въ во-

дозрѣніе Братолюбцева, что Клёна „свихнулась“ или сошла съ ума отъ горя. Все можно было заподозрить, но отнюдь не сумасшествіе, такъ какъ дѣвушка вела себя какъ здравомыслящая.

Сама Клёна была совершенно убита нравственно отказомъ Братолюбцева жениться на ней. И только теперь поняла Марья Евграфовна, что ошиблась въ своемъ сужденіи. Толбухина однако опять не поняла внучку и не могла объяснить себѣ, почему именно такъ поражена дѣвушка.

„Неужели же можетъ она любить этого стараго пустозвона“, думала Марья Евграфовна. — „И какъ же могла она такъ скоро полюбить его, когда еще недавно обожала другаго и потеряла его такимъ сокрушающимъ образомъ. Что же это за дѣвица такая! Или просто хотѣлось ей поскорѣе барыней быть... Выйти замужъ хоть за стараго.“

И Марья Евграфовна, запутавшись мысленно, рѣшала всѣ свои догадки однимъ заключеніемъ:

— Трещитъ... Разваливается... повторяла она про свою голову.

И не у одной барыни трещало въ головѣ отъ всего приключенія. Всѣ люди въ домѣ до единаго ходили какъ очумѣлые; всѣ, со словъ Антона, да и по чутью собственнаго сердца, были убѣждены что не онъ и никто изъ нихъ не воровалъ... А барышня?.. Она на себя лжетъ! Такъ кто же тогда? Что же это? Навожденіе дьявола? Наказаніе Божеское?

XVIII.

Инокиня Анастасія, то есть бывшая мамушка Арина Матвѣевна, не мало дивила всѣхъ монахинь своимъ поведеніемъ и даже своимъ внѣшнимъ видомъ. Всѣ, отъ игуменьи до послѣдней монастырской служки, относились къ вновь постриженной Анастасіи хотя съ уваженіемъ, но отчасти сдержанно и подозрительно.

Во всей фигурѣ Анастасіи было что-то загадочное, сомнительное. Она вела себя въ высшей степени скромно, не отказывалась ни отъ какихъ занятій или работы, и хотя не наложила на себя, что бывало изрѣдка, эпитиміи молчанія, тѣмъ не менѣе почти никогда ни съ кѣмъ не говорила. Кратко отвѣчала она двумя-тремя словами на предлагаемые ей вопросы, сама же почти никогда не заговаривала ни съ кѣмъ.

Лицо ея всегда было не только грустно, но даже съ такимъ выраженіемъ безысходной, гнетущей тоски, что всякій могъ догадаться о чемъ-то ужасномъ, заставившемъ пожилую женщину вдругъ постричься.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, а это наиболѣе бросалось въ глаза всѣмъ монахинямъ, она, хотя присутствовала при всѣхъ службахъ монастырскихъ, тѣмъ не менѣе молилась мало, стояла истуканомъ, суровая, иногда глубоко задумавшись. Случалось, входила она и выходила послѣ долгой службы, почти ни разу не перекрестивъ лба.

Скромное поведеніе, молчаливость, нелюдимство, безотвѣтность и въ то же время полное отсутствіе усердія въ молитвѣ, конечно, должны были странно дѣйствовать на всякую монахиню. Всѣ понимали и догадывались, что въ жизни нянюшки случилось, вѣроятно, что-нибудь чрезвычайное, что заставило ее бѣжать изъ міра въ монастырскія стѣны, не охотой, а поневолѣ, не ради спасенія души, а ради какой-то иной тайной и загадочной причины.

Прошло уже не мало времени что Арина Матвѣевна была въ монастырѣ, когда однажды послѣ обѣдни, выходя изъ церкви въ кучкѣ другихъ монахинь, она вдругъ обратила на себя всеобщее вниманіе внезапнымъ крикомъ:

— Господи! Во снѣ, аль на яву? Ты ли это, сударь мой?

Арину Матвѣевну заставилъ вскрикнуть остановившій ее за руку какой-то плохо одѣтый парень, повидимому изъ простолюдиновъ. Платье на немъ было довольно грязное и рваное; кафтанъ барскаго покроя, а на ногахъ просто онучи и лапти.

Личность эта, по одеждѣ не баринъ и не крестьянинъ, казалась подозрительною. Лицо же еще болѣе усиливало непріятное впечатлѣніе.

— Откуда? Какими судьбами? произнесла Арина Матвѣевна тише, взявъ незнакомца за обѣ руки.

— Можно-ли мнѣ къ тебѣ на минуту, на пару словъ? проговорилъ молодой парень.

— Вѣстимо, можно. Иди, иди.

И Арина Матвѣевна, волнуясь, съ тревожнымъ лицомъ, взяла молодаго малаго за руку и потащила за собой. Она послала доложить игуменьѣ, что проситъ позволенія принять у себя въ кельѣ родственника и, не дожидаясь даваемаго обыкновенно разрѣшенія, привела незнакомца въ свою келью.

— Съ того ты свѣта иль съ этого?.. воскликнула Арина Матвѣевна, заперевъ за собою дверь.

И голосъ ея былъ далеко не смѣшливый. Она не шутила, задавая такой вопросъ.

— Ужь и не знаю, мамушка, отозвался гость, не кто иной какъ Филиппъ Филисовъ. — Почитай съ того свѣта. Вѣрно ты угадала.

— Что ты, Богъ съ тобой! даже испугалась Арина Матвѣевна и перекрестила два раза сѣвшаго на стулъ молодаго человѣка.

Тутъ няня пристальнѣе и внимательнѣе присмотрѣлась къ лицу Филиппа. Лицо это соотвѣтствовало грязной и рваной одеждѣ.

Много-ли прошло времени съ тѣхъ поръ, что Филиппъ исчезъ изъ квартиры послѣ смерти отца, а между тѣмъ онъ перемѣнился страшно. Онъ не возмужалъ, что могло бы быть въ его годы. Онъ просто постарѣлъ. Ему было еще лѣтъ шестнадцать, а по лицу трудно было догадаться объ этихъ лѣтахъ. И двадцать! И тридцать!

Недавно еще полное здоровья, румяное лицо и беззаботное, отчасти дерзкое выраженіе его — исчезли... Лицо было худое, истощенное, зеленоватое. Блескъ глазъ потухъ, прежняя дерзость взгляда и улыбки замѣнилась какой-то горькою жесткостью. Глаза стали злые, въ складкѣ крѣпко сжатыхъ губъ сказывалась горечь, озлобленіе.

„Какой-то тоже остервенѣлый“, невольно вдругъ про себя подумала Арина Матвѣевна.

Она грустно оглядѣла своего бывшаго питомца, котораго никогда не любила, такъ какъ еще съ четырехлѣтняго возраста онъ обращался съ нею грубо и поэтому няня всегда пророчила ему худой конецъ. Теперь же онъ сталъ сразу жалокъ ей.

И по рваному кафтану, по лаптямъ и въ особенности по этому измученному лицу Арина Матвѣевна догадалась тотчасъ же, что, вѣроятно, черезъ многое и многое прошелъ ея питомецъ за послѣдніе мѣсяцы.

— Ну, говори, сказывай, что съ тобой было?

— Да хорошаго мало, мамушка.

— Да какъ, что? Гдѣ ты пропадалъ? Что съ тобой было? закидала няня Филиппа вопросами. — Разсказывай. Какъ ты до лаптей-то доплясался? Правду-ль сказывалъ намъ одинъ изъ стрекулистовъ, да и Никита Артемьевичъ тоже слышалъ, что ты въ бунтѣ на Красной площади обрѣтался, въ разбояхъ да грабежахъ уличался, въ убійствѣ солдатъ государскихъ осуждался? Правда-ли все это, аль враки?

— Что объ этомъ, мамушка, махнулъ отчаянно рукой Филиппъ. — Мало-ли что было. Все было.

— Сказывали, вѣдь ты въ острогѣ сидишь. Сидѣлъ-ли ты?

Филиппъ снова махнулъ рукой, но промолчалъ.

— Теперь-то ты что дѣлаешь? Чѣмъ сытъ и обутъ? Говори. Обутъ ты въ лапти, вижу. Сытъ-то чѣмъ, хлѣбомъ однимъ? Говори, голубчикъ, прибавила Арина Матвѣевна и невольно прослезилась.

Хотя и былъ барченокъ всегда ея ненавистникомъ, всю свою жизнь дрался съ нею и поносилъ ее всячески, но теперь его лицо, его жалкій видъ, несмотря на ожесточенность и злобу во всѣхъ чертахъ лица, произвели на Арину Матвѣевну тяжелое впечатлѣніе. Она никогда не повѣрила бы прежде, что способна прослезиться изъ сочувствія къ Филиппу.

— Говори же, разсказывай.

— Охъ, Богъ съ тобой! махнула обѣими руками Арина Матвѣевна.—Полно грѣшить, никого онъ не обманывалъ.

— Да вѣдь не женился.

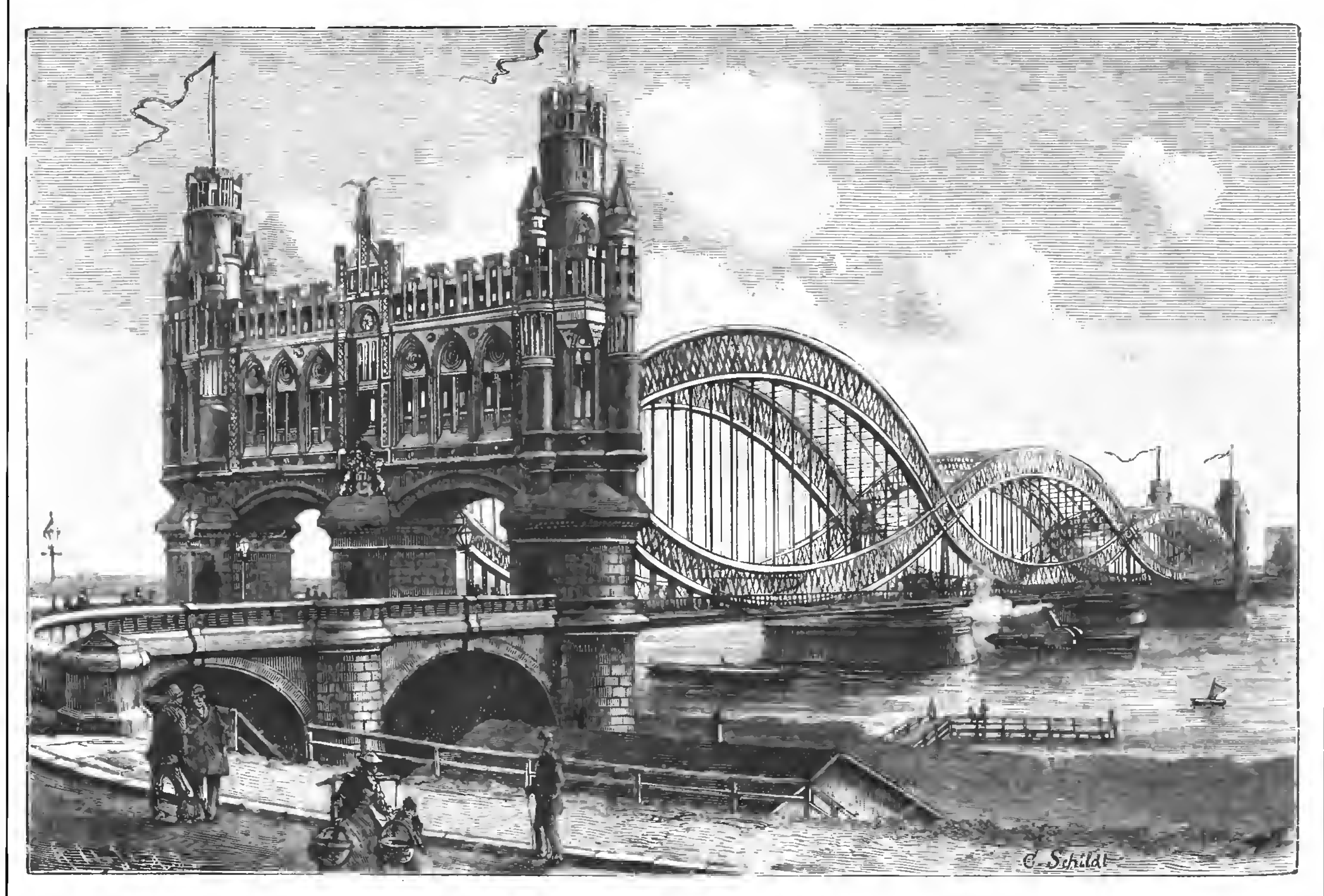
— Охъ, Филиппушка, не грѣши! Ничего ты не знаешь. Онъ — покойникъ.

— Какъ? удивился Филиппъ. — Козляниновъ?!

— Да такъ, покойникъ.

— Отъ чумы, что-ли?

— Да, отъ чумы, выговорила Арина Матвѣевна и вдругъ прибавила:—Да. То-ись такъ сказываютъ, а собственно никому неизвѣстно. Онъ безъ вѣсти пропалъ.

Новый мостъ на Эльбѣ въ Гамбургѣ. Рис. Шильдтъ, грав. Клоссъ.

— Нѣту, мамка, уволь, не стану, отозвался Филиппъ.—Да и нечего разсказывать. Много, что со мною было. Всего много было, чего хуже еще и не выдумаешь. Много на свѣтѣ несчастныхъ людей, ну а такого какъ я, вотъ пойди по всему свѣту поищи, и не найдешь.

И Филиппъ усмѣхнулся. Но отъ этой улыбки морозъ побралъ няню и трепетъ въ сердце проникъ.

„Этакъ, должно быть, только разбойники, душегубы ухмыляются," подумала Арина Матвѣевна.

— Нечего мнѣ разсказывать, продолжалъ Филиппъ.—А вотъ ты мнѣ, мамка, разскажи про сестру. Гдѣ она, что, какъ поживаетъ? Замужемъ, что-ли: Козлянинова она, аль нѣтъ?

— Нѣтъ, не замужемъ, какое! пробурчала Арина Матвѣевна. И отъ этого имени, произнесеннаго Филиппомъ, сразу перемѣнилось лицо мамки. Сразу стало оно угрюмо и печально.

— Что-же, надулъ васъ съ сестрой Козляниновъ-то этотъ? Я такъ и полагалъ. Пролазъ онъ былъ. Небось, теперь на другой женился.

— Тоже безъ вѣсти, усмѣхнулся Филиппъ. — Ишь, чумные-то дни! Сколько такихъ-то, что невѣдомо, либо померъ, либо живъ. Вотъ тебѣ и здравствуйте! снова злобно и ожесточенно разсмѣялся Филиппъ. — Нашего полку прибыло.

— Какъ нашего полку?

— Ты говоришь: онъ либо померъ, либо нѣтъ?

— Безъ вѣсти пропалъ, странно выговорила няня.

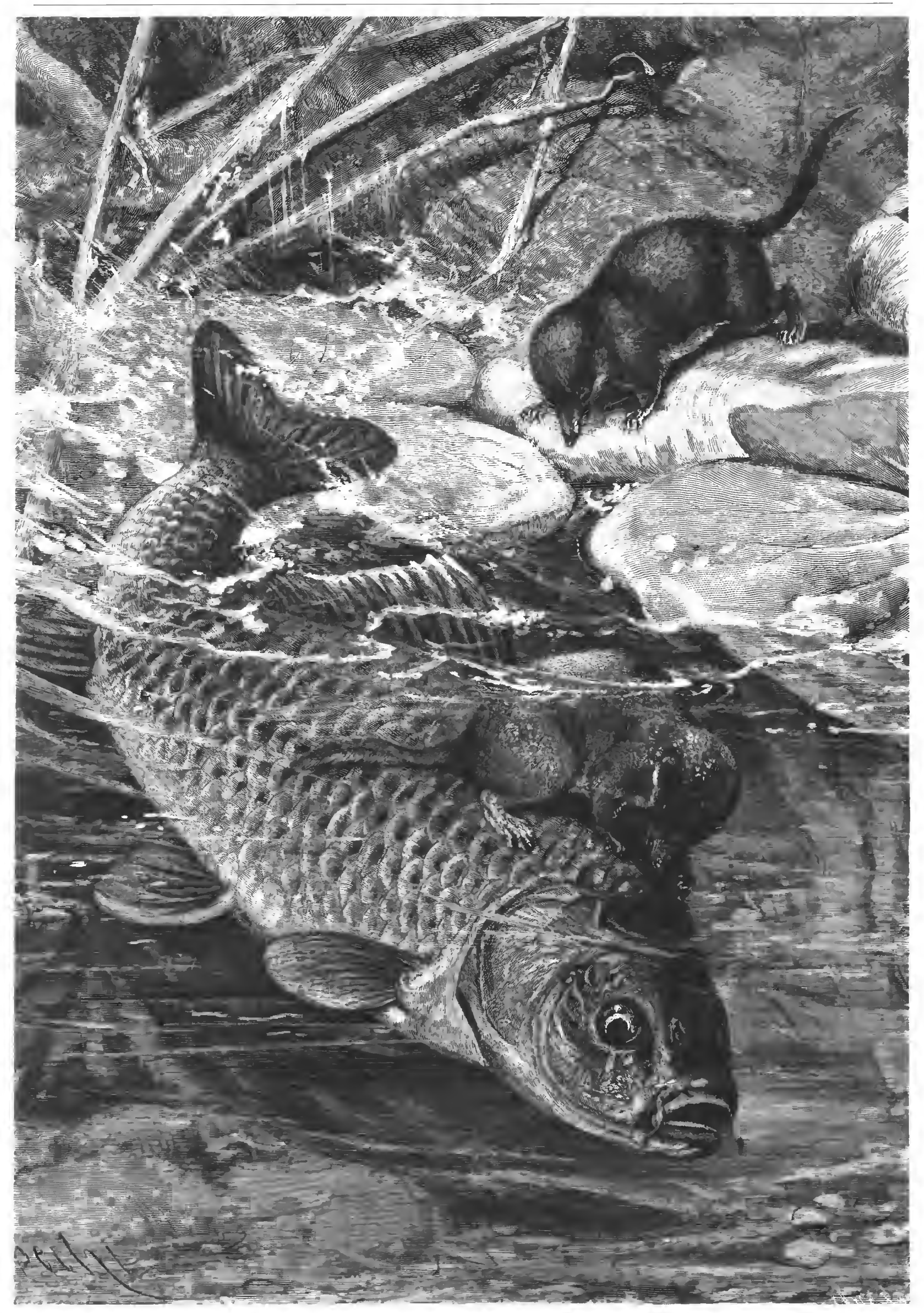
— Ну да, безъ вѣсти, стало быть, оно тоже выходитъ: либо живъ, либо нѣтъ. Вотъ я и сказываю, нашего полку прибыло. И я, можетъ, такъ-то.

— Нѣтъ, родной, отозвалась Арина Матвѣевна.—ты пропадалъ, да вѣдь вотъ ты живъ. А Николай-то Ивановичъ, вѣрно извѣстно, померъ, можетъ даже... И няня не договорила и прибавила:— А ты все-жъ живъ.

— Живъ, живъ. Это такъ сдается, усмѣхнулся Филиппъ.—А можетъ, я и не живъ, я къ тебѣ покойникомъ съ того свѣта пришелъ, а тебѣ и невдомекъ.

— Полно ты, проговорила Арина Матвѣевна, снова крестя молодаго человѣка.

(Продолженіе будетъ).

Водяная землеройка, нападающая на карпа. Рис. и грав. братьевъ Шпехтъ.

Къ рисункамъ.

Съ базара. (Рис. на стр. 1233).

Бойкіе рисунки перомъ нашего сотрудника, Н. И. Кравченки, всегда такъ типичны, что пояснять ихъ не приходится. На этотъ разъ художникъ изобразилъ двухъ мужичковъ, возвращающихся изъ города въ томъ блаженномъ настроеніи, когда правящій лошадьми невольно спрашиваетъ себя:

Лѣвая, правая гдѣ сторона?
Эхъ, да ты, улица, просто пьяна!..

Ангелъ смерти. (Рис. на стр. 1236 и 1237).

Помѣщенные въ настоящемъ № „Нивы“ два рисунка молодаго художника, В. Бартоломея, служатъ иллюстраціями къ восточной повѣсти Лермонтова „Ангелъ смерти“. Самъ поэтъ, дѣлая въ своей черновой тетрадкѣ замѣтку: „Написать поэму—„Ангелъ смерти“—въ ней же излагаетъ содержаніе поэмы: „Ангелъ смерти, при смерти дѣвы, влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ (ея) любезному и раскаивается, ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный, начальникъ грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцѣлуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцѣлуи мучительны умирающимъ“. Впослѣдствіи поэтъ нѣсколько измѣнилъ планъ поэмы. Дѣйствіе онъ переноситъ на Востокъ, „въ страну чудесъ, страну любви“ и страстей, подъ жаркое небо Индостана. Героемъ его повѣсти является не мрачный начальникъ грековъ, а юный странникъ Зораимъ, гонимый людьми и небомъ. Но въ этомъ пустынникѣ, нѣжно любимомъ прелестною Адой (т. е. ангеломъ смерти—въ тѣлѣ Ады) не можетъ заглохнуть жажда славы, „надменной и пустой мечты“. Онъ устремляется въ битву и тамъ погибаетъ. Ада видитъ его гибель въ бою съ вершины утеса (см. рис. на стр. 1236). Съ тѣхъ поръ ангелъ, покинувъ тѣло дѣвы, перестаетъ быть „нѣжнымъ ангеломъ смерти“. Къ землѣ у него сохранилось „только хладное презрѣнье.“

„За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.

... Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: „состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ имъ долженъ быть.
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ“...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ;
Какъ мечъ—его пронзаетъ взоръ;
Его привѣтственныя рѣчи
Тревожатъ насъ какъ злой укоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!“

Молодой художникъ, г. Бартоломей, изображаетъ ангела съ символомъ смерти — человѣческимъ черепомъ, изъ глазныхъ орбитъ котораго выходятъ холодные лучи, умерщвляющіе подобно мечамъ (стр. 1237).

Титанія. (Рис. на стр. 1241).

Царица эльфовъ, супруга царя ихъ Оберона, прекрасная Титанія, вдохновляла многихъ поэтовъ, съ средневѣковаго Гюона де-Вильнёва до Шекспира, Виланда и Гёте. Оберонъ (древненѣмецк. Альберонъ, Альберихъ, Эльферихъ) впервые упоминается въ рукописной героической поэмѣ „Huon de Bordeaux“ де-Вильнёва, описывающей его размолвку съ Титаніей и затѣмъ примиреніе съ супругой при посредствѣ другой четы влюбленныхъ, французскаго рыцаря Гюона и Аманды, дочери султана Вавилонскаго, увезенной рыцаремъ при помощи Оберона. По скандинавскимъ и древнегерманскимъ сказаніямъ эльфы суть крошечные духи-карлики, духи земныхъ нѣдръ, гдѣ они куютъ металлы и оружіе богамъ, духи лѣсовъ и мха, духи воздуха и цвѣтовъ, въ которыхъ умѣщаются сотни тысячъ эльфовъ въ одномъ цвѣточномъ вѣнчикѣ. Въ своемъ *Снѣ въ лѣтнюю ночь* Шекспиръ пренебрегаетъ этою легендарною микроскопичностью эльфовъ, и его Титанія является юною красавицей, какою она и изображена на прилагаемомъ рисункѣ.

Похищеніе птенца. (Рис. на стр. 1244).

Нѣмецкій жанровый живописецъ Вильгельмъ Генрихъ Шауманъ, родившійся въ 1841 году въ Тюбингенѣ, извѣстенъ какъ талантливый изобразитель преимущественно веселыхъ, полныхъ юмора, сценъ и событій. Однимъ изъ первыхъ его произведеній, обратившихъ на себя вниманіе, была картинка, помѣщенная нами на стр. 1244 и написанная имъ вскорѣ по переѣздѣ Шаумана на жительство въ Мюнхенъ. Обезьяна, похитивъ одного изъ щенятъ, взобралась съ нимъ на столъ, къ великому безпокойству собаки, внезапно лишенной своего дѣтища. Какъ ни забавна на первый взглядъ эта сцена, въ ней очень вѣрно схвачена и передана материнская тревога и боязнь за своего птенца, а также гнѣвъ обезьяны, ни за что не желающей разстаться со своею живою игрушкой.

Микель Анджело и Витторія Колонна. (Рис. на стр. 1245).

Въ самую цвѣтущую пору эпохи Возрожденія переноситъ насъ помѣщенная на стр. 1245 гравюра съ картины г. Шнейдера „Микель Анджело и Витторія Колонна“, изображающая одного изъ величайшихъ художниковъ всѣхъ временъ и знаменитую поэтессу. Витторія Колонна, написавшая „Rime spirituali“, не только даровитая и прекрасная, но и благородная и добродѣтельная женщина, была дочерью великаго коннетабля неаполитанскаго, Фабриція Колонна. Она родилась въ 1490 году. Ея тѣлесныя и душевныя совершенства были предметомъ всеобщаго удивленія. По смерти своего супруга, Ферранта д'Авалосъ, маркиза Пескарскаго, умершаго въ 1525 г. отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи при Павіи, глубоко опечаленная вдова его искала утѣшенія въ уединеніи и поэзіи, живя попеременно въ Неаполѣ и на Искіи, послѣ чего она удалилась на продолжительное время въ монастырь, пока, наконецъ, не поселилась въ Римѣ. Тамъ впервые увидѣлъ шестидесяти-двухлѣтній художникъ сорока-четырехлѣтнюю, но все еще привлекательную женщину, и обѣ эти возвышенныя и чистыя души невольно почувствовали влеченіе одна къ другой. Великій художникъ, родившійся въ 1475 году, впервые былъ призванъ въ Римъ папою Юліемъ II, чтобы соорудить громадный надгробный памятникъ, который собирался возвести себѣ Юлій. Произведеніе это, по красотѣ своихъ формъ, величію пропорцій и совершенству украшеній, должно было превзойти все существовавшее въ этомъ родѣ; но по многимъ причинамъ осуществленіе проекта Анджело вскорѣ пріостановилось. Оно было докончено впослѣдствіи въ очень незначительныхъ размѣрахъ и много лѣтъ спустя по смерти папы памятникъ былъ поставленъ въ церкви св. Петра in Vincoli. Самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ памятника является великолѣпная громадная статуя Моисея, къ которой прислонился на нашемъ рисункѣ Микель Анджело, въ то время какъ Витторія Колонна внимательно слушаетъ одинъ изъ сонетовъ ей посвященныхъ. Какъ извѣстно, великій художникъ былъ не только живописцемъ, скульпторомъ и архитекторомъ, но и поэтомъ, и нерѣдко его стихотворенія, посвященныя обыкновенно Витторіи, отличаются глубиною чувства и возвышеннымъ содержаніемъ. Смерть его подруги въ 1547 году глубоко потрясла Микель Анджело; съ той поры жизнь теряетъ для него, и безъ того постоянно мрачнаго, всякую привлекательность, и только надежда вскорѣ послѣдовать за нею—нѣсколько утѣшаетъ его.

Новый мостъ въ Гамбургѣ. (Рис. на стр. 1248).

Присоединеніе вольнаго города Гамбурга къ германскому таможенному союзу и послѣдовавшія вслѣдствіе того измѣненія въ границахъ области porto-franco, а также значительныя неудобства прежняго моста въ Гамбургѣ, по которому была проложена желѣзная дорога и могли проходить только пѣшеходы, давно вызывали необходимость въ постройкѣ новаго моста. Поэтому еще въ 1882 году было приступлено къ сооруженію новаго моста чрезъ Эльбу. Предварительныя работы были начаты особою инженерною коммисіею, подъ руководствомъ инженера Э. О. Глейма, осенью 1882 года и притомъ съ такою быстротою, что уже въ началѣ іюня слѣдующаго года былъ заложенъ фундаментъ перваго устоя. Такъ какъ своеобразная система постройки стараго моста — желѣзныя двойныя дуги по системѣ Лозе, оказалась превосходною, то было рѣшено примѣнить ту же систему и для новаго моста. Работа велась чрезвычайно энергично и къ 1885 году былъ готовъ первый устой, а вскорѣ затѣмъ и остальные. Они выведены изъ гранита и отстоятъ одинъ отъ другаго почти на 48 саженъ. Къ берегу примыкаютъ два каменныхъ пролета, каждый длиною въ 12½ саженъ. Въ апрѣлѣ можно было уже приступить къ установленію желѣзныхъ пролетовъ. Затѣмъ было приступлено къ сооруженію красиваго портала, средневѣковаго характера, по рисункамъ архитектора Гауэрса. Нижняя часть портала сооружена изъ гранита и базальта, готическія окна, башенки и ниши выведены изъ кирпичей различной окраски и глазури, а гордо подымающіяся вышки изъ песчаника. Во всю длину мостъ тянется болѣе чѣмъ на 177 саженъ, при ширинѣ почти въ 10 аршинъ проѣздной дороги на бетонной подстилкѣ и тротуарахъ для пѣшеходовъ по обѣ стороны ея въ 2,8 аршина. Постройка новаго Гамбургскаго моста чрезъ Эльбу, который безспорно долженъ быть причисленъ къ выдающимся сооруженіямъ подобнаго рода, обошлась почти въ 1.125,000 руб. Открытіе моста, безъ особенныхъ празднествъ, послѣдовало 4 (16) іюля 1888 года.

Водяная землеройка, нападающая на карпа.

(Рис. на стр. 1249).

Съ понятіемъ о хищникѣ мы обыкновенно соединяемъ представленіе о крупномъ и дикомъ звѣрѣ, и наши читатели вѣроятно удивятся, если мы имъ скажемъ что крошечныя, насѣкомоядныя землеройки, которыхъ длина сдва доходитъ до мизинца, въ сущности являются самыми хищными животными нашихъ странъ. Обыкновенная землеройка (Sorex vulgaris), встрѣчающаяся во всей Европѣ, какъ въ равнинахъ, такъ и на горахъ, живетъ лѣтомъ по близости человѣческихъ жилищъ, въ которыхъ и находитъ себѣ убѣжище на зиму. Она питается червями, жуками, кузнечиками, всевозможными насѣкомыми и ихъ личинками, а также молодыми птицами и даже собственными собратьями. Растительною пищей она пренебрегаетъ. Еще прожорливѣе водяная землеройка (Sorex fodiens), отличающаяся отъ предыдущей своимъ образомъ жизни по близости воды и тѣмъ, что нижняя поверхность ея пальцевъ снабжена довольно длинными жесткими волосами, замѣняющими плавательную перепонку. Водяная землеройка встрѣчается по берегамъ рѣкъ, озеръ, прудовъ и ручейковъ всей средней Европы, гдѣ она цѣлый день занята удовлетвореніемъ своего ненасытнаго голода. Черви, улитки, водяные жуки, раки, рыбы, лягушки, ящерицы, мелкія птички и млекопитающія — все становится ея добычей. Она нападаетъ даже на крупныхъ карповъ, у которыхъ выѣдаетъ глаза и мозгъ, бросая остальное, чѣмъ наноситъ громадный вредъ, особенно въ такъ-называемыхъ саженыхъ прудахъ, т. е. такихъ, въ которые сажаютъ рыбу для разведенія.

Рисунокъ нашъ изображаетъ маленькаго хищника, вцѣпившагося въ карпа.

Гробница королевы Катарины Монсъ въ Або.

(Рис. на стр. 1252).

Древній каѳедральный соборъ св. Генриха, священнѣйшій историческій памятникъ Финляндіи и ея прежней столицы, Або, издавна служилъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія тамошнихъ знаменитыхъ людей. Въ этомъ соборѣ погребена, между прочими замѣчательными личностями, и Катарина, или Каринъ, дочь Монсова, жена шведскаго короля Эрика XIV, извѣстная своею красотою и несчастіями.

Король Эрикъ XIV (1560—1577 гг.), современникъ своего „друга и брата", царя Ивана Грознаго, очень напоминалъ его и характеромъ. Математикъ, астрономъ, богословъ и военный писатель, оставившій послѣ себя множество сочиненій на латинскомъ и шведскомъ языкахъ, композиторъ, писавшій удовлетворительную для того времени музыку на псалмы Давида, и, наконецъ, религіозный поэтъ, покаянные гимны котораго вошли въ молитвенникъ евангелическо-лютеранской церкви въ Швеціи,—Эрикъ XIV соединялъ со своими талантами и добрыми качествами подозрительность, мстительность и жестокость, часто переходившія въ безуміе и ненасытную жажду крови.

Въ довершеніе параллели съ Иваномъ Грознымъ, судьба послала Эрику, въ лицѣ королевы Катарины, и свою Анастасію. Анастасія Грознаго умерла, къ его несчастію, очень рано; Анастасія же Эрика была ему добрымъ ангеломъ-хранителемъ до трагическаго конца его бурной жизни, сдерживала порывы необузданнаго гнѣва своего мужа, дѣлила съ нимъ тюрьму и оковы, облегчала, насколько могла, его страданія и въ уединеніи молилась за спасеніе души его во все время своего продолжительнаго вдовства.

Дочь простаго капрала королевской гвардіи и бѣдная продавщица орѣховъ, тринадцатилѣтняя Каринъ (сокращенное отъ Катарина) такъ поразила своею красотою Эрика, случайно встрѣтившаго дѣвушку на стокгольмскомъ рынкѣ, что король безумно влюбился въ нее, взялъ ее во дворецъ и далъ ей образованіе. Онъ лично заботился о ея развитіи, часто катался вдвоемъ съ нею по живописному озеру Мелару, пѣлъ ей свои любимыя пѣсни, игралъ любимыя мелодіи и отдыхалъ душою въ нѣжной бесѣдѣ съ Катариною, для которой навсегда отказался отъ прежнихъ фаворитокъ. Въ 1568 году девятнадцатилѣтняя Катарина выходитъ замужъ за Эрика, а на другой день послѣ свадебнаго обряда на нее торжественно возлагается корона королевы Швеціи.

Но гроза уже не за горами. Въ концѣ 1568 года народъ возстаетъ, ожесточенный безцѣльными жестокостями Эрика. Во главѣ движенія становится родной братъ короля, герцогъ Іоганъ, безъ вины томившійся почти 5 лѣтъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ со своею женою, извѣстною Катериною Ягеллонкою, матерью шведско-польскаго короля Сигизмунда. По низложеніи Эрикъ съ королевою Катариною и дѣтьми былъ заточенъ сперва въ Стокгольмскомъ замкѣ, а потомъ въ Абоскомъ, въ Кастельгольмѣ (на Аландѣ) и въ Грипсгольмѣ. Заточеніе становится все строже и строже, будущность все мрачнѣе и мрачнѣе. Наконецъ, король Іоганъ отнимаетъ у Эрика и послѣднее утѣшеніе: жену и дѣтей. Въ 1573 году Катарину отвозятъ съ дѣтьми въ Або, а Эрика—въ угрюмый Вестеросъ, откуда его вскорѣ переводятъ въ еще болѣе угрюмый Эрбигусъ, въ Упландѣ. Эрикъ болѣе уже не видѣлся со своею возлюбленною Катариною и только изрѣдка обмѣнивался съ нею письмами, которыя наполнены самыми нѣжными воспоминаніями о невозвратныхъ дняхъ былаго блаженства.

Въ 1577 году Эрикъ неожиданно умеръ.

По смерти мужа Катарина Монсъ получила отъ короля Іогана III нѣсколько финляндскихъ имѣній, данныхъ ей „на прокормъ", и въ 1612 году тихо скончалась въ одномъ изъ нихъ, горько оплаканная многими бѣдными, которымъ она благотворила до конца жизни.

Изъ дѣтей Катарины и Эрика пережили несчастіе своихъ родителей только двое: принцесса Сигрида и принцъ Густавъ. Принцесса Сигрида вышла замужъ за Генриха Тотта и была матерью знаменитаго военачальника Густава II Адольфа, Окс Тотта, героя тридцатилѣтней войны.

Печальная доля ожидала принца Густава. Шестилѣтняго ребенка положили въ мѣшокъ и хотѣли утопить въ водахъ, окружающихъ шведскую столицу. Случай спасъ принца, и онъ былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ его воспитали іезуиты. Воспитанникъ оказался человѣкомъ очень талантливымъ и за свои глубокія для того времени познанія въ химіи пріобрѣлъ въ Европѣ прозвище втораго Парацельса. Онъ свободно владѣлъ языками: шведскимъ, латинскимъ, итальянскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и славянскимъ (по нѣкоторымъ шведскимъ историкамъ—польскимъ и русскимъ). Перемѣнивъ лютеранство на римское католичество, Густавъ, чуть-ли не въ лохмотьяхъ, велъ жизнь странника въ Ревелѣ, Вильнѣ, Торнѣ, Силезіи и Римѣ. Сестра и мать порою кое-чѣмъ помогали принцу, но помощь не всегда до него доходила. Во время торжественнаго коронованія въ Краковѣ своего двоюроднаго брата, короля Сигизмунда, родившагося въ темницѣ Грипсгольмскаго замка въ Швеціи, принцъ Густавъ, въ рубищѣ нищаго, явился къ сестрѣ Сигридѣ и получилъ отъ нея денежное пособіе. Только *разъ* въ жизни видѣлся онъ со своею матерью (въ 1598 году въ Ревелѣ), и видѣлся, чтобы проститься навсегда.

Но вотъ въ 1598 и 1599 годахъ изгнанника Густава зовутъ къ себѣ, съ политическими цѣлями, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Шведскій принцъ торжественно въѣзжаетъ въ Москву, говоритъ Годунову рѣчь на славянскомъ (а можетъ быть—и на русскомъ) языкѣ, осыпается царскими милостями, получаетъ отъ Годунова Калужскій удѣлъ (3 города съ волостями) и, въ заключеніе, слѣдующую программу дѣйствій: 1) обратиться въ православіе, 2) жениться на царевнѣ Ксеніи и 3) при помощи русской рати, завоевать Лифляндію и Финляндію. Сынъ Эрика отказался поднять оружіе противъ своего отечества, и милость смѣнилась опалою. Густавъ вскорѣ былъ сосланъ въ Ярославль, а оттуда въ Кашинъ, нынѣшній уѣздный городъ Тверской губерніи, въ которомъ въ 1607 году и скончался. Забытаго всѣми принца усдиненно похоронили въ березовой рощѣ на берегу рѣки Кашинки.

Горькая участь королевы Катарины и ея сына часто служила и служитъ темою для вдохновенія многихъ шведскихъ и финскихъ писателей. Въ Финляндіи, гдѣ особенно чтятъ память несчастной королевы, еще недавно появилась большая поэма Рейтера: „Повѣсть о Каринѣ, дочери Монса", прекрасно иллюстрированная художникомъ Ларсономъ. Изъ небольшихъ же стихотвореній, посвященныхъ ей, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь, въ видѣ сжатаго перечня всей ея жизни, русскій переводъ стиховъ знаменитаго шведско-финляндскаго поэта Францена, „Catharina Månsdotter":

Бѣда тому, кто миръ убогой хаты
Мѣняетъ здѣсь на шумныя палаты
И вверхъ идетъ по камнямъ скалъ крутыхъ
Ко храму счастья въ тучахъ громовыхъ.

Какъ веселилась я во дни былые!
Но вотъ вошла въ чертоги золотые,—
И нѣтъ со мной подругъ весеннихъ дней:
Невинности и радости моей.

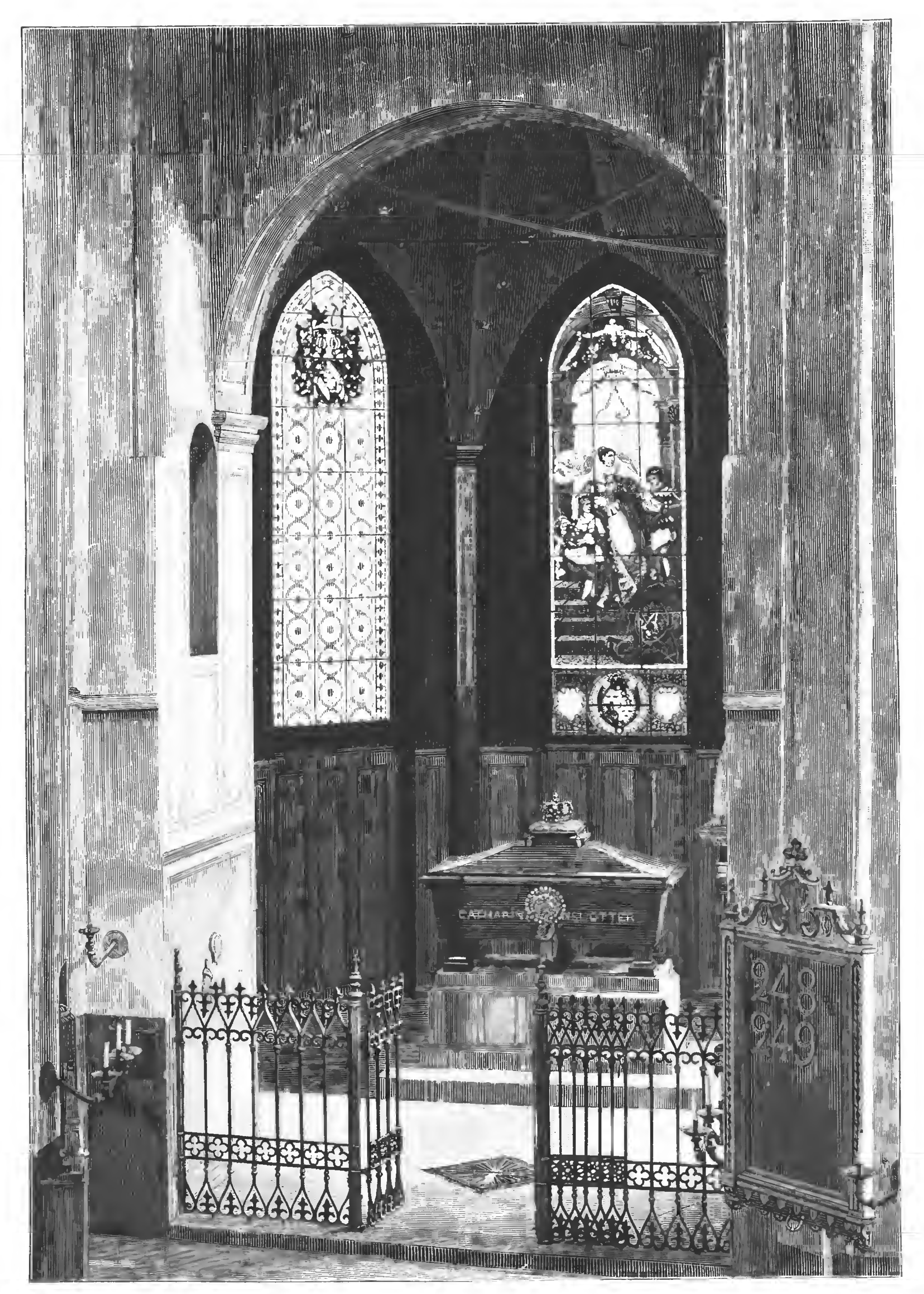
Взамѣнъ Господь послалъ мнѣ даръ безцѣнный:
Быть королю подругой неизмѣнной,
Любовью сердце мужа умирять
И чуткій сонъ его оберегать.

Когда-жъ, смѣнивъ на цѣпи багряницу,
Съ престола предковъ онъ сошелъ въ темницу,—
И тамъ дѣлила я его судьбу;
О, если-бъ былъ со мною онъ въ гробу!

Но, нѣтъ, угасъ онъ, скорбный, одинокій:
„Томись одинъ!" Такъ хочетъ братъ жестокій;
Скитальцемъ-нищимъ жилъ нашъ сынъ родной,
Въ чужомъ краю сложилъ онъ посохъ свой.

Теперь легко!.. Въ землѣ я бѣдъ не знаю,
Въ ея объятьяхъ нѣжныхъ почиваю;
Мой жребій помнятъ въ этой сторонѣ
И часто, часто плачутъ обо мнѣ.

До 1867 года прахъ королевы покоился въ усыпальницѣ рода Тоттовъ; но въ этомъ году тѣло Катарины было переложено въ новую гробницу изъ чернаго мрамора, сооруженную на деньги, которыя были собраны посредствомъ на-

Гробница шведской королевы Катарины Монсъ въ Абоскомъ соборѣ. Живопись на стеклѣ оконъ работы Сверчкова. Съ фотогр., сообщенной В. И. Головинымъ, грав. М. Рашевскій.

родной подписки, и поставленную въ усыпальницѣ Горновъ, налѣво отъ алтаря. Очевидцы перенесенія тѣла, между которыми были и русскіе, утверждаютъ, что лицо королевы почти нисколько не измѣнилось по смерти.

Нынѣшнее мѣсто упокоенія дочери Монса представляетъ довольно просторную сводчатую нишу съ продолговатыми окнами. Посреди ниши, за металлическою рѣшеткою, на массивномъ гранитномъ постаментѣ возвышается саркофагъ съ крышею, которая увѣнчана позолоченною королевскою короною.

Прекрасная живопись на оконныхъ стеклахъ усыпальницы—даръ нашего извѣстнаго художника Владиміра Сверчкова, безвозмездно предложившаго свои услуги для украшенія Абоскаго собора. Финляндскія печать и общество глубоко благодарили художника за труды его, а признательныя абоскія дамы поднесли ему на память коверъ, вышитый ихъ руками.

Такъ какъ художникъ Владиміръ Сверчковъ лѣтомъ нынѣшняго года скончался во Флоренціи, и смерть его была въ Россіи почти незамѣчена, то здѣсь, при описаніи его трудовъ по украшенію усыпальницы королевы Катарины, съ которою теперь неразрывно связано его имя, кстати будетъ привести изъ финляндскихъ газетъ нѣкоторыя мало извѣстныя у насъ біографическія свѣдѣнія о покойномъ.

При жизни художника финляндцы считали его абоскимъ уроженцемъ и этимъ объясняли его постоянную и теплую привязанность къ Або, какъ къ своей родинѣ. Но изъ финляндскихъ некрологовъ покойнаго видно, что онъ родился въ 1821 году въ городѣ Ловизѣ (Нюландской губерніи) и только въ юности долго жилъ въ Або, гдѣ первоначально учился рисованію. Генералъ-маіоръ Сверчковъ, отецъ даровитаго юноши, готовилъ сына къ военной службѣ, но онъ выбралъ службу искусству и въ 1842 году поступилъ въ Академію Художествъ. Въ 1844—46 годахъ Сверчковъ учился въ Римѣ, а во время восточной войны жилъ въ Финляндіи, гдѣ писалъ картины съ театра войны, украшающія теперь императорскій дворецъ въ Гельсингфорсѣ. Въ 1856 году, по полученіи за свои работы золотой медали и путевой стипендіи отъ Академіи Художествъ, онъ отправился въ Мюнхенъ и Парижъ, гдѣ нѣкоторое время занимался въ мастерской знаменитаго Кутюра. Въ 1867 г. Сверчковъ открылъ мастерскую для живописи на стеклѣ въ Шлейссгеймѣ, близъ Мюнхена, переведенную въ 1873 г. во Флоренцію. Въ 1876 и 1885 годахъ художникъ получилъ за свои картины награды на финляндскихъ выставкахъ, а въ 1880 году былъ избранъ почетнымъ членомъ Баварскаго общества художествъ.

Стекляннною живописью Сверчкова украшены многіе города Европы, и между ними—Берлинъ, Лондонъ и Мюнхенъ. Что̀ касается Абоскаго собора, то художникъ не ограничился тамъ украшеніемъ новой усыпальницы королевы Катарины, но оставилъ слѣды своей кисти и въ другихъ частяхъ храма. Такъ въ Тавастской усыпальницѣ Сверчковымъ исполнены двѣ высоко-художественныя работы: „Распятіе“ и картина „Густавъ II Адольфъ у смертнаго одра Эверта Горна“. Щедро одарили Сверчковъ своими приношеніями и финляндскія общества художествъ.

Что же въ дѣйствительности изображаетъ великолѣпная живописная группа его работы на оконномъ стеклѣ въ усыпальницѣ королевы Катарины? Армфельтъ („La Finlande, guide et manuel du voyageur“, 1873. p. 140) вкратцѣ поясняетъ, что на картинѣ королева Каринъ представлена покидающею славу и величіе своей жизни въ Швеціи, при чемъ несчастная вдова Эрика спускается со ступеней трона, *опираясь на маленькаго бѣлокураго пажа тавастландскаго типа.* Эту мысль художникъ аллегорически выразилъ такимъ образомъ, что королева слагаетъ свою корону на подушку въ рукахъ шведскаго пажа, остающагося на подножіи престола, а сама сходитъ съ него въ предшествіи другаго, финляндскаго, пажа, который несетъ регаліи герцогства Финляндскаго и щитъ съ гербомъ Финляндіи (вооруженный двумя мечами золотой коронованный левъ на червленомъ полѣ съ серебряными розами).

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о вѣнкѣ, прикрѣпленномъ къ передней боковой стѣнкѣ гробницы. Этотъ вѣнокъ, въ свое время подробно описанный въ разныхъ финляндскихъ и шведскихъ газетахъ, составитель настоящей замѣтки весною 1882 года, въ присутствіи значительнаго числа абоскихъ горожанъ и, преимущественно, горожанокъ, возложилъ на гробницу королевы Катарины отъ себя и отъ нѣкоторыхъ проживающихъ въ Петербургѣ финляндцевъ. Внѣшній видъ вѣнка, состоящаго изъ бисерныхъ незабудокъ, напоминаетъ корону, верхъ которой затканъ серебряною филограновою сѣткою съ на-крестъ лежащими на ней массивными позолоченными буквами *К* и *М* (*К*аринъ *М*онсъ). Къ вѣнку прикрѣплены широкія шелковыя ленты національныхъ цвѣтовъ Швеціи, желтая и синяя, а на лентахъ вытиснены по-шведски, серебромъ и золотомъ, надписи: „памяти королевы Каринъ, дочери Монса“ и „дань уваженія съ береговъ Невы черезъ 270 лѣтъ по кончинѣ королевы“.

В. Головинъ.

Министръ Путей Сообщенія инженеръ-генералъ-лейтенантъ Германъ Егоровичъ Паукеръ. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Г. Е. Паукеръ.

(Портр. на этой стр.).

7 ноября послѣдовало Высочайшее назначеніе на постъ Министра Путей Сообщенія, инженеръ-генералъ-лейтенанта Германа Егоровича Паукера, пользующагося уже давно широкою и почетною извѣстностію замѣчательнаго ученаго и выдающагося спеціалиста по строительному и инженерному дѣлу Г. Е. Паукеръ родился въ 1822 году въ Курляндіи. На пятнадцатомъ году онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и послѣ трехнедѣльнаго подготовленія въ пансіонѣ капитана Корн, въ январѣ 1838 г. выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ кондукторомъ въ кондукторскую роту Главнаго, нынѣ Николаевскаго Инженернаго Училища, въ которой и окончилъ курсъ въ 1842 году съ чиномъ инженеръ-поручика. Благодаря замѣчательнымъ математическимъ способностямъ, молодой инженеръ по окончаніи курса былъ оставленъ при училищѣ репетиторомъ и „юношей не полныхъ двадцати лѣтъ“, по словамъ самого Паукера, началъ читать курсы высшей математики. Съ этого времени, почти безъ перерывовъ, Паукеръ въ теченіе 40 лѣтъ значительную часть своей плодотворной дѣятельности посвящалъ академіи, въ которой самъ получилъ образованіе. Но эти занятія при ней, то въ качествѣ профессора, то инспектора, не мѣшали выполненію цѣлаго ряда замѣчательныхъ работъ, простое перечисленіе которыхъ невозможно въ краткой статьѣ. Практической дѣятельности посвящалось свободное отъ занятій время, преимущественно каникулярное. Такъ, лѣто 1851 года онъ провелъ на работахъ въ Кіевѣ и Бобруйскѣ, а въ 1852 году въ Динабургѣ, Ново-Георгіевскѣ, Ивангородѣ, Замостьѣ и Брестъ-Литовскѣ. Вскорѣ послѣ Парижскаго мира начинается дѣятельность Г. Е. Паукера внѣ академіи, отъ которой онъ былъ отчисленъ. Служба его за это время была весьма ревностная. Почти ни одно техническое дѣло не восходило до высшаго начальства помимо Г. Е. Паукера, что̀ заставляло его изучать всѣ отрасли военно-инженернаго дѣла. Односторонній математикъ, по собственному свидѣтельству, Г. Е. Паукеръ сталъ инженеромъ-практикомъ.

Въ 1857 году Г. Е. Паукеръ получилъ назначеніе присутство-

вать въ Строительной конторѣ Министерства Императорскаго Двора, при которой служба его, уже въ качествѣ предсѣдателя конторы, окончилась въ 1882 году, когда контора была упразднена. Въ 1858 году имъ изслѣдованъ Керчь-Еникальскій проливъ и составленъ проектъ укрѣпленій. Въ томъ же году имъ выработанъ проектъ замѣны гранитныхъ морскихъ фортовъ земляными батареями, вызвавшій цѣлую бурю противъ молодаго ученаго. Многолѣтній опытъ показалъ всю справедливость теоретическихъ изслѣдованій Паукера. Въ 1859 году онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комитета по разсмотрѣнію состоянія укрѣпленій Чернаго и Балтійскаго морей. Въ 1860 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усиленной дѣятельности внѣ академіи, г. Паукеръ снова вернулся въ нее и оставался тамъ слишкомъ 20 лѣтъ до 1 декабря 1882 года, когда заслуженный профессоръ Николаевской Инженерной Академіи и Училища, инженеръ-генералъ-лейтенантъ Г. Е. Паукеръ получилъ назначеніе состоять членомъ Военнаго Совѣта и почти черезъ шесть лѣтъ былъ призванъ Высочайшею властью занять высокій и трудный постъ Министра Путей Сообщенія.

Г. Е. Паукера недостаточно характеризовать какъ ученаго, посвятившаго себя изученію и разработкѣ научныхъ теорій, какъ воспитателя юношей, съумѣвшаго вліять на умственное и нравственное развитіе ихъ и никогда не забываемаго своими благодарными учениками, или какъ неутомимаго дѣятеля, призваннаго къ исполненію многочисленныхъ работъ, связанныхъ съ его службою по различнымъ Министерствамъ. Чтобы оцѣнить его возможно правильнѣе, необходимо прибавить еще нѣсколько словъ объ его отношеніяхъ къ развитію техники въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ неутомимо слѣдилъ за прогрессомъ ея въ Россіи и за границей. Его интересовали всѣ постройки, всѣ техническія устройства, возникавшія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, даже когда онѣ оказывались внѣ сферы его офиціальной дѣятельности. Достаточно сказать, что онъ былъ предсѣдателемъ особой коммисіи, учрежденной послѣ ужаснаго пожара театра на Рингѣ въ Вѣнѣ, выработавшей тѣ противопожарныя правила, которыми руководятся наши театры. Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ разборѣ проектовъ канализаціи обѣихъ столицъ и очищенія воды въ Петербургѣ; по его указаніямъ разработаны проекты зданія Московской выставки въ 1882 году и вращающейся башни для рефрактора Пулковской обсерваторіи. Далѣе Г. Е. Паукеръ близко стоитъ къ дѣлу объ устройствѣ элеваторовъ для хлѣба и цѣлому ряду различныхъ морскихъ и рѣчныхъ сооруженій. Что касается до желѣзно-дорожнаго дѣла, то генералъ Паукеръ одно время состоялъ членомъ совѣта Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того имъ осмотрѣна въ качествѣ предсѣдателя особой коммисіи, весной 1887 года, Закаспійская дорога; а также, по просьбѣ правленій, Закавказская и Владикавказская дороги. Громадной важности дѣло устройства казармъ не миновало указаній и руководствъ столь опытнаго спеціалиста, какимъ объявляется Г. Е. Паукеръ, и онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи по построенію казармъ, распространяющей свою дѣятельность на всю Россію. Это сжатое и неполное перечисленіе всего того, въ чемъ принималъ участіе генералъ Паукеръ, даетъ понятіе объ его обширныхъ познаніяхъ и неутомимой дѣятельности, столь необходимыхъ для занятія поста во главѣ такого многосложнаго министерства, какимъ является Министерство Путей Сообщенія.

В. Я. Стоюнинъ. (Порт. на стр. 1256).

Русскій педагогическій міръ понесъ на-дняхъ весьма чувствительную потерю. 4 ноября скончался въ Петербургѣ Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ, такъ много потрудившійся для развитія учебно-воспитательнаго дѣла и пріобрѣвшій себѣ почтенное имя, какъ знатокъ роднаго языка и литературы, своими замѣчательными монографіями и историческими этюдами о русскихъ писателяхъ и дѣятеляхъ отечественнаго просвѣщенія. Стоюнинъ пользовался большимъ авторитетомъ въ качествѣ педагога и преподавателя, и справедливо считается у насъ создателемъ новаго метода въ обученіи русскому и церковно-славянскому языкамъ и литературѣ. Онъ былъ едва-ли не однимъ изъ первыхъ педагоговъ старавшихся возбудить въ учащихся любовь къ отечественнымъ писателямъ, возвысить въ своихъ слушателяхъ понятіе о наукѣ и образованіи и пріучить ихъ къ самостоятельной работѣ. Еще въ самомъ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ уже начерталъ подробную программу преподаванія русской словесности и литературы, показывающую насколько серьезно понималъ онъ свои задачи. „Въ отношеніи къ языку — говоритъ онъ—я обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на то, чтобы воспитанникъ научался легко и правильно владѣть имъ, какъ изустно, такъ и письменно, — чтобы онъ подъ конецъ могъ сознательно представить себѣ всю систему языка, понимать его богатство и видѣть его историческое развитіе. Въ отношеніи словесности я старался внушить ученикамъ главныя теоретическія правила, выведенныя изъ образцовыхъ произведеній писателей отечественныхъ и иностранныхъ, съ тѣмъ, чтобы они могли вѣрно смотрѣть на литературныя произведенія и сами пользоваться тѣми-же правилами; при этомъ весьма кратко излагая историческій ходъ литературъ иностранныхъ и гораздо въ большемъ объемѣ—литературы русской. Во всемъ этомъ главное вниманіе было устремлено на развитіе вкуса“. Стоюнинъ преподавалъ свой предметъ по собственнымъ запискамъ, въ которыхъ онъ умѣлъ „соединить краткость изложенія съ отчетливостью въ выборѣ и даже съ обиліемъ подробностей“. Какъ въ практической дѣятельности своей, такъ и въ книгахъ своихъ, онъ былъ совершенно чуждъ „многоглаголанія“; онъ говорилъ только дѣло, обращалъ вниманіе только на существенное, самое важное, на все то, что имѣло руководящее значеніе. Однако, при подобной сжатости изложенія, онъ обладалъ способностью живой передачи, умѣлъ возбудить интересъ въ своихъ слушателяхъ. Въ исторической запискѣ о третьей петербургской гимназіи говорится, что Стоюнинъ обращалъ свои уроки въ занимательныя бесѣды, заставляя учениковъ читать другъ другу свои сочиненія, дѣлать ихъ разборъ, на который авторъ долженъ былъ вновь представлять письменныя возраженія. Ученики всегда знали, насколько дѣятеленъ ихъ преподаватель, какъ учитель и какъ ученый, и потому, цѣня каждое его слово, старались, въ свою очередь, выказать собственную работу, чтобы не заслужить его неудовольствія. Нельзя было не любить такого наставника: онъ отличался высокою гуманностью, смотрѣлъ отечески снисходительно на шалости школьниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ серьезенъ, не искалъ дешевой популярности и требовалъ отъ учениковъ труда, честнаго отношенія къ дѣлу. Онъ сразу съумѣлъ повліять на дѣтскія воспріимчивыя души, и ученики, по свидѣтельству одного изъ бывшихъ воспитанниковъ третьей гимназіи, въ которой преподавалъ Стоюнинъ, стали усердно заниматься, сначала подавляемые невѣдомымъ дотолѣ авторитетомъ личности, а потомъ изъ интереса къ дѣлу и даже изъ удовольствія, испытываемаго отъ занятій словесностью. Стоюнинъ горячо любилъ свое дѣло и, со свойственной ему живостью, откликался на все доброе и полезное въ области учебно-воспитательной. Въ послѣднее время онъ отдавалъ почти все свое время и силы женской гимназіи, имъ основанной, въ которой впервые обращено было вниманіе на физическое воспитаніе дѣтей и которая, вообще, можетъ считаться образцовою. Не менѣе цѣнны заслуги Стоюнина и какъ педагога-теоретика, написавшаго цѣлый рядъ превосходныхъ руководствъ и пособій для изученія роднаго языка и словесности. Основанныя на строго-научныхъ данныхъ, серьезныя, замѣчательныя по свѣжести взгляда и богатству содержанія, его книги имѣютъ большое значеніе не только какъ пособія школьныя, но и какъ сочиненія общеобразовательныя; онѣ и до сихъ поръ составляютъ едва-ли не единственный у насъ основной матеріалъ для изученія русской словесности. Его „Курсъ высшей грамматики“, составлявшій въ то время совершенную новость, вызвалъ въ средѣ преподавателей настоящую сенсацію и заслужилъ самые лестные отзывы спеціалистовъ, знатоковъ русской филологіи. Его книги: „О преподаваніи русской литературы“, „Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы“, „Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ“ выдержали по нѣскольку изданій и положительно являются украшеніемъ литературы педагогической, въ области методики и дидактики. Стоюнинъ старался сблизить школу съ жизнью и литературой и помѣстилъ цѣлый рядъ статей по школьнымъ вопросамъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; таковы, напримѣръ, статьи его: „Наши гимназіи“, „Мысли о нашихъ экзаменахъ“, „Педагогическіе вопросы. Гдѣ-же гнѣздилось наше зло?“, „Замѣтки о русской школѣ“, „Наблюденія надъ русской народною школой“, „Образованіе русской женщины“, „Наша семья и ея историческія судьбы“ и друг. Кромѣ того, Стоюнинъ обогатилъ русскую литературу замѣчательными критико-біографическими очерками писателей Княжнина, Шишкова, Кантемира, Сумарокова, Пушкина, Кольцова и напечаталъ не мало критическихъ статей, отличающихся безпристрастіемъ, спокойствіемъ и здравыми эстетическими взглядами. Вообще, почтенная литературная дѣятельность Стоюнина была и обширна, и разнообразна. Кромѣ множества статей, онъ трудился еще и какъ редакторъ еженедѣльной газеты „Русскій Міръ“, издававшейся въ 1859 году.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ родился въ С.-Петербургѣ, 16 декабря 1826 года, первоначальное воспитаніе получилъ въ третьей петербургской гимназіи, въ которой съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ 1846 году и затѣмъ поступилъ въ петербургскій университетъ по историко-филологическому факультету. Выйдя въ 1850 году изъ университета, онъ черезъ два года занялъ мѣсто преподавателя русской словесности въ третьей гимназіи, гдѣ учительствовалъ около двадцати лѣтъ. Въ 1871 году его перевели въ Московскій Николаевскій институтъ инспекторомъ классовъ. Затѣмъ онъ состоялъ сверхъ штата при Собств. Его Велич. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, членомъ особаго отдѣла ученаго комитета Минист. Народн. Просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, и членомъ совѣта дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ. Стоюнинъ участвовалъ въ литературѣ безъ малаго сорокъ лѣтъ, и первымъ его дебютомъ была статья „Яковъ Борисовичъ Княжнинъ“, появившаяся въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1850 года, подписанная

псевдонимомъ Вл. ***. Стоюнинъ пользовался глубокими симпатіями своихъ учениковъ и всѣхъ знавшихъ его близко и полнымъ уваженіемъ въ литературномъ мірѣ.

П. Быковъ.

Управляющій Морскимъ министерствомъ, адмиралъ И. А. Шестаковъ († 21 ноября 1888 г.).

(Портр. на стр. 1257).

Прилагая, для значительнаго числа новыхъ подписчиковъ *Нивы* 1888 года, портретъ почившаго адмирала Шестакова, помѣщенный нами въ началѣ 1887 года вмѣстѣ съ подробною біографіей, считаемъ нужнымъ напомнить нѣкоторыя даты. Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ родился въ 1820 г., воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1837 г. юнкеромъ участвовалъ въ занятіи укрѣпленной позиціи у Адлера, награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена съ производствомъ въ мичмана и продолжалъ службу на Черномъ морѣ, преимущественно у береговъ Кавказа, подъ руководствомъ адмирала Лазарева. Съ 1853 года Шестаковъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ, назначенный адъютантомъ къ генералъ-адмиралу, занятъ былъ постройкой винтовыхъ лодокъ, затѣмъ вооружалъ два отряда корветовъ и наконецъ былъ командированъ въ Америку для наблюденія за постройкой 70-пушечнаго винтоваго фрегата „Генералъ-Адмиралъ“. По прибытіи этого судна въ Россію, подъ командой И. А. Шестакова, онъ получилъ чинъ капитана 1 ранга, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Государю Императору; въ 1861 году произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1863 году назначенъ помощникомъ главнаго командира Кронштадскаго порта и принялъ дѣятельное участіе въ вооруженіи Кронштадта, затѣмъ былъ Таганрогскимъ градоначальникомъ, Виленскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, военно-морскимъ агентомъ въ южныхъ государствахъ Европы, въ 1880 г. произведенъ въ вице-адмиралы и наконецъ въ 1882 году назначенъ управляющимъ Морскимъ министерствомъ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Министру Путей Сообщенія повелѣно: принять исключительныя мѣры къ устраненію чрезвычайныхъ затрудненій въ передвиженіи грузовъ на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ и для сего командировать временно для распоряженій по сему предмету на мѣстѣ особое лицо.

Военное и морское дѣло.

— 18 ноября, русскіе моряки праздновали тридцать-пятую годовщину синопскаго боя. Въ 12 часовъ дня, въ СПб., въ адмиралтейскомъ соборѣ Св. Спиридонія, настоятелемъ храма, протоіереемъ Поповицкимъ, въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ собора, была совершена торжественная панихида по убитымъ въ синопскомъ бою и скончавшимся участникамъ его, а послѣ нея благодарственное молебствіе, закончившееся провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Царствующему Дому и христолюбивому россійскому побѣдоносному воинству. Изъ участниковъ синопскаго боя въ церкви находились слѣдующія 12 лицъ: генералъ-адъютантъ Перелешинъ, вице-адмиралы: Жандръ, Кернъ, Пузино, контръ-адмиралы: Усовъ, Копаржевскій, Долговъ, генералъ-маіоръ Поповъ, псковскій уѣздный предводитель дворянства Беклешовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Попандопуло, г. Чайковскій, отставной капитанъ II-го ранга Сатинъ; были также и двѣ родственницы покойнаго адмирала Нахимова: г-жи Синцына и Соковичъ. Вечеромъ, въ 6 часовъ, въ ресторанѣ Контана, состоялся обѣдъ участниковъ славнаго боя.

— Въ Севастополѣ, въ 35-лѣтнюю годовщину синопскаго боя, въ храмѣ Св. Владиміра отслужена панихида и благодарственный молебенъ, а въ морскомъ собраніи состоялся синопскій обѣдъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Москвѣ, 17 ноября, вечеромъ сгорѣлъ масляно-стеариновый заводъ франко-русскаго анонимнаго общества „Маргаринъ“. Убытокъ считаютъ въ 500 тысячъ.

— Въ Харьковѣ, 20 ноября, открылся подъ предсѣдательствомъ директора горнаго департамента, тринадцатый съѣздъ горнопромышленниковъ южной Россіи.

— Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, Курской губ., получили довольно большое развитіе кустарные промыслы. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ кустарныхъ производствъ въ этомъ уѣздѣ заключается въ вязаніи чулокъ.

Народное просвѣщеніе.

— Высочайшимъ рескриптомъ министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь Деляновъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

— Въ Москвѣ, 19 ноября, бывшій профессоръ Разцвѣтовъ пожертвовалъ Московскому университету слишкомъ 20,000 руб. на двѣ преміи начинающимъ ученымъ.

Искусства изобразительныя.

— Въ Петербургѣ открыта недавно новая рисовальная школа классныхъ художникомъ О. А. Кочетовой, для лицъ обоего пола, съ платою 10 рублей въ мѣсяцъ за 3 урока въ недѣлю. Школа помѣщается въ Малой Итальянской, д. № 3.

Литература и наука.

— 20 ноября состоялось въ С.-Петербургѣ чествованіе извѣстнаго писателя и этнографа Сергѣя Васильевича Максимова, по поводу исполнившагося тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности.

— 22 ноября исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности ординарнаго академика, непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ, тайнаго совѣтника Константина Степановича Веселовскаго.

Некрологи.

— Въ Тифлисѣ, 18 ноября, скончался Тифлисскій губернаторъ Зиссерманъ.

— 21 ноября, скончался въ Севастополѣ управлявшій Морскимъ Министерствомъ, генералъ-адъютантъ, адмиралъ Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ. 24 ноября, въ 10 часовъ утра, изъ морскаго собранія адмиралы и генералы вынесли на рукахъ гробъ съ тѣломъ покойнаго адмирала Шестакова и установили его на катафалкѣ, роскошно убранномъ зеленью и цвѣтами. Въ сопровожденіи войскъ и втораго черноморскаго флотскаго экипажа процессія двинулась къ собору адмираловъ, гдѣ въ 2 часа состоялось погребеніе.

Политическое обозрѣніе.

Еще одинъ юбилей благополучнаго царствованія былъ отпразднованъ недавно, а именно сороковая годовщина вступленія на престолъ императора Австрійскаго, Франца-Іосифа. По желанію самого монарха, юбилей прошелъ безъ всякихъ празднествъ и чествовался только особыми церковными богослуженіями и дѣлами благотворительности, въ которыхъ населеніе имперіи проявило свои чувства уваженія и преданности своему государю. Газеты всѣхъ мѣстностей Австріи и Венгріи напечатали по этому случаю глубоко прочувствованныя, патріотичныя статьи, въ которыхъ выставляютъ на видъ выдающіяся качества императора и восхваляютъ чрезвычайныя услуги, оказанныя имъ государству. Германскій императоръ обратился къ юбиляру съ поздравительнымъ письмомъ, въ которомъ высказываетъ сердечнымъ образомъ чувства личной своей дружбы къ австрійскому монарху и выражаетъ полную увѣренность въ непоколебимости союза, соединяющаго обоихъ монарховъ и обѣ имперіи. Такія же теплыя заявленія получены отъ короля Гумберта и другихъ дружественныхъ государей.

40 лѣтъ тому назадъ, 20 ноября (2 декабря) вступилъ Францъ-Іосифъ восемнадцати-лѣтнимъ юношей на престолъ. „Нынѣ, по словамъ *Journal de St.-Pétersbourg*, его величество находится въ цвѣтѣ силъ и политическая буря, вслѣдствіе и среди которой императоръ былъ призванъ занять престолъ на мѣсто своего дяди, императора Фердинанда, и вмѣсто своего родителя, эрцгерцога Франца, равно какъ грозы, неоднократно разражавшіяся съ тѣхъ поръ надъ имперіею, не только не ослабили крѣпости тѣла и духа монарха, но, напротивъ, закалили ее и придали ей еще большую силу. Императоръ Францъ-Іосифъ съумѣлъ пріобрѣсти любовь и глубокое уваженіе своихъ подданныхъ, а отличающія его качества цѣнятся всѣми дворами. Вотъ почему, каковы бы ни были разногласія въ политическихъ взглядахъ, могущихъ раздѣлять правительства и народы, всѣ воздадутъ должное лояльнымъ стараніямъ монарха доставить своимъ народамъ всѣ тѣ удовлетворенія, которыхъ только можно ожидать отъ постояннаго воздѣйствія государя, и сохранить имъ блага мира среди волненій настоящаго времени.“

Какъ разъ въ то время, когда императоръ Вильгельмъ II обратился съ вышеупомянутымъ дружественнымъ письмомъ къ Австро-Венгерскому императору, между газетами обѣихъ имперій происходила довольно ожесточенная полемика. Поводомъ къ ней послужили статьи въ австрійской газетѣ *Schwarzgelb*, указывавшей на союзную Германію, которая якобы не довольствуется своимъ содѣйствіемъ въ дѣлахъ внѣшней политики, но старается оказывать вліяніе и на внутренній строй самоуправленія Австріи. Чтобы отрѣшиться отъ этой тягостной опеки, газета проповѣдывала союзъ съ Франціей и сближеніе съ Россіей. Статья эта не осталась безъ отвѣта и германскіе оффиціозы напечатали внушительную отповѣдь, вызвавшую горячія возраженія въ австро-венгерскихъ газетахъ. Эта рѣзкая газетная война произвела въ вѣнскихъ руководящихъ сферахъ весьма тягостное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ повліяла также и успокоительно. Въ публицистическихъ, впрочемъ, кружкахъ очень довольны тѣмъ, что вся австро-венгерская печать участвовала въ должной отместкѣ, которую получили теперь берлинскіе оффиціозы. Ожидаютъ, что въ Берлинѣ перестанутъ относиться къ Австріи въ тонѣ высокомѣрнаго покровительства. Нападки берлинской печати, въ пылу спора сдѣланныя на Австрійскаго наслѣднаго принца, вызвали во всей Австро-Венгріи величайшее негодованіе. Полемика эта нынѣ нѣсколько поутихла, но дипломаты считаютъ пріостановку ея симптомомъ предстоящихъ событій и полагаютъ, что затѣмъ полемика возгорится съ новою силой.

Во Франціи газетныя распри и раздоры партій проходятъ не такъ скоро. Вражда между буланжистами и сторонниками су-

ществующаго порядка не только не утихаетъ, но разростается все съ большею силою. Въ то время, какъ съ одной стороны устраняется, правда не вполнѣ удачно, особая манифестація въ защиту республиканскаго права противъ цезаризма, сторонники Буланже, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминаютъ о себѣ, какъ это было на банкетѣ лиги патріотовъ и на банкетѣ въ Неверѣ, куда уѣзжалъ бравый генералъ въ день чествованія республиканцами Бодена. При такомъ порядкѣ вещей можно думать, что отживающій послѣдніе дни старый годъ подаритъ Францію новыми безпокойствами.

Смѣсь.

Нива-вальсъ. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на только-что вышедшій новый вальсъ Г. Вальтера „Нива", изданный музыкальной фирмой Ю. Г. Циммерманъ.

Вальсъ этотъ, такъ-же какъ и вальсы „Невозвратное время" и „Дунайскія волны", весьма мелодиченъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобенъ для танцевъ.

Цѣна вальса — 75 коп.; для подписчиковъ „Нивы" (чрезъ редакцію) — только 45 к.

Врачъ — другъ человѣчества. Профессоръ докторъ Грефе былъ не только знаменитымъ окулистомъ, но и въ полномъ смыслѣ слова другомъ людей. Многихъ избавилъ онъ отъ слѣпоты, отъ вѣчнаго мрака, вернувъ имъ зрѣніе. Бѣдныхъ Грефе оперировалъ даромъ и еще платилъ за нихъ въ аптеку и оптикамъ.

Въ Берлинъ издалека пріѣхалъ одинъ больной глазами, съ единственной цѣлью посовѣтоваться съ знаменитымъ окулистомъ; отъ приговора Грефе зависѣло: быть ему, или не быть. Пріѣзжій, незадолго передъ тѣмъ, уже лишился одного глаза, но никто этого не замѣчалъ, такъ какъ онъ замѣнилъ его стекляннымъ. Теперь же заболѣлъ и другой глазъ. Бѣдняга пришелъ въ отчаяніе: въ случаѣ слѣпоты, ему угрожала потеря мѣста, а онъ не успѣлъ выслужить пенсіи. Онъ уже видѣлъ себя въ крайности, съ женой и ребенкомъ — какъ тотъ нищій, который только что жалобно молилъ его о подаяніи. Пріѣзжій далъ ему серебряную монету и еще торопливѣе пошелъ въ клинику: спасеніе можетъ быть еще возможно! Но тамъ, на порогѣ, страшная вѣсть: „Грефе боленъ, при смерти. Онъ больше не въ состояніи оперировать".

Что дѣлать теперь? Неужели даромъ совершено столь длинное путешествіе?! Воображеніе рисуетъ пріѣзжему безъисходную бѣдность на чердакѣ, гдѣ онъ ютится съ семьей. Въ глазу тупая боль; его застилаетъ туманъ. Скоро все окончательно погрузится во мракъ. Бѣдному больше не видѣть ни жены, ни дѣтей! Съ мужествомъ отчаянія бѣжитъ онъ еще на квартиру окулиста: можетъ быть ему удастся къ нему проникнуть, съ нимъ переговорить, можетъ быть еще не все потеряно... Въ домѣ мертвая тишина. На нѣсколько разъ повторенный робкій звонокъ пріѣзжаго наконецъ показывается слуга.

— Профессоръ при смерти! говоритъ онъ.

Пріѣзжій въ смертельной тоскѣ удерживаетъ слугу и проситъ его, умоляетъ доложить о немъ доктору: „Иначе его смерть будетъ и моею также!" восклицаетъ онъ. „Развѣ вѣчная тьма не хуже смерти? Профессоръ можетъ быть съумѣетъ спасти меня. Я столько о немъ слышалъ... Онъ истинный другъ человѣчества".

Слугу трогаетъ отчаяніе пріѣзжаго: онъ не даромъ былъ слугою одного изъ самыхъ гуманныхъ людей. Медленно отправляется онъ въ комнату своего господина, подходитъ къ его постели и шепотомъ передаетъ ему просьбу пріѣзжаго больнаго.

— Пусти его сюда! едва слышно но рѣшительно произноситъ Грефе.

Секунду спустя пріѣзжій стоялъ у постели знаменитаго окулиста. Грефе внимательно на него посмотрѣлъ и угасающимъ голосомъ, но съ увѣренностью проговорилъ: „Удалите стеклянный глазъ — и вы спасены!"

Пріѣзжій пытается благодарить, хочетъ упасть на колѣни, но слуга мгновенно увлекаетъ его изъ комнаты больнаго.

— Тише, ни слова! шепчетъ онъ: — вѣдь мой господинъ умираетъ!

Дѣйствительно, прошло всего нѣсколько часовъ — и великаго окулиста не стало. Но онъ и на смертномъ одрѣ спасъ еще одного кормильца семьи. (N.)

О томъ, какъ суда переговариваются между собою

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ († 4 ноября 1888 г.).
Съ фотогр. Семененко, грав. Шюблеръ.

одинъ англійскій журналъ сообщаетъ слѣдующее: „Читатели газетъ часто наталкиваются на сообщенія, что такой-то корабль „разговаривалъ“ съ другимъ въ открытомъ морѣ и принесъ отъ него вѣсти. Немногимъ, однако, извѣстно какимъ образомъ происходятъ эти объясненія. Моряки различныхъ національностей, не могущіе сказать въ обыкновенной жизни и трехъ словъ на языкѣ другаго, въ открытомъ морѣ передаютъ другъ другу весьма важныя сообщенія, посредствомъ сигналовъ. Переговоры ведутся при посредствѣ флаговъ и вымпеловъ различнаго цвѣта и вида. Всего ихъ восемнадцать. Изображаютъ они собою согласныя буквы: B. C. D. F. G. H. J. K. L. M. N. P. Q. R. S. T. V. W. Гласныя совершенно исключены. Согласныя употребляются или по одной или группами, по двѣ, по три и по четыре. Изъ двухъ можетъ составляться 306 комбинацій (отъ B.C., B.D. и т. д. до W.B., W.C., W.D. и т. д.). Группы изъ трехъ согласныхъ даютъ 4896 различныхъ положеній, а изъ четырехъ — 73,440. Слѣдовательно можно составить 78,642 сигнала. Такъ какъ всѣ знаки внесены въ книгу, то они понятны каждому, имѣющему эту сигнальную книгу въ рукахъ. Комбинаціи изъ двухъ флаговъ употребляются въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, требующихъ быстраго вопроса и отвѣта, напр. „B.C.“: разверните флагъ вашей страны: „N M.“: на кораблѣ показался огонь: „M.N.“: готовьтесь къ нападенію, и т. д. Передъ каждою „рѣчью“ распускаютъ одноцвѣтный свѣтло-зеленый флагъ, на что другой корабль отвѣчаетъ ярко-краснымъ, въ знакъ того, что сигналъ замѣченъ. Группы изъ трехъ буквъ наиболѣе употребительны. Онѣ заключаютъ въ себѣ не только отвѣты и вопросы, но и цифры и дроби; такъ напр. „B.N.W.“ значитъ: „откуда вы идете?“ Отвѣтъ: „H N.F.“, т. е. „изъ четвертаго порта“. Каждый портъ имѣетъ свой особый номеръ, если онъ не принадлежитъ къ числу главныхъ. Важнѣйшіе же имѣютъ свои собственные сигналы, составляемые изъ четырехзначныхъ группъ. Изъ такихъ группъ 4000 относятся къ географическимъ наименованіямъ; 960 изображаютъ слоги и части слоговъ; 13,920 комбинацій предназначены для повседневныхъ разговоровъ; 1440 принадлежатъ исключительно военнымъ судамъ и 53,040 купеческимъ. Число сигналовъ для купеческихъ судовъ значительно увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они на ряду съ международнымъ имѣютъ свой особый національный кодексъ. Правильное истолкованіе послѣдняго зависитъ отъ національности корабля, съ которымъ говорятъ. Сигналъ подаваемый купеческому кораблю подъ англійскимъ флагомъ, имѣетъ совсѣмъ иное значеніе для судовъ подъ нѣмецкимъ или французскимъ флагомъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, каждый корабль имѣетъ въ своемъ указателѣ отличительные знаки каждой національности. Когда разстояніе такъ велико, что флаги не могутъ быть видны или слишкомъ темно, чтобы различить цвѣта флаговъ, употребляются дистанціонные сигналы, состоящіе изъ четырехугольныхъ штандартовъ, узкихъ вымпеловъ и шаровъ. Дистанціонные сигналы составляются только изъ трехъ знаковъ. Посредствомъ различнаго расположенія шаровъ, флаговъ и вымпеловъ образуются 18 согласныхъ буквъ. Шаръ и подъ нимъ вымпелъ обозначаетъ: „вы подвергаетесь опасности“. Флагъ и вымпелъ значитъ: „у насъ открылась течь, придите къ намъ на помощь“! Одинъ шаръ—„идите немедленно“. Флагъ и подъ нимъ шаръ — „мы терпимъ крушеніе, высылайте шлюпки“, и т. д. Этимъ способомъ корабли могутъ „переговариваться“ даже въ дурную погоду, ночью и на значительномъ разстояніи, предполагая, конечно, что капитанъ съ помощью зрительной трубы можетъ различить внѣшнія очертанія сигнальныхъ предметовъ. Наиболѣе важные сигналы, какъ употребляемые во время опасности и требующіе поспѣшности, каждый морякъ, конечно, знаетъ наизусть. (с.)

Управляющій Морскимъ министерствомъ, адмиралъ И. А. Шестановъ (✝ 21 ноября 1888 г.). Съ фотогр. грав. Коппъ.

Въ Парижскихъ театрахъ для воспроизведенія падающаго снѣга употребляютъ мелко нарѣзанную козью шерсть, вмѣсто принятой повсемѣстно бумаги; шерсть, подобно снѣгу, дольше держится въ воздухѣ, мягче ложится на землю и лучше пристаетъ къ платью актеровъ. (с)

О Франкфуртской желѣзнодорожной станціи, самой большой станціи въ свѣтѣ, помѣщена статья въ *Центр. листкѣ управленія общественными сооруженіями*, изъ которой заимствуемъ нѣкоторыя данныя о двухъ, пока недостаточно оцѣненныхъ приспособленіяхъ, введенныхъ на этой станціи. Первое изъ нихъ есть гидравлическая машина высокаго давленія. Правда, насколько намъ извѣстно, на одной станціи въ Парижѣ и на одной станціи въ Лондонѣ имѣются уже гидравлическія машины, исполняющія часть станціонныхъ работъ; но эти машины совершенно ничтожны по сравненію съ франкфуртскими. Здѣсь вода нагнетается изъ Майна въ водовмѣстилище, изъ котораго она давленіемъ 75 атмосферъ изливается по трубамъ. Эта вода исполняетъ различныя работы: приводитъ въ движеніе 22 подъемныхъ крана, поворотный кругъ, передвигаетъ вагоны и наконецъ приводитъ въ дѣйствіе динамо-электрическія машины, доставляющія электрическій свѣтъ на всю станцію,

что до сихъ поръ считалось возможнымъ лишь вблизи водопадовъ. Во-вторыхъ, здѣсь не ограничились электрическимъ освѣщеніемъ одного только вокзала; здѣсь освѣщаются электричествомъ и вся станція, со всей путаницей рельсовъ, склады локомотивовъ и мастерскія. Очевидно, что это значительно облегчаетъ производство работъ и уменьшаетъ опасность для стрѣлочниковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Вся Франкфуртская желѣзнодорожная станція освѣщается тремя стами лампъ съ Вольтовой дугой, на столбахъ отъ 7—20 метровъ вышиною, и тысячью лампочекъ накаливанія въ 16—50 свѣчей. Послѣднія употребляются преимущественно въ станціонныхъ залахъ и въ помѣщеніяхъ администраціи. (с.)

Химическій составъ человѣческаго тѣла. По произведеннымъ недавно однимъ изъ извѣстнѣйшихъ физіологовъ изслѣдованіямъ, установлено, что въ составъ человѣческаго тѣла, вѣсящаго 78 килограммовъ, входятъ различныя вещества въ слѣдующей пропорціи: кислотъ входитъ 44,000 граммъ, воды 7090, азота 1720, извести 1750, хлора 800, фтора 100, углерода 22,000, сѣры 160, фосфора 500, калія 80, натрія 70, магнія 50 и желѣза 75. (с.)

Какъ относятся птицы къ выставляемымъ противъ нихъ пугаламъ—видно лучше всего изъ слѣдующаго случая: Нѣкій садовладѣлецъ поставилъ въ своемъ саду пугало, извѣстнаго, общепринятаго вида. Чрезъ нѣсколько дней онъ нашелъ на поляхъ шляпы долженствовавшаго отпугивать птицъ чучела, гнѣздо съ четырьмя яичками. Хозяинъ прикрылъ гнѣздышко такъ чтобы его не было видно, но чрезъ двѣ недѣли увидѣлъ рядомъ съ нимъ второе съ четырьмя яичками. Это гнѣздо тоже было имъ прикрыто, и вскорѣ послѣ того на поляхъ шляпы пугала появилось третье гнѣздо съ пятью яичками, и на этотъ разъ хозяинъ уже махнулъ на него рукой. (с).

Въ числѣ подарковъ, поступившихъ на Ватиканскую выставку, былъ замѣчательный коверъ изъ виссона. Во всемъ древнемъ мірѣ виссонъ считался драгоцѣннѣйшею, тончайшею изъ тканей; одѣваться въ виссонъ считалось признакомъ несмѣтнаго богатства. О виссонѣ упоминается у евангелиста Луки 16, 19. Вещество для этой ткани получалось, какъ извѣстно, отъ молюсковъ, выдѣляющихъ его; но врядъ-ли многимъ извѣстно что и до сихъ поръ существуютъ ткани подъ названіемъ виссона, приготовленныя изъ того же самаго вещества. Молюски, доставляющіе это вещество, ловятся въ настоящее время въ Таранто, древнемъ Тарентѣ, заслуживающемъ въ полномъ смыслѣ слова названія „города раковинъ“, такъ какъ окружающія его воды изобилуютъ поразительнымъ множествомъ всевозможныхъ молюсковъ. Виссонъ выдѣлывается жительницами города, но только немногія изъ нихъ обладаютъ искусствомъ приготовлять его. Названный коверъ былъ заказанъ архіепископомъ Тарантскимъ живущимъ тамъ сестрамъ Мараско. Коверъ привезенъ въ Ватиканъ и вызываетъ своею оригинальностью и тонкостью работы всеобщее удивленіе. Въ серединѣ ковра находится папскій гербъ и вышитая золотомъ надпись: „Taranto a Leone XIII per le Nozze d'oro“. Кромѣ того, городъ прислалъ цѣлую коллекцію, состоящую изъ 112 различныхъ сортовъ раковинъ въ художественномъ сочетаніи, украшенную гербами города и папы; затѣмъ — мозаичную картину, въ которой камешки замѣнены мелкими раковинами. Картина представляетъ римскаго поэта Виргилія на берегахъ рѣки, которая орошаетъ привѣтливыя, улыбающіяся долины и впадаетъ въ море близъ Таранто. Теперешніе тарентинцы утверждаютъ, что Виргилій здѣсь именно написалъ свои эклоги. На Сѣверѣ не могутъ и представить себѣ, какая масса произведеній изъ раковинъ дѣлается въ южной Италіи. Въ Торре-дель-Греко, мѣстопребываніи добывателей коралловъ, можно видѣть ежегодно на одномъ изъ праздникствъ иллюминованныя по вечерамъ великолѣпныя, фантастическія зданія, покрытыя раковинами и кусками коралловъ, производящія несравненный цвѣтовой эффектъ. Въ Неаполѣ жилъ въ прошломъ столѣтіи бѣдный рыбакъ, который славился своими работами изъ раковинъ и безвозмездно украсилъ пестрыми одеждами изъ раковинъ нѣсколько священныхъ статуй въ натуральную величину. Эти статуи находятся въ церкви Св. Петра и считаются по справедливости величайшею рѣдкостью, такъ какъ навѣрное во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего имъ подобнаго. (с.)

Состоянія, нажитыя посредствомъ швейныхъ машинъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ изобрѣтатели и фабриканты швейныхъ машинъ пріобрѣли крупныя состоянія. Изобрѣтатель Гау зарабатывалъ ежегодно швейными машинами 2.000,000 марокъ; Вилеръ и Вильсонъ, говорятъ, въ теченіе многихъ лѣтъ дѣлили между собою по 4.000,000 марокъ ежегоднаго дохода, а изобрѣтатель „машины Зингера“, оставилъ послѣ смерти состояніе въ 60 милліоновъ марокъ. (с.)

Немезида. Когда фельдмаршалъ Кутузовъ вступилъ побѣдителемъ въ Вильну, послѣ бѣгства французовъ, къ нему явился директоръ тамошняго польскаго театра съ просьбой о разрѣшеніи сыграть пьесу въ ознаменованіе этого дня. Кутузовъ не далъ своего согласія, а потребовалъ, чтобы на сцену была поставлена та самая пьеса, которая была дана въ день вступленія французскихъ войскъ, переполненная язвительными намеками на русскихъ и низкою лестью Наполеону. Директоръ сталъ было робко возражать, но безуспѣшно; онъ долженъ былъ повиноваться. Вечеромъ Кутузовъ находился со всѣмъ своимъ штабомъ въ театрѣ, чтобы своимъ присутствіемъ предотвратить безпорядки. При каждомъ прославленіи Наполеона, такъ странно рѣжущимъ слухъ послѣ его бѣгства, Кутузовъ аплодировалъ актерамъ и всѣ прочіе слушатели слѣдовали его примѣру. Конечно, никогда еще аплодисменты не отзывались такъ мучительно въ сердцахъ актеровъ, какъ въ этотъ вечеръ на сценѣ виленскаго театра. Холодный потъ выступалъ у нихъ на лбу при каждомъ произносимомъ ими словѣ, и между тѣмъ они не смѣли ничего измѣнить или выпустить изъ опасенія подвергнуться строгому взысканію за ослушаніе. Грозное драматическое правосудіе, учиненное музою надъ своими жрецами. (с).

Осторожный выборъ судьи. Петръ Жестокій, король Кастиліи въ четырнадцатомъ столѣтіи, былъ столь-же богатый, сколько и осмотрительный государь. Онъ самъ избиралъ судей въ своемъ государствѣ и дѣйствовалъ при этомъ съ крайней осторожностью. Однажды освободилось мѣсто судьи въ высшемъ судѣ Севильи, на которое явилось три кандидата. Петръ пригласилъ претендентовъ въ замокъ Альказаръ, свое мѣстопребываніе, и указавъ на полъ-апельсина, плавающаго въ водѣ, спросилъ:

— Что это такое?

— Это апельсинъ, отвѣтилъ, не долго думая, первый изъ спрошенныхъ.

— Это полъ-апельсина, быстро перебивая, сказалъ второй.

Третій ничего не отвѣчалъ; поэтому король повторилъ свой вопросъ. Тогда послѣдній, взявъ палку у короля, подвинулъ плавающій предметъ къ себѣ, сталъ внимательно разсматривать его, поворачивая во всѣ стороны, и наконецъ проговорилъ:

— Ваше величество, по моему мнѣнію, это половина апельсина.

Король положилъ руку ему на плечо и сказалъ:

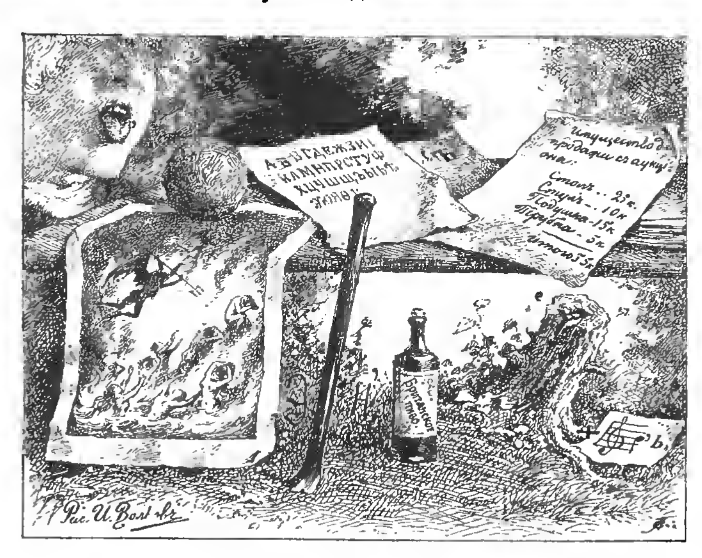
— Вы умный человѣкъ и вамъ должно принадлежать вакантное мѣсто, такъ какъ вы не удовольствовались, подобно другимъ, однимъ взглядомъ, а вникли въ дѣло и разсмотрѣли вопросъ внимательно со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ именно заключается обязанность каждаго человѣка, считающаго себя достойнымъ великой чести —судить дѣянія своихъ ближнихъ. (с).

Древне-римская газета. Хотя газетное дѣло по самому существу своему стало возможнымъ лишь въ новѣйшія времена, т. е. послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, тѣмъ не менѣе уже въ древнемъ Римѣ, во времена императоровъ, мы встрѣчаемъ прототипъ, хотя несовершенный, нынѣшнихъ газетъ, въ такъ-называемыхъ *acta diurna* (*ежедневныя событія*). Это было не частное предпріятіе, а оффиціальный бюллетень, который, какъ видно изъ самаго названія, выходилъ ежедневно и содержалъ въ себѣ прежде всего придворныя извѣстія, какъ-то: о рожденіяхъ и смертныхъ случаяхъ въ императорской семьѣ, отчеты о празднествахъ и путешествіяхъ, затѣмъ правительственныя распоряженія, рѣчи и рѣшенія сената, отчеты о судебныхъ разбирательствахъ и наконецъ мелкія извѣстія: художественныя выставки, травли звѣрей, театры, новыя сооруженія, а также пожары и другіе несчастные случаи, въ которыхъ никогда не было недостатка среди разнообразной и шумной жизни большаго города. Кромѣ того, въ бюллетеняхъ этихъ помѣщались и извѣстія о событіяхъ въ семьяхъ частныхъ лицъ, какъ напр. рожденія и разводы, послѣдніе только послѣ такого обнародованія и получали должную санкцію; точно также какъ относительно рожденій, лишь послѣ такого публичнаго заявленія получалось право на награду, установленную закономъ „Lex Papia Poppaea“, за каждое приращеніе семейства. Такимъ образомъ, за исключеніемъ передовыхъ статей и фельетона, *acta diurna* представляли почти тѣ же рубрики, какъ современныя намъ газеты, начиная съ правительственныхъ сообщеній и придворныхъ извѣстій до ежедневной хроники и административныхъ распоряженій. Провинціальныя извѣстія появлялись очень рѣдко, и нужно было какое-нибудь выдающееся событіе, какъ напр. серьезное возстаніе или сильное землетрясеніе, чтобы его сочли достаточно интереснымъ, для вниманія столичной публики. Относительно редижированія *acta diurna* не имѣется точныхъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ, главное завѣдываніе листкомъ принадлежало высшимъ лицамъ города, какъ-то преторамъ и квесторамъ, которые и наблюдали за переписчиками и репортерами. Готовый листокъ выставлялся на нѣкоторое время на видномъ мѣстѣ, гдѣ каждый могъ его прочесть или скопировать. Многіе переписчики на собственный рискъ занимались копированіемъ листка или дѣлали краткія извлеченія для извѣстнаго числа абонентовъ. Такія копіи разсылались затѣмъ въ отдаленнѣйшія провинціи имперіи. Такъ, напр., Цицеронъ пишетъ однажды изъ Киликіи своему другу Аттику, что онъ получилъ *acta diurna* до мартовскихъ нонъ. Когда истекалъ срокъ, на который выставлялись листки, они поступали въ городской архивъ, гдѣ нерѣдко служили источникомъ для позднѣйшихъ историческихъ трудовъ. Когда столица имперіи была перенесена въ Константинополь, выходъ *acta diurna* повидимому прекратился, такъ какъ съ этого времени важнѣйшія событія возвѣщались въ провинціяхъ особыми коммисарами, получавшими за то весьма цѣнные подарки. О внѣшнемъ видѣ *acta diurna* мы, по полному отсутствію какихъ бы то ни было сохранившихся остатковъ или замѣтокъ, не можемъ составить полнаго понятія. Экземпляры, обнародованные въ 1615 и 1692 годахъ Пигіусомъ (Pighius) и Генрихомъ Додвеллемъ, оказались не вполнѣ достовѣрными, но такъ какъ они составлены во всякомъ случаѣ въ духѣ настоящихъ *acta diurna*, то не безынтересно будетъ привести здѣсь отрывокъ одного изъ нихъ: „Въ четвертый день апрѣльскихъ календъ (29 марта). Была молнія и громъ; вскорѣ послѣ полудня, молнія ударила въ дубъ, на вершинѣ Велія.—Въ нижней части улицы Януса, въ тавернѣ, произошла драка, во время

которой хозяинъ медвѣдя въ шлемѣ, былъ тяжко изувѣченъ.—Народный эдилъ Ц. Титаній оштрафовалъ мясниковъ, продававшихъ не освидѣтельствованное мясо; на деньги эти будетъ воздвигнута капелла при храмѣ Теллы". (с.)

Въ годичномъ собраніи Обще-германскаго орнитологическаго общества въ Берлинѣ, д-ръ Руд. Блазіусъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о перелетѣ въ текущемъ году степныхъ куръ. Заимствуемъ изъ этого отчета слѣдующее: „Едва-ли какое-либо орнитологическое событіе производило такое сильное возбужденіе среди любителей охоты и птицеводства, какъ неожиданное появленіе несмѣтнаго количества азіатскихъ степныхъ куръ въ нашемъ германскомъ отечествѣ. Всѣ газеты оживленно обсуждали это замѣчательное нашествіе; всѣ орнитологическія общества принимали горячее участіе въ рѣдкихъ гостяхъ. Обще-германскому орнитологическому обществу удалось испросить, чрезъ своего главнаго секретаря, профессора д-ра Кабаниса, у министра Луціуса предписаніе, которымъ предлагалось щадить и оберегать чужеземную дичь въ Пруссіи. Въ газетахъ появлялись извѣстія за извѣстіями, въ которыхъ уже сообщалось о выводкахъ степныхъ куръ, о нахожденіи птенцовъ и объ окончательномъ водвореніи въ Германіи прилетныхъ птицъ. Д-ръ Блазіусъ представилъ картину послѣдовательнаго перелета степныхъ куръ. Въ Уральской области, въ Уфимской губерніи, степныя куры появились впервые 3 апрѣля; но уже ранѣе, 20 марта, сообщали изъ Астрахани о появившемся тамъ огромномъ количествѣ этихъ птицъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе безучастнаго отношенія большинства русскихъ къ этому явленію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній относительно пути, котораго придерживались чужеземные гости при перелетѣ чрезъ Россію. Въ Германіи они появились въ половинѣ апрѣля, наводнили всю сѣверо-германскую равнину, отсюда распространились по сѣверной Франціи и Голландіи, куда прибыли во второй четверти мая. Отдѣльные экземпляры появлялись въ началѣ мая въ южной Германіи и Эльзасѣ, но главныя массы, повидимому, избѣгали горъ. Море не служило препятствіемъ ихъ непонятному стремленію на западъ; въ Балтійскомъ морѣ вылавливали утонувшихъ степныхъ куръ; между Даніею и Шотландіею одинъ экземпляръ былъ пойманъ на кораблѣ живымъ; въ Англіи азіатскіе странники появились въ несмѣтномъ количествѣ; но и Англія не была конечно цѣлью ихъ странствія. 27 мая странники появились на Оркнейскихъ и Шотландскихъ островахъ. Въ настоящее время, вопросъ заключается въ томъ: гдѣ теперь находятся степныя куры? На счетъ этого мнѣнія раздѣлились. Большинство голосовъ высказалось за вѣроятное возвращеніе ихъ на родину, но д-ръ Рейхенау полагаетъ, что всѣ птицы, во время перелета на западъ, въ концѣ концовъ погибли въ морѣ. Отъ главной массы отдѣлилось нѣсколько стай, изъ которыхъ однѣ потянули къ сѣверу, другія къ югу. Въ Гельсингфорсѣ первыя птицы появились 16 мая, въ Стокгольмѣ 18 и въ Бергенѣ 28 мая. Къ югу отъ Карпатъ тянулась другая масса, достигвая 24 апрѣля Ломбардіи, 15 мая Чивитта-Веккіи и появившаяся единичными экземплярами 2 іюня въ Испаніи у истоковъ Альбуферы. Въ сѣверной Германіи нѣсколько стай остались повидимому и до сихъ поръ; въ восточной Пруссіи ихъ можно было видѣть во множествѣ еще въ концѣ августа. Многія авторитетныя лица, однако, совѣтуютъ не довѣрять черезчуръ легкомысленнымъ извѣстіямъ о выводѣ птенцовъ. До сихъ поръ орнитологамъ неизвѣстно ни одного достовѣрнаго случая высиживанія степныхъ куръ въ Германіи. Подобныя извѣстія происходили всегда отъ смѣшиванія этихъ птицъ съ куропатками и особенно дергачами. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ терять надежды, что хотя одно изъ безчисленныхъ газетныхъ сообщеній о выводкахъ степныхъ куръ, подтвердится научно. Противъ возможности вывода говоритъ то, что степныя куры держатся стаями; если бы имѣлось въ виду высиживаніе, онѣ разбивались бы на пары.". (с.)

Ребусъ. Задача № 76.

Задача № 77.

6	24	16
12	30	4
17	9	33

5	15	28
10	20	27
31	1	21

36	8	3
14	25	35
11	22	23

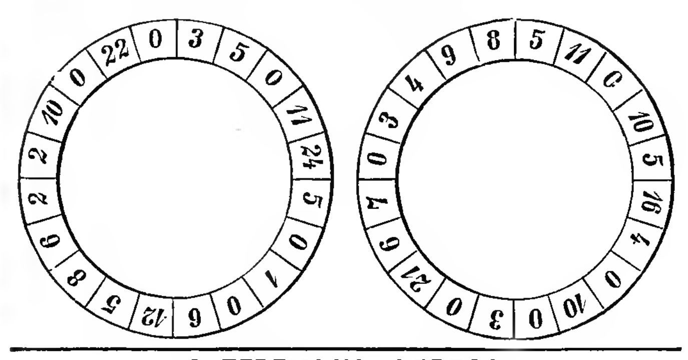
26	2	13
29	7	18
32	19	34

Найти 8 словъ, буквы которыхъ размѣстить на мѣстахъ соотвѣтствующихъ чиселъ въ квадратахъ. Затѣмъ изъ четырехъ данныхъ квадратовъ сложить одинъ большой квадратъ такъ, чтобы въ немъ получилась одна извѣстная пословица:

1) Древнее оружіе 1. 2. 3. 4.
2) Мѣра времени 5. 6. 7. 8.
3) Рыболовная принадлежность 9. 10. 11. 12.
4) Буква 13.
5) Движеніе воздуха 14. 15. 16. 17. 18. 19.
6) Время года 20. 21. 22. 23.
7) Полевая работа 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31.
8) Знакъ препинанія 32. 33. 34. 35. 36.

Задача буквъ № 78.

Наложить одно кольцо на другое такимъ образомъ, чтобы, замѣнивъ въ каждой клѣткѣ сумму цифръ соотвѣтствующею въ азбукѣ буквою, получить въ новомъ кольцѣ буквы, изъ которыхъ состоитъ одна русская пословица; чтобы прочесть ее, нужно, начиная съ извѣстнаго мѣста, соединять буквы, перескакивая черезъ нѣкоторое число клѣтокъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БРАТЬЯ ЭНГБЕРТСЪ и К°.

Гостиный дворъ, № 146, 147 и 14

въ С.-Петербургѣ.

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья.

Полотно, Батистъ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЬЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по требованію высылаются прейсъ-куранты безплатно. № 3495 3—2

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ:

ПОМАДА, окрашивающая сѣдые волоса въ прежній ихъ цвѣтъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. 57, магазинъ-парикмахерская **Ивановой**. № 3544

ВЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОМЪ ПАНСІОНѢ

преподават. 1-го Моск. Кадетск. Корпуса

И. А. САВИНА

приготовляютъ въ кадетскіе корпуса и прочія средн. уч. зав., а также въ войска вольноопредѣляющимися. Москва, Нѣмецкая ул., д. Чернышева. М. № 3540 2—2

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ" 10-4

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ **И. Комисарову**.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.: въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для **гувернантокъ** рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. За справками просятъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15—12 **Комитетъ.**

Янсенъ Іоостъ и К°.

С.-Петербургъ, Невскій, **№ 20.**

СКЛАДЪ ГАВАНСКИХЪ СИГАРЪ

РЕКОМЕНДУЮТЪ:

Сигары приготовленныя по иностранному способу изъ гаванскаго и разныхъ иностранныхъ табаковъ, отъ 5 до 10 руб. за 100 шт. въ различныхъ форматахъ.

Прейсъ-курантъ и образцы высылаются по требованію. № 3553

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ;

по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она **дѣйствуетъ вѣрно, легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.**

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6—5

Для нормальнаго пріема достаточна половина обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

НАВОЖДЕНІЕ.

Романъ изъ современной жизни. **Вс. Соловьева.**

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПОДХОДЯЩІЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Ящики для хромофотографіи съ химическо-механическими препаратами для превращенія всѣхъ возможныхъ фотографій въ художественно-писанныя масляными красками картины, безъ всякихъ познаній въ живописи и рисованіи. Цѣна РС. 7.

Бинокли для театра, охоты и путешествій въ кожаныхъ футлярахъ на ремняхъ. . . . . РС 7.

Фотографическій аппаратъ, состоящій изъ камеры, статива, объективовъ и ящика, съ печатанными наставленіями употребленія. . . . . РС. 10.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ. 3—1

Складъ фотографическихъ принадлежностей С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 30/16.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

❋ à l'Etoile du Nord ❋

ЛУИ БУИСЪ и К°.

М. № 3254 **Москва,** 6 6

Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

3—1 **ОПИСАНІЕ** № 3516

Русскихъ почтовыхъ земскихъ марокъ и конвертовъ и бандеролей.

Составилъ и издалъ **Д. Н. Чудоясній.** Кіевъ, Елисаветинская, домъ Михельсона. Цѣна съ пересылкою 1 р. 25 к. Десять экземпляровъ и болѣе 20% уступки.

КРАСОЧНЫЙ заводъ. ТОЛЕВЫЙ заводъ.

СІЙ и ЛООКЪ

Преемники В. Н. Франке.

12—11 **Москва.** М. № 3003

Контора: Маросѣйка, д. Кайсарова

На 1889 (II-й) г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СЧЕТОВОДСТВО"

Редакторъ-издатель **Ад. Марк. Вольфъ.**

Безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. на годъ.

Программа: I. Значеніе сч-ва. II. Исторія и теорія сч-ва. Коммерческія знанія. III. Практич. отдѣлъ. IV. Разборъ отчетовъ. V. Библіографія. VI. Судебн. отдѣлъ. VII Темы и задачи. VIII. Смѣсь и справ. отдѣлъ. IX. Объявленія.

Подробная программа высылается безплатно. № 3533 3—2

Контора редакціи: **СПБ., Караванная, 16.**

№№ за 1888 годъ 6 руб.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ. 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (44) № 2946

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваем. **П. П. Щегловымъ**, журналъ съ каррикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. **400 больш. рисунк.**, множество **иллюстрацій къ тексту, масса каррикатуръ. 12 карт.**, въ видѣ ежемѣс. прилож., **историческаго содержанія.**

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шир.), исполненная масляными красками, КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ академика И. М. Прянишникова: „ПЛѢННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ".

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: **на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 коп.**

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ конторѣ редакціи. Иногороднихъ просятъ адресовать на имя издателя, **Павла Петровича Щеглова:** Москва, Зацѣпская ул., соб. домъ. 10—3 Н. № 3489

5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. ОТКРЫТА НА **1889** Г. ПОДПИСКА НА **Адресъ ред.: Спб., Большая Итальянск., 8.**

МОЙ ЖУРНАЛЪ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ (10—14 л).

Программу журнала составляютъ: историческіе и бытовые повѣсти и разсказы, сцены для дѣтскаго театра, стихотворенія, статьи по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ и искусствамъ, статьи нравственнаго и религіознаго содержанія и др. Сист. курсъ женскихъ рукодѣлій; смѣсь, игры и забавы. Журналъ богато иллюстрированъ. Въ приложеніи даются: ноты, листы съ узорами и выкройками выр. выкр. для куколъ, раскрашенные узоры работъ и др. Цѣна на годъ: **4** р. и **5** р. съ пер. № 3559

ГОДЪ XIV-й. О ПОДПИСКѢ НА 1889 г.

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки
съ преміею на годъ **8** р. **50** к.
безъ преміи ½ г. **4** „ **25** „
годовые подписчики вносящіе по **4** р. **50** к. за каждое ½ г. пользуются тоже преміею.

Въ С.-Петербургѣ съ доставкою
съ преміею на годъ **9** р. — к.
безъ преміи ½ г. **4** „ **50** „
годовые подписчики вносящіе по **5** р. за каждое ½ г. пользуются тоже преміею.

НА ЖУРНАЛЪ „СТРЕКОЗА"

Журналъ „Стрекоза", вступая въ 14 годъ своего изданія, приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы какъ и прежде быть **первымъ** юмористическимъ изданіемъ въ Россіи, какъ по изяществу рисунковъ, такъ и по разнообразію и игривости текста.

Редакція поспѣшила для этой цѣли пригласить нѣсколько новыхъ художественныхъ и литературныхъ силъ и увѣрена въ совершенномъ успѣхѣ своего новаго 14 года.

Премія нашего журнала на 1889 годъ будетъ носить очень громкое названіе; но будетъ она называться очень громко только потому, что, желая дать въ заглавіи хотя бы приблизительное понятіе о содержаніи преміи, никакъ не возможно назвать ее менѣе громко. № 3524 2—2

Премія будетъ называться:

„ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ ВСЕМІРНАГО ЮМОРА".

Мы имѣемъ въ виду предложить роскошно-иллюстрированный сборникъ, въ составъ котораго войдутъ выдержки изъ произведеній наиболѣе извѣстныхъ юмористовъ: русскихъ, англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, испанскихъ, польскихъ, чешскихъ и др. Эта блестящая, озаривная насъ, идея говоритъ сама за себя. На каждой страницѣ будутъ разсказы, настоящіе перлы и адаманты. Нашъ сборникъ введетъ широко до ушей улыбающагося читателя въ почтеннѣйшую семью наиболѣе веселыхъ и остроумныхъ разсказчиковъ, поэтовъ и философовъ въ мірѣ. Книга вовсе не поступитъ въ частную продажу, потому что было бы грѣшно продавать на наличныя деньги (хотя бы даже и на металлическія) такой великолѣпный и безпримѣрный подарокъ. Утѣшаемъ себя мыслію, что со временъ Гутенберга (съ 1438 г.! смотри „Исторію Среднихъ вѣковъ") никогда не выходила еще изъ-подъ печатнаго станка книга, которая могла бы выдержать хотя бы самое отдаленное сравненіе съ будущею преміею нашего маститаго журнала.

Во всѣ города Имперіи съ пересылкою
съ преміею на годъ **10** р.
безъ преміи ½ года . **5** р.
годовые подписчики вносящіе по **5** р. **50** к. за каждое ½ г. пользуются тоже преміею.

Требованія просимъ адресовать въ главную контору журнала **„СТРЕКОЗА"** (**ГЕРМАНУ КОРНФЕЛЬДЪ**) въ С.-Петербургѣ

За Границу съ пересылкою
съ преміею на годъ. **12** р.
безъ преміи на ½ г. **6** р.
годовые подписчики вносящіе по **7** руб. за каждое ½ год. пользуются тоже преміею.

Издатель **Г. К. КОРНФЕЛЬДЪ.** Редакторъ **И. Ф. ВАСИЛЕВСКІЙ.**

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ
ЧЕШСКО - СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья
въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавесиныхъ, которые превосходнѣе нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантной и прочной отдѣлкой.

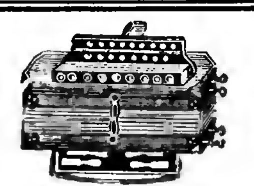
Т. п. адресовать: **въ Кіевъ, В. Ф. Червеному и С.** № 3461

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3555 4—2
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ГАРМОНІИ

русскія и нѣмецкія въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Самоучитель для гармоніи 75 к. и 1 р. и 10 тетрадей нотъ по 50 коп. Пріемъ въ ночнику. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно. Продажа оптомъ и въ розницу.

Рекомендуетъ фабрика музыкальныхъ Mt. инструментовъ № 3557

ДМИТРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АЛЕКСАНДРОВА

Невскій просп., № 53, въ С.-Петербургѣ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ПЕЧИ

переносныя, безъ трубы и усовершенствованный

БЕЗДЫМНЫЙ УГОЛЬ

къ нимъ, можно получать:
1. **Камюзе**, Невскій просп., № 20.
2. **О. Мюллеръ**, Казанская ул., 23, кв. 3. № 3547 2—1

НОВЫЯ ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛОКЪ
„ПРОЧНЫ И ОЧЕНЬ ПРАКТИЧНЫ.

№ 1-й вѣсомъ фунтъ выдерживаетъ елку въ 100 ф. 2 р. 50 к.
№ 2-й вѣсомъ фунтъ выдерживаетъ елку въ 160 ф. 3 р. 50 к.

Бр. ЛИНДЕМАНЪ
Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

Высочайше утвержденное
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ
ПОМОЩЬ
Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премію въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ чиновника, купца, присяжнаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи

а) въ случаѣ смерти страхователя — наслѣдникамъ его капитала въ 5000 рублей;

б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;

в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду—ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.

II. За ежегодную премію въ 100 рублей застрахованное лицо, того-же возраста, пріобрѣтаетъ не только право на полученіе вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обезпечиваетъ его **полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій**, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя—его наслѣдникамъ, въ противномъ же случаѣ **ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.**

Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ преміи, начиная съ 3-го года страхованія, понижаются.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6—4

„НЕДѢЛЯ"
въ 1889 году.

„НЕДѢЛЯ" состоитъ изъ **двухъ** изданій: **газеты**, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ) и **журнала**, выходящаго разъ въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ годъ).

Годовое содержаніе „НЕДѢЛИ" состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Обще-газетной, 2) Политической, 3) Научно-практической, 4) Литературно-критической, 5) Общественно-житейской, 6) Фельетонной, 7) Справочной и 8) Редакціонной.

Въ ежемѣсячныхъ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ" помѣщаются романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать беллетристикой.

Въ вышедшихъ номерахъ и книжкахъ „НЕДѢЛИ" напечатаны статьи *Я. В. Абрамова, И. С. Беллюстина, П. И. Вейнберга, князя М. Н. Волконскаго, Ѳ. Ѳ. Воропонова, барона Р. А. Дистерло, В. Л. Дидлова (Кигна), А. Я. Ефименко, А. Ѳ. Кони, А. Н. и П. Н. Красновыхъ, Н. С. Лѣскова, Евг. Л. Маркова, Д. Д. Минаева, Д. Л. Мордовцева, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонскаго, В. О. Португалова, Л. Рускина, В. А. Тимирязева, графа Л. Н. Толстого, Глѣба Успенскаго, Н. Флеровскаго, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), И. В. Яковлевой* и друг.

№ 3505 3—3

ЦѢНА газеты „НЕДѢЛЯ" вмѣстѣ съ ежемѣсячными „КНИЖКАМИ НЕДѢЛИ"— **девять** руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА на 1889 годъ ОТКРЫТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ", Ивановская, 2.

Редакторъ-издатель **П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.**

V годъ. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** годъ V.
НА
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ",
ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННАГО ЧТЕНІЯ,
ВЪ 1889 ГОДУ.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ" одобренъ для всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ" въ 1889 году дастъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА большаго формата со множествомъ рисунковъ (болѣе двухъ сотъ) и статей исключительно религіозно-нравственнаго характера.

6 ТОМОВЪ литературныхъ приложеній: историческихъ повѣстей и разсказовъ и пр. Каждый томъ не менѣе 10 листовъ.

2 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ, состоящихъ изъ большихъ копій-гравюръ съ картинъ религіознаго содержанія.

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ, великолѣпную, исполненную многими красками копію съ акварели, спеціально написанной для „Русскаго Паломника" **академикомъ Шрейберомъ** и изображающей:

„ВИДЪ АѲОНА ПРИ ЗАКАТѢ СОЛНЦА".

ЦѢНА „Русскаго Паломника" на годъ съ пересылкой и доставкой **ШЕСТЬ** рублей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. 13. № 3545 2—1

НОВОСТЬ.

Въ главныхъ складахъ резиновыхъ издѣлій

ПИХЛАУ и БРАНТЪ
ВЪ МОСКВѢ.

1. **На Петровкѣ**, д. Соколова, рядомъ съ магаз. Вандрагъ.
2. **На Ильинкѣ**, д. бывш. Спиридонова, рядомъ съ Биржей.

Прейсъ-курантъ.

Воротникъ стоячій	— р.	40 к.
„ отложной	— „	60 „
Манишка	1 „	— „
Манжеты	1 „	— „
Галстукъ	— „	40 „
Мыло для чистки бѣлья, за кусокъ	— „	15 „

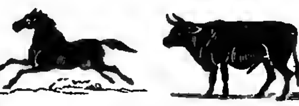
Оптовымъ торговцамъ дѣлается **значительная уступка.**

При заказахъ просимъ прилагать одну треть стоимости въ задатокъ, остальныя деньги могутъ быть переведены наложеннымъ платежомъ. П. № 3520 3—1

---

15 коп. Мышеловки дер. двойн. очень практичныя, американской системы безъ дна, высылаются по почтѣ. Ц. № 3541 3—2

Бр. ЛИНДЕМАНЪ.
Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

На 1889 (IV-й) г.
съ 1-го ноября **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ".
К. МАСЛЯННИКОВА.

Много рисунковъ, практическіе безплатн. отвѣты на вопросы, съ рисунк. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. **Безплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ.** Программа высылается безплатно. № 3521 2—2

На годъ **6 р.** Спб. Надеждинская, № 39.

АДРЕСА всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (C. **HERM. SERBE) Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко. № 3435 5—5

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON
И МЫЛО à la CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16—5

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Двунадесятые праздники и Воскресеніе Христово.

Картины съ молитвами и объяснительнымъ текстомъ А. Н. Бахметовой. (Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Прос. для начальн. училищъ). Удобны для развѣшиванія въ школахъ. Картины рисованы Маковскимъ. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к., на кард. 1 р. 50 к., краш. карт. 2 р.

Календари въ 1889 г. Крестный 15 к., съ перес. 20 к., Крестовый 10 к., съ пересылк. 15 к.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ, кратко изложенныя по руководству Четіихъ Миней А. Н. Бахметевой. Съ прибавленіемъ объясненій главныхъ праздниковъ православной церкви и съ изображеніями святыхъ (около 300 рисунковъ). Отпечатано на лучшей бумагѣ, большаго формата, болѣе 1500 стр. М. 1886 г. Цѣна за весь годъ **5** руб., въ папкѣ съ коленк. кор. **6** руб. съ пер., въ коленк. перепл. въ 4-хъ книгахъ **8** руб съ перес.

ТО ЖЕ ИЗДАНІЕ (безъ рисунковъ), малаго формата, на обыкновенной бумагѣ. (Печатано съ 5-го изданія, одобреннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.). 12 книжекъ. 10-е изд. М. 1886 г. Цѣна **1** р. **80** к., съ пер. **2** руб., въ перепл. въ 3-хъ книг. **3** руб., въ коленк. пер. **4** руб. съ перес.

Эта книга напечатана съ той цѣлью, чтобы дать всякому христіанину богоугодное чтеніе въ праздничные дни. Читатель увидитъ въ ней высокіе примѣры вѣры, любви къ Богу и ближнимъ, терпѣнія среди скорбей и страданій и полной покорности волѣ Божіей.

Земная жизнь Іисуса Христа. Разсказы для дѣтей. (Одобр. Уч. Ком. при Свят. Синодѣ и Мин. Нар. Пр.). Сост. А. Н. Бахметева. Изд. 11-е, съ 15 рисунк. М. 1887 г. Ц. 35 к., въ изящн. папкѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы Сост. А. Гликою. Изд. 9-е. М. 1886 г. Цѣна 35 к., въ изящн. папкѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Кратная исторія христіанской церкви. Сост. протоіереей Богдановъ. 9-е изданіе. Печат. съ одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для употр. въ гимн. и прогимн. въ качест руководства. М. 1888 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп. № 3550

ДѢТСКІЯ КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

Образцовыя сказки русскихъ писателей, собралъ для дѣтей В. П. Авенаріусъ. Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Съ рисунк. Каразина. 2-е изящное изд. М. 1887 г., въ хромолитографир. папкѣ. Ц. 2 р. 50 к., въ изящв. перепл. 3 р. съ перес.

Сказка о Пчелѣ-Мохнаткѣ. Разсказъ для дѣтей. Соч. В. П. Авенаріуса. Удост. первой преміи СПБ. Фребелевск. Общ. и Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Изящ. изд. съ рисунк. М. 1887 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Что комната говоритъ. Разсказъ для дѣтей. Соч. В. П. Авенаріуса. Удост. первой преміи СПб. Фребелевск. Общ. и Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Изящ. изд. съ рисунк. М. 1887 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 коп.

Мурка. Разсказъ О. И. Шмидтъ, для дѣтей младшаго возраств. Удостоен. преміи СПб. Фреб. Общ. Изящно-иллюстр. изданіе крупной печати. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Картинки для раскрашиванія по оригиналамъ въ 5 книжкахъ. Изящное изданіе. Ц. за 5 книжекъ съ перес. 1 р.

Рисованіе по клѣткамъ. Первоначальныя занятія рисованіемъ въ школѣ и дома. Сост. Савеловъ. Изящ. изд. въ 2-хъ отдѣлахъ 219 рисунк. на 44 табл. съ образцами рисованія красками. М. 1888 г. Ц. 40 к., съ перес. 65 к.

Книжка Игрушка, праздничный подарокъ для дѣтей. Сост. Деркачевымъ. Изящно-иллюстр. Ц. въ изящной папкѣ 75 к., съ перес. 1 р.

БИБЛІОТЕЧКА СТУПИНА.

ИЗЯЩНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДѢТСКІЯ КНИЖКИ:

Первинка. Нагл. обуч. по карт.
Азбучка крошка (по звук. способу).
Дѣтскія пѣсенки. Сборн. пѣсенокъ.
Книжка малютка. Сборн. загадокъ.
Бабушкины сказки. Сборн. сказокъ.
Елка. Сборн. шутливыхъ стих.
Дѣтки-малолѣтки. Изъ дѣтск. жизни.
Старинъ-годовикъ. Стихотворенія.
Русскія басни. И. А. Крылова и др.
Собака. Разсказы о собакахъ.
Кошка. Разсказы о кошкахъ.
Обезьяна. Прок. и шутки обезьянъ.
Матушка Москва. Стих. о Москвѣ.
Чудесныя животныя. Зоолог. анекд.
Колосья. Сборн. народн. разсказовъ.
Чародѣй. Сборн. легк. фокусовъ.
Приключенія любопытнаго Коли.
Забава всему приправа.
Задачи и ребусы.
Всего понемногу.
Французская азбучка.
Нѣмецкая азбучка.
Проказы Мишки Топтыгина.
Ариѳметика Крошка въ картинк.
Ручныя тѣни и комнатныя игры.
Маленькій рисовальщикъ.
Поздравительныя стихотворенія.
Степка Растрепка.
Конекъ-Горбунокъ.
Три царства Природы.
Освобожденіе Руск., **Крѣпость.**, **Красный сарафанчикъ.**, **Добрый Паша.** — Одобр. Уч. К. М. Н. П.
Сказка **Царь-Богатырь.**
„ **Илья Муромецъ.**
„ **Добрыня Никитичъ.**
„ **Алеша Поповичъ.**
„ **Садко и Васька Буслаевъ.**
„ **Лисичка-Сестричка.** — Полевого.
„ **О Рыбакѣ и Рыбкѣ.**
„ **О Царѣ Салтанѣ.**
„ **О Купцѣ Остолопѣ.**
„ **О Мертвой Царевнѣ.**
„ **О Золотомъ Пѣтушкѣ.** — Пушкина.

Всѣ вышеозначенныя книжки по 10 коп. На рубль высыл. 10 книж.
Въ одной изящной папкѣ 10 кн. Ц. 1 р. 20 к., въ коленк. пер. 1 р. 50 к.

Сказки А. С. Пушкина, подъ редакціею В. П. Авенаріуса. Изящно-иллюстрированное изданіе, отпечатанное въ большую 8-ю долю листа, крупнымъ шрифтомъ.

М. 1888 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к., на роскошной бумагѣ 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., то же въ изящной папкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл съ перес. 2 р.

Сказка о Конькѣ-Горбункѣ и его господинѣ Иванѣ-Простотѣ. Изящно-иллюстр. изданіе. Ц. въ бум. 30 к., въ папкѣ 40 к., съ перес. 50 к.

Волчекъ. Разсказъ для дѣтей. Сост. гр. Е. Саліасъ. Изящно-иллюстр. изданіе. 1889 г. Ц. въ бум. 30 к., въ папкѣ 40 к., съ перес. 50 к.

Соч. А. С. Пушкина, изданныя для юношества, подъ редакціей В. П. Авенаріуса. Съ біографіею поэта, портретами и снимками съ почерка его, и рисунками М. В. Пестерова.

Томъ I. Стихотворенія и сказки. **Томъ II.** Поэмы и драматическія произведенія. **Томъ III.** Проза.

Въ это изданіе вошло изъ сочиненій Пушкина все доступное и соотвѣтствующее юношескому возрасту. Всѣ миѳологическіе, историческіе и другіе научные имена и термины, намеки на мало извѣстныя личности и частные случаи, а также ближайшіе поводы къ созданію наиболѣе замѣчат. произвед. объяснены въ примѣчаніяхъ къ каждому тому.

М. 1888 г. Ц. за три тома 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к., въ корешк. переплетѣ 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к., въ роскош. перепл. 3 р.

Въ конторѣ издателя-книгопродавца А. Д. СТУПИНА въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. рядомъ съ Ремесленной Управой.

БОЛЬШОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ VI.

„КОЛОСЬЯ“

въ 1889 г. будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ и въ предыдущія пять лѣтъ. Журналъ избѣгаетъ узкой тенденціозности и крайнихъ направленій; его цѣль дать читателю массу **интереснаго** литературнаго, научнаго, историко-публицистическаго и др. матеріала, подходящаго къ общей идеѣ воспитанія эстетическихъ вкусовъ и развитія принциповъ правды, добра и прогресса.

Въ каждой книжкѣ **„КОЛОСЬЕВЪ“** помѣщаются романы и повѣсти, стихотворенія, драмы и комедіи, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Нѣкоторые изъ романовъ, печатавшихся въ „Колосьяхъ“ за истекшіе годы, какъ напр. „Аляковы“ А. Д. Апраксина, въ отдѣльныхъ изданіяхъ имѣли весьма большой успѣхъ. Новый романъ г. Апраксина „Праздные люди“, заканчивающійся въ декабрьской книжкѣ, есть въ сущности первая часть цѣлой серіи задуманныхъ имъ романовъ, имѣющихъ представить полную картину постепеннаго нашего оскудѣнія. Серія эта будетъ продолжаться и въ будущемъ году. № 3536

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ 1889 г. ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

8 р.

На годъ . . . . . . **8** руб.
На полгода . . . . . **5** „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Колосья“, Пушкинская, д. 11.

Редакторъ-Издатель **И. А. Баталинъ.**

Въ книжн. магаз. Петербурга: у Попова, Панафидина, Вольфа, Суворина, Фену и др. кн.
Вновь вышедшая книга—юмористическій романъ

НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ,
ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ.

Похожденія живописца, картины въ лицахъ Мазилкина, Тряпкина, Пачкунова, Баклушабей, Баталина, княжна Батистова и Маша, съ 100 рисунками Буша, текстъ Пальмина. Цѣна 1 руб. **Содержаніе книги:** Изящныя искусства.—Призваніе.—Забавы отрочества.—Признаки творчества и любви.—Финансовыя затрудненія.—Бой и побѣда.—Романическая княжна.—Зарожденіе картины.—Маскарадъ.—Заключеніе.

Рисунки Буша до того смѣшны, что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ. Складъ и продажа: у **Ю. Конденъ,** Москва, М. Бронная, д. Румянцева. Выписывая изъ склада, за пересылку не платятъ. П. № 3430 3—3

большой еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ каррикатуръ, печатаемыхъ красками (хромолитографія). Годовая цѣна съ доставк. и перес. **7** руб., на полгода съ пер. **4** р. – Въ годъ **52 №№** въ формѣ большихъ иллюстрацій. По обилію рисунковъ самый полный юмор. журн. Болѣе **400** рис. и каррик. въ нѣсколько красокъ и около **600** въ одну краску. Множество шутокъ, загадокъ, ребусовъ и пр. **ТЕКСТЪ:** злобы дня—обозрѣніе текущей и бушующей жизни столицы и провинціи, стихотворенія, юмористич. новости, очерки, разсказы, сцены, анекдоты, бубенчики, попурри и проч. Годовые подписчики получаютъ въ январѣ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ**

„ДАМСКІЙ МАСКАРАДЪ“

роскошный альбомъ костюмовъ, работы нашего извѣстнаго художника **Н. А. Богданова.** Альбомъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ, на превосходной **эстампной** бумагѣ и можетъ служить украшеніемъ самой изящной гостиной. Гг. **иногородные** подписчики благоволятъ приложить къ подписной цѣнѣ **60** коп. для пересылки преміи страховою посылкою.—Для гг. служащихъ допускается разсрочка чрезъ ихъ казначеевъ.—Въ теченіе года будетъ печататься **„портретная галлерея извѣстныхъ личностей“.—Адресъ редакціи:** С.-Петербургъ, Невскій пр., № 110. № 3528 3—2

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА,

издаваемая при

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМЪ ВѢСТНИКѢ“.

Программа: *Извѣстія о Государѣ Императорѣ и Членахъ Его Августѣйшаго Семейства.*

Законы и распоряженія высшаго Правительства, какъ относящіеся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія.

Разныя извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ въ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаяхъ; о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; о заведеніяхъ, открываемыхъ для народной пользы; о мастерствахъ и ремеслахъ; объ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; о повальныхъ болѣзняхъ, пожарахъ и другихъ несчастіяхъ. Наставленія и указанія относительно сохраненія здравія; о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній, полезныхъ въ сельскомъ быту, и т. под. *Сообщенія изъ волостей.—Отвѣты редакціи* съ разъясненіями на вопросы подписчиковъ по дѣламъ сельскаго быта.

Объявленія (съ платою со строки мелкой печати 15 к.).

„Сельскій Вѣстникъ“ разсылается **безплатно во всѣ волостныя правленія.**

ДЛЯ ПОСТОРОННИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1889-й годъ:

Для **городскихъ** въ Петербургѣ 1 рубль и за доставку на домъ 1 рубль.

Для **иногородныхъ** 1 рубль и за пересылку по почтѣ 60 к. А лица, желающія получать „Сельскій Вѣстникъ“ **чрезъ волостныя правленія,** платятъ за весь годъ съ почтовою пересылкою 1 рубль. Такимъ подписчикамъ газета будетъ высылаться изъ редакціи на ихъ имя прямо въ волостныя правленія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Правительств. Вѣстника“. въ С.-Петербургѣ. № 3548

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1889 ГОДЪ.

ВЪ МОСКВѢ съ доставкой:		НА ГОРОДА съ пересылкой:		ЗА ГРАНИЦУ:	
на 12 мѣс.	10 р. — к.	на 12 мѣс.	11 р. — к.	на 12 мѣс.	18 р. — к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „	„ 6 „	9 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „	„ 3 „	4 „ 80 „
„ 1 „	1 „ 30 „	„ 1 „	1 „ 50 „	„ 1 „	1 „ 90 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ **въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“,** Чернышевскій пер., близъ Никитской, домъ № 7. № 3549 3—1

Врачебное Управленіе разрѣшило ввозъ и продажу **цвѣточно-благовонной**

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Муррей и Ланманъ, Нью-Іоркъ

въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харькова.

Агенты въ главныхъ городахъ Россіи; просятъ обращаться къ К. Ф. Гейсслеръ, С.-Петербургъ и Эд. Гейне, Харьковъ. № 3478 5—3

При этомъ № прилаг. для гг. иногородн. подп. 2 объявл.: 1) отъ Банкирск. Конт. Ф. А. Клима въ Спб.; 2) отъ К. Е. Киселева въ Москвѣ (посл. за искл. моск. подп.).

Дозвол. ценз., СПБ., 30 ноября 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 10 декабря 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Водопой близь Лѣтняго сада въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") баронессы **Э. В. Врангель**, грав. Ольшевскій.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XIX.

Филиппъ опустилъ голову и, будто забывъ гдѣ онъ, вдругъ глубоко задумался. Наступило молчанье. Мамушка пристально глядѣла на него и соображала: отчего ей становится такъ жутко и отъ его словъ, и отъ его усмѣшки, въ которыхъ чудится что-то недоброе и зловѣщее.

Филиппъ вздохнулъ, пришелъ въ себя и вымолвилъ веселѣе:

— Ну, разсказывай ты мнѣ, Ариша, все о сестрѣ. Мнѣ надо все знать. Мало того, мнѣ нужно повидать ее, по-зарѣзъ нужно. Ради Создателя, помоги ты мнѣ въ этомъ. Одинъ разокъ только повидаться мнѣ съ Клёной, а тамъ ужь я... Ну, да это мое дѣло. А ты говори мнѣ все. Гдѣ она и что? И какъ мнѣ съ ней повидаться?

Арина Матвѣевна кратко объяснила Филиппу то положеніе, въ которомъ находится Клёна въ домѣ бригадира. Сначала она не хотѣла вдаваться въ подробности, собиралась утаить самое главное, но понемногу, видя, насколько трогало и волновало все Филиппа, Арина Матвѣевна не удержалась и подробно передала все происшедшее за время ихъ разлуки.

— Почему же мудритъ онъ надъ вами, Герасимъ-то этотъ? произнесъ уже не въ первый разъ Филисовъ.

Но каждый разъ на этотъ вопросъ Арина Матвѣевна или не отвѣчала, или отвѣчала неопредѣленно, неясно и ничего не объясняющими словами.

— Погоди, мамушка, я тебя въ который разъ спрашиваю: за что́ же все это? Почему ты говоришь, вся жизнь твоя и сестрина прахомъ пошла, хоть ложись и умирай? Надъ вами надсѣдается, потѣшается дворовый холопъ, а вы по его дудкѣ пляшете, якобы ученые медвѣди какіе. Я спрашиваю, почему такъ, а ты не отвѣчаешь. Говори толкомъ.

Арина Матвѣевна снова начала туманными фразами путать что-то.

— Опять ты за свою околесную, мамушка. Не хочешь, стало быть, этого пояснить, почему холопъ дѣдушкинъ вами помыкаетъ, этакую власть забралъ? Ну, что же? прибавилъ Филиппъ, видя что Арина Матвѣевна сидитъ, опустивъ голову, молчитъ и даже не собирается отвѣчать.—Что же, скажешь ты мнѣ?

Арина Матвѣевна вздохнула и молча потрясла головой.

— Нѣту, голубчикъ, не скажу.

— Вотъ и здравствуйте! грубовато разсмѣялся Филиппъ.—Ну, а если я помочь вамъ обѣщаюсь въ этомъ дѣлѣ, тоже не скажешь?

— Помочь ты не можешь.

— Это ты говоришь, а я говорю: могу. Нѣтъ того дѣла, въ которомъ я не могъ бы помочь. Ты, мамушка, не гляди, что мнѣ шестнадцатый годъ. Я такіе виды видалъ за эти полгода съ небольшимъ, какихъ иной во всю жисть свою не увидитъ. Я теперь не тотъ барченокъ Филиппъ, который съ другими мальчишками озорничалъ на улицахъ московскихъ. То были цвѣточки, а потомъ пошли ягодки. А теперь-то ужь пошло такое, чему и названія не придумаешь. Если я говорю, что помочь могу, то не зная дѣла, всетаки скажу: нѣтъ того, въ чемъ бы я не могъ быть въ помощь. А ради сестры я теперь на все пойду. Моя жизнь—не каторга, хуже того. И сатанѣ, почитай, лучше живется, чѣмъ мнѣ. И вотъ самъ не знаю почему теперь, когда я узналъ отъ тебя, что сестра жива и въ несчастіи, горѣ, я ее какъ-то чудно, сразу вотъ будто, полюбилъ шибко. Мнѣ все думалось, что она какъ сыръ въ маслѣ катается и это меня инъ бывало озлобляло. Зависть что-ль брала! А коль скоро и она, бѣдная, горе мыкаетъ, какъ я, только на свой образецъ, то я ей помогу. Ну, такъ не скажешь, чѣмъ васъ этотъ Герасимъ обвязалъ?

— Нѣту, голубчикъ, не могу и не скажу. Хоть убей вотъ, не скажу.

— Ну, какъ знаешь. Такъ говори, какъ мнѣ съ сестрой повидаться.

— Да просто, голубчикъ, ступай къ дѣдушкѣ. Онъ, можетъ, тебя проститъ и приметъ въ домъ. Въ одинъ день перемѣнишь и одёжу свою, да и лицомъ недѣльки въ двѣ исправишься, опять бариномъ будешь.

Филиппъ громко разсмѣялся: но смѣхъ этотъ снова заставилъ Арину Матвѣевну приглядѣться къ нему и вздохнуть.

— Чудно ты смѣешься, Филиппушка. Отъ твоего смѣха такъ инда по спинѣ морозъ пробираетъ. И что же тебѣ тутъ смѣшнаго кажетъ — идти къ дѣду прощенья просить?

— Объ этомъ, мамушка, толковать нечего. Идти мнѣ къ бригадиру дѣду въ ноги кланяться, прощенья просить и зажить въ его домѣ такъ же возможно, какъ подскочить, да верхомъ на луну сѣсть.

— Онъ тебя проститъ, вѣрно тебѣ сказываю.

— Онъ-то проститъ, да другіе-то не простятъ.

— Кто? Что́ ты путаешь?

— Ну, объ этомъ нечего толковать. Ты своей тайны сказывать не хочешь, я моей тебѣ не скажу. Идти открыто въ домъ дѣда мнѣ нельзя. А видѣться съ сестрой мнѣ нужно, по-зарѣзъ нужно, и не ради себя, скажу, а больше ради ея самой. Теперь у меня два дѣла: первое ее изъ бѣды выручить, а потомъ ужь попробовать и себя съ того свѣта на этотъ опредѣлить.

— Чудно ты сказываешь.

— Не чудно, мамушка. Я, почитай, мертвый человѣкъ; оттого мнѣ и нельзя къ дѣду идти. Прежде надо снова опредѣлить себя въ живые. А вотъ говори мнѣ, какъ сестру-то повидать.

Послѣ долгаго разговора и увѣщаній молодца, Арина Матвѣевна пришла къ тому убѣжденію, что повидаться Филиппу съ сестрой нѣтъ никакой возможности, иначе какъ у ней въ кельѣ.

Но Филиппъ на это ни за что́ не соглашался.

— И этого нельзя, Аринушка, мотнулъ головой Филиппъ.—Я тебѣ самое главное позабылъ сказать. Если ты не хочешь меня губить, то не сказывай игуменьѣ или кому здѣсь въ монастырѣ, кто у тебя былъ. Не называй меня Филисовымъ. Коли назовешь, то ты меня безъ ножа зарѣжешь. Вотъ тебѣ передъ Богомъ правду говорю. Скажи, что былъ у тебя какой ни на есть человѣкъ изъ дворовыхъ, Филисовскихъ людей.

— Вона оно какъ! изумилась Арина Матвѣевна.

— Да, коли хочешь зарѣзать безъ ножа, такъ и брякни, что я Филисовъ. Ну вотъ поэтому и нельзя мнѣ у тебя съ сестрой повидаться. Всякій пойметъ, что ты сладила свиданіе барыни Филисовой съ какимъ-то парнемъ. А кто этотъ парень? Ужь, конечно, не мѣщанинъ какой, богомолецъ изъ Іерусалима. Да и лицомъ-то мы схожи. Теперь не догадались, а увидятъ меня здѣсь въ одинъ часъ съ сестрой, сейчасъ догадаются, кто я. И конецъ мнѣ. Прямо отъ тебя и иди къ палачу подъ плети.

— Вона какъ! ахнула опять Арина Матвѣевна.

— Да, а ты полагала какъ? Нѣтъ, мамушка, надо иначе надумать. Нельзя ли мнѣ какъ забраться къ сестрѣ тайкомъ? Ты сказывала, что Козляниновъ передъ исчезновеніемъ своимъ бывалъ у васъ черезъ чердакъ. Вотъ я тѣмъ же путемъ и могу.

— Ахъ нѣтъ, тѣмъ же путемъ избави Богъ! вздохнула Арина Матвѣевна.

— Почему такъ?

Мамушка не стала объяснять, но трясла головой и не совѣтовала лѣзть къ Клёнѣ чрезъ слуховое окно.

— Да инако нельзя, пойми, горячо убѣждалъ женщину Филисовъ.

Кончилось тѣмъ, что Арина Матвѣевна подробно передала своему питомцу какимъ образомъ, въ какое время можетъ онъ пробраться къ сестрѣ, черезъ садъ, по лѣстницѣ и затѣмъ черезъ чердакъ проникнуть въ ея горницы на вышкѣ.

— Ну вотъ, спасибо, веселѣе выговорилъ Филиппъ, и въ первый разъ онъ улыбнулся просто, какъ бывало прежде.

— Только боюсь я, голубчикъ мой, не было бы отъ этого бѣды какой.

— Какая же бѣда, мамушка? Никто не увидитъ. Я тоже ночью вѣдь пролѣзу. А чтобы ее не испужать, да чтобы дверь съ чердака не приперъ кто, такъ ты ей скажи, что будетъ къ ней братъ. Быть можетъ, мы съ нею только разъ или два свидимся. А тамъ ужъ до втораго пришествія отложится свиданіе, до возстанія всѣхъ мертвыхъ изъ гробовъ. Ну, а теперь, порѣшивши всѣ дѣла, дай ты мнѣ хлѣбца; у меня со вчерашняго дня ни маковой росинки во рту не было.

Арина Матвѣевна ахнула, вскочила, достала хлѣбъ изъ шкафчика и затѣмъ стала среди горницы, потирая себѣ лобъ рукою. Наконецъ она произнесла:

— Обожди малость: хоть осрамлюсь, а ужь раздобуду я тебѣ говядинки.

И Арина Матвѣевна быстро вышла изъ кельи. Филиппъ, оставшись одинъ, глубоко и тяжело задумался, понурившись и сгорбившись на стулѣ. Наконецъ онъ зашепталъ вслухъ:

— Да... Лихое житье. И за что̀! Ну, мнѣ еще по дѣломъ. За грѣхи, за непочтенье родителей и всякую мерзость. А за что̀-же бѣдняга-сестра горе мыкаетъ? Даже мамка наша до монастыря домыкалась, за всю свою любовь къ намъ. Нѣтъ, шалишь, злая судьба! Я на всякое преступленье законовъ пойду, а бѣдную сестренку спасу. За это спасенье мнѣ многіе мои грѣхи отпустятся на томъ свѣтѣ. А на этомъ—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

XX.

Разумѣется, на другой день монахиня Анастасія отправилась въ домъ бригадира повидаться со своей питомицей.

Здѣсь, несмотря на ея постриженіе, на одежду, всѣ продолжали звать ее Ариной Матвѣевной, а Клёна—мамушкой. Каждый разъ, что она появлялась въ домѣ, всѣ обитатели его принимались за старые толки и догадки:

— Съ чего это наша мамушка пошла въ монастырь? Что̀ за притча?

Побывавъ у барыни Марьи Евграфовны на одну минуту, чтобы поклониться ей ради приличія и передать просвирку, вынутую за ея здоровье, бывшая няня тотчасъ же поднялась наверхъ, въ горницы своей Клёны. Дѣвушка и няня, какъ всегда, крѣпко обнялись и тотчасъ же расплакались.

Няня не видала Клёну уже давно. Первый вопросъ ея былъ, конечно, о томъ, какъ живется, что̀ новаго, что „онъ“. Клёна съ отчаяньемъ въ голосѣ передала нянѣ все что̀ съ нею было, свою кражу, отказъ Братолюбцева жениться на ней и затѣмъ прибавила:

— И это не все, мамушка... Есть еще худшее, горшее... Совсѣмъ конецъ мнѣ приходитъ. Затянуться въ петлю осталось или утопиться, другаго спасенія отъ мучителя нѣту.

И Клёна, стыдясь, невольно зарумянившись, передала нянѣ своей намеками, что послѣднія преслѣдованія Герасима горше первыхъ и грозятъ уже не одной дворянской, а и дѣвической ея чести.

Арина Матвѣевна, едва только поняла, вскочила со стула и, задохнувшись, выговорила:

— Господи помилуй! Да что̀ же это! Каково! Холопъ! Ахъ, сатана!

И, снова опустившись на мѣсто, она понурилась и послѣ долгаго молчанія произнесла:

— Какъ же быть? Когда-же конецъ-то будетъ? И впрямь топиться тебѣ или въ монастырь идти къ намъ.

— Да, мамушка, я и то думала постричься. Другаго спасенья мнѣ нѣту. Лучше постричься чѣмъ убійствомъ душу свою загубить. Да и скорѣе надо. Онъ грозится.

Извѣстіе, сообщенное Клёной, настолько поразило Арину Матвѣевну, что она даже позабыла, съ чѣмъ пришла въ домъ, и только вопросъ Клёны заставилъ ее вспомнить о молодомъ Филисовѣ.

— Ну что, мамушка, какъ ты въ монастырѣ поживаешь? спросила Клёна.

— Ахъ, Создатель мой, забыла я! воскликнула Арина Матвѣевна.—Вѣдь я къ тебѣ съ удивительною вѣстью. Братецъ твоей живъ оказался, былъ у меня.

— Что ты, няня! Нашелся? Гдѣ же онъ? Отчего же онъ не идетъ сюда къ дѣдушкѣ? закидала Клёна вопросами няню, и лицо ея оживилось, засвѣтилось радостью, которой давно уже не было у нея.

Арина Матвѣевна подробно разсказала все что́ знала про Филиппа, передала и свое впечатлѣніе, произведенное его фигурой, даже одеждой.

— Это все ничего, воскликнула Клёна.—Можетъ, онъ, дѣйствительно, во всякихъ бѣдахъ былъ. Если было у него много тяжелаго и горькаго, то это его обучило, онъ теперь остепенится. Надо, чтобы онъ пришелъ сюда, просилъ прощенья у дѣдушки. Можетъ-быть тогда и я останусь и мы вмѣстѣ заживемъ. Онъ, можетъ быть, поможетъ мнѣ какъ-нибудь и отъ моего злодѣя избавиться. При немъ Герасимъ побоится такъ поступать.

Но мамушка объяснила Клёнѣ, что на предложеніе ея явиться въ домъ и просить прощенья у дѣда, Филиппъ отказался наотрѣзъ, говоря, что это невозможно, что это равносильно совершенной его погибели. Затѣмъ она передала Клёнѣ, что Филиппъ непремѣнно хочетъ видѣться съ нею, но не иначе, какъ тайкомъ и у нея въ мезонинѣ.

— Онъ хочетъ пробраться къ тебѣ такъ же какъ бѣдный Николай Ивановичъ бывалъ, сказала няня.

— Ахъ, нѣтъ, вдругъ тоскливо оживилась Клёна.— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Помилуй Богъ! Боюсь, опять какая бѣда будетъ. Лучше у тебя въ монастырѣ, мамушка.

Но Арина Матвѣевна снова объяснила, что на это Филиппъ согласиться не можетъ, боясь, что свиданіе его съ сестрой навлечетъ на него подозрѣніе.

— Онъ, родимая моя, заговорила няня,—по всему видать, скрывается отъ начальства, да и отъ всѣхъ людей. Онъ боится, что если у меня съ тобой посидитъ, то сейчасъ признаютъ его; а какъ узнаютъ, что онъ твой братъ, Филисовъ, такъ, говоритъ, ему бѣда.

— Почему же? За что̀?

— Этого онъ не сказалъ и я не знаю. Вотъ увидитесь, сама все у него выспросишь. Тебѣ, можетъ, онъ и скажетъ.

— Говорила ли ты ему про мое житье?

— Все говорила.

— И про это... Клёна запнулась,—ну, про это наше великое горе... Про смерть Коли, какъ она приключилась. И это сказала?

Ангелъ-Хранитель. Съ картины профессора Б. Плокгорста, грав. Брендамуръ.

— Нѣту, золотая моя, про его страшную кончину я не разсказывала; сказала: онъ—пропащій не вѣдомо гдѣ и какъ. Это ужь твое дѣло. Хочешь, все ему скажешь.

Клёна вздохнула, задумалась, а потомъ вымолвила спокойнѣе и съ оттѣнкомъ чувства въ голосѣ:

— Да, увидимся. Ему я скажу, мамушка. Ему я все скажу. Что же, это не преступленіе какое, не убійство. Мы и ни въ чемъ не повинны. Ему я все скажу. Я рада его видѣть. Можетъ, мнѣ отъ него совѣтъ какой и заступленіе будетъ. Онъ хоть и молодъ, почитай, мальчикъ, а сама ты говоришь, глядитъ теперь взрослымъ. Такъ пускай приходитъ. Это иное дѣло, его посѣщенія ночью я не боюсь. Что же, онъ братъ родной. Если увидятъ его, поймаютъ, ну, я скажу дѣдушкѣ, что ему хотѣлось повидаться со мною, а къ нему онъ идти боялся. Вотъ и пришелъ ночью черезъ лѣстницу на чердакъ. Когда ты его увидишь?

— Нынѣ или завтра обѣщалъ быть.

— Ну, такъ и скажи, пускай приходитъ скорѣе, мнѣ хочется его повидать. Одинъ онъ теперь у меня на свѣтѣ,—да и несчастный, сказываешь ты. Видно, судьба наша такая, и его и моя. Обоимъ суждено горе мыкать. Онъ мнѣ свое скажетъ, я ему свое, намъ и легче будетъ. Можетъ, вмѣстѣ мы какъ-нибудь и выпутаемся. У меня вѣдь все, мамушка, бываетъ глупая надежда изъ всѣхъ этихъ горестей выбраться. И другую жизнь начать. Или прямо, говорю, идти топиться, отъ мучителя.

Арина Матвѣевна ушла, а Клёна весь день и вечеръ чувствовала себя какъ на угольяхъ. Она не надѣялась увидать брата въ ту же ночь, будучи увѣрена, что няня не успѣетъ повидаться съ Филиппомъ. Слѣдовательно, ей приходилось ждать его еще весь завтрашній день.

Клёна отчасти удивлялась чувству, съ которымъ она ждала свиданія съ братомъ. Они никогда не были дружны: Филиппъ слишкомъ грубо и дерзко обращался и съ нею, и съ родными. Онъ съ самаго ранняго дѣтства обижалъ ее, билъ и озорничалъ на всѣ лады, за что его никто и не любилъ въ семьѣ. Когда же онъ подросъ, то окончательно возбуждалъ къ себѣ въ сестрѣ или презрѣніе, или ненависть.

Такъ какъ Филиппъ долженъ былъ чаще всего выслушивать нравоученія отъ своей няни, то на нее и нападалъ наиболѣе. Онъ не только бранился постоянно съ Ариной Матвѣевной, но часто кидался на нее съ кулаками; она должна была поневолѣ защищаться и между ними невольно происходила настоящая драка, въ которую вступалась Клёна, защищая свою Аришу. Теперь, съ тѣхъ поръ такъ много воды утекло, такъ много случилось неожиданнаго, страшнаго, что этотъ безъ вѣсти пропадавшій братъ, оказавшійся однако въ живыхъ, сталъ сразу для Клёны совершенно инымъ человѣкомъ. Она чувствовала себя за послѣднее время настолько обойденною судьбой, настолько одинокою и несчастною, что вѣсть о существованіи роднаго брата и мысль о свиданіи съ нимъ потрясла все ея существо.

„Все-таки родной братъ“, думала она и повторяла ежеминутно вслухъ. Еще не повидавъ его, зная только, что онъ несчастный, что лицо у него худое, постарѣвшее, что по всему судя онъ прошелъ черезъ такое-же мытарство, какъ и она, Клёна уже любила этого недавно ненавидимаго брата. Она ждала и волновалась теперь, если не съ тѣмъ же чувствомъ, то почти съ тѣмъ-же нетерпѣніемъ, какъ когда-то, въ ту злополучную ночь, когда явился сюда на вышку ея дорогой и нынѣ погибшій женихъ.

Клёна, увѣренная, что увидитъ брата только черезъ сутки, тѣмъ не менѣе осталась сидѣть у окна поздно вечеромъ. Радуясь, что ночь очень темна, она все надѣялась, что если няня успѣетъ повидаться съ братомъ, то онъ явится въ эту же ночь.

И надежда не обманула ее. Былъ уже часъ одиннадцатый часъ. Клёна собиралась уже идти спать, какъ вдругъ ей почудилось что-то около забора, примыкающаго къ дому. Темная фигура отдѣлилась отъ забора и пробиралась къ лѣстницѣ.

Клёна ахнула и перекрестилась. Въ ней сказался какой-то суевѣрный страхъ, она молилась о томъ, чтобы посѣщеніе брата окончилось благополучнѣе, чѣмъ когда-то другое ночное посѣщеніе.

Фигура съ быстротой и невѣроятною ловкостью промелькнула по лѣстницѣ, поднимаясь на крышу, и исчезла прежде, чѣмъ Клёна успѣла придти въ себя.

Въ то же мгновенье она вышла изъ своей горницы, прошла черезъ площадку, растворила дверь на чердакъ и ждала напряженно и трепетно... Кто-то въ темнотѣ тихо произнесъ:

— Клёнушка?

Въ этомъ голосѣ Клёна не узнала знакомаго голоса брата.

— Филиппъ? выговорила она съ легкимъ страхомъ.

— Я, родная моя. Я—Филиппъ.

И братъ въ темнотѣ крѣпко, страстно обнялъ ее и сталъ горячо цѣловать. Лицо его было влажно отъ слезъ.

Черезъ минуту братъ и сестра были въ горницѣ. Клёна заперлась на крючокъ и, приблизивъ брата къ столу, гдѣ горѣла свѣча, такъ и ахнула.

— Ты ли это, Филиппушка? Господь съ тобой! Правду сказывала мамка. Ты ли это? Узнать тебя нельзя.

И несмотря на все то, что̀ разсказала своей питомицѣ Арина Матвѣевна о перемѣнѣ, происшедшей въ ея братѣ, Клёна невольно все-таки изумилась.

Вмѣсто полудѣтскаго лица, которое портила только чрезвычайная дерзость выраженія, теперь она увидала лицо не старое, но со страннымъ старчески-унылымъ и жесткимъ выраженіемъ.

— Что̀ съ тобой было? Говори. Мнѣ ты долженъ все разсказать, всю правду. И я тебѣ все разскажу про себя: чего мамушка не хотѣла сказать—и то скажу. Все выложу и ты то же сдѣлай. Мы вмѣстѣ, можетъ быть, скорѣе какъ-нибудь изъ нашихъ бѣдъ выпутаемся.

— Мое горе, Клёна, простое и короткое, выговорилъ Филиппъ, улыбаясь, и улыбка эта точно такъ же подѣйствовала на Клёну, какъ и на Арину Матвѣевну.

— Чудно ты ухмыляешься, произнесла и она,—не то насмѣхаешься злобно, не то плачешь. Ну, сказывай, все сказывай.

XXI.

И Филиппъ подробно разсказалъ сестрѣ всѣ свои похожденія, какъ его товарищи и друзья, конечно, народъ на половину беззаконный, заманили его въ свои разныя затѣи и продѣлки и кончилось тѣмъ, что онъ очутился въ числѣ бунтовщиковъ на Красной площади, сражавшихся съ полиціей, а затѣмъ съ Великолуцкимъ полкомъ.

По усмиреніи чумоваго бунта, Филиппъ, отличившійся не въ мѣру, былъ особенно замѣченъ, взятъ и посаженъ въ острогъ. Затѣмъ его судили въ коммисіи, въ которой предсѣдалъ знаменитый графъ Орловъ, и приговорили въ ссылку въ Сибирь на пятнадцать лѣтъ.

— Какже мы этого ничего не знали? воскликнула Клёна, со слезами на глазахъ, когда братъ кончилъ свое повѣствованіе.

— Не мудреное дѣло, Клёнушка, что ты не знала, но бригадиру-дѣду оно все извѣстно. Я тогда же просилъ его заступничества, но онъ чрезъ власти городскія отвѣтствовалъ: „по дѣламъ вору и мука“. Онъ просилъ даже сослать меня подалѣе и на вѣчныя времена.

— Но я-то ничего не знала, воскликнула Клёна.

— Онъ, видно, не хотѣлъ тебѣ сказывать, чтобы не огорчать тебя, что твой братъ родной въ острогѣ и въ Сибирь ссылается.

— Но какже ты теперь-то на свободѣ?

— А вотъ этого, Клёнушка, прости ужь, я тебѣ не скажу. Скажу только, что изъ острога я освободился и въ Сибирь не пойду. Что дѣлать мнѣ, самъ не знаю; хоть бѣжать да топиться, такъ же какъ и ты сказываешь. Но почему я на свободѣ и не ушелъ въ ссылку съ другими, этого, прости, я тебѣ не скажу. Не нужно оное тебѣ знать, толку никакого. Скажу только, что изъ-за этого самаго я не могу видѣться съ тобою явно. Я въ Москвѣ живу, укрываясь отъ всякой власти; какъ меня поймаютъ, такъ мнѣ и идти въ Сибирь. Потому я не могу явиться и къ дѣду за прощеніемъ.

— Что-же ты будешь дѣлать? И что это за тайна такая? Почему ты не хочешь сказать мнѣ?

— Этого я тебѣ не скажу ни за что теперь: тамъ современемъ, черезъ годъ что-ли, видно будетъ. Если я уйду куда далеко, верстъ за тысячу отсюда, коекакъ устроюсь, начну жить, вѣстимое дѣло, не на прежній озорной ладъ, а по Божьему, то я тебѣ отпишу. Если къ этому времени помретъ дѣдъ и ты будешь богата, ты мнѣ поможешь. Куда бы я ни ушелъ, я все-таки тебѣ отпишу чтобы ты знала, гдѣ я и что я. А теперь я захотѣлъ съ тобой повидаться не ради себя: мое дѣло теперь пропащее, о немъ и думать, и говорить нечего. А твое дѣло надо справить! Вотъ чтобы помочь тебѣ въ твоемъ горѣ, для этого я и пришелъ. Арина Матвѣевна разсказала мнѣ все, а вмѣстѣ съ тѣмъ я ничего не знаю и ничего не понимаю. Знаю я только, что надъ вами обѣими потѣшался и теперь надъ тобою мудритъ холопъ дѣдушкинъ, Герасимъ. Вертитъ онъ тобою какъ ему вздумается, на всякое тебя преступленіе толкаетъ, а почему все это—мамка наша сказать мнѣ не захотѣла. Скажи ты. И не ради глупаго любопытства спрашиваю. Божусь тебѣ Господомъ, что прозакладую я хоть тысячу разъ свою душу, а помогу тебѣ въ твоемъ дѣлѣ. Пойми, Клёнушка, что послѣ всего что со мною было, мнѣ все возможно, мнѣ ничего не страшно. И тебѣ скажу, какъ мамкѣ, не гляди, что мнѣ шестнадцатый годъ. Я истерзанъ на всѣ лады. Пойми ты, что въ острогѣ высидѣлъ я четыре мѣсяца со всякими разбойниками, головорѣзами и душегубами, два раза меня самого чуть не зарѣзали. Одинъ разъ я поневолѣ, защищаясь, другаго зарѣзалъ.

— Какъ зарѣзалъ? вскрикнула Клёна.

— Да такъ. Арестантъ-товарищъ хотѣлъ меня убить съ тѣмъ чтобы изъ-подъ меня рубль денегъ достать. Ну, я долженъ былъ отъ него себя уберечь, сцѣпились мы... У меня ножъ былъ... Я ударилъ. Да такъ потрафилось, что его на мѣстѣ... Да что про это вспоминать...

— Господи помилуй! произнесла Клёна, закрывая лицо руками.

— Да. Такъ-ли, иначе-ли, а выходитъ: похерилъ человѣка. Правда, онъ былъ душегубъ, много погубилъ народу. Грѣхъ-то легче кажетъ. Ну, а все-таки...

Наступило молчаніе. Клёна тихо плакала и въ головѣ ея вертѣлась мысль: „Господи, какое существованіе! И ей плохо, а ему-то много хуже было“.

— А знаешь ли ты, вдругъ заговорила Клёна дрожащимъ голосомъ,—повѣришь-ли ты, Филиппушка, что вотъ эти мысли приходили и мнѣ. Вотъ какое мое житье-бытье.

— Какія мысли?

— Мысли, Филиппушка, тѣ-же. Убить человѣка. Да, этотъ злодѣй настолько измучилъ меня, что мнѣ приходило на умъ, взяла-бы я ножъ или топоръ и убилабы его.

— Ну вотъ объ этомъ-то дѣлѣ ты мнѣ все и скажи. Не тебѣ, барышнѣ, брать въ руки топоръ, ты ужь это дѣло предоставь другимъ. Скажи ты мнѣ, почему и за что Герасимъ мучаетъ и всячески изводитъ тебя.

— Ахъ, ужь не знаю какъ быть... вымолвила Клёна.— Обѣщалась я тебѣ все сказать, а теперь и не знаю. Да зачѣмъ тебѣ оно нужно? Ты знаешь, что Герасимъ меня измучилъ, со свѣту сживаетъ. Коли можешь мнѣ помочь, помоги. А почему все это такъ, что-же тебѣ?

— Нѣтъ, дорогая моя, такъ нельзя. Я пойду на все и избавлю тебя отъ этого Герасима, въ этомъ я тебѣ клянусь Богомъ. Поэтому мнѣ нужно знать, какимъ образомъ этотъ человѣкъ взялъ надъ тобой такую власть. Ты должна мнѣ все разсказать.

Клёна вздохнула и, собравшись съ силами, начала было говорить, но тотчасъ-же заплакала, а потомъ начала горько рыдать.

— Полно, тише, вымолвилъ Филиппъ.—Вѣдь и внизу услыхать могутъ. Тишина ночная! Полно, сестрица.

И только мысль о неосторожности, о томъ, что могутъ услыхать ея рыданія въ домѣ, заставила Клёну переломить себя и сдерживаться.

— Я скажу прямо, заговорила Клёна.—Я не могу долго говорить объ этомъ. Я и вспоминать не хочу. Боюсь какъ-то. Слушай. Тому назадъ давно, сколько времени ужь и не знаю, предъ праздниками что-ли, зимой, былъ здѣсь у меня тайкомъ мой Коля, женихъ мой. Разъ, два былъ онъ, три-ли раза, четыре-ли—ужь и не помню. Уговаривались мы бѣжать, такъ какъ дѣдушка на бракъ нашъ не соглашался. И вотъ одинъ разъ вечеромъ, придя, онъ почувствовалъ себя худо, да такъ худо, что не могъ обратно идти. Мы съ мамушкой волей-неволей оставили его на сутки, то есть до слѣдующаго дня, чтобы вечеромъ онъ выбрался изъ дому. Но за-ночь онъ совсѣмъ расхворался, а къ утру уже бредилъ. Приключилась съ нимъ вдругъ все та-же болѣзнь, но только по второму разу...

— Моровая? вымолвилъ Филиппъ.

— По всему вѣроятію, моровая.

— И здѣсь у тебя онъ отъ чумы и скончался?

— Да, вотъ рядомъ въ этой горницѣ... Отъ чумы... Но не одна она виновата... Мы съ Аришей виноваты. Можетъ-быть онъ поправился бы... Но мы, по оплошности, убили его... Охъ, не хочется говорить объ этомъ! Тяжко это вспоминать...

Клёна замолчала, заплакала тихо, потомъ продолжала снова:

— Что-жь было дѣлать съ покойникомъ! Надо было вѣстимо идти къ дѣду, броситься въ ноги и покаяться, что Коля пришелъ тайкомъ и померъ у насъ. Что-же намъ тогда бы сдѣлали? Ничего. Срамъ великій, да. Но только срамъ! А теперь что-же вышло?! Мы съ мамушкой перепугались на смерть, когда оказалось, что онъ у насъ покойникъ, совсѣмъ оробѣли и разума лишились, не знали что дѣлать. Хотѣли сами бѣжать изъ дому, а его оставить. Стало быть, голову потеряли. Мамушка рѣшила, что ни за какіе алтыны въ свѣтѣ она не допуститъ моей погибели и позора, а что дѣло уладитъ инако. И вотъ она обратилась къ этому злодѣю Герасиму и все ему разсказала правдиво, и онъ вызвался взять тѣло. И той же ночью, какъ—не знаю, спустилъ несчастнаго Колю по лѣстницѣ, и куда дѣвалъ, зарылъ ли или...

Но Клёна не могла договорить и снова начала рыдать.

— Вотъ и все? выговорилъ послѣ паузы Филиппъ.

— Все.

— И съ этого все и пошло?

— Сейчасъ же. Какъ онъ только освободилъ насъ отъ тѣла бѣднаго Коли, такъ запуталось все. Началъ тащить вещи... Потомъ началъ...

— Знаю это все, выговорилъ Филиппъ.—Началъ съ того, что обобралъ все твое приданое, потомъ воровать тебя заставилъ, а теперь уже наровитъ... Языкъ не поворачивается вымолвить! Такъ вотъ изъ-за чего мудритъ онъ надъ вами? Ахъ, ты бѣдная! Какъ же было не пойти къ дѣду, не сказать всего? Было бы на два, на три дня суматохи, было-бы много пересудовъ въ

Москвѣ, осрамилась бы ты, правда... А теперь-то что-же? Теперь вѣдь ты совсѣмъ погибаешь.

— Да, кабы знать. Я и хотѣла идти прощенья просить и все дѣду разсказать, но мамушка сказала: „мы въ Сибирь пойдемъ". А теперь она сама кается, да поздно.

И Клёна замолчала. Филиппъ сидѣлъ противъ нея, глядя сестрѣ въ лицо, но очевидно тоже глубоко задумавшись. Наконецъ онъ едва замѣтно улыбнулся своею странною улыбкой и выговорилъ:

— Ну вотъ, стало-быть, все-таки первое доброе дѣло приходится мнѣ дѣлать. И злое дѣло, и вмѣстѣ доброе дѣло. Стало-быть, мнѣ теперь есть забота. Ну, Клёнушка, какъ по твоему? Надо вѣдь отъ Герасима тебя избавить? Надо его похерить? Такъ-ли?

Клёна удивленно посмотрѣла въ лицо брата и промолчала.

— Другаго вѣдь нѣту ничего, не надумаешь. Надо Герасима похерить. Надо его убить.

— Чтò ты, Филиппушка, Богъ съ тобою!

— Чтò дѣлать. Инако нельзя. Да вѣдь ты и сама, говоришь, думала объ этомъ.

Клёна не отвѣчала и понурилась.

— Ну вотъ это я и сдѣлаю.

— Какъ! Самъ!? встрепенулась Клёна.

— Нѣтъ, зачѣмъ. Да это ужь ты брось, это не твое дѣло. Я обѣщаю тебѣ, что отъ Герасима тебя избавлю. И тогда твоя жизнь опять наладится; можетъ, опять найдется тебѣ и женихъ.

— Нѣтъ, это ужь дѣло конченное, я замужъ не пойду. Вѣдь я все-таки помню еще и люблю моего бѣднаго Колю. Если я и собиралась замужъ за Братолюбцева, то вѣдь это было только ради спасенія себя отъ Герасима. А теперь и онъ, Братолюбцевъ, послѣ того что я стала негодяйкой, какъ они думаютъ, не женится на мнѣ. Да и кто же на мнѣ женится, когда вся Москва знаетъ, что я ворую вещи изъ столовъ у родныхъ дѣда и бабушки.

— Бѣдная ты моя, бѣдная! вздохнулъ Филиппъ.—Но все-таки надо вѣру имѣть, что все еще уладится и можетъ, въ концѣ концовъ, все объяснится. Ну, а теперь прости, я уйду, и раньше какъ черезъ недѣлю мы съ тобою не свидимся. А за эту недѣлю услышишь ты кое-что о Герасимѣ, услышишь, что его мертваго нашли. И, ради Создателя, приготовься, не измѣни себѣ при дѣдушкѣ, коли узнаешь объ этомъ. А то, пожалуй, удивишь ихъ, станутъ они дивиться, да заподозрѣвать. А ужь объ этомъ не безпокойся: не пройдетъ недѣли, твой Герасимъ получитъ отместку за всѣ свои злодѣянія.

Братъ и сестра простились и горячо расцѣловались. Филиппъ осторожно двинулся въ обратный путь чрезъ чердакъ и садъ. Клёна стала у окна, но не могла его видѣть, настолько темна была ночь.

XXII.

Прошло нѣсколько дней послѣ свиданія брата съ сестрой. Клёна наконецъ послала въ монастырь и вызвала къ себѣ Арину Матвѣевну чтобы поговорить съ нею о намѣреніи своемъ постричься тоже въ монастырь. Она слишкомъ смущалась, ожидая чтó сдѣлаетъ братъ и чтó случится съ преслѣдующимъ ее злодѣемъ. Ей казалось, что она не избавится отъ него и поневолѣ останется одинъ исходъ — постригаться.

Инокиня Анастасія побывала у своего дитятки, но не могла ничего сказать ей или успокоить ее. Она не видала Филиппа и не знала ничего, не знала даже объ обѣщаніи его избавить Клёну отъ Герасима.

За все это время Клёна тревожилась и волновалась и день и ночь. И всѣ чувства въ ней какъ-бы спорили и противорѣчили одно съ другимъ. Ей страшна была мысль, ненавистна и ужасна, что они съ братомъ какъ-бы сговорились въ преступленіи, въ убійствѣ. А идти въ монастырь изъ-за преслѣдованій холопа было тоже ужасно, грѣховно...

Вмѣстѣ съ тѣмъ она хоть и не знала, какимъ образомъ все можетъ совершиться, но иногда начинала сильно надѣяться что братъ не даромъ ей обѣщалъ. Вѣроятно, не самъ онъ, думала она, сдѣлаетъ это ужасное дѣло, а именно тѣ злодѣи и душегубы, съ которыми онъ свелъ знакомство и даже дружбу. И Клёнѣ было легче отъ этой мысли.

За эти дни Герасимъ часто отлучался изъ дому. Раза два мелькомъ видѣла его Клёна и замѣтила его особенно-веселое расположеніе духа и чрезвычайное довольство.

„Чудно это! Чего онъ радуется?" подумала она. „Не чуетъ его сердце, чтó затѣяно противъ него?"

Молоденькая горничная, прислуживавшая Клёнѣ, разсказывала ей, что Герасимъ всякій день почти съ утра уходитъ изъ дому, что у него какое-то дѣло, про которое онъ хвастаетъ предъ дворней что оно дастъ ему много денегъ. Онъ хвалился разъ передъ Степанидой въ томъ, что завелъ дружбу съ какими-то двумя сибирскими купцами, отъ которыхъ мѣшокъ съ золотомъ получить можно.

Наконецъ, однажды, очень рано утромъ, въ домѣ случился какой-то переполохъ. Клёна, едва только вставшая, услыхала его у себя, вышла на лѣстницу и прислушалась. Явственно долетѣлъ до нея голосъ бригадира:

— Пошли за докторомъ, живѣй. Положите его въ людской. Да неужели изъ васъ никто кровь унять не умѣетъ? Ну, за цирюльникомъ сбѣгать. Они пущаютъ кровь, стало—и остановитъ ихъ дѣло.

И безъ этихъ словъ Клёна, конечно, догадалась-бы.

— Герасимъ! Это Герасимъ! выговорила она, слегка пошатнувшись и удерживаясь за перила лѣстницы.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней прибѣжала горничная и, путаясь, объявила барышнѣ, что привезли на телѣгѣ Герасима, сильно ушибленнаго или пораненнаго.

— И голова разбита, сударыня, и изъ груди кровь по кафтану течетъ. И золъ только онъ... Охъ, золъ!..

— Какъ золъ? удивилась Клёна.

— Золъ, страсть какъ золъ. Все кричитъ: „Врутъ, не убили! Не таковскій я. Десять такихъ ранъ переживу."

И эти слова странно подѣйствовали на Клёну. Она опустилась на диванъ безъ силъ и забормотала что-то, почти безсознательно.

— Живъ останется, живъ будетъ, проговорила она явственнѣе.

Горничная услыхала и поняла слова барышни по своему и бойко добавила:

— Будетъ, барышня, будетъ живъ. Всѣ это говорятъ. По всему видать. Хоть и много льетъ крови, а видать. Больно здоровъ онъ.

Горничная тотчасъ выскочила вновь отъ барышни, чтобы ради любопытства побѣжать внизъ опять поглядѣть, да послушать, чтó творится вокругъ Герасима.

Спустившись черезъ часъ внизъ, чтобы поздороваться съ бабушкой, Клёна узнала про событія отъ самой Марьи Евграфовны. Бабушка знала подробности невѣроятнаго приключенія съ любимцемъ бригадира.

Оказалось, Герасима залучили къ себѣ какіе-то люди. Сказались они купцами, богатыми, изъ Нижняго-Новгорода. Пошелъ онъ къ нимъ по какому-то дѣлу ночью и тамъ въ избѣ, въ глухомъ кварталѣ, они накинулись на него, повалили и чуть не убили. Если бы не были оба тщедушные, да не былъ Герасимъ богатырь, то, конечно, тамъ бы его какъ барана и зарѣзали.

— Но, по счастью, прибавила Марья Евграфовна,— нашъ Герасимъ, знаешь, каковъ. Сказываетъ, онъ схватилъ ихъ обоихъ и началъ бить головами объ печь. Но одинъ изъ нихъ успѣлъ его хватить два раза ножемъ. Ихъ онъ, кажись, доколотилъ до смерти. Бросивъ обоихъ ихъ замертво, онъ кое-какъ выкарабкался на улицу. Проѣзжій мужикъ его подобралъ и привезъ.

Не мѣшай, плутишка! Съ карт. А. Мюллера, грав. Іери...

Ну ничего, обойдется, прибавила Марья Евграфовна.— Силенъ человѣкъ! Хоть два ведра крови ему выпусти, справится и опять пойдетъ. Здоровякъ!

Узнавъ все приключеніе, Клёна настолько взволновалась, что поскорѣе ушла къ себѣ. Здѣсь она усѣлась на своемъ любимомъ мѣстѣ около окошка, понурилась, уперлась локтями на подоконникъ и глубоко задумалась. Слезъ у пей не было, но сердце тяжело и больно ныло.

Тому назадъ сутки, она боялась мысли, страшилась грѣха убить этого человѣка. Теперь же, когда онъ снова живехонекъ, снова здѣсь въ домѣ, и какъ только выздоровѣетъ и поправится, начнется снова ея мытарство, она невольно сожалѣла, что преступленіе не удалось.

„Но что же братъ? Гдѣ онъ? Вѣроятно, придетъ опять, скажетъ ей. Быть можетъ въ другой разъ! Онъ такъ не оставитъ этого...“

Изъ этой задумчивости вывела Клёну неслышно вошедшая въ комнату и обнявшая ее Арина Матвѣевна. Клёна вскрикнула, бросилась на шею къ нянѣ и хотѣла говорить, но Арина Матвѣевна предупредила ее:

— Знаю, все знаю. Это онъ подстроилъ. Грѣхъ великій. Да что же дѣлать, надо было. И вотъ не выгорѣло. Грѣхъ и говорить-то такъ, да желать, чтобы выгорѣло. Да что же дѣлать. Такая наша жизнь, такія обстоятельства. Ну, да онъ все-таки не отвертится. Филиппушка былъ у меня.

— Былъ! воскликнула Клёна.

— Да, былъ сегодня, все разсказалъ и велѣлъ тебѣ передать: не удалось. А теперь, говоритъ, покуда не знаю, какъ и быть. Было у него два вѣрныхъ человѣка, которые взялись за это дѣло, а теперь, говоритъ, невѣдомо какъ и руки приложить. Если бы были деньги, говоритъ, то могъ бы еще, а безъ денегъ совсѣмъ ничего не подѣлаешь. А я пришла сказать тебѣ, жди его, только не скоро, когда мѣсяца не будетъ, а то, вишь, свѣтло по ночамъ какъ днемъ.

Няня собиралась было тотчасъ уходить, но Клёна умолила ее остаться посидѣть немного.

— Хоть съ тобой мнѣ душу отвести. Вѣдь я все одна, да одна... Не знаешь ли ты, вотъ... зачѣмъ бабушка ѣздила къ вамъ въ монастырь и видѣлась съ игуменьей твоей?..

Арина Матвѣевна знала про посѣщеніе Толбухиной и знала зачѣмъ она ѣздила, но отозвалась уклончиво:

— Кто ее знаетъ... Такъ... зря... Про меня болтала небось...

Няня, посидѣвъ немного, ушла, а Клёна тотчасъ же была вызвана къ Толбухиной.

Ее ожидалъ новый ударъ, и хотя менѣе ужасный и тяжкій, послѣ всего что она пережила за все послѣднее время, но все-таки усложнившій ея положеніе.

Когда-то, узнавъ объ отказѣ Братолюбцева, Клёна заявила, что готова идти въ монастырь. Толбухина передала это бригадиру. Никита Артемьевичъ, не говорившій уже съ внучкой и даже избѣгавшій смотрѣть на нее, чувствовалъ себя дома стѣсненнымъ именно присутствіемъ этой внучки лгуньи, воровки и, пожалуй, слегка полоумной... Поэтому онъ обрадовался мысли тотчасъ избавиться отъ Клёны.

— Да, матушка-сестрица, другаго ничего нѣтъ для нашей юродивой негодяйки. Иди въ инокини. Монастырскія стѣны на то и выдуманы, чтобы въ нихъ прятать отъ людей и горе, и слезы, и срамоту, и юродство душевное, и уродство тѣлесное. По пословицѣ: „На тебѣ, Боже, что никому не гоже.“

Толбухина принялась за дѣло, за переговоры, и объѣздила нѣсколько монастырей, гдѣ постригались преимущественно московскія дворянки. Повсюду заявляя о желаніи внучки, Толбухина прибавляла, что, по желанію бригадира, за его внучкой никакого вклада не послѣдуетъ, что она явится какъ-бы простая крестьянка, въ одномъ платьѣ.

И однажды Марья Евграфовна объявила бригадиру, что Клёну нигдѣ не желаютъ принять, яко-бы заразу какую.

— Дадите большой кушъ — вѣстимо примутъ!

— Никогда! Ни гроша не дамъ. Я не хочу, чтобы она была инокиня-барыня, а желаю, чтобы ее тамъ на огороды посылали, зимой съ метлой и лопатой ставили. Но они не смѣютъ не принять дѣвицу, хотя бы у нея и не было приданаго Христовой невѣсты... Прости Господи!

Толбухина объяснила, что всякая игуменья хитро ссылается на соблазнъ, который былъ у нихъ въ домѣ и всѣмъ извѣстенъ.

— Говорятъ всѣ: зачѣмъ намъ дѣвицу, которая на руку не чиста.

— Такого случая Москва не запомнитъ! воскликнулъ бригадиръ.—Куда же мнѣ ее? Въ мѣшокъ да въ рѣчку это срамное отродье сынка и просвирни? Что-жь... Повезете въ какой дальній монастырь, гдѣ всякихъ пройдохъ принимаютъ. Подите, скажите ей про всю эту срамоту. Весной вы ее отвезете, а до тѣхъ поръ... Что-жь дѣлать! Пускай живетъ!

— Дайте денегъ, сейчасъ примутъ, замѣтила Марья Евграфовна.

— Не хочу. Не то мое намѣреніе, чтобы она въ монастырѣ какъ сыръ въ маслѣ каталась, отозвался бригадиръ.

Послѣ отказа трехъ или четырехъ игуменій московскихъ монастырей, бригадиръ не захотѣлъ, равно и сестрицѣ своей строго запретилъ хлопотать и ходатайствовать въ какомъ-либо новомъ монастырѣ столицы.

— Зачѣмъ разносить срамоту! Желаете вы, чтобы изъ всѣхъ монастырей, отъ Новодѣвичьяго до Страстнаго, отъ всѣхъ намъ по плюхѣ получить? Обождемъ недѣлю, другую, подумаемъ, спишемся... Выищемъ какія-нибудь дѣвичьи Соловки, да туда ее и спровадимъ. Подальше отъ Москвы. И хорошее дѣло, что здѣсь не принимаютъ, обворуетъ она иконостасъ или ризницу и совсѣмъ намъ отъ сраму бѣжать придется въ Туречину!

XXIII.

Прошло еще около трехъ недѣль, и въ домѣ бригадира осталось все въ томъ же видѣ.

Полное затишье, придавленность и угрюмый видъ его обитателей поражали всякаго. Казалось, только и былъ одинъ человѣкъ въ домѣ, который попрежнему, если не выходилъ со двора, а сидѣлъ безвыходно въ одной горницѣ близъ прихожей, то былъ веселъ и беззаботно доволенъ. Это былъ Герасимъ, совершенно оправившійся отъ своихъ ранъ.

Однажды, среди ночи, бригадиръ, Толбухина и весь домъ были разбужены страшными, дикими криками.

Не сразу узнала или, лучше сказать, догадалась Марья Евграфовна, что она слышитъ голосъ внучки. Она вскочила съ постели, бросилась въ сосѣднюю горницу, гдѣ спала Клёна, но дверь оказалась запертою на замокъ.

Марьѣ Евграфовнѣ почудилось, что замокъ щелкнулъ въ ту самую минуту, когда она очнулась на крикъ внучки.

Толбухина тотчасъ же, несмотря на свой ночной костюмъ, вышла въ другія двери, въ диванную, быстро обошла, почти обѣжала коридоръ, чтобы войти въ горницу внучки съ другой стороны.

Въ ту же минуту и бригадиръ, точно также вскочивъ съ постели, тоже вышелъ отъ себя и бѣжалъ съ вопросомъ:

— Что такое?.. Кто такой?

Въ прихожей тоже былъ шумъ и почти одновременно со всѣхъ сторонъ человѣкъ пять или шесть дворовыхъ сошлись въ столовой и бросились къ дверямъ молодой барышни.

Дверь ея была настежь растворена, но ея въ горницѣ не было. Общее изумленіе перешло въ суевѣрный страхъ, но въ это же время кто-то изъ дворовыхъ воскликнулъ:

— Вонъ она! Вонъ она!

Клёна оказалась у окна, въ самомъ углу большой залы, далеко отъ своей горницы.

Она сидѣла на стулѣ въ одной сорочкѣ, какъ соскочила съ постели, дрожала всѣмъ тѣломъ и безумными глазами озиралась на всѣхъ. Освѣщенная луной, ярко сіявшей въ окно, Клёна была страшна и казалась привидѣніемъ.

Бригадиръ развелъ руками, и видя, что ничего особеннаго не случилось повидимому, только вспылилъ, но удержался и, не сказавъ ни слова, быстро вернулся къ себѣ.

Марья Евграфовна вспомнила прежде всего о приличіяхъ и тотчасъ же приказала всѣмъ людямъ выйти вонъ изъ залы. Затѣмъ она подошла ко внучкѣ съ вопросомъ:

— Что съ тобой?

Клёна продолжала дрожать всѣмъ тѣломъ и не отвѣчала ничего. Долго приставала Марья Евграфовна къ Клёнѣ, но не получала никакого отвѣта. Клёна трясла головой и не могла или не хотѣла произнести ни слова.

— Напугалъ тебя кто-нибудь?.. Сонъ что-ли видѣла ты, или хворость какая вдругъ схватила?.. Зачѣмъ ты сюда прибѣжала? допытывалась Марья Евграфовна, но не получала никакого отвѣта. — Ну, пойдемъ. Что жъ тутъ въ одной сорочкѣ сидѣть, вымолвила Толбухина уже угрюмо и сухо.

Клёна поднялась и тихо, беззвучно, босикомъ двинулась за бабушкой послушно, но и безсмысленно.

Едва вошли онѣ въ горницу, какъ Клёна бросилась назадъ къ двери, выходившей въ коридоръ и заперла ее на ключъ. Прыжокъ ея былъ прыжкомъ дикой козы, а не человѣка.

— Что ты? невольно воскликнула Толбухина, но внучка не отвѣчала ни слова, легла въ постель и, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— Что это за жизнь такая! гнѣвно произнесла наконецъ Марья Евграфовна, стоя среди горницы.—Этакъ нельзя... Надо тебѣ уѣзжать.

Марья Евграфовна хотѣла выйти въ свою горницу и, тронувъ дверь, вспомнила, что она заперта на ключъ.

— И эту дверь защелкнула, произнесла она,—да еще когда? Когда я сюда бѣжать собралась... Вотъ тутъ и пойми что-нибудь!

Толбухина отперла дверь и хотѣла выйти, но Клёна быстро обернулась, сѣла на постели и выговорила:

— Бабушка, возьмите этотъ ключъ... выньте его... Возьмите его... Забросьте его куда, чтобы не было ключа въ двери.

Клёна проговорила все это судорожно, порывисто, и потомъ снова отвернулась и не легла, а упала на подушку, какъ бы надломленная усталостью или потерявъ послѣднія силы.

Толбухина досадливо махнула рукой и, не тронувъ ключа, прошла къ себѣ въ горницу.

На другой день первый вопросъ, который барыня сдѣлала своей любимицѣ Степанидѣ, казался ей самой безсмысленнымъ.

— Не напугалъ-ли кто среди ночи барышню?

— Да кто же могъ напугать, сударыня. Я спрашивала—никто въ домѣ не ходилъ... Кто же посмѣетъ ночью идти... Не воръ же какой залѣзалъ въ окошко, черезъ двойныя рамы. Герасимъ первый прежде всѣхъ услыхалъ крики и побѣжалъ къ барышнѣ, но нашелъ ее уже въ столовой. Герасимъ видѣлъ бы, если бы кто-нибудь посторонній прошелъ въ горницу. Да этакого по ночамъ и не бывало никогда... Кто же сунется господъ будить? Всѣ были внизу наперечетъ.

— Что же Герасимъ-то думаетъ?

Степанида улыбнулась.

— Онъ полагаетъ, что просто барышня блажитъ или, такъ сказать, дуритъ. Онъ, говоритъ, видѣлъ какъ она, выскочивъ изъ своей горницы, начала визжать да танцовать по залѣ какой-то танецъ, а какъ всѣ сбѣжались и сѣла на стульчикъ.

— Танцовала?! произнесла Марья Евграфовна слегка пораженная.

— Сказываетъ—танцовала.

Толбухина ничего не отвѣчала. Она была рада снова ухватиться за мысль, что внучка отчасти стала юродивой или безумной.

На заявленіе Толбухиной, бригадиръ горько усмѣхнулся.

— Вотъ до чего дожили... Должны радоваться что внучка съ ума спятила, что не въ своемъ умѣ творитъ срамныя дѣла. А кто виноватъ, если она разума лишилась?.. Мы-съ... Да, мы съ вами. Надо было бѣднягу отдавать за кого она хотѣла идти и должна была выходить еще по благословенію родителей своихъ.

— Да вѣдь онъ же убитъ или утопъ.

Бригадиръ махнулъ рукой и послѣ паузы вымолвилъ:

— Можетъ тогда и живъ бы остался!

XXIV.

Прошло два дня.

Была глухая, темная ночь, безмолвная, нѣмая. До разсвѣта было уже не далеко...

Домъ бригадира спалъ глубокимъ сномъ. Только одно существо въ домѣ не знало сна.

Клёна сидѣла въ своей прежней горницѣ наверху. Тайкомъ отъ бабушки и не смотря на то, что было уже часа четыре ночи, она поднялась наверхъ и одѣтая сидѣла недвижно въ креслѣ.

Еще съ полночи усѣлась она тутъ и безсознательно, почти не помня того что дѣлаетъ, сидѣла, вовсе не собираясь ложиться спать. Она была одѣта какъ днемъ, но только волосы были распущены по плечамъ.

Еще съ вечера Толбухина зашла въ горницу внучки и, видя ее сидящею, сурово спросила, скоро-ли она ляжетъ спать. Клёна встала, молча распустила волосы чтобы причесаться на ночь и начала раздѣваться, дѣлая видъ передъ бабушкой, что она собирается ложиться. Но затѣмъ, когда Толбухина, холодно простившись съ внучкой и косо, исподлобья оглядѣвъ ее, ушла къ себѣ, Клёна бросила гребень со щеткой и, какъ была съ распущенной косой, прошла къ себѣ наверхъ.

Здѣсь просидѣла она нѣсколько часовъ почти не трогаясь съ мѣста и только изрѣдка шевеля руками. Она ждала брата, который черезъ няню обѣщалъ быть непремѣнно въ эту ночь.

Между тѣмъ внѣшнее спокойствіе Клёны совершенно не соотвѣтствовало ея душевному настроенію. На душѣ молодой дѣвушки была цѣлая буря, была борьба. Она еще съ вечера рѣшила что за эту ночь, если только братъ не явится ея спасителемъ и не поможетъ ей такъ или иначе, ей надо покончить съ собою.

Если всѣ обитатели дома ошибались за послѣднее время насчетъ барышни, считая ее потерявшею разсудокъ, то теперь, въ эти ночные часы, Клёна была дѣйствительно близка къ умономѣшательству. Въ ней теперь какъ бы совершалась двоякая жизнь. Въ головѣ шевелилась двоякая дума.

Одновременно Клёна думала о немедленномъ, въ эту же ночь, самоубійствѣ, и безстрастно, толковито перебирала всѣ способы, какими она можетъ себя убить. Все, что являлось ей на умъ, она отбрасывала какъ неудобное, или противное, или трудное, и все болѣе убѣждала себя, что надо прежде всего бѣжать изъ дому за Москву. А тамъ уже видно будетъ, что съ собой подѣлать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди этихъ безумныхъ по своей

Охота на лосей. Передъ облавой. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) акад. А Кившенко, грав Ангереръ.

Охота на лосей. Конецъ облавы. Ориг. рис. (собств. „Нивы") акад. А. Кившенко, грав. Ангереръ.

простотѣ и толковитости обдумываній самоубійства, шли чередой черезъ воспаленный мозгъ обрывки воспоминаніи прошлаго. Всю жизнь свою съ дѣтства перебирала Клёна, какъ бы вызывая образы ея въ памяти своей или грустно исповѣдуясь передъ самой собою.

Еще съ вечера возникъ въ ней острой болью вопросъ: за что̀ такъ ужасно не заладилось ея существованіе; за что̀ въ видѣ кары Господней произошло все происшедшее, все пережитое ею? Она вспоминала свои первые дѣтскіе годы, проведенные въ домѣ родныхъ, въ незатѣйливой, бѣдной и простой обстановкѣ, гдѣ нужда и отсутствіе средствъ сказывались во всемъ всякій день. Она еще ребенкомъ, вмѣстѣ съ матерью и няней, толковала о богатомъ дѣдѣ и завидовала всѣмъ, кто жилъ лучше, нежели она. И только позднѣе, уже молодою дѣвушкою, пользуясь полною свободой, она прожила нѣсколько лѣтъ почти счастливая. Затѣмъ возстали въ памяти страшныя картины чумы, смерть отца, матери, потомъ бѣгство и скитаніе съ няней. Но за то среди ужасовъ этихъ „моровыхъ“ дней въ ея жизни засіялъ яркій лучъ. Встрѣча съ человѣкомъ, котораго она полюбила.

Будущее въ эти дни все-таки рисовалось ей яснымъ и свѣтлымъ, не смотря на то, что она осталась круглою сиротой... Но здѣсь оборвалась эта легкая, свѣтлая жизнь. Одинъ рѣшительный шагъ перенесъ ее въ совершенно иную обстановку. Она зажила въ томъ домѣ, о которомъ такъ часто поговаривали ея отецъ съ матерью; она очутилась въ шелку и золотѣ, сквозь которые слезы льются. Это случилось и съ ней. Даже хуже того. Въ этомъ домѣ, кромѣ горя, нравственной пытки и всяческаго мученья, — она ничего не нашла. Эта жизнь, вслѣдствіе ужасной участи ея возлюбленнаго, привела ее къ тому, что вотъ теперь приходится выбирать способъ покончить съ собою.

Клёна была такъ погружена въ свои думы, что не замѣтила, какъ растворилась дверь ея горницы и кто-то, въ полумглѣ остановившись у двери, озирался кругомъ. Это былъ Филиппъ. Увидя сестру, сидѣвшую у окна, онъ приблизился къ ней.

Клёна, опершись обоими локтями о подоконникъ и опустивъ голову на руки, сидѣла недвижно, казалось даже спала. Филиппъ дотронулся до плеча сестры. Клёна вздрогнула, обернулась и невольно вскрикнула; она не узнала брата.

— Тише. Я это: Филиппъ.

— О, Господи! какъ ты меня напугалъ. Я думала, это опять онъ. Злодѣй мой.

И Клёна въ порывистой, негодующей рѣчи передала брату что̀ случилось съ ней за три дня предъ тѣмъ среди ночи. Какъ спасалась она изъ рукъ своего мучителя, но не могла указать на него дѣду и ее сочли лишь за безумную или за блажную...

— Извергъ! воскликнулъ Филиппъ.—Ну, да не вѣкъ же ему тебя мучить. Вотъ съумѣлъ я разъ подстроить, но не удалось мнѣ избавить тебя отъ сатаны. Въ другой разъ не увернется. Какъ опять все наладить—я теперь не знаю, надо надумать.

Филиппъ нѣжно поцѣловалъ сестру и сѣлъ около нея у того же окошка.

— Слушай меня, Клёнушка. Я не надолго. Я только пришелъ тебя спросить. Есть-ли у тебя деньги? Не подумай, что мнѣ. Избави Богъ, чтобы я себѣ просилъ; а нужны деньги на то же дѣло. Нужно рублей пятьдесятъ.

— Какія же у меня, Филиппушка, деньги? выговорила грустно Клёна. — У меня ни одного алтына нѣтъ. А такихъ денегъ и не бывало никогда. Да зачѣмъ тебѣ?

— Ну, если нѣтъ никакихъ денегъ, то надо обождать. Придется мнѣ самому избавлять тебя отъ этого злодѣя.

— Какъ самому?

— Да такъ, самъ я его ухлопаю.

— Что̀ ты, Богъ съ тобой. На этакое я не пойду!

— Иного ничего надумать нельзя. Что̀ же дѣлать! Да у меня на него рука легко подымется. Ужь больно онъ ненавистенъ мнѣ. Да и потомъ по пословицѣ: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Мнѣ себя жалѣть нечего, я и такъ погибшій. Одно только мудрено, какъ и гдѣ мнѣ его повидать и куда залучить: я распоряжусь умнѣе моихъ двухъ болвановъ, которые дали себя убить. Тебѣ вѣдь сказывала Арина Матвѣевна что̀ вышло?

— Сказывала.

— Одного онъ убилъ до смерти, голову объ печь расшибъ. А другаго свезли въ больницу и онъ тоже либо кончится, либо въ Сибирь уйдетъ. Меня онъ не выдастъ. Нельзя. Что на меня, что на мертваго ссылаться — все одно! Я имъ наказывалъ напоить этого дьявола и пьянаго покончить. Они, черти, понадѣялись на себя и вотъ что̀ вышло. Гдѣ же онъ теперь? Коли онъ на такую гнусность пошелъ, то стало-быть совсѣмъ поправляется.

— Совсѣмъ поправился. Здоровёхонекъ! Таковъ, какъ еслибы съ нимъ ничего не приключалось, отозвалась Клёна глухимъ голосомъ. — Ему дѣдушка горницу хорошую далъ, здѣсь внизу, около прихожей. Два доктора лѣчили его. Да и теперь еще одинъ ѣздитъ.

— Гдѣ внизу? Здѣсь внизу? страннымъ голосомъ проговорилъ Филиппъ, вдругъ оживившись.

— Да, близъ прихожей небольшая горенка, въ которой прежде недолго жила какая-то родственница Марьи Евграфовны. Теперь Герасимъ тамъ. Его вѣдь дѣдушка Богъ вѣсть за что̀ особливо любитъ. Сначала онъ лежалъ внизу въ людской, но потомъ докторъ сказалъ, что тамъ ему и сыровато, и безпокойно отъ суетни дворовыхъ. Дѣдушка приказалъ принести его наверхъ, въ горницы. Самъ къ нему на первыхъ порахъ навѣдывался. Такъ онъ въ ней и остался.

— Такъ онъ внизу? Вотъ тутъ, близъ прихожей? снова странно, тихимъ, будто робкимъ голосомъ спросилъ Филиппъ. — Это та горница, что голубымъ стѣны выкрашены и мебель тоже голубая въ ней?

— Да, отозвалась Клёна. — Крайняя, первая изъ прихожей налѣво.

— Знаю. Знаю...

— Это та горница, Филиппушка, гдѣ мы разъ съ тобой, привезенные родителемъ, сидѣли въ ожиданіи, покуда онъ объяснялся съ дѣдушкой. Помнишь, мы все боялись, грустно улыбнулась Клёна, — что придетъ сердитый дѣдушка и насъ обоихъ высѣчетъ.

— Хорошо помню.

— Какъ ты однако можешь домъ помнить! Вѣдь ты сколько времени не бывалъ въ немъ, замѣтила Клёна.

— Отлично весь помню, глухо проговорилъ Филиппъ. — Ну вотъ что̀, Клёна. Стало-быть — судьба. Страшное дѣло! А надо его начинать. И сейчасъ!

— Что̀ ты, какое дѣло? встрепенулась дѣвушка, но братъ не отвѣтилъ.

XXV.

Филиппъ долго просидѣлъ недвижно и какъ бы совершенно забывшись отъ тяжелыхъ думъ. Наконецъ онъ поднялся порывисто съ мѣста, какъ бы сорвался, вздохнулъ глубоко и протяжно и вымолвилъ:

— Сестра, я пойду. Будь, что̀ будетъ...

— Куда? Что ты?

— Да внизъ, къ этому злодѣю. Коли онъ тамъ одинъ, да спитъ... Я теперь ночью минную залу и прихожую, меня никто не увидитъ. Я его сонпаго мигомъ кончу.

— Что̀ ты, Филиппушка! Что̀ ты! Господь съ тобой! Помилосердуй. Развѣ можно. Нѣтъ... Нѣтъ... Что̀ ты!.. отчаянно заговорила Клёна, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Эхъ, сестра... Вотъ вы барыни да барышни всѣ такъ... Разговаривать вы обо всемъ можете, а чуть до дѣла, васъ дрожь пробираетъ. Вѣдь посылалъ же я

другихъ его рѣзать, да коли не дорѣзали... Ну и приходится самому! Спасибо дѣдушка пристроилъ его такъ хорошо, на подачу руки. А ты не бойся. Дѣло вѣрное. Я уйду... на тебя вѣстимо не подумаютъ. Свалятъ на кого изъ дворовыхъ. Можетъ и пострадаетъ иной какой безвинно. Да что̀ жъ дѣлать. У насъ въ острогѣ много такихъ было. На десятокъ—пятокъ безвинныхъ.

И еслибы было не темно въ комнатѣ, Клёна увидѣла бы, что Филиппъ усмѣхнулся тою своею удивительною улыбкой, которая наводила страхъ на мамушку.

— Такъ я пойду, глухо выговорилъ Филиппъ послѣ паузы.

Клёна бросилась къ брату, схватила его за плечи, крѣпко уцѣпилась и зашептала перепуганнымъ, упавшимъ голосомъ:

— Нѣтъ. Нѣтъ. Не пущу. Нельзя! Помилуй Богъ! Что̀ ты! Губить себя! Пускай лучше иначе все распутается... Я въ монастырь пойду. Филиппушка, если любишь...

— Полно. Успокойся. Тебѣ что? Не твое это дѣло. Ты сиди себѣ тутъ, да не думай ни о чемъ.

Клёна молча сильнѣе ухватила брата за плечо и руку и, трепещущая, почти повисла на немъ.

— Слушай, Клёна. Я нынѣ убивать не стану его... Слышишь! Мнѣ и нечѣмъ убить. Я только пойду осмотрѣть, гдѣ онъ лежитъ и все... Какъ что... Въ другой разъ приду, ножъ захвачу и похерю. А теперь дай только взглянуть.

Филиппъ освободился изъ рукъ сестры и твердымъ шагомъ двинулся изъ комнаты. Затворивъ за собой дверь и очутившись одинъ, онъ ощупалъ за пазухой большой ножъ, который всегда носилъ при себѣ, съ тѣхъ поръ какъ боялся ежедневно быть узнаннымъ полиціей и арестованнымъ.

Клёна осталась на своемъ мѣстѣ, схватила себя за голову и почувствовала, что она шатается, что силы покидаютъ ее. Она и повѣрила брату, и сомнѣвалась, боялась, что онъ ее обманываетъ. Въ полусознаніи опустилась она на подоконникъ и крѣпко прижала руки къ ушамъ своимъ, словно боясь услыхать какія-либо страшныя слова или звуки.

— Онъ убьетъ! забормотала она безсмысленнымъ голосомъ.— Убивать пошелъ! Руки въ крови человѣческой... Ради меня себя губитъ. Охъ, нельзя, нельзя этого! Я не позволю! вдругъ вскрикнула дѣвушка внѣ себя отъ ужаса, и въ то же время чувствуя что она слабѣетъ.

И Клёна встала, двинулась, шатаясь, къ своей двери, но почувствовала вдругъ, что ноги ея подкашиваются, что она совершенно теряетъ сознаніе и разумъ и не въ состояніи ни думать, ни двигаться далѣе. Она ощупала близъ себя рукой диванъ и опустилась, почти упала на него.

— Что̀ же это? Что̀ со мной? Отъ страха... Ничего. Сейчасъ пройдетъ. Да нѣтъ, Богъ милостивъ. онъ ничего не сдѣлаетъ. Онъ правду говоритъ — поглядитъ. А если поймаютъ, остановятъ? Вѣдь тогда судить будутъ.

Долго-ли просидѣла Клёна, схвативъ себя за голову, она даже не могла отдать себѣ отчета. Но вдругъ силы стали возвращаться къ ней. Новый приливъ ужаса при ясной мысли о томъ, что̀ можетъ совершиться внизу, вдругъ поднялъ ее на ноги. Порывистымъ и нервнымъ движеніемъ она вскочила съ дивана, бросилась въ дверь и быстро спустилась по лѣстницѣ. Но въ ту минуту, когда она повернула въ залу, гдѣ окна были освѣщены фонаремъ горѣвшимъ на дворѣ и гдѣ было довольно свѣтло, она вдругъ остановилась и задыхаясь прислушалась.

Изъ дверей выходившихъ въ прихожую, но не въ ней, а тамъ, гдѣ-то дальше... слышался какой-то дикій хрипъ, потомъ раздался довольно громко тихій и протяжный стонъ и снова тотъ же хрипъ.

— Господи! Господи! громко вскрикнула Клёна и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановилась снова. Вдругъ ей показалось, что съ ней совершается что-то ужасное, невѣдомое, будто душа покидаетъ ея тѣло...

— Умираю... шепнула она.— И хорошо это...

Въ ту же минуту изъ дверей прихожей тихо и осторожно появилась фигура Филиппа. Клёна услыхала его частое, прерывистое и горячее дыханіе и увидала что-то блестящее въ рукѣ.

Молодой малый не слышно подбѣжалъ къ сестрѣ, и шепнулъ ей:

— Судьба помогла! Сопнаго! Сразу!

Но Клёна не слыхала и не поняла. Филиппъ схватилъ ее за руку и сильно потащилъ назадъ къ лѣстницѣ. Она было двинулась за нимъ, дрожа и задыхаясь, но вдругъ, принявъ изъ руки брата свою какъ-то скользнувшую странно руку, за которую ухватился Филиппъ, она взглянула на нее и страшно вскрикнула. Рука была вся въ крови.

Клёна тихо вскрикнула и зашаталась, теряя сознаніе...

XXVI.

Еще до разсвѣта весь домъ бригадира поднялся на ноги и загудѣлъ.

Казалось, довольно было сумятицы въ этомъ домѣ за всю зиму, много страннаго и загадочнаго, много лихаго и бѣдоваго, а главное много позорнаго, худую славу пустившаго по городу... А между тѣмъ, послѣднее происшествіе было сугубо горше и ужаснѣе всѣхъ предъидущихъ.

На разсвѣтѣ, истопникъ дома тихо и осторожно, чтобы не нарушать господскаго сна, пришелъ въ верхнія комнаты изъ людской и по обыкновенію началъ топить печи. Затопивъ въ прихожей, онъ перешелъ въ сосѣднюю горницу, но тотчасъ-же, оглядѣвшись, обомлѣлъ. Черезъ мгновеніе онъ убѣдился, что на полу лужа крови, а на кровати лежитъ убитый Морковниковъ.

Дикій крикъ и шумъ, который онъ поднялъ на весь домъ, сразу поднялъ всѣхъ на ноги. Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ всѣ люди изъ нижняго этажа были въ господскихъ горницахъ, а бригадиръ и барыня снова появились въ залу, каждый со своей стороны.

Первое слово, которое зазвучало въ домѣ: „Убили! Убили!“ дошло до ушей бригадира въ ту самую минуту, когда онъ, выйдя въ залъ, увидѣлъ среди пола распростертую фигуру внучки.

Конечно, бригадиръ, а за нимъ и выбѣжавшая Марья Евграфовна, бросились поднимать дѣвушку.

Прибѣжавшіе люди продолжали кричать „убили!“ и объяснили, что убитъ Герасимъ. Ужасъ, обуявшій всѣхъ, отъ хозяина дома до послѣдняго двороваго мальчугана,—перешелъ въ паническій страхъ. Бурная сумятица сразу перешла въ оцѣпенѣніе. Всѣ столпились въ залѣ кругомъ безчувственной барышни, и только немногіе похрабрѣе стояли надъ трупомъ зарѣзаннаго скорохода, на горлѣ котораго зіяла страшная рана. Голова его была наполовину отрѣзана отъ туловища.

Понять сразу происшествіе было невозможно. Кто могъ совершить преступленіе? Кто могъ забраться ночью въ домъ? Почему, одновременно съ убійствомъ спавшаго въ барскомъ домѣ скорохода, очутилась не въ своей постели, а на полу въ залѣ, одѣтая по денному бригадирская внучка? Все это являлось загадкой и странной загадкой.

Бригадиръ тотчасъ-же почуялъ, что недаромъ внучка очутилась не въ постели, а на полу, недалеко отъ трупа.

Бригадиръ раза два глянулъ въ глаза своей сожительницѣ; Марья Евграфовна дрожала всѣмъ тѣломъ и была блѣдна, какъ смерть. Переглянувшись, они какъ будто перемолвились. Равно и онъ, и она почуяли не-

доброе, почуяли, что помимо преступленія въ домѣ, есть еще нѣчто—ужасный позоръ, горшій, чѣмъ весь срамъ до сихъ поръ бывшій въ ихъ домѣ.

Клёну снесли въ ея горницу, около спальни Толбухиной, и положили на кровать. Тутъ только дѣвушка пришла въ себя, открыла глаза и безсмысленнымъ взоромъ окинула дѣда, бабушку и нѣсколько человѣкъ дворовыхъ.

Вдругъ она содрогнулась всѣмъ тѣломъ, вскинула руки, закрыла себѣ лицо и простонала.

— Что̀? Говори что̀ знаешь! невольно вскрикнула Толбухина.

— Во снѣ... забормотала Клёна. — Во снѣ?.. Сонъ?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Говорите... Во снѣ, что-ли, привидѣлось... Говорите... Правда-ли... Убитъ онъ?

— Зарѣзанъ... Убитъ... выговорилъ бригадиръ.

Клёна замерла и не двигалась. Такъ какъ лицо ея было закрыто руками, то нельзя было знать, въ памяти она или снова лишилась сознанія.

Бригадиръ придвинулся къ внучкѣ, и вдругъ ахнулъ. Онъ замѣтилъ кровавое пятно на ея рукѣ около локтя. Онъ схватилъ ее за обѣ руки и рѣзко, почти грубымъ движеніемъ хотѣлъ отвести ихъ отъ лица, чтобы взглянуть внучкѣ въ глаза и убѣдиться въ томъ, что̀ ужаснымъ вопросомъ возникло въ его умѣ. Но при первомъ прикосновеніи бригадира, Клёна отчаянно вскрикнула. Дикій вопль ея огласилъ весь домъ, какъ если-бы ее ударили ножомъ. Бригадиръ схватилъ ее крѣпче за руки, оттащилъ ихъ отъ лица, нагнулся и выговорилъ хриплывымъ отъ отчаянія голосомъ.

— Ты убила?.. Говори скорѣе!..

— Я... я... я... три раза дико прокричала Клёна.

Бригадиръ отшатнулся—и если-бы двое людей не поддержали его, то онъ упалъ-бы на полъ. А Клёна, глядя на всѣхъ страннымъ взоромъ, продолжала безъ конца шепотомъ повторять одно и то-же слово: „я.“

Она тяжело дышала, задыхалась, но въ эту минуту людямъ было уже не до нея.

Съ бариномъ сдѣлалось дурно; онъ повисъ какъ бездыханный трупъ на рукахъ столпившихся дворовыхъ

Марья Евграфовна при взглядѣ на лицо бригадира вскрикнула. Она ни разу въ жизни не видала своего братца безъ чувствъ, безъ единаго признака жизни.

Люди подхватили барина и понесли его въ кабинетъ.

Бригадиръ скоро очнулся, благодаря усиліямъ Марьи Евграфовны, хлопотавшей около него.

Открывъ глаза, Никита Артемьевичъ перекрестился нѣсколько разъ, тихо простоналъ и слезы выступили на глазахъ его.

— Подите къ ней, разспросите ее... Вѣрить я не хочу... Подите... заговорилъ онъ.

— Сейчасъ... Да вы-то успокойтесь, Бога ради. Себя то не губите... Сейчасъ все сдѣлаю... заторопилась Марья Евграфовна и заметалась на одномъ мѣстѣ, какъ потерянная. — Себя-то берегите... Стоитъ-ли изъ-за нея помирать...

И Толбухина побѣжала въ горницу внучки.

Клёна лежала съ открытыми глазами, но съ какимъ-то равнодушнымъ, спокойнымъ выраженіемъ.

— Скажи: ты убила?.. растерянно выговорила Толбухина, приближаясь къ внучкѣ.

— Я... я.. отозвалась молодая дѣвушка и снова зачастила это слово такъ же непрерывно и полубезсмысленно. Казалось, что если-бы ее не остановить, то она будетъ повторять это слово до устали, до потери силъ или голоса.

— Зачѣмъ?.. Что̀ онъ тебѣ?.. За что̀ ты его убила?

— Нужно... нужно... Такъ хорошо... Отлично! Нужно...

— Да объясни почему?.. Что̀ онъ тебѣ сдѣлалъ?..

Но на это Толбухина не получила отвѣта отъ внучки, которая зачастила теперь и повторяла нѣсколько десятковъ разъ слово „нужно“. Толбухина вернулась къ бригадиру.

Между тѣмъ верховой гонецъ уже поскакалъ изъ дому отъ барина оповѣстить московскаго оберъ-полиціймейстера о событіи въ домѣ. Слухъ о происшествіи, давно уже выскользнувшій со двора въ сосѣднія улицы, привлекъ цѣлую толпу обывателей. Дворъ, подъѣздъ и прихожая были запружены чужимъ народомъ, зѣваками и всякимъ сбродомъ. Всѣ приходили, лѣзли по лѣстни-

Штирійская крестьянка. Съ карт. Бальгейма, грав. Кирмзе.

Дикая утка, защищающая утятъ отъ водяной крысы. Рис. и грав. бр. Шпехтъ.

цѣ, по парадному подъѣзду, заглядывали изъ прихожей въ горницу, гдѣ лежалъ трупъ, и бѣжали разсказать по городу о страшномъ дѣлѣ.

Потерявшіеся люди бригадира даже не сообразили прекратить самовольный наплывъ въ горницы празднешатающагося народа.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Водопой близь Лѣтняго сада. (Рис. на стр. 1265).

Петербургскимъ жителямъ хорошо знакома сцена, такъ живо изображенная талантливою художницею, бар. Врангель. Морозный день. Упругій снѣгъ скрипитъ подъ полозьями саней, въ которыя запряжены косматыя извозчичьи лошаденки, съ утра до вечера и съ вечера до утра развозящія сѣдоковъ по оживленнымъ улицамъ столицы. Изрѣдка завернетъ извощикъ къ водопою, попоитъ у обмерзлой колоды свою лошадку, и затрусить она снова, понукаемая кнутомъ и прикрикиваніемъ возницы...

Ангелъ-Хранитель. (Рис. на стр. 1268 и 1269).

Любуясь, какъ играютъ дѣти,
Я думаю порою,
Что ангелъ свѣтлый, величавый,
Слѣдитъ за ихъ игрою;
Когда же имъ грозитъ опасность
(Ихъ у дѣтей такъ много),
Всегда малютокъ охраняетъ
Посланникъ кроткій Бога.

Не мѣшай, плутишка! (Рис. на стр. 1273).

Нашимъ читателямъ вѣроятно хорошо извѣстенъ скворецъ, живая и забавная птица, которую часто держатъ въ комнатѣ, благодаря удовольствію, доставляемому ею. Скворецъ уменъ, внимателенъ ко всему чтó происходитъ около него, и любопытенъ чрезвычайно: всегда что-нибудь осматриваетъ, щупаетъ клювомъ, и вообще чѣмъ-нибудь занятъ. По всего интереснѣе въ немъ переимчивость. Онъ не только легко выучивается напѣвамъ другихъ птицъ, но иногда въ состояніи довольно отчетливо произносить слова и даже цѣлыя фразы.

Нашъ рисунокъ изображаетъ, какъ эта подвижная птица, усѣвшись на клѣтку, весело напѣваетъ, мѣшая тѣмъ своему хозяину, который занятъ чтеніемъ какого-то фоліанта.

Охота на лосей. Передъ облавой и конецъ облавы. (Рис. на стр. 1276 и 1277).

Лось, какъ извѣстно, громадное животное, длиною болѣе сажени, а вышиной у загривка безъ малаго сажень; одни лопатчатые, сохатые рога вѣсятъ иногда до пуда. Онъ производитъ впечатлѣніе допотопнаго животнаго, благодаря своей лѣности и неуклюжести какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ въ Европѣ онъ, подобно зубру, принадлежитъ къ вымирающимъ видамъ. Нѣкогда распространенный по всей Германіи, нынѣ лось уцѣлѣлъ лишь въ восточной Пруссіи, Швеціи, Норвегіи, Прибалтійскихъ губерніяхъ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великой Россіи. Въ Азіи лось распространенъ еще по всему сѣверу до Амура.

Охота на лосей повсюду, кромѣ Россіи, строго воспрещена; въ Норвегіи штрафъ за убитаго лося доходитъ до 60 талеровъ. У насъ еще продолжаютъ охотиться на лося, большею частью съ загонщиками, на облавахъ. Подъ Петербургомъ загонщиками нерѣдко бываютъ молодыя крестьянки, и вотъ одну изъ такихъ облавъ передаетъ намъ, въ двухъ рисункахъ, талантливый изобразитель охотничьихъ сценъ, А. Кившенко. На первомъ рисункѣ изображенъ поѣздъ охотниковъ изъ деревни лѣсомъ къ завѣтному острову, въ которомъ залегли лоси. Охотники ѣдутъ въ саняхъ съ мужичкомъ на облучкѣ и загонщицей, стоящей сзади на полозьяхъ. Остальные загонщики и стрѣлки бѣгутъ въ догонку. На второмъ рисункѣ облава кончена; лось, выгнанный на охотниковъ, застрѣленъ, и стрѣлки торжествуютъ свою побѣду.

Штирійская крестьянка. (Рис. на стр. 1280).

Австро-Венгерское герцогство Штирія, расположенное на восточныхъ отрогахъ Альповъ, къ югу отъ эрцгерцогства Австрійскаго и къ западу отъ Венгріи, извѣстно, между прочимъ, своимъ красивымъ и виднымъ населеніемъ, въ особенности въ сѣверной своей части. Одна изъ обитательницъ этой мѣстности, въ ея живописномъ праздничномъ нарядѣ, и послужила моделью для картины г. Бальгейма, гравюра съ которой помѣщена на стр. 1280.

Дикая утка, защищающая утятъ отъ водяной крысы. (Рис. на стр. 1281).

Дикія утки устраиваютъ свои гнѣзда большею частью на землѣ, выбирая самыя глухія мѣста, съ большими предосторожностями. Сухіе стебли, листья и другія растительныя вещества, рыхло наложенныя другъ на друга, стоптанныя на срединѣ въ лоточекъ, и впослѣдствіи выложенныя пухомъ, образуютъ довольно просторную постройку. Высиживаетъ одна самка, выказывая при этомъ чрезвычайное самоотверженіе и родительскую любовь. Уходя съ гнѣзда, она постоянно прикрываетъ яйца пухомъ, надергиваемымъ изъ собственнаго тѣла, и прокрадывается какъ можно скрытнѣе по травѣ. Утята, по вылупленіи, согрѣваются еще въ теченіе одного дня въ гнѣздѣ и затѣмъ уводятся на воду. Первые дни своей юности они проводятъ по возможности скрытно въ густой осокѣ, камышахъ и другихъ водяныхъ растеніяхъ, и только начиная пускать въ дѣло крылья, рѣшаются показываться на открытой водѣ. Птенцы сильно привязаны къ матери, обращаютъ вниманіе на каждое предостереженіе, какъ только прикажетъ мать, скрываются подъ растенія или въ ямку почвы и остаются тамъ неподвижно, пока не возвратится мать, которую быть-можетъ вынудили взлетѣть. Много молодыхъ утятъ въ отсутствіе матери попадаетъ на зубы хорьку, норкѣ и даже водяной крысѣ, которая кромѣ того таскаетъ и яйца. Но когда мать на-лицо, она храбро защищаетъ своихъ птенцовъ, какъ изображено на превосходномъ рисункѣ Шпехта.

Американскій акробатъ Балдвинъ на парашютѣ. (Рис. на стр. 1284).

Въ Лондонѣ недавно произвелъ большое впечатлѣніе американскій акробатъ и воздухоплаватель Томасъ Секкеттъ Балдвинъ, подымавшійся на аэростатѣ безъ гондолы, сидя на веревочномъ кольцѣ, на значительную высоту (до 500 метровъ и выше), затѣмъ бросавшійся внизъ и опускавшійся на землю съ помощью парашюта, который въ первые моменты паденія оставался неразвернутымъ. Понятно, какою рѣшимостью и присутствіемъ духа надо обладать, чтобы отважиться на такой опытъ. Неразвернутый парашютъ Балдвина состоитъ изъ длиннаго мѣшка, открытаго снизу и напоминающаго формой обыкновенный пушечный снарядъ (продолговатое ядро). На верхнемъ, округленномъ концѣ его находится маленькое отверстіе, считаемое необходимымъ во всѣхъ парашютахъ, для того чтобы они не перекувыркивались подъ напоромъ воздуха. Взявшись за ручку парашюта, Балдвинъ прыгаетъ съ аэростата внизъ, оставляя послѣдній на произволъ судьбы. Черезъ нѣсколько секундъ воздухъ начинаетъ наполнять парашютъ и соотвѣтственно тому скорость паденія уменьшается. Но до тѣхъ поръ пока свернутый парашютъ не наполнится воздухомъ, человѣкъ вмѣстѣ съ аппаратомъ летитъ внизъ съ ужасающею быстротой, и нужно громадное самообладаніе, а также и физическая сила чтобы не выпустить изъ рукъ парашюта. Да и впослѣдствіи, когда опусканіе наполненнаго воздухомъ парашюта станетъ медленнѣе, онъ вмѣстѣ съ человѣкомъ начинаетъ качаться наподобіе маятника, причемъ физическія силы воздухоплавателя напрягаются еще болѣе.

Народныя забавы въ Бельгіи. (Рис. на стр. 1285).

Въ числѣ ярмарочныхъ увеселеній въ Бельгіи есть одно, требующее замѣчательно крѣпкихъ нервовъ. Это бездонная бочка, въ которой къ стѣнкамъ придѣланы двѣ продольныя скамейки. Желающіе принять участіе въ своеобразной partie de plaisir,—обыкновенно двѣ пары, два кавалера и двѣ дамы, почему и самый снарядъ называется „бочкою влюбленныхъ,“—садятся на скамьи, затѣмъ ихъ привязываютъ ремнями за поясъ и за ноги къ скамьѣ и стѣнкамъ, бочка катится по рельсамъ, и путешественники испытываютъ оригинальное ощущеніе кувырканья черезъ голову въ воздухѣ—настоящихъ salto mortale—при громкомъ смѣхѣ зрителей...

С. М. Воробьевъ. (Порт. на стр. 1288).

Въ минувшемъ октябрѣ скончался въ своемъ имѣніи „Турмонтѣ“, въ Ковенской губерніи, извѣстный профессоръ пейзажной живописи Сократъ Максимовичъ Воробьевъ. Покойный, сынъ знаменитаго живописца М. Н. Воробьева (1787 † 1855), родился въ Петербургѣ въ 1817 г. Художественное образованіе онъ получилъ въ Императорской академіи художествъ. Въ ней двадцати-лѣтнимъ юношей С. М. Воробьевъ удостоивается уже малой золотой медали, а въ 1838 году за видъ на дачѣ близъ Ревеля получаетъ золотую медаль. Лѣтомъ 1840 года за свои успѣшныя работы онъ былъ отправленъ въ качествѣ пенсіонера академіи заграницу, гдѣ оставался до 1846 года. За это время онъ исполнилъ не мало картинъ и рисунковъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. По возвращеніи въ Петербургъ онъ награждается званіемъ академика, а въ 1858 году получаетъ званіе профессора за пейзажъ съ натуры: „Видъ Трокъ въ Виленской губерніи“. С. М. Воробьевъ, не мало написавшій прекрасныхъ картинъ, безспорно долженъ занять видное мѣсто въ исторіи русской живописи. Но кромѣ славы выдающагося пейзажиста, имя Воробьева должно сохраниться, какъ даровитаго наставника многихъ изъ знаменитыхъ русскихъ пейзажистовъ,

какъ напр.: профессора И. И. Шишкина, А. П. Мещерскаго, Ю. Ю. Клевера и др.

Академикъ К. С. Веселовскій.

(Портр. на стр. 1288).

Непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, Константинъ Степановичъ Веселовскій, 50-ти-лѣтній юбилей котораго былъ отпразднованъ 22 ноября, родился 20 мая 1819 года. Дѣтство К. С. Веселовскій провелъ въ Екатеринославской губерніи, въ имѣніи своего отца. Поступивъ въ Царскосельскій лицей, онъ въ 1838 году окончилъ курсъ съ первою золотою медалью и чиномъ IX класса, и затѣмъ избравъ административное поприще, служилъ попеременно въ министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ. Рядомъ съ государственною службою К. С. Веселовскій занимался литературой, изучая и разрабатывая преимущественно экономическіе вопросы. Его многосторонніе изслѣдованія, по вопросамъ финансовымъ, политико-экономическимъ и сельскохозяйственнымъ, печатались въ журналахъ министерствъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, *Отечественныхъ Запискахъ* и др.

Эти многочисленные труды молодаго ученаго не остались незамѣченными Академіею Наукъ, и Веселовскій въ 1852 г. былъ избранъ въ дѣйствительные члены ея. Послѣдовавшія затѣмъ, замѣчательныя работы К. С. Веселовскаго, какъ-то хозяйственно-статистическій атласъ Россіи (1856), капитальное и солидное изслѣдованіе „О климатѣ Россіи“ (1857) и цѣлый рядъ другихъ, доставили русскому ученому въ средѣ академиковъ такое положеніе, что онъ въ 1857 году былъ избранъ непремѣннымъ секретаремъ академіи и въ 1859 году утвержденъ въ званіи ординарнаго академика. Помимо разнородныхъ и многополезныхъ занятій въ качествѣ непремѣннаго секретаря, К. С. Веселовскій неоднократно принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ цѣлаго ряда общегосударственныхъ вопросовъ; такъ онъ участвовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ при Морскомъ министерствѣ для составленія положенія о пенсіонной и эмеритальной кассѣ, затѣмъ 1862 году разрабатывалъ въ качествѣ члена особой коммисіи проектъ законоположеній о повременныхъ изданіяхъ и въ 1869 году принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ подготовительной коммисіи по вопросу о пересмотрѣ Пенсіоннаго Устава.

И. А. Стебутъ. (Портр. на стр. 1289).

Замѣчательный русскій ученый агрономъ, ревнитель сельскохозяйственнаго образованія, почетный членъ и профессоръ земледѣлія Петровской Земледѣльческой Академіи, Иванъ Александровичъ Стебутъ родился въ 1833 году, 31 января. По окончаніи курса во второй С.-Петербургской гимназіи, въ 1850 г., Стебутъ поступилъ въ Горыгорецкій институтъ, гдѣ блистательно окончилъ курсъ въ 1854 г. и былъ оставленъ при институтѣ. Первый литературно-научный трудъ его напечатанъ въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* за 1857 годъ и награжденъ серебряной медалью Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 1858 году Стебутъ былъ командированъ за границу на 3 года для приготовленія къ каѳедрѣ земледѣлія и послѣдовательно посѣтилъ съ научными цѣлями Іену, Гогенгеймъ и проч. Въ Іенѣ, подъ руководствомъ Лемана, онъ занимался агрономическою химіей. Далѣе онъ изучилъ замѣчательныя хозяйства Бельгіи, которую исходилъ пѣшкомъ вдоль и поперекъ. Въ Парижѣ онъ слушалъ знаменитыхъ Буссенго и Бадемана. 1860 годъ онъ посвятилъ изученію хозяйствъ Англіи и Шотландіи и въ томъ-же году получилъ каѳедру земледѣлія въ Горыгорецкомъ институтѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ читать курсъ политической экономіи и сверхъ того курсъ земледѣлія ученикамъ Горыгорецкой сельскохозяйственной школы. Въ 1865 году онъ защищалъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ „Известь, какъ средство возстановленія плодородія почвы“.

По закрытіи Горыгорецкаго института, профессоръ Стебутъ былъ переведенъ въ СПБ. Лѣсной Институтъ, а затѣмъ въ 1865 году утвержденъ профессоромъ земледѣлія Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, открытой 21 ноября 1865 года. Въ 1875 г. И. А. Стебутъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку, съ честію и рѣдкою пользой послуживъ дѣлу распространенія сельскохозяйственныхъ знаній; но уже въ слѣдующемъ 1876 г. онъ, по приглашенію, и каждый годъ по особому избранію совѣта Академіи возобновилъ и 13 лѣтъ подъ-рядъ продолжаетъ чтеніе курса земледѣлія, а именно частной культуры.

Не считая множества докладовъ, рефератовъ, сообщеній, рѣчей въ различныхъ ученыхъ и сельскохозяйственныхъ обществахъ и съѣздахъ, главнѣйшія сочиненія И. А. Стебута суть: 1) Известкованіе почвы. 2) Удобреніе гипсомъ. 3) Сорныя травы и ихъ истребленіе. 4) Сельскохозяйственныя замѣтки изъ поѣздки въ нѣкоторыя, преимущественно степныя губерніи. 5) Сельскохозяйственное знаніе и сельскохозяйственное образованіе. 6) Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ, составленная членами с.-х. консультаціи Московскаго Общества С. Х. Весь агрономическій отдѣлъ этого замѣчательнаго изданія принадлежитъ перу И. А. Стебута. 7) Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, его недостаткахъ и мѣрахъ къ усовершенствованію. 8) Основы полевой культуры и мѣры къ ея улучшенію въ Россіи (2 тома).

Множество статей почтеннаго автора разсѣяно въ спеціальныхъ и литературныхъ журналахъ и газетахъ.

Журналъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства *Русское Сельское Хозяйство* съ 1869 по 1871 г. издавался подъ его редакціею. Подъ его-же редакціей изданъ переводъ „Ученія объ удобреніи“ д-ра Гейдена (2 тома) и „Практическихъ наблюденій по земледѣлію“ Конне, съ его примѣчаніями.

Этими краткими свѣдѣніями, конечно, не исчерпывается благотворная и почтенная дѣятельность И. А. Стебута, но уже изъ этого читатели могутъ заключить, какой богатый вкладъ внесъ онъ въ сокровищницу русской сельскохозяйственной литературы.

П. Д.

Кресла, поднесенныя Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ Баку. (Рис. на стр. 1290).

При посѣщеніи Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей и Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ заведенія Св. Нины въ Баку, 8 октября текущаго года, въ одной изъ комнатъ, приглашенныя губернаторомъ, изъ числа 59 участницъ, двѣнадцать дамъ съ К. И. Семянниковой во главѣ поднесли Ихъ Величествамъ и Наслѣднику Цесаревичу три кресла, рисунки которыхъ помѣщены на стр. 1290, а Великому Князю Георгію Александровичу — вышитую подушку.

Кресла сдѣланы изъ перемежающихся слоевъ темнаго кубанскаго орѣха и краснаго дерева, съ инкрустаціями изъ бронзы; обиты бархатомъ, цвѣта бордо, вышитымъ въ персидскомъ вкусѣ (работа бакинскихъ дамъ) подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ К. И. Семянниковой. Спинка каждаго кресла изображаетъ арку главнаго входа въ Бакинскій Ханскій дворецъ, съ рѣзьбою изъ орѣха на фонѣ краснаго дерева. Внутри арки, на бархатѣ болѣе темнаго цвѣта, золотомъ и шелками вышитъ гербъ Бакинской губерніи. Подъ спинной аркой и подушками локотниковъ идетъ непрерывный рядъ болѣе мелкихъ арокъ на колонкахъ. Ножки кресла представляютъ минареты съ балкончиками того же дворца. Сидѣнье, передняя и задняя часть кресла, а также и подушки локотниковъ расшиты шелками по бархату. На боковыхъ же стѣнкахъ кресла, ниже ряда арокъ, — рѣзныя картины на орѣхѣ, изображающія виды Баку, Нефтяныхъ промысловъ, Чернаго городка, храма Огнепоклонниковъ и поѣзда желѣзной дороги съ вагонами-цистернами.

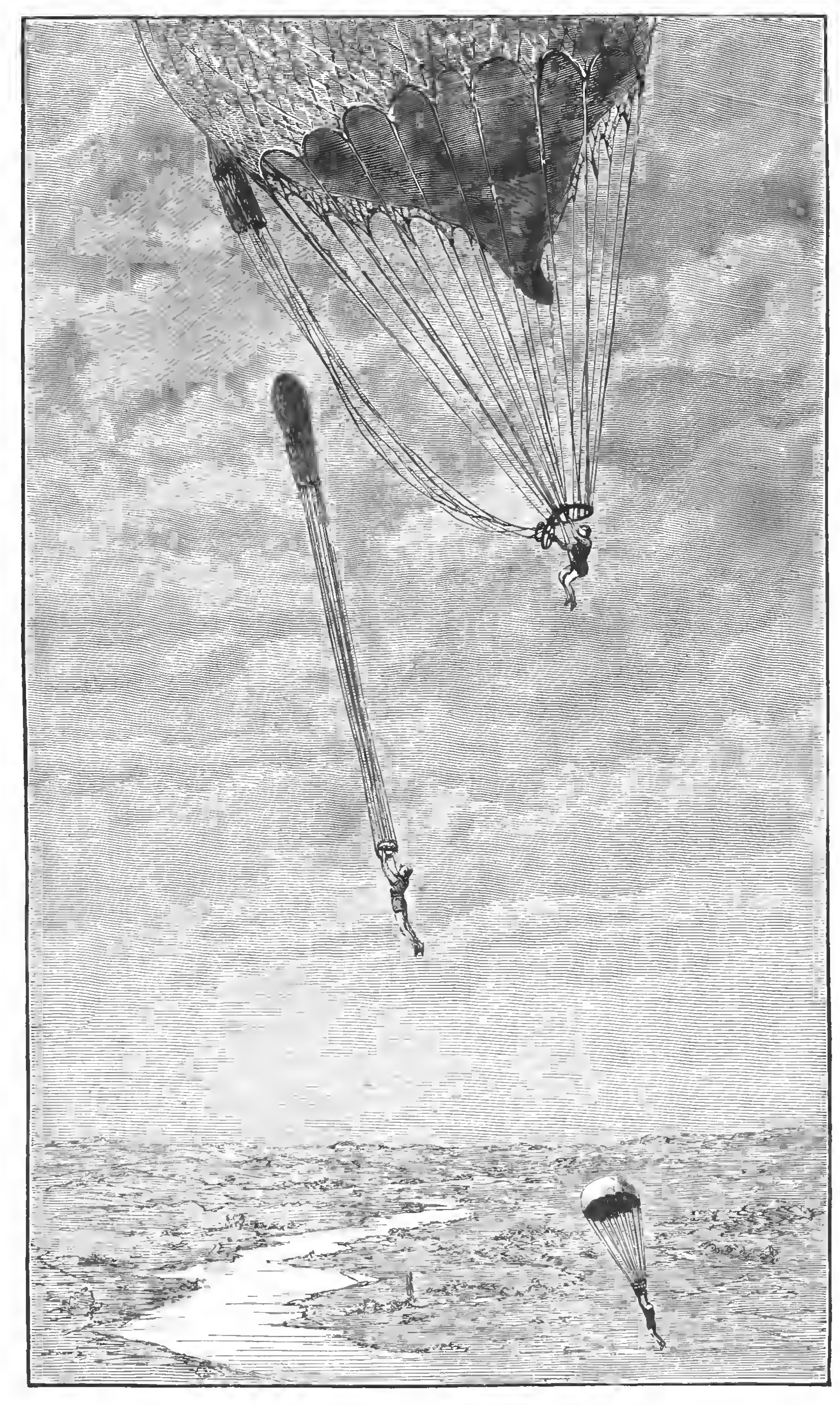
Деревянная работа сдѣлана столярнымъ мастеромъ Я. Мейеромъ съ сыномъ въ Баку; картины на деревѣ рѣзалъ любитель Д. Газіанцъ.

Подъ локотниками креселъ помѣщена надпись: „Рисунки для деревянной работы и вышивокъ въ креслахъ составлялъ въ 1888 г. въ Баку студентъ V курса горнаго института Л. И. Семянниковъ.“

Политическое обозрѣніе.

Нынѣшнее спокойное время едва-ли можно назвать миролюбивымъ; или дѣйствительно, желая мира, слѣдуетъ поступать по извѣстному изреченію и готовиться къ войнѣ. По крайней мѣрѣ отовсюду приходятъ извѣстія о постоянномъ увеличеніи численности войскъ. Въ Италіи, по словамъ перваго министра Криспи, всѣ стремленія правительства направлены къ сохраненію мира, но расширеніе военныхъ силъ происходитъ въ виду постоянно возрастающихъ вооруженій другихъ государствъ: поэтому Италія не можетъ де отставать, если только желаетъ исполнить принятыя на себя обязательства. Можно думать, что такія-же обязательства были одною изъ причинъ увеличенія численности австрійской арміи, хотя, по словамъ нѣкоторыхъ лицъ, дебатировавшихъ въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхсрата по поводу новаго военнаго законопроекта,—принятіемъ его обезпечивается миръ, а также независимость и величіе Австріи. Такъ, между прочимъ, депутатъ Пленеръ заявилъ, что лѣвая, не смотря на существующее между внутреннею и внѣшнею политикой противорѣчіе, подастъ голоса за этотъ законопроектъ, чтобы въ палатѣ могло составиться большинство двухъ третей голосовъ. Лѣвая, по словамъ Пленера, соглашается на принятіе законопроекта, но не ради нынѣшняго министерства, а ради арміи и могущества монархіи. Ригръ говорилъ, что народы Австріи будутъ, по возможности, поддерживать монарха при добросовѣстномъ выполненіи союзнаго договора съ Германіей. Союзъ съ Германіей — сказалъ ораторъ, — возникъ изъ интерессовъ обѣихъ имперій и равноправность обѣихъ сторонъ должна быть соблюдена, всякую-же мысль о государственно-правовыхъ отношеніяхъ слѣдуетъ отклонить. Среди западныхъ

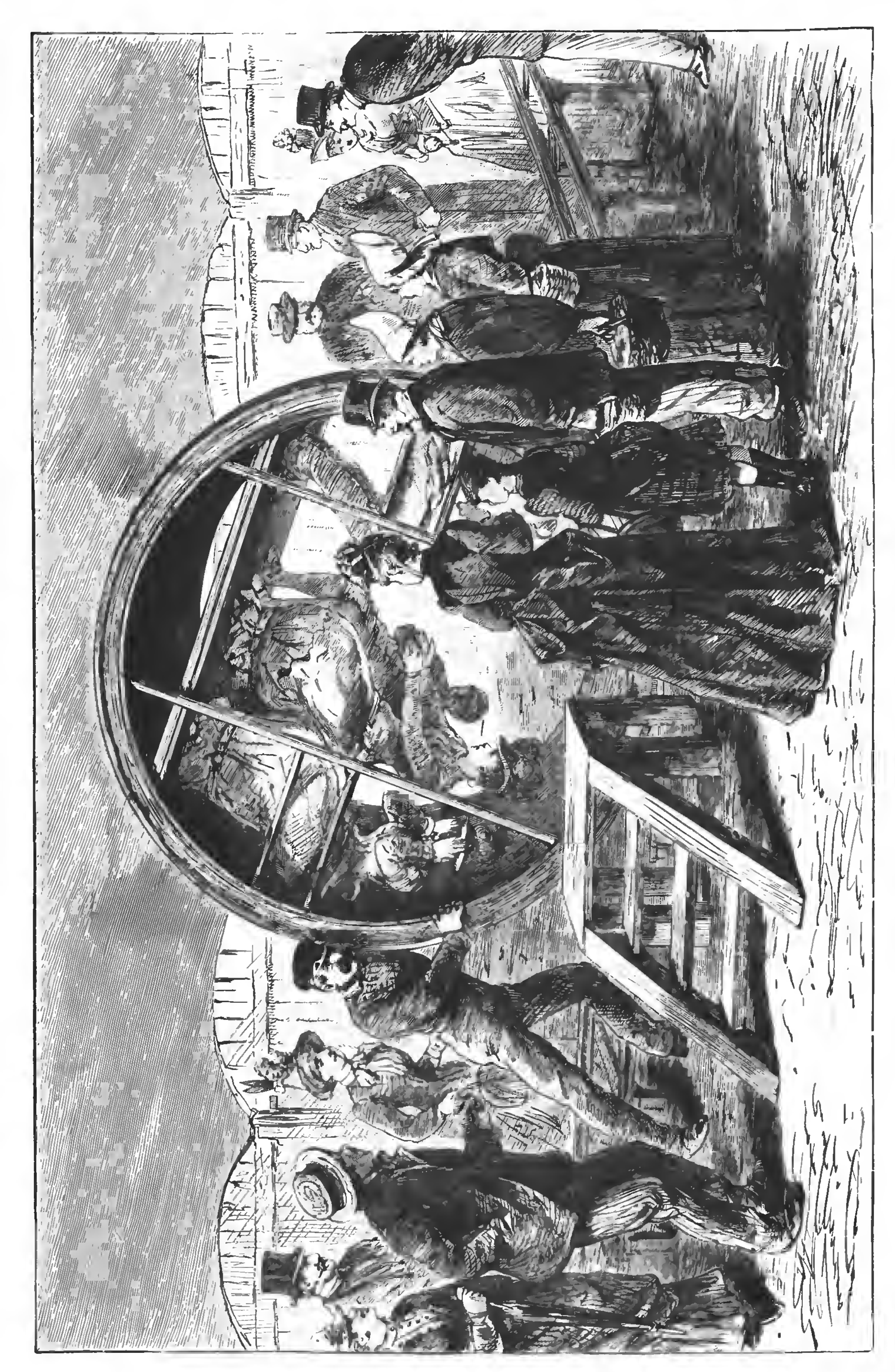
славянъ не существуетъ де панславизма. Чешскій народъ не хочетъ де становиться ни русскимъ (!), ни нѣмецкимъ, и потому всѣми силами отстаиваетъ Австрію и ея династію. Министръ народной обороны, графъ Вельзерсгеймбъ указалъ, что законопроектъ отвѣчаетъ не какому-нибудь отдѣльному національному интересу, а настоятельному интересу всего отечества вообще. Младо-чехъ Грегръ говорилъ: „Чешскій народъ не питаетъ довѣрія къ будущему. Что за польза отъ мира, который, въ концѣ-концовъ, долженъ привести къ состязанію государствъ и разоренію народовъ? Но чехи будутъ въ пользу всякаго союза, который обезпечиваетъ миръ, независимость и величіе Австріи. Поэтому они одобряютъ военный законопроектъ, но дѣлаютъ

Американскій акробатъ Балдвинъ, спускающійся на парашютѣ въ Лондонѣ.

1) (сверху) Подъемъ шара и приготовленіе къ прыжку. 2) Первый моментъ спуска,—парашютъ еще не развернулся. 3) Парашютъ развернулся.

это „только ради Австрійскаго императора, короля Чешскаго и Австрійскаго государства—а не ради кого или чего-нибудь другаго“. Новый военный законопроектъ былъ принятъ палатой съ замѣчательнымъ единодушіемъ въ многопартійной австрійской палатѣ. По этому законопроекту должны произойти существенныя измѣненія въ организаціи австрійской арміи. Однимъ изъ главныхъ нововведеній будетъ включеніе въ составъ полевыхъ войскъ —14 ландверныхъ, т. е. резервныхъ пѣхотныхъ дивизій, которыя

Народныя забавы въ Бельгіи. Бочка влюбленныхъ. По наброску Эліота, грав. Веберъ.

образуются изъ ландверныхъ баталіоновъ въ военное время. Такимъ образомъ число дѣйствующихъ дивизій въ военное время увеличится до 46. Затѣмъ новый законопроектъ также старается устранить тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при пополненіи офицерскаго состава ландвера. Съ этою цѣлію въ законопроектѣ предполагается сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ вольноопредѣляющихся на одинъ годъ—экзаменъ на первый офицерскій чинъ, а невыдержавшихъ его оставлять въ строю еще на одинъ годъ.

Сербіи продолжаетъ заниматься новою конституціею. Еще въ половинѣ ноября подкоммисіи по пересмотру конституціи пришла къ соглашенію относительно окончательной редакціи проекта пересмотра. Полное согласіе достигнуто по слѣдующимъ пунктамъ: признаніе прерогативъ короля; избраніе народнаго представительства путемъ свободныхъ выборовъ; установленіе гарантій противъ давленія власти на законодательное собраніе, чтобы предотвратить несправедливости; присвоеніе скупщинѣ права одобрять и провѣрять бюджетъ; принятіе гарантій въ огражденіе политическихъ и гражданскихъ правъ сербскихъ гражданъ, т. е. безопасности личности, собственности, свободы выборовъ, печати и сходокъ; установленіе отвѣтственности министерства: признаніе гарантій противъ произвола чиновниковъ; установленіе самостоятельности чиновъ судебнаго вѣдомства; передача политическихъ процессовъ въ вѣдѣніе обыкновенныхъ судовъ; обезпеченіе расширенной автономіи общинъ. Кромѣ того, король Миланъ, по собственному почину, предложилъ включить въ новую конституцію статью, въ которой онъ обѣщаетъ не вступать во второй бракъ и объявляетъ наслѣднаго принца Александра единственнымъ наслѣдникомъ Сербскаго престола. Коммисія по пересмотру конституціи, говорятъ, встрѣтила это предложеніе съ восторгомъ. Въ то время какъ въ проектъ конституціи включается статья объ избраніи народнаго представительства путемъ свободныхъ выборовъ, всѣ состоявшіеся косвенные выборы были признаны королевскимъ указомъ недѣйствительными, вслѣдствіе безпорядковъ и множества жалобъ на террористическій образъ дѣйствій административныхъ чиновниковъ, и предписано приступить къ избранію новыхъ выборныхъ. Какъ косвенные, такъ и прямые выборы должны происходить подъ контролемъ королевскихъ коммисаровъ, назначенныхъ изъ состава всѣхъ трехъ партій, и будутъ окончены до 27 декабря, когда послѣдуетъ открытіе скупщины. По получаемымъ извѣстіямъ наибольшее число мѣстъ въ ней будетъ принадлежать радикаламъ и либераламъ, нынѣ совмѣстно дѣйствующимъ. Австрофильская партія напредняковъ всѣми средствами старается ослабить успѣхъ своихъ противниковъ и вновь представила жалобы на террористическія средства, къ которымъ, будто, прибѣгали радикалы и либералы во время выборовъ. Подобное положеніе дѣлъ въ Сербіи сильно озабочиваетъ вѣнскія политическія сферы. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, народныя страсти въ Сербіи настолько возбуждены, что самый ничтожный инцидентъ можетъ внезапно вызвать цѣлую политическую бурю. Радикалы пользуются народными симпатіями къ королевѣ Наталіи для успѣшной агитаціи въ свою пользу, выказываютъ недоброжелательное отношеніе къ королю Милану и разсчитываютъ имѣть на своей сторонѣ большинство въ великой скупщинѣ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Государь Императоръ, 25 ноября 1888 года, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе владѣльцамъ облигацій 4% золотаго займа 1889 года, выданныхъ на предъявителя, обмѣнивать таковыя облигаціи, въ случаѣ ихъ желанія, на именныя за тѣми же нумерами.

— Газ. *Свѣтъ* сообщаетъ, что въ комитетѣ министровъ будетъ слушаться представленіе министерства Государственныхъ Имуществъ по вопросу объ ограниченіи перехода нефтеносныхъ земель въ собственность иностранцевъ и о дозволеніи акціонернымъ обществамъ пріобрѣтать или арендовать не болѣе 30 десятинъ нефтеносной земли.

Морское дѣло.

— Начальникъ Главнаго морскаго штаба, вице-адмиралъ Чихачевъ назначенъ управляющимъ Морскимъ министерствомъ; предсѣдатель Морскаго техническаго комитета, ген.-ад. вице-адмиралъ Кремеръ — начальникомъ Главнаго морскаго штаба, съ оставленіемъ въ званіи ген.-ад.

— По Высочайше утвержденному приговору военно-морскаго суда Кронштадтскаго порта: командиръ фрегата „Память Азова", кап. 1 ранга Ломенъ 1, привлеченный къ отвѣтственности по обвиненію въ постановкѣ на мель бывшаго въ его командованіи фрегата „Генералъ-Адмиралъ", признанъ оправданнымъ.

Театръ и музыка.

— 21 ноября, въ СПБ., въ залѣ института слѣпыхъ Имп. Человѣколюб. Общества состоялся вокальный и инструментальный концертъ, въ коемъ почти вся программа была выполнена слѣпыми. Изъ воспитанниковъ института составлены хоры и оркестръ, которые очень стройно и согласно исполнили нѣсколько отрывковъ изъ оперъ. Изъ солистовъ особенно хорошо исполнили: соло для флейты Чіарди слѣпецъ Крыловъ и пьесы „Прощаніе" — Давыдова и Гавотъ — Поппера — слѣпой віолончелистъ Черновъ.

Наука и литература.

— 25 ноября, Новороссійскій университетъ чествовалъ 25-лѣтіе ученой дѣятельности профессора Ковалевскаго.

— 26 ноября, въ засѣданіи Императорскаго русскаго географическаго общества, дѣйствительный членъ А. А. Тилло сдѣлалъ сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ „средней глубины морей и высоты материковъ".

— 27 ноября, въ актовой залѣ С.-Петербургскаго университета, происходила защита диссертаціи, подъ заглавіемъ: „Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804 гг.", представленной кандидатомъ университета Е. Ф. Шмурло, для полученія степени магистра русской исторіи. Е. Ф. Шмурло былъ признанъ достойнымъ полученія искомой степени.

Археологія и древности.

— Въ концѣ апрѣля текущаго года, въ Аккерманскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, были произведены профессоромъ Ѳ. И. Кнауэромъ раскопки, давшія чрезвычайно важные научные результаты. Въ двухъ курганахъ найдено по одному человѣческому скелету, въ остальныхъ по нѣскольку. Какъ при двухъ первыхъ скелетахъ, такъ и при одномъ изъ скелетовъ остальныхъ кургановъ, лежали рядомъ. голова съ головою, скелеты лошади. Профессоръ Кнауэръ дѣлаетъ догадку, что въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ могилами гунновъ, какъ извѣстно, среди всѣхъ кочевыхъ народовъ отличавшихся привязанностью къ своимъ лошадямъ.

Открытія и изобрѣтенія.

— Проживающій въ селѣ Власовкѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, крестьянинъ А. И. Федорцевъ (онъ же Мусіенко) устроилъ молотилку самой простой конструкціи, съ помощью которой онъ молотитъ крестьянамъ хлѣбъ за дешевую цѣну, вымолачивая въ день 35 копенъ за 3 рубля. Молотилка требуетъ 4 лошадей и 10 рабочихъ.

Изъ губерній и областей.

— Скончавшаяся недавно въ Москвѣ потомственная почетная гражданка Дарья Михайловна Великолѣпова, завѣщала Московской городской думѣ болѣе пятисотъ тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были выдаваемы два раза въ годъ, предъ праздниками Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія, бѣднѣйшимъ жителямъ Москвы.

— Въ Москвѣ, 27 ноября, подписано на облигаціи 4% золотаго займа 1.350,000 рублей.

— Изъ Чарджуи, отъ 27 ноября, сообщаютъ, что представители шелковой мануфактуры въ Заверце Е. М. Рейхманъ, Друсевецкій и Ko открыли въ Бухарѣ и во многихъ торговыхъ пунктахъ ханства склады. Сбытъ мануфактурныхъ произведеній варшавскаго округа отличный.

Некрологъ.

— 24 ноября, скончался въ Москвѣ членъ Государственнаго Совѣта, егермейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринскій.

Городскія новости.

— 13 декабря 1888 г., въ СПБ., въ залѣ Дворянскаго собранія, въ пользу Попечительства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей и приготовленія ихъ въ мастеровые, данъ будетъ художественно-маскарадный балъ, съ выдачею призовъ за лучшіе костюмы по приговору жюри, состоящаго изъ гг. художниковъ: акад. А. Н. Бенуа, Н. А. Богданова, Н. Н. Каразина, М. Г. Сухоровскаго и проф. Шарлеманя; при участіи артистокъ Императорскихъ театровъ и артистокъ итальянской оперы; съ концертнымъ отдѣленіемъ большаго хора московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ Николая Шишкина, и двухъ оркестровъ музыки; съ безпроигрышною лотереею, базаромъ цвѣтовъ и другихъ вещей, пріобрѣтенныхъ въ лучшихъ магазинахъ Петербурга. Декоративное украшеніе зала любезно приняли на себя гг. художники А. А. фонъ-Беземанъ и А. В. Богдановъ, а убранство растеніями и цвѣтами поручено поставщикамъ Высочайшаго Двора, Ремпенъ и сынъ.

Библіографія.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. *Монахъ*. Романъ. СПБ. 1889.

Его же. *Незамѣтные герои*. (4 повѣсти и одинъ разсказъ) СПБ. 1889.

Читатели *Нивы* давно уже знакомы съ блестящимъ талантомъ вышеназваннаго автора. Романъ „Монахъ" былъ напечатанъ въ прошломъ году на страницахъ нашего журнала подъ заглавіемъ „Патмосъ". Что касается второй книги, появляющейся нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ, то это рядъ живыхъ и весьма интересныхъ очерковъ изъ жизни меньшей братіи, до самыхъ низшихъ слоевъ общества и даже его отверженцевъ.

Театральные типы. Воспоминанія режиссера (театралъ). 7 разсказовъ. СПБ 1889.

Изящно изданный томикъ, который доставитъ много удовольствія желающимъ познакомиться съ за-кулиснымъ бытомъ и вообще любителямъ драматическаго театра. Подъ псевдонимомъ *театрала*, какъ извѣстно въ литературныхъ кружкахъ, скрывается лицо весьма компетентное въ дѣлѣ сценическаго искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣющее перомъ беллетриста.

Ольга Шапиръ. *Повѣсти и разсказы*. СПБ. 1889.

Повѣсти г-жи Шапиръ достаточно извѣстны читающей публикѣ. Новое изданіе ихъ весьма изящно и безъ сомнѣнія скоро разойдется въ средѣ многочисленныхъ поклонниковъ ея таланта.

Повѣсти и разсказы М. М. Ковловича. СПБ. 1888.

Среди массы новѣйшихъ писателей, принадлежащихъ большею частію къ ложно-реалистической школѣ, вышепоименованный авторъ составляетъ пріятное исключеніе: не соблаз-

няясь легкими успѣхами на этомъ достаточно уже избитомъ пути, онъ ищетъ болѣе благодарной для искусства почвы—идеальной и находитъ ее въ непочатыхъ еще уголкахъ міра лилипутовъ, маленькихъ людей, карликовъ и т. п. Книжка читается съ большимъ интересомъ.

Германъ Гоппе. *Всеобщій календарь на 1889 годъ* (23-й годъ изданія). Съ 6-ю порт., рис. и 2 безплатными приложеніями: 1) картой путей сообщенія Россіи и 2) стѣннымъ календаремъ. СПБ.

К. Л. Риккеръ. *Записная книжка на 1889 годъ* (XIX). годъ изданія. СПБ.

Всеобщій календарь Гоппе и Записныя книжки г. Риккера составляютъ насущную потребность каждаго дѣловаго человѣка. Выпущенные на будущій годъ отличаются тѣми-же достоинствами какъ и всѣ пред-шедшія.

Смѣсь.

Чувство обонянія у мужчины и женщины, по Л. Гашерту. Существуетъ мнѣніе, что чувства у женщины гораздо тоньше и совершеннѣе чѣмъ у мужчины. Относительно *зрѣнія* и *слуха* нѣтъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса; что-же касается чувства *вкуса*, то, какъ знатоки вина, мужчины несомнѣнно превосходятъ женщинъ; точно также не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ повареннаго искусства предпочтеніе отдается повару предъ кухаркой. Съ другой стороны, чувство *осязанія* у женщинъ безспорно тоньше развито чѣмъ у мужчинъ, благодаря чему онѣ обладаютъ особенною способностью къ рукодѣліямъ, хотя нельзя отвергать, что иногда въ этой отрасли отличаются и мужчины. Однако, при всемъ желаніи быть вѣжливыми относительно прекраснаго пола и признать превосходство женщинъ въ развитіи чувствъ, мы принуждены сдѣлать изъ этого правила исключеніе, относительно чувства *обонянія*.

Какъ-бы то ни было, сильнѣйшій полъ не долженъ слишкомъ кичиться такимъ превосходствомъ, ибо чувство обонянія у человѣка тѣмъ тоньше, чѣмъ ниже онъ стоитъ на культурной лѣстницѣ. Обладать чутьемъ могикановъ и др. краснокожихъ вовсе не завидно. У жителя лѣсной мѣстности чутье еще довольно сильно, но у городскаго жителя оно большею частію утрачивается.

У животныхъ чувство обонянія играетъ выдающуюся роль; у насѣкомыхъ оно въ такой степени преобладаетъ надъ другими чувствами, что имѣетъ для нихъ то же значеніе, какъ зрѣніе и слухъ для человѣка. Очень сильно чувство обонянія у нѣкоторыхъ рыбъ; такъ напр. у акулы слизистая оболочка, служащая для обонянія, достигаетъ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ. Менѣе развито чутье у пресмыкающихся, земноводныхъ и большинства птицъ, и, наоборотъ, болѣе сильно у млекопитающихъ и въ особенности у собаки, которая исключительно при помощи чутья отыскиваетъ на большомъ разстояніи дичь, а также слѣдъ своего хозяина и находитъ его домъ.

Человѣкъ, какъ выше сказано, обладаетъ чувствомъ обонянія въ весьма различной степени. По Гумбольдту, индійцы отыскиваютъ слѣдъ чутьемъ, подобно собакѣ. Слѣпой Вардропъ узнавалъ окружающихъ по запаху, а въ Библіи говорится, что Исаакъ, ослѣпнувъ въ старости, различилъ запахъ полей въ одеждѣ Іакова.

Въ настоящее время чувство обонянія играетъ незначительную роль; его мало упражняютъ и оно все болѣе и болѣе утрачивается, въ особенности у городскаго жителя, который больше куритъ и пьетъ. Табакъ оказываетъ на обоняніе весьма вредное вліяніе и большинство завзятыхъ курильщиковъ почти вовсе лишены этого чувства.

Такое наблюденіе сдѣлано, между прочимъ,—находящимся до сихъ поръ въ живыхъ — столѣтнимъ химикомъ Шеврёлемъ, который никогда не курилъ, пилъ одну только воду и благодаря этому обстоятельству вполнѣ сохранилъ свое обоняніе.

Одинъ изъ его слушателей, который обыкновенно не курилъ, вошелъ однажды въ лабораторію Шеврёля. Ученый, находившійся въ десяти метрахъ отъ дверей, у рабочаго стола, закричалъ вошедшему, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сдѣлать два шага по комнатѣ: „О! А я думалъ вы не курите!“ Оказалось, что молодой человѣкъ выкурилъ за часъ передъ тѣмъ полъ-сигары.—„Да, у меня носъ химика,“ говорилъ обыкновенно Шеврёль, когда удивлялись тонкости его обонянія,—„и если вы хотите обладать такимъ-же, дѣлайте какъ я: пейте только воду и избѣгайте трубки и сигары. Если вы раннимъ утромъ, въ деревнѣ, не слышите озона въ воздухѣ, будьте увѣрены, что ваше обоняніе не въ порядкѣ и займитесь его лѣченіемъ. Здоровый носъ *долженъ* чувствовать озонъ“.

Хотя у человѣка, живущаго въ обществѣ, слизистая оболочка носа сравнительно мало чувствительна, но тѣмъ не менѣе она способна воспринимать необычайно тонкія впечатлѣнія. Валентинъ недавно констатировалъ, что можно обонять возмиліонную долю миллиграмма розовой эссенціи. Э. Фишеръ и Пенцольдъ въ Эрлангенѣ наблюдали, что посредствомъ обонянія можетъ быть открыто присутствіе $\frac{1}{2\,760.000,000}$ грана сѣрнаго эфира или хлористаго фенола. У женщинъ такая чувствительность слабѣе; такъ напр., одна часть синильной кислоты, разведенной въ 20,000 частяхъ воды, для всѣхъ женщинъ, безъ исключенія, не ощутима; между тѣмъ какъ мужчины, съ которыми дѣлали подобный опытъ, обоняли ее даже въ 100,000 разведеніи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки производились Никельсомъ и Бэли весьма интересные опыты, о которыхъ былъ читанъ отчетъ въ „Американскомъ обществѣ преуспѣянія естественныхъ наукъ“. Матеріаломъ для опытовъ служили обоимъ физіологамъ различныя сильно пахнущія вещества, какъ напр. эссенція левкоя, экстрактъ чеснока, синильная кислота, лимонная эссенція и т. п. Каждое изъ этихъ веществъ разбавлялось извѣстнымъ количествомъ воды, такъ что получался рядъ разведеній, причемъ каждое было вполовину слабѣе предъидущаго. Когда такой рядъ для какого-либо изъ веществъ былъ готовъ, бутылочки (снизу занумерованныя) перемѣшивались и присутствующимъ предлагалось снова расположить ихъ въ прежнемъ порядкѣ, по силѣ запаха. Благодаря такой системѣ опытовъ, возможно было констатировать весьма большую разницу въ степени развитія обонянія у различныхъ индивидуумовъ. Такъ напр. трое мужчинъ узнали синильную кислоту въ двухъ-милліонномъ разведеніи; — это такая безконечно малая доза, которая не можетъ быть открыта даже химическимъ анализомъ.

Но наиболѣе поразительный результатъ опытовъ заключался въ опредѣленіи разницы существующей у обоихъ половъ относительно тонкости обонянія. Для синильной кислоты отношеніе это заключалось въ разведеніяхъ отъ 20 до 100,000. Лимонная эссенція распознавалась мужчинами въ 250,000 разведеніи, женщинами-же не свыше 125,000. Точно такъ же было и съ другими пахучими веществами.

Поэтому, совершенно несправедливо, на основаніи пристрастія женщинъ къ духамъ, заключалось до сихъ поръ о большей тонкости ихъ обонянія. Такое пристрастіе происходитъ вѣроятно вслѣдствіе того, что женщины гораздо менѣе мужчинъ чувствуютъ запахи и потому менѣе мужчинъ страдаютъ отъ черезчуръ сильныхъ духовъ. Пусть дамы, имѣющія особое пристрастіе къ духамъ, убѣдятся, на основаніи научныхъ данныхъ, что онѣ для мужскаго обонянія бываютъ надушены вдвое сильнѣе, чѣмъ для своего собственнаго.

Если подумать какого ничтожнаго количества пахучихъ веществъ достаточно, чтобы произвести впечатлѣніе на чувство обонянія человѣка, то легче будетъ составить себѣ хотя приблизительное представленіе о необычайномъ чутьѣ собаки. Наслѣдственность и воспитаніе очевидно играютъ въ этомъ отношеніи такую-же важную роль у человѣка, какъ у животныхъ. Извѣстно, что нѣкоторыя собаки обладаютъ очень слабымъ чутьемъ, а нѣкоторыя комнатныя породы вовсе утратили его. Въ общемъ-же чувство обонянія, къ сожалѣнію, еще весьма мало изслѣдовано, хотя оно заслуживаетъ, чтобы наука обратила на него большее вниманіе. (с.)

Величайшую достопримѣчательность Санта-Барбары, въ Южной Калифорніи, составляетъ исполинская виноградная лоза, находящаяся въ саду фермера Ф. С. Мартина. Если эта лоза и не раскидывается такъ широко, какъ знаменитый Centennial stock въ Монтечито, то осенью, покрытая безчисленными гроздьями спѣлаго винограда, она гораздо привлекательнѣе на видъ. Лоза занимаетъ участокъ земли въ 8 квадратн. метровъ. Цѣлая система деревянныхъ подпорокъ поддерживаетъ ея вѣтви, которыя въ противномъ случаѣ давно сломились бы подъ тяжестью плодовъ. Болѣе тысячи тяжелыхъ гроздьевъ черно-синяго прекраснаго винограда свѣшиваются съ деревянныхъ рамъ и представляютъ каждую осень такую живописную по группамъ и оттѣнкамъ картину, что на нее нельзя достаточно налюбоваться. Вѣсъ отдѣльныхъ гроздьевъ равняется среднимъ числомъ отъ 3½ до 4 килограммовъ, такъ что лоза въ пору полной зрѣлости винограда несетъ на себѣ вѣсъ въ 4,000 килограммовъ (въ 240 пудовъ). Вѣтви такъ растянуты, что образуютъ подъ собой красивое пространство, употребляемое часто для пикниковъ, обѣдовъ, coffee-parties и т. д. и по всей вѣроятности представляетъ самую оригинальную и привлекательную столовую на всемъ берегу Тихаго океана. Около 50 персонъ могутъ свободно размѣститься подъ „мартиновой лозой“. Къ этому надо прибавить, что рядомъ съ этимъ поистинѣ единственнымъ виноградникомъ стоитъ исполинское фиговое дерево, которое во время созрѣванія также гнется подъ тяжестью своихъ плодовъ. (с.)

Перевозка рыбы во льду въ настоящее время есть дѣло весьма обыкновенное, не представляющее ничего удивительнаго; а между тѣмъ способъ этотъ, дающій возможность въ жаркое время года ѣсть свѣжую рыбу, привозимую изъ отдаленныхъ странъ, — для Европы довольно новъ. Первые опыты подобной перевозки были произведены въ сороковыхъ годахъ, въ Америкѣ, и оттуда это нововведеніе распространилось по всему цивилизованному міру. Мы подразумѣваемъ здѣсь міръ на который распространяется европейская культура, потому что въ другомъ культурномъ мірѣ, въ Китаѣ, этотъ способъ пересылки рыбы былъ извѣстенъ уже давно. *Нѣмецкая рыбопромышленная газета* недавно открыла интересное доказательство тому. Она напоминаетъ о книгѣ, озаглавленной „Der wundereiche Ueberzug unserer Nieder-Welt, Нюрнбергъ, 1680“, въ которой Эразмъ Франциксусъ разсказываетъ, что китайцы перевозятъ рыбу въ мѣшкахъ со льдомъ. Эразмъ Франциксусъ тогда же предлагалъ ввести этотъ способъ перевозки въ Европѣ; но „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“, — его мысль осуществилась только черезъ 200 лѣтъ. Да послужитъ это утѣшеніемъ непризнаннымъ изобрѣтателямъ и прожектерамъ! (с.)

Парижское приключеньице. Госпожа К., красавица, 28-лѣтняя вдова, часто купалась въ Сенѣ прямо съ берега у своей дачи, близь Корбейля. Она отлично и неустрашимо плавала. Вдругъ ей послышались крики о помощи. На противоположномъ берегу упражнялся въ плаваніи молодой человѣкъ. Онъ былъ увлеченъ теченіемъ и началъ тонуть. Госпожа К., не долго думая, поплыла къ тому мѣсту, гдѣ несчастный уже пошелъ ко дну. Раза два нырнувъ, она успѣла его схватить и благополучно доставила на берегъ, гдѣ собралась толпа зрителей. Предоставивъ имъ дальнѣйшія заботы объ утопленникѣ, госпожа К., вплавь-же, вернулась на свою сторону рѣки. Когда молодой человѣкъ очнулся, онъ поспѣшилъ освѣдомиться о своемъ спасителѣ и выразилъ желаніе вознаградить его обычною въ такихъ случаяхъ преміею въ 25 франковъ. И вдругъ онъ узнаетъ, что обязанъ спасеніемъ красавицѣ-вдовѣ съ 30,000 франковъ годоваго дохода. 30,000 франковъ! Благодарность молодаго человѣка соотвѣтственно возрастаетъ. Онъ спѣшитъ къ своей спасительницѣ, бросается къ ея ногамъ и предлагаетъ ей сердце и руку.

Вдова, очевидно не особенно счастливая въ первомъ бракѣ, встрѣтила его громкимъ смѣхомъ.

— Но, вѣдь я обязанъ вамъ жизнью, сударыня! восклицаетъ неопытный пловецъ. — Не могу-же я остаться у васъ въ долгу: я честный человѣкъ!

— Нисколько въ томъ не сомнѣваюсь, отвѣчала вдова,—однако вы не можете заставить меня насильно принять награду за ваше спасеніе.

— Въ такомъ случаѣ, я погибъ! неудержимо продолжалъ молодой человѣкъ:—обязанный жизнью молодой женщинѣ, я сдѣлаюсь предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ.

— Значитъ, мнѣ ничего больше не остается, какъ просить у васъ прощенья за то, что я такъ неделикатно вытащила васъ изъ воды?

— Сударыня, взмолился опять молодой человѣкъ: — доставьте мнѣ по крайней мѣрѣ какой-нибудь случай оказать вамъ соотвѣтственную услугу— на сувѣ, само собой разумѣется.

— Хорошо! согласилась наконецъ вдова. — Если вы непремѣнно желаете, я сдѣлаю все отъ меня зависящее. Завтра я возвращаюсь въ Парижъ; въ субботу даю вечеръ: пришлю вамъ на него приглашеніе. Вы встрѣтите у меня пожилаго капитана, который вотъ уже скоро два года преслѣдуетъ меня своимъ ухаживаніемъ. Я не могу дольше этого выносить. Онъ большой забіяка и дуэлистъ, отлично стрѣляетъ и еще лучше владѣетъ шпагой. Заведите съ нимъ ссору и пошлите ему вызовъ: такимъ образомъ я, во всякомъ случаѣ, отдѣлаюсь отъ этого чудовища. Я на васъ разсчитываю. Дѣло, конечно, не безопасное, но вѣдь вы того и хотите. И такъ, рѣшено?

— Рѣшено! подтвердилъ молодой человѣкъ, дергая себя за усы.—Моя спасительница можетъ на меня положиться. Капитанъ найдетъ во мнѣ достойнаго противника!

И храбрецъ откланялся.

Въ назначенный вечеръ у красивой вдовы собрались ея друзья: между ними не оказалось молодаго человѣка, котораго она спасла. Задорный капитанъ — вымыселъ молодой женщины—сослужилъ ей отличную службу: онъ избавилъ ее отъ навязчивой благодарности неловкаго пловца.

Ядовитыя рукописи. Бумага, употребляемая въ Европѣ для воспроизведенія — съ цѣлью ихъ сохраненія для потомства — древнихъ рукописей и разнаго рода письменныхъ достопримѣчательностей, обладаетъ достаточною въ нашемъ климатѣ способностью противостоять разрушительному дѣйствію времени. Но въ жаркихъ тропическихъ странахъ она утрачиваетъ эту способность. Поэтому, не смотря на то, что она красивѣе и гораздо дешевле, ученые брамины въ Остъ-Индіи опять начинаютъ предпочитать ей для своихъ трудовъ бумагу туземнаго производства, изстари употреблявшуюся для сохраненія памятниковъ санскритской литературы. Но служащая для *ежедневнаго* употребленія бумага въ Индіи тоже не отличается прочностью: пропитанная рисовою водой, она въ дождливое время вбираетъ въ себя слишкомъ много влаги и легко становится добычею червей, бѣлыхъ муравьевъ и разныхъ другихъ насѣкомыхъ, особенно такъ-называемой „серебряной рыбки“ (Silberfisch), которая оказывается настоящимъ бичемъ для письменныхъ документовъ. Во избѣжаніе порчи въ болѣе важныхъ случаяхъ, туземцы употребляютъ для своихъ

Профессоръ С. М. Воробьевъ (†). Съ фотогр. грав. Пуцъ.

Академикъ Константинъ Степановичъ Веселовскій (по поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности). Съ фот. Классена, грав. Шюблеръ.

ученыхъ писаній бумагу, насыщенную ядовитымъ растворомъ, благодаря которому та не легко поддается дѣйствію вышеупомянутыхъ разрушительныхъ элементовъ. Въ Бенаресѣ, напримѣръ, находится отлично сохранившаяся рукопись, существующая уже больше пятисотъ лѣтъ (она помѣчена 1310 г.). Для этого туземная бумага пропитывается смѣсью изъ желтаго мышьяка съ сокомъ, выжимаемымъ изъ сѣмянъ тамаринда, которыя для того растираются морскою раковиною. Бѣлый мышьякъ рѣже идетъ въ дѣло и тогда смѣшивается съ клеемъ акаціи. Изъ этого слѣдуетъ, что индійскіе ученые пишутъ свои сочиненія на бумагѣ, которая у насъ (наподобіе бумаги съ отравой для мухъ) допускалась бы въ продажѣ только въ аптекахъ, съ предостерегательнымъ клеймомъ въ видѣ мертвой головы. Обыкновенная бумага туземнаго происхожденія вообще шершава: чтобы на ней можно было легче и быстрѣе писать, ее насыщаютъ соотвѣтственно крѣпкимъ ядовитымъ растворомъ, для чего особенно пригоденъ сокъ изъ сѣмянъ тамаринды. Ученое общество въ Калькутѣ, основанное англичанами подъ названіемъ „Азіатскаго“, владѣетъ древними рукописями, переписанными на европейской бумагѣ между 1820 и 1830 годами: онѣ уже сильно пожелтѣли, обветшали и во многихъ мѣстахъ источены „серебряною рыбкой“. Рукописи же, въ началѣ перваго десятилѣтія настоящаго вѣка, переписанныя для библіотеки колледжа въ Портъ-Вильямсѣ на бумагѣ, насыщенной мышьякомъ, сохраняютъ первоначальную свѣжесть. На этомъ основаніи, въ послѣднее время стали и для „судебныхъ актовъ“ рекомендовать употребленіе „ядовитой“ туземной бумаги предпочтительно передъ англійскою, которая такъ легко и скоро поддается вліянію климата и прожорливости насѣкомыхъ. (N).

Иванъ Александровичъ Стебутъ, проф. Петровской Земледѣльческой Академіи въ Москвѣ (по поводу 25-лѣтія ученой дѣятельности).
Съ фотогр. Е. Овчаренко, грав. Шюблерь.

Ядъ угря. Въ списокъ ядовъ наукою внесенъ въ послѣднее время еще одинъ, страшный по своему дѣйствію и заключающійся въ крови угря. Кто бы могъ подумать, смотря на жирнаго, вкусно приготовленнаго угря, что изъ крови этой рыбы можно извлечь такое количество яда, которое вполнѣ достаточно, чтобы убить десять человѣкъ! Однако фактъ несомнѣненъ. Профессоръ Моссо въ Туринѣ недавно напечаталъ свои интересныя изслѣдованія по этому предмету, и мы заимствуемъ изъ его сочиненія наиболѣе существенное.

Профессоръ Моссо занимался на зоологической станціи въ Неаполѣ изученіемъ состава рыбьей крови и хотѣлъ прежде всего опредѣлить, почему нѣкоторыя рыбы, какъ напр. угорь, могутъ жить и въ морской, и въ прѣсной водѣ, между тѣмъ какъ другія морскія рыбы умираютъ вскорѣ послѣ ихъ перемѣщенія въ прѣсную воду. Съ этой цѣлью профессоръ Моссо далъ свернуться крови угря. При этомъ, какъ обыкновенно бываетъ, образовались такъ наз. кровяные сгустки и сукровица; послѣдняя была желтаго цвѣта съ голубоватыми отливами. Профессоръ Моссо взялъ каплю сукровицы на кончикъ языка и тотчасъ почувствовалъ острый ѣдкій вкусъ, а вслѣдъ затѣмъ появилось обильное отдѣленіе слюны и затрудненное глотаніе.

Какъ сукровица обыкновеннаго угря, такъ и морскаго, а также и мурены оказывала одинаковое дѣйствіе. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что сукровица обладаетъ ядовитыми свойствами. Въ Туринѣ были произведены дальнѣйшіе опыты, причемъ сукровица угря убивала всѣхъ животныхъ, которымъ, ради опыта, она вводилась въ кровь. Такъ напр. кроликъ, которому было впрыснуто подъ кожу 3 дециграмма сукровицы мурены, былъ убитъ ея дѣйствіемъ въ $2\frac{1}{2}$ минуты; собака, которой было впрыснуто въ шейную вену $\frac{1}{2}$ грамма, околѣла черезъ 4 минуты. Симптомы отравленія тѣ же самые, какіе обнаруживаются при отравленіи змѣинымъ ядомъ, съ тою только разницею, что дѣйствіе змѣинаго яда гораздо сильнѣе. Къ счастію, рыбный ядъ оказываетъ дѣйствіе только при непосредственномъ введеніи его въ кровь, такъ что можно и впредь безъ опасенія ѣсть угрей „во всѣхъ видахъ"; притомъ же вслѣдствіе варки рыбы ядъ угря утрачиваетъ свои гибельныя свойства. Особенно важно объясненіе профессора Моссо относительно рода дѣйствія яда, такъ какъ оно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на способъ лѣченія укушенія змѣи. Нашимъ читателямъ, даже непосвященнымъ, вѣроятно извѣстно, что въ продолговатомъ мозгу находится небольшое мѣстечко, называемое жизненнымъ узломъ. Величиною оно не болѣе булавочной головки и образуетъ центръ дыхательныхъ движеній. Если этотъ узелъ проколоть толстой иглой, животное мгновенно падаетъ мертвымъ, такъ какъ при этомъ сразу прекращаются дыхательныя движенія. Яды, какъ угря, такъ и змѣи, повидимому, главнымъ образомъ дѣйствуютъ на продолговатый мозгъ и причиняютъ смерть прекращеніемъ дыханія. При помощи искусственнаго дыханія гибельное дѣйствіе яда можетъ быть уничтожено, и организму дана возможность постепенно возстановить свои силы. Крайне интересно узнать дальнѣйшія изслѣдованія знаменитаго итальянскаго ученаго; быть можетъ, ему удастся достигнуть точныхъ доказательствъ правильности своего мнѣнія и открыть средство противъ змѣинаго яда. (с.)

Кресла, поднесенныя Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ Баку. Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

Рѣшеніе ребуса на преміи (№ 75)

(помѣщеннаго въ № 47).

Ѳнта'"—'диванъ—с'—кій—си'—"графинъ—'Х—ода' На—(жиды—и)—ɐɯɐɾ'—ложи—ледъ—и—путь'—руда'—нуль'—ю—за Г' адъ—куль'—разъ—гадъ—'рать— И при Г'—роза'—'вилка'—'богъ—де'—ɐɪон'—съ Вы-Ше—эл—оса'—илъ—N—с'—часъ—Т'на ГО—царь—Ева'—'дичь'—а—(пожаръ—а)—'рать.

ɐио (слав.)—подъ Ра,—ж'—'мать—Египетъ—'S—комъ У—ɐɐия—у—въ Н'—h—вѣкша"—'лбы—знать'—'очи—"шило—Л (люди)—ей—Ли (рѣка)—"мошна—съ К,Ш'—'нить—и—мышь'—В'—'дама'—просо'—ɐио (слав.)—'ивы—шлемъ—нива' (поле)—у—к'—'рогъ—ɐɐɐ—сума'—е—Л—е—ɐɐɐ—гадъ—буры'—азъ—'брешн—ть.

Пой'—'ре (нота)—'ясли—Этна"—ослы": И, Ш'—комъ—труба"—дно А—призъ'—томъ въ Ы—ɐɐɐ—'охота'—ели—"избы—и—'смѣта'—ь—пони'—Ѣ и е—'конь—ива'—э—топоръ'—д'—И—Ш'—'щитъ—есть въ П—терка"—буръ—га (нота)—э—До' (нота)—'домъ—подъ номеромъ шесты—"домна—н'—'левъ съ Кой—перстъ'—ɐɐɐ—'тетива'—э.

„Ѳиванскій сфинксъ однажды предложилъ
Эдипу трудную загадку разгадать.
И пригрозилъ, когда то свыше его силъ,
Несчастнаго царевича пожрать.
Но подражать египетскому диву
Въ нашъ вѣкъ бы значило людей лишь насмѣшить,
И мы вамъ просто вышлемъ „Ниву",
Когда съумѣете загадку разрѣшить;
Но если это слишкомъ трудно, а притомъ,
Вы захотѣли бы имѣть понятіе о „Нивѣ",
То подпишитесь въ Петербургѣ, домъ
Подъ номеромъ шестымъ на Невской перспективѣ."

Всѣхъ вѣрныхъ рѣшеній этого ребуса прислано отъ 169 лицъ; именно: отъ 54 гг. городскихъ С.-Петербургскихъ и 115 иногородныхъ подписчиковъ, и изъ нихъ по жребію преміи пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

1) **Н. Родіонова.** СПБ., Фурштадтская ул., д. 8, кв. 26.
2) **Николая Михайловича Морель**, СПБ., Надеждинская ул., д. 21, кв. 7.
3) **Александра Александровича Дмитренко**, СПБ., Монетный Дворъ.
4) **Дмитрія Александровича Поспѣева.** СПБ., Коломенск., д. 7, кв. 73.
5) Учителя городскаго училища **П. М. Миронова**, въ г. **Оренбургѣ.**
6) Елизаветы Григорьевны **Горвевой**, Хамовники, Теплый пер., д. Матвѣева, въ г. **Москвѣ.**
7) Александра Николаевича **Воскресенскаго**, Похвалинская ул., д. Дьячкова, въ г. **Нижнемъ-Новгородѣ.**
8) А. В. **Пожарскаго**, въ г. **Симбирскѣ** (получено по телеграфу).
9) Счетовода **Загладина**, Ковровскія мастерскія, въ г. **Ковровѣ.**
10) Н. Н. **Добровольскаго**, въ **Переславлѣ-Залѣсскомъ**, Влад. г.
11) Николая Гаврил. **Чеснокова** Ильин[illegible]ая ул., соб. д., въ **Москвѣ.**
12) Татьяны Александровны **Синицыной**, въ г. **Торжкѣ**, Твер. губ.
13) Вѣры Андреевны **Алексѣевой**, Малая Никитская, д. Истрина, учебное заведеніе, въ г. **Москвѣ.**
14) Агніи Федоровны **Чувилевой**, конт. Татарникова, въ г. **Костромѣ.**
15) Мироваго Судьи Виктора Константиновича **Терскаго**, въ с. Большое Коровино, г. **Зарайскъ**, Ряз. г.
16) Л. Е. **Шилохвастова**, Подолъ, Хорева ул., д. 15, въ г. **Кіевѣ.**

Всѣмъ вышеупомянутымъ 16 лицамъ, каждому по 1 экз., „Нива" записана на будущій 1889 годъ.

Затѣмъ остальныя вѣрныя рѣшенія получены отъ слѣдующихъ лицъ: **СПб.**—М. И. Симонова, Е. Г. Милеантъ, Юлина, С. Романовскаго, Ф. О. Домбровскаго, Н. Н. Колесова, В. Герасимова, Боровикова, И. Вѣтринскаго, А. А. Сергіева, А. Пункова, Н. К. Синягина, Н. Налибина, В. Д. Мутьена, Н. М. Сергіевскаго, В. Преображенскаго, М. Н. Чернявскаго, Тычино, Тизенко, В. И. Коршенкова, А. Н. Шигаева, С. Рюльманъ, Ѳ. Геккеръ, А. Крамаревой, М. Щиглева, Л. Добропольской, А. В. Лерке, Л. А. Семеновской, № 52,474, А. П. Шебякина, А. И. Нестовскаго, С. Д. Карейша, Н. Зданскаго, А. В. Княжинскаго, М. Шишкевича, В. Н. Соколова, Ю. Доброписцева, М. С. Иконникова, С. Н. Николаева, Е. И. Ягнъ, А. Е. Колтышева, Е. А. Зиновьева, Н. Я. Дмитріева, Я. А. Малышева, Д. Гласфельдъ, В. Д. Бѣлова, № 91,945. Н. Бѣляева, Н. Полибина, В. Вильсона, **Москва**—М. В. Двиняниновой, Молчанова, В. Доброклонской, Н. М. Михайловскаго, Егоровой, Д. И. Кирѣева, Е. Н. Сынгаевскаго, А. Д. Ильинскаго, С. Нестова, А. Д. Самсонова, П. Г. Чеснокова, Е. Н. Большаковой, Н. Н. Миняевой, Н. Хотинцова, А. Е. Виноградова, Н. Христича, Полковника Абдулова, С. Д. Костылевой, Н. В. Талицкаго, **Арзамасъ**—Колесовыхъ, **Александровка**—А. С. Нестрова, **Бабино**—Лавровой, **Воронежъ**—А. А. Кюи, Н. Подшивалова, **Винница**—С. А. Рабиновича, **Витебскъ**—С. Ф. Мамонова, **Варшава**—Н. Ф. Розова, Подпор. Ермолаева, **Гродно**—В. Н. Прохоровича, Н. Ф. Рафаловича, **Дубровна**—А. М. Снѣгирева, **Екатеринославъ**—В. В. Кузьминской, **Калуга**—Н. І. Спасскаго, П. М. Кипарисова, И. М. Курбатова, **Кирсановъ**—Д. А. Завѣрячева, А. В. Лысцова, П. М. Зотова, В. Д. Загряжскаго, **Коломна**—А. А. Щукиной, Е. Т. Шевлягиной, **Кишиневъ**—А. Сахаровой, П. А. Монастырской, **Кіевъ**—А. В. Ульянова, В. В. Бѣляева, В. Р. Якубовскаго, Г. Шуминскаго, Л. Н. Молчановой, Т. Н. Довгалева, К. Н. Милевской, А. Лашкарева, И. Шереметинскаго, А. Н. Шульженко, **Кронштадтъ**—М. Е. Саткевича, **Ломжа**—Д. В. Теплова, **Минскъ**—Китовера, Залкиндъ, Г. М. Венгерова, С. Н. Сорокина, **Могилевъ**—П. Я. Эйлера, С. Н. Когона, **Новгородъ**—Н. Г. Кудрявцева, **Н. Новгородъ**—В. А. Знаменскаго, Н. Н. Симонова, **Нѣжинъ**—Л. К. Салемана, **Одесса**—Н. М. Стефани, Л. А. Доброклянской, **Оренбургъ**—Н. Мей, **Пенза**—С. Н. Мошкова, **Полтава**—А. Кривскаго, **Псковъ**—Н. М. Лойко, **Плоцкъ**—А. Н. Золотова, **Путивль**—В. Н. Можайскаго, **Рязань**—В. Д. Голикова, А. Г. Пугачева, С. Друкарева, Подпоруч. Новосельскаго, М. Н. Одинцова, Н. В. Шумова, **Рига**—М. Нелавиной, **Ростовъ на Д.**—С. Н. Щукина, **Сергачъ**—А. В. Запольскаго, I. В. Соколова, **Сима**—Н. С. Живарева, Н. Д. Бунина, **Суздаль**—Н. Н. Доброхотова, **Тула**—А. Н. Стрекалова, **Торжокъ**—М. Н. Ковалевой, Н. Н. Медвѣдкова, А. В. Зиловой, **Тамбовъ**—Ж. Бахрушева, Н. Арнольдъ, **Угличъ**—Н. В. Шляковой, **Уметъ**—М. А. Завѣрячева, **Харьковъ**—А. А. Катеринича, А. Ю. Свитальскаго, Петровскаго, **Царское село**—Павловича, **Черниговъ**—А. Н. Мезенцова, Н. Аполлонова, **Шацкъ**—А. А. Тюменева, **Шуя**—С. А. Щеколдина.

Кромѣ того невѣрныхъ рѣшеній получено болѣе 300.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Открыта подписка на „Ниву“ 1889 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи . . . . 6 р.

Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи. 7 р.
За границу . . . . 9 р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

ОТЪ СѢМЯННОЙ ТОРГОВЛИ В. Е. ГРАЧЕВА
въ С.-Петербургѣ.

При этомъ нумерѣ разсылается всѣмъ иногороднымъ подписчикамъ **каталогъ сѣмянъ на 1889 г.**

Иллюстрированный каталогъ высылается по присылкѣ 75 коп. почтовыми марками или деньгами. № 3564

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. **Цѣна 2 руб.**, съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обращ. въ **Контору журнала „Нива“** (СПБ., Невскій, д. 6).

СѢМЕННОЕ ДЕПО
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

въ **Москвѣ**, Мясницкая ул., д. Пѣгова.

Прейсъ-курантъ на 1889 г. сельско-хозяйственнымъ, огороднымъ, цвѣточнымъ, древеснымъ, пальмовымъ сѣменамъ, растеніямъ, и садовымъ инструментамъ по требованію выдается и пересылается безплатно.
М. № 3578 5—1

А. М. РУЗАНОВЪ

Гостиный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ

высылаетъ по первому требованію безплатно свой спеціальный

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Цѣны на заграничныя произведенія понижены. № 3480 6—5

УКРАШЕНІЯ
ДЛЯ ЕЛКИ

удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ. Высылаю коллекціи состоящихъ изъ стекла, металла, ламеты и проч.

Каждая для одной елки, а именно:

110 предметовъ Р. С. 18, 50
75 „ „ „ 10, 50
60 „ „ „ 7, —
по полученіи надлежащ. суммы.

включительно упаковка и пересылка.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ
Садовая, 12, С.-Петербургъ.

САРПИНКА. | Пріемъ заказовъ и перегылка во всѣ города Россіи и за границу. | СЕЗОНЪ 1889 г.

Собственной выработки САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ ручнаго ткачества
родъ зефира, для лѣта на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки.
Отлично моются.
Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ.

высылается заказной бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условія при образцахъ. № 3525 5—3

Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | ПРОДАЖА ШТУКАМИ И АРШИНАМИ. | САРПИНКА.

Вышли и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:
№ 3529 3—3

МОНАХЪ (ПАТМОСЪ)
романъ Вас. Немировича-Данченко.
Цѣна 1 рубль.

НЕЗАМѢТНЫЕ ГЕРОИ
повѣсть. Цѣна 1 руб. За пересылку слѣдуетъ приложить за 1 ф.

ОЛЬГА ШАПИРЪ.
Повѣсти и разсказы.

Ц. 2 р. Складъ у ант. СПБ. Надеждинская, 28.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.

М. № 3454 4—2. **Брокаръ и К°.**

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3555 4—3
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать **по вышеозначенному адресу.**

НОВОСТЬ!
№ 3577 4—1

Часы дамскіе **стальные черные** съ зав. безъ ключа, величиною съ 20 коп. сер. монету. **Ручательство за** вѣрный ходъ. Цѣна отъ 30 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„НОВОСТИ“
1889 ГОДА.
Условія подписки:

На 1-е (большое) изданіе

ВЪ РОССІИ:	Въ Спб. Р. К.	Въ др. город. Р. К.
На годъ	16 —	17 —
„ 6 мѣсяцевъ	9 50	11 —
„ 3 „	5 50	7 —
„ 1 „	2 —	2 50

ЗА ГРАНИЦУ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:	На годъ Р. К.	На 6 мѣс. Р.	На 3 мѣс. Р.	На 1 мѣс. Р. К.
Въ страны, вошедш. въ почтовый союзъ . .	26 20	14	8	3 50
Въ страны, не вошедш. въ почтовый союзъ.	47 —	28	15	— —

На 2-е (малое) изданіе

ВЪ РОССІИ:	Въ Спб. Р. К.	Въ др. город. Р. К.
На годъ	9 —	10 —
„ 6 мѣсяцевъ	6 —	6 —
„ 3 „	3 —	3 —
„ 1 „	1 —	1 —

ЗА ГРАНИЦУ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:	На годъ Р.	На 6 мѣс. Р.	На 3 мѣс. Р.	На 1 мѣс. Р.
Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ . .	18	10	6	2
Въ страны, не вошедш. въ почтовый союзъ .	39	20	11	—

РАЗСРОЧКА платежа **годовой подписной цѣны** допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: гг. иногородными подписчиками **перваго** изданія: при подпискѣ—7 р., въ концѣ марта—7 р. и въ началѣ августа—3 р.; городскими: при подпискѣ—5 р. 50 к., въ концѣ марта—5 р. 50 к. и въ концѣ іюня—5 р.; гг. иногородными подписчиками **втораго** изданія: при подпискѣ—**4** р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюля—3 р.; городскими: при подпискѣ—3 р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюня—3 р.

Подписка принимается **только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.**

Деньги в письма адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты „Новости“. Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Новости“. № 3568

САДОВОЕ
ЗАВЕДЕНІЕ
П. П. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ безплатно и франко КАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ огороднымъ, цвѣточнымъ и економическимъ, **500 сорт. РОЗАНАМЪ,** грунтовымъ и оранжерейнымъ, **Георгинамъ, Гвоздикамъ,** цвѣточн. луковицамъ, воздушн. и тепличн. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ № 3571

ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. **гигрометрамъ** (предсказыв. перемѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣнъ.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЪ:
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированнымъ 8
„ темно-полированнымъ. . . . 8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . „ 30
Альбомъ III новый. . . . . . . „ 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.

Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 8386 (6)

3—2 **ОПИСАНІЕ** № 3546

Русскихъ почтовыхъ земскихъ марокъ и конвертовъ и бандеролей.

Составилъ и издалъ Д. Н. Чудовскій. Кіевъ, Елисаветинская, домъ Михельсова. Цѣна съ пересылкою 1 р. 25 к. Десять экземпляровъ и болѣе 20% уступки.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON и мыло à la CRÈME-SIMON имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16—6

„НОВОСТИ ДНЯ"

ежедневная общественная, политическая и литературная газета.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Въ 1889-мъ году (1 въ 8 го 8 ду 9)

Цѣль газеты **„Новости Дня"**—въ общедоступной формѣ служить для читателя живымъ и яркимъ отраженіемъ интересовъ текущей дѣйствительности. **„Новости Дня"** удовлетворяютъ, какъ столичныхъ читателей, быстро схватывая на лету злобу столичнаго дня, такъ и провинціальныхъ, давая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и занимательное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ. Для выполненія этой программы въ **„Новостяхъ Дня"** существуютъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: „Бесѣда", Телеграммы", „Факты и слухи", „Толки печати", „По чужимъ краямъ", „Картинки общественной жизни", „Замѣтки праздношатающагося", „Московскія новости", „Театръ и музыка", „Петербургскія новости", „Провинція", „Въ царствѣ Ѳемиды", „Разныя извѣстія", „Смѣхъ и горе". Кромѣ того, еженедѣльно: „Воскресные наброски", „Петербургскія письма", „Бесѣды стараго театрала". Независимо отъ этого, въ **„Новостяхъ Дня"** помѣщаются портреты лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Для наступающаго 1889 года имѣются между прочимъ, оригинальные романы и повѣсти: **„БЕЗПРИДАННИЦА"**, романъ въ 2 ч. и **„ДАМА САМЪ-ТРЕТЕЙ"**, повѣсть соч. князя *С. В. Голицына* (авт. романа „Былое Времячко"), **„ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ"**, соч. *И. Н. Ге*, **„МУКИ ПРОМЕТЕЯ"**, повѣсть изъ театральн. быта, соч. *Н. А. Хлопова*. **„СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ"**, ром., соч. *Н. Осипова*. **„ДВѢ СЕСТРЫ"**, повѣсть, сочиненіе *С. Нестерова*. **„ПЕРСТЪ БОЖІЙ"**, историческая повѣсть изъ временъ „Тишайшаго" царя Алексѣя Михайловича, соч. *Д. Дмитріева*

Годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ романъ: „Купленный мужъ"—*В. Риваля.*

Ц. № 3483 3-3

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1889 годъ.	На 12 м.	На 11 м.	На 10 м.	На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
Съ пересылкой во всѣ города Имперіи . .	9 —	8 50	8 —	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —

Адресъ: **Москва, Контора газ. „Новости Дня".** *Ред.-изд. А. Липскеровъ.*

КАЛЕНДАРИ на 1889 г., КРЕСТНЫЙ (15 к.) и КРЕСТОВЫЙ (10 к.)

можно получать у всѣхъ книгопродавцевъ. Складъ въ Москвѣ у книгопр. А. Д. Ступина.

1812. — ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ — 1889.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ГАЗЕТА СЪ ПЕРЕХОДОМЪ КЪ НОВОМУ ИЗДАТЕЛЮ И ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ ДОПОЛНЕНА НОВЫМИ ОТДѢЛАМИ И УВЕЛИЧЕНА ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Обширная программа, всесторонняя обработка современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внутренней и заграничной жизни, а также своевременное сообщеніе всѣхъ выдающихся новостей дня, даютъ возможность вполнѣ замѣнить

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты подписчикъ получаетъ:

1. По воскресеньямъ, отпечатанный на глазированной бумагѣ нумеръ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

2) Въ теченіе года будутъ выданы въ видѣ приложеній

ШЕСТЬ КНИГЪ НОВЫХЪ БОЛЬШИХЪ РОМАНОВЪ.

3) **„МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ"** (12 нумеровъ въ годъ) съ образцами работъ

4) **„ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ"**, отпечатанный въ три краски.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ИМѢЮТЪ ПРАВО получить ОДНО изъ ДВУХЪ художественныхъ приложеній:

5) Олеографическую копію съ картины художника **С. И. Верещагина**, отпечат. въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировк. и рельефомъ

„ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ"

Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, а также роскошная обстановка, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ эту картину очень интересною.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

6) **„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ"**

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ **СОРОКА КАРТИНЪ** этого **АЛЬБОМА**, есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: **Гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковскаго, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова** и друг. Картины АЛЬБОМА отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку.

Гг. **ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ**, желающіе получить вышеозначенную КАРТИНУ или АЛЬБОМЪ, благоволятъ высылать **ОДИНЪ РУБ.** за экз. (съ пересылкою).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»

На годъ: съ доставкою и пересылкою 8 р.—На полгода 4 р.

Разсрочка допускается, но исключительно чреэъ Главную Контору:

Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 3506 3—3

СУДЕБНЫЯ, БАНКОВЫЯ и КОММЕРЧЕСКІЯ порученія и справки.

ПОКУПКА ПРАВЪ по исполнительнымъ листамъ.

Н. Ф. ПАДАЛКО,

Москва, Моховая, Петергофъ, № 31.

На отвѣтъ прилагать двѣ 7 коп. марки. № 3566

Съ разрѣшенія Правительства основанное

ДОКТОРОМЪ НЕТКАЧЕВЫМЪ

№ 3576 **въ Москвѣ** 2—1

ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

для страдающихъ заиканіемъ и другими пороками рѣчи открыто для пріема больныхъ (ежедневно кромѣ воскресныхъ дней). При лечебницѣ имѣются постоянныя помѣщенія. Адресъ: Чистые пруды, домъ Гуськова, уголъ Безымяннаго пер.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1889 ГОДЪ.

ВЪ МОСКВѢ съ доставкой:	НА ГОРОДА съ пересылкой:	ЗА ГРАНИЦУ:
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ 30 „	„ 1 „ 1 „ 50 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ" будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ **въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей"**, Чернышевскій пер., близъ Никитской, домъ № 7. № 3549 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1889 г., на ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ VIII. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ"** ГОДЪ VIII.

Журналъ выходитъ въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ дост.; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода 8 р. Служащимъ—разсрочка. Главная контора: Владимірская, № 1—6.

Въ первыхъ книгахъ **„НАБЛЮДАТЕЛЯ"** будутъ напечатаны романы и повѣсти: **Максима Бѣлинскаго (І. І. Ясинскаго), Н. Ѳ. Бажина, Вологдина (П. В. Засодимскаго), В. Л. Маркова, К. В. Назарьевой, Ф. Д. Нефедова, В. И. Немировича-Данченко, Н. Северина, Д. Сибиряка, Д. И. Стахѣева** и многихъ другихъ. № 3561 3—1

Въ Главной конторѣ **„НАБЛЮДАТЕЛЯ"** принимается подписка на журналъ:

„НАРОДНАЯ ШКОЛА"

(г. XXI).

Одобренъ М—вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

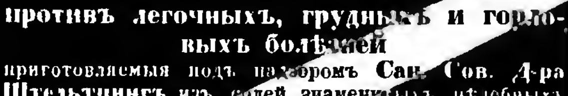
Врачебное Управленіе разрѣшило ввозъ и продажу **цвѣточно-одеколонной**

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Муррей и Ланманъ, Нью-Іоркъ

въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харькова.

Агенты въ главныхъ городахъ Россіи; просятъ обращаться къ К. Ф. Гейсслеръ, С.-Петербургъ и Эд. Гейне, Харьковъ. № 3478 5—4

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. Д-ра Штельтцингъ** изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ **№ 3 и 16, СОДЕНЪ.**

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Клеймо. **Медицинскимъ Департ. въ С.-Петербургѣ.**

Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп. за коробку

Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ**, Большая Морская № 23, С.-Петербургъ.

В. № 3575 2—1

При этомъ № прилагаются: 1) для всѣхъ городскихъ подписчиковъ (въ томъ числѣ и подписчикамъ безъ доставки) № газеты „День“; 2) для гг. иногородныхъ подписчиковъ каталогъ отъ сѣмянной торговли В. Е. Грачева въ СПБ.

Дозвол. ценз. СПБ., 7 декабря 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, [illegible]ч., д. 1.

XIX г. — г. XIX

№ 51 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 17 декабря 1888 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. Т. Болотовъ.

Реформы царя-работника, Великаго Петра, призвали Россію къ новой жизни. Эта новая жизнь, естественно, должна была потребовать и новыхъ, свѣжихъ силъ. И вотъ явился цѣлый рядъ замѣчательныхъ личностей, которыя получили возможность приложить свои знанія, способности и таланты къ возникавшей тогда обширной и весьма разносторонней дѣятельности. Къ числу такихъ личностей, между прочимъ, принадлежалъ и А. Т. Болотовъ, скромный, но весьма даровитый труженикъ, необыкновенно живой, серьезно образованный человѣкъ, пламенно любившій свое отечество, на пользу котораго онъ мирно проработалъ всю жизнь. Писатель, рѣдкій сельскій хозяинъ и садоводъ, положившій прочное основаніе русской помологіи, Болотовъ болѣе всего извѣстенъ, какъ авторъ крайне интересныхъ записокъ, веденныхъ имъ болѣе двадцати лѣтъ и увѣковѣчившихъ его имя. „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ“—такъ озаглавленъ этотъ трудъ—содержатъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для изслѣдованія нравовъ и быта русскаго общества XVIII вѣка, а также массу интересныхъ свѣдѣній, касающихся политическихъ событій и правительственныхъ дѣлъ того времени. Въ нихъ Болотовъ разсказываетъ свои впечатлѣнія во время Семилѣтней войны, объ адъютантствѣ своемъ при дворѣ Петра III, неподражаемо рисуетъ бытъ сельскаго дворянства и наконецъ повѣствуетъ исторію своего управленія Богородицкими казенными волостями, отведенными Бобринскому императрицей Екатериной. „Мнѣ во всю жизнь мою досадно было, — пишетъ Болотовъ въ началѣ своей автобіографіи — что предки мои были такъ нерадивы, что не оставили послѣ себя ни малѣйшихъ письменныхъ о себѣ извѣстій, и чрезъ то лишили насъ, потомковъ своихъ, того пріятнаго удовольствія, чтобы имѣть о нихъ, и

А. Т. Болотовъ (по поводу 150-й годовщины рожденія)
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

о томъ, какъ они жили, и что съ ними въ жизни ихъ случалось и происходило, хотя нѣкоторое небольшое свѣдѣніе и понятіе... Я винилъ предковъ моихъ за таковое пренебреженіе, и не хотя и самъ сдѣлать подобную имъ и непростительную погрѣшность, и таковыя же жалобы извлечь со временемъ и на себя отъ моихъ потомковъ, разсудилъ употребить нѣкоторые праздные и отъ прочихъ дѣлъ остающіеся часы, на писаніе всего того, что случилось со мною во все время продолженія моей жизни". Такимъ образомъ сталъ онъ вести аккуратно „Черновой журналъ вседневныхъ событій", служившій ему матеріаломъ для составленія записокъ. Онъ чрезвычайно добросовѣстно, не пренебрегая мелочами, заносилъ въ записки все современное, чему онъ былъ очевидцемъ или что слышалъ изъ достовѣрнаго источника. Эти записки тѣмъ цѣннѣе, что искренній и чистосердечный авторъ разсказываетъ въ нихъ подробно и о простой, будничной жизни, касаясь такихъ ея сторонъ, которыя, обыкновенно, оставлялись безъ вниманія другими лѣтописцами. Благодаря живому разсказу Болотова, передъ нами возникаетъ, во всѣхъ деталяхъ, жизнь прошлаго вѣка, получается яркая картина нравовъ этой отдаленной отъ насъ, въ высшей степени характерной эпохи. Записки Болотова начинаются съ 1789 года и оканчиваются 1811 годомъ; сперва онѣ помѣщались отрывками въ *Сынѣ Отечества* тридцатыхъ годовъ, въ *Отечеств. Запискахъ* и *Библіотекѣ для чтенія* пятидесятыхъ годовъ и затѣмъ, въ полномъ видѣ, безъ пропусковъ, появились въ приложеніи къ *Русской Старинѣ*. Однако и здѣсь онѣ прерываются 1795 годомъ, и дальнѣйшія части, обнимающія собою событія царствованій Павла и императора Александра I, оказались, къ сожалѣнію, утраченными. Кромѣ „Жизнеописанія", Болотову принадлежитъ цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ и научныхъ сочиненій и переводовъ, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія: „Дѣтская философія, или нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми"—въ которой изложены главнѣйшія понятія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ; нѣсколько лицъ защищаютъ и опровергаютъ разныя положенія. Изъ нихъ особенно любопытна Луцида, поборница суевѣрія, которой приходится выслушивать довольно рѣзкія возраженія. Большою извѣстностью пользовались его: „Сельскій житель; экономическое въ пользу деревенскихъ жителей служащее изданіе" и „Экономическій магазинъ", выходившій съ 1780 года въ теченіе десяти лѣтъ, при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, издававшихся Н. И. Новиковымъ, а также „Изображенія и описанія разныхъ породъ яблоковъ и грушъ". Не менѣе интересны его книги: „Краткія и на опытности основанныя замѣчанія о Електрицизмѣ и о способности Електрическихъ махинъ къ помоганію отъ разныхъ болѣзней" и „Путеводитель къ истинному человѣческому счастію, или опытъ нравоучительныхъ и отчасти философическихъ разсужденій о благополучіи человѣческой жизни и о средствахъ къ пріобрѣтенію онаго".

По случаю исполнившагося стапятидесятилѣтія со дня рожденія Болотова, будетъ весьма кстати напомнить въ краткихъ чертахъ жизнь этого трудолюбивѣйшаго человѣка, ученаго, агронома и одного изъ честнѣйшихъ представителей русскаго стараго дворянства. Предки его происходили изъ татаръ и съ давнихъ временъ владѣли небольшими участками въ Тульской губерніи. Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ родился въ Алексинскомъ уѣздѣ этой губерніи, въ родовомъ своемъ сельцѣ Двореніновѣ, 4 октября 1738 года. Отецъ его, служившій въ военной службѣ, былъ для своего времени человѣкъ хорошо образованный, зналъ архитектуру, географію и владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, а мать была женщина совершенно простая, которая, говоря словами ея сына, „ни объ иностранныхъ языкахъ, ни о наукахъ никакого свѣдѣнія не имѣла". Воспитаніе Болотова было весьма разнохарактерное и, такъ сказать, случайное: то онъ руководимъ былъ дядькой, то находился подъ надзоромъ ученаго изъ лейпцигскаго университета, далѣе узнаетъ французскій языкъ въ петербургскомъ пансіонѣ, чтобы забыть его по переселеніи въ деревню; по возвращеніи въ столицу, онъ вновь попадаетъ къ наставнику-французу, а потомъ, очутившись въ деревнѣ, переписываетъ церковныя книги. Первые годы жизни онъ провелъ съ родителями въ Лифляндіи и Финляндіи, гдѣ въ то время стоялъ полкъ, которымъ отецъ его командовалъ. Во всѣхъ передвиженіяхъ полка, отецъ возилъ сына съ собою, зачисливъ его въ службу еще тогда, когда ему исполнилось только десять лѣтъ. Черезъ два года послѣ этого отецъ Андрея Тимоѳеевича умеръ, и мальчикъ поселился съ матерью въ деревнѣ, откуда затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, къ дядѣ, ротмистру конной гвардіи. Межъ тѣмъ, какъ онъ жилъ здѣсь, у него скончалась мать, и Болотовъ, по совѣту дядьки, опять отправился въ деревню. Его странствованія не окончились, такъ какъ ему пришлось поступить въ военную службу, за которую онъ, поневолѣ, долженъ былъ ухватиться, какъ за единственное средство къ существованію, ибо доходы съ родовой его усадьбы были крайне скудны. Въ это время ему исполнилось семнадцать лѣтъ. Въ 1756 году вспыхнула Семилѣтняя война и молодой офицеръ Болотовъ отправился въ Пруссію, сдѣлалъ всю кампанію, участвовалъ во многихъ битвахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускалъ изъ виду и своего образованія, обучаясь естествовѣдѣнію подъ руководствомъ прусскаго натуралиста Крезіуса. Съ восшествіемъ на престолъ Петра III и по заключеніи мира, Болотовъ былъ переведенъ на мѣсто адъютанта къ петербургскому генералъ-полиціймейстеру, барону Корфу. Манифестомъ русскому дворянству, отъ 18 февраля 1762 года, Андрей Тимоѳеевичъ былъ освобожденъ отъ военной службы, которая рѣшительно не соотвѣтствовала ни его характеру, ни его наклонностямъ. Выйдя въ отставку, Андрей Тимоѳеевичъ поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался хозяйствомъ, науками, велъ записки и участвовалъ въ литературѣ. Энциклопедическія познанія его обратили на себя вниманіе даже императрицы Екатерины II, и она поручила ему построить въ Богородицкѣ, Тульской губерніи, домъ и развести при немъ садъ для питомца ея, А. Г. Бобринскаго; въ Богородицкѣ Болотовъ провелъ семь лѣтъ. Съ воцареніемъ императора Павла Богородицкія волости изъ казеннаго владѣнія перешли въ полную собственность графа Бобринскаго; Болотовъ не пожелалъ оставаться въ Богородицкѣ и, выйдя въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора, переселился со своими дворовыми людьми, бывшими вмѣстѣ съ тѣмъ и его музыкантами, въ свое родовое Двореніново. Здѣсь онъ провелъ въ семейномъ кругу, безъ малаго сорокъ лѣтъ, слѣдя за современной жизнью и ведя переписку съ Н. И. Новиковымъ и другими выдающимися лицами той эпохи. Въ 1803 году онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ Импер. Вольное Экономич. Общество избрало его въ свои члены, наградило золотой медалью за сочиненія его по сельскому хозяйству и напечатало нѣсколько его трудовъ. Въ послѣдніе годы Болотовъ совсѣмъ почти потерялъ зрѣніе. Скончался онъ 4 октября 1833 года, въ самый день своего рожденія, и погребенъ въ своемъ приходѣ. „Чуждый всякаго честолюбія—говоритъ одинъ изъ его біографовъ—Болотовъ жилъ единственно для добра и науки".

П. Быковъ.

Цвѣты Андалузской поэзіи.

В. И. Немировича-Данченко.

I.

Патріоты [1]).

Небо сине. Жарокъ день.
Въ яркомъ свѣтѣ тонутъ горы.
Шевельнуться розамъ лѣнь...
Прочь желѣзные затворы!

Что такое? Изъ темницъ
Съ громкимъ смѣхомъ, безъ заботы,
Какъ изъ клѣтки стая птицъ
Показались „патріоты".

Эко жалость—нѣтъ гитаръ!
„Донъ-Хозè, раскинь-ко крылья,
Начинай!.." И въ свѣтъ и жаръ
Полетѣла сегедилья [1]).

Пѣли-пѣли и пришли...
Все цвѣтами блещетъ поле.
„Ну-ко въ честь родной земли,
Чтобъ цвѣла она на волѣ,

Чтобъ Господь ее хранилъ,
Чтобъ росла ея свобода...
Миръ въ дому и въ битвѣ пылъ
Пожелаемъ для народа!"

— „Становись, сеньоры, въ рядъ!"
И подъ крикъ „долой тираны!"
Залпы бѣшено гремятъ
И рокочутъ барабаны.

Разомъ стихло все кругомъ...
Кончивъ казнь, замолкли роты.
И въ дыму пороховомъ
Спятъ какъ будто „патріоты!"

II.

Шутъ герцога д'Оссуны.

Надъ Хенилемъ [1]) свѣтъ и зной.
Что за дѣло—громче струны!
Пляшетъ весело хромой
Шутъ свѣтлѣйшаго д'Оссуны.

„Ха-ха-ха!.. душа въ огнѣ!
Герцогъ, я разчелся съ вами:

[1]) Патріотами въ тѣсномъ смыслѣ назывались—люди дравшіеся съ французами, въ то время когда Наполеоновскія арміи занимали Испанію. Французскіе генералы разстрѣливали попадавшихся въ плѣнъ—безъ суда. Этому именно и посвящена предлагаемая пѣсня.

[1]) Веселыя строфы, которыя поются обыкновенно въ Андалузіи, во время исполненія того-же танца (seguedilla). Но часто поютъ и такъ, безъ пляски.

[1]) Хениль — рѣка надъ которою стоитъ Гренада.

Вамъ сказать-ли, кто ко мнѣ
Прикоснулася устами?

„Изъ холодныхъ пышныхъ залъ,
Вся сіяя, какъ царевна,—
Ваша дочка въ мой подвалъ
Приходила ежедневно.

„Я укралъ въ послѣдній разъ,
Оскорбленьямъ въ воздаянье,
Драгоцѣннѣйшій алмазъ
У нея—ея лобзанье.

„Громче струны, пой цыганъ!
Пѣсни горя—только бѣсятъ!
Знаю я—приказъ ужь данъ:
Въ эту ночь меня повѣсятъ...“

Пальцы точно струны рвутъ—
И подъ пѣсню плачутъ струны...
И „халео“ [1]) пляшетъ шутъ
Всемогущаго д'Оссуны.

III.

Разбойникъ Кабреръ [2]).

Я разбойникъ, говорятъ,
Но внимаю я безъ гнѣва,
Какъ попы сулятъ мнѣ адъ
И гарроту королева.

Самъ я царствую. Въ горахъ
Все моей покорно власти,
Кручи, скалы въ небесахъ,
Безднъ зіяющія пасти.

„Внѣ закона“ признанъ я,
И съ утеса, будто съ трона,
У себя я васъ, друзья,
Объявляю „внѣ закона!“

Вмѣстѣ съ тучей грозовой
Прихожу я къ вамъ въ долины
И бѣгутъ передо мной
Слуги вѣрные Христины.

Не угодно-ль вамъ ко мнѣ
На мои стремнины въ гости:
Въ черной пропасти, на днѣ
Кто отыщетъ ваши кости?

Говорятъ, я въ городахъ,
Какъ гроза могучъ и страшенъ,
Но не строю я въ горахъ
Ни темницъ, ни сѣрыхъ башенъ.

Всякій волень кто со мной
Связанъ дружбой иль любовью,
И утесъ не залитъ мой
Ни слезой, ни чистой кровью [3]).

Здѣсь свободнѣй дышетъ грудь,
Жарче пламя поцѣлуя.
Говорятъ, когда-нибудь
На гарроту [4]) попаду я.

---

[1]) Халео — любимая пляска андалузцевъ, полная безумныхъ порывовъ, огня и страсти.
[2]) Cabrer или Cabrera — бандитъ, герой народныхъ легендъ при королевѣ Христинѣ.
[3]) Намекъ на то, что престолъ Христины, въ царствованіе ея отца, Фердинанда VII, былъ называемъ кровавымъ.
[4]) Гаррота — испанская казнь. Желѣзный ошейникъ у столба. Стоящій позади палачъ поворачиваетъ механизмъ и кольцо сжимаясь задушаетъ приговореннаго.

Эко чѣмъ нашли смутить
Горныхъ высей властелина!
Развѣ вѣчно будетъ жить
„Божьей милостью“ Христина?

Въ самой смерти равенъ я
Королевѣ и герою...
Всѣ-ли въ сборѣ, вы, друзья?
Ружья за плечи!.. За мною!

Передъ битвой страха нѣтъ,
А веселью—гдѣ-же мѣра!
И звучитъ мнѣ пѣсня въ слѣдъ
Въ честь разбойника Кабрера...

IV.

Старый ветеранъ [1]).

Помогите!.. Еслибъ могъ,
Я работалъ-бы какъ люди,
Но куда пойти безъ ногъ!..
Боже, милостивъ мнѣ буди!..

Я въ Наваррѣ цѣлый годъ
Билъ врага напропалую,
За свободу и народъ,
За страну мою родную.

Донъ Карлосъ убрался вонъ,
Отдохнуть пришлось немного,
Чу! опять со всѣхъ сторонъ
И смятенье, и тревога.

Защищая короля
И отечество съ любовью,
Алколейскія поля —
Мы полили нашей кровью.

Я исполнилъ свято роль
Гражданина и солдата,—
Но забылъ про насъ король
И за нимъ осталась плата.

Я безъ гроша шелъ домой
И ужь было не далеко,
Какъ меня вернули въ бой
Въ бусурманское Мароко.

Героическій погромъ
Всѣ прославили газеты;
Потерялъ я ноги въ немъ,
Заработавъ эполеты.

Вотъ они! въ нихъ честь моя!
Вотъ и крестъ! Что толку въ этомъ?
Предпочелъ-бы ноги я
И кресту, и эполетамъ.

Искалѣченный, домой
Я вернулся... Ради Неба,
Братья, сжальтесь надо мной,
Умираю, дайте хлѣба...

Помогите, еслибъ могъ,
Я работалъ-бы какъ люди...
Но куда пойти безъ ногъ!..
Боже, милостивъ мнѣ буди...

---

[1]) Въ Испаніи отставные солдаты, даже раненые—остаются безъ всякаго пособія отъ неблагодарнаго правительства.

V.

Кадиксанская морена [1]).

Граціозна и смугла,
Вся и счастье, и измѣна,
Улыбаяся, прошла
Кадиксанская морена.

Герцогиня передъ ней
Съ тайной завистью склонится.
У нея во тьмѣ очей
Будто молнія родится.

Огнедышащая рѣчь,
Губы полныя желанья,
Подъ мантильей круглыхъ плечъ
Различаешь очертанья.

Что за станъ! Избави Богъ
Заглядѣться—вспыхнешь разомъ.
У ея прелестныхъ ногъ
Камень кажется алмазомъ.

Въ косахъ гребень золотой
Изъ-подъ кружева сверкаетъ,
Цвѣтъ волосъ ея—ночной
Мракъ небесъ напоминаетъ.

Помню я, когда гроза
Надъ Кадиксомъ бушевала,
Горделивые глаза
Ты одна не опускала.

И какъ только съ площадей
Повели вождей въ темницы —
Загорѣлся взглядъ у ней,
Какъ у раненой орлицы.

— „Это кто? Солдаты! Прочь,
Живо братья за навахи! [2])
Сердцу смѣлому не въ мочь—
Только трусъ боится плахи“.

Будто выросла. Впередъ
Львицей кинулась морена,
И страдальцевъ за народъ
Разомъ вырвала изъ плѣна.

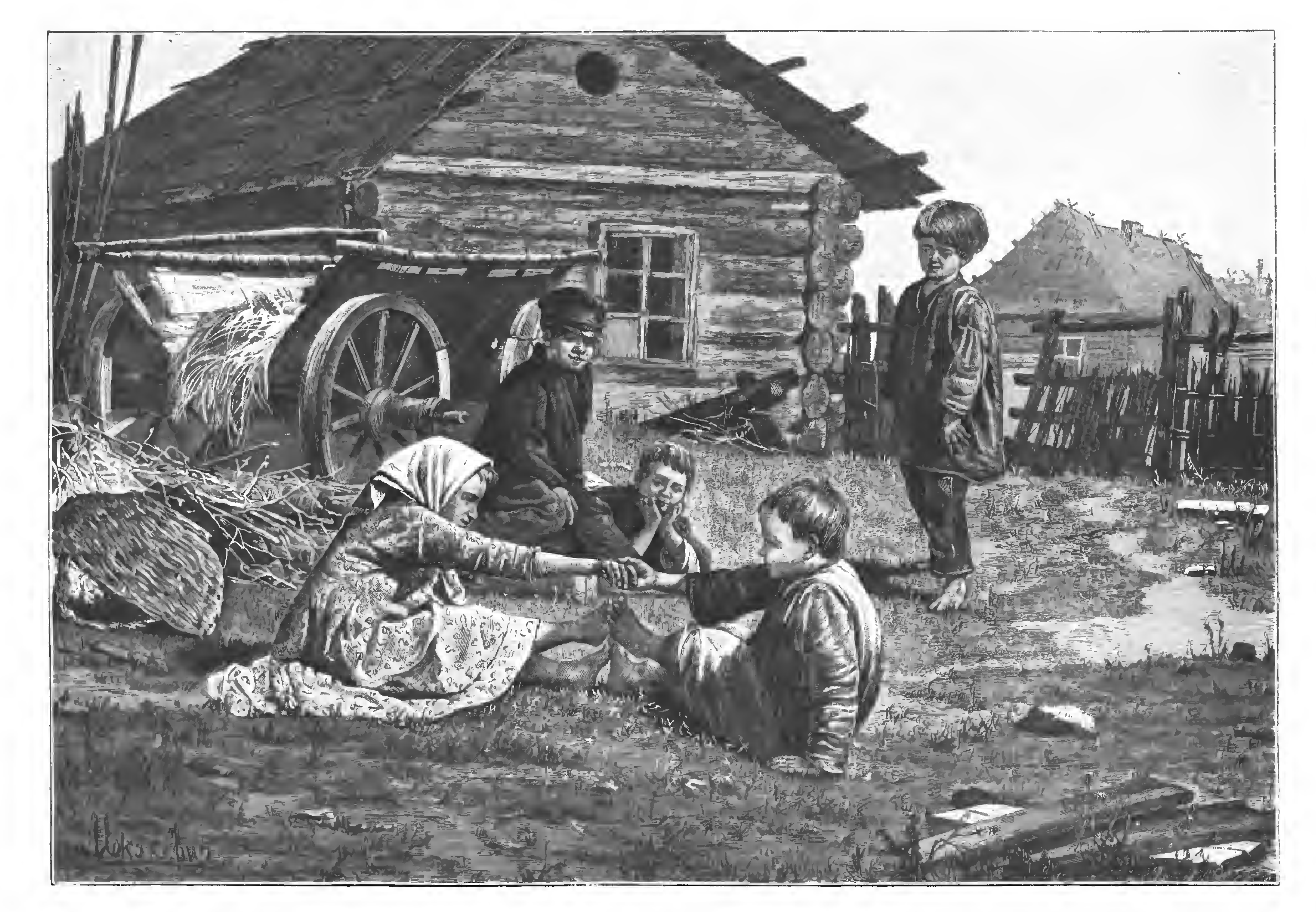
За полками шли полки,
Барабаны громко били,
И за нею на штыки,
Какъ на праздникъ мы ходили...

Градомъ сыпалась картечь,
Какъ въ аду рвалося пламя,—
А она: мантилью съ плечъ—
И съ улыбкой: „вотъ вамъ знамя!“

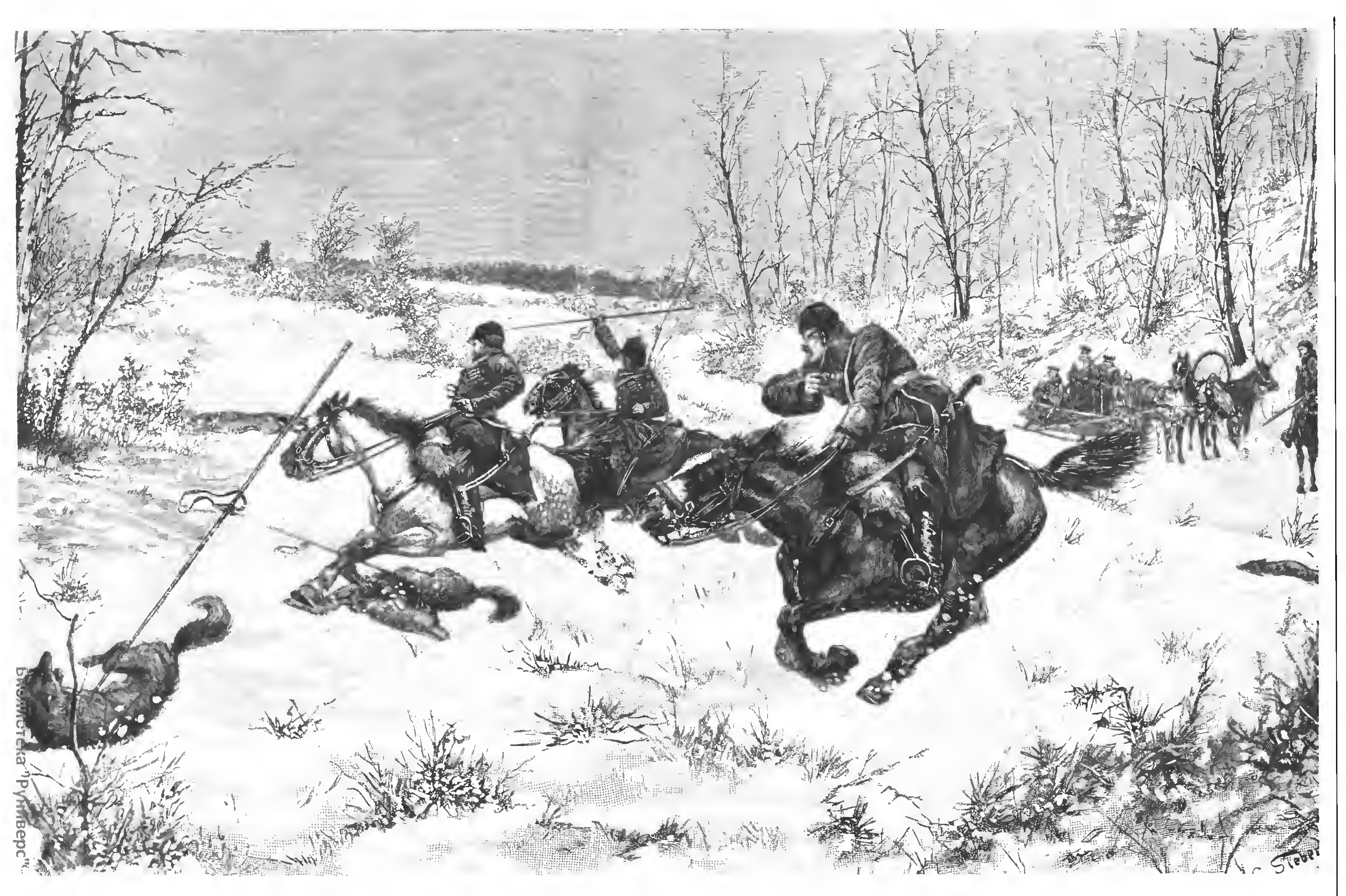
Что за чудная краса
Засверкала передъ нами!
Мы тогда подъ небеса
Залетѣли-бы орлами.

---

[1]) Morena — смуглянка, высшая степень андалузской красоты. Моренамъ андалузскіе поэты посвящаютъ пламеннѣйшія изъ своихъ строфъ. Непостоянныя въ любви и капризныя при обыкновенныхъ условіяхъ, морены являются истинными героинями въ народныхъ войнахъ, какъ напр. съ французами.
[2]) Navaja—испанскій ножъ. Толедскія навахи считаются лучшими. Вслѣдъ за ними цѣнятся навахи изъ Альбасета.

Игра въ скокалку. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича. грав. Шюблеръ.

Казачья охота на волковъ. Рис. Г. Зибенъ, грав. Бонгъ.

Врагъ бѣжалъ. Изъ душной тьмы
Мы вернулись снова къ свѣту
И къ ногамъ Мадонны мы
Принесли мантилью эту.

И въ процессіяхъ святыхъ,
Умиленіемъ объяты,
Межъ хоругвей золотыхъ
И ее несутъ прелаты.

VI.

Контрабандистъ Пачеко [1].

Весла въ руки—парусъ прочь,
Море стихло, небо чисто,
Знойной нѣгой дышетъ ночь—
Что̀ за жизнь контрабандиста!

Знать не хочетъ никого,
И на все глядитъ безъ страха,
Если съ боку у него
Есть толедская наваха.

Онъ—король пустынныхъ водъ,
Тронъ ему плавучій—лодка.
Глазъ съ Пачеко не сведетъ
Ни одна у насъ красотка.

И еще-бы! Что̀ за видъ!
Какъ откинетъ плащъ, надменный,
Куртка золотомъ блеститъ,
И сверкаетъ поясъ цѣнный.

Подъ огнемъ его очей
Взглядъ опустишь поневолѣ,
А возьметъ гитару—Эй!
Чья душа болитъ по волѣ?

Прочь сомбреро [2], плащъ долой!
Пѣсня дышетъ нѣжной лаской,
Жжетъ любовью огневой
Будто дразнитъ яркой сказкой.

Въ ней порывъ могучихъ грозъ,
Волнъ подъ вѣтромъ колыханье,
Свѣтъ улыбки, горечь слезъ,
Яркихъ молній трепетанье.

Страшенъ въ мести, смѣлъ въ бою,
Онъ врага смѣясь погубитъ,
Сыплетъ деньги и свою
Горячо гитану любитъ.

У Мадонны всякій разъ
Онъ удачи въ дѣлѣ проситъ;
Возвращаяся, алмазъ
На вѣнецъ ея приноситъ.

Капелланы отъ него
Всѣ жирѣютъ понемногу,
И дорога оттого
Для него открыта къ Богу.

Слава—здѣсь, за гробомъ—рай!
Что̀ за жизнь контрабандиста!..
Ну-ко, парусъ убирай,
Море тихо... небо чисто...

[1]) Контрабандистъ Pacheco—своего рода знаменитость. Разсказами о его силѣ, красотѣ, смѣлости и щедрости полны мѣстности отъ Гибралтара до Гренады.

[2]) Сомбреро—шляпа.

VII.

Лилеи Алхезираза [1].

Жаркимъ полымемъ горятъ
Изъ-подъ кружева мантильи,
Обольщая жадный взглядъ,
Розы пышныя Севильи.

Символъ юной чистоты,
На груди прекрасны нѣжной
Апельсинные цвѣты [2])
Изъ Кордовы бѣлоснѣжной.

Какъ раскрытыхъ устъ кораллъ,
Сладострастьемъ утомленныхъ,
Цвѣтъ гранатный соблазнялъ
Всѣхъ въ Валенсіи влюбленныхъ.

Лучше жь всѣхъ Мадонны цвѣтъ,
Цвѣтъ лилеи серебристой;
Сочетался солнца свѣтъ
Въ немъ съ слезой ея пречистой.

Пыль росы горитъ на ней
Переливами алмаза...
Въ Андалузіи нѣжнѣй
Нѣтъ лилей Алхезираза...

VIII.

Лагартихо и Милагра [3].

„Знатный быкъ достался мнѣ'
Такъ и дышетъ весь отвагой;
Роетъ землю; глазъ въ огнѣ;
Неподвиженъ передъ шпагой.

„На мулету [4]) не идетъ
И хитрецъ минуту ловитъ:
Замеръ весь, удара ждетъ
И такой же самъ готовитъ...

„Эй, Милагра, гдѣ же ты?
Иль вчера не даромъ злилась?
Покажи свои черты,
Что̀ ты вѣеромъ закрылась?

„Ну, довольно слезъ и ссоръ:
Надоѣлъ тебѣ я, знаю;
Чудныхъ глазокъ приговоръ,
Посмотри, я исполняю."

Шпагу бросилъ. Людъ затихъ,
Замираетъ въ ожиданьѣ...
„Смерть... Милагра, въ этотъ мигъ
Улыбнись мнѣ на прощанье."

Подъ рогами у быка
Умираетъ Лагартихо;

[1]) Алхезиразскія лиліи—лучшія въ Испаніи. По преданію, онѣ брошены съ неба самою Мадонной въ отвѣтъ на пламенную молитву одного святаго.

[2]) Лучшими апельсинными цвѣтами считаются кордуанскіе. Бѣлоснѣжною называютъ Кордову испанскіе поэты, потому что она вся бѣлая, и подъ солнцемъ ея дома, улицы и площади кажутся точно снѣжными.

[3]) Лагартихо — знаменитый тореро, умершій подъ рогами у быка послѣ ссоры со своей возлюбленной. Нынѣшній Лагартихо—его племянникъ. Милагра (чудо)—женское имя популярное въ Андалузіи.

[4]) Мулета — красный плащъ, которымъ „эспада" дразнитъ быка передъ рѣшительнымъ ударомъ.

Но не дрогнула рука
У Милагры. Такъ же тихо

Черный вѣеръ шелеститъ...
И склоняясь къ ней, невольно,
Ей подруга говоритъ:
„Неужли тебѣ не больно?"

„Умирать такъ умирать!
Подождетъ еще немного —
Нынче вечеромъ опять
Улыбнусь ему... у Бога."

IX.

Херомита и король Санхецъ [1].

Былъ и мраченъ, и суровъ
Донъ Санхецъ во время оно,
Онъ на казнь еретиковъ
Цѣлый день смотрѣлъ съ балкона.

Будто рѣдкіе плоды,
Вина тонкія — заранѣ
Припасалися жиды,
Колдуны и мусульмане.

И въ назначенные дни,
Взявъ попарно свѣчи въ руки,
Шли процессіей они
На торжественныя муки.

Разодѣта и пестра
Свита пышная дивилась,
Глядя какъ въ огнѣ костра
Жертва связанная билась.

Сатанѣ на завтракъ разъ
Шла гитана молодая,
Красотою чудныхъ глазъ
Проповѣдниковъ смущая.

Не найдешь такихъ царицъ,
Съ нею рая бы не надо.
Передъ нею палъ бы ницъ
Инквизиторъ Торквемада.

И король былъ изумленъ.
Сдѣлавъ крестное знаменье,
Прошепталъ сквозь зубы онъ:
„Боже, что̀ за наважденье!"

— „Какъ тебя, малютка, звать?"
— „Херомитой!"
— „Гдѣ родилась?"
— „Я не знаю, рано мать
Умереть поторопилась."

— „Какъ росла ты? Гдѣ жила?"
И ему гитана смѣло:
— „Травкой въ полѣ я росла
И жила гдѣ солнце грѣло."

На устахъ гитаны смѣхъ,
Смотритъ прямо, безъ боязни.
— „За какой великій грѣхъ
Предана ты лютой казни?"

— „Говорилъ иро то монахъ,
Я его не понимала.
Я всю жизнь у насъ въ горахъ
Только пѣла да плясала.

[1]) Король Sanjez — сказочный король, король андалузскихъ басенъ; нѣкоторые вмѣстѣ съ нимъ отождествляютъ Филиппа II.

„Въ зимній холодъ, въ лѣтній жаръ,
Незнакомая съ страданьемъ,
Я жила подъ звонъ гитаръ
И питалась подаяньемъ.

— „Ну, а въ ересяхъ какихъ
Ты замѣчена донынѣ?"
— „Ересь?.. право словъ такихъ
Не слыхать у насъ въ пустынѣ..." [1])

— „Но тебя сожгутъ живой,
Это вѣдь мученье ада!"
— „Что жь такое, смѣхъ какой!
Умирать вѣдь тоже надо."

Въ изумленьи замерла
Свита, будто бы нѣмая.
А гитана весела
Словно птичка въ утро мая.

Пораженъ король.
— „Постой,
Ты Христа душою чтила?"
— „Я?.. Христа... Онъ кто такой?"
У него она спросила.

— „Сынъ Мадонны, Божій сынъ."
Головой она качаетъ.
— „Нѣтъ, спроси весь Альбасинъ, [2])
Тамъ никто его не знаетъ.

„Можетъ быть въ Севильѣ есть
Человѣкъ такой въ Тріанѣ [3]).
Проживаютъ, ваша честь,
Тамъ мудреные цыгане.

„Промышляютъ ворожбой
И разсказываютъ сказки.
А у насъ народъ простой,
Наше дѣло только — пляски."

— „Въ церкви ты была-ль когда?"
Отовсюду закричали.
— „Госпожи и господа!
Насъ туда вѣдь не пускали."

Ропотъ слышится кругомъ.
Говоритъ король:
— „Не стану
Я теперь казнить огнемъ
Эту бѣдную гитану.

„Дѣло въ томъ, что сатанѣ
(Онъ отецъ цыганъ извѣстно)
Получить ее въ огнѣ
Право будетъ слишкомъ лестно.

„Нѣтъ, иначе поступить
Мы должны Христу въ угоду,
Вѣдь ее въ огонь пустить
Все равно, что рыбу въ воду.

„Еретичку во дворецъ
Мы помѣстимъ очень строго.
Фра-Луисъ — святой отецъ
Съ ней потрудится для Бога.

„Онъ ее научитъ пусть
Всѣмъ молитвамъ безъ изъятій,
Чтобы знала наизусть
Какъ любой изъ нашихъ „братій".

„И тогда мы возведемъ
Ей костеръ, костровъ всѣхъ краше,
И сожжемъ ее на немъ
Съ прославленье чести нашей!

„Въ эти дни я повелю
Всенародное моленье!"
И гитану къ королю
Повели — на исправленье.

Только странно, съ той поры,
Хоть святая Германдада [1])
На гарроту и костры
И гнала исчадій ада, —

Хоть народъ со всѣхъ сторонъ
Какъ на праздникъ собирался,
Но король на свой балконъ
Никогда не появлялся.

Во дворцѣ за то порой
Пляска слышалась и пѣнье —
Тамъ свершалъ отецъ святой
Херомиты исправленье.

И въ угоду небесамъ,
Донъ Санхецъ, король жестокій,
Пляшетъ, сказывали, самъ
Съ Херомитой черноокой.

¹) Гренадскіе цыгане зовутъ свои жилья—пустынями.

²) Гора за Гренадою. Въ этой горѣ вырыто множество пещеръ гдѣ живутъ гитаны. Альбасинскіе цыгане—великолѣпные плясуны и пѣвцы, но они отличаются невѣроятнымъ невѣжествомъ. И теперь между ними встрѣчаются такіе, которые, считаясь христіанами, никогда ничего не слышали о Христѣ и о Дѣвѣ Маріи. Они не бываютъ въ церкви,—прежде ихъ не пускали туда. Бога они знаютъ только потому что просятъ милостыню por-Dios.

³) Предмѣстье Севильи, населенное цыганами, гораздо болѣе образованными чѣмъ альбасинскіе.

¹) Св. Германдада — въ переводѣ „святое братство, служившее инквизиціи".

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

XXVII.

Наконецъ появился въ коляскѣ московскій оберъ-полиціймейстеръ, за нимъ нагрянули всякаго рода полицейскіе и тотчасъ-же было приступлено къ первому допросу, первому сыску. По единогласному завѣренію всѣхъ и по собственному признанію, въ „смертоубивствѣ" оказывалась виновною сама барышня—бригадирская внучка.

На вопросъ полиціи, предложенный дѣвушкѣ, она отвѣчала три раза:

— Я! Я! Я!..

Стало-быть дѣло было просто и ясно. Полицейскіе дьяки, повытчики и всякіе стрекулисты начали свое дѣло, какъ-бы обнюхивали весь домъ, разглядывали, разспрашивали и наконецъ сѣли писать, среди залы. Полиціймейстеръ, сидѣвшій у Марьи Евграфовны, явился тоже въ залу.

— Ну что? спросилъ онъ у сѣдаго, маленькаго и худенькаго старичка.—Какъ по твоему?

— Не барышня, кротко отозвался тотъ усмѣхаясь.

— Какъ не барышня? Она-же говоритъ.

— Мало что. Говори. А доказать не сможетъ. Вы спросите, во-первыхъ, у нея какъ она убила, чѣмъ и по какому мѣсту. Второе, спросите: бѣгала-ли она наверхъ по лѣстницѣ, послѣ убійства. А третье, поглядите кровь у нея на лѣвой рукѣ... А четвертое, гляньте наверху въ ея горницѣ полотенце, что мы выудили изъ печки... Пойдемте...

Полиціймейстеръ сходилъ наверхъ, потомъ пришелъ къ Клёпѣ и задалъ ей два вопроса; Клёпа сначала не отвѣчала, но затѣмъ, при угрозѣ немедленной пытки, она отвѣчала:

— Топоромъ! По головѣ.

— Стало-быть вы, сударыня, и не видали убитаго, не только что не убивали... А были-ли вы сегодня въ горницахъ наверху?

— Ночью была.

— И послѣ убійства опять туда лазили или внизу оставались?..

— Да, всходила...

— А потомъ опять сошли внизъ?

— Нѣтъ..

— Какъ-же васъ нашли на разсвѣтѣ среди залы на полу, когда убитый еще былъ теплый, говорятъ—даже еще дышалъ?

Клёпа молчала.

— Стало-быть вы не ходили наверхъ?

— Нѣтъ, не ходила... Упала безъ памяти. Что-жь изъ того! грустно произнесла Клёна.

— Кто-же, сударыня, по лѣстницѣ взбѣгалъ и окровавленною рукой всю балюстраду захваталъ? Кто-же ножъ объ ваше полотенце вытеръ, а его въ печку засунулъ?

Кто, сударыня, вотъ смотрите. васъ тою-же рукой схватилъ? Вотъ даже пальцы свои запечатлѣлъ...

Клёпа молчала, и слезы впервые показались у нея на глазахъ.

— Не вы, сударыня, совершили убійство, а только его на себя берете, но знаете конечно кто убійца и должны сказать. Если вы не скажете, то...

— Не скажу. Ни за что не скажу...

— Тогда я прикажу позвать двухъ палачей и мы за васъ примемся... Ну-съ...

Клёпа повѣрила угрозѣ и рыдая умоляла, чтобъ ее не заставляли называть имя виновнаго, говоря что она беретъ все на себя.

— Законъ не допускаетъ самопожертвованій, отозвался полиціймейстеръ мягче.— Будьте благоразумны, назовите... Тѣмъ паче вамъ надо назвать преступника, что мы уже сами догадываемся... Это ваша бывшая мамка...

— Нѣтъ! Никогда! Неправда!

— Это вѣрно... Завтра она уже будетъ въ острогѣ.

Дѣвушка, пораженная извѣстіемъ, мгновенно рѣшилась. „Филиппа они не отыщутъ, онъ вѣроятно успѣетъ бѣжать изъ Москвы,—за что же Аришѣ напрасно погибать?“ мысленно рѣшила Клёпа.

— Я завтра скажу вамъ имя... выговорила она.

— Почему же завтра, а не сегодня?

— Я подумаю... Завтра я скажу...

Полиціймейстеръ не соглашался, и заявилъ, что онъ отправляется арестовать монахиню Анастасію. Клёпа не замѣтила хитрой улыбки ея допрашивателя... Она вскрикнула и снова залилась слезами.

— Мой братъ... Мой братъ Филиппъ, произнесла она тихо.

— У васъ есть братъ?..

— Мой братъ убилъ ради спасенья моего отъ мучителя. Вотъ вамъ вся правда... Оставьте няню!

Молодая дѣвушка подробно разсказала, какъ братъ ея попалъ въ домъ, къ ней на вышку, и какъ совершилъ преступленіе. Но зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, она отказалась объяснить и начала судорожно рыдать.

Показаніе дѣвушки было настолько важно и неожиданно, что полиціймейстеръ тотчасъ же отправился въ залу къ своимъ помощникамъ и затѣмъ къ бригадиру.

Артемій Никитичъ былъ пораженъ извѣстіемъ, но повѣрилъ. Онъ разсказалъ все что зналъ о Филиппѣ, т. е. объ его поведеніи, судимости...

— Онъ вѣрно гдѣ въ острогѣ былъ, бѣжалъ и вотъ у меня тутъ и проявился для убійства. Но зачѣмъ... что ему Герасимъ?

Послѣ полудня полиція удалилась, въ домѣ наступила тяжелая тишина. Бригадиръ съ сестрицей сидѣлъ у себя, вздыхалъ и охалъ, но молчалъ. Клёпа лежала въ своей горницѣ, одна, въ полузабытьи, и часто, судорожно вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Трупъ убитаго не приказано было трогать до возвращенія полиціи. и приставленный солдатъ сидѣлъ на караулѣ въ передней. Люди сбились въ кучу въ людской, какъ бараны въ грозу, но не галдѣли, а уныло молчали. Все было переговорено.

— Что-то будетъ! Что-то будетъ! изрѣдка раздавались голоса полушепотомъ.

Наконецъ предъ сумерками появился полиціймейстеръ и заявилъ бригадиру, что его внучка лжетъ самымъ дерзкимъ образомъ, сваливая преступленіе на мертваго.

По всѣмъ розыскамъ въ судѣ, даже со словъ главнаго судьи, который хорошо помнитъ Филиппа Филисова, оказалось, что онъ умеръ давно въ острогѣ или въ пути между Москвой и Владиміромъ, когда былъ отправленъ по суду въ Сибирь съ партіей арестантовъ. Документъ объ его смерти и погребеніи оказался на лицо.

— Что же это, Господи! воскликнулъ бригадиръ.— Стало-быть она сама. Или у нея кто былъ на вышкѣ, да не братъ родной... а хуже... Острожникъ, который васъ зарѣзать могъ! Господи помилуй, до чего я дожилъ!

Полиціймейстеръ отправился къ Клёпѣ и заявилъ ей то же самое, требуя снова, чтобы она назвала имя убійцы. Клёпа была очевидно страшно поражена извѣстіемъ, но молчала.

— Умеръ, произнесла она наконецъ.— И давно?..

— Да-съ. Вы этого не знали и свалили вину на мертваго. Извольте же теперь сказать, кто у васъ былъ ночью и совершилъ убійство?

— Мой братъ Филиппъ...

— Что вы... желаете шутить? Или вы съумасшедшая?

Клёпа отозвалась сухо и рѣзко, какъ-бы озлобясь:

— Говорятъ, что я давно умалишенная. Всѣ говорятъ.

— Скажете ли вы, наконецъ, кто убилъ двороваго человѣка? Въ послѣдній разъ я спрашиваю васъ!..

— Я сказала. отозвалась Клёпа.— Братъ.

— Это сознанье—ложь! Вы валите на мертваго.

— Оставьте тогда меня въ покоѣ... Тѣмъ лучше, если умеръ...

— Если вы не хотите назвать убійцу, то я васъ долженъ немедленно везти въ острогъ! проговорилъ полиціймейстеръ грозно.

— И хорошо... вымолвила Клёпа, и со слезами печально повторила нѣсколько разъ: — Хорошо, хорошо, хорошо! Хорошо, что онъ мертвый... Я за его вину отвѣчу! Онъ для меня и убивалъ! Мнѣ за него и отвѣчать!

Полиціймейстеръ вышелъ изъ горницы нѣсколько смущенный; снова отправился къ бригадиру, котораго нашелъ почти лежащимъ въ большомъ креслѣ. Онъ заявилъ о своей обязанности немедленно арестовать его внучку и везти въ острогъ, хотя, повидимому, она не въ своемъ умѣ.

— Берите. берите!.. Поскорѣе отсюда!.. Поскорѣе... Подальше... Голову ей рубите.... Что хотите творите... Поразила она меня на старости лѣтъ... Такого случая въ Москвѣ не запомнятъ.... Скорѣе увезите!.. Куда желаете.

Между тѣмъ, четверо дюжихъ мужиковъ, по приказанію полицейскихъ, взвалили трупъ Герасима на рогожу и перенесли его на задній дворъ въ пустой сарай.

Въ то-же время Клёпа, блѣдная, застывшая, безчувственная, вышла машинально изъ своей горницы и прошла въ залу, сопутствуемая двумя полицейскими. Переступивъ порогъ прихожей, Клёпа, при видѣ бабъ, мывшихъ полъ въ сосѣдней горницѣ, зажмурилась и зашаталась. Затѣмъ она быстро двинулась снова и почти бѣгомъ спустилась на подъѣздъ.

На дворѣ, вокругъ крыльца, стояла сплошная толпа народа изъ тѣхъ же зѣвакъ, шатавшихся тутъ съ утра. При всемъ народѣ бригадирскую внучку посадили въ простую телѣгу, по бокамъ усѣлись двое полицейскихъ, и поѣздъ двинулся. Вслѣдъ за телѣгой, съ запряженною въ нее простою клячей, шарахнулась и эта густая толпа. Сотни людей бѣжали, провожая телѣгу по всѣмъ улицамъ, вплоть до самаго острога.

Всюду, гдѣ проѣзжала телѣга, окруженная этой толпой, встрѣчный народъ опрашивалъ:

— Что за поѣздъ? Что за людство?

— Бригадирскую, слышь, дочку, аль жёнку какую-то везутъ. Зарѣзала кого-то. Вотъ и везутъ.

— Куда?

— На площадь Красную! Голову рубить!

— Дѣвчонка-то, слышь, что народу нагубила! Сирота круглая осталась и своихъ крѣпостныхъ изводила, рѣзала, топила... Душъ сто загубила.

— Цѣлое село, какъ стояло, братцы, такъ и нѣту его... Хрестьянъ вымучила она до единаго человѣка,

Фрукты. Съ картины Папперица, грав. Іерике.

ребятишекъ и тѣхъ въ рѣчку закидывать какъ щенятъ приказывала. А тамъ, какъ обезлюдила она всю вотчину — то жечь велѣла. Все село и выжгли...

И всякія розсказни росли и расходились по улицамъ московскимъ.

А преступница, везомая по улицамъ, среди толкотни и гула голосовъ, сидѣла опустивъ голову на грудь и почти закрывъ глаза.

XXVIII.

Бригадиръ Никита Артемьевичъ не могъ совладать съ новымъ ударомъ, его постигшимъ. Послѣднее происшествіе въ его домѣ, сугубо горшее всѣхъ предъидущихъ, сразило его окончательно. Преступленіе, срамное по своей загадочности, обѣжавшее весь городъ въ одинъ день, сдѣлало его домъ въ Москвѣ, по ископному выраженію, „притчей во языцѣхъ“.

Уже не въ однѣхъ дворянскихъ семьяхъ, а повсюду: въ трактирахъ, лавочкахъ, на базарахъ, только и было слышно, только и шли толки, что о бригадирской внучкѣ, которая мастеръ на всѣ руки. „Начала съ воровства, а кончила смертоубійствомъ.“

Бригадиръ былъ надломленъ всѣмъ пережитымъ, и года его сразу сказались; онъ слегъ въ постель и въ одну недѣлю постарѣлъ, казалось, лѣтъ на десять. Марья Евграфовна, со своей стороны, тоже быстро измѣнилась лицомъ и характеромъ, стала молчалива, забыла и думать о краснорѣчіи и настолько похудѣла, настолько лицо ея осунулось и пожелтѣло, что она сразу утеряла слѣды прежней красоты, которою еще недавно удивляла всѣхъ москвичей.

Люди тоже двигались и дѣлали свое дѣло молча и даже боязливо: они были подъ сыскомъ. Каждаго изъ нихъ ежедневно приходили брать, водили въ судейскія палаты, опрашивали, стращали пыткой, а двухъ уже засадили.

Одинъ изъ нихъ былъ Антонъ, имя котораго осталось еще связаннымъ съ покражей перстня. Онъ оказался причастнымъ къ дѣлу и сидѣлъ въ ямѣ. Его кормили одною селедкой, не давали пить и выпытывали этимъ способомъ показанія въ томъ, чего онъ не зналъ и знать не могъ.

Клёна сидѣла въ острогѣ въ дворянскомъ отдѣленіи. Ей позволили сохранить то платье, въ которомъ ее взяли, но пригрозили, что въ случаѣ покушенія на свою жизнь или на побѣгъ, на нее надѣнутъ арестантское платье и кандалы на руки и на ноги. Угроза эта была лишняя по отношенію ко второму предположенію. Бѣжать она никоимъ образомъ не могла бы, такъ какъ страшная слабость вынуждала ее проводить весь день лежа на сѣнномъ матрацѣ въ своей коморкѣ. Что касается перваго предположенія, то, конечно, полуживая на видъ дѣвушка, съ безсмысленнымъ взоромъ, могла въ минуту полнаго отчаянія покуситься на самоубійство. Но и для этого у нея подъ руками не было ничего, чѣмъ бы она могла убить себя.

Первые три дня жизни въ острогѣ Клёна провела въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Такъ какъ она была одна въ отдѣльной маленькой горницѣ, въ концѣ коридора, за тяжелою дверью, окованною желѣзомъ, то до нея почти не достигалъ острожный шумъ. Она свободно могла погружаться въ свои горькія думы.

Съ утра до ночи, отчасти и всю ночь, ей казалось, что она не живетъ, какъ прежде, а спитъ и передъ ней совершается и длится какой-то ужасный сонъ на-яву.

Въ глубинѣ души возникало слабо мерцающимъ лучемъ нѣчто въ родѣ надежды, что сонъ этотъ прервется, послѣдуетъ пробужденіе, всѣ эти страшные образы исчезнутъ и наступитъ ясная, простая дѣйствительность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, существо ея какъ-бы раздвоилось. Въ ней было двѣ Клёны и одна у другой изрѣдка спрашивала: „Неужели ты допустила убить его? И какъ смогла ты?“ А другая Клёна, озлобленная, будто отвѣчала: „Хорошо! и хоть еще сто разъ — такъ же надо!“

На третій день обстановка молодой дѣвушки сразу измѣнилась. Ее перевели въ другое отдѣленіе, гдѣ оказалось четыре женщины, такія же арестантки, какъ и она; Клёна, дико озираясь на нихъ, забилась въ уголъ и ни разу не отвѣтила ни единымъ словомъ на вопросы, которыми осыпали ее новыя товарки. Ни просьбы, ни ласки, ни назойливость, ни грубости, ни грязныя прибаутки не заставили дѣвушку отозваться. И тутъ, съ перваго же вечера, всю ночь Клёна уже не думала о себѣ и своемъ преступленіи. У ней было одно только чувство: ощущеніе простаго страха, простой гадливости отъ этихъ товарокъ-арестантокъ.

„Убьютъ онѣ меня“, думала ночью Клёна, лежа на простой рогожѣ на полу. „Ну, и слава Богу!“ прибавляла она. „Я же сама собиралась не разъ на себя руки наложить. Такъ чего же мнѣ ихъ бояться!..“

Но боязнь все-таки сказывалась, не смотря на такія разсужденія. Черезъ сутки сидѣнія взаперти вмѣстѣ съ этими женщинами. Клёна уже нѣсколько привыкла, и страхъ пересилило простое гадливое чувство отвращенія.

Оказалось, что молодую дѣвушку перевели изъ отдѣльной горницы и заперли вмѣстѣ съ другими преступницами исключительно потому, что судьи и подьячіе ошиблись въ своемъ разсчетѣ.

Судейскіе крючки, кровопійцы приняли молодую дѣвушку, бригадирскую внучку, какъ манну небесную, какъ доходную статью. Такихъ дѣлъ уголовныхъ, каково было дѣло барышни Филисовой, всю жизнь жди иной судья — и не дождешься. Тутъ можно было стать сразу богатымъ человѣкомъ.

Черезъ два дня послѣ ареста молодой преступницы-дворянки, судьи разочаровались, узнавъ что бригадиръ не только не желаетъ выпутать свою внучку изъ уголовщины, но, напротивъ, отказывается отъ нея вполнѣ. Онъ заявилъ, что радъ будетъ если осрамившая его внучка пострадаетъ и будетъ судима самымъ строгимъ образомъ.

Вслѣдствіе этого съ молодою дѣвушкой перестали стѣсняться и, прежде всего, перевели ее въ отдѣленіе, гдѣ были другія преступницы. Со временемъ ее ожидало еще другое помѣщеніе, въ общей камерѣ, гдѣ содержалось до полутораста женщинъ-арестантокъ.

Однако бригадиръ Филисовъ, пожелавшій отстранить отъ себя все дѣло, оставляя внучку на произволъ судьбы, а главное — на произволъ судей, тоже ошибся въ разсчетѣ.

Судейскіе кровопивцы не могли упустить изъ рукъ такой добычи, такого лакомаго куска, какъ богатый бригадиръ.

Дѣло было, казалось, просто. Барышня, дворянка убила съ кѣмъ-то вмѣстѣ двороваго человѣка и была найдена почти на мѣстѣ преступленія. Оставалось только приговорить ее и сослать въ каторгу. Пытать не приходилось, да по новому указу государыни пытать уже съ десятокъ лѣтъ было запрещено: прежніе „дыбки“, „лошадки“ и всякія „пристрастія“ были отмѣнены. Клейма еще оставались. Но класть-ли каленымъ желѣзомъ на лобъ барышни букву *у* или иную какую, это судейскихъ крючковъ вовсе не интересовало. Для нихъ важно было, якобы ради правосудія и общественной совѣсти, а не ради наживы и лихоимства, доподлинно изслѣдовать и узнать дѣйствительно-ли бригадиръ не причастенъ къ убійству, безъ всякаго повода, его крѣпостнаго человѣка. Зачѣмъ барышнѣ убивать холопа!

— Нѣтъ, это дѣло не простое, а таинственное дѣло, сказалъ на третій день главный судья засѣдателю Верхняго суда — Братолюбцеву.

— А, вотъ какъ!.. отозвался Братолюбцевъ, усмѣхаясь злобно. — Не простое... Такъ я, сударь мой, этого и ожидалъ.

— Нѣтъ, Геннадій Ивановичъ, не простое. Тутъ

дѣло чрезвычайной важности. Это, такъ сказать, убійственная загадка.

— Вотъ какъ! снова усмѣхнулся Братолюбцевъ. — Ужъ вы отъ вашего судейскаго азарта нечаяннымъ манеромъ острить начали. „Убійственная загадка"!.. Такъ!.. И вы ее теперь будете разгадывать?

— Намъ это, Геннадій Ивановичъ, долгъ и совѣсть повелѣваютъ. Разгадать, чтобы невинный не пострадалъ и виновный нашелся.

Братолюбцевъ помолчалъ и вымолвилъ:

— Нужно вамъ пощипать моего друга-бригадира, чтобы его достояніе все перешло въ ваши руки. Такъ я этого и ожидалъ.

Главный судья обидѣлся, но принялъ не грозный видъ, а жалостливый, и сталъ печалиться насчетъ такого худаго мнѣнія засѣдателя суда о судьяхъ.

Братолюбцевъ, какъ уже разъ случилось ему поступить, снова отправился къ своему другу, прося не жалѣть денегъ и тотчасъ же пожертвовать тысячъ тридцать.

— Запутаютъ и тебя, и Марью Евграфовну, и всѣхъ вашихъ родичей, каковые найдутся. Заплати скорѣе.

Филисовъ отвѣчалъ лишь болѣзненно желчнымъ, но отчасти и грустнымъ смѣхомъ.

— Денегъ мнѣ не жаль, отозвался онъ. — Теперь мнѣ моего достоянія и оставить некому. Одна была внучка — и та опозорилась. Но не стану я платить... Пускай они путаютъ какъ хотятъ. Я помню одно, что у насъ есть государыня и самодержица, которая, по сказу Орлова, объ этихъ судахъ такого же мнѣнія, какъ и я. Царица много сотенъ дѣлъ перерѣшила, много безвинно запутанныхъ освободила. Коли случится нѣчто подобное со мною, то наша матушка дѣло распутаетъ и я виновнымъ не останусь. А Клеопатра Филисова пускай пройдетъ черезъ всѣ мытарства судейскія, какъ ей и подобаетъ.

Послѣ Братолюбцева появился въ домѣ бригадира главный судья, хорошо извѣстный по Москвѣ. Его звали и въ народѣ, и въ обществѣ то „Шемякой", то „Іудой Искаріотомъ", то „волкомъ". Нѣкоторые поobразованнѣе изъ дворянъ звали его „Вампиромъ Вампировичемъ Вампировымъ".

Бригадиръ сначала, на докладъ лакея о прибытіи нежданнаго гостя, отвѣчалъ отказомъ принять. Но судейскій оберъ-кровопійца настоялъ болѣе или менѣе дерзко на томъ чтобы быть принятымъ.

Никита Артемьевичъ вышелъ въ залъ и, блѣдный, трясясь отъ гнѣва, сказалъ гостю краткую россійскую рѣчь, отъ которой гость побагровѣлъ и тотчасъ попятился къ прихожей.

— Ладно, будете вы меня помнить! пригрозился онъ уже надѣвая шубу.

Но бригадиръ, блѣднѣе смерти, подвинулся на порогъ прихожей и снова оглушительнымъ голосомъ на весь домъ повторилъ съ десятокъ крѣпкихъ словъ.

Черезъ два дня послѣ этого въ Москвѣ уже толковали во всѣхъ домахъ, что дѣло внучки бригадирской совсѣмъ не такое, какъ сначала разсказывали. Дѣло премудреное. Оказывается, что Филисова никогда скорохода своего дѣда не убивала. А кто убилъ и какъ все это произошло — дѣло рукъ самого бригадира.

Съ этого дня дѣло барышни Филисовой стало какъ бы снѣжнымъ комомъ, который по свѣжей порошѣ, въ теплый день, судьи, подьячіе и повытчики начали весело катать и перекатывать.

Черезъ нѣсколько дней изъ маленькаго комочка сталъ уже большущій комъ, обѣщавшій вскорѣ стать комомъ гигантскимъ.

XXIX.

Почти въ то же время, когда шли переговоры судей съ Братолюбцевымъ и бригадиромъ,—видно судьба благопріятствовала судьямъ, — случился особый казусъ.

Рано утромъ въ острогъ явилась пожилая женщина, монахиня, и заявила солдатамъ о желаніи видѣть барышню Филисову. Разумѣется солдаты прикрикнули на появившуюся. Не будь она монахиня, можетъ быть ее и въ зашей прогнали бы.

Благодаря нѣсколькимъ серебрянымъ монетамъ, монахиня прошла крыльцо и очутилась внутри дома. Здѣсь она обратилась съ тою же просьбой повидаться съ арестанткой къ какому-то подьячему, но и тутъ получила отказъ и выговоръ.

Долго билась няня, Арина Матвѣевна, чтобы добиться своего: повидаться съ „дитяткомъ". Всѣ ея попытки, моленія и обѣщанія не привели ни къ чему. Какой-то подьячій уже схватилъ ее за рукавъ и потащилъ къ дверямъ, приговаривая:

— Уходи, монашка, уходи! Здѣсь тебѣ въ твоемъ одѣяніи и не мѣсто... Не срамись!

На счастіе Арины Матвѣевны, въ это время подъѣхалъ въ большой колымагѣ важный человѣкъ, въ мундирѣ, съ орденомъ и, не выходя изъ экипажа, приказалъ позвать къ себѣ какого-то чиновника.

Фигура монахини, выходившей изъ острога, вѣроятно поразила его.

— Это кто?! крикнулъ онъ грозно.

Арина Матвѣевна, догадливая и дальновидная, теперь тоже сообразила въ одну минуту, что важный сановникъ можетъ помочь ея горю. Она сама приблизилась къ самой колымагѣ и въ нѣсколькихъ словахъ объяснила все: кто она и зачѣмъ явилась.

— Ты мамка Филисовой?

— Точно такъ.

— Когда ты постриглась?

— Недавно, сударь мой. Передъ самой этой бѣдой.

— Виновата-ли, по твоему разсужденію, твоя барышня въ семъ ужасномъ дѣяніи, въ убійствѣ холопа?

— Ахъ, не виновата!.. вымолвила мамка, заливаясь слезами. — Ахъ, не виновата!.. Гдѣ жь ей, робенку, на такое дѣло пойти! Тутъ другой все повернулъ! Кто такой — не мое дѣло. Охъ, все житье-бытье ея у дѣдушки иутано-перепутано...

— А!.. протянулъ сановникъ.

Но протянулъ съ такимъ видомъ, такимъ голосомъ, что всѣ кругомъ, и его же кучеръ, и лакей на запяткахъ, и сторожа, и кое-кто изъ прохожихъ — всѣ на этотъ звукъ навострили уши, рты разинули и растаращили глаза. Полонъ великаго значенія былъ этотъ сановническій, властный и даже послѣдствіями своими всемогущій звукъ.

— Знала-ли ты, послѣ паузы выговорилъ сановникъ,— что твоя барышня кончитъ такимъ страшнымъ дѣяніемъ, или такое дѣяніе на нее взведутъ?..

— Охъ, ждала бѣды! воскликнула Арина Матвѣевна, не вполнѣ понимая значеніе вопроса.

— Думалось-ли тебѣ, что житье-бытье у бригадира въ домѣ твоей барышни кончится какою-нибудь бѣдой? Думала-ли ты это?

— Думала, батюшка, думала это... Что грѣха таить,— ждала, отецъ мой, ждала ежечасно.

— Были на то особливыя причины?

— Были... были...

— И ты знаешь кое-что? Какія-такія причины, что все это перепуталось?

— Вѣстимо.

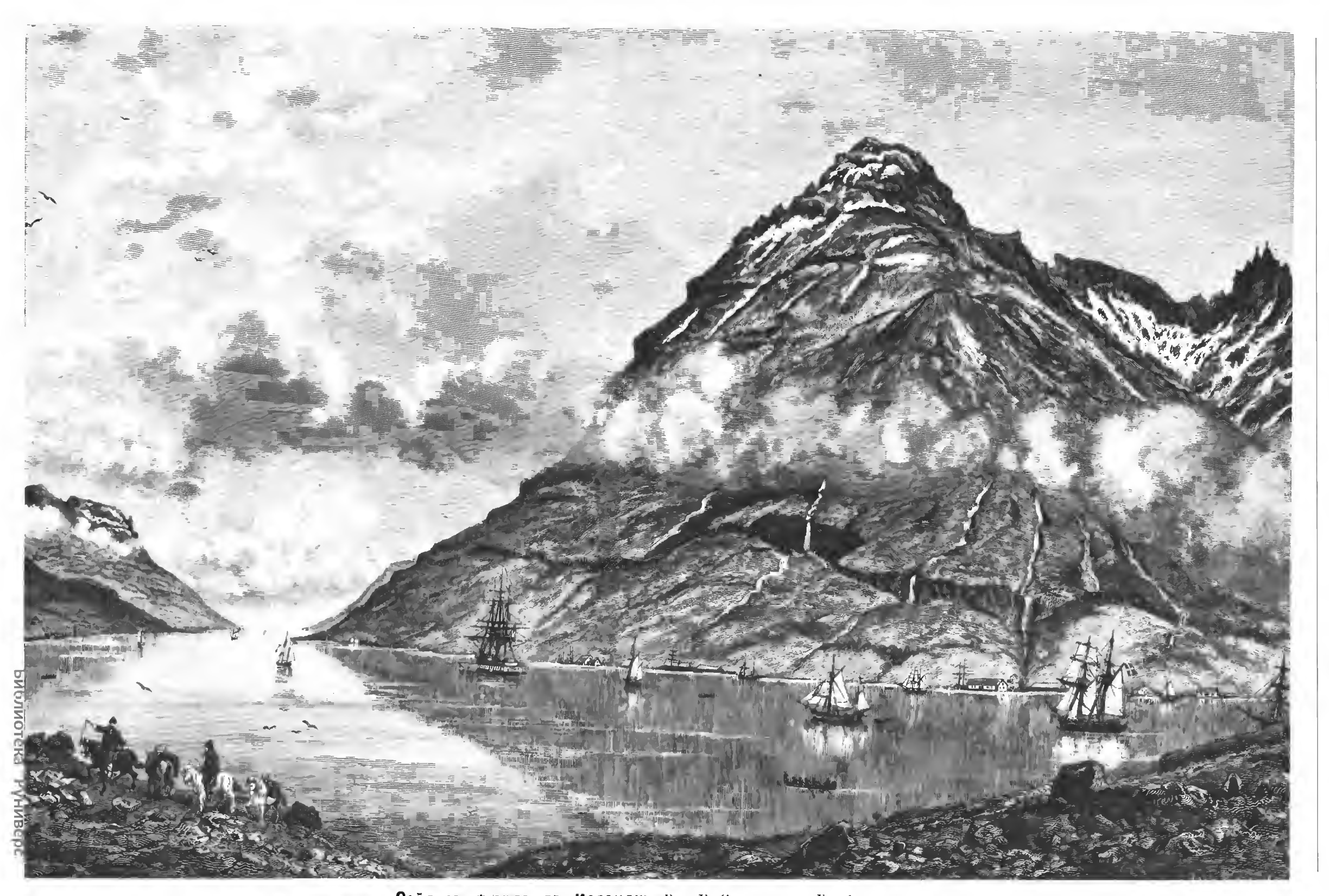
— Ну, прости меня, мамушка. Я человѣкъ подневольный—судья. Я не могу по собственному желанію или прихоти поступать. Я долженъ все по закону вершить... Поэтому прости, голубушка, а я долженъ приказать тебя сейчасъ арестовать.

Арина Матвѣевна встрепенулась и вздрогнула.

— Да, дѣлать нечего. Засадятъ тебя вмѣстѣ съ твоимъ „дитяткой", а что дальше будетъ—невѣдомо.

Господь Саваоѳъ въ куполѣ московскаго храма Спасителя. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Сейдисъ-фіордъ въ Исландіи. Рис. К. Седиви, грав. Гальбергеръ.

— Съ ней, съ Клёной вмѣстѣ посадить?.. вымолвила Арина Матвѣевна.

— Да, да...

— Отецъ ты мой!..

И мамка бросилась на колѣни, кланяясь лицомъ въ снѣгъ.

— Не могу... не могу... заговорилъ сановникъ, высунувшись въ окно колымаги. — Не проси. Не могу...

— Спасибо тебѣ! одновременно съ нимъ повторяла Арина Матвѣевна.—Дай тебѣ Господь всякаго счастья и всякаго здоровья!

Наступило молчаніе, послѣ котораго сановникъ улыбнулся и, обращаясь къ ближайшему солдату, выговорилъ:

— Прикажи Трофиму Иванову сейчасъ взять ее и посадить вмѣстѣ съ Филисовой.

И чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, Клёна уже плакала и рыдала, крѣпко ухватившись за свою мамку. Часа два не выпускала она изъ рукъ свою Аришу, боясь, что она исчезнетъ какъ тѣнь, какъ видѣніе.

Въ тотъ-же день обѣ арестантки были снова отдѣлены въ особой камерѣ.

Разумѣется, когда въ монастырѣ были извѣщены объ арестѣ новой монахини, то игуменья приказала считать ее исключенною изъ числа монахинь. Она послала сказать въ острогъ, что считаетъ эту женщину какъ-бы растригой, какъ-бы лишенною монашескаго сана, а поэтому требуетъ, чтобы ее тотчасъ-же заставили перемѣнить одежду.

Арина Матвѣевна весело и радостно сняла съ себя монашеское одѣяніе и надѣла простое платье и арестантскій халатъ.

— Нехай, нехай... весело повторяла она. — Надѣну что̀ изволите... Хоть шкуру звѣриную! Лишь-бы мнѣ съ Клёной быть... А Богъ-то все видитъ. Онъ Небесный Отецъ все знаетъ! А скажетъ-ли что, нѣтъ-ли—на то Его святая воля!..

XXX.

Въ теченіе недѣли обѣихъ арестантокъ вмѣстѣ возили въ телѣгѣ въ другое казенное зданіе, конечно подъ конвоемъ двухъ солдатъ.

Здѣсь, передъ большимъ столомъ, накрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько важныхъ господъ съ орденами и здѣсь снимали допросъ съ обѣихъ арестантокъ.

Барышня Филисова мало давала пищи своимъ судьямъ. Она отмалчивалась, печально трясла головой или отзывалась кратко, двумя словами: *да* и *нѣтъ*. Вину свою она, конечно, попрежнему не признавала вполнѣ, ибо самое убійство сваливала на брата.

Арина Матвѣевна была говорливѣе и только на второмъ допросѣ вдругъ въ головѣ ея какъ-то просвѣтлѣло. Она догадалась и ахнула. Чистая совѣсть ея заговорила; душа добрая и честная омрачилась. Няня догадалась, что судя по допросамъ ей чинимымъ, очевидно въ это дѣло хотятъ запутать и бригадира, и его сестрицу.

Когда на третьемъ допросѣ Арина Матвѣевна заявила прямо и просто, что напрасно припутываютъ барина стараго и барыню, что виноваты Филиппъ и Клёна, а пожалуй виновата и она, ихъ нянька, — судьи сказали, что это не ея дѣло. А главный судья заявилъ, что больше няньку и допрашивать нечего, что первыя ея показанія достаточно полны и все дѣло разъясняютъ.

Прошло еще нѣсколько дней—и Клёна съ няней узнали, что ихъ обѣихъ обвиняютъ въ бродяжничествѣ по Москвѣ и проживательствѣ безъ всякаго вида во время смутныхъ дней моровой язвы; затѣмъ, въ разворованіи и похищеніи чужаго имущества, приданаго, которое готовилось бригадиромъ; затѣмъ, въ воровствѣ цѣнныхъ вещей, перстня дорогаго и проч. у бригадира Филисова; затѣмъ, Клёну—въ поведеніи не благоприличномъ для дворянки, пьянствѣ съ простыми холопами въ людской дома; наконецъ, въ убійствѣ двороваго человѣка, скорохода Морковникова, по наущенію и строжайшему приказанію самого бригадира.

Одновременно съ окончаніемъ разслѣдованія дѣла, Филисову было объявлено, что онъ считается причастнымъ къ дѣлу и что у генералъ-губернатора будетъ испрошено разрѣшеніе не арестовать его, а держать пока подъ карауломъ у себя на дому до окончательнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ.

Бригадиръ, оповѣщенный, не выдержалъ и внѣ себя отъ гнѣва сталъ собираться въ Петербургъ.

— Самъ я царицѣ въ ноги брошусь! воскликнулъ онъ.

Марья Евграфовна, пораженная не менѣе своего сожителя, посовѣтовала ему бросить и мысль о Петербургѣ, а немедленно ѣхать къ сосѣду, графу Орлову, и просить его заступничества.

Бригадиръ на это согласился, но хотѣлъ прежде посовѣтоваться съ другомъ.

Къ его удивленію, исчезнувшій за послѣдніе дни Братолюбцевъ оказался выѣхавшимъ изъ Москвы и невѣдомо куда. Это поразило Филисова.

За то посѣщеніе властнаго и именитаго сосѣда оказалось излишнимъ. Самъ графъ Орловъ, до котораго дошли вѣсти о прикосновенности къ дѣлу и якобы виновности сосѣда Филисова, явился къ нему въ домъ и вызвался помочь горю.

— Это нашъ „Искаріотъ" все подстроилъ, Никита Артемьевичъ, сказалъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ. — Будь благонадеженъ. Сейчасъ-же все напишу брату Григорію и пошлю нарочнаго въ Петербургъ. Я за тебя порукой, что ты только тѣмъ виноватъ, что за судейскіе крючки платьемъ своимъ зацѣпился. Вотъ вся твоя вина!

Конечно, весь городъ былъ взволнованъ уже объявленною и, такъ сказать, оформленною виновностью бригадира.

Многіе ужасались, но многіе и усмѣхались, покачивая головами.

Болѣе всѣхъ были поражены сами арестантки: бригадирская внучка и ея мамка.

— Не попуститъ этого Господь, говорила со слезами Арина Матвѣевна. — Господь все видитъ, все знаетъ! И скажетъ Господь свое слово въ люди, для просвѣтлѣнія ихъ!..

XXXI.

И Клёнина няня оказалась, какъ многія русскія няни,—пророчицей.

Провидѣніе, знавшее все, сказало наконецъ свое слово.

По высочайшему повелѣнію изъ Петербурга отъ матушки-царицы, у которой было зоркое правительствующее око, — явилась помощь невиннымъ...

Братолюбцевъ все схлопоталъ въ Петербургѣ.

Императрица, до свѣдѣнія которой дошло приключеніе въ одной изъ дворянскихъ семей Москвы, тотчасъ-же приказала стороной и частнымъ образомъ разузнать и выспросить все подробно у друга Филисова, который самъ судья.

— Это дѣло темное, сказала государыня,—а чѣмъ темнѣе дѣло, тѣмъ безвинные бываютъ виннѣе виноватыхъ.

Въ это-же время графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ отписалъ брату все, что̀ знала вся Москва, всю загадочную исторію. Появленіе въ домѣ бригадира внучки послѣ ея странствованія во время чумы и непонятное исчезновеніе молодаго офицера и, наконецъ, послѣднее убійство холопа, учиненное якобы умершимъ бригадирскимъ внукомъ или самой внучкой—все было имъ толковито разсказано въ длинномъ посланіи къ брату, любимцу царицы.

Государыня сама все прочла, обдумала, а затѣмъ

былъ посланъ тотчасъ-же дѣльный человѣкъ въ Москву произвести строжайшее слѣдствіе. Чтобы допытаться истины, онъ долженъ былъ тщательно допросить молодую дѣвушку, чтобы удостовѣриться — умалишенная она или нѣтъ, а затѣмъ, разслѣдовавъ строжайше дѣло, тотчасъ обо всемъ донести государынѣ.

Пріѣздъ слѣдователя въ Москву произвелъ большой переполохъ среди судей и эффектъ среди общества.

— Вотъ она, царица-то... До всего ей дѣло, говорили москвичи.—Ему строжайшій указъ... Онъ теперь все выпытаетъ. А то поди, послушай у насъ, кто говоритъ сумасшедшая, а кто говоритъ — въ здравомъ умѣ, да только вишь канальи самая перворазрядная... Вотъ и разсуждай... А онъ теперь все наизнанку вывернетъ и до сути-то доберется.

Посланецъ этотъ былъ родственникъ графа Брюса, отличившійся во время чумы и рекомендованный государынѣ какъ честный, дѣльный и хитрый человѣкъ.

Секундъ-майоръ Повалишинъ, такъ назывался слѣдователь, явился въ Москву и взялся за дѣло по своему. Людей перестали таскать изъ дома, ограничившись тѣмъ, что̀ они уже показали. Но за то забрали двухъ выморочныхъ холоповъ госпожи Козляниновой, которые нашлись въ Москвѣ, и одинъ изъ нихъ былъ кучеръ Семенъ.

Однако новая помѣха возникла для Повалишина при разслѣдованіи всего дѣла. Клёна стала упорно молчать на допросахъ, ничего не объясняя и не уступая никакимъ угрозамъ. Няня Арина Матвѣевна буквально слѣдовала примѣру барышни. Обѣ по опыту боялись уже говорить.

Наконецъ, однажды обѣихъ женщинъ привели въ отдѣльную горницу къ Повалишину, гдѣ стоялъ палачъ съ плетьми въ рукахъ, а солдатъ держалъ молотокъ и какія-то чугунныя палочки. Обѣимъ женщинамъ слѣдователь объяснилъ, что это клейма, которыя сейчасъ разожгутъ на огнѣ и будутъ калёнымъ желѣзомъ имъ литеры на лбу выжигать, а затѣмъ будутъ ихъ пороть нещадно до тѣхъ поръ, пока онѣ не заговорятъ...

Клёна даже бровью не повела, а няня вздохнула и прослезилась... Но обѣ молчали.

Угроза не удалась и арестантокъ увели.

XXXII.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ секундъ-майоръ Повалишинъ прибылъ въ Москву для слѣдствія, уголовное дѣло бригадирской внучки, не подвинувшееся ни на шагъ, наконецъ, вдругъ приняло совершенно иной оборотъ.

Если мудрено было положеніе бригадира, на котораго косилась вся Москва; если еще мудренѣе и тяжелѣе было положеніе его внучки, противъ которой были явныя улики въ смертоубійствѣ, то не менѣе странно и тяжело стало вдругъ положеніе самого слѣдователя.

Повалишинъ, видая Клёну почти всякій день, относился теперь къ ней совершенно иначе, нежели въ первые дни по пріѣздѣ изъ Петербурга. Онъ началъ угрозами и застращиваніями, а кончилъ тѣмъ, что умолялъ дѣвушку признаться откровенно во всемъ, уже не ради суда, не ради удовлетворенія закона, а по инымъ, совершенно чуждымъ правосудію, причинамъ.

Майоръ Повалишинъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, красивый собою, съ выразительнымъ лицомъ. Онъ былъ усердный служака, никогда близко не знакомившійся ни съ одной женщиной, и будучи нелюдимомъ отъ природы и по воспитанію, избѣгалъ всегда общества, бѣгалъ отъ вечеровъ и баловъ. Теперь, благодаря дѣлу, которое прислали его распутать, онъ первый разъ въ жизни близко познакомился съ красивою и умною молодой дѣвушкой, вдобавокъ несчастною, которая была очевидно жертвой какого-то страннаго и страшнаго недоразумѣнія. Это недоразумѣніе должно было бросить несчастную дѣвушку изъ порядочной и богатой дворянской семьи въ кандалы и въ Сибирь, въ одеждѣ простой арестантки и каторжницы.

Какъ и когда — Повалишинъ самъ не зналъ, но онъ безъ ума влюбился въ Клёну. Будучи внутренно, сердцемъ, глубоко убѣжденъ, что дѣвушка невиновна ни въ чемъ на нее взводимомъ, что во все дѣло проникла какая-то непроницаемая, ужасная тайна, онъ сначала силился спасти ее изъ соболѣзнованія, а затѣмъ уже ради страстнаго, необоримаго чувства къ ней.

Умоляя Клёну уже не въ качествѣ судьи и слѣдователя, а въ качествѣ друга ей преданнаго и сочувствующаго, Повалишинъ, разумѣется, ни разу не намекнулъ Клёнѣ о томъ, что любитъ ее. Ихъ взаимныя отношенія были таковы, что онъ долженъ былъ поневолѣ быть глубоко убѣжденнымъ въ неприязни молодой дѣвушки къ нему. Онъ былъ передъ ней безъ вины виноватъ. Она—жертва, а онъ—судья и палачъ.

Но если Повалишинъ не рѣшился ни разу открыть свое сердце молодой дѣвушкѣ, то Клёна видѣла и чувствовала, что въ этомъ человѣкѣ есть жалость и снисхожденіе къ ней, и со своей стороны, изъ благодарности, она стала относиться къ нему точно такъ же сердечно, насколько тягостное положеніе ея, какъ острожницы и подсудимой, допускало это.

Наконецъ, однажды, вызвавъ къ себѣ арестантку якобы для допроса, Повалишинъ усадилъ Клёну на кресло, заперъ дверь и, волнуясь, дрожащимъ голосомъ сталъ снова, въ десятый разъ, умолять дѣвушку не лгать, не выдумывать, а разсказать ему всю правду обо всемъ.

— Клянусь вамъ Богомъ, заговорилъ Повалишинъ,— что я хочу довести это дѣло до счастливаго конца и все разъяснить не ради одной справедливости. Окажется само собою, я увѣренъ, что вы ни въ чемъ не виноваты. Хочу я васъ спасти, главнымъ образомъ, потому, что самъ не знаю какъ это приключилось, но вы мнѣ, круглому сиротѣ на свѣтѣ, стали дороже всего и всѣхъ. Дороже сестры, которой у меня никогда не бывало, дороже невѣсты, которой тоже никогда не бывало, а теперь, прибавлю, и не будетъ. Если бы я когда рѣшился кому-нибудь предложить свое сердце, то развѣ только вамъ.

Клёна была изумлена и тронута, слезы невольно появились на глазахъ ея.

— Я васъ тоже полюбила, выговорила она просто.— Вы очень добрый человѣкъ, очень хорошій. Если бы я была не острожная арестантка, а жила бы какъ прежде въ домѣ отца или дѣдушки, и такой человѣкъ, какъ вы, захотѣлъ бы взять меня въ жены, то, прямо говорю вамъ, я бы не побоялась пойти за васъ и за вами хоть на край свѣта.

Эти слова, просто, но задушевно сказанныя, произвели такое впечатлѣніе на Повалишина, что Клёна вновь изумилась. Майоръ поблѣднѣлъ, хотѣлъ говорить и не могъ...

— Какъ! воскликнулъ онъ послѣ паузы.— И у васъ ко мнѣ есть что-то, вотъ такое же, какъ у меня здѣсь на сердцѣ! Не ждалъ я такого счастья. Такъ что̀ же теперь? Побойтесь Бога, Клеопатра Артемьевна, спасите себя и осчастливьте меня признаніемъ. Разскажите мнѣ все.

— Нечего мнѣ разсказывать, отозвалась Клёна.— Я всѣмъ сказала, и вамъ говорю второй уже разъ, что Герасима убилъ мой братъ, а убилъ изъ-за меня. Я молчала только и не хотѣла сознаться въ томъ, какое обстоятельство сдѣлало изъ меня рабу Герасима. Но теперь извольте, я вамъ все скажу. Но я *вамъ*, моему хорошему и доброму другу, это скажу, а не

судьѣ. И вы мнѣ клятвенно обѣщаетесь, что объ этомъ ничего въ бумагахъ не напишите.

И Клёпа передала Повалишину подробный разсказъ о смерти Козлянинова у ней въ мезонинѣ.

— Хоть и былъ онъ боленъ, почти при смерти, окончила свой разсказъ Клёна,—но быть-можетъ остался бы живъ, выздоровѣлъ бы, еслибъ мы съ мамушкой его не убили тѣмъ, что задушили. Ожидая посѣщенія дѣда и Братолюбцева, мы, спѣша и робѣя, переложили его, больнаго и слабаго, съ дивана въ сундукъ, на половину полный вещами. Онъ былъ безъ памяти. Трудно ли что потревоженный чумовой больной умиралъ внезапно. Вѣрю я тоже, что Герасимъ стащилъ отъ васъ покойника и зарылъ гдѣ-нибудь ночью безъ огласки. Можетъ-быть и въ самомъ саду. Но найти тѣло нельзя, потому что Герасимъ самъ на томъ свѣтѣ. Вѣрю я вамъ на слово, что вашъ братъ былъ у васъ и убилъ Герасима; что вы не лжете, чтобы свалить вину съ себя на него. Вѣрю я, наконецъ, вполнѣ, что онъ живъ, а только числится мертвымъ вслѣдствіе ловкой подмѣны документовъ или вида на жительство, которую съумѣлъ онъ устроить. Но вѣдь по мнѣнію всѣхъ

Забавное письмо. Съ карт. Гампенридера, грав. Бонгъ.

было задохнуться? Мамушка Арина испугалась, что мы за это неумышленное смертоубійство пойдемъ въ Сибирь, и мы захотѣли скрыть все дѣло. Герасимъ избавилъ насъ отъ тѣла покойника, и съ этого дня сталъ моимъ мучителемъ и довелъ меня до согласія на его убійство.

Клёпа разсказала все мытарство, которое она вытерпѣла, отъ невольнаго воровства до ночнаго нападенія на нее, произведеннаго негодяемъ.

Повалишинъ на чистосердечное признаніе Клёны ничего не отвѣтилъ и сидѣлъ глубоко задумавшись.

— Что же тутъ сдѣлать? выговорилъ онъ наконецъ.—Ничего нельзя сдѣлать. Я вѣрю всему, до единаго вашего слова вѣрю; но они-то, судьи, не повѣрятъ. Царица и та врядъ ли повѣритъ. Все это чудно. Увѣренъ я даже, что Козляниновъ умеръ у васъ просто отъ чумы, тѣмъ паче, что болѣлъ ею по второму разу. Тутъ всегда быстрая смерть. Я думаю, онъ не задохся, какъ вы полагаете. Примѣровъ было много, и, наконецъ, передъ закономъ, онъ все-таки считается мертвымъ. Найти же его невозможно. Уже недѣли съ три, какъ я разослалъ во Владиміръ, Казань и Кіевъ посланцевъ разсказывать вездѣ въ партіяхъ острожныхъ о вашемъ дѣлѣ. Жду и надѣюсь, что выйдетъ изъ этого толкъ, но между тѣмъ до сихъ поръ еще ничего нѣтъ. Ни слуху, ни духу. Ничего не выходитъ...

— Что же можетъ выйти? вымолвила Клёпа съ удивленіемъ.

— А то можетъ выйти, что вашъ братъ въ одномъ изъ этихъ трехъ городовъ. Всѣ укрывающіеся отъ властей, всѣ не имѣющіе видовъ или живущіе съ подложными видами, всегда обрѣтаются въ этихъ городахъ. Такое теперь у нихъ обыкновеніе... Я въ этомъ увѣренъ, что если до него вдругъ дойдетъ слухъ о томъ, что вы судитесь за его преступленіе, онъ тотчасъ объявится...

XXXIII.

Послѣ этой бесѣды отношенія Повалишина и бри-

Экспедиція русскихъ студентовъ на Араратъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Иванова, грав. Шюблеръ.

1) Общій видъ Большаго и Малаго Арарата. 2) Вершина Большаго Арарата, съ обозначеніемъ пути по которому совершалось восхожденіе. 3) Лагерь экспедиціи въ Сардаръ-Булакѣ, на высотѣ 7500 ф. 4) Экспедиція предъ отправленіемъ на вершину. 5) Типы курдовъ. 6) Проводникъ Баба. 7) Куртинскій шатеръ „Чадра“. 8) Куртинская кочевка. 9 Годникъ Св. Іакова.

гадирской внучки стали совершенно иныя. Они уже видались ежедневно. Повалишинъ вызывалъ арестантку какъ бы ради допроса, она оставалась подолгу у него въ горницѣ губернскаго правленія, и они совѣщались какъ друзья и надѣялись.

Повалишинъ однако не признался Клёнѣ въ главномъ своемъ дѣяніи, которое должно было имѣть важныя послѣдствія.

Въ качествѣ слѣдователя по дѣлу дворянки Филисовой, майоръ Повалишинъ рѣшился разослать по всей Россіи судебное объявленіе во всѣ Верхніе и Нижніе земскіе суды, во всѣ палаты и во всѣ остроги, даже въ Приказы общественнаго призрѣнія, объ томъ, что разыскивается сынъ поручика, недоросль изъ дворянъ, Филиппъ Артемьевъ сынъ Филисовъ, неправильно показанный умершимъ, и вызывается ради дачи свидѣтельства по дѣлу родной сестры его, Клеопатры, обвиняемой въ убійствѣ.

Повалишинъ былъ убѣжденъ, что если объявленіе дойдетъ до Филиппа, тотъ отзовется и явится спасать сестру.

Разсчетъ Повалишина оказался совершенно вѣренъ. Не прошло полнаго мѣсяца послѣ разсылки этого оповѣщенія, какъ въ Московскомъ губернскомъ правленіи появился молодой малый, бѣдно одѣтый, худой и болѣзненный, еле живой, и заявилъ, что у него есть важное дѣло до господина секундъ-майора.

Разумѣется, это былъ Филиппъ Филисовъ.

Молодой малый тотчасъ же бросился въ Москву на помощь къ безвинно-обвиняемой сестрѣ, какъ только до него достигла вѣсть, что она пострадала за его преступленіе.

Филиппъ скрывался около Владиміра подъ фальшивымъ видомъ. Придти въ Москву и объявить о себѣ значило добровольно отдать себя въ руки палача. Но Филиппъ не колебался ни минуты и тотчасъ явился. Съ его прибытіемъ и сознаніемъ, Клёна сразу перестала быть подсудимою. Появленіе Филиппа надѣлало страшнаго шуму по городу... Все дѣло Филисовыхъ—измѣнялось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно съ показаньемъ Филиппа, случилось другое нежданное и не менѣе важное событіе.

Судьба очевидно сжалилась надъ Клёной и захотѣла сразу вознаградить за всѣ муки и страданія. Пока тянулось длинное слѣдствіе надъ молодой дѣвушкой, — пришла весна и явилась главнымъ свидѣтелемъ всего дѣла.

Теплые дни марта дружно плавили московскіе снѣга и, обращая ихъ въ лужи, ручьи и потоки, стали очищать повсюду улицы, дворы и задворки, сады и пустыри московскіе.

Въ саду бригадира тоже засіяла весна и таялъ снѣгъ, но хозяинъ, оскорбленный, безъ вины опозоренный, еле бродилъ по горницамъ и грустно смотрѣлъ на окружающее веселье и ликованіе природы.

Въ саду его сугробы все падали, прижимаясь къ землѣ, и, наконецъ, ледъ на маленькомъ пруду вскрылся. Мутная вода, текущая въ него со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ дорожекъ, наполнила его по самые края и поднявъ ледъ сбила его къ берегамъ.

Но вмѣстѣ со льдинами, сухими листьями и вѣтками всплыло среди пруда мертвое тѣло въ офицерскомъ мундирѣ.

Страшный переполохъ, случившійся въ домѣ бригадира, конечно долженъ былъ ошеломить и безъ того надломленнаго старика. Но бригадиръ сразу будто почувствовалъ смутно, что наступила минута разъясненія всего...

Трупъ многіе сразу узнали. Немедленно изъ дома бригадира явились люди къ майору Повалишину объявить, что въ пруду сада оказалось и всплыло тѣло, которое сразу признано всѣми кто хоть разъ видѣлъ покойнаго офицера Козлянинова.

Майоръ Повалишинъ, радостный и счастливый, тотчасъ-же съ большою свитой отправился въ домъ бригадира, прошелъ по сырымъ глинистымъ дорожкамъ къ пруду и на берегу его увидалъ мертвое тѣло. Хотя оно пробыло довольно долго въ мерзлой водѣ, но разложилось мало. На трупѣ былъ офицерскій мундиръ, а призванный кучеръ Семенъ и другіе люди, знавшіе Козлянинова, объявили готовность подъ присягой показать, что это точно тѣло господина Козлянинова.

Два доктора, которыхъ захватилъ съ собой Повалишинъ, тутъ-же освидѣтельствовавъ трупъ, заявили, что на немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ насильственной смерти и напротивъ есть самые явственные и вѣрные признаки моровой язвы, багровыя пятна и большой нарывъ подъ мышкой.

Конечно, прежде всего Повалишинъ поспѣшилъ распорядиться похоронами заразительнаго и опаснаго тѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оформивъ все вновь оказавшееся по дѣлу обвиняемой дворянки Филисовой, Повалишинъ тотчасъ-же отправилъ гонца въ Петербургъ съ подробнымъ донесеніемъ обо всемъ генералъ-прокурору. Онъ хотѣлъ и отчасти имѣлъ право освободить Клёну тотчасъ-же, но не рѣшился и предпочелъ подождать рѣшенія изъ Петербурга.

Разумѣется, въ тотъ-же день, когда было найдено тѣло Козлянинова, Повалишинъ передалъ Никитѣ Артемьевичу о томъ, что у него въ рукахъ уже находится настоящій убійца Герасима, собственный внукъ бригадира, Филиппъ.

При этомъ онъ разсказалъ бригадиру всю грустную исторію, всѣ муки и мытарства его внучатъ, а главное—подвиги Герасима...

Въ сумерки къ острогу подкатила красивая карета цугомъ. Изъ нея вышелъ бригадиръ. Никита Артемьевичъ Филисовъ, знавшій теперь всю правду, всю правоту своей внучки, былъ страшно потрясенъ до глубины души всѣмъ, что раскрылось теперь передъ его глазами и его совѣстью. Не выдержалъ бригадиръ...

Въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ комнату, а Клёна вскочила съ мѣста и радостно бросилась навстрѣчу къ дѣду, бригадиръ вдругъ остановилъ ее рукой и плача опустился на колѣни предъ своей внучкой.

— Прости меня, Клёнушка. Прости за все. И не думалъ я, что приключится мнѣ въ жизни такой тяжкій грѣхъ на душу взять. Прости за все, что ты въ моемъ дому вытерпѣла. Если есть виноватый во всемъ дѣлѣ, то ужъ конечно—я, а не кто другой. Не приходи ты въ мой домъ, ничего-бы такого горькаго и ужаснаго съ тобою не приключилось. Прости меня, бѣдная моя внучка!

Внука Филиппа бригадиръ тоже обнялъ, говоря:

— Не брось я твоихъ родителей—и ты, родимый, не загибъ-бы такъ! А послѣ меня — самая виноватая — мамка.

Арина Матвѣевна искренно соглашалась и винилась.

День этотъ былъ самый счастливый въ жизни Клёны. Всѣхъ огорчала только судьба Филиппа. Онъ все-таки оставался виновенъ въ двухъ преступленіяхъ: бунтѣ и убійствѣ.

— Богъ милостивъ, и это какъ нибудь обойдется, говорилъ Повалишинъ.—Я твердо вѣрую въ справедливость и милосердіе нашей монархини. Я все... все описалъ въ донесеніи; цѣлое сочинительство послалъ; всю вашу жизнь описалъ! Царица мудра и милосерда.

XXXIV.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого памятнаго всѣмъ дня явился обратно изъ Петербурга вѣрный другъ семьи, Братолюбцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ гонецъ, который привезъ монаршую резолюцію:

„Немедленно освободить отъ суда и отпустить къ

бригадиру его внучку, дѣвицу Клеопатру Артемьеву Филисову, а брата ея за участіе въ бунтѣ на Красной площади—въ качествѣ 15-ти-лѣтняго недоросля простить, вмѣняя сіе его дѣяніе въ вину родителямъ его и дѣду. За содѣянное-же человѣкоубійство во спасеніе сестры—отдать подъ церковное покаяніе на три года. Вмѣстѣ съ тѣмъ выразить бригадиру Филисову порицаніе за его поступокъ съ покойнымъ сыномъ и вмѣнить въ непремѣнную обязанность озаботиться нынѣ судьбою своихъ внуковъ, какъ долгъ дѣда то повелѣваетъ".

Во всѣхъ словахъ резолюціи монархиня всего строже относилась къ бригадиру, какъ-бы полагая его дѣйствительно главнымъ виновникомъ всего дѣла.

Но не ко всѣмъ равно была милостива резолюція. Бывшую мамку указано было разстричь и выдержать годъ въ тюрьмѣ „за поблажку" ночнымъ свиданіямъ ея питомицы съ возлюбленнымъ.

— Мудрая царица и благосердная, добра какъ ангелъ, и мудра какъ змій! воскликнулъ Никита Артемьевичъ.—Истина глаголетъ устами ея. Да, я—главный виновникъ. Но за то теперь, на остаткѣ дней своихъ, для васъ на свѣтѣ существовать буду.

Не прошло двухъ часовъ по прибытіи гонца изъ Петербурга, какъ бригадиръ съ внучатами садился уже въ карету, сопровождаемый почти всѣмъ населеніемъ острога. Многолюдная толпа прохожихъ, окружавшая подъѣздъ, тоже радовалась кругомъ: всѣ знали въ чемъ дѣло. Семья Филисовыхъ отъѣхала отъ острога и крестясь, и плача, и смѣясь.

— Ну, конецъ нашимъ гореваніямъ, проговорилъ бригадиръ, когда они вступили на крыльцо его дома, встрѣчаемые плачущею отъ радости Толбухиной.— Но пока и радостямъ тоже, внуки, не начало. Все-таки стараго назадъ не вернешь, по старому не заживешь. Радостямъ тоже конецъ. Заживемъ мы по-людски и по-христіански. Но то счастіе, о которомъ я часто загадывалъ, да мечталъ, внучка, теперь о немъ и думать не моги. Мыслилъ я, будутъ у меня въ домѣ правнучки. Ну, а теперь дай Богъ и такъ прожить.

Если царица справедливо и милостиво рѣшила дѣло Филисовыхъ, то Москва отнеслась къ нему по своему. Москвичи со всѣхъ сторонъ полѣзли въ домъ бригадира поздравить его самого и его внучатъ: но тѣмъ не менѣе бригадиръ и его внуки видѣли на всѣхъ лицахъ что-то такое, что̀ опечалило ихъ. Общество будто не хотѣло и не могло простить соблазна, который произвела семья въ городѣ.

Бригадиръ тотчасъ-же рѣшилъ дѣло по собственному желанію и по совѣту друга Братолюбцева. Черезъ три мѣсяца на дворѣ его дома стояло нѣсколько десятковъ подводъ и все имущество выносилось изъ горницъ и укладывалось. Домъ бригадира съ садомъ былъ проданъ сосѣду, графу Орлову, а самъ бригадиръ со своей семьей уѣзжалъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ уже былъ купленъ другой великолѣпный домъ.

— Тамъ лучше заживемъ, сказалъ Никита Артемьевичъ.—И туда дойдетъ за нами молва немилостивая и неправедная. Но все-таки тамъ будетъ лучше...

Черезъ мѣсяцъ Филисовы поселились уже въ Кіевѣ въ новомъ домѣ и жили мирно и счастливо.

Братолюбцевъ перевелся по службѣ тоже поближе къ другу и часто гостилъ у Филисовыхъ. Объ его бракѣ съ Клёной не было и рѣчи. Всѣ теперь понимали, изъ-за чего дѣвушка соглашалась когда-то на этотъ бракъ.

— Самъ виноватъ, дурень. Упустилъ счастье изъ рукъ, говорилъ себѣ Братолюбцевъ.

Но слѣпой судьбѣ показалось видно мало, что всѣ были сравнительно счастливы. Какъ прежде она гнала бригадирскую внучку и преслѣдовала, такъ теперь захотѣла видно во что̀ бы то ни стало отплатить ей сугубымъ добромъ за прежнее зло.

Однажды въ Кіевъ въѣхала дорожная карета и подкатила къ гостиницѣ, а изъ нея вышелъ военный. Чрезъ часъ онъ, въ блестящемъ мундирѣ, съ орденами, появился снова, и сѣвъ въ телѣжку, отправился въ домъ бригадира.

Никитѣ Артемьевичу и Марьѣ Евграфовнѣ доложилъ слуга, что пріѣхалъ секундъ-майоръ Повалишинъ. Обрадованный, но и удивленный бригадиръ пошелъ встрѣчать гостя въ прихожую. Но въ то же самое время кто-то вскрикнулъ громко въ гостиной и бросился опрометью, обгоняя бригадира, въ ту же прихожую. Это была Клёна.

Не помня себя отъ чувства вдругъ сказавшагося на сердцѣ, молодая дѣвушка, не соображаясь съ приличіями, забывъ обо всемъ, кинулась навстрѣчу прибывшему, подбѣжала къ нему и положила руки ему на плечи, взволнованная, раскраснѣвшаяся, съ лицомъ въ слезахъ и задыхаясь отъ радости... Своимъ поступкомъ и лицомъ она сказала больше, чѣмъ хотѣла.

— Простите! Сама не знаю... Я разумъ потеряла. Извините!.. черезъ силу вымолвила Клёна, придя въ себя и въ смущеніи закрывая лицо руками.

И если бы не бригадиръ, появившійся около внучки, можетъ-быть дѣвушка отъ страшнаго волненья лишилась бы чувствъ.

Повалишинъ, тоже сильно взволнованный, нетвердымъ голосомъ заявилъ бригадиру что пріѣхалъ по весьма важному дѣлу и проситъ удѣлить ему нѣсколько минутъ для бесѣды наединѣ.

Бесѣда эта въ кабинетѣ бригадира продолжалась нѣсколько мгновеній. Секундъ-майоръ Повалишинъ явился изъ Петербурга просить у бригадира руки дѣвушки, безъ которой ему жизнь не въ жизнь.

Рѣдко бываютъ въ семьяхъ такія торжественныя минуты, такія счастливыя лица и такая радостная сумятица, какія были въ домѣ бригадира въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Городъ Кіевъ долго помнилъ пиры и балы свадебные, которые давалъ бригадиръ предъ бракосочетаньемъ своей внучки.

Въ церкви, во время вѣнчанія, не смотря на радостное смущеніе, въ которомъ находился Никита Артемьевичъ, онъ невольно замѣтилъ одну очень старую, но чрезвычайно благообразную старушку, которая усердно молилась и съ какимъ-то особымъ милымъ выраженьемъ лица смотрѣла на невѣсту и на жениха.

„Экая прелесть-старушка", думалось ему.

Послѣ обряда и поздравленій, бригадиръ не выдержалъ и подошелъ къ прелестной старушкѣ.

— Извините за любопытство... Вы, сударыня, вѣрно здѣшняя, кіевская помѣщица?..

— Нѣтъ-съ, улыбнулась ласково старушка. — Я при семъ храмѣ — просвирня...

Бригадиръ почему-то замеръ на мѣстѣ и глядѣлъ на старушку во всѣ глаза...

Она тихо отошла отъ него и скрылась въ толпѣ.

— Можетъ быть и „та" такая же была!.. прошепталъ бригадиръ. — И этотъ случай при вѣнчаніи внуки — не простая случайность. Это моей совѣсти — укоръ!.. Вѣдь все съ этого пошло...

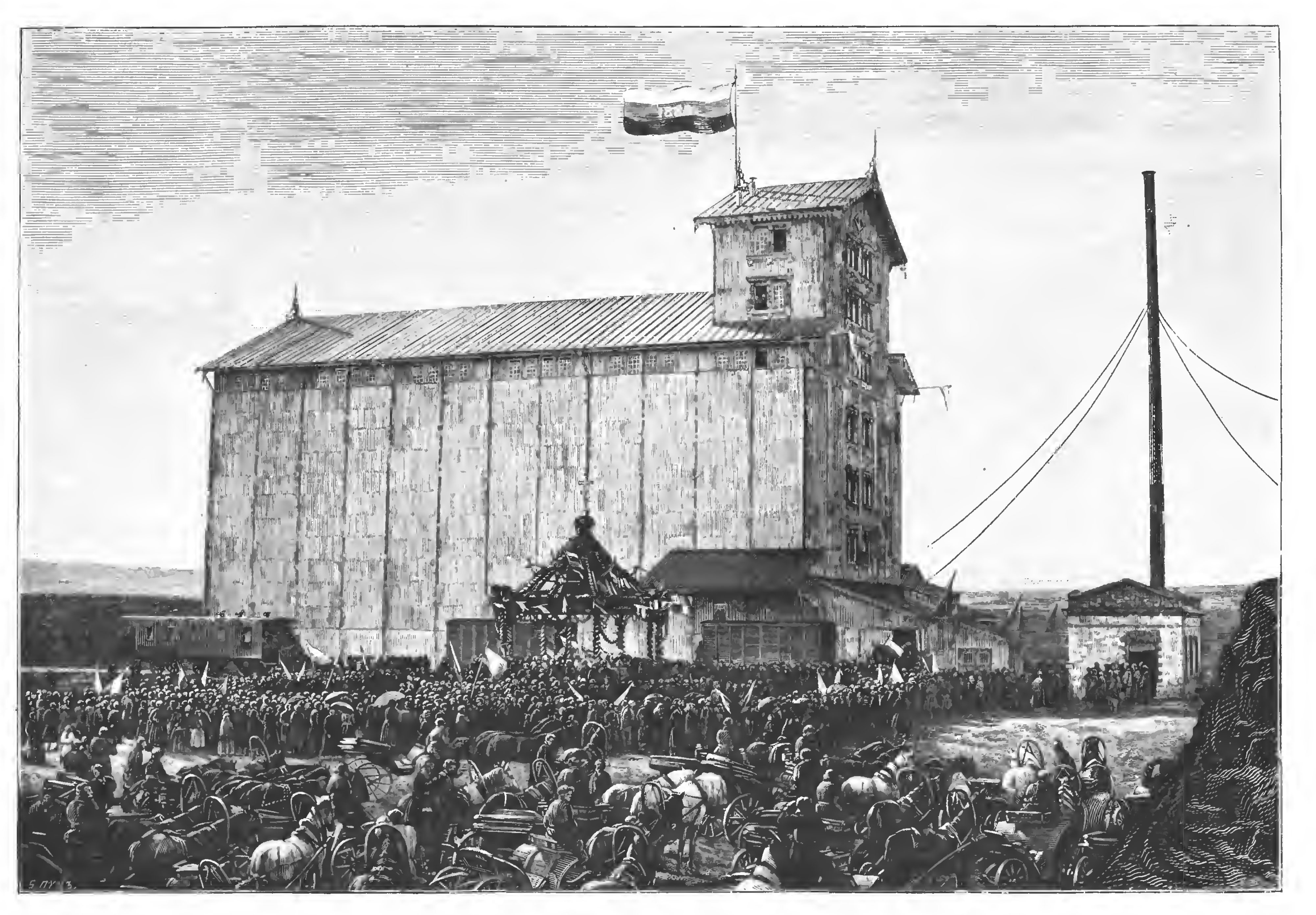
КОНЕЦЪ.

Экспедиція русскихъ студентовъ на Араратъ въ авг. 1888 г.

(Рис. на стр. 1313).

Кому не знакомо имя священнаго *Арарата*, кто еще въ дѣтствѣ не слыхалъ про ту чудесную страну, съ которой связано воспоминаніе о второй колыбели человѣчества, про ту библейскую гору, на вершинѣ которой, по преданіямъ, остановился ковчегъ?

Араратъ, состоящій собственно изъ двухъ горъ, покоющихся на одномъ общемъ основаніи, извѣстныхъ подъ именами Большаго и Малаго Арарата, поднимается обособленнымъ конусомъ надъ жаркою Аракской равниной, на мѣстѣ пересѣче-

Открытіе перваго въ Россіи, общественнаго элеватора въ г. Ельцѣ. Съ фотогр. „Анели“, грав. Б. Пуцъ.

нія трехъ границъ: русской, турецкой и персидской. Благодаря сравнительно незначительной высотѣ, 12839 ф. надъ уровнемъ моря, Малый Араратъ успѣваетъ къ концу лѣта освободиться отъ сковывающаго его въ теченіе зимы снѣжнаго покрова. Вершина же Большаго Арарата, достигающаго почти 17000 ф. высоты надъ уровнемъ моря, круглый годъ покрыта толстымъ слоемъ вѣчныхъ снѣговъ, и даже тропическая жара каменистой Арменіи не въ состояніи бываетъ расплавить, покрывающую вершину горы, плотную ледяную кору.

На сѣверо-восточной сторонѣ Большаго Арарата чернѣетъ огромная разсѣлина, тянущаяся отъ верха до низа. Это такъ называемое ущелье Св. Іакова, въ нижнемъ концѣ котораго находились селеніе Аргуни и монастырь Св. Іакова, уничтоженные до основанія знаменитымъ изверженіемъ и землетрясеніемъ 1840 года, превратившими часть плодородной, до того, Араксской долины въ дикую и безплодную мѣстность.

Около того мѣста гдѣ находился разрушенный монастырь, вытекаетъ изъ склона горы такъ-называемый источникъ Св. Іакова. Въ небольшихъ размѣровъ каменной нишѣ устроены два водоема, величиною не болѣе полуаршина каждый, въ которые и собирается вода. Къ этому источнику еженедѣльно, по воскресеньямъ, собираются многочисленныя толпы богомольцевъ со всѣхъ концовъ Кавказа, чтобы затеплить восковую свѣчу и захватить съ собой воды, которой приписываютъ многія чудесныя дѣйствія. Такъ, между прочимъ, по распространенному во всемъ краѣ повѣрью, вода изъ родника Св. Іакова обладаетъ удивительнымъ свойствомъ привлекать особую породу розовыхъ скворцовъ, „тарби", которые массами истребляютъ саранчу. Достаточно человѣку праведному зачерпнуть въ сосудъ этой воды и снести пѣшкомъ внизъ, съ непремѣннымъ условіемъ не ставить сосудъ на землю, а все время держать его въ рукахъ,—и отвезти его въ мѣсто подвергшееся нападенію саранчи, храня при этомъ всю дорогу глубокое молчаніе, и тучи скворцовъ будутъ безотлучно слѣдовать за сосудомъ съ водою и уничтожатъ всю появившуюся саранчу.

Помимо библейскихъ воспоминаній, однимъ внѣшнимъ видомъ Араратъ производитъ глубокое и неизъяснимое впечатлѣніе на каждаго сколько-нибудь чувствующаго красоту природы.

Пяти-лѣтній піанистъ Рауль Кочальскій. Съ фотогр. Костка, грав. Шюблеръ.

„Перейдя равнину Аббасъ-Абада", говоритъ французскій путешественникъ Морье, — „мы наслаждались великолѣпнымъ видомъ на Араратъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе его формъ, ничего удивительнѣе и поразительнѣе его гигантской величины; въ сравненіи съ нимъ всѣ сосѣдніе горы исчезаютъ; его видъ—совершенство во всѣхъ частяхъ: ни одной грубой черты, ни одного лишняго возвышенія, повсюду гармонія и все, повидимому, соединилось для того, чтобы представить одно изъ самыхъ величественныхъ явленій природы."

Немного ниже сѣдловины, раздѣляющей Большой Араратъ отъ Малаго, расположилась, на высотѣ 7500 ф., лѣтняя куртинская кочевка „Сардаръ-булакъ" съ источникомъ того же имени, славящимся своею прекрасною водой.

Богатѣйшія пастбища, раскинувшіяся на склонахъ обоихъ Араратовъ, вокругъ Сардаръ-булака, въ жаркіе мѣсяцы года привлекаютъ къ себѣ массы мѣстныхъ жителей Курдовъ, славящихся своими разбоями, перекочевывающихъ сюда на лѣто со своими семействами и стадами. Лишь только наступаетъ холодное время года, они уходятъ обратно въ свои „зимовники", приспособленныя для суровой зимы жилища, расположенныя у подошвы горы.

* * *

11 августа, къ вечеру, нашъ отрядъ, состоявшій, не считая прислуги и конвоя, изъ 7 человѣкъ, прибылъ въ Сардаръ-булакъ, гдѣ насъ ожидали раскинутые на зеленомъ лугу офицерская палатка и помѣстительный куртинскій шатеръ, такъ называемая „чадра".

Тутъ же находились и два курда изъ окрестныхъ селеній Баба-Ахмедъ-оглы и Махмудъ-Амо-оглы, которые должны были служить намъ проводниками при восхожденіи на Большой Араратъ. Условившись съ нами относительно пути, по которому намъ слѣдовало подниматься и поручивъ имъ нанять нужное число носильщиковъ, мы отправились спать, рѣшивъ на слѣдующій же день начать осуществленіе нашей *безумной*, какъ говорили всѣ окружающіе насъ еще до отъѣзда изъ Тифлиса, попытки достигнуть вершины библейской горы.

* * *

12 числа, утромъ, мы съ удовольствіемъ увидѣли, что погода намъ вполнѣ благопріятствуетъ.

Небо было безоблачно и солнце ярко освѣщало снѣжную главу возвышавшагося передъ нами исполина.

День обѣщалъ быть теплымъ и притомъ безъ вѣтра, столь непріятнаго на большихъ высотахъ.

Скоро привели съ находившагося тутъ же, подлѣ кочевки, казацкаго поста лошадей, и нашъ отрядъ вытянулся гуськомъ на тропинкѣ, ведущей къ вершинѣ Б. Арарата.

Подниматься верхомъ можно было до высоты слишкомъ 10 т. ф. Это было значительнымъ для насъ облегченіемъ, такъ какъ подъемъ, почти въ 3 т. ф., отъ Сардаръ-булака до того мѣста, гдѣ предполагалось оставить лошадей, требовалъ много времени, не говоря уже о силахъ, которыя слѣдовало беречь, по мѣрѣ возможности, въ виду предстоящей задачи.

Вскорѣ мы миновали послѣднюю куртинскую кочевку, расположенную на высотѣ 9 т. ф., у крайняго предѣла жилищъ на горахъ. Тамъ былъ купленъ для завтрака баранекъ, котораго одинъ изъ туземцевъ погналъ вслѣдъ за нами, чтобы зарѣзать на мѣстѣ остановки.

Не смотря на отвратительную дорогу, мы подвигались довольно быстро, такъ что къ 10 ч. утра достигли уже небольшой прогалины въ горахъ, откуда должны были начать подъемъ пѣшкомъ. Бывшіе при насъ казаки собрали немного кизяку и приготовили для насъ шашлыкъ и варёное мясо на дорогу.

Вскорѣ подоспѣли оставшіеся назади носильщики, и мы начали распредѣлять между ними нашъ багажъ. Это, повидимому, простое дѣло оказалось болѣе сложнымъ, чѣмъ можно было предположить. Каждый изъ носильщиковъ старался брать какъ можно меньше и схвативъ какую-нибудь вещицу, вѣсящую не болѣе 6—10 ф., отказывался брать болѣе. Между тѣмъ въ Швейцаріи каждый носильщикъ несетъ, при восхожденіи, не менѣе 30—40 ф. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, всѣ вещи были забраны.

Такимъ образомъ все было готово и мы начали подъемъ, простившись съ провожавшими насъ товарищами.

Выступило насъ, не считая меня, 13 человѣкъ: М. И. Поповъ, С. В. Ивановъ, всадникъ земской стражи А. Мануковъ, два проводника и 8 курдовъ-носильщиковъ.

Остальные же наши товарищи по путешествію должны были, вмѣстѣ съ членомъ Геогр. Общества Е. И. Ковалевскимъ, подняться на слѣдующій день на вершину Мал. Арарата и снять оттуда съ насъ фотографію, когда мы будемъ находиться на вершинѣ Б. Арарата.

* * *

Склонъ, по которому намъ приходилось подниматься, былъ усѣянъ безпорядочно наваленными другъ на друга обломками скалъ, довольно значительныхъ размѣровъ. Опираясь на горныя палки со стальными наконечниками, мы карабкались вверхъ, съ трудомъ поспѣвая за проводниками, которые съ легкостью серны перескакивали съ камня на камень.

Черезъ полчаса довольно быстрой ходьбы, мы сдѣлали первый привалъ у протекающаго между камнями источника Ак-су (Ак—бѣлый, су—вода), чистая, холодная вода котораго утолила мучившую насъ жажду.

Не смотря на довольно значительную высоту, температура воздуха была очень высока — термометръ, на солнцѣ, показывалъ + 26,5° по Цельзію.

Чѣмъ болѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ камни, по которымъ мы шли, становились крупнѣе и подъемъ дѣлался все круче и круче.

Проводникъ Баба считалъ почему-то своимъ долгомъ развлекать насъ пріятными разговорами, состоявшими, впрочемъ,

преимущественно изъ разныхъ просьбъ, съ которыми обращался къ намъ ловкій курдъ.

Бывшіе при мнѣ инструменты, главнымъ образомъ часы, анероидъ для опредѣленія высоты и педометръ (шагомѣръ), приводили курдовъ въ сильное изумленіе.

На высотѣ около 12900 ф. пошелъ небольшой снѣгъ, продолжавшій, впрочемъ, падать не болѣе 10 минутъ. Большая, нависшая скала послужила намъ на это время прекраснымъ убѣжищемъ.

Въ 5 ч. 30 м. дня мы достигли наконецъ небольшаго ровнаго мѣста среди скалъ, на высотѣ 13200 ф., гдѣ и расположились на ночь.

Расчистивъ мѣсто отъ камней, проводники разостлали на землѣ принесенный съ собою войлокъ, на которомъ мы съ наслажденіемъ растянулись послѣ, почти безостановочнаго, пятичасоваго восхожденія.

За неимѣніемъ топлива мы должны были ограничиться холоднымъ ужиномъ, отъ котораго, впрочемъ, я принужденъ былъ отказаться въ виду головной боли и тошноты, не дававшей мнѣ покоя въ теченіе всей ночи. Рѣдкій воздухъ оказалъ свое вредное вліяніе и на С. В. Иванова, причинивъ ему сильную головную боль, которая заставила его простонать до самаго утра. Значительная высота мѣста, гдѣ мы находились, давала себя чувствовать: температура передъ разсвѣтомъ упала до 3° ниже нуля. Выпавшій за ночь снѣгъ, какъ оказалось впослѣдствіи, покрылъ наши бурки, подъ которыми мы спали, слоемъ слишкомъ въ палецъ толщиною.

***

13 августа въ 5 часовъ утра мы были уже на ногахъ и, оставивъ на мѣстѣ ночлега четырехъ курдовъ, выступили въ дальнѣйшій путь. Не смотря на безсонную ночь я, также какъ и М. П. Поповъ, чувствовалъ себя довольно бодрымъ. Что-же касается здоровья С. В. Иванова, то хотя оно было весьма неудовлетворительно, онъ все-таки рѣшился слѣдовать за нами. Однако онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы — не успѣли мы пройти и 100 саженей, какъ съ нимъ сдѣлался сильный пароксизмъ лихорадки, заставившій его вернуться обратно въ нашъ лагерь. Мы-же продолжали наше карабканье по камнямъ. Кое-гдѣ намъ приходилось пересѣкать песчаныя поляны, покрытыя мелкими каменьями, что въ значительной степени увеличивало трудность подъема, такъ какъ нога увязала въ рыхлой почвѣ, которая скользила внизъ, увлекая съ собою и человѣка.

М. П. Поповъ, который шелъ сначала довольно бодро, впалъ вдругъ въ изнеможеніе и, растянувшись на камнѣ, объявилъ, что онъ дальше идти не въ состояніи. На наше счастье, недалеко отъ мѣста гдѣ мы находились проводники отыскали брошенную кѣмъ-то деревянную палку; живо былъ разведенъ огонь и ароматный чай вскорѣ подкрѣпилъ наши ослабѣвшія силы.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ труднѣе и труднѣе становилась дорога, тѣмъ дальше и дальше казалось отодвигалась отъ насъ бѣлоснѣжная макушка гиганта.

Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы мы достигли каменнаго, крутаго обрыва, который снизу казался совершенно отвѣснымъ и неприступнымъ. Однако, благодаря обвалившимся камнямъ, проводники нашли дорогу наверхъ, конечно не очень удобную, (такъ какъ можно было оступиться и свалиться на смежное снѣговое поле, а затѣмъ скатиться по немъ внизъ, или-же разбиться объ острые камни), но все-таки проходимую, и мы, спустя короткое время, отдыхали уже на самой вершинѣ скалы.

На высотѣ 15500 фут. я нашелъ цвѣты, съ бѣленькими головками, произраставшіе на небольшомъ клочкѣ песчаной почвы, между камнями.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго карабканья по крутымъ скаламъ, причемъ приходилось почти каждыя пять минутъ останавливаться, чтобы перевести духъ, мы въ 2 часа дня вступили на вершину Арарата, гдѣ, поспѣвшіе за нѣсколько минутъ раньше, носильщики-курды уже громко прославляли Аллаха, за то что онъ сподобилъ ихъ взобраться на вершину священнаго „массиса“.

Вершина горы представляетъ довольно обширную, покрытую снѣгомъ, площадь, раздѣленную на двѣ части котловиною, которая, начинаясь на сѣверѣ почти у поверхности, доходитъ, со стороны Баязида, до довольно значительной глубины.

Окутавшая всю окрестность мгла, послѣ жаркаго дня, препятствовала любоваться роскошною панорамою, разстилавшеюся у нашихъ ногъ на далекое пространство.

По словамъ Ходзько, проведшаго около пяти дней на вершинѣ, оттуда, въ подзорную трубу, видны кавказскіе гиганты: Казбекъ и Эльбрусъ (отстоящій на 400 верстъ отъ Арарата) и оба моря—Черное и Каспійское.

Съ вершины всадникомъ Мануковымъ и Бабой, имѣвшими при себѣ ружья, было произведено нѣсколько выстрѣловъ, которые, какъ оказалось, были услышаны внизу и на вершинѣ М. Арарата.

Температура, равнявшаяся при нашемъ приходѣ на вершину 0°, вдругъ стала сильно падать и черезъ нѣсколько минутъ дошла до 2° ниже точки замерзанія.

Я предполагалъ остаться какъ можно долѣе наверху, но проводники запротивились, указывая надвигавшуюся съ юга огромную, черную тучу и говоря, что мы, не имѣя теплаго платья и провизіи, которую, какъ оказалось, они побросали безъ спроса на дорогѣ, замерзнемъ и умремъ съ голоду, если останемся хоть минуту долѣе.

Спускаться-же во время метели на такой высотѣ невозможно, такъ какъ снѣгъ залѣпляетъ глаза и легко сбившись съ дороги, попасть въ такое мѣсто, откуда и не выберешься.

Я долженъ былъ согласиться, рискуя остаться наверху вдвоемъ съ Поповымъ, и мы начали спускаться, предварительно сложивъ на краю вершины пирамиду изъ камней величиною въ человѣческій ростъ, видимую, какъ оказалось, снизу изъ Сардаръ-булака, въ подзорную трубу.

Не успѣли мы сойти и на 500 ф. по вертикальному направленію, какъ пошелъ снѣгъ и началась метель, которая въ высшей степени затрудняла нашъ спускъ. Камни отъ снѣга всѣ были мокрые, такъ что, не находя точки опоры, нога скользила по нимъ.

Однако, не смотря на всѣ неудобства спуска и крутизну склона, мы быстро летѣли внизъ, перескакивая съ камня на камень, рискуя оступиться и свернуть себѣ шею.

При спускѣ не обошлось и безъ комичныхъ сценъ.

Всадникъ Мануковъ, переправляясь черезъ небольшую, снѣговую поляну, потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ по скользкой поверхности—къ счастью, поляна была не велика и онъ не получилъ никакихъ поврежденій.

Около 5 часовъ дня мы достигли мѣста вчерашняго ночлега и, подкрѣпившись ожидавшимъ уже насъ чаемъ, двинулись дальше. Желая засвѣтло вернуться домой и, кромѣ того, руководясь еще однимъ обстоятельствомъ, о которомъ я узналъ только по возвращеніи, проводники наши повели насъ другою, по ихъ словамъ, кратчайшею дорогой. Однако новая дорога оказалась нѣсколько длиннѣе, не говоря уже о тѣхъ трудностяхъ, которыя намъ приходилось преодолѣвать при спускѣ. Наступившая ночь застала насъ еще въ дорогѣ, среди угрюмыхъ скалъ и камней... Дорога, благодаря усилившейся темнотѣ, становилась все хуже и хуже. Мы медленно подвигались впередъ на ощупь, спотыкаясь на каждомъ шагу. То впереди насъ вдругъ выросталъ большой камень и мы взбирались на него; то за нимъ открывалась глубокая яма, куда мы внезапно проваливались, рискуя сломать себѣ ногу.

Послѣ слишкомъ двухчасоваго пути по дорогѣ, по которой и днемъ-то идти трудно, проводники, въ довершеніе нашихъ мученій, заявили, что сбились съ пути. Тогда было рѣшено дожидаться на мѣстѣ разсвѣта.

Къ счастью, тутъ-же, поблизости, оказалась небольшая, выдолбленная въ скалѣ, пещера, куда мы и поспѣшили скрыться отъ неперестававшаго лить весь вечеръ дождя.

Находясь съ 2 часовъ дня, все время, сначала подъ снѣгомъ, а затѣмъ подъ дождемъ, мы промокли насквозь, но, не имѣя сухаго платья для смѣны, должны были помириться съ этимъ обстоятельствомъ.

Во избѣжаніе простуды, мы воспользовались имѣвшимися у насъ остатками спирта въ бутылкѣ и натерли себѣ имъ ноги. Это дало поводъ проводнику Бабѣ на слѣдующій день, когда мы стыдили его, что онъ, человѣкъ привычный, жалуется на усталость въ ногахъ послѣ восхожденія, между тѣмъ какъ мы чувствуемъ себя прекрасно, отвѣтить, что молъ: „у васъ былъ вѣдь спиртъ, а у меня его не было“.

Еще бѣлоснѣжная шапка Арарата не успѣла освѣтиться яркими лучами восходившаго солнца, какъ мы пустились уже въ путь и спустя полчаса находились среди нашихъ товарищей.

С. В. Иванова мы застали уже здоровымъ: лихорадка, мучившая его наверху до такой степени, что онъ съ трудомъ добрался до дому, почти совершенно прошла. Тутъ-же, въ палаткѣ, лежалъ въ жару одинъ изъ нашихъ товарищей А. Ѳ. Пистолькорсъ, лишенный, вслѣдствіе внезапной болѣзни, возможности взобраться на одну изъ вершинъ.

Е. П. Ковалевскій съ нѣсколькими спутниками совершалъ, какъ и было условлено между нами наканунѣ, восхожденіе на Малый Араратъ, на вершину котораго, впрочемъ, ему удалось добраться одному въ сопровожденіи солдата пограничной стражи, Степана Дудки.

По дорогѣ они сняли фотографію съ макушки Большаго Арарата, гдѣ, по предположенію, мы должны были находиться въ это время.

Видя, какъ надвигавшаяся съ юга туча мало-по-малу закрыла ледяную шапку гордаго исполина, они уже начали опасаться за нашу участь, зная какую опасность представляютъ туманъ и метель на горахъ.

Ихъ опасенія увеличились еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое могло имѣть для насъ самыя непріятныя послѣдствія.

Не задолго до нашего пріѣзда на Араратъ, довольно значительная партія персидскихъ курдовъ перешла со своими семействами и стадами на русскую территорію и расположилась въ сѣдловинѣ, недалеко отъ Сардаръ-булака.

Присутствіе среди насъ двухъ лицъ изъ мѣстныхъ властей дало поводъ новопришельцамъ вообразить, что мы пріѣхали, между прочимъ, для того, чтобы силою выселить ихъ обратно

на родину. Мигомъ разнеслась объ этомъ вѣсть по окрестностямъ, и персидскіе курды, въ количествѣ 100 человѣкъ, вооружась берданками, рѣшились защищаться, въ случаѣ если бы ихъ погнали изъ русскихъ предѣловъ.

Зная, что часть нашей экспедиціи отправилась на Большой Араратъ, курды эти могли загородить намъ путь назадъ и мы очутились-бы въ крайне непріятномъ положеніи, будучи въ числѣ 12 противъ 100 и имѣя съ собой всего на всего два ружья.

Хотя это вооруженіе курдовъ произошло уже послѣ нашего ухода на вершину, такъ что я и мои товарищи ничего не подозрѣвали, однако проводники, какъ мѣстные жители, весьма легко могли знать о случившемся, но только не хотѣли насъ пугать. Вѣроятно боязнь встрѣтиться съ вооруженною шайкою и служила одною изъ причинъ, по которой проводники повели насъ отъ мѣста ночлега по другой дорогѣ.

„Нѣтъ худа безъ добра", говоритъ пословица и какъ нельзя лучше примѣнима къ данному случаю. Ужасная ночь, которую мы провели въ пещерѣ подъ дождемъ, можетъ быть избавила насъ отъ очень непріятной встрѣчи. **Евг. С. Марковъ.**

Изъ Апокалипсиса.

Глава VI, стихъ 12—17.

И Агнецъ, книгу взявъ, шестую снялъ печать...
Тогда мнѣ въ трепетѣ пришлося увидать —
Земля вздымалася, какъ море подъ грозою,
И солнце гаснуло... Какъ черною бронею
Покрылся ликъ его — и всюду мракъ насталъ;
И мѣсяцъ въ небесахъ щитомъ кровавымъ всталъ;
И звѣзды на землю испуганную пали,
Какъ въ ураганъ плоды незрѣлые съ древесъ;
Какъ свитокъ свившися, небесный сводъ исчезъ...
И молніи тотъ мракъ, какъ змѣи, разсѣкали...
И видѣлъ я тогда: вельможи и рабы,
Цари, начальники, и недруги, и други, —
Всю жизнь своихъ страстей безропотные слуги, —
Въ пещеры скрылись горъ, какъ въ темные гробы...
И говорятъ горамъ и камнямъ со слезами:
„Падите вы на насъ! Сокройте отъ лица
Всесильнаго Судьи, предвѣчнаго Творца,
Во гнѣвѣ правый судъ творящаго надъ нами!..."
И плакали они... И далеко ихъ стонъ
Среди ущелій горъ былъ вѣтромъ разнесенъ...

Михаилъ Майковъ.

Къ рисункамъ.

Игра въ скокалку. (Рис. на стр. 1300).

Эта игра, подъ разными мѣстными названіями распространенная по всей Россіи, собственно есть проба силы и состоитъ въ томъ, что двое поспорившихъ кто сильнѣе—садятся на-земь, взаимно упираясь подошва въ подошву, а руками берутся за палку, или за неимѣніемъ ея прямо берутъ за руки другъ друга и тянутъ изо всѣхъ силъ, чтобъ, перетянувъ противника, поднять его на ноги... Упражненіе это довольно опасно, особенно для дѣвочекъ, и позволять его дѣтямъ не слѣдуетъ.

Охота на волка съ дротикомъ. (Рис. на стр. 1301).

Обширныя, привольныя, раздольныя степи нашего Востока и Юго-Востока издавна породили у насъ огромное множество всякихъ видовъ и способовъ охоты. Степь—колыбель скотоводства; пастухъ и кочевникъ—исконные враги волка, этого бича всякихъ стадъ, этого хитраго и лукаваго хищника. Охота на волка, поэтому, изстари была любимымъ проявленіемъ удали всякаго жителя степи и его лихаго скакуна. Казаки наши, донскіе, оренбургскіе и уральскіе, уже много столѣтій сряду оберегающіе Русскую землю отъ степи и ея кочевниковъ, многое переняли у нихъ, многое заимствовали; между прочимъ, они заимствовали и тотъ способъ охоты, который изображенъ на нашей картинкѣ. Это—охота на волка *съ дротикомъ*, т. е. съ укороченнымъ копьемъ. Вся задача охоты заключается въ томъ, чтобы загнать, утомить волка на огромномъ степномъ перегонѣ, и нагнавъ его на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, метнуть въ него дротикомъ такъ ловко, такъ мѣтко и сильно, что волкъ, пробитый насквозь, остается пригвожденнымъ къ снѣгу. Можно себѣ представить, какова должна быть для подобной охоты сила руки охотника и зоркость его глаза! Но этими-то именно качествами и отличается и славится издавна наше казачество.

Плоды. (Рис. на стр. 1305).

Самые разнообразные плоды наполняютъ золотую чашу, которую держитъ красивая женщина южнаго типа. Ея темные блестящіе глаза, тонкій съ небольшою горбинкой носъ и красивыя сочныя губы напоминаютъ прекрасныхъ обитательницъ Сициліи, но широкая одежда, затканная цвѣтами, и высокая съ булавками прическа придаютъ интересной картинѣ г. Папперица японскій характеръ.

Господь Саваоѳъ. (Рис. на стр. 1308).

Громадная по величинѣ и высокохудожественная по исполненію работа профессора живописи Маркова, изображающая благословляющаго обѣими руками Господа Саваоѳа, имѣющаго на лонѣ Сына Божія въ образѣ младенца съ хартіей, и на персяхъ Духа Святаго въ видѣ голубя,—украшаетъ сводъ главнаго купола храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Занимая вогнутую поверхность купола, имѣющаго до 13 саженъ въ діаметрѣ, этотъ исполинскій трудъ оконченъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1861 по 1866 годъ, съ замѣчательнымъ совершенствомъ и согласно всѣмъ требованіямъ науки и искусства. Зритель, любующійся на эту живопись на разстояніи 33 саженъ отъ нея, видитъ фигуры совершенно прямыми и благодаря удачно подобраннымъ цвѣтамъ и краскамъ—живыми и воздушными. Помимо художественности, работа Маркова выполнена согласно съ духомъ православія и догматами церкви. „Изображеніе это помѣщено вверху, говоритъ составитель исторіи храма Спасителя М. Мостовскій,—потому что Господь Вседержитель, какъ превыше всего въ существѣ, долженъ быть превыше всего и въ изображеніи. Само небо служитъ Ему престоломъ. По слову Всемогущаго Творца возникаетъ земной шаръ и крылатые херувимы, озаренные въ полетѣ пламенемъ первобытнаго огня. Волосы Господа (согласно библейскому изреченію: „Ветхій деньми"), убѣленные сѣдиною, развѣваются, руки воздѣты; Онъ и творитъ вселенную и въ то же время благословляетъ Имъ созданное. Облекающая Его риза образуется какъ бы изъ творимаго Имъ свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ въ пространствѣ. Кругомъ Его сонмы ангеловъ устремляютъ благоговѣйно взоры къ Святому Источнику ихъ безпредѣльнаго существованія. Мысль о вѣчности выражена на челѣ Господа соединеніемъ сѣдинъ съ свѣжестью силы лица Божія, а мысль о всемогуществѣ соединена во всей Его фигурѣ сочетаніемъ покоя и движенія въ моментъ мірозданія въ одно нераздѣльное, гармоническое цѣлое, которое въ то же время представляетъ и изображеніе тріипостаснаго Бога. На западной сторонѣ неба начертано еврейскими буквами одно изъ библейскихъ наименованій Вседержителя: „Элогимъ", что значитъ „Силы". Подъ этимъ знаменіемъ бытія и вездѣсущія Божія въ таинственномъ свѣтѣ представлены возникающіе ангелы, крылатые херувимы и серафимы, вѣчно славящіе Святаго Творца всего видимаго и невидимаго. Изображеніе окружено сильнымъ сіяніемъ, простирающимся во всѣ стороны на значительную часть голубаго, усѣяннаго золотыми и серебряными звѣздами неба".

Сейдисфіордъ въ Исландіи. (Рис. на стр. 1309).

Одною изъ самыхъ интересныхъ мѣстностей земнаго шара является Исландія. Принадлежащій Даніи островъ, лежащій между Норвегіей и Гренландіей, составляетъ площадь въ 1867 квадратныхъ миль, изъ которыхъ менѣе половины можетъ быть обитаемо и обработываемо; вся остальная часть покрыта лавою, валунами, льдомъ и глетчерами, возвышающимися мѣстами до 6000 футъ. Островъ происхожденія вулканическаго и частыя землетрясенія не разъ опустошали его. Особенно замѣчательны на немъ горячіе ключи или источники, изъ которыхъ самымъ выдающимся считается Гейзеръ. Кромѣ того, на островѣ встрѣчаются въ изобиліи сѣрные источники и грязевые вулканы. Рѣки на островѣ не велики и отчасти каскадовидныя или протекаютъ по плоскимъ пастбищамъ. За исключеніемъ низкорослой березы, на островѣ совсѣмъ не попадаются деревья; зато на немъ много ягодъ черники и земляники, которыя созрѣваютъ въ сентябрѣ. Ягоды и исландскій мохъ, вмѣстѣ съ рыбою и молокомъ, составляютъ главную пищу жителей. Въ послѣднее время съ успѣхомъ воздѣлываются картофель и капуста и добывается сѣра. Овцы, коровы и лошади составляютъ богатство жителей и предметъ оживленной торговли. Островъ по морскому берегу во множествѣ изрѣзанъ фіордами или узкими заливами, по которымъ иногда цѣлыми часами приходится ѣхать, пока достигнешь пристани. Однимъ изъ самыхъ значительныхъ надо признать Сейдисфіордъ, изображенный на стр. 1309, являющійся въ то же время оживленнымъ торговымъ мѣстомъ и удобною гаванью на скудномъ, но величественномъ сѣверномъ островѣ. Изъ Сейдисфіорда вывозятъ главнымъ образомъ шерсть, рогъ, рыбу, ворвань, перья (гагачій пухъ) и соленую баранину. Рыба отправляется главнымъ образомъ въ Испанію, шерсть и лошади—въ

Англію, и остальные продукты — въ Копенгагенъ. Смертность среди населенія, котораго почти 3/4 милліона душъ (всѣ лютеране), очень велика и жители рѣдко достигаютъ 50-лѣтняго возраста. Главные города Рейкьявикъ и Акурейри.

Забавное письмо. (Рис. на стр. 1312).

Двѣ миловидныя дѣвушки со смѣхомъ читаютъ письмо. Ихъ веселый, беззаботный видъ, а также и тѣ рисунки, которые замѣтны между строками письма, ясно говорятъ, что оно не отличается серьезнымъ или грустнымъ содержаніемъ. Чрезвычайно живо и граціозно передалъ художникъ эту незатѣйливую сцену, придавъ ей еще бо́льшую прелесть тѣмъ, что дѣйствующія въ ней дѣвушки одѣты въ воздушный и типичный костюмъ временъ директоріи.

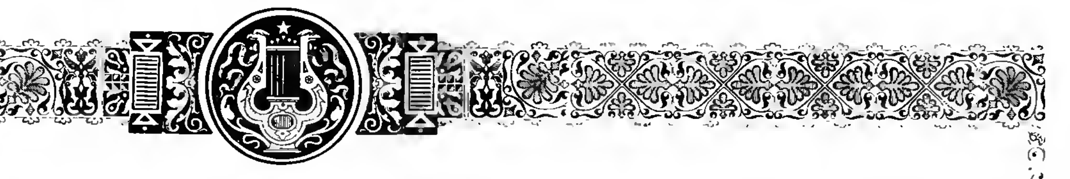
Первый въ Россіи элеваторъ, устроенный Елецкимъ земствомъ. (Рис. на стр. 1316).

28 сентября текущаго года въ городѣ Ельцѣ торжественно открытъ былъ элеваторъ, устроенный по почину мѣстнаго земства. Елецъ, учредивъ первый въ Россіи общественный элеваторъ, положилъ начало упорядоченію нашей хлѣбной торговли. Правда, елецкій элеваторъ не обладаетъ особенно значительною вмѣстительностью: онъ разсчитанъ лишь на 400,000 пудовъ хлѣба; но здѣсь важны не размѣры элеватора, а правильная постановка перваго опыта благоустройства хлѣбной торговли въ Россіи. Елецкій элеваторъ является первою попыткой освобожденія нашей хлѣбной торговли отъ дорого обходящагося посредничества недобросовѣстно относящихся къ дѣлу хлѣботорговцевъ. Элеваторъ открываетъ производителямъ возможность вступить въ непосредственныя сношенія съ потребителями хлѣба, получающими возможность пріобрѣтать хлѣбные товары по образцамъ, съ гарантіей склада въ однообразіи доставленнаго товара. Теперь по крайней мѣрѣ для прилежащихъ къ Ельцу мѣстностей устраняется фальсификація хлѣба и дорого обходящееся посредничество скупщиковъ и кулаковъ высасывающихъ изъ нашего земледѣлія послѣднія жизненныя силы.

Нашъ рисунокъ изображаетъ торжество открытія и внѣшній видъ элеватора. Что касается внутренняго его устройства, то подробное описаніе его вмѣстѣ съ рисунками будетъ помѣщено въ одномъ изъ ближайшихъ №№ *Нивы.*

Малютка-піанистъ. (Рис. на стр. 1317).

Въ настоящее время въ СПБ. даетъ концерты самый юный піанистъ въ свѣтѣ, Рауль Кочальскій. Ему съ небольшимъ четыре года. Уже съ двухъ лѣтъ онъ сталъ обнаруживать замѣчательныя музыкальныя способности, такъ что родители его (жители г. Варшавы) стали давать сыну уроки музыки сперва шутя и сами, а затѣмъ пригласили учителя. Въ одинъ годъ ребенокъ сдѣлалъ громадные успѣхи, и нынѣ играетъ уже настолько хорошо, что неслышавшимъ его игры трудно вѣрить разсказамъ. Ребенокъ бѣгло исполняетъ довольно трудныя вещи и легко разбираетъ ноты, написанныя вовсе не для дѣтскаго исполненія. Рауль Кочальскій особенно любитъ Шопена, произведенія котораго переполняютъ программу концертовъ его. Въ скоромъ времени малютка-артистъ, ангажированный импрессаріо Аббсі'емъ для концертовъ въ главныхъ европейскихъ столицахъ,—отправится за-границу. Цѣль этихъ концертовъ—пріобрѣсти средства, необходимыя для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія талантливаго ребенка. Конечно, дай Богъ ему всевозможныхъ успѣховъ, если ужъ обстоятельства вынуждаютъ распорядиться его судьбою такъ, а не иначе. Но нельзя не пожалѣть объ этомъ преждевременно форсируемомъ развитіи дарованія. Не говоря уже о томъ, что это можетъ вредно отозваться на только что слагающемся организмѣ ребенка, самое дарованіе его можетъ пострадать и совершенно исчезнуть. Моцарты рѣдки, да и тѣ преждевременно умираютъ быть-можетъ отъ ранняго истощенія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ; большею же частію изъ геніальныхъ дѣтей ничего не выходитъ въ зрѣломъ возрастѣ. Московскіе старожилы вѣроятно помнятъ еще семилѣтняго или девятилѣтняго піаниста, который давалъ концерты въ концѣ сороковыхъ годовъ, а потомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, едва перебивался настройкой фортепіано. Пожелаемъ отъ души, чтобъ такая горькая чаша миновала талантливаго малютку!

СТРАНИЧКА
изъ
„НУВЕЛЛИСТА."

Соч. Ф. Б.

Andante con espressione.

PIANO.

p

mf

p

dolce

mf

pp un poco riten

Политическое обозрѣніе.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи продолжаетъ привлекать всеобщее вниманіе. Выборы въ великую скупщину, происходившіе подъ надзоромъ королевскихъ коммисаровъ, дали неожиданные и непріятные для правительственной партіи результаты. Въ скупщину оказались избранными только радикалы и либералы, причемъ первыхъ почти въ пять разъ болѣе чѣмъ вторыхъ; что-же касается сторонниковъ нынѣшняго бѣлградскаго правительства, то въ это собраніе не попало ни одного изъ нихъ, даже кандидатура вождя ихъ Гарашанина не имѣла успѣха. Не даромъ органы напредниковъ во все время выборовъ увѣряли, что въ странѣ господствуетъ анархія, препятствующая свободѣ выборовъ. Подобные результаты выборовъ служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ нежеланія страны идти на помочахъ у Австріи и ясно говоритъ объ ея симпатіяхъ къ Россіи. Кромѣ того, сербскіе избиратели, подавая свои голоса только за радикаловъ и либераловъ, сплотившихся въ послѣднее время въ одну „національную" партію, высказали свое неодобреніе бракоразводному дѣлу Милана и королевы Наталіи. Понятно, что все происходящее въ Сербіи такимъ образомъ сильно безпокоитъ Вѣну и Пештъ, откуда посылаются болѣе или менѣе энергичные совѣты Сербскому королю, какъ руководить скупщиною. Если она окажется враждебною и не захочетъ смириться передъ требованіями Милана, то ее слѣдуетъ распустить, пишутъ въ австрійскихъ газетахъ, а съ радикалами расправиться рѣшительнымъ образомъ. Поживемъ — увидимъ, чѣмъ кончится заваренная Миланомъ каша, но „Presse" уже теперь полагаетъ, что сербскія дѣла должны окончательно запутаться.

Довольно хитро сплетаются также дѣла во французской палатѣ депутатовъ. Въ концѣ ноября для министерства счастливо окончились пренія о бюджетѣ. Объясняли подобное благополучное и скорое окончаніе этихъ преній желаніемъ порѣшить съ этимъ вопросомъ до Новаго Года. Но одержавъ побѣду, министерство черезъ 4 дня понесло пораженіе въ палатѣ съ новымъ своимъ предложеніемъ.

Читатели „Нивы" уже знакомы съ грандіознымъ предпріятіемъ Лессепса прорыть Панамскій перешеекъ и соединить два океана. Этотъ громадный трудъ поглотилъ не мало милліоновъ рублей и далеко еще не оконченъ. Для продолженія его потребовалось изыскать новыя средства, съ этою цѣлію и былъ разрѣшенъ новый выпускъ облигацій компаніи Панамскаго канала. Но подписка не дала ожидаемыхъ результатовъ и облигацій разобрана всего двадцатая часть. Подобный неуспѣхъ отозвался чрезвычайно пагубно на дѣлахъ компаніи и министерство рѣшило внести въ палату законопроектъ объ отсрочкѣ уплаты по облигаціямъ компаніи. Министръ финансовъ Петраль, внося въ палату этотъ законопроектъ, заявилъ, что нарушеніе гражданскаго права оправдывается въ этомъ случаѣ тѣмъ интересомъ, который соединенъ съ этимъ предпріятіемъ. Устанавливаемая теперь отсрочка дастъ возможность сдѣлать различныя соображенія. Министръ-президентъ Флокэ, поддерживая предложеніе своего коллеги, указалъ, что правительство озабочено только положеніемъ мелкихъ владѣльцевъ облигацій. Если палата отвергнетъ законопроектъ, то компанія обанкрутится; если же примутъ его, то можно будетъ найти какой-нибудь исходъ, который не представляется невозможнымъ. Но какъ коммисія по разсмотрѣнію дѣлъ Общества Панамскаго канала, такъ и палата депутатовъ отвергла правительственный проектъ улаженія дѣлъ Общества. Въ донесеніи коммисіи палатѣ говорится, что палата не имѣетъ права распространять законодательную свою дѣятельность на такіе предметы, какъ улаженіе дѣлъ Панамскаго Общества. Такое рѣшеніе вызвало въ Парижѣ общее возбужденіе. Большая часть газетъ осуждаетъ образъ дѣйствій палаты, считаетъ его посягательствомъ на интересы и честь Франціи и обвиняетъ директора Crédit foncier Кристофля въ томъ, что онъ содѣйствовалъ отклоненію правительственнаго проекта своими заявленіями, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду самъ учредить общество, которое должно замѣнить прежнее. Лессепсъ въ бесѣдахъ съ журналистами заявляетъ, что онъ не уступитъ противникамъ, будетъ бороться и во что бы тамъ ни стало доведетъ до конца дѣло прорытія Панамскаго перешейка. Равнымъ образомъ торговые и гражданскіе суды, многіе депутаты, банковыя сферы, акціонеры, газеты и частныя лица—всѣ согласны въ томъ, что необходимо спасти предпріятіе Лессепса. Во всей Франціи замѣчается стремленіе къ этому. Назначенные, по просьбѣ Лессепса, члены временнаго управленія дѣлами компаніи Панамскаго канала утверждены гражданскимъ судомъ, причемъ имъ даны весьма широкія полномочія. Нѣсколько финансовыхъ дѣятелей рѣшили созвать въ скорѣйшемъ времени общее собраніе акціонеровъ. Неизбѣжно предстоитъ комбинація съ крупными капиталистами. Работы по прорытію канала тѣмъ не менѣе продолжаются и можно быть увѣреннымъ, что предпріятіе Лессепса, уже стоившее столько труда и капиталовъ, не будетъ заброшено на полупути и благополучно окончится.

Въ берлинскій рейхстагъ внесенъ законопроектъ о страхованіи рабочихъ престарѣлыхъ и утратившихъ способность трудиться. Министръ Беттигеръ, внося его 24 ноября въ засѣданіе рейхстага, заявилъ, что императоръ Вильгельмъ I сказалъ, что изданіе этого закона причинило бы ему величайшую радость въ жизни; великодушный императоръ Фридрихъ воодушевленъ былъ тою же идеей, нынѣ царствующій императоръ жаждетъ осуществленія задачи, отъ которой мы ждемъ упроченія мира и благоденствія имперіи. Въ заключеніе ораторъ выразилъ желаніе, чтобы при обсужденіи законопроекта рейхстагъ принялъ въ руководство девизъ: „люби братьевъ!" Этотъ интересный законопроектъ безспорно будетъ имѣть громадное значеніе въ торгово-промышленномъ и финансовомъ строѣ Германіи.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 6 декабря, въ Михайловскомъ манежѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, происходилъ церковный парадъ частямъ войскъ гвардіи, имѣющимъ своимъ праздникомъ день Святителя и Чудотворца Николая. Настоящій парадъ по разнообразію формъ и по количеству войскъ — самый красивый изъ зимнихъ церковныхъ парадовъ. По окончаніи парада Высочайшія Особы отбыли въ Собственный Его Величества Дворецъ, куда прибыла Е. И. В. Вел. Кн. Александра Іосифовна. Во дворцѣ, въ комнатахъ Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшему Имениннику приносили поздравленія преподаватели Его Императорскаго Высочества и во главѣ ихъ предсѣдатель Комитета Министровъ, д. т. с. Н. Х. Бунге. Въ танцовальной залѣ, въ гостиныхъ и библіотекѣ Дворца былъ накрытъ Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены ближайшія лица Императорской Свиты, начальники дивизій, командиры бригадъ, командиры и офицеры частей, праздновавшихъ въ этотъ день свои праздники. Его Величество пилъ за завтракомъ здоровье праздновавшихъ частей. Около четырехъ часовъ пополудни Ихъ Величества отбыли изъ Петербурга въ Гатчину.

Дѣла церкви.

— Въ Вологдѣ, 6 декабря, въ день Тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича, въ увѣковѣченіе чудеснаго событія 17 октября 1888 года, торжественно освященъ, въ стѣнахъ вологодскаго дѣтскаго Александринскаго пріюта, храмъ во имя Святыхъ Александра Невскаго и Маріи Магдалины, созданный по почину и заботамъ начальника губерніи, иждивеніемъ доброхотныхъ дателей. Пріютъ осчастливленъ Высочайшею милостію Государыни Императрицы, соизволившей пожаловать сему учрежденію Свой портретъ.

Искусства образовательныя.

— Прибывшій недавно въ Петербургъ членъ россійской миссіи въ Китаѣ, іеромонахъ Алексій (въ мірѣ А. Н. Виноградовъ) принесъ въ даръ Имп. академіи художествъ богатую коллекцію китайскихъ рисунковъ, эстамповъ, книгъ и другихъ художественныхъ и этнографическихъ предметовъ, составленную имъ во время путешествія въ Срединную имперію и болѣе чѣмъ семилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ. Кромѣ того, о. Алексій пожертвовалъ академіи обширное собраніе сдѣланныхъ имъ чертежей и рисунковъ, изображающихъ деревянныя церкви въ различныхъ мѣстахъ Сибири и сѣвера Россіи, — собраніе, представляющее весьма любопытный матеріалъ для изученія русскаго деревяннаго зодчества.

Литература и наука.

— Кунжутская ученая экспедиція, послѣ тяжкихъ лишеній, благополучно окончила всѣ работы и прибыла въ Маргелахъ. Начальникъ экспедиціи капитанъ Громбчевскій съ собранными матеріалами 7 декабря выѣхалъ въ Петербургъ.

— Магистръ ветеринарныхъ наукъ Игнатьевъ и ветеринарный врачъ Воронцовъ издали составленную ими, на основаніи научныхъ данныхъ, таблицу со схемою сортировки мясной туши и съ діаграммами, представляющими процентное содержаніе пищевыхъ веществъ въ различныхъ частяхъ отдѣльныхъ сортовъ мясной туши. Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ эту таблицу, призналъ ее весьма полезною.

Археологія и древности.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій московскаго археологическаго общества, М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о важнѣйшихъ предметахъ замѣчательнаго собранія месопотамскихъ древностей, находящихся въ обществѣ. Эта коллекція прислана изъ Месопотаміи д-мъ Блау, благодаря содѣйствію русскаго дипломатическаго агента, г. Бальтазара. Археологическое общество поручило состоящей при немъ восточной коммисіи дать свое сужденіе объ этой коллекціи. Коллекція состоитъ изъ 212 разнообразныхъ предметовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ. Самую важную ея часть составляютъ вавилонскіе цилиндры, принадлежащіе, повидимому, одной эпохѣ; нѣкоторые изъ нихъ относятся къ XXII—XXIII столѣтію до Р. Х., насколько можно судить о томъ по характеру письма на нихъ, представляющему сходство съ письмомъ контрактовъ означенной эпохи. Въ коллекціи имѣются также цилиндры позднѣйшаго происхожденія, персидскіе и греческіе. Кромѣ вавилонскихъ и ассирійскихъ древностей, въ коллекціи обращаютъ на себя вниманіе фи-

никійскіе предметы и еврейскія вазы съ надписями. Эта коллекція могла-бы составить украшеніе любаго изъ европейскихъ музеевъ.

Городскія новости.

— Въ Московско-Нарвскомъ отдѣлѣ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ въ СПБ., состоящемъ подъ предсѣдательствомъ А. С. Балицкой, возникла мысль устраивать для такихъ дѣтей отъ 3 хъ-мѣсячнаго возраста до 6-ти лѣтъ ясли или убѣжища, которыя-бы обезпечивали за ними болѣе здоровое и нормальное существованіе. Благая эта цѣль встрѣтила полное сочувствіе со стороны директора табачной фабрики А. Н. Богданова и управляющаго этой фабрикой, Н. П. Вязмитинова. Оба они изъявили желаніе ежегодно вносить 2,400 руб. на устройство яслей въ районѣ Московской части. Благодаря этому пожертвованію, Московско - Нарвскій отдѣлъ уже въ состояніи устроить одинъ пріютъ на 50 дѣтей съ годовымъ расходомъ въ 3,000 руб. Въ настоящее время членамъ отдѣла предстоитъ только найти средства для устройства первоначальнаго обзаведенія пріюта „Ясли", т. е. выполнить очень трудную задачу, такъ какъ приходится обзавестись начиная съ колыбели до послѣдней чистой рубашенки, которая должна смѣнить грязное тряпье на бѣдныхъ дѣтяхъ. Въ этомъ отношеніи отдѣлу могутъ принести много пользы частные жертвователи. Предсѣдательница отдѣла обращается съ горячею просьбою ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ бѣдственному положенію несчастныхъ дѣтей, помочь устройству „Яслей" своею лептою — денежными и вещевыми пожертвованіями. Жертвованія принимаются въ квартирѣ предсѣдательницы отдѣла (Надеждинская, уголъ Малой Итальянской, д. 16).

Вновь получены вѣрныя рѣшенія ребуса на преміи № 75 (помѣщ. въ № 47).

Отъ гг.: **СПБ.** Кологривова, Порѣцкаго, Тычино, Тизенко, **Москва**—Голицына, Лопухиной, **Болховъ** — Соломка, **Варшава** — Марковскаго, **Глушковъ** — Лаврентьева, **Екатеринославъ** — Шохоръ, **Иваново-Вознесенскъ** — Мыльникова, **Кіевъ** — Рагоза, Страшкевича, Завилейской, Петрова, Швагеръ. **Кишиневъ** -Глазера, **Козловъ**—Зезиной, **Кронштадтъ**—Егорьевой, **Николаевъ**—Кортацци, Крастелева, Фроловой, Ксензенко, **Новоскль**—Сахаровой. Гана, **Одесса**—Ивашкина, библ. 12 саперн баталіона, **Полтава**—Кирѣевскаго, **Петергофъ** - Варыпаевой, **Ростовъ н/Д.**—Головковой, Безпалько, **Сѣвскъ**—Ламакиной, **Севастополь**—Акимова, **Тамбовъ**—Комовской, **Хотинъ**—Токарева, **Харьковъ**—Воропаева, **Черниговъ**—Панаіотти.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 72 (помѣщ. въ № 45).

1) a; $\frac{a}{2} : (f+d) = \frac{1}{2} : (k+o)$; a = 20 = У
2) b; $i^2 = z$; b = 13 = М
3) c; $z = n^3$; c = 27 = Ъ
4) d; $a : l = \frac{2x}{3} : 4y$; d = 2 = Б
5) e; $\sqrt{h+k} = y$; e = 6 = Е
6) f; $\sqrt[3]{f} = d$; f = 8 = З
7) g; $c+b = g+m$; g = 27 = Ъ
8) h; $c = \left(\frac{e}{2}\right)^3$; h = 17 = Р
9) i; $a : d = l : o$; i = 1 = А
10) k; $x - z = c + o$; k = 8 = З
11) l; $g + k = x + y$; l = 20 = У
12) m; $b : m = (f+y) : (x-h)$; m = 13 = М
13) n; $o - n = i$; n = 1 = А
14) o; $e : (f-d) = (k-o) : (y+z)$; o = 2 = Б
15) x; $l - k = a - f$; x = 30 = Ѣ
16) y; $z : n = i : (e-y)$; y = 5 = Д
17) z; $a + b = l + m$; z = 1 = А

„Умъ безъ разума — бѣда".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—А. Г. Грундштремъ, А. Авопавіо, М. К., Ф. А. Боровина, П. Вязмитинова, К. Конюхина, П. В. Панкова, А. А. Посиѣева, М. Дахпна, **Адріанополь** (Турція)—Г. Раева, **Б. Кеговино**—В. К. Терскаго, **Богородицкъ** — П. Аморетти, **Вел. Штитница** — Свящ. Стояновскаго, **Дисна**—С—ло, **Кузнецкъ**—Страховой, **Каменка**—С. А. Барышева, **Кіевъ**—А. Макршанскаго, **Лебедянь**—В. И. Чурилина, **Петрозаводскъ**—А. Е. Надеждина, **Саввино**—М. Сиѣева, **Тверь**—С. Малиновкова, **Ялта**—Эгизъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 73 (помѣщенной въ № 45).

Въ задачѣ этой вкралась опечатка: на мѣстѣ B.8 вмѣсто *коня*, слѣдуетъ *слонъ*, тогда рѣшеніе слѣдующее въ 3 хода:

Бѣлые.	Черные.
1) Л h8 — g8	К. e6 — f8
2) e7 — f8	Кр. a8 — b8
3) Л f8 — c5++	
1)	К. e6 — d8
2) e7 — d8	Кр. a8 — b8
3) К d8 — c6++	
1)	К. e6 Куда угодно.
2) e7 — e8	Куда угодно.
3) Ф e8 — c6++	

оставляя же коня на своемъ мѣстѣ, матъ дѣлается въ 2 хода.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.; **СПБ.** — Н. Н. Шипицына, Зеленскаго, **Богатое** — А. Алфѣева, **Вологда**—Н. В. Изюмова, П. В. Андреева, **Дековка** — М. Ш., **Н. Новгородъ**—Власьева, Поржецкаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 74 (помѣщенной въ № 45).

Бѣлыя.	Черныя.
1) b 6 — c 7	1) e 7 — c 5
2) f 2 — g 3	2) c 5 — h 4
3) c 7 — d 8	3) g 5 — e 3
4) e 5 — f 6	4) h 4 — e 7
5) d 8 — d 6	и черныя проигрываютъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **СПб.**—В. П. Шошина, С. Т. Грибова, П. В. Панкова, **Москва**—П. П. Смирнова, В. А. Мозжухина, **Касимовъ** — Зворыкина, Муромъ, Ф. М. Уткина, **Ольгополь**—Дунчевскаго, **Самара**— П. М. Старостина, **Стар. Рязань** — В. Н. Кожина.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

1889 годъ **„ОСКОЛКИ“** IX годъ

Подъ редакціей **Н. А. Лейкина.**

Еженедѣльный **иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ карикатурами** (въ краскахъ и черными). № 3527 3-3

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; **ребусы, шарады, загадки на премію.**

Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

новую книгу **Н. А. Лейкина**

„ГОЛУБЧИКИ“,

сборникъ разсказовъ, въ изящномъ изданіи, съ художественными **ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.**

Цѣна за журналъ:

На годъ съ перес. и дост. . . **8** р.
На полгода съ перес. и дост. . **5** „
На три мѣс. съ перес. и дост. **3** „

◆ **На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.**

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике.*

МЫЛО

провизора

А. М. ОСТРОУМОВА

противъ

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за **№ 3374.** М. № 3580 4—1

АДРЕСА всѣхъ специальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) **Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специальн. = 5 000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

НОВАЯ КНИГА.

ГИГІЕНА ГОЛОСА.

Съ 16 рис. въ текстѣ.

Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ.

Составилъ **М. Н. Глубоковскій,** врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. № 3515 3—2

Цѣна **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Выписывающіе отъ автора (**Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ**) за пересылку не платятъ.

= ЗА 1 Р. 25 К. =

вставляетъ новые грудь, воротникъ, манжеты изъ хорошаго голландск. полотна

ГОЛЛАНДСК. ФАБР. БѢЛЬЯ

СПБ., по Вознесенск. пр., на уг. Офицерской, № 11—1, въ бель-этажѣ.

Гг. иногороднымъ заказы высылаются по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ. № 3600

Болѣе 5000 благодарностей отъ обученныхъ мною бухгалтеровъ.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ

БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНЫХЪ и МОСКОВСКИХЪ посредствомъ лекцій и переписки, совершенно замѣняющей устное преподаваніе; полнѣйшее ручательство за успѣхъ; плата умѣренная; подробныя условія и пробныя письма высылаются безплатно.

Преподаватель коммерческихъ наукъ Ц. № 3581

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

Адресъ: Москва, Арбатъ, Малый Посковскій пер., д. Адамовича.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

БРАТЬЯ ЭНГБЕРТСЪ и К°.

Гостиный дворъ, № 146, 147 и 14

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья.

Полотно, Батистъ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЬЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по требованію высылаются прейсъ-куранты безплатно. № 3495 3—3

ШУТЪ большой еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ каррикатуръ, печатаемыхъ красками (хромолитографія). Годовая цѣна съ достав. и перес. **7** руб., на полгода съ пер. **4** р. — Въ годъ **52 №№** въ формѣ большихъ иллюстрацій. По обилію рисунковъ самый полный юмор. журн. Болѣе **400** рис. и каррик. въ нѣсколько красокъ и около **600** въ одну краску. Множество шутокъ, загадокъ, ребусовъ и пр. **ТЕКСТЪ:** злобы дня—обозрѣніе текущей и бушующей жизни столицы и провинціи, стихотворенія, юмористич. новости, очерки, разсказы, сцены, анекдоты, бубенчики, попурри и проч. Годовые подписчики получаютъ въ январѣ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ**

„ДАМСКІЙ МАСКАРАДЪ“

роскошный альбомъ костюмовъ, работы нашего извѣстнаго художника **Н. А. Богданова.** Альбомъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ, на превосходной **эстампной** бумагѣ и можетъ служить украшеніемъ самой изящной гостиной. Гг. **иногородные** подписчики благоволятъ приложить къ подписной цѣнѣ **60** коп. для пересылки преміи страховою посылкою.—Для гг. служащихъ допускается разсрочка чрезъ ихъ казначеевъ.—Въ теченіе года будетъ печататься **„портретная галлерея извѣстныхъ личностей“.**—**Адресъ редакціи:** С.-Петербургъ, Невскій пр., № 110. № 3528 3—3

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, №. 21.

ДЛЯ ЕЛКИ

Парафиновыя свѣчи, за пачку 25 коп.
Бенгальскіе огни, безъ запаха и дыма, 25 и 40 к. коробка.
Свѣтъ Магнезіумъ, для яркаго освѣщенія, 20 к. за коробку.
Зажигательная нитка, 20 и 40 к. за коробку,

приготовленные съ разрѣш. С.-Петерб. Врачебн. Управленія.

Большой выборъ, **только что полученныхъ изъ Парижа,** новѣйшихъ и красивыхъ **предметовъ** для **подарковъ.**

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.

2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.

3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (**Розничная и оптовая продажа**).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ. Pt. № 3563 2—2

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.

Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.

Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3373

„НОВОСТЬ“

ЗА 5 МАРОКЪ

(иногородныхъ) высылается заказнымъ новый **практическій** стѣнной

КАЛЕНДАРЬ

на 1889 г.

(размѣръ 6½ в. × 9 в.)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ

Москва. — С.-Петербургъ

№ 3608

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

НОВОСТЬ! № 3577 4—2

Часы дамскіе **стальные черные** съ зав. безъ ключа, величиною съ 20 коп. сер. монету. **Ручательство за вѣрный ходъ.** Цѣна отъ 30 руб.

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ

ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА

В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья

въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавесиныхъ, которые превосходнѣе нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантной и прочной отдѣлкой.

Т. п. адресовать: **въ Кіевъ, В. Ф. Червеному и С.** № 3461

КОЛЛЕКЦІЯ МОНЕТЪ

состоящая изъ 3145 золот., серебрян., платинов. и мѣдн. монетъ и медалей Россіи, Остзейскихъ провинцій, Польши и Швеціи въ особо устроенн. шкапу съ 2-мя секретными замками, продается дешево по обстоятельствамъ. Подробныя свѣдѣнія — въ каталогѣ. Больш. Конюшенная, 29, кв. 6, въ СПБургѣ.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“ 10—3

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ И. **Комисарову.**

3—3 **ОПИСАНІЕ** № 3546

Русскихъ почтовыхъ земскихъ марокъ и конвертовъ и бандеролей.

Составилъ и издалъ **Д. Н. Чудоясній.**
Кіевъ, Елисаветинская, домъ Михельсона.
Цѣна съ пересылкою 1 р. 25 к.
Десять экземпляровъ и болѣе 20% уступки.

РОБИНСОНЪ КРУЗО

Соч. **Даніэля Де-Фо. ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ** съ английск. **Петра Кончаловскаго.** Съ 100 рис. и съ портр. автора. 2 т. Ц. 1 т. **3** р., съ пер. **3** р. **25** к., въ перепл. **3** р. **75** к., съ пер. **4** р.; II т. — **2** р., съ пер. **2** р. **25** к., въ перепл. **2** р. **75** к., съ пер. **3** р.; за оба т. вмѣстѣ **4** р., съ пер. **4** р. **50** к., въ перепл. **5** р., съ пер. **5** р. **50** к. № 3601 2—1

Прод. въ складѣ Т-ва И. Н. Кушнерева и К°. Москва, Никольская, д. Чижовыхъ.

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“

для

НАРУЖНАГО

употребленія

разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Главное депо: б. Конюшенная. № 14

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Продается:

въ **Тифлисѣ:** въ Кавказскомъ товариществѣ торговли виг. тов.

въ **Баку:** Беккеръ, аптекарь.

Цѣна 1 р. 20 коп. за стклянку.

НОВАЯ
карточная игра
„КЛИНЪ“
3—1 для 4-хъ и 3-хъ. № 3591
Цѣна 40 к. (съ перес. 45 к.).
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
ТРОИЦКАЯ УЛ., 11.

ДѢТСКІЕ ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ
производства
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ учебныхъ пособій и игръ.

12 медалей на выставкахъ.
№ 1573 Ц. **4 р.** (уп. 25 к. перес. 6 фунт.).
№ 358 Ц. **7 р.** (уп. 40 к. перес. 10 фун.).
№ 359 Ц. **10 р.** (уп. 40 к. перес. 12 фун.).

ДЕШЕВЫЯ МЕТАХРОМОТИПИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ КЪ НИМЪ

24 картинки на **6** длинныхъ стеклахъ: 1. Красная шапочка въ 4-хъ карт. 2. Робинзонъ Крузе въ 8-ми карт.—3. Царевна Снѣжанка въ 4-хъ карт.—4. Спящая царевна въ 4 карт.—5. Страна дѣвтаевъ въ 4 карт., съ 5-ю книжками, объясняющими картины. Ц. **2 р. 40 к.** (уп. 30 к. пер. 4 фунта).

12 длинныхъ картинъ различн. содерж. Ц. **2 р.** (уп. 10 к. пер. 3 фунт.).

2-е (1888 г.) прибавленіе къ каталогу волшебн. фонарей, заключающее въ себѣ картины къ народнымъ чтеніямъ и большіе волшебные фонари высыл. за 10 к. почт. марк. № 3585

Троицкая ул., 11.

МАЛЕНЬКІЙ МЕХАНИКЪ.
Цѣна 15 руб. (упак. 85 коп., пересылка 27 фунт.).

Въ большомъ красивомъ ящикѣ находится около 80 различныхъ частей: зубчатыхъ колесъ, шкивовъ, кривошиповъ, стоекъ, досокъ, ручекъ, валовъ, жернововъ, шагуновъ и проч., отвертка и шило для составленія самими дѣтьми **семи дѣйствующихъ машинъ:** 1. Модели паровой машины.—2. Подъемнаго крана.—3. Лебедки. — 4. Пильницы. — 5. Мельницы о двухъ поставахъ.—6. Крутильно-веревочнаго станка и 7. Толчеи.

Къ изданію прилагается цѣлая книжка въ 52 страницы съ 25 рисунками различныхъ машинъ, съ портретами Уатта и Фультона. Книжка, въ формѣ разсказа, знакомитъ дѣтей съ важнѣйшими машинами и примѣненіемъ ихъ на заводахъ и, кромѣ того, подробно объясняетъ на рисункахъ сборку вышеупомянутыхъ семи машинъ.

Въ подобномъ изданіи, вполнѣ оригинальномъ, чувствовался большой недостатокъ для массы дѣтей, въ высшей степени интересующихся устройствомъ машинъ.

Для предварительнаго ознакомленія съ изданіемъ, книжка продается отдѣльно, цѣна 60 коп., съ перес. 70 коп. Изданіе „С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ“. 12 медалей на выставкахъ. № 3588

Троицкая ул., 11.

НОВОСТЬ!
Американскія металлическія лампы
ГИЧКОКЪ
безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина: соблюдается **огромная экономія** устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/6 копѣйки въ часъ.

◆ Полное ручательство за доброкачеств. ◆

Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая	**12** руб
Висячая . . .	**15** руб.
Стѣнная. . . .	**15** руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на **3** р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на **4** р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!
Только что поступило въ продажу новое большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio
ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“
обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**. съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ
Энгельберта Зейбертца,
исполненныхъ знаменитыми граверами: **Адріэномъ Шлейхомъ. Альгейеромъ. Зигле** и друг.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“, обыкновенно служившей камнемъ преткновенія для большинства читателей.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями. что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ; онъ никогда не прискучитъ, напротивъ—внимательному читателю каждый разъ будутъ открываться новые умственные горизонты и перспективы, новые клады геніальныхъ мыслей.

Предпринимая это изданіе, издатель не жалѣлъ ни труда, ни средствъ, чтобы придать знаменитому творенію Гёте то внѣшнее изящество, какое имѣютъ подобныя изданія заграницей.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ. съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Желающіе пріобрѣсти это изданіе въ разсрочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ, могутъ получить его выпусками, для чего открыта особая подписка.

Всѣхъ выпусковъ десять. При этомъ подписчики вносятъ:

Городскіе	въ 1 разъ	6 р.,	иногородные	10 р.	и получаютъ	1 выпускъ
„	во 2 „	6 р.,	„	8 р.,	„	2 „
„	въ 3 „	6 р.,	„	5 р.,	„	3 „
„	въ 4 „	5 р.,	„	5 р.,	„	4 и 5 „
„	въ 5 „	5 р.,	„	5 р.,	„	6 и 7 „
„	въ 6 „	4 р.,	„	2 р.,	„	8, 9 и 10 „

Отдѣльно кожаная (шагреневая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С. Петербургѣ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (16) № 2946

ОДОРАМИНЪ ТУАЛЕТНЫЙ
пастильки замѣняющія туалетную воду, одну пастильку на чашку воды.

Онѣ служатъ для освѣженія кожи и придаютъ пріятный запахъ: коробка, содержащая 24 пастильки, стоитъ 1 руб.

М. № 3425 4—4 **Брокаръ и К°.**

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками: на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

НОВАЯ КНИГА:
КОРОЛЬ ЛИРЪ
или
НЕБЛАГОДАРНОСТЬ ДѢТЕЙ.
Разсказалъ по **Шекспиру**
А. И. Канаевъ.
Съ 10-ю рис. **Льва Розенберга.**
Цѣна **15** к., въ папкѣ 25 к.
Изданіе **А. А. Холмушина.**
Апраксинъ дворъ, Инструмент. лин. 46.

ВЫРѢЗАНІЕ И СКЛАДЫВАНІЕ
ИЗЪ ЦВѢТНОЙ БУМАГИ
ЛЮДЕЙ, ЗВѢРЕЙ, ДОМОВЪ и ДЕРЕВЬЕВЪ
Занятіе для маленькихъ дѣтей.
Ц. **2** р (уп. 55 к., перес. 5 фунт.).

Въ большой коробкѣ находится толстая цвѣтная бумага, папка, пять кнопокъ, карандашъ, ножницы, **20** приготовленныхъ шаблоновъ и **20** готовыхъ образцовъ вырѣзанныхъ фигуръ.

Вырѣзаніе одно изъ самыхъ любимыхъ занятій у дѣтей, но до сихъ поръ не существовало подходящихъ для этого рисунковъ и шаблоновъ. Дѣти сами могутъ приготовить себѣ цѣлыя стада, звѣринецъ, деревни, сады. № 3589

ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ учебныхъ пособій и игръ.
— **12 МЕДАЛЕЙ** на выставкахъ. —
Троицкая ул., 11.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3555 4—4
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

КЛЕЙКА БОНБОНЬЕРОКЪ.
Новое занятіе для маленькихъ дѣтей.
Большая коробка 3 р. 60 к. (перес. за 7 ф., упаковка 30 к.).

Въ изящной коробкѣ находятся: ножницы, кисти, костяшка, клей, лакъ, блюдце для него, проволочки, ленточки, 12 склеенныхъ моделей, 12 такихъ же бонбоньерокъ несклеенныхъ, 12 другаго образца и альбомная бумага для клейки ихъ.

Работа чрезвычайно легкая и даетъ въ результатѣ 36 хорошенькихъ бонбоньерокъ для украшенія елки и для подарковъ въ видѣ: календаря, часовъ, книжнаго шкафа, чемодана и проч.

ТО-ЖЕ удешевленное изданіе въ простой коробкѣ безъ инструментовъ — **1** р. **80** к. (пер. 7 ф., уп. 25 к.).

ПРЕДЛАГАЕТЪ № 3587
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ учебныхъ пособій и игръ.
11. Троицкая ул., 11.

Дозвол. цензур., СПБ., 14 декабря 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. № 52 — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 24 декабря 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

При этомъ № прилагаются: Титулъ и Оглавленіе „Нивы“ 1888 г.

Рождество Христово. Книжка съ елки. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Мери, грав. Барановскій.

„Смѣлымъ Богъ владѣетъ".

Рождественскій разсказъ

П. Н. Полевого.

I.

— Да полно тебѣ сокрушаться-то, боярышня! говорила старушка-няня молодой своей питомицѣ, Натальѣ Курлетевой. — Полно Бога-то гнѣвить! Вѣдь не клиномъ, голубушка, бѣлый свѣтъ сошелся... Ну, отказалъ твой батюшка жениху твоему въ сватовствѣ — изобидѣлъ его... Такъ вѣдь не первый у тебя женихъ, и не послѣдній... Будетъ ихъ у тебя, какъ въ Москву батюшка вернется!..

Но боярышня не слушала разумныхъ доводовъ старой няни и продолжала неутѣшно плакать, прикрывая лицо сборчатымъ рукавомъ своей сорочки.

— Ну что мнѣ съ тобой дѣлать, свѣтикъ ты мой! Какъ тебя утѣшить?.. Вишь вѣдь какъ тебѣ приглянулся этотъ черноглазый! Словно ты своего родителя не знаешь — Ѳедора-то Ивановича? Ну, развѣ можетъ онъ себѣ зятемъ незнатнаго да не родовитаго въ домъ принять? Чай, сама знаешь, каковъ онъ гордынею-то?.. Изъ-за гордыни-то и въ опалу попалъ, и въ помѣстья свои отъ царя Алексѣя сосланъ... Да видно и опала ему роговъ-то не сломила! Каковъ изъ колыбельки, таковъ и въ могилу ляжетъ.

— Гордымъ-то Богъ противится, няня, прошептала боярышня среди слезъ и всхлипываній. — Пусть бы отказалъ батюшка... Въ томъ его воля! Да зачѣмъ онъ изобидѣлъ-то человѣка!

— Да ужь на это твоего батюшку взять! Ужь кто же такъ-то человѣка оборветъ да изобидитъ, какъ не онъ! Сватовъ-то чуть не шелепами со двора согнать велѣлъ — холопей выслалъ съ метлами ихъ слѣдъ заметать, какъ они со двора съѣзжали!

— А что же мнѣ съ сердцемъ-то дѣлать! воскликнула боярышня, поднимая голову и выпрямляясь. — Что мнѣ съ сердцемъ моимъ дѣлать, когда *онъ* у меня его взялъ изъ груди, да вырвалъ? продолжала она, устремляя на старушку-няню свои прекрасные глаза, мокрые отъ слезъ.

— И-и, боярышня, сердце дѣвичье разымчиво, да оно же и забывчиво, попыталась было замѣтить няня.

— Забывчиво — да не мое! твердо сказала Наташа. — Какъ я съ нимъ у тетушки-игуменьи въ Вологдѣ впервой свидѣлась, такъ и сказала себѣ: „вотъ онъ, мой суженый!" А послѣ, какъ мы сюда на житье переѣхали — ты сама знаешь — мы съ нимъ тайкомъ у окошечка каждый вечеръ видались... Я его всю жизнь, всю душу вызнала: и сталъ онъ мнѣ, сиротинѣ, милѣе всѣхъ моихъ московскихъ жениховъ родовитыхъ. Сколько онъ изъ-за меня страховъ натерпѣлся, сюда, въ нашу усадьбу пробираясь!.. сколько радости онъ мнѣ въ одинокомъ житьѣ моемъ принесъ, ночки свѣтлыя лѣтнія подъ моимъ окошкомъ на развѣсистой березѣ просиживая, къ соловьинымъ пѣснямъ со мною прислушиваясь!.. И какъ любитъ-то онъ, няня! Не по московскому — по своему! Скажи я ему слово — въ омутъ для меня полѣзетъ: въ огонь пойдетъ! Вѣдь онъ смѣлый — ему ни страху, ни удержу нѣтъ...

— Чего ужь смѣлѣе! ворчливо проговорила старушка, исподлобья поглядывая на боярышню: — кабы его нашъ бояринъ на той березѣ запримѣтилъ, не сносить бы головы твоему суженому. Да и намъ съ тобой не сдобровать бы... Съ твоего батюшки что возьмешь — и голову сниметъ, а передъ однимъ царемъ въ отвѣтѣ будетъ, даромъ что опальный!

— Такъ какъ же я послѣ всего этого, няня, моего Василья-то въ сторону, да на другихъ смотрѣть стану! Проститъ-ли онъ мнѣ это? Да онъ, съ горя, головы бы своей не пожалѣлъ, на все бы пошелъ... Нѣтъ, пусть такъ батюшка и знаетъ, что противъ его воли за Василья я не пойду: но ужь и за другаго мужа доброй волею меня не выдадутъ. Развѣ свяжутъ по рукамъ да по ногамъ, какъ подъ вѣнецъ повезутъ...

Няня печально покачала головой.

— Не спроситъ онъ твоего согласія, Наташенька, коли ему какой женихъ приглянется! Охъ, не спроситъ!.. Такъ и не круши ты себя прежде времени, не печалься напрасно... Твоего батюшки воля, что стѣна тюрьмы каменная — не пробить ее ни слезой, ни молитвой...

— Видно стара ты стала, няня, что свои сказки ужь забывать стала? Сама же ты мнѣ разсказывала, какъ добрые молодцы изъ крѣпкой тюрьмы убѣгали, какъ тяжелыя оковы желѣзныя съ ногъ скидали, какъ уходили въ степи привольныя?..

Няня отвернулась отъ Наташеньки и молча понурила голову.

II.

Вологодскій помѣщикъ, боярскій сынъ, Василій Никитичъ Третьякъ-Михайловъ, былъ близкимъ сосѣдомъ боярина Ѳеодора Ивановича Курлетева. Владѣлъ онъ близъ Курлетевской усадьбы, верстахъ въ десяти, на Сухонѣ же, изряднымъ помѣстьицемъ, въ которомъ жилъ безвыѣздно, пока не призывали его на службу царскую. Могъ бы онъ по своимъ средствамъ и въ Москвѣ безбѣдно прожить, могъ бы проложить себѣ дорогу и ко Двору „тишайшаго" царя Алексѣя Михайловича, потому что у него были при Дворѣ и родные и свойственники... Да въ томъ-то и бѣда, что Василій Никитичъ любилъ свое *Печково* на Сухонѣ паче всего на свѣтѣ — и только въ этомъ родномъ гнѣздѣ ему и жилось, и дышалось привольно. Съ самаго ранняго дѣтства онъ привыкъ къ мирной тишинѣ усадьбы, къ простому, здоровому и спокойному труду, къ забавамъ и радостямъ деревенской глуши — и всего этого не хотѣлъ мѣнять на скучную жизнь въ душномъ городѣ, на тяжелую и тревожную службу низшихъ слоевъ придворной среды.

— Богъ съ ними! говаривалъ пріятелямъ Василій Никитичъ, — проживемъ и такъ, не отстоявъ себѣ ногъ на площадкѣ, не отмахавъ головы на поклонахъ! Другое дѣло — военная служба: съ врагомъ перевѣдаться любо, любо и своей отваги извѣдать... А десятокъ лѣтъ на ногахъ ежеденъ толкаться да выжидать, пока тебя на воеводство „покормиться" пошлютъ — это не нашего ума дѣло! Богъ съ ними!

И, на основаніи этого воззрѣнія, онъ, тотчасъ по окончаніи польской войны, вернулся въ свое Печково и засѣлъ у себя на помѣстьѣ: и трудился онъ въ потѣ лица надъ пашней, выращивалъ скотъ, пчелками занимался — а все свободное время проводилъ со своими дворовыми либо на охотѣ, либо на рѣкѣ да на озерѣ, не сходилъ съ челнока, гоняясь за щукой зубастою, за лещомъ серебристымъ, да за окунемъ краснопёрымъ.

Всѣ сосѣди, кругомъ, любили Василія Никитича за его доброе сердце, за открытый и прямой нравъ, за лихость и отвагу его: и въ то же время уважали его опытность въ хозяйствѣ и знаніе тонкостей охотничьяго промысла. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ и помощью — и крестьяне, и помѣщики: и никому-то онъ не отказывалъ, всѣмъ готовъ былъ служить по мѣрѣ силъ. Не любилъ онъ только сосѣдскаго любопытства — не любилъ когда ему въ душу заглядывали, да о женитьбѣ поминали, невѣсть присватывая...

— Васенька! вкрадчиво начиналъ какой-нибудь сосѣдъ, издалека подступая къ главному предмету своей

рѣчи, — тебѣ вѣдь вотъ ужь скоро 27-й годокъ пойдетъ, а ты все какъ-то у себя на гнѣздѣ не устроенъ...

— Какъ не устроенъ? Мое гнѣздо не хуже твоего... Всего въ немъ вдоволь! Аль я тебя когда чарой обнесъ? Аль безъ ужина спать положилъ?

— Не въ томъ, Васенька, дѣло! А вотъ мы все въ толкъ не возьмемъ, какъ ты это безъ хозяйки живешь?

— Да вамъ-то, братцы, что̀ за печаль да за неволя? Живу какъ живу, ни у кого не спрашиваясь...

— А все, Васенька, пора-бы тебѣ жениться... Законъ-бы исполнилъ...

— Ну, да! Толкуй—законъ исполнилъ-бы! А потомъ и драться съ женой каждый день Божій, какъ ты дерешься?.. Нѣтъ, спасибо!

Огорошенный сосѣдъ замолкалъ и старался проглотить горькую пилюлю, отхлебывая изъ стопы меду стоялаго или квасовъ малиновыхъ.

Всѣ сосѣди только одно запримѣтили. Какъ пріѣхалъ къ себѣ на усадьбу, въ *Окняжье*, опальный бояринъ Курлетевъ, такъ Василій Никитичъ и повѣсилъ голову. Шепотомъ поговаривали, что онъ еще прежде познакомился съ боярышней Курлетевой, когда та гостила у тетки своей, въ томъ Вологодскомъ монастырѣ, въ которомъ жила мать Василія Никитича, принявшая постриженіе послѣ смерти мужа. Но съ самимъ бояриномъ Курлетевымъ Василій Никитичъ не спѣшилъ знакомиться и не ѣхалъ къ нему на поклонъ... А почему—о томъ никто Василія Никитича не разспрашивалъ, зная, что онъ шутить не любилъ и докучныхъ спросовъ не жаловалъ.

Прознали еще стороною отъ дворни сосѣдской, что въ годъ пріѣзда Курлетевыхъ въ Окняжье, сталъ Василій Никитичъ частенько по ночамъ на челнѣ куда-то ѣздить, и бралъ съ собою въ гребцахъ только одного любимаго ловчаго, Сокола по прозванію. Бралъ онъ съ собою и снасть рыболовную, только слышно было, что рыбы не много съ собою изъ этихъ ночныхъ поѣздокъ привааживалъ.

— Плутуетъ! говорили про Василія Никитича сосѣди.—Гдѣ-нибудь на сторонѣ завелъ зазнобу сердечную... Къ ней небось по вечерамъ-то ѣздитъ: въ мутной водѣ рыбу ловитъ.

И всѣ толковать стали, что ѣздитъ Василій Никитичъ къ поповнѣ-красавицѣ, что въ зарѣчномъ погостѣ жила и давно ужь въ него влюблена была безъ памяти.

Но лѣто минуло, и осенью Василій Никитичъ случайно повстрѣчался на охотѣ со своимъ знатнымъ сосѣдомъ. Повстрѣчался, приглянулся прихотливому боярину — и сталъ у него въ усадьбѣ дорогимъ гостемъ. Вмѣстѣ охотятся, вмѣстѣ пируютъ. Самъ бояринъ Курлетевъ, послѣ долгой охоты въ отъѣзжемъ полѣ, изволитъ жаловать въ Печково, пробуетъ медовъ да наливокъ старыхъ, хвалитъ стряпню печковскую; жалуется, что его дочка на Окняжьѣ такъ не кормитъ. Не нахвалится бояринъ и на охоту Печковскую.

— У тебя, Василій Никитичъ, говоритъ бояринъ Курлетевъ,—такая охота подобрана, что ею-бы самъ царь Алексѣй Михайловичъ не побрезговалъ. А за твоего ловчаго, за Сокола, я тебѣ, когда хошь, деревню въ двадцать дворовъ на промѣнъ отдамъ.

— У меня, бояринъ, охота не продажная, не промѣнная, а завѣтная, отшучивался Василій Никитичъ.

— Мало-ли что̀ завѣтное у человѣка бываетъ! отвѣчалъ ему не разъ бояринъ Курлетевъ.—Вотъ у меня Наташа — тоже завѣтный товаръ; а найдись женихъ, купецъ добрый молодецъ, да приглянись ему мой товаръ? Отдамъ-же.

И бояринъ не замѣчалъ, какое волненіе выражалось не разъ на лицѣ Василія Никитича при этихъ словахъ.

Когда прошла пора осенней охоты и стало дѣло близиться къ зимѣ, Василій Никитичъ собрался въ Вологду, испросить благословенія у родительницы, ударилъ челомъ своему отцу крёстному, старому стольнику и воеводѣ Вологодскому, и упросилъ его къ Курлетеву ѣхать сватомъ.

Старикъ собрался въ путь за 80 верстъ отъ Вологды, гостилъ два дня въ Печковѣ и наконецъ рѣшился ѣхать въ Окняжье. Какъ принялъ его бояринъ, и какъ проводилъ—мы это ужь знаемъ... Два дня спустя, воевода уѣхалъ обратно въ Вологду, огорченный и гнѣвный: а затѣмъ поднялся съ усадьбы и Василій Никитичъ, взявъ съ собою только одного своего вѣрнаго Сокола. Куда, зачѣмъ онъ поѣхалъ и надолго-ли—того онъ никому не сказалъ: никому и вѣдомо не было.

III.

На широкомъ, торговомъ пути между Ярославлемъ и Вологдой было одно такое мѣстечко, котораго не залюбливали ни купцы, ни проѣзжіе. Дорога въ томъ мѣстѣ пролегала дряблою болотиной, по которой былъ настланъ животрепящій мостокъ изъ жердей да хворосту; а въ концѣ того мостка поднималась дорога въ гору, крутымъ подъемомъ, между двухъ сплошныхъ стѣнъ вѣковаго, дремучаго бора. Не даромъ звалось это мѣсто *Лѣшевымъ мостомъ*... Кто тотъ мостъ миновалъ благополучно, тотъ и до Вологды цѣлъ доѣзжалъ, и товаръ туда довозилъ; но на этомъ мѣстѣ такъ „крѣпко пошаливали“, что ни одинъ обозъ, ни одинъ проѣзжій не пускался Лѣшевымъ мостомъ въ потемки. Всѣ спѣшили проѣхать это проклятое мѣсто за̀-свѣтло и сбившись кучею, чтобы дорожнымъ шарповщикамъ нападать было не сподручно; многіе даже рѣшались дѣлать верстъ сорокъ крюку другою, окольною дорогою,—лишь-бы не здѣсь ѣхать, не платить невольнаго окупа лѣснымъ хозяевамъ, что залегали на ночь по Лѣшеву мосту съ ножемъ за поясомъ да съ кистенемъ за пазухой.

На дорогѣ, у самой болотины, стоялъ большой постоялый дворъ, знакомый всѣмъ проѣзжимъ. Держалъ его дядя Михей Мохначъ—и разумѣлъ свое дѣло тонко... Кому онъ говорилъ:

— Погости у меня... перебудь денечекъ, гость дорогой!

Тому лучше было не съѣзжать съ его двора—лучше было послѣдній алтынъ на харчъ издержать, чѣмъ идти на вѣрную поруху... А кого Мохначъ съ поклономъ изъ воротъ провожалъ и говорилъ:

— Съ Богомъ! Миръ доро́гой!

Тотъ хоть въ ночь безлунную Лѣшевымъ мостомъ ступай—никто его и пальцемъ не тронетъ.

Дня за два до Рождественскаго сочельника, раннимъ утромъ, кто-то постучался въ ворота къ Мохначу. Не спѣша натянулъ онъ на плечи кафтанишко, опустилъ босыя ноги въ валеныя ступни и вышелъ на крыльцо.

— Кто тамъ? Свой аль чужой?

— Свои. Отворяй живѣе! Ну!

— Авось не замерзнешь? Чего разбоярился? ворчалъ сѣдой и лохматый Мохначъ, лѣниво отодвигая засовъ и отмыкая калитку.

Трои пошевни, скрипя полозьями, въѣхали во дворъ. Въ нихъ сидѣло по два и по три сѣдока и клади было навалено много.

— Здорово, куманёкъ! крикнулъ, выскакивая изъ пошевней, приземистый, широкоплечій рыжій дѣтина.— Чай, не ждалъ, не чаялъ, что мы къ тебѣ такъ скоро нагрянемъ?

— Какъ не чаять? мрачно отозвался Мохначъ.—Думалъ, какъ-бы не опоздали...

— Да опоздали и есть, продолжалъ рыжій, понижая голосъ и шепча на ухо Мохначу.—Мы ждали, что Курлетевскую казну-то мимо нашей засады повезутъ—анъ ее провезли тайкомъ, по Сухонѣ, околицей!.. Чай, теперь и въ усадьбу доставили? А казна, говорятъ, богатѣйшая. Одного серебра да низанья—сила!

Рождество Христово. Объѣздъ церковнаго причта по приходу.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Рождество Христово. Не подъ силу. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича. грав. Пуцъ.

— Ахти, грѣхъ какой! Проворóнили, ротозѣи! злобно отозвался Мохначъ.

— Погоди ругать-то! Пойдемъ въ избу — мы тамъ тебѣ скажемъ, какая у насъ теперь затѣя задумана...

— Да въ избу-то не ладно... Тамъ у меня проѣзжій— Печковскій баринъ... Ступайте всѣ въ подполье. Тамъ побесѣдуемъ...

— Ладно! ладно! Дай только лошадей прибрать!

И они, не распрягая, поставили лошадей къ кормягамъ, только разнуздавъ ихъ; потомъ на-крѣпко приперли ворота, и, одинъ за однимъ, вошли скрытою боковою дверкою въ подклѣтъ избы. Когда послѣдній изъ нихъ скрылся за дверкою, изъ-за угла избы показался Соколъ; осторожно, какъ кошка къ птицѣ, подкрался онъ къ дверкѣ подклѣта, прислушался, вытягивая шею и настораживая уши, потомъ легонько толкнулъ дверь и, скользнувъ за нее, скрылся въ темномъ присѣнкѣ.

— Василій Никитичъ! А Василій Никитичъ! Проснись, государь! шепталъ, часъ спустя, тотъ-же Соколъ, тряся изо всей силы своего господина то за плечо, то за руку.—Проснись—бѣда грозитъ!..

— Бѣда? Чтò такое? тревожно спрашивалъ очнувшись отъ сна и протирая глаза Василій Никитичъ. — Говори скорѣе!

— Нельзя здѣсь и говорить, государь! Здѣсь въ каждой скважинѣ по глазу, въ каждомъ сучкѣ по уху! Только ужь не бывать тебѣ теперь на богомольѣ... Домой спѣшить надобно... Домой! Часу здѣсь не медлить!

— Да говори-же! нетерпѣливо проворчалъ Василій Никитичъ.—Чтò случилось?

— Ничего я тебѣ не скажу, пока не выѣдемъ изъ этого проклятаго дома! прошепталъ упрямый Соколъ.— Сбирайся въ путь—знай, что кони у крыльца стоятъ.

И не прошло получаса послѣ этой бесѣды, какъ уже Василій Никитичъ, расплатившись съ хозяиномъ, выходилъ на крыльцо и садился въ свою легкую кибиточку, запряженную *гусемъ* тройкой приземистыхъ чалыхъ коньковъ, которыми ловко правилъ Соколъ *).

— Впредь къ намъ милости просимъ! говорилъ Мохначъ, низко кланяясь отъѣзжающему. — А хороши у тебя коньки, баринъ! Дюжо хороши!

— Живо домчатъ до Вологды! А тутъ кàкъ у васъ нынче, въ перелѣскѣ—не пошаливаютъ?

— Ступай съ Богомъ, батюшка! Миръ дорòгою.

Соколъ тряхнулъ возжами, присвиснулъ, черкнулъ по снѣгу гусевымъ кнутомъ—лошади дружно тронули съ мѣста, и кибиточка покатилась по дорогѣ, ныряя и покачиваясь среди сугробовъ.

Но отъѣхавъ версты три по Вологодской дорогѣ, Соколъ вдругъ круто свернулъ въ сторону, глухимъ лѣснымъ проселкомъ выѣхалъ на окольную дорогу и во весь духъ помчалъ домой, обратно, въ родимое Печково.

IV.

Въ навечерье Сочельника, Наташа, печальная и полная думъ и заботъ о своемъ миломъ Васильѣ, который вдругъ вихремъ поднялся съ усадьбы и сгибъ да пропалъ невѣдомо куда — обратилась къ старушкѣ-нянѣ со слезною просьбою:

— Нянюшка-голубушка! Потѣшь ты меня, облегчи мою душеньку... Грустно мнѣ таково...

— Говори скорѣй, дитятко, чѣмъ тебя мнѣ потѣшить... И такъ я смотрю, боюсь, какъ-бы ты у меня не исхудала, какъ-бы красоты своей не растеряла!

*) Запряжка *гусемъ*, т. е. тройкою лошадей поставленныхъ не рядомъ, а одна за другою — весьма обычны на всемъ нашемъ Сѣверѣ, гдѣ снѣга бываютъ велики, а зимняя дорога пробивается узкая. Кучеръ правитъ лошадьми при помощи одной возжи и длиннаго гусеваго кнута.

— Что мнѣ и въ красотѣ, няня, коли одна у меня забота, одна дума на душѣ: до красоты-ли тутъ? Хочу о немъ погадать, нянюшка... Чай сама знаешь, каковъ сегодня вечеръ-то!

— Охъ, дитятко, страшенъ нонѣшній вечеръ!.. Не люблю я въ этотъ вечеръ гадать: вѣдь только нынче гаданье-то оно и сбывается... Ну, какъ ты, грѣшнымъ дѣломъ, такое увидишь, что и душа-то замретъ?.. Вѣдь мало-ли какое ночью лихое пригрезиться можетъ!

— Не боюсь я, нянюшка, никакого лиха... Боюсь только разлуки съ милымъ другомъ... Чуетъ мое сердце, что мнѣ ея не перенесть будетъ...

— Да ну ужь, ладно! Устрою я тебѣ гаданье, бoярышня... Только въ баню я тебя не пущу — ни-ни! Тамъ на тебя мало-ли чтò стрястись можетъ... А вѣдь тутъ только пустое мѣсто нужно — гдѣ-бы иконъ въ углу не было... Такъ вотъ на чердакѣ, подъ вышкой, у твоего терема, гдѣ на крышу-то выходъ — тамъ и устрою.

— Спасибо тебѣ, нянюшка, спасибо... Устрой, голубушка.

— Устрою. Въ самую полночь тебя туда и взведу... Передъ тобою-то ковшъ съ водою поставлю и три свѣчи прилѣплю... А противъ тебя зеркальце... И вотъ какъ только закипитъ у тебя вода, заволнуется въ ковшикѣ-то, ты въ зеркальце-то и смотри, вглядывайся въ потемки-то... И чтò увидишь, то все мнѣ разскажи... Я тебѣ потомъ объясню, растолкую... Да тѣльничекъ *) снять не забудь; а то нечистая сила тебѣ и въ зеркальцѣ судьбы твоей не покажетъ...

Наступила глухая декабрская полночь. Пѣтухи давно пропѣли на Курлетевской усадьбѣ; давно все заснуло мертвымъ сномъ на крѣпкомъ боярскомъ дворѣ... Даже и собаки не лаяли, и сторожа не перекликались, не постукивали въ звонкія доски... Нигдѣ ни огонька, ни жизни — все притихло и замерло. Только на чердакѣ, подъ вышкою терема, не спитъ боярышня Наталья Өеодоровна.

Закутавшись въ теплую соболью шубейку, покрывъ голову шелковымъ убрусомъ поверхъ теплой шапочки, она сидитъ, унылая и трепетная передъ столикомъ. На столикѣ стоитъ большой серебряный батюшкинъ жалованный ковшъ, налитъ водою до края, и по краю прилѣплены къ ковшу три тонкихъ свѣчи воску яраго. А по ту сторону ковша поставлено зеркальце—невеличко и кругленькое, въ нарядной басменной рамочкѣ. Свѣчи, тускло мерцая въ темнотѣ, освѣщаютъ только лицо боярышни, блѣдное, взволнованное страхомъ и ожиданіемъ чего-то таинственнаго, неизвѣстнаго. Тьма и сумракъ царятъ всюду кругомъ—и глубокую, мертвую тишину лишь изрѣдка нарушаетъ морозъ-богатырь, постукивая своей тяжкой палицей въ углы бревенчатой вышки. И вздрагиваетъ невольно боярышня отъ этихъ глухихъ ударовъ — и ёжится, кутаясь въ свою соболью шубейку. Жутко ей, страшно ей... И точно, страшно здѣсь на вышкѣ, въ глухую ночь, среди тишины и мрака, да еще въ навечерье Сочельника, когда вся нечистая сила кругомъ носится, безурядная и разнузданная,—когда знаешь, что ей дана въ этотъ вечеръ волюшка-вольная надъ судьбою человѣческой. И сидитъ Наталья Өеодоровна, не смѣетъ себя оградить крестнымъ знаменіемъ, не смѣетъ сказать: „наше мѣсто свято!..“ Не смѣетъ нарушить окружающаго ее очарованія — и пристально смотритъ на воду въ ковшѣ и сотый разъ шепотомъ перечитываетъ ту надпись, которую видитъ на днѣ, около герба государскаго: „а пити тотъ ковшъ доброму человѣку!..“ И думается ей невольно:

„Да! Ничего-то я такъ не желаю, какъ чтобы суженый мой былъ добрый, добрый человѣкъ — добрый, какъ Васенька. Ахъ, чтò это? Какъ будто и не морозъ?..“

*) Тѣльникъ — крестъ, носимый на тѣлѣ, на шеѣ.

И точно—грохнуло что-то по крышѣ, потомъ захрустѣлъ на ней снѣгъ, и тотчасъ-же все стихло...

Смотритъ боярышня на̀-воду въ ковшикѣ — а вода въ немъ всколебнулася... къ краямъ кругами пошла... Чу! Опять что-то грохнуло, громче прежняго, такъ что затряслись стѣны вышки—и опять вода въ ковшѣ всколебалася...

„Вотъ! вотъ! Сейчасъ судьбу свою увижу въ зеркальцѣ!“ думаетъ боярышня и пугливо устремляетъ свой взоръ въ отраженіе мрака.

И видитъ боярышня, вся обратившаяся въ слухъ и зрѣніе,—видитъ, какъ подпимается въ чердачной крышѣ дверка на вышку, и какъ кто-то темный, спускается съ вышки по лѣсенкѣ... Замирая отъ страха, слышитъ она, какъ скрыпятъ и гнутся ступеньки лѣсенки подъ грузными, тяжелыми шагами... И вотъ, сошелъ и сталъ въ углу, и медленно снимая шапку, опускается па колѣни, кланяется ей въ ноги...

„Что̀ это!? Сонъ? Грёза?.. Или сила нечистая?“ думаетъ Наталья, трепеща всѣмъ тѣломъ, и наконецъ не можетъ бороться съ собою — чувствуетъ, что ея силы ей измѣняютъ... Какъ вдругъ, сзади ея раздается знакомый голосъ:

— Боярышня! Наталья Ѳеодоровна! Голубушка моя! Наташа... не бойся... Вѣдь это я!

— Василій Никитичъ! Васенька! Откуда ты въ такую пору?!.

И Наташа не выдержала: вскочила со скамеечки—бросилась къ суженому.

Но онъ, стоя на колѣняхъ, протянулъ передъ собою руки, съ мольбою обращая ихъ къ ней и словно стараясь защититься отъ бѣсовскаго навожденія...

— Нѣтъ! сказалъ онъ твердо.—Не цѣлуй, не обнимай меня, Наташенька! Пришелъ я къ тебѣ не какъ суженый-ряженый къ невѣстѣ приходитъ... Пришелъ я къ тебѣ вѣстникомъ бѣды неминучей. Она у насъ теперь у всѣхъ надъ головою виситъ, какъ туча грозовая... Пришелъ я тебя съ отцомъ твоимъ спасти отъ разбойниковъ; а и не удастся спасти, такъ хоть голову здѣсь сложить, васъ своей грудью загораживая...

— Что̀ ты? Что̀ ты? Какая бѣда? Какіе разбойники? шептала растерянно Наташа, ничего не понимая, не сознавая даже, во снѣ или на яву все это происходитъ.

— Нельзя терять времени! Я пробрался къ тебѣ съ Соколомъ по березѣ, на вышку... Всѣ входы и выходы изъ усадьбы ужь заняты ворами... Ждутъ только знака... И въ домѣ измѣна... Влѣзутъ въ окно, что въ сѣняхъ, у опочивальни боярина... Веди насъ скорѣе къ нему... Еще можетъ успѣемъ враговъ отразить, пока подоспѣетъ подмога...

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Спаси, спаси отца моего!

— Ради Господа, тише, боярышня! Не разбуди никого... Подымешь тревогу — такъ хуже-бы не было... Пойди, и няню свою успокой — чтобы не пикнула. А мы съ Соколомъ—за тобою, мигомъ!

И пока боярышня сходила съ чердака въ свой теремъ, Василій Никитичъ легонько свиснулъ Сокола, который быстро спустился съ крыши по лѣстницѣ на чердакъ. И баринъ, и слуга—оба распоясались и скинули съ себя однорядки, оправили ножи на поясѣ, осмотрѣли пистоли, и взявъ въ руки по свѣчѣ отъ гаданья, спустились съ чердака въ теремъ боярышни.

V.

Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Курлетевъ изволитъ почивать въ своей опочивальнѣ. Раскинувшись во весь свой великій боярскій ростъ на высокой кровати, онъ покоитъ свое дородное тѣло на мягкихъ пуховикахъ, на шелковыхъ изголовьяхъ, подъ одѣяломъ, подбитымъ собольими пупками: а поверхъ того одѣяла окинуты ноги боярина стеганымъ камчатнымъ кафтаномъ.

Крѣпко заснулъ бояринъ послѣ сытнаго постнаго ужина, приправленнаго добрымъ ковшомъ кипяченаго вина фряжскаго, да стопочкой меду крѣпкаго, стоялаго. И грезится ему, что ѣдетъ отъ Москвы, поспѣшая къ нему, царскій посолъ съ милостивою грамоткой, — что зоветъ его царь вернуться въ бѣлокаменную; зоветъ его съ собою и въ Думѣ засѣдать, и царскою тѣшью вмѣстѣ тѣшиться... И вдругъ онъ слышитъ, что кто-то теребитъ его за рукавъ и за воротъ рубахи, стараясь его пробудить отъ глубокаго сна.

— Ну, что̀... тамъ... еще? мычитъ бояринъ въ просонкахъ:—если... гонецъ... изъ Москвы... пусть до утра обождетъ...

— Батюшка! слышитъ онъ надъ самымъ ухомъ трепетный, дрожащій голосъ дочери. — Батюшка! Подымайся скорѣй ото сна!.. бѣда намъ грозитъ страшная! Гибель неминучая!

— Да что̀ ты! Очумѣла, что-ли? говоритъ бояринъ приподымаясь на своемъ ложѣ.—Откуда тебѣ это пригрезилось?..

— Тише! Ради Бога—тише! Никого не зови... Того и гляди услышатъ... Воры-разбойники на твою усадьбу наѣхали... всѣ входы-выходы осѣли... Сейчасъ къ тебѣ въ окно полѣзутъ... Изъ сѣней прямо къ твоей опочивальнѣ норовятъ—ужь вотъ и лѣстницу для нихъ подъ окномъ Сидорка Безпятый принесъ... Онъ и навелъ ихъ на тебя...

— Да кто тебѣ это сказалъ? Кто наплелъ? тревожно и гнѣвно спрашивалъ бояринъ.

— Не наплёлъ, бояринъ, отзывается въ темнотѣ чей-то знакомый голосъ,—а сущую правду сказалъ. Я тебя спасаючи къ тебѣ боярышню послалъ...

— Кто здѣсь? съ испугомъ вскрикиваетъ бояринъ, стараясь распознать въ темнотѣ двѣ какія-то высокія и мужественныя фигуры.

— Это я, сосѣдъ твой, Василій Третьякъ-Михайловъ да слуга мой, что Соколомъ-то зовутъ. Узнали мы случаемъ, что на тебя напасть хотятъ—пришли тебя защищать и съ тобой отсидѣться въ усадьбѣ, пока подоспѣетъ подмога. Одѣвайся скорѣе, бояринъ, время не терпитъ.

Но бояринъ ужь и не слушалъ его рѣчей... Онъ поспѣшно напяливалъ на плечи кафтанъ, подтягивалъ тучное тѣло поясомъ, и шарилъ по стѣнѣ, отыскивая свой мечъ, свои пистоли, свой охотничій ножъ.

Василій Никитичъ, тѣмъ временемъ, подошелъ къ дверямъ изъ опочивальни въ сѣнцы и прислушивался, видимо, выжидая чего-то... Когда бояринъ одѣлся и подошелъ къ нему, Соколъ шепнулъ ему на ухо:

— У *нихъ* съ Сидоркой положено, что какъ третьи пѣтухи закричатъ, такъ *имъ* твой измѣнщикъ оконцо въ сѣнцахъ отворитъ, а передъ тѣмъ свѣчей махнетъ. Полѣзай молъ!.. Вотъ Василій Никитичъ-то и ждетъ. Какъ только Сидорка въ сѣнцы сунется, мы его тутъ и накроемъ...

— Да гдѣ-же люди-то мои? Гдѣ холопи? въ ужасѣ допрашивалъ бояринъ.

— Холопи твои, которые не пьяны, тѣ давно перевязаны, лежатъ по людскимъ избамъ словно снопы... Вѣдь станишниковъ-то сорокъ человѣкъ наѣхало — и самъ Хлопка Безмѣнъ у нихъ въ атаманахъ... Твоя казна мимо ихъ рукъ сюда проскользнула — вотъ они на нее зубы и точатъ...

Тихіе, осторожные шаги раздались въ сѣнцахъ. Чуть скрипнули шаткія половицы подъ босою ногою... Блѣдная полоска свѣта протянулась въ опочивальню изъ-подъ двери—и померкла...

Въ то же мгновеніе Василій Никитичъ и Соколъ, распахнувши дверь настежь, ринулись въ темныя сѣни, гдѣ Сидорка, уже погасившій свѣчу, брался за раму оконца. Не успѣлъ онъ и пикнуть, какъ двѣ дюжія лапищи сдавили ему грудь и глотку, между тѣмъ какъ

кто-то другой крутилъ ему руки за спину и подвязывалъ къ поясу.

— Крѣпче крути, Соколка! шепталъ Василій Никитичъ. — Да глотку заткни рукавицей, чтобы не крикнулъ. не подалъ *имъ* знаку—не ушли бы отъ насъ. разбойники! Такъ, такъ! Ладно! Теперь брось его въ уголъ... Лежи тамъ. бѣсовъ сынъ!

И, покончивъ съ Сидоркой, Василій Никитичъ смѣлою рукою толкнулъ створчатое оконце и распахнулъ его настежь; а самъ, съ вѣрнымъ Соколомъ, сталъ по бокамъ. у косяковъ. притаивъ дыханье въ нѣмомъ ожиданіи.

Слышно было, какъ два или три человѣка, скрипя ногами по снѣгу, осторожно подставили къ сѣнцамъ лѣстницу — и вотъ полѣзла по лѣстницѣ какая-то темная, мрачная. грузная фигура. Слышно было, какъ гнулась подъ лѣзущимъ лѣстница...

Вотъ, наконецъ, голова въ косматой шапкѣ появилась въ рамѣ окна; двѣ темныхъ ручищи оперлись на косякъ и темная масса полѣзла въ сѣни, съ трудомъ продираясь плечами въ раму оконца.

— Ишь, ты, Сидорка! шепталъ чей-то грубый голосъ, — не ладно затѣялъ. не по плечамъ мнѣ оконцо выбралъ!

— Погоди. пріятель. прошепталъ въ отвѣтъ ему Соколъ. ловко поддѣлываясь подъ говоръ Сидорки, — вотъ я подсоблю тебѣ.

И прежде, чѣмъ Хлопка Безмѣнъ успѣлъ высвободить плечи изъ тѣсной рамы. кто-то такъ ловко накинулъ ему петлю на шею и такъ туго. такъ быстро стянулъ ее, что разбойникъ онѣмѣлъ и замеръ на мѣстѣ... Дыханье его порвалось... Свѣтъ выкатился изъ очей. въ головѣ зашумѣло — онъ лишился сознанія. Онъ даже не чувствовалъ, какъ Соколъ съ Васильемъ Никитичемъ. дружнымъ натискомъ втащили его черезъ оконце въ сѣни, скрутили по рукамъ и ногамъ и бросили въ уголъ, рядомъ съ Сидоркой.

— Ну, что же вы тамъ застряли? крикнулъ Соколъ двумъ остальнымъ разбойникамъ. стараясь поддѣлаться подъ сиплый басъ Хлопки. — Пора! Влѣзай, кто на очереди!

И точно такъ же, какъ съ Хлопкой, справился Нечковскій баринъ и Соколъ съ двумя остальными разбойниками. Въ ту же самую петлю угодили они, влѣзая въ оконце, такъ же точно не успѣли и крикнуть, какъ были ужъ связаны и брошены рядышкомъ съ другими злодѣями въ тѣхъ же сѣнцахъ.

Бояринъ все слышалъ изъ своей опочивальни, гдѣ онъ сидѣлъ, трепеща не за свою жизнь. а за дочь свою, которая прижималась къ груди его, въ ожиданіи гибели, и горячо молилась, молилась вслухъ за своего отца и за своего суженаго. Въ другомъ темномъ углу, точно такъ же молилась, то вздыхая, то охая, старушка-няня.

— Бояринъ, сказалъ Василій Никитичъ, вступая въ опочивальню изъ сѣней. — теперь намъ съ этой стороны опасаться нечего. Главные и самые дерзкіе злодѣи — въ нашихъ рукахъ. Соколка мой стоитъ надъ ними у окна съ чеканомъ въ рукахъ и буде кто двинется или въ окошко сунется—такъ живой не сойдетъ съ мѣста. Надо теперь намъ съ тобою достать изъ твоего охотнаго запаса по пищали доброй да по самострѣлу. и стать у оконъ, что надъ крыльцомъ въ верхнемъ жильѣ. Коли задумаютъ разбойники на разсвѣтѣ съ той стороны напасть: надо имъ дать отпоръ! Самъ видѣлъ, каково я звѣря на охотѣ бью — чай и по злодѣю промаха не дамъ! Такъ, съ Божьей помощью и отсидимся. пока придетъ подмога!

— Дѣлай. что̀ хочешь! Во всемъ тебѣ воля вольная. Василій Никитичъ! тихо проговорилъ бояринъ Курлетевъ, поднимаясь съ мѣста, чтобы исполнить добрые совѣты своего нежданнаго спасителя.

Вся шайка Хлопки, врасплохъ напавшая ночью на усадьбу боярина Курлетева, быстро и ловко расправилась съ боярской служней. Двое нищихъ, по виду убогіе калики-перехожіе, еще съ вечера. наканунѣ, попросились переночевать на боярскомъ дворѣ, споили часть дворни двумя боченками какой-то водки съ крѣпкимъ соннымъ зельемъ, отравили лепешками злыхъ собакъ— и отворили ворота своей братіи, станишникамъ, удалымъ добрымъ молодцамъ. которые тотчасъ всю дворню перевязали и заперли по людскимъ избамъ. Кто было вздумалъ ортачиться, тому пригрозили кистенемъ — и менѣе чѣмъ въ часъ времени вся усадьба боярина Курлетева была уже въ рукахъ разбойниковъ, которые всюду разставили своихъ сторожей, и стали хозяйничать по боярскимъ погребамъ, клѣтямъ и амбарамъ, какъ у себя дома. Самъ Хлопка, съ двумя надежными товарищами. долженъ былъ, по знаку предателя-Сидорки, подняться въ сѣнцы, задушить боярина въ опочивальнѣ, овладѣть его казной и отворить всей ватагѣ дверь, что выходила во дворъ, на бѣлое крыльцо.

Но вотъ ужъ и третьи пѣтухи пропѣли, и больше часу времени съ тѣхъ поръ прошло, какъ Хлопка съ товарищами въ домъ влѣзъ, — а дверь на крыльцо все не отворялась. Прошелъ еще часъ — стало свѣтать — а объ атаманѣ и есаулахъ ни слуху, ни духу...

— Видно, черти, тамъ по уши въ золото да по локоть въ жемчугъ залѣзли! ворчали разбойники, слоняясь кучками по двору около дома и не смѣя ничего предпринять безъ атаманскаго приказа.

— Вѣстимо! дорвались! Теперь ихъ отъ боярской казны, чай, и за уши не оттащишь?

— А что, братцы? Не взглянуть-ли намъ однимъ глазкомъ, что̀ они тамъ въ боярскомъ дому дѣлаютъ? Какъ хозяйничаютъ?

— Отчего не взглянуть! Вѣдь тамъ стремянка-то къ сѣнцамъ и теперь у оконца приставлена. Полѣзай, кто посмѣлѣе!

— Да вотъ у насъ Ванька Сычъ гораздъ лазать-то! На какое хошь дерево взлѣзетъ!

— Полѣзай, Ванька! Чего ждать-то! Ну, полѣзай! закричала толпа на высокаго и коренастаго парня въ рваномъ тулупѣ, съ топоромъ и кистенемъ за поясомъ.

— Ну, васъ, къ шуту! Что̀ я вамъ за посыльщикъ достался!

— Полѣзай, говорятъ! А мы за тобою! Небось, не выдадимъ! Полѣзай! загорланила толпа, подступая къ Ванькѣ.

— Ишь. оголтѣлые! Пристали... Ну, и полѣзу! А что̀ увижу—о томъ не скажу... Придется вамъ самимъ лѣзть поневолѣ!

И онъ вмѣстѣ съ кучею, человѣкъ въ десять разбойниковъ, подошелъ къ лѣстницѣ, плюнулъ на ладони рукъ и бойко полѣзъ по стремянкѣ.

Но едва сунулъ онъ голову въ оконце. какъ кто-то на верху крикнулъ грозно:

— Какъ смѣешь, лѣсовикъ, со своимъ неумытымъ рыломъ въ боярскія хоромы лѣзть?

Ванька страшно вскрикнулъ—и кулемъ рухнулъ на землю, съ раскроеннымъ черепомъ. Разбойники разомъ отхлынули отъ лѣстницы во всѣ стороны; ни одинъ и не подумалъ полѣзть вслѣдъ за Ванькой.

— Ребята! Не ладно дѣло! Въ домѣ-то видно есть изъ людей кто? переговаривались между собой разбойники.

— Кому же тамъ быть, кромѣ старика-боярина, да женской служни. Вѣдь Сидорка нашъ такъ и говорилъ. что онъ одинъ съ бояриномъ на ночь въ хоромахъ остается?..

— Кто же Ванькѣ-то голову разсѣкъ?

— А кто ихъ знаетъ? Можетъ не Хлопка-ли самъ— зачѣмъ молъ безъ спросу полѣзли!

— А коли такъ! Мы и прямо съ крыльца полѣземъ.

Рождество Христово. „Ай, батюшки!“ Рис. Фрескай, грав. Кезеберть.

2

Вали, ребята, прямо туда, на крыльцо, — ломай дверь! Тащи бревна, аль мостовину, высаживай створы! Ишь, старый чортъ-атаманъ! утроба ненасытная! Ему бы все одному въ однѣ руки забрать! Нѣтъ, шалишь! Вали!

И собравшись гурьбою, разбойники съ крикомъ двинулись на крыльцо. Но прежде чѣмъ они къ крыльцу подошли по двору, два оконца въ верхнемъ жильѣ боярскаго дома отворились, изъ нихъ вылетѣло по бѣлому облачку, два выстрѣла раздались разомъ, и двое разбойниковъ съ глухимъ стономъ повалились на снѣгъ, окрашивая его багровыми пятнами крови.

Толпа попятилась и опять сбилась для совѣта на другомъ концѣ двора.

— Э-э, братцы! Вотъ оно что! Это значитъ Сидорка намъ измѣнилъ! Нашего атамана въ западню завелъ! Какъ намъ быть!?

— А такъ и быть! порѣшили самые отчаянные головорѣзы въ шайкѣ, — такъ и быть, что спалить всю усадьбу! Разведемъ костры, пододвинемъ ихъ къ дому, засвѣтимъ свѣчку такую, что будетъ насъ бояринъ Курлетевъ помнить!

Сказано — сдѣлано. Забѣгали они по двору, заповали по сѣноваламъ, по конюшнямъ, по пелевнямъ, стащили во дворъ огромныя груды соломы, подвезли ихъ къ самому дому и вдругъ запалили съ трехъ сторонъ. Ярко вспыхнуло пламя, затрещали наваленныя около дома кучи хвороста и соломы, дымъ повалилъ клубами... Крики ужаса явственно раздались въ домѣ... Злобный крикъ радости былъ отвѣтомъ на нихъ со стороны разбойниковъ.

Но что̀ это? Издали слышатся по дорогѣ къ усадьбѣ бубенцы, колокольцы, громкіе крики, топотъ коней... Снѣгъ вихремъ крутится подъ санями, взрываемый бѣшеною скачкой двадцати троекъ, на которыхъ во весь духъ мчатъ къ Курлетевской усадьбѣ, на выручку боярина, сосѣди дворяне и дѣти боярскія, собравшіеся по призыву Василья Никитича, еще накапунѣ разославшаго людей по сосѣдямъ. Вотъ они подкатили къ усадьбѣ; вотъ вылѣзають изъ саней вооруженные люди и съ крикомъ, гурьбою лѣзутъ во дворъ черезъ садъ, черезъ ограду, черезъ поваленный тынъ чернаго двора.

— Насъ окружили! Бѣги! Въ разсыпную! Живой не давайся въ руки! кричали разбойники, бросаясь во всѣ стороны.

— Бей всѣхъ! Не жалѣй! кричатъ имъ навстрѣчу дворяне, и съ бердышами, съ самопалами въ рукахъ, стремились они со всѣхъ сторонъ на разбойниковъ, вмѣстѣ со своими холопями.

И вотъ, пока одни тушили пожаръ, другіе били и вязали разбойниковъ. Крики, стоны, ругань, выстрѣлы, стукъ и бряцанье оружія — слились на нѣсколько мгновеній въ одинъ общій гулъ въ общей отчаянной свалкѣ.

VI.

На другой день, въ самый день Рождества Христова, бояринъ Курлетевъ, отслушавъ обѣдню у себя на погостѣ, въ шести верстахъ отъ усадьбы, пригласилъ къ себѣ священника съ причтомъ на честной боярскій пиръ, и просилъ его, по случаю избавленія отъ великой опасности, отслужить въ домѣ благодарственный молебенъ и весь домъ окропить святою водой.

На тотъ пиръ и на тотъ молебенъ пригласилъ бояринъ и всѣхъ тѣхъ дворянъ-сосѣдей, которые его избавили отъ неминучей гибели. Когда попъ съ дьяками отпѣлъ молебенъ и всѣ гости двинулись вслѣдъ за хозяиномъ въ столовую, бояринъ Курлетевъ взялъ Василія Никитича за руку, вывелъ его на средину столовой палаты, да при всѣхъ и поклонился ему въ ноги.

Василій Никитичъ обомлѣлъ, растерялся и до такой степени опѣшилъ, что даже не поднялъ старика. Подскочили другіе дворяне, подхватили боярина подъ руки; но тотъ не хотѣлъ подниматься.

— Нѣтъ, други, я долженъ ему трижды въ ноги кланяться! Я посмѣлъ передъ нимъ своимъ родомъ величаться, я его ни за что̀ изобидѣлъ — а онъ мнѣ вонъ какъ отплатилъ! Не хочу я у тебя, сосѣдъ дорогой, въ долгу оставаться. И прошу я тебя упиженно, къ стопамъ твоимъ припадаючи, прими ты отъ меня на память даръ, отъ души даруемый...

— Бояринъ, горячо сказалъ Василій Никитичъ, — ты знаешь что я на дары не падокъ!

— Ну, врешь! отъ этого дара не откажешься!

И бояринъ громко захлопалъ въ ладоши.

Дверь въ смежную комнату отворилась, и няня-старушка вывела оттуда Наталью Ѳедоровну въ бѣломъ штофномъ лѣтникѣ и въ тѣлогрѣѣ, подъ густой кружевною фатой.

— Вотъ тебѣ даръ мой — по нынѣшнему великому празднику! сказалъ бояринъ указывая Василію на Наталью. — Отецъ Семенъ, пока еще намъ обѣдать не подали, благослови мою дочь, боярышню... Отдаю ее доброй волею за боярскаго сына Василья Третьяка-Михайлова. Научился я знать, что онъ, по душѣ своей, всякому, самому знатному роду боярскому, и въ честь, и въ мѣру!

Василій Никитичъ, одурѣлый отъ счастья, бросился цѣловать руки своему нареченному тестю, который его къ тому не допустилъ, и крѣпко, крѣпко обнялъ.

— Вотъ мы и точно у праздника! говорили кругомъ ихъ сосѣди-дворяне, и чистая, прекрасная радость наполняла ихъ душу истинно праздничнымъ тепломъ и свѣтомъ.

Отвѣтъ.

Психологическій этюдъ **В. Толля.**

Давно служилъ у насъ Степанъ Ильичъ, такъ давно, что одинъ только семидесяти-лѣтній сторожъ Евстигнѣичъ *), ходячая исторія полувѣковой жизни нашего департамента, помнилъ его поступленіе на службу, лѣтъ тридцать, по крайней мѣрѣ. Остальные служащіе поступая видѣли сухопарую, безцвѣтную фигуру Степана Ильича на просиженномъ клеенчатомъ стулѣ, въ углу, направо отъ двери, и затѣмъ, увольняясь въ отставку, переводясь въ другія вѣдомства или умирая, оставляли его на томъ же стулѣ, за тѣмъ же безпрерывнымъ нумерованьемъ, подкладываньемъ и подшиваньемъ бумагъ. Да и до сихъ поръ, представишь себѣ мысленно департаментъ нашъ, самое его помѣщеніе, и ужь непремѣнно со Степаномъ Ильичемъ въ уголку; а приснится иной разъ Степанъ Ильичъ, такъ ужь не иначе какъ на просиженномъ стулѣ въ присутственной комнатѣ. Какъ-то не вяжется въ воспоминаніяхъ одинъ безъ другаго.

Да и всему городу была знакома его сухопарая, длинная фигура, шествовавшая ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ изъ одного конца города въ другой, по направленію къ департаменту, и съ такою же пунктуальностью, всегда однѣми и тѣми же улицами возвращавшаяся вечеромъ домой въ одинъ изъ немощеныхъ, непроходимо-грязныхъ переулковъ окраины, гдѣ онъ занималъ крошечную каморку въ мезонинѣ лачужки на курьихъ ножкахъ.

Непривѣтливо было у Степана Ильича, очень непривѣтливо. Мебели почти никакой, а наличная — въ полуразрушенномъ состояніи. Комнатка крошечная, низенькая, съ кривымъ потолкомъ, прыгавшими вверхъ и внизъ половицами, крошечнымъ окошечкомъ, плохо пропускавшимъ свѣтъ, такъ какъ оно кажется ужь нѣсколько лѣтъ не было мыто и нѣкоторыя стекла начинали отливать всѣми цвѣтами радуги. Сыро и холодно у Степана Ильича было до невѣроятности. Впрочемъ, онъ въ своей квартирѣ только спалъ. Придя изъ департамента, всегда очень поздно, поѣстъ бывало въ сухомятку что-нибудь захваченное по дорогѣ въ мелочной лавочкѣ, запьетъ стаканомъ холодной воды или, въ лучшемъ случаѣ, грошоваго квасу, полежитъ съ полчасика на своей жесткой какъ камень постели и пойдетъ внизъ къ хозяйкамъ. А хозяйки эти были замѣчательны: двѣ сестры—старыя дѣвы, питавшія ко всему роду человѣческому злобу непреоборимую, день-деньской поѣдомъ ѣвшія другъ друга и всѣхъ подъ руку попадавшихся. И бѣгали же отъ нихъ всѣ какъ отъ чумы, а Степанъ Ильичъ ничего, ходилъ къ нимъ и проводилъ у нихъ вечера, потому что у нихъ

*) Евстигнѣй — испорченное Евсигній.

было свѣтло и тепло, а у себя онъ, экономіи ради, не хотѣлъ ни топить, ни лампу зажигать. Онѣ же дѣлились съ нимъ свѣтомъ и тепломъ своимъ, потому что другъ другу почтенныя сестрицы надоѣли до тошноты, а Степанъ Ильичъ все же былъ человѣкъ свѣжій, проводившій у нихъ не болѣе двухъ часовъ въ сутки, а главное, тихій и безотвѣтный, на котораго ушатами можно было изливать накипѣвшую за день злость. И во всемъ-то онъ былъ виноватъ! Въ воскресенье у нихъ украли курицу. Это, навѣрное, та нищенка, которой Степанъ Ильичъ въ тотъ-же день утромъ подалъ краюху черстваго хлѣба. И нужно очень всякихъ такихъ бездѣльницъ пріучать шляться около дома! Только вѣдь и высматриваютъ, гдѣ что плохо лежитъ. А сегодня изъ-за угла камнемъ стекло у нихъ вышибли. Ужъ некому больше, какъ тому бродягѣ, который приходилъ послѣ нищенки и которому Степанъ Ильичъ ничего не подалъ, сказавъ, что такіе здоровые парни могутъ еще работать. Вотъ онъ изъ мести и вышибъ стекло; а платить-то имъ придется, не Степану Ильичу, ему что̀, все трынъ-трава! И что̀ это за манера? Одной подаютъ, другому нѣтъ! Подавать, такъ подавать ужъ всѣмъ. А Степанъ Ильичъ сидитъ себѣ невозмутимо въ уголочкѣ: „ладно, молъ, ладно, брешите на доброе здоровье, а вотъ, сколько я отложу въ этомъ мѣсяцѣ — это гораздо интереснѣе. Сегодня 14-ое, до 20-го еще шесть дней, шесть дней по 15 копѣекъ это 90 коп., ну скажемъ рубль; да, кое-что отложимъ", прибавлялъ онъ про себя, пріятно ухмыляясь.

А въ комнатѣ такъ и носилось жужжаніе обѣихъ сестрицъ. прерываемое лишь тиканьемъ старенькихъ часовъ и стукомъ проворно двигавшихся спицъ.

„Ахъ, подлые", вдругъ мелькало въ головѣ Степана Ильича воспоминаніе о до-нельзя изношенныхъ сапогахъ.—„Шутъ ихъ возьми совсѣмъ, пожалуй ужъ и подметокъ сапожникъ не возьмется ставить. Не пришлось-бы новые покупать! Ну тогда надо будетъ въ рынкѣ какіе-нибудь поношенные поискать."

Совсѣмъ его эта мысль огорчала. Шутка-ли, сразу придется рубля три-четыре отдать, а значитъ и настолько меньше отложить. Морщинистое лицо его приняло кислое-прекислое выраженіе и очень кстати, потому что какъ разъ въ эту минуту одна изъ почтенныхъ сестрицъ взглянула на него, чтобы убѣдиться, не заснулъ-ли онъ, и если бы увидѣла давешнее радостное и довольное выраженіе его лица, то ему бы порядкомъ досталось на орѣхи, такъ какъ въ эту минуту повѣствовалось о печальной участи, постигшей любимую кошку сестрицъ. Она вчера прибѣжала вся въ крови съ откушеннымъ хвостомъ. Безъ сомнѣнія, это противный сосѣдскій Барбосъ, котораго Степанъ Ильичъ вѣчно гладитъ; и что̀ это у него за страсть — что̀ бы ни случилось во все долженъ замѣшаться Степанъ Ильичъ, какъ ему не совѣстно вѣчно причинять имъ разнаго рода непріятности! Но тутъ ужъ кухарка Агаѳья, добродушная, пожилая баба, проходя черезъ комнату, замѣтила кислую мину „тихони", какъ она за глаза и въ глаза даже называла Степана Ильича; приписывая ее дѣйствію двухчасоваго пиленья и принимая его сторону, какъ всегда она дѣлала въ критическіе моменты, она прервала потокъ краснорѣчія одной изъ сестрицъ:

— И-и-и, что вы, барынька, вѣдь не Степанъ же Ильичъ у Машки хвостъ отгрызъ.

— Кто тебѣ это, дура, говоритъ? Говорятъ, что это сосѣдскій Барбоска; кому же больше? Ну, кто еще могъ это сдѣлать, по твоему?

— А може она сама себѣ хвостъ отгрызла, догадывалась Агаѳья съ видомъ простоты и невинности, въ дѣйствительности же съ цѣлью отвлечь отъ Степана Ильича гнѣвъ сестрицъ.

— Ну, дура, вотъ такъ дура! обрушивались сестрицы на Агаѳью и начинали всячески костить ее.

Такъ проходило время часовъ до девяти, времени всеобщаго успокоенія въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ.

Степанъ Ильичъ раскланивался, благодарилъ за гостепріимство, желалъ покойной ночи и отправлялся въ свою холодную конуру, гдѣ тотчасъ же, не зажигая огня, укладывался подъ старенькое одѣяло и укутывался еще сверху шинелью.

И такъ изъ вечера въ вечеръ—и все только ради елико возможнаго сокращенія расходовъ на свое содержаніе.

Одѣвался Степанъ Ильичъ болѣе чѣмъ мизерно. Шинелишку его, кажется, всякій уличникъ въ городѣ зналъ. Изъ насъ же никто никогда не помнилъ его въ другой, хотя нѣкоторые служили весьма изрядное количество лѣтъ. Верхъ на ней былъ цвѣта необъяснимаго, не то небесно-голубаго, не то café au lait, какъ опредѣляли его наши остряки. Подкладка блистала почти совершеннымъ отсутствіемъ, и нѣкоторые сорванцы-писаря выдергивали изъ нея клочьями вату для набивки папиросъ. Но горе тому, кто попадался на мѣстѣ преступленія Евстигнѣичу. Недѣли двѣ проходу не дастъ, такъ и будетъ все пилить, пилить, пилить безъ конца. Да и послѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ кряду не пропуститъ случая пристыдить. Вообще шинель Степана Ильича пользовалась у Евстигнѣича особеннымъ почетомъ. Наши всѣ пальто, шубы, шинели онъ совалъ какъ попало на первую попавшуюся вѣшалку, а для Степана Ильича было особенное заповѣдное мѣстечко въ уголку. Сниметъ, бывало, съ него шинель, проведетъ рукой по пришитому къ ней собачьему воротнику (къ лѣту онъ отпарывался, пришивался суконный, и Степанъ Ильичъ такъ и щеголялъ въ самую жаркую пору въ ватной шинели), подуетъ на него противъ шерсти, оботретъ рукой вѣшалку и затѣмъ бережно повѣситъ эту рухлядь, точно тысячную шубу. Вицмундиръ побѣлѣлъ по всѣмъ швамъ и, кажется, потерялъ даже способность рваться; блестѣлъ онъ, по крайней мѣрѣ, какъ клеенчатый, а нигдѣ не былъ заштопанъ, нигдѣ не было заплатокъ. За то брюки, о эти брюки! По нимъ гимназисты втораго класса смѣло могли бы изучать географію: всѣ части свѣта, со всѣми рѣками, озерами и морями были тутъ изображены черными нитками по сѣрому фону. Изобильно насаженныя чернильныя пятна съ успѣхомъ могли изображать собою города. Изъ лопнувшаго сапога нерѣдко предательски выглядывалъ носокъ или лукаво подмигивалъ кончикъ большаго пальца.

И для чего все это дѣлалъ Степанъ Ильичъ? Для чего онъ мерзъ въ своей квартирѣ, не доѣдалъ, одѣвался хуже всѣхъ въ департаментѣ? На получаемые имъ тридцать рублей содержанія можно бы существовать гораздо приличнѣе, тѣмъ болѣе, что родственниковъ у Степана Ильича никакихъ не было. Отецъ его умеръ, когда ему было не болѣе шести лѣтъ, такъ что онъ едва помнилъ его. За то мать свою онъ помнилъ хорошо. Но что̀ это за воспоминанія! Пьяная, растрепанная женщина, все, послѣднюю тряпку тащившая изъ дому въ портерную. Либо она пропадала по цѣлымъ днямъ и ночамъ, оставляя сынишку на произволъ судьбы, либо спала дома, а вечеромъ устраивалась оргія, въ которой принимали участіе такія же несчастныя товарки ея. Ребенокъ убѣгалъ изъ дому и ходилъ цѣлыми часами по городу. а затѣмъ ночевалъ передъ запертою квартирой на лѣстницѣ. Остальныя дѣти на дворѣ съ нимъ играть не хотѣли, потому что это имъ запрещали родители, и, напротивъ, всячески дразнили его и насмѣхались надъ нимъ. Случись ему получить въ подарокъ отъ кого-нибудь изъ родныхъ, жалѣвшихъ его, что-нибудь изъ поношеннаго дѣтскаго платья, мать отбирала и пропивала. Съ даренными деньгами было то же. Вотъ съ этого-то времени онъ и заключился въ свою раковину, остался на всю жизнь несообщительнымъ, избѣгающимъ сближенія съ другими людьми. Съ этого времени въ немъ зародилось стремленіе прятать отъ матери всѣ свои пожитки, перешедшее мало-по-малу въ стремленіе припрятать, отложить какъ можно больше. Вышелъ Степанъ Ильичъ въ люди только благодаря помощи постороннихъ добрыхъ людей. Всѣ его родные перемерли, умерла и мать. Привычка копить, отказывая себѣ во всемъ, явившаяся первоначально какъ противовѣсъ привычкамъ матери, съ теченіемъ времени окрѣпла, и Степанъ Ильичъ превратился въ вышеописаннаго скупца.

Но если бы его спросить, для чего онъ копитъ, отказываетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, онъ бы, навѣрное, не съумѣлъ сказать; я думаю, даже больше: онъ бы тогда задумался надъ этимъ вопросомъ и пересталъ бы такъ настойчиво, постоянно откладывать. Совсѣмъ бы онъ, конечно, не пересталъ, но. по крайней мѣрѣ, дозволялъ бы себѣ больше удобствъ въ жизни, чѣмъ теперь. Не было только такого близкаго къ Степану Ильичу человѣка, который поинтересовался бы внутреннимъ міромъ его и слова котораго имѣли бы вѣсъ въ глазахъ Степана Ильича. Онъ жилъ совершенно особнякомъ, нигдѣ не бывая, не принимая у себя никого, проводя дни, частенько и праздничные, въ департаментѣ, а вечера у хозяекъ, лѣтомъ же — на лавочкѣ у воротъ.

Приходилъ Степанъ Ильичъ въ департаментъ всегда раньше всѣхъ, уходилъ позже всѣхъ, и за тридцать лѣтъ ни разу не промаикировалъ, не взялъ ни одного отпуска. Остряки наши объясняли это именно тѣмъ, что въ квартирѣ его зимой съ потолка ледяныя сосульки висятъ, такъ что каморка его съ успѣхомъ можетъ изображать собою сталактитовый гротъ; а лѣтомъ де, благодаря помѣщающейся непосредственно надъ ней желѣзной крышѣ, температура въ ней раскаляется до того, что Степанъ Ильичъ жаритъ мясо и печетъ яйца просто вздергивая ихъ на шнурочкѣ къ потолку.

Какъ-бы то ни было, но никому изъ насъ ни разу не пришлось, придя въ департаментъ, не найти на обычномъ мѣстѣ шинели дикаго цвѣта и не оставить ее тамъ-же уходя. Кланялся Степанъ Ильичъ всегда первый, всѣмъ входящимъ, привѣтствуя словами: „честь имѣю кланяться, господинъ чиновникъ такой-то", до начальника отдѣленія исключительно. Тутъ ужъ онъ молча вставалъ со стула и отвѣшивалъ своею вихрястой, плохо причесанной головой низкій поклонъ. Богъ его вѣдаетъ, почему онъ насъ такъ титуловалъ. Одного только сторожа нашего звалъ онъ всегда „Матвей Евстигнѣевичъ", да „вашимъ превосходительствомъ" величалъ тѣхъ кого мелкій департаментскій чиновникъ ужъ не имѣетъ права звать по имени и отчеству. А зналъ вѣдь всѣхъ по имени, хотя-бы только наканунѣ поступившихъ. Дѣлалъ-ли онъ это для избѣжанія излишней короткости съ сослуживцами или это казалось ему особенно утонченной вѣжливостью—не знаю, но только отучить его отъ этой привычки никакъ нельзя было. Какъ оно намъ ни казалось дико въ первое время по поступленіи, мы мало-по-малу привыкли и, напротивъ, крайне-бы удивились, если-бы Степанъ Ильичъ вдругъ назвалъ кого-нибудь „Петръ Ивановичъ" вмѣсто „господинъ чиновникъ Пѣтуховъ". Его-же никто во всемъ городѣ иначе не звалъ какъ по имени и отчеству, и

Рождество Христово. Посѣщеніе колодниковъ царицей въ XVII вѣкѣ.

Картина барона М. Клодта, грав. Пуцъ и Бергъ.

нерѣдко сами сослуживцы по департаменту забывали его фамилію, да и Степанъ-то Ильичъ, я думаю, не сейчасъ-бы откликнулся на зовъ: „господинъ Ступицынъ". Обмѣна рукожатій съ нимъ тоже почему-то не происходило, не въ модѣ было. Самъ-ли онъ ихъ вывелъ изъ употребленія, чиновники-ли сторонились отъ него, видя его обособленность,—доискаться было-бы трудно.

Въ разговоры Степанъ Ильичъ ни въ какіе не вступалъ кромѣ касающихся службы. Развѣ кто-нибудь изъ чиновниковъ, разсказывая преданія департаментской жизни, допуститъ неточность хронологическую или переврeтъ имя бывшаго начальника. Тотчасъ послышится изъ угла комнаты тихій, трусливый голосокъ (иначе не умѣю назвать этого голоса) Степана Ильича:

— Осмѣлюсь замѣтить господину чиновнику Швейкину, что происходило это не въ началѣ 1863, а въ концѣ 1862 года-съ, приблизительно въ пятнадцатыхъ числахъ декабря мѣсяца-съ.

Если „господинъ чиновникъ Швейкинъ"—человѣкъ нетерпѣливый—былъ недоволенъ этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ и съ досадой замѣчалъ Степану Ильичу:

— Ахъ, ужь вы вѣчно со своими точностями, не все-ли равно, въ концѣ 62-го или началѣ 63-го,—то Степанъ Ильичъ моментально какъ-то сокращался, съеживался и въ смущеніи лепеталъ, привставъ за своимъ столомъ:

— Покорнѣйше прошу извиненія у господъ чиновниковъ за вмѣшательство мое, я думалъ, что точность...—и, покраснѣвъ, умолкалъ всегда на этомъ словѣ. Но случись то же самое опять черезъ десять минутъ, онъ не могъ утерпѣть чтобы не поправить, хотя-бы подъ страхомъ подобно-же холодной души.

Если-же „господинъ чиновникъ такой-то" былъ деликатнѣе и благодарилъ Степана Ильича за поправку, то онъ расцвѣталъ радостною улыбкой и, привставая, кланяясь, бормоталъ: „не за что-съ, помилуйте-съ, всегда готовъ-съ", и довольный углублялся вновь въ свои бумаги.

Ну и дока-же онъ былъ насчетъ этихъ бумагъ. Никакіе списки, реестры, журналы не могли сравниться съ головой его. Онъ помнилъ все, рѣшительно все. Всѣ отношенія, донесенія, отвѣты на нихъ, предписанія, приказанія, циркуляры, прошенія, — словомъ, вся эта гибель бумагъ, проходившихъ черезъ руки Степана Ильича, журналиста и архиваріуса нашего, укладывалась въ головѣ его въ хронологическомъ порядкѣ. И ужь если онъ скажетъ, что подобной бумаги нѣтъ, то можно было, кажется, побиться объ закладъ на сколько угодно, что ея не окажется, хоть вверхъ дномъ поверни весь департаментъ. У него, должно быть, голова особенно какъ-нибудь устроена была. Или ему то помогало, что кромѣ департамента онъ ничѣмъ не интересовался, и въ свободное время, въ праздники, напримѣръ, приходилъ въ департаментъ и цѣлые дни проводилъ за перебираньемъ и перечитываньемъ старыхъ бумагъ и дѣлъ. Съ какой любовью относился онъ къ каждой бумажкѣ, разглаживалъ, подшивая къ остальному дѣлу, примѣрялъ какъ-бы это поудобнѣе, покрасивѣе сдѣлать. Нѣкоторыя бумаги, впрочемъ, сердили его, особенно такія, которыя совсѣмъ не подходили подъ форматъ остальныхъ.

— Ишь, ты, куцая какая, бормоталъ онъ, когда бумага оказывалась меньше остальныхъ,—и гдѣ это тебя такъ обкарнали!

Еще хуже было, если бумага оказывалась гораздо больше остальныхъ.

— Ну куда я тебя дѣну, болванищу такую большущую? И что тебя разнесло такъ! Добро-бы еще бумага путная, а то такъ себѣ, шальная какая-то. Ну, ну, сгибайся, нечего кобяниться, надо-же тебя подъ общій форматъ подвести. Не особенный-же шкафъ заказывать для подобнаго сокровища.

Нельзя было доставить Степану Ильичу бо̀льшаго удовольствія, какъ обращеніемъ къ нему за какою-либо дѣловою справкою. Просто съ наслажденіемъ излагалъ онъ вамъ на память цѣлую переписку по поводу какой-нибудь казенной постройки, которую въ моментъ наведенія справокъ и съ лица земли-то стерли. Если справлявшійся удовлетворялся полученными отъ Степана Ильича свѣдѣніями, радость послѣдняго еще усугублялась. Если-же его просили все-таки достать дѣло, то онъ, нѣсколько обиженный, направлялся прямо къ одному изъ бывшихъ въ распоряженіи его полутора десятковъ громадныхъ шкафовъ, совалъ руку, почти не глядя, на одну изъ полокъ и прямо извлекалъ нужное ему дѣло, бѣгло просматривалъ его, убѣждался въ вѣрности своихъ сообщеній и съ торжествомъ несъ его къ „Оому невѣрному", какъ мысленно обзывалъ недовѣрчиваго чиновника.

Всѣ мы, словомъ, пришли къ убѣжденію, что ни департаментъ безъ Степана Ильича, ни Степанъ Ильичъ безъ департамента трехъ сутокъ просуществовать не могутъ. Самъ онъ въ подобныя размышленія не углублялся, но, ложась спать, напримѣръ, припоминалъ всѣ поступившія за день бумаги, ихъ содержаніе, отвѣты на нихъ, улыбался при мысли о томъ, что такъ ловко отвѣтили сегодня на придирку казенной палаты, и засыпалъ въ чаяніи завтрашняго движенія департаментской воды. А проснувшись утромъ и умываясь, ужь раздумывалъ о томъ, какія могутъ сегодня поступить къ нему бумаги, старался догадаться о содержаніи ихъ по наружному виду пакетовъ, поступившихъ вчера къ дежурному чиновнику. Остальной жизни для Степана Ильича не существовало, все шло мимо, не задѣвая его, и онъ шелъ мимо всего, не замѣчая ничего. Былъ еще завѣтный тиковый мѣшечекъ, подъ тюфякомъ, съ пачками депозитокъ, но и его Степанъ Ильичъ пополнялъ или, лучше сказать, всячески старался пополнить, въ ущербъ своимъ удобствамъ и здоровью, больше ради привычки, хотя тутъ и примѣшивалась нѣкоторая доля удовольствія, какого-то наслажденія, при видѣ все утолщавшихся пачекъ. Цѣли, смысла въ этомъ не было. Вся цѣль, весь смыслъ его жизни поглощались департаментомъ.

Такъ жилъ Степанъ Ильичъ, такъ думалъ и умереть, или, не то что думалъ, а такъ долженъ-бы былъ умереть, судя по всему.

Вышло однако иначе. Видно программа жизни Степана Ильича была составлена не согласно съ ожиданіями департаментскихъ чиновниковъ.

На тридцатомъ году службы его (было ему отъ роду къ этому времени лѣтъ около 53) ожидался къ намъ новый директоръ, при Степанѣ Ильичѣ шестой. Всѣ мы, конечно, волновались, наводили справки о немъ, всячески старались узнать что-нибудь о его характерѣ, отношеніяхъ къ служащимъ. Невольно думалось о томъ, какъ-то при немъ служба пойдетъ, не удастся-ли выдвинуться какъ-нибудь, или, пожалуй, не понравившись еще ему, съѣстъ совсѣмъ и съ волосами, если человѣкъ придирчивый. Такія или подобныя мысли волновали всю нашу братію, всю, кромѣ Степана Ильича. Его тоже волновала и безпокоила смѣна директоровъ, но совсѣмъ по другимъ соображеніямъ:

„Вотъ вѣдь не сидится ихъ превосходительствамъ! Чего имъ не хватаетъ у насъ въ департаментѣ! Ну, хорошо еще повышеніе дадутъ, а то вдругъ переходятъ изъ одного вѣдомства въ другое. Вотъ нашъ ужь обсидѣлся здѣсь и къ дѣлу привыкъ и все такое, а теперь на-вотъ переводится, а къ намъ сажаютъ совсѣмъ изъ другаго министерства. Ну, развѣ можно такъ? Что-же онъ смыслитъ? Какъ-же онъ будетъ директорствовать? Конечно, дѣло это его, а я-бы ни за что не пошелъ въ другое министерство. Тамъ вѣдь просто какъ безъ рукъ. Эхъ, сидѣли-бы лучше на своихъ мѣстахъ, чѣмъ прыгать съ одного на другое. Вотъ вѣдь служу-же я тридцать лѣтъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Ну, да и то сказать: я—и директоръ! Дистанція, огромнаго размѣра!"

Дѣйствительно, Степану Ильичу нечего было много заботиться о характерѣ и качествахъ новаго директора. Благодаря „дистанціи огромнаго размѣра", онъ съ нимъ въ непосредственныя сношенія, можно сказать, никогда не приходилъ; честолюбіе его не мучило, какъ многихъ изъ насъ грѣшныхъ; недовольнымъ-же его работой, кажется, архи-придирчивый человѣкъ не могъ-бы быть;—слѣдовательно Степану Ильичу и оставалось только мучиться ожиданіями, такъ-же-ли все останется въ департаментѣ какъ было до сихъ поръ, или явятся ненавистныя ему новшества, измѣнится-ли количество переписки или нѣтъ, такъ-же-ли директоръ ловко будетъ отгрызаться отъ придирокъ разныхъ другихъ инстанцій какъ прежній или будетъ передъ ними пасовать.

Между тѣмъ получаемыя нами свѣдѣнія и всегда предшествующіе пріѣзду новаго начальника слухи были крайне неутѣшительнаго свойства. Рисовали его эти свѣдѣнія и слухи человѣкомъ сухимъ, безсердечнымъ, раздражительнымъ, придирчивымъ, болѣзненно-самолюбивымъ. Мы и носы повѣсили. Это, значитъ, должна была быть діаметральная противоположность съ уѣзжавшимъ.

Но вотъ наступилъ конецъ всѣмъ нашимъ волненіямъ и страхамъ.

„Пріѣхалъ, вчера вечеромъ пріѣхалъ", передавалось въ одинъ прекрасный день изъ устъ въ уста по всему департаменту. Въ тотъ-же день получилось приказаніе собраться всѣмъ чиновникамъ завтра въ двѣнадцать часовъ въ департаментской залѣ и тамъ представиться грозному начальнику. Пошла у насъ въ этотъ день кутерьма. Евстигнѣичъ, предводительствуя цѣлымъ полчищемъ бабъ, вооруженныхъ щетками, тряпками, мочалками, лоханками съ водой, чуть не съ полудня выгналъ насъ изъ департамента. Степанъ Ильичъ и тотъ принужденъ былъ удалиться. Чистили, мыли, скоблили, царапали, наводили глянецъ. Просиженный стулъ Степана Ильича убрали и ему поставили новый.

Собрались на другой день въ обыкновенное время. Евстигнѣичъ встрѣчалъ насъ въ передней въ какомъ-то курьезномъ куцомъ мундирчикѣ чуть не Екатерининскихъ временъ; подбородокъ его былъ тщательно выбритъ, а плѣшь, съ остаточками изжелта-бѣловатыхъ косицъ по краямъ, обильно успащена деревяннымъ масломъ. Все блестѣло и сіяло необычайною для глаза нашего чистотой. Шинель дикенькаго цвѣта висѣла ужь на своемъ мѣстѣ. Всякій пріодѣлся какъ только могъ; одинъ Степанъ Ильичъ явился въ обыкновенномъ своемъ затрапезномъ костюмчикѣ. Приходя, нѣкоторые еще въ передней передъ зеркаломъ дѣлали репетиціи неотразимо-привлекательныхъ поклоновъ, которыми-бы можно было сразу заполонить начальническое сердце. Торжественность, возбужденное ожиданіе чего-то особеннаго написаны были на всѣхъ лицахъ.

Степану Ильичу не сидѣлось на его новомъ стулѣ. Какъ

пришелъ онъ по утру и увидѣлъ, что нѣтъ его обычнаго сѣдалища, тотчасъ-же заползло ему въ душу предчувствіе чего-то сквернаго. Евстигнѣичъ, не смотря на всѣ его доводы и просьбы, не согласился поставить стараго стула.

— Помилуйте-съ, Степанъ Ильичъ, шамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, — изъ него вѣдь потроха совсѣмъ вывалились, до полу висятъ. Нешто это можно при такомъ строгомъ дилектурѣ какъ новый? Воля ваша-съ, никакъ не возможно.

Такъ и отъѣхалъ Степанъ Ильичъ. А на новомъ стулѣ ему ужасно скверно сидѣлось. Ерзалъ онъ по нему взадъ и впередъ, вкривь и вкось, и никакъ не могъ найти настоящаго положенія: не было той впадины. въ которую онъ привыкъ такъ удобно помѣщаться. Тутъ, напротивъ, сидѣнье горбомъ какимъ-то торчало. Еще усиливалось этимъ неудобствомъ скверное, безпокойное состояніе его духа и предчувствіе чего-то недобраго; казалось ему, будто недолго придется сидѣть на новомъ стулѣ.

— Умру я что-ли, или захвораю? Иначе что-же можетъ быть? А сосетъ вотъ тутъ что-то, и все въ головѣ вертится, что не долго мнѣ сидѣть на этомъ противномъ стулѣ. Ну, да конечно недолго, попрошу денька черезъ три Матвея Евстигнѣича, онъ и поставитъ старый. Вотъ тебѣ и объясненіе предчувствія.

По напрасно старался онъ себя успокоить подобнымъ шутливымъ толкованіемъ. Ему все было не по себѣ.

Наконецъ. время стало подвигаться къ полудню, и мы мало-по-малу начали собираться въ залѣ.

Ровно въ двѣнадцать пріѣхалъ. Въ передней тотчасъ-же послышался рѣзкій, визгливый голосъ: — Ты что̀ за чучело?

Очевидно обращались къ Евстигнѣичу.

Очень намъ всѣмъ это не понравилось. Почтеннаго нашего Евстигнѣича вдругъ чучелой обозвать! Переглянулись мы молча и ждали, что̀ дальше будетъ. Слышно было, какъ бѣгалъ онъ по комнатамъ, какъ критиковалъ все попадавшееся ему на глаза. Наконецъ, влетаетъ въ зало. Всѣ наши обворожительные и необворожительные поклоны пропали даромъ; по крайней мѣрѣ, отвѣта на нихъ не воспослѣдовало. Началъ онъ съ рѣчи, въ которой прежде всего проглядывало желаніе поставить себя на высоту недосягаемую; говорилось о падающемъ въ послѣднее время уваженіи къ начальству, что̀ однако не можетъ имѣть мѣста подъ его управленіемъ. Голосъ его былъ крайне непріятный, рѣзкій, дребезжащій какой-то. Да и вся фигура внушала мало симпатіи. Маленькій, худенькій, но бодрый еще старичокъ, съ зеленоватыми. кошачьими глазами, бѣгавшими во всѣ стороны, носъ крючкомъ, косички изъ желто-зеленоватыхъ волосъ, растрепавшихся отъ бѣготни по департаментскимъ заламъ,—все это придавало ему непріятный видъ, поневолѣ заставившій насъ всѣхъ, при появленіи его, мысленно воскликнуть: „ну. злюка“.

Въ лѣвой рукѣ у него былъ зажатъ носовой платокъ, который онъ перебиралъ своими сухими крючковатыми пальцами. Вдругъ платокъ падаетъ. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и Степанъ Ильичъ. бросаются поднимать его. Степанъ Ильичъ скользитъ на паркетѣ и падаетъ на одно колѣно. Встаетъ и, о ужасъ! брюки разсѣлись по всему колѣну! Дыра образовалась огромная. Директоръ, принявъ платокъ отъ подававшаго его и не поблагодаривъ даже, обернулся въ сторону Степана Ильича. Видно было по поджавшимся губамъ его и наморщившемуся лбу, что фигура пріятеля нашего очень ему не понравилась.

— Что̀ это значитъ, милсдарь? завизжалъ онъ. — Вы пьяны, должно быть? Въ какомъ видѣ представляетесь вы начальству? Не чесаны, не бриты, грязны. Стыдно вамъ, милостивый государь! А это что̀ такое? Что̀ это такое, спрашиваю я васъ, завизжалъ онъ съ новымъ приливомъ злобы, потрясая рукой по направленію злополучной дыры.

Печальна, но и комична была фигура Степана Ильича въ эту минуту. Опустивъ голову, разставивъ ноги, разглядывалъ онъ смущенно и растерянно свое колѣно. Директоръ не выдержалъ, наконецъ; подскочивъ къ нему и дернувъ его за рукавъ, зашипѣлъ ужь какъ-то, съ присвистомъ:

— Съ вами я говорю или нѣтъ? Вы понимаете меня? Или вы совсѣмъ пьяны? Что̀ это такое? А?

— Это... это д...дыра, ваше превосходительство, заикался Степанъ Ильичъ.

Какого отвѣта хотѣлъ его превосходительство на свой вопросъ, не знаю, но этотъ довелъ его до крайнихъ предѣловъ бѣшенства.

— Вы смѣяться надо мной, милсдарь? Смѣяться-съ? Ваша фамилія?

— Степанъ Ильичъ.

— Фамилія ваша! Глухи вы? Фамилія!...

— Степ... Степ... Ступицынъ, ваше превосходительство.

— Подать завтра прошеніе объ отставкѣ!

Сказалъ и исчезъ. Мы всѣ чуть не ахнули. Степанъ Ильичъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ, точно окаменѣлъ. Сразу-то онъ и не понялъ всего рокового смысла этихъ пяти словъ. Нѣсколько секундъ длилось общее молчаніе. Потомъ со всѣхъ концовъ послышался сочувственный Степану Ильичу шепотъ. Всѣ окружили его, послышались совѣты пойти попросить извиненія, другіе находили лучшимъ оставить дѣло такъ, разсчитывая, что директоръ отдалъ это приказаніе сгоряча, что онъ больше не будетъ вспоминать о немъ и все пойдетъ по старому. Степанъ Ильичъ, повидимому, ничего не слышалъ. Въ головѣ вертѣлись все эти роковыя пять словъ, не проникая до полнаго сознанія его. Наконецъ, всѣ мало-по-малу разошлись. Слѣдомъ за остальными вышелъ въ присутствіе и Степанъ Ильичъ. Съ растеряннымъ, жалкимъ видомъ пробрался онъ къ своему новому стулу, опустился на него и тутъ вспомнилъ о своемъ предчувствіи. Онъ зарыдалъ. Въ этихъ судорожныхъ, истерическихъ рыданіяхъ слышалось полнѣйшее отчаяніе. Всѣ бросились утѣшать его, принесли воды, старались успокоить разными доводами и соображеніями. Рыданія Степана Ильича прерывались изрѣдка отрывочными словами:

— Въ отставку?.. Да какъ-же это?.. Вотъ предчувствіе!.. Стулъ новый.. Говорилъ Матвею Евстигнѣичу... Не хотѣлъ старый дать... Грѣхъ ему!.. А старый-бы—и ничего-бы не было!..

Ему казалось, что во всемъ виновато его предчувствіе, явившееся вслѣдствіе новаго стула, а слѣдовательно виноватъ и Матвей Евстигнѣичъ, не хотѣвшій удалить причину этого предчувствія.

— Да полноте, Степанъ Ильичъ, бросьте, слышались со всѣхъ сторонъ голоса. — Пустое это. Ничего не можетъ быть. Вѣдь это была-бы неслыханная мерзость. Мы сейчасъ всѣ отправимся просить за васъ.

Неслыханная мерзость совершилась-таки. Такъ какъ директоръ ужь уѣхалъ, всѣмъ идти на квартиру къ нему нельзя было; а срокъ подачи прошенія былъ назначенъ на завтра, слѣдовательно, надо было торопиться. Была избрана депутація изъ трехъ чиновниковъ, которая и отправилась на квартиру „къ злюкѣ“.

Въ первый разъ депутатовъ не приняли.

„Его превосходительство устали и изволятъ отдыхать“. Вернулись назадъ. Степанъ Ильичъ тѣмъ временемъ ушелъ изъ департамента. Ушелъ какъ-то внезапно. Успокоившись, посидѣлъ-посидѣлъ неподвижно передъ разложенными бумагами, вдругъ поднялся, не глядя ни на кого, не прощаясь, вышелъ въ переднюю, накинулъ шинель и отправился было безъ шапки. Кто-то догадался выглянуть на лѣстницу и, видя его спускающимся безъ шапки, разбудилъ Евстигнѣича, задремавшаго въ чихаузѣ *) послѣ испытанныхъ треволненій, и послалъ его съ шапкой въ догонку.

— Подаю это я имъ шапку, разсказывалъ онъ послѣ, — они смотрятъ на меня и ничего, кажись, не понимаютъ, а лицо у нихъ жалкое-прежалкое. Я шапку-то имъ и надѣлъ. Вдругъ какъ заплачутъ опять. Тутъ и меня слеза прошибла. „Что вы, говорю, Степанъ Ильичъ, полноте. Все опять хорошо будетъ. Нешто намъ можно безъ васъ? Это онъ только шальной такой. Одумается еще. Вонъ и меня съ перваго слова обругалъ, а за что?“—„Нѣтъ, говорятъ, Матвей Евстигнѣичъ, чувствую я, что всему конецъ. А все стулъ!“ И пошли дальше. А причемъ тутъ стулъ-отъ? Да кабы я думать могъ, что ихъ такъ стулъ безпокоить будетъ, такъ ни за что-бы убирать прежняго не сталъ. Нѣтъ, ужь видно на роду такъ написано. А жалко ихъ! Эхъ ты жисть, жисть! заключилъ онъ свой монологъ и, утирая рукавомъ слезящіеся глаза, отправился въ чихаузъ продолжать прерванный сонъ.

Спустя ча́съ или полтора, депутація наша отправилась опять попытать счастье. Приняли. Едва только заикнулся самый бойкій изъ нихъ о цѣли своего прихода, какъ его превосходительство напустился на нихъ и задалъ такого ходу, что они и жизни-то не рады были. Никакъ-де онъ не ожидалъ въ департаментѣ нашемъ встрѣтить вмѣсто чиновниковъ баши-бузуковъ, чуть не силою вламывающихся въ квартиру начальника, чтобы безпокоить его глупыми просьбами за какого-то полупьянаго старика (Степанъ Ильичъ, между прочимъ сказать, отъ роду кромѣ воды и квасу ничего не пилъ), совсѣмъ-де это не дѣло подчиненныхъ совать свой носъ въ распоряженія начальства: это, въ нѣкоторомъ родѣ, даже дерзость—подобное коллективное заявленіе и т. п.

— Однимъ словомъ, разсказывалъ одинъ изъ злополучныхъ депутатовъ,—мы такъ и ждали вопроса: ваши фамиліи? Подать завтра въ отставку!

Такъ ничего и не сдѣлали. Узнали только, что, если Степанъ Ильичъ не подастъ самъ прошенія. то будетъ просто уволенъ.

На другой день Степанъ Ильичъ не пришелъ. Надо было позаботиться о томъ, чтобы директору не удалось уволить безъ прошенія по неспособности, старости и пьянству (какъ онъ заявлялъ наканунѣ) нашего старика. Рѣшили написать прошеніе, отвезти къ нему для подписи, а при этомъ удобномъ случаѣ поразвѣдать, какъ онъ переноситъ свое горе.

Директоръ не забылъ справиться, исполнено-ли его приказаніе, подано-ли уже прошеніе. Чтобы оттянуть время, ему сказали, что Степанъ Ильичъ захворалъ, и прошеніе будетъ готово завтра.

— Пьянствуетъ вѣрно, пробурчалъ онъ.

Между тѣмъ Степанъ Ильичъ, придя наканунѣ, къ несказан-

*) Цейхгаузъ—такъ называлъ Евстигнѣичъ отгороженный для него въ передней досчатою переборкой уголокъ.

ному удивленію Агаѳьи и обѣихъ хозяекъ, домой въ 3 часа, бросился на постель лицомъ въ подушки и въ такомъ положеніи пролежалъ почти цѣлыя сутки. Агаѳья приходила къ нему нѣсколько разъ, пробовала заговорить, разспросить, что съ нимъ, но такъ и удалялась, не добившись отвѣта.

— Да вотъ бумага одна къ нему. Подписать надо.

— Подписать? Ну не знаю, станетъ-ли онъ тебѣ писать. Лежитъ пластомъ со вчерашняго дня, слова не добьешься, не ѣстъ, не пьетъ и на службу не пошелъ. Боленъ не боленъ, здоровъ не здоровъ, Богъ его вѣдаетъ, что съ нимъ дѣлается.

Рождество Христово. Первыя въ жизни святки. Рис. Юнгъ, грав. Бонгъ.

Въ такомъ-же положеніи засталъ его чиновникъ, привезшій для подписи готовое прошеніе. Съ трудомъ разыскалъ онъ избушку, гдѣ жилъ горемыка, и попалъ прямо въ кухню къ Агаѳьѣ.

— Здѣсь живетъ чиновникъ Ступицынъ?

— Ступицынъ? Нѣтъ, такого не знаю. Чиновникъ одинъ живетъ здѣсь, только зовутъ его Степанъ Ильичъ.

— Ну вотъ, вотъ это онъ и есть. Какъ-же пройти къ нему?

— А тебѣ на что?

— Да онъ больше на службу и ходить не станетъ. Объ томъ и бумага, что онъ на покой просится, въ отставку.

— Онъ-то на покой? Да полно-те врать, непутёвый. Что онъ безъ службы дѣлать-то станетъ? Онъ безъ нея и жить не можетъ.

— Такъ-то такъ, баушка, да стряслась съ нимъ бѣда, не поправился новому начальнику, тотъ и велѣлъ ему проситься въ отставку.

— Да ты не путаешь-ли чего, милый человѣкъ? Чѣмъ-же это

Домашній концертъ. Съ карт. Швенингера, грав. Іерикс.

тихоня нашъ могъ не поправиться? Мухи, кажись, не обидитъ. Али вы, стрюцкіе, его опоили?

— Что ты, что ты, баушка, Богъ съ тобой, мы всѣ его такъ жалѣемъ.

— Ну значитъ что-нибудь не такъ. Пойдемъ провсду, можетъ разберетесь.

Пошли вверхъ по лѣсенкѣ, вошли въ каморку. Степанъ Ильичъ и головы не повернулъ къ входящимъ. Окликнули его, молчитъ. Наконецъ, чиновникъ подошелъ къ нему.

— Слушайте, Степанъ Ильичъ, не отчаивайтесь. Вы еще человѣкъ не очень старый, Богъ дастъ другое мѣсто найдете, можетъ еще лучше. Что-жъ дѣлать-то! На кого грѣхъ да бѣда не живутъ.

Степанъ Ильичъ привсталъ, сѣлъ на постели. Измѣнился онъ за эти сутки страшно. Осунулся, похудѣлъ, сгорбился, словомъ постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Да вотъ прислали меня къ вамъ съ очень непріятнымъ порученіемъ. Директоръ требуетъ чтобы вы подали въ отставку, вотъ я и привезъ прошеніе подписать.

Степанъ Ильичъ не сказалъ ничего, только при словѣ „отставка" вздрогнулъ какъ-то весь, какъ будто его стегнули, или больно укололи чѣмъ-нибудь, всталъ съ постели, шатаясь, подошелъ къ столу и дрожащей рукой подписалъ свою фамилію.

— Вотъ и аминь, прошепталъ онъ, вернулся къ кровати и опять повалился на нее.

— Правда, значитъ? произнесла стоявшая у притолки Агафья и съ неудовольствіемъ, даже болѣе, враждебно посмотрѣла на стоявшаго у стола и собиравшаго бумаги вѣстника несчастья. Тотъ было думалъ опять обратиться къ Степану Ильичу съ утѣшеніями, но она прервала его на первомъ словѣ:

— Оставь, оставь его. Иди съ Богомъ. Безъ тебя управимся. Сперва нагадятъ человѣку, а потомъ такой-сякой, писаный не мазаный, сахарный не паточный. Ступай, ступай!

— Да, голубушка, развѣ я вин...

— Да ужъ ладно, иди, иди, нечего тебѣ здѣсь дѣлать.

Такъ и пришлось уйти, не разубѣдивъ Агафьи въ томъ, что вѣстникъ невиновенъ въ принесенномъ извѣстіи.

Выпроводивъ „стрюцкаго", Агафья постояла еще у притолки, покликала безуспѣшно Степана Ильича, вытерла слезинку и пошла внизъ.

— Эка вѣдь что стрясется съ человѣкомъ! Ну за что выгнали? ну добро-бы пьянствовалъ, али грубіянилъ, али что другое. А тутъ на-косъ! Чѣмъ онъ тамъ этому начальнику ихнему не показался? Ну, ладно, и ты, братъ, за это Богу отвѣтишь, а тихоня не пропадетъ, не бойсь. Его-то Онъ не оставитъ.

Степанъ Ильичъ пролежалъ еще нѣсколько времени, потомъ всталъ, прошелъ черезъ комнату и опустился на стулъ.

— Вотъ и аминь! еще разъ повторилъ онъ.—Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Что-же теперь будетъ? Они тамъ всѣ въ департаментѣ, и завтра пойдутъ, и послѣ-завтра, а ты никогда, никогда больше. Господи, за что-же это? Такъ вдругъ все куда-то пропало, провалилось. Что-же я теперь?

Дѣйствительно, что-же онъ теперь? Проживъ весь свой вѣкъ съ одной заботой о департаментскихъ бумагахъ, не имѣя никакихъ другихъ интересовъ — вдругъ лишиться этой заботы, этой conditio sine qua non его существованія. Съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнилъ до поступленія на службу, онъ не зналъ другой заботы какъ о самомъ себѣ, объ огражденіи себя отъ щелчковъ судьбы. Привязанностей у него ни къ кому не было. Любилъ-ли онъ рано умершаго отца, этого онъ не помнилъ. Матери онъ не любилъ, да этого и ожидать-то трудно было. Добрые люди, позаботившіеся о немъ, ограничились тѣмъ, что платили за содержаніе его первоначально въ чужой ему семьѣ, гдѣ его скверно кормили, дрянно одѣвали и плохо учили, да еще попрекали каждымъ пустякомъ, а потомъ въ казенномъ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ былъ на полномъ пансіонѣ и откуда, выйдя до окончанія курса за малоуспѣшностью, попалъ прямо на службу, благодаря счастливой случайности. На этой службѣ, на этихъ бумагахъ, проходившихъ черезъ его руки, и концентрировались всѣ неудовлетворенныя стремленія его недалекаго ума, всѣ ненашедшіе примѣненія въ жизни порывы его сердца. И вотъ все это отнималось! Куда-же теперь? Не сызнова-же начинать жизнь? Совсѣмъ новыя, непривычныя мысли толпились въ головѣ его.

„Одинъ, совсѣмъ одинъ. Никто не любитъ, никому не нуженъ. Сдохни я сейчасъ—и никому дѣла до этого нѣтъ. Господи, для чего же я жилъ? Для глупыхъ, никому не нужныхъ бумагъ? Для денегъ? Да, я скопилъ ихъ не мало. Но кому онѣ нужны? Вотъ, онѣ тутъ. Вотъ, вотъ мѣшокъ. Вотъ куча бумажекъ. Но что же я съ ними дѣлать-то буду? Кутить начну или женюсь? Дуракъ ты старый, на что ты убилъ всю жизнь? Не доѣдалъ, не допивалъ, жилъ въ холодной, сырой конурѣ, слушалъ часами бредъ старыхъ злючекъ, жалѣя грошей на керосинъ. Зачѣмъ морозилъ я старыя кости зимой въ драной шинелишкѣ и прѣлъ въ ней лѣтомъ? Зачѣмъ одѣвался какъ нищій? О, проклятыя! Во всемъ вы виноваты. Не будь васъ, не копи я васъ, будь я одѣтъ какъ другіе въ новомъ вицмундирѣ, не въ рваныхъ штанахъ, ничего бы не было. Тутъ не стулъ, не Матвѣй Евстигнѣичъ, а все вы, проклятыя! Господи, какъ скверно! Умереть бы хоть... А въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь не долго. Нѣтъ, нѣтъ, прости Господи эти мысли! Но что же, что же будетъ? Господи, не оставь меня грѣшнаго! Господи, научи меня! Господи дай мнѣ отвѣтъ, что мнѣ теперь дѣлать?"

Въ эту минуту въ воздухѣ пронесся густой звукъ соборнаго колокола, призывавшаго ко всенощной.

„Господь зоветъ меня", пронеслось въ головѣ его.

Стремительно вскочилъ онъ. Лежавшія на колѣнахъ деньги упали на полъ. Сорвавъ съ гвоздя шинель, онъ кое-какъ накинулъ ее и почти бѣгомъ бросился изъ комнаты. Дверь такъ и осталась полурастворенною. Онъ бѣжалъ къ собору, не замѣчая лужъ, въ которыя попадалъ на каждомъ шагу, не чувствуя пронзительнаго апрѣльскаго вѣтра, подхватывавшаго его на каждомъ шагу, развѣвавшаго полы его шинели и бросавшаго ему въ лицо цѣлые потоки холоднаго дождя. Люди сторонились отъ него, видя его стремительность, и, покачивая головой, смотрѣли ему вслѣдъ. Онъ никого и ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ кромѣ гудѣвшаго все ближе и ближе и какъ будто все ласковѣй и ласковѣй колокола.

„Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы", вспомнились Степану Ильичу недавно слышанныя слова Евангелія.—„Господи, успокой меня, научи меня, укажи, для чего я жилъ, для чего мнѣ жить, отвѣть мнѣ."

Съ этой мыслью вошелъ онъ въ полупустой еще храмъ. Сразу охватила его торжественная тишина; полумракъ высокихъ сводовъ прорѣзывался только однимъ огонькомъ лампады передъ образомъ Тайной Вечери надъ царскими вратами.

„Дашь-ли Ты, Господи, мнѣ такой же огонекъ во мракѣ моей жизни?"

И полилась съ устъ его горячая молитва. Началась служба, торжественная вечерняя служба, но онъ не слышалъ ея, не слышалъ басистаго дьякона, не слышалъ возгласовъ старика-протоіерея, не слышалъ пѣснопѣній хора.

„И молитва вѣры спасетъ болящаго", опять вспоминались ему слова Св. Писанія, и снова, и снова падалъ онъ ницъ передъ ликами иконъ, среди которыхъ выдѣлялся яснымъ, любвеобильнымъ выраженіемъ образъ Спасителя.

Молитва нѣсколько успокоила его.

„Ну что же", думалось ему, — „нѣтъ департамента и не надо. Оно и не могло и не должно было такъ продолжаться. Развѣ я былъ человѣкомъ? Исполнилъ-ли я хоть одну изъ заповѣдей Господнихъ? Да, я не убивалъ, не кралъ, не лжесвидѣтельствовалъ, но и только. Главное-то, главное гдѣ же во мнѣ? Сдѣлалъ-ли я хоть что-нибудь для другихъ, любилъ-ли я хоть кого-нибудь во всю свою долгую жизнь?"

Если-бы ему вотъ сейчасъ, въ эту минуту предложили вернуться въ департаментъ, начать прежнюю жизнь, въ точно такомъ же родѣ, онъ бы, вѣроятно отказался. Въ департаментъ бы онъ вернулся, но ужъ теперь его вышибло изъ прежней колеи, въ которой столько лѣтъ катилась безмятежно и безотчетно жизнь его. Въ немъ пробудилось сознаніе ничтожества мелкихъ интересовъ, руководившихъ имъ всю жизнь,—мелкаго самолюбія, удовлетворявшагося сознаніемъ, что никто въ департаментѣ не знаетъ и не помнитъ лучше его накапливающейся въ архивѣ кипы бумагъ, содержаніе которыхъ исчерпывалось тремя словами,—черстваго эгоизма, заставившаго его въ свое время заключиться подобно улиткѣ въ свою раковину и просидѣть въ ней до сегодняшняго дня, зажмуривъ глаза на остальную жизнь со всѣми ея страданіями и горестями и заткнувъ уши отъ стоновъ ихъ жертвъ. Онъ сердцемъ чувствовалъ, что не исполнилъ своей задачи въ жизни.

„Но что же теперь будетъ? Все то же самое? Кого же я люблю? Никого, рѣшительно никого. А меня? Кто во мнѣ нуждается? Никто! Господи, какъ горько, какъ скверно! Отвѣть-же мнѣ, Господи! Помолись за меня, Стефанъ преподобный!"

Ему вспомнилось, что это канунъ дня его ангела, 26 апрѣля, а 27 память Стефана преп., епископа Владимірскаго. Противъ воли въ душѣ опять поднялось горькое чувство: именно наканунѣ дня его ангела, дня радостнаго и веселаго для другихъ, должна была совершиться съ нимъ служебная несправедливость, долженъ былъ онъ придти къ сознанію безсмыслія всей прогекшей его жизни и безцѣльности предстоящей.

Служба кончилась. Народъ почти ужь весь вышелъ изъ церкви. Сторожа гасили свѣчи и лампады, съ удивленіемъ поглядывая на одиноко стоящаго впереди, у клироса, Степана Ильича. Онъ наконецъ замѣтилъ, что и ему пора уходить.

„Такъ гдѣ же отвѣтъ?" думалось ему. — „А я-то спѣшилъ, надѣялся."

Горько ему было. Кругомъ веселыя, ясныя лица, кругомъ голоса, разговоры, шутки среди кучекъ, удалявшихся отъ церкви богомольцевъ, а онъ—одинъ, совсѣмъ одинъ. Побрелъ домой. Повернулъ съ главной, освѣщенной улицы въ одинъ изъ переулковъ, безконечный лабиринтъ которыхъ надо было пройти, чтобы добраться до пенатовъ его, и сразу надвинулась на него, охватила его сырая мгла апрѣльской ночи.

„Вотъ тебѣ и отвѣтъ," горько повторялъ онъ себѣ. „Все та же пустота, все тотъ же мракъ. Ей, ей лучше бы умереть! А какъ же деньги мои? Кому онѣ теперь дост...?"

Въ эту минуту молніей прорѣзала мозгъ его мысль о томъ, что деньги остались лежать среди пола, что дверь чуть не на-

стежъ отворена. Какъ, и это потерять? Нѣтъ, нѣтъ, бѣжать скорѣй, можетъ быть не поздно.

— Извозчикъ, извозчикъ! пронесся хриплый крикъ его.

Онъ бѣжалъ по переулку, сухими губами бормоча:

— Охъ, только бы не поздно. Только бы никто не зашелъ а то Агафья или хозяйка зайдутъ и подберутъ, и тогда все пропало!

Забыто было все! Забылись недавнія сомнѣнія и размышленія о неисполненномъ долгѣ въ жизни и необходимости любви, забыта была молитва и Богъ. „Нельзя служить двумъ господамъ: Богу и мамонѣ" и мамона взяла верхъ, въ сердцѣ проснулась алчность. Степанъ Ильичъ бѣжалъ, спотыкаясь и призывая извозчика, пока, наконецъ, не вынырнулъ изъ-за угла какой-то запоздалый.

— Извозчикъ, подавай скорѣй! Господи, какъ онъ тихо поворачивается! Неужели я опоздаю? Неужели ихъ ужь взялъ кто-нибудь!

Вотъ онъ добрался до извощика и заноситъ ногу, чтобы вскочить на пролетку. Но тутъ отъ забора отдѣлилось какое-то маленькое существо, какая-то кучка лохмотьевъ, и Степанъ Ильичъ почувствовалъ, что его кто-то ухватилъ сзади за полу шинели и въ ту же минуту услышалъ за спиной пискливый голосокъ:

— Дядя, подай сироткѣ на хлѣбъ, титьки нѣтъ, мамки нѣтъ.

Степанъ Ильичъ старается вырвать шинель, но окоченѣвшіи рученки цѣпко ухватились за нее, а посинѣвшія губы настойчиво твердятъ:

— Дядя, дядя, подай сироткѣ!

Степанъ Ильичъ горѣлъ нетерпѣніемъ. Повернувшись, заноситъ онъ руку, чтобы ударить ненавистнаго попрошайку, мѣшающаго ему. Ребенокъ инстинктивно, какъ бы защищаясь отъ удара, поднялъ ручонки надъ головой и съ мольбой простоналъ:

— Дядя, не бей Степку!

— Степку!!.. Господи! Стефанъ преподобный! Ты Степка?.. Ты сиротка? Ни отца, ни матери?.. Такъ вотъ... вотъ когда Господь отвѣтилъ!

Тутъ же въ грязи опустился онъ на колѣна, прижалъ къ груди плакавшаго ребенка и, перекрестившись широкимъ крестомъ, прошепталъ:

— Неисповѣдимы судьбы Твои, Господи! Ты указываешь мнѣ путь ко спасенію отъ самого себя, своей злобы и ничтожества. Благодарю Тебя за отвѣтъ, за тотъ веселый праздникъ, который Ты пріуготовалъ мнѣ ко дню моего ангела.

Отвѣтъ былъ данъ. Съ этого дня жизнь пріобрѣла дѣйствительный смыслъ и цѣну для Степана Ильича, а равно и безцѣльно скопленныя деньги, въ цѣлости и сохранности найденныя имъ по возвращеніи на полу.

Ребенокъ, оказавшійся круглымъ сиротой, остался у него. Степка съ матерью, занимавшейся нищенствомъ, на-дняхъ только прибылъ въ нашъ городъ. За сутки до описанной нами встрѣчи съ нимъ Степана Ильича мать умерла въ городской больницѣ, куда была доставлена изъ участка. Пьяная была она подобрана на улицѣ, а въ участкѣ у нея оказались признаки бѣлой горячки. Передъ смертью она бредила о какомъ-то Степкѣ, но такъ какъ ребенка при ней не было, когда ее подбирали, то на бредъ ея вниманія не обратили. Фраза насчетъ сиротства, внушенная еще матерью съ цѣлью разжалобить людей, когда ребенка посылали одного побираться, до сихъ поръ безсознательная ложь шестилѣтняго малютки, на этотъ разъ оказалась правдой.

Съ этихъ поръ Степанъ Ильичъ зажилъ полною, осмысленною жизнью человѣка. У него была цѣль, были интересы кромѣ департаментскихъ. Говорю: кромѣ департаментскихъ, потому что ему не пришлось покинуть службы. Какъ только по городу разнеслась вѣсть о пріемышѣ его, всѣ вліятельнѣйшія лица города приняли въ немъ участіе и убѣдили директора оставить его на службѣ, такъ какъ прошенію еще не былъ данъ дальнѣйшій ходъ. Но ужь это былъ не тотъ Степанъ Ильичъ, хотя и оставался до конца дней своихъ ревностнымъ, исполнительнымъ служакой.

Степка доставилъ не мало радостныхъ, счастливыхъ часовъ своему пріемному отцу, хотя не обходилось и безъ огорченій, особенно первое время, когда онъ оказалъ рѣшительное предпочтеніе Агафьѣ, по собственной инйціативѣ переселившейся къ „тихонѣ", когда онъ занялъ маленькую квартирку, и Степанъ Ильичъ въ душѣ ревновалъ его къ ней.

Рѣдко мнѣ приходилось видѣть болѣе довольныхъ, счастливыхъ, веселыхъ людей, чѣмъ это тріо.

Къ рисункамъ.

На елку. (Рис. на стр. 1329, 1332, 1333, 1337, 1344 и 1349).

Прилагаемый рядъ рождественскихъ рисунковъ говоритъ самъ за себя, не требуя никакихъ поясненій. Пока въ большихъ городахъ устраиваются цѣлые базары елокъ (стр. 1349), до того громадныхъ, что иному мальчугану, посланному за елкой, и не подъ силу дотащить ее домой (стр. 1333); пока по домамъ весело горятъ цѣлыя иллюминаціи и раздаются подарки самымъ маленькимъ дѣтямъ (стр. 1337 и 1344), а болѣе взрослыя погружены въ разсматриваніе интересныхъ книжекъ на елку (стр. 1329), въ глухой провинціи, церковный причтъ объѣзжаетъ своихъ прихожанъ по рождественскому морозу, лѣсными проселками (стр. 1332), нерѣдко къ ночи, дабы каждый селянинъ встрѣтилъ великій праздникъ по христіански. А затѣмъ пойдетъ уже обычное святочное веселье, славленія и колядки, гаданья, ряженые, катанье съ горъ и т. д.

Царица, посѣщающая колодниковъ.

(Рис. на стр.1340 и 1341).

Русскіе цари, съ покон; вѣка, славились своею широкою, многообразною и щедрою благотворительностью. Въ древней Московской Руси, милостыня и раздача ея по назначенію составляли одну изъ самыхъ яркихъ бытовыхъ чертъ въ жизни нашихъ царей и царицъ. Не говоря уже о томъ громадномъ количествѣ всякихъ раздачъ — деньгами, пищею и хлѣбомъ, — которыя ежедневно производились изъ дворца и его житныхъ и запасныхъ дворовъ, по желанію царя и царицы (у каждаго на его особой половинѣ), въ самомъ дворцѣ постоянно жили такъ-называемые „верховные" (т. е. дворцовые) нищіе старцы и старицы, на постоянномъ содержаніи и полномъ иждивеніи. Но и все это еще казалось недостаточнымъ: въ кануны великихъ праздниковъ, особенно Рождества Христова и Свѣтлаго Христова Воскресенія, царицы и цари сами ходили по тюрьмамъ, въ сопровожденіи своихъ ближнихъ бояръ и боярынь, и раздавали „изъ своихъ рукъ" заключеннымъ калачи, холстъ на рубахи и деньги. Этотъ трогательный обычай послужилъ темою для картины нашего талантливаго художника, бар. М. П. Клодта, помѣщенной въ нынѣшнемъ № *Нивы*. Чтобы оцѣнить всю правдивость этого художественнаго произведенія, необходимо вспомнить, что тюрьмы того времени не были похожи на нынѣшнія мѣста для заключенія, о которыхъ заботятся всякіе благотворительные комитеты, строительные коммисіи и цѣлыя особыя учрежденія. Тюрьмы XVI и XVII вѣка были истиннымъ царствомъ мрака и отчаянія, въ которомъ заключенные жили среди обстановки, исключающей всякій помыселъ о гигіенѣ или какихъ-бы то ни было, даже элементарныхъ удобствахъ жизни. Протопопъ Аввакумъ, въ нѣсколькихъ строкахъ своей знаменитой автобіографіи, оставилъ намъ такую страшную характеристику современныхъ ему тюремъ, что волосъ подымается дыбомъ, когда читаешь эти строки, полныя желчнаго сарказма... Можно-же себѣ представить, какимъ радостнымъ, свѣтлымъ, дивнымъ и памятнымъ на всю жизнь явленіемъ былъ для каждаго изъ заключенныхъ тотъ счастливый мигъ, когда въ это царство мрака и отчаянія сходила, какъ свѣтлый, благовѣстящій ангелъ, сама царица! Когда она, покидая блескъ и роскошь своего дворца, позабывая о высотѣ и славѣ своего положенія, спускалась въ сырое и мрачное подземелье, пропитанное зловреднымъ воздухомъ, переполненное людьми всѣхъ званій и возрастовъ,—отпирались, скрыпя, тяжкія, окованныя желѣзомъ двери, проникала изъ-за нихъ въ тюрьму струя свѣжаго воздуха, проникалъ и давно забытый заключенными свѣтъ солнечный; а вслѣдъ затѣмъ — являлась матушка-царица, одѣтая въ смиренное, простое платье, окруженная своими боярынями и служней съ коробами и корзинами, сопровождаемая игуменьями и старицами кремлевскихъ монастырей. Она являлась, какъ добрый ангелъ, съ свѣтлымъ взоромъ, съ добрымъ словомъ утѣшенія, съ теплымъ желаніемъ помочь, поддержать несчастныхъ, облегчить ихъ участь. И это явленіе надолго оставалось въ душѣ каждаго изъ колодниковъ и заключенниковъ и служило для него опорою въ его мрачномъ подземельи — охраною отъ ужасовъ отчаянія и злобнаго ропота на Бога, на судьбу и на людей. Такія картины, какъ картина М. П. Клодта, представляются намъ торжествомъ искусства: въ прекрасныхъ, художественныхъ образахъ онѣ сближаютъ насъ съ лучшими сторонами нашей древне-русской дѣйствительности и побуждаютъ насъ относиться съ уваженіемъ и любовью къ нашему прошлому.

Домашній концертъ. (Рис. на стр. 1345).

Талантливый молодой нѣмецкій художникъ, Карлъ Швенингеръ, уже знакомъ, по своимъ произведеніямъ, читателямъ *Нивы*. Его картины „Судъ Париса", „Была роскошная весна", помѣщенныя въ №№ 39 и 47 нашего журнала за нынѣшній годъ, равнымъ образомъ и прелестная картина, гравюру съ которой можно найти на стр. 1345 настоящаго нумера, даютъ опредѣленное понятіе о родѣ и манерѣ живописи Швенингера. Родившись въ 1854 году, онъ учился у своего отца, тоже извѣстнаго художника-пейзажиста, Карла Швенингера, долгое время пробуя свои силы въ разныхъ отрасляхъ живописи. Онъ писалъ ландшафты, затѣмъ картины религіознаго и миѳологическаго содержанія, пока не остановился на жанровыхъ сценахъ во вкусѣ Возрожденія и рококо. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ также картина „Домашній концертъ", въ которой замѣ-

Силуэты проф. Н. Сверчкова. Грав. Ангереръ.

Рождество Христово. На рождественскомъ базарѣ. Рис. Гензлеръ, грав. О. Ротъ.

чательно тонко и граціозно передана, простая по содержанію, сцена блестящаго времени первой половины XVIII вѣка.

Силуэты Сверчкова. (Рис. на стр. 1348).

Заканчиваемъ прилагаемымъ рисункомъ серію силуэтовъ, печатавшихся въ теченіе нынѣшняго года. Эти картинки, скопированныя на картонъ и затѣмъ вырѣзанныя, могутъ доставить пріятную забаву дѣтямъ на святкахъ, если держать ихъ противъ свѣчи въ недалекомъ отъ нея разстояніи, такъ, чтобы громадная тѣнь ихъ пролагалась на стѣну.

Библіографія.

Н. И. Гродековъ. *Хивинскій походъ 1873 г.* Дѣйствія Кавказскихъ отрядовъ. Изд. второе, значительно дополненное. СПБ. 1888.

Это новое изданіе замѣчательной книги г. Гродекова, ставшей чуть не справочною относительно Средней Азіи, украшено нѣсколькими портретами русскихъ генераловъ (Кауфманъ, Ломакинъ, Веревкинъ и др.) и туземныхъ вождей, множествомъ рисунковъ и картой путей отъ Каспійскаго моря въ Хивинское ханство. Книга издана весьма изящно, печатана на лучшей бумагѣ и безукоризненно въ типографскомъ отношеніи.

Сельскій календарь на 1889 г. Составилъ Яковъ Абрамовъ. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 20 к. СПБ.

Чрезвычайно полезная въ сельскомъ быту, справочная книжка, содержащая, кромѣ календарныхъ свѣдѣній, свѣдѣнія о законахъ, объ общественныхъ учрежденіяхъ, по сельскому хозяйству, скотоводству, строительный отдѣлъ, лѣчебные совѣты и проч. Текстъ поясненъ многочисленными рисунками.

Изданіе коммерческой скоропечатни подъ фирмою „Евгеній Тиле". *Дневникъ (Geschäfts-Tagebuch).* Справочно-настольный календарь (съ пропускною бумагой) для конторъ, правит. и обществ. учрежденій и частн. лицъ на 1889 годъ. СПБ.

Весьма практичное изданіе, въ которомъ каждая страница (въ поллиста писчей бумаги) раздѣлена на семь частей, по числу дней недѣли, съ печатными ихъ заголовками, а рядомъ съ ней листъ пропускной бумаги; такъ что можно наскоро дѣлать всевозможныя замѣтки на любой день цѣлаго года и тотчасъ захлопывать книгу.

Вышли новыя книги: романы Максима Бѣлинскаго (І. І. Ясинскаго): „Великій человѣкъ", „Искра Божія", „Добрая фея"; Н. А. Лейкина: „Въ ожиданіи наслѣдства или страница изъ жизни Кости Бережкова".

Политическое обозрѣніе.

Рождественскіе праздники пріостановили политическую дѣятельность заграницею. Наступило обычное затишье и политическіе дѣятели, торопливо завершивъ свои работы, отдыхаютъ отъ трудовъ праведныхъ, чтобы съ новыми силами въ новомъ году завертѣть колесо политической жизни. Въ Лондонѣ 11 декабря парламентъ закрылся тронною рѣчью. Въ тотъ же день, т. е. накапунѣ Сочельника заграницею, сенатъ въ Парижѣ принялъ бюджеты министерствъ финансовъ, юстиціи, почтъ и телеграфовъ, вѣроисповѣданій и иностранныхъ дѣлъ въ той редакціи, въ какой бюджеты эти приняты были палатою депутатовъ. За 2 дня до того владѣльцы акцій и облигацій компаніи Панамскаго канала вотировали резолюцію, въ которой заявили, что впредь до открытія канала отказываются отъ полученія платежей по купонамъ и погашенію. Такая же резолюція принята общимъ собраніемъ владѣльцевъ панамскихъ акцій въ Бордо. Все это дѣлается спѣшно, торопливо, съ желаніемъ порѣшить съ открытыми вопросами такъ или иначе до праздниковъ. Только приближеніемъ ихъ и нежеланіемъ подымать новые вопросы и возбуждать новыя предложенія и событія можно объяснить, что послѣднія явленія во французскомъ сенатѣ закончились скоро и безслѣдно. 7 декабря, когда въ немъ было приступлено къ обсужденію бюджета, Шаллемель-Лакуръ произнесъ рѣчь, въ которой выставилъ на видъ, что теперь дѣло идетъ не только о будущности финансовъ, но и о будущности Франціи. Ораторъ энергично нападалъ на радикализмъ и на нынѣшній кабинетъ и доказывалъ, что пора вернуться къ политикѣ, руководимой здравымъ смысломъ. Въ заключеніе онъ обратился къ правой съ предложеніемъ соединиться съ тѣми членами лѣвой, которые стоятъ за порядокъ и свободу и такимъ образомъ спасти отечество. Рѣчь Шаллемель-Лакура была привѣтствована восторженными кликами, всѣ сенаторы встали со своихъ мѣстъ и Сэ потребовалъ, чтобы рѣчь Шаллемеля была напечатана и опубликована во всѣхъ общинахъ. Шаллемелю возражалъ Флоке и настолько неосторожно, что вызвалъ протестъ со стороны многихъ сенаторовъ. Послѣдовавшія затѣмъ рѣчи Сэ и Толена и заключеніе Флоке сильно взволновали собраніе „политическихъ инвалидовъ", какъ называютъ въ шутку французскій сенатъ, и засѣданіе было закрыто среди сильнаго возбужденія. Въ Парижѣ съ интересомъ ожидали послѣдствій инцидента. Наступилъ слѣдующій день, Рождество приблизилось на 24 часа, бюджетъ еще не разсматривался. Открылось засѣданіе сената и прежде всего Сэ взялъ назадъ свое предложеніе относительно опубликованія рѣчи Шаллемеля. Буланжистъ Наке возобновилъ было предложеніе и собирался взойти для этого на трибуну, но поднялся такой шумъ, что онъ не могъ говорить и вынужденъ былъ оставить залу засѣданій. Вслѣдъ затѣмъ предложеніе было отвергнуто и сенатъ приступилъ къ обсужденію бюджета, который, какъ мы уже замѣтили, принялъ для нѣкоторыхъ министерствъ безъ всякихъ поправокъ. Такимъ образомъ, не смотря на прекрасную рѣчь въ ораторскомъ отношеніи бывшаго радикала Шаллемель-Лакура, въ которой онъ выставлялъ на видъ ошибки республиканской партіи и указывалъ на опасности, коими грозитъ Франціи радикализмъ, и также не смотря на поддержку Леона Сэ, потребовавшаго, чтобы рѣчь эта была опубликована во всей странѣ, произведенное Шаллемелемъ на кабинетъ нападеніе успѣха не имѣло.

Въ италіанской палатѣ депутатовъ 10 декабря обсуждались военные кредиты. При этомъ, Криспи заявилъ, что Италія войны не желаетъ, но должна дополнить свои вооруженія помимо соображенія — придется ли ей дѣйствовать въ союзѣ съ средне-европейскими державами или *изолированно.* Министръ присовокупилъ, что Италіи слѣдуетъ идти впередъ наравнѣ съ другими державами. Этого де хотѣли великій король, великій государственный мужъ, Кавуръ, и великій полководецъ, Гарибальди. Ссылаясь на воспоминанія объ этихъ великихъ дѣятеляхъ, Криспи потребовалъ выраженія довѣрія. И палата депутатовъ въ Сочельникъ, 12 (24) декабря, одобрила законопроектъ о чрезвычайныхъ военныхъ и морскихъ мѣропріятіяхъ и законопроектъ о подготовкѣ желѣзныхъ дорогъ къ мобилизаціи войскъ. Затѣмъ палата поторопилась отсрочить свои засѣданія до 3 (15) января будущаго года.

Подобная уступчивость замѣтна у короля Милана. Быть можетъ здѣсь вызываютъ ее не одно примиряющее всѣхъ праздничное время, но и другія обстоятельства. Но по какимъ-бы ни было причинамъ, а Сербскій король вдругъ сдѣлался чрезвычайно уступчивъ и со всѣми предложеніями радикаловъ охотно (!) соглашается. Такъ въ *Correspondance de l'Est* телеграфируютъ изъ Бѣлграда: „Въ общемъ собраніи коммисіи 8 декабря, по пересмотру конституціи, радикалы предложили принять безъ преній статью о прерогативахъ короля съ тѣми измѣненіями и уступками, которыя король въ ней сдѣлалъ. Король въ прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарилъ за лояльную предупредительность и затѣмъ по собственной иниціативѣ отказался отъ исключительнаго права заключать торговые договоры, заявивъ, что въ этомъ отношеніи онъ всегда будетъ дѣйствовать по предварительному соглашенію съ скупщиною. Вслѣдствіе всего этого между королемъ и радикалами якобы установилось согласіе". Но по другой депешѣ изъ Бѣлграда, въ томъ-же засѣданіи коммисіи неугомонные радикалы снова стали дѣлать возраженія противъ нѣкоторыхъ статей конституціи; король отнесся и къ этимъ возраженіямъ благосклонно. Послѣ преній назначена была подкоммисія, которой поручено формуловать предложенныя радикалами измѣненія. Докладъ подкоммисіи 10 декабря представленъ въ полное собраніе и по настоянію короля, коммисія по пересмотру конституціи приняла всѣ предложенныя радикалами измѣненія въ проектѣ новой конституціи. Измѣненный, такимъ образомъ, проектъ конституціи, подписанъ всѣми членами коммисіи.

Интересны извѣстія, получаемыя изъ Вѣны о положеніи дѣлъ въ Бѣлградѣ. По депешѣ отъ 9 декабря, король Миланъ ожидаетъ, что большинство скупщины одобритъ проектъ конституціи, хотя противъ него и будетъ возражать значительная часть радикаловъ. Затѣмъ учреждено будетъ министерство Ристича; если между радикалами не произойдетъ раскола, Миланъ немедленно распуститъ скупщину и совершенно пріостановитъ пересмотръ конституціи, а въ случаѣ надобности объявитъ и осадное положеніе. Король обращался за совѣтами къ нѣсколькимъ дипломатамъ и совѣщался съ генералами. Протичъ заявилъ, что на преданность войскъ, расположенныхъ въ Бѣлградѣ, король можетъ вполнѣ положиться. По повелѣнію короля, солдатамъ увеличено содержаніе и довольствіе. Черезъ два дня телеграфъ принесъ оттуда извѣстіе, что въ Вѣнѣ преобладаетъ мнѣніе о рѣшеніи короля Милана, въ крайнемъ случаѣ, отречься отъ престола и что немедленно вслѣдъ затѣмъ скупщина сдѣлаетъ демонстрацію въ честь короля Александра, послѣ чего радикалы внесутъ приготовленный ими проектъ конституціи и достигнутъ его одобренія. Нѣкоторыя изъ вѣнскихъ газетъ доказываютъ, что въ Сербіи дѣло кончится скорѣе отреченіемъ короля, чѣмъ революціей. Венгерскіе оппозиціонные органы съ сильнымъ неудовольствіемъ заявляютъ, что король Миланъ имѣетъ теперь сношенія только съ г. Персіани и даетъ сербской политикѣ направленіе, совершенно соотвѣтствующее видамъ Россіи.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Въ память катастрофы 17 октября, Самарское губернское земское собраніе, 9 декабря ассигновало десять тысячъ рублей на постройку храма при вновь открытомъ домѣ душевно-больныхъ; Харьковское губернское земское собраніе 11 декабря ассигновало 60,000 руб. на устройство храма на мѣстѣ катастрофы 17 октября со страннопріимнымъ домомъ и пріютомъ для раненыхъ.

— 27 ноября освящена мѣстнымъ епископомъ Мартиніаномъ первая въ Таврической епархіи православная церковь устроенная въ нѣмецкомъ менонитскомъ селеніи Гальбштадтѣ, Бердянскаго уѣзда, для православныхъ русскихъ рабочихъ. При церкви построена школа на пятьдесятъ учениковъ, службы и квартира учителю.

— 19 сентября текущаго года, на Новой-Землѣ (въ Архангельской епархіи) освящена церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая. Освященіе совершено іеромонахомъ Іоною, въ сослуженіи съ іеромонахомъ Прокопіемъ. На освященіи и литургіи кромѣ всѣхъ проживающихъ на Новой-Землѣ самоѣдовъ, были и другіе богомольцы — поморы, прибывшіе туда для промысловъ.

— 13 ноября, въ гор. Лодзи, въ мѣстной Александро-Невской церкви совершено присоединеніе къ православію девяти семействъ проживающихъ въ городѣ чеховъ, всего 31 человѣка. Движеніе лодзинскихъ чеховъ къ православію носитъ совершенно свободный, непринужденный характеръ личнаго, самостоятельнаго почина.

— Святѣйшій Синодъ, во вниманіе къ нуждамъ православнаго населенія гор. Никшича и въ удовлетвореніе ходатайства Черногорскаго митрополита Митрофана, разрѣшилъ отпустить въ единовременное пособіе на устройство новаго православнаго храма въ этомъ городѣ изъ состоящихъ въ его распоряженіи средствъ 3,000 руб.

Военное и морское дѣло.

— Высочайше повелѣно: Увеличить съ 1 января 1889 года жалованье подпрапорщиковъ армейской пѣхоты изъ основнаго оклада—со 100 руб. до 240 руб., а изъ усиленнаго со 150 руб. до 360 руб., сохранивъ всѣ прочіе виды довольствія.

— Надняхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ отправлены два гигантскія двѣнадцатидюймовыя орудія. Заряженіе и наводка ихъ будетъ производиться съ помощью гидравлическихъ машинъ. Орудія предназначены для вооруженія черноморскаго броненосца „Синопъ“. Отправлены они на платформахъ, заказанныхъ заграницей, вѣсомъ каждая въ 5,000 пудовъ.

— Дѣятельность спасательныхъ учрежденій состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы общества спасанія на водахъ, за 1887 годъ представляетъ слѣдующіе результаты: съ 1 января по 31 декабря отчетнаго года, была подана помощь 273 лицамъ и предупреждено крушеніе 18 судовъ.

Финансы.

— Доходовъ въ счетъ росписи 1888 года въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ сего года поступило 575.359,000 р., сравнительно съ поступленіемъ за тотъ же періодъ прошлаго года въ счетъ росписи 1887 года (499.946,000 р.) болѣе на 75.413,000 р. Вмѣстѣ же съ доходами льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ общее поступленіе за время съ 1 января по 1 октября 1888 года выразилось въ 596.112,000 рублей противъ 521.226,000 р. за то же время 1887 года, превысивъ послѣднее на 74.886,000 р.

— По 1 декабря 1888 года въ совѣтъ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка представлено отдѣленіями банка 7,268 дѣлъ о ссудахъ. Разсмотрѣно совѣтомъ 6,945 дѣлъ. Изъ сего числа разрѣшено 6,593 дѣла о ссудахъ, на сумму 185.758,900 рублей. Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка по 1 декабря 1888 года совѣтомъ банка разсмотрѣно 6,881 дѣло о ссудахъ. Изъ сего числа разрѣшено 6.217 ссудъ на сумму 54.064,203 руб.

Некрологъ.

— 12 декабря, въ Ниццѣ, скончался бывшій министръ Внутреннихъ Дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

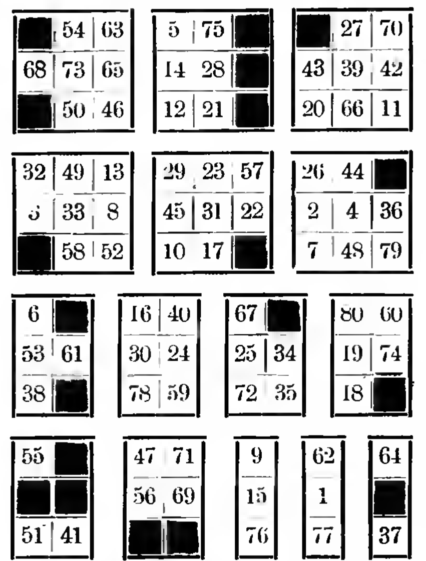
Смѣсь.

Изданія С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ. Извѣстная всей Россіи С.-Петербургская мастерская, по обыкновенію, приготовила къ Святкамъ богатый выборъ поучительныхъ дѣтскихъ игръ и занятій, общедоступныхъ по цѣнѣ. Особенно интересны: отливаніе бюстовъ изъ гипса, со всѣми принадлежностями работы; клейка фонарей съ сушеными цвѣтами и зеленью; маленькій химикъ (дѣтская лабораторія съ приборами, реактивами и руководствомъ); маленькій механикъ (до 80 различныхъ частей машинъ, изъ коихъ составляется 7 моделей); электрическій стрѣлочный телеграфъ; общедоступные физическіе приборы и т. п. Не менѣе занимательны различныя общественныя игры, какъ напр. „Съ налету“ (игра для всѣхъ возрастовъ); метаніе въ цѣль бумажными стрѣлками съ регуляторомъ; тогузъ-кумалакъ (киргизская народная игра) и т. д. Наконецъ, отдѣльные и крайне удешевленные приборы, напр. стробоскопъ всего за 3 руб. 50 коп. Словомъ, это богатѣйшая коллекція подарковъ для дѣтей и юношества.

Адресъ мастерской: Петербургъ, Троицкій пер., д. № 11.

Въ предстоящемъ 1889 году музыкальный журналъ „Нувеллистъ“ вступитъ въ 50 годъ своего существованія. Полувѣковое изданіе музыкальнаго журнала, притомъ одною и тою-же формою, является небывалымъ явленіемъ въ области печатнаго дѣла. Историческій обзоръ за этотъ немалый промежутокъ времени, интересно составленный извѣстнымъ критикомъ и музыкантомъ М. М. Ивановымъ, живо рисуетъ тотъ долгій и трудный путь который пришлось пройти „Нувеллисту“. Вступая въ послѣдній годъ перваго полустолѣтія, „Нувеллистъ“ обѣщаетъ быть очень интереснымъ, особенно въ виду участія въ немъ всѣхъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, приглашенныхъ къ тому особымъ комитетомъ, избраннымъ для чествованія 50-лѣтняго юбилея „Нувеллиста“.

Рождественская задача № 79.

Найти 16 словъ. Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ прямоугольниковъ и затѣмъ всѣ прямоугольники сложить вмѣстѣ такъ, чтобы по буквамъ можно было прочитать слова одной фразы.

1) Принадлежность древняго орудія стрѣльбы 1. 2. 3. 4. 5. 6.
2) Танецъ 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13.
3) Русскій поэтъ 14. 15. 16.
4) Снарядъ для ходьбы 17. 18. 19. 20.
5) Лиственное дерево 21. 22. 23. 24.
6) Парфюмерное произведеніе 25. 26. 27. 28.
7) Прилность 29. 30. 31. 32. 33. 34.
8) Часть сутокъ 35. 36. 37. 38.
9) Фруктъ 39. 40. 41. 42. 43.
10) Водное пространство 44. 45. 46. 47.
11) Птица 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55.
12) Цѣлебный источникъ на Кавказѣ 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62.
13) Хлѣбное растеніе 63. 64. 65. 66.
14) Хвойное дерево 67. 68. 69. 70. 71.
15) Растительность преобладающая въ холодныхъ странахъ 72. 73. 74. 75.
16) Карточная игра 76. 77. 78. 79. 80.

Задача № 80.

11 36 21 12 23 13 24 22 9 19 15 16

Раздѣлить кольцо на 4 равныя части; затѣмъ пріискать 4 числа. Изъ данныхъ чиселъ первой части кольца вычесть первое пріисканное число; изъ чиселъ второй части—второе число; изъ третьей—третье и изъ четвертой—четвертое. Полученныя отъ вычитанія числа замѣнить соотвѣтствующими въ азбукѣ буквами, при чемъ составятся слова.

Къ нашимъ читателямъ.

Заканчивая девятнадцатый годъ нашего изданія, позволяемъ себѣ обратиться къ читателямъ съ обычною бесѣдой по поводу пройденнаго и наступающаго года. По примѣру прежнихъ лѣтъ, не останавливаясь ни предъ какими размѣрами гонорара, „Нива“ въ 1888 году помѣщала на страницахъ беллетристическаго отдѣла лишь произведенія извѣстнѣйшихъ авторовъ, которыхъ литературное имя отвѣчаетъ само за себя предъ кругомъ читателей. Такъ между прочимъ нами были напечатаны новыя произведенія столь рѣдко появляющагося въ печати, маститаго писателя И. А. Гончарова, Я. П. Полонскаго, А. Н. Майкова, кн. Д. Н. Цертелева, П. И. Вейнберга, графа Е. А. Саліаса, Д. В. Аверкіева, П. Н. Полевого, Максима Бѣлинскаго, В. И. Немировича-Данченко, Н. Успенскаго, В. И. Желиховской и много др. Внимательно прислушиваясь къ отзывамъ и заявленіямъ нашихъ подписчиковъ, мы постарались на будущій годъ сдѣлать выборъ беллетристическихъ произведеній еще богаче и разнообразнѣе, прибавивъ къ списку прежнихъ нашихъ сотрудниковъ новыя имена ставшія въ послѣднее время любимцами читающей публики (см. наше объявленіе о „Нивѣ“ на будущій годъ). Что касается важнѣйшихъ явленій русской жизни въ 1888 году, тысячелѣтія крещенія Руси, открытія Закаспійской желѣзной дороги, событія 17 октября и восхожденія русской экспедиціи на Араратъ, то читатели могли видѣть, что эти событія иллюстрированы въ нашемъ журналѣ съ полнотою вполнѣ соотвѣтствующею ихъ значенію. Не довольствуясь однако исполненіемъ того что мы считали нашимъ долгомъ и желая оставить въ читателяхъ по возможности пріятное воспоминаніе объ истекшемъ годѣ, мы приложили къ „Нивѣ“ цѣлый томъ оригинальныхъ и переводныхъ повѣстей въ видѣ рождественскаго сюрприза.

Ежегодно возрастающіе расходы по всѣмъ отраслямъ техники издательства и постоянное расширеніе отдѣла безплатныхъ приложеній вынудили насъ на двадцатый годъ нашего изданія нѣсколько повысить цѣну „Нивы“. Надѣемся, читатели наши понимаютъ, что, не смотря на то, „Нива“ по количеству и качеству даваемаго ею литературнаго и художественнаго матеріала, остается все-же самымъ дешевымъ иллюстрированнымъ журналомъ въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, желая по возможности облегчить нашимъ подписчикамъ и эту невольную жертву, мы открыли подписку на нашъ журналъ въ разсрочку на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Что-же касается безплатныхъ приложеній къ „Нивѣ“ въ будущемъ году, то во-первыхъ, мы измѣнили внѣшній видъ нашего стѣннаго календаря, придавъ ему изящную форму и богатство красокъ, такъ чтобы онъ могъ служить украшеніемъ любаго кабинета. Вмѣстѣ съ нимъ, при первомъ январскомъ нумерѣ, читатели получатъ большую отпечатанную 10-красками и серебромъ таблицу съ изображеніями важнѣйшихъ рыбъ Россіи. Въ 1 № „Нивы“ на 1889 г. будутъ помѣщены: новый разсказъ А. Фета „*Вить моды*“, стихотвореніе гр. Голенищева-Кутузова и романъ Н. Д. Ахшарумова „*Опасная игра*“. Затѣмъ, въ теченіе года, кромѣ главной преміи, послѣдуетъ еще нѣсколько приложеній, которыя, надѣемся, оправдаютъ всегдашнее довѣріе читателей къ нашему журналу.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Только что поступило въ продажу новое большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *СПБ кія Вѣдомости* (№ 329, отъ 28 ноября) говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ, только что выпустилъ въ полномъ смыслѣ роскошное изданіе „Фауста“ Гёте въ переводѣ А. Фета (Шеншина), съ эстампами и гравюрами Э. Зейбертца. Прекрасный, необыкновенно близкій къ подлиннику переводъ г. Фета уже извѣстенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной роскоши, съ какою исполнена внѣшняя сторона дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса—почти единственное у насъ по достоинству печати, бумаги, переплета и пр. Книга отпечатана на 100 листахъ великолѣпной веленевой бумаги in folio; гравюры оттиснуты на отдѣльныхъ александрійскихъ листахъ, съ соблюденіемъ въ тонахъ средневѣковаго характера; множество виньетокъ, мелкихъ рисунковъ, заставокъ, украшаютъ текстъ. Вся эта художественная часть изданія отличается строжайшимъ единствомъ стиля, выдержанностью и благородствомъ вкуса. Такою-же обдуманною роскошью отличается и переплетъ книги. Онъ сдѣланъ изъ цѣльной кожи (шагрень), вытисненной рельефно мѣднымъ штампомъ по оригинальному рисунку, въ старинномъ нѣмецкомъ стилѣ. Вообще въ изданіи совершенно отсутствуетъ спекулятивная цѣль: видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нѣчто капитальное, вполнѣ достойное солидной фирмы. Въ любомъ кабинетѣ или въ любой гостиной, этотъ роскошный томъ явится цѣннымъ украшеніемъ стола“.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

СѢМЯННОЕ ДЕПО
КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА
Н. В. ЛИСИЦЫНА

въ Москвѣ: 1) на Петровкѣ, д. Пенскаго и 2) на Мясницкой, д. Ананова.

Симъ имѣю честь увѣдомить гг. сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства, что полный иллюстрированный прейсъ-курантъ сѣменамъ: огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ на 1889 годъ выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года, который по требованію выдается безплатно; иногородные-же благоволятъ прилагать на пересылку 7 коп. почтовыми марками. М. № 3617 **Н. Лисицынъ.**

ВНИМАНІЕ для гг. потребителей чая!

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ Ф. и Н. АПЛАКСИНЫ
Мосива, Мясницкая, собств. домъ.

При сегодняшнемъ № разсылаетъ прейсъ-курантъ на новополученные свѣжіе настоящіе кяхтинскіе чаи, съ изложеннымъ въ немъ способомъ изслѣдованія поддѣльныхъ чаевъ. № 3624

Отдѣльный прейсъ-иурантъ высылается по требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваем. **П. П. Щегловымъ**, журналъ съ каррикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. **400 больш. рисунк.**, множество **иллюстрацій къ тенсту, масса наррииатуръ. 12 иарт.**, въ видѣ ежемѣс. прилож., **историческаго содержанія.**

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шир.), исполненная масляными ирасиами, КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ анадемика И. М. Прянишиииова:
„ПЛѢННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: **иа годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 коп.**

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ конторѣ редакціи. Иногороднихъ просятъ адресовать на имя издателя, Павла Петровича Щеглова: Москва, Зацѣпская ул., соб. домъ. П. № 3489 10—6

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Поступило въ продажу новое, **ПЯТОЕ** изданіе

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,** гравированнымъ на стали, и **факсимиле.**

☞ Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Мииистромъ опредѣленіемъ Учеиаго Комитета Мииистерства Народнаго Просвѣщеиія постановлено: книгу „Полное собраніе сочииеиій А. Н. Майкова“ реиомеидовать для фуидамеитальиыхъ и ученичесиихъ библіотекъ среднихъ учебиыхъ заведеиій, а такжв для выдачи, при выпусиѣ, въ награду учеииками мужскихъ среднихъ учебиыхъ заведеиій, окаичивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и иапечатано въ журналѣ Министврства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. **Цѣна 6 руб.,** съ перес. **6 р. 75 к.,** въ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ съ золотыми тисненіями—**8 руб.,** съ пересылкою—**9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р 50 к., съ пересылкою **6 р. 25 к.;** въ переплетѣ **7 руб.,** съ пересылкою **8 руб.**

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ изложеніи
П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

Оставшіеся непроданными **изъ 2-го изданія** экземпляры

АЛЬБОМА РИСУНКОВЪ
ХУДОЖНИКА В. С. ШПАКА,

вмѣсто **4-хъ руб.** прод. **по 1 руб.** (съ перес. 1 р. 50 к.).

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

въ конторѣ редакціи **„Нивы“** (Невскій пр., 6), въ конторѣ редакціи **„Стрекозы“** (Фонтанка), и въ **„С.-Петербургсиой Мастерской учебныхъ пособій и игръ“** (Троицкая ул., 11). № 3568

= Изящное изданіе въ хромолитографированной обложкѣ, 20 большихъ листовъ, съ очеркомъ жизни покойнаго В. С. Шпака, состав. **А. Н. Канаевымъ.**

СѢМЕННОЕ ДЕПО
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

въ **Москвѣ,** Мясницкая ул., д. Пѣгова.

Прейсъ-курантъ на 1889 г. сельско-хозяйственнымъ, огороднымъ, цвѣточнымъ, древеснымъ, пальмовымъ сѣменамъ, растеніямъ, и садовымъ инструментамъ по требованію выдается и пересылается безплатно. М. № 3578 5—3

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (5)

БАГЕТЫ,

каймы для рамъ, а также рамы всѣхъ сортовъ, во всякомъ стилѣ, новѣйшихъ рисунковъ, продаются по умѣреннымъ цѣнамъ, оптомъ и въ розницу, въ собственной мастерской.

Гг. торговцамъ высылаются безплатно образцы и прейсъ-курантъ. № 3621 В.

Э. БОГЕ,

С.-ПБургъ, Гороховая, д. Лихачева, № 17.

АЛЬБОМЪ ПРИЗНАНІЙ
ПОДАРОКЪ для МОЛОДЕЖИ.

Книга вызывающая иа откровенность самыхъ скрытныхъ людей. Продается у Фену, Вольфа, Битепажа, въ магазинахъ учебныхъ пособій и другихъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (47) № 2946

А. РАЛЛЕ и Ко въ МОСКВѢ.

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ.

Пудра бархатная.
Мыло лимонно-глицер.
Духи Шери-бло-ссомъ.
Одеколонъ двойной.
Духи Испанская кожа.
Элексиръ борно-тимоловый.
Масло репейное.
Личная помада.
Духи Б-тъ Пактоль.
Цвѣточная парфюмерія.
Духи Казанликъ-мимоза.
Мыло цвѣточно-глицер.

П. № 3614

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ въ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3456 4 4

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1888 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано **16,681 лицо на капиталъ въ 49.061,640 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1888 г. составляетъ 12%.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и агентами Общества **въ городахъ Имперіи.**

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 3574 12—2

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный Парфюмеръ

46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во **всѣхъ парфюмерныхъ** магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи

МЫЛО

провизора

А. М. ОСТРОУМОВА

противъ

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за № 3374. М. № 3580 4-2

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“

для **НАРУЖНАГО** употребленія

разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Главное депо: б. Конюшенная, № 14

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Продается:

у П. Д Лордугина въ Георгіевскѣ, у Л. Очиковскаго въ Ялтѣ и во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна 1 р. 20 коп. за стклянку.

АДРЕСА

всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) **Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3611 5—1

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

— 1889 ГОДЪ ШЕСТОЙ —

журналъ, издаваемый русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) правительственныя распоряженія, относящіяся до спеціальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, перемѣны въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и ихъ библіотекъ, и пр.); 2) свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и пр.); 4) указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ); указатель помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ отзывовъ о книгахъ; четыре раза въ году рефераты и рецензіи; 5) предложеніе и спросъ; 6) объявленія.

Срокъ выхода одинъ разъ въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна 3 рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Страница in 8°	5 р.	— к.
1/2 страницы	3 „	— „
1/4 „	2 „	— „
Строка петита въ ширину страницы	— „	20 „
Строка петита въ ширину столбца	— „	10 „

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

Объявленія и подписка отъ иногородныхъ и книгопродавцевъ принимаются въ конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ Н. Д. Тяпкина: СПБ., Васильевскій Островъ, 7-я линія, д. 6. № 3612 2—1

Въ конторѣ редакціи „К. В.“ можно получать полные комплекты „КНИЖНАГО ВѢСТНИКА“ за 1884, 1885, 1886 и 1887 годы. Цѣна по **3 руб.** за годъ съ доставкой и пересылкой.

Годъ IX. ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ. **Годъ IX.**

„РЕБУСЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ, отличающійся отъ другихъ подобныхъ изданій тѣмъ, что въ его содержаніе входитъ и обозрѣніе малоизвѣстныхъ явленій человѣческой природы, какъ-то: МЕДІУМИЗМА (спиритизма), животнаго магнетизма, гипнотизма, сомнамбулизма, ясновидѣнія, телепатіи (сверхчувственнаго умственнаго общенія), и т. п.

Въ теченіе этого года начнется печатаніе отвѣта А. Н. Аксанова на сочиненіе Гартмана „О спиритизмѣ“. Р. № 3619

Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные.

За помѣщаемые премированные ребусы **ВСѢ** рѣшившіе ихъ получаютъ премія.

Цѣна на годъ 5 р., на полгода 3 р. съ доставкой, а безъ доставки 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка. Подписка въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга. Почтовый адресъ: Въ редакцію журнала „Ребусъ“.

Редакторъ-издатель **В. Прибытковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1889 г., на ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ VIII. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ VIII.

Журналъ выходитъ въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ дост.; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода 8 р. Служащимъ—разсрочка. Главная контора: Владимірская, № 1—6.

Въ первыхъ книгахъ **„НАБЛЮДАТЕЛЯ“** будутъ напечатаны романы и повѣсти: **Максима Бѣлинскаго (I. I. Ясинскаго), Н. Ѳ. Бажина, Вологдина (П. В. Засодимскаго), В. Л. Маркова, Н. В. Назарьевой, Ѳ. Д. Нефедова, В. И. Немировича-Данченко, Н. Северина, Д. Сибиряка, Д. И. Стахѣева** и многихъ другихъ. № 3561 3—3

Въ Главной конторѣ **„НАБЛЮДАТЕЛЯ“** принимается подписка на журналъ:

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“

(г. XXI).

Одобренъ М—вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1889 годъ
на
ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
(ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА)

„ИГРУШЕЧКА"

выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 3 печатныхъ листа.

10 годъ изданія 10

Основанный талантливой писательницей Т. П. Пассекъ, онъ, со дня своего возникновенія, поставилъ себѣ задачей пробуждать въ дѣтяхъ любовь къ людямъ, правдѣ и стремленіе къ добру, справедливости и труду.

Въ журналѣ помѣщаются: статьи научнаго содержанія, изъ жизни и природы, приноровленныя къ дѣтскому пониманію, статьи по исторіи, повѣсти и разсказы оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки, загадки, шарады и описаніе ремеслъ. На статьи о ремеслахъ будетъ обращено особенное вниманіе. Статьи иллюстрируются, соотвѣтственно тексту, рисунками. Съ 1888 г. въ „ИГРУШЕЧКѢ" введенъ (начиная съ азбуки) отдѣлъ французскаго языка. (Разсказы, изложенные на французскомъ языкѣ, имѣютъ подстрочный русскій переводъ. Въ 1889 г. этотъ отдѣлъ будетъ продолжаться).

Съ января 1889 г. въ журналѣ „ИГРУШЕЧКА" будетъ открытъ **новый** отдѣлъ **„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ"**. Статьи этого отдѣла будутъ печататься **крупнымъ** шрифтомъ, со многими **картинками**. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ изрѣдка помѣщаться пѣсенки съ нотами и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ.

Съ январской книжкой подписчики получаютъ даровую занимательную ПРЕМІЮ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1889 ГОДЪ:

Журналъ **„ИГРУШЕЧКА"** за 12 книгъ съ даровой преміей и съ доставкой и пересылкой на годъ . . . . . **3** р.
За границу на годъ. . . . . . . **5** р.
Съ отдѣломъ **„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ"** на годъ . . . . **5** р.
За границу на годъ. . . . . . . **7** р.

Отдѣльной подписки на отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ" не будетъ.

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 24.** № 3609
Редакт.-издательн. **А. Тюфиева-Толивѣрова.**

РОБИНСОНЪ КРУЗО

Соч. **Даніэла Де-Фо. ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ** съ англійск. **Петра Канчаловскаго.** Съ 100 рис. и съ портр. автора. 2 т. Ц. I т. **3** р., съ пер. **3** р. **25** к., въ перепл. **3** р. **75** к., съ пер. **4** р.; II т. — **2** р., съ пер. **2** р. **25** к., въ перепл. **2** р. **75** к., съ пер. **3** р.; за оба т. вмѣстѣ **4** р., съ пер. **4** р. **50** к., въ перепл. **5** р., съ пер. **5** р. **50** к. № 3601 2—2

Прод. въ складѣ Т-ва И. Н. Кушнеровъ и Ко. Москва, Никольская, д. Чижовыхъ.

О КОРСЕТѢ

Только Parisis, хроникеръ „Figaro", можетъ приковать вниманіе читателя къ статьѣ въ полторы колонны, посвященной подобному вопросу.

Въ „Figaro" 19 (31) октября онъ помѣстилъ интересный, необыкновенно живой разсказъ о томъ, какъ одна молодая, граціозная женщина, жена одного изъ его друзей въ провинціи, была поставлена въ неловкое положеніе отказомъ знаменитаго парижскаго портнаго принять ея заказъ.

„Я могу", сказалъ славный портной: „работать только на безупречномъ корсетѣ. Для успѣха нашего дѣла вы должны отправиться въ Léoty".

Молодая женщина обращается къ Parisis'у съ вопросомъ, знаетъ ли онъ Léoty.

„Знаю-ли я Léoty!" воскликнулъ Parisis: „Léoty, поэта корсетовъ, которому большинство парижанокъ обязаны своей граціей, стройностью, однимъ словомъ, той прелестью, имъ однѣмъ свойственной и отличающей ихъ отъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ". Ц. № 3582

Молодая женщина спѣшитъ къ Léoty, 8 Place de la Madeleine. Выходя оттуда, она благодаритъ Parisis'a и говоритъ ему:

„Въ нѣсколько минутъ Léoty раскрылъ мнѣ тайну парижскаго изящества".

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер 2 р. 50 к.

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. Д-ра Штельтцнигъ изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, СОДЕНЪ.

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Клеймо. Медицинскимъ Департ. въ С.-Петербургѣ.

Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 40 коп. за коробку.

Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ**, Большая Морская № 23, С.-Петербургъ.

П. № 3575 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1889 годъ
НА БОЛЬШУЮ, ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ).

Десять лѣтъ изданія достаточно, полагаемъ, выяснили характеръ нашей публицистической дѣятельности, твердо поставленной нами подъ девизъ: **„правда и польза для отечества"**.

Горячо стоя на **стражѣ русскихъ и славянскихъ** интересовъ и зорко слѣдя за всѣми сторонами общечеловѣческаго прогресса, мы всегда чутко отзывались на все, что могло по нашему крайнему разумѣнію способствовать къ преуспѣянію русскаго народа ко благу и славѣ Россіи.

Всѣ общественные вопросы встрѣчаютъ съ нашей стороны вполнѣ безпристрастную и обстоятельную разработку ихъ.

На ряду съ серьезными публицистическими работами читатели найдутъ въ нашей газетѣ и матеріалъ для легкаго чтенія—критику, беллетристику, отзывы о театрѣ, музыкѣ, живописи и свѣдѣнія обо всемъ, что составляетъ „новость и злобу дня", какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Имѣя во всѣхъ главныхъ городахъ Европы и въ Америкѣ спеціальныхъ корреспондентовъ, а также до трехсотъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, мы можемъ знакомить читателей со всѣмъ, что происходитъ у насъ и въ чужихъ краяхъ.

Передовыя статьи и фельетоны печатаются **ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ** дней.

Кромѣ редактора-издателя **Н. П. ЛАНИНА**, принимающаго непосредственное участіе своими личными публицистическими трудами въ разработкѣ вопросовъ: по внѣшней политикѣ, славянскаго, финансовыхъ, экономическихъ и общественныхъ, **въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:**

Профессоръ **О. Ѳ. МИЛЛЕРЪ** (славянскій вопросъ и литературн. критика), проф. **В. П. ДАНЕВСКІЙ** и проф. **А. И. ЗАГОРОВСКІЙ** (вопросы политики, права общественныя и народнаго образованія), **Н. П. Аксаковъ** (вопросъ славянскій, беллетристика), **Д. А. ЛИНЕВЪ** (тюрьмовѣдѣніе, патронатство и беллетристика), **В. Ѳ. БАУДЕРЪ** (право политика), **А. Е. СЕРЕБРЯКОВА** (по политическому отдѣлу), **И. М. РЕВА** (сельское хозяйство, торгово-промышленные интересы и желѣзнодорожное дѣло), **А. ВЛАДИМІРОВЪ** (общественные вопросы, по преимуществу объ интересахъ юго-западнаго края), г. **ТЮНИНЪ** (изслѣдованія по расколу), г. **ТЮТРЮМОВЪ** (общественные вопросы, преимущественно по русскому самоуправленію), **М. ЩУЦ—ОЙ** (юридическіе вопросы), д-ръ **В. П. ОКОРОКОВЪ** (народное здравіе и общественная гигіена), Князь **ЕНИКѢЕВЪ** (общественные вопросы), Графъ **Е. А. САЛІАСЪ** (историческій романъ), **А. В. КРУГЛОВЪ, А. Е. ДОГАНОВИЧЪ, Ив. Щегловъ** (псевдонимъ), **Дм. АРАКСОВЪ** (псевдонимъ), **ИСТОМИНЪ** (псевдонимъ), (всѣ по беллетристикѣ), **С. А. ЮРЬЕВЪ, С. Н. ФИЛИППОВЪ** (критика изящныхъ искусствъ), **ВЕНЕВИЧЪ** (псевдонимъ), (литературн. критика и библіографія), и многіе другіе публицисты, ученые, писатели, спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, принимающіе участіе въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по предложенію редакціи. Воскресный фельетонъ ведется авторомъ, хорошо знакомымъ читателямъ **„РУССКАГО КУРЬЕРА"—„Современнымъ чуданомъ"**. Ежедневная бесѣда *„Дѣла и дѣлишки"* ведется однимъ изъ извѣстныхъ писателей, взявшимъ псевдонимъ **„Сотрудникъ"**.

Спеціальные политическіе корреспонденты, постоянно проживающіе за границей:

СТОЯНОВЪ въ Рущукѣ, **Ф. ПАЗДИРЕКЪ** (редакторъ журнала „Die Slavische Worte") въ Прагѣ, **А. А. ВАРЕНЦЪ** въ Константинополѣ, **Е. ПОМЕРАНЦЪ** въ Парижѣ, **Е. СТЕПАНОВЪ** въ Парижѣ, **ПЕТРЪ КУИНДЖИ** въ Парижѣ, **А. ТИЛЬШЪ** въ Прагѣ, **ЭМИЛЬ РУССЕЛЬ** въ Калифорніи (San-Francisco), **М. ГИНОДМАНЪ** и **ЛЕВЪ ЛАНДАУ** въ Вѣнѣ, **М. РОЗЕНТАЛЬ** въ Нью-Іоркѣ.

Въ наступающемъ 1889 году, независимо отъ многихъ улучшеній во всѣхъ отдѣлахъ газеты, въ смыслѣ еще большаго разнообразнаго газетнаго матеріала и еще большей свѣжести извѣстій, въ фельетонахъ **„РУССКАГО КУРЬЕРА"**, имѣютъ быть напечатаны на ряду съ другими очерками и разсказами и **нѣсколько крупныхъ беллетристическихъ произведеній извѣстныхъ писателей.**

Въ первыхъ-же январскихъ номерахъ начнется печатаніемъ: № 3523 3—3

БОЛЬШОЙ РОМАНЪ
ГРАФА ЕВГ. АНДР. САЛІАСА.

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ" выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ по прежней программѣ.

Телеграммы помѣщаются **„Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства"** и отъ собственныхъ корреспондентовъ заграничныхъ и русскихъ.

Всего въ каждомъ номерѣ помѣщается текста, кромѣ объявленій, болѣе 3000 строкъ.

Условія подписки:

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ МОСКВѢ:			СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ ГОРОДА:			ЗАГРАНИЦУ:		
На годъ	9 р.	— к.	На годъ	10 р.	— к.	На годъ	20 р.	— к.
„ 6 мѣс.	5 „	— „	„ 6 мѣс.	6 „	— „	„ 6 мѣс.	12 „	— „
„ 3 „	2 „	75 „	„ 3 „	3 „	— „	„ 3 „	6 „	— „
„ 1 „	1 „	10 „	„ 1 „	1 „	25 „	„ 1 „	2 „	50 „

1) **Подписка принимается** съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.
2) **Гг. иногородные.** при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.
3. **За перемѣну** адреса городскаго и иногороднаго — 30 коп. При перемѣнѣ городскаго на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ подписки.

Редакція и контора изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. ЛАНИНА.

Редакторъ-издатель **Н. П. Ланинъ.**

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива"**. № 2405

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:

МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ,
изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
НА СКЛАДѢ ПРИ МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ

В. АККЕРМАНА,

СПБургъ, Пески, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 3390 4—3

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

См. „Ниву" № 50 1888 г.

Карм. форм. въ замшев. кошельк. . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . . 10 р. 50

„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества, одинаково годенъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія **„универсальнаго бинокля"**. Театральн. бинокли въ разн. оправ. отъ 5 до 65 рублей.

Е. КРАУСЪ и Ко.

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Парижъ, Aven. d. l. Républ., 4.
2-1 **СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ**
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. безплатно. № 3618

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированнымъ 8
„ темно-полированнымъ. . . . 8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . 30
Альбомъ III **новый**. 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.

Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (7)

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ
ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА

В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья

въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударныхъ и клавесныхъ, которые превосходнѣе нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантной и прочной отдѣлкой.

Т. п. адресовать: **въ Кіевъ, В. Ф. Червеному и С.** № 3461

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г. по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

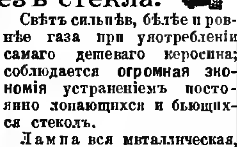
НОВЫЙ КАТАЛОГЪ
НОТЪ
ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ
ЮРГЕНСОНА

П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5—1

вышелъ изъ печати и высылается **безплатно изъ музык. торговли П. ЮРГЕНСОНА**
Москва, Неглинный пр., 10.

„НОВОСТЬ“
за 5 марокъ
(иногородныхъ) высылается
заказнымъ новый практическій
стѣнной
КАЛЕНДАРЬ
на 1889 г.
(размѣръ 6½ в. × 9 в.)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
Москва. — С.-Петербургъ
№ 3608

НОВОСТЬ!
Американскія металлическія лампы
ГИЧКОКЪ
без стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается **огромная экономія** устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/6 копѣйки въ часъ.

◆ Полное ручательство за доброкачеств. ◆

Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая	12 руб
Висячая . . .	15 руб.
Стѣнная. . . .	15 руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на **3** р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на **4** р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Вышелъ и поступилъ въ продажу

ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ за 1888 ГОДЪ,

заключающій въ себѣ болѣе 1.300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. А. ГОНЧАРОВА**, большой историч. романъ **Д. В. АВЕРКІЕВА**, историч. романъ **П. Н. ПОЛЕВОГО** и его-же: **„Бытовые наброски русской исторіи“**, **Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“**, большой романъ графа **Е. А. САЛІАСА**, большую повѣсть **Н. СТАНИЦКАГО**, разсказъ **Макс. БѢЛИНСКАГО**, комедію **В. КРЫЛОВА**, повѣсть **А. ЗАХАРОВА**, разсказъ **Е. А. САЛІАСА**, разсказъ **ТХОРЖЕВСКАГО**, и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей и пр. и пр. Кромѣ того п. и „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельн. краск., **„Сборника повѣстей и разсказовъ“** извѣстн. русск. писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.). **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурн. работъ и пр. (къ переплетен. экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала **Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14¾ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложеніями:

Брошюрованный	4 р.	Въ коленк. переплт. .	5 р. 50 к.
Съ пересылкою	6 р.	Съ пересылкою .	7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами **80 руб.** Добавочныя пьесы по **1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 80 фунтовъ.

Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана—**безплатно.**

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ круговъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя, и всѣ танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра.

Цѣна феникса-органа съ 10-ю пьесами **35 руб.** Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по **70 коп.** Пересылка за 45 фунт. Списокъ пьесъ — **безплатно.**

ФЕНИКСЪ
прежней конструкціи

съ 10-ю пьесами **25 р.** Добавочныя пьесы безъ различ. размѣра по **70 к.**

ГЕРОФОНЪ
ПО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ.

Обыкновенный герофонъ съ 10 пьесами стоитъ теперь только **30 руб.**
Герофонъ съ приспособл. для игры „forte“ и „piano“ съ 10 пьесами только **32 руб.** Большое количество добавочн. пьесъ по **60 к.** за каждую. Пересылка за 50 фунтовъ.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

съ 10-ю пьесами **28 руб.** Добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ по **60 коп.**
Пересылка за 45 фунтовъ.

Герофоны, аристоны, фениксы и ноты къ нимъ продаются у меня только настоящіе патентованные; подделанныхъ, которые легко портятся—не имѣю.

Каталоги нотъ для герофона, аристона, феникса и для оркестра-манопана— БЕЗПЛАТНО.

Всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 3623

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго

Оставшіеся экземпляры книги:
„СПАРТАКЪ“.

Историческій романъ **Рафаэля Джіованіоли**, съ письмомъ къ автору **Джузепе Гарибальди**, большой томъ **462** стр. Цѣна въ бум. **1 р.**, въ папкѣ **1 р. 20 к.**, въ тиснен. золот. перепл. **1 р. 75 к.**, (за пересылку—**30 к.**). № 3613 2—1

= Романъ читается съ захватывающимъ душу интересомъ, знакомитъ съ исторіей Рима временъ борьбы гладіаторовъ и ихъ предводителя — Спартака. =

Складъ изданія: С.-Петерб. Мастер. учеб. пособій и игръ, **Троицкая ул., 11.**

Книгопродавцамъ обычная уступка.

НОВАЯ КНИГА.
ГИГІЕНА ГОЛОСА.
Съ 16 рис. въ текстѣ.

Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ.

Составилъ **М. Н. Глубоковскій**, врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. № 3515 3—3

Цѣна **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Выписывающіе отъ автора **(Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ)** за пересылку не платятъ.

1889 годъ — IX годъ
„ОСКОЛКИ“
Подъ редакціей **Н. А. Лейкина.**

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными). № 3527

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; **ребусы, шарады, загадки на премію.**

Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:
новую книгу **Н. А. Лейкина**
„ГОЛУБЧИКИ“,
сборникъ разсказовъ, въ изящномъ изданіи, съ художественными **ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.**

Цѣна за журналъ:

На годъ съ перес. и дост. . .	8 р.
На полгода съ перес. и дост. .	5 „
На три мѣс. съ перес. и дост.	3 „

◆ **На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.**

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике.*

НОВОСТЬ!
№ 3577 4—3

Часы дамскіе **стальные черные** съ зав. безъ ключа, величиною съ 20 коп. сер. монету. **Ручательство за вѣрный ходъ.** Цѣна отъ 30 руб.

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, ЕДИНСТВЕННЫЯ ВЪ РОССІИ, ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛУ:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650, 750 и 850 руб. Салонные рояли 900 и 1,000 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.
№ 3616 3—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московск.) прейсъ-курантъ отъ Чайнаго магазина Ф. и Н. Аплаксины въ Москвѣ.

Дозвол. ценз., СПБ., 19 декабря 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

Праздничный букетъ.

Съ картины Джованни Коста, грав. Аарландъ. Безплатное приложенiе къ журналу „НИВА".

КАЛЕНДАРЬ 1888 г.

ИМПЕРАТОРСКІЙ РОССІЙСКІЙ ДОМЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ **Александръ III Александровичъ**, Самодержецъ Всеросс., род. 1845 года 26 февр.
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА **Марія Ѳеодоровна**, род. 1847 г., ноября 14.
Дѣти ихъ: ЕГО ИМП. ВЫС. ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и В. Кн. **Николай Александровичъ**, род. 1868 г. мая 6.
Е. И. В. В. К. Георгій Александровичъ, род. 1871 г. апр. 27.
Е. И. В. В. Кн. Ксенія Александровна, род. 1875 г. марта 25.
Е. И. В. В. К. Михаилъ Александровичъ, род. 1878 г. ноября 22.
Е. И. В. В. Кн. Ольга Александровна, род. 1882 г. іюня 1.
Е. И. В. В. К. **Владиміръ Александровичъ**, род. 1847 г. апр. 10.
Супруга Его: Е. И. В. В. К. Марія Павловна род. 1854 г. мая 2.
Дѣти ихъ: Е. И. В. В. К. Кириллъ Владиміровичъ, род. 1876 г. сентября 30.
Е. И. В. В. К. Борисъ Владиміровичъ, род. 1877 г. ноября 12.
Е. И. В. В. К. Андрей Владиміровичъ, род. 1879 г. мая 2.
Е. И. В. В. Кн. Елена Владиміровна, род. 1882 г. января 17.
Е. И. В. В. К. **Алексѣй Александровичъ**, род. 1850 г. янв. 2.
Е. И. В. В. К. **Сергій Александровичъ**, род. 1857 г. апр. 29.
Супруга Его: Е. И. В. В. К. Елизавета Ѳеодоровна, принц. Гессенская.
Е. И. В. В. К. **Павелъ Александровичъ** род. 1860 г. сент. 21
Е. И. В. В. К. **Марія Александровна**, род. 1853 г. окт. 5, въ супружествѣ съ Е. Кор. Выс. Альфредомъ Герц. Эдинбургскимъ.
Е. И. В. В. К. **Константинъ Николаевичъ** род. 1827 г. сент. 9.
Супруга Его Е. И. В. В. Кн. Александра Іосифовна, род. 1830 г. іюня 26.
Дѣти ихъ: Е. И. В. В. К. Николай Константиновичъ, род. 1850 г. февр. 2.
Е. И. В. В. К. Ольга Константиновна, род. 1851 г., авг. 22.
Е. И. В. В. К. Вѣра Константиновна, род. 1854 г., февр. 4.
Е. И. В. В. К. Константинъ Константиновичъ, род. 1858 г. авг. 10, въ супр. съ Е. И. В. принц. Альтенбургск. Елизаветой Маврикіевной.
Сынъ ихъ: Е. В. Кн. Іоаннъ, род. 1886 г. іюн. 3.
Е. И. В. В. К. Дмитрій Константиновичъ, род. 1860 г. іюня 1.
Е. И. В. В. Кн. **Николай Николаевичъ**, Старшій, род. 1831 г. іюля 27.
Супруга Его: Ея И. В. В. Кн. Александра Петровна, род. 1838 г. мая 21.
Дѣти ихъ. Е. И. В. В. К. Николай Николаевичъ, Млад., род. 1856 г. нояб. 6.
Е. И. В. В. К. Петръ Николаевичъ, род. 1864 г. янв. 10.
Е. И. В. В. К. **Михаилъ Николаевичъ**, род. 1832 г. окт. 13.
Супруга его: Ея И. В. В. К. Ольга Ѳеодоровна, род 1839 г. сент. 8.
Дѣти ихъ: Е. И. В. В. К. Николай Михаиловичъ, род. 1859 г. апр. 14
Е. И. В. В. К. Анастасія Михаиловна, род. въ 1860 г. іюля 16. Въ супр. съ Герц. Мекленб. Шверин. Фридрихомъ.
Е. И. В. В. К. Михаилъ Михаиловичъ, род. 1861 г. окт. 4.
Е. И. В. В. К. Георгій Михаиловичъ, род. 1863 г. авг. 11.
Е. И. В. В. К. Александръ Михаиловичъ, род. 1866 г. апр. 1.
Е. И. В. В. К. Сергій Михаиловичъ, род. 1869 г. сен. 25.
Е. И. В. В. К. Алексѣй Михаиловичъ, род. 1875 г. дек. 16.
Ея И. В. В. Кн. **Ольга Николаевна**, род. 1822 г. авг. 30.
Ея И. В. В. Кн. **Екатерина Михаиловна** род. 1827 г. авг. 16.
Дѣти Ея И. В. В. К. Маріи Николаевны, *Ихъ И. В. Кн. Романовскіе Герц. Лейхтенбергскіе* Кн. Николай Максиміліановичъ род. 1843 г. іюля 23.
Кн. Евгеній Максиміліановичъ род. 1847 г. янв. 27, въ супружествѣ съ Скобелевой (графиней Богарне).
Кн. Георгій Максиміліановичъ род. 1852 г. февр. 17.
Кн. Марія Максиміліановна род. 1841 г. окт. 4, въ супр. съ Е. Выс. Принцемъ Вильгельмомъ Баденскимъ.
Кн. Евгенія Максиміліановна род. 1845 г. мар. 20, въ супр. съ Е. Выс. Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ.

Январь. Февраль. Мартъ.

Апрѣль. Май. Іюнь.

Апрѣль:
Вс. 24 ПАСХА ХРИСТОВА
Пн. 25 Ап. и Ев. Марка
Вт. 26 Св. мч. Василія.
Ср. 27 Св. мч. Симеона.
Чт. 28 Мч. Максима.
Пт. 29 Св. 9 муч. въ Кизикѣ.
Сб. 30 Ап. Іакова.

Май:
Пт. 27 М. Ѳерапонта.
Сб. 28 Св. Никиты.
Вс. 29 Мч. Ѳеодосіи.
Пн. 30 Прп. Исаакія Далмат.
Вт. 31 Ап. Ерма, м. Ермія.

Іюнь:
Сб. 25 Прп. мч. Февроніи
Вс. 26 Прп. Давида.
Пн. 27 Прп. Сампсона.
Вт. 28 Св. Кира и Іоанна
Ср. 29 Св. Ап. Петра и Павла
Чт. 30 Соборъ 12-ти апост.

Линія: ——— обозначаетъ посты.

НЕПРИСУТСТВЕННЫЕ ДНИ:

Январь 1. Новый годъ (Пятница).
6. Богоявленіе Господне (Среда).
Февраль 2. Срѣтеніе Господне (Вторникъ).
26. Рожд. ГОСУД. ИМПЕРАТОРА (Пятница).
Мартъ 2. Восш. на прест. ГОСУД. ИМПЕР. (Среда).
4 5. Масляница (Пятница и Суббота).
25. Благовѣщеніе Пресв. Богородицы (Пятн.).
Апрѣль 21—23 Четв., Пятн. и Субб. Страстн. нед.
24 по 1 Мая Свѣтлая недѣля.
Май 6. Рожд. ГОСУД. НАСЛѢДНИКА (Пятница).
9. Св. Николая Чуд. (Понедѣльникъ).
15. Коронованіе ИХЪ ИМП. ВЕЛИЧ. (Воскр.).
Іюнь 2. Вознесеніе Господне (Четв.).
12. День Св. Троицы (Воскресенье).
13 День Святаго Духа (Понед.).
29. Св. Ап. Петра и Павла (Среда).

ТАКСА ПОСЫЛОКЪ ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.

До: (съ фунта)	Птрб. вещ.	Птрб. книг.	Мскв. вещ.	Мскв. книг.	До: (съ фунта)	Птрб. вещ.	Птрб. книг.	Мскв. вещ.	Мскв. книг.	До: (съ фунта)	Птрб. вещ.	Птрб. книг.	Мскв. вещ.	Мскв. книг.	До: (съ фунта)	Птрб. вещ.	Птрб. книг.	Мскв. вещ.	Мскв. книг.
	коп.					коп.					коп.					коп.			
Або	6	6	12	12	Иркутска	38	20	36	20	Новгорода	3	3	5	5	Ставрополя	20	16	14	14
Акмолъ	30	18	27	18	Казани	15	15	9	9	Новочеркаска	17	16	11	11	Сувалокъ	10	10	12	12
Архангельска	12	12	13	13	Калиша	13	13	15	15	Оренбурга	22	16	16	16	Сѣдлеца	11	11	12	12
Астрахани	22	16	15	15	Калуги	8	8	3	3	Орла	10	10	4	4	Тавастгуса	4	4	10	10
Баку	27	18	24	16	Камен.-Под.	15	15	13	13	Пензы	14	14	8	8	Тамбова	11	11	5	5
Благовѣщенска	48	20	46	20	Кишинева	18	16	15	15	Перми	21	16	15	15	Ташкента	32	18	27	18
Варшавы	11	11	13	13	Кіева	12	12	9	9	Петрозаводска	5	5	11	11	Твери	5	5	3	3
Вильны	7	7	9	9	Ковны	7	7	10	10	Петрокова	12	12	14	14	Тифлиса	26	18	20	16
Витебска	6	6	6	6	Костромы	8	8	4	4	Плоцка	12	12	14	14	Тобольска	27	18	21	16
Владикавказа	24	16	18	16	Красноярска	24	18	32	18	Полтавы	14	14	9	9	Томска	32	18	30	18
Владиміра	8	8	3	3	Куопіо	5	5	11	11	Пскова	3	3	8	8	Тулы	8	8	3	3
Вологды	8	8	5	5	Курска	12	12	6	6	Радома	12	12	14	14	Улеаборга	8	8	13	13
Воронежа	12	12	5	5	Кутаиса	26	18	22	17	Ревеля	4	4	9	9	Уральска	23	16	17	16
Выборга	3	3	8	8	Кѣльцовъ	13	13	14	14	Риги	6	6	10	10	Уфы	20	16	14	14
Вѣрнаго	34	18	32	18	Ломжи	10	10	12	12	Рязани	8	8	3	3	Харькова	14	14	8	8
Витим.	14	14	10	10	Люблина	12	12	12	12	Самары	18	16	12	12	Херсона	17	16	13	13
Гельсингфорса	4	4	10	10	Минска	9	9	8	8	С.-Петербурга	—	—	7	7	Чернигова	10	10	8	8
Гродны	9	9	11	11	Митавы	7	7	11	11	С.-Михеля	3	3	9	9	Читы	42	20	40	20
Дербента	26	18	21	16	Могилева	8	8	6	6	Саратова	15	15	9	9	Эривани	27	18	23	16
Екатеринослава	15	15	10	10	Москвы	7	7	—	—	Семипалатинск	32	18	29	18	Якутска	50	20	47	20
Екатеринодара	20	16	14	14	Нижн.-Новг.	11	11	5	5	Симбирска	15	15	9	9	Ярославля	7	7	3	5
Елисаветполя	26	18	22	16	Николаевска	55	20	53	20	Симферополя	20	16	14	14					
Житоміра	13	13	10	10	Николайштадта	8	8	14	14	Смоленска	7	7	4	4					

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

Плата за проѣздъ отъ Петербурга до нѣкоторыхъ городовъ Имперіи, куда проведены желѣзныя дороги.

ГОРОДА.	копѣйки I кл.	II кл.	III кл.	ГОРОДА.	I кл.	II кл.	III кл.	ГОРОДА.	I кл.	II кл.	III кл.	ГОРОДА.	I кл.	II кл.	III кл.
Або	1605	1070	670	Екатеринославъ	6139	4449	2311	Новгородъ	809	569	250	Рязань	3069	2145	1134
Балтійскій Портъ	1470	1102	563	Елецъ	36[illegible]1	2545	133[illegible]	Новочеркасскъ	6543	4757	2479	Самара	6185	4349	2330
Брестъ-Литовскъ	379[illegible]	2847	1455	Зарайскъ	2953	20[illegible]8	1083	Нѣжинъ	5479	3953	2057	Саратовъ	5390	3885	2023
Брянскъ	4189	2985	1562	Калуга	3512	24[illegible]0	1313	Одесса	7294	5471	2797	Свѣнцяны	2194	1645	841
Бѣжецкъ	1997	1409	646	Карачевъ	4035	2870	1504	Ораніенбаумъ	150	113	58	Севастополь	7778	5678	2939
Бѣлгородъ	4823	3462	1806	Кіевъ	5561	4173	2133	Орелъ	3720	2634	1383	Серпуховъ	2720	1884	1000
Бѣлостокъ	3311	2484	1270	Кирсановъ	4401	3142	1744	Оренбургъ	7658	5588	2905	Сестрорѣцкъ	110	80	52
Варшава	3921	2941	1504	Клинъ	2169	1488	750	Павловскъ	120	85	60	Скерневицы	4157	3119	1597
Везенбергъ	938	704	360	Кишиневъ	7451	5590	2858	Пенза	4873	3386	1826	Славянскъ	6008	4350	2260
Вержболово	3135	2351	1202	Ковно	2831	2124	1086	Петергофъ	119	88	46	Смоленскъ	3274	2456	1256
Вильна	2468	1851	946	Козловъ	3812	2701	1428	Петроковъ	4502	3377	1734	Старица	2153	1213	715
Витебскъ	2798	2099	1073	Коломна	2796	1944	1036	Полоцкъ	2427	1821	920	Стрѣльна	69	50	29
Владикавказъ	9174	6724	3474	Красное село	105	73	40	Полтава	5620	4054	2109	Тавастгусъ	1540	1039	645
Владиміръ	3030	2123	1122	Курскъ	4260	3019	1590	Псковъ	964	723	369	Таганрогъ	6884	5003	2594
Влоцлавскъ	4585	3440	1756	Кутно	4394	4296	1690	Радзивиловъ	5070	3805	1945	Тамбовъ	4066	2893	1516
Вологда	4074	2899	1459	Либава	3283	2448	1251	Радомъ	4689	3516	1769	Тверь	1914	1831	644
Воронежъ	4042	3174	1648	Лодзь	4390	3394	1690	Ревель	1301	976	499	Торжокъ	1944	1032	684
Выборгъ	450	320	190	Луга	484	363	185	Ржевъ	2299	1610	771	Тула	3054	2134	1128
Вышній Волочекъ	1556	1069	485	Льговъ	4528	3248	697	Рига	2648	1986	1015	Унгени	7706	5781	2956
Гатчино	165	124	63	Минскъ (губ. г.)	3401	2326	189	Рославль	3694	3672	1417	Харьковъ	5125	8683	1919
Гельсингфорсъ	1240	830	520	Митава	2798	2100	074	Ростовъ (Яросл. губ. г.)	3159	2213	1166	Царицынъ	6151	4456	2315
Граница	5001	3751	1932	Млава	4345	3260	667	Ростовъ-на-Дону	7131	5188	2689	Царское-Село	100	70	50
Гродно	3019	[illegible]264	1156	Москва	2375	1625	868	Рыбинскъ	2469	1763	1378	Ченстоховъ	4852	3640	25
Динабургъ	1864	1398	714	Нарва	566	425	217	Рѣжица	1564	1173	599	Ямбургъ	484	363	85
Дрисса	2198	1640	842	Нижній-Новгородъ	3913	2769	1458	Ряжскъ	3478	2451	1290	Ярославль	3854	2359	83
Егорьевскъ	2793	1922	1020	Николаевъ	7196	4241	2716								

МОНЕТЫ, МѢРЫ И ВѢСЫ.

Монеты иностранныя: (въ рубл., коп., франк. и сант.)

	р.	к.	фран.	с.
Бани (сутимъ), Румынія	—	0.25	—	1
Вильгельмсдоръ, зол., Голландія	5	19.85	20	79
Гульд. или флор., Австр. 100 нейкр.	—	61.14	2	45
Гульд., Голландія, 100 центовъ	—	52.51	2	08
Децима, мѣдн., Испан. 1/10 реала	—	0.58	—	2
Димъ, сер., Соед. Шт., 10 цент.	—	13.25	—	53
Долларъ, сер., Штаты, 100 цент.	1	32.77	5	31
Драхма, сер., Греція, 10 лептъ	—	25.00	1	—
Дублонъ, зол., Испанія	6	48.88	25	95
Дукатъ, зол., Австрія	2	95.13	11	80
„ „ Голландія	2	94.63	11	78
„ „ Данія и Швеція	2	92.13	11	66
Дуро, сер., Испанія, 2 эскудо	1	28.85	5	15
Зильбергрошъ, Пруссія, 1/30 тал.	—	3.33	—	12
Игль, зол., Штаты, 10 долл.	12	93.10	51	71
Ирмеликъ-меджидъ, сер. Турція = 2 онлика = 20 турашамъ (піастр.)	1	09.52	4	38
Итакане, сер. Японія	3	73.57	14	94
Ицебу, сер., Японія	—	43.57	1	74
Іенъ, зол., Японія	1	29.03	5	16
Іенъ, сер., Японія	1	34.77	5	39
Кобанъ, или ріо, зол., Японія	1	73.25	6	93
Крона, (crown), Англія	1	43.93	5	75
Крона, зол., Германія	8	59.31	34	36
Крона (coroa), зол., Португалія	13	97.67	55	88
Крона, зол. Данія, Швеція	—	34.64	1	38

	р.	к.	фран.	с.
Лепта, мѣд.: Греція	—	0.25	—	1
Лира или франкъ, сер., Италія	—	25.005	1	—
Лира (см. меджид.), зол., Турція				
Ліенгъ или таель, Китай	1	99.28	7	97
Марка, сер., Герман. 100 пфен.	—	30.87	1	23
Меджидіе, зол., Турція	5	62.11	22	48
Могуръ, Остъ-Индія	9	20.68	63	72
Нейкрейцеръ, мѣд., Австрія	—	0.61	—	2
Нибу, сер., Японія	1	40.00	5	60
Пара, мѣд., Турція 1/100 піастра	—	0.11	—	0.6
Пезета, сер., Испанія	—	23.18	—	92
Пезо или піастръ, сер. Мексика и Южная Америка, 8 реаловъ	1	34.01	5	36
Пезо-дуро, сер., Средн. Америка	1	22.23	4	88
Пенни, (пенсъ) бронз., Англія	—	2.75	—	11
Пистоль, зол., Мексика	5	7.47	20	29
Піастръ, сер., Египетъ	—	6.25	—	25
Піастръ, сер., Турція	—	5.56	—	22
Піастръ, сер., Тунисъ	—	14.75	—	59
Пфеннигъ, мѣд., Пруссія	—	0.25	—	1
Реалъ, Испанія	—	5.79	—	23
Реалъ, Мексика	—	16.75	—	67
Рейсъ, Бразилія около	—	0.07	—	003
Рейсъ, Португалія, около	—	0.15	—	006
Риксдалеръ, сер., Данія	—	69.80	2	71
Риксдалеръ, сер., Швеція	—	35.12	1	40
Риксдалеръ, сер., Голландія	1	30.55	5	21

	р.	к.	фран.	с.
Романаки, сер., Румынія	—	25.05	1	—
Рупія, сер., Остъ-Индія	—	59.26	2	37
Сагибкиранъ (керанъ) сер., Перс.	—	31.25	1	25
Сантимъ, мѣд., Франція	—	0.25	—	1
Совереинъ (фун. стер.) зол., Англ.				
Специесъ-далеръ, сер., Норвегія	1	39.69	5	58
Сутимъ или бани, мѣд., Румынія	—	0.25	—	1
Талеръ, сер., Пруссія и Германія	—	92.61	3	70
Таэль, см. Ліенгъ				
Тенга, сер., Бухара, 50	—	18.30	—	73
Теотао, сер., Португалія	—	12.50	—	50
Тилла, зол., Бухара, 21 тенга	3	84.30	15	37
Томанъ, зол., Персія	2	78.56	11	14
Унція, зол., Мекс. и Южн. Амер.	20	30.38	81	19
Флоринъ, Австрія, Южн. Германія, Голландія, см. Гульденъ				
Флоринъ, сер., Англія, 2 шилл.	—	56.02	2	25
Франкъ, сер., Франція	—	25.05	1	—
Фридрихсдоръ, зол., Пруссія	5	15.00	20	60
Фунтъ стерлинговъ, зол., Англія	6	28.64	25	20
Центезимо, мѣдн. Италія	—	0.25	—	1
Центъ, мѣдн. Голландія	—	0.52	—	2
Центъ, мѣдн. Соедин. Штаты	—	1.25	—	5
Шиллингъ, сер., Англія. 12 пенс.	—	28.78	1	15
Эскудо, сер., Испанія	—	64.42	2	57
Эскудо, зол., Мексика	2	3.73	10	14

МѢРЫ и ВѢСЫ:

Въ Германіи, Австріи, Италіи, Румыніи, Греціи, Бельгіи, Голландіи приняты французск. мѣры и вѣсы, только съ назван. мѣстными.

I. Линейныя и путевыя.	Верст	Саж.	Арш.	Верш.
Англійскій (и русскій) футъ = 1/3 ярда = 3/7 русск. аршина.	—	—	—	6,86
Англійск. миля (1760 ярд.) =	1	256	—	—
Во Франціи 1 метръ = 100 сант. 1000 м.	—	—	1	6,5
1 километръ (1000 метровъ).	—	468	2	1,8
1 миріаметръ = 10 километрамъ =	9	187	—	—
1 почтовая миля (лье)	4	85	5	5,2
Прусскій или Рейнландскій фут. =	—	—	—	7,08
1 локоть (Ell)	—	—	—	15
Нѣмецк. или географическая миля.	6	477	2	14,1
1 Морская или Итальянская миля	1	369	1	7,5
Японія. 1 шаку = 10 сунъ = 100 бу = 0,996 англ. фута				

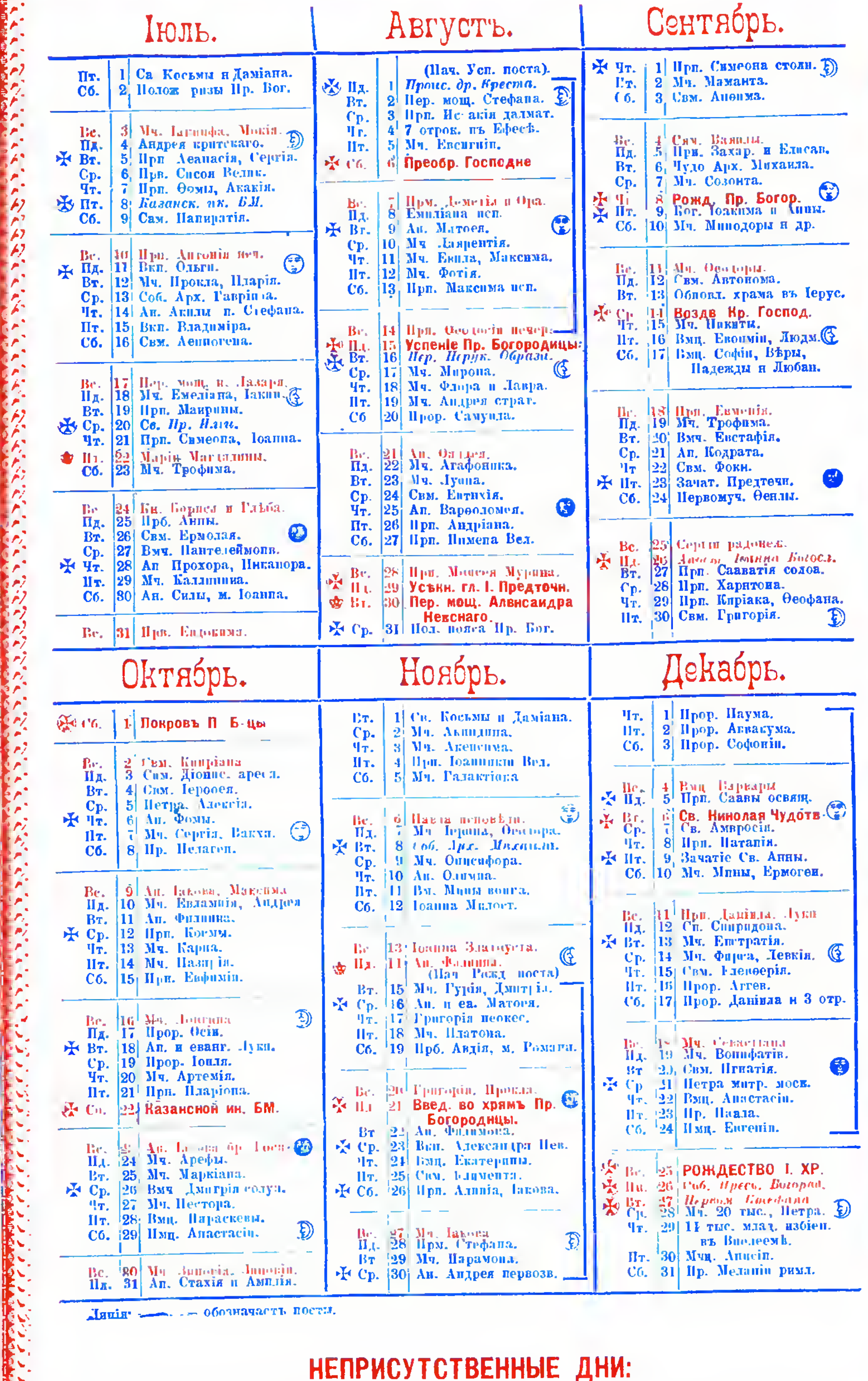
III. Мѣры сыпучихъ тѣлъ.	Четв.	Четрк.	Гарнц.
Англія. 1 бушель (=8 галлонамъ)	—	1	3,08
1 квартеръ (8 бушелей) =	1	3	0,04
1 ласт. (2 тонны) (10 кварт.) =	13	6	6,39
Прусскій шеффель (3072 куб. д.) =	—	2	3/4
Французскій 1 гектол. = 100 литр. = 100 куб. центим.	—	3	6,2
1 литръ (1/100 гектолитр.)	—	—	3/10
Японія. 1 шо = 100 шаку = 0,14746 вед. 1 то = 10 шо = 1 вед. и 5 шт.	—	—	—

Вѣсъ.	Пуды	Фунты	Зол.	Доли
Англія 1 фунтъ торгов. — 16 унц.	—	1	10	32,[illegible]
„ 1 тон. (20 центнер.) — 2240 ф.	62	1	10	86,[illegible]
Пруссія 1 фунтъ	—	1	13	6,13
„ 1 центнеръ (110 фунт.)	3	5	60	53
„ 1 корабельн. ластъ (4000 фунт.)	114	8	38	—
Франція 1 граммъ	—	—	—	22,41
„ килограмъ (1000 граммъ)	—	2	42	40,3
„ 1 новая кораб. тонна (millier)	61	1	86	—
Китай 1 торговый фунтъ	—	1	40	—
Японія 1 момме 57,91 грана	—	—	—	87
въ торг. 1 мом. = 10 фунт. = 100 рин	—	—	—	97

II. Земельныя мѣры.	Русскихъ квадрат. саж.
Англійск. 1 акръ (acre) 4840 кв. ярд.	889
Во Франц. арпанъ (900 кв. туаз.)	751,06
„ 1 гектаръ (hectare) 100 аръ 1000 кв. метрамъ	2196,78
1-аръ 10 дец.-100 сант.-1000 миліар.	21,967
Польскій моргенъ — (180 кв. рутъ)	560,28
1 Лифляндскій лофштедь (25 капп.) =	810,28

IV. Жидкихъ тѣлъ.	Русскихъ Ведер.	Штоф.
Въ Англіи 1 галлонъ	—	3,6[illegible]
Въ Пруссіи эймеръ (3840 куб. дюйм.)	5	5,[illegible]
1 Прусская тонна (100 квартъ)	9	3,[illegible]
Во Франціи 1 мир.-10 кил.-1 гектол.	8	1,31
100 гектол.-1000 декал.-10000 литр.	813	-
Въ Лифляндіи 1 Рижскій штофъ	—	1,04
„ 1 бочка (120 Риж. шт.)	12	4,48

Аптекарскій вѣсъ.
1 фунтъ 84 золотн. = 12 унцамъ ℔
Унцъ = 8 драхмъ ℥
Драхма 3 скрупуламъ ʒ
Скрупулъ = 20 гранамъ ℈
Гранъ gr.

Іюль. Августъ. Сентябрь.

Октябрь. Ноябрь. Декабрь.

Октябрь:
Ср. 26 Вмч. Дмитрія Солун.
Чт. 27 Мч. Нестора.
Пт. 28 Вмц. Параскевы.
Сб. 29 Пмц. Анастасіи.
Вс. 30 Мч. Зиновія, Зиновіи.
Пн. 31 Ап. Стахія и Амплія.

Ноябрь:
Сб. 26 Прп. Алипія, Іакова.
Вс. 27 Мч. Іакова
Пн. 28 Прм. Стефана.
Вт. 29 Мч. Парамона.
Ср. 30 Ап. Андрея первозв.

Декабрь:
Пн. 26 Соб. Пресв. Богород.
Вт. 27 Первом. Стефана
Ср. 28 Мч. 20 тыс., Петра.
Чт. 29 14 тыс. млад. избіен. въ Виѳлеемѣ.
Пт. 30 Мцц. Анисіи.
Сб. 31 Пр. Меланіи римл.

Линія: ——— обозначаетъ посты.

НЕПРИСУТСТВЕННЫЕ ДНИ:

Іюль 22. Тезоим. ГОСУД. ИМПЕРАТРИЦЫ (Пятн.).
Августъ 6. Преображеніе Господне (Суббота).
15. Успеніе Пресв. Богородицы (Понед.).
29. Усѣкн. главы Іоанна Предт. (Понед.).
30. Тезоим. ГОСУД. ИМПЕРАТОРА (Вторн.).
Сентябрь 8. Рожд. Пресв. Богородицы (Четвергъ).
14. Воздвиженіе Креста Господня (Среда).
26. Ап. Іоанна Богослова (Понедѣльникъ).
Октябрь 1. Покровъ Пресв. Богородицы (Суббота).
22. Казан. иконы Божей Матери (Суббота).
Ноябрь 14. Рожд. ГОСУД. ИМПЕРАТРИЦЫ (Понед.).
21. Введеніе во храмъ Пр. Богор. (Понед.).
Декабрь 6. Святителя Николая Чудотворца (Вторн.).
25—27. Дни празднованія Рождества Христова (Воскресенье, Понедѣльникъ и Вторникъ).

РАЗБОРЫ АКТОВОЙ БУМАГИ.

ВЕКСЕЛЬНОЙ. Сумма актовъ.		Цѣна листа.		АКТОВОЙ. Сумма актовъ.		Цѣна листа.	
1 до	50 р.		10 к.	50 до	300 р.	1 р	25 к.
50 „	100 „		15 „	300 „	900 „	3 „	10 „
100 „	200 „		30 „	900 „	1,500 „	5 „	40 „
200 „	300 „		40 „	1,500 „	2,000 „	7 „	10 „
300 „	400 „		55 „	2,000 „	8,000 „	11 „	— „
400 „	500 „		70 „	3,000 „	4,500 „	15 „	65 „
500 „	600 „		80 „	4,500 „	6,000 „	20 „	30 „
600 „	700 „		90 „	6,000 „	7,500 „	28 „	
700 „	800 „	1 р.	— „	7,500 „	9,000 „	31 „	
800 „	900 „	1 „	15 „	9,000 „	10,000 „	36 „	
900 „	1,000 „	1 „	20 „	10,000 „	12,000 „	41 „	
1,000 „	1,500 „	1 „	90 „	12,000 „	13,000 „	48 „	
1,500 „	2,000 „	2 „	50 „	13,000 „	65,000 „	53 „	
2,000 „	3,200 „	3 „	70 „	15,000 „	18,000 „	63 „	
3,200 „	4,000 „	5 „	15 „	18,000 „	11,000 „	71 „	
4,000 „	6,400 „	6 „	80 „	21,000 „	20,000 „	103 „	
6,400 „	8,000 „	9 „	— „	30,000 „	35,000 „	1[illegible]6 „	
8,000 „	10,000 „	11 „	40 „	45,000 „	4[illegible],000 „	211 „	
10,000 „	12,000 „	13 „	80 „	60,000 „	9[illegible],000 „	312 „	
12,000 „	15,000 „	15 „	60 „	90,000 „	120,000 „	415 „	
15,000 „	20,000 „	21 „	— „	120,000 „	150,000 „	519 „	
20,000 „	25,000 „	27 „	60 „	150,000 „	225,000 „	781 „	
25,000 „	30,000 „	23 „	60 „	225,000 „	300,000 „	1031 „	

ПОЖАРНЫЕ ЗНАКИ въ Петербургѣ.
Адмир. · Казан. · Спасск. · Коломн. · Нарвск. · Москов. · Ал.-Нев. · Рождес. · Литейн. · Васил. · Петерб. · Выборг. · Охт. кв. · Шлис.

ПОЖАРНЫЕ ЗНАКИ въ Москвѣ.
Городск. · Тверская. · Мясницк. · Пятницк. · Якиман. · Серпух. · Арбатск. · Пречист. · Прѣснен. · Хамовн. · Сущев. · Срѣтен. · Яузская. · Мѣщан. · Басман. · Рогож. · Лефорт.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА.“

Типографія А. Ф. Маркса, Средняя подъяческая, д. № 1.

Печатать дозволяется, СПБ., 15 Декабря 1887 г. Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.